This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

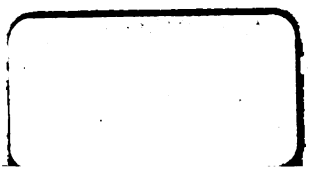
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1866

ГЕНВАРЬ — МАРТЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

1866.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Цѣны на серебро.

ТРУДЫ И ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА исторіи и древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1857 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 40 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

РУССКІЯ ДОСТОПАМЯТНОСТИ. Часть 1-я. 1815 г., ц. 30 сер., перес. за 2 ф.; Ч. 2-я Русская Правда. 1843 г., ц. 75 к., пер. за 2 ф.; Ч. 3-я Слово о Полку Игоревѣ. 1844 г., ц. 75 к., пер. за 2 ф.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ для Россійской исторіи, г. Эверса, пер. съ Нѣм. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 75 к., перес. за 2 ф.

ДРЕВНОСТИ СѢВЕРНАГО БЕРЕГА ПОНТА, соч. П. Кеппена, переводъ съ Нѣм. Срединго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

ОБОЗРѢНІЕ КОРМЧЕЙ КНИГИ въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

КОРСУНСКІЯ ВРАТА въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описаны и объяснены Ѳ. Адеягомъ; пер. съ Нѣмецкаго П. Артемова; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3. ф.

СУПРАСЛЬСКАЯ РУКОПИСЬ, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ. М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

ПСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ф.

РУССКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. на 3 ф. за каждый.

ПОВѢСТВОВАНІЕ О РОССІИ, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбышева. М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 р., перес. за 13 ф.

КНИГА ПОСОЛЬСКАЯ МЕТРИКИ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствование Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданные Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 6 ф.

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ временныхъ лѣтъ Червонной или **ГАЛИЦКОЙ РУСИ** до конца XV столѣтія, соч. Д. Зубрицкаго; пер. съ Польскаго О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.

КНИГА, БОЛЬШОЙ ЧЕРТЕЖЪ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книг. Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О РУССКОМЪ ВОЙСКѢ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича и послѣ его до Петра 1-го, изслѣд. И. Бѣлаева. М. 1846 г., ц. 50 коп., перес. за 2 ф.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ЗАМѢЧАНІЯ И ЛЕКЦІИ о Русской исторіи, М. Погодина. М. 1846 г.; томы: 1, 2 и 3-й, ц. 4 р., перес. за 6 ф.

ИСТОРІЯ О ДОНСКИХЪ КОЗАКАХЪ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисун. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2.

ЛѢТОПИСНОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ О МАЛОЙ РОССІИ изд. А. Ригельманъ

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

НОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

О. М. БОДЯНСКАГО.

1866.

ГЕНВАРЬ — МАРТЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (КАТКОВЪ И К°),

НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.

1866.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
OCT 11 1968
DK1
M492
V. 12
1866

Помѣщаемыя статьи въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» ни кѣмъ и ни подъ какимъ предлогомъ не могутъ быть перепечатаемы безъ согласія Общества и Редакціи оныхъ.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ

БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ,

ИЛИ

КОМУ И ВЪ КАКОЙ СТЕПЕНИ ПРИНАДЛЕЖИТЪ ЧЕСТЬ ЭТОГО ДНЯ?

Извлечено исключительно изъ иноземныхъ писателей.

Съ примѣчаніями

И. П. ЛИПРАНДИ,

исправлявшаго тогда должность Оберъ-Квартирмейстера 6-го Корпуса Генерала отъ Инфантеріи Дохтурова.

«Пусть позднѣйшее потомство съ гордостію вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: «Онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою.»

(*Приказъ Наполеона предъ Бородинской битвой.*)

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
OCT 1 1 1988

ВЕТЕРАНАМЪ

6-ГО ПѢХОТНАГО КОРПУСА ГЕНЕРАЛА ОТЪ ИНФАНТЕРІИ

Д. С. ДОХТУРОВА,

НАХОДИВШИМСЯ ВЪ БОРОДИНСКОЙ БИТВѢ.

Вамъ, точно такъ же, какъ и мнѣ, памятенъ 1812-й годъ, и въ особенности кровавый Бородинскій бой, поглотившій въ десять часовъ времени столько жертвъ! Я сказалъ: Вамъ, не по тому, чтобы великій день этотъ не былъ памятенъ и другимъ участникамъ въ немъ, но по тому, что мы были въ одномъ и томъ же корпусѣ, составляя, по тогдашнему понятію, какъ бы одну семью, тѣмъ болѣе, что нашему корпусу выпалъ жребій дѣйствовать самостоятельно въ главные моменты Отечественной войны. Отъ Лиды, отрѣзанный отъ обѣихъ армій превосходными силами, окруженный Французскими корпусами, онъ умѣлъ соединиться съ 1-й арміею при Дриссѣ; на нашъ корпусъ возложена была защита Смоленска,—а извѣстно, что это значило. Въ Бородинѣ 6-й корпусъ занималъ центръ, а въ Малоярославцѣ онъ положилъ предѣлъ многолѣтнимъ успѣхамъ Наполеона; послѣ чего завоеватель сей не сдѣлалъ и шага впередъ.[1]

И дѣйствительно: соратники 1812 года встрѣчаются и нынѣ какъ старые знакомцы, иногда до сего времени не видавшись другъ съ другомъ. Исключеній не много. Война эта и за нею Лейпцигъ и Монмартръ сроднили всѣхъ и каждаго. Въ послѣдствіи я служилъ въ кампаніяхъ 1828 и 1829 годовъ, не лишенныхъ также блистательныхъ подвиговъ однимъ уже переходомъ Балкановъ; но между этѣми сослуживцами далеко не тѣ отношенія, не та откровенность; чрезъ годъ дѣлаешься незнакомымъ съ тѣмъ, съ которымъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, раздѣлялъ всѣ опасности, всѣ труды, ночлеги и пищу. То же замѣчается и въ Поль-

[1] Переходъ Эльбы, послѣ Люценскаго и Бауценскаго сраженій, былъ движеніемъ временнымъ.

скую войну даже между тѣми, которые на одной лѣстницѣ поднимались на штурмъ Варшавы.

Отъ чего же это такъ, разсуждалъ я неоднократно? Участники великой борьбы и дѣлавшіе въ послѣдствіи другія войны, проникнутые истиной сказаннаго, не могутъ въ томъ дать себѣ удовлетворительнаго отчета. Новѣйшіе философы утверждаютъ, что они видятъ причину этого въ томъ, что въ 1812 году непріятель, вторгнувшись въ наше отечество, соединилъ всѣхъ какъ бы въ одно цѣлое на защиту, между тѣмъ какъ другія войны не имѣли уже того сильнаго двигателя, а по тому и не оставили одинаковыхъ впечатлѣній. Съ перваго взгляда этого кажется какъ бы основательнымъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается не такъ.

Во первыхъ: по чему же дѣлавшіе войны 1805 и 1807 и Турецкую 1806—1812 годовъ симпатизируютъ между собою и сходятся какъ давно знакомые? Я служилъ кампаніи 1808 года въ новой Финляндіи и 1809 въ Швеціи, и когда встрѣчаюсь съ сослуживцами (нынѣ уже очень рѣдкими), лично мнѣ тогда и незнакомыми, мы несравненно менѣе стѣснены во взаимной бесѣдѣ, чѣмъ съ сослуживцами 1828—1829 годовъ.[2] А между тѣмъ вышеисчисленныя войны (1805—1811) не имѣли одинаковаго значенія съ Отечественною войною 1812 года. Во вторыхъ, будто бы симпатія существуетъ между сослуживцами 1812 года по тому, что нашествіе врага на Россію сблизило всѣхъ къ единодушному дѣйствію; это опровергается торжественно послѣднею войною 1853—1856 годовъ. Здѣсь такъ же непріятель охватилъ своею армадою всѣ оконечности Государства, жегъ и разорялъ прибрежныя мѣста; грозный флотъ его два года стоялъ въ виду столицы; онъ вломился въ наши предѣлы съ многочисленною арміей, и одиннадцать мѣсяцевъ громилъ нѣсколькими тысячами орудій Севастополь, мѣсто, по своему значенію для Россіи, чрезвычайно

---

[2] При вступленіи моемъ въ службу и нѣкоторое время въ послѣдствіи, я помню, какъ обозначались офицеры: Румянцовскими, Потемкинскими, Суворовскими, и какая была взаимность въ такихъ группировкахъ.

важное. Но это продолжительное и славное соратничество не оставило ни какихъ слѣдовъ, не породило ни какой симпатіи. Не прошло и года послѣ этихъ событій, а я былъ уже близкимъ свидѣтелемъ въ Москвѣ, въ 1856 году, какимъ образомъ встрѣчались между собою тѣ, которые за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ жили по цѣлому году вмѣстѣ на бивуакахъ и въ шалашахъ, одни другимъ обязанные и по службѣ, и наградами, и пріютомъ. Они встрѣчались едва ли не съ большимъ этикетомъ, чѣмъ Сіамскіе, Японскіе и т. п. послы съ другими иностранными. Спустя же два года послѣ этой войны нѣтъ и знакомства![3] Слѣдовательно, нѣтъ основанія полагать, чтобъ существующее болѣе или менѣе сочувствіе, влеченіе одного къ другому ветерановъ 1812 года происходило отъ того, будто бы, что характеръ войны служитъ тому поводомъ. Тому должны быть другія причины, которыя порождали болѣе или менѣе сочувствія между сослуживцами во всѣхъ войнахъ до 1812 года, въ эту же могли только содѣлаться сильнѣе, долговѣчнѣе, по тому что Бородинская битва справедливо можетъ почесться, какъ Французы выражаются, baptême de sang, т. е., купелью или крещеніемъ кровью, которое какъ бы приняли всѣ подвизавшіеся на его поляхъ, подобно тому, какъ Святой Владиміръ въ

---

[3] Долго спустя учредился, такъ называемый, Севастопольскій обѣдъ, подобно тому, какъ обѣдъ Кавказцевъ. Сюда сбираются соратники, участвовавшіе въ тѣхъ войнахъ. По чему дѣятели 1812 года, и въ особенности участники въ Бородинской битвѣ, не приняли подобнаго торжества? А вѣдь стоило бы иногда вспомянуть объ этой «битвѣ гигантовъ», въ которой, въ восемь часовъ времени, пало болѣе ста тысячъ человѣкъ, семдесятъ Генераловъ и т. д., и гдѣ болѣе тысячи орудій изрыгало смерть! Въ началѣ не подумали о помянутомъ торжествѣ, конечно, болѣе по тому, что въ то время ораторство и обѣденные спичи, какъ неотъемлемое условіе такихъ обѣдовъ, у насъ не были еще въ употребленіи, а въ послѣдствіи мы стали рѣдѣть, такъ что и пятидесятилѣтній юбилей этого знаменитаго дня, дорогого для Россіи и по другимъ историческимъ событіямъ, никого не соединилъ. Одинъ Полковникъ Гернгросъ, сколько извѣстно, чтитъ этотъ день въ своемъ Витебскомъ имѣніи.

струяхъ Днѣпра окрестилъ своихъ подданныхъ и содѣлалъ ихъ братьями по Христу.

Многое испытанное болѣе или менѣе изглаживается изъ памяти, но малѣйшій эпизодъ Отечественной войны, въ особенности кровавой купели Бородинской, представляется мнѣ такъ живо, какъ бы случилось вчера. По занятіи позиціи 22-го Августа, лагерь представлялъ изъ себя обычное явленіе: всѣ заботились о томъ или другомъ; различныя впечатлѣнія смѣнялись одно другимъ; страсти и побужденія не утихали; надежды не останавливались ни на чемъ положительномъ. Одни полагали, что мы выждемъ здѣсь напріятеля; другіе думали, что пойдемъ еще далѣе; даже обычные кружки для карточныхъ схватокъ были неопредѣлительны. Такъ продолжалось до полудня 25-го Августа; тогда уже каждый сознавъ, что онъ сталъ на мѣстѣ, для встрѣчи врага. Торжественное шествіе по всему лагерю священнослужителей въ полномъ облаченіи, съ зажженными свѣчами и съ хоругвями, съ иконою Смоленской Божіей Матери, въ сопровожденіи, какъ лунь, сѣдаго Фельдмаршала, Генераловъ: Барклая, Багратіона, Бенигсена, Платова, корпусныхъ и другихъ Генераловъ, съ обнаженными головами, внезапно измѣнило чувства всѣхъ и каждаго. Самые иновѣрцы, не только Христіяне, но и Магометане, Язычники, Евреи, не остались равнодушными. Религіозныя вѣрованія встрепенулись въ каждомъ по его исповѣданію. Ставъ лицомъ къ лицу со смертью, человѣкъ сдѣлался обнаженнымъ: всѣ смирились съ благоговѣніемъ предъ единственною въ мірѣ Всевышнею силою, укрощающей животную природу человѣка, силою, противъ которой ни какая Философія устоять не можетъ.

Да! По окончаніи священной процессіи, всѣ мечтанія, всѣ страсти потухли, всѣмъ сдѣлалось легче; всѣ перестали почитать себя земными, отбросили мірскія заботы, и стали какъ отшельники, готовые къ бою на смерть. Если Платонъ благодарилъ Бога за то, что онъ созданъ человѣкомъ, а не животнымъ, Грекомъ, а не варваромъ, то, конечно, въ этотъ моментъ, какъ никогда болѣе, мы гордились тѣмъ, что были Русскими, а не иноземцами,

Православными, а не иновѣрцами. Душевное спокойствіе водворилось въ каждомъ. Разъ обрекли себя на гибель: никто уже не думалъ о слѣдующемъ днѣ.

Никогда не изгладятся изъ памяти моей нѣкоторыя минуты вечера 25-го Августа; мнѣ кажется, что это происходило лишь за нѣсколько часовъ, и все это не можетъ быть не памятнымъ и Вамъ. Вечеромъ меня потребовали съ курганной батареи къ начальнику Штаба; я поспѣшилъ въ с. Горки. Монахтинъ былъ у корпуснаго командира, и я пошелъ туда; это было около девяти часовъ вечера. Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ игралъ въ бостонъ съ неизмѣнными партнерами своими, Дитерихомъ и Штемпелемъ. Веселое расположеніе было общее: все вниманіе было обращено на игру. Графъ Ираклій Ивановичъ Марковъ, не задолго передо мною пріѣхавшій, сидѣлъ на мѣстѣ четвертаго партнера съ кожанымъ въ рукѣ стаканомъ, съ костями, которыя онъ бросалъ для Дмитрія Сергѣевича въ кресъ, когда сдавали; все показывало совершенную беззаботность. Монахтинъ, на которомъ лежали распоряженія, казалось мнѣ, не совершенно раздѣлялъ общее расположеніе духа. Онъ въ особенности заботился о ходѣ сооруженія укрѣпленій на курганѣ. Дохтуровъ и Марковъ желали знать подробности: какимъ образомъ дружина Боборыкина, по окончаніи процессіи, войдя въ свой лагерь, назначенный между первой и второй линіями 24-й дивизіи, надѣла бѣлыя рубахи, приготовясь къ смерти? И сдѣлали еще нѣсколько другихъ вопросовъ. Монахтинъ спросилъ: отъ всѣхъ ли полковъ доставленъ мнѣ шанцевый инструментъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, приказалъ спѣшить къ работамъ, и, если что замѣчу съ кургана особенное въ огняхъ непріятельскаго лагеря, давать ему знать.

Выйдя изъ избы корпуснаго командира, я зашелъ въ просторный овинъ, гдѣ помѣщался весь нашъ Штабъ. Здѣсь, въ нѣсколькихъ кружкахъ, при свѣтѣ въ каждомъ изъ нихъ огня, шла въ однихъ веселая бесѣда, въ другихъ карточный бой. Дубельтъ, за неимѣніемъ стола, писалъ приказанія на бочкѣ. Взявъ отъ человѣка, что было мнѣ нужно, выпивъ наскоро предложенный

стаканъ чаю, посмѣявшись разсказу остроумнаго Нелединскаго-Мелецкаго, передававшаго Адъютантамъ Графа Маркова: Кругликову, Караулову и Костромитинову, переводы Костенецкаго всѣхъ иноземныхъ названій на Русскій ладъ, я поспѣшилъ на курганъ, и, кромѣ Люцо, сдѣлавшаго мнѣ нѣсколько вопросовъ, никто другой даже и не спросилъ, что дѣлается у непріятеля: такъ мало всѣхъ это озабочивало.

Въ этотъ вечеръ въ овинѣ были всѣ составлявшіе Штабъ, а равно и нѣкоторые другіе собрались здѣсь въ послѣдній разъ.

---

[1] Бываетъ иногда зловѣщее предчувствіе, не разъ мною испытанное и прежде и послѣ. Здѣсь кавалергардъ, Римскій-Корсаковъ, замѣчательный своею мужественностью, красотою и силою, пріѣхалъ навѣстить своего брата, Григорья Александровича, находившагося на безсмѣнныхъ ординарцахъ у Дохтурова. Когда я вошелъ въ овинъ, онъ былъ готовъ возвратиться къ себѣ въ лагерь; встрѣтившись со мною, обождалъ онъ меня нѣсколько минутъ; мы вышли изъ овина, братъ его вышелъ тоже, ведя веселый разговоръ. Тутъ первый разсказалъ, что у него пала лошадь, которую онъ окормилъ коркою арбуза. Въ это время корпусный Докторъ Коперевскій, проходя, сказалъ: «Это не хорошо!» Предъ тѣмъ, какъ садиться на лошадь оба брата поцѣловались, чего прежде никогда не случалось Слово не хорошо, и въ слѣдъ за тѣмъ поцѣлуй этотъ сдѣлалъ на меня какое-то безотчетное впечатлѣніе. Миновавъ Горецкій оврагъ, саженъ около ста, мы ѣхали молча, потомъ простившись, онъ повернулъ на лѣво, напѣвая общій тогда романсъ, а я поскакалъ прямо къ кургану. Поцѣлуй не выходилъ у меня изъ головы; казалось, что я его еще слышу. Какое-то мрачное чувство шептало мнѣ, что одинъ изъ нихъ падетъ въ предстоящей битвѣ На другой день, будучи посланъ Кайцевичемъ къ Барклаю, я проскакалъ около кавалергардовъ, шедшихъ въ атаку на пѣхоту, тотчасъ по смерти командира ихъ, Левенгольда; я встрѣтилъ Барклая, получилъ отъ него приказаніе, возвращался, и почти на томъ мѣстѣ, гдѣ мы разстались такъ недавно съ Корсаковымъ, я наткнулся на нѣсколько человѣкъ, несущихъ убитаго, и это былъ Корсаковъ, простреленный въ грудь пулею чрезъ обѣ латы. Возвратясь къ Кайцевичу, я нашелъ тутъ нашего Корсакова, присланнаго Дохтуровымъ. Первымъ вопросомъ его было: «Что братъ?» Я сказалъ: «Ничего». Видѣлъ, но не имѣлъ духа сказать — какъ.

Въ слѣдующій вечеръ этотъ же самый Штабъ и въ томъ же самомъ составѣ не досчитывался многихъ.

Въ настоящее время изъ этого многочисленнаго и блестящаго Штаба едва ли остались другіе, кромѣ Николая Михайловича Дохтурова (Сенатора) и меня. Самаго Дмитрія Сергѣевича уже давно не стало. Монахтинъ, Бологовскій, Шкуринъ, Графъ Паninъ, Римскій-Корсаковъ, Князь Вяземскій, Нелединскій-Мелецкій, Нащокинъ, Мельгуновъ, Новиковъ, Дохтуровъ (родственникъ Сенатора), Романовъ, Графъ Потемкинъ, Баронъ Врангель, Баронъ Толкенъ, Люцо, Ганчинскій, Равинскій, Кошеревскій, Соломка: одни пали при Бородинѣ и въ послѣдующихъ битвахъ до Парижа, другіе скошены временемъ.[5] Не многимъ предопредѣлено было, послѣ тяжкихъ трудовъ войны 1812 года (трудовъ, которыхъ нынѣшнее поколѣніе не постигаетъ), прожить еще полвѣка!...

И мы отживаемъ свой вѣкъ, полный великихъ происшествій! Мы были свидѣтелями и дѣятелями въ міровыхъ событіяхъ, когда Западъ, волнуемый и обуреваемый страстями, влекомый гигантомъ своего времени, подобно кораблю, брошенному бурею на скалу, распался при столкновеніи своемъ съ гранитною грудью Русскою! И намъ остается одно воспоминанье. Настоящее поколѣніе, иногда, взглянувъ на медаль со Всевидящимъ Окомъ, говоритъ въ полголоса: «Онъ участвовалъ въ 1812 году!» Но слова этѣ большею частью равносильны выраженіямъ: «Онъ уже никуда не годится: «онъ устарѣлъ съ своими допотопными идеями! [6]

1862 годъ заключилъ собою тысячелѣтіе Россіи. Но съ этимъ юбилеемъ совпадаютъ и другія Отечественной исторіи на-

---

[5] Товарищъ мой по Штабу Л. В. Дубельтъ недавно окончилъ жизнь. Онъ читалъ эту рукопись не за долго до своей смерти.

[6] Но, однако же, Вильна и Варшава доказываютъ противное. Не худо бы было этимъ философамъ-прогрессистамъ заглянутъ въ VI главу Цицерона: «О старости (De senectute); они увидѣли бы, что и старость не всегда безполезна, и что она есть единственная опора всякому порядку.

шей достопамятныя событія: въ 1862 году совершился двухсотпятидесятилѣтній юбилей изгнанія, въ 1612 году, изъ Москвы Поляковъ, въ послѣдствіе чего вступилъ на престолъ Россіи благословенный домъ Романовыхъ; столѣтній юбилей восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II Великой, возведшій Россію на ту высокую степень, которую предназначилъ ей безсмертный преобразователь Государства.

Наконецъ 1862 годъ, независимо отъ Букарестскаго мира, событія, знаменательнаго эпохою заключенія онаго и присоединеніемъ къ Государству пространной и богатой области, составляетъ пятидесятилѣтній юбилей Отечественной войны, а 26-го Августа есть день Бородинской битвы.

Съ этимъ днемъ совпадаютъ и другія великія событія: такъ, въ 1395 году Тамерланъ двинулся на Русь, и съ многочисленнымъ воинствомъ достигъ уже береговъ Сосны, близъ Ельца; но 26-го Августа, этотъ грозный покоритель Индіи, Персіи, Сиріи и Малой Азіи, внезапно поворотилъ полчища свои, и, «никѣмъ гонимый», бѣжалъ, никогда уже не возвращаясь въ Русскую землю. Церковь наша навсегда установила въ этотъ день, 26-го Августа, праздновать «побѣгъ Тимура и избавленіе Россіи.»

Въ 1612 году, пораженные въ Москвѣ, Поляки окончательно вытѣснены изъ оной 26-го Августа, за двѣсти лѣтъ до битвы Бородинской.

Въ годовщину избавленія отъ Тимура, изгнанья Поляковъ, Бородинской битвы, пала, обуреваемая мятежемъ, Варшава, въ день тезоименитства матери Петра Великаго, 26-го Августа.[1]

Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Николай Павловичъ чтилъ этотъ день, и въ постоянной заботливости своей увѣковѣчивать великія событія Отечественной исторіи, въ 1839 году, созвавъ оставшихся еще участниковъ въ битвѣ Бородинской, въ присут-

[1] 26-го Августа, 1346 года, дана была Французами и битва при Кресси.

ствіи своемъ, въ годовщину оной, 26-го Августа, воздвигъ, на мѣстѣ центральной батареи, памятникъ и этой кровопролитной сѣчѣ, повелѣвъ перенести подъ оный прахъ Князя Багратіона, одного изъ героевъ, въ ней павшихъ.

Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ пріобрѣлъ въ личную собственность поля Бородинскія и изволилъ въ этотъ день, 26-го Августа, принять мvропомазаніе и возложить корону на совершеніе великаго подвига освобожденія, а въ прошломъ 1864 г. изволилъ путешествовать подъ именемъ Графа Бородинскаго.

Не многіе изъ насъ достигли до пятидесятилѣтняго юбилея великому побоищу Бородинскому;[8] онъ былъ для насъ, конечно, послѣдній, и врядъ ли кто изъ насъ доживетъ до освященія храма Спасителя: время неумолимо.

Вамъ, быстро исчезающіе соратники, спѣшу посвятить эту книгу. Она напомнитъ вамъ то, что могло изгладиться изъ вашей

---

[8] Здѣсь, въ С.-Петербургѣ, однако же, изъ 6-го корпуса, мнѣ извѣстныхъ находятся еще въ живыхъ: Генералъ отъ инфантеріи (П. А.) Даненбергъ, тогда Прапорщикъ Генеральнаго Штаба; Сенаторъ, Генералъ-Лейтенантъ (Н. М.) Дохтуровъ, тогда лейб-гвардіи Семеновскаго полка Капитанъ, Адъютантъ корпуснаго командира; Генералъ-Лейтенантъ (А. Н.) Бѣлогуковъ, тогда Поручикъ, ротный командиръ Ширванскаго полка (одинъ изъ числа четырехъ офицеровъ, уцѣлѣвшихъ изъ полка, вступившаго въ бой въ числѣ тысячи четырехъ сотъ человѣкъ, а вышедшій въ числѣ девяносто двухъ!); Генералъ отъ артиллеріи (А. И.) Вальцъ, тогда Прапорщикъ артиллерійской роты Полковника Веселицкаго (оставшійся изъ офицеровъ только съ братомъ своимъ), и я. Недавно мы потеряли соратника, Генерала отъ кавалеріи (Л. В.) Дубельта, бывшаго тогда Поручикомъ Псковскаго полка и старшимъ Адъютантомъ корпуснаго Штаба. Смерть его разстроила наше предположеніе, собраться 26-го Августа, съ нашими дѣтьми и внуками, отпраздновать юбилей Бородинской битвы. Конечно, не одинъ Полковникъ Герингросъ, въ Витебскомъ помѣстьѣ своемъ, какъ

Дохтурова, и вскорѣ для исполненія въ оном̈ должности Оберъ-Квартирмейстера, доставило мнѣ еще болѣе къ тому случаевъ. Генералу Дохтурову съ своимъ корпусомъ выпалъ жребій дѣйствовать самостоятельно въ главные моменты Отечественной войны: движенье, среди непріятеля, отъ Лиды до Дриссы, защита Смоленска. [2]

Участье во всѣхъ этѣхъ дѣлахъ, прислушиваніе къ сужденіямъ особъ, посѣщавшихъ моего корпуснаго командира, общество его Штаба, включавшаго въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ личностей, и обязанности мои по службѣ, требовавшія сношеній съ высшими лицами, изустная передача донесеній и полученіе подобнымъ же образомъ приказаній отъ этихъ лицъ, составлявшихъ Главный Штабъ арміи, доставляли мнѣ болѣе и болѣе средствъ къ пріобрѣтенью правъ судить и оцѣнять совершающееся въ глазахъ моихъ, и тотчасъ же вносить всѣ подробности въ свой дневникъ.

При такой уже обстановкѣ и условіяхъ я находился въ Бородинскомъ сраженіи, о которомъ приступаю говорить не по однимъ книгамъ, или слухамъ, и даже не такъ, какъ говорилъ бы о немъ офицеръ, хотя и участвовавшій въ битвѣ, но стоявшій передъ взводомъ, не пріобрѣвшій еще опытности и лишенный тѣхъ преимуществъ, которыя сопровождали меня по моей должности. [3]

родинскаго сраженія, и въ эту войну, я участвовалъ уже, въ движеніи 6-го Корпуса, окруженнаго непріятелемъ отъ Лиды до Дриссы, и въ Смоленскѣ, гдѣ изъ самой исторіи Г.-М. Богдановича видно, какія возлагались уже на меня порученія и т. д. Слѣдовательно, я былъ въ возможности, хотя нѣсколько, понимать военное дѣло, и таковымъ признавался тогдашнимъ начальствомъ.

[2] Не упоминаю о Малоярославецкой битвѣ (которая вся принадлежитъ Генералу Дохтурову и его 6-му Корпусу), по тому что она была дана позже Бородинской, составляющей здѣсь главный предметъ.

[3] Мы имѣемъ, однако же, въ печати драгоцѣнные «Очерки, Воспоминанія, Записки» и т. п. о Бородинской битвѣ, въ особенности артиллеристовъ, доказывающія, что за способностями у насъ дѣло стать не можетъ. Вотъ точка, на которой опытный и добросовѣстный исторіографъ долженъ бы

Въ Бородинѣ, 6-й корпусъ занималъ въ боевой линіи центръ между с. Горками и центральною батареей. [1] Послѣ раны Князя Багратіона, Генералъ Дохтуровъ принялъ начальство надъ 2-ю арміей. Дѣйствія его извѣстны. Безстрашный и хладнокровный, Г.-Л. Капцевичъ (начальникъ 7-й дивизіи) заступалъ, до окончанія битвы, мѣсто Генерала Дохтурова въ командованіи 6-мъ корпусомъ. Пѣхоту этого корпуса, неоднократно отражавшую со всѣхъ сторонъ натиски много-

---

былъ основывать описаніе главныхъ эпизодовъ; ибо, кто можетъ лучше объяснить моменты, какъ не участникъ оныхъ? Сколько есть еще въ рукописяхъ, сколько разбросано ихъ въ журналахъ? Не заслуживаетъ ли все это быть собраннымъ въ одно цѣлое, а равно и изъ всѣхъ иноземныхъ періодическихъ изданій? Такое собраніе, составленное систематически лицемъ, понимающимъ дѣло, было бы драгоцѣннымъ памятникомъ Исторіи Отечественной войны. Объ этомъ лѣтъ тридцать тому назадъ и въ послѣдствіи не разъ было говорено мною и печатно.

[1] Сооруженіе двухъ батарей и шанцевъ у Горокъ и центральной батареи возложено было на меня Генералъ-Квартирмейстеромъ Толемъ. Послѣдняя не была окончена, когда началось дѣло. Не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что если бы, относительно этого пункта, послѣдовали совѣту Бенигсена и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не ломали линіи и оставили 6-й и 7-й корпуса на первоначальныхъ мѣстахъ, то битва была бы самая рѣшительная въ нашу пользу и, какъ предсказывалъ Бенигсенъ, могла имѣть исходъ Полтавской. Въ томъ даже положеніи, въ которомъ высота эта находилась во время битвы, она уже чрезвычайно безпокоила непріятеля, который, какъ видно будетъ, не иначе называлъ ее, какъ «fatal redoute». Стоитъ только съ высоты этой окинуть глазомъ поле битвы и то положеніе, въ которомъ первоначально находились 6-й и 7-й корпуса, чтобы вполнѣ убѣдиться въ вѣрности доводовъ Бенигсена. Эта высота, укрѣпленная такъ, какъ предлагалъ онъ, крайне затруднила бы подступъ и къ Семеновскимъ флешамъ, жестоко поражая непріятеля во флангъ. Къ несчастью, все, что предсказывалъ Бенигсенъ, буквально сбылось. Объ этомъ, съ нѣкоторою подробностью, говорится въ статьѣ: «Нѣсколько мыслей по поводу двухъ сочиненій объ Отечественной войнѣ» (Сѣв. Пч. 1858, №№ 151—155) и въ особенномъ оттискѣ, стр. 19—27, а также слегка въ брошюркѣ: «Бородинское сраженье, заключенье съ нѣкоторыми замѣчаніями на Исторію Отечественной войны 1812 года, соч. Г.-М. Богдановича. С.-Петерб. 1861» (стр. 31 — 34).

численной конницы, Барклай де Толли, въ донесеніи своемъ, на
ваетъ «безподобною».

По окончаніи этой битвы никто изъ участвовавшихъ Русск
не сознавалъ себя въ ней побѣжденнымъ. Ссылаюсь на вс
ветерановъ этой кровавой купели, что каждый изъ насъ былъ
раженъ только досадой, если не болѣе, когда узнали, что п
положенное на другой день нападеніе, о которомъ было намъ
объявлено, отмѣнено и приказано продолжать отступленіе къ
жайску.

Убѣжденные на самомъ полѣ битвы, что она нами не проигра
а, напротивъ, честь этого дня принадлежитъ намъ, мы ос
вывали это на совершившихся фактахъ, въ которыхъ участвовал

Во первыхъ. Наполеонъ атаковалъ съ цѣлью заставить на
по крайней мѣрѣ, оставить съ боя занимаемую нами по
цію, и не успѣлъ въ томъ. Только пространство, занимавше
нашимъ лѣвымъ крыломъ и частью лѣвымъ же флангомъ цент
не разъ переходившее изъ рукъ въ руки, наконецъ нами было ус
плено превосходнымъ силамъ непріятеля, возобновлявшимся безп
станно и поддерживаемымъ огнемъ болѣе чѣмъ изъ четырехъ с
орудій. Эта часть войскъ нашихъ, правымъ флангомъ свои
осталась, однако же, въ неразрывной связи съ арміею, составляя
нею общую линію, выдавшуюся угломъ, а лѣвый осадилъ на нѣскол
сотъ шаговъ назадъ. Съ этой позиціи, которую Французы называ
второю, мы продолжали «громить непріятеля». Самъ Наполе
нашелъ, что «поле битвы» на этомъ пространствѣ не вполн
пріобрѣтено, и еще оспариваемо не только ядрами, но
пулями», и что эта вторая позиція (нашего лѣваго фланга) «е
грозна», и, не отваживаясь атаковать ее, непріятель первый пр

---

[5] Не только что совершившееся въ этотъ день осталось въ памяти всѣ
участвовавшихъ въ битвѣ, но, мнѣ кажется, что едва ли не каждый и
нѣ, перенесясь въ темную ночь на мѣсто битвы, не нашелъ бы мѣстно
себѣ знакомою.

кратилъ битву, и когда солнце еще далеко было отъ горизонта.[6] Со всѣхъ же другихъ пунктовъ нашей позиціи непріятель былъ отбитъ, и мы не сдѣлали шагу назадъ. Слѣдовательно: «предпріятіе атаковавшаго не выполнилось, онъ одержалъ только одинъ мѣстный отдѣльный успѣхъ, точно также какъ мы, на протяженіи всей остальной части позиціи, одержали такой же, если еще не болѣе преимущественный, успѣхъ, по тому что разрушили предпріятіе непріятеля.»

Во вторыхъ. Во время самыхъ сильныхъ натисковъ на нашъ лѣвый флангъ, нашъ правый одною демонстраціей произвелъ больной безпорядокъ въ лѣвомъ непріятельскомъ крылѣ и въ тылу онаго, заставивъ, въ свою очередь, и его осадить назадъ, чѣмъ и остановилъ на два часа его наступленіе на всей линіи.[7]

Въ третьихъ. Не смотря на значительное превосходство въ числительности непріятельской конницы, въ особенности тяжелой, на ея сильные напоры массами, она не успѣла почать ни одного карре, снять ни одного пѣхотнаго строя.[8] Наша же конница атаками своими проникала до непріятельскихъ резервовъ.

---

[6] Передъ сумерками на нашъ лѣвый флангъ была сдѣлана отдѣльная кавалерійская атака, подъ огнемъ своей артиллеріи, безъ общей связи и видимо съ одною только цѣлью, поразвѣдать, отступаемъ ли мы, или нѣтъ? Атака эта мужественно была отбита нашей конницей, содѣйствуемой батареями съ позиціи лѣваго фланга, и Французы отошли. Въ слѣдъ за симъ Финляндскій полкъ вытѣснилъ стрѣлковъ ихъ изъ кустарниковъ предъ Семеновскимъ.

[7] Вотъ пробѣлъ, который пополнить вызываютъ насъ повѣствователи-противники наши въ этотъ день. Въ 1861 году я коснулся слегка объ этой демонстраціи Платова и Уварова, въ брошюркѣ: «Бородинская битва, заключеніе, съ нѣкоторыми замѣчаніями на Исторію Отечественной войны 1812 г., соч. Г.-М. Богдановича.» Во всякомъ случаѣ, одна эта демонстрація достаточна была, чтобы произвести сильный безпорядокъ и заставить Вице-Короля спасаться въ каре 84-го полка.

[8] Во время атаки центральной батареи конницею Тильмана, 19 егерскій полкъ (24 Дивизіи), бывшій въ разсыпномъ строю, не успѣвъ сомкнуться, легъ, по командѣ своего шефа, Полковника Вуича, вмѣстѣ съ нимъ. Вся непрія-

Въ четвертыхъ. Мы взяли у непріятеля столько же пушек въ полѣ, какъ и онъ у насъ (тринадцать и пятнадцать). Сверх того, мы оставили въ недокончennыхъ батареяхъ и флешахъ окол двадцати пяти орудій, большею частью подбитыхъ. Ни одного зна мени не досталось въ руки непріятеля. Около тысячи плѣнныхъ с каждой стороны, преимущественно раненыхъ и взятыхъ по одиначкѣ и по одному Генералу, также израненными, а между тѣмъ съ обѣих сторонъ билось, и какъ! при тысячѣ двухъ стахъ пушкахъ, слишком двѣсти пятдесятъ тысячъ человѣкъ, изъ коихъ, въ общей сложности болѣе третьей части выбыло изъ строя.

Въ пятыхъ. Когда стемнѣло, непріятель оттянулъ свои войск назадъ, оставя охранительный отрядъ въ Семеновскихъ флешахъ. На центральной же батареѣ, въ ночи, не было и наблюдательнаго поста. Бородино уступлено нами при самомъ началѣ битвы, какъ пунктъ, выходившій изъ линіи позиціи и занимавшійся только передовымъ отрядомъ егерей — безъ орудій.

Въ шестыхъ. Армія наша оставалась на своей первоначальной позиціи около двѣнадцати часовъ по окончаніи битвы. Только лѣвый флангъ, какъ замѣчено выше, осадилъ и занялъ вторую позицію въ неразрывной связи съ арміею, но въ ночь, онъ выдвинулъ пикеты далеко впередъ.

Въ седьмыхъ. Имѣя при себѣ болѣе шестисотъ пушекъ, многочисленные парки и другіе обозы, съ повозками, наполненными многими тысячами раненыхъ и иными тяжестями, армія очистила позицію только въ шесть часовъ утра, 27 Августа (арріергардъ оставался), и отступила къ Можайску, по одной дорогѣ,[9] и хотя

тельская конница, не причинивъ полку ни какого вреда, пронеслась чрезъ него въ атаку и обратно, отбитая нашею: въ такомъ положеніи егеря нанесли много вреда этой конницѣ, между которой, къ ихъ счастью, не было уланъ.

[9] Только отрядъ Г.-М. Карпова, нѣсколько баталіоновъ и часть ополченья, отступили отъ Утицы по старой Смоленской дорогѣ къ Можайску.

[illegible] тишинѣ, но въ такомъ замѣчательномъ порядкѣ, что, по заключительствованію самихъ Французовъ и ихъ союзниковъ, не оставило рѣшительно ни какихъ признаковъ, по которымъ [illegible] можно заключать, что по этому пути, только за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, послѣ столь ужасной битвы, прошла вся армія, какъ что непріятель сомнѣвался даже, отступила-ли она на Москву, или пошла къ Калугѣ? По его же словамъ, онъ находилъ на полѣ битвы и по дорогѣ свѣжія могилы, съ деревянными крестами надъ ними, только что похороненныхъ товарищей; а все это ни какъ не согласуется съ положеніемъ арміи, проигравшей сраженіе и силою вынужденной къ отступленію.

Въ осьмыхъ. Арріергардъ нашъ, по отступленіи арміи, оставался на позиціи, ею занимавшейся, еще четыре часа, такъ что позиція была за нами шестнадцать часовъ послѣ окончанія битвы.

Въ девятыхъ. Ночью на 27 Августа и по утру, мы, партіями своими, неоднократно, съ разныхъ сторонъ, производили тревоги въ непріятельской арміи, распространявшіяся до самой ставки Наполеона, расположенной въ батальонномъ карре старой гвардіи,* которая не разъ бралась за оружіе. Такъ Агамемнонъ лиги 1812 г. почиталъ побѣду свою прочной! Между тѣмъ мнимо побѣжденный имъ Кутузовъ провелъ эту ночь на мызѣ Татариновой — безъ всякой стражи.

Въ десятыхъ. По утру же Платовъ атаковалъ непріятельскіе пикеты отъ Горокъ, гдѣ позицію занимали егерскія бригады Ильина и Потемкина, а это центръ позиціи; лѣвое пѣхотная бригада Вильсона, бывшая Росси и пр., оставались на позиціи до десяти часовъ утра.

---

* Выѣхавъ отъ самаго Смоленска, Наполеонъ на почтовыхъ заключалъ себя въ каре, а во время переходовъ окружали его два конныхъ гвардейскихъ полка.

Въ одиннадцатыхъ. Арріергардъ, слѣдуя диспозиціи, началъ оттягиваться отъ Горокъ въ десять часовъ утра, а непріятель пошелъ за нимъ только чрезъ два часа, «медленно» подаваясь впередъ. Разстройство его конницы обнаруживалось въ передовыхъ эскадронахъ, въ коихъ смѣшаны были почти всѣ роды оружія.

Изъ вышеприведеннаго (которое, какъ будетъ видно въ своемъ мѣстѣ, подтверждается и всѣми иноземными писателями), оказывается, что Кутузовъ имѣлъ болѣе основанія, чѣмъ Наполеонъ, признавать Бородинское сраженіе за собою. Между тѣмъ Французы и иноземные Нѣмцы разражаются противъ донесенія Кутузова, не сознававшаго себя побѣжденнымъ! Правда и то, что всѣ помянутые иноземцы только фразами искажаютъ истину, но и фразы этѣ требовали бы критики, для которой не встрѣчается недостатка въ матеріялахъ.

Въ двѣнадцатыхъ. Въ этотъ же день, 27 Августа, съ четырехъ часовъ по полудни до глубокой ночи, и на слѣдующее утро, 28 числа, арріергардъ нашъ удерживалъ Можайскъ столько времени, сколько нужно было для вывоза запасовъ и раненыхъ (исключая тяжело раненыхъ), и отбивалъ всѣ усилія Мюрата и молодой гвардіи, стремившихся овладѣть городомъ. Экипажи Наполеона, доѣхавъ до авангарда, должны были возвратиться и переночевать въ маленькой деревенькѣ Кривушѣ съ своимъ повелителемъ. Арріергардъ нашъ очистилъ Можайскъ 28 Августа, утромъ, и остановился тотчасъ за нимъ на высотахъ, занимавшихся наканунѣ нашею арміей.

Въ тринадцатыхъ. Потомъ у Крымскаго брода, арріергардъ нашъ, жаркимъ боемъ, опять останавливаетъ почти на двое сутокъ напоръ Неаполитанскаго Короля и Герцога Тревизскаго, и наконецъ,

Въ четырнадцатыхъ. Духъ и бодрость нашей арміи не представляли и тѣни унынія, болѣе или менѣе въ разныхъ видахъ проявляющагося въ войскѣ, когда оно почитаетъ себя вынужденнымъ силою къ отступленью. Потерявъ около половины своей числительности, армія, съ радостью, готовилась на слѣдующій день къ атакѣ

непріятеля; " отступая же, она, на каждомъ шагу, гдѣ ей приказывалось удерживать непріятеля, исполняла это съ тѣмъ же мужествомъ, которымъ ознаменовала себя подъ Бородинымъ. Въ ночь, послѣдующую за битвой, всѣ спѣшили въ ряды свои, и по утру при Можайскѣ все присоединилось къ своимъ знаменамъ.

" Всѣ казались недовольными, повторяю, только тѣмъ, что замышленное Главнокомандующимъ, въ самый разгаръ сраженья, возобновленіе на слѣдующее утро битвы, нападеньемъ съ нашей стороны, было отмѣнено около полуночи (т. е., спустя болѣе шести часовъ послѣ окончанія битвы). О предпріятіи этомъ было объявлено войску еще во время сраженія, и оно встрѣчало извѣщеніе съ восторгомъ. По окончаніи битвы начали дѣлать къ тому распоряженія, и диспозиція въ главныхъ основаніяхъ была уже начертана и многимъ извѣстна. Какъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно, намѣренье было измѣнено: много говорили о главномъ виновникѣ тому, но здѣсь не мѣсто объ этомъ распространяться. Я очень хорошо помню, а есть и еще свидѣтели негодованію Генерала Дохтурова, Графа Маркова, Уварова и другихъ, съѣхавшихся къ первому. Генералъ Раевскій, чрезъ котораго Кутузовъ объявилъ войскамъ свое предначертаніе, какъ сказано выше, еще во время битвы, одинаково былъ пораженъ неожиданностью. Между тѣмъ казалось что все обѣщало намъ полный успѣхъ (въ послѣдствіи и Французы, участники въ битвѣ, въ повѣствованіяхъ своихъ, пророчили намъ оный). Непріятель былъ, по ихъ же засвидѣтельствованьямъ, въ безпорядкѣ, истомленъ усталостью изнуренъ голодомъ, упалъ духомъ (frappé de stupeur); мрачность, безмолвіе замѣнили природную веселость Французовъ: «не было слышно ни обычныхъ острыхъ словъ, ни шуточныхъ разсказовъ, ни пѣсней— все исчезло. Въ самой ставкѣ Наполеона грусть, молчаливость и даже, какъ замѣчаютъ очевидцы историки: «безъ льстецовъ, не такъ, какъ бывало это прежде,»—тогда какъ мы были сыты и бодры духомъ въ высшей степени; одинъ помыслъ: схватиться съ врагомъ воспламенялъ всѣхъ и каждаго. Сами Французы говорятъ, что мы «отступали съ гордостью, не упавшими духомъ и, казалось, вызывающими ихъ.» Непріятельская конница на половину погибла въ битвѣ, другая половина находилась въ совершенной невозможности выдержать чрезъ нѣсколько часовъ еще сраженіе; у насъ же, напротивъ, независимо отъ двадцати Казачьихъ полковъ, весь Корпусъ Уварова былъ свѣжъ и мало пострадалъ во время демонстраціи; остальная же конница имѣла чѣмъ подкрѣпить и силы людей, и силы лошадей, не изнуренныхъ долгимъ походомъ —безъ корма, и съ тою же отвагою и натискомъ вступить въ битву. Осьмнадцати тысячамъ Французской Гвардіи, большею

Всѣ эти факты уполномочивали насъ не сознавать себя под Бородинымъ побѣжденными, а, напротивъ, повторяю, мы приписывали, и по справедливости, честь этого дня за собою.

частью не трогавшейся съ мѣста, мы могли противопоставить такое же число, если еще и не болѣе, сытыхъ, бодрыхъ, одушевленныхъ святымъ дѣломъ и рвавшихся въ бой, тогда какъ противники, что видно и изъ общихъ ихъ свидѣтельствъ, и изъ самаго приказа Наполеона, читаннаго предъ началомъ сраженья, должны были биться, чтобы избѣгнуть голодной смерти. Независимо отъ Казаковъ Платова и Карпова и Корпуса Уварова, мы имѣли Преображенскій и Семеновскій полки въ трехбатальонномъ составѣ, малопотерпѣвшихъ и не бывшихъ въ схваткѣ, даже гвардейскій егерскій полкъ (также три баталіона) имѣлъ все время отдохнуть послѣ кратковременной (около часа) битвы, при самомъ началѣ сраженія въ с. Бородинѣ; нѣсколько егерскихъ полковъ отряда Полковника Потемкина, находившихся въ резервѣ и другіе егерскіе баталіоны, расположенные по Колочѣ, на правомъ крылѣ и, сверхъ того, болѣе десяти тысячъ ополченія, которое, въ наступательномъ дѣйствіи, работало бы, конечно, не хуже другихъ (Полоцкъ, Данцигъ, Дрезденъ) служатъ тому доказательствомъ). Бившаяся уже армія, хотя и значительно уменьшенная, подкрѣпивъ себя винною порціей и пищею, въ чемъ не было недостатка, съ большимъ бы еще ожесточеніемъ вступила въ бой, а тѣмъ болѣе наступательный, столь свойственный удальству Русскаго человѣка. Французы, будучи атакованными, преимущественно при тогдашнихъ условіяхъ, не такъ страшны, какъ иногда бываютъ они въ своихъ наступленіяхъ, въ особенности, когда, по предначертанной у насъ диспозиціи, Платовъ долженъ былъ, ночью, перенестись въ окрестностяхъ, пониже Беззубова, чрезъ р. Войну, на ихъ тылъ, къ Колоцкому монастырю, безпорядочно заваливаемому, въ продолженіе цѣлаго дня, ранеными, и гдѣ скоплены были всѣ парки и многочисленные разнаго рода обозы, коими загромождена была дорога до самаго Гжатска и далѣе (такое движенье наше, по сознанью въ послѣдствіи самихъ Французовъ, сдѣлалось бы гибельнымъ для ихъ арміи), произвело бы безпорядокъ, котораго результаты могли быть неисчислимы. При этомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что, по окончаніи дѣла, когда совершенно уже стемнѣло, Французы оттянули свое сильно пострадавшее и разстроенное войско, лишившееся множества начальниковъ, и расположили его опять на тѣхъ мѣстахъ, съ конхъ оно пошло въ битву, выдвинувъ только въ Семеновскія флеши около шести тысячъ человѣкъ молодой гвардіи, для огражденія съ этой стороны арміи и преимущественно главнаго пребыванія Наполеона съ старою гвардіей при Шевардинѣ. Занявъ такимъ образомъ въ мракѣ первоначальныя мѣста въ порядкѣ наступа-

Но каково было наше удивленье, когда въ этомъ убѣжденіи, послѣ побѣдъ въ Германіи и Франціи, мы, въ 1814 г., взяли Парижъ, и здѣсь должно было вдругъ разочароваться и въ первый разъ узнать, что при Бородинѣ мы были побѣждены! Въ

тельномъ, войско, по свидѣтельству собственно своихъ историковъ, изнуренное физически и пораженное нравственно, оставалось всю ночь безъ пищи и большая часть безъ огня. Само собою разумѣется, что, послѣ столь ужаснаго, упорнаго и продолжительнаго, боя, войско, возвратясь на свое прежнее мѣсто изнуреннымъ, прежде всего должно было озаботиться, чтобы удовлетворить свой голодъ, а для сего издавна уже не было ни какихъ другихъ средствъ, какъ только тотчасъ же итти отыскивать убитыхъ, или палыхъ, лошадей; часть пошла въ эту ночь на фуражировку, еще болѣе затруднительную и сопряженную съ опасностями (пятьсотъ фуражировъ попались въ руки Казакамъ); должно было отправить людей за дровами, за водой, а изнуренные конники тащить лошадей на водопой; нарядъ для подобранія раненыхъ и переноски ихъ въ Колоцкій монастырь и т. п. Сверхъ всего въ эту же ночь должно было озаботиться пополненіемъ изъ парковъ израсходованныхъ въ битвѣ артиллерійскихъ и ружейныхъ зарядовъ, а при общемъ изнеможеніи, съ ослабленною дисциплиною, при огромной потерѣ ближайшихъ начальниковъ, успѣло ли бы войско, въ столь короткое время, ночью, до разсвѣта, снабдить себя сими послѣдними? Сомнительно. Все это требовало множества людей, энергіи, а по засвидѣтельствованію очевидцевъ-повѣствователей самихъ Французовъ, ни того, ни другаго, не было и какъ это будетъ видно въ своемъ мѣстѣ, что при знаменахъ оставалось только едва нужное число для охраненія оныхъ. Мы же были, во всѣхъ этихъ отношеньяхъ, совершенно противоположно. Кромѣ того, непріятельскіе парки оскудѣли и, по свидѣтельству историковъ, Наполеонъ даже колебался, итти ли ему далѣе, до присоединенія парковъ, бывшихъ уже на пути. Вся артиллерія его и даже часть гвардейской находились въ дѣйствіи, между тѣмъ какъ у насъ такого недостатка въ снарядахъ не показывалось, и артиллеріи, не введенной въ дѣло, оставалось въ резервѣ значительное количество. Въ такомъ положеніи непріятельская армія, будучи за часъ до разсвѣта внезапно и быстро атакована, и при тревогѣ въ тылу (а что значитъ эта тревога, видно изъ Французскихъ писателей, говорящихъ о демонстраціи, произведенной еще засвѣтло нашимъ правымъ флангомъ), и ей трудно было бы, при общей суматохѣ (и не усмотрѣвъ во время нашихъ направленій и построенія), скоро перестроиться въ надлежащій оборонительный порядокъ, положительно можно сказать, что, при тогдашнихъ условіяхъ и до разсвѣта было бы вовсе не возможно: событія Ватерлоо

1815 году, возвратясь опять во Францію, я оставался въ корпу
Князя Воронцова до 1819 года, а въ этотъ періодъ появилось у
нѣсколько Французскихъ описаній кампаніи 1812 года, воспѣва

могли совершиться тремя годами прежде. Наконецъ, потери Французовъ
дѣйствительности не многимъ уступали нашимъ: конница ихъ была поч
уничтожена. Генералами они потеряли болѣе, чѣмъ вдвое, противъ нас
у нихъ сорокъ девять Генераловъ и тридцать девять полковыхъ командиров
у насъ двадцать два Генерала. Для предначертаннаго нами нападенія, бол
шая часть нашихъ лучшихъ вождей была пощажена въ этотъ кровавый де
Барклай де Толли (распоряжавшійся уже при Горкахъ для наступленія), Б
нигсенъ, Милорадовичъ, Герцогъ Александръ Виртембергскій, Графъ Марков
Платовъ; Корпусные: Дохтуровъ, Раевскій, Багговутъ, Графъ Остерман
Толстой, Лавровъ, Уваровъ, Баронъ Корфъ, Графъ Паленъ, Князь Гол
цынъ, Васильчиковъ, и Дивизіонные: Графъ Строгановъ, Принцъ Евге
Виртембергскій, Паскевичъ, Коновницынъ, Капцевичъ, Дука, Графъ Орлов
Денисовъ и др. А за такими вождями, жаждавшими нападенія на др
гой день, войско пошло бы съ полнымъ самоотверженіемъ и увѣренност
на успѣхъ, и ни какія, даже видимыя, опасности не остановили бы его. Сл
вомъ, еще разъ повторяю, отмѣна помянутаго предпріятія одна была пов
домъ къ какому-то чувству досады, даже негодованія, распростране
ному въ войскахъ. Предметъ этотъ, вмѣстѣ съ демонстраціею Платова
Уварова, требуетъ подробнаго критическаго разсмотрѣнія, на которое, е
скажу, какъ бы вызываютъ насъ всѣ иноземные историки, описавшіе Бор
динскую битву, какъ участники, говоря объ этихъ двухъ эпизодахъ бол
или менѣе пространно, съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями, меж
тѣмъ какъ наши исторіографы упоминаютъ о нихъ вскользь. Прошло по
вѣка; исторія не должна никого щадить во имя истины: дѣльная критя
все выяснитъ. Нельзя умолчать о непостижимомъ (для меня) сужденіи Г.-
Богдановича (т. II, стр. 222), будто предначертанное предпріятіе нап
напасть на другой день «не подавало намъ ни малѣйшей вѣроятн
сти на успѣхъ» (!!). На чемъ почтенный исторіографъ основываетъ эт
умозаключеніе свое? Не извѣстно! Самъ онъ не могъ быть въ битвѣ; непр
ятель говоритъ, что такое предпріятіе наше «было бы для него пагу
нымъ; всѣ Генералы наши, и въ головѣ ихъ Барклай, понимавшіе дѣ
(конечно, не менѣе нашего исторіографа) и разсуждавшіе о томъ н
мѣстѣ, предусматривали успѣхъ. По словамъ же самого Г.-М. Бо
дановича, Барклай, распоряжавшійся при Горкахъ, для предположеннаг
предпріятеля, когда получилъ приказаніе отступать, «хотѣлъ ѣхать к
Князю съ просьбою объ отмѣнѣ отданнаго приказанія, но, получив

ихъ свои побѣды, и въ томъ числѣ подъ Бородинымъ! Нѣмецкіе повѣствователи, забывъ, что побѣдамъ Русскихъ они только и обязаны своимъ освобожденіемъ отъ ига, [12] подобно Французамъ,

---

свѣдѣніе объ выступленіи Дохтурова, принужденъ былъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, исполнить повелѣнье Главнокомандующаго.» Г.-М. Богдановичъ ищетъ, какъ бы оправдать неосновательность предположеній Барклая, что «тогда не возможное казалось возможнымъ.» Подобное выраженіе можетъ быть приписываемо запальчивому кавалерійскому офицеру, пусть иногда и полковому командиру подобнаго же свойства; но оно ни какъ уже не приличествуетъ Барклаю, коего свѣтлый умъ, глубокія познанія военнаго дѣла, опытность, невозмутимое хладнокровіе, разсчетливость на каждый шагъ, были всегда неотъемлемыми его качествами. И если онъ, будучи главнымъ дѣятелемъ и зоркимъ наблюдателемъ при Бородинѣ, предвидѣлъ успѣхъ въ предначертанномъ нападеніи на непріятеля, что раздѣляли съ нимъ, какъ преданные, такъ и лицепріятствующіе ему, Генералы и вообще всѣ, понимающіе дѣло, то, какимъ образомъ и какой авторитетъ, въ глазахъ безпристрастныхъ и свѣдущихъ людей, можетъ имѣть, чрезъ полвѣка, лице, не дѣлавшее этой кампаніи, безъ всякихъ ссылокъ на какой либо современный авторитетъ, а только на свой собственный, произносить такъ опредѣлительно совершенно противное! Нельзя даже понять, что такое разумѣетъ онъ подъ словомъ: «принять сраженіе.» Дѣло шло не о томъ, чтобы намъ принять сраженіе, что свѣдущими военными людьми понимается выждать и на другой день непріятеля, а такого безрасудства, уже всеконечно, никому не могло прійти въ голову! При уменьшеніи арміи почти на половину, позиція, и до того уже растянутая, не могла быть занятой съ выгодою, что и самъ исторіографъ находитъ; но у насъ было намѣреніе совершенно противоположное: мы хотѣли не принять, а дать сраженіе, т. е., атаковать непріятеля и заставить его или принять сраженіе, или обратиться въ бѣгство. Всѣ, понимающіе военное дѣло, видятъ въ значеніи этихъ словъ большую разницу а почтенный исторіографъ разсуждаетъ объ этомъ намѣреніи нашемъ, и между тѣмъ говоритъ и не одинъ разъ: «принять сраженіе»!!! Грустно въ наше время видѣть такія созерцанія, и когда? Тогда, какъ и самъ непріятель пишетъ противное, т. е., въ пользу нашего предпріятія, какъ это въ своемъ мѣстѣ будетъ видно.

[12] Не говорю о тѣхъ временахъ, когда Русскіе летали на выручку этихъ сосѣдей своихъ; здѣсь отношу сказанное собственно только къ войнѣ 1812 года. Не возможно же исключить изъ Исторіи то положеніе Германіи, въ

начали описывать и свои подвиги въ Бородинскій день, въ который по ихъ удостовѣренію, мы потерпѣли пораженіе и силою бы ли вынуждены къ отступленью. Но этого было мало: они говорятъ что если бы Наполеонъ захотѣлъ, то мы были бы и совершенно разбиты; словомъ, конечно, по ихъ мнѣнью, такъ, какъ они подъ Іеною и Ваграмомъ; а нѣкоторые думали даже, что могъ повториться и Ульмъ, если бы насъ вогнали въ уголъ, образуемый впадс ніемъ Колочи въ Москву рѣку. [13] Съ нашей стороны хранилось глу бокое молчаніе; нѣкоторые, однако, изъ насъ, увлекшіеся фразами и выводимыми въ кабинетахъ правилами стратегіи и тактики, не при нимая въ соображеніе народнаго духа, вторили иноземцамъ, если и не всегда вполнѣ, то достаточно, чтобы дать поводъ Французамъ и Нѣмцамъ ссылаться на нихъ. [14]

При внимательномъ изученіи всѣхъ иноземныхъ повѣствователей объ этой эпохѣ, оказывается, что истина затмѣвается въ ихъ изло женіяхъ однѣми только фразами, которыя высказывали Французы по природному ихъ самохвальству (а иноземные Нѣмцы по чему?..), до ходящему до невѣроятной степени даже у самыхъ серіозныхъ исто риковъ; но за всѣмъ тѣмъ, повторяю, все, что исчислено было вы ше, объ основаніи, на которомъ мы, участвовавшіе въ битвѣ, не

которомъ она находилась до начала 1813 года: крѣпости ея въ рукахъ Французовъ; во всѣхъ почти столицахъ Французскіе Генералъ-Губернаторы, или Коменданты, или, наконецъ, полномочные Послы, которымъ подчинялись во всѣхъ дѣйствіяхъ. Наполеонъ распоряжался въ ней, какъ полный хозяинъ: одни владѣнія уничтожалъ, или присоединялъ къ Франціи, изъ другихъ созидалъ Королевства, назначая въ Короли и Герцоги своихъ родственниковъ и солдатъ своей арміи, связывая сихъ послѣднихъ брачными союзами съ владѣтельными домами Германіи и пр., и пр. Такъ застали мы материкъ Европы, когда, изгнавъ изъ Россіи Французовъ и ихъ вассаловъ, перенесли, въ началѣ 1813 г., знамена свои въ Германію на ея ратованіе. По чему же это освобожденіе ея не послѣдовало прежде? Исторія объяснитъ. Объ этомъ въ главѣ: «Русскій солдатъ», еще говорится.

[13] Полковникъ Окуневъ очень справедливо замѣтилъ, что и сто тысячъ барановъ не могли бы быть такъ загнаны.

[14] Къ сожалѣнію, и послѣдняя «Исторія Отечественной войны 1812 г.» писана въ такомъ же духѣ и вторитъ иноземнымъ Нѣмцамъ, что Наполеонъ могъ насъ доконать.

почитаемъ ее проигранной нами, они подтверждаютъ, и сами того не замѣчая, когда говорятъ о ней, какъ очевидцы-историки. Въ сущности главнымъ основаніемъ у нихъ, къ заключенію о своей побѣдѣ, есть только то, что мы, послѣ битвы, «отступили». Но мы продолжали отступать, безъ всякаго участія въ томъ ихъ силы, которая бы понудила насъ къ тому, какъ все это будетъ видно въ своемъ мѣстѣ.

Эти повѣствованія иноземцевъ побудили меня дѣлать изъ нихъ выписки по предметамъ, входящимъ въ описаніе сего событія, и сравнивать ихъ между собою, что постоянно и продолжалъ, по мѣрѣ появленія новыхъ матеріяловъ. Воспользовавшись нѣсколько свободнымъ временемъ (1852—1855). я сдѣлалъ сводъ изъ этихъ повѣствованій только: «О дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году».[15] Въ послѣдствіи, не будучи занятъ новымъ начальствомъ службою, приступилъ къ систематическому своду этихъ многочисленныхъ, въ продолженіе полувѣка собиравшихся, выписокъ.

Имѣя главнымъ предметомъ Бородинскую битву, предлагаемая книга, независимо отъ Вступленія и Значенія слова побѣда, раздѣлена на три «Отдѣленія, съ подраздѣленіями каждой на главы.» Первое Отдѣленіе, Наканунѣ битвы (четыре главы); второе, День битвы (пять главъ); третье, На другой день битвы (двѣ главы). Въ концѣ первой главы сего Отдѣленія сдѣланъ краткій критическій обзоръ сочиненій нѣсколькихъ иноземныхъ историкомъ, писавшихъ о войнѣ 1812 г. Здѣсь присоединена глава о «Русскомъ, солдатѣ», вызванная толками тѣхъ же писателей. За тѣмъ, въ Заключеніи, послѣ общаго вывода всему тому, что предшествуетъ, я коснулся нѣкоторыхъ предметовъ, до сихъ поръ никѣмъ еще вполнѣ не изложенныхъ, и такихъ, которые вовсе не затронуты. Къ послѣд-

---

[15] Книга, удостоенная посвященія нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, въ 1855 году. Изъ самыхъ сказаній непріятеля явствуетъ, что ни морозъ, ни голодъ не были причиною катастрофы, которой подвергалась армія Наполеона.

нимъ принадлежитъ критическій разборъ предпринятаго Наполеоно
къ отступленію направленія на Калугу. Соединивъ все то, что бы
только писано о безчеловѣчномъ, варварскомъ смореніи голодов
и потомъ пристрѣливаніи нашихъ плѣнныхъ, присовокупи
я къ сему критическій разборъ, для сближенія и разъясненія эти
повѣствованій. Равномѣрно собрано все, что было писано иноземц
ми-свидѣтелями о настроеніи духа Наполеона въ продолженіе вой
1812 года. Нѣсколько критическихъ замѣчаній о причинахъ пост
пеннаго ослабленія дисциплины, и наконецъ развитія деморализац
въ его арміи, съ приложеніемъ къ сему краткихъ разсужденій
стужѣ и голодѣ, коимъ господствующее мнѣніе приписываетъ ра
паденіе Французской арміи, вопреки собственнымъ, приводимымъ им
даннымъ.

Все вышеисчисленное заимствовано исключительно изъ ин
земныхъ источниковъ, коимъ списокъ прилагается.

Книга эта не что иное, какъ одинъ только опытъ распредѣлен
иноземныхъ повѣствователей по предметамъ и согласованья разн
рѣчій, коими переполнены всѣ сказанія о войнѣ 1812 года: он
можетъ, по крайней мѣрѣ, указаніями своими на тексты и предме
ты облегчить трудъ того, кто, лучше меня владѣя перомъ, знаніем
дѣла, средствами, и въ особенности болѣе благопріятными обстоя
тельствами, нежели тѣ, которыми я былъ окруженъ въ послѣдні
десять лѣтъ, предпринялъ бы изложить великій сей предметъ болѣ
достойнымъ его образомъ, для чести и славы народа и арміи, подви
гнутыхъ, на совершеніе великаго дѣла непоколебимою твердостью Бла
гословеннаго Монарха, об явившаго, что «не вложитъ меча въ нож
ны, доколѣ единъ врагъ будетъ оставаться на землѣ Русской.»

Какъ ветеранъ разбираемаго мною эпизода, могу подвергнуться
упрекамъ нынѣшнихъ военныхъ историіографовъ въ пристрастіи к
прошедшему, къ старинѣ, противъ которой такъ сильно возстаютъ
нынѣ, но я вывожу факты. Я могъ ошибаться, какъ и всѣ, въ нѣко
торыхъ сужденіяхъ, отнюдь, впрочемъ, не измѣняющихъ сущности
совершившагося, и вполнѣ раздѣляю мнѣніе Полковника Астафьева,

сказавшаго въ превосходномъ и образцовомъ сочиненіи своемъ,[16] что «военное искуство есть общее дѣло, требующее глубокаго коллегіальнаго обсужденія и полемики. Одинъ человѣкъ сдѣлать всего не въ состояніи и можетъ заблуждаться»... И, говоря о критикѣ, присовокупляетъ: «Гдѣ нѣтъ ея, тамъ нѣтъ и искуства.»

Какая же другая кампанія нашего времени имѣетъ болѣе необходимости быть очищенною критикой, какъ не кампанія 1812 года, въ особенности для насъ? Какая другая болѣе изобилуетъ историками[17] и съ такимъ множествомъ рѣзкихъ разнорѣчій? Не требуетъ ли все согласованія, поясненій, коллегіяльнаго разсмотрѣнія и опредѣленія различныхъ эпизодовъ этой борьбы гигантовъ, какъ выразился Наполеонъ?

Прошло полвѣка, а у насъ никто еще достойнымъ образомъ не поднялъ перчатки, бросаемой намъ иноземцами. Вскорѣ остальные участники въ этой войнѣ исчезнутъ, и хвастливыя фразы непріятелей нашихъ усвоятъ въ Исторіи всю силу. Въ продолженіи тридцати лѣтъ, а неразъ, печатно, излагалъ это свое мнѣнье.

---

[16] «О современномъ военномъ искуствѣ». С.-Петерб. 1857 — 1861 (т. 1, стр. XVIII).

[17] Маренгонское сраженіе разсказано въ свое время тремя стами историковъ. Бородинское едва не столькими же, а пожалуй и болѣе.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Появленіе кометъ, во всѣ времена, считалось, въ суевѣрныхъ вѣрованіяхъ народныхъ, предзнаменованіемъ какихъ-либо особенныхъ событій. Такъ и появленіе кометы въ 1811 году подало поводъ къ заключеніямъ о близости кровопролитной войны, въ размѣрахъ, до того времени не бывалыхъ. Въ ту эпоху браней всѣ другія предположенія почитались второстепенными, а по тому рожденіе сына у Наполеона, повелителя материка Западной Европы, не всѣмъ казалось предзнаменованіемъ уже сбывшимся: всѣ ожидали отъ появленія кометы другихъ, болѣе важныхъ, событій, и ожиданія эти оправдались вполнѣ: вскорѣ громадныя приготовленія къ нашествію на Россію заняли умы всей Европы.

Дѣйствительно, обстоятельства сей исполинской войны отличаются отъ всѣхъ прочихъ военныхъ предначертаній, какъ по тогдашнему политическому состоянію Европы и самой Франціи, такъ и по составу ополченья, подъ личнымъ предводительствомъ генія-полководца-Государя, приковавшаго къ колесницѣ своей весь материкъ Западной Европы. Около семисотъ тысячъ человѣкъ, [1]

---

[1] Barault (p. 176) говоритъ, что въ этомъ числѣ было собственно Французовъ 348 тысячъ чел., остальные 322 т. Нѣмцевъ, Италіянцевъ и пр. Капфигъ (т. IX, p. 161) пишетъ, что Наполеонъ, по документамъ Военнаго Министерства, велъ съ собою на Россію не 130, или 150 т. человѣкъ, составлявшихъ прежде сто армію, но около полумилліона съ тысячью триста шестьдесятью пушками, и приводитъ слѣдующій расчетъ:

подъ предводительствомъ искусныхъ, опытныхъ и закаленныхъ въ двадцатилѣтнихъ побѣдахъ вождей, коихъ слава часто затмѣвалась только присутствіемъ самаго Наполеона.

Предпринятый имъ походъ, съ самаго начала до конца, сопутствуемъ былъ замѣчательными явленіями, которыя постепенностью своею не могли не имѣть вліянія на главнаго вождя — Агамемнона этой лиги, и не поколебать въ немъ тѣхъ или другихъ основныхъ его качествъ, не обнаружить слабостей и недостатковъ, до того времени не замѣчавшихся. Прослѣдивъ эти событія, найдемъ, что многія высокія соображенія Наполеона, основанныя, казалось, на вѣрныхъ стратегическихъ и политическихъ разсчетахъ, не только не оправдались, но и послужили ему ко вреду; ни одно предпріятіе его не удалось. Съ первымъ шагомъ въ предѣлы наши, Наполеонъ началъ уже колебаться; одно предположеніе смѣнялось у него другимъ, другое третьимъ и т. д. Часто проявлялъ онъ малодушіе, и, желая, скрыть, выставлялъ его еще ярче. Но первый шагъ былъ сдѣланъ, и побѣдитель долженъ былъ покориться судьбѣ своей, которая постепенно, отъ береговъ Нѣмана, влекла его на гибель.

60,000	Поляковъ.	4,000	Дармштадцевъ.
20,000	Саксонцевъ.	2,000	Готы и Веймара.
30,000	Австрійцевъ.	5,000	Вюрцбургцевъ и Франконцевъ.
20,000	Баварцевъ.	5,000	Мекленб., Нассавц. и др. мелкихъ Князей.
22,000	Пруссаковъ.	20,000	Италіянцевъ и Неаполитанцевъ.
20,000	Вестфальцевъ.	4,000	Испанцевъ и Португальцевъ.
8,000	Виртембергцевъ.	10,000	Швейцарцевъ.
8,000	Баденцевъ.	250,000	Французовъ.
		498,000	человѣкъ.

Около того показывается и другими; но Канфигъ исчисляетъ только то количество, которое вступило въ наши предѣлы, а Баро и тѣхъ, которые составляли резервъ и гарнизоны пограничныхъ крѣпостей.

Вотъ краткій перечень повѣствованія самихъ Французовъ, съ начала предпріятія до Бородинской битвы, главнаго моего предмета.

Истощенная слишкомъ двадцатилѣтнею, безпрерывною кровавою войной, Франція неохотно приступила къ конскрипціи для полчищъ, приготовляющихся къ дальнему походу, въ страну, въ то время еще менѣе чѣмъ нынѣ извѣстную. Уже тогда многіе министры и другіе главные предводители войскъ и приближенные къ Наполеону, не раздѣляя мнѣнія завоевателя, всячески старались отклонить его отъ предпринимаемой имъ войны. Это расположеніе умовъ, раздѣляемое большинствомъ людей благоразумныхъ, не могло быть неизвѣстнымъ и всей арміи. Оно, естественно, поколебало увѣренность, условіе, необходимое къ сохраненію и удержанію дисциплины, души всѣхъ воинскихъ дѣйствій. Дисциплина въ арміи Наполеона была тогда еще тѣмъ болѣе необходима, что Французы, отъ природы болтливые, охотно судятъ по своему о политическихъ дѣлахъ, о дѣйствіяхъ начальниковъ и т. п., а въ предпринимавшемся тогда походѣ пищи къ тому должно было представляться много. Въ такомъ расположеніи духа армія оставила Францію, бѣдствовавшую отъ неурожая предшествовавшаго года, [1] и направилась къ сборному мѣсту, въ Старую Пруссію, въ Герцогство Варшавское и въ Галицію.

Кратковременное пребываніе ея на сборномъ мѣстѣ ознаменовалось уже насиліями и грабежами; дисциплина была потрясена. Недостатокъ фуража заставлялъ снимать хлѣбъ съ корня, срывать соломенныя крыши и т. п. Это доказывало недостатокъ въ администраціи и какъ бы безсиліе Наполеона положить предѣлъ всѣмъ этимъ безпорядкамъ, при взаимномъ несогласіи главныхъ его пред-

---

[1] Въ этотъ годъ бѣдствій произведены были многія казни. Казнили даже женщинъ единственно за то, что онѣ кричали въ толпахъ: «Я голоденъ! я голодна!»

водителей. Между тѣмъ войско лелѣемо было надеждами на ск
рую, неминуемую побѣду; оно было увѣрено, что, при вступле
въ наши предѣлы, немедленно возстановятъ Польшу и Литву; чт
съ правой стороны Наполеонова направленія, Турки изгонятъ на
войска изъ Молдавіи и Валахіи (откуда мы должны будемъ от
нуть часть нашихъ силъ къ главному театру войны) и овладѣю
Одессою, Херсономъ и всѣмъ Крымомъ. Съ лѣвой же сторон
Бернадотъ возмутитъ Новую Финляндію и займетъ Петербур
Разноплеменная армія Наполеона одушевлялась надеждою при н
чалѣ дѣйствій видѣть себя не одною, а въ союзѣ съ Турками
Шведами; но мечта скоро исчезла, и впечатлѣнье это не мог
не усиливать недовѣрія, при обнаружившейся уже личной враж
между главными предводителями, дерзавшими, въ присутствіи Н
полеона, упрекать другъ друга даже въ измѣнѣ. Подобные упре
должны были зародить въ самомъ Наполеонѣ мысль о ненаде
ности его Маршаловъ, которую онъ вскорѣ имѣлъ случай вы
зить слѣдующими словами: «Что, достигнувъ высшихъ степен
«и будучи имъ обогащены, они охотнѣе желаютъ блистать
«Парижѣ своими экипажами и роскошною жизнью». Упрекъ
вполнѣ справедливый: ибо всѣ они на поляхъ брани доказали пр
тивное. Однако же нельзя отвергнуть, чтобы тайное чувство И
ператора Французовъ не поколебалось относительно нѣкоторы
изъ его сподвижниковъ, а въ этихъ, въ свою очередь, не заронил
скрытной злобы, которая разразилась въ послѣдствіи при заня
нами Парижа. Словомъ, всѣ эти безпорядки не могли имѣть бла
дѣтельнаго вліянія на дисциплину арміи и не породить въ не
повторяю, начала деморализаціи, до вступленія еще въ Россію

По приближеніи къ Нѣману, когда Наполеонъ обозрѣва
мѣстность, наканунѣ переправы чрезъ эту рѣку, лошадь его упа
и сбросила его на песокъ; въ это время послышался въ сви
его голосъ: «Худой признакъ! Римлянинъ отказался бы отъ пре

пріятія.»[2] Послѣ переправы чрезъ Нѣманъ, погода, до того времени прекрасная, вдругъ измѣнилась: начали собираться тучи, разразилась ужасная гроза, продолжавшаяся нѣсколько часовъ; дождь, въ продолженіе пяти дней, былъ такъ силенъ, что во многихъ мѣстахъ затопилъ дороги; погибло до десяти тысячъ лошадей со множествомъ повозокъ; послѣ дождя наступилъ холодъ. Наполеонъ, въ это время объѣзжавшій мѣстность, долженъ былъ укрыться отъ ливня въ находившемся по близости монастырѣ. Эта буря и паденье его съ лошади были тотчасъ же многими приняты за худыя предзнаменованія; но тогда они не могли еще имѣть ощутитель-

---

[2] Графъ Дюма, въ своихъ «Воспоминаньяхъ», не говоритъ объ этомъ случаѣ; но, описывая переправу чрезъ Нѣманъ и послѣдовавшую за тѣмъ бурю, причинившую столько несчастій, присовокупляетъ (t. III, p. 422): «Такими зловѣщими предзнаменованіями Римскіе полководцы, можетъ быть, и пріостановились бы: многіе умы были поражены этимъ.» Буржуа (p. 74, 75), говоря о предзнаменованіяхъ этихъ, присовокупляетъ, что они имѣли гибельное впечатлѣнье. Многіе другіе говорятъ о томъ же. Въ «Souvenire de Pologne» одного Французскаго кирасирскаго офицера (p. 143) видно, что «буря эта, послѣдовавшая тотчасъ за переправою чрезъ Нѣманъ, отъ коей погибло нѣсколько тысячъ лошадей, принята была суевѣрными умами за предвѣстье несчастій, и къ этому первому несчастью (присовокупляетъ авторъ) должно присоединить еще множество другихъ въ различныхъ видахъ, которыя оставили въ слабыхъ умахъ непріятное предчувствіе долженствующему совершиться позже.» Чѣмъ далѣе они подавались впередъ, тѣмъ болѣе поражаемы были подобными суевѣріями. Вотъ, между прочимъ, что говоритъ О-Меара (t. I, p. 195): «Генералъ Гурго, на Островѣ Св. Елены, разсказывалъ ему, что, во время ихъ пребыванья въ Москвѣ, большое количество воронъ стадами сѣли на Кремлевскія башни, съ коихъ часто спускались и летали кругомъ солдатъ, махая крыльями и каркая, какъ бы угрожая имъ истребленьемъ, которое дѣйствительно и послѣдовало. Гурго прибавилъ, что войска приведены были въ уныніе этимъ зрѣлищемъ, которое солдаты признали за роковое предвѣщаніе». Многіе говорятъ о семъ впечатлѣніи. Префектъ дворца, Боссе, также говоритъ объ этомъ.

наго вліянія на массу; ибо войско шло къ вѣрной, по мнѣнію его, побѣдѣ. А какъ суевѣріе и предразсудки (къ которымъ склонна масса Французовъ), обнаруживаются, болѣе или менѣе, едва ли не у всѣхъ народовъ, только при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ, то послѣдующія событія должны были поражать массы при всякой явной, но преимущественно при отдаленной, опасности, къ которой они приближались не съ тою уже душевною твердостью, которая одна имѣетъ силу торжествовать въ нѣкоторыхъ случаяхъ и надъ самою природой.

Въ движеніи арміи отъ Нѣмана [4] до Вильны подобныя предзнаменованія начали уже оправдываться въ мнѣніи умовъ суевѣрныхъ; такъ, на примѣръ: приблизясь къ Виліи и не найдя моста, конвой Наполеона изъ Поляковъ бросился чрезъ рѣку вплавь; многіе не достигли противоположнаго берега и, погибая среди волнъ, кричали: «Да здравствуетъ Императоръ!» Этотъ случай возбудилъ грусть въ очевидцахъ, многіе не удержались отъ восклицанія: »Quel mauvais augure!» Безплодіе края, равнодушный пріемъ со стороны жителей, происходившій отъ обманутыхъ надеждъ увидѣть возстановленіе Польши, уничтожили надежды и у Французовъ на содѣйствіе Литовцевъ, которые должны были значительно усилить полчища Наполеона. Холодныя отношенія между солдатами и жителями принимали видъ враждебный; недостатокъ припасовъ, въ особенности фуража, подавалъ поводъ къ насилію, грабежу и убійствамъ. [5] Все это ослабило дисциплину до такой степени, что, по засвидѣтельствованію очевидцевъ-Французскихъ писателей,

---

4 Очевидцы присовокупляютъ: «Когда увидѣли, что въ Ковнѣ не мѣшаютъ наведенью мостовъ и бывшіе тутъ Казаки исчезли, все это навело грусть на солдатъ Французовъ.

5 Многіе изъ солдатъ, даже молодой гвардіи, умирали съ голоду; другіе лишали себя жизни, что свѣдѣтельствуется Французскими писателями, участниками въ этой войнѣ.

Наполеонъ, послѣ тщетныхъ усилій къ прекращенію безпорядковъ, долженъ былъ закрыть глаза, не имѣя возможности остановить мародерство, грабежъ, насиліе и т. п. Но важнѣе всего было то, что, при всѣхъ этихъ безпорядкахъ, отсутствіе Русскихъ войскъ, видимо уклонявшихся отъ битвы и даже отъ встрѣчи, поражало непріятелей изумленіемъ. Извѣстіе о прибытіи Балашова въ Вильну обрадовало армію Французовъ, охладѣвшихъ въ порывѣ своемъ уже на короткомъ маршѣ до Вильны: они надѣялись, что война кончится. Но всѣ выражали неудовольствіе, узнавъ, что предложенія Императора Александра отринуты. Въ это время пробѣжала по арміи вѣсть, что въ Наполеонѣ начинаютъ замѣчать ослабленіе прежней физической его дѣятельности.

Наполеонъ остается въ Вильнѣ двадцать дней; между тѣмъ Французскіе корпуса достигаютъ Дриссы, которую наша армія оставила безъ боя. Это приводитъ всѣхъ въ отчаяніе, по тому что они должны еще болѣе углубляться въ страну, гдѣ не находятъ ни мѣстныхъ средствъ къ жизни, ни наслажденій, къ которымъ привыкли въ Германіи и Италіи. Безчисленное множество отсталыхъ и мародеровъ не столько ослабляютъ ряды этой многочисленной арміи, сколько ея нравственныя силы.

Багратіонъ умѣлъ отдѣлаться отъ Вестфальскаго Короля и Маршала Даву. Дохтуровъ, котораго почитали вѣрною добычею, ускользнулъ отъ трехъ корпусовъ, его окружавшихъ. Платовъ и Графъ Паленъ тоже успѣли присоединиться къ арміи. Разсчеты Наполеона не удаются: одни отъ возникшихъ между его предводителями раздоровъ, другіе отъ искусныхъ и быстрыхъ движеній нашихъ войскъ. Французская армія не можетъ еще похвалиться ни одною побѣдой, ни однимъ трофеемъ. Наполеонъ обѣщаетъ разбить Русскихъ въ Витебскѣ, и тѣмъ окончить кампанію. Спѣшитъ, и находитъ Барклая на позиціи. Радость общая пробѣгаетъ въ арміи Французовъ, надѣющихся на побѣду и на миръ. Въ Островнѣ авангардъ нашъ показываетъ Наполеону, чего должно

ожидать въ бояхъ съ Русскими, которыхъ онъ представлялъ своей арміи бѣгущими со страхомъ. Онъ дѣлаетъ всѣ распоряженія къ генеральной битвѣ, и на слѣдующее утро, съ разсвѣтомъ, находитъ на позиціи нашей одни пустые шалаши.

Это еще болѣе поражаетъ все войско. Узнаютъ, что Багратіонъ окончательно нашелъ возможность соединиться съ Барклаемъ. Наполеонъ побѣждаетъ только мѣстное пространство, а не войско. Онъ объявляетъ окончаніе кампаніи 1812 года. Предполагаетъ въ 1813 году взять Москву, въ 1814 Петербургъ; надѣется, что Императоръ Александръ пришлетъ просить мира, дѣлаетъ распоряженіе относительно расположенія арміи на зимнія квартиры, говоритъ опять объ организаціи Польши — и войско его успокоивается. Мародеры и отсталые начинаютъ присоединяться къ своимъ знаменамъ, но, по свѣдѣтельству Французскихъ писателей, армія его тогда уменьшилась уже на цѣлую треть, не бывши въ битвѣ; недостатокъ въ продовольствіи проявляется, снова открываются болѣзни, поносъ, отъ непривычнаго употребленія ржанаго хлѣба

Вдругъ Наполеонъ объявляетъ приказаніе итти къ Смоленску. Армія узнаетъ, что всѣ приближенные къ Наполеону были противнаго мнѣнія, узнаетъ изложенныя ими причины, по которымъ, кромѣ бѣдствій, нельзя было ожидать ничего другаго. Не имѣя возможности возражать предводителямъ войскъ на ихъ мнѣнія и доказательства, [6] онъ упрекаетъ ихъ въ неблагодарности, въ не желаніи сопровождать его на поле битвъ. Самолюбіе многихъ изъ

---

[6] Бисмаркъ (Spect. milit. 1847, t. XLIV, p. 132) приводитъ слова, сказанныя Наполеономъ на представленія, сдѣланныя ему въ совѣтѣ (въ Витебскѣ), что дальнѣйшее углубленіе въ Россію, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находились Французы, противно всѣмъ правиламъ, онъ возразилъ: «Не правило создаетъ успѣхи, но успѣхи создаютъ правила.» («Ce n'est pas la règle, qui crée les succés, ce sont les succés, qui créent la règle!»)

ихъ оскорбляется. Здѣсь Наполеонъ узнаетъ о заключеніи мира съ Турками; узнаетъ, что Бернадотъ уже обнаружилъ расположеніе, противное всѣмъ заключеніямъ Наполеона, которыми онъ льстилъ себя и возбуждалъ духъ войскъ своихъ. Манифестъ Александра становится извѣстнымъ: армія видитъ, что призываютъ народъ къ поголовному вооруженію, что ей предстоитъ гроза народной войны; армія видитъ, что Русскій Императоръ далекъ отъ помысла о мирѣ; остается ей одна надежда разгромить насъ въ генеральной битвѣ.

Разбитіе Себастіани подъ Виньковымъ изумляетъ многихъ Французовъ, не ожидавшихъ надъ собою побѣды. Предзнаменованія на Нѣманѣ, въ Ковнѣ и на Вилiѣ — пробѣгаютъ въ умахъ Французовъ. Но Наполеонъ. послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Витебскѣ, ведетъ ихъ, по словамъ его, на вѣрную побѣду въ Смоленскъ. Всѣ спѣшатъ за своимъ повелителемъ, котораго почитаютъ непобѣдимымъ. Разбивъ Русскихъ, онъ обѣщаетъ заключить миръ и расположиться въ Смоленскѣ на зимнихъ квартирахъ до будущей весны. Это увлекаетъ войско, въ которомъ, однако же, опять являются тысячи отсталыхъ и мародеровъ. Дисциплина, нѣсколько возстановленная, съ первыхъ переходовъ опять начала ослабѣвать. [8]

Наполеонъ, искусно сосредоточивъ войска, переходитъ Днѣпръ и направляется къ Смоленску; въ твердой надеждѣ захватить этотъ городъ и принудить Барклая къ генеральному бою. Но мужество

---

[8] Шамбре, въ статьѣ объ упадкѣ дисциплины, въ то время, когда армія шла еще впередъ, говоритъ, (Journ. des Scienc. Milit. etc. 1825, t. V, p. 484): «Множество отсталыхъ въ Литвѣ и въ Бѣлоруссіи сворачивали съ дороги, и, называя себя залогами (sauvegarde), были хорошо по этому случаю принимаемы... Военная полиція была не въ силахъ противиться сему» и пр. Равнымъ и многіе другіе говорятъ объ этомъ, но здѣсь не мѣсто распространяться.

Русскихъ, имъ встрѣченное, опять разстроило и уничтожило всѣ его высокія стратегическія соображенія, перенестись въ тылъ лѣваго фланга, или даже всей нашей арміи. Оставленіе Невѣровскаго въ Красномъ радовало Наполеона, видѣвшаго въ этомъ расположеніи невниманіе къ правиламъ стратегіи: онъ полагалъ этѣ шесть тысячъ Русскихъ вѣрною добычей, но Русскій Генералъ, съ слабою своею пѣхотною дивизіей, составленною изъ однихъ молодыхъ солдатъ, выноситъ весь натискъ въ шестеро сильнѣйшаго коннаго непріятеля, подъ предводительствомъ самого Мюрата, окружавшаго нашу пѣхоту на пространствѣ болѣе двадцати верстъ ея отступательнаго движенія, не успѣвъ почать ни одного батальона. Исторія не представляетъ другаго подобнаго примѣра. Французы увидѣли, что Русскіе тамъ, гдѣ нужно, умѣли отражать непріятеля съ твердостію, какой они не встрѣчали ни въ одномъ изъ своихъ непріятелей. Защита Смоленска Дохтуровымъ, съ двадцатью пятью тысячами противъ непріятеля вчетверо сильнѣйшаго, громившаго городъ двумя стами орудій, разрушившихъ почти всѣ зданія, не поколебала Русскихъ.

Этотъ геройскій отпоръ, не ожиданный ни Наполеономъ, ни его арміей, облегчилъ соединеннымъ тамъ первой и второй арміямъ стянуться на путь къ Дорогобужу. Зданія, уцѣлѣвшія отъ огня Французской артиллеріи, предаются пламени самими жителями, по слѣдовавшими за Русскими войсками, которымъ приказано было очистить городъ къ разсвѣту. Въ окрестныхъ селахъ является тоже патріотическое самоотверженіе. Наполеонъ спѣшилъ еще преградить путь до переправы чрезъ Днѣпръ, въ Соловьевѣ. Но и по этому направленію встрѣчаетъ при Лубинѣ и въ окрестностяхъ

---

* Бисмаркъ (р. 134) говоритъ: «Если бы въ этомъ случаѣ поступать по обыкновеннымъ правиламъ, то Невѣровскій долженъ былъ сдаться, или умереть съ своими солдатами.» Всѣ Французскіе писатели болѣе или менѣе превозносятъ подвигъ нашего Генерала.

грудь Русскихъ, и обвиняетъ Герцога д'Абрантеса (Жюно) въ собственной своей неудачѣ.

Эти четырехдневныя дѣйствія Наполеона въ окрестностяхъ Смоленска изумляютъ неудачей всю армію и его самого. Многіе изъ его сподвижниковъ отчаяваются въ успѣхѣ. Они вновь представляютъ своему Императору плачевное положеніе арміи, дисциплины и средствъ къ ея существованію, и говорятъ о значительной убыли въ рядахъ. Указываютъ ему на явные признаки враждебнаго расположенія жителей; у нѣкоторыхъ вырывается даже желаніе быть скорѣе разбитыми, чтобы хотя это заставило Наполеона отложить свое дальнѣйшее стремленіе. Утомленное войско, не смотря на щедро розданные на мѣстѣ битвы самимъ Наполеономъ кресты Почетнаго Легіона и другія награды, не проявляло большаго желанія продолжать войну.

По словамъ нѣкоторыхъ, Наполеонъ колебался и даже казался раскаявающимся въ начатіи войны; онъ распускалъ слухъ о желаніи остановиться на грудахъ Смоленска на зимнихъ квартирахъ; опять заговаривалъ о намѣреніи заняться здѣсь возстановленіемъ Польши и Литвы, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, предлагалъ, чрезъ Генерала Тучкова, миръ Александру; разсчитывалъ число переходовъ въ Москву и Петербургъ, мечтая, что, слѣдуя къ сему послѣднему, онъ соединится съ корпусами своими, дѣйствующими противъ Витгенштейна, и вдругъ приказалъ двинуться на Москву, гдѣ, по словамъ его, армію ожидаетъ миръ, слава, богатая добыча и привольныя квартиры.

Всѣ Французскіе писатели, участники въ этой войнѣ, свѣдѣтельствуютъ болѣе или менѣе положительно о нравственномъ и физическомъ состояніи арміи въ это время. Несогласіе многихъ съ мнѣніемъ Наполеона на счетъ дальнѣйшаго углубленія въ Россію, представленіе бѣдственныхъ результатовъ, долженствующихъ произойти отъ подобнаго предпріятія, все это становится извѣ-

стимъ арміи, уже бѣдствующей отъ недостатковъ и употребля
шей (начиная съ береговъ Двины) конину. Не могли быть укры
отъ арміи и взаимные раздоры и несогласія Маршаловъ; словом
все происходящее не могло не имѣть вліянія на упадокъ дисц
плины и на общую деморализацію, начинавшую проявляться
нѣкоторыхъ корпусахъ въ довольно сильной степени. [10]

Но ни представленія главныхъ предводителей арміи, ни бѣ
ственное ея положеніе, не были еще столь могущественны
чтобы восторжествовать надъ тою увѣренностію, которую боев
масса имѣла въ геніи своего Императора, за которымъ она,
продолженіе семнадцати лѣтъ, слѣдовала побѣдоносно. Надеж
на вѣрную побѣду въ генеральномъ сраженіи, которая предста
лялась солдатамъ неотложнымъ событіемъ, и роскошная жизнь
Москвѣ, гдѣ имъ предстояло забыть всѣ лишенія, одушевля
армію и влекли ее далѣе, не смотря на то, что уже строгая ди
циплина, отъ всего встрѣченнаго, видимо ослабѣла; она мог
сохраняться только еще при движеніи впередъ, но шагъ назад
и въ то время эта армія едва ли могла бы удержать въ цѣлос
порядокъ и дисциплину, связывающую всѣ моральныя и матеріял
ныя силы частей арміи всякаго народа. [11] Вотъ что говори

---

[10] Безпорядки эти доходили даже до того, что часто партіи одного корпу
отправленныя на фуражировку, встрѣчаясь съ фуражирами другаго кор
са, возвращавшимися съ припасами, отбивали добычу, и тѣмъ разжигали е
болѣе несогласіе и вражду своихъ начальниковъ.

[11] Арміи Наполеона были наступательныя и всегда имѣли большое количест
отсталыхъ и мародеровъ, которые подгонялись, особенно для этого сос
влявшимися, отрядами, присоединявшими ихъ къ знаменамъ. Подобнымъ
міямъ, при отступленіи, всегда угрожаетъ если и не полное распаден
то совершенный безпорядокъ: примѣровъ и тому и другому много. Фр
цузская армія едва ли когда отступала въ томъ порядкѣ, который бол
ли менѣе сохраняется въ другихъ Европейскихъ арміяхъ, исключая Т
рецкихъ.

Канѳнгъ собственно о Наполеонѣ, въ Смоленскѣ (t. IX, p. 253), когда еще онъ шелъ къ Москвѣ: «Съ нѣкотораго времени Напо-«леонъ казался печальнымъ и задумчивымъ; одни приписывали это «грустное настроеніе души болѣзни, которою онъ страдалъ съ «дѣтства; нѣкоторые убѣжденію въ безплодности своего предпрія-«тія, другіе внезапному измѣненію температуры...[12] Можетъ быть, «говоритъ авторъ, предвидѣніе его открывало ему вдали послѣд-«ствія его гибельной кампаніи Исторія Карла XII представлялась «уму Наполеона, по превосходству историческому, такъ что и «самый видъ Борисѳена не въ силахъ былъ отклонить его освобо-«дить мрачныхъ мыслей. Впрочемъ, присовокупляетъ авторъ, въ «каждой душѣ находится что-то такое, которое предвѣщаетъ не-«счастіе въ будущности, и предчувствіе это не есть уступка суе-«вѣрію, но заставляетъ содрогаться при взглядѣ на судьбу, пре-«доставленную случайности»; тогда всякій случай принимается за «предзнаменованіе: и помраченіе солнца, и стада хищныхъ птицъ, «летающихъ вокругъ палатокъ, махая крыльями.» Здѣсь авторъ намекаетъ на разсказъ Гурго, приведенный выше, и на другія подобныя происшествія, дѣлавшія сильное впечатлѣніе на умы Французскихъ солдатъ, склонныхъ къ предразсудкамъ и суевѣрію. Впрочемъ, и самъ Наполеонъ не былъ совершенно чуждъ этой слабости. Обращаюсь къ Смоленску.

Нельзя положительно указать на дѣйствительныя причины, побудившія Наполеона, вопреки всему тому, что совершилось отъ самой переправы чрезъ Нѣманъ, углубляться болѣе и болѣе въ

---

[12] Авторъ говоритъ: «послѣдовавшей съ быстротою грознаго удара,» замѣчая, что въ этихъ странахъ переходъ отъ тепла къ холоду быстръ и т. п. Это совершенно справедливо; но въ началѣ Августа по нашему стилю (Наполеонъ занялъ Смоленскъ $^{6}/_{18}$ Авг.) этого явленія не было, на обратномъ пути дѣло другое, а въ началѣ Августа перемѣны температуры не могли имѣть столь сильнаго вліянія.

сердце Россіи. Онъ не разъ колебался въ своихъ намѣреніяхъ, и спрашивалъ себя: остановиться ли ему на зимнихъ квартирахъ въ Вильнѣ, Дриссѣ, Витебскѣ, или наконецъ въ Смоленскѣ? По свѣдѣтельству Миллера, участвовавшаго въ этомъ походѣ (t. I p. 142), «вся Французская армія была въ полной надеждѣ, что «Наполеонъ въ томъ году не углубится въ Россію, а займетъ ли «ніи на Двинѣ и Днѣпрѣ, расположивъ свои войска на зимнихъ «квартирахъ. Не возможно было предполагать тогда (присовокуп «ляетъ авторъ), что Русская армія отступаетъ отъ Смоленска к «Москвѣ, боясь потерять сраженіе, по тому что она равнялась уж «числительностію своею Французской, а моральною силой превос «ходила ее» и т. п.

Что же, наконецъ, побуждало его къ рѣшимости двинуться изъ Смоленска далѣе въ такое позднее время года? Въ строгомъ смыслѣ война еще не начиналась, общей битвы не было, онъ искалъ ея отъ береговъ Нѣмана до Днѣпра, и, не найдя на этомъ пространствѣ, пошелъ далѣе, но не могъ найти ея и на берегахъ Москвы! Потрясенный столькими неудачами съ открытія кампаніи онъ, какъ видно изъ всѣхъ источниковъ часто и внезапно измѣнялъ свои предположенія, а въ состояніи такого колебанія не трудно было ему безотчетно придержаться той мысли, которую онъ чаще слышалъ и которая была такъ схожа съ его главною цѣлію.

Герцогъ Ровиго (Савари), имѣвшій, конечно, всю возможность судить о семъ, вотъ что говоритъ о Смоленскѣ (t. V, p. 29): «Въ составѣ лицъ, окружавшихъ Императора, Короля Неапо «литанскаго и Князя Невшательскаго, найдутся причины, которы «побудили предпринять окончаніе кампаніи однимъ разомъ.» Далѣе онъ такъ поясняетъ это (стр. 296): «Съ тѣхъ поръ, какъ прави «тельственная система освятила возстановленіе монархическихъ «началъ, старинныя дворянскія фамиліи приблизились къ Наполеону «вся ихъ воинственная молодежь просила, какъ милости, избрат

«поприщемъ военную службу. Она во множествѣ вступила въ ар-«мію, гдѣ скоро заняла мѣста, если и не первостепенныя, то, по «крайней мѣрѣ, требовавшія довѣрія; не было Маршала Франціи, «не было Генерала, при которыхъ бы они не находились адъютан-«тами и въ штабахъ; кавалерійскіе полки, почти всѣ, были подъ «начальствомъ офицеровъ, принадлежащихъ къ этѣмъ фамиліямъ. «Они начали уже появляться и въ пѣхотныхъ полкахъ. Все это «молодое дворянство искренне присоединилось къ Императору, «легко увлекаясь славой. Оно любило опасности, стремилось къ «битвамъ, но не менѣе имѣло горячую наклонность къ удоволь-«ствіямъ, когда думало, что исполнило свой долгъ. Молодежь, «окружавшая Императора, Короля Неаполитанскаго, и та, которая «составляла многочисленный главный штабъ арміи, была такова же, «имѣла тѣ же достоинства и тѣ же недостатки. Въ этомъ случаѣ «она выражала единогласно мнѣнія, которыя казались отголоскомъ «мнѣній арміи. Всѣ эти молодые люди, видя, что нѣтъ надежды «провести зиму въ Парижѣ, не видѣли средины между имъ и Мо-«сквою. Они пропорхнули по Польшѣ, какъ бабочки по цвѣтамъ, «и если бы нашлись десять армій, чтобы воспрепятствовать имъ «достигнуть туда, куда они задумали ити, и тогда не отказались «бы они отъ своего намѣренія, Москва казалась имъ мѣстомъ на-«слажденій; они всѣ были уже влюблены въ то, что надѣялись встрѣтить, и ихъ воображеніе блуждало среди этихъ упоитель-«ныхъ наслажденій, которыя они мечтали найти въ столицѣ Рус-«ской Имперіи. Король Неаполитанскій въ особенности находился подъ вліяніемъ окружавшихъ его молодыхъ офицеровъ. [13] Онъ самъ «любилъ удовольствія, и охотно встрѣчалъ мнѣнія, согласныя съ «его желаніями; онъ тоже хотѣлъ ити въ Москву!

---

[13] И здѣсь то, что сказалъ Цицеронъ въ VI главѣ «О старости» (De senectute) вполнѣ оправдывается: «Молодежь часто губитъ государства, а старость ихъ возстановляетъ: она единственная опора всякому порядку.»

«Его самообольщеніе (p. 302) доходило до крайностей во «всемъ, что относилось къ военной жизни, на примѣръ: онъ былъ «убѣжденъ, что не бывало еще въ арміи кавалерійскаго Генерала, «подобнаго ему. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ одаренъ блистательною «храбростію, достоинствомъ, которымъ можно замѣнять многое, и «безъ котораго нельзя обойтись, когда достигнешь уже послѣдней «степени возвышенія; онъ былъ добродушенъ и щедръ и любилъ «всѣми своими приближенными. [14] Къ несчастію Франціи, онъ (p. 203) былъ вызванъ къ личному присутствію въ арміи въ качествѣ «кавалерійскаго Генерала. Чрезъ него проходили всѣ донесенія «легкихъ войскъ, которымъ было поручено преслѣдованіе Русской «арміи. Только чрезъ него одного Императоръ получалъ свѣдѣнія. [15] «Король Неаполитанскій утверждалъ, что Русская армія унала ду- «хомъ, истощена и не можетъ отступать иначе, какъ медленно. «Онъ удостовѣрялъ, что, если въ продолженіе нѣсколькихъ дней «будутъ ее преслѣдовать живо, она не избѣгнетъ битвы, а битва «была необходима. Императоръ не могъ не внимать словамъ че- «ловѣка, который ежедневно говорилъ ему одно и то же, и, какъ «извѣстно, не бережъ себя на полѣ битвъ. Князь Невшательскій «не былъ противнаго мнѣнія съ Неаполитанскимъ Королемъ; впро- «чемъ, всѣ полагали, что лучше ити на Москву, чѣмъ возвратиться «въ Вильну, или Витебскъ, гдѣ боялись провести зиму.»

Извѣстіе о движеніи Наполеона изъ Смоленска еще далѣе [16] было неожиданнымъ въ Парижѣ, однако же, говоритъ Савари

---

[14] Савари, между прочимъ, говоритъ, что онъ самъ никогда не сближался съ Мюратомъ.

[15] Извѣстно, что онъ начальствовалъ авангардомъ.

[16] Савари говоритъ (p. 304), что Императрица собиралась уже ѣхать въ Вильну, чтобы провести тамъ зиму. Это подтверждается письмами Вице-Короля Италіянскаго къ женѣ своей (t. VII, p. 35 —443), въ которыхъ онъ увѣдомляетъ, что кампанія такъ или иначе должна окончиться до зимы,

(p. 305): «всѣ питали еще надежду на успѣхъ, но и не удивились бы, получивъ извѣстіе о какомъ-либо несчастномъ событіи.» Въ письмахъ Фіеве къ Наполеону (t III, p. 230—250 etc.) гораздо ярче изложены всѣ опасенія Парижа при полученіи извѣстія объ углубленіи Французовъ въ Россію и мрачныя ожиданія послѣдствій этого похода.

Съ первыхъ переходовъ отъ Смоленска Французы начали еще болѣе замѣчать нерасположеніе жителей, [17] и чѣмъ далѣе шли, тѣмъ болѣе подвергались всякимъ лишеніямъ. Конина начала уже входить въ общее употребленіе, да и ея не всегда было довольно, хотя недостатокъ въ фуражѣ содѣйствовалъ къ снабженію арміи этимъ продовольствіемъ: гидра народной войны, еще не совершенно развившейся, была, однако же, достаточна, чтобы Наполеонъ, въ челѣ слишкомъ полутораста-тысячной арміи своей, не иначе двигался отъ самаго Смоленска, какъ среди сильнаго отряда гвардейской конницы, назначенной для его конвоированія, и главная квартира его на каждомъ ночлегѣ была окружаема пѣшимъ гвардейскимъ егерскимъ и гренадерскимъ полками. Когда же Наполе-

---

и, не смотря на всю свою осторожность, въ нѣкоторыхъ письмахъ даетъ понимать о прекращеніи военныхъ дѣйствій до зимы и т. д.

[17] Это народное волненье напугало Наполеона: изъ Гжатска, отъ 2 Сент. (21 Авг.), онъ пишетъ Принцу Евгенію (Mém. du Vice-Roi, t. VII, p. 464): «Прикажите посмотрѣть, что такое это сборище мужиковъ, имѣютъ ли они ружья, или пики? Все предвѣщаетъ, что мы наканунѣ большой битвы, а потому намъ надо въ особенности быть готовыми и дѣлать свои распоряженія.» Изъ Гжатска же, 4 Сент. (23 Авг.), получаетъ отъ Бертье (Idem, p. 465, 466) общее приказанье Маршаламъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что они теряютъ отъ безпорядковъ много людей въ фуражировъ, что «число плѣнныхъ, которыхъ берутъ Русскіе, восходитъ ежедневно до нѣсколькихъ сотъ», и т. д., и дѣлаются противъ сего надлежащія распоряженья. Но это не могло исправить ихъ дѣлъ.

онъ останавливался въ полѣ, оба эти полка составляли карре, въ срединѣ котораго разбивались его палатки. Назначеніе Кутузова преемникомъ Барклая подавало Наполеону и его арміи надежду, что новый Главнокомандующій, котораго Наполеонъ въ то время цѣнилъ еще не высоко, непремѣнно приметъ генеральное сраженіе. Солдатамъ говорили, что «Русскіе не отдадутъ Москвы безъ «боя, а мы ихъ разобьемъ и—конецъ войнѣ: слава, довольство и «миръ насъ ожидаютъ!» Наполеонъ издавалъ строжайшія повелѣнія относительно отсталыхъ и мародеровъ, и дѣятельность въ главномъ штабѣ усиливалась.

Нѣсколько дождей до того было испортили дороги, по которымъ изнуренныя лошади едва могли подвигать артиллерію и обозы, что Наполеонъ, по представленіямъ нѣкоторыхъ Маршаловъ, едва не рѣшился отказаться отъ дальнѣйшаго движенія впередъ. Онъ колебался, и зашла уже рѣчь о возвращеніи въ Смоленскъ; но 4-го Сентября (23 Августа), по словамъ Тіера (t. XIV, p. 302) поутру, увидѣвъ, что дороги начинали просыхать, онъ воскликнулъ: «Жребій брошенъ (Le sort en est jeté); пойдемъ на встрѣчу «Русскимъ!» Но Русскіе съ 22-го числа ожидали его уже на Бородинской позиціи. [18] Графъ Сегюръ приводитъ (t. I, p. 335) разговоръ Наполеона съ Маршаломъ Даву, который, какъ извѣстно, не былъ въ ладахъ съ Мюратомъ и котораго Наполеонъ часто слушалъ. Маршалъ сказалъ ему: «Должно согласиться, что отступленіе Русскихъ исполняется въ удивительномъ порядкѣ. Одна «мѣстность, а не Мюратъ, опредѣляетъ ихъ отступленіе. Ихъ по«зиціи избираются такъ хорошо, такъ кстати, и каждая изъ нихъ «защищается соотвѣтственно ихъ силѣ и времени, которое Гене«ралъ ихъ желаетъ выиграть, что, по справедливости, движеніе

[18] Капфигъ по этому случаю говоритъ (t. IX, p. 26): «Когда народъ ополчается поголовно, чтобы жертвовать всѣмъ, самимъ собою, достояніемъ, ему принадлежащимъ, своему Государю и отечеству, то не для того, чтобы всегда бѣжать; онъ получаетъ инстинктивную потребность итти впередъ.»

«ихъ кажется, идетъ, сообразно съ планомъ, давно принятымъ и «искусно начертаннымъ.»

На слѣдующій день, т. е., 5-го Сентября (24 Августа), послѣ упорнаго сопротивленія, арріергардъ нашъ получилъ приказаніе отступить къ Шевардинскому укрѣпленію. Французы въ тотъ же день сдѣлали на него нападеніе, и это неоконченное укрѣпленіе, по свѣдѣтельству самихъ Французовъ, «четыре раза переходило изъ рукъ въ руки,» не смотря на отборность и превосходство въ числительности Французскихъ силъ: «Багратіонъ удерживалъ укрѣпленіе до ночи, и оставилъ тогда только, когда оно не было уже нужнымъ, согласно принятой системѣ обороны.»

«Въ ночь, на 6-е Сентября (25 Авг.), Наполеонъ спалъ мало. «Генералъ-Адъютантъ его (Коленкуръ, убитый чрезъ два дня въ «Бородинѣ, братъ Герцога Виченскаго) пріѣхалъ съ Шевардинскаго «редута. Императоръ, удивленный, что не было взято плѣнныхъ, «осыпалъ его распросами: развѣ конница моя не ходила въ атаку? «Развѣ эти Русскіе рѣшились побѣдить, или умереть? Ему отвѣчали, что «они предпочитали смерть плѣну, что — «Les Russes «sont inebranlables, il faut les démolir.» — «Eh bien, возразилъ «Наполеонъ, завтра подойдутъ мои резервы и артиллерійскіе парки, «et nous les démolirons.» Французы говорятъ: слова эти замѣчательны тѣмъ, что показываютъ, съ какимъ непріятелемъ они имѣли дѣло. Выслушавъ донесеніе Коленкура, «Наполеонъ впалъ въ глубокое размышленіе, и разсудивъ, что дать битву артиллеріею будетъ гораздо вѣрнѣе, усилилъ свои приказанія.» Историки присовокупляютъ: «И солдаты, офицеры и Генералы, каждый погруженъ былъ въ тѣ или другія размышленія, и даже Императоръ тревожился опасеніемъ, чтобъ успѣхъ Французовъ при Шевардинѣ «не привелъ Русскихъ въ уныніе, и чтобы въ ночь они опять не «отступили.»

Въ такомъ положеніи Французская армія подошла къ Бородину.

Генералъ Пеле, описывая Бородинскую битву [19] (p. 509) восклицаетъ: «Какая же другая, когда-либо бывшая, битва была «поучительнѣе Бородинской? Наполеонъ, давшій и выигравшій «болѣе битвъ, нежели кто другой изъ всѣхъ полководцевъ Исто «ріи, не переставалъ говорить, что Бородинская битва была самая пре «красная, самая ужасная, что Французы оказались достойными «побѣды, а Русскіе заслужили быть непобѣдимыми!» На острові «Св. Елены онъ говорилъ еще, что «изъ пятидесяти данныхъ имъ «сраженій, въ Бородинскомъ было выказано наиболѣе доблести «и пріобрѣтено наименѣе результата.»

«Я думаю,» присовокупляетъ Генералъ Пеле, «что Бородин «ское сраженіе не лучше извѣстно, какъ и вся кампанія, въ про «долженіе которой оно было дѣйствіемъ наиболѣе замѣчательнымъ.» Въ примѣчаніи Французскаго Полковника Шапюи (Bibl. hist. et mil. (t. VII, 1853) на историковъ кампаніи въ Россіи, сказано: «Если «судить по числу печатныхъ описаній кампаніи 1812 года, слѣдо «вало бы полагать, что намъ ничего болѣе не остается узнать «объ этой достопамятной эпохѣ, и что событія, нынѣ хорошо по «нятыя историками, объясняютъ читателю причины этого великаго «несчастія, которое омрачаетъ наши военныя лѣтописи. Этого, од «нако же, вовсе нѣтъ, и мы, въ послѣднихъ повѣствованіяхъ, встрѣ «чаемъ вновь старыя погрѣшности, которыхъ болѣе справедливая

---

[19] Генералъ Пеле, въ чинѣ Полковника, былъ тогда помощникомъ начальника штаба всей пѣхоты арміи, при Генералѣ Лобау. Пеле разставлялъ войска по диспозиціи, и въ день битвы водилъ ихъ на приступы; велъ подробный журналъ, который пропалъ подъ Краснымъ: онъ возстановилъ его въ 1813 году. Описанная имъ битва особенно замѣчательна критическимъ взглядомъ на дѣйствія обѣихъ сторонъ, помѣщена въ Bibl. hist. et. milit. t. VIII, 1854 г., прежде въ 1829 году, въ Spect. milit., но не изъята отъ фразъ, часто противорѣчащихъ сказанному имъ же самимъ. Отбросивъ этѣ свычныя Французамъ прикрасы, текстъ дѣлается яснымъ.

оцѣнка должна была давно изгнать, и т. д.[20] Авторъ заключаетъ: «А по тому кампанія эта остается еще не описанною» Изъ этой статьи видно, что Полковникъ Шапюи занимается описаніемъ этой достопамятной войны. Труды его по сему предмету достаточно уже извѣстны по многимъ изданнымъ имъ описаніямъ отдѣльныхъ эпизодовъ и могутъ служить ручательствомъ за достоинство цѣлаго. Графъ Дюма, въ своихъ Запискахъ (t. II, p. 420), также говоритъ, что нѣтъ еще Исторіи событія 1812 года, не смотря на множество матеріяловъ. Дѣйствительно, война эта, и въ особенности Бородинская битва, требуютъ правильнаго критическаго изложенія; это необходимо для чести тогдашняго нашего оружія. Когда очистимъ иноземныя описанія отъ фразъ,[1] истина обнажится собственными же ихъ свѣдѣтельствами.

Я не принимаю на себя описывать эту исполинскую битву; для сего нужно другое перо, нужны другія способности. Цѣль моя состоитъ единственно въ томъ, чтобы извлеченіями изъ иноземныхъ источниковъ показать: I, съ какими предзнаменованіями непріятели вступили въ битву, и состояніе духа главнаго ихъ предводителя; II, нѣкоторые ея эпизоды, только необходимые для III-го главнаго отдѣла «Исходъ сраженія,» по точному разсказу, составленному самими участниками въ ней, Французами,[21] чтобы на этихъ данныхъ положительно опредѣлить: кому принадлежитъ и въ какой степени честь этого достопамятнаго дня?

---

[20] Къ несчастью, и по сей часъ, это не только что не изгоняется, но вводятся новые, никому неизвѣстные, эпизоды, ничѣмъ не подкрѣпляемые.

[1] Выписки эти будутъ очищены отъ фразъ, которыми Французы умѣютъ такъ искусно затмѣвать истинный предметъ, ими описываемый, какъ скоро только онъ не согласуется съ ихъ славолюбіемъ.

ЗНАЧЕНІЕ СЛОВА ПОБѢДА.

Наполеонъ и Кутузовъ, оба провозгласили **побѣду**, одержанную ими при Бородинѣ, а по тому не излишнимъ нахожу, прежде изображенія этой кровопролитной битвы, сказать нѣсколько словъ о значеніи слова «**побѣда**», во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ общемъ военномъ смыслѣ слово «**побѣда**» есть разбитіе непріятеля, верхъ, одержанный надъ нимъ съ большими или меньшими послѣдствіями, а именно:

1-е. Если одна изъ дѣйствующихъ сторонъ атакуетъ другую, стоящую на позиціи и заставитъ ее, съ боя, очистить занимаемое ею пространство—первая **одержала побѣду**, или выиграла сраженіе, а вторая, сбитая съ позиціи, укрѣпленной или неукрѣпленной, **побѣждена** — проиграла сраженіе.

Когда же атакующая сторона натискомъ своимъ не только заставитъ противную сторону оставить, съ боя, свою позицію, но и разстроитъ оную до того, что въ рядахъ распространится безпорядокъ, овладѣетъ значительною частью ея артиллеріи, возьметъ знамена, плѣнныхъ и т. п. и будетъ преслѣдовать, не давая возможности скоро возстановить порядокъ, какъ, на примѣръ, это было подъ Аустерлицемъ (которымъ насъ угостила Австрія), подъ Леною, Ваграмомъ, Ватерлоо и другими, тогда одержана совершенная **побѣда**, а противникъ, какъ говорится, разбитъ на голову.

2-е. Если сторона, предпринявшая общее нападенье на другую, стоящую на позиціи, будетъ отбита на всѣхъ пунктахъ съ большимъ или меньшимъ урономъ, съ большимъ или меньшимъ разстрой-

---

[1] Я разумѣю побѣду только въ тѣсномъ военномъ значеніи.

ствомъ, съ потерею трофеевъ, и возвратится на прежнюю позицію, съ которой предприняла нападенье, то сторона, отбившая оное, одержала побѣду. Если же сторона, отбившая нападенье, въ свою очередь, тотчасъ же начнетъ наступательное движенье и не дастъ противной остановиться на прежнемъ ея мѣстѣ, а принудитъ отступать еще далѣе, овладѣетъ всѣмъ лагеремъ, или частью его, и будетъ преслѣдовать непріятеля, тогда побѣда одержана совершенная.

3-е. Если же атакующая сторона, усиліями своихъ нападеній, принудитъ противную оставить только часть своей позиціи, безъ потери общей связи съ другими частями, то дѣйствіе это есть отнюдь не побѣда, а только мѣстный успѣхъ атакующаго. Но тѣ части войскъ общей позиціи, которыя отразили нападенье, сохранивъ связь съ частью, подавшеюся назадъ, и оставались на мѣстѣ, хотя бы только нѣсколько часовъ послѣ окончанья битвы, конечно, одержали побѣду, ибо разрушили намѣренье противника, не успѣвшаго въ своемъ предпріятіи и одолѣвшаго только натисками своими тотъ или другой флангъ, заставивъ его загнуться назадъ, не разорвавъ связи въ общей линіи такъ, какъ это было подъ Бородинымъ.

Мѣстные успѣхи на протяженіи линій двухъ сражающихся армій не могутъ быть называемы побѣдами въ томъ значеніи, какое слово это имѣетъ въ общемъ смыслѣ: это то же самое, если бы кто предпринялъ путь пѣшкомъ до Варшавы, а дошелъ только до Динабурга, далѣе же, по причинѣ истощенья силъ, ити не могъ: въ этомъ случаѣ предпріятіе его остается не достигнувшимъ опредѣленной цѣли. Такъ и Наполеонъ предпринялъ подъ Бородинымъ разбить Русскую армію, но, по недостатку силъ, или чего инаго, не могъ сдѣлать болѣе, какъ оттѣснить на нѣсколько сотъ саженъ лѣвый флангъ Русскихъ, не успѣвъ даже прервать его связь съ остальною частью арміи, отразившей его натиски, и не только оставшейся твердо на своемъ первоначальномъ мѣстѣ, но еще угрожавшей ему, напавъ на него, въ свою очередь, оконечностью своего перваго фланга и также понудившею его отступить въ несравненно большемъ безпорядкѣ, какъ это въ своемъ мѣстѣ будетъ видно. Въ такихъ случаяхъ слово побѣда принадлежитъ болѣе Русскимъ, и уже ни въ какомъ случаѣ Французамъ,

по тому что предпринятое ими не увѣнчалось успѣхомъ, а напротивъ Русская армія оставалась послѣ битвы около двѣнадцати часовъ на мѣстѣ, кромѣ лѣваго фланга, подавшагося назадъ, оставаясь еще въ грозномъ положеніи, по свидѣтельству самихъ Французовъ: они не рѣшались продолжать нападенье, и первые прекратили огонь, когда солнце далеко еще не достигло горизонта. Арьергардъ же нашъ занималъ позицію при Горкахъ до десяти часовъ утра, слѣдовательно, шестнадцать часовъ послѣ окончанья сраженія; онъ атаковалъ даже Французскіе аванпосты, произвелъ не разъ тревогу, распространявшуюся до ставки Наполеона, расположенной среди батальоннаго каре старой гвардіи.

Французы очень часто употребляютъ во зло слово побѣда (victoire), [1] прилагая оное къ частнымъ дѣйствіямъ малыхъ размѣровъ, происходящимъ на общей боевой линіи, въ которыхъ пріобрѣтается какой-либо временной успѣхъ надъ противоположной частью; очень не многіе изъ нихъ придаютъ такому дѣйствію правильное названье успѣхъ (succès), что можно видѣть изъ всѣхъ ихъ описаній военныхъ дѣйствій; нѣкоторые же изъ ихъ писателей называютъ просто «succès», что въ дѣйствительности и было, нѣстнымъ успѣхомъ ихъ натискъ на нашъ лѣвый флангъ подъ Бородинымъ, какъ и нашъ на ихъ лѣвый же флангъ.

4-е. Арміи, заставившей маневрами своими на тылъ, на обходъ фланговъ стоящаго предъ нею непріятеля, отступить безъ боя, слово побѣда также принадлежать не можетъ: нельзя назвать побѣдой событія, совершившіяся подъ Ульмомъ въ 1805 году.

Равномѣрно, слово побѣда не можетъ относиться къ арміи, идущей за другою, имѣющею опредѣленный планъ отступать до

---

[1] По ихъ словамъ, они насъ били отъ Нѣмана до Москвы, и отъ Москвы до Парижа! Н. И. Гречъ (Сѣв. Пч. 1857, № 224), въ превосходной статьѣ уличилъ Тьера въ нагломъ безстыдствѣ на счетъ Вартенбургскаго сраженья, совершенно проиграннаго и выставляемаго знаменитымъ историкомъ блестящею побѣдой, одержанной Французами! Жаль, что никто не слѣдуетъ примѣру Николая Ивановича: обличить подобное хвастовство также дѣльно, какъ это сдѣлано относительно Вартенбургскаго дѣла, тогда уяснилось бы многое.

даннаго пункта, для достиженія коего, упорно защищая частями своими только тѣ мѣста, которыя находитъ нужными для нѣкотораго задержанія наступающаго непріятеля, какъ это было въ окрестностяхъ Витебска, въ Смоленкѣ, на Валутиной горѣ, въ Можайскѣ, у Крымскаго Брода и проч. Здѣсь слово побѣда, въ общемъ смыслѣ слова, естественно опредѣляется общимъ исходомъ предпріятія.

Посмотримъ теперь, что говорятъ сами Французы и другіе иноземные повѣствователи объ исходѣ Бородинской битвы. Сказанія этѣ, по строгомъ критическомъ анализѣ, опредѣлятъ ясно: кто, Русскіе, или Французы, могутъ правильнѣе прилагать слово побѣда къ этой Гигантской битвѣ? Съ этой точки слѣдуетъ разсматривать исходъ Бородинскаго сраженія; тогда, по исключеніи фразъ иноземныхъ повѣствованій, дѣло представится этѣми же самыми повѣствованьями въ истинномъ своемъ видѣ. Правда, рано или поздно, всегда всплываетъ на верхъ; ни какое краснорѣчіе не можетъ удержать ее на днѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НА КАНУНѢ БИТВЫ.

ГЛАВА I.

ЗНАЧЕНІЕ БИТВЫ.

Минуты, предшествовавшія Бородинскому сраженію, замѣчательны проявленіями, не встрѣчавшимися ни предъ одною изъ многочисленныхъ, данныхъ Наполеономъ, битвъ, исходомъ которыхъ рѣшалась судьба Государствъ. Изъ повѣствованій очевидцевъ видно, что Наполеонъ приступалъ къ Бородинскому сраженію не съ тою самоувѣренностью, которая была ему обычна; онъ довольствовался предварительно сдѣланными общими распоряженіями и оставался въ продолженіе всего разгара битвы на одномъ мѣстѣ, съ котораго не могъ даже слѣдить за ходомъ ея. Изъ нѣкоторыхъ подробностей, приводимыхъ свѣдѣтелями, усматриваемъ, [1] что Наполеонъ не былъ въ своемъ нормальномъ положеніи, и это могло быть очень естественнымъ; неожиданная имъ и его арміею твердость Русскихъ и обстоятельства, сопутствовавшія ему до Бородина, не могли не имѣть вліянія на Наполеона, и приготовляющаяся битва во всѣхъ отношеніяхъ выходила изъ предѣловъ битвъ обыкновенныхъ.

---

[1] Самыя подробности этѣ, независимо собственно отъ ихъ сущности, тѣмъ еще болѣе замѣчательны, что ни предъ одною изъ прежнихъ битвъ авторы не занимались онымн съ такою отчетливостью, какъ говорятъ о нихъ предъ Бородинскою.

Вотъ какъ иноземные историки понимали ее:

Князь Невшательскій (Бертье), наканунѣ Бородинской битвы, пишетъ Герцогу Бассанскому (Марету), въ Вильну, письмо, сіяющее радостью и надеждою, въ которомъ, между прочимъ, сказано: (Прадтъ, p. 187): «Завтрашній день будетъ принадле«жать къ одной изъ величайшихъ эпохъ исторіи? Прадтъ присо-вокупляетъ: «Добрый человѣкъ (bon homme), ставящій въ зави«симость отъ одной битвы судьбу пространной Имперіи!!!»

Маркизъ Шамбре, описывая приготовленія къ битвѣ (t. II, p. 53), говоритъ: [2] «Въ приготовлявшемся событіи все было не«обыкновеннымъ: избранные воины юга Европы, предводитель«ствуемые Наполеономъ, въ первый разъ проникаютъ въ Сѣвер«ныя страны, сопредѣльныя съ Азіею. Здѣсь, народъ, бывшій «долгое время данникомъ Татаръ и недавно еще почти неизвѣст«ный народамъ просвѣщеннымъ, осмѣливался одинъ вступить въ «борьбу съ этимъ завоевателемъ, не только за независимость «свою, но и для того, чтобъ пріобрѣсти верховное вліяніе въ «Европѣ. Арміи стали одна противъ другой и были готовы схва«титься на мѣстахъ, которыя, кромѣ воиновъ Славянскихъ, Сар«матскихъ, или Татарскихъ, другихъ не видали; битва эта бу«детъ значительнѣйшею изъ всѣхъ, данныхъ въ новѣйшія време«на, сколько по числительности и избранію воиновъ, столько по «слѣдствіямъ, которыя она могла имѣть. Она должна была рѣ«шить будущность Европы и отразиться на большей части свѣта. «Хорошо извѣстный характеръ Наполеона, и то, что онъ далъ «провидѣть о будущихъ своихъ предположеніяхъ, еще болѣе уси«ливали значеніе этой битвы.»

Лессингъ, офицеръ Саксонскихъ драгунъ, участникъ въ битвѣ, въ сильныхъ выраженіяхъ (t. I, p. 420) представляетъ значеніе Бородинской битвы, къ которой приготовлялись.

---

[2] При концѣ книги приложенъ алфавитный списокъ всѣмъ сочиненіямъ, вошедшимъ въ оную, а по тому здѣсь я только вношу имя автора, томъ и страницу; заглавіе же книгъ стѣснило бы текстъ частымъ вводомъ оныхъ.

Генералъ Пеле (р. 110) говоритъ: «Двѣ арміи, первыя въ свѣтѣ, приготовились оспаривать скипетръ Европы. Съ одной стороны: двадцатилѣтнія побѣды, искуство, свычка съ войною, превосходное устройство, блистательная и просвѣщенная храбрость, довѣріе, основанное на безпрерывныхъ побѣдахъ, отвага, которую прекратить могла одна лишь смерть, съ другой — возстановленіе прежней славы (?!), изгладить многочисленныя несчастія, [3] слѣпая преданность, упорная неустрашимость, безусловное повиновеніе, обработанное желѣзною дисциплиной; словомъ, рѣшимость скорѣе умереть, чѣмъ уступить.» Далѣе (р. 113) «... битва, которая могла рѣшить участь потомства Наполеона и его трона...» Въ какую другую эпоху видѣли на вѣсахъ битвы столь великіе интересы!» [4]

Лабомъ (р. 143) говоритъ: «Мы находились въ положеніи, въ которомъ неотмѣнно должно было побѣдить, или погибнуть, и эта мысль, въ которой мы всѣ были убѣждены, придавала всѣмъ намъ храбрость.»

Выраженье это равносильно тому, что одно отчаянье въ своемъ положеніи заставляло ихъ подвизаться.

Авторъ присовокупляетъ: «Эта битва должна была рѣшить судьбу обѣихъ Имперій.» И дѣйствительно, она рѣшила судьбу Французской Имперіи, но Русской — одна побѣда, какъ бы она ни была совершенна, рѣшить, при тогдашнемъ состояніи умовъ, она не могла. Авторъ продолжаетъ: «Всѣ остались убѣжденными (р. 145), что грозная необходимость приказывала намъ побѣдить, или умереть.» Вотъ это другое дѣло.

Генералъ Сарразенъ (р. 122) пишетъ: «Наполеону необходимо было удержать за собою превосходство, пріобрѣтенное въ предшествовавшихъ кампаніяхъ. Онъ отдалъ строжайшія пове-

---

[3] Повсюду фразы! Возстановленіе какой утраченной славы?! Какія многочисленныя несчастія изгладить??

[4] Эта послѣдняя фраза помѣщена для эффекта; ибо исторія указываетъ на многія битвы, рѣшавшія участь Государствъ.

«лѣнія, чтобы вооруженье было въ исправности, чтобы снаряды «были въ полномъ комплектѣ, и чтобъ роздано было арміи все «продовольствіе, какое только было можно собрать.»

Комбъ (p. 79), сказавъ: «Предшествовавшая Бородинскому «сраженію ночь была очень безпокойна,» присовокупляетъ: «не у «одного духъ былъ озабоченъ, многіе глаза не смыкались; много «сдѣлано было размышленій о значеніи предвозвѣщающейся на «другой день драмы, которой исполненіе будетъ такъ отдалено «отъ нашего отечества, представляло намъ на выборъ побѣдить, «или умереть.»

Графъ Солтыкъ, сопровождавшій Наполеона, 6-го Сентября (25 го Августа), при обозрѣніи нашей позиціи (p. 211—213), говоритъ объ особенной внимательности, съ какою Наполеонъ дѣлалъ оное. Изъ всего этого Солтыкъ извлекъ, что битва, которая должна произойти на другой день, ограничится пространствомъ отъ Бородина до лѣса (при Утицѣ), а по тому только на три четверти льё (трехъ верстахъ). «Тутъ-то, присовокупляетъ «онъ, должны были встрѣтиться двѣ многочисленныя арміи, и «можно было судить, какое опустошенье артиллерія ихъ должна «будетъ произвесть въ массахъ, такъ плотно сдвинувшихся. Ни «когда столь великое событіе не происходило на пространствѣ бо «лѣе тѣснымъ.»

Тьеръ (t. XIV, p. 302), говоря объ обозрѣніи, сдѣланномъ Наполеономъ Бородинской позиціи, присовокупляетъ, что «этой «равнинѣ предназначалось сдѣлаться столь же знаменитою, какъ «Зама, Фарсала и Акціумъ. Наполеонъ (p. 303) остановился, что «бы разсмотрѣть мѣсто, на которомъ должна будетъ рѣшиться «судьба міра.»

Въ «Мемуарахъ къ Исторіи Франціи» (t. I, p. 180), послѣ описанія приготовленія къ битвѣ, сказано: «Солнце взошло и, «освобождаясь отъ густаго тумана, покрывавшаго горизонтъ, «вышло блестящимъ на поле битвы, на которомъ, можетъ быть, «рѣшится судьба обѣихъ армій.» Это правильнѣе; фраза не столь громкая.

Баронъ Жомини (р. 222), описывая приготовленія къ Бородинской битвѣ, присовокупляетъ: «Великая сцена, которая, можетъ быть, рѣшитъ судьбу Европы.»

Въ народномъ Французскомъ сочиненіи: «Трофеи» (t. V, p. 121) сказано, что, послѣ прокламаціи, читанной предъ битвой, [1] «всѣ остались убѣжденными, что неотложная необходимость ставила намъ въ законъ побѣдить, или умереть: таковъ былъ духъ арміи.»

Солтыкъ (р. 208) говоритъ: «Наполеонъ, хотя и увѣренный въ храбрости солдатъ, хотѣлъ воодушевить ихъ еще приказомъ: онъ указывалъ имъ на побѣду, которую они одержатъ, на страданія и лишенія всякаго рода, которыя они испытывали по сей моментъ, и этѣмъ возбудить ихъ къ употребленью самыхъ большихъ усилій, чтобы завоевать отдохновенье, сдѣлавшееся имъ необходимымъ.»

Относительно этой прокламаціи Шамбре (t. II, p 60) присовокупляетъ, что «умы не были расположены къ энтузіазму; эта прокламація, говоритъ онъ, была принята холодно. Наполеонъ обѣщаетъ войскамъ то, чего они болѣе всего желали, окончанья войны и скораго возвращенья къ родному очагу, но исполненіе перваго обѣщанья зависѣло отъ событій; относительно же втораго сомнѣвались, чтобы онъ желалъ оное исполнить.»

Сарразенъ (р. 209) говоритъ: «Когда прочитанъ былъ этотъ приказъ предъ битвой, армія отвѣчала, по обыкновенью, повторительными восклицаніями. Но ропотъ былъ общій и преимущественно со стороны офицеровъ, которые, оцѣнивая положеніе

---

[1] Извѣстная прокламація эта или приказъ была слѣдующаго содержанія: «Воины! вотъ сраженіе, котораго вы столь желали. Побѣда зависитъ отъ «васъ. Она для насъ необходима; она доставитъ намъ все нужное: удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ «вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. «Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: «Онъ былъ въ великой «битвѣ подъ Москвою!»

«арміи, при нападеніи на Русскіе ретраншаменты, заранѣе почи
«тали себя жертвою, приносимою для удовлетворенія честолю
бію одного.»

Относительно выраженія Аустерлицкаго солнца, Тьеръ (р
320) присовокупляетъ: «Увы, оно взошло, но, сокрытое тучами!

Такъ Французы понимали значеніе битвы, въ которую при
готовлялись вступить.

ГЛАВА II.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ КЪ БИТВѢ.

Генералъ Сарразенъ (p. 126) говоритъ: «Наполеонъ цѣлый день, 6-го Сентября (25 Августа), со вниманьемъ обозрѣвалъ позиціи Русскихъ, и съ горестью слышалъ радостные возгласы пресмѣлости, которая ихъ одушевляла.»

Вальтеръ-Скоттъ (t. VII, p. 309), пишетъ, что «въ Русскомъ лагерѣ возбуждали отстаивать родину,» и пр.

Генералъ Бертезенъ (t. II, p. 47) говоритъ: «Кутузовъ, окончивъ свои военныя приготовленія, прибѣгъ къ фанатизму, чтобъ возбудить храбрость въ своихъ войскахъ,» и издѣвается надъ религіознымъ чувствомъ нашего народа.

Сентъ-Илеръ, въ «Hist. de la camp. de 1812» (t. I, p. 642), говоря о приготовленіяхъ къ Бородинской битвѣ, присовокупляетъ: «Русскіе, полные воинственнаго жара, ожидали дня битвы, имѣя одно только желанье — умереть за отечество.»

Тьеръ (t. XIV, p. 313), сказавъ, что Русская армія, съ своей стороны, приготовлялась къ упорной оборонѣ и рѣшилась не уступать мѣста до совершеннаго почти ея истребленія, и разбирая, по своему, ошибки Кутузова, присовокупляетъ (p. 316): «Впрочемъ, энергія его арміи должна была пополнить все то, чего онъ не сдѣлалъ.» Продолжая ораторствовать, онъ описываетъ (p. 317) нравственное состоянье обѣихъ армій 6-го Сентября, т. е., на канунѣ битвы; вовсе чуждый истиннаго патріотизма, религіозныхъ чувствованій и ихъ впечатлѣній, онъ превзошелъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ.

Дѣйствительно, многіе историки издѣвались надъ Русскими за совершенный ими обрядъ на канунѣ битвы. Пусть это такъ; пусть этимъ возбуждали ихъ къ храбрости. Но съ какою цѣлью? Отстаивать родину, защищать Отечество отъ вторгнувшагося врага, для избавленія себя отъ иноземнаго ига и т. п., и съ твердою рѣшительностью приготовляясь къ смерти, лечь костьми, совершили обрядъ Христіянства, который необходимъ для каждаго Христіянина. Какая же противоположность представлялась въ средствахъ возбужденія въ лагерѣ Французовъ? Этимъ говорили, что въ положеніи, въ которомъ они находятся, имъ ничего болѣе не остается, какъ только побѣдить, или умереть; что, лишеннымъ одежды и обуви, угрожаетъ голодная смерть, и т. д. Что же изъ всего этого истекаетъ? Что Русскіе сражались за святое дѣло, а противники ихъ—изъ за куска хлѣба, безъ котораго должны были погибнуть, если бы не употребили послѣднихъ своихъ усилій. Русскіе на Бородинскихъ поляхъ не почитали уже себя жильцами здѣшняго міра,[6] чему всѣ Французы безъ изъятія удивлялись, видя, какъ они, громимые полутысячью орудій, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, смыкаясь въ ряды, оставались неподвижными, внимая гласу начальниковъ.

Г.-Л. Фезензакъ (p. 43), находившійся при Наполеонѣ и объѣзжавшій съ нимъ для обозрѣнія расположенія нашей позиціи, на канунѣ битвы, сказавъ, что «зрѣлище обѣихъ армій, приготовляющихся къ избіенію (s'égorger) одна другой, представляло что-то грустное и величественное,» присовокупляетъ (p. 44): «каждый изъ вождей возбуждалъ своимъ языкомъ, соотвѣтствовавшимъ ихъ нравамъ, ихъ понятіямъ, ихъ привычкамъ.» Описывая нашу процессію, онъ не издѣвается, подобно другимъ; здѣсь у него нѣтъ ни одной фразы.

Капфигъ (t. IX, p 260) говоритъ: «Духъ невѣрія и насмѣшливости надъ всѣми религіозными чувствами преобладалъ у Французовъ. Армія Наполеона, дщерь революціи и Имперіи, она не понимала этой энергической рѣшительности народа, идущаго подъ

---

[6] Нѣкоторыя замѣчанія на Исторію Отечественной войны 1812 года, соч. Г. — М. Богдановича. Спб. 1862 года.

«знаменами своихъ народныхъ угодниковъ; чувственный и насмѣшливый умъ XVIII столѣтія господствовалъ въ лагерѣ, въ которомъ блисталъ орелъ. Можно было бы даже сказать, что патріотизмъ, въ безусловномъ смыслѣ слова, чрезвычайно уменьшился въ войнахъ, предпринимавшихся за нѣсколько сотъ миль отъ границъ. Эти воинственные люди, алчные славы и счастья, дѣлали кампаніи по ремеслу, и если между ними и было поклоненіе, то это было поклоненіе своему Императору; религія поклоненія Цесарю заступила мѣсто прежней религіи. Часто между Генералами и Офицерами проявлялся ропотъ, часто жалобы восходили до Наполеона; но едва онъ являлся войску, тысячи восклицаній подымались въ рядахъ: Императоръ имѣлъ свои алтари въ сердцахъ солдатъ, — фанатизмъ, столь же могущественный, какъ и мысли, обращающіяся къ Богу.»

Шатобріанъ не раздѣляетъ мнѣнія своего соотечественника: онъ отдаетъ послѣднему неоспоримое превосходство. Въ самомъ началѣ войны, предпринимаемой въ 1812 году, онъ, между прочимъ, сказалъ, въ собраніи Академіи: «Посмотримъ, что сдѣлаютъ наши вольнодумцы противъ Казаковъ (такъ тогда называли иногда всѣхъ Русскихъ), твердыхъ вѣрою въ Бога» и т. д. Слова этѣ возбудили негодованье: современные журналы разразились, но предсказаніе сбылось въ полной силѣ.[1]

Генералъ Маркизъ Шамбре, въ «Philosophie de la guerre» (3 édit., p. 83) говоритъ скромнѣе: «Прокламаціи Наполеона и Кутузова предъ Бородинскою битвой доказываютъ, что оба вождя

---

[1] Замѣчательнѣйшее изъ всѣхъ предсказаній объ исходѣ этой войны есть безспорно то, которое произнесъ знаменитый Деллиль въ своей поэмѣ «De la Pitié», далеко прежде и самаго помысла объ этой войнѣ, когда Императоръ Александръ былъ еще Наслѣдникомъ Престола. Обращаясь къ нему, Деллиль, между прочимъ, говоритъ:

«Jeune et digne heritier de l'Empire des Czars!
Sur toi le monde entier à fixé ses regards и пр.
. . . . . .
Souviens toi de ton nom; Alexandre autrefois
Fit monter un viellard sur le trone des Rois;
Sur le front de Louis tu mettras la couronne,» и т. д.

«для возбужденія храбрости въ своихъ войскахъ, полагались н
«средства совершенно различныя: Кутузовъ извлекъ главныя осно
«ванія изъ религіи, Наполеонъ довольствовался напоминаніемъ сл
«вы, пріобрѣтенною ими въ столькихъ битвахъ съ разными на
«родами.»

Бородинская битва, по общему признанію, стеченіемъ об
стоятельствъ, выходила изъ среды обыкновенныхъ; слѣдовательно
и усилія съ обѣихъ сторонъ должны были быть необыкновен
ными отъ причинъ, какъ замѣчено выше, совершенно противо
положныхъ: одни должны были отстаивать родину, другіе, томи
мые уже голодомъ и угрожаемые голодною смертью, должны бы
ли въ побѣдѣ искать куска хлѣба, но не нашли его, не смотр
на всю блистательную храбрость войскъ, мужество и искусств
своихъ полководцевъ.

Относительно же Русскаго солдата, храбрость его не тре
буетъ возбужденія: это извѣстно Французамъ. Предъ Цултуском
и Прейсишъ-Эйлау не почитали нужнымъ воззваній къ ихъ храб
рости, и Французы знаютъ, какихъ противниковъ они имѣли в
этѣхъ и во всѣхъ другихъ битвахъ. Наполеонъ, на Островѣ Св
Елены, не разъ отдавалъ даже преимущество тогдашнимъ солда
тамъ предъ солдатами 1812 года. Возбудительные приказы или
какъ Французы называютъ, прокламаціи, отдаваемые предъ бит
вами, у насъ такъ же рѣдки, какъ они часты у Французовъ.
Предъ Бородинскою же битвой нужно было показать все ея зна
ченіе. Въ другомъ мѣстѣ этой книги я буду имѣть случай сказат
нѣсколько словъ о Русскомъ солдатѣ, на основаніи отзывовъ са
михъ непріятелей, и особенно въ этой битвѣ.

ГЛАВА III.

ЧИСЛИТЕЛЬНОСТЬ АРМІЙ.

Въ опредѣленіи разными историками числительности войскъ, бывшихъ въ Бородинской битвѣ, въ каждой изъ арміи встрѣчается разность, иногда довольно значительная, точно также, какъ видно будетъ и при исчисленіи потерь, понесенныхъ въ этомъ сраженіи. Оба эти обстоятельства ожидаютъ еще критической обработки, съ указаньемъ неоспоримыхъ данныхъ, чтобы, разъ на всегда, принять, если и не совершенно точныя цифры, то, по крайней мѣрѣ, наиболѣе приближающіяся къ дѣйствительнымъ. Здѣсь я приведу только показанія разныхъ автофовъ.

Далѣе видно будетъ, что Наполеонъ, за нѣсколько часовъ до Бородинской битвы, сказалъ Генералу Раппу (Segur, t. I, p. 378): «У меня восемьдесятъ тысячъ человѣкъ: мы потеряемъ «двадцать тысячъ, а съ остальными шестидесятью войдемъ въ Москву, а по присоединеніи тамъ маршевыхъ батальоновъ, будемъ «сильнѣе, чѣмъ предъ битвой,» и т. д.

Цифра, здѣсь означенная, не понятна и далеко не приближается къ той, которою опредѣляется разными писателями числительность арміи Наполеона подъ Бородинымъ, не смотря на разногласія повѣствователей между собой, изъ коихъ ни одинъ не уменьшаетъ ея до вышеприведенной.

Въ Запискахъ на Островѣ Св. Елены (t. VIII, p. 156) находимъ, между прочимъ: «Въ Бородинѣ всѣ Русскія войска были со-

«единены числомъ сто семьдесять тысячъ человѣкъ, включая сюда «и войска Московскія. [8] Русскія войска очень храбры.»

Графъ Монтолонъ (t. II, p. 94) передаетъ слова Наполеона: «Русскіе очень храбрые солдаты; они имѣли подъ Бородинымъ сто семьдесятъ тысячъ человѣкъ, включая и Московское «войско. Кутузовъ занялъ очень крѣпкую позицію, и занялъ ее съ «вниманіемъ дѣла.»

Пеле (p. 120) оправдываетъ Наполеона въ даваемой имъ числительности Русской арміи въ сто семьдесятъ тысячъ, приводя разсчетъ по своему усмотрѣнью. [9] Но чрезъ двѣ страницы (p. 123) говоритъ, что во Французской арміи было десятью тысячами менѣе, чѣмъ у Русскихъ; слѣдовательно, должно бы полагать сто шестьдесятъ тысячъ человѣкъ; но нѣтъ: сказавъ, что Французская армія была десятью тысячами малочисленнѣе Русской (которую онъ считаетъ по Бутурлину), дѣлаетъ разсчетъ: восемьдесятъ четыре тысячи пѣхоты, двадцать семь тысячъ конницы, пятнадцать тысячъ артиллеристовъ и инженеровъ, при пяти стахъ шестидесяти трехъ пушкахъ, и на этой же страницѣ опять повторяетъ: «такъ, что въ день битвы можно было считать дѣйствующихъ въ полѣ сто двадцать шесть тысячъ человѣкъ.» Которой же цифрѣ вѣрить?

Но узникъ Острова Св. Елены, кажется, искалъ разсѣянія въ свой несчастной долѣ. Онъ говоритъ своему Доктору О Меарѣ

---

[8] Что это такое? Конечно, онъ здѣсь разумѣетъ ополченіе; но какія же это тогда были войска?

[9] Онъ говоритъ: «Бутурлинъ приводитъ цифры частямъ, которыя восходятъ до ста тридцати трехъ тысячъ пяти сотъ человѣкъ, а съ конницею Палена, которая пропущена, до ста тридцати шести. Разница въ числѣ, даваемомъ Бутурлинымъ, могла произойти отъ ополченія, котораго онъ считаетъ только десять тысячъ, тогда какъ прокламаціи Графа Растопчина жителямъ Москвы показываютъ подкрѣпленіе, приведенное Милорадовичемъ изъ Калуги: тридцать шесть тысячъ пѣхоты, три тысячи шестьсотъ конницы, восемьдесятъ четыре пушки, и Маркова двадцать четыре тысячи, что и составляетъ шестьдесятъ три тысячи, вмѣсто двадцати двухъ тысячъ четырехъ сотъ шестидесяти шести человѣкъ, которыхъ называетъ Бутурлинъ.» Замѣчательна ссылка на Московскія афиши Графа Растопчина, и очень серіозно приводимая.

(t. I, p. 192, 8 novemb.; 1816), что при Бородинѣ онъ имѣлъ только девяносто тысячъ человѣкъ, а Русскіе двѣсти пятьдесятъ тысячъ. Онъ опять то же самое повторяетъ (p. 201).

Буржуа (p. 43) пишетъ: «Обѣ арміи были въ равныхъ силахъ, каждая имѣла въ строю около ста тридцати тысячъ подъ ружьемъ.»

Дюрданъ (p. 34) не опредѣляетъ цифры, а говоритъ, что «обѣ арміи были почти въ равныхъ силахъ.»

Сарразенъ (p. 208) даетъ: «Французской арміи сто восемьдесятъ тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ, а Русской (p. 125) около ста тридцати, всѣ были одушевлены наилучшимъ духомъ и полны радости имѣть наконецъ случай доказать Отечеству и Монарху свою любовь и преданность.»

Пюибюскъ (p. 85) опредѣляетъ: «число войскъ Наполеона въ сто тридцать тысячъ человѣкъ, а Русскихъ отъ ста десяти до ста двадцати тысячъ.» То же число встрѣчаемъ въ книгѣ: «Саксонцы въ войнѣ 1812 и 1813 годовъ,» съ присовокупленьемъ (§ 375): «пушекъ съ обѣихъ сторонъ отъ осьми до девяти сотъ.»

Шрекенштейнъ (S. 2 и 4) даетъ каждой арміи по сту тридцати тысячъ. Въ «Исторіи Наполеона Буонапарте» (t. III, p. 380), одинаково говорится, съ присовокупленьемъ только: «около.»

Лосбердъ (S. 165) и «въ Das Buch vom Jahr 1812» etc. (S. 230) опредѣляется «сто тридцать Французовъ, отъ ста, десяти до ста двадцати тысячъ Русскихъ;» первый присовокупляетъ, что съ каждой стороны было «отъ пяти до шести сотъ пушекъ.»

Вентурини (t. I, S. 269): «У Французовъ полтораста тысячъ, у Русскихъ около ста двадцати тысячъ.»

Въ «Skizze zur einer Gesch. (S. 193): «Французовъ полтораста тысячъ, Русскихъ сто тысячъ; съ обѣихъ сторонъ тысяча пушекъ.»

Въ «Kurze Darstellung der Marsche.» etc. etc. (S. 15): «съ обѣихъ сторонъ отъ двухъ сотъ пятидесяти до двухъ сотъ шестидесяти тысячъ человѣкъ, и тысяча пушекъ.»

Рёдеръ (S. 135, 126 и 127), приводя разныя цифры силамъ арміи, отъ ста двадцати до полутораста тысячъ и той и другой, и наконецъ, кажется, спутавшись въ своихъ выводахъ, говоритъ, что во всякомъ случаѣ «Русская армія была многочи-«сленнѣе Французской отъ десяти до двадцати тысячъ человѣкъ. «Пушекъ у Русскихъ (S. 153) болѣе шести сотъ, а у Французовъ «пятьсотъ восемьдесятъ восемь.»

Либештейнъ (t. II, S. 35) говоритъ, что «у Русскихъ было «сто двадцать тысячъ человѣкъ, а у Французовъ (S. 37) не менѣе «ста сорока тысячъ.»

Бретшнейдеръ (t. I, S. 83): «Французовъ двѣсти тысячъ, «а Русскихъ отъ ста семидесяти до ста осьмидесяти тысячъ, и съ «каждой стороны по тысячѣ орудій.»

Лабомъ (p. 143) пишетъ, что «армій съ одной и другой сто-«роны было отъ ста двадцати до ста тридцати тысячъ человѣкъ.»

Миллеръ (t. I, S. 102) говоритъ, что «у Французовъ было «сто шестьдесятъ тысячъ пѣхоты, но, исключивъ гвардію, кото-«рая не была въ дѣлѣ, въ бою было сто двадцать тысячъ пѣхоты, «пятьдесятъ тысячъ конницы, всего сто семьдесятъ тысячъ чело-«вѣкъ и около осьми сотъ пушекъ. Русскихъ съ ополченьемъ, пѣ-«хоты сто пятьнадцать тысячъ, конницы, съ Казаками и Башкира-«ми, сорокъ тысячъ, всего сто пятьдесятъ пять тысячъ.»

Ронья (p. 207) говоритъ, что «Наполеонъ атаковалъ лѣвое «крыло Кутузова съ полутораста тысячами человѣкъ; Русская же «армія имѣла болѣе ста двадцати тысячъ человѣкъ.»

Въ «Oestr. «Zeitschrift,» II Heft, сказано: «Русскихъ было «сто сорокъ тысячъ человѣкъ.»

Шамбре (t. II, p. 61) даетъ «Французамъ около ста двад-«цати тысячъ человѣкъ, при пяти стахъ осьмидесяти семи пуш-«кахъ, а Русской арміи девяносто двѣ тысячи регулярныхъ и «десять тысячъ ополченія, при шести стахъ пушекъ, и говоритъ, «что онъ не упоминаетъ объ иррегулярныхъ войскахъ,[10] кото-

[10] Но ополченье въ это первое время могло почитаться для битвы несравненно безполезнѣе иррегулярныхъ войскъ, подъ какимъ словомъ авторъ, ко-

«рыя въ день битвы бываютъ мало полезны, присовокупляя, что Наполеонова армія состояла преимущественно изъ Французовъ, и что, независимо отъ превосходства въ числительности, Наполеонъ имѣлъ неоспоримое преимущество въ тяжелой конницѣ, пѣхота же его была составлена изъ солдатъ, испытанныхъ въ войнахъ въ перемесеніи трудовъ и лишеній, тогда какъ Русская армія включала въ себѣ большое число рекрутъ.»

Сегюръ (t. I, p. 370) пишетъ: «арміи были въ равныхъ силахъ, каждая около ста двадцати тысячъ человѣкъ, и при оныхъ до шести сотъ пушекъ.» (То же говоритъ и Эмо, p. 203), замѣчая при семъ, что «Русскіе имѣли преимущество въ мѣстности, были одного языка,[11] одного мундира, одного народа, сражающагося за одну и ту же причину, но имѣли въ рядахъ своихъ много рекрутъ. Французы же, хотя въ одинаковой числительности, но имѣли болѣе солдатъ. Армія уменьшалась, это правда, но была здоровая, гибкая, сильная, подобно тѣмъ мужчинамъ, которые, потерявъ непорочность юности, выказываютъ силы болѣе мужественныя и болѣе выраженныя.»

Капфигъ (t. XII, p. 269) пишетъ, что «у Французовъ было сто двадцать тысячъ человѣкъ, при пяти стахъ осьмидесяти семи пушкахъ, а у Русскихъ только восемьдесять пять тысячъ регулярныхъ, десять тысячъ ополченія и около тридцати тысячъ иррегулярной конницы, худо организированной,[12] и присовокупляетъ:

нечно, разумѣетъ Казаковъ, потревожившихъ, однако же, порядочно лѣвый флангъ Французовъ при Бородинѣ.

[11] Вальтеръ-Скотъ (t. VII, p. 301) замѣчаетъ, что «Русская армія состояла только изъ одного народа, говорившаго однимъ языкомъ. Она знала, что предстоящую битву положено дать для удовлетворенія ея желанія, такъ гласно ею выраженнаго, и рѣшилась оправдать во время дѣйствія мужество, съ которымъ она требовала оной. Французская армія, напротивъ, была составлена изъ многихъ народовъ, но это были солдаты отборные, почти акклиматизированные и пережившіе всѣ опасности столь дальняго похода. Это были ветераны, побѣдители Европы. Они были подъ начальствомъ Наполеона и т. д.

[12] Какая это иррегулярная конница въ такомъ числѣ? Казаковъ было только около семи тысячъ, и ихъ организація была превосходная.

«Хотя численность арміи была почти ровная, но армія Наполеона имѣла неоспоримое военное превосходство и познаніи болѣе обширныя, она прошла Европу и привѣтствовала всѣ столицы. «Кутузовъ же на своей сторонѣ имѣлъ любовь къ Отечеству и силу религіознаго и національнаго начала.»

Бисмаркъ (Spect. milit. 1847, t. XXIV, p. 147) пишетъ, что «у Русскихъ было сто тридцать тысячъ человѣкъ, а у Француз«зовъ сто двадцать тысячъ.» Чрезъ двѣ же страницы: «Французская гвардія не была въ дѣлѣ и, слѣдовательно, Французовъ было «въ дѣлѣ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ.» Значитъ, что онъ считаетъ гвардію сорокъ тысячъ человѣкъ, тогда какъ въ ней было нѣсколько болѣе осьмнадцати тысячъ. Въ Нѣмецкомъ же сочиненіи (S. 543) даетъ каждой арміи отъ ста двадцати до ста сорока «тысячъ человѣкъ.»

Денье (p. 70) пишетъ, что «у Багратіона и Тучкова было «шестьдесятъ двѣ тысячи человѣкъ, у Барклая семьдесятъ тысячъ, «у Платова, съ присоединеніемъ Московскихъ резервовъ, тридцать «тысячъ человѣкъ.» По этому онъ считаетъ у насъ сто шестьдесятъ двѣ тысячи человѣкъ. Неизвѣстно, изъ какихъ источниковъ онъ набралъ такое количество. Французамъ же Баронъ Денье (p. 34) даетъ «едва сто сорокъ тысячъ человѣкъ, вмѣстѣ съ гвардіей.»

Жомини (t. II, p. 221) говоритъ: «Числительная сила была «почти одинакова, около ста двадцати, или ста тридцати, тысячъ «въ каждой арміи, но Французы имѣли пятьнадцать тысячъ вете«рановъ на такое же число ополченія и Казаковъ.»

Генералъ Фезензакъ (p. 41) даетъ Кутузову «сто тысячъ «пѣхоты и тридцать тысячъ конницы, а Французамъ (p. 42) сто «двадцать тысячъ.»

Кастельверъ (p. 276): «Французовъ сто двадцать тысячъ, «а Русскихъ полтораста тысячъ.»

Въ «Souvenir de Pologne» (p. 231): «При Бородинѣ Рус«скихъ было сто двадцать пять тысячъ, а Французовъ сто десять «тысячъ человѣкъ.»

Сентъ-Иларъ (въ Hist. de la camp. de 1812, t. II, p. 45) говоритъ, что «Русскихъ было сто двадцать пять тысячъ регулярныхъ и болѣе тридцати тысячъ Казаковъ,» что составляетъ болѣе ста пятидесяти пяти тысячъ человѣкъ. «Французовъ же сто двадцать пять тысячъ человѣкъ.»

Въ «Mém. pour servir à l'hist. de la guerre de Russie,» etc., написанныхъ офицерами Французскаго Генеральнаго Штаба (t. I, p. 189), показывается число войскъ, согласно съ Сентъ-Иларомъ, съ нѣкоторою подробностью; такъ, напр., у Французовъ сто тысячъ пѣхоты и двадцать пять тысячъ конницы, у насъ такое же число и пѣхоты и конницы съ Казаками, къ названію коихъ присоединено «и Башкировъ.»

Принцъ Евгеній Виртембергскій даетъ «Русскимъ сто сорокъ шесть тысячъ человѣкъ, при шестистахъ сорока пушкахъ.»

Унгеръ (p. 102), приведя данныя Бутурлина о числительности Русской арміи, столь же безпристрастно, какъ Графъ Сегюръ и Маркизъ Шамбре, говоритъ: «Изъ этихъ цифръ, казалось бы, что Русская армія была сильнѣе Французской; но здѣсь можно сказать, что Французы были числительнѣе въ дѣйствительныхъ солдатахъ; ибо всѣ тѣ солдаты, которые достигли до сего мѣста, были, конечно, люди отборные, между тѣмъ какъ въ рядахъ Русскихъ находилось много такихъ, которые еще не видали огня. Что же касается до регулярной конницы, то внѣ всякаго сомнѣнія, что Французская была гораздо многочисленнѣе Русской.»

Мортонваль (p. 236) опредѣляетъ такъ: «У Русскихъ сто тридцать три тысячи пять сотъ человѣкъ и около шести сотъ пушекъ, у Французовъ (p. 253) сто тридцать три тысячи восемьсотъ девятьнадцать человѣкъ, число пушекъ равное съ Русскими.» И также присовокупляетъ: «но въ рядахъ Русскихъ было ополченіе, вооруженное пиками, и рекруты еще не обученные; часть ихъ конницы состояла изъ иррегулярныхъ Казаковъ, безполезныхъ въ день битвы. Войска же Наполеона, напротивъ, всѣ были превосходныя. Оставшіеся подъ знаменами и достигшіе до Бородинскаго поля были солдаты отборные (d'élite), сильные, испытан-

«ные, полные пламенности и довѣрія къ своему полководцу Госу-«дарю, которые видѣли въ побѣдѣ, представлявшейся Французско-«му мужеству, конецъ ихъ трудамъ, а за нею — успокоеніе и славу.»

Изъ приведеннаго сравнительнаго достоинства обѣихъ армій, дѣлаемаго самими Французскими писателями, оказывается неоспоримое преимущество на сторонѣ Французской арміи, если бы даже обѣ арміи и дѣйствительно были въ равныхъ силахъ. Далѣе будетъ видно, какое вліяніе оказали на дѣлѣ всѣ эти преимущества, и какъ объ этомъ говорятъ сами же Французы, стараясь всячески затемнить истину, или же потопить ее въ безднѣ фразъ, часто безобразно неловкихъ.

Клаузевицъ (De la guerre, t. I, p. 322) сознаетъ, что Французы были сильнѣе насъ, говоря: «Если бы Наполеону уда-«лось числительностью своею разбить Русскую армію, онъ за-«ключилъ бы выгодный миръ.»[13] А далѣе (p. 553) говоритъ, что «Наполеонъ имѣлъ подъ Бородинымъ только сто двадцать тысячъ человѣкъ» (!) . . . Въ другомъ же сочиненіи (D. Feldzug vom 1812 etc. S. 63) говоритъ: «Русскихъ было сто двадцать тысячъ, въ «томъ числѣ десять тысячъ ополченія, а Французы имѣли около «ста тридцати тысячъ человѣкъ.» Въ третьемъ же сочиненіи своемъ (Militairische Briefe eines Verstorbenen, t. I, S. 259, изд. 1854) даетъ арміямъ равныя силы, каждой въ сто двадцать тысячъ человѣкъ, и повторяетъ это на страницѣ 409.

Вольцогенъ (S. 137) опредѣляетъ число Русскихъ войскъ въ сто тридцать двѣ тысячи человѣкъ,» въ числѣ ихъ десять тысячъ ополченія, при шести стахъ сорока пушкахъ. Французамъ даетъ

[13] Здѣсь Г. Клаузевицъ, кажется, мѣритъ на свой Нѣмецкій аршинъ. Послѣ Іены и Ваграма выгодный миръ для Наполеона могъ быть заключенъ; но совсѣмъ не то было бы, если бы Бородинская битва была нами проиграна. Г. Клаузевицу, служившему тогда въ нашихъ рядахъ, долженъ былъ быть извѣстенъ манифестъ и другія данныя, изъ которыхъ видно было, что «доколѣ одинъ врагъ будетъ оставаться на землѣ Русской, миру не бывать, хотя бы намъ пришлось отступить до Волги и далѣе.» Императоръ Александръ I объявилъ, что онъ «никогда не предпишетъ стыда своего народа» и т. д.

(S. 139) «сто десять тысячъ пѣхоты, тридцать тысячъ конницы и шесть сотъ пушекъ.»

Цельнеръ (S. 60) опредѣляетъ съ каждой стороны «по сто двадцати тысячъ и по шести сотъ пушекъ.» Замѣчая при семъ, что Русская армія была составлена изъ одного народа, одного языка и стояла за одно дѣло. Французская же армія (S. 61), хотя и въ равныхъ силахъ, но была составлена изъ разныхъ народовъ.

Гофманъ, въ «Tagebuch» 2 го корпуса (S. 102): «у Французовъ было сто три тысячи человѣкъ пѣхоты и тридцать тысячъ шестьсотъ конницы, при пятистахъ осьмидесяти семи пушкахъ. У Русскихъ пѣхоты девяносто шесть тысячъ человѣкъ, конницы осьмнадцать тысячъ триста, пушекъ шестьсотъ сорокъ, сверхъ того, двадцать тысячъ Казаковъ и милиціи, тогда вооруженной еще пиками,» а по тому авторъ заключаетъ: «Наполеонъ имѣлъ двадцатью тысячами линѣйной пѣхоты болѣе, чѣмъ у Русскихъ, и столько же болѣе и конницы.»

Въ другомъ же сочиненьи своемъ (Schlacht v. Borodino), изданномъ около пятнадцати лѣтъ послѣ перваго (S. 31), число Французовъ опредѣляетъ по списку 2-го Сентября, т. е., за четыре дня до Бородина: «пѣхоты сто тридцать тысячъ, конницы тридцать тысячъ, при пятистахъ осьмидесяти семи пушкахъ. Русскимъ же даетъ цифру сто двадцать тысячъ, въ томъ числѣ осьмнадцать тысячъ конницы, съ семью стами двадцатью и пятью пушками. Казаковъ восемь тысячъ и пятьнадцать тысячъ ополченья, которое только фигурировало.»

Шапюи (p. 558), описывая крѣпость нашей позиціи, даетъ Русской арміи болѣе ста тридцати тысячъ человѣкъ при семи стахъ пушкахъ, а Французамъ отъ ста двадцати четырехъ до ста двадцати пяти тысячъ, при пяти стахъ шестидесяти пушкахъ.

Форъ, также очевидецъ битвы, даетъ Французской арміи (p. 304): «отъ ста двадцати до ста тридцати тысячъ человѣкъ; Русскихъ, если не столько же, то не менѣе, и были въ дѣлѣ всѣ, а у Французовъ гвардія оставалась въ резервѣ: артиллерія Французская очевидно была превосходнѣе непріятельской.»

Галуа, «въ Исторіи Наполеона» (II part., p. 440) даетъ «Русскимъ отъ ста двадцати до ста тридцати тысячъ человѣкъ, присовокупляя, что силы Французовъ были равны, но что превосходство ихъ артиллеріи остается несомнительнымъ.»

Тьеръ (t. XIV, p. 315) думаетъ, что «силы Русской арміи «подъ Бородинымъ восходили до ста сорока тысячъ человѣкъ, «въ числѣ коихъ сто двадцать тысячъ регулярныхъ, остальные «Казаки и Московское ополченье. Французовъ же опредѣляетъ въ «числѣ (p. 313) на лицо около ста двадцати семи тысячъ человѣкъ, дѣйствительно находившихся подъ ружьемъ и одушевленныхъ необыкновенною довѣренностью, при пяти стахъ осьмидесяти пушкахъ.» Изъ этого видно, что и Г. Тьеръ показываетъ Французскую армію многочисленнѣе нашей, не считая Французской гвардіи.

Хржановскій (p. 10), не опредѣляя цифры, говоритъ, что «обѣ арміи были въ равныхъ силахъ.»

Такова разнообразность въ опредѣленіи числительности обѣихъ армій иностранными писателями! У насъ представляются тѣ же варіянты.

Козегартенъ (стр 163) говоритъ: «Подъ Бородинымъ армія Наполеона состояла изъ двухъ сотъ тысячъ пѣхоты, сорока «тысячъ конницы, съ тысячью орудіями и пятью тысячами артиллеристовъ;» слѣдовательно, «изъ двухъ сотъ сорока пяти тысячъ «человѣкъ. Русскихъ, съ Московскимъ и Владимирскимъ ополченіями, въ половину.»

Ахшарумовъ (стр. 115) даетъ: «Русскимъ сто восемь ты«сячъ, а Французамъ сто восемьдесятъ тысячъ человѣкъ.»

Бутурлинъ (t. I, стр. 261) пишетъ: «Русская армія состояла изъ ста тридцати двухъ тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ сто «пятьнадцать тысячъ регулярныхъ, семь тысячъ Казаковъ и десять «тысячъ ополченья, съ шестью стами сорока пушками. У Французовъ около ста девяноста тысячъ въ строю и до тысячи пушекъ.»

Михайловскій-Данилевскій (т. II, стр. 200) опредѣляетъ: «Французскую армію болѣе ста семидесяти тысячъ человѣкъ, при-

«совокупляя, что Кутузовъ считалъ оную съ небольшимъ въ сто «шестьдесятъ тысячъ. Русскихъ сто тридцать тысячъ, въ томъ чи«слѣ пятьнадцать тысячъ рекрутъ и пятьнадцать тысячъ ополченья.»

Нѣловъ (стр. 12) говоритъ, что «у Русскихъ состояло подъ «ружьемъ сто три тысячи, Казаковъ семь тысячъ, около десяти «тысячъ ополченья, и того сто двадцать тысячъ, орудій шесть «сотъ сорокъ. Французамъ онъ даетъ (стр. 15): подъ ружьемъ сто восемьдесятъ пять тысячъ и болѣе тысячи орудій.»

Глинка опредѣляетъ «число Русскихъ во сто тринадцать ты«сячъ, кромѣ ополченья, пушекъ шесть сотъ сорокъ. Французовъ «сто восемьдесятъ восемь тысячъ, пушекъ тысяча.»

Полевой (стр. 51) опредѣляетъ «число Русскихъ войскъ въ «сто семьдесятъ девять батальоновъ, сто шестьдесятъ четыре эс«кадрона, шестьсотъ сорокъ орудій, двадцать Казачьихъ полковъ «и десять тысячъ ополченья. Всего на все сто двадцать тысячъ «человѣкъ. Армію Наполеона онъ считаетъ: двѣсти шестьдесятъ «пять баталіоновъ, двѣсти шестьдесятъ семь эскадроновъ, тысяча «орудій, всего сто весемьдесятъ пять тысячъ человѣкъ.»

Графъ Толь (t. II, S. 57), разобравъ критически даваемыя нѣкоторыми писателями цифры арміямъ, сошедшимся при Бородинѣ, опредѣляетъ: «Французовъ въ числѣ ста двадцати осьми ты«сячъ, при пяти стахъ осьмидесяти семи пушкахъ. Русскихъ въ чи«слѣ ста четырехъ тысячъ, съ шестью стами сорока пушками.»

Богдановичъ (т. II, стр. 162 — 163) опредѣляетъ числительность арміи подъ Бородинымъ: «Русскихъ, пѣхоты семьдесятъ «двѣ тысячи, конницы семьнадцать тысячъ пять сотъ, піонеръ, ар«тиллеріи и пр. четырнадцать тысячъ триста, Казаковъ семь ты«сячъ, ополченья десять тысячъ, что всего составитъ сто двадцать «тысячъ восемьсотъ человѣкъ,» и замѣчаетъ, что, за исключеньемъ иррегулярныхъ войскъ, почти вовсе не учавствовавшихъ въ сраженіи, и ополченія, большею частью вооруженнаго пиками и не могшаго принесть большую пользу въ бою, [11] «мы имѣли около ста

[11] Это только въ нѣкоторой степени справедливо: Казаки, въ день Бородинской битвы, были чрезвычайно полезны въ диверсіи, сдѣланной ими на лѣвый

«четырехъ тысячъ человѣкъ, при шести стахъ сорока орудіяхъ, и «что въ помянутомъ числѣ находилось до пятьнадцати тысячъ рек-«рутъ.» Но не считать ихъ въ числѣ старыхъ солдатъ было бы несправедливо; ибо они поступали въ дѣйствующія войска уже обученными, будучи въ пропорціи одного къ шести старымъ солдатамъ, не могли не дѣйствовать наравнѣ съ ними съ одинаковымъ достоинствомъ, въ особенности въ массахъ — главномъ характерѣ Бородинской битвы; относительно же духа и самоотверженія они были одинаковы.

Если же ихъ исключить изъ ста четырехъ тысячъ, цифры, даваемой авторомъ нашей арміи, окажется оной только восемьдесятъ тысячъ человѣкъ.

Сила Французской арміи опредѣляется «въ сто тридцать ты-«сячъ человѣкъ, съ пятью стами осьмидесятью семью пушками.» Авторъ присоединяетъ: «Въ артиллеріи мы имѣли рѣшительный «перевѣсъ надъ непріятелемъ, не только по числу орудій, но и по «калибру» и т. д. Авторъ, по видимому, обратилъ вниманіе на этотъ предметъ и приступилъ къ выводамъ; но жаль, что не простеръ ихъ далѣе; ибо, желательно было бы, чтобы цифра эта установилась разъ и на всегда.

Смиттъ (S. 20), писавшій, кажется, въ одно время съ Г. Богдановичемъ (одинъ о другомъ не говоритъ), разбираетъ критически цифры, даваемыя арміямъ Бутурлинымъ и Михайловскимъ-Данилевскимъ, и опредѣляетъ числительность Русской арміи, какъ и Г. Богдановичъ, во сто четыре тысячи человѣкъ, при шести стахъ сорока орудіяхъ; цифры же, даваемыя Французской арміи, нѣсколько расходятся; онъ опредѣляетъ оную во сто тридцать двѣ тысячи человѣкъ. Очень жаль, что этотъ глубоко ученый кри-

---

флангъ непріятеля, что, по собственному его признанью, имѣло на исходъ битвы весьма важныя послѣдствія, и что дальнѣйшее ихъ дѣйствіе могло бы быть очень гибельно для Французовъ. Ополченье же, если и не сражалось съ непріятелемъ лично, то сохраняло множество людей, въ строю сражающихся, принимая тотчасъ за второю линіею, а часто и за первою, какъ это было въ 6-мъ корпусѣ, раненыхъ, для дальнѣйшаго ихъ доставленія на перевязочные пункты; слѣдовательно, содѣйствіе онаго въ тотъ день было важно. Здѣсь можно бы было сказать еще многое.

никъ не распространилъ своихъ сужденій вообще объ этомъ предметѣ съ тою отчетливостію, которая съ нимъ такъ свычна.

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ оказывается *двадцать восемь* сочиненій, дающихъ въ день Бородинской битвы Французской арміи превосходство въ числительности предъ Русской арміей, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, и только *тринадцать* говорятъ о превосходствѣ числомъ Русской арміи, но и здѣсь, какъ видно было, многіе уравниваютъ это тѣмъ, что Французы все таки имѣли преимущество въ качествѣ солдатъ, какъ уже испытанныхъ въ бояхъ, между тѣмъ какъ у Русскихъ было много рекрутъ, ополченія и Казаковъ. *Одиннадцать* говорятъ, что армія была въ равныхъ силахъ, отъ 120 до 130 тысячъ, но и тутъ нѣкоторые присовокупляютъ, что несомнѣнный перевѣсъ былъ на сторонѣ Французовъ въ опытности солдатъ и т. п. *Два* не называютъ числа, но говорятъ, что армія была въ равныхъ силахъ. Вообще же всѣ даютъ превосходство въ силахъ Французской конницѣ противъ Русской, артиллеріи почти равносильной.

ГЛАВА IV.

НАПОЛЕОНЪ ПЕРЕДЪ БИТВОЙ.

Теперь обратимся къ самому Наполеону.

Маршалъ Гувьонъ Сенъ-Сиръ, говоря о Бородинской битвѣ (t. III, p. 267), присовокупляетъ: «Расположеніе Русской арміи «указывало, что она рѣшилась принять битву; но на этотъ разъ «Наполеонъ желалъ ее менѣе, и я думаю, присовокупляетъ Мар«шалъ, что онъ предпочелъ бы пройти въ Москву безъ боя.»

Мишо того же мнѣнія, разсуждая о долженствующей на другой день быть битвѣ; онъ (p. 133) пишетъ: «Наполеонъ давно «желалъ ея, вызывался на нее. Однако же, говорятъ, что въ ту «минуту, когда должно было дать ее, онъ показалъ нѣкоторое ко«лебанье, которое относили къ его нездоровью; но достовѣрно то, «присовокупляетъ авторъ, что онъ не обнаружилъ ни ретивости, «ни способности, которыя выказывалъ во многихъ случаяхъ менѣе «важныхъ.»

Сарразенъ (p. 126) пишетъ: «Наполеонъ, обозрѣвъ 6-го «Сентября (25 Авг.) позицію Русскихъ, былъ въ нерѣшимости: «дать ли битву, или маневрировать на лѣвый флангъ Кутузова, «чтобы понудить его оставить редуты.»

Баронъ Денье свѣдѣтельствуетъ (p. 70), что «Боссе, Пре«фектъ дворца, пріѣхалъ изъ Парижа съ депешами, и привезъ На«полеону портретъ его сына. Императоръ въ молчаніи разсматри-

залъ его, и потомъ приказалъ выставить оный предъ палаткою, но тотчасъ, послѣ съ живостью и какъ бы отрываясь отъ душевной тревоги, которую онъ усиливался превозмочь, сказалъ: «Снимите его! Ему слишкомъ рано видѣть поле битвы.» Эпизодъ этотъ разсказывается многими.

Шамбре (t. II, p. 47) пишетъ: «Въ два часа утра, 7 Сентября (26 Авг.), проснулся Наполеонъ въ своей палаткѣ, расположенной среди карре старой гвардіи, и спросилъ о погодѣ; на отвѣтъ онъ воскликнулъ: «Мы будемъ имѣть ту же погоду, какъ и въ Аустерлицѣ.»

Графъ Сегюръ (t. I, p. 370) свѣдѣтельствуетъ: «Въ ночь на 7 Сентября (26 Августа) Наполеонъ не могъ уже болѣе сомнѣваться въ битвѣ, и возвратился въ свою ставку, чтобы отдать приказанія. Тутъ онъ размышляетъ о важности своего положенія. Онъ чувствуетъ, что арміи необходимъ отдыхъ (p. 371), какого бы онъ рода ни былъ, и что ей нѣтъ инаго средства найти его, какъ въ смерти, или въ побѣдѣ.»

«Въ эту ночь, продолжаетъ авторъ (p. 376), Наполеонъ безпрерывно призывалъ, спрашивая, не слышно ли какого шума, и посылалъ смотрѣть, тутъ ли непріятель? Онъ такъ мало былъ увѣренъ, чтобы Русскіе не отступили, что удерживалъ у себя приказъ. Успокоился на нѣсколько минутъ, но потомъ безпокойство противоположное опять овладѣло имъ. Лишенія его солдатъ ужасаютъ его. Какъ они, обезсиленные и голодные, выдержатъ продолжительное и ужасное столкновенье! Въ этомъ опасномъ положеніи онъ смотритъ на гвардію, какъ на единственный свой оплотъ, повторяетъ приказаніе раздать ей сухари и рисъ, не довѣряя исполнителямъ, спрашиваетъ часовыхъ: исполнено ли его приказаніе?»

«Но скоро (p. 377) опять зоветъ. Адъютантъ находитъ его поддерживающимъ голову руками и ему слышится, что Наполеонъ размышляетъ о суетности славы, потомъ жалуется на непостоянство фортуны, что, говоритъ онъ, испыталъ, и, какъ бы возвращаясь къ мыслямъ болѣе успокоительнымъ, вспоминаетъ, что ему было говорено о медлительности Кутузова» и пр.

Вотъ какъ передаетъ этотъ разговоръ самъ Раппъ (p. 164): «Мы сегодня будемъ имѣть дѣло съ этимъ знаменитымъ Кутузовымъ. Вы, конечно, помните, что это тотъ самый Кутузовъ, который командовалъ въ Браунау, въ Аустерлицкую кампанію. Онъ оставался три недѣли въ этой крѣпости, ни разу не выходя изъ своей комнаты, даже не садился на лошадь, чтобы видѣть укрѣпленія. Беннигсенъ также старъ, но бодрѣе и крѣпче его. Не знаю, по чему Александръ не назначилъ этого Ганноверца на мѣсто Барклая!» Послѣ сего Наполеонъ выпилъ пуншу и велѣлъ подать такъ же и Раппу.»[15]

«Ну, что, Раппъ! Ожидаешь ли ты, что мы сегодня совершимъ хорошія дѣла?»

—«Нѣтъ сомнѣнія, Государь! Мы истощили всѣ свои средства, мы принуждены побѣдить.»—«Le fortune est une franche courtisane; я это часто говорилъ и начинаю это испытывать.» — «Ваше Величество! Помните, что сдѣлали мнѣ честь, сказавъ въ Смоленскѣ, что вино разлито, и его должно выпить: теперь, какъ никогда, предсталъ этотъ случай, теперь нѣтъ уже времени отлагать. Впрочемъ, армія знаетъ свое положеніе. Она знаетъ, что найдетъ существованіе только въ Москвѣ, и что ей для этого должно сдѣлать только тридцать льё.» — «Эта бѣдная армія, воскликаетъ Наполеонъ, очень уменьшилась, но то, что осталось, хорошо: гвардія моя, впрочемъ, не тронута.»[16]

Графъ Сегюръ (p. 378) присоединяетъ, что, когда Раппъ замѣтилъ, что битва будетъ кровопролитная, Наполеонъ сказалъ: «Я знаю, но у меня восемьдесятъ тысячъ человѣкъ. Я потеряю двадцать тысячъ, а съ шестидесятью тысячами войду въ Москву. Отсталые и маршевые баталіоны присоединятся, и мы будемъ сильнѣе, чѣмъ предъ битвой.» Цифра эта не понятна и далеко не

---

[15] Во время битвы, въ десять часовъ утра, какъ будетъ видно, онъ опять пьетъ пуншъ. Всѣ эти подробности замѣчательны, по тому что о нихъ упоминается при одной Бородинской битвѣ.

[16] E. M. Сентъ-Илеръ (t. III, p. 66, 67) приводитъ это же внутреннее состояніе Наполеона и разговоръ, съ ничтожными только измѣненіями.

приближается къ той, которую даютъ разные писатели, о чемъ замѣчено въ своемъ мѣстѣ.

Бисмаркъ (р. 147) пишетъ: «Когда послѣ рекогносцировки «Наполеонъ возвратился въ свою палатку, онъ почувствовалъ ли«хорадочный припадокъ, волненіе, палящую жажду, что лишило «его ночнаго отдохновенія, столь необходимаго для его души и «тѣла. . . . Его рѣчь прерывчива; онъ жалуется на непостоянство «фортуны; въ слѣдъ за симъ впадаетъ въ мрачныя мечтанія, и его «отрывистыя рѣчи обнаруживаютъ всѣ мысли, его волновавшія: «Что такое военное искуство? говорилъ онъ. Оно не что иное, какъ умѣнье быть сильнѣе въ данный моментъ» и пр.

Но, кажется, Генералъ Бисмаркъ усиливаетъ его нездоровье; ибо ни одинъ, сколько мнѣ извѣстно, не возводилъ оное до такой степени.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

АРХИВЪ

ВОЕННО-ПОХОДНОЙ КАНЦЕЛЯРІИ

ГРАФА П. А. РУМЯНЦЕВА-ЗАДУНАЙСКАГО.

ЧАСТЬ III.

1774 — 1777.

СООБЩИЛЪ

М. О. Судіенко.

ДОНЕСЕНІЯ

ГРАФУ РУМЯНЦОВУ

ПОЛКОВНИКА ПЕТЕРСОНА,

БЫВШАГО УПОЛНОМОЧЕННЫМЪ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ, ПО ПРЕДМЕТУ РАЗМѢНА ПЛѢННЫХЪ И РАТИФИКАЦІЙ КУЧУКЪ-КАЙНАРДЖІЙСКАГО ТРАКТАТА И О ПРОЧ.

1774 ГОДА.

Копія съ подлиннаго.

1774 года, Октября 2,

въ Константинополѣ.

Высокоповелительному Господину, Генералъ Фельдмаршалу, Малой Россіи Генералъ-Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту и разныхъ Орденовъ Кавалеру, Графу Петру Александровичу Румянцеву,

РАПОРТЪ.

По отъѣздѣ моемъ изъ Силистріи, всевозможное, во удовлетвореніе повелѣній Вашего Сіятельства, прилагалъ я стараніе, чтобы скоро пріѣхать въ Константинополь, и разсудя, что съ трудностію могъ бы я сыскать довольное число переимѣнныхъ лошадей, въ земляхъ, войною опустошенныхъ, и въ которое едва лишь только обыватели возвращаться начали, по совѣту и самаго Гассана-Паши, предпріялъ исправить путь сей на собственныхъ моихъ

лошадяхъ, а бралъ только проѣздомъ малое число недостающихъ мнѣ обывательскихъ лошадей, и то, по недостатку въ кормѣ, изнуренныхъ, и которыя болѣе мнѣ въ городѣ остановкою служили. Препровождающіе меня, присланные изъ Константинополя, Турки и самъ Приставъ, человѣкъ лѣтъ престарѣлыхъ, получившій въ награжденіе себѣ сію коммиссію, ѣдущіе на собственныхъ ихъ лошадяхъ, никакъ не могли пути продолжать такъ скоро, какъ я расположилъ: и послѣ частыхъ растаховъ, всилу 24 минувшаго, могъ поспѣть въ Константинополь. Порта расположила было сдѣлать мнѣ при въѣздѣ пріемъ, въ разсужденіи моего чина весьма, отличной, отъ котораго, однако жъ, извинился я тѣмъ, что, по слабости здоровья, не можно мнѣ было по надлежащему принять высылаемыхъ на встрѣчу, въ таковыхъ случаяхъ, чиновныхъ; а въѣхалъ я въ Царьградъ вечеромъ и встрѣченъ былъ именемъ Порты двумя чиновными въ назначенномъ мнѣ домѣ, на крыльцѣ, въ которомъ и одна комната отъ стороны Порты убрана, что дѣлается только для перваго и втораго класса Министровъ, такожде и наемъ дому учиненъ почти вдвое противу установленнаго Повѣреннымъ въ дѣлахъ. Все сіе ясно доказываетъ особливое уваженіе и почтеніе Порты къ персонѣ Вашего Сіятельства.

На другой день пріѣзду моего, Прусской Посланникъ былъ у меня, и объявилъ мнѣ, что наканунѣ того дня возвратился присланный отъ Вашего Сіятельства къ Портѣ курьеромъ, Г. Подполковникъ и Кавалеръ Трейденъ, по усильнымъ и многократнымъ съ его стороны стараніямъ о скорѣйшемъ отправленіи онаго, пересказалъ мнѣ содержаніе отвѣтнаго Визирскаго къ Вашему Сіятельству письма, и совѣтовалъ всевозможную употреблять нѣжность въ представленіяхъ, могущихъ быть отъ меня Портѣ, и въ требованіяхъ касательно исполненія мирныхъ договоровъ, изъ которыхъ иные, а болѣе установленіе Крымскихъ дѣлъ, чрезвычайно тронули здѣшнее духовенство, и противу коихъ неудовольствіе настоящаго правленія возросло уже до того, что просила Порта Прусскаго Короля о заступленіи, посредствомъ котораго надѣется получить отъ нашего Двора оныхъ смягченіе; на что, для вящшаго утвержденія мирныхъ договоровъ нашъ Дворъ, и поступить можетъ, а паче на дѣла, не заключающія въ себѣ никакой важности, какъ то, чтобы посылаема была отъ Султана къ Хану сабля, и на другія,

тѣмъ подобныя, внѣшности. Я ему отвѣтствовалъ, что коммиссія моя, простираясь до артикуловъ, требующихъ скорѣйшаго послѣ заключенія мира исполненія, размѣны плѣнныхъ и могущихъ быть дѣлъ, при выступленіи войскъ нашихъ изъ мѣстъ, по трактату Портѣ возвращаемыхъ; а другія дѣла, сказалъ я ему, почитаютъ у насъ совсѣмъ за оконченныя и объ оныхъ ни малѣйшаго наставленія я не имѣю. Сверхъ всего того объявилъ еще мнѣ Прусскій Посланникъ, что имѣетъ онъ достовѣрныя извѣстія, что Вѣнскій Дворъ чрезвычайно недоволенъ былъ заключеніемъ Вашимъ Сіятельствомъ съ Портою трактата, и что въ разсужденіи добраго согласія и дружбы обоихъ Дворовъ, уже тому десять лѣтъ непоколебимо между ими сохраняемыхъ, ожидаетъ онъ отъ меня въ дѣлахъ моихъ съ Портою полной откровенности, въ которыхъ и всякое возможное съ своей стороны помогательство чинить мнѣ вмѣстѣ, коего Ваше Сіятельство и сами изволите для меня испрашивать въ письмѣ Вашемъ къ нему.

Какъ содержащееся въ письмѣ Вашего Сіятельства къ Визирю составляетъ часть данныхъ мнѣ отъ Васъ повелѣній, то и разсудилъ я не держаться только того, что объ ономъ, какъ выше упомянуто, свѣдалъ я отъ Прусскаго Посланника, но за нужное почелъ, при вступленіи въ дѣла и для лучшаго впредь собственнаго моего объ оныхъ свѣдѣнія, требовать отъ Порты копіи съ отвѣта Верховнаго Визиря на то Вашего Сіятельства письмо; оную и получилъ отъ Рейсъ-Эфендія, который объявилъ при томъ, что Порта, по полученіи онаго письма, предположила было дождаться моего пріѣзду, дабы пространнѣйшее, прежде нежели Вамъ отвѣтствовать, имѣть объясненіе о разныхъ, содержащихся въ томъ письмѣ, пунктахъ, но что не могла, наконецъ, отказать усильнымъ требованіямъ Прусскаго Посланника объ отправленіи того курьера.

Въ письмѣ семъ упоминается, что за пристойное почитаетъ Порта отложить до пріѣзду моего сочиненіе Ратификаціи въ разсужденіи словъ и выраженій, могущихъ найтиться въ Ратификаціяхъ Порты и которыя могутъ противны быть Россійскому Двору, а что по пріѣздѣ моемъ форма онымъ сдѣлана будетъ, для разсмотрѣнія и для сочиненія уже ихъ послѣ сходственнымъ, для обоихъ Дворовъ, образомъ. Въ послѣдствіе сего и требовалъ я, чтобъ сочинена была форма Ратификаціи Блистательной Порты и отдана мнѣ

для доставленія Вашему Сіятельству, упоминая въ оной формѣ, по обыкновенію своему, естьли заблагоразсудитъ, порознь о силѣ каждаго артикула мирнаго трактата, или сочинила бы оную форму по древнему, и до сего времени продолжаемому, извѣстному обряду всѣхъ Европейскихъ Державъ. На сіе мое требованіе Рейсъ-Эфенди объявилъ, что сколь можно скорѣе таковыя формы сочинены будутъ; я предполагалъ дождаться оныхъ, и тогда уже писать къ Вашему Сіятельству, но случившіяся послѣ того дѣла принудили меня отправить сего курьера.

Вчерашняго дня сообщилъ мнѣ Рейсъ-Эфенди отвѣтное письмо Вашего Сіятельства на Россійскомъ языкѣ къ Гассану-Пашѣ, на вопросъ, учиненной отъ него Вамъ, правда ли то, что Цесарскія войска вступили въ Молдавію? и просилъ сказать ему содержаніе онаго, что съ нашей стороны и учинено; по многимъ вопросамъ, что это значитъ? и по толикимъ же съ нашей стороны отвѣтамъ, что оное болѣе Портѣ должно быть извѣстно, какъ дѣло, произшедшее въ ея земляхъ, прошено было объявить, естьли имѣемъ мы какое ни будь партикулярное о томъ свѣдѣніе, и примѣтно, что сіе извѣстіе тревожитъ здѣшнее правленіе. Сіе происходило у переводчика Порты, а потомъ, перешедши въ комнату Рейсъ-Эфендія, сей Министръ, послѣ пространныхъ увѣреній, что Порта твердо желаетъ заключенной съ Россіею миръ, показалъ представленіе отъ Татаръ къ Портѣ и словесно пересказалъ содержаніе онаго, состоящее въ слѣдующемъ: Татара пишутъ къ Портѣ, сколь огорчительны имъ такіе Порты съ Россіею договоры (съ которыхъ и копію, сообщенную имъ по заключеніи мира отъ Вашего Сіятельства, прилагаютъ), въ конецъ опровергающіе всю святость Магометанскаго закона, оставляя ихъ безъ всякаго защищенія въ рукахъ Россіи, отъ которой не иначе имъ, какъ всякихъ напастей, ожидать должно; поелику сія жертва, имѣя Еникалъ, Керчю и Кильбурунъ, окружаетъ ихъ отвсюду войсками своими, а Блистательная Порта отдаляется отъ нихъ совсѣмъ, не оставляя сама себѣ ни малѣйшаго въ земли ихъ мѣста, чтобъ, въ случаѣ нужды, подать имъ должное по единовѣрію пособіе, и требуетъ поправленія сему. Мы желаемъ, продолжалъ Рейсъ-Эфенди, соблюсти мирные договоры, но что намъ, въ семъ случаѣ, съ Татарами дѣлать? Они съ нами единовѣрные, зовутъ насъ на страшный судъ Божій и требуютъ

въ семъ же представленіи, естьли инаго не можно для нихъ сдѣлать, чтобы показала имъ Порта какую нибудь пустую землю, куда бы они перейти и укрыться отъ предстоящихъ напастей могли. Подобное сему въ особливомъ письмѣ пишетъ къ намъ и Сагибъ-Гирѣй. Татара говорятъ, что естьли бы, какъ въ прежнихъ конгрессахъ о томъ говорено было, остался Портѣ Таманъ, то бы еще имъ оставалась какая нибудь надежда, а теперь они до такого отчаянія приведены, что лучше желаютъ умереть, нежели въ такомъ состояніи остаться; что намъ на сіе Татарамъ отвѣчать? На сіе съ нашей стороны отвѣтствовано было: естьли Порта имѣетъ чистосердечное и твердое намѣреніе соблюсти мирные договоры, торжественно съ нами заключенные, и которыхъ святости ничего уже не недостаетъ, то должна она съ презрѣніемъ смотрѣть на все противное имъ, отъ кого бы оное ни происходило, ибо безопасность Татарской вольности ограждаетъ святость торжественнаго трактата, котораго нарушить одна сторона не можетъ, не подавъ права обстоять за оной другой сторонѣ; а цѣлость закона Магометанскаго въ семъ же артикулѣ о Татарахъ довольно соблюдена, и по мнѣнію самой Блистательной Порты, которой Уполномоченные торжественно оной приняли и подписали. Рейсъ-Эфендій сказалъ, что желаетъ Порта послать со всѣхъ тѣхъ представленій Татарскихъ копіи къ Вашему Сіятельству; на что отвѣтствовано было Рейсъ-Эфендію, что естьли желаетъ Порта, то можетъ Визирь отправить ихъ самъ, чрезъ собственнаго своего курьера, что въ самомъ дѣлѣ Порта намѣрена сдѣлать, и надѣюсь, что Ваше Сіятельство вскорѣ отъ нея получите курьера; а переводчикъ Порты будто самъ отъ себя сказалъ, что лучше бы было, естьли можно поставить сей артикулъ такъ, какъ оный во время Бухарешскаго Конгресса въ ультиматумъ Абдулъ-Резакъ-Эфендія былъ представленъ. Сверхъ того, почти при всѣхъ моихъ представленіяхъ дѣлаются жалобы на нѣкоторыя выраженія въ мирномъ трактатѣ, кои, говорятъ, противны достоинству Блистательной Порты; все сіе, какъ примѣчаю, относится до того жъ артикула о Татарахъ. Примѣтить еще Ваше Сіятельство должно, что Порта по сіе время ни въ своихъ земляхъ не публиковала мирнаго трактата, и никому изъ чужестранныхъ Министровъ о заключеніи онаго не объявила, исключая только одинъ вышеупомянутый со стороны ея отзывъ Прусскому Посланнику.

По окончаніи сего разговора, требовано было съ нашей стороны, чтобы опредѣленъ и снабдѣнъ былъ фирманомъ какой нибудь чиновной отъ Порты, для отысканія открываемыхъ партикулярными людьми въ домахъ своихъ Россійскихъ плѣнниковъ; также чтобы публикованъ былъ въ здѣшней столицѣ, и во всѣхъ мѣстахъ Имперіи Оттоманской, указъ съ угроженіемъ казнію преступникамъ онаго, дабы имѣющіе таковыхъ плѣнныхъ объявляли ихъ собственнымъ начальникамъ, а сіи имѣли отсылать ихъ къ Портѣ, что все и учинено. И испрашиваемо было, въ который точно день имѣетъ прибыть къ мѣсту взаимной размѣны чрезвычайныхъ Посольствъ обѣихъ Имперій Блистательной Порты Посолъ; на сіе отвѣтствовано, что то не скорѣе воспослѣдовать можетъ, какъ къ первому Марта будущаго года; а что одолжили бъ Ваше Сіятельство назначеннаго отъ Блистательной Порты Посломъ Абдулъ-Керимъ-Эфендія, которому на сей случай даны три бунчука и титулъ Бейлерь-Бея Ромельскаго, естьли бъ отложили тотъ Чрезвычайныхъ Пословъ съѣздъ до 22-го Апрѣля. Симъ расположеніемъ тщетною осталась надежда Гассана-Паши Силистринскаго. Онъ внушить мнѣ старался, что охотно принялъ бы на себя сію комиссію. Такожде повторяемо было требованіе о ратификаціи, о которой прежде, нежели оную сочинить, взялъ время Рейсъ-Эфенди переговорить съ бывшими на Канарджинскомъ конгрессѣ уполномоченными.

Чрезъ три дня послѣ моего въ Константинополь пріѣзду, прибыли сюда и Депутаты обоихъ Княжествъ, Волоскаго и Молдавскаго, препровождаемые со стороны Вашего Сіятельства Подпоручикомъ Петромъ Ширяемъ, не въ лучшее, конечно, для представленій имѣющихся отъ нихъ къ Портѣ время. Порта знаетъ, чего они требуютъ, и что избрали они уже Князя; а княжество сіе здѣсь дано другому. Не повѣрите, Ваше Сіятельство, сколько сіе обстоятельство перемѣнило видъ всѣхъ нашихъ дѣлъ съ Портою; препятствіе со стороны Порты не другое есть, какъ то Вашему Сіятельству уже извѣстно, произведеніе въ Князи своего переводчика Александраки, что и поспѣшила Порта сдѣлать происками здѣшнихъ Грековъ изъ Фанаря, которые точныя всегда получали извѣстія отъ бояръ, живущихъ въ Брашовѣ, о всемъ происходящемъ въ Валахіи и Молдавіи; и самое большое сопротивленіе есть

со стороны ихъ; ибо то самая правда, что Визирь въ письмѣ своемъ къ Вашему Сіятельству пишетъ, что и произведеніемъ Григорія Гики, естьли бы то было на всю его жизнь, всей націи Греческой причинено бъ было крайнее оскорбленіе; съ другой стороны, и сами Депутаты остаются въ нерѣшимости; они получили извѣстія на дорогѣ, что Князь сдѣсь сдѣланъ; тамо выбрало общество другаго, и сочинены были ихъ представленія, не знавъ его обстоятельства; теперь сами не знаютъ, останется ли Валахія при прежнихъ своихъ требованіяхъ, или перемѣнитъ оныя; а между тѣмъ здѣсь произведенной Князь и переводчикъ Порты всѣми мѣрами стараются, чтобы правленіе смотрѣло на сихъ Депутатовъ, какъ на своихъ подданныхъ, и въ слѣдствіе того поступаемо бы съ ними было, и я уже не однократно представлять доведенъ былъ, что они суть люди, подъ защитою народнаго права состоящіе. Переводчика Порты именемъ Рейсъ-Эфендія требовалъ, чтобы письмо Вашего Сіятельства объ нихъ отдано было Визирю, а ихъ Порта особливо приметъ, какъ своихъ подданныхъ, и что изъ Перы перешли они жить въ Фанарь; а Депутаты, напротивъ того, просятъ здѣсь остаться, и чтобы нетолько письмо Вашего Сіятельства безъ нихъ не было бы отдано, но и Офицеръ, препроводившій ихъ, остался бы жить съ ними, для собственной ихъ безопасности. Въ слѣдствіе сего я долъ знать Рейзъ-Эфендію, что на сіе согласиться не могу, и что письмо Вашего Сіятельства, присланной съ ними Офицеръ и Депутаты должны быть представлены вмѣстѣ. Въ семъ положеніи остается теперь дѣло, и тѣмъ лучше, ибо имѣютъ они время получить отъ сограждан своихъ новыя наставленія, а при настоящихъ и сами не смѣютъ твердо стоять, въ разсужденіи перемѣнившихся, по отъѣздѣ ихъ, обстоятельствъ.

Примите, Ваше Сіятельство, за знакъ особливой моей должной къ Вамъ преданности смѣлость, кою пріемлю я предъявить Вашему Сіятельству мое о дѣлѣ семъ мнѣніе. Всѣ затрудненія, какъ выше я сказалъ, происходя отъ Грековъ, а болѣе отъ новопроизведеннаго Князя, имѣющихъ интересъ, чтобы Господари Молдавскіе и Валоцкіе по прежнему отъ Порты жалованы были; словесныя представленія и стороннее, такъ сказать, пособіе мало вспомоществовать можетъ требованіямъ сихъ Княжествъ. Мы имѣемъ право требовать отъ себя, чтобы, во исполненіе кондицій, на которыхъ

возвращена Портѣ Молдавія и Валахія, даны были симъ Княжествамъ привилегіи, заключающія въ себѣ оныя. Симъ образомъ перемѣнится видъ сему дѣлу и покажется оно правленію гораздо важнѣе, нежели теперь: сверхъ того, всѣ представленія наши о семъ будутъ тогда подаваемы письменно, и меньше дѣла нам будетъ съ переводчикомъ Порты, главнымъ непріятелемъ сему дѣлу; хотя нельзя не признаться, что Греки знатное имѣютъ въ дѣлахъ втеченіе, при настоящемъ слабомъ, и почти все изъ новыхъ людей составленномъ, правленіи, въ которомъ одинъ только Рейсъ-Эфенди, протекторъ ихъ, почитается за человѣка искуснаго; сей есть тотъ самый Измаилъ-Бей, который, во время царствованія покойнаго Султана, чрезъ довольно долгое время умѣлъ сохранить его къ себѣ милость, и нынѣ имѣетъ, какъ всѣ говорятъ, великой кредитъ.

О Молдавскихъ и Волоскихъ дѣлахъ хотѣлъ было я дать знать Прусскому Посланнику, дабы обще съ нимъ стараться вспомоществовать онымъ, но по дошедшему мнѣ отъ Аглицкаго Посла извѣстію, что Прусской Король имъ недоволенъ, и что онъ, получивъ уже свой отзывъ, пріостановился до того времени, пока получу точнѣйшее тому извѣстіе, правда ли то, или нѣтъ, ибо о семъ никто не говоритъ, а Аглицкой Посолъ слышалъ о семъ отъ Господина Тугута.

О плѣнныхъ, дабы назначено было мѣсто для размѣны ихъ, представлялъ я Портѣ, и какъ видно, она въ семъ добропорядочномъ расположеніи находитъ приращеніе себѣ дѣлъ, ибо должно бъ въ такомъ случаѣ было дать сходственныя повелѣнія для принятія и содержанія не малаго числа людей; а какъ не можетъ увѣриться она, чтобы таковыя ея повелѣнія исполнены были, то предлагаетъ, чтобы ихъ плѣнные, гдѣ бы то ни было, приведены только были къ границамъ Блистательной Порты, а потомъ пущены на волю, а оттуда уже каждый возвратился бы въ домъ свой по собственному своему произволенію; а нашихъ плѣнныхъ предлагаетъ Порта отправить моремъ, или сухимъ путемъ, туда, гдѣ Ваше Сіятельство назначить изволите, а просить только, чтобы означенные въ запискахъ, здѣсь приложенныхъ, скорѣе освобождены были.

Для скорѣйшаго производства дѣлъ разсудилъ я подавать къ Портѣ представленія на Турецкомъ языкѣ; въ оныхъ часто слу-

чется упоминать о трактатѣ; весьма при нынѣшнихъ обстоятельствахъ нужно, чтобъ текстъ изъ трактата былъ точно тотъ, каковъ оный есть въ переводахъ, сдѣланныхъ во время заключенія мира; а имѣю я только онаго трактата списки, на языкахъ Россійскомъ и Италіянскомъ; всепокорнѣйше Вашего Сіятельства прошу приказать прислать мнѣ копію и съ Турецкаго трактата.

Авдіенціи я еще у Визиря не имѣлъ по причинѣ той, что до пріѣзду еще моего назначены были дни для авдіенцій всѣхъ резидующихъ разныхъ Дворовъ перваго и втораго класса при Портѣ Министровъ; однако жъ сіе обстоятельство никакого дѣламъ препятствія не приноситъ.

О случившихся въ Министерствѣ перемѣнахъ ничего здѣсь не упоминаю, для того, что оные происходили еще до пріѣзду моего, и что Прусской Посланникъ, конечно, о томъ увѣдомилъ Ваше Сіятельство чрезъ Господина Подполковника и Кавалера Треѣдена, о чемъ имѣю честь донести.

Полковникъ Христофоръ Петерсонъ.

Копія съ подлиннаго.

Въ Константинополѣ.

14 Октября, 1774 года.

Высокоповелительному Господину, Генералъ-Фельдмаршалу, Малой Россіи Генералъ-Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту и разныхъ Орденовъ Кавалеру, Графу Петру Александровичу Румянцеву,

Рапортъ.

Копію съ фермановъ о военноплѣнныхъ я получилъ, и съ которыхъ съ одного при семъ переводъ прилагаю, ибо они всѣ одного содержанія, исключая только то, что публикованный въ Константинополѣ фермань не упоминаетъ о Грузинцахъ, разумѣя людей сей націи подъ именемъ и протчихъ Христіанъ, такожде и то, что отыскиваемые здѣсь невольники мнѣ отдаваемы быть

имѣютъ; довольное число оныхъ есть въ здѣшнемъ городѣ, и у меня въ домѣ уже ихъ не мало. Въ запискахъ старой Архивы, которыя Господинъ Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ, Алексѣй Михайловичъ Обрѣзковъ, оставилъ у Аглицкаго Посла, нашелъ я, что таковымъ освобожденнымъ плѣннымъ каждому давалось на день по пяти паръ; сверхъ того не имѣющимъ одежда и обувь; я то же самое опредѣлилъ имъ, и впредь давать буду, естьли Ваше Сіятельство апробовать изволите. Въ разсужденіи умножающагося ежедневно числа освобождаемыхъ невольниковъ, чтобы было гдѣ имъ зимою жить, велѣлъ я построить съ печьми сарай, на принадлежащей въ Перѣ нашему Двору землѣ. О находящихся въ Едикулѣ и Терсанѣ Россійскихъ военноплѣнныхъ, изъ числа которыхъ Господа Маіоры Дивовы съ 5-ю служителями, по просьбѣ моей, изъ Едикула выпущены, и о ихъ долгахъ получилъ я списки отъ Г-на Подполковника Тютчева, тамо обрѣтающагося, и оные при семъ прилагаю.

Г-нъ Ферьери, живущій въ Смирнѣ, во время войны и послѣ окончанія оной, исполнялъ налагаемыя на него разныя коммиссіи командующими Россійской Императорской флотъ въ Архипелагѣ, и имѣлъ переписку съ Прусскимъ Посланникомъ. По пріѣздѣ моемъ получилъ я отъ него письмо, въ которомъ онъ и самъ меня о состояніи своемъ увѣдомляетъ. А какъ извѣстно мнѣ стало, что въ Смирнѣ и въ околичныхъ мѣстахъ есть много Россійскихъ невольниковъ, то и поручилъ я ему стараться объ освобожденіи оныхъ, да естьли можно сдѣлать такъ, чтобы оные во флотъ нашъ отданы были.

Письмо Вашего Сіятельства, присланное чрезъ Подпоручика Дмитрія Ширяя, Визирю вручено, а послѣ того чрезъ нѣсколько часовъ дана была авдіенція Депутатамъ двухъ Княжествъ: приняты были ласково. Рейсъ-Эфенди совѣтовалъ имъ перейти жить въ Фанарь, они то и исполнили. Я просилъ Рейсъ-Эфендія, чтобы во время бытности ихъ здѣсь не были бы они ни къ чему принуждаемы, что онъ обѣщалъ, а потомъ чрезъ нѣсколько дней далъ мнѣ знать, что Волоскіе Депутаты просятся итти къ своему Князю и говорятъ, что имѣютъ на то словесное повелѣніе отъ общества своего; однако жъ, онъ запретилъ имъ къ Князю итти, а Князю ихъ принимать; а Депутаты, напротивъ того, дали мнѣ

знать, что подсылаетъ къ нимъ Порта людей, которые подговариваютъ ихъ иттить къ Князю и отрещися отъ требованія избирать своихъ Князей. Я ему отвѣтствовалъ, что требованіе мое не принуждать Депутатовъ, не значитъ того, чтобы Порта запрещала имъ то дѣлать, чего желаютъ.

Рейсъ-Эфенди, старой нашъ недоброжелатель и человѣкъ коварнаго сердца, все стараніе свое прилагаетъ, какъ я точно узналъ, чтобы показать духовенству и правленію злыя слѣдствія заключеннаго съ нами трактата, могущія быть для Порты, и необходимую надобность передѣлать оный.

Курьера, о которомъ писалъ я къ Вашему Сіятельству въ послѣднемъ рапортѣ моемъ отъ 2-го Октября, что Порта вскорѣ къ Вамъ отправитъ, Рейсъ-Эфенди пріудержалъ; а между тѣмъ происходили частыя сношенія духовныхъ съ Депутатами отъ Татаръ, съ Министерствомъ и совѣты у Султана, такожде и принадлежащихъ Французскому Двору людей съ тѣми Депутатами; въ то же самое время онъ и переводчикъ Порты, не однократно навѣдывались у посылаемыхъ отъ меня къ Портѣ, что не буду ли и я согласенъ о томъ писать къ Вашему Сіятельству, и представить Вамъ Татарскія дѣла съ моей стороны, какъ необходимо требующія поправленія и въ томъ видѣ, что Порта хотя и твердо намѣрена сохранить мирные договоры, но и сама не знаетъ, какъ раздѣлаться съ Татарами; а Верховной Визирь, сказалъ Рейсъ-Эфенди, хочетъ писать къ Вашему Сіятельству, подобнымъ образомъ сообщить Вамъ копіи со всѣхъ Татарскихъ представленій и просить, чтобы Ваше Сіятельство, по дознанному Вашему высокодушію, вступили въ сіе дѣло и предохранили бы достоинство Блистательной Порты. Всѣ сіи внушенія не вдругъ, но порознь, и мало по малу мнѣ дѣланы были; съ моей стороны, въ отвѣтахъ искано всегда было отъ изъясненія уклониться, во первыхъ, для того, что не имѣя никакого о дѣлахъ сихъ наставленія, не смѣлъ и входить въ подробные объ оныхъ разговоры, а потомъ и для того, что во всѣхъ тѣхъ запросахъ болѣе казалось, что Порта хотѣла прежде извѣдать объ оныхъ мои мысли, нежели къ Вамъ писать, почему и разсудилъ, ожидая откровеннаго о томъ отъ Рейсъ-Эфендія объявленія, продолжать другія дѣла и при случаѣ напоминать Рейсъ-Эфендію объ сочиненіи обѣщанной имъ формы

Ратификаціи Порты; но въ семъ сперва отлагательствы извиненія, а потомъ уже въ послѣднемъ съ Рейсъ-Эфендіемъ третьяго дня сношеніи и явная претительность начала оказываться, подъ видомъ, что Порта опасается ратификовать трактатъ до того времени, пока не изъяснены будутъ тѣ пункты въ ономъ, которые, будучи выговорены генерально, могутъ быть истолкованы въ предосужденіе Порты, какъ, на примѣръ, въ третьемъ артикулѣ, чтобъ сообразоваться Татарамъ правиламъ, закономъ ихъ предписаннымъ, безъ предосужденія ихъ вольности, примѣчалъ Рейсъ-Эфенди, что хотя и извѣстно Портѣ, что Ваше Сіятельство, для взаимнаго удовольствія и для споспѣшествованія заключенію дѣлъ, чтобы уничтожить споры объ обрядахъ закона неудоборѣшимыя, изволили постановить оный такъ, какъ есть въ генеральныхъ терминахъ, не препятствующихъ исполненію закона, а ограждающихъ только постановляемую въ ономъ артикулѣ вольность Татарской націи, но сей пасажъ терпитъ равно и противное тому, съ предосужденіемъ закона Магометанскаго, толкованіе, и можетъ впредь, естьли точное не будетъ положено значеніе оному, причинить раздоры сперва между Портою и Татарами, а потомъ оттуду между двумя Имперіями; ибо нельзя увѣриться, чтобы со стороны Татаръ исполненіе закона было всегда равное, какъ по причинѣ извѣстнаго той націи непостоянства, ея междоусобій, такъ и во время натуральныхъ перемѣнъ въ правленіи оной, какъ при всякомъ избраніи новаго Хана.

И въ 16-мъ артикулѣ о Княжествахъ, въ кондиціяхъ, на которыхъ оныя Портѣ возвращаются, восьмая въ концѣ гласитъ: «Дозволить имъ пользоваться тѣми же самими выгодами, коими пользовались во время Султана Махмеда IV». На сіи кондиціи, конечно, утверждаясь, примѣчалъ Рейсъ-Эфенди, два Княжества требуютъ избрать своихъ Князей, представленія ихъ сдѣланы въ глазахъ Россіи; Депутаты отъ насъ присланы и препровождены, и хотя во время Магмета IV, ничего вѣрнаго въ правленіи двухъ Княжествъ не было положено, и что такъ важное дѣло не на смыслѣ одного слова, во время негоціяціи необъясненнаго, утверждать бы должно, а требовать бы онаго прямо; однако жъ, толкуется оно такимъ образомъ. Есть еще многія другія, тѣмъ подобныя, въ трактатѣ слова, изъ которыхъ одни требуютъ объясне-

я, а другія предосудительны достоинству Блистательной Порты; чему, и не объяснивъ всего помянутаго, нельзя сочинить формы тификаціи.

Въ самомъ дѣлѣ, слово выгоды въ семъ пасажѣ въ Турецкомъ иски имтіязатъ, то есть, distinction honorifique, можетъ, свойству языка Турецкаго, значить то, чего хотятъ отъ Порты лучить два Княжества, и можетъ статься, что никогда себѣ того рта не воображала, тѣмъ болѣе, что съ начала той кондиціи о другомъ чемъ въ Турецкомъ, равно какъ и въ Россійскомъ, искахъ, говорится, какъ только о налаганіи податей и о взиманіи ыхъ. Для того и отвѣтствовано съ моей стороны Рейсъ-Эфендію, о сообщеніе Вашему Сіятельству копій съ представленій Татар-ихъ, объявленіе Вамъ желанія Порты, и прошеніе въ надеждѣ никодушія и извѣстныхъ благихъ намѣреній Вашихъ въ по-новленіи мирныхъ артикуловъ, Вашего совѣта и предстатель-ва, чтобы объяснены были генеральныя въ оныхъ выраженія разныя слова, можетъ быть дѣло хорошее тогда, когда въ то же мое время Порта не на словахъ однихъ, но и самымъ дѣломъ кажетъ намѣреніе свое ссблюсти постановленные съ нами мир-ые договоры; тотъ точно трактатъ, который ея уполномочен-ые приняли и подписали, должна Порта ратификовать, не ут-ждая отказа съ своей стороны ратификаціи на томъ, что она просьбою называетъ, и что въ семъ случаѣ не просьбы, но не-праведливой претензіи видъ на себя пріемлетъ, даетъ поводъ со-мѣваться о чистосердечіи Порты, и можетъ помрачить ту откро-венность, съ которою со стороны нашей по сіе время соблюдается е, относящееся къ возстановленной мирнымъ трактатомъ доброй ружбы обоихъ державъ. Что жъ касается до приведенныхъ въ мѣръ Рейсъ-Эфендіемъ двухъ пасажей изъ мирнаго трактата, моей стороны отвѣтствовано ему было, что въ самомъ дѣлѣ первомъ о Татарахъ намѣреніе Вашего Сіятельства было огра-ить Татарскую вольность безъ малѣйшаго закона Магометанскаго рушенія, оставляя Портѣ и Татарамъ полную власть сохранить ряды закона, только бъ то было безъ предосужденія ихъ воль-ости; а въ артикулѣ о Валахіи и Молдавіи Вашего Сіятельства мѣреніе не инае, конечно, есть, какъ избавить тѣ провинціи отъ ремени податей и злоупотребленій, мѣру терпѣнія превосходя-

щихъ, безъ предосужденія прямыхъ интересовъ и правъ госпо
ства надъ ними Блистательной Порты, что и самымъ дѣломъ д
казывается: ибо хотя по силѣ мирнаго артикула, правленіе тѣх
провинцій, до выступленія войскъ Россійскихъ изъ оныхъ, нам
принадлежитъ, однако жъ ускорили Ваше Сіятельство прислат
избранныхъ отъ двухъ Княжествъ Депутатовъ, и представить их
Портѣ, предлагая, купно съ просьбами ихъ, и въ равномъ вид
то, что имѣете Вы право требовать. Сей поступокъ Вашего Сія
тельства, естьли правленіе за сомнительный почитаетъ, то уже ни
когда надѣяться намъ не льзя, чтобы оказательствами съ наше
стороны дружелюбія и чистосердія привести Порту до взаимно
откровенности и истребить вкоренившіяся и толико зла произ
ведшія мнительности и подозрѣнія ея о всему томъ, что ни дѣ
лаетъ Россія; для того, наконецъ, подъ видомъ совѣта предложе
но Рейсъ-Эфендію, что Визирь, въ письмѣ своемъ къ Вашему Сія
тельству, откровеннымъ образомъ говорилъ и просилъ бы о пред
стательствѣ Вашего Сіятельства такъ, какъ надлежитъ просить
а притомъ въ доказательство чистосердечія Порты, и въ слѣдстві
того, что онъ прежде къ Вамъ писалъ, сообщилъ форму Ратифика
ціи, такожде, ежели заблагоразсудитъ, и форму привилегіи, кото
рую намѣрена дать Порта двумъ Княжествамъ, не оказывая опас
ности, чтобы Россія когда нибудь могла иначе толковать мирны
артикулы, постановленные съ ея стороны съ доброю вѣрою и
чистосердечіемъ.

Рейсъ-Эфенди объявилъ, что въ доказательство чистосердечі
и добрыхъ намѣреній своихъ въ соблюденіи мирнаго трактата
Порта возобновила повелѣнія, чтобы войска ея, находящіяся въ Кры
му, чѣмъ скорѣе выступили, и назначаетъ отъѣздъ изъ Кон
стантинополя полномочнаго Посла своего въ 15-е (то есть, въ 30-
Октября) число луны Рамазана съ Ратификаціею, которая сочи
нена будетъ обыкновеннымъ и приличнымъ достоинству Порты
образомъ. Я представлялъ, что тѣмъ нужнѣе сочинить вскорѣ фор
мы Ратификацій обоихъ сторонъ и сличить оныя, дабы послѣ
когда Послы отправятся и пріѣдутъ въ свои мѣста, не было ка
кихъ либо о содержаніи Ратификацій споровъ; но въ семъ пунк
тѣ не иное что могъ обдержать, какъ только недостовѣрное, по
добное первымъ, обѣщаніе, что черезъ нѣсколько дней оная сдѣ

ина будетъ; ибо вчерась опять противное тому Рейсъ-Эфенди сказалъ, и такъ, что ни объ отъѣздѣ Посла Блистательной Порты, ни о полученіи Ратификаціи, ничего вѣрнаго сказать не можно, потому что всѣ дѣла ежедневно сообщаются здѣсь духовнымъ, и они превращаютъ все то, что съ великимъ трудомъ ни постановляется, ибо Муфти, оба Кадылескеры, и другія между ими, имѣющія теперь кредитъ, персоны, всегда противны были заключенію мира и наши недоброжелатели; а прошлой Муфти самъ отъ себя и безъ ихъ участія далъ фетву о заключеніи онаго; съ другой стороны, Французскій Посолъ далъ точно чувствовать духовнымъ и правленію, что теперь есть прямое время получить отъ Россіи Портѣ все то, что ни желаетъ, удерживаясь только ратификовать трактатъ, не престая поощрять оную, купно и съ нѣкоторыми другими Министрами, внутренними у насъ обстоятельствами. Невѣроятно, до какой степени интриги сей націи здѣсь доходятъ; всѣ чины при Портѣ, что нибудь значущіе, до пріѣзду нашего перемѣнены, и заняты людьми, напоенными ихъ максимами, и первой изъ нихъ Измаилъ-Бей; чтобы умножить и между малыми людьми число недоброжелателей нашихъ, разглашено, что въ мирномъ трактѣ положено ничего не платить за письмо канцелярскимъ служителямъ, которые, кромѣ сего обыкновеннаго воздаянія, другаго и дохода не имѣютъ. О Прусскомъ Посланникѣ, который казался сомнителенъ, Французскій Посолъ, какъ послѣ я узналъ, разгласилъ то, что въ послѣднемъ моемъ рапортѣ писалъ я къ Вашему Сіятельству, что онъ въ немилости у своего Государя и что получилъ уже свой отзывъ; обо мнѣ внушаютъ, что я пріѣхалъ только размѣнять чѣмъ скорѣе плѣнныхъ, получить Ратификацію, а потомъ уже виды Россійскаго Двора откроются; что на увѣренія мои въ столь нѣжныхъ артикулахъ, какъ о Татарахъ и двухъ Княжествахъ, не должно полагаться, для того, что оные, по причинѣ моихъ коммиссій, не могущихъ къ столь важнымъ матеріямъ простираться, не обязуютъ ни къ чему Дворъ Россійскій. Все сіе, однако жъ, не уповаю я, чтобы могло довести дѣла до самой крайности, какъ по причинѣ той, что никто изъ правящихъ не можетъ польстить себя надеждою лучшаго счастія предшественниковъ своихъ, что нація, конечно, войны желать не можетъ, такъ и по тому, что настоящій Султанъ, по признанію всѣхъ, есть человѣкъ миролюбивый и предположившій при вступленіи своемъ

на престолъ въ покоѣ вкушати сладости вышней власти. Сіи пр
пятствія непреоборимыми кажутся для недоброжелательства нь
нѣ правящихъ и постороннихъ внушеній, но могутъ продолжи
дѣла, и всегда новые производить онымъ замѣшательства и тру
ности. Можно бъ сыскать способъ говорить о дѣлахъ фаворитам
настоящаго Государя, между которыми Ясыджи-Эфенди имѣет
первой чинъ; сей человѣкъ, при вступленіи на престолъ Абдул
Хамида, изъ ничего возведенъ на ту степень, въ которой нын
обрѣтается; посредствомъ его всѣ почти чины придворные по
слѣдній разъ отмѣнены были; чрезъ старыхъ его знакомцевъ мож
но бъ сыскать къ нему приступъ, но покуситься на сіе я безъ осо
ливаго повелѣнія не предпріялъ смѣлости.

Депутаты Татарскіе, числомъ шестнадцать человѣкъ, пода
шіе Портѣ представленія, о которыхъ я въ послѣднемъ рапорт
моемъ къ Вашему Сіятельству донесъ, еще здѣсь обрѣтаются,
живутъ въ домѣ Рейсъ-Эфендія; сказано было, что Порта намѣ
рена отправить ихъ безъ отвѣта, но въ самомъ дѣлѣ отложен
отвѣчать на представленія ихъ, а Депутатамъ велѣно дожидаться

Вѣнскаго Двора Посланникъ Г-нъ Тугутъ вчерась получил
свой отзывъ и пожалованъ Барономъ, а на мѣсто его опредѣлен
Г-нъ Биндеръ, бывшій Совѣтникомъ Посольства при Министр
сего Двора въ Неаполѣ.

При семъ прилагаю одно письмо Прусскаго Посланника к
Вашему Сіятельству, и отъ него жъ данное мнѣ письмо къ Алек
сѣю Михайловичу Обрѣзкову, присланный ко мнѣ пакетъ къ Гос
подарю Гикѣ изъ его дому, Турецкое письмо къ плѣннику, взя
тому въ минувшемъ году при Карасу, объ освобожденіи котора
го фамилія его проситъ, и записку о дѣвочкѣ плѣнной, присла
ную мнѣ отъ Порты, о чемъ имѣю честь донести.

Полковникъ Христоферъ Петерсонъ.

Копія съ подлиннаго.

Въ Константинополѣ.
14 Октября, 1774 года.

ГРАФУ РУМЯНЦОВУ.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Какъ только послѣ смерти Верховнаго Визиря Муссуна-Оглу получило правленіе списокъ съ заключеннаго съ нами трактата, то тотчасъ Измаилъ-Бей сообщилъ копію съ онаго Французскому Послу; сей примѣтилъ Портѣ, что можетъ она безъ видимаго нарушенія трактата откладывать Ратификацію онаго, искать главнымъ образомъ перемѣны нѣкоторыхъ артикуловъ, пока войски наши совсѣмъ не выступятъ, а тогда уже и силою все можно будетъ обдержать, какъ по причинѣ внутреннихъ въ Россіи замѣшательствъ, которыя здѣсь гораздо увеличены, такъ и для того, что открывшіяся посредствомъ прежнихъ негоціацій мѣры Двора Россійскаго обнимали гораздо менѣе, и можно полагать на вѣрное, что Дворъ Россійской жертвуетъ для сохраненія мира тѣмъ, что сверхъ собственныхъ желаній получилъ. Нѣсколько времени сія внушенія безплодными оставались; извѣстіе о болѣзни Вашего Сіятельства, которую здѣсь неизцѣлимою почитали, и надежда безпорядковъ и унынія въ Арміи, придало смѣлости недоброжелателямъ: правленіе пріудержалось публиковать въ городѣ трактатъ, перемѣнили Муфтія и возвели на его мѣсто настоящаго главнаго мира заключенію противника; сей возбудилъ еще больше прежняго между собратіею своею противу постановленій мирныхъ негодованіе. Но какъ Государя миролюбивые свойствы извѣстны, и что онъ персонально доволенъ миромъ, доставившимъ ему беззаботное препровожденіе времени, такожде опасались отвращенія народа отъ войны, который, полагали, тревожиться начнетъ, какъ только возстали бы новыя между Дворами раздоры, могущія нанесть опасность о возобновленіи оной, то и сами стали дѣлать разныя разглашенія, или чтобъ испытать чувства публики, или для того, чтобы возтревожить насъ, но и приготовить къ слушанію жалобъ на трактатъ и предложеній о передѣланіи онаго. Первой

слухъ, пущенной въ народѣ, что со стороны нашей нарушенъ миръ и война опять начата, дошелъ даже до Флота нашего, и Г. Вице-Адмиралъ, Андрей Власіевичъ Ельмановъ, далъ коммисію здѣсь навѣрное о томъ провѣдать; слухъ сей уничтожился пріѣздомъ моимъ. Потомъ мнѣ начали говорить, что Порта посылаетъ тихимъ образомъ войски въ Крымъ, и въ то жъ самое время, при бывшемъ на сихъ дняхъ съ Рейсъ-Эфендіемъ разговорѣ объ учрежденіи, какимъ образомъ отыскивать плѣнныхъ, жаловался онъ на народъ въ Константинополѣ, коего своевольство и необузданныя уста не допущаютъ правленіе оказывать намъ все свое доброхотство; съ моей стороны отвѣтствовано, что на сіе смотрѣть не должно, объявляя внушенное мнѣ сколько ни щекотливо, не перемѣняетъ ни мыслей, ни поступковъ моихъ, для того, что оно невѣроятно. Теперь всѣми мѣрами стараются возбудить всѣхъ ненависть противу Россіянъ; въ дѣлѣ о плѣнныхъ связываютъ насъ сколько можно съ духовными; Татарскіе Депутаты ходятъ вездѣ по городу и жалуются на трактатъ, законъ Магометанской нарушающій. На сихъ дняхъ разбросали, по повелѣнію Стамбулъ-Эфендія или перваго городскаго судьи, одну Греческую церковь, кажется, будто нарочно для того, чтобъ я за нее вступился по силѣ мирнаго трактата; я разсудилъ умолчать о семъ, въ настоящемъ положеніи дѣлъ, для того, что за нератификаціею трактата и ближайшія къ намъ дѣла, какъ-то размѣна плѣнныхъ, еще не кончены. Слухъ пустили, что послѣ Байрама Порта намѣрена объявить намъ войну; всѣ сіи разглашенія, однако жъ, и хитрости не производятъ въ народѣ того дѣйствія, котораго желаетъ коварство правящихъ и съ ними согласныхъ людей, и дѣло, кажется, обошлось бы негоціаціею (хотя и многіе думаютъ, что отъ объявленія намъ войны зима только Порту удерживаетъ), но для оныя здѣсь необходимо нуженъ Посолъ и большое иждивеніе, для перемѣны въ нужномъ случаѣ нѣкоторыхъ чиновъ въ Министерствѣ, къ чему способы могутъ со временемъ открыться и изъ оныхъ упомянутый въ рапортѣ мною служить можетъ, тѣмъ болѣе, что тотъ человѣкъ приведенъ къ содѣйствію въ послѣдній разъ учинившихся перемѣнъ, не убѣжденіемъ, но деньгами.

Съ Татарскими дѣлами и съ письмомъ отъ Визиря къ Вашему Сіятельству, слышалъ я отъ Прусскаго Посланника, что назначиваетъ

Порта отправить Вассифъ-Эфендія. Такожде увѣдомляютъ меня, что у Порты сего дня положили свиту Чрезвычайнаго Посла; она имѣетъ состоять изъ тысячи трехъ сотъ человѣкъ, и отъѣздъ его назначали опять къ 30 Октября; но на сіе не надобно полагаться, ибо естьли покажется нужна остановка, то онъ и на дорогѣ заболѣть можетъ. Новый Волоскій Господарь старается, чтобъ Посолъ былъ отправленъ чрезъ Измаилъ, или Галацъ, на Бендеры, и представляетъ разореніе двухъ Княжествъ; да и сама Порта не очень того желаетъ, въ разсужденіи обрѣтающихся тамо въ большомъ числѣ войскъ Россійскихъ; сочиненіе маршрута для Посла повѣрено Яковакію Ризо, бывшему на Фокшанскомъ Конгрессѣ за переводчика Порты.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и всепокорнѣйшею преданностію,

Милостивый Государь,

Вашего Сіятельства

нижайшій слуга,

Христофоръ Петерсонъ.

Копія съ подлиннаго.

5 Ноября, 1774 г.

Константинополь.

Высокоповелительному Господину, Генералъ-Фельдмаршалу, Малой Россіи Губернатору, Коллегіи Малороссійской Президенту и всѣхъ Россійскихъ Орденовъ Кавалеру, Его Сіятельству, Графу Петру Александровичу Румянцову

Рапортъ.

Ордеръ Вашего Сіятельства, отъ 8 го минувшаго Октября ко мнѣ отправленной, имѣлъ я честь получить 19 того жъ мѣсяца, и исполнивши, поелику возможно было, предписанія Ваши въ ономъ, готовился уже отправить сего курьера, когда получилъ послѣд-

ній Вашего Сіятельства, отъ 26 Октября, чрезъ возвратившагося курьера моего, Сержанта Мавродина; но какъ и въ немъ повелѣнія Ваши отчасти уже исполнены, то и не хочу удерживать сего курьера, тѣмъ болѣе, что имѣю поздравить Ваше Сіятельство перемѣною въ образѣ поступковъ Порты, произведеною тою твердостію, которую Вы въ письмѣ своемъ къ Визирю оказали въ самое лучшее время для произведенія желаемаго дѣйствія. Я за долгъ почитаю донести Вашему Сіятельству подробно о всемъ, здѣсь произшедшемъ, со дня отправленія послѣдняго къ Вамъ рапорта; усмотрите здѣсь справедливость Вашихъ примѣчаній и плоды Вашей твердости.

17 прошедшаго Октября получила Порта извѣстіе изъ Крыму, о нѣкоторомъ тамъ между партизанами ея замѣшательствѣ, причинившемся, какъ сказываютъ, отъ того, что Сагибъ-Гирей вновь передался на нашу сторону, а покусившіеся атаковать часть войскъ нашихъ Татары разбиты; не знаю, правда ли сіе, или нѣтъ, и до какого степени, ибо подтвержденія о томъ послѣ ни откуды я не получалъ. Того жъ самаго дня къ вечеру былъ совѣтъ во Дворцѣ, и съ посылаемыми по разнымъ дѣламъ отъ меня къ Портѣ начали поблагосклоннѣе обходиться. Сами, Ваше Сіятельство, изволите разсудить, съ какимъ обрадованіемъ въ семъ положеніи получилъ я отъ Васъ тѣ наставленія и письмы къ здѣшнему правленію, нельзя болѣе обстоятельствамъ споспѣшествующія. Письмо Вашего Сіятельства къ Визирю того же дня къ нему отослано, а на завтрешній день, бывшій со стороны моей у Порты требовалъ уже не съ Рейсъ-Эфендіемъ, но прямо съ Верховнымъ Визиремъ о настоящихъ дѣлахъ имѣть сношеніе, не скрывая, что требуетъ онаго для того, чтобъ получить отъ него рѣшительной на все отвѣтъ, какого и Ваше Сіятельство отъ меня требуете. Но какъ до полученія помянутаго изъ Крыму извѣстія, сверхъ оказываемаго, въ слѣдствіе расположеній Порты, мнѣ недоброхотства, Рейсъ-Эфенди, въ отмщеніе, что отрекся я принять на себя открыть съ Вашимъ Сіятельствомъ о передѣланіи артикула о Татарахъ негоціаціи (къ чему меня привести онъ столько компрометировался, что наконецъ въ особенное оправданіе хотѣлъ, чтобъ я хотя и не писалъ, а обѣщалъ бы только къ Вамъ о томъ писать), даже въ самыхъ малостяхъ дѣлалъ намъ всякіе шиканствы и досады, то и встревожило сіе требованіе Рейсъ-Эфендія и переводчика Порты;

первой боялся, чтобъ я на него не принесъ жалобы, что изъ крайняго смущенія послѣдняго довольно примѣтить было можно; ибо сихъ людей жребій есть безпрерывная опасность потерять жизнь, или мѣсто, и съ нимъ большую надежду, что и отнимаетъ у нихъ силу скрывать внутреннія движенія. Должно признаться, что если бъ можно было, предвидѣвъ все сіе, упредить надлежащихъ людей и самому къ тому приготовиться, то бы въ сей день можно было подвергнуть сихъ двухъ человѣкъ опасности потерять свои мѣста. Рейсъ-Эфенди требовалъ, чтобъ ему прежде сообщены были имѣющіяся у насъ дѣла, какъ чужестранныхъ дѣлъ Министру, на что, наконецъ, и согласенось по тому, что при оказаніи упорства могъ бы онъ продолжить сношеніе съ Визиремъ день, или два. При разговорѣ съ нимъ оказывалъ Рейсъ-Эфенди всякія ласковости, и на всѣ учиненныя тогда требованія отвѣтствовалъ удовлетворительнымъ образомъ; обѣщался сочинить формы Ратификацій къ завтрему; о сдачѣ Кильбурна и о изпраженіи Крыма сказалъ, что повелѣнія уже давно посланы и съ тѣхъ повелѣній тотчасъ далъ копіи (изъ переводовъ которыхъ сами, Ваше Сіятельство, изволите усмотрѣть причины претительности Очаковскаго Паши сдать Кильбурнъ); сверхъ того и всѣ прочія мои дѣла тотчасъ поправлены, какъ то: перемѣнены чауши, назначенные къ отысканію плѣнныхъ; опредѣленъ чиновной для разсмотрѣнія оныхъ; повторены строжайшія публикаціи объ объявленіи плѣнныхъ; въ Терсанѣ находящимся Россійскимъ военнопленнымъ отдана за нѣсколько дней отнятая уже у нихъ порція; запрещено продавать на рынкѣ военноплѣнныхъ; находящіеся на галерахъ нѣсколько Россійскихъ военноплѣнныхъ переведены въ Терсану, и обѣщано установить порядочные станы на дорогѣ, по которой ѣздятъ наши курьеры отъ Царяграда къ Силистріи. Сію надмѣрную податливость со стороны Рейсъ-Эфендія нельзя было приписать другому, какъ только умыслу отнять у меня надобность представлять Визирю. А какъ и противу данныхъ отъ него вышеупомянутыхъ копій нельзя было чинить возраженія, что они еще были на Турецкомъ языкѣ, то, при заключеніи сношенія, требовано, чтобъ при аудіенціи моей у Визиря, имѣющей быть 21-го того жъ мѣсяца, принятъ былъ бы я безъ излишнихъ церемоніаловъ и дозволено бъ мнѣ было, не подвергая себя этикету, постановленному въ сихъ случаяхъ, говорить Визирю о дѣлахъ.

Въ день моей аудіенціи, въ вечеру, получилъ я сочиненну
Рейсъ-Эфендіемъ форму Ратификаціи, а 26 ночью былъ я у нег
въ домѣ, для сличенія Ратификацій обоихъ сторонъ. Споръ об
этомъ былъ очень великой, и наконецъ принужденъ я былъ объявит
то, что Ратификація въ предложенныхъ отъ нихъ терминахъ и с
перемѣною словъ въ трактатѣ, принята не будетъ, и наконец
получилъ точное слово, что оная останется такъ, какъ есть, кром
одной въ ономъ рѣчи: Серь діянети Мугамеди, на мѣсто ко
торой хотятъ постановить: Имануль муслиминъ и шагин
шаги мувсгидинъ, что значитъ: «Первой Іерей Мусульманов
и Царь Царей вѣрующихъ въ единаго Бога»; первой экспрессіи
говорятъ, яко подлой и противной его достоинству, что Султанъ
повторяя трактатъ, самъ о себѣ сказать ни какъ не можетъ,
предаютъ на разсмотрѣніе Ваше, ссылаюсь на всѣхъ знающихъ
Турецкій языкъ, что нѣтъ въ послѣднихъ двухъ экспрессіяхъ ни
чего противнаго основаніямъ мира. Въ слѣдствіе наставленій Ва
шего Сіятельства требовалъ я, чтобъ Султанъ своеручно подписалъ
Ратифитацію. Рейсъ-Эфенди говоритъ, что сего обыкновенія нѣтъ
я представилъ прилагаемую здѣсь выписку изъ реляціи покойнаго
Вишнякова въ доказательство, что подписывалъ, и получилъ точ
ное увѣреніе, что естьли по справкамъ сыщется въ Архивѣ хот
одинъ примѣръ тому, то Ратификація сходственно будетъ подписана.
О титулѣ Султанскомъ былъ также споръ, и наконецъ согласил
ся Рейсъ-Эфенди перемѣнить въ ономъ слова, означенныя въ двухъ
прилагаемыхъ копіяхъ. Въ титулѣ Ея Величества, даваемомъ отъ
сего Двора, въ тѣхъ же двухъ копіяхъ изволитѣ увидѣть учинен
ныя перемѣны, и въ которыхъ знатнѣйшія есть, что, вмѣсто двухъ
прилагательныхъ, хурместлю и рутботлю, въ поправленной
копіи находятся слова: рутботлю достумизъ; такожде отмѣ-
ненъ весь пассажъ, слѣдующій за титуломъ настоящаго Визиря до
заглавія, и въ окончаніи Ратификаціи на трактатъ внесено слово
за наслѣдниковъ моихъ, котораго прежде не было, а въ Ра-
тификаціяхъ на сепаратные артикулы оной рѣчи не будетъ, для
того, говоритъ Рейсъ-Эфенди, что, именуя Султана всегда вѣчнымъ,
нельзя внести слова за потомковъ его въ обязательство, имѣю-
щееся окончиться чрезъ три года; въ самомъ же дѣлѣ, по причи-
нѣ той, что опасаются тѣмъ дать сему дѣлу видъ подати, естьли
бы Султанъ обязался и за потомковъ своихъ платить Россіи.

Я имѣлъ послать Вашему Сіятельству копію послѣдней Ратификаціи на Турецкомъ, Италіянскомъ и Русскомъ языкахъ, но никоимъ образомъ до сего времени не могъ получить копіи Турецкой съ оной отъ Рейсъ-Эфендія, и едва только могъ, и то, тайнымъ образомъ, достать отъ подчиненныхъ его дозволеніе, выписать изъ оной помянутые термины Турецкіе. Во время свиданія моего съ Рейсъ-Эфендіемъ можно бъ было прочитать и весь трактатъ, но за неимѣніемъ Турецкаго списка, не смѣлъ я подвергнуть себя злоумышленіямъ и хитрости сихъ людей. Еще относительно къ сей же матеріи за долгъ почитаю донести Вашему Сіятельству, что Ратификаціи Ея Величества, присланныя отъ Васъ, здѣсь вновь переведены сходственнѣе съ Русскими оригиналами и выключено изъ оныхъ, чего и въ Русскомъ нѣтъ: Вашему Султанскому Величеству отъ Нашего Императорскаго Величества дружелюбное здравіе. Потому что противу сего нельзя получить ничего отъ Турковъ; они говорятъ и пишутъ: Здравіе и миръ грядущихъ въ путь праведенъ, что значитъ послѣдователей Магомеда; но если Ваше Сіятельство заблагоразсудите никакой отмѣны не учинить въ присланномъ отъ Васъ ко мнѣ переводѣ, то я беру на себя, что оной принятъ будетъ.

Объ отдачѣ Кильбурна или, лучше сказать, о точномъ повелѣніи отдать оной, съ великимъ жаромъ говорено было Рейсъ-Эфендію. Въ бывшемъ о семъ спорѣ онъ требовалъ сначала, чтобъ Хотинъ и Бендеры прежде, или въ то же самое время, какъ Кильбурнъ намъ, Портѣ возвращены были, а потому покусился сказать, какъ намъ отдать Кильбурнъ, «не вѣдая, до чего дойдутъ Крымскія дѣла?». Сіе слово принято было съ нашей стороны должнымъ образомъ; сказано было ему все то, что въ послѣднемъ ордерѣ Вашего Сіятельства въ нужномъ случаѣ предписано говорить и, сверхъ того, объявлено, что, не могучи отвѣчать за слѣдствія, естьли Кильбурнъ въ положенное по трактату время не будетъ отданъ и войски Турецкіе не изпражнятъ Крымъ, представлено будетъ Визирю, а естьли нужно и самому Султану, запрошеніе, намѣрено ли правленіе исполнить обязательства свои по мирному трактату, или нѣтъ? Здѣсь прилагаю копію изъ даннаго послѣ того разговору повелѣнія объ отдачѣ Кильбурна съ округомъ его и съ землею, по трактату Россіи уступленною, а о

изпражненіи Крыма дано мнѣ увѣреніе, что конечно вскорѣ буд
имѣть извѣстіе объ отшествіи всѣхъ войскъ Оттоманскихъ изъ гра
ницъ Татарскихъ.

О вступленіи войскъ Австрійскихъ въ Молдавію неодчократ
но переводчикъ Порты и самъ Рейсъ-Эфенди грворилъ со стороны
нашей, утверждаясь на томъ, что отъ Вашего Сіятельства прежд
ко мнѣ писано, не простирающагося далѣе, какъ чтобъ навѣдаться
какимъ образомъ принятъ отъ поступокъ Австрійцевъ отъ Порты, и
въ какомъ она противъ сего новаго явленія распоположеніи остает
ся, такожде и на образъ въ томъ поведенія Вашего Сіятельства
чтобъ, посредствомъ депутатовъ отъ Дивана Молдавскаго, испросит
отъ Австрійцевъ причины ихъ вступленія, ясно доказывающихъ,
что Ваше Сіятельство ищете увѣрить Порту о совершенномъ Рос
сіи въ семъ дѣлѣ неутралитетѣ. Поданы уже здѣсь въ непро
ницаемой тайнѣ всѣ тѣ удостовѣренія, которыя предписывает
мнѣ Ваше Сіятельство въ послѣднемъ ордерѣ Вашемъ чинить Порт
и со всякою осторожностію; только что оныя поданы были Рейсъ
Эфендію, для того, что онъ о семъ дѣлалъ запросы, и что, счита
дѣло сіе чрезвычайно деликатнымъ при настоящихъ расположе
ніяхъ правленія, не покусился я съ моей стороны о томъ провѣ
дывать, тѣмъ болѣе, что само правленіе начало къ намъ отзывать
ся. Но касательно сего имѣю донести Вашему Сіятельству ниж
слѣдующее: Рейсъ-Эфендій возвелъ претензію, по силѣ мирнаг
артикула, которымъ Валахія и Молдавія возвращаются во владѣ
ніе Порты, требовать отъ Россіи возвращеніе тѣхъ провинцій, в
томъ же самомъ состояніи, въ какомъ онѣ были, когда миръ за
ключенъ, и когда еще ничего со стороны Австрійцевъ не пред
принято было противу сихъ провинцій, а иначе должна Порта
почитать трактатъ съ нашей стороны не исполненнымъ, естьли зем
ли, занятыя Австрійцами, не будутъ ей, равно какъ и другія
отъ насъ возвращены. Сіе было объявлено намъ первой разъ пе
реводчикомъ Порты подъ видомъ квестіи, еще не рѣшенной. Я
искалъ избѣгнуть формальнаго въ томъ отъ Порты предложенія
и объявилъ тогда же переводчику Порты, образомъ сомнѣнія, что
не слѣдствія ли сіи суть прежде заключенной между Портою и
Вѣнскимъ Дворомъ, во время войны съ нами, конвенціи, которою,
какъ лучше Вашему Сіятельству извѣстно, обязался было Дворъ

Венскій привести дѣла до того пункта, чтобъ при заключеніи мира, отданы были Портѣ всѣ наши завоеванія, и имѣлъ получить за то отъ Порты Краевской Банатъ и знатную сумму денегъ, имѣющую служить для заплаты войскъ въ пользу Порты, на границахъ своихъ долженствующихъ содержаться; половину той суммы Вѣнскій Дворъ и получилъ, а другую половину отказала Порта заплатить и ратификовать конвенцію, видя, что дѣло идетъ со стороны Вѣнскаго Двора на однѣхъ только оказательствахъ, и узнавъ, что сей Дворъ началъ входить въ другія обязательства. Казалось, что какъ настоящій Рейсъ-Эфендій не былъ противенъ заключенію сей конвенціи, во время ея постановленія, то и могъ бы онъ имѣть интересъ, узнавъ мысли мои чрезъ переводчика Порты, о таковомъ правленія мнѣніи, искать завремянно отвратить учиненіе мнѣ таковаго предложенія, къ чему многіе изъ правленія склонны уже тогда были. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ того переводчика Порты разговору, до сегодняшняго ни слова отъ правленія о вступленіи Австрійцевъ въ Молдавію я не слыхалъ. Сегодня же прислалъ ко мнѣ Рейсъ-Эфенди, съ прошеніемъ придержать курьера, и что хочетъ онъ о нѣкоторомъ нужномъ дѣлѣ объясниться, и бывшему тамъ со стороны моей объявилъ, что получила Порта представленіе отъ Молдавцевъ, за подписаніемъ многихъ изъ Бояръ, о вступленіи не токмо, но и занятіи знатной части Молдавскаго Княжества войсками Цесарскими. И послѣ многихъ увѣреній о твердомъ намѣреніи Порты соблюсти всѣ съ нами заключенные мирные договоры, и вскорѣ осуществить свои обязательства въ оныхъ, просилъ именемъ Верховнаго Визиря, представить Вашему Сіятельству, что правленіе, въ слѣдствіе возобновленнаго искренняго между обоихъ Дворовъ дружества и по существу мирнаго трактата, пребываетъ въ ожиданіи, что оба Княжества самымъ дѣломъ возвращены Портѣ будутъ въ постановленное по трактату время; ибо хотя Порта и полагаетъ сіе дѣло гораздо менѣе, нежели объ ономъ Молдавцы представляютъ, однако жъ въ настоящемъ той земли состояніи, когда оная еще подъ владѣніемъ Россіи остается, не можетъ Порта ни возбранить Австрійцамъ вступленія въ Молдавію, естьли бы то впрямь со стороны Вѣнскаго Двора сдѣлано было, съ намѣреніемъ завладѣть частію оной, ни чрезъ своихъ освѣдомиться о существѣ того дѣла; то и надѣется, что Ваше Сіятельство, по силѣ мирнаго артикула,

возвратите то Княжество Портѣ въ цѣлости, какъ Вы его хра
ростію и счастіемъ Вашимъ отъ Бога получили, и какъ возврат
ли Вы уже другія ея области; а при томъ проситъ Васъ освѣд
миться, чрезъ посланныхъ отъ себя, какъ о намѣреніи Австрі
цевъ, такъ и о количествѣ занятой ими земли и о числѣ войс
ихъ. Съ моей стороны отвѣтствовано, что я и Портѣ не совѣту
и самъ не осмѣливаюсь представить Вамъ сіе дѣло въ образѣ, от
Рейсъ-Эфендія предложенномъ, что мы сами, конечно, о дѣлѣ сем
не больше думаемъ, какъ и Порта; а естьли бы оно и въ самом
существѣ было такъ, какъ Молдавцы представляютъ, то есть, ч
вошли и заняли Австрійцы знатную часть Молдавіи, чтобъ не сл
довало ни Портѣ почитать трактатъ за несоблюденный со стор
ны Россіи, ибо тотъ полагаемой поступокъ Двора Вѣнскаго сдѣлан
бы былъ тогда, какъ Россія свой трактатъ съ Портою заключил
и когда оному не меньше извѣстно было дѣйствительное возвр
щеніе тѣхъ Княжествъ Портѣ, какъ прежде намѣренія возвр
тить оныя, ни Вашему Сіятельству требовать отъ Австрійцов
занятыхъ ими земель, для того, что они не Россіи, но Порт
принадлежатъ; равномѣрно, не можете Ваше Сіятельство отъ с
бя чинить запрошенія Австрійскимъ начальникамъ, по той же с
мой причинѣ, а тѣмъ менѣе еще навѣдываться о намѣреніях
въ томъ Австрійцевъ, о числѣ войскъ ихъ и о количествѣ занято
земли. Сіе испытывать надлежитъ самоближайшій имѣющимъ ин
тересъ, а не постороннимъ людямъ; что имѣетъ у себя Порта ре
зидующаго Австрійскаго Министра, отъ котораго, или къ самом
Двору его адресуясь, можетъ получать въ сомнительныхъ слу
чаяхъ себѣ удостовѣренія, которыя не только съ нашей сторон
найискреннѣйшія не однократно уже получала, но и отъ Вашег
Сіятельства въ первомъ письмѣ Вашемъ о семъ дѣлѣ къ Силист
рискому Пашѣ видѣла найоткровеннѣйшій поступокъ, чѣмъ
должна быть довольна. Да и отъ самаго заключенія послѣдняг
Бѣлоградскаго трактата, Порта, живучи съ Вѣнскимъ Дворомъ в
мирѣ и добромъ согласіи, ежедневно умножающимися, можетъ
сама обстоятельно знать, что значатъ и откуду начало сво
имѣютъ поступки въ разсужденіи себя Вѣнскаго Двора, которы
для насъ суть совсѣмъ новымъ и постороннимъ явленіемъ. Рейсъ-
Эфендій отвѣтствовалъ, что съ прошедшихъ обязательствъ Порты
съ Вѣнскимъ Дворомъ, никакъ слѣдовать не могутъ тѣ Цесарскихъ

нейскъ поступки, которые нынѣ имъ приписываются, или въ самомъ дѣлѣ суть; что же касается до Австрійскаго Министра, то она спрашивала его объяснить сіе дѣло, и получила отъ него въ отвѣтъ, что самая маленькая частица, принадлежащая къ Покутіи, занята, а въ другихъ мѣстахъ ѣздятъ только Австрійскіе инженеры, для снятія картъ; что, впрочемъ, увѣреніями съ нашей стороны она чрезвычайно довольна и принимаетъ оныя, а найпаче поступокъ Вашего Сіятельства, за знакъ прямо примирившейся съ всею державы, и въ слѣдствіе искренней двужбы и откровенности обоихъ сторонъ, просятъ писать къ Вашему Сіятельству о прежде сказанномъ. Съ моей стороны отвѣтствовано, что прійму я на себя представить о томъ Вашему Сіятельству, но не иначе, какъ въ образѣ дружеской просьбы со стороны Визиря о лучшемъ изъясненіи того дѣла, и что прійму и письмо Визиря къ Вашему Сіятельству, только чтобы оно не иначе, какъ въ томъ же самомъ смыслѣ написано было. Рейсъ-Эфенди сказалъ, что впрямъ Визирь намѣренъ былъ писать чрезъ моего курьера и при моемъ рапортѣ къ Вашему Сіятельству, но что боится увеличить сіе дѣло, а потомъ, послѣ окончанія уже разговора, прислалъ сказать, что и Визирь рѣшился писать къ Вамъ, и проситъ о доставленіи и препровожденіи своего письма, хотя предъявленнымъ со стороны моей образомъ.

О Посольской свитѣ и о прочемъ, къ тому относящемся, постараюсь я имѣть найпространѣйшее свѣдѣніе, и чрезъ имѣющагося отправиться отселѣ курьера, вслѣдъ за нынѣ ѣдущимъ, буду имѣть честь донести Вашему Сіятельству. Я уже всю архиву для сего перерылъ, но ничего въ ней о томъ сыскать не могъ. Господинъ Пизаній и Дандрій, пребывающіе въ Романѣ, яко люди, при таковыхъ оказіяхъ прежде употребляемые, могутъ подать между тѣмъ довольное въ сей матеріи объясненіе; а я только здѣсь за нужное почитаю Вашему Сіятельству донести, что Порта предполагаетъ нынѣ отправить своего посла 10 Ноября, и ожидаетъ только, какъ увѣряетъ меня въ томъ Рейсъ-Эфенди, извѣстія отъ Вашего Сіятельства о принятіи сего ея расположенія. Я же вѣрно знаю, что отъѣздъ онаго отложенъ послѣ Байрама, тѣмъ временемъ росписаны станціи для Посла, копію того росписанія здѣсь прилагаю, вмѣстѣ съ запискою на Турецкомъ языкѣ, назначенной

для его свиты. Слышно, что Посольство сіе очень великолѣп
быть имѣетъ.

Полномочіе, даваемое мнѣ отъ Вашего Сіятельства въ изд
жаніи толь великой суммы, пріемлю я за знакъ довѣренно
Вашей, за которую, доказываемую мнѣ еще болѣе израженія
всего Ордера, всенижайшее приношу благодареніе. А какъ тепе
вступленіе Цесарскихъ войскъ въ Молдавію, новымъ можетъ уч
ниться препятствіемъ Ратификаціи трактата, то, по усмотрѣні
впредь употреблю я полномочіе, даваемое мнѣ съ предписанны
кондиціями къ совершенію сего дѣла. Впрочемъ, твердость, оказа
ная Вашимъ Сіятельствомъ, произвела такую въ поступкахъ пр
вленія перемѣну, которой едва отъ истощенія половины сум
можно бы было надѣяться.

Мнѣ о передѣланіи пункта о Татарахъ уже перестали го
рить, да и Татарскихъ Депутатовъ начинаютъ худо трактова
Мнимое Россіи изнеможеніе и подущенія посторонних, отъ н
доброжелательства происходящія, или въ надеждѣ остаться п
требными и нужными, какъ весьма справедливо Ваше Сіятельст
примѣчаете, составили всю машину, которую письмо Ваше къ В
зирю почти опровергнуло, разрѣшеніемъ въ томъ единомыс
всѣхъ, что можно угроженіемъ новой войны получить что нибу
отъ Россіи. Мнѣніе Вашего Сіятельства объ извѣстномъ человѣк
отъ котораго два пакета къ Вамъ при семъ прилагаю, оправдае
еще тѣмъ, что онъ самъ искалъ сначала вперить въ меня необх
димость поступить на изъясненіе артикула о Татарахъ желаемы
отъ Порты образомъ, а теперь уже думаетъ, что можно безъ то
обойтиться.

Касательно сего предъявлю я Вашему Сіятельству откров
но мое мнѣніе, яко моему благодѣтелю. Естьли съ тою же тверд
стію съ нашей стороны поступаемо будетъ до самаго выхода всѣх
войскъ изъ Крыма, отдачи Кильбурна и размѣны Ратификаці
то престанетъ Порта до того времени докучать Вамъ и мнѣ, а на
чнетъ опять того требовать, когда станемъ мы дѣлать постановле
нія относительно къ комерціи.

Содержавшіеся въ Едикулѣ военноплѣнные, на честное мо
слово выпущены и живутъ нынѣ въ Перѣ. Другіе военноплѣн

ные ежедневно у меня умножаются; больныхъ между ними очень много, и принужденъ былъ сдѣлать госпиталь и взять доктора и лѣкаря; необходимо нужно по человѣчеству и для публики имѣть объ нихъ всякое попеченіе. Доктору опредѣлилъ я 60 піастровъ на мѣсяцъ, а лѣкарю 30; меньше право дать нельзя, а деньги у меня уже всѣ истощены; я принужденъ ежечасно дѣлать маленькіе подарки: безъ того здѣсь никакъ обойтиться нельзя.

Покорно прошу Вашего Сіятельства прислать мнѣ, по крайней мѣрѣ, хоть 10 тысячь, или 15 тысячь рублевъ; ибо у меня, какъ сами изволите увидѣть изъ прилагаемыхъ при семъ счетовъ, ничего изъ экстраординарной суммы не остается; но я принужденъ былъ занять превосходящее число суммы 1,000 червонныхъ, считая по 4 левка червонный.

Г. Пизаній, принятый въ службу нашу во время Фокшанскаго Конгресса, человѣкъ честной и достовѣрной, а притомъ необходимо нуженъ для того, что у меня никого къ словеснымъ сношеніямъ, къ примѣчаніямъ за переводами переводчика Порты и къ Турецкому письму, нѣтъ довольно знающаго Турецкой языкъ; служитъ при мнѣ за перваго переводчика; для него необходимо нужно назначить ту же самую пенсію, которую другіе получаютъ; я Вашему Сіятельству за знаніе и честность его отвѣчаю.

Прибылъ сюда на сихъ дняхъ Россійской военной фрегатъ «Наталія» съ тремя транспортными судами, подъ командою Г. Бригадира Борисова, флота Капитана, съ письмомъ къ Визирю, которымъ требуетъ Вице-Адмиралъ и Кавалеръ, командующій всѣмъ флотомъ въ Архипелагѣ, Андрей Власьевичъ Ельмановъ, съѣстныхъ припасовъ и досокъ, потребныхъ въ флотъ, о чемъ и съ моей стороны поданъ къ Портѣ меморіалъ, и стараться буду отправить во флотъ оному принадлежащихъ нашихъ военноплѣнныхъ, въ разсужденіи томъ, что помянутый Вице-Адмиралъ Ельмановъ прислалъ къ Портѣ до 100 человѣкъ Турецкихъ плѣнныхъ.

Въ продолженіи войны доставляющіяся въ полонъ флоту непріятельскія суда, часто продаваемы были разнымъ партикулярнымъ людямъ, въ чемъ и Порта, находя свой счетъ, запретила возвращать купленныя отъ флота нашего суда прежнимъ ихъ хозяевамъ. Сей промыселъ вдругъ былъ прекращенъ заарестова-

ніемъ недавно въ Смирнѣ двухъ купленныхъ во флотѣ судовъ, съ крайнимъ убыткомъ флота; ибо тамъ много такихъ судовъ и продаваемы они были довольно хорошо; на представленіе мое, учиненное по увѣдомленіи меня о томъ отъ Г. Феріери, возвращена вольность той продажи.

Въ пополненіе сего имѣю еще донести Вашему Сіятельству то, что дошло до свѣдѣнія моего касательно настоящаго верховнаго Визиря, Изветъ-Магметъ Паши. Онъ еще человѣкъ молодой и предпочтенъ соперникомъ своимъ по рекомендаціи, купленной отъ него, наименованной въ прежнемъ рапортѣ моемъ персоны; по возвышеніи остался умѣренъ и учтивъ, или по собственной добродѣтели, или по причинѣ той, что нынѣ царствуютъ фавориты, которыхъ онъ и всѣ, кромѣ духовенства, ласкаютъ; впрочемъ, миловиденъ, осанистъ, не застѣнчивъ и говоритъ хорошо — обстоятельства, кои могутъ, естьли онъ останется долго на мѣстѣ, ввести его въ кредитъ; а теперь, какъ не имѣетъ онъ ни родства въ большомъ духовенствѣ, ни великой репутаціи въ народѣ, то и кредитъ его малъ; впрочемъ, я не знаю, чтобы онъ персонально былъ намъ противенъ.

Покойнаго Визиря жена, сестра настоящаго Султана, мало по малу послѣ смерти мужа отдѣлилась отъ Двора, и приключившаяся въ Министерствѣ перемѣна уничтожила почти совсѣмъ ея въ дѣла втеченіе. Фавориты настоящаго Султана суть: Язведжи-Эфенди, Селиктаръ-Ага и нѣкоторой Карель.

Аудіенцію у Визиря имѣлъ я, какъ выше упомянуто, 12 минувшаго мѣсяца, принятъ и угощенъ съ великою отличностію, и противу Министровъ втораго класса.

Назначенный на мѣсто Господина Тугута не скорѣе предбудущаго Маія мѣсяца въ Царьградъ пріѣдетъ.

Бывшіе въ службѣ нашей во время войны армателы, послѣ окончанія одной, начали разбивать и грабить. Недавно получено извѣстіе о разбитіи одного Французскаго большаго судна и умерщвленіи безчеловѣчнымъ образомъ всего экипажа, и ежедневно объ оныхъ слышно той подобныя вѣсти; для преслѣдованія сихъ разбойниковъ, командирована отъ Г. Вице-Адмирала и Кавалера Ель-

нова флотилія, подъ предводительствомъ Контръ-Адмирала Грейга. Порта, съ своей стороны, послала повелѣнія о преслѣдованіи оныхъ.

Прилагаю при семъ два письма отъ Визиря, письмы отъ Рейсъ-Эфендія и Г. Тугута къ Вашему Сіятельству, письмо отъ Цигелина къ Его Сіятельству, Князю Николаю Васильевичу, большой пакетъ къ Гикѣ Бею, отъ его жъ ко мнѣ присланной, и къ нему же письмо изъ дому его, письмо отъ Рейсъ-Эфендія къ Васифъ-Эфендію, и разныя записки объ освобожденіи плѣнныхъ и съ жалобою на бывшаго Комендантомъ въ Аккерманѣ.

Съ хорошаго мѣста дано мнѣ подъ величайшею тайною знать, что Французы стараются теперь въ лучшее состояніе привести свои коммерческіе съ Портою договоры, и распространить свое купечество дозволеніемъ торговать въ Черномъ морѣ. Г-ну Тору повелѣно вылить семьдесятъ 36-ти фунтовыхъ пушекъ, для снабдѣнія оными замковъ въ устьѣ Чернаго моря.

О чемъ имѣю честь донести.

Полковникъ Христоферъ Петерсонъ.

Переводъ.

Реестръ свиты Посольской.

Поповъ	2
Дьяконовъ	2
Кехая и внутреннихъ Аговъ	50
Церемоніймейстеръ и прочихъ Аговъ	50
Внѣшнихъ Аговъ	50
Чегодаревъ	50
Секретаревъ	15
Диванскихъ писарей	44
Военныхъ людей	34
Литаврщиковъ	35
Ординарцовъ	20
Конюховъ	14

Убирателей лошадей 10
Лѣкарей 3
Водовозовъ 20
Поварей 20
Масаладжіевъ, которые ночью предъ обозовъ носятъ огонь . 50
Харбаянъ, работники 91
Погоньщиковъ 68
Переводчикъ съ 10-ю человѣками 11
Портныхъ 26
Коноваловъ 3
Партикулярныхъ слугъ 33

Копія съ подлиннаго.

28 Ноября, 1774 года.
Въ Константинополѣ.

Высокоповелительному Господину Генералъ-Фельдмаршалу, Малой Россіи Генералъ-Губернатору, Коллегіи Президенту и всѣхъ Россійскихъ орденовъ Кавалеру, Графу Петру Александровичу Румянцову,

Рапортъ.

Въ слѣдствіе повелѣнія въ послѣднемъ Ордерѣ Вашего Сіятельства, старался я освѣдомиться у Порты о всемъ, относящемся какъ къ нашему, какъ и къ ихъ Посольствамъ, а найпаче требовалъ, чтобъ точно мнѣ объявлено было, въ которой день имѣетъ отправиться Турецкой Посолъ изъ Царяграда, когда имѣетъ прибыть на мѣсто размѣны Полольствъ, и какое мѣсто назначиваетъ для того Порта; но ни коимъ образомъ не могъ получить о томъ вѣрнаго извѣстія, и я уже теперь ничего не имѣю донести Вашему Сіятельству о Турецкомъ Послѣ. Рейсъ-Эфенди послѣдній разъ объявилъ, что получила Порта извѣстіе объ отъѣздѣ Его Сіятельства, Князя Николая Васильевича Репнина, изъ арміи въ Петербургъ, и что теперь тѣмъ меньше слѣдуетъ намъ настоять въ требованіи отправленія Посла Блистательной Порты; я отвѣчалъ, что нашъ Посолъ въ Кіевѣ во всей готовности находится ѣхать,

однако жъ, ничего не могъ предуспѣть. Я вижу, что препятствіемъ всему суть безпрестанныя представленія, какъ отъ Крымскихъ, такъ и отъ всѣхъ, разсыпанныхъ въ Ромеліи, Чингизской фамиліи Султановъ, и надежда со стороны Порты, поддерживаемая, конечно, посторонними внушеніями и упорностію духовенства, какимъ либо образомъ получить наконецъ желаемое. Я имѣлъ о дѣлѣ семъ приватное изъясненіе отъ персоны, нынѣ довольно много значущей, и какъ оное кажется мнѣ яснѣе всего того, что въ тѣхъ разговорахъ о дѣлѣ семъ ни было сказано, то я за долгъ почитаю о томъ Вашему Сіятельству донести.

Сверхъ Алкорана, содержутъ Турки въ равной святости и почтеніи книгу, Хадызи Шеривъ именуемую, или слова Магометовы, собранныя отъ возлюбленнѣйшихъ имъ учениковъ его и отъ нихъ преданныя святохраненію и исполненію Мусульмановъ; въ сей-то книгѣ, а не въ Алкоранѣ, предписано быть единой главѣ Мусульмановъ; здѣсь же написано и то, что естьли возстанетъ какой нибудь Князь Магометанской, то долженъ онъ покориться Калифу, и съ его уже благословеніемъ воевать противу невѣрныхъ, въ знакъ чего и посылалась отъ Калифовъ сабля и грамота, называемая Нишанъ Хылафетъ, что значитъ священной знакъ Калифейской. Въ исполненіе сего точно предписанія, и самъ Султанъ получаетъ, при возвышеніи своемъ на прастолъ, саблю, которую препоясываетъ ему Накибуль Эшеефъ, представляющій или на тотъ случай намѣстникъ Мекскаго шерифа. Знаки Калифейства суть: Гутбо или молитва, въ которой въ самомъ дѣлѣ не Государь, но Калифъ прославляется, Тура или имя, начертанное нѣкоторымъ вензелемъ, и Мурасемъ или дозволеніе судить дѣла по священному праву или по Алкорану, и давать на оные свою сентенцію, ибо у нихъ другаго права нѣтъ, кромѣ духовнаго. Ереси уничтожаютъ сію духовную зависимость; Персіяне, яко отщетившіеся, не признаютъ Султана Калифомъ. Сія часть закона Магометанскаго суевѣрію, невѣжеству и злоумышленію служитъ извѣстіемъ въ упорствѣ.

Султанъ и правленіе желаютъ мира; Государство не въ состояніи сносить новой войны тягостей, при непослушаніи и своевольствѣ народномъ, возрастшихъ въ публичныхъ несчастіяхъ и крайне опасныхъ при извѣстной каждому слабости Государя. Та-

тарскія дѣла скучны и досадны какъ Государю, такъ и правленіе
яко препятствующія наслаждаться нужнымъ каждому покоемъ
умножающія трудное Государства положеніе; поведеніе Тата
во время войны вперило въ сердца вышнее къ нимъ презрѣні
къ чему присовокупившееся внутреннее признаніе превосходст
силъ Россіи, уничтожаетъ всякое желаніе что нибудь предпр
нимать противу нынѣшняго ихъ состоянія. Тайная причина, д
которой съ толикимъ жаромъ представляютъ Румельскіе Сул
ны, есть страхъ потерять даваемыя имъ изъ казны пенсіи и пре
усматриваемая ими необходимость искать хлѣба въ земли бѣдн
у Хана, коего они отъ нѣсколькихъ вѣковъ, при частыхъ Х
новъ перемѣнахъ, пріобыкли мало почитать. Въ Константинопо
ропщутъ одни для того, что боятся потерять женщинъ своих
другіе для того, что теперь все дорого и каждой собственну
нужду, или неудовольствіе, покрываетъ претекстомъ нарушенія в
ры и уничтоженія закона. Все сіе Государю извѣстно, но он
принужденъ льстить духовенство, не только для уваженія досто
ной власти онаго, но и для того, что не имѣетъ онъ дѣтей и нѣт
вѣроятности, чтобы оныя отъ него быть могли. Естьли сіе из
ясненіе заключаетъ въ себѣ тѣ же самыя мѣры, которыя и пред
де Порта имѣла, но по крайней мѣрѣ носитъ видъ доброй вѣры

Вѣнской Посланникъ на сихъ дняхъ далъ чувствовать Порт
виды своего Двора, склонящіеся къ присвоенію Краевскаго Бан
та, части Молдавіи, къ Покутіи принадлежащей, и къ удержанію
другой части того же Княжества, пока не выплачена будетъ сум
ма, по трактату уговоренная; правленіе, избѣгая войти прямо с
нимъ въ разговоры, прежде дало коммиссію Яковакію Ризо, аген
ту Господаря Гики при Портѣ, трактовать съ Г-мъ Тугутомъ; се
всемѣрно старался свалить оное съ себя, и я имѣю резоны ду
мать, что по его наущеніямъ сдѣлано мнѣ было то предъявленіе
о которомъ я имѣлъ честь донести Вашему Сіятельству въ по
слѣднемъ моемъ рапортѣ. Теперь Порта, не объяснясь прямо с
Министромъ Вѣнскаго Двора, ищетъ разными образы свѣдать
другихъ Министровъ, что думаютъ ихъ Дворы о семъ поступк
Австрійцевъ.

У Прусскаго Посланника спросили: естьли его Государь на-
мѣренъ индефѣрентнымъ окомъ смотрѣть на сіе дѣло, Француз-

нему Послу съ самаго начала дано о томъ знать, и онъ медіацію своего Двора предъявилъ для окончанія дѣла дружелюбнымъ образомъ, увѣряя, что, по обстоятельствамъ родства и союза его Государя съ Домомъ Австрійскимъ, можетъ Франція много вспомоществовать Портѣ. Мнѣ дано стороною знать, что желала бъ Порта, чтобы Россія гарантировала ей два Княжества; я отвѣчалъ, что таковое предложеніе сродно между собою дѣлать въ вышней степени откровенности и дружбы пребывающимъ Дворамъ, а не въ настоящемъ положеніи Россіи съ Портою, когда еще ни трактатъ послѣдняго подтвержденія не получилъ, и не исполнены обязательства въ ономъ.

Поведеніе здѣшняго правленія въ разсужденіе Австрійцевъ есть примѣчанія достойное, съ наружности изъ чинимыхъ часто довѣренныхъ людямъ отъ вышнихъ въ правленіи особъ жалобъ видѣть можно, что почитаютъ они сей поступокъ Вѣнскаго Двора пребезпокойнымъ и боятся слѣдствій онаго; но въ настоящемъ Государства внутреннемъ состояніи, иные не смѣютъ по надлежащему начать разбирать сіе дѣло, опасаясь быть принужденными вскорѣ начать оное по желанію Австрійскаго Двора; а другіе, почитая несовмѣстнымъ съ достоинствомъ Порты и съ закономъ уступить насильно часть Имперіи Магометанской, и не зная, однако жь, способовъ къ отвращенію того, и слышать не хотятъ о семъ произшествіи.

При семъ расположеніи Порты я не понимаю, для чего она отчасъ не приняла предполагаемой медіаціи Французскаго Двора, ибо открывшіеся прежде виды онаго къ разпространенію своей торговли, могутъ служить удостовѣреніемъ, что Дворъ Французской и для собственной пользы зависящей, естьли бъ началась тайная негоціація, отъ удовольствованія Порты, преклоненъ былъ бы къ интересамъ сего Государства. Можетъ быть, что отчаяніе получить что нибудь негоціаціею и подозрѣніе, что съ согласіемъ Вѣнскаго Двора учинено таковое предложеніе, суть причиною нерѣшимости Порты до сего времени, принять Французскаго Двора медіацію.

Здѣсь во всѣхъ дѣлахъ, которыя вдругъ исполненія своего не получаютъ, прежде принятія резолюціи, истощаютъ мало по малу

довольно времени всевозможныя подозрѣнія; дѣлаются сходк
ща у Муфтія, у Кодылескеровъ, у Визиря, и тутъ уже мнител
ность, сомнѣніе, врожденныя Туркамъ, и то, что каждый нѣк
торымъ образомъ отвѣчаетъ за собственной свой совѣтъ, ра
даютъ день отъ дня перемѣнчивыя, а часто и противорѣчущі
мнѣнія.

Мысль, чтобъ Россія гарантировала два Княжества, доказ
ваетъ, по крайней мѣрѣ, уваженіе Порты къ силамъ ея, и что пре
почитаетъ она дружбу съ нами. Сіе полагать можно не только
обстоятельствахъ войны и мира и на внутреннемъ убѣжденіи е
не знаю, отъ кого произведенномъ, что принужденно вошла Р
сія во время войны въ обязательства, кои могутъ казаться ей обою
ными, но и на томъ, что образъ поведенія съ Портою нѣкоторы
Державъ, долженъ представляться Портѣ въ весьма худомъ вид
Разныя уваженія, а найпаче то, что конечно Вашему Сіятельст
извѣстны всѣ тѣ произшествія, удерживаютъ меня подробно Ва
оныя доносить.

На всемъ вышесказанномъ утверждаясь, и чтобъ продолжит
естьли можно, нерѣшимость Порты къ предложеніямъ Франці
которою, яко добрымъ для насъ обстоятельствомъ, можетъ бы
Ваше Сіятельство заблагоразсудите воспользоваться, искалъ я вно
подать правленію, во первыхъ, точнѣйшія увѣренія объ искре
немъ намѣреніи Россіи жить съ Портою въ дружбѣ и согласіи,
основаніи, въ мирныхъ договорахъ единожды положенномъ, что н
участна Россія новымъ противу Порты предпріятіямъ, сообража
ся въ таковыхъ увѣреніяхъ предписаннымъ мнѣ отъ Вашего Сі
тельства уваженіямъ и осторожностямъ; а при томъ далъ чувств
вать въ доказательство того, что хотя и предлежитъ Россіи самы
кратчайшій путь къ окончанію дѣлъ своихъ съ Портою, сильно
рукою принудить ее, при настоящихъ Порты худыхъ обстоятел
ствахъ, къ исполненію трактата и къ утвержденію онаго послѣд
нимъ торжественнымъ актомъ, со всѣмъ тѣмъ, вѣдая миролюбивы
намѣренія нашего Двора, я бы дорого заплатилъ, чтобъ склони
правленіе къ скорой размѣнѣ ратификацій, независимо отправлені
Посольствъ, единственно для того, чтобъ начать съ Портою еди
ножды обходиться дружественно и откровенно. Сіе внушеніе про
извело нѣкоторое дѣйствіе, и въ откровеннѣйшихъ послѣ того сно

нениихъ на мѣрѣ положено слѣдующее, съ договоромъ и честнымъ словомъ, что останется навсегда въ тайнѣ, принято ли, или не принято будетъ Вашимъ Сіятельствомъ.

Размѣнить ратификацію здѣсь въ Константинополѣ, какъ и прежде то учинено было, и прислать оную сюда сколько можно тайно, дабы никто изъ правленія и изъ чужестранныхъ Министровъ не дознался, что она здѣсь; ибо они сами о большей части своихъ сомнѣваются, и въ оную (близъ Тура подписанную тѣми словами: Лявзъ бѣлявзь Макбулъ Гумаюнымдыръ, то есть: слово отъ слова принято нашимъ Императорскимъ Величествомъ, своеручно Султаномъ) внести трактатъ слово отъ слова, такъ какъ оной есть безъ малѣйшей отмѣны, кромѣ той одной рѣчи, какъ я уже доносилъ Вашему Сіятельству въ послѣднемъ рапортѣ: Имануилъ Мусламинъ ве Шагинъ Шаги Мувсединъ, то есть, первоіерей Мусульмановъ и Царь Царей вѣрующихъ во единаго Бога. Ни слова не говоритъ о Таманѣ, или о занятіи какого бы то ни было мѣста въ земляхъ, уступленныхъ Татарамъ; также и о перемѣнѣ чего нибудь другаго въ трактатѣ. А послѣ дѣйствительной уже размѣны имѣть повелѣніе отъ Вашего Сіятельства письменную учинить декларацію, объясняющую пунктъ въ 3-мъ артикулѣ, начинающійся словами: «Въ духовныхъ же обрядахъ», на основаніи прилагаемой на 3-хъ языкахъ ноты. Шестьсотъ мѣшковъ денегъ, но ни полушки прежде дѣйствительной размѣны. И словесное съ стороны моей обѣщаніе, что никакой наглости не будетъ съ моей стороны, въ отысканіи плѣнныхъ Грузинскихъ; такожде, что и Ваше Сіятельство, дружелюбно увѣдомите Князя Николая Васильевича, чтобъ по пріѣздѣ своемъ сюда употребилъ въ семъ же дѣлѣ нѣкоторое снисходительство. Чрезъ 20, или, по крайней мѣрѣ, чрезъ 30 дней, считая отъ отправленія сего курьера, обѣщалъ я отъ Вашего Сіятельства отвѣтъ, принято ли, или не принято, Вашимъ Сіятельствомъ будетъ сіе расположеніе, всегда однако жъ согласной съ трактатомъ; а до того времяни дѣло останется совсѣмъ закрыто.

Естьли Ваше Сіятельство заблагоразсудите слѣдовать сему расположенію, то, вмѣстѣ съ ратификаціями и деньгами, надобно прислать и формы тѣхъ декларацій, коихъ надобно бы сочинить двѣ, или три, совсѣмъ согласныя съ смысломъ 3-го артикула и

установленіемъ вольности и независимости Татарской, обращая из оныхъ во благо обоюдныя, или несходственныя съ тѣмъ установленіемъ, слова помянутой ноты, которую для того на трехъ языкахъ, какъ выше упомянуто, посылаю; прислать оные ко мнѣ сколь можно тайнѣе, дабы по полученіи могъ я взять мои мѣры и воспользоваться обстоятельствами къ достиженію желаемаго успѣха. Въ такомъ случаѣ нужно бы было, какъ о томъ и съ ними уговорено, имѣть отъ Вашего Сіятельства кредитивное письмо для размѣны ратификацій, и для поданія декларацін предписанным отъ Васъ образомъ.

Назадъ тому нѣсколько дней, какъ получилъ Визирь письмо отъ Хана Сагибъ-Гирея, въ которомъ пишетъ, что чинъ Калги Султана уже давно никѣмъ не занятъ, проситъ Визиря, чтобъ присланъ былъ къ нему Бахти-Гирей, и чтобъ Султанъ далъ ему на оной чинъ отъ себя баратъ, то есть, патентъ; провѣдовавши о томъ, и что Порта хочетъ удовольствовать Хана, съ моей стороны представлено было, что Ваше Сіятельство почтете, конечно, сей поступокъ за противной независимости и самодержавію Хана естьли Порта захочетъ давать патенты на чины въ Крымъ, а что, впрочемъ, можетъ Визирь словесно, или письменно, увѣдомить Бахты-Гирея о милостивомъ намѣреніи Хана и съ своей стороны одолжить его Іо'ль Ферманомъ, то есть, подорожной. Порта ни того, ни другаго не сдѣлала, а велѣла только словесно сказать Бахты-Гирею, что онъ можетъ ѣхать, естьли только хочетъ.

Здѣсь постановлено, что всѣ иностранные корабли и суда военныя и купеческія получаютъ отъ Порты ферманы для проходу Дарданелей; сему установленію всѣ иностранныя націи подвергаются. Пользуясь обстоятельствами дружелюбнаго сношенія съ Портою, требовалъ я пропускнаго фирмана одному изъ транспортныхъ судовъ, для открытія въ Черномъ морѣ кораблеплаванія, а притомъ, чтобы провѣдать, естьли въ самомъ дѣлѣ оставили Турецкіе войски Крымъ, какъ о томъ Порта формально мнѣ объявила, тако жъ и о Крымскихъ внутреннихъ дѣлахъ. Порта сначала отказывалась дать фирманъ подъ разными претекстами: что ратификаціи еще не размѣнены, комерція не начата, и что то судно нельзя почитать купеческимъ (въ самомъ дѣлѣ были на ономъ пушки и военнослужащіе и командовалъ имъ Г-нъ Флота-Лейтенантъ и

Кавалеръ Войнювичъ); а наконецъ дала мнѣ чувствовать, что кораблеплаваніе установлено въ трактатѣ на томъ же основаніи, какъ и протчія Державы оное имѣютъ, которыхъ суда не ходятъ въ Черномъ морѣ. Зная всю важность сего пункта, я на сіе нескладное Р.-Эфендія предъявленіе за долгъ почелъ отвѣчать, что при первомъ благополучномъ вѣтрѣ судно и безъ фермана пойдетъ въ Черное море, и естьли изъ замковъ по немъ стрѣлять станутъ, то оное имѣть будетъ повелѣніе отстрѣливаться; въ отвѣтъ на сіе присланъ отъ Порты ферманъ для пропуску подъ именемъ купеческаго судна, со всѣмъ сходственный съ моимъ требованіемъ; судно, выходя, салютовало фрегатъ.

Въ Персіи Керимъ-Ханъ и Мустафа-Ханъ Узбековъ, вооружившись, требовали отъ Порты возвращенія занятыхъ ею земель, принадлежащихъ къ ихъ владѣніямъ, первой грозилъ нападеніемъ на Багдадъ, а другой набѣгомъ въ противолежащія ему Турецкія области, въ случаѣ естьли откажетъ Порта сдѣлать имъ удовольствіе. Правленіе отправило Пословъ къ Керимъ-Хану Ходжегана Вейби-Эфендія, а въ Узбекъ къ Мустафѣ-Хану Ходжегана же Вейси-Эфендія съ подарками, для окончанія дружелюбнымъ образомъ сего дѣла и, какъ сказываютъ, для признанія ихъ обоихъ владыками Магометанскими, каждаго въ своемъ мѣстѣ; въ подаркахъ послано къ каждому: шуба, сабля и кинжалъ, обыкновенные въ подобныхъ случаяхъ.

Торжество тезоименнитства Ея Императорскаго Величества, случившееся въ первой день Байрама, праздновано было здѣсь на военномъ фрегатѣ Наталія, и по окончаніи благодарственнаго молебна производилась пушечная пальба съ помянутаго фрегата и двухъ транспортныхъ судовъ. Сіи послѣднія по нагруженіи на другой день отправились въ Бѣлое море.

Изъ прилагаемыхъ здѣсь списковъ Ваше Сіятельство усмотрѣть изволите, коликое число и званіе находящихся здѣсь военнопленныхъ.

Кадылескеръ Муратъ Мулла, по окончаніи уреченнаго для сихъ чиновъ времяни онаго года, смѣненъ прошедшаго 27-го Ахметъ Муллою.

Слухъ носится, что и въ другихъ чинахъ имѣетъ быть перемѣна, обыкновенно въ настоящее время, то есть, послѣ Байрама всѣ чины перемѣняются, или вновь подтверждаются.

Проѣзживающимся на сихъ дняхъ въ шлюбкѣ близъ Серая морскимъ нашимъ Офицерамъ, Султанъ, освѣдомившись объ нихъ, прислалъ весьма благосклонно сказать, чтобъ они побереглись на поверхности воды большихъ камней, опасныхъ при быстромъ теченіи въ томъ мѣстѣ.

27-го минувшаго, до 200 янычаръ, называемыхъ Лазы, подгулявши, погнались за тремя иностранными, сіи скрылись въ нѣкоторой домъ, а Лазы пробѣжали сквозь Перу, выломили двери и выбили камнями всѣ окошки на улицу у Прусскаго Посланника и прибили его швейцара, застрѣлили кучера Вѣнскаго Посланника, прибили жъ его швейцара, а потомъ, близъ дому Французскаго Посла, ранили одну женщину, Француженку.

При наступленіи Байрама, нѣкоторыхъ здѣсь чиновныхъ за нужное почелъ я подарить, на что и издержалъ тысячу пять сотъ сорокъ левка.

Здѣсь прилагаю письмо къ Вашему Сіятельству отъ Прусскаго Посланника, другое отъ него жъ къ Его Сіятельству, Князь Николаю Васильевичу Репнину, и одно партикулярное Турецкое письмо.

Отправленіе сего курьера промедлилось по причинѣ прошедшаго Рамазана.

О чемъ имѣю честь донести.

Полковникъ Христофоръ Петерсонъ.

P. S. При отправленіи сего курьера получилъ я ордеръ Вашего Сіятельства, отъ 14-го Ноября ко мнѣ отправленной, и касательно жалобы, принесенный на меня, на образъ поведенія моего отъ лица Визирскаго, Вассифъ-Эфендіемъ, пріемлю смѣлость Вашему Сіятельству донести нижеслѣдующее. Что касается до политическихъ дѣлъ, правда, что временемъ говорятся Турками рѣчи, которыя имъ не могутъ быть пріятны; но сіе дѣлается съ моей стороны по истощеніи уже доказательствъ и найучтивѣйшихъ представленій. Со всѣхъ рапортовъ моихъ, въ которыхъ единожды предположилъ я найподробнѣйшія вѣдать Вашему Сіятельству описанія о всемъ, происходящемъ между мною и Министерствомъ, усмотрѣть изволите, что принужденно я всегда къ тому приступалъ и когда другаго уже способу мнѣ не оставалось. Я часто

имъ говорю, что не осмѣливаюсь писать къ Вашему Сіятельству для того, чтобъ или кончить нескладныя предложенія, часто мнѣ отъ нихъ дѣлаемыя, или же заставить ихъ самихъ переправлять оныя, для учиненія ихъ предлагаемыми.

Что же касается до отысканія плѣнницъ Грузинокъ, то я до сего времяни еще ихъ не искалъ, и у меня, кромѣ трехъ престарѣлыхъ, отданныхъ мнѣ самимъ Эфендіемъ, никого изъ женщинъ сей націи нѣтъ; правда, что я оставилъ Туркамъ полную волю бояться строгаго отысканія плѣнницъ, и оставлю ихъ въ томъ же положеніи, пока не получу отъ Вашего Сіятельства, по точномъ теперь увѣдомленіи, повелѣнія иначе поступить.

Женщина, за которую жаловался на переводчика Лошкарева Весиеъ-Эфенди, есть Полька, а не Грузинка; оная принадлежала Топчи-Башѣ, и отдана была намъ самимъ Рейсъ-Эфендіемъ, у котораго послѣ Топчи-Баша ее просилъ для того, что она смотрѣла за дѣтьми его. Рейсъ-Эфенди требовалъ ея отъ меня обратно, я ему отказалъ; въ непріятные о семъ дѣлѣ переговоры употребленъ былъ переводчикъ Лошкаревъ, и я чувствительно о томъ сожалѣю, что, служа онъ съ ревностію и искуствомъ, можетъ быть Ваше Сіятельство имъ недовольны.

Еще за долгъ почитаю донести Вашему Сіятельству о томъ порядкѣ, съ которымъ здѣсь отыскиваются военноплѣнные. Опредѣлены отъ Порты два чауша съ Ферманами, въ которыхъ повелѣвается каждому объявлять плѣнныхъ и плѣнницъ, выключая добровольно законъ Магометанскій принявшихъ. Чаушъ входитъ въ домъ Турецкой, а переводчикъ, пока не позванъ, остается за дверьми; естьли хозяинъ представитъ плѣнныхъ, то и спрашиваютъ ихъ: Христіяне ли они? Перемѣнившіе законъ остаются у хозяина, а другихъ ведутъ къ Портѣ: тутъ они вновь должны подтвердить, что Христіяне, и тогда уже мы ихъ получаемъ; многихъ Турки держутъ по нѣсколько дней и по недѣлѣ въ тюрмѣ, прежде послѣдняго испрошенія у нихъ о вѣрѣ; а спрашивающій ихъ есть срочной судья, Абдулла-Эфенди, прежде бывшій Рейсъ-Эфенди, и два изъ нижнихъ чиновъ духовныхъ.

Естьли сей образъ поведенія сличить съ тѣмъ, что происходило послѣ Бѣлградскаго трактата, то Турки должны бы насъ благо-

дарить въ семъ дѣлѣ за снисходительство наше; отысканіе плѣнныхъ тогда было строго, что, выключая меморіалы, подаваемые временемъ на первые чины въ Министерствѣ, самъ Визирь принужденъ былъ подвергнуться смятенію народа въ отдаваніи персонально плѣнныхъ.

Порта предлагала уже мнѣ выключить изъ артикула о возвращеніи плѣнныхъ Грузинцовъ, и я насилу могъ переспорить Турковъ, представляя имъ, что Ваше Сіятельство, конечно, сего не сдѣлаете; ибо трактать уже поднесенъ Государынѣ и получил Высочайшую Ея Величества конфирмацію. Прусской Посланникъ также мнѣ о семъ говорилъ, что сіе дѣло очень трогаетъ Турковъ и хотѣлъ къ Вашему Сіятельству о томъ писать.

Переписка Вашего Сіятельства съ Визиремъ, оказываемою с нашей стороны въ дѣлахъ твердостію весьма онымъ споспѣшеству етъ. Право, Ваше Сіятельство, ласкою здѣсь ничего не можно по лучить. Письма Вашего Сіятельства, чрезъ Вассифъ-Эфендія послан ныя, нѣсколько дней уже тому, какъ Порта получила; онъ пр ѣхалъ третьяго дни и принятъ дурно, а съ нами напротивъ тог умножалось благопріятство. При бывшемъ вчерась сношеніи Рейсъ Эфенди приказалъ написать, и того же дни отправить ордеръ, къ от правленнымъ для отдачи Кильбурна, чтобъ они, нигдѣ не оста навливаясь, съ поспѣшностію ѣхали, для выполненія данной пре жде имъ коммисіи, для отдачи Кильбурна съ его округомъ и зем ли, выговоренной въ восьмомънадесять артикулѣ.

Всѣми мѣрами стараться вновь начну, дабы подать Вашему Сія тельству и Князь Николаю Васильевичу Репнину, какъ можн скорѣе, всѣ тѣ извѣстія относительно къ его посольству, которых изволите требовать.

При семъ прилагаю отвѣтныя письмы депутатовъ Молдавскихъ

Полковникъ Христоферъ Петерсонъ.

30 Ноября, 1774 года.

Въ Константинополѣ.

Переводъ съ Ноты.

Договоры, учиненные и заключенные о независимости Крыма, только касаются націй Татарскихъ, которые изражены были въ третьемъ артикулѣ, содержавшемся въ трактатѣ мирныхъ договоровъ, постановленныхъ и въ порядокъ приведенныхъ на мѣстѣ, называемомъ Кучюкъ-Кайнарджикъ, посредствомъ уполномоченныхъ, опредѣленныхъ прежде всего къ заключенію блаженнаго мира, какъ отъ стороны вѣчно пребывающей блистательной Порты, какъ отъ стороны Россійскаго Двора, почитаются и соблюдаются. Тамъ же написано и изражено, что только Императоръ Мусульмановъ, поелику есть онъ первоіерей Мусульманской и Халифъ вѣрующихъ во Единаго Бога, нація Татарская, не причиняя ущерба статскимъ своимъ дѣламъ, должна въ дѣлахъ вѣры сообразоваться, въ разсужденіи его, предписаніямъ закона Мусульманскаго. Но какъ не изъяснено и не объявлено, какимъ образомъ имѣетъ она поступать и сообразовать закону Магометанскому духовныя свои дѣла, какіе либо недоброжелатели и разсѣвающіе плевелы, бдящіе произвесть между двумя Имперіями споры и остуды, утверждаясь на семъ дѣлѣ, есть вещь извѣстная, что поспѣшны будутъ къ причиненію раздора и остуды между двумя державами. Сверхъ того, для избѣжанія оскорбляющихъ приключеній, могущихъ случиться въ томъ между двумя Дворами, по причинѣ разныхъ перемѣнъ, и дабы уклониться отъ несходственности соединенія двухъ Халифовъ, чего требуетъ законъ, будучи дѣло нужное и потребное истолковать и объяснить вышеписанный пунктъ. Дѣло сіе объясняется и толкуется слѣдующимъ образомъ: когда съ согласія Татарская нація изберетъ и опредѣлитъ себѣ Хана, должна извѣстить и представить о томъ, такъ какъ требуетъ великое Халифейство, Его Величеству Императору Оттоманскому, которой есть первоіерей Мусульмановъ и услужникъ святыхъ градовъ, и Его Величество Султанъ Мусульмановъ, безъ всякаго затрудненія и отлагательства, безпосредственно имѣетъ дать святой зиакъ Халифейской и послать церемоніялъ; во дни же праздничные и пятничные, то есть, въ Байрамъ, во всѣхъ мечетяхъ и мѣстахъ Богослуженія въ Крыму имѣетъ быть Гутбе и Курсъ Сике, то есть, монеты, украшенныя именемъ Императора Оттоманскаго; такожде судіи, исполняющіе заповѣди закона въ тамошнихъ мѣстахъ, имѣютъ быть изъ духовенства Крымскаго, а

Блистательная Порта довольна будетъ, чтобъ со стороны Кадылескер Эфендія даваемо имъ было безъ заплаты и безъ всякаго воздаян Мураселле или законное дозволеніе на ихъ мѣста, которое и п сылаемо быть имѣетъ къ Крымскому Хану. А Блистательная Порт единственно дабы согласовать со святымъ закономъ, кромѣ что от стороны Императорской данъ будетъ святой знакъ, значущій пол ченіе дозволенія Халифейскаго къ сдѣланію Хана и церемоніала что въ дни пятничные и праздничные Гутбе и Курсъ Сике бы украшены имянемъ Императора Оттоманскаго, и чтобъ отъ сторон духовенства Блистательной Порты даваемо было Мураселле судьям Крымскимъ. Татара въ протчихъ своихъ дѣлахъ имѣютъ бы совершенно независимы.

Рѣчь Нишаны Шерифъ или святой знакъ не значитъ д ваніе знаменитаго Барата, то есть, диплома, которой писанъ бы валъ обыкновенно прежде въ низверженіи и возведеніи благоро ныхъ Хановъ, но есть писаніе, значущее благопріятнѣйшій знак Халифейской, которой, дабы уклониться и уничтожить против законное соединеніе двухъ Халифовъ, имѣетъ быть писанъ, как того требуетъ законъ, отъ Его Величества, Императора Оттома ского, яко верховнаго Халифа Мусульманскаго и первоіерея, в рующаго въ единаго Бога, съ достодолжными титулами сану бл городныхъ Хановъ, показывающее полученіе Султанскаго дозво ленія къ сдѣланію Хана, котораго Татарская нація изберетъ опредѣлитъ изъ фамиліи Чингизской.

Сике или штемпель монеты. Дѣло состоитъ въ томъ, чтоб Ханъ въ Крыму, на своей монетѣ имяни своего не изображал вензелемъ, называемымъ Тура. Впрочемъ, Ханъ можетъ дѣлат свою монету, такоже и цѣну назначивать Турецкой монетѣ в своей земли.

О Молдавскихъ и Волоскихъ дѣлахъ.

Порта, наконецъ, соглашается дать привилегіи или Хатты Шерифъ Молдавцамъ и Волохамъ; отказалась съ депутатами имѣт дѣло, претекстуя неблагопристойность Государю негоцировать с подданными своими, такожде и не имъ, но Князьямъ обоихъ Кня жествъ, хочетъ вручить оные. На 1-й пунктъ Порта въ Хатти Шерифѣ хочетъ прописать такъ, какъ въ письмѣ своемъ къ Вашем

Сіятельству Визирь отзывался о Князѣ Гикѣ, то есть, что не будетъ смѣненъ, пока не учинитъ какого либо важнаго преступленія; я обдержалъ, чтобъ преступленія были выражены, и при томъ написано бъ было, что оныя публично должны быть доказаны, такожде и чтобъ не были принимаемы представленія противу Князей, чинимыя партикулярными людьми, но отъ публики. На 2-й Порта обѣщать хочетъ въ Хатти-Шерифѣ соблюсти человѣколюбіе и великодушіе въ наложеніи на нихъ подати по истеченіи двухъ лѣтъ, и получать оные посредствомъ присылаемыхъ отъ двухъ Княжествъ депутатовъ всякіе два года; я требую, чтобы здѣсь же прописано было установить оную подать сходственно, какъ была она во время Магомета Четвертаго; но вижу, что Порта отъ сего уклоняется. Въ семъ же пунктѣ на требованіе, чтобъ никто въ Княжеской службѣ, кромѣ тамошнихъ уроженцовъ, не былъ принимаемъ, повелѣно будетъ въ Хатти-Шерифѣ давать преимущество тамошнимъ уроженцамъ. 3-й пунктъ обдержанъ съ нѣкоторою перемѣною, для того, что сыскиваютъ оной противу закона. На 4, 5, 6. и 7-й Порта соглашается. Въ 8-мъ дѣлаетъ нѣкоторую отмѣну. На 9-й соглашается. На пункты о земляхъ рѣшилась наконецъ Порта дать, объ изслѣдованіи и возвращеніи оныхъ, въ Коммисію Князямъ обоихъ Княжествъ, дабы оные разобрали сіе дѣло по силѣ трактата и имѣли бы каждой при Портѣ повѣреннаго въ дѣлахъ отъ земли, дабы оные, въ продолженіи сего дѣла, могли заступать и чинить представленія въ пользу земли ихъ. На 12-й пунктъ въ Молдавскомъ, такожде на 12-й и 13-й въ Волоскомъ соглашается.

Трудно, Ваше Сіятельство, что ни будь болѣе отъ Порты получить. Депутаты твердо стоятъ при своихъ прошеніяхъ, а Порта съ ними дѣла имѣть не хочетъ. Я долго о выборѣ Князей спорилъ, но наконецъ объявилъ Портѣ, чтобъ дозволено было симъ провинціямъ, послѣ смерти настоящихъ Князей, просить себѣ у Порты именно другихъ, но и о семъ слышать не хотятъ. Сверхъ того внесетъ Порта въ Хатти-Шерифъ всю седьмую изъ артикула статью.

Копія съ подлиннаго.

Въ Константинополѣ.

22 Декабря, 1774 года.

Высокоповелительному Господину, Генералъ-Фельдмаршалу, Малой Россіи Генералъ-Губернатору, Коллегіи Президенту и всѣхъ Россійскихъ Орденовъ Кавалеру Графу Петру Александровичу Румянцеву

Рапортъ.

Нѣсколько времени спустя послѣ отправленія послѣдняго рапорта, отдаленъ былъ отъ Двора первой Султана фаворитъ, Языджи-Эфенди; въ учиненномъ противу него между Визиремъ и Муфтіемъ заговорѣ, участвовалъ Рейсъ-Эфендій, но въ образѣ только конфидента. Перемѣна сія никѣмъ не была ожидаема и произошла вдругъ. Муфти дерзнулъ открыть, сколь предосудительна славѣ его надмѣрная довѣренность, даваемая имъ своему фавориту, коего ненасытное сребролюбіе присвояло уже себѣ почти всѣ части правленія, и коего подлое и презрѣнія достойное начало еще предъ глазами каждаго стоитъ. Государь былъ очень тронутъ тою рѣчью, и отъ Муфтія пошелъ прямо къ Визирю, которому пересказавъ наединѣ все, что слышалъ отъ Муфтія, спрашивалъ его, правда ли то, или нѣтъ? И узнавъ, что въ самомъ дѣлѣ во зло употреблялъ Языджи-Эфенди его милость, съ негодованіемъ спросилъ у Визиря, для чего онъ, по должности своего чина, прежде о томъ ему не донесъ? Въ силу могъ Визирь смягчить гнѣвъ противу себя Султана, и наконецъ получилъ повелѣніе призвать тотчасъ Языджи-Эфендія и дать ему чинъ Хаджагана, что того же времяни и исполнено было. Султанъ оставался въ домѣ у Визиря. Когда же въ вечеру возвратился Султанъ, нашелъ всѣхъ ближайшихъ служителей своихъ и женщинъ, къ которымъ онъ болѣе привязанъ, въ отчаяніи и слезахъ. Сіи возмогли того же дня превратить духъ Султана; онъ ночью писалъ къ Языджи-Эфендію, извиняясь предъ нимъ и обѣщавая возвести его на первыя степени въ Государствѣ. Фаворитъ столько былъ первымъ нечаяннымъ съ собою произшествіемъ изумленъ, и столько страшился

воображаемой имъ чрезвычайной власти соперниковъ своихъ, что не поспѣлъ Султану на письмо отвѣчать. Но будучи послѣ вяще удостовѣренъ о привязаности къ нему Султана, не только по прежнему началъ съ нимъ обходиться, но и увѣряютъ, что предпріялъ отистить соперникамъ своимъ. Теперь переписка между Султаномъ и новымъ Хаджаганомъ безпрерывно продолжается, и слухъ носится, что въ Министерствѣ скоро воспослѣдуетъ перемѣна и Визиремъ назначаютъ уже бывшаго Очаковскаго Пашу. Рейсъ-Эфендія кредитъ, напротивъ того, ежедневно умножается, онъ начинаетъ имѣть частые съ Султаномъ переговоры; да и самъ Визирь безъ него никогда къ Султану не ходитъ. Естьли бъ сей человѣкъ не былъ той чрезмѣрной хитрости и коварства, которыя составляютъ характеръ его, то бы съ нѣкоторымъ основаніемъ, судя по образу трактованія нынѣ дѣлъ и по внѣшнимъ доказательствамъ, сказать можно, что мы въ хорошемъ положеніи съ нимъ находимся. Послѣ перемѣны помянутаго фаворита, или для отдаленія Султана отъ прежнихъ его забавъ и маловажныхъ упражненій, при которыхъ могъ онъ частое воспоминаніе имѣть о семъ опасномъ для нынѣ правящихъ человѣкѣ, или для того, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ за благое и за нужное почитаютъ оказывать нѣкоторую твердость, для споспѣшествованія важнымъ негоціаціямъ, имѣющимся нынѣ со всѣхъ сторонъ, начали здѣсь дѣлать разныя военныя заготовленія. Нѣсколько дней тому назадъ, послѣ экстраординарнаго совѣта, бывшаго въ Сераѣ, Визирь прежде окончанія онаго ѣздилъ въ арсеналъ, осматривалъ и переписывалъ все оружіе и находящуюся тамъ аммуницію. Походную Султанскую палатку разбили въ Дворцовомъ саду, и Девтердарь получилъ повелѣніе осмотрѣть пороховныя мельницы и литейной дворъ; нѣсколько Капуджій-Башей посланы въ Боснію съ деньгами, для починки тамо находящихся крѣпостей; а болѣе всего то примѣтно, что Анатольцы ежедневно въ Константинополѣ умножаются. Намъ всякими образы ищутъ дать чувствовать, что сіе касается Австрійцевъ, да и съ довольнымъ основаніемъ можно бъ то думать, по крайней мѣрѣ, какъ прежде я сказалъ, для споспѣшествованія предлежащей съ ними негоціаціи, какъ по самымъ обстоятельствамъ, по опасности, оказываемой Министромъ сего Двора, который и тонъ своихъ Портѣ представленій много нынѣ смягчилъ, такожде и по внушеніямъ, намъ чи-

нимымъ отъ стороны Рейсъ-Эфендія, гласящихъ чрезвычайно оскорбленіе Порты поступкомъ Австрійцевъ и желаніе, для приведенія въ резонъ сего Двора, соединиться съ Россіею, естьли бы съ другой стороны не были подозрительны частыя тайныя Рейсъ Эфендія сношенія съ двумя, недавно здѣсь обрѣтающимися, Татарами, тайная конфиденція, нѣсколько разъ примѣченная, переводчика Порты, преданнаго человѣка Рейсъ-Эфендію, съ первымъ Драгоманомъ Австрійскимъ, и частыя, недавно начавшіяся, сношенія Французскаго Посла съ Вѣнскимъ и Шведскимъ Посланниками. Съ моей стороны, при всякомъ случаѣ, подаются увѣренія о неучаствованіи Россіи въ поступокъ Австрійцевъ, и въ послѣдній разъ, когда получила Порта извѣстіе изъ Молдавіи объ отвѣтѣ, учиненномъ Вашимъ Сіятельствомъ Молдавцамъ касательно сего дѣла, и что намѣрена Молдавія учинить представленіе къ Портѣ и просить ея о защищеніи, требовала Порта вновь извиненія отъ Австрійскаго Министра; сей извинился дать оное не полученіемъ еще отъ своего Двора отвѣта, и правленіе рѣшилось опять дожидаться, какъ оныхъ, такъ и Молдавскихъ, представленій; а между тѣмъ со стороны Рейсъ-Эфендія переводчикъ Порты увѣдомилъ меня о произшедшемъ въ Молдавіи, умалчивая о вопросѣ, учиненномъ Вѣнскому Министру, и его отвѣтѣ, и просилъ сказать, естьли на сентиментахъ Россіи, относительно къ сему дѣлу, утверждаясь, можетъ Рейсъ Эфенди польстить себѣ надеждою, оказать впредь услугу отечеству своему? Съ моей стороны отвѣтствовано, удостовѣрия, что съ соболѣзнованіемъ смотритъ Россія, желая всякаго добра Портѣ, на всѣ произшествія, кои непріятнымъ образомъ ее трогаютъ.

Прусской Посланникъ подалъ Портѣ меморіалъ, здѣсь прилагаемой, содержащій отвѣтъ на данную ему отъ Порты, извѣстную Вашему Сіятельству, ноту, которой Порта дурно приняла. Я сожалѣю, что сказалъ онъ мнѣ о томъ послѣ уже врученія онаго. Порта столько къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ артикуловъ пристрастна, что до полученія мною отъ Вашего Сіятельства повелѣній на послѣдній мой рапортъ, отъ 30 Ноября къ Вамъ отправленный, можетъ войтить въ другія мѣры, не смотря на то, что, въ предупрежденіе сему, со стороны Двора нашего въ помянутомъ меморіалѣ объявляется, и тѣмъ препятствовать поданному на апро-

ацію Вашего Сіятельства проекту, которой, однако жъ, до сего времяни не вредимъ остается; естьли Ваше Сіятельство найдете оный полезнымъ, то покорно прошу безъ медленія доставить мнѣ способы къ исполненію онаго.

Я положилъ съ Прусскимъ Посланникомъ, чтобъ обоимъ намъ согласно искать, сколько можно, обратить мысли Порты къ Австрійскимъ дѣламъ, и намѣренъ, до полученія повелѣнія отъ Вашего Сіятельства, оставить Прусскому Посланнику дѣлать то одному, а я останусь, въ разсужденіи сего, въ прежнемъ положеніи, сообщая Прусскому Посланнику тѣ увѣренія, которыя, по отзывамъ, чинимымъ отъ Порты, буду подавать ей.

Въ рапортѣ моемъ отъ 5 Ноября доносилъ я Вашему Сіятельству, что Франція ищетъ разпространить торговлю свою въ Черномъ морѣ; а теперь имѣю донести, что Аглицкой и Венецкой Послы, такожде и повѣренной въ дѣлахъ Голандской, подали недавно вмѣстѣ къ Портѣ меморіалы, съ требованіемъ дозволенія торговать въ Черномъ морѣ. Аглицкой Посолъ требуетъ того, по соперничеству двухъ націй; Венецкой, яко держава, прежде всѣхъ прочихъ Христіянскихъ, заключившая съ Портою какъ политическіе, такъ и купеческіе, трактаты; а Голандія, имѣвъ въ прежнія времена дозволеніе проходить въ Черное море и тамъ торговать, требуетъ нынѣ только Фермановъ своимъ судамъ, которые обыкновенно всѣмъ кораблямъ даются для проходу сквозь каналъ. Естьли Ваше Сіятельство заблагоразсудите препятствовать исполненію намѣренія сихъ націй, то способъ къ тому, не компромитируясь ни съ кѣмъ, подать надежду нѣкоторой изъ нихъ, торговать въ Черномъ морѣ подъ Россійскимъ флагомъ.

Слухъ носится, что намѣрено правленіе перемѣнить назначеннаго въ Россію Посломъ Абдулъ-Керимъ-Эфендія, а на мѣсто его опредѣлить Абдулъ-Резакъ-Эфендія, бывшаго на Букарешскомъ Конгресѣ Полномочнымъ Посломъ. Мѣстомъ для съѣзду Пословъ обѣихъ державъ назначаетъ Порта Хотинъ, какъ изволите усмотрѣть изъ записокъ въ письмѣ къ Его Сіятельству, Князь Николаю Васильевичу Репнину, которое со всѣмъ, относящимся къ Посольству, при семъ, подъ отверстою печатью, прилагаю. О времяни отъѣзду Посла ничего вѣрнаго нельзя донести Вашему Сіятельству.

а о потребной для него провинціи, еще меньше; Посолъ Порт по видимому не находитъ въ томъ своего интересу, чтобы прежде времянно провизіи для него пріуготовлены были, и хотя пріѣхавши на мѣсто размѣны, требовать всего, и за недостаткомъ получать оную деньгами. Когда Визирь, по моему прошенію, по требовалъ отъ Посла записки о провизіяхъ, ему надобныхъ, т Посолъ отвѣчалъ на то представленіемъ, которое подъ рукою им отъ переводчика Порты сообщено было, и съ котораго перевод при семъ прилагаю.

Посолъ, отправленный въ Персію, на дорогѣ былъ ограблен отъ разбойниковъ, а что Персіяне, возмутившись противъ Керим Хана, принудили его допустить имъ сдѣлать нападеніе на грани цы Турецкія, и учинили оное, разорили многія жилища и взя ли въ плѣнъ довольное число обывателей, Порта велѣла погра ничнымъ Пашамъ вооружиться, для предупрежденія могущихъ случиться съ той стороны нападеній.

Г-нъ Бригадиръ Графъ Биланлъ, слѣдующій изъ устья Ду ная къ Керчю, противными вѣтрами занесенъ былъ въ Констан тинопольскій каналъ, отъ штурму потерявъ мачту и терпя в всемъ недостатокъ чрезъ тридцатидневное плаваніе. Увѣдомив шись о томъ, Султанъ велѣлъ Капитану Пашѣ дать ему всяко вспомоществованіе, и когда судно поправлено будетъ, то снабдит его на дорогу всѣмъ надобнымъ. Флота Лейтенантъ и Кавалер Войновичъ на сихъ дняхъ возвратился изъ Крыму. Одно изъ транс портныхъ судовъ, нанятое у Агличанъ, нагрузившись провіян томъ для Россійскаго флота, поплыло въ Паросъ.

При семъ прилагаю списки находящихся у меня разныхъ націй, освобожденныхъ плѣнныхъ; число ихъ, какъ и прежде имѣлъ я честь докладывать Вашему Сіятельству, ежедневно умно жается; слышно уже, что изъ провинцій ведутъ ихъ много. Для нынѣ здѣсь находящихся, издерживаю я по сту левковъ на день однихъ кормовыхъ денегъ, выключая дрова, уголья, одежду и обувь. Денегъ у меня нѣтъ ни полушки, я принужденъ зани мать и платить проценты по двѣнадцати на сто, и боюсь скоро ис тощить мой кредитъ; такожде въ здѣшнемъ, подверженномъ за разительнымъ болѣзнямъ, мѣстѣ, опасно содержать великое число

людей; не повелите ли начать отправлять мало по малу разныхъ націй людей въ свое отечество и нанимать для того суда? И онымъ отправляемымъ въ Черное море, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, не прикажете ли предписывать кондицію плыть подъ Россійскимъ флагомъ? Одинъ изъ морскихъ на нихъ Офицеровъ купилъ небольшое купеческое судно и нагрузилъ оное товаромъ, здѣсь купленнымъ, въ Египетъ; я получилъ для него отъ Порты охранительной отъ Африканскихъ корсаровъ Фирманъ.

Бывшій Каймакамомъ Мелекъ-Мегмедъ-Паша произведенъ въ Мухавизы Бендерскіе.

По представленію моему вновь послано повелѣніе объ отдачѣ Кильбурна.

При семъ прилагаю письмо къ Вашему Сіятельству отъ Г. Бригадира, Графа Биланда, письмо отъ него жъ къ Его Сіятельству, Графу Никитѣ Ивановичу Панину, и рапортъ въ Государственную Адмиральтейскую Коллегію, два письма къ Князю Гикѣ, и письмо къ плѣнному Турку, находящемуся при Бендерскомъ Сераскирѣ Девтердаромъ.

О чемъ имѣю честь донести,

Полковникъ Христофоръ Петерсонъ.

Копія.

Переводъ съ Хатти-Шерифа, даваемаго отъ Порты Валахіи, и адресованнаго къ Волоскому Князю.

Двѣ челобитныя, представленныя къ нашему Императорскому Престолу отъ двухъ Бояръ, присланныхъ отъ Митрополитовъ, Епископовъ, Архимандритовъ, Игуменовъ и отъ всѣхъ Бояръ перваго и втораго класса, отъ Капитановъ и отъ прочихъ обывателей Волоскихъ, были доставлены и вручены моему Императорскому Величеству, и видѣли и поняли мы содержаніе представленій помянутыхъ Бояръ, челобитье и прошеніе коихъ не иное что заклю-

чаетъ, какъ моленіе и прошеніе Императорскаго моего милосердія. Пункты, просимые отъ моего Императорскаго Величества обывателямъ той земли, такожде и покровительство, которое навсегда и всякимъ образомъ имѣть будутъ подъ милосердою тѣнью моего Императорскаго Величества, въ семъ моемъ Императорскомъ указѣ одинъ по одному изражается и вкратцѣ начертывается и объявляется. Земля Молдавская и Волоская, будучи яко житница моей Блистательной Порты, для того нужно и потребно есть, чтобы тамъ процвѣтало земледѣліе и обыватели оной наслаждались спокойствіемъ и тишиною и были бы ограждаемы и защищаемы; з какъ отъ нѣкотораго времяни частыя, противу обыкновенія, низверженія и произведенія Князей сихъ двухъ провинцій, такожде наложенія податей и утѣсненія воспричинствовали опустошеніе и разореніе оныхъ земель, и не только что обыватели оныхъ провинцій, по вышеписаннымъ причинамъ, разорены и разогнаны, но и по причинѣ войны многіе претерпѣли бѣдствія, убытки и разоренія, то всякимъ образомъ, будучи мое желаніе и долгъ моей Императорской справедливости и человѣколюбія, ихъ добрый порядокъ, тишина и благое жительство подданныхъ всѣхъ чиновъ, впредь дабы помянутые и въ земли пребывали въ добромъ порядкѣ, и дабы обыватели и подданные въ оныхъ, которые суть залогъ Всевышняго, достигнули своей тишины и спокойствія, что и предметомъ есть ихъ прошеній, послѣ заплаты джизіе, то есть, подати всяческія, уничтожаются и запрещаются всѣ тѣ малыя и большія подати, которыя прежде войны даваемы были подъ именемъ авандъ, кудуміе, убудіетъ и джоизъ. Пребываніе же et la durée Князей, будучи прямою причиною размноженія жителей и удобренія земель, такожде спокойствія и благоденствія подданныхъ; Князья оныхъ, пока не учинятъ какого либо явнаго преступленія, которое бы было публично доказанное и видное, поставовлено, что не должны быть смѣняемы, и сей благой порядокъ долженъ быть соблюденъ и сохраняемъ по силѣ договоровъ трактата, заключеннаго между двумя Державами, и безъ поврежденія и отмѣны долженъ пребывать и быть соединяемъ навсегда. И дабы подданные тѣхъ земель были спокойны и обрадованы, Князья ихъ удостовѣрены и безопасны, соизволеніе мое Императорское есть, чтобы даны имъ были Бераты, то есть, дипломы, украшенные и утвержденные святѣйшимъ моимъ пи-

саніемъ; и дабы соблюдаемо и исполняемо было, сходственно съ даннымъ почтеннѣйшимъ моимъ Хатты-Гумаюнъ, даны помянутымъ Князямъ ихъ дипломы и украшенные милостивѣйшимъ моимъ Императорскимъ писаніемъ. Волоскіе подданные, сходственно съ Императорскимъ моимъ милосердіемъ и человѣколюбіемъ, и согласно съ Императорскою моею щедротою, каждые два года одинъ разъ, посредствомъ Бояръ, отъ нихъ отправляемыхъ, имѣютъ присылать сносную подать и отдавать оную въ Императорскую мою казну. А какъ Волохія есть земля, по причинѣ войны много претерпѣвшая, то подданые Волоскіе, считая отъ дня 14 луны джеміазіель Эвреля настоящаго года Эгиры 1188, то есть, по старому стилю 10 Іюля, 1774 года, во время размѣны трактата мирныхъ договоровъ между двумя Имперіями, до прошествія двухъ лѣтъ увольняются отъ джизіе и отъ прочихъ податей; чинить милосердіе въ семъ пунктѣ происходитъ отъ соболѣзованія къ бѣднымъ подданнымъ, и дабы привесть землю въ цвѣтущее состояніе, то по прошествіи помянутаго двухлѣтняго срока, образомъ, прежде объявленнымъ, всякіе два года одинъ разъ, по силѣ договоровъ въ трактатѣ, подать, которая съ милосердіемъ и человѣколюбіемъ будетъ на нихъ положена, имѣетъ быть присылаема и отдаваема посредствомъ Бояръ, отправляемыхъ отъ ихъ Князей. Что жъ касается до старыхъ ихъ счетовъ, какого бы они рода ни были, денежные ли, или иные, не имѣетъ быть отъ нихъ требовано ничего. Когда воспослѣдуютъ распри между Мусульманами и подданными, такожде между подданными одними, Князь Волоской съ справедливостію и съ правосудіемъ имѣетъ выслушать обѣ стороны и учинить справедливость. Въ дѣлахъ, случающихся между Мусульманами и подданными, Диванской Кятиби или Секретарь, находящійся при Князѣ, и другіе Турки, имѣютъ надзирать и входить въ рѣшеніе дѣлъ и въ удовольствованіе сторонъ; дѣло же, которое вступленіемъ Мусульмановъ и увѣщаніями вступившихъ не можетъ быть рѣшено, для таковыхъ дѣлъ, яко ложныхъ, противныхъ закону и явно стремящихся не къ иному чему, какъ причиненію убытка и утѣсненія несправедливыми претензіями бѣднымъ подданнымъ, не должно позволять, чтобы бѣдные подданные претерпѣли убытокъ и были угнѣтаемы. Дѣла же, которыя вступленіемъ въ оныя Мусульмановъ и увѣщаніями вступившихъ для соглашенія сторонъ, не возмогутъ быть кончены,

и встрѣтятся затрудненія въ рѣшеніи и совершеніи ихъ, таковыя дѣла должны быть разсмотрѣны и рѣшены по закону, согласно съ правосудіемъ и справедливостію, въ присутствіи Журжевскаго Кадыя, а Кадыи Журжевскіе съ полною справедливостію и правосудіемъ имѣютъ рѣшить и давать сентенцію на таковыя къ нимъ отсылаемыя дѣла, и, уклоняясь всячески отъ какого либо произшествія, противнаго самому существу закона, должны дѣлать судъ, и симъ образомъ да избѣжится отъ причиненія обиды бѣднымъ подданнымъ. Такожде подданные Волоскіе не должны быть притѣсняемы позываніемъ ихъ въ судъ въ какое либо другое мѣсто. А какъ была дана священная Фетва, что свидѣтельство подданнаго противъ Мусульманина не можетъ быть принято, кромѣ только дѣлъ, принадлежащихъ къ имѣніямъ по тестаментамъ и родословіямъ; въ дѣлахъ же, не касающихся къ тестаментамъ и родословіямъ, свидѣтельство подданнаго противу Мусульманина неважно, то и должно быть поступаемо согласно съ Фетвою. Военнослужащіе и прочіе, учинившіе какое либо преступленіе въ Волохіи, должны быть отправляемы къ ближайшимъ границамъ, и тамо отъ начальниковъ своихъ наказываемы. Нѣкоторые изъ обывателей пограничныхъ уѣздовъ, близь Дуная, противу постановленія, прежде сего учиненнаго, безъ дозволенія выходили въ Волохію, производили тамъ споры между собою, убивали другъ друга, потомъ ложныя чинили претензіи, требуя заплаты за кровь, и подобными клеветами требовали имѣнія и денегъ, и тѣмъ притѣсняли и въ убытокъ приводили подданныхъ Волоскихъ, и хотя прежде сего даны были разные Ферманы Императорскіе, дабы по установленному порядку были разбросаны въ Волохіи вновь построенные зимовники и прочія недвижимости, не были бы изгнаны и отдалены бродяги и чернь въ земли разсѣянныя; разсуждая, что таковымъ разбойникамъ и бродящимъ людямъ и впредь можетъ прійти желаніе входить въ Волохію, и находя слѣдующее постановленіе въ Ферманахъ, прежде сего данныхъ, чтобъ исключая извѣстныхъ купцовъ по счету, со всякой границы никто другой не входилъ въ Волохію, да и самые купцы были бы снабдѣны паспортомъ отъ своихъ начальниковъ, который паспортъ, предъявляя Волоскому Князю, или его агенту, получали бы и отъ нихъ довольтельные паспорты, и не могли бы въ земляхъ, куда ѣздятъ, присвоивать жилища и домы, и притѣснять земледѣліе

подданныхъ, и не взимали бы селямъ акчесы; есть вещь извѣстная, что всѣ тѣ пункты, такъ какъ они суть начертаны въ помянутыхъ Ферманахъ, имѣютъ быть исполнены и соблюдены. Такожде не дозволяется и запрещается, чтобъ для подобныхъ распрей Паши, начальники и судьи посылали Муба-Ширеи въ Волохію и вредствовали бѣднымъ подданнымъ. Землю же и владѣнія, издревле принадлежащія монастырямъ и прочимъ партикулярнымъ людямъ, и которыя послѣ неправедно были у нихъ отняты, и которыя нынѣ раями называются, съ правосудіемъ и справедливостію должно быть сдѣлано прилежное слѣдствіе, и естьли окажется, что неправедно отняты, то должны быть имъ возвращены. Естьли нужно будетъ возобновить и возстановить натуральную и старую въ Волохіи пристань, называемую Орачъ-Кулучъ, для вящшей способности и пользы въ перевозѣ товаровъ съ ихъ земли въ другія мѣста, или съ другихъ мѣстъ въ ихъ землю, то Волохи могутъ то учинить другими образами и такъ, чтобъ не было то предосужденіемъ моей Блистательной Портѣ. Запрещается купцамъ входить въ Волохію, имѣть тамъ хутора и пасти скотъ. Есть дѣло запрещенное Визирямъ и Бейлеръ-Беямъ, слѣдуя въ мѣста ихъ правленія и возвращаясь изъ оныхъ, уклоняться съ прямой своей дороги, въѣзжать въ Волохію, и тамъ брать безъ заплаты и даромъ провизію и почтовыхъ лошадей, и другими требованіями притѣснять бѣдныхъ подданныхъ, ни подъ какимъ видомъ нѣтъ моего Императорскаго соизволенія, чтобы Визирь, Бейлеръ-Беи и ихъ свита выѣзжали съ прямой своей дороги, въѣзжали въ Волохію и притѣсняли подданныхъ. Такожде были даны прежде сего Ферманы, запрещающіе курьерамъ, слѣдующимъ въ разныя мѣста съ важными дѣлами, съѣзжать съ дороги, въѣзжать въ Волохію, и въѣхавъ въ Волохію, требовать лошадей сверхъ прописаннаго числа въ почтовыхъ Ферманахъ; равно и коммисарамъ, подобнымъ требованіемъ большаго числа лошадей, нежели прописано въ ихъ Ферманахъ, запрещено было причинять утѣсненіе. Но какъ въ исполненіе вышепомянутыхъ, прежде данныхъ, Ферамановъ, оказано было нерадѣніе, то впредь никоимъ образомъ не оставится совершенное исполненіе тѣхъ пунктовъ, и тѣ, кои посмѣютъ преступить Императорское повелѣніе, безъ медленія будутъ наказаны. Прежде сего были даны Императорскіе Ферманы въ томъ, чтобъ подданные Волоскіе, за собственными дѣлами ѣздящіе по торгамъ, деревнямъ и

уѣздамъ, на берегахъ Дунайскихъ лежащимъ, не были притѣсня-
емы отъ сборщиковъ податей и прочихъ въ тѣхъ странахъ началь-
никовъ, и съ требованіями отъ нихъ харача и шпенціи, и подъ
другимъ какимъ претекстомъ, и чтобъ люди и Кулджи сборщиковъ
податей, подъ видомъ исканія чужестранныхъ подданныхъ, не разъ-
ѣзжали въ земляхъ Волоскихъ, и теперь то будетъ приказано,
кому принадлежитъ, и запрещено съ угрозою казни. Что жъ ка-
сается до одѣянія подданныхъ и обывателей земскихъ, сходствен-
но какъ требуютъ и преимущества и вольности Волоскія, никто
не возможетъ учинить имъ ниже малѣйшаго оскорбленія. Бояре,
пріѣхавшіе съ представленіями земскими, хотя объявили, что имѣ-
ются Императорскіе Ферманы и Хатты-Шерифы, запрещающіе
принявшимъ законъ Магометанскій, подданнымъ Волоскимъ, уча-
ствовать въ наслѣдіяхъ; но какъ оные не существуютъ въ за-
пискахъ и протоколахъ, и не видно, чтобы таковые Ферманы и
Хатты-Шерифы были когда ни будь даны, а что дѣло сіе къ за-
кону принадлежитъ, то истребованы были въ семъ дѣлѣ сентен-
ціи и даны четыре Фетвы слѣдующаго содержанія: «Естьли Хри-
стіанинъ, учинившись Мусульманиномъ, умретъ, отецъ его не мо-
жетъ по немъ наслѣдовать; естьли мужъ жены Христіанки учи-
нится Туркомъ, а жена его въ невѣрствіи, мужъ не можетъ по-
ней наслѣдовать; естьли сынъ Христіанина учинится Туркомъ, а
отецъ его умретъ Христіаниномъ, сынъ не можетъ быть отцу
наслѣдникомъ; естьли Мусульманинъ освободитъ своего невольника,
который послѣ умретъ, не сдѣлавшись Мусульманиномъ, господинъ
его не можетъ по немъ наслѣдовать.» По силѣ сихъ имѣетъ быть
поступаемо. Если дѣло, приносящее ущербъ и угнетеніе поддан-
нымъ, покупка отъ людей и щетчиковъ Касабъ-Баши того уста-
новленнаго числа овецъ, которое повелѣваемо было искуплять въ
Волохіи посредствомъ Касабъ-Баши, съ соболѣзнованія къ поддан-
нымъ, запрещается подобная покупка тѣхъ овецъ; но какъ есть
дѣло нужное и потребное получать овецъ изъ владѣній моихъ
для назначенныхъ провинцій отъ міра, и для пропитанія обыва-
телей моей столицы, то подданные Волоскіе не имѣютъ скрывать
овецъ, которыя будутъ у нихъ продажны, но ходячею цѣною имѣ-
ютъ ихъ продавать купцамъ торгующимъ овцами, и съ надзира-
ніемъ князя Волоскаго не оставятъ присылать въ Константинополь
то число овецъ, которое можно, и имѣютъ давать овцы свои тѣ и

купцамъ, которые пригоняютъ ихъ въ Константинополь, не продавая оныя въ другія мѣста. Волоская земля есть яко житница моей столицы, и доставленіе провизій въ Константинополь основано на привозѣ оныхъ, чинимое изъ двухъ земель, Молдавіи и Волохіи. Мукаезъ провизіи, требуемое отъ сихъ двухъ земель, не для чего иного есть, какъ только чтобъ въ изобиліи живностей содержать обывателей Константинопольскихъ; но какъ объявлено, было, что требованіе Мукаезъ можетъ причинить ущербъ и предосужденіе бѣднымъ подданнымъ, то со стороны моей, Императорской, дѣлается снисходительство, чтобъ и сіе было запрещено, съ кондиціею, однако жъ, чтобъ Волохи сами привозили въ пристани хлѣбъ, отъ земледѣлія имъ приходящій, и скотъ стадами и по ходячей цѣнѣ продавали начальникамъ судовъ капана, а провизіи ихъ продавали бъ Капитанамъ судовъ, пріѣзжающихъ изъ Константинополя, а не въ другія мѣста, и подъ видомъ, что теперь запрещено Мукаезъ, не оставляли бъ земледѣлія и впредъ содержанія ихъ, не скрывали бъ провизій, которые у нихъ продажные, дабы и они имѣли прибытокъ, да и обыватели Константинопольскіе не претерпѣвали бъ въ пропитаніи, и въ семъ особо такъ Князья, к къ и Бояре должны прилагать радѣніе. Какая бъ то ни была вина и преступленіе, оказанные отъ подданныхъ Волоскихъ и Молдавскихъ, по обстоятельствамъ возставшей войны, и всѣ какіе бы то ни были дѣла и поведенія до сего времени, предаются вѣчному забвенію и прощаются моимъ Императорскимъ Величествомъ, и никогда въ умъ не придетъ попрекать, или наказывать, ихъ за прошедшія ихъ дѣла, и впредь пока не преступятъ долгу послушанія, покорности и подданства, то дѣло явное есть, что не испытаютъ иного, какъ только мою милость, благодѣтельство, милосердіе и соболѣзнованіе, и сіе мое Императорское прощеніе должно быть имъ обвѣщано, и въ то же самое время должно имъ рекомендовать и впередъ, чтобы они просили Бога за долгое сохраненіе моей Имперіи. Касательно до споровъ, бывшихъ прежде сего между Назиремъ Силистринскимъ и Княземъ Волоскимъ, о границахъ Анатуны, сверхъ того, что году Эгиры 1777 г. изданъ былъ знаменитый мой Хатты-Гумаюнъ о рѣшеніи сего дѣла и сверхъ того разные Императорскіе Ферманы въ истеченіи луны Шевалъ того жъ года, то и теперь, дабы пребывалъ навпредъ порядокъ, тогда постановленной, былъ данъ другой мой Император-

ской Ферманъ, которой имѣетъ быть исполненъ по силѣ своего со
держанія. Раздаяніе чиновъ въ Молдавіи и Волохіи состоитъ в
благоизволеніи и власти Князей людямъ достовѣрнымъ, избира
емымъ отъ нихъ между Боярами и Греками; рекомендуется и
препоручается Князьямъ давать Боярамъ, которые заслуживаютъ
преимущество, тѣ чины, кои обыкновенно они занимаютъ, и брать
какъ нужда повелитъ, въ свою службу способныхъ людей какъ из
Грековъ, такъ и земскихъ. Разнаго сорту дерева потребны къ стро
енію въ крѣпости, лежащія въ Ромеліи, и впредь имѣетъ быть руб
лено и привозимо изъ горъ Молдавскихъ и Волоскихъ. А какъ да
ны были прежде Ферманы, чтобъ издержки, чинимые въ рубленіи
и перевозкѣ тѣхъ деревъ, были по объявленію, на письмѣ учи
ненному отъ надзирателей таковыхъ строеній, плачены отъ Князей
въ счетъ подати отъ нихъ даваемой, то по мѣрѣ впредъ случаю
щихся нуждъ въ требованіи таковыхъ деревъ, имѣютъ быть пла
чены и сполна всѣ издержки въ рубленіи и перевозѣ ихъ из
суммы джезіе или подати, не вычитая и не удерживая ниже одной
аспры. Скотъ хуторей Мангальскихъ, которымъ владѣетъ Усты тог
мѣста, переправляемъ былъ для пастьбы, въ лѣтнее время, на мѣсто
называемое Севалія, принадлежащее къ Волохіи, а въ зимнее вре
мя возвращали тотъ скотъ въ деревню, называемую Сусла въ уѣздѣ
Мангальскомъ; и хотя во время зимнее, никогда тотъ скотъ не
оставался въ Волохіи, и никогда не были тамъ построены кышлакъ
то есть, зимовники, однако жъ на мѣстѣ, называемомъ Севалія, зи
мовники были построены и скотъ зимою не пригоняемъ былъ въ
Мангалію. Такожде брали въ свою службу подданныхъ Волоскихъ
и завладѣвали ими, чего ради данъ былъ мой Императорскій указъ
1180 г. Эгиры, луны Шеваль, адресованной къ Очаковскому Па
шѣ и Мангальскому судьѣ: въ оном повелѣно было, чтобъ скотъ
только въ лѣтнее время имѣлъ пастьбу въ Севаліи, а на зиму воз
вращался въ Мангалію; такожде, чтобъ запрещено было вышепо
мянутымъ Устамъ строить, не договорясь, зимовники и брать въ
свою службу подданныхъ; нынѣ же запрещается помянутая па
ства скота въ Волохіи и лѣтомъ и зимою, дабы бѣдные поддан
ные были ограждены отъ всякаго вреда. Милосердіе къ созданію
Божіему, которое есть залогъ Всевышняго, и соболѣзнованіе къ
бѣднымъ подданнымъ, суть качества справедливой моей природы,
которыя изъявляю я всѣмъ, а особливо подданнымъ, какъ благо-

урожденнымъ, такъ и народу въ Молдавіи и Волохіи, и выше писанные артикулы, не заключая ничего, кромѣ касающихся къ размноженію народа и удобренію земель, защищеніемъ сихъ двухъ провинцій отъ всякаго угнетенія и постановленіемъ оныхъ во всегдашнемъ покоѣ подъ тѣнію моего Императорскаго Величества Ты, вышепомянутый Князь, отправивъ и прочевъ сію мою Императорскую Грамоту, въ присутствіи всѣхъ Митрополитовъ, Епископовъ, Архимандритовъ, Игуменовъ, Бояръ, Бояринашовъ, Капитановъ, начальниковъ и подданныхъ всея земли, объявишь и сообщишь имъ прямое содержаніе оной. И дабы напредь постановленной нынѣ порядокъ былъ соблюдаемъ, сохранишь сей мой Императорской указъ, и исполняя оной, наказывать, сколько возможно, имѣешь всѣхъ преступавшихъ оной: всякой разъ, когда нужно, прибѣгнешь къ артикуламъ, въ немъ объясненнымъ и начертанныхъ, и дашь о томъ знать моей милосердной Портѣ. Вины и преступленія, учиненныя во время войны отъ подданныхъ и Бояръ Молдавскихъ и Волоскихъ, суть уничтожены и прощены, какъ выше сказано, отъ моего Императорскаго Величества, и хотя было повелѣно, чтобъ оставляемы были имъ чины и ихъ владѣнія, которые имѣли до настоящей войны, однако жъ вѣчное соблюденіе выше помянутыхъ артикуловъ, наполненіе вновь обывателями разоренную въ теченіи войны область, тишина и благоденствіе жителей, завися отъ удобренія земли и приведенія земледѣлія въ цвѣтущее состояніе, чѣмъ прямо и Бояре содержутся, получая прибытки, имъ принадлежащіе. По старому обыкновенію, земля, охраняя и защищая Бояръ, которые происходя, по старому земли обыкновенію, въ чины земскіе, исполняютъ долгъ послушанія и покорности и сообразуются повелѣніямъ и волѣ своего Князя, и отъ старанія и радѣнія принимать ихъ въ службу и доставлять имъ выгодное состояніе со всѣми дистанціями; но отъ нѣкотораго времяни, противу древнихъ земскихъ установленій, неправедныя и насильныя присвоенія и опустошеніе, отъ войны происшедшее, бывъ причиною разоренія той земли, повелѣвается, чтобъ удержались они отъ требованія, противу ихъ привилегій, податей, подданныхъ несносныхъ. И тѣ, кои преслушны моему Императорскому соизволенію, причинятъ убытокъ и утѣсненіе бѣднымъ подданнымъ, вмѣшиваясь въ дѣла, имъ не принадлежащія, чиня претензіи непристойныя и требуя правъ несправедливыхъ, повре-

дятъ установленный порядокъ и воспрепятствуютъ исполнен
утвержденій, во благо земли отъ Князя чинимыхъ, и кои посм
ютъ противиться Князю, избранному и постановленному отъ мо
Блистательной Порты, то Князья имѣютъ дозволеніе, власть и с
лу, наказывать ихъ, смотря по винѣ каждаго, и ты, вышеупом
нутой, дабы прежде писаннымъ образомъ, употребляя власть, т
даваемую, въ наказаніи таковыхъ искалъ бы доставить спокойст
подданнымъ и возстановить благой въ земли порядокъ, данъ с
мой Императорской указъ. Какъ Бояре, такъ и прочіе подданны
Волоскіе, доколѣ исполнятъ съ вѣрностію, откровенностію и спр
ведливостію долгъ покорности и подданства своихъ и удовлетв
рятъ съ послушаніемъ и покорностію Императорскимъ моимъ п
велѣніямъ, не выступятъ изъ прямаго пути, то всячески съ мо
Императорской стороны оказано имъ будетъ всякое милосердіе
милость и испытаютъ подъ тѣнію моею отъ Императорскаго В
личества наимилостивѣйшія награжденія за убытки и разоренія
во время войны ими понесенныя, и каждой, предая забвенію про
шедшія бѣдствія, наслаждаться будетъ вѣчною тишиною и спо
койствіемъ. Ты же, Князь, и наслѣдники твои, доколѣ соблюдет
и удовлетворите по вышепомунятымъ постановленіямъ должном
повиновенію къ моей Блистательной Портѣ, такожде и должном
благодаренію за высокія милости, испытанныя тобою отъ моег
Императорскаго Величества, и пока не учинишь какого ни буд
явнаго преступленія, по которому бы слѣдовало твое низверженіе
долженствуешь пребывать въ безопасности отъ смѣны, или низвер
женія тебя, и пока пребудешь вѣренъ, останешься пользоваться тво
имъ Княжествомъ, и всѣ вышепомянутые артикулы будутъ соблю
дены и всегда, такъ со стороны моего Императорскаго Величества
какъ и со стороны моихъ Визирей и намѣстниковъ, приме ся вся-
кое стараніе и радѣніе, дабы пользовались тѣми выгодами и Им-
тіязать, коими пользовались во время Его Императорскаго Вели
чества славной памяти моего прадѣда, Султана Мегмеда. И всѣ тѣ
кои посмѣютъ что либо сдѣлать противное сему постановленію
какъ съ обывателей близъ-Дунайскихъ, такъ и съ прочихъ, малы
и большіе, той же самой минуты, что о томъ увѣдомлено будетъ
безъ сомнѣнія и точно будутъ наказаны. Содержаніе сего моег
Императорскаго указа должно быть объявлено Боярамъ и под
даннымъ Волоскимъ, и должно рекомендовать и вперять имъ, чтоб

не упустили они чинить теплыя молитвы о сохраненіи моего Императорскаго Величества, и чтобъ береглись и уклонялись преступать сей мой Императорскій указъ. Написано въ половинѣ луны Шевваля 1188-го году Эгиры, то есть, 15 Декабря по старому стилю, 1774 года.

Хатти-Шерифъ, адресованный къ Молдавскому Князю Григорію Гикѣ, есть слово отъ слова сему подобный, кромѣ слѣдующей въ немъ прибавки:

«Хотя былъ въ обыкновеніи Князь Молдавскій брать таможенно живностей, товаровъ и прочихъ вещей, приходящихъ въ Галацкую пристань, люди, однако жъ, принадлежащіе Назирю Килійскому, причиняли тамъ разныя утѣсненія; чего ради дано Императорское повелѣніе, дабы люди помянутаго Назиря не приходили въ Галацъ и не дѣлали бы претензіи на помянутую таможню. Но какъ не находится въ протоколѣ Императорскаго Дивана никакое запрещающее повелѣніе Кюмрукчію переходить изъ Исакчи въ Галацъ, то принято будетъ стараніе, чтобъ какъ люди Назиря Килійскаго, такъ и таможни Исакчинской, не переходили безъ нужды въ Галацъ, подъ именемъ собиранія постановленнаго количества селитры, потребной въ Имперіи моей Монетной Дворъ, для плавленія золота и серебра, по обыкновенію ежегодно изъ Молдавіи получаемаго, ѣздили нѣкоторые и брали на себя тотъ подрядъ, и подъ тѣмъ претекстомъ причиняли ущербъ и утѣсненіе бѣднымъ подданнымъ, что, будучи противно моему Императорскому соизволенію, жалуется уничтоженіе сего, съ кондиціею, однако жъ, что не будетъ впредь посылаться Назиръ подъ именемъ подрядчика, но должно присылать то количество селитры, которое нужно въ мой Императорской Монетной Дворъ; цѣна же и перевозъ оной селитры должна быть исполна заплачена подданнымъ изъ подати Молдавской, и чтобъ посредствомъ Князя Молдавскаго было то учинено и извѣщено въ Императорской мой Монетной Дворъ, и съ той пристани, въ которую доставлена будетъ та селитра, должна оная быть привезена въ Константинополь.»

О Молдавскихъ и Волоскихъ дѣлахъ.

Въ продолженіи сихъ дѣлъ, послѣ отправленія послѣдняго курьера, противу того, что имѣлъ честь донести Вашему Сіятельству, учинены нѣкоторыя перемѣны, какъ то изволите усмотрѣть

съ приложенія копіи изъ Хатти-Шерифа, даннаго Валахіи. Впрочемъ, постановленіе пунктовъ, содержащихся въ оном, не имѣя самъ довольнаго свѣдѣнія о внутреннемъ тѣхъ Княжествъ положеніи, чтобъ рѣшительно представить объ оныхъ, не оставилъ я испрашивать объясненія и совѣта отъ человѣка, въ сихъ дѣлахъ много искуснаго и ближайшій интересъ имѣющаго, Волоскаго новопроизведеннаго Князя, Александра Гипсиланди, котораго по признанію его отъ Волоховъ, такъ чрезъ депутатовъ сей націи, отъ Вашего Сіятельства сюда присланныхъ, какъ и чрезъ нарочно для того пріѣхавшихъ изъ Бухареста, и я за нужное почелъ обнадежить благосклонностію Вашего Сіятельства. Съ его и съ Яковакія Ризо, повѣреннаго въ дѣлахъ Князя Гики, и съ удовольствіемъ депутатовъ обоихъ Княжествъ постановлены, одинъ по одному, всѣ пункты, находящіеся въ Хатти Шерифѣ, который при томъ, какъ Ваше Сіятельство сами изволите примѣтить, согласуетъ артикулу мирнаго трактата. 1-й пунктъ, о пребываніи Князей, основанъ также на трактатѣ, гдѣ, для вящшей достовѣрности о безсмѣнномъ пребываніи Князей, по усильнымъ настоятельствамъ съ нашей стороны и представленіямъ, что постановленія, учиненныя между верховными уполномоченными, посредствомъ ихъ переписки, должно почитать, равно какъ и самый трактатъ, которые въ семъ случаѣ Султанъ Хатти-Шерифомъ своимъ подтверждаетъ. Не имѣя точнаго отъ Вашего Сіятельства повелѣнія рѣшительно заключить сіе дѣло, и опасаясь съ другой стороны дать отказомъ мѣсто мнительности и подозрѣнія настоящаго правленія, худыя какія либо дѣлать толкованія при настоящихъ обстоятельствахъ, требовалъ я отъ Порты, чтобъ Визирь писалъ къ Вашему Сіятельству о семъ дѣлѣ, которое я на постановленномъ между нами основаніи, до полученія повелѣнія Вашего Сіятельства, для пріостановленія только дѣла пріемлю. Такожде требовалъ, чтобъ Визирь, призвавши депутатовъ обоихъ Княжествъ, сообщилъ имъ содержаніе Хатти-Шерифовъ, и естьли они довольны, то учинилъ бы имъ надлежащее преимуществамъ по собственному ихъ чину отправленіе, что все и учинено. Депутаты приняты были 17 сего мѣсяца съ найласковѣйшими оказательствами, благодарили Визиря и отправлены отъ него. Хатти-Шерифъ Молдавской есть слово отъ слова подобенъ Волоскому, исключая одну только прибавку, которая означена въ концѣ прилагаемаго перевода.

Сверхъ Хатти-Шерифовъ, даетъ Султанъ обоимъ Князьямъ дипломы. Упомянутое выше къ Вашему Сіятельству отъ Верховнаго Визиря письмо, вручено сему курьеру. Волоской Князь на сихъ дняхъ выѣхалъ изъ Константинополя.

Переводъ съ представленія, учиненнаго Верховному Визирю, отъ назначеннаго Чрезвычайнаго и Полномочнаго посла въ Россію, Абдулъ-Керима-Паши.

Послѣ заключенія мирныхъ трактатовъ, отправленіе взаимное между Дворами посольствъ, не для прибыли дѣлается, но для вящшаго утвержденія мира. Дворъ Россійской отъ времяни, какъ получилъ титулъ Императорской, не имѣлъ Посла съ чиномъ Бейлеръ-Бея Ромельскаго, а переводчики сего Двора требуютъ отъ Вашего слуги, ѣдущаго въ Россію, записки, сколько надобно ему разныхъ провизій. Подобнаго требованія никому никогда не учинено отъ времяни, какъ установленъ между Европейскими Дворами церемоніалъ. И я на сіе отвѣчаю. Издревлѣ до сего времяни Послы не иное дѣлали, какъ въ дѣйство производитъ церемоніалы, согласные съ дружбою и откровенностію. Къ Великому Императору, послѣ Карловицкаго трактата былъ отправленъ Посломъ Ибрагимъ-Паша, а 1153 года Эгиры посланъ былъ къ нему съ характеромъ Бейлеръ-Бея Джаниби-Паша, и отъ него присланы были Послы, почитаемые равнаго чина съ преждепомянутыми, и исполняли церемоніалы дружественные и пріятственные; но ни въ исторіяхъ, ни въ протоколахъ нигдѣ не написано, чтобъ подобные запросы сдѣланы были съ одной, или съ другой, стороны. А обыкновенно, когда Посолъ пріѣдетъ на границу, то Мигмандаръ спрашиваетъ, коликое число людей и лошадей имѣетъ Посолъ; а потомъ, доставляя всѣ надобныя живности, сходственно съ достоинствомъ своего Двора, и препровождаетъ его до назначеннаго мѣста. Селимъ-Эфенди недавно возвратился изъ посольства въ Вѣну; можно спросить отъ него, естли прежде отъѣзду учинено ему подобное вопрошеніе со стороны Нѣмцовъ? Долженъ ли отвѣтствовать слуга Вашъ на таковые вопросы? Отвѣчать, это бы было преступить долгъ моей службы. Подобныхъ вопрошеній не дѣлаютъ ни купцы, ни ремесленники. Повелѣніе слугѣ Вашему ѣхать отъ Блистательной Порты къ Двору Россійскому, не для чего иного

есть, какъ для утвержденія дружбы. Я есмь послушный слуга моихъ Господъ, и не имѣю иного отвѣта дать, какъ только, что поступлю по повелѣніямъ Вашимъ, о чемъ, увѣдомивъ Васъ, предаюсь повелѣніямъ Вашимъ.

ВСЕПОДДАННѢЙШІЯ ДОНЕСЕНІЯ

и

ПИСЬМА

ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО.

1775 ГОДЪ.

1775 года, 7 Генваря.

Преосвященнѣйшій Господинъ Архіепископъ и Митрополитъ Молдавскій,

Милостивый Архипастырь мой!

Съ новымъ признаніемъ благодарю Вашему Преосвященству за полученное здѣсь письмо Ваше, въ которомъ изражаете чувства Христолюбиваго Пастыря и преданнаго усердіемъ по вѣрѣ и правѣ къ пользѣ нашей, яко единозаконниковъ. Я съ неменьшимъ прискорбіемъ несу мою разлуку съ Вашимъ Преосвященствомъ, и еще больше оную чувствую по мѣрѣ огорченія, Вами исповѣдуемаго; но судьбы Предвѣчнаго инако того не могли опредѣлить.

Доводы благочестивой ревности Вашего Преосвященства къ интересамъ Всеавгустѣйшей нашей Императрицы, Ея Всемилостивѣйшее покровительство и возблагодареніе, на всякое время готовы для Васъ. И я, хотя отнюдь не вижу изъ настоящихъ отзы-

вовъ Порты и самаго положенія дѣлъ, чтобъ какое ни будь об стоятельство грозило сомнѣніемъ, а и того меньше опасностію, пр быванію Вашего Преосвященства на мѣстѣ своей паствы, удов летворяя, однако жъ, волѣ Вашей, включаю здѣсь пашпортъ, кото рый въ запасъ имѣть Вы хотѣли. Я увѣряю Ваше Преосвящен ство, что во весь мой вѣкъ не угаснетъ въ сердцѣ моемъ почте ніе и благодарность къ Вамъ, которымъ и не полагаю предѣловъ и съ коимъ, препоручая себя Вашему Пастырскому благословенію имѣю честь быть.

1775 года, 7-го Марта.

Преосвященнѣйшій Г-нъ Митрополитъ Угровлахскій

Милостивый Архипастырь мой!

Извѣстенъ будучи о достоинствахъ, по доброй объ нихъ сла вѣ, опредѣленнаго отъ Блистательной Порты Господаремъ въ Кня жество Волошское, Его Сіятельства, Александра Ипсиланди, и имѣя отъ него собственной отзывъ, съ коликимъ духомъ благости и усердія на пользу общую воспріемлетъ онъ отправленіе своего званія, не сомнѣваюсь я, что Ваше Преосвященство, яко добрый пастырь врученному Вамъ отъ Бога стаду, возбудите во всѣхъ должное признаніе къ власти, предуставленной въ начальникѣ, воз веденномъ надъ областію.

Во все время, доколѣ управлялъ я оружіемъ Всемилости вѣйшей моей Государыни въ земляхъ Вашихъ, Ваше Преосвящен ство, по образу свойственнаго Вамъ благомудрія, были побуждаю щимъ примѣромъ всѣмъ согражданамъ пещися о лучшемъ поряд кѣ и благѣ своей отчизны; я не могъ по тому остаться теперь в молчаніи, чтобъ, въ лицѣ Вашего Преосвященства, не преподат всѣмъ чинамъ духовнаго и мірскаго званія, усерднаго моего со вѣта, дабы благочиніе и повиновеніе начальству было правилом ихъ поведенія. Я пишу сіе въ томъ удостовѣреніи, что Его Сія тельство, нынѣшній Господарь, Александръ Ипсиландій, конечн всѣ благіе способы обращаетъ и обращать будетъ на умноже пользы народной, и чтобъ найвящшимъ образомъ процвѣта

отечество Ваше, въ полномъ ощущеніи всего того добра, которое въ себѣ заключаютъ условія мира, между высокихъ Имперій постановленнаго.

Извѣстно каждому, что вся и всѣмъ свобода предоставлена мирнымъ трактатомъ къ переселенію изъ Валахіи въ Россію, и не можетъ никому быть въ томъ воспященія, до истеченія срока. Я, однако жъ, надѣюсь, отъ благоразумія каждаго, кто симъ общимъ дозволеніемъ восхощетъ пользоваться, что не произойдетъ тутъ ни кому во вредъ партикулярный озлобленія и обидъ тягостныхъ, но паче соблюдаемъ будетъ пристойный порядокъ, что переселяющіеся своимъ отъѣздомъ не нанесутъ своимъ согражданамъ вреда и обидъ, по пункту приватныхъ между собою долговъ, но удовлетворить потщатся паче каждый своему въ томъ обязательству, прежде еще отбытія изъ своей отчизны.

Я утруждаю Ваше Преосвященство, чтобы всѣмъ Боярамъ сей мой совѣтъ благоволили объявить, и увѣрить ихъ вообще о моемъ непоколебимомъ и всеискреннемъ для всѣхъ и каждаго благожелательствѣ, съ которымъ я, препоручая себя Вашему Архипастырскому благословенію и молитвамъ, пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ.

1773 года, 18 Марта.

ВОЕЙКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Ѳедоръ Матвѣевичъ!

Отъ монастыря Велико-Скитскаго, положеніе имѣющаго въ землѣ Галицкой, доставшейся, по послѣднему раздѣлу Польши, въ обладаніе Австрійскаго Двора, посланы нѣкоторые изъ братій онаго въ Кіевъ, для исправленія нуждъ ихъ обители. Сей монастырь, отъ самаго времени царствованія блаженныя памяти Государя Царя Ѳеодора Алексѣевича, пользовался особливымъ покровительствомъ и призрѣніемъ Высочайшаго Двора нашего, и отъ Ея И. В., нынѣ благополучно Государствующей, удостоился, наконецъ, полу-

чить жалованную грамоту, по поводу чего я прошу Ваше Высокопревосходительство, въ пребываніи тѣхъ посланныхъ въ Кіевѣ, оказать имъ всякое возможное благодѣяніе и помощь, а если бы надобность ихъ требовала поѣздки и въ Москву, то и на оную снабдить ихъ Вашимъ пашпортомъ.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ пребуду навсегда.

Мая 22 дня, 1775 года.

ВОЙЙКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Ѳедоръ Матвѣевичъ!

Для содержанія въ пути Чрезвычайнаго и Полномочнаго Оттоманской Порты Посла, Беглеръ-Бея Румелійскаго, Сеидъ-Абдулъ-Керимъ-Паши, опредѣленная сумма въ сорокѣ тысячахъ рубляхъ, какъ по большой части состоитъ въ ассигнаціяхъ, кои въ Польшѣ употреблены быть ни какъ не могутъ, то, чтобъ отвратить во время проѣзда упомянутаго Посла къ Кіеву, прошу я Ваше Высокопревосходительство, по сношенію о семъ съ Г. Генералъ-Маіоромъ, Барономъ Игельштромомъ, замѣнить ассигнаціи наличными деньгами, на требуемое отъ него число, изъ суммъ, имѣющихся въ Вашемъ вѣдѣніи.

Я имѣю честь быть съ непремѣннымъ почтеніемъ.

1775 года, Мая 22 дня.

ВОЙЙКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Ѳедоръ Матвѣевичъ!

Пока еще Его Сіятельство, Чрезвычайный и Полномочной Посолъ, Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, не отправится изъ Кіева, быть могутъ ко мнѣ изъ Царьграда куріеры, и для сего я прошу Вашего Высокопревосходительства, по своему разсмотрѣ-

нію, благоучредить, въ разсужденіи карантинной заставы, чтобы оныхъ задерживать въ Васильковѣ, по мѣрѣ предосторожности и сомнѣнія, ежели оные нужны и предстоять будутъ, а письма у нихъ отбирая, доставлять Его Сіятельству, Послу, которой потомъ мнѣ оныя сообщитъ. Ради сего благоволите Ваше Высокопревосходительство предложить Г. Генералъ-Маіору Ширкову, дабы онъ Турецкихъ куріеровъ и нашихъ, что въ ихъ земли посланы, обращалъ на Васильковъ, а не другой путь.

Есмь съ непоколебимою преданностію и почтеніемъ.

1775 года, 24 Марта.

ВЯЗЕМСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Алексѣевичъ!

Чтобъ, по Всевысочайшему соизволенію Ея Императорскаго Величества, мѣдная монета, дѣланная подъ чеканомъ Княжества Молдавскаго и Мунтянскаго, изъ завоеванныхъ у непріятеля орудій, Королевскимъ Польскимъ Тайнымъ Совѣтникомъ, Барономъ Гартенбергомъ, равно и по данной привилегіи, Генералъ-Маіоромъ и Кавалеромъ Мелисиномъ, обращена была на пользу казны безъ тягости народной, не преминулъ, съ моей стороны, взять мѣры, и для того предписалъ управлявшимъ въ Молдавіи и Валахіи принимать оной въ Диванахъ, то число, которое отъ Барона Гартенберга (коему и Г. Мелисино уступилъ свое право), по его обязательствамъ, взносима будетъ, и держа изъ оной внутренные земскіе расходы, въ замѣну отсылать въ военный Коммисаріятъ золотыя и серебренныя деньги, вступающія въ казну Ея Императорскаго Величества изъ тамошнихъ откуповъ и другихъ доходовъ; къ сожалѣнію, однако жъ, изъ всѣхъ подобныхъ мѣроположеній, отъ недовольнаго надзиранія управляющихъ, произошли злоупотребленія. Ваше Сіятельство, получая отъ тамошнихъ правительствъ ежемѣсячныя вѣдомости о состояніи казны, видѣли, коль знатное число сихъ мѣдныхъ денегъ въ наличности показываемо было при

Молдавскомъ Диванѣ. Я, будучи по званію своему обязанъ другими дѣлами и въ войнѣ отдаленъ отъ очевиднаго наблюденія, усмотря то, однако жъ, изъ первоподанныхъ мнѣ тамошнихъ вѣдомостей, и зная, что отъ Гартенберга во взносѣ самое малое количество состояло, да и въ народѣ та монета еще почти не обращалась, повелѣлъ о томъ найточнѣйшія слѣдствія. Тутъ оказалось, что люди, къ разнымъ статьямъ сборовъ опредѣленные, и по откупамъ у оныхъ бывшіе, и самые между оными тамошніе правители, корысть свою выше всего поставляя, изыскивали оную всякими непозволенными образы, и умыслили прибрать къ рукамъ своимъ все золото и серебро, а мѣдью отяготить казну и народъ, имѣя сіи деньги на самомъ заводѣ и взнося оныя въ казну вмѣсто собранной съ народа по откупамъ золотыхъ и серебряныхъ; чрезъ такову мѣру и потеряла сія монета всю пропорцію противъ другой въ курсѣ и въ продажѣ товаровъ и припасовъ. За симъ поправленіе такова происшедшаго злоупотребленія возложилъ я на Г. Генералъ-Маіора Римскаго-Корсакова, опредѣленнаго къ управленію дѣлъ въ Молдавіи, съ тѣмъ точно предписаніемъ, чтобы въ казнѣ, за всѣ статьи сборовъ, деньги состояли въ той самой монетѣ, каковою оныя съ народа собраны, и что онъ самъ въ упущеніи должнаго надзиранія отвѣтствовать, и казенный убытокъ изъ своего собственнаго имѣнія пополнить обязанъ будетъ. Не преминулъ я и въ послѣдованіи, не видя исполненія по тому, нѣсколькократными моими повелѣніями напоминать ему; а подобнымъ тому образомъ и во время болѣзни моей, по приказанію моему, Господа Генералы, Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ и Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, ему о томъ же подтверждали, чтобы онъ взнесшихъ мѣдную монету, вмѣсто серебряной и золотой, въ пошлинахъ и другихъ сборахъ собранной, понудилъ обмѣнять на сію послѣднюю, употребя всѣ средства, законами на таковыя случаи предписанныя. Но когда и все сіе было безъ успѣха, и отъ Г-на Корсакова получаемы были только рапорты, изъявляющіе невозможность въ томъ, то я долженъ былъ, наконецъ, приняться самъ за сіе дѣло и войти въ подробное онаго разсмотрѣніе. Все то, въ чемъ тамошніе обличены были прямо явнымъ прикосновеніемъ къ принадлежащему казнѣ, я приказалъ взыскать на нихъ; къ крайнему, однако жъ, прискорбію во многомъ убѣжденъ былъ и оправданіями ихъ, особливо бывшаго во время

нше Великимъ Вистіаріемъ Кантакузина, что всѣмъ симъ злоупотребленіямъ подалъ поводъ не только недовольнымъ надзираніемъ опредѣленныхъ въ таможнее правительство, для сохраненія порядка и на подкрѣпленіе нашихъ интересовъ, кои всѣ оставлены при однихъ моихъ подтвержденіяхъ, дѣланныхъ имъ во всякое время съ найстрожайшими выраженіями, но и явнымъ покушеніемъ на принятіе не надлежащее таковой монеты. Не меньше, и что многіе изъ нашихъ, въ мѣстахъ здѣшнихъ, въ образѣ купцовъ и всякаго рода промышленниковъ, обращавшихся, оставляя всякое другое пристойное упражненіе, мѣняли сію монету и выкупали оную изъ Молдавіи, ожидая себѣ прибытку большею частію на счетъ казны, какъ то и теперь многіе ко мнѣ приходятъ съ жалобами, яко бы они, имѣя многое число той монеты, подвергаются большимъ убыткамъ, хотя по всѣмъ изслѣдованіямъ не видно, чтобы оная въ такомъ большомъ количествѣ могла имъ достаться инако, какъ подобнымъ для корысти вымѣномъ и выкупомъ. За всѣми вышеписанными взысканіями, осталось сихъ денегъ 147,414 руб. 17 коп., которыхъ не имѣвъ способовъ употребить въ расходъ, я принужденъ былъ приказать вывезти сюда изъ Молдавіи; но и здѣсь оныя не могутъ имѣть ходу, и никто не даетъ за пудъ выше 4 р. 50 коп. Въ началѣ дѣла сего имѣвъ съ Вашимъ Сіятельствомъ переписку, и въ настоящихъ обстоятельствахъ къ Вамъ адресуюсь, прося сообщить мнѣ Ваше мнѣніе, или же, въ случаѣ надобности, исходатайствовать Всевысочайшее рѣшеніе Ея Императорскаго Величества, повелѣно ли будетъ оную здѣсь продать, либо, какъ я слышу, что въ Россіи теперь мѣдь надобна, и большою цѣною продается, доставить оную внутрь границъ своихъ. Долженъ я при томъ упомянуть здѣсь, что по разсужденіи многихъ, металлъ сей примѣшаніемъ на смягченіе онаго для надобнаго употребленія, приведенъ въ неудобность къ передѣлкѣ во всякую другую посуду, кромѣ обращенія онаго по прежнему въ пушки, или колокола. Я, ожидая отъ Вашего Сіятельства на сіе отвѣта, пребываю съ совершеннымъ высокопочитаніемъ.

1775 года, Мая 11 дня.

ПРОЗОРОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Александровичъ!

Изготовивши отправленіе къ Вамъ сего куріера, имѣлъ я честь получить Ваше всеприятнѣйшее отъ 8-го сего теченія. Нѣтъ, кажется, еще никакихъ прямо видовъ, которые бы насъ въ чемъ ни будь стѣснили, и нельзя сомнѣваться, чтобы командированіе полковъ на Линію не была одною изъ первыхъ причинъ, между другими, надобность привесть къ концу работы. Ваше Сіятельство сами благопризнаете, что гдѣ большая часть войска, тамъ надобно быть и первому начальнику; слѣдственно, выѣздъ Вашъ и занятіе поста по близости къ тѣмъ самымъ войскамъ для лучшей удобности распоряжать на всѣ стороны, по мнѣнію моему, не можетъ подать ни какихъ сомнѣній.

Строеніе блокгауза по чертежу, отъ Васъ присланному, я апробую; но что принадлежитъ до галереи, гдѣ часовому мѣсто назначено, то оное его совсѣмъ открываетъ, а удобнѣе сдѣлать его въ кровлѣ такъ, чтобъ тому часовому видѣть все удобно было въ околичности, но онъ самъ примѣченъ быть не могъ бы.

Есьмъ со всесовершеннымъ почтеніемъ.

1775 года, 16 Декабря.

ПРОЗОРОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Александровичъ!

Имѣя къ собственному удовольствію сей случай, пользуюсь сказать Вашему Сіятельству всеискреннее мое желаніе, дабы свершили вы экспедицію Вамъ вѣренную, тѣмъ щастливо, колико ожиданіе того нетерпѣливо. Въ примѣчаніи дальнѣйшихъ по востребованію Вашему, Вы конечно отъ меня во времени снабдѣны

будете, и я, кромѣ должности, которая налагаетъ сіе на меня, побуждаемъ къ тому и со стороны усердія моего къ Вамъ наибольшаго. Въ дружескую конфиденцію примите, Ваше Сіятельство, мою мысль, чтобы въ выборѣ курьеровъ быть весьма осторожну, и не всѣхъ тѣхъ посылать, кои просятъ отправленія, имѣвъ здѣсь свои нужды, или по другимъ причинамъ, но такоыхъ, коихъ бы можно отправляя обратно, положиться впрочемъ на него. Сюда прибылъ отъ Васъ одинъ, именно Фагонъ, поведеніе коего, конечно, не было извѣстно Вашему Сіятельству; но я, не стараясь описывать его состояніе, довольствуюсь сказать только, что полагаться на него въ сихъ случаяхъ ни съ которой стороны не можно, и потому было бы не худо для сего опредѣлить изъ Оберъ-Офицеровъ надежныхъ, или унтеръ-офицеровъ, по усмотрѣнію, однихъ навсегда.

Пребываю, впрочемъ, съ непреложнымъ почтеніемъ.

1775 года, 19 Ноября.

ПРОЗОРОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Александровичъ!

Читая Ваши донесенія, видѣлъ я не безъ сожалѣнія о припадкѣ Вашемъ, и о томъ, что воспрепятствовало поступить Вамъ на дальнѣйшія предпріятія въ дѣлѣ предположенномъ. Не отъ васъ зависятъ противустать естественному загражденію, и Вы больше о томъ увидите изъ моего ордера, что потому опасаться вамъ ни съ которой стороны нѣтъ причины. А что Ваше Сіятельство стѣснены скорбію найпаче о своихъ подчиненныхъ, не безъ трудности переносящихъ свои подвиги, нежели о себѣ самомъ, и соболѣзнуете найбольше, не могучи въ семъ разѣ произвесть того, въ чемъ есть воля Государская и собственная Ваша слава, я безъ всякаго сомнѣнія увѣренъ. И желая Вамъ къ достиженію того всѣхъ и всякихъ преуспѣяній по мысли Вашей, пользуюсь, между тѣмъ, повторить Вамъ о томъ истинномъ усердіи и всесовершенномъ почтеніи, съ коими никогда не престану быть.

1775 года, 28-го Ноября.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Іюля 3-го числа, текущаго года, явился у меня, монастыря Велико-Скитскаго, который между иными вошелъ изъ Польскаго въ Цесарское владѣніе, Іеромонахъ Парфеній отъ Игумена съ письмомъ, коимъ онъ, изъясняя того монастыря притѣсненія, причиняемыя отъ Австрійскаго Министерства угрозою, изгнаніемъ ихъ изъ онаго, просилъ моего пособія. И какъ сей монахъ мнѣ сказалъ, что онъ тайно и мимо вѣдома тамошняго начальства, подъ видомъ, будто за нуждами въ Польшу посланъ, то я по многимъ обстоятельствамъ не судилъ быть приличнымъ ему на то письмо отвѣчать, и монаха отпустилъ съ тѣмъ токмо совѣтомъ, чтобы та обитель отозвалась въ томъ съ прозьбою къ Чрезвычайному Послу Вашего Императорскаго Величества, въ Вѣнѣ находящемуся. Но какъ Г. Генералъ-Поручикъ и Кіевскій Губернаторъ Ширковъ меня репортуетъ, что изъ того же Велико-Скитскаго монастыря явились въ Васильковѣ уже два монаха, Антоній и Палладій, съ объявленіемъ, что они минувшаго Августа 26-го, за ограбленіемъ ихъ имущества и изгнаніемъ изъ монастыря командою Цесарскаго войска, отправлены въ Россію отъ ихъ Игумена съ Всевысочайшею грамотою, въ 1771 году тому монастырю пожалованною въ Санктпетербургѣ, то и велѣлъ я сихъ монаховъ задержать въ Васильковѣ, въ тамошнемъ монастырскомъ домѣ, и спѣшу симъ Вашему Императорскому Величеству о томъ всеподданнѣйше донесть и просить Вашего Всевысочайшаго повелѣнія, какъ и какимъ образомъ мнѣ поступить съ оными монахами, и особливо съ имѣющеюся у нихъ грамотою.

Повергающійся къ стопамъ Вашимъ во всеглубочайшемъ благоговѣніи.

ДОЛГОРУКОВУ.

Милостивой Государь мой,

Князь Василій Михайловичъ!

О измѣнѣ Намѣстника Ханства Калмыцкаго Убаши, первымъ увѣдомленіемъ было мнѣ письмо Ваше, подъ № 22-мъ. Прошу Вашего Сіятельства, при случаѣ, рѣшить мое сомнѣніе въ томъ, со всѣми ли Калмыцкими улусами, или съ собственнымъ токмо, сей владѣлецъ отложился и ушелъ?

Мурзу Татарскаго Абды, присланнаго къ Вамъ изъ Санктпетербурга, я не знаю, гдѣ могу его помѣстить, ибо въ Аккерманѣ ни одинъ Татаринъ не живетъ, а только въ тамошней окрестности, въ мѣстечкѣ Татаръ-Бунарѣ, пребываетъ одинъ Мурза Татарской, что при завоеваніи Аккермана поддался подъ протекцію оружія Ея Императорскаго Величества.

Если угадываю, то у Васъ находящійся Мурза есть тотъ, коего Ханъ Крымскій, по разбитіи прошлаго года Турецкой арміи, посылалъ къ Визирю за Дунай. Не найдете ли, Ваше Сіятельство, приличнымъ, по происходящей негоціаціи съ Крымомъ, туда его употребить въ посылку? А у меня, какъ выше я сказалъ, негдѣ его дѣвать.

Пребываю съ непремѣннымъ и истиннымъ почтеніемъ.

ОЛСУФЬЕВУ.

1775 года.

Милостивый Государь мой,

Адамъ Васильевичъ!

Въ слѣдствіе почтеннѣйшаго письма Вашего отъ Августа, имѣю честь препроводить къ Вашему Высокопревосходительству

два реестра разнымъ посланнымъ, на бывшіе въ Фокшанахъ и Бухарестѣ конгресы, вещамъ, кои, при заключеніи мира въ Кайнарджѣ, по повелѣнію моему, отъ Г-на Тайнаго Совѣтника и Кавалера Обрескова, приняты были Г-мъ Полковникомъ Безбородкомъ. Въ первомъ изъ сихъ реестровъ Ваше Высокопревосходительство найти изволите всѣ тѣ вещи, кои, по повелѣнію моему, вышли въ подарокъ по случаю заключенія мирнаго дѣла и въ послѣдованіи, а въ другомъ означены вещи, отъ расхода оставшіяся, кои, по Всевысочайшему именному Ея Императорскаго Величества Указу, отъ 22 Апрѣля сего 1775 года, отданы въ распоряженіе Чрезвычайнаго и Полномочнаго въ Портѣ Посла, Г. Генерала, Лейбъ-Гвардіи Подполковника и Кавалера, Князя Николая Васильевича Репнина, подъ росписку Совѣтника Посольства Булгакова.

Есьмъ съ непремѣннымъ почтеніемъ.

ВСЕПОДДАННѢЙШІЯ ДОНЕСЕНІЯ

и

ПИСЬМА

ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО.

1776 ГОДЪ.

1776 года, Генваря 21.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Съ дошедшихъ ко мнѣ, отъ Г. Генерала-Поручика и Кавалера Князя Прозоровскаго, извѣстій при его репортахъ: 1-мъ, отъ Генерала-Маіора и Еникольскаго Оберъ-Коменданта Борзова, 1-е, объ оставшемся въ Керчѣ, отправленномъ отъ Бригадира Бринка, Едичкульской Орды Джанъ-Мамбетъ Мурзѣ; 2-е, о суднѣ, отправленномъ съ плѣнными, что оное по худому состоянію командира доведено на мель и до поврежденія; 3-е, о разбитіи сильнымъ штурмомъ при Абазинскомъ берегѣ идущаго изъ Царьграда, и туда изъ Таганрога отправленнаго, фрегата Перваго. 2-мъ. Письма Девлетъ-Гирея-Хана къ Князю Прозоровскому и объявленія Волошскаго

Гусарскаго полку Поручика Багдатли-Углу, о происходящемъ съ нимъ въ Крыму и о развѣданномъ тамъ.. 3-мъ, отвѣтнаго Очаковскаго Паши Мустафы на письмо его, Князя Прозоровскаго, при семъ имѣю честь всеподданнѣйше представить въ копіяхъ.

Изъ письма Девлетъ-Гирея-Хана къ Князю Прозоровскому Ваше Императорское Величество усмотрѣть соизволите Его, Хана, и Татаръ расположеніе, что они о своемъ исканіи у Порты, чтобы не быть вольными, не дѣлаютъ уже и предъ нами тайности. А какъ сіе ихъ объявленіе прямо противно постановленнымъ Артикуламъ послѣдняго трактата, касательно Татарскихъ народовъ, то я осмѣливаюсь испросить отъ Вашего Императорскаго Величества по симъ обстоятельствамъ всеподданнѣйше, ежели между тѣмъ не подѣйствуютъ убѣжденія, Портѣ дѣлаемыя Посломъ Вашего Императорскаго Величества въ Константинополѣ, на время и случай потребныя, Всевысочайшихъ повелѣній.

1776 года, 21 Генваря.

Всемилостивѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Представляю Вашему Императорскому Величеству при семъ всеподданнѣйше въ копіи рапортъ Бригадира Бринка съ приложеніями, 1-е, отвѣта Калги-Салтана на мое письмо; 2-е, разговоръ его на вопросъ Бринка о Татарскихъ обстоятельствахъ, и 3-е, письма Джанъ-Мамбетъ-Бея къ нему, Бригадиру Бринку. Онъ въ своемъ рапортѣ, между прочимъ, примѣчаетъ, что нынѣшнею зимою Нагайцы останутся въ спокойствіи, но по веснѣ, которая рановременно тамъ начинается, предусматриваетъ, что оное можетъ въ великое обратиться смятеніе.

Подношу тутъ же къ Высочайшему усмотрѣнію и съ моихъ отвѣтныхъ къ Калгѣ-Салтану Шагинъ-Гирею, по возвращеніи его отъ Абазинцевъ, и Едисанскому Главному Начальнику Джанъ-Мамбетъ-Бею на ихъ письма, и даннаго отъ меня предписанія упомянутому Бригадиру Бринку, коимъ образомъ преклонившихся Татаръ удерживать и другихъ преклонять къ сторонѣ Шагинъ-Гирея онъ долженъ.

1776 года, Февраля 16.
Черешеньки.

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Въ проѣздъ сего куріера не схотѣлъ я упустить случая сообщить Вашему Сіятельству, что, къ сожалѣнію, извѣстный и преданный Джанъ-Мамбетъ-Бей скончался: о семъ я получилъ третьяго дня извѣстіе отъ Бригадира и Кавалера Бринка, чрезъ нарочнаго, котораго, въ тотъ же самый часъ, отправилъ я обратно съ предписаніемъ ему, Бринку, и особливымъ къ Калгѣ-Салтану Шагинъ-Гирею, чтобы онъ отправился самоскорѣе къ ордамъ, покойному подвластнымъ, и обще съ Калгою-Султаномъ, не жалѣя ни труда, ни нѣкоторой суммы денегъ, привели оныя къ избранію, на мѣсто покойнаго, въ сіе достоинство преданнаго и въ вѣрности намъ испытаннаго человѣка; и въ слѣдъ за симъ отправлю я и всѣ ко мнѣ донесенія, съ которыхъ, по краткости времени, не успѣли еще снять копіи.

Пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію.

1776 года, Февраля 20 дня.
Черешеньки.

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,
Графъ Никита Ивановичъ!

Всеприятнѣйшее Ваше, отъ 11 Февраля, съ другимъ при нем ко мнѣ отъ Г-на Вице-Канцлера подъ отверстою печатью, чрез куріера, отправленнаго въ Царьградъ, всправно получилъ. Сей про ѣзжей, къ большому порадованію, меня увѣрилъ, что онъ Вас оставилъ на пути въ хорошемъ здоровьи. Я желаю, мой Вседра жайшій Другъ, оный совершить и, прибывъ въ столицу, тамо пре бывать въ самопомыслыныхъ удовольствіяхъ и благоденствіи.

Благодарю Васъ найпризнательнѣе, мой Милостивый Другъ что Вы о мнѣ не забываете, и удовлетворяя желанію Вашему, до ношу о моемъ настоящемъ пребываніи, что по худому состоянію моего здоровья, все я живу не въ лучшемъ положеніи, но час отъ часу изъ немощи въ другую проходя, дохожу до крайнего осла бленія, и ниже не нахожу того удовольствія въ деревенской жиз ни, которымъ я прямо наслаждался.

Изъ предыдущаго и настоящаго отправленія ко Двору моих всеподданнѣйшихъ увидите, Ваше Сіятельство, совсѣмъ сходно тому, о чемъ увѣдомлялъ въ своихъ донесеніяхъ Князь Никола Васильевичъ, касательно состоянія Татарскихъ дѣлъ, ибо тутъ Калга-Салтанъ въ изображеніяхъ своихъ излагаетъ найпаче всю нуж ду въ оружія, дабы устоять намъ въ мѣроположеніяхъ на се край, отметая всякія издержки на подарки, какъ ни къ чему боль ше не служащія. Не трудно отгадать Вамъ, мой Милостивый Графъ куда цѣль намѣреній противныхъ клонится. Вамъ только можн и судить о дѣлахъ на времена будущія, съ какою точностію и наблюдать на сіи обстоятельства должны, для принятія надежныхъ мѣръ, къ устоянію въ своихъ предположеніяхъ, какъ свѣдущем всѣхъ другихъ Дворовъ съ нами положеніе.

Пребываю я, впрочемъ, съ безпредѣльною преданностію и но тинным высокопочитаніемъ,

Вашего Сіятельства
всепокорнымъ слугою.

P. S. Приложенное при семъ письмо, служащее въ отвѣтъ го Императорскому Высочеству, всепокорно прошу Ваше Сіятельство поднесть, и другое женѣ моей приказать отдать, какъ ко мнѣ.

1776 года, 20 Февраля.
Черешеньки.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Всемилостивѣйшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества отъ 10-го сего мѣсяца, о преподаваніи мнѣ увѣдомленій въ Константинополѣ находящемуся Чрезвычайнымъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ Г. Стахіеву, о дѣлахъ Татарскихъ, и о снабденіи мнѣ его наоборотъ въ такихъ дѣлахъ и случаяхъ, гдѣ польза службы Вашего Императорскаго Величества будутъ требовать выиграніе времени, 17-го числа я имѣлъ щастіе получить. И по Всевысочайшему предписанію не упущу я, для пользы дѣлъ Вашего Императорскаго Величества, брать мои мѣры съ Г. Стахіева извѣщать. А какъ съ прибытія моего въ край сей приходить стали разные до меня извѣстія, а между прочимъ и о движеніяхъ Турецкихъ войскъ въ немаломъ числѣ съ артиллеріею къ Хотину и Бендерамъ, и о нѣкоторыхъ стычкахъ у Австрійцевъ съ Турками близъ самаго Хотина, то чтобъ лучше о подлинности имъ быть увѣдомлену, писалъ я, отъ 10-го сего мѣсяца, Г. Стахіеву и къ Генералу Ширкову, находящемуся понынѣ въ Дубномъ, и Офицеру, оставленному въ Брагѣ, чтобы они мнѣ о обстоятельствахъ и происшествіяхъ тамошнихъ сообщали, для предвзятія надобныхъ мѣръ. А намѣреваю послать прямо въ Бендеры, Хотинъ и Яссы, подъ добровидными предлоги, къ тамо находящимся Пашамъ и Господарю, къ развѣдыванію и примѣчанію способность имѣющихъ людей.

1776 года, 20 Февраля.
Черещеньки.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государы
ня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

На сихъ дняхъ съ полученныхъ отъ Бригадира Бринка р
портовъ относительно неспокойствъ Татарскихъ, отъ 4-го насто
щего теченія, съ писемъ ко мнѣ Калги и Джанъ-Мамбетъ-Бея
съ моихъ Бринку и Шагинъ-Гирею предписаній, точныя спис
при семъ всеподданнѣйше подношу.

Въ оныхъ, Всемилостивѣйшая Государыня, соизволите ув
дѣть, какіе виды на себя пріемлютъ Татарскія дѣла, вопре·ки пре
положеніямъ нашимъ, и что въ употребленіи денежныхъ сумм
не видитъ и самъ уже Шагинъ-Гирей, чтобъ имѣло желаемое в
Татарскомъ народѣ дѣйствіе, если не принудить ихъ къ тому ор
жіемъ; коль̀ми паче при теперешней перемѣнѣ, по умертвіи Джан
Мамбетъ-Бея, гдѣ всѣ дѣла, по внушеніямъ недоброжелательству
ющихъ, могутъ притти и больше въ разстройку.

И по симъ обстоятельствамъ ожидать я буду отъ Вашего И
ператорскаго Величества Высочайшаго повелѣнія: продолжать л
по прежнему наше въ томъ настоящіе подарками, или къ другим
средствамъ оборотиться? Я осмѣливаюсь, не въ предложеніе, одна
ко жъ, мѣръ, мои мысли представить, что не безполезно бы был
нѣкоторые кампаменты собрать на будущее лѣто на обоихъ сто
нахъ Днѣпра, и тѣмъ оказать готовность съ стороны нашей, и уде
жать Татаръ, Поляковъ и самыхъ Турковъ въ нѣкоторомъ къ ним
уваженіи.

От 5 Марта, 1776 года.

Ордеръ.

Ея Императорское Величество, при Высочайшемъ опредѣле-
ніи меня Командиромъ надъ кавалеріею Ея арміи, и нѣкоторыя
мой признанныя за надобно поправленія, малому моему въ реме-
лъ искуству Всемилостивѣйше ввѣрить соизволили. Я, не находясь
ъ состояніи, по великому отдаленію отъ мѣста моего настоящаго
ребыванія сихъ полковъ квартиръ, очевидно оныя надзирать, да
во дошедшимъ до меня, отъ Гг. Дивизіонныхъ Командировъ,
вѣдомленіямъ, не во всякой особо къ сей части и Генералъ опре-
ленъ; то на сей первой случай, и чтобы не упустить обяза-
льствъ, званіемъ Командира налагаемыхъ, хощу преподать всѣмъ
олкамъ кавалеріи средства и способы, которые по существу сей, и
бще военной службы, почитаю я быть потребными и полезными,
именно:

1. Чтобъ всѣ чины въ безперерывномъ въ службѣ между
обою обращеніи неотмѣнно находились, и для того у эскадрон-
ыхъ Командировъ, при утреннихъ рапортахъ, всѣ того эскадрона
Юнкеръ и унтеръ-Офицеры и мастеровые являлись, дабы симъ обра-
омъ одинъ другова ближе и лучше узнавая, подавали по степе-
ямъ ихъ обязательствъ и преимуществъ надобныя поученія и
правленія, и за упущеніе, небреженіе, или не довольное надзира-
ніе должностей, тутъ же взысканіе дѣлали, и что до кого изъ ма-
еровыхъ надлежитъ исправлять, препоручали; а впредь, чтобы
учше должности наблюдаемы были, притверждали.

2. Ежедневно, отъ 6 до 12 человѣкъ рейтаръ, по одному
ать: прежде, какъ себя держать въ одеждѣ и ружьѣ, шляпу
ъ и когда надѣвать и снимать, и конечно лѣвою рукою, и мар-
ировать, вразумляя имъ, сколь нужно для строю и порядочнаго
ложенія голову и тѣло прямо и колѣнъ не сгибать, и равной съ
ругими шагъ держать. Потомъ показывать, какъ онъ долженъ
брать свою лошадь, сѣдлать, искусно взнуздывать и выючить, са-
ться, ѣздить шагомъ, рысью, наконецъ галопомъ, одерживать
на право и на лѣво, оборачивать и примыкать; огненное и бѣлое
ружіе употреблять съ приличною военному человѣку осанкою и
проворностію, и конечно доводить до тово, чтобы всякой рейтаръ

былъ прямо господиномъ своей лошади, и умѣлъ оною и ружьем владѣть, и тѣхъ, кои явятся уже искусными по одному, пос шеренгами, взводами, а наконецъ и эскадронами обучать заѣзжат обороты дѣлать, вздвоивать и линію держать.

3. Въ дни воскресные и праздничные, собирать завремен церковные парады, и до начатія службы Божіей, при квартира эскадронныхъ Командировъ, изъ Военнаго Устава особо выписав что до должности и наблюденія нижнихъ чиновъ и рядовыхъ л жить, и особливо о вѣрности и о послушаніи къ Командира въ отправленіи службы, держаніи карауловъ, о скромномъ и в жливомъ поведеніи и обхожденіи съ хозяевами, о побѣгахъ и д лѣе, какъ который уже успѣлъ въ знаніи оныхъ, читать и толк вать, и такъ, чтобы въ одинъ день собранныхъ учить, а въ др гой о выученномъ вопрашивать.

А какъ вся служба рядовыхъ относится къ должностя Оберъ и унтеръ-Офицеровъ, и отъ наблюденія ихъ въ кавалері особливо всѣ почти движенія зависятъ, то надлежитъ имъ кон чно оную въ возможномъ совершенствѣ и съ искуствомъ знат чтобъ другихъ оправлять и научать, и, такъ сказать, примѣром служить; и особливо, какъ дистанцію между взводами, по чис рядовъ и линію держать, и по первому отзыву командирском на право и на лѣво швенковаться, ежели бъ случились, паче ну шаго ожиданія, въ томъ неискусные, то обученіемъ ихъ и нач нать, а о лѣнивыхъ и нерадѣтельныхъ, какъ званія недосто ныхъ, о исключеніи изъ службы, ко мнѣ представлять.

4. Доброе состояніе людей и лошадей есть одинъ изъ вал ныхъ пунктовъ; но не отъ одной обильности оное зависитъ, отъ употребленія порядочнаго, надобной чистоты и умѣренност и ради сего надзиранія быть въ эскадронѣ одному Офицеру дежу нымъ, и весьма прилѣжно наблюдать, чтобы здоровые, какъ вы ше сказано, при потребной пищѣ, поведеніемъ порядочнымъ, держаніемъ въ чистотѣ и умѣренности обережены были отъ бо лѣзней; а больные бы съ прилѣжностію пользованы были и по требныя лѣкарства имѣли; и какъ о имѣніи искуснаго лѣкаря подлѣкаря въ полку, такъ во всякомъ эскадронѣ кузнеца, кот рый бы не только хорошо ковать, но и лѣчить искусно умѣл все стараніе господамъ Полковымъ и Эскадроннымъ Командира

прилагать. Нѣтъ тутъ надобности уважать на то, чтобы былъ конечно иностранной и по капитуляціи, но хотя бы изъ рекрутъ даточныхъ служащій, но былъ бы только искусной мастеръ.

5. Ковка лошадей чрезъ всю зиму вовсе, да и въ лѣтніе мѣсяцы не всегда потребна, а сумма составляется на подковы знатная. Для сбереженія онаго найдутся способы не трудные, употребленіемъ нѣсколько песку въ манежахъ или сараяхъ, гдѣ стоятъ и обучаются лошади, съ сбереженіемъ для нихъ и водопоя. Раціоны также положены въ количествѣ и качествѣ фуража, не со всякимъ временемъ въ году и климатомъ въ краю сходно, и надобно конечно одинъ гарнецъ овса уменьшить, и нѣсколько фунтовъ сѣна.

6. Къ покупкѣ лошадей командированнымъ Офицерамъ особливо предписывать, чтобы они при лѣтахъ, мѣрѣ, статьяхъ указныхъ, найпаче наблюдали на крѣпость въ ногахъ, и чтобъ не было въ оныхъ ни малѣйшаго порока, и сихъ слабоногихъ, такъ норовистыхъ и крѣпкоуздыхъ, подъ взысканіемъ двойной цѣны, и возвращеніемъ всего фуража, отнюдь не покупали: ибо таковыя лошади не только невозвратной убытокъ казнѣ причиняютъ, но и съ ѣздокомъ въ одну тягость службѣ и замѣшательство находятся.

А чтобъ во всемъ полку дѣлалось все безъ малѣйшій разни, то сверхъ карауловъ въ эскадронахъ, отъ всячаго по 5 рядовыхъ наряжая при Штабѣ, перемѣнять ихъ понедѣльно, или мѣсячно, по отдаленности квартиры, для употребленія во всю службу, по числу находящихся отъ одного, или больше эскадроновъ въ Штабъ-Квартирѣ рядовыхъ содержать, и при парадахъ всякаго званія всѣмъ господамъ Штабъ и Оберъ-Офицерамъ, кромѣ въ болѣзняхъ и на караулахъ находящихся, подъ вычетомъ за мѣсяцъ жалованья, быть непремѣнно.

Я не оставлю за симъ въ слѣдъ по времени нѣкоторыя подавать и дальнѣйшія по службѣ сей мѣроположенія; но между тѣмъ, случайно въ проѣздъ, увидя великое несходство въ полкахъ въ отправленіи службы и строевъ, нахожу потребнымъ во времени неведленномъ имѣть свѣдѣніе о нижеписанныхъ статьяхъ, и именно: 1-е. Какъ, и который полкъ экзерцицію конную и пѣхотную дѣлаетъ, точно ли по диспозиціи, или инако, и отъ кого то введено, и на какую пользу? 2-е Оружейныя и амуничныя вещи, и конской уборъ, по старымъ ли штатамъ или, что осо-

бливо, и какъ выше сказано, когда, кѣмъ и на какой лучшій способъ оныя введены? Съ объясненіемъ, подписаннымъ всѣми Штабъ и Оберъ-Офицерами, что они изъ всѣхъ вещей ружейныхъ, амуничныхъ и конскаго убора находятъ по службѣ сей неудобными къ употребленію, и какія, по мнѣнію ихъ, вовсе перемѣнены или поправлены, быть должны, въ чемъ и для чего? 3 е. О полковыхъ деньгахъ и фуражѣ, находятъ ли они мое мнѣніе основательнымъ, или требуютъ еще лучшихъ опытовъ и доказательствъ

1776 года, 21 Марта.

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Благодарю нейпризнательнѣйше Вамъ за письмо Ваше отъ 26 Февраля, которое и съ присвоеннымъ къ пріятной перепискѣ Вашей, единожды на всегда особливымъ порадованіемъ принялъ отъ рукъ отправленнаго въ Яссы повѣреннаго Мигая. Считая по времени, мой куріеръ, отъ 20-го тогожъ мѣсяца посланный, уже вручилъ Вамъ и мое послѣднее письмо, и тѣ самыя донесенія, о коихъ упоминалъ я въ предыдущемъ моемъ отъ 16. Изъ тѣхъ, и настоящаго отправленія, увидите Вы, мой Вседражайшій Другъ, расположеніе Татаръ, и мои трудные извороты по видамъ и поступкамъ сихъ народовъ и другихъ обстоятельствъ. При всѣхъ моихъ предположеніяхъ, я не далеко успѣю, ежели Вы, мой Милостивый Графъ и Вселюбезный Другъ, не подадите совѣта и подкрѣпленія пребывающему Вамъ съ вѣчною обязанностію, истиннымъ почтеніемъ и преданностію,

Вашего Сіятельства

всепокорнѣйшему слугѣ.

1776 года, 21 Марта.
Парафѣевка.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня,
Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Въ предыдущей моей всеподданнѣйшей, отъ 20-го прошедшаго Февраля, Вашему Императорскому Величеству доносилъ я по однимъ только разглашеніямъ, о движеніи Турецкихъ войскъ въ немаломъ числѣ съ артиллеріею къ Хотину и Бендерамъ, и о нѣкоторыхъ стычкахъ у Австрійцевъ съ Турками, и что я о подлинности оныхъ требовалъ отъ Генералъ-Маіора Ширкова, и Офицера, оставленнаго въ Брагѣ, обстоятельныхъ увѣдомленій, и каковы отъ нихъ получилъ, поставлю должностію поднесть оныя при семъ въ копіяхъ.

Отъ расположенныхъ по рѣкамъ Синюхѣ и Бугу войскъ Вашего Императорскаго Величества, дѣлаются весьма частыя и великія дезерціи, по поводу примѣченныхъ верберовъ Польскихъ, держащихся при границахъ Вашего Императорскаго Величества, и подговору Турецкихъ начальниковъ, въ чемъ одинъ, находящійся въ Голтѣ Каймаканъ, именемъ Али, чистосердечно открылся Молдавскаго гусарскаго полку Капитану Исаеву, что онъ имѣлъ на то повелѣніе отъ своего Гетмана Григорья, о чемъ его рапортъ, доставленный ко мнѣ Генералъ-Поручикомъ Текели, и находящагося въ Шанцѣ Екатерининскомъ за Коменданта Секундъ-Маіора Микулышина свидѣтельство, въ копіяхъ при семъ представлено.

Я далъ по тому мои повелѣнія Генералу Маіору Ширкову, въ Польшѣ находящемуся, чтобы онъ, подъ приличнымъ видомъ, какой ему, по тамошнимъ обстоятельствамъ и дѣлъ положенію, лучшимъ встрѣтится, отдѣлилъ, изъ войскъ его команды, посты, расположа близъ границъ Польскихъ и Новороссійской Губерніи, какъ для пресѣченія пути дезертирамъ, такъ для наведенія нѣкотораго вниманія и осторожности на Поляковъ; и если бы не послужили другія увѣщанія, въ такомъ случаѣ тѣхъ, кои къ уходу поводомъ служатъ, хватать, и за карауломъ присылать къ Кіевъ, или ближайшее пограничное мѣсто. Извѣстилъ также и Резидента Вашего

Императорскаго Величества, Барона Аша, въ Варшавѣ находящагося, что сей поступокъ прямо противенъ дружескимъ и добраго сосѣдства державамъ; Генералу же Поручику Текели далъ ордеръ, чтобы на граничную стражу опредѣлялись испытанные и узнанные въ усердіи и непоколебимой вѣрности Офицеры, и которые бы и другихъ своимъ примѣровъ и совѣтами приводили къ ихъ должности; нижнихъ же чиновъ ненадежныхъ, изъ иностранцевъ, на такія посты отнюдь не употреблять.

Я осмѣлился, Всемилостивѣйшая Государыня, тѣмъ, кои представятъ бѣглеца, или скажутъ о прямомъ намѣреніи къ тому, либо заговорѣ, обѣщать награжденіе по пяти рублей за каждаго, чтобъ симъ образомъ, по крайней мѣрѣ, произвесть въ подлости сей нѣкоторую опасность. А Каймакана Али чистосердечіемъ пользуясь, подъ видами разныхъ дружескихъ увѣреній, склонять, не подастся ли онъ иногда на выдачу нѣкоторыхъ бѣглецовъ, хотя впредь, и доставлять намъ нѣкоторыя извѣстія, обѣщая ему пенсію, и увѣря, что сія его откровенность никогда и никому вѣдома не будетъ.

Что до Татарскихъ дѣлъ, то по послѣднимъ, и у сего въ копіяхъ подносимымъ, Бригадира Бринка рапортамъ, къ нему и къ Калгѣ-Султану письмамъ, орды Джанъ-Мамбетъ-Бея кочевавшія уклонятся начали границъ Вашего Императорскаго Величества. Я приказалъ два полка легкой конницы сблизить къ мѣсту пребыванія Бригадира Бринка и Калги-Султана, для нѣкотораго ободренія сего доброхотствующаго Султана, и который на одно только то и счетъ свой ведетъ, и ему преданныхъ и усердныхъ Татаръ, и уваженія противнымъ; но какъ при томъ всѣмъ я не могу собою въ семъ пунктѣ далѣе ничего опредѣлять, то и ожидаю отъ Вашего Императорскаго Величества Всевысочайшихъ наставленій по симъ и первымъ всеподданнѣйшимъ моимъ донесеніямъ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Нашлась здѣсь въ рукахъ партикулярныхъ подлинная грамота, данная о искорененіи Запорожцовъ; и какъ тутъ мнѣ вовсе неизвѣстно, а на сей случай изобличеніемъ служащія событія

прошлыхъ временъ являются, то я счелъ, какъ вещь достойную лучшаго содержанія въ Архивѣ, Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше оную поднесть.

Повергаетъ себя къ ногамъ Вашего Императорскаго Величества въ глубочайшемъ благоговѣніи

всеподданнѣйшій рабъ

Г. Р. З.

Парафѣевка.
21 Марта, 1776 года.

Отправлено съ переводчикомъ Квасовымъ.

1776 года, 22 Марта.

РЕПНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Николай Васильевичъ!

Ни мало не задерживая курьеровъ сихъ, имѣющихъ всю нужду въ самоскорѣйшемъ доставленіи депешъ Вашему Сіятельству, я довольствуюсь только при семъ случаѣ препроводить ихъ самъ къ Вамъ, желая всеискренно, да застанетъ сіе Васъ и домашнихъ Вашихъ въ самолучшемъ благосостояніи, и путь предлежащій Вамъ да свершите при помысльномъ здравіи и удовольствіи. Считая, что изъ Санктпетербурга пишутъ то же самое и къ Вамъ, что и ко мнѣ, я не упоминаю Вамъ тутъ ни о чемъ, и болѣе изъ той причины, что новаго ничего нѣтъ. Изъ новѣйшаго же, что я имѣю съ стороны Крыма, то сіе, что Джанъ-Мамбетъ-Бей скончался, и что Татары не престаютъ волноваться, а особливо по смерти сего добраго старика, старавшагося всегда съ особеннымъ жаромъ споспѣшествовать, въ той странѣ, нашимъ видамъ и намѣреніямъ, не смотря на коловратность своихъ единоплеменцовъ. По предвзятымъ мѣрамъ, посланы оттоль депутаты къ Портѣ, и какъ они привезутъ туда для оной вѣсть не весьма пріятную,

то тутъ не одно покровительство, но защита и пособіе для них будутъ необходимы. И потому прошу Вашего Сіятельства подать имъ руку Вашу на помощь; если же бы въ случаѣ они уже в Царыградѣ Васъ не застали, то предувѣдомить о семъ Г. Стахіева.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію есьмь

Вашего Сіятельства.

1776 года, Марта 26.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Всевысочайшій Вашего Императорскаго Величества рескриптъ, отъ 8-го сего Марта мнѣ данный съ милостивѣйшимъ благопризнаніемъ моихъ всеподданнѣйшихъ представленій, отъ 20 Февраля поднесенныхъ, и съ приложеніемъ въ копіи рескрипта, даннаго Г. Генералу Графу Потемкину, 22-го числа настоящего мѣсяца, я принять щастіе имѣлъ; и относительно тутъ мнѣ сдѣланнаго изясненія Вашего Императорскаго Величества Всевысочайшаго соизволенія и предположенія, я немедленно восприму всѣ удобнѣйшія мѣры къ выполненію оныхъ, и сходственно обширности края, мнѣ ввѣреннаго, стараться буду сіе такъ учредить, чтобъ по собраннымъ кампаментамъ не вдругъ открылись виды оныхъ собраній, а въ потребное время безъ всѣхъ затрудненій составили они полагаемый Корпусъ.

Касательно деташемента Бригадира Бринка къ особливому моему щастію Всевысочайшимъ мыслямъ Вашего Императорскаго Величества для ободренія Калги-Султана и добронамѣренныхъ, усилить приказалъ, и о томъ Вашему Императорскому Величеству въ предыдущей всеподданнѣйшей моей отъ 21-го сего мѣсяца донесъ, а съ послѣднихъ же, вчера мною полученныхъ, рапорта отъ Бригадира Бринка и письма Калги-Султана, копіи подношу.

1776 года, Апрѣля 10.
Парафѣевка.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Сими днями дошли ко мнѣ рапорты отъ Генераловъ Текели, Борзова и Ширкова, съ которыхъ точные списки подношу. Первые два, по возвращеніи посыланныхъ своихъ, а послѣдній, по рапорту стоящаго Офицера въ Брагѣ, извѣщаютъ меня, что Турецкія войски, числомъ уже знатнымъ, въ Бендеры и Хотинъ пришли, а другія въ полномъ движеніи находятся, и что Австрійцы запасаютъ большое количество провіанта въ занятой части Молдавіи. Но какъ, по нелучшему разсужденію сихъ вѣдомостей сочинители, во оныхъ, и несообразныя ни съ какими обстоятельствами вмѣшаны, то и все прочее за точное утвердить мнѣ невозможно.

Изъ послѣднихъ ко мнѣ сообщеній Царьградскихъ, и Вашему Императроскому Величеству уже поднесенныхъ, относительно Татаръ, хотя Турки и дѣлаютъ новые предлоги, и по ихъ мнѣнію интересамъ Вашего Императорскаго Величества такъ не противные, но въ самой вещи слѣдуютъ они взятому предразсужденію, чтобы, подъ титломъ вѣры догматовъ, владѣть Татарами и въ ихъ политическихъ дѣлахъ самовластно.

Въ слѣдствіе Всевысочайшихъ Вашего Императорскаго Величества мѣроположеній на упрежденіе всѣхъ противныхъ замаховъ, если бы всѣ другія средства не превозмогли къ убѣжденію Турковъ, полагая два лагеря, одинъ въ околичности крѣпости св. Елисаветы, другой близъ старой линіи, соображая тутъ удобности, по настоящему войскъ расположенію, и нѣкоторыхъ занятыхъ уже ими постовъ, коихъ на теперешнее время и обнажить невозможно; легчайшее Днѣпромъ доставленіе пропитанія, и чтобы не поскудѣть прежде надобнаго времени крайніе магазейны, и не открыть заранѣе прямаго предлога, третій Корпусъ въ резервъ недалеко прилежа, чтобъ обращать его можно было, смотря по обстоятельствамъ на обѣ стороны Днѣпра. Въ число перваго Корпуса войдетъ и два полка, стоящіе въ Польшѣ, подъ командою Генералъ-

Маіора Ширкова, расположить намѣреваюсь въ Польшѣ, паралельно съ онымъ Новороссійской Губерніи расположеннымъ, и оставлю тамъ до крайней поры, для держанія Поляковъ съ сей стороны въ уздѣ, которые уже начинаются отказывать давать подводы и дрова своимъ стоялцамъ, и близъ границъ Вашего Императорскаго Величества въ переѣздахъ Офицеровъ безчестятъ боемъ и иными ругательствами, а Священство благочестивое, не только изгоняютъ, но явно мучатъ, а больше для пресѣченія побѣговъ. Пособіемъ отдѣленныхъ отъ сего деташамента, по ордеру постовъ, переловлено уже по нынѣ дезертировъ числомъ сорокъ.

1776 года, Апрѣля 10.

Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Изъ рапортовъ Генераловъ Текелли и Ширкова, въ спискахъ при семъ всеподданнѣйше подносимыхъ, Ваше Императорское Величества усмотрѣть изволите два недостойные поступка Офицеровъ. Одинъ, напавъ разбоемъ на торгующихъ Татаръ, ограбилъ у нихъ, кромѣ вещей, денегъ 1300 левовъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ ранилъ. Другой, будучи посланъ по надобности полковой, бѣжалъ къ Австрійцамъ, съ нѣсколькими гусарами, строевыми лошадьми и однимъ вахмистромъ. Тамъ перваго они, считая раскаявшимся и возвращающимся къ своему долгу подданства, удержали, а послѣдняго прислали къ Генералу Ширкову, который хотя требовалъ выдачи и помянутаго Подпоручика Цесарской службы, отъ Генералъ-Маіоръ Гревена, но онаго ему не отдали, а каковы отвѣты ему на то сдѣланы, у сего представляю копію. Я по первому далъ повелѣніе взыскать строжайше съ виновнымъ во удовлетвореніе обидимыхъ, а по другому не оставлю и самъ еще писать къ означенному Цесарскихъ войскъ Генералу. Но дабы въ подобномъ отвратить всѣ случаи къ преступленію, предложилъ я нынѣ, по поводу сихъ, всѣмъ начальникамъ въ части, Всевысочайше Вашимъ Императорскимъ Величествомъ мнѣ вѣренной, имѣть лучшее на-

блюденіе надъ подчиненными, избирать людей не токмо способныхъ, но и надежныхъ къ коммиссіямъ, въ границы иныхъ державъ посылаемымъ.

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ.

РЕПНИНУ.

1776 года,
Іюня 4 дня.

Милостивый Государь мой,

Князь Николай Васильевичъ!

Сообщаю Вашему Сіятельству вѣсти Татарскія, каковы я теперь получилъ, и прошу всѣ сіи бумаги, по прочтеніи, мнѣ возвратить, а если о чемъ при оныхъ заблагоразсудите дать знать Полковнику Петерсону, то примѣтьте ему тутъ же, чтобъ, въ случаѣ отзывовъ Порты о неспокойствіяхъ, происходящихъ между Татаръ, онъ бы всегда отвѣчалъ, что Дворъ нашъ не мѣшается въ ихъ дѣла, соблюдая свято кондиціи мирного трактата, въ упованіи, что взаимно и Порта съ своей стороны не приметъ никогда въ томъ участія, чтобы предосуждало добрую вѣру и торжественный договоръ между взаимныхъ Имперіи заключенный о Татарской независимости.

Сей куріеръ отъ меня посланъ въ Варшаву, и ему приказалъ ѣхать къ Вамъ нарочно, зная, что всегда Вы въ тотъ городъ имѣете коммиссіи.

Впрочемъ, пребываю съ непремѣннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Отъ Вашей прозорливости не можетъ быть скрыто, что у нас иной видъ и щетъ на бумагѣ, а иной на дѣлѣ и служивымъ лю дямъ, и всему, имъ надобному. Ваше Императорское Величество со изволите теперь вѣдать, колико по числу арміи недостаетъ люде и времени, чтобы дать имъ хотя видъ солдатовъ! Прошедшую вся войну не были мы симъ озабочены; тамъ третьи баталіоны и полк гарнизонные запасали для насъ готовыхъ солдатъ, а надобное им число комплектовавъ рекрутами, со временемъ и съ выгодами их дѣлали подобными старымъ, и когда въ минувшую войну пѣхот ные полки, будучи въ компаніи въ числѣ двухъ баталіоновъ, двухъ гранадерскихъ ротъ, въ коихъ состояло 1152 мушкатера 400 гренадеровъ, рѣдко болѣе 1000 людей подъ ружьемъ имѣли то теперь всякой полкъ, имѣя только 272 гренадеровъ и 1088 му шкатеровъ, слѣдственно, менѣе прежняго первыхъ 128, а послѣд нихъ 64, и по расходу несравнительно, въ настоящей войнѣ большему прежняго, натурально едва не половина людей против того въ ружье поставится. Все же остальное отъ всякаго полка двѣ роты не въ состояніи комплектовать надобнымъ числомъ пол ки, а гарнизоны всѣ обращены, такъ сказать, въ инвалиды.

Что до кавалеріи, то иныя арміи познавшія, сколько удобнѣ для службы вообще, а въ вооруженіи и содержаніи дешевлѣ лег кой воинъ, пересадили часть большую своей кавалеріи на легких лошадей. Мы, проводя войну противу Нѣмецкой кавалеріи на са мыхъ малыхъ Русскихъ лошадкахъ, и употребляя, сказать прямо противу нихъ однихъ Казаковъ, подражать взялись тому, что дру гіе оставили, и къ отягощенію службы и великому казнѣ убытку почти всю свою кавалерію на тяжелыхъ лошадей и съ тяжело и съ дорогою амуниціею посадили. И сколь мало имѣетъ она способъ почти дѣйствовать противъ настоящего нашего непріятеля въ прошедшую кампанію явными опытами доказалось; и кром того, что она не можетъ употреблена быть, такъ какъ легкая въ обыкновенную службу, обременяетъ она несказанно и коман дира подвозкою сухова корму, безъ котораго она вовсе и быть н можетъ.

Гдѣ больше рекрутъ, тамъ точно больше больныхъ. Въ чужихъ арміяхъ больнымъ служатъ особливаго званія люди, а не солдаты, по резону, что ту должность нести можетъ человѣкъ и вовсе не имѣющій военной способности. Его уже тамъ и не вооружаютъ; но къ бою надобна не одна способность, да и пріученіе, а безъ всякаго на сіе щету и примѣчанія, опредѣляя людей военныхъ, остается половина оныхъ въ ружьѣ, а другой половинѣ ружья въ одну только тягость.

Болящіе же и лазареты инаго призрѣнія требуютъ, и надобно во всякомъ особливые смотрители надъ услужниками, особливые и услужники, чтобъ ко времени упреждать нужды болящихъ. И я въ семъ пунктѣ, сколько можно соображая необходимую надобность, наблюдаю и возможный щетъ, но однако жъ все съ расходомъ военныхъ людей, что чувствительно умаляетъ армію.

Сіи суть нужды, Всемилостивѣйшая Государыня, которыми наиболше я сокрушаюсь, видя себя толь много удаленнымъ недостатковъ ради, отъ предполагаемаго мною времени къ упрежденію непріятеля, и прибѣжище беру для будущаго времени къ Вашему Императорскому Величеству. А по мѣрѣ моего къ Вамъ усердія, и по привычкѣ говорить всегда правду, и особливо любящимъ оную, не могу молчать, но рѣшусь сказать слѣдующее: Вамъ потребенъ Коммисаріатъ, которой бы все, что только въ войскѣ Вашемъ надобно, приготовлялъ съ выгодою, или, какъ говорится, вподволь, все бы дѣлалъ хорошо, прочно и въ свое время къ полкамъ доставлялъ; строитъ себѣ одѣяніе и всѣмъ снабдѣваться нѣколи; ибо во время военное должно быть одѣтымъ и снабженнымъ лѣтомъ и зимою; ибо время не удерживаетъ военныхъ дѣйствій.

Я не могу понять, почему къ Полковничьимъ чинамъ довѣренность стала велика, и что они лучше другихъ пещися могутъ о полкахъ своихъ, мнѣніе, по моему слабому понятію, унижающее право благопристойность! Всѣ чины должны пещися и рачить по своему званію о должности; и развѣ дума та, что Полковника корысть, съ тѣмъ сопряженная, меньше польститъ. То тотъ Полковникъ, который только сею причиною побуждается, не есть достоинъ того чина, и тотъ отличается мало, который остатокъ казны обращаетъ на украшеніе полка, отъ того, который употребляетъ оной на себя, ибо дерзновеніе и ущербъ казны равны, а только

употребленіе различно. Но какъ оныя и ограничить, ежели способы, такъ сказать, явные предложены?

Потребны въ войскѣ Вашего Императорскаго Величества инспекторы, чтобы они надзирали и надъ прочностію вещей, приготовляемыхъ отъ Коммисаріата, и на весь порядокъ службы, дабы онъ вездѣ съ Уставомъ, отъ Васъ даннымъ, согласовался.

Во всѣхъ арміяхъ сей чинъ важный и нужный удерживаетъ наилучшимъ образомъ всякую исправность для войскъ, и для чего при оныхъ и къ всѣмъ нынѣ введено. И такъ плавъ, на которомъ сочинители новые штаты для арміи Вашего Императорскаго Величества располагали, хотя мнѣ не извѣстенъ, но я гадать осмѣливаюсь, что Ваше Императорское Величество предпріяли сіе намѣреніе изъ двухъ причинъ: 1-й, что оконченная война доставляла намъ много случаевъ познать наши недостатки, и что затрудняло и препятствовало въ дѣйствіяхъ нашихъ, Ваше Величество желали конечно оные наградить, поправить, или и вовсе перемѣнить. 2-й, чтобъ, при утвержденіи мира, и внутренность Государства почувствовала себѣ возможное облегченіе; но видимыя нынѣ слѣдствія смѣю выговорить, открыли тому несогласное. Войско Вашего Императорскаго Величества знатнымъ числомъ умалено, и казны ни въ Коммисаріатѣ, ни въ полкахъ не сбережено, ниже служба ощущаетъ возвышеніе, какъ и полки, паче кавалерійскіе, при украшеніяхъ своихъ даже до излишества, не дѣлаются отъ того исправнѣе для прямой службы, поелику Полковники больше стали пещись о прикрасахъ ихъ, чѣмъ о пользѣ оной.

Весьма я удаленъ отъ дерзновенія, чтобъ, въ видѣ предположенія мѣръ, представлять мои мнѣнія о вышеписанномъ, Всемилостивѣйшая Государыня! Вы вложили въ меня точнымъ повелѣніемъ ту смѣлость, чтобъ предъ Вашимъ Величествомъ, какъ великодушною Монархинею, открываться въ слабомъ моемъ понятіи. Ваше Величество призираете милосердно на вѣрность и усердіе своихъ рабовъ: сіи одни были и мнѣ побужденіемъ обнажиться столь чистосердечно въ мысляхъ моихъ предъ Вами, всеподданнѣйше уповая, что оныя въ семъ единомъ видѣ и приняты будутъ. И съ тѣмъ повергаю меня къ стопамъ освященнымъ Вашего Императорскаго Величества въ глубочайшемъ благоговѣніи.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Ваше Императорское Величество, удостоивъ меня довѣренно-
ю сообщеніемъ Вашего предположенія, относительно комплек-
ванія Вашей Арміи, ободрили при томъ о милостивомъ и снисхо-
тельномъ принятіи на то моего мнѣнія. Всему свѣту извѣстно,
неусыпное Ваше попеченіе и непрерывной трудъ одинъ пред-
ъ имѣютъ и одного конца достигаютъ, и именно: добро Госу-
рства Вашего и чтобы исправить установленіи онаго, а особо о
енныхъ силахъ, сообразно положенію его физическому, моральному
политическому, во многомъ другимъ державамъ неподобному; и
читавъ съ должнымъ и лучшимъ вниманіемъ, ко удивленію, уви-
лъ, что Ваше Императорское Величество въ части военной, кою Вы
ни называть изволите здѣлавшейся необходимо нужною, откры-
великое и, такъ сказать, въ основательномъ пунктѣ, я разумѣю
наборѣ рекрутъ, — крайнее небреженіе, и что предположеніе
ше, въ разсужденіи запасныхъ баталіоновъ въ Губерніяхъ, при
дѣленіи ихъ, есть удобнѣйшее по количеству и качеству людей,
ставляющихъ Армію Вашу.

Но какъ въ основаніи онаго изволите полагать, ежели бы
удобно было гарнизоны комплектовать старыми, то сіи баталіо-
ы съ гарнизонами смѣшать: я осмѣливаюсь отдать, такъ сказать,
лу мысли Вашей, представляю мое не въ предложеніе мѣръ
ѣніе, чтобы гарнизоны всѣ, а особо пограничные, и по настоя-
му ихъ состоянію, при издержкахъ на нихъ не малыхъ суммъ
етъ, одинъ щетъ только составляющихъ, обратить на иной
ъ службы, и такой, чтобы они не только запаснымъ войскомъ
левые полки комплектовать служили, но и въ усиленіе оныхъ,
случай потребной, сами въ поле выходили, а изъ неспособныхъ
службѣ полевой учредить баталіоны Губернскіе, въ замѣну всѣхъ
подъ всякими титлами ротъ и камандъ, ничто значущихъ, об-
ундировавъ и вооружа ихъ всѣхъ надобнымъ на внутреннюю слу-
бу, сколько можно изъ простова получше, безъ великихъ издер-
жекъ. Вовсе жь къ службѣ неспособныхъ, и по общему названію,
валидовъ, отпускать съ награжденіемъ денежнымъ, смотря по
ужбѣ и лѣтамъ, въ ихъ домы, или на собственное пропитаніе,

а неимѣющихъ онаго, и совершенно увѣчныхъ и престарѣлы
опредѣлять въ домы общественнаго призрѣнія, не обременяя и
отнюдь военными церемоніями, кои отвращеніе дѣлаютъ хо
щимъ въ военную службу вступать; но чтобы войско, при всѣ
ему надлежащихъ исправностяхъ, преимуществахъ и выгода
пребывая, не было, однако жъ, тягостію общенародною, и количе
во онаго располагаемо было соразмѣрно внѣшнему и внутренне
онаго употребленію, навсегда и случайно потребному; то къ се
соображенію и подробному изчисленію не мало времени, весь
большихъ выправокъ и много прилѣжности мнѣ надобно, и еже
бы Вашему Величеству токмо угодно было мнѣ что изъ сего
выработанію поручить, я бы охотно хотѣлъ послѣднія мои си
Вамъ на службу посвятить и предъявить всѣ мои малые спос
ности и свѣдѣнія, которые и нынѣ изыскиваетъ застарѣлыми
ремеслу мои предразсужденія и капризы, дерзая увѣрить, что
всѣхъ, однако, не иное что, и никогда не было въ предлогѣ, к
только истинное усердіе къ Вамъ и доброхотство къ службѣ
шей военной, въ которой я съ молодости почти безотлучно об
щаясь, долженъ пріобрѣсть, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые въ
лочныхъ хотя частяхъ свѣдѣнія; но по частымъ припадкамъ и
лучше донесть, по надобности въ подобныхъ упражненіяхъ, дозв
лить уклониться на уединеніе повергающемуся къ стопамъ
шимъ со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ,

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшему рабу,
Г. Р.-З.

5 Октября, 1776 года.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОТЪ ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО КЪ КРЫМСКИМЪ ТАТАРАМЪ О ЗАНЯТІИ КРѢПОСТИ И ЛИНІИ ПЕРЕКОПСКОЙ, СЪ УВѢЩАНІЕМЪ О СПОКОЙНОМЪ ИХЪ ЖИТІИ.

Графъ Петръ Румянцевъ-Задунайской, Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійской, Всемилостивѣйшей Государыни моей, Генералъ-Фельдмаршалъ, Главнокомандующій Кавалеріею, Украинскою дивизіею и Корпусами Малороссійскими и въ Новороссійской и Азовской Губерніяхъ расположенными, Сенаторъ, Малороссійскій и Слободско-Украинскій Государевъ Намѣстникъ, Коллегіи Малороссійской Президентъ, Кирасирскаго Полка Полковникъ, Орденовъ Россійскихъ Императорскихъ Святыхъ Апостола Андрея, Военнаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія перваго класса, Александра Невскаго, Пруской Чернаго Орла и Голштинскаго Святыя Анны Кавалеръ, Я, ниже сего подписавшійся, объявляю всѣмъ и каждому, до кого принадлежать будетъ.

Какъ изъ числа всѣхъ Татаръ одни Крымцы, не чувствуя и не познавая цѣны дарованной имъ, отъ двухъ въ свѣтѣ величайшихъ Имперій, вольности въ гражданскомъ и политическомъ ихъ житіи, безъ всякаго прекословія къ обрядамъ Магометанскаго Закона преданія, дерзнули въ буйствѣ своемъ не только противиться Божественному ихъ установленію, но и разрушить еще собственно свои съ Имперіею Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшей и Всеавгустѣйшей моей Государыни и Самодержицы, точныя и формальныя обязательства, заключенныя и клятвою утвержденныя въ такое время, когда побѣдоносное Ея Императорскаго

Величества оружіе покорило весь Крымъ, и жребій сего по
острова купно съ жизнію и имуществомъ тамошнихъ жител
женъ и дѣтей ихъ былъ совершенно во власти побѣдителей;
Ея Императорское Величество и соизволила повелѣть мнѣ
нять крѣпость Перекопскую съ ея линіею, какъ для того, да
они въ разсужденіи своемъ очувствоваться и оное скоро исп
вить могли, такъ и для того, чтобы поставить себя въ равное
ложеніе съ Блистательною Портою Отоманскою, которая об
жила войсками своими Тамань и другія мѣста; когда свер
того Крымскіе Татары, сами отступя отъ трактатнаго, между д
мя величайшими Имперіями, постановленія о ихъ политической у
ѣти, явно уже начали подчинять себя прежней Турецкой влас
и дѣйствительно препоручили присланнымъ отъ Порты таможе
нымъ сборщикамъ сборъ съ пошлины и таможенныхъ доходо
въ Кафѣ и другихъ своихъ городахъ.

А какъ мнѣ извѣстно, что во множествѣ Крымскихъ жи
лей ѣсть не малое число такихъ патріотовъ, кои цѣну вольно
и независимости отечества своего, въ гражданскомъ и политич
скомъ положеніи, достойно чувствуютъ и желаютъ пользовать
сими безцѣнными дарами человѣколюбія и щедроты Всемилост
вѣйшей Государыни моей, то я оныхъ всѣхъ симъ листомъ то
жественно увѣряю и обнадеживаю о Высочайшемъ и непрем
номъ покровительствѣ Ея Императорскаго Величества къ нимъ
мимъ, къ семьямъ ихъ и имуществу ихъ, которыми будутъ о
всячески пользоваться, какъ отъ меня, такъ и отъ всѣхъ мнѣ по
властныхъ войскъ.

Равнымъ образомъ и всѣмъ, кои изъ Крымцовъ, познавая св
заблужденіе, возвратятся на прямой путь и пребудутъ въ жил
щахъ своихъ тихо и покойно, обѣщаю я, по ввѣренной мнѣ вл
сти, защиту, охраненіе, также и неприкосновенность совершенну
къ ихъ добру. Напротивъ чего, дерзающіе возставать явно, и
тайно противу войскъ Ея Императорскаго Величества, коими
нынѣ занялъ крѣпость Перекопскую и ея линію, также и пок
шающіеся на заведеніе сумнительныхъ скопищъ и безпокойств
должны будутъ относить на собственную свою дерзость послѣду
щія и сколь непріятныя намъ, какъ уже не минуемыя для их
послѣдствія.

Впрочемъ, по Высочайшему соизволенію Государыни Императрицы, не престающей еще пещись о благоденствіи всѣхъ вообще Татаръ, объявляю я чрезъ сіе точнымъ и торжественнымъ образомъ, что всѣ гражданскіе промыслы и торговыя ихъ, какъ внутреннія между собою, такъ и внѣшнія съ Россіею и другими окрестными областями, могутъ, по силѣ обязательствъ торжественнаго трактата, заключеннаго въ 1772-мъ году съ Татарскою націею, бывшіе тогда въ прямой вольности и независимости, имѣть свободное и безпрепятственное свое теченіе и обращеніе безъ всякаго препятствія ввѣренныхъ мнѣ войскъ, кои паче имѣютъ отъ меня точное повелѣніе способствовать имъ по крайней возможности; ибо Высочайшее Ея Императорскаго Величества, Всепресвѣтлѣйшей и Державнѣйшей Самодержицы, намѣреніе есть не разрушать и не порабощать блаженства Татаръ, а паче охранить оное, и возстановить на твердомъ, прочномъ и непоколебимымъ основаніи, такъ какъ оное единожды опредѣлено торжественными трактатами. Октября 10 дня, 1776 года.

Графъ Румянцевъ-Задунайской.

1776 года, 13 Октября.

П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

Не будучи въ состояніи еще выѣхать, прошу Ваше Превосходительство приложенія поднесть Ея Величеству; изъ новыхъ возведеній Калги-Султана братьевъ разныя толкованія дѣлаютъ Калги и Бригадиръ Бринкъ; но по одному, что они жертвуютъ своимъ братомъ, а по другому, что они ему, въ лучшемъ положеніи находясь, лучше и способствовать могутъ, надобно, какъ мнѣ мнится, сдѣлать движеніе въ сторону, чтобъ воздержать ихъ отъ злонамѣренія, или подкрѣпить ихъ доброе расположеніе.

1776 года, Октября 17 дня.
С.-Петербургъ.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

Впослѣдованіе Всевысочайшаго Вашего Императорскаго Величества, отъ 7-го сего текущаго, даннаго мнѣ повелѣнія, не ожидая куріера изъ Царьграда съ рѣшительнымъ отвѣтомъ, чтобы послѣднее удобное время не упустить, приказалъ я Г-ну Генералъ-Поручику Князю Прозоровскому немедленно маршировать къ Перекопу, съ Корпусомъ, для того готовымъ, Линію и крѣпость Оръ занять, гарнизонъ въ оной и связь съ Кинбурнскимъ отрядамъ и своими границами, соображая съ надобностью въ количествѣ людей, опредѣлить, и декларацію отъ имени моего, переведя по Турецки и Татарски, въ Крыму обнародовать; но на случай потребной, ежели бы всѣ его попытки незапно войтить, чрезъ заговоръ и договоръ съ гарнизономъ, или притѣсненіемъ сильнаго пушечнаго огня, взять не удалося, и къ жестокому предпріятію, какъ то штурму, онъ, Князь Прозоровскій, обратиться принужденъ былъ, указалъ ему на бастіонъ, съ лѣвой стороны къ сѣверу лежащей, и по мнѣнію бывшихъ къ Орѣ нашихъ Офицеровъ безобороннѣе другихъ, и къ которому линейнымъ рвомъ подойти безвредно можно.

Генералу-Поручику Текели, команду имѣющему надъ Корпусомъ, располагаемымъ на правой сторонѣ Днѣстра, препоручилъ я, чтобы онъ, обезпечивъ свои границы, могъ удержать Турковъ въ ихъ крѣпостяхъ во вниманіи и въ замѣшанія, въ разсужденіи нашихъ движеній, и чтобы, въ потребномъ случаѣ, Корпусъ Князя Прозоровскаго и Кинбурнской гарнизонъ подкрѣпить и усилить, не обнажая своихъ границъ, нашелся въ состояніи; а сходственно сему предположенію, поставилъ бы Корпусъ резервной на Ингулѣ, при устьи рѣчки Боковенки, какъ на срединѣ и паралельно Екатеринославскому Шанцу и Кизикерменскому посту, чтобы всѣ сіи три отряда могли на потребный случай подать пособіе одинъ дру-

тому, и соединиться прежде, нежели бы Турки могли предпріять что во внутренность границъ нашихъ, обезпеченныхъ, конечно, занятіемъ обвѣщательныхъ постовъ, на самыхъ крайнихъ чертахъ оныхъ. Сообразно сему, приказалъ бы взять позицію и Г. Генералъ-Маіору Ширкову около Погребищъ, для наблюденія лучшаго на Поляковъ, нашихъ границъ держащихся, и удержанія въ уздѣ Польскаго Украинскаго народа въ поднятіи бунтовъ, на подобныя случаи весьма готоваго, ежели бы онъ не имѣлъ особыхъ предписаній отъ Посла Вашего Императорскаго Величества, Графа Штакельберга, относительно Польскимъ обстоятельствамъ, о занятіи нныхъ мѣстъ.

Генералъ-Маіору Борзову, въ Эникале находящемуся, рекомендовалъ я стараться возвысить въ Крыму пользы дѣлъ Вашихъ, по предписаніямъ, ему сдѣланнымъ; умножить свои бдѣнія и вниманія на обороты Турокъ и Татаръ и умножить партію Калгѣ-Султану.

Бригадиру Бринку наказалъ я не упускать ничего изъ видовъ, ему предписанныхъ, но паче стараться всѣми образы и силы оныхъ достигать, подавать Калгѣ-Султану всякое пособіе въ умноженіи его партіи въ Крыму, въ кочующихъ Ордахъ, внѣ онаго, въ горахъ и самыхъ Некрасовцахъ, поощрять его, Калгу, въ настояніи твердомъ къ одержанію Ханства, который не ослабѣваетъ, конечно, при толь многомощномъ ему отъ Вашего Императорскаго Величества покровительствѣ, и дѣйствительно сдѣланномъ денежномъ пособіи, и при новомъ возведеніи его братьевъ, ежели онъ въ ихъ доброхотныхъ къ нему расположеніяхъ не обманутъ, не упустятъ случая при движеніи нашихъ войскъ къ Перекопу доставить себѣ избраніе въ независимые и самовластные Ханы отъ Нагайцовъ, и что на занятіе Перекопа долженъ Калга взирать, какъ на содѣланіе ему пути и въ Крымъ, и все въ ономъ стараться подвигнуть, что только ему извѣстно къ приготовленію тамъ части ему преданныхъ изъ Мурзъ, и другихъ нѣчто значущихъ Татаръ, коимъ бы, при взятіи Перекона нашими войсками, тотчасъ къ нимъ пріобщились, и оказали свое желаніе его имѣть Ханомъ, и при отверстіи перваго на то ему случая, готовымъ быть въ оное достоинство вступить; преклонять къ тому его братьевъ, ободрять оборонамѣренныхъ, наводить страхъ на колеблющихся и против-

ныхъ, и по податливости его братьевъ и приверженности Ордъ, размѣрять движенія, приступая сперва къ Ей, а потомъ подвинуться и далѣе до Бытюга. Предложилъ я и командующему флотиліею въ Таганрогѣ, дабы сей, по требованіямъ Генералъ-Маіора Борзова и Бригадира Бринка, во всемъ возможномъ и съ регулами его сходномъ удовлетворялъ, доставляя между тѣмъ безъ малѣйшаго медленія куріеровъ, когда оные отъ одного къ другому отправляемы, и до кого только надлежало, не оставилъ я въ невѣдѣніи относительно главныхъ заботъ, и особо препоручилъ и притвердилъ обезпечить границы въ разсужденіи внутренней тишины и внѣшней безопасности, утвердя съ ними безпрерывное сообщеніе, о увѣреніи въ пропитаніи, лучшемъ развѣдываніи и взаимномъ увѣдомленіи съ сообщеніемъ разсужденій и намѣреній, что и на какой конецъ полагаютъ предпринимать и требовать, и чрезъ какія мѣста и переправы на рѣкахъ вѣрнѣе и скорѣе посланные ѣздить должны, о доставленіи войску всѣхъ надобныхъ выгодъ, и все стараніе прилагать на сбереженіе людей какъ отъ могущихъ быть несносныхъ погодъ, такъ и при помѣщеніи ихъ въ квартеры, по окончаніи экспедиціи, съ наблюденіемъ только того, что можетъ замѣнить выгоднѣйшее ихъ положеніе, разумѣя надобныя опасенія и осторожность, не употребляя, однако жъ, оружія, развѣ противу поднявшихъ оное, а напротивъ обходиться съ Татарами покоряющимися ласково, платя за все наличными деньгами, утверждая въ нихъ къ намъ доброхотство, и доказывая тѣмъ благонамѣренныя наши къ нимъ расположенія.

Резонабильно судя, ожидать надлежитъ, что Турки, а особливо Татары, должны войтить въ познаніе своихъ заблужденій, и видѣвъ неудачу въ попыткахъ, обратятся къ выполненію точному постановленныхъ артикуловъ мирнаго договора; но знавъ ихъ буйство, которое ихъ неоднократно заводило въ неполезныя хотя войны, по одному подстреканію недоброхотовъ нашихъ, ручаться ни когда не можно; слѣдовательно, и на случай, ежели бы ожидаемый отвѣтъ не былъ по желанію, и Турки похотѣли бъ разорвать миръ; мое всеподданнѣйшее мнѣніе Вашему Императорскому Величеству представляю, чтобъ, при раздробленіи отряженнаго числа ввѣренныхъ мнѣ войскъ, кои раздѣляются Азовскимъ моремъ и Днѣ-

ромъ, въ запасъ сблизить Смоленскую и Бѣлорусскую дивизіи, резъ Малую Россію, а Нижегородскую чрезъ Воронежъ, и первыя двѣ расположить въ Новороссійской по Днѣпру и Ворсклѣ, а слѣднюю въ Слободской, между Харьковомъ и Изюмомъ, къ старой Линіи, и часть артиллеріи, размѣрно тому числу войскъ, держать со всею упряжью въ готовности въ Кіевѣ.

Всеподданѣйшій рабъ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Проектъ декларації сочиненъ истощившимъ всю науку политики, и мое перо весьма слабо, чтобы въ чемъ либо коснуться до оному. Но сдѣлавши нѣкоторую знаемость въ дѣлахъ Турецкихъ, долженъ Вашему Императорскому Величеству донести, что часто объ одномъ дѣлѣ повтореніе и предъявленіе готовости о постановленномъ единожды въ другое съ ними трактовать превозносить весьма Турковъ, и они уже всякое убѣжденіе и доказательство пріемлютъ за прозьбу, исканіе, извиненіе и тому подобное: но къ твердому настоянію и особо самимъ дѣломъ доказываемому являютъ онѣ больше уваженія, и не отлагая въ даль на переговоры, стараются поспѣшно приводить предлагаемое къ окончанію. Слѣдовательно, предоставя Г-ну Стахіеву на надобные случаи доказывать и убѣждать Министерство Турецкое по числамъ и днямъ изъ дѣлъ времени, прошедшаго отъ заключенія мира понынѣ, и изъ вновь посылаемаго нынѣ Вашего Императорскаго Величества Рескрипта указать сдѣлать декларацію, развѣ по занятіи Перекопа, или же по отзыву Порты въ краткомъ, по мнѣнію моему, по прилагаемому при семъ содержанію.

Позвольте мнѣ при томъ, Всемилостивѣйшая Государыня, принесть мою найчувствительнѣйшую и всенижайшую благодарность за милосердое обо мнѣ напоминаніе, и донесть, что болѣзнь моя не такъ опасна, коль мнѣ несносна тѣмъ, что я нѣкоторое уже время выведенъ оною изъ состоянія предстать Вашему Императорскому Величеству. Сія отъ Вашего Императорскаго Величества

показываемая мнѣ милость лучшимъ пособіемъ будетъ, и я ут
шаюсь уже надеждою скоро буду имѣть щастіе повергнуться
стопамъ Вашимъ.

Октября 22 дня,
1776 года.

Къ письму 22-го Октября, 1776 года.

ДЕКЛАРАЦІЯ.

Ея Императорское Величество, Всемилостивѣйшая моя Гос
дарыня и Самодержица, употребивъ всѣ дружескія средства бе
успѣховъ, къ приведенію въ окончаніе мирныхъ дѣлъ, составл
ющихъ блаженство взаимное подданнымъ обѣихъ Имперій, и
знавъ достовѣрно, что между тѣмъ не усумнилась уже Блистател
ная Порта нимало, подъ титлами разными, вступить прямо въ с
мовластное Татаръ управленіе, перемѣнять онымъ Хановъ, опр
дѣлять судей и таможенныхъ сборщиковъ, ввесть войски, и ра
пространить свою власть до подчиненія Нагайскихъ Ордъ и с
михъ Кабардинцовъ, ей никогда непринадлежавшихъ, — принуж
дены были обратиться ко взаимству, имѣвъ на то съ Блистател
ною Портою равное право, и указать, точно слѣдуя примѣру
употребляемому титлу отъ Блистательной Порты, какъ госте
ввесть свои войски въ Перекопь, какъ въ третью, и ни той, н
другой, сторонѣ не надлежащую область, и въ которой столько ж
или больше, полагается быть обывателей, кои не въ мечтаніи, н
въ вольности, ни отъ кого и ни въ чемъ независимой, благосостоя
свое прочнымъ считаютъ, повелѣвъ и мнѣ, ниже подписавшему
въ то же время Министерству Блистательной Порты объявить,
сей вынужденной самою Портою поступокъ не имѣетъ отнюдь н
го предлога, какъ приведенія къ концу священныхъ обязательст
въ мирныхъ договорахъ отъ обѣихъ Высокихъ Державъ, чр
уполномоченныхъ въ Кайнарджи подписанныхъ и торжествен
ратификованныхъ, съ предложеніемъ къ тому на обѣ стороны р
но полезному дѣлу кратчайшей и лучшей удобности, и имен
отправленія отъ нея, Порты, нарочныхъ и достаточнымъ полно
чіемъ снабдѣнныхъ Коммисаровъ къ Генералу-Фельдмаршалу Г
фу Румянцову-Задунайскому, для безпосредственнаго съ н
конферированія и окончанія еще между обѣими Имперіями дѣ

потому что сему знаменитому Военачальнику поручено отъ Ея Императорскаго Величества съ полною довѣренностію и достаточною властію, какъ занятіе Перекопа и устройство Татаръ въ вольномъ и независимомъ ихъ образѣ, безъ прикосновенія, однакожъ, къ правамъ и обрядамъ Магометанской религіи. И нижеподписавшійся, зная Россійскаго Императорскаго Двора расположеніе, всегда съ искренностію и доброю вѣрою сохранять съ Блистательною Портою Оттоманскою миръ и добрую дружбу, на основаніи заключеннаго при Кайнарджѣ вѣчнаго трактата, безъ всякихъ въ обязательствахъ его отмѣнъ къ предосужденію Порты, или же къ утѣсненію Татарской вольности въ гражданскомъ и политическомъ ея бытіи; ибо возстановленіе и обезпеченіе оной вольности неприкосновенно къ преданіямъ Магометанскаго исповѣданія, составляютъ теперь, напротивъ, всю цѣль намѣреній его, слѣдовательно же и настоящаго съ Перекопью подвига; желалъ бы въ то же время, чтобы высокое и прозорливое Министерство Его Султанскаго Величества снабдили его такимъ отвѣтомъ, который бы, изъемля въ конецъ изъ среды всякое неудовольствіе, доставилъ ему щастіе послужить полезнымъ инструментомъ къ прекращенію всѣхъ, донынѣ еще неоконченныхъ, дѣлъ, и чрезъ то самое и къ утвержденію на непоколебимомъ уже основаніи драгоцѣнныхъ и для взаимнаго блаженства прямо полезныхъ союзовъ дружбы, добраго сосѣдства и вѣчнаго мира.

Всемилостивѣйшая Государыня!

По соизволенію Вашего Императорскаго Величества написанной Ордеръ къ Князю Прозоровскому, на благоусмотрѣніе при семъ всенижайше подношу. Ободряя его, унываю самъ въ горестной болѣзни, которая мнѣ препятствуетъ имѣть щастіе по всеусердному желанію завтре пасть къ ногамъ Вашего Императорскаго Величества, и принуждаетъ еще пожить въ заперти нѣкоторое время.

Есмь со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ.

Ноября 18 дня,
1776 года

Копія съ подлиннаго.

Его Сіятельству,

Высокоповелительному Господину Генералъ-Фельд маршалу, Главнокомандующему Кавалеріею, Украинско Дивизіею, Сенатору, Малороссіи и Слободской Губерні Государеву Намѣстнику, Малороссійской Коллегіи Пре зиденту, Кирасирскаго Военнаго Ордена полку Полков нику, Орденовъ Россійскихъ, Святыхъ Апостола Андре Первозваннаго, Александра Невскаго, Георгія Побѣдонос ца перваго класса, и Голстинскаго Святыя Анны Кава леру, Графу Петру Александровичу Румянцову-Задунай скому.

Отъ Генералъ-Маіора и Кіевскаго Оберъ Коменданта Ель чанинова

РАПОРТЪ.

За долгъ мой поставляю Вашему Сіятельству донести, чт Турецкой Чрезвычайный и Полномочный Посолъ, пробывъ в здѣшнемъ мѣстѣ семь дней, сего числа далѣе въ путь свой отъ ѣхалъ. А какой въ проѣздъ и въ отъѣздъ былъ здѣсь учинен ему пріемъ и встрѣча, имѣю честь поднесть при семъ кратко описаніе.

Яковъ Ельчаниновъ.

Апрѣля 8 дня,
1776 года

Описаніе встрѣчи и пріему Турецкаго Чрезвычайнаго Полномочнаго Посла въ Кіевѣ (1776).

Господинъ Генералъ-Маіоръ и Кіевскій Оберъ-Комендантъ Кавалеръ Ельчаниновъ, какъ первенствующій въ семъ городѣ получа увѣдомленіе о точномъ дни прибытія въ здѣшній город Полномочнаго Оттоманской Порты Посла, и потому сдѣлавъ вс

ріуготовленія къ встрѣчѣ и пріему его потребныя, въ первой день сего Апрѣля, выслалъ отъ стороны военной команды одного Штабъ и двухъ Оберъ-Офицеровъ, а отъ стороны гражданъ Господина Надворнаго Совѣтника и Войта Пивоварова, со всѣми Магистратскими Членами, на лѣвый берегъ рѣки Днѣпра, гдѣ убита была Посольская палатка, которые, дождавшись Посла на берегу, поздравили его съ благополучнымъ пріѣздомъ. Послѣ чего Г-нъ Войтъ Пивоваровъ съ Магистратскими Чинами возвратился на правый берегъ рѣки, къ пристани, у самаго Подола сдѣланной, и украшенной балюстрадою, обвѣшанною зеленымъ сукномъ.

Посолъ, прибывъ къ переправѣ, остановился нѣсколько въ разставленной палаткѣ, чтобъ дать своей свитѣ время переправиться, потомъ съ приставомъ, Г-нъ Генералъ-Поручикомъ и Кавалеромъ Барономъ Игельстромомъ, и съ знатнѣйшими Посольства Чиновниками и находящимися въ свитѣ Пристава Барона Игельстрома, такожъ и присланными отъ Г-на Генералъ-Маіора и Кавалера Кальчанинова Штабъ и Оберъ-Офицерами, сѣлъ въ приготовленную для него, украшенную балдахиномъ, шлюпку, и отправился къ Подолу, въ препровожденіи многихъ лодокъ, при играніи во все время переѣзда музыкантами на разныхъ духовыхъ инструментахъ.

Какъ скоро шлюпка Посольская поровнялась съ Печерскою крѣпостью, то изъ оной привѣтствовано было 31-мъ пушечнымъ выстрѣломъ, съ такимъ размѣромъ, что оные продолжались до прибытія Посольскаго къ пристани, гдѣ встрѣченъ Губернскими Чинами, Гг. Коллежскими Совѣтниками Маскатиньевымъ и Флѣеровымъ, съ нѣсколькими Канцелярскими служителями, гарнизоннымъ Штабъ и Оберъ-Офицерами и Присутствующими въ Кіевскомъ Магистратѣ, коими всѣми Посолъ провождаемъ былъ до самой его квартиры.

Отъ пристани до квартиры Посольской поставлены были въ парадѣ Регистровая Мѣщанская рота, 12 цеховъ съ своими знаменами и Кіевскіе гарнизонные баталіоны.

Господинъ Оберъ-Комендантъ выслалъ свои три кареты, заложенныя цугами, въ которыя, по выходѣ изъ шлюпки, Посолъ съ вышеписанными свиты своей Чиновниками сѣлъ, и отвезенъ былъ до своей квартиры, за коими слѣдовали изъ Регистровой роты 50 человѣкъ, подъ командою одного старшины. Возлѣ кареты

Посольской шли пѣшіе 6 человѣкъ Рейтаръ. Въ проѣздъ поставленный фронтъ отдавалъ честь съ играніемъ музыки и барабаннымъ боемъ

Въ квартирѣ Посольской поставлена была рота съ знаменемъ.

По прибитіи Посла въ квартиру, у крыльца приняли и провожали въ его покои Губернскіе Члены, гарнизонные Штабъ и Оберъ-Офицеры и Присутствующіе въ Кіевскомъ Магистратѣ. Посолъ вошелъ въ свои комнаты, всѣхъ тѣхъ, кои были поотмѣннѣе, просилъ сѣсть и подчивалъ кофеемъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ прибытія Посольскаго въ квартиру, Г-нъ Генералъ-Маіоръ и Кіевскій Оберъ-Комендантъ и Кавалеръ Ельчаниновъ пріѣхалъ къ Послу съ поздравленіемъ благополучнымъ прибытіемъ, котораго Посолъ встрѣтилъ у дверей передней комнаты; нѣсколько послѣ, туда жъ, въ квартиру Посольскую, пріѣхалъ артиллеріи Г-нъ Генералъ-Маіоръ и Кавалеръ Ливенъ въ препровожденіи артиллерійскихъ Штабъ и Оберъ-Офицеровъ; оба они приняты Посломъ весьма ласково, подчиваны кофеемъ, сластьми, курительнымъ табакомъ, окуриваны и оприскиваны благовонными духами, и послѣ нѣсколькихъ разговоровъ, желали Посла оставить въ покоѣ, откланивалися и провожаемы были самимъ Посломъ до дверей. При прощаніи, въ знакъ своего почтенія, по Оріентальному обыкновенію, Посолъ подарилъ ихъ Превосходительствамъ по два платка.

2-го числа Посолъ прислалъ къ Г-ну Оберъ-Коменданту своего Капечиларъ Кягаю съ благодареніемъ за всѣ оказанныя имъ учтивости, при въѣздѣ его въ Кіевъ.

3-го числа Г-нъ Генералъ-Маіоръ Кіевскій Оберъ-Комендантъ и Кавалеръ-Ельчаниновъ, слышавъ, что Посолъ приготовляется къ отъѣзду, прислалъ къ Послу на прощанье двадцать соболей, десять голубыхъ песцовъ, три сорока горностаевъ и одинъ мѣхъ бѣльчій въ подарокъ.

4-го числа Посолъ прислалъ къ Г-ну Оберъ-Коменданту своего Селигтаръ-Агу съ увѣдомленіемъ, что онъ желаетъ завтрешній день его посѣтить, и съ нимъ прислалъ взаимный подарокъ, состоящій въ четырехъ штукахъ Турецкихъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій.

5-го числа, въ 10-ть часовъ по полуночи, Посолъ въ пожалованной отъ Всевысочайшаго Двора каретѣ, съ Г-мъ Приставомъ Барономъ Игельстромомъ, Наифъ-Эфендіемъ и Диванъ-Эфендіемъ къ Г-ну Генералъ-Маіору и Кавалеру Ельчанинову въ провожаніи знатнаго числа Старшинъ и Чегодарей поѣхалъ.

Во время переѣзда, впереди кареты Посольской ѣхали 20-ть человѣкъ кирасиръ, подъ командою одного Офицера, а за оными Чиновные свиты Посольской верхами и нѣсколько Оберъ-Офицеровъ, къ свитѣ принадлежащихъ; около кареты и въ слѣдъ за оною шли 12 человѣкъ Чегодарей, пѣшіе; потомъ карета Г-на Пристава, въ которой сидѣли три чиновные Турка, Посольской переводчикъ Караджа, а въ замкѣ 10-ть человѣкъ Козаковъ, подъ командою одного Малороссійскаго Старшины.

По прибытіи Посла въ крѣпость, гарнизонный гаубтвахтъ отдалъ ему честь съ барабаннымъ боемъ и музыкой. У крыльца встрѣченъ былъ Кіевскихъ баталіоновъ Оберъ-Офицерами; въ передней комнатѣ Штабъ-Офицерами, и у дверей оной самимъ Г-мъ Оберъ-Комендантомъ, который, взявъ Посла за руку, ввелъ ево во вторую комнату, и какъ Посла, такъ и двухъ знатнѣйшихъ ево Старшинъ, просилъ садиться.

По окончаніи первыхъ учтивостей, подчиваны были кофьемъ, сластьми, и разными винами, которые Посломъ съ удовольствіемъ приняты были, подъ именемъ шербетовъ. Старшины Посольской свиты и Чегодари въ переднихъ комнатахъ подчиваны были кофьемъ и таковыми же напитками. Во все время угощенья играла инструментальная музыка. Мальчики и изъ гарнизонныхъ солдатскихъ дѣтей пѣли разныя пѣсни и плясали, которыхъ Посолъ дарилъ деньгами.

Въ 1-мъ часу по полудни, Посолъ, простясь съ Г-мъ Оберъ-Комендантомъ, поѣхалъ и провожаемъ былъ до кареты тѣми же Чинами, которыми и встрѣченъ.

Возвращаясь въ томъ же порядкѣ, желалъ видѣть игрище на качеляхъ. Пріѣхалъ къ онымъ, остановился и народу, который близъ его кареты пѣлъ, подарилъ нѣсколько червонныхъ. Забавясь немного, отправился домой.

7-го числа, Г-нъ Генералъ-Маіоръ, Кіевскій Оберъ-Комендантъ и Кавалеръ Ельчаниновъ, увѣдомясь, что Посолъ завтрешней день отъѣзжаетъ по полудни въ пять часовъ, съ Губернскими и Магистратскими Членами, Штабъ и Оберъ-Офицерами ѣздилъ къ Послу проститься.

8-го числа, Кіевскаго Магистрата Члены собрались въ квартиру Посольскую, и при выѣздѣ его провожали до кареты, а Регистровая Мѣщанская рота до перваго ночлега деревни Глѣвихи. В проѣздъ мимо Печерской крѣпости, Посолъ привѣтствованъ былъ 31-мъ пушечнымъ выстрѣломъ.

ЧАСТНЫЯ ПИСЬМА

ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО.

1775 ГОДЪ.

1775 года,
8 Февраля

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗАВАДОВСКОМУ.

Предыдущимъ моимъ подалъ уже я Вамъ увѣдомленіе о полученныхъ мною отъ Васъ письмахъ; и потому не оставалось при семъ случаѣ ничего, чтобы Вамъ сказать болѣе; но, поставляя себѣ всѣ таковы пріятными, гдѣ только могу извѣщать Васъ въ видѣ отличнаго моего къ Вамъ усердія, не схотѣлъ отпустить Вашего куріера, не увѣдомивъ Васъ, что я прибылъ въ Глуховъ 5-го настоящаго мѣсяца. Тутъ засталъ я не противу прежняго, весь почти сей городъ принялъ другой видъ. Превосходной вкусъ въ качествѣ и количествѣ женщинъ, заставляетъ всякаго къ признанію въ лучшемъ образѣ жизни и весьма видной въ нихъ перемѣнѣ. И за тѣмъ, конечно, не было бы мѣста скукѣ, если бы намъ солнце открыло свое лицо, котораго во все время пребыванія нашего здѣсь мы не видѣли; на мѣсто онаго сильный туманъ обложилъ тутъ всю окрестность и дѣлаетъ моему слабому здоровію поминутно новые припадки.

1775 года,
28 Марта

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Надъ чаяніе мое, явился у меня здѣсь Г. Баронъ Билстейнъ сего податель, котораго оставилъ я въ Молдавіи, въ намѣреніи основать тамъ свое пребываніе, считая оное сходнымъ и со стороны физическихъ свойствъ земли, и въ разсужденіи имѣній по брат его, тамъ пріобрѣтенныхъ. Онъ сказываетъ мнѣ, что Молдавія вы шла теперь совсѣмъ изъ образа, въ которомъ оная при насъ нахо дилась, такъ что уже той выгоды и способности не находитъ к обитанію своему, каковой ласкалъ себя прежде, и для того пред пріялъ отправиться въ Москву, и представши предъ Ваше Сіятель ство, въ особѣ котораго имѣетъ онъ для себя единственнаго благо дѣтеля и покровителя, я не могъ отказать ему, чтобы не пре проводить моего о немъ ходатайства, вѣдая, что первое Ваше удо вольствіе есть дѣлать добро людямъ, и пользуюся, впрочемъ, сим случаемъ на засвидѣтельствованіе моего безпредѣльнаго высокопо читанія и совершенной преданности, съ которыми есьмъ.

1775 года,
Марта 28.

Г. А. ПОТЕМКИНУ.

При отбытіи моемъ изъ Яссъ, оставляя сего вручителя, Г Барона Бильстейна, казалося, что онъ искалъ водвориться в Молдавіи и быть скоро богатымъ и знатнымъ; но противъ ожида нія пріѣхалъ онъ сюда, сказывая, что физическія доброты сего кра приносятъ изобиліе прежнее, но плоды онаго собираетъ одинъ Господарь Гика, изъ чего неисключенъ и прекрасный его Бах мутъ. Рѣшился онъ по тому возвратиться и, полагаясь на твою къ себѣ милость и ко мнѣ дружбу и благосклонность, желалъ быть отъ меня къ тебѣ препровожденнымъ. Я тѣмъ болѣе на то согла

ться убѣжденъ былъ, коль извѣстна мнѣ, мой Любезный Другъ, клонность твоя благотворить людямъ, особливо края того, и сколь жалости достойны, какъ сего податель, и для того прошу тебя е оставить своею милостивою помощію, чтобъ онъ могъ у насъ какими способы къ своему прожитію.

Всегда я пребуду съ искреннею преданностію.

1775 года,
Мая 11 дня.
С. Ходоровъ.

КНЯЗЮ ЩЕРБАТОВУ.

Обременяя тебя, мой Любезный Князь, новыми заботами по службѣ, добавляю я себѣ большое удовольствіе продолжать съ тобою переписку, для меня пріятную, бывъ увѣренъ, что и твоя ко мнѣ дружба и доброхотство, стольже, какъ и моя къ тебѣ, непременны. Я слышалъ отъ твоего присланнаго, что ты достать старешься для меня въ даръ воловъ. Благодарю найпризнательнѣйше за трудъ твой въ пріисканіи оныхъ, и прошу прилѣжно отправить ихъ ко мнѣ въ Малую Россію, въ Переяславль, къ Г. Ивановскому, подавъ наставленіе, какъ съ ними обходиться и кормить ихъ лѣтомъ и зимою, и ежели можно, сыскавъ и приставивъ къ нимъ знающаго человѣка, отъ коего бъ и тамъ научаться можно было. Вложенное при семъ письмо мое къ Г. Ивановскому, Генеральному Эконому Князя Черторижскаго, прошу доставить, и требуемыя мною у него пополненія къ присланнымъ предъ симъ экономическимъ инструктаріямъ, касательно заводовъ лошадиныхъ и другихъ скотскихъ, прошу, отъ него отыскавъ, ко мнѣ прислать, и вѣрить, что я съ непоколебимымъ почтеніемъ навсегда остаюсь.

1775 года,
Мая 13 дня.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Ермолаевичъ!

Принося Вашему Превосходительству мою благодарность з доставленіе жены кухмейстера моего, повторяю тутъ и искренно мое признаніе ко всѣмъ тѣмъ дружескимъ одолженіямъ, которы Вамъ въ прозьбахъ и надобностяхъ моихъ являть угодно.

Не получа еще того счету, который, какъ Ваше Превосх дительство увѣдомлять изволите, Г. Прешель доставить мнѣ с бирается, не знаю я, какія онъ деньги до пяти сотъ червонных на мнѣ считаетъ; ибо какъ и прежде я писалъ къ Вамъ, при ше ти тысячъ червонныхъ, чрезъ посредство его въ Вѣну перевод мыхъ, я о полученіи только половины имѣю свѣдѣніе; но ежел онъ долгъ сей кладетъ на счетъ послѣдне выписанныхъ для мен и Осипа Андреевича Г-на Игельстрома нахттишовъ и деженеров то съ моей стороны расчетъ генеральной и расплата съ Г-мъ Игел стромомъ уже учиненъ.

За благосклонное о фазанахъ попеченіе усердно благодарю; в время для нихъ, до Октября откладываемое, кажется мнѣ, долг до коего, кто знаетъ, дожить достанется ли? И такъ прошу Вас постараться отправить оныхъ скорѣе, какъ возможно, безъ повреж денія ихъ. Въ особливое поставляя себѣ удовольствіе исполня всѣ требованія Ваши, я охотно бы согласился на желаемой Вам отпускъ, ежели бъ обстоятельства нынѣшнія не дѣлали надобным Ваше присутствіе въ настоящемъ мѣстѣ, почему и я хотѣлъ бы чтобъ Ваше Превосходительство отложили то до нѣкотораго вре мени. Поздравляю Васъ отъ искренняго сердца благополучным супруги Вашей отъ бремени разрѣшеніемъ, желая, чтобы новорож денная, возрастая благоденственно, послужила Вамъ къ полном обрадованію, есьмъ съ непремѣннымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга.

1775 года,
23 Іюля.

Милостивый Государь мой,

Алексѣй Алексѣевичъ!

При самомъ моемъ прибытіи, имѣлъ я удовольствіе принять Ваше всеприятнѣйшее писаніе, на которое не могъ я по сіе время отвѣтствовать, по причинѣ скораго отъѣзду, не сказавшися, Вашего присланнаго; а между тѣмъ возвратившійся изъ Нижняго Новогорода Иванъ Пертовичъ Каспаровъ, засвидѣтельствовалъ мнѣ образъ дружества и благосклонность, которыя Вы храните ко мнѣ непремѣнно, и кои суть слѣдствіе взаимныхъ нашихъ обязательствъ отъ самаго нѣжностнаго союза, юность начало производящихъ. Ежели бы состояніе моего здоровія согласовало съ тою надобностью, какову имѣю побывать въ мѣстахъ управленія Вашего, то я вскорѣ бы получилъ обрадованіе видѣть Васъ, моего Любезнаго Друга; но лаская себя тѣмъ впредь, приношу мою искреннюю благодарность и признаніе къ чувствамъ дружества Вашего, и прошу всеприлѣжно по дѣламъ моимъ тамошнимъ, въ случаѣ отзывовъ моихъ домашнихъ, благодѣтельствовать и всевозможное подать защищеніе. Я желаю всегда и вездѣ слышать о всеблагополучномъ Вашемъ пребываніи, и есьмь съ совершеннымъ почтеніемъ

Вашего Превосховительства.

1775 года,
23 Іюля.

КНЯЗЮ МЕЩЕРСКОМУ.

Любезнѣйшій Другъ

Платонъ Степановичъ!

Изъ доходящихъ публичныхъ увѣдомленій, безъ сомнѣнія, извѣстенъ уже ты, мой Любезный Другъ, о томъ милосердомъ образѣ пріятія, котораго удостоился я отъ Ея Императорскаго Величества;

почему и не утруждаю тебя съ моей стороны о томъ описаніемъ, а скажу только о себѣ, что здоровіе мое самое не лучшее, такъ что я едва могу собраться съ послѣдними силами при всѣхъ почестяхъ, мнѣ оказываемыхъ.

Графъ Иванъ Ларіоновичъ Воронцовъ, зная свойственное тебѣ правосудіе и особливое ко мнѣ дружелюбіе, желалъ, чтобъ я посредствовалъ у тебя за него въ дѣлахъ его, до управленія твоего простирающихся, которыя по самымъ неправеднымъ, какъ онъ объясняетъ, обстоятельствамъ приводятъ его къ крайнему разоренію. Я не могъ ему отказать въ семъ исканіи, нося, съ одной стороны, на себѣ обязательства въ разсужденіи особы его, а съ другой бывъ увѣренъ въ склонности твоей къ добротворенію вездѣ, гдѣ оное только совмѣстно съ пользою Государства и не обращается въ предосужденіе обществу, и потому прошу тебя, мой Любезный Другъ, прилѣжно, подать ему всевозможное пособіе въ новое мнѣ одолженіе.

Проѣзжая чрезъ Глуховъ и Малую Россію, имѣлъ я удовольствіе вѣдать и слышать всемѣстно тебѣ похвалы, благодарность и сожалѣніе о твоемъ отсель отдаленіи. Я желаю, чтобъ настоящее служеніе твое пріобрѣло и въ тѣхъ мѣстахъ толикую общую преданность и доброхотство и свѣдѣтельство.

(Продолженіе письма встрѣчу.)

1775 года,
23 Декабря.
Москва.

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗАВАДОВСКОМУ.

Въ тѣхъ мысляхъ будучи, что сіе мое застанетъ Васъ уже, по пренесеніи многихъ трудовъ, совершивши путь Вашъ, на мѣстѣ, поздравляю найусерднѣе съ благополучнымъ прибытіемъ. Между тѣмъ присоединяя у сего письмо къ Александру Андреевичу, я убѣждаю Васъ Вашею дружбою и моею прозьбою, чтобъ постарались отыскать утерянныя, сколь важныя, столь для меня и нужныя, бумаги. Если что больше меня удивляетъ, то это самое, что

при отъѣздѣ своемъ онъ мнѣ сказалъ, что дѣла всѣ секретные отданы по описямъ Г. Подлускому, а сей въ простотѣ душевной объявляетъ, что онъ съ приказанія его описывалъ то только, что видѣлъ. Почему прошу я Васъ сказать ему, чтобы онъ отписалъ ко мнѣ и, открывъ слѣдъ къ отысканію, указалъ, гдѣ мнѣ оныя и отъ кого требовать, и чтобъ я самымъ симъ его письмомъ могъ когда замѣнить всю потерю. Впрочемъ, я желаю чистосердечно, да застанетъ Васъ сіе мое въ найсовершенномъ здравіи и благополучіи, и чтобъ дни Ваши были для Васъ радости и удовольства исполнены, пребывая всегда съ непремѣннымъ моимъ усердіемъ.

1775 года.

Преосвященнѣйшій Господинъ Епископъ Тверской и Кашинскій,

Милостивый Архипастырь мой.

Не имѣя чести быть лично знакомымъ Вашему Преосвященству, а отъ всѣхъ знающихъ Васъ бывши предваренъ о Вашихъ превосходныхъ душевныхъ дарованіяхъ, давно искалъ я случая засвидѣтельствовать мое къ имъ почтеніе, и нынѣ съ особливымъ удовольствіемъ пользуюсь симъ, что преподаетъ мнѣ отъѣздъ Отца Архимандрита Иларіона въ Епархію, Вамъ опредѣленную. Чрезъ все почти время минувшей войны сей Архимандритъ былъ при арміи моего предводительства вышнимъ Священникомъ, а мнѣ особенно духовникомъ. Подвигами своими и достохвальнымъ поведеніемъ отъ всѣхъ пріобрѣлъ онъ уваженіе и благосклонность, по чему и ласкаю я себя, что онъ заслужитъ милостивое благоволеніе къ себѣ Вашего Преосвященства; но съ стороны моихъ ему обязательствъ не могъ я преминуть, чтобы не принесть всеприлѣжнаго къ Вамъ прошенія о содержаніи его въ благопризрѣніи и покровительствѣ Вашемъ, въ особливое и найчувствительнѣйшее одолженіе мнѣ, который не престанетъ быть съ истинною преданностію.

Преосвященнѣйшій Господинъ Архіепископъ Новгородскій и Санктпетербургскій,

Милостивый Архипастырь мой!

Образъ милостиваго принятія, каковымъ Ваше Преосвященство удостоили Отца Архимандрита Иларіона, въ настоящую его здѣсь бытность, толикую впечатлѣлъ въ немъ къ особѣ Вашей преданность, что онъ, прославляя найблагодарнѣйше имя Вашего Преосвященства, единаго токмо желаетъ, чтобы имѣть щастіе послужить подъ собственнымъ Вашимъ Пастырскимъ надзираніемъ, по примѣру того, какъ другіе Архимандриты къ тому опредѣляются, въ чемъ самъ онъ мнѣ изъяснился, и обнадеживалъ себя милостивымъ Вашего Преосвященства снисхожденіемъ. Я, прежде утруждая Ваше Преосвященство моимъ объ немъ ходатайствомъ, имѣлъ честь сообщать и о тѣхъ обязательствахъ, которыя къ нему по духу и по службѣ имѣю; а потому и при семъ случаѣ ласкаю себя, что Ваше Преосвященство, доказавъ особливую Вашу ко мнѣ милость толь многими опытами, и особливо въ продолженіи моего здѣсь пребыванія, когда пріобрѣлъ для себя и неоцѣненное самоличное съ Вами знакомство, не отречетесь благосклонно принять мое всеприлѣжное прошеніе, чтобъ онъ взысканъ былъ Святительскимъ Вашимъ благоволеніемъ на служеніе въ столицѣ подъ Вашимъ призрѣніемъ.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію есьмъ всегда

Вашего Преосвященства

всепокорнымъ слугою.

ЧАСТНЫЯ ПИСЬМА

ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО.

1776 ГОДЪ.

1776 года,
Генваря 1 дня.
Кайнарджи.

ГРАФУ ГРИГОРІЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПОТЕМКИНУ.

Благодѣяній и взысканій твоихъ, мой Вседражайшій и Вселюбезнѣйшій Другъ, толь многочисленно на мнѣ, что нѣтъ момента, въ которомъ бы я не находилъ обязательствъ къ тебѣ быть признательнымъ и благодарнымъ, а потому и не отлучно съ тобою есмъ и всегда буду.

Путь, по суровости теперешняго времени невыгодный, чтобы ты совершилъ безъ малѣйшихъ безпокойствъ, и новыя лѣта, одно за другимъ, до самыхъ позднѣйшихъ временъ пожилъ во всѣхъ благополучіяхъ и самопомысльныхъ удовольствіяхъ, найусерднѣйше тебѣ желаю.

По отъѣздѣ Вашемъ изъ Москвы я изнемогъ, и не въ силахъ будучи въ дальній путь пуститься, уклонился я отъ звуку и гуку городскаго въ мое уединеніе, въ Подмосковную, отколь сіе къ Вамъ и пишу. Тутъ меня посѣтилъ 27 настоящаго теченія весельчакъ Абдулъ-Керимъ-Эфенди съ нѣкоторыми изъ своей свиты. Въ проложеніи стола самъ онъ пожелалъ пить за здоровье вседражайшей нашей Государыни: утверждалъ о искренной дружбѣ

своего Султана, и опять отыскалъ по старымъ памятямъ, какія-то мои обѣщанія покойному Визирю, въ облегченіи тяготы трактата, и наконецъ далъ мнѣ коммиссію, при увѣреніи Васъ о его отличномъ къ Вамъ почтеніи, припомнить Вамъ о повышеніи чинами при немъ находящихся актуаріевъ и переводчиковъ, сказывая, что Султанъ, уполномочивъ его къ дѣлу толь важному, каково есть Посольство, обратитъ, конечно, къ сторонѣ его нерадѣнія, если прозьба, имъ учиненная и Вами будто обѣщанное, не возымѣетъ въ томъ своего дѣйствія.

До послѣднихъ дней буду сердцемъ и душею преданнѣйшій и всепокорный слуга.

P. S. По милостивому обнадеживанію по просьбѣ моей о Господинѣ Генералѣ Милорадовичѣ, позволю себѣ, мой Милостивый Другъ, припомнить; я на счетъ свой сіи одолженія ему новыми поставлю.

1776 года, Генваря 1 дня.
Москва.

ЧЕРНЫШЕВЪ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Иванъ Григорьевичъ!

Ежели бы возможно что либо надъ совершенное къ Вамъ мое почтеніе и преданность прибавить, то бы Туло-Калужской походъ занялъ великое мѣсто. Я не могу изъяснить Вамъ, мой Милостивый Графъ, все удовольствіе и пользу, кои я въ ономъ для себя находилъ изъ пріятной Вашей бесѣды. Жалѣть всегда буду, что онъ не довольно для меня продлился, и остается мнѣ, поблагодаря за всѣ Ваши большія одолженія, въ терпѣніи ожидать будущаго лѣта и въ томъ наградить утрату.

Между тѣмъ, чтобы Вы путь Вашъ многотрудный, и дражайшая Графиня Ваша и дочь, совершивъ благополучно, наградили оной всѣми выгодами и пріятностями прекраснаго Вашего дома,

и новый за новымъ множество годовъ, по желанію пожили, при самопомыслномъ здравіи и удовольствіи по предѣлъ самопознѣйшій человѣчеству, желаетъ Вамъ всеусерднѣйшій и искренно Вамъ преданный,

всепокорный слуга.

1776 года,
Генваря 1 дня.

П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

Сего податель, Козьма Афанасьевичъ Медвѣдевъ, извѣстный по городу Орлу человѣкъ, и котораго мы одновременно тамъ спознали, скажетъ Вамъ свою надобность. Я, изъ признательности къ сему гостепріимцу, писалъ объ немъ къ Графу Григорію Александровичу, а къ Вамъ препровождая его симъ, прошу показать ему прямую дорогу къ скорѣйшему и полезному окончанію дѣла его.

Новѣйшихъ извѣстій касательно деревень Вашихъ въ Польшѣ, я понынѣ отъ братца Вашего, Ивана Васильевича, не имѣю, что же до Малороссійскихъ, на Вашъ удѣлъ доставшихся, то я по сему писалъ уже въ Коллегію тамошнюю, чтобъ высланы были комиссары къ отдачѣ всего, Вамъ принадлежащаго, къ разобранію споровъ, если бы сіе могло случиться и къ положенію на всемъ томъ межи.

Желаю Вамъ, впрочемъ, всеискренно новоначатой годъ и прочіе будущіе въ радости и благополучіи пожить, и мнѣ вѣрить, что я всегда съ непремѣннымъ моимъ усердіемъ

Вашъ покорный слуга.

1776 года,
Генваря 1-го.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Сего вручитель, Г. Медвѣдевъ, гостепріимецъ Орловскій, который Вами послѣ того взысканъ, похотѣлъ, однако же, явиться съ

моею о немъ у Васъ прозьбою. Не лиши его, мой Вселюбезный и Милостивый Другъ, своей помощи, а меня продолженія своей неоцѣненной милости и дружбы.

Во всѣ дни жизни моей буду я сердцемъ и душею преданнѣйшимъ и всепокорнымъ слугою.

1776 года,
3 Генваря.
Кайнарджи.

ПАССЕКОВОЙ.

Милостивая Государыня моя,

Наталья Алексѣевна!

Читая письмо Ваше, я не безъ жалости видѣлъ въ ономъ домашнія Ваши обстоятельства. Познавъ въ Васъ великодушную и терпѣнія преисполненную душу, не стараюсь я подавать Вамъ тутъ слабыхъ моихъ утѣшеній. Вы сами то знаете, что люди, и испорченные и развратные нравы имѣющіе, не рѣдко возвращаются къ своей должности; а дѣти Ваши еще не суть тѣ, и слѣдственно, по нѣжному Вашему расположенію и обращенію, къ повиновенію можно ожидать ежевременно. Я желаю Вамъ всеискренно, съ освобожденіемъ самоскорѣйшимъ отъ Вашего припадка, видѣть радость Вашу въ возвратѣ Вамъ столь любезныхъ дѣтей Вашихъ. Присоединеннымъ у сего письмомъ я повторяю мою прозьбу Князю Михайлѣ Никитичу, во удовлетвореніе желанія Вашего, пребывая, впрочемъ, съ моимъ непремѣннымъ почтеніемъ.

---

3 Генваря.

КНЯЗЮ МИХАЙЛѢ НИКИТИЧУ ВОЛКОНСКОМУ.

Со стороны дѣлъ, особливо меня интересующихъ, позволишь, мой Любезный Братъ, учинить прозьбою моею таковую же отъ Пассековой, Степана, Нилу и Василья Коновницыныхъ, которые, какъ слышу, Вице-Вахмистрами произвесть въ Вахмистры, а Вахмистра Ивана Бахметьева опредѣлить къ оставшейся командѣ,

уволивъ на мѣсяцъ отъ должности. Ваше Сіятельство симъ меня обяжете найболѣе и я бы желалъ имѣть для себя то удовольство, чтобъ показать услуги на выполненіе повелѣній Вашихъ. Имѣя честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію.

1776 года,
Генваря 4 дня.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Въ предыдущемъ моемъ, мой Вселюбезнѣйшій Другъ, я тебѣ сказалъ, что, уклоняясь отъ звуку и гуку городскаго, удалился я на уединеніе; но сіе не такъ отдалено, чтобъ меня не сыскали мои близкіе. Причиною сего моего къ тебѣ Александръ Васильевичъ Салтыковъ, много меня одолжившій своими услугами къ моей матери; и ты мнѣ, ставъ посредникомъ и надеждою окончанія его весьма резонабильнаго исканія, сдѣлаешь найчувствительнѣйшее одолженіе. Покажи, мой Милостивый Графъ, свое пособіе сему человѣку, доложивъ прозьбу его Государынѣ, а я все, что отъ тебя для него будетъ, пріиму на счетъ свой.

Моимъ желаніямъ всегда противустоятъ разныя препоны; я уже собирался ѣхать отсель, но была столь великая стужа, что съ нуждою могъ я только сидѣть въ избѣ, не выходя ни ногой изъ оной. Теперь стало полегче, однако вмѣсто того новая преграда, съ сильнымъ вѣтромъ бывшая болѣе сутокъ метелица, подѣлала на всѣхъ поляхъ престрашныя горы, и такія, что уже совсѣ нѣтъ удобности двинуться съ мѣста. Я потому, въ ожиданіи лучшихъ дней, поживу еще нѣсколько, а послѣ, хотя въ самой вещи и печально, отъ стужи къ теплу предприму свои мѣры. Но гдѣ бы я ни былъ, сохраню вездѣ непреложно то истинное мое почтеніе и безпредѣльную преданность, съ которыми во всѣ дни жизни буду сердцемъ и душей преданнѣйшимъ и всепокорнымъ слугою.

4-го Генваря.

П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

Письмо Ваше я получилъ, и вижу въ ономъ съ признаніем коль Вы, имѣя довольно заботъ на свою часть, вступаетесь въ дѣ охотно и постороннія, меня касающіяся. Но не зная подлинно, ч мнѣ думать о Александрѣ Андреевичѣ, онъ ко мнѣ не пишетъ н одного слова о дѣлахъ утерянныхъ. Въ особливое мнѣ одолжен скажите ему, чтобъ онъ пожаловалъ, меня увѣдомилъ, по первом письму, гдѣ мнѣ отыскать имъ потерянныя бумаги, чтобъ иног не страдали въ томъ люди, ни мало непричастные и безвинны

Александръ Васильевичъ Салтыковъ, которому я весьма мно долженъ за услуги, оказанныя имъ моей матери, имѣетъ у Ва свое дѣло. Оно не по себѣ, но для него очень важно и, кажетс резонабильное. Пособи ему, Любезный Другъ, елико ты можеш я о семъ просилъ и Графа Григорія Александровича особливы моимъ, и тебѣ повторяю, что ты одолжишь симъ человѣка, кот рый никогда не престанетъ съ непреложнымъ и истиннымъ усе діемъ быть покорнымъ слугою.

1776 года,
4 Генваря.

САЛТЫКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Александръ Васильевичъ!

Съ человѣкомъ Вашимъ получилъ я плато, цвѣты и кукл бискюетевы, и читая Ваше письмо, которымъ Вы столь пріятны вещи препровождаете, увидѣлъ я изъ онаго, надъ чаяніе, что В все то мнѣ въ подарокъ прислали. Не знаю подлинно, что и взаимно придумать, и какъ могу я заслужить Ваши мена всегда нія одолженія. Вы, имѣвшія только способовъ обязать меня, п дайте мнѣ, хотя малѣйшій случай къ доказательству, колико и преисполненъ моего чувствительнѣйшаго къ Вамъ признанія.

Присоединяю у сего письма, въ точность мысли Вашей, жела чистосердечно, чтобъ оныя были для Васъ плодомъ Вашего видания, и испрашивая для себя непремѣнную Вашу дружбу и благосклонность, я препоручаю себя навсегда къ услугамъ Вашимъ, пребывая съ истиннымъ моимъ усердіемъ.

1776 года,
Генваря 5 дня.
Кайнарджи.

ТЮФЯКИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Иванъ Петровичъ!

За присылку плановъ и къ онымъ описей я найпризнательнѣе благодарю Вашему Сіятельству. Трудно, подлинно, разставаться столь милою деревнею, гдѣ натура украсила ея положеніе и гдѣ вы къ тому придали найбольшую ей пріятность изпещреніемъ и украшеніемъ на Англійской вкусъ и построеннымъ тамъ хорошо выгодно домомъ Вашимъ; но и тово труднѣе, мнѣ кажется, уступить кому либо, кромѣ себя. По пути, который предлежитъ мнѣ, конечно буду въ оной, и скажу Вамъ затѣмъ рѣшительно о точности моего расположенія.

Со всегдашнею моею преданностію пребуду я.

1776 года,
Генваря 5-го.

АСТАФЬЕВУ.

Государь мой,

Александръ Николаевичъ!

Къ великому удивленію моему, доходятъ ко мнѣ одно за другимъ извѣстія относительно неявившихся вещей въ моемъ домѣ. Не знаю, какъ судить въ семъ дѣлѣ, и что думать мнѣ, когда и мое здѣсь присутствіе видны вездѣ найбольшія упущенія. Теперь ко мнѣ явился человѣкъ мой съ новымъ докладомъ, что

Почекою увезенъ туалетъ, находившійся въ покоѣ секретаря Ле-
бедева, и что еще, сверхъ того, во многихъ вещахъ видны недо-
статки. Подлинно не знаю, какъ Г. Бессинъ, на которомъ я сл-
жилъ пріемъ того дому и всего въ ономъ, отпустилъ Почеку, н
истребуя утеряннаго, не увѣдомивъ меня. Я по тому, прилагая пр
семъ подлинную всей той отдачѣ опись, покорно Васъ прошу дат
оную Г. Бессину, чтобъ онъ по сей прилѣжно обозрѣлъ, и чег
не будетъ въ наличности, отписалъ бы къ Почекѣ, давъ ему зна
въ полной цѣнѣ поступокъ его, и то, что сколь та вещь по себ
неважная, столь больше ему безславія приноситъ, наконецъ, чтоб
требовалъ, гдѣ онъ все то, чего не будетъ видно, сложилъ, и от
кого оное получить можно. Я вѣрилъ ему больше по чести, чѣм
роспискамъ.

Есьмъ, какъ и всегда.

1776 года,
Генваря 6.

АСТАФЬЕВУ.

Ежели что послѣдняя почта Петербургская въ городъ, ил
къ Вамъ, привезла, скажите мнѣ по пословицѣ: что отложено, т
еще не потеряно. Я желалъ бы прежде отъѣзда, коли не одер
жать точнаго и пріятнаго для Васъ отвѣта, такъ, по крайней мѣрѣ
сильнѣйшаго обнадеживанія. У меня маленько горло, а голова о н
болитъ, и такъ завтра не надѣюсь, чтобы и ѣхать могъ. Ежел
бы Вы лошадей велѣли къ 7 числу приготовить, то можете дат
знать, чтобы онѣ къ 9-ти точно были готовы. Не поскучте нѣсколь
ко дней промедлить, а 9-го я конечно поѣду; увѣрять Васъ пус
тымъ поставляю. Вы меня знаете непреложно себѣ прямымъ
преданнымъ слугою.

1776 года,
8 Генваря.

Милостивый Государь мой,

Андрей Степановичъ!

Въ ожиданіи отвѣтныхъ на мои, конечно, уже въ своемъ мѣстѣ полученныя, и другихъ Петербургскихъ извѣстій, хочется остаться здѣсь до 11-го сего мѣсяца; да и по слабости моего здоровья весьма мнѣ нужно не выѣзжать до того времени. Я думаю, что и Вамъ по такимъ же обстоятельствамъ не то же ли сдѣлать, и по сему покорнѣйше Васъ прошу дать знать Ямской Конторѣ о заготовленіи лошадей къ 12-му.

---

8 Генваря.

АСТАФЬЕВУ.

Я благодарю Васъ, Александръ Николаевичъ, за труды Ваши по дѣламъ моего хозяйства, и за письмо, которое получилъ я вчера. Изъ онаго видя, что денегъ моихъ у Васъ въ содержаніи почти нѣтъ, а у меня оныхъ также мало, на дорогу жъ имѣть оные необходимо нужно, я прошу Васъ по тому спросить въ Богоявленскомъ Греческомъ монастырѣ, нѣтъ ли въ ономъ изъ купцовъ такова, который бы пожелалъ сдѣлать переводъ до тысячи рублей въ Глуховѣ, либо Нѣжинѣ; когдаже симъ образомъ не можно достать оныхъ, то въ щетъ отдачи въ Глуховѣ отпустить изъ Татарской суммы въ вѣдѣніи Вашемъ, подъ росписку хотя мою.

1776 года,
11 Генваря.

ВЛАНКУ.

Государь мой Карлъ Ивановичъ!

Планъ дому я получилъ, и признаюсь чистосердечно, что положеніе его на полдень, а сада на сѣверъ, и расположеніе вовсе невыгодное, озабочиваютъ меня до крайности; чтобы помочь одному и другому, и я думаю Вамъ опять сдѣлать новый трудъ. Теперешняя моя прозьба состоитъ въ сообщеніи смѣты надобныхъ мате-

ріяловъ для каменнаго, Вами прожектированнаго, дому, которую Вы мнѣ обѣщали. Одолжите меня, мой лучшій пріятель, прежде отъ ѣзда и какъ скорѣе можно, а о мнѣ вѣрьте, что я съ усердным почтеніемъ

Вашъ покорный слуга.

---

11 Генваря.

ДОМАШЕВУ.

Милостивый Государь мой,

Сергѣй Герасимовичъ!

Съ перваго случая, когда я имѣлъ честь пріобрѣсти найпріятнѣйшее для меня Ваше знакомство, я предположилъ себѣ обязательствомъ оное утвердить моими исканіями. Судите по тому, кол велико удовольствіе мое видѣть знаки толь ласкательные Ваше дружбы. Я благодарю Вамъ найпризнательнѣйше за обсылку Калев дарей. Плоды Вашего въ Академіи поученія поспѣшно и полезно стали отзываться, и я, желая Вамъ лучшихъ успѣховъ и всѣхъ помысльныхъ благоденствій, пребуду съ истинною преданностію

Вашимъ покорнымъ слугою.

1776 года,
13 Генваря.

ТУТОЛМИНУ.

Государь мой,

Тимофей Ивановичъ!

Безмѣрно сожалѣю, видѣвъ изъ письма Вашего, что, вмѣсто ожидаемаго взаимно удовольственнаго окончанія дѣла съ Князь Григоріемъ Семеновичемъ, наносятъ онъ Вамъ новыя препятствія даже и противу того, что было говорено здѣсь. Я, не имѣя на сей разъ при себѣ ни Канцеляріи, ни дѣлъ, мнѣ нужныхъ, не могу по тому ничего сказать Вамъ точнаго; но чтобъ узнать, какъ удобнѣе прекратить Ваши споры, буду я ожидать отъ Васъ немедленно конной Полковничей Инструкціи. Пребывая съ непремѣннымъ усердіемъ

Вашимъ покорнымъ слугою.

---

14 Генваря.

ВОЛКОНСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Григорій Семеновичъ!

Я ласкался надеждою видѣть на сихъ дняхъ Ваше Сіятельство у себя, но теперь, предполагая свой отъѣздъ вскорѣ, не буду, можетъ быть, уже имѣть случая съ Вами увидѣться; а потому и повторяю Вамъ симъ мою просьбу въ дѣлѣ Тимофея Ивановича. Онъ, какъ слышу, соглашается на все; въ одномъ только думать можно, что онъ, не имѣя у себя числа потребнаго наличной суммы, не можетъ удовлетворить Вамъ; но сіе не столько важно: онъ конечно дастъ Вамъ на то свое слово, или обязательство. И я желалъ бы, чтобъ Вы, бывъ равно мнѣ друзьями, оказали на то и Ваше снисхожденіе къ особливому моему удовольствію.

Есмъ съ искреннею преданностію.

1776 года,
Генваря 15.

МЕЩЕРСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Дядюшка, Князь Василій Ивановичъ!

Мнѣ весьма совѣстно столь смѣло утруждать Васъ, но въ томъ удостовѣреніи, что Вы снисходительно мои просьбы принимаете, и Васъ обезпокоиваю теперь новою. Крестьянинъ моей деревни Рудни, Александръ Григорьевъ, ищетъ получить себѣ въ жену крѣпостную Вашу дѣвку, Варвару Ермолаеву. Она, бывъ отпущена села Лотошина отъ бурмистра Калиника съ свидѣтельствомъ для пріисканія дневной пищи, почти оной не имѣетъ. Сдѣлайте, Дядюшка, имъ обоимъ милость, давъ на это Ваше соизволеніе.

Съ непреложнымъ усердіемъ и безпредѣльною преданностію пребуду.

1776 года,
Генваря 15.

КНЯЖНѢ М. В. МЕЩЕРСКОЙ.

О крестьянинѣ моемъ, Григорьевѣ, который ищетъ себѣ в жену крѣпостную Вашу дѣвку, Варвару Ермолаеву, я просилъ особ ливымъ моимъ на то сонзволенія Вашего Батюшки. Пособите, Ма тушка Сестрица, одержать сію просьбу Вашимъ у него ходатайст вомъ, вѣривъ, впрочемъ, что я всегда съ непреложнымъ усердіем

Вашъ доброжелательный братъ и покорный слуга

1776 года,
Генваря 16.
Кайнарджи.

ГРАФУ СЕМЕНУ РОМАНОВИЧУ ВОРОНЦОВУ.

Письмо Ваше изъ Новой Ладоги, отъ 30-го Декабря, принес сло мнѣ великое удовольствіе. Вы мнѣ, мой Дражайшій Другъ, от дали справедливость, опредѣливъ цѣну моего къ оному признанія Отгадываете Вы въ точности, что мое къ Вамъ усердіе отличное и ежели я имѣлъ случай Вамъ мою добрую волю и готовость к услуги оказать, то я удовлетворилъ только собственному своем желанію. За пріязнь к Вамъ, мой Любезнѣйшій Другъ, взаимно сердечно желаю въ семъ новомъ и во многихъ будущихъ мѣстах всѣхъ преуспѣяній и благоденствій.

Пріемля большое участіе во всемъ, Васъ касающемся, желал бы вѣдать о квартирахъ, выгодны ли онѣ для Вашихъ Гренадеров и веселы ли, хотя мало, для Васъ? Что со мною, то я, замурован шись, сижу въ деревенской избѣ, не выходя по неволѣ изъ оно ни ногою. Несносная стужа грозитъ моему слабому здоровью в дорогѣ конечнымъ сокрушеніемъ; но какъ надобно ѣхать, то я бу ду стараться, коли не теплое, такъ тихое пристанище отыскать. Гд бы то, однако же, ни было, не удалюсь я ни мало.

1776 года,
Генваря 17.

ВОРОНЦОВУ.

Милостивый Государь,

Графъ Иванъ Ларіоновичъ!

Благодарность моя неизреченна, а признаніе пребудетъ вѣчно къ Вашимъ мнѣ всегдашнимъ благодѣяніямъ. Я не могу довольно Вамъ изъяснить моей благодарности за одолженіе въ присоединеніи нужной мнѣ земли, и которую всегда цѣнить буду. Тутъ по пословицѣ: «дорога къ загону», хотя и не за самую сходную цѣну. Клянусь всѣмъ святымъ, что всѣ мои желанія обращаю, дабы сыскать случаи, удобные на доказаніе, сколь признаніе мое къ Вамъ велико и преданность безпредѣльна, съ которыми непреложно буду я до послѣднихъ дней моихъ.

P. S. Задатокъ 500 Г. Ваксель вручитъ Вашему Сіятельству, а достальные при свершеніи купли ту же минуту будутъ заплачены.

1776 года,
Генваря 18.

ЧЕРНЫШЕВУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Иванъ Григорьевичъ!

Странно, можетъ быть, покажется многимъ, а особливо судящимъ по одинакимъ всегда заключеніямъ, мое здѣсь замедленіе; но ты, мой Любезный Другъ, иначе и справедливѣе о семъ, конечно, судишь, зная, коль много мнѣ потребенъ покой, и что я въ семъ пунктѣ не дѣлаю уже различія въ мѣстахъ моего пребыванія, а пользуюсь уединеніемъ лучше всѣхъ лѣкарствъ. Жаль только, что климатъ нашъ о всякихъ неповинныхъ деревенскихъ забавахъ на цѣлую зиму мысли отнимаетъ; досаднѣе оное тогда, когда всѣ другія съ лѣтами уже прошли. Здѣсь стужа была несносная; по сближенію Вашему къ сѣверу, что же она была? Но какъ многіе опыты открываютъ большую перемѣну во всемъ естествѣ, то мо-

жетъ быть, Вамъ гораздо и теплѣе. Я на сихъ дняхъ, однако жъ, пущусь, не взирая на всѣ свои недуги, далѣе къ теплымъ, а ежели бъ можно къ тихимъ пристанищамъ; во всякомъ уединеніи и отдаленіи пріятно имѣть сообщеніе съ друзьями, между которыми я Васъ найлюбезнымъ для себя считая, прошу подавать мнѣ коль часто можно сіе утѣшеніе, какъ искренное участіе во всемъ, къ Вамъ относящемся, имѣющему.

Сего податель окаменѣлъ уже въ одной степени чина, а что способности имѣетъ, свидѣтельствуется употребленіями въ толь многихъ и важныхъ дѣлахъ. Помогите Вы ему на счетъ мой въ одержаніи справедливаго, слѣдуемаго ему, награжденія. Я всегда съ непремѣннымъ усердіемъ и преданностію буду.

1776 года,
18 Генваря.
Кайнарджи.

ЧЕРНЫШЕВУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Захаръ Григорьевичъ!

Благодаря всенижайше за сообщеніе мнѣ письма отъ дражайшаго Вашего брата, и за честь, которую Вы мнѣ поздравленіемъ на Новый Годъ сдѣлать благоволили, не пріемлю я оное послѣдствіемъ обыкновенія, мой Любезный Другъ, но дѣйствіемъ дружеской милости Вашей, которой я всю цѣну зная, о продолженіи ни исканія, ни старанія употреблять не упущу. Вамъ же, моему Милостивому Графу, и Вселюбезной и Дражайшей Вашей Графинѣ, желаю найусерднѣйше отъ года въ годъ до крайнихъ предѣловъ бытія человѣческаго съ преумноженіемъ всѣхъ благополучій, въ лучшемъ благоденствіи продолжать. Любя уединеніе, подлинно не изъ той причины, однако жъ, здѣсь позажился, но отъ маленькихъ припадковъ, и отъ великой стужи, которая меня въ избѣ подъ крѣпкимъ карауломъ держала, безъ всякаго рода выгодъ и услуги, отпустя все впередъ. Не знаю, напротивъ, не она ли моего Милостиваго Графа выжила изъ его прекраснаго Ярополца. Не имѣемъ мы подлинно причины со стороны зимы нашей, въ раз-

сужденіи деревенскихъ забавъ хвалиться, но за то промышленники наши нынѣшнею, думаю, не нахвалятся; конечно, къ нимъ битыя мяса и рыбы свѣжи дошли, но что люди замерзли, или сгнили, при такихъ великихъ барышахъ, они сей убытокъ весьма малымъ считаютъ. Сегодня, кажется, зима снисходительнѣе становится, и я долженъ буду, хотя не вовсе надежною, сею добротою ея пользоваться и ѣхать искать, коли не теплаго, то тихаго пристанища; но гдѣ бъ ни былъ, не удалюсь никогда отъ моихъ обязательствъ, кои я Вамъ съ нѣжной моей молодости въ усердіи и почтеніи сдѣлалъ. А на сей разъ, свидѣтельствуя мое особливое почтеніе Вселюбезной Вашей Графинѣ, въ честь себѣ поставляю непреложнымъ быть

Вашего Сіятельства.

1776 года,
24 Генваря.

ЕЛЧАНИНОВУ.

Милостивый Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Домъ, въ которомъ живетъ теперь Ѳедоръ Матвѣевичъ, я оставляю въ полное его распоряженіе, и ни малѣйше не помышляю тревожить спокойствіе сего стараго моего друга и заслуженнаго человѣка; а вмѣсто онаго, хотѣлъ бы я знать о выгодахъ тамошняго дворца, и можно ли мнѣ въ ономъ помѣститься; чего для, покорно Васъ прошу прислать ко мнѣ на встрѣчу оному Ивана, показавъ особливо въ примѣчаніи, буде есть, комнаты тайныя, кои требуютъ починки, либо другое что испорченное и изломанное, или въ чемъ видѣнъ недостатокъ въ оныхъ. Я льщу себя удовольствіемъ въ скорости увидать и обнять моего Любезнаго Друга, къ которому преисполненъ я усердія и преданности, имѣя честь быть

Вашего Превосходительства.

покорнымъ слугою.

1776 года,
Генваря 25.
Кайнарджи.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Ты знаешь, мой Любезный Другъ, что я всякое ходатайств
стараюсь коль можно удалять, чтобъ не озабочивать друзей моихъ
дѣлами многими упражненныхъ; но убѣжденъ будучи неотступ
ною прозьбою Генерала Берха, принужденъ Васъ просить, чтобъ Вы
ему помогли, и дали знать, что пріѣзжать ли ему въ С. Петер
бургъ, для окончанія его исканія, или нѣтъ?

Я буду всегда съ усердіемъ и преданностію

Вашимъ покорнымъ слугою.

P. S. Покажите милость и состраданіе съ бѣднымъ Гартен
берхомъ, и притомъ ты самъ отъ части знаешь, что онъ изъ луч
шаго положенія худыми людьми и случаями доведенъ до весьм
горькихъ обстоятельствъ. Я просилъ предъ отъѣздомъ Государыню
и она обѣщала явить ему свое милосердіе. Не забудь, мой Мило
стивый Графъ, и о бѣдномъ старикѣ и калѣкѣ Графѣ Капуанѣ.

Генваря 25.
Кайнарджи.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Ѳедоръ Ивановичъ Глѣбовъ, будучи на сихъ дняхъ у мен
просилъ моего объ немъ къ тебѣ предстательства. Тебѣ извѣстно
Любезный мой и Вседражайшій Другъ, колико я стараюсь удалят
себя въ подобныхъ сему случаяхъ, чтобъ не наносить тебѣ забот
новыхъ, обремененному и безъ того многими дѣлами и докуками
но я не могъ отъ того укрыться. И въ томъ удостовѣреніи сим
его провождаю, чиня мою всеприлѣжную прозьбу о показаніи
милости и удовлетворенія, по колику въ томъ позволитъ возмо
ность. Къ Вамъ преданъ буду я непреложно сердцемъ и душо

1776 года,
Генваря 26.
Кайнарджи.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Прилагая у сего къ Ея Императорскому Величеству письмо Принца Шварцбургскаго, по его мнѣнію, весьма благонадежно ко мнѣ адресованное, прошу тебя, мой Вседражайшій Графъ, при случаѣ, сказать ли мнѣ ему что на оное, или промолчать.

Я понынѣ сижу еще въ моей деревнѣ. Необычайная стужа съ метелицею, отъ коихъ я, какъ вижу, очень отвыкъ, держитъ меня здѣсь, какъ за карауломъ, и я стражду разными припадками отъ нея какъ нельзя больше. Въ отдаленіи утѣшаемся мы много сообщеніемъ письменнымъ съ друзьями: не лиши меня, мой Вседражайшій Другъ, сего особливаго удовольствія, давай пріятнѣйшія увѣдомленія о твоемъ состояніи. Мысли и желанія мои тебѣ посвящены на благоденствія, и я, сердцемъ и душею преданный, всепокорнымъ твоимъ слугою буду.

1776 года,
Февраля 4.
Бочюровка.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Князь Андрей Николаевичъ, ѣдучи въ Санктпетербургъ поспѣшно, заѣхалъ не съ дороги посѣтить меня въ деревнѣ, гдѣ я остановился на нѣкоторое, весьма короткое, время къ отдохновенію, сколь продолжать буду свой путь къ Кіеву, и смотря по дѣламъ, или же, лучше сказать, по состоянію здоровья, кое въ дорогѣ нѣчто еще хуже прежняго стало, опредѣлю мѣсто своему пребыванію. Отъ отвычки ли, или чувствительной перемѣны въ образѣ жизни, или же здоровія, не ощущаю я уже того удовольствія и веселой жизни въ деревнѣ, за коими всегда такъ гонялся. По многократнымъ о Князѣ Андреѣ Николаевичѣ на мои прозьбы милостивымъ твоимъ отзывамъ, удостовѣрилъ я его, самолучшимъ образомъ, о твоемъ къ нему благоволеніи; и я, удовлетворяя его желанію въ напамятованіи тебѣ, мой Вселюбезнѣйшій Другъ, всѣхъ

моихъ дѣланныхъ объ немъ рекомендацій и моему собственному въ свидѣтельствѣ признанія и благодарности, съ которыми пребываю непреложно сердцемъ и душею тебѣ преданнѣйшимъ и всепокорнымъ слугою.

1776 года,
7 Февраля.
Глуховъ.

Милостивый Государь мой,
Григорій Никитичъ!

За пріѣздомъ моимъ въ Глуховъ, спѣшу отправленіемъ здѣшняго края дичи, которую всепокорно прошу Вашего Превосходительства приказать принять для столовъ Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ. Пребывая на всегда съ истиннымъ почтеніемъ.

1776 года,
Февраля 9.

Ясне въ Богу Преосвященнѣйшій Господинъ Архіепископъ и Митрополитъ Кіевскій и Галицкій,

Милостивый Архипастырь мой!

Я имѣлъ честь всепочтеннѣйшее Вашего Преосвященства писаніе исправно получить, и ласкалъ себя изъявить Вамъ мою за оное благодарность въ скоромъ времени самолично; но, теряя къ тому на нѣкоторое время надежду, по умножившимся здѣсь дѣламъ, моего разсмотрѣнія требующимъ, я побуждаюсь истиннымъ признаніемъ, и во изъявленіе особливаго къ Вамъ почтенія, поспѣшить чрезъ сіе, свидѣтельствуя найчувствительнѣйшую благодарность за поздравленіе меня съ Новымъ Годомъ. Примите взаимно, Преосвященнѣйшій Владыко, всеискреннее Вамъ желаніе всѣхъ Вами помысльныхъ благощастій и преуспѣяній въ наступившемъ и будущихъ премногихъ лѣтахъ отъ почитающаго Васъ и преданнаго

Вашему Преосвященству
всепокорнаго слуги.

1776 года,
Февраля 9 дня.

Ясне въ Богу Высокопреподобнѣйшій Господинъ Отецъ Архимандритъ Кіевскіе Лавры,

Милостивый мой Благодѣтель!

Благодарю найпризнательнѣе Вашему Высокопреподобію за письмо Ваше, въ которомъ угодно было Вамъ почтить меня поздравленіемъ съ настоящимъ обновленіемъ времени. И обращая къ Вамъ взаимно мое Васъ съ онымъ поздравленіе и искреннее желаніе, да будетъ оный для Васъ и премногіе по немъ будущіе источникомъ самопомысльныхъ благощастій и удовольствій, ласкаю я себя пріятною надеждою видѣться въ скоромъ времени съ Вами персонально и изъявить Вамъ изустно о томъ отличномъ моемъ къ Вамъ почтеніи, съ которымъ никогда быть не престану.

1776 года,
Февраля 9.

Ясне въ Богу Преосвященнѣйшій, Господинъ Епископъ Черниговскій и Новгородка Сѣверскаго,

Милостивый Архипастырь мой!

За поздравленіе меня съ Новымъ Годомъ во всепочтеннѣйшемъ письмѣ Вашемъ, которое получилъ я въ Москвѣ, и такъ сказать, уже на дорогѣ, приношу симъ Вашему Преосвященству мою найпризнательнѣйшую благодарность, присоединяя всеискреннія мои желанія, да послужитъ Вамъ оный и премногіе по немъ будущіе на помысльные Вами благощастія. По сближеніи къ предѣламъ Епархіи Вашей, ласкаю я себя имѣть честь видѣться персонально съ Вами, Преосвященный Владыко, и удостовѣрить Васъ въ найбольшей моей къ Вамъ преданности, въ ожиданіи которого для меня найпріятнѣйшаго времени, препоручаю я себя Архипастырскому Вашему благословенію, пребывая съ точнымъ почтеніемъ.

1776 года,
Февраля 9-го.

ШИРКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Ермолаевичъ!

По прибытіи моемъ въ Украину, имѣвъ непосредственно переписку съ Вашимъ Превосходительствомъ, я думаю, по обстоятельствамъ настоящимъ, буду дѣлать Вамъ частыя докуки; знавъ же Ваше расположеніе противу меня, я не ожидаю, чтобы были оныя для Васъ тягостными, или же невозможными, и что Вы къ лучшему моему ожиданію въ полномъ удостовѣреніи всякой мой отзывъ примете не инако, какъ дѣйствіе моей надежды на Вашу ко мнѣ дружбу, за которую я преисполненъ къ Вамъ истиннаго усердія и преданности.

Вашего Превосходительства

покорнымъ слугою

1776 года,
Февраля 9-го.
Глуховъ.

Государь мой и Любезный Другъ, Василій Степановичъ!

Письмо Ваше и планы получены мною исправно. Къ сожалѣнію, не имѣлъ я удовольствія, при выѣздѣ изъ Москвы, проститься съ Вами, и изъявить мою благодарность за всѣ Ваши труды, подъятые въ мою пользу, и спѣшу симъ письмомъ оное выполнить съ чувствительнѣйшимъ моимъ признаніемъ, и что я, будучи Вамъ толь много обязаннымъ, не упущу стараться оказать Вамъ мои услуги. Что до повѣрки плановъ, то я благонадеженъ на точность Г. Замятина подъ Вашимъ искуснымъ руководствомъ. Впрочемъ пребуду въ усердіи моемъ къ Вамъ непремѣннымъ.

1776 года,
Февраля 9 дня.
Глуховъ.

РЕПНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Николай Васильевичъ!

Въ проѣздъ чрезъ Глуховъ въ Царьградъ сего куріера, пользуюсь я симъ скорымъ, но весьма пріятнымъ, случаемъ свидѣтельствовать Вашему Сіятельству искренное мое почтеніе, желая какъ наискорѣе имѣть удовольствіе принять Ваше Сіятельство и съ всеражайшею фамильею при благополучномъ въ отечество возвращеніи. Я не могу теперь видѣть реляцій Вашихъ, то прошу Ваше Сіятельство относительно званію моему, если за нужно найдете, ко увѣдомленію сообщить. Пребуду во всю мою жизнь съ непреложнымъ почтеніемъ

Вашего Сіятельства

Милостиваго Государя моего

покорнѣйшій слуга.

1776 года,
Февраля 10-го.

СТАХІЕВУ.

Милостивой Государь мой,

Александръ Стахіевичъ!

По настоящему моему теперь пребыванію въ Украинѣ, я льщу себя имѣть найпріятнѣйшія и коль можно частыя увѣдомленія о благополучномъ Вашемъ и домашнихъ Вашихъ пребываніи; что до дѣлъ, званію нашему относящихся, къ сообразности для пріятія мѣръ пристойныхъ, то не сумнѣваюсь, по извѣстной Вашей въ оныхъ исправности, что я ихъ и въ свое время и со всѣми подробностьми получать буду, и особливо по условіямъ нашимъ въ Москвѣ.

Никогда не забуду я большаго Вашего одолженія въ снабженіи меня нѣкоторыми весьма полезными и потребными для меня учре-

жденіями въ Швеціи. Сдѣлайте мнѣ милость сообщеніемъ и теперь съ лучшихъ Турецкихъ увеселительныхъ домовъ плановъ и фасадовъ; я по надеждѣ лучшей на Вашу ко мнѣ дружбу, стою въ томъ смѣло, что самые лучшіе будутъ ко мнѣ, отъ Васъ присланные.

Господарь Волошскій, Ипсиландій, прилѣжно просилъ меня, чтобъ его рекомендовать, по мѣсту Вашему, въ особливую Вашу благосклонность, и я, бывъ увѣренъ, что онъ удостоенъ благоволенія Двора нашего, и въ семъ видѣ провождаю мою объ немъ прозьбу о показаніи какова либо ему Вашего пособія.

Желая, впрочемъ, всеискреннѣйше, чтобъ сіе мое застало Васъ и домашнихъ Вашихъ по совершеніи мною трудной дороги въ самопомысльномъ благосостояніи и удовольствіи, пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ.

1776 года,
Февраля 10-го.

МАРКОВУ.

Государь мой,
Аркадій Ивановичъ!

Я пишу сіе къ Вамъ на удачу, застанетъ ли оное Васъ на мѣстѣ, или въ дорогѣ; лаская себя надеждою со стороны родства и дружбы, что Вы одолжите меня присылкою плановъ и фасадовъ самымъ лучшимъ увеселительнымъ Турецкимъ домамъ. Если Вы еще не взяли Вашъ путь; когда же Вы уже отъѣхали изъ Константинополя, въ такомъ случаѣ, для удобнѣйшаго и скорѣйшаго тѣхъ отысканія, прошу Васъ прилѣжно увѣдомить нашего Министра, Александра Стахіевича, тамъ находящагося, къ которому о семъ писалъ я особливо, но онъ, по новости своего мѣста, не такъ скоро познаетъ оные. Впрочемъ, пребываю съ искреннимъ усердіемъ

послушнымъ слугою.

P. S. Прошу сказать и Христофору Ивановичу Г. Петерсону мою прилѣжную прозьбу о томъ же. Я къ нему не пишу, не знавъ точно о мѣстѣ его пребыванія, остается ли онъ еще тамъ, или уже можетъ быть также съ Вами въ дорогѣ.

1776 года,
11 Февраля.

ПРОЗОРОВСКОМУ.

Милостивой Государь мой,

Князь Иванъ Андреевичъ!

Къ сожалѣнію моему, услышалъ я о Вашей болѣзни, но, однако жъ, не ожидаю, чтобъ, по крѣпости Вашего духа, могла она взять свою силу къ продолженію; я упросилъ Господина Доктора Паулсона, чтобъ поспѣшилъ помочь Вамъ, и надѣюсь, что пользованіе его воспримет желаемое дѣйствіе къ скорѣйшему выздоровленію и къ возвращенію прежнихъ силъ Вашихъ. Съ моей стороны желаю Васъ видѣть въ самомъ найлучшемъ здоровья состояніи, пребывая съ истиннымъ моимъ усердіемъ и почтеніемъ.

1776 года,
12 Февраля.

ЕЛЧАНИНОВУ.

Милостивой Государь мой

Яковъ Васильевичъ!

Изъ пріятнѣйшаго письма Вашего вижу благосклонное и обыкновенное Вамъ для всѣхъ гостепріимство, и для меня оказанное. Я не хотѣлъ бы лучше какъ съ Вами и въ домѣ Вашемъ жить, зная всѣ въ оном для меня выгоды, ежели бы съ другой стороны не приносило неминуемаго со мною, по настоящей моей тамъ за дѣломъ бытности, Вамъ безпокойства, коего я ни въ какомъ случаѣ Вамъ сдѣлать не желаю; то по сей причинѣ, и по спосной уже стужѣ, хотѣлось бы стать въ тамошнемъ дворцѣ, гдѣ надобное только необходимо число покоевъ приказать поправать и починить крышу, посылая съ симъ Архитектора Квасова.

Есмъ съ совершеннымъ усердіемъ
Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою.

1776 года,
20 Февраля.

П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

Я имѣлъ сегодня удовольствіе видѣть братца Вашего, Ивана Васильевича, и не могу Вамъ довольно изъяснить, коль много онъ мнѣ при семъ случаѣ доказалъ своего доброхотства. Онъ отыскалъ, по силѣ указа, къ прежнему и настоящему владѣніямъ принадлежащія земли и угодія, на коихъ поселены слободы вновь; между Юрьевичами вошли по тому же праву Давыдовка, Веселовка и часть Поповки. Ваше дѣло будетъ тамъ, вопреки иногда толкованіямъ, убѣждать самою истиною, по силѣ указа и владѣніямъ прежнимъ, и потомъ остается только улучить Вамъ время, чтобъ сдѣлать на сіе все конфирмацію, или грамоту.

Съ усердіемъ моимъ всегда я буду непремѣнно

покорнымъ слугою.

ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ.

Милостивѣйшій Государь!

Ваше Императорское Высочество награждаете ревностное мое желаніе усердные услуги Вамъ показывать, возложеніемъ на меня новыхъ коммисій. Я въ то же самое время, какъ имѣлъ щастіе получить Ваше Милостивѣйшее, отъ 19 Генваря, сдѣлалъ мои предписанія Малороссійскимъ Полковникамъ, приложить стараніе каждому отъ 10 до 15 и болѣе способныхъ и рослыхъ людей изъ Козаковъ, или другова званія свободныхъ людей, въ Полкъ Вашъ Кирасирской пріохотить. Тутъ взялъ я смѣлость приказать увѣрять ихъ, что они изъ особливой Вашего Императорскаго Высочества милости, не только нарочитую прибавку къ жалованью окладному, но по поведенію и заслугамъ, и другіе авантажи получатъ.

Въ благодарности неизреченной къ снисхожденію, Милостивѣйшій Государь, что соизволяете мнѣ желать здоровья въ семъ году лучше прежняго, доношу, что не перемѣна мѣста, ни кли-

ита не пользуютъ уже мнѣ ни мало, но что новый годъ, то новые припадки и ослабѣнія больше оказываются, и противъ которыхъ нѣтъ инаго врачеванія какъ терпѣнія, къ которому хотя трудно, но привыкать надобно. Доколѣ живъ, не престанетъ во мнѣ добрая воля посвящать остатокъ дней моихъ на услуги Вашему Императорскому Высочеству, повергая себя къ подножію Вашего Императорскаго Высочества въ глубочайшимъ благоговѣніи

Вашего Императорскаго Высочества

всенижайшій рабъ.

Г. Р. З.

Черешеньки.
20 Февраля,
1776 года.

Отправ. съ Вахмистромъ Орденскаго Кирасирскаго полка, Павломъ Семеновымъ.

1776 года,
20 Февраля.
Черешеньки.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Изъ числа шести проспектовъ Константинополя, во время моей болѣзни, когда экипажъ мой, можно сказать, былъ разбросанъ на многія части и безъ всякаго порядка, отыскалъ еще два, которые, посылая съ симъ, всепокорно прошу Ваше Сіятельство поднесть оные Ея Императорскому Величеству.

Здоровье мое, противу прежняго, часъ отъ часу хуже, и я приложу въ большое безсиліе и ослабленіе, мой вселюбезнѣйшій Другъ! Какъ оное всего дороже, то я тебѣ его желаю, по мѣрѣ, коль мое истинное усердіе къ тебѣ безконечно, съ коимъ буду во всѣ дни жизни сердцемъ и душою преданнѣйшимъ и всепокорнымъ слугою.

1776 года,
25 Февраля.
Парафѣевка.

ТЮФЯКИНУ.

Милостивый Государь мой,

Иванъ Петровичъ!

Знавъ Вашу ко мнѣ благосклонность, и по поводу, что мои и толь частыя, прозьбы, имѣютъ для себя мѣсто у Вашего Сія тельства, я не полагаю предѣловъ моей надеждѣ къ Вашему сни схожденію, и въ томъ самомъ видѣ, я Васъ утруждаю и слѣду ющею еще: теперь мнѣ нуженъ человѣкъ, знающій украшать ла туру по правиламъ, не выходя изъ ея положенія лучшаго; и знавъ, что сіе не легко будетъ, я въ запасъ всепокорно прошу когда Вы не будете видѣть возможности въ первомъ, доставит мнѣ хотя вѣрное и подробное наставленіе, какъ и какимъ обра зомъ устилать дерномъ партеры и дорожки убивать пескомъ иломъ, или глиною.

Мнѣ помнится, что я на все то имѣлъ отъ Васъ полное на ставленіе; но должно мнѣ признаться, что ничего изъ того не по мню, по моему уже слабому понятію, и хуже еще, памяти. И такъ въ ожиданіи по сему отъ Васъ присылки, я съ истиннымъ усер діемъ къ Вамъ навсегда пребуду

покорнымъ слугою.

---

25 Февраля.
Парафѣевка.

КАРЛУ ИВАНОВИЧУ БЛАНКУ.

Дознавъ Васъ толикократно въ благосклонномъ принятіи мо ихъ докукъ, я по поводу того имѣю для себя причину къ новым для Васъ заботамъ; а что Вы должите человѣка благодарнаго

признательнаго, въ томъ никакое сомнѣніе не можетъ опровергнуть сей истины. Я въ полномъ надѣяніи ожидаю всегда отъ Васъ пособія для пользъ моихъ, и даю вѣру въ томъ испытанному мною Вашему усердію. Между тѣмъ прошу Васъ, мой лучшій Пріятель, доставить ко мнѣ обстоятельное описаніе, какъ чистить полы и наводить на оныхъ краски. Хотя мнѣ помнится, что Вы изъяснили мнѣ о томъ подробно, но, уступая времени, должно мнѣ признаться, что ничево изъ того не помню; котораго въ ожиданіи пребываю непремѣнно съ истинныхъ усердіемъ

покорнымъ слугою.

---

25 Февраля.
Парафѣевка.

ВЕССИНУ.

Государь мой,

Иванъ Мартыновичъ!

По полученіи мною изъ Москвы птицъ, я вижу, что люди мои все идутъ по своему, не внимая ни мѣроположеніямъ, ни внушеніямъ моимъ относительно ихъ должности. Они, конечно, не дали Вамъ знать, сдѣлали сіе отправленіе сами, ибо я тутъ не нахожу ни одной канарейки, ни объясненія, гдѣ оныя оставлены, для чего, и въ чьемъ надзираніи. И потому Васъ прошу меня увѣдомить, какъ и гдѣ теперь оныя находятся, и почему вмѣстѣ съ прочими сюда не доставлены? А между тѣмъ, за полученіемъ сего, потрудитесь отдать приложенныя при семъ письма по надпису, истребовавъ на сіи отвѣтныя, прислать ко мнѣ съ первою оказіею. Всегда я буду съ усердіемъ

доброжелательнымъ слугою.

P. S. Магисова спросить о стульяхъ и креслахъ, о чемъ уже имѣете Вы отъ меня предувѣдомленіе, и мнѣ дать знать.

1776 года,
Февраля 25-го.
Парафѣевка.

Государь мой,

Евдокимъ Степановичъ!

Его Императорскаго Высочества Кирасирскаго полку Ротмистр Комарашевъ, имѣющій коммиссію вербовать изъ Малороссійскихъ людей до нѣсколька человѣкъ въ тотъ полкъ, можетъ имѣть для того надобность въ деньгахъ, то прошу Васъ, по требованію его отпустить ему изъ моихъ собственныхъ съ росписко сто рублев и какъ о выдачѣ тѣхъ, такъ ежели и болѣе требовать будетъ мнѣ дать знать. Я есьмъ, впрочемъ, съ истиннымъ усердіемъ.

P. S. Приложенное у сего письмо къ Маіора Бессину прош Васъ отослать на первой почтѣ или оказіи, въ Москву.

1776 года,
Февраля 26.
Парафѣевка.

ШИРКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Ермолаевичъ!

Въ полномъ всегда ощущеніи цѣны Вашего меня одолженія напоминаю себѣ Вашъ трудъ въ пересылкѣ для меня фазановъ и прочаго. По моемъ отсель отсутствіи, я ласкаю себя непрерыв нымъ продолженіемъ Вашей ко мнѣ благосклонности и дружбы Препровождаемыя симъ письма, по содержанію ихъ, суть не при ватныя мои, но для пользы Высочайшихъ интересовъ; слѣдственно и отправленіе оныхъ по той причинѣ требуетъ сокращенія вр мени; и я, бывъ благонадеженъ въ вѣрномъ и скоромъ оныхъ до ставленіи по надпису, пользуюсь всеприятнымъ случаемъ къ возоб новленію истинныхъ увѣреній о непремѣнномъ моемъ усердіи, с которымъ всегда буду

Вашего Превосходительства
покорнымъ слугою.

1776 года,
27 Февраля.

П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

Не смѣя въ семъ разѣ по дѣламъ тутошнимъ ни чего Вамъ сообщить, я только симъ выполняю взаимство, чтобъ препроводить возвращающагось къ Вамъ Г. Почеку, какъ былъ ко мнѣ отъ Васъ онъ присланъ. Я все въ ожиданіи нетерпѣливомъ пріѣзда Александра Николаевича, съ которымъ не получилъ чего либо новѣйшаго, а между тѣмъ, желая искренно, да застанетъ Васъ сіе въ самолучшемъ благосостояніи, я имѣю пріятный случай къ изъясненію непремѣннаго моего усердія и почтенія, съ которыми пребываю

всепокорнымъ слугою.

1776 года,
27 Февраля.

ПОТЕМКИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Григорій Александровичъ!

Сими днями получилъ я письмо отъ Полковника, самаго Князя Кантемира, и его отца. Первый образомъ увѣдомительнымъ требуетъ, чтобы я позволилъ ему съ собою свиданіе, а послѣдній, въ видѣ соболѣзнующаго о нещастіи, приступаетъ ко мнѣ, и обоихъ ихъ есть намѣреніе, конечно, не другое, какъ чтобы согласить меня на совершенное освобожденіе отъ его заточенія. Что я имъ насказалъ, найдете Ваше Сіятельство въ копіяхъ, тутъ присоединенныхъ, такъ какъ и ихъ ко мнѣ отзывовъ. Я не могъ другова надъ то ничего придумать, ибо подлинно слухи, вѣроятія не недостойные, носятся между людей и нынѣ, что остается въ немъ еще корень прежняго припадка. Если жъ бы и того не было, то все мнѣ поступить на сіе не можно, поелику полкъ тотъ, а слѣдственно, и самъ онъ, вышли изъ моего распоряженія, и я по тому прошу разрѣшить прежнее повелѣніе и дать знать для переду, что отвѣчать мнѣ, если еще иногда дойдутъ въ подобномъ требованія.

По другому письму старика, отца его, я предаю просьбу разсмотрѣнію Вашего Сіятельства о переводѣ Вахмистра Нижегородскаго Карабинернаго полку, Панаіота Якума, въ новсформирующійся Украинской Гусарской полкъ, и чтобъ за тѣмъ оставить его при немъ.

Всегда буду непреложно сердцемъ и душею преданнѣйшимъ и всепокорнымъ слугою.

---

27 Февраля.

КАНТЕМИРУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Константинъ Антіоховичъ!

Вмѣстѣ съ письмомъ Вашимъ, получилъ я другое отъ сына Вашего, и, судя по времени и обстоятельствамъ, я, къ сожалѣнію, долженъ былъ ему сказать отвѣтъ противъ его желанія. Вы оной увидите въ приложенномъ туть спискѣ, и найдете, конечно, причины къ моему оправданію. Не рѣдко дѣла идутъ противу ожиданія; хотя желаніе мое къ тому и есть соразмѣрно особливому моему къ Вамъ почтенію и преданности непреложной, но необходимость требуетъ уступить времени, которое располагаетъ нами. Между тѣмъ скажу Вамъ, старому моему Другу, въ откровенность, молву людей постороннихъ: нѣкоторые, и во многомъ числѣ, судятъ сына Вашего не совсѣмъ еще излѣчившагось отъ его припадка; и потому представте себѣ, сколь сильно приступитъ къ Вамъ воображеніе, влекущее съ собою въ слѣдъ горесть безконечную, если Вы, удаливъ его отъ очей своихъ, услышите о подобномъ гдѣ либо разговоры? Не лучше ли будетъ удержать его при себѣ еще нѣкоторое время, когда уже глазами прямыми можно будетъ въ немъ видѣть первобытное его состояніе? Вы отецъ сердобольный, пекущійся неусыпно о долѣ любезнаго Вамъ сына, а сего и довольно, чтобъ принять Вамъ мѣры, необходимо надобныя къ рас-

положенію на лучшее для него; что же до меня, то я, кажется, сообщилъ Вамъ уже все то, что внушаетъ мнѣ истинное къ Вамъ усердіе, съ которымъ пребуду я непремѣнно

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою.

---

27 Февраля.

КАНТЕМИРУ.

Государь мой,

Князь Дмитрій Константиновичъ!

Письмо Ваше, отъ 18-го сего мѣсяца, я съ особливымъ моимъ удовольствіемъ получилъ, и радуюсь лучшему здоровью Вашему. не меньше то ощущаю и въ семъ, что нахожу Васъ по оному среди Вашихъ домашнихъ, но не безъ сожалѣнія, однако жъ, долженъ Вамъ тутъ сказать, что весьма прискорбно мнѣ, что не могу назначить, ниже удѣлить пріятнаго мнѣ времени Васъ у себя видѣть въ сіе найпаче время, когда дѣла мои отзываютъ меня поминутно изъ мѣстъ сихъ.

Съ дороги, которая, по предположенному пути, весьма будетъ близка къ мѣстамъ, Вами обитаемымъ, я стараться буду замѣнить сію потерю, навѣстивъ Васъ въ деревнѣ Вашей; а между тѣмъ, принося самъ мою Вамъ благодарность за поздравленіе меня съ пріѣздомъ, оставляю я къ тому времени изъясненіе о признательности и почтеніи особливомъ, съ которыми никогда быть не престану

Вашего Сіятельства

покорнымъ слугою.

1776 года,
Марта 1-го.
Парафѣевка.

П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

Всегда стараюсь я, коль можно только, удалять всякое ходатайство, которое влечетъ въ слѣдъ безпокойство и заботу людямъ, упраженнымъ многими дѣлами; но, бывъ убѣжденъ сильнѣйшею прозьбою Натальи Алексѣевны Пассековой, и моимъ собственнымъ къ ней признаніемъ, я препровождаю симъ къ Вамъ записку, отъ нея ко мнѣ доставленную. Сдѣлай, мой лучшій Пріятель, на мой щетъ, что либо для нея полезное, и вѣрь мнѣ, что я никогда не престану быть съ усердіемъ.

Марта 1-го.

ПАССЕКОВОЙ.

Милостивая Государыня моя,

Наталья Алексѣевна!

Съ сожалѣніемъ читалъ я письмо Ваше отъ 15 Февраля, и желая искренно Вамъ помочь, удовлетворяю требованію Вашему приложеніемъ тутъ письма къ Петру Васильевичу Г. Завадовскому. Я бы хотѣлъ слышать въ слѣдствіе того о перемѣнѣ дней Вашихъ на радостные, съ окончаніемъ всѣхъ, Вами претерпѣваемыхъ, безпокойствъ; ибо никто въ томъ, что къ Вамъ относится, столько участія не пріемлетъ, какъ пребывающій съ непремѣннымъ усердіемъ

Вашъ покорнѣйшій слуга.

Марта 2.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Города Полтавы Войтъ Чорнышъ, желая доставить дѣтей своихъ въ Кадетскій Корпусъ, а болѣе изъ той причины, чтобъ имѣть честь видѣть Ваше Сіятельство, какъ начальника своего, хотѣлъ отправиться въ С.-Петербургъ, и проситъ моего къ Вамъ ходатайства. Я, знавъ сего человѣка усернымъ и годнымъ къ службѣ, со времени бывшаго моего управленія тамошнею сторонною, препровождаю его симъ съ моею прозьбою о показаніи ему Вашего благосклоннаго и милостиваго пособія въ нуждахъ его.

Есмъ непреложно сердцемъ и душею преданнѣйшимъ и всепокорнѣйшимъ слугою.

1776 года,
Марта 2.
Парафѣевка.

ТОЛСТОМУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Александръ Петровичъ!

Свидѣтельствую симъ Вашему Сіятельству признательнѣйшую благодарность мою за послѣднее письмо Ваше, и за присылку разныхъ сортовъ винъ, исправно ко мнѣ доставленныхъ, за кои надлежащія деньги не промину я доставить къ Вашему Сіятельству, переводомъ ли чрезъ Коммисаріатскую Коммисію, или инымъ удобнѣйшимъ случаемъ, по прибытіи моемъ въ Кіевъ. Къ сему присовокупляю еще всеприлѣжную мою прозьбу къ Вамъ, сдѣлать чувствительное мнѣ одолженіе, приказаніемъ сыскать въ Москвѣ, изъ приходящихъ туда на промыселъ изъ Ростова, человѣкъ пять искусныхъ огородниковъ, довольно свѣдущихъ въ произращеніи огородныхъ, до поварни принадлежащихъ, потребностей, и по отысканіи таковыхъ, договорясь съ ними на лѣтнее время, препроводить ихъ въ Глуховъ, снабдя и сѣменами разныхъ огородныхъ, для кухни потребныхъ, произращеній. Пребываю навсегда съ искреннимъ почтеніемъ.

1776 года,
Марта 5.

БЕЗВОРОДЬКУ.

Государь мой,

Александръ Андреевичъ!

По поводу, на сихъ дняхъ, мною полученнаго письма отъ Гр Ходкевича, я имѣю необходимость спросить Васъ, кому поручил Вы мое письмо, пашпортъ и мундиръ, для доставленія его сыну Находящіесь при мнѣ не имѣютъ о семъ ни малаго свѣдѣнія; я по тому прошу Васъ прилѣжно о вышеписанномъ меня увѣдо мить, и если бы въ случаѣ и понынѣ Вы того не отправили, то оное все прислать ко мнѣ съ первою оказіею, въ Кіевъ, гдѣ возв му я свое пребываніе. Благодаря при томъ Васъ за письмо, от 15-го прошедшаго Февраля, и за доставленіе при ономъ закладной и векселя, пребываю съ моимъ къ Вамъ усердіемъ.

P. S. Я имѣлъ особливое удовольствіе видѣть Вашего дра жайшаго родителя въ самолучшемъ состояніи здоровья; онъ меня одолжилъ своимъ посѣщеніемъ въ Вишенькахъ.

1776 года,
7 Марта.

Милостивый Государь мой,

Дмитрій Артамоновичъ!

По сосѣдству Вашему съ Г. Полковникомъ, Князь Дмитріем Константиновичемъ Кантемиромъ, не можетъ быть не извѣстно Вашему Превосходительству его состояніе, въ коемъ онъ нынѣ находится. Кровные его, которые найболѣе интересуются, пріемля въ жребіи его участіе, а особливо сестра его, Графиня Анна Родіо новна Чернышева, извѣщаютъ меня о совершенномъ выздоровле ніи отъ его припадка, которымъ страдалъ онъ; но я имѣю напро тивъ постороннія, не недостойныя вѣроятія, что онъ еще больше прежняго чувствуетъ болѣзнь, ему приключившуюся; и потому не могу ничего объ немъ опредѣлить, не знавъ навѣрно о положеніи

его, буду ожидать я отъ Васъ увѣдомленія, въ какомъ образѣ состоянія Вы его находите, чтобъ мнѣ было можно учинить сходные отвѣты къ разрѣшенію судьбы его.

Есмь съ непремѣннымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства

покорнымъ слугою.

1776 года,
Марта 14.

Преосвященнѣйшій Господинъ Епископъ Переяславльскій и Бориспольскій,

Милостивый Архипастырь мой!

Принося симъ Вашему Преосвященству мою всепокорную благодарность за письмо Ваше, коимъ встрѣтили Вы меня почти уже въ границахъ Епархіи Вашей, я не стараюсь, Преосвященный Владыко, во изъявленіе найбольшей признательности къ Вашей благосклонности, испещрять сіе витійствомъ, расположенію моему совсѣмъ чуждымъ; ибо, питая въ себѣ безпредѣльную къ Вамъ преданность, сомнѣнія я не имѣю, чтобъ Вы могли когда либо обо мнѣ съ другой стороны помыслить, какъ не съ той, что я преисполненъ къ Вамъ истиннаго почтенія и непреложнаго усердія.

Въ ожиданіи для меня времени, когда могу я то засвидѣтельствовать Вамъ лично, препоручаю себя Архипастырскому Вашему благословенію, будучи, какъ и всегда,

Вашего Преосвященства

покорнымъ слугою.

1776 года,
14 Марта.

ЗАВАДОВСКОМУ.

Государь мой,

Иванъ Васильевичъ!

Между вещами, съ экипажемъ моимъ сюда доставленными, нахожу я, къ немалому удивленію, проспекты Константинополю

въ ящикѣ и съ надписью, объ отправленіи которыхъ, по письму Капитана Казачинскаго, съ приказанія моего къ Вамъ писанному, Вы его извѣщаете; и потому ожидаю я отъ Васъ, въ самоскорѣйшемъ времени, увѣдомленія, не сомнѣваясь, чтобы не записали Вы оные для памяти, какія именно они, на бумагѣ, или на полотнѣ? какими красками, масляными ли, или другими, писаны, и какъ одного и другаго длина и ширина? Пребуду я, впрочемъ, съ усердіемъ

покорнымъ слугою.

1776 года,
Марта 14-го.

ПОТАПОВУ.

Милостивый Государь мой,

Иванъ Алексѣевичъ!

Видя изъ письма Вашего, ко удивленію, несогласіе и раздоръ надъ завѣщаніе покойнаго Вашего тестя, Антона Степановича, отъ его сына послѣдовавшіе, я не могъ больше Вамъ пособить въ семъ, какъ только, что права сего края позволяютъ. На томъ самомъ основаніи далъ я теперь мои повелѣнія въ тѣ мѣста, гдѣ быть можетъ расправа, чтобъ, во удовольство обидимой стороны, учинено было, въ сходство оныхъ, надлежащее рѣшеніе. А потому хотѣлъ бы я слышать, чтобъ дѣла Ваши, когда не миролюбно, къ взаимнымъ пользамъ, то хоть, принявъ на себя другой видъ, въ окончаніи самоскорѣйшемъ, на пользу Вашу, послужили. Желая впрочемъ, всеискренно, да застанетъ Васъ сіе въ самолучшемъ здоровьи и благосостояніи, имѣю для себя особливое удовольствіе при семъ случаѣ ко изъявленію тутъ непремѣннаго моего къ Вамъ почтенія, съ которымъ пребываю

Вашего Превосходительства

покорнымъ слугою.

1776 года,
Марта 14 дня.
Парафѣевка.

ЕВДОКИМУ СТЕПАНОВИЧУ ПРОСТОКВАШИНУ.

По обѣщанію Вашему, ожидаю я и понынѣ щетовъ о расходахъ, Вамъ извѣстныхъ, и оные не въ другомъ какомъ либо намѣреніи хочу я имѣть, но чтобъ, сочтя въ сіе время, когда я проживаю въ деревнѣ, можно мнѣ было въ расположеніи поставить что ни будь точное. Стужать, однако жъ, о семъ не надобно, чтобъ иногда не приняли сего въ другомъ разумѣ, и не подумали бы, что я не додаю вѣры, о чемъ и на мысль никогда мнѣ не всходило. Изъ моихъ денегъ, въ содержаніи Вашемъ имѣющихся, прошу Васъ прислать ко мнѣ съ первою оказіею, или и съ нарочнымъ, двѣ тысячи рублевъ, а письма, при семъ слѣдуемыя, отослать по надпису съ первою почтою. И если бы Графъ Яковъ Александровичъ находился еще и по сю пору въ Москвѣ, то въ сіе мѣсто адресовать, когда же отсель отъѣхалъ въ С. Петербургъ, то о немедленномъ туда доставленіи попросить Г. Пестеля, Московскаго Почтъ-Директора.

Никогда не престану я быть съ усердіемъ

покорнымъ слугою.

1776 года,
Марта 14 дня.
Парафѣевка.

ВРУСУ.

Милостивый Государь мой,
Яковъ Александровичъ!

Пользуясь всеприятнѣйшимъ отзывомъ Вашимъ, сопровождавшимъ прозьбу Калужскаго Купца, Чурикова, сдѣлалъ я все то, что можетъ служить къ законному удовлетворенію его претензіи.

Въ Москвѣ ли, или въ Санктпетербургѣ, нынѣ пребываніе Ваше, вездѣ желаю Вашему Сіятельству всевожделѣннаго и пріятнѣйшаго, а мнѣ найбольшимъ будетъ утѣшеніемъ и удовольствіемъ слышать, а паче отъ Васъ самаго получать увѣдомленія о здоровьѣ Вашемъ, пребывающему съ непремѣннымъ усердіемъ и высокопочитаніемъ.

1776 года,
21 Марта.

Милостивѣйшая Государыня Матушка!

Видѣвъ изъ милостивѣйшаго Вашего благополучное пребы ваніе Ваше, возсылаю я мои молитвы ко Всевышнему, да продол жится оное, при самолучшемъ благосостояніи и цѣлости здравіи до самопозднѣйшихъ временъ, къ обрадованію тѣхъ, изъ которых благоволенія Вашего прося, повергается къ ногамъ Вашимъ

Вашъ вѣрный и покорнѣйшій сынъ.

---

21 Марта.

ЛЕОНТЬЕВОЙ.

Матушка Сестрица, Катерина Александровна!

Пріятнѣйшее письмо Ваше получилъ, и щитая по времени полагаю быть уже Вамъ конечно на пути и въ дорогѣ, которую Ва совершить безъ малѣйшаго безпокойства я всеискреннѣйше желаю Продолжайте, Матушка Сестрица, увѣдомлять меня о своемъ здо ровьи, которое весьма для меня дорого, и подавать мнѣ случай к изъявленіе непреложнаго моего усердія и истинной преданности съ которыми пребываю во всѣ я дни жизни искренно Васъ люби щимъ и почитающимъ, вѣрнымъ братомъ и слугою.

1776 года,
Марта 21.
Парафѣевка.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Писалъ я, отъ 20 Февраля, что въ дни моей болѣзни въ Мол давіи, отправленной экипажъ мой былъ разбросанъ на многія ча сти и безъ всякаго порядка. Но, вседражайшій мой Другъ, по до шедшимъ къ тебѣ проспектамъ, долженъ ты былъ заключить, что я понынѣ въ безпрерывной горячкѣ, но навѣрно полагаю, что ты не посрамилъ меня, и удержалъ ихъ у себя безъ поднесенія узнавъ въ томъ, конечно, ошибку, которую я узналъ по роспис

вещамъ нѣкоторымъ, ко мнѣ доставленнымъ; и теперь посылая съ симъ нарочнаго, и препоруча уже своими руками, покорнѣйше прошу, мой вседражайшій Графъ, поднести ихъ, какъ въ предъидущемъ моемъ просилъ уже я Васъ, а сію ошибку причесть къ неудобности, свои дѣла чрезъ другихъ дѣлать. Хотя я сіе отправленіе препоручилъ, по мнѣнію моему, сдѣлать одному знатоку, но вмѣсто тѣхъ, посланы къ Вамъ, не знаю, какіе, а слышу, что печатные, не Рембургскіе: то, можетъ быть, каменнаго мосту, снятые у кого ни будь изъ людей моихъ, бывшіе на стѣнахъ. Мои силы весьма слабѣютъ, а что здоровья — я и вовсе уже не знаю. Время здѣсь такъ дурно, какъ среди зимы не было.

До послѣднихъ дней буду сердцемъ и душею преданнѣйшимъ слугою.

1776 года,
21 Марта.

ЖУКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Афанасій Семеновичъ!

Польской службы Поручикъ Журавинскій и Товарищъ Луцкой, присланы ко мнѣ съ рекомендаціею отъ Г. Гетмана Графа Браницкаго, который, между прочимъ, просилъ меня о пособіи въ снабдѣніи ихъ огнестрѣльнымъ и другимъ оружіемъ, къ украшенію и на самое дѣло военному человѣку служащимъ. Я, по надеждѣ на благосклонность Вашу ко мнѣ, провождаю оныхъ симъ къ Вашему Превосходительству, прося удовлетворить желанію ихъ, въ одолженіе мнѣ собственное, и для заохочиванія и другимъ впредь покупку дѣлать изъ нашихъ фабрикъ, если не было у Васъ таковыхъ либо инструкцій или указъ въ противномъ, касательно иностранцевъ; а между тѣмъ пользуясь случаемъ, увѣряю Васъ въ почтеніи истинномъ и усердіи непремѣнномъ, съ которыми всегда пребываю.

Марта 21,
1776 года.

САЛТЫКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Николай Ивановичъ!

Присоединяю у сего къ Его Императорскому Высочеству мое письмо, которое содержитъ въ себѣ предувѣдомленіе о навербованныхъ въ полкъ его Кирасирской изъ Малороссіянъ, по комисіи, милостивѣйше на меня въ томъ возложенной, и лаская себя Вашею для меня всепріятѣйшею дружбою, я прошу всепокорно Ваше Высокопревосходительство оное поднесть; а между тѣмъ пользуясь симъ случаемъ, употребляю я для себя оной на увѣреніе о преданности неограниченной и почтеніи истинномъ, съ коими никогда быть не престану.

1776 года,
Марта 21.

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗАВАДОВСКОМУ.

При настоящемъ отправленіи куріера, не имѣю новаго сообщить Вамъ въ семъ разѣ, какъ что здѣсь весна коснулась зимы слегка, а сія послѣдняя свое беретъ на ней со всѣми почестями, и мы теперь уже третій день въ заметѣ снѣжномъ сидимъ; а по сей новости вообразите себѣ мою старость и изнеможеніе, и судите, каково мнѣ при жестокой бурѣ и метели въ деревнѣ и почти безвыходно въ избѣ, гдѣ мнилъ я толь многія утѣшенія найтить, да и нѣкоторыя новыя искать. Теперь не знаю, могу ли скоро быть въ Кіевѣ для дѣла, а въ Гомель и Топаль почти не думаю; и ежели все пойдетъ моему здоровію такъ вопреки, то и я принужденъ буду послѣдняго пособія цѣлительныхъ водъ коснуться.

Графъ Кирилла Григорьевичъ, 17, меня посѣтивъ, поѣхалъ въ Кошары, на свой конной заводъ, куда и я 18-го дня, какъ въ день его имянинъ, чрезъ силу, ѣздилъ. Тутъ я увидѣлъ, что всякой его хуторъ составляетъ мою волость, а волость все имѣніе. Не завидуя, но удивляясь, размышлялъ, сколько разнствуютъ способы, коими люди доходятъ до почестей и имѣній, и какъ не равно одинъ и другой оными пользуются. Онъ печется о своемъ, и веселится

себѣ. Но какъ всякому свое опредѣлено, то тутъ и надобно быть, жели не Философомъ, то, какъ Панглосомъ, всѣмъ довольнымъ, бы быть хоть здоровымъ. Я послѣдняго Вамъ, какъ существа всякаго благополучія, усердно желая, буду всегда съ непремѣнною ревностію.

покорнымъ слугою.

НАСЛѢДНИКУ.

Милостивѣйшій Государь!

По возложенной Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ на меня коммисіи, хотя въ краю семъ простаго стану обыватели, по нѣкоторымъ предразсужденіямъ о регулярствѣ, и подали было съ начала причину сомнѣваться въ успѣхѣ, но титло полку и Высокаго онаго Шефа, въ который оныхъ пріохочивать я Полковникамъ препоручилъ, кромѣ всѣхъ другихъ, достаточно было къ возбужденію въ нихъ ревностнаго желанія; и я имѣю щастіе предварительно увѣдомить, что близъ ста человѣкъ росту и фигуръ довольно хорошихъ и лѣтъ ниже среднихъ пріискано, изъ коихъ нѣкоторые ищутъ сами представить себя на службу Вашему Императорскому Высочеству изъ Канцеляристовъ Малороссійской Коллегіи, которые на мѣста унтеръ-офицерскія имѣютъ и способность и достоинство. Я препоручилъ и Слободскому Губернатору постараться къ благоугодности Вашего Императорскаго Высочества, какъ тамъ люди извѣстно рослые, пріохотить. Остается только Вашему Императорскому Высочеству указать мнѣ, до какого числа оное вербованіе распространить, и всѣхъ ли вдругъ, или по частямъ, отправить?

Несказанное признаніе къ милости и благоволенію Вашего Императорскаго Высочества въ душѣ моей ощущая, повергаю себя къ ногамъ Вашимъ и во всѣ дни жизни со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ пребуду

Вашего Императорскаго Высочества
всенижайшій рабъ
Г. Р. З.

Парафѣевка.
21 Марта,
1776 года.

Отправлено съ переводчикомъ Квасовымъ.

Марта 23 дня.

ВЯЗЕМСКОМУ.

Милостивой Государь мой,

Князь Александръ Алексѣевичъ!

Сего вручитель, Г. Подполковничъ Таубе, служа въ войну по
слѣднюю въ арміи моего предводительства, кромѣ усердій и ре
ности, кои его отличали отъ многихъ, въ дѣлѣ одномъ, гдѣ сд
лалъ онъ сильной отпоръ непріятелю, на него стремившемусь, по
лучилъ всеобщую похвалу и благопризнаніе. Онъ ищетъ теперь Во
милостивѣйшаго пожалованія въ Лифляндіи деревни на аренду;
я его провождая симъ къ Вашему Сіятельству, совмѣстно съ дол
жностію моею нахожу присовокупить мое въ томъ свидѣтельст
и всепокорную прозьбу о благосклонномъ и милостивомъ пособі
къ снисканію справедливо ему принадлежащаго, пребывая, вар
чемъ, съ совершеннымъ почтеніемъ

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою

1776 года,
Марта 26.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Дражайшее письмо твое, отъ 16-го, мой милостивый и вс
дражайшій Другъ, я съ особливымъ порадованіемъ получить чес
имѣлъ, и благодаря найпризнательнѣйше за твое соболѣзнованіе
моихъ припадкахъ, вопреки желаю тебѣ всѣхъ и всякаго благ
денствія, а здоровья, какъ существа онаго.

Сими днями посѣтилъ меня Г-нъ Староста Жмудской, Граф
Ходкевичъ, и при случаѣ сего отправленія просилъ препроводит
къ Вамъ его письмо, у сего присоединенное. Между прочимъ он
просилъ меня его медленность Вамъ изъяснить: онъ ни письм
моего, ни паспорта не получалъ, которые отдалъ на руки Г. Пол
ковнику Александру Андреевичу Безбородку, для отправленія к
нему. Писалъ уже я о семъ къ нему, чтобъ увѣдомилъ, но еще н
имѣю отповѣди, и, сомнѣваясь въ отысканіи всего того, прошу Ва
ше Сіятельство сдѣлать мнѣ милость и приказать на мѣсто, можн

сказать, потеряннаго, дать другой такой же пашпортъ, и прислать оный ко мнѣ, для отдачи его сыну.

По дѣламъ, тебѣ извѣстнымъ, мой вседражайшій Графъ, хотѣлось бы мнѣ имѣть въ сіе время поближе Матвѣя Васильевича Муромцова. Сохраню я непреложно во всѣ дни жизни всесовершеннѣйшее признаніе и благодарность, и пребуду сердцемъ и душею преданнѣйшимъ и всепокорнымъ слугою.

1776 года,
26 Марта.

П. В. ЗАВАДОВСКОМУ.

Не имѣвъ ничего сообщить Вамъ новаго въ семъ разѣ, я довольствуюсь симъ случаемъ препроводить только къ Вамъ письмо Графа Ходкевича, который посѣтилъ меня сими днями и просилъ о томъ при настоящемъ отправленіи. А между тѣмъ, пожелавъ Вамъ подходящіе дни празднества и многіе будущіе, препроводить въ помысльныхъ удовольствіяхъ и преуспѣяніяхъ, наконецъ удостовѣряю я Васъ въ истинномъ усердіи, съ коимъ никогда быть не престану

всепокорнымъ слугою.

P. S. Онъ ни пашпорта, ни кафтана для сына своего, которые я къ пересылкѣ отдалъ Александру Андреевичу, не получалъ. Послѣ письма, съ Алеск. Нико. я отъ Васъ не имѣю.

1776 года,
Марта 26.

Милостивая Государыня Матушка!

Днемъ великой для меня радости, тезоименитства Вашего, и подходящими праздника Воскресенья Христова, Спасителя нашего, я нижайшее Вамъ поздравленіе симъ приношу, желая въ оныхъ и премногихъ будущихъ самолучшаго благосостоянія, удовольствія и здоровья за предѣлъ самопозднѣйшій, къ обрадованію повергающагось къ ногамъ Вашимъ и испрашивающаго Вашего благословенія,

вѣрнаго и всепослушнаго сына.

---

26 Марта.

МИЦЕРСКОМУ.

Государь мой и Вселюбезный братъ, Князь Петръ Василь
евичъ!

Отпущенное Ваше, отъ 15-го сего мѣсяца, ко мнѣ не дошл
а послѣдніе, отъ 17, я получилъ, и узнавъ изъ онаго о кончи
батюшки Вашего, соболѣзную сердечно съ Вами о сей послѣдова
шей дому Вашему неоплаканной печали, желая, чтобы Всевышній
посѣтивъ Васъ симъ злоключеніемъ, подалъ Вамъ и силы къ в
ликодушному сего перенесенію, и да наградитъ текущее вре
дому Вашему единодушіемъ и всѣми преуспѣніями. А касатель
изъясненія въ письмѣ Вашемъ о деньгахъ, отъ Полковника Баб
рыкина вошедшихъ, и отъ другихъ дебиторовъ дому Вашему,
закладнымъ принадлежащихъ, не сумнюсь я, что и безъ мое
наставленія, собственное Ваше благоразуміе и усердіе къ кровным
руководствомъ Вамъ будетъ къ принятію лучшихъ мѣръ на пол
зу Вашу общую. А я въ семъ пунктѣ донынѣ сохраняя благ
пристойность, не могу нарушить оной, и опасаюсь равномѣрно н
реканія, и, чтобы не поступать иногда несогласно съ пользою В
шею общею, удерживаюсь дать мое разрѣшеніе, и не вѣдавъ н
чего о завѣщаніи покойнаго. Впрочемъ, во всѣхъ зависящихъ от
меня случаяхъ, я всегда не престану показывать Вамъ усердны
мои услуги.

Вселюбезнымъ сестрамъ и братьямъ, буде кто изъ нихъ ес
въ Москвѣ, свидѣтельствую поклонъ мой, пребывая навсегда съ и
тиннымъ почтеніемъ

Вашего Сіятельства

покорнымъ слугою.

1776 года,
Марта 27-го.

КНЯЗЮ МИХ. НИКИТИЧУ ВОЛКОНСКОМУ.

Пользуясь настоящимъ отправленіемъ куріера, я обраща
сей случай найпріятнѣйшій для меня преподать Вамъ, мой всел
безцѣнній и вседражайшій Братъ и Другъ, удостовѣренія мои

непреложномъ и всесовершеннѣйшемъ усердіи, которое со временъ давныхъ я къ Вамъ питаю; а между тѣмъ усугубляя всеприлѣжныя мои прозьбы о напамятованіи прежнихъ относительно до нашихъ моихъ обстоятельствъ, заклиная Васъ мнѣ вѣрить, что я во всѣ дни жизни съ безпредѣльною преданностію буду.

1776 года,
Марта 28-го.

ТЮФЯКИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Иванъ Петровичъ!

Коль скорое, столь и ясное, имѣю уже я отъ Васъ объясненіе, въ слѣдствіе предшедшаго моего, о дорогахъ въ садахъ во вкусѣ Англійскомъ описаніе, которое получилъ я при всеприятнѣйшемъ Вашемъ, отъ 18-го Марта. Благосклонное Ваше пріятіе есть изъ первыхъ побудительныхъ причинъ, что я иногда наношу Вамъ докуки, и тоже самое настоящей. Я, имѣя всю нужду къ окончанію своихъ начатыхъ домовъ въ двухъ человѣкахъ, одномъ, который бы могъ плафоны и стѣны малевать на вкусѣ алфреско, и другой умѣлъ золотить, всеприлѣжно и всепокорно прошу Васъ, любезный мой Другъ, употребить свое посредство къ пріохочиванію сихъ художниковъ изъ подкомандныхъ Вашихъ, хотя на два, или на три, мѣсяца, и, договоря ихъ, сего вручителю, Г. Маіору Бессину, оставленному мною въ Москвѣ для нѣкоторыхъ коммисій, отдать, которымъ дальшее отправленіе я ему препоручилъ.

Бросьте, хотя на минуту, Вашъ взоръ, на мою Подмосковную, и укажите тамъ, что Вы сходственно съ натурою, по Вашему вкусу, опредѣлите, и сообщите о томъ всепризнаніе къ благодѣяніямъ Вашимъ имѣющему и пребывающему всегда въ совершенной преданности

покорнымъ слугою.

28-го Марта.

ИЗМАЙЛОВУ.

Милостивый Государь мой,

Михайла Михайловичъ!

Въ настоящемъ положеніи имѣя здѣсь нужду въ двухъ человѣкахъ, одномъ, который бы могъ плафоны и стѣны малевать на вкусъ алфреско, а другомъ, золотить умѣющемъ, къ благосклонности Вашей, какъ къ лучшей моей въ томъ подпорѣ, прибѣжище беру и всепокорно прошу, чтобъ изъ между Вашихъ собственныхъ, или въ вѣдѣніи состоящихъ, одного договоря на точную цѣну, отдать сего вручителю, Маіору Бессину, оставленному мною въ Москвѣ для нѣкоторыхъ коммисій, которыхъ дальшее отправленіе препоручилъ я ему. Пребуду въ ожиданіи всеприятнѣйшаго Вашего увѣдомленія съ тѣмъ почтеніемъ и усердіемъ, съ коими всегда непремѣнно есьмъ

Вашего Превосходительства

---

28 Марта,
Парафѣевка.

БЕССИНУ.

Государь мой,

Иванъ Мартыновичъ!

При семъ слѣдуютъ два мои письма къ Князю Ивану Петровичу и Михайлѣ Михайловичу. Они содержатъ въ себѣ прозьбу о двухъ человѣкахъ: одномъ, который бы могъ плафоны и стѣны малевать на вкусъ алфреско, а другой, чтобъ зналъ хорошо золотить. Вы, удержавъ послѣднее, съ первымъ съѣздите къ Князю, и когда будетъ ему возможно удовлетворить прозьбѣ моей, то другое оставить безъ отсылки, и прислать обратно ко мнѣ. Если жъ сему, по какой либо причинѣ, трудно будетъ оную выполнить, въ такомъ случаѣ доставить оное по надписи, и просить объ оныхъ; и за полученіемъ испрося отъ Князя Михайла Никитича Волконскаго подорожнюю до мѣста пребыванія моего, и истребовавъ отъ моей домовой конторы, изъ тамошнихъ доходовъ, потребное число на прогоны денегъ, препроводить ихъ ко мнѣ. Есьмъ съ усердіемъ

доброжелательнымъ слугою.

---

28 Марта.
Парафѣевка.

Государь мой,

Игнатій Ивановичъ!

Съ того самаго дня, какъ Вы отъ меня поѣхали, и понынѣ не имѣю я ни отколь свѣдѣнія, каковыми нашли Вы тамошнія мѣста, къ постановленію въ лучшей удобности судовъ полезныхъ и увеселительныхъ; и въ ожиданіи по сему Вашего увѣдомленія, хотѣлъ бы я, чтобъ оное было при персональномъ Вашемъ сюда прибытіи, гдѣ имѣю я въ Вашемъ присутствіи нужду, а потому, ожидая Васъ въ семъ мѣстѣ, сокращаю сіе истиннымъ увѣреніемъ, что я всегда съ усердіемъ

доброжелательной слуга.

P. S. Для проѣзду Вашего прилагаю при семъ подорожную, въ которой надобное число лошадей, на оставленномъ мѣстѣ, вписать можете.

---

28 Марта.

АСТАФЬЕВУ.

Государь мой,

Александръ Николаевичъ!

Отправляя куріера въ Москву, хочу я дать ему коммисію покупить сукна и позумента для людей моихъ; но какъ тѣ купцы, отъ которыхъ получали Вы все то, никому здѣсь не извѣстны, то по тому прошу, коль скоро возможно, меня увѣдомить о именахъ ихъ, и гдѣ имѣютъ они тамъ свои домы; а между тѣмъ съ симъ же доставить и щетъ, колико аршинъ или локоть употреблено на скороходское платье и шапки, и на парадную ливрею сукна и позументу, раздѣля порознь каждую пару, и по сколько оная обошлась, и именовать мастера, кто шилъ. Я по сей причинѣ удержалъ и куріера, не посылая онаго дальше, и въ ожиданіи отъ Васъ увѣдомленія о вышесказанномъ, есьмъ, впрочемъ, какъ и всегда

P. S. За худою погодою и нелучшимъ здоровьемъ, не могу такъ скоро въ Кіевѣ быть.

1776 года,
28 Марта.
Парафѣевка.

ВЛАНКУ.

Государь мой,

Карлъ Ивановичъ!

Благодарю всепризнательно за присылку ко мнѣ записки, какъ чистить полы, и плановъ дому моему въ Кайнарджѣ. Я, экономизируя между тѣмъ въ расположеніи онаго, сдѣлалъ ему планъ, при семъ прилагаемый, но не съ тѣмъ, однако жъ, чтобъ соблюсть во всемъ его точность: ибо тутъ могутъ сыскаться индѣ двери, или окошко въ такомъ мѣстѣ, котораго нарушить, безъ крайнего поврежденія стѣнъ, не можно, но чтобъ, примѣняясь настоящему его основанію, опредѣлить что либо противъ сего сходное, и на то дать свое мнѣніе.

Г. Зацятину, моему секретарю, которому препоручилъ я списать всѣ мои земли и лѣса въ Кайнарджѣ и въ окрестностяхъ тамошнихъ, естьли будетъ въ томъ надобность, чтобъ препоручить смотрѣніе за домомъ и инымъ чѣмъ, можете сдѣлать на надобный случай наставленіе, чего ему всего больше надзирать надобно.

При письмѣ Вашемъ я имѣлъ особливое удовольствіе получить и другое отъ сына Вашего, которое читая, и вспомнивъ слова Ваши, что успѣваетъ онъ въ дѣлѣ своемъ, не довольно быть Вамъ помощникомъ, но и такимъ, который уже и безъ совѣта по оному приступить можетъ; не зная, что мнѣ заключить относительно Вашихъ, въ разсужденіи его, расположеній: хотите ли Вы его опредѣлить въ семъ искуствѣ, или другое для него избираете, и потому ожидая отъ Васъ увѣдомленія, чѣмъ могу я ему служить, пребываю между тѣмъ, какъ и всегда,

покорнымъ слугою.

1776 года,
Марта 28-го.
Парафѣевка.

ПРОЗОРОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Александръ Александровичъ!

Всеприятнѣйшія Ваши, къ особливому моему удовольствію, я получилъ; но будучи не въ состояніи собою удовлетворить въ томъ же самомъ разѣ требованію Вашему, касательно переводу Подпоручика Ловцева, писалъ я о выключкѣ онаго изъ полку, къ Князю Михайлѣ Никитичу, и за согласіемъ его на то, не оставлю дать въ то время мое повелѣніе, въ слѣдствіе Вашего ожиданія.

Жалѣю безмѣрно, что въ честь Вамъ пожалованныхъ имѣній, не вошло ни увеселительнаго, ни полезнаго; тутъ образъ милости Высочайшей, съ какимъ оное намъ жалуется, награждать долженъ естественные тому недостатки. Отвѣчая сдѣланной мнѣ довѣренности чистосердечною искренностію, открою Вамъ мои мысли относительно желанія Вашего имѣть часть земель въ Губерніи Азовской, что гдѣ есть желаніе имѣть поселянъ, и чрезъ что существуетъ польза отечества, тамъ подобнаго качества владѣльцы, какъ Ваше Сіятельство, могутъ споспѣшествовать весьма желанію и пользѣ Государственной; а потому, кажется, нѣтъ и мѣста ни малѣйшему нареканію, или злословію, и Вы, конечно, съ стороны сей можете поступить безъ всякаго предразсужденія.

Всегда я есьмъ съ совершенною преданностію и почтеніемъ

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою.

1776 года,
29 Марта.

Государь мой,

Евдокимъ Степановичъ!

Въ слѣдствіе моего, отъ 25 прошедшаго Февраля, прошу Васъ при настоящемъ отправленіи Его Императорскаго Величества Кирасирскаго полку Ротмистра Камарашева къ полку съ набранными рекрутами, счесть на надобные въ пути расходы для заплаты про-

гонныхъ денегъ, въ случаѣ иногда иманія подводъ подъ больныхъ и другія для равнаго же употребленія, и отпустивъ ему въ по требномъ числѣ оные изъ моихъ собственныхъ, въ Вашемъ содер жаніи имѣющихся, съ роспискою, а сколько выдано будетъ, мнѣ дать знать. Пребываю, впрочемъ, съ непреложнымъ усердіемъ.

1776 года,
Марта 29.

ЮРКЕВИЧУ.

Государь мой,

Петръ Мартыновичъ!

Отецъ Андрей Санборской, сего вручитель, особливо быв мнѣ усернымъ, схотѣлъ принять на себя трудъ заѣхать въ Ва шеньки, и осмотрѣть всю тамошную окрестность, дабы подать мнѣ потомъ свои идеи въ разсужденіи ситуаціи тамошней, къ поло женію во вкусѣ чего ни будь точнаго. И я, пріемля не безъ при знательности добрую его въ томъ волю, провождаю его симъ къ Вамъ, съ тѣмъ, чтобы Вы показали ему все то, въ чемъ больше нужно ему имѣть приличаніе по мѣсту тамошнему для выгодъ и увеселенія хозяину, и угостили такъ, какъ весьма пріятнаго мнѣ человѣка. Есьмъ Вамъ и всегда

доброжелательнымъ слугою.

---

29 Марта.
Парафѣевна.

АЛЕКСѢЕВУ.

Государь мой,

Яковъ Никитичъ!

Въ числѣ другихъ Польскихъ плановъ, кои ко мнѣ сюда до ставлены, не находя Повонскаго съ ситуаціею, и дому Повонскаго съ переправленнымъ Мукатова, и церкви, прожектированной Поль скимъ Офицеромъ, я ожидать тутъ буду оныхъ присылки, а меж ду тѣмъ и увѣдомленія, за какими матеріалами пріостановилась передѣлка потолковъ, колико оныхъ къ тому и на другія надоб

вости недостаетъ, и что оныхъ въ наличности, и какихъ именно, прося приложить при томъ и свой проектъ на дворъ и садъ Кочуровской. Впрочемъ, я пребываю

Вамъ доброжелательнымъ.

1776 года,
31 Марта.

ЧЕРНЫШЕВОЙ.

Милостивѣйшая Государыня моя,

Графиня Анна Родіоновна!

Ваше Сіятельство благосклонно мнѣ препоруча стараться, по обстоятельствамъ, относительнымъ до дражайшаго Вашего братца, отдаете справедливость моему искреннему желанію Вамъ мои услуги оказывать.

Я навѣдаться не замедлилъ скоро по моемъ сюда прибытіи, и отъ него самаго удовольствіе особое имѣлъ получить письмо, гдѣ онъ, объявляя мнѣ свое выздоровленіе, обнадеживаетъ меня своимъ посѣщеніемъ; но какъ я на то время не могъ себѣ опредѣлить пребыванія, то ласкалъ себя, сближась съ его жилищемъ, тѣмъ удовольствіемъ пользоваться.

Скоро потомъ подошло, и Вамъ конечно извѣстное опредѣленіе его въ Рязанской полкъ, который состоитъ въ дивизіи Вашего вездражайшаго Графа супруга, о чемъ я тогда жъ ему далъ знать, и онъ, конечно, не укоснится, ежели уже не явился, предстать своему настоящему командиру, а тутъ, ко взаимному Вашему удовольствію, и съ Вами видѣться.

Поспѣшая о семъ Васъ увѣдомить, прошу быть увѣренными в совершеннѣйшемъ почтеніи, съ которымъ непреложно пребываю.

1776 года,
31 Марта.

КАНТЕМИРУ.

Милостивой Государь мой,

Князь Константинъ Антіоховичъ!

Сими днями получилъ я изъ Коллегіи Указъ о опредѣленіи сына Вашего въ Рязанской Карабинерной полкъ, и радуясь тому

всеискренно, чтобъ поспѣшить прервать Вашу грусть въ разсуж
деніи разрѣшенія его судьбы, далъ я въ то же самое время м
повелѣніе въ полкъ для препорученія ему онаго, но на случай ин
гда сего потери, пріобщаю тутъ дупликатъ, котораго содержани
увидите Вы изъ присоединяемой здѣсь копіи. А между тѣмъ обра
щаю сей случай, для себя собственно найпріятнѣйшій, что могу слу
жить давно Вами ожиданною вѣстью, пріемля съ своей стороны
въ сорадованіи Вашемъ истинное участіе, которое во всемъ, касаю
щемся Васъ, я всегда сохраняю съ тѣмъ непреложнымъ усердіем
и почтеніемъ, съ которыми никогда не престану быть

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою.

1776 года,
31 Марта

КАНТЕМИРУ.

Государь мой,

Князь Дмитрій Константиновичъ!

Имѣя удовольство сообщить Вамъ, что Вы, настоящимъ опре
дѣленіемъ въ Рязанской Карабинерный полкъ, входите въ Дивизію
Его Сіятельства, Графа Захара Григоріевича, радуюсь я сему искрен
но, что Вы имѣете и случай къ близкому пребыванію съ кровными
своими, особливаго усердія къ Вамъ преисполненными, изъ которых
сестрица Ваша, Графиня Анна Родіоновна, найпаче пріемлетъ в
Васъ участіе. Въ заключеніе, желая Вамъ помысльнаго здравія
благосостоянія, сокращаю сіе мое истиннымъ увѣреніемъ, что
всегда съ непремѣннымъ почтеніемъ и усердіемъ

Вашего Сіятельства

покорный слуга.

1776 года,
Апрѣля 1-го.

РАЗУМОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Кириллъ Григорьевичъ!

Благодарю всепокорно Вашему Сіятельству за присылку, при благосклонномъ письмѣ, садовника. Онъ объѣхалъ положеніе сихъ мѣстъ, и по своему искуству находитъ удобными къ обращенію на вкусъ Англійской; найдется ли, однако, во мнѣ Англичанинъ относительно издержекъ, въ томъ мы еще не снеслись и не сочлись; а думаю, что надобно будетъ, сообразно одному и другому, поступить и смѣшать Русское съ Англійскимъ. Но главный пунктъ, зависимой точно отъ Вашего Сіятельства, Вамъ и разрѣшить надобно: можетъ ли онъ иногда отлучаться для надзиранія за производствомъ своего плана, и на то мнѣ дать свое соизволеніе.

Я не сомнѣваюсь, чтобъ адресованныя на имя Ваше письма не представлялись Вашему Сіятельству отъ Батуринскаго Правленія, въ слѣдствіе повелѣній моихъ, данныхъ Почтовымъ Правленіямъ.

Надходящими днями праздника Воскресенья Спасителя нашего, усердно поздравляю Ваше Сіятельство, и желая всеискренно Вамъ со всѣми дражайшими домашними, которымъ мое почтеніе свидѣтельствую, навсегда и вездѣ всѣхъ удовольствій и самолучшаго здоровья, какъ существа всякаго добра, пребуду съ совершеннѣйшею преданностію и искреннимъ почтеніемъ

Вашего Сіятельства

всепокорнымъ слугою.

Апрѣля 1-го.

КОНДРАТЬЕВУ.

Государь мой,

Андрей Андреевичъ!

Благодарю признательно за удѣлъ изъ Вашей охоты четырехъ лебедей; и льстя себя сею Вашею благосклонностію, я смѣю просить Васъ, если тѣмъ не оскудѣетъ она, прислать ко мнѣ та-

ковыхъ же и въ Кочуровку, не въ дальнемъ отстояніи отъ Глухова положеніе имѣющую, сколько за благо Вы разсудите. Поставляя всякое меня одолженіе въ прямую цѣну, пребуду къ Вамъ съ искреннимъ усердіемъ

покорнымъ слугою.

Апрѣля 1-го

ИВАНЕНКУ.

Государь мой,

Григорій Григорьевичъ!

Благодарю признательно за Ваше меня поздравленіе съ надходящимъ праздникомъ и за всѣ деликатности, коими Вы меня обослали въ деревнѣ. Первое обращая къ Вамъ съ искреннимъ желаніемъ въ дняхъ онаго всякаго Вамъ удовольствія по мысли, оставляю я въ послѣднемъ ко времени, когда буду имѣть случай быть въ деревнѣ и въ домѣ Вашемъ, засвидѣтельствовать персонально, колико чувствителемъ я ко всякому меня одолженію, къ которому не угаснетъ никогда то усердіе, съ коимъ пребываю

покорнѣйшій слуга.

P. S. Любезной Вашей супругѣ, при засвидѣтельствованіи моего почтенія, усердное поздравленіе приношу.

1776 года,
10 Апрѣля.
Парафѣевка

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗАВАДОВСКОМУ.

Я много безпокоюсь, не имѣвъ отъ Васъ ни строки. Послѣдній пріѣзжій Князь Прозоровскій сказалъ мнѣ, что Вы немного занемогли при отъѣздѣ его, и затѣмъ писать отложили. Я сердечно желаю, чтобы лучше Вамъ времени недостало, нежели здоровья; я теперь отъ дня въ день больше познаю его цѣну надъ всѣмъ.

Гаданіе мое сбылось: Губернія и Генералъ-Губернаторъ не признаютъ отдачу сообразно съ Указомъ, и я осмѣлился адресоваться прямо къ Государынѣ и письмо къ Вамъ влагаю. Сдѣлайте

Вы въ подачѣ его, какъ найлучше разсудите: собой ли, или чрезъ Графа Григорія Александровича, къ коему я тутъ же письмо включаю, и ежели Вы послѣднее изберете приличнѣйшимъ, то отдайте сыну, чтобы онъ ему подалъ.

Съ вчерашняго дни началась только весна, ежели она надъ зимой превозможетъ, потерпѣвши отъ нея чувствительно для насъ всѣхъ. Здоровье мое требуетъ великой починки, но не знаю, откуда начать, съ ногъ ли, или головы, и чему дать отдохновеніе и пособіе? При всей слѣпотѣ дѣлать, и при всей въ ногахъ слабости ходить хочется. Соковъ употребленіе мнѣ не дается, пора ихъ не сходствуетъ съ погодою; а въ семъ обстоятельствѣ говоритъ и Бронинъ, что не принесутъ оные пользы; и такъ проживать послѣднія дни, какъ ни будь, или, лучше сказать, какъ Богъ велитъ.

Скажите про себя хотя словцо, искренно Вамъ доброхотствующему и покорному слугѣ.

---

10 Апрѣля.
Парафѣевка.

ГРАФУ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Съ одной стороны безпокоя тебя, вселюбезнѣйшій мой Другъ, толикократно, опасаюсь, чтобъ не наскучить, съ другой, знавъ тебя только же благодѣтельствующимъ мнѣ, надѣюсь, что моя прозьба найдетъ благопріятіе, провождаю симъ мое всеподданнѣйшее къ Ея Императорскому Величеству. Оно содержитъ въ себѣ прозьбу о утвержденіи владѣнія моего въ Бѣлороссіи по отдаточной описи, чего Губернія и Генералъ-Губернаторъ не признаютъ сообразно съ Указомъ, держася точно числа и названія деревень. Ты, мой всеблагайшій Графъ, бывъ въ томъ же краю владѣльцемъ, познавъ уже, я чаю, что по обращенію сей части Польши на новое основаніе, не составляется тамъ доходъ ни мало сообразный съ титломъ прежнихъ Староствъ. И потому суди, ежели съ земель сихъ новыхъ поселянъ свесть, или съ землями отдѣлить указано будетъ, коль великому разстроенію подвержется мое владѣніе, и коликія затрудненія изъ того послѣдуютъ моему хозяйству! Подвеси оное Государынѣ, и пособи мнѣ къ найчувствительнѣйшей и признательнѣйшей благодарности, съ которою всегда я пребываю сердцемъ и душею преданнѣйшимъ и всепокорнымъ слугою.

---

10 Апрѣля.

РУМЯНЦОВУ.

Графъ Михайла Петровичъ!

Петръ Васильевичъ отдастъ Вамъ сіе, и можетъ быть, и ещ
два, одно къ Государынѣ, а другое къ Графу Григорію Алексан
друвичу. Они, по содержанію, касаются моихъ владѣній; и Вы, ко
ли изберетъ онъ приличнѣе отдать Вамъ для врученія Графу Гри
горію Александровичу, скажите, что я оныя Вамъ адресовалъ,
попросите его именемъ моимъ о свершеніи полезномъ и скорѣй
шемъ, во избѣжаніе слѣдствій разорительныхъ, кои терпѣть буд
я долженъ, если сіе не приметъ желаемаго и скораго окончанія
Благодарю при томъ за увѣдомленія, къ особливому моему удовол
ствію, о Вашемъ благополучномъ пребываніи, буду, какъ и всегд
къ Вамъ съ искреннею любовію

Вашъ доброжелательный отецъ.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Въ пожалованныхъ мнѣ всемилостивѣйше отъ Вашего Им
раторскаго Величества въ Бѣлороссіи мѣстечкѣ Гомлѣ и помѣщ
ванныхъ деревняхъ съ прежними и настоящими ихъ принадлеж
ностьми, отданы мнѣ отдатчиками и поселившіяся на грунтах
оныхъ слободы; но Губернская Канцелярія, не входя въ сіи, яс
гласящія повелѣнія, держится точію числа и названія деревен
и не признаетъ сію отдачу сходною съ Высочайшимъ Указомъ В
шего Императорскаго Величества, о томъ даннымъ, а по тому и
утверждаетъ.

Я не правомъ старинаго владѣнія, ни отдачею утвержда
сіе хощу, но отъ милости Вашего Императорскаго Величества ин
Всемилостивѣйшаго подтвержденія.

Вамъ извѣстно, Всемилостивѣйшая Государыня, что по обр
щенію сей части Польши на новое основаніе, не составляется та
доходъ немало сообразный съ титломъ прежнихъ Старостъ; а
особливо ежели съ земель сихъ новыхъ поселянъ свесть, или

земель отдѣлить указано будетъ, и весьма бѣдненькимъ Старостою останусь.

Повергаю себя къ освященнымъ ногамъ Вашего Императорскаго Величества, въ глубочайшемъ благоговѣніи

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ

Г. Р. З.

Парафѣевка.
10 Апрѣля,
1776 года.

Отправлено съ Вахмистромъ Сумскаго Гусарскаго полка Николаемъ Лукинымъ.

1776 года,
10 Апрѣля.

СЕКРЕТАРЮ ЗАМЯТИНУ.

Съ симъ вмѣстѣ получите Вы и мой Ордеръ, гдѣ увидите настоящее Ваше опредѣленіе въ штатъ мой, и какъ за тѣмъ оставляетесь Вы на теперешнее время въ моей деревнѣ Кайнарджи, то и хотѣлъ бы я, чтобъ первоначально приступили Вы къ дѣлу, по предположенію нашему, касательно описанія земель и лѣсовъ, о чемъ примѣтилъ я въ моей запискѣ, данной Вамъ въ Москвѣ, въ 31-й день Генваря. А между тѣмъ изъ лучшей удобности поручаю я въ Ваше смотрѣніе тамошній мой домъ и все прочее, на что укажетъ Вамъ Карлъ Ивановичъ Г. Бланкъ, и полагаясь на Ваше искуство и бдѣніе, изъ лучшей моей къ Вамъ надежды, я всегда пребуду съ усердіемъ

Вамъ доброжелательнымъ слугою.

---

10 Апрѣля.

ВАКСЕЛЮ.

Государь мой,

Василій Савельичъ!

Я стыжусь предъ Вами, что мы кредитору и по нынѣ не заплатили: тому причина главная, что нѣтъ людей, кои искали бы сдѣлать переводъ нѣкоторой суммы въ Москву. А въ слѣдъ за

симъ я поспѣшу уже доставить то къ Вамъ въ натурѣ, чего ина ко сдѣлать мнѣ было невозможно.

Г. Замятинъ, настоящимъ опредѣленіемъ, вошелъ въ штат мой Секретаремъ, и я теперь пишу къ нему, дабы онъ по пред положенію нашему въ описаніи земель Кайнарджинскихъ съ при надлежностьми, поступилъ по запискѣ моей, которая ему дана в Москвѣ. Васъ же прошу не оставить показать ему первоначальны правила, кои наблюдать онъ долженъ въ своемъ дѣлѣ, и ми вѣрить, что я всегда съ непремѣннымъ усердіемъ

покорнымъ слугою.

1776 года,
Апрѣля 10.

ПАНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Изъ послѣднихъ Князя Николая Васильевича переговоровъ с Драгоманомъ Порты, податливости Турецкія, и по мнѣнію ихъ и на шимъ интересамъ непротивныхъ предложеній, кажется, что Турки вмѣшавъ уже одинъ разъ титло догмата вѣры, думаютъ онымъ вла дѣть Крымомъ и Татарскими народами по прежнему, а может быть и находятся въ трудности, коимъ бы добрымъ манеромъ из сего сдѣланнаго проекта выдраться.

Ваше Сіятельство связь всѣхъ дѣлъ политическихъ держа, про никнете скоро въ точную ихъ въ семъ дѣлѣ цѣль, и при всѣхъ ми ролюбивыхъ мѣрахъ, къ приведенію сего дѣла въ надобное ему по ложеніе, возметесь, конечно, за мѣры, кои превозмогутъ всю Турціи и ими составленную изъ многихъ спецій коварность.

Изъ настоящаго донесенія моего ко Двору, Ваше Сіятельств между прочимъ, примѣтите, что Турецкой, Греческой, Молдавско и Армянской языки, для посланныхъ нашихъ въ тотъ край весь необходимо нужны, но жалѣть надобно, что всѣ, ихъ знающіе, н совершенно разумѣютъ насъ, и вывозятъ изъ той страны всегда н свой вкусъ сплетенныя басни, мѣшая дѣло съ бездѣліемъ; надо но, однако же, доискиваться, чтобы ихъ различить.

Съ неограниченною преданностію и всесовершеннымъ почтеніемъ никогда быть я не престану.

P. S. Въ выполненіи Вашей коммиссіи о коровахъ кажуся я медителенъ; но сіе самое медленіе замѣнило лучшее. На ярмаркахъ въ прошломъ мѣсяцѣ, когда здѣсь въ лучшемъ самомъ видѣ показалась намъ весна, преизбыточно сего скота для продажи пригнато было; но часть великая онаго погибла отъ неожидаемой и здѣсь неслыханной метели и жестокой стужи. Впрочемъ, будьте, мой вседражайшій и милостивый Другъ, увѣрены, что я не упущу ни времени, ни случая, гдѣ только могу оказать Вамъ на услуги мою готовность.

1776 года,
Апрѣля 14.

Милостивый Государь мой,

Михайла Васильевичъ!

Сего вручитель, Ѳедоръ Дорофѣевъ, изъ села Кузьминичъ, мой мужикъ, имѣетъ дѣло свое съ Пилипономъ, Михайломъ Матвѣевымъ Крашенинниковымъ, о должныхъ симъ послѣднимъ ему деньгахъ по подрядамъ, бывшимъ между ними, чему проходитъ не малое время. Онъ доискивался уже своей претензіи у Ѳедора Матвѣевича Воейкова, куда я его было препроводилъ, но не могучи конечнаго ничего получить, опять ко мнѣ пришелъ. Бѣдное его состояніе, въ которомъ онъ, бывъ разоренъ, лишается увидѣть справедливость своего исканія, привело меня къ сожалѣнію, и я по тому принужденнымъ нашелся утруждать Вашего Превосходительства сіею моею всеприлѣжною, о показаніи ему милостиваго Вашего вспоможенія; между же тѣмъ я долженствуюсь тутъ подтвердить Вамъ и о томъ искреннемъ и непремѣнномъ почтеніи, съ коимъ всегда пребываю.

1776 года,
15 Апрѣля.

МЕЩЕРСКИМЪ.

Любезнѣйшіе и дражайшія братья и сестры мои!

Съ чувствительнымъ признаніемъ пріемлю я письма ласкательной Вашъ отзывъ, и благодарю за довѣренность, которою Вы меня почтили.

Вы награждаете оными мое усердіе, и отдаете справедливость доброхотству, коими я къ Вамъ всегда былъ преисполненъ.

Воля покойнаго Вашего родителя, и мнѣ особаго благодѣтеля была, возложить на меня точное опредѣленіе своему недвижимому и движимому имѣнію. Отвѣтъ мой къ нему, у Васъ теперь в рукахъ находящійся, докажетъ Вамъ, что я не въ стяжаніе Вашего имѣнія, но, благоугождая ему и Вамъ, на сіе поступилъ.

Слѣдуя сей его, въ Бозѣ усопшаго Вашего родителя, волѣ и Вашему расположенію, предлагаю Вамъ мои мысли, касательно раздѣла оставленнаго Вамъ имѣнія:

1. Князю Прокофью и Княжнѣ Марьѣ, при жизни еще покойнаго купленными на ихъ имя четырьмя тысячами душъ крестьянъ и удѣленными по равной части, изъ которыхъ первой имѣетъ ежегоднаго доходу шесть тысячь рублевъ, а послѣдняя пять тысячь, оставаться должно довольными, а сверхъ сего за Княжною Маріею утвердить семь тысячь рублевъ, кои на ея имя ходятъ въ процентѣ.

2. Князю Алексѣю, купленные пять сотъ душъ, да пять тысячь рублевъ, на его имя ходящіе въ процентѣ деньги, съ которыхъ доходу двѣ тысячи всемь сотъ рублевъ.

3. За тѣмъ, какъ Князь Петръ и Князь Сергѣй, ни душъ, ни денегъ не имѣютъ, а общаго имѣнія осталось, село Лотошено, въ которомъ тысяча пять сотъ душъ, то уравнить раздѣлъ такимъ образомъ: какъ Князь Алексѣй имѣетъ пять сотъ душъ, Князьямъ Петру и Сергѣю выдѣлить изъ Лотошина по пяти сотъ душъ, за тѣмъ остальные въ Лотошинѣ пять сотъ душъ, изъ которыхъ Князю Алексѣю на третью часть слѣдуетъ сто шестьдесятъ шесть душъ,

за оные имъ отдать ему по сто рублевъ за душу деньгами, и того 16,000 рублевъ.

4. Деньги наличныя и за хлѣбъ поступающія между Князьями Алексѣемъ, Петромъ и Сергѣемъ, раздѣлить, выключая Князя Алексѣя пяти тысячь рублей, чтобы, обратя оныя на покупку деревень, уравнить части недвижимаго имѣнія.

5. Касательно церкви, то состроить оную подъ тѣмъ наименованіемъ и съ тѣмъ великолѣпіемъ и утварьми, какъ преставившійся родитель Вашъ точно завѣщалъ, употребя изъ наличныхъ на то денегъ.

6. Князьямъ, Алексѣю, Петру и Сергѣю отъ своего удѣлу дать Княгинѣ Татьянѣ Черкасской и Елисаветѣ Андреевнѣ Ильиной, по три тысячи рублей, въ чемъ было соизволеніе родителя Вашего.

7. Всѣмъ дворовымъ людямъ дать свободу и снабдить отпускными.

Я, впрочемъ, весьма удостовѣренъ, что Вы, найдя сіе мое предложеніе, размѣрно для всѣхъ Васъ сдѣланное, послѣдуете сей волѣ покойнаго отца своего и моему совѣту безпрекословно, и утвердите союзъ любви между Вами къ пріобрѣтенію доброй славы въ публикѣ. Что до меня, то я навсегда съ искреннимъ къ Вамъ усердіемъ и доброжелательствомъ пребуду

Вашимъ искреннимъ братомъ и всепослушнымъ слугою.

1776 года,
Апрѣля 15.
Парафѣевка.

Государь мой,

Князь Алексѣй Васильевичъ!

Чтобъ поставить дѣла Ваши на точномъ пунктѣ, мнѣ къ сему первоначально знать нужно, коликимъ числомъ денегъ состоитъ по векселямъ, или гдѣ индѣ употреблено и отдано, по чьему по-

велѣнію и съ какими сроками, или безсрочно, и наличнымъ? О чемъ пришлите ко мнѣ вѣдомость, а между тѣмъ какъ не безъ надобности Вамъ въ деньгахъ, то вступившія, по общему совѣту, раздѣлить можете между себя по образу плана, на сіе Вамъ даннаго, какъ въ 4 пунктѣ показано.

Есьмъ съ усердіемъ.

1776 года,
18 Апрѣля.
Парафѣевка.

вокйкову.

Милостивый Государь мой,

Ѳедоръ Матвѣевичъ!

Я бы желалъ въ чемъ либо важнѣйшемъ мою готовость и искреннее желаніе къ супругѣ Вашего Высокопревосходительства оказать; но не имѣвъ лучшаго средства, должны мы за первыя тотчасъ браться, а потому, въ слѣдствіе письма Вашего отъ 15 настоящаго мѣсяца, предложилъ я Якову Васильевичу о удовлетвореніи требованія Вашего, касательно команды для Вашего препровожденія.

Жалѣю я безмѣрно, что не ускорилъ быть въ Кіевѣ до отъѣзда Вашего. Припадки болѣзненные и нѣкоторыя дѣла, меня здѣсь заставшія, удержали, и я препровождаю сіе чистосердечнѣйшимъ желаніемъ, чтобъ Ваше Высокопревосходительство съ любезною супругою, моею Ммлостивою Государынею, которой я мое почтеніе свидѣтельствую, путь Вашъ соверша благополучно, нашли все спокойствіе и удовольствіе, кои мы въ деревенскихъ забавахъ и упражненіяхъ, по мнѣнію многихъ, только существительныя и находить можемъ, и оными бы при цѣлости здоровія пользовались до послѣднихъ степеней вѣка.

Я, лаская себя пріятнымъ случаемъ Вашему Высокопревосходительству служить, можетъ быть, и въ томъ краю, увѣряю, что никто больше быть не можетъ Вамъ преданнымъ, какъ имѣющій честь ниже сего назваться

Вашего Высокопревосходительства

всепокорнымъ слугою.

1776 года,
18 Апрѣля.

ЕЛЧАНИНОВУ.

Милостивый Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Во удовлетвореніе Ѳедора Матвѣевича, прошу я Ваше Превосходительство, для его препровожденія, дать ему изъ Кіевской Рейтарской команды нѣсколько человѣкъ, которыхъ беретъ онъ до Кременчуга и обратно оттоль въ Кіевъ отправленіе на свой коштъ, пребывая съ истиннымъ усердіемъ.

18-го Апрѣля,
1776 года.

Государь мой,

Петръ Петровичъ!

Я радуюсь благополучному прибытію Вашему въ Кіевъ, и весьма похваляю тѣ предвзятыя мѣры, кои Вы съ извѣстнымъ человѣкомъ положили для корреспонденціи.

Что же лежитъ до моего туда пріѣзда, то о томъ прямаго ничего сказать не могу, удерживаемъ будучи въ семъ мѣстѣ неоконченными еще дѣлами и разными болѣзненными припадками, которые противустоятъ моимъ расположеніямъ.

Никогда не престану я быть съ усердіемъ

Вашимъ покорнымъ слугою.

1776 года,
25 Апрѣля

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗАВАДОВСКОМУ.

Неожидаемое случается часто, а предчувствованіе сказываетъ также не рѣдко. Я неумѣю пересказать, что со мною дѣлалось и въ снахъ видѣлось во все это время; но меньше всего, хотя бы и желалось, я считать могъ на предстоящій мнѣ случай скораго

позыву, будучи вовсе въ разслабленіи, и такъ сказать, стеня подъ самымъ легкимъ бременемъ дѣлъ, кои я здѣсь съ нуждою отправлялъ; но повинности и послушанію слѣдуя, я имѣть скоро буду удовольствіе Васъ видѣть, слѣдственно, изустно сказать о моемъ къ Вамъ усердіи, съ коимъ я непреложно пребываю.

P. S. Я не успѣлъ отблагодарить Принцу Генриху, думая лично сіе исполнить

Всемилостивѣйшая Государыня!

Я не успѣлъ возблагодарить Вашему Императорскому Величеству за Всемилостивѣйшее, отъ 10 настоящаго, за болѣзненнымъ припадкомъ, мнѣ приключившимся, какъ получаю другое въ самомилостивѣйшихъ выраженіяхъ, и, не взирая на мою болѣзнь, коей ради я заѣхалъ, по пути къ Кіеву, въ сію деревнишку, и тутъ по сей день проживалъ, поспѣшу, какъ найскорѣе, имѣть щастіе пасть къ ногамъ Вашего Императорскаго Величества.

25 Апрѣля,
1776 года.

Отправлено съ Кабинетнымъ Курьеромъ Усовымъ.

1776 года,
25 Апрѣля.

Государь мой,

Григорій Григорьевичъ!

Благодарю Вамъ за письмо Ваше, коимъ препроводили Вы описаніе мельницѣ Добренизскаго, и какъ я не знаю, отъ него ли мнѣ достать оную, или отъ Вишневскихъ, и за какую цѣну, прошу потомъ сказать мнѣ на сіе Ваше мнѣніе. Вмѣстѣ съ симъ получа попоны подъ моимъ гербомъ, благодарю опять съ полною признательностію Вамъ и дражайшей супругѣ Вашей за оныя, употребленіе которыхъ послужитъ мнѣ во времени всегдашнемъ за знакъ особливой Вашей благосклонности. Что же до лошадей, то я оныхъ столько имѣю, что не знаю, гдѣ ихъ сбратить, и ради

го не подумайте Вы съ дурной стороны изъ причинъ отправле-
я ихъ къ Вамъ обратно, а пребывайте въ томъ удостовѣреніи,
о я, возымѣвши къ Вамъ истинное почтеніе, пребуду всегда не-
ложно съ усердіемъ и доброжелательствомъ

Вашимъ покорнымъ слугою.

1776 года,
27 Апрѣля.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Ермолаевичъ!

Благодарности чувствительной бывъ къ Вамъ преисполненъ
благосклонныя и дружескія Вами меня одолженія и увѣдом-
нія, я ласкалъ себѣ пріятною надеждою скоро видѣться съ Вами
лично засвидѣтельствовать въ томъ признательность мою най-
мышую, но въ сіе самое время, когда я такъ располагалъ, по-
училъ отъ Двора Всевысочайшее повелѣніе, чтобъ поспѣшить,
ико можно, моимъ туда прибытіемъ. Чему повинуясь, я отда-
юсь опять отъ мѣстъ сихъ, а слѣдственно, и отъ возможности
идѣться съ Вами; но никогда не буду далекъ отъ надежды, что
ы всегда пребудете ко мнѣ въ равномъ положеніи, и въ томъ
достовѣреніи, что я къ Вамъ во всю жизнь непреложно съ от-
ичнымъ почтеніемъ и усердіемъ пребуду

Вашего Превосходительства.

всепокорнѣйшимъ слугою.

P. S. Прошу приложенное при семъ письмо къ Осипу Ан-
реевичу скоро и вѣрно доставить, и если бы были какія отъ не-
о ко мнѣ, сіи препровождать въ Кіевъ къ Якову Васильевичу,
ораго просилъ я особливо о дальнѣйшемъ таковыхъ доставленіи.

1776 года,
Мая 1 дня.

ЗАВАДОВСКОМУ.

Государь мой,

Иванъ Васильевичъ!

Видѣвъ изъ письма Вашего, отъ 27 Апрѣля, что дѣла наши
Гомельскія пріемлютъ совсѣмъ другой видъ противу ожиданія, я

не могу, по причинѣ скораго моего отсель отбытія въ С.-Петербургъ, сказать Вамъ что либо точное къ принятію потребныхъ мѣръ, оставляя нѣкоторымъ образомъ и для переду Васъ увѣдомить, что въ семъ обстоятельствѣ предпринять. По положимъ такъ если бы сіи мѣста, кои Всемилостивѣйше пожалованы мнѣ для увеселенія, и отошли изъ моего владѣнія, то какъ я тамъ не былъ и ничего еще не видѣлъ, не много для меня будетъ оставить ихъ опредѣленію другова. При семъ прилагаю, согласно К нашему мнѣнію, къ Михайлѣ Васильевичу Каховскому, и Вамъ да на волю дѣлать все то, что за лучше найдете; мнѣ, впрочемъ, вѣрте, что я вѣчную благодарность и признаніе ко всякому одолженію сохраняя, пребуду съ непремѣннымъ усердіемъ.

1776 года,
Мая 1 дн[illegible]

КАХОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Михайла Васильевичъ!

Въ отвѣтѣ Вашемъ къ Ивану Васильевичу Завадовскому [illegible] его къ Вамъ письмо, находя нѣчто о будущемъ разженіи, не могу заключительно ничего положить въ пунктѣ отходящихъ по мнѣнію Вашему, правильно, въ Гомельскомъ уѣздѣ нѣкоторыхъ поселившихся слободъ, ибо въ томъ самомъ Всевысочайшемъ повелѣніи, на которое Вы ссылаетесь, именно сказано, со всѣми древними принадлежностьми; и по сему выходитъ, когда не утвердить оныхъ въ число прочихъ, такъ уже остается послѣдне чтобъ вновь поселившихся перевесть на другія мѣста, а сіи поставить, въ слѣдствіе Всемилостивѣйшаго соизволенія, присоединенными къ отходящимъ въ мое владѣніе. Изъясненіе сіе дѣлаю Вашему Превосходительству въ надѣяніи на Вашу дружбу и благосклонность, къ которой сохраню я непреложно истинное почтеніе и преданность, пребывая

Вашего Превосходительства.

1776 года,
Мая 1-го дня.
Черешенки.

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗАВАДОВСКОМУ.

Со мною пословица и чужая и прямо Русская сбылись, что помаленьку спѣшить, или, что тише ѣдешь, далѣе будешь. Я, къ скорою только разнообразныя учрежденія, коими занятъ былъ, особливо на извѣстныя пріуготовленія военныя, окончилъ, 28 выѣхалъ изъ Парафѣевки на перемѣнныхъ повозкахъ, оставя свои въ Москвѣ, возвращаясь на саняхъ и подымаясь въ Кіевъ на вольныхъ своихъ фурахъ, и проѣхавши Батуринъ, одинъ очутился. все, что я ни имѣлъ, лежало по дорогѣ поломанное, и былъ цѣлыя сутки безъ всего, и принужденъ, заѣхавши въ Вишеньки, въ духовъ послать купить кибитокъ, но и тутъ не нашли новыхъ, а старыя какія-то починиваетъ Иванъ Яковлевичъ. Я послѣ завтра отсюда поѣду, самъ хуже всѣхъ своихъ повозокъ, и берегу себя меньше оныхъ, и безъ починки, которую я себѣ сокаи предполагалъ, ущаюсь на все, но какъ куріеру ѣздить, вижу, что уже мнѣ вовсе невозможно. И я хотѣлъ Васъ о семъ предварить.

Изъ письма Вашего я не знаю, не преложилась ли радость, мнѣ предстоящая, на общую печаль? и какъ я не имѣю ничево нельзянова, то прошу Васъ Еразмусу портному приказать сдѣлать, по прежденію и классу, цѣлое ли платье, или камзолъ, и флеру надобное количество аршинъ приготовить.

Третьяго дни, я проѣхалъ Батуринъ, и мнѣ показалось, что онинъ, какъ бы по великихъ и трудныхъ подвигахъ, наслаждается отличнымъ покоемъ и увеселеніемъ. Къ слову увеселеніе: скажу Вамъ, что я сегодня отвѣчалъ Вашему брату, Ивану Васильевичу, на вопросъ: что ему дѣлать съ слободами, поселенными на грунтахъ пожалованныхъ, которые не только отобрать, но и межевать предъявляется: «Какъ мнѣ сіи имѣнія точно на увеселеніе пожалованы, коими я, однако жъ, понынѣ не пользуюся, слѣдовательно, могутъ Господа, тамо управляющіе, если не хотятъ обождать вышняго рѣшенія, дѣлать, что хотятъ, къ моему небольшому огорченію.

Я пребуду съ обыкновеннымъ усердіемъ навсегда

покорнымъ слугою.

1776 года,
Мая 2 дня.

Государь мой,

Никита Яковлевичъ!

Садовнику, который въ Парафѣевку пріѣзжать будетъ не р
ко, опредѣляю я содержаніе равное тому, какъ было то при ни
и каждый день къ столу одну бутылку Волошскаго вина, о че
прикажите Вы, кому слѣдуетъ, дабы по сему исполнено было.

P. S. Выбравъ изъ числа буйволицъ трехъ, кои получше,
одного бугая, отправьте оныхъ, при своемъ письмѣ, къ Г. Маіо
Гагштейну, сказавъ въ семъ, что оныя посылаются отъ меня д
заводу Его Сіятельству, Графу Кириллѣ Григоріевичу.

1776 года,
Мая 8 дня.

КНЯЗЮ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Благодарю Вамъ, вседражайшій мой Другъ, за письмо Ваш
которое получилъ я съ куріеромъ Военной Коллегіи, и за сооб
щенный мнѣ онымъ дипломъ, данный Вамъ на Княжество, ка
за знакъ особливой Вашей ко мнѣ дружеской благосклонност
къ которой преисполненъ я чувствительнѣйшаго признанія. В
пути моемъ, въ семъ мѣстѣ, получилъ я куріера отъ Петра Абр
мовича Текелли, отправленнаго къ Вамъ, который препроводи
и ко мнѣ репортъ Г. Генерала-Маіора Берцова, при всеподданнѣ
шей моей, съ симъ провождаемый, и считая, что и къ Вамъ ес
одинаково же содержанія, о томъ умалчивая, и между тѣмъ
ставляя времени большее изъясненіе найсовершеннѣйшей моей пр
данности пріятнѣйшему свиданію съ тобою, мой вселюбезнѣйш
Князь, хотя нечаянному, но скорому персональному, пользуюсь
въ семъ разѣ сказать только, что я не преложно сердцемъ и д
шою пребуду во всѣ дни жизни всепокорнымъ слугою.

1776 года,
Мая 9 дня.

АЛЕКСАНДРУ АНДРЕЕВИЧУ БЕЗБОРОДКУ.

Князь Кантакузинъ, знавъ мое съ Вами положеніе, просилъ моего къ Вамъ письма, считая, что дѣла его съ онымъ лучшій успѣхъ возымѣютъ. Вы, знавъ ревностное его усердіе къ службѣ, и безъ сего, конечно бы, не отказались за него вступиться; но я, не могучи ему по справедливости отказать, прошу Васъ всеприлѣжно, въ одолженіе и мнѣ, приложить по поданнымъ отъ него челобитнымъ Ваше стараніе, чтобъ былъ онъ взысканъ Монаршимъ благопризрѣніемъ по его лучшимъ заслугамъ.

Въ печальномъ Вамъ приключеніи, въ потери драголюбезной сестрицы Вашей, какъ участвующей во вседомовномъ Вашемъ благосостояніи, искренно сожалѣя, желаю, чтобы, въ подкрѣпленіе и утѣшеніе Вашихъ престарѣлыхъ родителей, наградилась сія утрата другими дому Вашему благополучіями.

Пребываю какъ и всегда покорнымъ слугою.

16-го Мая,
1776 года.

ПОТЕМКИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Григорій Александровичъ!

Зная Васъ пріемлющимъ всякую докуку съ удовольствіемъ, гдѣ Вы только можете оказывать благодѣяніе Ваше, ласкаю себя, что Ваша Свѣтлость примите и сіе мое прошеніе снисходительно. Г. Борзовъ, какъ свѣдомо уже Вамъ изъ его предыдущаго, отъ 25 прошлаго Генваря, по запросу главнаго Коммисаріата, считая себя какъ бы исключеннымъ изъ числа состоящихъ въ службѣ на окладѣ, все относитъ ко мнѣ, что я главною виною пребыванія его въ отдаленномъ, невыгодномъ и безпокойномъ краю, не зная, что опредѣленъ онъ больше по Вашему выбору, нежели очереди.

2-е. Командиръ части Донскихъ войскъ, Г. Подполковникъ Денисовъ, службою и дѣлами своими отличавшійся въ минувшей войнѣ съ Оттоманами, къ благопризнанію многихъ, коего, я чаю,

не съ другой стороны лично и Ваша Свѣтлость знаете, по претерпѣніи тяжелыхъ ранъ и разныхъ невыгодъ, остается, при всемъ томъ, и по нынѣ не довольно награжденнымъ противу другихъ, не толь съ ревностнымъ рвеніемъ подвизавшихся, заслуживаетъ отмѣнное Ваше благоволеніе, коего я покровительству Вашему препоручаю.

3-е. По Всевысочайшему соизволенію приступая къ формированію полковъ изъ Малороссійскихъ Компанѣйскихъ, въ самомъ почти началѣ не оставилъ я сдѣлать тому плана, но оный нынѣ не можетъ быть не нарушенъ, когда я на три мои представленія въ Государственную Военную Коллегію, объ отпускѣ на оные надлежащей суммы, ничего въ отвѣтъ не имѣю, и въ слѣдъ за настоящимъ ко мнѣ рапортомъ, конечно получу, къ сожалѣнію, новѣйшее извѣстіе, что они, если не вовсе, то во многомъ числѣ, разбѣгутся, не могучи сносить наготы, которой они теперь все бремя чувствуютъ.

КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ.

Г-нъ Касперовъ, сослуживши намъ, чувствуя изнеможеніе и неудобность, по его домашнимъ обстоятельствамъ, быть удалену отъ его имѣнія, желаетъ помѣщенъ быть въ округѣ своемъ, и именно, на Комендантское мѣсто въ Кизлярскъ. Знавъ онъ Васъ мнѣ особымъ благодѣтелемъ, искалъ моего ходатайства. Я же, находя состояніе его съ желаніемъ совмѣстнымъ, и что онъ къ тому краю нѣкоторыя и надобныя имѣетъ способности, прошу покорнѣйше Васъ, моего милостиваго и вседражайшаго Друга, пристроить его симъ мѣстомъ. Но ежели болѣзнь моя лишила меня удовольствія видѣть моего милостиваго Князя, то ласкаю себя, по явленію моему на свѣтъ, что онъ не возбранитъ мнѣ, по моей къ нему привязанности, докучать себѣ и устно иногда, а между тѣмъ съ душевною къ нему преданностію пребуду.

ВЕЗБОРОДКУ.

Г-нъ Панинодарюсъ понуждаетъ меня неотступно ходатайствомъ у Васъ о предложеніи, куда слѣдуетъ, по Всевысочайшемъ о немъ опредѣленіи. Вы его метафоры знаете, и мнѣ сдается, что онъ все

еще больше ожидаетъ, нежели какъ я слышу. Успокойте Вы его сообщеніемъ, куда надлежитъ, Всевысочайшей воли, и ежели возможно, и мнѣ дайте знать, чтобы я его меланхоличныя думы своими ипохондрическими убѣжденіями дистрактовать могъ.

16 Мая, 1776 года.

СЕРГѢЮ МАТВѢЕВИЧУ КУЗЬМИНУ.

Титло званія моего обязываетъ меня быть ходатаемъ за обывателей края. Сего вручитель, имѣя дѣло въ рукахъ Вашихъ и ожидая съ терпѣніемъ правосудія, но по крайнему изнеможенію принуждается искать пособія и цѣлѣнія отъ врачей и водъ иностранныхъ, и желая натурально одержать рѣшеніе до отбытія, просилъ меня о препорученіи его Вамъ. Я знаю, что доброхотствовать ему Ваше дѣло, а Вы вѣдаете, что и докучать не мое; но по вышеизъясненнымъ и мнѣ отъ части вѣдомымъ обстоятельствамъ, и ласкаю себя, что Вы удовлетворить нуждѣ сего просителя не откажитесь, и отдадите справедливость тому расположенію, съ каковымъ душевно къ Вамъ, при семъ, пребудетъ.

16 Мая, 1776 года.

Мая 24 дня.

ИВАНУ ПЕРФИЛЬЕВИЧУ ЕЛАГИНУ.

Знавъ твое, мой вседражайшій Другъ, доброхотное расположеніе благодѣтельствовать людямъ, и будучи убѣжденъ обстоятельствами вручителя сего, дѣла свои имѣющаго въ Канцеляріи Главной Дворцовой, который для того и живетъ теперь здѣсь, схотѣлъ я въ пользу его у Васъ ходатайствовать о милостивомъ Вашемъ пособіи, и не сомнѣвансь, чтобы не оказали Вы ему оное, пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою преданностію.

(NB. О Капитанѣ Игнатьевѣ.)

1776 года,
Іюня 12 дня.

Милостивая Государыня моя,

Элеонора Андреевна!

Имѣвъ удовольствіе получить письмо Ваше, при которомъ присоединили Вы другое, я крайне сожалѣю, что не могу оказать моей готовости на удовлетвореніе требованій Вашихъ. Пребываніе мое въ семъ мѣстѣ на короткое весьма время не дозволяетъ мнѣ изыскать къ тому средства, ибо я могу сказать, что живу тутъ только въ проѣздѣ; а потому и льщу себѣ, что Вы меня съ стороны сей оправдаете; но какъ уже то не въ моей возможности, такъ хотя позвольте мнѣ въ заключеніи пожелать Вамъ мысленно поправленіе настоящихъ обстоятельствъ Вашихъ на лучшія, и чтобы сіе застало Васъ въ совершенномъ выздоровленіи отъ припадка болѣзненнаго, Вамъ случившагось, а между тѣмъ и удостовѣрить, что я непреложно съ почтеніемъ и усердіемъ пребываю.

1776 года,
13 Іюня.

Милостивый Государь мой,

Графъ Петръ Ивановичъ!

Съ особливымъ удовольствіемъ получилъ я Ваше всепочтеннѣйшее, милостивый мой Графъ! Вы изъ времени, я чаю, познали, колико стараюсь я о сохраненіи непрерывномъ Вашей ко мнѣ дружбы, и колико ищу я случаевъ для оказанія Вамъ моего взаимства. А потому и судите, коль мнѣ прискорбно, что не могу, въ семъ особливо разѣ, выполнить воли Вашего Сіятельства, касательно помѣщенія въ Штабъ Г. Татищева. Онъ засталъ меня почти уже на дорогѣ, и я не могъ больше для него сдѣлать, какъ дать время прожить на свободѣ, до моего возвращенія, въ которое буду стараться очистить для него мѣсто, и тѣмъ Васъ удостовѣрить, что я выполненіе требованій Вашихъ поставляю первымъ для себя обязательствомъ, бывъ съ безпредѣльною преданностію и отличнымъ почтеніемъ

Вашего Сіятельства

всепокорнымъ слугою.

1776 года,
24 Августа.

Милостивый Государь мой,

Графъ Александръ Петровичъ!

Ниѣвъ сообщеннымъ письмо Ваше къ Графинѣ, женѣ моей, читалъ я оное, и сличая въ соображеніи полезнаго съ увеселительнымъ и въ небольшой суммѣ состоящее, хочу я Вашему разсужденію въ точности послѣдовать. А потому прошу всепокорно средней прудъ до чистаго грунта выкопать и отсыпать островъ приказать, но берега, не теряя виду нынѣшняго вкуса, коль можно, отложѣе дѣлать и устлать дерномъ такъ, чтобъ опые казались натуральными и толь больше для зрѣнія пріятными.

Въ заключеніе позвольте мнѣ, мой Милостивый Графъ, принесть Вамъ мою найпризнательнѣйшую благодарность за труды Ваши, которыми должите Вы меня безотплатно, и удостовѣрить Васъ въ истинной преданности и отличномъ почитаніи, съ которыми никогда не престану быть.

1776 года,
24 Августа.

ВАКСЕЛЮ.

Государь мой,

Василій Савельевичъ!

Отлучка моя отсель въ Берлинъ извиняетъ меня нѣкоторымъ образомъ предъ Вами, что я умедлилъ принесть Вамъ мою всепокорнѣйшую благодарность за письмо Ваше, отъ 14-го Апрѣля, и найпаче за труды по моимъ коммиссіямъ. Найдя въ ономъ пользы многія, касательно обмѣну заимообразно съ Княгинею Натальею Александровною, по селу Торочаиъ спорныхъ луговъ, я соглашаюсь въ томъ съ Вами, и прилагаю при семъ мое особливое къ Матисову, по Вашему требованію, пребывая, впрочемъ, съ непремѣннымъ и отличнымъ усердіемъ.

1776 года,
26 Августа.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Васильевичъ!

Въ проѣздъ мой чрезъ Данцигъ, гдѣ имя Вашего Превосходительства съ похвалою во многихъ еще въ лучшей памяти пребываетъ, видѣлъ я Доктора Шварца, который просилъ меня особливо, отъ его имени, засвидѣтельствовать Вамъ поклонъ, и Доктора же Италіянскаго, возвращающагося въ свое отечество, кой, я думаю, будетъ имѣть удовольство въ скоромъ времени лично Васъ видѣть. Я, пользуясь симъ случаемъ объявить Вамъ о томъ, обращаю оный и для себя, всепокорнѣйше прося отдать мой поклонъ дражайшей Вашей супругѣ, Милостивой Государынѣ моей, и по Коммисіи отдаточной не оставить показать Вашего пособія о скорѣйшемъ свершеніи дѣлъ въ оной. Въ ожиданіи же всеприятнѣйшаго времени персонально Васъ увидѣть, останусь я навсегда неизложно съ истинною преданностію и отличнымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства

покорнымъ слугою.

P. S. Всѣмъ Гг. сочленамъ всепокорно кланяюсь.

1776 года,
13 Сентября.

РУМЯНЦОВУ.

Графъ Михайло Петровичъ!

Благодарю Васъ за два письма Ваши, кои я исправно получилъ удовольствіе имѣлъ, равномѣрно и за трудъ, который Вы по моимъ хлопотнымъ коммисіямъ подъемлете, и ласкаю по послѣднему, что и трудности, которыя Вамъ настояли въ удовольствіи моихъ кредитовъ, въ разсужденіи червонной монеты, Вы нашли способы изъять. Я желаю Вамъ взаимно въ благоугодность все возможное всегда дѣлать, съ совершеннымъ къ Вамъ доброжелателствомъ пребуду.

P. S. Г. Гриму мое почтеніе, а братцамъ Вашимъ мой поклонъ.

1776 года,
13 Сентября.

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЗАВАДОВСКОМУ.

Я начинаю тѣмъ, чѣмъ Вы, мой любезный Другъ, Ваше окончили, и не жалѣть объ Васъ, но желать сердечно, чтобы припадокъ лихорадки послужилъ Вамъ, сходственно лѣтамъ и сложенію Вашимъ, по заключенію общему медиковъ, на возобновленіе лучшее здоровья. Что прѣзжій пищетъ водвориться, я не сомнѣваюсь. Онъ имѣетъ къ тому много способностей, но не знаю, умѣетъ ли утвердиться. О свадьбѣ, мой любезный Другъ, прошу найскорѣе мнѣ дать знать о точно назначенномъ времени, а ежели можно, и о днѣ оныя. По письму жены моей, 21-го числа настоящаго, должна быть, а здѣшнія вѣдомости полагаютъ ея въ половинѣ будущаго мѣсяца. Мнѣ и тамъ быть, и здѣсь, сколько можно, долѣе пожить хочется. Тутъ не скучно; гостей больше, нежели бы и желалось, а упражненіямъ забавнымъ или хозяйскимъ лишняго времени также нѣтъ.

По дѣламъ сообщеннымъ, къ сожалѣнію, нахожу, что тамъ не такъ гладко идетъ, какъ бы желалось, и все, что новое, то странное является, чему издалека трудно подавать пособіе. Мнѣ кажется, что и согласіе не лучшее между командиромъ и подчиненными; я, однако же, не оставлю дать мои совѣты, но жалѣть надобно, что все сіе съ упущеніемъ времени дѣлается; и мое мнѣніе симъ больше утвердить долженъ, сколь не удобно заочно и въ отдаленіи всякому, частію управляющему, точно поступать.

Заключаю сіе истиннымъ удостовѣреніемъ, что я непреложно съ искреннымъ усердіемъ пребуду

покорнымъ слугою.

1776 года,
Сентября 13.

КНЯЗЮ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Присоединяю къ сему прошеніе одного моего сосѣда, Барона Лаудона, коего подлинно бѣдственное состояніе и болѣзни поставляютъ въ невозможность продолжать свою службу болѣе; и я не

въ видѣ прозьбы о семъ, ниже какова либо исканія, о немъ говорю, но знавъ моего вседражайшаго Князя добротворящимъ, изъ одного сожалѣнія вступаюсь объ немъ сказать слово. Онъ уже подавалъ къ полковымъ дѣламъ челобитные, но тѣ или оставлены безо всякаго примѣчанія, или утеряны на почтѣ, и онъ ничего не получалъ. Пособи ему, мой вселюбезный Другъ, чтобъ онъ уволненъ былъ въ отставку съ чиномъ Оберъ-Офицерскимъ, и до того, дабы безопасно прожить здѣсь было ему можно, дать пашпортъ. Пользуюсь, впрочемъ, симъ случаемъ, въ ожиданіи всепріятнѣйшаго для меня часа персонально увидѣться съ Вами, повторяю чрезъ сіе о непреложномъ и истинномъ усердіи, съ коимъ пребываю сердцемъ и душою преданнѣйшій

покорный слуга.

1776 года,
13 Сентября.

ПАНИНУ.

Милостивой Государь мой,

Графъ Никита Ивановичъ!

Преисполненъ всесовершеннѣйшаго признанія къ многимъ доказательствамъ дружбы драгоцѣнной Вашей, мой Милостивый Графъ, и моего къ Вамъ усердія и преданности, не равнодушно я смотрѣлъ на печальныя Ваши приключенія, но соболѣзнуя съ Вами, желалъ, чтобы Вы, мой вселюбезнѣйшій Другъ, послѣдній и для Васъ весьма чувствительный случай съ великодушіемъ и цѣломудріемъ, Вамъ свойственнымъ, приняли, и чтобы впредь не коснулось Васъ ни малое злоключеніе, а при спокойствіи душевномъ пожили бы во всѣхъ удовольствіяхъ до самопозднѣйшихъ временъ.

Господинъ Татищевъ записалъ меня въ деревнѣ, куда укрылся я на нѣкоторое время для отдохновенія; и мнѣ весьма жаль, что онъ потрудился пріѣхать въ такое мѣсто, въ коемъ нѣтъ со мною Канцеляріи, справокъ и порядка въ дѣлахъ, надобнаго, чтобъ удовлетворить Вашему объ немъ ходатайству, въ слѣдствіе моего обѣщанія. За пріѣздомъ въ городъ я постараюсь для него сдѣлать все, что будетъ возможно, а къ тому времени, пока возму я путь

въ Украину, увольняю я его въ домъ, и съ симъ отправляя обратно, пользуюсь найлучшимъ случаемъ повторить Вамъ о моемъ непреложномъ усердіи и почтеніи безпредѣльномъ, съ коими никогда не престану быть.

1776 года,
14 Сентября.

Милостивый Государь мой,

Аврамъ Ивановичъ!

Предшедшаго Вашего, о коемъ упоминаете Вы въ послѣднемъ всепріятнѣйшемъ, не имѣлъ я удовольствія получить. Станется, что оное во время моей отлучки изъ Россіи, осталось, гдѣ ни есть въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ не знаютъ еще и нынѣ навѣрно о моемъ возвращеніи. Г-на Шица прошу удостовѣрить, что докладъ Ея Величеству объ немъ при мнѣ поднесенъ, и на оной вышла резолюція, согласная съ его желаніемъ; что послѣ просилъ я Князя Григорія Александровича, дабы о его опредѣленіи приказалъ онъ въ Военной Коллегіи, и что по тому не остается уже ему болѣе, какъ ожидать изъ оной указа, по которому узнаетъ онъ, куда его причислено будетъ. Между тѣмъ пользуюсь я въ семъ разѣ обратить случай сей и себѣ собственно во изъявленіе непреложнаго почтенія и истинной преданности, съ которыми всегда пребываю.

1776 года,
21 Сентября.

ФАТОВУ.

Почтенный Господинъ Депутатъ Вяземскаго Шляхетства,
особливый мой пріятель!

Благодарности и признанія исполненъ я къ одолженію Вашему, которое въ толь короткое время моего знакомства съ Вами восхотѣли Вы явить мнѣ присылкою рыбъ. Но сіи, или неосторожностію нарочнаго, или же по настоящему времени, къ тому еще неудобному, не всѣ ко мнѣ привезены живы, ибо изъ числа оныхъ 14 уснули, и я получилъ только 6, коихъ тотъ же часъ и пустилъ въ прудъ. Быть легко сіе можетъ и отъ того, что бочка, въ которую положены оныя, поставлена вдоль на телегѣ, и

они съ движеніемъ оной, конечно дотрогиваясь ко дну головами чувствовали отъ того всю боль; но если бы оная положена была на стороны, чтобы они, качаясь съ боку на другой, не столь в ликой вредъ имѣли. Для меня было бы непростительно, когда б я въ слѣдъ за тѣмъ началъ утруждать Васъ моими просьбами; и имѣя къ тому поводомъ Ваше позволеніе, прошу Васъ, по лучше му для того времени, способами, Вамъ извѣстными доставить к мнѣ оныхъ еще нѣсколько, такъ же не позабыть и о деревьяхъ подавъ мнѣ коммисію къ пріятному взаимству, вѣрить, впрочем о мнѣ, что я всегда буду съ искреннимъ усердіемъ

Вашимъ доброжелательнымъ слугою

---

21 Сентября.

ЛУНИНУ.

Государь мой,

Петръ Михайловичъ!

Отправляя къ Вамъ людей и лошадей Вашихъ, повторяю Вам и симъ еще признательную мою благодарность за благосклонно Ваше меня одолженіе всѣми благими, и льстя себѣ открыть пут чтобы средствомъ онаго оказать мое Вамъ взаимство при первом случаѣ, на тотъ щетъ прошу Васъ прилѣжно, по отзыву Г. Ф това, коего просилъ я о карпахъ и фруктовыхъ деревьяхъ, пос бить мнѣ въ лучшемъ оныхъ сюда доставленіи, и вѣрить межд тѣмъ искреннему моему усердію, съ которымъ никогда быть н престану

Вашего Высокоблагородія

покорнымъ слугою.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Чтобы не задержать сочиненія, Всемилостивѣйше мнѣ сообщен ныя, по невозможности сегодня самому предстать, при семъ Ва шему Императорскому Величеству поднося оныя, осмѣливаюсь увѣ рить, что всякое употребленіе меня на службу Вашу доказывает

мѣ Вашу милость и довѣренность, и я на нихъ больше, нежели на искуство, или щастіе, полагаясь, при доброхотномъ моемъ расположеніи, и въ добрыхъ успѣхахъ не сумнѣваюсь.

Пребываю со всеглубочайшимъ Высокопочитаніемъ.

5 Октября,
1776 года.

1776 года,
16 Октября.

ВЕСЕЛИЦКОМУ.

Искренняго признанія и благодарности я исполненъ предъ Вами за пріятное водвореніе меня въ Кіевѣ; но слабость моего здоровія и самая отдаленность не позволяютъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ вкусить толь лестнаго удовольствія скоро, каково могу я воображать по мѣсту тамошнему. Жалѣть можно, да пособить трудно. Впрочемъ же, не всегда сбыточно бываетъ, что иногда мы для переду полагаемъ, однакъ вѣрно уже то конечно, что я всегда пребываю непреложно съ отличнымъ усердіемъ

Вашъ покорный слуга.

P. S. Якову Васильевичу и всѣмъ моимъ знакомымъ, духовнымъ и свѣтскаго чина, всепокорно кланяюсь.

1776 года,
6 Ноября.

Марья Васильевна,

Княжна Мещерская!

Благодарю Вамъ, дражайшая Сестрица, за сообщеніе мнѣ о выборѣ Вашемъ къ замужству Василья Николаевича въ женихи, и желая всеискренно къ взаимному удовольству, присоединяю здѣсь мою прозьбу взять на себя трудъ засвидѣтельствовать будущему моему зятю особливое мое почтеніе. Сіе, по препорученію отъ меня Вамъ, конечно, для него будетъ не непріятно отъ Васъ услышать. Что же до меня, я, сохраняя навсегда къ Вамъ мою чистосердечную преданность, пребываю, какъ и всегда, съ истиннымъ сердіемъ доброжелательнымъ братомъ и покорнымъ слугою.

1776 года,
7 Ноября.

ЕЛЧАНИНОВУ.

Милостивый Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Преисполненъ я признательнѣйшей благодарности за письмо Вашего Превосходительства, которое имѣлъ я удовольство получить, и такъ какъ уже возвратившійся изъ того свѣта, я всему тому вѣрю, о чемъ есть въ ономъ Ваше дружеское изъясненіе; нѣтъ также сомнѣнія и въ томъ, что Вы жалѣли о моемъ отсель переселеніи; но что до Вашего желанія водворить меня въ Кіевѣ я, конечно, упредилъ бы, можетъ быть, оное моимъ къ Вамъ прибытіемъ, если бы не припадокъ болѣзненный, а за тѣмъ и наступившая стужа одновременно почти соединившись, меня здѣсь задержали. Постараюсь, однако жъ, при всемъ томъ будетъ сносна погода, для слабости моего здоровія, сократить время, дабы поспѣшить мнѣ имѣть то удовольство при персональномъ свиданіи чтобы Васъ обнять и увѣрить о непреложномъ усердіи и отличномъ почтеніи, съ которыми никогда быть не престану.

P. S. Всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ чинамъ, при засвидѣтельствованіи моего особливаго почтенія, нижайшій поклонъ.

1776 года,
7 Ноября.

Государь мой,

Петръ Петровичъ!

Отвѣчая симъ на письмо Ваше, такъ такъ возвратившійся опять изъ другова свѣта въ сей, я начинаю моею премногою благодарностію за сожалѣніе Ваше, которое Вы обо мнѣ имѣли, надѣяся безповоротно увидѣть меня когда либо; а между тѣмъ пользуюсь тутъ и удостовѣрить Васъ, что я, не только живъ, но стараюсь еще, при помощи лучшаго времени, моимъ разстроеннымъ силамъ, увидѣться съ Вами персонально и доказать, что я всегда съ искреннимъ усердіемъ пребываю

Вашего Высокоблагородія

покорнымъ слугою.

1776 года.
Ноября дня.

ПАССЕКУ.

Милостивый Государь мой,

Петръ Богдановичъ!

На сихъ дняхъ получилъ я увѣдомленіе, что находившійся в управленіи Гомельскою моею экономіею, Шляхтичъ Сабанскій, в послѣдовавшему изъ Верхняго Земскаго Суда 1-го Департамента, все по неизвѣстному мнѣ обстоятельству, въ Уѣздный Велицкій дъ Указу, присланными Капитаномъ Исправникомъ Онуфріемъ жицкимъ, Ассесоромъ Николаемъ Леоновичемъ съ бывшими при къ пятью человѣками, съ обнаженными тесаками солдатъ, взятъ в дому моего подъ караулъ и отправленъ въ Уголовную Палату. хотя я лучше себѣ воображая, долженъ ожидать, что ежели показано ни ко мнѣ, ни къ дому моему, отъ Судей въ томъ слуѣ ни малаго уваженія, то обережено, по крайней мѣрѣ, мое имѣе и не оставлено на расхищеніе и безгласное отысканіе безъ всяй описи и предохраненія, предписываемыхъ на таковые случаи ложами.

Я прилагаю у сего о происшествіи оном точную копію съ ьма Секретаря моего Гулевича, бывшаго при томъ случаѣ въ ѣ, и полагаясь на извѣстное ко мнѣ Ваше правосудіе, долъ себя ласкать, что Вы таковой господъ судящихъ поступокъ апробуете, а паче въ послѣднихъ обстоятельствахъ, и охраните ня своими благоразумными мѣроположеніями, дабы за престуніе Г. Сабанскаго (какъ ни въ чемъ за него отвѣчать не долъ) не терпѣлъ таковымъ поступкомъ гг. судей, чувствительго предосужденія и убытка.

Пребывающій навсегда съ истиннымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга.

1776 года,
10 Ноября.

Милостивой Государь мой,

Аврамъ Ивановичъ!

Извѣстный Вашему Превосходительству, Ротмистръ Дюбоск
схотѣлъ нынѣ попытаться вторично къ доисканію своей прет
сіи, и по надеждѣ на особую благосклонность Вашу ко мнѣ, пр
силъ препроводить его къ Вамъ съ моею рекомендацію. Я, у
влетворяя справедливому его исканію, прошу В. П. оказать е
возможное въ томъ пособіе, имѣя между тѣмъ удовольствіе пов
рить Вамъ и о искренности и почтеніи, съ которыми никогда
престану быть.

1776 года,
13 Ноября.

ЧЕРТКОВУ.

Милостивый Государь мой,

Василій Алексѣевичъ!

Симъ провождаю къ Вашему Превосходительству письмо на и
Цесарскаго Господина Капитана Каваллара, находящагось въ Че
каскѣ у покупки лошадей, которое вручилъ мнѣ Министръ та
шней Господинъ Лобковицъ; усугубляю прозьбу его моею о вѣ
номъ доставленіи ему онаго, имѣя между тѣмъ удовольство и
вторить Вамъ о истинномъ почтеніи и совершенномъ усердіи,
которыми пребываю.

1776 года,
Ноября 22.

ИВАНЕНКУ.

Государь мой

Григорій Григоріевичъ!

Не имѣвъ для себя довольно свѣдѣнія о положеніи свои
имѣній въ Полку Переяславскомъ, что на Днѣпрѣ, я не могу п
лагать точно, есть ли тамъ для заведенія винокурни способн

ста, знавъ, что онѣ подъ водой долго стоятъ; но знаю и то, что окуреніе въ тѣ мѣсяцы вездѣ перестаетъ; и потому прошу мнѣ ѣнно указать къ тому удобное, или въ замѣну, или куплею по ности отыскать. Я тутъ нахожу съ одной стороны удобность урожаю тамошнему довольному и отъ Прилуцкихъ мѣстностей ывателей въ не далекомъ отстояніи находящихся и лѣсъ и хлѣбъ, къ Гомля изъ собственныхъ моихъ лѣсовъ дрова. Лаская себя, Вы по пріязни своей ко мнѣ не отречетесь въ томъ приложить ой особливой трудъ мнѣ въ одолженіе, ожидаю между тѣмъ отъ съ на сіе увѣдомленія, и свидѣтельствуя мое почтеніе любезной шей супругѣ, пребываю, какъ и всегда, съ искреннымъ усердіемъ.

1776 года,
15 Декабря.

ЗАВАДОВСКОМУ.

Государь мой

Иванъ Васильевичъ!

Читая послѣднее Ваше отъ 27 Ноября, вижу, что Вы не по-учили еще къ тому времени моего отъ 22 тогожъ; но къ сему ѣли оное конечно уже въ рукахъ своихъ, и найдя въ немъ Указъ ата въ Рогачевскую Канцелярію, по Вашему ко мнѣ усердію, сомнѣваюсь, чтобъ Вы не поставили дѣла наши въ желаемое ложеніе.

Благодарности моей не могу предъ Вами изъяснить по мѣрѣ ѣнія моего за Ваши меня одолженія, и я желаю коль искрен-, толь и охотно, найти случай оказать взаимно и мои Вамъ луги, будучи къ Вамъ съ непремѣннымъ усердіемъ.

Государь мой

Семенъ Ѳедоровичъ!

Соглашаясь на заплату Якову Филиповичу четырехъ сотъ и итидесяти рублевъ за ранжерею, я считаю, что оная уступлена всѣмъ строеніемъ, и хотѣлъ бы, чтобъ оную перевезть въ Кочу-ку, но не знавъ ея расположенія, опредѣлить мнѣ мѣсто для ой трудно, почему прошу Васъ поговорить Г. Алексѣеву, чтобъ ъ снялъ ей планъ, и оной прислать ко мнѣ.

Требованію садовника Генриха Христіана Цина, если на мен
шемъ чемъ постановлено не будетъ, удовлетворить соглашаюс
но въ контрактѣ, который сдѣлать съ нимъ на три года, въ закл
ченіе упомянуть необходимо потребно, что онъ долженъ дву
моихъ мальчиковъ (коихъ назначте ему изъ тамошнихъ обывател
и изъ сиротскихъ, къ тому способныхъ и проворныхъ) научи
всему тому, что нужно къ свѣдѣнію о деревахъ, цвѣтахъ и тр
вахъ всякаго роду; и какъ смотрѣніе за первыми и употребле
послѣднихъ есть главнымъ пунктомъ садоваго дѣла, то по тому
обязанъ показывать имъ, какъ плодоносное дерево беречь, привив
дѣлать, плоды сбирать и оные сохранять; съ другими, что служи
къ увеселенію, какъ на всякое время ихъ производить, содержа
и оберегать, а въ послѣднихъ различать умѣть, что на кухню и
столу потребно и въ которомъ времени года; словомъ: коснуть
всей подробности, что лежитъ до садовыхъ и огородныхъ прои
растеній. Къ слову бы упомянуть и о томъ, что если не в
учитъ онъ ихъ въ сіе время, подвергаетъ себя какому либо штр
фу или взысканію.

Имѣвъ давно свѣдѣніе о тамошнемъ моемъ строеніи, я х
тѣлъ бы быть увѣдомленъ, до какой степени въ производствѣ д
ходитъ оное, и что еще нужно изъ матеріаловъ къ конечному д
вершенію всего начатаго? Не меньше желается знать и о пру
предъ домомъ—вычищенъ ли уже сей, или нѣтъ? также изъ св
бодныхъ работниковъ, есть ли надежда тамъ имѣть, и на как
заплатѣ, поденно, или отъ сажени? а между тѣмъ и о лугѣ, ч
за избою прикащика, гдѣ мы ходили—сухъ ли оной, или нѣт

Изъ лучшей удобности, которую нахожу я къ соединен
моего хозяйства, прошу Васъ прилѣжно обще съ Г. Рахман
вымъ форверки соединить чрезъ сѣнокосъ N и болото Барщо
ское съ ланомъ Барщовскимъ К. и форверкомъ Калиновским
гдѣ не большая часть Козачьего входитъ, а по окончаніи отдач
чтобы и села Литвиновичъ дачи, также обмѣрить и на план
положитъ, увѣривъ его съ стороны моей, что я въ благодарнос
не закосню быть особливо признателенъ ко всякому меня одо
женію. Есьмъ, впрочемъ, съ усердіемъ и доброжелательностью Ва

покорнымъ слугою.

ЧАСТНЫЯ ПИСЬМА

ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО.

1777 ГОДЪ.

1777 года,
5 Генваря.

НОРОВУ.

Максимъ и Михайло Мизяки, съ похвалою продолжавшіе службу при Дворѣ Ея Императорскаго Величества, коихъ персонально въ томъ и я знаю, схотѣли нынѣ, по увольненіи ихъ, отправиться на свою отчизну. Я пользу ихъ во уваженіи долговременныхъ и отличныхъ трудовъ ввѣряю попеченію Вашего Превосходительства, прося при первыхъ Коммисарскихъ вакансіяхъ увѣдомить меня для ихъ помѣщенія, вѣривъ, впрочемъ, истинному усердію, съ которымъ никогда я быть не престану.

---

5 Генваря.

Иванъ Матисовъ!

Здѣсь получилъ я письмо отъ Г. Пелагіи Черницовой, въ которомъ пишетъ она о землѣ, населенной моими крестьянами и названной Новоселками, по Генеральному нынѣ размеженію отходящей въ ея владѣніе; я по сему случаю ожидаю увѣдомленія: кто она такова? ея отечество? и та земля когда и какимъ образомъ присоединена къ моимъ? Какія тутъ люди и въ коликомъ числѣ посажены? сколько оной десятинъ въ поляхъ пашенныхъ, лугахъ сѣнокосныхъ и лѣсахъ? Въ чемъ, съ Г. Замятинымъ освѣдомясь, меня увѣдомить, доставя ей прилагаемое письмо, надписавъ: Милостивой Государынѣ моей Пелагіи (отечество). Черницовой.

Генваря 5-го.

ЧЕРНЦОВОЙ.

Милостивая Государыня моя!

Читая письмо Ваше отъ 29 прошлаго Декабря, не могу я не быть предъ Вами признательнымъ за ту искреннюю откровенность, которою почтили Вы меня увѣдомленіемъ о землѣ, Вамъ принадлежащей, населенной нынѣ крестьянами моими и названной Новосельцами. Я хотѣлъ бы весьма удовлетворить требованію въ томъ Вашему; но бывъ всегданнимъ отсутствіемъ удаленъ отъ всѣхъ моихъ имѣній, и не зная оныхъ по тому точнаго положенія, ничего рѣшительно сказать Вамъ при семъ не нахожу. Льщу, однако жъ, себя оказать мою готовость ко благоугодности Вашей и взаимно выгоднѣйшему положенію, коль скоро получу я отъ моего атамана повелѣніе, съ симъ отправленное, пребывая впрочемъ съ точнымъ почтеніемъ

Вашимъ покорнымъ слугою.

1777 года,
5-го Генваря.
С. Петербургъ.

СЕКРЕТАРЮ ЗАМЯТИНУ.

Между тѣмъ, какъ Вы по заключенію моему, приводите къ окончанію ввѣренныя Вамъ дѣла, касательно строенія, подробнаго описанія и сочиненія плана на мои дачи Кайнарджискія, съ нѣкоторыми вновь присоединенными: прошу васъ навѣдаться, со всѣми тѣми подробностями, какія полагаются при покупкѣ надобными, о селахъ и деревняхъ, въ Вѣдомостяхъ Московскихъ прошлаго года въ исходѣ поимянованныхъ къ продажѣ. Я хотѣлъ бы, чтобъ Вы осмотрѣли сами всѣмъ онымъ планы, описали рѣки, при которыхъ оныя лежатъ и съ которыми соединяются — и судоходные ли? Лѣса, пахотныя поля, сѣнокосные луга, выгоны, какова количества и качества? Естьли гдѣ ранжереи и сады регу-

лярные, или фруктовые? какой величины и съ какимъ доходомъ и свойство крестьянъ? словомъ о всемъ томъ, что относится хозяйству, до конечнаго пункта выспросить и о послѣдней цѣнѣ за каждую порозь — меня увѣдомить, а именно: 1-е, о селѣ Архангельскомъ и селѣ Александровкѣ, Орловскаго уѣзда Такучевскаго стану, принадлежащихъ владѣнію Маіора Князя Щербатова. 2-е, о селахъ Долголядьи и Новомъ съ деревнями и пустошми въ Рузскомъ уѣздѣ, владѣнія Графа Алексѣя Владимировича Салтыкова, и 3-е, о селѣ Ивановскомъ съ деревнями Камелиною и Косининымъ въ Московскомъ и Лвиченскомъ станахъ, Измайловскаго полку Капитана Поручика Князя Голицына.

Есьмъ съ непремѣннымъ усердіемъ

Вашъ доброжелательный слуга.

P. S. Прошу Васъ навѣдаться тѣмъ же порядкомъ и о пустошахъ Мостовкѣ и Жупеевѣ, Переяславскаго уѣзда, въ Кистимскомъ стану состоящихъ, владѣнія Петра Матвѣевича Поливанова; и ежели сіи пустоши раздѣляются на 200 саженяхъ отъ дачъ жены моей, то въ серединѣ чье имѣніе и съ какими угодіями? и во что десятина лѣсу и поля стоить будутъ?

1777 года,
Генваря 9 дня.

УПРАВИТЕЛЮ САВАНСКОМУ.

Почтенный Господинъ Ротмистръ,

мой особливый Пріятель!

Благодарю признательно за труды Ваши въ дѣлахъ моихъ по имѣніямъ моимъ Гомельскимъ, и за сообщеніе Ваше о нѣкоторыхъ деревняхъ; къ присоединенію оныхъ къ моимъ, я хотѣлъ бы, чтобъ нашли Вы оныя въ срединѣ моихъ, и таковы, на примѣръ, какъ обои Дятловичи, которымъ желалъ бы имѣть я обстоятельныя и вѣрныя описанія и о послѣдней цѣнѣ; впрочемъ, пре-

поручивши распоряженію Вашему тамошнее мое хозяйство, я
сумнѣваюсь о Вашемъ усердіи, что Вы все обратите на поль
моихъ интересовъ, вѣривъ о мнѣ, что и я во взаимство не упу
ни одного изъ случаевъ, гдѣ могу оказать мою готовость на услу
будучи всегда

Вамъ доброжелательнымъ.

---

9 Генваря.

ЗАВАДОВСКОМУ.

Государь мой,

Иванъ Васильевичъ!

Благодаря Васъ найпризнательнѣйше за участіе, кое во всѣ
дѣлахъ о моей пользѣ пріемлете, принужденъ съ новой доку
явиться: Василій Карповичъ доносилъ мнѣ, что при положеніи К
цовъ отъ Суда Подкоморскаго, на ограниченіе дачъ, мнѣ Комм
сіею отведенныхъ, нѣкоторые ихъ испортили, а другіе и вовсе
вершить не допустили. Вашимъ стараніемъ я оные одержалъ, В
и прошу оное благодѣяніе совершить; и ежели дружелюбно
дойдетъ къ концу, наставить Василія Карповича, гдѣ и какъ иска
Впрочемъ, желая сей новый годъ начать благополучно, до поздн
временъ достигнуть въ самопожелаемыхъ удовольствіяхъ, а
вѣрить, что и съ истиннымъ усердіемъ и преданностію.

покорный слуга.

P. S. Относительно Жидовъ, естьли находите Вы гдѣ
въ срединѣ моихъ имѣній мѣсто къ населенію удобное, я пр
Васъ о помѣщеніи оныхъ сдѣлать свое разсмотрѣніе. Въ против
же, сказать имъ, что я далъ имъ только позволеніе искать о
въ Бѣлорусской Губерніи, по Всевысочайшему въ томъ соизволе
не указывая прямо на пунктъ точной усадьбы, для чего къ
и команды были опредѣляемы, куда и нынѣ могутъ они своб
верейти и просить тамошнее Правительство о ихъ принятіи.

УЖАНЦУ.

Государь мой,

Семенъ Ѳедоровичъ!

Съ возвращающимся моимъ куріеромъ изъ Стародуба, я Ваши съ приложеніями исправно получилъ; а съ Савичемъ, сюда прибывшимъ, не имѣлъ я никакова отъ Васъ увѣдомленія: онъ сказывалъ, что Вы остаетесь въ нѣкоторомъ ожиданіи другова. Что до Литвиновичъ, то по плану кажется, что нѣтъ тамъ ни малѣйшей удобности завести мое хозяйство, по неимѣнію ни малѣйшихъ угодій, на владѣльца принадлежащихъ, а развѣ по положенію мѣста и способности со временемъ, что либо отъ сосѣдей и своихъ крестьянъ нѣчто куплею и замѣною присоединить, въ чемъ Вы лучшее мнѣ пособіе, избравъ выгоднѣйшее при хорошемъ положеніи мѣсто, сдѣлать можете. Давно бы могъ я имѣть удовольство изъясниться о томъ съ Вами изустно, если бы не удержала меня тяжкая болѣзнь; но по нѣкоторомъ моемъ теперь излѣченіи ласкаюся, что ожидаемое въ томъ не надолго продолжится, къ которому времени оставляю принесть Вамъ и мою благодарность за Ваши труды; а въ семъ разѣ пользуюсь только сказать Вамъ, что я всегда пребуду съ истиннымъ усердіемъ.

P. S. Изъ числа моихъ охотниковъ Парафѣевскихъ присланы будутъ въ Глуховъ четыре человѣка, для смотрѣнія за моей охотой, поставной нынѣ изъ Москвы, о надобномъ которыхъ содержаніи и смотрѣніи прилѣжномъ за оною, прошу Васъ, кому слѣдуетъ, приказать надзирать.

---

9 Генваря.

СТАРОВУ.

Государь мой,

Никита Яковлевичъ!

Благодарю Вамъ за труды Ваши въ приведеніи экипажа мосго въ лучшее состояніе, и смотрѣніе за всѣмъ тамъ моимъ. Касательно выдачи денегъ на платье кондитеру, я хочу прежде узнать, какъ онъ во время отсутствія моего себя велъ, и что сдѣлалъ; и дальше, нуженъ ли будетъ онъ мнѣ, или нѣтъ? а на жалованье и прочіе расходы, Вы получите пять сотъ рублей отъ Петра

Мартыновича Юркевича, къ которому о семъ отъ меня писано Есьмъ, впрочемъ, съ непремѣннымъ усердіемъ.

P. S. Изъ числа моихъ охотниковъ Парафѣевскихъ, отправьт четыре человѣка въ Глуховъ къ Семену Ѳедоровичу, для смотрѣ нія моей охоты, посланной нынѣ изъ Москвы, а о прилѣжном надзираніи тамошней, не оставьте приказать, кому слѣдуетъ.

1777 года,
Генваря 9 дня.

Василій Карповичъ!

По послѣднему Вашему донесенію относительно недопущені къ ограниченію дачъ, Коммисіею мнѣ отведенныхъ, я писалъ к Ивану Васильевичу съ просьбою, чтобы онъ постарался оное дѣ довесть къ совершенію, или бы Васъ наставилъ, какъ и гдѣ от зваться съ жалобою.

Изъ Буртника присланы будутъ къ Вамъ чулошные мои ф бриканты съ ихъ станами и 8 кобылъ заводскихъ. Прикажите пер вымъ отвесть выгодное житье, чтобы они основали свое ремесл а кобылъ, по отдохновеніи при спискѣ и описи, въ какомъ состо яніи ихъ получите по приходѣ оной, отправить въ Парафѣевку къ Г. Адьютанту Евреиному.

1777 года,
Генваря 9-го.

Милостивый Государь мой,

Андрей Степановичъ!

Съ чувствительнѣйшею признательностію пріемлю я участі Ваше въ дѣлѣ о свершеніи здѣлки, и прилагая при семъ полно мочіе, всепокорно Васъ прошу окончить то порядкомъ надлежа щимъ, не жалѣя ни иждивенія, ни трудовъ для приведенія в замѣну отдаленной мельницы въ лучшее состояніе; что же до пе реводу людей изъ деревни Максимовки, я желалъ бы, чтобъ т было нѣкоторымъ образомъ по выбору, отличая знаніе и ихъ спо собности. Впрочемъ, оставляя сказать Вамъ изустно мою найболь шую благодарность, при персональномъ свиданіи, я между тѣм

вользуюсь поздравить Ваше Превосходительство, вступя въ Новый Годъ, который и премногіе послѣдующіе желаю препроводить Вамъ въ самопомысльномъ удовольствіи и благоденствіи, вѣривъ о мнѣ, что я вездѣ всегда пребуду съ истинною преданностію и отличнымъ почтеніемъ.

P. S. Не отъѣду отсюда прежде, нежели все испытаю къ одержанію Вашего, а между тѣмъ хочу коснуться еще къ Вамъ докукою. Мнѣ помнится, что у Г. Вестфалена есть планъ хутора Петрушевки, и тамъ въ среди онаго и моихъ земель есть часть небольшая Михайла Михайловича Стороженка; нельзя ли преклонить его на замѣну такого же участка по способности къ его инымъ дачамъ отъ Рожновки?

---

10 Генваря,
1777 года.

Милостивый Государь мой,

Александръ Ѳедоровичъ!

Вы справедливость отдаете моимъ доброхотству и готовости на Вашу услугу, и я бы тотчасъ совершилъ присланную отъ Васъ купчую, но Московской мой стряпчій предписалъ мнѣ точныя ко вписенію въ оную слова, о чемъ я Вамъ сообщаю записку; боюсь же и Вашего, который мнѣ кажется быть мастеромъ. Онъ написалъ число душъ, о которыхъ я подлинно не знаю, есть ли? внесъ мельницы, о коихъ я точно вѣдаю, что ихъ нѣтъ, а въ дополненіе и очистокъ нѣсколько сдѣлалъ. Освободите, по тому, отъ сего страха человѣка, въ подобныхъ дѣлахъ неискуснаго, Вы конечо, въ томъ не на большее поступите, какъ только въ соблюденіе нужнаго на таковой случай порядка; о мнѣ же вѣрьте, что я никогда не престану быть искренно Вамъ усерднымъ.

1777 года,
20 Генваря.

ЕПИСКОПУ РОСТОВСКОМУ, САМУИЛУ.

Преосвященнѣйшій Господинъ,

Милостивый Архипастырь!

Странствованіе мое прошлогоднее лишило меня имѣть удо вольствіе получить въ свое время письмо Вашего Преосвященства которымъ почтить Вы меня изволили; а болѣзненные мои припад ки поставляли меня всегда въ невозможность принесть Вамъ все признательнѣйшую мою благодарность за оныя, и предварительны Вашему отъ 28 Декабря, принесть Вамъ и всеискреннее мое по здравленіе съ Новымъ Годомъ. При семъ, выполняя долгъ для мен всепріятнѣйшій, я прошу всепокорно Васъ, Преосвященнѣйшi Владыко, принять во взаимство, но не въ видъ, однако жъ, общаг употребленія, а знакомъ отличнаго высокопочитанія усерднѣйшi желанія мои, да продолжитъ Вседержитель время жизни Ваше до позднѣйшихъ при самолучшемъ здравіи, и да изліетъ Онъ бла годать и милость свои надъ Вами. Между тѣмъ, ласкаясь имѣт честь пользоваться непремѣнною благосклонностію Вашею, въ за ключеніе повторяю Вамъ и то удостовѣреніе, что я никогда н престану быть съ совершенною преданностію.

1777 года,
28 Генваря.

ЕПИСКОПУ РЯЗАНСКОМУ.

Преосвященнѣйшій Господинъ,

Милостивый мой Архипастырь!

Мое странствованіе и болѣзненные припадки выводили мен но нынѣ изъ возможности принесть Вамъ, Преосвященнѣйшій Вла дыко, мою найпризнательнѣйшую благодарность за письмо Ваш отъ 3-го прошлаго Октября, которымъ почтить меня было Вам угодно. Пополняя то симъ, открываю для себя и всепріятнѣйшi случай поздравить Васъ вступленіемъ въ Новый Годъ, который премногіе будущіе да будутъ Вамъ источникомъ всякихъ благо получій, и содержащій времена и лѣта, да укрѣпитъ силы Ваш

и Ваше здравіе въ долготу дней до самопозднѣйшихъ; между же тѣмъ имѣю и то удовольство сказать Вамъ, что я, сдѣлавши обязательство единожды, ищу потомъ случаевъ, кои бы мнѣ послужили на удостовѣреніе отличнаго высокопочитанія и истинной преданности, съ которыми я, препоручая себя Вашему Архипастырскому благословенію, пребываю непреложно

Вашего Преосвященства.

покорнымъ слугою.

1777 года,
28 Генваря.

КІЕВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ.

Преосвященнѣйшій Господинъ,

Милостивый Архипастырь мой!

Всепочтеннѣйшее Вашего Преосвященства писаніе, имѣлъ я удовольство получить, и благодаря Вамъ найпризнательнѣе за оное, обращаю симъ во взаимство и мои всеискреннія желанія всѣхъ и всякихъ Вамъ благополучій при настоящемъ обновленіи времени, и да укрѣпитъ податель всѣхъ благъ силы Ваши и Ваше здравіе въ долготу дней до самопозднѣйшихъ временъ. Я въ полномъ ощущеніи и съ прискорбіемъ то видѣлъ бы, что не лично сіе выполняю, если бы Вы, Преосвященнѣйшій, не оказали на хартіи толь искренней Вашей ко мнѣ благосклонности и своего благословенія, кои подаютъ мнѣ смѣлость, что я ласкать себя могу всегдашнимъ продолженіемъ оныхъ, къ которымъ сохраняя всесовершенное высокопочитаніе, пребуду я непреложно съ преданностію и усердіемъ.

1777 года,
28 Генваря.

ЮРКЕВИЧУ.

Государь мой,

Петръ Мартыновичъ!

Не имѣвъ съ послѣднимъ куріеромъ, который прибылъ ко мнѣ отъ Семена Ѳедоровича, Вашихъ писемъ; но какъ бы то ни

было, конечно того думать я не могу, чтобъ Вы не продолжали являть мнѣ Ваше благосклонное смотрѣніе за всѣмъ тамъ моимъ, и не наблюли бы пользъ моихъ интересовъ, къ чему всегда питаю я всеискреннѣйшее мое признаніе.

Проходя окрестность Черешеньковъ, остановился я на плотинѣ Химчиной, гдѣ видна, кажется, лучшая удобность снять болото, вверху пруда лежащее, паче въ сіе время, когда его вырубая, плитами перевозить можно въ другое мѣсто — въ поля. Тѣмъ легко можно показать воду, которая скрыта подъ симъ наростомъ, и дать тутъ видъ гораздо пріятнѣе. И какъ мѣста сего немного, а людей праздныхъ найдется довольно, то я и хотѣлъ бы, чтобъ Вы сдѣлали опытъ сей же зимы, приговоривъ охотниковъ за умѣренную плату.

Есмъ съ искреннымъ усердіемъ доброжелательнымъ слугою.

1777 года,
Генваря 28.

ЕВРЕИНОВУ.

Государь мой,

Алексѣй Павловичъ!

Письмо Ваше отъ 10 Генваря и всѣ сему предшедшія, я исправно получилъ, но отлагалъ всегда отвѣчать Вамъ на оныя изъ того больше, что мнилъ скоро изъясниться съ Вами устно. Теперь, то симъ исполняя, вначалѣ благодарю Вамъ за Ваше хорошее за заводомъ смотрѣніе, и опять за труды, что принимаете по дѣламъ моимъ коммисейскимъ. Между тѣмъ, обращаясь вновь озаботить Васъ моею прозьбою, чтобъ приказали прилѣжное смотрѣніе имѣть за моими кобылами Курляндскими, изъ Риги чрезъ Топаль къ Вамъ отправленными, изъ коихъ весьма можно составить цугъ, я скажу вамъ примѣчаніе, буде бы еще заводъ мой не переведенъ, оставить его на прежнемъ мѣстѣ до моего туда прибытія, а наконецъ, сокращая сіе, заключаю искреннимъ удостовѣреніемъ, что я съ найбольшею признательностію къ Вашимъ одолженіямъ всегда пребуду съ усердіемъ

доброжелательнымъ слугою.

1777 года,
28 Генваря.

АЛЕКСѢЕВУ.

Государь мой

Яковъ Никитичъ!

Располагая на будущее лѣто завесть строеніе дворовъ моихъ въ Топалѣ и Гомлѣ, чтобы не опоздать своимъ пріѣздомъ, не могу лучше положиться на выборъ къ тому удобныхъ мѣстъ, какъ на Васъ, вѣдавъ Вашъ хорошій вкусъ, прилѣжное всего осмотрѣніе и соображеніе пріятнаго съ полезнымъ. Вамъ извѣстны и мои прихотливыя затѣи, чтобы имѣть при хорошемъ, возвышенномъ, или ровномъ, положеніи хорошіе виды, разныя натуральныя украшенія, какъ дубравы и другаго дерева лѣски и рощи, пруды, рѣки, рѣчки, а иногда и весьма замѣняющіе оныя хорошіе ключи; и я прилѣжно Васъ прошу, выпросивъ подорожную, отправиться первое въ Топаль, и тамъ осмотрѣть близъ лежащія мѣста (потому что въ самомъ Топалѣ полезное безъ пріятства), и именно: гдѣ была парусинная фабрика, старый хуторъ, или нынѣ называемый Красный фольверкъ. Во Внуковичахъ при славномъ колодезѣ, гдѣ теперь винокуренный заводъ, или гдѣ Вашъ Василій Карповичъ и другіе, знающіе тамошнюю окрестность, на лучшія мѣста укажутъ. Ѣдучи оттоль въ Гомель, на пути въ Чолковской волости, ни въ Чолковѣ, гдѣ какъ и въ Топалѣ, и не искать хорошаго, но въ Щербиничахъ старыхъ и новыхъ, Уницкой Руднѣ, Чертовичахъ, или какъ выше сказано, гдѣ на лучшее укажутъ. Наконецъ въ Гомельскомъ Старостивѣ, за Сожемъ, въ самомъ Гомлѣ, гдѣ замокъ, и котораго положеніе, всѣ тамъ бывшіе, чрезвычайно хорошимъ поставляютъ въ разсужденіи виду и другихъ его въ околичности сей превосходныхъ положеній, слѣдовательно, оное и остается тамъ первымъ; другое при деревнѣ Бобовичахъ, гдѣ Ужа въ Сожъ впадаетъ; третье въ округѣ Хоминскомъ, гдѣ Сожъ въ Дмѣпръ впадаетъ, при устьи сихъ рѣкъ, или при которомъ озерѣ, или на одной ли изъ нихъ въ части предъ Сожской: 1-е, въ слободахъ Климовкѣ, Зябрицѣ, или заводѣ Прибытковскомъ; 2-е, въ Марковичахъ. Въ части за Ипутью: 1-е, въ Романовичахъ; 2-е, въ Добрушѣ. Я буду ожидать отъ Васъ увѣдомленія изъ всякаго сихъ мѣстъ, съ описаніемъ оныхъ, ихъ окру-

жностей и видовъ; и которыя Вы по приличности и по мыслям Вашимъ, заведеніемъ ли новыхъ садовъ, или обращеніемъ находящихся уже рощъ на новой вкусъ, прудами ли, или только возвышеніемъ рѣчекъ въ ихъ берегахъ, или же дѣланіемъ изъ ключей новыхъ рѣчекъ, украсить полагаете.

Я писалъ къ Максиму Клементіевичу, чтобы онъ брата своего въ Кучеровку для надзиранія зимнихъ тамъ работъ прислалъ; а чтобъ во время пребыванія Вашего въ Гомлѣ и Топалѣ производимо было Вамъ въ мѣсяцъ по 25 рублевъ, о томъ отъ меня, кому слѣдовало, приказано. Есьмъ, впрочемъ, съ усердіемъ доброжелательнымъ слугою.

1777 года,
Генваря 28.

КАРПОВУ.

Василій Карповичъ!

Я находилъ всегда, по мнѣнію Вашему, при рапортѣ отъ прошедшаго мѣсяца и года, относительно моего хозяйства, что Чолковской волости обыватели весьма облегчены противу всѣхъ другихъ, но чтобы имъ сверхъ оброку налагаемая пенька вдругъ тягостною не показалась, то лучше впредъ обратить ихъ на работы, и обложить нѣкоторымъ числомъ берковцовъ пеньки и сѣмянъ. Къ отысканію же земли предвидятся тамъ способы ежели не при всякомъ селеніи особо, то по крайней мѣрѣ въ близости одного или другаго, на примѣръ; 1-е, отданныя слободы Климовой земли; 2-е, пустовыя чвертки, и прежде на владѣльцевъ бывшая земля; 3-е, срубы лѣса и чистки онаго.

Я хотѣлъ бы отъ Васъ точную опись получить, 1-е, о всякомъ селѣ и деревнѣ Чолковской волости, а особливо о Чертовичахъ, о которомъ по хозяйству я, со времени моего владѣнія, ни малѣйшаго извѣстія не имѣю, гдѣ какое число дворовъ и въ ономъ мужескаго и женска пола душъ? Колико чвертокъ земли пахатной во всякой рукѣ, сѣнокосу и выгону? 2-е, Къ коему изъ оныхъ отъ Климовой слободы земля смежна? 3-е, Въ которомъ селеніи коликое число пустовыхъ чвертокъ, и оными кто пользуется изъ окладу, и какого, или безъ того? 4-е, Гдѣ есть въ какомъ количествѣ мѣры и качествѣ доброты свободная земля подъ лѣсомъ, какимъ именно:

строевымъ, или дровянымъ, и какихъ сортовъ дерева, и къ росчисткѣ на пахатныя поля, сѣножати, или выпуски для скота 15-го. Что чвертка содержитъ въ себѣ въ долготу и широту саженей, и что высѣвается на оной ржи четвертей?

КАРПОВУ.

Василій Карповичъ!

Относительно Вашего мнѣнія до дубоваго дерева, не оно ли называется терминомъ торговымъ ванчосъ, и почитается быть прибыльнымъ тамъ торгомъ? Вы можете отобрать отъ обывателей Гомельскихъ обстоятельныя извѣстія, какой мѣры, какъ оное заготовлять, и по какой цѣнѣ, куда и какими издержками выставлять. А потому и узнать не трудно, сходно ли намъ входить въ оной торгъ, или нѣтъ?

Пенька, я слышу, на Рижской бракъ до осмнадцати талеровъ въ Ригѣ купится: я бы желалъ вѣдать, по чему оная теперь въ Вашемъ краю? Какое количество оной у Васъ на лице, и какое прикупить можно, и наконецъ куда свободнѣе оную на пристань Двинскую возить, къ Витебску, или гдѣ Вамъ ближе извѣстно? и мнѣ о томъ дать знать.

1777 года,
28 Генваря.

КАРПОВУ.

Василій Карповичъ!

По доброхотнымъ Вашимъ мнѣніямъ, представленнымъ при рапортѣ прошедшаго мѣсяца и года, относительно моего домостроительства, желалъ бы я, чтобъ Вы приступили, не упуская времени, къ заготовленію и свозкѣ на мѣста, къ тому назначиваемыя, надобнаго количества бревенъ и другихъ припасовъ, и именно:

1-е. Въ Гомлѣ и Топалѣ на предполагаемыя строенія, на показанномъ Г. Алексѣевымъ мѣстѣ; и ежели бы дикаго камня и извести близко Гомля не было, то перваго надобное количество сажень до 30-ти кубическихъ, а послѣдней, по препорціи заготовляемаго кирпича, водою получать; да и кирпичные заводы въ Гомельскомъ Староствѣ не подалеку отъ Сожи, или Ипути, имѣть стараться, чтобы можно было кирпичъ везти, гдѣ оной потребенъ.

2-е. Все сіе заготовленіе и вывозки расположить въ Гомлѣ н обывателей Гомельскаго Староства, а въ Топаль, Чолковской и Топальской волостяхъ равномѣрно по числу дворовъ, или душъ въ размѣръ ихъ окладу, или работъ, и къ которому мѣсту ближ и способнѣе.

3-е. Въ Гомель и Топаль, во всякое мѣсто, мастеровъ искусныхъ, каменщиковъ и плотниковъ, по двадцати, приторжить. Каменщиковъ обыкновенно потысячно, а плотниковъ помѣсячно, и озадаточить ихъ въ томъ, чтобы съ половины, а плотники съ 1-го Апрѣля, къ назначенной работѣ явились.

4-е. Навѣдаться о грабарахъ и другихъ земляныя работы исправляющихъ тамошнихъ, или прохожихъ, и примѣнясь о плат въ томъ мѣстѣ поденно, во всякую по сту человѣкъ договорит и озадачить.

Въ Гомельскомъ Старостве, при слободѣ Добрянкѣ, къ выстроенію пильной о трехъ, или четырехъ, рамахъ, мучной мельницы с шести камняхъ и винокурни на тридцать котловъ. Въ самомъ Топалѣ для пенечной чески. При Щербиничахъ, Новыхъ или Старыхъ Чертовичахъ, или Унитской Руднѣ, гдѣ есть выгоднѣйшее и пріятнѣйшее положеніе, на построеніе впредь дворовъ господскихъ для винокуренныхъ заводовъ на надобныя строенія количество Вамъ извѣстное.

Вамъ доброжелательный.

1777 года,
Января 28.

МОСЦИПАНОВУ.

Государь мой,

Максимъ Клементьевичъ!

Письмо Ваше съ планами и контрактомъ я получилъ; одобряя сдѣланный контрактъ во всѣхъ частяхъ онаго, приношу мою Вамъ искреннюю благодарность за трудъ въ дѣлахъ моихъ, Вами на себя пріемлемой, и видя изъ Вашего письма, что флигель, гдѣ оранжерея, не отдѣланъ, налагаю на Васъ первую заботу попра-

леніемъ онаго по плану слѣдующему, гдѣ и прошу по оному приложить стараніе Ваше. А на воротахъ, для виду, по ихъ роду архитектуры, снявъ сверху вазики и по сторонамъ кровли шишечки, на мѣсто среднихъ ставить флаги безъ всѣхъ другихъ къ тому излишествъ.

Пребываю, впрочемъ, какъ и всегда,

доброжелательнымъ слугою.

1777 года.
28 Генваря.

ЯКУБОВИЧУ.

Государь мой,

Александръ Яковлевичъ!

Трудно мнѣ изъяснить мое признаніе, которое я чувствую къ Вашимъ благодѣніямъ, и которое навсегда останется на мнѣ пріятнымъ долгомъ и обязательствомъ.

Я ласкаю себя одержать и Кіанову мельничку, и около Кисляцкаго лежащій лѣсъ; желалъ бы, чтобъ уже и тотъ кусочикъ лѣсу, который лежитъ, ѣдучи отъ Бреусова въ Кочановку, въ лѣвой сторонѣ къ Петрушевскому хутору; и потому прошу Васъ при присоединеніи мнѣ оныхъ больше пріятныхъ, нежели прибыльныхъ, имѣній, не скупо платить людямъ, больше требующимъ послѣдняго, нежели перваго. Степана Петровича я благодарю при семъ благаемымъ, особо прошу Васъ и Ивану Павловичу поблагодарить за его благосклонное предложеніе; но какъ оное дѣло зависитъ, во первыхъ, отъ сдѣлки ихъ съ швагромъ, то мнѣ трудно теперь предположить, кому я за то обязанъ буду удовлетворить, и какою суммою денегъ, находя особливо не безъ затрудненія удовольствовать Ивана Павловича возвращеніемъ части, отшедшей въ другую сотню. Я имѣю Ивана Павловича пріятнымъ сосѣдомъ, и многія его къ себѣ благосклонности видя, ни мало не хочу въ сей сдѣлкѣ видѣть его и малѣйше въ убыткѣ, и потому прошу Васъ, какъ посредника обѣихъ сторонъ доброжелательнаго, постановить на мѣрѣ оной нашъ тройной договоръ, разумѣя между Степаномъ Петровичемъ, Иваномъ Павловичемъ напередъ, а потомъ изъ нихъ

съ которымъ и мною. Я предлагаю деньги, какъ одно средств замѣняющее, однако же, всякое другое; и шесть тысячъ рублев кажется не изъ размѣру имѣнія, о которомъ договоръ идетъ, ост вляя свободу Вамъ, сходственно съ настоящей куплей имѣній н движимыхъ, и доходу получаемаго съ сего опредѣлить сум съ которой бы я хотя четыре процента получить могъ.

Есмь съ истиннымъ усердіемъ

покорнымъ слугою.

1777 года,
28 Генваря.

МАКСИМОВИЧУ.

Государь мой,

Степанъ Петровичъ!

Дошло къ свѣдѣнію моему, что Вы благосклонно старает о моемъ удовольствіи, предлагаете своему швагру, а моему люб зному сосѣду, Ивану Павловичу, въ замѣну его хутора, смежна съ моимъ имѣніемъ Парафѣевскимъ, Ваше Красноколядинское, тѣмъ, чтобы Вы могли, на мѣсто онаго, пріискать способное къ В шему Чернускому имѣнію. Я, Васъ благодаря найпризнательнѣ щитаю оное Ваше дружеское ко мнѣ расположеніе новымъ титло Вашего на мнѣ долгу и обязательства.

Я писалъ къ Александру Яковлевичу, какъ къ посредни между Иваномъ Павловичемъ и мною, чтобы онъ мое предложен ему сдѣлалъ: не знаю, будетъ ли ему сходно и Вамъ угодно? В въ томъ прошу Васъ вѣрить, что я при всякомъ случаѣ буду ст раться къ Вашей благосклонности оказать, что въ моей силѣ бы можетъ, пребывая съ усердіемъ

покорнымъ слугою.

1777 года,
Генваря 28-го.

БЕССИНУ.

Государь мой,

Иванъ Мартыновичъ!

Благодаря Вамъ найпризнательно за надзираніе дому моего и другія одолженія, приказалъ я Матисову вручить Вамъ на разные расходы денегъ 300 руб. Изъ письма Вашего я не вижу, мебели въ Кайнарджу, просто ли по требованію Петрова, или по письму, отсюда отпущены; и потому, желая, чтобы и всѣ мебели и обои изъ покоевъ, гдѣ Графиня жила, и изъ № 15 и 16-го, туда же отправлены и, по благопризнанію Карла Ивановича, Г. Бланка, употреблены были въ лучшихъ гостиныхъ комнатахъ и спальнѣ.

Я прошу о семъ и Карла Ивановича, а Васъ, чтобъ Вы вручили ему сіе письмо и вѣрили о моемъ къ Вамъ всегда непреложномъ и доброхотномъ усердіи, съ коимъ пребываю

доброжелательнымъ слугою.

---

28 Генваря.

БЛАНКУ.

Государь мой,

Карлъ Ивановичъ!

Я имѣю два намѣренія: хочу воздвигнуть, во славу Божію, не большой храмъ каменной въ Кайнарджи, а Доктора Ореуса древній домъ разобрать и сдѣлать надобныя пристройки къ Московскому дому; но въ первомъ добромъ обѣтѣ надобно мнѣ Ваше пособіе, а въ послѣднемъ совѣтъ, и которыхъ я имѣвъ много на своемъ щетѣ, боюсь уже, чтобы не отклонить Васъ моими докуками. Однако, между симъ страхомъ и доброю надеждою къ доброхотству Вашему, являюсь къ Вамъ съ прозьбою, чтобъ Вы для церкви, по плану, при семъ слѣдуемому, Матисову приказали надобное количество саженъ буту и бѣлаго камня, штукъ извести и другихъ матеріяловъ на первое мѣсто, по извѣстнымъ Вамъ успѣхамъ работъ, непремѣнно потребныхъ, подрядить, и нынѣшнимъ

же путемъ на мѣсто поставить. Каменщиковъ и кирпичниковъ договорить, и надобное количество на опредѣляемое число тысячь кирпичей, дровъ саженей, искупленныхъ у мельника, или же у сосѣдей изъ продаваемыхъ рубленныхъ купя, запасти. Мнѣ кажется, старое мѣсто, гдѣ церковь была, превосходнѣе новаго, но все то, выбрать и цѣну матеріяловъ опредѣлить, Вамъ, моему искреннему другу, предоставляю, прилѣжно прося въ томъ мнѣ не отказать, такъ какъ и мнѣніе Ваше дать о ломкѣ Ореусова и о пристройкахъ. По непрочности большаго дома, не лучше ли, оной продавъ, кромѣ мебелей, новой на Покровскомъ мѣстѣ выстроить? Мебели изъ Москвы въ Кайнарджу будутъ присланы, кои прошу указать, въ лучшихъ гостинныхъ, въ спальняхъ, или гдѣ Вы опредѣлите, употребить, вѣривъ, впрочемъ, непреложному усердію, съ которымъ я всегда пребуду.

P. S. Встрѣтилось мнѣ на мысль при отправленіи сего, по разности строенія и самаго мѣста положенія дому Ореуса и Пречистенскомъ, не покажется ли Вамъ лучшимъ и удобнѣйшимъ пустить оныя порознь въ продажу? Мнѣ мнится, скорѣе найдутся къ тому и другому охотники; но я ждать буду Вашего мнѣнія, какъ въ томъ Вы опредѣлите, и о цѣнѣ, чего оно стоитъ по признанію Вашему.

Планъ церкви подъ буквами А) искуснѣйшимъ Архитекторомъ для меня сдѣланъ съ фасадомъ и профильми; В) мною съ нѣкоторыми Вамъ знакомыми помощниками; онѣ кажутся быть обѣ равной пространности внутри, но не знаю, которая по положенію мѣста приличнѣе и меньше матеріяловъ требующая. Въ фасадѣ, что подъ литерою А, желалъ бы башеньки, въ нѣчемъ похожіе на прилагаемой при семъ фасадъ подъ буквою С въ карандашѣ, кромѣ фронтоновъ на аркѣ двоеглавнаго орла и фигуръ подъ фронтонами, о которыхъ, то есть, послѣднихъ, можно впредь, доколѣ до нихъ дойдетъ, опредѣлить. И какъ сіи планы мнѣ должно въ другое мѣсто отправить, то я прошу приказать, снявъ съ оныхъ копіи, удержать до востребованія моего у себя.

1777 года,
29 Генваря.
С. Петербургъ.

СЕКРЕТАРЮ ЗАМЯТИНУ.

Благодаря майпризнательнѣйше за сообщеніе требуемыхъ плановъ и обстоятельныхъ описей, двѣ просьбы тутъ Вамъ дѣлаю, одну о справкѣ и увѣдомленіи меня, въ которомъ селѣ и деревнѣ Графъ Алексѣй Владиміровичъ единственный владѣлецъ, и въ которомъ обще съ Княземъ Голицынымъ, и что на его часть точно земли и лѣсу на правой сторонѣ рѣки Рузы, и о послѣдней цѣнѣ сего имѣнія, и совѣта ради адресуйте къ Князю Сергѣю Сергѣевичу Голицыну, благодѣтельствовать по сему дѣлу мнѣ обѣщавшему. Вторую, о присылкѣ ко мнѣ плана Кайнарджи, который, чтобы бережно везенъ, вручите съ прозьбою о томъ сами Г. Почтъ-Директору, кой не отречется меня тѣмъ одолжить. Ежели бы времени не много потребно было, то мнѣ великая надобность состоитъ въ большомъ видѣ имѣть одно положеніе дому съ садомъ, по новые пруды съ одной, а съ другой по задъ рощи, что за житницей, въ самой плоскости, что идетъ къ рѣкѣ.

1777 года,
4 Февраля.

СЕРГѢЮ МАТВѢЕВИЧУ КУЗЬМИНУ.

Пѣтъ возможности уклониться отъ докуки, кою я моею прозьбой Вамъ, моему дражайшему Другу, наношу въ разсужденіи сего подателя, удрученнаго старостію и бѣдностію. Всякая по себѣ человѣку чувствительна, а обѣ вмѣстѣ едва сносны ему: онъ былъ Секретаремъ моего покойнаго отца и съ его жизнію, такъ сказать, и свое благосостояніе кончилъ. Чувствовавъ, что Вамъ не всегда есть время и случай удовлетворять многочисленнымъ исканіямъ, знаю и то, что въ доброй къ благодѣяніямъ волѣ Вы изобилуете. И такъ я ласкаю себя, что Вы не отречетесь сдѣлать ему милость, одолжить преданнаго и любящаго Васъ душевно

всепокорнѣйшаго слугу.

1777 года,
9 Февраля.

КНЯЗЮ ГОЛИЦЫНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Сергѣй Сергѣевичъ!

Вы весьма ощутительными знаками Вашей ко мнѣ благосклонности наградили мое къ Вамъ усердіе и душевную преданность, толь поспѣшнымъ увѣдомленіемъ и стараніемъ по моей прозьбѣ, и наложили на меня обязательства. Въ описи, что имѣю отъ моего Секретаря Замятнина на деревню Графа Алексѣя Владиміровича, я не все еще тамъ нахожу, и именно: коль велико владѣніе совмѣстныхъ участковъ, и тѣмъ ли въ срединѣ дачи, въ пашняхъ ли то, лѣсныхъ или въ иныхъ состоитъ угодьяхъ? да и гдѣ Графъ Алексѣй Владиміровичъ единственный владѣлецъ, и что на его часть точно земли и лѣсу на правой сторонѣ рѣки Рузы принадлежитъ, которой все по количеству душъ не много и не больше 4000 десятинъ. И о послѣдней цѣнѣ сего имѣнія, совѣта ради, приказалъ я ему адресоваться къ Вашему Сіятельству, какъ лучшему пособію.

Брату Князю Павлу Сергѣевичу, сходственно приказанію Вашему, паспортъ посылаю, поставляя себѣ особливымъ удовольствіемъ Вамъ служить; употребляйте только къ тому всегдашнюю готовность искренно Васъ любящаго и почитающаго.

1777 года,
12 Февраля.

КНЯЗЮ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Вручитель сего, по надеждѣ на особливую Вашу къ нему милость, конечно, не имѣетъ нужды въ моемъ о немъ ходатайствѣ, мало нѣчто значущемъ; но благожелательствуя ему противъ воли, я симъ провождаю его къ Вашей Свѣтлости, присовокупляя всеприлѣжную прозьбу пособить ему во увольненіи на 6 мѣсяцовъ, для приведенія въ состояніе его законныхъ нуждъ, непреложно сердцемъ и душою преданнѣйшимъ пребывая.

NB. О Карлѣ Ивановичѣ Кайлоборсѣ.

1777 года,
13 Февраля.

Милостивый Государь мой,

Дядюшка, Князь Александръ Ивановичъ Борятинскій!

Я слышу, что Ваше Сіятельство намѣряетесь продать свое сельцо, со мною смежное, и можетъ быть изъ тѣхъ же причинъ, чтобы, не кстати лежащее продавъ, купить по близости и способности, какъ и я нынѣ продалъ Александру Ѳедоровичу Талызину свое сельцо, Панино. Кромѣ способности родство и моя душевная всегда къ Вамъ преданность, даютъ мнѣ къ сей куплѣ ближайшее право, а получа оное, имѣть новое титло Вашего одолженія. Я просилъ Графа Александра Петровича, чтобы онъ совершилъ сію куплю, а Васъ прошу его благосклонно принять и вѣрить, что я всегда съ непремѣннымъ усердіемъ и высокопочитаніемъ

Вашего Сіятельства.

всепокорный слуга.

1777 года,
13 Февраля.

МЕЩЕРСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Алексѣй Васильевичъ!

Имѣя нѣкоторымъ образомъ участіе въ дѣлахъ Вашихъ по завѣщанію покойнаго родителя Вашего, который меня къ тому уполномочилъ, долженъ я жалѣть, что больше недоумѣніе мое, нежели Ваше несогласіе, вводитъ меня въ новыя Вамъ докуки, и особливо относительно церковнаго строенія, и я Васъ найпристательнѣйше прошу меня увѣдомить, сколько есть закладныхъ и на чье имя изъ Васъ, и въ тѣхъ на сооруженіе церкви денегъ предѣленныхъ, какъ изъ завѣщанія покойнаго отца Вашего главнаго пункта?

Впрочемъ, пребываю и пр.

1777 года,
13 Февраля.

СЕКРЕТАРЮ ЗАМЯТИНУ.

Государь мой,

Михайла Алексѣевичъ!

Изъ представленія ко мнѣ моего въ дѣлахъ повѣреннаго, Х тисова, по двумъ артикуламъ, я имѣю большую надобность Вашемъ благодѣяніи и пособіи, и именно о новыхъ прудахъ, онъ непремѣнно полагаетъ надобнымъ вычистить, и о мельни Авдѣевкѣ, чтобы по ветхости вновь выстроить; я бы желалъ пру уступя въ надобныхъ мѣстахъ, обдѣлать берега дерномъ отлог образомъ, а мельницу такимъ, чтобы настоящая плотина была ра съ высотою воды, потребной на колеса, такъ, дабы лишняя, б вешниковъ чрезъ плотину просто шла, а ровъ, исходящій въ вую и свою сторону, обратить въ каналъ, и обдѣлавъ его, п весть имъ воду на колеса, коимъ число опредѣлить по количест и теченію воды, и чтобы амбаръ, плотина и каналъ съ лотокам что на колеса, и въѣзжій дворъ отдѣланы были чисто и манерно, амбаръ бы имѣлъ фигуру Китайскаго строенія, а въѣзжій двор Нѣмецкой корчмы съ покоемъ для мельника и гостей выгодным а сараемъ для помѣщенія возовъ и лошадей пространнымъ. Я пр лагаю и планы тутъ идеальныя, прося Васъ, посовѣтовавъ съ бл годѣтелями моими, Графомъ Александромъ Петровичемъ и Карло Ивановичемъ, примѣняясь Московскимъ работамъ, сдѣлать смѣт во что оба предполагаемые артикулы обойтись могутъ, мнѣ соо щить, а къ мельницѣ заготовлять матеріалы и начать свозит Я для оной идеи прилагаю при семъ для амбара фасадъ, а д въѣзжаго двора фасадъ и планъ.

1777 года,
16 Февраля.

СЕКРЕТАРЮ ЗАМЯТИНУ.

Государь мой,

Михайла Алексѣевичъ!

Благодарю Вамъ найпризнательнѣйше за присылку плана ему лѣсу Троицкому съ принадлежностьми, и за приложенное

ить экономическое описаніе. Одно и другое доказываютъ мнѣ, что Вы, при искуствѣ совершенномъ, и отмѣнной трудъ, въ одолженіе мнѣ, приложить похотѣли, и я, считая сіе на себѣ пріятнымъ обязательствомъ, постараюсь Вамъ по возможности взаимн отслужить. Теперь, имѣя оный, ожидаю нетерпѣливо и мною прошенной и Вами обѣщанный планъ увеличенной мѣры мѣсту, что лежитъ подъ домомъ и садомъ, я желалъ бы имѣть оный планъ, начавъ отъ сарая кирпичнаго и обнявъ рощу по дорогѣ, что за ней до первой или верхней плотины новыхъ прудовъ, и перейдя ную, захватить всѣ рощи, паралельно съ садомъ и домомъ лежащія, до дороги Троицкой въ Авдѣевку, а перейдя оную, обойтить рощу мелкую и крупную, что за житницею, спустясь лугомъ къ рѣкѣ Пехаркѣ, до впаденія въ оную двухъ рѣчекъ, Некинки и Рудевки, прося Васъ прилежно не только всю внутреннюю ситуацію положить на сей планъ, но и высоту отъ рѣки Пехарки береговъ назначить по всему сему разстоянію.

Есмъ, впрочемъ, съ усердіемъ.

1777 года,
16 Февраля.

ЧЕРНИГОВСКОМУ ЕПИСКОПУ ѲЕОФИЛУ.

Преосвященнѣйшій Господинъ,

Милостивый мой Архипастырь!

Поздравленіе, которое сдѣлали Вы, Преосвященнѣйшій Владыко, во всепочтеннѣйшемъ Вашемъ, отъ 4-го Генваря, вступя въ Новый Годъ, служитъ мнѣ поводомъ къ заключенію навсегда, что ни отдаленность моя, ниже давнее отсутствіе не есть довольно сильны изторгнуть меня изъ Вашей памяти и отринуть отъ Вашей ко мнѣ благосклонности, къ которой не по мѣсту пребыванія моего, но вездѣ будучи въ признательнѣйшемъ расположеніи, питаю я къ Вамъ душевную мою преданность, а пользуясь симъ случаемъ, открываю предъ Вами и всеискреннѣйшія желанія мои, и послужитъ сей Новый Годъ и премногіе будущіе, моему Милостивому Архипастырю, источникомъ всѣхъ и всякихъ благощастій, льстя себя, впрочемъ, непремѣнною Вашею ко мнѣ милостію,

коей и благословенія отъ Васъ испрашивая, останусь я непреложн
съ истиннымъ усердіемъ.

1777 года,
Февраля 20.

Государь мой,

Иванъ Михайловичъ Скоропадскій!

Отвѣчая Вамъ на всепріятнѣйшее Ваше, прошу мнѣ отпу
стить, что не тѣмъ языкомъ, кой Вы въ своемъ почтительном
употребили, я медленно сіе исполняю. Я не имѣю при себѣ зн
ющаго оной человѣка, будучи самъ посѣщаемъ непрерывно бо
лѣзненными припадками и выведенъ изъ возможности; ласка
себя по Вашему благосклонному ко мнѣ расположенію, что В
найдете по мысли и дѣломъ готовость и добрую волю къ Ваше
услугѣ. Что до казуса, о чемъ есть рѣчь, находя Васъ, мой лю
безный Другъ, чрезъ толь многія лѣта терпѣлива, во утѣшеніе Ва
развѣ скажу, что остается послѣ того весьма уже не въ доли
увидѣть исканіе Ваше справедливо рѣшеннымъ, такъ какъ мнѣ
персональное имѣть удовольствіе Вамъ подтвердить о моемъ усерді
и преданности, съ коими непреложно пребываю.

1777 года,
Февраля 25.

Для памяти Г. Адъютанту Транзею, что ему въ продав
емомъ селѣ Заяньѣ съ деревнями самому прилежно см
трѣть; и о чемъ навѣдаться отъ тамошнихъ поселянъ
сосѣдей.

Самому прилежно осмотрѣть: 1-е, все господину въ томъ сел
или деревняхъ принадлежащее, въ домѣхъ и какова соетоян
и внутренніе приборы; въ садахъ, каковой они долготы, широты
регулярные или нерегулярные и какого рода, количества и к
чества плодовитыя въ ономъ деревья; въ мельницахъ, сколь
камней или ступъ, и какого мастерства оныхъ отдѣлка и вод
количество; въ скотскихъ дворахъ, строеніе и скотъ, какого они
состоянія и въ какомъ числѣ, въ амбарахъ наличнаго хлѣба кол
чество и доброту. 2-е, Начавъ селомъ Занчьимъ до послѣдней д

ревни мѣстоположеніе, озера, рѣки, рощи, лѣса, и какой оные долготы, широты и первыя глубины, а послѣднія высоты, и какого роду дерево, строевое, или дровяное, и что изъ тѣхъ угодій точно владѣльцу принадлежитъ, или своимъ крестьянамъ и другимъ владѣльцамъ; какъ велика которой часть, и что въ селѣ и деревняхъ крестьянскихъ дворовъ и въ оныхъ душъ, и какъ далеко которая деревня отъ села и другихъ смежныхъ деревень.

Тамошнихъ поселянъ спросить: 1-е. О количествѣ пашни, сѣнокосовъ, по тамошнему исчисленію десятинъ или копенъ, и что въ таковыхъ долготы и широты саженъ, и что именно въ селѣ Заиньѣ и другихъ деревняхъ и пустошахъ на господина, на церковь и ко всякому изъ нихъ селенію принадлежитъ, и какова качества пахотная земля и сѣнокосъ, и какъ плодоносны?

2-е. Какіе оклады денежные или работы на нихъ нынѣ лежатъ, и въ чемъ оныя состоятъ?

3-е. Въ принадлежащихъ ко владѣнію озерахъ и рѣкахъ, какая рыба и какимъ количествомъ, всегда ли равно, или по временамъ, и въ какомъ времени года лучше ловится?

4-е. Куда они продукты господскіе въ продажу отвозятъ, какъ далеко отъ тѣхъ пристаней, при какихъ мѣстахъ и на какихъ рѣкахъ?

5-е. Не имѣютъ ли они съ сосѣдями споровъ, или иногда уже и тяжбъ съ кѣмъ, и въ чемъ оныя состоятъ, и гдѣ судятся?

У сосѣднихъ спросить о всемъ томъ, что и у тамошнихъ, а впрочемъ о состояніи промысловъ поселянъ села Заянья съ деревнями.

КАРПОВУ.

1777 года,
12 Марта.

Василій Карповъ!

Съ симъ отправлены отъ меня машинной мастеръ, для построенія повоназначенной при Добрушѣ пильни, по моделѣ посылаемой, коей присоединяя тутъ мачтабъ, я желаю, чтобъ и въ Терюховкѣ, въ чемъ можно, сходственно съ оной, исправить, разумѣя не о всемъ строеніи, но токмо о самихъ колесахъ, рамахъ,

саняхъ и поедемахъ (?), да и въ прочихъ мѣстахъ, гдѣ нужны маслобойни и Вы увидите въ томъ надобность. По контракту, который при семъ слѣдуетъ въ переводѣ, смотря на искуство сего мастера и по успѣхамъ его дѣлъ, производить ему уплату по третямъ года, увѣдомивъ меня между тѣмъ, гдѣ, и какого рода машины заведены будутъ, такожъ и о первыхъ по тому успѣхахъ.

Вамъ доброжелательный слуга.

1777 года
21. Марта.

МОСЦЕПАНОВУ.

Максимъ Климетіевичъ!

Отлагая отъ дня въ день мою поѣздку, по слабости моего здоровья, не хочу упустить случая, чтобы не извѣстить Васъ предварительно до моего пріѣзду, о расположеніи моемъ относительно строенія въ Харченковомъ Хуторѣ. Тамъ флигеля вновь заложены, домъ не додѣланъ. Мнѣ здѣшніе архитекторы доказываютъ, что сіе весьма регуламъ хозяйства противно, ежели работа порывками производится, и не отдѣлавъ въ одномъ мѣстѣ, за другое принимается, и что сутерены въ городѣхъ по тѣсноте мѣста принужденно дѣлаются, а въ домахъ деревенскихъ они вовсе не употребляются. Сему правилу слѣдуя, желалъ бы я совершить прежде въ Харченковомъ хуторѣ домикъ, но не въ три этажа, а только въ два сверхъ сутереновъ, а оные обратить въ кладовые и погреба; я планъ и фасадъ оному посылаю

Хотѣлось бы мнѣ, чтобъ, не упуская удобнаго времяни, и въ Качановскомъ хуторѣ, начатые Вами преспективы, что отъ одной рощи къ дрогой ведены съ правой стороны вплоть къ березовой рощѣ, а съ лѣвой стороны до дороги, что садовникомъ назначена на полуостровъ, досажены были.

Есьмъ съ усердіемъ.

1777 года,
21 Марта.

Николай Васильевичъ!

Я увѣренъ, по Вашему ко мнѣ дружескому расположенію, что Вы не упустите удобнаго времени къ насадкѣ деревьевъ и приведенію другихъ мѣстъ выровнять по плану садовъ, и гдѣ надобно дерномъ устлать; а что до цвѣтовъ лежитъ, то ежели бы Батуринскій садовникъ дать и самъ быть отрекся, Вы можете оныхъ требовать отъ Василія Карповича изъ Топали, къ коему я писалъ, чтобы и садовника на время къ Вамъ прислать. Въ работникахъ за деньги недостатку, конечно, не будетъ.

Есьмъ съ усердіемъ.

1777 года,
27 Апрѣля.

ЗАМЯТИНУ.

Государь мой,

Михайла Алексѣевичъ!

Чтобы не упустить время удобно къ строенію мельницы до моего прибытія, спѣшу Вамъ дать знать, что видя, кромѣ лишнихъ издержекъ, многія затрудненія къ строенію оной на новомъ мѣстѣ, соглашаюсь начать оную по плану, мнѣ присланному, на старомъ, и сходственно тому и дворъ мельничной расположить по способности. Что до прудовъ, то моего мнѣнія не было и нѣтъ сдѣлать ихъ и малѣйше регулярными, какъ въ Вашемъ планѣ показано, но только по берегамъ, оставя дороги на 4 аршина, кругомъ береговъ снять весьма отлого и до воды устлать дерномъ, оставляя ихъ въ ихъ настоящемъ положеніи, развѣ бы нѣкоторыя мѣста поправить и углубить, чтобы вода вездѣ равно покрыла; а по сему моему мнѣнію и прошу Васъ, иногда исчисленіе сдѣлавъ, ко мнѣ прислать.

Желаніе мое есть нѣчто въ саду перемѣнить и вновь разсадить, время къ тому удобное еще не прошло. Планъ укажетъ Вамъ, гдѣ и какъ я опредѣляю, а въ лѣсѣ недостатку быть не можетъ. Садовникъ свой, подъ присмотромъ Вашимъ и по пока-

занію найдется въ состояніи сдѣлать оное. Примѣтить хочу только о образѣ дороги: обложить надобно дерномъ на 1 футъ, а средину нѣчто съ возвышеніемъ убить пескомъ съ хрящемъ, и отъ дорогъ зачинать садить мелкимъ, а въ средину крупнымъ деревомъ, мѣшая сосну, ель, березу, липу и другія, и такъ часто, чтобы только корню было свободное мѣсто.

Я, видя по сдѣланнымъ отъ Васъ и Матисова представленнымъ смѣтамъ, что большое количество и самаго лѣсу и дров покупкою приготовлять полагается, а въ семъ пунктѣ съ нѣкоторымъ осмотрѣніемъ употреблять свой весьма не въ убытокъ и оскудѣніе по довольству онаго, да и въ хозяйствѣ бы сіе послужило нѣкоторою замѣною лишнихъ издержекъ.

Есьмъ съ усердіемъ.

1777 года
1-го Мая.

ЕЛЧАНИНОВУ.

Милостивый Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Въ искренности и моемъ къ Вамъ усердіи не знавъ для себя предѣловъ, нахожу всегда я въ томъ свое удовольство, когда только могу подавать Вамъ удостовѣреніе о моей преданности и навѣдываться о Вашемъ благосостояніи. Сей случай открываетъ мнѣ къ тому путь но между тѣмъ, пока мнѣ быть въ пріятномъ ожиданіи, схотѣлось предварительно увѣдомить Васъ, что докладъ о Вашемъ произвожденіи уже поднесенъ Ея Императорскому Величеству къ апробаціи, и Вамъ теперь остается, конечно, не въ долгъ увидѣть верхъ своего желанія, какъ справедливое воздаяніе, за службу Вамъ принадлежащее. Я со дня на другой не лучше поправляюсь въ своемъ здоровіи, да и самое настоящее время влечетъ кажется съ собою новые для меня болѣзненные припадки, и совсѣмъ почти отказалось послужить мнѣ хотя на малѣйшее облегченіе. Кланяюсь всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ, особливо Петру Петровичу, и въ заключеніе, повторяя о непреложномъ моемъ къ Вамъ усердіи, пребываю, какъ и всегда.

1777 года,
Мая 17 дня.

ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ПАНФИЛОВУ.

Духовнику Ея Величества.

Всепречестнѣйшій Господинъ Протоіерей,

Милостивый мой Пастырь и благодѣтель!

Хотя не мое совсѣмъ дѣло подавать свидѣтельство о достоинствахъ духовнаго сана, ниже заключать что либо въ ихъ пользу, но, убѣждаемъ будучи справедливостію, которую отдать должно сего вручителю, Отцу Михайлу, по служенію своему, конечно, довольно Вамъ извѣстному, не могу я не сказать, чтобы онъ не заслужилъ всякое уваженіе. Онъ, служа въ арміи моего предводительства въ войну послѣднюю первымъ Священникомъ и моимъ Духовникомъ, снискалъ, усерднымъ и ревностнымъ должности своей отправленіемъ, всеобщее въ томъ благопризнаніе, но винитъ себя при всемъ томъ и нынѣ нимало не взысканнымъ къ награжденію. Считалъ бы онъ въ томъ весьма уже оное, если бы Вашему Высокопревелебію угодно было явить ему руку помощи къ пристроенію его въ число придворныхъ, на вакантное мѣсто послѣ отца Іоанна, а я, какъ участникъ, пріемлю сіе для него милостивое одолженіе на счетъ свой, пребывая, впрочемъ, съ совершеннымъ почтеніемъ.

1776 года,
Мая 30 дня.

КНЯЗЮ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Отъ Графа Ходкевича присланъ ко мнѣ нарочной Офицеръ, для привозу къ нему патента и паспорта, которые я, хотя самъ ему поставить, отъ дня въ день откладывая свою ѣзду, цѣлыя полгода удержалъ. Онъ посредствомъ моимъ проситъ Васъ, мой Вседражайшій Другъ, чтобы Карла Грабовскаго, сына и Коменданта Конной Гвардіи Польской и брата двоюроднаго того Генерала-Адъютанта Королевскаго, которому данъ орденъ Св. Георгія, въ Суздальскомъ полку сержантомъ пять лѣтъ уже записаннаго, тѣмъ же чиномъ въ Преображенкій полкъ перевесть, и на совершеніе

наукъ дать паспортъ приказали; я не могу и не хочу ему въ том отказать; онъ уже знаетъ, что твое есть еже миловати, и снисхо дительнаго опредѣленія ожидать буду, чтобы увѣдомить его пр отправленіи обратномъ сего Офицера, пребывая съ душевною к Вамъ преданностію.

30-го Мая.

СЕРГѢЮ МАТВѢЕВИЧУ КОЗЬМИНУ.

Я всегда досадую на себя, когда имѣю необходимо ть безп коить тебя, мой дражайшій Другъ, докуками своими, знавъ теб обремененнымъ многими дѣлами; но не могу уклониться, однако ж по извѣстному мнѣ доброхотному твоему расположенію, чтобъ х ходатайствовать и при семъ въ пользу Артиллеріи, Г. Подполко нику и кавалеру Бухволцу, въ минувшую войну со мною вмѣст служившему съ отличнымъ усердіемъ и ревностію. И если доволь но одобренія Провительствующаго Сената къ одержанію ему св его исканія о мызѣ, и отъ тебя зависитъ докладъ Государын то я всеприлѣжно и всепокорно прошу оказать Ваше ему въ том пособіе на мой счетъ, вѣривъ о мнѣ, впрочемъ, что я всегда пр бываю съ душевною къ Вамъ преданностію.

1777 года,
Іюня 8 дня.

КОЧУБЕЮ.

Милостивой Государь мой,

Степанъ Васильевичъ!

Петръ Васильевичъ, отъѣзжая отсель въ Украину, иска моего предстательства у Вашего Превосходительства, о пособіи е въ скорѣйшемъ и сходственнѣйшемъ препорученіи имѣній, Всем лостивѣйше пожалованныхъ; въ чемъ удовлетворяя, имѣю меж тѣмъ всеприятнѣйшій случай повторить предъ Вами и о то совершенномъ почтеніи и истинной преданности, съ коими я в гда пребываю.

1777 года,
Іюня 8 дня.

ТУМАНСКОМУ.

Государь мой,

Василій Григорьевичъ!

Не могучи уклониться отъ усильной прозьбы Петра Васильевича, при отъѣздѣ отсель въ Украину искавшаго у меня посредства къ Вашему Высокородію, о пособіи ему въ скорѣйшемъ и сходственнѣйшемъ препорученіи имѣній, Всемилостивѣйше пожалованныхъ; я симъ оное исполняю, имѣя при томъ и то удовольствіе, что могу подать Вамъ и удостовѣреніе о всегдашнемъ моемъ къ Вамъ усердіи, съ которымъ пребываю.

Іюня 8 дня.

ВАСИЛІЮ КАРПОВУ.

Изъ Парафѣевки и отъ Семена Федровича будетъ доставлена къ Вамъ въ Топаль вся моя охота, которую, по прибитіи Петра Васильевича въ его деревни, отправьте къ нему при потребномъ числѣ охотниковъ, или же и всѣхъ.

Вамъ доброжелательный слуга.

Іюня 8 дня.

НИКИТѢ ЯКОВЛЕВИЧУ СТАРОВУ.

Охоту мою, что въ Парафѣевкѣ, прикажите отправить въ Топаль съ охотниками и препоручить тамъ на руки Василью Карповичу.

Вамъ доброжелательный слуга.

1777 года,
9-го Іюня.

МОСЦЕПАНОВУ.

Государь мой,

Максимъ Клементьевичъ!

На два Ваши, отъ 1-го и 18-го Мая, 2-го сего мѣсяца полученныя, служу въ отвѣтъ. Домъ Кочуровской и съ флигелями

выкрасить сѣроватою краскою, по приложенному при семъ образ
ку; мебели же въ оной и Ташанской самъ по пріѣздѣ опредѣлю, п
какимъ быть. Впрочемъ, отлагать не худо что либо иногда дѣл
вновь, но начатое я желалъ бы кончить. И такъ жалѣю, что а
не досажены, по недостатку дерева; что до дому въ хуторѣ Х
ченковомъ, Вы уже знаете, что не сему было быть отъ меня
лагаемо, но зачавши уже, и его окончать надобно; для того я н
что сходственное съ положеніемъ мѣста и употребленіемъ опред
лилъ отмѣнить. Правда, что печи не къ мѣсту у меня постав
ны, но и въ планѣ Вашемъ сіе наблюденіе не было сдѣлано,
нынѣ отмѣнилъ тамъ печи; сообщаю Вамъ и все, препоручая
полную Вамъ диспозицію совершить опой сходно съ мнѣніемъ В
шимъ, и сколько можно, и съ хозяйскимъ желаніемъ. Я по Ваше
лучшему на мѣстѣ усмотрѣнію и извѣстному искуству и ко м
доброхотству сего ожидая, всегда пребуду.

P. S. Въ новомъ строеніи, гдѣ погребъ полагался быть, Кар
Ивановичъ, по расположенію онаго, находитъ пристойнымъ къ о
рацепію въ гротъ, къ тому и я имѣю желаніе; слѣдовательно,
отдѣлка его въ сутеренѣ быть должна, сходственно сему предп
ложенію; а погребъ уже на новомъ не подалеку тогожъ мѣста в
горѣ, въ закрытіи, съ ледникомъ расположить надлежитъ.

1777 года,
9-го Іюня.

ЕЛЧАНИНОВУ.

Милостивый Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Отправляя обратно Польскаго Офицера и Вашего куріера, к
тораго Вы съ нимъ прислали, прошу препроводить его далѣе
мѣста. Въ разсужденіи себя, кажется, здѣсь присовокупить н
чего, ибо удостовѣреніемъ о моей искренности и безпредѣльн
предъ Вами преданности, не другое что будетъ, какъ повторен
вонхъ предыдущихъ. Я все обратилъ уже въ Вашу сторон
терпѣніе на нѣсколько еще нужно. Послѣдуйте въ томъ пр

вѣру моему, — я хотя хочу, но, не не могучи, крѣплюсь. Будетъ однако жъ, время, что я дожду, конечно, удовольства Васъ обнять и увѣрить о истинномъ усердіи, съ коимъ всегда пребываю

Вашего Превосходительства.

покорнымъ слугою,

1777 года,
17 Іюня.

ВЕССИНУ.

Государь мой,

Петръ Мартыновичъ!

Изъ сундука большаго краснаго, отъ котораго посылается при семъ и ключъ съ ерлыкомъ подъ литерою *а*, прикажите, вынявъ синей Федьмаршальскій кафтанъ, съ камзоломъ и штанами къ оному, и положивъ въ особой, такъ чтобъ никакова вреда сдѣлаться въ дорогѣ не могло, сюда прислать. Другой же чорной сундукъ, въ проѣздъ въ Москвѣ оставленной, отъ коего ключъ подъ литерою *б*, открывъ, пересушить всѣ вещи, въ ономъ имѣющіяся, и описавъ оныя, сложить опять до моего прибытія и опять ко мнѣ доставить. Между тѣмъ увѣдомить меня, кто именно изъ людей моихъ, прибывшихъ изъ Украины, обратно туда не отправлены и остаются въ Москвѣ, для чего, и на какомъ содержаніи?

1777 года,
20 Іюня.

РАЗУМОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Кирилла Григорьевичъ!

Сколь прискорбно мнѣ, что я съ тѣхъ дней точно, когда полагалъ особливое для себя удовольствіе въ Малой Россіи быть, чтобы сдѣлаться болѣе и болѣе Вашей ко мнѣ благосклонности достойнымъ, принужденъ былъ оную оставить, и здѣсь за разными недугами по сіе время задержаться, нахожусь въ трудности изъясниться; столь съ другой стороны ощущаю полное утѣшеніе по

доходящимъ ко мнѣ извѣстіямъ и на самомъ дѣлѣ, что Ваше Сіятельство и въ отсутствіе мое ко мнѣ благоволите, и что конскому моему заводу, по увѣдомленію моего Адъютанта Евремнова, положили прямое основаніе. Въ надеждѣ и желаніи пребывая скоро и лично Вамъ за все то возблагодарить, не хочу упустить случая при отъѣздѣ къ Вамъ любезнѣйшаго сына Вашего, Графа Алексѣя Кирилловича, чтобы не предварить письменно, препровождая оное всеискреннѣйшимъ желаніемъ, чтобъ онъ нашолъ Васъ, Милостиваго моего Графа, въ самовожделѣнномъ здравіи и благоденствіи, и чтобъ Вы, сохраняя непремѣнную Вашу ко мнѣ благосклонность, пребыли удостовѣрены, что я непреложно пребываю съ душевною преданностію

Вашего Сіятельства

Милостиваго Государя моего

всепокорнымъ и всепослушнымъ слугою.

1776 года,
Іюля 2 дня.

ЧЕРНЫШЕВУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Захаръ Григорьевичъ!

Упустите мнѣ, Ваше Сіятельство, что я не могъ отвѣчать Вамъ на всепочтеннѣйшее Ваше отъ 30 Апрѣля такъ скоро, какъ мнѣ хотѣлось. Стеченіе разныхъ недуговъ лишило меня на нѣкоторое время сего удовольствія. Въ теперешнемъ же лучшемъ немного положеніи будучи, имѣю я по тому и пріятнѣйшій случай бесѣдовать съ Вашимъ Сіятельствомъ. Вы, мой Милостивый Графъ, въ городѣ и въ деревенскомъ уединеніи всегда себя отличаете своими упражненіями, и я щастливымъ себя почитаю, бывавъ только иногда соучастниковъ выполненія Вашихъ сораспоряженій, и особливо, что Вы меня въ числѣ выбранныхъ Вами удостоиваете занять уголокъ въ сооруженномъ въ Ерополчѣ храмѣ. Вы знаете, что я свою харю и прежде ненавидѣлъ, и никогда бы не пустился оной на изображеніе, ежели бы не предсталъ случай, коему повиноваться долженъ, а потому и по мѣрѣ предложеній Вашихъ представить какъ найскорѣе потщусь. Будучи извѣстенъ, что Ея

Сіятельство, вседражайшая Ваша Графиня, изволитъ Вамъ спутешествовать, свидѣтельствую ей мое найусерднѣйшее почтеніе, жалѣю при томъ найчувствительнѣе, что, по удаленію моему, не могу я имѣть чести видѣть лично и принять милостивыхъ моихъ благодѣтелей въ моемъ пустыркѣ, и по ихъ наставленіямъ, въ разсужденіи пріятнаго и полезнаго, оной учредить.

Г-нъ Башиловъ, сего вручитель, имѣетъ къ Вашему Сіятельству Высочайшій Указъ о дачѣ ему аренды въ Вашей Губерніи. Онъ мнѣ сослуживецъ и изъ временъ давнихъ весьма; и я моего милостиваго Графа прошу покорно оказать ему милость сходственно его исканію.

Ваше Сіятельство, отличая меня своею благосклонностію и милостію, отдадите и справедливость непреложному, совершенному высокопочитанію и душевной преданности, съ которыми пребываю

Вашего Сіятельства,

Милостиваго Государя моего,

всепокорнѣйшимъ и всепослушнымъ слугою.

1777 года,
3 Іюля.

Государь мой,

Семенъ Ѳедровичъ!

Вами послѣднія, отъ 7-го, съ приложеніями, я исправно имѣя, повторяю и подтверждаю мое признаніе и благодарность къ Вашимъ благодѣяніямъ. Въ проѣздъ мой послѣдній въ новомъ домѣ, кромѣ передѣлки половъ въ залахъ, ничего новаго не примѣтя, не помню, что проворчалъ; но сказано мнѣ, что въ замѣну невиднаго, столярная работа вся отдѣлывается, и всѣ увѣдомленія обнадеживали меня отъ одного лѣта къ другому, что кромѣ залъ, все къ концу приводится. Представьте же себѣ мое удивленіе, каково произвело прилагаемое въ копіи здѣсь письмо, гдѣ въ трехлѣтнее упражненіе, только открыты худоба кровли, неискуство мастеровъ, негодность матеріяловъ, и что отъ сего времяни полагается надежда къ поправленію; и я Васъ прилѣжно прошу, взявъ во

уваженіе, во что мнѣ сіе строеніе обошлось и подобныя увѣдомленія, предостеречъ меня отъ напрасныхъ убытковъ, и взять за мѣры къ окончанію сего строенія таковыя, чтобы по крайней мѣрѣ оно прочно и къ житію удобно было, и дать мнѣ знать, кто съ сими мастеровыми договоры, и на какихъ кондиціяхъ дѣлалъ? гдѣ они работу производили, въ домѣ ли, или въ гор ѣ? и кто отъ нихъ принималъ изъ сыраго дерева дѣланныя двери, окна и прочее? И какъ Г. Алексѣеву препоручилъ я вновь назначиваемыя въ Топалѣ и Гомлѣ строенія, тутъ же вмѣсто его опредѣлилъ быть брату Максима Климентіевича подъ его дирекціею, а мнѣ желается и обѣ залы отдѣлать нынѣшнимъ лѣтомъ, то я и прошу отыскать Максима Климентіевича, и мастеровъ штукатуровъ, чтобы оное строеніе симъ окончить, да и кровлю по его совѣту поправить.

---

3 Іюля.

МОСЦЕПАНОВУ.

Максимъ Климентіевичъ!

Я, препоручивъ Г. Алексѣеву новоназначиваемое строеніе въ Топалѣ и Гомлѣ, желалъ, чтобы Вы взяли подъ смотрѣніе свое домъ Кочуровской и опредѣлили брата Вашего, для исправленія работъ. Г. Алексѣевъ, чрезъ трехлѣтнее упражненіе, наконецъ открылъ непрочность въ кровлѣ и весьма дурную отдѣлку столярной работы, сдѣланной изъ сыраго лѣсу, и меня о томъ нынѣ увѣдомляя, обнадеживаетъ, что отъ сего времени и мастера и матеріалы лучше употребляемы будутъ. Сіе должно было меня не только удивить, но и чувствительно тронуть, увидя, вмѣсто ожидаемаго сему строенію окончанія, что Г. Алексѣевъ полагаетъ отнынѣ только мнѣ ожидать и въ работѣ успѣха и въ мастеровыхъ исправленія. При великихъ издержкахъ и терпѣніи, каковыя я понесъ, не нахожусь я въ состояніи далѣе сего поправленія ожидать; и прошу Васъ найприлѣжнѣе, сходственно прежнему Вашему положенію, и обѣ залы обдѣлать штукатурной работой, и крышку починить съ прибавкою новой черепицы, чтобы я, по понесенныхъ великихъ издержкахъ, хотя малое удовольствіе имѣть могъ онымъ строеніемъ пользоваться.

Съ усердіемъ Вамъ пребуду.

---

3 Іюля.

АЛЕКСѢЕВУ.

Государь мой,

Яковъ Никитичъ!

Я первымъ моимъ письмомъ, препоручая Вамъ назначиваемое вновь строеніе въ Топалѣ и Гомлѣ, поручилъ оставить Кочуровское надъ смотрѣніе Максима Клементіевича, брату его. Карлъ Ивановичъ, въ проѣздѣ своемъ, не примѣтилъ въ семъ строеніи ничего новаго, чрезъ время прошедшее моего оттуда отъѣзду, а по послѣднему Вашему, къ удивленію и сожалѣнію моему, узналъ, что и столярная работа вся дѣлана, не только неискусными мастерами, но и изъ сыраго лѣсу, и что Вы отнынѣ только начинаете обнадеживать меня и лучшихъ матеріаловъ употребленіемъ, и мастеровъ поправленіемъ. Но мое долготерпѣніе и ождивеніе столь велики, въ разсужденіи сего строенія, что я далѣе уже не пущаюсь, но просилъ Максима Клементіевича, чтобы онъ приложилъ все свое стараніе, въ возможномъ его поправя, конечно сего лѣта окончить.

Есьмъ, впрочемъ.

1777 года,
Іюля 11 дня.

ЗОРИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Гавриловичъ!

Вы отзывомъ благосклоннаго заключенія моему къ Вамъ усердію отдаете справедливость, доброхотствуя Г. Тургеневу. Я радуюсь, что Вы въ его щастіи участіе берете, и мою готовость предъявляю всѣми образы споспѣшествовать оному; но какъ дѣла, съ которыми онъ присланъ, такъ сказать, въ самомъ еще своемъ началѣ, слѣдственно и предоставлено воздаяніе за труды и подвиги достойнымъ съ своего времени; и можно Вамъ молвить о немъ особливо Князю Григорію Александровичу, и я думаю, онъ

Вамъ въ томъ не откажетъ, когда я представлю Военной Колле гіи. Поставляя себѣ собственно въ большое удовольствіе всякой случай, гдѣ могу доказать о томъ искреннемъ почтеніи и предан ности, съ коими есьмъ и навсегда буду.

1777 года,
Іюля 12 дня.

ВАСИЛЬЮ КАРПОВИЧУ.

Для домовой услуги потребны мнѣ люди разнаго возраста л лѣтъ, на примѣръ на услугу въ комнаты лѣтъ отъ 8 до 12, в конюхи лѣтъ отъ 18 до 25; и я прошу Васъ первыхъ числом до 10-и, а послѣднихъ до 20, приказать выбрать изъ Гомельских мѣщанъ и изъ деревень людей вида и состоянія здороваго и хо рошаго изъ сиротъ, или изъ семенистыхъ дворовъ, съ обнадежи ваніемъ, что они, по усердномъ прослуженіи нѣкоторыхъ лѣтъ, с награжденіемъ увольняются въ ихъ домы обратно. И о всѣхъ оныхъ прислать ко мнѣ списки, показавъ лѣта и ростъ, мѣста и дворы и съ котораго время, и оставивъ ихъ до моей отповѣди въ их домахъ.

1777 года,
20 Іюля.

Государь мой,

Андрей Дмитріевичъ!

Благодарю Васъ найпризнательно за доставленныя деревца и за Ваше стараніе, чтобъ еще достать для меня хорошихъ. Что до померанцовыхъ и лимонныхъ, кои Вы хотите выписать изъ Кон стантинополя, то я Васъ упреждаю, прося оное оставить, потому что мои оранжереи наполнены таковыхъ сортовъ деревьями, и что оныя не приносятъ ни пріятнаго, ни полезнаго. Отъ 26 числа ми нувшаго Февраля, я просилъ Васъ доставить мнѣ деревецъ Крым скихъ, а не Волоскихъ орѣховъ, каковы обыкновенно сюда Грече скими купцами привозятся сухія, круглыя и продолговатыя. Вы меня весьма одолжите, если нѣсколько ихъ доставите чрезъ опи санныя въ томъ моемъ письмѣ средства, и я навсегда пребуду съ особливымъ моимъ къ Вамъ почтеніемъ.

1777 года,
Іюля 20 дня.

БАГРАТІОНУ.

Милостивой Государь мой,

Князь Иванъ Вахустичъ!

Участвуя во всемъ, Васъ касающемся, не могъ я не быть порадованъ воздаяніемъ Вашему Сіятельству, сколько справедливымъ, толь паче давно уже Вамъ принадлежавшимъ, но лишенъ будучи, по отдаленности, имѣть удовольство персонально сказать о томъ моему любезному Князю, спѣшу хотя симъ всеискреннее мое съ тѣмъ поздравленіе принесть ему, предварительно тому личному свиданію, когда я подать и удостовѣреніе о непреложномъ усердіи, съ которымъ пребываю

Вашего Сіятельства

покорнымъ слугою.

---

20 Іюля.

ГУДОВИЧУ.

Милостивой Государь мой,

Иванъ Васильевичъ!

По случаю воздаянія, сдѣланнаго и Вамъ справедливо, кромѣ службы и достоинствамъ принададлежащаго, оставивъ всякое изъясненіе, сколь симъ я порадованъ, спѣшу только принесть всеискреннее мое съ тѣмъ поздравленіе; ибо, будучи преисполненъ признанія и благодарности къ благодѣяніямъ вседомоваго Вашего семейства, я бы жалалъ имѣть удовольство и раздѣлить то съ ними вмѣстѣ. Но въ ожиданіи того времени, какъ я для того буду имѣть случай къ личному свиданію, сокращаю сіе удостовѣреніемъ, что я всегда съ совершеннымъ почтеніемъ и искреннею преданностію пребываю.

1777 года,
Іюля 27 дня.

ЗАМЯТИНУ.

Государь мой,

Михайла Алексѣевичъ!

Отдача мельницы Авдѣевки по контракту за 200 руб., о чемъ Вы объясняете въ письмѣ своемъ отъ 20 настоящаго, кажется съ кондиціями весьма лучшими противу того, какъ прежде; но я думаю, что и 10 десятинъ сѣнокосу составятъ также не мало, хотя дрова и все прочее потому не значатъ ничего. А посему не худо бы попытаться къ облегченію того въ контрактѣ; когда же бы Вы ни въ чемъ не успѣли, въ такомъ случаѣ заключить договоръ на томъ уже основаніи, какъ пункты ко мнѣ Вы препроводили, дополнивъ къ тому, что при окончаніи срока имѣютъ они ее отдать по описи совсѣмъ такову, какъ приняли.

Есьмъ съ усердніемъ

P. S. Я согласенъ съ мнѣніемъ Вашимъ, что въ стороннія руки всего вѣрнѣе препоручить мельницу, по объясненнымъ Вами причинамъ, какъ и для того, чтобы отдалить подобныхъ прежнему мельнику, который, такъ сказать, подъ видами разными, за безцѣнокъ имѣвъ оную на своихъ рукахъ, хотѣлъ еще и ту цѣну унизить; надѣясь, впрочемъ, что Вы всѣ указныя предосторожности возмете, дабы обезпечить сію отдачу надежными поруками и свидѣтельствами.

При отправленіи сего явился у меня здѣшній купецъ, Семенъ Григорьевичъ, который, по общему торгу съ Васильемъ Антиповымъ Кузнецовымъ, Петра Борисовича Г. Шереметева крестьяниномъ, желаетъ взять для себя эту мельницу, возвышая при томъ цѣну сверхъ 900 руб. 50 рублевъ, съ тѣмъ, что онъ за половинную часть года всегда уплачивать будетъ впередъ. Видно, что дойдетъ и до 1000, если только съ ними прилѣжнѣе поговорить; но когда бъ не нашлось уже больше, то по сему послѣднему заключить контрактъ, какъ выше сказано.

1777 года,
Августа 3.

МИЛОРАДОВИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Андрей Степановичъ!

Наконецъ я въ дѣлѣ Вашемъ одержалъ желаемое, и Вы увидите въ присоединяемой здѣсь копіи изъ Указа Правительствующаго Сената, долготерпѣніе наше награжденнымъ. Хотя подлинно пожалованіе сіе и не толь велико, но я сорадуюсь сему съ Вами искренно, какъ участвующій во всемъ Васъ касающемся, видѣвъ тутъ и важность лестныхъ выраженій въ Высочайшемъ повелѣніи, показывающихъ отмѣнный знакъ уваженія и благопризнанія къ Вашимъ подвигамъ. Не знаю того еще и нынѣ, по какой бы причинѣ оно такъ длилось; однако, какъ бы то уже ни было, забывъ прошедшее, надобно намъ всегда больше мыслить о настоящемъ. Вы обратите, по сему случаю, свою благодарность къ Семену Гавриловичу Г. Зоричу, Вашему одноземлянину, который отмѣнно употребилъ свои исканія, къ доставленію Вамъ Воронковъ, и Князю Григорію Александровичу, не меньше въ семъ способствовавшему. Что же до меня собственно, поставлю то найсовершеннѣйшимъ себѣ удовольствіемъ, если, продолжая Вашу ко мнѣ благосклонность, пребудете удостовѣрены о непреложномъ усердіи и истинной преданности, съ коими я всегда пребываю.

1777 года,
Августа 3.

УМАНЦУ.

Государь мой,

Семенъ Ѳедоровичъ!

Предшедшее мое отъ 3-го прошлаго Іюля должно Васъ увѣрить, въ какомъ я видѣ сдѣлалъ Вамъ мои примѣчанія о великихъ расходахъ и маломъ успѣхѣ въ строеніи; отнюдъ не хотѣлъ я пенять Вамъ, такъ какъ Вы свое заключеніе на то положили; и при семъ повторяю Вамъ всѣ тѣ же слова, и что при отдален-

ности моей, когда бы не препоручилъ то Вашему благодѣтельном надзиранію, понесъ бы несравнительно величайшіе убытки, особливо узнавъ нынѣ отъ Васъ; но дальнѣйшее изъясненіе по сему оставляю я сказать Вамъ лично, лаская себя для того скорым прибытіемъ въ Украину; симъ же довольствуюсь только повторит Вамъ о непреложномъ усердіи, съ коимъ всегда пребываю.

1777 года,
Августа 3-го.

Милостивый Государь мой,

Илья Васильевичь!

Прежде нежели открылъ я письмо Ваше, зналъ уже онаго нѣкоторымъ образомъ содержаніе, что вѣдомость не весьма для Васъ пріятная есть въ томъ главною виною; и подлинно трудно, по случаю сему, остаться непоколебимымъ. Но я, знавъ, что Вы будучи удостовѣрены, съ моей стороны, что сохранить пользу дѣлъ Вашихъ изъ первыхъ есть мое упражненіе по участію, кое пріемлю я во всемъ, къ Вамъ относящемся, заключаю, можетъ быть, безъ ошибки, что Вы перенесли сіе съ тѣмъ спокойствіемъ, какое свойственно Вашему великодушію. Отдаленность моя настоящая, хотя и не выводила бы меня изъ лучшаго положенія замѣнить Вамъ то, сходственно степени Вашего чина; достоинствамъ и заслугамъ, но дабы иногда, или количествомъ, или качествомъ, не сдѣлать нам раскаянія, я оставляю сіе къ моему прибытію въ Украину, гдѣ буду имѣть удовольство изъясниться о томъ съ Вами лично, и тогда постараюсь коль можно удовлетворить справедливому требованію Вашему. Между тѣмъ, свидѣтельствуя дражайшей Вашей супругѣ истинное мое почтеніе, обращаюсь сказать и Вамъ, что я всегда непреложно съ искреннимъ усердіемъ и преданностію есьмъ.

1777 года,
3-го Августа.

Ясне въ Богу Высокопреподобнѣйшій Господинъ Отецъ Архимандритъ

Свито-Кіево-Печерской Лавры,

Милостивый мой Пастырь!

При возвращеніи отсель обратномъ Отца Архимандрита Досиѳея въ свою обитель, въ области Турецкой находячуюсь, по поводу благосклонно оказываемаго Вами для всѣхъ гостепріимства, я осмѣливаюсь препроводить его симъ къ Вашему Высокопреподобію, какъ такого человѣка, который всегда былъ и нынѣ есть усерденъ Христіяномъ, всеприлѣжно прося оказать ему Ваше милостивое позволеніе увидѣть вся святая и велелѣпная.

Обращаясь же между тѣмъ на себя, я довольствуюсь, хотя письменно, свидѣтельствовать милостивому моему Пастырю искреннее мое усердіе, предварительно тому личному свиданію, когда буду я имѣть честь удостовѣрить о душевной моей преданности и отличномъ почтеніи, съ коими всегда пребываю

Вашего Высокопреподобія

покорнѣйшимъ и послушнымъ слугою.

1777 года,
Августа 3.

ВРИНКУ.

Милостивой Государь мой

Иванъ Ѳедоровичъ!

Ѳедоръ Ѳедровичъ, Вашъ любезный братъ, имѣя свои надобности быть въ Курляндіи, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, просилъ моего на то позволенія, о чемъ я предложилъ Князю Александру Александровичу, дабы онъ къ тому времени прислалъ его ко мнѣ курьеромъ, и его теперешній отъѣздъ подаетъ мнѣ всеприятнѣйшій случай сказать Вашему Превосходительству о искреннемъ моемъ сорадо-

ваніи тому милостивѣйшему награжденію, коимъ Васъ справедливо за труды и услуги удостоить соблаговолили, и что я никогда быть не престану съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію.

1777 года,
Августа 3.

КНЯЗЮ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Здѣшняго Надворнаго Суда Президентъ, Баронъ Унгернъ Стернбергъ, желая опредѣлить двухъ своихъ сыновъ въ нашу службу изъ Польской, просилъ моего къ Вамъ ходатайства о принятіи ихъ, въ твердомъ упованіи, что мой Милостивый Князь приметъ оное слѣдствіемъ его ко мнѣ снисхожденія и моей несумнѣнной надежды на его ко мнѣ доброхотное расположеніе. Челобитную съ патентомъ при семъ прилагаю, съ прозьбою, чтобъ ихъ сходственно съ чиномъ ихъ помѣщеніе, безъ персональной ихъ бытности, принять, и ко мнѣ въ команду опредѣлены были, ручаясь за достоинства ихъ. Начинаю я всякое мое письмо докукою, но заключаю всегда въ мысляхъ, преисполненныхъ къ тебѣ, мой милостивый и вседражайшій Князь, призрѣнія и благодарности, съ которыми я на всѣ дни живота съ душевною приданностію пребуду.

1777 года,
4 Августа.

ЗОРИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Гавриловичъ!

Чтобъ легче было можно учинить мое представленіе въ пользу Г. Пламенца и Пѣунова, мнѣ нужно знать о ихъ службѣ, особливо же о первомъ; для чего я и прошу Васъ приказать доставить ко мнѣ таково объясненіе, вѣривъ мнѣ, впрочемъ, что я всякой случай, гдѣ могу оказать предъ Вами мою готовость ко услугѣ, поставляю для себя особливымъ удовольствіемъ, будучи съ преданностію

покорнымъ слугою.

1777 года,
Августа 6-го.

ДЕДЕНЬГВУ.

Милостивый Государь мой,

Михайла Алексѣевичъ!

Г-нъ Геллеръ, съ похвалою служившій въ войну послѣднюю подъ моимъ начальствомъ, будучи покрытъ ранами и удаленъ, такъ сказать, отъ всякой возможности возобновить свое исканіе, взнесенное имъ прошлаго еще года въ Камеръ-Контору, о продолженіи службы, не могъ и понынѣ удостоиться въ томъ Всемилостивѣйшаго благопризрѣнія, хотя нѣкоторые и имѣли сіе щастіе. Его природа и усердная служба даютъ ему къ тому полное право, а Всевысочайшее о подобныхъ уваженіе, какъ единой изъ предлоговъ, что Ея Величество оказывать благоизволитъ, твердую надежду имѣю къ полученію; почему я, дѣлая предъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ мое о семъ Офицерѣ ходатайство, какъ о служащемъ, усугубляю сею всепокорною просьбою ощастливить его Вашимъ многомощнымъ пособіемъ къ полученію справедливо ему принадлежащаго, обращаясь между тѣмъ и о себѣ сказать и о совершеномъ моемъ высокопочитаніи, съ коимъ пребываю.

1777 года,
Августа 9 дня.

ЗОРИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Гавриловичъ!

Имѣвъ отъ Васъ доставленнымъ объясненіе о Г. Пламенцѣ, я удовлетворяю Вашему о немъ предстательству и собственному моему исканію оказать мою готовость Вамъ на услуги, здѣлавъ мое въ пользу его и Г. Пѣунова представленія Сенату, кои при семъ, сходно Вашей воли, къ Вамъ препровождая, заключаю сіе истиннымъ удостовѣреніемъ, что я всегда преданъ съ непремѣннымъ усердіемъ.

1777 года,
12 Августа.

МОСЦЕПАНОВУ.

Государь мой,

Максимъ Климентіевичъ!

Не безъ сожалѣнія о деньгахъ, но больше еще о времени потерянномъ, видѣлъ я описаніе Ваше о непрочномъ и, такъ сказать, прежде окончанія падущемъ Кочуровскомъ строеніи; и чтобы поступая на дальнѣйшіе убытки, не подвергаться подобнымъ же слѣдствіямъ, каковы Вами нынѣ усмотрѣны, спѣшу упредить о кровлѣ, ежели не начали, чтобы оную не крыть черепицею, как по признанію Вашему негодною и не отвѣчающею роду строенія, предоставляя Вамъ покрыть по лучшему Вашему усмотрѣнію; а ежели бы начали, или бы уже часть великую покрыли, то прошу предостеречь, по крайней мѣрѣ, отъ течи, какъ о первомъ и главномъ въ кровлѣ предметѣ. Равномѣрно печи и веденные изъ них борова расположить такъ, чтобы ни малѣйшей опасности строе ніе, слѣдовательно, и жители онаго, не подвергались. Согласуясь впрочемъ, со всѣми Вашими примѣчаніями, разсужденіями и опре дѣленіями, ласкаю себя, что при доброхотномъ Вашемъ ко мн расположеніи, подъ искуснымъ и прилежнымъ Вашимъ надзира ніемъ, буду я имѣть удовольство скоро видѣть сіе, къ паденію клоняющееся, зданіе возстановленнымъ и къ житію въ удобност приведеннымъ, и скорѣе еще изустно мою Вамъ признательнѣй шую благодарность за то и другія понесенные труды сдѣлать.

1777 года,
12 Августа.

УМАНЦУ.

Государь мой,

Семенъ Ѳедоровичъ!

Изъ предыдущаго моего, отъ 3-го настоящаго, видѣли Вы со держаніе моей одной только Вамъ жалобы на убытки, и что я несравненно тѣмъ больше еще понесъ бы, если бъ не ввѣрилъ то

лагодѣтельному Вашему надзиранію; а теперь, получа щеты отъ Максима Климентіевича, долженъ я сказать потому же, что надзираніе, по заключенію моему, было не лучшее и смотрителей и строителей, ибо какъ въ мой проѣздъ оставлено что было 775 году, то и нынѣ только есть, съ тою разницею, что одно изсохло, другое согнило, и домъ весь, такъ сказать, приблизился къ разрушенію. И пишу теперь къ Г. Мосцепанову, чтобъ онъ поудержался покрывать оной черепицею по причинамъ, которыя увидите Вы въ спискѣ, тутъ присоединенномъ; и будучи уже при самомъ моемъ отсель отъѣздѣ, я оставляю дальнѣйшее изъясненіе личному свиданію, когда буду имѣть удовольство повторить Вамъ и о непремѣнномъ моемъ усердіи, съ которымъ пребываю.

1777 года,
12 Августа.

ЕЛЬЧАНИНОВУ.

Милостивый Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Хотя и прошло тому не малое уже время, что я, собираясь со дня на другой посѣтить мѣста Ваши, встрѣчалъ вопреки для себя нѣкоторыя препятія, задержавшія меня до сего въ семъ мѣстѣ, но напослѣдокъ идетъ по желанію, и я, отправивъ сего курі-ера, по слѣдамъ его, конечно, прибуду въ мою Губернію и посѣщу Кіевъ, гдѣ льщу себя найти Вашимъ благодѣтельнымъ пособіемъ все такъ готовымъ и приготовленнымъ, какъ было то минувшаго года. Свидѣтельствуя, между тѣмъ, предварительно мое почтеніе всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ, имѣю удовольство сказать Вамъ и о непреложномъ усердіи, съ коимъ всегда пребываю.

1777 года,
Августа 23.

ЗОРИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Гавриловичъ!

Я не могу не дать мѣста просителямъ о ходатайствѣ у Васъ въ ихъ пользу. Многіе знаютъ Ваше похвальное расположеніе къ

добродѣянію, знаютъ опять и Ваше благосклонное ко мнѣ снисхо
жденіе; а сего вручитель, Отецъ Михаилъ, бывшій въ Арміи моег
предводительства Первымъ Священникомъ и по его службѣ, и бу
дучи мнѣ Духовникомъ, отмѣнно заслуживаетъ мое признаніе. Пре
освященные и Ея Величества Духовникъ, обѣщали мнѣ явить ем
помощь въ приличномъ награжденіи за подвиги его, и помѣстит
на вакантное мѣсто при Дворѣ Высочайшемъ; но онъ надежнѣй
шимъ себѣ считаетъ Ваше къ тому пособіе, о чемъ всеприлѣжн
Васъ прося, всякое благодѣяніе, которое ему оказать изволите, по
ставлю я въ щетъ новыхъ себѣ обязательствъ. Пребываю съ не
преложнымъ усердіемъ

покорнымъ слугою.

1777 года,
Августа 25.
С. Петербургъ.

ОРЛОВУ.

Милостивый Государь мой,

Григорій Никитичъ!

При отѣздѣ моемъ отсель, первою должностію моею щита
отдать справедливость всѣмъ чинамъ, у разныхъ должностей пр
мнѣ отъ Двора находившимся, по Всевысочайшему соизволенію
за ихъ услугу, которую оказали мнѣ они во время моего здѣ
пребыванія. Я изъ между ихъ особливо обязаннымъ себя щита
о пользѣ мундшенскаго помощника Красняковскаго, истопни
Потѣхина и фершала Пробизнаго, просить В-го П. всепокорно
всеприлѣжно, не оставить явить имъ Ваше милостивое благопризр
ніе исходотайствованіемъ при удобномъ случаѣ первому въ мундше
ки, на мѣсто теперь того чина порожнее, а послѣднихъ въ по
мощники; между тѣмъ, обращаясь на себя, приношу я мою все
признательнѣйшую благодарность за Вашу ко мнѣ отмѣнную бл
госклонность, пребывая непреложно съ совершеннымъ почтеніем
и истинною преданностію

Вашего Превосходительства

покорнѣйшимъ слугою.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Въ семъ мѣстѣ получилъ я на почтѣ С.-Петербургской письмо ко мнѣ изъ Молдавіи, которое всеподданнѣйше при семъ Вашему Императорскому Величеству подношу.

Доздѣ путь мой совершивъ по нелутчему здоровью и весьма худымъ погодѣ и дорогѣ не весьма выгодно, и такъ сказать, не приведя дѣла свои въ лутчей порядокъ, поспѣшить стараюсь въ сихъ же дняхъ отправиться далѣе и къ моей должности. Здѣсь, и гдѣ я въ своемъ ни бываю, всегда прославлять долженъ и не престану, щедроты Вашего Императорскаго Величества, на меня толь изобильно изливаемыя Всевысочайшія Вашего Императорскаго Величества милости. Повергаясь, повергаю себя къ подножію со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ,

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ

Г. Р. З.

Сентября 2 дня,
1777 года.

ОТЪ ГОСУДАРЫНИ.

Графъ Петръ Александровичъ! По сдѣланному Вамъ отъ Хана Крымскаго отзыву о выпускѣ безпошлинномъ пятнадцати тысячъ овецъ изъ Малой Россіи и другихъ ближайшихъ къ границѣ мѣстъ, Я не нахожу въ томъ ни какова препятствія, тѣмъ болѣе, что такое количество не вдругъ, но развѣ въ нѣсколько времени вскуплено быть можетъ, что предоставляю на Ваше распоряженіе. Пребываю къ Вамъ всегда доброжелательная.

Въ Царскомъ Селѣ.
Сентября 2 дня,
1777 года.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Я имѣлъ найчувствительнѣйшее обрадованіе получить еще здѣсь Всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества съ

приложеніемъ выписки изъ древнихъ Государственнаго хозяйства обрядовъ, и пріемлю оное знакомъ Всемилостивѣйшаго и въ отдаленности о мнѣ благоволенія, въ которомъ я утверждаю единственно все мое благополучіе.

Подобные изъ старины остатки весьма доказываютъ основательное Вашего Императорскаго Величества о перемѣнахъ древнихъ и новѣйшихъ заключеніе, что въ первыхъ, при всѣхъ недостаткахъ математическихъ правилъ, способовъ и средствъ, стараніе, однако жъ, прилагаемо было къ возможныхъ смѣтамъ и соображеніямъ, въ разсужденіи окладовъ и сборовъ въ податяхъ; а въ послѣднихъ и въ нѣкоторомъ родѣ просвѣщенія уже будучи, брались всегда за скорыя и строгія, натурально и за разрушающія всякую связь порадка мѣры.

Все сіе, однако же, Всемилостивѣйшая Государыня, теперь на лутчемъ пути. Благотвореніе Вашего Императорскаго Величества къ народамъ, Вамъ подвластнымъ, и образы Вашихъ высокихъ и великодушныхъ расположеній суть въ томъ неизмѣннымъ намъ залогомъ, что Ваше Императорское Величество приведете сію, какъ главную часть Государственнаго хозяйства, въ сходственное съ физичнымъ и моральнымъ онаго добромъ положеніе, слѣдовательно, и съ пользою народною, которая есть главнымъ артикуломъ всѣхъ Вашихъ предположеній, и что великія Государства Вашего многолюдствомъ провинціи, имѣя недостатокъ въ землѣ, могутъ удѣлить изъ количества своего большее число людей на обселеніе обширныхъ пустошей, или степей, и, натурально, таково размѣрное въ людяхъ и земляхъ учрежденіе принесетъ и сугубую дань противу настоящей.

Долголѣтствуйте, Всемилостивѣйшая Государиня, неприкосновенно ни малѣйшимъ непріятностямъ до самаго позднѣйшаго предѣла, для благополучія Вашихъ подданныхъ, и Небо, одарившее Васъ свойствами и качествами къ удивленію всего и къ ощастливленію великой части свѣта, да изліетъ на Васъ всѣ свои доброты! Сего Вамъ всеусерднѣйше желаетъ повергающійся къ стопамъ Вашимъ во всеглубочашемъ благоговѣніи и имѣющій щастіе быть

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ
Г. Р. З.

Сентября 10 дня,
1777 года.
Буртники.

ЗОРИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Гавриловичъ!

Благодѣянiи Ваши стали уже извѣстны и въ семъ мѣстѣ, и Вы, содѣлавшись, какъ бы опекуномъ добротворить, не досадуйте на меня за докуки, кои я толь часто Вамъ дѣлаю, въ пользу неотступно требующимъ отъ меня къ Вамъ о ходатайствѣ.

Господинъ Президентъ Унгернъ-Стернбергъ, служба коего и личныя достоинства суть главныя причины къ справедливому его исканiю, вторично нынѣ посланному къ Князю Александру Алексѣевичу для представленiя Ея Величеству, въ томъ просилъ меня, чтобы и Вы, милостивый мой Другъ, не отказались явить для него свое милостивое пособiе къ одержанiю искомаго. Я симъ усугубляю его прозьбу предъ Вами, прося всеприлѣжно и всепокорно, въ собственное мнѣ одолженiе, оказать ему Ваше благодѣтельное вспоможествованiе, вѣривъ, впрочемъ, всегдашнему моему къ Вамъ усердiю и непреложной преданности, съ которыми есьмъ.

1777 года,
10 Сентября.

ВЯЗЕМСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Алексѣевичъ!

Господинъ Президентъ, Баронъ Унгернъ, хвалился мнѣ весьма много твоею къ нему благосклонностiю; и хотя не нужна была бы по тому моя всеприлѣжная прозьба предъ тобою, мой милостивый Князь и вседражайшiй Другъ! въ одержанiи имъ искомаго, но его всеподданѣйшей, при особомъ къ Вамъ провожаемой, но я, всполнить будучи, сколь къ личнымъ его достоинствамъ уваженiя, толь наипаче признательнѣйшей благодарности за его благодѣтельное меня одолженiе, всепокорно прошу полное по его чину жа-

[illegible] ему всходатайствовать, вмѣстѣ съ Семеномъ Гавриловичемъ, [illegible] о семъ особливо я прошу. Сокращаю сіе не лестнымъ удостовѣреніемъ о непреложномъ моемъ усердіи и сердечной преданности, съ которыми никогда быть не престану

Вашего Сіятества

всепокорнымъ слугою.

1777 года,
14 Сентября.
Изъ Бурлака.

КНЯЗЮ Г. А. ПОТЕМКИНУ.

Милостивый Государь мой,
Князь Григорій Александровичъ!

Будучи уже, такъ сказать, на выѣздѣ отсель, получилъ я съ обыкновенною почтою рапортъ отъ Князя Прозоровскаго, къ поднесенію Ея Императорскому Величеству симъ провождаемый при моемъ всеподданнѣйшемъ, который по прочтеніи всепокорно прошу Вашу Свѣтлость удобнымъ случаемъ приказать ко мнѣ доставить. Я не знаю, ежели бы съ куріеромъ оной посланъ былъ, какимъ бы образомъ мимо Васъ сюда могъ быть отправленъ, давши мое повелѣніе нарочно посланному, чтобы куріеры, ему повстрѣчавшіеся, являлись у Вашей Свѣтлости, какъ я о томъ и съ Вами снесся.

Я здѣсь остался долѣе, нежели полагалъ, по причинѣ встрѣтившихся мнѣ неожидаемыхъ, хотя въ выигранномъ моемъ процессѣ, привязкахъ. Не уважая на все мое снисхожденіе къ доброму сосѣдству и дружбѣ домашнихъ моего соперника Г. Сиверса, даже что деньги отъ меня взносимыя, не хочетъ иначе принять, какъ въ монетѣ точной серебряныхъ рублей, которыхъ натурально трудно такъ скоро достать; завтре, однако жъ, брося все, ѣду далѣе и къ моей должности. Впрочемъ, желая, чтобы сіе мое нашло Васъ любезнаго и вседражайшаго моего Князя и Друга, въ наилучшемъ благоденствіи, и чтобы Вы, сохраняя ко мнѣ непрерывно свою благосклонность, пребыли удостовѣрены о совершенномъ моемъ къ Вамъ усердіи и душевной преданности, съ которыми всегда я пребываю непреложно.

1777 года,
Сентября 15.
Буртникъ.

ВЯЗЕМСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Алексѣевичъ!

Г. Бригадиръ Цеймарнъ, усердно служившій въ войскѣ, за раны и по болѣзнямъ, которыя получилъ онъ, будучи многократно на сраженіяхъ, противъ воли его принужденъ испросить увольненіе и Вашему Сіятельству поднести особливую свою прозьбу объ арендѣ къ поправленію скуднаго его состоянія, хотя бѣднѣйшимъ пропитаніемъ, по коей милостиваго моего Князя всеприлѣжно прося не лишить его благодѣтельнаго пособія, обращаюсь я на себя повторить о совершенномъ усердіи и душевной преданности, съ которыми никогда быть не престану

покорнымъ слугою.

1777 года,
17 Сентября.

ВЯЗЕМСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Александръ Алексѣевичъ!

Господинъ Штатъ-Галтеръ Дерптской Эссенъ изъ тѣхъ самихъ, что я съ Вашимъ Сіятельствомъ отмѣчать условился, представитъ Вамъ свою прозьбу о арендѣ. Онъ сколько по усердной, столь и по долговременной службѣ заслуживаетъ милостивое уваженіе Вашего Сіятельства, и я, пользу его препоручая благодѣтельному Вашему пособію, имѣю удовольство сказать Вамъ и о непреложномъ почтеніи и душевной преданности, будучи и проч.

1777 года,
17 Сентября.

ПОТЕМКИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Григорій Александровичъ!

Ближній мой въ Лифляндіи сосѣдъ и пріятель, Г. Генералъ-Маіоръ Ренне, на случай, если бы когда, по предстоящимъ ему въ дѣлахъ его необходимостямъ, принужденъ былъ отозваться, просилъ о моемъ ходатайствѣ къ Вашей Свѣтлости. Не могъ я ему отказать того, нося на себѣ нѣкоторую обязанность къ его благодѣяніямъ, и знавъ его, провождая къ Вамъ, вседражайшій мой Князь и вселюбезный Другъ, всеприлѣжную и всепокорную прозьбу, Вамъ желаю въ милость его принять и не лишить Вашего многомощнаго пособія, вѣривъ, впрочемъ, о мнѣ, что я никогда не престану быть съ душевною преданностію

всепокорнымъ слугою.

1777 года,
4-го Октября.

КАХОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Михаилъ Васильевичъ!

Отъѣзжая изъ Гомля, пріятнымъ долгомъ щитаю я для себя повторить предъ Вашимъ Превосходительствомъ мою всепризнательную благодарность за всѣ почести и угощенія, что оказать мнѣ Вы изволили въ проѣздѣ моемъ чрезъ Могилевъ, и за дружеское Ваше меня здѣсь посѣщеніе. Тутъ пользоваться я могу по благосклонному Вашему ко мнѣ расположенію, препоручить благодѣтельному Вашему призрѣнію и моего экономa, если бы въ чемъ либо дѣлалъ къ Вамъ представленіе, касательно моихъ тутошныхъ владѣній, и возобновить всеприлѣжную и всепокорную прозьбу о дачѣ повелѣнія къ переводу магазина въ Бѣлицу, как о томъ мы говорили, между же тѣмъ имѣю случай и ко удосто

вѣрению, что я съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію никогда быть не престану

Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою.

1777 года,
Октября 9 дня.

ОСТЕРМАНУ.

Милостивый Государь мой,
Графъ Иванъ Андреевичъ!

Я имѣлъ особливое удовольство получить Вашего Сіятельства всепочтеннѣйшее письмо. Ваше Сіятельство награждаете правосудно мое усердное исканіе Вашей дружбы и искреннюю преданность своими благосклонными ко мнѣ расположеніями, и я Васъ благодарю найпризнательнѣе за выраженія, найобязательнѣйше въ письмѣ Вашемъ сдѣланныя, и за оказанныя учтивости отъ управителя Вашихъ деревень, коихъ положеніе превосходитъ все, что только хорошимъ быть можетъ названо, а въ недостаткѣ лѣса изобилуете Вы способами имѣть его по выбору, каковъ хотите: я разумѣю Двину.

Я всеприлѣжно прошу Васъ, мой милостивый Графъ, не лишить меня удовольствія всеприятной съ Вами переписки и не досадовать на мои частыя докуки. Депеши съ симъ куріеромъ состоятъ въ пагубной смерти Господаря Гики и бунтѣ, возставшемъ въ Крыму, по поводу будто вводимаго Ханомъ регулярства, но причина сія случайная, а прямая работа Турецкая.

Никогда я не престану быть съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію.

1777 года,
9 Октября.

УМАНЦУ.

Государь мой,
Семенъ Ѳедоровичъ!

Я уповаю скоро быть въ Глуховѣ, и тамъ основать свой домъ; къ сему, конечно, нужно заготовить разныхъ видовъ дровъ и изъ

Кочуровки сѣна для лошадей, число которыхъ къ моему употребленію прошу съ Никитою Яковлевичемъ опредѣлить. Надѣюсь на Ваше благодѣтельное стараніе, что все то скоро одно приготовлено, а другое, чего въ наличности нѣтъ, искуплено будетъ; повторяя симъ о моемъ искренномъ къ Вамъ усердіи, съ которымъ непреложно пребываю послушнымъ слугою.

1717 года,
9 Октября.

Государь мой,

Никита Яковлевичъ!

Я получилъ письмо Ваше о томъ, что Вы уже въ Глуховѣ Мнѣ хочется всѣ свои вещи и людей изъ Парафѣевки туда перевезть, и тамъ учредить все къ своему пребыванію. Для чего испросите отъ имени моего у Семена Васильевича подорожную чрезъ Конотопъ, или какъ найдете лучше, еслибы лошадей своихъ, число было или недостаточно, или же по недостатку фуража въ томъ городѣ содержаніе оныхъ не сходно. Впрочемъ, во всемъ посовѣтуйтесь съ Семеномъ Ѳедоровичемъ, а мнѣ же вѣрьте, что я съ непремѣнныхъ усердіемъ послушный слуга.

1777 года,
9 Октября.

ЕЛЬЧАНИНОВУ.

Милостивый Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Письмо Ваше отъ 4-го настоящаго, при которомъ присоединили, Ваше Превосходительство, ко мнѣ другія, имѣлъ я удовольствіе получить. За всѣ въ ономъ выраженія, что Вы относите, оставляя принесть мою всеискренную Вамъ благодарность личному свиданію, которое, уповаю, будетъ столь скоро, сколь мое есть въ томъ нетерпѣливое желаніе ко удостовѣренію Васъ о моемъ непреложномъ къ Вамъ усердіи, заключаю сіе повтореніемъ стараго и всегда сіяющаго, что я непреложно съ истинною преданностію пребываю

P. S. При семъ слѣдуетъ мой ордеръ къ Генералу Князю Прозоровскому и Ржевскому, которые прошу отправить съ нарочными, первый чрезъ Кременчугъ, если не найдете Вы другой къ тому ближайшей дороги, послѣдній Вамъ уже извѣстнымъ каналомъ.

1777 года,
19 Октября.

ЗОРИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Гавриловичъ!

Бравъ всегда истинное участіе во всемъ, что только Вамъ благополучнаго быть можетъ, радуюсь и усердно поздравляю со всѣми милостьми, Вамъ показанными.

Правосудіе Васъ награждаетъ за добротвореніе ежедневное къ ищущимъ Вашего пособія. Продолжайте поступать сходственно Вашему добродѣтельному расположенію, и утѣшайтесь воздаяніемъ, съ тѣмъ никогда нераздѣльнымъ Ея Величества благоволеніемъ, Государскимъ признаніемъ и похвалой всеобщей. Сего Вамъ желаетъ искренно Васъ любящій

покорный слуга.

1777 года,
Октября 19.

РАЗУМОВСКОМУ.

Милостивый Государь мой,

Графъ Кириллъ Григорьевичъ!

Жалѣя безмѣрно о наглой поступкѣ, что оказалъ въ пропускѣ для Вашего Сіятельства провизіи на заставѣ Аршукъ, нашелъ я способъ, хотя тѣ зависимы и не отъ моего расположенія, удовлетворить Вашему требованію. Я, благодаря Вашему Сіятельству за выраженія, въ письмѣ Вашемъ сдѣланныя, долженъ тутъ увѣрить, что желаніе мое было упредить Вашего Сіятельства личнымъ свиданьемъ, для изъявленія предъ Вами моей безпредѣльной пре-

данности; но къ тому времени пользуясь я теперь симъ случаемъ, на удостовѣреніе о всесовершенномъ высокопочитаніи, съ которымъ быть никогда не престану

Вашего Сіятельства

всепокорнѣйшимъ слугою.

1777 года,
Октября 19.

КНЯЗЮ НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ РЕПНИНУ.

По претерпѣніи наводненія, а чуть не потопа, не неприлично навѣдаться о друзьяхъ своихъ, и скажи мнѣ, мой вседражайшій Князь, гдѣ ты въ то время былъ? Я всеусердно желаю, чтобы не коснулось ни тебя, ни домашнихъ твоихъ, ни малѣйше сіе злоключеніе, ни дому твоему, который только что въ отдѣлку къ сему неожидаемому случаю приходилъ, и не сдѣлало новаго тебѣ убытка. Что до меня, то я, и дома будучи, все странствовалъ. У меня не вода и не огонь, да не знаю, что все глотаетъ и сокрушаетъ, и нигдѣ ничто ни растетъ, ни зрѣетъ, ни спѣетъ, ни собирается. Можетъ быть, этому и быть надобно, чтобы чужое казалось лучше своего, и мы бы къ своему не привязывались; могло бы быть и то не худо, ежели бы физическое добро насъ не оставляло.

Вѣстей отсюда хорошихъ и ждать не надобно. Я двѣ посылаю не весьма пріятныя: одну, что Гикѣ голову отсѣкли, другую, что Татары взбунтовались. Причины прямыя не извѣстны, а слѣдствія ихъ окажутъ намъ; однако же, на все готовымъ быть надобно, не знаю, естьли только всегда къ тому удобность и возможность. Обстоятельнѣе узнаете отъ Графа Никиты Ивановича.

Порадуй меня, и скажи мнѣ хотя словечко о себѣ, а нѣкогда припомни и обо мнѣ. Всей твоей дражайшей фамиліи свидѣтельствую мое усердное почтеніе и пребуду съ непреложнымъ усердіемъ и душевною преданностію.

всепокорнымъ слугою.

1777 года,
21 Октября.

ГУДОВИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Андрей Васильевичъ!

Благодарю Васъ всепризнательнѣйше, любезный мой Другъ, за присланную мнѣ Вашего сѣдла прекрасную лошадь; хотѣлъ бы я на томъ же пунктѣ явить и мое предъ Вами взаимство, но сомнѣваясь уравномѣрить услугу, по многимъ причинамъ, льщу себѣ, что развѣ въ другомъ чемъ либо, если только Вы дадите случай, найдусь я въ состояніи оказать мою готовость на выполненіе повелѣній Вашихъ, будучи Вамъ съ истинною преданностію и отличнымъ почтеніемъ

Вашего Превосходительства

покорнѣйшимъ слугою.

1777 года,
25 Октября.

РЕПНИНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Николай Васильевичъ!

Трудно мнѣ подлинно свое сыскивать, разбросавъ оное безъ памяти при послѣднемъ отъѣздѣ; однако же, за первое взялся отыскивать планы театровъ, кои не знаю самъ, какъ вырылъ и при семъ посылаю. Мнѣ помнится, что одинъ теперь уже былъ застроенъ. Тутъ развѣ на внутреннее украшеніе нѣчто изъ сего употребится; но мой милостивый Графъ, какъ искусный строитель, найдетъ для себя и мѣсто и работу, а по сему мнѣ остается токмо желать, чтобы силы охотѣ его отвѣчали.

Отсюда все, что сказать могу, состоитъ въ подтвержденіи прежде сказаннаго. Сего податель, очевиденъ многому, лучше Вамъ перескажетъ, а я, свидѣтельствуя мое почтеніе Вашимъ домашнимъ, пребуду съ истиннымъ къ Вамъ усердіемъ и душевною преданностію

всепокорнымъ слугою.

1777 года,
26 Октября.

ЛЬЧАНИНОВУ.

Государь мой,

Яковъ Васильевичъ!

Я не могу довольно живо представить Вашему Превосходительству того обрадованія, которое производитъ во мнѣ искренняя моя къ Вамъ преданность, услышавъ отъ весьма достовѣрныхъ людей о Вашемъ повышеніи. Указа о семъ, хотя я и не имѣю, но спѣшу предварительно дать тому полную вѣру, поздравить Васъ, любезнаго моего Друга, сею давно Вами жданною перемѣною и повторить тутъ и о непреложномъ моемъ усердіи и совершенномъ почтеніи, съ которыми быть никогда не престану.

1777 года,
26 Октября.

ПРОСТОКВАШИНУ.

По предложенію моему, Малороссійской Коллегіи данному, о выдачѣ 27,555 рублей въ число полученныхъ мною уже за сервизъ Всевысочайше въ вѣдомство Казенное назначенный, прошу Васъ оныя деньги изъ скарбу Малороссійскаго принять и содержать у себя до времени.

Есьмъ съ истиннымъ усердіемъ

покорнымъ слугою.

1777 года,
Ноября дня.
Вишеньки.

ГОЛИЦЫНУ.

Милостивый Государь мой,

Князь Дмитрій Михайловичъ!

Ваше Сіятельство пеняли на мое молчаніе, когда я былъ вн всякаго, такъ сказать, бытія и удаленъ отъ всего; и для то

отыскавъ свое и сближась съ Вами при первомъ семъ случаѣ, хочу Вашему Сіятельству доказать, что обѣщанія мои могутъ быть медленны, но увѣряю, что они всегда вѣрны. Посылаю Вамъ обѣщанные стволы, фузейной и пистолетные лучшей работы, кои я между Турецкими видѣлъ, и желаю, чтобы они у Васъ, какъ знатока, заслужили Вашу благоугодность. Теперь боюсь, чтобы Вы не стали пенять на мои докуки, коими я безпокоить Васъ не рѣдко буду, и начинаю возобновленіемъ моей прозьбы о крышкахъ на блюды, чтобы Ваше Сіятельство приказали, по сообщенной Вамъ цѣнѣ, сдѣлать на два большіи овальныя, что на флангахъ, на четыре среднихъ овальныхъ, на четыре меньшихъ овальныхъ, на два круглыхъ большихъ, на четыре круглыхъ среднихъ, на четыре круглыхъ, на четыре четвероугольныхъ, на четыре треугольныхъ; а что до украшенія лежитъ, то я желалъ бы имѣть на двухъ большихъ овальныхъ, что на флангахъ, и на двухъ большихъ круглыхъ, сходное теремамъ и потъ о леямъ, или же бы нѣчто фигурнова изъ охоты и рыбной ловли, на всѣхъ иныхъ разные фрукты и сдѣлать точно такъ на жатахъ, или на присланномъ отъ Васъ рисункѣ изображено, и кои я Вамъ здѣсь возвращаю. Деньги тотчасъ чрезъ Г. Прешеля переведу, какъ скоро получу отъ Вашего Сіятельства ассигнацію.

Я осмѣливаюсь приложить здѣсь нашу, поданную мнѣ отъ моего кухмистера, и употребить прозьбу мою о Вашемъ милостивомъ въ томъ ему пособіи, а впрочемъ, лаская себя продолженіемъ Вашей драгоцѣнной благосклонности, увѣрить, что я непреложно съ отличнымъ къ Вамъ почтеніемъ и къ благодѣяніямъ Вашимъ чувствительнымъ признаніемъ навсегда пребуду.

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Ваше Императорское Высочество должны быть моихъ сердецвѣдцемъ, а потому и опредѣлите степень удовольствію моему, коково я ощущаю въ всякого случая, гдѣ Вы меня находите способныхъ и употребительнымъ на Вашу услугу.

Произвожденіе Офицерамъ полку Вашего, сходственно волѣ Вашей, Милостивѣйшій Государь, я здѣлалъ, исключительно Ма-

іоровъ, коихъ произвожденіе выше предѣловъ моей власти. Лошад для полку Вашего Императорского Величества готовы, и я ожида только удобнѣйшаго времени и пути къ ихъ отправленію.

Что до окрестныхъ обстоятельствъ, то они вообще предзна менуютъ близкую войну, и я не осмѣливаюсь рѣшительно судит что для насъ полезнѣе: прямая война, или непрестанное ополче ніе и бдѣніе? Не дерзаю гадать по извѣстному мнѣ Вашему че ловѣколюбію, что Вы, Милостивѣйшій Государь, сохраненіе под данныхъ отъ кровопролитія предпочтете всякому убытку, естьл оное со славою и достоинствомъ Государства могло быть предъ обережено; и прилѣжно молю Всевышняго, да удовлетворитъ он сему Вашего Императорскаго Высочества благоразумному къ отече ству расположенію; а въ противномъ случаѣ, и естьли жребій вое начальства на меня падетъ, то позвольте Ваше Императорское Ве личество уповать на всемощное Ваше покровительство и благопри зрѣніе изнемогающему въ силахъ, но истинно ревнующему о до брѣ и пользѣ отечества, повергающемуся къ ногамъ Вашего Импе раторскаго Высочества во всеглубочайшемъ благоговѣніи.

Вашего Императорскаго Высочества
всенижайшій рабъ
Г. Р. З.

Ноября 24 дня,
1777 года

Всемилостивѣйшая Государыня!

По случаю отправленія ко Всевысочайшему Вашего Импера торскаго Величества Двору курьера, въ самой торжественной день тезоименитства Вашего, удостойте, Всемилостивѣйшая Государыня принять всенижайшее поздравленіе отъ усердно желающаго Ваш при многолѣтномъ и совершенномъ здоровьѣ, всѣхъ помыслныхъ удовольствій, и въ найглубочайшемъ благоговѣніи повергающагося къ ногамъ Вашимъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ
Г. Р. З.

Ноября 24 дня,
1777 года.

1777 года,
21-го Декабря.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Съ неизреченнымъ обрадованіемъ имѣлъ я щастіе извѣщенъ быть отъ Вашего Императорскаго Величества о явномъ отъ Всевышняго новомъ знакѣ всемогущаго Его смотрѣнія и благоволенія надъ Всевысочайшимъ Императорскимъ Домомъ Вашимъ, благополучнымъ разрѣшеніемъ отъ бремени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини, и дарованіемъ Вашему Императорскому Величеству дражайшаго внука, Великаго Князя Александра Павловича, къ всеобщей радости и счастію вѣрноподданныхъ Вашихъ. При всеподданнѣйшемъ Вашему Императорскому Величеству приношеніи моего поздравленія, позвольте мнѣ Ваше Императорское Величество изъявить истиннѣйшія мои чувствія и обѣты, возсылаемыя мною къ Всевышнему, да умножитъ вящше благополучіе Высочайшаго Императорскаго Дому Вашего, на пользу и благоденствіе общее, въ числѣ семъ повергающійся къ освященнымъ стопамъ Вашимъ, со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ.

1777 года,
Декабря 21.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Позвольте мнѣ Ваше Императорское Величество, одолженнѣйшему всѣмъ своимъ благополучіемъ, и нынѣ Всевысочайшимъ Вашего Императорскаго Величества благоговѣніемъ о дѣлахъ моихъ относительно Татарскихъ обстоятельствъ и учрежденія Курскаго Наместничества, изъявить всеподданнѣйшую мою благодарность, и ту горячѣйшую мою ревность, которая въ службѣ Вашего Императорскаго Величества пребудетъ во мнѣ до послѣднихъ дней моей жизни.

При наступающемъ Новомъ Годѣ примите Ваше Императорское Величество всеподданнѣйшее приношеніе поздравленія отъ всеусердно вызсылающаго ко Всевышнему свои обѣты, да поспѣшествуетъ во всѣхъ помыслныхъ желаніяхъ Вашихъ, и да укрѣпитъ здоровье Ваше на должайшія лѣта, на совершеніе Всевысочайшихъ благонамѣреній Вашихъ къ общему щастію и благо-

денствію всѣхъ вѣрноподданныхъ Вашихъ и ихъ потомковъ, и отъ повергающаго себя къ освященнымъ стопамъ Вашимъ со всею глубочайшимъ благоговѣніемъ.

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ.

1777 года,
21 Декабря.

Милостивѣйшій Государь!

Позвольте мнѣ Ваше Императоское Высочество, хотя по мѣсту моему отдаленному, но извѣщеніемъ вседушно обрадованному о явленномъ отъ Всевышняго новомъ знакѣ всемогущаго своего смотрѣнія и благоволенія надъ Всевысочайшимъ Домомъ Вашимъ благополучнымъ разрѣшеніемъ отъ бремени Ея Императорскаго Высочества, Государыни Великой Княгини, и дарованіемъ Вашему Императорскому Высочеству дражайшаго сына, Великаго Князя, Александра Павловича, принести всеподданнѣйшее мое поздравленіе и изъявить истиннѣйшія мое чувствія во всеобщей радости вѣрноподданныхъ Вашихъ, и тѣ обѣты, кои я возсылаю ко Всевышнему, да укрѣпитъ дражайшее здравіе Ваше и Ея Императорскаго Высочества на должайшія лѣта, и да умножитъ Ваше благополучіе, Всевысочайшаго Дому Вашего, на пользу и благоденствіе общее! Въ числѣ повергающій себя къ стопамъ Вашимъ съ благоговѣніемъ имѣетъ щастіе и оставаться.

ЕМУ ЖЕ.

1777 года,
21 Декабря.

Милостивыйшій Государь!

При наступающемъ Новомъ Годѣ, примите Ваше Императорское Высочество всеподданнѣйшее приношеніе поздравленія отъ всеусердно желающаго, да сохранитъ Всевышній на должайшія лѣта дражайшее здоровье Ваше, Ея Высочества Государыни Великой Княгини, и Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя, Александра Павловича, для всеобщаго благоденствія вѣрноподданныхъ Вашихъ Высочествъ, и отъ повергающаго себя къ ногамъ Вашихъ съ благоговѣніемъ.

ЛАНГУ.

Государь мой,

Мойсей Петровичъ!

Господинъ Лау былъ у меня съ обучавшимися у него духовой музыкѣ мальчиками моими, коихъ, по несовершенному еще обученію, безъ присмотра и ученія оставить ни какъ не можно; всепокорнѣйше Васъ, моего дражайшаго Друга, прошу, для лучшаго ихъ въ сей музыкѣ успѣха и надъ ними надзиранія, присоединить къ волковымъ, кои, какъ Г. Лау мнѣ сказывалъ, довольно хорошо научены.

Я писалъ къ Г. Рачинскому, чтобъ онъ, съ позволенія Вашего, изъ числа тѣхъ мальчиковъ присоединилъ нѣкоторыхъ для духовыхъ инструментовъ, къ музыкантамъ у него обучавшимся. Большой басъ мнѣ весьма къ музыкѣ потребной, посредствомъ стараніе Вашего, могу ли я въ полученіи быть благонадежнымъ, или мнѣ безпосредственно откудалибо выписать оной, прошу меня увѣдомить.

Дражайшей супругѣ Вашей, Милостивой Государынѣ моей, свидѣтельствую поклонъ мой, пребывая навсегда съ истиннымъ къ Вамъ почтеніемъ.

РАЧИНСКОМУ.

Государь мой,

Андрей Андреевичъ!

Музыкантовъ моихъ, коихъ добрымъ поведеніемъ я весьма доволенъ, и какъ они къ музыкѣ охотными себя кажутъ, а мнѣ желается имъ подавать къ тому способъ, то я за лучшій признаю Ваше руководство, велѣлъ ихъ отправить къ Вамъ, съ тѣмъ, чтобъ Вы опредѣлили для нихъ пребываніе при Васъ, или въ Гомалѣ.

По недостатку при сей музыкѣ всѣхъ духовыхъ инструментовъ, не найдутся ли, коли не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ

числа обучавшихся въ Батуринѣ, и прошу Васъ, выбравъ, присоедн
нить къ симъ музыкантамъ, у Васъ обучавшимся, а къ Г. Бригадир
Лангу, коему они отъ меня препоручены, я о томъ писалъ; пре
бываю, впрочемъ.

ГРИГОРІЮ ГРИГОРІЕВИЧУ ИВАНЕНКУ.

При всѣхъ моихъ попеченіяхъ о скотоводствѣ и снабдѣні
лучшихъ родовъ скотомъ, не вижу я обыкновеннаго отъ того пло
да, и нахожусь всегда въ недостаткахъ. И какъ скоро въ полк
Вашемъ имѣютъ быть ярмарки, гдѣ оный купить удобно, то про
шу приказать двѣсти коровъ, кои бы со всѣми знаками плодоно
сныхъ были, но не имѣли еще телятъ, и до трехъ сотъ быков
купить. Изъ коихъ были бы первые трехъ лѣтъ, другіе двухъ,
третьи годовые; впрочемъ, что лежитъ до доброты сего скота
надобной, по показавшемуся нынѣ падежу, предосторожности, т
я полагаюсь на доказанное мнѣ многими опытами Ваше усердіе
а деньги на сію покупку приказалъ я отпустить Вамъ отъ Дев
ковской моей экономіи.

Вы меня весьма одолжите предварительнымъ увѣдомленіем
о суммѣ, какая, полагая на выше показанное количество и качеств
скота, по настоящей цѣнѣ и куплѣ потребна, такъ какъ и при
сылкою мнѣнія, чего стоитъ имѣніе Поручика Лисевича, поелику
при письмѣ Вашемъ отъ 4-го сего мѣсяца, одно строеніе оцѣнено
а грунта только съ мѣрою описаны.

Свидѣтельствуя мое почтеніе любезной Вашей супругѣ, Ми
лостивой Государынѣ моей, пребываю навсегда съ почтеніемъ.

Господинъ Гейзель!

При всѣхъ моихъ попеченіяхъ въ снабдѣніи экономіи луч
шихъ родовъ скотомъ, не вижу я обыкновеннаго отъ того плода,
и нахожусь всегда въ недостаткахъ. И какъ скоро въ Переяслов
скомъ полку имѣютъ быть ярмарки, то просилъ я Григорія Гри
горьевича Г-на Иваненка, чтобъ приказалъ купить двѣсти коровъ,

кои бы со всѣми знаками плодоносныхъ были, но не имѣли еще телятъ, и до трехъ сотъ быковъ, изъ коихъ первые были бъ трехъ лѣтъ, другіе двухъ, а третіе годовые, на покупку коего скота, по востребованіямъ Г-мъ Иваненкомъ денегъ, имѣете надобное число отъ экономіи моей Демковской выдать, но прежде того меня увѣдомить, сколько потребно всей суммы на выше описанное количество и качество скота, полагая примѣрно по настоящей цѣнѣ и куплѣ онаго.

ЯЗЫКОВУ.

Милостивой Государь мой,

Николай Даниловичъ!

Письмо Вашего Превосходительство, пущенное изъ Харькова, я имѣлъ честь получить, и благодарю Вамъ найпризнательнѣйше за доброхотное Ваше ко мнѣ расположеніе, кое Вы прямо изъявляете предварительнымъ увѣдомленіемъ о данномъ Вамъ отъ Князя Григорія Александровича дозволеніи на удѣленіе мнѣ земель въ Вашей Губерніи. Я взаимно хочу Вамъ изъясниться, что мнѣ тамъ земли наиболѣе нужны для удобнѣйшаго переводу разныхъ продуктовъ изъ здѣшнихъ моихъ деревень и для рыбной ловли, а потому желалось бы мнѣ взять оныя около Каменки на тридцать, и около Кизицкаго мысу или Куту, или Станиславскаго рогу на тридцать же дворовъ; сіи мѣста сужу я для себя выгоднѣйшими по одной картѣ, а впрочемъ предоставляю лучшему Вашему выбору, лаская, что Вы не откажите мнѣ въ Вашемъ въ томъ пособіи, и прошу Вашего Превосходительства выбрать оныя и назначить по обозрѣнію Господина Полковника Александра Лаврентіевича Соколова, пріятеля моего, коего я особливо о томъ просилъ. А что до поселенія и иныхъ надобныхъ учрежденій, то впредъ я отправлю туда, кого изберу къ тому способнымъ. Впрочемъ, съ моей стороны могу Васъ увѣрить, что есьмъ и всегда пребуду съ истиннымъ моимъ къ Вамъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Превосходительства

покорнымъ слугою.

СОКОЛОВУ.

Государь мой,

Александръ Лаврентіевичъ!

Господинъ Губернаторъ Николай Даниловичъ пишетъ ко мнѣ что онъ имѣетъ повелѣніе отъ Князя Григорія Александровича дать мнѣ земли для поселенія въ Новороссійской Губерніи; а как мнѣ оныя найболѣе тамъ нужно для удобнѣйшаго перевода разныхъ продуктовъ изъ здѣшнихъ моихъ деревень и для рыбно ловли, то я нахожу для себя выгоднѣйшими, и хочу взять окол Каменки на тридцать, да около Кизицкаго мысу или Куту, ил Станиславскаго рогу на тридцать же дворовъ, но впрочемъ пре доставляю лучшему его и Вашему выбору; а потому всеприлѣжн прошу Васъ, любезнаго моего Друга, взять на себя трудъ поѣхат туда и обозрѣть лично, и какія мѣста выгоднѣйшими найдете тѣ для меня испросите и сдѣлавъ обстоятельное описаніе и планъ ко мнѣ доставьте, а я отправлю туда, кого изберу, для населені и сдѣланія другихъ надобныхъ учрежденій по Вашимъ руковод ствамъ. Я, лаская себя, что Вы, по особливому Вашему ко мнѣ до брохотству, многими опытами доказанному, не откажете мнѣ и н сей случай въ Вашемъ пособіи, и съ моей стороны будьте увѣрены что всегда пребуду съ непремѣннымъ моимъ къ Вамъ усердіемъ.

P. S. Я весьма умѣренно прошу земли по выше изъяснен нымъ причинамъ, и что мнѣ ихъ хочется имѣть на самомъ Днѣ прѣ или Лиманѣ, а впрочемъ ежели есть еще часть лишняя положеніемъ своимъ способная, то Вы можете умножить истре бованіе, соразмѣрно Вашему усмотрѣнію.

УШАКОВУ.

Государь мой,

Семенъ Ѳедоровичъ!

Соглашаясь на заплату Якову Филиповичу четырехъ сотъ и пяти десяти рублевъ за ранжерею, я считаю, что оная уступлена со всѣм строеніемъ, и хотѣлъ бы, чтобъ оную перевезть въ Кочуровку, н

не знавъ ея расположенія, опредѣлить мнѣ мѣсто для оной трудно, почему прошу Васъ поговорить Г. Алексѣеву, чтобъ онъ снялъ ей планъ, и оной прислать ко мнѣ.

Требованію садовника Генриха Христіана Цина, если на меньшемъ чѣмъ постановлено не будетъ, удовлетворить соглашаюсь; но въ контрактѣ, который сдѣлать съ нимъ на три года, въ заключеніи упомянуть необходимо потребно, что онъ долженъ двухъ моихъ мальчиковъ (коихъ назначить ему изъ тамошнихъ обывателей и изъ сиротскихъ, къ тому способныхъ и проворныхъ) научить всему тому, что нужно къ свѣдѣнію о деревахъ, цвѣтахъ и травахъ всякаго роду; и какъ смотрѣніе за первыми и употребленіе послѣднихъ есть главнымъ пунктомъ садоваго дѣла, то по тому и обязанъ онъ показать имъ, какъ плодоносное дерево беречь, прививки дѣлать, плоды сбирать и оные сохранять. Съ другими, что служатъ къ увеселенію, какъ на всякое время ихъ производить, содержать и оберегать, а въ послѣднихъ различать умѣть, что на кухню и къ столу потребно, и въ которомъ времени года, словомъ: коснуться всей подробности, что лежитъ до садовыхъ и огородныхъ произрастеній. Къ слову бы упомянуть и о томъ, что если не выучитъ онъ ихъ въ сіе время, подвергаетъ себя какому либо штрафу и взысканію.

Имѣвъ давно свѣдѣнія о тамошнемъ моемъ строеніи, я хотѣлъ бы быть увѣдомленъ, до какой степени въ производствѣ доходитъ оное, и что еще нужно изъ матеріаловъ къ конечному довершенію всего начатаго. Не меньше желается знать и о прудѣ предъ домомъ, вычищенъ ли уже сей, или нѣтъ; также изъ свободныхъ работниковъ есть ли надежда тамъ имѣть, и на какой платѣ, поденно, или отъ сажени, а между тѣмъ и о лугѣ, что за избою прикащика, гдѣ мы ходили, сухъ ли оной, или нѣтъ?

Изъ лучшей удобности, которую нахожу я къ соединенію моего хозяйства, прошу Васъ прилѣжно, обще съ Г. Рахмановымъ, фольверки соединить чрезъ сѣнокосъ № и болото Борщевское съ планомъ Борщевскимъ К. и фольверкомъ Калиновскимъ, гдѣ не большая часть Козачьево входитъ, а по окончаніи отдачи, чтобы и села Литвиновичъ дачи также обмѣрить и на планѣ положить, увѣривъ его съ стороны моей, что я въ благодарности не закосню быть особливо признателенъ ко всякому меня одолженію.

Есьмъ всегда съ усердіемъ и доброжелательствомъ.

1777 года.

ЗОРИЧУ.

Милостивый Государь мой,

Семенъ Гавриловичъ!

Благодѣяніе, которое оказать Вы изволили въ пользу моему истинному пріятелю, есть для меня новымъ обязательствомъ. Вы снискали себѣ уже отъ многихъ благодарность и общую похвалу въ расположеніи доброхотствія къ добрымъ и заслуженнымъ людямъ, и я въ сихъ короткихъ строкахъ найпризнательнѣйшаго благодаренія, оставляю сказать Вамъ при личномъ свиданьи о томъ совершенномъ усердіи и искренней преданности, съ коими никогда быть не престану

покорнымъ слугою.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

НѢСЬНИ УГОРСКОЙ РУСИ,

собранныя Талапковичемъ, бывшимъ священникомъ въ Бѣлкахъ.

1.

Ой на горѣ, на долинѣ,
Широкъ листокъ на калинѣ,
Еще ширшій на яворѣ:
Стоитъ мила на розмовѣ.

Где ты, милый, пробываешь,
Што за мене не гадаешь?—
Пробываю край Дунаю,
Я за тебе все думаю.

Кобы човенъ и веселце,
Ночовавъ быхъ у тя сердце;
А ни човна, ни повода,
Мушу ночовати дома.

Тече вода рѣченьками,
Плаче мила слозеньками.
Не плачь, мила, не журися,
Я молодый, не женився.

Коли буду женитися,
Прійди, мила, дивитися;
Коли буду вѣнчатися,
Прійди, мила, прощатися.

Скажу пива наварити,
Горѣлочки напалити,
Тебе, мила, запросити,
Конець стола посадити.

Твое пиво ми не мило,
И палёнка твоя горька:
Где тй, милый, вѣрнй слова,
Што ты не мôй, я не твоя?

Твои братья тебе били,
Обы мы ся не любили;
Твои сестры проклинали,
Обы мы ся не собрали.

Твоя мати чаровница,
Великая розлучница,
Розлучила мя съ тобою,
Якъ рыбоньку исъ водою.

2.

Доле жь моя, доле,
Нещастная доле!
Засѣяла дѣвчинонька
Мысленьками поле.

Чорныма очима
Та й заволочила,
Дрôбненькими слозеньками
Все поле зросила.

Не родится жито,
Трава зеленая:
Уже бо я во пеленкахъ
Была нещастная.

Цы ты мене, мамко,
Въ церковь не носила,
Што ты минѣ ôтъ Богонька
Дольку не впросила? —

До церкви 'мъ ходила,
Богу 'мъ ся молила,
Така ти ся, моя донько,
Долька осудила.

Цы я тобѣ, мамко,
Трѣски не сберала,
Што ты мою долюненьку
Богомъ проклинала?

Боже милостивый,
Цы то воля твоя?
Цы всѣмъ людемъ така бѣда,
Цы лишь тôлько моя?

Боже справедливый,
Съ высокого неба,
Отбери ми мое жите,
Бо ми го не треба!

3.

Ой Боже мôй, который
Створивъ небо и зори,
Потѣшь мене сироту,
Най забуду хлопоту!

Черезъ рѣчку, черезъ ставъ,
Любивъ мене, переставъ,
И я его любила,
Бо 'мъ до него ходила.

Гей, Боже мôй, где тотъ ставъ,
Где мôй милый на нôчь ставъ?
Кричу, плачу, не чуе,
Най исъ Богомъ ночуе!

Нещастная чужина:
Рокомъ стала година,
Сердце тяжко вздыхае,
Што щирости не мае.

Цы лѣгаю, вставаю,
Все о тобѣ думаю:
Прійди, прійди раненько:
Потѣшь мое серденько!

4.

Гей ты, дѣвчино,
Ты розумомъ блудишь,
Сама ты не знаешь,
Кого же ты любишь. —

Гей, знаю, знаю,
Кого я кохаю,
Лишь то не знаю,
Съ кимъ я жити маю. —

Гей ты, дѣвчино,
Ты горда и пышна,
Чомъ ты до мене
Зъ вечера не прійшла? —

Гей, якъ я маю
До тебе ходити?
Будутъ насъ люде,
Вороги судити.

5.

Ой Боже мôй, Боже!
Бѣда ма двояка:
Маю мужа блуда,
Ще къ тому піяка!

Кобы была 'мъ знала
Свою бѣдну долю,
Скочила 'мъ бы была
Во глубоку воду.

Та бы была 'мъ плыла
Руно съ берегами,
Тамъ была 'мъ ся найшла
Съ своими врагами.

Вороговье мои,
Не ругайте на мя,
Што ми было мило,
Узяли 'сте отъ мя!

Мамко моя, мамко,
Выйми мя зъ неволи,
Буду тобѣ мыти
Твои бѣли ноги. —

Ой хоть бы ты мыла
И все полокала,
Кедь тебе, донько ма,
Зла доля побила. —

Мамко моя, мамко,
Где я въ тотъ часъ была,
Отколь ты мя, мамко,
На свѣтъ народила?

Гей бо я не пила,
Ни красно ходила,
Лишь все памятаю,
Што 'мъ тяжко робила.

Не дякую я ти
За твою годувлю,
Штось ми не прибрала
Мому личку рувню.

6.

Кажутъ, што не дадутъ
Мене за любонька,
Ай дадутъ за того,
За шесть воловного
Чорногуняника.

Ано мое рыбля,
То крôтко зритъ на мя,
Двойну єго цюлю
За шесть воловую
Цѣну лишь не дамь я.

7.

Смотри, милъ ми,
До очатъ,
Што ти ся зъ нихъ
Вычитатъ?

Сама правдиця,
Сама правдиця,
Ты есь ангелская
Ряхтяна звѣздиця.

8.

Тамъ въ поли могила
Съ вѣтромъ говорила:
Не дуй, вѣтре, не дуй,
Не дуй быстрѣсенькій,
Чей бы 'мъ ся розцвила!

Чей бы 'мъ ся розцвила
Красненькими цвѣты,
Красненькимъ квѣточкомъ,
Зеленымъ бервѣнкомъ,
Молодыми лѣты.

Нѣжь солнце изыйде,
Нѣжь воронъ закранче,
Дробненькими слезы
Молодець жалобный
На могилѣ плаче.

Даремно, молодче,
На могилѣ плачешь:
Не пробьешь слезами
Святую землицю,
Миленькой не вбачишь!

9.

Кедь я собѣ изгадаю
За давныи лѣта,
Такъ мя слезки обливаютъ
Што не вижу свѣта.

Кедь я собѣ изгадаю
Давнѝ давниночки,
Скажу собѣ завязати
Съ платомъ головочку.

Журивъ єсь ся, нудивъ єсь ся,
Якъ мене любити,
А теперь ся журишь, нудишь,
Якъ мене лишити.

Або мене, любцю, люби,
А хоть мене лиши,
А хоть мои очинята
На папери пиши.

Закукала зазулонька
Кукала вна бѣла:
Иншу милу любку маєшь,
Я сама видѣла.

Иншу милу любцю маєшь,
На правдѣ ся лаєшь,
Прiйде така годиниця,
Што мя изгадаєшь.

Любивъ єсь мя, мôй миленькiй,
Тому є пôлгода,
Не сталася ти въ пробытку
Жадная пригода;

А якъ єсь явъ, мôй миленькiй,
Иную любити,
Яла ти ся пригодиця
Всяка находити

10.

Чую, чую черезъ людій,
Даютъ менѣ знати,
Ей што хоче моя мила
Зъ вечера вмерати.
Кедь вна умре изъ вечера,
А я умру зъ ранку,
Та даме ся испрятати
Во одную ямку.
Та даме ся испрятати
Вкупѣ головами, —
Штобы была размовонька
И тамъ межи нами!

11.

Изъ недѣлоньки
На понедѣльчикъ
Ой темненькои ночи,
Прійшли рекруты,
Связали руки,
Выплакала чорнѣ очи.

Малое потя
Невеличкое
По коникови скаче:
Бѣдна маточка
Перозсудная
За рекруточкой плаче.

12.

Чомусь не прійшовъ,
Чомусь не прійшовъ,
Коли я тя кликала?

Цы 'сь коня не мавъ,
Цы 'сь самъ не хотѣвъ,
Цы мамка не казала? —

И коня емь мавъ,
И самъ емь хотѣвъ
И мамка ми велѣла

Найменша сетра
Богдай не зросла,
Сѣдлце устулила!

13.

Прійду до тя въ недѣлю,
Найду тебе якъ лелію,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя! 2.

Прійду до тя въ понедѣлокъ,
Найду тебе якъ бервѣнокъ,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя! 2.

Прійду до тя въ самый второкъ,
Найду въ тобѣ красотъ сорокъ,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя! 2.

Прійду до тя во середу,
Найду тебе якъ березу,
Катеринко моя, 2.
Чорнобрывко моя!

Прійду до тя во четверъ,
Найду тебе якъ теперь,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя, 2.

Прійду до тя во пятницю,
Найду тебе якъ косицю,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя! 2.

Прійду до тя во суботу,
Заплачу ти всю роботу,
Катеринко моя,
Чорнобрывко моя! 2.

14.

Вѣютъ вѣтры
Вѣютъ буйны,
Ажь дерева гнутся:
Тужитъ, болитъ,
Сердце мое,
А слезы не льются.

Где ты мила,
Чорнобрыва,
Где ты озовися?
О якъ я безъ тебе гину,
Прійди подивися!

Въ лютой горѣ
Лѣта трачу,
А щастья не бачу,
Тôлько ми ся
Легше стане,
Коль трошки поплачу.

15.

О якъ дуже за тобою
Тужитъ сердце, мила!
Коль сгадаю, што 'мъ тя любилъ
Й ты 'сь мене любила.

Въ ночи не сплю,
День ми смутный,
Все гадка о тобѣ;
Жити буду,
Не забуду,
Любовь скôнчу въ гробѣ.

16.

Ой Марѣко, подай вѣнецъ,
Бо вже я твѣй та паробець;
Ой Марѣко, подай оба!
Бо вже я твѣй, а ты моя.

Ой Марѣко, подай ручку!
Не чекай мя сего рочку!
Ачь не прійду за рокъ, за два,
Не чекай мя больше нигда!

Черезъ Тису калъ, болото:
Подай ручку, ты золото! —
Ой миленькій мѣй небоже,
Што ти ручка ма поможе?

Эй мѣй милый неборачокъ,
Поклалъ ручку на облачокъ;
Камянное сердце 'мъ мала,
Што 'мъ му руку не подала.

17.

Єще въ поли по листкови,
Муму пойти по свѣткови. —
Иди, иди, обы 'сь не ставъ,
Коли 'сь мене обманивавъ. —

Могла 'сь, мила, добре знати,
Што я знаю обманути;
Бо я очка чорны маю,
Обманути добрѣ знаю.

18.

Долино, долино,
Люде тя й зорали,
Богъ дай на тя, Иванку,
Мои слезки впали,

На тебе, на тебе
И на твою душу;
Бо я черезъ тебе
Погинути мушу.

Прогнѣвався милый,
Ай бо й я на него,
Не ходивъ до мене,
А ни я до него.

За што ся прогнѣвавъ?
За марно словечко,
Што 'мъ му не казала:
«Будь здоровъ, сердечко!»

Любила 'мъ го вѣрно,
То всѣ люде знали,
По нижь Мукачова
Тамъ го звербовали.

На рѣцѣ китицѝ,
На дубѣ основа:
Кто єи основавъ?
Иванъ изъ Пряшова.

Писавъ на мя, писавъ,
Два листы, не єдинъ,
Обы не плакало
Мое сердце за нимъ.

19.

Пила мила, пила,
Та й минѣ велѣла:
Напійся, миленькій,
Чей бы 'сь румяненькій!

Встань горѣ, миленькій,
Бо вже день бѣленькій! —
Не цыгань, миленька,
Ще нóчка темненька!

20.

Где ты была,
Мила, съ ночи?
Промѣняла 'сь
Чорнѣ очи. —
Ой я была
Въ загородци,
Тамъ чекала 'мъ
Красны хлопци.

Била мамка
Мя на волю,
Отъ тогды сл
Страшно бою.
Яка нѣчка
Темненькая,
Всю съ миленькимъ
Перестою.

Била мене
Мамка й съ ночи,
За Иванковы
Чорны очи;
Била съ ночи,
Буде опять,
За молодыхъ,
Душко, хлопятъ.

21.

Ой на горѣ
Дубъ дуплавый:
Въ мене милый
Кучерявый.

Кучерями
Потрясуе,
Бляшку вина
Росказуе.

Мѣра вина —
Не новина,
Поцѣлуй мя,
Моя мила! —

Што бы я тя
Цѣловала,
Давно 'мъ тобѣ
Ручку дала. —

Напіймеся
Коль сме вднука,
Тверда зима
Онъ ся пукатъ. —

Терпи, милый,
Терпи хоть разъ,
Я терпѣла
За тя не разъ! —

Анде гуслѝ,
Близко скринѝ,
Прошу, люба,
Подай минѣ!

Най загуду
Жали свои:
Гуслѝ мои,
Яворовы!

22.

Побили, забили,
Голубка сивого,
Я ся напудила,
Ожъ мого милого. —

Побили, убили,
Гусочку гривеньку,
А я ся напудивь
Ожь мою миленьку.

23.

Солодка, ма мамко,
Тяжко минѣ жити:
Чомъ есь мн не вчила
Маленьковъ робити? —

Я тебе учила,
А ты ся не брала,
Про то тва головка
Бѣды ся дождала. —

Я ся отдавала,
Обы газдовати,
А я по свѣткови
Должна вандровати.

24.

Писала Краина
Зъ Хуста до Будина,
Што бы намъ заслали
Червеного вина.

Бо червено вино
Во погарѣ скаче,
Не една повгарка
За повгарёмъ плаче.

Не плачьте, повгарьки,
Доразъ вернемеся,
Пойдеме до Вѣдня,
Муштру навчимеся.

25.

Добрѣ тому, добрѣ,
Въ кого любки по двѣ;
Єще тому лѣпше,
У кого побольше.

Не сѣю, не орю,
Само ми ся родитъ,
Таку маю любку,
Сама за мновъ ходитъ.

Не я за невъ, не я,
Ай она за мновъ,
Якъ тота овечка
За зелоновъ травовъ.

26.

На горѣ бубнуютъ
Подъ горовъ таньцуютъ,
Волôвски легѣнѝ
Въ гусарѝ вербуютъ.

Най они вербуютъ,
Отъ кола до кола,
Вже вни не звербуютъ
Моего сокола.

27.

Василько, Василю!
Въ городцѣ тя сѣю,
Не пиши палички,
Не дури дѣвочки!

Бо маленьки дуришь,
А великѝ любишь,
Твердо тя проклянутъ
Нигда ся не вженишь.

28.

За всю бѣду, неволицю,
Пôйду скочу въ млиновицю,
Та тамъ мене рыбка поѣсть,
А кто моей мамцѣ повѣсть?

Повѣдятъ ѣй добрѝ люде,
Ей якъ мене бо̀льшь не буде,
Буде мамка заводити,
Не година плачъ утолити.

Плавле кача по ныреви:
Повѣжь, рыбко, Василевѝ!
Василь не мо̀й, я не ѣго,
Што не сижу коло нѣго.

Идѣть ѣго приведѣте,
Коло мене положѣте,
Най я ѣго поцѣлую,
Ѣго ручку золотую.

По по̀дъ гаѝ, дѣ, зеленѣнькій,
Ишолъ хлопець молоденькій,
Сердце му ся розрывае,
Што милую не видае.

29.

Тамъ мо̀й милый лѣсомъ иде,
Малёваны дрыва везе;
Продавъ дрыва малёваны,
Купилъ чижмы кордованы.
Я ся въ чижмы та обую,
Весь вербунокъ извербую.

Черезъ єдну любасочку,
Маю ити во войночку,
До войночки не по̀йдеме,
Женитися не будеме.
Заки буде по дѣвчинѣ.
Все молодци та будеме.

Где ты, мила, пробывала,
Коли вода выливала? —
Ай я была при бережку.
Держала 'мъ ся за березку,
За березку, за тернину,
Кликала 'мъ ся на родину.

Рубаю я яворину,
Она паде на долину,
Изъ долины на мураву,
Приклонь, мила, свою главу,
Ащь не главу, ано личко,
Солодка ма ластовичко!

30.

Тече водиця
Изъ подъ яворця
Ледова,
Иде ма мила,
Красно прибрана,
Съ Сигота.

Гей дубе, дубе,
Зеленый дубе,
Дубина!
Несе мôй милый
Червлени чижмы
Съ Севлюша.

31.

Чія тото красна нивка?
Люба бы му всяка днинка;
Аій кто єи розно оравъ,
Гораздъ бы ся не все имавъ!

А кто єи зерномъ сѣявъ
Золотомъ бы любо вѣявъ;
А кто єи подовжь смычивъ,
Солодко бы ся выпочивъ!

32.

Рубай, рубай, не поставкуй,
Якъ нарубашь, домôй вандруй!
Бѣда бы го вандровала,
Коли 'мъ уже навновала.

Вандруючи, ножки болятъ,
А роблячи, ручки горятъ,
Такъ намъ тяжко працовати,
Коль хочеме да что мати.

Склоняеся сонце долу:
Пущай насъ, газдо, до дому! —
Не пущу васъ, небожата,
Бо ще нивка недожата. —

Буде завтра красна днина,
Та дожнеся ваша нива,
Заспѣваемъ Богу слава,
А вамъ, газдо, вѣкъ здоровля.

33.

Анця до воды,
Иванъ отъ воды:
Ай почекай, бѣла Анце,
Вльешь волôмъ воды!

Ей я не вмѣю,
Бо я не смѣю;
Паде роса, а я боса,
Ей гой, Янчію!

34.

Не рубай, не щакай,
Зеленого дуба:
Не цѣлуй, не вбнимай,
Коли 'мъ ти нелюба!

Не рубай, не щакай,
Най ся зеленѣе:
Не бери прегорду,
Най ся постарѣе!

Бреду рѣчку, бреду,
Рѣчечка рѣняна:
Смочилося платье,
Аннице бѣлява! —

Рѣчку и я бреду,
На березѣ буду,
Глядай собѣ, любый,
Про мене другую!

Глядай собѣ, глядай,
Пусту, задарему,
Што 'сь минѣ даровавъ,
Назадъ тобѣ верну.

Не рубай, не стрѣляй
Очима въ одвѣрки,
Ходили та й будутъ
До Анны женихи.

35.

Така 'мъ слаба ги росиця,
Не йду домôвъ безъ Федôрця:
Онъ навпередъ, а я сзаду,
Все ся взира'тъ, ци не впаду.

Черезъ Дунай, черезъ Тису,
Ступай, мила, бо тя липу. —
Не лиши мя, бôй ся Бога,
Бо я съ тобовъ пойти година.

36.

Ой подь, Боже, до насъ,
Бо теперь у насъ гораздъ,
Та й ты, Божая Мати,
Вѣночки починати!

Роскололася верба
Отъ верха до корене:
Взята Марійка, взята,
Отъ отца, отъ матере.

Полѣмъ, Марійко, полѣмъ,
За невъ Иванко конѣмъ,
Явъ єи доганяти,
Явъ єи звѣдовати:

Чія ты Марійко, чія? —
Нянькова та мамчина,
А теперь ємь твоя,
Правѣ тобѣ сужена.

Бервѣнчикъ хрещатый!
То ты рано зацвивъ,
Иванкови за шапочку,
Маріи за кôсочку.

Ой где Иванко сидитъ,
Тамъ ся стѣночка свѣтитъ,
А где Марійка сидитъ,
Коло ней ся яснитъ.

37.

Поки ємь ся не вженивъ,
Я въ чоботки цоркъ, цоркъ!
А якъ ємь ся оженивъ,
Я въ постолѣхъ шлёпъ, шлёпъ!

Гой я шумундра!
Моя мила, та й мудра!

Поки ємь ся не вженивъ,
Шапка въ мя рогачка,
А якъ ємь ся оженивъ
Теперь помѣтачка.

Гой я шумундра, и пр.

Поки ємь ся не вженивъ,
За клобушкомъ квѣтка,
А якъ ємь ся оженивъ,
Пропала до дѣтка!

Гой я шумундра и пр.

Поки ємь ся не вженивъ,
Съ сѣмьма 'мь кôньми сватавъ,
А якъ ёмь ся оженивъ,
Шапковъ гачи 'мъ латавъ.

Гоя я шумундра,
Моя мила, та й мудра!

38.

Антамъ горѣ, при яворѣ,
Камень муку меле:
Слухай, дѣвча, чорнобрывча
Ци пôдешь за мене? —
Ой не пôду, та й не люблю,
Съ далекого краю,
Будешь бити, неволити
Родинки не маю,

Походивъ емь, походивъ емь,
Коло тои кучки:
Загубивъ емь, загубивъ емь,
Постолы и внучки
Хоть я тоту кучу дручу
Хоть єи запалю,
Най она ми не завдає
Тверденького жалю.

Ты, Иванцю, не бій Анцю,
Бо не маешь за що,
Бо Анниця роботниця,
А ты самъ ледащо.
Бо Аннины колопеньки
На лёду зацвили,
А твои, дѣ, онученьки
За кошомъ погнили. —

Не буду я воду пити,
Вода студененька:
Не буду я жену бити,
Жена молоденька.
Ударивъ ємь голый разъ,
Тѣло помарнѣло,
Ай бо й плакавъ я доразъ,
Чей бы не болѣло.

39.

Ой небоже Волощуку,
Не люби ты леда суку:
Люби, дѣ, ты ба й Русочку,
Бѣленькую якъ гусочку!

40.

Яворовы трѣски тешу:
До милои босый чешу;
Бы пôдошвы не рыпѣли
Пôдковочки не звинѣли,
Обы псики не брехали,
Вбы сусѣдки не й зознали.

41.

ПРИ ПРЯДЕНЬЮ.

Куделе вороже,
Бѣдка тебе прясти може!
Я тя вержу пôдъ лавицю,
Сама выйду на вулицю.
Соромъ буде мому лицю,
Што не пряду куделицю.

42.

НА ГОСТИНѢ ВЪ КУМА.

Коло млина, млина,
Зацвила тернина:
Гей у мого кума
Солодка гостина!

43.

Горы мои, горы,
Вы мои коморы!
А вы ялицй̂,
Вы мои свѣтлицй̂.

Кобы ми ся бучокъ розвивъ,
Зелена Свѣдова,
Не вдна бы опустѣла
Жидôвска комора.

44.

ДѢТСКІЯ ПѢСНИ.

Два кокоши жито молотили,
Двѣ курочки чернушечку у млинъ поносили,
Баранъ меле, баранъ меле,
А цапъ мѣрки бере.

Гуска сѣе, гуска сѣе,
Гусакъ ости пряче,
Качка мѣситъ, качка мѣситъ,
Качуръ воду носитъ,
Мачка плеще, мачка плеще,
Мацуръ во печь мече.
Ой такъ ємь ся повбертала,
Гурбу 'мъ муки насѣяла,
Такій ми ся хлѣбець удавъ,
По пóдъ кору мацуръ игравъ,
Горѣ хвощикъ задудривъ,
Та й коры ся не дотуливъ.

45.

Мышь кныть начала,
Муха киселицю выльяла,
Свердокъ горщокъ прокусивъ,
Когутъ коня задусивъ.
Не буду я бѣдовъ трясти,
Ай буду я клочье прясти,
Ой маю я статку много,
Мѣца клочя ильняного.
Якъ ся хлопцй заладили,
Мотовилце поломили,
А я на то не гадала,
Коло печи обмотала,
И пóдъ печевъ кросна ткала.

ПѢСЬНИ,

собранныя Александромъ Духовичемъ въ Прящевѣ.

1.

На грунку стояла,
На Яцка волала:
Прійди, Яцку, прінди,
Не вчиню ти кривды!

Єсли прійдешь въ ночи,
Богъ ти на помочи;
Єсли прійдешь рано,
Будетъ зготовано.

Зготовлю паленки,
Тотъ стаканъ маленькій,
Схочешь и фляшеньку,
Дамъ ти ю полненьку,

Упечю курочьку
И бѣлу гусочьку,
Будешь ся гостити
И мене любити.

Но помалу ступай,
Дверьцями не скрипай;
Прійди пôдъ грушочьку,
Сядь си на лавочьку!

Тамъ я свыкла спати,
Буду тя чекати,
Тамъ будетъ курочка,
Гуска, паленочка.

Прійди, Яцку, прійди,
Не вчиню ти крывды,
Не бôйся никого,
А ни отца мого!

Няне спитъ въ стодолѣ,
Слуга съ вôлми въ поли,
Свекра передъ пецомъ,
Служница за пецомъ.

Не бôйся никого,
А ни пса чорного:
Песъ въ полю съ дробяти,
Не буде брехати.

Прійди, Яцку, прійди,
Не вчиню ти кривды.
Якъ бы 'мъ учинила,
Я бы ся ганьбила.

2

Ишовъ Ляшокъ изъ Варшавы,
На нимъ шматы барзъ цундравы,
Но шапочка рожката,
Не боится Руснака.

Бѣда Ляшка подкусила,
Стрѣтивъ едного Русина,
И шапочьку не снимавъ,
«Счастя Богъ дай!» не сказавъ.

Русинъ познавъ, же то Ляшокъ,
Ма на шматохъ много бляшокъ,
Заразъ его привитавъ,
За чуприну выхитавъ.

Ту машь, Ляшку, сучій сине,
Знимай шапку, где Русины,
«Счастья Богъ дай!» повѣдай,
И шапочьку изнимай!

Ишовъ Ляшокъ еднымъ лугомъ,
А тамъ оравъ Русинъ плугомъ,
И ставъ собѣ гадати,
Што бы ему сказати.

Гадавъ Ляшокъ ажь до пôвъдня,
Пришовъ помалу до плуга,
И шапочьку не знимавъ,
«Счастя Богъ дай!» не сказавъ.

О подай же стикъ, Иване,
Най научу, якъ Лях стане
Шапку свою знимати,
«Счастя Богъ дай!» казати!

Якъ съ переду, такъ съ заду,
Выправъ Ляшка до ряду,
Ажь му шапча упало,
Въ болотѣ ся звалило.

Ишовъ Ляшокъ дорогою,
Ввидѣвъ гуску надъ водою:
«Счастя Богъ дай!» бѣла гусь,
Навчила мя тота Русь.

Ажь тамъ надбѣгъ медвѣдь кусый,
Ляшокъ думавъ, же то Русинъ,
Снявъ шапочьку скоренько,
«Падамъ до пугъ» низенько.

Медвѣдь ся съ нимъ поигравъ,
Ажь му главу ободравъ:
«Вставай, Ляшку, не лѣгай,
Со мною ся поиграй!»

Ишли купцѝ съ Перемышля,
А душа ужь зъ Ляшка выйшла:
Лежи, Ляшку, въ дубинѣ,
Не кланяйся звѣринѣ!

Кланяй ты ся Русинови,
А не звѣрю медведеви,
Бо тотъ чести не маѣ,
Ляшка доразъ витаѣ!

3.

Ишовъ Козакъ за Дунай,
Казавъ: «Дѣвчино, прощай.
Ты, коненьку вороненькій,
Весело гуляй!» —

Постуй, постуй, Козаче,
Твоя дѣвчина плаче:
Якъ ты мене покидаешь,
Тôлько подумай. —

Сиве очько не втирай,
Бѣлы ручьки не ламай,
Токмо мене со славою
Къ собѣ ожидай! —

Не хочу я ничого,
Токмо тебе одного,
Иди, иди, мôй миленькій,
А все пропадай!

4.

Подъ Каменцёмъ подъ Подольскимъ
Стоитъ Турóкъ съ своимъ войскомъ,
Стоитъ, стоитъ, не воюё,
Бôльше войска потребуе.

Старша сестра брата мала,
На вôйну го выправляла,
На вôйну го выправляла,
Сама коня осѣдлала.

Сама коня осѣдлала,
Съ правой ручки кантарь дала,
Съ правой ручки кантарь дала,
Та й горенько заплакала:

Брате, брате, брате рôдный,
Коли прійдешь назадъ зъ вôйны? —
Коль не прійду о годъ, о два,
Не ждай ужь мя, сестро люба!

Ужь ся вôйна докончила,
Турка наша младежь сбила,
Прогнали го ажь за море,
Абы му тамъ было горе.

Ужь гусары зъ войны идутъ,
Мого брата коня ведутъ:
Ой гусары, где є мôй братъ?
Ци ôнъ убитъ, ци въ неволю взятъ? —

Ой твôй братикъ не въ неволѣ,
Онъ остався въ ширôмъ полѣ;
Турецька му злоба дôйшла,
Куля му серденько прôйшла.

Тамъ ôнъ въ ширôмъ полѣ лежитъ,
Соколъ надъ нимъ гôрько слезитъ:
Ай тутъ лежитъ храбрый воинъ,
Чорноусый витязъ Русинъ. —

Ай мôй братикъ за дружину
Лêгъ у полѣ за отчину:
Уже ся не верне вспять,
Дай му Боже, вѣчну память!

5.

Гукнуло, пукнуло въ лѣсѣ:
Комаръ съ дуба повалився,
Розбивъ собѣ головище
На дубовый коренище.

Вылетѣла муха съ хаты
Комарушка жаловати:
Ой комару, мôй комару,
То ми тя жаль не помалу!

Где ся велишь поховати,
Твое тѣло честовати? —
Поховайте мене въ лѣсѣ,
При дубовôмъ конарисѣ.

Насадьте ми петрушоньки,
Зеленои маруноньки,
Тоту будутъ дѣвки рвати,
Комарушка шановати.

Ай тутъ его лежитъ тѣло,
Не одного оно ѣло;
А тутъ лежитъ его сало,
Не одного смаровало.

А тутъ лежитъ его труба,
Которая пала съ дуба.
Ой ду ду ду, ду ду, ду ду,
Комарушка не забуду!

6.

Журилася попадя
Своею бѢдою,
Же вна должна любити
Попа съ бородою.

Ой бо менѣ тяжко,
Ой бо менѣ нудно,
Попа съ бородою
Любити мнѣ трудно.

Вяжьте куры, гуси,
Вяжьте и индики,
Впрягайте волы въ возы,
Иду до владыки

Ой бо менѣ тяжко и проч.

Смилуйся надъ нами,
Отче Святителю,
Та й надъ молодою,
БѢдной попадею!

Ой бо менѣ тяжко и проч.

Попадько, попадько,
Нужно ти пождати,
Буду я твому попови
Карточку писати.

Ой бо менѣ тяжко и проч.

Коль тебе не хоче
Попадя любити,
Изволи ей ôсѣмь разбъ
Воду освѣтити.

Ой бо менѣ тяжко и проч.

Клячала, клячала,
Далей и устала,
Поимала за бороду
Та й поцѣловала:

Ужь менѣ не тяжко,
Ужь менѣ не нудно,
Попа съ бородою
Любити не трудно.

7.

На бережоньку стоя,
Стоя, стояла
Бѣлы ноженьки вмыва,
Вмыва, вмывала.

Ой нужки мои бѣлы
Бѣлы, бѣлыи,
А кому вы будете милы,
Милы, милый?

А кедь тому молодому,
Дай, Боже, дай, Боже!
А коль тому та старому,
Храньь, Боже, храньь Боже!

А у нашей загородцѣ
Бѣлый цвѣтъ, бѣлый цвѣтъ:

Вандруй, вандруй, дѣвчинонько.
Со мновъ въ свѣтъ 2.

А якъ мы выйдемо
На гору, на гору,
Тамъ я тобѣ вшитку правду
Сговорю, сговорю.

А тутъ тобѣ, а тутъ менѣ,
Дорога, дорога,
Оставай ты, моя мила,
Здорова, здорова!

8.

Закукала зозуленька куку!
Розъярила бѣдну мою муку.

Не кови ты, зозуленько, куку!
И не яри бѣдну мою муку!

Заковала зозуленька куку!
Послушь мою, дорогая, муку!

Не кови ты, зозуленько, куку!
Я не слышу твою дурну муку.

Заковала зозуленька куку!
Дай мнѣ моя, дорогая, руку!

Ой не кови, зозуленько, куку!
Бо я не дамъ тобѣ мою руку.

Заковала зозуленька куку!
Седитъ бѣдна дѣвчинонька въ кутку.

Кови, кови, зозуленько, куку,
Та розжени дѣвчинонцѣ скуку!

9

Ой было то, та й было,
Шкода же ся избыло,

Коль я мыслями блудивъ,
И дѣвчину полюбивъ,
Но дѣвушка полоха,
Посмѣялась ха, ха, ха!

Ой, дѣвочко, знай Гога,
Не будь ко мнѣ толь строга;
Я тя люблю, люби мя,
Я ужь твôй, ты будь моя!

Дѣвушка на то глуха,
Схôхотала ха, ха, ха!

Я къ дѣвочцѣ близенько:
Пôди ко мнѣ серденько,
Ой, дѣвочко, пожалуй,
Та хоть одинъ поцѣлуй!

А дѣвушка до смѣха,
Отказала ха, ха, ха!

Ой дѣвочко дорога,
Молю я тя про Бога,
Глянь на мою ты муку,
Подай бѣлу тву руку!

Лишь ты моя потѣха,
А дѣвушка ха, ха, ха!

Я дѣвочку за личко,
Люби мене горличко!
Посмотри на мя хоть разъ,
Люби мене хоть на часъ!

А дѣвушка хитруха:
Захôхоче ха, ха, ха!

Я дѣвочку за губку,
Поцѣлуй мя, голубко!
Дай, любезна, поцѣлуй,
Тѣмъ бѣдного пожалуй!

Нй тутъ лести, нй грѣха,
А дѣвушка ха, ха, ха!

Ой дѣвочко, што робишь,
Чому ты мя не любишь?
Я тя люблю едину,
За тобою ажь гину.

А дѣвушка все лиха,
Зохôхоче ха, ха, ха!

Ой дѣвочко еще разъ,
Взглянь на мене хотя разъ,
Не возмущай мою кровь,
Ой, прійми мою любовь!

А дѣвушка, якъ блоха,
Отскочила, ха, ха, ха!

Така моей любви мзда,
Тщетна моя надежда,
Долю мою збезславивъ,
И дѣвочку оставивъ.

Теперь ужъ я ха, ха, ха!
А дѣвушка старуха,
Ха-ха-ха, ха-ха-ха,
А ты баба старуха!

10.

Чловѣче мизерный,
Ты есь порохъ земный,
На што ся надѣешь?
Же многимъ владѣешь!

А чей на уроду?
И она до гробу —
До гробу отъиде,
Якъ ей тожъ часъ прійде.

Не уфай въ богатство;
Бо то лишь хробацтво,
Ни въ сребро, ни въ злато;
Бо то все естъ блато.

Фалшивая юность,
Зрадлива фортуна,
Служатъ человѣку
Во молодомъ вѣку.

Теперь оставила,
Якъ сила омлѣла,
Старца человѣка
Къ земли прихилила.

Орловая юность!
Обновися нынѣ,
Потѣшь человѣка
Въ прискорбной годинѣ!

Розступьтеся, воды,
Холмы побѣгните,
Мои млады лѣта,
Ко мнѣ привернѣте!

Охъ, вѣтры силныи
Скоро повѣвайте,
Мое сердце смутне
Мнѣ охоложайте!

Да испуститъ облакъ
Со небесе хладость,
Дождевную каплю
До сердца на радость!

О роскоши мои,
Где 'сте ся подѣли?
Цили во Дунаю
Быстромъ потонули?

Самъ ся осуждаю
И то по неволи,
Же роскошне живъ емь,
Живъ емь во сваволи,

Самъ ся осуждаю,
И признати мушу,

Же во грѣсехъ живъ ємь,
Засмутивъ ємь душу.

Тамъ возму заплату,
Где будутъ платити,
Тяжко буде сердцу
Где ся тогда дѣти?

ДОБАВАЛЕНІЕ.

НѢСЬНИ,

собранныя въ Стрыйскомъ округѣ Иваномъ Гушалевичем

I.

СЕМЕЙНЫЯ И ЖИТЕЙСКІЯ ПѢСЬНИ.

1.

Ой пôду жъ бо я, ой пôду жь бо я
Черезъ греблю до ставу,
Сама я не знаю, сама я не знаю,
Кому жъ я ся дôстану:

Цы тому дѣду, 2
Що съ сивою бородою,
Цы молодцеви, 2
Съ личкомъ, якъ съ калиною?

Въ дѣда борода, 2
Якъ у березѣ глина,
Мое личенько, 2
Якъ въ городци калина.

Въ дѣда борода, 2
Припѣчки замѣтати,
Мое личенько, 2
Хлопчикамъ цѣловати.

Ой пôду жъ бо я, 2
До матêнки въ гостину,
Та чей увиджу, 2
За Дунаемъ калину.

Ой иди, старый, 2
За Дунай по калину,
Бо якъ не пôдешь, 2
То марненько загину!

Взяла старому, 2
Въ колѣна вода брати,
И взявся старый, 2
Дѣвчиноньки пытати:

Цы скажешь брêсти, 2
Цы скажешь ся вернути?
Вѣдавъ, же менѣ, 2
Въ тôмъ Дунаѣ втонути!

Ой иди, старый, 2
За Дунай по калину;
Бо якъ не пôдешь, 2
То марненько загину!

Взяла старому, 2
У поясъ вода брати,
И взявся старый, 2
Дѣвчиноньки пытати:

Цы скажешь брêсти, 2
Цы скажешь ся вернути?
Вѣдавъ, же менѣ, 2
Въ тôмъ Дунаѣ втонути.

Ой иди, старый, 2
За Дунай по калину;
Бо якъ не пôдешь, 2
То марненько загину!

Взяла старому, 2
Подъ пахи вода брати,
И взявся старый, 2
Дѣвчиноньки пытати:

Цы скажешь брѣсти, 2
Цы скажешь ся вернути?
Вѣдавъ, же менѣ, 2
Въ тôмъ Дунаѣ втонути!

Ой иди, старый, 2
За Дунай по калину;
Бо якъ не пôдешь, 2
То марненько загину!

Взяла старому, 2
По шѣю вода брати,
И взявся старый, 2
Дѣвчиноньки пытати:

Цы скажешь брѣсти, 2
Цы скажешь ся вернути?
Вѣдавъ, же менѣ, 2
Въ тôмъ Дунаѣ втонути!

Ой иди, старый, 2
За Дунай по калину;
Бо якъ не пôдешь, 2
То марненько загину!

А вже старому, 2
Чуприну вода знесла,
А дѣвчинонька, 2
Въ долоненьки плесла.

2.

Стоять кони на помостѣ, 2 *
Сбирается панна въ гостй,
Родиночки в'на не мала,
За брата си здогадала.
Сѣла на вôзъ, поѣхала,
Сѣдитъ братчикъ, обѣдае,
Въ оконце си поглядае:
Сховай, жѣнко, хлѣбъ зô стола,

* Каждый стихъ повторяется два раза.

До мя ѣде сестра моя! —
Стой, братчику, не ховайся!
Є у мене хлѣбъ на обѣдъ,
А печеня на вечеру. —
Ходить братчикъ изъ сестрою:
Чо жь ты, сестро, ревно плачешь?
Цы ты отъ мя взятку хочешь? —
Не хочу я отъ тя взятки,
Одна мати насъ родила,
Не вднако насъ надѣлила:
Ты пановавъ, та пануешь,
Я бѣдовала, та й бѣдую.
Бувай, братчику, вже здоровъ!
Я не буду нигды съ тобовъ.

3.

Стоятъ кони запряженѝ
Въ шоры золотыи:
Поѣдемъ мы доганяти
Лѣта молодыи.

Погонили мои лѣта
На золотомъ мостѣ:
Вернѣтеся, мои лѣта,
Ще до мене въ гостѣ! —

Уже мы ся та не вернемъ,
Не маемъ мы чого;
Було доси шановати
Здоровячка свого. —

Вернѣтеся, мои лѣта,
Буду шановати; —
Теперь мы ой не вернемъ,
Мусишь бѣдовати.

4.

Ой по пôдъ гай зеленéнькій, 2 *
Брала вдова ленъ дробéнькій.
Ой якъ брала, та й рыдала,
Къ сырôй земли припадала:
Земле моя сыровая!
Взяла 'сь у мя господаря,
Возьми й мене молодую,
Най на свѣтку не бѣдую! —
Єи сынокъ прислухався:
Позволь, мати, вдову взяти:
Буде вдова шановати. —
Волишь, сынку, розбивати,
Нижь ты маешь вдову брати:
У вдовоньки таке сердце,
Якъ зимное, каже, сонце:
Ой хоть грѣе, хоть не грѣе,
То все зимный вѣтрецъ вѣе.
Иди, сынку, на былоги,
А тамъ найдешь три дороги:
Вдовичина кервавая,
Материна золотая,
Дѣвочина меденая.
У дѣвочки таке сердце,
Якъ лѣтнее Боже сонце:
Ой хоть грѣе, хоть не грѣе,
Все тепленькій вѣтрецъ вѣе.

5.

Иди, нене, прôчь отъ мене,
Будутъ гости завтра въ мене,
Будутъ гости въ кармазинѣ,
А ты въ лихôй петечинѣ!
Пôшла ненька до доненьки,
Встрѣтила ей на дорозѣ:
Где ты, нене, идешь до мене,

---

* Каждый стихъ повторяется два раза.

Не набудешь, нене, въ мене,
Бо лихій мужь є у мене. —
Буду, доню, догоджати,
И дитину колысати.
За годину за маленьку
Доганяє сынокъ неньку:
Вернись, нене, та й до мене,
Бо вдаривъ громъ та й на мене,
Та й на мою худобоньку,
Та й на мою челядоньку,
Та й на жёнку молодую,
Та й дитинку, та й малую. —
Не громъ тото, мôй сыноньку,
А то мои то слёзоньки,
Та й изъ моєй головоньки.

6.

Вандровало пахоля,
Изъ Кієва до двора,
Вандруючи пытало:
Где коршмонька новая,
Шинкаречка молодая?
Шинкаречко молода,
Давай пивця, та й вина! —
Якъ я тобѣ вина дамъ,
Коль на тобѣ злый жупанъ. —
Хоть на менѣ злый жупанъ,
Коли въ мене грошей збанъ. —
Коли въ тебе грошей збанъ,
Я за тебе дочку дамъ. —
А въ пôвночи змовляли,
На розсвѣтѣ слюбъ взяли:
Ой ти, мила, миленька,
Голубочко сивенька!
Скажи менѣ правдочку,
Котрого ты родочку? —
Ой я зъ роду попôвна,
По прôзвищи Скарбôвна.

Ты жъ бо милый, миленькій,
Голубочку сивенькій,
Скажи жъ менѣ правдочку,
Зъ котрого ты родочку? —
Я изъ роду поповичъ,
По прозвищу Скарбовичъ.
Бодай мати пропала,
Сестру зъ братомъ звѣнчала!
А ты, сестро, отъ ту будь,
А я иду въ Божу путь,
Та дзекана шукати,
Та грѣху ся збувати.

7.

Мати жъ моя, мати,
Цы рада ты тому,
Що мы прійшли двоє
На подвôрье твоє? —
Тобѣ 'мъ, сыну, рада,
Бо 'сь моя дитина,
Невѣстцѣ 'мъ не рада,
Бо 'мъ ей не родила.
Пôшла до пивницѝ,
Взяла двѣ скляницѣ,
Меду наточила,
Сама ся напила,
Невѣстка не пила,
Милому держала;
Милый якъ напився
За серденько взявся.
Она тогды взяла,
Ревно заплакала:
Не плачь, мила, не плачь,
Не ты мя строила,
Строила мя мати,
Що мя породила.

8.

Ой ковала зазуленька а въ гаю, а въ гаю,
Чомусь мое серденько а въ жалю;
Ой ковала зазуленька при плоту,
Чомусь моя головонька въ клопоту;
Ой ковала зазуленька на колу,
Та пріѣздитъ мой миленькій на коню.
А я ему джарку вина, меду двѣ,
А вонъ менѣ красну стонжку до земли. —
Помалу, мой миленкій, говори,
Бо учуе нелюбонько зъ комоpы!—
Съ кѣмъ ты, моя люба, говоришь?
Съ кухарками, нелюбоньку, съ кухарками,
Выправляю до Дуная съ коновками. —
На що жъ тобѣ, моя люба, водици,
Есть у тебѣ медъ-вино въ скляницѣ;
Есть у тебе медъ-вино, напійся,
Есть у тебе садъ-виноградъ — пройдися.
А все тото, нелюбоньку, ни за що,
Коли съ тобовъ мешканенько ни за що. —
Цы будешь, моя люба, любити,
Якъ ся буде бѣле тѣло лупити?—
Ой не буду, нелюбоньку, не буду,
Якъ ты выйдешь за ворота, забуду.

9.

Ой въ лузѣ калина
Весь лѣсъ прикрасила:
Породила мати сына,
Сына мулярина.
Скоро его породила,
Стала научати:
Будешь, сынку, въ дорозѣ,
Не забудь о Бозѣ!
Поки муляръ не пивъ,
Поти Бога хваливъ;
Якъ ся начавъ напивати,

Взявъ о Бозѣ забувати. —
Мати жъ моя, мати,
Съ чорными очима,
Доглянь моєй худобицѣ,
Поки зможе сила!
Ой най мене не ховаютъ
Ни попы, ни дяки,
А най мене поховаютъ
Донцй та й Козаки.
Бо попы та й дяки
На худобѣ бьются,
А Дончики та Козаки
Горѣлки напьются.

10.

Ой ѣхавъ Козакъ, ой ѣхавъ молодъ,
Зъ Пôдгôрья на Подôлье,
Повернувъ конемъ, повернувъ сивымъ,
Къ дѣвчинѣ на Пôдвôрье:
Здорова була, дѣвчино люба,
Та й здоровенька спала,
Отпусти жъ менѣ першй залёты,
Будь на мене ласкава!
Ой отпустила, ой отпустила,
Жалосно заплакала:
Ой гой же, гой же, мôй милый Боже,
То 'мь тя вѣрне кохала!
Ой зôйди, зôйди, ясенъ мѣсяцъ,
Якъ млынное коло.
Выйди дѣвонько, выйти серденько,
Промовъ до мене слово. —
Ой якъ къ тобѣ йти, ой якъ къ тобѣ йти,
Съ тобою говорити,
Коль лежитъ нелюбъ на правой руцѣ,
Бою го ся будити? —
Дѣвчино люба, дѣвчино люба,
Отсунься вôтъ нелюба,

Забью нелюба изъ туга лука,
Якъ дикого голуба. —
На що го бити, на що го бити,
Здоровья збавляти,
Коника давши, та й осѣдлавши,
Та най иде служити!

11.

Ой мала вдова чомъ три доненьки:
Одная була бѣла, румяна,
Бѣла, румяна за Ормянина;
А друга була тонка, высока;
Тонка, высока за мѣщанина.
А третя була чорна, горбата,
Чорна, горбата за Крôлевича.
Ой зъѣхалися панове зятёве,
Та й узялися изъ Крôля кпити:
Ой чи не мавъ ты въ чёмъ выберати?
Ой чи не мавъ ты тонкихъ, высокихъ?
Ой чи не мавъ ты бѣлыхъ румяныхъ?
Та ты взявъ собѣ чорну, горбату? —
Редька бѣленька, але гôренька,
Мачокъ чорненькій, а солоденькій.

12.

Пôшли два братья на поле косити,
Заставили дѣвку Анну снѣданье носити:
Ой надъѣхали два Козаченьки,
Та дали дѣвцѣ коня держати,
А сами злѣзли, обѣдецъ зъѣли.
Пôшли два братя на поле косити,
Заставили дѣвку Анну обѣдецъ носити:
Ой надъѣхали два Козаченьки,
Та дали дѣвцѣ коня держати,
А сами злѣзли обѣдецъ зъѣли.
Пôшли два братья на поле косити,

Заставили дѣвку Анну полуденокъ носити:
Ой надъѣхали два Козаченьки,
Та дали дѣвцѣ коня держати,
А сами злѣзли полуднокъ зъѣли.
А она взрѣвши, що то не жарты,
Пустила коня въ чистое поле,
Сама скочила въ глубоке море;
Она скакала, наказовала,
Щобъ съ калиноньки цвѣтокъ не рвати,
Абы при горѣ тернокъ не щебати,
Абы на полѣ росу не щебати;
Бо калиночка — Аннино личко,
При горѣ тернокъ — Аннины очка,
На полѣ роса — Аннина коса.

13.

Пôдъ дубиною пôдъ зеленою,
Сидѣвъ голубъ съ голубиною,
Цѣловалися, обôймалися,
Правенькимъ крыльцемъ накрывалися.
Ой выйшовъ Козакъ зъ нового двора,
Та й стрѣливъ згруба, убивъ голуба,
Голубка бѣдна взяла тужити:
Бѣдна головко, не ма съ кѣмъ жити!
Ой пôшовъ Козакъ за чорну гору
Нагнавъ голубôвъ повну обору,
Нагнавъ голубôвъ двадцять чотыри:
Выбêрай собѣ, котрый ти милый!—
Мôй бувъ миленькій, чорнокрыленькій,
Личко румяне, самъ молоденькій.

14.

Ходитъ Сербинъ по зарѣнку,
За нимъ, за нимъ дѣвча въ вѣнку:
Ай Сербине, Сербиночку,
Возьми жъ мене во вѣночку! —

Взявъ бы я тебе, небого,
Якъ счаруєшь брата свого. —
Якъ же бы го счаровати,
Якѝ бъ єму чары дати? —
Злови щучку на лопушку,
Вари єму чорну юшку!
Братъ до нее пріѣзджае
Она пивомъ го витае:
Оѝ, на, брате, та піѝ пиво,
Ще 'сь го не пивъ, яко живо!
А братъ пива та напився,
Изъ коника похилився.
Бери, сестро, въ бѣле ложе:
Бѣле ложе не поможе,
Гóрше сердце рознеможе.
Ходитъ Сербинъ по зарѣнку
За нимъ, за нимъ дѣвча въ вѣнку:
Оѝ Сербине, Сербиночку,
Возьми жъ мене во вѣночку!
Взявъ бы я тебе, небого,
Счарувала 'сь брата свого,
Счаруєшь ѝ мя молодого. —
Теперь же я сиротина,
Ни братчика, ни Сербина,
Теперь же я неборачка,
Пôшла бы я за жебрачка:
Жебракъ буде муки просить,
А я буду торбы носить.

15.

Оѝ заграй ми на скрипочки та на цымбалочки,
Та най любцѣ поскладаю красни спѣваночки!
Оѝ спѣвавъ бы 'мъ до скрипочки, еще буду до дудки,
Єще буду пробовати гѝльтайски пробудки.
Аѝ гѝльтаю, прійди зъ свѣта, та погадай собѣ,
Кого 'сь любивъ та покинувъ, та цы не жаль тобѣ? —
Оѝ я любивъ Катерину, черезъ лѣто, зиму,

Прійшла весна, хлѣба нема, лишивъ Катерину.
Катерину мати била, бо ѣй догорила:
Черезъ моє подворечко по воду ходила. —
Не бій, мати, Катерину, бій собѣ молодшу.
Я бо єи щире люблю, заручити хочу.
Я заручивъ Катерину, та пôшовъ до Риму:
Рости, рости, Катерино, та на другу зиму!

16.

Сынку Василько, жалости мои!
Ой цы ходивъ ты до вдовы на вечерницй?
Ходивъ я, ненько, щире серденько,
До тои чаровницй.

Сынку Василько, жалости мои!
Що тобѣ она варила? —
Варила, ненько, щире серденько,
Рыбочку зъ лабочками.

Сынку Василько, жалости мои,
Де єи она пôймала? —
Пôймала, ненько, щире серденько,
Въ городѣ на лободѣ.

Сынку Василько, щире серденько,
Де єи она вправляла? —
Вправляла, ненько, щире серденько,
Ожогомъ пôдъ порогомъ.

Сынку Василько, жалости мои,
Цы вдова єи ѣла? —
Не ѣла, ненько, щире серденько,
Головка ей болѣла.

Сынку Василько, жалости мои,
Цы ѣли єи дѣти? —
Не ѣли, ненько, щире серденько;
Бо спатоньки хотѣли.

17.

Ой мала вдова одного сына,
На войну го выправляла.
Ой нема рочокъ, где мôй сыночокъ?
Ой нема другій, где мôй сынъ любый?
Ажъ на третій пріѣжджае,
Невѣсту си приводжае.
Пивомъ мати го витае,
Невѣстцѣ чары зряджае.
Сынъ пива не пивъ,
Пôдъ коника розливъ:
Що моéй женѣ, най буде менѣ
Тыхъ чарôвъ по половинѣ!
Ой знала 'сь, мати, якъ чаровати,
Знай же, мати, та й поховати.
Ой похована сынка пôдъ вôконц
А невѣстоньку пôдъ ворôтцями.
На сынѣ вырôсъ явôръ зеленый,
А на невѣстцѣ двѣ березочки,
Ой безъ гôлячка, безъ корéнячка,
А наша ненька безъ сумлѣнечка.

18.

Иди, сынку, прôчь отъ мене,
Най не маю грѣхъ на тебе,
За пятничне спѣваненько,
За субôтне вмываненько,
За недѣльне снѣданенько!
Пôшовъ сынокъ до сестроньки,
Та найстарша коня дала,
Середуща осѣдлала,
Наймолодша выправляла:
Коли, брате, гостемъ будешъ? —
Тогды, сестро, гостемъ буду,
Та якъ камень корéнь пустить,

Та якъ верба ябко вродить.
Терпѣла рôкъ, терпѣла два,
А третого не стерпѣла:
Пôшла мати въ лѣсъ шукати,
Стала собѣ пôдъ яворець,
Та й узяла листье рвати,
А явôръ взявъ промовляти:
Не рви, ненько, та листьенько,
Бо то мое волосьенько!
Куди 'сь мати подивила, —
Всѣ вершечки увялила;
Куди мати, каже, пôшла, —
То кровава рѣчка бѣгла.

19.

Выйшла вдовонька за воротенька
Бѣлыми нôженьками,
Подивилася въ чистее поле,
Чорными оченьками.

Надъѣздить туда панъ Воевода
Съ своими служеньками:
Стôйте, вôзнички, стягнѣть конички!
Вдова ми ся сподобала.

Небого вдово, рекъ бы я слово:
Цы много волôвъ маешь? —
Сѣмьдесять волôвъ, щобы 'сь не болѣвъ,
Мôй пане Воэводо! —

Выйшла вдовонька за воротенька
Бѣлыми нôженьками.
Подивилася въ чистее поле
Чорными оченьками.

Надъѣздить туды панъ Воевода
Съ своими служеньками:
Стôйте, вôзнички, стягнѣть конички!
Вдова ми ся сподобала:

Небого вдово, рекъ бы 'мъ ти слово:
Цы много коровъ маешь? —
Семьдесять коровъ, щобы 'сь ми здоровъ,
Мôй пане Воеводо! —

Выйшла вдовонька за воротенька
Бѣлыми нôженьками,
Подивилася въ чистее поле
Чорными оченьками.

Надъѣздить тулы панъ Воевода
Съ своими служеньками:
Стôйте, вôзнички, стягнѣть конички!
Вдова ми ся сподобала.

Небого вдово, рекъ бы 'мъ ти слово:
Цы много дѣтей маешь? —
Въ каждôй кутинѣ все по дитинѣ,
Трое въ ячмени, четверо въ вôвсѣ. —

Заставляю сѣти на твои дѣти
При зеленôй дубровѣ. —
Якъ твоихъ сѣтей незнакомито
При зеленôй дубровѣ,

Такъ моихъ дѣтей незнакомито
При молодôй вдовѣ.

20.

Ой бувъ батько Андріенько,
Та мавъ дочку Маріеньку
Продавъ ей Цѣсареви
За сто тысячь милiоны.

Що то, татко, за дымове?
Цы волари огни кладутъ,
Цы вôвчари вôвцй женутъ? —
Поганый Царь съ веселенькомъ
Та до тебе, Маріенько,

Ой ты, татку, Андріеньку,
Де ся менѣ исховати? —
Иди, сынку, въ Чорну Гору,
Тамъ мулярй муръ мурують
Они тебе замурують.

Ой ты, татку, Андріеньку
Наймѣть собѣ служниченьку,
Поставьте ей въ тисый стôвъ,
Та най шіе, хоть не вмѣе,
Най пануе, хоть не знае.

Ой ты, батьку, Андріеньку,
Выведи намъ Маріеньку!
Выйшла, выйшла служниченька,
Вклонилася изъ низенька. —
Не Марысень то ходонько,
Не Марысень голосонько,
Лишь Марысинъ рутянъ вѣнокъ.

Ой ты, батьку, Андріеньку,
Ты то любивъ сумку брати,
Люби жь за насъ дочку дати. —
Идѣть же вы въ Чорну Гору,
Тамъ мулярй муръ мурують,
Та они ёй вôтмурують.

21.

Ой не лѣтай, коростелю, по пôдъ чорную стелю,
Не пороши, коростелю, на бѣлу постелю!
Ой не лѣтай, коростелю, въ ночи по саду,
Бы 'сь не зробивъ, коростелю, на дѣвчину здраду!
Ой не лѣтай, коростелю, въ почи по убочи,
Бы 'сь не выбравъ, коростелю, на тернину очи!
Ой бо тото, коростелю, пригода бувае,
Кто по ночи лѣтае, очи выбирае.

22.

Ой ты поѣхавъ, а мене 'сь лишивъ,
А я бѣдненька плачу,
Сплакала 'мъ очи и въ день и въ ночи,
Що свѣтонька на бачу.

Кобы такъ тобѣ, якъ теперь менѣ,
Та якъ менѣ небозѣ,
Ты бы 'сь полишивъ сивенькій волы
На гладенькôй дорозѣ.

Кобы такъ тобѣ, якъ теперь менѣ
На свѣтѣ пробувати,
Кобы 'сь такъ не мôгъ, якъ я не могу
Жадну нôченьчу спати.

Жадна пташечка безъ товариша
Не пребуває въ лѣсѣ,
А ты то пôшовъ, а мене 'сь лишивъ,
Якъ ластовоньку въ стрѣсѣ.

23.

Ой я ходжу, сыкочу,
Та спатоньки я хочу:
Приклоню я головоньку
На свекрову постéленьку,
Чей же я засну!
А свекоръ ходить,
Все мене гудить:
Ой невѣсто нечайная,
До роботы недбайная,
Довго на день спишь! —

Ой я ходжу, сыкочу,
Та спатоньки я хочу:
Приклоню я головоньку
На свекрушину постéленьку,
Чей же я засну!

Свекруха ходить,
Все мене гудить:
Ой невѣсто нечайная,
До роботы недбайная,
Довго на день спишь!

Ой я ходжу, сыкочу,
Та спатоньки я хочу:
Приклоню я головоньку
На милого постѣленьку,
Чей же я засну!
Миленькій ходить,
И съ тиха говорить:
Ой спи жъ бо ты, миленькая,
Пѣшла 'сь за мужъ молоденькая,
Тажь ся ме выспала.

24.

Моя мати старенькая съ чорными очима!
Прокляла 'сь ми счастье, долю, ще 'мъ була дѣвчина. —
Ой я тобѣ, моя доню, въ доленьку не кляла,
Лише 'мъ тобѣ разъ казала: долѣ бы 'сь не мала! —
На що жь менѣ, моя мамко, гóршои неволѝ! —
Таковъ бувши молоденьковъ, та не мати долѣ.

25.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Ой повѣшу колысочку у поли, у поли,
Будуть дитя колысати соколы, соколы.
Я повѣшу колысочку та на ожиночку,
Буде вѣтрець колысати малу дѣтиночку.
Прилетѣла зазуленька, сѣла на калину,
Крылоньками сфыркотѣла, збудила дѣтину.
Бодай зъ тебе, зазуленько, сиве пѣрье впало,
Збудила 'сь ми дѣтиноньку, ще бы було спало! —

II.

БЫТОВЫЯ КОЗАЦКІЯ.

26.

Ходить, блудитъ Козакъ по лѣщинѣ,
Козакъ по лѣщинѣ,
Выблудився на край идъ дѣвчинѣ,
На край идъ дѣвчинѣ.

Гей, дѣвчино, переночуй мене,
Переночуй мене!
Мôй ти коникъ стайню не застоить,
Стайню не застоить,

Ясна збруя кôлка не поломить,
Кôлка не поломить,
Я самъ молодъ лôжко не заляжу,
Лôжко не заляжу.

Гей, дѣвчино, збуди мя раненько,
Збуди мя раненько,
Такъ раненько, абы невидненько,
Абы не видненько,

Абы куры по селу не пѣли,
По селу не пѣли,
Та й лебедй на ставъ не летѣли,
На ставъ не летѣли!

Гей, дѣвчино, збуди мя раненько,
Збуди мя раненько! —
Дѣвчина заспула, збудити забула,
Збудити забула.

Ой спить Козакъ, ой спить молоденькій,
Ой спить молоденькій,
Прохопився — вже денёкъ бѣленькій,
Вже денёкъ бѣленькій.

Гей, дѣвчино, ты здраднице моя,
Ты здраднице моя!
Утративъ я коня вороного,
Коня вороного. —

Ище втратишь и ясню зброю,
И ясную зброю,
Якъ переспишь другу нôчь зо мною,
Другу нôчь зо мною.

27.

Ой кôнь бѣжить, трава шумить,
Ой тамъ Козакъ убитъ лежить:
Надъ нимъ конікъ задумався,
По колѣна въ землю впхався. —
Не стôй, коню, надо мною!
Я вже виджу щирôсть твою;
Иди, коню, дубровою,
Битымъ шляхомъ, дорогою,
Та не дайся въ руки взяти,
Якъ тя будутъ Турки ймати.
Тупни, коню, копытами
Въ неньки передъ воротами,
Выйде къ тобѣ стара жена,
Ай то ненька сама моя.
Буде в'на тя ся пытати,
Де ты мого сына подѣвъ?
Цы ты мого сына втопивъ,
Цы ты мого сына згубивъ? —
Ни я твого сына втопивъ,
Ни я твого сына згубивъ:
Твôй ся сынъ вже бай оженивъ,
А съ зеленовъ муравоньковъ,
А съ молодовъ паньночковъ.
Возьми, неню, пѣску въ жменю,
Посѣй собѣ по каменю:
На коли той пѣсокъ зôйде,
Тогды твой сынъ къ тобѣ прійде.

28.

Надъѣхавъ Козакъ зъ вишневого саду,
Подыбавъ дѣвчину хорошого стану,
Крикнувъ на дѣвчину:
«Давай перевоза!
Я маю прикру карту,
Ѣду до обоза.» —
Выйшла дѣвчина, заплакала очи:
«Переночуй, Козаченьку, темненькои ночи:
Бо нѣчка темненька,
Дорога слизенька,
Ночуй, ночуй, Козаченьку,
Хатина тепленька!»

29.

Ой пье Козакъ, пье,
Вонъ въ дорогу йде,
За нимъ, за нимъ, стара ненька
Слезоньками лье:

«Ой, сынку мой,
Дитинко моя,
Не пій, не пій горѣлоньки
Въ недѣлю зъ рана!

Ай бо та горѣлка
Вельми здрадлива,
Ой здрадила Козаченька
Зъ доброго міра? —

«Ой гукъ, мати, гукъ:
Тамъ Козаки йдутъ,
Весела уличенька
«Та куды они йдутъ.»

30.

Ой стояла Марыся на рынку,
Та звязала китайковъ головку.
Ой пріѣздить Козаченько зъ полку,
Та розвязавъ Марыси головку.
«Ой Марысе, цы любишь ты мене,
Цы любишь мене, цы пôдешь за мене?» —
Она ему каже: и Кто жъ менѣ тройзêля дôстане,
Той зо мною до слюбоньку стане.» —
«Ой е въ мене три конй на стайни:
Одинъ коникъ якъ воронъ чорненькій,
Другій коникъ якъ голубъ сивенькій,
Третій коникъ якъ лебедь бѣленькій.
Ой тымъ чорнымъ до моря доѣду,
А тымъ сивымъ море переѣду,
А тымъ бѣлымъ до зêля доѣду.»
Начавъ Козакъ тройзêлье копати,
Яла надъ нимъ зазуля ковати:
«Ой не копай, Козаче, тройзêлья,
Не застанешь въ Марысѣ весêлья.
Ой пріѣздить Козакъ и съ тройзêльемъ,
Та застае въ Мырысй весêлье.
Правовъ ручковъ Марысю пращае,
Лѣвовъ ручковъ саблю вынимае.
Якъ у поли макôвка бренѣла,
Такъ Марысѣ головка злетѣла;
Якъ у поли макôвка зацвѣла,
Такъ Марысина головка злетѣла.

31.

Выправляла мати сына на вôйну раненько,
Сама сѣла пôдъ оконце, плаче жалôбненько.
Выправляла его мати, та всяка родинка,
Єще, еще до того завѣнчаная дружинка:
«Ѣдь же ты, сыночку, та на вôйнôчку, та тамъ не обавляйся

Ой за двѣ, за три чомъ недѣленьки та до домоньку вертайся!» —
«Ой Богъ же знае, ой Богъ вѣдае, та коли я вернуся,
Ой чомусь бо мой та воронъ коникъ та на воротахъ цофнувся.» —
Всѣ Козаченьки по вечеренцѣ пошли до коршмы гуляти,
А тотъ Козачокъ, вражій сыночокъ, вклався въ шевчика спати;
Взявъ шевчичокъ того Козачка по подъ бѣлыи боки,
Ой кинувъ шевчикъ того Козачка та на Дунай глубокій.
Ой погинувъ есь, ой погинувъ есь, мой козаченьку, лишь ти шапочка плавле,
Ходить его рodна мати по березѣ, бѣлы рученьки ламле.

III.

ВЫТОВЫЯ САЛДАТСКІЯ.

32.

Кобы не морозъ, кобы не морозъ,
Та не зимная роса,
Та побѣгла бъ я, та побѣгла бъ я,
До Тернополя боса.

А въ Тернополѣ, а въ Тернополѣ,
Два мѣсяченьки ясны:
Ой вандрували, ой вандрували,
Два жовняренькы красны.

Ой вандрували, ой вандрували,
Съ тихонька говорили:
«Кобы намъ дѣвча, кобы намъ дѣвча,
Мы бы го подмовили.»

Выйшла дѣвчина, выйшла дѣвчина,
До керниченьки по воду,
Они глянули, та подмовили
Дѣвчиноньку, якъ ягоду.

«Ой я бы зъ вами, ой я бы зъ вами,
Молода вандрувала,

Ой кобы я ся, ой кобы я ся,
Лишь здрады не бояла.» —

«Мы не здрадили, мы не здрадили
Єще въ свѣтѣ никого,
Та не здрадимо, та не здрадимо,
Тебе, дѣвчино небого.»

Єще жъ не дôйшли, еще жъ не дôйшли,
До вишневого саду,
Уже зробили, уже зробили,
На дѣвчиноньку здраду.

«Ой бо жъ ты знала, ой бо жъ ты знала,
Що то ни отець, ни мати,
Було бо собѣ, було бо собѣ,
Два рубоньки взяти:

Одинъ рубонько, одинъ рубонько,
Голову завивати,
Другій рубонько, другій рубонько,
Дѣтятко повивати.»

33.

Широкій листъ на дубинѣ,
А ще ширшій на яворѣ,
Сидить жовнярь у неволи,
Сидить, сидить, тяжко здыше,
Тай до тата листьє пише:
«Най мя иде выкупити,
Най ми не дасть тутки жити.» —
«Що бы за тя, сынку, дати,
Изъ неволи выкупати?» —
Вôсѣмь волôвъ и съ плугами,
Погонича съ батогами. —
«Ой много бы, сынку, дати,
Не буду тя выкупати.» —

Широкій листъ на дубинѣ,
А ще ширшій на яворѣ, и проч.
До матѣнки листье пише:
«Най мя иде выкупити,
Най ми не дасть тутки жити.» —
«Що бы за тя, сынку, дати,
Зъ неволеньки выкупати?» —
«Двадцять коровъ изъ теляти.» —
«Ой много бы, сынку, дати,
Не буду тя выкупати.»

Широкій листъ на дубинѣ,
Аще ширшій на яворѣ, и проч.
Та до брата листье пише, и проч.
«Двадцять коней изъ лошаты.» —
«Ой много бы, брате, дати,
Не буду тя выкупати.»

Широкій листъ на дубинѣ,
А ще ширшій на яворѣ, и пр.
До сестрицѣ листье пише, и пр.
«Двадцять овець и зъ ягняты.» —
«Ой много бы, брате, дати,
Не буду тя выкупати.»

Широкій листъ на дубинѣ,
А ще ширшій на яворѣ,
Сидитъ милый у неволѣ,
Сидитъ, сидитъ, тяжко здыше,
До милои листье пише:
«Най мя иде выкупити,
Най ми не дасть тутки жити.» —
«Шобы за тя, милый, дати,
Зъ неволеньки выкупати?» —
«Сто червоныхъ раховати;»
«Не много бы, милый, дати,
Буду, милый, выкупати.»

IV.

БЫТОВЫЯ РАЗВОЙНИЦКІЯ.

34.

Ой пôдъ мостомъ рыба съ фостомъ хитаѣся хитро:
Ой утѣкавъ зъ Станислава Марысюкъ отъ Дмитра;
Ай утѣкавъ, ай утѣкавъ, здыбали го люде,
Цы правая дорожчина на Путылье буде,
На Путылье, на Путылье, ажъ до Путылова,
Знаю жъ бо я дорожечки ажъ до Дубйрова.
Ты Дубйрко, ты Дубйрко, та цы спишь, цы чуешь?
Пусти жъ мене до свѣтлоньки, не сама ночуешь.» —
«Я жъ тебе, Марысюку, въ хату не пускаю,
Якои ти зброи треба, оконцемъ подаю.» —
«Дай же менѣ пистолеты, та й нову рушницю,
Я ще знаю дороженьки ажъ на Молдавицю.» —
Нихто тото такъ не знае, та якъ его мати,
Она выйшла на Путывлье, зачала казати:
«Путылôвцй, небожата, збирайте громаду,
Зъ сего боку та на той бôкъ дайте одну раду!»
Ой зôйшлися Путылôвци на поле на Ивана,
Та дивлятся на быстру рѣчку, якй жъ тамъ туманы,
Ой дивлятся въ быстру рѣчку, а въ тоту Панôвку,
А Марысюкъ, добрый хлопець; бо выпивъ горѣвку:
А Марысюкъ, добрый хлопець, добре го злапали,
По пôдъ коня вороного нôжки уковали,
Та до пана Капетана листокъ написали.
Ой та сидитъ панъ Капетанъ, та читаѳ зъ листа:
«А на що вы, Путылôвци, ловили опришка?» —
«Мы бы его не ловили, мы бы го не били,
А вôнъ ходитъ по пôдъ хаты съ желѣзными вилы.» —
Ещe ему не минуло чотыре недѣли,
Въ Марусюка поза чересъ сорокôвцй бѣлы,
Сорокôвцй бѣлы, бѣлы, бѣлѣйши вôтъ леду:
Вôнъ купуѳ молодицямъ горѣвки и меду.

35.

Мала вдова девять сынôвъ,
А всѣхъ девять въ розбôй пôшло,
Коморочки розбивати
Чужу кровцю проливати.
Чужа кровця не водиця,
Розливати не годится.
Мала жъ она одну дочку.
Одну дочку та Анночку
За Адама ёи дала.
Не мôгъ зъ нею нигде быти.
Мусѣвъ зъ нею въ лѣсы пôти,
Та надôйшли розбôйники,
Та надôйшли розбôйники,
Адамика та убили,
Адамчатко на кôлъ вбили,
Адамиху зъ собой взяли,
Та изъ нею блудъ створили.
Взяли они спочивати,
Наймолодшій взявъ пытати:
«Скажи менѣ та правдоньку,
Которого ты родоньку?» —
Она взяла повѣдати:
«Мала вдова девять сынôвъ,
А десяту дочку Анну,
А всѣ девять въ розбôй пôшли,
Дочку дала за Адама.» —
«Встаньте, братья, не лежѣте!
Що 'сьте братья ей зробили,
Та Адама зятя вбили,
Адамчатко на коль вбили,
Зъ родновъ сестровъ блудъ створили!
Ѣдьте 'сь, братя, сповѣдайте,
Та грѣху ся избувайте!»

V.

БЫЛЕВЫЯ КОЗАЦКІЯ.

36.

Ой поѣхавъ панъ Савонька въ Неровы на обѣды,
Ой не знае панъ Савонька о своей тяжкой бѣдѣ.
Ой пріѣздитъ панъ Савонька до своего дому,
Пытаеся челядоньки, цы все гараздъ въ дому?
Ой то гараздъ, пане Саво, ще лѣпше зъ тобою,
Изъ далека гостй маешь, чѣмъ ихъ привитаешъ? —
«Витавъ бымъ ихъ виномъ, пивомъ, та не схотятъ пити,
Ой бо они пріѣхали мое житье взяти.
Иди, хлопче, до пивницй, внеси ми горѣвки,
Най ся напью за живота до своеи жёнки.
Иди, хлопче, до пивницй, внеси менѣ вина,
Най ся напью за живота до своего сына.» —
Ой пустився панъ Савонька до ясного меча:
Взяли его на три списы зъ подъ лѣвого плеча.
Ой пустився панъ Савонька до тугого лука:
«Теперь, моя жено, съ тобою розлука.»
Ой пустився панъ Савонька до ясноя зброи: —
Взяли его на три списы и поднесли къ горѣ.
«Ай де твои, пане Саво, кованыи возы?» —
«У мѣстечку Берестечку заточены въ лозы.» —
«Ай де твои, пане Саво, вороныи кони? —
«А въ мѣстечку Берестечку стоять на припопѣ.» —
«А де жъ твоя, пане Саво, молодая жёнка?» —
«А въ мѣстечку Бересточку сидить яко квѣтка.»

37.

Долôвъ, долôвъ, долинами,
Ѣдутъ Турки съ Татарами,
Везуть собѣ вôзъ покрытый,
А въ тôмъ возѣ хлопъ убитый,
За тѣмъ возомъ кôнь Турецкій,

А на кони хлопець Царскій:
Въ правôй руцѣ палашъ держить,
А зъ палаша кровця цюрить.
Зъ тои кровцй рѣчка бѣжитъ,
Надъ рѣчкою явôръ росте,
За Мигалемъ мати плаче:
«Чи дуже ты порубаный?» —
«Головонька на четверо,
Бѣлы ручки на три штучки,
Бѣле тѣло, якъ макъ дрôбно.
Шукай, мамо, лѣкарочки,
Зеленои муравочки,
Клади, мамко, свѣтличеньку,
Безъ оконецъ та безъ дверецъ,
Щобы въ дверцй не ходити,
Въ вôконцй ся не дивити;
Куды впала головонька,
Тамъ выросла могилонька;
Куды впалы бѣлы руки,
Туды бѣгли быстрй рѣки.
Куды впало бѣло тѣло,
Тамъ выросло отъ чомъ кôйло:
Куды впали бѣлы ноги,
Тамъ выросли два явора.

38.

Ой у мѣстѣ Богославѣ дѣвки танокъ ходять,
Молоденька Боднарôвна усѣмъ передъ водить.
Надôйшовъ панъ Канёвскій по при тоты танцй,
Та приступивъ Боднарôвну за бѣленькй пальцй.
Молоденька Боднарôвна на то не вважала,
Та на пана Канёвского губы отдувала:
«А якій ты, панъ Канёвскій, така Боднарôвна,
Не приступай за пальчики, бо 'мъ не твоя рôвня.
Ой то пôшовъ панъ Канёвскій та въ каляты грати,
А вôнъ пôшовъ до пивницй шабли добувати.
Ай ôб таки люди були, що чули по тихо:

«Втѣкай, втѣкай, Боднарôвно; бо ти буде лихо!»
Утѣкала Боднарôвна трома покоями,
За ней Ляхи-Гайдамахи съ бѣлыми шаблями.
Логонивъ ю перший жовняръ, имивъ ю за косы:
«Ой погоди, Боднарôвно; бо 'сь гуляла доси.»
Ой надôйшовъ другій жовняръ, и взявъ ю до себе:
«Молоденька Боднарôвно, ой тожъ ми жаль тебе.»
А надôйшовъ панъ Канёвскій, сѣвъ си коло стола,
Якъ ударивъ, такъ уцѣливъ по пôдъ чорни брова.
Не жаловавъ панъ Канёвскій сто червоныхъ дати,
Молоденькôї Боднарôвнѣ трумну малёвати.
Молоденьку Боднарôвну уже поховали,
А вже пана Канёвского водовъ одливали.

39.

Прилетѣли сивы пташки зъ Тужилова села:
Чого-сь наша шинкаречка сумна, невесела.
Ой знаю я, товаришу, чого в'на сумує,
Она свому шинкареви смерть сама готує.
Пôшовъ шинкарь молоденькій на другій шинкъ пити,
А шинкарка молоденька топорець острити:
Она якъ его выострила, та й го заховала,
Аще свому шинкареви правду не сказала.
Прійшовъ шинкарь а изъ шинку, сѣвъ си коло стола:
«Давай, мила, ѣсти, пити, бодай ты здорова!»
Дала она ѣсти, пити, взяла ся сварити:
«Утѣкайте, люде добры, ту хотять ся бити!
Утѣкайте, люде добры, до другои хаты,
Чей ся шинкарь съ шинкаркою укладає спати!»
Ой лягъ шинкарь у постели, шинкарка въ запѣчку,
А якъ шинкарь добре успувъ, она зажгла свѣчку.
А та свѣчка восковая та дуже палала,
А шинкарка молоденька середъ хаты стала.
Стала она середъ хаты, зачала думати:
«Прости менѣ, милый Боже, мужа порубати!»
Якъ же его порубала, та й ся налякала,
У дверенька не трафяла, оконцемъ втѣкала.

Отожъ пôшла до матеньки: «Пускайте до хаты:
Прійшли Ляхи-Гайдамахи мужа порубати.»
Ой бо еи матйнонька нелѣнива була,
Найшла синю катанину, та й ся загорнула,
И вылѣзла на звôнницю, взяла на гвалтъ бити,
А взяла ся Тужилôвска громада сходити;
А взяли ся исходити, а взяли судити:
«Хотять тебе, мила донько, ажъ до Стрыя взйти».
Она выйшла за ворота, хусточковъ майнула:
«Ой тôлько я, люде добры, въ Тужиловѣ була».
Шинкареви молодому а въ звононьки лають,
А шинкарцѣ молоденькôй кôстки розтягають.

VI.

КОЛЯДЫ И ОВРЯДНЫЯ.

40.

ГОСПОДАРЕВИ.

Цы дома, дома, можный паноньку,
Дай ёму, ёму,
Боже счастье, здоровье а въ дому!
Ай мы видимъ, що е вôнь дома;
Дай ёму, ёму, и проч.
Сидитъ вôнъ собѣ по конецъ стола,
Дай ёму, ёму и т. д.
Собѣ въ оконце вôнь поглядае,
Въ чистое поле все полядае,
Зострѣтивъ собѣ дивное звѣрье,
Кликнувъ, покликнувъ на свои слуги:
«Ой слуги жъ мои, вы вѣрненькіи,
Берѣтъ стрѣльбоньки все стрôйненькіи,
Берѣтъ хортеньки чомъ ловненькіи!»
Жорства стрѣляе, звѣрь промовляе:
«Не псуй стрѣльбоньки, чомъ стройненькіи,
Не томи хорты чомъ ловненькіи,

Ой зажени мя а въ туги луги,
Мене ты тамо чомъ испо̑ймаешъ,
Роги, пароги чомъ позваляешъ.
Будешъ на роги вѣшати шаты,
А на пароги ясную збрую.
Будьте здоровы, можный паноньку,
Можный паноньку, господареньку,
Вйичуємо ти рочными святы,
Рочными святы, многими лѣты,
Не самъ съ собою, съ господиненькою,
И со всѣмъ домомъ, со всѣмъ обходомъ!
Дай же ты, Боже, на обору щастье,
На обору щастья, на худобоньку,
Въ поли урожайну та й пшениченьку,
А въ хатѣ гараздъ на челядоньку!

41.

ЕМУ ЖЕ.

Ой доловъ, доловъ, доловъ луженьки
Гой, дай, Боже!
Ой упавъ снѣжокъ та й на обло̑жокъ,
Гой, дай, Боже и т. д.
Побродивъ ею чудный звѣренько,
Послѣдивъ ею господаренько,
Кликнувъ, покликнувъ на свои слуги:
«Гей, слуги жъ мои все вѣрненькіи,
Збирайте жъ зброю, скликайте жъ лаю!»
А взявъ звѣреньку во̑нъ поганяти,
Взяла звѣренька гей промовляти:
«Ой ты жъ, пане мо̑й, господареньку,
Не рубай мене, не стрѣляй мене!
Возми жъ ты мене въ свои луженьки,
Въ свои луженьки въ калиновыи,
Возми жъ роженьки до свѣтличеньки,
А пароженьки до комороньки,

На пароженьки будешъ вѣшати,
Будешъ вѣшати дороги шаты,
А на роженьки будешъ вѣшати,
Будешъ вѣшати дорогу збрую.»
Ой за симъ словомъ будь же намъ здоровъ,
Будь же намъ здоровъ, можный паноньку;
Вѣнчуемъ мы ти счастьемъ, здоровьемъ,
Счастьемъ, здоровьемъ, вѣнчикомъ яснымъ,
Вѣнчикомъ яснымъ, дѣвчатемъ краснымъ.

42.

ЕМУ ЖЕ.

Цы дома, дома господареньку?
Гой, дай, Боже!
Ой кажутъ слуги, що нема дома,
На оборонцѣ волы паруе,
Паруе волы въ чотыре возы,
На одинъ бере самѝ звоночки,
На другій бере самѝ книжечки,
На третій бере самѝ свѣчочки,
А на четвертый и самъ сѣдае.
Ой якъ заѣхавъ на златѝ мосты,
Золотѝ мосты гей зазвенѣли,
Сѣрѝ волоньки гей забренѣли.
Надыбаютъ го два, три ангелы:
«Куда жъ ты ѣдешь, господареньку?»
«Ой ѣду, ѣду, пôдъ святу гору,
Пôдъ святу гору, до монастырю.»
Ой якъ изъѣхавъ пôдъ святу церковъ,
Самы ся двери подотваряли,
Самы ся вôкна поодтыкали,
Самы звоночки гей зазвонили,
Самы ся книги поотверяли,
Самы ся свѣщи позажегали,
А всѣ святыи на службу стали,
Службу служили, Бога просили,

За здоровленько господарское.
Ой, за симъ словомъ будь же намъ здоровъ,
Господареньку съ господиненькою,
Дай же ти, Боже, а въ домъ здоровье,
А въ домъ здоровье на челядоньку,
На вбору счастье на худобоньку!

43.

ЕМУ ЖЕ.

Ой устань, устань, господареньку,
Гой, дай, Боже!
Побуди свою всю челядонку,
Всю челядоньку, господиненьку,
Ой най же она раненько встае,
Свѣтлы свѣтлоньки повымѣтае,
Кленовы столы позастелае,
Восковы свѣчи позажигае,
Пшеничнымъ хлѣбомъ позакладае,
Рочныхъ гостенькóвъ ся сподѣвае,
Рочныхъ гостенькóвъ, колядниченькóвъ.
Ой за симъ словомъ будь же намъ здоровъ,
Можный панонько, чомъ Василенько,
Вйнчуемо ти счастьемъ, здоровьемъ,
Счастьемъ, здоровьемъ и всякимъ добромъ!

44.

ЕМУ ЖЕ.

Цы дома, дóма, господареньку,
Гой, дай, Боже!
Ой знаемо жъ мы, що в вóнъ дома,
Ой сидить собѣ по конець стола,
По конець стола краще сокола,
На немъ шапочка якъ галъ чорненька,
Якъ галъ чорненька, якъ макъ дробненька,

На немъ чобо̂тки, сре̂бны по̂дко̂вки,
На немъ кошулька якъ бѣль бѣленька,
Якъ бѣль бѣленька, якъ листъ тоненька;
Где жь она прана? Край Дуная;
Где она сушена? Въ Тура на розѣ:
Где она тачана? Въ Львовѣ на столѣ;
Где вна вбирана? Въ свѣтло̂й свѣтлицѣ,
Въ свѣтлѣ свѣтлонцѣ, при оболонцѣ.
А за симъ словомъ бувай намъ здоровъ,
Не самъ съ собою, съ господиненькою,
И зо всѣмъ домомъ, зо всѣмъ обходомъ!

45.

ЕМУ ЖЕ.

Цы дома, дома господареньку?
Гой, дай, Боже!
Ой кажутъ слуги, що нема дома,
А въ Судомірѣ судоньки судить,
Судоньки судить, все въ правахъ сидить.
Єму за тое дорого платять,
Дають же ёму три села новй,
Єдно селенько все старй люде,
Друге селенько все парубочки,
Трете селенько сами дѣвочки.
Старыи люде на порадочку,
А парубочки все косарчики,
Ой а дѣвочки все гребеночки.
Ой за симъ словомъ бувай намъ здоровъ,
Бувай намъ здоровъ, можный паноньку,
Можный паноньку, господареньку!
Вйнчуемо ти рочными святы,
Рочными святы, многими лѣты,
Не самъ съ собою, съ господиненькою,
И зо всѣмъ домомъ, зо всѣмъ обходомъ!
Дай же ты, Боже, щастья, здоровья,
А въ домъ здоровье на челядоньку,
Въ оборѣ щастье на худобоньку!

46.

ЕМУ ЖЕ.

Ой въ лѣску, въ лѣску, а въ жовтôмъ пѣску,
Гой, дай, Боже!
Росте деревце тонке, высоке,
Тонке высоке, въ верху кудряве,
На тôмъ кудрявци сивъ соколъ сидить,
Сивъ соколъ сидить, далеко видить,
Ой видить, видить а въ чисто поле,
А въ чисто поле, где плужокъ оре,
Ори жъ ты, пружку, здрôбненька нивку,
Та й посѣемо яру пшеницю,
Яру пшеницю, всяку пашницю,
Та вродить намъ ся стебло-серебро,
Та й зберемо жъ мы женцй-молодцй,
Женцй-молодцй-дѣвки та хлопцй.
Та й зожнемо жъ мы а въ дрôбны снопы,
Та й и складемо а въ густы копы,
Будешъ ходити меже копами,
Якъ ясенъ мѣсяць межи звѣздами.
Ой за симъ словомъ будь же ми здоровъ! и проч.

—.

47.

СЫНУ.

Ой загнѣвався сынъ на батенька,
Гой, дай, Боже!
Выпучивъ собѣ воронъ зъ стаденька,
Воронъ зъ стаденька та й кониченька.
Займивъ же ёго на тихій Дунай,
На тихій Дунай, золоты мосты,
Золоты мосты завалилися.
Воронъ зъ стаденька потопилося,
Воронъ зъ стаденька та й кониченько.
Ой жаль ми, не жаль за всѣмъ стаденькомъ,
За всѣмъ стаденькомъ, за кониченькомъ,
Ой, бо ôнъ мене добре нотовавъ,
А ушеньками слухи слуховавъ,

А очеиьками звѣзды раховавъ,
А копытами бѣлъ камень лупавъ,
Бѣлъ камень лупавъ, церковъ муровавъ,
Съ трома вôконцями, съ трома дверцями:
Одно жъ оконце ясное сонце,
Друге жъ оконце чомь ясенъ мѣсяць,
Трете жъ оконце ясна зôрниця;
Одними жъ дверцй самъ Господь ходить,
Другими дверцй Свята Пречиста,
Третими жъ дверцй Святый Николай;
Святый Николай ставъ до престола,
Службу служити, Бога просити,
Бога молити, та за здоровье.
Ой за симъ словомъ будь же ми здоровъ,
Можный панонъку, чомь Ивасеньку!
Вйнчуемо ти щастьемъ, здоровьемъ,
Щастьемъ, здоровьемъ, доленькою доброю,
Вѣночкомъ яснымъ, дѣвчатемъ краснымъ.

48.

ЕМУ ЖЕ.

Ой заказано въ недѣлю рано,
Гой, дай, Боже!
Ой заказано всѣмъ на войночку,
Кто сынка мае, най выправляе,
А кто не мае, та най наймае,
Мала вдовочка в'дного сыночка,
Выправляла жъ го гей на вôйночку:
«Иди жъ ты, сыночку, гей на вôйночку,
Наперед вôйска не выдавайся,
А зъ заду вôйска не зоставайся!»
Молоде паня на то не дбало,
Передъ Королемъ играло конемъ,
Передъ паничемъ рубало мечемъ,
Передъ гайдука стрѣляло зъ лука

«Нема въ панича такого меча,
Нема въ Короля такого коня;
Бо въ мого коня золота грива,
Шовковый хвостикъ замѣтать мостикъ.»—
Ой за симъ словомъ и проч.

49.

ЕМУ ЖЕ.

А въ поли, поли, близко дороги,
Гой, дай, Боже!
Стоять наметы зъ бѣлаго шовку,
А въ тôмъ наметцѣ бѣла постѣлька,
А въ тôй постельцѣ Царьское дитя,
Царское дитя а въ карты грае,
А въ карты грае, красно спѣвае.
«Кто жъ тебе навчивъ а въ карты грати,
А въ карты грати, красно спѣвати? —
«Мене жъ навчила ненька старенька,
Тричи мя въ ночи повиваючи,
Швидкимъ пруточкомъ вышвикуючи,
Солодкимъ медкомъ наповаючи,
Червонымъ ябкомъ пôдхиткуючи.»
Ой за симъ словомъ будь же ми здоровъ и проч.

50.

ЕМУ ЖЕ.

Ой изъ за горы, зъ за полонины,
Гой, дай, Боже!
Выходить же ми чорна хмарочка,
Ой не е жъ то ми чорна хмарочка,
Ой с жъ то ми овець гурмочка,
Иде жъ передъ нихъ овчариночка,
Заперезався трома ужевками,

А за ужевками три трумбеточки:
Одна трумбета гей дубиная,
Друга трумбета гей цѣновая,
Трета трумбета гей золотая.
Ой чути, чути въ чистое поле,
Ой якъ затрубить а въ дубинную:
Ой чути, чути а въ лѣсы, боры,
Ой якъ затрубить а въ цѣновую;
Ой чути, чути ажъ на небеса,
Ой якъ затрубить а въ золотую.
Ой за симъ словомъ будь же ми здоровъ, и проч

51.

ДОЧКѢ.

Коло мостонька нова корчмонька.
Гой, дай, Боже!
А коло неи коники въ ненѣ.
Одинъ ми коникъ найворонѣйшій,
До него хлопець найприборнѣйшій,
Бересь ѣхати въ горы по дѣвку,
Она якъ до него переказала:
«Коня не томи, людей не труди,
Бо я жъ до тебе сама прилену,
По надъ селенько чорновъ хмароньковь,
На подвôренько дрôбнымъ дождикомъ,
Ой, а до сѣней чомъ ластовою,
Ой, а до хаты чомъ невѣстою.
Ой нене, нене, навчи жъ ты мене,
Злото сновати, а срѣбро ткати.»
А за симъ словомъ бувай намъ здорова,
Бувай здорова, кгречная панно,
Вѣнчуємо ти щастьемъ, здоровьемъ,
Щастьемъ, здоровьемъ, доленьковъ добровъ
Вѣночкомъ яснымъ, дѣвчатемъ краснымъ.

52.

ЕЙ ЖЕ.

Шуми, не шуми чомъ дубровонько,
Гой, дай, Боже!
«Ой якъ же менѣ гей не шумѣти?
По менѣ ходить дивное звѣря,
Дивное звѣря девятороге,
А на десятôмъ святый тарѣльчикъ,
На тôмъ тарелци золотый стôльчикъ,
На тôмъ стôльчику паннонька сидить,
Ой сидить, сидить косоньку чеше,
Косоньку чеше, по столу мече.
«Ой не доѣзджай, чомъ Козаченьку,
Ой не пôдъиляй чомъ кватыреньку,
Ой не напускай буйного вѣтру,
Буйного вѣтру, ясного сонця!
Бо одъ вѣтроньку косонька вяне,
А одъ соненька личенько смагне!»
Ой за симъ словомъ бувай здорова, и проч.

53.

ЕЙ ЖЕ.

Ой надъ керницевъ, надъ студеницевъ,
Гой, дай, Боже!
Тамъ три святыи воду святили,
Воду святили, крестъ загубили,
Дѣвчина пышна, ты туды ишла,
Ты туды ишла, золотъ крестъ найшла.
«Що жъ менѣ буде за переемець»? —
Ой буде, буде срѣбный перстенець,
Срѣбный перстенець, три службы новы:
Одна службонька на святе Рôздво,
Друга службонька ажъ на Василья

Третя службонька ажъ на Великдень,
Ажъ на Великдень, на той Божій день.»
А за симъ словомъ бувай мй здорова и проч.

54.

ЕЙ ЖЕ.

Тамъ за стѣною, за золотою,
Гой, дай, Боже!
Тамъ ся вбирае кгречна паннонька,
Бере на себе дороги сукнй,
А поверхъ сукней срѣбро та злото,
И выйшла на двôръ, двôръ ся влягае,
Вôйшла до сѣней, сѣни сіяють,
Войшла до хаты, паны вставають,
Паны вставають, шапки знимають,
Шапки знимають, ей ся кланяють,
Ой, одинъ каже, що то Царѣвна,
А другій каже, що то Крôлѣвна,
А мати каже, то моя дочка,
А моя дочка, чомъ невѣсточка.
А за симъ словомъ бувай здорова и проч

55.

ЕЙ ЖЕ.

По надъ бережокъ саженый садокъ,
Гой, дай, Боже!
Садокъ саженый, расомъ рашеный
Пильновала жъ го кгречна паннонька,
А стережучи твердо заснула,
Ой а злетѣли райски пташеньки,
Та й жахомъ-махомъ на райскй пташки:
«Не вамъ то, тато, садочокъ садивъ,

Садочокъ садивъ, та й расомъ расивъ.»
Ой пѣшки, пѣшки по пôдъ берéжки,
Вбита стеженька до коваленька:
«Ты коваленьку, золотареньку,
А вкуй же мéнѣ жовты чобôтки,
А пôдъ чобôтки срéбны пôдкôвки!»
Ой за симъ словомъ бувай здорова, и проч.

56.

ЕЙ ЖЕ.

А въ поли близко дороги,
Божая, Божая мати,
А все въ золотѣ ходила, *
Садокъ саженый, наостроженый,
А въ томъ садочку бѣла постéлка,
А въ тôй постéлцѣ кгречная дѣва,
Рясы стерегла и тамъ заснула,
Райски пташочки рано злинули,
Рано злинули, рясу спайнули.
Золота ряса дуже звенѣла,
Дуже, звенѣла, дѣву збудила,
А дѣва встала, рясу зобрала,
Зобрала рясу, чомъ до поясу,
Понесла жъ собѣ до золотника:
«А помогай Бôгъ, золотниченьку,
Золотниченьку, ремесниченьку!
А зроби жь мéнѣ золоту шубу,
А зъ обрѣзочкôвъ золотый поясъ,
А зъ отрусочкôвъ срéбный перстенець,
По тôмъ останку перлову тканку.
А вберу жъ я ся въ недѣлю рано:
Перлова тканка головку клонить,
Шовковый поясъ лядвоньки ломить,
Золота шуба слѣдъ замéтае,
Срéбный перстенець пальчики щипле.»

---

* Повторяется послѣ каждаго стиха.

Ой за симъ словомъ будь намъ здорова,
Будь намъ здорова, кгречная дѣво,
Дари тя, Боже, щастьемъ, здоровьемъ
Счастьемъ, здоровьемъ, та долевъ добровъ,
Рутянымъ вѣнцемъ, кгречнымъ молодцемъ!
Дай же ти, Боже, въ городцѣ зѣлье,
Въ городцѣ зѣлье, въ дому весѣлье!

57.

ЕЙ ЖЕ.

По за гуменье чорное тернье,
Гой, дай, Боже!
Надôйшла жъ туда красна паннонька,
Урвала собѣ чорный терночокъ,
Та прикладала къ своимъ оченькамъ:
«Кобы у мене такй оченька,
Ладила бы 'мъ ся за вôйтовича.»

По за гуменье жовтое кôйло:
Налôйшла жъ туда красна паннонька,
Урвала жъ собѣ жовтое кôйло,
Та прикладала къ своимъ косонькамъ:
«Кобы у мене така косонька,
Ладила жъ бы 'мъ ся за паниченька.»

По за гуменье червона рожа:
Надôйшла жъ туда красна паннонька,
Урвала собѣ червону рожу,
Та прикладала къ свому личеньку:
«Кобы жъ у мене таке личенько,
Ладила жъ бы 'мъ ся за Цѣсаронька.»
Ой за симъ словомъ бувай ми здорова и проч.

VII.

КОЛОМЫЙКИ И ДРУГІЯ ПЛЯСОВЫЯ.

1.

Ой конику, воронику, грива ти бѣленька,
Занеси мя въ тое село, де моя миленька! —
«Якъ бы тебе я занѣсъ, де твоя миленька,
Та злетѣла бы менѣ гривочка бѣленька.»

2.

Ой ковала зазуленька на хатѣ, на латѣ:
Не разъ бы ся наплакати въ свекрушинѣ хатѣ.

3.

По пôдъ лужокъ оре плужокъ, волики чотыри,
Ой а моéй миленькои напередъ ходили.

4.

Ой пôшовъ я до багача, они одповѣли:
«Кортѣли мя сивы волы, псы бы ихъ поѣли!»

5.

Ой займу я сивы волы, та най напасутся,
Та най нашй вороженьки пороспукаются!

6.

Розвивайся, лозо, борзо а въ чотыре листы:
Якъ до тебе, моя мила, рѣчку перебристи?

7.

Ой стояла при вербинѣ,
Та моргала: «Ходи дъ менѣ!
Якій тобѣ дѣдько стався,
Що ты менѣ сподобався?»

8.

Ой заграй ми, музиченьку, въ украшенй скрипки,
А я буду танцювати всѣ нôчку на сбытки!

9.

Ой спѣвайте, ледѣники, котрый голосъ мае,
Най ся тота дубровонька одъ насъ розлягае!

10.

Ей музыка Черемѣскій грае хорошенько:
«Не самъ иду, коня веду, подивися, ненько!
Не самъ иду, коня веду, коня вороного,
Ой отвôряй воротенька, дѣвчино небого!»

11.

Ой дѣвчино, дѣвчинонько, я славѣ къ тобѣ люде,
А ты менѣ одповѣла, цы не жаль ти буде?

12.

Ой дубочку росохатый, маю на тя гадку,
Гадаю тя порубати миленькóй на хатку;
Гадаю тя порубати, та й помѣтовати,
А изъ тебе своей милóй хатку сбудовати.

13.

Породила шевця вóвця, а Ляха кобыла,
А Русняка неборака мати чорнобрыва.

14.

Ой зробивъ я копякъ сѣна, та було зелене:
Заѣхали Гуцулы, забрали безъ мене.
Тожъ я прійшовъ до домоньку, та взявъ жону бити:
«На що сь 'дала Гуцуламъ усе сѣнце взяти?»

15.

Ой ты пьешъ та гайнуешъ, а я дома сиджу,
Ой ты прійдешъ, мене бьешъ, я бѣдочку виджу.
Ой ты бо пьешъ на медочку, а я на горѣвцѣ,
Ой ты пропивъ чтыри волы, а я лишъ двѣ вóвцѣ.

16.

Ой бѣдойко, умеръ Бойко, Бойкови дзвонили,
А Бойко ся схопивъ зъ лавы, ледви го зловили.

17.

Не тѣшьтеся, вороженьки, моей пригодонцѣ,
Хоть я прійду въ ночи пóзно къ моей худобонцѣ;
Хоть я прійду и не прійду, прійде жъ моя мати,
А вже жь моя худобонька не буде рыкати.

18.

«Теши, сыну, ясенину, теши, сыну, клинье:
Возми, сыну, сиротину, та буде газдине!» —
«Не зъ кождои ясенины клинье ся удае,
Не зъ кождои сиротины газдине бувае.»

19.

А изъ тои полонины студена зимочка
А хто жъ мене пожалуе, умерла мамочка!

20.

Не буду ся отдавати, свѣтъ собѣ гаити,
Ой пôду я въ полонину коровки доити.
Ой часъ бо намъ маерочки до домочку ѣсти,
Не яли намъ коровицѣ съ поля приходити.

21.

А я пôду въ Волощину, та тамки загину,
Скажу собѣ закопати на грудехъ калину:
Будуть пташки прилѣтати, калиночку ѣсти,
Будуть менѣ приносити одъ матѣньки вѣсти.

22.

Моя матко старенькая, мамко Стефанихо!
Ото 'сь мене породила на бѣду, на лихо!

23.

Ой Сиготе, Сиготочку, крутый городочку!
Высушила, вывялила любка головочку;
Высушила, вывялила, та и самъ я знидѣвъ,
Та за тыи двѣ недѣли, що 'мъ любки не видѣвъ.

24.

Ты, дѣвчино, спѣвай ладно, не рубай, якъ дрыва,
Давно бы тя люде взяли, кобы 'сь чорнобрыва.

25.

По пôдъ тую полонинку, по пôдъ Турôвочку,
Ходить любко зъ овечками, грае въ сырôвочку:
«Ой овечки-солодечки, ой пасъ бы я васъ, васъ,
А якъ прійде недѣленька выгубивъ бы васъ, васъ!»

26.

Ой горочко высокая, кременю, лупайся:
Не буду тя, любко бити, лищъ выстерегайся!

27.

Свекрушечко, ма душечко, пусти мя до мамки,
Не пытаю быстрой рѣки, побреду безъ лавки.

28.

Ходѣмо, дѣ, товаришу, за высоку гôрку,
Ой тамъ мы ся помахаймо за красную дѣвку.
«Ой якъ же ты помахаешъ, слава жъ, Тобѣ, Боже!
Ой якъ же я помахаю, пропавъ весь, небоже.»

29.

Хоче ми ся воды пити, кирниця нечиста,
Пôдъ яворомъ зелененькимъ нападало листа.
Ой пôду я та поставлю кидровый мосточокъ,
А выберу я зъ кирницй яворôвъ листочокъ.

30.

До дому йди, пьяниченько, до дому, до дому,
Не заваджай у корчмонцѣ никому, никому!

31.

Каже мати женитися та брати дѣвчину,
А я жъ поду женитися въ зелену лѣщину.
Каже мати женитися та брати удову,
А я пôду женитися въ зелену дуброву. —
«Зеленeнька дубровочка ни огню, ни цвѣта:
Молоденька замужь пôшла, не видѣла свѣта!»

32.

Ой высока полонина зъ вѣтромъ говорила:
Кобы мене розорати, жито бы 'мь родила.

33.

Ой Сараче, каже, кучмо,
Не чини мя гучно,
Бо я за тя давъ два лева,
Йдучи зъ Могилева.

34.

Въ церкви звонять — баба глуха,
Въ коршмѣ грають — баба слуха:
«А де жъ мои ходачищи?
Я бы пôшла до коршмищи.»

Плясовыя.

в. козакъ.

1.

(В. изъ Олеська 202)

Гей я Козакъ зъ Украины,
Козакъ зъ роду, Козакъ зъ мины!
Нѣгды въ житью не заплачу,
Гучу, кричу, граю, скачу.

Трястя тому, що ся бѣдить,
Що ено надъ грôшмы сидить!
Не зъ роскоши, тôлько зъ бѣды,
Тну голубця, йду въ присѣди.

Чого жь ты ся зажурила,
Скажи менѣ, моя мила?
Не велика серцю туга,
Не будешъ ты, буде друга.

Бодай наше Поберêже!
Хоть нагайка плечи зрѣже,
Козакъ на то не заплаче,
Гукне, крикне, грае, скаче.

Отъ такъ у насъ чабарашки,
Хоть по пôдъ стôлъ, то все въ рачки,
То на палцяхъ, то въ присѣды,
То до корчмы, то въ сусѣды!

2.

Слава наша Козацькая
Нехъ не загибае,
Шо въ гулянцѣ доля наша
И нужды не знае;

Шо въ гулянцѣ, въ вечоръ, въ ранцѣ,
Въ полудне и въ ночи,
Скочно грати и спѣвати,
Козакъ завше охочій.

Козакъ собѣ танцюе
Бренчать въ него гроши,
Самъ утворный, волосъ чорный
И лицемъ хорошій;

Крутй вусы, чекманъ кусый,
Повыкидавъ вылёты,
Самъ гуляе, насъ спрашае,
Й додае охоты.

Нуте, нуте, молодцй,
Нуте погуляйте,
Єдній грайте, другй скачьте,
А трети спѣвайте!

Нуте живо, наше жниво,
Нуте, жвавн хлопаки,
Ну жъ въ присѣди до сусѣды,
Вытинайте гопаки!

Гуляй, гуляй, Козаченьку,
Гуляй разомъ зъ нами,
То въ тропака, то въ присѣды
Выкадай ногами!

Нехай знають, що гуляють
Зъ молодцями Козаки,
И гуляють и спѣвають,
Вытинають гопаки.

Гей сивъ кисъ на покôсъ,
Та й ставъ щебетати:

«Нарай, нарай, пане брате,
Де дѣвчину взяти?» —
«Нараю ти, пане брате,
У нашого вôйта:
Хорошая, румяная,
Тôлько неробôтня.
Не уважай, пане брате,
Чы дѣвчина гладка:
Питай людей и самъ гляди,
Чы метена хатка?
Не уважай, пане брате,
Чы коралôвъ густо:
Пытай людей и самъ гляди,
Чы въ гол'вѣ не пусто?

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

ПЕТРА ПЕТЕЯ ДЕ ЭРЛЕЗУНДА

ПОДЛИННОЕ И ПОДРОБНОЕ ОПИСАНІЕ РУССКИХЪ ГОСУДАРЕЙ, ПРАВИВШИХЪ ВЪ РОССІИ СЪ 752 ГОДА ДО ИЗБРАНІЯ НЫНѢ ЦАРСТВУЮЩАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА ВЪ 1613 ГОДУ, ТАКЖЕ О ТРЕХЪ ЛОЖНЫХЪ ДИМИТРІЯХЪ, НАВЯЗАВШИХЪ СЕБЯ ВЪ ПРИРОДНЫЕ И НАСЛѢДСТВЕННЫЕ ГОСУДАРИ СТРАНЪ И ПРИЧИНИВШИХЪ МНОГО БЕЗПОКОЙСТВЪ И КРОВОПРОЛИТІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Не нахожу, чтобы иноземные историки писали особенно много о томъ, какіе Государи и Великіе Князья были сначала у Русскихъ, откуда родомъ и происхожденіемъ, и какъ они царствовали. Русскіе и сами не знаютъ, какъ они, къ сожалѣнію, были такимъ грубымъ, необузданнымъ и варварскимъ народомъ, что даже не имѣли и буквъ для описанія дѣлъ и учрежденій своихъ Князей и Государей, и исторіи ихъ, въ пользу и назиданіе своимъ дѣтямъ, до тѣхъ поръ, пока Греческій Императоръ, Михаилъ Палеологъ (?) не прислалъ изъ Константинополя Славянскія буквы въ 1262 году (!!), въ Болгарію, откуда получили ихъ наконецъ и Русскіе, научились писать ихъ, читать и понимать, а потомъ изложили и написали этѣми буквами все, случившееся прежде и еще бывшее у нихъ на памяти.

Получивъ сначала Славянскія буквы, они все еще употребляютъ Славянскій языкъ въ церквахъ при Богослуженіи, читаютъ, молятся и поютъ на немъ; всѣ ихъ книги, духовныя и свѣтскія, написаны и напечатаны тоже на Славянскомъ языкѣ, хотя для своего собственнаго языка имѣютъ другія буквы, которыя получили отъ Грековъ. Такъ какъ межъ ними и Греками были большія взаимныя сношенія, то они и умножили число своихъ буквъ и

прибавили къ нему еще 19, отъ чего у нихъ въ азбукѣ 43 буквы, тогда какъ у Грековъ ихъ только 24. Русскія буквы выговариваются такъ: азъ (Aas), буки (Buchi), вѣди (Wedi), глаголи (Glagol), добро (Dabro), есть (Iest), живѣте (Civvet), зѣло (Selo), земля (Zembla), иже (Ise), и (I), како (Kakoi), люди (Ludi), мыслѣте (Musliti), нашъ (Naas), онъ (On), покой (Pokoi), рцы (Ertzi), слово (Slavva), твердо(Zvverda), икъ (Iick), у (V), фертъ (Phert), хѣръ (Chir), отъ (Ath), цы (Zi), червь (Zerf), ша (Scha), ща (Schza), еръ (Iaer), еры (Iaehri, ерь (Ihe), ю (Ivv), ять (Iaet), э (Aae), я (Ia), ѧ (iea), оу (Avv), кси (Xi), пси (Pzi), юсъ (Ius), ѳита (Vita). Отъ того и Русскія буквы имѣютъ большое сходство съ нѣкоторыми Греческими, а Славянскій языкъ въ большей части словъ сходенъ съ Русскимъ; такъ Москвитяне, или другой кто ни будь, вполнѣ изучившій Русскій языкъ, можетъ говорить съ Полякомъ, Литовцемъ (Бѣлорусомъ), Кашубомъ, Славонцемъ, Богемцемъ (Чехомъ), Вендомъ, Далматомъ, Болгаромъ, Хорватомъ, понимать ихъ и ѣхать черезъ Татарію и Турцію, въ Константинополь: тамъ въ употребленіи тотъ же самый языкъ, даже и при Дворѣ говорятъ на немъ.

Въ Русскихъ сказаніяхъ и лѣтописяхъ упоминается народъ, называемый у нихъ Варягами (Waregi), съ коими вели они большую войну, и были принуждены платить имъ дань ежегодно по бѣлкѣ со всякаго дома. Но я нигдѣ не могъ отыскать, что за народъ были Варяги, и по тому долженъ думать и войти въ подробныя разысканія, что они пришли изъ Шведскаго Королевства, или изъ вошедшихъ въ составъ его земель, Финляндіи и Ливоніи. По тому что въ нашихъ лѣтописяхъ есть ясныя извѣстія, что Шведы съ Русскими вели сильныя войны, взяли страну ихъ и области вооруженною рукой, покорили, разорили, опустошили и погубили ее огнемъ и мечемъ до самой рѣки Танаиса, и сдѣлали ее своею данницей. Къ тому же и Русскіе называютъ Варягами народы, сосѣдніе Балтійскому морю, на примѣръ, Шведовъ, Финовъ, Ливонцевъ, Куроновъ, Пруссовъ (Prydtzen), Кашубовъ, Поморянъ и Вендовъ, а Балтійское море зовутъ Варяжскимъ. Но какъ это названіе нельзя найти ни у насъ, ни въ другихъ мѣстахъ, то многіе стали держаться мнѣнія, что Варяги были родомъ изъ Энгерна (Engern), въ Саксоніи, или изъ Вагерланда (Wagernland), въ Голштиніи; но это не возможно и не имѣетъ ни какого основанія, по

тому что они не могли такъ далеко плавать на своихъ корабляхъ (Armada) по морю, да и не были такъ многочисленны, чтобы воевать съ Русскими. Да если бы и было такъ, и они воевали съ Русскими (что, однако жь, нельзя доказать, да и по справедливости лишено всякаго основанія), то не могли бы довести этой войны до того, чтобы обложить данью Русскихъ. Отъ того кажется ближе къ правдѣ, что Варяги вышли изъ Швеціи, или имѣли главнаго вождя, который, можетъ быть, родился въ области Вартофта (Wartoffta), въ Вестеръ-Готландіи, или въ области Веренде въ Смаландѣ, вѣроятно, назывался Вернеръ, и отъ того Варягъ (Waregus), а его дружина—Варяги, море же, по которому плавалъ, Варяжское (Woretskoi More), такъ какъ Русскіе обыкновенно называютъ Варяжскимъ то море, которое лежитъ между землею Копорье (Coporie) и Еврепе (Eurepe), островомъ Биркой (Bireko) и рѣкою Невою.

Межъ тѣмъ, какъ Варяги въ то время были очень сильны и часто воевали съ Русскими, у Русскихъ Князей и Государей происходили большія смятенія, ссоры и несогласія изъ за правленія и верховной власти, такъ что никто не хотѣлъ уступить другому: воевали между собою и грызлись точно собаки, по тому что каждому хотѣлось быть въ такомъ же величіи и почетѣ, въ какомъ былъ другой; почти все то же, что дѣлали они и нынѣ, въ недавнее время, по тому что когда одного выбрали на царство, то это стало обидно другому, который вооружился на него съ своими сторонниками и предъявлялъ, что онъ такого же высокаго и знатнаго рода и происхожденія, такъ же уменъ и разуменъ, какъ и другой. Чтобы разомъ покончить несогласія, безпрестанныя усобицы и раздоры, одинъ умный и мудрый человѣкъ, бывшій въ большомъ почетѣ у Новогородцевъ, по имени Гостомыслъ (Gostomisel), отъ всего сердца убѣждалъ и уговаривалъ ихъ жить въ мирѣ и согласіи, и отправить пословъ къ Варягамъ, съ самою усердною и смиренною просьбою о томъ, чтобы прислали къ нимъ троихъ господъ высокаго Княжескаго рода, которые были бы благоразумны и могли учредить у нихъ добрый порядокъ и управленіе. Новогородцы же признаютъ ихъ своими природными и наслѣдственными Государями; станутъ почитать ихъ и нести для нихъ всякую усердную службу. Это понравилось всѣмъ Новогородцамъ,

такъ же какъ и Москвитянамъ въ Москвѣ, когда Захарій Ляпуновъ присовѣтовалъ имъ выбрать въ Великіе Князья сына Польскаго Короля, Князя Владислава. По совѣту Гостомысла, они тотчасъ же отправили пословъ къ Варягамъ, приказавъ имъ какъ можно покорнѣе просить у нихъ мудрыхъ правителей. Варяги немедленно согласились на ихъ настойчивую просьбу и отправили съ послами троихъ братьевъ изъ Княжескаго рода, по имени Рюрика (Rurich), Синеуса (Sinaus) и Трувора (Truvvor).

А свирѣпый Иванъ Васильевичъ, сдѣлавшій много жестокихъ дѣлъ въ Ливоніи въ 1577 году и сильною рукою правившій всею Россіей, говорилъ, что онъ ведетъ свой родъ отъ брата славнаго Римскаго Императора Августа, по имени Прусса (Prussus), жившаго въ Придценѣ (Prydtzen), но это отвергаютъ всѣ историки, и Иванъ ни чѣмъ не могъ доказать того.

Отъ того-то изъ честолюбія, надменности и дерзости онъ и принялъ гербъ Римской Имперіи — двуглаваго орла, съ распущенными крыльями, межъ тѣмъ какъ его предки и другіе Великіе Князья, бывшіе въ Москвѣ, не имѣли въ гербѣ ни чего другаго, кромѣ лошади, на которой сидѣлъ какой-то молодецъ, державшій на всемъ размахѣ саблю.

Въ гербѣ Псковскихъ Князей была бычачья голова въ вѣнцѣ. У Новгородскихъ — лошадь, на которой сидѣлъ человѣкъ съ копьемъ въ рукѣ и кололъ въ шею дракона, лежавшаго подъ лошадью. Сколько ни приводилось мнѣ видѣть Шведскихъ Дворянскихъ гербовъ, межъ ними въ самомъ дѣлѣ есть нѣсколько сходныхъ съ выше названными гербами: изъ того вѣрно можно заключить, что этѣ трое братьевъ пришли изъ Шведскаго Государства. Нѣтъ также особенной разницы между именами первыхъ Князей и Шведскими. Русскіе не могутъ такъ правильно произносить иностранныя слова, какъ мы, но прибавляютъ къ нимъ лишнія буквы, особливо когда произносятъ собственныя имена; такъ Рурикъ могъ называться у Шведовъ — Эрикъ, Фридерикъ, Готфридъ, Зигфридъ, или Родригъ; Синеусъ — Сигге, Свенъ, Симонъ, или Самсонъ; Труворъ—Туре, Тротте, или Туфве. Но какъ бы то ни было, они означаютъ все то же; однако жь, нѣкоторые жестоко спорятъ и говорятъ, что этѣ три брата, Варяги, пришли изъ другихъ странъ, а не изъ Щвеціи: я оставляю это во всей

его силѣ и не буду очень оспаривать; только они должны сознаться, что Шведы пособили Русскимъ въ этомъ дѣлѣ, по доброму сосѣдству, дружбѣ и сношеніямъ, и лучше хотѣли видѣть иноземныхъ Государей на царствѣ у Русскихъ, нежели ихъ собственныхъ правителей, по тому что Шведамъ довольно была извѣстна ихъ варварская, отвратительная и безстыдная жизнь и природа, по чему они и старались лучше имѣть своими сосѣдями чужеземныхъ Князей, нежели Русскихъ природныхъ Государей; по тому-то и оказали этѣмъ чужеземцамъ всякое пособіе, и проводили ихъ черезъ Швецію по Варяжскому морю, какъ упомянули мы выше.

По приходѣ этѣхъ трехъ братьевъ въ Россію (а это было въ 752 году (?!) по Р. Х., когда въ Римской Имперіи царствовалъ Константинъ Копронимъ, въ Швеціи Король Беро III, а въ Польшѣ Лешко (Lesko) I-й или Примиславъ, они, съ согласія Чиновъ, раздѣлили между собою Россію, и каждый получилъ въ управленіе большую область или Княжество: Рюрику досталось на долю Княжество Великій Новгородъ, и этотъ Князь имѣлъ свое мѣстопребываніе въ 30 миляхъ отъ Новгорода, гдѣ находится теперь городъ Ладога; Труворъ взялъ Княжество Псковское и проживалъ въ маленькомъ городкѣ, который назывался тогда Тверцогъ (Twertzog) (?), но, по случаю многихъ смятеній и войнъ, былъ разоренъ и опустошенъ до основанія; третьему брату, Синеусу, дано Бѣлозерское Княжество: онъ жилъ тамъ, гдѣ теперь построена крѣпость, въ которой Великіе Князья держатъ, подъ хорошею охраною, лучшія свои сокровища.

Послѣ того, какъ этѣ братья, на такомъ уговорѣ, правили довольно времени страною, Синеусъ и Труворъ умерли безъ наслѣдниковъ. Рюрикъ подчинилъ себѣ ихъ земли, княжилъ счастливо и славно, пока былъ живъ, а по смерти оставилъ сына, по имени Игоря, наслѣдовавшаго отцу въ правленіи. Такъ какъ онъ былъ еще молодъ и несовершеннолѣтенъ, то отецъ передъ смертію приказалъ воспитывать его одному своему родственнику, по имени Олегу; а пока сынъ его подростетъ, войдетъ въ годы и самъ будетъ въ силахъ царствовать, онъ долженъ честно и мудро управлять страною. Олегъ вѣрно исполнилъ и сдѣлалъ все это.

Будучи храбрымъ и опытнымъ воиномъ, Олегъ завоевалъ ма
но земель и городовъ въ пользу Игоря; наконецъ пошелъ съ бо
шимъ войскомъ въ Грецію и осадилъ Константинополь, но отту
былъ прогнанъ Императоромъ, обращенъ въ бѣгство и на во
вратномъ пути умеръ отъ уязвленія, сдѣланнаго ему въ бедро зм
ею, когда онъ вышелъ однажды посмотрѣть на своего коня, к
тораго всегда любилъ и почиталъ, какъ бога: конь лежалъ
землѣ мертвый, а когда Олегъ притронулся ногою къ его голов
изъ нея выскочила змѣя, ужалила его, отъ чего онъ и умеръ и о
правился въ адъ съ своимъ богомъ. Такъ-то бываетъ, и такая-
награда получается тогда, когда чтутъ и обожаютъ чорта, а
истиннаго Бога, по пословицѣ: «За грошовыя деньги, — грошов
и панихида.»

По смерти Олега, Игорь пошелъ въ Псковъ, взялъ себѣ жо
ну изъ самаго знатнаго рода, какой только былъ въ этомъ горо
дѣ, по имени Ольгу, и прижилъ съ ней сына, котораго звали Св
тославъ (Suetoslavv). Имѣя большое расположеніе къ войнѣ, Игор
сдѣлалъ смотръ своему войску и двинулся съ нимъ на Гераклею
Никомидію. Однако жь, все его войско было разбито и прогнано
и онъ принужденъ былъ бѣжать въ Печенѣжскую землю (Pitzinger
land): тамъ его тотчасъ узнали, и Князь этой земли, Мальдитто
(Malditto), отрубилъ ему голову на одномъ мѣстѣ, называвшемся
Хоресто (Choresto), гдѣ и похоронилъ его.

Когда вѣсть эта пронеслась вездѣ по Россіи, Княжескую власт
приняла жена Игоря, Ольга, чтобы править страною, до возраст
ея сына, такъ какъ Печенѣги убили Князя Игоря, а она была жо
на и вдова его; они (?) отправили пословъ къ ней, какъ правител
ницѣ отъ имени ея сына и желали ее въ супруги Государыни л
ихъ Князя. Только что пришли они, ихъ схватили и живыхъ зако
пали въ землю. Она поспѣшно послала гонца къ Печенѣгамъ и вел
ла сказать имъ, если они хотятъ имѣть и признавать ее своею Го
сударыней, то пусть отправятъ къ ней знатное посольство. Они то
часъ же исполнили это и послали 60 сѣдыхъ стариковъ, которых
всѣхъ велѣла она сжечь въ банѣ. Потомъ отправила туда опят
гонца съ просьбой и увѣреніемъ, чтобы Князь былъ въ надежд
на нее; она съ его послами уже въ дорогѣ, снизходитъ на ег
желаніе и согласна на то, межъ тѣмъ припасали бы и готовил

кушанья и питья, медъ, водку и другіе вкусные напитки, какіе идутъ для такого торжества и свадьбы, чтобы угостить гостей какъ можно лучше.

Прибывъ туда, она притворилась печальною и тоскующею по своемъ обезглавленномъ Государѣ, что онъ не послушался ея совѣта и не остался дома, но ушелъ отъ нея, стремясь проливать неповинную кровь; за то и сбылось съ нимъ по его дѣламъ: онъ получилъ достойное воздаяніе. Это очень порадовало Печенѣговъ, по тому что было имъ по сердцу. Межъ тѣмъ Княгиня велѣла изготовить пышный пиръ и угощеніе, и пригласила знатнѣйшихъ и главныхъ Печенѣжскихъ господъ, которые не заставили долго ждать себя, а сошлись туда очень охотно. Княгиня притворялась чрезвычайно ласковой къ нимъ, милостивой, услужливой, до тѣхъ поръ, пока они совсѣмъ не опьянѣли, такъ что не могли пошевелить ни руками, ни ногами; тогда она напала на нихъ ночью, и велѣла погубить жалкою смертію до 5000 Печенѣговъ. И такъ короткое веселье и радость принесли большое горе и печаль. Она убѣжала въ Кіевъ, собрала большое войско, пошла опять противъ нихъ и дала имъ сраженіе, въ коемъ одержала побѣду, обратила ихъ въ бѣгство, и они безъ оглядки должны были бѣжать въ свою столицу, которую жестоко осаждала она цѣлый годъ. Они приведены были въ большую крайность и придумывали всякія средства, какъ бы повести переговоры о мирѣ. Но она совсѣмъ не хотѣла того, а заключила съ ними перемиріе на нѣсколько дней, съ тѣмъ, чтобы они дали ей по три голубя и по три воробья съ каждаго дома. Они тотчасъ же сдѣлали это. Получивъ голубей и воробьевъ, она велѣла привязать къ ихъ хвостамъ такія вещества, чтобы дома въ городѣ, когда этѣ птицы опять прилетятъ туда, загорѣлись и были истреблены пожаромъ. Такъ это и сталось: какъ скоро голуби и воробьи были на свободѣ, они полетѣли на городскіе дома и сожгли городъ со множествомъ народа. Тѣхъ, которые ускользнули отъ огня и бѣжали, она велѣла, однихъ умертвить, другихъ продать въ иностранные города, пока не осталосьтамъ никого.

Поступивъ съ ними на всей своей волѣ, насытивъ гнѣвъ и вдоволь отомстивъ за смерть своего любезнаго Государя, она возвратилась въ Кіевъ: это было въ 876 году, * когда царствовалъ

* Лѣтосчисленіе сильно страдаетъ у Петрея: Ольга сконч. въ 857 году; не

Римскій Императоръ Карлъ Лысый (Carolus Calvus), Шведской ко
роною завѣдывалъ Біорнъ V-й, а Польскою — Пястъ Крушвицкі
(Chrusphicensis).

Послѣ того Ольга отправилась въ Константинополь, крести
лась тамъ по Греческому обряду и названа была Еленой. Импе
раторъ былъ свѣдѣтелемъ при томъ, сдѣлалъ ей прекрасные по
дарки и велѣлъ съ пышностію проводить ее опять въ ея земли
Она первая Княгиня въ Россіи, принявшая крещеніе, и такъ бы
ла расположена къ Греческой Вѣрѣ, что склонила множество лю
дей, мужескаго и женскаго пола, принять эту Вѣру и креститься
но отъ сына своего ни ласкою, ни бранью она не могла добиться
чтобы онъ принялъ новую Вѣру, если находитъ ее хорошей, и кре
стился: идолопоклонство, въ которомъ его воспитывали, взяло та
кую силу надъ его сердцемъ въ молодости, что онъ ни за что н
хотѣлъ оставить и бросить его.

Выросши и вошедши въ годы, онъ каждый день упражнялс
во всякихъ военныхъ дѣлахъ и хитростяхъ, не скучалъ и не тя
готился ни какимъ дѣломъ, но всячески пріучалъ себя выдержи
вать и переносить все, что приводится храброму воину и солдат
на войнѣ и въ походахъ, и, благодаря частому упражненію, так
пріучилъ себя, что могъ выдерживать и выносить голодъ и жаж
ду, жаръ и стужу, не ставилъ ни во что спанья и отдыха н
мягкихъ постеляхъ, самъ снималъ съ лошади сѣдло и клалъ себѣ
подъ голову, когда бывалъ съ войскомъ въ походахъ. Онъ побѣ
дилъ народъ Булгаръ, доходилъ съ сильнымъ войскомъ до рѣки
Дуная и разорялъ все на походѣ. Городъ Переславъ сдѣлалъ
своей столицей и княжескимъ пребываніемъ, и говорилъ своей ма
тери и совѣтникамъ: «Въ этотъ мой княжескій стольный градъ
привозятъ мнѣ изъ Греціи разныя вкусныя и ароматныя вина и
напитки, драгоцѣнныя вещи, жемчугъ, дорогіе камни, золотую мо
нету, камку, бархатъ и шелковыя ткани; изъ Угріи золото, серебро
ро и прекрасныхъ отборныхъ коней; изъ Россіи мои подданные до
ставляютъ разные отличные мѣха, медъ, воскъ, сало, ленъ, пеньку
и все другое, для меня нужное.»—«Сынъ мой, отвѣчала мать: я уми-

---

меньше и названія народовъ, какъ сдѣсь Древляне приняты имъ за Печенѣговъ.

рю: прошу тебя честно похоронить меня, гдѣ покажется тебѣ лучше!» На третій день послѣ того она умерла, и съ большимъ торжествомъ была оплакана и погребена въ городѣ Переславѣ (?): она причислена къ Святымъ, и Русскіе еще нынѣ по всей землѣ празднуютъ день ея 11 Іюля.

Святославъ (Svvetoslav) правилъ довольно времени по смерти матери. У него родилось три сына: двое законныхъ и одинъ побочный. Передъ смертію онъ раздѣлилъ землю между дѣтьми: первородному сыну, Ярополку, отдалъ Кіевское Княжество, со всѣми его землями, городами и мѣстечками, къ нему принадлежавшими; другому сыну, Олегу, далъ Печенѣжскую землю; по желанію сословій и горожанъ Великаго Новгорода, онъ далъ имъ въ Князья своего незаконнаго сына, по имени Володимира. Все это сдѣлалось стараніемъ и происками его любимицы, дочери одного знатнаго Новгородца, по имени Малуши (Malischa), которую онъ сдѣлалъ беременною еще когда она была въ горничныхъ дѣвушкахъ его матери, и прижилъ съ ней этого Володимира.

Распорядившись, по своему желанію, правленіемъ, онъ собралъ ужасно большое войско и пошелъ на Грецію. Онъ былъ уже не далеко отъ Константинополя, когда встрѣтили его Греки со всею военною силой; обѣ стороны сразились въ жестокомъ бою, въ которомъ Святославъ былъ убитъ хитростью и ловкостью одного Греческаго* полководца. Nam occurrendum est hosti, tanquam lupo, sive via recta, sive obliqua. Онъ отрубилъ ему голову, велѣлъ сдѣлать изъ его черепа чашу и вырѣзать на ней позолоченными буквами этѣ слова: «Quaerendo aliena, propria amisit» (ища чужаго, потерялъ свое).

По убіеніи этого Святослава, одинъ изъ его совѣтниковъ и вождей, по имени Свѣнельдъ (Svvadolt), пришедши въ Кіевъ къ его старшему сыну, Ярополку, очень усердно внушалъ и совѣтовалъ ему согнать съ престола брата его, Олега, за то, что онъ убилъ сына у этого совѣтника, Люта.

Ярополка легко было уговорить на это, по тому онъ собралъ на брата большое войско. Олегъ тоже встрѣтилъ его съ

* Печенѣжскаго.

войскомъ и они бились жестоко. Ярополкъ одолѣлъ, одержалъ полную побѣду и прогналъ брата, который долженъ былъ бѣжать въ свой городъ.

Но военные люди, бывшіе въ городѣ и видѣвшіе это, заперли городскія ворота и столкнули его съ моста: такъ онъ и умеръ. Однако жь, они не пустили въ городъ и Ярополка. Онъ тотчасъ же велѣлъ сыскать братнинъ трупъ и пышно похоронилъ его, сказавъ своему полководцу: «Свѣнельде, вотъ смотри: чего ты желалъ и просилъ, исполнилось!»

Когда молва объ этомъ разнеслась по странѣ, услышалъ это извѣстіе и Володимиръ, имѣвшій свое пребываніе въ Новгородѣ; и онъ до того упалъ духомъ и перепугался, что поскорѣе бѣжалъ къ Варягамъ и размышлялъ въ себѣ: если Ярополкъ не пощадилъ роднаго брата, отъ одного съ нимъ отца и одной матери, то тѣмъ меньше пощадитъ его, незаконнаго. Онъ набралъ у Варяговъ большое войско и пошелъ подъ Великій Новгородъ, взятый въ его отсутствіе Ярополкомъ, силою выгналъ оттуда войско и отнялъ городъ. Послѣ того онъ отправилъ пословъ къ Князю Рогволоду (Rochvvolochdum) въ Псковъ за сватовствомъ къ его дочери, Рогнѣдѣ (Rochmida), но получилъ въ этомъ отказъ, по тому что былъ сынъ любви, и Псковскій * Князь полагалъ, что братъ его, Ярополкъ, рожденный отъ законнаго ложа, воротится, выгонитъ, удержитъ за собою Государство и женится на его дочери.

Это сильно было досадно Володимиру: онъ двинулся подъ Псковъ съ большимъ войскомъ, взялъ этотъ городъ, убилъ Князя съ двумя его сыновьями и силою взялъ Рогнѣду; оттуда поспѣшно пошелъ онъ съ войскомъ по Бѣлой Руси и осадилъ городъ Кіевъ, гдѣ проживалъ его братъ. Ярополкъ очень испугался его и пріунылъ до того, что не смѣлъ сойтись съ нимъ въ полѣ. А по тому сколько можно сильнѣе укрѣпилъ Кіевъ. Володимиръ не могъ взять силою этого города, и сталъ думать о другихъ средствахъ къ тому, именно, послалъ тайкомъ гонцовъ въ городъ къ своему главному совѣтнику и Воеводѣ, Блуду: льстилъ ему, нази-

* Полоцкій.

валъ его своимъ отцомъ, прислалъ у него совѣта, какъ бы всего удобнѣе и скорѣе убить Ярополка.

Такое дѣло очень понравилось этому невѣрному псу: онъ совѣтовалъ Володимиру, что если онъ со всѣмъ стараніемъ повелитъ осаду города, не мѣшкая и ничего не упуская, тогда овладѣетъ имъ; впрочемъ, онъ, Блудъ, сдѣлаетъ такъ, что осада скоро будетъ снята. Между тѣмъ внушилъ своему Государю выйти тайкомъ изъ города и отправиться въ другое мѣсто, гдѣ онъ можетъ жить спокойно и безъ всякой опасности. Пріунывшій Государь послѣдовалъ его совѣту и вышелъ тайкомъ изъ города съ вѣрнымъ своимъ другомъ, Блудомъ, въ другой городъ, по имени Родню (Roden), лежавшій на рѣчкѣ Юрсѣ (Jursa). Все это узналъ Володимиръ отъ измѣнника Блуда, сей часъ же взялъ Кіевъ, потомъ отправился съ войскомъ къ городу Роднѣ, стѣснилъ его жестокою осадой до того, что воины въ этомъ городѣ съ голода измѣнили и стали бунтовать. Блудъ, которому всякія продѣлки были извѣстны, уговорилъ своего Государя сдать городъ брату, помириться и договориться съ нимъ, по тому что тотъ сильнѣе его войскомъ, при томъ же Ярополкъ терпитъ нужду въ съѣстныхъ припасахъ и укрыться ему некуда.

Ярополкъ послушался этого совѣта и договорился съ братомъ на томъ условіи, что будетъ доволенъ такимъ удѣломъ въ странѣ, какой пожалуетъ ему Володимиръ. Когда же онъ хотѣлъ войти къ брату, то, по совѣту и убѣжденію Блуда, его изрубили въ куски поставленные для того служители Володимира.

Послѣ этого дѣла онъ обременилъ жену своего брата, родомъ Гречанку, бывшую прежде монахиней, которую Ярополкъ насильствовалъ, а потомъ взялъ ее себѣ въ жены. Русскіе пишутъ, что у этого Володимира было до 800 наложницъ въ его городахъ и крѣпостяхъ и шесть законныхъ женъ. Первая была дочь Князя Псковскаго (Полоцкаго?), Рогнѣда (Rochmida), принесшая ему пятерыхъ дѣтей: троихъ сыновей, Изяслава, Ярослава и Всеволода, и двухъ дочерей; двѣ другія жены были родомъ изъ Чехъ, родившія ему трехъ сыновей: Заслава (Saslavv), Святослава и Станислава; одна изъ Греціи, вдова его брата; отъ нея былъ у него сынъ Святополкъ; одна изъ Болгаріи, которая ро-

дила ему Бориса, Глѣба, Мстислава (Mitislavv), Позвѣзда (Pot vvitz) и Судислава.

Онъ былъ развратный, нечестивый, безбожный человѣкъ великій идолопоклонникъ; поставилъ много идоловъ въ город Кіевѣ, чтилъ ихъ и молился имъ; главный былъ идолъ Перун сдѣланный изъ серебра, всѣ же другіе были деревянные и назы лись Усладъ, Хорсъ (Corsa), Дажбогъ (Dasvva), Стрибогъ (Striba Зимергла (Simergla), Мокошъ (Macosk).

Приведши себѣ въ зависимость всю Россію, онъ пріобрѣ уваженіе иностранныхъ Государствъ и сосѣднихъ съ нимъ Госуд рей; они посѣщали его чрезъ своихъ посланниковъ и силь хлопотали о томъ, чтобы онъ бросилъ свои разнообразн идолы и принялъ Христіянскую Вѣру.

По тому-то онъ и отправилъ своихъ пословъ во многіе да ніе края, чтобы они узнавали, какая въ тѣхъ краяхъ Вѣра и го они исповѣдаютъ Богомъ. Они воротились и сообщили ему в ныя свѣдѣнія о Вѣрахъ иноземныхъ народовъ: лучше всѣхъ по залась имъ Греческая, которая и прежде начинала уже дѣл успѣхи у нихъ, но потомъ опять было вывелась. Онъ тотчасъ послалъ довѣренныхъ людей къ Константинопольскимъ Госу рямъ, Василію и Константину, съ самою усердною просьбо чтобы они выдали за него сестру ихъ, Анну, по тому что о намѣренъ не только прогнать отъ себя женъ и наложницъ и ра статься съ ними, но бросить также и идолы, креститься во и Распятаго Іисуса Христа и добровольно возвратить имъ город Корсунь, съ другими городами и областями, имъ завоеванным недалеко отъ Чернаго моря.

Обѣ стороны примирились на этомъ условіи и имѣли свид ніе при городѣ Корсунѣ, который Володимиръ тутъ же уступи и сдалъ Константинопольскимъ Царямъ, вмѣстѣ съ другими гор дами и областями, крестился и названъ былъ Василіемъ, вмѣс Володимира. Цари отдали за него сестру свою, Анну, и разст лись съ нимъ въ большой дружбѣ.

Послѣ того онъ развелся со всѣми другими женами и нало [illegible], привязался къ одной младшей изъ нихъ, изъ Константи [illegible] и жилъ съ нею 23 года: это было въ 989 году (988) по

Хр., когда царствовалъ Императоръ Оттонъ III, въ Швеціи Олай Сидень (Skot), а въ Польшѣ Мѣшко Первый (Miesco).

Послѣ того этотъ Володимиръ велѣлъ рубить, ломать и жечь всѣ идолы въ своей землѣ и побудилъ всѣхъ подданныхъ принять Греческую Вѣру, которой Русскіе твердо держатся еще и нынѣ, и исповѣдаютъ ее во всѣхъ статьяхъ и обрядахъ.

Предъ кончиною онъ раздѣлилъ землю между своими сыновьями и каждаго надѣлилъ особенныхъ Княжествомъ, чтобы, по его смерти, они не поднимали ссоръ и споровъ между собою, не отягощали войною своихъ подданныхъ, не приводили ихъ въ разореніе и нужду, и тѣмъ не губили и не опустошали плачевнымъ образомъ своей земли. Онъ хорошо зналъ, что междоусобія и раздоры, особливо когда городъ и царство станутъ воевать между собою, чрезвычайно гибельны, и что война — бездонная бочка. Точно такъ же, по словамъ Светонія, Императоръ Августъ говаривалъ, что тѣ, которые ведутъ войну для умноженія своихъ земель и власти, ловятъ рыбу золотой удочкой и сѣтью, а кто ловитъ ее такимъ образомъ, тотъ больше получаетъ убытка, нежели прибыли. Но когда въ царствѣ миръ и согласіе, тогда все дѣлается въ немъ лучше и больше: тамъ изобиліе и жизнь, тамъ счастье и успѣхъ неизмѣнны и вѣчны.

«Гдѣ миръ, говоритъ Лютеръ, тамъ половина царства небеснаго, тамъ сухой хлѣбъ и кислый квасъ пріятнѣе для вкуса всякихъ горячихъ и жареныхъ, пива, вина и мальвазіи.» Своему первородному сыну, Изяславу, Володимиръ далъ Великій Новгородъ, Заславу (Saslavv) Полоцкъ, Святополку Кіевъ, Ярославу Ростовъ, по смерти же Изяслава и Заслава онъ отдалъ Новгородъ Ярославу, а Борису Ростовъ, Глѣбу Муромъ, Всеволоду (Sevvold) Володимиръ, Мстиславу Кострому (Castrom), Святославу Смоленскъ, Судиславу Псковъ, Позвизду (Podvvitz) Тверь.

Когда страна была раздѣлена и каждый сынъ сталъ заѣдывать своимъ Княжествомъ, Володимиръ созвалъ ихъ всѣхъ къ себѣ, усердно и отъ всей души просилъ ихъ жить между собою, какъ сдѣлуетъ братьямъ, въ мирѣ и согласіи, сохранять Греческую Вѣру и оказывать ей покровительство, любить и ува-

жать подданныхъ, не подавать ни какого повода къ смутамъ возмущеніямъ: такъ онъ и разстался съ здѣшнимъ міромъ, спу тя 4 года по смерти своей Княгини, въ городѣ Володимирѣ тамъ и похоронены они другъ возлѣ друга. Этотъ городъ са онъ и выстроилъ, въ память по себѣ, въ 928 году, назвалъ своему имени и всегда имѣлъ тамъ княжеское пребываніе, ка и разсказывали мы въ 1-й части.

Но сыновья, княжившіе по смерти отца, пренебрегли чист сердечнымъ отцовскимъ увѣщаніемъ, жили во взаимной ненави ти, раздорѣ и несогласіи и вели между собою большія войн Кто былъ всѣхъ сильнѣе, тотъ и одолѣвалъ: не довольствуя отцовскимъ раздѣломъ, притѣснялъ, убивалъ другихъ, бралъ се ихъ земли и Княжества.

Всеволодъ, получившій на свою долю Володимирское Княж ство, былъ самый знатный изъ братьевъ, привелъ большую ча страны подъ свою власть, выгналъ своего брата, Святополка, и Кіева и овладѣлъ этѣмъ Княжествомъ. Это было сильно доса Святополку: онъ вооружился на Всеволода, съ помощію и содѣй ствіемъ нѣкоторыхъ другихъ братьевъ, набралъ большое войск опять осадилъ Кіевъ, выгналъ оттуда Всеволода и убилъ дву другихъ братьевъ, державшихъ сторону его противника. Но ка они считались у своихъ подданныхъ кроткими, благочестивыми богобоязненными Князьями, при томъ же были убиты невинно, при жизни довольствовались удѣлами, назначенными для ни отцомъ, то ихъ и причислили къ Святымъ мученикамъ, а имен ихъ перемѣнили: Борисъ получилъ имя Давида, а Глѣбъ Рома память ихъ празднуется ежегодно въ Россіи 24 числа Іюля.

Всеволодъ, владѣвшій большею частію страны, оставилъ сы на, по имени Володимира, который и наслѣдовалъ послѣ него пр вленіе и, по примѣру отца, принудилъ всѣхъ Князей служить повиноваться себѣ, по чему и названъ былъ Мономахомъ.

---

* Въ Никоновскомъ спискѣ, въ Степенной книгѣ и другихъ позднѣйшихъ строеніе Владимира на Клязьмѣ приписывается Владимиру Св., а Стрыйк скій называетъ уже и столицею этотъ городъ. Карамзина И. Г. Р. т. 1 Прим. перев.

Русскіе сказываютъ также, что у этого Володимира Монома-ха былъ конь, * происходившій отъ лошади Александра Великаго, Букефала, Коровья Голова: на лбу имѣлъ пятно и былъ особеннаго цвѣта; съ черными полосами по спинѣ и хвосту; когда было надѣнутъ на него конскій уборъ и снарядятъ совсѣмъ на войну, онъ никому не давалъ на себѣ ѣздить, кромѣ Князя, да еще конюха, который ходилъ за нимъ, однако жь соблюдалъ при томъ такую разницу, что когда садился на него слуга, онъ ходилъ дурно, медленно, некрасиво; повѣсивъ уши и голову, точно какой лѣнивый конь; когда же нарядятъ его въ пышное сѣдло и сбрую, и онъ замѣтитъ, что поѣдетъ самъ Князь, тотчасъ пріосанивался, поднималъ голову и уши, билъ копытами въ землю, ржалъ и храпѣлъ ртомъ и носомъ до того, что всѣ пугались. Если Князь стегалъ его немного кнутомъ и начиналъ уговаривать, онъ красиво рисовался, кидался изъ стороны въ сторону, дѣлалъ скачекъ за скачкомъ, какъ молнія, подлеталъ къ своему ѣздоку, огрызался, ляскался на удивленіе всѣмъ. У него была еще и такая повадка, что всегда хотѣлъ стоять въ конюшнѣ, на самомъ верхнемъ мѣстѣ, и самъ позволялъ управляться съ собой, какъ съ ягненкомъ. Если же поставятъ его на другомъ мѣстѣ, онъ перерывалъ пополамъ узду и поводья, прибѣгалъ на главное мѣсто, и когда тамъ стояла другая лошадь, кусалъ ее до тѣхъ поръ и не успокоивался, пока не дадутъ ему этого мѣста.

Мономахъ велѣлъ сдѣлать, въ пямять по себѣ, драгоцѣнное платье и украшенія, чтобы Великіе Князья наряжались въ нихъ при вѣнчаніи, что они соблюдаютъ и дѣлаютъ даже понынѣ. Онъ умеръ въ 1146 году (въ 1125), когда Конрадъ III правилъ Римскою Имперіей, жестоко тѣснилъ Сарацынъ и возобновилъ города Нюренбергъ и Любекъ.

Въ Швеціи царствовалъ Гаконъ Рыжій (Haquinus Rufus), ведшій трудныя войны съ Датчанами и побѣдившій ихъ въ трехъ битвахъ.

Въ Польшѣ правилъ Болеславъ Кудрявый (Crispus), ведшій большія войны съ Пруссами и Римскими Императорами, Конрадомъ

* Прекрасное сказаніе о конѣ Мономаха показываетъ, въ какомъ свѣтѣ представляли себѣ этого Князя позднѣйшія поколѣнія. Примѣч. перев.

III и Фридрихомъ Барбаросой, который, въ 1181 году сдѣлалъ Герцогами Римской Имперіи обоихъ Поморскихъ Князей, Казимира Перваго и Богуслава Перваго, и въ память этого событія новые Герцоги дали городу Штетину прекрасный гербъ: мужчина съ длинными волосами и въ длинномъ платьѣ сидитъ на стулѣ въ большомъ дворцѣ; въ правой рукѣ у него обнаженный мечъ, а въ лѣвой скипетръ: онъ представлялъ Римскаго Императора. По обѣимъ сторонамъ два щита, и въ каждомъ изъ нихъ помѣщается цѣлый грифъ, въ знакъ того, что оба Поморскіе Князя обратились теперь къ Императору и подчинились Римской Имперіи, потому что прежде были независимы и никого не признавали верховнымъ Государемъ.

По смерти Володимира Мономаха владѣли въ Россіи сынъ его и племянникъ; но какъ они не сдѣлали ничего особеннаго, то Русскіе сочли не стоящимъ замѣчать и записывать имена ихъ.

По смерти ихъ, въ 1237 году, принялъ правленіе Григорій (Георгій) Всеволодовичъ. Въ его время Татарскій Царь, Батый, страшно разорилъ и опустошилъ мечемъ и огнемъ Польшу и Силезію, сжегъ городъ Бреславль и довольно похозяйничалъ въ Римской Имперіи. Онъ не забылъ и Россіи, ужасно неистовствовалъ и свирѣпствовалъ въ ней, погромилъ страну безъ всякаго сопротивленія, жегъ города и деревни, истреблялъ плоды, угонялъ скотъ, перебилъ много тысячъ народа, велѣлъ втыкать головы убитыхъ на копья и для устрашенія носить по непріятельской землѣ, взялъ городъ Володимиръ, съ нѣсколькими другими городами и городками, убилъ Великаго Князя и заставилъ Русскихъ платить себѣ ежегодно дань, не выбирать Великаго Князя безъ его вѣдома и воли. Онъ привелъ ихъ подъ такое иго рабства, что когда Татары присылали къ нимъ своихъ пословъ, Великій Князь долженъ былъ встрѣчать ихъ за городомъ пѣшкомъ, съ ведромъ кобыльяго молока, и подносить имъ, вмѣсто ихъ Государя: когда же посланникъ, по неосторожности, проливалъ сколько ни будь этого напитка на гриву лошади, * Великій Князь долженъ былъ подлизать молоко языкомъ; онъ провожалъ посла въ городъ, сто-

* Такое же извѣстіе есть и въ нашихъ лѣтописяхъ, на пр., въ Ипатьевск. Пр. пер.

лъ передъ нимъ съ непокрытою головою и слушалъ съ большимъ уваженіемъ, чего онъ потребуетъ. Эта неволя и рабство продолжались почти 260 лѣтъ.

Въ это время царствовалъ Римскій Императоръ, Фридрихъ Второй. Онъ былъ ученый и добродушный Царь, разъ до пяти подвергался Папскому проклятію, потомъ опять получалъ разрѣшеніе, и по проискамъ Папы и своего побочнаго сына, Манфреда, былъ умерщвленъ ядомъ.

Въ Швеціи царствовалъ Эрикъ Косноязычный (Blaeſus). Съ помощію зятя своего, Ярга Биргера, онъ принудилъ принять Христіянскую вѣру Тавастовъ въ Финляндіи. Въ Польшѣ царствовалъ Болеславъ Стыдливый, тоже претерпѣвшій большое горе и опасности отъ Татарскаго Царя.

Послѣ жалкой погибели этого Георгія Всеволодовича принялъ правленіе братъ его, Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій: онъ вооружилъ на Татаръ большое войско, имѣлъ съ ними жестокое сраженіе, но былъ разбитъ на голову.

Онъ оставилъ по себѣ трехъ сыновей, Ѳедора, Александра и Андрея. Они вели большую войну за правленіе, никто не хотѣлъ уступить другому; всякому хотѣлось захватить власть себѣ, и не унялись до тѣхъ поръ, пока всѣ не были убиты; Александръ оставилъ сына, который наконецъ получилъ княженіе съ помощію Татаръ.

Ему наслѣдовалъ сынъ его, Данило (Daniilovv), который перевесъ Княжеское мѣстопребываніе изъ Володимира въ Москву, огородилъ крѣпость стѣной и писалъ себя первымъ изъ Великихъ Князей Володимирскихъ и Московскихъ. У него было два сына, Григорій (Георгій) и Иванъ.

По смерти Данила, вступилъ на княженіе сынъ его, Григорій Даниловичъ Калита. Онъ получилъ это прозваніе отъ кошеля, который всегда носилъ съ собою, собиралъ въ него милостыню и раздавалъ ее бѣднымъ.

Но другому Князю, по имени Димитрію Михайловичу, служившему при Дворѣ у Татаръ, очень хотѣлось Великокняжескаго

достоинства: онъ и собралъ большое войско, пошелъ въ Москву и умертвилъ собственною рукою Григорія: это сильно раздосадовало Татарскаго Царя, который не далъ ему долго поцарствовать, взялъ его въ плѣнъ и потомъ отрубилъ ему голову.

Послѣ него Татары поставили Великимъ Княземъ Ивана Калиту, который во всемъ поступалъ по ихъ волѣ и желанію и по смерти своей оставилъ трехъ сыновей: Ивана, Семена и Андрея.

Сынъ его Иванъ Ивановичъ назначенъ былъ Великимъ Княземъ по смерти отца, во всемъ слушался Татаръ и не прекословилъ имъ. Когда онъ умеръ, на Княженіе вступилъ сынъ его, Дмитрій Ивановичъ. Ему не хотѣлось платить ни какой дани Татарамъ и ни за что оставаться въ подданствѣ у нихъ. Онъ велъ тяжелую войну съ Татарскимъ Царемъ, Мамаемъ: на 3-й годъ они жестоко бились, съ обѣихъ сторонъ пало много народа, наконецъ Русскій одолѣлъ, одержалъ побѣду и истребилъ Татарина со всѣмъ его войскомъ.

Это было очень досадно Тохтамышу (Tachtanisk); онъ поднялъ всѣ свои силы, опять вторгнулся съ большимъ войскомъ въ Россію, прогналъ Димитрія, осадилъ и взялъ Москву, забралъ въ плѣнъ тамошнихъ жителей, старыхъ и молодыхъ, большихъ и малыхъ; они хотѣли опять освободиться изъ этой неволи, и должны были выкупать себя большою суммою денегъ.

Князь Василій Дмитріевичъ вступилъ въ правленіе послѣ отца, въ 1337 году по Р. Х. Онъ возобновилъ войну съ Татарами, покорилъ Булгарію и выгналъ Татаръ изъ Россіи. У него былъ сынъ, по имени Василій Васильевичъ Темный, то есть, подобный мраку, получившій это прозваніе по тому, что у него были выколоты оба глаза.

Отецъ его, Василій, заподозрилъ жену свою, Анастасію, въ нарушеніи супружеской вѣрности и не хотѣлъ вѣрить, чтобы сынъ его родился отъ него, а не отъ другаго. Отъ того и рѣшился не допускать, чтобы онъ былъ Великимъ Княземъ по его смерти, а назначилъ брата Григорія (Георгія): это не понравилось подданнымъ, по тому что Григорій былъ строгій и не любившій шутить

господинъ; они и помогали сыну, стояли за него и провозгласили его Великимъ Княземъ страны; Григорій обидѣлся и не могъ вынести этого, пошелъ къ Татарину, просилъ его позвать его дядю къ себѣ, разсудить ихъ и рѣшить, ему ли, или Василію, быть Великимъ Княземъ и княжить въ странѣ.

Когда онъ явился, Татарскій Царь, благодаря ходатайству и заступничеству одного своего довѣреннаго совѣтника, сказалъ, чтобы Князь Григорій получилъ Княженіе, какъ завѣщано братомъ его, Василіемъ, въ присутствіи сына покойнаго, также Василія. Услыхавъ и узнавъ о томъ, Василій упалъ на колѣни передъ Татариномъ, прося у него позволенія говорить. Когда это было дозволено, онъ очень смиренно просилъ исполнить то, что прежде было обезпечено за нимъ письменнымъ актомъ, по тому что слово и обѣщаніе живаго человѣка сильнѣе, и надобно исполнять ихъ гораздо строже, нежели умершаго; дальше онъ говорилъ, что дядя его, Григорій, долженъ княжить только по грамотѣ его брата, уже умершаго, а у него, Василья, есть грамота Татарскаго Царя, который находится еще въ живыхъ, удостовѣренная позлащенною печатью: ее, по всѣмъ правамъ, слѣдуетъ считать дѣйствительнѣе и обязательнѣе грамоты его отца, уже умершаго.

Услыхавъ это, Татаринъ не долго раздумывалъ, но тотчасъ же отмѣнилъ свое прежнее рѣшеніе и велѣлъ Василію княжить и управлять страною; Григорій былъ недоволенъ, собралъ большое войско, вытѣснилъ и выгналъ его изъ Москвы, такъ что онъ долженъ былъ бѣжать въ Углицкое Княжество, данное ему для жизни отцомъ. Послѣ того Григорій княжилъ въ Московскомъ Княжествѣ до самой смерти.

Но потомъ правленіе перешло къ Князю Василію и его наслѣдникамъ, по тому что, по смерти Григорія, Василій опять вступилъ въ правленіе. Это очень досадно стало сыновьямъ Григорія, Андрею и Димитрію: они осадили Москву и прогнали Василія въ Троицкій монастырь, гдѣ онъ укрылся и заперся, велѣлъ также поставить кругомъ себя крѣпкую стражу, чтобы враги не напали и не захватили его врасплохъ.

Братья, узнавъ о томъ, придумали другую уловку и хитрость: они послали въ монастырь нѣсколько сотъ телѣгъ съ сѣномъ, соломой и другимъ легкимъ товаромъ, подъ которымъ спрятаны были воины. Когда извощики рано по утру пріѣхали къ воротамъ, начальникъ стражи впустилъ ихъ, не подозрѣвая ничего худаго. Тогда тотчасъ же выпрыгнули спрятанные воины, перебили сторожей, взяли въ плѣнъ Великаго Князя Василія, выкололи ему оба глаза и отвезли съ женою и дѣтьми въ Угличъ.

Чины Государства озлобились за это на братьевъ и прогнали ихъ въ Великій Новгородъ, Василія же опять посадили на княженіе и привели его въ Москву, гдѣ онъ спокойно княжилъ до своей кончины.

Со времени княженія Владимира Мономаха до этого Василія Русскіе всегда были данниками Татаръ и имѣли много Князей по тому что каждый княжилъ въ своей особенной землѣ и Княжествѣ. Отъ того-то Татаринъ всегда и побѣждалъ ихъ, что между ними не было согласія.

Иванъ Васильевичъ Грозный (Grotzdyn), сынъ слѣпаго Князя Василія, принялъ княженіе по смерти отца. Онъ имѣлъ многіе успѣховъ и побѣдъ на войнѣ, и взялъ себѣ въ жены Марію, дочь Князя Михаила Тверскаго, отъ коей имѣлъ сына, по имени Ивана. Послѣ свадьбы онъ выгналъ тестя и взялъ его Княжество, покорилъ также Великій Новгородъ и много другихъ Княжествъ, привелъ въ покорность и подданство себѣ всѣхъ Князей страны и именовалъ себя Государемъ и Повелителемъ всѣхъ Русскихъ и Великимъ Княземъ Володимирскимъ, Московскимъ и Новогородскимъ.

По смерти своей первой жены, Маріи, онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Константинопольскаго Императора, Еммануила, Софіей, и имѣлъ отъ нея пятерыхъ сыновей: Гавріила, Димитрія, Григорія, Семена и Андрея.

Предъ смертію онъ раздѣлилъ между ними землю: сыну отъ первой жены, Ивану, онъ далъ Великое Княжество Московское, Гавріилу оставилъ Великій Новгородъ, другимъ также каждому далъ по особенному Княжеству. Старшій, Иванъ, умеръ еще при жизни отца и оставилъ по себѣ сына, по имени Димитрія. Ве-

кій Князь назначилъ его наслѣдникомъ въ княженіи послѣ ой смерти.

Но Великая Княгиня, Софія, была догадливая, умная и хитрая женщина, отъ того и Великій Князь всегда слушался ея совѣтовъ и замысловъ: льстивыми словами да ласковымъ обхожденіемъ она склонила своего Государя не признавать своимъ наслѣдникомъ внука, и посадить его въ тюрьму, и выхлопотала, чтобы по смерти отца былъ Великимъ Княземъ сынъ ея, Гавріилъ. Когда же Великій Князь сдѣлался болѣнъ, и уже умиралъ, его взяло раскаяніе въ такомъ поступкѣ: онъ позвалъ къ себѣ Димитрія и сказалъ: «Сынъ мой, я согрѣшилъ передъ тобой и Богомъ въ томъ, что обманулъ тебя и отнялъ у тебя наслѣдство, слѣдующее тебѣ по всѣмъ правамъ отъ твоего отца: извини меня въ этомъ, прощай и владѣй своимъ правомъ!»

Когда же Великій Князь умеръ, сводный братъ Димитрія, Гавріилъ, по совѣту и кознямъ матери, опять сковарничалъ надъ нимъ: по мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ умеръ отъ голода и холода, или задохся въ чаду и дымѣ. При этомъ можно припомнить одинъ стихъ поэта:

«Rara avis est natis clemens et justa noverca,
Hanc opus est magno vincier obsequio.»

Гавріилъ силою захватилъ правленіе и назывался правителемъ и блюстителемъ Государства, при жизни своего двоюроднаго брата, по смерти же его онъ взялъ себѣ другой титулъ, велѣлъ короновать себя и назывался ужь не Гавріиломъ, а Василіемъ.

Выше названный Великій Князь, Иванъ Васильевичъ Грозный, имѣлъ отъ жены дочь, по имени Елену. Она была выдана за мужъ за Литовскаго Князя, Александра, бывшаго Польскимъ Королемъ по смерти своего брата, Альберта. Благодаря тому, установился крѣпкій союзъ между обѣими сторонами, заключенъ былъ дружескій миръ; согласіе и тишина водворились между ними: только это продолжалось не долго, по тому что, вмѣсто дружбы, вышла и началась изъ этого большая и кровопролитная война, ненависть и зависть, какихъ прежде никогда не бывало. На свадьбѣ

было обѣщано построить въ городѣ Вильнѣ (VVilda) церковь д
Княгини, ея комнатныхъ дѣвушекъ и служителей, преданны
Греческой Вѣрѣ, чтобы они могли тамъ совершать свое богосл
женіе по всѣмъ Русскимъ обрядамъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ, а постройка церкви шла что-то ме
ленно. Отецъ Елены, Иванъ Грозный, счелъ это предлогомъ, н
чалъ сильную войну съ мужемъ своей дочери, Александромъ.
пошелъ на него съ тремя большими, хорошо вооруженными, во
сками: одно послалъ въ Княжество Сѣверское, другое въ Тор
пецъ и Бѣлой, третье въ Дорогобужъ и Смоленскъ.

Узнавъ о томъ, Александръ собралъ свое войско, и у ни
было сильное сраженіе при рѣкѣ Ведрошѣ (VVedrask). Москвитя
одержали верхъ и побѣдили, Поляки побѣждены и должны бы
ли уносить ноги оттуда. Литовцы, бывшіе въ городахъ, упал
духомъ, очень перепугались и стали добровольно сдавать город
каковы: Дорогобужъ Торопецъ, Бѣлой, Брянскъ, Стародубъ
многіе другіе въ Сѣверскомъ Княжествѣ.

Великій Князь, хоть былъ и сильный Государь и храбрый во
инъ, жестокостью и хитростью покорилъ много Князей, городовъ
крѣпостей и земель, однако жь все таки платилъ дань Татарам
и былъ у нихъ въ зависимости, по тому что когда Татаринъ при
сылалъ къ нему пословъ, онъ лично долженъ былъ встрѣчат
ихъ далеко за городомъ, слѣзать съ коня, тогда какъ они сидѣ
ли на лошадяхъ, и принимать ихъ съ большимъ почетомъ. Это
было очень досадно Княгинѣ: она всегда говорила ему, что не
хочетъ быть крѣпостною рабой и купленною невольницей Татаръ
было бы честно и справедливо, если бы онъ постарался употре
бить всю свою силу и могущество, для освобожденія себя отъ
этого рабскаго ига.

Въ это самое время Татарскіе Цари построили въ Московскомъ
Кремлѣ нѣсколько домовъ и дворовъ, въ которыхъ жили Татары,
бывшіе въ Москвѣ, за тѣмъ только, чтобы смотрѣть, замѣчать
и развѣдывать, что дѣлаетъ Великій Князь, и какіе у него замы-
слы. Когда замѣчали, что Русскіе сговариваются на измѣну и не
хотятъ больше покоряться Татарамъ, они заблаговременно давали

нать о томъ. Великая Княгиня не желала дольше сносить это: на отправила своихъ пословъ съ большими подарками къ Татарской Царицѣ, дружески прося ее склонить своего Государя, чтобы домы и помѣщенія въ крѣпости, принадлежавшіе Татарамъ, нъ приказалъ перенести на другое мѣсто, по тому что Богъ стро- о убѣждалъ ее въ сновидѣніи построить на мѣстѣ ихъ церковь, о славу Его и Святыхъ, и нѣсколько часовень.

Великой Княгини послушались, срыли домы, опорожнили ѣсто, на которомъ потомъ была построена церковь. Благодаря ому, Татары выпровожены изъ Кремля, и по тому больше ужь не огли узнавать о замыслахъ Великаго Князя, какъ бывало прежде, и убрались домой; съ тѣхъ поръ имъ никогда не дозволялось троить дома свои въ Москвѣ, или жить тамъ.

Такимъ образомъ Москвитяне освободились отъ Татаръ ловстью своихъ женъ, точно также какъ домъ съумасброднаго и ьнаго Навала спасенъ мудрою и разумною рѣчью его жены, вигеи, чтобы не наложилъ на него руки разгнѣванный Царь Далъ, по тому что «женскій умъ лучше всякихъ думъ», спасаетъ гъ бѣды и напасти.

Этотъ Великій Князь, Иванъ Васильевичъ Грозный, умеръ въ осквѣ, 66 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, въ 1492 году (?), прокняживъ 42 да и 7 мѣсяцевъ.

Въ его время славно царствовалъ Римскій Императоръ Максиміанъ, очень расположенный къ Доктору Лютеру, за то что отъ возсталъ на Папство и обнаружилъ его идолопоклонство и блужденія. Въ Швеціи царствовалъ славный Государь Стено туре младшій, ведшій трудныя войны съ Датскимъ, Королемъ нсомъ, и Великимъ Княземъ Московскимъ.

По смерти Ивана Васильевича Грознаго вступилъ на княже- е, по проискамъ своей матери, Софіи, сынъ его, Гавріилъ или всилій. Во многихъ дѣлахъ онъ слѣдовалъ правиламъ отца, не лько оборонялъ съ большимъ стараніемъ и силою земли, поко- нныя его отцомъ, но распространялъ свои предѣлы все дальше, не храбростью и доблестью, а хитростью, изворотливостью,

измѣною, и точно такъ же, какъ отецъ его взялъ Новгородъ, онъ покорилъ Псковъ и Смоленскъ.

Въ Литвѣ и Польшѣ царствовалъ тогда Король Сигизмунд 1-й, съ которымъ Великій Князь Василій по справедливости н долженъ бы былъ вести ни какой войны, по тому что это был кроткій, благочестивый и образованный Государь, находивш больше отрады въ мирѣ и согласіи, нежели въ войнѣ, ссорахъ кровопролитіи. Онъ не подавалъ ни какого повода къ раздору войнѣ, однако жъ Василій напалъ на него, говоря, что онъ н рушилъ мирный договоръ въ томъ, что сестра Василіева, по смер ти Короля Александра, содержалась не совсѣмъ по ея званію сану. Къ тому же онъ наущалъ Татарина напасть на землю В силія и жалостно разорять ее огнемъ и мечемъ. Отъ того и он имѣетъ достаточную причину посѣтить и потревожить его так мечемъ и огнемъ, и осадилъ поспѣшно Смоленскъ, отъ котораго впрочемъ, принужденъ былъ на этотъ разъ отступить съ позором

Между тѣмъ одинъ знатный Литовскій Господинъ, по имен Михаилъ Глинскій, по случаю сдѣланнаго имъ убійства, должен былъ бѣжать изъ Литвы и искать убѣжища у Великаго Кня Московскаго. По своей способности, онъ тотчасъ же сдѣлался со вѣтникомъ и высшимъ лицомъ у Великаго Князя. Находясь тог въ большой враждѣ и ненависти съ своими земляками, онъ усер но совѣтовалъ Великому Князю не прекращать Польской войн а продолжать ее и опять осадить всѣми силами Смоленскъ, пр бавивъ, что ему извѣстно средство покорить городъ для Велик го Князя.

Великій Князь былъ очень радъ тому и далъ честное сло Глинскому, что лишь только онъ овладѣетъ городомъ, то полу читъ отъ него Княжество для себя и своихъ наслѣдниковъ, по защитою и покровительствомъ Великаго Князя, и за то будет служить ему, по его требованію, съ такимъ числомъ конныхъ пѣшихъ воиновъ, сколько позволятъ его доходы.

Съ этою надеждой Глинскій вооружилъ большое войск очень важно пошелъ къ Смоленску съ разнымъ оружіемъ, велѣ поскорѣе выставить большія пушки и началъ такъ обстрѣливат

тѣны, что никто изъ военныхъ вождей въ Россіи прежде никог-
а и не думалъ и не слыхалъ о такой стрѣльбѣ. Потомъ, когда
разрушилъ стѣны и укрѣпленія, а многихъ непріятелей убилъ изъ
ушекъ, онъ велѣлъ идти въ трехъ мѣстахъ на приступъ: съ обѣ-
хъ сторонъ сражались храбро и жестоко, однако жь Глинскій
былъ отраженъ. Тогда онъ придумалъ другое средство, т. е., при-
бѣгнулъ къ хитрости и обману: подкупилъ вождей и главные воен-
ые чины въ гарнизонѣ, обѣщалъ имъ помилованіе и пощаду отъ
еликаго Князя, да такъ и взялъ городъ, сверхъ своего ожида-
ія, безъ всякаго сопротивленія и кровопролитія.

Тѣхъ горожанъ и воиновъ, которые хотѣли слѣдовать за нимъ
о доброй волѣ, онъ взялъ съ собой, и пошелъ съ большою
авою и торжествомъ въ Москву; другихъ, которые хотѣли ити
ъ Литву и Польшу, онъ съ миромъ отпустилъ и занялъ Москви-
инами городъ: это было въ 1514 году по Р. Х.

Эта побѣда, одержанная Глинскимъ подъ Смоленскомъ, сдѣ-
ала Великаго Князя до того смѣлымъ, гордымъ и надменнымъ,
то онъ опять собралъ со всей своей земли большое войско и
правилъ его въ Литву, разорять эту страну, жечь деревни, го-
ода и мѣстечки, истреблять на поляхъ плоды, уводить скотъ,
бивать малыхъ и большихъ людей. Узнавъ о томъ, Польскій Ко-
оль послалъ сильное войско на встрѣчу Москвитянамъ, съ храб-
ымъ полководцемъ, Константиномъ Острожскимъ (Ostrofski), при-
ывъ къ городу Оршѣ (Orso), лежащему на берегу Борисѳена, гдѣ
встрѣчалось съ Москвитянами, въ числѣ 80,000 конныхъ и
ѣшихъ. Но такъ какъ между ними протекала рѣка, то Польскій
олководецъ, имѣвшій не больше 35,000 войска, велѣлъ навести
ость черезъ рѣку, по которому можно бы было перейти пѣхотѣ
перевезти пушки, а всадники пустили лошадей вплавь, и такимъ
бразомъ переправились за рѣку безъ урона. Лишь только Русскіе
то замѣтили, тотчасъ увѣдомили о томъ своего полководца, Ивана
Челядина (Челяднина), и тутъ же хотѣли напасть на Поляковъ,
днако жь полководецъ не позволилъ имъ и сказалъ: «Если вы на-
ядете и перебьете тѣхъ, которые ужь переправились черезъ рѣку,
огда ускользнутъ другіе, стоящіе еще за рѣкой, и начнутъ съ нами
овую битву: пусть переправятся всѣ, и тогда всѣ они падутъ отъ
шей руки, по тому что мы вдвое сильнѣе, а послѣ того займемъ

всю Литву безъ всякаго сопротивленія и опасности.» Но Литовцы, перебравшіеся за рѣку, построились въ боевой порядокъ, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей въ Москвитянъ, дали залпъ изъ нѣсколькихъ полевыхъ пушекъ; это, однако жь, не испугало Москвитянъ: они велѣли трубить въ трубы и быстро напали на Поляковъ съ большимъ крикомъ и шумомъ, думая привести непріятеля въ ужасъ, чтобы онъ обратился въ бѣгство. Замѣтивъ это и увидѣвъ мужество и неустрашимость враговъ, Поляки подались немного назадъ, гдѣ стояли пушки и была выстроена пѣхота, и по тем выстрѣлили въ Москвитянъ изо всѣхъ пушекъ большихъ и малыхъ такъ что нѣсколько сотъ непріятелей повалилось съ лошадей замертво. Остальные до того оробѣли и пришли въ ужасъ, что пустились бѣжать къ городу Добровѣ (Дубровнѣ), въ 4-хъ миляхъ оттуда: подъ городомъ протекаетъ рѣка, по имени Крапивна, такая глубокая, что если кто упадетъ въ нее, тому плохо будетъ, по тому что рѣчной берегъ очень высокъ. Тамъ-то и осталась большая часть разбитыхъ и раненыхъ Москвитянъ, другіе бросились въ рѣку, чтобы переплыть ее и спастись, и потонули, а которые уцѣлѣли, взяты были въ плѣнъ, какъ знатные, такъ и простые воины, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, и были отведены по городамъ въ Литвѣ и Польшѣ.

Когда вѣсть о томъ разнеслась по всей странѣ, Великій Князь находившійся въ Смоленскѣ, такъ упалъ духомъ отъ этого несчастія, что поскорѣй отправился въ Москву, велѣлъ сжечь городъ Дорогобужъ, чтобы не достался Полякамъ, и занялъ хорошо вооруженнымъ войскомъ Смоленскъ, для обороны этого города отъ нападеній непріятеля. Великій Князь догадывался, что Поляки, послѣ одержанной побѣды, попытаютъ своего счастія и осадятъ крѣпость: они и сдѣлали это, однако жь безъ всякаго успѣха, по тому что ихъ войско устало и утомилось, при томъ же была уже зима.

Отдохнувъ нѣсколько, Великій Князь здумалъ выместить свой уронъ на Полякахъ, и опять выслалъ большое войско въ Литву: опустошилъ ее мечомъ и огнемъ, намѣревался было сдѣлать нападеніе на Полоцкъ и взять его. Однако жь по прежнему былъ побѣжденъ Поляками и прогнатъ назадъ въ Россію. Нѣсколько

ать покушался онъ силою и храбростью взять Казань и Астрань, велъ съ ними большія войны, и тоже не получилъ ни каой прибыли: вернулся домой съ однимъ позоромъ и посмѣяніемъ, аненными и убитыми, однако жь не хотѣлъ отстать до тѣхъ поръ, ока не поднялся на него Казанскій Татаринъ, съ помощью Крымкихъ Татаръ, и не осадилъ его въ Москвѣ. Князь очень упалъ ухомъ, даже до того перетрусилъ, что убѣжалъ тайкомъ въ Новгородъ, нѣсколько дней прятался въ возу съ сѣномъ, и клятвенно обѣщался Татарину, не отступавшему безъ того, быть у его въ подданствѣ и платить ему ежегодную дань, въ чемъ и далъ свою грамоту: она была возвращена ему изъ Рязани, благодаря угодливости и расторопности его Воеводы, о чемъ разсказывали мы выше.

Татаринъ осердился и озлобился на это: безпрестанно, не стрѣчая сопротивленія, онъ разорялъ землю Великаго Князя, жегъ деревни и города, истреблялъ плоды, угонялъ скотъ, убивалъ много народа, уводилъ по нѣскольку тысячъ челъвѣкъ съ собой въ Татарію, и продавалъ ихъ, точно скотъ, Туркамъ и другимъ врагамъ Христіянъ.

И такъ этотъ Великій Князь, Василій, больше всего озабоченный тѣмъ, какъ бы сдѣлать еще обширнѣе свою землю, привелъ въ крайне опасное положеніе и ее и свой народъ: одинъ врагъ сильно мучилъ и безпокоилъ другаго, такъ что Москвитянинъ едва не распростился со всѣмъ своимъ величіемъ и былъ свергнутъ съ его высокаго и знатнаго мѣста. На свѣтѣ это не рѣдкость и не диковина: бываетъ зачастую, что Князья и Государи, искатели чужихъ земель и народовъ, сами впадаютъ въ большое несчастье и нужду, и часто лишаются всего своего благосостоянія.

Когда же везло счастье на войнѣ Великому Князю, онъ былъ очень жестокъ къ непріятелямъ, точно такъ же и къ своимъ родным братьямъ, родственникамъ и подданнымъ: это испытали на себѣ сначала его дядя, Димитрій, а потомъ его братья, Григорій и Андрей, которыхъ онъ велѣлъ посадить въ тюрьму, подъ тѣмъ предлогомъ, что они посягали на власть его и подущали жителей заставить его раздѣлить съ ними правленіе.

Самыхъ первыхъ и большихъ Бояръ по всей Москвѣ, сил
ныхъ происхожденіемъ и богатствомъ, онъ накрывалъ и ловил
врасплохъ, отчасти открытой силой, отчасти тайнымъ коварствомъ
и либо убивалъ, либо сажалъ въ тюрьму и лишалъ всего им
нія, движимаго и недвижимаго.

Только такъ же, какъ Великій Князь бывалъ страшно же
стокъ съ своими друзьями и родными (мы уже разсказывали о ег
жестокости), онъ употреблялъ свои хитрыя и коварныя продѣлк
съ сосѣдними Королями и Государями; съ ними онъ никогда н
держалъ своего честнаго слова, часто заключалъ миръ и скр
плялъ его клятвою, но потомъ, обнадеживъ ихъ такъ, что он
уже расчитывали на постоянный миръ и спокойствіе, нападал
на ихъ землю, и безъ всякой причины и честнаго предупрежде
нія раздражалъ ихъ и вводилъ въ большіе расходы.

Это былъ гордый, заносчивый человѣкъ, чрезвычайно лука
вый и коварный, изъ пустаго тщеславія принялъ титулъ гораздо
нынѣе, нежели когда ни будь носили его предки, и называлъ себя
по именамъ всѣхъ земель и княжествъ, надъ которыми княжилъ

Прожилъ довольно времени въ большомъ распутствѣ и сла
дострастіи съ развратными женщинами и потаскушками, и не же
лая допустить, чтобы братъ его съ дѣтьми, по его смерти, имѣл
доступъ къ верховной Великокняжеской власти, онъ рѣшился
взять себѣ жену, и собралъ для того всю Боярскую Думу, чтобы
Бояре хорошенько обдумали и обсудили всѣ обстоятельства и на
конецъ рѣшили, полезнѣе ли и выгоднѣе для страны женить
ему на туземной, или на иностранной, Княжнѣ.

Они много и долго совѣтовались и наконецъ рѣшили въ Думѣ,
чтобы онъ женился на туземкѣ, оставилъ въ покоѣ иностранок
и не слишкомъ много заботился о родствѣ съ иноземными Госуда
рями: такъ какъ они вѣроломны, горды и надменны, а по тому не
отдадутъ и не пошлютъ своихъ дочерей ни въ какую варварскую
землю, тѣмъ менѣе къ Московскому Князю; кромѣ того иностран
ная невѣста и новая Княгиня приводитъ обыкновенно съ собою
новые, чужіе, нравы, много чужаго народа и иностранный по
кройплатья, а это будетъ стоить невѣроятныхъ издержекъ. У

нимъ же и другая Вѣра, которой Русскіе не могутъ терпѣть, даже слышать объ ней, а это поведетъ къ чрезвычайнымъ перемѣнамъ и разногласію въ Государствѣ.

Такое мнѣніе и предложеніе внушилъ другимъ Думнымъ Боярамъ и придворнымъ одинъ знатный человѣкъ, Греческій урожденецъ, по имени Георгій Микрусъ (Micrus), бывшій въ большой милости и почетѣ у Великаго Князя; къ нему расположены были и всѣ, знатные и незнатные, за его благочестіе и скромность. Онъ говорилъ, что въ Москвѣ найдутся дѣвицы, которыя ни сколько не уступятъ Европейскимъ въ красотѣ, добродѣтели и знатности: изъ нихъ-то Великій Князь и можетъ выбрать себѣ одну, которая покажется ему всѣхъ лучше; отъ нея будетъ больше пользы и прибыли странѣ, чѣмъ отъ иностранки. Въ самомъ же дѣлѣ онъ думалъ, что такъ какъ находится теперь въ большомъ почетѣ у Великаго Князя, то этотъ женится на его дочери, которая превосходила всѣхъ другихъ дѣвушекъ красивой наружностью, нравственностью и добродѣтелью.

Узнавъ, что у всѣхъ его совѣтниковъ, офицеровъ и придворныхъ одно желаніе и мнѣніе, чтобы Великій Князь женился на Русской, Василій велѣлъ созвать со всей земли полторы тысячи боярышень и дѣвушекъ изъ самыхъ первыхъ и знатныхъ семействъ. Больше всѣхъ понравилась ему Саломея, дочь Ивана Сабурова, великая красавица, чего ни какъ не ожидалъ Думный Боярин Георгій Микрусъ, который охотно желалъ доставить своей дочери Царское ложе и высокія почести.

Тотчасъ же сыграли свадьбу. Двадцать одинъ годъ прожилъ Великій Князь въ супружествѣ съ Саломеею (Соломоніей), и она ему наскучила, по тому что онъ не имѣлъ отъ нея дѣтей: онъ удалилъ ее въ Суздальскій монастырь на всю жизнь, велѣлъ Митрополиту снять съ нея всѣ Царскія украшенія и одежды и обстричь у ней волосы. Это было для нея горько, и она заливалась слезами; эта красивая и увлекательная женщина взяла обстриженные свои волосы, бросила ихъ подъ ноги себѣ, топтала ихъ, каялась и боялась, что не заслуживаетъ нанесеннаго ей позора. Это раздосадовало служителя Великаго Князя, Ивана Шигону, который долженъ былъ отвезти ее въ монастырь: онъ уда-

рилъ ее кнутомъ за такія рѣчи про ея Государя. Она спросила его, кто приказалъ ему бить и поднимать на смѣхъ коронованную и помазанную Государыню всей Россіи? «Великій Князь», отвѣчалъ онъ. Тогда, при всѣхъ окружающихъ ее, она начала бранить своего Государя, проклинала его неприличную жизнь, вѣроломные поступки и великую жестокость, призывала въ свѣдѣтели всѣхъ Боговъ и Святыхъ, которымъ хорошо было извѣстно, что она сохраняла честь свою въ чистотѣ и цѣломудріи и неповинно терпитъ такое поруганіе и униженіе. Они не оставятъ безъ отмщенія и возмездія ея невинности и великаго безчестія.

Между тѣмъ Великій Князь искалъ себѣ другой невѣсты. Михаилъ Глинскій, бѣжавшій изъ Литвы изъ за убійства Литовскаго Маршалка, Ивана Заберезенскаго (Zabrecinio), велъ себя такъ храбро на войнѣ, что Великій Князь, благодаря его ловкости, покорилъ Смоленскъ и считалъ его самымъ храбрымъ и счастливымъ полководцемъ во всей Россіи. Онъ женилъ Великаго Князя на дочери своего брата, Василія, Еленѣ, отъ которой Князь имѣлъ двоихъ сыновей, Григорія и Ивана.

За то, что прежде Великій Князь объявилъ этого Глинскаго самымъ храбрымъ и даровитымъ воиномъ, его тайно ненавидѣли самые первые Бояре и роды въ странѣ, подыскивались подъ него и наконецъ обнесли и оболгали его у Великаго Князя въ измѣнѣ, что будто онъ нечестно и невѣрно поступилъ съ своимъ Государемъ и Великимъ Княземъ. Этотъ, безъ всякаго доказательства и суда, посадилъ его подъ стражу и лишилъ всякой власти, почестей и достоинствъ.

Но какъ Великій Князь женатъ былъ на дочери его брата, то онъ и выпутался изъ сѣтей, и не только получилъ опять прежнюю должность, почести и достоинства, по своей знатности, мудрости и разуму, но и былъ назначенъ, по кончинѣ Великаго Князя, правителемъ всей земли и опекуномъ дѣтей его.

Между тѣмъ изъ Суздаля по всей Россіи разошлась молва, что Саломея, жившая въ монастырѣ, беременна: это дошло и до Великаго Князя. Онъ тотчасъ же послалъ туда своихъ довѣренныхъ людей, мужчинъ и женщинъ, узнать всю правду относительно положенія Саломеи, также наблюдать и видѣть новые ея роды.

По приходѣ ихъ въ монастырь, Саломея пошла въ церковь, ухватилась за алтарь, прикоснулась къ Св. Тайнамъ, божилась, осуждая себя въ преисподнюю ада, что сохраняла себя чистою въ бракѣ съ Великимъ Княземъ Василіемъ, и что Богъ далъ ей сына отъ него, а не отъ другаго кого ни будь, за понесенное ею великое поруганіе и презрѣніе; она молилась о томъ днемъ и ночью: ни она, ни Великій Князь не увидятъ свѣтлаго лица и милыхъ глазокъ младенца; но придетъ день, когда онъ, въ свое время, неустрашимо явится предъ очи своихъ подданныхъ, дастъ видѣть имъ свои свѣтлые глазки и не оставитъ безъ отмщенія ея позора, поруганія и уничиженія.

Съ этѣмъ отвѣтомъ и возвратились посланные и разсказали Великому Князю о положеніи Саломеи и происшествіи съ нею, также и обо всемъ, что видѣли и слышали. Это извѣстіе взбѣсило Великаго Князя: онъ рѣшился было взять Саломею изъ монастыря и прогнать ее въ болѣе суровое мѣсто; однако жь это отсовѣтовали и не дали ему сдѣлать нѣкоторые изъ Думныхъ Бояръ.

Многіе изъ Русскихъ разсказываютъ за вѣрное, что Саломея родила сынка и велѣла назвать его Григоріемъ, а потомъ, вступивъ на Великое Княженіе, онъ назвалъ себя Иваномъ и сдѣлалъ много безчеловѣчныхъ жестокостей въ Россіи и Ливоніи. Но нѣкоторые оспариваютъ это и думаютъ, что Иванъ — младшій сынъ Василія отъ Елены, дочери Василія Глинскаго, родившійся 1528 (1530) года по Р. Х., 26 (25) Августа, за 4 года до смерти Великаго Князя.

Предъ кончиною Великій Князь поручилъ правленіе своему шурину, Михаилу Глинскому, и сдѣлалъ его опекуномъ своей Княгини и дѣтей.

Но какъ бы то ни было, все равно и не составляетъ большой важности, отъ какой бы Княгини ни родился Иванъ, по тому что обѣ женщины были одинаковой добродѣтели и честности. Одна прижила въ монастырѣ ребенка съ монахомъ, другая же, по кончинѣ Великаго Князя, все ходила въ распутный домъ, очень уже много развратничала и блудила, особливо же связалась съ однимъ Дворяниномъ, по имени Иваномъ Ozami (Овчиною-Оболенскимъ), и вела эту связь такъ грубо, что могъ замѣтить всякой

крестьянинъ. Это стало обидою дядѣ ея, Михаилу Глинскому, в рукахъ котораго находилось главное управленіе Государствомъ: он часто посылалъ къ ней, и лично просилъ ее бросить свое распут ство и беззаконную жизнь, не позорить своего званія, пола и д тей, и не класть на нихъ пятна безчестія. Но она не обращала н какого вниманія на его слова, ставила ихъ ни во что, дала почув ствовать дядѣ свой гнѣвъ и немилость, обнесла его передъ боль шими Боярами и простыми людьми въ томъ, будто онъ ведетъ таки козни, чтобы отослать молодыхъ Государей въ Польшу, сдѣлать ся Великимъ Княземъ и подчинить себѣ все Московское Государ ство, представила ложныхъ судей и свѣдѣтелей, которыхъ подку пила для того большими деньгами: они засвѣдѣтельствовали и при сягнули, что такое обвиненіе справедливо. Это заставило Думныхъ Бояръ и простыхъ людей лишить, съ поруганіемъ, Михаила Глин скаго всѣхъ должностей, какъ измѣнника и заводчика большой новизны и переворота въ Государствѣ: его посадили въ тюрьму, гдѣ онъ и кончилъ жалостно свою жизнь и получилъ заслужен ное воздаяніе за свои злыя дѣла — за то, что убилъ Маршалка въ Литвѣ, городъ и крѣпость Смоленскъ безчестнымъ образомъ привелъ, изъ подъ власти своего отечества, подъ власть Москвы и былъ причиною убійства и истребленія множества невинныхъ дѣтей, мужчинъ и женщинъ.

Послѣ того Великая Княгиня продолжала вести прежнюю жизнь въ беззаконіи и распутствѣ, такъ что ее открыто по все му городу ругали блудницей и всѣ ненавидѣли. Большіе Бояре не могли долѣе терпѣть и переносить это и отравили ее. А любов ника ея, Ozami (Овчину-Оболенскаго), велѣли живаго посадить на колъ и сжечь съ соломою и дровами.

Отъ этой, презрѣнной и распутной, женщины родился без человѣчный тиранъ, Иванъ Васильевичъ, принявшій, на 12 году возраста, Великокняжескій вѣнецъ и скипетръ, по тому что стар шій его братъ, Григорій (Георгій), былъ кривой и неспособный къ правленію. Иванъ не совѣстился хвастать, что родъ его про исходитъ отъ брата Римскаго Императора, Августа, а это такъ же далеко отъ правды, какъ востокъ отъ запада; отъ того-то онъ и внесъ въ свой гербъ двуглаваго орла, съ распущенными крыльями, какъ сказали мы выше.

Не считая равнымъ себѣ ни одного Короля и Государя на свѣтѣ, онъ и точно былъ выше всѣхъ Королей и Государей въ Христіянствѣ, по своимъ мерзкимъ дѣламъ, распутству и жестокостямъ, которыя безчеловѣчно совершалъ, какъ надъ тузамцами, такъ и иностранцами. Это былъ гнусный варваръ, кровопійца и тиранъ, великій скряга, безбожникъ, распутникъ, бѣшеный, горькій, неправосудный и злой человѣкъ, насилователь женщинъ, взбалмошенъ, непривѣтливъ, прихотливъ и безпокоенъ, охотникъ до пошлыхъ дураковъ и мошенниковъ; онъ былъ зачинщикомъ и виновникомъ опасныхъ войнъ для сосѣднихъ Государей и вооружалъ ихъ противъ себя.

Онъ воевалъ то съ Татарами, то съ Поляками, Ливонцами и Шведами, однако жь въ войнѣ съ послѣдними не много получилъ себѣ славы. Шведы взяли у него много крѣпостей и городовъ въ Россіи и Ливоніи; отъ Поляковъ тоже добылъ не много, по тому что они совсѣмъ выгнали его изъ Ливоніи, покорили много областей и городовъ въ Россіи, и причинили ему много вреда огнемъ и мечемъ; въ Ливоніи онъ очень былъ счастливъ, по тому что завоевалъ почти всѣ ея крѣпости и города, и поступалъ тамъ съ неслыханною жестокостью, которою наполнены всѣ лѣтописи; впрочемъ, не многіе только города онъ взялъ мужествомъ и храбрыми дѣлами: все дѣлалъ хитростью, обманомъ, коварными происками, особливо подъ руководствомъ двоихъ Ливонскихъ Дворянъ, давшихъ ему слѣдующую присягу:

«Пресвѣтлѣйшій, непобѣдимѣйшій, Державнѣйшій Государь и Князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи, Володимирскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Государь Псковскій, Великій Князь Смоленскій, Тверской, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и другихъ областей, Великій Князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Обдорскій (Obdonsski), Угорскій (Udorschi), Кандійскій и всѣхъ Сибирскихъ земель и Сѣверныхъ странъ повелитель, наслѣдный Государь Ливонскій и многихъ другихъ земель на востокѣ, сѣверѣ и западѣ, наслѣдственный, древній и потомственный, и проч. Мы, Іоганнъ Таубе и Эйлертъ Краузе, обѣщаемся и клянемся Вашему Царскому Величеству, Царевичамъ и Царству, служить на водѣ и на сушѣ, вѣрно, праведно и нелице-

мѣрно, по милости и жалованью Вашего Царскаго Величества кляняемся и обѣщаемся такъ же истинно, какъ вѣрна для нашего тѣла и души помощь Божія въ здѣшней временной и въ будущей вѣчной жизни, и будемъ продолжать эту службу Вашему Царскому Величеству и потомкамъ Вашего Царскаго Величества во всем клонящемся къ ихъ величію и благоденствію, а противное им нихъ, по нашимъ силамъ, будемъ отвращать, останавливать и пре упреждать; если же въ этомъ, или въ чемъ либо другомъ, м поступимъ не такъ и замыслимъ что ни будь опасное, то да пр дутъ на насъ и огонь, и вода, и мечъ, и всѣ душевныя и тел сныя муки. Отъ этой клятвы ничто не должно разрѣшать нас ни наше собственное раскаяніе и сознаніе, ни Христіянско-церковный или духовный санъ, если только мы искренно желаем себѣ, для души и тѣла, помощи Бога и Его Святаго Евангелія.»

Царства Казанское и Астраханское онъ взялъ вооруженною рукою, выгналъ изъ нихъ Татаръ и занялъ города Русскими, однако жь сперва потерпѣлъ пораженіе и потерялъ много людей: нѣсколько разъ бывалъ прогоняемъ Татарами и снималъ осаду съ большимъ для себя позоромъ. Впрочемъ, онъ не падалъ духомъ, но, вооружившись мужествомъ, пошелъ подъ Казань съ большимъ войскомъ и осадилъ ее со всѣхъ сторонъ: разрушилъ пушками валъ и стѣны и до тѣхъ поръ ломился въ городъ съ своимъ войскомъ, пока не взялъ его приступомъ и не умножилъ имъ своего титула: это было въ 1561 (1552) году.

Наслѣдовавъ отъ своихъ родителей и предковъ земли и Государства, Великій Князь точно также наслѣдовалъ и усвоилъ себѣ пороки, коварство и хитрость въ словахъ и поступкахъ: когда онъ бывалъ къ кому ни будь милостивъ, ласковъ и благодѣтеленъ, тому навѣрное должно было ожидать себѣ немилости и гоненія; напротивъ когда онъ грозилъ кому, бранилъ и проклиналъ его, тому оказывалъ милость и дѣлалъ для него всякое добро. Онъ всегда нарушалъ союзные и мирные договоры, обязательства и обѣщанія: всѣ сосѣдніе ему Князья и Государи довольно испытали это на себѣ. Онъ часто нападалъ на нихъ неожиданно съ огнемъ и мечемъ, вопреки своей клятвѣ, въ мирное время, когда они считали себя въ безопасности и не подозрѣвали ничего враждебнаго, бралъ города и крѣпости и причинялъ странѣ много вреда.

Кромѣ такихъ ожесточенно злыхъ его дѣлъ, онъ дѣлалъ и больше: изъ чрезвычайной надменности, вопреки всякому народному праву, онъ поднималъ руку на посланниковъ могущественныхъ Государей, посыланныхъ къ нему по особеннымъ дѣламъ; что можно видѣть на знатныхъ послахъ Польскаго Короля, Сигизмунда II, Іоганнѣ Кротисинѣ (Crotissin), и Николаѣ Тальвоизо (Talvoiso): онъ не только съ презрѣніемъ обходился съ ними, но и нагло обидѣлъ одного Польскаго Дворянина, пожелавъ посмотрѣть у него какія-то драгоцѣнныя вещи, и потомъ безсовѣстно удержавъ ихъ у себя. У купцовъ, бывшихъ при посланникахъ, велѣлъ онъ отнять отборные и лучшіе товары, стоившіе большихъ денегъ, изрубить ихъ лошадей, въ присутствіи пословъ, и дѣлалъ разныя дѣла къ уничтоженію и убытку Короля.

Такаго же поруганія и срама надѣлалъ онъ посламъ славнаго Короля Шведскаго, Іоанна III, именно Абовскому Епископу, Павлу Юстену, и потомственному Дворянину изъ Дюстерби, Тонніесъ Олвсену. Въ 1569 году они присланы были къ нему для переговоровъ о мирѣ и союзѣ между двумя Государствами. Изъ одной только наглости, вопреки клятвѣ, обѣщанію, честному слову и вѣрности, онъ причинилъ имъ много жестокостей; велѣлъ не только отнять у нихъ лучшее платье, жемчугъ, драгоцѣнныя вещи, серебро, золото и деньги, но еще и бить ихъ, высѣчь кнутомъ, бросить въ гадкую темницу, каждый день считать и осматривать ихъ, точно безсловесныхъ животныхъ, ругалъ ихъ псами и блудными дѣтьми, поносилъ и другими жесткими словами, за то, что не хотѣли преступить Королевскаго повелѣнія и наказа передать свое дѣло и порученіе Новгородскому Намѣстнику, тогда какъ имъ надобно было вести о томъ переговоры съ самимъ Княземъ. По своему варварскому обычаю, онъ считалъ себя гораздо выше и могущественнѣе благочестиваго и милосердаго Шведскаго Короля, Намѣстника же Новогородскаго наравнѣ съ Королемъ по званію, власти и сану, не смотря что тутъ недоставало ремешка, котораго не выкроишь и изъ тысячи воловьихъ кожъ: по тому-то послы и должны были переговариваться о мирѣ съ нимъ, а не съ Великимъ Княземъ. Они ни какъ не соглашались сдѣлать это и держались даннаго имъ наказа.

Узнавъ о томъ, Великій Князь послалъ къ нимъ нѣсколькихъ своихъ Совѣтниковъ и Секретарей, которые приступили къ нимъ

съ наглыми и ругательными словами, замахиваясь саблями, будт
хотѣли изрубить ихъ въ куски: прибили ихъ, точно какихъ злод
евъ, связали имъ веревками руки за спину, водили ихъ изъ одно
темницы въ другую въ однѣхъ рубашкахъ, нѣкоторыхъ посадили н
лошадей, другіе, съ связанными за спину руками, должны был
бѣжать рядомъ съ лошадьми на веревкѣ, пустили лошадей во вс
прыть на цѣлую полумилю, сколько силы станетъ, грозились непр
стойными словами заколоть и зарубить пословъ, сжечь и утопить
говоря, что въ поруганіи, срамѣ и пренебреженіи, которыя не
реносятъ послы, должны обвинять они не Великаго Князя,
своего собственнаго Короля, давшаго имъ такое полномочіе
наказъ. Пусть узнаютъ они, что Великій Князь такой Гос
дарь, что если кто хоти не много досадитъ ему, то онъ отплатит
ему за то вдесятеро, а кто смирится передъ нимъ и дастъ ем
грошъ, того онъ возвеличиваетъ и даетъ ему сто грошей: на сѣ
тѣ нѣтъ ему подобнаго по благочестію, добротѣ и честности, ес
кто повинуется его волѣ; а кто разсердитъ и раздражитъ его, н
того онъ такъ озлобится и ожесточится, что и въ водѣ отъ нег
не спрячется.

Послѣ того, какъ послы приняли все, чѣмъ ихъ ни награж
дали, Русскіе дали имъ не много платья, чтобы не замерзнут
и заставили просидѣть ихъ три дня безъ пищи и питья; на чет
вертый послали имъ хлѣба и воды, говоря, что Великій Кня
ихъ пожаловалъ этѣмъ, чтобы они не умерли съ голода, потом
отправили ихъ въ Москву, гдѣ прожили они 17 недѣль, а отту
еще дальше, въ Муромъ, гдѣ находились они полтора года, до во
вращенія въ Швецію; ихъ не снабжали ни какой другой пище
и питьемъ, кромѣ мяса, хлѣба, воды и квасу (Covent: собствен
жидкое пиво въ Католическихъ монастыряхъ), отъ чего многіе из
нихъ умерли въ заключеніи; тридцать изъ нихъ съ большим
трудомъ вернулись домой въ самомъ бѣдственномъ и жалкомъ в
дѣ; двухъ младшихъ, выучившихся Русскому языку, Великій Кня
удерживалъ у себя 6 лѣтъ, до ихъ освобожденія, полагая, чт
они теперь обязаны служить ему, а не Королю, по тому что вы
учились его языку.

Но что ужь много говорить о посланникахъ чужеземны
Государей, о пріемѣ и обхожденіи его съ ними: онъ такъ ж

безстыдно поступилъ и съ Герцогомъ Голштинскимъ, Магнусомъ, братомъ Датскаго Короля, Фридриха II, пріѣхавшимъ къ нему въ 1569 году, съ той мыслью, чтобы служить ему до самой смерти. Онъ сперва сдѣлалъ ему очень пышный и блестящій пріемъ, великолѣпно угощалъ кушаньями и напитками, далъ большіе подарки, много денегъ, выдалъ за него дочь своего брата, Григорія, называлъ Королемъ Ливонскимъ, и съ клятвою обѣщалъ уступить и отдать ему эту землю.

Теперь, когда все это было сдѣлано, Великій Князь отправилъ новаго Короля съ большимъ войскомъ въ Ливонію, для осады прекраснаго укрѣпленнаго города Ревеля. Но Магнусъ не имѣлъ тутъ ни какого успѣха и долженъ былъ отступить, не сдѣлавъ ничего, однако жь нѣкоторые другіе города и крѣпости сдались ему.

Послѣ, когда Герцогъ Магнусъ, съ Русскимъ войскомъ, надѣлалъ вездѣ въ Ливоніи пропасть неистовыхъ дѣлъ, на походѣ понесъ большой уронъ отъ Шведовъ и Поляковъ, и не во всемъ имѣлъ такую удачу, какъ хотѣлось бы Великому Князю, этотъ послѣдній до того озлобился и прогнѣвался, что подъ городомъ Венденомъ велѣлъ изрубить въ куски всю свою придворную челядь, Герцога Магнуса билъ кулаками и кнутомъ: для спасенія жизни, Магнусъ долженъ былъ съ трепетомъ проползти нѣсколько тысячъ шаговъ до палатки Великаго Князя и просить у него, со слезами, помилованія.

«Ты, бѣднякъ, сказалъ Великій Князь, увидавъ его, смѣлъ надѣяться, что получишь Ливонію и будешь въ ней Королемъ: когда бросивъ отечество, ты скитался несчастнымъ бѣглецомъ изъ мѣста въ мѣсто, я одѣлъ тебя нагаго и голаго, принялъ къ себѣ въ родство, далъ тебѣ въ жену дочь своего брата, которой ты не стоилъ, обогатилъ тебя, надавалъ тебѣ денегъ, людей и платья, доставилъ большой почетъ, и ты теперь оказываешься измѣнникомъ своему благодѣтелю! Развѣ ты не хотѣлъ измѣнить твоему Государю, которому присягалъ? Что ты скажешь на это? Развѣ не за долго до этого не обвиняли тебя три раза въ томъ, что ты домогался моей власти и, такимъ образомъ, въ своей заносчивости, ты ставилъ ни во что меня, твоего Государя и добраго

друга. Не хотѣлъ ли ты привести въ свое подданство Ливонію, которую ты обманулъ хитростью и лестью? Но око Божіе бодрствовало надо мною, предало тебя въ мои руки и уничтожило всѣ твои замыслы и пронырства. За то, что ты подыскивался подъ мое княженіе и благоденствіе, честно и правосудно съ моей стороны отнять у тебя все, что я ни далъ тебѣ, по особенной моей милости и добросердечію.» Онъ велѣлъ тутъ же снять съ Магнуса Княжеское платье, намѣреваясь сдѣлать ему такое наказаніе, чтобы онъ послѣ того не могъ и подняться, держалъ его нѣсколько недѣль у себя плѣнникомъ, хотѣлъ, чтобы онъ заплатилъ ему 40 тысячъ Угорскихъ золотыхъ, однако жъ напослѣдокъ освободилъ его и позволилъ ему ѣхать въ городъ Кархгаусъ (Karchaus) къ женѣ, полагая, что всегда можетъ имѣть его опять въ своихъ рукахъ, если захочетъ. Но это не удалось ему: Магнусъ видѣлъ и зналъ великую опасность своего положенія, также и то, что особенное счастье въ Ливоніи начинало измѣнять Великому Князю: вмѣстѣ съ женою онъ поскорѣе убѣжалъ изъ Кархгауса къ Польскому Королю и передался ему со всѣми своими людьми; тѣмъ онъ вошелъ въ его милость, получилъ отъ него въ содержаніе, по смерть свою, нѣсколько городовъ въ Курляндіи, и наконецъ умеръ въ городѣ Пильтенѣ 1583, Марта 18 дня. А жена его воротилась въ Россію и получила Тихвинскій монастырь, въ которомъ, вѣроятно, живетъ и теперь.

Ни одинъ человѣкъ не выскажетъ вполнѣ страшнаго, не Христіянскаго и варварскаго образа дѣйствій этого тирана въ Ливоніи съ попавшими въ его руки бѣдняками, и этой, сильно замѣтной въ немъ, ненасытной жадности до Христіянской крови, также и другихъ дѣлъ его произвола. По тому что не бывало и не раждалось еще на свѣтѣ ни одного ужаснаго и гнуснаго кровопійцы, котораго бы можно было сравнить съ этимъ лютымъ звѣремъ. Все, что ни писали о другихъ тиранахъ, царствовавшихъ въ мірѣ, пустяки въ сравненіи съ этимъ. Его лучшая отрада и удовольствіе состояли въ томъ, чтобы смотрѣть, какъ казнятъ людей позорною казнью, рубятъ ихъ, вѣшаютъ, варятъ, жарятъ, тиранятъ и подвергаютъ другимъ страшнымъ мукамъ. Между разными жестокими дѣлами этого Князя въ Ливоніи не изъ послѣднихъ и тѣ, которыя онъ совершилъ надъ 500 благородныхъ и

обродѣтельныхъ женщинъ и дѣвушекъ при взятіи города Ашеро-
. Онъ отдалъ ихъ страшнымъ Татарамъ, чтобы они опозорили
ъ на его глазахъ, и потомъ велѣлъ жалостнымъ образомъ умер-
ить ихъ и изрубить въ куски.

Объ этомъ узнали и жители Вендена; носился слухъ, что онъ
икого не хочетъ щадить въ Венденѣ, хоть бы тамъ были Цар-
кія и Княжескія дѣти (по тому что для него было все равно, что
воряне, что крестьяне, что высшее, что низшее званіе); у него
одилось точно такъ же, какъ одинъ бѣдный крестьянинъ отвѣ-
алъ въ Москвѣ какому-то Дворянину, роптавшему, что темница
е прилична для его Дворянскаго званія, и что для него должна
ыть не такая же гадкая, какъ для другихъ. «Любезный Баринъ,
казалъ на это бѣдный человѣкъ: здѣсь, вмѣстѣ съ нами, вамъ
е слѣдуетъ быть взыскательнымъ ни въ чемъ: здѣсь все идетъ
очно такъ же, какъ въ царствѣ небесномъ, гдѣ совсѣмъ не
мотрятъ на лица: «ultimus et primus sunt in honore pares.» Великій
нязь теперь осадилъ и очень стѣснилъ Венденъ; жители не мог-
и дольше защищать города, и должны были сдавать его: всѣ,
колько ихъ ни было тамъ, мужчины, женщины, старики и мо-
одые, Дворяне и не дворяне, положили между собою скорѣе уме-
еть, нежели потерпѣть такой позоръ и лишиться чести: собра-
ись въ церкви, помолились Богу, пріобщились Св. Таинъ, и ког-
а Русскіе собирались ити на приступъ, они подожгли спрятанный
ъ церкви порохъ, и вся она разсыпалалась въ прахъ, со всѣми
енщинами и дѣвицами, мужьями, женами, дѣтьми и грудными
аденцами: они взлетѣли на воздухъ и принесли свою жизнь въ
ертву милосердому и человѣколюбивому Богу. Въ то самое вре-
когда они единодушно давали обѣтъ умереть, соединиться съ
гомъ и принять Св. Дары, а не доставаться Русскимъ, и когда
сколько сотъ ихъ приготовлялись уже къ такому дѣлу, у нихъ
остало вина: это опечалило ихъ еще сильнѣе, и проповѣд-
къ довольно употребилъ времени на ихъ утѣшеніе слѣдующими
овами Св. Августина: «Crede, et manducasti.» Съ ними же тутъ
одился и Католическій Священникъ, который довольно трунилъ
ъ ними и говорилъ, что съ удовольствіемъ посмотритъ теперь,
къ-то Лютеране покончатъ съ пріобщеніемъ Св. Таинъ, по тому
у нихъ нѣтъ вина, и должны будутъ, любо ли, не любо,
общаться подъ однимъ видомъ, какъ принято у Папистовъ.

Межъ тѣмъ какъ они переговаривали между собою о томъ, Всесильный Богъ устроилъ такъ, что служитель Герцога Магнуса, собираясь выворачивать и укладывать его платье, нашелъ боченокъ Рейнскаго вина, и представилъ его Пастору; это выручило бѣдныя, жаждущія души: они вкусили отраду въ Тѣлѣ и Крови Господа Іисуса, подъ видомъ хлѣба и вина, поручили себя милосердому Богу и отошли изъ міра съ радостію, а Езуитъ долженъ былъ признать въ этомъ случаѣ великое Божіе чудо, что Богъ слышитъ призывающихъ Его изъ глубины сердца, и что ложно мнѣніе Папистовъ, будто бѣдняковъ надобно пріобщать только подъ видомъ хлѣба, а не подъ видомъ вина и хлѣба.

Въ 1578 году въ Москвѣ происходила страшная сцена между 378-ю плѣнниками изъ Ливоніи и Литвы: когда Великому Князю захотѣлось повеселиться и позабавиться, онъ распорядился, чтобы всѣ эти плѣнники явились къ нему при большомъ стеченіи народа, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы узнать, сколько ихъ было, какого они пола, и каково положеніе каждаго. Между другими плѣнниками стояли вокругъ также нѣсколько женщинъ съ ихъ маленькими дѣтьми и чрезвычайно смиренно, со слезами на глазахъ, просили пощады и милосердія. Страшный тиранъ притворился, что хочетъ помиловать и возвратить имъ свободу, и велѣлъ спросить каждаго плѣнника по одиначкѣ, очень ли радъ онъ будетъ воротиться опять на родину? Это было пріятно печальнымъ плѣнникамъ; однако жь они сказали, что желаютъ не прежде отправиться туда, пока не получатъ у Великаго Князя прощенія и пощады, въ томъ мнѣніи, что такой отвѣтъ поправитъ все дѣло, и положились на предложеніе Великаго Князя, по тому что всякому хотѣлось на родину.

Но этотъ отвѣтъ стоилъ имъ жизни: Великій Князь принялъ это за униженіе для себя, точно они смѣялись надъ его страною и пренебрегали ею. За это бѣдныя тотчасъ же были приговорены къ смертной казни. Тогда вдовы и сироты, старые и молодые, женщины и дѣвушки, начали горько рыдать и плакать, и были выведены за городъ и, вопреки всякой справедливости, были немилосердно, жалостно и постыдно задушены и убиты.

Когда привели ихъ на мѣсто казни, они нашли себѣ утѣшеніе въ словѣ Божіемъ, пѣли нѣкоторые псалмы слезливымъ

жалобнымъ голосомъ, безпрестанно призывали Бога, чтобы Онъ простилъ ихъ грѣхи и даровалъ блаженную кончину. Великій Князь Москвитяне смѣялись надъ ними, взяли дѣвушекъ и опозорили ихъ: этѣ не могли спасти себя ни слезами, ни просьбами, ни мольбами, по тому что безчеловѣчный тиранъ находилъ въ томъ забаву себѣ, съ обоими сыновьями, Иваномъ и Ѳедоромъ, стоялъ и смотрѣлъ весь день, какъ мучили плѣнниковъ; однако жъ младшій сынъ, съ нѣсколькими знатными Боярами, не могъ дольше смотрѣть на такія неправедныя и страшныя дѣла: можетъ быть, имъ жалко было несчастныхъ, плачущихъ и стонающихъ, и они вернулись въ городъ. Въ рѣкѣ Неглинной были вбиты сваи и на нихъ построены мосты: тамъ стояли гнусные палачи и рабы Великаго Князя и ломали у одного за другимъ изъ плѣнниковъ колѣнки желѣзными ломами, чтобы они скорѣе валились въ рѣку и тонули.

Теперь надобно было казнить нѣкоторыхъ очень красивыхъ дѣвушекъ изъ Дворянскаго званія, и хотя нѣсколько знатныхъ Бояръ предлагали внести за нихъ большую сумму денегъ, плѣнницы, однако жъ, не были освобождены, не смотря на большую жадность тирана къ деньгамъ. Дѣвушки обнаруживали нетерпѣніе, проклинали Великаго Князя, укоряли его въ жестокихъ и безчеловѣчныхъ поступкахъ и обхожденіи съ ними, плѣнными, вопреки всякому военному праву, равно какъ и во всѣхъ плутовскихъ его дѣлахъ, какія только случаются на свѣтѣ, потомъ призывали Небеснаго Бога, чтобы Онъ, по Своему правосудію, отмстилъ причиненную имъ неправду и постыдное злодѣйство.

Это взбѣсило Великаго Князя: онъ велѣлъ употребить другія, ужаснѣйшія муки и истязанія: однѣ были брошены въ воду, другихъ терзали мучительными орудіями. Но въ дѣвушкахъ дѣйствовалъ Святой Духъ, высшій утѣшитель во всякой скорби, и показалъ Свою силу въ ихъ немощи: онѣ переносили все съ терпѣніемъ и уговаривали другъ друга стойко сносить и выдержать страданія и смерть, ради Господа Іисуса. Потомъ палачи взяли печальныхъ дѣвицъ и сжали имъ руки и ноги между двумя, связанными вмѣстѣ веревкою, досками и брусьями, били ихъ кнутьями, вырѣзывали у нихъ лядвеи, чтобы болѣе продолжить муки. Въ такихъ мученіяхъ бѣдныя дѣвушки все призывали имя Господа

Іисуса, утоляли тѣмъ свои жестокія страданія и благодарил Его за то, что могли перенести ихъ съ такимъ великимъ терпѣ ніемъ, не только не ужасались этѣхъ мукъ, но еще смиренно мо дили Бога простить имъ грѣхи, и не переставали постоянно ук рять тирана за его ожесточенную злобу, гнусное лицо, жестокі нравъ, страшный голосъ и суровое правленіе и поступки. А он дивился такой твердости дѣвицъ и думалъ, какъ бы еще сильнѣ помучить ихъ, по тому что ему было очень досадно, что онѣ так терпѣливы и тверды среди великихъ мукъ и истязаній: чѣмъ тер пѣливѣе онѣ сносили, тѣмъ больше онъ велѣлъ ихъ мучить.

Услыхавъ, что они прославляли и призывали въ мученіях Господа Іисуса, порочили и поносили Великаго Князя, онъ ве лѣлъ отрѣзать имъ языки. Но дѣвушки тѣмъ болѣе призывал своего Бога сердцемъ и душою и, будучи не въ состояніи гово рить, давали, однако жь, понять глазами и видомъ, что безбож ный тиранъ причиняетъ имъ насиліе и несправедливость, и з то получитъ свое воздаяніе.

Еще несытый ихъ мученіями, Великій Князь велѣлъ воткнут мертвыя тѣла на раскаленныя вертела, потомъ побросать ихъ н большіе костры и, разведя огонь, сжечь, а пепелъ кинуть въ р ку. Онъ приказалъ умертвить и всѣхъ другихъ плѣнниковъ покидать ихъ съ мостовъ въ воду.

Съ такимъ же отважнымъ, безстрашнымъ и бодрымъ духом были нѣкоторыя женщины и дѣвицы въ городѣ Вейсенштейн когда Великій Князь взялъ это мѣсто и велѣлъ погубить ихъ жал кою смертію. На это написаны слѣдующіе стихи:

Двѣ женщины, еще одна дѣвица,
Взяты были тираномъ неповинно,
Мужчины раздѣляли ихъ неволю,
Онъ приказалъ подвергнуть плѣнныхъ мукамъ,
И для того разжечь костры большіе,
Чтобы на нихъ онѣ до тла сгорѣли.
Когда же подошла къ костру дѣвица,
Безстрашная, сказала смѣло Князю:
«Жестокій, ты стоишь, и съ наслажденьемъ,
Любуешься страданьями несчастныхъ.

Не предавай же словъ моихъ забвенью:
Какъ явится на Страшный судъ Сынъ Божій,
И скажетъ приговоръ Свой правосудный,
И станешь ты на лютыя мученья,
Я, вмѣстѣ съ этѣми дѣтьми Живаго Бога,
Тебя въ рукахъ мучителей увижу,
И весело мнѣ будетъ любоваться,
На казнь твою и вѣчное страданье.»
Окончивъ рѣчь, невинная дѣвица,
Пошла на казнь съ смиреніемъ высокимъ,
И умерла потомъ — для вѣчной жизни,
Какъ исповѣдница Святой и правой вѣры.

Этѣхъ твердыхъ и богобоязливыхъ женщинъ и дѣвицъ, съ полною справедливостью, можно уподобить святымъ и непоколебимымъ дѣвамъ мученицамъ: Бландинѣ, Доротеѣ и той женщинѣ въ книгахъ Маккавейскихъ, которая утѣшала и услаждала словомъ Божіимъ своихъ семерыхъ сыновей, жалостно, но невинно, замученныхъ тираномъ Антіохомъ.

Одержавъ большую побѣду въ Ливоніи, завоевавъ въ этой странѣ много крѣпостей и городовъ, и взявъ Полоцкъ, Казань, Астрахань и многія другія области, Великій Князь хотѣлъ попытать счастья и со Шведами: собралъ большое войско, отправилъ его въ Финляндію и осадилъ Выборгъ; но знаменитый Государь, Король Густавъ Первый, заставилъ его бѣжать оттуда, давши голову, такъ что онъ принужденъ былъ бросить большую часть своего войска и заключилъ потомъ миръ съ большою для себя невыгодою. Однако жъ, по смерти Короля онъ опять попытался счастья съ сыномъ его, высокопочтеннымъ Королемъ Іоанномъ, но получилъ столько же прибыли отъ сына, сколько и отъ отца, и потерялъ нѣсколько городовъ и крѣпостей въ Россіи и Ливоніи, которыми завладѣлъ было прежде.

Когда тиранъ не велъ ни какой войны съ сосѣдними Королями и, при всемъ своемъ желаніи, не могъ дѣлать жестокостей надъ ихъ подданными, онъ измѣнялъ образъ дѣйствій: начиналъ войну съ своими собственными подданными, терзалъ ихъ разными истязаніями и муками, успокоивался и стихалъ не прежде, пока не лишалъ ихъ жизни, всякаго счастія, женъ, дѣтей и всего со-

стоянія. Ему очень досадны были толки про него, что онъ не остался вѣренъ старинным нравамъ и хорошимъ обычаямъ своего отца и отечества.

За такія рѣчи велѣлъ онъ погубить жалкою смертію одного изъ своихъ знатныхъ совѣтниковъ, Димитрія Occinium, разсудительнаго и благочестиваго Боярина, который не могъ терпѣть великаго распуства, безстыдныхъ и нечестивыхъ тонкостей тирана до того сладострастнаго и развратнаго, что даже не прочь былъ отъ сластолюбія эротическихъ утѣхъ и противъ самой природы, какъ говоритъ слѣдующій стихъ:

«Et Venus in vinis ignis in igne furit.»

За это Бояринъ сдѣлалъ выговоръ одному мальчику Дворянскаго званія, съ которымъ Великій Князь удовлетворялъ свою неестественную похоть: это стало очень досадно мальчику, и онъ пожаловался Великому Князю. Но этотъ, названный нами Occinius былъ въ большомъ уваженіи у простаго народа; Великій Князь не смѣлъ наложить на него рукъ такъ явно, какъ бы ему хотѣлось, а по тому и не подавалъ ни какого вида Боярину до удобнаго времени. Въ одинъ большой праздникъ Князь, пригласивъ его въ гости, съ нѣсколькими другими своими совѣтниками и офицерами, угощалъ ихъ виномъ и медомъ. Когда всѣ они подпили, онъ велѣлъ поднести тому Боярину большой кубокъ съ виномъ и выпить его разомъ, за здоровье Великаго Князя, какъ обыкновенно водилось у нихъ. Этотъ не могъ выпить кубка вдругъ; тогда Князь придрался къ тому, укорялъ его въ измѣнѣ и пренебреженіи къ его Великокняжеской власти. «Такъ то ты дорожишь моимъ здоровьемъ, говорилъ онъ: такъ то желаешь мнѣ добра! Вижу въ этомъ твою преданность ко мнѣ. Но за то, что ты здѣсь не хочешь выпить этого кубка за мое здоровье, ступай въ мой погребъ, и пей тамъ разные напитки, сколько душѣ угодно!» Когда онъ пришолъ туда, его въ ту же минуту жалостнымъ образомъ закололъ убійцы.

Черезъ два дня послѣ этого происшествія, Великій Князь послалъ къ женѣ убитаго и велѣлъ сказать, чтобы мужъ ея явился къ нему, будто ничего не знаетъ объ его смерти. Она отвѣчала,

что не видала его съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ въ послѣдній разъ со двора, да ей и не привелось больше увидать его!

Такимъ образомъ онъ велѣлъ умертвить и сбыть съ рукъ многихъ знатныхъ Бояръ и Дворянъ, и никто не смѣлъ что ни будь сказать объ этомъ: боялись, что и съ ними будетъ ни тѣмъ не лучше, если станутъ что либо говорить о такихъ дѣлахъ; наконецъ Патріархъ условился съ Митрополитомъ, Архіереями и монахами; всѣ они собрались съ духомъ и пошли къ нему: они и самые знатные Бояре и Князья просили и умоляли его со всѣмъ смиреніемъ прекратить такія ужасныя жестокости и не губить безвинно такою жалкою смертію своихъ вѣрныхъ слугъ, которые заслуживали всего хорошаго, за ихъ усердную службу.

Благодаря этой просьбѣ и увѣщанію, онъ нѣсколько смягчился, опасаясь, чтобы не поднять возмущенія противъ себя; однако же все таки придумывалъ, какъ бы поудобнѣе отплатить и воздать Боярамъ и Князьямъ за взятые ими на себя труды и старанія, и окружилъ себя сильною стражей изъ нѣсколькихъ тысячъ драбантовъ, которые всегда должны были оберегать его. Они походили на него жестокостью и свирѣпствомъ, по тому что какое бы злодѣйство онъ ни приказывалъ имъ, они исполняли то вдвое свирѣпѣе и злобнѣе: каковъ былъ попъ, таковъ и приходъ; Qualis Rex, talis grex; qualis servus, talis dominus.»

Чтобы все было неожиданно, онъ позвалъ къ себѣ знатнѣйшихъ Бояръ, совѣтниковъ и офицеровъ, и сказалъ имъ, что ослабѣлъ, усталъ и не можетъ дольше заниматься трудными дѣлами правленія, хочетъ ити въ монастырь и постричься въ монахи; наконецъ передалъ правленіе главнымъ Боярамъ и своимъ своимъ сыновьямъ, усердно упрашивая ихъ взять на себя попеченіе и заботы о счастіи отечества, и наблюдать, чтобы не причинялось ни какого вреда общему благу, подъ страхомъ отвѣтственности предъ Богомъ и передъ нимъ. Когда случатся очень важныя и трудныя дѣла, они должны увѣдомлять его о томъ, а онъ будетъ давать свои совѣты. Послѣ того удалился изъ Москвы въ Александровскую слободу (Alexander Slaboda), въ 18-ти миляхъ оттуда.

Этотъ новый поступокъ очень опечалилъ Бояръ и простой народъ: они имѣли совѣщаніе, и положили отправить къ Великому

Князю главныхъ Бояръ, со всеподданнѣйшею просьбою, чтобы онъ опять взялъ на себя Великокняжеское правленіе и не покидалъ отечества и своихъ подданныхъ.

Пришедши туда, они не добились другаго отвѣта, кромѣ того, что онъ ни подъ какимъ видомъ не приметъ правленія, намѣренъ выѣхать изъ страны совсѣмъ, или на самые крайніе предѣлы своего Великаго Княжества, и никогда не будетъ видѣть измѣнниковъ; при этомъ приказалъ снять съ нихъ все платье и нагишомъ отослалъ ихъ назадъ въ Москву. Но Москвитянъ привелъ онъ въ большое смущеніе: они не удовольствовались тѣмъ, отправили къ нему другихъ пословъ духовнаго и свѣтскаго званія, которые со всѣмъ смиреніемъ должны были уговаривать и упрашивать его, чтобы онъ не оставлялъ, а принялъ опять, правленіе.

Когда же они прибыли туда и допущены къ нему, онъ заговорилъ съ ними горячо, ругалъ ихъ измѣнниками и вѣроломными людьми, но наконецъ далъ согласіе и склонился на ихъ великія просьбы и сильныя настоянія опять взять землю подъ свою руку, только съ уговоромъ, чтобы жители во всей странѣ снова присягнули ему и поклялись ни какъ не ослушаться его приказаній. Послы обѣщали, за всѣ сословія и всѣхъ подданныхъ, что будутъ оказывать ему покорность и слушаться его во всемъ.

Послѣ того Великій Князь опять отправился въ Москву съ своей большою стражей; но въ головѣ у него было не то, какъ бы содѣйствовать общему благу и нажить себѣ отъ того честь и славу, а какъ бы лишить жизни большую часть своихъ подданныхъ, духовнаго и свѣтскаго, высшаго и низшаго, званія, лишить ихъ имѣнія, движимаго и недвижимаго, и всякаго счастія. Онъ сталъ опять неистовствовать и свирѣпствовать въ странѣ жестокимъ и ужаснымъ образомъ, и это началъ съ Князя Ростовскаго: велѣлъ схватить его въ церкви, связать веревками и сковать, а потомъ отрубить ему голову, трупъ бросить въ воду, а голову принести къ себѣ. Онъ посмотрѣлъ на нее, взялъ въ руки и сказалъ: «Когда онъ былъ въ живыхъ, голова эта очень жадна была до крови, а когда умеръ, ее надобно вдоволь напоить водой», бросилъ ее на землю, топталъ ногами и велѣлъ кинуть въ рѣку. Послѣ

того онъ взялъ до сотни служителей невиннаго человѣка, велѣлъ ихъ жалостнымъ образомъ умертвить и также бросить въ рѣку къ ихъ барину.

Въ 1568 году, предпринявъ войну съ Польскимъ Королемъ, Сигизмундомъ Августомъ, и находясь съ войскомъ въ Великихъ Лукахъ, онъ поручилъ начальство въ Москвѣ одному знатному Боярину, по имени Ивану Петровичу. Но его управленіе не понравилось всѣмъ: изъ зависти и ненависти нѣкоторые напрасно обнесли и оклеветали его Великому Князю, будто бы онъ хотѣлъ выгнать его и силою овладѣть правленіемъ. Воротившись изъ похода въ Москву, Великій Князь велѣлъ привести его къ себѣ и спросилъ, за чѣмъ онъ замышлялъ такое дѣло? Тотъ сдѣлалъ ему низкій поклонъ и хотѣлъ оправдываться, однако жь это ни сколько не помогло: все, что ни скажетъ Великій Князь, должно было считаться правдой; онъ велѣлъ ему снять съ себя платье, надѣть на него Царскую багряницу, дать въ одну руку скипетръ, а на голову положить Царскій вѣнецъ: дрожа и вздыхая, онъ долженъ былъ сидѣть на высокомъ стулѣ и вспомнилъ пословицу: «Сладкія слова недруга — копья, мечи и пагуба.» Обернувшись къ нему, Великій Князь сказалъ: «Не робѣй, непобѣдимый Всероссійскій Царь; вотъ я пожаловалъ тебя Царскимъ величіемъ, котораго ты долго искалъ, только царствовать-то тебѣ не долго.» Не сказавъ больше ни слова, онъ прокололъ нѣсколько разъ сердце его длиннымъ ножомъ; окружающіе Дворяне и стрѣльцы взяли убитаго Боярина и также вонзили въ него свои длинные ножи, такъ что его сердце, кишки и всѣ внутренности вывалились на полъ, потомъ потащили его на площадь и жалостно изрубили тамъ въ куски; они не оставили въ живыхъ ни одного человѣка и изъ его домашнихъ, даже ни одного животнаго. Три тысячи его служителей, съ ихъ друзьями и родными, всѣ погибли горькою смертію; все имѣніе его, люди, рогатый скотъ и лошади были расхищены, домы сожжены, крестьяне, съ женами и дѣтьми, перебиты, разсѣяны и разогнаны. Его жена, бывшая тогда беременною, и дочери сначала опозорены палачами, а потомъ изрублены въ куски.

Точно такъ же поступилъ онъ съ своимъ Канцлеромъ, Казариномъ Дубровскимъ (Dobrouski), обвиненнымъ въ большомъ небреженіи и недѣятельности, по тому что во время войны съ Ливоніей,

онъ слишкомъ поздно поставилъ на мѣсто большую пушку; за это онъ осужденъ заочно на смерть съ двумя его сыновьями; но какъ легко могъ оправдаться, то находился у себя дома. Великій Князь приказалъ привести его къ себѣ, съ двумя сыновьями, изъ дому, гдѣ онъ сидѣлъ за столомъ и обѣдалъ: его тотчасъ же изрубили въ мелкіе куски и бросили въ колодязь на дворѣ его дома. Третій сынъ Канцлера былъ гдѣ-то въ гостяхъ въ городѣ. Узнавъ, что случилось съ его отцомъ и братьями, онъ не смѣлъ воротиться домой, или показаться въ люди, но тайно скрылся и цѣлый годъ таился, гдѣ могъ; объ этомъ донесли Великому Князю, и Княжескіе разсыльные отыскали его и привели къ Государю, а этотъ отдалъ его въ руки палача, который привязалъ его къ 4-мъ колесамъ и разстерзалъ на 4 части.

Великій Князь самъ выдумалъ эту казнь, которая совершалась такимъ образомъ: новыми пеньковыми веревками, длиною въ 15-ть аршинъ, привязывали руку человѣка въ кисти и въ плечѣ къ колесу, другую къ другому; одну ногу, въ пяткѣ и выше колѣна, къ третьему, другую къ четвертому. Каждую веревку должны были тащить 15 сильныхъ молодцовъ изо всей силы, такъ что раздирали человѣка на 4 части. При этомъ зрѣлищѣ бывалъ самъ Великій Князь, давалъ наставленія палачамъ, какъ надобно дѣлать, хвалилъ ихъ труды и старанія, смѣяся отъ души. То же дѣлали и всѣ окружающіе, въ угодность Великому Князю, и не обнаруживали ничего другого, кромѣ того, что такое его дѣло похвально, честно и справедливо. Если же окажется кто нибудь, который вздохнетъ, заплачетъ, выскажетъ себя, тѣлодвиженіемъ, или душевнымъ волненіемъ, тотъ подвергался такой же опасности и бѣдѣ.

У него были свои соглядатаи и вѣстовщики, тщательно развѣдывавшіе между женщинами, что говорятъ онѣ про Великаго Князя: если же откроютъ и поймаютъ такую, у которой очень длиненъ языкъ и изъявлявшую неудовольствіе на злодѣйства Великаго Князя, ее тотчасъ же связывали, выводили на дворъ и безъ пощады и сожалѣнія либо вѣшали, либо рубили въ куски. Замужнія женщины, въ чемъ ни будь согрѣшившія и провинившіяся передъ нимъ, вѣшались надъ столами, за которыми обѣдали ихъ мужья: этѣ послѣдніе не должны были обѣдать нигдѣ въ дру-

томъ мѣстѣ, пока висятъ надъ столами ихъ жены, нарушители того наказывались самою позорною смертію. Женщины должны были тамъ висѣть до тѣхъ поръ, пока мужья не вымолятъ у Государя великими просьбами и ходатайствомъ позволенія похоронить смердящія тѣла.

Когда во время разныхъ поѣздокъ его по странѣ, изъ города въ городъ, попадались ему на дорогѣ женщины и дѣвицы, онъ приказывалъ раздѣвать ихъ до нага: такъ и должны были онѣ стоять совсѣмъ нагія въ снѣгу на дорогѣ, пока не проѣдетъ онъ мимо ихъ, со всею своею челядью, по тому что у него было въ обычаѣ потѣшать и забавлять такою картиной зрѣніе его приворныхъ, межъ тѣмъ какъ другіе честные люди совѣстятся смотрѣть на то, чего не велитъ показывать природа.

Случилось однажды, что Великій Князь положилъ большую опалу на одного знатнаго Боярина, по имени Семена Wesesly, за то, что у него была очень красивая жена, которая очень полюбилась Князю. Онъ велѣлъ ее, вмѣстѣ съ служанкою, насильно привести во дворецъ, имѣлъ съ ней блудъ и держалъ у себя три недѣли. Досыта натѣшившись этою женщиной, со всѣмъ своимъ сладострастіемъ, онъ наскучилъ ею, не могъ даже терпѣть ее: велѣлъ съ служанною отвести домой и повѣсить въ воротахъ. Мужъ ея и вся домашняя челядь должны были 14-ть дней входить и выходить въ этѣ ворота, пока, благодаря сильному ходатайству, ее не сняли и не похоронили въ землѣ.

Этѣ гнусные поступки и безбожныя жестокости заставили знатнѣйшихъ Князей, Бояръ и Дворянъ страны умолять Великаго Князя, чтобы онъ милостиво прекратилъ такой гнусный и жестокій образъ дѣйствій, показалъ милость и состраданіе къ своимъ верноподданнымъ и пощадилъ жизнь невинныхъ, всегда исправлявшихъ для него трудную и вѣрную службу и покорныхъ ему, а пусть казнитъ и истребляетъ, точно негодную траву, виновныхъ и своихъ противниковъ, также сдѣлавшихъ грубыя злодѣйства. Этѣ ихъ просьбы и смиренныя мольбы принесли имъ такую же прибыль, какъ собакѣ трава: всѣхъ ихъ, одного за другимъ, онъ велѣлъ тайно умертвить и удавить.

Въ другихъ исторіяхъ читаемъ про другихъ тирановъ, что когда имъ сильно хотѣлось человѣческой крови, они упражнялись въ жестокости надъ врагами, а не надъ вѣрными подданными. Но этотъ Великій Князь дѣлалъ то и другое, и находилъ особенное удовольствіе и забаву, когда могъ свирѣпствовать противъ собственныхъ подданныхъ. Разскажемъ не много, какъ жалко и ужасно поступилъ онъ съ жителями Новагорода, Пскова, Твери и Москвы, и съ какимъ утонченнымъ лукавствомъ и ловкостью расправился съ ними.

На Новгородцевъ напалъ онъ прежде, чѣмъ они узнали объ этомъ, по тому что всѣ дороги и тропинки велѣлъ объѣзжать своимъ воинамъ, рубить и грабить всѣхъ горожанъ и простолюдиновъ, какіе ни попадутся имъ изъ города, такъ что ни одна живая душа не могла принести извѣстія объ его приходѣ, и его войска имѣли возможность ворваться съ всею силою въ городъ. Граждане пришли въ великій трепетъ и ужасъ, до того, что совсѣмъ не могли обороняться, отъ робости и малодушія сдались и просили пощады.

Но когда пощады и милосердія не было видно, бѣдные, трепещущіе люди спрятались въ церквахъ, монастыряхъ и погребахъ, гдѣ только нашли возможность. Малюта Скуратовъ, наглый тиранъ и начальникъ княжескихъ тѣлохранителей, напалъ на нихъ съ своею братіей и Татарами и вывелъ ихъ на Божій свѣтъ для бойни; не было ни жалости, ни пощады. Они не щадили ни высшаго, ни низшаго званія, ни мущинъ, ни женщинъ, ни молодыхъ, ни старыхъ, рубили людей и животныхъ, позорили служанокъ и благородныхъ дѣвицъ, дѣтей и грудныхъ младенцевъ сажали на длинныя копья и сѣкиры, и не прежде прекратили свои неистовства, пока не погубили 2770 человѣкъ. Лучшіе граждане города заперлись въ Думѣ: оттуда брали ихъ по одиначкѣ, рубили въ куски и бросали въ рѣку.

Монахи и священники бѣжали въ церкви и монастыри, однако жь, это не помогло: они такіе должны были итти къ раздѣлкѣ, по тому что ни просьбы, ни вѣра, ни духовный санъ не могли удержать жестокихъ палачей и негодяевъ отъ задуманнаго убійства: всѣмъ надо было плясать по ихъ дудкѣ. Одинъ Митро-

политъ былъ пощаженъ и оставленъ въ живыхъ: чтобы изъявить свою благодарность и сколько ни будь отплатить Великому Князю за его милость, онъ пригласилъ его въ гости къ себѣ. Пришедши къ нему, Великій Князь велѣлъ своимъ злымъ палачамъ, чтобы они, во время его обѣда, убили остальныхъ монаховъ и поповъ, сколько ихъ ни было въ городѣ, взяли все, что ни найдутъ въ церквахъ и монастыряхъ, деньги, серебро, золото, жемчугъ и драгоцѣнные камни, и спрятали въ его казначействѣ. Малюта тотчасъ же собрался съ тѣлохранителями, весело и поспѣшно схватилъ оружіе: они стали убивать съ великой злобой, такъ что жалко было смотрѣть.

Когда обѣдъ кончился и все, что приказалъ онъ сдѣлать до обѣда, было исполнено, онъ отнялъ у Митрополита его платье, деньги, золото, жемчугъ, серебро и всѣ запасы, велѣлъ палачамъ отвести его въ застѣнокъ и мучить тамъ плачевнымъ образомъ, чтобы онъ признался и сказалъ, куда онъ и монахи спрятали лучшія свои драгоцѣнности и пожитки? Когда это было исполнено, онъ велѣлъ привести его опять къ себѣ и сказалъ ему: «Тебѣ ужь будетъ исправлять духовную должность и жить въ цѣломудріи безъ жены. Теперь я сдѣлаю тебя міряниномъ, и дамъ тебѣ жену.» Онъ тотчасъ же велѣлъ привести бѣлую кобылу и сказалъ: «Господинъ Митрополитъ, возьми ее и пользуйся ею вмѣсто жены!» потомъ приказалъ посадить его на кобылу, въ старомъ, изорванномъ платьѣ, провести съ палачомъ по городу, въ знакъ особеннаго поруганія и позора, а послѣ того отправить на той же кобылѣ въ Москву и бросить въ самую плохую темницу, гдѣ онъ и умеръ въ бѣдственномъ положеніи.

Послѣ этого происшествія привели къ Великому Князю одного богатаго горожанина и купца, по имени Ѳедора Семенова, который забился въ потаенный уголъ отъ его жестокости. Онъ велѣлъ связать его новой пеньковой веревкой, нѣсколько часовъ опускать въ воду и опять вынимать изъ нея. Великій Князь спросилъ его, что видѣлъ онъ въ водѣ въ такое долгое время? «Всемилостивѣйшій Великій Князь, сказалъ купецъ: я видѣлъ, что въ этой рѣкѣ, Волховѣ, собрались всѣ черти, сколько ихъ ни было въ озерахъ Ильменѣ, Ладогѣ и въ Балтійскомъ морѣ, и замышляли взять у тебя душу и отвести ее въ

[illegible]ю.» Ты сказалъ правду, отвѣчалъ Князь, я пом[illegible] за это видѣніе», и тотчасъ же приказалъ его вы[illegible] опустить въ кипятокъ его руки и ноги и варить до [illegible] пока не скажетъ, куда спряталъ свои деньги и за[illegible] что это былъ богатый человѣкъ, построившій на свой [illegible] монастыря. Отъ того, что его мучили такъ ужасно и [illegible] пощады варили и кипятили, онъ признался, что въ [illegible] мѣстѣ было у него спрятано и зарыто 30 тысячъ та[illegible] монетою. Великій Князь былъ доволенъ этѣмъ и не вел[illegible] больше мучить, а вмѣстѣ съ братомъ его, Алексѣемъ, из[illegible] въ куски и бросить въ рѣку.

Поступивъ съ Новгородомъ на всей своей волѣ и хотѣ[illegible] Великій Князь отправился оттуда и повелъ свое войско въ Пс[illegible] (Plesskovv), съ намѣреніемъ точно также поступить и съ Пс[illegible] витянами.

Весь городъ стономъ стоналъ отъ плача рыданій объ это[illegible] плачевномъ и постыдномъ убійствѣ въ Новгородѣ: жители не м[illegible] ли уняться отъ слезъ и рыданій.

Когда Великій Князь прибылъ туда, всѣ они, малые и бо[illegible] шіе, мужчины и женщины, вышли къ нему на встрѣчу, при[illegible] лицомъ къ землѣ, просили о милосердіи, поставили на всѣхъ у[illegible] цахъ передъ домами хлѣбъ и соль и привѣтствовали его: «[illegible] принадлежатъ ему съ женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ; [illegible] нихъ нѣтъ ничего своего, а все его; пусть онъ приметъ это [illegible] угоду себѣ; они его слуги, рабы, подданные, готовы пожерт[illegible] вать для него жизнью и всѣмъ, что имѣютъ; пусть дѣлаетъ [illegible] ними, что ему угодно: они не скажутъ противъ того ни слова

Гнѣвъ его нѣсколько стихъ при такомъ смиреніи, велики[illegible] мольбахъ и покорности: тамъ онъ ужь не неистовствовалъ та[illegible] страшно, какъ въ Новгородѣ: однако жь велѣлъ ограбить нѣско[illegible] кихъ богатѣйшихъ горожанъ, монаховъ и поповъ, потомъ изр[illegible] бить ихъ въ куски и бросить въ рѣку.

Послѣ того пошелъ въ Тверь, и производилъ тамъ тѣ же [illegible] стокости, какъ и въ Новгородѣ: знатнѣйшихъ людей въ городѣ [illegible] дѣлъ сажать въ темницу, позорить ихъ женъ и дѣвицъ; богатѣ[illegible]

ихъ горожанъ либо изгонялъ изъ города, либо приказывалъ убивать и отнималъ у нихъ имущество; нѣкоторыхъ женщинъ тоже убивалъ, а другихъ велѣлъ мучить, чтобы онѣ указали сокровища своихъ мужей. Весь городъ былъ въ унынiи и горько плакалъ. Напослѣдокъ велѣлъ, безъ всякаго милосердiя, умертвить 19 Татарскихъ Мурзъ, взятыхъ въ плѣнъ на войнѣ и содержавшихся тамъ въ заключенiи. Но этѣ Татары взялись сначала за свои длинные ножи, которые тайно носили при себѣ, и закололи многихъ палачей съ ихъ набольшимъ, Малютой Скуратовымъ: это былъ убiйца множества людей, и теперь долженъ былъ умереть отъ Татаръ. Съ нимъ случилось то же, что онъ дѣлалъ другимъ, и получилъ тою же мѣрой, какою мѣрялъ самъ. Однако жь это не помогло Татарамъ; ихъ одолѣли превосходствомъ числа и изрубили въ куски, которые потомъ покидали въ рѣку.

Наконецъ онъ велѣлъ высѣчь розгами и кнутьями своего придворнаго Секретаря, Аѳанасiя Вяземскаго (VVesomski), котораго совѣтами часто пользовался въ очень важныхъ дѣлахъ и прежде многiе годы благоволилъ къ нему; велѣлъ выломать ему руки и ноги, и напослѣдокъ посадить на колъ, пока не умретъ: все это было ему за то только, что одинъ изъ придворныхъ, врагъ его, наговорилъ Великому Князю, будто бы онъ предостерегалъ жителей города, чтобы они убирались изъ него до прихода Великаго Князя, если только не хотятъ умирать.

Его жена, сыновья и дочери, рабы и служанки и вся его челядь, въ числѣ 60-ти человѣкъ, тоже были казнены, чтобы изъ этого проклятаго рода не оставалось никого, который бы могъ сдѣлать такую измѣну.

Послѣ того онъ отправился въ Москву, ѣхалъ все съ жестокими замыслами, и велѣлъ на площади города поставить 18 висѣлицъ. Потомъ принесли туда разныя орудiя, выдуманныя для мученiя и истязанiя людей, развели огонь, поставили на него котлы и сковороды, кипятили воду, такъ что ужасно было смотрѣть.

Весь городъ трепеталъ: многiе граждане убѣжали и спрятались, гдѣ могли. Когда все было приготовлено, прибылъ на площадь изъ крѣпости Великiй Князь съ своими тѣлохранителями,

палачами и убійцами, и занялъ вооруженными людьми всѣ улицы и переулки, чтобы ему былъ просторъ и ничто не мѣшало бы смертоубійствамъ.

Онъ выбралъ одинъ праздникъ для такого жестокаго дѣла, и велѣлъ приготовить обѣдъ въ нѣкоторыхъ домахъ для простаго народа, а въ Думѣ для Князей и думныхъ Бояръ, располагая отравить напитки и такимъ образомъ тайно казнить гостей, чтобы никто не узналъ того, а ему тѣмъ удобнѣе было ограбить и опустошить городъ. Но какъ никто не приходилъ, онъ самъ поѣхалъ верхомъ взадъ и впередъ по городу, и уговаривалъ гражданъ не падать духомъ и не бояться, думая выманить ихъ ласковыми словами. Однако жь никто не хотѣлъ ему вѣрить: всѣ притихли и оставались въ великомъ ужасѣ и страхѣ. Они все еще помнили убитыхъ и изрубленныхъ въ Новгородѣ, Псковѣ и Твери, также и то, что лютой его тиранніи не было ни конца, ни предѣловъ.

Наконецъ они посовѣтовались между собою и отправили къ нему нѣсколькихъ дряхлыхъ стариковъ испытать его милосердіе. Когда эти послы воротились назадъ и принесли добрую вѣсть, что Великій Князь оказался совершенно милостивымъ, простой народъ началъ исподоволь выходить, такъ что стеченіе его становилось часъ отъ часу больше: на площади уже не находили мѣста и влѣзали на кровли.

Тогда Великій Князь вышелъ къ народу и сказалъ: «Любезные подданные! Этотъ день насталъ нынѣ для васъ къ радости и счастію; по тому что хотя всѣ вы вмѣстѣ и осуждены на смерть, однако жь я рѣшился въ этотъ часъ оказать вамъ всю милость и благоволеніе и даровать жизнь. Но я велю, впрочемъ, привести сюда измѣнниковъ мнѣ и странѣ, наказать ихъ и сдѣлать имъ заслуженную награду.» Этою рѣчью хотѣлъ онъ провести простой народъ и убѣдить его, чтобъ онъ не думалъ худо объ его зломъ замыслѣ, но одобрилъ бы его предпріятіе. Для того и выпустилъ 200 плѣнныхъ, и велѣлъ имъ ити, кому куда угодно.

Послѣ того онъ принялся за преднамѣренныя убійства и велѣлъ своему Секретарю прочитать имена тѣхъ, которые внесены были у него въ списокъ и должны были умереть теперь: въ чи-

лѣ ихъ былъ и его Канцлеръ, Иванъ Михайловичъ Висковатый, дѣлавшій много добра странѣ и вѣрно служившій ему.

Этотъ Канцлеръ былъ первый приведенъ на это позорище: его обвиняли въ измѣнѣ, что будто онъ сговаривался съ Королемъ Польскимъ, съ Турками и Татарами, писалъ къ нимъ тайныя письма, призывалъ ихъ въ свою землю брать крѣпости, убивать народъ, разорять и губить Государство мечемъ и огнемъ: теперь ему слѣдовало понести наказаніе.

Однако жь Канцлеръ, невинный во всѣхъ этѣхъ дѣлахъ, отвѣчалъ свободно и неустрашимо и укорялъ Великаго Князя, какое множество Бояръ обвинилъ онъ несправедливо въ томъ, будто они искали его верховной власти, и тайно казнилъ ихъ безъ всякой вины, сколько погубилъ невинныхъ подданныхъ, опозорилъ и истребилъ женщинъ и дѣвицъ.

Великій Князь, сильно озлобившись и осердясь на это, велѣлъ его тотчасъ же казнить и каждому изъ своей придворной челяди отрѣзать у него кусокъ тѣла. Всѣ подбѣжали къ наказанному: одинъ отрѣзалъ у него правое ухо, другой лѣвое, третій губы, четвертый палецъ, и такимъ образомъ всѣ его члены: онъ претерпѣлъ большія страданія и муки.

Наконецъ подбѣжалъ къ нему одинъ Писарь и отрѣзалъ у него причинное мѣсто, отъ чего онъ сей часъ же и умеръ. Великій Князь обратился къ этому Писарю и сказалъ: «Ты тоже участвовалъ о заговорѣ противъ меня, по тому что сдѣлалъ великую милость измѣннику, чтобы ему поранѣе отдѣлаться отъ мукъ и поскорѣе умереть: за это ты или съѣшь, что отрѣзалъ, или такъ же умри, какъ и онъ!» Видя передъ глазами смерть и не находя другаго средства, Писарь перепугался, съѣлъ дѣторождныя части Канцлера, и такимъ образомъ спасъ себѣ жизнь. Послѣ того Великій Князь приказалъ отсѣчь голову Канцлеру и изрубить все его тѣло. У жены его онъ отнялъ все имущество и сослалъ ее въ монастырь, сына отправилъ въ ссылку; всѣ служанки его были опозорены.

Въ то же самое время велѣлъ онъ привести на площадь своего Казначея и Конюшаго: ихъ привязали къ двумъ столбамъ и

обливали, одного за другимъ, то горячей, то холодной, водой, такъ что у обоихъ слѣзли волосы и кожа: такой невыразимой мукой замучили ихъ до смерти.

Тотчасъ послѣ того привели его главнаго повара, отрѣзали у него дѣторолныя части, и изрубили его въ мелкіе куски.

Потомъ казнили нѣсколькихъ думныхъ Бояръ, привели изъ тюрьмы 200 Дворянъ на площадь, и жалкимъ образомъ изрубили невинныхъ. Вдоволь насытившись въ этотъ день кровью, Великій Князь поѣхалъ опять въ Кремль, и по дорогѣ туда посѣтилъ жену казненнаго Казначея, находившуюся въ горькомъ унынiи и отчаяніи. Онъ велѣлъ взять ее, связать тонкою веревкою изъ крѣпкихъ волосъ, укрѣпленною между двумя стѣнами, и до тѣхъ поръ таскать ее и дергать палачамъ изъ стороны въ сторону, пока не пошла кровь, не отвалилось мясо, даже видны стали голыя кости, и она выказала все, что у ней было. Этѣ мученія оплакивала дочь ея, жалобно рыдая и дрожа; это надоѣло Великому Князю: онъ тотчасъ же велѣлъ казнить и ее, какъ мать. Но дѣвушка была красива и статна, да и не старѣе 15-ти лѣтъ: сынъ Великаго Князя, Иванъ, просилъ отца подарить ему ее, отецъ исполнилъ это, и она была освобождена, благодаря только этому средству.

На третiй день послѣ того, онъ велѣлъ вынести изъ города всѣ трупы, и бросить ихъ въ ручей. Но этого было еще не довольно ему: онъ приказалъ также взять 80 женъ убитыхъ мужей, бить ихъ по головамъ и кинуть въ воду.

При всеобщемъ ужасѣ къ такому тиранническому правленію и гнуснымъ убiйствамъ, 150 Дворянъ задумали бѣжать въ Польшу; однако жъ, имъ измѣнили, застигли на дорогѣ, связали, бросили ихъ въ глубокую грязную лужу, положивъ другъ возлѣ друга, въ видѣ моста, черезъ нее. Великiй Князь велѣлъ своимъ палачамъ ѣздить и скакать по нихъ на лошадяхъ: такъ они и умерли, растоптанные въ куски. Жены ихъ, дѣти и служители были умерщвлены жалкой смертью, безъ всякаго милосердiя, хоть и вовсе не знали про замыслы своихъ мужей и господъ.

Такимъ же образомъ Великій Князь обратилъ свою безчеловѣчную жестокость на своего роднаго брата, Григорія: это былъ господинъ благочестивый, прямой и честный, и ежедневно замѣчая, что тиранъ ищетъ придирки и случая лишить его жизни и всего имущества, онъ остерегался, сколько было можно: это, однако жь, не принесло ему пользы, по тому что тиранъ тайно подъучилъ своихъ бойкихъ, рѣшительныхъ на все мошенниковъ и предателей, обвинившихъ Григорія, будто онъ искалъ власти Великаго Князя, своего брата, нагло ругалъ и поносилъ его и уговаривалъ къ возмущенію его подданныхъ.

По этому мнимому и выдуманному обвиненію и коварству, Великій Князь послалъ нѣсколькихъ отъявленныхъ плутовъ съ Казаками привести въ Москву Григорія.

Этотъ, увидавъ у себя на дворѣ убійцъ, убѣжалъ со страха въ комнату своей жены: они догнали его, схватили, били; нисколько не помогло, что жена его бросилась между ними, горько плакала и кричала, рвала на себѣ платье и волосы, сильно жаловалась на свою великую бѣду и говорила, чтобы взяли и ее съ собою, по тому что она дала вѣрную клятву мужу переносить съ нимъ хорошее и дурное. Однако жь она ничего не успѣла сдѣлать и принуждена была остаться дома въ большомъ горѣ и унынін. Когда привели его къ тирану брату, вошли палачи, заковали его въ цѣпи, вывели вонъ и стали мучить и истязать, думая, что въ пыткѣ и мученіи онъ сознается, въ томъ, чего и на умѣ у него не было, а выдумано самимъ Великимъ Княземъ, чтобы простой народъ подумалъ, что у него есть законная причина противъ брата. Не смотря на жестокія муки, онъ просилъ позволить ему сказать послѣднія слова: всѣ отвѣчали, чтобы онъ говорилъ, что хочетъ. Настала совершенная тишина, ему поослабили оковы, и онъ, поднявъ руки съ веревкою, которой онѣ были связаны, показалъ ихъ народу и сказалъ: «Храбрые воины, посмотрите на нарядъ и пышное украшеніе вашего Князя: такого не надѣвалъ на меня непріятель, и это для меня почетъ и слава. Вы сдѣлали меня, вашего природнаго и наслѣднаго Князя, пойманнымъ холопомъ и рабомъ: я не заслужилъ отъ васъ этого, я заслуживалъ всего хорошаго.

Но отпускаю вамъ все это; прошу только объ одномъ: если приказано Великимъ Княземъ умереть мнѣ, если хочется моей крови, покончите со мной сейчасъ же, убейте меня, чтобы мнѣ не терпѣть столько времени великихъ мученій, или, если вы не хотите наложить на меня руки, дайте мнѣ саблю, дайте мнѣ самому сдѣлать надъ собой то, что поклялись же вы исполнить, по приказанію Великаго Князя.»

Ничего не добившись, онъ обратилъ свои мольбы въ проклятія и говорилъ: «Такъ хорошо же! Желаю, чтобы Богъ за это наказалъ васъ, беззаконниковъ, и послалъ вамъ такую же кончину, какую вы сами готовили до сихъ поръ такому множеству невинныхъ людей: вы ужь и прежде вдоволь пятнали себя кровью гражданъ и страшно убивали лучшихъ Бояръ страны. Я, послѣдній агнецъ на закланіе для жертвы, желаю вамъ вѣчнаго огня въ аду, гдѣ безпрестанный плачъ и рыданіе, и всякихъ несчастій въ здѣшнемъ мірѣ, желаю вамъ провлачить все время вашей жизни въ превратности и поруганіи, въ горѣ и несчастіи, погибнуть отъ собственнаго вашего меча, окропиться своимъ жиромъ, быть истребленными лучше внутреннимъ мятежемъ, нежели непріятелемъ!» Послѣ того онъ обратился къ палачамъ и мучителямъ съ просьбою, чтобы они продолжали его тиранить и терзать, сколько можно мучительнѣе. Они тотчасъ же подошли и изрубили его: онъ не испугался, не содрогнулся при этомъ, но съ готовностью отдалъ душу Богу, какъ храбрый герой.

Узнавъ о томъ, жена его собрала все свое наличное имущество въ деньгахъ, золотѣ, серебрѣ, жемчугѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, и бѣжала съ нимъ. Но она не далеко ушла. Тиранъ велѣлъ отыскать ее, таскать взадъ и впередъ по улицамъ, на всеобщее посмѣяніе и позоръ, наконецъ бросить въ воду и отнять у нея все имущество.

Сдѣлавъ такое множество убійствъ, онъ отправился въ Александровскую слободу, и исправлялъ тамъ божественную службу съ такимъ благовѣніемъ и набожностію, точно самый благочестивый Попъ, какіе только бывали на свѣтѣ. Тамъ былъ съ нимъ также одинъ знатный думный Бояринъ, по имени Телятовскій (Telatouski): сидя дома со множествомъ гостей, онъ захотѣлъ узнать, что

тогда дѣлалъ Великій Князь, и послалъ ко двору служителя развѣдать объ этомъ. Великій Князь замѣтилъ служителя, спросилъ его, за какимъ онъ дѣломъ и кого поджидаетъ? Тотъ объяснилъ, что его послалъ Господинъ его, Телятовскій, чтобы дать ему знать, что дѣлаетъ Великій Князь, и время ли явиться теперь ко Двору, по тому что его Господину очень хотѣлось послужить Великому Князю. Великій Князь тотчасъ же велѣлъ привести къ себѣ этого лунаго Боярина, со всѣми его гостями, и безъ всякихъ оправданій жалостно мучить его въ застѣнкѣ, онъ спрашивалъ его: «За чѣмъ посылалъ слугу развѣдывать, что дѣлаетъ Государь, что у него за пиръ, и за чѣмъ они вмѣстѣ сговаривались и клялись на его смерть и погибель? Но милосердый Богъ бодрствовалъ надо мною: Онъ обратитъ это предательство на вашу голову.» Телятовскій оправдывался длинною рѣчью, но вовсе напрасно. Всѣ они были выведены изъ застѣнка и брошены въ глубокую, мрачную и смрадную темницу, а, спустя послѣ того нѣсколько дней, умерли жалкою смертію. Съ тѣхъ поръ никто не осмѣливался больше посылать ко Двору и развѣдывать, что дѣлаетъ Великій Князь.

Однажды онъ потребовалъ къ себѣ Старицкаго Намѣстника, Бориса Татищева. Когда этотъ вошелъ, Великій Князь сидѣлъ за столомъ, опершись щекой на руку. Татищевъ поклонился ему, отдалъ ему свое подданическое почтеніе со всѣмъ усердіемъ и смиреніемъ, желалъ здоровья, счастія и долгой жизни.

Великій Князь поблагодаривъ его, сказалъ: «Сынъ мой, Борисъ! Ты всегда вѣрно служилъ мнѣ и усердно угождалъ, а по тому ты стоишь отъ меня подарка: подойди ко мнѣ ближе!» Когда тотъ подошелъ и ударилъ ему челомъ въ землю, Великій Князь взялъ ножикъ и отрѣзалъ ему правое ухо, сказавъ, что въ свое время пожалуетъ его подаркомъ получше, а теперь пусть будетъ онъ доволенъ и этѣмъ! Татищевъ благодарилъ, что Великій Князь пожаловалъ его, т. е., сдѣлалъ такое дѣло своей рукой, и пошелъ съ подаркомъ домой.

Случилось однажды, что Великій Князь заподозрилъ и обвинилъ какихъ-то большихъ Бояръ страны въ измѣнѣ, будто они въ заговорѣ противъ него, съ Польскимъ Королемъ; онъ послалъ

двоихъ братьевъ, съ отрядомъ войска и сильнымъ полномочіемъ, чтобы убить и совершенно истребить этѣхъ Бояръ, со всѣмъ ихъ родомъ, съ женами, дѣтьми, прислугою, крестьянами, рогатымъ скотомъ, собаками и кошками, даже съ рыбою въ водѣ, а домы ихъ сжечь. По этому приказу Великаго Князя, они и принялись все истреблять и разорять: убивали безъ всякой пощады всѣхъ, кто бы имъ ни встрѣтился, и наконецъ попали въ одинъ домъ, въ которомъ лежалъ въ колыбели прекрасный грудной младенецъ: онъ улыбался имъ такъ мило и привѣтливо, что у нихъ не достало духа поднять на него руку и умертвить его, какъ было имъ приказано. Оба брата посовѣтовались и согласились между собою оставить въ живыхъ младенца и подъ великой тайной отдать его на сохраненіе и воспитаніе одной пріятельницѣ.

Но потомъ, когда посланные, исполнивъ убійственный и жестокій приказъ, воротились въ Москву, для донесенія о томъ Великому Князю, братья стали бояться и тосковать: они опасались, чтобы исторія съ младенцемъ какъ ни будь не открылась и имъ бы не погибнуть изъ за того, а по тому и приняли на себя смѣлость разсказать все происшествіе Великому Князю, и просить у него помилованія себѣ и пощады.

Великій Князь, точно старая лиса (Reinicke Fuchs), прикинулся сострадательнымъ, какъ будто они сдѣлали хорошее для него дѣло, и пожелалъ, какъ Иродъ, видѣть и поклониться младенцу. Какъ скоро это исполнили и принесли къ нему дитя, онъ взялъ его на руки, ласкалъ, цѣловалъ; братья радовались отъ всей души и полагали не иначе, что поступили хорошо, сохранивъ жизнь младенцу, по тому что у всѣхъ Москвитянъ такое ужь общее свойство: когда они прикидываются ласковыми и любезными на письмѣ, словахъ, въ пріемахъ, или въ угожденіяхъ, то за тѣмъ на вѣрное послѣдуетъ что ни будь дурное и опасное. На оборотъ, когда они кричатъ, стучатъ и угрожаютъ, тогда менѣе всего опасности и бѣды. Это точно также у нихъ, какъ водится между барсами и обезьянами: когда обезьяны убѣгаютъ отъ барсовъ и ищутъ убѣжища на высокихъ деревьяхъ, барсы ложатся подъ ними, протягиваются всей четверней, притаиваютъ дыханіе и притворяются мертвыми; увидавъ это, обезьяны слѣзаютъ съ деревьевъ, въ радости и въ торжествѣ, что непріятель

ихъ умеръ, и такимъ образомъ бываютъ схвачены и растерзаны. То же самое и съ замѣтнымъ для себя вредомъ испытываютъ отъ Москвитянъ сосѣднія Государства, даже во время искренняго между ними мира и тишины.

Точно также: оба брата не успѣли оглядѣться, какъ Великій Князь непримѣтно досталъ ножикъ и прокололъ младенца три раза въ сердце, отъ чего этотъ тотчасъ же отдалъ Богу свою мятую душу; потомъ выбросилъ его за окно на растерзаніе и пищу псамъ и медвѣдямъ, а братьевъ велѣлъ рубить саблями до смерти.

Послѣ такого множества убійствъ, между своими подданными и непріятелями, Великій Князь захотѣлъ обратиться и молить Бога о прощеніи своихъ грѣховъ: ходилъ по церквамъ, оставался тамъ по нѣсколько часовъ, самъ служилъ обѣдню, точно какой Попъ, со всѣми обыкновенными обрядами, казался по наружности очень набожнымъ и благочестивымъ, но внутри имѣлъ сердце, полное Фарисейской закваски, и обращалъ свои желанія и помыслы болѣе къ человѣческой крови, нежели къ духовной любви; во тому что нѣсколько дней спустя онъ опять принялся за свою обыкновенную бойню и страшныя жестокости: сначала онъ совершилъ ихъ надъ своимъ храбрымъ Воеводой, Petro Sermeta. (Шереметевъ?), который храбро велъ себя во всѣхъ походахъ и былъ ложно обнесенъ ему. Онъ велѣлъ взять его и изрубить въ куски на своихъ глазахъ, а ноги и руки его завернуть въ тонкое сукно и послать въ подарокъ его женѣ.

Не много также милостивѣе оказался онъ къ Петру Быховцу (Bichvvichi), Польскому Дворянину: онъ захватилъ его въ плѣнъ и велѣлъ отрубить ему голову, взялъ ее за обѣдомъ въ руку и показывалъ надъ нею свою спесь и скоморошество, точно ставилъ себѣ въ большую честь голову плѣнника, котораго приказалъ казнить вопреки всѣмъ правамъ войны, и запятналъ себя кровью его.

Вдоволь можно подивиться, съ какой жестокостью и тиранствомъ поступилъ онъ съ однимъ Силезцемъ, Альбертомъ Бессо (Alberto Besso): когда привели его изъ страшной темницы, Великій Князь не прежде могъ насытиться, пока не выкололи у него глазъ, не поломали члены, а за тѣмъ не отрубили головы

отъ туловища. Вмѣстѣ съ нимъ Великій Князь велѣлъ казни нѣсколько сотъ плѣнныхъ: по приказу его, они были связ ны по двое крѣпкими веревками и должны были пара съ пар сражаться. Онъ не удовлетворился до тѣхъ поръ, пока всѣ он не истребили другъ друга: это было ужасное зрѣлище, такъ чт и палачей пронялъ страхъ, и они не могли видѣть такого безч ловѣчія, отъ чего и бѣжали, но вскорѣ были догнаны и убит особеннымъ образомъ. Такая работа приносить такую же и на граду: какъ сами они дѣлали и поступали, такъ точно случило и съ ними, т. е., какою мѣрой сами мѣрили, такою же и имъ от мѣрено было.

Когда Великій Князь строилъ съ башнями и раскатами го родъ Орелъ, лежавшій на Литовской границѣ, онъ до того изм рилъ голодомъ рабочихъ и крестьянъ, что они принуждены бы убить самаго жирнаго между ними, и такъ спаслись отъ голод Другіе же, которые не могли ѣсть человѣчьяго мяса, принужден были съ голода заколоть теленка. Узнавъ о томъ, Великій Кня велѣлъ ѣвшихъ телятину сжечь живьемъ и пепелъ бросить въ р ку, а ѣвшіе человѣчье мясо прощены и избавлены отъ наказаній Это по тому, что Москвитяне питаютъ отвращеніе къ телятин и ѣсть ее для нихъ гораздо грѣшнѣе, нежели человѣчье мясо.

Вскорѣ послѣ того случилось, что одинъ крестьянинъ под рилъ большую щуку Писарю, написавшему ему письмо. Это видѣл монахъ, бывшій въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Писаремъ: он тотчасъ же побѣжалъ къ Великому Князю и сказалъ, что Писар живетъ лучше и чище его, имѣетъ за обѣдомъ рыбу больше вкуснѣе, чѣмъ онъ, достаетъ ее изъ Княжескихъ прудовъ и рѣк и задаетъ себѣ и своей братьѣ пышные пиры. Писарь тотчас же приведенъ былъ къ Великому Князю, долго оправдывался хотѣлъ доказать, что дѣло было совсѣмъ не такъ; это, однако ж не помогло: его увели и бросили въ рѣку, при чемъ Великій Кня сказалъ: «Ступай туда, лови большихъ рыбъ и рыбокъ, и ко ми себя досыта лакомымъ кускомъ!»

Такъ какъ Великій Князь не имѣлъ ни какого страха ни к Богу, ни къ людямъ, губя и убивая невинныхъ людей безъ суд и приговора, то онъ не пощадилъ и своего тестя, благочестиваг

тарика, Тверскаго Князя. Онъ часто приглашалъ его въ гости къ себѣ, а потомъ, когда гость напьется пьянъ, приказывалъ сѣчь его плетьми; часто раздѣвалъ его донага, и въ такомъ видѣ отпускалъ домой, въ большой снѣгъ и морозъ, или вѣтеръ; часто и мучилъ его, чтобы признался, гдѣ прячетъ свою казну и богатство. Когда же тесть его бывалъ и дома, онъ и тогда не имѣлъ безопасности, по тому что принужденъ былъ сидѣть тамъ точно въ темницѣ и терпѣть голодъ и жажду: Великій Князь приказывалъ привязывать у дверей его дома четырехъ сильныхъ медвѣдей, которые отгоняли и терзали всѣхъ, приносившихъ ему кушанье. Этѣхъ же медвѣдей онъ велѣлъ спускать и натравливать на людей вездѣ тамъ, гдѣ стояли самыя густыя толпы, въ крѣпости или въ замкѣ, либо когда народъ шелъ въ церковь. Когда они терзали и заѣдали до смерти кого ни будь, онъ смѣялся и говорилъ, что ему съ сыновьями большое веселье при такомъ зрѣлищѣ; когда же бѣдные люди жаловались, что отъ того дѣти лишаются родителей, а родители дѣтей, онъ давалъ имъ сколько ни будь денегъ и говорилъ, что тѣхъ должно считать святыми, которыхъ умертвили Великокняжескіе медвѣди, по тому что ему съ сыновьями была отъ того большая забава и веселье. Эту медвѣжью травлю онъ часто заводилъ и зимой, когда бывалъ въ Москвѣ и могъ смотрѣть на ледъ изъ своей комнаты: тутъ приказывалъ выводить множество плѣнныхъ, заставлялъ ихъ бороться и драться съ медвѣдями, которые жестоко убивали и терзали ихъ.

Разъ велѣлъ онъ зашить въ большую медвѣжью шкуру одного знатнаго Дворянина и привести его на ледъ. На него натравили большихъ Княжескихъ и меделянскихъ собакъ, которые, считая его настоящимъ медвѣдемъ, изорвали въ мелкіе клочки: это такъ забавляло Великаго Князя, что онъ не зналъ, на какую ногу и стать.

Отъ этого прежестокаго человѣка никто не былъ въ безопасности, если даже вовсе молчалъ и не говорилъ про него ни добра, ни худа; никто также не былъ и угоденъ ему, хотя бы говорилъ объ немъ все хорошее: какъ скоро захотѣлъ Великому Князю, всякой, кого пожелалъ онъ имѣть въ рукахъ, долженъ былъ ити на раздѣлку. Часто сбывалось и то, что видѣлось кому во снѣ.

Одинъ знатный Бояринъ за ложный доносъ посаженъ бы
въ смрадную темницу: уже нѣсколько лѣтъ влачилъ онъ тамъ ж
кую жизнь, и, желая освободиться изъ заключенія, придумалъ
бавиться отъ нея хитростью. Онъ говорилъ, что имѣетъ важ
донесеніе къ Великому Князю. Его допустили къ нему. «Что так
спросилъ его Великій Князь. — «Всемилостивѣйшій Великій Кн
отвѣчалъ узникъ: въ то время, какъ я лежалъ и спалъ, мнѣ с
лось, будто я брожу въ безлюдныхъ пустыняхъ и неизвѣстны
краяхъ; тамъ встрѣтился со мною Польскій Король, и на вопр
мой, за чѣмъ это онъ плутаетъ тутъ такой печальный? онъ
вѣчалъ: мнѣ предстоитъ жалостная погибель: до самаго своего к
ца я долженъ скитаться и скрываться, по тому что Великій Кн
напослѣдокъ поймаетъ меня, возьметъ мое Царство, и будетъ
немъ властвовать. Полагаю, непобѣдимый Царь, что этотъ с
возвѣщаетъ тебѣ новую славу и верховную власть въ Польск
Королевствѣ.»

Выслушавъ его рѣчь, Великій Князь отдалъ его на муч
палачамъ, чтобы пыткой добиться правды въ этомъ дѣлѣ: «
жи, плутъ, говорилъ онъ: за чѣмъ ты выдумалъ такую ложь?
кой Богъ открылъ тебѣ это во снѣ? Намъ извѣстно, что ни ка
Богъ не удостоивалъ разговоромъ бѣдныхъ людей.» Они муч
его такъ жестоко, что онъ не могъ дольше выдерживать эт
мученій, и признался, что выдумалъ сонъ, думая тѣмъ освобод
ся изъ долговременнаго заключенія. «Ну хорошо, сказалъ В
кій Князь, пусть это будетъ такъ: съ тебя довольно наказанія
выдуманный сонъ; воротись же въ свой прежній пріютъ и с
вайся тамъ до тѣхъ поръ, пока не сбудется твой сонъ, а т
ты сдѣлаешься моимъ главнымъ совѣтникомъ; за понесенные
ки заплатится тебѣ вдвое, такъ что будетъ тебѣ за что благ
рить и хвалить меня.»

Когда онъ не приказывалъ убивать людей и не дѣлалъ
какихъ жестокостей, тогда принимался за своихъ сказочниковъ
дураковъ, дѣлалъ разныя шутки надъ ними, а они надъ н
также: разъ за обѣдомъ одинъ изъ этѣхъ шутовъ пошутилъ
резъ чуръ ужь грубо и неприлично съ Великимъ Княземъ, такъ
этотъ жестоко разсердился на дурака, велѣлъ его крѣпче держ
схватилъ блюдо съ горячей, какъ кипятокъ, жижей и вы

му за шею, между рубашкою и тѣломъ: жижа содрала у шута кожу на затылкѣ и онъ повалился на полъ. Великій Князь былъ еще не доволенъ этой шуткой, прокололъ его ножемъ и велѣлъ ему, раненому, убираться вонъ. Однако жь сей же часъ раскаялся и приказалъ своимъ лѣкарямъ лѣчить его, чтобы онъ опять могъ выздоровѣть.

Пришедши туда, лѣкаря посмотрѣли и узнали, что ему не поможетъ ни какое лѣкарство; они донесли о томъ Великому Князю и сказали: «Всемилостивѣйшій Государь и Великій Князь, да сохранитъ тебя Богъ въ здравіи и долгоденствіи! Шутъ уже умеръ. Всемогущій Богъ да ты, непобѣдимый Царь, имѣете власть лишать жизни людей, а мы неможемъ возвращать ее.» — Великій Князь разсмѣялся на это и сказалъ: «Ну, такъ счастливый путь собакѣ, коли самъ не захотѣлъ жить!»

Великій Князь нѣсколько времени доставлялъ вдоволь упражненія своей безчеловѣчной и плотской жестокости надъ подданными и непріятелями, какъ вдругъ военное счастіе отвернулось отъ него и покатилось назадъ. На него въ одно время напали знаменитый Король Шведскій, Іоаннъ Третій, и Польскій, Стефанъ Баторій, и вытѣснили его вооруженною рукою со всѣмъ изъ Ливоніи съ большимъ урономъ, а въ Россіи лишили его многихъ городовъ и крѣпостей; никто съ своей стороны не упускалъ причинять вредъ и дѣлать всякое зло ему и его народу. Безъ вреда и препятствія они ходили взадъ и впередъ по его странѣ съ войсками, каждый въ своемъ мѣстѣ, гдѣ ему было угодно, грабили, разоряли страну огнемъ и мечемъ. Москвитяне находились въ большой опасности и затрудненіи, не знали мѣры и конца своему горю и бѣдствію, и помнили при томъ, сколько убито и взято въ плѣнъ ихъ братьевъ, умерщвлено дѣтей, опозорено женщинъ и дѣвицъ; множество крѣпостей, деревень и городовъ досталось непріятелямъ, не считая сожженныхъ; не довѣряли другъ другу, имѣли взаимныя подозрѣнія, что донесутъ на нихъ въ измѣнѣ Великому Князю; не знали, чѣмъ помочь такой бѣдѣ и не могли надивиться, что Великій Князь остается спокойнымъ при всѣхъ такихъ вещахъ.

Наконецъ они вооружились мужествомъ, и нѣкоторые Бояре, Дворяне, Полковники и военные люди, собравшись въ Володимирѣ,

объявили свою готовность умереть за Государя и Отечество, по
жертвовать за нихъ жизнью и имѣніемъ, стоять за нихъ и дѣй
ствовать, какъ слѣдуетъ вѣрнымъ и храбрымъ подданнымъ; так
говорили они Великому Князю:

«Уже нѣсколько лѣтъ, непобѣдимый Царь, Всемилостивѣйшій
Великій Князь, съ сокрушеннымъ сердцемъ и слезами на глазах
мы видимъ великое несчастіе и погибель нашего любезнаго Отече
ства, а между тѣмъ врагъ попираетъ нашу землю, нашу вѣру
льготы, тѣснитъ насъ со всѣхъ сторонъ, уводитъ въ плѣнъ на
шихъ старыхъ воиновъ, убиваетъ молодыхъ людей, позоритъ жен
и дочерей нашихъ, жжетъ города и деревни, точно мы позабыл
нашу прежнюю доблесть и мужество, стали считать честнѣе от
ступленіе отъ непріятеля, нежели стоять противъ него всѣмъ ви
стѣ другъ за друга, спасать отъ него нашихъ братій, сопротив
ляться ему храбро и умирать съ честію за Отечество. Наши врат
хорошо понимаютъ, что легко побѣдить лѣнивый и нерадивый на
родъ, отъ того и смѣются надъ нами, къ несчастію нашему и ги
бели, и преслѣдуютъ насъ тѣмъ веселѣе и отважнѣе. Но если бы
мы выступили на нихъ соединенными силами, то могли бы смирит
и одолѣть этотъ нечестивый и надменный народъ. Къ такому дѣл
призываетъ насъ наше Богослуженіе, этого требуетъ и желаетъ
отъ насъ любезное Отечество, къ тому же побуждаютъ и понуж
даютъ насъ законы нашей страны, наши жены и дѣти, друзья и
родные.

«Но намъ нуженъ глава для этого великаго и необходимаго
дѣла: по тому-то и просимъ тебя, Пресвѣтлѣйшій Великій Князь,
какъ своего помазаннаго и вѣнчаннаго наслѣднаго Государя, чтобы
Ты благоволилъ отпустить съ нами своего старшаго сына на эту
крайне нужную войну: пусть онъ идетъ передъ глазами у насъ,
и мы припомнимъ себѣ нашу прежнюю отвагу и храбрость, опять
удвоимъ ихъ себѣ и пожертвуемъ всѣмъ за Отечество.» Великій
Князь у его подданныхъ въ такомъ высокомъ почетѣ, что они счи
таютъ его не только могущественнымъ Царемъ и Государемъ, но
и божественнымъ человѣкомъ, который всегда имѣетъ обхожденіе
съ богами, и можетъ смирять и одолѣвать своихъ непріятелей,
если захочетъ: а теперь онъ не двигается съ мѣста и упускаетъ
свое счастье.

Когда же вышеназванные его подданные, прося его защиты, какъ будто давали понять, что Великій Князь нерадивъ и медлителенъ къ своему долгу, онъ разсердился и жаловался, что одни заставляютъ ему тайные ковы и хотятъ измѣнить, а другіе смотрятъ недоброжелательно на его великое счастье и побѣды, одержанныя надъ непріятелемъ, и за свои труды, заботы и подвиги онъ не получаетъ ничего, кромѣ неблагодарности и злословія. Съ этими словами онъ ушелъ къ себѣ въ комнату, надѣлъ Царскую порфиру и корону на голову, вышелъ опять, подошелъ къ простому народу и сказалъ:

«Отдайте этотъ Царскій нарядъ другому, который лучше меня можетъ управлять вами!» при чемъ говорилъ о благодѣяніяхъ, сдѣланныхъ имъ для подданныхъ, какъ онъ покорялъ Ливонію, разбивалъ Турокъ и Татаръ, завоевалъ Казань и Астрахань, не только сохранялъ Великокняжеское значеніе и величіе, но еще и пріумножилъ его. Сдѣлавъ и совершивъ все это, онъ хочетъ при томъ и остаться и проститься съ правленіемъ, по тому что имъ желательно сыскать такого Царя, которому они стали бы приказывать. Это очень перепугало народъ: всѣ повалились ему въ ноги и просили его со слезами не покидать Царства, остаться на немъ и управлять по прежнему. Но онъ очень отказывался, до тѣхъ поръ, пока зачинщики смятенія не были ему выданы и наказаны.

Потомъ, обратившись къ старшему сыну, сказалъ: «Какъ смѣешь ты показываться, болванъ, на глаза отцу, задумавъ такую измѣну противъ меня? И ты отважился съ радостью и удовольствіемъ подстрекать народъ къ возмущенію противъ меня? Не могъ ты выбрать другаго способа итти на войну, какъ только сдѣлавшись гонителемъ своего отца? Развѣ ты не выдавалъ себя, съ помощію народа, за Великаго Князя, замышляя тѣмъ лишить верховной власти и величія не только своего отца, но Государя и Великаго Князя? Чего же другаго искалъ ты въ этомъ замыслѣ и заговорѣ?

За то, что ты не хочешь признавать своего отца Великимъ Княземъ всея Русіи, и я являюсь для тебя не отцомъ, а Великимъ Княземъ, и покажу на тебѣ примѣръ, чтобы другіе взяли

его урокомъ себѣ и не осмѣливались больше дѣлать заговор
противъ меня, презирать родителей и наругаться надъ ними в
бѣдѣ и невзгодѣ.»

Строгая рѣчь отца сильно напугала сына: потупившись, он
думалъ, какъ ему будетъ оправдываться, очень смиренно и почт
тельно просилъ отца выслушать его оправданіе, и началъ говори
съ большею робостію, но отецъ не позволилъ того и подал
ему знакъ молчанія палкой въ високъ.

Молодой Князь отъ страха не почувствовалъ удара и на
чалъ говорить опять, но кровь побѣжала у него по всему тѣл
и полумертвый упалъ онъ на землю передъ глазами отца. Уви
давъ это, отецъ ужаснулся и опечалился, поднялъ руки къ небу
горько рыдалъ, жаловался, цѣловалъ сына, утѣшалъ его, лежа
щаго на землѣ, сѣтовалъ о великой бѣдѣ и общемъ несчастіи
обвинялъ Святыхъ, что они привели въ это положеніе такого
рѣдкаго юношу.

Услыхавъ отцовскія жалобы, плачь и вопли, сынъ сказалъ
что одно только утѣшаетъ его въ этомъ несчастіи, что онъ н
виноватъ, въ чемъ обвиняетъ отецъ, и что жизнь взята у него
тѣмъ, отъ кого онъ и получилъ ее. Но Богъ свидѣтель, что он
не участвовалъ ни въ какихъ заговорахъ противъ отца. Искрен
но желалъ Великому Князю завоевать весь свѣтъ и обнажать ору
жіе гораздо счастливѣе и славнѣе на непріятеля, нежели на свое
го сына, а ему не надобно ничего больше, кромѣ честнаго по
гребенія.

Межъ тѣмъ въ народѣ было смятеніе и ужасъ: всѣ боя
оплакивали несчастіе съ молодымъ Государемъ, нежели свои соб
ственныя бѣды.

Самъ Великій Князь сидѣлъ на землѣ безъ памяти и чувства
не принималъ ни пищи, ни питья, одѣлся въ печальное платье и
горько плакалъ не только въ тѣ пять дней, когда живъ еще был
Царевичъ, но и послѣ смерти и похоронъ его. Долгое время
Великій Князь только и дѣлалъ, что плакалъ и рыдалъ, велъ чрез-
вычайно жалкую и несчастную жизнь, тревожился и боялся, что-
бы Богъ не отплатилъ за это беззаконіе, наславъ въ особенныхъ
страданіяхъ и казняхъ пагубу на его народъ, отправилъ 77 ты-

сять золотыхъ Патріархамъ Константинопольскому и Александрійскому и монахамъ, охранявшимъ Гробъ Господень, чтобы они молились, приносили жертву о душѣ молодаго Государя и спасли ее изъ всѣхъ преисподнихъ, чтобы злые духи не имѣли надъ нею ни какой власти, а Святые Ангелы отнесли ее въ рай; писалъ къ Польскому Королю о позволеніи проѣхать Польшею его посламъ, чтобы отвезти его подаяніе въ Грецію.

Послѣ этого несчастія и смерти его сына, все пошло еще хуже въ странѣ: всѣ предпріятія Великаго Князя не удавались; его сильно затрудняли и тѣснили со всѣхъ сторонъ. Войско его было разбито и разсѣяно, города срыты, земля разорена, отъ страха и нужды онъ долженъ былъ помириться, заключить договоръ съ Польскимъ Королемъ и уступить ему всѣ города и мѣстечки, занятые имъ въ Ливоніи; при этомъ онъ принужденъ передать ему на вѣчныя времена и не требовать обратно города и мѣстечки, принадлежащіе къ Полоцку, каковы Усвятъ и др., со всѣми запасами и военными снарядами. За то Поляки должны были возвратить ему Великіе Луки и другіе города. Все это устроилъ Папскій Легатъ, Антоній Поссевинъ, уполномоченный при этихъ переговорахъ: онъ склонилъ обѣ стороны заключить и установить 10-тилѣтнее перемиріе; это было въ 1582 году, 12-го Генваря.

Такъ Великій Князь съ большимъ урономъ и несчастіемъ велъ свои войны съ Шведами и Поляками и потерялъ много крѣпостей, городовъ, народа и военныхъ снарядовъ; земля его была пустынна и безлюдна; подданные стали тайкомъ насѣхаться надъ нимъ; онъ утратилъ всю военную славу, добытую прежде. Съ великой тоски и горя онъ такъ захворалъ, что жилъ послѣ того не болѣе 2-хъ дней; однако жъ нѣсколько мѣсяцевъ до смерти все еще дѣлалъ страшныя жестокости надъ своими и велѣлъ жалкимъ образомъ казнить 2,300 невинныхъ людей.

Онъ имѣлъ также мысль перебить нѣсколько тысячъ плѣнныхъ изъ Швеціи, Финляндіи, Ливоніи, Польши и Литвы, которые были у него въ заключеніи, если бы Богъ не спасъ ихъ и не коснулся Великаго Князя сильной болѣзнью, отъ которой не могли помочь ему ни лѣкаря, ни снадобья: онъ велъ жалкую жизнь, лежалъ въ безпамятствѣ, не ѣлъ и не пилъ, нѣсколько

мей даже не говорилъ ни одного слова, точно нѣмой; когда же приходилъ не много въ себя и болѣзненные дни не надолго перемежались, онъ чувствовалъ небольшое облегченіе и хотѣлъ говорить въ это время жалобнымъ голосомъ онъ звалъ къ себѣ убитаго имъ сына, Ивана.

Почувствовавъ себя не много лучше, послѣ этой тяжелой и сильной болѣзни, онъ пошелъ прогуляться къ женѣ своего сына Иринѣ (Irene Udovia): ему пришла охота изнасиловать ее, и сдѣлать съ нею прелюбодѣяніе; ничѣмъ другимъ она не могла спастись отъ него, какъ только крикомъ и воплемъ: на крикъ сбѣжалось много людей изъ домашней прислуги, мущинъ и женщинъ, что пристыдило его, и онъ вышелъ изъ комнаты, не говоря ни слова. А чтобы эта проказа осталась въ тайнѣ, онъ велѣлъ казнить всѣхъ, прибѣжавшихъ на помощь къ этой женщинѣ. У него было также намѣреніе либо выгнать изъ страны эту жену своего сына, либо велѣть убить ее, за тр что она не отдалась его неестественной похоти, уговаривалъ сына оставить ее и взять себѣ другую жену.

Но въ сынѣ было больше чести и справедливости, чѣмъ у отца, и онъ не согласился на это. Великій Князь дружески разговаривалъ съ своими думными Боярами и офицерами, называлъ ихъ лучшими друзьями, милыми братьями, родными, товарищами во всѣхъ, перенесенныхъ имъ, опасностяхъ, своимъ оплотомъ и отрадой. Они одни пособили ему занять и покорить Ливонію: это сдѣлалось, благодаря только ихъ храбрости и богатырскимъ подвигамъ; они усердствовали всячески для его отца и дѣда, они сдѣлали его и Великимъ Княземъ; съ ихъ вѣрною помощью и участіемъ онъ разбилъ Турокъ и Татаръ, завоевалъ Казань и Астрахань, пріобрѣлъ вѣчную славу.

Чувствуя себя со дня на день все слабѣе и безсильнѣе и не забывая, что люди смертны, онъ посылалъ платье, деньги, пищу и питье плѣнникамъ изо всѣхъ народовъ, съ просьбою молиться за него Богу, чтобы Онъ далъ ему здоровье и долгую жизнь. Если они будутъ дѣлать это съ усердіемъ, то онъ возвратитъ имъ свободу и позволитъ воротиться на родину.

Но и изъ всѣхъ ихъ не было никого, кто бы желалъ добра жестокому человѣку, за его неслыханныя страшныя дѣла: духовные и міряне, туземцы и иностранцы, всѣ глубоко ненавидѣли и не могли терпѣть его, по тому что въ немъ не было ничего человѣческаго, кромѣ наружности: живыхъ людей приказывалъ онъ рубить пополамъ и заставлялъ родителей ѣсть тѣла дѣтей ихъ. За то, когда плѣнныхъ надо было молиться о долгоденствіи Великаго Князя, они дѣлали со всѣмъ другое: радовались и веселились втайнѣ, изъ глубины сердца молились всемогущему Богу, чтобы Онъ, ради заслугъ Своего милосердаго Сына, Іисуса Христа, Его великихъ страданій и жестокой смерти, взялъ и уничтожилъ это ужасное чудовище, адскаго дракона и неистоваго тирана: это была ихъ усердная молитва, и этого страстно желали всѣ, старые и молодые. Богъ услышалъ ихъ молитву, по тому что

«Noctes atque dies patet atri janua ditis,
Sed revocare gradum, superasque evadere ad auras,
Hoc opus, hic labor est,»

говоритъ Виргилій. Болѣзнь развилась въ немъ такъ быстро и сильно, что внутренности, легкія и печень начали гнить, дѣторожныя части пожирались червями, и отъ него былъ ужасный запахъ; за нѣсколько дней до смерти три раза онъ былъ въ такомъ обморокѣ, что ничего не слыхалъ, не видѣлъ, лежалъ и днемъ и ночью точно мертвый, какъ будто Богъ на это время отсрочилъ наказаніе за его безчеловѣчныя дѣла. Пришедши въ себя, онъ съ печальнымъ лицомъ просилъ своего сына, Ѳедора, освободить нѣсколькихъ заключенныхъ, заслуживавшихъ смертную казнь за свои злодѣйства, признался откровенно, что потерпѣлъ за нихъ страшныя муки и истязанія въ одномъ мрачномъ и ужасномъ мѣстѣ.

Это страшное признаніе заставило сына отворить всѣ темницы и заключенія и освободить содержимыхъ въ нихъ, онъ приказалъ, чтобы по цѣлому городу было всеобщее молебствіе, чтобы Богъ даровалъ блаженный конецъ отцу его, котораго всѣ ненавидѣли и не могли терпѣть за его алчную скупость и жестокость; велѣлъ всѣмъ заключеннымъ раздавать подарки, кормить и поить ихъ, и обѣщалъ отпустить ихъ на родину, если только вымолятъ у Бога

хотя небольшое облегченіе отъ ужасной болѣзни, въ которой на ходился его отецъ. Но это было напрасно: правый Божій гнѣвъ раздраженіе сильнѣе всѣхъ людскихъ молитвъ, особливо, когда он не очень искренни и не отъ смиреннаго и сокрушеннаго сердц

Въ то время, какъ они отправляли свое наружное молені стрѣлы смерти коснулись въ другой разъ тирана: онъ отврат тельно пахнулъ, и въ другой разъ передъ смертью впалъ въ бе памятство, такъ что всѣ дивились; въ городѣ была глубокая т шина; терпѣливо ждали конца, по тому что никто не жалѣлъ В ликаго Князя, всѣ желали ему смерти, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучш Старики радовались, что они теперь будутъ свободны, дѣти уг шали плѣнныхъ родителей, что ихъ выпустятъ изъ долговреме наго заключенія: всѣ ожидали лучшаго. Видимъ, какъ справедл во изреченіе Цицерона въ «Целіи»: Tyranni nec diligunt, nec di guntur (тираны никого не любятъ, за то и ихъ не любитъ никто и Энній говоритъ:

«Quem metuunt, oderunt,
Quem odit quisque, periisse expetit.»

Когда Великій Князь очнулся опять, точно выбрался изъ ад онъ обратился къ сыну и сказалъ: «Отмѣни большіе налоги; под ти, пошлины и сборы, которые я безпрестанно умножалъ и н лагалъ на подданныхъ, для приращенія своихъ доходовъ, вознагр ди изъ Государственной казны людей, у которыхъ я силой от бралъ имущество и богатство, и возврати свободу всѣмъ бе исключенія плѣнными!» Но это раскаяніе и доброе предзнаме ваніе слишкомъ запоздало, по тому что «Sero sapiunt Phryges. Такъ долго проживъ въ своемъ безуміи и жестокосердіи, онъ про силѣ, однако жь, усердно сына исполнить его послѣднее моленіе продолжалъ: «Теперь я умираю и молю Бога, Св. Николая и С Георгія, чтобы они сдѣлали тебя Государемъ всего свѣта.»

Сказавъ это, онъ въ третій разъ впалъ въ безпамятство и съ великими вздохами и жалкимъ воемъ испустилъ духъ. Во дыри, шишки и нарывы прорвались, гной и мокрота обдали вс комнату страшно отвратительнымъ запахомъ; отъ этого яда слу жители должны были покинуть Великаго Князя и убраться отт

а: это случилось въ 1584 году, 28 Марта, на 56-мъ, съ семью мѣсцами, году его жизни. Нѣкоторые думаютъ, что его похоронили ъ большою пышностью въ церкви Св. Михаила, возлѣ его предовъ. Въ самомъ же дѣлѣ было не такъ: въ тотъ самый день, огда онъ скончался, тѣло его пропало и никто съ тѣхъ поръ е видалъ и не находилъ его. Сейчасъ же послѣ того освободили сѣхъ плѣнныхъ, и одарили ихъ подарками, тщательно поручивъ ъ молиться съ усердіемъ и отъ всего сердца Богу объ избаленіи Великаго Князя отъ такой необыкновенной погибели и объ ысканіи его тѣла, и какъ скоро оно отыщется, всѣхъ ихъ поярятъ опять, съ тѣмъ еще утѣшеніемъ, что имъ свободно будетъ хать на родину, или куда они пожелаютъ.

Но какъ этѣ жестокія мученія и страшная кончина назначены были Великому Князю, по гнѣву и опредѣленію Божію, то юди не получили его тѣла за свои суетныя молитвы: что съ воа упало, то пропало; его нигдѣ не отыскалось и не оказывалось, ю тому что за тяжкіе грѣхи и нехристіянскія дѣла слѣдуютъ суовыя и жестокія казни и удары.

Этотъ Великій Князь, Иванъ Васильевичъ, былъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія, дороденъ и толстъ, поворачивалъ глазами изъ стороны въ сторону, точно соколъ, былъ гордъ и надменъ, съ крѣпкою грудью, отваженъ и дерзокъ, хитеръ и лукавъ, имѣлъ маленькіе сверкающіе глаза, кривой, какъ у ястреба, ось, красноватое лицо и страшную наружность, какъ у сердитаго воина; онъ смѣялся только во время опасности и великаго йствія, по тому что какъ только надо было казнить жалкою ертію большое множество народа, онъ смѣялся и находилъ веселье и удовольствіе въ томъ. Отъ природы получилъ онъ смѣтливую и умную голову и хорошую память, такъ что могъ назвать по имени всѣхъ плѣнныхъ изо всякихъ народовъ.

Случилось разъ, что онъ освободилъ нѣсколько плѣнныхъ и обѣщалъ отпустить ихъ въ ихъ землю. Когда же хватился одного изъ нихъ, а Писарь не могъ сообщить ему объ этомъ ни какихъ свѣдѣній, онъ тотчасъ же велѣлъ жестоко казнить его.

Дѣлая кому ни будь милость и благодѣянія, онъ поступалъ при этомъ такъ ужь щедро и безъ всякой мѣры, что милости и

добротѣ его не было ни конца, ни предѣловъ; напротивъ, кого онъ ненавидѣлъ и гналъ кого ни будь, дѣлалъ это самымъ жестокимъ образомъ. Онъ самъ принималъ просьбы и прочитывалъ их самый послѣдній подданный свободно могъ подавать ему просьбу и жаловаться на свою нужду. Если правители и начальники дѣлали какую ни будь несправедливость и насиліе, ихъ тотчасъ и отыскивали его слуги и отводили въ судъ; когда же оказывалось и было вѣрно, что они дѣлали бѣднымъ людямъ обиды Великій Князь не только лишалъ ихъ всего имѣнія, но и жизни по тому что онъ такимъ образомъ старался умножать свои богатства и доходы, и не считалъ благоразумнымъ опредѣлять знатныхъ людей къ правительственнымъ и другимъ должностямъ. такихъ еще, которые больше искали собственной выгоды, нежели старались помогать и покровительствовать простолюдину. Онъ любилъ распространять предѣлы своего Царства, и до Шведской и Польской войны такъ возвысился и усился, что не онъ боялся непріятелей, а непріятели его боялись. Онъ былъ честолюбивъ, искалъ дружбы съ иностранными Державами, которыя находились въ большомъ отдаленіи отъ него, на примѣръ, съ Римскимъ Императоромъ, Царемъ Персидскимъ, Королемъ Англійскимъ и Папою Римскимъ, для того, чтобы пріобрѣсти и достать себѣ славное имя. Когда на войнѣ и въ другихъ дѣлахъ везло ему счастье, онъ былъ надмененъ, гордъ и напыщенъ, превозносился тѣмъ, и до того любилъ славу, что часто начиналъ безъ причины большія и трудныя войны, все изъ за одной славы, и думалъ днемъ и ночью, какъ бы превзойти славными дѣлами Александра Македонскаго. Для того рѣшился онъ пріучить слона, приланнаго ему въ подарокъ Царемъ Персидскимъ, чтобы онъ становился на колѣни, когда Великій Князь проходилъ мимо его съ своими Боярами и придворными. Съ этою цѣлью онъ много мѣсяцевъ соблюдалъ такое обыкновеніе: велѣлъ приводить къ себѣ слона рано утромъ и колоть его въ лобъ острымъ желѣзомъ, въ томъ мнѣніи, что слонъ благодаря такому множеству уколовъ до крови, пріучится кланяться ему. Много и долго бился онъ надъ этимъ глупымъ дѣломъ напрасно искалъ разсудка въ неразумномъ звѣрѣ: слонъ не научился преклонять колѣнъ и не хотѣлъ показывать себя почтительнымъ. Великій Князь прогнѣвался на него и велѣлъ изрубить въ куски.

Въ мирную пору, когда войны у него не было и онъ велъ
нь спокойную и сластолюбивую жизнь, его время проходило
ь охотѣ, игрѣ, пляскѣ, распутствѣ и ужасныхъ зрѣлищахъ. На
вѣ и охотѣ онъ пользовался совсѣмъ не тѣмъ способомъ,
къ другіе Князья и Государи: эти держатъ для того великое
ожество охотниковъ, лошадей, борзыхъ и гончихъ собакъ, ве-
ки, силки, сѣти и другія подобныя вещи, чтобы охотою до-
вить движеніе тѣлу, разогнать унылые и черныя мысли, полу-
ть разное удовольствіе и разсѣяніе, истреблять разныхъ вред-
ыхъ звѣрей; они ловятъ кабановъ, волковъ, медвѣдей, оленей, ко-
лей, лосей, ланей, серн, лисицъ и всякую дичь, либо на одеж-
и пищу, либо для жилища и покоя человѣка. А Великій Князь
росалъ бѣдныхъ плѣнниковъ на травлю самымъ злымъ медвѣдямъ,
когда они нѣкоторыхъ терзали въ куски, онъ смотрѣлъ на это
удовольствіемъ и жадностью. За нѣсколько мѣсяцевъ до кон-
ны, для развлеченія въ своей трудной, душевной и тѣлесной,
лѣзни, онъ велѣлъ взять изъ заключенія множество плѣнныхъ
я боя съ медвѣдями, и глядѣлъ изъ окошка въ поле, какъ они
ражались, и какъ народъ разбѣгался въ разныя страны. Между
лѣнными былъ также одинъ сильный Полякъ, который на ходу
ватилъ камень, не очень большой, и когда напалъ на него о-
ромный и страшный медвѣдь, онъ сунулъ ему этотъ камень въ
рло, ухватилъ его за языкъ и держалъ такъ крѣпко, что мед-
дь скоро задохся. Увидавъ это, Великій Князь освободилъ По-
ка, и сдѣлалъ ему еще подарокъ.

Великій Князь съ большимъ удовольствіемъ игралъ въ шашки
карты; если кто игралъ въ эту игру искуснѣе и находчивѣе
го, онъ приказывалъ того казнить, либо отрубать у него всѣ
лены, отрѣзывать уши, носъ и губы. Для избѣжанія такой награ-
ы, нѣкоторые охотно давали ему выигрывать: тогда онъ прика-
ывалъ бить и сѣчь ихъ кнутомъ, какъ лѣнивыхъ и неловкихъ
дей. Такъ же, которые не хотѣли играть съ нимъ, онъ велѣлъ
бивать, подъ предлогомъ, что у нихъ опасные замыслы про-
въ него.

Въ блудныхъ дѣлахъ и сладострастіи онъ перещеголялъ всѣхъ.
По своему обыкновенію, часто насиловалъ самыхъ знатныхъ жен-
щинъ и дѣвицъ, а послѣ того отсылалъ ихъ къ мужьямъ и ро

дителямъ.. Когда же онѣ сколько ни будь давали замѣтить, чт
дѣлали это и блудничали съ нимъ неохотно, онъ, опозоривъ, от
свѣлалъ ихъ домой и приказывалъ вѣшать нагихъ надъ столам
за которыми обѣдали ихъ родители и мужья; этѣ не могли н
обѣдать, ни ужинать въ другомъ мѣстѣ нигдѣ, если не хотѣл
распрощаться съ жизнію такимъ же плачевнымъ образомъ. А тр
пы должны были висѣть до тѣхъ поръ, пока мужья и родны
по усильному ходатайству и заступничеству, не получали позв
ленія снять ихъ и похоронить. Онъ всегда мѣнялся любовницам
съ своимъ сыномъ, Иваномъ. Случилось разъ, что сынъ его д
сталъ себѣ любовницу чрезвычайно красивую и гордую; когд
же другія женщины и дѣвицы стали подтрунивать и смѣяться
надъ нею, что она прогуляла свой дѣвическій вѣнокъ и повѣс
лась на шею молодому Князю, она разобидѣлась, съ плачемъ
горькими жалобами сказала объ этомъ Князю и просила отмсти
за этѣ насмѣшки и поношенія, а то женщины всѣ будутъ наси
хатся и ломаться надъ ней. Онъ обѣщался отплатить за это не
руганіе и безчестье и при случаѣ разсказалъ о томъ отцу: Вел
кій Князь такъ разсердился и такъ горячо принялъ это, что ду
малъ было перебить всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ въ Москвѣ. Н
Совѣтники, Князья и Бояре упросили его бросить это; однако ж
онъ страшно раздѣлался съ женщинами и зло наругался над
ними: велѣлъ привести нѣсколько сотъ ихъ въ Кремль и раз
дѣтъ до нага, въ присутствіи своихъ сыновей, совѣтниковъ и всѣ
придворной челяди: такъ онѣ и должны были разгуливать такъ
въ сильную стужу, по глубокому снѣгу. Потомъ онъ обратился к
любовницѣ сына и сказалъ: «Теперь и ты въ свою очередь потѣш
себя этѣмъ зрѣлищемъ и посмѣйся надъ тѣми, которыя насмѣя
лись надъ тобою!» Нѣкоторыхъ велѣлъ онъ до смерти засѣчь роз
гами, и тѣла ихъ бросить медвѣдямъ.

Сперва онъ очень любилъ иностранцевъ, особливо Нѣмцевъ,
и ввѣрялъ имъ свои замки и крѣпости: это очень огорчило Рус
скихъ, и они жаловались ему. Но онъ сказалъ въ отвѣтъ, что это
справедливо и должно такъ быть, по тому что Нѣмцы храбры и
неустрашимы, рыцарски сражаются съ непріятелемъ, не падаютъ
духомъ и не такіе свиные пастухи, какъ Московскіе ратные лю-
ди. Но Ливонскіе Бароны, Иванъ Таубе и Элертъ Крауссе, не

сдержали данной ему клятвы и не исполнили обѣщаній относительно Ливоніи, сколько ни желали, для чего и вели интриги въ Куроніи и Ливоніи, однако жь бѣжали отъ Великаго Князя: съ тѣхъ поръ Нѣмцы сдѣлались для него подозрительны и уже не были въ прежнемъ высокомъ почетѣ. Хотя онъ и не такъ ужь много вѣрилъ имъ, но все же поступалъ хорошо и честно съ тѣми Нѣмцами, которые жили въ Москвѣ и служили ему, давалъ имъ жалованье и необходимое содержаніе: тѣмъ они и жили и не терпѣли ни какой нужды. Такимъ образомъ они получили и позволеніе построить, въ четверти мили отъ города, малую деревянную церковь, въ которой ихъ собственные проповѣдники учили чистой Лютеранской Вѣрѣ и проповѣдывали ее.

Какъ ни былъ онъ жестокъ и неистовъ, однако жь не преслѣдовалъ и не ненавидѣлъ за Вѣру ни кого, кромѣ Жидовъ, которые не хотѣли креститься и исповѣдывать Христа: ихъ онъ либо сожигалъ живыхъ, либо вѣшалъ и бросалъ въ воду. По тому что обыкновенно говорилъ, что ни какой Царь, Князь, или Король, не долженъ довѣрять этѣмъ людямъ, или щадить тѣхъ, которые предали и убили Спасителя міра.

Изъ этого ясно можно усмотрѣть, замѣтить и узнать, что въ то самое время Великій Князь позволилъ иностранцамъ въ Москвѣ проповѣдывать Лютеранское ученіе, и что они выстроили церковь и имѣли собственныхъ проповѣдниковъ, которые провозглашали въ ней спасительное слово Божіе въ чистомъ и неповрежденномъ видѣ, во всѣхъ членахъ Аугсбургскаго исповѣданія: все это согласно и съ вышедшими сочиненіями высокоученыхъ людей, на примѣръ, Сигизмунда Герберштейна, Давида Хитрея, Павла Одоборнія; объ этомъ довольно также свѣдѣтельствуетъ безчисленное множество другихъ, бывавшихъ въ Москвѣ. По тому и не могутъ быть справедливы слова одного лица, написавшаго въ своемъ надгробномъ словѣ, будто Каспаръ Фидлеръ первый выхлопоталъ у Великаго Князя, чтобы проповѣдуема была Лютеранская Вѣра, въ первый разъ при этомъ Государѣ въ Россіи, и что Фидлеръ же былъ и строителемъ и покровителемъ этой церкви. Какъ до него, такъ и послѣ того времени, у Нѣмцевъ были собственные проповѣдники не только въ Москвѣ, но въ Тулѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Казани и другихъ мѣстахъ. Впрочемъ, я долженъ сознаться, что, по

случаю ежедневнаго умноженія Нѣмцевъ, Король Густавъ, сынъ Эрика XIV, только послѣ большихъ стараній и просьбъ добился у Великаго Князя, Бориса Годунова, позволенія сломать старую церковь и на мѣсто ея построить новую больше и лучше. Всѣ оказывали пособіе этому дѣлу и жертвовали деньгами, по средствамъ и состоянію каждаго, а именно: выше названный Государь Густавъ 100 талеровъ, каждый изъ Докторовъ по 40, потомъ и всѣ другіе, Дворяне и не Дворяне, смотря по своему жалованью отъ Великаго Князя и по расположенію къ слову Божію. Тогда у Великаго Князя было 5-ть Докторовъ Медицины: Христофоръ Ритингъ, Вентерецъ, по своему искуству и опытности архіатеръ и главный изъ нихъ, потомъ другіе, именно: Каспаръ Фидлеръ изъ Пруссіи, Іоаннъ Гилькенъ изъ Ливоніи, Давидъ Фасманъ и Генрихъ Шрёдеръ изъ Любека, все превосходные и ученые люди.

Вышепомянутый Великій Князь Иванъ Васильевичъ при своей жизни не только считался у подданныхъ земнымъ богомъ, но и Великимъ Княземъ, Царемъ и Верховнымъ Священникомъ или Папой: когда случались трудныя и важныя дѣла, а его совѣтники, судьи и Бояре не въ силахъ были рѣшить и исправить ихъ, они говорили точно также, какъ и нынѣ говорятъ Русскіе: «Богъ и Великій Князь, которые могутъ обсудить и рѣшить всякое дѣло, обсудятъ и обдумаютъ и это и дадутъ правое рѣшеніе.» Отъ того-то худо ли, хорошо ли скажетъ Великій Князь, они приписывали это Божественному Провидѣнію, по тому что онъ давалъ знать простому варварскому народу, что въ сновидѣніи бесѣдуетъ съ Святыми, и чрезъ это пріобрѣталъ себѣ больше значенія у подданныхъ: они тѣмъ болѣе уважали и боялись его. Онъ обыкновенно самъ служилъ обѣдню и такъ прекрасно и благоговѣйно исправлялъ всѣ церковные обряды, что лучше его не исправить ни какому Священнику, или монаху.

У него было семь женъ: съ первой прижилъ онъ двухъ сыновей, Ивана и Ѳедора: Ивана убилъ онъ самъ своей палкой; Ѳедоръ же наслѣдовалъ ему въ правленіи; съ послѣднею прижилъ также сына, по имени Димитрія, умерщвленнаго Борисомъ Годуновымъ въ городѣ Угличѣ, отъ чего произошло великое возмущеніе и страшное кровопролитіе, о чемъ послѣдуетъ дальше. Этого и достаточно будетъ сказать о жизни Великаго Князя, дѣлахъ его и страшной

жестокости. Желающій знать болѣе объ ужасныхъ его злодѣйствахъ, пусть читаетъ Павла Одоборнія и посовѣтуется съ нимъ, чтобы получить свѣдѣнія о томъ полнѣе и подробнѣе.

По смерти этого безчеловѣчнаго тирана, въ странѣ происходило что-то необыкновенное: Богданъ Бѣльскій, сдѣланный покойнымъ Княземъ опекуномъ дѣтей его, былъ сильный Бояринъ, съ весьма большимъ значеніемъ и богатствомъ; онъ охотно хотѣлъ устранить этѣхъ дѣтей и самъ сдѣлаться Великимъ Княземъ; для чего привлекъ къ себѣ многихъ приверженцевъ, набралъ много народа и укрѣпился въ Кремлѣ; но это сильно раздосадовало Князей страны и весь народъ, которые очень были недовольны, что опять подвергнутся игу и службѣ ужаснаго тирана, отъ котораго только что освободились: жестокость и великая надменность Бѣльскаго были довольно извѣстны Москвитянамъ.

Для того всѣ они, высшаго и низшаго званія, собравшись вмѣстѣ, выбрали единодушно своимъ Государемъ и Великимъ Княземъ Ѳедора Ивановича, осадили Кремль, поставили передъ нимъ нѣсколько большихъ пушекъ, и такъсиль но обстрѣливали его во многихъ мѣстахъ, что въ немъ было много убитыхъ; ратные люди Бѣльскаго въ ужасѣ оставили крѣпость и покинули своего повелителя; отъ того онъ и долженъ былъ заключить договоръ съ непріятелемъ, сдать Кремль и противъ воли согласиться на все, что сдѣлали въ это время другіе.

По тому-то Ѳедоръ Ивановичъ и принялъ по смерти отца Великокняжескій вѣнецъ, на 22 году возраста, въ Москвѣ, въ церкви Св. Маріи, 31-го Іюня (?), 1584 года. Это былъ Государь средняго роста, бѣлый лицемъ, благочестиво воспитанный. Супруга его была родная сестра Бориса Ѳедоровича Годунова, Ирина (Udovia, Годунова?); онъ имѣлъ отъ нея много сыновей и дочерей, умиравшихъ при самомъ рожденіи (?). Тотчасъ же послѣ того, какъ принялъ вѣнецъ и правленіе, онъ далъ свободу всѣмъ плѣннымъ и избавилъ подданныхъ отъ большихъ тягостей, повинностей и податей, какъ приказалъ ему на смертномъ одрѣ отецъ.

Все пошло какъ-то странно и мудрено въ странѣ: между подданными смуты и возмущеніе; война съ Шведскимъ Королемъ; съ Польшею надо было снова потверждать перемиріе; приходилось

вести переговоры и начинать многія важныя дѣла съ другими Государствами, а новоизбранный и вѣнчанный Великій Князь не такъ чтобы очень годился и былъ способенъ къ такимъ знатіямъ: отъ природы простоватый и тупоумный, онъ не имѣлъ большой охоты заниматься Государственными дѣлами и приводить въ лучшій порядокъ управленіе, но находилъ свою отраду въ образахъ и духовныхъ дѣлахъ, иногда бѣгалъ самъ по церквамъ, благовѣстилъ и звонилъ въ колокола, когда народу надобно собираться къ богослуженію и слушать обѣдню: отецъ часто упрекалъ его въ томъ, говоря, что онъ больше походитъ на Понамарскаго, чѣмъ на Великокняжескаго, сына.

Когда онъ совѣтовался съ своими знатнѣйшими Боярами и Думцами, какъ лучше приняться за управленіе и устроить его, всѣ единогласно рѣшили, что шуринъ его, Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ (Gudenovv), бывшій тогда Государственнымъ Конюшимъ, долженъ управлять вмѣстѣ съ нимъ, по тому что это былъ смѣтливый, благоразумный и осторожный Бояринъ, но чрезвычайно лукавый, плутоватый и обманчивый, то есть, настоящій Русскій, и виновникъ паденія и гибели Русскихъ. Великій Князь и думные Бояре тотчасъ же позвали его въ залу; Государь всталъ, повѣсилъ ему на шею золотую цѣпь и сказалъ: «Шуринъ Борисъ! Этою цѣпью я, Ѳедоръ Ивановичъ, Царь и Великій Князь всея Руси, беру тебя въ должность къ себѣ и дѣлаю наряду съ собою правителемъ Царства, съ тѣмъ уговоромъ и условіемъ, чтобы ты взялъ съ моей шеи на свою трудное и великое бремя правленія, рѣшалъ всѣ малыя тяжебныя дѣла въ моей землѣ, по своему крайнему разумѣнію и благоразумію, а большія и важныя, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, предлагалъ и подносилъ мнѣ, а безъ воли и вѣдома моего не дѣлалъ и не рѣшалъ ничего, по тому что я вѣнчанный и помазанный Царь и Великій Князь.»

Такъ Борисъ Ѳедоровичъ сдѣлался правителемъ, правилъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, и несъ свою должность съ такимъ усердіемъ и благоразуміемъ, что многіе дивились тому и говорили, что не было ему равнаго во всей странѣ по смышлености, разуму и совѣту, и прибавляли еще, что, буде Великій Князь умретъ безъ наслѣдниковъ, а сводный братъ его, молодой Димитрій, также оставитъ здѣшнюю жизнь, никого изъ Бояръ и Князей въ странѣ не

будетъ способнѣе и пригоднѣе въ Великіе Князья, кромѣ этого Бориса Ѳедоровича. Когда такія рѣчи стали вездѣ ходить по Москвѣ и, благодаря наушникамъ и лазутчикамъ Бориса, сдѣлались извѣстны ему, онъ принялъ ихъ къ свѣдѣнію: опираясь на это средство, сталъ онъ придумывать и ухищряться, какъ бы ему всего удобнѣе погубить и искоренить Великокняжескій родъ и семейство, и самому, съ друзьями и потомками, возвыситься до Великокняжескихъ почестей верховной власти и величія.

Теперь на него не было ни какихъ подозрѣній, никто и не замѣчалъ его происковъ, какъ ни сильно старался онъ, къ какимъ ни прибѣгалъ хитростямъ и пронырствамъ, чтобы присвоить себѣ правленіе и добиться скитетра и короны. Его сестра, Великая Княгиня, была безплодна и совсѣмъ не родила дѣтей, а у Русскихъ былъ такой обычай и законъ, что когда у Великаго Князя, или какого ни будь простаго Боярина, гражданина, или Дворянина, жена безплодна и не могла раждать дѣтей, онъ имѣлъ право развестись съ нею, съ вѣдома Патріарха, Епископовъ и монаховъ, отослать ее, въ качествѣ монахини, въ монастырь и взять себѣ другую.

По тому-то Московскія власти и простой народъ и приняли намѣреніе отправить въ монастырь Великую Княгиню, выбрали, вмѣсто ея, сестру Князя Ѳлора Ивановича Zizlphouschis, * родственницу Великаго Князя, самаго знатнаго рода въ странѣ, и хотѣли ее выдать за него замужъ. Но Борисъ думалъ совсѣмъ другое: онъ хитро предупредилъ это, и втайнѣ съ Патріархомъ, имѣвшимъ главный голосъ въ этомъ дѣлѣ, устроилъ такъ, чтобы онъ не разрѣшалъ развода и новаго брака. Въ числѣ другихъ причинъ привелъ и ту, что если Великій Князь приживетъ съ другой женой наслѣдника, а молодой Димитрій, который еще живъ и здоровъ, придетъ въ возрастъ, отъ того произойдутъ великое возмущеніе, война и кровопролитіе. Патріархъ убѣдился этимъ, сговорился съ Борисомъ, и оба они устроили такъ, что вышеназванная невѣста была тайно увезена изъ дома: ей обстригли волосы, сдѣлали ее монахиней и сослали въ монастырь, откуда она

* Мстиславскаго; см. Карамзина Ист. Гос. Росс.

никогда не могла выйти, пока была въ живыхъ. Противъ этого никто не смѣлъ и пикнуть, надо было держать себя смирно, по тому что такъ рѣшили Патріархъ и Борисъ, въ рукахъ которыхъ находилось главное управленіе.

Когда же этотъ замыселъ имѣлъ счастливый успѣхъ, Борисъ приказалъ тщательно развѣдать, чѣмъ занимается въ Угличѣ Князь Димитрій, къ чему имѣетъ природное расположеніе, какъ держитъ себя на словахъ и въ поступкахъ, въ нравахъ и пріемахъ.

Но по словамъ и дѣтскимъ играмъ Димитрія было замѣтно, что въ немъ крылась жестокая натура, вліяніе отца, особливо когда онъ чѣмъ ни будь занимался и игралъ съ своими мальчиками. Однажды, забавляясь въ зимнюю пору на льду съ Дворянскими дѣтьми, онъ велѣлъ надѣлать изъ снѣга и льда нѣсколько человѣческихъ статуй, потомъ каждой фигурѣ далъ имя какого ни будь Московскаго Князя и большаго Боярина и сказалъ: «Вотъ этотъ Князь, это Намѣстникъ, это думный Бояринъ, это Канцлеръ, это Казначей, это Борисъ,» и такъ дальше до 20-ти человѣкъ. Послѣ того велѣлъ принести саблю и молвилъ: «Когда буду Великимъ Княземъ, тогда вотъ что сдѣлаю съ большими Боярами», и сперва срубилъ голову у фигуры, представлявшей Бориса Годунова, потомъ у другой руку, у третьей бедро, четвертую закололъ, и такъ далѣе, одну за другою, пока ни одной не осталось. Онъ обнаружилъ въ этой забавѣ свою природную склонность, по тому что

«Urit mature quod vult urtica manere.»

Годъ поживетъ — рогъ наживетъ, два поживетъ — два наживетъ, а три проживетъ — и хозяина сбодетъ (буквально: что хочетъ быть крючкомъ, то скоро закривляется). Отъ того-то Борисъ, сильно желавшій Царскаго вѣнца, и сталъ придумывать, какъ бы заблаговременно сбыть съ рукъ молодаго Князя; по тому что не онъ одинъ, а и многіе другіе Бояре боялись, что Димитрій будетъ весь въ отца по тираніи и жестокости, и всѣ желали, чтобы онъ во время еще отправился въ могилу. Борисъ склонилъ и уговорилъ четырехъ Дворянскихъ дѣтей, придворныхъ Димитрія, ежедневно прислуживавшихъ молодому Князю, подкупилъ ихъ деньгами и, кромѣ того, наобѣщалъ имъ большихъ помѣстьевъ съ крестьянами, если они, какъ Іуда, измѣнятъ своему Господину и

бьютъ его. Они сдѣлали это вотъ какимъ образомъ: однажды ночью подожгли дворецъ, когда же онъ началъ горѣть, и всѣ были въ испугѣ и сиятеніи, измѣнники бѣгомъ побѣжали ко дворцу, разбудили Димитрія, зная его привычку вставать съ постели и смотрѣть, какъ горѣло и какъ народъ тушилъ огонь.

Когда онъ всталъ съ постели и сошелъ изъ дворца по лѣстницѣ, четыре вѣроломные Дворянина напали на него, закололи его длинными, отравленными, ножами и побѣжали въ Москву къ Борису, думая получить отъ него большіе милости и подарки за свою вѣрную службу.

Но Борисъ опасался, чтобы не огласилось это коварное дѣло: онъ велѣлъ умертвить этѣхъ убійцъ такимъ же четверымъ злодѣямъ, подкупленнымъ для того деньгами и обѣщаніями, и тайкомъ поджечь во многихъ мѣстахъ Москву, чтобы сгорѣло до сотни дворовъ, и жители не слишкомъ много были бы озабочены смертью убитаго Государя, а больше бы тужили и жалѣли о своемъ собственномъ несчастьи и убыткѣ. Когда пожаръ въ Угличѣ былъ потушенъ, и граждане узнали, что Князь Димитрій зарѣзанъ, они побѣжали во дворецъ и, въ раздраженіи и гнѣвѣ, перебили всю прислугу убитаго, опасаясь, что всѣмъ имъ придется раздѣлываться за молодаго Князя.

Но Борисъ, завѣдывавшій правленіемъ, не удовольствовался тѣмъ: онъ принялъ очень печальный и озабоченный видъ по случаю этого убійства, прикинулся сильно разгнѣваннымъ, чтобы не могли быть замѣчены его происки, наказалъ утопленіемъ, мечемъ и темницей Углицкихъ гражданъ и купцовъ (которыхъ пожаръ и то уже лишилъ домовъ, дворовъ и всего состоянія), и множество ихъ отправилъ въ ссылку въ Сибирь. Онъ притворился, что смерть молодаго Князя глубоко трогаетъ его, плакалъ и рыдалъ передъ народомъ, а сердце прыгало у него отъ радости и удовольствія. Чтобы всѣ въ странѣ знали о смерти Князя, вмѣстѣ съ своими служителями и молодыми Дворянами, онъ отправилъ одного очень знатнаго Князя и Думцу, Василія Ивановича Шуйскаго (Zuski), бывшаго послѣ Великимъ Княземъ, и велѣлъ ему тщательно осмотрѣть, истинный ли это Димитрій, или нѣтъ; если окажется истиннымъ, они должны съ почестью и покняжески по-

хоронить его, какъ водится, а дворецъ, какъ мѣсто убійства, сломать. Такъ погубленъ и убитъ былъ истинный Димитрій, родной сынъ Ивана Васильевича, отъ Маріи Ѳедоровны Нагой (Uagai), на 9-мъ году возраста: это было причиною великихъ убійствъ и кровопролитія, какъ увидимъ далѣе.

Послѣ того, какъ Димитрій былъ устраненъ, и Борису нечего было опасаться, что онъ будетъ ему помѣхою въ его замыслѣ, правитель обратилъ всѣ свои соображенія и усердныя старанія къ тому, чтобы установить миръ и согласіе между Россіею и Швеціею, и чрезъ то получить еще большее значеніе въ странѣ и внушить простому народу больше покорности и добраго расположенія къ себѣ; по тому что, когда всѣ въ странѣ будутъ смирны и согласны, всякой станетъ жить въ мирѣ и спокойствіи, ни какихъ непріятелей, ни внутреннихъ, ни иноземныхъ, не будетъ, тогда удобнѣе и лучше можетъ онъ вести далѣе и исполнить свой замыслъ. По заключенію мирнаго договора съ Швеціею при Тирѣ (Тявзинѣ), въ 1594 году, Великій Князь, Ѳедоръ Ивановичъ, жилъ не долго. Послѣ 12-ти лѣтняго царствованія, онъ умеръ въ 1597 году, и нѣкоторые думаютъ, что Борисъ далъ ему яду.

Когда онъ лежалъ больной и боролся съ смертію, вошла къ нему Государственная Дума и спрашивала: кому, по кончинѣ его, быть Великимъ Княземъ, по тому что Димитрій убитъ и больше никого нѣтъ наслѣдниковъ? Онъ отвѣчалъ, что Государемъ будетъ тотъ, кому, при своей кончинѣ, отдастъ онъ скипетръ. Между тѣмъ Великая Княгиня, сестра Бориса, уговаривала Ѳедора вручить скипетръ брату ея, до сихъ поръ хорошо и усердно правившему страною. Но Великій Князь, чувствуя свой близкій конецъ, и надѣвъ, по Русской Вѣрѣ, монашескій клобукъ, отдалъ скипетръ своему близкому другу, Ѳедору Никитичу Романову; этотъ, однакожь, не взялъ его, и подвинулъ, вмѣсто себя, другаго своего брата, Александра, этотъ третьяго, Ивана, тотъ четвертаго, Михаила, послѣдній опять какого-то знатнаго Князя; ни кому не хотѣлось предупреждать другаго; это досадно стало Великому Князю: онъ бросилъ скипетръ и сказалъ: «Пусть же беретъ его, кто хочетъ и можетъ!» Тогда Борисъ, не званый и не прошеный, взялъ его себѣ. Великій Князь послѣ того скончался, и на другой день былъ

охороненъ въ церкви Св. Михаила, возлѣ своихъ предковъ, дру-
ихъ Великихъ Князей.

Когда Ѳедоръ Ивановичъ былъ похороненъ, а Борисъ взялъ
ебѣ скипетръ, другіе большіе Бояре и Русскіе Князья сильно до-
адовали на правителя, порочили его въ народѣ, говорили съ
коризною объ его низкомъ происхожденіи, о томъ, что не ему
лѣдуетъ носить вѣнецъ и скипетръ и царствовать, а другому, изъ
ревняго Великокняжескаго рода. Но это ни сколько не помогло
имъ: вдова Великаго Князя, сестра Бориса, Ирина Ѳедоровна,
ыла очень хитра и ловка въ своихъ происках и затѣяхъ; она
орошо помнила, что куда подается большинство, туда потянутся
а нимъ и всѣ, и что всегда одинъ слѣдуетъ за другимъ, гораз-
о его умнѣе, точно животное за идущимъ впереди стадомъ, бо-
ѣе по привычкѣ, нежели по догадкѣ и съ разсчетомъ. Большими
бѣщаніями и подарками она тайно склонила Полковниковъ и Ка-
итановъ, чтобы они уговорили подчиненныхъ себѣ воиновъ по-
авать голоса въ пользу ея брата, преимущественно предъ всѣми
ругими, когда позовутъ ихъ на избраніе Великаго Князя, такъ
акъ братъ ея всегда заботился о пользѣ и благѣ подданныхъ, да
ъ томъ же духѣ и правилъ страною; подобнаго ему не сдѣлалъ
реждe ни одинъ Великій Князь. Этого онъ никогда не забу-
детъ и предоставитъ пользоваться тѣмъ, если только они окажутъ
ему надлежащую помощь въ его дѣлѣ.

Точно такъ же она вела тайные происки со многими знат-
ыми монахами и попами по всей странѣ, даже со вдовами и си-
отами, которымъ Борисъ, во время своего управленія, пособилъ
ыиграть и привести къ концу долговременныя ихъ тяжбы, со
ногими Боярами, Дворянами и купцами, которые, благодаря боль-
имъ обѣщаніямъ и подаркамъ, должны были уговаривать своихъ
одчиненныхъ, чтобы выбирали въ Великіе Князья ея брата. Это
имѣло счастливый успѣхъ. Какъ скоро шесть недѣль печали про-
шли, всѣ сословія, высшія и низшія, духовныя и гражданскія, со-
брались въ Москву, для единодушнаго избранія Великаго Князя.
Борисъ Ѳедоровичъ вошелъ въ собраніе Государственныхъ сосло-
вій, положилъ скипетръ, сложилъ правленіе и притворился, что
не имѣетъ ни желанія, ни охоты управлять дольше, или быть Ве-

ликимъ Княземъ: Князья и большіе Бояре дивились, не зная, что кроется тутъ.

Съ тѣмъ Борисъ Ѳедоровичъ и ушелъ, а Князья и Бояре стали разсуждать между собою, кто всѣхъ достойнѣе и способнѣе быть Великимъ Княземъ: одинъ указывалъ на другаго, третій на четвертаго. Когда они предложили кого-то и хотѣли подавать голоса, для чего позвали и Дворянъ, вышелъ одинъ старикъ, хорошо знавшій, къ чему клонится дѣло, и сказалъ, отъ имени всѣхъ другихъ: «Господа Князья и думные Бояре! Дѣло, которое теперь рѣшается, принадлежитъ не одному сословію, а всѣмъ вообще, духовнымъ и свѣтскимъ, высшимъ и низшимъ въ странѣ: что всѣ они единодушно положатъ и найдутъ лучшимъ, на то и мы дадимъ свое согласіе и голосъ.» По тому всѣ сословія и собрались вмѣстѣ, духовныя и свѣтскія: они шумѣли и кричали въ одинъ голосъ, такъ что раздавалось въ воздухѣ, говоря: «Много знатныхъ Князей и Бояръ въ странѣ, а мудраго и разсудительнаго Великаго Князя нѣтъ между ними. Борисъ Ѳедоровичъ будетъ добродѣтельнымъ и благоразумнымъ Государемъ: онъ долго и вѣрно служилъ Отечеству и правилъ имъ такъ, что всякому оказывалась справедливость, богатому и бѣдному, всѣмъ управлялъ, распоряжался, велъ такъ умно переговоры, чего до него никто не дѣлалъ, сколько ни существуетъ Русское Царство. А потому они всѣ и придумали выбрать и имѣть Великимъ Княземъ только его, и никого другаго.» Этотъ крикъ не со всѣмъ-то пріятно отозвался въ ушахъ многихъ Князей и Бояръ, но надо было по неволѣ слушать и сдерживать себя. Послали за Борисомъ, но онъ отказался прійти, не хотѣлъ соглашаться на ихъ выборъ и быть Великимъ Княземъ, мастерски съумѣлъ притвориться, удалился въ монастырь, къ сестрѣ, вдовѣ Великаго Князя, за малую полумилю отъ Москвы, желая посовѣтоваться съ ней, какъ поступить въ этомъ дѣлѣ? Не сдѣлаться ли ужь ему монахомъ, не постричься ли въ монастырѣ, чтобы никто не подумалъ, что онъ искалъ Царскаго вѣнца? Со всѣмъ тѣмъ, еще до отъѣзда изъ Москвы, онъ наказалъ своимъ лучшимъ друзьямъ и клевретамъ, чтобы они не щадили трудовъ для подъущенія черни, чтобы она не зѣвала въ этомъ дѣлѣ и не мѣшкала долго, но поскорѣе приводила бы его къ концу, прежде чѣмъ Борисъ успѣетъ выстричь

:ебѣ плѣшину. По томъ уже будетъ поздно, и по всей Руси нель- ія будетъ найти Государя, подобнаго ему по добродѣтели, му- кеству и способностямъ.

Отъ этого-то великій шумъ и гамъ поднялся между простымъ ародомъ; Бояре принуждены окончить совѣщаніе, пойти, вмѣстѣ ъ чернью, къ монастырю и поступить, какъ будетъ нужно и юлезно для этого дѣла.

Когда сословія собрались и единодушно положили, что не отятъ имѣть Великимъ Княземъ никого другаго, кромѣ вышепомя- утаго Бориса, отправились къ монастырю самые старые сѣдоборо- ые старики изъ монаховъ и Священниковъ, Князей и Дворянъ, Боярскихъ дѣтей и воиновъ, гражданъ и купцовъ, и желали го- ворить съ Борисомъ. Но онъ не пустилъ ихъ къ себѣ, а велѣлъ имъ сказать, чтобы они не просили его въ Великіе Князья: они ичего не возьмутъ своими просьбами; онъ довольно послужилъ же міру, наскучилъ и утомился трудным правленіемъ, и хочетъ еперь покоя и тишины. Но тутъ народъ сталъ кричать такъ ромко, что раздавалось въ небѣ:

«Окажи намъ милость, Государь, Борисъ Ѳедоровичъ, смилуй- ся надъ нами, разсѣянными и безгосударными, не потяготись быть нашимъ Великимъ Княземъ!» Они не переставали кричать до тѣхъ поръ, пока онъ не показался: благодарилъ ихъ за предло- женную честь и указывалъ на знатныхъ Князей и большихъ Бо- яръ, знаменитѣе его родомъ, умнѣе и разсудительнѣе его. Но они не хотѣли слушать ни какихъ убѣжденій, упрямо стояли на своемъ, пали лицемъ на земь, по временамъ поднимаясь и вопили:« Сми- луйся надъ нами, Государь, Борисъ Ѳедоровичъ, послушайся насъ и будь нашимъ Великимъ Княземъ!» Онъ притворился, будто не слышитъ, и ушелъ опять въ монастырь. Безнадежные, пошли они въ городъ, и послали нѣсколько тысячь малютокъ, которые на другой день подошли къ монастырю, начали жалобно причи- тать и горько рыдать, чтобы онъ склонился: «Смилуйся, надъ на- ми, Государь, Борисъ Ѳедоровичъ, смилуйся и выслушай насъ милостиво: если не хочешь оказать милости нашимъ родителямъ, окажи милость намъ и будь нашимъ Великимъ Княземъ! Отцы наши, можетъ быть, сдѣлали тебѣ какое ни будь зло и провини-

лись передъ тобою, по тому что ты не хочешь слушать ихъ просьбы; но мы не виноваты и не сдѣлали тебѣ ни какого худа; будь же Государемъ и Великимъ Княземъ надъ этѣмъ большимъ народомъ: земля наполнена заблудшими овцами, не имѣющими пастыря. Ради Бога, будь нашимъ пастыремъ! Богъ наградитъ тебя за то.»

Послѣ такихъ жалостныхъ причитаній, Борисъ явился къ нимъ въ другой разъ съ сестрою, вдовою Ѳедора Ивановича, и отказался быть Великимъ Княземъ. Тогда дѣти обратили свои мольбы и вопли къ его сестрѣ: пусть она сжалится надъ заблудшими овцами, упроситъ, уговоритъ брата не отвергать ихъ, а принять въ свою милость и быть у нихъ Великимъ Княземъ. Она упрашивала его склониться на просьбы и дать добрый отвѣтъ опечаленному народу; тогда онъ обратился къ дѣтямъ и сказалъ: «Видя и зная, что множество народа изъ всѣхъ сословій утруждаетъ здѣсь себя безпрестанными мольбами и просьбами, узнаю изъ того волю Божію на то, чтобы быть мнѣ Государемъ на Руси.

Но чтобы еще лучше узнать и убѣдиться въ изволеніи Божіемъ, прошу отложить это дѣло на нѣсколько недѣль: пусть военныя власти, Капитаны и всѣ урядники, съ подчиненными имъ войсками, и Боярскіе дѣти всей земли явятся по доброй волѣ въ слѣдующемъ Іюнѣ, въ Серпуховъ (Zirpokovv), противъ Татарина, который сбирается вторгнуться въ страну съ большими силами: это покажетъ ясно, что всѣ сословія въ самомъ дѣлѣ желаютъ выбрать его своимъ Государемъ.

Когда, по его приказанію, Боярскіе дѣти, Дворянство и все войска, до 200 тысячь человѣкъ, явились въ срокъ у Серпухова, прибыли туда же посланники изъ Персіи и отъ Татаръ: ихъ тотчасъ же выслушали, поспѣшно условились о мирѣ съ Татарами, посулили имъ ежегодную дань, дали подарки и велѣли имъ возвращаться домой. Персидскаго посланника также съ большими подарками проводили за границу.

По отправленіи пословъ, Борисъ не только роздалъ годовое жалованье войску, но и подарки въ золотыхъ монетахъ, шелковыхъ тканяхъ и бархатѣ; пригласилъ ихъ на пиръ, въ открытомъ

олѣ, угощалъ отличнымъ образомъ кушаньями и напитками, разными медами и водкой, въ благодарность имъ наговорилъ ласковыхъ словъ и большихъ обѣщаній и обнадежилъ, что будетъ такъ заботиться о нихъ и подданныхъ въ странѣ, что они станутъ жить припѣваючи.

Такими пышными обѣщаніями, отличнымъ угощеніемъ, необыкновенными суммами денегъ и подарками Борисъ расположилъ и привязалъ къ себѣ все низшее Дворянство и войско: на это большимъ Боярамъ они полюбили его за кротость, добродѣтель и ласковое обращеніе, подъ открытымъ небомъ объявили и провозгласили его Царемъ и Великимъ Княземъ, присягнули ему и клялись всѣмъ для него пожертвовать; такимъ-то образомъ и сбылась одна старинная поговорка: «Pecuniae obediunt omnia. In pretio pretium est. Dat census honores. Qui habet dare, habet regnare.

Теперь Борисъ отправился съ войскомъ въ Москву: никто не смѣлъ и пикнуть противъ него; при входѣ его народъ, на улицахъ кричалъ: «Дай Богъ здоровья и долгоденствія нашему Великому Князю!» Граждане убрали и украсили домы березками и цвѣтами; всѣ были веселы и довольны, и повели его въ церковь Св. Маріи, гдѣ Патріархъ вѣнчалъ его Царскимъ вѣнцомъ, облачилъ въ Великокняжескія одежды и украшенія, не смотря на ропотъ большихъ Бояръ. 1-го Сентября, 1597 года. Послѣ вѣнчанія онъ тотчасъ же велѣлъ взять подъ стражу нѣсколькихъ Князей и большихъ Бояръ, которые не желали ему Царскаго величія, а сами бы охотно сдѣлались Великими Князьями, и безъ всякаго милосердія отнялъ у нихъ все имущество: теперь онъ царствовалъ въ полной безопасности, безъ всякаго сопротивленія.

Послѣ всѣхъ этихъ происшествій, онъ подтвердилъ и возобновилъ прежніе мирные договоры съ сосѣдними Королями и Государями и дѣлалъ все, что могло служить къ общей пользѣ и благоденствію страны; землевладѣльцы въ короткое время очень разбогатѣли и находились въ хорошемъ положеніи. При вѣнчаніи онъ далъ обѣтъ не проливать, въ продолженіи 5-ти лѣтъ, ни чьей крови, а наказывать за всѣ преступленія изгнаніемъ, или ссылкою, въ Сибирь и другія очень отдаленныя мѣста; въ свое царствованіе онъ давалъ замѣтить, что хочетъ изъ Германіи, Англіи и

Франціи выписать свѣдущихъ и ученыхъ людей, которые должны будутъ учить и наставлять его юношество во всѣхъ языкахъ, добрыхъ нравахъ и свободныхъ искуствахъ. Но духовныя лица никакъ не хотѣли согласиться и дозволить того: они представляли, что земля ихъ велика и обширна, согласна въ Вѣрѣ, нравахъ и языкѣ; если же Москвитяне научатся другимъ языкамъ, отъ того выйдутъ большіе раздоры и несогласія между ними; тогда отпадутъ они отъ своей древней Греческой Вѣры, и за тѣмъ послѣдуетъ погибель странѣ.

Такъ это и осталось; однако жь онъ все же послалъ 18-ть молоденькихъ мальчиковъ изъ низшаго Дворянства учиться иностраннымъ языкамъ и искуствамъ; трое изъ нихъ пріѣхали потомъ въ Швецію, служили при Дворѣ Короля Карла IX, блаженной памяти, и получали значительное жалованье.

Онъ позволилъ свободно ѣздить въ его землю и выѣзжать изъ нея для торговли плѣннымъ Ливонскимъ купцамъ, и для того велѣлъ дать имъ изъ казначейства, однимъ по 300, другимъ по 400 червонцевъ: они могли пользоваться этѣми деньгами, не платя ни какихъ процентовъ, пока онъ не потребуетъ ихъ назадъ, чего, однако жь, не было, да никогда и не будетъ, по тому что и купцы и Великій Князь умерли.

Въ 1599 году, онъ отправилъ двоихъ пословъ: одного въ Торунь, въ Пруссіи, а другаго въ Ригу, въ Ливоніи, съ большими подарками къ сыну Короля Шведскаго, Эрика XIV, Густаву; послы должны были уговаривать, убѣждать и склонять Принца, чтобъ онъ долѣе не бродилъ по свѣту изъ мѣста въ мѣсто и не терпѣлъ великой бѣдности и изгнанія, а отправился бы къ Борису въ Россію, который дастъ ему Княжеское содержаніе, не какъ Великій Князь и Государь, но какъ отецъ, на все время его жизни, или пока будетъ угодно Принцу; а если не будетъ угодно, въ его волѣ останется уѣхать, куда пожелаетъ, со всѣми служителями и имуществомъ. Борисъ послалъ къ нему потомъ и опасную грамоту, которую Густавъ, уѣзжая въ Россію, отдалъ на сохраненіе одному знатному гражданину въ Ригѣ.

Получивъ такое обѣщаніе и опасную грамоту, Густавъ отправился въ Россію. Тамъ сперва сдѣлали ему великолѣпный и тор-

ственный пріемъ, проводили въ Москву, въ дорогѣ превосходно
гощали кушаньями и напитками, какъ слѣдуетъ Королевскому
сыну. Борисъ надарилъ ему и бывшимъ съ нимъ служителямъ нѣ-
сколько сотенъ червонцевъ, разныхъ дорогихъ шелковыхъ матерій,
бархату, атласу, камки, золотыхъ вещей, превосходнаго сукна и
тафты на платье, разныхъ прекрасныхъ мѣховъ, собольихъ, кунь-
ихъ, рысьихъ и лисьихъ; сверхъ того подарилъ ему лошадей, сѣдла
и поводья, и наконецъ весь Княжескій столовой приборъ, тарелки,
блюда, штофы, подносы, чтобы у него ни въ чемъ не было недо-
статка для Княжескаго стола и содержанія. Эта Великокняжеская
щедрость продолжалась два года, пока Великій Князь не велѣлъ
предложить ему, что если онъ откажется отъ своей Вѣры, пере-
крестится и приметъ Русскую, Борисъ не только будетъ ему вмѣ-
сто отца и выдастъ за него свою дочь, но и поможетъ ему сдѣ-
латься Королемъ въ Швеціи. Знаменитый Господинъ ни какъ не
хотѣлъ изъявить на это согласіе Великому Князю и говорилъ, что
ежели ему нельзя будетъ достать жену другимъ образомъ, а не от-
реченіемъ отъ Вѣры и разореніемъ его любезнаго отечества, то
онъ лучше весь свой вѣкъ останется холостымъ и умретъ самою
страшною смертью. Принцъ тотчасъ же потребовалъ себѣ отпуска
и позволенія выѣхать изъ страны; но такъ какъ очень ужъ дерз-
ко ссылался на опасную грамоту и обѣщанія Великаго Князя, ему
не стали оказывать такого высокаго уваженія, какъ прежде, и со
дня на день убавляли его содержаніе. Великій Князь подговорилъ
одного изъ служителей Принца, Кенигсбергскаго уроженца, по
имени Якова Шульта, чтобъ онъ укралъ у него печать и написа-
лъ отъ имени его письмо къ Рижскому гражданину, съ прось-
бою, безъ отговорокъ выслать ему опасную грамоту. Тотъ такъ и
сдѣлалъ, полагая, что такова воля Принца, по тому что видѣлъ его
письмо и печать.

Доставъ грамоту, Великій Князь полагалъ, что Густавъ на-
конецъ уступитъ его желанію, приметъ Русскую Вѣру и будетъ
сообразаться съ его приказаніями. Это, однако жь, не помогло.
Густавъ сказалъ, что Королю и Князю должно имѣть, какъ пи-
шетъ Baldus, Cons. 327, «unum calamum et unam linguam. Quia
scriptum est, quae processerunt de labiis meis, non faciam irrita.»
То есть: «онъ не долженъ обращать въ ничто слова, которыя

когда ни будь сказали его уста»; къ тому же Королю и Государю слѣдуетъ наблюдать то, что имѣетъ Царь Давидъ въ Псалмѣ 62: «Semel loquutus est Deus,» т. е., «Единою глагола Богъ» (Псал. 61, 12). Тѣмъ онъ хочетъ дать знать, что Царь и Король долженъ вѣрно держать обѣщаніе и данное слово, и не противорѣчить себѣ въ томъ, что разъ посулилъ и обѣщалъ. Но это не можетъ имѣть какое ни будь значеніе у варварскихъ Государей; отъ того Государь Густавъ очень унывалъ и тужилъ, проводилъ время въ прилежномъ ученіи и въ занятіяхъ Алхиміею, отъ чего и повредился въ умѣ: не бралъ въ ротъ ни куска, высказывалъ прямо (особливо, когда пируетъ и напьется крѣпкаго вина), иногда въ шутку, иногда въ самомъ дѣлѣ, что у него на душѣ; а одинъ разъ, межъ шутокъ съ Великокняжескимъ лѣкаремъ, сказалъ:

«Если Великій Князь не позволитъ ему выѣхать изъ страны, по своему обѣщанію и клятвѣ, онъ подожжетъ городъ и сейчасъ же убѣжитъ.» Что же вышло? Лѣкарь на другой день далъ знать объ этомъ одному изъ думныхъ Бояръ Великаго Князя, по имени Семену Никитичу (Michitivvitz), а этотъ немедленно Великому Князю, на что послѣдній такъ разсердился и озлобился, что далъ рѣшительный приказъ одному большому Боярину, Степану Васильевичу, взять назадъ у Принца всѣ его серебряныя украшенія, платья, сбрую и утварь, содержать его подъ крѣпкою стражей и нѣсколько дней не давать ему ни ѣсть, ни пить.

Однако жь, спустя нѣсколько дней, смягчился, далъ ему на житье и содержаніе Углицкое Княжество, съ условіемъ, впрочемъ, чтобы этою областью управляли Русскіе Бояре, данные ему въ услуженіе, собирали съ нея доходы и давали ему изъ собраннаго, сколько нужно на содержаніе его и служителей: тамъ онъ и жилъ до кончины Великаго Князя. Когда же правленіе приняль Гришка Отрепьевъ (Griska Trepeia), первый Лжедимитрій, Принца отправили въ городъ Ярославль, гдѣ содержали его не лучше плѣнника, за то только, что онъ больше расположенъ былъ къ Шведскому Королю, Карлу IX, нежели къ Польскому, Сигизмунду III.

По смерти Гришки, по приказанію Великаго Князя, Василія Ивановича Шуйскаго (Zuski), перевели его оттуда въ городъ Кашинъ (Casin), гдѣ снабжали его пищей, напитками и другими удобствами, не много лучше, чѣмъ при Гришкѣ. Онъ оставался тамъ до

самой своей смерти, въ 1607 году, и былъ похороненъ за городомъ въ прекрасной, часто посѣщаемой для гулянья, березовой рощѣ, которую видѣлъ собственными глазами, не только я, но и Шведскій полководецъ, Графъ Яковъ Де ла Гарди, съ нѣкоторыми другими лицами, и можемъ это засвѣдѣтельствовать. Отъ того-то и нельзя считать вѣрнымъ извѣстіе Мартина Бера, что Густавъ похороненъ въ монастырѣ Димитрія Солунскаго (Mitrofzolonski), по тому что Русскіе, по своему обычаю, ни какъ не дозволятъ хоронить иновѣрцевъ, высокаго или низкаго званія, въ ихъ освященномъ мѣстѣ, въ церкви, или въ монастырѣ.

Не склонивъ ни какими средствами Густава къ войнѣ съ его отечествомъ, Великій Князь Борисъ Годуновъ сговорился съ нѣсколькими иностранцами, въ числѣ которыхъ главнымъ коноводомъ былъ Кондратъ Буссъ, чтобы хитростью и обманомъ привести городъ Нарву изъ подъ власти Шведской Короны во власть Москвы. Но это имѣло не лучшій успѣхъ, такъ какъ нѣкоторые были при этомъ захвачены, лишились головы и были колесованы: они получили заслуженную награду, и ни кого не должны благодарить за нее, кромѣ своего вѣроломнаго предводителя.

Такъ какъ замыслы Великаго Князя, не имѣли ни какого успѣха у Шведскаго Короля, то онъ обратился къ Датскому, заключилъ тѣсный союзъ и дружбу съ Свѣтлѣйшимъ Королемъ, Христіяномъ IV, и такъ повелъ дѣло, что родной братъ Короля, Герцогъ Гансъ, пріѣхалъ наконецъ къ нему съ значительною дружиной — жениться на его дочери, Аксиньѣ Борисовнѣ (Axinia Borissovva), которая сначала назначалась въ жены Густаву. Но это такъ и осталось, по тому что Герцогъ былъ въ живыхъ въ Москвѣ не больше 6-ти недѣль и похороненъ Датскими Совѣтниками и нѣсколькими Русскими Боярами въ Слободѣ, въ четверти мили отъ города, въ Нѣмецкой деревянной церкви.

Но выше названный Герцогъ имѣлъ пріемъ гораздо пышнѣе и торжественнѣе своего двоюроднаго брата, Герцога Магнуса, а по тому я и разскажу о томъ въ короткихъ словахъ. Высокородный Князь, Герцогъ Гансъ, прибылъ въ Москву 19 Сентября, 1602 года; въ одной мили отъ города, на красивой и ровной полянѣ, находилось нѣсколько тысячъ верховыхъ, очень нарядно

одѣтыхъ, знатнѣйшіе Бояре въ длинныхъ кафтанахъ изъ золотой и серебряной парчи, лошади богато убраны въ серебряную и позолоченную сбрую; тамъ были вмѣстѣ Русскіе, Татары, Нѣмцы и Поляки, и всѣ они находились въ придворной и военной службѣ у Великаго Князя. Когда Герцогъ приблизился съ провожавшими его, къ нему подъѣхали Русскіе Князья и Бояре и тотчасъ же сошли съ коней. Въ ту же минуту сошелъ съ коня и Герцогъ, Аксель Гилленстіернъ, Аксель Браге, Христіянъ Голькъ, Гейнрихъ Вульфъ, Герлоффъ Нетгельгорстъ, Гарлоффъ Дуа, Отте Браръ, Матеій Кунтсенъ, Д. Леонардъ Метцнеръ, Д. Іоргенъ Веберъ, Д. Іоганнъ Мюле и нѣсколько другихъ знатныхъ вельможъ; Москвитяне подошли къ Герцогу очень смиренно и почтительно, приклонивъ голову къ землѣ, и приняли его со всѣмъ почетомъ.

Послѣ сдѣланнаго пріема и произнесенной рѣчи, Герцогу подарена была отъ Великаго Князя прекрасная, сѣрая въ яблокахъ, лошадь, въ сѣдлѣ изъ позолоченнаго серебра, попонѣ изъ золотой парчи, нашейникѣ, тоже изъ золоченнаго серебра, съ двойными уздечками для красоты, по Русскому обычаю, похожими на постромки. Аксель Гилленстіернъ, Аксель Браге и Христіянъ Голькъ также получили въ подарокъ прекрасныхъ лошадей съ нарядными сѣдлами, уздами, серебряными нашейниками и въ сбруѣ, обитой серебряными и позолоченными наугольниками и пряжками; Гоффъ-Юнкеры и Офицеры получили тоже красивыхъ лошадей въ нарядной сбруѣ, также и всѣ большіе и малые люди при Герцогѣ.

Всѣ они сѣли опять на коней и поѣхали въ порядкѣ; а въ городѣ Герцога со всѣмъ, находившимся при немъ народомъ, провожали очень торжественно и ввели на большой дворъ возлѣ Кремля; Великій Князь велѣлъ звонить въ большой Кремлевскій колоколъ, издававшій сильный звонъ: это былъ радостный звонъ для входа Принца.

20 Сентября Великій Князь прислалъ въ пребываніе Принца 100 кушаньевъ на блюдахъ изъ чистаго и яркаго золота, очень большихъ и толстыхъ; ихъ было до 200, по тому что на всякомъ кушаньѣ было еще блюдо для покрышки; прислалъ также и разныхъ напитковъ: пива, меду, вина и водки, въ золотыхъ и по-

золоченныхъ кубкахъ и широкихъ чашахъ, которыхъ тоже было очень много.

28 Сентября Герцогъ, со всѣми его людьми, былъ приглашенъ Великимъ Княземъ въ гости и позванъ въ Кремль. Всѣ они самымъ вѣжливымъ образомъ были угощаемы прислугою Великаго Князя; самъ же онъ обдарилъ ихъ верховыми лошадьми. Сначала пришелъ Канцлеръ Аѳанасій Frassi Ивановичъ, съ большою толпою Русскихъ Дворянъ, очень нарядно одѣтыхъ, и сдѣлалъ приглашеніе Герцогу. Когда этотъ былъ готовъ, Русскіе въ порядкѣ поѣхали впередъ, а Герцогъ, съ бывшими при немъ людьми, за ними, то же въ порядкѣ; нѣсколько тысячъ хорошо одѣтыхъ и вооруженныхъ стрѣльцовъ стояли по обѣимъ сторонамъ, отъ жилища Принца до залы, гдѣ находился Великій Князь.

За людьми Князя слѣдовало великое множество Русскихъ до Кремля, ко дворцу Великаго Князя; передъ дворцомъ стояли иностранцы Великаго Князя, Нѣмцы и Поляки, въ ихъ лучшемъ платьѣ, одѣтые по Польски и по Нѣмецки. Вошедши во дворецъ, Герцогъ со всѣми его людьми былъ проведенъ одною хорошо расписанной и позолоченной комнатой въ другую, въ которой стѣны сплошь были увѣшаны Турецкими и Персидскими коврами.

Когда Герцовъ вошелъ въ Великокняжескій покой, тамъ стоялъ Великій Князь съ его сыномъ, прекрасно одѣтые въ длинные бархатные кармазиннаго цвѣта кафтаны, и съ головы до ногъ обшитые драгоцѣнными каменьями, особливо на головѣ и на груди такъ, что сіяли, какъ звѣзды.

Подошедши къ Великому Князю съ большимъ почтеніемъ, онъ былъ принятъ имъ и его сыномъ очень ласково и привѣтливо и потчасъ былъ выслушанъ. По обѣимъ сторонамъ Великокняжеской комнаты стояло множество Русскихъ Бояръ, Князей и Совѣтниковъ: всѣ они одѣты были въ золотую парчу, выложенную жемчугомъ и золотомъ.

По окончаніи пріема, когда наступило время обѣда, Великій Князь съ сыномъ и Герцогомъ пошелъ къ столу, въ большую залу со сводомъ, прекрасно расписанную и убранную.

Кресло Великаго Князя было золотое, столъ серебряный, съ позолоченными ступенями, вокругъ стола лежалъ тканый съ золотомъ коверъ. Съ потолка залы спускался превосходной работы вѣнецъ, въ которомъ находились золотые часы. По срединѣ возвышался большой четвероугольный столбъ, на которомъ, сверху до низу, стояло столько золотыхъ и серебряныхъ кубковъ, большихъ чашъ, стклянницъ и бокаловъ, что просто диво!

Въ передней же залѣ кругомъ находилось такое множество золотыхъ и серебряныхъ чашъ и блюдъ, съ разною другою большою посудой, въ видѣ разныхъ большихъ звѣрей, что и не повѣрятъ, если сказать

Какъ только Великій Князь съ сыномъ и Герцогомъ сѣли за столъ, Русскіе Князья и Бояре размѣстились за однимъ столомъ, а люди, пришедшіе съ Герцогомъ, за другимъ, каждый по своему званію. Потомъ за другіе столы сѣли низшіе Русскіе Бояре, Нѣмцы, Поляки и Татары, каждый народъ особо, и Русскіе Гоффъ-Юнкеры (Камеръ-Юнкеры) должны были смотрѣть, чтобы никто не смѣлъ говорить съ иностранцами, подъ страхомъ лишенія Великокняжеской милости. Какъ только всѣ усѣлись, Великій Князь, осмотрѣвъ за своимъ столомъ, одно послѣ другаго, всѣ кушанья, которыхъ было 200, велѣлъ своимъ Стольникамъ подавать ихъ въ золотыхъ блюдахъ на другіе столы, приговаривая, что Великій Князь жалуетъ тѣмъ гостей. То же было и съ напитками, которые разносились въ большихъ золотыхъ чашахъ, кубкахъ и другой посудѣ.

Послѣ обѣда Великій Князь и его сынъ подарили Герцогу по превосходной золотой цѣпи, которыя сняли съ себя и надѣли ему на шею. Цѣпи были богато украшены драгоцѣнными каменьями высокой цѣны. Великій Князь подарилъ еще Герцогу много серебряной посуды, много дорогой одежды, золотой парчи, карандашей (Bliant), бархата, камки, атласу разныхъ цвѣтовъ, нѣсколько сороковъ дорогихъ соболей, куницъ, рысей, черныхъ лисицъ и разныя другія вещи.

Но довольно о пріѣздѣ Принца и о томъ, что случилось съ нимъ въ этой странѣ. Теперь обратимся далѣе, къ другимъ предметамъ.

V

СМѢСЬ

ГРАМОТА ПЕТРА I

1695 Г. ЖИТЕЛЯМЪ ГОРОДА ПЕРЕЯСЛАВЛЯ ЮЖНАГО, НА ПРАВО МАГДЕБУРГСКОЕ, ВОЛЬНОСТИ И ЗЕМЛИ.

Божіею милостію Мы, Пресвѣтлѣйшій и Державнѣйшій Государь и Великій Князь, Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малія и бѣлія Россіи Самодержецъ, Московскій, Кіевскій, Владимерскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сѣбирскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій, и иныхъ Государь и Великій Князь Новагорода Низовскія земли, Черниговскій, Резанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, и всея сѣверныя страны Повелитель и Государь Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузынскихъ Царей и Кабардинскіе земли, Черкаскихъ и Горскіхъ Князей, и иныхъ многихъ Государствъ, и земель восточныхъ, и западныхъ, и сѣверныхъ отчичь и дѣдичь, и наслѣдникъ, и Государь, и обладатель.

Наше Царское Величество пожаловали города Переяславля Войта Ивана Околовича и бурмыстровъ, и писара, и райцовъ, и урядниковъ, и всѣхъ мѣщанъ, которые в томъ городѣ Переяславлѣ живутъ, и впредъ жити будутъ, велѣли имъ дать сію Нашу, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества, жалованную грамоту на право Майдубурское и на волости, урядъ ихъ мѣскій, и на села, и на мельницю, и на всякіе приходы, к ратуши Переяславской надлежащіе; для того Марта в двад-

цать четвертый день, нынѣшнего 203 году, к Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, писалъ подданный Нашъ, войска Запорожскаго от обоихъ сторонъ Днепра Гетманъ Иванъ Стефановичъ Мазепа, что города Переяславля Ратуша, в ней Наши жалованные грамоты и бывшихъ Гетмановъ, и его подданнаго Нашего, листи, на содержаніе уряду мѣскаго и вся кихъ приходовъ имъ данніе, згорѣли, и онъ, подданный Нашъ Гетманъ, на соблюденіе прежнихъ порядковъ и приходовъ мѣ скихъ, далъ Майстрату Переяславскому вновъ листъ свой, и бил челомъ Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Ве личеству, онъ, Гетманъ, чтобъ Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, пожаловали тотъ Майстратъ Переясла скій, велѣли по тому его, подданнаго Нашего, листу, дать Нашу Царскаго Величества, жалованную грамоту; да Намъ же, Ве ликому Государу, Нашему Царскому Величеству, и войт Переяславскій и бурмистры, и всѣ мѣщане, о той иншой жа ванной грамотѣ били жъ челомъ. А в жалованныхъ грамотахъ от Нашего, блаженныя памяти, Великаго Государя, Царя и Ве ликаго Князя, Алексѣя Михайловича, всея великія, и малы и бѣлія Россіи Самодержца, Его Царскаго Величества, к ковы данны въ 167 и 168 годахъ Переяславскому Магистрат написанно, что быти имъ по прежнимъ правамъ и привилиямъ, тѣхъ ихъ правъ и привилиевъ ни в чемъ не нарушать; а которы торговіе и ремеслене, Наши, Царскаго Величества, ратніе люд будутъ в Переяславлѣ, и тѣмъ всѣмъ ремисломъ своимъ и торг вымъ промышлять без всякаго препятствія и неволи, а дѣла всякі имъ, Переяславскимъ жителямъ, имѣть противъ правъ Майденбу скихъ, и ни какихъ обыдъ от всякихъ людий не поносить, и печат быть градской, якая имъ данна от Королей Полскихъ, толк около печати подпись учинить Бѣлорусскимъ письмомъ; а Коза камъ, якие в городѣ Переяславлѣ жительство имѣютъ, горѣлко отнюдь не шинковать, кромѣ ситнимъ медомъ и пивомъ, а бы той продажи, горѣлки, въ едномъ Магистратѣ Переяславско от почѣговъ и всякихъ податей ихъ, Переяславскихъ старшин войта, бурмистровъ, писарей уволнить, а войта, и бурмистровъ, райцовъ, и лавниковъ выбирати имъ межъ себя лутшимъ, и сре нимъ, и молодшимъ людемъ, всѣмъ посполито, зо всего земско у, добрихъ и знаючихъ людий, которые бъ судъ судил совѣт

ояся Бога, въ правду, другу бъ не дружили, а недругомъ не стили, чтобъ в суднихъ дѣлехъ всѣмъ росправа была в правду; а ому будеть в чемъ какое дѣло до войта, и до бурмистровъ, и до йцовъ, и до лавниковъ имъ на судю, судъ давати безволокит о жъ, въ правду, по Майдебурскому праву, и позиванія имъ ни кого не чинить; а буде кто учнеть бить челомъ на ихъ судъ на приговоръ Намъ, Великому Государу, и тогда ихъ Наши и зазивъными грамотами позивати до Нашего царствующаго рада Москвы в великихъ дѣлехъ, а в малихъ дѣлехъ зазивныхъ рамотъ, никому, ни по ково, не давать; чтобъ въ такихъ малихъ ѣлехъ имъ, мѣщанамъ, напрасныхъ убытковъ не было. А в при- лияхъ Королей Польскихъ, Жигимонта третіяго и Владислава етвертаго, въ 136, 141 и 144 годахъ, написанно, чтобъ право айдебурскихъ судей цѣло и в полной мочи, без всякаго нарушенія ребивало, и мѣщане нигдѣ инде, только на Ратуши, пред Май- тратомъ, во всякихъ дѣлехъ судилися, а земли, около города Пе- еяславля описанніе и ограниченніе, пребывали без всякой убав- и при Магистратѣ въ цѣлости, и чтобъ всякій ремесникъ въ ѣстѣ будучи, и проезжіе торговіе люди, подлегали праву Май- ебурскому и врядови мѣскому, и пред Майстратомъ о пріѣздѣ воемъ обявляли, и дѣло свое исправляли, и всякіе тягости по- осили, а валъ, и остроги, и мостъ, и греблѣ, строении урядомъ ѣскимъ, били, и селами, и мѣстечками, да на расходи ратушніе градскіе, от всякаго хлѣба помѣрное, и вѣсчое, баня, лавки, арчевнѣ, месницѣ, от купцовъ, ремесниковъ всякіе доходы, годовне, елниця на греблѣ Переяславской, под Поповцами стоячая, важня, оскобойня, дегтярня, солодовня, а пріезжимъ купцамъ товари вои продавать вдругъ, а не локтемъ; да им же дано к Майстрату, ю наданію Богдана и Юрыя Хмельницкихъ, и другихъ Гетмановъ, ъ Переяславскомъ повѣтѣ мѣстности, села Положай, Денисовъ, Служники, Комаровка, Великая Каратуль и Стовпяги, з посполи- ими людьми и со всѣми къ нимъ принадлежитостьми. А в листу одъданного Нашего, войска Запорожского обоихъ сторонъ Днепра Гетмана, Ивана Степановича Мазепы, Февраля « » нинѣшняго жъ 03 году написанно: обявляетъ онъ, Гетманъ, всѣмъ обще, и вся- кому особно, именно, Полковнику Переяславскому, Обозному, Судіи, Писару, Асауламъ полковимъ, Сотникамъ, Атаману городо- вому, и всему старшему и меншему чину, и того полку товари-

ству, и кому и ни есть о томъ нинѣ и впредъ вѣдати надлежа
будетъ, что стародревнее мѣсто Переяславское имѣло права, гр
моти Наши, Государскіе, и бившихъ Гетмановъ, на села и
приходы, Ратуши надлежащіе, во извѣстномъ блюденіи быв
но пожаромъ огненнымъ в прежніе военніе обращенія въ пепе
обратились; и вѣдаючи онъ, подданный Нашъ, Гетманъ, о то
подлѣнно, что мѣсто Переяславское стародавное, знатное, из
чала своего добрими и прибилними правами, и счасливому жи
людскому, листовно утвержденное, позволяетъ тимъ листомъ с
имъ, селами, издавне в Ратушномъ завѣдованию бывшими, владѣ
и приходами, и прибыльми, вѣсовымъ, повѣдерковымъ, скотино
поводовымъ, помѣрнымъ дегтемъ, и воскобойнымъ, а имати с то
вѣсового, с пуда по четиры деньги, с ведра по двѣ копѣйки, ско
ное с куфи вина по золотому, с продажи лошадей, и быковъ,
яловицъ, по двѣ деньги, от четверика, или отъ осмачки, всяка
збожжа надлежащій поковшевый датокъ, от закладу воску по
алтина, а продажа дегтю полная по всему мѣсту и подварка
одна Ратушная мѣетъ быти, а кромѣ той никто дегтю продажно
держать не имѣетъ, и чтобъ купцы и торговіе люди товаро
своихъ, въ вѣсъ продаючихся, нигдѣ въ домахъ особыхъ кан
рами и безменами не вѣсили, а вѣсили бъ на вѣсу Ратушно
с платежемъ повинности, и медовъ прѣсныхъ и питейныхъ ни
кихъ иреватнымъ ведромъ не мѣрили, кромѣ ведра Ратушне
от которого надлежащую на Ратушъ дачу всякъ невозбран
давати повиненъ, и воскобойны, кромѣ одной Ратушной, никто
держати не дерзалъ; купцы чужоземскіе, которые домамы свои
въ Переяславлю живутъ, и подварками, или какими ни есть гр
тами, владѣютъ, въ тягостяхъ и повинностяхъ общемѣщанск
повинны быти помочни; людий посполитыхъ, въ селѣхъ и дер
няхъ Ратушныхъ живущихъ, никто бы на приватную свою раб
не принуждалъ и ни какихъ не домагался на ныхъ дачъ, в росп
Козацкую не вписивалъ, и подъ оборону свою от Ратуши не отр
валъ; а равнымъ образомъ и мѣскіе жители, повинности мѣск
належащихъ, духовніе и мірскіе особы, подъ свою бъ оборону
принимали; цехи всѣхъ ремеслъ, по древнему обыкновенію,
Ратушномъ послушаніи и обществѣ мѣскомъ непремѣнно об
татись повинны, принимая себѣ от Магистрата къ сохраненію
хового порядку наставление, и данной от Корола Польскаго В

дислава четвертаго, въ 144 году, привилегіи коими, за печатью Магистратовою, которые всѣ вышереченные доходы, не на приватную какую, одного, или другого, особу пожитокъ, но на Ратушу, въ споможествованіе всѣхъ жителей тамошнихъ и на украшеніе мѣста, порядкомъ обыкшимъ обращатись повинны; и то все вышше писанное, чтобъ по тому его, Гетманскому, листу, у волности своей содержанны, и ни от кого из старшины и черны войска Запорожскаго, а особо от полковой старшины, ни какова ни малого не признавали нарушенія. И Мы, Пресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государъ, Царъ и Великій Князь, Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малія и бѣлія Россіи Самодержецъ, Наше Царское Величество, слушавъ отца Нашего, блаженныя и вѣчно достойныя памяты, Великаго Государа, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, всея великія и малія и бѣлыя Россіи Самодержца, Его Царскаго Величества, жалованныхъ грамотъ и привиліевъ Королей Польскихъ, и подданнаго Нашего, войска Запорожскаго, обоихъ сторонъ Днѣпра Гетмана, Ивана Стефановича Мазепы, листовъ, и челобытя Переяславскаго войта, и бурмистровъ, и райцовъ, и всѣхъ мѣщанъ, пожаловали его, Переяславскаго войта, и бурмистровъ, и писара, и райцовъ, и всѣхъ мѣщанъ, которые нынѣ въ томъ городѣ Переяславлѣ живутъ и впредъ жити будутъ, велѣли у ныхъ праву суда Майдебурскаго и волностямъ быть по прежнему, и к Ратуши Переяславской маетностями и всякими належащими доходами, которые имъ по привиліямъ Королевскимъ и бывшимъ Гетмановъ данны, и отца Нашего, Великаго Государа, блаженныя памяти, жалованными грамотами утвержденны, и в листу подданного Нашего, Гетмана Ивана Стефановича Мазепы, написанны, имъ, Переяславскому Майстрату владѣть, и росправы между собою чинити, какъ о томъ писанно выше сего. И то Мы, Великій Государъ, Наше Царское Величество, силою сей Нашей, Царскаго Величества, жалованные грамоты укрѣпляемъ, и утверждаемъ, и изволяемъ содержати непремѣнно, а имъ, войту и всему Переяславскому Магистрату и мѣщаномъ, имѣя сію Нашу Государскую милость и жалованные, Намъ, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству, и впредъ будучимъ Нашимъ Государскимъ Наслѣдникомъ, служити и всякого добра хотѣти, в Нашемъ, Царскаго

Величества, повелѣніи и послушаніи, и на милость Нашу, Го
сударскую, быти имъ надежднымъ, без всякаго сумнѣнія. А дл
вящшаго утвержденія Нашое, Царскаго Величества, милост
ивъ, войту и бурмистромъ, писару и райцомъ, и всѣмъ Переясла
скимъ мѣщаномъ, сію Нашу, Царскаго Величества, милост
вую, жалованную грамоту утвердить Нашею, Царскаго Вел
чества, печатью повелѣли. Писана сія Наша, Царскаго Вел
чества, жалованная грамота, в Нашемъ царствующемъ велицѣ
градѣ Москвѣ, лѣта от созданія мыра 7203 году, Апреля
государствованія Нашего третогонадцять году.

У подлѣнной грамотѣ Его Царскаго Пресвѣтлаго Вел
чества печать на шолковыхъ красныхъ шнурахъ завѣшенна, в
сребраной пущцѣ, воскомъ червонымъ налитая.

В подлинной грамотѣ подпись таковый:

Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго Великаго Госу
даря, Его Царскаго Величества, Государственной

Посольской Канцеляріи Дьякъ Борисъ Михайловъ.

При обозрѣніи (въ 1839 г.) Переяславской Думы, я требовалъ отъ нея бумагъ подлинныхъ на жалованныя городу земли и угодья, и на мое требование она отвѣчала уничтоженіемъ ихъ пожарами. Между тѣмъ я узналъ, что въ 1852 г. хранилась въ ней грамота Государя Петра В., подписанная Дьякомъ Борисомъ Михайловымъ, и по розыскамъ моимъ оказалось, что это уже не подлинная, а копія, которая находилась въ Полтавѣ, въ рукахъ одного полузнающаго, взявшаго ее изъ любопытства, державшаго нѣсколько лѣтъ безъ всякой надобности, и вѣроятно погибла бы у него. Вытребовавъ отъ него обнаружилось, что она весьма важна въ отношеніи уряда мѣстнаго (1695 г.) управленія города по Магдебургскому праву и подчиненія ремесленнаго цеха Ратушѣ еще Королемъ Польскимъ Владиславомъ IV; значитъ, что ремесленное устройство давно существовало въ Малороссіи, а въ Россіи оно введено Городовымъ Положеніемъ Императрицы Екатерины В., 1785 г., Апрѣля 21.

Въ замѣнъ Гетманскихъ Универсаловъ, жалованныхъ городу Переяславлю, но истребленныхъ пожаромъ, была дана тому городу Государемъ Петромъ В. подтвердительная, въ 1695 г., Апрѣля мѣсяца, на всѣ тѣ мѣста и угодья, какія были дарованы ему въ разное время. Въ копіи, оставленной мною въ Думѣ, писаны заглавныя слова киноварью, которыя здѣсь означены разбивкою.

Копія писана на бумагѣ желтоватаго цвѣта въ листъ, на четырехъ листахъ. Штемпель бумаги: двѣ поднятыя ладони вверхъ съ распростертыми пальцами.

Исторически извѣстно, что В. К. Владиміръ Равноапостольный и послѣдующіе Великіе Князья, равно какъ и другіе Князья, награждали этотъ городъ, монастыри и церкви его землями; что В. К. Литовскіе, Короли Польскіе и Гетманы тоже не оставляли его своими щедротами; что Цари наши подтверждали дарованное ему въ разные вѣки достояніе, и что всѣ этѣ акты невозвратно погибли отъ разныхъ причинъ и въ разное время. Правда, уничтоженіе ихъ приписываютъ одному огню: однако, едва ли это такъ; болѣе всего, кажется, потерю ихъ должно отнести къ нерадѣнію и невѣжеству.

Мнѣ разсказывали, что за 20 лѣтъ тому назадъ были еще бумаги въ значительномъ запасѣ, которыя безжалостно рвались, а любопытные люди похищали достояніе исторіи. Этѣ любопытные люди держали у себя, чтобъ похвалиться, что и у нихъ есть Универсалъ такого-то Гетмана, не понимая ни цѣны, ни значенія, а потомъ бросали. Были и любознательные люди, которые присвоили себѣ большое число бумагъ, остающихся и понынѣ въ ихъ рукахъ, безъ всякой пользы для отечественнаго знанія. Пріѣзжали въ этотъ городъ также писатели и педагоги, и они-то послѣднее унесли. Нѣкоторые изъ нихъ померли уже, допроситься не у кого, а могила ихъ безотвѣтна. Грамота эта списана мною во всей точности, т. е., съ соблюденіемъ всѣхъ знаковъ препинанія, правописанія и прописныхъ буквъ.

А. Терещенко.

19-го Октября, 1859 г.
Переяславль.

ДОНОСЪ

НА ОТКУПЩИКОВЪ И КОМПАНЕЙЩИКОВЪ,

РАСХИЩАЮЩИХЪ КАЗНУ И СПАИВАЮЩИХЪ НАРОДЪ,

ИМПЕРАТРИЦѢ АННѢ ИВАНОВНѢ.

Высокаго Престола Россійскаго Богомъ почтенной и словомъ Господнимъ утвержденной, Стражи словесному винограду, Императрицѣ,

Донотеніе.

Великая Императрица Анна Іоанновна, Самодержица Всероссійская!

Ревнуяй поревнуй по Господѣ Вседержителѣ, цвѣти въ законѣ Россійскія Церкви, и сіяющи въ силахъ Небеснаго Бога и молитвами всѣхъ Россійскихъ Чудотворцевъ, благочестивое воинство въ крѣпости десныя руки твоея и подъ страхомъ крѣпкія державы всѣхъ подданныхъ мудрыхъ Россійскихъ вельможей украшеная отъ пренебеснаго Бога, имущаго власть надъ всѣми супостаты, въ силѣ Царя и Пророка, возлюбленнаго отрока Давыда, данная крѣпость, скипетръ и держава, и мечъ, утвержденный крѣпостію яко столпъ Давыдовъ, созданъ въ Ѳааниосѣ, на немъ же тысяща щитовъ виситъ и вся стрѣлы сильныхъ. Оттолѣ начало и крѣпость всѣмъ Царямъ благочестивымъ. Хотя блаженныя и вѣчно достойныя памяти Петръ Первый Императоръ, дядя вашъ, въ трудѣхъ великихъ воинства своего, имѣя попеченіе о Россійскихъ народѣхъ во власти царства своего, усмотрѣлъ въ другихъ государ-

твахъ таможенные и питейные сборы съ пополненіемъ отдаются
а откупы, и съ тѣхъ регламентовъ совѣтовалъ въ присутствующемъ
воемъ Высокомъ Сенатѣ съ поданными своими, правительствующи-
и Сенаторы, и въ томъ регламентъ утвердилъ внутрь своего Рос-
йскаго Государства всякіе таможенные сборы и питейныя про-
ажи отдавать охочимъ людемъ на откупы, гдѣ кто пожелаетъ
зять, съ пополненіемъ немалымъ надносомъ высокаго сбору, чего
е могутъ собрать вѣрные и присяжные люди, выборные и лареш-
ые, и то, де, весьма не усмотрѣно, но паче же утрачены великіе
нтересы, по силѣ Россійскихъ таможенныхъ уставовъ, понеже
нутрь великаго Россійскаго Государства наполняются таможен-
ые сборы и питейныя продажи своими природными Россійскими
ароды, а не яко въ примѣръ тѣхъ государствъ малыхъ владѣль-
евъ, или во указательство отъ нихъ великому Россійскому тамо-
енному уставу, понеже въ тѣхъ Нѣмецкихъ земляхъ наполняются
аможенные сборы и питейныя продажи иностранными народы,
о всѣхъ государствъ проѣзжаютъ проѣздами чрезъ тѣ малыя зем-
и въ пристойныя мѣста къ великимъ ярмонкамъ, или къ кора-
ельнымъ пристанямъ, и тѣ самовладѣльцы берутъ съ тѣхъ про-
зжихъ купцовъ по своимъ таможеннымъ уставомъ, не спраши-
ая платежныхъ выписей, или оборотныхъ возвратно, берутъ всѣ
полна, и въ тѣхъ государствахъ своему природному народу ни
акого разоренія и обиды не бываетъ, и тѣ таможенные сборы
питейныя продажи всегда собираются въ вольности. А нынѣ
нутрь великаго Россійскаго Государства, между откупщиками и
ѣрными присяжными людьми, учинилось въ сборахъ великое по-
ѣшательство и трата великая интересу неусмотрѣніемъ Высокаго
ената, продано все земледѣльство и купечество Россійскаго Госу-
арства, безъ положенныя цѣны, первое на расхищеніе великаго
нтересу Вашего Высокаго Императорскаго Величества, второе на
азореніе и на великое разграбленіе всего народу откупщикамъ и
омпанейщикомъ, похищаютъ явно великой интересъ Вашего Им-
ераторскаго Величества злодѣйственными своими и воровскими
ысли, наносятъ на оные городы великіе сборы, вражествомъ
воимъ приводятъ народъ къ душевредству и великому непосто-
нству, отъ чего имѣется въ купечествѣ великая безторжица, кра-
утъ интересъ такими виды: которые купцы пріѣзжаютъ къ
имъ отъ вѣрныхъ городовъ, набравъ тѣ товары потаенно, по-

шлины не платя, согласясь со оными откупщиками, пишутъ мно-
жество выписей на тѣ свои неявленные товары и берутъ съ нихъ
купцовъ, по три деньги и по двѣ копейки съ рубля, яко бы явил
деньги въ томъ городѣ у нихъ, откупщиковъ, и купили товаровъ,
и процущаютъ тѣхъ череза многіе городы, и продаютъ тѣ купцы
такъ же не явясь, и привозятъ тѣ выписки возвратно откупщикамъ,
а другія оборотныя выписи пишутъ тѣмъ купцамъ тѣми же во-
ровскими промыслами, берутъ съ нихъ по копейкѣ съ пятиде-
нежнаго платежа, а тѣ товары проданы были въ другихъ горо-
дѣхъ такожде не явно, и тѣ купцы по тѣмъ выписямъ до озна-
ченныхъ вѣрныхъ городовъ доѣзжаютъ и не доѣзжаютъ, прода-
ютъ тѣ товары потаенно, въ таможняхъ не явяся, и очищаютъ
оборотныя выписи у вышеписанныхъ откупщиковъ въ пятиде-
нежномъ платежѣ, даютъ по копейкѣ съ пятикопеешнаго платежа,
даютъ по двѣ копейки, и тѣ платежи не доищаютъ до вѣрныхъ
городовъ, отъ того вѣрнымъ присяжнымъ людемъ, выборнымъ и
ларешнымъ имѣются великіе недоборы, утратили и разворовали
великіе интересы, и оные недоборы по силѣ указовъ правятъ на
нихъ, гражданехъ, и привели всѣ грады въ великую нищету и убо-
жество. А оные откупщики и компанеищики тѣ выписи вписы-
ваютъ въ подлинныя шнуровалныя книги полнымъ платежемъ
пятиденежнымъ и пятикопеешнымъ, и тѣми выписями потаенно
окрадываютъ вѣрные городы и возвышаютъ великіе приборы, а
къ другимъ купцамъ и простаго народа приметывается своими во-
ровскими и грабительными нападки, яко бы продалъ, или ку-
пилъ, въ таможнѣ не явясь, у многихъ отымаютъ товары безоборот-
но, съ другихъ берутъ насильствомъ своимъ великіе промыты, и
отъ оныхъ откупщиковъ, великихъ хищниковъ и воровъ, по вступ-
ленію многихъ злодѣевъ въ откупы, утрачены интересы и всена-
роднаго разоренія на милліоны. Еще же по содержанію тѣхъ гра-
довъ бываютъ отъ нихъ, злодѣевъ, великія незнаныя бѣды и осо-
бая трата интересу не малая бываетъ подъ видомъ воровства ихъ.
Заранѣе усматриваютъ себя, гдѣ и у кого случатся великіе недобо-
ры противъ великихъ, ими возвышенныхъ, сборовъ положеннаго
табеля по содержанію тѣхъ откуповъ, къ сроку заплатить того от-
куну нѣчимъ, укрывая себя отъ тѣхъ недоборовъ положеннаго та-
бельнаго окладу, избывая себя отъ великаго наказанія и каторж-
ныя вѣчныя работы, паче всякаго чаянія помышляю отъ нихъ, зло-

дѣевъ, великихъ бѣдъ, высматриваютъ способныхъ отговорокъ для тѣхъ непремѣнныхъ бѣдъ, безвременно и безъ остатку, запаленіемъ огня погубляютъ грады, для тѣхъ таможенъ, воровскими своими умыслы вызволяютъ себя, яко бы пожаромъ сгорѣло на нѣсколько тысячъ интересу, и оными подлогами своими обманываютъ похищеніемъ и берутъ изъ той казны напрасно, или зачитаютъ по силѣ указу въ тѣ свои откупы, наносятъ на тѣ грады великіе приборы вражебными своими и плутовскими умыслами, скрадывая отъ вѣрныхъ городовъ выборныхъ и ларешныхъ тѣми вышеписанными выписями и прочими міру злодѣйственными притяжаніи. И оные откупщики и компанейщики являются злодѣйственнымъ своимъ промысломъ, яко бы великіе доброхоты и пополнители интересу Вашего Императорскаго Величества, а они злодѣйствомъ своимъ и великимъ пронырствомъ дѣлаютъ великіе ущербы интересу Вашего Императорскаго Величества, вникнули въ народъ, яко ядовитые змія, пресыщающе лестію, гоняще народъ къ великой нищетѣ и вѣчной погибели такими виды; какъ въ Москвѣ, такъ и во многихъ городѣхъ, расширяютъ и умножаютъ множество кабаковъ, такъ и въ селѣхъ и деревнѣхъ, для своихъ плутовскихъ и великихъ прибытковъ. Первая язва отъ того пьянства: облѣнилися множество народу, вступили въ блудъ, во всякую нечистоту, въ гадбы, въ убивство, въ великіе разбои, и ослѣпоста пребезаконно, начаша творити блудъ Содомской, не знающе ни воскреснаго дня, ни Господскихъ праздниковъ, и отъ того уродися и умножися сѣмя нечестивое, и святая заростаетъ мерзостію, и скрылися пути правды, и множество творятъ кровопролитія на путехъ, и приходятъ въ погибельную сѣть, и воостриша печь погибельный свой между своими. Отъ того многія тысячи дѣльныхъ и годныхъ людей во всякія службы смертію кажнены, а другихъ множество народа бьютъ кнутомъ и посылаютъ на вѣчную работу, иныхъ множество народу по важностямъ ошельмовано, а другихъ множество во пьянствѣ простаго народа умираетъ безвременно, и предаютъ души своя діяволу, другіе впадаютъ въ напрасныя бѣды, простаго народу и всякихъ чиновъ люди въ кампаніяхъ въ великихъ пьянствахъ невѣжествы своими поздравляютъ Вашему Императорскому Величеству, наливаютъ покалы великіе и пьютъ смертно, а другихъ, которые не пьютъ, тѣхъ заставливаютъ сильно, и мнозіи во пьянствѣ своемъ проговариваются, и къ тѣмъ празднымъ словамъ при-

метываются приказные и прочіе чины, и отъ того становятся великіе изъяны. Еще же отъ тѣхъ пьянствъ впалъ народъ въ великую слабость и не радѣетъ о домовыхъ работахъ, и отъ того будетъ подушному окладу великая остановка и таможеннымъ сборамъ недоборы великіе, и взять будетъ не на комъ, а между ими, откупщиками и компанейщиками, купечеству великое зазрѣніе и отъ Вашего Императорскаго Величества сомнѣніемъ гнѣвъ. Тѣ откупщики и компанейщики крадутъ отъ Васъ высокую Императорскую милость, лестію отвращаютъ народъ, яко антихристъ, или яко прегордый Аманлеснъ возбуди Артаксеркса Царя гнѣватися на пѣвники Іерусалимскіе, погубити невинныхъ смертію, тако и Васъ, Великую Самодержицу, наводятъ имѣть великой гнѣвъ на подданное свое вѣрное Россійское купечество, яко бы нерадѣніемъ и слабостію оные сборы уронены, и за такіе недоборы оныхъ грабителей и всему міру досадителей многіе города разоряются, за ни потаенные и возвышенные воровскіе сборы. Стало между всѣми городами въ сборахъ великое помѣшательство: гдѣ откупы, тут необычные приборы; гдѣ вѣрные городы, тутъ великіе недоборы и отъ того всему купечеству великая вреда и крайняя нищета, и со оными откупщиками и компанейщиками во всякихъ службах Вашего Императорскаго Величества великое несогласіе, и въ роменствѣ всякихъ службъ не служатъ. На таковыхъ откупщиковъ и компанейщиковъ воровъ и злодѣевъ, хищниковъ и міру досадителей, свидѣтельствуетъ взаконенная грамота и проклинаетъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, положенная въ Соборной церкви Успенія Пресвятыя Богоматере, подъ престоломъ Господнимъ, врученная Святымъ Чудотворцемъ Петру, Алексѣю, Іонѣ и Филиппу, всея Россіи Чудотворцемъ, блаженныя и вѣчно достойныя памяти дѣда Вашего, всемилостивѣйшаго Государя, Царя, Алексѣя Михайловича за подписаніемъ собственной руки его и за златою печатію, хранимая Вышнимъ Богомъ и Святыми Чудотворцы. Напечатана сія взаконенная грамота въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто отъ Рождества Христова 1654 года, Апрѣля 30 дня. Всемилостивѣйшая Государыня, ежели повелѣно будетъ по прежнему на вѣру съ разсмотрѣніемъ, понеже тѣмъ вѣрнымъ выборнымъ и ларешнымъ.... пятикопеешнаго платежа и пятиденежнаго фальшить и украсть ни какъ не возможно, понеже взять съ пятикопеешнаго платежа двѣ копейки, или съ пятиденежнаго платежа одну копей-

ку, а написать въ настоящую шнуровальную книгу по пяти копеекъ, или по пяти денегъ, и тѣ деньги доправятся на нихъ выборныхъ и ларешныхъ, или на тѣхъ гражданехъ, а Вашь великій интересъ всегда въ волости содержать будетъ, а между всѣми Россійскими народы изъимутся всякія напрасныя обиды и будетъ согласная и неразрывная любовь. Сего ради Вашему Императорскому Величеству нижайшій рабъ, преклоняя колѣно въ вѣрности, доношу, и о всемъ народѣ неусыпно стараніе имѣю.

УКАЗЪ

ЕПИСКОПА ПЕРЕСЛАВСКАГО АМВРОСІЯ,

ПЕРЕСЛАВСКАГО НИКИТСКАГО МОНАСТЫРЯ АРХИМАНДРИТУ НИФОНТУ,

О НЕЛОМАНІИ СТАРАГО ДО ОСНОВАНІЯ.

Указъ Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійскія, изъ Переславской Духовной Консисторіи, Переславскаго Никитскаго монастыря Архимандриту Нифонту. Сего Февраля 14 дня, 1755 года, присланнымъ къ Его Преосвященству, Святѣйшаго Правительствующаго Синода Члену, Великому Господину, Преосвященнѣйшему Амвросію, Епископу Переславскому и Дмитровскому, и Ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря Архимандриту, отъ васъ, Архимандрита, доношеніемъ требовано о разобраніи обветшавшихъ въ оном монастырѣ отъ давняго построенія и свидѣтельствованныхъ Преосвященнымъ Серапіономъ, Епископомъ бывымъ Переславскимъ, что нынѣ Вологодскій, двухъ церквей: больничной, во имя Святаго Священномученика Георгія, Епископа Милитійскаго, да на святыхъ вратѣхъ во имя Святаго Архистратига Гавріила, церковныхъ сводовъ и олтаря и протчихъ строеніевъ, и о произвожденіи вновь строенія резолюціи, а въ какомъ нынѣ объявленныя церкви, также и столпъ Преподобнаго Никиты Столпника, Переславскаго Чудотворца, обстоятъ строеніи, и какимъ манiромъ оныя святыя церкви и трапезу построить, присланы планы. На которомъ доношеніи, въ наложенной Его Преосвященства помѣтѣ, изображено тако: На свидѣтельство Преосвященнаго Серапіона не для чего ссылаться, понеже онъ и все ломалъ, какъ извѣстно, а ничего

ббраго вновь, какъ въ Никитскомъ, такъ и въ другихъ монастырехъ, не построилъ; чего ради смотрѣть накрѣпко теперь, не чтобы старое до основанія ломать, но чтобы, по примѣру, какъ мы сдѣлали въ Горицкомъ, изъ стараго новое нѣчто, получше прежняго, не ломаючи до фундаменту напрасно, сдѣлать; и по тому, разсмотря сіе и присланные чертежи въ Консисторіи, послать Указъ, чтобы онъ, по помѣтѣ нашей, первѣе всего церковь соборную, и въ ней святый иконостасъ, благолѣпно поновилъ извнѣ и внутрь стѣнописаніемъ украсилъ; 2-е, келіи трапезныя, примѣромъ Горицкимъ непремѣнно бы передѣлалъ; 3-е, келіи готовыя, которыя Преосвященный Серапіонъ за трапезою полемныя построилъ, а оныя не отдѣланныя до сихъ поръ стоятъ и впредь, какъ изъ всего видно, такъ будутъ, какъ для здоровыхъ, такъ и для больничныхъ братій, достроить, и въ нихъ печи, и полы, и окошки, и двери подѣлать; еще же и росчатой въ слободѣ прудъ докончить по надлежащему; и тако сіе устроивши и съ казною смѣкнувшись, тогда предлагаемое строеніе, по пріобщеннымъ чертежамъ, начинати. Сію помѣту можно и такъ обратно послать; но понеже о прежней нашей помѣтѣ, и сдѣлалъ ли хоть мало по ней, ничего не упоминаетъ, того для, какъ выше изображено, послать Указъ къ Архимандриту, чтобы онъ по сему исполненіе учинилъ непремѣнное, и дондеже всего строенія наличнаго подобающимъ украшеніемъ не возобновитъ, дотолѣ вновь другихъ строеній ни какихъ не росчиналъ; а дабы время напрасно, такъ какъ до сего времени, не уходило, подрядить нынѣшнимъ временемъ Александровскихъ иконниковъ и своихъ заставить поновлять и вновь написать въ соборный иконостасъ всѣ иконы и по надлежащему раззолотить и раскрасить красками зелеными. Да на присланномъ же планѣ столпу Преподобнаго Никиты, Переславскаго Чудотворца, Его Преосвященствомъ подписано: попросить Господина Архитектора, что въ Свято-Троицкой Лаврѣ, о новомъ чертежѣ для сего святаго столпа, какимъ бы его образомъ лучше украсить. Того ради, по Ея Императорскаго Величества Указу, въ Переславской Духовной Консисторіи, во исполненіе означенной Его Преосвященства помѣты, опредѣлено: для надлежащаго, въ силу вышеписанной Его Преосвященства резолюціи исполненія, къ вамъ, Архимандриту Ипфонту, послать Указъ; а каковое когда о монастырскомъ строеніи предложеніе Его Преосвя-

щенству отъ васъ имѣлось, и на оное Его Преосвященства помѣта послѣдовала, съ того списавъ точнѣе копіи, прислать, и, что по оной учинено, репортовать въ Консисторію въ скорости; и Переславскаго Никитскаго монастыря Архимандриту Нифонту чинить о томъ по сему Ея Императорскаго Величества Указу, а присланные отъ васъ планы, для храненія впредь до будущаго строенія, посылаются при семъ. Февраля 15-го дня, 1755 года.

Игуменъ Боголѣпъ Пустынно-Лукіановскій.

Секретарь Аполлосъ Наумовъ.

Канцелярист Андрей Осиповъ.

ОПИСАНІЕ ВЫБОРА ДЕПУТАТА
ОТЪ ГОРОДА С.-ПЕТЕРБУРГА
ВЪ КОММИССІЮ О СОЧИНЕНІИ ПРОЕКТА НОВАГО УЛОЖЕНІЯ.

Какимъ образомъ Голова и повѣренные города С.-Петербурга, Генваря 29-го дня, собравшись въ домъ, назначенный для выбора Депутата, пошли въ церковь и, отслушавъ Божественную Литургію съ молебномъ и водоосвященіемъ, Начальникомъ были приведены къ присягѣ и, прибывъ обратно въ помянутый домъ, оную подписали, то все обстоятельно списано въ журналѣ Генерала-Полиціймейстера, Его Превосходительства, Николая Ивановича Чечерина.

Городской Голова, Его Превосходительство, Николай Ивановичъ Зиновьевъ, по полученіи отъ Начальника подписанныя всѣми присутствовавшими присяги, сѣлъ въ свое мѣсто и предложилъ собранію выбирать Депутата, по учиненному ими въ церкви, предъ Святымъ Евангеліемъ, клятвенному обѣщанію, что и началось въ 1 часу по полудни, тѣмъ порядкомъ, который въ спискѣ, полученномъ отъ Начальника, наблюденъ былъ. По окончаніи баллотированія именъ всѣхъ ста пяти человѣкъ повѣренныхъ, по большинству голосовъ, избранъ былъ Депутатомъ Его Сіятельство, Генералъ-Поручикъ и Генералъ-Адъютантъ, Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, и сперва отъ Городскаго Головы, потомъ и отъ всего собранія, съ тѣмъ поздравленъ. Новоизбранный Депутатъ благодарилъ за довѣренность, отъ города ему оказанную, присовокупляя къ сему, что онъ возлагаемое на него своими согражданами званіе, по мѣрѣ силъ своихъ, съ усердіемъ отправлять потщится. Послѣ чего Городскимъ Головою представлено было собранію, чтобъ дали полномочіе Депутату и означили пять человѣкъ изъ наличныхъ, въ числѣ которыхъ и нѣсколько купцовъ быть должны, для сочиненія Наказа Депутату и прошеній отъ города. Единогласно всѣми присутствующими избраны были къ нему С.-Петербургскіе купцы: Григорій Никоновъ и Семенъ Галактіоновъ, о прочихъ же трехъ, какъ не всѣ согласились, но иные тѣхъ, другіе другихъ выбирали, числомъ восемь человѣкъ, то Его

Превосходительство, Николай Ивановичъ Зиновьевъ, велѣлъ приступити къ баллотированію спорныхъ именъ. Послѣ онаго оказалось, что, при сочиненіи Наказа съ прошеніями, собраніе, большинствомъ голосовъ, полагаетъ быть Ихъ Превосходительствамъ, Данилу Аѳанасьевичу Мерлину, Адаму Васильевичу Олсуфьеву и изъ купцовъ Ивану Щукину. Учиня сіе, Городской Голова просилъ выбранныхъ, именемъ всего города, поручаемое симъ дѣло, вмѣстѣ съ нимъ, къ удовольствію и пользѣ всѣхъ согражданъ своихъ, совершить, и означилъ 1-е число Февраля собранію для представленія въ ономъ городскихъ нуждъ, чтобы, разсмотрѣвъ оныя, сочинить Депутату Наказъ съ прошеніями, предъ самымъ окончаніемъ собранія въ 4 часу по полудни. Изъ С.-Петербургскаго купечества всѣ присутствовавшіе тогда, подошедши къ Его Превосходительству, Николаю Ивановичу Зиновьеву, предложили, что, за Высочайшія Ея Императорскаго Величества милости, въ знакъ Всеподданнѣйшаго своего благодаренія, они намѣрены, не сомнѣваяся и о прочей своей собратіи, что съ великимъ усердіемъ на то согласятся, добровольно подписать сумму на поставленіе въ семъ городѣ монумента, во славу имени Всемилостивѣйшія Императрицы и Самодержицы Всероссійскія, Екатерины Второй, и чтобъ Его Превосходительство далъ имъ для сея подписки отъ себя листъ. Городской Голова, видя толикую ихъ ревность, согласился желаніе ихъ исполнить. И такъ, благодаря Всемогущаго Творца, за даруемое свыше благопоспѣшіе въ начинаніи великаго дѣла, предпринятаго Ея Императорскимъ Величествомъ и обнародованнаго въ Манифестѣ 1766 года, Декабря 14-го дня, собственноручно подписанномъ, съ радостнымъ сердцемъ все собраніе разъѣхалось по домамъ.

По предложенію повѣренныхъ отъ купечества города С.-Петербурга, Генваря 29-го дня, 1767 года, въ собраніи выбора Депутатскаго учиненномъ, чтобъ поставить въ семъ городѣ монументъ, для прославленія имени Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшія нашея Государыни Императрицы, въ знакъ искренняго нашего благодаренія, за безпримѣрныя Ея милости и щедроты, и собрать на то добровольно всѣми подписуемую сумму, я чрезъ сіе, С.-Петербургскому купечеству оное, согласное всѣхъ ихъ и повѣренныхъ, намѣреніе предлагаю, и для помянутой добровольной къ тому подписки сей листъ, мною подписанный, посылаю.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ПСКОВСКОЙ СЕМИНАРІИ

ОТЪ

НАЧАЛА ДО ПРЕОБРАЗОВАНІЯ ЕЯ ПО ПРОЕКТУ УСТАВА

1814 ГОДА.

СОЧИНЕНІЕ

А. Князева.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Находя, что самый умный и ревностный воспитатель любаго учебнаго заведенія мало принесетъ ему пользы, если станетъ дѣйствовать на него, руководствуясь одними личными своими взглядами и убѣжденіями, безъ отношенія къ его предшествующей жизни и тѣмъ обстоятельствамъ, которыя имѣли вліяніе на его развитіе, я всячески старался уяснить себѣ постепенный ходъ внѣшняго и внутренняго устройства того духовнаго разсадника, въ которомъ Господь судилъ мнѣ быть наставникомъ и воспитателемъ слишкомъ 20-ть лѣтъ. Предлагаемый мною вниманію читателей очеркъ его исторіи и есть плодъ такого моего усилія. Жаль, что онъ не столько совершенъ, сколько требовало этого и самое дѣло и мое желаніе. При крайней скудости данныхъ, необходимыхъ для сообщенія ему желаемаго совершенства, больше сдѣлать нельзя было ни чего. Впрочемъ, и въ томъ видѣ, какой онъ имѣетъ, онъ не можетъ быть лишнимъ, какъ для пополненія свѣдѣній, по части общей исторіи духовнаго образованія въ Россіи, такъ и для тѣхъ трудовъ, какіе предпринимаются у насъ, въ

настоящее время, по предмету преобразованія нашихъ Духовныхъ Училищъ. По этому и рѣшаюсь издать его въ свѣтъ.

Александръ Князевъ.

Генваря 29 дня, 1863 г.
С.-Петербургъ.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ПСКОВСКОЙ СЕМИНАРІИ ДО ПРЕОБРАЗОВАНІЯ ЕЯ.

Нѣтъ сомнѣнія, что и въ Псковѣ, какъ въ Великомъ Новгородѣ,[1] которые, въ гражданскомъ отношеніи, по 1478 г., а въ церковномъ по 1589 годъ, были тѣсно между собою связаны, съ самыхъ первыхъ временъ Христіянства въ Россіи, въ большей или меньшей мѣрѣ, поддерживалось просвѣщеніе. Изъ житія Преподобнаго Никандра, Псковскаго Чудотворца[2] (род. 1507, ум. 1582), видно, что въ Псковѣ, даже въ 16-мъ вѣкѣ, когда вообще просвѣщеніе въ Россіи находилось въ жалкомъ состояніи, существовало училище, гдѣ Преподобный навыкъ разумѣнію Свящ. Писанія. Но древнія Псковскія училища, безъ сомнѣнія, были народныя, въ которыхъ воспитывались дѣти всѣхъ сословій. По крайней мѣрѣ, ни откуда не видно, чтобы до Петра 1-го существовали на сѣверѣ Россіи учебныя заведенія для того или другаго сословія въ частности. И при Петрѣ не вдругъ они явились. Высочайшими указами 1714 и 1716 г.,[3] повелѣно было учреждать при Архіерейскихъ домахъ и въ знатнѣйшихъ монастыряхъ цифирныя школы; такая школа была открыта и въ Псковѣ,[4] но и въ этихъ заведеніяхъ должны были учиться, вмѣстѣ съ духовными дѣтьми, ребятки другихъ чиновъ и людей, какъ сказано о таковыхъ школахъ въ именномъ указѣ, отъ 28 Декабря, 1715 г. Духовное образова-

---

[1] Истор. С.-Пб. Духовной Академіи.

[2] Словарь о Русск. Святыхъ, стр. 203.

[3] Полн. Собр. Зак., т. VI, стр. 4126.

[4] Истор.-Стат. Обозрѣніе Учебн. Заведеній С.-Пб. Округа, Воронова, стр. 3.

ніе въ Россіи отдѣлилось отъ народнаго только съ изданіемъ, въ 1721 году, Духовнаго Регламента, которымъ каждому Архіерею вмѣнялось въ непремѣнную обязанность заводить при своихъ домахъ школы собственно Духовныя для дѣтей Священническихъ, или и прочихъ, въ надежду священства опредѣленныхъ, и указывались правила и средства для устройства и содержанія этѣхъ школъ.[5] Съ этого времени начинается и предлагаемый очеркъ. Для лучшаго обзора разнородныхъ предметовъ, мы представляемъ его въ двухъ отдѣлахъ, имѣя при этомъ въ виду введеніе, въ 1765 году, постоянныхъ средствъ для содержанія Духовныхъ Училищъ, и то, что съ этого времени духовное образованіе въ Псковѣ замѣтно стало подвигаться впередъ.

ОТДѢЛЪ I-Й.

ОТЪ ОСНОВАНІЯ ПЕРВОЙ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ ВЪ ПСКОВѢ ДО 1765 ГОДА.

Учебная и нравственная часть.

Первая Духовная школа въ Псковѣ открыта знаменитымъ ревнителемъ духовнаго просвѣщенія, Рафаиломъ Заборовскимъ,[6] съ 1725 года по 1731 годъ Епископомъ Псковскимъ и Изборскимъ, а съ 1731 по 1747 г. Архіепископомъ и Митрополитомъ Кіевскимъ. Указомъ Св. Синода, отъ 22 Августа, 1727 года, уже была требуема отъ него вѣдомость о томъ, сколько въ его Епархіи учениковъ съ начала было и въ то время обрѣталось, въ какое достоинство, куда произведены и проч. Эта вѣдомость и была имъ послана въ Св. Синодъ, 13 Ноября, того же года.[7]

---

[5] Домы училищ. §§ 1, 2, 3 и д.

[6] Словарь Дух. Пис., Евгенія.

[7] Репортъ Псков. Архіер. дома, отъ 23 Декабря, 1727 г. По Исторіи Росс. Іерархіи, эта школа открыта въ Псковѣ въ 1728 г. (ч. I, стр. 430). Но это свѣдѣніе невѣрно.

Первоначальная Архіерейская школа въ Псковѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, называлась Славяно-Россійскою, и соотвѣтствовала первому классу Приходскихъ училищъ, учрежденныхъ по Высочайше утвержденному проекту въ 1814 году. Въ ней учили читать по церковной печати и писать по Русски. Безъ всякаго сомнѣнія, сообщали и нѣкоторыя понятія о главныхъ истинахъ Вѣры и правилахъ жизни Христіянской. Въ другихъ мѣстахъ, кромѣ сказаннаго, въ этѣхъ школахъ преподавали Ариѳметику и Грамматику.[1] Быть можетъ, то же дѣлалось, въ нѣкоторой мѣрѣ, и въ школѣ Псковской, но изъ бумагъ этого не видно. Въ 1756 г., въ Псковской Славяно-Россійской школѣ, когда уже существовали при ней и школы Латинскія, открытъ былъ, такъ называвшійся, Инсарскій классъ, соотвѣтствовавшій 2-му классу нашихъ Приходскихъ Училищъ. Въ немъ учили читать по Русски и по Латыни и продолжали учить читать Часословъ и Псалтирь.

За открытіемъ, при Псковскомъ Архіерейскомъ домѣ, школы Славяно-Россійской, слѣдовало открытіе при ней школъ Латинскихъ. Первый Латинскій классъ въ Псковѣ открытъ въ 1733 г., извѣстнымъ любовію къ духовному просвѣщенію пастыремъ Псковскимъ, Варлаамомъ Леницкимъ. Въ 1738 году, въ Псковскихъ Духовныхъ школахъ были уже слѣдующіе классы: Славяно-Россійскій (какъ сказано, соотвѣтствовавшій Приходскому Духовному Училищу), Фара, Инфима (соотвѣтствовавшіе Низшему Отдѣленію Духовныхъ Училищъ), Грамматическій, Синтаксическій (соотвѣтствовавшіе Высшему Отдѣленію Уѣздныхъ Духовныхъ Училищъ), Пінтическій, Риторическій (соотвѣтствовавшіе Низшему Отдѣленію нынѣшнихъ Духовныхъ Семинарій). Въ 1739 году введенъ классъ Философскій, а въ 1746 году, Преосвященнымъ Симономъ Тодорскимъ, открытъ и класъ Богословскій.[2] Всѣ эти классы въ совокупности составляли одно учебное заведеніе, имѣвшее значеніе среднихъ нашихъ училищъ.

---

[1] Истор. С.-Пб. Дух. Академіи, стр. 8. По свидѣтельству Исторіи Росс. Іерархіи, въ Псковской Славяно-Россійской школѣ обучали азбукѣ, Часослову, Псалтири, пѣть, писать, Десятословію съ толкованіемъ и Славянской Грамматикѣ (ч. 1, стр. 430).

[2] Дѣла Псков. Духов. Консист съ 1738 по 1739 г.

Со введеніемъ Латинскихъ классовъ, Псковскія духовныя шк
лы, какъ и въ другихъ Епархіяхъ, назывались Славяно-Латинск
ми. Между 1746 и 1752 годами, въ оффиціальныхъ бумагахъ он
стали называться Семинаріей.

Главными предметами обученія въ Псковскихъ Латинских
школахъ, какъ самыя названія классовъ ихъ показываютъ, был
Латинскій языкъ, Піитика, Риторика, Философія, Бог
словіе. Но какіе въ нихъ преподавались предметы второстепенны
въ разсматриваемое нами время, объ этомъ почти ничего опр
дѣленнаго сказать не можемъ, по недостатку данныхъ. Сохран
лись за нѣкоторые годы вѣдомости объ успѣхахъ учениковъ, пре
ставленныя учителями школъ въ Консисторію, но въ этѣхъ вѣ
мостяхъ говорится объ успѣхахъ по всему классу вообще, а не
каждому предмету его въ частности. На пр., въ нихъ пишется:
Фарѣ ученики успѣли такъ-то, въ Инфимѣ такъ-то.... а по како
именно предмету Фары, или Инфимы, ученики такъ, или иначе, усп
ли — объ этомъ ни слова. И въ другихъ бумагахъ слишкомъ ма
упоминается о преподаваніи второстепенныхъ предметовъ. Толь
и знаемъ изъ нихъ, что Физика и Греческій языкъ преподавали
въ Псковскихъ духовныхъ школахъ и до 1765 года. Въ 1743 г.
въ Октябрѣ, Преосвященнымъ Стефаномъ приказано было поня
тнѣйшихъ и надежнѣйшихъ учениковъ обучать Греческому язык
по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, послѣ обѣда, какова
обязанность возлагалась имъ на прибывшаго тогда же изъ Але
сандро-Невской Семинаріи воспитанника, Георгія Балашова. Мо
но полагать, что если признано было необходимымъ на первы
же порахъ преподаваніе въ Латинскихъ школахъ Физики и Гре
ческаго языка, то, конечно, на столько же необходимымъ нам
находить преподаваніе въ нихъ и нѣкоторыхъ другихъ наукъ: Ге
графіи, Исторіи, чему учили, въ это время, въ другихъ Архіере
скихъ Латинскихъ школахъ,[10] тѣмъ болѣе, что эти предметы и Ре
ламентомъ положено было проходить въ духовныхъ школахъ. В
послѣдствіи они, дѣйствительно, въ Псковской Семинаріи и пре
подавались.[11] Не видимъ изъ бумагъ и того, по какимъ руковод

[10] Исторія С.-Пб. Дух. Академіи, стр. 21.

[11] Указъ Св. Синода, отъ 27 Декабря, 1755 г.

вамъ въ первое время учились воспитанники Псковскихъ школъ: роятно, по тѣмъ же, по какимъ учились духовные воспитанники въ другихъ Епархіяхъ.[12] Относительно метода преподаванія въ о время предметовъ, можемъ сказать только то, что уроки спер- диктовались, а потомъ уже экспликовались, какъ тогда ворили.[13]

Учениковъ набирала въ Семинарію Консисторія. Такъ, въ 52 году, требуемы были въ Консисторію всѣ дѣти отъ 7-ми лѣтъ выше, и за тѣмъ годные поступали въ училище, а прочіе от- ны были подъ росписку для обученія въ домы родителей.

Съ 1730 по 1738 годъ въ Псковской школѣ всѣхъ учениковъ ало 140,[14] а на лицо находилось 92 человѣка; въ 1738 г. всѣхъ ениковъ въ ней считалось 254,[15] а на лицо находилось 200. еники были въ низшемъ классѣ не менѣе 9 лѣтъ, въ высшемъ болѣе 22 лѣтъ.[16] Въ 1739 году значилось всѣхъ 206,[17] а на цо 150; въ 1740 году было всѣхъ 267,[18] а на лицо 242; въ

Истор. С.-Пб. Дух. Академіи, стр. 10.

Дѣло Псков. Консисторіи.

Изъ этого числа отдано было въ военную службу 31, уволено за болѣзнію 6, умерло 10, бѣжало 4 и уволено въ причтъ 6.

А именно: въ Славяно-Россійской школѣ 89; въ Фарѣ 60, изъ коихъ бѣ- жало 5, отдано въ военную службу 14, умеръ 1, уволенъ за болѣзнію 1, уволено въ причтъ 3; въ Инфимѣ 34, изъ коихъ отдано въ военную службу 9, въ домъ 1, умерло 3, бѣжало 4, уволено въ причтъ 3; въ Грамматикѣ 27, изъ коихъ отдано въ военную службу 7; въ Синтаксимѣ 22; въ Пінтикѣ 9, изъ коихъ 1 умеръ; въ Риторикѣ 13.

Дѣло Псков. Дух. Консисторіи за 1738 г.

Именно: въ Славяно-Россійской школѣ 74, а за исключеніемъ умершихъ, бѣжавшихъ, уволенныхъ въ домъ 56; въ Фарѣ 42, изъ нихъ бездарныхъ 2; въ Инфимѣ 18, изъ нихъ бездарныхъ 7; въ Грамматикѣ 19, изъ нихъ без- дарныхъ 8; въ Синтаксимѣ 11, изъ нихъ умершихъ 3, бездарныхъ 7; въ Пінтикѣ 10; въ Риторикѣ 24; въ Философіи 8.

Именно: въ Славяно-Россійской школѣ 114, изъ коихъ бездарныхъ 13; въ Фарѣ 56, изъ нихъ бездарныхъ 43; въ Инфимѣ 9, изъ нихъ бездарныхъ 3; въ Грамматикѣ 18, изъ нихъ бездарныхъ 9; въ Синтаксимѣ 22, изъ нихъ

1741 году числилось всѣхъ 253,[19] а на лицо 198; въ 1743 году было всѣхъ 242,[20] и на лицо 242; въ 1745 году всѣхъ въ Славянской школѣ было 76 человѣкъ. Самый малый изъ 8 лѣтъ, самый старшій 19 лѣтъ; поступили въ училище не ранѣе 1740 г. Въ 1746 году значилось всѣхъ 213,[21] и на лицо 213; въ 1755 г. было всѣхъ 224,[22] и на лицо 224; въ 1756 г. всѣхъ было 120,[23] на лицо 113, кромѣ бѣжавшихъ. Кромѣ того, уволенныхъ въ домы родителей для обученія значилось въ концѣ 1756 года 70 человѣкъ. Въ 1759 году было всѣхъ 197,[24] и на лицо 197; въ 176

бездарныхъ 7; въ Піитикѣ 10, изъ нихъ бездарныхъ 3; въ Риторикѣ 30, изъ нихъ бездарныхъ 6; въ Философіи 8, изъ нихъ бездарныхъ 3; въ сбѣгахъ было во всѣхъ классахъ 25.

[19] Въ Славяно-Россійской школѣ 110, изъ нихъ взятыхъ въ С.-Петербургъ 2 человѣкъ, уволенныхъ 6, бездарныхъ 27; въ Фарѣ 40, изъ нихъ бездарныхъ 20; въ Инфимѣ 19, изъ нихъ бездарныхъ 7; въ Грамматикѣ 10, изъ нихъ бездарныхъ 2; въ Синтаксимѣ 16, изъ нихъ бездарныхъ 7; въ Піитикѣ 16 изъ нихъ бездарныхъ 7; въ Риторикѣ 30, изъ нихъ бездарныхъ 4; въ Философіи 12, изъ нихъ бездарныхъ 4; въ сбѣгахъ во всѣхъ классахъ было 2

[20] Въ Философіи 15, въ Риторикѣ 31, въ Піитикѣ 11, въ Синтаксимѣ 12, в Грамматикѣ 11, въ Инфимѣ 18, въ Фарѣ 59, въ Славяно-Россійской школѣ 8

[21] Въ Славяно-Россійской школѣ 79, изъ нихъ бездарныхъ 33; въ Фарѣ 31 изъ нихъ бездарныхъ 8; въ Инфимѣ 19, изъ нихъ бездарныхъ 8; въ Грамматикѣ 22, изъ нихъ бездарныхъ 12; въ Синтаксимѣ 17, изъ нихъ бездарныхъ 2; въ Піитикѣ 14, изъ нихъ одинъ бездарный; въ Риторикѣ 11, изъ нихъ 7 бездарныхъ; въ Философіи 20, изъ нихъ бездарныхъ 6.

[22] Въ Философіи 12, въ Риторикѣ 15, въ Піитикѣ 9, въ Синтаксимѣ 6, в Грамматикѣ 5, въ Инфимѣ 17, въ Фарѣ 40, въ Славяно-Россійской школѣ 120.

[23] Въ 1756 г., въ 1-й половинѣ не было въ Философіи ни одного ученика, в Риторикѣ тоже, въ Піитикѣ тоже, въ Грамматикѣ было 12, въ Инфимѣ 10 въ Фарѣ 10, въ Славяно-Россійской школѣ 76, изъ нихъ 8 бѣжавшихъ (такъ значилось въ вѣдомостяхъ, поданныхъ въ Консисторію въ началѣ Мая 175 г., но въ другихъ вѣдомостяхъ, поданныхъ туда же почти въ то же время значилось въ Славянской школѣ 88 человѣкъ, въ томъ числѣ 6 бѣжавшихъ).

[24] Въ Риторикѣ 11, въ Піитикѣ 15, въ Синтаксимѣ 6, въ Грамматикѣ 9, в Инфимѣ 11, въ Фарѣ 21, въ Писарскомъ 41, въ Славянской школѣ 83.

году числилось всѣхъ 212,[25] и на лицо 212; въ 1761 году находилось всѣхъ 226,[26] и на лицо 226.

Ученики переводились изъ класса въ классъ послѣ испытаній, которыя, обыкновенно, производились Семинарскимъ Начальствомъ предъ отпускомъ на ваканцію.[27]

Если ученики худо усвоили какой ни будь предметъ въ низшемъ классѣ, то его снова преподавали имъ въ высшемъ классѣ.[28] Такъ, въ 1752 году, ученикамъ Философіи снова преподавалась Риторика, по тому что они худо знали ее. Нѣкоторые ученики слушали, на пр., Философію одинъ курсъ, другіе два.[29]

Нѣкоторые изъ учениковъ высшихъ классовъ принимали монашество, и въ этомъ званіи продолжали учиться.[30]

По окончаніи курса ученія, большая часть воспитанниковъ поступала въ церковный причтъ; другіе, особенно монашествующіе, опредѣлялись на учительскія должности при Семинаріи. О другихъ назначеніяхъ воспитанниковъ Семинаріи, въ разсматриваемое нами время, кромѣ поступленія довольнаго числа ихъ въ военную службу, по распоряженію Правительства, ничего не знаемъ. Въ послѣднюю поступали ученики и изъ самыхъ низшихъ классовъ.

При той странной нерасположенности родителей и дѣтей къ общественному образованію (на пр., въ 1744 году, изъ Семинаріи бѣжало до 60 учениковъ, коихъ, какъ видно изъ рапортовъ, и отыскать не могли), какая замѣчалась въ старые годы во всѣхъ

---

[25] Въ Риторикѣ 17, въ Піитикѣ 14, въ Синтаксимѣ 11, въ Грамматикѣ 8, въ Инфимѣ 9, въ Фарѣ 26, въ Писарскомъ 58, въ Славянской школѣ 69.

[26] Въ Риторикѣ 22, въ Піитикѣ 18, въ Синтаксимѣ 16, въ Грамматикѣ 11, въ Инфимѣ 14, въ Фарѣ 33, въ Писарскомъ 53, въ Славянской школѣ 59.

[27] Дѣло Псков. Дух. Консист., отъ 18 Сентября, 1752 г.

[28] Тамъ же.

[29] Тамъ же.

[30] Дѣло Псков. Дух. Консист., отъ 8 Октября, 1745 г.

сословіяхъ Русскихъ, и въ частности въ Духовенствѣ, а равно по недостатку учителей дѣльныхъ и другихъ средствъ, необходимыхъ для образованія, не льзя было ожидать и совершенныхъ успѣховъ отъ учениковъ Семинаріи, на первыхъ порахъ ея существованія, не только въ высшихъ, но и въ самыхъ необходимыхъ наукахъ. Не мало вредило расположенности учениковъ къ наукамъ и дурное обращеніе учителей съ учениками. Многіе бѣжали изъ школъ по тому, что учители жестоко наказывали ихъ розгами.[31]

Въ 1742 году Преосвященный выставлялъ на видъ Консисторіи, что, по ея небрежности, мало находилось учениковъ въ Латинскихъ школахъ; что, по ея невнимательности къ школамъ, самому первѣйшему дѣлу и весьма благополезному, нѣкоторые ученики учились Азбукѣ по три года, а Часослову семь лѣтъ.[32] Въ 1745 году Преосвященный Стефанъ, требуя отъ Консисторіи подробныхъ свѣдѣній о состояніи Славяно-Россійской школы, выставлялъ на видъ то, что ни у кого почти изъ учениковъ Псковской Славяно-Латинской школы не только у обучающихся, но и у обучавшихся уже, нѣтъ чистаго и добраго, какъ Русскаго, такъ и Латинскаго, характера. Хотѣлъ знать, между прочимъ, кто тому причиною, и можно ли сдѣлать впредь исправленіе? и учитель школы, на требованіе Консисторіи по сему случаю, отвѣчалъ: «По чему обучающіеся въ Латинскихъ школахъ и обучавшіеся худо пишутъ по Русски и по Латыни, и кто тому причиною, я не знаю, по тому что то до меня было. Впрочемъ, исправленія ожидать можно, по тому что о. Префектъ, съ самаго поступленія моего на службу, не переводитъ изъ класса въ классъ того, кто не хорошо пишетъ.»[33] Въ 1752 году до того ученики Риторики были малоуспѣшны, что нужно было перемѣнить учителей.[34] Въ 1756 году Семинарія была въ крайнемъ упадкѣ. Въ трехъ высшихъ классахъ не было даже ни одного ученика. Такой упадокъ Семинаріи Консисторія объясняла:

---

[31] Дѣло Псков. Дух. Консист. за 1743 г.

[32] Дѣло Псков. Дух. Консист.

[33] Дѣло Псков. Дух. Консист. за 1745 г.

[34] Дѣло Псков. Дух. Консист., отъ 28 Августа, 1746 г.

1. Болѣзнію Ректора и Префекта.

2. Тѣмъ, что въ высшихъ классахъ много было неспособныхъ и великовозрастныхъ, кои, по прошеніямъ, уволены были на мѣста.

3. Тѣмъ, что, по Высочайшему Указу 1755 года, праздные мѣста Епархіи непремѣнно должны были замѣститься, а такихъ мѣстъ слишкомъ было много. По этому почти всѣхъ учениковъ высшихъ классовъ и уволили на мѣста, такъ что эти классы должны были закрыться, и закрыты до новаго пополненія, и за всѣмъ этимъ осталось незамѣщенными до 330 мѣстъ. Говорили, что много церковнослужителей требовали завоеванныя страны.[35]

Первый изъ учителей Псковской Славянской школы встрѣчается въ бумагахъ Консисторскаго архива Священникъ Чернявскій, о которомъ Преосвященный Варлаамъ, Архіепископъ Псковскій и Нарвскій, писалъ въ Синодъ, что отъ него для школы мало пользы, что онъ и глазами мало видитъ. Въ слѣдствіе сего, по ходатайству того же Преосвященнаго, и присланъ былъ изъ Кіево-Печерской Лавры отъ Архимандрита Романа, для занятія учительской должности въ Псковской духовной школѣ, Іеромонахъ Манассія Косачъ;[36] но былъ ли онъ въ Славянской школѣ учителемъ — изъ бумагъ не видно. Послѣ Чернявскаго, сколько видно изъ бумагъ, учителями въ Славянской школѣ были: въ 1738 г. Стефанъ Яковлевъ, пономарь Георгіевской церкви съ болота, который, въ 1742 г. уволенъ за нерадѣніе; въ 1743 г. Стефанъ Свѣшниковъ; въ 1745 г. Георгіевскаго Собора Діаконъ Сергій Ивановъ Заклинскій; въ 1753 г. Діаконъ Яковъ Семеновъ; въ 1755 г. Троицкаго Собора Діаконъ Евѳимій Васильевъ; въ 1758 г. Мина Васильевъ.

Въ Писарскомъ классѣ учителями были: въ 1756 г. Андрей Соболевскій; въ 1758 г. Александръ Аѳанасьевъ Нарвскій; въ 1760 и 61 онъ же, въ санѣ Діакона Успенской Пароменской церкви.

---

[35] Дѣло Псков. Дух. Консист. за 1756 годъ.

[36] Дѣло Псков. Духов. Консист., отъ 29 Генваря, 1733 г.

Въ Фарѣ учили: съ 1733 г. Стефанъ Леваковскій; въ 1738 г. Максимъ Матѳѣевъ Данилевскій; въ 1743 г. Іеродіаконъ Игнатій Данилевичъ; въ 1745 г. Іеронимъ Іеродіаконъ; до 1755 г. Іоаннъ Лабецкій, сперва Діаконъ Васильевской съ Горки церкви, а потомъ Священникъ Михайло-Архангельскаго Собора; въ 1755 г. Андрей Соболевскій; въ 1760 Иванъ Даниловъ.

Въ Инфимѣ учителями были: съ 1755 г. Іеромонахъ Манассія; съ 1738 г. монахъ Сильвестръ; въ 1745 г. и прежде Іеродіаконъ Іеронимъ Григоровичъ; 1755 г. Спиридонъ Желтовскій, Діаконъ Пароменской церкви; послѣ него до 1758 г. Діаконъ Лабецкій; съ 1758 г. Семенъ Григорьевъ; въ 1760 г. Иванъ Даниловъ.

Въ Грамматическомъ классѣ учителями были: въ 1738 г. Стефанъ Зборомирскій; съ 1739 г. монахъ Сильвестръ (до монашества Стефанъ Стефановъ Леваковскій); въ 1745 г. монахъ Тихонъ Симоновичъ; въ 1751 г. Іеродіаконы: Іоиль и Симонъ; въ 1755 г. Іеродіаконъ Лаврентій, Любятовскаго монастыря Надсмотритель; въ 1755 г. Діаконъ Іоаннъ Лабецкій; въ 1760 г. Михаилъ Васильевъ.

Въ Синтаксическомъ классѣ учителями были: въ 1738 году монахъ Іосифъ; въ 1739 г. Стефанъ Васильевъ Зборомирскій; въ 1745 г. Іеродіаконъ Игнатій (Шалимовъ), Іеродіаконъ Тихонъ; въ 1751 г. Іеродіаконъ Іоиль и Іеродіаконъ Симонъ; въ 1756 г. Префектъ, Елеазаровскаго монастыря Игуменъ, Симонъ; въ 1758 г. Ѳедоръ Павловъ; въ 1760 г. Михаилъ Васильевъ.

Въ Пиитическомъ классѣ учили: въ 1738 г. Андрей Топольницкій; въ 1739 г. монахъ Іосифъ; въ 1745 г. Іеромонахъ Порфирій Сатковскій; въ 1746 г. Іеродіаконъ Лаврентій; въ 1751 г. Іеродіаконъ Іеронимъ, Іеродіаконъ Іоиль, за нетрѣзвость уволенный Преосвященнымъ Симономъ Тодорскимъ въ Святогорскій монастырь; въ 1758 г. Іеродіаконъ Іеронимъ; въ 1760 г. Игуменъ Наркиссъ Квѣтко.

Въ Риторическомъ классѣ учили: въ 1738 г. Іеромонахъ Геннадій; съ 1739 г. Андрей Топольницкій; въ 1745 г. Префектъ Іосифъ; въ 1746 г. Іеромонахъ Порфирій и Іеродіаконъ Амвросій; въ 1758 г. Іеромонахъ Лаврентій; въ 1760 г. Ѳедоръ Павловъ.

Въ Философскомъ классѣ учили: въ 1745 г. Ректоръ Геннадій, который, въ 1746 г., по открытіи Богословскаго класса, училъ вмѣстѣ и Богословію, 1749 г. Іеромонахъ Игнатій. Въ послѣдствіи Философію преподавали исключительно Префекты, какъ Богословіе — Ректоры.

Внутреннее Управленіе Семинаріей было конторное. Главнымъ начальствующимъ лицомъ въ Семинаріи былъ Ректоръ, завѣдывающій всѣми частями Семинарскаго управленія: учебною, нравственною и хозяйственною. Ближайшимъ помощникомъ его, по всѣмъ частямъ этого управленія, былъ Префектъ. Въ какомъ отношеніи находились Ректоръ и Префектъ, какъ къ Семинаріи, такъ и между собою, видно изъ указа домашней Конторы Преосвященнаго Симона Тодорскаго, отъ 15 Сентября, 1745 года. Въ немъ, между прочимъ, пишется: «Префекту, Елизаровскому Игумену Іосифу, быть по прежнему ... и по Ректорѣ смотрѣніе имѣть надъ всѣми школами, какъ надъ учителями въ обученіи благопоспѣшномъ учениковъ, такъ и надъ учениками въ прилежнѣйшемъ и нелѣпостномъ ученіи и въ препровожденіи добропорядочнаго жительства, а виновныхъ учениковъ за преступленіе наказывать, по разсужденію; а буде за философическими учениками (Богословскій классъ еще не былъ открытъ) имъ, Префектомъ, что непорядочное усмотрѣно будетъ, о томъ ему представлять и штрафовать съ согласіемъ Ректора.

СПИСОКЪ

Ректоровъ и Префектовъ Псковской Семинаріи, отъ ея основанія до 1765 года.

Ректоры:

1. **Геннадій**, въ мірскомъ званіи Григорій Андреевскій, сначала Игуменъ Великопустынскаго монастыря, нынѣ упраздненнаго, потомъ Архимандритъ Псково-Печерскаго монастыря, а съ 1751 года Епископъ Костромской. Начиналъ Ректорскую должность еще бывши мірянином, и назывался Директоромъ. Въ первый разъ о немъ упоминается въ дѣлахъ Консисторскаго архива подъ 1738 годомъ.

2. Игнатій (1751—53 г.), Игуменъ Великопустынскій. слабости здоровья уволился отъ училищной службы.

3. Симонъ, Елеазаровскаго монастыря Игуменъ, въ 1756 подписывался вмѣсто Ректора.

4. Лаврентій, Іеромонахъ, въ 1759 г. подписывался вмѣст Ректора.

5. Ѳеодосій, Святогорскій Архимандритъ, съ 1761 г. Епископъ Устюжскій.

6. Послѣ Ѳеодосія правили должность Ректора: Псково-Пе черскій Архимандритъ Іосифъ и Святогорскій Архимандритъ Де роѳей.

Префекты:

1. Іосифъ, Елеазаровскаго монастыря Игуменъ. О немъ упо минается съ 1742 по 1745 годъ.

2. Игнатій, Іеромонахъ. О немъ упоминается въ 1750 г.

3. Тихонъ, Іеромонахъ. О немъ упоминается въ 1751 г.

4. Симонъ, Елеазаровскій Игуменъ. О немъ упоминается с 1752 года. Уволился по болѣзни.

5. Лаврентій, Іеродіаконъ и Надсмотритель Любятовскаг монастыря. О немъ упоминается въ 1755 году.

6. Иларіонъ. Въ 1763 году значится Іеромонахомъ, въ 176 Игуменомъ. Въ томъ же году сдѣланъ Ректоромъ Троице-Сергіев ской Семинаріи.

Внѣшнее Управленіе Семинаріей.

Съ внѣшней стороны ближайшимъ образомъ Семинаріе завѣдывали мѣстная Консисторія и мѣстный Преосвященный, особенно послѣдній, такъ что она не иначе и называлась, как Семинаріею Его Преосвященства, а сами Преосвященные гово-

или о ней: «Въ нашихъ Славяно-Латинскихъ школахъ, въ нашей Семинаріи.» Пастыри Псковскіе, не смотря на то, что почти всѣ они жили въ столицѣ, какъ Члены Святѣйшаго Синода, принимали самое живое участіе во всемъ, что касалось ихъ школъ. Безъ ихъ разрѣшенія въ нихъ не дѣлалось ни чего, многое совершалось единственно по ихъ личному усмотрѣнію и распоряженію. Они открывали новые классы, вводили преподаваніе новыхъ предметовъ, назначали испытанныхъ ими лицъ на должности Ректора, Префекта, и руководили ихъ въ исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей, опредѣляли учителей на тотъ, или другой, предметъ, и каждый разъ, предъ начатіемъ ученія, указывали, что и какъ они должны были преподавать, наблюдали, какъ за ихъ нравственностію, такъ и за успѣхами и благонравіемъ учениковъ, изыскивали средства къ обезпеченію послѣднихъ въ содержаніи, успѣшныхъ въ наукахъ награждали, винныхъ штрафовали, употребляли всѣ мѣры къ ослабленію нерасположенности къ наукамъ, какъ въ ученикахъ, такъ и въ ихъ родителяхъ. Такъ въ 1742 году Преосвященный Стефанъ, замѣтивъ разныя неисправности по дѣламъ училищнымъ, писалъ слѣдующее распоряженіе:

1. Для обученія Славянской грамотѣ отдавать отцамъ, родственникамъ и свойственникамъ, кромѣ дѣтей сирыхъ и самыхъ бѣдныхъ, съ тѣмъ, чтобы, по обученіи этой грамотѣ, дѣти представлены были для обученія Латыни.

2. Отдавать на извѣстные сроки, смотря по тому, кто что имѣетъ изъ дѣтей, но ни въ какомъ случаѣ срокъ не долженъ простираться далѣе 3-хъ лѣтъ.

3. Кто таковыхъ дѣтей къ сроку не представитъ, того штрафовать.

4. Кто будетъ уволенъ въ домъ для обученія, на какой срокъ, съ какимъ обязательствомъ, о томъ немедленно рапортовать Его Преосвященству.

5. Отставить отъ должности Учителя Славяно-Россійской школы, Пономаря Стефана Яковлева, за нерадѣніе и оштрафовать.

а Ректору съ Префектомъ избрать на его мѣсто другаго изъ уч
никовъ Философіи, и строго смотрѣть за его исправностію.

6. Бѣглыхъ учениковъ Консисторіи въ скоромъ времени от
скать и представить въ школы безъ всякихъ, съ ихъ сторон
отговорокъ; иначе Консисторія будетъ оштрафована Преосвяще
нымъ за потворство, по которому она, не смотря на неоднокра
ныя подтвержденія Его Преосвященства, съ самаго вступлен
его на Псковскую каѳедру, допустила болѣе 30 человѣкъ жи
въ бѣгахъ.

7. Значущихся въ вѣдомостяхъ больными призвать въ Дух
ную Консисторію и, вмѣстѣ съ Ректоромъ и Префектомъ, приг
сивъ Лѣкаря, освидѣтельствовать и о послѣдующемъ, за ру
прикладствомъ свидѣтельствовавшихъ, отрепортовать Его Преос
щенству.

8. Безъ вѣдома и указа Его Преосвященства, ни этѣхъ у
никовъ, ни имѣющихъ поступить въ училище, хотя бы и за
лѣнію, не отпускать, подъ опасеніемъ штрафа.

9. Отнынѣ Консисторія должна смотрѣть, чтобы ка
Учители свое дѣло дѣлали усердно, такъ и ученики учил
прилежно. [37]

Въ какомъ духѣ Псковскіе пастыри дѣйствовали на Семи
рію, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго прекраснѣйш
наставленія Преосвященнаго Симона Тодорскаго начальствующи
и учащимъ въ Семинаріи, выраженнаго въ указѣ, отъ 28-го А
густа, 1746 года, по случаю назначенія отъ него, кому что п
подавать въ Семинаріи въ 1746—47 году. Вотъ это наставлен
«Обучати же учителямъ онымъ по самой Христіанской совѣсти,
великимъ тщаніемъ и попеченіемъ о душахъ обучающихся,
имѣетъ имуще воздати за ученіе свое во страшное Христо
пришествіе.»

Къ сожалѣнію, Псковская Консисторія, чрезъ которую Пр
священные исключительно дѣйствовали на Семинарію, бывъ

[37] Дѣло Псков. Д. Консист. Арх. за 1742 г.

лята дѣлами Епархіальнаго управленія и не имѣя у себя людей, совершенно понимавшихъ учебную часть, не могла дѣйствовать на Семинарію, какъ требовала ея польза. Отъ того въ управленіи Семинарскомъ происходилъ безпорядокъ. Консисторія ссылалась на Семинарію, Семинарія на Консисторію, и Преосвященнымъ часто было трудно даже знать истинное положеніе Семинаріи и употребить свою заботливость съ пользою для ней. На пр., въ 1745 году Преосвященному нужно было знать, сколько кому лѣтъ изъ учениковъ Семинаріи. Объ этомъ данъ былъ указъ въ Консисторію. Что же Консисторія? Она спросила Учителя, а Учитель отвѣчалъ: «Сколько кому лѣтъ изъ его учениковъ, о томъ знаетъ Консисторія, ибо не прежде ученикъ приводится въ школу, какъ въ Консисторіи запишутъ его лѣта.» [38] Съ самаго начала Архіерейскихъ школъ, Святѣйшій Синодъ, или по своимъ видамъ, или въ слѣдствіе Высочайшихъ распоряженій, относительно лицъ духовнаго званія, требовалъ отъ Архіереевъ вѣдомостей объ ученикахъ. Въ 1737 году дана была отъ Святѣйшаго Синода и форма для ежегоднаго составленія таковыхъ вѣдомостей. Но Псковская Консисторія, при всемъ этомъ, не смотря на строгія подтвержденія и Преосвященныхъ и Святѣйшаго Синода, или вовсе не представляла Преосвященному и Синоду, за нѣсколько лѣтъ сряду, требуемыхъ свѣдѣній объ ученикахъ, или представляла ихъ съ большими неисправностями и не въ свое время, [39] предлагая въ свое извиненіе иногда самыя странныя объясненія. На пр., въ 1756 году, на спросъ Преосвященнаго, почему Консисторія не представила вѣдомостей съ 1746 года, она отвѣчала: «Списки не посылались или потому, что Учители не подавали ихъ въ надлежащей формѣ, а Секретарм Консисторіи и приказные не требовали ихъ, которыхъ, впрочемъ, т. е., Секретарей и приказныхъ, въ живыхъ не находится, или по тому, что поданные по формѣ Его Преосвященству сгорѣли съ Архіерейскимъ домомъ, да и тѣ ученики, о коихъ были упомянутые списки, уже изъ школъ въ церковный причтъ выбыли, по этому и теперь нѣтъ возможности представить требуемыхъ вѣдомостей.» [40]

---

[38] Дѣло Псков. Консист. Арх. за 1745 г.

[39] Дѣло Псков Консист. Арх. за 1733 и 1742 г.

[40] Дѣло Псков. Конс. Арх. за 1756 т. Списки учениковъ не были представ-

Въ 1745 году Свят. Синодъ и Преосвященный, требуя вѣдомостей объ ученикахъ, которыя не представлялись съ 1738 года, приказывали Консисторскаго Секретаря и канцелярскихъ служителей держать въ Консисторіи подъ арестомъ безвыходно и не давать имъ жалованья, пока не составятъ отъ нихъ вѣдомостей. [41]

Экономическая часть.

Отъ основанія духовныхъ школъ до 1765 года.

До учрежденія штатовъ при Императрицѣ Екатеринѣ II-й Семинарія, главнымъ образомъ, содержалась съ сбора съ монастырей 20-й и съ церковныхъ земель, гдѣ они были, 30-й части хлѣба. Но этотъ способъ содержанія былъ и недостаточенъ, и крайне затруднителенъ. Упомянутый сборъ хлѣба, обыкновенно совершался такъ: каждый монастырь, каждая церковь должны были представлять въ Консисторію вѣдомости о томъ, сколько какого гдѣ родилось хлѣба. За тѣмъ Консисторія и требовала по представленнымъ вѣдомостямъ, откуда 20-ю, а откуда 30-ю часть. Но, во первыхъ, можно ли было ожидать, чтобы въ вѣдомостяхъ, представленныхъ въ Консисторію, вѣрно обозначалось количество полученнаго съ поля хлѣба тою или другою церковію, тѣмъ или другимъ монастыремъ? Во вторыхъ, сколько должно было пройти времени, пока представятъ вѣдомости о хлѣбѣ, пока Консисторія сдѣлаетъ по нимъ надлежащій расчетъ, и пока по этому расчету будетъ доставленъ въ Семинарію хлѣбъ? Каждогодно были жалобы на неисправность доставки его. А за многими монастырями и церквами оставались недоимки за цѣлые годы. [42]

Въ 1738 году Высочайше повелѣно было Свят. Синоду составить штаты для Духовныхъ Училищъ, приспособляясь «къ апробованному штату о гарнизонныхъ для солдатскихъ дѣтей шко-

---

[41] ...домы вовсе съ 1738 по 1745. Дѣло Псков. Конс. Арх. за 1746 г., съ 174... по 1756. Дѣло Псков. Конс. Арх. за 1756 г.

[42] Дѣло Псков. Консист. Арх. за 1746 г.

[43] Дѣло Псков. Консист. Арх. 1743, 1761 и др.

лахъ. Они и были составлены, но не утверждены, по тому, что потребовалось ежегоднаго отпуска значительной суммы денегъ. Въ послѣдствіи Новгородская и Невская Семинаріи и Московская Академія получили ежегодные оклады, но прочія Семинаріи остались на прежнемъ основаніи по Духовному Регламенту.[13]

Въ 1740 году позволено было Святѣйшимъ Синодомъ употреблять свѣчныя деньги, между прочимъ, и на нужды школьныя. Но не видно, чтобы Поковскія духовныя школы пользовались этѣмъ пособіемъ.[14]

По указу Святѣйшаго Синода 1744 года, въ пользу Семинаріи должны были поступать деньги, взыскиваемыя съ отцевъ и родственниковъ за укрывательство бѣглыхъ учениковъ, а равно и за недоставленіе дѣтей къ сроку. Деньги эти, дѣйствительно, поступали въ пользу Псковской Семинаріи, но онѣ были очень незначительны. Въ 1760 году собирали, въ пользу Семинаріи, съ церковныхъ крестьянъ за одну сажень, по окладу, по 46 коп. съ дыму, т. е., со двора.

Вѣнечныя деньги, по 3 коп. со двора, тоже поступали въ пользу Семинаріи.

Первоначально Семинарія помѣщалась на Печерскомъ подворьѣ до 1738 года; въ 1738 году Преосвященнымъ Стефаномъ Калиновскимъ выстроенъ былъ для ней особый, двухъ-этажный каменный домъ, вблизъ Печерскаго подворья, и нынѣ существующій.

Одни изъ учениковъ Семинаріи помѣщались въ самой Семинаріи, а другіе жили на квартирахъ. Въ самой Семинаріи жили только тѣ, кои содержались на казенный счетъ. По указу Преосвященнаго въ 1740 году, лучшимъ бѣднымъ ученикамъ, сверхъ пищи, приготовляемой для прочихъ учениковъ Философіи, Риторики и Піитики, выдавали, въ награду, въ простые дни мясоѣд-

---

[13] Истор. Россійск. Іерархіи, ч. I, стр. 441 и 442.

[14] Полн Собр. Зак. ст. 8,287.

[15] Вѣд. о штраф. деньгахъ за 1744, 1757 и 1758 г. Псков. Конс.

ные по 1 ф. мяса, а въ постные по довольной порціи рыбы въ воскресные и праздничные дни по 2 фун. мяса и по 2 фун рыбы. Вмѣсто этого стали было выдавать деньгами, но въ 174 году таковая выдача запрещена отъ Преосвященнаго.

Въ 1743 году казеннокоштныхъ воспитанниковъ было в Семинаріи 924 человѣка, такъ что недостало и хлѣба для их пропитанія. По чему Преосвященный Стефанъ приказалъ сократи ихъ число и положилъ, по скольку на каждаго изъ нихъ должн быть отпускаемо хлѣба.

Ученикамъ Риторики приказано было давать хлѣба по 4 ф. такихъ было 4; ученикамъ Синтаксимы, Грамматики, Инфимы Фары и Славянороссійской школы по 3 ф., такихъ было: в Синтаксимѣ 2, въ Грамматикѣ 2, въ Инфимѣ 2, въ Фарѣ 5, в Славянороссійской школѣ 8, и того, по сокращеніи, 224 человѣка оставалось на казенномъ содержаніи только 23 человѣка,

Въ 1745 году на казенномъ содержаніи было: изъ Риторик 9, получали они по 6 ф. хлѣба въ день; изъ Пінтики 10, полу чали они по 5 ф. хлѣба въ день; изъ Синтаксимы 6, получал они по 4 фун. хлѣба.

Изъ Грамматики 6 Изъ Инфимы . . 7	}	по 4 фун хлѣба въ день.
Изъ Фары. . . . 38 Писар. школъ. . 43	}	по 3 фун. хлѣба въ день.

Славянороссійской школы 20; этѣ получали по 2 фун. хлѣ ба въ день.

Какъ велики были матеріяльныя средства Псковской Сем наріи въ разсматриваемое нами время, и какъ распоряжались ими видно изъ слѣдующихъ приходо-расходныхъ статей.

Въ 1745 году

въ ней въ расходѣ было:

въ Генварѣ:	ржаной	муки	22	четверти	6	четверик.
» »	житной	»	9	»	6	»
въ Февралѣ:	ржаной	»	33	»	2	»

въ	Февралѣ:	житной муки	14	четвертей	2	четверика
въ	Мартѣ:	ржаной	» 36	»	6	»
»	»	житной	» 15	»	6	»
въ	Апрѣлѣ:	ржаной	» 28	»	»	»
»	»	житной	» 12	»	»	»
въ	Маѣ:	ржаной	» 28	»	7	»
»	»	житной	» 13	»	4	»
»	»	пшеничн.	» 2	»	5	»
въ	Іюнѣ:	ржаной	» 30	»	1	»
»	»	житной	» 13	»	4	»
»	»	пшеничн.	» 1	»	1	»
въ	Іюлѣ:	ржаной	» 8	»	»	»
»	»	житной	» 3	»	»	»

Значитъ, за 7 мѣсяцевъ ржаной муки было въ расходѣ 187 четвертей 6 четвериковъ, житной 81 четверть 6 четвериковъ.

За два мѣсяца пшеничной муки было въ расходѣ 3 четверти 6 четвериковъ.

За тѣмъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ въ остаткѣ на лицо было:

ржи	55	четвертей 3	четверика.
жита	30	» 3	»
овса	335	» »	»
пшеницы. . .	1	» 4	»
гороху	2	» »	»
гречи	15	» 6	»
сѣмяни конопл.	4	» 2	»

Денегъ оставалось 210 руб. 3 копѣйки.

Въ 1759 году

въ приходѣ было:

денегъ 97 руб. 57½ коп.,

въ расходѣ:

денегъ 80 руб. 66½ коп.,

въ остаткѣ 16 руб. 85 коп.

въ приходѣ:

хлѣба (съ остатковъ отъ предыдущаго года):

ржи. .	335	четвертей	7	четериковъ	2 гарица,
жита .	99	»	7	»	» »
овса .	91	»	»	»	» »
гречи.	2	»	»	»	4½ »
сѣмени конопляпаго.			6	»	1 »
ишеницы			3	»	4 »

въ расходѣ:

ржи. .	106	четвертей	7	четериковъ	2 гарица.
жита .	22	»	»	»	» »
овса .	88	»	»	»	» »
гречи.	2	»	»	»	4½ »
пшеницы	»	»	3	»	» »

За тѣмъ въ остаткѣ къ 1760 году было:

ржи. .	229	четвертей.			
жита .	77	»	7	четериковъ.	
овса .	3	»	»	»	
гороху	3	»	»	»	
пшеницы	»	»	»	»	4 гарица,
сѣмени конопляпаго .			6	»	1 »

въ приходѣ:

дровъ, собиравшихся съ Псково-градскихъ и Уѣздныхъ церквей съ дворового числа 216 саженъ.

Въ расходѣ 216 саженъ.

Въ 1760 году:

въ приходѣ денегъ 154 руб. 80 коп.,
въ расходѣ 117 руб. 77¾ коп.,
въ остаткѣ 37 руб. 2¼ коп.,

въ приходѣ хлѣба (съ остаткомъ отъ предыдущаго года):

ржи	425	четвертей	4	четверика	1/2	гарнца.
жита	31	»	6	»	5	»
овса	213	»	3	»	2 3/4	»
ярицы	»	»	1	»	1/4	»
гороху	2	»	»	»	5 1/2	»
пшеницы . . .	1	»	3	»	1	»
гречи	6	»	7	»	4 3/4	»
сѣмени кон. .	1	»	1	»	1 1/4	»

Въ расходѣ:

ржи . . .	188	четвертей.		
жита . . .	44	»	4	четверика.
овса . . .	5	»	»	»

За тѣмъ въ остаткѣ:

ржи	237	четвертей	4	четверика	1 1/2	гарнца,
жита	43	»	3	»	8	»
овса	207	»	7	»	2 3/4	»
ярицы	»	»	1	»	1/4	»
гороху	2	»	»	»	5 1/2	»
гречи	6	»	7	»	4 3/4	»
пшеницы . .	1	»	3	»	1	»
сѣмени кон. .	1	»	1	»	1 1/4	»

въ приходѣ дровъ 266 1/2 сажени,
въ расходѣ 165 1/2 сажени,
въ остаткѣ 101 сажень.

Въ 1761 году
собрано:

ржи	138	четвертей	6	четвериковъ	6 1/4	гарнцевъ,
жита. . . .	42	»	2	»	5 1/2	»
овса	58	»	5	»	3/4	»
гороху. . .	2	»	2	»	4	»
гречи . . .	4	»	»	»	»	»
пшеницы .	»	»	4	»	5 1/2	»
сѣмени кон.	»	»	3	»	1 1/4	»

Всего съ остаточнымъ отъ 1760 года:

[illegible]	376	четвертей	2	четверика	7¾ гарница,
[illegible]	85	»	6	»	2½ »
[illegible]	266	»	4	»	3½ »
[illegible]	4	»	3	»	1½ »
[illegible]	11	»	»	»	4½ »
[illegible]	2	»	1	»	6½ »
[illegible] кон.	1	»	4	»	2¼ »

въ расходѣ (въ 1761 году, съ Генваря по 26-е Октября):

ржи . . .	178	четвертей	7	четвериковъ,
жита. . .	40	»	6	»
овса . . .	113	»	6	»

На лицо оставалось:

ржи	205	четвертей	3	четверика	7¾ гарница,
жита	41	»	4	»	2½ »
овса	152	»	6	»	3½ »
гречи	11	»	»	»	4½ »
пшеницы . .	2	»	1	»	6½ »
сѣмени кон..	1	»	4	»	2½ »

Дровъ было въ приходѣ 243 саж., въ расходѣ 111.

Въ 1761 году (съ Генваря по 26-е Октября):

въ приходѣ было денегъ 231 руб. 50¾ коп.,

въ расходѣ 216 руб. 67 коп.,

въ остаткѣ 14 руб. 83¾ коп.

Въ 1760 году четверть ржи стоила 1 руб. 20 коп., а чет[illegible]
верть овса 80 коп. По этому можно судить, что стоило въ год[illegible]
на деньги содержаніе Семинаріи.

По хозяйственной части Ректоръ и Префектъ дѣйствовал[illegible]
чрезъ Экономовъ или Расходчиковъ, которые были назначаемы[illegible]
изъ лицъ и свѣтскаго и духовнаго званія, по усмотрѣнію Пре[illegible]

освященныхъ. И по этой части, на первыхъ порахъ, трудно было найти способныхъ людей, отъ чего и происходили довольно значительные промахи по веденію Семинарскаго хозяйства.

Расходчики Псковской Семинаріи: до 1742 года Копеистъ Василій Никитинъ; въ 1742 году отставной Капитанъ Козьма Подкуровъ; въ 1743 отставной Поручикъ Ѳедоръ Лавровъ; въ 1745 Священникъ Васильевской съ Горки церкви Ѳирсъ Васильевъ; до 1756 года нѣкто Стахій Ѳедоровъ; въ 1756 году Николаевской со Усохи церкви Священникъ Никифоръ Козьминъ; въ 1759 Соборный Ключарь Иванъ Парфеновъ; въ 1780 Іеромонахъ Николай; до 1762 года Іеродіаконъ Ипатій; съ 1762—67 Соборный Ключарь Евѳимій Васильевъ.

ОТДѢЛЪ 2-Й.

ПСКОВСКАЯ СЕМИНАРІЯ,

СЪ 1765 ПО 1814 Г.

Учебная часть.

Съ половины 18 столѣтія Псковская Семинарія замѣтно стала принимать лучшій видъ. Матеріяльныя средства ея, хотя были и ограниченны, сдѣлались болѣе надежными. Для развитія умственнаго и нравственнаго, полагались въ ней основанія болѣе прочныя. На учительскія должности назначались люди, уже къ тому приготовленные; преподаваніе прежнихъ наукъ усилилось; вводились новые предметы ученія; учреждались новыя школы, при ней самой и отдѣльно.

Нѣкоторые города, принадлежавшіе къ Псковской Епархіи, слишкомъ удалены были отъ Пскова. Это затрудняло родителей въ доставленіи дѣтей въ Псковъ для обученія. На примѣръ, почти до конца прошедшаго столѣтія, въ составъ Псковской Епархіи входилъ городъ Невель, принадлежащій нынѣ Витебской Епархіи, который отстоитъ отъ Пскова слишкомъ на 300 верстъ. По этому найдено нужнымъ въ дальнихъ городахъ учредить особыя низшія

училища, въ которыхъ преподавались бы тѣ же самыя науки, к
кія изучаемы были въ низшихъ классахъ Семинаріи, и изъ кото
рыхъ успѣшныя дѣти могли бы поступать въ слѣдующій, по то
тамошнему порядку, классъ Семинаріи.

Такимъ образомъ, въ 1780 году, открыто отдѣльное низше
училище, подъ именемъ Гимназіи, въ городѣ Невелѣ. Гимназія эт
имѣла два класса: низшій Латинскій классъ и первый классъ, со
отвѣтствовавшій Информаторскому классу въ Семинаріи. Въ пер
вомъ учили Латинской Грамматикѣ и Польскому переводу, читат
и писать по Польски и по Латыни, во второмъ учили писать п
Русски и по Латыни, Псалтири и Часослову. Гимназія помѣща
лась въ купленномъ для ней за 300 руб. домѣ.[1] Существовал
эта Гимназія до 1799 года.

Въ 1788 г., съ тою же цѣлію, такая же Гимназія открыт
была въ Полоцкѣ, входившемъ нѣкогда, какъ и Невель, въ со
ставъ Псковской Епархіи. Помѣщалась она въ Полоцкомъ Бого
явленскомъ монастырѣ. Настоятель монастыря, Игуменъ Іоасафъ
былъ вмѣстѣ и Начальникомъ Гимназіи.

Въ 1795 году Полоцкъ отчисленъ былъ къ Могилевской
Епархіи.

Въ томъ же 1788 г. открыта Гимназія въ Торопцѣ, отошед
шемъ отъ Смоленской Епархіи къ Псковской. Торопецкая Гимна
зія помѣщалась въ Небиномъ монастырѣ, котораго Настоятель
Игуменъ Исаія, былъ и ея Начальникомъ. Существовала Гимназія
до 1799 года.

20 числа Генваря, 1789 года, открыта Гимназія въ Великихъ
Лукахъ, для первоначальнаго образованія въ ней дѣтей духовнаго
званія Великолуцкаго и Холмскаго Уѣздовъ, отошедшихъ къ Псков
ской Епархіи отъ Новгородской.[2] При этомъ открытіи произне-

---

[1] Дѣло Семинарскаго Архива за 1782 г.

[2] Еще прежде того, въ 1758 году, резолюціею Преосвященнаго Димитрія Сѣ
ченова, Митрополита Новгородскаго, приказано было учредить въ Великихъ
Лукахъ духовное училище для Великолуцкаго, Холмскаго и Пусторжевскаго
Уѣздовъ (Ист. Росс. Іерархіи, ч. 1, стр. 608).

жена была рѣчь первымъ ея Учителемъ, Священникомъ Великолуцкаго Воскресенскаго Собора, Меѳодіемъ Андреевымъ, воспитанникомъ Новгородской Семинаріи, сыномъ Священника погоста Каменки. Одни изъ учениковъ поступили въ эту Гимназію изъ Новгородской Семинаріи, другіе набраны вновь. Гимназія эта имѣла 3-й классъ Цисарскій. Помѣщалась она въ Великолуцкомъ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ, и его Настоятель, Игуменъ Парѳеній, былъ первымъ Начальникомъ Гимназіи. Закрыта Гимназія эта въ 1803 году, по тому что Ректоръ Псковской Семинаріи, Архимандритъ Венедиктъ, израсходовалъ на Семинарскія постройки всю сумму, на которую она содержалась. И помѣщеніе ея въ монастырѣ оказалось стѣснительнымъ. Предложено было духовенству Торопецкаго и Великолуцкаго Уѣздовъ пожертвовать по 6$^{3}/_{4}$ к. съ каждаго двора на постройку и содержаніе Гимназіи. Но духовенство отказалось отъ пожертвованія. [3]

Тогда какъ устранялось такимъ образомъ затрудненіе въ первоначальномъ образованіи дѣтей удаленнаго отъ Семинаріи духовенства Псковской Епархіи, въ ней самой значительно расширялось образованіе и приспособлялось къ нуждамъ духовныхъ воспитанниковъ.

Въ 1773 г. приказано было отъ Преосвященнаго всѣхъ Семинаристовъ учить нотному простому пѣнію, а понятнѣйшихъ и партесному.

Съ 1774 г., по распоряженію Преосвященнаго, на Греческій классъ стали ходить и лучшіе ученики Богословія (до 10 человѣкъ), тогда какъ до этого времени посѣщали его ученики только низшихъ классовъ.

Въ 1774 г. открытъ классъ Нѣмецкаго языка. На первый разъ положено было обучать этому языку не болѣе 12 способныхъ учениковъ Риторическаго класса. Съ 1776 г. онъ преподавался и ученикамъ Философіи, обучавшимся Греческому языку.

Въ 1776 г. открыты классы Французскаго и Польскаго языковъ; первому могли обучаться и не Семинаристы. Знать Поль-

[3] Дѣло Семинарскаго Архива за 1803 годъ.

ский языкъ нужно было Священникамъ Полоцкаго и Невельскаг
Уѣздовъ, гдѣ онъ и нынѣ употребляется. Учиться ему обязыв
лись не болѣе 6 человѣкъ. Въ 1786 году этотъ классъ закрыт
по тому что не кому было обучать по Польски.

Въ 1780 г. учреждена Преосвященнымъ при Семинаріи, и
Информаторской Палатѣ, Сиротская школа, на слѣдующихъ, меж
ду прочимъ, положеніяхъ:

1. Учиться въ ней сиротамъ, не имѣющимъ родителей и ро
ственниковъ. Числомъ ихъ должно быть въ ней не болѣе 20 ч
ловѣкъ. Принимать ихъ по усмотрѣнію Преосвященнаго.

2. Учить ихъ Информатору вмѣстѣ съ приготовляемыми в
Семинарію учениками, употребляя въ помощь старшихъ ученико
Информаторскаго класса; учить читать по Русски и пѣть.

3. Надзоръ за этой школой имѣть общій съ Семинаріею.

4. Малонадежныхъ къ высшимъ наукамъ опредѣлять на мѣст
успѣшныхъ, по докладѣ Преосвященному, переводить въ высш
классы Семинаріи. Таковыхъ заблаговременно учить читать и п
сать по Латыни.

Въ 1781 г. предписано было Св. Синодомъ во всѣхъ Сем
наріяхъ учить читать по гражданской Русской печати.

Въ 1784 г. послѣдовалъ Высочайшій Указъ объ усилен
всѣхъ наукъ вообще, и въ частности Греческаго языка, какъ осо
бенно необходимаго для пастырей церкви. Даже повелѣно было
по истеченіи трехъ лѣтъ отъ изданія сего Указа, производить в
убылыя духовныя мѣста преимущественно такихъ, которые пр
обрѣли совершенное знаніе Греческаго языка.

Въ слѣдствіи этого Св. Синодъ предписывалъ стараться, чт
бы ученики не только умѣли читать на этомъ языкѣ, но и писат
говорить и переводить совершенно. Приказано назначать достой
ныхъ для этого учителей, и репортовать Св. Синоду, гдѣ кто об
чался и учится по Гречески, въ вѣдомостяхъ о Настоятеля
монастырей и Учителяхъ отмѣчать не только то, учились ли он
Греческому языку, но и какъ знаютъ его. Сообразно съ этим

остановленіями, послѣдовало и мѣстное Епархіальное распоряже-
е, какъ относительно усиленія занятій по всѣмъ классамъ, тамъ
въ особенности по классу Греческаго языка.

Въ 1792 г. ордеромъ Преосвященнаго, предписано было: преподавать Катихизисы Большой и Малый. Послѣдній приказано было преподавать каждому Учителю въ своемъ классѣ. Большой и с этого времени преподавался по воскреснымъ днямъ, предъ Литургіею, при собраніи всѣхъ учениковъ, Учителями поочередно.

Въ 1792 г. въ послѣднемъ случаѣ сдѣлана такая перемѣна: акъ какъ Катихизическое ученіе преподавалось и въ городѣ, обыкновенно въ Михайло-Архангельской церкви, особенно назначенны-и для этого Священниками, куда собирались, по благовѣсту, въ звѣстное время, всѣ Священно-церковно-служители съ прочимъ народомъ, то, вмѣсто преподаванія Большаго Катихизиса Семина-истамъ въ залѣ, въ 1792 году, Преосвященный приказалъ хо-ить и Семинаристамъ, подъ надзоромъ одного изъ Учителей, на помянутыя Катихизическія чтенія въ церкви. Въ 1792 г. обя-анность преподаванія такого публичнаго ученія возложена была на Соборнаго Священника, Іакова Полонскаго, воспитанника Сер-іевой Семинаріи. Этому Священнику приказано было написать планъ, подъ руководствомъ Ректора, преподаванія Катихизиса, и предварительно представить его Преосвященному.

Въ 1794 году, по случаю прекращенія Катихизическаго уче-ія въ приходскихъ церквахъ, приказано, по прежнему обычаю, преподавать публично Катихизисъ въ Семинаріи кому-либо изъ Учителей.

Въ 1797 г. Высочайше повелѣно было открыть четыре Акаде-міи. Въ 1798 г. Св. Синодъ, назначивъ для нихъ предметы уче-, предписалъ, чтобы и Семинаріи въ преподаваніи наукъ со-разовались съ Академіями. При этомъ, не велѣно было обреме-ть учениковъ множествомъ предметовъ, довольствуясь прибав-ю къ каждому ординарному предмету одного экстраординарна-. Приказано усилить знаніе Латинскаго языка, съ самыхъ низ-ихъ классовъ учить сперва Сокращенный, а потомъ Простран-ый Катихизисъ, не оставляя слушать и публично преподаваемый

по Воскресеньямъ. Предписывалось, чтобы воспитанники зна
читать, пѣть и разумѣли Уставъ Церковный, чтобы въ Училища
воспитанники пріобрѣтали свѣдѣнія, необходимыя по Сельско
хозяйству, а также и о врачеваніи обыкновенныхъ болѣзней.

Въ 1800 г. предписано было Свят. Синодомъ, гдѣ не завед
ны, завесть Русскія школы для тѣхъ, кои, по слабости даров
ній, въ высшіе классы неспособны, да и по чему либо не могу
вдругъ поступить на мѣста. Это сдѣлано для того, чтобы уволе
ные изъ училищъ и находящіеся безъ мѣстъ не пріучались къ х
дому. Въ этой школѣ положено учить: Церковному чтенію, Уст
ву и кругу, нотному пѣнію, писать, Катихизису, Св. Исторіи,
равно и другимъ предметамъ, относящимся къ ихъ должности.

Въ 1803 году открытъ классъ Медицины, и первымъ учите
лемъ по этому классу былъ Штабъ-Лѣкарь Фонъ деръ Белинт
Учиться Медицинѣ обязаны были только ученики Богословія
Философіи, за неимѣніемъ времени ходить на этотъ классъ учени
камъ прочихъ классовъ. Такъ какъ Фонъ деръ Белинъ оказался
неисправнымъ преподавателемъ, то въ 1804 году, вмѣсто него, пре
подаваніе Медицины возложено на Члена Псковской Врачебной
Управы, Надворнаго Совѣтника Беше. Но какъ и послѣ этого
Медицина худо преподавалась, то въ 1805 г. преподаваніе ея от
Министра Внутреннихъ Дѣлъ поручено Членамъ Врачебной Упр
вы поочередно. Въ 1808 г. этотъ классъ закрытъ, по тому ч
изъ всѣхъ Членовъ Врачебной Управы одинъ только Беше бы
три раза въ годъ въ классѣ.

Въ 1803 г. Св. Синодъ, въ слѣдствіе изданныхъ для наро
наго просвѣщенія Высочайше утвержденныхъ правилъ, издалъ, с
чиненное Митрополитомъ Амвросіемъ, начертаніе о преподава
ученія въ заведенныхъ по монастырямъ Новгородской Епархіи Р
кихъ 3-хъ классныхъ школахъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ предписал

Было дѣло о дурномъ поступкѣ одного ученика, выбывшаго изъ Астра
ской Семинаріи. Съ тою же цѣлію еще въ 1767 г. сдѣлано было Пск
скимъ Преосвященнымъ распоряженіе, чтобы воспитанники, кончив
курсъ Семинарскаго ученія, до полученія ими мѣстъ, сочиняли и прои
въ Соборѣ проповѣди, подъ надзоромъ Семинарскаго Начальства.

тобы по этому начертанію преподавалось ученіе въ другихъ Епар-
іяхъ при Семинаріяхъ и, гдѣ есть, въ Духовныхъ Уѣздныхъ Учи-
щахъ, имѣя въ виду, между прочимъ, то, чтобы кончившіе об-
азованіе въ Русскихъ школахъ, бывъ на мѣстахъ, могли быть
чителями въ казенныхъ имѣніяхъ, учрежденныхъ по Именному
овелѣнію. По этому поводу Псковская Консисторія предписывала
Правленію Семинаріи сдѣлать нужныя соображенія, и Правленіе
ризнало на первый разъ возможнымъ завесть Русскую школу
олько при Семинаріи, по малочисленности учениковъ и по не-
остатку суммъ, а при Гимназіяхъ, для сокращенія расходовъ, на-
ало достаточнымъ учениковъ, имѣвшихъ поступить въ Русскія
коды, годъ обучать въ Информаторіи чтенію по Славянской и
оссійской гражданской печати, Россійскому чистописанію и Обі-
одному пѣнію по нотѣ, чему и слѣдовало, сообразно начертанію,
читься въ первомъ классѣ Русской школы, съ тѣмъ, чтобы учев-
ики, успѣвшіе въ этомъ классѣ, поступали прямо во 2-й классъ
усской школы, въ Семинарію. Правленіемъ найдено также по-
езнымъ и при Семинаріи первый классъ Русской школы соеди-
ить съ Информаторіей, съ предоставленіемъ преподаванія предме-
овъ, ему усвоенныхъ, Учителю послѣдней, кромѣ Русской Грам-
атики, которой въ Информаторіи не учили. Преподаваніе ея Пра-
еніе отнесло ко 2-му классу.

Во 2-мъ классѣ Русской школы полагалось преподавать въ
-й годъ — краткую Русскую Грамматику, Краткую Св. Исторію и
еографію, Общую и Русскую; въ послѣдній годъ — Краткую Ари-
етику и Пасхалію, съ краткимъ повтореніемъ пройденнаго въ 1-й
одъ. Въ 3-мъ классѣ этой школы полагалось учить — въ первый
одъ: Краткой Логикѣ, Русской Риторикѣ, читать книгу о долж-
остяхъ человѣка и гражданина, и учить Пространный Катихизисъ;
о второй годъ: читать книгу о должностяхъ приходскихъ Пресви-
еровъ, Св. Писаніе, по Руководству Амвросія, Церковный Уставъ
съ практикою въ церкви. Для 2-го и 3-го классовъ въ этой шко-
лы назначались особые Учители, съ производствомъ жалованья —
одному по 70, а другому по 80 р. въ годъ, изъ суммы, отдѣляв-
шейся на жалованье Учителямъ. Окончившіе съ успѣхомъ ученіе
въ 3-мъ классѣ Русской школы предназначались къ поступленію
на мѣста, а успѣшнѣйшимъ позволялось обучаться въ Семинаріи,

въ Грамматическомъ классѣ начаткамъ Латинскаго и Греческаго языка. Но не видно, чтобы на самомъ дѣлѣ существовали при Псковской Семинаріи 2-й и 3-й классы Русской школы. Едва ли не одинъ только и былъ при ней классъ этой школы — первый соединенный съ Информаторіею.

Въ 1804г. продолжалось обыкновеніе, по воскреснымъ днямъ объяснять въ Семинарскомъ залѣ Учителемъ Богословія Апостольскія Посланія, а Учителемъ Философіи — Пространный Катихизисъ

Въ 1810 г. открытъ при Семинаріи, по резолюціи Преосвященнаго, низшій Греческій классъ. Это сдѣлано по тому, что, по новому порядку, этому языку должны были учиться всѣ воспитанники, а до этого учились ему только нѣкоторые изъ нихъ. Для этого класса назначенъ былъ особый Учитель. [5]

Порядокъ ученія Семинарскаго.

Порядокъ Семинарскаго ученія зависѣлъ отъ усмотрѣнія мѣстныхъ Преосвященныхъ. Каждый годъ, предъ начатіемъ ученія они давали Семинарскому Начальству росписаніе, кому что и когда слѣдовало учить. По тому порядокъ ученія въ разное время былъ различенъ.

Въ 1768 г. ученіе Семинарское располагалось такъ:

1. Русскій классъ или Информаторія, въ которомъ учили, кромѣ Славянскаго чтенія, исправно писать по Русски, читать и писать по Латыни. Учитель въ немъ полагался одинъ.

2. Фара и Инфима — первый низшій классъ для Латинскаго языка (двѣ школы въ одномъ классѣ). Учитель въ этѣхъ школахъ полагался одинъ. Онъ преподавалъ первыя основанія Ариѳметики.

3. Грамматика и Синтаксисъ — второй высшій классъ для Латинскаго языка, двѣ школы въ одномъ классѣ. И здѣсь Учитель былъ одинъ. Онъ преподавалъ Сокращенную Географію.

---

[5] Бѣл. Жур. 1810 г.

4. Риторическій классъ. Къ нему, какъ было и прежде, присоединялось сокращенное ученіе о Стихотворствѣ. Учитель былъ одинъ, который преподавалъ Краткую и Всеобщую Исторію.

5. Греческій классъ особый, какъ и прежде было; на этотъ классъ въ опредѣленные часы ходили ученики Богословія и Философіи.

6 Философія. Въ этомъ классѣ преподавались: Логика, Нравственная Философія, Метафизика и самые необходимые предметы изъ Физики.

7. Богословіе на Русскомъ языкѣ, сочиненіе Архимандрита Платона, чтеніе и объясненіе Св. Писанія. Кромѣ этого, ученики занимались переводомъ съ Греческаго на Латинскій и Русскій, а съ Латинскаго и Русскаго на Греческій языкъ. Писали проповѣди и риторическія сочиненія, слушали Катихизисъ.

Въ 1773 г. учили пѣнію послѣ обѣда, когда не было ученія.

Въ 1774 г. Нѣмецкій языкъ былъ въ часы Греческаго языка, то есть, въ 9 часу утра.

Въ 1776 г. на Греческій языкъ ходили въ 9 часу, а на Нѣмецкій въ 8 часу утра.

Въ 1780 г., въ Риторическомъ и Піитическомъ классѣ учили Исторіи и Географіи.

Въ 1784 г., учились Богословію не менѣе 4 лѣтъ, Философіи не менѣе 2 лѣтъ, Піитикѣ 1 годъ, въ высшемъ Грамматическомъ классѣ, въ двухъ раздѣленныхъ, 2 года, въ низшемъ тоже, такъ что весь курсъ Семинарскаго ученія, по переводѣ учениковъ изъ Информаторіи, состоялъ не менѣе, какъ изъ 13-ти лѣтъ. [1]

1786 г. Указомъ Св. Синода предписано въ преподаваніи нѣкоторыхъ наукъ въ Семинаріи сообразоваться съ преподаваніемъ ихъ въ Народныхъ Училищахъ.

Въ этомъ году Преосвященный Ордеромъ предписалъ:

---

[1] Указъ Конс. 1784 г.

1. Располагать Богословское ученіе на 4 года. Кромѣ того, въ опредѣленное время, упражнять учениковъ въ чтеніи Св. Писанія и Св. Отецъ, а равно въ сочиненіи и сказываніи проповѣдей.

2. Философію преподавать по Баумейстеру; упражнять учениковъ Философіи въ разныхъ сочиненіяхъ на Латинскомъ и Русскомъ языкахъ, Риторическихъ и Философскихъ, а равно въ состязаніяхъ.

3. Кромѣ Латинскаго, Греческаго, Нѣмецкаго и Польскаго языковъ, преподавать Исторію, Географію, Археологію и учить Катихизисъ, сообразно предписанію Св. Синода, отъ Декабря 27 числа, 1755 года.

Въ этомъ году преподавали:

Нѣмецкій языкъ въ 8 часу утра, Греческій въ 9-мъ, каждый день, Исторію въ среду и субботу, послѣ обѣда, въ продолженіи двухъ часовъ; Ариѳметику въ субботу послѣ обѣда, Географію во вторникъ и четвертокъ, въ 12 часовъ утра.

Въ 1788 г. ученіе Философіи совершалось въ одинъ годъ, а съ этого времени приказано Ордеромъ Преосвященнаго совершать его въ два года.

Въ 1792 г. порядокъ ученія въ Семинаріи былъ слѣдующій:

Исторія преподавалась по средамъ и субботамъ послѣ обѣда, чрезъ два часа, по Фрейеровой Исторіи, съ прибавленіями отъ Наставника.

Греческій языкъ въ 9 часовъ утра, каждый день. Нѣмецкій языкъ въ 8 часовъ утра, каждый день.

Географія по вторникамъ и четверкамъ, въ 12 часу до обѣда. Ариѳметика въ низшемъ и высшемъ Грамматическихъ классахъ по средамъ и субботамъ, послѣ обѣда, въ продолженіи двухъ часовъ.

Въ 1792 г. Богословіе читалось по порядку, предписанному отъ Преосвященнаго въ 1786 году. Двухгодичные Философскіе уроки совершались такъ: въ 1-й годъ читали Логику, Метафизику и Исторію Философіи по Гейнекцію, во 2-й годъ Физику и Нрав-

ственную Философію. Кромѣ Исторіи Философіи, читали Философію по Баумейстеру, дополненному Бантышемъ.

По окончаніи каждой части были, если не публичные, то частные диспуты, отчасти на Латинскомъ, а отчасти на Россійскомъ языкѣ. При окончаніи годичнаго ученія, диспуты были публичные, какъ и въ Богословіи.

Для большаго успѣха въ Краснорѣчіи, ученики Философіи писали ученыя диссертаціи и рѣчи на Латинскомъ и Россійскомъ языкахъ, а равно и проповѣди, которыя, по разсмотрѣніи Учителемъ, были произносимы наизусть въ Семинарской залѣ публично, послѣ Катихизиса.

Для снисканія большей способности въ словопрѣніи и въ Латинскомъ языкѣ, ученикамъ вмѣнялось въ обязанность говорить по Латыни между собою и Учителемъ.

Въ Риторическомъ классѣ:

1. Обучая Краснорѣчію по Вратиславской Риторикѣ, дополненной Бантышемъ, изъясняли правила примѣрами. Эти правила изучали наизусть. Дополненіемъ къ этой Риторикѣ служили правила изъ Латинскихъ — Воссія, или Гейнекція, а изъ Русскихъ — Ломоносова.

2. По понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, читали Латинскія Цицероновы рѣчи — отборныя, иногда Мурета и Плинія. И по обстоятельномъ риторическомъ разборѣ, заставляли учениковъ писать имитаціи, съ замѣчаніемъ фразъ и періодовъ, а во вторникъ, четвертокъ и субботу читали рѣчи Ломоносова и проповѣди, изданныя отъ Св. Синода, дѣлая обстоятельныя примѣчанія по правиламъ риторическимъ, которыя, для перораціи, заставляли читать въ классѣ поочередно. При этомъ учили воспитанниковъ дѣлать приличные жесты.

3. Назначали писать риторическія упражненія и имитаціи лучшимъ авторамъ, какъ Латинскимъ, такъ и Россійскимъ.

4. При чтеніи Цицероновыхъ и другихъ авторовъ рѣчей, встрѣчающіяся древнія Греческія и Римскія слова, особенно въ

тогдашнемъ ихъ значеніи, приказывали записывать, а послѣ отъ каждаго ученика спрашивали отчета.

5. Вмѣнялось въ обязанность ученикамъ всегда говорить по Латыни и заботиться о правописаніи и чистомъ почеркѣ.

6. По средамъ и субботамъ, послѣ обѣда, преподавали Всеобщую Исторію по Фрейеровой книгѣ, переведенной на Русскій языкъ, показывая мѣста по Греческой Хронологіи. Къ этому присовокупляли и Исторію Русскую, требуя отъ учениковъ, чтобы они выучивали наизусть самую связь Исторіи и достопамятные предметы и событія.

Въ Піитикѣ:

1. Такъ какъ Піитику положено было проходить кратко въ одну треть, то объясняли Латинскую просодію, при самомъ чтеніи стиховъ, показывая между тѣмъ чистоту Латинскаго языка и на самыхъ переводахъ, безъ излишнихъ подробностей, затрудняющихъ дѣтскую память.

2. Потомъ, показавъ о періодахъ, тропахъ и фигурахъ изъ Вратиславской Риторики, толковали правила, какъ для Латинскихъ, такъ и для Россійскихъ, стиховъ, изданныя Байбаковымъ, и, при толкованіи, на всякій родъ стиховъ, дѣлали съ учениками краткіе примѣры; писали на Латинскомъ языкѣ, а употребительнѣйшіе и на Россійскомъ, всѣхъ родовъ стихи; между тѣмъ, читали съ надлежащимъ разборомъ Цицероновы письма, признанныя удобнѣйшими къ тому.

Въ 1798 г., Правленіемъ Семинаріи, съ утвержденія Преосвященнаго, раздѣлены были классы Піитическій и Риторическій.

Въ 1799 г. сдѣлано было распоряженіе, чтобы Ординарный Учитель имѣлъ за собою и классъ Экстраординарный. Такимъ образомъ положено: Учителю Богословія читать по воскреснымъ днямъ Св. Писаніе, Учителю Философіи изъяснять Пространный Катихизисъ, Учителю Риторики, по средамъ и субботамъ, послѣ обѣда, учить Исторіи, Піитическому и Синтаксическому — Греческій и Нѣмецкій языки, смотря по тому, кто изъ нихъ къ чему

способенъ, Грамматическому — Географію, Информатору—Ариѳметикѣ. Правленіе Семинаріи, представляя объ этомъ Преосвященному, объясняло, что такое уравненіе классовъ уравняетъ жалованье Учителей и будетъ имѣть ту выгоду, что никогда не будетъ нужды въ особыхъ наставникахъ для экстраординарныхъ классовъ.

Въ 1803 г. назначено было преподавать Медицину въ понедѣльникъ, среду и пятокъ, а въ Св. Четыредесятницу — въ понедѣльникъ, вторникъ и четвертокъ, отъ начала Марта по Ноябрь, отъ 3 до 5 ч., а отъ Ноября до Марта отъ 2 до 4 часовъ.

Въ послѣднее время, предъ введеніемъ новаго Устава, ученіе Семинаріи происходило слѣдующимъ порядкомъ:

1. Въ Богословскомъ классѣ, по утрамъ, во всю недѣлю, въ 10 и 11-й часы, преподавалась ученикамъ, на Латинскомъ языкѣ, полная система Богословія, съ присовокупленіемъ полемики и съ объясненіемъ труднѣйшихъ мѣстъ Св. Писанія, съ расположеніемъ сего ученія на три года. Въ понедѣльникъ и пятницу, послѣ обѣда, во 2 и 3-мъ часы, въ первый годъ, читались — Краткая Св. Исторія, съ указаніемъ главныхъ эпохъ, и книга О должностяхъ приходскаго Священника; во 2-й же годъ, въ тѣ же дни и часы, читалась Кормчая Книга съ объясненіемъ. Сверхъ того, ученики сочиняли проповѣди, которыя выдавались имъ съ замѣчаніями о слогѣ. Признанныя достойными произнесенія произносимы были или въ церкви, или въ Семинарской залѣ, предъ Катихизисомъ. Въ воскресные и праздничные дни выдаваемы были для чтенія книги домашней и сельской экономіи. Кромѣ всего этого, ученики Богословскаго класса, во всю недѣлю, не исключая субботы, по утрамъ, въ 9-мъ часу, ходили на Греческій языкъ, въ среду и субботу, послѣ обѣда, во 2 и 3 часы — на Исторію, во вторникъ и четвертокъ, послѣ обѣда — на пѣвческій классъ, а въ понедѣльникъ, среду и пятницу, послѣ обѣда, въ 4 и 5 часы— на Медицинскій классъ.

2 Въ Философскомъ классѣ по утрамъ, во всю недѣлю, въ 10 и 11-мъ часы, преподавались ученикамъ, на Латинскомъ языкѣ: Исторія Философіи, Логика, Метафизика, Натуральная Исторія и

Физика, напечатанная для Нормальныхъ Училищъ, съ расположеніемъ этого ученія на два года. Въ понедѣльникъ и пятницу, послѣ обѣда, во 2 и 3 часы, ученики занимались повтореніемъ прежнихъ уроковъ и разрѣшеніемъ, заблаговременно приготовленныхъ ими на это ученіе, возраженій. Сверхъ того, занимались сочиненіемъ диссертацій, которыя выдавались имъ съ нужными замѣчаніями, признанныя же достойными публичнаго прочтенія, читаны были въ Семинарской залѣ предъ Катихизисомъ. Въ воскресные и праздничные дни выдаваемы были ученикамъ для чтенія книги домашней и сельской экономіи. Кромѣ всего этого, ученики этого класса, во всю недѣлю, кромѣ субботы, по утрамъ, въ 9 часовъ, ходили на Греческій классъ, а нѣкоторые въ 8 ч. — на Нѣмецкій; въ среду и субботу, во 2 и 3 часы, послѣ обѣда, — на Исторію, во вторникъ и четвертокъ, послѣ обѣда, — на пѣвческій классъ, а въ понедѣльникъ, среду и пятницу, послѣ обѣда въ 4 и 5 часы, — на Медицину.

3. Въ Риторическомъ классѣ, по утру каждый день, съ половины 9 по 12 ч., Учитель читалъ съ объясненіемъ правила Риторики, съ приводомъ примѣровъ и указаніемъ, какъ они приспособлены къ этѣмъ правиламъ. Этѣ правила и примѣры ученики къ слѣдующему дню выучивали наизустъ. Для лучшаго знанія Латинскаго языка, а также для большаго успѣха въ сочиненіи на Русскомъ языкѣ, въ понедѣльникъ и пятницу, во 2 и 3 ч., послѣ обѣда, читаны были рѣчи лучшихъ авторовъ на Русскомъ и Латинскомъ языкахъ, съ логическимъ и риторическимъ разборомъ, и по этѣмъ разборамъ ученики писали подражанія. Потомъ, какъ подлинникъ, такъ и подражаніе, если оно хорошо сдѣлано было, учили наизустъ и произносили съ каѳедры. Въ среду и субботу, послѣ обѣда, преподавалась Всеобщая Исторія, изданная для Народныхъ Училищъ, читалась также и Св. Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта; при томъ, лучшіе ученики ходили на Нѣмецкій языкъ, каждый день въ 8 часу утра, кромѣ субботы. Во вторникъ и четвертокъ, послѣ обѣда, обучались нотному пѣнію и Церковному Уставу. Ученіе въ этомъ классѣ располагалось такъ, чтобы могло быть кончено въ два года.

4. Въ Пінтическомъ классѣ, по утру, во всю недѣлю, съ половины 9 по 12 часъ, преподавались ученикамъ правила о періо-

ахъ, тропахъ, фигурахъ и хріяхъ изъ Бургіевой Риторики, съ объясненіемъ всего примѣрами изъ лучшихъ авторовъ и упражненіемъ учениковъ въ сочиненіи. Сверхъ того, читалась просодія, приложенная къ Грамматикѣ Бантышъ-Каменскаго, и показывался способъ сочиненія Латинскихъ стиховъ. Также читались правила Русскаго стихотворства, по книжкѣ Байбакова, съ приведеніемъ примѣровъ изъ лучшихъ Русскихъ стихотворцевъ, и на этѣ примѣры ученики писали подражанія. Послѣ обѣда, во всю недѣлю, кромѣ вторника и четвертка, дѣлаемъ былъ разборъ періодовъ лучшихъ Латинскихъ авторовъ, болѣе легкихъ къ уразумѣнію, а равно и разборъ сочиненій лучшихъ Латинскихъ піитовъ. Все это оканчивалось въ одинъ годъ. Во вторникъ и четвертокъ, въ 12 часу утра, ученики занимались Географіею, а послѣ обѣда въ тѣ же дни — нотнымъ пѣніемъ.

5. Въ высшемъ Грамматическомъ классѣ, во всю недѣлю по утрамъ, съ половины 9 по 12 ч., читался ученикамъ Синтаксисъ по Лебедевой Грамматикѣ, съ выучиваніемъ какъ правилъ, такъ и примѣровъ наизустъ — на ночь. Послѣ обѣда въ понедѣльникъ, среду и пятницу, занимались переводами, какъ съ Русскаго на Латинскій, такъ и съ Латинскаго на Русскій языкъ, лучшихъ авторовъ, особенно Цицероновыхъ писемъ. Кромѣ того, на воскресные и праздничные дни ученики Грамматическаго класса учили наизустъ Краткій Катихизисъ, и это ученіе располагалось на два года. Во вторникъ и четвертокъ, послѣ обѣда, обучались нотному пѣнію и Церковному Уставу, а въ субботу послѣ обѣда — Ариѳметикѣ.

6. Въ низшемъ Грамматическомъ классѣ, во всю недѣлю, по утрамъ, съ половины 9 по 12 ч., преподавались ученикамъ первоначальныя правила Лебедевой Грамматики, съ объясненіемъ и примѣрами, и этѣ правила на ночь выучивались наизустъ. Въ понедѣльникъ, среду и пятницу, послѣ обѣда, въ 2, 3 и 4 ч., занимались переводами съ Русскаго на Латинскій и нѣсколько съ Латинскаго на Русскій языкъ, избирая для этого самихъ легкихъ авторовъ. Читали съ грамматическимъ разборомъ: Видимый свѣтъ, и приказывали наизустъ учить. На воскресные и праздничные дни учили Краткій Катихизисъ, съ расположеніемъ этого ученія на два года. Во вторникъ и четвертокъ, послѣ обѣда, ученики этого

класса обучались нотному пѣнію и Уставу; въ субботу послѣ обѣда — Ариѳметикѣ.

7. Въ Русскомъ классѣ, во всю недѣлю по утрамъ, кромѣ вторника и четвертка, обучались исправному чтенію по Славянской и Гражданской печати и Русскому чистописанію. На воскресные и праздничные дни учили наизусть Краткій Катихизисъ. Во вторникъ и четвертокъ, послѣ обѣда, ходили на пѣвческій классъ, а нѣкоторые въ субботу, послѣ обѣда — на Ариѳметическій классъ.

Науки первоначально въ Псковской Семинаріи преподавались и на Русскомъ и на Латинскомъ языкѣ. На Латинскомъ языкѣ обыкновенно преподавались: Богословіе, Философія и Риторика, но не всегда. Въ 1775 г. приказано было отъ Преосвященнаго и Богословіе и Философію читать на Русскомъ языкѣ.

Учебными книгами, въ разсматриваемое нами время, въ Псковской Семинаріи были разныя сочиненія, иностранныя и Русскія. Нѣкоторыя изъ нихъ употреблялись по указанію Правительства, другія — по усмотрѣнію мѣстнаго Преосвященнаго и самихъ преподавателей, съ его, конечно, разрѣшенія. Такъ, въ 1773 г. по Латинскому языку, между прочимъ, учебниками были: Латинская Грамматика, переведенная Лебедевымъ, и книга первоначальныхъ словъ, съ Русскимъ переводомъ; въ 1779 г. по классу Польскаго языка употреблялись: азбука, съ нѣсколькими молитвами на Польскомъ языкѣ, Символомъ Вѣры и первоначальными вокабулами; правила, переводимыя учителемъ изъ Польской Грамматики, писанной на Нѣмецкомъ языкѣ; Лексиконъ Польскій съ Русскимъ переводомъ. Книгъ Польскихъ не гдѣ было достать. Въ томъ же году по Латинскому языку въ классическомъ употребленіи были: Lexicon Hesneri; Сочиненія Цицерона: De officiis, письма, рѣчи, De natura deorum, De consolatione. Quinti Curtii Historia, Pl.. i epistolae cum Panegyrico, Mureti Orationes; epistolae et poëmata, Cornelii Nepotis de vitâ excellentium Imperatorum, Comoenii — Orbis pictus, Erasmi Roterdami colloquia, Heineccii Rhetorica, Virgilii Aeneidos, Ovidii Tristium et Metamorphoseon, Wincleri Philosophia, Heineccii Philosophia. По Греческому классу употреблялись: Лексиконы Шревеліевъ и Гедерика, Грамматика

ящевскаго, Завѣтъ Греко-Латинскій. По Русскому языку: Сочиенія Ломоносова. По Географіи: Географія Мартина Клевецкаго. По Французскому языку: Лексиконъ Вояжоровъ, Грамматика ас. Теплова. По Исторіи: Краткая Всеобщая Исторія, Іеронима рейера. Въ 1782 г. по Нѣмецкому языку употребляли: Syntaxis pistolica Licht's, Hoffmann's Zufriedenheit der Seele, Heilige Historie ibner's, Rabner's Satiren, Galler's Gedichte, Lexicon Weismanni, рамматику Нѣмецкую, печатанную 1770 г. въ Московскомъ Университетѣ, Грамматику Голтергофа, Грамматику Агентова. Въ 788 г. употреблялись по Греческому классу: Грамматика Варлаама, изданная Каменскимъ. По Нѣмецкому классу: Лексиконъ ейсманна — трезычный, и Лексиконъ Роддовъ, изданный въ Ригѣ.

Въ 1788 г. Свят. Синодомъ выслано было во всѣ Семинаріи отребное количество книгъ, изданныхъ Коммиссіею Народныхъ чилищъ, также прописей, картъ, глобусовъ, а равно и напечатанныхъ въ Синодальной Типографіи Сокращенныхъ Катихизисовъ.

Въ 1790 г. напечатано было для Семинарій при Императорской Академіи Наукъ болѣе 2,000 экз. Грамматики, переведенной ебедевымъ, съ прибавленіемъ изъ Грамматики, называемой larchica.

Въ 1797 г., вмѣсто Бургіевой Риторики, велѣно ввести въ потребленіе новую, а какую — неизвѣстно.

Въ 1803 г. и послѣ онаго, кромѣ показанныхъ, употреблялись слѣдующія книги.

1. Selectae e profanis scriptoribus historiae.
2. Novum Testamentum Graeco-Slaveno-Latinum.
3. Huebneri CIV Sacrae historiae.
4. Сокращенное Богословіе Платона.
5. Философія Баумейстера.
6. Риторика Лежаева.
7. Латинскій букварь съ Латинскимъ словаремъ и разговорами.
8. Географическія карты.
9. Краткое Землеописаніе.
10. Руководство къ Ариѳметикѣ.
11. » » Чистописанію.

12. Прописи.
13. Русскій Букварь для Церковнаго и Гражданскаго чтенія, съ Свящ. Исторіею.

Учебныя и неучебныя книги пріобрѣтались покупкою на Семинарскую сумму. Такъ, въ приходорасходной Семинарской книгѣ, 1779 года, подъ 11-мъ ч. Сентября; значатся купленными въ С.-Петербургѣ Преосвященнымъ Иннокентіемъ на Семинарскую сумму слѣдующія книги:

20 книгъ Философіи Баумейстера	по	1 р.	55 к.
30 книгъ Географіи Клевецкаго	по	» »	30 »
160 книгъ Нравственной Философіи . . .	по	» »	15 »
40 экз. Оксенштирновыхъ книгъ	по	» »	25 »
Всего на . .		19 »	40 »

Подъ 23 ч. того же мѣсяца и года, тамъ же записаны купленными въ С.-Петербургѣ Преосвященнымъ Иннокентіемъ слѣдующія книги:

Цицероновы всѣ дѣла	8 р.	80 к.
Корнелія Непота	2 »	25 »
Курція о дѣлахъ В. Александра	1 »	» »
Овидіевы дѣла	» »	90 »
Плиніевы письма съ панигирикомъ	1 »	20 »
Виргиліевы дѣла	» »	75 »
Сочиненія Ломоносова въ 3-хъ частяхъ . . .	3 »	50 »
Всего на . . .	25 р.	

Подъ 4-мъ ч. Декабря того же года, въ той же книгѣ записаны купленными:

5 экз. Фрейеровой Исторіи, каждый . .	по	1 р.	50 к.
6 » Видимаго Свѣта	»	2 »	50 »
15 » о Русскомъ стихотворствѣ	»	4 »	50 »
5 » Домашнихъ разговоровъ	»	» »	50 »

Подъ 7-мъ ч. Генваря 1780 года значатся въ приходорасходной книгѣ купленными:

8 книгъ нотныхъ.

Изъ предложенныхъ выписокъ видно, что хотя книги покупались для Семинаріи и нерѣдко, но этѣ книги исключительно были учебныя, и при томъ такія, какія употреблялись тогда въ Семинаріи. Книгъ, собственно ученыхъ, не только иностранныхъ, но и Русскихъ, Семинаріи не на что было покупать. Семинарская Библіотека находилась въ самомъ бѣдномъ положеніи. Въ концѣ 18-го столѣтія въ ней было всѣхъ книгъ, учебныхъ и не учебныхъ, только 71 сочиненіе. Въ 1801 году Псковское Семинарское Правленіе просило у Преосвященнаго позволенія пользоваться книгами изъ Архіерейской Библіотеки, прописывая, что Семинарская Библіотека крайне бѣдна и много потребно времени на ея обогащеніе книгами на положенную для этого сумму.

Впрочемъ, ни наставники, ни ученики, желавшіе заниматься науками, не были лишены средствъ къ тому. Прекраснымъ пособіемъ для тѣхъ и другихъ, въ этомъ случаѣ, служила помянутая Архіерейская Библіотека. Она составилась изъ частныхъ, богатыхъ, библіотекъ ученыхъ пастырей Псковскихъ, каковы были: Симонъ Тодорскій, Гедеонъ Криновскій, Иннокентій Нечаевъ. Помѣщалась она въ соборной колокольнѣ и находилась въ завѣдываніи Каѳедральнаго Протоіерея. Ею и пользовалась Семинарія, съ разрѣшенія Преосвященнаго. Въ началѣ настоящаго столѣтія, она передана въ Семинарію; кромѣ того, въ 1815 г., по распоряженію бывшей Коммиссіи Дух. Училищъ, присланы въ Библіотеку Псковской Семинаріи, Тверскимъ Преосвященнымъ Серафимомъ, 792 книги, принадлежавшія Псковскому Преосвященному Иннокентію и долженствовавшія, по завѣщанію этого Архипастыря, поступить въ Библіотеку Псковской Семинаріи, но которыя по чему-то по сю пору находились въ Петербургѣ, на Псковскомъ Архіерейскомъ подворьѣ, гдѣ жилъ Преосвящ. Иннокентій, какъ Членъ Святѣйш. Синода. [1] Въ Словарѣ о Духовныхъ писателяхъ, подъ именемъ: Симонъ Тодорскій, говорится, что съ 1817 г. передана въ Библіотеку Псковской Семинаріи богатая библіотека этого Архипастыря. Тѣ ли книги нужно разумѣть, которыя находились въ Архіерейской Библіотекѣ, или

[1] Дѣло Сем. Арх. 1815 г.

нѣтъ — неизвѣстно; во всякомъ случаѣ она состявляетъ даже и нынѣ, по отдѣлу Богословскихъ книгъ, лучшее ея достояніе.

Число Учителей и приготовленіе ихъ къ учительской должности.

Судя по количеству предметовъ, какіе преподавались, въ разсматриваемое нами время, въ Псковской Семинаріи, число Учителей въ ней было довольно ограниченное. До самаго конца прошедшаго столѣтія оно не восходило выше 6. Въ 1799 году, когда Риторика преподавалась отдѣльно отъ Піитики, всѣхъ Учителей было 7; въ началѣ же настоящаго столѣтія, съ открытіемъ при Семинаріи особой Русской школы и Медицинскаго класса, ихъ считалось уже 9. Кромѣ ординарнаго предмета, каждый изъ Учителей обязанъ былъ преподавать другіе предметы — экстраординарные. Одинъ Медицинскій классъ изъ неглавныхъ имѣлъ особаго Учителя. При этомъ Учитель не обязывался преподавать именно тѣ экстраординарные предметы, которые по росписанію усвоялись его классу. Онъ могъ преподавать предметы, усвоенные и другимъ классамъ — высшимъ и низшимъ. Преподаваніе того или другаго экстраординарнаго предмета поручалось тому, кто зналъ его лучше другихъ. Часто одинъ Учитель преподавалъ нѣсколько предметовъ и прежде и послѣ 1797 года, хотя и этомъ году и положено было не обременять учениковъ множествомъ предметовъ, довольствуясь прибавкою къ каждому ординарному предмету одного экстраординарнаго.

Учительскія должности при Псковской Семинаріи занимали, какъ и прежде было, воспитанники, кончившіе курсъ ученія въ той же Семинаріи и продолжавшіе еще сами учиться въ ней. На пр., въ 1769 году Греческому языку обучалъ ученикъ Полетаевъ. Но эти Учители преподавали предметы, усвоенные только низшимъ классамъ. Для занятія же учительскихъ должностей въ высшихъ классахъ уже сознана была необходимость въ приготовленіи способныхъ къ тому людей другимъ способомъ. Ученый и заботливый о духовномъ просвѣщеніи, Архипастырь Иннокентій Нечаевъ, при самомъ же вступленіи своемъ въ управленіе Псковскою паствою (1763—1793), замѣтилъ, что въ Псковской Семинаріи, по недостатку Учителей, не столь пространное преподавалось ученіе Богословское и Философское, а также и языковъ. По этому

тогда же употребилъ мѣры къ тому, чтобы будущіе Учители Псковской Семинаріи воспитывались въ Троице-Сергіевой Семинаріи, славившейся въ то время совершенствомъ преподаванія наукъ и языковъ, куда, въ продолженіи 30 лѣтъ, чрезъ годъ, чрезъ два, и посылали, для образованія изъ Псковской Семинаріи, по два и болѣе лучшихъ воспитанниковъ. Въ 1768 году посланы были туда два такихъ воспитанника изъ Философскаго класса. Въ 1774 году, въ первый разъ, значатся учившимися въ ней Богословскимъ наукамъ ученики Псковской Семинаріи: Козьма Зряковскій, Священническій сынъ погоста Зраковича, Козьма Базилевъ, Протоіерейскій сынъ, Агаѳонъ Мутовозовъ, Сторожевскій сынъ; въ 1777 г. въ высшемъ Грамматическомъ классѣ: Иванъ Яковлевъ, учившійся, до поступленія въ Псковскую Семинарію, въ Московской Академіи, въ Грамматичестомъ классѣ, и въ Философскомъ классѣ Яковъ Полонскій; въ 1779 г. въ Богословскомъ классѣ: Андрей Орловъ, сынъ Псковоградскаго Священника, и Андрей Львовъ; въ 1781 году — въ Философскомъ классѣ: сынъ Протоіерея Псковскаго Богоявленскаго собора, Илья Цвѣтковъ, и сынъ Священника Аѳанасьевской слободы, Опочецкаго Уѣзда, Николай Юпашевскій; въ 1788 году — въ Богословскомъ классѣ: Стефанъ Поповъ, сынъ Священника Верхолинскаго погоста; въ Философскомъ классѣ: Иванъ Владимирскій, сынъ Священника Псковской Николаевской со Усохи церкви Ѳеодора, и Григорій Перстинскій, Священническій сынъ Саввоиустынскаго погоста; въ Риторическомъ классѣ: Евдокимъ Луцкій, сынъ пономаря Великолуцкой Входо-Іерусалимской церкви, и Илья Костровъ, Діаконскій сынъ Зачеренскаго погоста; въ 1792 г. Ѳеодотъ Бѣляевъ, сынъ пономаря Псковскаго Старовознесенскаго девичья монастыря, и ученикъ Риторики Луцкій (тотъ ли, о которомъ сказано выше, или другой). Содержались въ Троицкой Семинаріи Псковскіе воспитанники на счетъ этой же Семинаріи. Учились они въ ней не одинаковое число лѣтъ, по тому что одни изъ нихъ посылались изъ Философскаго класса, а другіе изъ низшихъ классовъ.

Съ 1792 года изъ Псковской Семинаріи посылались для образованія ученики уже не въ Троицкую Семинарію, а въ Невскую. Въ этомъ году отправленъ туда ученикъ Риторики Петръ

Сыроановъ, сынъ Священника погоста Вѣхна; въ 1793 году въ Невской Семинаріи учился ученикъ Риторики Иванъ Троицкій, сынъ Священника Троице-Хлавицкаго погоста; въ 1796 году Иванъ Іустиновъ, сынъ Тайловскаго Діакона, и Платонъ Поповъ, сынъ Священника погоста Клина.

Въ 1797 г. положено быть четыремъ Академіямъ Духовныхъ, и назначено, изъ какихъ Семинарій въ какую изъ нихъ посылать учениковъ, для образованія къ учительскимъ должностямъ. Положено было изъ каждой Семинаріи посылать въ Академію по два воспитанника, съ отнесеніемъ расходовъ на устройство для них платья, обуви, бѣлья, а равно на пріѣздъ и отъѣздъ ихъ на счетъ той Семинаріи, изъ которой они прибудутъ. Въ 1799 г. учились въ Невской Академіи воспитанники: Иванъ Лавровъ, Иванъ Погоняловъ и Антипъ Кривовицкій; въ 1800 г. Николай Загорскій и Иванъ Ильинскій; въ 1808 г. Михаилъ Вревскій и Иванъ Невдачинъ. Въ томъ же году находились въ ней (изъ Поэзіи). Николай Сперанскій (изъ Информаторіи), Козьма Жемчужинъ и Иванъ Бедринскій.

Наборъ учениковъ.

Наборъ учениковъ въ Семинарію происходилъ прежнимъ порядкомъ, чрезъ Консисторію. Для набора не было опредѣленнаго времени Онъ производился по требованію обстоятельствъ, въ присутствіи Ректора, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ условій. На пр., въ 1769 г. по тому поводу, что въ низшихъ классахъ Семинаріи находилось мало учениковъ, приказано было отъ Преосвященнаго набрать, въ присутствіи Исправлявшаго тогда должность Ректора, человѣкъ 30 изъ Священно-и церковно-служительскихъ дѣтей, соблюдая при этомъ, чтобы дѣти были уже обучены исправно читать по Русски, кромѣ сиротъ, которымъ дозволялось учиться читать по Русски въ Семинаріи. Требовалось, чтобы поступавшіе въ Семинарію дѣти были не менѣе 12 лѣтъ. Въ 1775 году приказано было отъ Преосвященнаго производить наборъ, по требованію Ректора. Число поступавшихъ въ Семинарію было не одинаково. Но иногда оно было довольно значительно. Въ 1776 г. приказано было, исключивъ изъ Семинаріи неспособныхъ учениковъ, набрать въ нее не менѣе 120 человѣкъ.

Число учениковъ, обучавшихся въ Семинаріи.

Число учениковъ Семинаріи, въ разсматриваемое нами время, ыло если не слишкомъ значительно, то и не совсѣмъ мало. еньшая цифра доходила до 111 уч., большая до 525 учениковъ. акъ, въ 1774 году всѣхъ учениковъ въ Семинаріи было 137, въ 775 году отъ Преосвященнаго приказано было, чтобы въ Се-инаріи находилось не менѣе 150 учениковъ, въ 1777 году было 14 учениковъ, въ 1779 году было 111 человѣкъ, въ 1780 году 43 ученика, въ 1781 году 145 человѣкъ, въ 1782 году 137 че-овѣкъ, въ 1783 году 131 челов., въ 1784 году 122 челов., въ 785 году 132 челов., въ 1786 году 142 челов., въ 1788 году 71 челов., въ 1789 году 140 челов., въ 1791 году 173 челов., в 1792 году 174 челов., въ 1793 году 181 челов., въ 1795 году 03 челов., въ 1794 году 187 чел., въ 1796 году 219 челов., въ 804 году 402 чел., въ 1808 году было 525 человѣкъ.

Въ каждомъ классѣ были ученики однолѣтніе, двулѣтніе і такъ далѣе, а въ нѣкоторыхъ классахъ десятилѣтніе. Ученики Богословія и Философіи именовались студентами, а прочихъ клас-овъ — просто учениками.

Число учениковъ въ Гимназіяхъ значительно разнилось. Са-ое незначительное число ихъ было въ Полоцкой Гимназіи, і именно:

Въ Невельской Гимназіи всѣхъ учениковъ было: въ 1780 г. 11, въ 1781 году 30, въ 1784 году 30, въ 1787 г. 17, въ 1793 году 13, въ 1794 году 19.

Въ Торопецкой Гимназіи всѣхъ учениковъ было: въ 1790 г. 50, въ 1791 году 58, въ 1792 году 56 (способныхъ къ поступ-ленію въ Семинарію), въ 1793 году 45, въ 1794 году 29, въ 1795 году 35, въ 1796 году 38.

Въ Великолуцкой Гимназіи всѣхъ учениковъ было: въ 1790 г. 45, въ 1791 году 44, въ 1792 году 28, въ 1793 году 29, въ 1794 году 35, въ 1795 году 35, въ 1796 году 29.

Въ Полоцкой Гимназіи всѣхъ учениковъ было: въ 1790 го-ду 6, въ 1791 году 6, въ 1792 году 5.

Въ каждой Гимназіи, съ каждымъ почти годомъ, число учениковъ сокращалось. Отъ чего это происходило, неизвѣстно.

Успѣхи учениковъ въ наукахъ.

Замѣтно, что, въ разсматриваемое нами время, въ Псковской Семинаріи болѣе было успѣшныхъ учениковъ, чѣмъ прежде. Но вообще говоря, она все еще не процвѣтала въ этомъ отношеніи. Лѣнивыхъ и безуспѣшныхъ учениковъ въ ней было много. Старая нерасположенность къ ученью все еще продолжалась въ ней. В 1769 году Преосвященный самъ писалъ, что нѣкоторые изъ Семинаристовъ лѣнятся, другіе вовсе уклоняются отъ Семинаріи. Даже въ началѣ настоящаго столѣтія не мало было такихъ, которые бѣгали Семинаріи, и которыхъ нужно было высылать изъ нее не только чрезъ Духовныя Правленія, но и чрезъ Полицію.[1]

Такая лѣность, такое безуспѣшіе и уклоненіе отъ ученья Семинаристовъ, очень часто причиняли безпокойство Архипастырямъ и заставляли ихъ прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ. Въ 1771 году, усмотрѣвъ изъ Семинарскихъ вѣдомостей, что многіе ученики, чрезъ долгое время, а нѣкоторые чрезъ цѣлый годъ, уклонялись отъ Училища, Преосвященный Иннокентій приказалъ, истребовавъ отъ Семинаріи списокъ такихъ учениковъ, немедленно сыскать ихъ и способныхъ заставить учиться. Между тѣмъ, велѣлъ объявить этѣмъ ученикамъ и ихъ отцамъ и родственникамъ, что если они впредь станутъ уклоняться отъ классовъ, то будутъ записаны въ подушный окладъ, а съ тѣхъ, кои осмѣлятся держать у себя бѣглыхъ учениковъ, взыщется штрафъ, въ пользу Семинаріи — съ Священниковъ по 5, съ Діаконовъ по 3, а съ причетниковъ по 2 руб.

Въ 1769 году приказано было отъ него объявить Семинаристамъ, и при каждомъ наборѣ объявлять, съ росписью въ слышаніи, что если они будутъ лѣниться, бѣгать отъ классовъ и вести себя худо, то не получатъ мѣста въ причтѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было объявить родителямъ и родственникамъ учениковъ, что и они будутъ оштрафованы, если не станутъ за-

[1] Дѣло Сем. Арх. въ 1807 г.

ботиться о нихъ. Каждый годъ о таковыхъ, если они были-обязывался Префектъ доносить Консисторіи, а Консисторія Преосвященному.

Въ 1776 году безуспѣшныхъ учениковъ Информаторіи, за лѣность и уклоненіе отъ классовъ, на страхъ другимъ, приказано было отъ Преосвященнаго, отослать въ солдатскую школу, къ Псковскому Коменданту. Въ 1801 году одинъ ученикъ за побѣги отправленъ былъ въ Губернское Правленіе. Въ 1805 году все еще ученики уклонялись отъ Семинаріи. По этому одни изъ нихъ наказаны были розгами, другіе иначе, а изъ родителей ихъ одни были оштрафованы деньгами, другіе содержались подъ арестомъ въ Консисторіи. Между тѣмъ, приказано не давать ученикамъ вакацій, кромѣ одной, положенной Духовнымъ Регламентомъ. Случалось, что и Семинарское Начальство испытывало непріятности за лѣность и безуспѣшіе учениковъ. На пр., въ 1786 г. много учениковъ было оставлено въ прежнемъ классѣ за безуспѣшіе, и въ слѣдствіе этого, мало ихъ переведено въ высшіе классы, такъ что вновь потребовалось взять въ Семинарію только три человѣка. Это подало поводъ Преосвященному предписать Ректору, Префекту и Учителямъ, чтобы они усерднѣе занимались своимъ дѣломъ; а въ 1787 году, по случаю вновь замѣченныхъ неисправностей въ Семинаріи, приказано было Ректору и Префекту ежемѣсячно репортовать объ усердіи къ занятію не только учениковъ, но и самихъ Учителей.

Испытанія учениковъ въ наукахъ.

Самымъ важнымъ и хлопотливымъ отчетомъ въ учебныхъ занятіяхъ учениковъ и учителей были экзамены и ученые диспуты. Они производились и прежде и послѣ лѣтнихъ вакацій.[1] Въ 1779 году экзамены совершались по классамъ съ 3 по 9-е ч. Іюля. За тѣмъ началось приготовленіе къ диспутамъ, которые 13-го числа того же мѣсяца, какъ сказано въ подлинной бумагѣ, при многочисленномъ разнаго званія, а паче благородныхъ всѣхъ, въ здѣшнемъ городѣ живущихъ людей, собраніи публично и отправлены. Предъ диспутами собраніе обыкновенно было привѣтствуемо стихами и рѣчами на

[1] Дѣло Конс. Архива за 1786 г.

разныхъ языкахъ, преподававшихся въ Семинаріи; самыя же дѣйствія сопровождались разговорами и нарочно на этотъ случай составленными кантами. По окончаніи всего отличные ученики награждаемы были книгами. Въ 1779 году, по этому случаю, разошлось 23 книги. Очевидно, что этѣ экзамены были то же, что наши, такъ называемыя, внутреннія испытанія, а диспуты — что наши публичные экзамены.

Награды преподавателямъ.

Награды ученикоѣ были вмѣстѣ нѣкоторымъ образомъ наградою и для Учителей. Но случалось, что послѣдніе за усердную, полезную службу, и сами лично получали денежныя награды и благодарность отъ Преосвященнаго. Такъ, въ 1760 г. выдано было въ награду за усердное преподаваніе наукъ 3-мъ Учителямъ 30 руб., а въ 1776 году объявлена отъ Преосвященнаго благодарность за прилежаніе въ преподаваніи уроковъ Ректору Варлааму, Префекту Мирожскому, Игумену Іустину и прочимъ Учителямъ.

Часть нравственная.

Нравственная часть Семинаріи и въ это время подлежала непосредственному наблюденію Префекта. Ближайшимъ помощникомъ ему въ надзорѣ за поведеніемъ учениковъ былъ обыкновенно одинъ изъ лучшихъ старшихъ учениковъ Семинаріи, который назывался Сеніоромъ. Случалось, что Сеніоръ завѣдывалъ вмѣстѣ и Семинарскимъ письмоводствомъ; тогда онъ получалъ и жалованье. За поведеніемъ учениковъ, во время уроковъ, наблюдали Учители, каждый въ своемъ классѣ.

Нравственное воспитаніе учениковъ Семинаріи состояло въ внушеніи имъ правилъ чистой нравственности и необходимыхъ званію ихъ приличій, въ пріученіи ихъ къ точному исполненію обязанностей Религіи, въ ознакомленіи ихъ съ обязанностями Священно-церковно-служительскими, въ настроеніи и внутренней и внѣшней ихъ жизни, согласно будущему ихъ назначенію, и, наконецъ, во внимательномъ наблюденіи за тѣмъ, какъ все это ими принималось и исполнялось.

Для болѣе правильнаго и удобнаго исполненія воспитанни-ами Христіянскихъ обязанностей и пріученія ихъ къ исполненію бязанностей, къ которымъ они готовились, для нихъ назнача-ась особая церковь, куда они должны были ходить къ Богослуженію. Въ 1782 году, по распоряженію Начальства, лѣтомъ ни ходили въ Духовскую церковь, находившуюся близъ Семина-іи, нынѣ уже не существующую, а зимою въ Николаевскую со Усохи. Въ томъ же году отъ Преосвященнаго было приказано однимъ изъ нихъ ходить къ Богослуженію въ Каѳедральный со-оръ, а другимъ въ Николаевскую со Усохи, по тому что послѣд-яя для помѣщенія всѣхъ ихъ съ прихожанами слишкомъ была ала. Въ 1786 году Указомъ Псковской Консисторіи было пред-исано, чтобы Духовская Церковь, по прежнему, принадлежала еминаріи, съ завѣдываніемъ ею во всемъ, что касалось до ея лагоустройства, поправокъ и т. п. Назначался и особый Духов-икъ для воспитанниковъ Семинаріи. Въ 1770 г. Духовникомъ ъ былъ Священникъ Васильевской съ Горки церкви Симеонъ митріевъ; въ 1805 году ихъ исповѣдывали Священники Каѳед-альнаго собора.

Для поддержанія въ воспитанникахъ Христіянскаго благочес-тія, имъ объясняли въ Семинарской залѣ, по воскреснымъ днямъ, Апостольскія Посланія и производили Катихизическія чтенія. [10]

При всемъ, однако же, вниманіи Начальства къ поддержанію въ воспитанникахъ Семинаріи благонравія, не переставали прояв-яться между ними иногда и очень грубые пороки: непокорность, ьянство, воровство и т. п. Въ 1769 г. Преосвященный нашелъ ужнымъ письменно выставить на видъ Консисторіи, что нѣко-орые ученики вели себя худо. Это зло не прекращалось и послѣ, ъ показываютъ довольно частыя Архипастырскія подтвержде-ія Семинарскому Начальству усилить надзоръ за поведеніемъ оспитанниковъ, а воспитанникамъ вести себя лучше, подъ опа-еніемъ разныхъ взысканій за худое поведеніе. Въ 1775 г. при-азано было отъ Преосвященнаго Консисторіи наблюдать, чтобы ченики вели себя честно и добропорядочно, и учители содер-али себя въ порядкѣ и исполняли свое званіе; въ 1782 г. отъ его же подтверждено Семинарскому Начальству строже смотрѣть

[10] Дѣло 1804 г.

за поведеніемъ учениковъ, чтобы, безъ вѣдома Начальства и не благовременно, ни куда не отлучались и не пьянствовали; въ 1798 году предписано было Свят. Синодомъ заботиться о благонравіи учениковъ, для чего должны быть особые надзиратели, въ помощь Префекту, и каждую треть прочитывать ученикам Высочайшій Указъ 1797 года объ улучшеніи духовнаго воспитанія.

Видно, и въ другихъ Семинаріяхъ не лучше было. Въ 1799 г. для лучшаго надзора за нравственностію Семинаристовъ, запрещен отъ Преосвященнаго жить при отцахъ и матеряхъ контубернал стамъ, т. е., казеннокоштнымъ ученикамъ. Обычай былъ тѣмъ ка зеннокоштнымъ воспитанникамъ, которые имѣли въ Псковѣ от цовъ и матерей, позволять жить въ домахъ послѣднихъ, съ выда чею денегъ. Цѣль была, между прочимъ, и та, въ этомъ снисхож деніи, чтобы чрезъ дѣтей оказать нѣкоторое пособіе и ихъ бѣд нымъ родителямъ. Въ 1800 г. объявлено было отъ Преосвящен наго, что кто изъ учениковъ будетъ неодобрительнаго поведенія, того будутъ отсылать въ свѣтскую команду. Въ 1805 г. предпи сано было резолюціею Преосвященнаго Префекту имѣть неусып ное попеченіе о поведеніи, благонравіи и честности учениковъ, съ обязательствомъ каждый мѣсяцъ репортовать Преосвященному, какъ будутъ вести себя ученики. Въ этомъ году Псковской Граж данскій Губернаторъ, Ламздорфъ, жаловался Преосвященному Ири нею на то, что, по обнаружившимся покражамъ въ Псковѣ и по другимъ порочнымъ и развратнымъ дѣйствіямъ, открывались не мало въ содѣйствіи тому и нѣкоторые ученики Семинаріи. Причи ною этому Губернаторъ поставлялъ жительство учениковъ, по свое ей волѣ, на квартирахъ, вдали отъ Начальства. По этому случаю отъ Преосвященнаго приказано было Консисторіи принять все возможныя мѣры къ скорѣйшему прекращенію прописанныхъ Гу бернаторомъ безпорядковъ по Семинаріи. [11]

Въ числѣ другихъ мѣръ, для прекращенія указаннаго зла, еще прежде приказано было необходимымъ помѣстить всѣхъ учениковъ на жительство въ Семинаріи, гдѣ болѣе представлялось возможности внимательно смотрѣть за ихъ поведеніемъ; для чего и строился

[11] Дѣло Сем. Архива 1805 г.

ыкъ увидимъ ниже, особый флигель при Семинаріи. Въ немъ по-
ялось помѣстить своекоштныхъ учениковъ, съ содержаніемъ
ъ на ихъ же счетъ

Выпускъ учениковъ изъ Семинаріи.

Какъ бы то ни было, но Псковская Семинарія оказывала не
аловажныя услуги не только Епархіяльной Церкви, но и другимъ
домствамъ. Было въ ней не мало воспитанниковъ худыхъ, но
ольшинство, конечно, оставалось на сторонѣ хорошихъ. Выходили
ъ ней умные и благочестивые пастыри и другіе служители
ерквн, которые, усерднымъ и благополезнымъ исполненіемъ свои-
ъ обязанностей, обратили на себя, въ послѣдствіи, лестное вни-
аніе Начальства, заняли, въ ряду своихъ собратій, первыя мѣста
принесли важныя услуги Церкви и Отечеству. [12]

Другіе съ честію трудились на поприщахъ общественнаго слу-
ѣнія въ иныхъ вѣдомствахъ: или прямо поступали учителями въ
ародныя училища, [13] или опредѣлялись на Гражданскую служ-

---

[12] Таковы были: Псковскаго Каѳедральнаго Собора Протоіерей, Сергій Влади-
мирскій и Петръ Вѣховскій; Опочецкій Протоіерей Петръ Бутырскій; Пор-
ховскій Протоіерей Іоаннъ Спасскій; Великолуцкій, а потомъ Рижскій, Про-
тоіерей Стефанъ Соловскій; Псковоградскіе Протоіереи: Василій Лебедевъ,
Михаилъ Меньщиковъ; Великолуцкій Протоіерей Петръ Алексѣевъ и другіе.

[13] Такъ, въ 1783 г. поступили учителями въ Ригу, Перновъ, Дерптъ изъ Бо-
гословія: Антонъ Базилевъ, Варѳоломей Бѣлявскій; изъ Философскаго
класса: Косма Моложанскій; въ 1786 г., по требованію Губернатора, от-
правлены къ Главному Директору Народныхъ Училищъ, для опредѣленія въ
учители по городамъ, четыре ученика; въ 1787 г., по требованію Губер
натора, съ разрѣшенія Преосвященнаго, отправленъ въ Псковское Народ-
ное Училище, для приготовленія въ учители Народ. Училища, воспитанникъ
Богословія, Иванъ Яновскій; въ 1790 г., по требованію правившаго долж-
ность Начальника Псковскаго Намѣстничества, Дѣйств. Ст. Совѣтника Ха-
ритона Лукина, поступили учителями въ Народ. Училища, въ Торопецкое,
Великодуцкое и Порховское, три воспитанника; въ томъ же году еще одинъ
воспитанникъ поступилъ учителемъ въ Торопецкое Училище; въ 1791 г.
поступилъ воспитанникъ Семинаріи учителемъ въ Великолуцкое Народ. Учи-
лище, по требованію Губернатора; въ 1792 г. поступилъ воспитанникъ Се-
минаріи учителемъ въ Порховское Народ. Училище; въ 1791 г. поступилъ
учителемъ въ Торопецкое Народ. Училище воспитанникъ Семинаріи Григорій

бу. [14] Многіе продолжали ученіе въ высшихъ свѣтскихъ учили щахъ, [15] особенно въ Медицинской Академіи. [16]

Учители въ Псковской Семинаріи съ 1765 по 1814 г.

1. Богословія.

Съ 1766 г. Ректоръ Архимандритъ Дороѳе
Съ 1774 г. Ректоръ Архимандритъ Варлаамъ.
Въ 1782 г. и далѣе Префектъ Іустинъ.
Въ 1784 году опять Ректоръ Варлаамъ.
Въ 1788 по увольненіи Ректора отъ преподаванія, по сла бости здоровья, Игуменъ Адріанъ.
Въ 1793 Префектъ Исаія.
Въ 1796 Префектъ Венедиктъ, изъ воспитанниковъ Тверской Семинаріи.
Въ 1800 Петръ Вѣжовскій съ 1787 года воспитанникъ Псков ской, а съ 1792 г. Невской Семинаріи.

Нечаевъ; въ 1802 г., по желанію Губернатора, поступилъ въ Островское Народное Училище учителемъ ученикъ Риторики, Яковъ Поповъ.

[14] Такъ, въ 1793 г., по требованію Свѣтскаго Начальства, поступили изъ Семинаристовъ 5 чел. въ Канцелярскіе служители по Псковскому Намѣстничеству; въ 1795 г. вытребованы Намѣстническимъ Правленіемъ въ Канцелярскіе служители до 10 воспитанниковъ Семинаріи; въ 1797 г. туда же и для той же цѣли взяты еще до 10 воспитанниковъ Семинаріи; въ 1799 г., по требованію Рижскаго Губернатора, поступили изъ Псковской Семинаріи въ статскую службу три ученика.

[15] На пр., въ 1768 г., съ разрѣшенія Св. Синода, по требованію Директора Академіи Наукъ, Графа Орлова, взято изъ Псковской Семинаріи 5 учениковъ, знавшихъ Латинскій языкъ, хорошаго поведенія и желавшихъ учиться, а именно, изъ Философскаго класса: Козьма Муравейскій, Косма Зряковскій (возвратившійся въ томъ же году въ Псковскую Семинарію); изъ Риторики: Борисъ Зряковскій, Тимоѳей Мальгинъ и Иванъ Бочаровъ.

[16] Такъ, въ 1797 году, въ слѣдствіе Высочайшаго Указа о ежегодномъ отправленіи изъ Семинаріи въ Медицинскія Училища до 50-ти человѣкъ, по требованію Медицинской Коллегіи, изъ Псковской Семинаріи отправлены въ Медицинскую Академію два воспитанника Риторическаго класса: Иванъ Погоняловъ и Иванъ Нечаевъ; въ 1798 г. отправлены три воспитанника; въ 1799 г. три воспитанника; въ 1803 г. одинъ и въ 1805 одинъ.

Въ 1801 г. Иванъ Троицкій, воспитанникъ съ 1785 г. Новгородской Семинаріи, съ 1788 Великолуцкой Гимназіи, съ 1790 Псковской Семинаріи, съ 1793 г. Невской Семинаріи; въ послѣдствіи Святогорскій Архимандритъ Іосифъ.

2. Философіи.

Въ 1774 г. Архимандритъ Варлаамъ.
Въ 1777 Префектъ Игуменъ Іустинъ.
Въ 1781 Іеромонахъ Адріанъ, въ мірскомъ званіи Агаѳонъ Мутовозовъ, сторожевскій сынъ, воспитанникъ до 1770 г. Псковской, а послѣ Троицкой, Семинаріи; кончилъ курсъ въ 1774 г., постриженъ въ 1779 году.
До 1771 Венедиктъ.
Въ 1791 Николай Юпашевскій. Священническій сынъ, съ 1774 г. воспитанникъ Псковской Семинаріи, а съ 1781 г. Сергіевской Лавры.
Въ 1792 Степанъ Поповъ, Священническій сынъ, съ 1779 г. воспитанникъ Псковской, а съ 1788 г. Невской Семинаріи.
Въ 1800 Петръ Вѣхновскій.
Въ 1803 Іеромонахъ Павелъ.
Въ 1805 Иванъ Лавровъ, воспитанникъ Невской Академіи, Кандидатъ Богословія, въ послѣдствіи Мирожскій Архимандритъ Петръ.

3. Риторики.

Въ 1766 г. Александръ Шавровъ.
Съ 1769 по 1772 г. Алексѣй Петровъ Струковъ.
Съ 1773 г. Андрей Цвѣтковъ, Протоіерейскій сынъ, съ 1762 г. ученикъ Псковской, а съ 1768 г. Троице Сергіевой Семинаріи.
Въ 1778 г. Агаѳонъ Мутовозовъ.
Съ 1781 по 1786 г. Козьма Базилевъ, Протоіерейскій сынъ, съ 1764 г. ученикъ Псковской, а съ 1770 г. Троице-Сергіевой Семинаріи.

Въ 1786 г. Николай Юпашевскій.
Въ 1791 Стефанъ Поповъ.
Въ 1792 Григорій Перстинскій, съ 1779 г. воспитанникъ Псковской, а съ 1788 г. Невской Семинаріи.
Въ 1797 Петръ Вѣхновскій.
До 1801 Иванъ Троицкій.
Въ 1801 Іеродіаконъ Василій.
Въ 1802 Платонъ Поповъ, въ 1803 году уволенный в свѣтское званіе за худое поведеніе.
Въ 1803 Петръ Бутырскій.
Въ 1804 Иванъ Лавровъ.

4. Поэзіи отдѣленной отъ Риторики въ 1797 г.

Въ 1799 г. Иванъ Троицкій.
До 1800 Ефимъ Колобовъ.
До 1802 Платонъ Поповъ.
Въ 1802 Петръ Бутырскій.
Въ 1803 Иванъ Успенскій, уволенный во Священники в Торопецъ въ томъ же году.
Въ 1803 Петръ Юстицкій, сынъ Великолуцкаго Прото іерея Меѳодія.
Въ 1804 Иванъ Владимирскій, изъ воспитанниковъ Псков ской Семинаріи, въ 1806 году выбылъ во Свя щенники къ Псковской Пороменской церкви.

5. Синтаксимы.

Съ 1769 по 1776 годъ Сергій Владимирскій, въ послѣдствіи Псков скій Каѳедральный Протоіерей.
Въ 1776 г. Агаѳонъ Мутовозовъ.
Въ 1778 Козьма Зряковскій, Священническій сынъ, съ 176 года воспитанникъ Псковской, а съ 1769 год Троице-Сергіевой Семинаріи. Первый учитель Фран цузскаго языка въ Псковской Семинаріи. Спер ва Діаконъ, потомъ Священникъ Псковской; в 1781 году переведенъ въ Ригу къ Замковско церкви.
Въ 1781 Козьма Базилевъ.
Въ 1782 Антонъ Сташевскій, урожденецъ Черниговской Епар

хіи, Священническій сынъ, воспитанникъ Сергіевой Семинаріи.

Въ 1785 г. Андрей Львовъ, воспитанникъ Сергіевой Семинаріи.
Въ 1788 Михаилъ Меньщиковъ.
Въ 1793 Ѳеодотъ Быстрицкій.
Въ 1795 Илья Костровъ, воспитанникъ Сергіевой Семинаріи.
Въ 1796 Петръ Вѣховскій.
Въ 1797 Иванъ Троицкій.
Въ 1799 Платонъ Поповъ.
Въ 1800 Иванъ Лавровъ.
Въ 1801 Петръ Бутырскій, Священническій сынъ погоста Демянки.
Въ 1802 Иванъ Успенскій.
Въ 1803 Стефанъ Соловскій, выбылъ во Священники въ погостъ Рѣчани.
Въ 1804 Иванъ Владимирскій.
Въ 1804 Григорій Дегожскій.

6. Грамматики.

До 1769 г. Спиридонъ Тихомировъ.
До 1779 Іоаннъ Бочаровъ, Священникъ Николаевской со Усохи церкви.

Далѣе: Учители Синтаксическаго класса до поступленія въ него.

7. Инфимы.

До 1769 г. Иванъ Даниловъ.
Въ 1769 ученикъ Богословія Иванъ Ермолаевъ.
Въ 1774 Герасимъ Аѳанасьевъ Брагинъ, воспитанникъ Сергіевой Лавры.
Съ 1776 года Козьма Зряковскій.
Съ 1779 до 1782 г. Иванъ Швыкинъ.
Въ 1782 г Андрей Львовъ.
Въ 1785 Михаилъ Меньщиковъ.
Въ 1788 Варѳоломей Бѣлявскій, воспитанникъ Псковской Семинаріи, бывшій учителемъ въ Народномъ Училищѣ
Въ 1791 Ѳеодотъ Быстрицкій.

Въ 1793 г. Ефимъ Колобовъ.
Съ 1793 Борисъ Лавровъ.
До 1800 Михаилъ Савицкій.
Въ 1800 Петръ Бутырскій.
Въ 1801 Иванъ Успенскій.
Въ 1802 Стефанъ Соловскій.
Въ 1803 Иванъ Владимирскій.
Въ 1804 Григорій Дегожскій.
Въ 1804 Ипполитъ Постниковъ, Тверской урожденецъ.
Въ 1805 Иванъ Вревскій.

8. Фары.

Тѣ же, какіе и въ Инфимѣ.

9. Славяно-Русской школы.

До 1769 г. Ученикъ Богословія Полетаевъ.
Въ 1769 Ѳеодоръ Владимирскій, въ послѣдствіи Священникъ Духовской церкви.
Въ 1774 Иванъ Бочаровъ.
Въ 1778 Емельянъ Головицкій.
Въ 1786 Студентъ Богословія Ѳеодотъ Быстрицкій.
До 1793 Ефимъ Колобовъ.
Въ 1793 Студентъ Философіи Борисъ Лавровъ.
1798 Петръ Юстицкій.
1799 Ученикъ Богословія Иванъ Лавровъ.
1800 Иванъ Успенскій.
1801 Ученикъ Философіи Иванъ Владимирскій.
1803 Ученикъ Богословія Григорій Дегожскій.
1804 Ипполитъ Постниковъ, въ томъ же году и Ѳаддей Азелицкій.

10. Русской школы.

Въ первомъ классѣ Ипполитъ Постниковъ.
Въ 1804 году Ѳаддей Азелицкій, въ томъ же году ученикъ Богословія Иванъ Знаменскій, Священническій сынъ изъ Изборска.

До 1806 г. Иванъ Спасскій.
Съ 1806 Григорій Іустиновъ.

Учители предметовъ экстраординарныхъ:

1. Греческаго языка.

1775 г. Андрей Цвѣтковъ.
1780 Козьма Базилевъ.
1791 Николай Юпашевскій.
1792 Иванъ Владимирскій.
1793 Ѳеимъ Колобовъ.
1804 Иванъ Лавровъ.

2. Нѣмецкаго языка.

1774 г. Герасимъ Брагинъ.
1775 Агаѳонъ Мутовозовъ.
1776 Козьма Зряковскій.
1782 Андрей Львовъ.
1786 Николай Юпашевскій.
1791 Семенъ Поповъ.
1797 Петръ Вѣхновскій.
1803 Иванъ Владимирскій.

3. Французскаго языка.

1776 Козьма Зряковскій.

4. Ариѳметики.

1776 г. Козьма Зряковскій.
1779 Иванъ Шьыкинъ.
1780 Козьма Базилевъ.
1782 Андрей Львовъ.
1785 Михаилъ Меньщиковъ.
1791 Ѳеодотъ Быстрицкій.
1793 Ѳеимъ Колобовъ.
1795 Илья Костровъ.

5. Географіи.

1772 г. Андрей Цвѣтковъ.
1775 Агаѳонъ Мутовозовъ.
1779 Сергій Владимирскій.
1780 Козьма Базилевъ.
1789 Михаилъ Меньщиковъ.
До 1793 года Ѳеодотъ Быстрицкій.
1795 г. Григорій Перстинскій.
1797 Петръ Вѣхновскій.

6. Катихизиса.

1776 г. Сергій Владимирскій.
1786 Андрей Львовъ.
1792 Ѳеодотъ Быстрицкій.
1796 Илья Костровъ.
1799 Стефанъ Поповъ.

Учители Гимназій:

1. Невельской.

1781 г. Дороѳей Чарный (низшаго отд.).
Петръ Ивановъ (1-го класса).
1784 Лавръ Зотиковъ.
Семенъ Островскій, Островской Николаевской церкви Діакона сынъ (1-го класса).
1785 Михаилъ Королевъ (низшаго отд.).
1798 Монахъ Никодимъ, воспитанникъ Кіевской Академіи.

2. Торопецкой.

Съ 1786 г, Священническій сынъ Іоаннъ Антиповъ Успенскій, кончилъ курсъ Семинарскаго ученія 1779 года; въ 1789 г. произведенъ во Священники къ Торопецкой Входоіерусалимской церкви, съ оставленіемъ за нимъ прежней должности

Съ 1791 г. Петръ Константиновскій, Діаконскій сынъ, учившійся сперва въ Тверской, потомъ въ Псковской Семинаріи.

3. Великолуцкой.

Съ 1791 г. Воскресенскаго собора Священникъ Меѳодій Андреевъ, воспитанникъ Новгородской Семинаріи, кончилъ курсъ въ 1779 г., въ послѣдствіи Начальникъ оной Гимназіи.

Николай Степановъ, воспитанникъ Новгородской Семинаріи, кончилъ курсъ 1779 г.

1793 Входоіерусалимскій Священ. Авраамій Кодратовъ.

Петръ Юстицкій (высш. класса).

Стефанъ Соловскій (низш. класса).

1802 г. ученикъ Философіи Степанъ Троицкій (низш. кл.).

Иванъ Луцкій (выс. кл.), уволенъ въ свѣтск. званіе.

1803 На мѣсто Юстицкаго, Великолуцкаго Богоявленскаго собора Священникъ Іоаннъ Степановъ.

4. Полоцкой.

Іеромонахъ Никодимъ (тотъ же, что и въ Невельской).

Хозяйственная часть.

Средства для содержанія Семинаріи и подвѣдомыхъ ей школъ.

По отобраніи церковныхъ имѣній въ казну, прежніе способы для содержанія Русскихъ Духовныхъ Училищъ прекратились. Вмѣсто ихъ, Правительство положило каждогодно отпускать изъ казны опредѣленное число денегъ. Этѣ отпуски, время отъ времени, измѣнялись.

Въ 1765 году Коммиссія церковныхъ имѣній назначила на Генварскую и Майскую трети этого года отпустить изъ Коллегіи Экономіи на содержаніе всѣхъ Великороссійскихъ Семинарій 12,95 р. 57 коп. При утвержденіи доклада Коммиссіи о такомъ

назначенія, Государыня сама прибавила еще 2,048 р. 43 коп.; всей суммы составилось уже 25,000 рублей. Изъ этихъ денегъ, по росписанію Коммиссіи, на Псковскую Семинарію пришлось 544 р. 62½ к.[1] Потомъ, по указу Коллегіи Экономіи, получено Псковскою Семинаріею изъ мѣстной Провинціальной Канцеляріи изъ Сентябрскую треть, экономическихъ денегъ 272 р. 31¼ коп. Такимъ образомъ всей суммы на содержаніе Псковской Семинаріи въ 1765 году отпущено изъ казны 816 р. 93 к.[2] Этотъ окладъ она должна была получать каждогодно и впредь до новаго учрежденія Духовныхъ Семинарій.

Въ 1779 году къ помянутымъ 800 р. прибавлено 1.200 р., что составило 2,000 руб. Въ 1797 году этотъ окладъ увеличенъ до 3,500 р. а въ 1807 году на содержаніе Псковской Семинаріи положено было каждогодно отпускать уже 7,000 руб.

Единовременныя пособія Семинаріи.

Кромѣ обыкновенныхъ, каждогодныхъ отпусковъ отъ казны денегъ на содержаніе Псковской Семинаріи, она получала иногда разныя единовременныя пособія. Такъ, она неоднократно получала на содержаніе учениковъ, въ дополненіе къ казеннымъ окладамъ, рублей по 50 отъ Преосвященнаго Иннокентія. Въ 1780 году Высочайше повелѣно было на Псковскую Семинарію отпустить единовременно изъ мѣстнаго Казначейства 500 руб. Эти деньги тогда же, по распоряженію Преосвященнаго, раздѣлены были между лицами, служившими при Семинаріи, и учениками, а именно: выдано Ректору и Учителю Богословія, Архимандриту Варлааму 100 р., Префекту и Учителю Философіи, Игумену Гостину 70 р., Учителю Риторики Іеромонаху Адріану 60 руб., Учителю высшаго Латинскаго класса Псковоградской Духовной церкви Священнику Козьмѣ Зряковскому 50 р., Низшаго класса Учителю Ивану Швыкину 40 р., Информатору Ивану Головацкому 20 р., на сиротскую школу 50 р., на раздѣлъ ученикамъ 100 р., служителямъ 10 руб. Преданіе говоритъ, что этотъ от-

---

[1] Указъ Свят. Синода 1765 г. Сем. Арх.

[2] Указъ Кол. отъ 30-го Сент., 1765 года, Сем. Арх.

пускъ денегъ сдѣланъ Государынею, въ слѣдствіе Ея личнаго посѣщенія Семинаріи въ означенномъ году. Въ память этого Высочайшаго посѣщенія, тогда же были написаны масляными красками на холстѣ двѣ большія символическія картины, изображающія разныя царственныя качества Императрицы. Этѣ картины и нынѣ находятся въ Семинарской залѣ, въ обновленномъ, въ 1862 году, видѣ.

Въ 1798 году изъ Государственнаго Казначейства единовременно отпущено было на исправленіе въ старыхъ Семинаріяхъ построекъ 32,781 р. 26½ коп. Изъ этой суммы на постройку каменнаго флигеля при Псковской Семинаріи выслано 2,000 р. Въ 1800 г. сверхъ этѣхъ двухъ тысячь, разрѣшено Свят. Синодомъ для той же цѣли получить изъ Псковской Консисторіи 1,935 р., оставшихся отъ жалованья, которое отпускалось по штату на Псковскія церкви, за упраздненіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Средства для содержанія меньшихъ школъ Псковскихъ.

Изъ четырехъ Гимназій, принадлежавшихъ Псковской Семинаріи, только на одну Невельскую съ 1779 года отпускалось отъ казны по 500 руб. въ годъ. Сиротская школа при Семинаріи то же не имѣла особаго оклада. И она и три Гимназіи содержались на счетъ Семинаріи и Невельской Гимназіи по учрежденію Преосвященнаго, а именно: на Сиротскую школу отдѣлялось отъ Семинарской суммы 100 р., да отъ оклада Невельской Гимназіи по 1785 года 100 р., а послѣ 150 руб. Эта сумма сперва расходовалась отдѣльно отъ Семинарской и находилась въ вѣдѣніи Каѳедральнаго Протоіерея, потомъ въ 1782 году она причислена къ Семинарской; впрочемъ, не смѣшивалась съ нею. Изъ остальныхъ 400 р., принадлежавшихъ Невельской Гимназіи, 200 руб. отдѣлялось на ея собственное годовое содержаніе; прочее, съ прибавкою нѣкоторой части изъ суммъ Семинарскихъ, употреблялось на другія Гимназіи, а именно: на Великолуцкую по 75 р., или, съ жалованьемъ Учителю нотнаго пѣнія, по 85 р. въ годъ, на Полоцкую по 75 р., на Торопецкую по 95 р. въ годъ. По отчисленіи Невеля и Полоцка отъ Псковской Епархіи, въ ней осталось только двѣ Гимназіи: Великолуцкая и Торопецкая. Онѣ

содержались на счетъ остаточной суммы отъ тѣхъ денегъ, которыя отпускались на Невельскую Гимназію. По закрытіи Торопецкой Гимназіи, этой суммы оставалось еще 1,565 р. 16 коп. На нее велѣно было содержать Великолуцкую Гимназію, отпуская на это въ годъ по 200 р. [19] Но скоро и этой суммы не стало. Она издержана была на постройку каменнаго флигеля при Семинаріи. Съ этѣмъ вмѣстѣ кончилось и существованіе послѣдней Гимназіи въ Псковской Епархіи.

Полученіе изъ казны денегъ, которыя отпускались на Семинарію.

Деньги, отпускаемыя отъ казны на содержаніе Семинаріи, получались Расходчикомъ въ началѣ изъ мѣстной Провинціальной Канцеляріи, а въ послѣдствіи изъ Казначейства, по довѣренности, которая давалась Расходчику, сперва отъ Консисторіи, а потомъ отъ Ректора Семинаріи. О полученіи ихъ Ректоръ долженъ былъ репортовать Консисторіи.

Росписаніе Семинарской суммы по отдѣльнымъ статьямъ.

Семинарскія деньги росписывались по отдѣльнымъ статьямъ. На пр., въ 1780 году приказано было отъ Преосвященнаго на содержаніе Сиротской школы отдѣлять отъ Семинарской суммы 100 р., да отъ Гимназической 100 р. Въ 1782 году, когда сиротская сумма соединена была съ Семинарскою, Преосвященный предписалъ, каждый разъ, по полученіи изъ Казначейства суммы, дѣлить ее на 5 частей, слѣдующимъ образомъ:

1. Отдѣлять ту сумму, которая назначалась на жалованье Учителямъ и прочимъ служащимъ при Семинаріи лицамъ.

2. Отдѣлять ту сумму, которая была положена на содержаніе Семинаристовъ и сиротъ, состоявшихъ въ то время въ наличности, и изъ сей особенно отложить на каждаго Семинариста по 7 р. 70 к., да на каждаго сироту по 5 р.; отдѣлять по 5 р. и на тѣхъ половинно-коштныхъ Семинаристовъ, кои пользовались общею пищею. Этой суммы быть единственно для трапезы.

---

[19] Дѣло Сем. Архива 1790 г.

3. Остальную за симъ сумму, положенную на Семинаристовъ, хранить единственно на устроеніе верхняго и нижняго платья, какъ Семинаристамъ, такъ и сиротамъ.

4. Назначенную на покупку дровъ, свѣчей и другія потребности.

5. Остающуюся на пріумноженіе Библіотеки и отъ неполнаго числа Семинаристовъ и проч.

Въ 1799 г. приказано было отъ Преосвященнаго, для лучшаго способа употребленія Семинарской суммы, раздѣлять ее на слѣдующіе классы: жалованную, дровяную, къ которой отнесть сумму для свѣчей, бумаги, нужной для Семинаріи, сумму на пріумноженіе Библіотеки и на покупку учебныхъ книгъ, или вообще сумму строевую.

Лучшій способъ такого употребленія денегъ состоялъ, между прочимъ, въ томъ, что отъ него болѣе ожидалось остаточной суммы. Полагалось, что гораздо болѣе останется денегъ въ экономіи, когда она будетъ пріобрѣтаться не съ общаго расхода, а съ расхода по каждой статьѣ отдѣльно. Нуждъ было много, а денегъ мало. Придумывали всѣ возможные способы для удовлетворенія вопіющимъ нуждамъ. Иногда и самое росписаніе денегъ дѣлалось такъ, что за нимъ самъ собою долженъ былъ выйти остатокъ денегъ. Въ 1785 году такой остатокъ предполагался въ 375 руб. Изъ сбереженныхъ разными способами денегъ пріобрѣталася запасъ суммы на разныя экстренныя потребности. Такъ, въ 1799 году отъ 3-й части всѣхъ Семинарскихъ денегъ, которыя полагались на жалованье, осталось 146 р. 66 коп., и этотъ остатокъ употребленъ на жалованье Письмоводителю и въ прибавокъ къ жалованью Наставникамъ.

Большее или меньшее количество денегъ, которое оставалось отъ той или другой изъ упомянутыхъ статей, зависѣло отъ свойства и количества расходовъ, которые назначались по этимъ статьямъ. Съ постепеннымъ увеличеніемъ Семинарской суммы общей, постепенно увеличивалась и сумма каждой статьи въ частности. Такъ, въ 1779 году, на жалованье служащимъ при Семи-

рію лицамъ назначалось 730 р. въ годъ, на содержаніе казенн
коштныхъ учениковъ 775 р., на дрова, свѣчи для казеннокош
ныхъ воспитанниковъ, на школьныя книги, на Семинарскія п
чинки, на лѣченіе учениковъ и на прочія нужды 300 р., оста
ныя 195 р. изъ 2,000 руб. назначались на умноженіе казенн
Библіотеки и для другихъ необходимыхъ Семинарскихъ нужд
Въ 1799 г. на жалованье Ректору, Префекту и 5 Учителямъ
Расходчикомъ назначалось 1,020 р. въ годъ; на содержаніе
зеннокоштныхъ учениковъ, въ томъ числѣ и Студентовъ Ака
міи, 1,150 руб.; на жалованье 4-мъ служителямъ, на умноже
казенной Библіотеки, на покупку учебныхъ книгъ, на отпра
леніе Студентовъ въ Академію, на разныя починки и на про
необходимые случаи 883 р. 3½ коп. Въ 1807 году на жалова
назначалось 2.333 р. 33 к., на содержаніе 46-ти воспитанник
2,300 р., на Библіотеку 540 р., на жалованье служителямъ 2
руб., на дрова, свѣчи, бумагу, чернила и проч. 600 р., на
чинки и непредвидѣнныя надобности назначалось 1,026 р. 67

Храненіе Семинарскихъ денегъ.

Семинарскія деньги, по неимѣнію безопаснаго мѣста въ Семинаріи, хранились въ Консисторіи и находились въ особенномъ завѣдываніи, сперва Ректора съ Префектомъ, потомъ Консисторіи, Каѳедральнаго Протоіерея и, наконецъ, съ 1799 года, Семинарскаго Правленія.

Порядокъ высылки и расходованія Семинарской суммы.

До 1784 года деньги изъ Семинарскаго казнохранилища, по мѣрѣ надобности, получало Семинарское Начальство и расходовало ихъ по своему усмотрѣнію. Приходъ и расходъ денегъ записывался въ шнуровую книгу, данную изъ Консисторіи за скрѣпою Секрѣтаря. Въ 1784 году произошло въ этомъ отношеніи нѣкоторое измѣненіе. Преосвященный, замѣтивъ, что Семинарское Начальство неисправно вело расходъ Семинарской суммы, приказалъ завѣдывать ею Консисторіи, и не иначе расходовать ее, какъ по приказанію Консисторіи. Всякій разъ, когда было нужно что ни будь купить, Префектъ долженъ былъ представлять объ этомъ Консисторіи. Консисторія, что могла

сама разрѣшить, разрѣшала, а чего нѣтъ, о томъ представляла на усмотрѣніе Преосвященнаго. Для употребленія съ точною записскою и отчетомъ этой суммы, приказано опредѣлить особеннаго человѣка изъ благонадежныхъ Священниковъ, съ производствомъ ему жалованья по 25 р. въ годъ, изъ того жалованья, которое опредѣлялось Сеніору. Онъ долженъ былъ записывать расходъ въ шнуровую книгу, выданную изъ Консисторіи и представлять ее на ревизію въ Консисторію. Въ 1785 г. предписано было имѣть въ кладовой выемную тетрадь, на которой онъ долженъ былъ росписываться, сколько онъ взялъ денегъ и на что. Въ 1799 году, когда уже образовалось при Семинаріи Правленіе и въ его распоряженіе передана Семинарская сумма, предоставлено самому Правленію производить всѣ подряды. Семинарскій Расходчикъ могъ дѣлать однѣ только мелкія покупки, для которыхъ ему, по прежнему, назначалось выдавать не болѣе 25 рублей, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы, по употребленіи ихъ, онъ подавалъ Семинарскому Правленію вѣрныя записки.

Жалованье лицамъ, служившимъ при Семинаріи.

При назначеніи жалованья служившимъ при Семинаріи лицамъ брали во вниманіе главнымъ образомъ важность обязанностей, которыя они исполняли, и то, сколько кто трудился.

Въ 1765 году изъ 816 рублей Семинарскаго оклада назначалось жалованья:

Ректору	100—120 руб.
Учителю Философіи	60
Учителю Риторики и Поэзіи	130
Учителю высшаго Латинскаго класса . .	50— 60
» низшаго » » . . .	50
Информатору	20— 30
Сторожамъ: 1-му	20
2-му	18

Въ 1779 году получали жалованье изъ 2,000 руб. Семинарскаго оклада, къ коему причислялась остаточная отъ прежнихъ лѣтъ сумма:

Ректоръ и Богословія Учитель	150 руб.
Префектъ и Учитель Философіи	100

Учитель Риторики и друг. наукъ . . . . . 120 руб.
Учитель Латинскаго языка высшаго класса . . 100
» » » низшаго » . . . 80
Информаторъ 50
Сеніоръ, онъ же и Письмоводитель 30
Поваръ, хлѣбопекъ и два сторожа 100

Въ 1785 году, по новому росписанію, приходилось жалованья
Ректору и Учителю Богословія, сверхъ полагае-
маго содержанія отъ монастыря . . . . . 150 руб.
Префекту и Учителю Философіи, сверхъ полу-
чаемаго содержанія отъ монастыря 100
Учителю Риторики 120
Учителю Латинскаго языка высшаго класса . . 100
» » » низшаго » . . . 80
Информатору 50
Расходчику 25
Двумъ поварамъ и двумъ сторожамъ 100

Въ 1799 году, изъ 3,500 р. причиталось жалованья:
Ректору и Учителю Богословія . . . . . 250 руб.
Префекту и Учителю Философіи 175
Учителю Риторики 140
Учителю Піитики 130
Учителю Синтаксимы 120
Учителю Грамматики 100
Информатору 75
Расходчику 30

Въ 1807 году, изъ 7,000 оклада, полагалось:
Ректору, кромѣ Учительскихъ 150
Префекту, кромѣ Учительскихъ 100
Учителямъ:
Богословія, если Настоятель монастыря 350
Философіи, если Настоятель монастыря 250
Риторики 250
Поэзіи 225
Расходчику 50
Служителямъ 100

Замѣч. 1. На жалованье Лѣкарю, въ коемъ Правленіе Семинаріи въ 1807 году не находило нужды, не отдѣлялось ничего, хотя Указомъ Свят. Синода 1798 года полагалось и Семинарскому Врачу производить жалованье.

Замѣч. 2. Изъ жалованья Учителей двухъ высшихъ классовъ, имѣвшихъ за собою монастыри, вычиталась четвертая часть.

Пріемъ учениковъ на казенное содержаніе.

Казенное пособіе оказывалось обыкновенно сиротамъ и бѣднымъ ученикамъ, и то неодинаково. Одни пользовались только казеннымъ помѣщеніемъ и столомъ; такихъ бывало иногда довольно много, на пр., въ 1808 году ихъ находилось въ Семинаріи 36. Другіе пользовались всѣмъ казеннымъ. Первые назывались половинношкотными, послѣдніе полношкотными. На полное казенное содержаніе принимались самые бѣднѣйшіе ученики, которые не могли жить собственными средствами. Число учениковъ, получавшихъ пособіе отъ казны, зависѣло отъ количества получаемой Семинаріею суммы и величины окладовъ, назначаемыхъ полношкотнымъ воспитанникамъ; кромѣ того, оно зависѣло и отъ числа нуждавшихся въ полномъ содержаніи. Это число было не одинаково. Въ 1768 году, когда Семинарія въ первый разъ получила изъ казны на свое содержаніе 816 рублей, приказано было отъ Преосвященнаго на казенное содержаніе принять до 30 человѣкъ. Въ 1774 году на казенномъ содержаніи было 21 человѣкъ; въ 1777 году 22 воспитанника. Въ 1779 году, изъ 2,000 р. назначено было употребить собственно на содержаніе бѣдныхъ учениковъ 1,065 рублей. Положено было принять на казенный коштъ изъ высшихъ двухъ классовъ 15 учениковъ, полагая на каждаго по 25 руб. въ годъ, изъ прочихъ классовъ, начиная съ низшаго Латинскаго, 15 человѣкъ, полагая на каждаго по 20 рублей въ годъ. Бѣднымъ ученикамъ Информаторіи опредѣлялось половинное содержаніе противъ послѣднихъ. Въ 1780 году казенношкотныхъ учениковъ было — Семинаристовъ 30, сиротъ 19. Въ 1785 году на казенномъ содержаніи было изъ высшихъ двухъ классовъ 10 человѣкъ, изъ коихъ на каждаго по-

лагалось по 25 р. въ годъ, и 10 человѣкъ изъ прочихъ кассовъ. На каждаго изъ этѣхъ послѣднихъ полагалось въ годъ по 20 р. Кромѣ того, содержалось на казенномъ коштѣ 20 сиротъ, на каждаго изъ нихъ назначалось по 15 р. въ годъ (До этого времени сироты получали по 10 руб. въ годъ). Въ 1799 году всѣ ученики, пользовавшіеся казеннымъ содержаніемъ, раздѣлены на большихъ и малыхъ. Большихъ полагалось 16: на каждаго изъ нихъ ассигновано было по 35 руб., малыхъ назначено 26 человѣкъ: на каждаго изъ нихъ ассигновано было по 30 р. въ годъ.

Въ 1807 году изъ 7,000 рублей, назначенныхъ на содержаніе Псковской Семинаріи, отдѣлялось собственно на содержаніе 46 казеннокоштныхъ воспитанниковъ 2,300 руб.

Въ 1802 году, при быстромъ возвышеніи цѣнъ на все, эта сумма оказалась недостаточною для содержанія 46 воспитанниковъ, но и денегъ не прибавлялось; по этому положено было уменьшить число казеннокоштныхъ учениковъ, чтобы имѣть возможность увеличить ученическіе оклады. Такъ и сдѣлано. На казенный коштъ принято, вмѣсто 46, 30 учениковъ: 10 большихъ и 20 малыхъ. На каждаго большаго назначено было 40 рублей, а на малаго 3 руб. въ годъ. Какъ ни заботилось мѣстное Начальство обезпечить содержаніе бѣдныхъ учениковъ, за всѣмъ тѣмъ оно ни какъ не могло помочь всѣмъ имъ, по недостаточности средствъ къ этому. Бѣдность Семинаристовъ доходила иногда до крайности. Нѣкоторые изъ нихъ учились, питаясь милостынею. Чтобы помочь такой бѣдности, Указомъ Духовной Консисторіи, отъ 18-го Декабря, 1807 года, приказано было 60 бѣднѣйшихъ своекоштныхъ учениковъ помѣстить въ казенномъ домѣ, безъ всякой платы за то, съ тѣмъ только, чтобы они питались на свой счетъ. Но ученики отказались отъ этой милости Преосвященнаго по разнымъ неудобствамъ. Между тѣмъ, велѣно учениковъ Богословія и Философіи выслать изъ бурсы, такъ какъ они могли пользоваться доходами отъ мѣстъ, зачисленныхъ за ними, а на ихъ мѣста предписано было принять на казенное содержаніе бѣдныхъ учениковъ низшихъ классовъ.

Изъ Гимназій только въ Невельской бывали казеннокоштные ученики. Въ 1780 году ихъ было 7, въ 1781 г. 6, въ 1784 г. не было ни одного, въ 1787 то же, въ 1793 и 1794 то же.

Помѣщеніе Семинаристовъ.

Семинаристы, какъ и вся Семинарія, помѣщались въ прежнемъ домѣ, выстроенномъ для ней въ 1738 году. Въ 1774 году этотъ домъ сгорѣлъ, во время пожара, начавшагося съ Печерскаго подворья. Въ 1776 году онъ былъ снова возобновленъ, съ нѣкоторыми измѣненіями противъ прежняго. На пр., сдѣланъ парадный входъ въ корпусъ въ срединѣ корпуса. Сдѣлана на Семинаріи башня для звонка. Построены вновь три каменные флигеля и въѣздныя ворота. Два флигеля у самыхъ воротъ: одинъ по одну, а другой по другую, сторону воротъ. Въ одномъ была комната съ сѣнями, конюшня на 6 лошадей, каретникъ; а на другой — ледникъ и магазинъ. Третій флигель былъ у самаго корпуса съ боку, къ городской стѣнѣ, для кухни и хлѣбни. Отъ въѣзжихъ воротъ до покоевъ, по ту и другую сторону, сдѣланы были заборы изъ брусьевъ, а у городской каменной стѣны — бревенчатый заборъ съ рѣшетками вверху. Каменныя зданія покрыты желѣзомъ, а прежде они были покрыты тесомъ, и то не вовсе чистыми досками, и всплошь доска на доску. За всю постройку, по контракту, заплачено 7,600 рублей съ матеріялами подрядчика. Подрядчикомъ былъ Соли-Галицкій мѣщанинъ, Петръ Тимоѳеевъ Мачихинъ. Когда производилась постройка, Семинарія помѣщалась въ Тіунской Палатѣ, гдѣ нынѣ находится каменный Архіерейскій домъ на рынкѣ, рядомъ съ новою Консисторіею.

Въ концѣ прошлаго столѣтія сознано было необходимостію сократить, сколько можно, число учениковъ, жившихъ на вольныхъ квартирахъ, по тому что это вольное житье было причиною худой жизни многихъ изъ нихъ. По этому предположено было выстроить въ Семинаріи особый флигель для помѣщенія въ немъ своекоштныхъ учениковъ, со взносомъ извѣстнаго числа денегъ за ихъ содержаніе. Постройка такого флигеля и начата была въ 1801 году, на Семинарскомъ дворѣ, близъ городской, средней стѣны. Строился онъ сперва на 2,000 рублей, которыя отпущены были изъ казны, по ходатайству Преосвященнаго Иринея, въ слѣдствіе сдѣланнаго отъ Св. Синода, въ 1798 году, Епархіяльнымъ Архіереямъ спроса о томъ, въ какомъ состояніи находятся старыя Семинарскія зданія, и не настоитъ ли нужда въ какихъ

либо новыхъ постройкахъ. [20] Потомъ, по ходатайству Псковскаго Преосвященнаго, прибавлены были къ той суммѣ, какая упомянута выше, 1,935 рублей, оставшіеся въ Псковской Консисторіи, за упраздненіемъ въ Псковѣ нѣкоторыхъ церквей. Когда оказалось и этого мало, издержаны были всѣ остаточныя Гимназическія деньги и до 4,157 рублей Семинарской остаточной суммы. Не смотря на это, флигель строился долго (въ 1805 году онъ не былъ еще оконченъ) и неудачно, за что Ректоръ Симинаріи, Архимандритъ Венедиктъ, поплатился Ректорствомъ. Этотъ флигель, вмѣстѣ съ Семинарскимъ корпусомъ, перестроенъ въ 1847 году.

Ученики помѣщались по нѣскольку человѣкъ въ одной комнатѣ. Сироты имѣли отдѣльно отъ другихъ учениковъ помѣщеніе. Для освѣщенія комнатъ выдавались сальныя свѣчи. При этомъ употреблялись подсвѣчники желѣзные и глиняные. Съ 1787 года въ Семинаріи жили ученики и своекоштные, со взносомъ извѣстнаго количества денегъ за содержаніе. Ученики, жившіе въ Семинаріи, назывались Контуберналистами.

Продовольствіе казеннокоштныхъ учениковъ одеждою, пищею и всѣмъ необходимымъ.

Продовольствіе казеннокоштныхъ учениковъ не было, да и не могло быть, богатымъ, какъ по ограниченности средствъ къ тому, такъ и по большему числу нуждавшихся въ казенномъ пособіи. По крайней мѣрѣ, видно, что Начальство старалось сдѣлать для нихъ все, что только могло сдѣлать. Старалось объ удобствѣ ихъ помѣщенія, снабжало ихъ необходимымъ платьемъ и обувью, продовольствовало столомъ, доставляло нужныя учебныя пособія. Выдавалось платье нижнее: рубашки, подштаники, и верхнее, зимнее и лѣтнее. Для зимы выдавали: сапоги съ чулками, шапки съ рукавицами, овчинныя шубы на три года. Для лѣта: башмаки съ чулками, кафтаны изъ торговаго сукна, на три года, съ починкою и переворотою, въ случаѣ нужды, на другую сторону, кушаки изъ каламейки. Такимъ же образомъ выдавалось платье и сиротамъ, только съ нѣкоторымъ отличіемъ отъ Семина-

---

[20] Дѣло Сем. Арх. за 1798 г.

ристовъ. Въ 1766 году 12-ти большимъ выданы были, между прочимъ, башмаки съ чулками, а 16-ти малымъ безъ чулковъ. Въ 1768 году тоже приказано было учениковъ высшихъ классовъ объокапировать съ нѣкоторою отмѣною отъ младшихъ Въ 1780 году приказано было для сиротъ употреблять кафтаны изъ сермяжнаго хорошаго сукна — смураго, шубы овчинныя, кушаки, бахилки, чулки, шапки, рукавицы и нѣсколько изъ бѣлья, полагая все на опредѣленное время. Вмѣсто кроватей, велѣно было сдѣлать широкія скамьи съ подголовками, вмѣсто постели — употреблять войлоки, обшитые кругомъ холстомъ. Этѣ войлоки употреблялись и у большихъ.

Вмѣсто готоваго платья и обуви, иногда выдавали деньгами, тоже съ соблюденіемъ отличія между большими и малыми учениками. За платье, выдаваемое на три года, выдавались и деньги на три года. На обувь выдавалось иногда большимъ по 1 р. 20 к., малымъ — по 80 к. На шапки и рукавицы выдавалось, на три года, большимъ по 1 р. 50 к., малымъ — по 1 р. Въ 1780 году большіе на рубашки (на годъ) получили по 1 р. 50 к., малые — по 1 р. 20 к. На лѣтнюю обувь — большіе по 70 к., малые по 50 к. Въ 1798 году выдано было большимъ на лѣтнюю обувь по 80 к., на зимнюю — по 1 р. 20 к., на рубашки по 1 р. 50 к., на шляпу, кушакъ и войлокъ по 1 р. 57½ коп.

Столъ.

Въ началѣ разсматриваемаго нами времени, продовольствіе учениковъ столомъ совершалось, по прежнему, довольно неопредѣленнымъ образомъ. На пр., въ 1776 году нѣкоторымъ бѣднымъ ученикамъ выдавали или деньгами по 50, или 30, копѣекъ въ мѣсяцъ на хлѣбъ, или по 14 фунтовъ хлѣба въ недѣлю. Въ послѣдствіи, когда окладъ Семинарскій увеличился, эта статья стала принимать болѣе однообразный видъ. Въ 1798 году продовольствіе казеннокоштныхъ учениковъ пищею было такое: каждому казеннокоштному ученику выдавался недѣльный въ 14 фунтовъ хлѣбъ. Кромѣ этого, начиная съ лѣтнихъ ваканцій до Рождественскаго поста, по воскресеньямъ, торжественнымъ и двунадесятымъ праздникамъ, приготовлялись для нихъ: холодная студень, по блюду на 7-ь человѣкъ, щи съ свѣжею говядиною, полагая на трехъ человѣкъ по два фунта, а иногда, при дешевизнѣ мяса, подавалось

нѣсколько и баранины. Послѣ же праздника Рождества Христова до вакаціи, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, для щей употреблялась солонина, на трехъ человѣкъ по два фунта, а въ годовые праздники прибавлялось къ столу и по нѣскольку холодной говядины. Въ постные дни, во весь годъ, варились щи съ сухими снѣтками и каша съ постнымъ масломъ, а въ праздничные дни подавалась еще и кашица съ мелкою рыбою, полагая на человѣка по три плотки или мелкихъ окуня.

При этомъ нужно замѣтить, что ежели когда для стола приготовлялось два кушанья, то большіе довольствовались двумя, а малые только однимъ кушаньемъ. То же соблюдалось и при праздничномъ столѣ.

Когда казеннокоштные ученики отправлялись домой, то на пищу въ дорогѣ выдавали имъ деньги. Такъ, въ 1799 году, позволено было отъ Преосвященнаго выдать на дорогу большимъ по 80, а малымъ по 50 к. Больныхъ всѣхъ и содержали и пользовали на казенный счетъ.

Для хлѣба и кваса покупалась рожь, которую мололи сами Семинаристы. Вмѣсто говядины покупался скотъ, который свѣжевали въ Семинаріи.

Въ столовой употреблялась деревянная посуда: блюда, ложки, тарелки, ножи. Въ кухнѣ были: мѣдный котелъ, тяганъ.

Учебныя пособія.

Казеннокоштнымъ ученикамъ оказывалось пособіе и въ ихъ учебныхъ занятіяхъ: имъ выдавали въ безмездное пользованіе учебные книги, бумагу и чернила.

Отчетность по Семинарской экономіи.

Экономическая часть Семинаріи подлежала ревизіи мѣстной Консисторіи и Преосвященнаго. Впрочемъ, порядокъ этой ревизіи былъ не одинаковъ въ разное время. На пр., въ 1779 году перечневыя вѣдомости о суммѣ, израсходованной и остаточной, пред-

ставлялись отъ Ректора Преосвященному по третямъ, а шнуровыя книги въ Консисторію одинъ разъ въ годъ. Въ 1784 году приказано было представлять приходорасходныя Семинарскія книги, для повѣрки въ Консисторію, каждую треть, съ донесеніемъ о послѣдствіяхъ Преосвященному; въ 1793 году однажды въ годъ; въ 1799 году, опять по прошествіи каждой трети, съ донесеніемъ Преосвященному о послѣдующемъ; въ 1802 году опять однажды въ годъ.

Управленіе Семинаріи.

а) Внутреннее.

Внутреннее Управленіе Псковской Духовной Семинаріи до 1798 года было конторское же. По прежнему, въ немъ участвовали: Ректоръ, Префектъ и Расходчикъ. Ректоръ, будучи главнымъ Начальникомъ всѣхъ лицъ, служившихъ при Семинаріи, и всѣхъ частей ея управленія, ближайшимъ образомъ завѣдывалъ частію учебною, Префектъ—нравственною, Расходчикъ—экономическою. При Конторѣ находился особый Письмоводитель. Но въ 1798 г., вмѣсто Конторы, открыто Правленіе, котораго постоянными Членами назначались: Ректоръ, Префектъ и Экономъ.

б) Внѣшнее управленіе.

Внѣшнее управленіе Семинаріи происходило старымъ порядкомъ, то есть, она была въ ближайшемъ завѣдываніи отъ мѣстной Консисторіи и отъ мѣстнаго Преосвященнаго, которымъ, чуть-чуть не во все разсматриваемое время, одинъ и былъ Иннокентій Нечаевъ. Этотъ просвѣщенный пастырь, дѣйствительно, неутомимо занимался Семинаріею, не смотря на то, что во все время жилъ въ Петербургѣ, какъ Членъ Св Синода. Тридцатилѣтнее его управленіе Псковскою Епархіею, въ одномъ этомъ отношеніи, дѣлаетъ его незабвеннымъ для ней. Онъ слѣдилъ за нравственностію учениковъ и Наставниковъ, вводилъ новыя науки, наблюдалъ за ихъ ходомъ и направленіемъ, заботился о лучшемъ образованіи Учителей, назначалъ ихъ на службу, опредѣлялъ предметы и планъ

ихъ занятій, съ неподражаемымъ терпѣніемъ повѣрялъ успѣхи учениковъ, не полагаясь на одинъ отзывъ о нихъ преподавателей, требовалъ къ себѣ сочиненія учениковъ, внимательно пересматривалъ ихъ, дѣлая на нихъ свои замѣтки, не упускалъ изъ виду даже почерка ученическаго письма. Самъ покупалъ въ Петербургѣ книги для учениковъ. Придумывалъ всѣ возможные способы къ обезпеченію ихъ въ содержаніи и принималъ живѣйшее участіе въ употребленіи этихъ способовъ: самъ дѣлилъ Семинарскую сумму по статьямъ; указывалъ, какъ лучше повесть ту или другую изъ нихъ; назначалъ жалованье преподавателямъ и оклады ученикамъ; указывалъ, что именно сдѣлать, когда и какъ лучше сдѣлать, для соблюденія экономіи.

Что же касается до Консисторіи, то ея посредство между Преосвященнымъ и Семинаріею и въ это время не болѣе приносило пользы для послѣдней, какъ и прежде. Дѣла замедлялись, распоряженія перепутывались. Консисторія не рѣдко хотѣла одного, Семинарія — другого, а иногда ни та, ни другая ничего не дѣлали, полагаясь одна на другую.

Былъ случай такой: ученикъ уѣхалъ домой, да и жилъ себѣ тамъ покойно. А Консисторія съ Семинаріею и не думали побудить его поспѣшить къ своему дѣлу. Первая полагала, что онъ учится въ Семинаріи, а послѣдняя считала его давно уже опредѣленнымъ на мѣсто. Открывались иногда самыя соблазнительныя столкновенія у Консисторіи съ Ректоромъ Семинаріи. Членами Консисторіи бывали лица, подчиненныя Ректору. Ректоръ, относясь къ Консисторіи по дѣламъ Семинаріи, не могъ забыть, что онъ Начальникъ учебнаго Епархіальнаго заведенія, самъ Членъ Консисторіи, и при томъ Старшій, что въ средѣ тѣхъ, къ коимъ онъ относится, были его подчиненные. Консисторія не забывала своихъ правъ надъ нимъ; иному же открывался при этомъ и удобный случай поплатиться за что ни будь съ нимъ за училищную службу. Въ Архивѣ Псковской Д. Консисторіи есть и теперь бумаги, показывающія, какъ она судила Ректора Семинаріи, Архимандрита Венедикта, за постройку каменнаго флигеля при Семинаріи. Самъ Преосвященный Ириней не могъ читать ихъ безъ скорби. «Сильно возмущается духъ мой отъ такого нестроенія,» писалъ онъ на одной изъ нихъ.

Святѣйшій Синодъ мало входилъ въ Семинарскія дѣла. Обыкновенно ему посылали каждогодно вѣдомости объ учащихъ и учащихся Семинаріи. Въ 1791 году приказано было такія же вѣдомости каждогодно посылать въ Синодъ и изъ Гимназіи.[11] Въ 1798 году предписано было въ этѣхъ вѣдомостяхъ показывать и то, какъ что преподается въ классахъ.

Съ открытіемъ Духовныхъ Академій началъ подготовляться новый порядокъ Семинарскаго управленія. Назначено было, въ которую изъ нихъ какія Семинаріи должны посылать учениковъ для образованія. Въ 1798 году приказано было въ преподаваніи наукъ сообразоваться съ тѣмъ, какъ онѣ преподаются въ Академіяхъ, и найдено нужнымъ знать послѣднимъ, какъ учатся въ первыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ректору Академіи вмѣнялось въ обязанность быть Совѣтникомъ для тѣхъ Семинарій, которыя поставлены въ ближайшее къ ней отношеніе. Такимъ образомъ стала обозначаться централизація Духовныхъ Училищъ.

Списокъ

Ректоровъ, Префектовъ и Расходчиковъ или Экономовъ, съ 1765 по 1814 годъ.

Ректоры.

1. **Дорофей**, Святогорскій Архимандритъ. Въ 1768 году переведенъ въ Новгородскую Семинарію, а оттуда въ 1770 году въ Казанскій Свіяжскій монастырь.

2. **Стефанъ**, Спасо-Мирожскій Игуменъ, до 1774 года.

Варлаамъ (1774—1792), сперва Игуменъ Спасо-Мирожскій, потомъ Архимандритъ Псково-Печерскій. Въ 1792 году Свят. Синодомъ переведенъ Настоятелемъ въ Воскресенскій Ново-Іерусалимскій Ставропигіяльный монастырь.

Петръ, Архимандритъ Авраамиева Смоленскаго Училищнаго монастыря. Уволенъ по болѣзни въ Псково-Печерскій монастырь.

[11] Дѣло Сем. Арх. за 1791 г.

Венедиктъ, съ 1799 года.

Игуменъ Іосифъ, исправлявшій должность Ректора, по случаю отбытія Архимандрита Венедикта въ Петербургъ, на чреду священнослуженія.

Префекты.

Стефанъ Іеромонахъ, изъ Тверскихъ Учителей, Спасо-Мирожскій Игуменъ (1766—1774).

Варлаамъ, Спасо-Мирожскій Игуменъ съ 1774 г.

Іустинъ, Спасо-Мирожскій Игуменъ съ 1778 г. Въ 1781 году Свят. Синодомъ назначенъ былъ въ Голштинію, но отказался по болѣзни. Въ 1784 году переведенъ Настоятелемъ въ Бѣлгородскій Николаевскій монастырь.

Адріанъ, Мирожскій Іеромонахъ и Надсмотритель, въ послѣдствіи Игуменъ того же монастыря (съ 1784 г.); уволенъ. Худо велъ себя.

Венедиктъ (съ 1786 г.), учился въ Тверской Семинаріи въ 1770 году.

Адріанъ (въ 1791 году) въ другой разъ.

Исаія, Спасо-Мирожскій Игуменъ. Въ 1796 г. переведенъ Игуменомъ въ Торопецкій Небинъ монастырь.

Венедиктъ, въ другой разъ (1796), изъ Игуменовъ Торопецкаго монастыря.

Петръ Вѣхновскій, въ 1800 году.

Иванъ Троицкій, уволенъ во Священника въ Порховскій соборъ, въ 1803 году.

Іеромонахъ Павелъ въ 1803 году, Настоятель Троице-Сергіева Великолуцкаго монастыря.

Иванъ Лавровъ, въ 1805 году.

Расходчики или Экономы.

До 1781 года Сеніоръ Иванъ Левитовъ.
Въ 1784 году Николаевской со Усохи церкви Священникъ Ѳеодоръ Антиповъ.
Въ 1792 году Николаевской со Усохи церкви Священникъ Андрей Стехновскій.
Съ 1808 года Учитель Синтаксимы Иванъ Вревскій.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Цѣиность вещей, которыя покупались для Семинаріи въ прошедшемъ столѣтіи:

Въ 1779 году

покупались:

Гороху четверть по	3 р.	60 к.
Гречневыхъ крупъ четверикъ по. . . .		30, 40 и 45 к.
Ячныхъ.		35 к.
Пшеницы четверикъ		75
Коровьяго масла фунтъ		8
Палка сургуча		18
Пудъ сальныхъ свѣчей	3	60
Березовыхъ дровъ сажень		70
Ольховыхъ		65
Сукна аршинъ	1	
Корова	3	5
Быкъ	4, 6	
Трехсаженная тесовая доска толстая .		24
дюймовая		10
Желѣзный подсвѣчникъ		20
Вылудить мѣдный котелъ большой стоило		70
Овчина		28

Въ 1780 году.

Капусты покупалось въ Семинарію на 12 р. 65 к.
Рожь по 2 р. 40 к. и по 2 р. 25 к. четверть.
Пудъ соли 35 к. Пудъ свѣчей 3 р. 20 к.
Бумага покупалась 3-хъ сорт.: стопа 1 го сор. 1 р. 40 к.
2-го » 1 р. 60 к.
3-го » 2 р. 40 и 80 к.

ВЫПИСКА

изъ приходо-расходныхъ книгъ Псковской Семинаріи отъ 1779 по 1796 годъ, показывающая количество расхода и остатка по Семинаріи суммъ.

	Приходъ.		Расходъ.		Остатокъ.	
1779 годъ.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Состояло на лицо къ Сентябрской трети	1478	33	1226	40½	251	92½
1780 годъ . .	2268	86	2266	98½	1	87½
1781 » . .	2018	81½	2017	58	1	23½
1782 » . .	1984	23	1892	73½	91	49½
1783 годъ.						
а) жалованной	1009	99	1009	99		
б) трапезной	565	35	565	35		
в) платейной	128		128			
г) дровяной	308	28	308	28		
д) остаточной на пріумноженіе Библіотеки. . . .	328	16½	307	83½	20	33
И того . .	2339	78½	2319	45½	20	33
1784 годъ.						
а) жалованной	878	33	834	58½	43	74½
б) трапезной	376		369	17¾	6	82¼
в) платейной	81	50	66	25	15	25
г) дровяной	300		241	66½	58	33½
д) остаточной Библіотечной	484	50	16	50¼	467	99¾
И того . .	2120	33	1528	18	592	15

1785 годъ.						
а) жалованной	483	34¼	483	34¼		
б) трапезной	387	90½	227	32¼	160	58¼
в) платейной	149	5	34	25	114	80
г) дровяной	235	20¾	165	63¾	69	57
д) остаточной Библіотечной	361	56¾	139	6	222	50
И того	1617	7¼	1049	62	567	65¼
1786 годъ.						
а) жалованной	725		718	33¼	6	66¾
б) трапезной	510		263	25	246	75
в) платейной	370	5	329	13½	40	91½
г) дровяной	300		267	37½	32	62½
д) остаточной	375		243	95	131	5
И того	2280	5	1822	3¾	458	1¼
1795 годъ.						
а) жалованной	833		833			
б) трапезной	510		493	90	16	10
					передержка	
в) платейной	240		332	21	92	21
г) дровяной	300		277	64	22	36
					передержка	
д) остаточной	67		211	52	144	52
					передержка.	
И того	2000		2148	27	198	27

		Руб.	Коп.
Экономическая сумма съ 1784 по 1792 годъ:			
Остатокъ отъ 1784 года:	а) дровяной суммы	34	60
	б) остаточной	455	8½
	И того	489	68½
Остатокъ отъ 1785 года:	а) дровяной	69	57
	б) остаточной	222	50
	И того	292	7

Остатокъ отъ 1786 года:	а) платейной	40	91
	б) дровяной	32	62½
	в) остаточной	131	5
	И того . .	204	59
Остатокъ отъ 1787 года:	а) трапезной	343	35
	б) платейной	107	31½
	в) дровяной	46	71
	г) остаточной	315	68
	И того . .	813	5½
Остатокъ отъ 1788 года:	а) трапезной	221	73
	б) платейной	146	65
	в) дровяной	122	68
	И того . .	491	6
Остатокъ отъ 1789 года:	а) трапезной	115	33
	б) платейной	20	22
	в) дровяной	53	83
	г) остаточной	346	
	И того . .	535	38
Остатокъ отъ 1790 года:	а) платейной		14
	б) остаточной	170	58
	И того . .	170	72
Остатокъ отъ 1791 года:	а) платейной	60	33
	б) остаточной	296	20
	И того . .	356	53
А всей экономіи съ 1784 къ 1792 г. состояло на лицо		3353	9
къ 1796 г. состояло на лицо		3258	62

О

НЕОБХОДИМОСТИ УНИЧТОЖЕНІЯ ОТДѢЛЬНЫХЪ ПРАВЪ ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ,

ОТЪ ПОЛЬШИ ВОЗВРАЩЕННЫХЪ, И ИЗМѢНЕНІИ НЕДОСТАТКОВЪ,

ПРОТИВНЫХЪ ГОСУДАРСТВЕННОМУ БЛАГОУСТРОЙСТВУ.

Тѣ только постановленія признаются совершенными и достигающими цѣли своей, кои согласны съ основными началами Государственнаго управленія и гражданскими элементами жизни народной. Основываясь на сей неопровержимой истинѣ, предварительно ко изданія Свода правъ привилегированныхъ Губерній, должно рѣшить три вопроса:

1. Не противорѣчатъ ли права началамъ политической независимости господствующаго народа? 2. Права сіи достаточны ли для блага областей и сословій, для коихъ они составляются? и 3. Не препятствуютъ ли оныя благосостоянію Государства въ финансовомъ и нравственномъ отношеніяхъ?

Не обращая вниманія на Финляндію, какъ пятно, едва замѣтное въ составѣ колоссальной Россіи, въ пространствѣ сихъ вопросовъ должно разсмотрѣть окончанный, и по сему скоро долженствующій воспринять свое дѣйствіе, Сводъ Остзейскихъ и отъ Польши возвращенныхъ Губерній, важныхъ въ составѣ Государственномъ своею обширностію, народонаселеніемъ и въ особенности враждебностію духа ко всему Русскому.

I. Не противорѣчатъ ли сіи права началамъ политической независимости Государства?

Предварительно до разрѣшенія сего вопроса, должно опредѣлить, кто населяетъ привилегированныя Губерніи, для коихъ составляется Сводъ отдѣльныхъ правъ.

Губерніи, отъ Польши возвращенныя, включая въ сіе число и Литву (Виленскую и Гродненскую Губерніи), составляли древнюю Славянію, однородную въ составѣ племенъ единствомъ Вѣры и началами гражданственности. Съ принятіемъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Православнаго Исповѣданія, послѣдовало первое религіозное отдѣленіе Литвы отъ союза Россіи, но она сохранила и народность и систему княженій, преобладавшихъ въ Россіи. Съ утвержденіемъ же въ Литвѣ Римско-Католической Вѣры послѣдовало и религіозное и политическое отпаденіе, но народность чисто Русская осталась неприкосновенною, хотя система правительственная приняла другой характеръ. Литва, сильная единствомъ власти Князей своихъ, присоединила къ себѣ области бѣдствующей Россіи (Губерніи Минскую, Могилевскую, Витебскую, Подольскую и Волынскую и Бѣлостоцкую Область); но сіе отторженіе, измѣнивъ властителя, не измѣнило порядка властвованія. Всѣ области и сословія не только сохранили во всей чистотѣ Вѣру, языкъ, законы и обычаи своей родины, но доколѣ, Литва не соединялась съ Польскимъ Королевствомъ, не измѣнились въ составныхъ своихъ элементахъ. Съ сего же времени, особенно когда династія Князей Литовскихъ изсякла, Польское Дворянство и, такъ называемая, Шляхта, буйное мятежное сословіе, и Духовенство Католическое постепенно овладѣли Русскимъ народонаселеніемъ со всѣмъ неистовствомъ фанатизма и безначалія. Но Дворянство и Духовенство, захватившія обширныя помѣстья, были немногочисленны; изрѣдка только остатки бродягъ, чинившія нападенія на наши предѣлы и многочисленная Панская дворня, селились въ сихъ помѣстьяхъ и городахъ. Съ появленіемъ Польскаго Дворянства водворились и Польскія права; но народъ Русскій, угнетенный, не пользовался ни какими преимуществами: извѣстно, какія ужасныя притѣсненія и неистовства допускало и само производило, такъ называемое, свободное правленіе, чтобы овладѣть понятіями и совѣстію людей мирныхъ и покорныхъ.

Екатерина Великая, возвратя Россіи ея достояніе, желала не только истребить это, но и во всей силѣ возстановила законы Русскіе. Она знала, что однимъ только этимъ средствомъ можно искоренить духъ Польскаго буйства и ненависти къ Россіи; знала, что единство языка и законовъ раждаетъ единство чувствъ и

понятій, безъ коихъ нѣтъ прочности въ существованіи народномъ. Такъ безсмертная, въ высокихъ думахъ о благѣ Имперіи, въ тайномъ Наказѣ, данномъ Генералъ-Губернатору Чернышеву, говоритъ: «Я желаю, чтобы грань инонародія исчезла, и древнія области Русскія были Русскими не однимъ именемъ, а душею и сердцемъ.» Ежели бы мысль Великой была поддержана и вполнѣ развита въ послѣдующее время, тогда бы настоящее поколѣніе Польскаго Дворянства слилось съ Русскими и чувствами и понятіями, въ чемъ могутъ удостовѣрить тѣ изъ Поляковъ, кои были воспитаны въ Кадетскихъ Корпусахъ и, забывъ языкъ и права свои, сдѣлались совершенно Русскими.

Сводъ Польскихъ правъ готовъ. Для кого права сіи? — Для нѣсколько тысячъ, которыя бы, для ихъ же блага, для блага Имперіи, должны забыть, что когда либо существовали права, отдѣляющія ихъ отъ Россіи. — Какія права?—Отрывки, безпрестанно напоминающіе имъ о прежнихъ важныхъ преимуществахъ.—Какія послѣдствія отъ изданія сихъ правъ? Тѣ жь, какія были отъ возстановленія ихъ послѣ смерти Екатерины Великой.—Настоящимъ измѣримъ будущее; поелику происшествія, видимыя въ жизни народовъ, не возникаютъ мгновенно и случайно, а зараждаются отъ предшествующихъ событій. Каждый Полякъ, указывая сыну своему на Сводъ этѣхъ правъ, скажетъ: «Вотъ обломки нашей народной независимости, похищенные у насъ Русскими!» И этѣ слова не падутъ втунѣ. При первой возможности приближенія враговъ къ предѣламъ Россіи вспыхнетъ пламя бунта, и кровію Русскаго должно будетъ погасить его: такъ было въ 1812 году, 1830 и 1831 годахъ, такъ будетъ при первомъ удобномъ случаѣ. Этѣ кровавыя сцены да не получатъ страницъ Исторіи Вашего Величества! Государь! возвратите достояніе Россіи чисто, неукоризненно, какъ возвратила его Екатерина Великая; силою души Вашей, коею гордимся мы, сплавте разнородныя чувства, желанія и понятія въ одно цѣлое, прекрасное, великое чувство любви къ Русскому, съ коимъ неразрывна любовь къ непоколебимости и славѣ Престола! Конечно, и уничтоженіе правъ, веденіе нашихъ законовъ въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, принесетъ счастливыя послѣдствія чрезъ 50 лѣтъ; но мысль Государственная должна жить за предѣлами гроба и настоящимъ

опредѣлять будущее въ жизни народной. Самое географическое положеніе Губерній, отъ Польши возвращенныхъ, такъ сказать, опоясывающихъ всю почти Европейскую границу Имперіи враждебнымъ для нея духомъ, внорсженнымъ долговременною борьбою Польши съ Россіею о первенствѣ народномъ, указываетъ необходимость рѣшительными мѣрами прекратить всякую надежду, которая, со дня кончины Екатерины Великой, наполняетъ сердце каждаго Поляка.

Напротивъ, существованіе отдѣльныхъ правъ въ Губерніяхъ Остзейскихъ, не принося ни какого вреда Государству ни въ географическомъ, ни въ политическомъ отношеніи, составляетъ источникъ ихъ благосостоянія.

Остзейскія Губерніи почти никогда не имѣли счастливой самобытности; при самомъ возрожденіи своемъ стѣсненныя сильными Государствами, онѣ безпрестанно должны были искать покровителей, и только подъ щитомъ Россіи обрѣли прочное спокойствіе. Остзейскія Губерніи никогда Россіи не оставляли ни по происхожденію, ни по управленію: въ нихъ все отдѣльно, все самобытно; всѣ состоянія, отъ богатѣйшаго владѣльца до послѣдняго ремесленника и земледѣльца, происхожденія намъ чуждаго, Вѣры, нравовъ, обычаевъ и гражданственности отдѣльной; слѣдовательно, въ нихъ права, распространяся на всѣ состоянія, не тяготятъ господствующаго народа какъ въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, гдѣ на сто человѣкъ Русскаго происхожденія десять Польскихъ пришельцевъ.

Конечно, есть до невѣроятности старанныя преимущества въ Остзейскихъ Губерніяхъ, особенно въ Ригѣ, изданныя во дни непримиримой вражды съ древнею Русью, преимущества, стѣсняющія торговлю и благосостояніе прилегающихъ къ нимъ Русскихъ Губерній и несовмѣстныя съ началами Государственнаго благоустройства; но, оставя даже и сіи права неприкосновенными, не причинится того пагубнаго, окрыто и безпрестанно, подобно гидрѣ, возраждающагося, зла, кое кроется въ существованіи права въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ. Впрочемъ, нельзя повѣрить, чтобы многія преимущества Остзейскихъ Губерній были вполнѣ сохранены. Это было бы противно достоинству Рос-

сіи и ея политической самобытности. Екатерина Великая, желая согласить несообразность нѣкоторыхъ правъ въ Остзейскихъ Губерніяхъ, ввела въ оныя во всей силѣ Учрежденія Губерній и Городовое Положеніе, которое, одинаково развивая ремесла и торговлю во всѣхъ сословіяхъ и частяхъ Имперіи, заключаетъ въ себѣ источникъ благосостоянія городовъ и селъ.

II. Сіи права достаточны ли для блага тѣхъ областей и сословій, для коихъ составляются?

Главное различіе между Русскими гражданскими законами и существующими въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, суть: 1) Особенность раздѣла имѣній между братьями и сестрами. По Русскимъ законамъ, сестры получаютъ изъ недвижимаго 14-ю часть, изъ движимаго 8-ю часть; по Польскимъ, изъ имѣнія матери равную съ братьями; изъ имѣнія отца 4-ю часть противу братьевъ; 2) при взысканіи долговъ, по Русскимъ законамъ, имѣніе продается съ публичнаго торга, по Польскимъ, раздѣляется во временное владѣніе кредиторовъ, и 3) особенные виды Гражданскаго судопроизводства.

Совершенство устройства Гражданскихъ обществъ составляетъ согласіе всѣхъ родовъ законодательства съ главною или, такъ сказать, верховною силою, двигающею Государствомъ. Эта верховная сила называется правленіемъ, которая, по стеченію различныхъ случаевъ, имѣетъ особыя формы, съ коими должны согласоваться всѣ роды и виды законодательства.

а) О порядкѣ раздѣла имуществъ.

Раздѣлъ имуществъ есть законъ гражданскій, но въ немъ таятся начала политическаго устройства обществъ; по сему-то законодатели древнихъ Республикъ старались уравнять имущества между гражданами, дабы сіе равенство служило подпорою ихъ правленія; на семъ же основаніи и Польскіе республиканскіе законы старались раздроблять имущества, дабы симъ поддерживать духъ свободы, несовмѣстный съ Монархическимъ правленіемъ. Отъ чего произошелъ этотъ многочисленный и мятежный классъ,

называемый Шляхтою, какъ не отъ излишняго раздробленія имуществъ?—Напротивъ Монархическое правленіе требуетъ, для прочности своего существованія, большой неровности имуществъ, чтобы чрезъ сіе главные роды могли служить подпорою Престола. Изъ сего можно видѣть, что раздѣлъ имуществъ, по законамъ Русскимъ, основанъ на началахъ Монархическаго правленія, по законамъ Польскимъ — на началахъ Республиканскаго. Конечно, сынъ и дочь для чувства родителей равны, но законы и даже ощущенія гражданина должны жертвовать всѣмъ прежде для блага Государственнаго, потомъ уже заботиться о счастіи семейства, и что останется отъ сихъ чувствъ, предоставить прочему человѣчеству. Другое весьма важное обстоятельство дѣлаетъ законы Русскіе превосходнѣе Польскихъ, а именно: семейное устройство. Солонъ постановилъ, чтобы Аѳиняне за дочерьми своими давали только по нѣскольку паръ платья, полагая, чрезъ сіе, что чѣмъ менѣе состояніе женщины, тѣмъ необходимѣе привязанность къ мужу, тѣмъ непоколебимѣе чувство нравственности; ибо мысль о невозможности отдѣльнаго существованія останавливаетъ развратъ, и чрезъ сіе укрѣпляетъ семейныя добродѣтели. Безъ нравственности женщина составляетъ несчастіе не однихъ семействъ, но и Государствъ, поелику раждаетъ безнравственныхъ гражданъ, буйную и на всѣ преступленія готовую толпу негодяевъ. Лакенемонянки справедливо говорили, что онѣ однѣ производятъ гражданъ; ибо чувство и примѣръ матери образуютъ форму, въ которую выливаются наши первоначальныя ощущенія и понятія, на коихъ основываются поступки возмужалой нашей жизни.

б) Порядокъ взысканія долговъ.

Раздѣленіе имѣній между кредиторами служитъ причиною совершеннаго разоренія сихъ имѣній; ибо временные владѣльцы, стараясь выручить не только капиталъ, имъ принадлежащій, но и получить прибыль, употребляютъ всѣ средства, дабы выжать изъ имѣнія всѣ соки; отъ сего имѣнія, бывшія въ реквизиціи, не имѣютъ ни какой цѣнности, крестьяне въ нищетѣ, и земля въ истощаніи такъ, что десятки лѣтъ и значительныя суммы потребны для ихъ поправленія.

Сверхъ сихъ причинъ, излишнее раздѣленіе имуществъ препятствуетъ народному благосостоянію и въ видахъ Государственной экономіи; ибо, производя раздробленіе капиталовъ и труда, отнимаетъ средства къ улучшеніямъ, требующимъ сосредоточенія и труда и капиталовъ. Франція, занимая лучшую часть Европы, по климату и производительнымъ силамъ земли, далеко отстаетъ въ благосостояніи даже противъ болотистой Голландіи, поелику во Франціи 10 милліоновъ владѣльцевъ земли, а жителей только 36 милліоновъ. Эта же причина усугубляетъ духъ буйства и безпорядковъ въ семъ несчастномъ Государствѣ.

в) Особенные виды судопроизводства.

Особенные виды судопроизводства въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, проистекаютъ отъ участія въ оныхъ Адвокатовъ. Но надо предварительно рѣшить вопросъ: гдѣ полезны, даже необходимы, Адвокаты при судопроизводствѣ? Адвокаты необходимы въ открытыхъ судопроизводствахъ и при гласности суда, гдѣ они, такъ сказать, подъ надзоромъ общественнаго мнѣнія, которое есть ихъ судья и каратель; напротивъ въ сихъ Губерніяхъ, гдѣ нѣтъ ни открытаго судопроизводства, ни гласности, они причиняютъ величайшій вредъ; тамъ ябеда, именно происходящая отъ адвокатовъ, разорила всѣ сословія и до такой степени запутала дѣла и судопроизводство, что 20 лѣтъ продолжаются тяжбы только для того, чтобы узнать, какимъ образомъ начать процессъ. Въ сихъ Губерніяхъ нѣтъ, и не можетъ быть, миролюбиваго окончанія дѣлъ, какъ часто у насъ бываетъ; поелику сіе противно выгодамъ Адвокатовъ; почему тяжба, возникая отъ ничтожныхъ случаевъ, всегда оканчивается разоренiемъ спорющихся сторонъ. Эти причины понудили Дворянство Бѣлорусскихъ Губерній просить о введеніи въ оныхъ законовъ Русскихъ, съ коими начинаетъ возвращаться и лучшій порядокъ.

Въ заключеніе всего сказаннаго о Гражданскихъ законахъ Губерній, отъ Польши возвращенныхъ, должно присовокупить, что оные въ теченіи полувѣка, остановясь въ своемъ развитіи, представляютъ важные недостатки, временемъ и опытностію изглаженные въ законодательствѣ Русскомъ. Наше законодательство исполинскими шагами идетъ къ совершенству, Польское остановя-

лось. Ежели мы и встрѣчаемъ нѣкоторыя исправленія, такъ это не что иное, какъ новыя заплатки на ветхомъ Польскомъ рубищѣ, чрезъ которое видна Русская народная одежда, и это рубище называютъ отдѣльными правами.

III. Не препятствуютъ ли сіи права благосостоянію Государства въ финансовомъ и нравственномъ отношеніи?

Ежели странно, что свободное винокуреніе и продажа вина составляютъ права Финляндіи, Остзейскихъ и отъ Польши возвращенныхъ Губерній, тогда какъ это же право винокуренія и гораздо въ тѣснѣйшемъ смыслѣ отнято у Русскихъ (въ 1816 г.), которые кровію своею пріобрѣли и возвратили сіи Губерніи, то еще страннѣе существованіе сего права, когда оно, лишая Государство важнаго дохода, служитъ источникомъ разврата и бѣдности въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, и умноженія преступленій. За право винокуренія и свободной продажи вина взимается по два рубля съ души; полагая 8 милліоновъ, подверженныхъ сей повинности, составитъ 16 милліоновъ дохода, тогда какъ учрежденіемъ откуповъ, на правилахъ существующихъ въ Великороссійскихъ Губерніяхъ, Правительство получитъ, по меньшей мѣрѣ, 60 милліоновъ; слѣдовательно, оно теряетъ 44 милліона дохода, который могъ бы быть употребленъ съ пользою для Государства. Но ежели бы еще отъ сей траты проистекла польза отъ сихъ Губерній; въ такомъ случаѣ она вознаградилась бы благосостояніемъ подданныхъ. Напротивъ, сія трата служитъ источникомъ безнравственности и нищеты; ибо пьянство въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, достигнувъ въ низшихъ сословіяхъ до высочайшей степени, поглощаетъ весь трудъ земледѣльца и ремесленника: хлѣбъ на корню, произведеніе искуства, еще не начинаемое, закладываются въ шинкахъ, и семейства на цѣлый годъ лишаются обычнаго пропитанія.

Недостаточно сего: владѣльцы вынуждаютъ продавать уцѣлѣвшій хлѣбъ себѣ, или Жидамъ, содержащимъ у нихъ корчмы для усиленія винокуренія. Ужасная бѣдность, повсюду видимая въ сихъ Губерніяхъ, есть слѣдствіе пьянства, а пьянство слѣдствіе—свободнаго винокуренія и продажи вина, которое до крайности дешево, на каждомъ шагу льется обильно и поглощаетъ благосостояніе милліоновъ для выгодъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Напротивъ, пра-

ственность и трудолюбіе оживляютъ села Великороссійскихъ Губерній, и только въ тѣхъ изъ нихъ замѣтно пьянство, посреди которыхъ устроены кабаки. Продажа вина есть зло, но зло необходимое, и ежели Правительство допускаетъ оное, то обязано заботиться, чтобъ сіе зло не было повсемѣстно и гибельно для подданныхъ. Сверхъ сего, въ однѣхъ Губерніяхъ свободная, въ другихъ запретительная, система продажи вина производитъ многочисленныя преступленія и убійства. Тюрьмы пограничныхъ городовъ съ Финляндіею, съ Остзейскими и отъ Польши возвращенными Губерніями, наполнены корчемниками; ихъ дерзость доходитъ до того, что они сотнями съ огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ вступаютъ въ драку не только съ откупщиками, но съ воинскими командами. Это случается весьма часто на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ верстъ внутри Государства благоустроеннаго, которое закономъ преслѣдуетъ подобныхъ корчемниковъ, какъ бунтовщиковъ, само же своими учрежденіями производя и преступленіе и преступниковъ, которые безъ сего были мирными и полезными гражданами.

И такъ, пройдя по всѣмъ ступенямъ Государственнаго устройства, встрѣчаемъ одинъ вредъ въ существованіи какихъ либо отдѣльныхъ правъ въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, и не рѣдко противорѣчія въ дѣйствіяхъ Правительства. Всѣ учрежденія и намѣренія Вашего Императорскаго Величества, подобно намѣреніямъ Екатерины Великой, клонятся къ уничтоженію вредной для Имперіи самобытности Польской; по Вашей волѣ уничтожается самое преподаваніе Польскаго языка даже въ Польскихъ Училищахъ, а между тѣмъ составляется Сводъ отдѣльныхъ правъ, которыя уже по одному наименованію предполагаютъ отдѣльную самобытность народа. Странно, и даже непонятно, что въ одномъ и томъ же Государствѣ, по одному и тому же предмету, противорѣчащія начала и дѣйствія, и это, къ несчастію, производится по всѣмъ частямъ Государственнаго управленія. Сей предметъ такъ важенъ для прочнаго блага Имперіи, что нельзя оставить его безъ разсмотрѣнія.

Причины сему мы должны искать въ томъ, что устройство частей, послѣдующихъ за верховною властію, несогласно съ основными началами Русскаго правленія. Учрежденіе Министерствъ въ томъ видѣ, какой данъ имъ у насъ, есть величайшій вредъ для

Имперіи. Каждый образъ правленія имѣетъ свои начала, съ коими должны согласоваться всѣ части управленія. У насъ правленіе Монархическое, а устройство Министерствъ основано на началахъ Конституціоннаго правленія. Въ Конституціонныхъ правленіяхъ, гдѣ законодательная и блюстительная власть въ рукахъ народа, а исполнительная принадлежитъ Государю, Министры составляютъ необходимую часть управленія: они посредники между Монархомъ и народомъ, такъ сказать, отвѣтственныя лица, избираемыя первымъ, подверженныя наблюденію и суду послѣдняго, не могутъ и не смѣютъ нарушать законовъ, тѣмъ менѣе дѣйствовать произвольно. Въ Монархическихъ правленіяхъ, гдѣ цѣлая жизнь народа заключается въ волѣ Монарха, опасно для Монарха и вредно для Государства сосредоточивать исполнительную и блюстительную власти въ однихъ и тѣхъ же лицахъ; ибо сіи лица, по свойству Монархическаго правленія, пріобрѣтая неограниченную власть по своему управленію, дѣйствуютъ внѣ закона и, будучи сами представители и судьи своихъ поступковъ предъ лицемъ Монарха, превращаютъ власть въ орудіе произвола, нарушаютъ не только временные, но и коренные законы Государства. Сверхъ сего, каждое изъ сихъ лицъ старается выйти изъ общей организаціи и быть самобытнымъ, и чрезъ сіе, разстроивая весь механизмъ Государственнаго управленія, причиняетъ вредъ собственному своему управленію.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ надо искать благоустройства сообразно съ потребностію Государства и основными началами его правленія, должно обратиться къ постановленіямъ Петра и Екатерины Великихъ, и тѣ только законы новѣйшихъ временъ превосходны, кои, въ большемъ объемѣ развивая гражданственность, основаны на началахъ, ими данныхъ. Такъ геній Петра, постигнувъ высокія истины Монархическаго правленія, говоритъ: «Возможно ли одному человѣку усмотрѣть? Во истину, не точію человѣку, ниже Ангелу. Но нынѣ, по окончаніи устройства воинскаго, милосердуя о народѣ и о земскомъ гражданскомъ справедливомъ правленіи, чего ради учинены Коллегіи, т. е., собранія многихъ персонъ (вмѣсто Приказовъ, кои были подвѣдомы одному Боярину, подобно нынѣшнимъ Министрамъ), въ которыхъ Президенты не такую имѣютъ власть, какъ старые судьи дѣлали.

по хотѣли. Въ Коллегіяхъ же Президентъ не можетъ безъ согласія товарищей своихъ ничего сдѣлать.»

Вообще въ Монархическомъ правленіи устройство должно быть коллегіяльное, т. е., совѣщательное; отъ сего власть, сообщенная Монархомъ не лицу, а мѣсту, составленному изъ многихъ лицъ, неуклонно идетъ по общимъ началамъ Государственныхъ постановленій и не измѣняетъ законы произволомъ. При коллегіяльномъ устройствѣ Министерствъ, поелику не только каждый Министръ, но каждый Директоръ Департамента, измѣняя дѣйствія своего предшественника, даетъ ходъ своему управленію, согласно съ своими о немъ понятіями, вотъ по чему у насъ нѣтъ единства въ дѣйствіи, твердости въ исполненіи, самыя превосходныя намѣренія и учрежденія гибнутъ, не достигая своей цѣли, или разрываются дѣйствіями другаго, равно сильнаго, лица и мѣста, не по намѣренію причинить вредъ Государству, но отъ невнимательности, недальновидности и всего болѣе отъ незнанія намѣреній въ дѣйствіи другихъ лицъ и мѣстъ, отъ чего мы часто видимъ, что по одному и тому же предмету, въ теченіи нѣсколькихъ дней, двѣ отдѣльныя власти объявляютъ Высочайшія повелѣнія, одно другому противорѣчащія. Весь сей безпорядокъ въ управленіи, сверхъ неправильнаго образованія Министерствъ, происходитъ отъ неимѣнія точки, гдѣ бы соединялось наблюденіе за общимъ ходомъ управленія, гдѣ бы дѣйству разнородныхъ частей давалось единство въ движеніи, твердость въ исполненіи. Всякое правительство имѣетъ три власти: **законодательную, исполнительную и блюстительную.** Въ Монархическомъ правленіи всѣ власти сосредоточиваются въ лицѣ Монарха, отъ него уже ввѣряются слѣдующимъ властямъ, изъ коихъ законодательная и блюстительная должны возвращаться къ своему началу. У насъ законодательная власть предоставлена Государственному Совѣту, но и Комитетъ Министерствъ, и Первый Департаментъ Сената, и каждый Министръ, издаютъ постановленія, не рѣдко противорѣчащія и началамъ Государственнаго устройства, и началамъ законодательной власти, принятой Государственнымъ Совѣтомъ. Исполнительная власть, ввѣренная Министрамъ, какъ видѣли выше, на началахъ, противныхъ Монархическому управленію. Блюстительной же власти не существуетъ, хотя она столько же важна, какъ и законода-

тельная. По учрежденіямъ Петра Великаго, законодательная блюстительная власть принадлежали Сенату. Императрица Ека рина I-я, учредя Верховный Сенатъ, предоставила оному вла блюстительную. Императрица Анна Іоанновна власть сію перед Кабинету. Императрица Елисавета Петровна опять сосредоточ оную въ Сенатъ. Съ учрежденіемъ Министерствъ и Государств наго Совѣта, Сенатъ остался мѣстомъ, гдѣ обнародываются хранятся законы и разбираются тяжбы. Комитетъ Министро есть мѣсто совѣщательное для Министровъ и ни въ какомъ от шеніи не можетъ быть блюстителемъ, поелику противно здра му разсудку, чтобы исполнители вмѣстѣ были и блюстители своими поступками. Императоръ Александръ I-й, въ послѣдн время своего царствованія, чувствовалъ недостатокъ своего учре денія, по чему, съ одной стороны, старался уменьшить власть М нистровъ, съ другой установить наблюденіе за ихъ дѣйствіям сосредоточа въ одномъ власть блюстительнаго управленія, но сіе не принесло ни какой пользы.

Для блага Имперіи, предполагая, съ одной стороны, образ ваніе Министерствъ на коллегіяльныхъ началахъ, Петромъ Вел кимъ данныхъ, т. е., всѣ дѣла, подлежащія сужденію и разсм трѣнію Коллегіи или Совѣту Министерства, и чтобъ власть М нистра не могла дѣйствовать вопреки Совѣта, съ другой сост вить блюстительное управленіе, нѣтъ ничего лучше, какъ пре оставить его Первому Департаменту Сената, подъ предсѣдател ствомъ Генералъ-Прокурора, съ коимъ слить Комитетъ Ми стровъ и окончательное разбирательство тяжебныхъ и угол ныхъ дѣлъ, нынѣ принадлежащихъ Государственному Совѣту, ему должна подлежать во всемъ пространствѣ одна часть зако дательная. За тѣмъ изъ прочихъ Департаментовъ Сената сос вить Судебный Сенатъ, подъ вѣдѣніемъ Министра Юстиціи. С собою разумѣется, что представленія о новыхъ учрежденіяхъ объ измѣненіи старыхъ уставовъ, возникая въ Министерства должны проходить въ Государственный Совѣтъ чрезъ Правит ствующій Сенатъ, въ коемъ Министры не должны присутст вать, поелику еще Петръ Великій замѣтилъ, что Президе Коллегій, какъ имѣющіе въ вѣдѣніи своемъ исполнительную ч участіемъ въ наблюденіи разстроивали порядокъ управленія.

ИЗОБРАЖЕНІЕ

НЫНѢШНЯГО СОСТОЯНІЯ РОССІИ

(1830 года).

Всеавгустѣйшій Монархъ;

Всемилостивѣйшій Государь!

Въ обозрѣніи моемъ внутренняго состоянія Россійской Имперіи, повергнутомъ предъ стопами Вашего Императорскаго Величества въ 1826 году, въ словахъ: «Польша подняла знамя независимости при вторженіи Наполеона, и вторично, буде сохранитъ свои преимущества, подниметъ его при первомъ удобномъ случаѣ,» — нѣкоторымъ образомъ предузнано настоящее гнусное вѣроломство сего народа. Ибо, Государь, грядущія событія доступны наблюдательности человѣческой, и ясный взоръ на сцѣпленіе дѣйствій и учрежденій Правительственныхъ, на свойства и отношенія народовъ и на ходъ понятій времени, можетъ близко опредѣлить будущее въ жизни Государствъ, можетъ показать ихъ успѣхи и неудачи на поприщѣ политическаго бытія и гражданской дѣятельности.

Правленіе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь, величественно отразясь въ дѣлахъ настоящаго времени и озаря блескомъ новой славы землю Русскую, ручается за твердость и мудрость мѣръ, принятыхъ для уничтоженія зла въ самомъ его зародышѣ. Но Провидѣніе иногда испытываетъ сильныхъ міра, дабы возвеличить ихъ въ послѣдствіи.

Не тщеславіе, а пламенная, безпредѣльная, съ другими чувствами, преданность къ пользѣ Государственной, желаніе долго-

временнаго существованія и блага Отечеству, на коемъ основан
и съ коимъ сопряжена непоколебимость Престола, дають мн
смѣлость, съ прежнею откровенностію предъ лицемъ Вашего Имп
раторскаго Величества, изображеніемъ настоящаго откры
картину будущаго.

Екатерина Великая, возвратя Россіи ея достояніе, дала пр
соединеннымъ отъ Польши областямъ устройство, общее съ пр
чими частями Государства, и въ тайномъ Наказѣ своемъ Генерал
Прокурору изъявила волю, «чтобы грань инородія исчезла и з
воеванныя Губерніи слились съ Россіею, древнимъ ихъ Отеч
ствомъ, языкомъ, вѣрою, нравами и обычаями.» Но со смерт
Великой умерла и сія мудрая мысль, основанная на точныхъ
непреложныхъ истинахъ Государственнаго благоустройства. По
скія Губерніи получили всѣ права свои, всѣ прежнія учрежден
изданныя при Короляхъ на мятежныхъ Сеймахъ. Что же бы
плодомъ сей милости? Возстаніе Польши 1812 года! Дворянст
сего края, одно сохраняя старыя преимущества (ибо прочія с
стоянія, почти всѣ говорящія Русскимъ языкомъ и исповѣдающ
Русскую Вѣру, стѣснены сими преимуществами), не служа нигд
выбираютъ сами себя въ важнѣйшія Губернскія должности,
даже, не имѣя ни какого чина, а бывъ Маршалами, назначают
Губернаторами, и до сихъ поръ мы видимъ обличенныхъ и по
зрѣваемыхъ въ приверженности къ Наполеону, во время его вт
женія, занимающихъ сіи мѣста. Но милости Государей нашихъ
могутъ заставить сихъ, нѣкогда самовластныхъ, магнатовъ люб
Россію и ея Правителей. Напротивъ, они, пользуясь частію
тежныхъ правъ своихъ, питаютъ явную ненависть ко всему Р
скому, мыслятъ о возстановленіи Польскаго народа; эта надеж
рожденная отдѣльными правами Польскихъ Губерній, усилилась
возстановленіемъ Царства Польскаго. Золото Русское устро
благосостояніе сего Царства, когда слѣды глубокихъ разоре
причиненныхъ и Наполеономъ и Поляками въ нѣдрахъ Госуд
ства, остались неприкосновенными. Смоленскъ въ пеплѣ и ра
линахъ стоялъ до царствованія Вашего Императорскаго Вел
ства, а города и села Царства Польскаго устраивались и цв
изобиліемъ. Я изображаю сіе въ доказательство, что ни как
благодѣянія не въ силахъ истребить ненависти, цѣл

ѣка существующей, между Россіею и Польшею; она счезнетъ вмѣстѣ съ совершеннымъ перерожденіемъ того, или ругаго, народа. Сіе перерожденіе въ рукахъ Вашего Императорскаго Величества.

Декабря 14-ое обнаружило нить замысловъ, въ Польшѣ таящихся; но милосердіе Ваше, Государь, оставило неприкосновеннымъ Уставъ сего народа. Вы изливаете на него милости вездѣ и о всѣхъ случаяхъ, и что слѣдствіемъ сихъ благотвореній, Всемилостивѣйшій Государь? Не льзя повѣрить, чтобы настоящее событіе было дѣйствіемъ минутнаго порыва необузданныхъ страстей, или одного вліянія другихъ народовъ. Нѣтъ: въ семъ должно искать обдуманныхъ, долговременныхъ усилій и приготовленій, можетъ быть, пустившихъ корень свой и во всѣхъ областяхъ, прежде Польшѣ принадлежавшихъ. Такъ должно заключать по вѣроятнымъ ума и по сцѣпленію обстоятельствъ. Мѣры, принятыя по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества, задушатъ гидру при ея возрожденіи. Поляки, послѣ тяжкой борьбы, уступятъ силѣ, покажутъ смиреніе; но, буде Польша сохранитъ устройство и права свои, они затаятъ надежду на будущее возрожденіе, будутъ осторожно и во мракѣ питать духъ крамолы, можетъ быть, постараются сію заразу внести въ нѣдра Россіи, дабы потрясти ея могущество, и опять, при удобномъ случаѣ, особенно при приближеніи враговъ, поднимутъ знамя бунта. Для блага милліоновъ, Провидѣніемъ ввѣренныхъ Вашему Императорскому Величеству, для спокойствія будущихъ поколѣній (ибо мысль Государственная должна жить и за предѣлами гроба), необходимо постепенно привести въ исполненіе намѣреніе Великой Екатерины, заключающееся въ слѣдующемъ:

1. Уничтожить Конституцію и самое имя Царства Польскаго, раздѣля оное на Губерніи, на основаніи правилъ, изданныхъ для нихъ Екатериною Великою, введя сіе устройство въ судебныхъ и правительственныхъ мѣстахъ и въ Губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ.

2. Поставить правителей Губерній исключительно Русскихъ, но не воспитанниковъ иноземныхъ, благоразум-

ныхъ, добрыхъ, безкорыстныхъ, дабы они сами чувствовали и точнымъ исполненіемъ законовъ пріобрѣли отъ Поляковъ привязанность и любовь къ учрежденіямъ Русскимъ.

3. Уничтожить права Дворянства Польскаго, могущаго, не служа Государству, пользоваться оными и быть избираему. Напротивъ, постановить, что сынъ не служившаго въ военной, или гражданской, службѣ офицеромъ, не есть дворянинъ.

4. Въ службу же принимать только воспитанныхъ въ Русскихъ училищахъ и Университетахъ, подобно какъ постановлено сіе въ Австріи; ибо все почти Дворянство Польское, получая образованіе во Франціи и отъ Французовъ, питаетъ въ душѣ своей развратъ и ненависть къ Россіи.

5. Училища во всей Польшѣ учредить Русскія и преподавать въ оныхъ науки на Русскомъ языкѣ.

6. Судопроизводство производить въ Губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, по правамъ Русскимъ и на языкѣ Русскомъ; въ Губерніяхъ же, составленныхъ изъ Царства Польскаго, ввести сіе чрезъ 10-ть лѣтъ.

7. Поляковъ, обличенныхъ нынѣ въ мятежѣ, всѣхъ безъ исключенія, кои не подвергнутся наказанію, дворянъ и другаго званія людей, поселить въ Сибири, на Кавказѣ, въ Олонецкой, Архангельской и Оренбургской Губерніяхъ. Прочимъ же предоставить или присягнуть на подданство, или выѣхать изъ Царства Польскаго въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, продавъ все имущество; но оставшихся и подозрительныхъ переселить въ Сѣверныя и Восточныя Губерніи.

8. Раздачу земель производить въ Царствѣ Польскомъ однимъ Русскимъ, поставя въ непремѣнную обязанность Правительства, дабы въ теченіи 10 лѣтъ было переселено Русскихъ крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ и дворянъ, по крайней мѣрѣ 50,000 семействъ; первое сословіе перевести изъ малоземельныхъ Губерній, послѣднимъ дать права, могущія побудить ихъ къ переселенію.

9. Учредить въ приличныхъ мѣстахъ крѣпости, не дозволяя въ оныхъ жить никому, какъ Русскимъ.

Сіи мѣры почти на одинакомъ основаніи были пріемлемы Царями Іоанномъ Великимъ и Грознымъ, мудрымъ Алексѣемъ Михайловичемъ, въ Финляндіи старой Петромъ Великимъ и въ Польшѣ Екатериною Великою, и ими-то сіи безсмертные Правители усвоивали Россіи свои пріобрѣтенія, и Государство, составленное изъ разноплеменныхъ народовъ, отличалось единодушіемъ и преданностію къ Монархамъ и общему благу, не потрясенному во дни междуцарствія и междоусобій.

Не знаю, какой духъ, враждующій счастію земли Русской, вложилъ мысль, вмѣсто твердаго оплота на рубежахъ Имперіи, окружить оную областями на правахъ отдѣльныхъ; слѣдовательно, дать имъ возможность вредить Россіи, чуждой для нихъ не только понятіями, языкомъ и обычаями, но даже устройствомъ правительства. Во всѣ вѣки всѣ народы старались изгладить сіи различія, дабы, общимъ направленіемъ умовъ и дѣйствій человѣческихъ, скрѣпить составъ общественный.

На сѣверѣ Имперіи, подобно Польшѣ, находится Княжество Финляндское, душею преданное Швеціи, которая, можетъ быть, старается поддерживать сію связь тайными средствами. Это простительно слабому существу, такъ сказать, лежащему подъ пятою исполина. Швеція не дерзнетъ на борьбу отдѣльную; но кто можетъ ручаться за будущее? Кто можетъ сказать, что, чрезъ нѣсколько дѣсятковъ лѣтъ, не запылаетъ война на разныхъ предѣлахъ Государства? Тогда сіи передовые для враговъ притоны облегчатъ имъ борьбу, тѣмъ болѣе, что Россія, могущая противустать открытой силѣ Европы и Азіи, мало доселѣ заботилась о мѣрахъ тайнаго сопротивленія, которое не рѣдко доставляетъ торжество слабѣйшему.

Остзейскихъ Губерній города и сословія, подобно Польскимъ Губерніямъ, имѣютъ особенныя преимущества, данныя имъ республиканскимъ прежнихъ лѣтъ правленіемъ. Всемилостивѣйшій Государь! Тамъ не можетъ быть благоустройства, гдѣ управленіе частей Государственнаго тѣла не основано на коренныхъ законахъ.

Составъ Государственный долженъ двигаться одною мыслію, скрѣпляться однимъ устройствомъ, иначе разрушается гармонія цѣлаго. Но и нынѣ составляются Своды отдѣльныхъ правъ Остзейскихъ и Польскихъ городовъ и сословій, какъ будто недостаточно для ихъ блага правъ городовъ и сословій Русскаго народа, или обратно; будто Русскій народъ недостоинъ лучшихъ постановленій, которыя признаются необходимыми для блага завоеванныхъ областей! Даже воспрещено, 1808 года, переселять крестьянъ изъ Великороссійскихъ Губерній въ Литовскія, не для того ли, чтобы Поляки могли свободнѣе исполнять свои замыслы, и чтобы Россія не имѣла тамъ людей, въ вѣрности коихъ могла быть увѣрена?

Русская кровь льется въ войнахъ тяжкихъ и отдаленныхъ, а Поляки и Финляндцы, подъ кровомъ своихъ конституцій, умножаются, богатѣютъ въ мирѣ, точатъ кинжалъ, чтобы, при удобномъ случаѣ, вонзить его въ сердце Россіи. Одна только Вѣра, одни только права на владѣніе имуществомъ и порядокъ наслѣдованія онымъ предоставляются покореннымъ; но никогда и нигдѣ отдѣльныя преимущества политическія, еще менѣе отдѣльное устройство, подрывающія коренные уставы Государства.

Простите, Всемилостивѣйшій Государь, подданному, осмѣлившемуся говорить о предметахъ, болѣе всѣхъ знаемыхъ Вами, о предметахъ, кои таятся и постепенно обнаруживаются въ намѣреніяхъ и дѣлахъ Вашихъ. Вы, Государь, идя медленно къ великой цѣли (ибо быстрыя перемѣны губятъ Государства), упрочите благоденствіе земли Русской и отвратите бѣдствія, терзающія Европу.

Политическое равновѣсіе Европы, утвержденное договорами 1815 года, поддерживалось и охранялось Императоромъ Александромъ, творцемъ долговременнаго спокойствія народовъ. Въ теченіи 10-ти лѣтъ Государства наслаждались миромъ, и Правительства, спокойныя и увѣренныя въ своемъ существованіи, обратили вниманіе свое на умноженіе производительныхъ силъ и благосостоянія подданныхъ, неразрывно связаннаго съ твердостію Престоловъ. Революція, остановленная въ ходѣ своемъ геніемъ Наполеона, съ ужасомъ увидѣла новую, непреодолимую для себя, преграду въ Священномъ Союзѣ, и на мгновеніе поднявъ главу свою

въ Италіи, должна была исчезнуть отъ мудрой воли Россійскаго Монарха, готоваго двинуть воинство трехъ сильнѣйшихъ Царствъ на сокрушеніе ея начинаній.

Голосъ Благословеннаго, первенствующій въ дѣлахъ войны и мира, былъ благотворенъ для Европы; только Англія и Франція негодовали на сіе первенство, но должны были уступить силѣ и покорить свое честолюбіе общей пользѣ народовъ, въ тайнѣ изыскивая средства разорвать тройственный союзъ и, среди смятенія и безпорядка, утверждать свое разрушительное вліяніе. Возмущеніе въ Италіи 1819 года, какъ должно полагать, было слѣдствіемъ сихъ намѣреній, такъ сказать, попыткою твердости Союза; но, испытавъ тщету своихъ усилій, они приготовили и управили возстаніе Грековъ, съ мыслію, что Императоръ Александръ вступится за угнетенныхъ единовѣрцевъ. Но прозорливость Александра восторжествовала и надъ сими ухищреніями, и надъ чувствами благородной души его. Государь, принимая подъ кровъ гонимыхъ Грековъ, не препятствуя сбору денегъ для угнетенной Греціи, можетъ быть, и самъ въ тайнѣ помогая имъ, отстранялъ всякое явное заступленіе; ибо, вмѣшавшись въ дѣла чуждыя, покровительствуя, хотя благородное и высокое, дѣло Грековъ, неминуемо бы разрушилъ Германію, имъ созданную и его только неуказанною волею удержанную.

Предстательство Англіи и Франціи, подъ видомъ прекращенія морскихъ разбоевъ на Средиземномъ морѣ, еще болѣе ужасныя неистовства, производимыя Турками въ несчастной Греціи, склонили Ваше Императорское Величество войти въ посредничество, но въ посредничество, не сопряженное съ насиліемъ, слѣдовательно, не могущее разрушить общаго порядка. Но сіе не удовлетворило желаніямъ Англіи и Франціи: имъ нужно было именно насиліе, и Наваринская битва возвѣстила Европѣ уничтоженіе Священнаго Союза, столь вожделѣннаго для спокойствія народовъ. Не Кодрингтонъ, не Кабинеты Лондонскій и Парижскій, произвели сіе неслыханное нарушеніе народнаго права, ибо ихъ сила поддерживалась могуществомъ Россіи. Одна Австрія, теряя чрезъ сіе голосъ свой въ дѣлахъ Европы, осталась вѣрна своимъ правиламъ и не измѣнила дальновидной осторожности, всегда отличавшей ея дѣйствія. Конечно, Австрія,

подобію прочимъ Государствамъ, имѣетъ духъ преобладанія, стремленіе къ первенству, но ея усилія и самая сила не могутъ дать ей вреднаго преимущества для другихъ народовъ. Будучи благоразумна въ мирѣ, она только среди мира беретъ верхъ мудростію своего Кабинета и всегда является страдательнымъ лицомъ на полѣ брани. При томъ политическій составъ Германіи и физическое положеніе Австріи, окруженной воинственными народами, ручаются за постоянное стремленіе сего Государства къ всеобщему спокойствію, какъ основанію непоколебимости и собственнаго правленія.

Охлажденіе Австріи въ составѣ политической системы Россіи и Пруссіи ниспровергло Престолъ Бурбоновъ, что не могло существовать, по крайней мѣрѣ, продолжительно; ибо три сильнѣйшія Державы легко бъ возстановили прежній порядокъ, особенно когда еще войско и народъ Французскій, кромѣ буйной черни Парижской, не были причастны мятежу и не ободряли его послѣдствій. Новая форма, болѣе Республиканскаго, чѣмъ Монархическаго конституціоннаго, правленія въ семъ Государствѣ, требовала, для своего утвержденія, ежели не конечнаго ниспроверженія законныхъ правленій въ другихъ Государствахъ, то, по крайней мѣрѣ, внутренняго ихъ неустройства и замѣшательства, дабы, посредствомъ сего, распространить пагубное вліяніе на умы слабые, легко принимающіе обольстительные призывы свободы, которые, не понимая, ищутъ въ разрушеніи и въ тиранствѣ толпы буйной черни, попирающей и Божественные и человѣческіе законы. Возмущеніе въ Италіи вновь вспыхнуло и объяло бъ своимъ пламенемъ всю сію несчастную землю, ежели бъ рѣшительныя мѣры дальновидной и осторожной Австріи не были употреблены во время. Франція не могла принять дѣятельнаго участія въ сихъ происшествіяхъ, будучи разслаблена въ составѣ своемъ послѣднимъ переворотомъ. Но вскорѣ послѣ сего произведенное ею возстаніе Бельгіи открыло обширное поле ея дѣйствій и намѣреній: она безъ выстрѣла пріобрѣла 4 милліона жителей: говорю «пріобрѣла,» ноелику Бельгійцы, говорящіе однимъ языкомъ, исполненные однихъ правилъ съ Французами, обязанные имъ своимъ политическимъ существованіемъ, необходимо, для своей безопасности, должны своими видами слиться съ Франціею.

Державы твердой земли, вмѣсто того, чтобы, при первомъ извѣстіи о возмущеніи Бельгіи, или подавить оное, предали Голландію коварной политикѣ Англіи и Франціи, и симъ дали время произвесть новое возстаніе въ Польшѣ, дабы отвлечь участіе Россіи собственными ея происшествіями.

Симъ Государствамъ нужно обезсилить Голландію: Англіи, для недопущенія соперничества ея въ мануфактурномъ производствѣ и торговлѣ, коихъ обширность и прибытокъ родитъ морскія силы; Франціи,—разрушить первый оплотъ, поставленный Императоромъ Александромъ на ея предѣлахъ. И сію-то землю и добраго Короля ея предали хищничеству сихъ Державъ; но мало отдѣленія Бельгіи: кроятъ произвольно Голландію, опредѣляютъ свободнымъ плаваніе по рѣкамъ, ей принадлежащимъ; однимъ словомъ, попираютъ всѣ уставы, охранявшіе независимость Государствъ, и все сіе для сохраненія мира въ Европѣ? Нѣтъ, для развитія революціонныхъ правилъ во всемъ ихъ пространствѣ, со всѣми ихъ ужасами.

Революція, направленная на всѣ земли, присоединенныя къ Австріи, Россіи, Пруссіи и Голландіи трактатами 1815 года, безпрепятственно совершаетъ свое теченіе: Польша подняла знамя бунта послѣ Бельгіи, Невшательское Княжество послѣ Польши, и хотя Англія и Франція не могли поддержать ихъ своими силами, но послѣднія и въ семъ случаѣ достигли своей цѣли; ибо, посѣявъ заразу въ умахъ, взволновавъ западную и южную Германію, сими средствами приготовляютъ первенство между народами и опору своихъ разрушительныхъ правилъ. Наконецъ, недовольная тайными дѣйствіями, Франція явно, среди мира, напала на Анкону и съ насиліемъ и дерзостію водружила знамя революціи на стѣнахъ ея. Франція не можетъ опасаться вліянія Австріи на Италію, поелику сіе вліяніе, противное духу и свойству жителей сей страны, при первомъ нападеніи Франціи исчезнетъ, какъ исчезаетъ мыльный пузырь при дуновеніи вѣтра. Напротивъ, Франціи нужно стать твердою ногою въ Италіи, дабы, при первомъ случаѣ, поставить пылкихъ ея жителей подъ знамена необузданной свободы. Ежели прочія Государства, для сохраненія всеобщаго мира, не замѣчаютъ, или оставляютъ безъ вниманія, возрастающее вліяніе Франціи на волю и умы народовъ, то Франція неутомимо дѣйствуетъ къ ниспроверженію правленій, по духу и свойству своему противныхъ

ея правиламъ. Для удостовѣренія въ семъ, нужно только обозрѣть происшествія, бывшія въ Италіи, Швейцаріи, Бельгіи, Польшѣ и Княжествѣ Невшательскомъ, вникнуть въ состояніе западной Германіи и въ настоящее положеніе дѣлъ въ Португаліи и Испаніи.

Не разсматривая правъ Дона Мигуеля и дочери Дона Педра на Престолъ Португальскій, народъ, или положимъ, сильнѣйшая партія въ народѣ, вручили правленіе первому; ибо послѣдній, предпочтя Америку Португаліи и превратя господствующій народъ въ провинцію покоренныхъ областей, симъ самымъ нарушилъ Государственный Уставъ и подалъ поводъ къ избранію другаго правителя. Потерявъ же Имперію, Донъ Педро желаетъ возвратить своему дому то Государство, которое презиралъ и которое его отвергло. Англія и Франція настаивая, чтобы никто не принималъ участія въ предстоящей по сему борьбѣ, склонили къ сему Австрію, требуютъ того же отъ Испаніи, но сами снабжаютъ Дона Педра людьми, деньгами, оружіемъ и судами, поелику съ его торжествомъ сопряжены ихъ выгоды: Англія, по прежнему будетъ имѣть Португалію своею колоніею, Франція—опору своихъ правилъ и средство съ двухъ сторонъ подрывать правленіе Испаніи, ей ненавистное, или, буде сіе Государство дастъ помощь Дону Мигуелю. то, напавъ на него, ниспровергнуть сіе Правленіе, или удержать его посредствомъ Португаліи, и симъ обезпечитъ свой тылъ, на случай, ежели Европа, утомленная безпокойствами, двинется сокрушить гнѣздо буйства и разврата, сосредоточенныхъ во Франціи. Она предвидитъ, что сіе должно случиться, и старается, сотрясеніемъ Престоловъ и вліяніемъ на умы слабые и легковѣрные, упрочить свое могущество. И чѣмъ далѣе продолжается сіе вліяніе, тѣмъ ужаснѣе будетъ борьба въ Европѣ, особенно для Россіи.

Безусловное повиновеніе 60,000,000 благотворной волѣ Монарховъ нашихъ, сообщая необыкновенную мочь Россійскому Государству, противорѣчитъ буйству и мятежамъ, раздиравшимъ другіе народы и истребляющимъ ихъ жизненныя силы. Мало сего, благодѣтельное вліяніе Россіи сохраняетъ спокойствіе въ Германіи и поддерживаетъ Престолы иныхъ Государствъ. По сему всѣ вступленные умы и тайные замыслы Англіи и Франціи направлены на потрясеніе сего колосса. Но доколѣ Пруссія имѣетъ мы-

ь царствующаго Государя, ихъ замыслы ничтожны; ибо сила
го воинственнаго народа, управляемаго мудрою волею, направ-
ма къ одной политической цѣли съ Россіею, отнимаетъ всякую
можность приблизиться къ ней. Для блага Прусссіи и Европы
лжно желать продолжительнаго царствованія добраго Короля
, поелику съ его смертію дѣйствія Берлинскаго Кабинета бу-
тъ болѣе согласоваться съ правилами Англіи и Франціи, чѣмъ
ь системою, принятою Россіею и Австріею. Въ семъ случаѣ, и
особенно когда Правительства Англіи и Франціи, своимъ покро-
тельствомъ допустившія укорениться духу мятежа въ своихъ и
жихъ Государствахъ, не устоятъ въ борьбѣ съ безначаліемъ, по-
ику малѣйшая неосторожность можетъ ихъ совершенно ниспро-
ргнуть, тогда-то Германія и Италія станутъ подъ знамена ре-
люціи, Австрія и Россія испытаютъ стремленіе иступленныхъ
ювъ Европы. Австрія не устоитъ въ сей борьбѣ, и по при-
чнымъ для нея потерямъ во время войны, и по самому составу
ластей своихъ, слѣдовательно, вся тяжесть войны падетъ на
оссію.

Народъ Русскій, всегда знаменитый благочестіемъ и безпре-
льною преданностію къ своимъ Монархамъ, и въ семъ случаѣ
измѣнитъ древнимъ своимъ добродѣтелямъ: онъ грудью засло-
итъ Престолъ и отстоитъ честь и славу его. Но сія борьба бу-
етъ истощительнѣе и ужаснѣе борьбы съ Наполеономъ: тогда
ароды насильно влеклись на убіеніе и съ отвращеніемъ стано-
лись въ ряды честолюбца, ибо каждый успѣхъ его усугублялъ
ъ порабощеніе; нынѣ они съ радостію стекутся подъ знамена
волюціи и съ остервененіемъ бросятся въ битву, дабы сокру-
ить послѣднюю преграду ихъ неистовства. Въ сердцахъ Русскихъ
ни не найдутъ измѣны, но Польша, мятежная Польша, по-
лованная и успокоенная милосердіемъ Вашего Императорскаго
еличества, снова съ областями, нѣкогда ей принадлежа-
ими, подниметъ знамя бунта, буде не примутся дѣятельныя
ѣры удалить тѣхъ, кои уже были подъ его знаменами, и тѣхъ,
ои готовы стать подъ ними.

Не говорю, что для излѣченія судорожнаго состоянія Евро-
ы необходима война; поелику самая счастливая истощаетъ си-
ы Государства, останавливаетъ и замедляетъ ходъ внутренняго

устройства и благосостоянія народовъ, однимъ словомъ, война ест
зло, котораго избѣгать должно, буде миръ не представляетъ в
будущемъ зла большаго; но когда среди онаго возраждается чу
довище, грозящее величайшимъ бѣдствіемъ, тогда должно сокру
шить его, особенно ежели соединенныя силы трехъ сильнѣйших
Державъ и нѣсколькихъ другихъ, еще не раздѣленныхъ политич
скими видами, готовы для совокупнаго дѣйствія. Но предполага
что и безъ сей крайности можно остановить ходъ революціонных
дѣйствій, возвратить Европѣ спокойствіе, которымъ она пред
симъ наслаждалась, средствомъ, съ коимъ съ радостію согласятс
всѣ Государства, кромѣ Англіи и Франціи, а именно: перенест
мѣсто переговоровъ изъ Лондона въ Дрезденъ, или другой город
окруженный владѣніями Австріи, Россіи и Пруссіи такъ, чтоб
уполномоченные сихъ Державъ и Королей Голландскаго, Испа
скаго, Сардинскаго, Датскаго и Шведскаго, всегда составля
перевѣсъ противу Англіи и Франціи, хотя бы Пруссія и отдѣлил
отъ системы Россіи и Австріи. Англія и Франція по необход
мости должны будутъ уступить сей благотворной и безкорыстн
мѣрѣ и потерять вліяніе на дѣла Европы, вліяніе, которое въ т
ченіи 6 лѣтъ терзаетъ ее неустройствами. Ваше Императорск
Величество, подобно Александру Благословенному, уступая н
ружное первенство Австріи, какъ старѣйшей Державѣ въ Европ
въ самомъ дѣлѣ будете первенствовать въ семъ совѣтѣ Царей
первенствовать для блага народовъ.

Прежде, чѣмъ изложу понятія мои о средствахъ къ удал
нію распространенія гибельныхъ правилъ, терзающихъ другія Гос
дарства, я долженъ откровенно сказать, что преимущество
успѣхъ въ переговорахъ, такъ точно какъ и во всякомъ случа
зависитъ отъ людей, для сего употребленныхъ.

Петръ и Екатерина Великіе во всѣхъ важныхъ сл
чаяхъ употребляли однихъ природныхъ Русскихъ; однаж
ды только Императоръ послалъ къ Вѣнскому Двору иностранц
но вскорѣ, отправя Русскаго, писалъ къ Царю, что на его усерд
онъ положиться можетъ, ибо вновь посылаемый для переговоров
Министръ его — природный подданный. Только Толстые
Шафировы, среди мрадной темницы, при видѣ мучительной смер
ти, могутъ спокойно говорить о пользѣ Государя и не соглашать

я на предложенія, вредныя для Государства, ибо съ симъ сопря-
жено все для нихъ драгоцѣннѣйшее въ жизни: честь и слава на-
родная. Однимъ словомъ только любовь къ Отечеству, это высокое
рство самоотверженія, раждаетъ тѣ добродѣтели, которыя не
ютъ разсчетовъ и личностей, но заставляютъ человѣка забы-
ть собственное существованіе, и мыслить и стремиться къ Гос-
рственному благу. Что привязываетъ иностранца къ чуждому для
его Государству?—Выгоды! Это Богъ, которому онъ покланяет-
я, для котораго существуетъ и служитъ, и для котораго ни чѣмъ
е жертвуетъ. Столь же ненадежны и чувства покоренныхъ, пи-
ющихъ надежду на отдѣльное существованіе, поелику они въ
ользахъ господствующаго Государства видятъ преграду ихъ на-
одной самобытности; а какой народъ не любитъ ее?

Не зная сокровенныхъ дѣйствій Европейской дипломатики,
о судя по происшествіямъ, нельзя не сожалѣть о духѣ партій въ
которыхъ Державахъ, движущихъ пружины управленія, и о бо-
зненномъ состояніи народовъ, стремящихся къ какому-то разру-
ительному перерожденію. Провидѣніе опредѣляетъ пути, по ко-
мъ идутъ Царства и народы къ назначенной имъ цѣли, оно до-
ускаетъ торжествовать злу, неразлучному спутнику дѣлъ чело-
ческихъ, указуя вмѣстѣ и средства къ ниспроверженію сего зла,
торжеству истины и добродѣтели. Въ чистотѣ душевныхъ по-
ышленій, въ правильности и честности понятій гражданъ, направ-
енныхъ къ одной цѣли съ основными уставами Государства, и въ
лагородномъ, откровенномъ дѣйствіи Правительства въ
ношеніи сихъ гражданъ, соединенномъ съ неуклоннымъ пра-
осудіемъ,—вотъ основные камни прочности Престоловъ и блага
осударства.

Думаю, что главная пружина, посредствомъ коей Правительство можетъ дѣйствовать на волю и понятіе людей, есть воспитаніе юношества съ слѣдующимъ за нимъ образованіемъ и просвѣщеніемъ. Ваше Императорское Величество обратили особенное вниманіе на сію важнѣйшую часть Государственнаго управленія; но, кажется, Начальство не понимаетъ Вашихъ благихъ намѣреній; они думаютъ, что лощеные полы, чистыя стѣны, опрятная одежда и сытный столъ заключаютъ въ себѣ образованіе и просвѣщеніе. И чего можно ожидать тамъ, гдѣ можетъ

быть начальникомъ (въ одномъ изъ важныхъ ученыхъ заведеній, мыслящій и говорящій, при представленіи ему объ улучшеніи ме тоды ученія: «Къ чему мы это приготовляемъ дѣтей на убой!» Та реченіе, которому позавидовали бы Гунны и Вандалы. Правил ное и совершенное образованіе ума есть порука прочности пре столовъ и величія Государствъ и основаніе гражданскихъ добро дѣтелей, тогда какъ невѣжество, или поверхностное и недоста точное ученіе, признакъ ничтожества и шаткости чувствъ и по нятій, готовыя принять самыя нелѣпыя, самыя ложныя впечат лѣнія и стремиться къ тѣмъ ужаснымъ происшествіямъ, кои со вершаются въ наше время въ другихъ Государствахъ, и соверши лись въ Россіи во время междуцарствія, давшаго возможност Польшѣ и Швеціи терзать беззащитное Государство. Но дай вполнѣ удовлетворить намѣреніямъ Правительства въ гражда скомъ просвѣщеніи, образованіе одного ума недостаточно: нуж образовать сердце такъ, чтобы заблужденія перваго молчали, и не приносили горькихъ плодовъ отъ краснорѣчиваго постоянст послѣдняго. Ни кто, кромѣ древнихъ законодателей, не постиг сей высокой истины и не умѣлъ на ней утвердить незыблемост общественныхъ постановленій. Откуда Ликургъ взялъ возмож рость, лиша Спартанцевъ всѣхъ удовольствій, умственныхъ и чу ственной жизни, окружа ихъ одними предметами суроваго, бе радостнаго существованія, заставить любить ихъ эти постанов нія? «Иду во храмъ благодарить боговъ, и пр.»—«Скажите Спарт приказывалъ Леонидъ, что мы погибли, исполняя священныя з законы!» Откуда, повторяю, Ликургъ взялъ эту силу, которая пе вородила природу человѣка, дала ему другое чувственное бытіе другое, согласное съ его мыслію, направленіе? Отъ образованія сердца! Но Ликургъ, лиша гражданъ своихъ умственнаго обра зованія, представилъ одни суровые, не подражаемые примѣ бытія человѣческаго, тогда какъ Аѳины, соединяя умственно съ сердечнымъ образованіемъ, произвели блестящіе примѣ гражданскихъ добродѣтелей, тѣ недоступные нашему хилому вр мени, коимъ народы и вѣки удивляются и рукоплещутъ. У нас сіе образованіе начиналось съ первыми понятіями младенца, ко торый среди домашней жизни пріучался любить Отечество и его постановленія, потомъ продолжалось до мужескаго возраста в общественными столами, въ рощахъ, посвященныхъ богамъ ро

ины, подъ портиками храмовъ, среди памятниковъ народной сла-
ы; тамъ-то юноша, внимая повѣствованіямъ добродѣтельныхъ
римѣровъ, геройскимъ подвигамъ любви къ Отечеству, сравнялся
ъ сими чувствами и выступалъ на поприще гражданской дѣя-
ельности съ пламенною любовію къ Отечеству.

Разсмотримъ, что у насъ сдѣлано для сего образованія, и
акимъ образомъ можно его приспособить къ настоящему времени;
но прежде опредѣлимъ, что такое воспитаніе, образованіе и
просвѣщеніе; ибо сіи слова заключаютъ въ себѣ понятія и
дѣйствія совершенно противоположныя.

Воспитаніе означаетъ питаніе младенца до юношескаго
возраста и развитіе первоначальныхъ понятій и впечатлѣній на
душу, впечатлѣній, опредѣляющихъ судьбу будущей его жизни.
Воспитаніе составляетъ исключительную и священную обязан-
ность родителей. Напротивъ, у насъ принадлежитъ оно всякому
иноземному сброду, посредствомъ коего втекаютъ въ Россію
пороки и заблужденія всѣхъ народовъ, истребляющіе наши добро-
дѣтели и любовь къ отечественнымъ постановленіямъ, любовь,
которая должна вливаться въ насъ съ молокомъ матери, съ лас-
ками отца, съ первымъ внятнымъ для насъ трепетаніемъ сердца.
Конечно, Правительство не можетъ искоренить сего зла, но мо-
жетъ умѣньшить его дѣйствія строгимъ надзоромъ за правилами
сихъ иностранцевъ, и наконецъ совершенно истребить, учредя
особенные мужскіе и женскіе Институты, для образованія людей
сего рода. Сіе средство удовлетворитъ потребность общественную,
ибо иностранцы лишены будутъ средствъ сообщать заразу уму,
заразу, подрывающую основные уставы Государства. Подобное
учрежденіе въ Воспитательномъ Домѣ не удовлетворяетъ надлежа-
щей потребности по малому объему, по высокой цѣнѣ и по нрав-
ственному чувству; ибо кто сіи наставницы? Дѣти, не знаю-
щія ни матери, ни отца; слѣдовательно, могутъ ли своими пра-
вилами и наставленіемъ укоренить семейственныя добродѣтели?
Къ сему должны быть допускаемы тѣ только, коихъ семейства,
хотя бѣдны, но служатъ примѣромъ неукоризненнаго поведенія.
Но сего недостаточно; не должно допускать иностранцевъ въ
Государственную службу безъ строгаго и долговременнаго опыта
въ ихъ правилахъ и нравственныхъ чувствахъ; ибо не рѣдко мы

видимъ; что пришлецы сіи, осыпанные почестями и милостями нашихъ Монарховъ, безусловнымъ удовлетвореніемъ своимъ чужой волѣ, вселяютъ понятія, противныя нашимъ коренным законамъ и гибельныя для Россіи. Россійское Государство, составленное изъ разнородныхъ племенъ и народовъ, изъ гражданскихъ классовъ, совершенно отдѣльныхъ правами и преимуществами, можетъ существовать и благоденствовать только подъ управленіемъ одной нераздѣльной и благотворной мысли Монарха; малѣйшая перемѣна въ ходѣ управленія, проистекающая не отъ воли самаго Монарха, но посторонними средствами, малѣйшее, говорю, замѣшательство въ Имперіи, неминуемо повлечетъ за собою разрушеніе составныхъ ея частей, разрушеніе, сопровождаемое всѣми ужасами, какіе когда либо являлись для бѣдствія человѣчества; слѣдовательно, должно и, скажу, можно отстранить отъ Государства сіе, хотя отдаленное отъ насъ, несчастіе Петру Великому нужно было, такъ сказать, слить Россію съ Европою, для чего потребны были иностранцы; но Россія и Европа не тѣ, что были при жизни сего Монарха. Теперь надо стараться отдалить Европу отъ Россіи, дабы ея, еще юныя, умственныя и нравственныя, силы могли достигнуть полнаго развитія, не бывъ убиты дряхлѣющими надъ Европою пороками и заблужденіями. Народы, подобно человѣку, имѣютъ свои возрасты: дайте юношѣ всѣ наслажденія совершеннаго человѣка, и зародышъ его силъ, подсѣченный при возрожденіи, погибнетъ, или представитъ созданіе хилое, съ одними немощами старости. Думаю, что тѣ только иностранцы должны быть принимаемы въ Государственную службу, кои десятилѣтнею осѣдлостію въ Имперіи, по вступленіи въ подданство, будутъ сего достойны, конечно, кромѣ иностранцевъ, коихъ само Правительство признаетъ нужнымъ призвать на службу изъ за границы.

Образованіе начинается съ воспитаніемъ; оно предшествуетъ просвѣщенію и должно сопровождать его до послѣдней степени. Образованіе составляетъ, такъ сказать, форму, въ которой отливаются наши ощущенія, страсти и первоначальныя понятія. Это обликъ, по которому отличаются народы одинъ отъ другаго; по сему образованіе, подобно воспитанію, должно быть отечественное и истекать изъ чистаго источника; ибо оно одно, даже безъ

кскаго просвѣщенія, какъ видѣли мы въ Спартѣ, можетъ поддержать народныя добродѣтели, упоить сердце любовію къ Отечеству и его постановленіямъ, любовію, которая служитъ основаніемъ твердости Престоловъ и могуществу Царствъ. Въ частномъ быту у насъ образованіе также принадлежитъ иностранцамъ и производитъ тѣ же вредныя послѣдствія, какъ и воспитаніе въ общественныхъ заведеніяхъ; образованія не существуютъ.

Просвѣщеніе есть одно изъ величайшихъ достоинствъ человѣка, лучшая, благороднѣйшая принадлежность его бытія, приближающая его къ подобію Создателя. И сіе-то просвѣщеніе называютъ причиною зла, источникомъ бѣдствій нашихъ! Просвѣщеніе наполняетъ душу нашу кроткими ощущеніями въ частной, высокими порывами въ общественной, жизни. Счастіе собратій, благо земли родной, есть лучшая мечта, цѣль всѣхъ поступковъ и дѣлъ истинно просвѣщеннаго человѣка; ему извѣстны всѣ прасли, всѣ оттѣнки произведеній умственныхъ; природа, какъ книга, открыта предъ нимъ съ великими и благодатными тайнами; безъ просвѣщенія Государства не могутъ устраиваться, возвышаться и благоденствовать. Но, видя развалины городовъ, пожары селъ, возженныхъ буйствомъ и мятежемъ, говорятъ: «Вотъ слѣды просвѣщенія!» Нѣтъ, скажу: «Вотъ слѣды невѣжества, увлеченнаго эгоизмомъ и развратомъ; вотъ слѣдствіе, что законодатели, презря воспитаніе юношества и образованіе ихъ сердечныхъ ощущеній, предали ихъ произволу страстей необузданныхъ и самымъ просвѣщеніемъ.» Просвѣщеніе не есть только образованіе ума науками; ибо ученіе служитъ, такъ сказать, послѣднею степенью къ достиженію просвѣщенія и оканчивается съ окончаніемъ наукъ въ училищѣ. Просвѣщеніе есть производительная сила ума; оно проявляется въ произведеніяхъ словесности и изящныхъ искуствъ. Просвѣщеніе, подобно воспитанію и образованію, легко согласовать съ видами Правительства, когда оно господствуетъ и направляетъ его дѣйствія, не оставляя на произволъ случая. Такъ Наполеонъ, желая отвлечь умы своего времени отъ политическихъ происшествій, предпринялъ описаніе Египетскихъ древностей, стараясь и другими предметами, смежными съ областями наукъ, направить понятія Французовъ къ своей цѣли, дать пищу ихъ суетности ободреніемъ художествъ, театральныхъ и сло-

весныхъ произведеній. У насъ, напротивъ, въ такой ли сте
пени предпринимается все для просвѣщенія? Только изрѣдка рев
ніе частныхъ людей старается поддержать едва настоящую зара
просвѣщенія; ибо Румянцевъ и Демидовъ гораздо болѣе при
несли пользы просвѣщенію, чѣмъ наши Академіи, наполненныя
людьми, едва знающими Русскую грамоту, тѣмъ менѣе Россіи
Никогда, можетъ быть, Правительство не имѣло нужды дѣйство
вать на понятія людей, какъ въ настоящее время, дабы отвлечь
вниманіе гражданъ отъ заразительныхъ правилъ, волнующихъ
умы и народы. Сія язва не удерживается карантинами; напротивъ
она растетъ и распространяется отъ явныхъ преградъ; для сего
нужно занять умы мыслящіе, и занять предметами, противопо
ложными съ понятіями настоящаго времени. За чѣмъ не обратить
ихъ наградами къ обработыванію еще не воздѣланнаго поля Оте
чественной Словесности? Для чего не пожертвовать Правитель
ству капиталомъ для собранія, изслѣдованія и описанія истори
ческихъ и другихъ памятниковъ народной самобытности во всѣхъ
предѣлахъ обширной Имперіи? Для чего, подобно Петру Великому,
не поощрять къ переводу книгъ полезныхъ, ввѣривъ все сіе и
Академіямъ, кои, напрасно истрачивая суммы, въ столѣтіе (кромѣ
Академіи Художествъ), не произвели ничего, и ничего произвести
не могутъ, а людямъ истинно просвѣщеннымъ и любящимъ успѣ
хи Русскаго ума?

ДѢЛО

О ПРИПИСКѢ ШЛОЦКИХЪ ЕВРЕЕВЪ КЪ РИГѢ.

Въ 1842 году Евреи мѣстечка Шлокки, проживавшіе въ г. Ригѣ, стали хлопотать о припискѣ ихъ къ этому городу. Просьба ихъ была рѣшена въ Губернскихъ Присутственныхъ Мѣстахъ въ ихъ пользу. Рижскій Биржевой Комитетъ, предвидя въ Евреяхъ опасныхъ соперниковъ для Нѣмецкихъ ремесленниковъ, перенесъ дѣло въ Сенатъ.

Для ходатайства здѣсь по этому дѣлу, Рижскій Бургомистръ Т. пригласилъ служившаго во II-мъ Отдѣленіи Собственной Канцеляріи, Коллежскаго Совѣтника Л., который и велъ его до конца, постоянно увѣдомляя Комитетъ о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. По выиграніи дѣла, между нимъ и Биржевымъ Комитетомъ возникли споры объ окончательномъ денежномъ расчетѣ. Для оправданія себя, Л. представилъ Комитету прилагаемую при семъ Записку, раскрывающую тѣ тайныя пружины, которыя, въ случаѣ опасности, приводятся въ дѣйствіе Остзейскими Нѣмцами.

Записка эта писана, разумѣется, по Нѣмецки; здѣсь она въ переводѣ, почти подстрочномъ. Рижскій Биржевой Комитетъ, съ Нѣмецкою аккуратностію, хранитъ ее въ своемъ Архивѣ. Примѣч. Переводчика.

Бывшій по дѣламъ (Рижскаго) городскаго общества повѣренный, чувствуя себя тяжко обиженнымъ чрезъ невыполненіе въ точности разновременно сдѣланныхъ съ нимъ условій, подвергалъ новому пересмотру производившуюся о томъ переписку, и представляетъ, въ видѣ жалобы, слѣдующія обстоятельства, подтверждаемыя подлинными и ни какому сомнѣнію не подлежащими документами.

По указу Губернскаго Правленія, послѣдовавшему 4-го Февраля, 1785 г., всѣ пробравшіеся въ Ригу Евреи должны были приписаться къ м. Шлокки, и имѣли право проживать въ Ригѣ, по паспортамъ, не долѣе 8-ми дней. Для прямыхъ же потомковъ тѣхъ Евреевъ, которые оставались въ Ригѣ до 1765 г. и назывались «Евреями покровительствуемыми», сдѣлано было исключеніе: имъ дозволялось проживать въ Ригѣ по годовымъ паспортамъ. Впрочемъ, это исключеніе было много разъ нарушаемо и часто употребляемо во зло.

Съ этого времени Шлоцкіе Евреи постоянно домогались права приписываться къ Ригѣ. Имъ удалось, наконецъ, перенести просьбу объ этомъ въ Государственный Совѣтъ, черезъ Комитетъ Министровъ. Продолжительная по сему дѣлу переписка, извѣстная всему городу, побудила гражданъ, для избѣжанія невыгоднаго для себѣ рѣшенія, отправить въ С.-Петербургъ депутацію, которая послѣ долговременнаго пребыванія и растраты большихъ суммъ возвратилась съ одними пустыми обѣщаніями. *

Въ Февралѣ, 1842 г., обнародовано мнѣніе Государственнаго Совѣта, состоявшееся 17-го Сентября, 1841 г.; оно разрѣшало приписываться къ Ригѣ и оставаться тамъ для жительства всѣмъ тѣмъ Евреямъ, которые дѣйствительно имѣли до сего времени постоянное пребываніе въ этомъ городѣ.

Выраженіе «дѣйствительно» должно быть понимаемо не иначе, какъ «законнымъ», а слова—«постоянное пребываніе» должны значить — «непрерывно остававшимся»; по тому общество гражданъ и должно бы было наблюдать, чтобы означенное мнѣніе Государственнаго Совѣта было понимаемо и исполняемо въ этомъ смыслѣ. Однако же это не дѣлалось.

Между тѣмъ, еще въ Іюнѣ, 1842 г., Еврейскій Кагалъ просилъ Казенную Палату о припискѣ къ Ригѣ. Палата сдѣлала запросъ Управѣ Благочинія: кто именно изъ Шлоцкихъ Евреевъ имѣетъ постоянное пребываніе въ Ригѣ? Управа, съ своей сторо-

* По этому дѣлу было употреблено до 76 тысячъ и, сверхъ того, на содержаніе агента Л. 18 тысячъ р., всего до 94 тысячъ р. асс.

ы, сдѣлала запросы Частнымъ Приставамъ города и форштад-овъ. Но, ни Магистратъ, ни общество гражданъ, ничего не знали объ этомъ. Полицейскимъ чиновникамъ предоставлена была пол-ая свобода дѣйствовать; они и представили, какъ имѣвшихъ пра-о на приписку, 517 человѣкъ, а Казенная Палата самовольно рисовокупила къ этому числу всѣхъ Евреевъ, оставшихся въ Шоккѣ.

7-го Октября, 1842 г., Казенная Палата сообщила Магистра-у, что всѣ Шлоцкіе Евреи должны быть приписаны къ Ригѣ, 20-го Ноября отношеніе это было сообщено обществу граж-анъ, которое тогда же рѣшило: подать жалобу на неправильное олненіе мнѣнія Государственнаго Совѣта.

12-го Декабря, 1842 г., Альтерманъ * поручилъ, кому слѣ-етъ, составить сію жалобу. 14-го того же мѣсяца она была от-равлена съ эстафетою въ Сенатъ, но прибыла туда такъ поздно, о не могла быть заслушана въ томъ же году. На слѣдующій ъ она разсматривалась въ первомъ засѣданіи 1-го Департамен-Сената. Тогда же было опредѣлено: потребовать объясненія ъ Генералъ-Губернатора и Казенной Палаты, а между тѣмъ казать, впредь, до окончательнаго разсмотрѣнія сего дѣла, тановиться какимъ бы то ни было распоряженіемъ по оному. я того, чтобы исходатайствовать, какъ эту остановку дѣла, такъ указъ въ такомъ именно видѣ, нужны были жертвы. Объ омъ тотчасъ же было сообщено Альтерману.

Альтерманъ обратился къ Биржевому Комитету и, по поруче-ію онаго, писалъ къ Петербургскому Повѣренному, отъ 15-го варя, 1843 г., слѣдующее:

«Въ слѣдствіе сдѣланнаго мнѣ сейчасъ порученія въ засѣданіи ржеваго Комитета, я обращаюсь къ Вамъ съ просьбою: употре-ть, въ пользу здѣшняго купечества, вездѣ, гдѣ то будетъ мож-и нужно, Ваше вліяніе и дѣятельность относительно предсто-щихъ засѣданій о здѣшнихъ Евреяхъ. Сообразно этому имѣете поддерживать просьбу городскихъ Гильдій и Магистрата про-

* е., Альтерманъ большой Гильдіи Л.

тиву Казенной Палаты, противодѣйствовать возможному ходатайству Жидовъ у Министра Внутреннихъ Дѣлъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стараться также, чтобы и ожидаемое опредѣленіе на счетъ торговыхъ отношеній Жидовъ въ Ригѣ послѣдовало сколь возможно болѣе ограниченнымъ. Биржевой Комитетъ ожидаетъ отъ Васъ сообщенія, черезъ меня, о всѣхъ тѣхъ сдѣлкахъ, которыя будутъ признаны Вами нужными, и о другихъ, принятыхъ Вами, мѣрахъ. Комитетъ надѣется, что Вы будете увѣдомлять меня о ходѣ дѣла и, съ извѣстною ему Вашею бдительностію, будете заботиться объ интересахъ здѣшняго купечества.»

И такъ, хотя Комитетъ и поручился во всѣхъ нужныхъ по сему дѣлу издержкахъ, хотя Альтерманъ и заявлялъ письменно о таковомъ ручательствѣ Комитета, но, не смотря на это, для исходатайствованія указа объ остановкѣ всего дѣла, ничего не было сдѣлано. Этѣмъ самымъ открыта была возможность Евреямъ исходатайствовать, 20-го Генваря, 1843 г., отмѣну опредѣленія: дѣло производство не было остановлено, и только затребованы объ ясненія.

Этѣмъ самымъ дана была возможность Жидамъ подать новыя просьбы въ Сенатъ, къ Министру Финансовъ, и двѣ просьбы къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы предупредить жалобы гражданъ на Казенную Палату. Но, не смотря на то, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ былъ хорошо расположенъ къ Жидамъ; не смотря на то, что Рижскій Генералъ-Губернаторъ, бывшій въ то время въ С.-Петербургѣ и знавшій мнѣніе Министра, отозвался въ пользу Жидовъ, когда спросили его мнѣнія по этому дѣлу; не смотря на все это, удалось, однако, достигнуть, что Евреямъ вездѣ отказали, въ ожиданіи рѣшенія Сената по жалобѣ гражданъ. Заключенное условіе объ уплатѣ за это 3 тысячъ р. было исполнено: 23-го Февраля, 1843 г., выдано 2 тысячи р., а въ Мартѣ еще 1 тысяча р.

Но ни одно условіе, относящееся до главнаго предмета, т. е., до жалобы общества гражданъ, не было выполнено, не смотря на то, что о томъ было писано 7-го Марта, 1843 г. Поднаренный, обязанный увѣдомлять Уполномоченнаго Биржеваго Комитета о ходѣ дѣла, вновь напоминалъ ему о томъ же 3-го Апрѣля.

Наконецъ, 10-го Іюля, 1843 г., онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

«Симъ имѣю честь извѣстить Ваше Высокоблагородіе, что если Вы получите изъ 1-го Департамента Сената указъ, на основаніи котораго будетъ отмѣнена, предписываемая Казенною Палатою, приписка Шлоцкихъ Евреевъ къ Ригѣ и, кромѣ того, разсмотрѣніе ихъ права на такую приписку будетъ поручено особо для того утвержденному Комитету, то въ распоряженіе Ваше поступаетъ немедленно 3 т. р. с.

Хотя этѣмъ распоряженіемъ и была обезпечена издержка, признанная достаточною по тогдашнимъ обстоятельствамъ, но не было ничего договорено о вознагражденіи самого Повѣреннаго за труды его. На письмо его о выдачѣ ему лишь 1 тысячи р., послѣдовалъ, 9-го Ноября, 1843 г., слѣдующій отвѣтъ:

«На письмо Ваше, отъ 18-го Октября, симъ извѣщаю, что Биржевой Колитетъ разрѣшилъ выдать Вамъ требуемое Вами вознагражденіе, въ 1 тысячу р., съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы только одиннадцать семействъ, а не всѣ Евреи, имѣющіе здѣсь постоянное жительство въ теченіи 10-ти лѣтъ, были признаны имѣющими право на приписку.»

Условіе это совершенно противорѣчило не только письму отъ 10-го Іюля, 1483 г., но и самой просьбѣ общества гражданъ, въ которой просилось лишь объ отмѣнѣ приписки, опредѣленной Казенною Палатою, и о произведеніи оной особою Комиссіей, которая, вмѣстѣ съ Магистратомъ и обществомъ гражданъ, опредѣлила бы, кто именно изъ Евреевъ имѣетъ право приписаться. По этому, условіе это было признаваемо вездѣ и всѣми неосновательнымъ и несправедливымъ. Повѣренный возражалъ на оное, отъ 16-го Ноября, 1843 г., слѣдующее:

«Почтеннымъ письмомъ, отъ 9-го сего мѣсяца, Вы извѣстили меня, что Биржевой Комитетъ утвердилъ особую издержку, въ 1 тысячу р., по дѣлу приписки Евреевъ къ Ригѣ; но Вы, вѣроятно, согласитесь и сами, что ожидаемое измѣненіе, — полученіе котораго въ самомъ простѣйшемъ видѣ не легко и не вѣрно,—можетъ послѣдовать только, какъ отмѣненіе приписки въ томъ видѣ, какъ

она была совершена, но отнюдь не въ отношеніи подробносте
о томъ, какъ она должна быть совершаема, и что послѣднее сл
дуетъ предоставить новому, имѣющему быть для сего назначе
нымъ, слѣдствію; въ настоящее время можно только желать в
котораго о томъ указанія. По этѣмъ основаніямъ, позвольте м
дѣйствовать сообразно сему, и позвольте оставить безъ внима
условіе, включенное въ Ваше письмо.»

Биржевой Комитетъ призналъ это возраженіе основательны
ибо ничего не высказалъ противу него. По этому утвержден
вознагражденіе должно было оставаться во всей силѣ, лишь
только испрошенное рѣшеніе удовлетворяло просьбѣ гражданъ.

Исходатайствованное, 19-го Іюля, 1844 г., рѣшеніе не толь
буквально соотвѣтствовало прошенію гражданъ, но даже предо
сывало болѣе; ибо было приказано: «дозволить приписыват
только тѣмъ Евреямъ, которые дѣйствительно проживали въ Р
во время 8-й ревизіи», т. е., болѣе чѣмъ за 10 лѣтъ. Такимъ об
зомъ рѣшеніе это удовлетворяло всѣмъ требованіямъ Комитета.

Между тѣмъ ожидались объясненія отъ Генералъ-Губернато
и отъ Казенной Палаты. Объясненія этѣ, предварительно разс
трѣнія ихъ въ 1-мъ Департаментѣ Сената, должны были быть о
сланы, вмѣстѣ съ просьбою гражданъ, на заключеніе, сперва М
нистра Финансовъ, а потомъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Въ э
время ничего не было упускаемо изъ виду, чтобы заранѣе подѣ
ствовать благопріятнымъ образомъ на этѣ заключенія. Послѣ
ствіемъ этого было заключеніе Министра Финансовъ, данное
пользу общества гражданъ. Дѣло поступило къ Министру Вн
треннихъ Дѣлъ. Этотъ послѣдній, не смотря на всѣ усилія е
приближенныхъ, склонился на сторону Евреевъ, и не только,
заключеніи своемъ отъ 26-го Ноября, 1843 г., полагалъ отказа
обществу гражданъ, не только убѣдилъ Министра Финансовъ о
ступаться отъ своего прежняго мнѣнія и присоединиться къ нем
но даже самъ явился въ Сенатъ, 22-го Генваря, 1844 г., чтобы л
но поддержать свое мнѣніе. Этѣмъ необыкновеннымъ поступко
онъ склонилъ на свою сторону четырехъ Сенаторовъ, которые
осмѣлились противиться человѣку, такъ высоко поставленному
имѣющему столь громадное значеніе.

«Какъ ни было худо положеніе дѣла, для безвозвратной потери котораго не доставало лишь согласія Оберъ-Прокурора, однако же Повѣренный не считалъ оное совершенно проиграннымъ. Еще 28-го Марта, 1844 г., онъ писалъ, что имѣетъ надежду, черезъ близнаго родственника Оберъ-Прокурора, подѣйствовать на него такъ, что онъ войдетъ съ предложеніемъ противу мнѣнія Министровъ и Сенаторовъ. Это было уже само по себѣ смѣлое предпріятіе. Впрочемъ, если бы можно было достигнуть этого пожертвованіемъ всѣхъ 3 тысячъ р., если бъ даже Оберъ-Прокуроръ твердо оставался при своемъ veto, то все же черезъ это выигралось бы только перенесеніе дѣла въ Общее Собраніе Сената, гдѣ бы оно снова было въ самомъ сомнительномъ положеніи. Предстояла задача болѣе трудная: пользуясь veto Оберъ-Прокурора, надо было побудить Министровъ взять обратно и измѣнить свои прежнія заключенія; тогда открылась бы возможность получить согласіе и уступчивыхъ Сенаторовъ. Только этимъ путемъ дѣло могло быть выиграно. Вышеназванный родственникъ Оберъ-Прокурора надѣялся достичь этого черезъ своихъ пріятелей — Г. С., у Министра Внутреннихъ Дѣлъ, и П. И. — у Министра Финансовъ, если только дано будетъ въ его распоряженіе 2 тысячи р. для нихъ.

Въ упомянутомъ выше письмѣ, отъ 28-го Марта, 1844 г., Повѣренный требовалъ на это разрѣшенія, и получилъ оное, ибо письму его не противорѣчили. Въ этомъ тѣмъ менѣе можетъ быть сомнѣнія, что онъ, 10-го Мая, 1844 г., опять писалъ объ этомъ предметѣ къ Уполномоченному Биржеваго Комитета, и письмо свое заключилъ слѣдующими словами:

«Такъ какъ общество гражданъ выдало мнѣ только 3 тысячи р., которыя уже и издержаны, то я былъ вынужденъ согласиться на новую премію въ 2 тысячи р. Увѣдомляя Васъ о семъ, я не сомнѣваюсь въ утвержденіи этого. Прошу о скоромъ отвѣтѣ; ибо дѣло можетъ быть кончено черезъ нѣсколько недѣль, и я, не имѣя средствъ, буду поставленъ въ большое затрудненіе.»

Отвѣта не послѣдовало; по этому и надо было полагать, что на возвышеніе договорной платы дано согласіе. Въ слѣдствіе сего

Повѣренный вновь писалъ къ тому же уполномоченному, отъ 9-го Іюня, слѣдующее:

«Послѣднимъ письмомъ я обстоятельно извѣщалъ Васъ, что дѣло о припискѣ Евреевъ, почти окончательно проигранное отъ личнаго присутствія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, при его слушаніи въ Сенатѣ, можетъ быть еще спасено съ помощію предложенія Оберъ-Прокурора. Я ожидалъ, что сдѣланное мною тогда же условіе о вознагражденіи, Вы одобрите, признавая его необходимымъ для успѣха дѣла. Не ограничиваясь этѣмъ, съ той минуты, когда явилась необходимость провести у П. новое опредѣленіе, я выдалъ лицамъ, его окружающимъ, двумя тысячами р. болѣе назначеннаго прежде; всего выдано 5 тысячъ р. Въ настоящую минуту я только что выхожу изъ его Канцеляріи, и только что узналъ, что вчера совершилось дѣло неслыханное: мы достигли того, что этотъ человѣкъ взялъ обратно свое, неблагопріятное для васъ, заключеніе и присоединился къ намъ. Теперь я не сомнѣваюсь, что и Министръ Финансовъ присоединится къ намъ, ибо онъ непремѣнно уступаетъ тамъ, гдѣ считаетъ за нужное [illegible] упрямый и никогда не уступающій П. Это рѣшится [illegible] такъ какъ въ этотъ день назначено новое слушаніе [illegible]»

Отъ 9-го же Іюня онъ вновь писалъ:

«[illegible] минуту меня увѣдомляетъ Камергеръ П., что В. тоже [illegible] дѣло объ Евреяхъ, и что оно отправлено 8-го Іюня, за № 3,308.»

Наконецъ, 22-го Іюня, 1844 г., онъ писалъ:

«По подписаніи опредѣленія Министромъ Финансовъ, какъ я уже извѣщалъ Васъ, мнѣ удалось заставить, не смотря на наступившіе праздники, отправить указъ изъ Сената. Онъ состоялся 19-го Іюня, за № 22,751, а 20-го сданъ на почту.»

По этому, чтобы не уронить свое достоинство и честь, нельзя долѣе медлить выполненіемъ обязательствъ, принятыхъ на себя Повѣреннымъ и заключающихся въ 5 тысячахъ р., тѣмъ болѣе, что ему уже напоминаютъ объ этомъ, какъ это видно изъ словъ: «Si

vous avez à me dire quelque choze, adressez vous» и т. д. (не говоря уже о новыхъ косвенныхъ напоминаніяхъ, заключающихся въ извѣщеніи объ отъѣздѣ). Нѣтъ сомнѣнія, что слишкомъ невыгодно оскорблять людей, находящихся въ такомъ положеніи, и еще менѣе выгодно жертвовать своимъ кредитомъ въ высшихъ сферахъ Правительства.

Также несомнѣнно, что Повѣренный вполнѣ заслужилъ свое умѣренное награжденіе въ 1 тысячу р.; и что не слѣдуетъ дѣлать ему новыхъ задержекъ и возраженій.

Нелѣпа также мысль, что все дѣло будто сдѣлано другимъ, и что Повѣренный совершенно оставилъ оное, послѣ первыхъ неблагопріятныхъ отзывовъ Министровъ. Выше уже доказано, что онъ не только никогда не переставалъ дѣйствовать, но даже съумѣлъ убѣдить Оберъ-Прокурора, черезъ его племянника, сказать свое veto, съумѣлъ, черезъ пріятелей того же племянника, достичь того чуда, что Министры взяли обратно свое заключеніе. Кромѣ того, еще 20-го Марта, 1844 г., Повѣренный жаловался на неприличное вмѣшательство Господина Ф. В., допущенное Альтернативомъ. Наконецъ, письмо вышеупомянутаго племянника, отъ 10-го Іюня, 1844 г., неоспоримо подтверждаетъ все, что сдѣлано Повѣреннымъ по этому дѣлу, и совершенно опровергаетъ мысль объ участіи въ этомъ дѣлѣ какого ни будь Г. Ф. В., или Г. З. Надо помнить при этомъ, что племянникъ этотъ—человѣкъ сильный, по своей близкой связи съ В. К.; что онъ съумѣетъ дать себя почувствовать не только, когда оскорбятъ его, но если хотя немного скомпрометируютъ его передъ тѣми лицами, которыхъ онъ заставилъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ.

ПОѢЗДКА ВЪ АНГЛІЮ

ДЛЯ СОБЕСѢДОВАНІЯ О СОЕДИНЕНІИ АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ СЪ ПРАВОСЛАВНОЮ.

По возвращеніи моемъ изъ Англіи, куда я былъ приглашенъ Богословами этой стороны, для собесѣдованія о соединеніи Англиканской Церкви съ Православною, спѣшу отдать отчетъ о свѣдѣніяхъ и соображеніяхъ, пріобрѣтенныхъ мною въ этомъ путешествіи. Для большей ясности раздѣлю мое изложеніе на слѣдующіе отдѣлы: 1) Есть ли, и въ какой мѣрѣ и формѣ, движеніе въ Англиканской Церкви къ сближенію съ Православною Церковью? 2) Изъ какихъ побужденій и обстоятельствъ родилось это стремленіе? 3) Какія препятствія останавливаютъ скорое осуществленіе единенія Англиканской Церкви съ нашею? 4) Какія надежды можно питать по этому предмету, и какое содѣйствіе съ нашей стороны можно оказать упомянутому примирительному движенію?

I.

Какъ извѣстно, въ Англиканской Церкви существуютъ двѣ партіи: одна чисто Протестантская, основывающая свои шаткія вѣрованія на 39 членахъ, составленныхъ Реформаторами; другая, если можно употребить это слово, — Полукаѳолическая, которая преимущественно черпаетъ свою Вѣру изъ Богослужебной книги, сохранившей много древнихъ Православныхъ истинъ. Этѣ двѣ партіи, странно стоящія въ той же Церкви, называются въ Англіи двумя Школами, или даже двумя Церквами: Низкою и Высокою. Первая несомнѣнно превосходитъ числомъ, вторая

имѣетъ на своей сторонѣ образованіе и качества ея членовъ, особенно духовныхъ. Знаменитые Университеты, Кембричскій и преимущественно Оксфордскій, принадлежатъ, по общности ихъ направленія, къ Высокой Церкви.

Въ этой-то Высокой Церкви и существуетъ стремленіе къ сближенію съ Церковью Православною. Оно выражается въ отзывахъ весьма почтительныхъ о Восточной Каѳолической Церкви, въ братскомъ пріемѣ ея членовъ, въ благоговѣйномъ посѣщеніи Англиканами Православныхъ храмовъ, въ изученіи Православнаго ученія, посредствомъ переводовъ книгъ, содержащихъ изложеніе Православія, наконецъ въ составленіи «Общества Восточно-Православной Церкви.»

Первымъ моимъ дѣломъ, по прибытіи въ Англію, было посѣщеніе Университетовъ, Кембричскаго и Оксфордскаго. Въ Кембричѣ моимъ гостепріимнымъ хозяиномъ и руководителемъ былъ Магистръ и членъ Королевской Коллегіи, Георгій Вильямсъ, извѣстный путешественникъ по Востоку и два раза бывшій въ Россіи. Этотъ усердный двигатель соединенія Англиканской Церкви съ Православною представилъ меня членамъ многихъ другихъ Кембричскихъ Коллегій; вездѣ санъ Православнаго Протоіерея открывалъ мнѣ пріемъ радушный и почетный; вездѣ я слышалъ выраженіе сочувствія и почтенія къ Святой моей Матери, Церкви. Оксфордъ превзошелъ, если возможно, любезность и вниманіе своего ученаго собрата. Ректоръ «Коллегіи всѣхъ душъ», Г. Лейтонъ, настоятельно пригласившій меня принять его гостепріимный кровъ, устроилъ два обѣда, для доставленія мнѣ встрѣчи съ членами славнаго Университета. Сверхъ того я навѣстилъ многихъ замѣчательныхъ мужей, какъ-то: Доктора Пьюзе, Мигистровъ Лиддона, Медда, Бергона, Брамлея, Брайта и др. Опять слышалъ единодушное сочувствіе похвалы, почтеніе къ Православной Церкви и желаніе единенія съ нею.

Но всѣ эти выраженія, не выходя изъ общихъ выраженій, неопредѣленныхъ желаній, не дали мнѣ яснаго понятія о силѣ и способахъ желаемаго единенія. Нѣсколько разъ я пытался дойти до опредѣленной основы, но встрѣчалъ уклоненіе отъ дѣльнаго разсужденія и по возможности подробнаго разбора. Только Док-

торъ Пьюзе безъ всякаго приступа заговорилъ о предлагаемомъ единеніи богословскимъ путемъ. Объяснивъ мнѣ, что онъ занимался въ настоящую минуту объясненіемъ XXII члена Англиканской Церкви о чистилищѣ, почитаніи иконъ и призываніи Святыхъ, знаменитый основатель школы, носящей его имя, спросилъ меня: «Какъ учитъ Православная Церковь объ этѣхъ пунктахъ?» На мое изложеніе Православнаго ученія онъ отвѣчалъ, что видитъ возможность согласить упомянутый членъ съ ученіемъ Каѳолической Восточной Церкви, доказавъ, что онъ былъ единственно направленъ противъ преувеличеній и злоупотребленій Римской Церкви касательно этого предмета. За тѣмъ указалъ на возможность соглашенія въ ученіи о Таинствахъ, отвергнувъ принятое опредѣленіе схоластическое и принявъ за основу Православное. Касательно Таинства Св. Евхаристіи Докторъ Пьюзе утверждалъ, что Церковь Англиканская можетъ принять сущность ученія о дѣйствительномъ присутствіи въ Св. Тайнахъ тѣла и крови Христовой, но недоумѣваетъ на счетъ словъ преложеніе и особенно пресуществленіе. Съ своей стороны, я старался ему доказать, что эти слова и содержатся Православною Церковью именно для несомнѣннаго выраженія дѣйствительности присутствія тѣла и крови Христа подъ видами хлѣба и вина. Собесѣдникъ мой не возражалъ много и клонился къ согласію. На другой день Докторъ Пьюзе началъ свою бесѣду весьма жесткимъ порицаніемъ Патріарха Фотія, называя его человѣкомъ злымъ, упорнымъ совопросникомъ, намѣренно запутавшимъ вопросъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына. Подобное начало не обѣщало примирительнаго разсужденія. Я отвѣчалъ, что считаю приличнымъ оставить въ сторонѣ лице великаго Патріарха, и присовокупилъ, что Докторъ ошибается, если думаетъ, что судъ Православной Церкви о прибавленіи, сдѣланномъ Папою въ символѣ Вѣры, основывается единственно на авторитетѣ Фотія; что наша Церковь не признаетъ Патріарха Константинопольскаго за непогрѣшимаго Папу; что она основывается на Богооткровенномъ ученіи, которое содержится въ Св. Писаніи и Соборномъ преданіи Вселенской Церкви. За симъ послѣдовали, со стороны Г. Пьюзе, обыкновенныя Западныя доказательства и возраженія, на которыя мнѣ не трудно было отвѣчать исторически и догматически. Докторъ былъ неспокоенъ и смущенъ, особенно свидѣтельствомъ двухъ Папъ

ьва III и Іоанна VIII, и опирался, въ своихъ доказательствахъ, реимущественно на Блаженнаго Августина, выражавшаго нѣсколь-о разъ, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына. На это я от-нлъ, что, по внимательномъ изученіи твореній этого учителя, ткрывается намъ какъ бы два лица: когда Блаженный Августинъ ишетъ, какъ Учитель Церкви и свѣдѣтель древняго ученія, тогда ъ вездѣ выражается, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца. Ко-да жъ этотъ писатель Церкви вдается въ изысканія и предполо-енія, то позволяетъ себѣ мнѣніе объ исхожденіи Св. Духа и ъ Сына, и то въ сомнительной формѣ: «по чему бы намъ не ѣрить (cur non credamus), что Св. Духъ исходитъ и отъ ына?»

Споръ нашъ продолжался полтора часа, и Докторъ Пьюзе, е представляя новыхъ доказательствъ, заключилъ, что Англикан-кой Церкви также не возможно выбросить прибавленіе изъ Сим-ла, какъ Церкви Православной вставить оное въ Символъ. Я твѣчалъ, что Церкви, содержащія различное исповѣданіе Вѣры, не огутъ быть въ единеніи; что Англиканскіе предки Г. Пьюзе, на-адъ тому восемь вѣковъ, были согласны въ этомъ съ Православ-ною Церковью; что Вселенскіе Соборы запретили, подъ страхомъ лаемы, вносить туда прибавленіе; что позволить Англиканской ерквн сохранить поврежденный Символъ Вѣры значитъ то же, го допустить то же въ своей Церкви и, слѣдовательно, отсту-ить отъ правила Вселенской Церкви.

Послѣ этого состязанія мы разстались въ грустномъ распо-женіи духа; печальны были и свѣдѣтели нашего спора, Маги-тры Вильямсъ и Лиддонъ. На другой день я пошелъ проститься ъ Докторомъ Пьюзе, и нашелъ его въ настроеніи болѣе приими-тельномъ. Онъ объявилъ мнѣ, что Англиканская Церковь мо-етъ сдѣлать важный шагъ къ соглашенію съ Православіемъ въ ченіи объ исхожденіи Св. Духа, именно: сохраняя Символъ съ рибавленіемъ, она дастъ объясненіе, что принимаетъ единое на-ало въ Св. Троицѣ, Отца, и произнесетъ проклятіе на признаю-щихъ двойное начало. Я отвѣчалъ, что подобный шагъ есть по-ытка, которая не возводитъ дѣла ко Вселенскому правилу Вѣ-ы, нецрикосновенности Символа въ основаніи и формѣ. При семъ ой собесѣдникъ высказалъ задушевную мысль, что Англикан-

ская Церковь не имѣетъ довольно авторитета на своихъ членов
чтобъ ити на перекоръ привычкѣ, такъ что изъятіе изъ Симво
прибавленія «и отъ Сына» произведетъ раздѣленіе въ нѣдрахъ А
гликанизма. На указанную мною рѣшимость Американской Цер
сдѣлать требуемую Православіемъ поправку, Докторъ Пьюзе от
тилъ, что Американцы менѣе связаны обычаемъ и преданіем
чѣмъ Англичане. При семъ я позволилъ себѣ дать совѣтъ, ч
нужно приготовить членовъ Англиканской Церкви предварите
ными многократными объясненіями дѣла.

При прощаніи съ почтенною знаменитостію Оксфордскою,
слышалъ увѣреніе трудиться неослабно къ достиженію вожделѣ
наго соединенія съ Православною Церковью. И когда я указа
ему на запутанное ученіе 39 Членовъ Англиканскаго Исповѣдані
онъ сказалъ, что не Членами нужно объяснять Каѳолическое у
ніе, заключающееся въ Богослужебной книгѣ (Prayer-Book), а эт
послѣднею опредѣлить смыслъ Членовъ. Докторъ Пьюзе намѣре
объяснить въ этомъ смыслѣ Члены Вѣры, т. е., такъ, чтобъ об
ясненіе опровергало содержащееся въ нихъ Протестантское учен

На другой день имѣло быть въ Лондонѣ собраніе, такъ
зываемаго, Комитета Греко-Россійской Церкви (Russo-Greek Chu
Commitee), куда я долженъ былъ поспѣшить, по приглашенію
Президента, Каноника и Канцлера Линкольскаго, Массенбер
Въ прошломъ году, по рѣшенію Высшей Духовной Палаты, сост
щей изъ Англиканскихъ Епископовъ Митрополіи Кентербурійско
на упомянутый Комитетъ было возложено снестися съ подо
нымъ же Комитетомъ въ Америкѣ и представить, сначала въ Н
шую Священническую Палату, а потомъ въ Высшую Епископску
донесеніе о движеніи вопроса касательно соединенія Англо-А
риканской Церкви съ Православно-Каѳолическою Восточно
Естественно было ожидать уясненія въ этомъ собраніи, сост
щемъ изъ десяти именитыхъ Священниковъ разныхъ Епарх
Туда же былъ приглашенъ и почтенный Протоіерей нашей Посо
ской Церкви, въ Лондонѣ, Евгеній Поповъ. Но почтенное собр
ніе угостило меня болѣе радушіемъ, испустивъ, при вѣсти о мое
присутствіи, двукратный одобрительный крикъ (hear, hear!), и
удовлетворило моего ожиданія слышать ясное изложеніе дѣл
Засѣданіе, длившееся около двухъ часовъ, ограничилось выборо

сторожныхъ и краткихъ выраженій для изложенія прошлыхъ обстоятельствъ, касающихся искомаго соединенія, и повтореньемъ желанія искренняго, «чтобъ Англиканскіе Христіяне и Православные могли участвовать въ молитвахъ и таинствахъ обѣихъ Церквей, не измѣняя своей Церкви.» На мое замѣчаніе, что нужно помянуть о предварительномъ согласіи въ ученіи Вѣры, безъ коего не мыслимо общеніе въ таинствахъ, мнѣ отвѣтили, что это вопросъ крайне деликатный, на рѣшеніе котораго Комитетъ не получилъ полномочія; что теперь только указывается движеніе и путь, а употребленіе средствъ будетъ указано обстоятельствами въ будущемъ.

Плодомъ этого собранія «Комитета Греко-Россійской Церкви» было донесеніе, которое имѣю честь представить при семъ въ подлинникѣ. *

На другой день этотъ рапортъ былъ представленъ изъ Низшей Духовныя Палаты въ Высшую, съ большою церемоніею. Депутація Священниковъ, состоящая изъ Президента и двѣнадцати членовъ, въ разноцвѣтныхъ мантіяхъ, предводимая тремя Экзекуторами съ серебряными булавами, отправилась чинно по двору Вестминстерскаго Аббатства въ засѣданіе Епископовъ. Мы, съ Протопіереемъ Поповымъ, послѣдовали за этимъ ходомъ, ожидая какого ни будь рѣшенія, или, по крайней мѣрѣ, разсужденія. Дѣло обошлось скромнѣе. Президентъ Священниковъ, по входѣ въ Высшую Палату, направилъ свои стопы къ Примату (Предсѣдателю) Епископовъ (ихъ было десять), и въ полголоса объявилъ ему, что принесъ рапортъ о дѣлѣ желаемаго соединенія Англиканской Церкви съ Православною Восточною. Архіепископъ Кентербурійскій принялъ бумагу съ привѣтливою улыбкою, и положилъ ее на столъ. Между тѣмъ подошли ко мнѣ Епископы: Оксфордскій, съ которымъ я познакомился годъ тому назадъ въ Брюсселѣ, Лондонскій, съ которымъ я довольно долго бесѣдовалъ въ 1862 году въ Парижской церкви, Эдинбургскій, Салисбурскій и Бристольскій, которымъ я былъ представленъ мимоходомъ въ Оксфордѣ; всѣ жали мнѣ руку и говорили любезныя привѣтствія. Кентербурійскій Архіепископъ подозвалъ меня къ себѣ и благосклонно говорилъ

* Его нѣтъ у насъ подъ руками. *О. Б.*

со мною, пожимая, по обычаю, мою руку. О дѣлѣ единенія с Православною Церковью никто изъ нихъ не сказалъ ни слова; эт свиданіе ограничилось только приглашеніемъ меня на обѣдъ Митро политомъ, на три завтрака Епископомъ Оксфордскимъ, на вечер и обѣдъ Епископомъ Лондонскимъ.

Не честь этѣхъ приглашеній занимала меня, а надежда, в частныхъ встрѣчахъ съ Епископами, побесѣдовать о дѣлѣ едине нія. Воспользовавшись только двумя завтраками Епископа Оксфорд скаго, я не нашелъ тамъ пищи моему сердечному любопытству Видя, что самъ почтенный хозяинъ, окруженный двумя Еписко пами и десятью Священниками, не касается разговора о соедине ніи Англиканской Церкви съ Православною, я позволилъ себѣ во просъ: «Какой ходъ дастъ Епископская Палатата донесенію Свя щенниковъ о дѣлѣ единенія, и какой исходъ можно предвидѣть? Самуилъ Оксфордскій отвѣчалъ съ добродушіемъ, не лишеннымъ дипломаціи, что это дѣло подлежитъ суду не одного Епископа, не одной провинціи, но должно пройти чрезъ совокупное разсуж деніе Митрополій Кентербурійской и Іоркской; что онъ заранѣе ничего не можетъ предвидѣть, желая искренно, съ своей стороны, соединенія съ Православною Церковью. Больше нельзя было из влечь изъ устъ «Его Господства.» Не болѣе опредѣлителенъ былъ Епископъ Салисбурскій, другъ Палмера, вступившаго въ Римскую Церковь. Но въ этомъ Прелатѣ я замѣтилъ болѣе теплоты и какъ бы нетерпѣнія къ скорѣйшему соединенію.

Еще менѣе ясности я получилъ отъ Епископа Лондонскаго, который не отличается большимъ богословскимъ образованіемъ, принадлежитъ къ направленію Протестантскому и мало вообще занимается церковными дѣлами. Его взглядъ можно выразить сло вами: «Я не прочь отъ соединенія съ Православною Церковью, если всѣ мои собратія и Правительство найдутъ это возможнымъ.» На вечерѣ у этого Англиканскаго пышнаго Прелата я былъ пред ставленъ, между прочимъ, знаменитому Министру Гладстону, из вѣстному своимъ филелленизмомъ. Этотъ Государственный чело вѣкъ принадлежитъ къ числу желающихъ соединенія съ Право славною Церковью. Въ довольно продолжительномъ разговорѣ со мною онъ высказалъ свой взглядъ на Православную Церковь Ходъ его мыслей былъ такой: «Церковь Христова была хороша.

пока содержала единство Востока и Запада. По раздѣленіи, Западное Христіянство подчинилось человѣческому развитію и приняло два ложныхъ направленія: Церковь Римская развила авторитетъ до духовной тиранніи, сосредоточивъ все въ Папѣ и лишивъ духовныхъ правъ не только мірянъ, но и Священниковъ. Сверхъ того Папство осуетилось земною властью и связало съ нею участь Церкви. Другія Вѣроисповѣданія, которыя Г. Гладстонъ назвалъ «свободными,» напротивъ, развили свободу до уничтоженія авторитета, слѣдовательно, всякаго общаго правила и единства. Церковь Православная, благодаря Промыслу Божію (par une action providentielle), осталась на древнихъ, первобытныхъ началахъ, и къ ней-то должны возвратиться всѣ Церкви, дабы спасти остатки Христіянства.» Частныхъ разсужденій о своей Церкви Г. Гладстонъ не высказалъ; сказалъ только, что указаніе пути къ соединенію принадлежитъ Церковному авторитету, и уже за тѣмъ сужденію Правительства.

Во время пышнаго стола у Архіепископа Кентербурійскаго, гдѣ присутствовали пятнадцать особъ, преимущественно свѣтскихъ, не было рѣчи о соединеніи Церквей. Послѣ обѣда почтенный Примасъ любезно показалъ мнѣ всю роскошь своего дворца (бывшаго Королевскаго), привлекъ мое вниманіе на нѣкоторыя цѣнныя картины, которыми украшены стѣны огромныхъ его залъ. Потомъ освѣдомился о способѣ избранія и наименованія Епископовъ, а равно и о судѣ надъ виновными Священниками, въ Русской Церкви—вопросы, крайне запутанные въ Англиканской Церкви. Удовлетворивъ любопытству «Его Милости,» и услышавъ отъ него одобрительный отзывъ о дисциплинѣ нашей Церкви, я привелъ разговоръ къ стремленію Англиканской Церкви къ соединенію съ Православною. Архіепископъ отвѣтилъ, что такая мысль дѣйствительно существуетъ въ значительной части Англиканской Церкви, но она еще не разработана и не уяснена. Что касается до него, Архіепископа, то онъ еще не имѣлъ обстоятельнаго объясненія объ этомъ предметѣ съ своими соепископами и не составилъ себѣ практическаго понятія къ достиженію сей вожделѣнной цѣли. Потомъ, услышавъ звуки клавикордовъ, Примасъ Англіи заговорилъ о своей любви къ музыкѣ и пѣнію, и обѣщалъ развлечь своихъ гостей пѣніемъ романса. Мнѣ казалось, что я не понялъ его, но тотчасъ убѣдился, что онъ выразился вѣрно. Въ

самомъ дѣлѣ, шестидесятипятилѣтній Архіепископъ подошелъ къ клавикордамъ и, въ сообществѣ своихъ двухъ дочерей, пропѣлъ, дрожащимъ теноромъ, идиллическій романсъ «о узникѣ и пріученной имъ птичкѣ.» Гости не удивлялись поступку ихъ духовнаго руководителя; вѣрно, это принято обычаями Англійскими. Разговоръ о серьезныхъ дѣлахъ не возобновлялся, и въ одиннадцать часовъ вечера я откланялся пѣвцу-Архіепископу, поблагодаривъ его за радушное гостепріимство.

Мнѣ оставалось еще одно средство уяснить вопросъ движенія Англиканской Церкви къ соединенію съ Православною; это — присутствіе въ собраніи, такъ называемаго, «Общества Восточной Церкви,» состоящаго подъ покровительствомъ нѣкоторыхъ Англиканскихъ Прелатовъ и Православнаго Архіепископа Бѣлградскаго. Михаила, и считающаго въ своемъ составѣ до 60 членовъ, преимущественно духовныхъ. При семъ имѣю честь приложить краткій Уставъ этого Общества. *

Такъ какъ собраніе Комитета этого Общества назначено было въ три часа по полудни, то я употребилъ мое утро на посѣщеніе Декана Вестминстерскаго Аббатства, бывшаго Оксфордскаго Профессора, Стенли, и Каноника того же Аббатства, знаменитаго Англиканскаго Богослова, Водсворта (Wodswort). Первый изъ нихъ, какъ самъ онъ выразился, пригласилъ меня, чтобъ отплатить Русское гостепріимство, которымъ онъ пользовался во время своего путешествія по Россіи. Раціоналистъ по вѣрованіямъ, онъ не сочувствуетъ стремленію «Высшей» Англиканской Церкви къ соединенію съ Православною. По его мнѣнію, лучшая Церковь есть та, которая позволяетъ свободу мыслей. Несравненно ученѣе и серьезнѣе смотритъ на это дѣло Каноникъ Водсвортъ. Не смотря на сильную боль въ рукѣ отъ обрѣза стекломъ, онъ посвятилъ около полчаса бесѣдѣ со мною о сдѣланномъ Западною Церковью прибавленіи къ Символу Вѣры. По его убѣжденію, Сынъ Божій не есть вѣчный источникъ исхожденія Св. Духа, а только посредникъ Его временнаго посольства въ міръ. Изложивъ это Православное ученіе, Англійскій Богословъ присовокупилъ, что крайне трудно для Англиканской Церкви, по укоренившейся въ ней

* И этого Устава нѣтъ теперь у насъ подъ руками. *О. Б.*

привычкѣ, выбросить незаконное и не истинное прибавленіе. А по тому всего лучше устроить соединеніе Церквей съ сохраненіемъ въ каждой изъ нихъ своего Символа. Я объяснилъ ему несостоятельность такой мысли. Если Г. Водсвортъ разсуждаетъ объ этомъ пунктѣ разногласія рѣшительнѣе, чѣмъ Докторъ Пьюзе, за то сей послѣдній вѣрнѣе судитъ о Таинствахъ, тогда какъ первый имѣетъ на нихъ взглядъ, близкій къ Кальвинскому. Какое столпотвореніе Вавилонское!

Въ три часа я явился въ собраніи «Комитета Восточной Церкви.» Тамъ было одиннадцать Членовъ; изъ нихъ девять духовныхъ. Послѣ молитвы о соединеніи Церквей, Президентъ, Магистръ Вильямсъ, прочиталъ нѣсколько писемъ съ заявленіемъ сочувствія къ Обществу, и представилъ третью книжицу Американскаго Общества Восточной Церкви, гдѣ помѣщенъ переводъ «Начатковъ Православнаго ученія,» съ нѣкоторыми пояснительными извлеченіями изъ «Пространнаго нашего Катихизиса» и примирительными поясненіями Секретаря Общества, Г. Юнга; за тѣмъ просилъ меня, отъ лица Общества, быть корреспондентомъ онаго, на что я согласился. Такъ какъ засѣданіе было не чередное, то не оказалось писанныхъ разсужденій касательно соглашенія Англиканской Церкви съ Православною. Этѣхъ пунктовъ пять; они, будто бы, извлечены изъ разговоровъ Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго съ Американскимъ Пасторомъ Юнгомъ. Излагаю ихъ такъ, какъ они были мнѣ переданы Г. Вильямсомъ, съ указаніемъ на лица, которыя приняли на себя разсмотрѣніе о нихъ. 1, Можно ли надѣяться, что 39 Членовъ Англиканской Церкви не будутъ препятствіемъ къ соединенію съ Православною Церковью? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ занимаются Гг. Дентонъ и Фрезеръ (Denton, Fraser). 2, Какъ согласить Англиканское прибавленіе къ Символу Вѣры (Filio que) съ Православіемъ Восточной Церкви? Разсужденіе о семъ принято г. Нилемъ (Neale). 3, Доказана ли непрерывность Апостольскаго преемства въ Англиканской Церкви? Отвѣтъ на это пишетъ Г. Стебъ (Stubbs). 4, Принимаетъ ли Англиканская Церковь Священное преданіе? Этотъ предметъ излагаетъ Г. Меддъ (Medd). 5, Какое ученіе Англиканской Церкви о Таинствахъ? Отвѣтное сочиненіе на это обѣщалъ Г. Казеноу (Casenow). Такъ, въ близкомъ будущемъ ученые Члены «Общества Восточной Церкви» дадутъ примирительные опыты

сближенія съ Православною Церковью. Безъ сомнѣнія, этотъ трудъ не обойдется безъ натяжки.

Во время нашего собранія одинъ изъ Членовъ, Г. Жаксонъ, сталъ было меня пытать на счетъ способа соглашенія Православной Церкви съ Англиканскою.

Довольный этѣмъ поводомъ, я отвѣчалъ откровенно и спокойно, что необходимо прежде всего единство Вѣры; но едва мы съ собесѣдниками коснулись нѣкоторыхъ подробностей, какъ Президентъ и Члены постарались замять бесѣду, утверждая, что нужно пріостановить всѣ подобныя разсужденія до полученія письменныхъ отвѣтовъ на заданные вопросы. Такъ какъ дѣло шло не о сущности, а о методѣ, то я не много возражалъ. Такъ и собраніе Общества не обогатило меня достаточными свѣдѣніями о вопросѣ, меня занимавшемъ.

Все предшествующее длинное, если не сказать утомительное, описаніе моихъ попытокъ къ собранію точныхъ свѣдѣній, изложено мною для того, чтобъ не только самому мнѣ дойти до возможно яснаго понятія о дѣлѣ, но и представить элементы каждому сдѣлать свои выводы. По моему мнѣнію: 1, Въ довольно значительной части Англиканской Церкви существуетъ стремленіе смутное къ сближенію съ Православною Церковью. 2, Въ головахъ самихъ двигателей этого направленія планъ соединенія съ Православною Церковью поставленъ въ странномъ видѣ, не сообразномъ съ Православными и вообще ясными богословскими понятіями о приведеніи въ исполненіе, именно: практическому взаимному пользованію единеніемъ дано преимущество предъ необходимымъ предварительнымъ соглашеніемъ въ ученіи Вѣры. 3, Только не многія личности сознаютъ необходимость единства догматовъ и трудятся надъ примиреніемъ разногласій, безъ рѣшительныхъ уступокъ со стороны Англиканской Церкви. 4, Мысль единенія Англиканской Церкви съ Православною вступаетъ на положительный путь въ томъ отношеніи, что, съ одной стороны, офиціяльная конвокація Священниковъ и Епископовъ Англиканской Церкви поставила ее на чреду своихъ занятій, съ другой составилось «Общество Восточной Церкви,» имѣющее своею цѣлію уясненіе этого вожделѣннаго дѣла.

II.

«Изъ какихъ причинъ и обстоятельствъ возникло стремленіе части Англиканской Церкви къ сближенію съ Православною?»

Къ первой реформѣ въ Англиканской Церкви, состоявшейся при Генрихѣ VIII-мъ и имѣвшей главною цѣлію разорвать церковно-политическое подчиненіе Папѣ, съ сохраненіемъ большей части древнихъ догматовъ, присоединилась, въ послѣдствіи, многократная переработка, подъ вліяніемъ Реформаторовъ континентальныхъ, преимущественно Кальвинскаго направленія. Плодомъ этого было сокращеніе Служебника и Требника, бывшихъ прежде въ употребленіи въ Англиканской Церкви, и особенно составленіе 39 Членовъ Вѣры. Въ сокращенной Литургической книгѣ все таки сохранена основа вѣрованій Каѳолическихъ, Члены же Вѣры, напротивъ, чисто Кальвинскаго характера. Изъ этой двойственности канонической книги Англиканской Церкви рождается возможность и какъ бы законность разномыслія въ самыхъ существенныхъ вѣрованіяхъ членовъ этой Церкви, отсутствіе твердости и ясности для каждаго члена. А такъ какъ всякая шаткость побуждаетъ къ исканію опоры, то и Англикане, утомленные неопредѣленностью, ищутъ ученія древняго, опредѣленнаго. Папская Церковь, по духу ея преобладанія и явнымъ нововведеніямъ, не представляетъ Англикапамъ вѣрнаго убѣжища; Православная же Церковь, по духу ея кротости и неизмѣнности, является имъ вѣрною опорою и пристанищемъ. Вотъ первое побужденіе къ стремленію Англиканъ къ единенію съ Церковью Православною.

Неопредѣленность Вѣроученія въ Англиканской Церкви повела къ раздѣленію ея членовъ на двѣ противоположныя партіи: первая съ направленіемъ Каѳолическимъ—«Высокая Церковь,» вторая съ Протестантскимъ — «Низкая Церковь.» Крайнія части этѣхъ партій, слѣдуя логическому ходу, отдѣляются отъ Англиканской Церкви и переходятъ въ сродную имъ среду. Такъ, значительное число членовъ «Высшей Церкви» отпадаетъ въ Римскую Церковь. Сія послѣдняя, въ продолженіи истекшихъ двадцати пяти лѣтъ, утроила число своихъ прозелитовъ въ Англіи и обладаетъ уже значительными учрежденіями человѣколюбія, просвѣщенія и ме-

нашеской жизни. Съ другой стороны «Низкая Церковь» постоянно обогащаетъ своими членами общества Диссидентскія. Появляющіеся ежегодно храмы этѣхъ отщепенцевъ, въ сосѣдствѣ офиціяльныхъ Церквей, служатъ яснымъ тому доказательствомъ. Англиканская Церковь чувствуетъ свое разложеніе, боится за будущность и ищетъ исцѣленія и жизни въ соединеніи съ Церковью Православною.

Живой авторитетъ, который могъ бы остановить разложеніе въ Церкви Англиканской, совершенно безсиленъ. Онъ сосредоточивается, по формѣ, въ Епископствѣ. Но самое Епископство, отторгнутое отъ древняго корня, заподозрѣнное въ своей законности, робко, неувѣренно пасетъ Церковь. Въ самомъ дѣлѣ, учитель-отщепенецъ ставитъ Англиканскаго Епископа въ одно положеніе съ собою, отстраняя таинственный характеръ и принимая одно самовольное учительство. «Я такой же Епископъ, какъ и ты,» говоритъ онъ. Съ другой стороны, Римская Церковь положительно и жестоко отрицаетъ Епископство въ Англиканской Церкви и низводитъ его на видъ самозванца. Стоя между этѣми двумя отрицаніями, Англиканскіе Епископы лишены увѣренности и силы. Доселѣ одна Церковь Православная не произнесла рѣшительнаго суда объ этомъ предметѣ, и въ ней-то Англиканская Іерархія надѣется найти признаніе своей законности и, слѣдовательно, утвержденіе своего авторитета.

Недостатокъ внутренней состоятельности восполнялся въ Англиканской Церкви покровительствомъ Правительства, обладаніемъ огромными житейскими средствами, почти монополіею народнаго просвѣщенія. Всѣ этѣ внѣшнія преимущества теперь не въ прежней полнотѣ и не въ прежней прочности. Настоящее Министерство Виговъ, принадлежа къ «Низкой Церкви», если не враждебно къ Церкви, то равнодушно къ ней и какъ бы тяготится попечительствомъ надъ Церковью. Въ назначеніи Епископовъ оно предпочитаетъ кандидатовъ свободныхъ мыслей, какъ то видно въ Епископѣ Лондонскомъ и Деканѣ Вестминстерскаго Аббатства, Стенли, раціоналистѣ. Въ разногласіяхъ между нѣкоторыми писателями, отвергающими истины Откровенія, и ихъ духовными властями, свѣтскіе судьи «Королевскаго Совѣта» защищаютъ вольномыслящихъ, какъ въ дѣлѣ Коленцо и сочинителей «Трактатовъ и

Обозрѣній.» Замѣтны направленіе и попытки къ уменьшенію финансовыхъ средствъ Церкви. Подлѣ Университетовъ Кембричскаго и Оксфордскаго, въ основѣ которыхъ лежитъ Англиканское ученіе и дисциплина, а равно и приходскихъ школъ, Правительство предпринимаетъ учредить заведенія на независимыхъ отъ Церкви основаніяхъ. Правда, оппозиція Тори, желая захватить въ свои руки бразды правленія и въ надеждѣ получить содѣйствіе Англиканской Церкви, обѣщаетъ ей покровительство и помощь. Но трудно надѣяться, чтобъ, достигнувъ своей цѣли, Тори остались въ расположеніи и возможности исполнить свои обѣщанія. Въ Англіи все идетъ медленно, но слѣдуетъ принятому направленію, А по тому въ «Высокой Церкви» есть опасеніе, что въ будущемъ она, мало по малу, лишится внѣшней опоры. Въ этомъ смутномъ и превожномъ предвидѣніи, она ищетъ духовной и братской опоры въ Церкви Православной, съ которой желаетъ соединиться.

Вотъ тѣ многосложныя побужденія, которыя направляютъ Англиканскую Церковь къ Православной.

III.

Казалось бы, что, при столь многоразличныхъ побужденіяхъ, влекущихъ Англиканскую Церковь къ Православной, можно было ожидать скораго ея единенія. Къ сожалѣнію, въ существѣ самыхъ побужденій кроются препятствія. Если, съ одной стороны, Англичане, утомленные разнорѣчивымъ составомъ своей Вѣры, чувствуютъ потребность опредѣленности и твердости Вѣры, то, съ другой стороны, въ нихъ остается старая закваска уживаться съ противорѣчіями. Привыкши терпѣть въ своей Церкви разномысленныя партіи, Англичане естественно думаютъ, что они могутъ вступить въ единеніе съ Православною Церковью, сохранивъ нѣкоторыя особенности своей Вѣры. Чувство единства еще ново въ Церкви Англиканской; оно недовольно просвѣщено богословскою наукою. Въ разговорахъ съ извѣстными богословами этой Церкви я не разъ удивлялся недостаточности и односторонности ихъ познаній. Одинъ полагаетъ, что Церковь Православная вполнѣ согласна съ Англиканскою, и тѣмъ показываетъ незнаніе нашей Церкви; другой увѣряетъ, что Церковь Англиканская содержитъ

ученіе Восточной Церкви, и тѣмъ доказываетъ, что не имѣетъ точнаго знанія ни объ одной изъ нихъ. Сужденія богослововъ Англиканской Церкви страждутъ вообще отсутствіемъ началъ, а этотъ недостатокъ ведетъ къ слабости и произвольности умозаключеній.

Если уживчивость съ разномыслiемъ въ Вѣрѣ, соединенная съ слабостью Богословской науки, замѣчается въ духовныхъ руководителяхъ, то этѣ недостатки должны быть еще сильнѣе въ мірянахъ. Взявъ же во вниманіе практическую вѣковую привычку къ своему Вѣроисповѣданію и слабость духовной власти Іерархіи, мы встрѣчаемся съ новою стороною препятствія къ перемѣнѣ въ Вѣрѣ. Прошедшее и обычай вездѣ составляютъ силу сопротивленія, въ Англіи же приверженность къ нимъ доходитъ до идолослуженія. Если бъ Церковная власть рѣшилась произвести скорый поворотъ въ этомъ отношеніи, то она сокрушилась бы сама предъ силою сопротивленія. Одна изъ причинъ вѣрности Англиканъ своимъ обычаямъ и учрежденіямъ лежитъ въ преувеличенномъ сознаніи своего превосходства предъ другими народами, въ личной и національной гордости. Это чувство они прилагаютъ и къ своей Церкви, которая есть національное ихъ твореніе и достояніе. Крайне трудно Англичанину сознаться, что его предки составили неудачно Англиканскую Церковь, что эта часть выше, вѣрнѣе, прочнѣе въ Россіи и у народовъ Восточныхъ, которые во всемъ остальномъ стоятъ ниже Англіи. Эту слишкомъ большую жертву Англія принесетъ съ большимъ трудомъ и не скоро.

Англиканская Церковь, какъ учрежденіе національное, введена въ составъ благоустройства гражданскаго, утверждена Парламентомъ и Правительствомъ—новая цѣпь, останавливающая движеніе къ единенію ея съ Православіемъ Каждый Англичанинъ воленъ выйти изъ своей Церкви, но Церковь въ своемъ составѣ не можетъ произвести въ себѣ важной перемѣны безъ участія Парламента и Правительства. Между тѣмъ трудно ожидать, чтобы Парламентъ и Правительство стали на сторону движенія Англиканской Церкви съ Православною. Для этого, кромѣ побужденій и убѣжденій духовныхъ, нужно сознаніе со стороны націи какихъ либо выгодъ; ибо Англичане не избрали правиломъ своихъ дѣй-

ствій слова Спасителя: «Ищите прежде Царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ.»

Однимъ изъ послѣдствій связи «учрежденной Англиканской Церкви» съ Конституціею національною есть признаніе за этою Церковью огромныхъ владѣній и доходовъ. Эту связь можно назвать золотою и крайне прочною. Если бы нѣсколько Англиканскихъ Епископовъ (на всѣхъ никогда расчитывать нельзя), съ извѣстнымъ числомъ Священниковъ и вѣрующихъ, соединились съ Православною Церковью, отвергнувъ утвержденныя Парламентомъ 39 еретическихъ Членовъ Англиканской Церкви, то можно опасаться, что Правительство будетъ смотрѣть на это общество, какъ на секту, лишитъ пастырей его тѣхъ житейскихъ выгодъ, которыми они пользовались въ Англиканской Церкви, и обречетъ ихъ на существованіе, тѣмъ болѣе трудное, что предшествующая жизнь была полна обилія и роскоши. Чтобы Епископу отказаться отъ ста до четырехсотъ тысячъ франковъ жалованья (это крайніе предѣлы жалованья), Декану отъ двадцати пяти до пятидесяти, для этого необходимо убѣжденіе непреложное и вѣра сверхъестественная.

Сими-то препятствіями вмѣстѣ взятыми и объясняется перѣшительность и медленность движенія Англиканской Церкви къ Православной, а равно видимая несообразность плана дѣйствій. Слѣдуя своему обычаю, двигатели вожделѣннаго единенія начинаютъ не съ началъ и единства Вѣры, а съ практическаго сближенія. Ставя обѣ Церкви какъ бы на равныя права, они щадятъ свою національную гордость. Избѣгая рѣшительнаго шага, они не разрываютъ связи съ гражданскою властью и не лишаются житейскихъ выгодъ. Между тѣмъ въ будущемъ надѣятся на совершенное соединеніе, а въ настоящемъ—на признаніе Православною Церковью Англиканской Іерархіи, что было бы для нихъ большимъ благодѣяніемъ.

IV.

Нельзя не видѣть, что указанныя нами препятствія весьма важны, что обусловленный ими планъ соединенія есть путь не прямой къ осуществленію благой мысли. Но нужно ли по этому

отложить всякую съ нашей стороны надежду и всякое попеченіе объ этомъ важномъ дѣлѣ? Не думаемъ. Всѣ препятствія къ единенію лежатъ въ случайныхъ обстоятельствахъ, тогда какъ побужденія къ оному выходятъ изъ существенныхъ нуждъ. Со временемъ и терпѣніемъ послѣднія должны восторжествовать надъ первыми. Запутанность и неясность Англиканскихъ вѣрованій прояснится изученіемъ Православной Вѣры; этому уже полагается начало въ трудахъ частныхъ богослововъ и «Общества Восточной Церкви.» Обычай сохраненія и медленности тоже измѣняется временемъ и трудомъ. Англія идетъ медленно, но она не стоитъ. Національная гордость не встрѣтитъ въ Православіи жесткаго оскорбленія оной; ибо Православіе не есть внѣшнее господство, а внутреннее согласіе въ Божественномъ, не отрицающее разностей въ человѣческомъ. Расположеніе Парламента къ согласію на соединеніе Англиканской Церкви съ Православною можетъ быть достигнуто постояннымъ и постепеннымъ просвѣщеніемъ мыслей. Можно надѣяться, что Государственные мужи Англіи, разсмотрѣвъ дѣло безпристрастно, найдутъ въ немъ выгодныя стороны для своей націи, не противорѣчащія выгодамъ нашего Отечества. Но если бы это и не состоялось, истина Православія можетъ, благодаря труду, времени и особенно Божіей благодати, согрѣть въ сердцахъ нѣкоторыхъ членовъ и привести ихъ къ единству съ Католическою Восточною Церковью. Пусть назовутъ это малое стадо Христово сектою: она можетъ сдѣлаться зерномъ горчичнымъ на Англійской почвѣ.

Надежда на благія послѣдствія Англиканскаго религіознаго движенія получаетъ большую основательность, если взять въ соображеніе подобное же движеніе въ Американской Епископской Церкви. Тамъ менѣе закоренѣлыхъ обычаевъ, тамъ нѣтъ препятствія въ неразрывной связи съ Правительствомъ и въ пользованіи отъ него содержаніемъ духовенству. А по тому Американцы, кажется, идутъ вѣрнѣе и рѣшительнѣе, такъ что Англичане, опасаясь ихъ ребяческой опрометчивости (слова Магистра Вильямса), не желаютъ отставать отъ нихъ.

Съ нашей стороны (смѣю думать) было бы неблагоразумно и грѣшно оставаться равнодушными зрителями примирительнаго движенія Англо-Американской Церкви съ Православною. Къ помощи

и участію въ этомъ побуждаетъ насъ обязанность просвѣтить ищущихъ свѣта истины; ибо уровнять путь грядущихъ къ Православію есть только часть неизбѣжная долга Церкви: «Шедше, научите вся языки.» Неисполненіе этого долга можетъ сдѣлать опасныхъ враговъ изъ простирающихъ къ намъ руки любви и единенія. По предшествовавшимъ частнымъ примѣрамъ членовъ Англиканской Церкви, которые, уставши отъ безпокоющихъ изслѣдованій, бросились, съ закрытыми глазами, въ нѣдра Римской Церкви, можно опасаться подобнаго поворота и отъ безуспѣшнаго стремленія значительной части Англиканской Церкви къ Православной. Сдѣлавшись Папистами, они превратятся въ нашихъ непримиримыхъ враговъ. А это враждебное расположеніе въ рукахъ Англіи можетъ быть сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, по тѣмъ средствамъ, которыми обладаетъ эта страна.

Что же намъ дѣлать? Просвѣщать желающихъ, на сколько представится случай и позволятъ средства, истинствующе въ любви; указывать и угладжать имъ путь къ сближенію съ нами; покрывать терпѣніемъ и исправлять кротостью ихъ дѣйствія и планы, носящіе характеръ несообразности. Для сей цѣли, кромѣ дѣйствій частныхъ людей, полезно было бы составить не официяльное Общество изъ нѣсколькихъ Православныхъ Священниковъ, которые бы посвятили свои силы основательному изученію Англиканской Церкви во всѣхъ отношеніяхъ, занялись бы выборомъ Православныхъ писаній для перевода на Англійскій языкъ, и составленіемъ оригинальныхъ сочиненій, направленныхъ къ примиренію Англиканской Церкви съ Православною.

Одинъ Богъ возращаетъ, а человѣкъ долженъ насаждать и поливать. Явятся плоды — слава благости и премудрости Божіей! Останется ли дѣло безуспѣшнымъ—въ утѣшеніе себѣ мы можемъ сказать: «рабы неключимы есми, яко еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ.»

Протоіерей Іосифъ Васильевъ.

Парижъ.
$^{16}/_{28}$ Февраля, 1865 года.

О

СРЕДСТВАХЪ КЪ ИСПРАВЛЕНІЮ ЭКОНОМИЧЕСКАГО ПОЛОЖЕНІЯ РОССІИ.

Экономическое состояніе Россіи въ теченіи нынѣшняго столѣтія подвергалось многимъ измѣненіямъ. Насажденная попеченіемъ мудрыхъ нашихъ Государей мануфактурная и заводская промышленность въ царствованіе Императора Александра 1-го, дѣйствіемъ учрежденнаго имъ Министерства Коммерціи, укореняясь и распространяясь, не мало содѣйствовала возвышенію народнаго благосостоянія; но съ окончаніемъ въ 1815 г. войны, въ угоду Англійскому Правительству, большая часть ограждавшихъ нашу промышленность таможенныхъ пошлинъ были понижены и даже вовсе отмѣнены. Иностранцамъ открыты были всѣ средства къ подавленію Русскихъ мануфактуръ, а за тѣмъ и большей части зависящихъ отъ нихъ отраслей Русской промышленности. Послѣдствія такой мѣры были для благосостоянія Государства самыя вредныя. Экономическое положеніе нашего Отечества, вмѣсто того, чтобы возрастать во время мира, стало быстро упадать, фабрики рушились, банкротства были многочисленны, монета уходила за границу, недоимки въ платежѣ податей безпрестанно возрастали.[1] Въ слѣдствіе того Правительство наше рѣшилось ввести строго охранительный таможенный тарифъ, который возъимѣлъ свое дѣйствіе съ 24-го Марта. 1822 г. Подъ защитою такой системы, въ теченіе слише 20-лѣтняго управленія Графа Канкрина, мануфактуры наши и всякая промышленность сильно возрастали и совершенствовались, народное богатство развилось и возвысилось, а съ тѣмъ вмѣстѣ умножились и Государственные доходы. Золото и серебро, не взирая на большое количество ассигнацій, обращалось

[1] Все это засвѣдѣтельствовано въ Циркулярѣ нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ къ нашимъ представителямъ при Западныхъ Дворахъ въ 1822 г.

въ народѣ изобильно; Правительство имѣло свободныя суммы на пособіе ссудою Государствамъ иностраннымъ и, сверхъ, того обладало важными въ слиткахъ и монетѣ капиталами, изъ которыхъ нынѣ только остатки уцѣлѣли. [2]

По кончинѣ, въ 1845 г., великаго Государственнаго мужа, Графа Канкрина, воспреобладали въ умахъ нашихъ правителей принципы, такъ называемой, свободной международной торговли, распространяемые у насъ Полякомъ Тенгоборскимъ. По настоянію послѣдователей его ученія, сдѣланы были, преждевременно и безсознательно, весьма неблагоразумныя измѣненія тарифа, сначала въ 1850 г., а потомъ въ 1857 г. [3] Въ слѣдствіе такихъ дѣйствій, большая часть нашихъ промышленныхъ заведеній, лишены будучи возможности существованія, сначала уменьшили, а потомъ прекратили свое дѣйствіе. Великое число трудившагося на нихъ народа пришло въ нищету, упало благосостояніе и тѣхъ земледѣльцевъ, которыхъ произведенія потребляемы были на сихъ заведеніяхъ, какъ и другихъ окрестныхъ жителей, пользовавшихся тамъ иными выгодами. Наплывомъ къ намъ иностранныхъ товаровъ ушло наше золото, упало народное богатство, изсякли многіе источники Государственныхъ доходовъ.

Съ того времени произведены были коренныя реформы всей нашей кредитной системы и совершены многія финансовыя операціи; но какъ всѣ эти преобразованія и дѣйствія не истекали изъ

---

[2] Кромѣ размѣннаго фонда въ 281,500,000 р. с. въ 1847 г., составлявшій въ распоряженіи Правительства запасный капиталъ въ слиткахъ и монетѣ простирался до 115,678,395 р. 45 коп., что составляло по курсу 470 милліон. франк. (Journal de S.-Pétersbourg 1860 г., ст. Georges Cancrine. Étude biographique). Тогда не было ни одного Государства, которое обладало бы такимъ запасомъ золота и серебра.

[3] Я находился въ С.-Петербургѣ въ 1857 г., когда обсуждался тамъ проектъ измѣненія тарифа, не мало бесѣдовалъ съ призванными туда изъ Москвы фабрикантами, и не могъ не грустить о томъ невниманіи и легкомысліи, съ которыми принимаемы были нашими финансистами весьма основательныя ихъ мнѣнія и замѣчанія. Предсказанныя этѣми торговыми людьми вредныя послѣдствія предпринимаемыхъ тогда распоряженій, къ несчастію, вполнѣ осуществились.

народной жизни, а произведены путемъ бюрократическимъ, по идеямъ мечтателей теоретиковъ, безъ надлежащаго обсужденія представленныхъ для того проектовъ людьми практическими, потребности всѣхъ частей Государства основательно знающими, то и не могли быть тѣ реформы и операціи Государству полезны. Напротивъ того, почти всѣ эти дѣйствія были ошибочны и существенно вредны. По неосновательнымъ опасеніямъ уничтожены были наши вѣковыя, благонадежныя кредитныя установленія, съ великими потерями для Правительства, ко вреду большей части народа. Землевладѣльцы лишились возможности получать, подъ залогъ ихъ недвижимыхъ имуществъ, необходимыя имъ денежныя ссуды, частныя лица вообще потеряли способы къ выгодному помѣщенію своихъ сбереженій и свободныхъ капиталовъ. Вся торговля отъ того болѣе или менѣе пострадала. Въ видахъ возвышенія денежнаго нашего курса, предпринятъ былъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на имѣвшееся въ распоряженіи Правительства золото. Возвышеніе курса не удержалось; онъ вскорѣ упалъ ниже прежняго; Правительство потеряло при такомъ опытѣ болѣе 70 милліоновъ руб. сер., не только безполезно, но съ немалымъ вредомъ для нашей отпускной торговли. Совершены были также и другія неудачныя финансовыя операціи. Потеря, понесенная въ эту кратную эпоху нашимъ Правительствомъ, по причинѣ дурно расчитанныхъ операцій, простиралась на весьма важныя суммы; при томъ источники Государственныхъ доходовъ значительно уменьшились; а расходы на утрату процентовъ по Государственнымъ долгамъ увеличились.

Такимъ образомъ, ослабленіемъ производительныхъ силъ народа и послѣдствіями вышепоказанныхъ операцій, экономическое наше положеніе приведено въ такое состояніе, что уже, въ теченіе многихъ лѣтъ, Правительство только при помощи неоднократно совершенныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ можетъ удовлетворять необходимымъ Государственнымъ потребностямъ. Все это совершается въ такомъ Государствѣ, которое надѣлено щедрыми дарами природы въ высшей степени, нежели какая либо другая страна Европы.

Я могъ въ краткомъ только очеркѣ показать здѣсь пагубныя послѣдствія, происшедшія отъ того порядка дѣйствій, который

принятъ былъ нашими по части финансовъ дѣятелями въ послѣдніе годы; но даже изъ такого краткаго описанія не трудно, думаю я, постановить заключеніе: возможно ли далѣе идти тою же системою, и къ чему она должна привести наконецъ Государство? Является существенная необходимость избрать другой путь, обратиться къ иной системѣ. При обильныхъ средствахъ нашего Отечества, имѣются еще и нынѣ достаточные способы къ поправленію нашего бѣдственнаго экономическаго и финансоваго положенія, лишь бы мы, оставя ложныя начала, поспѣшили стать на правый путь безотлагательно. Но, прежде изложенія потребной для того системы дѣйствій, я считаю за лучшее представить предварительно слѣдующія соображенія.

Для увеличенія Государственныхъ доходовъ Министерство Финансовъ приступило уже къ возвышенію многихъ на промыслы налоговъ. Такія мѣры не могутъ, думаю я, имѣть существенно полезныхъ для Государства послѣдствій, тѣмъ болѣе, что издаваемыя бюрократическимъ путемъ для того узаконенія въ Государствѣ обширномъ неминуемо представлять будутъ тяжкія для народа неудобства. Для значительнаго возвышенія доходовъ недостаточно найти средства выбирать деньги съ народа бѣднаго. Нужно дать питаніе его производительной дѣятельности и тщательно охранять оную. Точно такъ какъ для полученія отъ коровы хорошихъ удоевъ молока недостаточно того, чтобы прилежно ее выдаивать, — необходимо дать ей хорошее питаніе и тщательный имѣть уходъ за нею.

Тщетно нѣкоторые изъ нашихъ экономистовъ питаютъ себя надеждою исправить наши финансы усовершеніемъ нашего земледѣлія и усиленіемъ отпуска нашего хлѣба и другихъ сырыхъ произведеній за границу. Природа назначила Россію быть житницею Западной Европы. Наши производители хлѣба находятся въ такомъ отдаленіи отъ Англіи и другихъ заграничныхъ потребителей, что съ найлучшимъ устройствомъ и распространеніемъ желѣзныхъ дорогъ, мы не можемъ войти въ состязаніе съ тѣми плодородными странами, на западъ отъ насъ лежащими, которыя находятся вблизи тѣхъ потребителей. Для выгоднаго сбыта нашего хлѣба и сырыхъ произведеній мы должны возсоздать для себя внутреннихъ собственныхъ потребителей, обративъ значительную

часть нашего населенія на производство тѣхъ мануфактурныхъ издѣлій, которыя получаются нами доселѣ изъ за границы. Мы должны **возсоздать**, сказалъ я, на хлѣбъ нашъ потребителей; ибо въ управленіе Графа Канкрина существовали уже такіе потребители. Россія, развивая производительную дѣятельность народа, обращала на труды промышленные немалочисленное населеніе, потреблявшее наши земледѣльческія произведенія.

По такимъ причинамъ и нынѣ, для исправленія тягостнаго положенія нашего Государства, существуетъ, думаю я, одно благонадежное средство: **возстановленіе у насъ мануфактурной**, а съ нею и всякой другой, отрасли народной промышленности.

По скудости почвы и суровости климата многихъ областей нашего Отечества, водвореніе тамъ мануфактурной и заводской промышленности, для благосостоянія народа, существенно необходимо. Съ учрежденіемъ въ какой либо странѣ промышленныхъ заведеній, разливается народное благосостояніе въ той мѣстности не на малое разстояніе. Туземные жители получаютъ средства къ выгодному употребленію труда своего заработками на тѣхъ фабрикахъ отвозомъ издѣлій, торговлею и многими другими способами, и тѣмъ возвышаютъ свое благосостояніе. Поселяне продаютъ на фабрикахъ избытки своего хозяйства и свои земледѣльческія произведенія, учреждаются при нѣкоторыхъ заведеніяхъ торги и ярмарки, и вся страна, до того бѣдная, оживаетъ. При большомъ стеченіи рабочихъ земледѣльческія произведенія доставляются имъ изъ удаленныхъ плодородныхъ мѣстностей, жители коихъ, безъ отправленія своихъ произведеній за границу, находятъ для нихъ потребителей. Въ черноземныхъ весьма плодородныхъ нашихъ Губерніяхъ есть не мало мѣстностей, въ которыхъ, по удаленію отъ пристаней и невыгодному сбыту хлѣба, поселяне находятся въ крайнемъ затрудненіи къ полученію денегъ на уплату податей и на пріобрѣтеніе самонужнѣйшихъ въ быту крестьянскомъ предметовъ. Когда же въ тѣхъ мѣстахъ являются свеклосахарные заводы, или другія подобныя заведенія, то вся страна оживаетъ: поселяне доставляютъ свою свекловицу, приходятъ на заработки, цѣны на хлѣбъ возвышаются, все населеніе вообще пользуется неизвѣстнымъ ему доселѣ благосостояніемъ.

Вмѣстѣ съ устройствомъ и преуспѣяніемъ всѣхъ такихъ промышленныхъ заведеній, Правительство получаетъ возвышеніе доходовъ отъ многоразличныхъ статей: отъ совершенія актовъ при куплѣ и продажѣ, отъ заключенія контрактовъ, отъ платы за право торговли, отъ взиманія рабочими людьми паспортовъ, отъ увеличившагося потребленія разныхъ предметовъ, обложенныхъ акцизомъ и податями, и отъ многихъ другихъ источниковъ, которые привести здѣсь было бы затруднительно. Надобно весьма тщательно вникнуть во всѣ сіи обстоятельства, чтобы понять, сколь многочисленны и обильны тѣ источники, по коимъ, съ расширеніемъ дѣятельности народа и возвышеніемъ его благосостоянія, вливаются избытки его богатства въ доходъ казенный. По всѣмъ таковымъ причинамъ распространеніе и преуспѣяніе вышепоказанныхъ благодѣтельныхъ учрежденій заслуживаетъ особенныхъ попеченій и покровительства Правительства, безъ котораго промышленная дѣятельность народа, при настоящихъ обстоятельствахъ, укрѣпиться и преуспѣвать не можетъ.

Въ нынѣшнемъ положеніи нашего Отечества не только возникающія отрасли нашей промышленности, но даже и тѣ, которыя укоренились уже и усвоились, не могутъ доставлять произведенія свои столь дешево, какъ иностранныя Государства, собственно по тому, что мануфактуры наши къ удешевленію производства своихъ издѣлій встрѣчаютъ такія препятствія, которыя на Западѣ уже не существуютъ, и которыя не могутъ быть отклоняемы усиліемъ частныхъ лицъ, но только постоянными, въ теченіе многихъ лѣтъ, дѣйствіями Правительства.

Главныя изъ сихъ препятствій суть слѣдующія:

а) Слабое состояніе наукъ естественныхъ и техническихъ. По неимѣнію у насъ достаточныхъ способовъ къ пріобрѣтенію юношами такихъ познаній, мы лишены возможности приготовлять практически нужныхъ для промышленности техниковъ, и принуждены выписывать ихъ изъ чужихъ краевъ съ большими расходами и затрудненіями.

б) Недостатокъ банковъ для учета векселей и другихъ коммерческихъ операцій оставляетъ людей промышленныхъ въ рукахъ

ростовщиковъ и аферистовъ, причиняя чрезъ это для промышленности не малые расходы.

в) Отсутствіе гипотекарныхъ книгъ, существующихъ въ другихъ Государствахъ, лишаетъ фабрикантовъ возможности къ выгодному позаимствованію капиталовъ подъ залогъ недвижимыхъ своихъ имуществъ и, заставляя ихъ обращаться къ другимъ болѣе тяжкимъ средствамъ, причиняетъ имъ непріятныя издержки.

г) Неудовлетворительные законы по частному кредиту подвергаютъ нашихъ кредиторовъ большимъ затрудненіямъ, при взысканіи съ должниковъ слѣдующихъ имъ суммъ, а по тому люди промышленные могутъ заимствовать изъ частныхъ рукъ нужные имъ капиталы только за высокіе проценты; слѣдовательно, по несовершенству закона, несутъ напрасные расходы.

д) Неимѣніе средствъ къ выгодному застрахованію фабрикъ. По невведенію у насъ взаимнаго застрахованія строеній отъ огня, подобно тому, какъ это введено въ Пруссіи и Царствѣ Польскомъ, страхованіе строеній предоставлено у насъ, на пространствѣ всего Государства, разнымъ частнымъ компаніямъ, которыя взимаютъ плату едва ли не вдвое выше той, за которую страхуютъ въ показанныхъ странахъ общества взаимнаго страхованія, по тому и фабрики наши несутъ чрезъ то напрасные расходы.

е) Недостатокъ хорошо устроенныхъ сообщеній, оставляя во многихъ мѣстахъ дороги почти непроѣздимыми на весьма продолжительное время, принуждаетъ фабрикантовъ закупать въ удобное время большіе запасы нужныхъ имъ матеріяловъ, оставляя въ бездѣйствіи употребляемые на то капиталы, слѣдовательно, причиняетъ напрасные расходы. Затрудненіе къ доставленію товаровъ для сбыта соединено тоже бываетъ съ чувствительными для фабрикантовъ невыгодами.

ж) Стѣснительныя узаконенія въ дѣйствіи фабрикъ, испрашиваніе разрѣшеній и засвѣдѣтельствованій, какъ и соблюденіе многихъ другихъ безполезныхъ формальностей, причиняютъ также фабрикантамъ не малыя затрудненія и расходы.

з) Недостатокъ хорошаго управленія, неправильные поборы, придирки, стѣсненія и злоупотребленія безнравственныхъ, голод-

ныхъ чиновниковъ, обременяютъ также фабрикантовъ напрасными расходами.

Всѣ кратко означенные мною убытки, какъ и многія другія растраты и поборы, причиняютъ фабрикантамъ такіе расходы, кои падаютъ на цѣны товаровъ и препятствуютъ удешевленію фабричныхъ произведеній.

Отклоненіе всѣхъ вышепоказанныхъ препятствій къ удешевленію предметовъ нашей мануфактурной промышленности есть дѣло многотрудное и не можетъ быть вскорѣ исполнено. По тому, въ теченіе не малаго времени, для развитія нашей промышленной дѣятельности, является существенная необходимость ограждать оную достаточными для того охранительными пошлинами. [4]

Привозимые къ намъ изъ за границы товары состоятъ почти исключительно изъ предметовъ роскоши, по тому возвышенныя на нихъ пошлины, а чрезъ то и нѣсколько увеличенныя продажныя цѣны, падать будутъ лишь на людей богатыхъ, тогда какъ распространеніе въ Государствѣ промышленныхъ заведеній разольетъ богатство на всю массу населенія, оживитъ народную дѣятельность и доставитъ Правительству не только отъ таможенныхъ пошлинъ, но и отъ многоразличныхъ внутреннихъ источниковъ, не малое возвышеніе доходовъ. [5] Къ несчастію, нѣкоторые фи-

---

[4] Всѣ нынѣ богатыя Государства не иначе достигли развитія своего благосостоянія, какъ покровительствомъ своей промышленности. Самый Англо-Французскій трактатъ 1860 г., какъ доказалъ Американскій писатель Керъ, есть актъ въ высшей степени покровительственный. Составленный на основаніи этого трактата тарифъ ограждаетъ Французскія манафактуры высокими пошлинами.

До настоящаго времени ни одно благоустроенное Государство не осуществило у себя вполнѣ начала свободной международной торговли. Въ самой Англіи существуютъ еще, по нѣкоторымъ привознымъ предметамъ, довольно высокія пошлины. Всѣ Англійскія колоніи настоятельно требуютъ введенія у нихъ, для охраненія туземной промышленности, протекціонныхъ пошлинъ.

[5] Одинъ изъ нашихъ экономическихъ писателей, по основательнымъ даннымъ, исчислилъ, что потребленіе иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ соста-

нансисты наши не видятъ, или не желаютъ видѣть, необходимости, возвышеніемъ таможенныхъ пошлинъ, возстановить промышленную дѣятельность народа, и даже предлагаютъ новое пониженіе сихъ пошлинъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что почитаютъ оное необходимымъ для уничтоженія контрабанды. Заключеніе, по мнѣнію моему, неосновательное; ибо въ управленіе Министерствомъ Финансовъ Графа Канкрина, въ бытность Директоромъ Таможеннаго Департамента Д. Г. Бибикова, контрабанды, при гораздо высшихъ, нежели нынѣ, пошлинахъ, почти не существовало. Такимъ образомъ и въ настоящее время, твердыми и благоразумными мѣрами, контрабанда можетъ быть, если несовершенно уничтожена, то сдѣлаться вовсе нечувствительною. Все зависитъ отъ хорошаго управленія и болѣе всего отъ благонамѣренности и усердія поставленныхъ по сей части дѣятелей. Предположительно исчислить можно, что таможенныя пошлины, при благоразумномъ ихъ возвышеніи и хорошемъ управленіи таможнями, могутъ увеличить Государственные доходы на 15 милліон. руб. с., и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на гораздо большую сумму развитіе промышленности возвыситъ въ непродолжительное время Государственные доходы отъ внутреннихъ источниковъ. При дальнѣйшемъ развитіи производительныхъ силъ народа будутъ болѣе и болѣе возвышаться и Государственные доходы. Для успѣшнаго достиженія сей цѣли, какъ и для возстановленія торговаго баланса и нужнаго исправленія нашихъ финансовъ, необходимо стремиться къ тому, чтобы всѣ получаемыя изъ за границы издѣлія, которыя, по нашему климату и мѣстнымъ условіямъ, могутъ у насъ быть производимы съ удобствомъ, были бы усвоены нашей промышленности. [6] Желательно, чтобы рельсы, локомотивы, вагоны и другія принадлежности желѣзныхъ дорогъ дѣланы были въ Россіи, а по тому не надлежитъ ни подъ какимъ предлогомъ допускать сихъ вещей, какъ и дру-

---

вляютъ у насъ только 4% изъ общаго числа жителей, и что за тѣмъ 96%, т. е., вся масса населенія, довольствуется издѣліями внутреннихъ тузенныхъ фабрикъ, или произведеніями собственнаго труда своего.

[6] До воспослѣдованія въ 1857 г. упадка большей части нашихъ фабрикъ, Россія сама производила 9/10 потребляемыхъ ею товаровъ, и привозила иностранныхъ произведеній для своего потребленія только на сумму 31 милл. руб. (ст. «Les phinances de la Russie», par le Baron de Meyendorff).

ихъ издѣлій, къ привозу безпошлинно. Маловажный излишекъ асходовъ, на сіе потребныхъ, скоро вознаградится съ лихвою.

Нетерпѣливымъ нашимъ экономистамъ, влекущимъ насъ къ ткрытію нашей границы для иностранной промышленности, въ здахъ осуществленія принциповъ свободной международной торговли, надлежало бы принять въ соображеніе, что Россія соединила уже многія Царства и Княжества въ одинъ Государственный торговый союзъ, заключающій въ себѣ половину Европы и треть Азіи; что, съ уничтоженіемъ существовавшихъ между сими странами таможенныхъ заставъ, водворилась уже совершенная свобода торговли на пространствѣ болѣе 300 тысячъ квадрат. географическ. миль; это, конечно, болѣе Нѣмецкаго Таможеннаго Союза. [1] По тому мы съ терпѣніемъ можемъ ожидать того времени, когда, съ укрѣпленіемъ нашей промышленности, возможно будетъ открыть иностранцамъ наши границы безъ вреда нашей промышленной дѣятельности и народному благосостоянію.

Вышепоказанныя мною средства къ умноженію Государственныхъ доходовъ строгимъ охраненіемъ нашей промышленности не требуютъ ни какихъ преждевременныхъ затратъ и употребленія капиталовъ, которыми теперь и не обладаетъ наше Правительство. Но коль скоро будутъ въ виду свободныя суммы, то надлежитъ, для развитія производительныхъ силъ народа, употребить еще слѣдующія средства:

1. Распространеніе въ Государствѣ промышленныхъ свѣдѣній, учрежденіемъ и расширеніемъ нужныхъ для того учебныхъ заведеній такимъ образомъ, чтобы мы имѣли повсемѣстно достаточное число своихъ хорошихъ техниковъ, какихъ намъ доставляетъ теперь Технологическій Институтъ и Московское Ремесленное Заведеніе.

2. Учрежденіе хорошей системы кредитныхъ установленій въ такой мѣрѣ, чтобы во всѣхъ городахъ и другихъ мѣстахъ

[1] По статистическимъ свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ Календарѣ на 1863 г. видно, что Россія, съ принадлежащими къ ней владѣніями, заключаетъ въ себѣ 393,026 квадр. миль; Германскій же Таможенный Союзъ только 9,113 кв. миль.

промышленныхъ обыватели находили способы къ помѣщенію
проценты свои свободные капиталы, къ позаимствованію ну
ныхъ имъ суммъ подъ залогъ движимыхъ имуществъ, къ уче
векселей и совершенію другихъ коммерческихъ операцій.

3. Устройство хорошихъ путей сообщенія, т. е., не толь
желѣзныхъ дорогъ и другихъ путей Государственныхъ, водяны
и сухопутныхъ, но и удобныхъ сообщеній между всѣми города
и даже значительными селеніями.

4. Отклоненіе многоразличныхъ стѣсненій, поражающи
преуспѣяніе нашей промышленности, по несовершенству наши
по сей части постановленій.

Такое исправленіе существующихъ, какъ и вообще издан
новыхъ по сему предмету, постановленій и распоряженій надл
житъ составлять не однимъ только путемъ бюрократическимъ, н
по совѣщанію съ призванными изъ разныхъ мѣстностей экспер
тами и нѣкоторыми другими людьми, практически въ тѣхъ пред
метахъ свѣдущими.

При употребленіи всѣхъ такихъ способовъ къ развитію в
Россіи производительныхъ силъ народа надѣяться должно, что
со временемъ, Государство наше не только будетъ имѣть достаточ
ные способы къ удовлетворенію своихъ потребностей и къ по
погашенію своихъ долговъ, но, при обильныхъ средствахъ, даро
ванныхъ природою нашему Отечеству, оно можетъ быть богатѣй
шею и счастливѣйшею страною Европы.

Д. Членъ С. Шиповъ.

ОБЪ УЧИЛИЩАХЪ

ДЛЯ ДѢВИЦЪ ДУХОВНАГО ЗВАНІЯ.

Редакція «Московскихъ Вѣдомостей» въ № 9-мъ этой газеты, говоря о женскомъ образованіи, между прочимъ, осуждаетъ существованіе у насъ вообще отдѣльныхъ училищъ для дѣвицъ духовнаго званія, выражаясь, что «такое странное явленіе болѣе чѣмъ что либо роняетъ достоинство нашего Духовенства, причиняетъ ущербъ нашей Церкви и оказываетъ вредное вліяніе на всю нашу духовную жизнь.» Особенно же Редакція порицаетъ учрежденіе такихъ заведеній въ Западномъ Краѣ. Такое осужденіе полезнѣйшихъ въ своемъ родѣ, въ настоящее время, учрежденій произошло, думаю я, отъ недостаточной извѣстности тѣхъ обстоятельствъ, которыя послужили побужденіемъ къ учрежденію существующихъ нынѣ отдѣльныхъ учебныхъ заведеній для дѣвицъ духовнаго званія и къ введенію оныхъ въ западныхъ областяхъ Государства. По тому, для надлежащаго объясненія сего предмета, я почитаю не лишнимъ изложить тѣ обстоятельства съ нѣкоторою подробностію.

Не настоитъ, конечно, ни какой надобности въ томъ, чтобы, назначающій себя служенію Церкви, Семинаристъ избиралъ себѣ жену изъ духовнаго званія; но, по образу жизни и всему быту нашего Православнаго Духовенства, будущимъ священнослужителямъ весьма трудно, иногда почти невозможно, найти себѣ невѣсту изъ числа дѣвицъ, воспитывающихся въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Во всѣхъ этѣхъ училищахъ введено обученіе танцамъ и развитъ вкусъ къ нарядамъ, баламъ, концертамъ, театральнымъ представленіямъ и другимъ, не всегда безвреднымъ, увеселеніямъ.

---

[1] Въ Уѣздномъ городѣ Коломнѣ учреждена, въ недавнемъ времени, женская Гимназія, въ которой обучаются дочери промышленнаго класса гражданъ и другихъ лицъ средняго состоянія. 30-го Генваря данъ былъ въ семъ учебномъ заведеніи спектакль, на который приглашено было большое число посѣтителей. Воспитанницы играли двѣ пьесы, Французскую и Русскую. По

Образованная въ такомъ суетномъ направленіи дѣвица въ семьѣ Священника, почти отстраненнаго по своему положенію отъ общества, ничего для нея пріятнаго найти не можетъ, и вообще весь бытъ Священника не соотвѣтствуетъ полученному ею свѣтскому образованію. Самъ будущій священнослужитель, хотя человѣкъ умный и образованный, но вовсе не свѣтскій, для нея непривлекателенъ. Дочери даже Священниковъ, образованныя въ Институтахъ и другихъ свѣтскихъ училищахъ, чуждаются лицъ духовныхъ: «Я за этѣ широкіе рукава никогда не выйду»: такъ говоритъ дѣвица, и отецъ по необходимости выдаетъ ее за чиновника... Поставленному въ священнослужители Семинаристу, человѣку просвѣщенному, нужна для его счастія жена хорошо образованная, воспитательница будущихъ дѣтей его, хорошая хозяйка, не развлеченная свѣтскими удовольствіями. Изъ какого же сословія можетъ нынѣ священнослужитель сыскать такую невѣсту? До учрежденія отдѣльныхъ учебныхъ заведеній для дѣвицъ духовнаго званія, онъ принужденъ былъ брать себѣ невѣсту изъ тѣхъ необразованныхъ дѣвицъ духовнаго званія, которыя не обучались въ свѣтскихъ училищахъ, или дочерей мѣщанъ, не получившихъ никакого образованія, почти безграмотныхъ. Какія же были отъ того послѣдствія? Священникъ, не находя въ домѣ своемъ семейнаго счастія, предавался чрезъ то пьянству, а иногда и другимъ порокамъ; дѣти его съ самаго младенчества возрастали въ невѣжествѣ, не имѣя просвѣщенной матери. По такимъ причинамъ съ давняго времени оказывалось необходимымъ устроеніе такого рода училищъ, въ которыхъ бы будущіе священнослужители могли находить дѣвицъ, которыхъ бы воспитаніе соотвѣтствовало вышепоказаннымъ потребностямъ.

Съ другой стороны, надлежитъ принять во вниманіе, что священнослужитель, посвятившій въ теченіе всей жизни своей труды

окончаніи спектакля, воспитанницы вышли на сцену въ характерныхъ костюмахъ и исполнили очень граціозно нѣсколько характерныхъ танцевъ, особенно хороши были, замѣчаетъ корреспонденгъ. Русская пляска и качуча. — Женское учебное заведеніе, въ которомъ наряжаютъ воспитанницъ въ характерные костюмы, заставляютъ танцовать характерные танцы! — Гдѣ мы, Господа? Во что готовятъ дочерей нашихъ сіи заведенія? — вопрошаетъ Редакція С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. (См. С.-Петербургскія Вѣдомости N 52, за 1866 годъ).

свои дарованія почти безмездно на пользу Церкви и Государства, въ правѣ ожидать, что Государство обезпечитъ ему средства къ воспитанію дѣтей его: это—священный долгъ Правительства. Особенное же вниманіе должно быть обращено на доставленіе ему средства для воспитанія дѣтей женскаго пола, ибо образованіе дочерей наиболѣе для него затруднительно.

Мысль объ основаніи для удовлетворенія сей потребности дѣвичьяго училища съ давняго времени уже занимала людей благомыслящихъ, свѣтскихъ и духовныхъ; но дѣлаемыя ими для того попытки имѣли мало успѣха. Только въ 1842 г. мысль эта и сдѣланныя одною почтенною особою начинанія къ учрежденію небольшаго училища для дочерей Священниковъ стали, по случайнымъ обстоятельствамъ, извѣстнымъ Великой Княжнѣ (нынѣ Королевѣ Виртембергской) Ольгѣ Николаевнѣ, а чрезъ Ея Высочество Государю Императору Николаю Павловичу. Его Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы училище для дѣвицъ духовнаго званія устроено было въ Царскомъ Селѣ, подъ главнымъ попечительствомъ Великой Княжны Ольги Николаевны, да средства, которыя Государь соизволилъ для того назначить; подобныя же училища были вскорѣ за тѣмъ открыты въ Ярославлѣ, Казани, Иркутскѣ, а въ послѣдствіи въ Вильнѣ, Витебскѣ, Житомирѣ и Каменецъ-Подольскѣ. Нынѣ сіи заведенія находятся подъ покровительствомъ Государыни Императрицы.

Главная цѣль учрежденія училищъ для дѣвицъ духовнаго званія состоитъ въ томъ, чтобы каждая дѣвица, по окончаніи своего воспитанія, была по возможности:

1. Женщиною вполнѣ благочестивою, хорошо образованною, способною составить семейное счастіе своего мужа, человѣка просвѣщеннаго.

2. Хорошею воспитательницею дѣтей своихъ и способною вести училище, которое было бы ей ввѣрено.

3. Хорошею хозяйкою, свѣдущею во всемъ, что потребно для домашняго ея быта, прилежною, не чуждающеюся ни какого труда, въ ея положеніи необходимаго.

Многолѣтній опытъ доказалъ, что цѣль сія большею частію успѣшно достигнута. Въ Царскомъ Селѣ и Ярославлѣ училища вы-

пустили болѣе 450 дѣвицъ, которыя, за небольшими исключеніями, вышли замужъ за сельскихъ Священниковъ. Многія изъ сихъ воспитанницъ имѣютъ уже дѣтей, которыхъ воспитаніемъ они съ успѣхомъ занимаются, и учредили въ домахъ своихъ училища для дѣтей другихъ состояній. Достойныя уваженія лица, посѣщавшія этѣхъ бывшихъ воспитанницъ въ ихъ новыхъ семействахъ, свѣдѣтельствуютъ о томъ благотворномъ дѣйствіи, которое производитъ тамъ полученное ими воспитаніе. Нѣкоторыя дѣвицы, до выхода въ замужество, принимаютъ на себя обученіе малолѣтнихъ дѣтей, или занимаютъ другія въ частныхъ домахъ должности, которыя исполняютъ съ большимъ успѣхомъ. [2]

Въ изданныхъ въ 1864 г. письмахъ о путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича по Россіи (на стр. 97 и 98) помѣщены слѣдующія о состояніи Ярославскаго училища свѣдѣнія:

«Замѣчательно, что воспитанницы, по выходѣ изъ заведенія, большею частію сохраняютъ на всю жизнь живую связь съ нимъ, и въ немъ продолжаютъ искать себѣ опоры и сочувствія; многія изъ нихъ ведутъ постоянную корреспонденцію съ бывшею своею начальницею и воспитательницами, и въ этой корреспонденціи можно найти не мало примѣровъ въ подтвержденіе того, что горячая преданность учредительницы этѣхъ заведеній предположенной цѣли не пропала даромъ. Письма, которыя присылаются въ училище съ разныхъ концевъ Россіи бывшими его воспитанницами, таковы, что ихъ нельзя читать безъ душевнаго волненія и безъ радости, понятной всякому, кому дорого дѣло истиннаго образованія народнаго, и кому отрадно сочувствіе всякой доброй дѣятельности, какая бы ни была она простая и скромная. Во многихъ изъ этѣхъ писемъ разсказывается простыми словами краснорѣчивая

---

[2] Мнѣ случилось видѣть въ одномъ почтенномъ семействѣ такую, не вышедшую за мужъ, по болѣзненному состоянію, дѣвицу. Она исполняла тамъ должность Секретаря у весьма просвѣщеннаго, почти слѣпаго, старца, вела его переписку, содержала въ порядкѣ библіотеку, читала ему Русскія книги, писала по его диктовкѣ, переписывала бумаги весьма красивымъ почеркомъ и не рѣдко сама составляла для него письма и записки правильнымъ и хорошимъ слогомъ, занималась вмѣстѣ съ женою его хозяйствомъ и, какъ дѣвица просвѣщенная, была пріятною собесѣдницею и любима всѣмъ семействомъ.

исторія цѣлой жизни, исполненной трудовъ, лишеній и борьбы съ тяжелыми обстоятельствами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и той радости, которая происходитъ отъ удовлетвореннаго стремленія къ доброй дѣятельности. Есть корреспонденціи, по которымъ видимъ, какъ бѣдная дѣвица, прямо по выходѣ изъ заведенія, вступаетъ въ тяжелую домашнюю работу въ домѣ своихъ родителей и становится въ немъ дѣятельною помощницею по хозяйству, наставницею маленькихъ братьевъ и сестеръ; видишь, сколько добра и свѣта приноситъ она въ домашній кругъ свой, оживляя его и дѣлами любви, и новыми интересами, и чтеніемъ привезенныхъ съ собою книгъ, и разсказами про училище, къ которому и она и всѣ ея домашніе обращаются съ любовью и благодарностію. По томъ, съ перемѣною въ судьбѣ дѣвушки, начинаются новыя страницы той же повѣсти, о жизни ея и дѣятельности въ своемъ домѣ, хозяйствѣ и приходѣ: и тутъ видишь, сколько благословенія вноситъ добрая жена не только въ бытъ сельскаго Священника, но и въ бытъ цѣлаго прихода. Особенно замѣчательна дѣятельность нѣкоторыхъ изъ бывшихъ воспитанницъ Ярославскаго и Царско-Сельскаго училищъ въ учрежденіи сельскихъ школъ и въ обученіи крестьянскихъ дѣтей.»

Вообще училища сіи такимъ образомъ устроены, что могутъ быть лучшимъ средствомъ воспитанія для дѣвицъ средняго состоянія; но къ помѣщенію ихъ въ этѣ заведенія не представляется въ настоящее время ни какой возможности; ибо, по ограниченному ихъ числу они не вполнѣ еще достаточны для дочерей Духовенства, коихъ воспитаніе, по вышеозначеннымъ причинамъ, лежитъ на обязанности Правительства. [3]

Всѣ вышеприведенныя обстоятельства достаточно, думаю, показываютъ неосновательность выраженнаго редакціею «Москов-

---

[3] Въ Царско-Сельскомъ и Ярославскомъ Училищахъ воспитываются по 90 дѣвицъ, почти всѣ пансіонерки, съ платою въ Царско-Сельскомъ по 60 р., а въ Ярославскомъ по 50 р. въ годъ, и число священнослужителей, желающихъ помѣстить въ заведеніе своихъ дочерей, такъ велико, что Начальство принуждено отказывать многимъ изъ нихъ въ пріемѣ ихъ дочерей. Не служитъ ли это очевиднымъ доказательствомъ какъ потребности, сознаваемой нашимъ Духовенствомъ, въ существованіи для него подобныхъ заведеній, такъ и удовлетворительности получаемаго тамъ образованія?

скихъ Вѣдомостей» осужденія: напротивъ, каждый благомыслящій гражданинъ, знакомый съ положеніемъ сихъ учебныхъ заведеній, по сознанію общественной пользы, ими приносимой, надѣюсь, воздастъ справедливую дань уваженія и благодарности тѣмъ почтеннымъ лицамъ, кои трудились и трудятся для ихъ устройства и преуспѣянія, и тѣмъ высокимъ особамъ, подъ руководствомъ и покровительствомъ коихъ они дѣйствуютъ.

Въ западныхъ областяхъ Государства учрежденіе такихъ отдѣльныхъ для дѣвицъ духовнаго званія училищъ, по мнѣнію находящихся тамъ Русскихъ старожиловъ, особенно необходимо. Православные священнослужители, оставаясь на жительствѣ между Польскимъ Шляхетствомъ, по неимѣнію такихъ училищъ, не находятъ возможности иначе воспитывать дочерей своихъ, какъ въ общихъ женскихъ училищахъ, или пансіонахъ, вмѣстѣ съ Польками, враждебными нашему Православію и Русской народности. Даже дочери Русскихъ чиновниковъ, воспитанныя въ домахъ своихъ родителей, по находящіяся въ соприкосновеніи съ Польскимъ обществомъ, выйдя за мужъ за Священниковъ, приносятъ въ дома свои не малую долю Полонизма и чувствъ, неблагопріятныхъ Православію. Дабы дочери священнослужителей выростали чисто Русскими, Православными дѣвицами, необходимо, чтобы онѣ съ самыхъ юныхъ лѣтъ удалены были отъ всякаго съ Польскимъ элементомъ общенія, и даже отъ тѣхъ Русскихъ дѣвицъ, которыя находятся съ Польскимъ обществомъ въ соприкосновеніи.

Этого иначе достигнуть не возможно, какъ помѣщеніемъ ихъ для воспитанія въ отдѣльныя училища: правило это надлежитъ наблюдать до того времени, пока Русское просвѣщенное населеніе въ томъ краѣ не умножится, и Русскій просвѣщенный элементъ не будетъ тамъ преобладающимъ.

С. Ш.

Москва.
25-го Февраля, 1864 года.

ОБЪЯСНЕНІЯ.

I.

Въ 3-й книжкѣ прошлаго года «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» были помѣщены собранные мной 32 документа, какъ матеріялъ для исторіи Поповщины, отъ начала Бѣлокриницкой лжеіерархіи до конца 1864 года. Такъ какъ представить документы безъ всякой связи я почелъ нелогичнымъ, то по тому приложилъ при нихъ краткій очеркъ этой секты, составленный на основаніи самихъ документовъ. Вполнѣ сознавая, что мой трудъ не можетъ быть безукоризненнымъ, я заявилъ въ предисловіи, что приму съ великой благодарностью всякій дѣльный совѣтъ, и воспользуюсь даннымъ мнѣ указаніемъ.

Въ Ноябрской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за прошлый же годъ на мою статью явились Замѣтки, на которыя можно бы коротко и ясно отвѣчать: «Не стоитъ благодарности!» Но какъ Г. Субботинъ пользуется нѣкоторой извѣстностью, и многіе, въ случаѣ такого лаконическаго отвѣта, могли бы, пожалуй, почесть замѣчанія его дѣльными, то я рѣшился отвѣчать ему нѣсколько пространнѣе, съ цѣлію объяснить тѣмъ, кто обратилъ свое вниманіе на мою статью и приложенные къ ней документы, недоумѣнія, вызвавшія Замѣтки Г. Субботина.

Читая со вниманіемъ этѣ Замѣтки, нельзя не видѣть, что онѣ съ начала до конца исполнены однѣхъ придирокъ, желанія, по возможности, уменьшить цѣнность обнародованныхъ мною документовъ, какого-то тайнаго недоброжелательства и, хотя тщательно замаскированнаго, но тѣмъ не менѣе все таки замѣтнаго, стремленія присвоить себѣ судъ и рядъ надъ сочиненіями о Старо-

обрядствѣ. Намъ кажется, здравомыслящій человѣкъ не только заботливо избѣгаетъ подобнаго, но отклоняетъ отъ себя самый поводъ къ такимъ нелестнымъ о себѣ заключеніямъ. Онъ не дозволитъ, на примѣръ, ни самому себѣ ни чѣмъ выставляться, ни чтобы его выставляли другіе, какъ нѣкоего раввуни, возсѣдящаго посредѣ книжниковъ и Саддукеевъ Руси.

Не ужели все это такъ себѣ, даромъ, на обумъ? Пословица говоритъ: «Ударь по столу—ножницы отзовутся». Дѣйствительно, сказанное мной проглядываетъ въ Замѣткахъ чуть ли не на каждой строкѣ. Такъ, уже въ самомъ началѣ ихъ, при 1846 годѣ, Г. Субботинъ ставитъ вопросительный знакъ. Но что же тутъ для него страннаго? Если въ первомъ документѣ говорится о происшествіяхъ 1846 года, и Очеркъ, послѣ нѣсколькихъ вводныхъ словъ, начинается этѣмъ годомъ, то всякій можетъ судить, въ правѣ ли я былъ поставить въ заглавіи иной годъ. Что же касается до того, что я, по мнѣнію Г. Субботина, плохо владѣю Русскимъ языкомъ и выражаюсь неточно и неправильно, то я самъ о себѣ судить, а тѣмъ болѣе выхвалять себя, не желаю, но имѣю причины полагать, что въ подобномъ случаѣ трудъ мой не могъ бы явиться на страницахъ «Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ». А что мое изложеніе не понравилось моему рецензенту, то на это отвѣчу ему пословицей: «На вкусъ, на любовь да на цвѣтъ закона нѣтъ». «Одному любъ попъ, говоритъ другая пословица, другому попадья, а третьему попова дочка.» Нѣтъ ничего легче, какъ взводить подобнаго рода навѣты на нелюбыхъ намъ по чему либо. Всегда, молъ, найдутся люди, которые подумаютъ себѣ: «Каковъ знатокъ языка Русскаго! Настоящій Гречъ и Булгаринъ! Онъ и «Чтенія» учитъ правописанію. Буквалистъ, сущій буквалистъ!» Что до удивленія Г. Субботина, какъ подобное сочиненіе могло попасть на страницы ученаго и извѣстнаго своею солидностью изданія, каковы «Чтенія», то, въ отвѣтъ на это, могу только повторить то же самое, что уже сказалъ выше касательно упрека его мнѣ въ незнаніи Русскаго языка, т. е., не имѣй оно въ самомъ дѣлѣ ни какихъ за собою достоинствъ, разумѣется, не могло бы попасть въ «Чтенія». Но не черезчуръ ли ужь Г. Субботинъ взыскателенъ къ нашимъ повременнымъ изданіямъ? Развѣ они собраніе образцовыхъ произведеній? Въ такомъ случаѣ, пожалуй,

и его умственныя дѣтища не скоро же попали бы въ оныя. Но возвратился къ его Замѣткамъ.

Г. Субботину не понутру, что я называю Амвросія Эксъ-Епископомъ. Отдаю на судъ всѣхъ и каждаго, имѣлъ ли я право называть такъ Архіерея, отрѣшеннаго отъ должности и находящагося подъ запрещеніемъ? Ему не нравятся также мои ироническія выраженія: «какого ни будь, хоть лыкомъ шитаго, Архіерея,» хотя ему навѣрное извѣстна исторія Старообрядческихъ Лжеархіереевъ прошлаго столѣтія, Анѳима, Анѳиногена и т. п. Далѣе, мною сказано, что Старообрядцы провѣдали о подходящемъ для нихъ Архіереѣ при посредствѣ всеуслужливаго племени Израиля. Г. Субботинъ говоритъ о Бѣлокриницкихъ депутатахъ и Огняновичѣ, выставляя ихъ, какъ посредниковъ между Амвросіемъ и будущей его паствой. Но, вѣдь, и мной сказано, что Старообрядцы провѣдали чрезъ Евреевъ объ Амвросіѣ, а переводчикъ названъ мной Магометаниномъ, на основаніи письма Задунайскихъ Старообрядцевъ къ Ивану Александрову, гдѣ именно сказано: «также намъ извѣстно, что Господина Митрополита обучаетъ Русскому разговору Цареградскій Сунитъ.» Кажется, изъ этого не слѣдуетъ, что я назвалъ Огняновича Евреемъ. За тѣмъ Г. Субботинъ досадуетъ на меня за то, за чѣмъ я сказалъ, что за переходъ Амвросію обѣщали заплатить 500 червонцевъ, тогда какъ онъ продался Старообрядцамъ не только за эту сумму, но еще условился на счетъ выдачи ежегодно такой же суммы по самую его смерть и проч., какъ будто бы я умолчалъ объ этомъ обстоятельствѣ! Дѣло въ томъ, что я, не имѣя въ то время подъ рукой документовъ о всѣхъ условіяхъ найма, выразился, что, кромѣ того, обѣщали дать ему хорошее содержаніе, а это послѣднее выраженіе Г. Субботинъ опустилъ, какъ видно, съ намѣреніемъ. Точно также онъ считаетъ несообразностью обѣщаніе выхлопотать Амвросію разрѣшеніе литургисать; между тѣмъ всякій здравомыслящій человѣкъ пойметъ, что если бы подобное разрѣшеніе было не нужно, то Старообрядцы и не хлопотали бы о немъ; если же хлопотали о немъ, и наконецъ таки добились своего, то, стало быть, запрещеніе существовало, и снять его для Старообрядцевъ считалось необходимымъ. Если же въ разрѣшеніи позволено отслужить Амвросію три обѣдни, и притомъ съ оговоркой, что это должны быть заупокойныя и безъ сѣдѣнія священ-

наго сопрестола, то понятно, что на такое разрѣшеніе нельзя смотрѣть иначе, какъ на снисхожденіе. Г. Субботинъ самъ говоритъ, что разрѣшеніе служить литургію составляетъ доходную статью Патріархіи; стало быть, тѣмъ болѣе нужно было сыпать златницы и сребренники для полученія разрѣшенія литургисать отставленному Архіерею, каковъ былъ Амвросій; сколько же было сыпано на подобную потребу денегъ, много, или мало, навѣрное самъ Г. Субботинъ сказать не можетъ. О томъ же, что Патріархъ называетъ въ грамотѣ Амвросія «собратомъ возлюбленнымъ и сослужителемъ», я думаю на это никто не обратитъ вниманія, какъ на заголовокъ въ письмѣ, гдѣ иногда и отъявленный врагъ величается «милостивымъ государемъ, или любезнѣйшимъ другомъ, братомъ» и т. п. Г. Субботинъ говоритъ, что нѣтъ даже надобности доказывать, что Амвросій былъ лишенъ права священнодѣйствовать до перехода въ Старообрядчество; по моему мнѣнію, въ моемъ Очеркѣ это было необходимо, по тому что въ началѣ его мною было сказано, что Старообрядцы усиливались добыть себѣ какого ни будь Архіерея, и наконецъ кое какъ таки добыли его, но такого, который, по простому выраженію, подходитъ къ шитому лыкомъ. Когда Патріархъ потребовалъ Амвросія на судъ за переходъ его въ Старообрядчество и служеніе, вопреки разрѣшенію, то Старообрядцы очень хорошо понимали, что Амвросію не сдобровать, что на него начинаютъ нападать, и конечно начали смотрѣть на него, какъ на гонимаго за Вѣру, на безвиннаго страдальца. Я сказалъ, что Австрійское Правительство молчало, и сказалъ совершенно справедливо, какъ и то, что этому Правительству какое было дѣло до религіозныхъ дѣлъ иновѣрцевъ? Оно дозволило принять Амвросія, и наблюдало только за исполненіемъ заключенныхъ условій, не имѣя въ предметѣ разыскивать, кто онъ такой, и что онъ будетъ дѣлать среди нашедшаго его стада; ссылка же его въ Цилли послѣдовала въ слѣдствіе представленій Патріарха и Русскаго Правительства, которому сдѣлалось извѣстнымъ, что Амвросія пріобрѣли и обезпечили Русскіе Старообрядцы. Не могло же быть, чтобъ они хлопотали только для другихъ, когда уже болѣе столѣтія старались добыть себѣ Архіереевъ, и не имѣли бы въ виду получать таковыхъ изъ Бѣлой Криницы. При умноженіи ставленниковъ Бѣлокриницкихъ, т. е., мнимыхъ пастырей для упорныхъ и необразованныхъ Старообрядцевъ, что

же иное могло распространиться между ними, какъ не тьма заблужденій? Не уже ли Правительство не могло понять этого, и не уже ли подобный порядокъ дѣлъ согласовался когда ни будь съ видами его, когда оно всегда старалось вводить просвѣщеніе, вразумлять необразованныхъ и не давать развиваться упорному изувѣрству, какимъ всегда отличались Старообрядцы? Вѣдь самъ же Г. Субботинъ допускаетъ, что всего поставлено Кирилломъ 24 Архіерея, и что этого количества слишкомъ довольно; между тѣмъ меня упрекаетъ, за чѣмъ мною сказано «множество». А что они ставлены имъ безъ счету и разбора, т. е., какъ попало и куда попало, то это доказывается тѣмъ, что иногда, по просьбѣ нѣсколькихъ недовольныхъ, назначалъ онъ на одну и ту же Епархію двухъ, и даже для одного города отдѣльнаго Лжеепископа.

Г. Субботинъ говоритъ, за чѣмъ мною сказано, что Антоній нѣсколько разъ крестился, женился и мѣнялъ толки? Кажется, слово нѣсколько означаетъ то, что каждое изъ сказанныхъ дѣйствій было произведено имъ не одинъ разъ; но привязчивому рецензенту кажется это неправильнымъ. Если слѣдуетъ быть крещеннымъ однажды, а Антоній повторялъ это; если по смерти законной жены Антоній перешелъ къ Преображенцамъ, и тамъ жилъ съ новой женой (а кто его знаетъ? Можетъ и не съ одной), что не считается и тамъ законнымъ, и если онъ при томъ перешелъ изъ Православія въ Безпоповщину, потомъ въ Поповщину, то не въ правѣ ли былъ я употребить вышеприведенное нѣсколько?

Точно также Г. Субботинъ старается доказать несправедливость моихъ словъ, что Антоній обращался туда, куда дулъ попутный вѣтеръ и гдѣ надѣялся набить карманъ потуже. Переходъ къ Преображенцамъ, и особенно причины перехода къ Рогожскому согласію, которыя не могутъ быть не извѣстны Г. Субботину, вполнѣ оправдываютъ мои слова; самъ же онъ говоритъ, что «чрезъ его руки шла большая часть пожертвованій; что онъ умѣлъ находить благотворителей и располагать ихъ къ благотворенію, желалъ выставить себя великимъ радѣтелемъ и опорой раскола и, такимъ образомъ, очистить себѣ путь къ высшимъ почестямъ и власти между Старообрядцами.» Кажется, подобныя выраженія ведутъ къ такому мнѣнію, которое высказано мной, и ни чуть не противорѣ-

чатъ тому, что Антоній хитрѣе и образованнѣе Кирилла и обладаетъ болѣе его даромъ слова. Вѣдь я не говорилъ, что онъ этѣми качествами обладаетъ въ высшей степени, а только то, что болѣе, нежели Кириллъ; какимъ же образомъ Г. Субботину показалось, что я выставилъ Антонія обладающимъ въ сильной степени образованіемъ, хитростію и краснорѣчіемъ? А что Кирилла я называю хитрымъ и образованнымъ, то для меня совершенно не понятно. Знаетъ про то, конечно, самъ лишь Г. Субботинъ.

Въ моемъ Очеркѣ сказано, что не успѣлъ еще кончиться судъ надъ Антоніемъ, * какъ изъ подъ пера начитаннаго и умнаго мужика, а можетъ быть и при помощи кого другаго, явилось сочиненіе, которое заставило Старообрядцевъ забыть все остальное, и не только поддержало Антонія, но и поставило его «во главѣ (здѣсь типографскій пропускъ слова «противниковъ») невѣжественнаго Кирилла». Не знаю, что есть обиднаго въ приведенныхъ мной выраженіяхъ для автора Окружнаго Посланія; по крайней мѣрѣ, при личныхъ свиданіяхъ со мной, онъ не выражалъ мнѣ этого; напротивъ, кажется, что человѣку простому, не получившему высшаго образованія, быть умнымъ и начитаннымъ до такой степени, чтобъ написать подобное сочиненіе, приноситъ большую честь, которой я ни какъ не смѣю отнять у него, и всякій порядочный человѣкъ долженъ болѣе уважать его по тому, что такой сочинитель мужикъ. Что до помощи другихъ лицъ при составленіи Окружнаго Посланія, то это можно было предположить, такъ какъ трудно понять, чтобъ Л. Е., при составленіи такого важнаго сочиненія, не совѣтовался съ кѣмъ ни будь изъ своихъ духовныхъ лицъ, и безъ предварительнаго одобренія ихъ рѣшился на подобное «новшество.» Хотя Антоній подписался подъ нимъ и не первымъ, какъ у меня поставлено, единственно по причинѣ его мнимаго Архіепископства, послѣ намѣстника Кириллова, Онуфрія, однако все таки оно выручило его и заставило Старообрядцевъ забыть удаленіе его отъ управленія Всероссійскими дѣлами, отъ котораго онъ ни какъ не думалъ отстраняться, какъ это показали послѣдствія. Тѣмъ болѣе оно было ему по сердцу, что своей под-

---

* Мнѣ кажется, всякому читающему понятно, что это выраженіе равносильно слѣдующему: «не много времени прошло по окончаніи суда надъ Антоніемъ.»

писью и стараніемъ склонить другихъ вліятельныхъ лицъ онъ показывалъ себя врагомъ мнѣній Безпоповцевъ, въ которыхъ его постоянно упрекали. Если же Антоній потомъ отрекался отъ Окружнаго Посланія, то отрекался подъ видомъ сожалѣнія о томъ, что оно произвело раздѣленіе между Старообрядцами; а дѣйствительно ли по тому, что оно было направлено противъ Безпоповщинскихъ мудрованій, и дѣйствительно ли онъ ихъ придерживается, или по тому, что боялся разоблаченія своихъ грѣшковъ, объ этомъ надобно спросить самого Антонія; проникнуть же въ душу его и утвердительно сказать, что въ ней кроется, никто не можетъ. Когда Кириллъ явился въ Москву съ объявленіемъ, въ которомъ признавалъ Окружное Посланіе незаконнымъ, то, боясь его анаѳемы всѣмъ Русскимъ Старообрядцамъ, подъ объявленіемъ подписались дѣйствительно не тѣ лица, которыя одобряли его, исключая Антонія. Болѣе всѣхъ здѣсь дѣйствовалъ Антоній, по тому что ему-то болѣе всѣхъ и нужно было усыплять Кирилла, поставить для этого на видъ свое притворное раскаяніе и показаться вождемъ противниковъ Окружнаго Посланія. Недалекому Кириллу довольно было и этого, а между тѣмъ противъ его дѣйствій готовился протестъ, опять подъ руководствомъ того же Антонія. Полагаю, этѣхъ данныхъ достаточно для того, чтобъ сказать, что Антонія Окружное Посланіе выручало: при его помощи онъ могъ бороться съ Кирилломъ.

Что же касается до подложныхъ документовъ, то надобно сознаться, что избѣгнуть ихъ весьма трудно, по слѣдующимъ причинамъ: 1-е, Старообрядцы не очень довѣряютъ свои документы не своимъ. 2-е, Между ними дѣйствительно есть промышляющіе составленіемъ документовъ, и на эту удочку часто ловятъ даже своихъ. 3-е, Документы переписываются однимъ у другого, при чемъ къ старымъ ошибкамъ не рѣдко прибавляются новыя, а у кого имѣется ближайшій къ подлиннику, доискаться нѣтъ возможности. Если же въ числѣ 32 документовъ, собранныхъ человѣкомъ, который, вполнѣ сознавая свой трудъ несовершеннымъ, просилъ, въ самомъ предисловіи къ нему, не оставить его своимъ совѣтомъ, нашелся одинъ подложный, т. е., искаженный, то изъ за этого развѣ позволительно окричать обнародованіе прочихъ тридцати документовъ, добытыхъ тамъ, куда достунъ труденъ, жалкимъ, а

тѣмъ болѣе небезвреднымъ явленіемъ въ Литературѣ? Не уже ли Г. Субботинъ, занимающійся нѣсколько лѣтъ Расколомъ, не ошибался ни разу? Въ напечатанномъ имъ о Расколѣ съ разборомъ не уже ли не оказывалось послѣ безразборнаго, неточнаго, даже ничтожнаго? Да, кто прослѣдитъ все, написанное имъ доселѣ по Расколу, къ сожалѣнію, не можетъ не подумать, судя по его самоувѣренному тону, что онъ считаетъ себя совершенно не причастнымъ этому общему грѣху человѣчества, или, по крайней мѣрѣ, если и подверженнымъ, то въ самой малой степени. Напрасно старается онъ увѣрить, что обнародованные мною документы не всѣ новость, были давно уже напечатаны Игуменомъ Парѳеніемъ, и также извѣстны изъ нѣкоторыхъ болѣе новыхъ сочиненій о Расколѣ: если бы и это было дѣйствительно такъ, то какимъ же образомъ появленіе моего собранія обратило на себя вниманіе людей, не менѣе моего рецензента интересующихся Расколомъ и слѣдящихъ за нимъ, именно своей новостью и полнотою? Даже за напечатаніе Окружнаго Посланія старается онъ уменьшить заслугу оговоркой: «Два года тому назадъ, первый разъ (?) знакомя читающую публику съ Окружнымъ Посланіемъ, мы, де, сами очень желали напечатать вполнѣ это любопытное сочиненіе, но, не имѣя на то права (будто бы ужь только права?!), ограничились тѣмъ, что изложили его in extenso». Знакомы намъ очень хорошо этѣ изложенія Г. Субботина in extenso не по одному только Окружному Посланію. При соли хлебнется, къ слову молвится. Но мы не послѣдуемъ примѣру нашего рецензета, осыпающаго нашъ Очеркъ всѣми прелестями своего краснорѣчія, въ родѣ того, что «оно, де, обличаетъ совершенное незнаніе дѣла, писано на обумъ, авторъ его не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о Расколѣ, цивилизованный авторъ, разсказъ его неудобочитаемъ и неудобопонимаемъ (это, конечно, знаніе языка Русскаго!), однимъ словомъ: это жалкое и небезвредное явленіе въ нашей Литературѣ», и т. п. Такія словоизверженія богатой и ни чѣмъ не сдерживаемой фантазіи Г. Субботина, разумѣется, въ глазахъ человѣка, способнаго сколько ни будь отличать бѣлое отъ чернаго, не въ силахъ уронить нашъ трудъ до той степени, до которой очевидно ратующій противъ него стремится. Доказательства его на это, надѣемся, послѣ сказаннаго нами въ отвѣтъ, не доказываютъ того. И мы, не желая остаться у него

въ долгу, конечно, не полѣзли бы за словомъ въ карманъ; но, повторяемъ, мы не послѣдуемъ въ этомъ примѣру его: мало ль можно чего, да не для чего. Невольно, однако, вспоминаются намъ тутъ слова нашего многоуважаемаго Архипастыря: «Духъ порицанія бурно дышетъ въ области Русской письменности,»—и дышетъ, прибавимъ, до забвенія не только всякой правды, но также самообладанія и самыхъ первыхъ началъ гражданскаго общежитія и приличія.

К. Николаевъ.

Февраль, 1866 г.

II.

Годъ тому назадъ, и день почти въ день, читанъ былъ въ Совѣтѣ Императорскаго Московскаго Университета Докладъ Коммиссіи, наряженной для обсужденія, по предложенію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Проекта Устава и Штатовъ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, который и принятъ былъ всѣми единогласно, кромѣ одного Члена. Въ этомъ Докладѣ, а также и въ Отдѣльныхъ Замѣчаніяхъ на Проектъ одного изъ Членовъ Коммиссіи, напечатанныхъ во 2-й книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» того же 1865 года, подробно разсмотрѣнъ предлагавшійся Проектъ: были высказаны замѣчанія на все главное и существенное въ немъ. Одинаковаго свойства были и тѣ замѣчанія, которыя представили и прочіе Русскіе Университеты и, знаменательно въ высшей степени, съ ними совпали во всемъ и сужденія всей нашей періодической Литературы, кромѣ, если не ошибаемся, «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника.» Разумѣется, ожидать въ этомъ случаѣ математическаго совпаденія мнѣній было бы странно: у каждаго свой царь въ головѣ. Стало быть, высшія ученыя учрежденія и печать свое дѣло сдѣлали: оставалось ожидать спокойно, чтобы придержащая власть сдѣлала свое. Такъ нѣтъ! Въ № 54-мъ «Московскихъ Вѣдомостей» этого года (12-го Марта) помѣщена

передовая статья, отъ 11-го Марта, въ которой докладывается, что Проектъ новаго Устава Академіи Наукъ наконецъ, послѣ продолжительныхъ административныхъ соображеній, представленъ въ высшую законодательную инстанцію. «И это обстоятельство,» сказано далѣе, «возлагаетъ на насъ обязанность поговорить объ Академіи Наукъ съ тою частію Русской публики, которая интересуется судьбой просвѣщенія и учености въ Россіи.»

Приступая къ бесѣдѣ, новый ратователь за Академію (говоримъ новый, по тому что ни полетъ, ни оборотъ его не указываютъ на перо Редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», напротивъ, весь пошибъ даетъ знать, что это—единъ отъ присныхъ самой Академіи) утверждаетъ, что Уставъ есть самое послѣднее въ жизни ученой корпораціи; гораздо важнѣе его преданія и обычаи, сложившіеся временемъ и поддерживающіе въ ней ея духъ; по этому, продолжаетъ онъ, возникаетъ даже недоумѣніе о томъ, въ какой степени настоитъ необходимость передѣлывать Уставъ, даже вовсе не древній (1836 г.); едва ли не было бы достаточно ограничиться согласованіемъ частныхъ постановленій, изданныхъ относительно ея въ разное время, и также согласованіемъ ея Устава съ позднѣйшими общими узаконеніями. Какъ будто не для этого и предпринимается пересмотръ всякаго Устава и издается новый, согласованный съ позднѣйшими узаконеніями и т. п.! По его мнѣнію, между прочимъ, нужно только, для блага Академіи Наукъ, Второе или Русское Отдѣленіе ея такъ согласовать съ остальными двумя Отдѣленіями (I Физико-Математическимъ и III Историко-Филологическимъ), чтобы Члены онаго Отдѣленія оставались на прежнемъ кормленіи, т. е., служили бы изъ за одного титла Академика, или, другими словами, ищучи себѣ чти, а Князю славы, какъ выражались наши предки. Чтобы сообщить хотя тѣнь правдоподобія такому своему мнѣнію (вопреки требованію и Проекта и всей нашей печати, т. е., уравненія Членовъ 2-го Отдѣленія съ прочими Членами Академіи), защитникъ смотритъ на это Отдѣленіе все еще какъ на Россійскую Академію, говоря, что Академія Словесности и Академія Наукъ — несовмѣстимыя понятія; что слитіе ихъ воедино не было счастливою мыслію, онѣ соединены неестественной связью. По чему же? По тому, что задача [redacted] говоритъ онъ, блюсти чистоту Русскаго языка, что

вовсе не дѣло учености, а скорѣе дѣло вкуса, поддерживаемаго опытностью. Словно въ самомъ дѣлѣ такова должна быть задача 2-го Отдѣленія! Не уже ли онъ полагаетъ, что Члены его дѣйствительно въ состояніи, при самомъ искреннемъ желаніи своемъ, блюсти чистоту Русскаго языка, предохранить его отъ порчи и тому подобнаго, не смѣютъ дѣлать надъ нимъ ученыхъ изслѣдованій иначе, какъ только поступивъ въ Члены III-го Отдѣленія, или испрося на то согласіе его? А буде осмѣлятся, то это непремѣнно отзовется вредомъ для Славяно-Русской Филологіи? Замѣчательная премудрость Академическая!

Такимъ образомъ, по мнѣнію панегириста нашей Академіи, внутренняя организація ея, т. е., Уставъ, не только очень можетъ остаться въ прежней силѣ, но и надобно желать, чтобы такъ случилось. Въ этомъ, конечно, до нѣкоторой степени не мы попротиворѣчимъ, хоть и не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые смотрятъ на Академію Наукъ, какъ на какое-то особенное, новое сословіе въ Россійской Имперіи, въ силѣ и значеніи коего, по его словамъ, должны всѣ безъ изъятія служители отечественнаго просвѣщенія, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ, чувствовать также и свою силу и значеніе. «Но это ужь черезъ чуръ», скажетъ кто либо. Ни чуть! Посмотрите, чѣмъ, между прочимъ, новый обожатель Академіи Наукъ силится доказать, что она принимаетъ къ сердцу дѣло Русскаго просвѣщенія? «О томъ, говоритъ онъ, достаточно свидѣтельствуетъ уже одинъ фактъ помѣщенія извѣстной статьи Г. Академика Наука въ Календарѣ на 1866 годъ.» Что же это такое въ самомъ дѣлѣ за пресловутое произведеніе? спросятъ насъ. Ничего-съ особеннаго, просто: «Нѣсколько замѣчаній о педагогическомъ значеніи древнихъ языковъ,» въ которыхъ все обстоитъ благополучно, какъ и въ сотняхъ другихъ по тому же предмету, помѣщавшихся въ послѣднее время въ нашихъ журналахъ и газетахъ. И, однако же, составитель Похвальнаго слова Академіи изловчился отъ такого простаго факта сдѣлать посылку, что Академія могла бы оказать не мало услугъ дѣлу Русскаго просвѣщенія, *если бы* Правительство потребовало ихъ: она могла бы служить этому дѣлу не только установкой и разъясненіемъ понятій, но, вѣроятно, не уклонилась бы и отъ труда болѣе тяжелаго. Говоря это, конечно, сочинитель Похвалы думаетъ, что споръ о классическомъ и реальномъ образованіи куда какъ уже уяснила

намъ Академія статьей своего Члена. Что до готовности ея на трудъ болѣе тяжелый, то подъ этѣмъ онъ разумѣетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ то же самое, что уже разъ заявлено было самой Академіей въ ея послѣднемъ Проектѣ Устава, т. е., желаніе, чтобы молодые люди приготовлялись къ профессорскому и учительскому званію подъ надзоромъ Академиковъ. Къ чему это повело бы, и что все это въ сущности значитъ, приглашаемъ желающихъ знать то, заглянуть въ Докладъ Коммиссіи Совѣту Московскаго Университета (стр. 13 — 17).

Какъ ни отстаиваетъ, однако, повѣренный Академіи внутренняго устройства ея, которое, думаетъ онъ, очень можетъ остаться въ прежней силѣ, «все таки это, по мнѣнію его, вопросъ частный. Важнѣйшее же тутъ составляетъ — возвышеніе Академическихъ Штатовъ. Для чего?—Для уравненія ихъ, отвѣчаетъ онъ, съ Университетскими. Это стоитъ на первомъ планѣ; это потребность безспорная; безъ этого Академія не Академія и т. д., и т. д. Не права ли же, скажите, Бога ради, была Коммиссія, утверждая, что она испытываетъ моральную тяжесть, докладывая Совѣту о двусмысленныхъ и всегда крайнихъ стремленіяхъ составителей Проекта Академіи Наукъ: то предносится имъ идеальное, удивившее Европу, устройство Пулковской Обсерваторіи, то новые оклады и Штаты Университетскіе, которые, какъ они думаютъ, должны быть нормою наименьшаго, чего можно пожелать для Академіи, идетъ ли дѣло объ окладахъ для Академиковъ, или объ опредѣленіи количества суммы на библіотеку, или о чинахъ, которые должны быть присвоены Академикамъ. Ни въ чемъ не должно быть уступлено противъ Университетовъ, но во всемъ должны быть сдѣланы еще для Академіи прибавки къ льготамъ и правамъ Университетовъ». И въ другомъ мѣстѣ: «Такое легкое отношеніе къ дѣлу, желаніе несоразмѣрныхъ правъ и привилегій, полная нерасположенность всмотрѣться въ дѣйствительное состояніе Академіи и ея отношеніе и значеніе въ Россіи, сопоставленіе Членовъ Академіи то съ Профессорами Университетовъ, то съ Чиновниками Министерскихъ Департаментовъ, тщательное усиленіе всѣхъ возможныхъ правъ по окладу, чинамъ, пенсіонамъ, полупенсіонамъ, пенсіонамъ двойнымъ, тройнымъ и четвернымъ, при чемъ положеніе Университетовъ составляетъ только мнимый исходный пунктъ.

а дѣйствительнымъ руководящимъ началомъ служитъ представленіе совершенно другаго рода учрежденія; далѣе, увѣреніе, что для Академика нѣтъ досуга, и тутъ же возложеніе на Академика самыхъ несовмѣстныхъ съ его призваніемъ должностей, предоставленіе блестящаго матеріяльнаго обезпеченія, чтобы Академикъ могъ сосредоточиться на своей кабинетной дѣятельности, и въ то же время дозволеніе Академикамъ занимать и другія должности, сколько кто пожелаетъ: это ли (спрашиваетъ Коммиссія въ заключеніе) Проектъ учрежденія, въ которомъ долженъ всѣмъ владѣть, все покорять себѣ истинный и чистый духъ науки, въ которомъ безкорыстная преданность знанію должна покрывать собою всѣ остальныя стремленія и поражать взоръ наблюдателя тихимъ величіемъ?»

Къ такимъ многозначительнымъ и строго справедливымъ словамъ объ Академіи Наукъ, признаемся откровенно, мы ничего не находимъ прибавить съ своей стороны, развѣ только напомнить еще разъ слова лучшаго изъ Президентовъ ея, покойнаго Графа С. С. Уварова, который, въ Запискѣ своей, поданной Министру Народнаго Просвѣщенія въ первые годы своего управленія оною, сказалъ: «Вообще въ Академіи мало попеченія о казенномъ, все употреблено на частныя выгоды... Неуваженіе къ общему мнѣнію, частныя ненависти и пріязни, личности всякаго рода произвели издавна совершенный недостатокъ единодушія и прекратили всю дѣятельность Академіи.»

O cives, cives, pecuniae primum quaerendae sunt, virtus post!

14 Марта, 1866 г.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,

1865 года, Октября 23-го дня.

1865 года, Октября 23-го дня, Императорское Общество Исто-ріи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Дѣйствитель-наго Члена своего, С. М. Соловьева, и въ присутствіи Гг. Дѣйст-вительныхъ Членовъ: Графа М. В. Толстого, А. Н. Аѳанасьева, В. Н. Лешкова, Соревнователя А. И. Хмельницкаго и Секретаря Об-щества, Д. Чл. О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи протокола послѣдняго засѣданія Общества 6-го Марта, настоящаго года, происходило слѣдующее.

Читаны были:

А. Отношенія.

1. Конторы Университетской Типографіи, отъ 18 Марта, пол. 19-го, о полученіи, за напечатаніе въ послѣдней 1-ой книги «Чте-ній» на 1865 годъ, 513 р. 59 коп. сер.

Той же Типографіи, счетъ за напечатаніе 2-й книги «Чтеній», 1865 года, 443 р. 31 коп. сер. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

2. Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, отъ 29 Марта, 1865 г., N 979, пол. 30-го, увѣдомленіе о томъ, что

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ, отъ 24 Марта, за N 2488-мъ, что, по ходатайству Г. Попечителя, на основаніи Свода Законовъ (изд. 1857 г.) т. VIII, ч. II, Об. Уст. Счет. ст. 392-й, и согласно заключенію Совѣта Министерства Народнаго Просвѣщенія, разрѣшилъ сложить съ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ и исключить изъ счетовъ недоимокъ, недоимку Московскому Университету, въ количествѣ семи тысячъ двухъ сотъ двадцати пяти рублей сорока пяти копѣекъ (7225 р. 45 коп. сер.), образовавшуюся въ слѣдствіе неуплаты Обществомъ за отпечатаніе, въ Типографіи Московскаго Университета въ теченіи 1861 и 1862 годовъ статей Общества. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію и изъявить искреннѣйшую благодарность Общества Г. Вицепрезиденту и Г. Министру Народнаго Просвѣщенія за благосклонное вниманіе ихъ къ настоятельнымъ нуждамъ онаго.

3. Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, отъ 30 Сентября, N 137, пол. 5-го Окт., 1865 г., разъясненіе ошибки, вкравшейся при помѣщеніи въ «Сборникѣ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія» (томъ 1-мъ) Устава Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ», Секретарь отвѣчалъ, что ошибка эта давно уже была замѣчена, оговорена и исправлена самимъ Обществомъ, именно: въ Протоколѣ его 26-го Мая, 1864 г., подъ А, ст. 2-й, напечатаннымъ въ «Чтеніяхъ» того же года, кн. 4-ой, отд. V, стр. 194—195. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

4. Правленія Московскаго Университета, отъ 20 Мая, N 1751, пол. 22-го, съ препровожденіемъ въ Общество отпущенныхъ изъ Московскаго Уѣзднаго Казначейства на содержаніе въ Майской трети сего года 476 руб. 16 коп. сер.

Того же Правленія, отъ 20 Сентября, пол. 21 го, объ отпускѣ изъ Московскаго Уѣзднаго Казначейства на содержаніе Общества въ Сентябрской трети сего года 476 р. 18 коп. сер. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

5. Московской Казенной Палаты, отъ 7-го Іюля, № 9891, пол. 14-го, 1865 г., увѣдомленіе съ книгою, документами за 1864 г. и квитанціею въ обревизованіи ихъ. Отчетъ о полученіи въ Обще-

ствѣ посланъ въ Палату 16-го Іюля, за N 189-мъ. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

6. Московскаго Цензурнаго Комитета, отъ 6-го Октября, 1865-го года, N 441, увѣдомленіе, на запросъ Секретаря Общества, въ какія именно мѣста и учрежденія Общество должно посылать свое повременное изданіе «Чтенія», въ слѣдствіе новыхъ постановленій о Цензурѣ?—«На основаніи ст. 68 и 79 Цензурнаго Устава и дополненій къ нимъ, періодическія изданія должны быть доставляемы въ Цензурный Комитетъ въ числѣ семи (7) экземпляровъ, изъ коихъ 1 остается въ Библіотекѣ Комитета, 1 подлежитъ отсылкѣ въ Главное Управленіе по дѣламъ печати, для Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, 2 въ Императорскую Публичную Библіотеку (если всѣхъ экземпляровъ болѣе 600, въ противномъ случаѣ только 1), 1 въ Императорскую Академію Наукъ, 1 въ Гельсингфорскій Университетъ и 1 въ Библіотеку Московскаго Публичнаго Музея. Кромѣ того, если періодическое изданіе изъято отъ предварительной Цензуры, то 1 экземпляръ онаго, согласно новымъ законоположеніямъ о печати, изложеннымъ въ Высочайше утвержденномъ 6-го Апрѣля сего года мнѣніи Государственнаго Совѣта, слѣдуетъ доставлять къ Цензору, которому порученъ просмотръ изданія, и въ полученіи сего экземпляра онъ выдаетъ установленную квитанцію». Отсюда ясно, что Общество должно представлять въ Цензуру только семь (7) экземпляровъ «Чтеній», такъ какъ они печатаются лишь въ числѣ 600 экз., считая въ числѣ 7-ми и 1 экземпляръ для Г. Цензора. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію и по оному къ исполненію.

7. Канцеляріи Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, отъ 19 Августа, 1865 г., за N 2388, пол. 20-го, о возвращеніи пергаментной рукописи № $^{175}/_{18}$ въ Московскій большой Успенскій Соборъ, которая, по окончаніи надъ нею ученыхъ работъ, и препровождена, при отношеніи Г. Вицепрезидента, въ Московскую Контору Святѣйшаго Синода, для передачи по принадлежности. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

Б. Предложенія.

8. Московскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, N 127, пол. 24 Апр., о доставленіи въ Комитетскую Библіотеку

безденежно по одному экземпляру изданій Общества за прошлое время. Опредѣлено: увѣдомить Комитетъ, что Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, по своимъ матеріяльнымъ средствамъ, не находитъ возможнымъ удовлетворить просьбѣ онаго Комитета.

9. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, отъ 29 Апр., N 1261; пол. 30-го, о высылкѣ въ Библіотеку новоучрежденнаго Новороссійскаго Университета въ Одессѣ своихъ изданій. Опредѣлено: отобрать, что возможно, изъ изданій Общества, и препроводить въ Новороссійскій Университетъ.

В. Приношенія.

а. Матеріялами:

10. Іеромонаха Арсенія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, пол. 10-го Марта: 1) «Двѣ жалованныя грамоты Императрицы Елисаветы Петровны Троицкой Сергіевой Лаврѣ на всѣ монастырскія владѣнія»; 2) «Доклады, грамоты и другіе акты о служкахъ Троицкаго Сергіева монастыря,» пол. 14-го Іюля.

11. Д. Чл. Архимандрита Макарія, изъ Новгорода, отъ 22 Марта, пол. 27-го: «Письмо Митрополита Ростовскаго Димитрія къ Митрополиту Новгородскому».

Опредѣлено: означенные матеріялы разсмотрѣть.

б. Статьями:

12. Д. Чл. Протоіерея М. Діева, изъ Нерехты, отъ 22 Марта, пол. 27-го: «Какой народъ въ древнія времена населялъ Костромскую сторону, и что извѣстно объ этомъ народѣ?»

13. Профессора Псковской Семинаріи Александра Князева, отъ 10 Апр.: «Очеркъ исторіи Псковской Семинаріи, до преобразованія ея по Проекту Устава, Высочайше утвержденному 1814 г.»

14. Статскаго Совѣтника Николая Абрамова, изъ Семипалатинска, отъ 8-го Мая, пол. 2-го Іюня, 1865 г.: 1) «Нѣсколько свѣдѣній о Ѳедорѣ Ивановичѣ Соймоновѣ, Сибирскомъ Губернаторѣ съ

1757 по 1763 годъ; 2) Дополненіе къ статьямъ, помѣщеннымъ въ «Чтеніяхъ» за 1864 годъ о Митрополитѣ Арсеніѣ Мацѣевичѣ, и 3) Ода на коронованіе Императора Павла 1-го».

15. Д. Чл. П. В. Хавскаго, отъ 22 Іюля, пол. 24-го: «Церковное счисленіе».

Опредѣлено: означенныя статьи разсмотрѣть.

в. Книгами:

16. Д. Чл. Архимандрита Макарія, отъ 22 Марта, пол. 27-го, печатная статья: «Св Діонисій Архіепископъ Суздальскій, основатель Нижегородскаго Печерскаго монастыря. Новгородъ 1864».

17. Профессора Львовскаго Университета, Я. Ѳ. Головацкаго, отъ 3 Генваря, 1865 г., пол. 30-го Марта. 1) «Науковый сборникъ, издаваемый Литературнымъ Обществомъ Галицко-Русской Матицы. Выпускъ 1. Львовъ. 1865 г.»; 2) «О первомъ литературно-умственномъ движеніи Русиновъ въ Галиціи со временъ Австрійскаго владѣнія въ той землѣ. Соч. Я. Ѳ. Головацкаго». Особый оттискъ изъ 2-го выпуска Науковаго Сборника. 1865 г. Львовъ. 1865 г.

18. Императорской Публичной Библіотеки, отъ 14 Апр., пол. 16-го, 1865 г.: 1) «Отчетъ ея за 1864 годъ. Спб. 1865 г., и 2) Catalogue des manuscrits, Grecks de la Bibliotheque Impériale publique. Avec 9 planches lithographiées. St.-Pétersbourg. 1864».

19. Московской Духовной Академіи, отъ 23-го Апр., N 98, пол. 26, экземпляръ «Сборника, изданнаго Академіею по случаю празднованія ея пятидесятилѣтія. 1864 г. М.»

20. Императорской Археологической Коммиссіи, отъ 11-го Апр., N 212, пол. 28-го «Отчетъ Коммисіи за 1863 годъ. Спб. 1864 г.».

21. Московскаго Археологическаго Общества, отъ 19-го Мая: «Труды Московскаго Археологическаго Общества. Томъ 1-й, выпускъ I. М. 1863 г.»

22. Редакціи журнала: «Труды Кіевской Духовной Академіи» отъ 6-го Мая, N 546, пол. 21-го, увѣдомленіе о полученіи

«Чтеній» за 1860—64 г., въ обмѣнъ на «Труды» за тѣ же годы, по высылкѣ послѣднихъ въ Общество.

23. Управленія Типографіи II-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, отъ 11-го Іюня, N 2533, пол. 25-го, экземпляръ III-го тома «Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ Державами иностранными. Сбп. 1865 г.»

24. Д. Чл. П. В. Хавскаго, отъ 22-го Іюня, пол. 22-го; «Азбучной Указатель къ 12 книгамъ «Плутархъ для юношества. М. 1865 г.»

25. Временной Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ при Кіевскомъ Военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторѣ, отъ 26-го Іюня, N 106, пол. 11-го Авг., экземпляръ изданій ея, именно: 5 томовъ «Архива Юго-Западной Россіи, двѣ брошюры: 1) «Отвѣтъ Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ на обвиненія нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ, по поводу выхода въ свѣтъ 2-й части Архива Юго-Западной Россіи, Кіевъ. 1861, и 2) О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Юго-Западной Россіи. Н. Иванишева. Изданіе Кіевской Археографической Коммиссіи. Кіевъ 1863 г.»

26. Директора Антропологическаго Отдѣленія Общества Любителей Естествознанія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, отъ 22-го Сент., N 479, пол. 23 Сент., экземпляръ изданныхъ имъ «Антропологическихъ Извѣстій», томъ 1-й, М. 1865 г.»

27. Д. Члена С. М. Соловьева: томъ XV-й «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ. М. 1865 г.»

Опредѣлено: означенныя книги сдать въ Библіотеку Общества.

Въ концѣ засѣданія Секретарь и Д. Чл. Общества, О. М. Бодянскій, представилъ только что отпечатанную третью книгу «Чтеній» 1865 г. Содержаніе ея слѣдующее:

I. Изслѣдованія. О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. II. Баба-Яга. Профессора Харьковскаго Университета, А. А. Потебни.

II. Матеріялы Отечественные. Приложенія къ Запискамъ А. П. Ермолова. 1801—1812 г.

III. Матеріялы Славянскіе. Митеріялы для Исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Рагузскою Республикою. Съ приложеніемъ плана Рагузы и карты военныхъ дѣйствій Русскихъ въ области Рагузской Республики въ 1806 г. Соч. В. В. Макушева.

IV. Матеріялы Иностранные. Средневѣковые путешественники, посѣщавшіе Россію, или говорившіе о ней: Михаилъ Саймесъ Изъ Länder-und Völkerkunde in Biographien v. Dr. Ph. Hedw. Külb, перев. Соревнователь Общества А. Н. Шемякинъ.

V. Смѣсь: 1. Послѣдніе годы жизни Государыни Царицы Евдокіи Ѳедоровны. Н. Дубровскаго. 2. Его же. О женѣ князя Михайла Алексѣевича Голицына, Итальянкѣ. 3. А. Н. Радищевъ. 4. Письмо Александра Ушакова къ А. Н. Радищеву въ Малый Ярославецъ, 1797 г. 5. Движеніе Латышей и Эстовъ въ Ливоніи съ 1841 года. 6. Справка по дѣлу о присоединеніи къ Православію крестьянъ Прибалтійскихъ Губерній. 7. О необходимости ввести во всѣхъ Губерніяхъ и Областяхъ Имперіи Русскіе органическіе законы. 8. Письмо Г. Ф. Миллера къ Тобольскому Вице-Губернатору Бибикову 1739 г. 9. Письмо С. Я. Румовскаго въ Академію Наукъ, 1761 г. 10. Нѣсколько свѣдѣній о Ѳ. И. Соймоновѣ, бывшемъ Сибирскомъ Губернаторѣ. Н. Абрамова. 11. Очеркъ Исторіи Поповщины съ 1846 года, съ документами К. Н. Николаева. 12. Краткая Записка о С.-Петербургской Академіи Наукъ. Президента ея С. С. Уварова. 13. Объясненія.

Опредѣлено: 3-ю книгу «Чтеній» 1865 г. раздать Гг. Членамъ присутствующимъ и разослать отсутствующимъ (роздана и разослана).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы. Посвященіе. — Предисловіе. — Вступленіе. — Значеніе слова «побѣда» и Отдѣленіе I. На канунѣ битвы. И. П. Липранди. . . . . Стран. 1 — 17

II.

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Архивъ Военно-походной Канцеляріи Графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. Часть III. 1774 — 1777. Сооб. М. О. Судіенко. . . . . 1 — 274

III.

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Собраніе, составленное Профессоромъ Русскаго языка и Словесности въ Львовскомъ Университетѣ, Я. Ѳ. Головацкимъ, и изданное съ предисловіемъ и разными объясненіями О. М. Бодянскимъ. Часть II. Пѣсни Угорской Руси. — Добавленіе: 1. Пѣсни, собранныя въ Стрыйскомъ Округѣ. . 536 — 624

IV.

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Исторія о Великомъ Княжествѣ Московскомъ, происхожденіи Великихъ Русскихъ Князей, недавнихъ смутахъ, произведенныхъ тамъ тремя Лжедимитріями, и Московскихъ законахъ, нравахъ, правленіи, вѣрѣ и обрядахъ, которую собралъ, описалъ и обнародовалъ Петръ Петрей де Ерле-

зунда въ Лейпцигѣ 1620. Часть II. Переводъ съ Нѣмецкаго Соревнователя Общества. А. Н. Шемякина. . . . . Стран. 89 — 184

V.

СМѢСЬ.

Грамота Петра I-го 1695 года жителямъ города Переяславля Южнаго на право Магдебургское, вольности и земли. Изъ бумагъ А. В. Терещенка. . . 1 — 7
Доносъ на откупщиковъ и компанейщиковъ, расхищающихъ казну и спаивающихъ народъ, Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ. . . . . 8 — 13
Указъ Епископа Переславскаго Амвросія, Переславскаго Никитскаго монастыря Архимандриту Нифонту, о неломаніи стараго до основанія. . . . . 14 — 16
Описаніе выбора Депутата отъ города С.-Петербурга въ Коммиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія. . . . . 17 — 18
Очеркъ исторіи Псковской Семинаріи, отъ начала до преобразованія ея по проекту Устава 1814 года. Соч. А. Князева. . . . . 19 — 102
О необходимости уничтоженія отдѣльныхъ правъ въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, и измѣненіи недостатковъ, противныхъ Государственному благоустройству. . . . . 103 — 114
Изображеніе нынѣшняго состоянія Россіи (1830 г.). 115 — 132
Дѣло о приписке Шлоцкихъ Евреевъ къ Ригѣ. . . . 133 — 141
Поѣздка въ Англію для собесѣдованія о соединеніи Англиканской Церкви съ Православною. Протоіерея при Русскомъ Посольствѣ во Франціи Іосифа Васильева. . . . . 142 — 159
О средствахъ къ исправленію экономическаго положенія Россіи. Д. Чл. С. Ш. Шипова. . . . . 160 — 170
Объ училищахъ для дѣвицъ Духовнаго званія. С. Ш. 171 — 176
Объясненіе. К. Н. Николаева. . . . . 177 — 185
Протоколъ Засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 23-го Октября, 1865 года. . . . 191 — 197

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
15	13	Плугъ — символъ	плугъ, символъ
—	32	Божить	Божить
17	19	я Одинъ	я и Одинъ
28	15	плугъ	пиръ
31	11	збивъ	зъѣвъ
33	25	gienge unser	gienge unter
—	26	по чему	по тому что
35	35	çpiçk	çpiйu
36	5	ютрену	ютреню
42	5	minukgti	mink-yti
43	25	тропыть	трапити
44	13	пинашмо	пинашими
—	18	kauru	kaurn
46	3	strnela	strucla
—	32	милаю ли	милам ли
50	12	копи	кои
51	4	Ostenfladen	Osterfladen
—	6	кравась	кравль
—	18	съ ночью	съ печью
53	9	коровай бувъ	коровай красенъ бувъ
55	7	бѣлый	бѣлѣй
—	8	милый	милѣй
64	15	Heiwag	Heilwag
73	19	прежнимъ	крестнымъ
74	32	kalw	kalwa
88	4	длинноносою	длинноносою
89	8	оставила	уставила
92	24	«Цйцй-Бабу»	«въ Цйцй-Бабу»
—	7	Турки	Турци
—	29	«а я зъѣмъ»	«а я выѣмъ»
95	6	воля	валя
—	17	»tania	»taria
—	30	(die Eisenne B.)	(die Eiserne B.)

зунда въ Лейпцигѣ 1620. Часть II. Переводъ съ Нѣмецкаго Соревнователя Общества. А. Н. Шемякина. . . . . Стран. 89 — 184

V.

СМѢСЬ.

Грамота Петра I-го 1695 года жителямъ города Переяславля Южнаго на право Магдебургское, вольности и земли. Изъ бумагъ А. В. Терещенка. . . 1 — 7
Доносъ на откупщиковъ и компанейщиковъ, расхищающихъ казну и спаивающихъ народъ, Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ. . . . . 8 — 13
Указъ Епископа Переславскаго Амвросія, Переславскаго Никитскаго монастыря Архимандриту Нифонту, о неломаніи старагы до основанія. . . . . 14 — 16
Описаніе выбора Депутата отъ города С.-Петербурга въ Коммиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія. . . . . 17 — 18
Очеркъ исторіи Псковской Семинаріи, отъ начала до преобразованія ея по проекту Устава 1814 года. Соч. А. Князева. . . . . 19 — 102
О необходимости уничтоженія отдѣльныхъ правъ въ Губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, и измѣненіи недостатковъ, противныхъ Государственному благоустройству. . . . . 103 — 114
Изображеніе нынѣшняго состоянія Россіи (1830 г.). 115 — 132
Дѣло о приписк Шлоцкихъ Евреевъ къ Ригѣ. . . . 133 — 141
Поѣздка въ Англію для собесѣдованія о соединеніи Англиканской Церкви съ Православною. Протоіерея при Русскомъ Посольствѣ во Франціи Іосифа Васильева. . . . . 142 — 159
О средствахъ къ исправленію экономическаго положенія Россіи. Д. Чл. С. П. Шипова. . . . . 160 — 170
Объ училищахъ для дѣвицъ Духовнаго званія. С. Ш. 171 — 176
Объясненіе. К. Н. Николаева. . . . . 177 — 185
Протоколъ Засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 23-го Октября, 1865 года. . . . . 191 — 197

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
15	13	Плугъ — символъ	плугъ, символъ
—	32	Божитъ	Божить
17	19	я Одинъ	я и Одинъ
28	15	плугъ	пиръ
31	11	збивъ	зъѣвъ
33	25	gienge unser	gienge unter
—	26	по чему	по тому что
35	35	çpiçk	çpiйu
36	5	ютрену	ютреню
42	5	minukgti	mink-yti
43	25	тропыть	трапити
44	13	пинашмо	пинашми
—	18	kauru	kaurn
46	3	strnela	strucla
—	32	милаю ли	милам ли
50	12	копи	кои
51	4	Ostenfladen	Osterfladen
—	6	кравась	кравль
—	18	съ ночью	съ печью
53	9	коровай бувъ	коровай красенъ бувъ
53	7	бѣлый	бѣлѣй
—	8	милый	милѣй
64	15	Heiwag	Heilwag
73	19	прежнимъ	крестцымъ
74	32	kalw	kalwa
88	4	длинноносою	длинноносою
89	8	оставила	уставила
92	24	«Цйцй-Бабу»	«въ Цйцй-Бабу»
—	7	Турки	Турци
—	29	«а я зъѣмъ»	«а я выѣмъ»
95	6	воля	валя
—	17	»tania	»taria
—	30	(die Eisenne B.)	(die Eiserne B.)

Стр.	Строка.		
99	20	пряха	пряжа
—	—	gulium	galium
—	33	gąstym	gęstym
100	3	поназлѣтуются	поназлѣтуются
—	19	снѣга	снѣги
—	21	по по́дгорою	по по́дго́рью
—	27	зъ вырею	зъ выраю
—	37	“ Метл. 201	“ Метл. 211.
103	30	по чему	по тому что
—	33	678 и сл.	768 и сл.
104	27	Mě zubů	Ale zubů
105	35	gib dir C.	gib dir e
106	4	спрядки	супрядки
—	10	по чему	по тому что
107	16	zyb	zub
108	6	даетъ	даетъ основаніе
—	17	штяпова	штапова
—	19	са штяповими	са штаповима
110	13	vo...	ve...
114	6	Sebrani spisy	Sebrané spisy
118	21	мо́ря	мо́рія
—	29	это—моровая	эта моровая
120	31	Murrane	Murraue
121	23	стали	сталъ
122	10	занести	завести
—	26	Принести	Принесши
124	28	Rücke	Rücken
125	18	жихарька	жихарько
126	28	исходили	шкодили
128	25	о великантѣ	о великаншѣ
129	27	готовленномъ	въ приготовленномъ
131	10	jędzu	jędza
132	18	lapi)	lapé)
134	10	ляпу	лапу
135	10	нѣкоторыя, хотя	нѣкоторыя. Хотя
136	17	сыкорко	свекорко
137	11	обѣдаетъ	съѣдаетъ
—	22	въ Нѣмецкомъ	въ Нѣмецкой
138	8	Норвежской царь	Норвежской—царь
—	9	кокошъ котовичъ	кокошъ кокотовичъ.
—	18	кокоша	кокота
143	9	Haufbrecte)	Hanfbrecte
—	24	Hink	blink
146	28	дочкѣ	дочка

Стр.	Строка.		
—	32	Haulemämurchen	Haulemännerchen
147	27	вѣдьмъ	вѣдьмѣ
148	17	Т. е.	Т. обр.
—	25	Слав.	Слов.
152	20	Баба корнями	Баба корнама
153	25	человѣкообрачному.	человѣкообразному
154	32	Баба-кобылья	была кобылья
157	16	и слѣд. Кумельчанъ,	Кумельчаниць
158	1	Tatrčíkách	Tatošíkách
161	14	царевичу	царевичеву
166	7	ихъ, т. е.,	ихъ т. о.
171	2	виленакъ	виловнякъ
172	36	и мѣдною,	и мѣдною стѣною,
173	21	на (грану,	(«на грану»,
176	35	да будетъ	добудетъ
179	30	загадкѣ	догадкѣ
180	27	Т. е.	Так. обр.
185	8	J. K. z Kadost.	J. K. z Radost
193	31	Т. е,	Так. обр.
196	5	съ ними	съ нимъ
198	2	дочерьею	дочерью ея
—	14	свѣжа	свѣтла
199	31	po otevrení	po otevření
200	22	бугаста	вугаста
—	24	Єв	в
—	30	Єв	в
201	10	сказками	сказками
	20	Murrane	Murraue
202	1	красную	красивую
—	7	меленькими	маленькими
—	10	рѣку	рѣпу
—	11	рѣка	рѣпа
—	20	о дѣвицѣ»	о дѣвицу»
—	24	«нинька-мамка»	«нинѣки-мамки»
—	28	плясать это	плясать, что
207	10	сказкѣ	сказкѣ
—	17	влезъ	влѣзъ
208	29	каркаиіа	каркаиіа
209	6	ор въ ра	ар въ ра
210	24	Игрэрчила	Иггдразила
212	20	быка	бока
—	36	буцівокъ	бузйвокъ
213	5	пастухомъ и Зевсомъ,	пастухомъ, и Зевсомъ
—	9	кедзъ ю	кедзъ го

Стр.	Строка.		
215	23	Donaru)	Донару)
217	13	Иначе	иначе
—	23	прядутъ	прячутъ
221	9	Mencuri	Mercuri
—	—	Vumineca	Duminecа
222	1	сетъ	есть
—	25	женщина	женщины
223	29	она	оно
224	7	Franaküclі	Frauaküelі
230	26	Савитари	Савитаръ
231	16	nиpta	nupta
—	18	Швастаръ	Тваштаръ
—	19—20	Швастары	Тваштара
232	2	Гандһарвы	Гандһарвы
—	4	Атһарвъ —	Атһарва —
233	23	Kalend. III.	Kalend. 111
236	56	вѐдромѣ	вѐдромъ
—	57	не ѣдятъ	съѣдятъ
237	10	расточило	растопило
—	11	альдюмъ	альфомъ
—	12	Альвліомъ	Альвисомъ
239	5	змѣя	змѣи
—	6	сходныя	сродныя
—	9	глоде	глоде
—	17	comioval	comcoval
—	26	Германскими	съ Германскими
—	29	Локя	Локи
—	32	Лока	Локи
240	6	Суртра	Сутура
—	7	Muspellheimr	Muspelheim
—	8	Суртромъ	Суртуромъ
—	16	Сказка	Сказки
—	20	Голинъ	Голикъ
—	28	полные воды (быть можетъ и пр.)	полные воды, напилась и забеременѣла. Это были «Божьи Слѣды» (быть можетъ и пр.
—	34	паали гарбһаһ	апâм гарбһаh
—	35	апâм нанâм	анâм нанâт
241	13	выроститъ	выростетъ
—	25	предметами	примѣтами
242	24	поваренка	Поваренка
—	—	сученка	Сученка
—	28	Die weiser	Die weisen
245	2	Сâрамîја	Сâрамêја

Стр.	Строка.		
246	14	Индра	Индійскій
247	21	своею	своего
—	27	Аля	Агц
—	34	Сачи	Сачй
251	25	оружіемъ, то	оружіемъ) то
253	16	d'âca	dâca
255	2	мерть	смерть
—	32	находимъ	находитъ
256	16	утопить	ухопить
257	9	Зарьку	Зорьку
258	26	Али	Аги
260	31	Али	Аги
263	9	черепья	черенья
	26	потоки одъ	потоки водъ
265	29	полоса къ полосѣ	полова къ полонѣ
267	12	Валкирін и Брингильды	валкирін Брингильды
—	15	Сигуръ	Сигурдъ
—	—	Гримгильдѣ	Кримгильдѣ
—	34	кузнеческаго	купецкаго
269	6	притворился	претворился
—	8 9	Моря. Такъ	моря; такъ
271	5 6	Прекрасной. Медвѣдь	Прекрасной медвѣдь
—	26	на лозѣ	на лозы
272	13	Mrdotús	Mrdofús
—	23	сказкѣ соотвѣтствующее	сказкѣ лицо соотвѣтствующее
275	3	думаетъ, Сушна	думаетъ, что Сушна
—	7	Али	Аги
—	11	трава	труба
—	27	вѣщимъ	пьющимъ
276	5	намокъ	смокъ
	9	дождь	дождь;
—	10	сѣетъ	сосетъ
	17	ŕymu	rymu
—	29	Брун.	Бѣлорусс.
—	30	напоминало	паносимаго
277	12	похмула	потмула
278	1	скотный	скотской
—	21	Jormen-gandr	Jörmun-gandr
—	26	suncec	sunčec
—	30	Славянское	Словенское
279	13	нарицаются	нарицають ее
—	36	su meszke meckesi	su meszka meckesi
280	12	Волошск.	Вологодск.
—	36	вамъ	вам

Стр.	Строка.		
281	1	въ Польской	Польскимъ
—	8	кукурузіехъ	кукурузіехъ
282	7	приколичь (женск.)	приколичь (жен. приколичоне)
283	22	имени	и мени
284	6	замнюче	замигоче
—	24—25	но сливается	не сливается
—	37	у Гетте	у Темме
285	32	Munoty	Murony
287	17	ворить	варить
—	19	обмѣнишь	обмѣнышь
288	5	скрадывыя	скрадывая
—	7	намиснику	на миснику
—	10	противной	проливной
—	25	токой	такый
290	23	перенесено	перенесены
291	36	Aeratuos	Aera tuos
292	3	podojš	podojiš
—	10	snušeninu	smišeninu
—	22	třikrte	třikráte
—	23	obracení	obracené
—	24	muská	mrská
—	29	вѣдьмы	вѣдмами
—	31	вкунула	вкинула
293	11—12	убывашета	убивашета
294	2	кою жену	на кою жену
—	9	упыря,	упыря)
—	27	skand	skaud
—	30	сопящій	гонящій
295	16	nic jé	nie jé
—	17	темноты	темнота
—	18	падаютъ. Ночной	падаютъ, ночной
296	13	мара	мары
—	16	zhare	źhaře
—	22	на ёшъ	па ёшъ
297	20	brunstwarzen	brustwarzen
298	17	die Tunde	die Trude
—	21	замкнувши	заткнувши
299	4	(полом	(потомъ
—	14	попадаютъ	нападаютъ
300	21	obliži	obliže
301	17	ungezieter	ungezifer
—	18	приносимое	не приносимое
—	26	врикна	врикńа
—	27	latus	latro

Стр.	Строка.		
303	24	povènečného	pověrečného
304	5	коорою	которою
—	15	намъ	наши
306	16	vložejic	vložejí
—	16—17	nakvasuje	nakvašuje
—	33	chlopodauch	chlopolouch
—	—	chliopau	chliopan
308	9	nerotrebované	nepotřebované —
—	11	boleseti	bolesti
—	24	одинъ	Одинъ
—	25	svefuporn	svefnthorn
309	7	порошка	нароста

ИСТОРІЯ РОССІЙСКАЯ, В. Н. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. М. 1848 г., 1 р. 50 к. сер., перес. за 4 ф.

ПОРТРЕТЪ Кіевскаго Митрополита **ЕВГЕНІЯ**, со снимкомъ почерка его руки. М. 1854 г., цѣна безъ пересылки 50 к.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

	Цѣна
ГОДЪ 2-й:	
изъ 9-ти книгъ, каждая	2 р. 50 к.
за всѣ, безъ пересылки	22 р. 50
съ съ пересылкой	25 р. сер.
ГОДЪ 3-й, тоже изъ 9-ти	
книгъ, каждая по . . .	1 р. 50 к.
ГОДА 4-го кн. I.	1 р. 50 к.
И того безъ пересылки . .	37 р. 50 к.
съ пересылкой.	44 р. сер.
ГОДЪ 1858-й, 1859-й, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, по 4 книги въ годъ, безъ пер. каждый.	5 р. с.
съ пересылкой	6 —
За всѣ годы, безъ пересылки.	77 р. 50 к.
съ пересылкой же.	92 р. сер.

ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

съ 1849 по 1858 г.

25 книгъ, каждая по	1 р. 50 к.
а за всѣ безъ пересылки. . .	37 р. 50 к.
съ пересылкой. .	45 — —

На пересылку всякой книги «Чтеній» и «Временника» безъ различія за 4 фунта.

Изданія Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ можно получать: 1) въ самомъ Обществѣ, у Актуарія Дмитрія Ивановича Штейнберга, на Моховой, въ зданіи Университета, и 2) у книгопродавца Ивана Григорьевича Соловьева (бывш. И. В. Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, противъ Университетской Типографіи.

Тамъ же можно получать:

СЛАВЯНСКІЯ ДРЕВНОСТИ, соч. П. І. Шафарика, перев. съ Чешскаго О. Бодянскаго, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848, ц. 6. р. сер., перес. за 10 ф.

О ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПИСЬМЕНЪ, соч. О. Бодянскаго. М. 1855, ц. 2 руб. серебр., съ перес. 3 р.

ИСТОРІЯ РУССОВЪ ИЛИ МАЛОЙ РОССІИ, соч. Преосвященн. Георгія Конисскаго. М. 1846 г., ц. 5 р. сер. безъ пересылки.

ГУСЪ И ЛЮТЕРЪ. Критическое изслѣдованіе Е. Новикова. М. 1859 г., два тома. Цѣна 4 р. сер.

ЗАПИСКИ НѢКОТОРЫХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ Д. Т. Сов. и Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860, ц. 1 р. 50 к. сер.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И РОДИНѢ ГЛАГОЛИТИЗМА; соч. П. І. Шафарика; перев. съ Нѣмецкаго А. Шемякина. М. 1861, ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р.

ПОХОДЫ ВИКИНГОВЪ, государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ, соч. А. М. Стриннгольма, пер. съ Нѣмецкаго А. И. Шемякина. 2 части. М. 1861, ц. 2 р. 50 к. сер., съ пересылкою 3 р.

ПУТЕШЕСТВІЯ Венеціанца Марка Поло въ XIII стол., напечатанныя въ первый разъ вполнѣ съ объясненіями на Нѣмецкомъ по лучшимъ изданіямъ и съ объясненіями Авг. Бюркомъ, а перев. А. И. Шемякинымъ. М. 1863.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ и въ 1866-мъ году выходятъ, какъ повременное изданіе, четыре раза въ годъ по одной книгѣ отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ, въ концѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря. Содержаніе каждой книги составляютъ: I. Изслѣдованія, II. Матеріалы: Отечественные, III. Славянскіе, IV. Иностранные, и V. Смѣсь.

Подписка годовая — пять рублей серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкой въ другія мѣста — шесть. Съ требованіями обращаться въ самое Общество, или къ Московскому книгопродавцу, Ивану Григорьевичу Соловьеву (бывш. И. В. Базунову), на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ,

Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ,

въ С.-Петербургѣ.

ВИЦЕПРЕЗИДЕНТЪ,

Попечитель Университета, Дмитрій Сергѣевичъ Левшинъ,

у Колымажнаго двора, въ домѣ Столыпина.

СЕКРЕТАРЬ,

Осипъ Максимовичъ Бодянскій,

у Никитскихъ воротъ, въ домѣ Мещеринова.

БИБЛІОТЕКАРЬ,

Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ,

у Покрова въ Левшинѣ, въ казенномъ домѣ.

КАЗНАЧЕЙ,

Николай Никифоровичъ Басалаевъ,

на Пречистен. бульварѣ, въ д. Іерусал. подворья.

АКТУАРІЙ,

Дмитрій Ивановичъ Штейнбергъ,

на Моховой, въ зданіи Московскаго Университета.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

1866

АПРѢЛЬ — ІЮНЬ.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

1866.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Цѣны на серебро.

ТРУДЫ И ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА исторіи и древностей Россійскихъ, 8 частей. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 40 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

РУССКІЯ ДОСТОПАМЯТНОСТИ. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 сер., перес. за 2 ф.; Ч. 2-я Русская Правда. 1843 г., ц. 75 к., пер. за 2 ф.; Ч. 3-я Слово о Полку Игоревѣ. 1844 г., ц. 70 к., пер. за 2 ф.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ для Россійской исторіи, г. Эверса, пер. съ Нѣм. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 75 к., перес. за 2 ф.

ДРЕВНОСТИ СѢВЕРНАГО БЕРЕГА ПОНТА, соч. П. Кеппена, перевод. съ Нѣм. Срезнева-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

ОБОЗРѢНІЕ КОРМЧЕЙ КНИГИ въ историческомъ видѣ, соч. Барона Розенкампфа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

КОРСУНСКІЯ ВРАТА въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описаны и объяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмецкаго И. Артемовымъ; съ рисунками. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

СУПРАСЛЬСКАЯ РУКОПИСЬ, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи, изд. Княземъ М. Оболенскимъ. М. 1836 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

ПСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р., перес. за 3 ф.

РУССКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. на 3 ф. за каждый.

ПОВѢСТВОВАНІЕ О РОССІИ, въ трехъ томахъ, соч. Н. С. Арцыбашева. М. 1838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 р., перес. за 13 ф.

КНИГА ПОСОЛЬСКАЯ МЕТРИКИ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія, два тома, изданная Кн. М. Оболенскимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., 2 р., перес. за 6 ф.

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ временныхъ лѣтъ Червонной или ГАЛИЦКОЙ РУСИ до конца XV столѣтія, соч. Д. Зубрицкаго; пер. съ Польскаго О. Бодянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р., пер. за 2 ф.

КНИГА, БОЛЬШОЙ ЧЕРТЕЖЪ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. изд. Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О РУССКОМЪ ВОЙСКѢ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его до Петра 1-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп., перес. за 2 ф.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ, сост. П. М. Строевымъ; съ снимкомъ съ 1-й стр. Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ЗАМѢЧАНІЯ И ЛЕКЦІИ о Русской исторіи. М. Погодина. М. 1846 г. тома: 1, 2 и 3-й, ц. 4 р., перес. за 6 ф.

ИСТОРІЯ О ДОНСКИХЪ КОЗАКАХЪ, соч. А. Ригельмана, съ 10 рисун. М. 1846 г., ц. 1 р. 30 к., пер. за 2.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Цѣны на серебро.

РУДЫ И ЛѢТОПИСИ ОБЩЕСТВА исторіи и древностей Россійскихъ. eli. М. 1815—1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 40 к. за кн. ерес. за 2 ф.

УССКІЯ ДОСТОПАМЯТНОСТИ. Часть 1-я. 1815 г., п. 30 сер., перес ; Ч. 2-я Русская Правда. 1843 г., п. 75 к., пер. за 2 ф.; Ч. 3-я Сло ку Игоревѣ. 1844 г., п. 75 к., пер. за 2 ф.

РЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ для Россійской , г. Эверса, пер. съ Нѣм. М. Погодина. М. 1826 г., п. 75 к., за 2 ф.

РЕВНОСТИ СѢВЕРНАГО БЕРЕГА ПОНТА, соч. П. Кеппена, перес Нѣм. Средняго-Камышенца. М. 1828 г., п. 10 к., перес. за 2 ф.

ВОЗРѢНІЕ КОРМЧЕЙ КНИГИ въ историческомъ видѣ, соч. Барона Ро ифа. М. 1829 г., п. 1 руб., перес. за 3 ф.

ОРСУНСКІЯ ВРАТА въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, описс ъяснены Ѳ. Аделунгомъ; пер. съ Нѣмецкаго П. Артемова; съ рисун М. 1834 г., п. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

УПРАСЬСКАЯ РУКОПИСЬ, содержащая Новгородскую и Кіевскую сп ныя лѣтописи, изд. Князьмъ М. Оболенскимъ. М. 1836 г., п. 1 р., за 2 ф.

СКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., п. 1 г. за 3 ф.

УССКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, изд. М. Погодинымъ. М. 183 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. на 3 ф. за кажд

ОВѢСТВОВАНІЕ О РОССІИ, въ трехъ томахъ, соч. И. С. Арцыбыше 838—1843 г. Цѣна за всѣ 10 р., перес. за 13 ф.

ИГА ПОСОЛЬСКАЯ МЕТРИКИ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСК содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы съ государствомъ Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданныя Кн. М. О скимъ, И. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Л. Лубенскимъ. г., 2 р., перес. за 6 ф.

НТНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ временныхъ лѣтъ Черниговской или Т **КОЙ РУСИ** до конца XV столѣтія, соч. Д. Зубрицкаго; пер. съ По О. Бодянскаго. М. 1845 г., п. 1 р., пер. за 2 ф.

ИГА, БОЛЬШОЙ ЧЕРТЕЖЪ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книгъ, скимъ. М. 1846 г., п. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

РУССКОМЪ ВОЙСКѢ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и посл тра 1-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., п. 50 коп., перес. за 2 ф.

ЗЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНО РОССІЙСКИХЪ, сост. П. М. Строевымъ; со спискомъ съ 1-го лис ы Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., п. 1 пер. за 2 ф.

ЛѢДОВАНІЯ, ЗАМѢЧАНІЯ И ЛЕКЦІИ о Русской исторіи. М. Погодина 46 г.; томы: 1, 2 и 3-й, п. 4 р., перес. за 6 ф.

ТОРІЯ О ДОНСКИХЪ КОЗАКАХЪ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисун 46 г., п. 1 р. 50 к., пер. за 2.

ГОПИСНОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ О МАЛОЙ РОССІИ, соч. А. Р рисун. М. 1847 г., п. 2 р., пер. за 4 ф.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

О. М. БОДЯНСКАГО.

1866.

АПРѢЛЬ — ІЮНЬ.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (КАТКОВЪ И К°),

НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.

1866.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ДОНЪ

I

МѢСТО ССЫЛКИ ОВИДІЯ НАЗОНА

II

МИТРОПОЛІЯ ВЕЛИКОЙ И МАЛОЙ РУСИ НА ДОНУ,

СЪ IV ДО IX ВѢКА.

СОЧИНЕНІЕ

А. Вельтмана.

ДОНЪ

I.

МѢСТО ССЫЛКИ ОВИДІЯ НАЗОНА.

Вопросъ о мѣстности Мало-Скиѳійскаго города Томи — Tomis, Τομέα, Τομαία, Τομως etc., еще не рѣшенъ опредѣлительно, потому именно, что никогда и никѣмъ не былъ строго изслѣдованъ. Давнія поверхностныя сужденія объ этомъ предметѣ можно заключить Квіеномъ (Le Quien). Въ Oriens Christianus, при упоминаніи объ эпархіи Томитанской, въ Скиѳіи, онъ говоритъ: «Caeterum hodie Tomi non extant, et perperam a quibusdam pro Temiswar accipitur, et ab aliis pro Kiowia». [1] Новѣйшіе поиски Томи въ сосѣдствѣ Дуная сосредоточены въ статьѣ г. Беккера. [2] Его предположенія останавливаются на мѣстности Кюстенджи. Не опровергая этого мнѣнія, я только полагаю, что Ѳракійскій Томи, не Томи Овидія.

Томи, оглашавшійся покаянными мольбами Назона, былъ на отдаленныхъ предѣлахъ Римской Имперіи, извѣстенъ въ церковной

---

[1] Nisard, professeur d'éloquence Latine, въ предисловіи къ изданію Овидія, приводитъ различныя мнѣнія о мѣстности Томи: въ Томисварѣ (?) въ Булгаріи, въ Кіёвѣ на Днѣпрѣ, и въ Сабаріи. «Quant à son tombeau, on l'a retrouve partout. Bruschius écrivit en 1508, qu'on l'avait, cette année la, decouvert à Sabarie, avec cette inscription gravée sur la partie extérieure de la voûte....» За симъ слѣдуетъ надпись, таже самая, которую мы представимъ ниже. Но дѣло въ томъ, что упоминаемый Низаромъ Bruschius (Gaspar), писавшій будто бы въ 1508 году, родился 19 авг., 1518 года.

[2] Пропилеи. Изд. г. Проф. Леонтьева, т. IV, стр. 255—309.

исторіи, со временъ Константина Великаго, какъ митрополія *области Скиѳій* — Σκυθίαν ἑκατέραν, и безъ сомнѣнія имѣетъ существенное значеніе только для исторіи Русской Церкви.

Встрѣтивъ въ древнихъ географахъ и въ периплахъ Понта названіе Томиа на Ѳракійскомъ берегу, въ 750 или 800 стадіяхъ отъ Дуная, издатели Овидія и упоминающіе объ немъ, удовлетворились этимъ свѣдѣніемъ, хотя оно во всемъ противорѣчитъ съ его собственными словами, исключая неопредѣленнаго, въ понятіяхъ современныхъ ему географовъ, слова Дунай. Въ отношеніи Овидія, вопросъ могъ бы остаться нерѣшеннымъ, какъ вопросъ о мѣстѣ рожденія Гомера; для исторіи Поэзіи это ничего не значитъ; но для исторіи Церкви, помѣщеніе Русской первобытной Томитанской митрополіи во Ѳракіи, есть несообразность, которую нельзя оставить безъ повѣрки. На этомъ только основаніи я обращаюсь къ словамъ самого Назона о мѣстности, климатѣ, преданіяхъ и упоминаемыхъ имъ историческихъ лицахъ Томитанской страны. Безъ соображенія этихъ предметовъ, его топографія, потерпѣвшая отъ писцовъ и корректоровъ, кажется поэтическимъ вымысломъ. Но въ положеніи Овидія, ему было не до вымысловъ; онъ могъ ошибаться, только искренно вѣруя въ превратныя свѣдѣнія современныхъ географовъ, для которыхъ вся сѣверная часть Понта была еще покрыта Киммерійскимъ мракомъ.

Вникая въ смыслъ элегій и посланій Овидія, и зная топографію Ѳракіи, нельзя не искать инаго Томи на иной мѣстности, въ странѣ болѣе пустынной, лежащей, по его выраженію, подъ созвѣздіемъ Эриманѳской медвѣдицы. Г. Линовскій, въ статьѣ своей «Гробница Овидія,» [3] и переноситъ прахъ Назона за Дунай, въ Бессарабію, и говоритъ, что тамъ, по мѣстнымъ и древнѣйшимъ преданіямъ, память народная сохранила имя поэта въ названіи «Lacul Ovidului»— Овидіево Озеро, близь Аккермана. Эта находка принадлежитъ собственно Кантемиру. Я былъ близь Аккермана, искалъ знаменитаго озера, и нашелъ его; но оказалось, что маленькое озерцо, поросшее камышемъ, въ вершинѣ Днѣпровскаго лимана, называется Лаку Дувыдулуй. Очень естественно, что не стоило справляться у народ-

[3] Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. I.

наго воспоминанія, кто такой былъ Дувыдъ, и когда именно здѣсь стояла его одая. [4]

Но послѣ свѣдѣнія объ Овидіевомъ озерѣ, [5] г. Линовскій сообщаетъ иное свѣдѣніе, отысканное имъ, по наведенію же Кантемира, въ Запискахъ D. Laurentium Müller, fürstlichen Churländischen Hoffrath, Anno 1585, гдѣ, между прочимъ, говорится о «warhaften ort der exilii Ovidiani.»

«Въ 1581 году, пишетъ Мюллеръ, во время праздниковъ, когда Черкасскій староста Вишневецкій, при помощи Князя Острожскаго, разбилъ Татаръ, они осмотрѣли значительную часть этой страны (Заднѣпровской), и нашли тамъ обширныя пустыни.... На шестой день пути отъ Днѣпра, мы остановились на прекрасномъ мѣстѣ, гдѣ былъ заглохшій тиною колодецъ. Здѣсь Войнусскій и указалъ намъ въ густой травѣ надгробный камень, съ слѣдующею надписью:

Hic situs est vates, quem divi Caesaris ira
Augusti Laoio cedere jussit humo,
Saepe miser voluit patriis occumbere terris,
Sed frustra: hunc illi fata dedere locum.

Объ этомъ камнѣ сообщается и въ лѣтописи Сарницкаго: «Annales, seu de origine et rebus gestis Polonorum et Lituanorum,» свѣдѣніе со словъ нѣкотораго знаменитаго Русскаго боярина, что этотъ камень найденъ имъ въ степи близъ г. Азакъ [6] (oppidum Asak).

---

[4] Это Овидіево озеро, La Motray, болѣе счастливый въ поискахъ, нашелъ гораздо ближе къ предполагаемому мѣсту изгнанія Овидія. Г. Беккеръ почерпнулъ изъ путешествія его свѣдѣніе, что озеро, лежащее между Бабою (Бабадагомъ) и Кюстенджи, называется не по турецки и нынѣ еще Овидіевымъ озеромъ. Но между Кюстенджи и Бабой, по взморью (85 вер.), много озеръ; однако же не Овидіевыхъ; влѣво же отъ дороги озеро Карасу, а не по Турецки озеро Черной воды. Въ этомъ-то названіи, вѣроятно, и нашелъ La Motray имя Овидія.

[5] Кстати, независимо отъ моего посѣщенія этого озера, я нахожу его и на Семитопограф. картѣ театра войны 1828—29 г. Выше и правѣе Гура-Роша означено оз. Дувыдово.

[6] Азакъ есть татарское и турецкое названіе Азова; однозначительно

Г. Линовскій сомнѣвался въ достовѣрности сообщаемаго свѣдѣнія; но я невольно обратилъ на него вниманіе, потому, что былъ убѣжденъ уже довольно подробнымъ изслѣдованіемъ, что для Овидія не западный берегъ Чернаго моря былъ litus sinister Ponti, а восточный.

Я былъ на мнимомъ островѣ Певкѣ, который по Скимну Хіосскому возвышался между рукавами Дуная и не уступалъ въ величинѣ острову Родосу. Съ моря, отдѣльныя высоты Добрушской области, въ самомъ дѣлѣ покажутся островомъ, если принять Черноводскій берегъ, по которому тянется къ Кюстенджи, такъ называемый Траяновъ валъ, [7] за берегъ южнаго рукава Дуная.

Собственно въ этихъ мѣстахъ и прокладываются, какъ г. Истръ, такъ и искомый г. Томи, основанные по преданіямъ Милетами, то есть, Лидянами области Іонійской; слѣдовательно, до покоренія Лидіи Персами. Однако же, по Периплу Скилакса Каріандрскаго, котораго Дарій Гюштаспъ посылалъ осмотрѣть берега Индіи Черноморской, ни г. Истра, ни г. Томи, на Ѳракійскомъ берегу еще не существовало. «Слѣдуя далѣе по Понту, говоритъ Скилаксъ, на Ѳракійскомъ берегу слѣдующіе еллинскіе города: Аполлонія, Мисимврія, Одиссополисъ, Каллатисъ, а за тѣмъ р. Истръ.»

Г. Истръ, во Ѳракіи, не извѣстенъ былъ и Геродоту, и безъ сомнѣнія не существовалъ еще и въ его время. Въ свѣдѣніяхъ Помпонія Мелы, между Истрополемъ и Каллатисъ, нѣтъ Томи. [8] Истръ является съ сосѣдомъ своимъ, Томи, первоначально у Страбона, не городами, а πολίχνη, — что значитъ городецъ, небольшое укрѣпленное мѣсто; слѣдовательно, разсчитывать на нихъ, какъ на колоніальныя торговыя пристани, не льзя: этого значенія имъ не при-

---

съ خزر и خزق; бахр-ель-Хазар и Хазак-денгис — Козарское море, Казачье море; такъ называли Магометанскіе писатели безразлично то Азовское, то Каспійское море.

[7] Кр. Кюстенджи составляетъ приморскую оконечность вала или линіи укрѣпленій со стороны Ѳракіи, отъ озера Черноводы, и можно полагать, что здѣсь было укрѣпленіе, построенное, вмѣстѣ съ валомъ, въ то время, когда Римляне, покоривъ Македонію, овладѣли и Ѳракіей.

[8] «Ὀδυσσος ἔχει καὶ βάρης λέγεται». Le Quien, въ опис. Мисійскихъ епископій.

даетъ ни одинъ изъ древнихъ географовъ. Это были не болѣе, какъ приморскія станціи и посты, въ родѣ Анапы. По Периплу Арріана, у котораго означены разстоянія прибрежныхъ городовъ Ѳракіи, можно опредѣлить положеніе Томи. Мѣра стадій въ разныя времена и въ разныхъ мѣстностяхъ была такъ различна, какъ и самыя опредѣленія стадій по числу, заключающемуся въ градусѣ. Но на Ѳракійскомъ берегу есть нѣсколько неизмѣнныхъ точекъ, на примѣръ, оконечности Гема (Балкана), образующія мысъ Эмине, мысъ Тиристрія и мѣстность Одиссы, нынѣ Варны. [9] Я опредѣляю стадіи Арріана по разстояніямъ этихъ точекъ, пользуясь картой театра войны 1828—29 годовъ. [10] По этому размѣру 1 верста заключаетъ въ себѣ около 7 стадій, и всѣ древнія мѣстности набережной сходятся съ соотвѣтственными имъ въ настоящее время, какъ нельзя болѣе.

Разстоянія по верстамъ.	Вер.	Ст.	По Арріану, въ стадіяхъ.	Ст.
Отъ мыса Эмине до Варны	51	=357.	Отъ мыса окон. Гема до Одиссы	360.
Отъ Варны до Бальчика	29	=203.	Отъ Одиссы до Діонисіополя	200.
Отъ Бальчика до Коварны	12	= 84.	Отъ Діонисіополя до Визонъ	80.
Отъ Коварны до м. Желегра-бурну.	11	= 77.	Отъ Визонъ до м. Тетризіады, по Страб. м. Тирица (Τίριζις)	60.
Отъ мыса до мѣста, гдѣ маякъ	18	=126.	Отъ Тетризіады до Каросъ (Фаросъ?).	120.

[9] Помпоній Мела не упоминаетъ о Томи: « In littoribus Istro proxima est Istropolis, deinde a Milesiis deducta Calatis, et Tritonice, et portus Caria, et Tiristris promontorium.» Исаакъ Воссій, въ примѣчаніяхъ къ Периплу Понта, исправляетъ Помпонія, и вставляетъ въ текстъ его Tomos, для географическаго порядка и вѣрнаго чтенія: «In littoribus Istro proxima est Istropolis. Tomos deinde à Milesiis deducta, Calatis, etc.»

[10] Составленной съ инструментальныхъ и военныхъ съемокъ, при Воен.-Топогр. Депо картъ, въ 1853 г., мѣрой 10 верстъ въ дюймѣ.

Мѣра 7 стадій въ 1-й верстѣ сходится и съ разстояніями Страбона. Отъ Кіаней, т. е., отъ пролива Константинопольскаго, онъ считаетъ 1,500 стадій до Аполлоніи (на полуостровѣ, слѣд. до нынѣш. Сизополя). По мѣрѣ отъ пролива до Сизополя 1,400 стад. (200 верстъ). Отъ Аполлоніи до Каллатиса, по Страбону 1,300 стад. По мѣрѣ отъ Сизополя до Мангаліи (предп. Каллатисъ, Калантра) 190 верстъ или 1,330 стад.

Отъ Маяка до Мангаліи . 30=210. Отъ Карос̀ъ до Калантры . 180. Отъ Мангаліи до Кюстенджи 40=280. Отъ Калантры до Томи. . 300. [11]

Далѣе, въ 28 верстахъ отъ Кюстенджи начинаются пересыпи Синяго озера (коса Кутюкъ) и удобнаго мѣста, для помѣщенія г. Истра въ 300 стадіяхъ (42 в.) отъ Томи — нѣтъ. Г. Беккеръ полагаетъ, что пристань Истра слѣдуетъ помѣстить на грядѣ Кара-Урманъ, при с. Кара-Урманъ, т. е., въ 800 стадіяхъ или 114 верстахъ, а по его мѣрѣ стадій въ 140 верстахъ; самый же городъ Истръ искать внутри страны, къ западу отъ оз. Разельмъ, верстахъ въ 20. Не постигая ни такого огромнаго разстоянія пристани Истра отъ города Истра, ни помѣщенія этой пристани въ нѣдрахъ плавней и гирлъ Дунайскихъ, я удовлетворяюсь опредѣленіемъ мѣстности Ѳракійскаго г. Томи, по Арріану въ 800 ст. (114 в.), а по Страбону въ 750 (107 в.) отъ южнаго гирла Дуная.

Во всякомъ случаѣ, мы можемъ теперь судить объ окрестностяхъ этого Томи и о климатѣ страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ извѣстно, что при Августѣ внутреннее спокойствіе страны было обезпечено отъ набѣговъ варваровъ Заистрійскихъ, и охраняемо войсковыми префектурами. Сверхъ того, Ѳракія уже имѣла сообщенія съ Римомъ и сухимъ путемъ и Дунаемъ до устья; потому что Лентулъ занималъ укрѣпленіями и войсками лѣвый или сѣверный берегъ рѣки. [12]

При подобномъ положеніи Ѳракіи, сообразны ли жалобы Овидія на беззащитность Томи посреди Скиѳовъ, Сарматъ, Гоѳовъ и Грайевъ, забывшихъ свой еллинскій языкъ, in Scythibus finibus, куда только изрѣдка достигаетъ моремъ вѣсть изъ Рима? Нѣтъ ли здѣсь

---

[11] По Помпонію, послѣ portus Caria слѣдуетъ Tritonice (по Tabula Peutingeriana Stratonice), потомъ Calatis, соотвѣтствующій Кюстенджи, котораго названіе образовалось собственно изъ Constantia.

У Птоломея порядокъ иной: послѣ Одиссы слѣдуетъ Τριστρία ἄκρα, потомъ Діонисополисъ, Каллатіа, Томи (Τόμοι), Истрополь.

По Плинію: Одессусъ, Діонисополь, Бизонъ, Гераклея, Калатисъ, Томосъ, Истрополь.

[12] Misso igitur Lentulo, ultra ulteriorem repulit ripam, citra praesidia constituit. Sic tunc Dacia non victa, sed summota atque dilata est. Florus. L. IV, 12.

географической ошибки, въ которой Овидій, безъ сомнѣнія, меньше виноватъ, нежели знаменитый географъ Делиль, который со словъ Константина Багрянороднаго помѣстилъ Черную Булгарію, вмѣсто Придонья, на Дунаѣ, въ Добрушской области? [13]

Въ чемъ же можетъ заключаться эта ошибка?

Сходственныя названія Дона и Дуная были не разъ причиной того, что событія перемѣщались съ Азіатскаго берега Понта на Европейскій, и обратно. Еллинское и Римское ухо, зная Дунай за Ἴστρος и Danubius, а Донъ за Tanais, ни какъ не могло различать народныхъ названій, между которыми часто и не было различія. Донъ также носилъ имя Дуная. Самое названіе Tanaï(s) могло скорѣе произойти отъ Дуная, нежели отъ Дона. Сѣверная Русь (Rugii) называла и сѣверозападную Двину Дунаемъ, или вообще Доньемъ, [14] т. е., Низовьемъ; а по древнимъ это былъ Танаисъ, впадающій въ Балтійское море. [15]

«Мы знаемъ только устье Танаиса, говоритъ Страбонъ, а истоки его и теченіе совершенно намъ неизвѣстны. По мнѣнію Ѳеофана Митиленскаго, онъ истекаетъ изъ горъ Кавказа, течетъ на сѣверъ

---

[13] См. «Imperium Orientale, Domni Ans. Banduri. Const. Porphirog. De Adm. Imp. Cap. 42, и приложенную карту Делиля (Del'Isle). Константинъ говоритъ: «Къ сѣверу рѣка Днѣпръ, откуда Руссы ходятъ чрезъ Черную Булгарію и Хазарію въ Сирію.» Въ договорѣ съ Игоремъ, Императоры Романъ, Стефанъ и Константинъ Багр. выговорили, чтобъ Великій Князь Русскій не допускалъ Черныхъ Болгаръ воевать на Корсунь.

[14] Донье — низовье, низъ, дно; по Сербски Доньи, der untere, inferior. — Dünen — низовье Рейна. Это слово какъ и низовье относилось по преимуществу къ устьямъ, гдѣ была и тоня — рыболовное мѣсто рѣки.

[15] «Есть другой Танаисъ, который протекаетъ изъ горъ Кринскихъ (Chrinnes) и впадаетъ въ Балтійское море.» Іорнандъ, Еписк. Равенскій. Выписка Гр. Потоцкаго. Кн. XXXIII, гл. V. Это Донье или Двина составляла торговый путь, имѣя общіе истоки съ Волгой. Сѣверная Двина, сообщающаяся верховьями, посредствомъ волока, съ Камой, безъ сомнѣнія называлась также Доньемъ.

Guillielmo Stuckio, въ примѣчаніяхъ къ Аррiанову Периплу, говоритъ, что рѣку Двину (Duna) называли также и Дунаемъ (Danubius).

и потомъ дѣлаетъ поворотъ и впадаетъ въ Меотическое озеро. По другимъ, верховье его тамъ же, гдѣ и истоки Истра.» Разумѣется, что подобныя понятія раждались отъ сходства названій. По Периплу Скилакса, «послѣ Венетовъ слѣдуютъ: народъ Истры и рѣка Истръ, впадающая въ Понтъ семью рукавами (ἔθνος Ἴστροι, καὶ ποταμὸς Ἴστρος).» Тутъ же рядомъ γυναικοκρατούμενοι (управляемые женами), какъ и въ Придоньѣ, [16] и островъ Истръ (Ἴστρις νῆσος). По Іорнанду и Периплу Понта и Меотиды р. Истръ или Дунай называется также Днѣпромъ; [17] по географической поэмѣ Скимна Хіосскаго, пять рукавовъ Дуная впадаютъ въ Понтъ, а два въ Адріатическое море.

Подобныя свѣдѣнія древнихъ географовъ перепутывали дислокацію народовъ и событій. Такъ, на примѣръ, по Зосиму, побѣда Константина Великаго надъ Сарматами происходила на Дунаѣ: «Императоръ Константинъ, узнавъ, что Сарматы, живущіе близь Меотиды, переправясь чрезъ Дунай, напали на его области, двинулъ свое войско противъ нихъ и т. д.» Но это нашествіе на Греческія области, по Зосиму Сарматовъ, по Евсевію Скиѳовъ, а по Изидиру [18] Гоѳовъ, совершилось въ Босфоранін и относится къ войнѣ противъ Савромата, который покушался возвратить отложившіяся

---

[16] Скилаксъ говоритъ: «За Танаисомъ, въ Азіи начинается область Савроматовъ, и первый народъ на Понтѣ есть Савроматы. Савроматы же есть народъ управляющійся женами.» Мы уже положили (см. «Аттила»), какъ родились въ Греческихъ сказаніяхъ эти жены правительницы и Амазонки.

[17] ...«à Borysthene amne, quem accolae Danubium vocant». Jorn. Cap. V. «Μέχρι τοῦ Ἴστρου ποταμοῦ ἤτοι Δανάπρεως καλουμένου πάλιν Σκύθαι κατοικοῦσιν.» Ponti Eux. Periplus. Явное доказательство, что жители называли низовье всѣхъ рѣкъ Доньемъ.

Названіе Донье, низовья при устьяхъ рѣкъ, независимо было отъ прозвища рѣкъ: такъ, на примѣръ, рѣка Днѣстръ есть собственно Стрый, какъ она и называется въ верховьяхъ; устья же и лиманъ, или низовье, вѣроятно, называлось Донье Стрыя, откуда иноземцы прозвали Danastris: точно также и Danapris могъ получить названіе отъ Донья праговъ, пороговъ.

[18] Beati Isidori Arch. Hispal. Gothorum, Vandalorum et Svevorum in Hispania, Chronicon. Изидоръ, какъ и прочіе историки Гоѳовъ — Іорнандъ, Прокопій Кесаріійскій, писали безъ отчета, вмѣсто Скиѳы — Гоѳы.

отъ него области въ Тавридѣ, и котораго Зосимъ, или его переписщики называютъ Rausimodo.

Покореніе Сарматіи, или Малой Скиѳіи, чему, должно полагать, особенно способствовало распространившееся въ этой странѣ Христіянство, изобразилось на монетахъ надписью «Sarmatia devicta». Но жителей Тавриды и Босфораніи, Греки и Римляне, въ разныя времена, безразлично называли, то Скиѳами, то Сарматами [19] и даже Гоѳами. Эти послѣдніе, какъ исконная промышленная община, родственная съ Ханаанами (Финикійцами), разсѣялись по всѣмъ прибрежнымъ городамъ Еллинскихъ колоній. Но усвоенная ими по преимуществу область на Кавказѣ была Халдея, Гэхти-к Арменіи, между рѣками Гебромъ (Курой) и Араксомъ. [20] Со времени преобладанія Гебровъ — Халдеевъ, или Гоѳовъ, въ лицѣ Кагана Миѳридата, вліяніе ихъ въ Тавридѣ и Босфораніи такъ усилилось, что они были представителями края, который и управлялся Каганами до самаго Константина Великаго, или до покоренія Сарматіи. Въ Латинской чеканкѣ это событіе выразилось и посредствомъ «Victoria Gothi». Эккель, въ своемъ сочиненіи о древнихъ монетахъ, также замѣчаетъ, что «Римляне почти всегда смѣшивали имена варварскихъ народовъ на сѣверѣ Иллиріи и въ Азіи, и безразлично принимали Скиѳовъ за Гоѳовъ». [21]

---

[19] Не излишнимъ еще считаю повторенія, что у Еллиновъ общее названіе Арійскихъ племенъ по вѣрѣ — Савіи, Савіане, Сабеи, Славяне — обратилось въ Скиѳовъ, по Гоѳскому произношенію Skuafa, Sklava, по Азіятскому سقلاب — Сакалаб, Склабъ. Сколько можно сообразить, названіе Сармать, Придонскаго древняго казачества, имѣло въ основаніи прибрежный народъ Меотиды, Sabiri, Serbi, съ столицею Cerberion, по Греч. Киммеріонъ. Народное названіе Сербадія (Сербія), какъ и въ Полабской, Прибалтійской Сербіи, Sermende (Sarmaten land), Serbetium, Sermunti, преобразровалось у Гоѳовъ Кавказскихъ и у Грековъ въ Сарматію.

[20] Изъ древнихъ названій образовались новыя: Кахетія, Иберія. Во всякомъ случаѣ, не льзя смѣшивать коренныхъ Кавказскихъ тумемцевъ съ Гебрами, водворявшимися въ городахъ и овладѣвавшими торговлей, промысломъ, богатствомъ страны, силами народа, а часто и верховной властью.

[21] Опис. Музея Кн. Кочубея. Г. Кёне. т. II, стр. 356.

Объяснивъ возможность принимать Донъ за Дунай, и удобство, основываясь только на буквѣ, давать преданіямъ противоположный смыслъ, мы обратимся къ словамъ самого Овидія.

Не смотря на то, что изъ Рима была открытая, прямая дорога сухимъ путемъ, по этапамъ легіоновъ Иллиріи и Мизіи, до Чернаго моря; что существовалъ и водный путь по Дунаю, которымъ Римляне возили свои военныя тяжести, [22] Овидія везутъ въ Томи моремъ, какъ будто по обычаю ссылать преступниковъ на острова. Куда же его везутъ?

«Не посѣщать, какъ нѣкогда, Аѳины для науки,
Не въ Азійскіе города и страны, которые я уже видѣлъ,
Не въ славную Александрію, не на игривый Нилъ.
Куда же молю я о попутныхъ вѣтрахъ? Въ Сарматію!
Молю, чтобъ благополучно достигнуть до злополучныхъ (laevi)
береговъ Понта.
Ропщу, что удаляюсь медленно отъ отчизны:
Взываю, чтобъ сократился путь изгнанія въ страну Томитан-
скую (orbe Tomitas)
Невѣдомо гдѣ лежащую!...» Trist. L. I, El. 2.

«Меня ссылаютъ въ Скиѳію!» повторяетъ Овидій въ 3-й элегіи.

И такъ, по собственнымъ словамъ Овидія, его везутъ на просто въ городокъ Томи (πολίχνη), а въ Скиѳію, въ Томитанскій округъ Сарматіи. Въ 7-й элегіи 5-й книги онъ также говоритъ: «Turba regionis omitanae»; въ другихъ мѣстахъ: «Urbs Tomitana, Tomitana humo, Tamitanus ager, terra Tomitana»; слѣдовательно, Томитанскій городъ и не во Ѳракіи, не въ Мизіи, а въ Сарматіи. «Ut tangam laevi fera litora Ponti» не значитъ въ смыслѣ Овидія «чтобъ достигнуть лѣвыхъ дикихъ береговъ Понта;» но злосчастныхъ береговъ. Поэтъ употребляетъ слова laevus, sinister, не въ простомъ ихъ значеніи, но въ значеніи злополучный, несчастный, въ противоположность слову dexter — правый, счастливый, благополучный. Это можно понять изъ слѣдующаго его сближенія ἄξενος, или ἄξεινος, съ sinister, а εὔξενος съ dexter:

---

[22] Strab. L. VII, p. 304.

Quem tenet Euxini mendax cognomine litus (latus?). [23]

Et Scythici vere terra sinistra freti. [24]

т. е., какъ море Евксинское (благопріятное) ложно носитъ это имя (вмѣсто ἄξενος, sinistre, враждебнаго), такъ и берегу Скиѳскаго моря приличнѣе было бы названіе злосчастный (т. е., лѣвый берегъ, вмѣсто правый, счастливый).

Въ логическомъ смыслѣ сравненія иначе передать стиховъ невозможно, и слѣдовательно дѣло касается до восточнаго, праваго берега, Сарматскаго, а не западнаго, Ѳракійскаго.

Приближаясь къ выходу изъ Ѳракійскаго босфора въ открытое море, Овидій говоритъ:

«Hic locus est Gemini janua vasta maris..»

Смыслъ этого стиха не вполнѣ изученъ. Низаръ переводитъ, соображаясь и съ другими переводчиками: «Porte majestueuse, qui s'ouvre sur les deux mers (т. е., врата, отворяющіяся и въ Понтъ и въ Пропонтиду). Того же страннаго мнѣнія и Lemaire. Но въ этомъ значеніи, какія же ворота не gemini? Дѣло въ томъ, что при выходѣ изъ Босфора въ Понтъ находятся Симплегады [25] или Кіанейскія группы, торчащихъ изъ воды, по обѣ стороны пролива, скалъ, между которыми, по причинѣ подводныхъ камней, проходъ былъ опасенъ. Кіанеи Европейскаго берега вели къ набережнымъ Ѳракіи, а Кіанеи Азіятскаго берега къ набережьямъ Азіи. Эти-то скалистые островки, которые, для приближающихся къ нимъ со стороны, каза-

---

[23] Явная поправка litus вмѣсто latus; потому что не littus Ponti носилъ названіе ἄξενος и εὔξενος, а latus Ponti, т. е.. пространство моря.

[24] Низаръ переводитъ: «Sur les côtes de ce pays (?), dont le nom d'Euxin est un mensonge, sur ce rivage doublement (?) sinistre de la mer de Scythie,» и оправдываетъ безсмыслiе примѣчаніемъ: «Ici le jeu de mots est manifeste.»

Lemaire толкуетъ слова «vere terra sinistra» слѣд. образ.: «vere terra ut in sinistra parte sita, sic etiam infelix.» Но къ чему же сравненіе съ mendax cognomen?

[25] Отъ Σύμπλεξις — сцѣпленіе, связь, соединеніе; symplegma — группа скульптурная.

лись движущимися и сливающимися въ одну группу, и называетъ Овидій близнецами. [26] Но врата близнецы вмѣстѣ съ тѣмъ были и врата близнецовъ — Кастора и Поллукса. Они вели къ ихъ знаменитому храму и городу — Діоскуріи. [27] Смыслъ стиха слѣдовательно простой:

«Здѣсь врата близнецовъ въ пространное море»,

и въ то же время на два пути. Овидій и высчитываетъ на одномъ пути города Ѳракійскаго берега, а на другомъ поселеніе Ахеянъ, бѣжавшихъ изъ Мегары (Алкатоя), на восточномъ берегу: «Et quos Alcathoi memorant a moenibus ortos sedibus his profugum constituisse larem: A quibus adveniat Miletida sospes ad urbem, offensi quo me contulit ira dei.» Въ вратахъ близнецовъ Овидій и обращается съ обѣтомъ Минервѣ и къ близнецамъ Тиндаридамъ (Кастору и Поллуксу), покровителямъ мореходцевъ — «quos haec colit insula». Эти слова относятся къ Symplegadas, а можетъ быть и къ Miletida. [28]

---

[26] «Cyaneae, ab aliis Symplegades appellatae, traditaeque fabulis inter se concurrisse: quoniam parvo discretae intervallo, ex adverso intrantibus geminae cernebantur, paulumque deflexa acie coeuntium speciem praebebant». Plin. L. IV, 27.

[27] Діоскурія. Знаменитый въ древности городъ Колхиды, на границахъ Синдійскихъ племенъ Кавказа, посвященный Діоскурамъ — близнецамъ Тиндаридамъ — Кастору и Поллуксу, хранителямъ мореходцевъ. Почитаніе Діоскуровъ на восточномъ берегу Понта очень древнее и имѣетъ связь съ миѳомъ объ Аргонавтахъ. По Помпонію Мелѣ, Діоскуры, т. е., поклоненіе Діоскурамъ, (по замѣч. А. Rossi, лунѣ и солнцу) принесено Аргонавтами. по Арріану, Діоскурію основали Милеты. Эмблемы созвѣздія близнецовъ (шлемы, или шапки, у которыхъ, вмѣсто яловца, звѣзды), кромѣ монетъ Діоскурія встрѣчаются на монетахъ Ольвіи Савійской, Пантикапеи и Томи Музей Кн. Кочубея. Б. Кёне.

[28] «Это тѣ Кіанеи, пишетъ составитель Перипла по Скимну, которыя, по сказанію поэтовъ, въ древности были плавучими островами: чрезъ нихъ первый прошелъ корабль Арго, на которомъ Язонъ прибылъ въ Колхиду. Отъ Кіанеи до храма Διὸς Οὐρίου, при устьѣ Понта, 40 ст.» Нѣтъ сомнѣнія, что вмѣсто Διὸς Οὐρίου, слѣдуетъ читать Διόσκουρίου. Геродотъ (кн. IV, 85) говоритъ, что при Азіятскихъ Кіанеяхъ былъ храмъ, близъ коего сидѣлъ Дарій и обозрѣвалъ Понтъ.

Можно поручиться, что Miletida есть поправка корректора вмѣсто Maeo-

Овидій молитъ Тиндаридовъ охранять его на томъ, или другомъ пути. Одинъ путь чрезъ Симплегады открытымъ моремъ (per altas), [29] другой прорѣзываетъ воды береговъ Вистоніи. [30] Овидій какъ будто не увѣренъ еще, какой путь предстоитъ ему. Эта неизвѣстность подтверждается предшествовавшимъ путемъ по Егейскому морю. Когда корабль Овидія, плывшій мимо Трои, вмѣсто того чтобъ направиться въ Геллеспонтъ, своротилъ къ Лемносу и Самоѳракіи, до Темпиры (Epira, Empyra, Tentira), гдѣ высадивъ своего хозяина, корабль возвратился на путь чрезъ Геллеспонтъ, и у Кіаней передъ Овидіемъ открываются два пути — къ населеніямъ западнаго берега и прямо чрезъ море, къ городу Милетиды, какъ выражается Овидій, или къ колоніи Ахеянъ на восточномъ берегу. [31]

Можетъ быть, въ недоумѣніи, который путь предстоитъ ему, Назонъ и обращается къ Кастору и Поллуксу:

---

tida. Поселеніе Ахеянъ было на Синдійскомъ полуостровѣ. Нѣкоторые называютъ его и островомъ.

Упоминаніе Овидія объ островѣ, на которомъ боготворятъ Тиндаридовъ, затрудняло переводчиковъ. «Quelle pouvait être cette île, si non Samothrace,» говоритъ Низаръ. Но, какъ мы упомянули, близъ Азійскихъ Кіаней былъ храмъ Διοσκούρων.

[29] «Ire per altas», «vela dare in altum» значитъ: итти открытымъ моремъ, плыть въ открытое море; но F. Lemaire измѣняетъ per altas въ per arctas, т. е., итти не въ открытое море, haute mer, а чрезъ тѣснины Симплегадъ, хотя по Страбону Европ. Кіанеи отъ Азіятскихъ въ разстояніи 20 стадій (3-хъ верстъ).

Замѣчательно, что, по ученымъ переводамъ, отъ Кіаней идутъ не два пути, а ѣдутъ два корабля, и оба въ Томи. Lemaire, исправивъ Овидія, отправляетъ одинъ корабль чрезъ тѣснины Симплегадъ, а другой по водамъ Вистоніи (берегъ Ѳракіи между Салмодессой и Аполлоніей); но вѣдь и корабль, слѣдующій набережными Вистоніи, не могъ миновать тѣснинъ Симплегадскихъ? Для чего же было вносить тѣснины въ текстъ?

[30] «По сіе время, пишетъ Страбонъ, во Ѳракіи существуетъ народъ Вистоны. Весь берегъ отъ Аполлоніи до Кіаней, на разстояніи 1,500 ст. (214 в.), называется Вистійскимъ.» Этотъ берегъ и называетъ Овидій Bistonias aquas.

[31] Путь прямо чрезъ море, отъ одного Босфора къ другому, былъ втрое ближе и вѣроятно безопаснѣе, нежели окруженіе по восточнымъ набережнымъ.

Vos quoque, Tindaridae, quos haec colit insula, fratres,
Mite, precor, duplici numen adestae viae:
Altera namque parat Symplegadas ire per altas,
Scindere Bistonias altera puppis aquas.
Vos facite ut ventos, loca cum diversa petamus,
Illa suos habeat, nec minus illa suos. [32]

т. е., «Васъ, братья Тиндариды, которымъ поклоняются въ этой уединенной обители (храмъ Діоскуровъ близъ Азіят. Кіаней), молю о покровительствѣ на предстоящихъ двухъ путяхъ. Одинъ ведетъ чрезъ открытое море, на другомъ пути корабль (puppis) разрѣзываетъ Бистонскія воды; благоволите, чтобъ на томъ и другомъ изъ этихъ путей, ведущихъ въ противоположныя стороны, сопутствовали насъ благопріятные вѣтры.»

---

[32] Эта тирада переводится слѣдующимъ образомъ: «Vous qu'on révère en cette île, fils de Tyndare, soyez propices à ce double voyage (?), car l'un de nos vaisseaux (?) se prépare à traverser le groupe resserré des symplégades et l'autre à sillonner les mers Bistoniennes: faites que dans leurs itinéraires si différents, ils aient l'un et l'autre un vent favorable!»

Не допуская и мысли, чтобъ Овидій могъ отправляться на восточный берегъ моря, X. элегія становится совершенно непонятна, и переводчикамъ, чтобъ дать какой ни будь смыслъ темнотѣ, приходится замѣнять два пути двумя кораблями, а въ заключеніе пересадить Овидія на третій, для поѣздки, въ слѣдствіе догадокъ, по однимъ: въ Tempyra, по другимъ, въ Stentora, а по разнымъ кодексамъ: въ Epira, Eyrhea, Empyra, Tentara, Statyera, etc. «C'est à Samothrace, en effet (Edit. de Nisard. Note 6), qu'Ovide quitte son navire, qui reprend alors sa route par l'Hellespont pour aller à Tomes, tandis que lui, Ovide, prend comme nous le verrons plus bas (?), un troisième navire, pour aller de Samothrace à Tempyre.»

Здѣсь не мѣсто объяснять странное предположеніе о пересадкѣ Овидія съ корабля на корабль, чего нѣтъ въ оригиналѣ; но объясненіе необходимо. Вся X элегія состоитъ изъ 50 стиховъ; 14 начальныхъ посвящены описанію достоинства, быстроты и крѣпости корабля Минерва, на которомъ везли Овидія. Поэтъ называетъ его вожатымъ и вѣрнымъ спутникомъ своего поспѣшнаго изгнанія, покровительствуемымъ Палладой и проникающимъ невредимо сквозь волны вздымаемыя бурями (опис. бури элег. 2): «О молю, чтобъ онъ столь же сохранно проникъ чрезъ огромныя челюсти Понта и достигъ береговъ Гетскаго моря!»

Но, знатоки языка находятъ въ этихъ стихахъ не два предстоящія пути на выборъ, но два корабля, о благополучномъ слѣдованіи которыхъ Овидій молитъ такъ пламенно, какъ будто на одномъ везутъ его плоть, а на другомъ душу.

Гдѣ же наконецъ очутился Овидій?

«Близъ странъ, лежащихъ подъ созвѣздіемъ Медвѣдицы Эриманѳской (пустынной) живу я, — говоритъ онъ, — окаменѣла земля отъ

Ведетъ ли это горячее вступленіе къ тому, чтобъ въ слѣдующихъ 8 стихахъ мѣнять равнодушно своего надежнаго и вѣрнаго спутника? и гдѣ жь эта мѣна? Спокойно проѣзжая мимо Эолійскихъ береговъ и города Гектора (Троя), корабль своротилъ съ пути чрезъ Геллеспонтъ къ острову Имбросу и прибылъ къ острову Самоѳракіи. За этимъ слѣдуетъ:

Saltus ab hac { ora / terra / contra } brevis est Tempyra petenti.

Hac { dominum / tantum } tenus est illa secuta suum.

Nam mihi Bistonios placuit pede carpere campos;

Hellespontiacas illa relegit aquas.

Этой строфѣ, потерявшей смыслъ, приданъ слѣдующій смыслъ: «et c'est jusqu'a cette île, d'ou il n'y a qu'une courte traversée pour gagner Tempyre, qu'il m'accompagna, car alors j'eus la fantaisie de traverser par terre le pays des Bistoniens; pour lui, il tourna dans les eaux de l'Hellespont.... etc.» Низаръ поясняетъ этотъ переводъ въ примѣчаніи 6 къ X главѣ 1-й книги: «c'est à Samothrace, en effet, qu'Ovide quitte son navire, qui reprend alors sa route par l'Hellespont pour aller à Tomis, tandis que lui, Ovide, prend comme nous le verrons plus bas, un troisième navire, pour aller de Samothrace à Tempyre.»

Низаръ, также какъ Burmann, Heinsius, Lemaire и другіе, читаетъ Tempyra и полагаетъ, что это городъ близъ Траянополя (на р. Маричѣ), извѣстный по дорожнику Антонина подъ назв. Tempyrum (? Timporum). Ливій кн. 38, гл. 41, также упоминаетъ о непроходимыхъ ущельяхъ Темпиры, близъ храма Аполлона Церинтскаго на р. Гебрѣ (Маричѣ). Но по Fragmenta 48, VII кн. Страбона (G. Kramer), Tempyra есть замокъ Самоѳракіи (Σαμοθράκιον πολίχνιον Τέμπυρα). На этой набережной безъ сомнѣнія, были мѣста ссылки на рудокопни. Въ Аепуга, на о. Фазѣ, были золотыя копи (aurifodinae), въ сосѣдствѣ—Asila metallifodina; по р. Нессѣ, въ Бистоніи, золотые пріиски. Но во всякомъ случаѣ смыслъ стиховъ слѣдующій: «Отсюда пере-

постояннаго хлада. Передо мной возникаютъ Босфоръ, Танаисъ, Скиѳскія болоты (Scythiae paludes — Латинское названіе Азовскаго моря) и коіі какія безымянныя и безвѣстныя страны. Далѣе, нѣтъ ничего, кромѣ необитаемыхъ льдовъ. О, какъ я близокъ отъ предѣловъ земли!» [33]

«Проходитъ уже годъ, теплый вѣтръ одолѣваетъ стужу; какъ длинна зима Меотиды въ сравненіи съ былыми!

«Въ чемъ здѣсь мое наслажденіе съ наступленіемъ весны? Смотрѣть, какъ таитъ снѣгъ отъ весенняго солнца? Черпать воду, не проламывая льда?...»

«Прибавь ко всему этому наружность страны, гдѣ ни зелени, ни цвѣтущаго дерева, гдѣ, въ слѣдъ за зимой, наступаетъ новая зима!» [34]

Жить въ умѣренномъ климатѣ Ѳракіи и жаловаться на суровую, льдистую зиму Меотиды, которая на 600 верстъ сѣверо-восточнѣе, выходитъ даже изъ предѣловъ свободы поэзіи. Такъ могли жаловаться на климатъ только ссылаемые именно на берега Босфора Киммерійскаго, in Scythicis finibus; на примѣръ: Флавія Домитилла, племянница Тита и Домиціана, или Св. Климентъ, сосланный Траяномъ въ этотъ конечный край преобладанія Римлянъ, и здѣсь начавшій проповѣдывать Христіянство Сарматамъ и Скиѳамъ.

Ѣздъ не далекъ для слѣдующихъ въ Темпиру; корабль слѣдовалъ туда съ своимъ хозяиномъ (корабельщикомъ). Но такъ какъ мнѣ не суждено было влачить стопы по полямъ Бистоніи, то онъ взялъ обратный путь чрезъ Геллеспонтъ.»

[33] «Proxime sideribus tellus Erymantides ursae
Me tenet; adstricta terra perusta gelu,
Bosphoris et Tanais superant, Scythicaeque paludes (Maeotis)
Vixque satis noti nomine pauca loci,
Ulterius nihil est, nisi non habitabile frigus.
Heu! quam vicina est ultima terra mihi!

Trist. L. III. El. 4.

[34] Frigora jam Zephiri minuunt, annoque peracto,
Longior antiquis visa Maeotis hyems, и т. д.

Trist. L. III, El. 12.

Но Овидій и повторяетъ, что онъ жилъ на Киммерійскихъ, а не на Ѳракійскихъ, берегахъ:

«Вотъ уже шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я на берегу Киммерійскомъ, живу между Гетами въ шубахъ.» [35]

Кажется, совершенно ясно и опредѣлительно означаетъ онъ мѣсто своей ссылки: на границахъ Скиѳіи, въ Сарматіи, въ округѣ Томитанскомъ, въ Меотидѣ, на берегахъ Киммерійскаго Босфора. Откуда же является тутъ Истръ, т. е., Дунай?

«Выкупаю грѣхи свои: въ Скиѳію, къ предѣламъ Истра, сосланъ пѣвецъ Амура колчаноносца! [36]

»Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Понтѣ, три раза замерзалъ уже Истръ....» [37]

«Море не оковано уже льдомъ, погонщикъ воловъ не тянетъ уже чрезъ Истръ, какъ прежде, скрипучій Сарматскій возъ.» [38]

Въ отношеніи Истра Геродотъ сказалъ: «Истръ, величайшая изъ всѣхъ рѣкъ, намъ извѣстныхъ, всегда равна сама себѣ, течетъ и лѣтомъ и зимой.»

Слова его совершенно справедливы въ отношеніи Дуная, который рѣдкую зиму замерзаетъ при устьяхъ, на самое короткое время, [39] и не для ѣзды на воловьихъ каруцахъ.

---

[35] «Hic mihi Cimmerio bis tertia ducitur aestas
Litore, pellibus inter agenda Getas.» Pont. Ep. X.

[36] «Sed dedimus poenas, Scythicique in finibus Istri,
Ille pharetrati lusor Amoris abest.»

[37] «Ut sumus in Ponto, ter frigore constitit Ister.» Trist. V, El. X.

[38] «Nec mare concressit glacie: nec, ut ante, per Istrum
Stridula Sauromates plaustra bubulcus agit. Trist. L. III, El. 12.

Названіе Βόσκορος—воловій переѣздъ (Βοῦς и Πόρος) и относится собственно къ Донскому проливу въ зимнее время.

[39] Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ мнѣ рѣдко случалось испытывать стужу въ этихъ странахъ, гдѣ въ Мартѣ все покрыто зеленью, съ Ноября же по Мартъ можно скорѣе назвать осеннимъ, нежели зимнимъ временемъ.

Что же касается до зимы Меотиды, то описаніе Овидія так сходно съ словами Геродота и современника его, Страбона, что м считаемъ не излишнимъ выписать ихъ для сравненія.

Страбонъ пишетъ: «Мѣдные сосуды трескаются отъ замерзшихъ въ нихъ жидкостей; но замерзаніе особенно сильно при самомъ устьѣ Меотиды; ибо чрезъ проливъ, раздѣляющій Фанагорію и Пан тикапею, проѣзжаютъ по льду, какъ по землѣ, на возахъ.»

Тоже говоритъ и Геродотъ: «Во всей описанной странѣ (Скиѳіи) бываетъ столь жестокая зима, что восемь мѣсяцевъ продолжаются нестерпимые морозы, даже море и весь Киммерійскій Босфоръ замерзаетъ, и Скиѳы переѣзжаютъ чрезъ оный на возахъ.»

Что сношенія двухъ береговъ пролива Донскаго (Τάνεως) были свободны для Скиѳовъ и Сарматъ — это понятно: они составляли одну и туже Босфоранскую область; но чтобъ Овидій, въ Томи, въ 800 стадіяхъ отъ Дуная, могъ видѣть переправляющіеся чрезъ замерзшую рѣку половьи Сарматскіе возы и слышать скрыпъ ихъ, — это непонятно. Дѣло другое, если бъ онъ былъ на берегу Понта, при устьѣ замерзающаго Босфора Киммерійскаго, принималъ его по туземному названію и Азіятскому произношенію за Танай [40] (Tanais) или Танайскій (Τάνεως), безпечно смѣшивалъ, по недоразумѣнію самихъ современныхъ ему Географовъ, съ Дунаемъ, и безразлично замѣнялъ его для стиха то Греческимъ Ister, то Латинскимъ Danubius.

Въ заключеніе о смѣшеніи Дуная съ Дономъ, приведемъ слова Воссія, въ примѣчаніяхъ къ Периплу Понта Евксинскаго: «Romani namque solent saepe confundere Tanain et Istrum. Testis ejus rei etiam est Seneca, in questionibus Natural. lib. VI: «Hinc qui medius inter pacata, et hostilis, fuit, Danubius ac Rhenus, alter Sauromaticos impetus cohibens, et Europam Asiamque disterminans; alter Germanos, avidam gentem belli, repellens.» Danubium etiam Tanain vocat

---

[40] «Tanaim etiam vocant indigenae illum alveum, qui a Palude Maeotide ad Pontum Euxinum pertinet.» Procop. de Bello Gothico, L. IV, c. 4.

«Τὸ στόμα τῆς Μαιώτιδος λίμνης, ἤτοι τοῦ Τάνεως. Ponti Eux. Periplus.

Tibullus, liber IV, ad Messallam cum inquit: «Quaque Hebrus, Tanaisque, Getas rigat, atque Sigynos.» [41]

По Аполлонію Родосскому Σίνδοι жили близъ устьевъ Истра, и, слѣдовательно, онъ также смѣшиваетъ устья Дона съ Дунаемъ, или Истромъ.

Обратимъ вниманіе на сосѣдство Овидія:

«Я здѣсь одинъ, заброшенный на берега семіустнаго Истра, подъ вліяніе ледяной Парразійской дѣвы! Воды Дуная едва защищаютъ отъ Языговъ, Колхидянъ, отъ полчищъ (Metereaque turba) и Гетовъ.» [42]

Въ отношеніи эпитета семіустный, поэтъ могъ послѣдовать примѣру трагика Сенеки, который называетъ Танаисъ семіустнымъ:

«Ad cujus arma venit, et qui frigidum
Septena Tanain ora pandentem bibit.» [43]

Сарматы Языги жили по язамъ (болотистымъ мѣстамъ придунайскимъ по р. Тишѣ) [44] жили и по всему берегу Меотиды. [45] Поселенія Гетовъ или Гоѳовъ были и въ Дакіи и въ Босфораніи Но какимъ образомъ Халдеи Колхиды, обрѣзывающіе крайнюю плоть свою, могли попасть въ Дунайскій стихъ и тревожить Овидія своими набѣгами съ Кавказа, это понятно только переводчикамъ Овидія подъ ру-

---

[41] Воссій, однако же, не знаетъ Гетовъ и Сигинновъ Кавказскихъ. О Сигиннахъ упоминаетъ и Геродотъ (Sigynni) и Страбонъ. Воссій въ примѣчаніяхъ говоритъ: «Sic emendandus hic versus. Getae enim, et Sigyni, ad Istrum sunt, non Tanain.»

[42] «Solus ad egressus missus Septemplicis Istri
Parrhasiae gelide Virginis axe premor.
Jazyges, et Colchi, Metereaque turba, Getaeque,
Danubii mediis vix prohibentur aquis. Trist. L. II.

[43] «Sic legendum ex MS, замѣчаетъ Воссій; Sed nemo unquam Graecorum tam imperitus fuit, ut Tanain Ἑπτάστομον esse proderet. Error iste solum est Romanorum.»

[44] Plin. IV, 25.

[45] «Καὶ παρ' ὅλην τὴν πλευρὰν τῆς Μαιώτιδος Ἰάζυγες καὶ Ῥωξολᾶνοι. Ptol. L. III, cap. 5.

ководствомъ Низара. Въ своихъ Notes des Pontiques L. I, Lettre IV они сообщаютъ, какъ вещь всѣмъ извѣстную, что «le Danube seu séparait Tomes de la Colchide.»

Но, кромѣ Сарматовъ и Гетовъ, въ слѣдующей III-й книгѣ Элегій, Овидій опасается и нашествія Бессовъ изъ за Дуная:

> «Меня окружаютъ звѣрскіе Сарматы, Бессы и Геты....
> Покуда длится лѣто, Истръ ограждаетъ насъ: его свѣтлыя воды воздерживаютъ ихъ набѣги.» [46]

Въ отношеніи Бессовъ, опасеніе, живущаго въ Томи Оракійскомъ, было также излишне. Бессы, по Географамъ, современникамъ Овидія, жили не за Дунаемъ, а съ южной стороны Балкановъ, въ верховьѣ р. Стримона. Въ числѣ 50 войсковыхъ округовъ Оракія, у Бессовъ была также охранительная претура—Στρατηγία βεσσικά. [47]

Если бы Овидій жилъ не на Дунаѣ, а при устьѣ Донскаго пролива, то ему дѣйствительно могли бы казаться страшны всѣ, исчисленные имъ, народы, съѣзжавшіеся на Донской торгъ; но между ними ближайшіе сосѣды, раздѣляемые только Кубанью, были бы Abassi (Абхазы), а не Бессы.

Обратимъ теперь вниманіе и на слова Овидія, что онъ сосланъ на «конечный предѣлъ Имперіи,» въ страну вновь покоренную.

«Эту часть Евксина, близкую къ Бастарнамъ и Сарматамъ, держитъ лѣвая рука Рима. Эта страна новѣйшая изъ подпавшихъ подъ законы Авзоніи, съ трудомъ лѣпится на границахъ, охраняющихъ Имперію.» [48]

---

[46] «Sarmatae cingunt, fera gens, Bessique Getaeque.
Dum tamen aura tepet, medio defendimur Istro:
Ille suis liquidus bella repellit aquis. Trist. L. III, El. X.

[47] Plin. L. VI, 18, 1. Cl. Ptol. Geog. L. III, cap. XI.

[48] «Hactenus Euxini pars est Romana sinistri
Proxima Basternae Sauromataeque tenent.
Haec est Ausonio sub jure novissima, vixque
Haeret in Imperii margine terra tui.» Trist. L. II.

Эта по видимому загадка на счетъ мѣстности Томитанской страны — terra Tomitana (Pont. L. I, Ep. 1), легко разрѣшается простымъ вопросомъ: какая часть Евксина, во время Овидія, составляла новѣйшее пріобрѣтеніе Рима, съ трудомъ охраняемое на восточныхъ границахъ Имперіи? Европейскій ли берегъ, или Азійскій, придунайская ли часть Чернаго моря, или придонская? Ѳракія ли едва лѣпилась къ Имперіи при Августѣ, или вновь покоренная Помпеемъ Босфоранія? [49]

Вѣроятно, что Овидій видѣлъ въ храмѣ Минервы изсѣченную въ честь побѣдителя надпись, исчисляющую новыя побѣды и пріобрѣтенія Рима: «Кнэусъ, Помпей великій, Императоръ, совершившій тридцатилѣтнюю войну, разбившій силы въ 12,183,000 человѣкъ, потопившій и взявшій 846 кораблей, приведшій въ подданство 1538 городовъ и крѣпостей, покорившій всѣ страны отъ моря Меотическаго до моря Эритрейскаго, воздвигаетъ, по обѣту, Минервѣ.» [50]

Предѣльную часть береговъ Понта Евксинскаго, покоренную Помпеемъ, въ 61 году до Р. Х., и поступившую во власть Рима, населяли Колхи, Иніохи (Инды Омириты, или, по Плинію, Amireute (Имереты), Абхазы, Еллино-Скиѳы Ахеяне и Синды — Сарматы или Скиѳы Малые.

Несправедливо было бы смотрѣть на Овидія, даже съ каѳедры Латинскаго краснорѣчія, какъ на голаго поэта, безъ всякихъ свѣдѣній. Смѣшивая Дунай съ Дономъ, по превратнымъ понятіямъ современныхъ ему Географовъ, онъ, однако же, не смѣшиваетъ Меотическаго берега съ Ѳракійскимъ, и во всякомъ случаѣ не назвалъ даже уголъ Ѳракіи страной только что подпавшей подъ власть Рима и едва держащейся на его границахъ.

Выпишемъ еще тираду въ отношеніи мѣстности Томитанской области:

---

[49] Послѣ покоренія Македоніи, за 150 лѣтъ до Р. Х., Ѳракія была уже подвластна Риму. Слишкомъ за 100 лѣтъ всѣ непокорныя племена или вытѣснены, или подавлены.

[50] Plin. L. VII, 27. Смотри также въ Аппіанѣ Александрійскомъ Побѣды и Трофеи Помпея.

«Кесарь не вѣдаетъ, какова жизнь въ этихъ далекихъ предѣлахъ.... онъ не озаботится спросить, въ какой части свѣта находятся Томитаны? гдѣ эта, едва извѣстная, краина Гетовъ? что дѣлаютъ Сарматы и суровые Языги? что за поклоненіе богинѣ Орестеѣ [51] въ странѣ Тавровъ? Какіе тамъ еще иные народы переносятся на легкихъ коняхъ чрезъ окаменѣлый отъ стужи Истръ?....

«О, мой прекрасный Римъ! всѣ эти народы не хотятъ знать тебя, не боятся оружія ратующей Авзоніи!»

Потомъ Овидій обращается съ мольбой къ Фабію Максиму, любимцу Августа, чтобъ онъ умилосердилъ Кесаря назначить ему изгнаніе въ иной странѣ, «чтобъ мечъ дикаго Гета не исторгъ его жизни, дарованной богами, и если умретъ, чтобъ кости его улеглись въ землѣ болѣе мирной, и прахъ не былъ подавленъ землей Скиѳской и притоптанъ копытами коней Вистонскихъ.»

Новое недоразумѣніе. Вистонія или Бистонія принимается, по смыслу Овидія, за Ѳракію, и, слѣдовательно, Бистонскіе кони, по всѣмъ соображеніямъ переводчиковъ, то же, что Ѳракійскіе кони.

Упоминаемое Страбономъ озеро Вистонское, а по Плинію и народъ, были на р. Стримонѣ, въ странѣ Синдовъ-Сапеянъ. Это далекое разстояніе отъ Томи Ѳракійскаго и невозможность, чтобъ Вистонскіе кони топтали прахъ Овидія, заставили предполагать, что названіемъ Вистоніи онъ почтилъ всю Ѳракію. Предположеніе, какъ можно замѣтить, слишкомъ смѣлое. Страна Синдовъ-Сапеянъ была, какъ увидимъ ниже, и въ Придоньѣ. Но поэтъ мало заботится о странѣ; ему нужны только миѳическіе злые кони родоначальника сыновъ Марса-Вистона, которыхъ Діомедъ откармливалъ человѣческимъ мясомъ. [52]

---

[51] Pont. L. I, Ep. 2.

«Diana Orestea» отъ Ὀρέστης—горный. Въ Овидіи она называется также Diana Trivia — Трехпутная.

[52] Эта Еллинская басня образовалась изъ преданій о людскихъ и конскихъ жертвахъ, приносимыхъ Вишну-Светавасъ — свѣтоконному или бѣлоконному, у Славянъ Свѣтовиду.

Спросимъ теперь, къ которой сторонѣ Понта относятся миѳическія сказанія, упоминаемыя Овидіемъ?

«Посмотри, сколько славы воздало потомство сыну Эзона (Язону), за то только, что онъ посѣтилъ эту страну.» [53]

Какія отношенія имѣетъ походъ Язона въ Колхиду къ противоположному берегу Понта, находящемуся отъ него на перерѣзъ въ 1000 верстахъ? — « Le Danube seul séparait Tomis de la Colchide, où Jason, fils d'Aeson, pénétra pour enlever la toison d'or,»—отвѣчаетъ переводчикъ Овидія.

Оспаривать подобныя толкованія, основанныя на промахѣ, нѣтъ необходимости; они доказываютъ только невниманіе къ Исторіи, или Географіи, тамъ, гдѣ все вниманіе обращено на красоты поэзіи.

Изслѣдуемъ Колхидскую легенду о времени и мѣстѣ построенія г. Томи.

«Это мѣсто названо Томосъ, по тому, что здѣсь, какъ говоритъ преданіе, сестра изрубила своего брата на части.» [54]

Изложимъ вкратцѣ содержаніе миѳическаго преданія, переданнаго Овидіемъ и основаннаго на смыслѣ слова Τομή — отсѣченная часть, отсѣченіе.

---

[53] «Adspice, in hoc partes quod venerit Aesone natus,
Quam laudem a sera posteritate ferat. Pont. L. I, Epist. 4.

[54] «Inde Tomos dictus locus hic, quia fertur in illo
Membra Soror fratria consecuisse sui.»

Г. Беккеръ (Прошлое Г. Леонтьева), послѣ этихъ стиховъ замѣчаетъ: «Какъ мало, однако, удовлетворяетъ Овидія такое совершенно произвольное словопроизводство, видно уже изъ того, что онъ самъ, въ другомъ мѣстѣ, основаніе упомянутой колоніи приписываетъ Тому» Въ выноскѣ это другое мѣсто означено въ Trist. I, 10, 4[1]. Но ни въ этой 10-й элегіи, ни въ другихъ, Тома, основателя г. Томи, мы не нашли; это свѣдѣніе, безъ сомнѣнія, принадлежитъ какому ни будь особенному, исключительному кодексу Овидія. Что касается до того, удовлетворялся ли онъ словопроизводствомъ отъ Τομή, то, напротивъ, онъ подтверждаетъ его (Trist. L III, El. 9) легендой объ Абсиртѣ, изрубленномъ на части Ме[illegible]

«Кто бы подумалъ, что здѣсь, между варварскими городами есть и города Греческіе? Милетская колонія основалась посреди Гетовъ, но названіе мѣстности гораздо древнѣе. Основаніе города относится ко времени убіенія Абсирта. Нечестивая Медея, воспользовавшись кораблемъ, построеннымъ воинственной Минервой, нарушила спокойныя дотолѣ волны бѣгствомъ своимъ отъ отца. Въ то время, какъ веслы усиливали бѣгъ, вѣстовой вдругъ увидѣлъ на высотѣ моря корабль. — «Враги!» вскричала Медея; — «я узнаю Колхидскія паруса!»—Встревоженные Минійцы, [55] заторопились отвязывать канаты и вытаскивать якорь.... Между тѣмъ, приближеніе Колхидскихъ парусовъ ужасало Медею. — «Я погибла!» — вопитъ она;— «Какъ задержать отца?»— Окинувъ взорами вокругъ, она остановила ихъ на братѣ своемъ. — «О, мы спасены: сама смерть подаетъ мнѣ руку помощи!» — И съ этимъ словомъ Медея поражаетъ невиннаго юношу мечемъ, разсѣкаетъ его тѣло на части и разбрасываетъ по берегу. Блѣдныя же руки и окровавленную голову выставляетъ на вершинѣ скалы, чтобъ отецъ узналъ своего сына; чтобъ, пораженный отчаяніемъ и собирая разбросанные члены его, забылъ о преслѣдованіи дочери.»

Кому могъ прійти въ голову подобный вымыслъ, основанный на созвучіи Еллинскаго слова Τομή съ названіемъ города, кромѣ Ахеянъ-Ѳессалійцевъ, [56] поселившихся въ Синдикѣ и гордившихся преданіями о своемъ соотечественникѣ Язонѣ, похитившемъ, изъ сосѣдней имъ Колхиды, и Медею и Золотое руно?

Очень естественно, что подобные народные разсказы примѣняются, при сходствѣ названій, къ разнымъ мѣстностямъ; [57] но слѣ-

---

[55] Минія (Minyeus), въ послѣдствіи Архомена, въ Ѳессаліи.

[56] Во время похода Язона, Ахеяне Ѳеіоты (Ἀχαιοὶ Φθιῶται), пришедшіе съ нимъ, поселились на этой набережной Понта Strab. L. XI, p 495.

[57] На этомъ основаніи, тотъ же разсказъ привязался и къ островамъ Апсиртидамъ, на Адріятическомъ морѣ: «Вдоль этихъ береговъ, между прочими островами, есть Апсиртиды, гдѣ, по разсказамъ, Медея убила, будто бы преслѣдовавшаго ее брата, Апсирта.» Страб. L. VII. Примѣненіе разсказа и здѣсь имѣетъ въ основѣ смѣшеніе Дона съ Дунаемъ (Истромъ), а Истра съ Ис[illegible] По Географической поэмѣ Скимна, два рукава Истра впадаютъ въ

дуетъ обращать вниманіе на ту мѣстность гдѣ вымыслъ имѣлъ свое начало, основываясь на миѳахъ страны.

Объ Апсиртѣ упоминаетъ Арріанъ въ своемъ Периплѣ или плаваніи по набережнымъ Чернаго моря. Слѣдуя отъ Трапезонта, по восточной сторонѣ Понта, онъ пишетъ:

«Прибывъ въ Апсаръ, который занимаютъ пять когортъ, мы выдали имъ жалованье и осмотрѣли вооруженіе, стѣны, рвы, больницы и житницы.... Апсаръ, по преданію, назывался прежде Апсиртомъ, по имени убитаго Медеей Апсирта, котораго могилу здѣсь показываютъ....

«..... За Колхидянами живутъ, въ неприступныхъ горахъ, воинственные Санны (Сваны), [58] которые прежде платили дань Римлянамъ, а теперь разбойничаютъ.... Махелоны [59] и Гиніохи, у которыхъ правителемъ Анхіалъ. Сосѣды ихъ Зидриты, подвластные Фарасману; за ними Лазы, управляемые Малассомъ, получившимъ власть отъ тебя. Лазамъ сопредѣльны Апсилы. Надъ ними властвуетъ Іуліанъ, обязанный престоломъ твоему отцу. Подлѣ нихъ Абассы [60] (Абхазы). Владѣющій ими Рисмагъ поставленъ тобою. За Абассами Санниги, въ странѣ которыхъ Севастополь. [61] Ихъ царь, Спадагъ, получилъ царство отъ тебя. До Апсара мы плыли къ востоку, пра-

---

въ Адріатическое море, какъ два рукава Дона въ Меотиду. Для Елленскихъ купцовъ-историковъ этого достаточно было, чтобъ назвать острова противъ р. Тимавы (Plin. L. III, 30) Апсиртидами, и перенести сюда любопытный Колхидскій разсказъ. При р. Тимавѣ (Τίμαυος) былъ и храмъ Діомеда — Тимавонъ.

По Скилаксу Каріандрскому: «за Энетами, народъ Истры (ἔθνος Ἴστροι) и рѣка Истръ.»

[58] По Плинію Suani (L. VI, 4). Чрезъ ихъ землю течетъ съ вершинъ Кавказа р. Кобусъ (Cobus). Въ той же главѣ Sanni-Heniochi, и рядомъ, устье р. Апсары и замокъ. Съ появленіемъ названія Гунновъ—Οὖννοι, названіе Ἡνίοχοι исчезаетъ.

[59] У Плинія Melanchlaeni (по Герод.), т. е., Мингрелы.

[60] У Арріана замѣняютъ уже Ахеянъ, существовавшихъ еще въ географическихъ свѣдѣніяхъ Плинія. Сосѣди ихъ Санниги замѣняютъ уже Синдонъ. У Плинія тѣ и другіе.

[61] Собственно Sivas, а по церк. историкамъ Σέβα Черноморскихъ Индовъ или Синдовъ.

вымъ берегомъ Евксина. Апсаръ, по моему мнѣнію, крайняя во точная часть Понта. Отсюда до рѣки Ховонъ (Χῶβον ποτ.), о Ховонъ до Сигамы (Σιγάμην — Singames), плыли по направлен къ сѣверу. Отъ Сигамы же поворотили къ лѣвой сторонѣ моря Ἀπὸ δὲ Σιγάμου, ἐκάμπτομεν εἰς τὴν λαιὰν πλευρὰν τοῦ Πόντου.»

Здѣсь нельзя не обратить вниманія на разграниченіе правой лѣвой стороны моря, въ смыслѣ древнихъ Географовъ.

«Maris Euxini positos ad laeva,
Tomitas quaerere....»

Древніе представляли всякое море круглою или овальною ча шей; по измѣренію окраинъ, они дѣлили ее діаметрально на двѣ по ловины. Если ѣхать отъ Константинопольскаго пролива вправо, Азі атскимъ берегомъ до Тамани, то переѣздъ составитъ около 160 верстъ; если же ѣхать влѣво, западнымъ берегомъ къ Днѣпру окружая Тавриду, то разстояніе переѣзда до Тамани только 120 верстъ. [68] Сообразно этимъ разстояніямъ древніе и опредѣляли конеч ныя точки длины моря—мысъ Балкана (Эмине-бурну) и рѣку Фазис (Ріонъ); а ширины—Синдику на Босфорѣ (Кимм.) и устье рѣку Алія. По Агаѳимеру, въ его землеописаніи (Geogr. antiqua, Jac. Grono vius): длина Понта отъ Эмоса (Αἵμων, а не Τόμων, какъ читаютъ Гг. издатели) до р. Фазиса 6000 стад. (857 в.); ширина: отъ Фа наворіи до р. Алія (Halyos) 2400 ст. (343 в.). Геродотъ измѣряетъ ширину отъ Ѳемискиры (близъ р. Алія) до Индія Черноморской или Сандики (Азіят. бер. Босфор.) въ 3,300 стадій; такимъ образомъ у того и другаго поперечникъ, раздѣляющій море на двое, одинъ и тотъ же, и Таманскій полуостровъ, который, по Плинію, жители называли Eion, Eon, [69] могъ быть ad laeva.

Уклонясь нѣсколько отъ Апсара, мы возвратимся къ нему и къ преданію о миѳическомъ событіи, совершившемся близъ береговъ

---

[68] Периплъ Понта Евксинскаго считаетъ разстоянія отъ храма Διὸς Οὔριον (Διόσκουριον?), находившагося близъ Кіаней Азійскихъ, до устья Меотиды: «говорятъ, что переѣздъ вдоль Европейскихъ береговъ равенъ переѣзду вдоль Азійскихъ» (?).

[69] «Peninsula inter Pontum et Maeotim lacum excurrentis, Eionem vocat.» L. VI, 6. У Арріана въ 380 стад. отъ устья Тамиракскаго лимана, неопредѣленная мѣстность ἠόνας.

олхиды. Изъ всего предыдущаго можно сообразить, что мѣстность
оми и Апсирта или Апсара, одна и та же, и что на этой мѣстно-
ти, какъ сообщаетъ Страбонъ, поселились, во время похода Язона,
ришедшіе съ нимъ, Ахеяне Фѳіоты. [64] По всѣмъ Географамъ Фана-
орія въ Синдикѣ; Горгиппу признаютъ столицей Синдіи; по Стра-
ону, между Фанагоріей и Горгиппіей, живутъ Аспургіаны (Ἀσπουργία-
οἱ, Ἀσπουγγιτανοί, Ἀσπουργιτανοί), извѣстные только одному ему, а
ожетъ быть только переписчикамъ его. Тутъ же, по Страбону, ря-
омъ съ Горгиппіей, и Ахеяне. У Скилакса, между Фанагоріей и при-
танью или столицей Синдовъ, вмѣсто Аспургитанъ, Κιπί (Κῆποι,
ῆπος); ниже пристани Синдовъ (Σινδικὸς λιμὴν) Πάτους; а у Пли-
ія Πάτους обращается въ Pitius, и, вмѣсто пристани Синдовъ, Serri
т. е., Serbi) Cephalotomi или Cephalotomos, [65] что явно составляетъ
шибочное чтеніе въ какомъ ни будь Греческомъ Географѣ. Тутъ же,
мѣсто Τομεάται, у Скилакса Κερκεται и вмѣсто καὶ πόλις Τομικὸς καὶ
ιμήν—πόλις Τορικὸς, вмѣсто Τομετικὴ ἄκρα—Τορετικὴ ἄκρα (Ptol. V, 9).
Но объ этѣхъ измѣненіяхъ мы упомянемъ подробнѣе послѣ; здѣсь же
риводимъ ихъ только для того, чтобъ спросить, могъ ли Овидій, во-
лощенную легенду на Азіятскомъ берегу, переносить на Европей-
скій берегъ, въ уголъ Ѳракіи, въ какой-то сомнительный Томи?

Допытываясь изъ словъ Овидія о климатѣ, топографіи, тузем-
номъ населеніи и народныхъ легендахъ Томитанской области, обра-
тимся теперь къ сообщаемымъ имъ историческимъ свѣдѣніямъ о Ко-
тисѣ, котораго онъ умоляетъ, какъ скептуха или державца этой
области, о заступничествѣ предъ Августомъ. [66]

«Потомокъ Царей, Котисъ, котораго происхожденіе восходитъ
до Евмолпа, если молва дошла до твоего слуха, что я заброшенъ
въ границы твоей земли, то прошу тебя, не отверѓни мольбу и
помоги изгнаннику — тебѣ это возможно. Я не обвиняю судьбу, ко-

[64] Аппіанъ называетъ ихъ Скиескими Ахеянами.

[65] Въ переводѣ Низара « les Coupe-Têtes. Если бъ это было Греческое про-
звище, а не искаженное названіе, самъ Плиній объяснилъ бы его. Это искаже-
ніе такое же, какъ названіе Мингреловъ, по Геродоту и Плинію Melan-
chlaeni (Черноризцы), по Арріану Μαχελόνων, по Страбону Μακροκώμωνες —
длинобородые, etc.

[66] Pont. L. II, Ep. 9.

торая передала меня въ твои руки: впервые, и только въ этом случаѣ, она не была враждебна мнѣ. Прими благосклонно разбиту ладью мою, и да не будутъ берега твои столь же жестоки, какъ вол ны моря.»..... «Блескъ твоего происхожденія возлагаетъ на тебѣ обязанность великодушія: оно есть наслѣдіе рода божественнаго, в чемъ. убѣждаютъ — Евмолпъ, знаменитый родонанальникъ твой, предокъ его, Эрихѳоній.... «Ты также достойный сынъ знаменитаг отца, Котисъ; будь покровомъ изгнанника, который изнемогаетъ в предѣлахъ твоего стана!...»

Имя Котисъ (Cotys, Κοτύος) нѣсколько извѣстно Исторіи, а бо лѣе извѣстно Нумизматикѣ Босфора Киммерійскаго. Какъ и имен Рименалкъ, Рискупорисъ, Фарнакъ etc., оно созвучно именамъ Мидій скимъ, Халдейскимъ, или Гоѳскимъ, и относится къ той эпохѣ, ко гда Римляне, побѣдивъ Митридата, Кагана Понтійскаго, и овладѣв странами восточнаго берега Чернаго моря, предоставили духовно гражданскую власть надъ ними тому же роду Гебровъ-Маговъ, от котораго происходитъ и Митридатъ. Имя Котиса повторяется часто въ эпоху преобладанія Гоѳовъ въ Босфораніи, на монетахъ, которы продолжали, по обычаю, чеканить Каганы, утверждаемые Императо рами и преклонявшіеся предъ ихъ истуканами, какъ предъ богам земли.

Овидій льститъ самолюбію Котиса, сравниваетъ его съ Магом Орееемъ, и называетъ его вѣщимъ — Vates, что въ древнем смыслѣ значило собственно волхвъ, прорицатель, чарующій гимнами какъ Gauti, прозвище Кагана Одена, сѣвернаго Гоѳскаго Орфея. [67]

«Nec regum quisquam magis est instructus ab illis (inge
genuas artes),
Mitibus [68] aut studiis tempora plure dedit.
Carmina testantur, quae, si tua nomina demas,
Threicium juvenem composuisse negem.

---

[67] «Kong (Kuning) Europaeorum diversum esse non putant a Kahan, quod in Ebraea lingua non solum sacerdotem, sed etiam principem denotare, observarunt Philologi.» Ihre.

[68] Mythibus ?

Neve sub hoc tractu Vates foret unicus Orpheus,
Bistonis ingenio terra superba tuo est.»

«Нѣтъ Царя, который бы болѣе тебя позналъ науку; который бы болѣе тебя посвящалъ время тишинѣ (?) или познанію. То свидѣтельствуютъ твои гимны, и если бъ ты скрылъ свое имя, я бы не повѣрилъ, что ихъ слагалъ воинъ Ѳракіи (?). Не одинъ Орфей пѣснотворецъ этѣхъ странъ: страна Вистона (сына Марса) гордится твоимъ геніемъ.»

Изъ Виѳиніи ли Ѳракійской, или изъ Ѳракіи Виѳинской, былъ Котисъ родомъ — это трудно разгадать. Въ посланіи Овидія важно только свѣдѣніе, что онъ сосланъ въ предѣлы страны, гдѣ Rex-Pontifex Котисъ.

Въ Котисѣ Овидія и историки и нумизматы видятъ Котиса Тацита, который, въ своихъ Лѣтописяхъ, [69] сообщаетъ слѣдующее:

Упомянувъ объ Артакѣ, возведенномъ Германикомъ на престолъ Арменіи, и о хитрой политикѣ Тиверія, онъ продолжаетъ: «Точно такою же хитростію онъ обошелъ и Рискупориса, Царя Ѳракійскаго. Риметалкъ владѣлъ одинъ всею областью. Послѣ его смерти, Августъ раздѣлилъ ее между Рискупорисомъ, братомъ Риметалка, и Котисомъ, сыномъ его. Мирному и благодушному Котису онъ далъ земли и города, сосѣдніе съ Греціей (arva et urbes vicina Graecia), а суровому, завистливому и нелюдимому Рикуспорису, земли невоздѣланныя, дикія и пограничныя землямъ непріятельскимъ. Сначала все было мирно; но вскорѣ Рискупорисъ нарушилъ границы владѣній брата и присвоилъ себѣ данное ему. Но онъ еще боялся Августа. Когда же узналъ о его смерти, напалъ съ шайкою разбойниковъ на владѣнія брата.» «Возникшая война между братьями прекратилась по повелѣнію Тиверія. Котисъ распустилъ войско свое, а Рискупорисъ, пригласивъ его къ себѣ для мирныхъ условій, заключилъ въ оковы.»

Кажется, здѣсь дѣло идетъ объ Азійскихъ областяхъ, подвластныхъ Риму, но управлявшихся туземными Династами. [70] Рѣшено, од-

[69] Ann. L. II, § 64.

[70] Ѳракія въ это время раздѣлена была по племенамъ на 50 воеводствъ и управлялась ими. «Thracia sequitur, inter validissimas Europae gentes, in Strategias quinquaginta divisa.» Plin. L. IV, 18.

нако же, историками сообща, что Риметалкъ и его наслѣдники царствовали во Ѳракіи Европейской. Такъ ли это? Вникнемъ въ смыслъ разсказа. Область Котиса, прилегавшая къ Греціи, должна была состоять изъ Rhodopaea и Europaea, на южной сторонѣ Балкановъ. При этомъ условіи дѣленія, областью Рискупориса была Мисія, или сѣверная сторона Балкановъ, до Дуная, тѣмъ болѣе, что, по словамъ же Тацита, Рискупорисъ владѣлъ землями, сосѣдними съ Бастарнами и Скиѳами. [71] Слѣдовательно, стихи Овидія ни какъ не сходятся съ прозой Тацита, и ему слѣдовало писать посланіе не къ Котису, а къ Рискупорису, въ предѣлахъ котораго, какъ оказывается, былъ Томи. Но этого мало: сама Исторія, кажется, не знаетъ, куда помѣстить Котиса въ Европѣ. Въ томъ же свѣдѣніи о немъ, Тацитъ, подъ названіемъ Ѳракіи подразумѣваетъ только южную сторону Гема или Балкана. «Латиній Пандусъ, говоритъ онъ, Пропреторъ Мисіи (Moesiae), отправляетъ повелѣніе Тиверія во Ѳракію, дабы Рискупорисъ выдалъ плѣннаго Котиса.» Рискупорисъ жалуется Кесарю, что Пандусъ питаетъ къ нему вражду, и Тиверій назначаетъ въ его область, Мисію, Помпонія Флакка, съ которымъ Рискупорисъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ въ Европейской Ѳракіи невозможно примирить Овидія съ Тацитомъ. Перенести же событіе во Ѳракію и Мизію Азійской стороны Понта также нельзя: тутъ недостаетъ Бастарновъ и Скиѳовъ, сосѣдовъ области Рискупориса.

Таковы смуты, происходящія въ Исторіи, отъ какого ни будь признаннаго, но не призваннаго, авторитета, который, опираясь на Дунай, рѣшилъ, что, вмѣсто Taurica, надо читать Thraciса, а вмѣсто Maeotius — Moesius.

Но, кромѣ Котиса, упоминаемаго Тацитомъ, Флоръ, въ своей Римской Исторіи, говоритъ о современникѣ Августа и Овидія, Котисѣ, Царѣ Даковъ или Гетовъ.

«Даціане, каждый разъ, когда замерзалъ Дунай, [72] по повелѣнію своего Царя Котиса (Cotisonis regis imperio), дѣлали набѣги и

[71] «Simul bellum adversus Bastarnas Scythasque praetendens, novis peditum et equitum copiis sese firmabat.» Ann. L. II, 63.

[72] Всѣ походы Скиѳовъ (Славяно-Руссовъ), какъ извѣстно, на Римскую Имперію, за нарушеніе договоровъ, предпринимались всегда съ наступленіемъ

грабили сосѣднихъ народовъ. Августъ принужденъ былъ послать Лентула за Дунай и охранять берега. Такимъ образомъ Дація, хотя и не была покорена, но занята войсками и отодвинута въ горы. Всадники Сарматы разъѣзжали по пространнымъ степямъ; но Лентулъ заградилъ имъ путь чрезъ Дунай.»

Въ этомъ извѣстіи два предмета касаются до Овидія. Во первыхъ, во Оракіи ему не для чего было «couvrir d'un casque sa tête blanchissante, et armer d'un glaive pesant son bras affaibli.» Во вторыхъ, Флоръ зналъ Котиса, современнаго Августу и Овидію, какъ Царя Даціянъ или Гетовъ, а не какъ Царя Оракіи, что и подтвердится ниже.

Тотъ же самый Котисъ былъ извѣстенъ и Страбону. Въ книгѣ XII, при обзорѣ восточнаго берега Понта, онъ пишетъ: «Тиварены и Халдеи до Колхиды, города Фарнакія и Трапезосъ, управляются Пиѳодорой, женщиной необыкновенно умной и способной къ управленію. Она была за мужемъ за Полемономъ, [73] и наслѣдовала ему, когда онъ умеръ у Аспурговъ, которые принадлежатъ къ числу варваровъ, сосѣднихъ съ Синдіей. [74] У ней было два сына и дочь, которую она выдала за Котиса Сапейскаго. Когда же онъ былъ убитъ, дочь Пиѳодоры осталась вдовой, съ дѣтьми Котиса. Старшій изъ нихъ наслѣдовалъ царство отца.»

Зять Полемона, Котисъ Сапейскій, признается и нумизматами за того самаго Котиса, о которомъ упоминаетъ Тацитъ, и къ кото-

---

весны, на кораблях. Здѣсь говорится о частныхъ набѣгахъ Сарматъ-граничаръ, которые болѣе разсчитывали на оплошность Римской пограничной стражи и на удальство, нежели на замерзаніе Дуная.

[73] Каганомъ Понтійскаго царства. По найденной монетѣ въ Эолія, онъ былъ верховнымъ жрецомъ и въ этой странѣ. Опис. Музея Кн. Кочубея. Г. Кёне. Т. II, 174.

По Страбону Полемонъ преобладалъ до Танаиса, и за возстаніе Танаитовъ, разорилъ ихъ городъ и вскорѣ былъ убитъ въ странѣ Аспурговъ.

[74] Regia Scythia Sendica; по Геродоту Индія Кавказская; по Перк. ист. Индія внутренняя — ἐνδοτάτοι Ἰνδοί или Ἄβοι.

рому относится посланіе Овидія. Слѣдовательно, для рѣшенія вопроса должно опредѣлить мѣстность Сапеевъ.

Сказаніе Страбона касается до Азійскихъ областей. Пиѳодора царствовала въ областяхъ Фарнакіи, Трапезосъ, Колхидѣ и въ округахъ варваровъ, находящихся выше, какъ выражается онъ. [75] Здѣсь должно искать и Сапеевъ Котиса. Σαπαῖοι или Σάβοι и извѣстны на набережныхъ Меотиды. Но и Сапеи двоятся. Страбонъ, слагая вину Грековъ на варваровъ, жалуется на варварское измѣненіе собственныхъ именъ и названій мѣстъ, и говоритъ, что имя Халдеевъ легко могло измѣниться въ Аливовъ, какъ и въ Халивовъ. При этомъ случаѣ онъ приводитъ въ примѣръ, что и во Ѳракіи существуетъ народъ, который въ древности назывался Sinties (Sindi), измѣнился въ Sinti, потомъ въ Σαῖοι, а наконецъ принялъ названіе Σαπαῖοι, и что всѣ эти племена (Синдовъ) живутъ подъ различными названіями около Абдеры, на островѣ Лемносѣ и на другихъ сосѣднихъ островахъ.»

Въ «Χρηστομαθειαι εκ των Στραβωνος Γεογραθικων« [76] объ этихъ племенахъ сказано яснѣе: «Всей Елладой первоначально владѣли варвары; но и по нынѣ владѣютъ Эпиромъ и населяютъ сосѣдство Еллады, Пелопонезъ и Македонію, Скиѳы Славяне (Σκύθοι Σκλάβοι.» [77]

Плиній въ свою очередь упоминаетъ, кромѣ Сапеевъ Танаитовъ, [78] о Сапеяхъ, живущихъ между р. Стримонъ (нынѣ Струма) и Нестой (нынѣ Мѣсто), гдѣ, по прокладкамъ, и Sindica и Moedica и Stabulum Diomedis (Tirida) и Sapaeorum Stenae и βιστονις λίμνη.

Но дѣло не въ томъ, что чистыя Арійскія племена — Инды, [79] по вѣрованію Сайвы, Сайваны (Сиваиты) повсюду, и въ Азіи, и въ

---

[75] L. XI, 499.

[76] «Избранныя мѣста изъ Геогр. Страбона» или Сокращеніе.

[77] Въ Географіи Страбона, вмѣсто варвары, исчислены Ѳракіяне, Иллирійцы, Епироты, а вмѣсто Скиѳы-Славяне — варвары.

[78] L. VI, 7.

[79] Частное названіе жившихъ по р. Инду или Синду, перешедшее у Персовъ въ общее названіе Арійцевъ - Савіанъ — Гинду.

Европѣ, назывались тѣми же именами—Sindi, Sinti или Σουήβοι, Σαβίοι, Σαΐοι, и по Готскому произношенію, а по Греческому писанію, вмѣсто Азіятскаго Sabaei — Σαπαίοι, но въ томъ, что Полемону и Пиѳодорѣ гораздо сподручнѣе было выдать дочь свою за Котиса Сабеянъ Босфоранскихъ, [80] нежели на другой край свѣта, за гадательнаго Котиса Сабеянъ Стримонскихъ.

Если мы обратимся отъ Chersonesus Thracica, около котораго жили Сапеяне Стримонскіе, къ Chersonesus Taurica, близъ котораго жили Сапеяне Меотиды, то слова Тацита примутъ слѣдующій смыслъ: Риметалкъ владѣлъ всей Тавридой (къ которой относился и Керченскій полуостровъ, составлявшій часть Босфораніи, а вѣроятно и вся Босфорапія). По смерти его, Императоръ Августъ раздѣлилъ область между братомъ его, Рискупорисомъ, и сыномъ, Котисомъ. Рискупорису далъ во владѣніе земли на сѣверной сторонѣ Таврическихъ горъ: «quod incultum, ferox, annexum hostibus Rhescuporidi cessit». Здѣсь онъ былъ сосѣдъ и Бастарнамъ и Скиѳамъ. Котису же далъ полуостровъ Керченскій и полуостровъ Таманскій, т. е., земли, прилежащія Греческимъ колоніямъ по обѣ стороны пролива.

Это возстановленіе Котиса, въ настоящей мѣстности его владѣній, въ Малой Скиѳіи, которая, во время управленія Каганами, называлась и Готіей, оправдываетъ слова Овидія, примиряетъ Историческія и Нумизматическія объ немъ свѣдѣнія, а главное, согласуется съ сказаніемъ Константина Багрянороднаго, [81] почерпнутымъ изъ XV книги Олимпіадъ Флегона: «Городъ Босфоръ былъ подъ властію Котиса, царя Босфораніи, которому Кесарь присудилъ носить корону, и подчинилъ ему города (Греческіе), въ числѣ которыхъ и г. Херсонъ.»

Разсмотримъ теперь Нумизматическія свѣдѣнія о Котисѣ.

---

[80] Г. Бёкъ. въ Corp. Inscript. Graec., догадывается, что Меотическіе Сарматы, Σαΐοι есть тѣже Σαπαΐοι и тѣже Σάβοι, по которымъ названа и Ὀλβία Σάβία. Замѣчательно, что до сихъ поръ, на счетъ древнихъ Славянъ и Руссовъ, допускаются только догадки, подлежащія еще сомнѣнію, а замѣчательнѣе всего то, что по части Исторіи мы не только не зазнаемся, но и не хотимъ знать себя.

[81] «Δωδέκατον θέμα — Χερσῶνος.»

Въ описаніи Музея Кн. В. В. Кочубея, [82] Г. Кёне сообщаетъ о золотыхъ монетахъ Синдіи, доказывающихъ, что первый владѣтель изъ рода Аспургіанъ, былъ признанъ Августомъ, голова котораго изображена на всѣхъ этихъ монетахъ. «Самое большое затрудненіе, говоритъ Г. Кёне, заключается въ нахожденіи имени этого Государя, перваго изъ Аспурговъ. Кари и Висконти называютъ его Савроматомъ 1-мъ».

Слова Флегона о Котисѣ, кажется, положительно разрѣшаютъ это затрудненіе; а вмѣстѣ съ тѣмъ объясняютъ, почему «по смерти Полемона Аспуріане впервые овладѣли Фанагоріею, которую и сдѣлали своею первою столицею. Они овладѣли и всѣмъ Таманскимъ полуостровомъ, и заняли Крымъ.» [83]

---

[82] Т. II, стр. 196.

[83] Считаемъ не излишнимъ изложить здѣсь предположеніе въ отношеніи Аспурговъ или Аспургіанъ. Они извѣстны были только Страбону, вѣроятно, по словамъ Готовъ, какъ поселенцы между Греческимъ городомъ Фанагоріей и Горгиппой (названіе искаженное), столицей Синдовъ. Они, слѣдовательно, пришельцы со времени Полемона, покорившаго г. Танаисъ, который, какъ увидимъ въ послѣдствіи, и былъ этой столицей. Промышленные Готы и Каганы ихъ не могли бы здѣсь держаться безъ поселенія какихъ нибудь воинственныхъ прозелитовъ. Эти прозелиты, должно полагать, были Асы (Яссы) и Торки. Ясскій торгъ или городъ былъ Астрахань, по Рубруквису, при устьяхъ Волги. Готское названіе его, сообразное туземному, Asgard, а сообразное Греческому Aspurg (πύργος). Припомнимъ Asgard Готскихъ сѣверныхъ преданій, откуда Оденъ (собст. Gudin—жрецъ) Сигге Фридульфовнъ, Каганъ (Kong) Азовъ и Торковъ, перешелъ съ частію народа на сѣверъ, во время повсемѣстнаго преслѣдованія Іудеевъ и Халдеевъ-Маговъ Имп. Траяномъ, около начала 2-го вѣка. «Сигге правительствовалъ тогда, какъ верховный жрецъ и излагатель воли боговъ, надъ Асами, Готскимъ народомъ, по происхожденію и языку (?), обитавшимъ между Танаисомъ, Кавказомъ и Каспійскимъ моремъ, къ которому причислялись и Торки.» Ист. Швец. Далина. Слѣдуя чрезъ Svavathiod hin mikla (чрезъ великую Словенію), они пришли въ Приморскую Русь: «Enn adr Tirkiar oc Asiaemenn komu a Nordur laund, bigdu Nordur halfurnar Risar,» т. е., «когда Тирки и Асы пришли въ сѣверныя страны, по сѣвернымъ набережнымъ жили Руссы.» Hervarar Saga, cap. 1. — «Their Aesar töku sier kuonfang thar Innannlands en sumer sonum synum, og urdu thessar aelter fiolmennar, so ad umm Saxland, og alle thadann umm Norduralfur dreifdest, so ad theirra Tunga asiae manna var eigen Tungu umm oll these Lond.» Т. е., «Эти Асы брали за сыновей сво-

Въ «Древностяхъ Босфора Киммерійскаго» упоминается о найденныхъ въ Керчи двухъ мраморныхъ пьедесталахъ статуй, съ надписями Котиса, правителя Босфораніи. Въ одной надписи (XX-й), по случаю открытія цѣлебнаго источника, сохранилось имя благочестиваго Котиса, возвеличившаго славу страны предковъ и владычествующаго надъ всѣми областями Инахидовъ, а можетъ быть Иніоховъ (Εἰνάχιοι, Ἰνάχιοι, Ἠνίοχοι).

Въ другой надписи (XI-й), Котисъ Аспургскій, названный въ поясненіяхъ первымъ Царемъ этого имени, неизвѣстно по чему, отнесенъ ко времени Нерона, сына блаженнаго Клавдія. Смыслъ надписи: «Ликъ Отца Отечества (Pater Patriae, слѣдовательно, Августъ),[84] своего спасителя и благодѣтеля, воздвигъ Котисъ Аспургскій, другъ Кесаря и Римлянъ, благочестивый первосвященникъ боготворимаго (Εὐσεβὴς ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν).

Монета Котиса, описанная Г. Кёне, имѣетъ слѣдующія надписи и изображенія: съ одной стороны: ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΚΟΤΥΟΣ. Курульное кресло, на которомъ вѣнокъ, въ право скиптръ съ бюстомъ; съ другой стороны: ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ, круглый щитъ, копье съ значкомъ въ видѣ конской головы, бюстъ, украшенный короною; внизу шлемъ съ перьями и мечъ.

Овидій называетъ Котиса потомкомъ знаменитаго рода, происходящаго отъ Евмолпа и первоначальника его, Ерихѳона. Тайна этого родословія заключается въ Египетскихъ тайнахъ, или, по Плинію, въ тайнахъ Маговъ, основанныхъ Ерихѳономъ въ Елевзинѣ. Евмолпъ же былъ первый іерофантъ этѣхъ таинъ, и въ родѣ его утвердилось это званіе наслѣдственно.[85] Этимъ родоначаліемъ объясняется и титулъ Котиса въ надписи: εὐσεβὴς ἀρχιερεύς, замѣняющій обычное Египет-

---

ихъ дочерей туземцевъ, такъ что ихъ родъ въ короткое время распространился до Саксоніи и по всему сѣверу, и языкъ ихъ сталъ общимъ въ этѣхъ странахъ». Edda Island., cap. III.

[84] «Ob haec tot facta ingentia Dictator perpetuus et pater Patriae dictus». Florus.

[85] Страб. (L. VII, 321) упоминаетъ Евмольпа въ числѣ колонизаторовъ Египетской и Халдейской пропаганды—Пелопса, Даная, Кадма и пр.

ское, Халдейское, Еврейское и Персидское названіе Каганъ, обратившееся у Готовъ въ Kung, Kong, Konung. [86] Вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется и льстивое восхваленіе, въ которомъ Овидій сравниваетъ псалмодіи Котиса съ гимнами Орфея, проповѣдывавшаго Магизмъ.

Евмолпъ, по Страбону, при помощи Ѳракійцевъ, овладѣлъ Аттикой; Евмолпъ первый Іерофантъ Елевзинскаго храма, въ Аттикѣ; Евмолпъ, по Плинію, первый въ Аттикѣ вертоградарь. Халдейское-Колхидское, Мидійское-Мисійское (Μοισων, Μυσων, Μηδων) вѣрованіе, чествовавшее Гада (Gud,) и дни новолунія (Μῆνη, μήν—mâna), [87] проникло, слѣдовательно, въ Елладу чрезъ Македонію, при помощи прозелитовъ Ѳракіянъ, которые вели свой родъ отъ Вистона, сына Арея или Мара.

Движеніе Халдееевъ-Маговъ легко опредѣлить, прокладывая послѣдовательно всѣ Мугдоніи (Μυγδονία): сперва Ассирійскую, между Тигромъ и Евфратомъ, потомъ Малоазійскую (Μυσία), а въ заключеніе Ѳракійскую, извѣстную подъ названіемъ Македоніи. Здѣсь и было первоначальное водвореніе централизаторовъ Готовъ въ Европѣ. Подъ вліяніе ихъ и этой системы подпалъ Филиппъ, [88] покорившій Грецію, а потомъ сынъ его Александръ, Κτιστὴς и покоритель Азіи. Во время войны Римлянъ съ Митридатомъ, единовѣрцы его должны были выселиться за Дунай, въ извѣстную Дацію [89] или Готію Карпатскую. [90] Здѣсь они продолжали возстановлять туземныя племена и Германовъ на Римъ. Траянъ вынудилъ ихъ продолжать путь къ Сѣверу.

---

[86] «Ol. Rudbeckius junior, et cum illo alii, Kong Europaeorum diversum esse non putant a Cahan, quod in Ebraica lingua non solum sacerdotem, sed etiam principem denotare, observunt philologi.» Ihre. Gloss. Suiogoth.

Іорнандъ, въ Исторіи Готовъ, замѣняетъ названіе Kong или Cohen Латинскимъ толкованіемъ: «Hic etenim et Rex illis et Pontifex ob suam peritiam habebatur, et in sua justitia populos judicabat.»

[87] Strab L. XX, p. 557.

[88] Іорнандъ, Ист. Готовъ.

[89] Діонъ упоминаетъ, что Даки или Готы Дунайскіе переселенцы изъ Родопія.

[90] Dacia есть Римское названіе, а потому не Дакія, какъ писали Греки; жители не Даки, а Dauciones, какъ называетъ ихъ Птоломей.

Изъ этого краткаго очерка отношеній Азійскихъ Готовъ къ Европейскимъ, понятны титулы, которые даетъ Овидій Котису Босфоранскому, не различая ни мѣстностей, ни народностей; столь же неопредѣленна у него и Bistonis terra.

Ѳраковъ Виѳинскихъ Ксенофонтъ называетъ воинственнѣйшимъ народомъ изъ всей Азіи. Они считаютъ родоначальникомъ своимъ Виѳона (Bithon), сына Арея или Марса.

Точно также и коренные обитатели Вистоніи (Bistonia) Македонской ведутъ свой родъ отъ Вистона (Biston), сына Арея или Марса.

Слѣдовательно, Вистонъ есть не что иное, какъ двойникъ Виѳона.

По Тациту, тому же Viston или Viscon (Visconen deum) поклонялись, какъ родоначальнику своему, и сѣверные Савіане, которыхъ Римляне прозывали племенами (Germani). [91]

Для полноты пропорціи, нужно сопоставить и Савіанъ коренныхъ Индовъ, у которыхъ ратное сословіе считало родоначальникомъ своимъ, патрономъ, Вишну, по старинному Европейскому писанію, Vistnou и Bistnou.

Во всѣхъ этѣхъ странахъ, для различенія туземцевъ отъ водворившихся между ними колоній, древняя Исторія имѣетъ только одинъ, но вѣрный признакъ, — вѣру тѣхъ и другихъ. На этомъ основаніи,

---

[91] См. Переводъ Тацита о Германахъ, по своду кодексовъ, въ соч. «Индо-Германы, или Сѣверяне.» По Cod. Humilianus, Cod. Farnasianus и Cod. Vaticanus, родоначальникъ Свевовъ (Suevones), т. е., Савіанъ, Viston или Viscon. Прежде, вмѣсто этого имени, по позднѣйшимъ ошибочнымъ спискамъ, читали Tuiscon, который и принялъ въ толкованіяхъ значеніе родоначальника Даціанъ (Deutschen).

При этихъ соображеніяхъ объясняется, что и въ Тацитѣ, вмѣсто Manuum слѣдуетъ читать Martem: «Celebrant carminibus antiquis Visconem Deum terra editum et filium Martem (вмѣсто Manuum), originem gentis conditorisque.» Это подтверждается въ IX главѣ, что Свевы приносятъ жертвы Геркулесу и Марсу. Тацитъ понялъ превратно. Харя, воплощеніе Вишну (Арей, Геркулесъ, Юрій); а Вишну законодатель, божество побѣды.

какъ Синды Ѳракіи, такъ и Синды Меотиды, составляютъ одинъ тотъ же народъ Савіанъ, отрасли Арійской; такъ Μοισοί, Μυσοί Gothi, у которыхъ родоначальникъ былъ, какъ говоритъ Іорнандъ Gapt, составляетъ другой народъ, отрасли Хананской.

Очень естественно, что Овидій, въ льстивомъ посланіи къ Бос форанскому Кагану Котису, почерпаетъ изъ Римской Исторіи все что можно примѣнить къ славѣ его рода. Другимъ источникомъ ег свѣдѣній о Котисѣ были разспросы о немъ у Гетовъ или Готовъ. Нѣт сомнѣнія, что въ раэскахъ о своемъ Каганѣ (Cohen) и жрецѣ (Gude) они сообщали ему свѣдѣнія о своемъ древнемъ Сирійскомъ Gauti Адо нѣ, и обычныхъ заклинательныхъ, чарующихъ и гадательныхъ, рунак своихъ волхвовъ. Въ этихъ-то Каббала и слышалось Овидію имя Cotys

Кромѣ Котиса, есть еще другое историческое имя, относящееся къ Томитанской области, о которомъ упоминаетъ Овидій въ Pont. L IV, Ep. 9.

«Недавно еще Флаккъ управлялъ этой страной, говоритъ онъ Дикій берегъ Истра былъ огражденъ воеводой. Въ надежномъ мирѣ держалъ онъ племена Мисянъ (Mysas gentes). Его меча боялся лукъ, на который надѣялись Геты. Порывистой своей храбростію, возвратилъ онъ Трозми изъ рукъ непріятеля и окрасилъ Дунай звѣрской кровью.»

Истръ, Mysas gentes, воевода Флаккъ и г. Трозми — четыре данныхъ въ пользу Томи на Дунаѣ. Но, во первыхъ, Истръ, какъ мы уже объяснили, неопредѣленное названіе, которое у древнихъ, при смутныхъ понятіяхъ о мѣстности, приписывалось иногда не только Дунаю и Дону, но даже и Днѣпру. [92] Во вторыхъ, Флаккъ—имя безъ прозвища, или прозвище безъ имени—неопредѣленно. Мисіей (Moesia), сколько извѣстно, управлялъ только одинъ изъ носящихъ

---

[92] «Ἀπὸ οὖν Καλοῦ λιμένος μέχρι τοῦ Ἴστρου ποταμοῦ ἤτοι Δανάπρεως καλουμένου πάλιν Σκύθαι κατοικοῦσιν.» Ponti Euxini Periplus.

Положимъ, что это явная описка; но на подобныхъ опискахъ, при вѣрѣ только въ букву, строются цѣлыя историческія положенія, какъ, на примѣръ: пріуроченіе древнихъ Германовъ, Славянъ, къ новымъ Германамъ Даціянамъ, по опискамъ Tuiscon. Hertha etc.

ия Флакка, именно Помпоній Флаккъ; но онъ назначенъ былъ Ти-ерію, послѣ убійства Котиса, около 19-го года по Р. Х., когда и Овидій уже не существовалъ. Въ третьихъ, Trosmis, городъ дѣйствительно бывшій на Дунаѣ; но Trosmis, въ стихѣ Овидія, есть не то иное, какъ догадка и произвольная вставка издателей, пріурочивавшихъ, какъ самаго Овидія, такъ и упоминаемаго Флакка, непремѣнно къ Дунаю. «Ce mot, говоритъ Низаръ, varie dans les manuscrits de huit ou dix manières»; Lemaire высчитываетъ только нѣкоторые варіанты и вмѣсто Roesen, Troezen, Traecen, Troisen, предлагаетъ читать Trosmis.

На томъ же основаніи Mysas gentes изгнали изъ рукописи Maetas gentes.

И такъ, по всей вѣроятности, приговоръ ссылки Римскаго Волтера въ Томи на Дунаѣ, принадлежитъ не Августу. Оставляя въ сторонѣ ученыя поправки, примѣненныя къ Истру, я обращаюсь къ прямымъ указаніямъ поэта. Онъ говоритъ о странѣ своего изгнанія, на далекихъ границахъ Скиѳіи, какъ о новомъ, ненадежномъ пріобрѣтеніи Рима: эта страна — Босфоранія, пріобрѣтенная побѣдой Митридата. Здѣсь поэтъ имѣлъ право жаловаться и на безконечную зиму Меотиды, и на климатъ вообще, и на дикую, безплодную мѣстность Киммерійскаго берега, и на постоянный страхъ и опасеніе Скиѳскихъ, Сарматскихъ, Готскихъ и даже Колхидскихъ набѣговъ. Здѣсь, въ Томи Босфоранскомъ, могъ онъ упрекать Грековъ Ахеянъ, носившихъ уже названіе Скиѳовъ - Еллиновъ, за то, что они забыли свой родной языкъ.

Слѣды Нижне-Мизійскаго, Дунайскаго Τόμεα исчезли съ самаго времени упоминанія объ немъ нѣкоторыми Географами I-го вѣка, если только не слѣдуетъ читать въ нихъ вмѣсто Τόμεα—Κόμεα, какъ увидимъ ниже. Существованіе же Босфоранскаго Τομαία, Τόμεως, Τομοία, Τομεὺς, Τόμος, сохраняло во времени прозвище свое, какъ мѣстность, значительная издревле по торговымъ отношеніямъ къ Греціи и Италіи.

Босфоръ или проливъ Азовскаго моря назывался въ древности Индѣйскимъ (βόσπορος τῆς ἰνδικῆς), Киммерійскимъ, или Серберійскимъ, потомъ устьемъ Меотическимъ или Донскимъ—Τάνεως. [99]

[99] Στόμα τῆς Μαιώτιδος λίμνης, ἤτοι τοῦ Τάνεως. Pont. Eux. et Maeot. Periplus.

Этому послѣднему названію и соотвѣтствуетъ Азіятское Томанъ-богазы, по озеру и городу Тома — تمان.

Первобытное названіе свое проливъ носилъ по народу, области и городу, на Азіятской набережной: Κιμβρικὸν, Κιμμερικὸν, Κερβέριον, Cimmeria, Cerberia. Народъ: Κιμμέριοι, по Hesych. Κερβέριοι, по Плинію—Сарматы Serbi, по Прокопію и другимъ, Sabiri, они же и Гунны бѣлые, Гинду-сафетъ, или бѣлые Инды, называвшіеся и Гиніохами. Если Tanaitae, жившіе по Низовью или Донью рѣки и лимана были Сербы, то должно обратиться къ обычному народному названію страны, ими занимаемой—Сербадія. Страна Прибалтійскихъ Славянъ (Suivones) Сербовъ (Cimbri, Sibri) называлась также Sermende и Serbende, т. е., Сербадія, Пріальбская Sarmaten Land. [94] Понятно, что это названіе Еллины не могли иначе произносить, замѣняя часто букву б посредствомъ м, какъ Σαρματία.

«Въ 120 стад. (17 в.) отъ р. Антикиты, [95] пишетъ Страбонъ, находится городецъ Киммерійскій; здѣсь таможенная пристань (ἀφετήριον) для кораблей, вступающихъ въ лиманъ. [96] Вдоль этого берега находятся стражницы (σκοπαί), называемыя Клазоменскими (!) (вѣстовыми). Нѣк гда этотъ Киммерійскій городъ, находящійся на полуостровѣ, [97] былъ защищенъ по перешейку валомъ и рвомъ. Киммеріане преобладали на всемъ Босфорѣ. Отсюда они проникали въ глубь страны по правому берегу Понта, до Іоніи. Скиѳы изгнали ихъ изъ Киммеріи, и въ свою очередь были вытѣснены Еллинами, которые и основали Пантикапею и прочіе города Босфорской области.» Слѣдовательно, въ томъ числѣ и Танаисъ, городъ Донъ, или Донской городъ; ибо Страбонъ, говоря о рѣкѣ Донѣ, пи-

---

[94] См. Исчисленіе Славянскихъ племенъ Германіи, въ Геогр., прозв. Баварскимъ (около 7 вѣка) и землеоп. Альфреда.

[95] Кубань, называвшаяся также Ὕπανις.

[96] При Босфорѣ образуются два мыса полуостровами. Со стороны Тавриды Керченскій, называвшійся малымъ Херсонисомъ (полуостровомъ), а съ Азіятской стороны — Таманскій.

[97] Τὸ δὲ στόμα ἐκπλέοντα Κιμμερὶς πόλις, ἀπὸ Κιμμερίων μὲν βαρβάρων κεκλημένη. Κτίσις δὲ τυράννων οὖσα τῶν ἐν βοσπόρῳ. Scymni Chii Periplus.

шетъ: «На рѣкѣ и Меотическомъ озерѣ находится городъ, одноименный съ Танаисомъ, построенный Еллинами, когда они овладѣли Босфоромъ. Въ недавнее время Царь Полемонъ разорилъ его за мятежное возстаніе. Танаисъ былъ общимъ торговымъ мѣстомъ, какъ туземцевъ Европейской и Азіятской стороны, такъ и плывущихъ чрезъ Босфоръ въ лиманъ, для вымѣна челяди, мѣховъ и другихъ предметовъ, на ткани, вина, и разныя вещи.»

Выходъ Киммеріянъ съ набережныхъ Босфора, безъ сомнѣнія, былъ важнымъ событіемъ для Елиновъ; по тому что почти всѣ историки, начиная съ Геродота, объ немъ упоминаютъ. Въ Юстинѣ, по Трогу Помпею, слѣдующее преданіе: «Въ то время (когда Скиѳы владѣли въ продолженіи 1,500 лѣтъ почти всей Азіей), по случаю усобицъ между владѣтелями, были изгнаны изъ родины два Князя — Юлинъ (Ylinos) и Scolopitus. За ними послѣдовало множество молодежи (юнаковъ). Они поселились въ Каппадокіи, близъ рѣки Ѳермодонта, на равнинахъ Ѳемискиры.»

По сказанію Плинія изгнаны были Танаиты.

Въ Амміанѣ, преданіе принимаетъ иной смыслъ: «Въ дальнемъ разстояніи отъ Борисѳена есть полуостровъ, населенный Синдами, которые, послѣ погибели ихъ владѣтелей, во время похода въ Азію, воспользовались ихъ состояніемъ и женами». По Трогу Помпею и Геродоту, это обстоятельство и было причиной, что царственные Скиѳы, возвратясь изъ похода, изгнали измѣнниковъ изъ родины. Къ этому именно событію относится и время построенія города Истра. «Городъ Истръ основанъ Милетами въ то время, когда рать Скиѳовъ перешла въ Азію, преслѣдуя Киммеріянъ Воспорскихъ.» За симъ въ Периплѣ Скимна слѣдуетъ: «Такимъ образомъ Милетское Томейское, или Томитанское поселеніе, было посреди Скиѳовъ.»

---

[98] Τομέοι ἄποικος γενομένη Μιλησίων
Ὑπο Σκυθῶν μὲν ἣν κύκλῳ οἰκουμένη.

Отбрасывая частицу μὲν, замѣняя ἣν посред. ἐν, и измѣняя родъ, это переводятъ: «Томи поселеніе Милетянъ; окрестъ его обитаютъ Скиѳы». Мы полагаемъ, что оставляя все въ своемъ видѣ, слѣдуетъ перевести: «Такимъ образомъ Милетское Томейское (Τομέως) поселеніе было посреди населенія Скиѳовъ.» Подъ этимъ населеніемъ, кажется, должно подразумѣвать Ахеянъ, которые и назывались Скиѳы-Ахеяне или Еллино-Скиѳы.

Какой же выводъ слѣдуетъ изъ этого? Двоякій: или обстоятельство построенія Донскаго города пріурочено къ Дунайскому, или смутное понятіе объ устьяхъ Дуная и Дона перемѣстило городъ, одноименный съ рѣкой, съ Донья Меотическаго на Донье Ѳракійское. [99] Тотъ и другой городъ — πόλις ὁμώνυμος τοῦ ποταμοῦ; тотъ и другой построены въ одно и тоже время; Τανέως, по Страбону, просто Еллинами, а Ἰστριανός, по Скимну, Еллинами Милетами; оба на мѣстности, откуда изгнаны Киммеріяне. Которому же изъ этихъ двойниковъ принадлежитъ право существованія? Тому ли, который носилъ названіе Ἐμπόριον Черноморской Еллинской торговли, [100] или какому ни будь Ἴστρος πολίχνιον, Дунайскому пограничному укрѣпленію?

Высказывая нѣкоторое сомнѣніе въ отношеніи городовъ Истра и Томи, которыхъ, по Периплу Скилакса, нѣтъ на Дунаѣ, мы полагаемъ, что для позднѣйшихъ Географовъ, основой при описаніи сѣверныхъ береговъ Понта, служила Географическая поэма Скимна Хіоскаго. Когда Донье или низовья Меотиды и сѣверныхъ границъ Ѳракіи, были еще подъ Киммерійскимъ мракомъ, названіе Истръ, относящееся собственно къ низовью рѣки, могло легко приписываться низовьямъ и Дона и Дуная.

Ἀχίλλειον, находившійся и противъ устья Дуная и на мысѣ Азіятскаго берега Босфора, сбивалъ окончательно всякую оріентировку съ толку.

«На пути плывущихъ къ устью Псилонъ Истра, — пишетъ Скимнъ,—находится островъ Ахиллесовъ (Ἀχιλλέως νῆσος). Другіе называютъ его путемъ Ахиллеса (δρόμος Ἀχιλλέως), а также Левки или бѣлымъ, по цвѣту.»

То же самое и въ Периплѣ Арріяна: «одни называютъ его Ахиллесовымъ островомъ, другіе путемъ Ахиллеса, третьи—Левки, по бѣлизнѣ.» Арріянъ тѣмъ и ограничиваетъ свѣдѣніе о δρόμος Ἀχιλλέως; но неизвѣстный составитель Перипла Понта Евксинскаго (вѣроятно, въ

---

[99] «Ab Istri ostium, quod Sacrum dicitur, excipiunt partes Thraciae, in Pontum vergentes, et Thracum limites. Ponti Eux. Periplus».

[100] «Τανᾶις, ἥτις καὶ Ἐμπόριον ὀνομάζεται.» Al. Polyhistor.

подтвержденіе свѣдѣній поэтовъ, что Ахиллесъ, влюбленный въ Ифигенію, поселился на островѣ Левки, и ристалъ по прибрежной косѣ въ Тавриду, на свиданіе съ нею), перемѣстилъ ристалище Ахиллесово на Кинбурнскую косу. Это свѣдѣніе принялось и развилось въ Географахъ. Плиній въ 26 главѣ IV книги пишетъ, упомянувъ объ Ольвіополѣ или Мелетополѣ: «съ другой стороны, на набережной, пристань Ахеянъ; островъ Ахиллеса—славный могилою этого героя (tumulo ejus viri clara); въ 125 тысячахъ шагахъ, полуостровъ, изогнутый въ видѣ меча, названный по ристаніямъ его «Dromos Achilleos». Въ главѣ же 33-й V книги, могила Ахиллеса переносится въ Троаду: «Extra sinum sunt Rhoetea littora.... fuit et Achilleon, oppidum juxta tumulum Achillis....» — «Внѣ залива, берега Ретейскіе,.... тутъ былъ и городокъ при могилѣ Ахиллеса.»

Но Ἀχιλλέως ὁρόμος носилъ названіе и ἱερὸν ἄλσος τῆς Ἑκάτης — священная дубрава Гекаты, а также ἱερὸν ἄλσος Ἀχιλλέως, [101] священная дубрава Ахиллеса; слѣдовательно, и въ преданіи было: не ὁρόμος Ἀχιλλέως, а ὁρυμὸς Ἀχιλλέως, не ристалище, а дубрава Ахиллесова.

Страбонъ упоминаетъ объ Ахиллеонѣ. [102] на Азіятскомъ берегу Босфора; но трудно опредѣлить, при сѣверной ли косѣ Таманскаго залива, или при южной, которая тянется, какъ мостъ, чрезъ Босфоръ къ Таврическому берегу. [103] По Периплу Арріяна, около этого мѣста священная пристань (ἱερὸν λιμένα); по другимъ Κηποι, близъ Фанагоріи.

Нѣтъ сомнѣнія, что Ахиллесъ, даже и въ вымыслѣ, для свиданія съ своей невѣстой, Ифигеніей, могъ поселиться не за нѣсколько

---

[101] Is. Vossii notae in fragm. Perip. Ponti Eux. p. 34. — Strab. L. VII, p. 307.

[102] Ахиллеонъ, съ храмомъ Ахилла, по словамъ Бёка, основанъ тѣми же Милетами, какъ и Ахиллеонъ, упоминаемый Плиніемъ, не въ далекѣ отъ Сигеи. Опис. Музея Кн. Кочубея, Г. Кёне, т. I, стр. 394. Но кажется вѣрнѣе предполагать, что Ахиллеонъ построенъ Ахилловыми Ѳеіотами-Ахеянами, которые поселились тутъ послѣ Троянской войны и приняли обычаи Скиѳовъ, т. е., Черноморской Руси (Rhoeti).

[103] «Въ 20 стад. отъ Киммеріонъ, къ сѣверу, г. Ахиллеонъ, гдѣ находится храмъ Ахилла. Здѣсь проливъ съужается до 20 стад. Страб. кн. XI, стр. 494.

сотъ верстъ отъ Тавриды, на островѣ Левки, но противъ Тавриды. на островѣ Таманскомъ. [104] Не смотря на это, Страбонъ также слѣдуетъ показанію Перипла, и переноситъ священную Ахиллесову дубраву и Ахиллесовъ δρόμος на Кинбурнскую косу. Очень естественно, что, вмѣстѣ съ этимъ, необходимо было перенести и окрестности Босфорскаго Ахиллеона: съ Европейской стороны Керчь (Κερκί, Κερκίνος), [105] съ Керченскимъ заливомъ (Κερκινίτης κόλπος); а съ Азіятской стороны—мысъ и заливъ Таманскій — Ταμυράκη ἄκρα, съ озеромъ, находящимся на немъ, и Ταμυράκη κόλπος.

По неопредѣленности свѣдѣній, у Страбона Тамиракскій заливъ составляетъ и особенный заливъ и, по словамъ Τάφιοι, [106] названіе Керкинитскаго залива и мысъ (ἄκρα). Въ Периплѣ Арріяна названія Каркинитъ и Тамираки неопредѣленны. Упоминается только, что на послѣднемъ находится озеро. «Отсюда, продолжаетъ онъ, до устья Озера (ἐκροὰς τῆς λίμνης—какого же?) триста стадій; отъ устья до Ονας (?)—триста восемьдесятъ.» Что такое Іонъ, неизвѣстно. По Плинію Eion или Eon, названіе Таманскаго полуострова. [107]

Въ Периплѣ Понта Евксинскаго вмѣсто Ταμυράκη—Ταμυριάκη, а по выпискамъ Гр. И. Потоцкаго Tamyriana. Плинію это названіе неизвѣстно; его замѣняетъ Темеринда: [108] «Скиѳы, говоритъ онъ, называютъ Меотическое озеро Темеринда, что значитъ «мать морей.»

Какъ Ярославна въ Словѣ о полку Игоревѣ, пѣла къ Дону Великому, такъ и Днѣпровская и Черноморская Славяно-Русь имѣла обы-

---

[104] «Фанагорія и Кипи (сады) находятся на островѣ, о которомъ упомянуто.» Кн. XI, стр. 495. «Всѣ эти города—Кипи, Ермонасса, Фанагорія—на островѣ, образуемомъ моремъ, Меотидой и рѣками (Кубанью).» Скимн. Хіосскій.

[105] По Плинію Carcine. Находимыя монеты съ надписями: KIPKI, KEPKINOC, Г. Фридлендеръ признаетъ Керкинитскими. По замѣчанію Г. Кёне (Опис. Музея Кн. Кочубея), стиль ихъ принадлежитъ Тавридѣ.

[106] Τάφιοι, читаютъ Τάφριοι, полагая, что это жители Τάφρος—вала и рва, ограждающаго полуостровъ (Таврическій или Таманскій?); но отъ чего же не Τάμιοι, жители полуострова Тамираки?

[107] «Inde ad Bospori Cimmerii introitum. Sed ipsius peninsulae inter Pontum et Maeotim lacum excurrentis, Eionem vocant». Plin. VI, 6.

[108] По чтенію Io. Guilielmo Stuckio—Temeriada. Arriani Periplum. Scholia in Periplum Ponti Euxini.

лай, отправляясь въ походъ на своихъ насадахъ, пѣть къ Дону-ба-юшкѣ и къ Волгѣ-матушкѣ: «Взелѣй, мати Волга рѣка, взелѣй мати быстрая!»....

Этотъ исконный возгласъ къ рѣкѣ, Скиѳовъ—Сарматовъ—Гун-новъ — Роксанъ—Аорсовъ—Сапеянъ—Сакалабовъ — Склавовъ, etc., Плиній иначе не могъ понять, какъ въ идрографическомъ смыслѣ. Дѣло касалось до Дунай-рѣки; [409] какъ же иначе, со словъ Азіятскаго толмача, передать это, какъ не Tamyraca или Temerinda, тѣмъ болѣе, что издревле у Восточныхъ писателей Донъ назывался Тана или Тома, а Меотическое озеро بحيرة طوس—озеро Тома, т. е., Донское озеро или лиманъ, какъ вообще Русь искони называла озера въ устьяхъ рѣкъ, на пр., Днѣстровскій лиманъ, Днѣпровскій лиманъ, что ясно и изъ Греческихъ Географовъ: «Μαιώτιδος λίμνη ἤτοι τοῦ Τάνεως.»

Скажемъ откровенно: какъ заботливо ни стирались западниками слѣды Томи на восточномъ берегу Понта, но замѣна сходныхъ между собою буквъ не можетъ утаиться въ сомнительныхъ именахъ и названіяхъ, не соотвѣтственныхъ мѣстности. Въ отношеніи Томи и Томитанской области необыкновенно какъ помогало, такъ называемому въ чтеніи кодексовъ древнихъ историковъ: recte, сходство письменныхъ μ и ρ. На примѣръ, Стефанъ Виз. упоминаетъ о Τυριτάκη πόλις Πόντου, τὸ ἐθνικὸν Τυριταχαῖος τῶν συνήθει τύπῳ. Совершенно непонятно, что за городъ Тиритакскій, и что за язычники Тиритакскіе. Но Географія Птоломея объясняетъ: ἀπὸ δὲ Παντικαπαίου εἰς Τυριτάκην πόλιν στάδια λέ,» т. е., отъ Пантикапеи до Тиритакскаго города 35 стадій, т. е., около 5 верстъ. Не смотря на это, Тиритакскій городъ остается подъ сомнѣніемъ, какъ созданіе описки, или ложнаго чтенія. Замѣните же сходныя буквы, поставьте вмѣсто υ—ο, вм. ρ—μ и κ—ν, вмѣсто Τυριταχαῖος получите Τομιταναῖος, и будетъ понятно, по чему Стефанъ Византійскій упоминаетъ о Томитанахъ.

То же самое замѣненіе буквы μ буквой ρ убѣдительнѣе подтвердится ниже. Но для этого необходимы нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія о Таманскомъ полуостровѣ, и вообще о Задоньѣ. Эту страну Западные Историки, начиная съ среднихъ временъ, по настоя-

---

[409] Въ народныхъ пѣсняхъ Донъ безразличенъ съ Дунаемъ.

щее время, совершенно отчудили отъ Славяно-Руси. Арійскіе Ка
казскіе и Европейскіе Ἰνδοὶ Σάβιοι, отрѣзанные отъ Гиммалайскихъ
Персами, принявшими Халдейство, и прозванные Готами Skuafa,
Еллинами Σκύθοι, дѣйствительно, во всѣ времена, въ религіозномъ от
ношеніи, были (въ прямомъ смыслѣ слова) Чудью для Западной Европы
хотя эта Чудь спасла Европу отъ Іудейства и отъ Магометанства.

Геродотъ, описывая племена Индовъ сѣверныхъ, пограничныхъ
Персіи со стороны Кавказа, обозначаетъ предѣлы ихъ рѣкой Фазомъ
(Ріономъ), Гебромъ (Курой) и Араксомъ (الرس—Русская рѣка), со впа
денія въ нее Куры. Границу Индовъ онъ опредѣляетъ и по Черно
морью: «отъ Θемискиры, на рѣкѣ Θермодонтѣ, до Индики, три дня и
двѣ ночи плаванія.» [110] Пограничная рѣка Фасисъ носила названіе
рѣки Индовъ, [111] и безъ сомнѣнія Скилаксъ, составившій Периплъ
Чернаго моря, былъ посланъ Даріемъ для обозрѣнія собственно
этого Инда и прибрежій, населенныхъ Бѣлыми Индами (Гынду-са-
фетъ)—Сиваитами [112] по вѣрѣ и, слѣдовательно, врагами Гебровъ. [113]

Когда Персы овладѣли Кавказомъ, названіе Индіи, Синдіи, или
Синдики, сохранило только Задонье, и общее прозвище народа стало
дробиться по мѣстности, племенамъ, а особенно по различнымъ на-
званіямъ, которыя придавали ему Персы, Кавказскіе Готы и Еллины-
колонисты. [114] Кимвры или Киммеріяне — Serbi, Гунны — Saviri,

---

110 «Ἐς δὲ Θεμίσκυρην τὴν ἐπὶ Θερμώδοντι ποταμῷ ἐκ τῆς Ἰνδικῆς, κατὰ τοῦτο γὰρ ἐστι τοῦ Πόντου εὐρύτατον, τριῶν τε ἡμερέων καὶ δύο νυκτῶν πλόος.» Herod. L. IV, 86.—Толкователи считали тутъ Индію не у мѣста и опредѣлили печатать Σκυθικῆς (разумѣется, не принимая этого названія за синонимъ), но примирились на Σινδικῆς: «Ubi interpretes legunt, ἐκ τῆς Σκυθικῆς. Male. Legendum, Σινδικῆς.» Is. Vossii notae in Scil. Cariand. Periplum, 1639.

111 «Ὁ Ἰνδὸς ποταμὸς, τουτέστιν ὁ Φεισών»—рѣка Индовъ, т. е., Фасисъ. (Cosmas).

112 Азіятск. названіе شيب — Шивъ — Сива, было основой названію Σκύθαι, которыхъ какъ Азіятцы называли также Шаби, Sabioun, такъ и Еллины Σάβιοι, Σουήβοι, Σουήβων.

113 Не поддаваясь происканъ пропаганды Гебровъ, посредствомъ брачныхъ союзовъ съ Княжескими родами, Скиѳы навлекли и гнѣвъ Кагана Дара, который, по Трогу Помпею, поднялъ на нихъ войну за отказъ Скиѳскаго Царя отдать за него дочь свою.

114 Персидское названіе Гынду-сафетъ — Бѣлые Инды, въ противопо-

ородъ и область Cerberion, довольно опредѣлительно обозначаютъ
ѣсь Воеводство Сербское — Сербадію, извѣстную подъ Еллинскимъ
азваніемъ Σαρματία. Сказанія Церковной Исторіи о принятіи Хри-
тіянской религіи Индами внутренними (εὐδοτέρων), о чемъ изложено
удетъ ниже, касались до Индовъ Черноморскихъ. [115]

По Страбону, племена, населявшія эту часть Черноморья, слѣ-
ующія. Послѣ Скиѳовъ сѣверныхъ (за Дономъ) слѣдуютъ «Сарматы
другіе Скиѳы: Аорсы и Сураги (Σίραχοι), простирающіеся на югъ
о Кавказскихъ горъ. По берегу Меотическаго озера Меоты, а
около Босфора, на Азіятскомъ берегу, находится Синдика; потомъ
Ахеяне, Зиги и Иніохи, Керкеты [116] и Макропогоны (по Плин. Ме-
ланхлены, на мѣстности Мингреловъ)».

По Периплу Скилакса порядокъ населенія иной: «Послѣ Меотовъ
слѣдуютъ Синды. У нихъ Еллинскіе города: Фанагорія (Φαναγόρου
πόλις), Кипи (Κῆποι), Синдійская пристань (Σινδικὸς λιμήν), Патосъ
(по Страб. Βάτα). За Синдійской пристанью народъ Керкеты (Κερκέται
ἔθνος) и Еллинскій городъ Торикосъ и пристань (Τορικὸς καὶ λιμήν).
За Керкетами Ахеяне, потомъ Гиніохи.»

Еллинскіе Географы почерпали свои свѣдѣнія изъ разновремен-
ныхъ разсказовъ, вносили въ текстъ различныя названія одной и
той же мѣстности, искажая названія туземныя и примѣняя ихъ къ
смыслу своего языка. Въ дополненіе къ этому, корректоры и изда-
тели рукописей, безъ свода ихъ и безъ знанія топографіи описывае-
мыхъ странъ, воплощали описки, смѣшивали туземное населеніе съ

ложность названію Siah-Hend — Черные, или Восточные Инды, о ко-
торыхъ Геродотъ говоритъ только, что они не были подвластны Дарію,
переобразованы Греками въ Λευκοὶ Οὖνοι — Бѣлые Гунны.

[115] «Апостолъ Матѳей проповѣдывалъ Евангеліе въ Эѳіопіи, Ап. Варѳоломей
въ Индіи внутренней.» Сократъ. Въ Hieronimi Catalogo Scripr. Ecclasiasti-
corum: «in Aethiopia, ubi esi irruptio Apsari et Hyssi portus (въ Abassia). «Longe
mihi verisimilius sit, pervenisse illos in Aethiopiam Ponticam, quae in Colcho-
rum est regione, et Sindicae, sive Indiae, contermina est.» Is. Vossii notae
in Scylacis Periplus.

[116] Въ XII кн. 548. Κερκῖται; они же и Ἀπταῖται, называвшіеся въ древности
Керкитами.

колоніяльнымъ, исконное съ новѣйшимъ. Вотъ причины затрудн тельной прокладки древнихъ Географовъ.

Испытаемъ проложить города, находившіеся на Синдійском нынѣ Таманскомъ, полуостровѣ.

Возмемъ въ основаніе Страбона и его сократителя. [117] По со кращенной Географіи, Фанагорія и Эрмонасса замѣчательнѣйшіе (Ел линскіе) города на Азіятской сторонѣ Воспора. Приморскій город Синдики столица Синдовъ. Ὅτι παραθαλάσσιος πόλις Σινδική ἐστι, τ τῶν Σινδιῶν βασίλειον.»

По подробной Географіи, за Синдикой слѣдуютъ (къ югу) Ахея не (Фѳіоты — Ахеяне Скиѳскіе (Appian) — Еллино-Скиѳы). Но в Синдикѣ, у Страбона является Горгиптія [118] или Горгиппія, как названіе приморской столицы Синдовъ, или Индовъ (pag. 495), чт подтверждается Стефаномъ Византійскимъ. «За Синдикой и Горгип піей Ахеяне, Зиги, Гиніохи.» Потомъ слѣдуетъ: «Синды суть такж Меоты, какъ и Дандаріи, Тореаты (Τορεάται) etc., а также Ас пургитаны (по друг. списк. Аспургіаны), живущіе между Фана горіей и Горгиппіей.»

У Плинія между Ахеянами и Civitas Sindica, являются Cerceta и Toretae. Апатуросъ, упоминаемый Страбономъ храмъ въ Фана горіи, у Плинія Apahiros, нѣкогда называвшійся Cerberion.

По Периплу Скилакса, послѣ Sindicus portus народъ Κερκέται и Еллинскій городъ Τορικὸς καὶ λιμήν; за симъ уже слѣдуютъ Ахеяне и Гиніохи. Зиговъ нѣтъ.

По Периплу понта Евксинскаго: городъ Фанагора (Φαναγόρου πόλις) и гор. Кипы. Потомъ Эрмонасса, Фанагорія, которую нѣ когда заселили Тійцы (Τηίους) и наконецъ пристань Синдовъ, «въ ко-

---

[117] Χρηστομαθειαι εκ των Στραβωνος Γεωγραθικων. L. XI.

[118] Писаніе двояко; по Кодексу Моск. Патріарш. ризницы Γοργιπτίας. По Стефану Визант., который, безъ сомнѣнія, почерпалъ свѣдѣнія о Горгиппіи изъ Страбона: «Γοργίππια, πόλις Ἰνδικῆς.» Казавбонъ, въ примѣчаніяхъ къ Страбону, предлагаетъ читать Σινδικῆς. Strab. Geogr. cum notes Casauboni et aliorum, apud J. Wolters. 1707. Amstelaedami.

рой жители Эллины, пришедшіе изъ сосѣднихъ мѣстъ. Сіи-то рода вмѣщаетъ въ себѣ островъ (νῆσος), простирающійся отъ еотиды по странѣ Воспорской, равниной, которой часть, по при-нѣ болотъ, рѣкъ и плавней, со стороны моря и озера, непрохо-ма. При впаденіи пролива (στόμα ἐκπλέοντα) городъ Киммe-йскій.» [49]

По Помпонію Мелѣ: «Синдонъ построенъ въ странѣ Синдовъ, а полуостровѣ, простирающемся къ Босфору, между Понтомъ и Меотидой. Тутъ четыре города: Эрмонасса, Кипи, Фанагорія и Киммерикумъ, который при самомъ впаденіи пролива въ море.»

Изъ этихъ свѣдѣній и изъ Плинія мы видимъ, что таможенная пристань, Киммеріонъ, также существовала, при входѣ въ Донской проливъ (Στόμα τῆς Μαιώτιδος, ἤτοι τοῦ Τάνεως), и слѣдовательно на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и столица Синдіи.

Такимъ образомъ въ общемъ выводѣ оказывается:

1. Горгиптіи нѣтъ ни въ сокращенномъ Страбонѣ и ни въ одномъ изъ прочихъ Географовъ. Горгиптія или Горгиппія есть описка, или ложное чтеніе, по сходству нѣкоторыхъ буквъ въ на-званіи.

2. Ни у Арріяна, ни въ Периплѣ Эвксина, нѣтъ Керкетовъ (Cercetae). У Плинія они являются посреди описокъ: Achaei, Mardi (?), Cercetae; post eos Serri (т. е., Serbi) Cephalotomi (!). Потомъ, послѣ повторенія, Toretae, civitas Sindica. У Помпонія Мелы: Cercetae между Ахеянами и Синдами, и городъ Синдовъ, построенъ Синдами туземцами. По Периплу Скилакса, какъ мы видѣли, за пристанью Синдовъ, Cercetae и Эллинскій городъ Τορικὸς съ пристанью.

[49] Положеніе Пантикапеи при самомъ входѣ въ Босфоръ изъ Чернаго моря; на противоположной Азіятской сторонѣ Киммеріонъ, или Cerberion, также при самомъ входѣ: «Restat longe validissimum in ipso Bospori introitu, Panticapeum Milesiorum, a Cimmerio vero oppido trans fretum sito 2,500 pass. Haec ibi latitudo Asiam ab Europa separat, eaque ipsa pedibus plerumque per via glaciato freto.» Plin. L. IV, 26. «Значительнѣйшій изъ городовъ, при самомъ входѣ въ Босфоръ, Пантикапея; отъ Киммеріона за проливомъ въ 2,500 стопахъ. Здѣсь ширину пролива измѣряли не рѣдко шагами по льду».

Cercetae и Toretae, или, по Страбону, Toreatae, суть также явныя описки.

Замѣните въ названіи Γοργιπτια буквы Γ и γ сходными Τ и ρ — вы читаете Τορρεάται. У Помпонія Мелы это имя съ двумя ρ—Torreates. Cercetae есть подобная же описка вмѣсто Τορεάται. Замѣните въ словахъ Τορεάται, Toretae, Τοριχὸς, Ταρετίχη ἄχρα, букву ρ сходною съ μ — возстановятся названія, которыя не будутъ противорѣчить смыслу: Τομέαται, Tomitae, Τομιχὸς, Τομετιχὴ ἄχρα, преобразованное въ Ταμηράχη ἄχρα, какъ Τομυτάνης χόλπος въ Ταμυράχης χόλπος.

Такимъ образомъ мѣстность и ея условія сами собой указываютъ на описки; а исправленіе ихъ объясняетъ, что первоначальный Донской торгъ, или городъ Синдовъ Сербовъ, носилъ въ одно и то же время различныя названія: по рѣкѣ, онъ былъ Донской городъ, Τανέως πόλις, Τανάϊδος πόλις, Τάναϊς; по народу — Κιμμέριον или Cerberion; по мѣстности «Regio Scythia Sendica». Σινδιχὸς λιμὴν, и Βασίλειον τῶν Σινδῶν — столица Синдовъ съ таможенной пристанью, слѣдовательно, Ταμεῖον, гдѣ взималась цѣна, дань, коробейная пошлина, или плата части съ привозныхъ товаровъ (Τόμος, Τομία, Τομὴ, impôt). [120]

Прозвища Тамань, Таманскій лиманъ, Таманскій проливъ, Таманскій полуостровъ, замѣнявшіе народныя Донъ, Донской лиманъ, Донской островъ, или полуостровъ, Донской проливъ (Τανέως στόμα), извѣстны были издавна, какъ видно изъ Географовъ Азіятскихъ: طوما بحيرة — лиманъ Тома, طوما или الطامان — Тома или Таманъ, «знаменитый городъ, откуда товары шли во всѣ страны міра.» Но это прозвище, безъ сомнѣнія, произошло отъ Греческаго Ταμία, Ταμεία, Ταμεῖον — въ значеніи мыта, таможни, рѣза (процентовъ) съ товаровъ — τὰ Τομία, Τόμος etc.

---

[120] Нѣтъ сомнѣнія, что сторожевыя укрѣпленія по Босфору и по Меотидѣ, которыя Страбонъ называетъ Σχοπαὶ Κλαζομενίων, были не что иное, какъ вѣстовые замки мытной стражи. Греч. глаголъ κλάζω — замыкать, подавать голосъ, соотвѣтствуетъ словамъ ключъ и кличъ. Очень можетъ быть, что мытные дворы и были основаніемъ для прозвища Μαιῶται, однозначительнаго съ Τομῖται.

Городъ Таманскій, civitas Tomorum, Τομέων πόλις, или, по обычному, народному названію, Таманскій торгъ, [121] съ IV вѣка предѣлительно упоминается въ Церковной Исторіи; по тому что Греческіе акты Соборовъ не подвергались Латинской корректурѣ; но за то Орденская Географія успѣла внести Томи въ списокъ Оракійскихъ Епархій и уничтожить слѣды его на Босфорѣ Киммерійскомъ. Причины этого понятны.

Таманскій торгъ, въ X вѣкѣ, въ описаніи Восточной Имперіи Константиномъ Багрянороднымъ, носитъ названіе Таматарха. [122] Въ это время Греческая торговля на Меотидѣ, при помощи возникшей въ Кіевѣ Руси, возобновилась. Преобладаніе Мугульскихъ Кагановъ въ этѣхъ странахъ стало ослабѣвать, отвлеченное возникшей борьбой съ Измаильтянами. По Константину, положеніе Таматархи на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ Киммеріонъ; столица Синдовъ, Танаисъ и таможенная пристань — Томеа:

«Меотическое озеро, котораго гирло называется βουρλίκ, изливается въ Понтъ, тамъ, гдѣ находится г. Воспоръ (бывшая Пантикапея). Противъ Воспора же, укрѣпленный городъ (κάστρον) Таматарха. Отъ г. Таматархи въ 18, или 20, миляхъ (около 20 верстъ) р. Укрухъ [123] (Кубань), которая раздѣляетъ Зихію отъ Таматархи (т. е., области Таматарханской).» Названіе Таматарха приняло въ Русской Лѣтописи форму Тьмутаракань, когда В. К. Святославъ, въ 965 году, возвратилъ Русскія Задонскія земли изъ подъ ига Кагановъ. Со времени этого похода по Дону и Волгѣ, Княжество Тьмутараканское заключало въ себѣ все пространство между Босфоромъ, Азовскимъ моремъ, Дономъ, Волгой, Каспійскимъ моремъ и Кавказомъ. Сколько можно предполагать, здѣсь было два

---

[121] Славянское названіе Торгъ сохранилось въ Молдавіи и Валахіи: Тыргъ — городъ; тырговешти — торговище, торжище. Готы также усвоили это названіе: Torg — forum. См. Ире. Lex. Swio-Goth. Въ Татарскомъ преобразованіи تورا — Тура.

[122] Г. Кёне, въ опис. Музея Кн. Кочубея, т. I, стр. 238, говоритъ, что о Таматархѣ упоминается еще въ 703 году, при Юстиніанѣ II.

[123] Вѣроятный смыслъ: Округъ Таматарханскій отдѣляется отъ Зихіи рѣкой.

Мугульскихъ [124] ханства: Козарское, (съ бывшей столицей Са
довъ, — Таманскимъ торгомъ), которое населяли Косоги, (Куска)
или Козары (Хозръ), и Ясское, съ столицей, или Ясскимъ тор
гомъ [126] — Астрахань, [127] т. е., Ас-тарханъ.

Чтобъ исчерпать всѣ свѣдѣнія о г. Томи, находившемся в
Малой Скиѳіи, и чтобъ показать еще цѣль перемѣщенія Мало
Скиѳіи съ Дона на Дунай, надо обратиться къ сочиненіямъ Іор
нанда. Извѣстно, что Еллинскіе и Римскіе историки не заботилис
различать варваровъ по различію вѣры и языка, смѣшивали Готов
Мидійскихъ и Готовъ Дакійскихъ, не только между собой, но
съ туземцами Скиѳами, въ страны которыхъ тѣ и другіе вселялись
Этимъ смѣшеніемъ ни кто такъ простодушно не пользовался, как
Іорнандъ въ своемъ сочиненіи «De Getarum sive Gothorum origin
et rebus gestis.» Тамъ, гдѣ дѣло шло о славныхъ дѣлахъ Скиѳовъ
тамъ Скиѳы, по Іорнанду, были собственно Готы; тамъ, гдѣ соб
ственно Готамъ, за грѣхи ихъ, приходилось терпѣть бѣды и бѣ
жать отъ Скиѳовъ, тамъ Скиѳы обращались въ невѣдомыхъ Гунновъ
въ нечистую силу, съ которою человѣческимъ силамъ невозможно
было бороться. Сверхъ того, у Готовъ Іорнанда былъ странный обы
чай: разбивъ непріятеля на голову, тотчасъ же бѣжать съ поля по
бѣды и даже переселяться изъ одного края свѣта въ другой. Врем

---

[124] Мугульскихъ, а не Монгольскихъ; по Перс. Махуль, по Тат. Мугли, знач. Маги — Гебры, какъ они и называли себя по вѣрѣ — Maol, Moalles. — Rubruquis.

[125] Куска или Кушха, прозвище племени Адиге, какъ и Косогъ, знач. Козакъ, и однозначительно съ Козаръ.

[126] О городѣ Иссовъ, при устьѣ Волги, упоминаетъ Рубруквисъ (Ruisbrök).

[127] Въ описаніи Астраханской Губерніи, Астрахань, по преданію, объясняется именемъ бывшаго владѣтеля Асъ и тарханъ — вольный, то есть, собственно получившій право на торгъ, или тарханную — выкупную грамоту. Замѣтимъ здѣсь, что нѣкоторые Филологи имѣютъ обычай Русскія слова, усвоенныя иноземцами, принимать за иноземныя. Такъ, на примѣръ, бердышъ, совершивъ кругъ по Европѣ, возвратился на Русь протазаномъ: усвоенный Готами, онъ принялъ названіе Bardis, Bardisan; въ Галліи pertuisane, что можно производить отъ pertica (perche — бердо); но Савино-Латинское слово родственнѣе съ Славянскимъ, нежели прошедшее чрезъ Готскій языкъ.

е измѣняло этого обычая; таковы послѣдствія побѣдъ: надъ Киромъ, столѣтій за шесть до Р. Х., и надъ Атиллой, около половины пятаго столѣтія по Р. Х. [128] Здѣсь для насъ имѣетъ свое значеніе побѣда надъ Киромъ:

«У этихъ Готовъ (Мидіи, Халдеи Кавказской), говоритъ Іорнандъ, ссылаясь на Трога Помпея, была Царицей Тамира. Киръ возсталъ на нихъ и, внезапно переправясь чрезъ Араксъ, разбилъ встрѣтившаго его сына Тамиры и убилъ его. Но Готы собрали всѣ свои силы, подъ предводительствомъ самой Царицы, истребили Кира со всѣмъ его войскомъ и немедленно же со всей богатой добычей побѣды отправились въ Малую Скиѳію—«in partem Moesiae, quae nunc ex Magna Scythia nomen mutuata, Minor Scythia est appellata.» Здѣсь Тамира основала, во имя свое, городъ, гдѣ и учредилось поклоненіе ей.»

Въ Трогѣ Помпеѣ, изъ котораго Іорнандъ почерпаетъ побѣду Готовъ надъ Парсами, событіе изложено слѣдующимъ образомъ: «Киръ, покоритель Азіи и властитель Востока, поднимаетъ войну на Скиѳовъ. [129] Въ то время у Скиѳовъ была Царицей Томира. [130] Она не страшилась непріятеля, переходящаго чрезъ Араксъ. Сначала Скиѳы потерпѣли уронъ, и ихъ Царь, сынъ Томиры, былъ убитъ. Но Скиѳы сосредоточили свои силы и Персы были разбиты въ ущельяхъ горъ, а Киръ взятъ въ плѣнъ. Отрубивъ ему голову и

---

[128] См. «Атилла, или Русь IV и V вѣка.»

[129] Юстинъ L. 1, § 8. Іорнандъ не измѣняетъ себѣ и въ сообщеніи свѣдѣнія о причинѣ возстанія Дарія на Готовъ: По Трогу Помпею, Дарій Персидскій ходилъ войною на Скиѳовъ за то, что ихъ Царь Янцаръ (по Герод. Ἰδανθυρσος Σκυθέων βασιλεὺς) отказалъ выдать за него дочь свою. По Іорнанду же, Дарій ходилъ войной не на Скиѳовъ, а на переселенныхъ имъ, Іорнандомъ, въ Мизію Готовъ, за то, что Готскій Царь Антирегиръ отказалъ ему въ рукѣ своей дочери.

[130] Скилаксъ вообще называетъ Сарматъ народомъ, управляемымъ женой: «Σαυροματῶν δὲ ἐστιν ἔθνος γυναικοκρατούμενοι. Очень естественно, что это не слѣдуетъ понимать въ слѣпомъ Еллинскомъ смыслѣ, а въ значеніи поклоненія Царицѣ-матери, тройственной природѣ, и Ведическому тримірному, трисвѣтлому солнцу. Слѣдовательно, Томира есть божественное Тримурти, что понятно ниже изъ словъ Іорнанда.

бросивъ въ чанъ крови, Царица сказала: «На, пей кровь, утоли свою неутолимую жажду!»

Этимъ заключается событіе. Скиѳы Трога Помпея остаются на мѣстѣ; но эти же Скиѳы, обращенные Іорнандомъ въ Готовъ, сокрушивъ Кира, поднимаются всѣмъ народомъ съ Кавказа и, подъ бременемъ трофеевъ, идутъ чрезъ Черное море въ Мисію, обрѣтаютъ тамъ Малую Скиѳію, поселяются въ ней, строятъ городъ во имя Тамиры и приносятъ ей, какъ божеству, жертвы.

Можетъ быть, спросятъ, для какой цѣли эти искаженія фактовъ и вымыслы? Для чего превращеніе Скиѳовъ-Сиваитовъ въ Готовъ-Гебровъ, [131] и перемѣщеніе Малой Скиѳіи съ городомъ Томи, подъ именемъ Томириса, въ Нижнюю Мисію? Эта тайна 10 главы сама собой объясняется 51-й главой. Описавъ несчастное событіе 376 года, когда нечистая сила (spiritus immundi per eremum vagantes) изгнала Готовъ изъ за Дуная во Ѳракію, Іорнандъ превращаетъ также и Scythia Minor въ Gothia Minor и пишетъ: «Были еще и такъ называемые Готы Малые (Gothi minores), народъ многочисленный, populus immensus, у котораго pontificus et primatus былъ Urfilus.»

Это смѣлое переименованіе Скиѳовъ въ Готовъ было существенно необходимо для обезпеченія Ульфила за Готами. На сколько надежно это обезпеченіе, будетъ изложено во второмъ отдѣлѣ. Здѣсь же не излишнимъ считаю почерпнуть, изъ Географическихъ познаній Іорнанда, свѣдѣніе о мѣстности Тамазитовъ, подъ именемъ которыхъ, разумѣется, слѣдуетъ понимать populus immensus, т. е., Малыхъ Готовъ, пришедшихъ, послѣ побѣды Кира, въ древнее царство Готскаго Царя Телефа, [132] и населявшихъ Томосъ, построенный во имя Томиры, и всю обширную его область.

---

[131] Раздѣлявшихся на Гебровъ, или Евреевъ-Іудеевъ и Евреевъ, обратившихся къ идольскому вѣрованію Халдеевъ или Маговъ.

[132] Телефъ, сынъ Геркулеса отъ Авги, на которой женился Тевкросъ, владѣтель Мисіи Малоазійской. Усыновленный Телефъ наслѣдовалъ царство отца. По Іорнанду (cap. XI. De viris Amazonum et eorum Rege Telepho), онъ Царь Амазонскихъ мужей. Здѣсь дѣло касается уже до Скиѳовъ, мужей Амазонокъ. Гинекократумены (т. е., управляемые Гуннами, которыхъ Готы называли Chuni и Kwänä, что значитъ жена) переселились въ Каппа-

Описывая предѣлы Даціи, или Готіи Дунайской, Іорнандъ говоритъ: «съ востоку граничатъ съ ней Роксоланы (т. е., Roxani, gens Rugorum), съ запада Томазиты, съ сѣвера Сарматы и Бастарны, а съ юга Дунай. Томазитовъ отъ Роксоланъ раздѣляетъ только теченіе этой рѣки (alveo fluvii).»

Чтобъ проложить эту Географическую задачу, надо, или отдать подъ населеніе Томазитовъ все бывшее царство Телефа (которое, по свѣдѣнію же Іорнанда ограничивали на востокѣ устья Дуная, на сѣверѣ Дунай, на западѣ Истрія (на Адр. м.), а на югѣ Македонія), [133] или возвратить Томазитамъ названіе Малыхъ Скиѳовъ и родное Задонье; въ такомъ случаѣ, дѣйствительно только Донъ, часто принимаемый за Дунай, будетъ раздѣлять ихъ отъ Роксоланъ.

Въ заключеніе 1-го отдѣла, упомянемъ еще о Танаисѣ и Сарматахъ Аспургіянахъ или Аспургитанахъ, о которыхъ, кромѣ Страбона, упоминаетъ только Нумизматика съ положительнымъ извѣстіемъ, что это Сарматское племя пришло изъ нѣдръ Азіи и поселилось между Фанагоріей и Горгиппіей. Выше было уже упомянуто, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ существовалъ Киммеріонъ, прозывавшійся Греками Донскимъ городомъ — Ταναΐς, Ταναΐδος πόλις, Τανέως πόλις—и Синдійской пристанью (Σινδικὸς λιμήν), является у Арріяна Πάγρας или Πάργας λιμήν; у Страбона Сарматы Ἀσπουργιανοί. По надписи на камнѣ, найденномъ въ развалинахъ Азова, Зенонъ, намѣстникъ Царя Рискупориса у Споргіянъ (Σποργιανων); по Прокопію, въ древности Славяне и Анты носили названіе Споровъ, nomen quoque olim Antis Sclavisque unum: Spori vocabantur. Это

донійскую область Ѳемискиру. Какъ видно, Thamyris и здѣсь имѣетъ свое значеніе.

[133] Словомъ, Moesia Maior и Minor Ѳракіи, употребленныя Іорнандомъ вмѣсто Малоазіійскихъ. На счетъ Гуннскаго имени Телефъ, Іорнандъ говоритъ слѣдующее: «Ложно было бы мнѣніе того, кто сказалъ бы, что имя Телефъ чуждо Готскому языку: кто не знаетъ обычая пользоваться чужими именами? Римляне пользовались Македонскими, Греки Римскими, Сарматы Германскими, а Готы по большей части носили Гуннскія имена.»

Вообще Іорнандъ до того дѣтски простодушенъ въ своей Исторіи Готовъ, что нельзя и подозрѣвать, чтобъ онъ разсчитывалъ на дѣтское простодушіе своихъ читателей.

нѣкоторымъ образомъ наводитъ на измѣненіе Spori (т. е., Saviri, Serbi) въ Споргіянъ и потомъ въ Аспургіянъ, какъ Kaziri (Козары) въ Akaziri, по присутствію передъ словомъ Азіятскаго члена ель. Впрочемъ, у Птоломея, вмѣсто Аспургіяне, читается Астурикане — Ἀστουριχανοι; слѣдовательно, союзники Готовъ Асы или Ясы, занимавшіе область Астраханскую.

Страбонъ говоритъ, что Царь Полемонъ, [134] за возстаніе противъ него Танаитовъ, разорилъ ихъ городъ; но противъ него возстали Сарматы Аспургіяне, жившіе между Фанагоріею и Горгиппіей, слѣдовательно, въ Прибосфорской области Киммеріянъ-Синдовъ-Танаитовъ. Страбонъ прямо говоритъ, что Танаисъ построили Елины, овладѣвъ Босфоромъ, т. е., обоими берегами пролива. Удерживать въ своей власти полуостровъ Тамань имъ было возможно, и вполнѣ достаточно для цѣли торговой. Но удалиться отъ опоръ своихъ на Босфорѣ въ глубь страны Скиѳовъ и Сарматъ, въ устье Дона, и тамъ строить Ταναΐς, ἥτις καὶ Ἐμπόριον ὀνομάζεται, [135] ни съ чѣмъ несообразно.

Что Донской торгъ — Танаисъ перенесенъ Географами съ устья Босфора на устье Дона, могутъ быть двѣ причины. Первая высказана Воссіемъ: [136] «Alibi quoque similia occurrunt exempla, ubi urbes Bosporanae, Tanaiticae dicuntur. Ratio ejus rei est, quod Bosporus Cimmerius etiam Tanais appellatus fuerit.» Другая причина слѣдующая: нѣтъ сомнѣнія, что въ тѣ времена, когда Малая Скиѳія или Задонье, переходила въ руки непріятелей, граница Руси или, по Греко-Азіятскому названію, Аорсовъ (Er-Ros, O-Ross, U-Russ), отступала отъ Кубани, Терека и Каспійскаго моря къ Дону, вмѣстѣ съ этимъ и Донской торгъ переносился отъ устья Босфора къ устью Дона. И напротивъ, когда Русь овладѣвала снова своимъ Задоньемъ, Донской торгъ возстановлялся при устьѣ Босфора. Этого требовала и пограничная торговля и таможенныя пошлины съ пріѣзжихъ гостей за право торговли.

---

[134] Полемона величали Каганомъ Ольвы Килкійской; на этомъ основаніи нѣкоторые сдѣлали его властителемъ Ольвіи Савійской.

[135] Alex. Polyhistor.

[136] Въ прим. къ Периплу Чернаго моря, при упоминаніи, что Плутархъ помѣстилъ Кріу-метопонъ на Дону.

Со времени преобладанія на Босфорѣ Митридата, съ которымъ Русь вела войну въ союзѣ съ Римомъ, границы Руси отодвинулись къ Дону. Послѣ побѣдъ Помпея, Босфоранія осталась во власти Римлянъ, и отдана была на откупъ Каганамъ Гебровъ. Это только время и знаютъ Географы 1-го вѣка. Танаисъ Босфора исчезъ подъ иными Греческими и Римскими названіями, которыя, при помощи переписчиковъ и корректоровъ, измѣнялись въ небывалыя, какъ, на примѣръ, Апатуросъ, по Страбону, храмъ Афродиты въ Фанагоріи, [137] а по Плинію опустѣвшій городъ. По выпискамъ же изъ Плинія и переводу Гр. Ив. Потоцкаго: «Apahiros, qui est presque désert; autrefois ce bourg s'appelloit Cerberion. Il est tout au fond du détroit.» [138]

Если обратить вниманіе на слова Страбона: τὸ Ἀπάτουρον τὸ τῆς Ἀφροδίτης ἱερόν», то будетъ ясно, что онъ объясняетъ словомъ Афродита туземное божество. Но Нумизматика сообщаетъ намъ многія монеты Кагановъ Босфоранскихъ съ изображеніемъ Халдейскаго божества Астары, Астароевъ, Ἀστάρτη — соотвѣтственной, по мнѣнію Елліновъ, Афродитѣ, собственно же означающей Luna-Lunus. Въ этомъ названіи, безъ сомнѣнія, должно искать разгадки и Страбоновской Ἀπάτουρος и Apsarus или Apsyrtus Овидія. И всѣ эти названія, вмѣстѣ съ Аспургами, сталкиваются, какъ Τορικὸς λιμήν, въ Синдикѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была столица и таможня Синдовъ, Ἐμπόριον κοινὸν — общій торгъ Скиѳовъ и Елліновъ, Cerberion Сарматовъ, или Κιμμερικόν πόλις, противъ котораго, близъ морскаго берега, по словамъ неизвѣстнаго составителя Перипла, были

---

[137] Но можно понять и какъ городъ, относящійся не къ Фанагоріи, а къ Синдикѣ: «Ѣхавши озеромъ Корокордамой, представляются: славный городъ Фанагорія, Кепи, Гермонасса и Апатуронъ. Изъ нихъ Фанагорія и Кепи находятся на лѣвой сторонѣ острова (Тамань) отъ входа въ озеро, прочіе же (Гермонасса и Апатуронъ) на право, за Гипанисомъ, въ Синдикѣ.» Слѣдовательно, озеро Корокордама у Страбона есть оз. Таманское, въ которое вѣроятно впадала Карапубань или Черна Кубань, рукавъ Кубани, впадающій нынѣ въ лиманъ Кубанскій.

[138] Текстъ Плинія (L. VI, 6) самъ по себѣ двусмысленъ; «et paene desertum Apaturos, ultimoque in ostio Cimmerium, quod antea Cerberion vocabatur.» По предыдущему исчисленію городовъ «in aditu Bospori» слѣдуетъ понимать Апатуросъ in ostio Cimmerium. Въ такомъ случаѣ слова: «quod antea Cerberion vocabatur» относятся къ Апатуру.

два каменныхъ островка, можетъ быть, тѣ самые, которые называются теперь камень Панагія.» [139]

Послѣднія розысканія мѣстности древняго Танаиса исполнены Г. Леонтьевымъ, съ полною ученою отчетливостію. По нѣкоторымъ надписямъ на обломкахъ плитъ, найденныхъ въ окрестностяхъ слободы Недвиговки, на правомъ берегу устья Дона, онъ заключаетъ, хотя и не совсѣмъ рѣшительно, что здѣсь могъ быть до-Полемоновскій Танаисъ: «Ни на Недвиговскомъ городищѣ, ни въ гробницахъ, раскопанныхъ около него, не было открыто ни одной вещицы, которую по необходимости было бы должно отнести къ эпохѣ до-Полемоновской.»

Что здѣсь, на правомъ берегу Дона, при устьѣ, могло быть также Донское торжище, особенно во время отступленія Русскихъ границъ за Донъ, это, по изложенному уже мнѣнію, можетъ быть достовѣрно; здѣсь торговцы Эллины могли имѣть своихъ архонтовъ, въ родѣ нашихъ консуловъ. Но пять надписей, составленныхъ изъ осколковъ битыхъ плитъ, гдѣ упоминается не собственно о Танаисѣ, а о Танаитахъ, т. е., жителяхъ Придонья, и по преимуществу Донскаго пролива (Τάνεως), не опредѣляютъ еще окончательно мѣстность торжища Танаиса. Рѣкой Танаисомъ по преимуществу древніе Географы называли проливъ, и собственно онъ, по ихъ мнѣнію, раздѣлялъ Европу отъ Азіи, изливаясь изъ Меотическаго озера и впадая въ Понтъ Евксинскій. [140] Свѣдѣнія же Страбона о рѣкѣ и городѣ Танаисѣ такъ сбивчивы, что, кажется, онъ смѣшиваетъ съ нимъ и г. Истръ на Дунаѣ. Описаніе острова Alopecia, [141] находившагося во 100 стадіяхъ противъ г. Танаиса, въ устьяхъ рѣки, почти одно и то же съ описаніемъ острова Peuce, [142] въ 120 ст., под-

[139] Я не былъ на Босворѣ, но пишу по топогр. картѣ Закавказскаго Края, въ масштабѣ 10 вер. Камень Панагія, при самомъ устьѣ, между берегомъ пролива и берегомъ моря, гдѣ и гора Зеленая. На морской набережной, между этой горой и устьемъ Кубанскаго лимана, находятся три возвышенія рядомъ: гора Молдаванская, Круглая и Пшельная (Пешельная?). Если это названіе по преданію, то оно напоминаетъ жертвенныя горы.

[140] «A Panticapaeo ad Tanaim fluvium, qui Europam ab Asia dicitur determinare, sexaginta. Hic quidem erumpit ex Palude Maeotide, ac influit in mare Ponti Euxini.» Arriani Periplus P. E.

[141] L. XI, p. 493.

[142] L. VII, p. 305. Въ отношеніи Танаиса и острова Алопеціи только Птолемей

нимаясь по Священному устью: «Кромѣ острова Alopecia, при устьѣ sunt et aliae parvae insulae.» — «Кромѣ острова Peuce, при устьѣ sunt et aliae insulae multo minores.»

Какъ нумизматамъ приходится иногда исправлять грамматическія ошибки въ древнихъ надписяхъ, такъ историкамъ приходится иногда искать логическаго смысла въ древнихъ кодексахъ. По моему мнѣнію, на правомъ берегу Дона, въ Великой Скиѳіи и внѣ страны Киммеріянъ, не могъ быть Танаисъ, построенный Греками и разоренный Полемономъ. Условія центра всеобщей торговли (Ἐμπόριον κοινὸν) на сѣверѣ Понта могли быть только при Босфорѣ Киммерійскомъ, какъ на югѣ Понта, при Босфорѣ Византійскомъ. Еллины, по Страбону, построили Танаисъ, когда овладѣли Босфоромъ, т. е., Европейской и Азіятской набережной его, областью Керчинской, называвшейся Пантикапейской, и областью Таманской, принявшей названіе Фанагорійской. Этѣ набережныя они могли удерживать за собой. Керчинскій полуостровъ они оградили валомъ и укрѣпленіями по перешейку, между Ѳеодосіей и Арабатомъ, а Таманскій полуостровъ самъ по себѣ былъ огражденъ Кубанскимъ лиманомъ, теченіемъ Кубани, Ахтанизовскимъ лиманомъ и лиманомъ Курчанскимъ. Собственно Киммеріяне владѣли Таманскимъ полуостровомъ, и въ торговомъ его значеніи заключалась вся сила ихъ. [143] Здѣсь была и Киммерійская таможенная ихъ пристань. Овладѣвъ Босфоромъ, Еллины не могли не воспользоваться мѣстностью Синдійской пристани и не основать своего Донскаго города (Τανέως) Фана-

---

вторитъ Страбону. Описывая, въ 5-й гл. III-й книги, Дакію и окрестныя страны, онъ говоритъ: «Подъ Бастарнами, подлѣ Даціи, Тагри; подъ ними Тирангеты; при изгибѣ же рѣки Танаиса жертвенники Александра и Кесаря.» По послѣдовательности описанія, этотъ Танаисъ есть Истръ или Дунай, съ его изгибомъ противъ Галица. Тутъ слѣдуетъ быть и жертвенникамъ Александра и Юлія Кесаря. Далѣе, послѣ исчисленія городовъ по Борисѳену или Днѣпру, потомъ по Тирасу или Днѣстру, Птоломей говоритъ: «Островъ же при устьяхъ Танаиса Алопенія (Ἀλωπεκία), который называется также Танаискимъ островомъ (Ταναΐς νῆσος)». — О какомъ же островѣ идетъ здѣсь дѣло? Разумѣется, о знаменитомъ Дунайскомъ Пеукѣ (Πεύκη).

[143] «Τὸ δὲ Κιμμερικὸν πόλις ἦν πρότερον ἐπὶ Χερρονήσου ἱδρυμένη, τὰν ἰσθμὸν κάρρᾳ καὶ χώματι κλείουσα, ἔκεκτηντο δ' οἱ Κιμμέριοι μεγάλιν ποτὲ ἐν τῷ Βοσπόρῳ δύναμιν, διόπερ καὶ Κιμμερικὸς Βόσπορος ὠνομάσθη. L. XI, 494.

«Ὅτι τὸ Κιμμέριον ἄκρον τὸ ἐν τῇ Μαιώτιδι πάλαι ἰσχυσὲν πλεῖστον, ὥστε δὲ τὸ Βόσπορον Κιμμέριον ἐξ αὐτοῦ κληθῆναι.» Χρηστ. L. XI.

горіи. [144] Но пристань туземцевъ, въ видахъ торговли съ ними, должна была оставаться; и по тому новое торжище и Еллинская таможня (Ταμεῖον), вѣроятно, были по близости. Скилаксъ и упоминаетъ на Таманскомъ полуостровѣ только о Фанагоріи, Кепи, Синдійской пристани и, рядомъ съ ней, объ Еллинской пристани — πόλις Ἑλληνὶς Τορικὸς (Τομικὸς) καὶ λιμήν.

Находимые въ разныхъ развалинахъ вокругъ Меотиды обломки плитъ съ надписями не могутъ опредѣлять мѣстности того или другаго города, безъ согласія Исторіи, Топографіи и безъ критической повѣрки текста. Новѣйшіе города, особенно прибрежные, пользовались развалинами древнихъ и перевозили годныя плиты изъ мѣста въ мѣсто. На примѣръ, Греки, переселившіеся въ 1780 году изъ прежнихъ своихъ поселеній въ Крыму, безъ сомнѣнія, перенесли съ собой не однѣ названія родныхъ мѣстностей, но и много каменнаго матеріяла для построекъ на новосельѣ. Турки на постройку крѣпости Азака (Азова), [145] вѣроятно, также пользовались развалинами Босфорскихъ городовъ. Памятники, принадлежащіе древней Ольвіи, открыты въ Очаковѣ; надпись, относящаяся къ Херсонесу Таврическому, найдена въ Варнѣ; туда же перевезена, вѣроятно, вмѣсто балласта, и надпись Малоазійскаго Пентаполя, подавшая поводъ искать τοῦ κοινοῦ τῆς πενταπόλεως, вдоль всей набережной Ѳракіи и внести въ область Пятиграднаго союза даже Томи.

Не имѣя собственно цѣли допытываться, гдѣ именно былъ г. Танаисъ, при устьѣ ли Индійскаго, или Киммерійскаго, Босфора, на правомъ ли берегу при устьѣ Дона, или на лѣвомъ, или, по Птоломею, на островѣ Танаисѣ, я желалъ только знать отношенія между Τανέως πόλις и Τομέως πόλις. Если эти отношенія такія же, какъ и между Азіятскими названіями Тана и Тома, то этого и достаточно для дальнѣйшаго изложенія того значенія, которое имѣлъ Донской Томи въ исторіи древней Руси и Православной Греческой Церкви.

---

[144] Должно полагать, что здѣсь былъ Φανὸς (Pharos) — маякъ, посредствомъ свѣта и посредствомъ звона (τύρυς). Первое упоминаніе Еллиновъ о колоколахъ и мѣдноязычной триглавой гидрѣ, въ миѳахъ о Кавказѣ.

[145] Здѣсь мѣсто упомянуть преданіе (см. стр. 1), что памятникъ Овидія найденъ въ Сабаріи; но и здѣсь Сербія Донская смѣшана съ Сербіей Дунайской.

Въ заключеніе этой главы упомянемъ о Томитанской колоніи Грековъ (Trist. L. III, El. 9).

Γραῖοι или Γραικοί, по Стеф. Византійскому, получили названіе свое отъ Γραῖκος, Царя Ахеянъ-Ѳеіотовъ Ѳессаліи.

Колонія Ахеянъ-Ѳеіотовъ (Strab. L. XI, p. 495) водворилась на восточномъ берегу Донскаго (Киммерійскаго) пролива, во время похода Язона.

Этихъ собственно Ахеянъ Овидій и называетъ Graii, т. е., Graeci, и колоніей Милетовъ, поселившихся между туземцами Томитанской области:

«Hic quoque sunt igitur Graiae, quis crederet? urbes,
Inter inhumanae nomina barbariae?
Huc quoque Mileto missi venere coloni,
Inque Getis Graias constituere domos».

Эти Босфоранскіе Ахеяне прозывались Еллино-Скиѳами. Овидій (Trist. L. V, El. 7) и говоритъ про Грековъ Томитанскихъ, что языкъ ихъ, смѣшанный съ туземнымъ, едва сохранилъ въ себѣ слѣды Греческаго.

II.

МИТРОПОЛІЯ ВЕЛИКОЙ И МАЛОЙ РУСИ НА ДОНУ.

Мы упоминали, что страна между Дономъ, Волгой и Кавказскими горами, съ исконныхъ временъ носила названія: Малой Скиѳіи, Малой Сарматіи, Малой Руси, или въ древности Малыхъ Аорсовъ, [146] точно также, какъ Великая Скиѳія носила названія Великой Сарматіи и страны Великихъ Аорсовъ. [147]

Іорнандъ, предпринявшій писать Исторію Гоѳовъ, и не имѣя для этого достаточно матеріяловъ, извлекъ изъ древнихъ историковъ все, что касалось до Скиѳовъ, и переименовалъ ихъ въ Гоѳовъ, хотя, безъ сомнѣнія, очень хорошо зналъ разницу между Skuafathiod (Suavathiod, Sclavathiod) и Gothathiod. На этомъ основаніи явился у него и populus immensus, называемый Малыми Гоѳами.

«Были и еще Гоѳы, говоритъ онъ, называемые Малыми, народъ многочисленный, у котораго Ульфилъ былъ понтифомъ и владыкой (Pontificus et Primatus). Онъ научилъ ихъ письменамъ. Это

---

[146] Подробное изложеніе о древнихъ Руссахъ надѣюсь представить въ послѣдствіи.

[147] Кромѣ Скиѳовъ-Аорсовъ Ѳракійскихъ, Плиній упоминаетъ объ Аорсахъ-Аланахъ, Рокс-Аланахъ, Сарматахъ и Амаксовіяхъ (Гуннахъ Амазонкахъ) за Дунаемъ. Вмѣсто Греческаго названія Ῥοξανοι, въ Плиніи и иныхъ, въ то время, когда въ Исторіи оказались Аланы, явились и Rhox-Alani. Въ позднѣйшихъ кодексахъ Страбона, Ῥοξανοι замѣнились посредствомъ Ῥοξανοι, потомъ Ῥοξαλανοι Ученые корректоры кодексовъ приняли это писаніе за правильнѣйшее и какъ доказательство, что Русь не существовала до призванія Князей изъ Руси Варяжской, недоразумѣвая, что эта Русь была Русь [illegible], покоренная Фрягами, т. е., Франками.

ѣ самые Гоѳы, которые живутъ нынѣ въ Мисіи, въ области Евкополитанской (in Moesia regione Eucopolitana).»

Цѣль переименованія Малой Скиѳіи въ Малую Гоѳію ясна. Дѣло касается до Ульфіила, Епископа Малой Скиѳіи, который и по объясненіямъ Ире, Фульда, Цана, Габеленца, Лёбе и множества другихъ, былъ якобы Епископомъ Гоѳовъ Мисіи, разумѣется, по тѣмъ же вышеупомянутымъ словамъ Іорнанда. Но этого мало. Епископъ мнимыхъ Гоѳовъ Ульфіилъ, относится ими къ событію 376 года, [1] когда всѣ истые Гоѳы, въ слѣдствіе движенія Христіянской религіи между Скиѳами, были изгнаны за Дунай въ Грецію и допущены Императоромъ Валентомъ, съ условіемъ принятія Христіянства (по толку Аріянскому), на поселеніе во Ѳракіи.

Приведемъ вкратцѣ всѣ источники свѣдѣній объ этомъ событіи, которое нѣкоторымъ образомъ касается до нашего предмета изслѣдованій, но внесено въ Исторію въ превратномъ видѣ до невѣроятности.

Въ первыхъ вѣкахъ, Славянскія племена, населявшія Великую Скиѳь, извѣстны были Исторіи подъ общими названіями: Скиѳовъ или Савіанъ по вѣрѣ, Генетовъ (Ἐνετοι — отъ Гунудъ, Hend) по происхожденію, и Ῥοξ, Ῥοξανοι (Русь) по войсковому гражданству. Эти названія, то замѣняли одно другое, то измѣнялись по мѣстностямъ, особенно въ произношеніи Гоѳовъ на сѣверѣ, въ Uuindi,

---

[1] Это событіе Западные историки внесли въ лѣтописи подъ названіемъ переселенія народовъ и нашествія невѣдомыхъ до того времени Гунновъ. По соображенію Дегиня и иныхъ Хинологовъ, эти Гунны были именно Монголы, не смотря на то, что Іорнандъ выписалъ портретъ Гунновъ слово въ слово изъ Амміяна, а Амміянъ выписалъ слово въ слово изъ Трога Помпея объ обычаяхъ и нравахъ Парѳовъ или Скиѳскихъ изгнанниковъ (Киммеріянъ, Гынду-сафетъ, или Черноморскихъ Индовъ), переселившихся на Кавказъ, и въ Малую Азію. Впрочемъ, соображая древнія сказанія съ новѣйшими картами, можно было увлечься во мракъ Китайской исторіи, и вести оттуда всѣ нашествія и на Гоѳовъ и на Русь. Іорнандъ пишетъ, что «звѣрскіе Гунны (Булгары), по словамъ Приска, жили на восточномъ берегу Меотическаго озера; а по новѣйшимъ картамъ Древней Исторіи, въ степныхъ мѣстахъ Астраханской Губерніи кочуютъ уже Калмыки, прикочевавшіе въ позднѣйшія времена.

Venetai, Kwänä, Gwänä, Wäne, Unni, Hunni etc. «Всѣ этѣ народы одного племени, пишетъ Іорнандъ, и исчисленные нами, въ началѣ Исторіи Гоѳовъ, извѣстны нынѣ подъ общими именами Венетовъ, Антовъ (Вендовъ) и Славянъ. [149] Теперь свирѣпствуютъ они за наши грѣхи, а въ то время были подъ властію Эрманарика. [150]

Въ Малой Скиѳіи, Босфоранской областью, т. е., Таманью, владѣли, со временъ Митридата и при Римскихъ Императорахъ, Каганы Гоѳовъ; собственно же туземные жители Босфоранскаго царства, по обѣимъ сторонамъ Босфора, носили прозваніе Козаръ. Внутренность страны принадлежала Малымъ Аорсамъ, т. е., Руси, которая и владѣла торговыми путями по Дону и Волгѣ, соединяющимися съ Азовскимъ и Каспійскимъ морями. [151] По Приволжью, надъ волокомъ между Дономъ и Волгой, жили Великіе Болгары; ниже же ихъ, въ восточной части Малой Скиѳіи — Малые или Черные Болгары.

«За Козарами, говоритъ Іорнандъ, простираются Болгары, которые, за грѣхи наши, прославились нашими бѣдами. Отсюда-то многочисленныя племена Гунновъ, плодясь какъ зелье, кидались въ ту и другую сторону, съ алчбой на народовъ. [152]

---

149 «Veneti, Antes, Sclavi.»

150 Зеландскій Князь Яромиръ (Jarmerio), побѣдоносный прозелитъ Гоѳовъ, который овладѣлъ всей сѣверной Скиѳіей.

151 «Малые Аорсы, пишетъ Страбонъ (L. XI, p. 506), происходили по всему вѣроятію, отъ Великихъ Аорсовъ, жившихъ къ сѣверу. Малые Аорсы могли выставлять 200,000 конницы, Великіе же несравненно болѣе; ибо занимали обширнѣйшую страну и владѣли большею частію Каспійскаго берега. Они то вывозили товары Индійскіе и Вавилонскіе, пріобрѣтая ихъ отъ Мидянъ и Армянъ. Одежды ихъ украшены были золотомъ.»

152 По Прокопію, эти Гунны въ древности назывались Каммеріянами, а также Сабирами (Срб, Себаръ), и отъ нихъ произошли поселившіеся въ области Ѳемискирѣ, въ Азіи. L. IV. На этомъ основаніи Іорнандъ и Аммія[illegible] и выписали обычаи Гунновъ изъ Трога Помпея о Скиѳскихъ изгнанникахъ прозванныхъ Parthi, что значило по Скиѳски изгнанные (прати?)

«Въ ту и другую сторону,» т. е., походы, совершаемые обычно на корабляхъ по восточному берегу и по западному.

Возстаніе противъ Эрманарика и Гоѳовъ началось въ Малой киѳіи или Задоньѣ, гдѣ всѣ туземцы были уже Христіяне. Вели-оруссы (Ῥοξανοι, Rhoxolani) также приняли участіе, подъ предво-ительствомъ В. К. Болемира.

«Между тѣмъ, пишетъ Амміянъ, слухи дошли и до прочихъ ѳоовъ, о внезапномъ появленіи неизвѣстнаго дотолѣ народа, кото-рый то проносится, какъ ураганъ съ горъ, то какъ будто выхо-дитъ изъ земли, и истребляетъ, искореняетъ все, что встрѣтится ему на пути. и т. д.

«Преслѣдуемые Гоѳы бѣгутъ къ Дунаю, переправляются чрезъ рѣку. Римскія войска въ тревогѣ, готовы уже встрѣчать ихъ, какъ новое нашествіе Скиѳовъ; но въ станъ Валента является, въ числѣ униженныхъ пословъ отъ Фритигерна, какой-то пресвитеръ, выда-ваемый ими за Христіянина, для переговоровъ. Снисходительно до-пущенный, онъ подалъ письмо отъ Фритигерна, который просилъ, для себя и для своего народа, изгнаннаго изъ жилищъ своихъ на-плывшими звѣрскими племенами, прибѣжища во Ѳракіи, обѣщая за то вѣчный союзъ съ Имперіей. Кромѣ того, повѣренный въ тай-нахъ Фритигерна, Христіянинъ, вручилъ особенное письмо, испол-ненное хитростію и ласкательствомъ, свойственными этому предво-дителю Гоѳовъ.» [153] и т. д.

Тоже обстоятельство описано Іорнандомъ слѣдующимъ образомъ:

«Визигоѳы, то есть, тѣ изъ Гоѳовъ, которые жили на Западѣ, были въ той же тревогѣ отъ Гунновъ, какъ и ихъ собратія (Восточ-ные Гоѳы), и не знали, на что рѣшиться. Наконецъ, послѣ долгихъ совѣщаній, положили отправить въ Романію пословъ, къ Императору Валенту, брату Императора Валентиніяна, и просить, чтобъ онъ уступилъ имъ часть Ѳракіи, или Мисіи, для поселенія. Они обязывались быть покорными его законамъ и власти; а чтобъ внушить болѣе до-вѣрія къ себѣ, давали обѣтъ принять Христіянство, съ тѣмъ чтобъ онъ прислалъ къ нимъ священниковъ, которые бы знали ихъ языкъ. Валентъ съ радостію согласился на ихъ просьбу. Онъ размѣстилъ

[153] Предводители собственно Гоѳовъ назывались судьями (judices) народа, принадлежа, разумѣется, къ роду Cohenim.

Готовъ въ Мисіи, оградой противъ нашествія другихъ народовъ, и далъ имъ проповѣдниковъ Аріянскаго толку, къ которому самъ при надлежалъ».

Вотъ единственныя свѣдѣнія о Готахъ, принимающихъ Христіанскую религію, по толку Аріянскому, въ 376 году. Здѣсь нѣтъ Ульфіила, который никогда и не былъ Мисійскимъ Епископомъ, а главное, въ это время уже не существовалъ. Іорнандъ упоминаетъ объ немъ, какъ объ Епископѣ Малыхъ Готовъ, только тамъ, гдѣ Малую, то есть, Задонскую, Скиѳію называетъ Малой Готіей, и переноситъ ее въ какую-то Евкополитанскую область Мисіи Ѳракійской. Но Евкополихна, то есть, Левкополихна Черной (Μελαίνα) или Малой Сарматіи, изобличаетъ, что вмѣсто «in Moesia regione Eucopolitana», надо читать «in Maeotidis regione Leucopolitana.»

Не смотря на это, Амміяновскій пресвитеръ, посолъ Фритигерна, признается безпрекословно за Ульфіила, изобрѣтателя Готскихъ буквъ и переводчика Священнаго Писанія на Готскій языкъ!

Разсмотримъ всѣ сказанія объ Ульфіилѣ. Критическаго свода ихъ до сихъ поръ не было исполнено, даже Германскими ѳеологами и учеными, вѣроятно, по общечеловѣческой слабости: мы строгіе критики (какъ, напримѣръ, Г. Шлецеръ) въ отношеніи другихъ, а слишкомъ снисходительные въ отношеніи самихъ себя.

Съ первыхъ вѣковъ Христіянства извѣстны уже Исторіи походы Скиѳовъ или Руссовъ на Грецію, что обыкновенно было не просто набѣгъ, но война, за нарушеніе договоровъ и неуплату условленной дани. Составъ рати Великихъ Скиѳовъ состоялъ, какъ и при Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ, изъ совокупности подвластныхъ племенъ, и у Греческихъ писателей носилъ названія, то нашествія Скиѳовъ, то нашествія Сарматовъ, то Роксоланъ (Ῥοξανοι), [494] то народа Ῥοξ, извѣстнаго даже Магомету.

---

[494] «Въ 118 году Царь Роксановъ, получивъ отказъ въ дани, прежде ему уплачиваемой, поднялъ оружіе на Римскія области. Императоръ Адріянъ отправился самъ въ Мисію, и тамъ велъ переговоры о замиреніи», разумѣется, на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, объ уплатѣ дани, и свободной торговлѣ Руссовъ въ Греціи, какія совершались съ каждымъ, кто былъ «totius Scythiae solus in mundo regnator».

Во время похода, въ 253 году, [155] на Азіятскія владѣнія Грековъ, въ числѣ плѣнныхъ, говоритъ Филосторгъ, [156] взятыхъ ими (Скиѳами) на набережныхъ Малой Азіи, было много Христіянъ, и между ними предки Урфила. [157] Будучи въ плѣну, они распространяли вѣру Христову въ Скиѳіи. Изъ числа этихъ-то Христіанъ, во время Константина Великаго, былъ поставленъ въ Епископы Урфила, и это происходило слѣдующимъ образомъ. Присылаемый отъ Царя Скиѳовъ Заистрійскихъ, при взаимныхъ посольствахъ, Урфила былъ рукоположенъ Евсевіемъ и бывшими при томъ Епископами въ Епископы къ Христіянствующимъ соотчичамъ». [158]

Замѣтимъ, что это посвященіе въ Епископы, при Константинѣ Великомъ, не могло быть позже 337-го года.

Сократъ Схоластикъ, въ Церковной Исторіи, пишетъ объ Епископѣ Ульфіилѣ слѣдующее: «Акакіанское исповѣданіе принялъ и Ульфіилъ Епископъ Гоѳовъ (?); а до того времени онъ исповѣдывалъ Символъ Никейскій, послѣдовательно за Ѳеофиломъ, который, бывъ Епископомъ Гоѳовъ (?), присутствовалъ на Никейскомъ Соборѣ и подписался».

Объ этомъ отступничествѣ упоминаетъ и Созоменъ Саламинскій: «Акакій, съ сообщниками, вызвалъ (въ 359 г.) Епископовъ изъ Виѳиніи, въ числѣ которыхъ были Марій Халкедонскій и Ульфила

---

[155] По Амміяну на 2,000 корабляхъ, какъ при Олегѣ. По Зосиму, число кораблей простиралось до 6,000.

[156] Φιλοστ. ἐπιτομὴ ἀπὸ φωνῆς Φότιου Πατριάρχου. Ed. J. Gottofredo. 1641.

[157] Это имя, въ древнихъ кодексахъ и въ новыхъ примѣненіяхъ къ смыслу Гоѳскому, пишется: Ulphilas, Urfilus, Gulfilas, Hulfilas, Gilfulas, Galfilas, Ulphias, Gulfias, Gudila, Gudillas, Unila etc. «Rectissime sine dubio, Vulfila, говорятъ толкователи, quam verbum nomen, diminitivum vocis Vulfs (lupus) proprie lupulum significat.»

[158] ... Ὑπὸ Εὐσεβίου καὶ τῶν συν αὐτῶν Επίσκοπων χειροτονεῖται τῶν ἐν τῇ γενικῇ χριστιανιζόντων.» На полѣ вмѣсто γενικῇ выставлено γετικῇ и переведено: qui in Gothia Christiani erant. Отъ чего же Епископомъ Христіянствующихъ въ Гоѳіи, а не Епископомъ Христіянствующихъ на родинѣ, или родичей, т. е., потомковъ предковъ его, взятыхъ въ плѣнъ Скиѳами на берегахъ Малой Азіи, въ 253 году, Какіе здѣсь были, въ это время, Гоѳы Христіяне? — Въ дополненіе замѣтимъ, что Греческіе писатели, упоминая о Γέται или Γότθοι, не упоминаютъ о странахъ Γέτια или Γότθια.

Готскій (?). Они подтвердили читанное въ Аримине изложеніе вѣры, и отвергли всѣ другія».

Изъ этихъ свѣдѣній замѣтимъ только одно, что Ульфилъ, около сороковыхъ годовъ IV столѣтія, былъ Епископомъ Босфоранiи и Христіянствовавшихъ тамъ, до 325 года, туземцевъ, а не Готовъ Истрійскихъ, Іудействовавшихъ до 376 года. Не смотря на это, несообразность хронологическая и новое смѣшеніе Дона съ Дунаемъ, а Скиѳовъ съ Готами, внесены въ Исторію и Сократомъ и Созоменомъ, при описаніи Аріянства Императора Валента. «Въ тоже время, пишетъ Сократъ, Готскій Епископъ Ульфилъ изобрѣлъ и Готскія письмена (?), перевелъ Божественное Писаніе и расположилъ Варваровъ къ изученію Божественнаго Слова.»

Въ Созоменѣ также смѣшано посольство къ Константину съ посольствомъ къ Валенту. Послѣ упоминанія, что главнымъ лицомъ посольства Фритигерна, въ 376 году, былъ Ульфила, Готскій Епископъ, тутъ же сообщается, что Ульфила и самъ вступилъ въ общеніе съ Акакіемъ (что было въ 359 году), и отторгъ все племя Готовъ отъ Каѳолической Церкви.

Откуда же истекаетъ это смѣшеніе времени и обстоятельствъ? Несообразности такъ рѣзки, что не трудно понять, что въ одномъ случаѣ идетъ рѣчь о мнимыхъ Готѳахъ, Скиѳахъ Босфоранскихъ, которые были въ преобладаніи Кагановъ и которые приняли Христіянство, когда Констанцій, братъ Константина Великаго, покореніемъ Малой Скиѳіи или Сарматіи рушилъ это преобладаніе. Въ другомъ случаѣ рѣчь идетъ о Визиготѳахъ или Западныхъ Готѳахъ, которымъ далъ убѣжище во Ѳракіи Валентъ. Если бъ Римъ не сочувствовалъ болѣе Іудейству, нежели Сиваизму и даже Христіянству, на Воспорѣ Индійскомъ (βόσπορος τῆς Ἰνδικῆς [159]), не царствовали бы Каганы, не изгибли бы мученической смертію первые проповѣдники Христіянства между Черноморскими Индами Савіанами, [160] исконными поклонниками Тріединаго.

---

[159] Hesychius. Измѣнивъ во всѣхъ древнихъ писателяхъ, начиная съ Геродота, Ἴνδοι въ Σίνδοι, издатели ихъ, съ ученой увѣренностію замѣчаютъ, что, безъ сомнѣнія, Греки позднѣйшихъ временъ вздумали называть Черноморскую Синдію Индіей: «Posterioris tamen aetatis Graeci Sindicam videntur appellasse Indicam.»

[160] «Ἴνδοι ἐνδότατοι, Σαβαῖοι καλούμενοι». Гимай Азіи (Гималай), Кавказъ, Гимай Ев-

Къ этимъ-то Индамъ Малой Скиѳіи, бывшимъ подъ вліяніемъ Іудеевъ— ὀυκ ὀλίγον δὲ πλῆθος καὶ Ἰουδαίων αὐτοῖς ἀναπέφυρται—былъ посланъ, посвященный въ діяконы Евсевіемъ Ѳеофилъ (Θεόφιλος ὁ Ἰνδὸς).

«Когда Ѳеофилъ прибылъ къ Савіанамъ (Σαβέοις), правитель народа (ἐθναρχης), склоненный убѣжденіемъ, пожелалъ принять Христіянство и отклонился отъ Еллинскихъ заблужденій. [161] Заставивъ смолкнуть предъ чудесами непобѣдимой вѣры во Христа всѣхъ ожесточенныхъ Іудеевъ, окружавшихъ его, Ѳеофилъ привелъ къ концу свое призваніе, обратилъ правителя народа къ благочестію, и онъ воздвигъ въ странѣ своей три храма. Первый въ столицѣ всего народа, называемой Тамаронъ (въ текстѣ преобр. въ Τάφαρον); другой на торгѣ Греческомъ (ἐν τὸ Ρωμαϊκόν ἐμπόριον), находящемся у моря въ области Αδανήν (т. е., Ταναήν). Третій же на другомъ краю области, гдѣ торгъ Персидскій, при устьѣ (?) Персидскаго моря. [162]

Здѣсь собственно, внутреннимъ Индамъ, сосѣднимъ съ внутренними Еѳіопами, [163] проповѣдывалъ Св. Апостолъ Варѳоломей, принявшій мученическій вѣнецъ въ Арменіи. [164]

Но, вопреки смысла сказаній, утвердилось мнѣніе, что какъ Св. Ап. Варѳоломей, такъ въ послѣдствіи и Ѳеофилъ проповѣдывали не въ Черноморской Индіи, а въ счастливой Аравіи. На этомъ основаніи, въ Географіи Птоломея и въ Натуральной Исторіи Плинія, можно найти въ Аравіи и Homeritae и Saphar Metropolis, и Sabatha Metropolis, и Saba regio. Это были настольныя книги Средневѣковыхъ и

ропы (Ἄιμος), Карпаты, Альпы, Пиринеи, составляли нѣкогда непрерывную цѣпь населенія Савіянъ. Парсы, принявъ вѣрованіе Гебровъ, разорвали въ Азіи эту цѣпь. Восточныхъ Индовъ они называли Siah-Hend, Черными Индами, а Кавказскихъ Hend-Safet, Бѣлыми Индами.

[161] Филосторгъ упоминаетъ о существовавшемъ тамъ обрѣзаніи, поклоненіи солнцу и лунѣ и богамъ туземнымъ. Изъ этихъ словъ понятно, что тамъ были двѣ различныя вѣры: вѣра водворившихся Гоѳовъ и Сиваизмъ туземцевъ.

[162] Т. е., Каспійскаго моря, при устьѣ Волги, гдѣ былъ торгъ Ясскій.

[163] Т. е., Абхазами (древними Гиніохами,) переселенцами изъ Ѳиваиды.

[164] Евсевій, Сократъ, Филосторгъ и пр.

позднѣйшихъ Орденскихъ Географовъ, когда на беззащитную Исторію Востока велись своего рода крестовые походы, и когда тщательно вносились въ изданія всѣ описки и приписки, извращавшія смыслъ предыдущій и переносившія событія и мѣстности изъ одного края въ другой, изъ Азіи въ Европу, и обратно.

Въ дополненіе изложенныхъ уже свидѣтельствъ о такъ называемой Внутренней Индіи, на набережныхъ Чернаго моря, приводимъ, въ выноскѣ, слова Воссія о томъ же предметѣ.[165] Вмѣстѣ съ этимъ открывается, затаившееся для Исторіи Восточной Церкви, свѣдѣніе, что рукоположенный Евсевіемъ, для проповѣдованія Евангелія Индамъ или Синдамъ, и поставившій престолъ Спасителя въ Тамаронѣ, есть тотъ самый Ѳеофилъ Босфоранскій, Episcopus Tomorum in Scythia, который въ 325 году былъ въ числѣ подписавшихъ Символъ вѣры Никейскаго Собора. Вотъ подпись его:

По списку библ. Колберта:	*Editio Labbeana:*
De Gothis	Provinciae Gothiae.
Theophilus Bosphoritanus.	Theophilus Gothiae Metropolis.
Domnus Bosphorensis.[166]	Provinciae Bosphori.
	Domnus Bosphorensis.[167]

---

[165] Isaaci Vossii notae in Scylacis Cariand. Periplum, pag. 13. Приводя сказаніе Сократа Схоластика: «Апостолъ Ѳома получилъ жребій апостольства въ Парѳіи, Матѳей въ Ѳіопіи, а Варѳоломей въ смежной съ нею Индіи», Воссій пишетъ: «Longe mihi verisimilis fit, pervenisse illos in Aethiopiam Ponticam, quae in Colchorum est Regione, et Sindicae, sive Indiae, contermina est. Liquet id est Hieronimi Catalogo Scriptorum Ecclesiasticorum, cujus verba adscribam: «Andreas, frater Simoni Petri, ut majores nostri prodiderunt, Scythis, et Sogdianis, et Saccis, praedicavit Evangelium Domini nostri Jesus Christi, et in Augusta civitate praedicavit, quae cognominatur Magna, ubi est irruptio Apsari et Phasis fluvius. illic incolunt Aethiopes interiores». Et post: «Matthias cum unus esset e numero septuaginta, allectus in ordinem undecim apostolorum, in locum Judae Iscariote, qui fuit proditor, in altera Aethiopia, ubi est irruptio Apsari, et Hyssi portus, praedicavit Evangelium, cum essent homines agrestes.»—Recte itaque Socrates interiorem Indiam Aethiopiae interiori vicinam facit, cum ambae sint ad Pontum, sibique conterminae».

Ложное названіе Gothiae Metropolis, или лучше сказать, Латинское названіе по преобладанію Гоѳскихъ Кагановъ, друзей Императоровъ и Римскаго народа, безъ сомнѣнія, внесено въ Латинскій переводъ акта, вмѣсто Scythiae Metropolis, какъ слѣдовало быть въ Греческомъ текстѣ, который не сохранился. Это доказывается, во первыхъ, Актами Никейскаго Собора. Въ каталогѣ странъ и народовъ, гдѣ учреждены были уже Епископіи Вселенской Церкви, Александръ Ѳессалонійскій подписывается, во имя Епископовъ въ земляхъ Славянъ Македоніи, Еллады, всей Европы, Иллиріи, Ѳессаліи, Ахаіи, и также въ обѣихъ Скиѳіяхъ—«Σκυθίαν ἑκατέραν. Во вторыхъ, тѣмъ, что Босфоранская Епархія, во всѣхъ послѣдующихъ актахъ, сохранившихся и на Греческомъ языкѣ, называется, какъ увидимъ, Митрополіей Скиѳской Томитанской. Въ третьихъ, Евсевій (de vita Const. L. 11, c. 7), при исчисленіи странъ, откуда прибыли Епископы на Никейскій Соборъ, упоминаетъ не о Гоѳскомъ, а о Скиѳскомъ Епископѣ, помѣщая его въ числѣ Азійскихъ: δὲ καὶ Πέρσης ἐπίσκοπος τοῦ Συνόδω παλῆν, οὐδὲ Σκύθης ἀπελιμπόνετο τῆς χορείας, Πόντως τε καὶ Γαλατία».

Въ подписяхъ Собора Константинопольскаго, въ 381 году, гдѣ участвовали только Азійскіе Епископы: [166]

Provinciae Scythiae:

Gerontius Tomensis.

Aetherius Chersonitanus.

На соборѣ Ефесскомъ, 431-го года (Pars I, cap. XXIV) подпись Латинская:

---

[166] Различіе между Bosphoritanus и Bosphorensis заключается въ томъ что Ѳеофилъ былъ Епископъ всей Босфоранія, которой Митрополія была въ Томи; а Домнусъ, Епископъ Г. Босфора, на Европейской сторонѣ пролива.

[167] См. Acta Conciliorum, T. I. Concilium Nicaenum.

[168] Греческаго текста нѣтъ. Въ Латинскомъ исчисленіи подписей Собора Епископовъ Азіятскихъ, внесена въ концѣ и Провинція Испанія, съ отмѣткой на полѣ: «Sed titulus ille omnino delendus.» Послѣ Иверійской Епархіи помѣщена провинція Мизійская съ Епископомъ Мартиріемъ Марціанопольскимъ; а къ провинціи Скиѳской приписанъ Sebasitanus Anchialensis, относящійся ко Ѳракіи.

«Timotheus Episcopus a Scythia. Отм. на полѣ: sive Tomorum in Scythiae».

Actio 1:

«Τιμοθέος ἐπίσκοπος..... ἐπαρχίας Σκυθῶν (al Σκυθίας) ἐπέγραφα ἀποφαινάμενος, καὶ τὰ ἕξης».

Въ Лат. Переводѣ: «Timotheus Episcopus Tomitanus». На полѣ: ms: civitatis Tomorum, provinciae Scythiae decernens suscripsi».

Въ декретѣ Ефесскаго Синода противъ Несторія и прочихъ еретиковъ всѣ подписи принадлежатъ Епископамъ Азійскихъ и Африканскихъ Епархій, собранныхъ для ручательства противъ вліянія ученія Несторія, распространявшагося въ этѣхъ странахъ. Между подписавшими Актъ находится:

«Timotheus Episcopus provinciae Scythiae civitatis Tomorum».

Въ Актѣ Константинопольскомъ (449 г.), читанномъ на Халкедонскомъ Соборѣ 451 года, въ подписяхъ:

«Ἀλεξάνδρου τοῦ εὐλαβεστάτου ἐπισκόπου τῆς Τομέων πόλεως ἐπαρχίας Σκυθίας. [169]

О распространеніи Аріянства въ Азіи и о Скиѳахъ Томитанскихъ, не послѣдовавшихъ еретичеству, Созоменъ, въ своей Церковной Исторіи, говоритъ: «Напротивъ, Сирія и пограничныя области, особенно же Антіохія, бѣдствовали отъ неустройства и возмущеній. Въ этѣхъ областяхъ было болѣе Аріянъ, владѣвшихъ Церквами, хотя не мало и Христіянъ Церкви Каѳолической, которыхъ называли Евстаѳіанами и Павлиніанами; ибо ими, какъ выше сказано, управляли Павлинъ и Милетій. Послѣдніе, тогда какъ вся Антіохійская Церковь едва не сдѣлалась аріянствующею, съ трудомъ держались противъ ревности Императора и лицъ, имѣвшихъ при немъ силу. Гдѣ Церквами управляли люди мужественные, тамъ только народъ не измѣнялъ исповѣданію своему. И дѣйствительно, по той же причинѣ, говоритъ, и Скиѳы сохранили свою вѣру. Этотъ народъ имѣетъ мно-

[169] Acta Consiliorum. T. II. Cons. Chalcedonense. Actio I.

жество городовъ, селеній и крѣпостей. Его столица — Томисъ, городъ обширный и богатый, лежащій у моря на лѣвой [170] сторонѣ отъ входа въ Понтъ Евксинскій. Тамъ, по сіе время (V. стол.), продолжается древній обычай, чтобъ единый Епископъ главенствовалъ надъ Церквами всего Скиѳскаго народа».

Въ этихъ словахъ Созомена три положенія противъ несообразнаго ни съ чѣмъ, а между тѣмъ утвердившагося, мнѣнія, что Епархія Томитанской области или Епархія Скиѳіи, обрѣталась во Ѳракійской Нижней Мисіи:

1. Созоменъ говоритъ объ областяхъ Азійскихъ, подвергавшихся вліянію ученія Несторія и Аріянства; точно также какъ и Ефесскій декретъ противъ Несторія подписанъ только Епархами Азійскими и Африканскими, въ числѣ которыхъ, какъ мы видѣли, подпись Томитанскаго Епископа Тимоѳея.

2. Созоменъ говоритъ о Скиѳахъ, какъ о народѣ самостоятельномъ, не подвластномъ Имперіи, у котораго множество не только городовъ, но и крѣпостей. Всего этого нельзя было говорить о какой нибудь Епархіи въ границахъ Ѳракіи.

3. Митрополія Томитанская была Митрополіей не одной Епархіи, а многихъ Епархій въ обѣихъ Скиѳіяхъ—Σκυθίαν ἑκατέραν, какъ мы видѣли въ Греческомъ текстѣ Никейскихъ Актовъ.

4. Исконный обычай въ Скиѳіи или Руси (οἱ Ῥῶς, οὓς καὶ Σκύθας, φάσιν), о которомъ упоминаетъ Созоменъ, состоялъ въ единоначаліи, какъ въ гражданскомъ, такъ и духовномъ отношеніи. Какъ титулъ Атиллы, переданный Іорнандомъ. «Attila totius Scythiae solus in mundo regnator», былъ во всѣ времена принадлежностію Великихъ Князей—«Великій Князь всея Руси, или всея Русіи Самодержецъ»—, такъ по росписи древнихъ Епископствъ Руси, подпись Митрополита была: «Митрополитъ Кіевскій и всея Руси», т. е., Великой и Малой. [171] Это раздѣленіе было съ незапамятныхъ временъ, какое названіе ни носила

---

[170] Мы уже объяснили на 26-й стр., какъ понимали древніе правый и лѣвый берегъ Понта. Смѣшивая же Донъ съ Дунаемъ, во всякомъ случаѣ мѣстность Томи надо было относить къ лѣвому берегу.

[171] По росписи Епископствъ, при Имп. Львѣ Премудромъ, Архіепископство Великой и Малой Руси числилось на 60 мѣстѣ; ибо иноземныя Епископства слѣдовали за исчисленіемъ находящихся въ Имперіи.

Русь у иноземцевъ: Скиѳіи ли, Сарматіи, или Великихъ и Малыхъ Аорсовъ, или, по Геродоту, Герріои. Малая Русь всегда означала пограничную, воеводскую часть Руси, находившуюся постоянно на военномъ положеніи. Границы, особенно съ Персами, то надвигались до Аракса, то отодвигались до Дона.

Томитанская Епархія и была собственно Архіепископія, Митрополія всѣхъ прочихъ Епархій Скиѳіи, или, вѣрнѣе, всея Скиѳіи. Созоменъ, въ кн. 7, гл. 26, и называетъ Ѳеотима, родомъ Скиѳа, Архіепископомъ Томитанскимъ и всѣхъ прочихъ Епархій Скиѳіи. [172] Не смотря на это, отецъ Квіенъ (Quien) въ своемъ «Oriens Christianus», въ рядахъ всѣхъ помѣщающихъ Скиѳію во Ѳракіи, [173] утверждаетъ, что въ Епархіи Скиѳійской только и было. что «Ecclesia Tomorum». Онъ приходитъ въ недоумѣніе по случаю взносимаго обвиненія въ Несторіянской ереси на Скиѳійскихъ Епископовъ, «inter quos Paternus Tomitanae civitatis antistes,» т. е., надъ которыми Патернъ Томитанскій главенствовалъ».

Сомнѣваясь, чтобъ въ это время было нѣсколько Епископствъ въ Скиѳіи, Квіенъ приводитъ подпись Патерна, на сообщеніи Синода Константинопольскаго Папѣ Ормизду, объ избраніи на Патріаршество Епиѳанія, и говоритъ, что по этой подписи Патернъ одинъ и единственный Епископъ всей Скиѳіи.

Но этой-то разницы между Епархіями Имперіи и независимой, автокефальной и, такъ сказать, самодержавной Епархіей Скиѳіи, о чемъ упоминаетъ Созоменъ, и не понялъ отецъ Квіенъ: «vetus consuetudo, quae ibi etiamnum servatur, ut unus Episcopus totius illius Gentis Ecclesiis praesit». Въ древней Скиѳіи или Руси всѣ подраздѣленія Іерархіи или священноначалія выражались не различными Церквами, а единою Церковію, единою духовною властію всея Руси (totius Gentis), и единымъ ея голосомъ. Форма выраженія всѣхъ въ единствѣ была: «Мы Великій Государь». Различіе съ условіями Римской Имие-

---

[172] Ἐν τούτῳ Τόμεως, καὶ τῆς ἄλλης Σκυθίας τὴν ἐκκλησίαν ἐπετρόπευε Θεότιμος Σκυθῆς, ἀνὴρ ἐν φιλοσοφίᾳ τραφείς....»

[173] На основаніи словъ Плинія, что въ приморской Ѳракіи, между Балканомъ и Дунаемъ, жили Scythae Aroteres; но въ той же 18 главѣ IV книги, всю Ѳракію населяли Скиѳскія племена; Плиній исчисляетъ ихъ: Brysi, Sapaei, Bessae, Aorsi, Arraei, Sarmatae, Scythae и, по берегу моря, Moriseni.

ріи видно ясно изъ собранія Окружныхъ Посланій къ Императору Льву I (457—474), pro defectione Consilii Chalcedonensis. Въ первомъ, главномъ посланіи (epistola), подписанномъ главами Митрополій, заключается и подпись Митрополита Томитанскаго, Θеотима. Кромѣ общаго посланія слѣдуютъ сорокъ посланій, отъ каждаго Митрополита отдѣльно съ подписями, какъ его, такъ и всѣхъ подвластныхъ его Митрополіи Епископовъ. Θеотимъ же въ своемъ посланіи (XI), какъ верховный правитель единой Церкви, говоритъ и подписываетъ: «Мы утверждаемъ: «Unde mansuetissime Imperator, et ego, et omnis Ecclesia Dei, sic sapimus et in consensu nostro Sanctorum Patrum definitiones fide et devota confessione firmamus».

Во всякомъ случаѣ, Митрополія предполагаетъ въ себѣ подвластныя Епископіи; но о. Квіенъ, въ подтвержденіе, что въ Scythia Parva eaque Europaea ad Istrum flumen, только и была одна Епархія въ Томи, замѣчаетъ, что въ древнѣйшихъ Актахъ Церковной Исторіи Томи считается Архіепископствомъ, а не Митрополіей и, выписывая въ свидѣтельство этого подпись Епископа Патерна, [174] пропускаетъ его титулъ «Metropolitanus».

Въ подлинникѣ подпись его слѣдующая: «Paternus, misericordia Dei, Episcopus provinciae Scythiae Metropolitanus».

Для чего этотъ, явно недобросовѣстный, пропускъ? Для того ли, чтобъ унизить значеніе и извѣнить смыслъ Томитанской Митрополіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, укрѣпить мнѣніе, что эта Епархія была во Θракіи? Если бъ Scythia Parva была во Θракіи, то дѣйствительно она не могла бы имѣть болѣе одной Епархіи.

Удивительно ли послѣ этого, что не обращено вниманіе на Актъ Никейскаго Собора, въ которомъ, въ числѣ странъ, гдѣ водворилось уже Христіянство, упоминается объ обѣихъ Скиѳіяхъ—«Σκυθίαν ἑκατέραν», т. е., Μεγάλα Σκυθία и Μικρὰ Σκυθία.

Быстрое и свободное распространеніе Христіянства въ Руси, въ IV столѣтіи, оставило по себѣ неизгладимые слѣды, какъ увидимъ ниже. По Ведическимъ предвѣстіямъ, для Савіанъ Европейскихъ со-

---

[174] Relatio Synodi Const. de ordinatione Epiphani Episcopi Anno 520. Acta Consiliorum. T. II, p. 1035. Ed. Parisiis, 1714.

вершилась заключительная Аватара, — воплощеніе Царя свѣта. Но противники, Іудеи и Маги, [175] дѣйствовали союзно. Чтобъ подорвать основы Церкви внутренними раздорами, они внесли въ нее, подъ ликомъ Христіянства Аріянскій толкъ. Валентъ, сопрестольный Валентиніяну и управлявшій Востокомъ, былъ ревностнымъ послѣдователемъ этого толка. По вліянію лицъ, имѣвшихъ при немъ силу, ересь быстро распространялась въ областяхъ Азіи. Объѣзжая самъ Азійскія Церкви, лично изгоняя отовсюду послѣдователей Православія, и отдавая ихъ храмы Аріянамъ, Валентъ, послѣ неистовствъ въ Антіохіи, въ Едессѣ и въ Епархіяхъ Каппадокіи, прибылъ въ Томитанскую Митрополію. Войдя въ церковь, онъ сталъ убѣждать бывшаго въ то время Архіепископа Скиѳіи, Ветранія, чтобъ онъ вступилъ въ общеніе съ Епископами ереси. Ветраній, мужественно и смѣло высказавъ свои мысли въ защиту Никейскаго Собора, оставилъ его и перешелъ въ другой храмъ. Все стеченіе народа, любопытствовавшаго видѣть Императора, пошло въ слѣдъ за своимъ Епископомъ. Принявъ этотъ поступокъ за намѣренное оскорбленіе, Валентъ приказалъ схватить Ветранія и сослалъ его въ заточеніе. [176]

Послѣ этого событія отношенія Руссовъ [177] къ Имперіи измѣнились. Ветраній былъ освобожденъ, но въ слѣдствіе опасенія народнаго возстанія и войны. Современные Цари Гунновъ, т. е., Руссовъ носятъ Греческія Христіянскія имена: Донатъ и Харитонъ. Донатъ убитъ Римлянами, какъ говоритъ сказаніе, коварнымъ образомъ. Харитонъ, наслѣдовавшій ему и поднявшій войну, умиротворенъ дарами; но Рао или Радо, котораго Іорнандъ называетъ Roas, Priscъ Ῥοὰ βασιλεὺς, а западные Историки Воеводой Скиѳовъ Rhodas, переходитъ Дунай, проникаетъ во Ѳракію и грозитъ уже Константино-

---

[175] Халден.

[176] Проницательный во всѣхъ своихъ изысканіяхъ, Венелинъ, обратилъ особенное вниманіе на Томитанскую область, но не обратилъ вниманія на приписываемое ей географическое положеніе во Ѳракіи; а между тѣмъ вотъ его слова: «При первомъ взглядѣ на это извѣстіе, бросится въ глаза всякой логической головѣ, что здѣсь Греческое слово Скиѳы, должно переводить словомъ Русь, и по тому только, что изыскатель напрасно сталъ бы искать въ Томитанской Епархіи какой либо другой Церкви, кромѣ Русской.»

[177] Которыхъ Византійцы продолжали еще называть, то Скиѳами, то Гуннами.

полю. Верховный совѣтъ Византіи, по утвержденію Императора Ѳеодосія, отправляетъ къ нему пословъ; но Рао внезапно умеръ, пораженный громомъ, какъ говоритъ преданіе. Когда Царь Рао умеръ, пишетъ Приск, и царство (βασιλεία) наслѣдовалъ Атилло, верховный совѣтъ отправилъ къ нему послами Плинѳа, родомъ Скиѳа, и Діонисія, родомъ Грека, для обычныхъ поздравленій со вступленіемъ на царство и заключенія новыхъ договоровъ. Но Атилло, немедленно же по вступленіи на престолъ, отправился въ Маргу [178] на Дунаѣ, гдѣ сосредоточены были войска, съ тѣмъ, чтобъ продолжать войну. Здѣсь и встрѣтили его послы.

Изъ преданій извѣстно, какими условіями, дарами и данью откупился Ѳеодосій II-й; но политика Императоровъ была уже подъ вліяніемъ Гоѳовъ Аріянъ и Халдеевъ. Аквитанскіе Гоѳы возстановляли противъ Атилла Римъ, а Халдеи Кавказскіе—единовѣрныхъ съ ними Персовъ.

Отправивъ Малую или Козарскую Русь за Кавказъ, отбирать у Персовъ покоренныя ими земли, самъ Атилло поднялся, съ силами Великой Руси, отбирать у Римлянъ Галлію, и на поляхъ Каталійскихъ разбилъ въ прахъ сосредоточенные легіоны подъ предводительствомъ Эція и войска Ѳеодорика Визиготескаго. Въ слѣдъ за этимъ, когда Атилло, взявъ приступомъ Миланъ, расположился станомъ на р. Минчіо, въ преддверіи Италіи, къ нему явилось съ мольбой о пощадѣ Рима посольство Валентиніяна и самъ Папа Леонъ. Это обстоятельство, умиренія чрезъ посредство главы Римскаго Священства, подтверждаетъ до нѣкоторой степени преданіе, что Атилло былъ Христіянинъ. [179]

Между тѣмъ Козары, отправленные имъ за Кавказъ, громили Иверію и Арменію, которыя въ это время были подъ властію уже Персовъ. По Приску, находившемуся при Атиллѣ въ числѣ посольства отъ Императора Ѳеодосія, «Козаріей и прочими народами, насе-

---

[178] У Славянъ Марками назывались пограчныя торжища, гдѣ производились договоры и торгъ. Гельмольдъ.

Станъ Атилла былъ расположенъ въ Малой Валахіи.

[179] См. Vilkinga Saga. Въ Nibel. L. 5060 v: «Er (Atzel) ist nicht gar ein Heide, dess sollt ihr siecher sein.»—5566 v: «Dass getaufet wurde das Etzelen Kind nach Christlichen Rechte.»

лявшими Русскія земли при Черномъ морѣ, въ Азіи, управлялъ старшій сынъ его, Данчичъ (Danzic, Densices)». По смерти отца, онъ вступилъ на престолъ, и въ 467 году, потребовалъ отъ Царяграда возобновленія договоровъ. Но Императоръ Левъ, пользуясь продолжающейся войной Руссовъ съ Персами, смѣло отказалъ ему въ этомъ. Отказъ вызвалъ войну. Младшій и любимый сынъ Атилла, Ярены (Irnas, Irnah), совѣтовалъ брату не начинать войны съ Греками, когда не только что пограничная Русь, Козары и Сураги, [180] но и большая часть силъ Русскихъ отвлечена войной съ Персами въ Арменію. Но Данчичъ не принялъ совѣтовъ брата. Усиливъ войска свои подвластными Руси Гоѳами, онъ перешелъ Дунай. Но Гоѳы измѣнили—и онъ погибъ въ бою.

Въ Иверіи и Арменіи дѣла Руссовъ-Козаръ (Οὖννοι Κιδαρῖται—Козаричи) шли также неудачно. Персы преслѣдовали ихъ за горы, проникли въ Козарію и даже овладѣли Бѣловѣжей или Бѣлградомъ (βαλαπόλις). Это было въ то время, когда Вартанъ, Воевода Арменіи, призывалъ на помощь Косоговъ или Казаковъ, Козаръ, которыхъ Армяне называли Кушанкъ или Кушачи—к, [181] а Греки, въ соотвѣтствіе Персидскому названію Hend-safet—λοιχοὶ Οὖννοι и также Εὐθαλῖται, т. е., Поморцы [182]

Въ то же время, когда Вартанъ вызывалъ на помощь Гунновъ Гептакскихъ, какъ выражаются въ переводахъ, онъ вызвалъ и Иверскаго Кагана, Вахтанга, который и измѣнилъ ему: «Ici le roi Wakhtang-Gorgasal assiste le Roi de Perse, contre les Indiens, les

---

[180] Сураги, жившіе по Каспійскому морю, извѣстные также подъ названіемъ Гунновъ Сарагуровъ, по Греческимъ писателямъ Σιράκοι (Siraces). При Каспійскомъ морѣ и была India Serica, занесенная за Гангъ: по Сурагамъ Каспійское море называлось Oceanum Siricum, а у Руссовъ Суражскимъ моремъ. Страбонъ пишетъ, что Сураги и Малые Аорсы, одного происхожденія съ Великими Аорсами. «Малые Аорсы жили при Танаисѣ, а Сураги по р. Ахарду, по другимъ Георг. Аксарту, т. е., въ сущности Араксу, въ Ширванской области, и по морю, гдѣ производилось искони шелковое производство.

[181] «Kouchank ou Kouchantsik est le nom donné par les auteurs arméniens aux Huns Hephtalites.» Hist. de la Georgie, I part. Hist. ancienne.

[182] Это названіе, происходящее отъ Εὐθάλασσος, измѣнялось въ спискахъ въ ...talites, Haïatalites, Atelites, Abtelites.

Sindes, les Abaches (Абхазовъ) et les Djordjaniens (Грузинъ): il triomphe de tous ces peuples». [183]

Съ этого времени, въ Малой Скиѳіи снова водворяется власть Каганов, съ которой постоянно боролась Русь. Юстиніянъ I-й, вступивъ на престолъ, съ трудомъ сохраняетъ прибрежные Греческіе города Тавриды и Азіятскаго берега, и начинаетъ укрѣплять ихъ.

Въ актахъ 536 года титулъ Кесаря Флавія Юстиніяна составляетъ уже наборъ неопредѣленныхъ названій мѣстностей и народовъ: «Alemannicus, Gothicus, Francicus, Germanicus, Anticus, Alanicus, Wandalicus, Africus.» Скиѳамъ, Сарматамъ и Гуннамъ предоставлены названія Аланъ и Антовъ. Прокопій очень простодушно находитъ, что Анты были совершенно сходны съ Славянами и по вѣрѣ и по обычаямъ, по языку и наружности, по дебелости и силѣ; находитъ большое сходство ихъ и съ Гуннами: «a vafritie ac malicia remoti et hac ipsa quoque innocentia Hunnis similes» т. е., ни къ лукавству, ни къ злобѣ не способны, и по самой чистотѣ нравовъ сходны съ Гуннами». Живутъ они на Меотидѣ, на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ Гунны, и вся разница между ними та, что Антовъ и Славянъ Прокопій называетъ Спорами, а Гунновъ Сабирами. Птоломей не называетъ ихъ ни Спорами, ни Сабирами, а Сапурами, а иногда, тутъ же, для разнообразія, Тапурами. Съ ними сосѣдятъ и Скиѳы Аланы, и Скиѳы Сусовени (Σουσοβήνοι), и Скиѳы Свевы (Σουήβοι), и Скиѳы Аорсы, и иные Скиѳы.

Эти-то всѣ народы, лишившіеся уже имени Скиѳовъ, Сарматовъ и Киммеріянъ, но жившіе еще между Меотидой и Кавказомъ, а по Птоломею въ Scythia intra montem Imaum, подпавъ снова подъ власть Каганов, извѣстныхъ друзей Императоровъ и Римской Имперіи, снова пріобрѣтаютъ, съ возстановленіемъ на Босфорѣ преобладанія Гоѳовъ званіе Готѳовъ. [184] Прокопій Кесарійскій, въ своей Исторіи Гоѳовъ,

---

[183] Hist. de la Georgie, I part. Разумѣется, что всѣ эти народы препровождены историками къ устьямъ Инда: «Leur empire (т. е., Гунновъ-Синдовъ) s'étandait jusqu'au bouches de l'Indus, et leur capitale, située sur le fleuve, s'appelait Minnigara».—Понятно, что эта Миннигара есть Бѣлградъ на Волгѣ.

[184] По Птоломею (2-го вѣка) Скиѳы простирались до изгиба р. Аракса (ارس — Русская рѣка), то есть, до впаденія Куры (L V, c. 9). «Есть и другой из-

какъ и Іорнандъ въ своей, утверждаетъ, вопреки смысла, это звані за всѣми народами, «quos vetustiora saecula Schythas vocabant.»

Этотъ современникъ Юстиніяна I, написавшій шесть книгъ об укрѣпленіяхъ, воздвигнутыхъ Императоромъ для защиты границъ, как по Дунаю, такъ и Донскому Босфору, противъ нашествій Гунновъ въ свою очередь смѣшиваетъ мѣстности, находящіяся на этѣхъ рѣкахъ, какъ, на примѣръ, область Δορᾶς, или Δαρᾶς, «гдѣ издавна обитаютъ Готы, не послѣдовавшіе за Θеодорикомъ въ Италію.» Готы Θеодорика, т. е., Визиготы, пришедшіе во Θракію въ 376 году изъ за Дуная, были поселены въ Паннониі, и отсюда уже отправились в Италію (въ 488 г.); слѣдовательно, дѣло идетъ объ области на Дравѣ, которая, по Птоломею, называлась Δάρος, а не на Босфорѣ и не в Тавридѣ.

Свѣдѣніе Прокопія[185] объ укрѣпленіяхъ Греческихъ владѣній в Тавридѣ и за Босфоромъ на Азіятской сторонѣ, теряетъ смыслъ, есл понимать въ немъ только укрѣпленіе города Босфора и города Херсона, а не укрѣпленіе городовъ Херсониса и городовъ Босфора н Азіятской сторонѣ.

Вліяніе Томитанской Митрополіи простиралось на обѣ Скиѳіи; но когда Великая Скиѳія вела уже войну и съ Каганами, и съ союзникомъ ихъ, Юстиніяномъ, въ области Митрополіи оставалась только Босфоранія, заключавшая въ себѣ полуостровъ Керченскій и полуостровъ Таманскій, отрѣзанный отъ твердой земли укрѣпленіями по пересыпямъ озеръ и Кубани. Со времени Юстиніяна, въ Актахъ Соборовъ подпись Томитанскаго Митрополита Скиѳіи и прекращается. Въ Актахъ Константинопольскаго Собора, 536 года, вмѣсто оной являются:

Ἰωάννου τῆς μητροπόλεως Βοσπόρου.

Δομετιανοῦ τοῦ Ζηχῶν ἔθνους, или Ζηχίας.

гибъ рѣки Аракса (т. е., Расъ), сходящійся съ изгибомъ Дона (Танаиса).» Такъ какъ Азіятцы и рѣку Волгу называли Араксомъ, т. е., Русской рѣкой, то и Птоломей смѣшиваетъ Расъ или Араксъ съ Волгой и полагаетъ, что это изгибъ одной и той же рѣки.

[185] Προκοπίου Καισάρεως περὶ τῶν Δεσπότου Ἰουστινιανοῦ κτισμάτων. Помѣщ. въ Крымскомъ сборникѣ стр. 54.

Въ приговорѣ Синода Константинопольскаго противъ Аноимія:

Ἰωάννης ἐπίσκοπος Βοσπόρου.

Потомъ, въ числѣ подписавшихъ на Сирійскомъ языкѣ: Δομετιανὸς ἐπίσκοπος Ζηχίας.[185]

Въ седьмомъ вѣкѣ подавленный на Кавказѣ Гебраизмъ, нашелъ себѣ поборника въ лицѣ Бьюрата Багратуни, который, завладѣвъ правленіемъ Арменіи, объявилъ себя данникомъ Халифовъ. Здѣсь начало появленія Аравовъ, или вѣрнѣе Моссааравовъ (Moçaarabes), извѣстныхъ подъ именемъ Аваръ. Въ перемежающейся борьбѣ съ Христіянами и, слѣдовательно, съ Имперіей, въ 740 году, Козарскій Каганъ овладѣлъ Босфораніей,[187] и въ это время Епископъ Босфораніи (т. е., бывшей Томитанской Митрополіи) взятъ въ плѣнъ. Его память, чтимая и Греко-Россійскою Церковію, объяснитъ намъ лучше всего названіе Γοτθία, приданное Босфораніи во время владычества Хазаровъ въ Козаріи: «Бѣ (Епископъ Іоаннъ) при Константинѣ Царѣ и при Львѣ Исаврянинѣ, отъ Тавро-Скиѳскія страны, подъ властію Готѳскою, сынъ Льва и Фотиніи.»[186] По случаю иконоборства, онъ «отъ своихъ людей былъ посланъ къ Иверійскому Архіепископу, и отъ того постановленія пріятъ.» Онъ ѣздилъ въ Константинополь, и по защищеніи Правой Вѣры, предъ Царицею Ириною (послѣ 780 года), возвратился въ свою Епархію. Злодѣи хотѣли его предать во власть Козаровъ (т. е., Козарскаго Кагана), но онъ успѣлъ бѣжать въ Амастріяду. Узнавъ же о смерти Кагана, возвратился въ Готѳію».[189]

---

[185] По свѣдѣнію Константина Багр. (De Adm. Imp. c. 42), границей Зихіи съ областью Таматархской или Тмутараканской, была р. Укрухъ (Οὐκρούχ). Нѣтъ сомнѣнія, что это рѣка Кубань, и Константинъ, вмѣсто названія рѣки, слышалъ слово Украй, т. е., граница. По морской картѣ de Fréduce d'Ancone, Maura Zichia лежитъ на южной сторонѣ Кубанскаго лимана (Mauro lago), за ней Alba Zichia, и потомъ Avogassia (Абхазія). Въ древности это была мѣстность Ахаіи. Нынѣ живутъ Джигеты.

[187] Princeps Chazarorum, qui Gothiam invaserat. Le Quien.

[188] Прологъ.

[189] Крымскій Сборникъ. Соч. П. Кеппена, стр. 66.

Такимъ образомъ, въ подписяхъ Актовъ, Скиѳская Томитанская Епархія носила названіе Гоѳской въ два періода преобладанія Гоѳскихъ или Іудейскихъ Кагановъ въ Босфораніи. Названіе Гоѳская Епархія значило не болѣе, какъ Епархія въ странѣ Гоѳовъ (in regione Gothorum), для Христіянствовавшихъ туземцевъ, а не для нашельцевъ Гоѳовъ, что не имѣло бы смысла.

Что Гебраизмъ имѣлъ здѣсь сильное вліяніе и на Сиваитовъ и на Христіянствующихъ, это неоспоримо, особенно въ то время, когда полчища Ислама, враждебнаго и Христіянству, и Сиваитамъ, и Гебрамъ, проникли сюда изъ за Кавказа. «Великій Каганъ Хазарскій и вельможи изъ его народа были постоянными покровителями Христіянъ противъ послѣдователей Магомета; но уже въ 740 году, подъ вліяніемъ ученаго Еврея Исаака Синдшари, приняли Іудейскую вѣру.» [190]

Въ этомъ свѣдѣніи ничего не относится собственно до народа. По Gihan-Numa, «владѣтель (princeps) Козарской области Іудей, а равно и всѣ приближенные къ нему вельможи; что же касается до подданныхъ, то они различныхъ вѣръ, [191] которыя не воспрещается тамъ исповѣдывать. Все управленіе въ рукахъ Іудеевъ. 9 судей [192] завѣдываютъ судопроизводствомъ. Торговлю ведутъ съ Руссами».

Если названіе Томитанской или Донской Епархіи прекратилось въ Актахъ, то оно сохранялось до половины IX вѣка въ Исторіи. Валафридъ Страбонъ, около 844 года, пишетъ: «Я слышалъ отъ вѣрныхъ братій, что у нѣкоторыхъ Скиѳскихъ племенъ, преимущественно у Томитанъ, и до сего времени отправляется богослуженіе на ихъ собственномъ языкѣ».

Здѣсь сохранялось постоянно и Православіе Никейскаго Собора, что видно изъ Окружнаго Посланія Патріярха Фотія во всѣ Епархіи, въ 858 году, о томъ, что въ Символъ Вѣры не слѣдуетъ вставлять

---

190 Френъ, De Chosaris. Опис. Музея Кн. Кочубея. Б. Кёне. Т. I, стр. 218.

191 «Plerique Muslemii et Christiani, pauci idolatrae.» Это извѣстіе относится къ IX стол., когда, во время Калифовъ Абассидовъ Магометанство проникло на Кавказъ и въ Задонье, и часть Булгаръ приняла Исламизмъ.

192 По раздѣленію Козаріи на 9 округовъ.

«filioque.» [193] Въ этомъ Посланіи онъ восхваляетъ и ставитъ въ примѣръ неизмѣнное Православіе Руссовъ: το Ρως. [194]

Не знаемъ, найдутся ли послѣ всего этого средства доказывать:

1. Что Томитанская Епархія была на набережныхъ Θракійской Мисіи, которая, сверхъ того, съ исхода VII вѣка была уже во власти Булгаръ, обратившихся въ Христіянство не ранѣе 860 года. [195]

2. Что Ульфилъ, бывшій Епископомъ Томитанскимъ около сороковыхъ годовъ IV столѣтія, изобрѣлъ письмена собственно для Гоѳовъ, и перевелъ Евангеліе на Гоѳскій языкъ, по тому только, что для Іорнанда и Прокопія Кесарійскаго, писавшихъ Исторію Гоѳовъ, названія Скиѳъ и Гоѳъ безразличны; а Исидоръ, также писавшій Chronicon Gothorum, говоритъ прямо и утвердительно, что Гоѳы происходятъ отъ Магога, что Скиѳы есть тѣ же Гоѳы, и что вытѣсненные изъ своихъ жилищъ внезапнымъ нашествіемъ племенъ Гуннскихъ (т. е., Славянскихъ), они перешли за Дунай и предались Римлянамъ. Впрочемъ и Іорнандъ, и Прокопій, и Исидоръ совершенно правы, если они говорятъ, что «Gothicae originis populi vetustiora saecula Scythas vocabant», въ смыслѣ тѣхъ общихъ преданій Востока, по которымъ и Египтяне, и Халдеи, и Евреи, и Арабы, и Персы, до принятія Магизма, Іудаизма и Исламизма, были Скиѳами, ибо слѣдовали первобытному вѣрованію, которое Арабы называютъ Mallet-el-Schith или Mallet-el-Sabiin. [196]

Но обратимся еще разъ къ Томитанской Митрополіи на берегахъ Донскаго пролива. Съ указаніемъ настоящей мѣстности, гдѣ

---

[193] Западная Имперія отклонилась отъ Православнаго догмата Никейскаго Собора, и вмѣсто: «и въ Духа Святаго, Господа животворящаго, иже отъ Отца исходящаго», внесла въ Символъ Вѣры «filioque,» т. е., «отъ Отца и Сына исходящаго.»

[194] Фотій вступилъ на Патріаршій престолъ въ 857 году, 25 Дек. Окружное Посланіе къ Патріархамъ и Епископамъ, въ которомъ обличались властолюбіе, заблужденія и новости въ Западной Церкви, было до созваннаго Фотіемъ по сему предмету собора въ 861 году. Начерт. Церк. Ист., отд. 2, стр. 27. См. также Истор.-крит. изысканія Ю. Венелина, въ статьѣ «Словенскія письмена.»

[195] По Нестору Болгаре пришли изъ Скиѳіи Задонской: «Словеньску же языку живущимъ на Дунаи, пріидоша отъ Скуѳъ, рекше отъ Козаръ, рекоміи Болгари, и насельницы (а не насильницы) Словеномъ быша». Т. е., поселились между Словенами.

[196] См. «Первобытное вѣрованіе и Буддизмъ».—Herbelot. Dict. orient.—Die Ssabier und der Ssabismus, v. D-r. D. Chwolsohn.

она была, становятся понятными тѣ преданія, которыя казались сомнительными. На примѣръ, въ Росписи Епископовъ, находившихся въ вѣдѣніи Цареградскаго Патріарха, при Императорѣ Львѣ Премудромъ (886—911), Митрополія Руссіи занимала 60 мѣсто. [197]

Гдѣ же была Митрополія Руссіи, управлявшая, по Актамъ Никейскаго Собора, Церквами въ обѣихъ Скиѳіяхъ,— Σκυθίαν ἑκατέραν? Этотъ вопросъ рѣшаетъ договоръ Игоря съ Греками. [198] Въ этомъ договорѣ, клятва Христіянствующей Руси: «Мы же, елико насъ крестилися есмо, кляхомся церковію Св. Иліи въ соборнѣй церкви, предлежащимъ честнымъ крестомъ и харатьею сею, юже есть написано на ней»,—и: «иже преступитъ се отъ страны нашея, или князь, или инъ кто, или крещенъ, или не крещенъ, да не имать помощи отъ Бога, да будутъ раби въ сій вѣкъ и въ будущій, и да заколенъ будетъ своимъ оружіемъ»;—а «Хрестьянскую Русь водиша ротѣ (къ клятвенному обѣту) въ церкви Святаго Ильи, яже есть надъ ручаемъ, концъ постничи бесѣды въ Козарѣхъ.»

Слѣдовательно, въ Кіевѣ была церковь Св. Иліи, т. е., Епархія, называвшаяся, по соборному храму, на Козарскомъ концѣ, города, то есть, части города, заимаемой Русью Задонской, или, въ то время, Козарской, гдѣ и была Митрополія Томитанская.

Такимъ образомъ вставка неизвѣстнаго толкователя: «Се бо бѣ соборная церковь (?): [199] много бо бѣша Варязи христіане,» ста-

---

[197] «Извлеч. о Руссахъ, по Визан. Истор. И. Штриттера.

[198] При договорѣ Олега, Императоры Левъ и Александръ цѣловали крестъ, а Олегъ и мужи его совершали клятву по Русскому закону и клялись Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, богомъ живота, твари. По значенію Сиванизма Славяно-Руссовъ: Перунъ, Царьяниця Индіи, божество грозы и благодати (дождя); Васула—Вишну, хранитель живота (движенія). Но въ договорѣ видно и общее поклоненіе единосущной Троицѣ: «Межи вами Хрестьяны и Русью бывшій миръ сотворихомъ Ивановымъ написаніемъ на двою харатью, Царя вашего своею рукою, предлежащимъ честнымъ крестомъ и Святою единосущною Троицею единаго Истиннаго Бога нашего... Мы же, кляхомся ко Царю вашему, иже отъ Бога суща, яко Божіе зданіе по закону, и по закону языка нашего...» Замѣтимъ, что и Христіянская Русь въ договорѣ Игоря клянется церковію Св. Иліи, какъ покровителя Кіевскихъ Руссовъ и громовержца.

[199] Т. е., Соборная церковь есть Соборная церковь, по тому что было много

новится неумѣстной, тѣмъ болѣе, что Варяги-Русь, т. е., Русь Франконская, если и была Христіянствующею, то зависѣла не отъ Цареградскаго Патріярха, а отъ Папы Римскаго.

Должно замѣтить, по словамъ договора, что въ числѣ дающихъ клятву, были и Христіянствующіе Русскіе Князья. [200]

Кромѣ Кіевскаго каѳедральнаго Собора Св. Иліи, безъ сомнѣнія, существовали и другія церкви, какъ по значенію Митрополіи, такъ и упомянутымъ Актамъ. Кромѣ того, существовали и автокефальные монастыри. Въ прошеніи, поданномъ императору Юстиніяну, въ 586 году, между подписями пресвитеровъ и игумновъ автокефальныхъ монастырей, находится подпись Павла, Пресвитера и Игумна монастыря Св. Самуила, въ Скиѳіи:

«Παῦλος ἐλέῳ Θεοῦ πρεσβύτερος καὶ ἡγουμενος μονῆς Σαμουήλ κατὰ τὸν Σκυθήν.»

Сказаніе въ Житіи Константина Философа (Св. Кирилла), что онъ обрѣлъ въ Козаріи Русскія письмена и переводы Св. Еван-

---

Варягъ Христіянъ. Но для Варяговъ, т. е., Франковъ, между которыми, по Нестору, была и Русь, и Готы, и Урмане (Германы) и вообще сѣверозападные народы, подпавшіе, при Карлѣ Великомъ и въ послѣдствіи, подъ власть Франковъ, безъ сомнѣнія, была особенная пристань въ Кіевѣ, близъ Варяжскихъ пещеръ или гробищъ.

[200] По дополнительному Акту Никейскаго Собора объ Епископствахъ обѣихъ Скиѳій, Христіянская Вѣра начала распространяться на Руси при Константинѣ Великомъ, безъ всякаго сомнѣнія, именно по тому, что и самъ Константинъ былъ Славянинъ. Никифоръ Грегоръ, упоминая о прежнемъ величествѣ Римской Имперіи, когда иноземные Государи поставляли за честь принимать санъ, даруемый Императорами, приводитъ въ примѣръ Русскаго Князя, котораго Константинъ Великій почтилъ саномъ Стольника (ὁ ἐπὶ τῆς τραπέζης). Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь дѣло касается до Стола (престола) Великокняжескаго, по обряду поставленія на царство. Дюфренъ считаетъ это сказаніе баснею, по той причинѣ, что имя Руссовъ еще не было извѣстно въ это время (!) и объ этомъ событіи ни одинъ древній историкъ не упоминаетъ. Откуда же взялъ это извѣстіе Никифоръ, а въ дополненіе и Несторъ, который говоритъ, что «Кіевскій Князь (Кій), княжаше въ роду своемъ, ходилъ ко Царюграду, и велику честь пріялъ есть отъ Царя.» Самое названіе Цареграда даетъ понятіе о верховномъ значеніи его, по отношенію религіи къ Россіи.

гелія и Псалтыря, приводило всѣхъ въ недоумѣніе и для многихъ казалось не стоящимъ вниманія, не смотря на то, что у Славянъ, кромѣ начертаній буквъ, называемыхъ Кириллицей и составленныхъ по образцу Греческихъ, существуютъ древнія, неопредѣленнаго времени, письмена, для которыхъ образцемъ, по моему мнѣнію, служилъ способъ начертанія буквъ Индо-Томильскихъ. Это начертаніе, называемое Глаголицей, по находимымъ рукописямъ, заключающимъ Евангеліе и другія священныя книги, доходитъ уже до XI столѣтія. Ранѣе этого времени не обрѣтено еще и письменъ Кириллицы. Писатели Среднихъ временъ, упоминая объ этой Славянской азбукѣ, называютъ ее то Булгарской, [201] то Гоѳской. [202]

Если Варнефридъ Страбонъ, около 844 года, говоритъ: «Я слышалъ отъ вѣрныхъ братій, что у нѣкоторыхъ Скиѳскихъ племенъ, преимущественно у Томитанъ, и до сего времени отправляется богослуженіе на ихъ собственномъ языкѣ»; то, полагаю, не существуетъ опроверженія въ томъ, что богослуженіе на собственномъ языкѣ не можетъ отправляться безъ Евангелія, Псалтыря и богослужебныхъ церковныхъ книгъ, на томъ же самомъ собственномъ языкѣ.

И такъ, выводы изъ всего даннаго намъ Исторіей, слѣдующіе:

1. Г. Томи, собственно Τομαίως, Τανέως, или Τάναϊς πόλις, и Томитанская Митрополія, были на Азіятскомъ берегу Донскаго пролива (στόμα τῆς Μαιώτιδος λίμνης ἤτοι τοῦ Τάνεως), называемаго и по нынѣ Таманскимъ.

2. Таманская или Томитанская Митрополія была Митрополіей Великой и Малой Скиѳіи — Σκυθίαν ἑκατέραν—что замѣняло выраженіе всея Руси—totius Scythiae—totius gentis.

3. Ульфилъ, по всѣмъ сказаніямъ, былъ Епископъ Скиѳской Томитанской Епархіи, наслѣдовавъ оную послѣ Ѳеофила, при Константинѣ Великомъ. Прозывался же онъ Гоѳскимъ только по тому, что въ его время Босфоранія, по бывшему преобладанію въ ней Гоѳскихъ Кагановъ, поддерживаемыхъ Римомъ, носила названіе Гоѳіи. Это

---

[201] Булгары могли вынести ее изъ за Дона.

[202] По сказанію, что Ульфилъ, Епископъ Гоѳіи (т. е. Скиѳіи), изобрѣлъ оную.

названіе при Константинѣ Великомъ исчезло, вмѣстѣ съ Каганами, и, возобновясь въ VII вѣкѣ, покореніемъ области Персами, окончательно рушено побѣдой Святослава надъ Іудействующими Козарскими Каганами, въ 965 году.

4. Упоминаніе Патріярха Фотія въ Окружномъ Посланіи (въ 858 году) о Руссахъ, неизмѣнно сохраняющихъ Православіе Никейскаго Собора, относится къ Русской Томитанской или Донской Епархіи, учрежденной Константиномъ Великимъ для Христіянствующихъ Руссовъ въ Великой и Малой Руси, носившей у Грековъ названіе Скиѳіи или Савіи.

5. Сказаніе, что у нѣкоторыхъ племенъ Скиѳскихъ, и особенно у Томитанъ, богослуженіе совершается на собственномъ ихъ языкѣ до сего времени (844 г.), доказываетъ давнее существованіе письменъ Русскихъ и переводовъ Евангелія и другихъ священныхъ книгъ, безъ которыхъ не могло совершаться богослуженіе на Русскомъ языкѣ.

6. Сказаніе въ Паннонскомъ житіи Кирилла, въ Псковскомъ хронографѣ и другихъ памятникахъ, что Константинъ въ Козаріи «обрѣте Евангеліе и Псалтырь Руськими письмены писано», есть истинное преданіе. Такъ какъ эти письмена не могли не оставить по себѣ слѣда, то находимыя, на ряду съ Кириловскими письменами, древнія рукописи Евангелія и другихъ священныхъ книгъ, писанныя Глаголицей, суть древнѣйшія письмена Русскія, которыя, на томъ же основаніи, какъ и Епархія Гоѳская, ложно назывались и Гоѳскими.

Дальнѣйшіе выводы, не касающіяся до излагаемаго предмета, предоставляю добросовѣстной любознательности желающихъ вникнуть въ истинный смыслъ Исторіи.

Въ заключеніе я долженъ, однако же, упомянуть объ «Ιεροκλεους Γραμματικου Συνεκδημος», т. е., о Дорожникѣ или Спутникѣ Іероклея Грамматика, на который могутъ мнѣ указать, какъ на памятникъ древности, сообщающій, что Епархія Скиѳіи находилась именно въ Мисіи Ѳракійской. При поверхностномъ взглядѣ на этотъ памятникъ, въ самомъ дѣлѣ можно прійти въ недоумѣніе; но при строгомъ взглядѣ, можно только удивляться тѣмъ, которые вносятъ чучелу съ подписью Іероклей, въ число авторитетовъ древности.

Упоминаемый мнимый Спутникъ Іероклея, помѣщенный Бандуріемъ въ «Imperium Orientale,» найденъ въ бумагахъ Гольстенія, уроженца

Гамбургскаго, который былъ Каноникомъ при Кардиналѣ Барберини, и потомъ Библіотекаремъ Ватикана, около 1650 года. Этотъ Спутникъ признается произведеніемъ VI вѣка, но есть не что иное, какъ простой каталогъ, на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, 64 провинцій и 935 городовъ, подвластныхъ Римской Имперіи въ эпоху, которая объясняется ниже. Въ этомъ Спутникѣ, между V провинціей — Мизіей, и VII-й—Иллиріей, помѣщена

VI. Provincia Scythiae.

Sub praeside urbes 15:

Tomis.
Dionisopolis.
Acrae.
Calatis.
Jstrus.
Constantiana.
Zedelpo.
Tropaeus.
Axiopolis.
Capidaura.
Cardus.
Trosmis.
Novio Odunus.
Agissus.
Almiris.

Вотъ образецъ Спутника по области, касающейся до насъ. Въ Дорожникѣ Антонина есть, по крайней мѣрѣ, послѣдовательность пути и разстоянія; въ предлагаемомъ же Бандуріемъ Спутникѣ города Скиѳійской провинціи перетасованы. Но Константинъ Багрянородный дѣйствительно имѣлъ въ рукахъ своихъ Συνέκδημον Іероклея Грамматика, а не простой каталогъ городовъ. Константинъ выписываетъ изъ него древніе Ѳемы, т. е., Управы, Округи управленія, [203] учрежденные, какъ извѣстно, Діоклитіяномъ, и потомъ Константиномъ Великимъ, и существовавшіе до Константина Копронима, когда изъ Мисіи образо-

[203] Конст. Багр. самъ опредѣляетъ θέμα, отъ слова θέσις, уставъ, положеніе.

валось Болгарское царство и ни какихъ Θемъ Имперіи въ этой области уже не было.

Упоминая о первобытныхъ народахъ Θракіи, называемыхъ Долонгами, по имени Царя, нарожденнаго Нимфой Титанидой отъ Крона или Сатурна Долонга, Константинъ говоритъ «Свидѣтельствую это тѣмъ, что Іероклей Грамматикъ, написавшій Спутника, помѣщаетъ Долонговъ въ числѣ народовъ Θракіи.» [204]

Достаточно было бы и этихъ словъ Константина, чтобъ обличить Бандуріева самозванца, который подлинно похожъ на Іероклея только по заглавію, но не заключаетъ въ себѣ ни слова изъ внутренняго его содержанія, состоявшаго изъ краткихъ историческихъ свѣдѣній о Θемахъ Имперіи.

Константинъ продолжаетъ: «Вмѣстѣ съ этимъ, онъ (Іероклей) говоритъ: «Всѣхъ Епархій и городовъ подъ властію Римскихъ Константинопольскихъ Императоровъ состоитъ: Епархій 64, городовъ 935».—«Упомянемъ же, въ какомъ порядкѣ были Епархіи въ древности, и также и о названіяхъ ихъ».

Въ слѣдъ за этимъ, въ первой Θемѣ Θракіи, Константинъ, по Іероклею, исчисляетъ 14 городовъ Епархіи Θракіи Европійской, управлявшихся Совѣтами (κονσιλιαρίων).

Потомъ 7 городовъ Епархіи Θракіи Родопійской, 5 городовъ области Эмимонтской, подъ управленіемъ Воеводскимъ (безъ сомнѣнія, по тому, что въ числѣ горцевъ были еще непокорные), 5 городовъ собственно Θраніи, управляемыхъ Совѣтами.

За симъ слѣдуютъ XIV городовъ Епархіи Мисіи, подъ управленіемъ Воеводскимъ (какъ области пограничной). Города Мисіи: Tomis (?), Dionisiopolis, Acrae, Callatis, Ister, Constantiana, Zelpa, Tropaeos, Axiopolis, Capidava, Carpus, Trosmis, Noviodunum, Aegissos, Halmiris. Но, вмѣсто 14 городовъ, исчислено 15.

Отбросьте Tomis, и вы увидите, что исчисленіе идетъ послѣдовательно отъ граничнаго съ Емимонтской областью Діонисополя, вдоль морскаго берега къ Дунаю, и вдолъ Дуная. Явно, что Tomis есть позд-

[204] «Μαρτυρεῖ δὲ τὸν λόγον καὶ Ἱεροκλῆς ὁ Γραμματικὸς, ὁ γράψας τὸν Συνέκδημον, τὸ τῶν Δολόγκων ἔθνος τοῦ Θράκη συναριθμῶν».

нѣйшая вставка, и это даже видно по ясно означенному числу городовъ: «Praefectura Mysiae, sub duce; urbes XIV.» [205]

«Вотъ Θема Θракіи по Спутнику Іероклея», говоритъ Константинъ въ заключеніе 1-й Θемы; но что же вмѣсто этого предлагаетъ Спутникъ Бандурія? У Константина, въ числѣ Θракійскихъ областей, нѣтъ ни какой Епархіи Скиѳійской. Іероклей Бундурія восполняетъ этотъ, по его соображенію и цѣли, недостатокъ. Онъ вставляетъ въ свой каталогъ свою собственную Епархію Мисіи, съ семью слѣдующими городами, не существовавшими въ подлинномъ Спутникѣ, которымъ пользовался Константинъ: Marcianopolis, Odyssos, Dorostolos, Nicopolis, Novae, Appiaria и Evrettos; изъ всѣхъ же городовъ, которые, по Константину, составляютъ Епархію Мисіи, Спутникъ Бандурія образуетъ, необходимую для историковъ его времени, Епархію Скиѳіи, и пополняетъ ее столь же необходимымъ Г. Томи.

Исчисляя Епархіяльные и соборные (екклисіяльные) города, по Спутнику Іероклея, сообразно древнему раздѣленію Θракіи, Константинъ не имѣлъ ни какой цѣли пропускать 7 городовъ Мисіи, если бъ они существовали въ то время, т. е., при Діоклитіянѣ, или не измѣнили своего названія при Константанѣ Великомъ. Кромѣ того, нельзя опредѣлительно рѣшить, не образовались ли сомнительные Istros и Tomea изъ Δριστρος [206] и Comea. Въ подписяхъ Никейскаго Собора: «Provinciae Mysiae: Pistus Martianopolitanus, и, вмѣстѣ съ нимъ: Marcus Comeensis. У Квіена, въ Dioecesis Thracica Provincia Moesia Interioris;» подъ № IX: «Ecclesia Comeae, съ объясненіемъ, что «Comea Moesiae civitas est, quam Mauritio Imp. Avarorum Chaganus provinciam hanc ingressus casso conatu occupare proposuit», и что «in Pitheano P. P. Nicaenorum indice de Provincia Moesiae legitur Marius Comeae, qui in editione Consiliorum Labbaei Marius Comeensis dicitur».

Если екклесіяльный городъ Мисіи, дѣйствительно существовавшій въ началѣ IV вѣка и позднѣе, не могъ быть не внесенъ въ рос-

---

[205] Въ Греч. текстѣ Iε вмѣсто Iδ'.

[206] Дристру, по созвучію, считаютъ Силистріей, но это ложно. Дристра была на ровныхъ мѣстахъ, какъ видно изъ описаній битвы Грековъ съ Святославомъ. Тутъ была близко и Константіина. Дристра служила опорой Русовъ и, безъ сомнѣнія, при устьяхъ Дуная, въ области Добрушской.

пись Мизійской Митрополіи, то, кажется, слѣдуетъ и въ росписи и въ географахъ читать не Tomea, а Comea. [207]

Но обратимся къ двойнику Іероклея.

Описавъ Ѳему Ѳракіи, Константинъ пишетъ: «За симъ слѣдуетъ Ѳема Македоніи, которую онъ (Іероклей) помѣщаетъ подъ Иллиріей и описаніемъ ея мѣстностей, и начинаетъ такъ: «Македонія получила названіе отъ Македона, сына Зевса, отъ Ѳіи (Θυίας), дочери Девкаліона, какъ говоритъ Гезіодъ и т. д.» Ничего этого нѣтъ въ мнимомъ Іероклеѣ Бандурія; но ясно то, что, составляя свой каталогъ областей и городовъ, выписковъ оныхъ изъ Ѳемъ Восточной Имперіи Константина Багрянороднаго, онъ не понялъ словъ Императора, который исключаетъ, находившееся въ Спутникѣ, въ слѣдъ за описаніемъ Ѳракіи, описаніе Иллиріи, какъ области, принадлежащей Западной Имперіи, и приступаетъ къ описанію Македоніи.

Что же находимъ мы, вмѣсто этого, у Бундуріе а Іероклея?

VII. Provincia Illirica. 1. Macedonia.

Sub consulari urbes 32.

И подъ этимъ заглавіемъ Иллирійской провинціи, онъ исчисляетъ, вмѣсто 31 города Македоніи, 32, и присоединяетъ къ нимъ, въ соображеніи пропуска, острова Ѳазъ и Самоѳракію, не смотря на то, что Константинъ, даже Стримонскую область не вноситъ въ Ѳему Македоніи, которой ущелья и горы населены были Скиѳами. Эти Скиѳы, по Сократителю Страбона были Σκύθοι Σκλάβοι, по Страбону Синды Σάβαῖοι, жившіе около Абдеры, на Лемносѣ и другихъ сосѣднихъ островахъ. [208] (см. стр. 32 этого соч.)

---

[207] Слѣдуетъ упомянуть о Мисійскомъ городѣ Неа, по Штриттеру Novae, гдѣ былъ разбитъ Греками Аварскій Ханъ въ 586 году. Анастасій называетъ этотъ городъ Меа, а Ѳеофилактъ Томеа. См. Изв. Виз. Ист. Штриттера, объ Аварахъ.

[208] Пелопонезскіе, Лакедемонскіе и Островскіе Славяне, до самаго принятія Дунайскими Славянами Христіянской религіи, вели постоянную войну съ Греками за свою независимость.

Константинъ Багрянородый заключаетъ Ѳемы Восточной Имперіи XII-й Ѳемой области Херсона. [209] «Херсонъ, говоритъ онъ, въ древности не причислялся къ Ѳемамъ Имперіи и не имѣлъ значенія Митрополіи, но управлялся, какъ и прочія области страны, Царями Босфора.»—«Флегонъ, въ XV Олимпіядѣ, свидѣтельствуетъ, что Котису, царствовавшему въ Босфораніи, Кесарь (Августъ) даровалъ діадиму и подчинилъ ему всѣ тамошніе города, въ томъ числѣ и Херсонъ.»

Этимъ, важнымъ для насъ, свѣдѣніемъ и ограничивается описаніе Ѳемы Херсонской. Можетъ быть, изъ продолженія описанія узнали бы мы и время основанія Скиеской Босфоранской Митрополіи, въ Томи; но въ изданіи Бандурія окончаніе заключается словами: «desunt quaedam,» а въ подложномъ Спутникѣ Іерокла Скиеская Епархія перенесена, какъ мы видѣли, въ Мисію.

---

[209] Херсонъ Тавриды носилъ названіе Скиескаго—ἡ Σκυθικὴ.

СОДЕРЖАНІЕ

СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ ДОПОЛНЕНІЯМИ.

I.

МѢСТО ССЫЛКИ ОВИДІЯ НАЗОНА.

Стран.

Вопросъ о мѣстности Мало-Скиѳійскаго города Томи, куда былъ сосланъ Овидій, до сихъ поръ рѣшался безъ всякаго соображенія географическихъ и историческихъ свѣдѣній, данныхъ самимъ Овидіемъ..... 1

Мѣстность, климатъ, историческія личности и событія, описываемыя Овидіемъ, не соотвѣтствуютъ Томи при устьяхъ Дуная (Ister, Danubis), котораго туземное названіе двоилось въ свѣдѣніяхъ древнихъ географовъ, какъ названіе Гипанисъ, приписываемое и р. Бугу (Buges) и р. Кубани, впадавшей, по Плинію, въ лиманъ Бугесъ.. .. 2

Мнимое Овидіево озеро въ вершинѣ Днѣстровскаго лимана, въ Бессарабіи..... 2

Мнимое Овидіево озеро между Бабадагомъ и Кюстенджи..... прим. 4

Надгробный камень Овидія; по однимъ свѣдѣніямъ найденъ въ степи, близъ Азова, на Дону, гдѣ была древняя Сербія; по другимъ, въ Сабаріи (Сербіи) на Дунаѣ..... 3—пр. 1

Города Истръ и Томи, построенные Милетами будто бы при устьяхъ Дуная, не извѣстны ни Скилаксу, ни Ге-

Стран.

родоту. Они являются первоначально и въ одно и то же время великолѣпными городами въ Плиніи, и ничтожными городками въ Страбонѣ..... 4

Опредѣленіе стадій по Периплу Арріяна въ $^1/_7$ версты, и положеніе Томи на мѣстности Кюстенджи, въ 114 верстахъ отъ устьевъ Дуная..... 5

Въ Геог. Помпонія Мелы (1-го вѣка, по Р. Х) «De situ Orbis),» Дунайскій приморскій г. Томи не существуетъ..... прим. 9

При Имп. Августѣ, въ бытность Овидія въ Томитанской области, вся Ѳракія была обезпечена отъ нашествій Заистрійскихъ народовъ; Римскія войска и укрѣпленія занимали уже весь лѣвый или сѣверный, Дакійскій, берегъ Дуная. Неумолкаемыя жалобы Овидія на ужасъ набѣговъ Скиѳовъ, Сарматовъ, Гоѳовъ, Бессовъ и Колхидянъ (!), неумѣстны во Ѳракійскомъ Томи, въ 800 стадіяхъ отъ Дуная.[1] 6

Сходственныя туземныя названія Дуная и Дона были причиной, что Греки и Римляне смѣшивали свѣдѣнія объ этѣхъ рѣкахъ, и событія перемѣщались съ восточнаго берега Чернаго моря на западный, и обратно..... 7—8

Малые Скиѳы—Малые Аорсы (Русь), или первобытные Сарматы, т. е., Сербы,[2] населяли Задонье..... 9

Восточные Гоѳы[3]—Гебры Кавказской Халдеи (по Арм. Гехти-к, Котан-к (Cutha), во время Кагана Митридата, овладѣли Тавридой и Босфораніей..... 9

---

[1] Разстояніе отъ Кюстенджи до Дуная по сіе время то же самое.

[2] Шафарикъ, въ Русск. перев. (Слав. Древ. т. 1, кн. 1, стр. 165), полагаетъ также происхожденіе названія Сарматія отъ первонаселенцевъ Сербовъ, основываясь на этимологич. Словарѣ «Mater verborum,» составл. въ IX вѣкѣ Епископомъ Костницкимъ Соломономъ, и на поясненіяхъ Чеха Вацерада (1102 г.) и проч.

[3] Я полагаю болѣе правильнымъ писаніе Гоѳы (Gothi), сообразно слову Скиѳы (Scythi). На нѣкоторыхъ страницахъ ошибочно напечатано Готы.

Стран.

По собственнымъ словамъ Овидія, его везутъ въ ссылку въ Скиѳію, въ Томитанскую страну Сарматіи 10

Путь корабля «Минерва», на которомъ везутъ Овидія въ Понтъ или Черное море. Проѣздъ чрезъ Кіанеи «врата близнецовъ» Тиндаридовъ или Діоскуровъ (Кастора и Поллукса), при выходѣ изъ Босфора Византійскаго въ Черное море..... 11—13

Отъ Кіаней путь къ Босфору Киммерійскому двоякъ: по набережнымъ Ѳракіи, и прямо чрезъ море. Не зная, по которому пути повезутъ его, Овидій, упомянувъ о городахъ Ѳракійскаго берега, молитъ Минерву и Тиндаридовъ о благополучномъ достиженіи до мѣста своего изгнанія, до города Меотиды [1] (Томи), гдѣ были поселенія Алкотойскихъ Ахеянъ-Ѳеіотовъ..... —

Алкотоя, собственно Іолкитисъ, по городу Іолкосъ, [2] есть колонія Минійцевъ, выселившихся изъ Орхомена; въ иносказательномъ смыслѣ: «Алкотоя дочь Минія (Μινύας)». Изъ Іолкосъ отправился Язонъ съ Аргонавтами въ походъ. 13—15

Овидія привозятъ въ страну, лежащую подъ созвѣздіемъ медвѣдицы Эриманѳскэй (пустынной). Передъ нимъ Босфоръ Киммерійскій, Танаисъ, и Скиѳскія болота (Scythiae paludes)—Лат. названіе Меотическаго озера (Азовскаго моря)..... 16

Овидій описываетъ страшную зиму Меотиды; говоритъ, что шесть уже лѣтъ живетъ на берегу Киммерійскомъ. Его описанія климата и пустынной, безплодной страны, соотвѣтствуютъ описаніямъ Геродота и Страбона о набережныхъ Меотиды, и ни сколько не соотвѣтствуютъ природѣ Нижней Ѳракійской Мисіи..... 16—18

Свидѣтельства о томъ, что Греки и Римляне часто смѣшивали Дунай съ Дономъ..... 18—19

---

[1] Въ изд. Овидія Miletida—безсмысленная передѣлка изъ Maeotida.

[2] Въ Ѳеіотидѣ Ѳессаліи.

Стран.

Смѣшеніе Дуная и Дона по народамъ, жившимъ на набер ежныхъ этѣхъ рѣкъ; но во всякомъ случаѣ, Овидій не перемѣстилъ бы Колхиду съ Кавказа на берега Дуная, въ сосѣдство Томи, подобно нѣкоторымъ издателямъ Овидія, объясняющимъ его и утверждающимъ, что «le Danube seul séparait Tomes de la Colchide.» ..... 19—20

Овидій сосланъ «на Восточные предѣлы Имперіи, въ страну послѣднихъ, съ трудомъ удерживаемыхъ, пріобрѣтеній Рима, на берегахъ Понта.» Касается ли это до угла Ѳракіи при устьяхъ Дуная, или до Восточнаго берега моря, гдѣ побѣды Помпея положили предѣломъ Имперіи Донъ? ..... 20—21

Вистонія, по древнимъ географамъ и Овидію, и Вистонія по толкователямъ Овидія, утверждающимъ, что онъ употреблялъ это названіе маленькой племенной области, по восточную сторону р. Несты (нынѣ Мѣста), при Егейскомъ морѣ, [6] въ смыслѣ всей Ѳракіи. Но, во первыхъ, если въ XIII-й книгѣ Метаморфозъ, при разсказѣ о злодѣйствѣ Полимеstра, Царя Вистоніи (Rex Bistoniae), онъ называетъ его и Rex Thracum, то это не значитъ, что Полимеstръ былъ Царь Ѳракіи, а значитъ Царь Ѳракійскій, какъ, на примѣръ, въ древней Руси всѣ удѣльные Князья назывались Русскими. Во вторыхъ, въ Овидіи, при описаніи морскаго пути отъ Кіаней, упоминается Bistonias aquas — Море Вистонское; это или описка, вмѣсто Bithynias aquas, или названія Bithyni и Bistoni, столь же различны, какъ Bithon и Biston— имена ихъ общаго родоначальника Арея, т. е., Вишну, въ свойствѣ божества побѣдъ ..... —

Римляне и Греки, пренебрегая вникать въ вѣрованіе и гражданскія условія Скиѳовъ, не могли различать вообще народа (Сиваитовъ, или правильнѣе Сайванъ, по вѣро-

---

[6] На 22-й стр. описка; напечатано: «Озеро Вистонское и народъ были на р. Стримонѣ». Слѣдуетъ: «были на восточной сторонѣ р. Несты.»

Стран.

ванію въ Сиву), отъ войсковаго сословія (Вишнуитовъ, по посвященію Вишну.) [7] ..... —

«Синды Савіи, [8] говоритъ Страбонъ, нынѣ Сапеи, жили въ окрестностяхъ Абдеры»; слѣдовательно, въ области Вистонской. Синды Сапеи были и на Дону. «Вистонское озеро, во время разлива своего, потопило также города Троаровъ — Киммеріанъ, жившихъ между Ѳракійцами» [9] .... —

Такимъ образомъ, упоминаемые Овидіемъ, Вистонскіе кони Сарматовъ, однозначительны съ Киммерійскими, или Донскими 22

Миѳическія сказанія Овидія о Томи есть Колхидская легенда Ахеянъ, спутниковъ Язона, поселившихся на Азіятскихъ набережныхъ Донскаго пролива ..... 23—26

Значеніе праваго и лѣваго берега Понта въ смыслѣ древнихъ географовъ ..... 26—27

Владѣтель Томитанской области, Котисъ, котораго Овидій умоляетъ быть за него предстателемъ передъ Августомъ, есть Котисъ Босфораніи, которому Августъ даровалъ діадиму Царскую и поручилъ защиту всѣхъ Греческихъ городовъ въ Тавридѣ и на Азіятскомъ берегѣ..... 27—36

Флаккъ, упоминаемый Овидіемъ, не Помпоній Флаккъ. Городъ Трозьми примышленъ издателями..... 38—39

Прибалтійская Сарматія (Sermende, Serbende, Sarmatenland), т е., Сербадія или Сербія, извѣстная подъ Лат. названіемъ Cimbria 40

---

[7] Тоже самое не понимается и понынѣ. Индологи прозвали Индѣйскую религію Браминизмомъ, и рѣшили, что въ Индіи три вѣрованія: Браминизмъ, Вишнуизмъ и Сиванизмъ.

[8] Въ сокр. Геогр. Страбона Σκλάβοι—Славяне.

[9] Strab. Lib. 1, p. 59, 61. Τρῆρας, Τρωρᾶς, Τρήρωνας: племенное искаженное названіе; вѣроятно, Турчи, Туряне—Сербы, которыхъ городъ былъ Тирида, славившаяся конями Вистона.

Стран.

Придонская Сарматія, т. е., Сербадія — Cerberia, Cimmeria 40

Столичный, торговый городъ Придонской Сарматіи, Cerberion — Κερβέριον — Κιμμερικὸν — Κιμβρικὸν, съ таможенной пристанью, назывался и Донскимъ городомъ, или торгомъ — Τάναϊς, Τάνεως πόλις..... 40—41

Этимъ городомъ, одноименнымъ съ рѣкой, овладѣли Еллины, когда водворились на Воспорѣ, во время войнъ Скиѳовъ въ Азіи и изгнанія Киммеріянъ (двухъ Князей) съ набережныхъ пролива..... 41

То же преданіе приписано и мнимому Истру, городу одноименному съ рѣкой..... 41

Бывшій городъ Ахиллеонъ на островѣ Синдійскомъ (Таманскомъ), при устьѣ Дона (пролива), также отражается миражемъ при устьяхъ Дуная, на островѣ Левки..... 42—44

Искаженія, въ спискахъ древнихъ географовъ, мѣстныхъ названій лимана, залива, полуострова и города, прозывавшихся, по Дону, Донскими; въ послѣдствіи же, по Азіятскому названію Дона — Тома, Таманскими..... 44—50

Двоякому Азіятскому названію Дона — Тана и Тома, соотвѣтствуютъ и Еллинскія названія, но они выразились прилагательными: Τάνεως στόμα — Донской проливъ, Τάναϊς (πόλις) — Донской городъ, Τάναϊς (ποταμὸς) — Донская рѣка. Какъ изъ Тана образовалось Τανέως, такъ изъ Тома — Τομαία, Τομέως πολις..... 50

При устьѣ Дона — Донской, Таманскій торгъ; при устьѣ Волги — Ясскій торгъ. Въ Азіятской формѣ: Тама-Тарханъ, Ас-Тарханъ. [10] Персидское слово Тарханъ —

---

[10] Обширное производство суровья — Serica (Soierie) и торгъ онымъ были на Каспійскомъ морѣ. Отсюда возили шелкъ и шелковыя матеріи и въ Танаисъ. Производители и торговцы назывались по древн. геогр. Siraci, Σίρακες (Сураги), Яссы (Ἀσσαῖοι) или Ясичи (Ἰαξάμαται, откуда и названіе аксамитъ); тутъ же Птоломей помѣщаетъ и Астурпиканъ (Ἀστουρικανοί.)

Стран.

ترخان значитъ: обѣленный отъ подати, и торгашъ, торговый. Слова Тарханъ и Торганъ, по сіе время употребляются у насъ въ значеніи торгашъ, торговый [1]..... 51

Константинъ Багрянородный называетъ древній Томесъ, соотвѣтственно Азіятскому названію, Таматархой. Мѣстность Таматархи тамъ же, гдѣ былъ Cerberion, столица Синдовъ и Томи..... 51

Названіе Таматарханъ или Таматарха приняло въ Русскихъ лѣтописяхъ названіе Тъмутараканъ, когда В. К. Святославъ возвратилъ Задонье изъ подъ ига Гоѳскихъ Катановъ..... 51—52

Вымыслы Іорнанда въ своей Исторіи Гоѳовъ, и явное искаженіе сказаній. Умышленное перемѣщеніе Малой Скиѳіи изъ Задонья къ устьямъ Дуная, съ цѣлію пріурочить Босфоранскаго Епископа Ульфіила (рукоположеннаго Евсевіемъ, при Константинѣ Великомъ) къ событію 376—8 года, когда Мозаиты Гоѳы приняли Аріянскій толкъ Христіянства, тотъ же деизмъ..... 52—55

Сарматы Аспургитаны Страбона есть Гоѳская форма названія Астуриканъ, назв. по городу или торгу Астарханъ—Asatorg, Asapurg или burg, или Асгардъ..... 56 пр. 83

Древніе Греческіе и туземные города и населенцы Синдіи Черноморской или Томитанской области, при помощи переписчиковъ, измѣняются въ небывалые и вносятся въ Географію..... 57

По случайностямъ войны съ Персами, Скиѳію или Русь граничили то Араксъ, то Кубань, то Донъ. Нѣтъ

---

[1] См. Опытъ Обл. Велико-Рус. Слов. Въ Моск. Пенз. Сарат. Губерніяхъ; въ пѣсни:

«Со чужой ли стороны
Наѣхали Тарханы—
Подмосковные купцы.»

Стран.

сомнѣнія, что и Донской Торгъ, или Танаисъ перемѣщался, во время отступленія за Донъ, съ Воспора къ устью Дона 58

Смѣшивая свѣдѣнія о Дунаѣ, древніе географы приписали и островъ Певце устьямъ той и другой рѣки; на Дону, для различія, онъ является подъ названіемъ Ἀλωπεκία или Ταναΐς νῆσος. Но, согласуясь съ значеніемъ, которое даетъ острову Певце Эратосѳенъ: «esseque ita appellatam, quod multas πεύκας arbores ferat» и вмѣсто Ἀλωπεκία слѣдуетъ читать Ὑλοπευκία ..... 58—59

Названіе Γραῖοι (Γραῖκοί), т. е., Греки, относится въ Овидіи къ Ахеянамъ Киммерійскимъ 61

II.

МИТРОПОЛІЯ ВЕЛИКОЙ И МАЛОЙ РУСИ НА ДОНУ, СЪ IV-го ДО IX ВѢКА.

Названія Великой и Малой Руси въ древности: Великіе и Малые Скиѳы, Вел. и Мал. Сарматы, Великіе и Малые Аорсы (Ἀορσοι). Это послѣднее названіе Руси по формѣ Азіятской, [12] принимается ученымъ Западомъ за «race Turque.» У Славянъ искони правительственная область и войсковое сословіе назывались Русью; по чему въ древнихъ географахъ мы и находимъ Аорсовъ и надъ Риѳейскими горами (Вендскими) надъ Чехіей, и во Ѳракіи, и въ Великой Скиѳіи, подъ именемъ Роксанъ, а по Геродоту Γέρροισι, и въ Малой Скиѳіи, кромѣ названія Aorsi—Ar-Reshi (Plin.), Ar-Richi (Pomp. Mela), A-Richi (Pt.), etc..... 62

---

[12] El-Ras или er-Ras, по Венг. Orosz, по Перс. и Тат. U-Rus. Задонская Русь (Сарматы Аорсы), по Страбону, происходила отъ Великой Руси, и выставляла 200,000 конницы. Великая же Русь несравненно болѣе.

Стран.

Гоѳы,[13] величавшіе себя Goþþiod (Goѳѳiod) — divina natio,[14] размножаясь пропагандой и возбуждая прозелитовъ къ войнѣ за обладаніе землей (Wigarſwe), во время побѣдоноснаго прозелита, Яромира (Jarmerio, Jormunrekr), въ IV вѣкѣ овладѣли почти всей Великой Скиѳіей (Skuaſathiod hin mikla). Въ эту эпоху имя ихъ воспреобладало и стало употребляться Греческими историками безразлично съ именемъ Скиѳовъ и вмѣсто онаго. Пользуясь этимъ, Іорнандъ окончательно обращаетъ Скиѳовъ въ синонимъ Гоѳовъ и перемѣщаетъ Малую Скиѳію во Ѳракію, подъ названіемъ Малой Гоѳіи, съ извѣстіемъ, что у Малыхъ Гоѳовъ Епископомъ былъ Ульфіилъ, который изобрѣлъ письмена и перевелъ Св. Писаніе на ихъ языкъ ..... 63—64

Христіянство, озарившее Задонскую и Днѣпровскую Русь въ началѣ IV вѣка, спасло Европу отъ Гебраизма, который, во вторую половину того же вѣка, оцѣпилъ уже своимъ вліяніемъ все пространство между Балтійскимъ моремъ, Рейномъ, Дунаемъ и Дономъ. Въ 376 году, подъ предводительствомъ Болемира или правильнѣе Велемира (Слав.-Сербское имя), Руссы возстали на Гоѳовъ; Эрманарикъ былъ убитъ и, преслѣдуемые, Гоѳы переправляются чрезъ Дунай, во Ѳракію..... 65—66

Ульфіилъ, неоднократно бывшій при посольствахъ отъ Царя Скиѳовъ, т. е., Руссовъ, къ Константину Великому, около тридцатыхъ годовъ IV стол., превращается у Гоѳскихъ историковъ въ Пресвитера (по Амм.), посла отъ Гоѳскаго Кагана, Фридигерна, къ Императору Валенту, въ 378 г..... 66—77

Ульфіилъ рукоположенъ въ Епископы, къ Христіянствующимъ Скиѳамъ Босфоранiи, Евсевіемъ, при Константинѣ Великомъ; слѣд., до 337-го года 67

---

[13] Переселившіеся при Траянѣ, во время гоненія Іудеевъ, изъ Даціи Придунайской къ Балтійскому морю.

[14] Torm. Torfaei Series Regum Daniae, p. 266.

Стран.

Ульфилъ исповѣдывалъ Символъ Никейскій, какъ и предмѣстникъ его, Ѳеофилъ, Епископъ Босфораніи 67

Ульфилъ былъ въ числѣ Азіятскихъ Епископовъ, на Селевкійскомъ Соборѣ, въ 359 г. 68

Обычай безразлично называть Скиѳовъ Гоѳами и, въ слѣдствіе этого, Скиѳскую Босфоранскую Епархію Гоѳской, былъ причиною, что и Созоменъ, упоминая, въ числѣ Азійскихъ Епископовъ, собранныхъ въ Селевкіи и потомъ въ Константинополѣ, Ульфила Гоѳскаго (вмѣсто Скиѳскаго), [15] относитъ его въ то же время къ событію 378 года, и говоритъ, что онъ самъ обратился въ Аріянство и все племя (Гоѳовъ) отторгъ отъ Католической Церкви. И тутъ же присовокупляетъ объ Аѳанарикѣ, который въ гнѣвѣ, что Гоѳы принимаютъ Христіянство и уклоняются отъ вѣры отцовъ своихъ, подвергаетъ казни всѣхъ, кто не поклоняется идолу и не приноситъ ему жертвы [16] ..... —

Здѣсь явно смѣшеніе мнимыхъ Гоѳовъ Христіянъ Босфораніи съ собственно Гоѳами, которымъ Валентъ далъ убѣжище во Ѳракіи ..... —

Предложимъ еще примѣръ этого смѣшенія: —

Св. Іоаннъ Златоустъ, въ XIV письмѣ къ Діяконисѣ Олимпіадѣ, упоминаетъ о смерти Унилы (Ουνιλας), котораго онъ, около 400 года, рукоположилъ въ Епископы и послалъ къ Гоѳамъ, и о томъ что Гоѳскій Царь проситъ о назначеніи новаго Епископа. При этомъ пишетъ, что по случаю зимы, необходимо промедлить посылкою, ибо не льзя плыть ни въ Босфоръ, ни въ иную изъ тѣхъ странъ ..... —

---

[15] Созоменъ пишетъ (кн. VI, гл. 37), что Ульфилъ слѣдовалъ Символу Никейскаго собора, «и послѣ, въ царствованіе Констанція, присутствовалъ съ Евдоксіемъ и Акакіемъ на соборѣ Константинопольскомъ (359—360), но постоянно имѣлъ общеніе съ послѣдователями Отцовъ Никейскихъ.

[16] Сообразно вѣрованію Гебровъ.

Стран.

Свѣдѣніе это также касается до Босфораніи, Томитанской Митрополіи и собственно до туземныхъ Скиѳовъ, что и подтверждаетъ Ѳеодоритъ въ его Исторіи Церкви, говоря объ Іоаннѣ Златоустѣ, распространявшемъ Христіянство между Скиѳами и воздвигшемъ алтари у Скиѳовъ Аманксовіевъ. [17] ..... —

Въ дополненіе, Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что Скиѳы, Сарматы и Индѣйцы (Синды Черноморскіе), имѣли уже въ его время (въ IV вѣкѣ) слово Божіе на собственномъ ихъ языкѣ. Блаж. Іеронимъ, современникъ его, въ посланіи къ духовной дщери, Летіи, говоритъ, что Гунны [18] изучаютъ Псалтырь, хладная Скиѳія проникается пламенемъ истинной вѣры; рать рыжихъ и бѣлокурыхъ Гетовъ (служ. въ Римск. войскѣ) носитъ съ собой походныя церкви.»... 68—69

Ѳеофилъ (первый Епископъ Босфораніи), посвященный Евсевіемъ въ Діяконы, посланъ для проповѣдыванія Евангелія къ Индамъ внутреннимъ (Черноморскимъ), бывшимъ подъ вліяніемъ Іудеевъ ..... 69—70

Подпись Ѳеофила, Епископа Босфоранскаго, на Никейскомъ Соборѣ. По рукописи библ. Колберта: Ѳеофилъ Босфоританскій. По изданію же Лаббея: Provinciae Gothiae, Theophilus Gothiae Metropolis. Но въ Актахъ Никейскаго Собора (кн. 2, гл. 27), въ исчисленіи странъ, гдѣ учреждены Епископіи Вселенской Церкви, Готіи не существуетъ, а упоминается объ обѣихъ Скиѳіяхъ (Великой и Малой).

Евсевій также при исчисленіи странъ, откуда прибыли Епископы на Никейскій Соборъ, не знаетъ ни какого Готскаго Епископа, а упоминаетъ о прибывшихъ изъ Азійскихъ независимыхъ и самоуправныхъ странъ: «Прибыли,

---

[17] «А по всей набережной Меотиды Языги и Роксоланы (Роксаны), а внутри страны Аманксовіи. «Птол., L. III, cap. V.

[18] По основательному свѣдѣнію Прокопія Кесарійскаго, Гунны назывались прежде Киммеріянами. По этому общему названію, онъ относитъ къ нимъ и Булгаръ Приволжскихъ. Прискъ не различаетъ Гунновъ отъ Скиѳовъ.

Стран.

говоритъ онъ, Епископы и изъ Персіи (вообще изъ странъ Кавказскихъ, подвластныхъ частію Персіи), изъ Скиѳской земли, изъ Понта и Галатіи.»

Подпись Символа вѣры, по изданію Лаббея въ переводѣ Латинскомъ, принимается за несомнѣнный доводъ существованія Гоѳской Епархіи и Гоѳской столицы (т. е., Томи) въ Мисіи Ѳракійской. Но это единственный, сомнительный документъ, гдѣ Скиѳская Томитанская область Босфораніи замѣняется Латинскимъ прозвищемъ Gothia, а Томи, изъ предосторожности, названо Gothiae Metropolis. Во всѣхъ Актахъ послѣдующихъ Соборовъ, сохранившихся и на Греческомъ языкѣ, читается: Ἐπισκόπος τῆς Τομέων πόλεως Ἐπαρχίας Σκυθίας ..... 71—72

Созоменъ говоритъ о Скиѳахъ, какъ о народѣ самостоятельномъ и своеобычномъ, имѣющемъ, кромѣ обширной и богатой столицы Томисъ, множество городовъ, селеній и крѣпостей 73

Созоменъ называетъ Ѳеотима, родомъ Скиѳа, Архіепископомъ Томитанскимъ и всѣхъ прочихъ Епархій Скиѳіи 74

О. Квіенъ, помѣстивъ Скиѳію въ уголъ Ѳракіи, при Дунаѣ (въ Добрушской области), по необходимости утверждаетъ, что въ Епархіи Скиѳской только и было, что Ecclesia Tomorum. Для доказательства онъ наводитъ сомнѣніе на упоминаемыхъ въ Актахъ Скиѳійскихъ Епископовъ, надъ которыми главенствовалъ Патернъ Томитанскій..... 74

О. Квіенъ утверждаетъ, что въ Скиѳіи было Архіепископство, а не Митрополія, и для доказательства выписываетъ подпись Скиѳійскаго Епископа Патерна, исключивъ изъ оной титулъ Metropolitanus ..... 74—75

Томитанскій Митрополитъ Ѳеотимъ, по древнему Скиѳскому обычаю единоначалія, подписываетъ Соборные Акты одинъ за всѣхъ подвластныхъ ему Епископовъ, вопреки обычаю Имперіи, по которому каждая Митрополія представляла отдѣльное рукоприкладство Епископовъ, подчиненныхъ оной. 75

Стран.

Императоръ Валентъ, послѣдователь Аріянской ереси, объѣзжая Азійскія церкви, и прибывъ въ Скиѳскую Томитанскую Епархію, тщетно требуетъ отъ Архіепископа Ветранія отреченія отъ Символа Никейскаго Собора и присообщенія къ ереси.

Опредѣлительныя свѣдѣнія Созомена о Скиѳахъ и Скиѳской Томитанской или Донской Епархіи, подтверждаемыя подписями Соборныхъ Актовъ, изобличаютъ ложныя свѣденія о мнимой Гоѳской Епархіи 76

Цари Скиѳовъ или Руссовъ: Донатъ, Харитонъ (имена Христіянскія), Рао, Атилло, Дано (Данчичь)..... 77—78

Персы, при помощи Вагтанга Иверскаго, побѣждаютъ Синдовъ Черноморскихъ, Абхазовъ и Георгіянъ..... 78—79

Съ этого времени въ Задонской Руси, которая носитъ уже и названіе Козаріи, снова возникаетъ преобладаніе Кагановъ, а въ Исторіи смѣшеніе Скиѳовъ съ Гоѳами. 79

Томитанская Епархія продолжаетъ существовать на неизмѣнныхъ условіяхъ Православія, но, со времени Юстиніяна 1-го, въ Актахъ Соборовъ принимаетъ названіе Митрополіи Воспорской ..... 80—81

Въ 740 году, Каганъ, управлявшій Козаріей, овладѣлъ и Босфораніей. Въ то время Епископомъ Тавро-Скиѳской страны, [18] подъ властію Гоѳскою, былъ Іоаннъ, чтимый и Греко-Россійскою Церковію..... 81

Вальфридъ Страбонъ, въ сочиненіи о началѣ и распространеніи Церкви, пишетъ (около 844 г.), что у нѣкоторыхъ Скиѳскихъ племенъ, и преимущественно у Томитанъ, Богослуженіе отправляется на ихъ собственномъ языкѣ..... 82

---

[19] Ταῦρο-Σκῦθαι, οὓς ἡ κοινὴ διάλεκτος Ῥῶς ἐιωθεν ὀνομάζειν. Тавро-Скиѳы, называютъ сами себя Россами. LeoDci.

Стран.

Патріархъ Фотій, въ Окружномъ посланіи, 858 г., во всѣ Епархіи, ставитъ въ примѣръ неизмѣнное Православіе Руссовъ..... 82—83

Христіянская Русь въ Договорѣ В. К. Игоря, и Каѳедральный Соборный храмъ Св. Иліи, въ Кіевѣ, въ Козарской части города..... 84

Автокефальные монастыри въ Скиѳіи, въ VI вѣкѣ.. 85

Русскія письмена, обрѣтенныя Константиномъ (Св. Кирилломъ) въ Козаріи, и существовавшій уже переводъ Св. Евангелія, Псалтыри и Богослужебныхъ книгъ..... 85—86

Заключительные выводы ..... 86—87

Подложный «Дорожникъ Іероклея Грамматика», изданный Бандуріемъ, составленъ съ цѣлію засвидѣтельствовать памятникомъ древности, что Епархія Скиѳіи и городъ Томи находились именно въ Мисіи Ѳракійской ..... 87—92

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ДЕНЬ БИТВЫ.

ГЛАВА I.

НАПОЛЕОНЪ ВО ВРЕМЯ БИТВЫ.

Какъ предъ битвой, такъ точто и въ продолженіе ея, Наполеонъ является среди главнаго своего элемента уже не такимъ, какимъ онъ бывалъ во всѣхъ предшествовавшихъ битвахъ, далеко не представлявшихъ того значенія, которое заключалось въ Бородинской. Въ продолженіе всего сраженія онъ не походилъ на того великаго полководца, котораго привыкли въ немъ видѣть съ самаго начала его боевой дѣятельности. Нерѣшительность, внутреннее, безсознательное, или сознательное, волненіе и другіе, не замѣчавшіеся прежде, недостатки, проявлялись въ немъ во все продолженіе этого великаго дня. Онъ, можно сказать, только слышалъ адскій громъ слишкомъ тысячи орудій и, оставляя свое мѣсто, являлся на нѣкоторыхъ пунктахъ линій послѣ главныхъ моментовъ, которыхъ онъ не видалъ, и являлся какъ бы для того только, чтобы прекратить бой. Прослѣжу его съ самаго начала до окончанія битвы, какъ онъ описывается своими историками.

Маршалъ Гувьонъ-Сенъ-Сиръ (t. III, p. 268), пишетъ: «Очевидцы свѣдѣтельствуютъ, что въ продолженіе всей достопамятной битвы 7-го Сент. Наполеонъ велъ себя болѣе какъ Государь, нежели какъ Главнокомандующій, и ни мало не выказывалъ той неутомимой дѣятельности, которая имѣла столь великое участіе въ успѣхахъ предшествовавшихъ кампаній; онъ положился на при-

«казанія, отданныя имъ на канунѣ, по обозрѣніи непріятельской «линіи; что, въ продолженіе всего дѣла онъ оставался вблизи «своей гвардейской пѣхоты, не принимая даже труда дѣлать въ «первоначальной своей диспозиціи какія либо измѣненія, требовав- «шіяся движеніемъ Русскихъ. Приписываютъ этотъ родъ безпечно- «сти надеждѣ, что Кутузовъ отступитъ, или презрѣнію, которое онъ «такъ некстати возъимѣлъ къ военнымъ способностямъ Русскихъ «Генераловъ. Нѣкоторые оправдываютъ его (p. 269) въ это время «болѣзнію; но положительнымъ оказывается то, что, по свѣдѣ- «тельству всѣхъ повѣствованій, подъ Бородинымъ въ атакахъ Фран- «цузовъ не было точности и особенно взаимности, чему могъ дѣя- «тельно споспѣшествовать только одинъ Главнокомандующій.»

Герцогъ Рагузскій, Маршалъ Мармонъ, между прочимъ (t. V, p. 3), говоритъ: «Всѣ историки кампаніи въ Россіи съ боль- «шою подробностію описывали о несчастіяхъ кампаніи 1812 года, «чтобы мнѣ, не участвовавшему въ ней, заняться ихъ описаніемъ. «Сочиненіе Г. Сегюра заключаетъ въ себѣ полное ея изображеніе «и должно занимать первое мѣсто.[1] Я могъ судить, присовокуп- «ляетъ Маршалъ, въ слѣдующую кампанію о физическомъ и мо- «ральномъ расположеніи Наполеона. Онъ былъ въ 1813 году точ- «но такимъ, какимъ Сегюръ изображаетъ его въ 1812. Слѣдова- «тельно, положительно можно заключить, что отпоръ, встрѣчен- «ный имъ въ Россіи, былъ эпохой этого превращенія.

Тверъ (t. XIV, p. 319) пишетъ: «Наполеонъ избралъ мѣстомъ «для себя Шевардинскій редутъ, откуда могъ видѣть все, что «происходитъ, и нѣсколько укрыться отъ ядеръ, коихъ въ этотъ «день должно было ожидать въ значительномъ числѣ.»

---

[1] Графъ Дюма, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (t. III, p. 420), указываетъ на немногія сочиненія, достойныя вниманія и, между прочимъ, говоритъ о книгѣ Графа Сегюра: «онъ не имѣетъ притязанія на исторію, и сочиненіе его хо- «тя и носитъ характеръ анекдотическій, но представляетъ очень живую и «очень вѣрную картину по подробностямъ, наиболѣе занимательнымъ.» Графъ Дюма, бывшій Генералъ-Интендантомъ арміи, рьяный сторонникъ Наполеона, заслуживаетъ въ этомъ отношеніи одинаковаго, если не преимущественнаго, довѣрія противъ Маршала Мармона, по тому что находился всю войну 1812 года при Наполеонѣ, гдѣ былъ и Графъ Сегюръ.

Что Наполеонъ избралъ этотъ пунктъ для своего пребыванія, свѣдѣтельствуется всѣми писателями очевидцами, но поводъ къ тому приведенъ безъ всякаго основанія. Во первыхъ, съ этого мѣста онъ не могъ видѣть всего, что происходитъ, какъ окажется далѣе изъ повѣствованія очевидцевъ-дѣятелей, что и самъ Г. Тьеръ подтвердитъ, вопреки сказанному имъ здѣсь. Во вторыхъ, относительно того, будто бы, при избраніи этого пункта, въ расчетъ Наполеона входило и то, чтобы нѣсколько укрыться отъ ядеръ, то это одна только фраза, позволяю себѣ думать, фраза очень неумѣстная и ни однимъ историкомъ очевидцемъ не переданная: она принадлежитъ собственно Г. Тьеру, взявшемуся описывать то, о чемъ онъ не имѣетъ ни какого понятія. Само собою разумѣется, что Главнокомандующій не долженъ находиться въ пылу битвы; но ни одинъ изъ боевыхъ дѣятелей не могъ бы привести причины подобной, приводимой Г. Тьеромъ. Наполеонъ могъ остановиться здѣсь по тому, можетъ быть, что пунктъ этотъ былъ по срединѣ боевой линіи между Утицами и Горками, но уже ни какъ не по тѣмъ причинамъ, которыя приводитъ знаменитый историкъ.

Баронъ Денье, бывшій при Наполеонѣ (p. 75) пишетъ: «Наполеонъ находился часъ на редутѣ (Шевардинскомъ), и потомъ «спустился къ оврагу, гдѣ и оставался большую часть дня (до «двухъ часовъ по полудни). Съ этого мѣста, присовокупляетъ авторъ, открывалась только часть поля битвы; однако же нѣсколько гранатъ и ядеръ пролетали чрезъ его голову.» Графъ Сегюръ (t. I, p. 387) говоритъ то же самое.

Маркизъ Шамбре, также свѣдѣтель (t. II, p. 77) говоритъ: «Наполеонъ въ безстрастіи оставался, въ продолженіе почти всей «битвы, на мѣстѣ, съ котораго не могъ видѣть ее своими глазами «и судить о ней.» Въ другомъ своемъ сочиненіи (Philosophie de la guerre, p. 364) онъ говоритъ, что, во время Бородинской битвы, онъ стоялъ въ резервѣ очень близко къ полю сраженія; съ «этого мѣста была очень хорошо видна главная сцена сраженія и, «замѣчу еще, присовокупляетъ авторъ, что день былъ ясный. «Однако же не менѣе того, хотя я и имѣлъ очень хорошую зрительную трубу, и мое любопытство было возбуждено въ высшей «степени, но я не могъ ничего различить: это было нестройное

«brouhaha столько же для моего зрѣнія, сколько и для слуха. «Наполеонъ, который былъ близко, но далѣе отъ поля битвы не-«жели я, могъ видѣть лучше въ свою зрительную трубку, а это «очень слабое пособіе, по тому что объемъ пространства, предста-«вляемаго этѣмъ инструментомъ, очень ограниченъ.»

Генералъ Пеле (p. 131) говоритъ, что «Наполеонъ находился «около Шевардина, на бугоркѣ, съ котораго было все видно, и «что лучшаго мѣста нельзя было избрать.»

Странныя разнорѣчія въ показаньяхъ очевидцевъ: одни говорятъ, что онъ могъ видѣть все, другіе, и въ большемъ числѣ, что онъ не могъ видѣть всего хода битвы, и что даже онъ спустился къ оврагу.

Г.-Л. Фезензакъ, бывшій тамъ при Наполеонѣ (p. 45), пишетъ: «Наполеонъ не принималъ ни какого личнаго участія въ «сраженіи. Онъ постоянно оставался за четверть льё (одну версту) «отъ поля битвы, получая донесенія отъ всѣхъ Генераловъ и от-«давая приказанія такъ хорошо, какъ только можно отдавать «издалека.»

Лосбергъ (S. 165) также свѣдѣтельствуетъ, что «Наполеонъ «оставался большую часть дня въ Шевардинѣ, откуда не могъ ви-«дѣть главныхъ моментовъ битвы.»

Въ «Milit. Briefe» (t. 1, S. 411) подтверждается, что «Напо-«леонъ изъ Шевардина, гдѣ онъ оставался цѣлый день, не могъ «видѣть хода битвы.» Здѣсь авторъ прибавляетъ свои разсужденія о вліяніи на битвѣ его отсутствія.

Гофманъ, въ «Tagebuch» (S. 124) пишетъ, что «Наполеонъ «только изъ Шевардина, да и то съ возвышенія, могъ видѣть од-«ни Багратіоновы шанцы.» А въ другомъ своемъ сочиненіи (Schl. «von Borodino, 353) подтверждаетъ, что «изъ Шевардина онъ не «могъ слѣдить за битвой.»

Графъ Солтыкъ, находившійся въ Шевардинѣ при Наполеонѣ, говоритъ (p. 218): «Вдругъ началась битва. Пальба сдѣла-«лась чрезвычайно живою съ обѣихъ сторонъ; никогда не слыха-

«ли подобной. Въ продолженіе десяти часовъ она походила болѣе «на залпы цѣлыми бортами кораблей, чѣмъ на битву сухопутную.»

«При громѣ этой ужасной канонады (продолжаетъ авторъ), «Наполеонъ оставался безстрастнымъ, не смотря на то, что, по «временамъ, Русскія гранаты разрывались въ недалекомъ отъ него «разстояніи. Нѣсколько ядеръ упали даже предъ нимъ; онъ то «садился на землю, то ходилъ, напѣвая въ полголоса какую-то «пѣсню; рука его машинально вынимала изъ жилетнаго кармана «пастильки, приготовленныя для облегченья его насморка. Лицо «его выражало во одно время задумчивость и безстрастіе; онъ об«ращался къ окружающимъ изъ своей свиты съ отрывистыми сло«вами» и т. д.

Маркизъ Шамбре, описывая битву и участіе въ ней Наполеона, между прочимъ (t. II, p. 66), присовокупляетъ: «Завоева«тель этотъ оставался съ самаго начала битвы на одномъ мѣстѣ; «онъ прохаживался взадъ и впередъ съ Бертье, позади его была «пѣхота старой гвардіи, а влѣво, нѣсколько впереди, другія ея «части. Нерѣшительный, противъ своего обыкновенія, онъ не «отдавалъ еще приказаній, когда одинъ изъ его ординарцевъ, по«сланный къ Нею, возвратясь, извѣстилъ его, что Багратіонъ «вновь предпринялъ наступленіе, и что безотлагательно должно «поддержать его... Это новое донесеніе увеличило нерѣшительность «Наполеона; онъ совѣтуется съ Бертье, но приказанія не отдаетъ. «Ординарецъ повторяетъ нѣсколько разъ, что нельзя терять ни «минуты, что Ней долженъ быть подавленъ. Наконецъ Наполеонъ «посылаетъ его къ Клапареду, съ приказаніемъ ити на помощь «къ Нею. Ординарецъ пустился было какъ стрѣла, но Наполеонъ «возвращаетъ его, вновь совѣтуется съ Бертье, и оканчиваетъ по«сылкой Фріана на помощь къ Нею. Отъ такой нерѣшительности «потеряно было полчаса, что должно было имѣть большое влія«ніе на ходъ битвы и въ послѣдствіи на судьбу Наполеона.»

Графъ Сегюръ, очевидецъ, находясь при Наполеонѣ, разсказываетъ этотъ эпизодъ слѣдующимъ образомъ (t. I, p. 385):

«Когда силы Мюрата и Нея истощились, они послали къ «Наполеону за подкрѣпленіемъ. Тогда увидѣли Наполеона, пора«женнаго колебаніемъ, до того времени не извѣстнымъ; онъ долго

«совѣтывался; наконецъ, послѣ повторенія приказаній молодой «гвардіи и отмѣны ихъ, порѣшилъ, что появленіе войскъ Фріана «и Мобура [2] на высотахъ будетъ достаточнымъ. Кутузовъ поль- «зуется этимъ, подвигаетъ свои резервы и часть гвардіи. Ней и «Мюратъ ожесточаются противъ этой бури, дѣло идетъ уже не о «томъ, чтобы воспользоваться побѣдой, но какъ бы сохранить ее.» [1]

«Къ счастью (р. 387), въ это время подошла изъ резерва ар- «тиллерія, чтобы стать на высотахъ, которыми овладѣли. Лори- «стонъ получилъ на это согласіе Наполеона, который, впрочемъ, «не столько приказалъ, сколько позволилъ. Но это распоряженіе «показалось ему такъ важнымъ, что онъ поспѣшилъ дать знать о «скорѣйшемъ исполненіи однимъ только движеніемъ руки отъ не- «терпѣнія, которое онъ выказывалъ во весь этотъ день. Наполе- «онъ на всѣ требованія гвардіи отвѣчалъ, что битва еще не на- «чалась, что она начнется въ два часа, но (восклицаетъ авторъ) «она не начиналась! Въ продолженіе почти всего этого дня, На- «полеона видѣли или садившимся, или медленно ходившимъ впе- «реди Шевардинскаго редута, нѣсколько влѣво около оврага, «далеко отъ битвы, которую онъ едва могъ видѣть, послѣ того «какъ она перешла за возвышеніе. Не показывая безпокойства, «когда вновь увидѣлъ битву, безъ досады на своихъ и на непрія- «теля, и только разными движеніями, изъявлялъ печальную покор- «ность судьбѣ, когда ежеминутно извѣщали о потерѣ лучшихъ его «Генераловъ. Онъ нѣсколько разъ вставалъ, чтобы сдѣлать нѣ- «сколько шаговъ, и опять садился, всякій изъ окружавшихъ его «смотрѣлъ на него съ удивленіемъ; до этого времени, при такихъ «великихъ столкновеніяхъ, видѣли въ немъ спокойную дѣятель- «ность; но здѣсь спокойствіе это было тяжелое, кротость вялая, «бездѣятельная. Нѣкоторые думали видѣть въ немъ признаки не-

---

[2] Латуръ-Мобуръ начальствовалъ 4 резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ, въ числѣ около 4500 человѣкъ, при 25 пушкахъ. Фріанъ, начальникъ 2-й пѣх. дивизіи 1-го корпуса Маршала Даву, имѣлъ только около 7000 чел. при 26 орудіяхъ

[1] «Побѣда» — слово неумѣстное и совершенно неправильное, оно должно замѣняться словомъ — «успѣхъ,» какова̀мъ это и было.

«тощенія, обыкновеннаго послѣдствія сильныхъ ощущеній, другіе «воображали, что онъ изнурялся впечатлѣніемъ самыхъ тревогъ «битвъ, и наконецъ, отчасти, приписывали это и его насморку.» [4]

Въ другомъ мѣстѣ Г. Сегюръ, разсказывая о пріѣздѣ Генера Белльяра отъ Мюрата и Нея, просить у Наполеона гвардіи (р. 390), присовокупляетъ: «однако же Наполеонъ колеблется, со- «мнѣвается и приказываетъ Белльяру возвратиться, еще посмотрѣть «и опять вернуться къ нему и доложить. Белльяръ скоро возвра- «щается и говоритъ, что Русскіе вновь приготовляются къ напа- «денію, что нельзя терять ни минуты и пр... Маршалъ Бессьеръ, «посыланный Наполеономъ посмотрѣть положеніе боя, возвращает- «ся и доноситъ, что Русскіе далеко не въ безпорядкѣ, что «они отступили на вторую позицію, съ которой, кажется, при- «готовляются къ новой атакѣ. Тогда Наполеонъ сказалъ Белья- «ру, что ничего еще не было достаточно разъяснено для того, «чтобы употребить гвардію, что онъ хочетъ видѣть яснѣе на своей «шахматной доскѣ.» [5] Тоже говоритъ и Раппъ въ своихъ Запис- кахъ (р. 168). Сентъ-Илеръ (t. III, p. 68 — 69) присовокупляетъ, что въ этомъ случаѣ Наполеонъ возразилъ: «Я не хочу раз- «строить гвардіи, мы и безъ нея выиграемъ сраженіе.» Тьеръ (р. 329) замѣчаетъ, что «изъ Шевардина онъ не могъ видѣть то, «что Ней и Мюратъ очень ясно различали оттуда, гдѣ находились.» Выше, однако, Тьеръ говорилъ противное, а именно, что изъ Шевардина онъ могъ видѣть все!

---

[4] Однако же, какъ видно будетъ, ни прежде, ни въ послѣдствіи, не страдая насморкомъ, онъ обнаруживалъ то же самое.

[5] Сегюръ говоритъ, что это выраженіе было нѣсколько разъ употреблено Наполеономъ. Тьеръ (р. 329) пишетъ, что отказъ чрезъ Белльяра дать гвардію «вызвалъ болѣе одного движенья нетерпѣливости, болѣе одного «очень живаго выраженья со стороны двухъ героевъ (Нея и Мюрата) это- «го кровопролитнаго и достопамятнаго дня.» Мишо говоритъ (р. 134): «мно- гіе выходили изъ терпѣнія, въ томъ числѣ Ней, который оскорбилъ Напо- «леона самымъ обиднымъ образомъ»... Въ этомъ-то случаѣ, Ней между про- чимъ, воскликнулъ: «Пусть же онъ ѣдетъ въ Парижъ!».. Сегюръ (р. 405) говоритъ, что «Мюратъ, Вице-Король, Ней и др., изъявляли негодованіе на Наполеона, что онъ не похожъ на себя» и пр.

Графъ Дюма, находившійся при Наполеонѣ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (t. III, p. 438) говоритъ:... «Было около трехъ часовъ по полудни: Императоръ оставался неподвижнымъ, сидѣлъ «на краю оврага, или прохаживался по нѣскольку шаговъ, то «вправо, то влѣво.» Далѣе (p. 439): «мѣсто, избранное Наполеономъ, было лучшимъ для наблюденій (у оврага!); все поле битвы открывалось, и если бы какія либо движенія Русскихъ, какой «либо мѣстный успѣхъ съ ихъ стороны, потребовали новыхъ распоряженій, бдительность Наполеона не оставила бы этого безъ «вниманія, и онъ перенесся бы туда самъ лично, какъ это сдѣлалъ «онъ въ Ваграмѣ.»

По общему, однако же, засвѣдѣтельствованію, Наполеонъ былъ извѣщаемъ объ успѣхахъ Русскихъ, отнимавшихъ нѣсколько разъ Семеновскія укрѣпленія, что угрожало Французамъ, не разъ требовавшимъ подкрѣпленія; но въ этѣ минуты онъ выказывалъ нерѣшительность и не думалъ ѣхать къ угрожаемому пункту. Онъ даже не тронулся съ мѣста, когда движеніе Платова и Уварова произвело безпорядокъ на лѣвомъ крылѣ его арміи, и угрожало тылу, гдѣ скоплены были парки, обозы и т. п.

Капфигъ (t. IX, p. 271) говоритъ, что съ кровопролитнаго боя, при Семеновскомъ, Ней посылалъ Адъютанта за Адъютантомъ къ Наполеону требовать, во что бы ни стало, подкрѣпленія: «Наполеонъ прохаживался съ Бертье близъ Шевардинскаго редута «и разговаривалъ съ большимъ равнодушіемъ и явнымъ безстрастіемъ. «Что тамъ такое?» сказалъ Императоръ (p. 272), какъ бы «досадуя на докуку (все это подтверждаетъ и Сентъ-Илеръ, t. «II, p. 17).—«Государь! Багратіонъ перешелъ опять въ наступательное движеніе; Маршалъ Ней не въ состояніи болѣе удерживаться. «Жюно былъ посланъ въ подкрѣпленіе къ Понятовскому; настало «время подкрѣпить Маршала, если Вы не хотите, чтобы онъ былъ «раздавленъ и отброшенъ до сихъ мѣстъ.» Наполеонъ продолжалъ «прохаживаться, не произнося ни слова, какъ бы погруженный въ «свои мысли; потомъ, обратясь къ Бертье, сказалъ: «Кого туда по«слать?» Бертье отвѣчалъ:—«Государь! Генерала Клапареда, на при«мѣръ, съ его дивизіею молодой гвардіи, которою можно располагать.» — «Да, сказалъ Наполеонъ, вы правы: прикажите Клапареду «ити.» Но потомъ, воротивъ Адъютанта, сказалъ: «Нѣтъ! нѣтъ!

«не Клапареда: онъ мнѣ нуженъ; прикажите Фріану подкрѣпить «Нея.» Это совѣщаніе продолжалось полчаса, а въ подобномъ положеніи этого было много» и т. д. [6]

«Когда Адъютантъ прискакалъ къ Наполеону, съ извѣстіемъ «о взятіи центральнаго редута, какъ о побѣдѣ, очень дорого купленной (р. 275): два дивизіонные Генерала и половина кирасиръ пали, то Императоръ слушалъ о чудесахъ, совершенныхъ его «конницею и, продолжая прохаживаться, не отдавалъ ни какого приказанія о дальнѣйшемъ направленіи битвы и былъ какъ бы погруженъ въ свои думы.» Авторъ присовокупляетъ: «не такъ было «подъ Аустерлицемъ и Іеною.»

Мишо (р. 133) говоритъ: «Наполеонъ показался въ битвѣ «только на самое короткое время; онъ оставался почти цѣлый «день въ отдаленіи.»

Бисмаркъ (р. 148—151) пишетъ, что, «въ продолженіе всей битвы, Наполеонъ оставался пѣшимъ на возвышенномъ мѣстѣ [7] «Шевардинскаго редута, откуда онъ пытался выйти, чтобы ѣхать «въ другое мѣсто: но его страданія и большая слабость не позволили ему это исполнить. Онъ казался изнуреннымъ, лице его «было разстроено, взглядъ потускъ, а голосъ осипъ.» Здѣсь авторъ усиливаетъ его страданія, вопреки самимъ Французамъ, свѣдѣтельствующимъ оное. Въ другомъ мѣстѣ (р. 150) этотъ же самый Генералъ Бисмаркъ говоритъ: «Можетъ быть, что въ продолженіе

---

[6] Положеніе Наполеона требовало сберегать гвардію, какъ замѣчаетъ Капфигъ (р. 255). Онъ (256) говоритъ, что если бы онъ былъ на краю свѣта съ своею гвардіей, то возвратился бы.» Мнѣнія по сему предмету раздѣлены: одни находили благоразумнымъ, что онъ не ввелъ вардію, другіе предвидѣли отъ этого успѣхъ, но едва ли бы это было такъ: разъяренныя наши войска встрѣтили бы ее съ удвоенной рѣшимостью, а при томъ и мы не совсѣмъ были безъ резервовъ, которые едва ли не равнялись 18 тысячамъ. Сверхъ того, если бы Кутузовъ употребилъ въ это время Уварова и Платова на усиленное повтореніе ихъ атакъ въ тылъ лѣваго непріятельскаго фланга, или даже этѣ пять тысячъ отборной конницы и противъ гвардіи Наполеона, то, конечно, полный успѣхъ былъ бы на нашей сторонѣ. Здѣсь не мѣсто разсматривать это.

[7] Смотри выше Барона Денье, Маркиза Шамбре и др.

«этой битвы онъ думалъ о Куннерсдорфѣ, гдѣ Фридрихъ Великій, «котораго побѣда не удовлетворяла, хотѣлъ однимъ разомъ истре«бить непріятеля.» Эта фраза ни сколько не согласуется съ сказаннымъ выше Г. Бисмаркомъ и съ тою нерѣшительностію, о которой говорятъ всѣ другіе повѣствователи.

Маркизъ Шамбре сказалъ, что Наполеонъ, находясь почти цѣлый день на такомъ мѣстѣ, съ котораго онъ не могъ судить о ходѣ битвы (t. II, p. 77), присовокупляетъ: «онъ показалъ въ са«мые важные моменты большую нерѣшительность, словомъ, былъ «ниже своей репутаціи. Правда, онъ страдалъ сильнымъ насмор«комъ, который могъ лишать его части обычной дѣятельности.» И, исчисливъ его ошибки, между прочимъ, замѣчаетъ, что «около десяти часовъ утра приказалъ подать себѣ пуншу.» Значитъ, что это послѣдовало вторично; ибо выше видно уже было, что въ три часа утра онъ пьетъ пуншъ съ Раппомъ.

На счетъ приписываемаго Наполеону страданія отъ насморка, Бошанъ, между прочимъ (p. 31), говоритъ: «Вообще опровергаютъ «Графа Сегюра въ томъ, что Наполеонъ при Бородинѣ былъ бо«лѣнъ, страдалъ, или морально разслабленъ. Я знаю отъ личнаго «свѣдѣтеля, человѣка, бывшаго въ его свитѣ, что Наполеонъ, въ «самую ночь, предъ тѣмъ, какъ отдавать приказанія, пилъ пуншъ. «Странное лѣкарство (восклицаетъ авторъ), довольно употребля«емое между здоровыми! Другіе удостовѣряютъ, что, послѣ сдѣлан«ныхъ имъ распоряженій, онъ завтракалъ съ очень хорошимъ аппе«титомъ: должно согласиться, что эти два изложенія ни какъ не «исключаютъ одно другаго, развѣ только, что больной нашъ при«нялъ благоразумную предосторожность противъ ослабленія, или «обмороковъ» и пр.

Боссе, Префектъ дворца, находившійся здѣсь при Наполеонѣ, говоритъ (t. II, p. 96): «Въ полдень я спросилъ Императора, «не желаетъ ли онъ завтракать?.. Битва не была еще выиграна«ной. — Онъ сдѣлалъ знакъ отрицательный. Я имѣлъ неосторож«ность сказать, что нѣтъ въ мірѣ ни какихъ причинъ, которыя бы «препятствовали завтракать, когда можно это сдѣлать. Тогда онъ «меня отослалъ довольно грубымъ образомъ. Нѣсколько позже «онъ съѣлъ кусокъ хлѣба и выпилъ стаканъ шамбертена безъ

«воды.» Боссе также говоритъ, что Наполеонъ, въ десять часовъ утра, выпилъ стаканъ пуншу.

Въ примѣчаніи на 75 страницу, гдѣ говорится о Наполеонѣ во время Бородинской битвы, Шамбре описываетъ, какимъ онъ, по наблюденіямъ, являлся въ прежнія времена (p. 248, note B): «Первые пушечные выстрѣлы производили въ немъ удовольствіе, «которое явственно выражалось на его лицѣ. Прибывъ на мѣсто, «гдѣ онъ находилъ удобнѣе остановиться, оставался онъ неподвиж- «нымъ, получая донесенія, разсылая приказанія, разсматривая «съ большимъ вниманіемъ, то простыми глазами, то въ зрительную «трубку, все, что могло его занимать. Успѣхи, несчастія, смерть «его Генераловъ, ничто не могло поколебать его безстрастіе; онъ «казался погруженнымъ въ думы объ обязанности Главнокоман- «дующаго. Если онъ находилъ присутствіе свое необходимымъ «на другихъ пунктахъ, онъ переносился быстро и останавливался, «какъ и прежде.»

Тьеръ, описывая битву, между прочимъ (p. 346) говоритъ: «Упорство Русскихъ, хотя въ этомъ и не было ни какой неожи- «данности, имѣло характеръ зловѣщій и ужасный, внушавшій На- «полеону важныя размышленія...., а по тому, въ этомъ положеніи «нерѣшительности, онъ казался необъяснимымъ для тѣхъ, кото- «рые его окружали, до той степени, что они старались объяс- «нить это его нездоровьемъ.» Жомини (t. II, p. 229) замѣчаетъ, что онъ не былъ такъ нездоровъ, чтобы не понимать.

Въ «Воспоминаніяхъ» Графа Дюма (t. III, p. 439) находимъ слѣдующее оправданіе Наполеону: «Многіе говорили и писали, «что Наполеонъ въ этотъ день не выказалъ своей обычной дѣя- «тельности, удивлялись его безчувствію; хотѣли дать понять, что «онъ находился какъ бы въ физическомъ упадкѣ, что онъ не про- «являлъ всего своего генія; наконецъ, что звѣзда его начинала «блѣднѣть среди самой побѣды. Конечно, Наполеонъ казался стра- «давшимъ; онъ очень усталъ въ двѣ предшествовавшія ночи, ко- «торыя употребилъ на личное обозрѣніе непріятеля, указывая «своимъ корпусамъ мѣста и пункты атаки. Опредѣливъ положи- «тельно свой планъ, онъ не хотѣлъ ничего измѣнять въ своихъ «распоряженіяхъ, глубоко обдуманныхъ.»

Наконецъ Наполеонъ рѣшается въ два часа по полудни, послѣ главныхъ эпизодовъ битвы, показаться арміи, и вотъ что объ этомъ разсказываютъ:

Маркизъ Шамбре, описывая ходъ битвы и окончательное овладѣніе Семеновскимъ (t. II, p. 75), говоритъ: «Тогда только «сѣвъ на лошадь, Наполеонъ направился къ редантамъ (Семенов«скимъ) и осмотрѣлъ часть поля битвы; но присутствіе это, кото«рое было бы такъ полезно, когда оспаривали эти реданты, те«перь становилось не нужнымъ». [8]

Лавалле (t. IV, p. 543) говоритъ: «Въ этой битвѣ, ужас«ной по массамъ, приведеннымъ въ движеніе, Наполеонъ выка«залъ осторожность, которая казалась странною, но онъ не хо«тѣлъ подвергнуться несчастью.»

Генералъ Пеле, о выѣздѣ Наполеона отъ Шевардинскаго редута (p. 138), говоритъ слѣдующее: «По взятіи этой батареи «(нашей центральной), Наполеонъ хочетъ самъ рѣшить великій во«просъ — атаковать ли новую линію Русскихъ? Сначала онъ по«ѣхалъ на Семеновскіе редуты; около трехъ часовъ Наполеонъ на «центральной батареѣ; [9] имѣя намѣреніе, по словамъ автора, ата«ковать укрѣпленіе Горки, онъ приблизился для обозрѣнія онаго. «Огонь былъ чрезвычайно сильный. Около четырехъ часовъ по «полудни, Наполеонъ, оставивъ свою свиту назади, прискакалъ «въ маленькій лѣсокъ, что противъ Горокъ. Бертье, Коленкуръ, «Дюрокъ, Бессьеръ и одинъ пажъ сопровождали его. Мюратъ «подъѣхалъ къ нему. Они находились подъ огнемъ Русскихъ стрѣл«ковъ. Наполеонъ настаивалъ на желаніи овладѣть редутомъ (Гор«ки) и повторялъ, что побѣда не произвела еще тѣхъ по-

---

[8] Авторъ говоритъ, что онъ не думаетъ требовать, чтобы Наполеонъ долженъ былъ подвергать себя опасности, какъ обыкновенный Генералъ, — но, конечно, Наполеонъ впалъ въ совершенную противоположность, оставаясь одиннадцать часовъ за ¾ лье (три версты) отъ мѣста, гдѣ рѣшалась участь битвы.

[9] Здѣсь описывается ужасное зрѣлище убитыхъ и свороченныхъ орудій на центральной батареѣ. Французы сдѣлали это «изъ опасенія, чтобы Русскіе опять не овладѣли высотою.»

«слѣдствій, которыхъ должно было бы ожидать. [10] Всѣ со-«путствовавшіе ему были противъ атаки. Всѣ говорили ему, что «армія измучена усталостью и оставалась одна только гвардія. «Бертье сказалъ, что они находятся за шестьсотъ льё отъ Франціи, «потеряли уже болѣе тридцати Генераловъ, а чтобы овладѣть этой «крѣпкой позиціей — пожертвуютъ лучшими солдатами и возь-«мутъ лишь (p. 530) нѣсколько сотъ солдатъ; что награда за би-«тву была въ Москвѣ. Бессьеръ прибавилъ, что должно сохранять «гвардію, какъ послѣдній резервъ арміи, и что она отвѣчаетъ «Франціи за Императора» и пр.

«Всѣ убѣждали Наполеона не оставаться подъ ружейнымъ ог-«немъ непріятеля; онъ усиливается подвинуться далѣе впередъ, «чтобы лучше обозрѣть мѣстность. Онъ настаиваетъ, когда одинъ «Генералъ, или Штабъ-Офицеръ перваго корпуса, устрашенный «очевидной опасностью, которая угрожаетъ Императору, взялъ его «за руку, сказавъ: «Здѣсь не Ваше мѣсто: непріятель замѣтилъ «кучку и направляетъ свои орудія въ эту сторону.» Наполеонъ «позволилъ себя отвести, и скоро послѣ все это мѣсто было «изборождено картечью.» [11] Слово въ слово разсказываетъ это и Мортонваль (p. 278). То же свѣдѣтельствуется въ «Milit. Briefe» (t. I, S. 418). Объ этомъ эпизодѣ пишетъ и Цельнеръ (S. 85), присовокупляя, что Бессьеръ сказалъ еще Наполеону, что Русскіе стоятъ твердо. Послѣ сего авторъ присовокупляетъ: «и Наполе-

---

[10] Значитъ, что на этомъ и остановились, ибо Горки не были взяты. Ѳ. Н. Глинка приводитъ въ этомъ случаѣ подлинныя слова Наполеона: «Гдѣ жь наши выгоды? — говоритъ Наполеонъ.» «Я вижу побѣду, но не вижу вы-«годъ.» Всѣ провожавшіе Императора возстали противъ атаки.» Откуда это почерпнулъ авторъ, то не показалъ; впрочемъ, въ этомъ смыслѣ Наполеонъ выражался не разъ.

[11] Замѣчательно, что точно также Михайловскій-Данилевскій, на этомъ же пунктѣ, заставляетъ Адъютантовъ Кутузова сдѣлать то же, съ тою только разницей, что безмолвнаго Наполеона уводитъ Штабъ-Офицеръ за руку, а Кутузова за поводья его лошади. Какъ авторитеты, Гг. Пеле и Мортонваль не заслуживаютъ довѣрія, но, сознаюсь, что эпизодъ знаменателенъ: не уже ли Наполеонъ въ эту минуту былъ слабъ до такой степени, чтобы допустилъ совершить съ нимъ вышесказанное?! Что касается до сказки о Кутузовѣ, то я говорилъ уже объ этомъ печатно въ 1858 году.

«онъ, возвращаясь съ поля битвы, вечеромъ, ѣхалъ тихо къ Ше«вардинскому редуту, гдѣ онъ провелъ весь день.»

Рёдеръ (S. 149) подтверждаетъ разсказъ Генерала Пеле, что Наполеонъ, въ три часа, получивъ извѣстіе о взятіи центральной нашей батареи, поѣхалъ на нее.

Графъ же Дюма, въ «Воспоминаніяхъ» своихъ (t. III, p. 438), говоритъ: «Императоръ сѣлъ на лошадь около половины седь«маго часа вечера, и направился прямо къ центральной бата«реѣ, проѣзжая по заваленному трупами полю битвы отъ берега «Колочи до оконечности праваго крыла.» Дюма нѣкоторое время сопровождалъ его.

Здѣсь встрѣчается разнорѣчіе съ другими, какъ о времени его отъѣзда изъ Шевардина, такъ и о направленіи. Одни, какъ видно было выше, говорятъ, что онъ выѣхалъ въ три часа, т. е., тотчасъ по полученіи извѣстія о взятіи центральной батареи, и направился прежде въ Семеновское, а оттуда уже на центральную батарею; между тѣмъ Графъ Дюма говоритъ, что онъ выѣхалъ тремя съ половиною часами позже и направился прямо на центральную батарею. [12]

Генералъ Сарразенъ, разсуждая о битвѣ (p. 144), присовокупляетъ: «Владѣя въ 10 часовъ утра укрѣпленнымъ ретеремъ (Се«меновскимъ), защищавшимся Русскими, онъ, въ радости, поза«былъ свое великое правило, что ничего не сдѣлано до тѣхъ поръ, «пока еще есть что либо сдѣлать.»

Не продолжаю выписокъ объ этомъ предметѣ: сказанное достаточно уже указываетъ, что Наполеонъ въ этотъ ужасный день былъ не въ своемъ нормальномъ состояніи духа. Нерѣшительность, колебаніе во всѣхъ его дѣйствіяхъ, равнодушіе поочередно замѣнялись одно другимъ: онъ пьетъ пуншъ, напѣваетъ аріи, дѣлаетъ тѣлодвиженія, внутреннее волненье доказывается и тѣмъ также, что онъ безпрерывно, то сядетъ, то встанетъ, чтобы опять

---

[12] А. Норвенъ, неизвѣстно, изъ какихъ источниковъ, пишетъ (t. III, p. 309), что, въ самый разгаръ битвы у Семеновскаго, Наполеонъ былъ тутъ, осыпанный картечью, и т. д.

сдѣлать нѣсколько шаговъ и вновь сѣсть. Разныя выраженія, какъ предъ битвой, такъ и въ продолженіе ея, ясно доказываютъ, что онъ приступалъ къ ней не съ тою твердою увѣренностью и сохраненіемъ присутствія духа, съ величавымъ спокойствіемъ, которыя руководили имъ во всѣхъ предшествовавшихъ битвахъ, имъ данныхъ. Нѣкоторыя лица, какъ видно было выше, заслуживающія полнаго довѣрія, свѣдѣтельствуютъ, что онъ, не смотря на главную основную мысль свою—дать генеральное сраженіе, и тѣмъ порѣшить войну, когда битва эта ему представилась, онъ едва ли не желалъ обойтись безъ нея, а по тому и приступилъ къ ней нерѣшительно. Само собою разумѣется, что всѣ условія успѣха были бы на его сторонѣ, если бы битва эта произошла въ Литвѣ, когда числительность его арміи была, по крайней мѣрѣ, втрое противъ арміи Барклая де Толли. Но этотъ истинный Фабій прозрѣлъ это обстоятельство еще до открытія военныхъ дѣйствій, и армія наша сразилась съ Наполеономъ только тогда, когда захотѣла того, когда могла приступить къ ней, не подвергаясь быть подавленной числительностью. Неудача политическихъ соображеній Наполеона, обманутыя надежды на характеръ великаго вѣнценоснаго противника своего, и духъ народа, достойнаго своего Монарха, положеніе его арміи, съ каждымъ шагомъ болѣе и болѣе приходящей въ разстройство отъ всевозможныхъ лишеній, а главное встрѣчи съ Русскими въ Островнѣ, въ Красномъ, въ Ишковѣ, въ Смоленскѣ, въ Лубинѣ, во многихъ арріергардныхъ дѣлахъ, изъ коихъ нѣкоторыя, по числу павшихъ, равнялись генеральнымъ сраженіямъ, а равно получаемыя имъ извѣстія о битвахъ Багратіона и съ другихъ пунктовъ, все это указывало ему, что борьба съ Русскими въ генеральной битвѣ будетъ кровопролитнѣе и упорнѣе всѣхъ, до того времени имъ данныхъ, и при условіяхъ, вовсе не одинаковыхъ. Такое положеніе дѣлъ, естественно, не могло остаться безъ сильнаго впечатлѣнія на всѣ его способности ума, прозрѣвавшаго будущность въ неполномъ успѣхѣ предпринимаемой имъ битвы.

Теперь замѣчу нѣкоторые эпизоды изъ этой достославной битвы, чтобы приступить къ главному опредѣленію, на основаніи иноземныхъ писателей, кому принадлежитъ честь этого дня?

ГЛАВА II.

ЭПИЗОДЫ БИТВЫ.

Главное побоище въ этотъ достопамятный день совершилось между Горками и Семеновскимъ. На этомъ пространствѣ была и центральная батарея. Вотъ нѣкоторые, совершившіеся здѣсь, эпизоды, взятые исключительно изъ иноземныхъ писателей, свѣдѣтельствующихъ о мужествѣ Русскихъ и усиліи Французовъ.

Буржуа, участникъ въ битвѣ, послѣ описанія ужаснаго огня артиллеріи у Семеновскаго, присовокупляетъ (p. 45): «Однако же «Русскія массы построились опять подъ нашимъ огнемъ и двинулись впередъ, чтобы возвратить ретраншаменты.»

Подъ огнемъ болѣе трехъ сотъ орудій!

Генералъ Пеле (p. 132) говоритъ: «Характеръ битвы былъ «наступательный съ нашей (Французской) стороны: мы не пре«ставали нападать, чтобы овладѣть укрѣпленіями Русскихъ, а те«перь они атакуютъ, чтобы взять укрѣпленія обратно.»

Сарразенъ, по этому случаю (p. 130), пишетъ: «Русскій пол«ководецъ успѣлъ чрезвычайно ослабить нашу первую линію. Онъ «началъ новую битву. Наше лѣвое крыло было опрокинуто въ «оврагъ и отброшено на Бородино; нашъ центръ тотчасъ былъ «атакованъ и принужденъ къ отступленію. Большія подкрѣпленія, «посланныя Наполеономъ, остановили успѣхъ Русскихъ, колонны «коихъ остановились, какъ металлическая стѣна.»

Въ «Mém. par un offic. d'état Maj.» (t. I, p. 185), сказано: «Если бы Русскіе, усиліями своими, успѣли опять овладѣть Семе-

«новсиими укрѣпленіями, то битва бы осталась не рѣшенною до «другаго дня.»

Но, вѣдь, она рѣшена, Французы атаковали нашу позицію и не сбили насъ, заставивъ только нашъ лѣвый флангъ загнуться назадъ, не потерявъ связи съ арміею, и мы сдѣлали то же съ его лѣвымъ флангомъ, что напугало Наполеона болѣе, нежели успѣхъ на наше лѣвое крыло напугалъ насъ.

Пеле (р. 134) продолжаетъ: «Артиллерія обѣихъ армій сгу- «щена была на пространствѣ очень тѣсномъ. Ужасающій громъ «ея потрясалъ, кажется, землю. Ратоборцы-офицеры и солдаты «выказываютъ храбрость и преданность удивительную. Они пока- «зываютъ себя достойными одинъ другаго, заслуживаютъ похвалы «своихъ противниковъ.» Далѣе (р. 136) говоритъ: «Лѣвое крыло «Русской арміи, принужденное оставить поле битвы, [13] отодвига- «лось съ большою правильностію; поражаемыя части соединя- «лись въ нѣсколькихъ шагахъ и живо оспаривали оставляемое про- «странство.» Сказавъ потомъ, что на востокъ отъ Семеновскаго сформировалась новая Русская линія, и что наша центральная ба- тарея наносила много вреда Французамъ, [14] продолжаетъ: «По мѣ- «рѣ того, что войско Багратіона получало подкрѣпленія, оно, по- «трупамъ павшихъ, съ большою рѣшимостью шло впередъ, чтобы «вновь овладѣть потерянными мѣстами. Мы видимъ Русскія массы «маневрирующими, по командѣ своихъ Офицеровъ, какъ подвиж- «ные редуты, вооруженные желѣзомъ, изрыгающими огонь. Сре- «ди открытой мѣстности — картечь нашей артиллеріи, атаки на- «шей конницы и пѣхоты, наносятъ имъ несмѣтныя потери. Но до «тѣхъ поръ, пока у нихъ оставалось нѣсколько силъ, эти храбрые «солдаты возобновляли атаки.»

«Лабомъ, участникъ въ сраженіи (р. 148), говоритъ: «Когда «Кутузовъ предпринялъ отнять взятыя укрѣпленія (Семеновскія),

---

[13] Авторъ говоритъ, что въ это время лѣвое крыло отступило на тысячу туазовъ. Но этого не было; не было даже и половины такого пространства, что можно заключить изъ самаго его описанія.

[14] Здѣсь нельзя не замѣтить, что если бы послѣдовали совѣту Бенигсена по

«триста Французскихъ орудій, поставленныхъ на высотахъ, гро-«мили этѣ массы Русскихъ войскъ» и пр.

Въ «Картинѣ войнъ» (p. 9), говорится о семъ слѣдующее (p. 430): «Столкновенье было ужасное; войска смѣшиваются взаи-«мно. Русская пѣхота выдерживаетъ картечъ въ упоръ. Отъ лѣса «(при Утицѣ) до центральной батареи скрещиваютъ штыки и «семьсотъ пушекъ открываютъ въ этихъ сгущенныхъ рядахъ ужа-«сающія борозды. Ней одолѣваетъ лѣвое крыло, оно отходитъ за «оврагъ, чтобы вновь сформироваться.»

Раппъ, описывая этотъ моментъ (p. 117), говоритъ: «Я не «видалъ еще подобнаго побоища.»

Въ другомъ сочиненіи: «Beautés victoires etc.» (t. II, p. 239), сказано, что, послѣ вторичнаго отступленія Русскихъ отъ Семеновскаго, «Кутузовъ, подвинувъ резервъ, скоро возстановилъ битву «въ свою пользу, такъ, что былъ одинъ моментъ, когда центръ «Французской арміи казался близкимъ быть прорваннымъ. Гене-«ралъ Фріанъ поспѣшилъ съ осьмидесятью орудіями и остано-«вилъ Русскія колонны. Не имѣя возможности ити впередъ и пред-«почитая смерть стыду, они оставались два часа сомкнутыми подъ «нашею картечью.»

Жомини (t. II, p. 226), говоритъ: «Восемьсотъ пушекъ «изрыгаютъ смерть на пространствѣ полу льё (двѣ версты). Ни-«когда зрѣлище не было въ одно и то же время такъ величе-«ственно и такъ ужасно. Всѣ дѣятели этой великой сцены едино-«гласно провозгласили ее битвой гигантовъ.»

Шапюи (p. 567), между прочимъ, замѣчаетъ то же, что «у «Семеновскаго семьсотъ пушекъ, собранныхъ на пространствѣ «менѣе тысячи метровъ, изрыгаютъ безостановочно огненный дождь «на защищающихся и на нападающихъ.»

Биньйонъ (p. 39), описывая борьбу на этомъ пунктѣ, присовокупляетъ: «Съ обѣихъ сторонъ убиваютъ другъ друга не пере-

---

ставить на этомъ мѣстѣ предлагавшееся имъ укрѣпленіе, то, конечно, результатъ битвы былъ бы иной. Объ этомъ я уже говорилъ печатно.

«мѣняя мѣста. Три раза Русскіе возобновляютъ свои линіи: должно «давать третью битву на томъ же пространствѣ.»

Баронъ Фенъ, свѣдѣтель битвы (t. II, p. 33), пишетъ то же: «Два часа въ Семеновскомъ убиваютъ другъ друга, не перемѣняя мѣста.»[15]

Графъ Сегюръ, очевидецъ, описавъ (t. I, p. 389), какъ Русскія массы, въ продолженіе двухъ часовъ, выдерживаютъ картечь, присовокупляетъ (p. 399): «Русскіе не престаютъ нападать около «Семеновскаго, и если бы, по словамъ Нея и Мюрата, было при«слано имъ десять тысячъ пѣхоты, побѣда была бы рѣшительная, «но, доведенные до одной только своей конницы, они считали себя «счастливыми, что удержали поле битвы».[16]

Комбъ, участникъ въ битвѣ (p. 81), говоритъ: «Она была, «въ самомъ большомъ разгарѣ, и ничто не предвѣщало побѣды».

Графъ Дюма (t. III, p. 437), свѣдѣтельствуетъ, что, «въ пылу «сраженія, окружающіе Наполеона разсуждали между собой вполголоса о положеніи и о правдоподобномъ исходѣ битвы».

---

[15] Извѣстный намъ литераторъ войнъ, участникъ въ Бородинской битвѣ, Ѳ. Н. Глинка (въ превосходныхъ «Очеркахъ Бородинскаго сраженія», стр. 72), приводитъ подлинный разсказъ стараго солдата объ этомъ моментѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Мы сошлись и стали колоться. Колемся часъ, колемся «два—устали, руки опустились! И мы, и Французы, другъ друга не трогаемъ, «ходимъ какъ бараны! Которая ни будь сторона отдохнетъ — и ну опять ко«лоться. Колемся, колемся, колемся! Часа, почитай, три на одномъ мѣстѣ «кололись».

[16] Тотъ же Ѳ. Н. Глинка замѣчаетъ, что здѣсь воевали шесть Михаиловъ, разумѣется, изъ главныхъ начальниковъ. Со стороны Французовъ первое мѣсто въ Бородинской битвѣ занимаетъ Михаилъ Ней, у насъ Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ, Михаилъ Богдановичъ Барклай, Михаилъ Андреевичъ Мидорадовичъ, Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, Михаилъ Михайловичъ Бороздинъ.—Ѳедоръ Николаевичъ могъ бы, въ строгомъ смыслѣ, присовокупить здѣсь и Петра Михайловича Каппевича, командовавшаго 6-мъ корпусомъ и съ центральной батареи громившаго Михаила Нея Далѣе, въ примѣчаніи, стр. 1, Ѳ. Н. дѣлаетъ выписку изъ пророченій XVII главы Исаіи: «Въ тѣ дни возстанетъ князь Михаилъ и ополчится за люди своя.» Это авторъ относитъ къ Князю Кутузову.

Шамбре (t. II, p. 67), также участникъ въ битвѣ, пишетъ: «Успѣхи Французовъ въ этой части позиціи ограничились занятіемъ «редантовъ и деревни Семеновской. Упорство обороны соотвѣтствовало стремительности атаки, и съ обѣихъ сторонъ сражались съ рѣдкимъ мужествомъ».

По овладѣніи Семеновской позиціей, Галлуа, въ «Исторіи Мюрата» (p. 216), говоритъ: «Французы находились еще въ безпорядкѣ отъ побѣды: они видятъ себя тѣснимыми, удивляются и отступаютъ. Мюратъ забываетъ самаго себя, и, чтобы собрать своихъ, нашелся окруженнымъ и угрожаемымъ попасться въ плѣнъ; «у него не остается другаго средства, какъ броситься въ редутъ, «который былъ набитъ оробѣвшими солдатами. Въ третій разъ «(p. 217) конница его открываетъ путь къ побѣдѣ, но она была «истощена усталостью. Мюратъ, Ней и Даву принуждены остановиться. Кутузовъ пользуется этимъ неожиданнымъ случаемъ, при«зываетъ весь свой резервъ до самой гвардіи на свой лѣвый флангъ. «Багратіонъ возстановляетъ свою линію, и вскорѣ его огонь опу«стошаетъ ряды Французовъ.[17] Его атака стремительна; пѣхота, «артиллерія, конница усиливаются въ одно время сбить Француз«зовъ; Ней и Мюратъ ожесточаются противъ бури; дѣло идетъ уже «не о томъ, чтобы воспользоваться побѣдой, но только о сохра«неніи первыхъ успѣховъ. Къ счастію, резервная артиллерія подо«спѣла съ восьмидесятью орудіями, расположилась по гребню и «громила Русскихъ. Кавалерія первая потерпѣла отъ этой металли«ческой стѣны, на которую она наступала густыми массами, въ «коихъ наши ядра производили широкія и глубокія борозды, одна«ко же она все приближалась; тогда Французскія батареи удвоили «огонь картечью и произвели въ ней опустошеніе. И наконецъ, «колонны останавливаются, не смѣя болѣе подаваться впередъ, но «не хотятъ и отступать, и эти упорствующія массы позволяютъ «себя истреблять въ продолженіе двухъ часовъ. Французы устаютъ «отъ медленности дѣйствій артиллеріею, Ней, Даву, Мюратъ бро«саются на Русскихъ, половина ихъ линіи опрокинута; тогда бой«ня перестаетъ на равнинѣ и сосредоточивается на остальныхъ вы-

[17] Тьеръ (p. 388) говоритъ, что «Ней заставилъ свои колонны ложиться, оставаясь самъ на ногахъ.»

сотахъ Русскихъ, которыя Барклай упорно защищаетъ противъ Вице-Короля».

Шамбре, описавъ вторичное отступленіе Русскихъ отъ Семеновскаго, разсказываетъ помянутый эпизодъ слѣдующимъ образомъ (t. II, p. 72): «Но не обнаруживалось ни какого безпорядка въ арміи Русскихъ; участь битвы была еще сомнительна. Кутузовъ рѣшился на нападеніе. Французы поставили батареи (p. 73). Наполеонъ, извѣщенный объ опасности, угрожающей его центру, подвигаетъ гвардейскую пѣхоту, чтобы она была въ возможности, въ случаѣ нужды, подкрѣпить. Однако же Русскіе шли впередъ, медленно, поражаемые самымъ сильнымъ огнемъ артиллеріи, какого, можетъ быть, ни одно войско не испытывало. Ихъ конница атаковала нѣсколько разъ батареи и нѣкоторыми даже овладѣла. Но, прикрывавшая ихъ, Французская конница возвратила батареи. Наконецъ эта масса грозной пѣхоты, претерпѣвая несмѣтныя потери, умѣрила свое движеніе, потомъ остановилась. Это опасное для Французовъ предпріятіе, такъ хорошо обдуманное, не удалось отъ медленности».

Сентъ-Илеръ (t. III, p. 68, 69) говоритъ: «Вновь подвезенныя восемьдесятъ пушекъ открыли огонь. За ядрами слѣдуетъ картечь. Подавляемые этимъ желѣзнымъ ураганомъ, Русскіе ищутъ перестроиться; смертоносный дождь удвоивается: они останавливаются, не смѣя ити впередъ и не хотятъ сдѣлать шагу назадъ. Сорокъ тысячъ здѣсь оставляютъ громить себя въ продолженіе двухъ часовъ. Это было ужасное побоище, безконечная бойня»!

Пюибюскъ (p. 88) пишетъ о Русскомъ резервѣ и гвардіи въ тотъ моментъ: «Эти колонны были остановлены нашею артиллеріей и оставались болѣе полутора часа неподвижными подъ нашей картечью, не потерявъ ни пяди пространства».

Вильсонъ (p. 19) приводитъ слова Наполеона: «Баталіоны склоняются подъ его огнемъ, но не хотятъ отступить, и не могутъ, однако же, оставаться». Но, однако же, не ушли, а оставались.

Лавале (t. IV, p. 543) пишетъ: «Непріятельскія массы въ третій разъ бросились на Семеновское; столкновеніе было ужас-

«ное: все сцѣпилось, смѣшалось и, среди грома осьмисотъ орудій «люди душатъ другъ друга». [18]

Генералъ Сарразенъ, описывая завладѣніе въ первый разъ Семеновскимъ (р. 130), присовокупляетъ: «Первый успѣхъ стоялъ «столько крови, что Наполеонъ не смѣлъ и думать пользоваться «своею побѣдой, чтобы атаковать Кутузова, находившагося на раз «стояніи только пушечнаго выстрѣла, со всею своею арміей, по «строенной колонно въ массѣ».

Керъ-Портеръ (р. 153), описывая отбитіе нами Семеновскаго, присовокупляетъ: «Эта ужасная сцена была непродолжи «тельна: Французы отступили, и Бонапарте имѣлъ горесть видѣть «свои лучшія войска потерявшими пространство, которымъ они «только что овладѣли».

Говоря о битвѣ на этомъ мѣстѣ (р. 154), присовокупляетъ: «Невозможно описать ожесточенія битвы, происходившей въ это «время (когда мы отбивали). На громъ тысячи пушекъ Русскія «отвѣчали такимъ же числомъ. [19] Тучи дыма скрывали солнце отъ

---

[18] Въ рапортѣ Фріана (Journal des sciences milit. etc. 1826, t. V, p. 157) описывается, какъ при Утицѣ Русскій гренадеръ и Польскій солдатъ, оба раненые, подползли одинъ къ другому и, схвативши другъ друга за волосы, такъ умерли. Фріанъ присовокупляетъ, что, увидя это, Понятовскій, обратилъ вниманіе Маршала Даву, присовокупивъ: «Вотъ примѣръ неугасимой антипатіи между двумя народами!» Оставляя въ сторонѣ народную непріязнь, опредѣляемую Понятовскимъ, въ Бородинской битвѣ ожесточенье Русскихъ видѣло однихъ Французовъ. Подобныхъ сценъ разсказывали много. Такъ, я, въ тотъ же день, слышалъ отъ очевидцевъ, что одинъ нашъ барабанщикъ, едва живой, подползъ къ раненому Французу, на центральной батареѣ, и, вынувъ изъ перевязи барабанную палку, толстымъ концемъ билъ Француза по головѣ. Здѣсь не было съ Генераломъ Бонами Поляковъ, слѣдственно и международныхъ отношеній. Мы видѣли только врага, не различая въ битвѣ національностей. И если Понятовскій видѣлъ сцену, описываемую Фріаномъ, между Русскимъ и Полякомъ, то это одна случайность: ибо Русскій гренадеръ подползъ бы точно также и къ солдату старой гвардіи Наполеона, и къ каждому изъ составлявшихъ его армію. Ожесточенье Русскихъ въ этой битвѣ, даже между ранеными, описывается, какъ увидимъ далѣе, многими, и въ числѣ ихъ Генераломъ Графомъ Солтыкомъ. Впрочемъ, результатъ самой битвы, почти безъ плѣнныхъ, лучше всего объясняетъ это.

[19] Число орудій преувеличено: въ обѣихъ арміяхъ было около тысячи двухсотъ пушекъ.

ражавшихся и не оставляли имъ для продолженія своихъ убій-
ственныхъ дѣйствій другаго свѣта, кромѣ выходящаго изъ ихъ
ружей, стрѣлявшихъ по всѣмъ направленіямъ. Сабли сорока ты-
ячъ драгунъ скрещиваются и звучатъ среди этого ужаснаго мра-
ка, между тѣмъ какъ оконечности безчисленныхъ штыковъ бли-
тали со всѣхъ сторонъ и покрывали землю грудами убитыхъ».

Участникъ въ битвѣ, Французъ, въ сочиненіи своемъ[20] (p. 21)
оворитъ: «Видѣли Русскія карре, которыхъ конница не могла по-
нать, и чтобы успѣть въ этомъ, были въ необходимости, посред-
ствомъ картечи, широко открывать ряды, въ промежутокъ кото-
рыхъ кирасиры производили свои атаки».

Въ «Картинѣ войнъ» (p. 429) читаемъ: «Между тѣмъ уже че-
тыре часа какъ продолжается бой, но поле битвы еще не было
открыто. Русскіе уступили мѣсто (на лѣвомъ флангѣ), но не въ
безпорядкѣ, и видны были: ихъ центръ, резервы подвигаю-
щимися влѣво на смѣну, а на ихъ мѣсто становились другіе». По
отбитіи Русскими центральной батареи, которой овладѣлъ было
генералъ Бонами, сказано: «Такимъ образомъ, на всемъ простран-
ствѣ успѣхъ былъ нерѣшителенъ, и Кутузовъ готовился къ атакѣ».

Въ сочиненіи: «Moscou av. et apr. l'incendie» (p. 14) ска-
зано, что «Кутузовъ выдержалъ атаку съ большою неустраши-
мостью, и побѣда долго была не рѣшенною. Наполеонъ долженъ
былъ пожертвовать частью своей конницы, чтобы овладѣть Рус-
скими позиціями, которыя переходили изъ рукъ въ руки. Поло-
женіе Французовъ было таково, что имъ должно было побѣдить,
или умереть». Тиссо (t. II, p. 722) говоритъ то же, что «Фран-
цузы были увѣрены въ успѣхѣ битвы, по тому что имъ неотмѣн-
но должно было побѣдить, или умереть, и эта мысль воспламе-
няла ихъ храбрость».

Баронъ Денье (p. 77) говоритъ: «Оборона непріятеля упор-
на, но въ центрѣ онъ оказываетъ наиболѣе энергіи; роковой ре-
зервъ (центральный) опустошаетъ (décime) наши ряды; онъ взятъ

---

[20] «Details abregés sur la campagne de Moscou, en 1812 etc., par un Français etc. Paris, 1841, in 12.

«и отбитъ, и опять оспаривается». Приказываютъ Коленкуру и н
хотѣ взять оный (р. 79) (далѣе восклицаетъ): «Должно побѣдит
«или умереть; нѣтъ болѣе воспоминаній, скоро не будетъ и отеч
«ства. Ночь! Запоздалая ночь! Прійди сокрыть столько ужасов
«изнеможеніе, останови убійства!»

Лабомъ (р. 154) пишетъ, что, когда во второй разъ овлад
ли центральной батареей, «Русскіе, защищавшіе ее, предпочита
«смерть плѣну». То же находимъ въ другомъ сочиненіи (Beauté
vict., р 241): «Всѣ Русскіе солдаты предпочитали быть убитым
«на своихъ мѣстахъ».

Генералъ Пеле, также участникъ въ битвѣ, говоря объ это
батареѣ (р.. 138), присовокупляетъ: «Русскіе умираютъ на свои
«пушкахъ».

Умалчиваю объ этомъ окончательномъ овладѣніи центральной
батареей: тѣ же подвиги Русскихъ, та же справедливость, отд
ваемая имъ непріятелемъ. Но нельзя умолчать здѣсь о засвѣдѣтел
ствованіи, также участника въ битвѣ, Винтуриніи, тѣмъ болѣе в
свѣдѣтельствованіе его замѣчательно, что онъ не Французъ, а Н
мецъ. Вотъ его слова, приведенныя Ѳ. Н. Глинкою: «Русскіе ар
«тиллеристы были примѣрно вѣрны своему долгу. Брали редуты
«ложились на пушки и не отдавали ихъ безъ себя. Часто, л
«шась одной руки, канониръ отмахивался другою. У подножь
«редантовъ лежали Русскіе, Нѣмцы и Французы; истекая кровью
«они еще язвили другъ друга чѣмъ кому было можно. Иные, как
«говорятъ, грызлись зубами».

Тиссо, въ сочиненіи, писанномъ обществомъ Офицеровъ
представляетъ эпизодъ при Семеновскомъ и присовокупляетъ (t. II
р. 724): «Три линіи Французскихъ батарей громятъ Русскихъ.
«Наконецъ, послѣ четырехчасовой битвы, упорной и кровопро
«литной, Русскіе были сбиты и два редута ихъ взяты». И такъ
кажется, кончено, Русскіе были enfoncés и пр.; но нѣтъ: здѣс
авторъ пошутилъ, и въ слѣдъ за симъ (р. 725) присовокупляетъ
«Однако же битва возобновляется съ новымъ ожесточеніемъ. Св
«жія войска идутъ на встрѣчу Русскихъ колоннъ, которыя, бы
«остановлены дивизіею Фріана и осыпаемы картечью осьмидесят

пушекъ, остаются неподвижными: не смѣя[21] ити впередъ, но и не хотятъ отступать».

Изъ «Записокъ Вице-Короля» (t. VII, p. 5) видно, что «онъ долженъ былъ ити изъ Бородина на Горки; но большія силы Русскихъ занимали это мѣсто». Пунктъ этотъ былъ страшенъ непріятелю.

Генералъ Водонкуръ (въ «Исторіи Вице-короля Итальянскаго», t. II, p. 100) подтверждаетъ это. Онъ говоритъ, что «по диспозиціи, Вице-Король долженъ былъ атаковать Горки и центральную батарею. Въ шесть часовъ утра (p. 101), онъ захватилъ Бородино, перешелъ Колочу, но былъ принужденъ опять перейти назадъ, встрѣтивъ здѣсь сильное сопротивленіе, а по тому и не предпринялъ атаки».

Значитъ, не только что онъ не смѣлъ покуситься на эту атаку, но нашъ правый флангъ атаковалъ еще его лѣвый конницею Уварова и Платова, которая, по сознанію самихъ Французовъ (Пеле, Шапюи и др.), если бы не была отозвана и дѣйствовала рѣшительнѣе, то поставила бы армію Наполеона въ самое критическое положеніе.

Жомини (t. II, p. 227) говоритъ, что въ три часа Французы овладѣли центральной батареей и Семеновскими флешами: «однако же Русскіе, перестроивавшіеся за двумя оврагами, представляли еще упорное сопротивленіе. Обѣ стороны, присовокупляетъ онъ, утомленныя убійствомъ, перестрѣливались изъ орудій, не атакуя другъ друга.»

Лабомъ (p. 158) пишетъ: «Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ Французы оставались въ этомъ бездѣйствіи, увѣренные, что Кутузовъ отступаетъ; одна артиллерія изрыгала на всѣхъ пунктахъ пламя и смерть.... Болѣе десяти часовъ выдерживали непріятельскія атаки; [22] битва еще не кончена; не было дивизіи, которая не оплакивала бы своихъ начальниковъ.»

---

[21] «N'osant pas avancer», выраженіе, часто употребляемое Французами, очень не кстати къ разсказываемому ими же самими.

[22] Изъ сего видно, что наши нападали, и что при концѣ дѣло не было еще рѣшено.

Фенъ (t. II, p. 37) говоритъ: «Еще только четыре часа, «еще одно усиліе, и Наполеонъ могъ бы превратить пораженіе въ «бѣгство. [23] Но начальники говорятъ объ усталости; войска утом- «лены; надобно бы было употребить гвардію.... Императоръ на- «шелъ не нужнымъ пріобрѣсть послѣдній успѣхъ за такую цѣну.»

Бисмаркъ (p. 149) пишетъ, что Наполеонъ сказалъ настаивавшимъ у него на счетъ введенія гвардіи въ дѣло: «Я должен «беречь мой резервъ; [24] на нынѣшній день побѣда обезпечена; Рус- «скіе не оставятъ намъ Москвы, не испытавъ еще битвы.»

Норвенъ, какъ говоритъ въ предисловіи къ «Исторіи Наполеона», собравшій всѣ свѣдѣнія о Наполеонѣ, съ перваго его времени, замѣчателенъ наборомъ словъ и расточительностію фразъ, при описаніи этого эпизода. Разсказавъ о кровопролитной сѣчѣ при Семеновскомъ (t. III, p. 310), присовокупляетъ: «Остатки ар- «міи Кутузова останавливаются на Псаревскомъ оврагѣ и, не «знаю для чего, остаются тутъ подъ огнемъ нашихъ батарей» и пр. Замѣчательно, что онъ не знаетъ для чего? Ему хотѣлось бы, чтобы мы не останавливались на второй позиціи, а ушли, не сражаясь болѣе. «Отъ насъ зависѣло (присовокупляетъ этотъ зна- «менитый исторіографъ многихъ изданій) истребить Русскихъ, но «для этого нужно было ввести въ дѣло гвардію, почавъ этотъ кор- «пусъ, еще не тронутый, и который могъ спасти армію отъ опа- «сности, или обезпечить побѣду въ другомъ сраженіи. Предусмо- «трительность, такъ торжественно доказанная въ послѣдней поло- «винѣ кампаніи, не допустила Наполеона нанести Кутузову второй «ударъ.» Но чѣмъ же эта предусмотрительность такъ торже- ственно оправдалась? Гвардія не принимала ни какаго участія въ битвахъ въ продолженіе всей этой войны, исключая молодой гвардіи, въ первые два дня послѣ Бородина, въ авангардѣ, гдѣ дѣйствіе ея, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, было безуспѣшно, и наконецъ подъ Краснымъ, противъ слабаго отряда Графа Ожа-

---

[23] Господинъ Императорскій Секретарь очень легко произнесъ свое заключеніе. Въ Бородинѣ, какъ и вездѣ, Русскіе показали, что ихъ не такъ легко обращать въ бѣгство.

[24] Въ книгѣ: «Maximes de Napoleon etc.,» читаемъ противное. См. гл. III.

ровскаго, чтобы открыть путь Наполеону къ Оршѣ, куда онъ и поспѣшилъ. Такъ Французскіе историки фразами своими убаюкиваютъ читателей. Очистивъ разсказы отъ фразъ, выйдетъ, что Русскій лѣвый флангъ отступилъ на вторую позицію, къ которой Французы не рѣшались приближаться. Послѣ же всѣхъ восторженныхъ фразъ, сказанныхъ о мнимомъ разгромленіи Русскихъ, наконецъ, когда пришлось сводить счетъ, Г. Норвенъ называетъ эту битву (p. 340) «trop peu décisive».

Генералъ Сарразенъ, разсуждая объ успѣхахъ Неаполитанскаго Короля противъ лѣваго фланга Русскихъ, и какъ бы оправдывая Кутузова на счетъ его отступленія (p. 145), присовокупляетъ: «И дѣйствительно, мы видимъ, что Кутузовъ предупреждаетъ своего Государя, что онъ найдется въ необходимости оставить свою позицію, если Наполеонъ направится по Московской (старой) дорогѣ, обходя его позицію.... Кутузовъ показываетъ Наполеону то, чтобы онъ долженъ былъ сдѣлать. Кутузовъ подаетъ назадъ свой лѣвый флангъ и центръ (т. е., лѣвый флангъ центра), и съ отборнымъ своимъ войскомъ принуждаетъ Вице-Короля отступить къ своему центру — движеніе, исполненное съ поспѣшностію. Временно побѣдитель лѣваго крыла Французовъ, Кутузовъ идетъ противъ нашего центра и заставляетъ его отступить и пр. Такимъ образомъ Наполеонъ, выгнанный изъ правыхъ редутовъ и центра Русскихъ, находится атакованнымъ этѣмъ же самымъ Кутузовымъ.»

Я не имѣю намѣренія и не признаю въ себѣ достаточно силъ, чтобы представить полную картину Бородинской битвы; нѣсколько эпизодовъ, здѣсь приведенныхъ, имѣли главной цѣлью показать упорное и непоколебимое мужество нашихъ войскъ, отважно вступившихъ въ борьбу съ закаленными въ двадцатилѣтнихъ побѣдоносныхъ бояхъ воинами, подъ предводительствомъ непобѣдимаго до того времени полководца-Государя. Твердость и неустрашимость нашихъ войскъ изумила непріятелей; артиллерія, избранная Наполеономъ главнымъ орудіемъ въ этой исполинской битвѣ, не могла поколебать извѣстной стойкости нашего солдата; громимый, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, онъ внималъ голосу начальниковъ точно также, какъ бы дѣлалъ это въ мирныхъ воинскихъ

упражненіяхъ. Онъ истощилъ своимъ самоотверженіемъ силы и снаряды непріятелей, которые должны были прекратить первые ужасающій огонь сосредоточенныхъ ими батарей въ нѣсколько сотъ орудій, израсходовавъ изумительное количество снарядовъ, какъ это будетъ показано въ III главѣ этого Отдѣленія.

ГЛАВА III.

ОКОНЧАНІЕ БИТВЫ И ПОЛОЖЕНІЕ АРМІЙ НОЧЬЮ.

По взятіи центральной батареи и послѣ атакъ конницы, на пространствѣ около этой батареи, Генералъ Пеле (p. 529), говоритъ: «Милорадовичъ, начальствовавшій корпусами Остермана и «Корфа, собравъ остатки корпусовъ Бороздина, Раевскаго и Дох«турова, построилъ послѣднюю линію, которую Русскіе могли про«тивопоставить. Линія эта была болѣе грозною своимъ положе«ніемъ, чѣмъ числительною своею силой.» За симъ описываетъ свое положеніе и ужасный огонь, ею производимый.

Сегюръ (t. I, p. 401) говоритъ, что, когда Бельяръ пріѣхалъ въ третій разъ, Наполеонъ сѣлъ на лошадь и медленно поѣхалъ на Семеновскія высоты. «Онъ нашелъ поле битвы не вполнѣ пріобрѣтеннымъ и еще оспариваемымъ ядрами и пулями «Русскихъ; они остановились и начали окапываться на новой «позиціи.»

Изъ этого видно, что не только нашъ центръ и безспорно правый флангъ оставались твердо на мѣстѣ, но и лѣвый флангъ, отступивъ на вторую позицію, началъ окапываться и оспаривалъ потерянное мѣсто, не только ядрами, но и пулями: линія эта была грозна «по засвѣдѣтельствованью Пеле,» и Наполеонъ нашелъ, что поле битвы не вполнѣ пріобрѣтено и еще оспариваемо; слѣдовательно, слово «побѣда» здѣсь неумѣстно.

Баронъ Фенъ описываетъ отступленіе нашего лѣваго фланга: Наполеонъ осматриваетъ самъ эту послѣднюю нашу позицію, на которой нашъ лѣвый флангъ остановился, и видитъ (t. II, p.

37): «Русскія массы стоящими предъ Псаревскимъ оврагомъ.» «Русскія массы, присовокупляетъ авторъ, не могутъ болѣе ити «на насъ, а между тѣмъ не хотятъ отступить.» Далѣе (p. 38): «Русскіе упорствуютъ оставаться подъ огнемъ нашихъ батарей, «сказалъ Наполеонъ, но пусть же и остаются. Артиллерія до но- «чи дѣйствуетъ ужасно!» [25]

И это далеко не обозначаетъ **побѣды**, даже относительно одного фланга; ибо онъ остановился твердо, и Французы не дерзали напасть на него: это только мѣстный успѣхъ, не болѣе.

Тьеръ (p. 334) объ этомъ эпизодѣ говоритъ: «Русская ар- «мія (лѣвый флангъ), подъ жесточайшимъ картечнымъ огнемъ, от- «ходитъ медленно и останавливается у опушки Псаревскаго лѣса. «Ее не атакуютъ болѣе, и, въ ожиданіи рѣшительнаго движенія, «Французы ставятъ въ линію артиллерію всѣхъ корпусовъ и со- «средоточиваютъ на Русскихъ триста орудій. Подъ массою снаря- «довъ, которыми ихъ засыпаютъ, они остаются **неподвижными** «и твердо сомкнутыми.»

И изъ этого далеко не видно **побѣды**.

«Наполеонъ (p. 346) объѣзжаетъ линію вскачь и видитъ «Русскихъ, стоящихъ неподвижно въ плотныхъ массахъ, не пред- «ставляя возможности нигдѣ легко взяться за нихъ.»

---

[25] Въ чрезвычайно любопытныхъ Запискахъ обязательнаго Н. И. Греча, между прочимъ читается: «О графѣ Нарбонѣ — «Вотъ что я слышалъ отъ Барона «Де Баранта, бывшаго въ 1836 году Посломъ въ Петербургѣ: «Въ числѣ «особъ, составлявшихъ свиту Наполеона въ 1812 году, находился у него и «образованный дипломатъ Графъ Де-Нарбонъ, носившій званіе Император- «скаго Адъютанта. На канунѣ Бородинской битвы Наполеонъ спросилъ у него, «имѣетъ ли онъ понятіе о томъ, что есть большая битва?—Ни малѣйшаго, «отвѣчалъ Нарбонъ. — Такъ я вамъ скажу, продолжалъ Наполеонъ, это въ «точности трагедія: начинается изложеніемъ дѣла и предстоящихъ препят- «ствій; во второмъ актѣ дѣло запутывается, въ третьемъ — еще болѣе, а «въ четвертомъ—разгараются и бушуютъ страсти; въ пятомъ спорное дѣло «рѣшается, выходитъ авторъ и возвѣщаетъ мораль пьесы. На другой день, «по приближеніи вечера, когда дѣло не развязывалось, Наполеонъ обратил- «ся къ стоявшему возлѣ его Нарбону, сказавъ: «Narbone! aujourd'hui le cin- «quième acte n'arrive pas!»

Значитъ, въ совершенномъ порядкѣ на второй позиціи.

Еще далѣе (р. 347) авторъ говоритъ: «Въ глубинѣ поля битвы густыя Русскія массы представляли артиллеріи богатую добычу, и казались вызывающими насъ.»

Слѣдовательно, все таки вызывали на поле битвы.

«Такъ какъ имъ хочется еще, сказалъ Наполеонъ съ жестокой свычкой съ полемъ битвы, то поддайте имъ еще (donnez leurs en)! Онъ приказалъ поставить свою артиллерію, которая не была употреблена, и съ этой минуты начали дѣйствовать около четырехъ сотъ орудій. Такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, стрѣляли въ массы Русскихъ, которые упорно стоятъ въ линіи, подъ этой ужасной канонадой, теряя тысячи людей безъ колебанья. Слѣдовательно, тутъ убивали вмѣсто того, чтобы брать плѣнныхъ; [26] мы также теряли людей, но, конечно, шестую часть противъ тѣхъ, которыхъ поражали. Съ наступленіемъ ночи канонада прекратилась.»

Спрашивается: какая же это побѣда?

Исторіографъ этотъ говоритъ (р. 345): «Ужасы этой страшной битвы, безпримѣрные еще для Наполеона, хотя онъ и видѣлъ ихъ много, и очень кровопролитныхъ, какъ бы изумили его геній.»

Буржуа (р. 46) свѣдѣтельствуетъ, что Русскіе оставили поле сраженія (опять говорю—только лѣвое крыло); «однако же Французская артиллерія продолжала стрѣлять.»

Значитъ, что флангъ этотъ оставался на своей второй позиціи неподвижно, а Генералъ Гурго, извѣстный преданностію Наполеону (р. 133), присовокупляетъ: «Позиція эта была еще сильна.»

Пеле, разсказавъ, какъ видно было выше, о личномъ обозрѣніи Наполеономъ позиціи при Горкахъ, когда онъ былъ за

---

[26] Да какъ же было брать плѣнныхъ, когда не сдавались, предпочитая смерть плѣну? Это свѣдѣтельствуется всѣми писателями, участниками въ битвѣ.

руку отведенъ назадъ (р. 142), присовокупляетъ: «Съ сей минуты «битва кончилась. Пушечная пальба продалжалась еще довольно «долго и окончилась совершенно около шести часовъ.»

Изъ этого слѣдуетъ, что Французы оттѣснили нашъ лѣвый флангъ на вторую позицію, но къ которой приступить не отваживались. Относительно же атаки центра — Наполеонъ отваживался еще менѣе.

Сегюръ (р. 401) говоритъ: «День уже склонялся; наши сна«ряды были истощены; битва кончилась....» (р. 402): «Русскіе «укрѣпляются въ своей послѣдней позиціи (т. е., лѣвый флангъ), «Наполеонъ не думаетъ болѣе ни о чемъ, какъ только внушить «побѣдителю осторожность.»

Что за фразы! Отбросивъ ихъ, находимъ, что Русскіе остались на мѣстѣ и Наполеонъ не думаетъ уже продолжать битву, а опасается, чтобы мы оной не начали.

Тиссо (t. II, p. 139), говоря о второй позиціи нашего лѣваго фланга, присовокупляетъ, что «эта вторая возвышенность бы«ла покрыта батареями, хорошо дѣйствующими, истощала безпре«рывнымъ огнемъ своимъ наши войска и сопротивлялась движе«нію, которое Ней хотѣлъ предпринять». [27] Какая же это побѣда?

Генералъ Раппъ (р. 168) говоритъ: «Битва была выиграна, «но огонь былъ все еще ужасный.»

Съ кѣмъ же перестрѣливались, когда непріятель сбитъ? Такого обмѣна изъ орудій не бываетъ

Пеле также говоритъ (р. 140), что Наполеонъ не очень былъ доволенъ результатомъ битвы: «Русскіе понесли огромныя потери «съ того времени, какъ они должны были выдержать на откры«томъ мѣстѣ огонь нашей артиллеріи. Поля скрывались подъ гру-

---

[27] Г. Тиссо не могъ же оставить это безъ прекрасы фразою и не потѣшить себя и своихъ, а по тому, въ слѣдъ за послѣдними словами, и говоритъ (р. 140): «Однако же Русскіе замѣтили, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно — «ночью отступили. По утру мы ясно увидѣли, что они отступили.» — Что за безсмыслица!

«дами труповъ: они представляли по нѣскольку Русскихъ на од-«ного Француза.»

Это все можетъ быть, но ни какъ не доказываетъ побѣды, что, въ слѣдъ за симъ, скажетъ и самъ авторъ.

«Однако же (продолжаетъ Генералъ Пеле) мы взяли лишь «нѣсколько человѣкъ, по одиночкѣ раненыхъ и пушки, бывшія въ «укрѣпленіяхъ. Русскіе оказали всюду сопротивленіе, пре-«кращавшееся только съ ихъ жизнію.»

Указывая на нѣкоторыя ошибки, сдѣланныя Кутузовымъ, Генералъ Пеле восклицаетъ: «Преданность Генераловъ (p. 522) и «непоколебимая храбрость солдатъ спасли Россію. Другія вой-«ска были бы разбиты и можетъ быть уничтожены до по-«лудня. За чѣмъ не сознать ошибокъ, исправленныхъ съ такою «славой?»

Вотъ это истина безъ прикрасъ фразами. Она прямо говоритъ, что Русскіе не были разбиты.

Въ «Der Krieg des franzos. etc., im Jahr 1812» (S. 107), сказано: «Не смотря на чрезвычайныя усилія Французовъ, сопровож-«дающіяся большими потерями, въ центрѣ они оставались до полу-«дня тщетными, и потери ихъ были значительны. Но послѣ полу-«дня Русскіе должны были уступить (т. е., лѣвый флангъ), и по «сему (авторъ очень наивно прибавляетъ) кажется Наполеонъ «одержалъ побѣду самыми кровавыми пожертвованіями.»

Дюрданъ (p. 38) говоритъ: «Какъ бы то ни было, но этотъ «успѣхъ, столь дорого пріобрѣтенный, долженъ почитаться по-«слѣднимъ изъ одержанныхъ Наполеономъ.»

Въ «Beautés victoires etc.» (t. II, p. 24): «Непріятель былъ «побѣжденъ, но между тѣмъ поддерживалъ свой огонь, и толь-«ко около ночи онъ прекратился съ обѣихъ сторонъ.»

Съ кѣмъ же, повторяю, побѣдитель перестрѣливался?!

Мишо (p. 134) пишетъ: «Силою крови и усиліями успѣли «сбить непріятеля съ нѣкоторыхъ пунктовъ.... Сѣча кончилась

«только съ окончаніемъ дня. Только тогда, наконецъ, непріятель «удалился съ поля битвы, и Французская армія провела на ономъ «ночь. [28] Наполеонъ почелъ себя побѣдителемъ, но, какъ Пирръ, «онъ могъ сказать: «Еще одна такая же побѣда, и мы погибли!»

Клаузевицъ, разсуждая о Бородинской битвѣ, говоритъ, между прочимъ (de la guerre, p. 454): «Дѣйствительно, въ про«долженіе этой битвы не могло еще быть рѣчи о преслѣдованіи. «Побѣда рѣшилась въ четыре часа по полудни, но Русскіе за«нимали еще большую часть поля битвы; они не хотѣли «еще оставить его, и если бы атака возобновилась, то «они оказали бы упорное сопротивленіе.»

Что за логика? Побѣжденные занимаютъ большую часть позиціи, не хотятъ оставить оной и оказали бы упорное сопротивленіе! Все это вмѣстѣ ни какъ не склеивается. Но вотъ что, въ слѣдъ за симъ, говоритъ авторъ: «Естественно, это повело бы ихъ «къ совершенному разбитію.» — Это по чему? — По Нѣмецки! Но, въ слѣдъ за симъ, онъ утѣшаетъ насъ, говоря: «Это стоило бы «много крови и Французамъ.»

Но еще замѣчательнѣе слова въ слѣдъ за послѣдними: «Въ «Бауценѣ (Будышинѣ) побѣжденный предпочелъ первый оставить «поле битвы. Въ Бородинѣ, побѣдитель предпочелъ довольствовать«ся не полною побѣдой.» Я рѣшительно не нахожу смысла, особенно въ первой половинѣ фразы: «побѣжденный предпочитаетъ первый оставить поле битвы!» Да какъ же бы это могло быть иначе? Вѣдь не побѣдителю же первому отступить, если того не было въ общемъ планѣ, такъ какъ это было у насъ въ 1812 году; а въ Бауценѣ о такомъ планѣ не могло быть и рѣчи. Путаница, часто встрѣчаемая въ книгѣ Клаузевица.

Бертезенъ (t. II, p. 53, 54) свѣдѣтельствуетъ: «Съ прибли«женіемъ ночи Императоръ приказалъ прекратить огонь и «занять позицію. Непріятель, съ своей стороны, остановился: пра«вый флангъ у Горокъ, лѣвый — въ лѣсу, между двумя дорогами

[28] Слишкомъ неопредѣлительно! Французы ночью занимали передовыми постами только Семеновское. О чемъ будетъ говорено далѣе.

«въ Москву.» Шнейдавиндъ (1-te Band, S. 195) говоритъ одинаково, что «правый флангъ нашъ оставался у Горокъ, а лѣвый при«мыкалъ къ лѣсу у Утицы, нѣсколько сзади оной, оставляя Семе«новское впереди.»

Изъ этого видно, что Французы первые отказались отъ дальнѣйшей битвы, прекративъ свой огонь. Относительно же обозначенія позиціи, намъ не нужно было останавливать нашъ правый флангъ у Горокъ, которыя нами были заняты съ самаго начала, т. е., за четыре дня до битвы, и въ продолженіе оной войска отбивали изъ нихъ всѣ покушенія непріятеля. Сверхъ того, Горки не были правымъ флангомъ въ общей позиціи: это былъ правый флангъ центра; ибо, правѣе ихъ, на правомъ флангѣ позиціи, находились: цѣлый кавалерійскій корпусъ Уварова, Платовъ съ Казаками и нѣсколько егерскихъ батальоновъ. Оттуда и дѣланы были нападенія на лѣвый флангъ Французовъ. Бывшіе же тамъ два пѣхотные корпуса, 2 и 4-й, во время битвы получили другое назначеніе. Что же касается до лѣваго нашего фланга, то хотя Генералъ Бертезенъ и не положительно указываетъ, но направленіе вѣрно, и это все доказываетъ только то, что этотъ флангъ изо всей позиціи осадилъ на нѣсколько сотъ саженъ, на свою вторую позицію, не разорвавъ связи съ общей.

Лабомъ (p. 160) пишетъ: «Послѣ долгихъ переговоровъ Ви«це-Короля съ Бертье, первый—приказалъ прекратить пушеч«ную пальбу, тогда непріятель сдѣлался спокойнѣе; онъ дѣлалъ «временами по нѣскольку выстрѣловъ, и тишина его послѣдняго «редута (Горки) несомнѣнно насъ удостовѣрила, что Русскіе отсту«паютъ по дорогѣ въ Москву.»

Изъ этого засвѣдѣтельствованія опять видно, что Французы первые отказались продолжать битву, прекративъ свой огонь; нашъ же огонь, должно полагать по выраженію, если это не фраза, ихъ безпокоилъ. Относительно же тишины съ нашего редута у Горокъ, то это былъ не послѣдній; ибо ниже этой батареи (только въ три орудія), а не редута, была еще батарея въ девять орудій, не считая находившихся на правомъ флангѣ, и орудій, выставленныхъ безъ искуственнаго прикрытія тотчасъ влѣво возлѣ Горокъ. Касательно же несомнѣнности, по-

рожденной въ мысляхъ непріятеля, на основаніи, что батарея съ Горокъ не производила огня, и что послужило къ заключенію, что мы отступаемъ по дорогѣ на Москву, то, помимо того, что мы вовсе тогда и не думали еще отступать, да по чему же мы должны бы были совершить это движеніе именно на Москву? Это все догадки автора. Обращаюсь къ прекращенію огня съ Горокъ, давшему поводъ заключать о нашемъ отступленіи. Батарея, или какъ авторъ называетъ, редутъ, былъ занятъ артиллеріею до разсвѣта слѣдующаго дня. Послѣ же битвы, когда стемнѣло, бывшія тутъ орудія роты Маіора (Х. И.) Дидерихса, были смѣнены орудіями роты Полковника Гулевича. Прапорщикъ (В. Ѳ.) Раевскій занялъ эту батарею, гдѣ оставался, и снялся съ оной только при отступленіи арріергарда. [29]

Боссе, Префектъ дворца (t. II, p. 99) говоритъ: «Вечеромъ, «въ семь часовъ, Наполеонъ возвратился въ свою палатку, и я за«мѣтилъ, что, противъ обыкновеннаго, лице его было распалено, «волосы въ безпорядкѣ и видъ усталый. Сердце его страдало отъ «потери столькихъ Генераловъ и храбрыхъ солдатъ. Здѣсь, конеч«но, въ первый разъ онъ понялъ, что слава дорого была запла«чена» и т. д. Боссе, рьяный сторонникъ Наполеона, приписываетъ это чувство тому, что онъ не употребилъ въ дѣло гвардіи и пр.

Сегюръ (t. 1, p. 403) пишетъ: «Когда послѣ битвы Напо«леонъ вошелъ въ свою палатку, къ упадку физическихъ его силъ «присоединилась большая печаль нравственная. Онъ видѣлъ поле «битвы: мѣстность говорила еще болѣе, чѣмъ люди. Около десяти «часовъ вечера пріѣхалъ (p. 404) Мюратъ опять просить гвардей«ской конницы и доносилъ, что Русская армія въ безпорядкѣ пе«реходитъ чрезъ Москву рѣку. [30] Онъ хотѣлъ напасть на нихъ и по«рѣшить. Наполеонъ отвергъ эту выходку чрезмѣрной горячности, «потомъ продиктовалъ бюллетень этого дня (18), замѣчательный «своею ложью».

---

[29] Онъ былъ награжденъ золотою шпагой «за храбрость», тогда очень рѣдкой, особенно въ его чинѣ. Раевскій живъ по сіе время.

[30] На другой же день этотъ самый Мюратъ оспаривалъ Нея, утверждая, что Русскіе отступили въ порядкѣ.

Сегюръ продолжаетъ (p. 403): «Эта побѣда, которой такъ «долго домогались и которую купили столь дорого, была непол- «ною. Дѣйствительно, потери были огромны и безъ соразмѣрнаго «имъ результата... Въ арміи и въ палаткѣ Наполеона побѣда была «безмолвна, мрачна, одинока, даже безъ льстецовъ..... Тѣ, которыхъ «онъ призвалъ: Дюма, Дарю — слушали его и молчали (p. 404); «но ихъ видъ, ихъ потупленные взоры, ихъ молчаніе — не были «безмолвны».

Вотъ, что говоритъ объ этомъ самъ Графъ Дюма, въ «Воспо- минаніяхъ» (t. III, p. 440): «Около девяти часовъ вечера, я и Дарю «были позваны къ Императору (его бивакъ былъ расположенъ «среди карре батальона старой гвардіи). Ему подали ужинать; онъ «былъ одинъ и посадилъ насъ подлѣ себя, одного на право, дру- «гого на лѣво. Выслушавъ наши донесенія о сдѣланныхъ нами рас- «поряженіяхъ, для призрѣнія раненыхъ, и о ничтожности средствъ, «представляемыхъ Колоцкимъ монастыремъ и нѣсколькими дворами «около Бородина, онъ поговорилъ съ нами объ исходѣ битвы и «тотчасъ послѣ заснулъ минутъ на двадцать. Потомъ, вдругъ про- «снувшись, продолжалъ такъ: «Удивятся, что я не употребилъ «своихъ резервовъ, чтобъ пріобрѣсть болѣе значительные «результаты. Но я долженъ былъ ихъ сохранить, чтобы «нанести рѣшительный ударъ въ большой битвѣ, которую «намъ дастъ непріятель подъ Москвою. Успѣхъ (нынѣш- «няго) дня былъ обезпеченъ: я долженъ думать объ ус- «пѣхѣ кампаніи, а по тому я и сберегъ свои резервы».[31]

Тьеръ (p. 348) пишетъ: «Въ этотъ вечеръ изъявленія радо- «сти и удивленія, которыя нѣкогда рѣзко обнаруживались въ Аус- «терлицѣ, Іенѣ, Фридландѣ — не были слышимы въ палаткѣ по- «бѣдителя».

---

[31] Здѣсь Наполеонъ поступилъ противъ своихъ правилъ. Въ его «Maximes de guerre» (Ar. 94, p. 49) сказано: «Les généraux, qui gardent des troupes frai- «ches, pour le lendemain d'une bataille, sont presque toujours battus. On doit, «s'il est utile, faire donner jusqu'a son dernier homme, parce que le lendemain «d'un succès complet, on n'a plus d'obstacle devant soi; l'opinion seule assure «de nouveaux triomphes au vainqueur».

Цельнеръ (S. 86) также свѣдѣтельствуетъ объ уныніи въ тотъ вечеръ въ палаткѣ Наполеона. И далѣе (S. 88) присовокупляетъ, что «вечеромъ, послѣ битвы, не было ни пѣсенъ, ни раз-«сказовъ: господствовало общее печальное, молчаливое уныніе».

Не слишкомъ ли уже достаточно объясняется, за кѣмъ осталась честь этого дня?

Сентъ-Илеръ, въ «Hist. de la camp. 1812», описавъ довольно еще сносно Бородинскую битву, не могъ, однако же, воздержаться отъ обычныхъ фразъ, и вотъ одна изъ нихъ (t. II, p. 25): «Le soir venu, l'armée russe était en pleine déroute». Но тотчасъ же начинаетъ поправляться (p. 26): «Поле битвы покры-«то было убитыми и ранеными. Какъ и подъ Эйлау, бой былъ «продолжительный и ужасный. Остановились биваками, не осмѣ-«ливаясь атаковать, или даже сдѣлать малѣйшее преслѣдованіе. «Чтобы дать отдыхъ своимъ солдатамъ, Императоръ подвинулъ мо-«лодую гвардію, и приказалъ ей занять позицію предъ Русскими».

Что за путаница! «Не «отваживается атаковать, но даже «и сдѣлать малѣйшаго преслѣдованія! Русская армія въ пол-«номъ бѣгствѣ, а молодую гвардію ставятъ на позицію предъ «Русскими!» Вѣроятно, Г. Сентъ-Илеръ позабылъ, что онъ заставилъ уже Русскихъ бѣжать, такъ сказать, безъ оглядки, и что не кого было атаковать, а наголову разбитаго непріятеля слѣдовало преслѣдовать, чего, конечно, не упустили бы, если бы это было такъ, какъ гласитъ фраза.

Останавливаясь отъ дальнѣйшихъ выписокъ объ этомъ предметѣ, ограничусь приведеніемъ мнѣнія одного Нѣмца, автора книги: «Der Krieg d. franz. etc. 1812». Вотъ что у него читается (S. 111): «Вообще замѣчаютъ, что почти никогда разноплеменныя войска «не бились такъ яростно, какъ въ этотъ кровавый день. Каждый «былъ въ ожиданіи, что на этомъ мѣстѣ и въ этотъ день произой-«детъ спасеніе его отечеству, будетъ конецъ претерпѣваемымъ из-«нуреніямъ, неизбѣжнымъ въ такъ малонаселенномъ краѣ и при-«томъ въ столь жаркое лѣто, по чему и бились неимовѣрно храбро.[32] Виртембергцы, Саксонцы, Вестфальцы, Поляки, Фран-

[32] Причина оригинальная, откровенная, безъ фразъ, подобныхъ употребляемымъ

«цузы, Португальцы, Италіянцы, Хорваты, казалось, въ этой бит-«вѣ одушевлены были однимъ духомъ, чего не бывало ни прежде, «ни послѣ». Да! однимъ духомъ—голодомъ, который всѣми и выставляется на первомъ планѣ.

Далѣе сказано (S. 124): «Положимъ, что битва кончилась бы «отступленіемъ Русскихъ, или Французовъ, но во всякомъ случаѣ «послѣдніе были такъ изнурены сильными напряженіями овладѣть «укрѣпленіями и удерживать ихъ, что не были въ состояніи пре-«слѣдовать Русскихъ, или воспрепятствовать Кутузову дѣйствовать «по своему. Французы должны были нѣсколько дней отдыхать, «чтобы опамятоваться, чтобы обозрѣть свои потери, чтобы «узнать движеніе и направленіе своего непріятеля. Многое, что «случилось въ послѣдствіи, было слѣдствіемъ изнуренія Великой «арміи, которая, можетъ быть, и била непріятеля, но не обра-«щала его въ бѣгство, можетъ быть отбила его, но не раз-«строила.»

Теперь должно разсмотрѣть положеніе армій по окончаніи битвы, и мѣста, ими занятыя до утра.

По окончаніи битвы о расположеніи Французовъ встрѣчаются въ частностяхъ противорѣчащіе разсказы, но въ общемъ результатѣ представляется одно и то же.

Сегюръ (t. I, p. 402) пишетъ, что Наполеонъ, «возвратясь «въ свою ставку, подозвалъ Маршала Мортье, и приказалъ ему «подвинуть молодую гвардію, но въ особенности не перехо-«дить новаго оврага, отдѣляющаго его отъ непріятеля»,[33] и прибавилъ, «что онъ возлагаетъ на него сохранить поле битвы;

Французами. Тутъ просто сказано, что сражались храбро съ голоду. Что же касается до выраженья «спасенія отечества,» это чистый юморъ. Нѣмцы того времени шли въ Москву спасать свое отечество! Ужь и тутъ надо было быть столь же откровенными и сказать, что Французы велѣли имъ идти, а голодъ заставилъ ихъ драться. Не будь голода, а раздолье, какъ въ Германіи, можетъ быть они бы повторили Ульмъ, Іену и т. п. Сытые дерутся хуже голодныхъ, что замѣчено и у хищныхъ животныхъ.

[33] Значитъ, непріятель былъ тутъ, а не ушелъ?

«что требуетъ отъ него только этого, и болѣе ничего. Вскорѣ «онъ опять подозвалъ его и спросилъ: хорошо ли онъ его понялъ? «Приказывалъ не завязывать ни какого дѣла и въ особенности со- «хранять поле битвы. Черезъ часъ. онъ опять велѣлъ повторить «приказаніе — не ити впередъ и не отступать, что́ бы ни слу- «чилось.»

Это доказываетъ какъ близкое присутствіе вовсе не разстро- енныхъ Русскихъ, такъ и то, какъ мало было увѣренъ Наполеонъ въ своей силѣ.

Фенъ (t. II, p. 41) говоритъ: «Чтобы дать возможность «отдохнуть войскамъ, бывшимъ въ битвѣ, Наполеонъ приказываетъ «подвинуть молодую гвардію и занимаетъ ею позицію противъ «Русскихъ (значитъ, они были тутъ): «Сохраняйте поле битвы, «сказалъ онъ Герцогу Тревизскому (Мортье), дѣлайте, что я «вамъ говорю, и болѣе ничего!»

Гурго (p. 138) свѣдѣтельствуетъ тоже, что «Наполеонъ по- «ручилъ молодой гвардіи сохраненіе поля битвы. Непріятель могъ «получить подкрѣпленіе въ продолженіе ночи; Наполеонъ дѣлаетъ «распоряженіе, чтобы, въ случаѣ нужды, поддержать ее.»

И это опять подтверждаетъ, какъ мало онъ былъ увѣренъ въ своей побѣдѣ.

Эти три показанія лицъ, находившихся при Наполеонѣ, ясно доказываютъ, что Французская армія, бывшая въ дѣлѣ, отступила, какъ это далѣе будетъ сказано яснѣе, и что молодая гвардія въ этомъ мѣстѣ, т. е., при Семеновскомъ, составляла какъ бы авангардъ; а расположившись такъ, они это и разумѣютъ подъ именемъ поля битвы, что разъяснится въ своемъ мѣстѣ. Впрочемъ, самая числи- тельность молодой гвардіи (около 6 т.) доказываетъ, что она да- леко не могла составлять и авангарда, а имѣла порученіе содер- жать посты въ Семеновскомъ.

Пеле (p. 142) пишетъ: «Французская армія расположилась «на пространствѣ, взятомъ у непріятеля близъ лѣса, въ которой «онъ отступилъ.»

На этомъ пространствѣ, противъ нашего лѣваго фланга, Французы оставались до наступленья темноты, но потомъ стянулись къ Семеновскому, гдѣ смѣнены были молодою гвардіей, и пошли далѣе, назадъ, къ своему лагерю.

Рёдеръ, Полковникъ Гессенскаго Генеральнаго Штаба, участникъ въ битвѣ (S. 152), говоритъ: «Французы заняли только часть поля битвы (на нашемъ лѣвомъ флангѣ); дивизія Роге, молодой гвардіи, заняла ее. Наполеонъ у Шевардина, среди баталіоннаго каре старой гвардіи.» Лессингъ, Саксонскій Офицеръ, участникъ въ битвѣ (t. I, S. 450), говоритъ то же, что «только одна конница занимала постами часть поля битвы, Русскіе также занимали оное: пѣхота же Французовъ отошла.» Лессингъ описываетъ ужасныя сцены и зрѣлища.

Генералъ Гофманъ, также участникъ въ битвѣ, въ «Schl. von Borodino» (S. 65), говоритъ, что, «по окончаніи битвы Французы были за Семеновскимъ.[34] Гвардія оставалась въ Шевардинѣ, а Понятовскій около Утицы.»

Лабомъ (p. 160) пишетъ: «Армія расположилась на полѣ битвы и частью во взятыхъ ею редутахъ.»

Здѣсь поле битвы разумѣется около Семеновскаго, и самые редуты, въ которыхъ частью остановилась, какъ замѣчено выше, молодая гвардія. Относительно же центральной батареи, какъ смерклось, на ней не было и ведета со стороны Французовъ, отошедшихъ съ этѣхъ мѣстъ на лѣвый берегъ Семеновки. Эта батарея составляла оконечность лѣваго фланга 6 корпуса, который защищалъ ее, а по тому мнѣ близко извѣстно, что въ полночь на ней, кромѣ грудъ убитыхъ и умирающихъ, никого не было, да и быть не могло; ибо пунктъ этотъ для Французовъ былъ слишкомъ изолированнымъ впереди.

---

[34] Тогда Подполковникъ Генеральнаго Штаба у насъ (въ послѣдствіи Генералъ-Лейтенантъ Пруссіи). Сказавъ за Семеновскимъ, значитъ должно понимать съ нашей стороны, т. е., что Французы имѣли передъ собою Семеновское, а занимали редуты только передовою цѣпью. Это въ дѣйствительности и было такъ.

Биньіонъ (p. 40) пишетъ: «Поле битвы принадлежитъ «намъ. Непріятельская армія не думаетъ болѣе возвращаться «на насъ; она придвинулась къ Псаревскому оврагу, но не от- «ступаетъ; послѣ ужасной канонады она стоитъ въ колоннахъ.»

Здѣсь опять идетъ рѣчь объ одномъ лѣвомъ флангѣ, ибо прочія части оставались на мѣстѣ. Замѣчательны выраженія: «болѣе не возвращается на насъ, но не отступаетъ!» Значитъ, что она остановилась на своей второй позиціи и ожидала Французовъ къ себѣ въ гости, и, по словамъ автора, не переходила даже за Псаревскій оврагъ.

Посмотримъ теперь сказанія еще нѣкоторыхъ.

Гепералъ Сарразенъ (p. 144) говоритъ: «и Наполеонъ въ «Бородинѣ, какъ Фридрихъ въ Колинѣ, занимаетъ ночью про- «странство, на которомъ онъ находился, прежде чѣмъ «дать битву, кромѣ его праваго фланга, подъ начальствомъ Мю- «рата, который съ большимъ трудомъ удержался на отнятой у «Русскихъ позицій.»

Капфигъ (t. IX, p. 277) пишетъ, что, по «окончаніи битвы, «обѣ арміи остановились бивуаками одна противъ другой, не осмѣ- «ливаясь атаковать, или преслѣдовать, на другой день.»

Само собою разумѣется, что одна противъ другой; но на какомъ разстояніи онѣ находились? По смыслу сказаннаго явствуетъ, что если бъ мы не отступили, то непріятель не осмѣлился бы насъ атаковать; между же тѣмъ извѣстно, что мы даже осмѣливались думать на другой день атаковать Наполеона, и, по удостовѣренію Французскихъ писателей, мы поставили бы этѣмъ непріятельскую армію еще и въ самое опасное положеніе.

Керъ-Портеръ (p. 155) пишетъ: «Французы отступили «съ поля битвы, когда уже нельзя было различать ни одного «предмета», и присовокупляетъ еще: «Разставляя ночную цѣпь, «Русскіе на каждомъ шагу имѣли доказательство, что славные дни «Эйлау и Ваграма, какъ бы кровопролитны они ни были, съ этѣхъ «поръ должны уступить мѣсто, по огромному побіенію, Бородин- «ской битвѣ.» Далѣе, разсуждая о лжи, наполняющей бюллетени

Наполеона, говоритъ: «Будучи принужденъ отступить двѣнадцать «верстъ (11 километровъ), не останавливаясь, онъ требуетъ себѣ «право на успѣхъ дня?» присовокупляя, что Платовъ былъ посланъ за нимъ. По засвѣдѣтельствованію же Полковника Комба, какъ видно будетъ далѣе, Платовъ, дѣйствительно, на разсвѣтѣ атаковалъ Французскіе аванпосты.

Вентурини, участникъ (t. I, S. 283), говоритъ, что «Русскій лѣвый флангъ былъ отодвинутъ въ кустарникъ, но, съ наступленьемъ ночи, каждая сторона заняла опять тѣ мѣста, съ которыхъ поутру начали битву.»

Буркерсрода, Офицеръ Гессенскаго гвардейскаго кирасирскаго полка, говоритъ, «что когда стемнѣло, они отошли съ поля битвы при Семеновскомъ, оставивъ только аванпосты, и расположились въ кустарникахъ, откуда поутру выступили въ дѣло.

Въ «Skiz. zur einer Gesch.» (S. 202): «Ночью обѣ стороны заняли «опять тѣ мѣста, на которыхъ были по утру.»

Дюрданъ (p. 34—35) говоритъ тоже, что «Французы отошли.»

Козегартенъ (стр. 166) говоритъ, что «ночью Французы «не выиграли пяди пространства.»

Генералъ Гурго, пламенный сторонникъ Наполеона и сопутникъ его на островъ Св. Елены, опровергая Сегюра, говоритъ (p. 139), что, напротивъ, «Русская армія провела ночь на оставшемся у ней полѣ битвы, упираясь правымъ флангомъ къ Горкамъ, правѣе которыхъ находилась дивизія легкой пѣхоты, а лѣвое крыло упиралось къ лѣсу, находящемуся сзади Семеновскаго. [35]

Но правѣе Горокъ, т. е., на правомъ флангѣ, находился еще цѣлый кавалерійскій корпусъ Уварова. Обозначеніе, занимаемаго

---

[35] Здѣсь опять ссылка на Бутурлина (t. II, p. 116), что Кутузовъ въ Тарутинѣ занимался реорганизаціей: «Des corps qui avaient échappé au massacre de «Borodino.» Досадно находить подобныя фразы въ устахъ нашихъ повѣствователей, и если бы еще онѣ были справедливы! Событія послѣ Бородина, какъ видно будетъ въ гл. «Отступленіе», докажутъ всю нелѣпость этой и ей подобныхъ фразъ.

нами пространства вѣрно и изъ онаго видно, что только лѣвое крыло наше осадило на нѣсколько сотъ саженъ, сохраняя правымъ флангомъ своимъ на этой второй позиціи неразрывную связь со всею арміей.

Вальтеръ-Скоттъ (t. VII, p. 307) пишетъ: «Русскіе, кото-«рымъ ихъ отчаянныя усилія, чтобы занять обратно линію своихъ «редутовъ, причинили великія потери, получили наконецъ при-«казаніе отступить, и хотя побѣда безспорно осталась за Фран-«цузами, но можно сказать, что Русскіе скорѣе отказались отъ «битвы, чѣмъ потерпѣли пораженіе.»

Какимъ же образомъ писатель этотъ впадаетъ въ такое ошибочное повѣствованіе, когда всѣ Французскіе писатели, дѣятели въ битвѣ, утверждаютъ, что Французы первые прекратили огонь, но что Русскіе по временамъ и потомъ еще посылали въ нихъ свои ядра? Слово — «отказались» — совершенно неправильно: это — фраза.

Далѣе онъ говоритъ (тамъ же): «На дѣлѣ же, по прекращеніи «дѣйствія, Французы отступили на мѣста, которыя занимали преж-«де, оставивъ Русскихъ обладателями окровавленнаго поля битвы, «на которомъ они имѣли время похоронить убитыхъ и подобрать «раненыхъ. Ихъ конница произвела даже тревогу во Французскомъ «лагерѣ въ послѣдующую ночь за битвою.»

Въ «Fragm. sur la camp. de Russie etc.» (p. 44), сказано: «Въ «этотъ достопамятный день Русскіе приняли такъ хорошо старыя «толпы (vieilles bandes) (любимое выраженіе Наполеона), что не «много образумили ихъ привычную самоувѣренность торжествовать, «и отбросили ихъ за двѣ мили отъ поля битвы, поздравить своего «Императора съ его побѣдой.»

Заключу этотъ предметъ повѣствованіемъ Тьера, который, конечно, въ настоящемъ случаѣ, скорѣй склонился бы на сторону своихъ соотечественниковъ, а онъ говоритъ (p. 347): «Наши Ге-«нералы отвели немного назадъ свои дивизіи, чтобы обез-«печить (garantir) ихъ отъ Русскихъ ядръ, и расположились у по-«дошвы взятыхъ высотъ». [36]

---

[36] Шапюи, рьяный защитникъ военной славы своихъ соотечественниковъ,

Этѣ высоты были—Семеновскія, слѣдовательно, тутъ только, какъ замѣчено выше, они и занимали поле битвы; все же остальное, въ особенности главное поле битвы, было за Семеновскимъ, но Французы предпочли лучше оставить оное, чѣмъ оставаться подъ нашими ядрами.

Толь (t. II, S. 116, 117) говоритъ: «Только Бородино, центральная батарея и деревня Семеновская остались на ночь заняты Французами.» Далѣе (S. 118, 119) подкрѣпляетъ доводами, «что Французы отвели свои войска со всѣхъ другихъ пунктовъ.» Относительно центральной батареи, я говорилъ выше.

Въ такомъ грозномъ, какъ видно было выше, по свѣдѣтельству самихъ Французовъ, положеніи нашей арміи, не только что готовой принять Французовъ, но замышлявшей еще, съ разсвѣтомъ, атаковать ихъ, она съ горестью, о чемъ могутъ удостовѣрить остающіеся еще въ живыхъ дѣятели, узнала, что Главнокомандующій измѣнилъ планъ свой.

Въ этомъ расположеніи армія оставалась около двѣнадцати часовъ послѣ окончанія битвы, а потомъ предприняла, какъ говорится въ третьемъ отдѣленіи, въ гл. I-й, движеніе къ Можайску. Арріергардъ же нашъ оставался до десяти часовъ утра на позиціи, занимая Горки, слѣдовательно, шестнадцать часовъ по окончаніи битвы, производя тревогу своими партіями во Французскомъ лагерѣ, и оставилъ мѣсто, не будучи къ тому вынужденъ, а слѣдуя сдѣланной диспозиціи; тогда только дано приказаніе Мюрату слѣдовать за нимъ, что онъ и предпринялъ не ранѣе полудня.

Изъ всего этого видно, что слово «побѣда» ни въ какомъ случаѣ Французамъ принадлежать не можетъ.

возстаетъ противъ Керъ-Портера, Дюрдана и Сарразена, сказавшихъ что послѣ битвы Французы отступили на нѣсколько верстъ (т. е., на мѣста, съ которыхъ пошли въ дѣло). Замѣчательна его логика относительно Генерала Сарразена. Онъ говоритъ, что Генералъ этотъ, хотя и писатель съ талантомъ, но не достоинъ критики, по тому что онъ человѣкъ безнравственный! Какое же это опроверженіе его повѣствованій? Преступленіе Сарразена заключалось въ двоеженствѣ.

ГЛАВА IV.

ПОТЕРИ.

Относительно потерь, понесенныхъ обѣими арміями, представляется такое же разногласіе, какъ и въ числительности армій, вступившихъ въ Бородинскую битву. Никто еще не предпринималъ разсмотрѣть критически и этѣхъ цифръ, чтобы разъ навсегда опредѣлить оныя, хотя бы только приблизительно, а не съ тою разницей, которая представляется нынѣ.

Вотъ цифры, которыя находимъ въ разныхъ повѣствованіяхъ о Бородинскомъ сраженіи у иноземныхъ историковъ, съ присовокупленіемъ и нашихъ.

Буржуа (p. 47) говоритъ: «Русскіе потеряли отъ тридцати «пяти до сорока тысячъ человѣкъ, Французы половину.»

Въ «Details abrégés» etc. (p. 20, 21) читается, что «битва эта «была найкровопролитнѣйшая: потеря Французовъ восходитъ отъ «пятнадцати до двадцати тысячъ, а Русскихъ отъ тридцати до со- «рока тысячъ человѣкъ.» Авторъ присовокупляетъ: «Если бы, по «взятіи Французами Семеновскихъ ретраншаментовъ, Русская армія «отступила тотчасъ, [37] то этотъ день для Французовъ, хотя и по- «бѣдителей (?), стоилъ бы гораздо болѣе, чѣмъ Русскимъ, по тому «что первые потеряли уже болѣе десяти тысячъ человѣкъ изъ

[37] По мнѣнію автора, намъ слѣдовало уступить съ перваго разу! и это мнѣніе раздѣляется, какъ увидимъ, многими и самимъ Наполеономъ, которому это было бы, конечно, очень пріятно. Замѣчательна филантропія и попеченіе о непріятелѣ!

«строя, тогда какъ потеря Русскихъ простиралась только до двухъ «тысячъ.»

Въ «Der Krieg der Franz.,» etc. сказано (S. 118) то же, что намъ «слѣдовало бы отступить тотчасъ, когда у насъ были взяты «Семеновскія флеши, и что тогда потеря Французовъ превосходила «бы нашу, но что мы упорствовали отбирать потерянное, такъ что «укрѣпленіе на нашемъ лѣвомъ флангѣ, въ одинъ часъ, перехо-«дило изъ рукъ въ руки нѣсколько разъ, и присовокупляетъ, что «отъ девяти до десяти тысячъ лошадей осталось на мѣстѣ.»

Здѣсь авторъ разумѣетъ только лошадей Французскихъ (и то въ уменьшенной цифрѣ), ибо присовокупляетъ: «это пожертвованіе «конницею разразилось потомъ ужасными послѣдствіями. Когда «началось отступленіе, выгоды Русскихъ, превосходныхъ въ числи-«тельности конницы, были чувствительнѣе, нежели потери ея при «Бородинѣ.» Но здѣсь представляется вопросъ: дожили ли бы этѣ лошади до того времени, когда началось отступленіе? Остававшіяся въ арміи Наполеона не могли уже имѣть корма и большее количество лошадей увеличило бы потребность фуража, а извѣстно, что по отступленіи изъ Москвы Французы должны были бросить множество пушекъ и различныхъ военныхъ обозовъ, по причинѣ гибели лошадей отъ недостатка корма. Въ тогдашнее же время, при большомъ количествѣ конницы, имъ столь же затруднительно было бы посылать далѣе на фуражировку; наши партіи и поселяне имѣли бы еще болѣе удобства уничтожить тѣхъ, которые отдѣлялись бы далеко отъ средоточія своихъ силъ.

Сарразенъ (p. 130) пишетъ то же. Онъ говоритъ: «Если «бы Русскіе, вытѣсненные изъ своихъ позицій, сказалъ Наполе-«онъ, не предпринимали опять овладѣть оными, нашъ уронъ пре-«восходилъ бы ихъ уронъ; но они уничтожили свою армію, держа «ее съ осьми часовъ до двухъ подъ огнемъ нашихъ батарей, и «упорствомъ отбирать то, что уже потеряли. Это причина ихъ «огромныхъ потерь.» И послѣ вдругъ опредѣляетъ (p. 136) потерю слѣдующимъ образомъ: «Потеря Французовъ около сорока тысячъ, «Русскихъ столько же», присовокупляя къ сему (p. 138): «что же «касается до пяти тысячъ плѣнныхъ, которыми хвастаетъ Напо-«леонъ (въ 18 бюллетенѣ), взятыхъ у Русскихъ, то должно пред-

«полагать, что это раненые и больные, оставленные въ Можайскѣ «и окрестностяхъ.» Авторъ, не замѣчая безсмыслицы, которую сказалъ, самъ [38] прибавляетъ (р. 139): «Подобныя нелѣпости можно «разсказывать дѣтямъ. Какое безумство хотѣть увѣрить, что Рус«скіе, извѣстные плотностью и непоколебимостью своихъ колоннъ, «не умѣютъ смыкаться по мѣрѣ того, что люди выбываютъ изъ «фронта!» Это авторъ говоритъ въ опроверженіе сказаннаго въ помянутомъ бюллетенѣ, что Мюратъ врѣзался въ бреши, сдѣланныя въ нашихъ колоннахъ Французскою артиллеріею.

Пюибюскъ, Главный Интендантъ въ Смоленскѣ (р. 84), пишетъ: «Истина въ томъ, что тридцать тысячъ человѣкъ не попол«нятъ потери 7-го Сентября (26 Августа). Храбрѣйшая конница, «нещадно расточенная въ этотъ кровопролитный день, не скоро «возстановится.» Далѣе (р. 89): «Относительно убитыхъ и раненыхъ, «я не думаю, чтобы наша потеря была менѣе Русской»... «Я ви«дѣлъ Наполеона, объѣзжающаго поле битвы, я слѣдовалъ за нимъ «повсюду. Онъ былъ сіяющимъ, потирая руки, повторялъ съ удо«вольствіемъ: «Пять убитыхъ Русскихъ на одного Француза!» Я ду«маю (присовокупляетъ авторъ), что онъ принялъ Нѣмцевъ за «Русскихъ.»

«Такимъ образомъ (р. 90), продолжаетъ Пюибюскъ, Боро«динское сраженіе уменьшало Французскую армію на тридцать пять «тысячъ человѣкъ безъ всякой выгоды. Вы увидите изъ 18-го «бюллетеня, какъ уже я васъ извѣщалъ, что Русская армія, съ «открытія кампаніи, побитая, или взятая въ плѣнъ, оказывается «существующею, чтобы своею числительностью превзойти нашу, «или, по крайней мѣрѣ, сравняться съ нею въ день битвы. Вы за«мѣтите также, что наша армія въ триста пятьдесятъ тысячъ чело«вѣкъ, при переходѣ чрезъ Нѣманъ, хотя почти ничего не потер«пѣла въ частыхъ схваткахъ и перестрѣлкахъ, съ 20-го Іюня яви«ляется на битву, 7-го Сентября, въ числѣ не болѣе ста тридцати «тысячъ человѣкъ... Что сдѣлалось съ сотнями тысячъ, которыхъ

[38] Ибо бюллетень былъ писанъ 26-го Августа вечеромъ, а Можайскъ занятъ Французами только 28-го Августа. Впрочемъ, эти раненые, если они только были въ такомъ числѣ, могли быть подобраны на полѣ битвы, но и это не въ то время, когда былъ писанъ бюллетень, а конечно, на другой день.

«недостаетъ съ 20 Іюня по 7-е Сентября, по признанію самаго «18 бюллетеня? Откуда являются Русскія фаланги, которыя мы «безостановочно убивали въ продолженіе шестидесяти четырехъ «дней? Какимъ образомъ можно заставить вѣрить, чтобы, атакуя «непріятеля, имѣющаго редуты, кареи, окруженныя засѣками, рав«няющимися рогаткамъ, овраги между собой и противниками— «понести, сравнительно, несоразмѣрную потерю, къ числу громи«мыхъ имъ, изъ пяти сотъ орудій въ продолженіе семи часовъ «безостановочно?»

Бомсдорфъ (t. II, p. 108) говоритъ, что «обѣ арміи потеряли «убитыми и ранеными семьдесятъ тысячъ человѣкъ, Русскихъ боль«шая половина.»

Ларей (Пеле, p. 531), главный хирургъ арміи, пишетъ: «Французовъ убито девять тысячъ, а ранено отъ двѣнадцати до «тринадцати тысячъ человѣкъ.» Пеле (p. 144) ссылается на эту же цифру, а потерю Русскихъ обозначаетъ по Бутурлину

Либенштейнъ (t. II, S. 61) говоритъ, что «по 18-му бюл«летеню, Французовъ убито двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ, а «ранено семь тысячъ пятьсотъ, но Французы потеряли не менѣе «сорока тысячъ, а Русскіе, по малой мѣрѣ, тридцать тысячъ че«ловѣкъ.»

Бретшнейдеръ (t. I, S. 86) пишетъ: «Съ обѣихъ сторонъ «считали отъ шестидесяти до семидесяти тысячъ убитыхъ и ране«ныхъ,» и присовокупляетъ: «поле битвы представляло ужасную кар«тину! Горестна была участь раненыхъ, составлявшихъ цѣлую ар«мію. Они лежали тысячами безъ помощи. Но Русскій проливалъ «кровь, утѣшаясь тѣмъ, что палъ за родину; сыны же Германіи, «Франціи и Италіи, издыхали далеко отъ отечества жертвами вла«столюбія.»

Керъ-Портеръ (p. 156) говоритъ, что «потеря Французовъ «должна была простираться нѣсколько болѣе пятидесяти тысячъ «человѣкъ, а лошадей болѣе двадцати пяти тысячъ.»

Нѣсколько выше (p. 155) онъ пишетъ, что «въ этотъ день «восемьдесятъ тысячъ человѣкъ прекратили свое существованіе.»

Значитъ, что на долю Русскихъ авторъ даетъ тридцать тысячъ человѣкъ.

Миллеръ (t. I, S. 123), какъ участникъ въ битвѣ, свѣдѣтельствуетъ: «Французы говорятъ, что взяли въ плѣнъ пять тысячъ «человѣкъ, но это по большей части были раненые, которыхъ «Кутузовъ долженъ былъ оставить на мѣстѣ битвы.» Далѣе (S. 142) «прибавляетъ: «Русскіе потеряли болѣе людей, чѣмъ Французы, ко«торыхъ уронъ былъ уже довольно значителенъ.»

Шамбре (t. II, p. 75) опредѣляетъ общую потерю обѣихъ армій за семьдесять тысячъ убитыхъ и раненыхъ, но потеря Русскихъ была значительнѣй потери Французовъ, по тому что первые были въ необходимости оставить часть своихъ раненыхъ на полѣ битвы.[39] И далѣе (p. 76) говоритъ: «Русская пѣхота, от«носительно къ конницѣ, потерпѣла болѣе; въ арміи же Наполеона «это было на оборотъ. Одни отъ другихъ отбили по нѣскольку «полевыхъ орудій; Французы же, сверхъ того, овладѣли двадцатью «одной пушкой, находившимися въ редутѣ.[40]

Далѣе авторъ (p. 83) присовокупляетъ, что «Наполеонъ, слѣ«дуя своему обыкновенію преувеличивать свои успѣхи, извѣщаетъ, «въ 18-мъ бюллетенѣ, объ удержанной имъ рѣшительной побѣ«дѣ, въ которой Русскіе потеряли сорокъ, или пятьдесятъ, тысячъ, «а Французы только десять тысячъ человѣкъ.»

Фенъ, хотя и свѣдѣтель битвы, однако же не даетъ цифры потерь и ограничивается (t. II, p. 41) тѣмъ, что говоритъ: «По«тери Французской арміи велики. Потеря же Русской арміи не «смѣтна.» И повторяетъ то, какъ замѣчено выше, что мы «потеряли бы менѣе Французовъ, если бы не упорствовали въ защи«тѣ и въ нападеніяхъ.» Само собою разумѣется, говорю опять, что имъ было бы очень пріятно, если бы мы, какъ Пруссаки

---

[39] Но это ни какъ не измѣняетъ цифры выбывшихъ изъ строя, а только превращаетъ раненыхъ въ плѣнныхъ.

[40] Въ Бородинѣ, кромѣ полевыхъ орудій, у насъ не было ни какихъ, слѣдовательно и въ редутѣ были не крѣпостныя или осадныя, а тѣ же полевыя пушки.

подъ Іеною, бѣжали послѣ перваго на нихъ нападенія. Но Французы умѣютъ такъ ловко выражаться, въ подобныхъ случаяхъ, что можно подумать, будто они дѣйствительно руководимы филантропическими чувствами и искренне сожалѣютъ, за чѣмъ мы такъ упорно отстаивали мѣсто, что отъ этого-то мы такъ много и потеряли и т. д. Но не лучше ли было бы имъ вовсе не нападать, въ избѣжаніе кровопролитія? Послушать ихъ фразъ, такъ они насъ били отъ Нѣмана до Москвы и отъ Москвы до Парижа; а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ уже фразы оказываются безсильными, они очень ловко умѣютъ слагать вину въ своихъ неудачахъ: или на мнимо несоразмѣрную числительность непріятеля, или на недоумѣнія нѣкоторыхъ частныхъ своихъ начальниковъ при исполненіи диспозиціи, на ошибки, на смерть начальниковъ частей и иногда на измѣну и тому подобныя причины, но и въ такихъ случаяхъ слово «victoire» съ другими, столь же громкими, выраженіями, всегда находитъ мѣсто во фразахъ, которыми мастерски облекаютъ свой разсказъ, ни мало не заботясь о томъ, что разсказъ, ими же самими составленный, совершенно противорѣчитъ хвастливымъ ихъ выраженіямъ.

Графъ Дюма равномѣрно не опредѣляетъ цифры потери подъ Бородинымъ, хотя ему, какъ Генералъ-Интенданту арміи, она должна быть положительно извѣстна. Вотъ, что онъ говоритъ («Souvenirs,» t. II, p. 442): «Наши потери громадны и тѣмъ болѣе чувствительны, что наши усилія и попеченія не могли создать на этѣхъ пустынныхъ равнинахъ достаточныхъ вспомоществованій, чтобы вырвать у смерти столько храбрыхъ изувѣченныхъ.» Изъ словъ Дюма должно заключить, что потери Французовъ были огромны.

Вольцогенъ (S. 148, 149), сказавъ, что у Русскихъ убито и ранено тысяча двѣсти Офицеровъ, но никогда нельзя было узнать точно, сколько именно въ этотъ день пало солдатъ, приводитъ цифру Бутурлина—пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. Потерю Французовъ опредѣляетъ въ двадцать тысячъ убитыми и десять пушекъ, а Русскіе потеряли тринадцать пушекъ.

Солтыкъ (p. 244) говоритъ, что «у Русскихъ выбыло изъ «строя пятьдесятъ тысячъ человѣкъ,» и присовокупляетъ: «но мы «взяли только малое число плѣнныхъ.» Потерю же Французской

арміи онъ опредѣляетъ въ восьмнадцать тысячъ убитыми и ранеными, и говоритъ, что (p. 25): «при осмотрѣ Наполеономъ на другой день поля битвы (авторъ находился при Наполеонѣ), замѣтили, что на одного убитаго Француза было трое Русскихъ.» Выше же видно было, что Наполеонъ насчиталъ на одного Француза пять Русскихъ.

Галлуа, въ «Исторіи Наполеона» (II part., p. 442) опредѣляетъ «потери Русскихъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ, а Французовъ «отъ десяти до двѣнадцати тысячъ,» и то же, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, говоритъ, что намъ не слѣдовало оспаривать Семеновскія укрѣпленія; тогда мы потеряли бы менѣе Французовъ. Не угодишь этѣмъ Господамъ: когда мы отступаемъ—они кричатъ, что мы бѣжимъ! Начали сражаться, они опять говорятъ: зачѣмъ мы обороняемся, или нападаемъ на нихъ, это причиняетъ намъ потери! Филантропы!

Норвенъ (t. III, p. 310) говоритъ, что «эта битва, очень не «рѣшительная (trop peu décisive), Французамъ стоила отъ двѣнадцати до тринадцати тысячъ ранеными и девять тысячъ убитыми, «а Русскимъ (p. 311) около пятидесяти тысячъ. Французы взяли «пятьдесятъ пушекъ и нѣсколько тысячъ плѣнныхъ.»

Тиссо (t. II, p. 726): «Эта битва, одна изъ самыхъ кровопролитныхъ нашего времени, стоила Французамъ отъ пятьнадцати до «двадцати тысячъ человѣкъ. Число раненыхъ Генераловъ восходило «до тридцати. У Русскихъ (p. 727) выбыло изъ фронта около сорока тысячъ человѣкъ. Убитыхъ, или раненыхъ, Генераловъ пять-«десятъ.» (Но это даже не на оборотъ: у Французовъ сорокъ девять, а у насъ только двадцать два). Въ числѣ убитыхъ Генераловъ онъ называетъ двухъ Тучковыхъ, что неправильно, ибо убитъ только одинъ А. А. Тучковъ 4, а Н. А. Тучковъ 1-й раненъ: правда, что онъ чрезъ три недѣли умеръ, но въ такомъ случаѣ убитъ и Князь Багратіонъ. «Французы взяли болѣе пятидесяти пушекъ.» и опять: «plusieurs milliers плѣнныхъ».

Въ «Kurze Darstel.» (S. 16): «Русскіе потеряли болѣе сорока «тысячъ, а Французы десять тысячъ человѣкъ.» Въ описаніи уча-

стія въ войнѣ Саксонцевъ въ 1812 и 1815 годахъ (S. 384): «съ «обѣихъ сторонъ убитыхъ и раненыхъ шестьдесятъ тысячъ.»

Въ «Skizzen zur einer Gesch. (S. 83): «Съ обѣихъ сторонъ «убитыхъ и раненыхъ сто тысячъ человѣкъ.»

Гурго (p. 377) говоритъ, что «съ обѣихъ сторонъ выбыло изъ строя восемьдесятъ тысячъ человѣкъ; тридцать тысячъ труповъ лежало на полѣ битвы.

Капфигъ (t. IX, p. 277) пишетъ: «Вечеромъ съ той и дру«гой стороны не много насчитывали плѣнныхъ. Поле битвы уст«лано тѣлами; считали семьдесятъ тысячъ выбывшихъ изъ строя».. Далѣе на той же страницѣ: «Русскихъ убито и ранено тридцать «тысячъ, Французовъ двадцать тысячъ».... По утру, 8 Сентября, «(27-го Августа), оказались (p. 278), по перекличкѣ, только девяно«сто тысячъ, а на канунѣ было сто двадцать тысячъ подъ ружьемъ.» Здѣсь представляется разнорѣчіе въ цифрахъ, ибо въ первомъ случаѣ тридцать и двадцать тысячъ составляютъ не семьдесятъ, а только пятьдесятъ тысячъ, а во второмъ выходитъ, что у Французовъ убыль показана въ двухъ цифрахъ, въ двадцать и тридцать тысячъ, какъ видно изъ результата переклички.

Бисмаркъ (S. 559) опредѣляетъ другую цифру. «Потерю Русскихъ онъ ограничиваетъ въ двадцать пять тысячъ человѣкъ, а Французовъ въ тридцать тысячъ.» Въ другомъ же мѣстѣ (Spect. mil. 1847, t. XXIV, p. 148) онъ считаетъ «потерю Русскихъ, по Даниловскому, въ пятьдесятъ тысячъ, присовокупляя, что «это число еще увеличилось послѣ битвы—больными и дезертирами.» Потерю Генераловъ онъ опредѣляетъ въ сорокъ три.

Въ «Mém. pour servir à l'hist. de la guerre de 1812,» написанныхъ Офицеромъ Французскаго Генеральнаго Штаба (t. I, p 187), потеря Франнузовъ опредѣляется: «болѣе двадцати тысячъ, «а у насъ убитыми, ранеными и плѣнными болѣе тридцати тысячъ «человѣкъ, и болѣе тридцати Генераловъ выбыло изъ фрон«та.» Положимъ, что онъ прибавилъ около десяти, но замѣчательно, что въ число убитыхъ онъ включаетъ «Генералъ-Лейтенанта Коновницына.»

Авторъ дѣлалъ кампанію и долженъ былъ знать, что убитый Коновницынъ послѣ Бородина не разъ командовалъ значительными частями войскъ, отъ Малоярославца до Парижа, о чемъ упоминаютъ всѣ повѣствователи иноземные. Любопытно было бы также знать, кто такой, кромѣ Генерала Лихачева, былъ взятъ подъ Бородинымъ въ плѣнъ, ибо авторъ говоритъ о трехъ взятыхъ у насъ въ плѣнъ Генералахъ. О Тучковѣ 3-мъ не можетъ быть рѣчи; ибо онъ также израненый, какъ и Лихачевъ, взятъ былъ за двадцать дней прежде въ битвѣ на Валутиной горѣ.

Денье, находившійся въ Главномъ Штабѣ Наполеона и въ послѣдствіи изъ Архива Военнаго Министерства, до котораго, какъ говоритъ, Бертье никого не допускалъ, выбралъ цифры потерь Французской арміи, которыя (р. 80), представляютъ слѣдующее: «Генераловъ убито десять, ранено тридцать девять, всего сорокъ «девять поименно). Полковниковъ убито десять, ранено двад«цать семь, всего тридцать семь. Офицеровъ, Унтеръ-Офицеровъ «и солдатъ шесть тысячъ пятьсотъ сорокъ семь, ранено двадцать «одна тысяча четыреста пятьдесятъ три; всей же потери двадцать «восемь тысячъ восемьдесятъ шесть человѣкъ.

«Потерю Русскихъ онъ опредѣляетъ въ пятьдесятъ тысячъ «человѣкъ.»

Казалось бы, что послѣ подобнаго труда, относительно цифръ Французской арміи, числительность должна была быть уже принята окончательно, но это сдѣлано, какъ будетъ видно, не многими, писавшими въ послѣдствіи.

Г.-Л. Фезензакъ (р. 46) опредѣляетъ потерю Французовъ слово въ слово по Денье, а потерю нашу въ пятьдесятъ тысячъ, и въ число убитыхъ включаетъ Принца Евгенія Виртембергскаго! Замѣчательно то, что онъ въ эту войну служилъ Полковникомъ въ Штабѣ Наполеона и на другой день послѣ Бородина получилъ полкъ, а книгу свою написалъ въ 1849 году; слѣдовательно, имѣлъ время справиться, если позабылъ то дѣятельное участіе, которое Принцъ принималъ во всѣхъ битвахъ послѣ того, какъ былъ убитъ, да и самъ Генералъ Фезензакъ говоритъ о немъ не разъ.

Жомини (t. II, p. 230) говоритъ, что «съ обѣихъ сторонъ «выбыло изъ строя восемьдесятъ тысячъ человѣкъ.» То же говоритъ (p. 45) и Бретонъ дела Мартинье.

Мишо (p. 134) пишетъ: «сорокъ три Генерала и тридцать «тысячъ Французовъ были убиты на мѣстѣ. Потеря Русскихъ была не менѣе; ни съ той, ни съ другой стороны плѣнныхъ не «было. Убивали другъ друга безъ жалости, безъ пощады, по обыкновенію дикихъ.»

Сентъ-Илеръ (въ «Hist. popul.,» t. III, p. 69) говоритъ: «Наши потери были ужасны, но безъ соразмѣрныхъ результатовъ.» Въ другомъ же своемъ сочиненіи («Hist. de la camp. de 1812,» t, II, p. 25) опредѣляетъ потерю Французовъ по цифрамъ Денье, а нашу въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, присовокупляя (p. 26): «но плѣнныхъ насчитывали не много.»

Кастельверъ (p. 276) опредѣляетъ нашу потерю: «убитыми пятьнадцать тысячъ, ранеными тридцать тысячъ и пять тысячъ плѣнными.»

Мортонваль (p. 282, 283) показываетъ, согласно съ Кастельверомъ, нашу потерю убитыми и ранеными; но плѣнныхъ, вмѣсто пяти тысячъ, только въ двѣ тысячи человѣкъ. Потерю же Французовъ беретъ изъ Ларрея, т. е., девять тысячъ убитыми и тридцать тысячъ ранеными.

Биньіонъ (p. 10) одинаково ничего не опредѣляетъ, а говоритъ только: «потери обѣихъ армій были чрезвычайно велики, «но потеря Русскихъ далеко превосходитъ нашу.»

Дю-Кассъ (p. 204): «Болѣе шестидесяти тысячъ человѣкъ «съ обѣихъ сторонъ нашли смерть при Бородинѣ.»

Форъ (p. 48), медикъ 1-го кавалерійскаго корпуса, говоритъ, «что на одного Француза было четверо Русскихъ,» и присовокупляетъ, «что онъ никогда бы не повѣрилъ, если бы самъ «того не видѣлъ.» И такъ, вотъ еще новая цифра сравненія: выше видно было, что Наполеонъ насчиталъ пять Русскихъ, Графъ Солтыкъ трехъ, а Г. Форъ четырехъ на одного Француза! Чего ихъ жалѣть! Замѣчательно основаніе разсчета!!

Клаузевицъ опредѣляетъ «потерю Русскихъ въ тридцать тысячъ, а Французовъ въ двадцать тысячъ человѣкъ,» а въ другомъ своемъ сочиненіи («Milit. Briefe,» t. I, p. 419) потерю Русскихъ приводитъ по Бутурлину: пятьнадцать тысячъ убитыхъ и тридцать тысячъ раненыхъ; Французовъ, по Ларрею: девять тысячъ убитыхъ и тридцать тысячъ раненыхъ, и выводитъ причину несоразмѣрности потери въ противоположныхъ арміяхъ ту, что, будто бы наша артиллерія стрѣляла слишкомъ высоко!

Рёдеръ (S. 152, 153) потерю Французовъ опредѣляетъ по Ларрею, а Русскихъ по Бутурлину. У Французовъ убитыхъ и раненыхъ Генераловъ около сорока. У Русскихъ, въ числѣ убитыхъ, показанъ не только Тучковъ 1-й, раненый, какъ и Багратіонъ, умершіе послѣ, но и Коновницынъ. Плѣнныхъ Русскихъ взято около тысячи и двадцать одну пушку въ редутахъ.

Лоссбергъ (S. 174): «Французовъ убитыми и ранеными двад«цать пять тысячъ, а у Русскихъ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, «или, по крайней мѣрѣ, въ пропорціи 2 къ 3. Наши трофеи, при«совокупляетъ авторъ, заключаются въ какихъ ни будь двадцати «пушкахъ, взятыхъ въ редутахъ.»

Въ «Das Buch vom Jahre 1812» etc. (S. 287): «потеря Русскихъ опредѣляется въ сорокъ тысячъ человѣкъ.» Авторъ (S. 301) присовокупляетъ: «Результатъ этой бойни заключался въ тысячѣ «плѣнныхъ и около тридцати пушекъ, взятыхъ у Русскихъ.»

Вентурини (t. I, S. 281): «потеря съ каждой стороны по «тридцати тысячъ человѣкъ убитыхъ и раненыхъ.»

Гофманъ, въ «Schl. v. Borod.» (S. 66), собственно въ Бородинѣ, 26 Августа, полагаетъ «потерю Русскихъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ человѣкъ, а Французовъ по Денье.»

Шапюи принялъ цифры Барона Денье. Онъ только одинъ буквально придержался къ онымъ, или и самъ изслѣдовалъ ихъ въ источникѣ.

Бертезенъ (t. II, p. 53, 54), пишетъ: «потери Французовъ «убитыми и ранеными простираются отъ двадцати до двадцати «пяти тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ тысяча триста Офицеровъ

«разныхъ чиновъ и порядочное число Генераловъ.» Потерю Русскихъ Генераловъ Бертезенъ (p. 55) опредѣляетъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ человѣкъ. Въ «Воспоминаніяхъ о Наполеонѣ» его Секретаря (t. I, p. 36) опредѣляется «потеря Русскихъ также около пятидесяти тысячъ и сорокъ Генераловъ!»

Бейтцке (S. 214) означаетъ потери Французовъ приблизительно съ цифрами Денье и Шапюи, и именно: въ двадцать восемь тысячъ и сорокъ девять Генераловъ. Относительно же Русскихъ онъ возвышаетъ ихъ потерю отъ пятидесяти двухъ до пятидесяти осьми тысячъ человѣкъ. «Французы взяли сорокъ пушекъ и тысячу плѣнныхъ.»

Тьеръ, неизвѣстно изъ какихъ источниковъ, даетъ также приблизительныя цифры къ показаннымъ Барономъ Денье и Полковникомъ Шапюи, но въ нѣкоторыхъ онъ далеко отходитъ отъ нихъ. Вотъ, что онъ (p. 348) говоритъ: «девяносто тысячъ съ «обѣихъ сторонъ легло на полѣ битвы,[11] отъ двадцати до двадцати пяти тысячъ лошадей убитыхъ, или блуждающихъ (erants) «по полю.»

Онъ раздѣляетъ этѣ цифры слѣдующимъ образомъ (p. 349): «Раздѣленіе этого погребальнаго списка было очень не равное. Мы считали около девяти, или десяти, тысячъ убитыми.» (Денье и Шапюи 65, 67); «отъ двадцати до двадцати одной тысячи раненыхъ» (Денье и Шапюи 21, 519), т. е., тридцать тысячъ изъ «строя; сорокъ семь Генераловъ убитыхъ и раненыхъ[12] (у Денье «и Шапюи сорокъ девять) и тридцать семь Полковниковъ убитыхъ и раненыхъ.» Потерю Русскихъ онъ опредѣляетъ близъ шестидесяти тысячъ человѣкъ! И говоря о потерѣ Французскихъ Генераловъ и Полковниковъ, присовокупляетъ: «у Русскихъ около

---

[11] Пасть на полѣ, или, какъ говоритъ, «couché sur le champ de bataille» понимаетъ объ убитыхъ, а потомъ онъ опредѣляетъ убитыми Французовъ только около десяти тысячъ; но не уже ли семьдесятъ тысячъ Русскихъ было убито? Далѣе же онъ и это опровергаетъ, говоря, что у насъ «потери около того же.»

[12] Генералъ Бельяръ, котораго онъ помѣстилъ въ спискахъ раненыхъ подъ Бородинымъ, былъ раненъ при Можайскѣ.

«того же.» Но наша потеря Генералами далеко не достигаетъ
половины потерянныхъ непріятелемъ.

Такая же разница представляется и у нашихъ повѣствователей

Козегартенъ (S. 167) говоритъ, что «потеря въ обѣихъ ар
«міяхъ заключалась въ сто тысячъ человѣкъ, а именно: у Фран
«цузовъ шестьдесятъ тысячъ, у Русскихъ сорокъ тысячъ, присово
«купляя, что Французы потеряли пятьдесятъ Генераловъ, шестьде
«сятъ Полковниковъ, сто двадцать Штабъ-Офицеровъ и тысяч
«четыреста Оберъ-Офицеровъ. У Русскихъ Генераловъ потерян
менѣе.»

Ахшарумовъ (стр. 117) опредѣляетъ «потерю Русскихъ
«убитыми въ десять тысячъ, ранеными въ четырнадцать тысячъ
«семьсотъ.»

«Потерю Французовъ, на основаніи перехваченныхъ бумагъ,
«простираетъ до сорока тысячъ, присовокупляя, что битва эта на-
«звана битвою Генераловъ, по множеству ихъ тутъ павшихъ.»

Бутурлинъ (т. I, стр. 228) пишетъ, что у «Русскихъ выбы-
«ло изъ строя около пятидесяти тысячъ, въ томъ числѣ пятьнад-
«цать тысячъ убитыми, тридцать тысячъ ранеными и около двухъ
«тысячъ плѣнными.»

«У Французовъ же (стр. 289) онъ потерю возводитъ свыше
«шестидесяти тысячъ человѣкъ, изъ нихъ убитыми до двадцати
«тысячъ и плѣнными болѣе тысячи человѣкъ.»

«Русскіе отбили десять пушекъ, а тринадцать потеряли.»

Михайловскій-Данилевскій (т. II, стр. 243): «потеря Рус-
«скихъ 24 и 26 Августа около пятидесяти семи, или пятидесяти
«осьми тысячъ человѣкъ. У Французовъ до пятидесяти тысячъ,
«въ томъ числѣ сорокъ три Генерала.»

«Русскіе взяли тринадцать пушекъ, а потеряли пятьнадцать.
«Плѣнныхъ съ каждой стороны по тысячѣ человѣкъ.»

Авторъ къ изысканіямъ своимъ присовокупляетъ, что «по из-
гнаніи Французовъ, на Бородинскомъ полѣ сожжено человѣческихъ

руповъ пятьдесятъ восемь тысячъ пять сотъ двадцать одинъ; конкихъ тридцать пять тысячъ четыреста семьдесятъ восемь. Само обою разумѣется, что трупы этѣ принадлежали къ обѣимъ арміямъ.

Нѣеловъ (стр. 81): «Русскихъ Генераловъ убито трое,[43] ранено двѣнадцать и одинъ плѣненъ. Рядовыхъ убито пятьнадцать тысячъ, ранено тридцать тысячъ.»

«У Французовъ: Генераловъ убито девять, ранено тринадцать; рядовыхъ убито двадцать тысячъ, ранено сорокъ тысячъ и отбито у нихъ Русскими тринадцать орудій.»

Глинка (ч. II, стр. 26) говоритъ: «у Французовъ убито и ранено Генераловъ, какъ показано и Нѣеловымъ, но присоединено: Штабъ и Оберъ-Офицеровъ тысяча пятьсотъ, рядовыхъ въ одинаковой цифрѣ, какъ и выше, но не говоритъ о тринадцати пушкахъ »

«Потерю Русскихъ опредѣляетъ, какъ и Нѣеловъ. И одинаково говорится о третьемъ Генералѣ.»

Полевой (стр. 89): «потеря Русскихъ по однимъ: пятьдесятъ тысячъ, въ томъ числѣ убито пятьнадцать тысячъ, ранено болѣе тридцати тысячъ; но другіе, какъ авторъ присовокупляетъ, достовѣрно считаютъ убитыхъ и раненыхъ до шестидесяти тысячъ человѣкъ. Французовъ убито и ранено, конечно, не менѣе, если не болѣе шестидесяти тысячъ человѣкъ.»

Графъ Толь (t. II, S. 113), послѣ критическаго разсмотрѣнія даваемыхъ нѣкоторыми цифръ потерямъ, опредѣляетъ оныя собственно при Бородинѣ, 26 Августа, Русскихъ отъ сорока четырехъ тысячъ, и около тридцати семи пушекъ.»

Относительно потери у Французовъ, то, разобравъ цифры, опредѣляемыя Деньe и Пеле, означаетъ (S. 114) оную «отъ тридцати четырехъ до тридцати пяти тысячъ человѣкъ.»

---

[43] Убиты: Генералы Тучковъ 1, Графъ Кутайсовъ, но кто же это третій? Лихачевъ былъ взятъ въ плѣнъ, и онъ показнаъ.

Богдановичъ (т. II, стр. 222, 223), относительно потери Русской арміи, повторяетъ то, что сказалъ уже Михайловскій-Данилевскій; исчисливъ по чинамъ потерю изъ 1-й арміи, опредѣляетъ ее до тридцати осьми тысячъ человѣкъ. Относительно 2-й арміи положительныхъ свѣдѣній нѣтъ, но авторъ говоритъ, что «уронъ вообще нашей арміи въ Бородинскомъ сраженіи можно «опредѣлись безошибочно (!) до сорока четырехъ тысячъ «человѣкъ.» [44]

Относительно потери у Французовъ вотъ что авторъ пишетъ (стр. 223): «Со стороны непріятеля, по показанію Денье (самое достовѣрное), свыше двадцати осьми тысячъ (Денье говоритъ двадцать восемь тысячъ восемьдесятъ шесть человѣкъ), убито Генераловъ двѣнадцать (а Денье говоритъ десять), Полковниковъ десять, Офицеровъ и нижнихъ чиновъ шесть тысячъ пятьсотъ сорокъ семь, ранено Генераловъ тридцать семь (а Денье говоритъ тридцать девять),» остальныя цифры изъ Денье вѣрны. Послѣ сего авторъ приводитъ показаніе Ларрея, что при Бородинѣ и Шевардинѣ армія потеряла двадцать двѣ тысячи, и что Тьеръ возводитъ эту цифру до тридцати тысячъ, но онъ, какъ сказано было выше, считаетъ потерю убитыми отъ девяти до десяти тысячъ, раненными въ двадцать, или двадцать одну тысячу (Денье и Шапюи раненыхъ считаютъ въ двадцать одну тысячу пятьсотъ девятнадцать). Послѣ всего этого авторъ заключаетъ, что потеря непріятеля была не двадцать восемь тысячъ, какъ пишетъ Денье, не двадцать двѣ тысячи, какъ говоритъ Ларрей, и не тридцать тысячъ, по повѣствованію Тьера, а не меньше нашей потери, т. е., въ сорокъ четыре тысячи! Это очень можетъ быть; но чтобы увеличить потери на 5%, [45] нужны были данныя, которыя могли

---

[44] Не уже ли нѣтъ возможности изъ полковой отчетливости безошибочно обозначить настоящее число? И не уже ли 2-я армія потеряла только шесть тысячъ человѣкъ? Были дивизіи, какъ, на примѣръ, Воронцова, отъ которой осталось только семьсотъ человѣкъ. Неудовлотворительны, повторяю, такія повѣствованія.

[45] На стр. же 551, авторъ, на основаніи выводовъ Бернгарди (t. II, S. 112 — 114), говоря о числительности Наполеоновой арміи послѣ Бородина, присовокупляетъ: «Въ такомъ случаѣ непріятель потерялъ въ этомъ сраже-

бы опровергнуть показаніе Барона Денье, удостовѣряющаго, что цифры его выбраны изъ архивовъ Военнаго Министерства, до которыхъ прежде Бертье никого не допускалъ; слѣдовало бы его уличить; но это не возможно, ибо трудъ его добросовѣстенъ, и Полковникъ Шапюи, въ превосходномъ описаніи своемъ Бородинской битвы, увидѣвшемъ свѣтъ въ 1853 году, принялъ тѣ самыя цифры, которыхъ придерживался и Тьеръ, и если у послѣдняго есть кой-какія отклоненія, то, или по ошибкѣ переписчиковъ, или для округленія цифръ, такъ какъ исторія его не есть собственно военное описаніе.

Авторъ говоритъ (стр. 224): «что касается до трофеевъ... то «съ каждой стороны захвачено въ бою, по различнымъ, несовер«шенно между собою согласнымъ, показаніямъ, отъ тринадцати до «пятьнадцати орудій, кромѣ того достались въ руки непрія«теля нѣкоторыя изъ орудій, стоявшихъ въ нашихъ укрѣ«пленіяхъ.» [46] Объ этомъ выраженіи я говорилъ уже выше и замѣтилъ, что въ укрѣпленіяхъ стояли тѣ же самыя полевыя орудія, которыя дѣйствовали и въ полѣ.

Авторъ продолжаетъ: «Иностранные писатели увѣряютъ, будто «бы мы потеряли вообще до сорока орудій; [47] но какъ по очи«щеніи отъ непріятеля Московской Губерніи найдено въ окрестно«стяхъ Бородина (именно у Колоцкаго монастыря) всего на все «семьнадцать орудій, то и должно полагать, что ими ограничивались трофеи, пріобрѣтенныя Французами въ Бо«родинской битвѣ.» Здѣсь опять ссылка (N 33) на Бейтцке (S «214) и на свѣдѣнія о событіяхъ въ 1812 году, доставленныя мѣ«стнымъ начальствомъ Губерніи.

«ніи не менѣе тридцати трехъ тысячъ человѣкъ.» И такъ, сколько же именно онъ потерялъ? Относительно этой потери, слѣдовало бы, повторяю, принять цифры Денье, если фактически ихъ нельзя опровергнуть.

[46] Здѣсь ссылка, N 32, на «подлинную записку Толя; но гдѣ она? Слѣдовало бы сдѣлать изъ оной выписку, и на Шамбре (t. II, p. 75, 76).

[47] Приступая что либо критиковать, или опровергать, слѣдуетъ назвать того, о комъ идетъ рѣчь, а не просто: «иностранные писатели;» ибо, какъ было видно выше, они разноголосятъ о количествѣ взятыхъ у насъ орудій, а

Мнѣ кажется, никто лучше не разрѣшилъ бы сомнѣнія почтеннаго автора, какъ Артиллерійскій Департаментъ, если въ архивахъ, изъ которыхъ извлекались матеріялы для настоящей книги, другихъ лучше не было, какъ Г. Бейтцке, написавшаго Нѣмецкую книгу свою чрезъ сорокъ четыре года, и донесенія мѣстнаго начальства, т. е., всеконечно Можайскаго Исправника, или кого либо въ этомъ родѣ! Описывать Бородинскую битву и не знать положительно, сколько мы взяли и сколько потеряли орудій — никто этому не повѣритъ. Наконецъ, можно ли полагаться на то только, что эти 17 орудій, найденныя близъ Бородина (и именно у Колоцкаго монастыря), могли быть единственными трофеями? Но довольно о семъ. Повторяю, что Артиллерійскій Департаментъ могъ бы доставить желаемое свѣдѣніе, которое не только что было бы полновѣснѣе показаній Бейтцке и Можайскаго Исправника, но и самое вѣрное, и ссылки на него были достойны исторіи Отечественной войны. По видимому, Г.-М. Богдановичъ не довѣрялъ Артиллерійскому Департаменту, по тому что даже и не спрашивалъ его, а положился на свѣдѣнія Исправника! Указанія же для справокъ въ помянутомъ Департаментѣ онъ имѣлъ въ виду и долженъ былъ предполагать, что въ оном должно что либо быть о семъ, ибо Г.-Л. Михайловскій-Данилевскій (ч II, стр. 244), говоря о потеряхъ подъ Бородинымъ, пишетъ, «что мы отбили тринадцать пушекъ, а у насъ взято пятьнадцать. Сверхъ того, у насъ подбито тридцать семь пушекъ, да взорванныхъ и доставшихся непріятелю зарядныхъ ящиковъ сто одиннадцать». И, въ слѣдъ за симъ, дѣлаетъ ссылку на свѣдѣнія Артиллерійскаго Департамента, а по тому, это достаточно указывало Г.-М. Богдановичу, откуда слѣдовало почерпать данныя, но у него этого ничего нѣтъ, и нѣтъ помину о зарядныхъ ящикахъ, о которыхъ говоритъ Михайловскій-Данилевскій. Если же этотъ показалъ неправильно, слѣдовало оговорить: это была обязанность добросовѣстнаго изложенія Отечественной войны, при тѣхъ условіяхъ, которыми обладалъ Г.-М. Богдановичъ, или лучше сказать, при тѣхъ средствахъ, ко-

---

цифра сорокъ, какъ кажется, встрѣчается только у одного Бейтцке, не участвовавшаго въ битвѣ; точно также, какъ Норвенъ и Тиссо, которые говорятъ, что у насъ взято пятьдесятъ пушекъ. Такихъ компиляторовъ много. Во всякомъ случаѣ нужно назвать, кого опровергаемъ, по выбранной цифрѣ.

торыя ему были предоставлены. Такимъ образомъ, до сихъ поръ, мы не имѣемъ положительныхъ цифръ, какъ числительности войскъ, принимавшихъ участіе въ Бородинскомъ сраженіи, такъ и потери, понесенной обѣими арміями, а равно и трофеевъ, какъ сей часъ это было видно. Очень жаль, что Г. Смитъ не распространилъ ученаго критическаго разбора своего и на всѣхъ вообще авторовъ, писавшихъ самостоятельно объ этомъ предметѣ, изъ которыхъ второстепенные историки заимствовали уже по своему выбору, или, лучше сказать, по своему произволу, опредѣленіе помянутыхъ цифръ, придерживаясь въ этомъ случаѣ той или другой стороны, убавляя и прибавляя числительность и потери, соображаясь съ собственными своими взглядами, или ложнымъ патріотизмомъ и т. п. Строгій анализъ имѣющихся матеріяловъ сблизилъ бы между собою цифры, даваемыя нѣкоторыми авторами, которые могли понимать въ цифрахъ своихъ, одни всю массу арміи, собранной на Бородинскомъ полѣ, другіе только тѣ войска, которыя дѣйствовали въ битвѣ; такъ, на примѣръ, одни повѣствователи Французы могли не считать около осьмнадцати тысячъ гвардіи, не принимавшей ни какого участья въ дѣлѣ, другіе, напротивъ, включать и ее въ свои цифры; точно также и у насъ, нѣсколько полковъ не были вовсе въ дѣлѣ, составляя резервъ, а равно и знатная часть милиціи.

Но намъ гораздо легче, чѣмъ Французамъ, доискиваться настоящей цифры войскъ, бывшихъ на Бородинскомъ полѣ, какъ участвовавшихъ въ битвѣ, такъ и не участвовавшихъ: у насъ архивы должны быть цѣлы и современный отчетъ о частяхъ войскъ можетъ удовлетворить этому. Но не то видимъ относительно арміи Наполеона подъ Бородинымъ, составленной изъ разныхъ народовъ, которые едва только высвободились изъ Россіи, какъ начали постепенно отпадать отъ тогдашняго своего владыки, и историки въ послѣдствіи, принявшіеся составлять свои описанія, могли уже не имѣть подъ рукой положительныхъ данныхъ для составленія общей цифры, какъ бывшимъ въ строю, въ день битвы, такъ и павшимъ въ ней.[48] Въ Москвѣ едва ли имъ до того было, чтобы за-

[48] Баронъ Денье, какъ говоритъ, извлекъ свои цифры изъ архива Военнаго Министерства, въ которое онѣ могли быть доставлены изъ Москвы, или сохраниться при отступленіи. Но какимъ же образомъ, писавшіе послѣ Денье,

няться самъ съ надлежащею отчетливостью; а если это въ нѣкоторыхъ частяхъ и было сдѣлано, то, конечно, въ чрезвычайно малой долѣ и отрывисто, ибо послѣдовательной цѣлости быть не могло. Многое, отсылавшееся изъ Москвы, было перехвачено на дорогѣ, частью доставлялось въ нашу главную квартиру, а большею частью вѣроятно истреблялось, въ особенности если попадалось въ руки крестьянамъ. Когда же армія Наполеона двинулась изъ Москвы въ обратный путь, то конечно, что ни одна изъ повозокъ не достигла Нѣмана, чтобы передать въ архивы необходимые документы, которые могли бы послужить основаніемъ для точныхъ выводовъ по сему предмету. Кто дѣлалъ эту кампанію, тотъ припомнитъ фуры, наполненныя не одними бумагами, разбитыми среди дорогъ, въ снѣгу и часто служившими пищею для бивачныхъ костровъ, преимущественно начиная отъ Дорогобужа по всей дорогѣ, особенно въ Гжатскѣ, Смоленскѣ и на Вопи, Краснымъ и до самыхъ Борисова и Студянки, гдѣ многія тысячи различнаго рода экипажей были брошены, и очень немногія изъ главныхъ лицъ арміи успѣли увидѣть свои повозки на противоположномъ берегѣ Березины, да и то не на долго. Понырскія высоты оставили на себѣ почти все еще остававшееся. Самъ Наполеонъ подалъ примѣръ приказаніемъ сжечь многія бумаги, а потомъ даже и орлы. Если еще что могло быть спасено въ этомъ отношеніи, то, конечно, только изъ корпусовъ, дѣйствовавшихъ въ окрестностяхъ Риги и противъ Витгенштейна и Чичагова; но тутъ о Бородинѣ не можетъ быть и рѣчи.

Обращаясь къ числительности арміи при Бородинѣ, можно только сказать, что, при обозрѣніи шестидесяти вышеприведенныхъ повѣствователей, должно заключить, что Французская армія превосходила нашу около пятьнадцати процентовъ, съ значи-

---

не заимствовали этихъ данныхъ? Такъ, на примѣръ, Тьеръ, имѣвшій, конечно, также доступъ въ архивы и по положенію своему могшій пользоваться многими записками, не для всѣхъ доступными, не совершенно совпадетъ съ цифрами Денье, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшительно съ нимъ разногласитъ, на примѣръ: относительно убитыхъ, Денье показываетъ убитыми опредѣлительно шесть тысячъ пятьсотъ шестьдесятъ семь человѣкъ, а Тьеръ возводитъ эту цифру отъ девяти до десяти тысячъ! Разница на третью часть! И въ потерѣ Генераловъ между ними есть разница.

ельнымъ превосходствомъ конницы и опытностью въ битвахъ, по свѣдѣтельству, какъ видно было выше, самихъ Французскихъ писателей. Но это свѣдѣтельство должно быть отнесено въ буквальномъ смыслѣ только къ нижнимъ чинамъ, въ числѣ которыхъ у насъ было много рекрутъ. Что же относится до военачальниковъ и вообще до Офицеровъ, то, конечно, они не уступали въ достоинствахъ непріятельскимъ; ибо иначе итогъ былъ бы совершенно иной: это признано самимъ непріятелемъ. Если же Французы и нѣкоторые изъ ихъ союзниковъ, принимавшихъ участіе въ Бородинской битвѣ, могутъ встрѣчать отъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ препятствіе для полной отчетливости по сему предмету, то у насъ препятствій этихъ вовсе существовать не можно, а при всемъ томъ и всѣ наши историки разногласятъ въ этомъ случаѣ! Къ сожалѣнію, и послѣдняя «Исторія Отечественной войны 1812 года» не изъята отъ подобныхъ недостатковъ въ неопредѣлительности излагаемаго предмета, а въ военной Исторіи и нѣсколько промаховъ колеблютъ довѣріе къ цѣлому, и сочиненіе оказывается не достигшимъ опредѣленной своей цѣли — точности.

Не полагаю излишнимъ привести здѣсь данныя объ израсходованіи снарядовъ въ этой битвѣ.

По отчету Генерала Ларибоссьера, въ Бородинскомъ сраженіи, собственно 26-го Августа, выпущено шестьдесятъ тысячъ пушечныхъ зарядовъ и милліонъ четыреста тысячъ ружейныхъ.[49]

---

[49] Генералъ Гурго (p. 137) говоритъ, что Французская артиллерія сдѣлала въ этомъ сраженіи девяносто одну тысячу выстрѣловъ. То же говоритъ Рёдеръ (S. 152); Мортонваль (p. 285) пишетъ то же и присовокупляетъ, что цифра эта, по донесенію также Ларибоссьера! Графъ Монтолонъ (t. II, p. 98) приводитъ слова Наполеона на островѣ Св. Елены, что въ Смоленскѣ выпущено было шестьдесятъ тысячъ снарядовъ, а при Бородинѣ вдвое; по этому выходитъ сто двадцать тысячъ, и что каждое орудіе было снабжено тремя стами пятидесятью зарядами. Должно полагать, что количество выстрѣловъ при Бородинѣ Наполеономъ преувеличено. Другіе уменьшаютъ количество пушечныхъ выстрѣловъ, а увеличиваютъ ружейные. Но цифра Ларибоссьера, приведенная Барономъ Денье, должна быть принята за положительную, ибо онъ былъ при Бородинѣ начальникомъ артиллеріи. Независимо отъ Денье, Гг. Пеле, Шапюи, Тьеръ имѣли возможность повѣрить овую въ источникѣ, и по тому принимаютъ ее за основаніе.

Баронъ Денье изъ этѣхъ цифръ выводитъ слѣдующее: Битва продолжалась около десяти часовъ, по чему приходится на каждую минуту по сту выстрѣловъ пушечныхъ и по двѣ тысячи триста ружейныхъ. Присоединивъ къ сему, конечно, такое же число и съ нашей стороны, тогда окажется, на каждую минуту по двѣсти выстрѣловъ пушечныхъ и по четыре тысячи шестисотъ ружейныхъ. Допустивъ же въ соображеніе, что главная сцена разыгрывалась на протяженіи не болѣе двухъ верстъ, и что разгаръ битвы продолжался только около шести часовъ, можно вообразить, что происходило въ этомъ адѣ, изрыгавшемъ такое громадное количество чугуна и свинцу!

Принявъ въ счетъ пушечные и ружейные выстрѣлы, выпущенные только непріятелемъ, всего милліонъ четыреста шестьдесятъ тысячъ, и выбывшихъ у насъ изъ строя около пятидесяти осьми тысячъ человѣкъ, найдемъ, что изъ двадцати пяти выстрѣловъ поражалъ одинъ,[50] или, по показанію Г.-М. Богдановича, если собственно убитыхъ и раненыхъ сорокъ четыре тысячи человѣкъ, то придется, что изъ тридцати трехъ выстрѣловъ поражалъ одинъ.

Потеря съ обѣихъ сторонъ убитыми и ранеными, за исключеніемъ плѣнныхъ, составилась не менѣе осьмидесяти тысячъ человѣкъ.

Изъ сего слѣдуетъ, что въ кругломъ счетѣ, въ одинъ часъ времени, у сражавшихся выбывало изъ фронта по осьми тысячъ человѣкъ, или въ минуту по сту тридцати три.

Собственно бывшихъ въ бою, за исключеніемъ у Французовъ гвардіи, а у насъ Казаковъ, милиціи и нѣкоторыхъ полковъ, выйдетъ цифра не менѣе двухсотъ тысячъ, находившихся въ дѣйствительномъ огнѣ, по чему цифра павшихъ составляетъ двѣ пятыхъ наличнаго числа.

Здѣсь слѣдуетъ еще замѣтить, что Французы потеряли менѣе, нежели мы, конечно, не въ той пропорціи, какъ они показываютъ.

---

[50] Кавалерійскія схватки бѣлымъ оружіемъ не бываютъ значительны—относительно къ поражаемымъ огнемъ. Штыки одинаково большаго вниманія въ цифрѣ произвести не могутъ.

и тогда окажется, что Русскіе, дѣйствительно бывшіе въ бою, потеряли болѣе половины наличнаго числа.

Въ настоящее время истребительные снаряды болѣе усовершенствованы, а въ 1812 году ракеты не были еще употребляемы въ полевыхъ битвахъ; шрапнели и другіе разрывные снаряды не были извѣстны, объ оружіи дальняго полета не было и рѣчи, а между тѣмъ оказывается, что всѣ эти истребительныя средства далеко уменьшили кровопролитіе противъ битвъ прежняго времени. [51] Да и самая пропорція убитыхъ къ раненымъ менѣе прежней: — Бородинская битва служитъ тому неоспоримымъ доказательствомъ. Впрочемъ, въ тѣ времена сражающіяся арміи теряли четвертую, иногда третью, часть, а бывало и половину людей, тогда какъ нынѣ такихъ явленій уже нѣтъ, не смотря на всѣ смертоносныя нововведенія. Войны 1848, 1849, 1854, 1855, 1859 годовъ и пр. служатъ неопровержимымъ тому доказательствомъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ тактикъ говорится, что «военные писатели вывели, что въ сраженіяхъ, происходившихъ въ концѣ прошедшаго столѣтія, изъ десяти тысячъ пуль попадала только одна.» [52] Но здѣсь я позволю себѣ думать, что, безъ указанія источниковъ и разсмотрѣнія оныхъ критически, признать это фактомъ нельзя, особенно же въ случаяхъ, гдѣ идетъ дѣло не о голой теоріи, а объ ея практическомъ примѣненіи къ сказанному. Въ такомъ убѣжденіи нахожу, что помянутый выводъ едва ли основателенъ для эпохи исхода прошедшаго столѣтія; можетъ быть, онъ былъ бы примѣнимъ къ сраженіямъ, происходившимъ

---

[51] Въ 1858 году я имѣлъ случай коснуться этого предмета въ особенности, — съ нѣкоторою подробностью (См. Сѣв. Пч. NN 151—155).

[52] Въ Медицинской газетѣ, издающейся во Франкфуртѣ на Майнѣ (Русс. Инв. 1861 г., N 106), выведенъ расчетъ израсходованныхъ Австрійцами снарядовъ въ сраженіи при Сольферино. Изъ расчета этого оказывается, что семьсотъ выстрѣловъ ранили только одного, а четыре тысячи двѣсти убивали одного. Если этотъ расчетъ пусть только и приблизителенъ, то результатъ далеко не подходитъ къ тому, который оказывался въ битвахъ въ 1812 и послѣдующихъ войнахъ, когда употреблялись еще гладкія ружья, которыя, впрочемъ, и нынѣ, по свѣдѣтельству нѣкоторыхъ изъ опытныхъ людей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣютъ свое достоинство.

въ XIV столѣтіи, но не въ исходѣ XVIII, особенно обративъ вниманіе на то, что въ этотъ періодъ времени, отъ Креси, гдѣ въ первый разъ показались пушки, до окончанія прошедшаго столѣтія, являются на военномъ поприщѣ дѣятелями: Карлъ V, Густавъ-Адольфъ, Тюренъ, Конде, Монтекукули, Евгеній Савойскій, Де Саксъ, Фридрихъ Великій, Румянцовъ, Суворовъ и наконецъ Бонапарте. Не уже ли всѣ эти Полководцы, по геніяльности своей, не оставляли положительныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи? Сомнительно.

Принявъ во вниманіе одну Семилѣтнюю войну, найдемъ, что въ битвахъ, происходившихъ въ продолженіе ея, какъ, на примѣръ, въ сраженіи подъ Кунерсдорфомъ, продолжавшемся восемь часовъ, выбыло изъ тысячи человѣкъ 294, такъ что въ часъ времени приходилось выбывшихъ изъ строя четыре тысячи сто пятьдесятъ человѣкъ, [53] явствуетъ, что принять изъ десяти тысячъ выстрѣловъ только одну пулю, достигавшую до цѣли, было бы болѣе, чѣмъ сомнительно.

Въ битвѣ этой въ обѣихъ арміяхъ дѣйствовало сто двадцать пять тысячъ человѣкъ: убитыхъ и раненыхъ было тридцать двѣ тысячи.

Дадимъ всевозможныя льготы: во первыхъ, примемъ, что половина убитыхъ была поражена холоднымъ оружіемъ и артиллеріею (каждый опытный военный человѣкъ сознаетъ, что этого слишкомъ много; но пусть это будетъ такъ!). [54] За тѣмъ другая половина, т. е., шестьнадцать тысячъ человѣкъ, были поражены пулями.

Чтобы поразить такое число людей, по мнѣнію, высказанному выше, нужно было бы сдѣлать сто шестьдесятъ милліоновъ выстрѣловъ!

---

[53] О другихъ битвахъ той войны умалчиваю, ибо результатъ тотъ же самый, какъ и подъ Кунерсдорфомъ.

[54] Бородинская битва была, и по настоящее время есть, исключительная: въ ней дѣйствовали болѣе тысячи орудій преимущественно картечью и гранатами по массамъ, сосредоточеннымъ на маломъ пространствѣ.

Круглая пуля недавняго образца имѣла $^{36}/_{96}$ золотниковъ вѣса; несомнѣнно въ эпоху Кунерсдорфскаго сраженія она была тяжелѣе; но дадимъ и здѣсь льготу: пусть пуля того времени была еще легче пули, употреблявшейся предъ настоящимъ временемъ; возьмемъ для каждой пули только шесть золотниковъ. Изъ этого выходитъ, что для ста шестидесяти милліоновъ выстрѣловъ употреблено было девятьсотъ шестьдесятъ милліоновъ золотниковъ или двѣсти пятьдесятъ тысячъ пудовъ металла, и что для пораженія одного человѣка, если принять общую сложность, нужно было употребить около шестьнадцати пудовъ свинца и т. п.

Но допустивъ, что въ тѣ времена арміи имѣли возможность возить за собой подобныя баснословныя тяжести, обратимся ко второму обстоятельству, гораздо важнѣйшему, къ качеству оружія.

Въ Кунерсдорфскомъ сраженіи было сто двадцать пять тысячъ человѣкъ: не будемъ исключать изъ этого числа ни конницы, ни артиллеріи, и, на основаніи допускаемыхъ льготъ, пусть всѣ сто двадцать пять тысячъ человѣкъ дѣйствовали ружьями, то и въ такомъ даже случаѣ изъ ста шестидесяти милліоновъ выстрѣловъ приходится на каждое ружье по тысячи двѣсти осьмидесяти выстрѣловъ. Каково же должно было быть тогда достоинство ручнаго огнестрѣльнаго оружія!

Кунерсдорфское сраженіе продолжалось восемь часовъ. Въ эти восемь часовъ сто двадцать пять тысячъ человѣкъ сдѣлали сто шестьдесятъ милліоновъ выстрѣловъ, что приходится въ часъ по двадцати милліоновъ выстрѣловъ, а на каждаго человѣка изъ полныхъ ста двадцати пяти тысячъ человѣкъ въ часъ по сту шестидесяти выстрѣловъ, или безъ малаго по три выстрѣла въ минуту!! А если принять въ соображеніе, какъ и слѣдуетъ, что, по прибытіи на поле сраженія, не сразу вдругъ всѣ начали пальбу, продолжая ее безостановочно восемь часовъ сряду, что происходили движенія, что дѣйствовали колоннами, что конница и артиллерія (которыхъ мы хотя и исключили), не могли производить этой пальбы, и наконецъ, что люди постепенно выбывали изъ фронта, то и выйдетъ, что на каждаго человѣка изъ дѣйствовавшихъ ружьемъ придется едва ли болѣе

десяти выстрѣловъ въ минуту. Только при такой небывалой поспѣшности, очень натурально, и могло быть, что изъ десяти тысячъ выстрѣловъ достигалъ цѣли только одинъ. А каковы должны были быть ружья, выдерживающія тысячу двѣсти восемьдесять выстрѣловъ въ восемь часовъ, или безостановочно по сту шестидесяти въ часъ, а по другому расчету по шестисотъ?!

Подъ Бородинымъ, конечно, найкровопролитнѣйшемъ изъ всѣхъ сраженій, данныхъ со времени изобрѣтенія пороха, израсходовано на каждое ручное огнестрѣльное оружіе, въ кругломъ счетѣ, только около двѣнадцати зарядовъ въ продолженіе десяти часовъ.

Въ тѣхъ же тактикахъ полагаютъ, что прежнія гладкія ружья, дѣйствуя на триста шаговъ, были причиной, что пуля рѣдко достигала своего назначенія, на томъ, будто бы, основаніи, что стрѣлокъ, находящійся на столь близкомъ разстояніи отъ непріятеля, не могъ сохранять необходимаго спокойствія! Сознаюсь, что этотъ выводъ для меня непонятенъ; ибо если я убѣжденъ, что ружье, которое въ рукахъ у меня и у непріятеля можетъ вредить обоюдно другъ другу на взаимно равномъ разстояніи, то это рѣшительно одинаково дѣйствуетъ на душевное спокойствіе при встрѣчѣ смерти, и къ тому еще, какъ я убѣдился опытами въ эпоху великихъ браней, что Русскій, чѣмъ ближе находится къ непріятелю, тѣмъ мужество его, пусть и одна отвага, болѣе усиливается: онъ не понимаетъ, чтобы сраженіе съ непріятелемъ могло кончиться однимъ обмѣномъ пуль; ему нужно столкновеніе, безъ котораго онъ не вполнѣ признаетъ сраженіе; [55] а безъ столкновенія какія бы изобрѣтенія дальняго полета снарядовъ ни были, никогда, или, по крайней мѣрѣ, на долгое время, не убѣдятъ Рус-

---

[55] Покойный братъ мой, на штурмѣ Варшавы въ 1831 году (бывшій въ то время полковымъ командиромъ Елецкаго пѣхотнаго полка), которому въ первый и во второй день штурма удалось овладѣть нѣсколькими редутами, съ потерею едва ли не половины наличнаго числа людей, узналъ, что рекруты, составлявшіе знатную часть его полка, спрашивали у старыхъ солдатъ: «Когда же будетъ сраженіе?» не допуская мысли, что можно сразиться и одержать поверхность безъ рукопашнаго боя. Въ этомъ-то и загадка, что каждый народъ имѣетъ свой взглядъ на тактику.

скаго человѣка, чтобы сраженіе могло окапчиваться безъ, такъ называемой, потасовки.[56] Впрочемъ, эта истина доказана и въ войнѣ 1854 и 1856 годовъ.

Дальніе полеты истребительныхъ снарядовъ не только не сдѣлали битвъ кровопролитнѣе, но также, какъ и прежде, не кончали ихъ безъ штыковой работы, а это-то самое и обращаетъ на себя вниманіе.

Нѣкоторые думаютъ, что въ продолженіе десяти часовъ времени, въ Бородинѣ, выбыло у насъ изъ строя, по крайней мѣрѣ, не многимъ менѣе, нежели въ одиннадцать мѣсяцевъ защиты Севастополя, включая тутъ и битвы Альмскую, Балаклавскую, Инкерманскую и на Ѳедюхиныхъ горахъ. Само собою разумѣется, сюда не входятъ погибшіе отъ болѣзней. Любопытно было бы повѣрить это предположеніе. Относительно выбытія изъ строевъ Генераловъ, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, то число таковыхъ въ Бородинѣ очень далеко превосходитъ убыль при Севастополѣ.

[56] Не доказало ли это наше Ополченіе въ 1812 году въ Полоцкѣ, въ 1813 подъ Данцигомъ, и дружины Полковника Графа (А. Д.) Гурьева подъ Дрезденомъ и пр.?

ГЛАВА V.

ОЦѢНКА БИТВЫ.

Ни одна изъ битвъ не вызывала о себѣ столько толковъ, какъ Бородинская, а по тому здѣсь я приведу нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ, полагая, что они не будутъ излишними, тѣмъ болѣе, что всѣ они возглашены иноземцами.

Наполеонъ, какъ выше было видно, говорилъ на островѣ Св. Елены: «Изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное то, кото-«рое далъ я подъ Москвою: Французы въ немъ показали себя «достойными одержать побѣду, а Русскіе стяжали право быть «непобѣдимыми.»

Что за конструкція фразы: «Французы одержали побѣду, а Русскіе непобѣдимы!» Но несчастный узникъ долженъ былъ утѣшать себя фразами, еще болѣе замѣчательными.

Ласъ-Казасъ (t. II, p. 179), передавая слова Наполеона объ Аустерлицкой битвѣ, между прочимъ, присовокупляетъ: «Рус-«скіе показали себя превосходными солдатами, которыхъ съ того «времени уже не встрѣчали; Русская Аустерлицкая армія не про-«играла бы битвы Бородинской.»

Явное противорѣчіе многому, сказанному о Русскомъ Бородинскомъ солдатѣ. [87]

---

[87] Я привелъ, въ особенной главѣ, мнѣніе иноземныхъ повѣствователей о Русскомъ солдатѣ (Отд. третье, гл. II).

Этотъ же авторъ, въ другомъ мѣстѣ (t. VI, p. 40), приводитъ слова Наполеона: «Изъ пятидесяти сраженій, мною данныхъ, оно «(Бородинское) было однимъ изъ тѣхъ, гдѣ было выказано болѣе «дарованій и прекрасныхъ качествъ, а пріобрѣтено менѣе ре«зультатовъ.»

Монтолонъ (t. II, p. 91, 92) приводитъ его же слова: «По«слѣдствія Бородинской битвы были неисчислимы! Никогда не «было такъ кстати отважиться на битву.»

Довольно загадочно! Къ чему относятся «неисчислимыя по«слѣдствія?» Относительно же отваги дать битву, то видно было выше, что голодъ былъ главною причиной, какъ свѣдѣтельствуютъ всѣ Французскіе историки.

Шапюи (p. 592) говоритъ: «Наполеонъ на островѣ Св. Еле«ны называетъ эту битву борьбою гигантовъ.»

Генералъ Фезензакъ, участникъ въ битвѣ (p. 45), говоритъ: «Никогда не видали болѣе остервененія, какъ въ этотъ день; едва «маневрировали,—атаковали одинъ другаго фронтомъ, съ ожесточе«ніемъ» и т. д.

Маршалъ Гувьонъ-Сенъ-Сиръ (t. III, p. 269) пишетъ: «Бит«ва эта одна изъ самыхъ кровопролитныхъ, данныхъ въ продол«женіе многихъ вѣковъ, не принесла Наполеону выгоды, развѣ «только облегчила ему занятіе Москвы. Наполеонъ хотѣлъ не по«бѣдить, а истребить Русскую армію.»

Жомини (t. II, p. 221): «Въ продолженіе всей жизни своей «Наполеонъ давалъ много битвъ, но никогда не видалъ столь «ужасной. Ей слѣдовало быть необыкновенной по всѣмъ отноше«ніямъ: по существу предпріятія, которое она должна была повер«шить, по важности выгодъ, съ нею сопряженныхъ, наконецъ, по «особымъ обстоятельствамъ, ознаменовавшимъ столкновеніе массъ, «на пространствѣ столь сжатомъ.»

Далѣе (p. 227), изображая разные эпизоды въ этой великой битвѣ, о которой столько писали, говоритъ: «одни составляли по«эмы, другіе въ вдавались критическія разсужденія, очень мало «между собою сходныя, наконецъ нѣкоторые возносили ее до не-

«бесъ; замѣчательно же то, что планъ Наполеона, мудро сообра-
«женный, былъ худо выполненъ.»

Генералъ Бертезенъ (t. II, p. 53, 54) говоря объ этой битвѣ, называетъ ее «одною изъ самыхъ кровопролитнѣйшихъ въ «новѣйшія времена.»

Шамбре (t. II, p. 77) называетъ ее «найкровопролитнѣйшею «изъ данныхъ со времени изобрѣтенія пороха [58] (и присовоку-
«пляетъ): Наполеонъ былъ побѣдителемъ (?), но онъ не достигъ «результата, предмета своихъ желаній, и его положеніе станови-
«лось очень затруднительнымъ..... До того времени дарованія его, «въ особенности на поляхъ битвъ, сіяли большимъ блескомъ; ими-
«то, нѣкоторымъ образомъ, онъ, казалось, повелѣвалъ счастіемъ.»

Что за фразы! Значитъ онъ непобѣдимъ?

Далѣе (p. 82) Маркизъ этотъ пишетъ: «Не многія изъ выи-
«гранныхъ битвъ производили на побѣдителей (!) такое необы-
«кновенное впечатлѣніе: они, казалось, поражены были остолбе-
«неніемъ (frappé de stupeur). По перенесеніи столькихъ бѣдствій, «лишеній, усталости, чтобы побудить непріятеля дать битву, ока-
«завъ въ ней столько доблестей, они видѣли послѣдствіемъ всему «этому одно избіеніе (massacre), и болѣе нежели когда либо усо-
«мнились относительно продолжительности и участи войны.»

Раппъ (p. 169) отзывается объ этой битвѣ: «Мы взяли плѣн-
«ныхъ и нѣсколько пушекъ; но этотъ результатъ не вознаградилъ «потери, нами понесенной.»

Норвенъ (t. III, p. 310), какъ видно было выше, называетъ битву эту «побѣдой trop peu décisive.»

Въ Нѣмецкомъ сочиненіи («Der Krieg der franz. etc. 1812—1813», p. 118), читаемъ: «На берегахъ Москвы, рѣки дана была «битва между Сѣверомъ и Югомъ Европы, [59] и то, что за годъ

---

[58] Клаузевицъ усиливается доказать, что Кунерсдорфское и Цорндорфское сраженія были кровопролитнѣе! Неудивительно: онъ Пруссакъ.

[59] Державинъ то же самое сказалъ о битвѣ сей гораздо прежде:

«предъ тѣмъ казалось невозможнымъ, сбылось на дѣлѣ! И какая «битва! Одна изъ самыхъ кровавыхъ, не только въ этомъ походѣ, «но изъ всѣхъ, данныхъ Наполеономъ.»

Пюибюскъ (p. 85): «Я видѣлъ одну изъ самыхъ ужасныхъ «битвъ, которыя были даны когда либо съ тѣхъ поръ, какъ «люди изучаютъ искуство истреблять другъ друга.»

Въ «Mém. pour. servir etc. 1814, par un offic. d' ét. etc. maj.» (t. II, p. 187): «Одна изъ самыхъ кровопролитнѣйшихъ и упор- «нѣйшихъ битвъ, которой подобной давно не видали.»

Въ «Moscou av. et ap. l'incend.» (p. 140): «Бородинская «битва была одной изъ кровопролитнѣйшихъ въ военныхъ лѣто- «писяхъ. Громъ пушекъ слышенъ былъ въ окрестностяхъ Москвы.»

Керъ-Портеръ (p. 155): ... «Такъ кончился этотъ достопа- «мятный день, въ который прекратилось существованіе осьмиде- «сяти тысячъ человѣкъ. Военныя лѣтописи новѣйшаго времени не «упоминаютъ о такомъ ужасномъ побіеніи. Наполеонъ имѣлъ право «воскликнуть: «Никогда не видали подобнаго поля битвы!»

Мишо (p. 133): «7-го Сентября (26 Авг.), 1812 года, дана «была самая кровопролитнѣйшая битва, о которыхъ только по- «вѣствуетъ Исторія.»

Галлуа (p. 215): «Бородинская битва одна изъ самыхъ кро- «вопролитнѣйшихъ послѣднихъ временъ—побіенія и истребленія.»

Биньонъ (p. 40): «Изъ всѣхъ битвъ, данныхъ Наполеономъ, «самая кровопролитнѣйшая, безспорно, есть Бородинская. Только «двѣ изъ всѣхъ другихъ нѣсколько приближаются къ ней огром- «ными жертвами, которыми должно было купить побѣду: Эйлау «и Ваграмъ; Маренго, Аустерлицъ, Іена, стоившія меньше, дали «гораздо большіе результаты.»

Графъ Сегюръ (t. I, p. 406), описавъ поѣздку Наполеона, на другой день для обозрѣнія поля битвы, [60] присовокупляетъ:

«Тутъ Сѣверъ съ Западомъ сражался,
«И ударялся громъ о громъ.»

[60] См. «Утро на другой день и отступленіе» (Отд. третье, гл. 1).

«Биваки безмолвны: не слышно болѣе пѣсней, нѣтъ разсказовъ, «угрюмая молчаливость. Около орловъ виднѣлись остатки Офице- «ровъ, унтеръ-офицеровъ и нѣсколько солдатъ, едва сколько бы «ло нужно для охраненія знаменъ. Одежда ихъ изорвана отъ ожс «сточенія битвы; почернѣвшіе отъ пороха, обагренные кровью, а «между тѣмъ въ этихъ лохмотьяхъ, въ этомъ бѣдствіи, въ такомъ «несчастіи, видъ ихъ гордъ и, усмотрѣвъ Императора, послыша- «лось нѣсколько торжественныхъ кликовъ, но рѣдкихъ и возбуж- «даемыхъ; ибо въ этой арміи (присовокупляетъ авторъ), способ- «ной въ одно и то же время къ энтузіазму, каждый обсуждаетъ «положеніе всего... Французскіе солдаты никогда не ошибаются. «Они удивляются столькимъ убитымъ непріятелямъ и большому «количеству раненыхъ и такому малому числу плѣнныхъ: не было «осьмисотъ. Мертвые свѣдѣтельствовали скорѣй мужество побѣж- «денныхъ, чѣмъ побѣду. Если остальные отступаютъ въ такомъ «хорошемъ порядкѣ, съ такою твердостію, такъ не упали духомъ, «то къ чему выигрышъ поля битвы?»

Далѣе (p. 408): «Императоръ не могъ оцѣнить своей побѣды «иначе, какъ только числомъ убитыхъ. Земля до того была устла- «на распростертыми тѣлами Французовъ, на редутѣ (центральномъ), «что, казалось, онъ принадлежалъ болѣе имъ, чѣмъ остававшим- «ся на ногахъ; казалось, что видишь здѣсь болѣе побѣдителей «мертвыхъ, чѣмъ побѣдителей живыхъ.»

Кроссаръ (t. IV, p. 352): «Бородинская (битва была необ- «ходима политикѣ, а не военному дѣлу...»—«Бородинскія поля были «свѣдѣтелями одной изъ самыхъ кровопролитнѣйшихъ битвъ, ка- «кія только собраны Исторіею до нашихъ временъ.»

Капфигъ (t. IX, p. 278): «Никогда битва не считала столь «ко Генераловъ, выбывшихъ изъ строя. Бородинскою битвой не было пріобрѣтено ни какихъ политическихъ послѣдствій, а, правду сказать, она обезсилила болѣе Наполеона, нежели поразила Рус- скихъ».

Мишо (p. 133), разсуждя объ этой битвѣ, говоритъ: «При «Бородинѣ все ограничивалось со стороны Французской арміи ата- «ками съ фронта, кровопролитными приступами на редуты, при

«чемъ солдаты обѣихъ сторонъ убивали другъ друга, хватаясь за «горло, какъ варвары, или залпами артиллеріи, повергавшими од«нимъ выстрѣломъ цѣлые батальоны, которые тотчасъ замѣнялись «другими, строясь подъ самымъ огнемъ батарей.» Говоря о Напо«леонѣ: «Онъ выказалъ какую-то нерѣшительность; приписывали «это болѣзни; но достовѣрно то, что онъ не проявилъ ни рвенія, ни «искуства, которыя проявлялись въ немъ прежде, въ случаяхъ, ме«нѣе важныхъ».

Жомини (t. II, p. 230) пишетъ: «Если бы Французы встрѣ«тили малѣйшія несчастія, что бы сталось тогда съ ихъ арміею? «Таковы были причины, дѣйствовавшія на умъ Наполеона, и по«буждали его избѣгать всякаго маневра на удачу, и уменьшили его «силу и рѣшимость, что обыкновенно было отпечаткомъ всѣхъ его «распоряженій. Побѣда, какъ бы она ни была не полна, должна «была привести его въ Москву. [61] За чѣмъ же было ему подверга«ться Полтавскому дню? Достопамятный кровопролитный день Бо«родинскій, котораго такъ пламенно желали, былъ далекъ отъ то«го, чтобы исполнить его цѣль. Онъ надѣялся дать эту битву въ «Литвѣ и сдѣлать ее рѣшительной: онъ нашелъ ее за двѣсти льё да«лѣе, и ему осталось только пространство, покрытое шестидесятью «тысячами съ обѣихъ сторонъ раненыхъ, или умирающихъ, безъ «малѣйшихъ трофеевъ».

Вильсонъ говоритъ: «При Бородинѣ, какъ и при Ватерлоо, «линіи были противопоставлены линіямъ, человѣкъ противъ чело«вѣка; воззвали къ храбрости каждаго солдата отдѣльно; исходъ «битвы зависѣлъ болѣе отъ употребленія силы, чѣмъ отъ искус«ства маневрированья, или отъ своеправнаго счастія; примѣръ на«чальниковъ, нападенія, аттаки въ штыки, чтобы отбивать непрія«теля и удерживаться твердо—вотъ вся тактика этого дня. Пере«крестный огонь артиллеріи—единственное соображеніе стратегіи.»

---

[61] Не занятіе Москвы, какъ видно изъ записокъ Ровиго, Фьеве и множества другихъ, во Франціи почиталось событіемъ гибельнымъ. Баронъ Меневаль (t. I) говоря объ этомъ вступленіи, послѣ Бородинской битвы, присовокупляетъ: «Послѣ этого дня, столь сомнительнаго и такъ жарко оспариваемаго, открылось намъ вступленіе въ Москву» и т. д.

Жомини (t. II, p. 227), разсуждая о причинахъ, по которымъ Наполеонъ не упорствовалъ въ дальнѣйшихъ нападеніяхъ на Русскихъ, присовокупляетъ: «Онъ не хотѣлъ вновь отважиться на «удачу, и въ положеніи, въ которомъ находился, довольствовался «полупобѣдой. Онъ (будто бы) предвидѣлъ, что Кутузовъ на«правится на Москву, что до разсвѣта онъ и сдѣлалъ».

Относительно употребленія гвардіи,—мнѣнія раздѣлены не только между разными повѣствователями, но даже встрѣчаются у одного и того же изъ нихъ различные взгляды; такъ, на пр., Гурго (p. 124) говоритъ: «Если бы Наполеонъ употребилъ гвардію, ре«зультатъ побѣды былъ бы гораздо блистательнѣе». Потомъ, въ другомъ мѣстѣ, оправдывая въ этомъ Наполеона, онъ (p. 133) говоритъ: «Что бы послѣдовало, если бы битва должна была возобно«виться на другой день, какъ это и предполагалъ Кутузовъ? Фран«цузскія войска, не смотря на свою побѣду, а, можетъ быть, и по «причинѣ этой самой побѣды, могли быть отбиты. Двадцать тысячъ «свѣжихъ избранныхъ войскъ одни могли выиграть битву.» [62] Сегюръ же говоритъ (t. II, p. 405): «Этотъ грозный резервъ (гвардія) былъ едва въ двадцать тысячъ, въ числѣ коихъ около трети новыхъ рекрутъ.» [63]

Лавалле (t. IV, p. 543) то же пишетъ о вліяніи, которое могла бы имѣть гвардія, если бы ее употребили: «Можно было, «посредствомъ гвардіи, выбить Русскихъ изъ этой второй позиціи «лѣваго фланга и порѣшить ихъ разбитіемъ. Наполеонъ удовольствовался полупобѣдой».

Такъ мечтали Французы, а нѣкоторые и не Французы понынѣ мечтаютъ о возможности разгромленія тогдашней Русской арміи этимъ резервомъ.

---

[62] Значитъ, что и самъ Гурго сознаетъ возможность Кутузова атаковать Французовъ на другой день, что не соглашается съ тѣмъ, что Французы одержали викторію.

[63] Если это такъ, то мы далеко бы справились съ нею такимъ же числомъ, но сытыхъ и борющихся за святое дѣло.

Приведу мнѣніе о гвардіи Полковника Шапюи, которое, согласно съ обстоятельствами, изложено человѣкомъ, участвовавшимъ въ битвѣ, извѣстнымъ исторіографомъ ея и другихъ эпизодовъ этой войны (p. 576). Оправдывая Наполеона, что онъ, въ три часа по полудни, не ввелъ въ дѣло гвардіи, присовокупляетъ: «Но такъ какъ «не было взято плѣнныхъ, не одержано ни одного изъ тѣхъ успѣ«ховъ, которые бы показывали, что непріятель утратилъ свои си«лы, то онъ былъ правъ, что не пустилъ гвардіи въ битву. Но поло«жимъ (продолжаетъ авторъ), что Наполеонъ поддался бы требо«ванію Нея и другихъ, и предположивъ, что Кутузовъ, лучше вдох«новенный, предпринялъ бы на лѣвый флангъ Французской арміи «диверсію, гораздо сильнѣе, чѣмъ она была сдѣлана Уваровымъ, «что онъ и могъ сдѣлать, чѣмъ же бы тогда Наполеонъ остано«вилъ это движеніе?»

Вотъ что говоритъ Вальтеръ-Скоттъ объ этомъ предметѣ (t. VII, p. 305, 306): «Судьба дня показывала его болѣе одного «раза такъ сомнительнымъ, что у Наполеона нѣсколько разъ на«стаивали пустить въ дѣло гвардію, которую онъ держалъ въ ре«зервѣ, какъ единственное средство рѣшить дѣло. Причинъ тому «приводятъ много: что онъ былъ болѣнъ и пр. Но тайна этого от«каза кажется, заключалась въ отвѣтѣ, который онъ сдѣлалъ Бертье, «настаивавшему по сему случаю: «А если завтра будетъ другая «битва, гдѣ моя армія?» Это былъ послѣдній его резервъ.» [44]

Унгеръ, разсуждая о Бородинскомъ сраженіи и объ участіи въ немъ конницы (p. 113) говоритъ: «Надобно было, во что бы «то ни стало, уничтожить Русскую армію, а этого невозможно было «сдѣлать безъ жестокихъ потерь для самаго побѣдителя. Если по«бѣда (p. 114) не была такъ полна, такъ рѣшительна, какъ бы «ей слѣдовало быть, чтобы высвободить Французскую армію изъ «опасностей ея необыкновеннаго положенія, то это было сопря«жено съ причинами, чуждыми дѣйствіямъ ея войскъ, и можетъ «быть отнесено только къ направленію битвы». Здѣсь авторъ намекаетъ на бездѣйствіе главнокомандующаго, самого Неполеона. На этой же страницѣ онъ говоритъ: «Французская конница въ «этой знаменитой битвѣ, цѣною огромныхъ пожертвованій, пріоб-

[44] И этотъ резервъ старой гвардіи, во всю войну, не заряжалъ ружей.

рѣла кровопролитную, но безплодную, побѣду. [65] Еще одно та «кое восторжествованіе, и нашей конницы бы не стало (s'en était «fait d'elle).»

Генералъ Пеле, разсматривая эту битву критически, межд прочимъ (p. 145) говоритъ: «Неправильныя распоряженія Кутузо «ва много способствовали къ проигрышу битвы». Это послѣднее вы раженіе неправильно употреблено о битвѣ въ общемъ пониманіи какъ уже было о томъ говорено. Здѣсь замѣчу еще только сл дующее: Французы имѣли успѣхъ противъ части центра и наше го лѣваго фланга, понудивъ его отойти за нѣсколько сотъ ша говъ назадъ, на вторую позицію, гдѣ онъ утвердился въ связи с общей позиціей арміи и которой Французы не рѣшились атаковать видя, по ихъ словамъ, грозное ея положеніе. Но другая част нашего центра и правый флангъ, въ свою очередь, одержали у спѣхъ, отбивъ всѣ на себя нападенія, и не только осталась на своемъ первоначальномъ мѣстѣ, а еще оконечностью своего праваго фланга сдѣлала нападеніе на лѣвый флангъ непріятел произведя значительный въ немъ, и особенно въ тылу его, безпо рядокъ. Слѣдовательно, битва исходомъ своимъ, собственно как сраженіе, представляетъ успѣхъ на разныхъ только пунктах одержанный обѣими сторонами, а общій исходъ безспорно был въ нашу пользу. Отступленіе наше, чрезъ двѣнадцать часовъ п окончаніи битвы (арріергардъ чрезъ шестнадцать), имѣетъ совс шенно другія причины, а отнюдь не тѣ, по которымъ можно б ло бы заключать, что мы не могли продолжать битвы отъ нан сеннаго будто бы намъ пораженія. Противное было доказано м мими непріятельскими повѣствователями, какъ это приведено въ с емъ мѣстѣ. [66]

Генералъ Пеле продолжаетъ: «Если бы Русскіе уперлись н «вымъ флангомъ къ Горкамъ, и если бы пространство, заня «шееся Багратіономъ, имѣло укрѣпленія, безполезно построен «на правомъ флангѣ, всѣ условія успѣха были бы на сто «нѣ Русскихъ.» Послѣ сего авторъ исчисляетъ всѣ выгоды,

[65] Здѣсь авторъ, по принятому обычаю, поставилъ слово «побѣда», вм слова «успѣхъ,» который не разъ въ этой битвѣ пріобрѣтала и наша конн

[66] См. Отд. третье, гл. 1: «Отступленіе».

торыя мы пріобрѣли бы надъ непріятелемъ, [67] а потомъ говоритъ:

«Распоряженія Кутузова, въ продолженіе битвы, заслуживаютъ нѣкоторую похвалу. Если въ началѣ онъ худо расположился, если онъ не могъ видѣть всего того, что ему нужно было дѣлать, то въ остальное время показалъ тотъ характеръ, который бываетъ драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ Главнокомандующаго. Его упорство уравновѣшивало и частью разрушило высокія соображенія Императора. [68] Если бы Наполеонъ сдѣлалъ только одну ошибку предъ такимъ непріятелемъ, то онъ погибъ бы. Но Генералъ искусный и предпріимчивый взялъ бы Французскую армію на мѣстѣ преступленія, что часто говорилъ Наполеонъ—en flagrant délit. Около семи часовъ онъ приступилъ бы къ нападенію съ пятидесятью тысячами человѣкъ праваго фланга, направивъ ихъ черезъ Колочу къ берегамъ Войны.» [69]

Въ «Détails abrég. sur la camp. de 1812 etc.» (p. 24), авторъ, сказавъ, что Французы потеряли менѣе, чѣмъ Русскіе, присовокупляетъ: «Это очевидно доказываетъ, что Бородинская битва была побѣдой для Французовъ, по тому что на другой день часть ихъ арміи направилась къ Москвѣ.»

Очень удовлетворительное доказательство!

Онъ могъ бы къ своему превосходному критическому разбору этой битвы присоединить еще и то, что если бы мы послѣдовали совѣту Бенигсена, и на центральной высотѣ соорудили не плохую батарею—въ 18 орудій,—а редуты на 36 орудій, и поставили четыре батальона, не ломая линіи, то результатъ могъ бы быть подобенъ Полтавскому. Объ этомъ я говорилъ уже.

Шамбре, въ «Philosophie de la guerre» (p. 150) говоритъ: «Упорство, конечно, бывало причиной выигрыша болѣе одной битвы, а противоположный оному недостатокъ неоспоримо бывалъ причиной потери еще большаго числа битвъ.»

Объ этомъ предпріятіи Генералъ Пелэ разсуждаетъ глубоко и здраво, изъясняя всѣ выгоды, которыя мы пріобрѣли бы, и далѣе (p. 535), исчисливъ ошибки, сдѣланныя подъ Аустерлицемъ, присовокупляетъ: «Русскій полководецъ былъ лучше внушаемъ на берегахъ Москвы рѣки, и Наполеонъ напрасно ожидалъ, чтобы онъ сдѣлалъ какое либо движеніе на удачу.»

Генералъ Хржановскій (p. 11), какъ ему и слѣдуетъ, это приписываетъ побѣду Французамъ: «Русская армія была побѣж«дена, но не истреблена.»

Да! далеко не истреблена! ибо черезъ полтора года, послѣ кровавыхъ битвъ, для снятія оковъ съ материка Западной Европы, она взяла приступомъ Монмартрскія высоты, низложила порабо-тителя Европы и возвратила корону законному Королю, отчужден-ному отъ оной въ продолженіе двадцати лѣтъ. Германскіе и Ита-ліянскіе Государи получили свои владѣнія обратно, Король Испаніи вступилъ въ свои права и т. д.

Шапюи (p. 592): «Если эта битва не дала всѣхъ результа-«товъ, которыхъ должно было ожидать, то это надобно приписать «обстоятельствамъ, которыхъ Императоръ не могъ ни предвидѣть, «ни отстранить.» Но это не совпадаетъ съ мнѣніемъ, которое имѣ-ютъ о свойствахъ генія.

Дюмбюскъ (p. 84): «Если Бородинское сраженіе не даетъ «другихъ выгодъ, кромѣ только тѣхъ, которыя намъ объявляютъ, «то это жалкій трофей, гибельная побѣда!»

Боссе (t. II, p. 94) говоритъ о Бородинскомъ сраженіи, какъ «о днѣ, столь гибельномъ и такъ славномъ для Французской ар-«міи,» присовокупляя, что «одно время Русскія ядра перелетали че-резъ нихъ»: онъ былъ при Наполеонѣ у Шевардина.

Тьеръ (t. XIV, p. 350) присовокупляетъ: «Нѣкогда Наполе-«онъ увѣдомлялъ о нѣсколькихъ тысячахъ убитыхъ у непріятеля, о «тридцати, или сорока, тысячахъ плѣнныхъ, о нѣсколькихъ стахъ «пушекъ и знаменъ, взятыхъ у непріятеля! Здѣсь же не было «взято ни плѣнныхъ, ни знаменъ, ни пушекъ, исключая малаго «числа орудій (найденныхъ въ редутахъ); но шестьдесятъ тысячъ «убитыхъ, или умирающихъ, непріятелей покрывали землю.» Исто-рикъ изъявляетъ удивленіе, что Наполеонъ показалъ менѣе.

Шапюи о поискѣ Уварова (p. 594) говоритъ: «Диверсія «Уварова могла бы имѣть нѣкоторое значеніе, если бы Кутузовъ «поддержалъ ее. Онъ могъ, безъ всякаго опасенія, располагать «большею частью войскъ своего праваго крыла» и т. д.

Шамбре (t. II, p. 81) пишетъ: «Диверсія, исполненная Уваровымъ, которая была такъ полезна, была бы несравненно полезнѣе, если бы онъ, вмѣсто того, чтобы отступить, по тому что не могъ смять пѣхотныхъ кареевъ, чего онъ не долженъ былъ ожидать, [70] а направился на тылъ Французской арміи, на дорогу, ведущую изъ Смоленска; онъ бы распространилъ безпорядокъ и смятеніе между той громадой артиллерійскихъ парковъ, провіянтскихъ фуръ и другихъ обозовъ, которые тамъ находились. Его отступленіе не было бы такъ опасно, ни такъ затруднительно, какъ можно было бы предполагать, по тому что онъ могъ исполнить это по всѣмъ безъ исключенія проселочнымъ дорогамъ, которыя выходили на Московскую дорогу, по тому что Французы занимали въ тылу своемъ только одну эту послѣднюю.»

Онъ же, между прочимъ (p. 76), говоритъ: «Нѣкоторые изъ Генераловъ предлагали Кутузову пустить Московское ополченіе, ночью, на Французскую армію. Это предпріятіе было бы полезно, по тому что оно потревожило бы покой арміи и могло бы произвести большой безпорядокъ.» Дѣйствительно, объ этомъ шла рѣчь: ополченье, двѣ кирасирскія дивизіи и 6-й корпусъ Дохтурова предполагали направить отъ Горокъ на Бородино. Въ это время Милорадовичъ долженъ былъ занять центральную высоту, оставленную непріятелемъ, когда стемнѣло, а Платовъ, усиленный, съ Казаками, долженъ былъ перенестись на р. Войну, и изъ окрестностей Беззубова распространить ужасъ въ окрестностяхъ Колоцкаго монастыря и далѣе. Диспозицію начали составлять, какъ внезапно намѣренія Кутузова измѣнились. Эпизодъ этотъ составляетъ до сихъ поръ пробѣлъ въ нашей военной исторіи, не смотря на то, что Французскіе писатели какъ бы вызываютъ насъ пополнить оный. Въ помянутой же книжкѣ моей говорится объ этомъ слегка. Барклай дѣлалъ уже для сего нападенія распоряженія въ Горкахъ, и я очень хорошо помню, какъ мой корпус-

[70] Не по тому отступилъ Уваровъ, что не могъ смять пѣхотныхъ кареевъ, а по тому, что получилъ двукратное приказаніе отойти назадъ. Причины тому изложены въ книжкѣ «Бородинское сраженіе, съ нѣкоторыми замѣчаніями на Отечественную войну 1812 года, соч. Богдановича Спб. 1861.»

ный начальникъ, Дохтуровъ, сокрушался объ отмѣнѣ этого движенія, что раздѣляли съ нимъ и всѣ лучшіе наши Генералы. И объ этомъ въ упомянутой моей книжкѣ сказано нѣсколько словъ.

Въ другомъ же сочиненіи своемъ («Philosophie de la guerre») Шамбре, разсуждая о дѣйствіяхъ на пути сообщенія непріятеля на его магазины, этапы, обозы и пр., посредствомъ отрядовъ опредѣляемой имъ числительности (р. 148), присоединяетъ: «Если «бы Кутузовъ, тотчасъ послѣ Бородинскаго сраженія, сдѣлалъ по«добныя распоряженія, онъ воспрепятствовалъ бы Наполеону про«никнуть до Москвы; [71] а если бы онъ сдѣлалъ это тотчасъ по «занятіи Французами Москвы, то принудилъ бы Наполеона не «медля отступить. И дѣйствительно (присовокупляетъ авторъ), отъ «Смоленска до Москвы, если исключить гарнизоны въ Вязьмѣ, «Гжатскѣ и Можайскѣ, уже сами по себѣ слабые, всѣ этапы состо«яли каждый изъ ста пѣхотинцевъ, укрѣпившихся по домамъ.» Далѣе Генералъ Шамбре замѣчаетъ: «Не возможно было предви«дѣть продолженія пребыванія Наполеона въ Москвѣ, по тому что «это было событіемъ, выходившимъ изъ всѣхъ расчетовъ вѣроятія, «и Кутузовъ имѣлъ на своей сторонѣ большія выгоды принудить «Наполеона оставить Москву прежде, чѣмъ Французскія войска, «утомленныя усталостію и лишеніями, имѣли время отдохнуть, «чтобы возстановить себя.»

Генералъ Ренья («Considerat. sur l'art de la guerre»), говоритъ: «Русскіе могли очень легко избѣжать Бородинскаго сраженія, ибо «выиграли ли бы они, или проиграли, сраженіе, ихъ неосторожный «непріятель одинаково былъ бы разстроенъ, какъ событія и «оправдали это.»

Заключу главу сію мнѣніемъ Подполковника Дю Шато, которое онъ излагаетъ въ своихъ стратегическихъ разсужденіяхъ. Вотъ что онъ говоритъ о Бородинѣ (р. 38): «Бородинская битва, «выигранная Наполеономъ, была причиной всѣхъ обрушившихся

[71] Генералъ Пеле, Шапюи и нѣкоторые другіе говорятъ объ опасности для Французской арміи, если бы даже Уваровъ и Платовъ не отступили, произведя замѣшательство на лѣвомъ флангѣ Французовъ, и когда бы послѣдній перешелъ на ихъ путь и т. д.,—предметъ, требующій пространнаго обсужденія, о которомъ я слегка коснулся въ книжкѣ: «Бородинское сраженіе. Окончаніе. Спб. 1861 г.»

на него, бѣдствій въ концѣ года. По тому, будто бы, что если бы онъ проигралъ ее, то не углубился бы такъ далеко въ Россію, а подумалъ бы расположиться на зимнія квартиры между Днѣпромъ и Двиною.

Но едва ли мнѣніе автора справедливо: [1] во первыхъ, по тому, что, дойдя до Бородина, Наполеонъ углубился уже въ наше отечество, почти на тысячу верстъ, и оставалось углубиться еще только около ста верстъ; но за то онъ имѣлъ въ виду Москву, гдѣ думалъ возстановить физическія и нравственныя силы своей арміи, ни какъ не ожидая того, что случилось съ Москвою. Слѣдовательно, если Наполеонъ дошелъ уже до Бородина, то ему оставалось углубиться еще только на десятую часть того пространства, которое армія его уже совершила. Во вторыхъ: если бы Наполеонъ былъ разбитъ въ этой битвѣ такъ, что былъ бы вынужденъ отступать, въ такомъ случаѣ не могло быть и рѣчи о занятіи зимнихъ квартиръ между Днѣпромъ и Двиною. Армія его лишена была конницы, а у насъ она была числительна и сбережена. Тогда бы лучше Казаки и легкая конница наша насѣли на него, имѣя возможность производить набѣги съ большею быстротой. Французы же, послѣ проигранныхъ ими сраженій, отступать не мастера, въ особенности на большихъ пространствахъ, что свѣдѣтельствуется и Исторіею. Здѣсь же Казаки составляли бы и авангардъ отступающей арміи, подобно тому, какъ это дѣлалъ Генералъ (В. Д.) Иловайскій, въ 1813 году, отъ Лейпцига до Ганау и отчасти до самаго Майнца. Отъ Бородина до Смоленска не было магазиновъ, а въ послѣдній городъ не успѣли еще свезти запасовъ. Шедшіе же къ арміи транспорты всѣхъ родовъ попались бы въ руки Казакамъ. Малочисленные гарнизоны въ Вязьмѣ и Дорогобужѣ и по сту человѣкъ на этапахъ составлены были большею частью изъ слабыхъ, не могшихъ слѣдовать за арміею, не въ состояніи были оказать какого либо сопротивленія, терпя сами голодъ, вмѣстѣ съ ранеными и больными, отсталыми и разсѣян-

[1] Не вображаю на выраженія: «Битва, выигранная Наполеономъ.» Въ своемъ мѣстѣ объ этомъ говорится удовлетворительно. Да и самъ авторъ выражается такъ по тому только, что мы отступили, какъ видно будетъ далѣе.

ными мародерами, коими завалень былъ весь помянутый путь; слѣдовательно, отступать Наполеону при такихъ спутникахъ было бы очень невыгодно, и я даже думаю, что такое отступленіе было бы гибельнѣе отступленія его изъ Москвы. Объ этомъ предметѣ я говорилъ уже пространно въ другомъ мѣстѣ.[73]

Продолжая свои стратегическія разсужденія, Подполковникъ Дю-Шатэ (p. 39) говоритъ: «Такъ какъ отступленіе Русскихъ на «Москву было такъ хорошо соображено, то Кутузовъ могъ избѣжать Бородинской битвы, но тому что, чѣмъ болѣе вдавался Наполеонъ въ степи Россіи, тѣмъ болѣе положеніе его становилось «критическимъ.»[74]

Авторъ этотъ одинъ изъ весьма немногихъ Французовъ, допускающихъ предварительно обдуманный и соображенный планъ нашего отступленія. Почти всѣ другіе хотятъ увѣрить, что только одинъ страхъ заставлялъ насъ отступать.

---

[73] Въ книгѣ, имѣвшей счастіе быть посвященной Государю Императору, подъ заглавіемъ: «Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя преимущественно «изъ иностранныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причинахъ гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году.» Спб., 1855. 8.

[74] Авторъ прибавляетъ: «Столь же мудро избрана была позиція при Тарутинѣ, «сколько преслѣдованіе было медленно, на основаніи правила: «Que l'on ne «saurait mettre trop de promptitude à attaques et à déborder un ennemis, qui se «replie à des grandes distances, quelles que soyent les causes de son mouvement rétrograde,» и развиваетъ свои доказательства. Далѣе (p. 46): «Битва при Краснемъ ведена была очень слабо. За чѣмъ ввели въ дѣло только «тридцать тысячъ человѣкъ, тогда какъ очень легко можно было употребить «большую часть арміи, чтобы задавить Наполеона?»

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ЗАПИСКИ

АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

ИЗДАНІЕ

Н. П. Ермолова.

ЧАСТЬ II.

1816 – 1827 г.

ЗАПИСКИ

ГЕНЕРАЛА ЕРМОЛОВА,

ВО ВРЕМЯ УПРАВЛЕНІЯ ГРУЗІЕЮ.

ЗАПИСКИ

АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ЕРМОЛОВА ВО ВРЕМЯ УПРАВЛЕНІЯ ГРУЗІЕЙ.

По окончаніи войны съ Французами, 1814 года, Государь, предъ отъѣздомъ своимъ изъ Парижа въ Англію, приказалъ мнѣ отправиться въ Краковъ, къ назначенной мнѣ новой командѣ. По обстоятельствамъ тогдашняго времени, со стороны Австріи можно было ожидать нѣкоторыхъ несогласій, и по тому нужны были на границѣ войска и въ скорости. Порученныя мнѣ состояли изъ большой части резервной арміи, формировавшейся въ Герцогствѣ Варшавскомъ, и въ составѣ своемъ названы были сильнымъ авангардомъ. Нельзя было войскамъ симъ дать наименованія корпуса; ибо многіе изъ Генераловъ старѣе меня имѣли только дивизіи; и такъ, подъ именемъ сильнаго авангарда, безъ обиды другимъ, могло, подъ начальствомъ моимъ, быть слишкомъ девяносто тысячъ человѣкъ.

Въ теченіе 1814 года составился въ Вѣнѣ конгрессъ, извѣстный несогласіями собравшихся Государей; но бѣгство Наполеона съ острова Эльбы положило конецъ ихъ распрямъ, а быстрое появленіе его въ Парижѣ и удаленіе оттуда Королевской фамиліи, возвало ихъ къ единодушному противъ Наполеона ополченію.

Во время пребыванія Императора въ Вѣнѣ дано было арміи нашей повелѣніе выступить, и я, съ войсками, въ Краковѣ бывшими, вышелъ за границу, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1815 года. Резервныя войска, которыми я начальствовалъ прежде, перемѣнены были составленнымъ временно 6-мъ корпусомъ изъ двухъ пѣхотныхъ, одной гусарской дивизіи и нѣсколькихъ Казачьихъ полковъ.

Въ семъ второмъ нашемъ во Францію походѣ мы не имѣли случая сразиться съ непріятелемъ; ибо Англичане и Пруссаки кончили дѣйствія совершеннымъ разсѣяніемъ Французской арміи, и Наполеонъ, лично ею начальствовавшій, предалъ себя власти Англійскаго Правительства.

Войска наши вступили, однако же, во Францію, и Государь отправился въ Парижъ.

Прибывши на Рейнъ, вмѣсто 6-го корпуса, съ которымъ я пришелъ, данъ мнѣ былъ гренадерскій корпусъ, и часть онаго послѣдовала въ Парижъ, для содержанія при Государѣ караула, ибо гвардіи при арміи не находилось.

Въ Парижѣ имѣлъ я случай испросить увольненіе въ отпускъ по болѣзни на шесть мѣсяцевъ.

Дошедши съ гренадерскимъ корпусомъ, на возвратномъ пути, до Царства Польскаго, поѣхалъ я въ Варшаву, гдѣ уже Государь находился, и я былъ свидѣтелемъ восхищенія облагодѣтельствованнаго имъ народа, пріявшаго отъ него и политическое бытіе и конституцію.

Въ самомъ началѣ 1816 года былъ я въ Орлѣ у престарѣлыхъ родныхъ моихъ, среди малаго моего семейства, велъ жизнь самую спокойную, не хотѣлъ разлучиться съ нею, намѣреніе имѣя не возвращаться къ корпусу, а по тому и просилъ продолженія отпуска, дабы ѣхать къ минеральнымъ водамъ на Кавказъ. Но, вмѣсто того, получилъ приказаніе прибыть въ Петербургъ.

Изъ частныхъ извѣстій зналъ уже, что я назначаюсь начальникомъ въ Грузію. Исчезла мысль о спокойной жизни, ибо всегда желалъ я чрезвычайно сего назначенія, и тогда даже, какъ по чину не могъ имѣть на то права.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Государь, постоянно мнѣ благотворящій, объяснилъ мнѣ, что онъ не рѣшился бы опредѣлить меня въ Грузію, если бы не были свидѣтельствующіе, что я того желаю; ибо самъ онъ не могъ думать, чтобы назначеніе сіе могло согласоваться съ моимъ намѣреніемъ.

Объясненіемъ симъ Государь истолковалъ мнѣ, какого онъ о Грузіи мнѣнія. Сего достаточно было, чтобы на мѣстѣ моемъ устрашить многихъ, но я рѣшился повѣрить себя моему счастію.

Не съ равнымъ удовольствіемъ принялъ я назначеніе меня Посломъ въ Персію. Меня устрашали дѣла, по роду своему совершенно мнѣ не знакомыя. Я наслышался о хитрости и коварныхъ свойствахъ Персіянъ, и отчаявался исполнить съ успѣхомъ порученіе Государя.

Ни что такъ не оскорбляетъ самолюбія, какъ быть обманутымъ, а я ни какъ не надѣялся избѣжать того.

Принявъ наставленія, сдѣлавъ нужныя пріуготовленія къ посольству, я выѣхалъ въ началѣ Августа мѣсяца изъ Петербурга въ Москву, гдѣ пробылъ нѣсколько дней; ибо Государь, будучи тамъ, приказалъ при себѣ находиться.

Въ Москвѣ замѣтилъ я, что нѣсколько странно смотрѣли на человѣка почти неизвѣстнаго, появившагося въ званіи Главноуправляющаго Грузіею и, сверхъ того, чрезвычайнаго и полномочнаго Посла.

Я самъ себѣ иногда не довѣрялъ, что это со мною могло случиться.

Въ Сентябрѣ прибылъ я на границу Кавказской Губерніи.

Двадцать лѣтъ назадъ проѣзжалъ я Кавказскую линію, будучи Капитаномъ артиллеріи, въ молодыхъ весьма лѣтахъ и служа подъ начальствомъ Генералъ-Аншефа Графа Зубова, который съ корпусомъ войскъ дѣйствовалъ противъ Персіянъ въ 1796 году.

Первое обстоятельство, обратившее вниманіе мое, были высланныя мнѣ на встрѣчу конвойныя команды изъ поселенныхъ на Линіи Казаковъ. Всегда отличались они отъ всѣхъ прочихъ Казаковъ особенной ловкостію, исправностію оружія и добротою лошадей. Я, напротивъ, увидѣлъ между ними не менѣе половины чрезвычайно молодыхъ людей, нигдѣ не служившихъ и даже ребятъ.

Предмѣстникъ мой, по усильному старанію Донскаго воiска Атамана, Генерала Графа Платова, согласился смѣнить Линейными

Казаками шесть Донскихъ полковъ, служившихъ на Линіи, и отъ сего неосмотрительнаго распоряженія должны были выйти на службу всѣ малолѣтные и даже находившіеся въ отставкѣ Казаки.

Повинность, превосходившая всѣ тѣ усилія, каковыя дѣлаемы были въ кампанію 1812 года, возбуждала ропотъ, и я, въ прекращеніе онаго, рѣшился оставить на службѣ пять Донскихъ полковъ, отправивши только одинъ таковой въ свои жилища. Государь, по донесенію моему, утвердилъ распоряженіе мое.

Остановившись малое время въ Георгіевскѣ, дабы собрать нужнѣйшія о Кавказской Линіи свѣдѣнія, я отправился въ Грузію, и прибылъ въ Тифлисъ 10-го числа Октября.

Предмѣстникъ мой, Генералъ отъ Инфантеріи Ртищевъ, нетерпѣливо ожидалъ меня, ибо желалъ скорѣе возвратиться въ Россію, куда супруга его прежде уже отправилась.

Имѣвши прежде свѣдѣніе, что въ Грузіи отправленіе дѣлъ по службѣ не въ надлежащемъ идетъ порядкѣ, наслышавшись даже и о многихъ злоупотребленіяхъ, почелъ я необходимымъ имѣть съ собою нѣсколько чиновниковъ, извѣстныхъ мнѣ службою и на честность коихъ и правила могъ бы я положиться.

Нужнѣйшаго мнѣ для военной части взялъ я начальникомъ Корпуснаго Штаба, Полковника Вельяминова, служившаго прежде со мною въ артиллерійской гвардейской бригадѣ, потомъ въ Краковѣ, и наконецъ въ гренадерскомъ корпусѣ въ семъ же званіи. Офицеръ сей, хорошо учившійся, имѣлъ большія свѣдѣнія и отличныя способности. Дежурнымъ Штабъ-Офицеромъ былъ Подполковникъ Наумовъ, неутомимой дѣятельности и наклонности особенной къ порядку.

По части гражданской былъ при мнѣ Коллежскій Совѣтникъ Рыхлевскій, чиновникъ, рекомендованный мнѣ съ найлучшей стороны и знающій хорошо порядокъ дѣлъ. Начальникомъ Дивизіи, расположенной въ Грузіи, выпросилъ я Генералъ-Маіора Кутузова, коего коротко я зналъ хорошія способности. Оберъ-Квартирмейстеромъ, по желанію моему, назначенъ былъ Полковникъ Ивановъ.

Вскорѣ по прибытіи въ Тифлисъ долженъ я былъ осмотрѣть важнѣйшую часть границъ; ибо, готовясь къ отъѣзду въ Персію, нужны мнѣ были свѣдѣнія о состояніи оныхъ, особенно зная, какія употреблялъ усилія Шахъ Персидскій, дабы возвращено ему было Ханство Карабахское, или часть онаго, въ чемъ и предмѣстникъ мой обязался ему способствовать.

Итакъ я поѣхалъ въ Карабахъ, Полковнику Иванову поручилъ осмотрѣть Талышинское Ханство, Офицерамъ квартирмейстерской части приказалъ сдѣлать обозрѣніе прочихъ границъ съ Персіею.

Въ Карабахѣ познакомился я съ Ханомъ, оттуда нарочно проѣхалъ въ селеніе Зардабъ, лежащее на рѣкѣ Курѣ, дабы видѣться съ Ширванскимъ Ханомъ, изъ вѣжливости выѣхавшимъ мнѣ на встрѣчу; [1] потомъ былъ я въ селеніи Мингечауръ, гдѣ Ханъ Шекинскій меня дожидался.

Въ Тифлисъ возвратился я 12 Декабря, проѣздивъ не много менѣе мѣсяца.

Здѣсь могу сказать, что я настоящимъ образомъ вступилъ въ отправленіе дѣлъ, и уже познакомился, по крайней мѣрѣ, съ главнѣйшими обстоятельствами, до края относящимися.

Состояніе страны, управленію моему ввѣренной, было слѣдующее:

Со времени вступленія на Престолъ Царствующаго Императора, Грузія постоянно занята нашими войсками, и вводился постепенно нашъ образъ управленія, при дѣйствіи собственныхъ законовъ, составленныхъ Царемъ Вахтангомъ, коимъ сохранена прежняя сила. Судная часть была уже въ лучшемъ устройствѣ, доходы съ земли начинали приходить въ большую степень опредѣлительности.

Грузію собственно составляютъ Карталинія, округъ чрезвычайно хлѣбородный; Кахетія, раздѣленная на Телавскій и Сигнах-

---

[1] Онъ со времени Главнокомандующаго Князя Циціанова не видѣлся ни съ однимъ изъ начальниковъ.

скій уѣзды, изъ коихъ первый изобилуетъ прекраснѣйшими виноградниками, послѣдній, не столько много занимаясь разведеніемъ садовъ, имѣетъ довольно обширное хлѣбопашество. Карталинія принадлежитъ часть Осетинъ, живущихъ въ горахъ. Въ недавнемъ времени начали они принимать Христіянскую вѣру. Успѣхи оной хотя еще очень ничтожные, но можно надѣяться, что, получивъ болѣе довѣренности къ Правительству, ибо пріемлющимъ Крещеніе оказывается особое вниманіе, они перемѣнятъ звѣрскіе свои нравы и наклонность къ воровству.

Съ Кахетіею смежны небольшія земли, въ коихъ живутъ народы, именуемые Пшавцы и Тушинцы, издавна покорствовавшіе Грузинскимъ Царямъ. Они имѣютъ богатое весьма скотоводство, наклонностей воинственныхъ, вѣрны Правительству. Надъ ними отъ начальства поставленъ Приставъ изъ Грузинъ, ибо необходимо знать языкъ. Не всегда, однако же, повинуются они надлежащимъ образомъ и доселѣ почти въ дикомъ состояніи. Сомхетія, войнами опустошенная и почти ни какого населенія не имѣющая. Бамбаки и Шурагель, малые весьма Округи, въ послѣднюю съ Персіянами войну разоренные, въ коихъ и доселѣ мало жителей. Дистанціи Татарскія: Барчалинская, Казахская и Шамшадильская, довольно населенныя, имѣющія хорошее хлѣбопашество и богатое весьма скотоводство.

Къ Грузіи присоединенъ Елисаветпольскій Округъ, бывшее Ханство Ганжинское, въ 1804 году, взятое оружіемъ подъ предводительствомъ Главнокомандующаго Генерала, Князя Циціянова; и симъ ограничивается пространство, которое мы подъ общимъ именемъ Грузіи разумѣемъ. Округъ сей богатъ скотоводствомъ, производитъ лучшую пшеницу въ здѣшней странѣ, имѣетъ посѣвы Сарачинскаго пшена и шелковичные сады. Дохода казнѣ приноситъ болѣе нежели прочіе, Округи Грузіи.

Во всѣхъ сихъ Округахъ народонаселеніе можетъ простираться до. . . . . изчисленіе, конечно, не вѣрное, но между народами, чуждыми всякаго порядка, паче Мусульманами, трудно достигнуть настоящаго.

Въ Имеретіи, независимо отъ Грузіи, учреждено временное правленіе. Бѣдная сія земля, бывшая до 1810 года особеннымъ

Царствомъ, заключаетъ въ себѣ пять Округовъ. Населеніе оной жестокою моровою язвою уменьшено болѣе, нежели на половину и простирается не свыше.... Въ Провинціяхъ Мингреліи, Грузіи и Абхазіи владѣтельные Князья пользуются прежними, предоставленными имъ, правами и самыми съ земли доходами, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ зависятъ отъ распоряженій главнаго въ краю начальника, приводимыхъ въ исполненіе Правителемъ Имеретіи, который опредѣляется изъ служащихъ въ корпусѣ Генераловъ.

Ханство Карабахское было въ управленіи Мехти-Хана, имѣющаго чинъ Генералъ-Маіора. Отецъ, умышляя противъ насъ измѣну и доброжелательствуя Персіянамъ, съ которыми мы были въ войнѣ, пригласилъ войска ихъ, но былъ предупрежденъ, и войска наши, внезапно напавшіе на него ночью, лишили его жизни. Дочь его, сестра нынѣшняго Хана, находится въ замужествѣ за Шахомъ Персидскимъ, и по тому сколько ни показываетъ онъ себя приверженнымъ нашему Правительству, по привязанности къ сестрѣ, имѣетъ сношенія съ Персіею.

Ханство сіе въ 1805 году покорилось первое власти Государя. Ханъ, въ ознаменованіе зависимости, платилъ дани 8 тыс. червонцевъ.

Съ того самаго времени войска наши имѣли пребываніе въ Ханствѣ, и Персіяне смотрѣли съ завистью на богатѣйшую землю сію, доставшуюся въ руки наши.

Народонаселеніе Карабаха простирается до 24 т. семействъ. Оно не составляетъ половины прежняго, ибо неоднократно наносимая прежде Персіянами война разорила землю; жители въ большомъ количествѣ увлечены въ плѣнъ, не въ меньшемъ разошлись по разнымъ мѣстамъ. Доселѣ еще мало весьма населеніе въ равнинахъ Карабаха, близко прилежащихъ къ границѣ Персидской, и жители не дѣлаютъ на нихъ прочныхъ заведеній. Повсюду видны развалины городовъ и большихъ деревень, остатки обширныхъ шелковичныхъ садовъ и земледѣлія, свидѣтельствующихъ богатое нѣкогда земли состояніе.

Нынѣшній Ханъ, не радѣющій о благоустройствѣ земли, довѣрчивый къ окружающимъ его чиновникамъ, которые его обма-

нываютъ, проводитъ время въ распутствѣ, ни чѣмъ болѣе не занимаясь, какъ охотою съ собаками, или ястребами. Всѣ заведенія, отцемъ сдѣланныя, въ упадкѣ, и даже не только нѣтъ признака роскоши, въ которой онъ живалъ, но и самый замокъ или дворецъ его представляетъ развалины, и нѣтъ почти въ немъ убѣжища; любимцы расхитили собственно принадлежащее ему имущество до такой степени, что ему недостаетъ средствъ къ содержанію себя приличнымъ образомъ. За нѣсколько лѣтъ не представлено въ казну ничтожной, платимой имъ, дани.

Ширванскимъ Ханствомъ управляетъ Генералъ-Лейтенантъ Мустафа-Ханъ. Онъ владѣлъ онымъ и тогда, какъ въ 1796 году былъ съ войсками Генералъ-Аншефъ Графъ Зубовъ, но по свойству недовѣрчивому, по злоумышленію противъ Русскихъ, за которое боялся наказанія, онъ тогда бѣжалъ въ Турцію, и когда войска Графа Зубова отозваны были въ Россію, онъ возвратился и изгналъ поставленнаго нами Х на.

До 1806 года пользовался онъ совершенною независимостію, но, видѣвъ примѣръ взятаго оружіемъ Ганжинскаго Ханства, вошедшаго въ подданство Ханства Карабахскаго, онъ повергъ себя въ покровительство Императора и въ знакъ подданства обязался платить 8 т. червоцевъ дани.

Но съ перемѣною состоянія своего, не перемѣнилъ онъ свойствъ, и той же, какъ и прежде, недовѣрчивости исполненъ былъ къ нашему Правительству. Онъ старался распространить связи свои съ народами Дагестана, сильными, воинственными, ни кому доселѣ не покорствовавшими, думая тѣмъ устрашить Русскихъ и заставить уважать себя болѣе прочихъ. Война съ Персіею, многія занятія предмѣстниковъ моихъ по предмету внутренняго земли устройства, заставляли ихъ, для удержанія Мустафы-Хана въ спокойствіи и хорошемъ расположеніи къ намъ, дѣлать ему многія угожденія, и онъ истолковалъ себѣ, что онъ можетъ быть для насъ опаснымъ.

Высокомѣріе его простиралось до того, что онъ не выѣхалъ къ Главнокомандующему Генералу Тормасову, который желалъ имѣть съ нимъ свиданіе. Со мною поступилъ онъ снисходительнѣе, и удивленъ былъ, когда пріѣхалъ я къ нему не болѣе какъ съ

пятью человѣками свиты, а онъ сопровождаемъ былъ, по крайней мѣрѣ, пятью стами человѣкъ конницы. Онъ, однако же, далъ замѣтить мнѣ, что не каждому долженъ я ввѣряться подобнымъ образомъ. И что онъ такъ же точно предостерегалъ покойнаго Князя Циціянова. Ханъ не разсудилъ, какая между Княземъ Циціяновымъ и мною была разница. Онъ славными по истинѣ дѣлами своими былъ для нихъ страшенъ, я только что пріѣхалъ и былъ имъ совершенно не извѣстнымъ.

Мустафа-Ханъ управлялъ Ханствомъ лучше прочихъ владѣтелей. Народъ имъ собственно не былъ отягощаемъ. Но если терпѣлъ нѣкоторое утѣсненіе, то единственно отъ предоставленной имъ власти Бекамъ (родъ дворянства), между коими сдѣлалъ онъ многихъ себѣ приверженцевъ. Въ землѣ была полиція, не рѣдко наказывалось воровство, съ исправностію собирались доходы, Ханъ жилъ довольно великолѣпно и служащихъ ему не рѣдко награждалъ щедро.

Со стороны Правительства нашего при немъ находился Приставъ изъ Офицеровъ, но онъ умѣлъ такъ отдѣлять его, что онъ ни чего не могъ знать о его связяхъ и поведеніи, и только собиралъ нѣкоторыя свѣдѣнія отъ приверженныхъ намъ Армянъ, живущихъ въ Ширвани.

Населеніе въ Ханствѣ можетъ считаемо быть около 20 тыс. семействъ. Часть народа, довольна значительная, по причинѣ чрезвычайнаго зноя въ лѣтнее время, удаляется въ горы, и по тому прочной осѣдлости не имѣетъ.

Ханство изобилуетъ шелкомъ, Сарачинскимъ пшеномъ, всякаго рода хлѣбомъ, имѣетъ на рѣкѣ Курѣ богатѣйшія рыбныя ловли и многочисленное скотоводство. Муганская, на правомъ берегу Куры, лежащая степь, оному способствуетъ. Есть конскіе заводы, но съ Карабахскими не могущіе сравниться, откуда выходятъ весьма статныя, доброѣзжія и къ трудамъ сносныя лошади, славящіяся во всей здѣшней сторонѣ.

Въ Шекинскомъ Ханствѣ нашелъ я владѣтеля Генералъ-Маіора Измаилъ-Хана, человѣка весьма молодаго, наклонностей развратныхъ, въ управленіи подвластными неправосуднаго, въ нака-

заніяхъ не только не умѣреннаго, но жестокаго, кровожаднаго При первомъ появленіи моемъ въ Грузію поступило ко мнѣ мно жество на него жалобъ.

Предмѣстникъ мой, Генералъ Ртищевъ, былъ къ нему чрез вычайно снисходительнымъ; ни какая на него просьба не полу чала удовлетворенія, жалующіеся обращались къ нему, и отъ то го подвергались жесточайшимъ истязаніямъ, или избѣгали оныхъ разорительною платою. Окружающіе Генерала Ртищева, поль зующіеся его довѣренностію, и, если вѣрить молвѣ, то самые да же ближніе его получали отъ Хана дорогіе подарки и деньги.

Съ негодованіемъ долженъ я упомянуть объ одномъ постыд номъ начальства поступкѣ: жители Шекинскіе, въ числѣ болѣе двухъ сотъ человѣкъ, пришли въ Тифлисъ, не въ состояніи будучи сносить злодѣйской жестокости и утѣсненій Хана. Жалобы ихъ, слезы и отчаяніе не тронули начальство, ихъ назвали бунтующи ми противъ власти, многихъ наказали тѣлесно, болѣе двадцати человѣкъ, какъ заговорщиковъ, сослали въ Сибирь.

Въ бытность Главнокомандующимъ въ Грузіи Фельдмаршала Графа Гудовича, Шекинское Ханство, послѣ измѣны Селимъ-Хана, изгнаннаго нашими войсками, состояло подъ Россійскимъ управленіемъ и народъ чрезвычайно доволенъ былъ избавиться отъ Хановъ.

Весьма ощутительны были выгоды отъ присоединенія сего Ханства; кромѣ доходовъ, довольно значительныхъ, единство власти должно было быть полезною цѣлію; но Графъ Гудовичъ, по необузданному самолюбію, упорный въ своемъ мнѣніи, по непри ступной гордости, не допускающій мнѣнія другихъ, представилъ Правительству о предоставленіи Ханства Джафаръ-Кули-Хану, вла дѣвшему въ Персіи Ханствомъ Хойскимъ. Ловкій сей человѣкъ снискалъ довѣренность Графа, полезенъ будучи ему при неудач ной осадѣ Эриванской крѣпости, гдѣ по близости находилось при надлежавшее нѣкогда ему владѣніе; и онъ, имѣя людей, ему при верженныхъ, могъ доставлять нужныя свѣдѣнія и иногда откры вать намѣренія непріятеля. Онъ находился такъ же при Князѣ Циціяновѣ въ блокадѣ Эривани, и съ нимъ было собственной его конницы до семи сотъ че[illegible]жафаръ-Кули-Ханъ принадле-

алъ къ одной изъ знатнѣйшихъ и сильныхъ фамилій въ Персіи, имѣлъ обширныя связи и многочисленную партію, которыя давали ему надежды взойти на Персидскій Престолъ. Права похитителей одинаковы, преимущество опредѣляетъ сила и счастіе. Симъ бязанъ Престоломъ нынѣ Царствующій Шахъ, и Джафаръ-Кули-анъ, проигравъ противъ него сраженіе, спасся къ намъ бѣгствомъ.

Не долгое время управлявши Ханствомъ, Джафаръ-Кули-Ханъ меръ, и по немъ наслѣдовалъ теперешній Ханъ, сынъ его.

При первомъ свиданіи съ Измаиломъ-Ханомъ, въ присутствіи многихъ изъ народа, сдѣлавъ замѣчаніе на счетъ злоупотребленія имъ власти, поручилъ я ему быть снисходительнымъ къ народу. Приставу, при немъ находившемуся, поручилъ собрать всѣхъ несчастныхъ, которыхъ подвергъ онъ жестокимъ истязаніямъ, и приказалъ помѣстить въ его дворцѣ, пока не удовлетворитъ, по крайней мѣрѣ, семействъ ихъ обезпеченіемъ ихъ благосостоянія.

Шекинское Ханство, при меньшемъ населеніи, нежели въ Ханствѣ Ширванскомъ, даетъ не менѣе онаго дохода, особенно если исключить отнупныя статьи, значительную часть дохода въ Ширвани составляющія.

Дани въ казну взноситъ въ годъ семь тысячъ червонцевъ.

Произведенія земли тѣ же самыя, какъ и въ Карабагѣ и Ширвани, при равномъ плодородіи оной.

Въ одномъ семъ Ханствѣ было нѣкогда благоустроенное управленіе, опредѣлены доходы и повинности, уравнительно раздѣлены труды жителей въ пользу Хана. Во время Мамедъ-Гассанъ-Хана, которому Персіяне выкололи глаза, выгнали изъ владѣній, и онъ, въ крайней бѣдности, скитаясь въ Турціи, прибѣгъ подъ покровительство Императора и живетъ въ Астрахани, получая достаточное содержаніе. Отецъ нынѣшняго владѣтеля нѣсколько удерживалъ сей порядокъ, но при семъ послѣднемъ ниже признаковъ онаго не осталось.

Талышинское Ханство, разоренное Персіянами, имѣетъ малое народонаселеніе, доходы весьма скудные, которыми пользуется Ханъ, не платя въ казну никакой дани. Приверженность къ Рос-

сіи владѣтеля, отца теперешняго Хана, вызвала мщеніе Персіянъ подвергла землю его истребленію, и полуденная часть Ханства при послѣднемъ трактатѣ нашемъ съ Персіею, признана принадлежностію оной.

Куринское Ханство получило бытіе въ недавнемъ времени. Имъ управляетъ Полковникъ Асланъ-Ханъ, человѣкъ Правительству приверженный.

Населеніе малое, жители обременены налогами, дань 3 тыс. червонцевъ и 3 тыс. четвертей пшеницы, платимая казнѣ, чрезвычайно ихъ разоряетъ.

Казыкумыцкое Ханство во владѣніи Сурхай-Хана, человѣка самаго коварнаго, готоваго на всякія злодѣянія. По древности своего происхожденія, онъ весьма уважаемъ; между Горскими народами имѣетъ сильныя связи, ко вреду нашему имъ употребляемыя. Участвуя во всѣхъ предпріятіяхъ Дагестанцевъ противъ насъ, и будучи наконецъ наказанъ отдѣленіемъ части владѣній его, изъ коей составлено Куринское Ханство, данное родственнику его, врагу его непримиримому, отмщевающему жестокую обиду, бѣжалъ въ Турцію. Въ командованіе Генерала Ртищева возвратился, изгналъ въ отсутствіе его управлявшаго владѣтеля и, пользуясь твердыми и почти непроходимыми мѣстами гористой страны, остался безъ наказанія.

Но если Генерала Ртищева отвлекали важнѣйшія занятія, могъ онъ, по крайней мѣрѣ, не входить въ сношеніе съ явнымъ измѣнникомъ и злодѣемъ, въ сношеніе, которое не иначе долженъ онъ разумѣть, какъ прощеніе его преступленій. Ханство Казыкумыцкое, по словамъ людей, хорошо его знающихъ, имѣетъ жителей до 15 тыс. семействъ. Ханъ ни какой дани не платитъ.

Аварское Ханство во владѣніи Генералъ-Маіора Султана Ахмедъ-Хана, лежитъ въ срединѣ горъ Кавказскихъ, отовсюду почти неприступныхъ и ни когда Русскіе въ ономъ не бывали. Жители онаго бѣдны, ведутъ жизнь самую суровую, наклонностей воинственныхъ.

Послѣдній предъ симъ владѣтель Умай-Ханъ былъ знаменитъ въ здѣшнихъ странахъ военными своими подвигами. Не разъ удач-

ными дѣлалъ на Грузію нападенія, разорилъ серебряныя и мѣдныя ея заводы. Пользуясь дружбою Ахалцыхскаго Паши, чрезъ земли его вступалъ въ Имеретію. Прошелъ однажды Эриванскую область безпрепятственно, но близъ города Нахичевана былъ разбитъ Персіянами. Долгое время благопріятствовавшее ему счастіе привязало къ нему многіе Горскіе народы, алчные добычи, и онъ являлся, сопровождаемъ будучи большими силами. Онъ пріучилъ ихъ къ грабежамъ, и Грузія, можно сказать, почти безващитная, внутренными раздорами истребляемая, удовлетворяла ихъ алчности. Долго еще послѣ смерти Умай-Хана врывались они въ Грузію многочисленными партіями, но не было уже счастливаго предводителя, и Грузія покоилась подъ защитою Россійскихъ войскъ, отъ которыхъ, не задолго до смерти, испыталъ онъ пораженіе.

Теперешній Ханъ, не знаю по чему, получаетъ жалованья по 5 тыс. рублей серебромъ, увѣряя, что онъ намъ приноситъ пользу вліяніемъ своимъ на Горскіе народы Дагестана, которыхъ будто воздерживаетъ отъ нападеній на Грузію. Сему вѣрили многіе изъ моихъ предмѣстниковъ, и я показываю ему видъ до времени. Ханъ сей дани ни какой не платитъ, ни какихъ обязанностей на себя не принималъ. Въ Тифлисѣ содержится отъ него аманатъ на казенномъ иждивеніи.

Уцмей, Каракайдацкій владѣтель, провинціи, сосѣдственной Дербенту, признаетъ зависимость отъ Россіи, но всегда въ связи съ народами, намъ не благопріятствующими; и подозрѣвая, что начальству извѣстно измѣнническое его поведеніе, имѣетъ къ оному совершенную недовѣрчивость, и еще не было ни кого изъ Русскихъ, съ коимъ бы видѣлся онъ, не сдѣлавъ предварительно условій и безъ сопровожденія многолюдной толпы. Во владѣніяхъ его не рѣдко бываютъ безпокойства, и онъ не всегда достаточно имѣетъ власти смирять ихъ, паче между жителями, гористую часть земли занимающими.

Уцмей дани въ казну не платитъ, ни какихъ обязанностей не имѣетъ, ниже за безопасность проѣзжающихъ чрезъ его владѣнія не отвѣтствуетъ. Русскіе иначе, какъ съ благонадежнымъ конвоемъ, проѣзжать не могутъ.

Сему владѣтелю, равно какъ и Хану Казыкумыцкому, предмѣстники мои предлагали чинъ Генералъ-Маіора съ 2 тыс. рублей серебромъ жалованья, но они отвергли съ негодованіемъ, что не хотѣли сравнить ихъ съ Шамхаломъ Тарковскимъ, который имѣетъ чинъ Генералъ-Лейтенанта и 6 тыс. рублей ежегодно.

Не могли подобныя предложенія наградъ льстить, явно нами не доброжелательствующимъ, не посѣщать въ нихъ мысли, что ихъ ласкаютъ изъ боязни, и отъ того возрастала дерзость ихъ.

Обширныя занятія начальниковъ злѣшняго края, малыя вообще средства, не допускали ихъ употребить нужной строгости, а не рѣдко власть наша или мало признаваема была, или не съ надлежащимъ уваженіемъ.

Народы небольшой земли, называемой Табассаранъ, непостоянно повиновались намъ и, по чрезвычайной бѣдности своей, ни какой пользы Правительству не приносили.

Въ Кубинской провинціи, съ присоединеніемъ къ оной городовъ Дербента и Баки, введено было наше управленіе. Судъ отправлялся по закону и обычаямъ земли. Комендантъ, собирая доходы, обращалъ ихъ въ учрежденное казначейство, и оные простирались до..... рублей серебромъ. Въ вѣдѣніи его состояла внутренняя полиція и всякаго рода казенное имущество, оставшееся отъ бывшихъ прежде Хановъ.

Жители сей провинціи болѣе всѣхъ прочихъ Мусульманскихъ, присоединенныхъ къ Россіи, областей, любятъ наше Правительство, во многихъ случаяхъ оказали опыты вѣрности и давно бы уже наслаждались совершеннымъ спокойствіемъ, но возмущаетъ оное живущій не подалеку у Горскихъ народовъ, бѣжавшій владѣтель ихъ, Шахъ-Али-Ханъ, который, будучи вспомоществуемъ сильнымъ Дагестаномъ, не рѣдко съ многочисленными толпами впадалъ въ провинцію, и легковѣрные думали, что онъ можетъ овладѣть оною. Шахъ-Али-Ханъ старался сколько можно придать сему правдоподобія, разглашая о дѣлаемыхъ ему Персіею пособіяхъ деньгами, которыя подлинно пересылаемы къ нему были чрезъ Ширванскаго Мустафу-Хана, Казыкумыцкаго Сурхай Хана и

торгующихъ города Дербента, гдѣ наиболѣе имѣлъ онъ людей, себѣ преданныхъ.

Персія, и по заключеніи съ нами мира, не переставала пересылать деньги всѣмъ, вреднымъ для насъ, людямъ, въ числѣ коихъ почитала бѣглаго Грузинскаго Царевича Александра, сына Царя Ираклія. Сей, во всѣхъ возмущеніяхъ въ Грузіи, являлся въ Кахетіи, сопровождаемый большимъ числомъ Лезгинъ и, наклонное къ измѣнѣ, Грузинское Дворянство, обращаясь къ нему, увлекало съ собою добрый и простодушный черный народъ. Лезгины, грабежемъ ненасытимые, обогащались добычею, въ глазахъ подлаго бѣглеца Царевича, толпами отгоняемы были плѣнные Грузины и продаваемы въ рабство отдаленнѣйшимъ народамъ. Царевичъ содѣйствующему ему Дворянству раздавалъ грамоты на имѣнія тѣхъ, которые, оставаясь вѣрными Правительству, ему противились. Повсюду встрѣчаясь съ войсками нашими, Лезгины обращались въ бѣгство, Царевичъ, знаменитый трусостью, никогда ни малѣйшей не подвергался опасности, но сіе не препятствовало ему имѣть приверженныхъ людей, и при всякомъ новомъ появленіи его, готовы были многіе изъ Дворянъ къ славнымъ подвигамъ, желали, чтобы возвратилъ онъ престолъ праотцевъ его.

Предмѣстники мои старались согласить его выйти изъ горъ, обѣщевая милость Государеву. Случаями сими пользовался онъ, чтобы увѣрить Персидское Правительство, сколько онъ намъ опасенъ, и что, по вліянію его на Горскіе Дагестана народы, можетъ отвлекать большую часть войскъ нашихъ. Одинъ изъ приверженцевъ его, Татаринъ низкаго происхожденія, содержавшій на откупу Тифлисскія бани, находится повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Персіи. Министръ сей не рѣдко приглашаемъ на совѣщаніе къ Наслѣднику Персидскаго Престола, Аббасъ-Мирзѣ. Объ одномъ изъ здѣшнихъ начальниковъ, Генералъ-Лейтенантѣ Маркизѣ Паулучи, можно сказать, что онъ ни какихъ Царевичу Александру не дѣлалъ предложеній.

Въ послѣднее же время, не за долго до моего пріѣзда сюда, одинъ изъ здѣшнихъ Дворянъ, подъ видомъ собственныхъ дѣлъ, отправясь въ Петербургъ, передалъ Министерству нашему письмо отъ Царевича съ жалобою, что ему препятствуютъ прибѣгнуть подъ покровительство Императора.

Обрадовались сему случаю, не спрося Генерала Ртищева можно ли вѣрить человѣку, котораго легко узнать было всѣ гнус ныя свойства, поручили командовавшему на Кавказской линіи, Ге нералъ Маіору Дельпоццо, войти съ нимъ въ сношеніе, уполно мочили сдѣлать нѣкоторыя издержки на подарки ему, и онъ ско ро увѣрился, что Царевичъ выѣдетъ въ Кизляръ, гдѣ уже пріуго товлялъ онъ ему пышную встрѣчу. Дворянину, привезшему пись мо въ Петербургъ, данъ прямо чинъ Поручика, хотя бы не без полезно было прежде взять свѣдѣніе, кто сей бѣглеца повѣрен ный? Онъ Дворянинъ Армянскаго происхожденія, изобличенный не одинъ разъ въ воровствѣ вещей и денегъ изъ кармановъ, по имени Иванъ Каргановъ.

Чрезъ сего достойнаго человѣка управляющій Министерством Иностранныхъ Дѣлъ, Статсъ-Секретарь Графъ Нессельроде, при слалъ Царевичу письмо съ самыми лестными отъ имени Государ обѣщаніями.

Между тѣмъ Царевичъ, продолжая съ Генералъ-Маіором Дельпоццо, независимо отъ Генерала Ртищева, переписку, явно обманывалъ его, вымышляя неловко глупыя отговорки, что онъ выѣхать изъ горъ скоро не можетъ, и не рѣдко прося денегъ.

Вскорѣ, по пріѣздѣ моемъ, усмотрѣлъ я наглые Царевича об маны, и приказалъ прекратить съ нимъ всякое сношеніе. Изсякли вдругъ новые источники его доходовъ, и онъ, во гнѣвѣ своемъ, прислалъ ко мнѣ письмо, что будто узналъ онъ о происках моихъ лишить его жизни. Я отвѣчалъ, что человѣкъ знаменитый, какъ онъ, развратною жизнію, глупостію и трусостію, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ своихъ лишенный, за бѣгство къ непріятелю, благословенія отца, опаснымъ быть не можетъ, и что я грош не дамъ ни за жизнь, ни за смерть подобнаго подлеца.

Письмо сіе было одно, которымъ онъ, конечно, не похва сталъ Правительству Персидскому.

Упомянувъ о всѣхъ земляхъ и народахъ, лежащихъ на полу денной сторонѣ Кавказа, повинующихся власти нашей, остается только сказать о владѣніи Елисеуйскаго Султана, Полковника Ах мадъ-Бека. Часть подвластныхъ его состоитъ изъ Лезгинъ, при

шедшихъ изъ горъ, часть изъ бывшихъ въ давнемъ времени жителей Кахетіи.

Султанъ платитъ въ казну дань совокупно съ вольнымъ обществомъ, именуемымъ Чарскимъ, сосѣдственнымъ Кахетіи. Подвластныхъ Султану считается, до двухъ съ половиной тысячъ семействъ.

Чарское общество признаетъ зависимость отъ Россіи; на подданство дана присяга, и неоднократно нарушена. Управляется избираемыми старшинами, и худо повинуется онымъ. Въ обществѣ семъ два состоянія людей. Пришедшіе изъ горъ, Лезгины, господствуютъ; давніе жители земли, составляющіе часть чернаго народа, находятся въ ихъ услуженіи, повинуясь имъ безпредѣльно. Они нѣкогда принадлежали Кахетіи, исповѣдывали Христіянскую Вѣру, нынѣ, изъ боязни властелиновъ своихъ, оставили оную, но желаютъ къ ней возвратиться. Число сихъ послѣднихъ не менѣе 4 тыс. семействъ. Дани платитъ общество Чарское, вмѣстѣ съ Елисеуйскимъ Султаномъ, 13,500 руб. серебромъ, или шелкомъ на равную сумму. Императоръ, пекущійся о средствахъ образованія Грузинскаго Дворянства, обратилъ деньги сіи на учрежденіе благороднаго училища, гдѣ, во время Князя Циціянова, начинали оказываться хорошіе въ обученіи юношества успѣхи. Теперь же училище въ совершенномъ упадкѣ.

Связи съ горскими жителями сего общества и Белаканскаго, состоящаго изъ девяти сотъ семействъ, были всегда причиною не малыхъ для Кахетіи бѣдствій. Мѣста твердыя, въ которыхъ расположены богатѣйшія селенія Лезгинъ Чарскихъ, защищали ихъ отъ мщенія Грузинъ, и былъ случай, что войска наши потерпѣли необыкновенный здѣсь уронъ и безъ всякаго успѣха. Кромѣ послѣдняго Кахетинскаго бунта въ 1812 году, во всѣхъ прежнихъ содѣйствовали они Лезгинамъ съ Царевичемъ Александромъ, приходившимъ изъ горъ. Впрочемъ благопріятствовали ему, давали у себя убѣжище и его приближеннымъ, и помощь въ содержаніи.

Теперь скажу о народахъ, противъ Кавказской Линіи обитающихъ.

Отъ вершинъ Кубани, по лѣвому берегу живутъ подвластные Оттоманской Портѣ народы, подъ общимъ именованіемъ Закубанцевъ извѣстные, многочисленные, воинственные, рѣдко спокойные.

Противъ центра Линіи лежитъ Кабарда, нѣкогда многолюдная, коея жители, почитаемые храбрѣйшими между всѣми Горцами, не рѣдко, по многолюдству своему, отчаянно противостояли Русскимъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ.

Съ давняго времени были Кабардинцы подданными нашими, имѣли отъ Царей Россійскихъ грамоты. Среди ихъ имѣлъ пребываніе чиновникъ въ качествѣ Пристава, учреждены были суды, въ коихъ засѣдали лучшихъ фамилій Князья ихъ. Многіе изъ нихъ служили въ нашихъ арміяхъ. Но давно уже нарушеніе присяги сдѣлалось дѣйствіемъ обыкновеннымъ, давно войска наши наказуютъ измѣны, и оныя возраждаются безпрерывно.

Кабардинцы, менѣе гораздо ста лѣтъ назадъ, были идолопоклонниками. Правительство допустило Мусульманскую Вѣру водвориться, явились озлобленные противъ Христіянъ священнослужители, Порта съ намѣреніемъ таковыхъ подсылала, тайно расточаемы были подарки, обѣщанія, и проповѣдуемая Вѣра, льстя разврату, снисходя порокамъ, жителей спокойныхъ, сдѣлавшихъ къ намъ привычку, долго не могла поколебать въ пріязненномъ къ намъ расположеніи. Но слишкомъ равнодушное ко всѣмъ симъ перемѣнамъ, начальство тогда предприняло противиться онымъ, когда мѣры насилія были необходимы и убѣжденію не давалъ мѣста фанатизмъ. Люди, прежде намъ желавшіе добра, охладѣли, неблагонамѣренные сдѣлались совершенными злодѣями, Вѣру и учрежденія свои рѣшились всѣ защищать единодушно.

Корыстолюбивые священнослужители приняли на себя разбирательство дѣлъ, все подпало власти ихъ, уничтожены прежніе суды, Князья и лучшія фамиліи, потерявъ всякое вліяніе, лишились уваженія въ народѣ, и мы не могли имѣть ни какой партіи въ пользу нашу. Молодые люди знатнѣйшаго происхожденія вдались въ грабежи и разбои, и между ими отличался тотъ, кто болѣе могъ наносить вреда Русскимъ, нападая на безоружныхъ поселянъ Кавказской Линіи и отгоняя стада и табуны.

Моровая язва была союзницею нашею противъ Кабардинцевъ; ибо, уничтоживъ совершенно все населеніе Малой Кабарды и производя опустошеніе въ Большой, до того ихъ ослабила, что они не могли уже, какъ прежде, собираться въ большихъ силахъ, но дѣлали набѣги малыми партіями; иначе и войска наши, на большомъ пространствѣ частьми слабыми разсѣянныя, могли бы подвергаться опасности. Весьма многія были предприняты въ Кабарду экспедиціи, иногда заставляли ихъ возвращать, или платить за сдѣланныя похищенія.

Въ 1810 году, въ послѣдній разъ наказывалъ ихъ Генералъ Булгаковъ, начальствовавшій на Кавказской Линіи, но никогда не претерпѣвали они чувствительной потери; ибо нельзя было скрыть отъ нихъ пріуготовленій къ походу, и они имѣли время удалять въ непреступныя мѣста горъ и семейства свои и драгоцѣннѣйшее имущество, и успѣхи войскъ нашихъ ограничивались отгономъ лошадей и скота.

Вступившій въ командованіе Линіею, Генералъ Ртищевъ, желая показать Правительству, что ему покорствуютъ Кабардинцы, согласилъ ихъ на отправленіе, въ концѣ 1811 года, депутаціи въ С.-Петербургъ; розданные деньги и подарки (къ чему они весьма лакомы) составили шайку, готовую отправиться. Могъ бы Генералъ Ртищевъ замѣтить, что ни одинъ изъ хорошей фамиліи, или хотя мало изъ порядочныхъ людей, не предложилъ себя, но надобно было похвастать у Двора, и шайка, можно сказать, бродягъ отправилась.

Правительствомъ были они приняты благосклонно, нѣкоторымъ даны были Штабъ-Офицерскіе чины, всѣмъ вообще награды и богатые подарки. Въ началѣ 1812 года они возвратились, но все сіе не сдѣлало Кабардинцевъ ни вѣрнѣйшими подданными, ни спокойнѣйшими сосѣдями. Набѣги, убійство, разбои не менѣе были частыми.

Въ семъ состояніи нашелъ я Кабардинцевъ, прибывши въ здѣшній край.

Нѣкоторые изъ Князей по доброй волѣ, или по вызову, къ намъ пріѣзживали, показывая себя вѣрными и въ великую вмѣ-

няя заслугу, что не участвовали съ другими въ разбояхъ, тогда. однако же, какъ ближайшіе ихъ родственники и подвластные, а нѣкоторыхъ даже сыновья, замѣшаны были во всякомъ случаѣ. Приставъ нашъ не имѣлъ уже пребываніе въ Кабардѣ, и хотя сносился съ главнѣйшими, но ему не было оказываемо ни какого послушанія.

Нѣсколько Князей и Узденей выѣхали ко мнѣ на встрѣчу. Я ласково принялъ ихъ, совѣтовалъ воздержать Кабардинцевъ отъ злодѣйствъ и разбоевъ, которые могутъ навлечь имъ жестокое наказаніе. Я зналъ, что все обѣщаютъ, и ничего не исполнятъ, но не могъ приступить къ мѣрамъ смиренія ихъ; ибо не извѣстно мнѣ было, какія ожидаютъ меня занятія. Смежные съ Кабардинцами, въ мѣстахъ ближайшихъ къ хребту Кавказа, живутъ Осетины.

Нѣкоторая часть оныхъ въ совершенной покорности у Кабардинцевъ со временъ могущества сихъ послѣднихъ. Нѣкоторые изъ Осетинъ вышли на равнину и заводятъ селенія въ окрестностяхъ Владикавказа.

Тамъ же, въ вершинахъ рѣки Сунжи, расположились выселившіеся изъ горъ Ингуши, народъ воинственный, приведенный въ покорность кроткими мѣрами, употребленными Генералъ-Майоромъ Дельпоццо.

На военной дорогѣ отъ Моздока въ Грузію, единственной, которую мы чрезъ горы Кавказа величайшими поддерживаемъ трудами, живутъ Тагаурцы, намъ хорошо повинующіеся.

Многія другія племена Горцевъ мало еще покорствуютъ, или отъ одного страха. Отъ нѣкорыхъ содержатся аманаты въ Владикавказѣ.

Противъ лѣваго крыла Линіи лежитъ Малая Кабарда, коея остатки жителей отъ моровой язвы ограничиваются нынѣ числомъ не съ большимъ трехъ сотъ семействъ, и нѣтъ слѣдовъ прежнихъ большихъ селеній.

Ниже по теченію рѣки Терека живутъ Чеченцы, самые злѣйшіе изъ разбойниковъ, нападающихъ на линію. Общество ихъ

весьма было малолюдно, но чрезвычайно умножилось въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ; ибо принимались дружественно злодѣи всѣхъ прочихъ народовъ, оставляющіе землю свою по какимъ либо преступленіямъ. Здѣсь находили они сообщниковъ, тотчасъ готовыхъ или отмщевать за нихъ, или участвовать въ разбояхъ, а они служили имъ вѣрными проводниками въ земляхъ, имъ самимъ не знакомыхъ. Чечню можно справедливо назвать гнѣздомъ всѣхъ разбойниковъ.

Управленіе оной раздѣлено изъ рода въ родъ между нѣсколькими фамиліями, кои почитаются старшинами. Имѣющіе сильнѣйшія связи и люди богатые болѣе уважаемы. Въ дѣлахъ общественныхъ, но болѣе въ случаѣ предпріемлемаго нападенія, или воровства, собираются вмѣстѣ на совѣтъ; но какъ всѣ они почитаютъ себя равными, то нѣсколько противныхъ голосовъ уничтожаютъ предпріятія, хотя бы и могли они быть полезными обществу, паче же если голоса сіи поданы кѣмъ ни будь изъ сильныхъ людей.

Народонаселеніе въ Чечнѣ, съ присоединившимся обществомъ Качкалыковъ, считается болѣе нежели 6000 семействъ. Земли пространствомъ не соотвѣтствуютъ количеству жителей, или поросшія лѣсами непроходимыми, недостаточны для хлѣбопашества, отъ чего много народа ни какими трудами не занимающагося и снискивающаго средства существованія едиными разбоями.

Трудно смирить народъ, пріобыкшій къ самой жестокой бѣдности, терпѣливо сносящій всякаго рода недостатки, и по тому всѣ доселѣ усилія начальства, всѣ походы войскъ, остались безуспѣшными; напротивъ, уразумѣвъ, сколько предстоитъ препятствій для наказанія ихъ, они болѣе одобрились, и въ мнѣніи, что земля ихъ непреодолима, утвердилъ ихъ походъ Генерала Булгакова съ значительными весьма силами, кончившійся весьма чувствительною потерею и пріобрѣтеніемъ самыхъ ничтожныхъ выгодъ.

Послѣдствія сіи произошли отъ неосмотрительнаго распредѣленія войскъ. Генералъ Булгаковъ, столько же чрезвычайно храбрый, какъ мало распорядительный, думалъ привести Чеченцевъ въ замѣшательство, двинувъ войска въ одно время по разнымъ направленіямъ. Для сего надобно было раздробить ихъ.

Слабыя части въ мѣстахъ трудныхъ не смѣли предоставить себѣ дѣйствій рѣшительныхъ, или подвигались медленно, или же малымъ числомъ непріятеля были остановлены, и вся связь операціи прервалась. Самъ Генералъ Булгаковъ имѣлъ дѣло съ главными силами Чеченцевъ и встрѣтилъ ихъ въ большемъ, нежели ожидалъ, количествѣ. Тутъ не довольно искусное и съ мѣстоположеніемъ не согласованное войскъ употребленіе было причиною и затрудненій и потери.

И такъ разбой Чеченцевъ и увлеченіе въ плѣнъ жителей Кавказской Губерніи и самыхъ поселенныхъ на границѣ Казаковъ дошли до того, что надлежало въ собственный землѣ ихъ пріуготовить имъ наказаніе, и я вознамѣрился, при первомъ удобномъ случаѣ, употребить всѣ средства къ перенесенію въ богатѣйшую часть ихъ владѣній нашей Линіи, къ оборонѣ совершенно не удобной.

Не прежними средствами, вводя войска въ землю незнакомую и когда всѣ Чеченцы соединяются для защиты, женъ, дѣтей и имущества, можно смирить ихъ. Надобно отнять способы къ набѣгамъ и къ хищничествамъ, соединивъ во власти своей все, что къ тому имъ споспѣшествовало. Надобно по рѣкѣ Сунжѣ занять всѣ земли, удобныя къ воздѣлыванію, и пастбищныя мѣста, на которыхъ во все зимнее время укрываютъ стада свои отъ жестокаго въ горахъ холода.

Устроивъ на Сунжѣ крѣпости не подалеку отъ деревень ихъ, удобно будетъ внезапныя дѣлать нападенія; ибо не могутъ они предварены быть о намѣреніи и угадывать оныя, какъ прежде, по немедленному сбору войскъ изъ многихъ мѣстъ.

Оттѣснивъ ихъ ближе къ горамъ и въ непрерывномъ содержа страхѣ, можно заставить ихъ помышлять о собственной защитѣ болѣе, нежели о нападеніяхъ, которыя тѣмъ затруднительнѣе сдѣлаются, что надобно будетъ далеко проѣзжать позади цѣпи постовъ нашихъ.

Давно весьма слыхалъ я о семъ намѣреніи, и мысль сія мнѣ не принадлежитъ. Генералъ Князь Цицiяновъ хотѣлъ привести ее въ исполненіе, и при немъ частію войскъ сдѣлано обозрѣніе те-

ченія рѣки Сунжи, но вскорѣ послѣдовавшая смерть его воспрепятствовала оному.

Въ 1812 году Генералъ Ртищевъ, переходя съ Кавказской Линіи къ командованію Грузіею, возмечталъ пріобрѣсти спокойствіе и покорность Чеченцевъ подарками и деньгами.

Вызваны были въ Моздокъ главнѣйшіе изъ старшинъ и многіе другіе, по мнѣнію его, важные люди, имъ не мало дано было денегъ, но сіе же самое произвело зависть въ другихъ, ни чего не получившихъ, и онъ лишь только отпустилъ отъ себя награжденныхъ, самъ же еще оставался въ Моздокѣ, какъ въ ночное время, на обозъ его, за Терекъ переправленный, и подъ его глазами сдѣлали они нападеніе. Могъ бы Генералъ Ртищевъ, начальникомъ будучи на Линіи, знать Чеченцевъ лучше.

Далѣе Чеченцевъ, по правому берегу Терека, живутъ Андреевскіе, Аксаевскіе и Костековскіе народы, называемые вообще Кумыками, издавна подданные наши, но столько утѣсненные Чеченцами, во множествѣ къ нимъ переселившимися, что, боясь ихъ, они совершенно были въ ихъ зависимости, и на собственной землѣ своей не иначе могли жить съ нѣкоторою безопасностію, какъ сдѣлавши съ ними связи, или входя въ родство. Ни одинъ изъ Князей Кумыцкихъ не смѣлъ выѣзжать, не будучи сопровождаемъ Чеченцомъ.

Такъ общество Качкалыковъ заняло лучшія земли Аксаевскія, и въ самомъ городѣ Аксаѣ не менѣе половины жителей были Чеченцы.

Кумыки должны были давать имъ проходъ чрезъ свои земли на разбой въ нашихъ границахъ и, въ случаѣ преслѣдованія, убѣжище. Многіе и сами добровольно, и по принужденію, участвовали съ ними въ воровствахъ.

Городъ Кизляръ и всѣ селенія наши по лѣвому берегу Терека были подвержены всегдашней опасности; противоположный былъ занятъ Чеченцами, кои назывались мирными, и сіи-то, безпрепятственно переходя на нашу сторону, знали всегда о пребываніи войскъ нашихъ и мѣрахъ предпріемлемой осторожности, зна-

ли безпечность, или отсутствіе войскъ, и служили имъ благонадежными и опытными провожатыми.

Каждое изъ трехъ владѣній Кумыцкихъ управляемо было старшимъ по лѣтамъ Беемъ или Княземъ, и такъ они очередовались между собою. Слѣдовательно, по большей части случалось, что управлялъ найменѣе способный.

Народонаселеніе въ сихъ владѣніяхъ ничтожное, казнѣ ни какихъ доходовъ нѣтъ. Городъ Андрей весьма торговый и со временемъ можетъ большія приносить выгоды.

Нуженъ строгій присмотръ за развратными сими народами, но закоренѣлые между ими безпутства и безпорядокъ, наклонность непреодолимая къ хищничеству, противостанетъ усиліямъ многихъ еще начальниковъ, а мнѣ предстоитъ трудъ основать тому начало.

Далѣе за Костековскими владѣніями, близъ устья рѣки Койсу, лежатъ земли, Мехты-Шамхалу Тарковскому, Генералъ-Лейтенанту, принадлежащія. Владѣтель сей замѣченъ Правительству весьма приверженнымъ, какъ былъ и отецъ его въ царствованіе Екатерины II-й, чина Тайнаго Совѣтника удостоенный.

Шамхалы были прежде весьма сильными въ Дагестанѣ, коего народы имъ повиновались, но теперешняго Шамхала сосѣди живутъ во враждѣ съ нимъ, возмущаютъ подданныхъ его, и сіе причиною, что онъ болѣе прежняго ищетъ покровительства начальства.

Городъ Тарки расположенъ на самой коммуникаціи нашей отъ Кизляра къ Дербенту, и предмѣстники мои желали, чтобы Шамхалъ принялъ войска наши, которыя хотѣли помѣстить у него, въ видѣ почетнаго караула, но онъ отказалъ въ томъ.

Такова была недовѣрчивость самаго благонамѣреннѣйшаго изъ владѣтелей; всѣ прочіе, о коихъ упомянулъ я выше, еще съ меньшимъ чистосердечіемъ расположены къ намъ были. Тишина и нѣкоторое устройство удерживалось однимъ страхомъ, повсюду пребываніе войскъ было необходимо. Охраненіе обширныхъ границъ требовало оныхъ въ большомъ количествѣ, въ особенности

Кавказская Линія подвержена была безпрестаннымъ набѣгамъ хищныхъ, по всему пространству ея обитающихъ, народовъ.

Съ полуденной стороны Кавказа найболѣе дѣлали безпокойствъ Дагестанскіе народы нападеніями на Кубу и не рѣдко въ большихъ силахъ; воинственный духъ сихъ народовъ поддерживали частыя распри Мусульманскихъ владѣтелей, которые попеременно, привлекая на свою сторону, давали случаи пріобрѣтать добычи.

Нѣкоторые давали имъ плату, и они пускались иногда на отдаленныя предпріятія.

Кахетія разоряема была многолюдными толпами сходящихъ съ горъ Лезгинъ. Въ Карталинію впадали, сосѣдніе оной, Осетины и Лезгины, которыхъ содержалъ у себя Ахалцыхскій Паша, не взирая на существующій миръ между Россіею и Портою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и на Персидской границѣ нерѣдко производились грабежи, и причиною оныхъ недостатки средствъ самаго Правительства удерживать въ повиновеніи кочующіе народы, иногда же алчность употребленныхъ на границѣ чиновниковъ, входящихъ въ раздѣлъ добычи съ разбойниками.

Со стороны Чернаго моря безпокоили Гурію Ахалцыхскаго Пашалыка, ни какою властію не обуздываемые, народы, извѣстные подъ именемъ Ачарцевъ и Кобулетъ.

На Абхазію нападали жители горъ, почитаемые подданными Порты, худо повинующіеся Анапскому Пашѣ, который, сверхъ того, думаетъ пріобрѣсти ихъ къ себѣ привязанность, попуская своевольства, паче же хищничества.

Принявъ команду надъ Грузискимъ корпусомъ, при первомъ взглядѣ на пространство земель, не могъ я не чувствовать, сколько недостаточно число войскъ, корпусъ составляющихъ.

Въ Октябрѣ 1816 года нижнихъ воинскихъ чиновъ, могущихъ быть въ дѣйствіи:

19 20	пѣхотныхъ дивизіяхъ	30,336
	Резервной бригады изъ трехъ Гренадерскимъ полковъ	7,024

Въ гарнизонныхъ полкахъ и баталіонахъ.	5,920
Въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку.	711
Въ Линейныхъ Казачьихъ полкахъ.	5,302
Войска Донскаго въ Казачьихъ полкахъ.	5,237
Астраханскаго Казачьяго войска въ трехъ полкахъ.	1,634

Артиллеріи	Батарейныхъ. . .	48	
	Легкихъ	60	орудій.
	Конно-Казачьихъ	24	

При семъ надлежитъ взять въ разсужденіе климатъ, несродный солдату нашему, размножающій между ихъ чрезвычайныя болѣзни и необыкновенную смертность, что уменьшало ихъ ощутительнымъ образомъ.

Въ оборонѣ земли надлежало бороться съ величайшими препятствіями. Гористое положеніе представляло пути непроходимыя, рѣки быстрыя, въ нѣкоторыя времена года непреодолимыя. Кромѣ военной дороги чрезъ Кавказъ отъ Моздока, всѣ прочія оставлены безъ вниманія, и никогда ни какой работы не предпринято для ихъ исправленія. Войска, вообще имѣя трудныя между собою сообщенія, не въ состояніи были производить движеній быстрыхъ, соединяться скоро. По необходимости принятая кордонная система еще большимъ, въ семъ отношеніи, подвергаетъ неудобствамъ, и нѣкоторыя части войскъ должны дѣлать большіе обходы, для вспомоществованія угрожаемымъ пунктамъ.

Движеніе тягостей, слѣдовательно, продовольствія никогда не опредѣляется вѣрнымъ расчетомъ.

Сверхъ того, въ лѣтніе три мѣсяца, по причинѣ чрезвычайныхъ и несносныхъ жаровъ, понуждающихъ самихъ природныхъ земли жителей удаляться въ горы, во всѣхъ по положенію низменныхъ мѣстахъ переходы войскъ совершенно невозможны.

Здѣсь умѣстно было бы описать видъ границъ нашихъ; но какъ предмѣстниками моими ни какого не сдѣлано обозрѣнія оныхъ, я же самъ, по краткости моего здѣсь пребыванія, успѣлъ только бросить взглядъ на тѣ, кои насъ отъ Персіи отдѣляютъ, пред-

почтительно предъ прочими по тому, что готовился къ путешествію въ Персію, то, для нѣкотораго о нихъ понятія, прилагаю извлеченіе изъ рапорта моего Государю отъ 9 Генваря, 1817 года.

Видъ границъ.

Граница отъ запада начинается Шурагельскою Провинціею, совершенно открытою и ровною; прилежащую къ ней Область Бамбацкую окружаетъ довольно высокій хребетъ горъ и, простираясь чрезъ Провинціи Казахскую, Шамшадильскую и Елисаветопольскій Округъ, отдѣляетъ ихъ отъ Персіи, потомъ, охвативъ нѣкоторую часть Карабахскаго Ханства, оканчивается у рѣки Аракса.

Граница далѣе идетъ по теченію Аракса и чрезъ Муганскую степь. Потомъ Ханство Талышенское, протягиваясь по Каспійскому морю и входя угломъ внутрь Персидскихъ владѣній, составляетъ конечность границъ нашихъ къ востоку.

Твердость границъ.

Чрезъ горы, образующія границу нашу, проходитъ нѣсколько удобныхъ дорогъ и во множествѣ такія, гдѣ только артиллерія пройти не можетъ, но войска свободно.

Въ Ханство Карабахское отверстъ входъ непріятелю по всему пространству теченія Аракса. Выходъ опаснѣе, ибо рѣка Араксъ въ тылу имѣетъ мѣста открытыя, кои обнаруживаютъ движеніе.

Степь Муганская зимою, представляющая найлучшія пастбища, принимаетъ множество кочующихъ народовъ, въ прочія времена года обитаютъ змѣи, единственная ея оборона.

Ханства Талышинскаго принадлежащая намъ часть, полуденную свою границу имѣетъ совершенно отверстую. Съ запада лежитъ хребетъ высокихъ горъ, которыхъ не только вершины, но и самыя отлогости ихъ, къ намъ обращенныя до самой подошвы, и всѣ почти дороги, входящія въ Ханство, въ рукахъ Персіянъ.

Образъ защиты.

При первомъ взглядѣ представляется обширность границъ нашихъ съ Персіею и до какой степени чрезмѣрное протяженіе дѣлаетъ оную неудобною. Дороги, выходящія изъ Шурагельской и Бамбацкой Провинцій въ Эриванскую Область, должны быть защищены достаточнымъ войскомъ и хорошею крѣпостію. Отъ Бамбацкой Провинціи и до Карабаха, хорошо устроенная въ Елисаветполѣ крѣпость и отрядъ быстрыхъ войскъ, достаточны для обороны и наблюденія за жителями, часто нарушающими вѣрность.

Въ Карабахѣ крѣпость, вмѣщающая довольные запасы, можетъ быть полезною для наступательныхъ съ сей стороны дѣйствій.

Степь Муганскую, чрезъ которую идетъ лучшая дорога въ Талышенское Ханство, оборонять должны пребывающія въ Карабахѣ войска, дѣйствуя въ тылъ непріятеля, другой обороны никакой искуство не представляетъ.

Талышинское Ханство теперешнимъ числомъ войскъ защитить не возможно, умноживъ же ихъ, ослабить надлежало бы другія части войскъ, и для обороны земли совершенно ни какихъ средствъ не представляющей.

Въ случаѣ оборонительной войны обширныя границы требуютъ значительнаго количества войскъ.

Единый удобный способъ обороны есть война наступательная: пути для оной два: чрезъ Эриванскую Область, имѣющуя крѣпости; чрезъ Карадахъ, землю гористую, но гдѣ лежитъ кратчайшая къ Тавризу дорога. Но въ случаѣ совокупнаго Персіянъ съ Турками дѣйствія, война наступательная едва ли можетъ имѣть мѣсто.

Собственные земли способы для обороны.

Провинціи: Шурагельская до послѣдней войны имѣла жителей до тысячи семействъ, теперь менѣе двухъ сотъ и бѣдныхъ. Также разорена Бамбацкая и жители столько же въ скудномъ состояніи. Казахская, Шамшадильская и Борчалинская населены

Татарами и весьма малымъ числомъ Армянъ, хлѣбородны, скотоводство имѣютъ изобильное, народъ храбрый, воинственный, нѣсколько разъ намъ измѣнившій, но его употребить можно съ пользою.

Въ Елисаветопольскимъ Округѣ народъ промышленный, къ войнѣ способность одинаковая, земля лучшая.

Карабахское Ханство опустошено нападеніями Персіянъ: уменьшилось населеніе, изобиловавшее богатствомъ. Почва земли чудесная плодородіемъ. Народъ воинственный и всегда съ нашей стороны. Изъ сей земли со временемъ можно извлечь величайшія выгоды, не иначе, однако же, какъ введя наше управленіе.

Ханство Талышенское имѣетъ съ небольшимъ двѣ тысячи семействъ и по тѣснотѣ мѣста населеніе мало умножиться можетъ. Хлѣба производитъ мало, ибо богатѣйшая часть онаго уступлена Персіи.

Единственнымъ способомъ улучшенія порочныхъ и къ оборонѣ неудобныхъ границъ нашихъ я поставилъ на видъ пріобрѣтеніе отъ Персіи Ханствъ, лежащихъ до лѣваго берега рѣки Аракса, кои первою войною должны быть отданы въ руки наши, или до того не будетъ твердой и покойной границы со стороны Персіи.

Проживая въ Тифлисѣ, собиралъ я, какія только возможно было, о Персіи свѣдѣнія, и время выѣзда моего съ Посольствомъ приближалось. Чиновники, оное составляющіе, всѣ уже собрались. Отъ Сардаря Эриванскаго прислано было съ вопросомъ, какія нужны были въ пути пріуготовленія, для удобнѣйшаго слѣдованія Посольства.

Между тѣмъ получалъ я извѣстія, отовсюду подверждавшіяся, что въ Персіи большое пріуготовленіе войскъ. Крѣпости исправляются починкою и строятся вновь. Не могли Турки быть тому причиною; ибо Персія въ найлучшихъ была съ ними отношеніяхъ, повсюду же совершенное было спокойствіе, кромѣ Хоросанской Области, подъявшей оружіе для снисканія независимости, но для оной не могли собираться войска близъ границъ нашихъ. Въ то же самое время прибыли Турецкія войска и нѣсколько

Пашей въ Арзерумъ, закупаемъ былъ провіянтъ въ большомъ количествѣ, изъ Константинополя отправленъ былъ въ Анатолію паркъ полевой артиллеріи.

Все, судя по наружности, имѣло видъ, что Персіяне, взаимно съ Турками, скрываютъ какія либо намѣренія. Слышно мнѣ было, что Персіяне готовы требовать съ настоятельностію всѣ присоединенныя нами Мусульманскія Провинціи и Карабахъ непремѣнно. Въ разсужденіи Турокъ увѣдомлялъ меня Посланникъ нашъ въ Константинополѣ, Баронъ Строгановъ, что онъ встрѣчаетъ въ негоціяціяхъ своихъ многія затрудненія и крайнее упорство со стороны Оттоманскаго Министерства; что онъ, проживши полгода, не имѣлъ еще у Султана пріемной аудіенціи. Обстоятельства сіи заставили меня сдѣлать Императору представленіе, что отсутствіе мое въ Персію можетъ имѣть непріятныя слѣдствія, если точно скрываетъ она намѣренія непріязненныя, въ случаѣ отказа удовлетворить требованіямъ ея о возвращеніи Провинцій; что могутъ меня, подъ благовидною наружностію переговоровъ, удержать у себя, и между тѣмъ приближатся къ границамъ нашимъ ихъ войска. Что въ лицѣ моемъ соединенныя должности Посла и Главнаго въ здѣшней странѣ Начальника дѣлаютъ меня въ глазахъ недовѣрчиваго Персидскаго Правительства подозрительнымъ; что таковымъ могутъ меня представить оному Англичане, сильное вліяніе имѣющіе на политическія дѣла Персіи, которымъ не нравится сближеніе наше съ симъ Государствомъ.

Императоръ, внявъ благосклонно представленію моему, удостоилъ довѣренности избрать на мѣсто мое, по собственному моему усмотрѣнію, Генерала, и отправить его въ Персію. Присланы были бланкеты полномочія и другія нужныя бумаги.

Въ продолженіе переписки съ Петербургомъ разсѣялись подозрѣнія мои на счетъ прибытія войскъ Турецкихъ въ Анатолію, сообщенными мнѣ отъ Барона Строганова свѣдѣніями, что Порта, узнавъ о намѣреніи Трапезондскаго Паши сдѣлаться независимымъ, войска сіи противъ него посылаетъ. Довольно большое число ихъ для того, вѣроятно, назначено было, чтобы удержать въ повиновеніи прочихъ Пашей, чтобы они не послѣдовали его примѣру.

Въ Персію отправленный отъ меня Коллежскій Совѣтникъ Мазаровичъ, человѣкъ особенно ловкій и одаренный проницательностію, былъ хорошо принятъ Шахомъ, успѣлъ познакомиться съ главнѣйшими лицами Двора и Министерства, и сообщилъ мнѣ извѣстіе, что Шахъ весьма желаетъ имѣть Россійское Посольство, и что къ принятію онаго дѣлаются всѣ пріуготовленія. И такъ рѣшился я самъ отправиться въ Персію, и 17-го числа Апрѣля выѣхалъ изъ Тифлиса.

Войска въ Грузіи, Имеретіи и прочихъ Провинціяхъ на полуденной сторонѣ Кавказа, поручилъ я Генералъ-Маіору Кутузову, хотя не былъ онъ старшимъ въ чинѣ. Начальникъ Кавказской Линіи, Генералъ-Маіоръ Дельпоццо, долженъ былъ относиться къ Начальнику Главнаго Штаба Е. И. В. Губернаторы Кавказскій и Астраханскій доносили прямо въ Сенатъ.

Дѣлами гражданскими въ Грузіи управлялъ Генералъ-Маіоръ Сталь 2-й, котораго нашелъ я, пріѣхавъ въ Тифлисъ, въ званіи Губернатора Грузіи на правахъ военнаго.

Весьма чувствовалъ я, что подобное раздѣленіе власти могло быть поводомъ къ безпорядкамъ, но я принужденъ былъ сіе сдѣлать, ибо не имѣлъ старшаго, которому бы управленіе всего поручить могъ, и по необходимости долженъ былъ въ нѣкоторыхъ уважить долговременное служеніе и старшинство въ чинахъ. Генералъ-Маіору Кузузову далъ большую степень довѣренности, по извѣстнымъ его мнѣ способностямъ.

Начальнику Корпуснаго Штаба приказалъ, во время отсутствія моего, сдѣлать обозрѣніе Имеретіи, Мингреліи и Абхазіи, о коихъ имѣли мы весьма недостаточныя понятія. Надлежало осмотрѣть важный пунктъ, Редутъ-Кале, единственное мѣсто (по возвращеніи Турціи крѣпости Поти), къ которому пристават могли приходящія изъ Россіи суда съ провіянтомъ для войскъ, въ Провинціяхъ по Черному морю расположенныхъ. Приказалъ изыскать дорогу для сообщенія Грузіи съ Имеретіею, которое производилось горами чрезвычайно трудными и только вьюками въ одно хорошее время, зимою же никогда.

Приказалъ заняться избраніемъ мѣстъ для постояннаго расположенія Штабовъ нѣкоторыхъ полковъ, кои доселѣ занимали мѣста самыя нездоровыя, и, не имѣя прочныхъ заведеній, не могли имѣть порядочнаго хозяйства, по образу службы солдата въ здѣшней странѣ требующаго особеннаго вниманія.

Въ Персію выѣхалъ я чрезъ военный постъ нашъ, называемый Гумри, слѣдуя близъ самой Турецкой границы. Паша Карскій прислалъ ко мнѣ чиновника съ письмомъ, въ которомъ поздравлялъ меня съ благополучнымъ прибытіемъ, извиняясь, что не могъ выѣхать для свиданія со мною.

Чрезъ Талынь, Армянскій Ечміадзинскій монастырь, прибылъ я въ городъ Эривань, гдѣ пробывъ весьма не долго, отправился въ Тавризъ. Тутъ равномѣрно оставшись непродолжительное время, переѣхалъ въ Султанію, куда Шахъ въ томъ году расположилъ перейти на все лѣто, убѣгая несносныхъ жаровъ, каковые бываютъ обыкновенно въ Тегеранѣ.

Вкратцѣ скажу, что возложенныя на меня порученія кончилъ я довольно удачно. Переговорамъ моимъ не мало способствовало то, что я вѣжливымъ образомъ обхожденія моего и умѣвши оказывать лестное уваженіе Шаху, весьма ему понравился. Онъ щедръ былъ въ похвалахъ на мой счетъ, и никто изъ вельможъ не смѣлъ ничего сказать противнаго. Не столько нравился я Аббасъ-Мирзѣ, нареченному Наслѣдникомъ Персіи, по тому что уклонился отъ признанія его въ качествѣ Наслѣдника, ибо не видалъ въ томъ ни какой для насъ пользы, хотя то инструкціею и предоставлено мнѣ было.

Со времени посѣщенія моего Персіи уничтоженъ, въ отношеніи къ Русскимъ, тотъ гордый этикетъ, которому подвергались они, наравнѣ со всѣми прочими Европейцами, и для коихъ онъ доселѣ существуетъ.

Настоянія о возвращеніи пріобрѣтенныхъ нами отъ Персіи Провинцій были весьма усильны, тѣмъ болѣе, что Министерство Персидское хотѣло показать народу сей знакъ уваженія къ Шаху Императора, какъ признаніе его могущества.

Отъ подвластныхъ намъ Хановъ, подъ видомъ торговли, подосланы были люди, для развѣдыванія, какъ я буду принятъ и не успѣютъ ли Персіяне возвратить Мусульманскія наши земли. Въ простомъ народѣ, неблагонамѣренными людьми, разсѣяны были слухи, что я согласился отдать обратно Ханство, и сіе производило нѣкоторыя безпокойства, могущія имѣть непріятныя слѣдствія. Въ отвращеніе оныхъ, долженъ я былъ, во время пребыванія моего въ Султаніи, оставить прокламацію къ жителямъ нашихъ Ханствъ, въ которой обѣщалъ не уступить и одного шага земли изъ пріобрѣтенной нами. Дѣйствіе прокламаціи сей было полезно и тѣмъ много убѣждало, что я писалъ оную изъ того мѣста, гдѣ производились переговоры. Народъ увидѣлъ твердость, съ какою охраняетъ Правительство своихъ подданныхъ.

Чрезъ шесть мѣсяцевъ я возвратился изъ Персіи обратно.

Въ продолженіи столько короткаго времени нельзя собрать о Государствѣ обширномъ достаточныхъ свѣдѣній, мнѣ же возможныя предстояли препятствія пріобрѣсти оныя; но что узналъ я чрезъ собственныхъ чиновниковъ, сдѣлавшихъ знакомства, и отъ людей, которыхъ нашли мы намъ благопріятствующими, скажу здѣсь вкратцѣ.

Персія есть вообще страна не довольно населенная. Сѣверныя области оной, къ границамъ нашимъ и Каспійскому морю обращенныя, заключаютъ и большее народонаселеніе, и большее земли богатство; изъ нихъ Адербижанская изобилуетъ всякаго рода хлѣбомъ и имѣетъ найлучшее скотоводство.

Гилянская знаменита выдѣлываемымъ въ ней шелкомъ въ большомъ весьма количествѣ.

Производитъ много хлопчатой бумаги и Сарачинскаго пшена. Жители оной имѣютъ съ Астраханью торговыя сношенія и обращаютъ въ оныхъ значительные капиталы.

Въ соразмѣрность пространства земли обработанной мало. Во многихъ мѣстахъ по свойству своему, а паче по недостатку водъ, она ни чего не производитъ, и не иначе возвратиться къ плодородію можетъ, развѣ при размноженіи народа трудолюбиваго и

усиліяхъ постоянныхъ. Довольно значительная часть народа, прочныхъ жительствъ не имѣющая, на долго отдалитъ приведеніе Государства въ лучшее устройство; нѣтъ болѣе праздной жизни народа кочующаго, ни какое состояніе не питаетъ столько чувства независимости.

Въ Персіи образа правленія опредѣленнаго нѣтъ.

Въ рукахъ Шаха власть безпредѣльная, болѣе или менѣе отягощающаяся на подданныхъ, смотря по свойствамъ царствующаго. Въ Турціи есть обычай, коимъ долговременная ихъ бытность дала нѣкую святость закона.

Улема имѣетъ сильное вліяніе на власть, и можетъ дѣлать представленія, которыя по часту не остаются безъ успѣха.

Въ Персіи не равнымъ пользуются уваженіемъ священнослужители, и нѣтъ ни малѣйшихъ препятствій дѣйствію власти. Нынѣшняго Шаха господствующая страсть собирать сокровища, и народъ обременяется чрезмѣрными налогами. Грабительство приведено въ систему и обращено въ необходимость для каждаго изъ управляющихъ; ибо безъ денегъ и подарковъ ни милости Шаха, ни покровительства вельможъ, ниже уваженія между равными снискать не возможно.

Деньги доставляютъ почести и преимущества, коихъ Персіяне ненасытимы. Деньги разрѣшаютъ преступленія, съ которыми Персіяне неразлучны. Вѣра самая не только не налагаетъ обузданія на страсти, но часто искуснымъ толкованіемъ получаетъ направленіе, льстящее порокамъ.

Не смотря на сіе, власть, менѣе порочно употребленная, можетъ извлечь большія средства изъ народа покорливаго, терпѣливаго, воздержнаго и спокойно пріемлющаго новыя установленія.

Если будетъ Шахъ, который, отъ необузданнаго самовластія, одно то удѣлитъ въ пользу человѣчества, что оградитъ жизнь подданныхъ законами, сдѣлаетъ великія начала. Если который изъ Шаховъ обезпечитъ собственность отъ притязанія, успѣетъ во всякомъ предпріятіи и будетъ боготворимъ. Но едва ли возможно ожидать сего; ибо оба сіи условія, въ понятіи Восточныхъ

народовъ, составляютъ главнѣйшія преимущества деспотизма и принадлежность властителей, и весьма вѣроятно, что какъ сіи не захотятъ лишиться свободы самовластія, такъ и народы не осмѣлятся познать необходимости обузданія.

Теперь Персія раздѣлена на разныя части, ввѣренныя управленію сыновей Шаха, и второй сынъ, Аббасъ-Мирза, объявленный Наслѣдникомъ, вспомоществуемый Англичанами, вводитъ успѣшно значительныя преобразованія.

Регулярныя войска устрояются на хорошемъ основаніи. Артиллерія въ отличномъ порядкѣ и умножается очевидно. Есть литейный хорошій заводъ и оружейная фабрика. Учреждаются крѣпости по образу Европейскихъ. Извлекаются руды, и уже мѣдь, свинецъ и желѣзо въ большомъ количествѣ. Предназначаются устроеніе суконныхъ фабрикъ и заводы для очищенія сахара, дабы избѣжать угнетающей монополіи Остъ-Индской Компаніи.

Аббасъ-Мирза предоставляетъ иноземцамъ всякаго рода выгоды, и нѣтъ сомнѣнія, что найдутся способные люди, для приведенія многихъ частей въ порядокъ.

Подъ его распоряженіями теперь уже много войскъ и артиллеріи, и по обстоятельствамъ легко можетъ быть увеличиваемо число оныхъ, ибо собраніе рекрутъ производится безъ затрудненія, и самые даже кочующіе народы начинаютъ давать оныхъ, почти не оказывая ропота. Сему можетъ быть препятствіемъ закоренѣлое невѣжество знатнаго дворянства, которое вѣрить не хочетъ, чтобы нужны были заслуги и достоинства тому, кто имѣетъ преимущества знатнаго рожденія.

Они понять не могутъ постепеннаго возвышенія въ чины дѣтей ихъ, которымъ доселѣ безъ всякихъ заслугъ предоставляема была власть, даваемы важныя порученія и начальство надъ войсками.

Въ Персіи почти каждый поселянинъ воинъ и съ ребячества пріобыкаетъ къ оружію, а по тому каждый поступаетъ на службу хорошимъ стрѣлкомъ. Труды переносятъ терпѣливо, въ пищѣ чрезвычайно умѣренны, удобны къ движеніямъ необычайно скорымъ,

и въ короткое время Персія можетъ имѣть пѣхоту, которая станетъ на ряду съ лучшими въ Европѣ.

Англичане употребятъ всѣ возможныя усилія противопоставить могуществу нашему въ сей странѣ всѣ препятствія. Деньги, расточаемыя ими въ Министерствѣ и всѣмъ приближеннымъ Шаха и его Наслѣдника, не допустятъ искренняго сближенія Персіи съ Россіею. Никогда!!!!

На возвратномъ пути изъ Персіи, получилъ я извѣстіе о кончинѣ Генералъ-Маіора Кутузова, командовавшаго послѣ меня въ Грузіи. Горестно было лишиться пріятеля испытаннаго и помощника по службѣ найлучшаго.

По возвращеніи въ Тифлисъ, нашелъ я Грузію довольно спокойною. Только въ Кахетію врывались партіи Лезгинъ, но ничего вреднаго не произвели. Въ Дагестанѣ примѣтно было, что крылись намѣренія злыя, и поведеніе Сурхай-Хана Казыкумыцкаго, тѣсныя связи имѣющаго съ Дагестаномъ, весьма были подозрительны. Болѣе осторожный, Мустафа-Ханъ Ширванскій, женившись на дочери Сурхай-Хана, хитростію сего послѣдняго хотя вовлеченъ былъ во всѣ его намѣренія, но умѣлъ поступки свои прикрывать наружностію приверженности къ Правительству. Аварскій Ханъ Султанъ Агмедъ частыми письмами увѣрялъ въ преданности, но извѣстно было мнѣ, что дѣйствуетъ совсѣмъ тому противно.

Со стороны Кавказской Линіи найболѣе безпокойствъ и разбоевъ производили Чеченцы. Кабардинцы нѣсколько менѣе, но не преставали дѣлать хищничества.

1817-й годъ примѣчателенъ былъ необыкновеннымъ разливіемъ водъ, которыя произвели величайшія опустошенія въ поселеніяхъ Казаковъ на Кубани и Терекѣ, но Императоръ, вознаграждая понесенныя ими потери, изволилъ пожаловать, по представленію моему, довольно значительныя суммы денегъ.

Въ семъ же году съ горы Казбека обрушился снѣгъ, остановившій теченіе рѣки Терека почти на цѣлыя сутки. Ущелье, по коему оный протекаетъ, завалено было на большое разсто-

ніе и въ высоту на пятьдесятъ саженъ. Сообщеніе съ Кавказскою Линіею прервано было надолго. Подобные снѣжные обвалы бываютъ всякіе семь, или восемь, лѣтъ, требуютъ величайшихъ труловъ для проложенія чрезъ нихъ дороги.

Имѣя намѣреніе ввести войска въ Чеченскую землю, и не имѣя ихъ достаточно на Кавказской Линіи, испросилъ я прибавленія одного егерскаго полка, и таковый назначенъ былъ изъ Крыма. Сверхъ того, изъ Кубинской Провинціи отъ полка Троицкаго приказалъ я отправить одинъ батальонъ въ Кизляръ, одинъ батальонъ Кабардинскаго полка пошелъ въ Моздокъ изъ Грузіи.

Въ концѣ года собралось въ Тифлисъ Грузинское Дворянство на выборы. По уничтоженіи многихъ должностей, которыя, во время Царей, или собственно при Дворѣ ихъ, или въ судебныхъ мѣстахъ, занимаемы были лучшими фамиліями, Правительство, въ вознагражденіе, опредѣлило довольно щедрые пансіоны и, сверхъ того, мѣста Совѣтниковъ предоставило Княжескимъ фамиліямъ по выбору; другія менѣе важныя должности назначены были равномѣрно по выбору для Дворянства.

Здѣсь Дворянство весьма многочисленное, Князей же, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ Графовъ въ Польшѣ, и также ни тѣ, ни другіе правъ своихъ на сіи преимущества доказывать не желаютъ. Предмѣстники мои не могли успѣть составить Депутатское Собраніе, встрѣчая рѣшительное со стороны Дворянства упорство. Его устрашала Дворянская грамота, которую Россійское Дворянство приняло отъ Государей своихъ, какъ величайшее благодѣяніе. Такимъ образомъ пріемлются здѣсь многія изъ благотворныхъ Правительства постановленій! Мнѣ, однако же, удалось согласить Дворянство на составленіе Депутатскаго Собранія, хотя не безъ затрудненія, и оно приступило къ дѣйствію. Составлены правила въ руководство съ нѣкоторыми облегченіями, кои утверждены по моему представленію. Я испросилъ дозволеніе Мусульманамъ доказывать Бекское свое происхожденіе, ибо нѣкоторые изъ нихъ въ давнія времена бывали даже независимыми владѣтелями, по чему могутъ принадлежать имъ права Дворянства. Дѣйствія Депутатскаго Собранія, прежде представленія ихъ въ Герольдію и далѣе въ Сенатъ, поступаютъ на разсмотрѣніе Главноуправляющаго. Я

почелъ нужнымъ сіе средство, дабы отвратить злоупотребленія, коихъ могъ ожидать отъ вліянія сильныхъ фамилій, пріобыкшихъ давать покровительство низшимъ состояніямъ.

Чтобы дать понятіе, какія Правительству предстоятъ препятствія въ малѣйшихъ его постановленіяхъ, по закоренѣлому невѣжеству и привычкѣ къ безпорядкамъ, достаточно сказать, что всѣ вообще противились учрежденію въ городѣ Квартирной Коммиссіи, для уравнительнаго раздѣленія постоя, тѣмъ болѣе здѣсь отяготительнаго, что, кромѣ военныхъ людей, и самимъ гражданскимъ чиновникамъ отводятся квартиры. Три дня о семъ разсуждаемо было безъ успѣха, и даже были мнѣнія, дерзко порочившія сіе Правительства распоряженіе, и я не иначе могъ кончить то, какъ объявивъ, что всѣ, собравшіеся для разсужденія, будутъ заперты до того, пока выберутъ членовъ въ составъ Коммиссіи. И Коммиссія учредилась! Здѣсь всѣ вообще состоянія, исключая чернаго народа, довольно добродушнаго и готоваго изучиться кроткому повиновенію, пріобыкли придавать распоряженіямъ начальства превратное истолкованіе, и если когда не смѣютъ совершенно отказаться отъ исполненія, то испытываютъ наклонность къ какимъ ни будь перемѣнамъ, дабы въ послѣдствіи разсказывать легковѣрнымъ, что принудили къ тому сопротивленіемъ. Тщеславіе сего рода въ особенности принадлежитъ здѣсь знатнѣйшимъ Княжескимъ Фамиліямъ, къ мнѣнію которыхъ всѣ прочіе имѣютъ рабственное уваженіе. Многоразличныя обстоятельства понуждали предмѣстниковъ моихъ ласкать высокомѣріе сихъ людей, ибо слишкомъ сильнымъ почитаемо было вліяніе ихъ въ народѣ. Они же, при возникавшихъ часто въ здѣшней странѣ мятежахъ, употребляемы будучи къ прекращенію оныхъ (въ каковыхъ случаяхъ весьма малые изъ нихъ бывали сколько ни будь надобными), почитали себя необходимыми, и щедро расточаемыя имъ награды принимали, какъ принадлежащее имъ уваженіе, никогда какъ милость.

Не погрѣшая, можно сказать о Князьяхъ Грузинскихъ, что, при ограниченныхъ большей части ихъ способностяхъ, нѣтъ людей большаго о себѣ вниманія, болѣе жадныхъ къ наградамъ безъ всякихъ заслугъ, болѣе неблагодарныхъ.

Здѣсь при Царяхъ сильнѣйшія фамиліи пользовались большими преимуществами, и, въ нихъ имѣя всегда нужду, Цари попускали власть безпредѣльную въ отношеніи къ принадлежащимъ имъ крестьянамъ. Доходы Царства были весьма скудны, неопредѣлительны, не было средствъ содержать постоянныхъ войскъ, съ сосѣдями были вражды безпрестанныя и войска по надобности собирались съ земли. При сихъ случаяхъ богатѣйшимъ изъ Князей, которые могли поставлять большее число воиновъ, оказываемо было предпочтеніе, прощались вины и самыя преступленія снискивали снисхожденіе. Они пріобыкли къ своевольству, и оное не рѣдко переходило въ самое непослушаніе противъ Царей, и даже измѣны. Въ Грузіи почти нѣтъ Княжеской фамиліи, особенно знатной, изъ которой бы не было нѣсколько измѣнниковъ въ бѣгахъ въ Персіи, или Турціи. Цари, боясь наказаніями ожесточить фамиліи, почасту же и средствъ наказанія не имѣя, искали ихъ возвращенія, не только обѣщавали забвеніе вины, но и самыя милости.

Людямъ съ таковыми свойствами не легко пріобыкнуть можно къ Правительству, не терпящему своевольства, полагающему обузданіе на власть прихотливую, не имѣющему необходимой нужды потворствовать разврату виновнымъ послабленіемъ. По сей причинѣ весьма мало есть Грузинскихъ Князей, намъ приверженныхъ.

Я же въ особенности обращаю ихъ на себя негодованіе, ибо въ поведеніи моемъ съ ними примѣчаютъ они разницу съ моими предмѣстниками. Уваженіе мое дается болѣе пріобрѣтающимъ его заслугами и благонамѣреннымъ къ Правительству расположеніемъ, нежели происхожденію отъ знатной фамиліи. Отдаляю я всякое преимущество Князей надъ Дворянами, которое доселѣ разумѣли они присвоеннымъ къ нимъ титломъ. Между самихъ Князей не поставляю ни какого различія, которое прежде, въ обиду многихъ, принадлежало единственно богатству, или многочисленности фамиліи. Чины, награды и пансіоны даются рѣдко, ибо даются достойнымъ, повиновенія требую безъусловнаго.

Въ Татарскихъ дистанціяхъ, Барчалинской, Казахской и Шамшадильской, Агалары (родъ Дворянъ) издавна присвоили себѣ такую степень власти надъ чернымъ народомъ, что сей послѣдній,

свободный по состоянію и зависящій отъ нихъ по тому только, что порученъ имъ въ управленіе, обязанъ будучи нѣкоторыми въ пользу ихъ повинностями, сдѣлался совершенно рабами. Не было повинности опредѣленной, не было собственности, которую бы Агаларъ не могъ присвоить по произволу. Подать въ казну ими была распредѣляема. Увольняли отъ оной, кого желали, на другихъ возлагали по прихоти. Богатые изъ поселянъ избѣгали ея, тягость падала на однихъ бѣдныхъ. Наложеніемъ штрафа собирали они большія деньги, и никому отчета въ нихъ не давали. Въ дистанціяхъ хотя и были отъ Правительства чиновники, называемые главными Приставами, но не имѣли они достаточной власти смирять своевольство Агаларъ, временемъ утвержденные обычаи сохранились въ полной силѣ. Цари Грузинскіе, неоднократно испытавшіе измѣну сихъ народовъ, думали удерживать ихъ, Агаларамъ поблажая, а сіи привыкли пользоваться большими преимуществами, всегда устрашая Царей, что, при малѣйшемъ неудовольствіи, народъ свободный, кочевую жизнь ведущій, осѣдлостію къ землѣ не привязанный, перейдетъ къ Персіянамъ. Начальство доселѣ тѣ же самыя употребляло средства, ту же самую имѣло боязнь, чтобы жители не бѣжали за границу, и продолжавшаяся съ Персіею война и внутреннія безпокойства понуждали его къ снисхожденію, которое умножало власть Агаларовъ.

Не могъ я допускать сего рода управленія дистанціями. Время мирное предоставляло мнѣ возможность приступить къ нѣкоторымъ въ оном перемѣнамъ, и я издалъ постановленіе, коимъ опредѣлены отношенія простаго народа къ своимъ Агаларамъ. Они введены въ обязанности управляющихъ деревнями, но не принадлежатъ имъ оныя въ собственность и могутъ переходить отъ одного къ другому, служа или вознагражденіемъ за вѣрность и усердіе, или отъемлемы будучи за измѣну и недоброжелательство и даже жестокіе, или несправедливые, поступки.

Каждому изъ Агаларовъ, по знатности рода, по уваженію въ народѣ, по заслугамъ Правительству, и, смотря на многочисленность семействъ, назначена прислуга цѣлыми семьями, которыми распоряжаются они по произволу, употребляя въ работу по своимъ домашнимъ нуждамъ.

Семьи сіи назначаются на извѣстный срокъ и по очереди, развѣ по добровольному согласію, иначе въ услуженіи удерживаемы быть не могутъ. Отъ подати и всякихъ другихъ повинностей на то время изъемлются. Всѣхъ прочихъ жителей работы въ пользу Агаларовъ, какъ во образѣ своемъ, такъ и во времени, опредѣлены съ точностію.

Постановленіе сіе, ограничивая выгоды Агаларовъ, имъ не нравилось, и они просили, чтобы сдѣлалъ я въ немъ перемѣны. Они жаловались, что лишены власти и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, потеряютъ уваженіе въ простомъ народѣ. Меня увѣряли Грузинскіе Князья, что они не могутъ сдѣлать привычки къ сему вещей порядку и, неудовольствіями ихъ пользуясь, Персіяне непремѣнно уговорятъ къ побѣгу. Грузинское Дворянство желало безпокойствъ и возмущеній, ожидая, что я, устрашенъ будучи ими, оставлю весь порядокъ управленія въ прежнемъ состояніи, и что сіе распространится не менѣе и на самую Грузію. Я ожидалъ, что побѣгутъ за границу нѣкоторые изъ Агаларовъ, ибо таковые охотно принимаемы Персіянами и теперь живутъ тамъ; зналъ я, что, по привычкѣ покорствовать, нѣкоторые изъ простаго народа за ними послѣдуютъ, но я рѣшился на то, ибо увѣренъ былъ, что всѣ Татары, или даже въ большомъ количествѣ, на побѣгъ не согласятся, по тому что далеко въ Персію не пойдутъ, а въ сосѣдственныхъ земляхъ не найдутъ равныхъ выгодъ. Я имѣлъ и то въ виду, что побѣги таковые могутъ случаться только въ самомъ началѣ, но когда простой народъ увидитъ свои выгоды, освободясь отъ прежняго утѣсненія Агаларовъ, улучшитъ состояніе свое употребленіемъ трудовъ въ собственную пользу, вліяніе на него Агаларовъ уничтожится. Я отвергъ всѣ просьбы и жалобы Агаларовъ, и приказалъ главнымъ Приставамъ наблюдать за точнымъ исполненіемъ постановленія.

Главнѣйшія неудовольствія обнаруживали двое важнѣйшіе Агалары, Казахской и Шамшадильской дистанціи, сильные обширными связями родства и пріобыкшіе къ господствованію. За сими учрежденъ бдительный присмотръ и за сношеніями ихъ за границею.

1818-го года, въ самомъ началѣ Апрѣля мѣсяца, выѣхалъ я на Кавказскую Линію. Дорога чрезъ горы, отъ глубокихъ таю-

щихъ снѣговъ, была ужаснѣйшая, и я не малое разстояніе проходилъ пѣшкомъ. Изъ Георгіевска отправился я для обозрѣнія праваго фланга Линіи. Темнолѣсную крѣпость нашелъ я, по обстоятельствамъ, совершенно ненужною. Не знаю, какую она и прежде могла приносить пользу, будучи разсположена въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ни чего не защищала, куда не могъ прійти непріятель, по мѣстоположенію почти не приступному. Не могла даже вмѣщать такого числа войскъ, съ которымъ бы удобно было пуститься на самое легчайшее предпріятіе. Нельзя было расположить въ ней ни какихъ запасовъ, ибо нѣтъ къ ней дорогъ, кромѣ весьма трудныхъ. Усть-Лабинскую крѣпость, по многимъ о ней разсказамъ, ожидалъ я найти чрезвычайною; она точно столько обширна, что, по количеству на Линіи войскъ, ее занять надлежащимъ образомъ не кѣмъ. Въ крѣпости нѣтъ ни одного строенія каменнаго, казармы, провіянтскіе магазины, самый арсеналъ деревянные. Одинъ весьма небольшой колодезь, довольствоваться же водою изъ Кубани непріятель легко воспрепятствовать можетъ; словомъ, подобныя крѣпости не могутъ быть терпимы противъ непріятеля, каковы вообще здѣшніе.

Кавказская крѣпость въ меньшемъ гораздо размѣрѣ и лучше Усть-Лабинской, но крутой берегъ, на которомъ она лежитъ, обрушился отъ множества заключающихся въ оном источниковъ, и уже часть большая крѣпости въ развалинахъ. Я отмѣнилъ исправленіе оной.

Прочный Окопъ есть небольшое укрѣпленіе, лежащее противъ малосильныхъ Закубанскихъ народовъ и въ худомъ весьма состояніи.

Укрѣпленіе С. Николая устроено предмѣстникомъ моимъ, Генераломъ Ртищевымъ, и трудно узнать, чего онъ желалъ болѣе, мѣста нездороваго, или безполезнаго. Во время разлитія, Кубань наполняла водою все укрѣпленіе и чрезъ окна входила въ жилище солдатъ. Болѣзни и смертность превосходили вѣроятіе. Я приказалъ уничтожить убійственное сіе укрѣпленіе.

Вообще можно сказать о правомъ флангѣ Кавказской Линіи, что, по причинѣ протяженія его и мѣстъ повсюду открытыхъ, нѣтъ ни какихъ средствъ сдѣлать его болѣе твердымъ и оградить

отъ нападеній Закубанцевъ, имѣющихъ удобныя чрезъ Кубань переправы во множествѣ. Должно приписать одному несогласію живущихъ за Кубанью народовъ, что они далеко внутрь Линіи нашей не дѣлаютъ набѣговъ, на что, по многолюдству ихъ, легко бы могли они рѣшиться. Умножившееся въ Кавказской Губерніи населеніе заставило распространить жилища почти до самой Кубани, и по тому найболѣе подвержены они опасности. Непріятель имѣетъ весьма сильную конницу, стоящіе на кордонѣ Казаки наши, если бы и не были разсыпаны на большомъ пространствѣ, не могли бы противостать оной, по несоразмѣрности силъ, пѣхота же не имѣетъ достаточной подвижности, чтобы воспрепятствовать набѣгамъ.

Я нашелъ на Линіи, данное всѣмъ войскамъ, запрещеніе не преслѣдовать за границу хищниковъ. Причиною сего боязнь моровой язвы, которая весьма часто появляется между Закубанцами, сообщаемая имъ чрезъ Анапу изъ Константинополя. По связямъ Закубанскихъ народовъ съ Кабардинцами и сихъ послѣднихъ съ Чеченцами, противъ ихъ вообще одинаковая предпринимается осторожность. Они знаютъ о семъ запрещеніи, и тѣмъ съ большею наглостію производятъ разбой, и бывали даже примѣры, что, возвращаясь съ набѣга на земли наши, лишь только вступятъ на свою сторону, отзываются съ насмѣшкою къ преслѣдовавшимъ ихъ войскамъ, или на кордонѣ стоящимъ пикетамъ, и показываютъ безбоязненно похищенную ими добычу.

Съ радостію приняли войска приказаніе преслѣдовать разбойниковъ, и, конечно, не будетъ упущенъ ни одинъ случай отмщенія.

До сего не испытали мы еще большой опасности отъ заразы, и нѣсколько разъ появлявшаяся на Линіи была счастливо прекращена.

Я въ 1816 году пріѣхалъ въ Грузію вмѣстѣ съ чумою, и ни мало не подозрѣвалъ о томъ. Конвойная, препровождавшая меня чрезъ горы, команда взята была изъ заразившихся Донскихъ полковъ, слѣдовавшихъ на службу въ Грузію. Вскорѣ потомъ обнаружилась оная въ полкахъ, но уже я былъ въ Тифлисѣ, и конвойная команда свободно со всѣми сообщалась, слѣдовательно,

весьма многіе могли быть сомнительными, и мѣры осторожности дѣлались не возможными.

Полки Донскіе успѣлъ я не допустить за одинъ маршъ до Тифлиса, ихъ расположили на открытомъ полѣ, свѣжій воздухъ Октября мѣсяца чрезвычайно способствовалъ очищенію, и вся потеря ограничилась десятью Казаками. Одни сутки позднѣе, если бы получилъ я извѣстіе о заразѣ, полки прошли бы Тифлисъ и отправились во всѣ провинціи. Нечаянный случай открылъ заразу: въ полкахъ, при слѣдованіи чрезъ Кавказскую Линію, было два человѣка умершихъ Казаковъ. Число весьма обыкновенное, по которому нельзя ничего было подозрѣвать чрезвычайнаго, но не знаю, по чему вздумалось Начальнику Линіи, Генералъ-Маіору Дельпоццо, приказать отрыть и освидѣтельствовать умершихъ, и медицинскіе чиновники нашли на нихъ знаки моровой язвы. Тотчасъ же отправленный ко мнѣ курьеръ успѣлъ предупредить прибытіе полковъ, но сами они о существованіи между ними заразы ниже помышленія не имѣли.

Впрочемъ, отъ заразы въ здѣшней странѣ едва ли возможно предохраниться. Чиновникамъ и даже войскамъ можно внушить, сколько въ таковыхъ случаяхъ спасительна предосторожность, но можно ли таковой ожидать отъ простолюдина, паче отъ Мусульманъ, вѣрящихъ предопредѣленію? Таковыхъ у насъ весьма много, и у всѣхъ живущихъ близко границы есть родственныя связи въ сосѣдственныхъ земляхъ и безпрерывныя сношенія, которыхъ, при всей бдительности, прекратить совершенно не возможно. Тайнымъ сообщеніямъ способствуетъ множество дорогъ, между коими есть нѣкоторыя, намъ не извѣстныя. Словомъ, отъ чумы охраняетъ насъ единое счастіе!..

При обозрѣніи Линіи, со вниманіемъ разсматривалъ я окрестности города Ставрополя, ибо со временемъ намѣреваюсь я перенести туда Губернскій городъ и оставить Георгіевскъ, какъ мѣсто самое губительное для всѣхъ, живущихъ въ немъ. Я приказалъ остановить всѣ крѣпостныя работы, жалѣя о тѣхъ, которыя произведены съ большими весьма издержками, и тамъ, гдѣ давно уже видѣть можно было, что онѣ совсѣмъ ненадобны. Не мѣшало бы и моимъ предмѣстникамъ сіе замѣтить!

Изъ Георгіевска проѣхалъ я Гребенскаго войска въ Червленную станицу, не подалеку отъ коей приуготовлена была на Терекѣ переправа для войскъ, назначенныхъ въ Чеченскую землю.

Я приказалъ нѣкоторой части перейти на правый берегъ и ожидать, пока соберутся прочія войска.

24-го Мая переправился весь отрядъ, состоящій изъ 2 баталіоновъ. 8-го
2 баталіоновъ. . . . . 16-го } Егерскихъ полковъ.
1 баталіона Троицкаго . . . . .
1 баталіона Кабардинскаго . . . } пѣхотныхъ полковъ.
6 орудій батарейной. . . . . }
6 легкой. . . . . } Артиллеріи.
4 конной. . . . . }

Донскихъ и Линейныхъ Казаковъ 500 человѣкъ.

Оставивши одну роту и 2 орудія для охраненія переправы, весь отрядъ въ одинъ маршъ перешелъ отъ Терека на рѣку Сунжу.

Всѣ владѣльцы селеній Чеченскихъ, расположенныхъ по берегу Терека, именующихся мирными, находились при войскахъ.

Селенія сіи не менѣе прочихъ наполнены были разбойниками, которые участвовали прежде во всѣхъ набѣгахъ Чеченцевъ на Линію. Въ нихъ собирались хищники и укрывались до того, пока мирные Чеченцы, всегда безпрепятственно пріѣзжавшіе на Линію, высмотрѣвъ какую ни будь оплошность со стороны войскъ нашихъ, или поселянъ, могли провождать ихъ къ вѣрнымъ успѣхамъ.

Чеченцы, издали высматривая движеніе наше, не сдѣлали ни одного выстрѣла до прибытія нашего къ Сунжѣ. Весьма не многіе изъ самыхъ злѣйшихъ разбойниковъ бѣжали изъ селеній, по лѣвому берегу лежащихъ, всѣ прочіе бывали въ лагерѣ, и я особенно ласкалъ ихъ, дабы, оставаясь покойными въ домахъ своихъ, могли привозить на продажу нужные для войскъ съѣстные припасы. Въ лагерь взяты были отъ сихъ селеній аманаты.

Старшины почти всѣхъ главнѣйшихъ деревень Чеченскихъ были созваны ко мнѣ, и я объяснилъ имъ, что прибытіе войскъ

нашихъ не должно устрашать ихъ, и если они прекратятъ свои хищничества; что я не пришелъ наказывать ихъ за злодѣянія прошедшаго времени, но требую, чтобы впредь оныхъ дѣлаемо не было, и въ удостовѣреніе должны они возобновить давнюю присягу на покорность, возвратить содержащихся у нихъ плѣнныхъ. Если же ни чего не исполнятъ изъ требованій моихъ, сами будутъ виною бѣдствій, которыхъ не избѣгнутъ, какъ явные непріятели. Старшины просили время на размышленіе и совѣщаніе съ обществомъ, ни чего не обѣщали, отзываясь, что ни къ чему приступить не могутъ безъ согласія другихъ. Пріѣзжая не рѣдко въ лагерь, увѣряли въ стараніяхъ своихъ наклонить народъ къ жизни покойной, но между тѣмъ изъ многихъ неосновательныхъ разсужденій ихъ, сколько неудобно исполненіе требованія о возвратѣ плѣнныхъ, можно было замѣтить, что они не имѣютъ вовсе намѣренія отдать ихъ. Въ совѣщаніяхъ ихъ находились всегда люди, намъ приверженные, и отъ нихъ обстоятельно знали мы, что извѣстные изъ разбойниковъ, не надѣявшіеся прощенія за свои преступленія, возмущали прочихъ; что многіе изъ селеній, по связямъ родства съ ними, взяли ихъ сторону и отказались ѣздить въ собраніе. Прочихъ же успѣли они увѣрить, что Русскіе, какъ и прежде, пришли для наказанія ихъ, не по тому не приступаютъ къ оному, что опасаются въ лѣтнее время вдаться въ лѣса непроходимые. Что устроеніе крѣпости есть вымыселъ для устраненія ихъ, но что того не имѣемъ мы намѣренія, и даже ни малѣйшихъ нѣтъ къ тому приготовленій; что Чеченцамъ нужно имѣть твердость, и мы, пробывши нѣкоторое время, возвратимся на Линію.

Продолжавшіеся съ ряду три недѣли проливные дожди и холодная чрезвычайно погода препятствовали намъ приступить не только къ работамъ крѣпостнымъ, но даже къ пріуготовленію нужныхъ для того вещей и къ начертанію укрѣпленія. Сіе наиболѣе утверждало Чеченцевъ въ мнѣніи, что пребываніе наше на землѣ ихъ временное, и когда потомъ приступлено было къ работамъ, они не переставали думать, что мы дѣлаемъ только видъ того и ихъ оставимъ.

Въ послѣдствіи приказано было селеніямъ, отъ коихъ были у насъ аманаты, доставлять лѣсъ на постройку. Ближайшія не смѣли оказать непослушанія, тѣ же изъ селеній, которыя расположе-

ны были въ отдаленіи, или за извѣстнымъ урочищемъ, называемымъ Ханъ-Кале, гдѣ узкое дефиле, поросшее частымъ весьма лѣсомъ, дѣлало дорогу непроходимою, отказали въ доставкѣ лѣса, и объявили, что ни какихъ обязанностей на себя не пріемлютъ и ни въ какія сношенія съ Русскими не вступятъ. Повинующихся намъ начали устрашать отгономъ скота ихъ и даже нападеніями на ихъ жилища. Урочище Ханъ-Кале начали укрѣплять глубокимъ рвомъ и валомъ, по всѣмъ дорогамъ выставили караулы и пикеты. Рѣдкая ночь проходила безъ тревоги; ибо подъѣзжая къ противоположному берегу рѣки, стрѣляли они изъ ружей въ лагерь. Нападали на передовые наши посты и разъѣзды въ лѣсу; гдѣ вырубали мы хворость, всегда происходила перестрѣлка; словомъ, во всѣхъ случаяхъ встрѣчали мы ихъ готовыми на сопротивленіе. Къ сосѣдственнымъ Лезгинамъ и другимъ народамъ Горскимъ послали они просить помощи.

Въ продолженіе сего получилъ я отъ Шамхала Тарковскаго увѣдомленіе, что братъ Хана Аварскаго, управляющій небольшою Провинціею, называемою Мехтулли, смежною съ владѣніями Шамхала, давно прежде угрожавшій овладѣть его деревнями, собравъ толпу вооруженныхъ, захватилъ нѣкоторыя изъ оныхъ. Что Акушинскій народъ, сильнѣйшій въ Дагестанѣ и воинственный, подстрекаемъ будучи Аварскимъ Ханомъ, и болѣе еще бѣглымъ Дербентскимъ Шихъ-Али-Ханомъ, котораго укрывалъ у себя, и Грузинскимъ Царевичемъ Александромъ, присылаетъ къ Шамхалу старшинъ своихъ съ требованіемъ, чтобы, отказавшись отъ повиновенія Русскимъ, присоединился онъ къ нему и содѣйствовалъ въ предпріемлемыхъ имъ намѣреніяхъ, или, въ случаѣ несогласія, выгонятъ они его изъ владѣній. Въ подвластныхъ своихъ примѣчалъ уже Шамхалъ большое непослушаніе, и многіе взяли сторону Акушинцевъ.

Командующій войсками, въ Кубанской Провинціи и Дербентѣ расположенными, Генералъ-Маіоръ Пестель, донесъ, что въ Дагестанѣ примѣтенъ рождающійся духъ мятежа. Что Горскіе народы, найболѣе злобствуя на Шамхала за приверженность его къ нашему Правительству, намѣреваются сдѣлать нападеніе на его земли; страшатъ такъ же Уцмея Каракайдацкаго, прибѣгнувшаго наконецъ въ покровительству нашему и, хотя поздно, узнавшему,

однако же, что нѣтъ для него другой надежнѣйшей защиты. Таковыя извѣстія сообщалъ бѣглый Царевичъ Александръ наслѣднику Персіи, Аббасъ-Мирзѣ, и Министру его, Мирзѣ Бюзурку, приписывая дѣятельности своей и усердію къ пользамъ Персіи, что онъ возмутилъ Дагестанъ противъ Русскихъ.

Письма сіи были перехвачены, и явно открылось, что Аббасъ-Мирза для сего предмета доставлялъ Царевичу деньги. Но всегда оныхъ было, однако же, недостаточно, ибо Царевичъ жаловался на свою бѣдность, и точно претерпѣвалъ оную.

Аварскій Ханъ, имѣющій вражду съ Уцмеемъ Каракайдацкимъ, давалъ у себя убѣжище людямъ, для него вреднымъ, и подославъ таковыхъ для произведенія возмущенія въ его владѣніяхъ.

Генералу Пестелю далъ я немедленно подробнѣйшія наставленія.

Съ двумя баталіонами пѣхоты, шестью орудіями артиллеріи и сколько можно собравъ Казаковъ, выступить къ рѣкѣ Дарбахи, или ближе къ городу Башлы, буде есть мѣсто удобное для расположенія лагеря. Городъ сей, имѣющій до 3 тыс. семействъ, заключалъ въ себѣ всѣхъ людей, не повинующихся Уцмею и явно недоброжелательствующихъ намъ. Связи съ Горцами заставляли и прежнихъ владѣтелей съ осторожностію употреблять власть свою, снисходить къ винамъ жителей, и сіи наконецъ вошли въ привычку худо повиноваться.

При войскахъ нашихъ должны были находиться Полковникъ Асланъ-Ханъ Кюринскій, съ своею конницею, и конница Кубинская и Дербентская.

Генералъ-Маіору Пестелю запрещено было начинать военныя дѣйствія, но, оказывая къ тому готовность, продуста слухъ о слѣдованіи 3 тыс. войскъ въ Дагестанъ, для которыхъ требовать заготовленіе продовольствія отъ Шамхала, удерживать Акушинцевъ во вниманіи къ собственной защитѣ и не допускать къ оскорбленію находящихся подъ покровительствомъ нашимъ. Смиряя присутствіемъ войскъ самовольство жителей города Башлы, удерживать ихъ въ повиновеніи Уцмею, и тѣмъ усилить власть его. Взять подъ

надзоръ въ Дербентъ подосланныхъ Аварскимъ Ханомъ, живущихъ во враждѣ съ Уцмеемъ, его родственниковъ, дѣлающихъ въ подвластныхъ ему развратъ и безпорядки, увѣривъ ихъ, что предосторожность сія употребляется для охраненія ихъ отъ опасности, по злобѣ къ нимъ Уцмея.

Найти приличное средство войти въ сношеніе съ Акушинскимъ народомъ, и требовать отъ него аманатовъ, или иначе могутъ въ опасности быть, пасущіяся на плоскости въ осеннее время, стада ихъ.

Наклонить Уцмея, чтобы войсками своими изгналъ Абдула-Бека, зятя бѣглаго Шихъ-Али-Хана, который похитилъ управленіе Табассарана, Провинціи, состоявшей частію подъ нашимъ покровительствомъ, давъ надежду Уцмею, что сынъ его заступитъ его мѣсто.

Шамхала и Уцмея увѣдомилъ я о назначеніи войскъ собственно для ихъ защиты.

Аварскому Хану, который до того казался приверженнымъ, писалъ я, чтобы онъ старался воздержать Акушинскій народъ отъ наглыхъ угрозъ, которыя смѣетъ онъ дѣлать владѣтелямъ, подданнымъ Императора, и чтобы брату своему воспретилъ поступать непріязненно съ Шамхаломъ.

Акушинскому народу далъ я знать, что, принявъ на себя обязанность не дѣлать набѣговъ на владѣнія Россійскія и, утвердивъ то данною присягою, нарушеніе оной не оставитъ Правительство безъ наказанія. Что непріязненнымъ дѣйствіемъ почту я нападеніе на земли, Шамхалу и Уцмею принадлежащія; что я лучше хочу предостеречь народъ, котораго желаю я спокойствія, нежели въ послѣдствіи подвергнуть себя упреку, что оставилъ его въ невѣдѣніи, какія бѣдствія онъ себѣ пріуготовляетъ.

Въ Чеченской землѣ между тѣмъ приступлено къ построенію крѣпости, которая, по положенію своему, стѣсняя жителей во владѣніи лучшими землями, стоя на удобнѣйшей дорогѣ къ Кавказской Линіи и не далеко отъ входа чрезъ урочище Ханъ-Кале, названа Грозною.

Въ производствѣ работъ, сколько могли, Чеченцы дѣлал препятствія. Не рѣдко случалось, что солдаты, оставляя шанц вый инструментъ, тутъ же брали ружья и отражали нападеніе Но когда черезъ рѣку Сунжу сдѣлана была переправа и на про тивоположномъ берегу устроено укрѣпленіе, Чеченцы менѣе по являлись на нашей сторонѣ.

Всѣ ближайшія къ урочищу Ханъ-Кале селенія, или тѣ, к коимъ полагали они, что войска удобнѣе пройти могутъ, вывезл лучшее свое имущество, жены и дѣти оставались въ такомъ по ложеніи, чтобы, при первой тревогѣ, удалиться въ ближайшіе лѣ са, гдѣ приготовлены были шалаши. На ближайшихъ поляхъ бро шенъ былъ хлѣбъ, который, по боязни, не собирали, и уже в лѣтнее время чувствуемъ былъ въ ономъ недостатокъ.

Пришли наконецъ въ помощь Лезгины, и между Чеченцам примѣчена большая дѣятельность въ пріуготовленіяхъ къ сраже нію. Повсюду показывались они въ большихъ уже силахъ. Дерев ни по лѣвому берегу Сунжи и одна на правомъ берегу, называе мая Сунженскою, сохраняя всѣ наружности преданности, не толь ко Лезгинъ, но и самихъ даже Чеченцовъ, явно противящихся намъ, къ себѣ не принимали.

Между многихъ перестрѣлокъ съ отрядами нашими, была одна весьма сильная, когда Квартирмейстерской части Подполков никъ Верховскій посланъ былъ занять лѣсъ, въ которомъ надоб но было произвести порубку для строеній.

Войска Донскаго Генералъ-Маіоръ Сысоевъ съ малымъ чи сломъ Казаковъ, сдѣлавъ атаку на сильную Чеченскую конницу наказалъ за сдѣланное нападеніе на отводные наши караулы, при чемъ изрубили они нѣсколько человѣкъ.

Главное же дѣло происходило 4 числа Августа.

Съ Кавказской Линіи долженъ былъ прибыть въ лагерь боль шой транспортъ съ провіянтомъ и разными другими вещами, пр которыхъ много было ѣдущихъ къ войскамъ чиновниковъ. Въ кон воѣ находились одна рота пѣхоты съ пушкою и нѣсколько Каза ковъ. Чеченцы съ Лезгинами вмѣстѣ вознамѣрились сдѣлать на

транспортъ нападеніе. О семъ не за долго дали намъ извѣстіе, и я на встрѣчу транспорту отправилъ часть войскъ. Когда же изъ крѣпости замѣчено было движеніе въ большихъ силахъ, то отправилъ я еще въ помощь съ частію начальника Корпуснаго Штаба, Полковника Вельяминова. Непріятельская конница успѣла уже перейти рѣку Сунжу и пустилась на транспортъ, часть пѣхоты шла въ слѣдъ за оною, и еще довольно оной оставалось для охраненія переправы. Увидѣвъ идущія изъ крѣпости войска наши, конница тотчасъ обратилась къ своей пѣхотѣ, и сія двинулась на встрѣчу нашей. Толпы ея, боясь дѣйствія артиллеріи, не смѣли весьма приближаться, но стрѣлки вышли во множествѣ, и начался весьма сильный огонь.

Въ сей день Чеченцы дрались необычайно смѣло; ибо, хотя не долго, могли, однако же, они стоять на открытомъ полѣ и подъ картечными выстрѣлами; но когда Полковникъ Вельяминовъ приказалъ войскамъ ити поспѣшнѣе къ деревнѣ Ачага, куда бросилась непріятельская конница, какъ примѣтно, къ переправѣ, ибо извѣстенъ былъ въ семъ мѣстѣ хорошій бродъ, то Чеченская пѣхота обратилась въ бѣгство въ величайшемъ безпорядкѣ. На переправѣ происходило замѣшательство, и не мало людей потонуло. Полковникъ Вельяминовъ могъ ихъ стѣснить въ селеніи Ачага, и артиллеріи удобно было дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ; но жители селенія сего, намъ покорные и не участвовавшіе въ предпріятіи Чеченцовъ, выбѣжали къ нему на встрѣчу, прося пощады. Онъ не могъ не исполнить ихъ просьбы.

Потеря въ семъ дѣлѣ съ нашей стороны была ничтожная, и транспортъ безъ всякаго вреда прибылъ въ крѣпость.

Вскорѣ послѣ сего произошли между Чеченцами и Лезгинами несогласія и ссоры, и сіи послѣдніе, не въ состояніи будучи переносить жаркаго лѣтняго времени, потерпѣли ужаснѣйшія болѣзни и, оставивши не менѣе половины людей до выздоровленія, удалились въ дома свои.

Симъ кончились всѣ подвиги Лезгинъ, и Чеченцы, знавшіе ихъ, по молвѣ, за людей весьма храбрыхъ, вразумились, что подобными трусами напрасно они насъ устрашали. Прежде, въ ожи-

даніи отъ нихъ большаго вспомоществованія, разглашали они о прибытіи ихъ въ большихъ силахъ; открылось наконецъ, что ихъ было до тысячи человѣкъ.

Изъ Грузіи получено извѣстіе, что, укрывавшійся въ горахъ, бѣглый Грузинскій Царевичъ Александръ, проѣхалъ тайнымъ образомъ и съ весьма малымъ числомъ приближенныхъ ему людей въ Ахалцыхскій пашалыкъ, правдоподобно по тому, что въ Персію опаснѣе было проѣхать, ибо по дорогамъ туда повсюду поставлены были караулы, и Татарамъ строго подтверждено было о тщательномъ наблюденіи. Царевичъ проѣхалъ не далеко отъ Штаба одного изъ Донскихъ Казачьихъ полковъ, и, конечно, отъ оплошности командующаго опымъ, который по тому только избавленъ мною отвѣтственности, что я не хотѣлъ показать Грузинамъ, что я желалъ достать его; ибо они, по невѣжеству, всегда почитали его опаснымъ для насъ человѣкомъ, и многіе, недоброжелательствующіе намъ, старались размножить мнѣніе, что Правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ по тому поступаетъ снисходительно, что опасается огорчить Дворянство, чтобы оно не приклонило народъ на сторону Царевича.

Въ бѣгствѣ его сей разъ въ Турцію провожатыми были Чарскіе Лезгины, имѣющіе повсюду связи, и, конечно, многіе изъ нашихъ, если не способствовали тому, то, безъ сомнѣнія, знали. Начальство же было предупреждено съ большою подробностію и къ поимкѣ всѣ нужнѣйшія приняты мѣры.

Изъ Дагестана Генералъ-Маіоръ Шестель сообщилъ мнѣ извѣстіе, что Акушинцы намѣреваются прійти съ войскомъ и потомъ вступить съ нимъ въ переговоры; что жители города Башлы, видя расположенныя не далеко отъ нихъ войска наши, тайно приглашаютъ ихъ къ себѣ на помощь; что Уцмей, показывая притворно вражду съ ними, самъ того желаетъ; ибо, по свойствамъ недовѣрчивости, имѣетъ сомнѣніе, чтобы мы для пользы его хотѣли смирить Башлынцевъ.

Я предписалъ, если точно придутъ Акушинцы и захотятъ имѣть съ нами переговоры, не входя съ ними ни въ какое объясненіе, требовать аманатовъ.

Если Шамхалъ, Уцмей, Ханъ Аварскій, будутъ предлагать какія ни будь условія, напомнить имъ просто обязанности вѣрноподданныхъ. Между тѣмъ стоять лагеремъ въ открытыхъ мѣстахъ, ни какъ не вдаваясь въ горы, или трудныя мѣстоположенія, что въ равнинѣ, и имѣя съ собою артиллерію, можетъ онъ противостать всякимъ ихъ усиліямъ.

Если нужна будетъ ему большая въ войскахъ подвижность, чтобы всѣ тягости отправить назадъ, и самый необходимый имѣя обозъ, сохранялъ бы его въ укрѣпленіи хорошо защищенномъ.

Подтвердилъ не побуждать непріятеля къ дѣйствію; напротивъ, ни чего рѣшительнаго не предпринимая, дать время несогласію поселиться между ими; ибо безъ единоначалія и безъ привычки къ послушанію, необходимы будутъ различныя мнѣнія, и слѣдствіе оныхъ—раздоръ. Что собравшись въ значительныхъ силахъ, безъ пріуготовленія способовъ продовольствія, долго вмѣстѣ пробыть не могутъ и возвратятся домой, а тогда на оставленныхъ Башлынцевъ напасть будетъ удобно; или, если по обширности города и по многолюдству въ ономъ, нельзя будетъ разорить его, то, по крайней мѣрѣ, нанести дѣйствіемъ артиллеріи большой вредъ въ стѣсненномъ его расположеніи. Пользоваться случаями отгонять лошадей и скотъ, коихъ потеря тѣмъ чувствительнѣе, что составляетъ главнѣйшее здѣшнихъ народовъ богатство.

Для усиленія отряда Генералъ-Маіора Пестеля, изъ баталіона, расположеннаго въ Елисаветпольской крѣпости, приказалъ я отправить 300 человѣкъ.

Въ Дербентѣ распоряжено имѣть огнестрѣльные запасы.

1-го числа Октября поѣхалъ я изъ крѣпости Грозной на Линію, гдѣ въ селеніи Прохладномъ пригласилъ, къ свиданію со мною, Князей Кабардинскихъ, главнѣйшихъ изъ Священнослужителей и знатнѣйшихъ изъ Узденей. Всѣ почти пріѣхали, кромѣ малаго числа злѣйшихъ разбойниковъ, которые явиться не смѣли.

Съ досадою упрекалъ я имъ въ нарушеніи обѣщаній вести жизнь мирную, и самой присяги въ томъ, нѣсколько разъ ими данной. Упоминалъ о многихъ въ недавнемъ времени происшестві-

ихъ, которыя обнаруживаютъ ихъ самыми подлыми мошенниками, и что извѣстныя нѣкогда храбрость ихъ и воинственная между горскими народами слава помрачена презрительнѣйшими дѣлами, однимъ гнуснымъ ворамъ свойственными.

Поставилъ имъ въ примѣръ, того же года наказанный за укрывательство разбойниковъ, Трамова Аулъ, не подалеку отъ Константинагорска отстоявшій, который, по приказанію моему, разрушенъ до основанія, взято до 2 тыс. лошадей и весь скотъ, и что жителямъ онаго только позволено было вывести женъ своихъ и дѣтей. Обѣщалъ, что равное сему и ихъ ожидаетъ наказаніе, если не перемѣнятъ своего поведенія, если родители не будутъ воздерживать дѣтей своихъ и родственниковъ, помѣщики своихъ подвластныхъ; если Священнослужители, имѣющіе большое въ народѣ вліяніе, не будутъ дѣлать предписываемыхъ закономъ наставленій и внушенія. Предложилъ имъ средствомъ избѣгнуть грозящихъ бѣдствій то, чтобы, наказывая сами за воровство и возвращая похищенное, убійцъ представляли для наказанія къ Россійскому начальству. Что нѣсколько таковыхъ примѣровъ воздержатъ разбойниковъ, и за преступленія злодѣевъ не потерпятъ менѣе виновные, а Начальство не будетъ принуждено посылать безпрерывно войска, которыя разоряютъ землю прекраснѣйшую. Справедливость замѣчаній моихъ не допустила возраженія, многіе говорили, что есть средства исполнить требованія мои, и что они о томъ будутъ стараться, видя, что въ совѣтахъ моихъ заключается собственное ихъ благо, но только два, или три, человѣка осмѣлились сказать при всѣхъ, что льстятъ мнѣ обѣщаніями ложными, что ни чего не сдѣлаютъ; ибо первѣйшимъ изъ Князей надлежитъ сдѣлать примѣръ надъ своими ближними и выдать къ наказанію за разбой, что трудно быть первымъ въ подобномъ случаѣ, ибо всѣ прочіе поругаться симъ будутъ. Если жь такъ поступятъ знатнѣйшіе, то они готовы то исполнить, и ручаются, что средствомъ симъ прекратятся всѣ безпорядки, и боязнь, которую теперь имѣютъ отъ Русскихъ, превратится въ прежнее къ нимъ расположеніе.

Послѣ сего разстался я съ ними, и тутъ же видѣлъ, что свиданіе было безполезно. Со мною былъ Генералъ-Маіоръ Дельпоццо, который коротко зналъ ихъ, и, бывши нѣкогда главнымъ

въ Кабардѣ Приставомъ, чрезмѣрною кротостію своею и снисхожденіемъ, оставляя вины безъ наказанія, наконецъ попустилъ имъ и на самыя преступленія. Онъ былъ причиною уничтоженія родовыхъ судовъ, и съ симъ вмѣстѣ начались развратъ и безпорядки. Если страннымъ казалось Кабардинцамъ видѣть главнаго начальника безъ той пышности, каковая окружала всегда моихъ предмѣстниковъ, то не менѣе удивлялись они, что на свиданіе съ ними пріѣхалъ я въ сопровожденіи 180 человѣкъ пѣхоты, малаго весьма числа Казаковъ и съ двумя пушками гарнизонной артиллеріи, запряженной мужичьими лошадьми, съ прислугою обветшалыхъ гарнизонныхъ канониpовъ, когда всѣ они вмѣстѣ составляли не менѣе 600 человѣкъ. Я могъ сіе сдѣлать съ намѣреніемъ, чтобы не показать особеннаго вниманія, которымъ напрасно давно ихъ баловали, но причина настоящая была та, что не можно было найти болѣе войскъ праздныхъ.

Въ сіе время получилъ я изъ Дагестана донесеніе, что Генералъ-Маіоръ Пестель, замѣтивъ безпрерывные обманы жителей города Башлы, и получивъ Аварскаго Хана увѣдомленіе, что Акушинцы идутъ въ помощь Каракайдацкому народу, рѣшился онъ занять Башлы, что и сдѣлалъ безъ всякаго сопротивленія. Въ то же время далъ онъ знать, что хотя Уцмей ведетъ себя со всею осторожностію и показываетъ видъ приверженности, ибо за противные поступки его боится подтвергнуть наказанію старшаго сына его, живущаго аманатомъ въ Дербентѣ, но многія причины заставляютъ его думать, что онъ въ сообществѣ съ Акушинцами и внушеніями своими возмущаетъ противъ насъ Башлынцевъ. Аварскій же Ханъ, о коемъ писалъ Генералъ-Маіоръ Пестель, какъ о участвующемъ въ предпріятіяхъ Акушинцевъ, тогда же прислалъ мнѣ письмо съ увѣреніями, что онъ старается наклонить ихъ къ отдачѣ аманатовъ, но я уже предувѣдомленъ былъ о сомнительномъ его поведеніи и ему не вѣрилъ.

Генералъ-Маіору Пестелю приказалъ я взять отъ Уцмея объясненія, какимъ образомъ идутъ къ нему въ помощь Акушинцы, если онъ ихъ не требовалъ, и по чему ему нужна оная, когда Россійскія войска ни ему, ни его подвластнымъ, обидъ не причиняютъ? И что если придутъ они къ городу Башламъ, то объявить

ему, что я почту сіе за измѣну съ его стороны Императору, и тотчасъ другой возведенъ будетъ въ достоинство Уцмея. Въ сношеніяхъ съ Акушинцами отдалять всякое вліяніе Аварскаго Хана и ему отозваться, что не входите съ нимъ въ объясненіе, какъ съ человѣкомъ, народу сему не принадлежащимъ.

Акушинцевъ, по прибытіи къ Башлы, отразить оружіемъ, и для того всегда въ готовности оставить занимаемыя въ городѣ квартиры, ибо удобнѣе несравненно напасть на нихъ въ полѣ. Съ Башлынцевъ взять непремѣнно аманатовъ изъ лучшихъ фамилій.

Вскорѣ послѣ сего извѣстилъ Генералъ-Маіоръ Пестель, что Акушинцы, вмѣстѣ съ другими народами Дагестана, прибыли и расположились въ 30 верстахъ отъ Башлы, съ намѣреніемъ напасть на войска наши и ихъ истребить, надѣясь на свою многочисленность.

Отъ Башлынцевъ взялъ уже онъ аманатовъ, и они объявили ему, что будутъ, вмѣстѣ съ войсками нашими, защищаться, въ провіантѣ дѣлаютъ охотно помощь. Генералъ-Маіоръ Пестель, устроивъ нѣкоторыя около города укрѣпленія, дожидался непріятеля спокойно

О Шамхалѣ Тарковскомъ дошли до меня слухи, что, не взирая ни на какія угрозы его непріятелей, онъ не согласился на предложенія ихъ съ ними соединиться противъ насъ и остался въ приверженности своей непоколебимымъ, но что возмущеніе въ его владѣніяхъ понудило его оставить Тарки и удалить семейство его и имущество въ мѣсто безопасное, а жители города, боясь нападенія Лезгинъ, большею частію разсѣялись.

Генералъ-Маіору Пестелю поручилъ я дать знать Шамхалу, что какъ скоро только мнѣ возможно будетъ дѣйствовать въ пользу его, я ни чего не упущу для владѣтеля, оказывающаго столько похвальный примѣръ вѣрности Императору. До того же предложилъ Дербентъ убѣжищемъ для его семейства, гдѣ также могло сохраняться его имущество.

Возвратясь съ Линіи въ крѣпость Грозную, нашелъ я Сунженскую деревню, одну изъ богатѣйшихъ, которой жителей осо-

бенно ласкалъ я, съ намѣреніемъ сберегая деревню, дабы лежащая по близости крѣпость могла получать изъ нея всѣ необходимыя потребности, уже разоренною. Одинъ изъ жителей оной выстрѣлилъ изъ ружья въ солдата посланной за покупками команды, когда не отдавали ему вола изъ казенной повозки, котораго называлъ онъ своимъ. Офицеръ приказалъ схватить преступника, но самаго Офицера лошадь схватили за повода, и онъ едва избавился отъ смерти. Команда должна была возвратиться. Начальникъ Корпуснаго Штаба послалъ успокоить жителей, чтобы за вину одного мошенника не боялись они мщенія, но чтобы выдали преступника для должнаго наказанія, которое онъ и по тому заслуживаетъ, что дерзостію своею подвергалъ опасности всю деревню. Посланный нашелъ жителей поспѣшно выбирающихся изъ домовъ и удаляющихся въ лѣсъ, и ему отвѣтствовано, что стрѣлявшаго по солдату не отдадутъ и будутъ защищаться, если войска придутъ.

Начальникъ Корпуснаго Штаба пошелъ самъ съ нѣсколькими ротами, желая, однако же, прежде уговорить ихъ, но встрѣченъ былъ выстрѣлами; жены, дѣти и лучшее имущество были уже отосланы, оставались одни люди для защиты домовъ. Когда атаковали деревню, части же войскъ приказано было обойти, дабы отхватить отступленіе къ лѣсу, всѣ бросились бѣжать съ такою поспѣшностію, что догнать было не возможно. Деревня взята, хлѣбъ, фуражъ и годный лѣсъ на строеніе вывозились нѣсколько дней.

Послѣ сего происшествія, деревни, лежащія на лѣвомъ берегу Сунжи, не далеко отъ крѣпости, всѣ были оставлены жителями, безъ всякой съ нашей стороны причины. Въ нихъ были многіе благонамѣренные люди и которые весьма желали спокойствія, но какъ между Чеченцами совершенное безначаліе, и ни воздерживать своевольныхъ, ни наказывать преступныхъ, никто не имѣетъ права, ибо всѣ почитаютъ себѣ равными, то люди порядочные боятся подвергнуться отвѣтственности за мошенниковъ, и отъ того удаляются отъ мѣста пребыванія Русскихъ. Выдавать же злодѣевъ въ руки невѣрныхъ, каковыми Христіянъ разумѣютъ, почитаютъ погрѣшеніемъ противъ своего закона. Ни какія

благодѣянія, ни что не можетъ въ душахъ Чеченцевъ ослабить ихъ недовѣрчивости, вселить въ нихъ чувство благодарности.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ отношеніи къ нимъ хотѣлъ я быть великодушнымъ, самымъ наглымъ образомъ бывалъ обманутъ. Такъ поступили со мной жители деревень Ауллара и Аманъ-Ханъ-Кечу, но сихъ послѣднихъ успѣлъ я наказать довольно чувствительнымъ образомъ.

Всѣ земляныя работы крѣпости Грозной были приведены къ окончанію въ половинѣ Октября мѣсяца, на зиму пріуготовлялись для жилища гарнизону землянки, и для вооруженія крѣпости доставлена была артиллерія. Чеченцы вѣрили уже, что пребываніе на Сунжѣ Русскихъ не временное.

Въ сіе время пронеслись разные слухи, что Дагестанцы въ большихъ весьма силахъ сдѣлали на Генералъ-Маіора Пестеля нападеніе и дрались при Башлахъ въ продолженіи двухъ дней, и что намѣрены возобновить сраженіе, а часть войскъ отправить для разграбленія Кубинской Провинціи, гдѣ войскъ почти не было. Отъ Генералъ-Маіора Пестеля давно уже не было донесенія, а изъ Казіюртскаго укрѣпленія нашего на рѣкѣ Сулакѣ дали знать, что сообщеніе съ Дербентомъ прервано, и послѣднее предписаніе мое Генералъ-Маіору Пестелю не могло быть отослано.

По расчисленію времени не могъ я успѣть прійти ему на помощь, но зналъ, что если появлюсь во владѣніяхъ Шамхала, или угрожать стану Провинціи Мехтулинской, принадлежащей брату Аварскаго-Хана, бывшему причиною всѣхъ безпокойствъ, то находящіеся противъ Генералъ-Маіора Пестеля Дагестанцы, особенно Акушинцы, возвратятся, для защищенія собственныхъ границъ. И потому, не медля, выступилъ я изъ крѣпости Грозной 25 Октября.

Войска мои состояли изъ 2-хъ бат. Кабардинскаго
1-го бат. Троицкаго . . } полковъ.
2-хъ бат. 8-го Егерскаго
14 орудій Артиллеріи. .
300 человѣкъ Казаковъ Линейныхъ, всѣхъ войскъ вообще не болѣе было 3,200 человѣкъ.

Въ крѣпости Грозной осталось девять ротъ 16-го Егерскаго полка, 6 орудій артиллеріи и 400 человѣкъ Линейныхъ Казаковъ.

Переправившись черезъ рѣку Сунжу, въ устьѣ ея, у селенія Брагунскаго, пришелъ я въ городъ Андрей 29-го числа, и далъ войскамъ день отдохновенія. Здѣсь подтвердились слухи, что Генералъ-Маіоръ Пестель былъ атакованъ, но что находится въ Башлахъ. Многіе говорили, что въ сраженіи мы много потеряли, что взяты у насъ пушки, но въ семъ послѣднемъ могъ я усомниться, ибо число пушекъ показывали болѣе того, каковое у него было. Всѣ утверждали, что Аварскій Ханъ предводительствуетъ возмутившимися Дагестанцами.

Въ Андреевѣ были подосланные Акушинцами люди, для наблюденія за движеніями и числомъ войскъ нашихъ.

Я растягивалъ баталіоны такъ, что казались они гораздо многочисленнѣйшими. Батарейныя орудія играли важную весьма роль.

Въ городъ Тарки прибылъ я 3-го числа Ноября и расположилъ войска по квартирамъ, ибо проливные дожди препятствовали ити далѣе. Шамхалъ находился при Генералъ-Маіоръ Пестелѣ, жены его готовы были выѣхать изъ города, и только по тому остановились, что услышали о движеніи войскъ; лучшее имущество отправлено было за рѣку Сулакъ. Многіе изъ жителей разбѣжались, боясь возмущенія собственныхъ подвластныхъ Шамхала. Всѣ они вышли изъ послушанія, нѣкоторые пошли съ оружіемъ противъ Русскихъ, ибо въ то самое время Аварскій-Ханъ возвращался отъ города Башлы, и собиралъ войска для защиты Мехтулинской Провинціи, принадлежащей ему съ братомъ его, Гассанъ-Ханомъ. Въ окрестныхъ селеніяхъ привезены были раненные въ сраженіи противъ Генералъ Маіора Пестеля и для погребенія тѣла убитыхъ тамъ. Въ измѣнѣ Генералъ-Маіора Аварскаго Хана не было уже сомнѣнія.

Здѣсь получилъ я отъ Генералъ-Маіора Пестеля рапортъ, что Дагестанцы не менѣе 30 тыс. напали на него въ городѣ Башлы, и сраженіе было самое упорнѣйшее. Въ первый день могъ онъ защищать построенную имъ внѣ города батарею и небольшіе

окопы, но жители города, оборонявшіе нѣкоторую часть укрѣпленій, измѣнили и впустили непріятеля, который легко могъ отрѣзать сообщеніе его съ войсками, защищавшими ту батарею, и онъ долженъ былъ оставить ее и съ нею вмѣстѣ часть города, и расположиться по каналу, проходящему по срединѣ города, что сосредоточило болѣе его силы. Непріятель, по многочисленности своей, испытывалъ атаки со всѣхъ сторонъ, но безуспѣшно. Лѣвый флангъ войскъ нашихъ былъ найболѣе опасный, ибо непріятель всѣ усилія употреблялъ, чтобы овладѣть замкомъ Уцмея, который занимали двѣ роты съ одною пушкою. Онъ, прикрытъ будучи возвышеніемъ, могъ легко приблизиться къ замку и началъ рыть родъ траншей, дабы укрыться отъ ружейныхъ выстрѣловъ и, вѣроятно, чтобы удобнѣе зажечь деревянное строеніе, которое поверхъ стѣнъ замка расположено было. Пушка не могла уже дѣйствовать, и опасно было потерять замокъ, ибо одна дорога, для отступленія войскъ возможная, проходила въ самой близи отъ онаго.

Генералъ-Маіоръ Пестель удерживалъ замокъ сей и половину города еще одни сутки, безпрерывно сражаясь съ упорностію, ибо непріятель смѣнялъ атакующихъ свѣжими войсками. Артилерія наша наносила ужаснѣйшій вредъ, и, конечно, она была причиною, что такимъ несоразмѣрнымъ силамъ противостать было возможно. Наконецъ, войска наши отступили ночью, взявъ съ собою всѣхъ раненыхъ. Непріятель долго не замѣтилъ отступленія, ибо большой въ городѣ пожаръ препятствовалъ. Послѣ хотя и преслѣдовалъ, но отбитъ былъ съ уономъ. Жители города Башлы съ большимъ остервененіемъ бросались, чтобы отбить дѣтей своихъ, которыя взяты были въ аманаты, но не могли успѣть въ томъ.

Генералъ-Маіоръ Пестель на дорогѣ къ Дербенту долженъ былъ проходить нѣкоторыя деревни Каракайдацкія. Всѣ дороги были перекопаны, или завалены, мосты истреблены, но слабо преслѣдуемый непріятелемъ, безъ препятствія, обошелъ онъ ихъ, склонившись къ дорогѣ, идущей по берегу моря.

Во всѣхъ сихъ сраженіяхъ, къ удивленію, потеря наша въ убитыхъ и раненыхъ не достигаетъ 400 человѣкъ.

11-го числа Ноября, лишь только не много перемѣнилась погода, выступилъ я изъ Тарки, по направленію на селеніе Параулъ въ Мехтулинской Провинціи, гдѣ прежде живалъ Аварскій Ханъ, будучи Бахтулинскимъ Бекомъ, до возвышенія его въ сіе послѣднее достоинство.

За четыре дня до сего предписалъ я Генералъ-Маіору Пестелю, чтобы немедленно возвратился къ Башламъ и разорилъ городъ до основанія, что удобно сдѣлать онъ можетъ; ибо все вниманіе Дагестанцевъ обратилось къ пришедшимъ со мною войскамъ, слѣдовательно, не встрѣтитъ онъ другаго сопротивленія, кромѣ жителей Башлы.

Въ небольшомъ отъ города Тарки разстояніи увидѣли мы непріятеля, большими толпами занимающаго вершины хребта, называемаго Талгинъ, у подошвы коего должны мы были, прошедши нѣсколько верстъ чрезъ него самаго, переправиться. Короткій день, трудное движеніе артиллеріи по грязной весьма дорогѣ, сблизили къ вечеру прибытіе къ тому мѣсту, гдѣ былъ въѣздъ на гору по чрезвычайно крутой отлогости. Непріятель, перекопавши оную во многихъ мѣстахъ, защищалъ большими силами. Поздно было начать дѣло, ибо надлежало изыскивать обходъ, и не иначе, какъ въ виду непріятеля, слѣдовательно, онъ повсюду, предупреждая и имѣя выгоду мѣстоположенія, могъ затруднять подъемъ войскъ на гору.

Я приказалъ имъ отойти и расположиться на ночлегъ.

Авангардъ мой сдѣлалъ нѣсколько пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ и, конечно, не принесши ни какой другой пользы, кромѣ той, что увидѣлъ я, до какой степени Лезгины боятся пушекъ. Нѣкоторые, изъ сопровождавшихъ меня подвластныхъ Шамхала, замѣтили на вершинѣ горы самого Аварскаго Хана. По крикамъ, во всю ночь продолжавшимся, и пѣснямъ войскъ, видна была его радость, что они насъ не пропустили. Я готовился съ разсвѣтомъ начать дѣйствіе, и предвидѣлъ ощутительную потерю, по трудности всхода на гору. Нельзя было отступленіемъ ободрить непріятеля. Въ первый разъ въ странѣ сей появились Русскія войска, и съ ними Главный Начальникъ. Горскіе народы

смотрѣли со вниманіемъ на происшествія, и малѣйшая со стороны нашей неудача, или дѣйствіе, которому бы можно было дать невыгодное истолкованіе, соединяло всѣхъ ихъ, и мгновенно имѣлъ бы я противъ себя большія силы; ибо въ сіе самое время всѣ Дагестанцы возвращались отъ города Башлы въ дома свои, гордые успѣхомъ, что принудили Генералъ-Маіора Пестеля къ отступленію.

Одинъ изъ проводниковъ, давній житель земли, хорошо знающій мѣста, объявляетъ, что въ четырехъ верстахъ есть дорога, которая, по трудности ея, оставлена жителями, но легко по оной можетъ взойти пѣхота, и вѣроятно, что непріятель или малыми силами, или небрежно, ее охраняетъ. Въ полночь на сію дорогу послалъ я одинъ баталіонъ съ тѣмъ, что если можетъ онъ взойти на вершину, то чтобы, занявъ находящійся на оной лѣсъ, присоединилъ къ себѣ составляющія резервъ двѣ роты и ими старался взвезти на гору два при нихъ бывшія орудія, а мнѣ немедленно далъ знать о успѣхѣ. Между тѣмъ, дабы развлечь вниманіе непріятеля со стороны хорошей дороги, гдѣ онъ ожидалъ насъ, производилась въ ночи перестрѣлка.

Бурная и чрезвычайно мрачная ночь посланному въ обходъ баталіону способствовала, пробираясь чрезъ густой лѣсъ, дойти непримѣтно до самыхъ непріятельскихъ карауловъ, которые были столько же нетрезвы, какъ и неосторожны.

Залпъ бывшихъ впереди стрѣлковъ, крикъ ура и барабанъ такой произвели страхъ, что непріятель разсѣялся, оставя на мѣстѣ все, что имѣлъ съ собою, и даже не мало оружія. При семъ случаѣ было у насъ только два раненыхъ солдата, и баталіонъ безпрепятственно овладѣлъ вершиною хребта; дорогу сію охранялъ братъ Аварскаго Хана довольно съ большимъ числомъ людей, но онъ бѣжалъ первый.

Всѣмъ прочимъ войскамъ приказалъ я туда слѣдовать: не менѣе сутокъ подымали мы на гору артиллерію нашу и обозы, но непріятель тотчасъ бѣжалъ со всѣхъ пунктовъ и не было противящагося.

Изъ нѣкоторыхъ близкихъ селеній явились старшины съ покорностію, между прочими изъ одного, гдѣ въ ту ночь главный

Кади Акушинскій съ 4000 человѣкъ имѣлъ ночлегъ свой. Они пришли въ помощь измѣннику Аварскому Хану.

Въ селеніи Параулъ не застали мы ни души, жители бѣжали изъ онаго, но войска нашли богатое продовольствіе и нѣкоторую добычу; отсюда на донесеніе Генералъ-Маіора Пестеля, что въ скорости не можетъ выступить къ городу Башлы, по неимѣнію провіянта и готовыхъ огнестрѣльныхъ запасовъ, повторилъ я, чтобы непремѣнно исполнено было прежнее мое предписаніе, и что, по обстоятельствамъ, весьма правдоподобно, что онъ ни какого не встрѣтитъ сопротивленія.

Надобно было разрушить сіе давнее гнѣздо разбойниковъ и намъ злодѣйски измѣнившихъ; наконецъ увѣдомился, что онъ вышелъ съ отрядомъ въ Башлы и что въ городѣ нашелъ весьма малое число жителей, которые, при появленіи войскъ, разбѣжались, и онъ безъ помѣшательства могъ зажечь городъ.

14-го числа Ноября, приблизились мы къ селенію Большой Джангутай, гдѣ дожидался насъ непріятель, занявшій лежащія впереди довольно крутыя возвышенія, на коихъ были сдѣланы окопы и засѣки. При самомъ началѣ сраженія, когда нельзя еще было хорошо осмотрѣть мѣстоположеніе, сдѣлался такой густой туманъ, что въ близкомъ разстояніи различать предметовъ было не возможно, и сіе необходимо, умедливъ наши успѣхи, могло не мало затруднить, ибо въ шести верстахъ находившійся съ 4 тыс. человѣкъ Кадій Акушинскій, могъ прійти совершенно въ тылъ намъ. И хотя взялъ я противъ того предосторожности, но, раздѣля силы, уменьшалъ число сражавшихся. Возвышенія были взяты на штыкахъ, но непріятель съ такою побѣжалъ поспѣшностію, что его могла догнать одна та часть войскъ, которая, съ лѣваго фланга обойдя, занимала уже часть селенія. Выбѣжавъ изъ селенія, встрѣченъ онъ былъ нечаянно Казаками, которые нанесли ему вредъ. Спасеніемъ своимъ совершенно обязанъ онъ туману; ибо мѣстоположеніе, какъ усмотрѣно послѣ, представляло удобность отрѣзать отступленіе и всѣхъ истребить. Потерю, однако же, имѣлъ онъ довольно чувствительную; Аварскій Ханъ въ семъ случаѣ не находился, братъ же его равномѣрно и здѣсь бѣ-

жалъ изъ первыхъ; съ нашей стороны ранено 3 Офицера и рядовыхъ убитыхъ и раненыхъ до 50-ти человѣкъ.

Селеніе большой Джангутай имѣло до 600 дворовъ, и въ немъ былъ домъ брата Аварскаго-Хана довольно обширный.

Все приказано истребить, кромѣ одной небольшой части селенія, которую оставили въ пользу пришедшимъ просить пощады жителей, которые, всего лишившись, должны были проводить зиму безъ пристанища. Отъ нихъ узнали мы многія подробности и что Гассанъ-Ханъ имѣлъ не мало войска, ибо въ помощь къ нему приходили живущіе по рѣкѣ Койсу народы.

На другой день послалъ я отрядъ разорить селеніе Малый Джангутай 200 дворовъ, но далѣе не пошелъ, ибо выпалъ глубокій снѣгъ и начались довольно сильные морозы. Старшины многихъ деревень пришли просить помилованія, и мнѣ приличествовало даровать пощаду.

Войска возвратились въ Параулъ, гдѣ въ хорошихъ квартирахъ дано имъ два дня отдохновенія.

Акушинцы отправились домой, Аварскій Ханъ ожидалъ отвѣта на присланное ко мнѣ письмо, въ которомъ, признаваясь виновнымъ въ глупомъ поведеніи своемъ, просилъ прощенія. Я отвѣчалъ ему, что нѣтъ подлымъ измѣнникамъ прощенія, что онъ лишился чина своего и жалованья.

Онъ тотчасъ уѣхалъ въ Аварское Ханство, а я, въ прокламаціи описавши подлую его измѣну, именемъ Императора лишилъ его чина Генералъ-Маіорскаго и получаемаго имъ 5 тыс. рублей серебромъ жалованья.

Въ Параулѣ истребленъ домъ сего измѣнника, строеніе огромное и изрядное. Селеніе осталось сохранено, ибо въ землѣ сей хотѣлъ имѣть я людей благодарныхъ.

Изъ Параула пошелъ я на Карабудагъ-Кентъ принадлежащее Шамхалу большое селеніе и противъ него бунтовавшее. Все трепетало отъ страха, жители вышли войскамъ на встрѣчу.

Собраннымъ старшинамъ и жителямъ истолкованы обязанности повиновенія Шамхалу, прощено прежнее преступленіе, по просьбѣ его, но, въ примѣръ справедливой строгости, повѣшенъ, при всѣхъ, одинъ изъ здѣшнихъ измѣнниковъ, семейство его выгнано изъ селенія, домъ разоренъ до основанія.

Во владѣніяхъ Шамхала водворилось совершенное спокойствіе и тишина. Въ Карабудагъ-Кентѣ въ первый разъ увидѣлся я съ Шамхаломъ, который только что возвратился изъ Дербента.

Привыкши слышать о пышности многихъ изъ моихъ предмѣстниковъ, видѣвъ нѣкоторое великолѣпіе, когда съ войсками отца своего находился онъ при Генералъ-Аншефѣ Графѣ Зубовѣ, въ походѣ противъ Персіянъ, онъ удивлялся неприхотливой жизни моей и простой одеждѣ солдата. Короче познакомившись со мною, онъ признался, что имѣлъ сомнѣніе, чтобы я былъ настоящій начальникъ, но что пришла ему мысль, что подъ именемъ своимъ прислалъ я другаго Генерала. Всякія нелѣпости находятъ мѣсто въ головахъ здѣшнихъ жителей!

Въ городѣ Тарки пробылъ я три дня. Шамхалъ доволенъ былъ приведеніемъ въ покорность земли его, увѣрился, что готовъ помогать я ему во всякомъ возможномъ случаѣ. Онъ желалъ, чтобы, для охраненія его, часть войскъ расположена была въ городѣ, ибо опасался онъ Акушинцевъ и брата Аварскаго Хана.

Имѣя другія намѣренія, не могъ я удѣлить войскъ, и по тому совѣтовалъ ему стараться подвластныхъ своихъ въ такомъ расположеніи удерживать, чтобы они готовы были на его защиту, склонялъ его до нѣкотораго времени не раздражать Акушинцевъ и возобновить связи, которыя прежде имѣлъ онъ между ими, не щадя нѣкоторыхъ для того издержекъ.

Шамхалъ скупостію своею потерялъ людей, ему доброжелательствовавшихъ; ибо, по обычаямъ земли, чѣмъ знатнѣе владѣтель, тѣмъ большее число долженъ имѣть приверженцевъ, которые не иначе пріобрѣтаются, какъ подарками и деньгами. Акушинцы же издавна сими единственно средствами всѣми прежними Шамхалами удерживаемы были на своей сторонѣ.

Поручилъ Шамхалу, по связямъ близкаго родства его съ Уцмеемъ, внушать сему послѣднему, чтобы не измѣнилъ обязанностямъ вѣрноподданнаго Государю, и старался обратить къ повиновенію возмутившіяся его владѣнія, и, буде можетъ, чтобы наказалъ дерзнувшихъ поднять противъ насъ оружіе, въ особенности лежащія на плоскости Терекешинскія селенія.

30-го Ноября возвратился я на Линію и переправился чрезъ Терекъ къ Старогладковской станицѣ, откуда войска отпущены на назначенныя имъ квартиры. Въ семъ году были они на работѣ при крѣпости Грозной и въ походѣ съ ряду 7 мѣсяцевъ. Государю Императору донесъ я, что лично, видѣвъ положеніе Андреевскихъ, Костековскихъ и Аксаевскихъ владѣній, нахожу необходимымъ устроеніе крѣпости при селеніи Андреѣ, которое, производя богатый торгъ, удовлетворяетъ всѣмъ необходимымъ потребностямъ Горцевъ, и что сихъ послѣднихъ со временемъ, не употребляя оружія, но одними нуждами ихъ, можно будетъ содержать въ зависимости; что крѣпость сія на спокойствіе лѣваго фланга Кавказской Линіи будетъ имѣть не малое вліяніе, и довелъ также до свѣдѣнія, что старшаго Андреевскаго владѣльца или Князя, по неспособности его и невоздержному поведенію, перемѣнилъ я другимъ, испытанной къ намъ приверженности.

Командующему въ крѣпости Грозной приказано въ зимнее время порубить лѣсъ, покрывающій ущелье Ханъ-Кале, чрезъ которое проходитъ лучшая и кратчайшая дорога ко всѣмъ большимъ Чеченскимъ деревнямъ. Для сообщенія отъ Терека до сей крѣпости, при селеніи Старый Юртъ, устроенъ редутъ, и въ немъ расположена рота. Всѣмъ владѣльцамъ лежащихъ по правому берегу Терека деревень дано наставленіе не терпѣть у себя вредныхъ людей, не пропускать чрезъ земли свои хищниковъ и выставить въ извѣстныхъ мѣстахъ караулы.

Начертаны правила самыя строгія, коими руководствоваться должны начальники воинскіе, въ отношеніи къ владѣльцамъ, какимъ сіи послѣдніе обязаны имъ послушаніемъ и подвластные ихъ повинностями. Вмѣсто дани постановлено, по наряду начальниковъ, высылать на службу людей съ собственнымъ вооруженіемъ и на своемъ содержаніи.

Еще не было примѣра, чтобы кто заставить могъ Чеченцевъ употреблять оружіе противъ своихъ единоземцевъ, но уже сдѣланъ первый къ тому шагъ, и имъ внушено, что того всегда отъ нихъ требовать будутъ. Прекраснѣйшія земли и другія выгоды, коими они пользуются, и боязнь, съ потерею ихъ, подвергнуться бѣдности, которую претерпѣваютъ непокорствующіе, строго преслѣдуемые, вынуждаютъ со стороны ихъ сіе повиновеніе.

Въ продолжительное отсутствіе мое прибыли изъ Россіи Виртембергскіе колонисты, въ числѣ 500 семействъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, по неосмотрительности, препроводилъ ихъ тогда, какъ не только не сдѣлано было ни какихъ, для водворенія ихъ, пріуготовленій, даже не было достаточно казенной земли для нихъ. Старшины сихъ колонистовъ представили прошеніе свое Государю, во время его путешествія, и ему угодно было приказать, чтобы они отправили ко мнѣ нѣсколько человѣкъ, которые бы могли предварительно узнать, какія предложу я имъ для поселенія земли, и найдутъ ли они ожидаемыя ими выгоды? Они пріѣзжали въ Грузію, все разсматривали въ подробности, но прежде нежели увѣдомить могли свое общество о сдѣланныхъ наблюденіяхъ, на возвратномъ пути своемъ нашли оное на Кавказской Линіи. Колонисты, не ожидая ни какихъ извѣстій, отправились въ слѣдъ за ними. Большую часть изъ нихъ застигло въ городахъ холодное время, надобно было снабдить ихъ теплою одеждою, недостатокъ способовъ къ препровожденію ихъ черезъ горы умедлилъ движеніе ихъ, люди испытали болѣзни, много пало скота, и колонисты, вмѣсто обѣщаній Правительству не требовать ни какихъ пособій, стоили оному однимъ своимъ доставленіемъ около милліона рублей, включая вспоможеніе, данное нѣкоторымъ семействамъ на обзаведеніе.

Я, желая дать Грузинамъ примѣръ хозяйственнаго порядка и показать праздным и развратнымъ жителямъ здѣшней страны, какимъ благосостояніемъ обязанъ бываетъ поселянинъ своему трудолюбію, желая упорствующихъ въ невѣжествѣ своемъ познакомить съ нѣкоторою, имъ незнакомою, промышленностію и домашними издѣліями, могущими служить къ ихъ обогащенію, выписалъ тридцать семействъ колонистовъ, изыскивая тѣхъ изъ жителей Германіи, которые, при испытанной нравственности, отли-

чаются порядкомъ домашняго устройства. Министръ доставилъ мнѣ первыхъ, ему попавшихся, и я не достигъ своей цѣли. Но такого количества, въ каковомъ прибыли колонисты, я никогда не желалъ, а еще менѣе могъ быть довольнымъ, нашедши ихъ секты Сепаратистовъ, безъ всякой нравственности, преданныхъ разврату, невоздержныхъ, небережливыхъ и праздныхъ.

Многіе изъ нихъ бывали солдатами въ числѣ контингента, который давалъ Рейнскій Союзъ Наполеону.

Надѣленіе землями колонистовъ тѣмъ большее представляло затрудненіе, что не было достаточно оныхъ на лѣвомъ берегу Куры, гдѣ желалъ я расположить ихъ поселенія, дабы въ безопасности сохранить заведенія, большихъ казнѣ издержекъ стоящія.

На правомъ же берегу нѣтъ благонадежныхъ средствъ огражденія, въ случаѣ войны съ Персіянами, или Турками, ибо для разоренія поселеній не нужны значительныя силы, которыя всегда почти отразить возможно, недостаточно набѣга конной партіи, отъ чего остеречься рѣшительно нѣтъ способовъ, по множеству у непріятелей конницы, по множеству дорогъ. И такъ Колонисты, по необходимости, поселены на правомъ берегу, чего не должно было случиться, если бы прежде нежели прислать ихъ въ большомъ, не соразмѣрно способамъ, количествѣ, спрошено было мнѣніе мѣстнаго Начальства.

Во время пребыванія моего на Кавказской Линіи проѣхалъ въ С.-Петербургъ и возвратился обратно Чиновникъ, посыланный отъ Шаха Персидскаго съ письмами и подарками къ Высочайшему Двору. Желая предупредить о семъ Министерство, я приказалъ открыть письма и сдѣлать имъ переводъ, удержавъ нѣкоторое время Чиновника. Ему представлено было, что то же самое сдѣлано было съ письмомъ моимъ, прежде нежели представили его Шаху. Письма и подарки были только предлогомъ, но Чиновнику сему поручено было просить о признаніи Аббасъ-Мирзы наслѣдникомъ Персіи, чего не сдѣлалъ я, бывши тамъ въ качествѣ Посла.

Причины сего и сдѣланныя мною по сему предмету представленія не найдены уважительными, хотя, между прочимъ, замѣчалъ я, что не приличествуетъ взять въ защиту сторону не пра-

вую, ибо Шахъ избралъ наслѣдника вопреки закона земли, предоставляющаго право старшему изъ сыновей, и Аббасъ-Мирза признанъ наслѣдникомъ, о чемъ объявило мнѣ Министерство, спустя десять мѣсяцевъ, совѣстясь, быть можетъ, основательныхъ моихъ возраженій! Достойный сей наслѣдникъ съ удовольствіемъ окружаетъ себя всѣми вредными для насъ мошенниками, въ безпрерывномъ сношеніи съ обитателями Кавказа, возбуждая ихъ противъ насъ и расточая на то деньги. Ласкаетъ и осыпаетъ дарами недовольныхъ Правительствомъ, или недоброжелательствующихъ оному.

Въ началѣ сего года представленъ мною Императору проектъ системы крѣпостей для здѣшняго края.

Главнѣйшихъ предположено пять крѣпостей:

Въ Редутъ-Кале, на берегу Чернаго моря, гдѣ складъ привозимыхъ изъ Россіи, провіянта для войскъ, находящихся въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, для нихъ воинскихъ припасовъ и всѣхъ вообще потребностей, и въ которомъ мѣстѣ единственная, хотя весьма небезопасная, пристань для торговли, со временемъ могущей разспространиться.

Въ Гумри, на границахъ съ Турціею и Персіею, откуда въ сію послѣднюю удобнѣйшій путь во всякое время года, и здѣсь устроенная крѣпость закрываетъ дороги въ Грузію.

Въ Карабагскомъ Ханствѣ, ближе къ Араксу, сколько для защиты земли, столько на случай дѣйствій противъ самой открытой и менѣе удобной къ оборонѣ части Персіи.

Въ оставленномъ городѣ Старой Шамахѣ, для закрытія дорогъ идущихъ къ Дагестану, который удобно возмутить, давъ ему нѣкоторое пособіе войсками, то есть, дѣйствуя оными противъ Кубинской Провинціи.

На урочищѣ Гарцилсалъ, для охраненія единственнаго сообщенія съ Россіею чрезъ Кавказскія горы.

Крѣпость сія предполагается необходимою въ такомъ случаѣ, если бы соединеннымъ усиліямъ сосѣдей нашихъ противостать не имѣли мы средствъ и Грузія должна была подпасть власти ихъ.

Обладаніе сіе будетъ мгновеннымъ, ибо непріятель не въ состояніи употребить, для удержанія оной, достаточныхъ силъ во всегдашней готовности, которыхъ бы порознь не могли мы преодолѣть. Особенно же имѣя за собою свободный входъ въ Грузію, котораго отнять нѣтъ ни какой возможности.

Проекты сихъ крѣпостей и смѣты должны быть разсмотрѣны Инженернымъ Департаментомъ и взнесены на утвержденіе Государю.

Меньшія или втораго разряда крѣпости, смотря по обстоятельствамъ, устрояются, или уничтожаются, по распоряженію Главнаго въ здѣшней странѣ Начальника.

Для обороны сихъ крѣпостей предлагалъ я, независимо отъ дѣйствующихъ войскъ, составить особенные гарнизоны на равныхъ преимуществахъ съ армейскими полками, съ тѣмъ, чтобы часть оныхъ была подвижною и во всегдашней готовности для защиты края, ибо не всѣ вдругъ крѣпости могутъ быть угрожаемы непріятелемъ. Обозы для оныхъ предположены были чрезвычайно умѣренные, слѣдовательно, мало лошадей, и по тому издержекъ.

Одежду для солдатъ предлагалъ я болѣе съ климатомъ согласованную, различествующую отъ теперешней, по всюду единообразной и для знойной Грузіи и для Камчатки ледовитой. На случай, если бы не скоро былъ разсмотрѣнъ проектъ мой, или бы совершенно не удостоился одобренія, просилъ я усилить корпусъ тремя полками пѣхоты и двумя ротами легкой артиллеріи.

Въ то же самое время сдѣлано Государю представленіе, чтобы, если присланы будутъ изъ Россіи два баталіона пѣхоты, то, успокоивъ совершенно Абхазію, можно будетъ для Черноморскаго флота доставить неистощимые корабельные лѣса найлучшаго качества. Въ примѣръ поставлены строющіяся при тамошнихъ берегахъ большія купеческія суда Турецкихъ подданныхъ, по тому что нигдѣ за столько ничтожную цѣну сдѣлать таковыя невозможно. Предположено въ бухтѣ, именуемой Пицунда, лучшей по всему Восточному берегу Чернаго моря, сдѣлать заведеніе, въ которомъ бы хранились заготовляемые лѣса для отправленія по назначенію.

Охраненіе сего заведенія, какъ и устроеніе на границѣ Абхазіи крѣпостцы при урочищѣ Гогра, для пресѣченія пути, отъ стороны Анапы, дѣлающимъ набѣги Горцамъ, подданнымъ Порты, долженъ возлежать на сихъ двухъ баталіонахъ, и по расчету, ихъ для того весьма достаточно.

Дорогою, чрезвычайною цѣною поставленный въ Черноморское Адмиралтейство корабельный лѣсъ, долженъ проектъ сей сдѣлать заслуживающимъ особенное вниманіе.

Декабря 25 дня возвратился я въ Тифлисъ.

Въ Грузіи, въ продолженіи лѣта, Лезгинами дѣлаемы были набѣги на Кахетію, но повсюду были отражены и чувствительнаго вреда не причинили. Живущіе въ Ахалцыхскомъ Пашалыкѣ, семьями поселившіеся Лезгины, дѣлали въ Карталиніи хищничества. На письма, заступающаго мѣсто мое, Генералъ-Лейтенанта Вельяминова 1-го, отзывался Паша Ахалцыхскій, что вышлетъ ихъ на прежнія жительства въ горы.

Въ Ханствахъ было покойно. Въ Шекинскомъ озлобленные прежними поступками Хана жители, явную оказывали къ нему ненависть, и я долженъ былъ употреблять мѣры, для удержанія ихъ въ послушаніи. Ханъ строгимъ наблюденіемъ опредѣленнаго мною Пристава содержимъ былъ въ предѣлахъ умѣренности. Жители довольны были защитою Правительства, ибо посланъ былъ отъ меня Штабъ-Офицеръ для понужденія Хана удовлетворить ихъ за присвоенное несправедливо имущество, за прихотливо наложенные на нихъ денежные штрафы, и взысканіе сіе простиралось до ста тысячъ рублей ассигнаціями.

Мустафа-Ханъ Ширванскій способствовалъ живущимъ въ горахъ, бѣглому Царевичу Александру и измѣннику Шихъ-Али-Хану Дербентскому, въ тайныхъ ихъ съ Персіею сношеніяхъ, пропускалъ чрезъ земли свои посланцевъ отъ Горскихъ народовъ, и симъ Персія обѣщевала или дать деньги, или умноживъ на границѣ свои войска, заставить насъ развлечь силы наши, и тѣмъ доставить средства Дагестанцамъ производить опустошеніе въ нашихъ Провинціяхъ.

Замыслы сіи принадлежатъ Аббасъ-Мирзѣ, но въ исполненіе приводилъ ихъ находящійся при немъ Каймакамъ Мирза Бюзюркъ, который, образуя его въ юности и въ послѣдствіи сохранивъ надъ нимъ вліяніе, совершенно управлялъ имъ.

По наружности же Мустафа-Ханъ старался казаться приверженнымъ, и я не имѣлъ до сего средствъ изобличить его въ поведеніи, хотя многія весьма подробности о измѣнническихъ поступкахъ его сообщены мнѣ были однимъ изъ Чиновниковъ его, служившимъ въ походѣ въ Дагестанъ.

Сурхай-Ханъ Казыкумыцкій, самый хитрѣйшій изъ Мусульманскихъ владѣтелей и ненавидящій Русскихъ, возбуждалъ противъна съ Дагестанскіе народы, но, сохраняя видъ доброжелательствующаго намъ, не разъ писалъ ко мнѣ, что оскорбляется, оставаясь безъ воздаянія за непоколебимую вѣрность. Со всѣми ими былъ я въ пріязненной перепискѣ, во ожиданіи удобнаго случая воздать каждому по заслугамъ.

Въ самомъ городѣ Тифлисѣ начинали оказываться нѣкоторыя перемѣны. Сколько можно расширялися улицы, разореніемъ строеній грозящихъ паденіемъ, учреждались площади и возводились какъ казенныя, такъ и нѣкоторыя частныя зданія, лучшія прежнихъ. Я приказалъ разрушить обветшалыя и ни къ чему не надобныя городскія стѣны, дабы соединить форштадтъ, на которомъ, по привычкѣ страшиться прежнихъ безпокойствъ, жители ни какъ не хотѣли поселяться. Противъ меня былъ ужаснѣйшій въ городѣ ропотъ, и дѣйствія мои называли прихотливыми. Такъ бранили меня за Армянское старое кладбище, находившееся въ лучшей части города, которое велѣлъ я обратить въ площадь, но на сей площади менѣе нежели чрезъ двѣ недѣли хорошо расположенная иллюминація, поставленная музыка и пѣсенники, привлекли множество народа, и порицавшіе меня перестали быть недовольными моимъ распоряженіямъ. Надѣяться можно, что городъ приметъ другой видъ, и даже въ скоромъ времени могло бы сіе послѣдовать, если бы здѣшнее Дворянство не было чрезвычайно запутано въ своихъ дѣлахъ и весьма бѣдно.

Для возведенія казенныхъ зданій пожаловано было Императоромъ, по представленію моему, сто тысячъ рублей мѣдною мо-

етою, которая при моемъ предмѣстникѣ, Генералѣ Ртищевѣ, при-
лана была для мелочной войскамъ раздачи; ибо мѣдь обращалась
дѣсь въ выгодномъ весьма курсѣ. Такъ же сто тысячъ рублей
ссигнаціями (въ червонцахъ), которыя представилъ я въ казну,
о возвращеніи изъ Персіи, сбереженныя отъ суммъ, на содер-
жаніе Посольства отпущенныхъ.

Предположивъ въ семъ году отправиться на Кавказскую Ли-
нію, сдѣлалъ я порученіе объ изысканіи новой дороги изъ Гру-
зіи въ Имеретію, или исправленія прежней, для движенія тягостей.

Изъ Нухинскаго Ханства посылано было нѣсколько человѣкъ
ля изслѣдованія о дорогѣ на Кубинскую Провинцію, чрезъ вѣтвь
горъ, отдѣляющуюся отъ Кавказа и вообще называемую Солватъ.
По тому же предмету производились изысканія и отъ стороны Кубы.

Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Капитана Муравьева 4-го
назначилъ въ экспедицею, для обозрѣнія восточнаго берега Кас-
пійскаго моря, собранія свѣдѣній о народахъ Туркменскихъ, по
оному обитающихъ, объ ихъ количествѣ, торговлѣ, промышленно-
сти и о прочемъ.

Ему поручено было изыскать удобную для судовъ пристань
и мѣсто для устроенія крѣпости и, буде нѣтъ особенной опасно-
сти въ переѣздѣ степи, отдѣляющей Хиву отъ моря, отправиться съ
письмами отъ меня къ Хивинскому Хану, на каковый случай далъ
и Капитану Муравьеву приличные подарки и приказалъ употре-
бить возможныя убѣжденія въ дружественномъ росположеніи къ
Хану Россійскаго Правительства, и сколько торговля, обезпеченная
отъ набѣговъ живущихъ на степи народовъ, можетъ принести
взаимныхъ выгодъ.

Основаніе торговаго заведенія на Восточномъ берегу было
мнѣніемъ Адмирала Николая Семеновича Мордвинова, предложен-
нымъ имъ на разсмотрѣніе Комитета Министровъ, отъ коего и
получилъ я оное при отъѣздѣ въ 1816 году въ Грузію, дабы, при
удобномъ случаѣ, собралъ я нужныя по сему предмету свѣдѣнія
и ихъ представилъ.

Что же касается до сношеній съ Ханомъ Хивинскимъ, я на-
чалъ ихъ самъ, разсуждая, что, не имѣя нѣкоторыхъ познаній о

самой землѣ, съ которою намѣреваемся распространить торговыя связи, не можно съ вѣрнымъ расчетомъ приступить къ оными, и еще менѣе рѣшиться на заведенія, требующія отъ казны издержекъ не мало значащихъ. Сношенія отъ имени моего предпринялъ по тому, что зналъ своебычный и гордый характеръ Хана, и что скорѣе мнѣ приличествовало снести, нежели самому Правительству, если бы онъ сдѣлалъ гордый и дерзкій отзывъ, который могъ послѣдовать, по его понятію о своемъ могуществѣ и въ надеждѣ на огражденіе степями непреодолимыми. Къ тому жь имѣлъ я въ предметѣ живущихъ въ Персіи Англійскихъ Индійской Компаніи Чиновниковъ, которымъ посланная отъ Правительства экспедиція могла наводить сомнѣніе, а отъ меня отправленный Офицеръ ни малѣйшихъ не возбуждалъ подозрѣній, особенно когда я нарочно не скрылъ о томъ и писалъ къ Персидскому Министерству, чтобы суда наши приняты были дружественно, если имъ случится зайти въ Астарабатъ.

Берегъ восточный Каспійскаго моря со временъ Петра Великаго обращалъ на себя вниманіе, и есть довольно хорошее описаніе онаго нашими Офицерами, но о пути въ Хиву по сему направленію, и собственно о самой землѣ, не могъ я ни чего сообщить Капитану Муравьеву въ руководство.

Въ письмахъ моихъ къ Хану употреблены скромныя выраженія собственно на счетъ мой, на примѣръ: Великій и Могущественный Главнокомандующій, и тому подобное. Долго писалъ я обыкновеннымъ образомъ, но примѣтилъ, что здравое сужденіе не столько внятно здѣшнимъ народамъ, какъ пышныя глупости.

Отъ Шамхала Тарковскаго и Военнаго Начальника въ Кубинской Провинціи получалъ я извѣстія, что Акушинцы возмущаютъ сосѣдственные имъ Дагестанскіе народы, и въ особенности наказанныхъ въ прошедшемъ году жителей Мехтулинской Области, обращая сихъ послѣднихъ на Шамхала; что Башлынцы живутъ по прежнему въ городѣ, въ надеждѣ, что Акушинцы защитятъ ихъ, если бы Русскіе вздумали ихъ выгнать; что владѣнія Уцмія Каракайдацкаго готовы къ возмущенію, хотя самъ онъ ни мало не примѣченъ въ участіи; что идущіе отъ Дербента на Линію тор-

говые караваны подвергаются грабежу, и уже нѣтъ безопаснаго сообщенія.

Словомъ, видна была необходимость наказать Акушинцевъ, которыхъ самонадѣянность и дерзости начинали быть несносными.

По поводу сего, повторивъ представленіе о прибавленіи войскъ, я, въ рапортѣ моемъ, отъ 12-го Февраля, писалъ слѣдующее:

«Государь! Внѣшней войны опасаться не можно. Голова моя должна отвѣтствовать, если вина будетъ со стороны нашей. Если сама Персія будетъ причиною оной, и за то отвѣтствую, что другой на мѣстѣ моемъ не будетъ имѣть равныхъ со мною способовъ. Государь, употребивъ меня въ качествѣ посла, далъ мнѣ средства имѣть тѣ свѣдѣнія, о землѣ, которыя другой долго собрать не можетъ.

Видѣлъ я, какихъ стоитъ Персіи усилій одна Хорасанская Провинція, въ которой не можетъ въ продолженіи девяти лѣтъ погасить возгорѣвшееся пламя мятежа, и Хорасанъ не повинуется.

Въ мое пребываніе въ Султаніи, и можно сказать подъ моими глазами, съ поспѣшностію отправлены были войска на мѣсто истребленныхъ Хорасанцами. Не укрылся отъ меня ропотъ подданныхъ на безпутное управленіе, на изнуряющіе налоги; знаю, что не встрѣтимъ сопротивленія со стороны жителей пограничныхъ Провинцій, напротивъ ожидать можемъ пособій.

Сіи свѣдѣнія составляютъ преимущество мое надъ тѣми, которые займутъ мое мѣсто, и она обратится во вредъ ей. Внутреннія безпокойства гораздо для насъ опаснѣе. Горскіе народы примѣромъ независимости своей въ самыхъ подданныхъ Вашего Императорскаго Величества пораждаютъ духъ мятежный и любовь къ независимости. Теперь средствами малыми можно отвратить худыя слѣдствія; нѣсколько позднѣе и умноженныхъ будетъ не достаточно. Въ Дагестанѣ возобновляются безпокойства, и утѣсняемы хранящіе Вамъ вѣрность! Они просятъ справедливой защиты у Государя Великаго, и что произведутъ тщетныя ихъ ожиданія?

Защита сія не состоитъ въ безславномъ разсѣяніи и наказаніи мятежниковъ, ибо они появляются послѣ, но необходимо меж-

ду ими пребываніе войскъ, и сей есть единственный способъ смирить ихъ.

Народъ Дагестанскій, Акушинцы, о коихъ доносилъ я прежде, виною всѣхъ безпокойствъ, и такъ далеко простирается его дерзость, что если Вашего Величества и не будетъ Высочайшаго соизволенія на дополненіе корпуса, я долженъ непремѣнно итти для наказанія сего народа, и мнѣ, Государь, не за себя страшиться надобно будетъ. Иначе Кубинская богатѣйшая наша Провинція можетъ быть угрожаема нападеніемъ, и за ея непоколебимость отвѣтствовать не можно. Теперь уже нѣтъ у насъ сообщенія вѣрнаго Кавказской Линіи съ Дербентомъ, пресѣклась торговля отъ расхищенія каравановъ и убійства торгующихъ. Такъ было и прежде, и, конечно, ни чего не будетъ хуже того, что было при послѣднихъ моихъ предмѣстникахъ, но не въ моихъ правилахъ терпѣть, чтобы власть Государя моего была не уважаема разбойниками, и чтобы народы покорствующіе вотще надѣялись на его защиту.»

Начальникомъ въ Дагестанѣ опредѣлилъ я Генералъ-Маіора Барона Вреде, на мѣсто Генералъ-Маіора Пестеля, которому выпросилъ отпускъ съ состояніемъ по арміи. О немъ узналъ я, что, во время пребыванія его въ городѣ Башлы съ отрядомъ войскъ, онъ рѣдкій день не былъ пьянъ, жителей города не только не умѣлъ содержать въ должномъ повиновеніи и не видѣлъ, что они вывозятъ семейства свои и имущество и явное имѣли съ непріятелемъ сношеніе, но, сверхъ того, раздражалъ ихъ самымъ оскорбительнымъ распутствомъ. Старшимъ по немъ Чиновникомъ былъ Командиръ Севастопольскаго пѣхотнаго полка, Подполковникъ Рябининъ, во всѣхъ его упражненіяхъ лучшій ему товарищъ; оба они не были при войскахъ въ сраженіи, Генералъ-Маіоръ же Пестель замѣченъ еще весьма робкимъ, и даже внѣ опасности не способнымъ распоряжать, и если бы не управляли войсками артиллеріи Подполковникъ Мищенко и Маіоръ Износковъ, командующій баталіономъ, то могли они испытать величайшую потерю и быть совершенно разбитыми, и Генералъ-Маіору Пестелю дано было мѣсто и Подполковнику Рябинину полкъ, по найлучшимъ о нихъ свѣдѣтельствамъ, и таковыми обманутъ будучи, представилъ я ихъ обоихъ къ награжденію за сраженіе при Башлы.

Начальника Корпуснаго Штаба, Генералъ-Маіора Вельяминова, отправилъ я во Владикавказъ, приказалъ ему, проходя до крѣпости Грозной, осмотрѣть рѣку Сунжу и лежащія на ней временныя укрѣпленія, Надзрановскій редутъ при Ингушевскихъ селеніяхъ и преградный станъ, построенный Генералъ-Маіоромъ Дельпоццо, по моему разрѣшенію. Далѣе долженъ онъ былъ видѣть прорубленную чрезъ урочище Ханъ-Кале дорогу, и потомъ, собравъ на Кавказской Линіи войска и переправясь у Шелководскаго селенія за рѣку Терекъ, слѣдовать къ городу Андреи, гдѣ на устроеніе крѣпости имѣлъ уже я Высочайшее соизволеніе.

Въ продолженіи зимы приказано было старшему Андреевскому Князю заготовить лѣсъ для строеній, за чѣмъ обязанъ былъ наблюдать и Главный Приставъ; но нѣкоторые изъ жителей, обыкшіе къ своевольствамъ, не желая исполнить сей первой для нихъ повинности, и прочихъ отъ послушанія отвратили.

Прибывши съ войскомъ, Начальникъ Корпускаго Штаба привелъ все въ должный порядокъ, и начались нужныя къ работамъ пріуготовленія.

Я остался въ Грузіи, по случаю нѣкоторыхъ безпокойствъ въ Шамшадпльской дистанціи. Тамъ Агалары, недовольные введенными мною въ управленіи перемѣнами, наклоняли народъ къ возмущенію, дабы тѣмъ понудить меня оставить все на прежнемъ основаніи. Обширныя родственныя связи Шамшадильскаго Султана способствовали ему имѣть сильное вліяніе на большую часть простаго народа, и сей, по привычкѣ покорствовать ему, не вникнувъ въ выгоды новаго постановленія, умышленно толкуемаго ему въ превратномъ смыслѣ, такъ же приносилъ мнѣ просьбы объ отмѣнѣ онаго. Приближалось время, въ которое жители дистанціи удаляются на кочевья въ горы, къ самымъ границамъ Персіи; приносились слухи, что Султанъ намѣревается бѣжать и увлечь съ собою народъ.

Я приказалъ усилить войска, которыя обыкновенно высылаются для караула при кочевьяхъ, а Генералъ-Маіору Князю Мадатову взять подъ стражу Султана и одного изъ главнѣйшихъ Агаларовъ Казахской дистанціи, которые и отправлены на жи-

тельство въ Россію. Строгость водворила спокойствіе, и здѣшніе жители увидѣли примѣръ, что упрямство не всегда средство благонадежное противъ распоряженій Начальства.

Наконецъ, получилъ я Высочайшій Рескриптъ, коимъ одобрено предположеніе мое объ устроеніи въ здѣшней странѣ крѣпостей, безъ всякой перемѣны.

Проектъ о составленіи особенной обороны крѣпостей, независимо отъ дѣйствующихъ войскъ, не утвержденъ. Императоръ назначилъ новый комплектъ для полковъ Грузинскаго корпуса, и впредь каждый изъ нихъ, въ трехъ баталіонахъ состава своего, долженъ имѣть Унтеръ-Офицеровъ 300, рядовыхъ 3600 человѣкъ. Средніе баталіоны должны быть обращены на защиту крѣпостей.

Для укомплектованія по новому корпуса, вмѣсто рекрутъ, въ которыхъ всегда чувствительная отъ климата происходила потеря, назначены полки, и имъ дано повелѣніе расположиться въ ближайшихъ Губерніяхъ, откуда могъ я взять ихъ, когда надобно.

Полки сіи суть слѣдующіе:

Нѣхотные:	Апшеронскій Егерскіе	41
	Ширванскій.	42
	Куринскій.	43
	Тенгинскій	44
	Навагинскій.	—
	Мингрельскій.	—

Находившійся временно при корпусѣ 8-й Егерскій полкъ поступилъ такъ же въ укомплектованіе прочихъ.

Отъ прежнихъ полковъ корпуса должны составиться кадры и отправиться для сформированія въ Россіи полковъ.

Изъ Штабъ и Оберъ-Офицеровъ, не исключая самихъ Командировъ полковъ, предоставлено мнѣ было оставить въ Грузіи тѣхъ, кои могли мнѣ быть нужными.

Назначены были, сверхъ того, двѣ легкія артиллерійскія роты. Государь приказалъ во всѣхъ войскахъ перемѣнить старое и

къ употребленію не годное оружіе. Было еще таковое со временъ покойной Екатерины II.

Состоявшій въ корпусѣ Грузинскій гарнизонный изъ 2-хъ баталіоновъ полкъ уничтоженъ.

При семъ умноженіи корпуса имѣлъ я случай отправить съ кадрами Офицеровъ не столько здѣсь нужныхъ, или которые желали возвратиться въ Россію, оставить здѣсь на службу способнѣйшихъ изъ прибывшихъ.

Государь преподалъ мнѣ большія средства къ приведенію дѣлъ здѣшней страны въ лучшее состояніе. Не взирая, однако же, на все количество пришедшихъ изъ Россіи войскъ, въ корпусѣ по новому положенію былъ изрядный недостатокъ до комплекта.

О сдѣланномъ мною предложеніи перемѣнить одежду солдатъ, приспособляя оную къ здѣшнему климату, вовсе умолчано.

17-го числа Іюня отправился я на Кавказскую Линію, и скоро прибылъ къ городу Андрей. Во владѣніяхъ Кумыцкихъ было покойно.

Къ устроенію крѣпости нельзя было приступить, по тому что мѣсто засѣяно было хлѣбомъ, и надобно было вырубать много весьма лѣса. Не прежде половины Іюля начались работы. Въ близи живущіе Чеченцы и народъ Ауха часто безпокоили отводные караулы лагеря.

Отрядъ войскъ состоялъ изъ 2-хъ бат. Кабар.
1-го бат. Троиц. } пѣхотныхъ пол.
3-хъ бат. 8-го Ег.

Одинъ изъ сихъ послѣднихъ составленъ былъ изъ прибывшихъ рекрутъ, которые ни на какую не употреблялись службу; баталіонъ же Троицкаго полка отдѣленъ былъ на прикрытіе чрезъ Терекъ переправы и сообщеніе съ Кавказскою Линіей.

Артиллеріи состояло 6 батарейныхъ
6 легкихъ. . .
4 конныхъ . . . } орудій.

Линейныхъ Казаковъ 300 человѣкъ.

Одна піонерная рота.

Состороны Кубинской Провинціи небольшою частію войскъ наблюдаемы были дороги, выходящія изъ Казыкумыцкаго Ханства, ибо явно было неблагонамѣренное поведеніе Сурхай-Хана, также обращали на себя вниманіе Табассаранцы, въ совершенномъ возмущеніи бывшіе.

Дабы съ помощію сихъ народовъ не могли Акушинцы сдѣлать нападеніе на Кубу, или разорить Ханство Кюринское, принадлежащее вѣрному намъ, Полковнику Асланъ-Хану, приказано, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Князя Мадатова, составить отрядъ изъ 1500 человѣкъ пѣхоты, 300 Казаковъ и 8-ми орудій артиллеріи; при немъ должна была находиться конница, собранная въ Ханствахъ Шекинскомъ, Ширванскомъ и Карабахскомъ. Она значительно могла усилить отрядъ, но между тѣмъ не меньшую приносила пользу, служа залогомъ въ поведеніи Хановъ. Неохотно приняли они сіе порученіе, но не смѣли его не исполнить. Мустафа же Ханъ Ширванскій не прислалъ ни одного изъ знатныхъ людей, или ему близкихъ.

Асланъ-Ханъ Кюринскій съ величайшимъ усердіемъ присоединилъ къ нашимъ войскамъ конницу свою и пѣхоту, которыя набрать могъ.

Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ, сдѣлавшій смѣлый маршъ въ самыя твердыя мѣста Табассарина, разбилъ мятежниковъ. Жители, пребывшіе вѣрными, много способствовали ему знаніемъ земли и дорогъ. Главный бунтовщикъ Эрсинскій, Абдула-Бекъ, зять бѣглаго Шихъ-Али-Хана, имѣвшій большое вліяніе въ народѣ, потерявъ имущество, бѣжалъ въ горы.

Жители города Башлы, ожидая наказанія, пригласили разные народы сосѣднихъ вольныхъ обществъ, и между ими отличающійся храбростію народъ, называемый Кабодерги, и въ силахъ довольно значительныхъ вознамѣрились защищать городъ, въ которомъ успѣли поправить почти всѣ строенія, въ прошедшемъ году Генералъ-Маіоромъ Пестелемъ разоренныя. Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ атаковалъ городъ, и жители, весьма не долго

защищавшись, разсѣялись. Домъ Уцмея и весь городъ разрушенъ до основанія. Уцмей, съ своей стороны, собравъ людей, ему при верженныхъ, войскамъ нашимъ содѣйствовалъ, но самъ лично, по недовѣрчивости, избѣгалъ случая быть при войскахъ.

Желая уничтожить въ немъ чувство недовѣрчивости и показать ему, сколько Начальство готово благотворить во всякомъ случаѣ людямъ, постояннымъ въ своихъ обязанностяхъ, приказалъ я отпустить сына его, живущаго въ Дербентѣ въ видѣ аманата. Лишь только получилъ онъ ето, тотчасъ съ нимъ и со всѣмъ семействомъ удалился въ верхній Каракайдакъ, который не оказывалъ намъ повиновенія.

Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ имѣлъ съ нимъ свиданіе, но не иначе, какъ поѣхавъ къ нему одинъ, тогда какъ онъ самъ окруженъ былъ толпою вооруженныхъ людей. Напрасны были старанія уговорить его, чтобы возвратился. Онъ обѣщевалъ быть въ вѣрности непоколебимымъ, но примѣтно было желаніе измѣнить. Вскорѣ потомъ, набравъ партію, дѣлалъ онъ набѣги на дорогу между Дербентомъ и Тарку, грабилъ проѣзжихъ и торгующихъ и вошелъ въ связи съ явными нашами врагами, думая, съ помощію ихъ, удержать за собою свои владѣнія.

Таковы были многихъ надежды на Дагестанъ и дотолѣ еще могущественныхъ Акушинцевъ. Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ, дѣлая съ отрядомъ движенія, не давалъ ему по близости вѣрнаго убѣжища. Родственники его, во враждѣ съ нимъ бывшіе и сильную въ народѣ имѣвшіе партію, дѣйствовали противъ него вмѣстѣ съ нами.

Они успѣли жителей города Башлы привести въ раскаяніе, и какъ они, равно жители селеній Терекеминскихъ, приняли присягу на подданство, и имъ позволено возвратиться на прежнее жительство.

Вмѣстѣ съ симъ лишился Уцмей всѣхъ своихъ доходовъ. Не было средствъ надѣлять наградами приверженцевъ, не изъ чего было составить войскъ, и тѣ, которые прежде обнадеживали въ помощи, видя его ничтожество, къ нему охладѣли. Прокламаціею

объявилъ я его измѣнникомъ, и что никто изъ фамиліи его впредь не будетъ Уцмеемъ.

Такимъ образомъ уничтожилось достоинство Уцмея, нѣсколько вѣковъ существовавшее въ большомъ между здѣшними народами уваженіи.

Въ теченіи Августа мѣсяца Аварскій Ханъ началъ собирать Горскіе народы, обѣщая имъ не только препятствовать намъ производить работы, но прогнать насъ за Терекъ и разорить Кизляръ: легковѣрные послѣдовали за нимъ, и ихъ составилось не менѣе 6, или 7, тысячъ человѣкъ. Онъ пришелъ къ селенію Боутугай, въ 16 верстахъ отъ Андрея, лежащему на рѣкѣ Койсу, и занялъ въ ущельѣ весьма твердое мѣсто, которое, сверхъ того, укрѣпилъ завалами и окопами. Чеченцы пришли ему на помощь; жители Кумыхскихъ владѣній готовы были поднять оружіе, изъ Андрея многіе изъ Узденей, отличнѣйшій классъ въ городѣ составляющихъ, съ нимъ соединились. Принадлежащія городу деревни, называемыя Салотавскими, намъ измѣнили; словомъ, все вокругъ насъ было въ заговорѣ.

Чеченцы сдѣлали нападеніе на табуны нашего отряда, и отогнали не менѣе 400 упряжныхъ лошадей артиллеріи и полкамъ принадлежащихъ. Недалеко отъ лагеря повсюду были непріятельскія партіи, сообщеніе съ Линіею удерживаемо было большими конвоями, отъ самаго агеря и до переправы на Терекѣ. Постъ на Сулакѣ, при селеніи Казіюртѣ, долженъ былъ я усилить двумя ротами и съ двумя орудіями, ибо Дагестанцы угрожали пройти прямѣйшею на Кизляръ дорогою.

Въ семъ положеніи производилъ я работы даже въ ночное время, при зажженныхъ кострахъ, спѣша сдѣлать укрѣпленія способными, къ какой ни будь оборонѣ, на случай нападенія до прибытія войскъ, которыхъ ежедневно ожидалъ я изъ Россіи.

Первый пришелъ ко мнѣ 42-й егерскій полкъ изъ Таганрога, и я, давъ ему самый краткій растахъ, въ ночь на 29 число Августа, выступилъ, чтобы атаковать Аварскаго Хана. Въ крѣпости, со всѣмъ еще не вооруженной, оставилъ я достаточный гарнизонъ и нѣсколько пушекъ.

Непріятель впереди позиціи своей встрѣтилъ мой авангардъ сильнымъ огнемъ и бросился съ кинжалами. Двѣ роты 8-го егерскаго полка, удивленныя сею, совсѣмъ для нихъ новою, атакою, отступили въ безпорядкѣ, но артиллерія удерживала стремленіе напавшихъ. Въ сіе время прибыли всѣ войска, и баталіонъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка, ударивъ въ штыки, все опрокинулъ, и если бы изрытыя и скрытыя мѣста не способствовали бѣгству непріятеля, онъ понесъ бы ужасную потерю, но скоро могъ онъ собраться позади своихъ окоповъ. Деревню Боутугай тотчасъ заняли наши войска. Я, избѣгая потери, не допустилъ атаковать окопы, но удовольствовался тѣмъ, что могъ стѣснить непріятеля въ горахъ, отрѣзавъ сообщеніе съ равниною, откуда получалъ онъ продовольствіе, увѣренъ будучи, что не долго въ таковомъ останется онъ положеніи. Перестрѣлки продолжались съ начала довольно горячія, но артиллерія наводила величайшій ужасъ, и непріятель смѣшнымъ образомъ прятался отъ оной.

Въ ночи на 3 число бѣжалъ съ неимовѣрною поспѣшностію и въ безпорядкѣ.

Въ слѣдъ за нимъ сдѣлалъ я одинъ маршъ въ горы, но уже догнать было не возможно.

Войска возвратились въ крѣпость, которой дано наименованіе Внезапная.

Между бѣгущими Лезгинами произошли драки и убійства. Возмутившіеся ожидали нашего наказанія. Салотавскія деревни просили пощады, на нихъ наложенъ штрафъ и ежегодная дань. Такимъ образомъ вдругъ въ пользу нашу обратились всѣ обстоятельства. Аварскій Ханъ бѣжалъ въ Аваръ, сопровождаемый проклятіемъ разорившихся.

Въ городъ Андрей, совершенно прежде оставленный, начали жители возвращаться, но главнѣйшіе изъ возмутителей подвергнуты конскрипціи.

Аксаевскихъ и Андреевскихъ владѣльцевъ наказалъ я за то, что безъ вѣдома ихъ не могли пройти Чеченцы, отогнавшіе лошадей нашихъ, что было доказано свѣдѣтелями, и они должны были доставить мнѣ равное число изъ собственныхъ лошадей. Такимъ образомъ вдругъ въ пользу нашу обратились всѣ обстоятельства.

Шамхалъ между тѣмъ, по наставленію моему, старался удерживать Акушинцевъ въ мирномъ расположеніи. Они пріѣзжали къ нему въ большомъ числѣ, подъ видомъ будто бы примирить его съ сосѣдями и заставить брата Аварскаго Хана возвратить захваченныя у него деревни, но точное намѣреніе ихъ состояло въ томъ, чтобы, пользуясь его боязнью, брать съ него подарки и деньги.

Шамхалъ имѣлъ осторожность не вѣрить обѣщаніямъ ихъ и обо всемъ давалъ мнѣ извѣстія, прося безпрестанно о помощи.

Еще прибыли полки: Апшеронскій къ отряду, Куринскій остановленъ до особаго назначенія на Линіи.

Отъ Генералъ-Лейтенанта Вельяминова 1-го получено извѣстіе о происшедшихъ въ Имеретіи безпокойствахъ. Причины оныхъ слѣдующія.

Экзархъ Грузіи, Ѳеофилактъ, опредѣленъ будучи для управленія духовной частію въ Грузіи и Имеретіи, не узнавъ подробно обстоятельствъ, сдѣлалъ представленіе Синоду о многихъ перемѣнахъ по ввѣренной ему части, въ слѣдствіе онаго уничтожалось значительное число церквей и приходовъ, коихъ причты оставались безъ должностей, въ ожиданіи размѣщенія на вакансіи. Перемѣны сіи были частію необходимы, ибо духовенство было въ числѣ чрезмѣрномъ, церкви въ бѣдности, и по тому безъ приличнаго благолѣпія; доходы безъ опредѣлительности, употребленія оныхъ безъ ясной отчетности. Перемѣны сіи, однако же, не весьма нравились, ибо въ числѣ духовенства въ здѣшней странѣ есть люди, принадлежащіе знатнѣйшимъ фамиліямъ, имѣющіе сильныя связи. Ихъ оскорбляла строгая подчиненность, уничтожившая прежнее ихъ значеніе; не менѣе огорчало то, что не могли они употреблять доходы безотчетно и въ свою пользу; но въ Грузіи не произвело сіе ни какихъ худыхъ слѣдствій, ибо Экзархъ призвалъ къ содѣйствію мѣстныя власти. Въ Имеретіи же людьми неблагонамѣренными между Дворянствомъ, паче же своимъ Духовенствомъ, преобразованіе управленія истолковано было возмутительнымъ образомъ, и простой народъ, въ невѣжествѣ своемъ найболѣе послушный оному, по сдѣланнымъ тайно внушеніямъ, не только во многихъ мѣстахъ не допустилъ посланныхъ отъ Экзарха коммиссаровъ для описанія церковнаго имущества, но угро-

жалъ онымъ, и они были даже въ опасности потерять жизнь. Митрополитъ Ѳеофилактъ, котораго не разъ предупреждалъ я, что нельзя приступить къ равнымъ перемѣнамъ, какъ по Грузіи, такъ и по Имеретіи, ибо въ сей послѣдней, по недавней ея зависимости, власти не въ полномъ дѣйствіи, и имъ не полное оказываемо повиновеніе, и что простой народъ, въ состояніи несравненно большаго невѣжества, нежели въ Грузіи, легко можетъ быть возбужденъ къ безпокойствамъ, и надобно будетъ прибѣгать къ мѣрамъ крайнимъ для укрощенія. Митрополитъ казался согласующимся съ моимъ мнѣніемъ, но думалъ, что присутствіемъ своимъ удалитъ всякій безпорядокъ и успѣетъ исполнить свое намѣреніе, ввести новое преобразованіе. Онъ отправился въ Имеретію и, пребывая въ Кутайсѣ, управлялъ дѣйствіями своихъ коммиссіонеровъ; но когда началъ народъ собираться толпами, власти въ округахъ учрежденныя, не въ состояніи будучи удержать его въ послушаніи и разсѣять скопища, удалились, и надобно было послать войска, для усмиренія ихъ, тогда Митрополитъ уѣхалъ обратно въ Грузію.

Поспѣшность обнаружила малодушіе его и робость, и онъ, угождая требованіямъ буйственнаго народа, приказалъ возвратить сдѣланное описаніе нѣкоторой части церковныхъ имѣній.

Генералъ-Маіоръ Сысоевъ успѣлъ безъ выстрѣла обратить жителей въ дома свои, и толпы разсѣялись.

Не взирая на сіе, примѣтно, однако же, было неудовольствіе народа, извѣстны были люди, возбуждавшіе его, и нельзя было сомнѣваться, что при малѣйшемъ случаѣ водворится мятежъ.

Я поспѣшилъ приходящіе полки изъ Россіи обратить на укомплектованіе войскъ, въ Имеретіи и Мингреліи расположенныхъ.

Митрополиту Ѳеофилакту сообщилъ, что нельзя оставить безъ исполненія Высочайше утвержденное преобразованіе, разъ уже приступивши къ оному; что всякое, въ подобномъ случаѣ, снисхожденіе народамъ непокорливымъ принято будетъ за слабость и даже боязнь Правительства, и можетъ имѣть весьма непріятныя послѣдствія.

Я объяснилъ ему необходимость взять двухъ старшихъ Имеритинскихъ Митрополитовъ, которые весьма ощутительно противились преобразованію и въ народѣ разсѣевали нелѣпое Высочайшей воли истолкованіе, самому ему, какъ Первосвященнику, не оказывая надлежащаго уваженія.

Оскорбленное самолюбіе горделиваго монаха одобряло мое намѣреніе. Я сообщилъ Генералъ-Лейтенанту Вельяминову 1-му о сдѣланіи распоряженія взять Митрополитовъ, сколько возможно, скромнымъ образомъ и менѣе возбуждая негодованіе народа. Въ особенности надлежало удалить Митрополита Путателя, явно ненавидящаго Россійское Правительство, чего онъ даже и скрывать не старался.

Давно извѣстны были поступки сего неблагонамѣреннаго человѣка, но Правительство боялось безпокойствъ въ Имеретіи, и по тому оставляло его совершенно въ дѣйствіяхъ свободнымъ.

По воспослѣдовавшей смерти Генералъ-Маіора Исмаилъ-Хана Шекинскаго, приказалъ я, для описанія Провинціи и доходовъ, отправиться артиллеріи Генералъ-Маіору Ахвердову и Правителю канцеляріи моей, Статскому Совѣтнику Могилевскому.

Издалъ прокламацію, что Ханство Шекинское навсегда принимается въ Россійское управленіе.

Приказалъ всю фамилію Хана отправить въ Елисаветполь, дабы не могла производить безпорядковъ; назначилъ всѣмъ членамъ оной на первый случай пристойное содержаніе, впредь до усмотрѣнія, какихъ вознагражденій они достойны за имущество, обращаемое въ распоряженіе казны.

Всѣмъ Персіянамъ, которые нѣкогда переселились съ отцемъ умершаго Хана, приказалъ я дать позволеніе возвратиться въ Персію, если у насъ остаться не пожелаютъ.

Удерживать ихъ я не старался; ибо они, будучи другой секты, у жителей Провинціи были въ ненависти, какъ не менѣе по тому, что, находясь при Ханѣ въ почетнѣйшихъ должностяхъ, озлобили народъ притѣсненіями.

Желая наказать Чеченцевъ, безпрерывно производящихъ раз-
бой, въ особенности деревни, называемыя Качкалыковскими жи-
телями, коими отогнаны у насъ лошади, предположилъ выгнать
всѣхъ ихъ съ земель Аксаевскихъ, которыя занимали они, съ на-
чала по условію, сдѣланному съ владѣльцами, а потомъ, усилив-
шись, удерживали противъ ихъ воли.

При атакѣ сихъ деревень, лежащихъ въ твердыхъ и лѣси-
стыхъ мѣстахъ, зналъ я, что потеря наша должна быть чувстви-
тельною, если жители оныхъ не удалятъ прежде женъ своихъ, дѣ-
тей и имущество, которыхъ защищаютъ они всегда отчаянно, и
что понудить ихъ къ удаленію женъ можетъ одинъ только при-
мѣръ ужаса.

Въ семъ намѣреніи приказалъ я войска Донскаго Генералъ-
Маіору Сысоеву съ небольшимъ отрядомъ войскъ, присоединивъ
всѣхъ Казаковъ, которыхъ по скорости собрать было возможно,
окруживъ селеніе Даданъ-юртъ, лежащее на Терекѣ, предложить
жителямъ оставить оное, и, буде станутъ противиться, наказать
оружіемъ, никому не давая пощады. Чеченцы не послушали пред-
ложенія, защищались съ ожесточеніемъ. Дворъ каждый почти
окруженъ былъ высокимъ заборомъ, и надлежало каждый штур-
мовать. Многіе изъ жителей, когда врывались солдаты въ дома,
умерщвляли женъ своихъ въ глазахъ ихъ, дабы во власть ихъ не
доставались. Многіе изъ женщинъ бросались на солдатъ съ кин-
жалами.

Большую часть дня продолжалось сраженіе самое упорное, и
ни въ одномъ доселѣ случаѣ не имѣли мы столько значитель-
ной потери; ибо, кромѣ Офицеровъ, простиралась оная убитыми
и ранеными до двухъ сотъ человѣкъ.

Со стороны непріятеля всѣ, бывшіе съ оружіемъ, истребле-
ны, и число оныхъ не менѣе могло быть четырехъ сотъ чело-
вѣкъ. Женщинъ и дѣтей взято въ плѣнъ до ста сорока, кото-
рыхъ солдаты изъ сожалѣнія пощадили, какъ уже оставшихся
безъ всякой защиты и просившихъ помилованія. (Но гораздо
больше оныхъ число вырѣзано было, или въ домахъ погибло отъ
дѣйствія артиллеріи и пожара). Солдатамъ досталась добыча до-

вольно богатая, ибо жители селенія были главнѣйшіе изъ разбойниковъ, и безъ ихъ участія, какъ ближайшихъ къ Линіи, почти ни одно воровство и грабежъ не происходили, большая же часть имущества погибла въ пламени. Селеніе состояло изъ 200 домовъ; 14 Сентября разорено до основанія.

30 числа Сентября я самъ пошелъ, съ 6-ю баталіонами и 16 орудіями артиллеріи, къ деревнямъ Качкалыцкимъ, и 2 Октября атакована деревня Горячевская, сильнѣйшая изъ нихъ. Твердое положеніе оной мѣстами укрѣплено было окопами; но Чеченцы, будучи выгнаны изъ нихъ штыками, не могли удержаться въ самой деревнѣ, и только производили перестрѣлку изъ лѣсовъ, ее окружающихъ. Потеря наша была ничтожная.

Чрезъ день войска приблизились къ деревнямъ Ноенберды и Аллаяръ-аулъ. Изъ первой выгнаты Чеченцы сильною конопадою, послѣдняя была ими оставлена, по тому что легко могла быть окруженною. Обѣ разорены совершенно. При возвратномъ войскъ слѣдованіи Чеченцы показались изъ лѣсовъ, но перестрѣлка не продолжалась.

Деревня Хошгельды просила пощады, обѣщевая жить покойно и не дѣлать разбоевъ. Аксаевскіе владѣльцы ручались за жителей оной, и имъ дана пощада.

Вообще Чеченцы защищались безъ упорности, и ни въ одной изъ деревень не было женъ и дѣтей, имущество также было вывезено.

Примѣръ Даданъ-юрта распространилъ повсюду ужасъ, и вѣроятно мы нигдѣ уже не найдемъ женщинъ и семействъ.

Въ сіе самое время Генералъ-Маіоръ Сысоевъ изъ крѣпости Грозной, съ баталіономъ 16 егерскаго полка и Куринскимъ пѣхотнымъ полкомъ, вступалъ въ Чеченскую землю, чрезъ урочище Ханъ-Кале, дабы, согласованнымъ съ разныхъ сторонъ движеніемъ, развлекая силы Чеченцевъ, облегчить предпріятіе противъ селеній Качкалыковскихъ; 5 числа Октября войска возвратились въ крѣпость Внезапную.

Между тѣмъ получалъ я отъ Шамхала Тарковскаго извѣстія, что братъ измѣнника Аварскаго Хана собираетъ войска, дабы истребить его; что вся Мехтулинская Провинція, забывъ потерпѣнное въ прошедшемъ году наказаніе, по прежнему повинуется ему.

Акушинцы не только не сдержали обѣщанія смирить его и заставить возвратить захваченныя у Шамхала деревни, напротивъ, въ тайнѣ ему благопріятствовали, желая уничтожить Шамхала, какъ человѣка, намъ непоколебимо преданнаго, хотя по наружности показывали они ему пріязненное расположеніе.

Шамхалъ оставилъ Тарки, гдѣ не могъ защищаться противъ брата Аварскаго Хана, ибо какъ жители города, такъ и большей части его владѣній, готовы были на него обратиться.

Онъ удалился въ небольшой загородный замокъ, и собралъ около себя нѣкоторое количество людей приверженныхъ, рѣшившись погибнуть, сопротивляясь. Желалъ я дать ему помощь, но, по обстоятельствамъ, не могъ того сдѣлать.

Братъ Хана Аварскаго сдѣлалъ на него нападеніе довольно съ большими силами, и хотя Шамхалъ защищался отчаянно, но, конечно, долженъ бы былъ уступить имъ, если бы не устрашилъ ихъ нѣсколько значительный уронъ, отъ чего они поспѣшно разбѣжались.

Акушинцы заняли земли вольнаго общества, Гамри-Юзень называемаго и намъ приверженнаго, гдѣ расположившись, часть войскъ ихъ прервала сообщеніе мое съ отрядомъ Генералъ-Маіора Князя Мадатова и посылаемые курьеры (вѣрные изъ Татаръ) проѣзжали съ большою опасностію. Въ надеждѣ на силы свои и прежніе успѣхи, Акушинцы думали понудить насъ возвратить Уцмею Каракайдацкому его владѣнія, и сей предался имъ совершенно. Къ себѣ Русскихъ войскъ они не ожидали, почитая земли свои огражденными горами непреодолимыми.

Въ то же самое время на крѣпостцу Чирагъ, лежащую на границѣ, отдѣляющей Кюринское Ханство отъ Казыкумыцкаго, сдѣлали нападеніе Дагестанскіе народы, сосѣдственные Акушинцамъ. Сіи послѣдніе не могли не имѣть въ томъ участія, и Сурхай

Ханъ Казыкумыцкій, хотя старался увѣрять, что народы сіи пере шли чрезъ его земли, не прося его на то согласія и когда не имѣлъ онъ о намѣреніи ихъ ни малѣйшаго извѣстія, но весьма ощутительна была его измѣна, и я приказалъ принять нужныя противъ коварства его мѣры, запретивъ принимать подвластныхъ ему Казыкумыхцевъ во всѣхъ нашихъ Провинціяхъ, дабы, потерею выгодъ торговли, возродить въ нихъ на него неудовольствіе.

Небольшой гарнизонъ крѣпостцы Чирагъ отразилъ нападеніе, и непріятель разсѣялся.

Если бы предпріятіе сіе имѣло нѣкоторый успѣхъ, вѣроятно, что Казыкумыцкое Ханство, Табассаранъ и съ ними соединившись прочія вольныя общества, вспомоществуемыя сильною партіею, которую бѣглый Шихъ-Али-Ханъ имѣлъ въ Дербентѣ, произвели бы безпокойство въ Кубинской Провинціи, гдѣ войскъ чрезвычайно было мало. Я долженъ бы былъ обратить туда отрядъ Генералъ-Маіора Князя Мадатова, которому предстояло другое назначеніе.

Примѣчено такъ же было сомнительное поведеніе Мустафы, Хана Ширванскаго, который принималъ посланныхъ къ нему Акушинцевъ старшихъ, съ просьбою о помощи противъ Русскихъ, и отправилъ со обнадеживаніемъ и щедрыми подарками. Такъ же служащая при войскахъ нашихъ, набранная въ Ханствѣ его, конница вся почти возвратилась въ дома свои, и онъ не только не присылалъ другихъ людей, но и ни малѣйшаго не сдѣлалъ наказанія самовольно отлучившимся.

Всѣ сіи обстоятельства показывали мнѣ необходимость итти съ войскомъ въ Дагестанъ и наказать Акушинцевъ, которые служили твердою опорою всѣмъ прочимъ народамъ и могущественнымъ своимъ вліяніемъ ихъ противъ насъ вооружали. Извѣстно было, что ударъ, имъ нанесенный, прочіе народы, какъ слабѣйшіе, удержитъ въ страхѣ и покорности.

Въ крѣпости Внезапной ускорены были работы сколько возможно. Жилища для гарнизона, на зимнее время необходимыя, устроены, артиллерія для вооруженія крѣпости доставлена. Оставивъ одинъ баталіонъ въ гарнизонѣ, для охраненія оной, 11-го

числа Ноября выступилъ я въ городъ Тарки, куда двумя днями прежде отправилъ часть войскъ съ Полковникомъ Верховскимъ. Ему приказано было пріуготовить квартиры, ибо нѣкоторое время долженъ я былъ остановиться, дабы отрядъ Генералъ-Маіора Князя Мадатова могъ прибыть изъ Каракайдацкой области.

14-го Ноября пришелъ я въ Тарки, немедленно отправилъ приказаніе Генералъ-Маіору Князю Мадатову прибыть съ войсками и всею Татарскою конницею въ селеніе Карабудагентъ, отъ Тарки въ 30 верстахъ, и, расположивъ оную, пріѣхать самому за приказаніемъ.

Начавшаяся дождливая погода вскорѣ перемѣнилась на весьма холодную, и нѣсколько дней безпрерывно шедшій снѣгъ выпалъ въ такомъ количествѣ, что артиллерія и обозы были совершенно онымъ покрыты. Тѣсныя улицы города такъ завалены были, что прекращено было сообщеніе. Отрядъ Генералъ-Маіора Князя Мадатова съ величайшими затрудненіями перешелъ изъ Каракайдака, испытавъ въ пути жестокія мятели и холодъ.

Въ ожиданіи перемѣны погоды, пробылъ я въ Таркахъ 17 дней, между тѣмъ подвозился изъ Кизляра провіянтъ, ибо находившійся въ запасѣ былъ уже большею частію въ расходѣ.

Акушинцамъ отправилъ я бумагу, коей требовалъ, чтобы они дали присягу на вѣрность подданства Императору, прислали лучшихъ фамилій аманатовъ, не давали у себя убѣжища неблагонамѣреннымъ и бѣглецамъ, возвратили имѣющихся у нихъ Русскихъ плѣнныхъ.

Обѣщалъ, если не согласятся, наказать оружіемъ и взять главный городъ, Акуша называемый. Жителямъ Провинціи Мехтулли, коихъ Акушинцы склоняли на свою сторону, послалъ я объявить, что если не останутся они покойными въ домахъ своихъ, разорю ихъ до основанія и плѣнныхъ отошлю въ Россію. Сіи были въ ужаснѣйшемъ страхѣ, ибо участвовали въ возмущеніи измѣнника Аварскаго Хана, были въ сраженіи при Боутугаѣ и сопровождали брата его, когда сдѣлалъ онъ на Шамхала нападеніе.

Сей послѣдній, бывшій главною причиною безпокойствъ въ Дагестанѣ, не за долго предъ симъ умеръ. Его отравила прекрасная жена его, которой начиналъ онъ замѣчать распутство.

Къ Шамхалу пріѣзжали нѣкоторые изъ старшинъ Акушинскихъ подъ разными предлогами, но главное ихъ желаніе состояло въ томъ, чтобы узнать о числѣ войскъ нашихъ, и точно ли есть намѣреніе наше вступить въ ихъ землю. Всякій разъ бывали они у меня, и сего не могъ я скрывать отъ нихъ, разъ объявивши мое требованіе, которое, впрочемъ, почитали они за однѣ угрозы.

Шамхалъ имѣлъ между Акушинцами вѣрныхъ людей, и по тому зналъ обо всемъ, что между ими происходило, и о рѣшительномъ намѣреніи ихъ защищаться. Достовѣрно извѣстно было, что они, пріуготовляя всѣ свои силы, приглашаютъ сосѣдей.

Декабря 2-го числа собранные до 2 тыс. человѣкъ жители исправили дорогу, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ расчищали глубокій снѣгъ до самой земли, и я выступилъ въ селеніе Кумторкали, авангардъ вошелъ въ Мехтулинскую Провинцію. Все потребное для войскъ было въ готовности и повсюду совершенное спокойствіе. Погода стояла прекраснѣйшая противъ обыкновенной, и признака не было снѣга, хотя уже приближались мы къ горамъ.

Въ селеніи Шора соединилъ я всѣ войска, и отрядъ Генералъ-Маіора Князя Мадатова прибылъ изъ Карабудагента. Не задолго передъ симъ Акушинцы довольно въ большихъ силахъ занимали гору Калантау, чрезъ которую лежитъ лучшая дорога въ ихъ владѣнія. Подъемъ, не менѣе шести верстъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чрезвычайно крутой, затруднялъ всходъ на гору; непріятель, съ удобностью защищая оный, могъ причинить намъ чувствительный уронъ; но мнѣ удалось посредствомъ Шамхала внушить Акушинцамъ, что они раздражатъ Русскихъ, занимая землю, принадлежащую Мехтулинской Провинціи, находящейся подъ ихъ покровительствомъ. Они оставили гору Калантау, и сіе не мало облегчило мои предпріятія.

Немедленно часть войскъ расположилъ я на вершинѣ горы, и не менѣе трехъ дней продолжался подъемъ на гору артиллеріи и сколько возможно меньшаго числа прочихъ тягостей. Все на-

добно было встаскивать волами; ибо, по крутизнѣ горы, лошади не могли быть употреблены безъ изнуренія.

Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ, съ четырьмя баталіонами пѣхоты и частію артиллеріи, расположился у селенія Урума, близъ границы Акушинской.

Селеніе сіе, принадлежащее Мехтулинцамъ, разорено было пребываніемъ войскъ Акушинскихъ.

Взятые въ проводники жители земли, не вѣря успѣху предпріятія нашего, посланному для обозрѣнія мѣстъ Подполковнику Верховскому, показывали, какъ бы въ насмѣшку, мѣста, гдѣ разбиты были войска Шахъ-Надира, дороги, по коимъ спасались они разсѣянныя. Таково было мнѣніе о могуществѣ Акушинскаго народа, и не мало удивляло всѣхъ появленіе наше въ сей странѣ.

Предмѣстники мои не имѣли такого количества войскъ, чтобы ити въ горы почти неприступныя, къ народамъ, славящимся воинственными способностями.

12-го числа Декабря Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ оттѣснилъ непріятельскіе передовые караулы и осмотрѣлъ имъ занимаемую не въ дальнемъ разстояніи позицію.

16 го числа пришелъ я съ остальными войсками къ селенію Урума, на другой день дѣлалъ обозрѣніе расположенія непріятельскихъ войскъ.

Примѣтны были многочисленныя толпы, занимающія обширное пространство по хребту довольно большихъ возвышеній, къ коимъ доступъ чрезвычайно былъ затруднителенъ по причинѣ крутизны и защищаемъ укрѣпленіями, изъ плитнаго камня построенными. Нельзя было ити по большой дорогѣ; ибо, по мѣрѣ приближенія къ позиціи, спускалась она въ глубокій и тѣсный оврагъ подъ самыми выстрѣлами.

Не возможно было при обозрѣніи видѣть всѣхъ силъ непріятельскихъ; ибо оныя частію скрывались за высотами; но замѣчено было болѣе десяти тысячъ человѣкъ, правое крыло позиціи прилегало къ рѣчкѣ, протекающей въ берегахъ чрезвычайно уте-

систыхъ, чрезъ которую переправа была неудобна, и по тому противоположный берегъ не былъ укрѣпленъ и только малыми охраняемъ караулами. Непріятельскіе стрѣлки встрѣтили насъ, не доходя далеко до позиціи, дабы воспрепятствовать обозрѣнію, перестрѣлка была ничтожная, я не приказалъ употребить артиллеріи.

Со мною находился Шамхалъ, которому поручилъ я подъ начальство собранныхъ, по приказанію моему, Мехтулинцевъ, съ коими соединилъ онъ своихъ подвластныхъ. Не имѣлъ я ни малѣйшей надобности въ сей сволочи, но по тому приказалъ набрать оную, чтобы возродить за то вражду къ нимъ Акушинцевъ и поселить раздоръ, полезный на предбудущее время.

Въ лагерь нашъ пріѣзжали многіе изъ старшинъ Акушинскихъ съ разными переговорами, никогда не давая прямаго на требованія мои отвѣта; вѣроятно, искали выиграть время, дабы умножить средства обороны; ибо усмотрѣно было, что работы производились, съ дѣятельностію. Или протянуть до ненастной погоды, которой, судя по позднему времени, ожидать надлежало, что могло имѣть весьма непріятныя для насъ послѣдствія. Примѣтно было, что старались они осмотрѣть наши войска, но изрытое мѣстоположеніе скрывало ихъ, и по недостатку дровъ мало весьма было огней на бивуакахъ, по чему также не могли они судить о количествѣ.

Не преставалъ я настоятельно требовать отвѣта, представляя, сколько упорство со стороны ихъ можетъ быть для нихъ пагубнымъ; но они не только не изъявляли, по гордости своей, ни какого согласія, напротивъ, присланные 18 числа старшины отвѣтствовали довольно дерзко, увѣряя, впрочемъ, что о настоящемъ моемъ разсуждаемо будетъ въ общемъ совѣтѣ, котораго рѣшеніе сообщатъ они мнѣ въ непродолжительномъ времени.

Таковы были отзывы ихъ и прежде, и чрезъ людей, подосланныхъ отъ Шамхала, извѣстно было намъ, что ежедневно собираемый совѣтъ, по разности мнѣній, ни чего твердаго поставить не можетъ; что разсужденія многихъ благоразумнѣйшихъ изъ старшихъ остаются безъ вниманія; что молодые люди, наиболѣе имѣющіе вліянія на главнаго Кади, такъ же молодаго человѣка,

желаютъ непремѣнно защищаться и народъ къ тому возбуждаютъ, представляя, что покорностію Русскимъ разрушатъ они воинственную свою славу и знаменитость между Дагестанскими народами.

Присланныхъ старшинъ приказалъ я, угощая вѣжливѣшимъ образомъ, задержать въ лагерѣ, и они не прежде отправились обратно, какъ около полуночи, а въ три часа за полночь выступили войска къ непріятельской позиціи, отстоящей не болѣе восьми верстъ. Ночь была мѣсячная и чрезвычайно ясная, но войска приблизились почти на пушечный выстрѣлъ, не будучи примѣченными. До разсвѣта устроились они въ боевой порядокъ, и пять баталіоновъ пѣхоты, подъ командою Генералъ-Маіора Князя Мадатова, спустясь глубокими рытвинами къ рѣкѣ, перешли безпрепятственно на противный берегъ. Неосторожный непріятель не защищалъ переправы, и сіе одно уже могло ручаться за успѣхъ; движеніе сихъ войскъ въ гористомъ мѣстоположеніи долго не было примѣчено, и по тому прошли они довольно большое разстояніе, не будучи встрѣчены непріятелемъ. Вскорѣ увидѣли мы, что изъ позиціи большія толпы поспѣшно обратились противъ отряда Генералъ-Маіора Князя Мадатова и вдругъ загорѣлся сильный ружейный огонь. Въ сіе время войска, при коихъ я находился, выславъ стрѣлковъ, сбили передовые посты предъ главною позиціею, и батарейная артиллерія начала дѣйствовать на укрѣпленія. Но съ сей стороны менѣе опасался непріятель, ибо приближеніе къ укрѣпленіямъ было (какъ и выше сказано) чрезвычайно затруднительно. Шамхалъ, съ своими толпами занимавшій конечность праваго нашего фланга, имѣлъ перестрѣлку съ небольшими непріятельскими постами, по возвышеніямъ поставленными, и принудилъ ихъ къ отступленію.

Конечно, не съ сей стороны могли Акушинцы ожидать рѣшительнаго нападенія, но не менѣе отвлекало оно нѣкоторую часть силъ ихъ, и для насъ тѣмъ полезно было, что прикрывало расположеніемъ своимъ запасный нашъ паркъ и за войсками идущіе обозы.

Приспѣвшіе къ отряду Генералъ-Маіора Князя Мадатова шесть орудій устроились на продолженіи укрѣпленій, и рикошетная стрѣльба наносила вредъ полкамъ. 300 человѣкъ Линейныхъ Ка-

заковъ, опрокинувъ слабую непріательскую конницу, заняли впереди большое пространство и высоту, съ которой могли легко спуститься къ дорогѣ въ тылу непріятеля. Пѣхота отряда Генералъ-Маіора Князя Мадатова поддерживала Казаковъ стрѣлками, которые въ то же время начинали приближаться къ дорогѣ, угрожая овладѣть оною.

Въ позиціи непріятельской происходило величайшее смятеніе, и вскорѣ толпы бросились въ поспѣшнѣйшее бѣгство, такъ что изъ нѣкоторыхъ укрѣпленій, найболѣе подверженныхъ дѣйствію артиллеріи, исчезли они мгновенно. Со стороны, гдѣ я находился, Татарская наша конница, набранная въ Ханствахъ, съ рѣшительностію ударивши на непріятеля, бѣгущаго по большой дорогѣ, изрубила нѣсколько человѣкъ и понудила его оставить дорогу. Съ частію войскъ начальникъ Корпуснаго Штаба, Генералъ-Маіоръ Вельяминовъ, пошелъ поспѣшно за непріятелемъ, поддерживая Татарскую конницу, которую непріятель безпокоилъ съ горъ выстрѣлами. Пѣхота отряда Генералъ-Маіора Князя Мадатова, переправясь обратно на нашъ берегъ рѣчки, съ нимъ соединилась, и селеніе Лаваша, лежащее въ верстахъ четырехъ отъ нашего расположенія, немедленно занято. Татарская конница и Казаки по обѣимъ сторонамъ рѣчки посланы впередъ преслѣдовать бѣгущихъ. Перекопанная во многихъ мѣстахъ большая дорога исправлена, и на ночлегъ при селеніи Лаваша пришла къ войскамъ вся артиллерія и обозы. Толпы Шамхаловой милиціи разсѣялись грабить ближайшія деревни.

Въ селеніи Лаваша захвачено нѣсколько жителей, которые не успѣли увезти семействъ своихъ и для нихъ оставались.

Они разсказали намъ, что тутъ было во все время пребываніе главнаго Кади Акушинскаго и знатнѣйшихъ изъ старшинъ. Ежедневно собирались совѣщанія, и вчера еще увѣряемы были жители, что Русскіе не придутъ; ибо, по малочисленности своей, сдѣлать нападеніе не осмѣливаются. Одинъ изъ бывшихъ въ лагерѣ нашемъ старшинъ, возвратясь, объявилъ, что насъ весьма не много и войска въ такомъ изнуренномъ состояніи, что противъ нихъ едва ли оружіе употребить достойно. По таковымъ извѣстіямъ жители во всѣхъ далѣе деревняхъ не вывозили се-

мействъ своихъ и имущества, и повсюду совершенное спокойствіе.

Тутъ узнали мы, что съ тремя тысячами человѣкъ находился единственный сынъ Сурхай-Хана Казыкумыцкаго; что на помощь Акушинцамъ приходили Койсубукинскіе народы и многія другія вольныя общества Дагестана, менѣе ихъ значительныя, и весьма правдоподобно было показаніе жителей, что всѣ вообще силы составляли болѣе двадцати тысячъ человѣкъ. Уцмей Каракайдацкій, извѣстный между здѣшними народами человѣкомъ отличной храбрости, съ сыномъ своимъ, находился противъ войскъ лѣваго нашего крыла, и жители селенія Лаваша видѣли его, бѣжавшаго ранѣе прочихъ. Вмѣстѣ съ нимъ былъ бунтовавшій родной племянникъ и зять Шамхала. Шихъ-Али-Ханъ Дербентскій составлялъ главнѣйшую въ совѣщаніяхъ особу, но въ опасности не вдавался и въ бѣгствѣ не былъ изъ послѣднихъ. Аварскій Ханъ не былъ; изъ его подданныхъ приходили весьма не многіе.

Судя по твердости непріятельской позиціи, я рѣшался на довольно значительную потерю, и она, конечно, была бы таковою, если бы отрядъ Генералъ-Маіора Князя Мадатова нашелъ сопротивленіе при переправѣ и были заняты трудныя мѣста, которыя прошелъ онъ безъ выстрѣла. Но тогда уже встрѣтилъ его непріятель, когда, воспользовшись мѣстоположеніемъ, могъ онъ развернуть свои силы и уже начиналъ обходить конечность праваго его крыла, послѣ чего вскорѣ укрѣпленія подверглись дѣйствію артиллеріи. Сраженіе вообще продолжалось около двухъ часовъ, непріятель не успѣлъ употребить четвертой части силъ своихъ, затрудненія въ переправѣ на правый березъ рѣки не допустили обратить таковыхъ, которыя бы въ состояніи были остановить успѣхи Генералъ-Маіора Князя Мадатова, коего рѣшительное и весьма быстрое движеніе было главнѣйшею причиною его бѣгства.

Потеря наша, вмѣстѣ съ Татарскою конницею, не превзошла пятидесяти человѣкъ, что, конечно, не покажется вѣроятнымъ.

Во весь переходъ 20 числа Декабря не видали мы непріятеля; посланныя въ разъѣздъ партіи открыли, что жители изъ всѣхъ деревень вывозятъ въ горы свои семейства, угоняютъ стада. Кон-

ница наша взяла нѣсколько плѣнныхъ, отбила обозы и множество скота. Въ селеніяхъ находили имущество, которое жители спасти не успѣвали.

Приказано было истреблять селенія, и, между прочими, разоренъ прекраснѣйшій городокъ до 800 домовъ, Уллу-Айя называемый. Отсюда съ такою поспѣшностію бѣжали жители, что оставлено нѣсколько грудныхъ ребятъ.

Разореніе нужно было, какъ памятникъ наказанія гордаго и ни кому доселѣ не покорствовавшаго народа; нужно въ наставленіе прочимъ народамъ, на коихъ одни примѣры ужаса удобны наложить обузданіе.

Многіе старшины деревень пришли просить помилованія; не только не тронуты деревни ихъ, ниже не позволено войскамъ приближаться къ онымъ, дабы не привести въ страхъ жителей. На поляхъ хлѣбъ ихъ, всѣ заведенія и стада ихъ остались неприкосновенными.

Великодушная пощада, которой не ожидали, истолковала Акушинскимъ народамъ, что одною покорностію могутъ снискать свое спасеніе, и уже многіе являлись съ увѣренностію, что они найдутъ снисхожденіе.

Посланныя партіи къ сторонѣ главнаго города Акуши, отстоящаго отъ ночлега нашего въ 15 верстахъ, замѣтили чрезвычайно большое стеченіе въ городѣ народа и движеніе необыкновенное, изъ чего можно было заключать, что жители пріуготовляются къ защитѣ. По слухамъ зналъ я, что дорога, на разстояніи 6-ти верстъ къ городу, проходитъ весьма тѣсною лощиною и мѣстами, гдѣ непріятель можетъ нанести намъ большой уронъ, занимая окрестныя и во многихъ пунктахъ неприступныя высоты; что нѣтъ дороги, которою бы возможно было обойти оныя, и что, сверхъ того, самый городъ лежитъ въ самыхъ крѣпчайшихъ ущельяхъ, среди коихъ отдѣлившійся холмъ защищаетъ входъ въ нихъ на разстояніи не болѣе выстрѣла.

Отправивъ съ начальникомъ Корпуснаго Штаба, Генералъ-Маіоромъ Вельяминовымъ и Генералъ-Маіоромъ Княземъ Мадато-

вымъ, Казаковъ и Татарскую конницу до 1500 человѣкъ, приказалъ я осмотрѣть окрестныя города мѣста, не вступая съ непріятелемъ въ дѣло до прибытія пѣхоты, войскамъ приказано было выступить весьма рано. На пути встрѣченъ былъ я двумя изъ важнѣйшихъ старшинами, изъ коихъ одинъ былъ прежде главнымъ Кади. Они просили, чтобы одними сутками умедлилъ я приближеніе къ городу, и что, между тѣмъ, употребятъ они стараніе согласить жителей просить прощенія. На отвѣтъ, что могъ бы я повѣрить посланнымъ съ воли народа, но тогда не было бы ихъ двое, они же не предлагаютъ отъ имени его, но собственное свое стараніе, и по тому на однихъ подобныхъ обѣщаніяхъ не могу я остановить моихъ предпріятій, и войска продолжали маршъ свой. Старшины уѣхали. Начальникъ Корпуснаго Штаба прислалъ сказать, что безпрепятственно дошли они до города и оный, найдя оставленнымъ жителями его, заняли. Вскорѣ пришелъ я съ войскомъ и расположился въ городѣ. Всѣ окрестныя горы наполнены были спасающимися жителями съ ихъ семействами и имуществомъ; я запретилъ ихъ преслѣдовать, хотя, разсѣянными и объятыми ужасомъ, легко можно было овладѣть ими.

Въ городѣ нашли мы нѣсколько хлѣба и ничего болѣе.

Къ Шамхалу явились знакомые ему люди и посредствомъ ихъ вызваны многіе изъ знатнѣйшихъ старшинъ, а вскорѣ и самъ главный Кади, который весьма боялся явиться, будучи причиною своевольства Акушинцевъ и слѣдуя внушеніямъ вредныхъ намъ людей, которыхъ принималъ всегда съ особеннымъ дружелюбіемъ и оказывалъ имъ помощь.

Наконецъ начали появляться жители и водворяться по прежнему. Въ лагерь приходили женщины отыскивать грудныхъ ребятъ своихъ, которыхъ солдаты сберегали. Одному изъ знатнѣйшихъ старшинъ возвращена молодая дочь его, которую во время плѣна ея содержали съ должнымъ уваженіемъ. Въ городѣ разорить приказалъ я нѣсколько домовъ, принадлежащихъ друзьямъ бѣглеца Шихъ-Али-Хана и учавствовавшихъ съ нимъ во всѣхъ вредныхъ замыслахъ его противъ насъ. Войскамъ доставленъ былъ провіянтъ, въ которомъ начинали они нуждаться.

Собравшіеся жители и главнѣйшіе изъ старшинъ всѣхъ селеній приведены были къ присягѣ на подданство Императору въ великолѣпной городовой мечети, войска были подъ ружьемъ и сдѣланъ 101 выстрѣлъ изъ пушекъ.

Я назначилъ главнымъ Кадіемъ, бывшаго въ семъ званіи не за долго прежде и добровольно сложившаго оное, старика, извѣстнаго кроткими свойствами и благонамѣренностію, и выборъ мой былъ принятъ Акушинцами съ удовольствіемъ. Отъ знатнѣйшихъ фамилій приказалъ я взять 24 аманата, и назначилъ имъ пребываніе въ Дербентѣ. Наложена дань ежегодная, совершенно ничтожная, единственно въ доказательство ихъ зависимости. Они обязались никого не терпѣть у себя изъ людей, Правительству вредныхъ, были признательны за пощаду и видѣли, что отъ меня зависѣло нанести имъ величайшія бѣдствія. Мнѣ, при выраженіяхъ весьма лестныхъ, поднесена жителями сабля, въ знакъ особеннаго уваженія.

Многимъ изъ отличнѣйшихъ людей, въ особенности пяти Кадіямъ, начальствующимъ въ Магалахъ или Округахъ, роздалъ я приличные подарки; нѣкоторыхъ, потерпѣвшихъ разореніе, надѣлилъ скотомъ, отбитымъ во множествѣ.

Во время пребыванія въ Акушѣ явился, бунтовавшій, зять Шамхала и нѣкоторые Беки, сопровождавшіе въ бѣгствѣ Шихъ-Али-Хана, прося о помилованіи и позволеніи возвратиться на родину, и получили прощеніе.

Нѣсколькихъ Магаловъ жители Казыкумыцкіе, недовольные поступками Сурхай-Хана, пришли съ жалобою на него и просили, чтобы я ихъ отдалъ подъ покровительство Полковника Асланъ-Хана Кюринскаго, которому они и присягнули въ покорности. Асланъ-Ханъ съ самаго начала военныхъ дѣйствій находился съ своими войсками при отрядѣ Генералъ-Маіора Князя Мадатова въ Табассаранской и Каракайдацкой Провинціяхъ и при мнѣ, въ Акушѣ. Ему, за непоколебимую вѣрность и усердіе Государю, обѣщалъ я Казыкумыцкое владѣніе и достоинство Хана въ непродолжительномъ времени.

Въ Акушѣ съ достовѣрностію узналъ я о связяхъ Сурхай-Хана Казыкумыцкаго и Мустафы Хана Ширванскаго съ Дагеста

номъ, и о стараніяхъ ихъ возмущать оный противъ насъ, думая, что тѣмъ обратятъ на себя большое уваженіе Правительства, изъ опасенія, что они могутъ учавствовать въ намѣреніяхъ народовъ Дагестанскихъ. Изъ захваченныхъ письменныхъ дѣлъ главнаго Кади открылись тайныя дѣйствія многихъ другихъ измѣнниковъ и злодѣевъ, и въ особенности Уцмея Каракайдацкаго и Хана Аварскаго. Мать сего послѣдняго, имѣвши двухъ своихъ дочерей въ замужствѣ за Шамхаломъ, просила письмомъ Акушинскаго Кади, чтобы онъ старался схватить Шамхала и доставилъ бы ей удовольствіе напиться его крови. Какія нѣжныя чувства женщины и великодушная попечительность о зятѣ!

Тутъ же бѣжавшій отъ Шихъ-Али-Хана казначей, долго при немъ служившій, сказывалъ, какія и когда пособія деньгами, или въ вещахъ, доставляла ему Персія и въ какихъ еще въ недавнемъ времени находился онъ сношеніяхъ съ Наслѣдникомъ Аббасъ-Мирзою. Что почасту скудны бывали сіи пособія; что недоставало на содержаніе, и онъ принужденъ былъ войти въ долги и находится въ бѣднѣйшемъ положеніи, ибо потеряна надежда, чтобы когда ни будь заплатить оныя Персія согласилась. Съ начала бѣгства Шихъ-Али-Ханъ имѣлъ при себѣ довольно многочисленную свиту, желая тѣмъ придать себѣ болѣе важности, и сіе требовало отъ него большихъ издержекъ и наконецъ и послѣднія средства его истощило.

26 числа Декабря выступилъ я изъ Акуши обратно, сопровождаемъ поставленнымъ мною главнымъ Кадіемъ и всѣми почтнѣйшими старшинами, которыхъ и отпустилъ я съ перваго моего ночлега.

Провинція Акушинская имѣетъ жителей не менѣе пятнадцати тысячъ семействъ, лежитъ вся вообще въ мѣстахъ гористыхъ, среди коихъ заключаются не весьма обширныя, но прекрасныя, долины. Земля оной весьма плодородна и обработана съ чрезвычайнымъ тщаніемъ, нѣтъ малѣйшаго пространства невоздѣланнаго; каждаго поселянина участокъ отдѣленъ межою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произрастаютъ хорошіе лѣса, но рѣкъ весьма мало. Селенія всѣ обстроены опрятно, дома содержатся съ особенною чистотою, которая примѣтна на самыхъ дворахъ и гумнахъ. Жители

главнаго города, по близости отъ онаго, имѣютъ загородныя дома или хутора.

Отличительныя народа свойства есть добронравіе и кротость Къ воровству нѣтъ наклонности ни малѣйшей, праздность почитается порокомъ и ободряется трудолюбіе. Но начинаетъ вселяться развратъ, отъ употребленія горячихъ напитковъ, къ которымъ большое имѣютъ пристрастіе. Доселѣ роскошнѣйшимъ служитъ казенное наше вино, и развѣ спасетъ ихъ то, что Вице-Губернаторы продаютъ вмѣсто водки воду!..

27 числа Декабря отпустилъ я въ дома набранную въ Ханствахъ Татарскую конницу; отрядъ войскъ Генералъ-Маіора Князя Мадатова отправился въ Дербентъ и Кубу по квартирамъ.

Отъ Генералъ-Маіора Барона Вреде, командующаго въ Кубинской Провинціи, получилъ извѣстіе, что Сурхай-Ханъ Казыкумыцкій съ войсками, въ числѣ не менѣе 5, или 6, т., атаковалъ Чирагское укрѣпленіе. Командующій въ ономъ двумя весьма не комплектными ротами, Троицкаго пѣхотнаго полка Штабсъ-Капитанъ Овечкинъ, защищаясь отчаянно, два раза отражалъ штурмовавшія толпы, но, не взирая на понесенный уронъ, непріятель упорствовалъ въ намѣреніи взять укрѣпленіе, приступилъ къ заготовленію лѣстницъ и, можетъ быть, наконецъ преодолѣлъ бы ужасною несоразмѣрностію силъ; ибо находившаяся въ укрѣпленіи артиллерія, по причинѣ возвышенія своего, не могла вредить непріятелю до самаго его приближенія, и одна сторона довольно удобна была для приступа. Но внезапное извѣстіе о занятіи войсками нашими Акуши, въ такой привело ужасъ Сурхай-Хана, что не только онъ бѣжалъ и толпы его мгновенно разсѣялись, но послалъ даже въ городъ Казыкумыкъ приказаніе, чтобы семейство его удалилось въ горы. Онъ ожидалъ, что измѣна его не будетъ оставлена безъ наказанія.

При нападеніи на Чирагъ случилось слѣдующее примѣчательное происшествіе. Внѣ укрѣпленія, въ близкомъ разстояніи, находилась мечеть, обращенная въ провіантскій магазинъ; непріятель хотѣлъ занять оную, ибо чрезъ то легче могъ подойти къ укрѣпленію. Одинъ молодой Офицеръ, защищавшись въ мечети до по-

слѣдней крайности, видя наконецъ, что удержать ее не въ состояніи, отпустилъ въ укрѣпленіе свою команду, самъ съ четырьмя человѣками лучшихъ стрѣлковъ, запасшись большимъ количествомъ патроновъ, засѣлъ въ минаретѣ при мечети и, производя величайшій вредъ толпившемуся непріятелю, не допускалъ его приблизиться къ укрѣпленію. Не иначе могъ преодолѣть непріятель сего безстрашнаго Офицера и его товарищей, какъ подкопавши основаніе минарета и опрокинувъ оный на землю. Офицеру и солдатамъ предложено было сдаться, но они отвѣтствовали на то выстрѣлами. По свѣдѣніямъ, собраннымъ послѣ, непріятель одними убитыми имѣлъ до пятидесяти человѣкъ въ продолженіи полутора сутокъ ихъ защиты. Въ виду укрѣпленія были они, уже мертвые, изрублены въ мелкія части.

Прибывши 1-го числа Генваря въ селеніе Параулъ, Мехтулинской Провинціи, далъ отдыхъ войскамъ, расположа ихъ въ селеніяхъ по квартирамъ. Послѣ чего вскорѣ началась зима, и весьма жестокая. Я назначилъ войска, которыя, подъ командою Подполковника Квартирмейстерской части, Верховскаго, должны были остаться здѣсь на зиму. На счетъ земли учредилъ снабженіе ихъ фуражемъ и дровами, перевозку провіянта изъ магазиновъ Кизлярскаго и Дербентскаго обратилъ въ повинность Мехтулинцамъ и жителямъ Табассарана. Отрядъ войскъ сихъ обязанъ былъ наблюдать за поведеніемъ Акушинцевъ и чтобы они не могли мстить народамъ, намъ содѣйствовавшимъ.

Шамхалу, дающему собою примѣръ постоянной вѣрности Императору, способствовавшему намъ всѣми зависящими отъ него средствами, въ награду за усердіе, Высочайшимъ именемъ Государя, далъ я въ Мехтулинской Провинціи въ потомственное владѣніе не менѣе 2500 семействъ, что составитъ, по крайней мѣрѣ, 10 тыс. душъ, и снабдилъ его грамотою. Въ остальныхъ деревняхъ учредилъ Наиба (правителя отъ Русскаго начальства), въ пользу двухъ малолѣтныхъ дѣтей умершаго Гассанъ-Хана, брата измѣнника Хана Аварскаго, которыхъ отправилъ я въ Россію вмѣстѣ съ бабкою ихъ, тою злою и гнусною старухою, которой переписка захвачена была въ Акушѣ.

Нѣкоторыхъ изъ старшинъ Мехтулинскихъ и владѣльца селенія Каферкумыцкаго, возбуждавшихъ въ послѣдніе два года всѣ

мятежи и безпокойства, участвовавшихъ во всѣхъ предпріятіяхъ Аварскаго Хана и его брата, въ особенности злобствовавшихъ на Шамхала, за его приверженность Русскимъ, отправилъ въ Кизляръ и приказалъ нѣкоторыхъ повѣсить, дабы безпокойные сосѣди Кавказской Губерніи знали, что и въ Дагестанъ простирается власть наша, и тщетны ихъ на него надежды!

Желая осмотрѣть округъ Гамры-Езень, отправился я чрезъ оный, и 17 Генваря пріѣхалъ въ Дербентъ, гдѣ нужно было мнѣ видѣть крѣпость, которую, не знаю по чему, спѣшилъ Инженерный Департаментъ приводить въ оборонительное положеніе. Я нашелъ, что крѣпость имѣетъ одно достоинство древности, но что безполезно укрѣплять, или исправлять, оную, ибо часть возвышенная оной, или цитадель, слишкомъ тѣсна для вмѣщенія малаго даже гарнизона, вся же вообще крѣпость потребовала бы весьма значительный расходъ. Въ общемъ мнѣніи долгое время Дербентъ почитаемъ былъ непреодолимою твердынею, преграждающею путь отъ стороны Россіи. Могъ онъ казаться намъ таковымъ, пока земля была намъ неизвѣстна, но по чему такъ разумѣли о немъ древніе, когда довольно удобно обойти его, и если точно существовала стѣна, проходившая по горамъ, то не возможно, по крайней мѣрѣ, употребить повсюду равныя для защиты оной средства.

Въ Дербентѣ явился ко мнѣ, возвратившійся изъ Хивы, гвардейскаго Генеральнаго Штаба Капитанъ Муравьевъ. Съ нимъ пріѣхали два посланца отъ Хивинскаго Хана, съ которымъ желалъ я вступить въ сношеніе. Они представили мнѣ пышныя письма Хана и ничтожные подарки. Я приказалъ имъ отправиться въ Тифлисъ, гдѣ должны они были прожить зиму и весною возвратиться въ отечество. Сколько ни мало благосклоненъ былъ пріемъ, сдѣланный въ Хивѣ Муравьеву, посланцы доказывали, однако же, уваженіе Хана къ Россійскому Правительству, и я имѣлъ надежду на успѣхъ въ моемъ намѣреніи.

Въ Дербентѣ съ удовольствіемъ взлянулъ я на развалины одной башни, гдѣ 24 года тому назадъ устроена была брешъ-батарея, которою командовалъ я, будучи артиллеріи Капитаномъ. Въ положеніи моемъ не могъ я быть равнодушнымъ къ воспоми-

нанію, и если бы не хотѣлъ признаться, никто не повѣритъ, чтобы не льстило оно честолюбію.

Во время пребыванія моего въ Дербентѣ одинъ изъ Бековъ сдѣлалъ доносъ на многихъ, находящихся въ сношеніяхъ съ Шихъ-Али-Ханомъ и помогающихъ ему деньгами и вещами..... получаютъ въ возвратъ отъ Персидскаго Правительства, отъѣзжая туда не рѣдко тайнымъ образомъ съ получаемыми отъ него свидѣтельствами въ принятіи пособія.

Доноситель зналъ все обстоятельно, ибо самъ долгое время былъ ихъ товарищемъ. Мошенники были большею частію пришлецы съ разныхъ странъ, не уроженцы земли и люди, производящіе лучшій въ городѣ торгъ. Они уличены были, и не могли оправдаться. Я, въ страхъ другимъ, приказалъ произвести надъ ними военный судъ. Полезно было разсѣять сіе гнѣздо злодѣевъ, чрезъ которыхъ Персія имѣла вѣрное сношеніе съ Дагестаномъ. Примѣръ таковаго изысканія произвелъ большой страхъ и слѣдствія для Правительства выгодныя.

Изъ Дербента въ Кизляръ пріѣхалъ я 12-го числа Февраля, съ намѣреніемъ отправиться въ С.-Петербургъ, на что имѣлъ уже я позволеніе.

Въ Кизлярѣ удержанъ я былъ множествомъ дѣлъ, собственно до Кавказской Губерніи относящихся; былъ потомъ въ Георгіевскѣ и на минеральныхъ водахъ, гдѣ, осмотрѣвъ временныя ванны, по распоряженію моему вновь построенныя, приказалъ составить архитектурные проекты для всѣхъ необходимыхъ зданій. На сей предметъ выпрошенъ мною былъ весьма искусный архитекторъ, и предварительно имѣлъ уже я увѣдомленіе, что, по партикулярному письму моему, Государю показанному, обѣщаны были деньги, и о томъ сообщено мнѣ офиціяльно дежурнымъ Генераломъ Главнаго Штаба, что Государь жалуетъ деньги для возведенія зданій.

По извѣстію, полученному отъ командующаго въ Грузіи, Генералъ-Лейтенанта Вельяминова 1-го, что приказаніе мое исполнено и Митрополиты изъ Имеретіи вывезены, отложилъ я намѣреніе ѣхать въ С.-Петербургъ, напротивъ поспѣшилъ возвратиться

въ Тифлисъ, ибо ожидалъ, что въ Имеретіи произойдутъ безпокойства.

Въ бытность мою на Линіи, командиръ 43-го егерскаго полка, Полковникъ Грековъ, дѣлалъ экспедицію къ Чеченцамъ: войска прочистили дорогу чрезъ урочище Ханъ-Кале и прорубили вновь дорогу на Гребенчуцкую поляну, на коей расположена деревня сего же имени, извѣстная какъ убѣжище главнѣйшихъ въ Чечнѣ разбойниковъ. Полковнику Грекову старались Чеченцы дѣлать возможныя препятствія, но онъ, пріобыкши совершенно къ ихъ образу войны, повсюду преодолѣлъ оныя, и дѣло кончилось нѣсколькими весьма неважными перестрѣлками.

Въ Тифлисъ прибылъ, ни кѣмъ не ожиданный, 23-го числа Февраля. Всѣ думали, что уѣхалъ я въ Россію.

По собраніи подробнѣйшихъ свѣдѣній о бывшихъ въ прошедшемъ году въ Имеретіи безпокойствахъ, легко замѣтилъ я, сколько, по слабости своей и нерѣшительности, неспособенъ командовать въ семъ краю Правитель Имеретіи, Генералъ-Маіоръ Курпатовскій, и я предложилъ ему оставить службу. Находясь долгое весьма время на Кавказской Линіи, гдѣ много разъ отличился онъ храбростію, по представленію моему былъ онъ опредѣленъ въ сію должность.

Его рекомендовали мнѣ особенно хорошо. По увольненіи, мѣсто его приказалъ я занять командиру 44 егерскаго полка, Полковнику Пузыревскому, Офицеру отличнаго усердія, расторопному и дѣятельному. Служа два года въ той странѣ, зналъ онъ всѣ обстоятельства и жителей оной; знали также, что никто скорѣе его смирить своевольствъ не въ состояніи.

Одинъ изъ родственниковъ Гурійскаго владѣтельнаго Князя, дядя его родной, Князь Койхосро Гурьелъ, человѣкъ, извѣстный непокорностію своею Правительству, явно приверженный Туркамъ и съ ними имѣющій вредныя для Правительства связи, не исполнивъ одного изъ распоряженій, сдѣланныхъ Полковникомъ Пузыревскимъ, зналъ, что не только не оставитъ онъ ослушанія не наказаннымъ, но можетъ еще открыть злодѣянія его, удалясь изъ дома своего, гдѣ боялся быть захваченнымъ, скрывался въ лѣ-

сать и подговорилъ людей, которые бы убили Полковника Пузыревскаго.

Вскорѣ представился удобный случай для произведенія сего злодѣями. Полковникъ Пузыревскій, обозрѣвая Грузію, заѣхалъ въ жилище сего Князя, и узнавъ, что онъ находится не въ дальнемъ разстояніи, желалъ видѣться съ однимъ изъ друзей его, который, такъ же будучи замѣченъ человѣкомъ неблагонамѣреннымъ, имѣлъ тогда у него свое пребываніе. Въ проѣздъ чрезъ лѣсъ, въ сопровожденіи одного Офицера, переводчика и одного Казака, встрѣтился онъ съ нѣсколькими Гурійцами, и когда спрашивалъ ихъ, гдѣ ихъ Князь, сдѣланы по немъ ружейные выстрѣлы; однимъ изъ нихъ онъ убитъ на мѣстѣ, такъ же убитъ и Казакъ, Офицеръ и переводчикъ схвачены и увлечены. Конвойная весьма небольшая команда, которой приказалъ Полковникъ Пузыревскій оставаться назади, не смѣя ити въ лѣсъ, гдѣ слышны были выстрѣлы, возвратилась.

Старшій военный въ Имеретіи начальникъ, Мингрельскаго пѣхотнаго полка командиръ, Подполковникъ Згорѣльскій, собралъ тотчасъ отрядъ войскъ и вступилъ въ Гурію, въ которой мятежники собрались въ нѣсколькихъ силахъ. Худо сдѣлавши распоряженія свои и, какъ послѣ узналъ я, не будучи весьма храбрымъ человѣкомъ, при первыхъ ничтожныхъ препятствіяхъ, потерявши въ одной перестрѣлкѣ нѣсколько человѣкъ, не смѣлъ ити далѣе и возвратился. Сіе ободрило мятежниковъ, и не только усилились оные въ Гуріи, но водворился мятежъ и въ Имеретіи. Невѣжественное и самое подлое духовенство, паче же родственники вывезенныхъ Митрополитовъ, старались умножить оный. Многіе изъ дворянъ были участниками, а главнѣйшій виновникъ всѣхъ безпорядковъ, нѣкто Князь Абашидзе, подкрѣпивъ шайки мятежниковъ нѣсколькими сотнями жителей Ахалцыхскаго Пашалыка, заставилъ провозглашать себя Царемъ Имеретійскимъ. Мать его, ехидная старуха, отъ Царской фамиліи происходящая, обширныя имѣющая связи, много ему способствовала. Отыскался и одинъ Царевичъ, котораго Правительство не удалило въ Россію, по причинѣ совершенно скотоподобной его глупости, и сей такъ же нашелъ людей, которые вѣрили, что произойдетъ перемѣна въ правленіи, и дуракъ Царевичъ получилъ большое на оное влія-

ніе. Всѣ недовольные соединились, явились повсюду шайки вооруженнаго народа, прервалось сообщеніе съ Грузіею. Мингрелія, одна нѣкоторое время пребывши спокойною, послѣдовала на конецъ общему движенію. Владѣтельный Князь, Генералъ-Маіоръ Дадіанъ, остался непоколебимымъ въ вѣрности, но родной братъ его, съ ребячества въ Россіи воспитанный въ Пажескомъ Корпусѣ и служащій Лейбъ-Гвардіи въ Преображенскомъ полку Офицеромъ, получивъ отпускъ для свиданія съ родственниками, завелъ вражду съ братомъ, и симъ не будучи воздерживаемъ въ поведеніи, проводя жизнь въ праздности, развратился до такой степени, что искалъ убить брата, въ намѣреніи сдѣлаться вмѣсто него владѣтелемъ, наконецъ слѣдуя внушеніямъ одного изъ ближайшихъ родственниковъ, молодаго человѣка самыхъ гнуснѣйшихъ наклонностей, съ которымъ вступилъ онъ въ тѣснѣйшія связи дружбы, имѣлъ онъ тайныя сношенія съ мятежниками Гуріи и взбунтовалъ противъ Русскихъ. Собравъ шайку, напалъ онъ на команду, препровождавшую транспортъ съ порохомъ и свинцомъ, изъ Редутъ-Кале отправленный, но, по горячей довольно перестрѣлкѣ, отбитъ оною, успѣвши, однако же, схватить приставшія двѣ повозки. Въ другомъ случаѣ захватилъ онъ провіянтскаго Коммиссіонера, посланнаго съ небольшою суммою денегъ, но вьюки, въ коихъ оная сумма уложена была, спасена расторопностію Казаковъ конвойной команды. Владѣтельный Князь, составивъ нелѣнно часть войскъ своихъ, преслѣдовалъ взбунтовавшаго брата, который скрылся въ горы, взятаго Коммиссіонера вскорѣ доставилъ къ начальству.

О убійствѣ Полковника Пузыревскаго узналъ я 17 Апрѣля, немедленно въ должность Правителя Имеретіи опредѣлилъ командира 41 егерскаго полка, Полковника Князя Горчакова, Офицера храбраго, расторопнаго и хорошихъ способностей.

Для наказанія мятежниковъ отправилъ начальника Корпуснаго Штаба, Генералъ-Маіора Вельяминова, которому поручено стараться истребить убійцъ, или, по крайней мѣрѣ, жестокое преслѣдованіе оныхъ оставить памятникомъ въ землѣ злодѣйской. Войска Донскаго Генералъ-Маіора Власова 3-го послалъ на дорогу между Кутайсомъ и Карталиніею, дабы обезпечено было сообщеніе. При[illegible]таліонамъ: Херсонскаго гренадерскаго, 7-го карабинер-

наго и Тифлискаго пѣхотнаго полковъ немедленно туда слѣдовать; хотѣлъ я отложить дѣйствія до осени, когда поросшая ужасными лѣсами земля можетъ представлять болѣе удобствъ для движенія войскъ, а мятежникамъ менѣе средствъ укрывать семейства свои и имущества, когда переставшіе жары лѣтняго времени не будутъ разсѣвать между войсками убійственныя болѣзни, но медлить до того времени было уже не возможно, ибо изъ нѣкоторыхъ округовъ начальники должны были выѣхать, и власть Правительства прекратилась. Во многихъ мѣстахъ сдѣлали мятежники нападеніе на посты наши, прервали между ими сообщеніе, и нѣкоторымъ изъ нихъ, по малочисленности ихъ, надлежало уже дать помощь, дабы не впали въ руки злодѣевъ. Сверхъ того, люди намъ приверженные и своимъ обязанностямъ не измѣнившіе, угрожаемы были мятежниками, что разорятъ ихъ, если не будутъ участвовать въ ихъ предпріятіяхъ, чего тѣмъ болѣе они опасались, что уже были примѣры, что нѣкоторые принуждены къ тому силою, противящіеся же наказаны истребленіемъ домовъ и лишеніемъ имущества.

Войска наши должны были дать имъ защиту, приспѣть въ помощь къ разбросаннымъ нашимъ войскамъ, и такъ начались дѣйствія въ самое знойное и нездоровое время, и число въ войскахъ больныхъ умножалось до чрезвычайной степени. Полковникъ Князь Горчаковъ вошелъ съ отрядомъ въ Рачинскій округъ, извѣстный гористымъ и твердымъ своимъ мѣстоположеніемъ, разсѣялъ мятежниковъ съ большимъ для нихъ урономъ.

Многіе изъ жителей, представивъ ему оружіе, вошли въ свои жилища и спокойно занялись домашними своими работами. Селенія, лежащія не далеко отъ хребта Кавказа, не повиновались его распоряженіямъ, но онъ достигъ до нихъ и жестокимъ наказаніемъ привелъ въ послушаніе. Другой небольшой отрядъ разбилъ шайку Царевича Давыда, онъ былъ убитъ, жена и дѣти взяты въ плѣнъ. Генералъ-Маіоръ Власовъ 3-й стѣснилъ въ, такъ называемомъ, Ханскомъ ущельѣ измѣнника Князя Абашидзе, который, истощивъ всѣ способы на содержаніе пришедшихъ изъ Ахалцыха Турокъ, обольщалъ ихъ обнадеживаніемъ, что введетъ ихъ въ Имеретію и ее предастъ имъ на разграбленіе. Видя войска наши, потеряли Турки надежду на успѣхъ, возвратились въ

свои границы; небольшое число Имеретинъ, бывшихъ при немъ, разсѣялись, и онъ самъ, боясь, чтобы оставшіеся, уразумѣвъ, въ какомъ они находились бѣдственномъ положеніи, не вздумали, выдавъ его Русскому начальнику, снискать себѣ прощеніе, бѣжалъ въ Ахалцыхъ.

Въ непродолжительное время Имеретія приведена была въ совершенное спокойствіе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже составлена была милиція и она ходила съ нашими войсками. Многіе изъ главныхъ виновниковъ мятежа схвачены, нѣкоторые сосланы, имѣнія конфискованы въ казну, и мужики въ восхищеніи были, когда объявлено имъ, что они помѣщикамъ своимъ болѣе принадлежать не будутъ.

Послѣ сего начальникъ Корпуснаго Штаба отправился съ войскомъ въ Гурію. Мятежники до того напали на постъ нашъ въ Чехтаури, состоящій изъ 70 рядовыхъ при Офицерѣ, который, раненъ будучи, взятъ въ плѣнъ, потеря изъ нижнихъ чиновъ простиралась до 30 человѣкъ, прочіе возвратились. Убійца Полковника Пузыревскаго, собравъ сколько можно людей, приготовлялся защищаться. Въ замкѣ его, Шамокмети называемомъ, находился гарнизонъ.

Владѣтельный Князь хотя желалъ прекращенія безпокойствъ въ землѣ его, но ни малыхъ не употреблялъ къ тому средствъ. Хотя нельзя было упрекнуть его ни однимъ неблагонамѣреннымъ поступкомъ, но окружающіе его, и между ими многіе извѣстные худыми свойствами и довольно явно благопріятствующіе измѣнникамъ, внушали ему недовѣрчивость къ Правительству и боязнь наказанія за происшедшіе безпорядки. Къ начальнику Штаба онъ не являлся, отзываясь разными выдышленными извиненіями, и сношеніе происходило чрезъ пересылаемыхъ чиновниковъ, иногда пріѣзжалъ онъ близко къ лагерю и предлагалъ свиданіе, дѣлая условіе въ количествѣ людей, которые со стороны начальника Корпуснаго Штаба должны сопровождать его при свиданіи. Я, наконецъ, писалъ къ нему, что если бы Правительство имѣло причины быть имъ недовольнымъ, или бы не желало сохранить его въ достоинствѣ владѣтельнаго Князя, укрывательство не спасетъ его; что достаточно мнѣ одного слова, и онъ земли своей не увидитъ.

Обнадежилъ его въ милости Государя, и что начальнику войскъ приказано оказывать ему всякую помощь и во всемъ охранять его выгоды.

Сперва пріѣхала жена его, которую прислалъ онъ, вѣроятно, желая испытать, какъ принята будетъ. Оказанное ей уваженіе и вѣжливость дали ему понятіе, что онъ не имѣетъ причины опасаться, и онъ самъ пріѣхалъ въ скоромъ времени и увѣрился въ намѣреніяхъ начальства. Онъ вспомоществовалъ войскамъ доставленіемъ провіянта и своихъ войскъ нѣсколько сотъ человѣкъ просилъ присоединить къ нимъ, въ чемъ, впрочемъ, не было ни какой нужды.

Не далъ я ему чувствовать, что перемѣну въ поведеніи его отношу я не дѣйствію письма моего, но рѣшительнымъ успѣхамъ оружія противъ мятежниковъ. Примѣтно весьма было, что онъ выжидалъ, какой дѣла примутъ оборотъ, и позволительна была нѣкоторая ненадѣянность послѣ неудачныхъ распоряженій Подполковника Згорѣльскаго.

Подполковникъ Згорѣльскій мною представленъ былъ въ командиры полка, ибо не могъ я не имѣть о немъ отличныхъ мыслей, нашедши его дежурнымъ Штабъ-Офицеромъ корпуса, въ каковомъ званіи, конечно, выгодно бы было предмѣстнику моему имѣть человѣка способнаго. Не долженъ я былъ сомнѣваться въ храбрости его, ибо на Подполковникѣ видѣлъ С.-го Вадиміра 3-й степени, и оказанный имъ подвигъ описанъ былъ великолѣпнымъ образомъ.

Генералъ-Маіоръ Вельяминовъ вступилъ въ имѣніе убійцы, атаковалъ замокъ его, Шамокмети. Въ лѣсахъ почти не проходимыхъ, на скалѣ утесистой и только съ одной стороны приступной, стоитъ сіе убѣжище злодѣя, но и въ ономъ, не почитая себя довольно въ безопасности, онъ не ожидалъ войскъ нашихъ, заблаговременно удалился въ лѣса. Войска съ величайшею трудностію встащили два орудія, но столько тѣсно было окружающее замокъ мѣсто, что вмѣстѣ ихъ поставить нельзя было, и не иначе, какъ въ ближайшемъ разстояніи.

Мятежники со стѣнъ съ большимъ вредомъ производили ружейный огонь, но въ близи дѣйствующая артиллерія немедленно

отбила ворота и, они спустясь въ отверстіе, сокрытое прилегающимъ къ замку лѣсомъ, спаслись бѣгствомъ. Не было проводника, которому бы извѣстна была сія сокрытая тропинка, а стрѣлки наши хотя уже и начинали со стороны оной занимать лѣсъ, но не успѣли овладѣть оною. Мятежники понесли незначительный уронъ, но пріобрѣтеніе замка по тому было важнымъ, что оный почитался въ Гуріи мѣстомъ непреодолимымъ, и жители смотрѣли, какой успѣхъ будетъ войскъ нашихъ. Самые приверженные къ намъ думали, что войска, встрѣтивъ затрудненіе, отступятъ. Неблагонамѣренные утѣшались, что неудача съ нашей стороны будетъ сигналомъ къ всеобщему возмущенію Грузіи.

Замокъ истребленъ былъ до основанія, одна только оставлена церковь. Полковнику Пузыревскому, въ близкомъ разстояніи оттуда застрѣленному, построена гробница. Владѣтельный Князь представилъ самаго убійцу, молодато весьма человѣка, который, по сдѣланномъ имъ признаніи, что подговоренъ былъ на то Койхосромъ Гуріеломъ, загнанъ на самомъ мѣстѣ преступленія до смерти.

Начальникъ Корпуснаго Штаба, вышедши обратно изъ лѣсовъ, расположилъ войска лагеремъ, откуда посылаемые отряды преслѣдовали мятежниковъ въ разныхъ направленіяхъ, и они, скрываясь повсюду, въ мѣстахъ самыхъ неприступныхъ, нигдѣ не могли сыскать убѣжища. Койхосро Гуріелъ бѣжалъ въ Турцію и нѣкоторые главнѣйшіе изъ злодѣевъ, прочіе разсѣялись и вскорѣ мятежъ прекращенъ былъ совершенно. Бунтующія селенія были разорены и сожжены, сады и виноградники вырублены до корня и чрезъ многіе года не придутъ измѣнники въ первобытное состояніе. Нищета крайняя будетъ ихъ казнію.

Лишеніе жизни опредѣлено наказаніемъ тому, кто приметъ къ себѣ, или не объявитъ о появленіи изъ Турціи разбойниковъ.

Въ Мингрелію не нужно было посылать войскъ, ибо скрывавшійся въ горахъ братъ владѣтеля не могъ собрать большой шайки, и уже до окончанія въ Гуріи безпокойствъ бѣжалъ въ Турецкую крѣпость Поти, вмѣстѣ съ родственникомъ его, который вовлекъ его въ измѣну и вскорѣ тамъ умеръ. Владѣтель внимательно наблюдалъ за нимъ, повсюду выставлены караулы, и онъ

собственными войсками способствовалъ доставленію провіянта отъ Редутъ-Кале и по рѣкѣ Ріону.

Въ Имеретіи, между тѣмъ, подъ руководствомъ военнаго начальства, приводились въ извѣстность принадлежащія церкви имущества, и все исполнилось съ найлучшимъ порядкомъ, къ чему Митрополитъ Ѳеофилактъ, безъ посредства военной власти, не могъ наклонить ни какими средствами. Описаніе имуществъ производилось однимъ изъ Епископовъ Имеретинскихъ, который, принадлежа къ знатной фамиліи, имѣлъ обширныя связи, и чрезъ него удобно было внушить Князьямъ и Дворянству, что Правительство весьма далеко отъ намѣренія присвоить ихъ собственность. Онъ дѣйствовалъ съ усердіемъ, ибо старался загладить вину свою, какъ имѣвшій нѣкоторое съ мятежниками согласіе, чего доказательства были въ рукахъ моихъ.

Наказывая неоднократныя измѣны Сурхай-Хана Казыкумыцкаго, злобнѣйшаго изъ враговъ нашихъ и содѣйствовавшаго въ прошедшемъ году Акушинцамъ, коего войска приходили имъ въ помощь и въ то же время осаждали Чирацкое укрѣпленіе, отправилъ я въ Кубу Генералъ-Маіора Князя Мадатова и, тамъ составивъ отрядъ войскъ, долженствующій поступить подъ его команду, приказалъ съ нимъ войти въ Казыкумыцкое Ханство, стараться наказать жестоко измѣнника и, буде особенныхъ не встрѣтится препятствій, взять главный городъ.

Полковнику Асланъ-Хану Кюринскому приказано собрать свои войска; къ нимъ присоединены набранныя въ Табассаранской Провинціи и конница отъ Ханствъ, и всѣ они поступили въ составъ отряда, назначеннаго къ дѣйствію.

Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ вступилъ по направленію отъ укрѣпленія Чирагъ, ибо нѣтъ другой удобнѣйшей дороги въ Казыкумыцкое Ханство. Гористое и чрезвычайно возвышенное мѣстоположеніе давало возможность совершить сіе предпріятіе въ лѣтнее время, не опасаясь отъ жаровъ худыхъ послѣдствій. Сурхай-Ханъ Казыкумыцкій, знавъ о пріуготовленіи войскъ, съ своей стороны, предпріемля всѣ мѣры обороны, пригласилъ въ помощь себѣ сосѣднія общества вольнаго народа и, собравъ всѣ силы у се-

ленія Хозрекъ, сдѣлалъ въ окрестности онаго нѣсколько отдѣльныхъ укрѣпленій. Были мѣста, извѣстныя твердостію и трудныя къ преодолѣнію или, по крайней мѣрѣ, съ большимъ весьма урономъ, но не хотѣлъ Сурхай-Ханъ удалиться внутрь земли, ибо тогда многія деревни и болѣе населенная часть Ханства доставались въ руки наши. Асланъ-Ханъ Кюринскій, непримиримый врагъ его, могъ воспользоваться сильными связями, которыя имѣлъ онъ между жителей, и сіи, боясь разоренія, оставили бы Сурхай-Хана и, конечно, изгнали бы его изъ главнаго города.

Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ, не доходя не много до Хозрека, увидѣлъ непріятельскую конницу, которая, расположась на возвышеніи близъ дороги, имѣла оную подъ выстрѣлами. Часть Татарской конницы нашей тотчасъ вступила въ дѣло, но приведена была въ безпорядокъ, приспѣвшая же пѣхота оттѣснила непріятеля и открыла дорогу всему отряду. Пройдя непродолжительное дефиле, войскамъ нашимъ представились непріятельскіе окопы и всѣ силы. Окопы прилегали къ горѣ довольно утесистой, и вершина оной занята была большими толпами. Тамъ былъ особый лагерь стражи Сурхай-Хана, который не любилъ подвергаться опасности и весьма часто прежде оной заботился о средствахъ вѣрнаго отступленія.

Атаку укрѣпленій распорядилъ Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ въ трехъ пунктахъ. Оной предшествовала сильная канонада, которая произвела въ непріятелѣ примѣтное замѣшательство. Конница его, бывшая впереди, усилясь пѣхотою, вышедшею изъ окоповъ, составляла значительныя толпы, и Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ долженъ былъ употребить противъ нихъ особенную часть войскъ; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ бросились они въ бѣгство, конница проскакала чрезъ селеніе, поспѣшно спасаясь, вмѣстѣ съ нею наша Татарская конница успѣла захватить часть селенія. Изъ нѣкоторыхъ укрѣпленій атакующія колонны наши встрѣчены были сильнымъ огнемъ, но оный не остановилъ ихъ. Укрѣпленія взяты штыками безъ выстрѣла. Въ одномъ изъ нихъ сопротивлявшійся непріятель, въ числѣ 180 человѣкъ, вырѣзанъ до послѣдняго. Повсюду проникшія войска наши грозили отрѣзать у нихъ отступленіе.

Когда же увидѣлъ непріятель, что вся конница наша и часть Татарской пѣхоты обратились на единственную дорогу, по которой могъ онъ надѣяться отойти безпрепятственно, тогда всѣ толпы въ величайшемъ замѣшательствѣ, не помышляя болѣе о защитѣ, бросились въ стремительнѣйшее бѣгство къ той утесистой горѣ, которая находилась позади укрѣпленій. Тѣсныя тропинки не могли вмѣщать вдругъ всего множества, стрѣлки наши преслѣдовали бѣгущихъ, нанося имъ чувствительный вредъ. Умножила бѣдствія ихъ приспѣвшая артиллерія, которая, расположась при подошвѣ горы, по отлогости оной, усѣянной спасающимися, производила картечные выстрѣлы.

Сурхай-Ханъ бѣжалъ при самомъ началѣ атаки на укрѣпленія, и войска его остались безъ начальника. За нимъ послѣдовало весьма малое число приверженцевъ; всѣ, спасшіеся отъ пораженія, разсѣялись въ разныя стороны.

Непріятель потерялъ убитыми и раненными не менѣе пяти сотъ человѣкъ, весь лагерь и одиннадцать знаменъ, въ плѣнъ взято шесть сотъ три человѣка. Кромѣ сихъ, взяты многіе Татарскими нашими войсками, но оные, по отобраніи у нихъ оружія, давали имъ свободу. Съ нашей стороны потеря Русскихъ войскъ убитыми и раненными не простиралась свыше шестидесяти человѣкъ, въ Татарскихъ войскахъ восемьдесятъ четыре человѣка. Въ числѣ убитыхъ лишились мы Маіора Гасанъ-Аги, извѣстнаго отличною храбростію, брата роднаго Асланъ-Хана. Онъ, въ виду войскъ нашихъ, съ частію конницы, подскакавъ на ближайшее разстояніе къ укрѣпленіямъ, спѣшился и пошелъ на штурмъ, гдѣ и погибъ вскорѣ.

Сраженіе происходило 12-го числа Іюня; никогда Дагестанъ не испыталъ подобнаго пораженія; войска Русскія въ первый разъ появились въ мѣстахъ сихъ.

15 числа Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ занялъ безъ всякаго сопротивленія главный городъ Казыкумыкъ, въ немъ найдено 9-ть пушекъ и 3 мортиры, оставленныя нѣкогда Шахъ-Надиромъ при покореніи онаго. Жители Ханства приведены къ присягѣ на вѣрное подданство Императору; Полковникъ Асланъ-Ханъ

Кюринскій объявленъ Ханомъ Казыкумыцкимъ. Народъ обложенъ податью самою ничтожною, единственно въ знакъ зависимости. Сурхай-Ханъ изгнанъ изъ предѣловъ Ханства; издана прокламація, что гнусный сей измѣнникъ и никто изъ роду его терпимы Правительствомъ Россійсскимъ не будутъ. На счетъ народонаселенія Казыкумыцкаго Ханства мнѣнія весьма различны. Нѣкоторые почитаютъ оное не свыше 9 тыс. семействъ, другіе простираютъ его до 12 тыс. Большая часть селеній лежитъ въ гористыхъ мѣстахъ и хлѣбопашество имѣетъ весьма скудное. Пастбищами изобилуютъ обширными и превосходнѣйшаго качества, на коихъ въ лѣтнее время собирается скотоводство всѣхъ окрестныхъ народовъ. Съ однихъ пасущихся барановъ, сбирая по пяти съ каждой сотни, Ханъ получаетъ отъ 12 до 13 тысячъ барановъ.

Во многихъ мѣстахъ Ханства не производится посѣва хлѣба, ибо оный, по чрезвычайной возвышенности положенія земли, не вызрѣваетъ, и по тому ежегодно значительное количество хлѣба ввозится изъ Кюринскаго Ханства.

Назначивъ Асланъ-Хану пребываніе въ Казыкумыкѣ, приказано ему преслѣдовать всѣми средствами измѣнника Сурхай-Хана: Кюринское Ханство, которымъ до сего управлялъ Асланъ-Ханъ, оставилъ я въ прежнемъ своемъ составѣ, не присоединяя къ Ханству Казыкумыцкому, и назначилъ, чтобы въ немъ былъ особенный Наибъ. Сіе раздѣленіе полезно въ томъ случаѣ. если бы Ханъ вздумалъ выйти изъ послушанія: всегда будетъ кто ни будь изъ родственниковъ его служить съ усердіемъ, чтобы имѣть въ управленіи Ханство, коего жители, пріобыкши къ особому управленію, далеки будутъ отъ единодушія съ прочими.

Общество Кубиченцевъ, извѣстное искуснымъ издѣліемъ оружія, приняло такъ же присягу на вѣрность и обложено податью. Генералъ-Маіоръ Князь Мадатовъ возвратился съ отрядомъ, и войска отпущены въ ихъ квартиры.

Акушинцы въ дѣйствіяхъ Сурхай-Хана не приняли ни какого участія, сколько ни старался онъ возбудить ихъ. Они похвальнымъ образомъ сохранили свои обязанности и тогда, какъ со стороны нашей совершенно ничего не могли опасаться: ибо отрядъ

ойскъ подъ командою Полковника Верховскаго, занимавшій зимія квартиры въ Мехтулинскомъ Округѣ, которому приказано было наблюдать за поведеніемъ ихъ, выступилъ оттуда еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, и даже ни одного человѣка не оставалось во всѣхъ владѣніяхъ Шамхала Тарковскаго.

Полковникъ Верховской съ войсками обращенъ былъ къ построенію въ бывшей Калчалыцкой деревнѣ, называемой Горячевской (Истису), укрѣпленія на 300 человѣкъ гарнизона, дабы сколько возможно препятствовать набѣгамъ Чеченцовъ на земли Акушаевскаго владѣнія и къ городу Кизляру. Войска сіи были нѣсколько усилены, и Командующій на Кавказской Линіи, Генералъ-Маіоръ Сталь 2-й, находился съ ними въ лагерѣ. Чеченцы, часто появляясь въ силахъ, атакуя передовые посты и угрожая сдѣлать нападеніе на табунъ и сѣнокосы, старались препятствовать работамъ. Не рѣдко происходили сшибки, и одна весьма горячая, въ которой Линейные Казаки наши, несравненно менѣе числомъ, оказали особенную неустрашимость. Въ продолженіи работъ не имѣлъ непріятель ни малѣйшаго успѣха. Укрѣпленіе къ осеннему времени было совершенно кончено и на первый случай необходимыя жилища; наименованіе получила Неотступнаго стана; оттуда войска перешли къ селенію Аксай, и небольшую деревню Герзели-Аулъ, лежащую противъ онаго, обратили въ укрѣпленный постъ, гдѣ и расположилась одна рота 43 егерскаго полка, для охраненія Аксая отъ безпокойствъ, которыя безпрестанно наносили ему живущіе вблизи Чеченцы.

Бывшій Ханъ Казыкумыцкій, чувствуя болѣе и болѣе стѣсненное его положеніе, вознамѣрился бѣжать въ Персію. Лезгины Чарскаго общества взялись проводить его скрытными дорогами, и онъ, выѣхавъ изъ горъ съ сыномъ и малою весьма свитою, нѣсколько дней проживалъ въ лѣсу близъ селенія Алмалы, въ надеждѣ переправиться чрезъ Куру у деревни Самуха, но, боясь расположенныхъ по правому берегу карауловъ, рѣшился ѣхать чрезъ Ханство зятя его, Генералъ-Лейтенанта Мустафы Ширванскаго.

Комендантъ города Нухи, услышавъ о бѣгствѣ Сурхай-Хана, выслалъ партію Татарской конницы, дабы схватить его, если вознамѣрится взять путь свой чрезъ Шекинскую Провинцію. Спа-

отись ему совершенно было не возможно, но падаетъ подозрѣніе, что способствовалъ ему Султанъ Елисеуйскій, по женѣ своей родственникъ ему близкій, а послѣ дознано, что высланные съ конницею Шекинскіе старшины, зная, по которой дорогѣ онъ проѣзжаетъ, съ намѣреніемъ отправились совершенно по другой, дабы ему не воспрепятствовать. Такимъ образомъ въ длину всей Провинціи безопасно проѣхалъ онъ въ Ширванское Ханство и, въ близкомъ отъ главнаго города разстояніи, былъ, по приказанію Мустафы-Хана, принятъ однимъ изъ преданныхъ ему Бековъ. Мустафа съ вѣрными своими людьми отправился должно быть за Куру и далѣе въ Персію. Обо всемъ тотчасъ дано было мнѣ знать, но Мустафа-Ханъ, оправдываясь, что, совершенно не зная о проѣздѣ Сурхай-Хана, не переставалъ увѣрять въ преданности его и вѣрности Государю. Не имѣлъ я доказательствъ къ изобличенію его до того, какъ потребовалъ отъ Султана Елисеуйскаго, чтобы немедленно прислалъ находящагося у него прислужника Мустафы-Хана, которому всѣ дѣла его и тайны были извѣстны. Сей открылъ всѣ его злодѣйства, связи въ Дагестанѣ и средства, которыми возбуждалъ оный—сношенія съ Персіею, куда весьма часто посылаемы были отъ него чиновники къ Аббасъ-Мирзѣ и принимаемы отъ него пріѣзжающіе. Описалъ дружескія связи его съ Сурхай-Ханомъ и что посредствомъ его раздражаетъ противъ насъ Акушинцевъ, съ каковыми порученіями самъ ѣздилъ неоднократно; что всѣхъ неблагонамѣренныхъ и вредныхъ Правительству людей принимаетъ всегда дружественно и во всѣхъ злыхъ совѣщаніяхъ непремѣнно участвуетъ. Мустафа-Ханъ, узнавши о захваченіи его прислужника, не сомнѣвался, что, отъ боязни наказанія, можетъ онъ открыть его поступки, началъ пріуготовлять лошадей и вьюки, и все означало намѣреніе побѣга. Состоявшему при немъ Офицеру въ званіи Пристава подарилъ онъ деньги, чтобы не дѣлалъ о томъ мнѣ донесенія, который немедленно обо всемъ увѣдомилъ. Мустафа-Ханъ, чрезъ откупщика рыбныхъ промысловъ, величайшаго изъ мошенниковъ, Надворнаго Совѣтника Иванова, прислалъ письма ко всѣмъ своимъ знакомымъ, особенно при мнѣ служащимъ чиновникамъ и переводчикамъ, поручая имъ не щадить ни денегъ, ни подарковъ, а меня увѣрить, что онъ ни въ чемъ участія не имѣетъ; что о проѣздѣ Сурхай-Хана не зналъ и предъ симъ задолго прервалъ съ нимъ всякія связи; что хотятъ злодѣи его

овредить ему клеветою, будто умышляетъ онъ бѣжать въ Персію. ъ Армянинномъ Ивановымъ пріѣхалъ Секретарь его (Мурза Агмедъ), мѣя тысячу червонцевъ на подарки при первомъ случаѣ, въ мо-й Канцеляріи, Иванову же поручено было, по надобности, за-ять на имя его большія суммы. Деньги тысячу червонцевъ при-азалъ я Полицеймейстеру и Коменданту взять въ казну и, вмѣсто твѣта на письма Мустафы-Хана, доставленныя ко мнѣ чрезъ ма-очныхъ трехъ чиновниковъ, приказалъ я командующему въ Кубѣ, Генералъ-Маіору Барону Вреде, отправить въ Ширвань два бата-іона пѣхоты и артиллеріи форсированнымъ маршемъ, и туда по-спѣшнѣйшимъ образомъ послалъ войска Донскаго Генералъ-Маіора Власова 3-го съ 800 человѣками Казаковъ, дабы отнять средства къ побѣгу и, буде можно, схватить Мустафу-Хана. О движеніи войскъ былъ онъ предувѣдомленъ, но съ такою быстротою шли Казаки, что едва успѣлъ онъ переправиться за рѣку Куру, какъ они появились на берегу. Одинъ изъ Бековъ, имѣвшихъ на него вражду, собравъ людей, догналъ у переправы часть его вьюковъ и отбилъ нѣсколько опыхъ. Мустафа стрѣлялъ на него съ другой стороны рѣки.

Два, или три, часа замедлѣнія, и онъ былъ бы въ рукахъ Ка-заковъ! Но о поспѣшности его можно судить по тому, что онъ оста-вилъ двухъ меньшихъ своихъ дочерей, изъ коихъ одну, грудную, нашли задавленную между разбросанныхъ сундуковъ и пожитковъ.

Изъ предосторожности назначилъ я въ Ширвань войска, по-лагая, что Мустафа можетъ собрать большое число привержен-цевъ и вздумаетъ защищаться въ гористой части Ханства, но ему сопутствовали нѣкоторые изъ ближайшихъ родственниковъ и ма-лое весьма число Бековъ, прислужниковъ; при всѣхъ вообще было съ небольшимъ триста человѣкъ. Всѣ прочіе оставались совершен-но покойными и какъ будто никогда не бывало Хана въ Шир-вани.

Генералъ Маіору Князю Мадатову и Правителю Канцеляріи моей, Статскому Совѣтнику Могилевскому, препоручено сдѣлать описаніе Провинціи и доходовъ, казнѣ принадлежащихъ. Жители приведены къ присягѣ на подданство, учрежденъ городовой судъ. Главный городъ Провинціи, по неудобству гористаго мѣстополо-

женія, которымъ жители были чрезвычайно недовольны и гдѣ Мустафа-Ханъ жилъ, вопреки желанія всѣхъ, по тому только, что почиталъ себя въ безопасности, переведенъ въ старую Шемаху, нѣкогда бывшую обширнымъ городомъ и коего остатки свидѣтельствуютъ о его нѣкогда великолѣпіи.

Дочь маленькую, оставленную Мустафою-Ханомъ, приказалъ я отправить къ нему, снабдивъ ее приличною одеждою и составивъ ей свиту изъ прежнихъ Ханскихъ прислужниковъ. Жены бѣжавшихъ съ Ханомъ родственниковъ и нѣкоторыхъ изъ Бековъ также отосланы. Имъ позволено взять движимое ихъ имѣніе и пристойную прислугу. Поступокъ сей удивилъ Персіянъ, ибо въ подобныхъ случаяхъ, если не всегда преслѣдуютъ они родственниковъ бѣжавшаго, то, по крайней мѣрѣ, отнимаютъ все ихъ имущество. Мустафа-Ханъ тронутъ былъ до слезъ возвращеніемъ дочери отъ любимой изъ всѣхъ женъ своихъ, и я имѣлъ благовидной предлогъ избавиться многихъ безполезныхъ людей, которые, оставаясь у насъ, конечно, имѣли бы съ бѣжавшими тайныя сношенія.

Въ Ширванской Провинціи расположенъ одинъ баталіонъ пѣхоты съ четырьмя орудіями артиллеріи и малымъ числомъ Казаковъ. Изъ обывательской конницы составлены караулы на Муханской степи и по лѣвому берегу рѣки Куры, дабы Мустафа-Ханъ, живущій недалеко въ пограничной Персидской Провинціи, не могъ предпринять чего ни будь для Ширвани вреднаго. Между тѣмъ, по усмиреніи мятежа въ Имеретіи и Грузіи, войска начинали возвращаться къ своимъ мѣстамъ.

Владѣтель Мингреліи представилъ брата своего, который явился къ нему изъ Турецкой крѣпости Поти. По важности преступленія, я отправилъ его въ гарнизоны Сибирскаго корпуса, донеся Императору, что рѣшился сіе сдѣлать по тому, что не смѣю почитать измѣнника достойнымъ служить въ Гвардіи при лицѣ Его. Въ послѣдствіи распоряженіе мое утверждено.

Чарскаго Общества селеніе Алмалы, близъ коего укрывался Сурхай-Ханъ при побѣгѣ въ Персію, приказалъ я наказать, что исполнено собранными въ Шекинской Провинціи конницею и пѣхотою, безъ всякой помощи Русскихъ войскъ. Послѣ небольшой перестрѣлки, селеніе было сожжено и разграблено.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

VII.

Четь-Минея Домакарьевскаго состава Московской Патріаршей (Синодальной) Библіотеки, полууставомъ въ листъ, XVI вѣка, Апрѣль, на 790 л., № 91, л. обор. 170 — 180.

—

Ї то́и же дн҃ь сло́во похва́лно на па́мѧ ст҃ы́мъ и҆ преслáвнымъ ѹ҆чителе́м словеньскоу ѧ҆зы́кꙋ, сътво́ршема писмены є҆мꙋ и҆ прело́жьшема но́вый и҆ ве́тхый зако́нъ бъ ѧ҆зы́къ и҆хъ, бл҃же́номꙋ кири́лоу ї а҆рхїеппꙋ пано́ньскꙋ мефо́дїю. бл҃вї ѡ҆ч҃е.

Бг҃оу и҆ спс҃ꙋ на́шемꙋ, і҆с҃ хр҇тꙋ, мно́гымъ и҆ незреч҃е́ннымъ ч҃лколюбїемъ, поми́ловавшꙋ ро҇д ч҃лчьскый, и҆ не терпѧщꙋ созданїа своєго лє́стїю дїа́волею ѡ҆держи́ма, инѣложи себе въ смирє́нїє во́лноє, и҆ вънлѡщьсѧ ѿ ст҃аго дх҃а и҆ ѿ пр҇чтыа и҆ ѿ сла́вныѧ бц҃а, и҆ съ ч҃лкы поживе, и҆ съѡ҆бра́зенъ бы́въ тѣлесе на́шемꙋ, ѡ҆сꙋди гр҇ѣ пло́тїю своє́ю, да ѹ҆мира́ющїа о҆ а҆дамѣ, ѿ хс҃ѣ о҆живоу́тъ. тъ бо є҆сть миръ на́шъ створїи и҆ ѡ҆боѧ є҆ди́но преѡ҆граже́нїє ѡ҆гра́дѣ раз҇рꙋшь, кр҇то́мъ оу҆би́въ враждꙋ, и҆ пе́рвенецъ бывъ и҆з мр҇твыхъ, собою наста́вль ро҇д ч҃лчь на неи҆стлѣ́нный поу́ть. в҆шє́ же на нб҃са, сѣдє ѡ҆ десню пр҇тла велич҃ьствїа на высо́кыхъ, за́повѣ да́въ и҆скоуснꙋ ро́дꙋ ч҃лчю, хотѧи в послѣднѧѧ времена прїити сꙋди́ти жи́вы и҆ мр҇твымъ ї въздáти комꙋждо по дѣлѡ є҆го̀, ꙗ҆ко пра́веденъ сꙋдїи. не хо́щет бо смр҇ти грѣшникꙋ, но̑ ѡ҆бращенїю є҆го и҆ покаа́нїю, а҆ще

найпаче прилежитъ на злобꙋ коже члкъ. не ѿстѣвитъ бо създанїа своего млтивый бгъ, ни забы дѣла рꙋкꙋ своею, но на кажьдо лѣта и времена избра мꙋжа, и ѡви дѣла ихъ и подвиги людемъ, да быша, тѣмъ подобающеса, живо вѣчный ѡбрѣли. и по тѣхъ прркы, по прроцѣх же аплы, и по аплѣхъ мꙋченикы и правныа мꙋжа и оучтла. еже са и збысть в семый вѣкъ нашь. рѣша бо ѡни слѣпїи прозрат, глоусїи оуслышатъ слово книжное, і всї възглають различни азыкы величїа бжїа.

Бѣ же в селоуньстѣмь градѣ моужь нѣкый, именемъ леѡнъ, члкъ непороченъ, истиненъ и бгоутець, ѡгрѣбаася ѿ всакыа злобы и исполнаа вса заповѣди бжїа, ѩко Їѡвъ. живый въ кротости и гоѣнїи, седмороденъ ѡбрѣтеса, ѩко же Їѡвъ. о нѣком же и прркъ глеть· блаженъ мꙋж, боаиса га, в заповѣдехъ его въсхощеть зѣло. силно на земли боудеть сѣма его, родъ праведныхъ блвитса. слава и богатство в домꙋ его, правда его пребываетъ въ вѣкъ вѣка. ис того бо корене въсїаста израднѣ двѣ лѣторасли свѣтозарнѣ, блгословенъ плод на себѣ носаща, житїе непорочно ѿ юности имоуща. премдрость бо себѣ, ѩко и сестрꙋ сътворша, тою оукрасиста и дшю и оумъ, любовїю и вѣрою, дрꙋгъ дрꙋга ѡ преспѣваста, мдростїю же цвѣтꙋще прно, ѩко цвѣтець блгоюханный. родом сын мнїи блаженный константинъ, а оумомъ и добродѣтелми выспрь възлетаа, ѩко ѡрелъ дховныма крылома, ти бгозарнымъ свѣтомъ оума просвѣщ сн, съсоуд избранъ стомꙋ дхꙋ, и тѣмъ свѣтаса всѣмъ оученїемъ философьскымъ, нескꙋдное съкровище ѡбрѣтеса. ѩко бо источникъ всю исполнаа вселеннꙋю, напои жадныа словесе бжїа, ѩко же рече самъ гь бгъ нашь, іс хс· вѣрꙋай в ма, ѩко книгы рѣша, рѣкы ѿ чрева его потекоутъ воды живы, сї рѣ, дароке животворащаго дха. тъи бо въскипѣ в немъ, изнїаса оустнама его и всю вселеннꙋю сладко възвесели, слово раздѣлиа коемꙋждо азыкꙋ противꙋ своемꙋ разꙋмꙋ. бѣ бо емꙋ дань дар дховный азыкы глати, ѩко и аплꙋ. старѣишїи же его братъ, преблаженный меѳодїе, измлада житїнскїа саны начатъ прїимати. мдростїю бо, ѩко цвѣтъ блгоюханенъ цвѣтый, всѣми блвами бо

любимъ. в беседахъ бо ꙗко соломѡнъ ꙗвлꙗшеса. дивныꙗ притча и наказанїа и въпрашанїа износя и(зъ) ср҇чнаго села, и на слꙋжбѣ всѣмъ оугодинъ, ꙗко и крилатъ ѡбрѣтаашеса, и на воинѣ ꙗко и самсонъ ѡбрѣтаашеса, и гедеѡнъ, и їсꙋсъ наввїнъ страшенъ ꙗвлꙗшеса. тѣмъ и воеводскый сѣнъ прїемъ, побысть в немъ мало, и разꙋмѣвъ многоматежный сей свѣтъ, ꙗко сѣнь преходащь неполезнено, паче же гл҇е слово, ꙗко и стрѣлꙋ въ ср҇цы си прїимъ, ꙗко рече· каа полга есть ч҇лкꙋ, аще весь миръ приѡбращетъ, а д҇шꙋ своꙗ ѡтщетитъ, ли погꙋбить; ли что дасть ч҇лкъ измѣноу на д҇шн своей; премѣнивъ же земными н҇бнаа, кременина бо ѿметаа ѿ себе, презра, в вѣчныꙗ подвигнꙋса, и шедъ въ алимбъ, пострижеса в черьныꙗ рїзы, чаа прїати бѣлоу и нетлѣннꙋ агг҇лкꙋ ѡдеждꙋ. и бѣ повинꙋаса всѣмъ, с покоренїемъ и смиренїемъ, въ бдѣнїи и м҇лтвѣ, въ стꙋженїи и слꙋженїи, въ изрѧднѣ пощенїи, въ трезвѣнїи всегда, въ ѡчищенїи д҇ховнѣмъ, въ плачи благѣ, ѿ ѡчїю источника иснꙋщаа, ꙗко рѣкꙋ, и тою ѡмываа́ше все тѣло своє, плѡскаго покоꙗ не вѣдый ѿноудь, какъ есть, нѡ на вськꙋ нощь стоꙗ ѿ захода сл҇нца до въсходаща, не даа сна ѡчима своима, ни вѣждема си дреманїа, ни покоꙗ бровма своима, поочааса въ ѱалмѣхъ и пѣнїихъ и пѣснехъ д҇ховныхъ, сподвизааса постигноути житїа ст҇ыхъ ѡ҇цъ. ѡвы преспѣ кротостїю и молчанїемъ, а дрꙋгыꙗ постѡ и бдѣнїемъ изрѧдно, и тако имениттъ бысть въ всѣхъ ѿ҇цехъ, подобенъ великомоу арсенїю, и антонїю, и савѣ, всѣхъ же житїа собою съвершаа. м҇лтивыи же б҇гъ, видѣвъ и в толицѣ трꙋдѣ пребывающа, влѡжи въ ср҇це братїи, иже, видѣвше подвигъ его изряденъ на слꙋжбꙋ б҇жїю, дрꙋгъ къ дрꙋгꙋ дивлаахꙋса и прославлаахꙋ б҇га, дающаго бл҇гть свыше троужающимса его ради, дондѣ патрїархъ оуслыша подвигъ его. бѣдиша и поставити митрополита въ ч҇тнѣ мѣстѣ, и не могше его в томъ прибѣдити, постивиша и игꙋмена в монастыри, иже нарицаетса именемъ полихронъ, в немъ же бѣше ѿ҇цъ семьдесатъ. и по то са емь, пребываше, ꙗко и бесплѡтенъ, в м҇лтвахъ, всѣмъ пр҇но всачьскы, дабы вса прїѡбрѣлъ. и ст҇ыа бо книгы ѡ таковою въпїютъ, похвално гл҇юща· прем҇дрости

дрéвнїи взыщетса, и въ прѣѹтьствїи поживете. повѣсти мꙋжь и житїѧ съхраните, и въ извѣтїи притоучныхъ изыдѣте. посредѣ ве ложь послоужите, и прѣ игоумены ꙗвитеса. по земли тꙋждї ꙗзыкъ пройдете, добро и зло въ улицѣ искꙋшена бꙋдета. сїѧ же се дѣста оутрене быти къ гдꙋ, сътворшемꙋ вы, и предъ вышнимъ молистаса. и отверзоста оуста своа въ млтвꙋ, и о грѣсѣхъ своих помолистаса. аще же бгъ въсхощеть великый, разꙋмнаго дха и сполнитеса. тои бо потоучитъ глъ и мрость ею, и въ млтвѣ ис ꙗвдастаса гви. тъ бо ꙗвитъ казанїе и оученїе ею, и к зако завѣта гна похвалистаса. въсхвалатъ ею разꙋмъ мнози, и до вѣ не потребитса и не отстꙋпить ею, и има ею живеть в роды и ро ды. мрость ею повѣдатъ ꙗзыцы, и похвалоу ею иповѣсть црквы. ѣ же быста крѣпка пособника и недвижима столпа, основана на твер дѣмъ камени вѣры, послѣдствовавша перкоѡцмъ и патрїархом вѣрою и подвигомъ дїанїа ихъ и трꙋды собою коньчавающа, ѣк и великый патрїархъ авраамъ, прадѣдъ хвъ, вѣрою пресѣленни бывъ и пришлець в земли тꙋждеи, дроугъ бжїи нареуеса, и зав обрѣзанїю от бга прїимъ, вѣрою оць многы ꙗзыкꙋ нареуеса.

Сїа же стаа и преславнаа оца и оучитела, тою же вѣрою оукрашшеса, ты же дѣтели скончаста. пресѣлника бо быста отьства своего и пришелца на землю тꙋждꙋ. законъ от бга прїимша, не своемоу племени, ꙗко же авраамъ, но ꙗзыкꙋ, иже не разꙋмѣаше десница своеа, ни шоуица, но ей же са притыкахꙋ, тѣ томоу са поработише, кланаахоуса, ꙗко бгоу, твари въ творца мѣсто. завѣтъ не обрѣзанїю прїемше, ꙗко же авраамъ, но крщенїю, въ оставленїе грѣховъ, въ вѣкы пребывающь, самѣмъ скончанъ и преданъ гдмь нашимъ, ис хмъ. моусеи такожде съ аарономъ въ ерѣохъ бжїихъ бгъ фараѡнови нареуеса, моуками разанмы египта оумꙋчивъ, бжїа люди из работы ихъ изведе, въ дне столпомъ облауномъ, а в нощи столпом огненымъ, и раздѣль море, по сꙋхꙋ проведе в пꙋстыню, а противныхъ погрꙋзи въ безнѣ, в пꙋстыни же безводнѣ напаа, поражь камень, и хлѣба аггльскаго насыти, и закон же от бга прїимъ, бжїимъ перстомъ написанъ, на скри-

вали бо каменны, предасть люди въ съхраненіе и съблюденіе. и ста преблаженная, и богоугодная чєта ни чим же менши тою моисистаса, того бо стїа дха напоена свыше, сугубє благодати сподобистася, люди изведоста изъ многамрачнаго моря діаволскаго, мыслєнаго фараона погрузише, и всю силу его потребиста, и вєрою въоружшеса и силою кртною, не в пустыню же а изведоста, нѡ въ свѣ боразумныи настависта, не ис камене воду изведша, нѡ вєрою словесе бжїа живыя напоиста, не ис нечювьствена же камене воду изведша, яко и ѡна, нѡ истекшею кровию и водою ѿ пречтыхъ ребръ гда нашего, іс ха, вєрным вєчною пищу и бесконечныи живот въ спсеніе предаста, въ ѡданіе грехомъ подающа, не хлеба аггльска напитающа, нѡ истинное тєло гда нашего, іс ха. закон же бжіи сугубо преложше, в новый языкъ предаста, писмена сътворьша ему. еже бѣ са ѿ премдрыхъ и разумныхъ утаило, то ѿкровено бысть младенцемъ в последніи вѣкъ сима. не на скрижали каменны написанъ, нѡ на срдць скрыжали плотянъ, ни сквозе ѡблакъ, ни мглою и бурею гланъ, нѡ самѣмъ гмъ іс хмъ сказанъ и преданъ. не сѣни служителя, нѡ истинне проповѣдника быста, ни кропленіемъ крови юнча и козла кропаща и ѡчищающа скверныя къ плотстѣи чистотѣ, нѡ стымъ крщеніемъ, не тѣло єдино ѡчищающа, нѡ дшевную свѣщу в срцемъ селѣ всемъ въсіавша, не заколеннѣи жертвѣ проповѣдника бывша, или служителя, нѡ бескверненѣи, и мирнѣи и хртовнѣи службѣ слугѣ и проповѣдателя яко нистаса, аплѡ сопружника, на то же дѣло избраина, кртъ смыслено на раму своею въспріимша, всю вселенную ѡбидоста, исполняюще ученіе та мѣста. в них же ѡни не постояша, ли удолженіемъ пути, ли за умноженіе инѣхъ странъ ближнихъ, в них же разшешеса, яко луча слнчныя, свѣтомъ богоразумнымъ просвѣтиша весь миръ.

По тѣм же стопамъ исходяща и того же дха напоена ѿ бга, тому же словеси быста проповѣдника и новая апла, не на тужемъ ѡснованіи свое дѣло полагающе, нѡ изнова писмена въѡбражша, и съвершиста въ языкъ новъ. послѣди же въсіавша, яко утреняя звѣз-

да҃ ѿ сл҃нца свѣтъ пріе́млющи, свѣтле́йши ѐсѣхъ ꙗвлѧ́етсѧ, и҆ ꙗ҆кѡ на́ймитнѝ дѣ́лателе въ виногра҃, поне́сшеи̇ тѧготꙋ д҃не и҆ ва́ръ, съ пр[...]ішими ѐ пе́рвыи҆на́десѧть ча҃, ра́вныѧ̑ сподо́блени бы́ша м҃здѣ̑, бл҃года́ти тако и҆зво́лши, ѐ послѣ́днїи҆ вѣкъ, томоу҆ же дѣлꙋ и҆збранна сі́а нова́а пропо́вѣдника и҆ свѣти́лника всеѝ вселе́ннѣи̇, ꙗ҆ по́двигомъ до́брымъ и҆ вѣ́рою крѣ́пко препоѧ́савше чре́слѣ̑ своѧ, проидо́ста, ꙗ҆кѡ сл҃нце, те́мнаа̀ мѣста стопа́ми свои́ми просвѣща́юща, всѧ́кꙋ и҆же пога́нскую дх҃овнымъ ѡ҆гне҃ попала́юща і ѐретич҄ьскꙋю, не пощадѧ́ща дш҃а своеа̀, ни пощада́ща телеси̇ своѐго, но҃ всегда гото́ва сꙋ́щи за пра́вꙋю вѣ́рꙋ сла́стно и҆спити хв҃оу ча́шꙋ. въ сраци́нѣхъ же и҆ коза́рѣхъ ꙗ҆вльшасѧ непобѣ́дна, но҃ ꙗ҆ко же дв҃дъ и҆ноплеме́нника и҆ногда низложи́въ горды́ню, е҆го̀ потреби̇, проѡ҆бразовавъ тр҃іе̑ тре́ми ка́мени, и҆ свои́мъ е҆моу меч҄е́мъ главꙋ҃ ѿсѣ́къ, и҆ хвалоу҃ прі́атъ въ тма҃ ѿ сн҃ѡвъ і҆и҃левъ, та́кожде́ и҆ сі́а ѿц҃а трио҆упоста́снꙋ бж҃ества слꙋгѣ҃ сꙋща и҆ пропо́вѣдника, въ собо́рѣхъ сраци́ньскыхъ и҆ жидо́вьскыхъ ѡ҆брѣ́шесѧ, свои́ми и҆мъ книгами и҆ ꙗ҆зы́кѡ҃ бохмитови сла́дкꙋ и҆ жидо́вьскоую глобоу дх҃овнымъ меч҄емъ ѿсѣ́кше, потреби́ста, ꙗ҆ко плевелъ и҆ попали́ста дх҃овною бл҃гті́ю, а҆ сло́во гн҃е всѣ́аста, ꙗ҆ко и҆ пшени́цꙋ, въ ср҃ци҃ селѣ, и҆ всѧ҃ насладѝста медото́чными слове́сы, трибезнача́лнаго же бж҃тва ꙗ҆сно и҆сповѣдаста, оу҆каза́ста въ е҆ди́номъ соу҆щьствѣ равеньствомъ сі́ающа ѿц҃а и҆ сн҃а и҆ ст҃го дх҃а. тако а҆ оу҆лови́ста, ꙗ҆ко и҆ ры́бы слове́сною мре́жею, и҆ крести́ста ѿ коза́ръ чти́ма ч҄ади до двою стꙋ҃, развѣ҃ же́нъ и҆ дѣте҃. тре́гꙋбꙋ похвалоу ѿ всеа̀ цр҃кви прі́и҆мша, преи҆до́ста ѿ доу҆наа̀ на западнꙑѧ страны, бл҃говѣствꙋюща сло́во бж҃іе въ ꙗ҆зы́къ новъ, и҆ ве́сь цр҃ко́вный законъ прело́жша ѿ гре́ч҄ьскаго, въ своѝ и҆мъ ꙗ҆зы́къ преда́ста, треѧ҆зы́чникомъ҃ гло́бꙋ низло́жша, потреби́ста, ꙗ҆ко плѣвелъ ѿ пшени́ца ѿврати́ша ти чи́сто цр҃кви и҆ свѣтоѡ҆бра́зно жито преда́ста. ѐ за́паднихъ же стран҃ панѡ҆́нстѣхъ и҆ моравьскахъ стран҃, ꙗ҆ко сл҃нце въсі́акъша, мрака грѣхо́внаго ѿгна́въша, просвѣти́ша вѣ́рꙋ҃ и҆ наоу҆чи́ша оу҆чи́нкы цр҃ко́вномꙋ чи́нꙋ и҆спо́лнь. и҆ та́ко теч҄е́ніе своѐ конча́юща, пꙋти сѧ ꙗ҆ста ри́мскаго, а҆п҃комꙋ пр҃тлꙋ поклони́тисѧ, велоуще съ собою на сп҃е́ніе дх҃овны на́ѡ҆. е҆же слышавъ а҆посто́ликъ

ѡрѣанъ, изыде противѹ има далече ѿ града римьска, і тако же а҃ рїатъ, ꙗко агг҃ла бж҃їа, и оучению прилюбль, постави бл҃женнаго меѡдїа на прозвѵтерство, і оучнкы ею.

Приближися время покои прїати престомѹ и преблаженномоу ѿц҃ѹ ашемѹ и оучителю, константиноу ѳилософѹ. видѣвъ ꙗвленїе ѿ га ѡ покои свое, облечеса в черны ризы, и днь же нарекъ пооа своего, пребысть до него днь, веселася и слава бг҃а. и такѡ оуи ѡ гдѣ, в лѣто, ѕ҃зтоз, е. и приложиса къ ѿцемъ своимъ, прр҃омъ і ап҃ломъ, мч҃нко и вс҃ѣ ст҃ымъ. и положиша и в цркви ст҃аго лимента, идеже начаша мнѡга исцѣленїа бывати ѿ честнаго грѡа его, слѣпїи абїе начаша проскѣщатїса, недѹжнїи цѣлитиса, бѣси сходити. еже видѣвше римлане, паче са приложиша къ ст҃ыми гѡ. сщ҃ь же пречтнаго и бл҃гоч҃тнаго меѳѡдїа на архїеп҃пьство, на толъ ст҃го андроника, ап҃ла в панонїи ѿ седмидесѧ, поустиша и на траны словеньскїа оучитъ въ ꙗзыкъ ихъ, написавъше епистолїю їю къ кнѧземъ страны тоа, ростиславѹ, и сватополкоу и къцелѹ· ѡрѣанъ епп҃ъ, рабъ всѣмъ рабѡ бж҃їемъ, къ ростиславѹ, и сватоѡлкѹ, и къцелѹ. слава в вышнї бгѹ, и на земли миръ, въ чл҃цѣ лгоболенїе. ꙗко ѡ ва слышавше дх҃овныѧ радости, ꙗже имате на спсенїе, слемъ брата нашего, чтнаго меѳодїа, сщ҃енна на архїеп҃пьство на страны ваша, ꙗкѡ есте просили оу на, да вы оучитъ, въ ꙗзыкъ вашь прелагаа книгы, да са исполнить пррчьское слово, ꙗкѡ ѣша· хвалите га вси ꙗзыци, и похвалите его вси людїе. и· всакъ ꙗзыкъ исповѣсть, ꙗкѡ и гь іс хс въ славѹ бгѹ ѿцѹ, аминь. и въ еѵлїи рече гь, посылаа своа оученикы· шеше, наоучите вса ꙗзыкы, крт҃аще а въ има ѿц҃а и сн҃а и ст҃го дх҃а, оучаще блюсти вса, елика заповѣдахъ вамъ, і се азъ с вами есмь вса дни до скончанїа вѣка, аминь. вы же, чада възлюбленнаа, послѹшайте оученїа бжїа, еже в последнаа времена предано быть, вашего ради спсенїа, да, поочающеса разѹмно, плѡ достоинъ сътворите, и прїимѣте вѣнецъ нетлѣненъ в сїи вѣкъ и въ градѹщїи съ всѣми ст҃ыми и въ вѣкы, аминь.

Дошедшоу же емоу въ страны моравьскы, вси людїе с радо-

да̑ ѿ сл҃нца свѣтъ прїе́млющи, свѣтлѣ́нши всѣхъ ꙗ҆вла́ется, и҆ ꙗ҆́кѡ на[illegible] тии дѣ́лателе въ виногра̑, поне́сшеи тѧготу дн҃е и҆ ва́ръ, съ пре[illegible] шими ѿ пе́рвыи на́десѧть ча̑, ра́внѣмъ сподо́блени бы́ша мздѣ̑, бл҃ bл҃года́ти тако и҆зво́лши, ѿ послѣ́днїи вѣкъ, томоу́ же дѣлу ꙗ҆ко[illegible] сїа̑ новаа̑ проповѣ́дника и҆ свѣти́лника всеи вселе́ннѣи, ꙗ҆ по́д[illegible] до́брымъ и҆ вѣ́рою крѣ́пко препоꙗ́савше чресла̑ своа, проидо́ста, [illegible] сл҃нце, те́мнаа̑ мѣста стопа́ми своими просвѣща́юща, всѧ́ку [illegible] пога́нскую дх҃о́внымъ ѡ҆гне̑ попала́юща і҆ ере́тичьскую, не поща[illegible] ща дш҃а своѥ́а̀, ни пощада́ща телеси своѥ́го, но̑ всегда гото́ва [illegible] щи за пра́вую вѣ́ру сла́стно и҆спити хв҃оу ча́шу. въ срачи́нѣхъ же и҆ коза́рѣхъ ꙗ҆вльшаса непобѣ́дна, но̑ ꙗ҆ко же дв҃дъ иноплемен[illegible] иногда низложи́въ горды́ню, ѥ҆го̀ потреби, проѡ҆бразова́въ тр҃цу тре[illegible] ка́мени, и҆ своимъ ѥ҆моу мечемъ главу ѿсѣкъ, и҆ хвалоу̑ прї́атъ [illegible] тма̑ ѿ сн҃ѡвъ ї҆и҃левъ, та́кожде и҆ сїа ѿц҃а трїоупоста́сну [illegible] слугѣ̑ суща и҆ проповѣ́дника, въ собо́рѣхъ срачи́ньскыхъ и҆ жидо[illegible] скыхъ ѡ҆брѣ̑шеса, своими имъ книгами и҆ ꙗ҆зыкѡ̑ бохи́нтови [illegible] и҆ жидо́вьскоую глобоу дх҃о́внымъ мечемъ ѿсѣкше, потребиста, ꙗ҆ко плевелъ и҆ попали́ста дх҃о́вною бл҃гтїю, а҆ сло́во гн҃е всѣ́аста, ꙗ҆ко и҆ пшени́цу, въ ср҃чнѣ̑ селѣ, и҆ всѧ̑ наслади́ста медото́чными словеси. трибезнача́лнаго же бж҃тва ꙗ҆сно и҆сповѣдаста, оу҆каза́ста въ ѥ҆ди номъ соущьствѣ раве́ньствомъ сїа́юща ѿц҃а и҆ сн҃а и҆ ст҃го дх҃а. тако а҆ оу҆лови́ста, ꙗ҆ко и҆ рыбы слове́сною мре́жею, и҆ крести́ста ѿ коза́ръ чт҃ныа чади до двою сту̑, развѣ̑ же́нъ и҆ дѣте̑. трег[illegible] похвалоу ѿ всеа̀ цр҃кви прїи́мша, преидо́ста ѿ доуна́а на запад[illegible] страны, бл҃говѣствующа сло́во бж҃їе въ ꙗ҆зыкъ новъ, и҆ ве́сь цр҃ко вныи зако́нъ прело́жша ѿ гре́чьскаго, въ свои имъ ꙗ҆зыкъ преда́ста, треꙗ҆зы́чникомъ глобу низло́жша, потребиста, ꙗ҆ко плѣвелъ ѿ пшени ца ѿвра́щша ти чисто цр҃кви и҆ свѣтоѡ҆бра́зно жито преда́ста. и҆ за́падних же страна̑ панѡ́нстѣхъ и҆ моравьскахъ страна̑, ꙗ҆ко сл҃нце въсїавъша, мрака грѣхо́вного ѿгна́въша, просвѣти́ша [illegible] наоучи́ша оу҆чн҃кы цр҃ко́вному чину и҆спо́лнь. и҆ та́ко тече́нїе сво[illegible] чава́юща, пути са ꙗ҆ста ри́мскаго, а҆пл҃кому пр҃тлу поклони́тиса, [illegible] доуще съ собою на сїще́нїе дх҃овны плѡ̑. ѥ҆же слышавъ а҆посто[illegible]

ирѣанъ, изыде противу има далече ѿ града римьска, і тако же а ріатъ, ѩко агга бжіа, и оученію прилюбль, постави блаженнаго мефодіа на прозвитерство, і оучникы ею.

Приближиса време покои пріати престому и преблаженному ѿцу нашему и оучителю, константиноу ѳилосоѳу. видѣвъ явленіе ѿ га ѡ покои свое, облечеса в черны ризы, и днь же нарекъ поба своего, пребысть до него днь, веселаса и слава бга. и тако оун ѿ гдѣ, в лѣто, ҂ѕтоз, е. и приложиса къ ѿцемъ своимъ, пррком і апломъ, мчнко и всѣ стымъ. и положиша и в црькви стаго климента, идеже начаша многа исцѣленіа бывати ѿ честнаго гроба его, слѣпіи абіе начаша просвѣщатіса, недужніи цѣлитиса, бѣси исходити. еже видѣвше римлане, паче са приложиша къ стыни го. спь же пречтнаго и блгочтнаго мефодіа на архіепьство, на столъ стго андроника, апла в панонїи ѿ седмидесѧт, поустиша и на страны словеньскія оучить въ ѩзыкъ ихъ, написавъше епистолію сію къ кнѧземъ страны тоа, ростиславу, и святополкоу и къцелу адріанъ еппъ, рабъ всѣмъ рабѡ бжїемъ, къ ростиславу, и святополку, и къцелу. слава в вышни бгу, и на земли миръ, въ члцѣ благоволеніе. ѩко ѡ вас слышавше дховныѧ радости, ѩже имате на спасеніе, слемъ брата нашего, чтнаго мефодіа, сщенна на архіеппьство на страны ваша, ѩкѡ есте просили оу нас, да вы оучитъ, въ ѩзыкъ вашь прелагаа книгы, да са исполнить пррчьское слово, ѩкѡ глаша хвалите га вси ѩзыци, и похвалите его вси людіе. и всакъ ѩзыкъ исповѣсть, ѩкѡ и гь іс хс въ славу бгу ѿцу, аминь. и въ чаліи рече гь, посылаа своа оученикы шеше, наоучите вса ѩзыкы, крстаще а въ има ѿца и сна и стго дха, оучаще блюсти вса, елика заповѣдахъ вамъ, і се азъ с вами есмь вса дни до скончаніа вѣка, аминь. вы же, чада възлюбленнаа, послушайте оученіа бжіа, еже в послѣднаа времена предано быть, вашего ради спсеніа, да, поучающеса разумно, плѡ достоинъ сътворите, и пріимѣте конецъ нетлѣненъ в сіи вѣкъ и въ градущіи съ всѣми стыми и въ вѣкы, амінь.

Дошешоу же емоу въ страны моравьскы, вси людіе с радо-

стїю изыдоша въ срѣтенїе емоу, и тако прїаша и, ꙗко аггла бжїа. и ѿверзошаса очеса слѣпымъ, и оуши глоухы, и ꙗзыци блѣснищеи възглаша мира, і ими же оусты бѣша первѣе жертвы непрїазнени въздаꙗли на капиштехъ и на вс мѣстѣ хвалили бга, тѣм же дѣти ихъ словесныа и бескверныа слоужбы бгоу въздаютъ за весь миръ, и въ всакомъ мѣстѣ има бжїе прославлаетса въ ꙗзыкѣх новѣ, емоу ꙗвиса проповѣдникъ и апль новъ, въсїавъ, ꙗко слнце, мглоу невидѣнїа ѿгона и благоразоумны свѣтомъ всѣмъ срдца просвѣти, кротостїю же и сладостїю, вса к себѣ любовїю привлекъ, течение свое скончав, вѣроу съблюде, црькви пѣсньми оукраси и пѣнїи дховныими. и тако почи ѿ гдѣ е лѣто ѿ твари всего мира ,ѕ. тпд, е, и приложиса къ ѿцемъ своимъ, патрїархомъ, авраамоу, і исакоу, іаковоу. всѣмъ себе оуподобла, всѣхъ ѡбразъ на себѣ понош, ѡвѣмъ равенъ бывъ, ѡвѣхъ мнїи, а дроугыхъ преспѣвъ силою, и дѣтелїю, и подвигомъ, въсїавъ ꙗко слнце лътами притъчами и казанїемъ. его же помышлаюштїи медотѡчнаа словеса, нѣсть чемь сласти его дховныа приложити.

Тѣм же оубѡ кыа похвалы въздамъ вама, троуждьшимаса толико хрста ради въ восточных, и западныхъ, и сѣверныхъ странахъ, не ищоуща времениыхъ и тлѣюштихъ, нѡ вѣчныхъ и бесконечныхъ. кртъ гнь моужескы на рамо всприимше, и тѣмъ ѡбладѣвшоую грѣхомъ землю, потребльша, разориста, и всѣаста дховное сѣмѧ, и чисто црькви принесосте жито, дньмое, оучение. им же сїаста, ꙗко свѣтила, въ всемъ мирѣ, дѣмонскоую хоулоу и всакоу ересь прогнаша; велика оубѡ столпа хрьстовы црькви бѣста, небнаа чловѣка и земнаа аггла, въ плоти бесплотное житїе стажавша. блажено е трѣбо во истинноу нѡинѣ вы и въздоивша гласа многоплодна, им же напитѣста алчюштаа ꙗзыкы и жадныа напоиста живѡнаго пива, непрестаюштоу пищоу источника всѣмъ ѡбилно. кто оубѡ възможетъ достоиноу похвалоу ваю исповѣдати; полнѡсоущю всю прошедша, стопами своими, весь миръ ѡсвѣтиста. блаженъ ꙗзыкъ ваю, им же вещаста дховнаа словеса, въ спсенїе бесчисленоу ꙗзыкоу, благодхновенный даръ ѿ бга прїимша. мракъ невидѣнїа всюдоу прогнаста, собою

ѡбразъ всѣмъ прѣлагающа, ѿ оустнꙋ дховнꙋ сласть истачающа, поганствоу же всакомꙋ разрꙋшиника акистаса, еретикомъ сꙋпостата, бѣсомъ прогоиника, свѣтъ ѡмраченнымъ, оучитела младенцемъ, истачающа дховнꙋю сладость, алчющимъ нескꙋднаа пища, жаднымъ непрестаан источникъ, нагымъ ѡбилное одѣнїе подающе, сирымъ помощника, страннымъ прїимника, болнымъ посѣтитела, печалнымъ оутѣшитела, напастнымъ защитника, вдовамъ и сиротамъ помощника, слѣпымъ свѣтодатела, влающимса в мѡри житейстѣмъ великаа аикꙋра, стѣна и покровъ припадающи к вама, иꙋдейомъ сꙋпостата, исповѣдника ст҃ѣи т҃рци, съвершитела бж҃їю смотренїю, величьствꙋ бж҃їю слоужитела, источника бж҃їю словеси, недвижима стоапа х҃вы црькви, печать правдѣ, щитъ вѣрѣ, шлемъ сп҃сенїю, масъ многоплодень, лоза медоточна, сѫти медвенїи словеса ваю, ими же насладиста всю вселеннꙋю, яко бисеръ многоцѣненъ источника, съкровища г҃ни, вмѣстилища бж҃їа смотренїа, ѡбителища бж҃їю смотренїю, съсꙋда ст҃омꙋ д҃хꙋ избраннаа, пронесшаа има х҃во по всей земли, к҃ртꙋ похвалꙋ на себѣ понесша, временнаа презрѣвша, а вѣчныхъ наслажденїе прїимша, непрестаино пр҃бнаа и истиннаа пастыра, за избранное стадо ваю подвижно помолитаса, страсти ѿженꙋще, бѣдъ и напастей избавлающы, просвѣтита ны с҃рчныи ѡчи и оумъ оутвердита достоино наслѣдовати стопамъ ваю, немощи наша на са вземлюща, свыше силꙋ подадита, да достоино поживше ѿ х҃ртѣ, наслѣдницы трꙋдꙋ ваю ѡбразцема и проповѣдницы правей вѣрѣ, юже имъ еста предала, да вси единогласно прославать трест҃ое бж҃тво ѡ҃ца и с҃на и ст҃го д҃ха, и н҃ѣ и п҃рно и в вѣкы вѣкомъ. аминь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стран.	Строк.	
Въ заглавіи	2.	сътворшемꙋ вм. сътворьшема.
	3.	на новый ветхый законъ вм. новый и ветхый законъ.
	4.	въ ѧзыкы вм. въ ѧзыкъ.
	5.	Проп. и передъ архіеѡмъ, и стоящее і передъ [illegible] лишнее.
66,	19.	оукрасистаса и дшею и оумѡ вм. оукрасиста и дшею и оумъ.
67,	1.	оугодно вм. оугодиъ.
68,	2.	Проп. посредѣ вельможъ послоужите.
—	14.	къ вестꙋженіи вм. стꙋженіи.
68,	2.	Проп. посредѣ вельможъ послоужите.
—	4.	пройде вм. пройдите.
—	—	[illegible] вм. [illegible].
69,	17.	сїя вм. сїанъ.
70,	26,	предасть вм. предаста.
—	30.	просвѣтивша вм. просвѣтиша.
72	30.	прошедшꙋ вм. прошедша.
73,	8.	Проп. славимъ.

VIII.

Четь-Минея на Апрѣль XVI вѣка, находящаяся въ Библіотекѣ Московской Духовной Академіи, а прежде принадлежавшая Іосифскому Волоколамскому монастырю и состоявшая подъ № 596, л. 46—54.

—

Мц҃а того́ въ .д҃. дн҃ь слѡ́во похвално на пам҃ѧ ст҃ымъ и҆ преслáвныи҆ оу҆чт҃лемъ слѡ́веньскꙋ ѧ҆зыкꙋ, є҆́творшема писмены є҆мꙋ и҆ прелѡ́жьшема новый и҆ ветхый законъ въ ѧ҆зыкъ и҆хъ, бл҃жнномꙋ кѷрилꙋ и҆ а҆рхїеп҃пꙋ панонскꙋ, меѳѡ́дїю. бл҃ви ѿч҃е.

Бг҃ꙋ и҆ сп҃сꙋ нашемꙋ, і҆с҃ хр҃тꙋ, мнѡ́гымъ и҆ неи҆зреченнымъ чл҃колюбїемь, помилѡ́вавшꙋ рѡ́дъ чл҃ческый, и҆ не трьпѧщꙋ създанїа своє́го, лестїю дїа́волею ѡ҆держжнима, низлѡ̈жи себе въ смиренїе волное, и҆ въплощьсѧ ѿ ст҃го дх҃а и҆ ѿ пр҃тыѧ и҆ ѿ славныѧ бц҃а и҆ прно дв҃ы мрїа́, на земли ꙗ҆вльсѧ и҆ съ чл҃кы поживе, и҆ съѻ҆бразенъ быв͛ телеси нашемꙋ, ѡ҆сꙋди гр҃ъ плѡтїю своє́ю, да оумирающеи ѡ҆ а҆дамѣ, ѡ҆ хр҃тѣ ѻ҆живоуть. тъ бо є҆сть миръ нашь, сътвори ѡ҆боѧ и҆ є҆ди́но, преѡ҆граженїе ѡ҆градѣ разрꙋшь, кр҃томь оу҆бивь враждꙋ, и҆ пръвенець бы҃ и҆з мр҃твы, собою наставль родъ чл҃чь на неи҆сткнныи҆ поуть, вшедъ же на нб҃са, сѣде ѡ҆ десною пр҃тла величествїа на нб҃сехъ, запове давъ и҆скоусиꙋ рѡ҆доу чл҃чю, хѡтай въ последнѧѧ времена прїити соудити живымь и҆ мр҃твымь, и҆ въздати комꙋжо по дѣломъ є҆го, ꙗ҆ко праведенъ сꙋдїи. не хѡ́щеть бо смр҃ти грѣшникꙋ,

нѡ ѡбращенїю его и покаанїю, аще наипаче прилежитъ на злобоу кожо члкъ. не ѡстикнїт бо създанїа своего млтивый бгъ, ни злы дѣла рꙋкоу своею, нѡ на кладо лѣта и времена изъбра мꙋжа, к ими дѣла ихъ и подвиги людемъ, да быша, тѣмъ подобащеса, живоуть вѣчный ѡбрѣли. и по тѣ прркы, по пррцѣхъ же апли, и по аплѣхъ мчнкы и праведныа мꙋжа. и оучтла. еже са и събысть въ .з. вѣкъ нашь. рѣша бо ѡни· слѣпїи прозрать, глꙋсїи оуслышать слѡво книжное. и вси вѣзгать разлнчныа азыкы велнчїа бжїа.

Бѣ же въ селоуньстѣмъ градѣ мꙋжь нѣкыи, именемъ лѣвъ, члкъ непороченъ, истиненъ и бгоутець, ѡгребаяса ѿ всакыя злобы и исполнаа вса заповѣди бжїа, ꙗко же їѡвъ. живый же въ кротости и гѡвѣнїи, седмѡроденъ ѡбрѣтеса, ꙗко же и їѡвъ. ѡ нѣкоиже и пррк глеть· блженъ мꙋжь боанса га, въ заповѣдѣ его въсхощеть зѣлѡ. сѣмꙗ его на земли воудеть сила его, родъ праведныи блжитса. слава и богатьство в дѡмоу его, правда его пребываеть в вѣкы вѣкꙋ. ис того бо корене восїаста изрдине двѣ лѣторасли свѣтозрачни. блгыи плодъ на себѣ нѡсаща, житїе же непорочно ѿ юности имоуща. премоудрѡ бо себѣ ꙗко и сестроу сътвѡрша, юже оукрасиста и дшю и оумъ, любовїю же и вѣрою, дроугъ дроуга ею преспѣваста, мдростїю цвѣтоуща присно, ꙗко цвѣтець блгооуханный. родомъ сын менїи блаженныи констаннинъ, а оумомъ и добродѣтелми смерно възлѣтаа, ꙗко же ѡрелъ дховныма крилома, ти бгозарнымъ свѣтѡмъ оума просвѣщь си. съсоудъ изъбранъ стмоу дхоу, и тѣмъ свѣтаса всѣмь оученїемъ философьскы, нескꙋдное съкровище ѡбрѣтеса. ꙗко же бо источникъ всю исплъняа вселенꙋю, напоиша жадныа слѡвесе бжїа, ꙗко же рече самъ гь бъ нашь, ис хс· вѣрꙋаи въ мꙗ. ꙗко же книгы рекша, рѣкы ѿ чрева его потекоуть воды живы, сирѣчь, дарове животворащаго дха. кои бо въсхыть в немъ, излїаса оустнама его, и всю вселеноую властью възвесели, слѡве разсмыа вѣлникѡ азыкы, противоу своемоу разоумоу. ба бо ему даръ дꙋховный, азыкы глати, ꙗко и аплмъ. старѣиши же его братъ, преблжнныи меѳодїи, из млада житїискыа сана начатъ прїимаати. мꙋдростїю бо ꙗко цвѣть блгооуханенъ цвѣтый, всѣми

лакамн бы любнмъ. въ бесѣдаⷯ бо ꙗко соломѡнъ ꙗвлашеса, дивныꙗ притча и наказанїа и въпрашанїа изнѡса и(зъ) срⷣчнаго села, и на лꙋжбѣ всѣмъ оугѡднъ, ꙗко и крилатъ, ѡбрѣташеса, и на воинѣ ꙗко самсонъ, и гедеѡнъ, и їсъ навгинъ страшенъ ꙗвлашеса. тѣмже и воеводьскый санъ прїимъ, пѡбысть к немъ малѡ, и разоумѣвъ многомлатежныи сеи свѣтъ, ꙗко сѣнь прехѡдащь непѡлезньно, паче же слѡво, ꙗко и стрѣлоу въ срⷣци си прїимъ, ꙗко же рече: каꙗ польза есть чл҃кꙋ, аще весь миръ приѡбращеть, а дш҃ю свою отъщетить, ли погоубить; ли что дасть чл҃къ измѣноу на дш҃и своеи; временнѣи же земными нб҃наꙗ, временна оубо ѿмѣтаꙗ ѿ себе, прегра, къ вѣчныꙗ подвигнꙋса. и шедъ въ ѡлнмбъ, постриже са въ черныꙗ ризы, чаꙗ прїати бѣлоу и нетлѣнноу агг҃лькꙋ одежоу. и бѣ повинꙋꙗса всѣмъ съ покоренїемъ и смиренїемъ, въ забдѣнїи и молитвѣ, въ стꙋженїи и слꙋженїи, въ изрядне пощенїи, въ трезвѣнїи всегда, въ ѡумиренїи дх҃овнѣмъ, въ плачи бл҃зѣ, ѿ очию источника испꙋщаꙗ ꙗко рѣкꙋ, и тою ѡмываꙗ все тѣлѡ свое. плотьскаго покоꙗ ѿноудь не вѣдыи, какъ е҃, но на всакоу нощь стоꙗ, ѿ захѡда слн҃ца до въсходаща не даꙗ сна ѡчима своима, ни вѣждама си дреманїа, ни покоꙗ брѡвьма своима, прооучаꙗса въ псалмѣхъ и пѣнїихъ и пѣснехъ доухѡвныхъ, сподвизаꙗса съпостигнꙋти житїа ст҃ыхъ ѡц҃ь, ѡвы же пресп҃ѣ крѡтостїю и млъчанїемъ, а другыꙗ постомъ, и бдѣнїемъ, и м҃лтвою, и смїренїемъ изрядно, и тако именитъ бы въ всѣхъ ѿц҃ихъ, подобенъ великѡмоу арсенїю, и антонїю, и савѣ, всѣ житїа собою свершаꙗ. м҃лтивый же бг҃ь, видѣвъ и въ тѡлицѣ трꙋдѣ пребывающа, вложи въ срⷣце братїи, иже, видѣвше подвигъ его изряденъ на слꙋжбоу бж҃їю, дроугъ къ дрꙋгоу дивлахоуса и прославлахꙋ бг҃а, дающаго бл҃гть съвыше трꙋжающимъса его ради, доньдеже патрїархъ оуслышавъ подвигъ его. бѣдиша и поставити митрополита въ чтнѣ мѣстѣ, и не могъше его томъ прїбѣдити, поставиша и игоумена въ монастыри, иже нарицаетса именемъ полихронъ, в немже баше ѡц҃ь .о҃. и по то са емъ, пребываше, ꙗко беспл҃отенъ, въ м҃лтвахъ прмо, всѣмъ всаческы, да бы вса приѡбрѣлъ. и ст҃ыꙗ бо книгы ѿ таковою въпїють, похвално гл҃юща: праведни древни вѣнчаетса, и въ

црѣствїи пожнвете. повѣсти мужь именитыи съхраните, и въ изящтїихъ притчахъ изыдете. посредѣ вельмѡ послужите, и прѣмены явитеса. по земли тужнихъ языкъ проидѣте, добро и зло въ улицѣхъ искусита. срдце свое даста оутрьне быти къ гду, створившемоу я, и прѣ вышнимъ помолистаса. и ѡверзоста оуста своя въ млтву, и о грѣсѣ свои помолистаса. аще же бгъ въсхощетъ великый, разумнаго дха напльнитеса. тѣ бо поточить глъ и мудрость ею, и въ млтвѣ исповѣдастаса гви. тѣ бо явить казанїе и оучение ею, и в законѣ завѣта гня похвалистаса. въсхвалать ею разумъ мнози, и до вѣка не потребитса и не ѿступить ею, и имя ею живеть в роды и роды. мудрость ею повѣдать языци, и похвалу ею исповѣсть црькви, ей же быста крѣпка пособника и недвижимыя стлъпа, основана на твердѣмъ камени, вѣрѣ, послѣдствовавша первоѡцемъ и патрїархомъ, вѣрою и подвигомъ дѣянїя ихъ и труды собою скончавающа, яко же и великїи патрїархъ авраамъ, прадѣдъ хвъ, вѣрою пресельникъ бывъ и пришлець въ земли тоужей, другъ бжїи нарѣса, и завѣтъ ѡбрѣзанїю ѿ бга прїимъ, вѣрою оць многымъ языкомъ наречеса.

Сїя же ста и преславная ѡца и оучтла, тою же вѣрою оуподобльшаса, ты же дѣтели скончаста. пресельника бо быста ѿчьства своего и пришелца на землю тоужоу. законъ ѿ бга прїимша, не своемоу племени, яко же авраамъ, но языку, иже не разумѣша десница своея и шоуйца, но ѥмъ же са приткнахоу, томоу са поработивше, кланахуса, яко богоу, твари, въ творца мѣсто. завѣтъ же не ѡбрѣзанїю прїимше, яко же авраамъ, но крщенїю, въ ѡставленїе грѣховъ, въ вѣкы пребывающь, самѣмъ скончанѣ и предавшимъ нашимъ, іс хсъ. мѡисѣи також съ ароном въ їерѣихъ бжїихъ, бгъ фараѡнови нарекъса, муками разлнчними єгипта оумучивъ, своя люди из работы и изведе, въ днѣ стлъпомъ ѡблачнымъ, а в нощи стлъпомъ ѡгненымъ, и раздѣль море, по сухоу проведе в пустыню, а противныя погроузи въ безнѣ, въ пустыни же безводнѣ напои я, проражь камень, и хлѣба агглка насыти. и законъ же ѿ бга прїимъ, божїимъ прьстомъ написанъ, на скрыжали бо камены.

редасть люди въ съхраненїе и послушанїе. и сїа же преблажен-аа, и бгооугодинаа уака ни уни же менша тою кѵнстаса, того е бжїа дха напоена съвыше, соугоубе блгти сподобльшеса, люди зведоста изъ многа мрачнаго дїавольскаго мора, мысльнаго фа-раона погрузивше, и всю силоу ихъ потребиста, и вѣрою въоружь-шеса и силою кртною, не въ поустыню же а извѣдоста, нѡ на свѣтъ горазумный настависта, не ис камене водоу изведша, нѡ вѣрою любесе бжїа жадныа напоиста, не ис неуювьствена же камене во-доу изведъша, ико же ї она, нѡ истекшею кровїю и водою ѿ пре-честыи ревръ га нашего, іс ха, вѣрни вѣчноую пищю и бесконеч-ни живот въ спнїе предаста, въ ѿданїе грѣхомъ подающа. е хлѣба агглъска напитаюша, нѡ истое тѣло га нашего, іу ха. за-онъ же бжїи сугоубо преложьша, въ новый мзыкъ предаста, пи-мена створиша емоу. еже бѣ са ѿ премдры и разоумны оутаилѡ, о ѿкровено бысть младенцемъ въ послѣднїи вѣкъ сима. не на крижали камены написанъ, нѡ на срць скрыжали плѡтанъ, ни скво-ѣ ѡблакъ, ни мъглою и боурею гланъ, нѡ самѣмъ гмъ іу хмъ сконтанъ и преданъ. не сѣни слоужитела, но истинне проповѣд-ника быста, ни кропленїемъ крове оуньта и козлѧ кропаща и ѡчи-щающа скверненыа къ плотьстѣи чтотѣ, нѡ стымъ крщенїемь, не тѣлѡ едино ѡчищающа, нѡ дшевную свѣщу въ срцхъ селѣ всѣмъ восїавша. ни заколеннѣи жрътвѣ проповѣдника бывша, или слу-жителѧ, нѡ бескверньнѣи и мирнѣи хртовнѣи служьбѣ слоугѣ и про-повѣдателѧ кѵнстаса, аплоамъ соупружника, на то же дѣлѡ не-равна, кресть мыслено на рамѣ своею въсприїимъша, всю вселен-ную ѡбидоста, исплънающа оученїемъ та мѣста, в ни ѡни не по-стоаша, ли оудалъженїемъ пути, ли за оумноженїе имѣхъ странъ блжнии, въ ниx же расшедшеса, мко лоуча слнчныа, свѣтомъ бго-разумнымъ просвѣтиша весь миръ.

По тѣм же стопамъ и си ходаща, и того же дха напоена ѿ ига, томѹ же словеси быста проповѣдника и ловца апла, не на ту-жемъ ѡснованїи своѐ дѣлѡ полагающа, нѡ изнова племена въобраща-ша, и свершиста въ мзыкъ новъ. посла же восїавша, мко оутр-

нала звѣзда, ѿ слнца свѣть пріемлющи, свѣтлѣиши всѣ ꙗвлаетса, ꙗко же наати дѣлателе в виноградъ, понесъшей таготу дне и вара, съ пришедшими въ .аі. ча, равнѣ сподоблене быша мъздѣ, блгіи блг̃ти тако изволши, въ послѣдніи вѣкъ томоу дѣлу ꙗвити сіа новаꙗ проповѣдника и свѣтилника всеи вселенѣи, иже поꙗвигомъ добрымъ и вѣрою крѣпко препоꙗсавъша чресла своа, проидоста, ꙗко слнце, темнаа мѣста стопами своими просвѣщающа, всакъ мълвоу погансъкую дховный огнемъ попалающа и еретичьскую, не пощадаща дш̃и своеа, ни пощадаща телесе своего, нъ всегда готова соуща за правую вѣру сластно испити ч̃шу. въ срацинѣхъ же и козарѣхъ ꙗвльшаса непобѣдима, нъ ꙗко же двдъ иноплеменникъ иногда, низложивъ гордыню, его потреби, проѡбразовавъ троицу треми камении, и своимъ емоу мечемъ главоу ѿсѣкъ, похвалоу пріатъ въ тмахъ ѿ сыновъ изл̃въ, тако же и сіа ѡц̃а тріоупостасноу бж̃ству слоугѣ сща и проповѣдника, въ евреѣхъ срацинѣхъ и жидовьскыи ѡбретшаса, своими и книгами и ꙗзыкомъ, бохмитовы блади и жидовьскую злобоу дховнымъ мечемъ ѿсѣкоша, потребиста, ꙗко плевелъ, и попалиста дховною блгтію, а слово гн̃е въсѣꙗста, ꙗко пшеницу, въ срдцихъ селы, и вса насадиста медоточными словесы, тріипостасънаго же бж̃тва ꙗсно исповѣдаста, оуказаста въ единомъ сщьствѣ равеньствомъ славоуща ѡц̃а и сн̃а и стго дха. тако и оуловиста, ꙗко и рыбы, словесною мрежею, и кр̃тиста ѿ козаръ чтныа чадѣ до двою сту, развѣ женъ и дѣтіи. трегубоу похвалу ѿ всеа црквѣ пріимша, преидоста ѿ дочнаа на западныа страны, блговѣствующа слово бж̃іе въ ꙗзыкъ новъ, и весь црьковный законъ преложьша ѿ гречьска, въ свои ꙗзыкъ предаста. трезычникомъ же законоу низложьша, потребиста, ꙗко плевелъ ѿ пшеницу ѿвѣргьша, ти что правѣи и свѣтоѡбразно житію предаста. въ западны же страны, панонъстѣхъ и моравьскыхъ странахъ, ꙗко слнце восіавша, мрака грѣховнаго ѿгнавша, просвѣтиста корнелиа, и възрастиша оученикы црквныа чины исполни. и тамо теченіе свое скончавающа, пути са ꙗвиша римьскаго, апостолскоу трапезоу приимъ, ꙗко же сѣмени на оубоищіе доуховный плодъ. еже сливаатъ апостолы

Андрїанъ изиде противу има далече ѿ града римъска, и тако же а прїатъ, ꙗко агг҃ла бж҃їа. и оучeнїе ею приꙋбль, пωстави бл҃жинаго меѳодїа на прозвитерьство, и оученикы ею.

Приближи же са време покой прїати прест҃моу и преблж҃номоу ѡ҃цю нашемоу и оучт҃лю, костантину философоу. видѣв же ꙗвленїе ѿ бг҃а ω покой своемъ, ѡблечеса въ черны ризы, и днь же нарекъ покоа своего, пребы до се дне, веселаса и славѧ бг҃а. и тако почи ω гн҃ в лѣто ҂ѕ.т.ѻ.ꙁ҃. е. и приложиса къ ѡ҃цмъ своимъ, прр҃комъ и ап҃ломъ, мч҃нкомъ и всѣмъ ст҃ымъ. и положиша и в цр҃кви ст҃го климента, идѣже начаша многа исцѣленїа бывати ѿ чтнаго гроба его, слѣпїи абїе начаша просвѣщатиса, недужнїи цѣлити, беси исходити. еже видѣвше римлане, паче са приложиша къ ст҃ни его. сп҃ьше же преч҃тнаго и бгч҃тнаго меѳωдїа на архиеп҃пьство, на столъ ст҃го ап҃ла андроника в панонїи ѿ .ѻ., пустиша и на страны слωвѣньскыа оучить въ ꙗзыкъ и, написавше епистолїю сїю къ кназемъ страны тоа, ростиславу, и ст҃ополку, и коцьлю· андрїанъ еп҃пъ, рабъ всѣмъ рабомъ божиимъ, къ ростиславу, и ст҃ополку, и коцелю. слава в вышнї бг҃у, и на земли миръ, въ чл҃цѣхъ бл҃говоленїе. ꙗко ω васъ слышавше дх҃овны радωсти, ꙗже имате на сп҃се, слемъ брата наше, чтнаго меѳодїа, сщ҃нна на архїеп҃пьство на страны ваша, ꙗко же есте просили оу насъ, да вы оучить, въ ꙗзыкъ прелагаа книгы, да са исполнить пррч҃ьское слωво, ꙗко же рѣша· хвалите г҃а вси ꙗзыци, и похвалите его вси людїе. и· всакъ ꙗзыкъ исповѣсть, ꙗко же и гь іс хс въ славоу бг҃у ѡ҃цю, аминь. и въ еѵ҃лїи рече гь, посылаа своа оучн҃кы· шедше, наоучите вса ꙗзыкы, кр҃таще а вω има ѡ҃ца и сн҃а и ст҃го дх҃а, оучаще а блюсти вса, елика заповѣдахъ ва, и се азъ с вами есмь вса дни до коньчины вѣкоу. аминь. вы же, чада възлюбленнаа, послушаите оученїа бж҃їа, еже въ послѣднаꙗ времена предано бы, ваше ради сп҃нїа да, пооучающеса разумно, плω достоинъ створите, и прїимете вѣнець нетлѣненъ и въ сей вѣкъ и въ градущїи, съ всѣми ст҃ыми въ вѣкы. аминь.

Дошедшю же ѥмꙋ въ страны мѡравьскы, вси людїе съ радостїю изидѡша въ срѣтенїе ѥмоу, и тако прїаша и, ꙗко агг҃ла бж҃їа. и ѿверзошаса ѻчеса слѣпымъ, и оушеса глꙋхымъ, и ꙗзыцы блъсноурсїи въхвалиша мира, и ими же оусты бѣша первѣе жрътвы непрїазнины въсхвалили на кладазнихъ, и на всѣхъ мѣсте хвалѡвали бг҃а, тѣми же дѣти и слѡвесныа и бесквернныа слꙋжбы бг҃оу въздають за весь миръ, и въ всакомъ мѣстѣ има бж҃їе прославлаѥтса въ ꙗзыцѣхъ иовъ, ѥмꙋ же ꙗвиса проповѣдникъ и ап҃лъ новъ, въсїавъ, ꙗко с҃лнце, мъглꙋ невѣдѣнїа ѿгона, и бг҃оразоумнїи свѣтомъ вса срѣда просвѣти, крѡтостїю же и сластїю, вса к себѣ любовїю прївлача, тѹченїе свое скончa, вѣроу съблюде, цр҃кви пѣн҃ми оукраси и пѣнии дх҃овными. и тако почи ѡ г҃и в лѣто ѿ твари всего мира ,ѕ. т҃. о҃. д. е. и приложїса къ ѻц҃мъ своимъ, патрїархомъ аврааму и Исаакоу и Iакѡвоу, всѣмъ себе оуподѡбль, вcѣ ѻбразъ на себѣ ноноше, ѻвѣмъ равенъ бывъ, ѻвѣх миїи, а дрꙋгїи преспѣвъ силою и дѣателїю, и подвигомъ, восїавъ, ꙗко с҃лнце, лꙋчами прїтоуча и казанїемъ. ѥго же помышлающи медотоучнаа слѡвеса, нѣсть тѣмъ сласти ѥго дх҃овныа приложити.

Тѣм же кыа оубо хвалы въздамъ вама, трꙋжьшимаса толико ха ради въ въстѡчны, и западны, и сѣверьскы страны, не иже времены и тлѣющи, но вѣчны и бесконечны, кр҃тъ г҃нь на раме въспрїимъша, и тѣмъ ѡладѣвшю грѣхомъ землю, потребльша, разѡриста, и всѣаста дх҃овное сѣма, и что цр҃кви принесоста жито, дѣиное оученїе и тѣм же сїаѥта, ꙗко свѣтила, въ всемъ мирѣ, демоньскоую хꙋлоу и всакꙋ ересь прогнавша; велика оубо стоала хв҃и цр҃кви быста, нб҃наа чл҃ка и земнаа аггл҃а, въ плѡти бесплотное житїе стажаста. бл҃жьно е въ истинꙋ чрево, ношьшее вы, и въздоивша г҃са многоплѡдна, им же напитѣстѣ алчющаа ꙗзыкы и жадныа напоиста животнаго пива, непрестающꙋ пищꙋ источнива всѣмъ ѻбилнѡ. кто оубо възмѡжеть достоинꙋ пѡхвалоу вамъ исповѣдати; пѡл҃нюю всю прошедша, стопами своими весь миръ ѡсѣниста. бл҃гвенъ ꙗзыкъ ваю, им же насѣаста дх҃овнаа слѡвеса въ чеꙋ бессмысленꙋ ꙗзыкоу, бг҃одхновенный даръ ѿ бг҃а прїимша,

мракъ невѣдѣнїа всю прогнаста, собою ѡ҆бразъ всѣмъ пре́лагающа, ѿ оу҆стиꙋ дх҃ѡвнꙋ сладѡ́сть и҆стачающа, поганьствꙋ же всѧкомоу разроушника ꙗ҆вистасѧ, е҆ретикомъ сꙋпостата, бѣсомъ про́гонника, свѣтъ ѡ҆мрачены, оу҆чт҃лѧ младе́нцемъ, и҆стоуающа дꙋховноую сладость, а҆лчющимъ нескꙋднаа́ пища, жаднымъ непрестаай и҆стоуникь, нагымъ ѡ҆бильно ѡ҆дѣа́нїе подающа, си́рымъ помощника, страннымъ прїи́мника, бѡ́лнымъ посѣтителѧ́, печалны оу҆тѣшителѧ, напастнымъ защитника, вдѡ́вамъ и҆ си́рѡтамъ помощника, слѣпымь свѣтодателѧ, влающи́сѧ в мѡ́ри жи́тїистѣмъ великаа́ а҆нкѵ́ра, стѣна и҆ покровъ припадающимъ къ вама, їоу҆деѡ́мъ соупостата, и҆сповѣдника ст҃ѣи тр҃ци, свершителѧ бж҃їю смѡ́тренїю, величьствꙋ бж҃їа́ слꙋжителѧ, и҆стѡ́чника бж҃їю слѡ́веси, недви́жима столпа хв҃ѣ цр҃кви, печать правдѣ, щитъ вѣрѣ, шлем спс҃нїю, класъ мнѡ́гоплѡ́денъ, ло́за медотоуна, соти медвенїи слѡ́веса ваю, и҆ми́ же насладиста всю вселенноую, ꙗ҆ко бисеръ мнѡ́гоцѣненъ и҆стѡ́чьшѧ, с҆кровищи гн҃и, въмѣстилищи бж҃їа́ смѡ́тренїѧ, ѡ҆бителище бо҃ю смѡ́тренїю, съсꙋда ст҃мꙋ дх҃оу и҆збраннаа́, пронесшаа́ и҆мѧ хв҃ѡ по всеи земли, кр҃тꙋ похвалꙋ на себѣ понесъша, временнаа́ презрѣвшѧ, а҆ вѣчны наслаженїе прїи́мшѧ. непрестанно прп҃бнаа́ и҆ и҆стиннаа́ пастырѧ, за и҆збранное стадѡ́ ваю подвижно помолитасѧ, стр҃ти ѿженꙋща, бѣдъ и҆ напастей и҆збавлѧющa, просвѣтита и҆мъ ср҃чнїи ѡ҆ч҃и и҆ оу҆мъ оу҆твердита, достоино послѣдовати стѡ́памъ ваю, немѡ́щи наша на сѧ възи́мающа, свыше силꙋ подадита, да, дѡ́стоино поживше ѿ хв҃ѣ, наслѣдницї трꙋдоу ваю ѡ҆брѧщꙋтсѧ и҆ проповѣдници правѣи вѣрѣ, ю҆же и҆мъ е҆ста предала, да вси е҆диногл҃но прославѧ́ трист҃ое бж҃ство ѡ҆ц҃а и сн҃а и҆ ст҃го дх҃а, нн҃ѣ и҆ прп҃о и҆ во вѣки вѣко҃. аминь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стран.	Строк.	
—	2.	с҆ъ҆творшемоу вм. с҆творшема.
—	3.	на новы ветхый ꙁаконъ вм. новый и҆ ветхый ꙁаконъ.
—	4.	въ а҆ꙁыкы вм. въ а҆ꙁыкъ.
—	—	Проп. и҆ передъ а҆рхїеп҃пъ.
—	5.	и҆ лишнее передъ меѳѡ́дїю.
75.	11.	ꙁаповѣдавъ вм. ꙁаповѣ̂ давъ.
76.	19.	оу҆красистаса и҆ дш҃ею и҆ оу҆момъ вм. оу҆красиста и҆ дш҃ю и҆ оу҆мъ.
77.	3.	оу҆гѡ́дно вм. оу҆гѡ́днъ.
—	14.	вестꙋженїи вм. стꙋженїи.
78.	4.	и҆скꙋла боудета вм. и҆скꙋсита.
79.	8.	неѵювьствена же не и҆с камене вм. не и҆с неѵювьствена же камене.
—	12.	Проп. не хлѣба а҆гг҃льска капитаю́ща.
—	15.	но̂ вм. то.
—	17.	гл҃а вм. гл҃анъ.
—	33.	Проп. бъ передъ ꙗ҆ꙁыкъ.
80.	6.	препоѧ́савъшаса вм. препоѧ́савъша.
81.	27.	оу҆чащаа́ вм. оу҆чаще а́.
82.	33.	ꙗ҆зы́ вм. ꙗ҆зы́коу.
83.	11.	бж҃їа́ вм. бж҃їю́.
—	12.	и҆стѡ́чии вм. и҆стѡ́чиккa.

IX.

о большимъ Четь-Минеямъ Макарьевскимъ Новгородскимъ, Мѣсяцъ Октябрь, прежде въ Софійской Библіотекѣ, нынѣ же въ Петербургской Духовной Академіи, л. 293 и слѣд., лѣта 7049, № 1318 (см. Житіе Кирилла подъ № VIII).

—

Тои ж дн҃ь слово похвално на памѧть ст҃ымъ и преславнымь оучителемь словеньскоу ѩзыкоу, сотворшема писмены ѥмоу и преложьшима новый и ветхїи законъ въ ѩзыкъ и, блаженьномоу кирилоу и архиеп҃поу панонькоу меѳодию. бл҃ви ѿч҃е.

Б҃гоу и сп҃соу нашемоу, і҃съ х҃оу, многы҃ и неизреченными чл҃колюбиемь помиловавшю ро҃ чл҃чьскый, и не терпащю создания своего лестїю дїаволею ѡдержима, низложи себе во смиренїе волное, и воплощьса ѿ ст҃го д҃ха и ѿ прч҃тыа и ѿ славныа б҃ца и присно дв҃ы м҃рна, на земли ѩвльса и со чл҃ки поживе, и соѡбразенъ бывъ телеси нашемоу, ѡсоуди грехи плотїю своею, да, оумираюцїи ѡ адамѣ, ѡ х҃ѣ ѡживоуть. тъ бо е҃ миръ нашь, сотвори и ѡбоа и едино, преѡграженїе ѡградѣ разроушь, кр҃тѡ оубивь вражоу и первенець бы҃ изъ м҃ртвы҃, собою наставль ро҃ чл҃чь на неистлѣнный поуть, възшед же на н҃беса, сѣде ѡ десноую пр҃тола величествїа на высоки҃, заповѣ давъ искоусноу родоу чл҃чю, хотай въ послѣнаа времена ходити соудити живы и м҃ртвы и воздати комоужо по дѣлѡ его, ѩко праведенъ сѫдїи. не хощеть бо см҃рти грешникоу, но ѡбращенню его и покаанїю, аще наипаче прилежитъ на злобоу кожо чл҃къ. не

ѡставӥ бо созданиа своего милостивый бъ, ни забы дѣла рукоу своей но на коиждаа лѣта и времена изьбра моужа, и аки дѣла и и под книгы людемь, да быша, тѣмь подобащесѧ, животь вѣчный ѡбр и по тѣхь пррокы, по пррцѣх же апли, и по аплѣхь мчнки и праведныа мужа и оучителѧ. еже сѧ и събы въ .з. вѣкь нашь. рша бо ѡни· слѣпии прозрѧ, глусии оуслышать слово книжное, и вс возглають разлиуны азыки велиуиа бжиа.

Бѣ же въ селоунстѣмь градѣ моужъ нѣкїи, именемь левъ, тїи непороуенъ, истинѥнъ и бгоутець, ѡгрѣбаѧсѧ ѿ всакїа зло исполнаа всѧ заповѣди бжиа, ако же іѡвъ. живый же въ кротост и говѣнїи, семороденъ ѡбрѣтесѧ, и ѩко же і иѡвъ. ѡ нѣкоеи же пррокъ гльть· блаженъ моужъ боаисѧ га, в заповѣдѣ его восхощет зѣло. силно на земли буде сѣма его, ро праведнй блгословить слава и бгатьство в домоу его, правда его пребываеть въ вѣки в коу. ис того бо корене въсїаста изрядиѣ двѣ леторасли свѣтоз нѣ, блвнъ плѡ на себѣ носаща, житїе же непороуно ѿ оуност имуща. премдрость бо себѣ ако и сестроу сотворша, тою оукраста и дшю и оумъ, любовию же и вѣрою, другъ друга ею преспваста, моудростию цвѣтуща присно, ако цвѣтець благоуханный. р домъ сы мни блаженныи костантинъ, а оумомь и добродѣтел выспрь возлѣтаа, ако же ѡрелъ дховныма крылома, ти бгозарнй свтомь оума просвѣщь си, сосоудъ изьбранъ стомоу дхоу, и тѣм свѣтасѧ всѣмь оученїемь филѡсофьскымь, не скоудное сокровище ѡбрѣтесѧ. ако бо источникъ, исплънаа всю вселенноую, милой ныа словесе бжїа, ѩко же рече самъ гь въ нашь, іс хс· вѣрую ма, ѩко же книгы рѣша, рѣки ѿ урева его потекоуть воды живы, сирѣчь, дарове животворащаго дха. той бо воскипѣ в немъ, ищѣ оустнама его, и всю вселенноую сластно возвесели, слово рас каа коемуждо азыку, противу своему разуму. вѣ бо емоу да даръ дховныи азыки глати, ако и аплоу. старѣиши же его брат преблаженыи мефодїи, изьмлада житейскыа саны нача примати. мудростию бо, ако цвѣтъ благооухане, цвѣтый, всѣми блгами выст люби. к бесѣда, бо ако соломонъ авлаашесѧ, дивныа притти і

казаніа и вопрошаніа износа и(съ) срчнаго села, на служвѣ ємь оугодиъ, ако и крилатъ, обрѣташеса, и на воинѣ ако и сам инъ, и гедеонъ, и ісъ навгинъ страше авлашеса. тѣм же и коево ин санъ пріимъ, новысть в немь мало, и разумѣвъ многоматежный и свѣтъ, ако сѣнь преходащь неполѣзнено, паче же гне слово, ю и стрѣлу в срци си прии, ако же рече· каа полза есть чл̃кѹ, ще весь миръ приобраще, а дшю свою отщетить, ли погубить; ли то дасть чл̃къ изменѹ на дши своей; пременивь же земными нбнаа, ременна оубо ометаа о себе, презра, во вѣчныа подвигьноуса. и и(з)шедъ въ олнмбъ, постриже са в черныа ризы, чаа пріати бѣлѹ и нетлѣнноу аггльскоу одежоу. и бѣ повинуаса всѣмь с покорениє и смиреннє, въ забдѣніи и млтвѣ, въ стоуженіи, слоуженіи, въ изадиѣ пощеніи, въ трезвѣніи всегда, во очищеніи дховнемь, во плаги блазѣ, о очию источника испѹщаа, ако рѣкѹ, и тою омываа все тѣло своє, плотьскаго покоа отнюдь не вѣдыи, какъ есть, но на всакоу нощь стоа о захода сльнца до всходаща, не даа сна очима своима, ни вѣжама си дреманіа, ни покоа бровьма своима, пооучаса во пѣлмѣ и пѣнии и пѣснехь дховни, и сподвизааса спостигноути житіа стыи оць, овы же преспѣ кротостію и молчаніемь, а другыа постомь, и бдѣние, и млткою, и смѣреніє изрядно. и тако имениъ бы во всѣ обіихъ, подобенъ великомоу арсенію, и антонію, и савѣ, всѣхъ житіа собою совершаа. млтивыи же бъ, видѣвь и в толицѣ троудѣ пребывающа, вложи в срце братіи, иже, видѣвше подвиг его израденъ на слоужбу бжию, дрҍ ко другоу дивлахуса, и прославлахѹ бга дающаго блгть свыше тружающиса его ради, юнидеже патріархъ, оуслышавъ подвигъ его, бѣдиша и поставити интронаанта въ честиѣ мѣстѣ, и не могше его томь прибѣдити, поставиша и игоумена в манастырѣ, иже нарицаєтса имене полихронъ, в нем же баше оць .о. и по то са емъ, пребываше, ако и бесплотенъ, въ млтвѣ присно, всѣмь всачьски, дабы вса приобрѣлъ. и стыа книгы о таковою вопіють, похвално глюща· премрости древни взыщетса, и во прчьствіихъ пожнвете. нокести моужь именити сохраните, и во извитіихъ притоучныи изыдѣте. посредѣ вел-

можь послоужите, и прѣ игоумены авитеса. по земли тоужихъ азыки проидѣте, добро и зло въ человѣцѣ искоусита. срце свое даста оутрьне быти къ гоу, сотворшемоу а, и прѣ вышнии помолистаса. и отверзоста оуста своа на молитвоу, и о грѣсѣ своихъ помолистаса. аще же бгъ восхощеть великии, разоумнаго дха наполнитеса. та бо потоучить гласъ и мрость ею, и в мтвѣ исповѣдастаса гви. та бо авить казание и оучениа ею, и в законѣ завѣта гнѧ похвалистаса. восхвалать ею разумъ мнози, и до вѣка не потребится и не отстоупить ею, и имѧ ею живеть в роды и роды. мудрость ею повѣдать азыци, и похвалу ею исповѣсть цркви, еи же быста крѣпка побитиа и недвижима столпа, основана на твердемь камени, вѣра послѣствовавша первооцмъ и патриархо, вѣрою и подвиго двиа и и троуды собою скончавающа, ако же и великии патриархъ авраамъ, прадѣдъ хвъ, вѣрою пресельникъ бывъ и пришлець в земли тужей, другъ бжии наречеса, и завѣ обрѣзанию о бга приимъ, вѣрою оць многоу азыкомь наречеса. сиа же ста и преславнаа оца и оутла, тою же вѣрою оукрашьша, ты же дѣтели скончаста. пресельника бо быста отчьства своего и пришелца на землю тоужоу. закон же о бга приимши, не своемоу племени, ако же авраамь, но азыку, иже не разоумѣаше десница своеа, ни шюуица, но емъ же са притъкнахоу, то тому са поработившие, кланахуса, ако бгоу, твари, въ творца мѣсто. завѣтъ же не обрѣзанию прииммше, ако же авраамъ, но крещению, во оставление грѣховъ, во вѣкы прѣсывающь, самѣмь скончанъ и преданъ гдемь нашимь, ис хмъ. моиси такожъ со аарономь во иереехъ бжиихъ, бгъ фараонови нарекьса. моуками различными егупта оумучь, божиа люди из работы и изведе, во дне столпомъ облачно, а в нощи стлпомь огненымь, и разѣль море, по сухоу проведе в поустыни, а противныа погроузи въ безднѣ, въ поустыни же безводнѣ напои а, поражь камень, и хлѣба аггльска насыти, и закон же о бга приимь, бжиимъ перстомь написанъ. на скрыжали бо камены, предасть люди въ сохранение и послоушание. сиа же преблаженнаа и бгооугоднаа чада не чимь же менша тою авистаса, того же божиа дха напоена свыше, сутогы

лгти сподобльшаса, люди изведоста изъ многамрачнаго дїавольжаго мора, мысльнаго фараѡна погроужьша, и всю силоу его поребиста, и вѣрою воѡружьшеса и силою кр҃тною, не въ поустыню ке а изведоста, но на свѣтъ бг҃оразумный настависта, не ис камене оду изведша, но вѣрою словесе бж҃їа жадъныа напоиста, не ис не ювьствена же камене воду изведша, ако же ї ѡна, но истекшею ровию и водою ѿ пречтъ ребръ г҃а нашего, іс х҃а, вѣрнымъ пищю вѣчноую и бесконечный животъ въ сп҃сенїе предаста, во ѿданїе грѣхомь юдающа, ни хлѣба аг҃гльска напитающа, но истое тѣло г҃а нашего, са х҃а. закона же бж҃їи соугубо преложьша, въ новый азыкъ преласта, писмена створша ему. еже бѣ са ѿ премудрыхъ и разоумныхъ утаило, то ѿкровено бысть младенцемь в послѣднии вѣкъ сима. не на скрижали каманы написанъ, но на ср҃дць скрижали плотанъ, ни сквозѣ ѡблакъ, ни мьглою, ни боурею гл҃анъ, но самѣмь г҃мь, іу҃ хм҃ь сконоанъ и преданъ. не сѣни слоужитела, но истинѣ проповѣдника быста, ни кропленїемь крове оунча и козла кропаща и ѡчищающа скверненыа къ плотьстѣи чистотѣ, но ст҃ымъ крещенїемь, не тѣло едино ѡчищающа, но д҃шевноую свѣщю въ ср҃чнѣмь селѣ всѣмь восїавша, ни заколеннѣи жерътвѣ проповѣдника бывша, или слоужитела, но бесквернейѣи и мирнѣи хв҃ѣи слоужбѣ слоузѣ и проповѣдателѧ авистаса, ап҃лѡмъ супружника, на то же дѣло избрана, кр҃тъ смыслено на рамоу своею восприимша, всю вселенную ѡбидоста, исполнающа оучение та мѣста, в нихъ ѡни не постоаша, ли оудалъженнемь пути, ли за оумноженїе инѣхъ странъ ближнихъ, в нихъ же рашедшеса, ако луча солнечныа, свѣтомь бг҃оразумнымъ просвѣтиша весь миръ.

По тѣмъ же стопамь и си ходаща и того же д҃ха напоена ѿ б҃га, томоу же словеси быста проповѣдника и новаа ап҃ла, не на тоужемь основанїи свое дѣло показоующа, но изнова писмена воѡбражьша, и совершиста во азыкь новъ, послѣ же восїавша, ако оутренаа звѣзда, ѿ с҃лнца свѣтъ прїемлющи, свѣтлѣиши всѣхъ авлаетса, и ако же наатїи дѣлателе въ виноградъ, понесшеи таготу дне и вара, со пришедшими въ .аі. часъ равнѣмь сподоблени быша мьздѣ, бж҃їи бл҃гти та-

ко извольши, въ послѣдннй вѣкъ томоу же двоу ꙗвити сїа вели проповѣдника и свѣтилника всей вселеннѣй, иже подвигомъ добрїи вѣрою крѣпко препоꙗсавша чресла своꙗ, пройдоста, ꙗко слнци, тьмнаꙗ мѣста стопами своими просвѣщающа, всакоу мьглоу погибьсвоую духовнымъ ѡгнемъ попалающа и еретичьскоую, не пощадающа дша своеꙗ, ни пощадаща телеси своего, но всегда готова соущи за правоую вѣроу сластно испити чашоу хвоу чашю. въ срацинѣ же и козарехъ ꙗвльшаса непобѣдима, но ꙗко же двдъ иноплеменникоу иногда, низложивъ гордыню, его потреби, прообразова троицю трими камени, и своимь емоу мечемь главоу ѿсѣкъ, похвалу прiатъ въ тмахъ ѿ сновь iнлевь, такоже же и сїа ѿца, триоупостасноу бжествоу слоузи соуща и проповѣдника, въ соборѣ срацыньстѣхъ и жидовьскй ѡбрѣшаса, своими имъ книгами и ꙗзыкомъ, бохмитовы блади и жидовьскоую злобоу дховнымь мечемь ѿсѣкша, потребиста, ꙗко плевелъ, и попалиста дховною блгодатию, а слово гне въсѣꙗста, ꙗко и пшеницю, во срдцихь сеꙗ, и вса насладиста медоточными словесы, трибезначалнаго же бжтва ꙗсно исповѣдаста, оуказаста во единомь существѣ равеньствомь сїающа ѿца и сна и стго дха. тако, а оулoвиста, ꙗко и рыбы, словесною мрежею, и кртиста ѿ козаръ чтныа чади до двою ст, развѣ женъ и дѣтѐ. трегубу похвалоу ѿ всеꙗ цркви прїимьша, преидоста ѿ дунаꙗ на западныа страны, блговѣствующа слово бжїе въ ꙗзыкъ новъ, и весь црковный закѡ преложьша ѿ гречьскаго, во свои имь ꙗзыкъ предаста. треꙗзычникои же злобу низложьша потребиста, ꙗко плевелъ ѿ пшеница ѿвращьша, ти чисто црквни и свѣтоѡбразно жито прѣдаста. в западни же странѣ, паноньстѣ и моравьскй странѣ, ꙗко слнци восїавша, мрака грѣховна ѿгнавша, просвѣтиста боукками и научьша оучении црквномоу чиноу исполнь. и тако теченїе сконьчавающа, пути са ꙗста римьскаго, апльскомоу пртлу поклонитиса, ведуща с собою на свщенїе дховный плд. еже слышавъ апостоликъ андрїанъ, изиде противу има далече ѿ града римьска, и тако же а прїатъ, ꙗко аггла бжїа, и оученїе его прилюбль, постави блаженнаго мефодїа на прозвитерьство, и оуч-

ри

Приближи же ся времѧ покоѧ прїати престолоу и преблаженномоу ѿцоу нашемоу и оучителю, костантиноу философоу. видѣв же ѧвленїе ѿ ба ѡ покои своемь, ѡблечеся в черны ризы, и днь же нарекь покоѧ своего, пребы до него днь, веселѧся и славѧ ба. і тако почи ѡ гни в лѣ ,ѕ. т. ѻ. и. з. и приложися ко ѿцемь ѕжонимь, прркѡ и аплѡмь, мчнкомь и всѣмь стыѡ. и положиша и в црквеи стго климента, идеже начаша исцеленїа бывати ѿ чтнаго гроба его, слѣпїи абїе начаша просвѣщатися недужнїи целитися, бѣси сходити, еже видѣвше римлѧне, паче сѧ приложиша ко стыни его. спщенїе же прчтнаго и блгочтнаго мефодїа на архїепньство, на столѣ стго андроника апостола во панонїи ѿ .ѻ. ноучтника на страны словенскїа оучить во ѧзыкѣ и, написавше епистолию сїю ко кнѧземь страны тоѧ, ростиславоу, и стополкоу и коцелоу: андрїанъ еппъ, рабъ всѣ рабѡ бжиимь, къ ростиславоу, и стополкоу. и коцелоу. слава в вышнии бгоу, и на земли миръ, во чл̃вцѣ блговоленїе. ѧко ѡ васъ слышавше дховны радости, ѧже имате на спсенїе, слемь брата нашего, чтнаго мефодїа, спщнна на архїепньство, на страны ваша, ѧже есте просили оу на, да вы чить, во ѧзы прелагаѧ книгы, да сѧ исполни прроческое слово, ѧко же рѣша: хвалите гда вси ѧзыци, и похвалите его вси людїе. и: всакъ ѧзыкь исповѣсть, ѧко же и гь ісъ хс во славоу бгоу ѿцю. аминь. и во еуглїи рече гь, посылаѧ своѧ оучеиики: шедше, наоучите всѧ ѧзыки, крстѧще ѧ во имѧ ѿца и сна и стго дха, оучаще блюсти всѧ, елика заповѣдах ва, и се азъ с вами есмь всѧ дни до кончины вѣкоу. аминь. вы же, чада возлюбленаѧ, послоушаите оучениѧ бжїа, еже в послѣднее времѧ предано бы, вашего ради спсенїа, да, поучающеся разумно, плѡ достоинъ створите, и примете вѣнецъ нетлѣненъ и въ сеи вѣкъ и въ градоущїи со всѣми стыми въ вѣкы. аминь.

Дошешоу же емоу во страны моравьскы, вси люде с радостїю изыдоша во срѣтенїе емоу, и тако прїаша и, ѧко аггла бжїа. и ѿверзошасѧ очеса слѣпы и оушеса глоухихъ, и ѧзыци болѣзноующеи возглашаша мира, и ними же оусты блаша первѣе жертвы не-

прїазнины возаали на кладазй и на всѣхъ мѣсте хуловали бга, тѣм же дѣти и словесныа и бескверныа слоужбы бгоу въздають за весь миръ, и во всакомь мѣстѣ има бжїе прославлаетса въ азыцѣхъ новъ, ему же ависа проповѣдникъ и апль новъ, восїавь ако слнце, мьглоу невидѣнїа ѿгона и ѡбразумнй свѣто всѣмь срца просвѣти, кротостїю же и сластию, вса к себѣ любовию привлачa, течение свое сконча, вѣру соблюде, цркви пѣми оукраси и пѣнїи духовными. и тако почи ѿ гдѣ в лѣто ѿ твари всѣ мира ,з. т. ч. и. д. и приложиса ко ѿцемъ своимъ, патриархомъ авраамоу, і исакоу і акову, всѣмъ себе оуподобль, всѣхъ ѡбра на себѣ поношь, ѡвѣмъ равенъ бы, ѡвѣхъ мни, а другыхъ преспѣвъ силою, и дѣтелию, и подвигомъ, ѡсиавъ, ако слнце, лучами притоучнами и казанїемъ. его помышлающи медотоучнаа словеса, нѣсть чемъ сласти его духовныа приложити.

Тѣм же кнаа оубо похвалы въздамъ вама, труждьшемаса толико ха ради въ восточнй, и западныхъ и сѣверьскй странахъ, не ищуща временныхъ и тлѣющй, но вѣчнй и бесконечнй, кртъ гнь на рамѣ мужески въсприимши, и тѣмъ ѡбладившу грѣхомъ землю потребльше, разориста, и всѣаста духовное сѣма, и что цркви принесоста жито, днеьное оученїе, им же сиаета, ако свѣтилѣ въ всемъ мире, дѣмоньскую хулу и всаку ересь прогнаша. велика оубо столпа цркви хвы быста, нбнаа члвка и земнаа аггла, въ плоти бесплотное житие стажавша. блженно е воистинну чрево, ношьшее вы и въздоивша класа многоплона, им же напитиста алчющаа азыкы, и жаднаа напоиста животнаго пива, непрестающу пищу источьша всѣмъ ѡбилно. кто оубо възможетъ достоину похвалу ваю исповѣдати, поднебную всю прошеша, стопами своими весь миръ ѡстиста; благословенъ азыкъ ваю, им же насѣаста духовнаа словеса, во спсенїе бечисленну азыку, бгодхновенный даръ ѿ бга прїимша, мракъ невидѣнїа всюду прогнаста, собою ѡбра всѣмъ предлагающа, ѿ оустну духовну сласть истачающа, поганьству же всакомоу разрушьника ависта, еретико супостата, бѣсо прогонника, свѣтъ ѡмраченымъ, оучитела младеньцемъ, источающа духовную сласть, алчющи

и архиеппоу паноньску мефодию

скуднаа ниша, жаны напаяа источникъ, нагы оболко [illegible], ...вающе, сиры помощника, странным приимника, болни [illegible], ... печални оутешитела, напастьны защитьника, вдова и сиротам ...мощника, слепым светодатела, влающимса в море житиистем ...анкаа анкира, стена и покровъ припадающи к вамъ, июдеемъ си... ...стата и исповедника сти трци, совръшитела бжию смотрению, ...лїчеству бжию служитела, источника бжию словесе, недвижима ...олпа црькве хвы, печать правде, щитъ веры, шлемъ спсению, ...асъ многоплоденъ, лоза медоточна, соти медовнїи словеса ваю, ...ни же насладиста всю вселенную, яко бисеръ многоценен источ...а, сокровища гни, вместилищи бжиа смотренїа, обителищи бжию ...мотренїю, сосуда стому дху избраннаа, пронесъшаа има хво по ...сей земли, кртү похвалу на себе понесша, временнаа презревша, ...вечны наслаженїа приимша, непрестанно прпбнаа и истиннаа ...астыра, за избранное стадо ваю подвино помолитаса, стрти ѿже...ща, бедъ и напастии избавлающа, просветита имъ срчнеи очи ...оумъ оутвердита достоино последовати стопамъ ваю, немощи ...аша на са взимающа, свыше силу подадита, да, достоино по...ивше о хе, наследници труда ваю ѿбращутса и проповедници пра...ои вере, юже имъ еста предала, да вси единогласно просла...имъ тристое бжтво ѿца и сна и стго дха, ннѣ и прно и в веки ...веком. аминь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стран.	Строк.	
Въ заглавіи: 85,	3.	сотворшемоу вм. сотворшема.
—	—	на новый ветхіи вм. новый и ветхіи.
—	4.	въ ѧзыки вм. въ ѧзыкъ.
—	—	Проп. и передъ архіепископоу.
—	5.	Лишнее и передъ мефодію.
—	11.	заповѣдавъ вм. заповѣ давъ.
86,	17.	оукрасистаса и дшею и оумѡ вм. оукрасиста и дш и оумъ.
—	32.	в бесѣда вм. в бесѣда.
87,	1.	оугодно вм. оугодиъ.
—	11.	въ бестоужекіи вм. стоуженіи.
—	20.	имекистъ вм. именитъ
88,	1.	искоула будета вм. искоусита.
—	2.	превышни вм. пре вышни.
—	20.	но вм. то.
—	22.	приимшю вм. приимше.
—	24.	іерехъ вм. іереехъ.
89,	6.	нечувьствена же не ис вм. не ис нечювьствена же.
—	8.	предасть вм. предаста.
—	14.	гла вм. гланъ.
—	18.	ѡчища вм. ѡчищающа.
90,	5.	Проп. ѡгнемъ.
—	13.	жидовски вм. жидовьски.
—	19.	Проп. дха.
—	24.	предасть вм. предаста.
—	32.	са вм. а.
—	16.	имуща вм. ищуща.
91,	27.	створисте вм. створите.
92,	30.	предлежаща вм. предлагающа.
—	—	оуностиу вм. оустиу.
93.	5.	и камъ вм. к вамъ.

X.

*о Четь-Минеи на Апрѣль и Май, находящейся въ Библіотекѣ Мо-
овской Духовной Академіи, № 94, при Житіи Меѳодія подъ 6
Апрѣля, стр. 230 — 248 (см. Житіе Меѳодія № VI).*

—

Той же днь слово похвално на памѧт стгы и преславны учителе словенску ꙗзыку, сътворшема писмены ему и реложьшема новый и ветъхый законъ въ ꙗзыкъ ихъ, лаженному Кѵрилу и архиеппу панонску, Меѳодію. Блави ѿ.

Бгу и сп су нашему, ІС ХУ, многыи и неизреченны члколюбіемъ, омиловавшу ро чловкыи, и не трьпащу създаніа своего, лестію іаколею ѡдержима, низложи себе въ смиреніе волное, и въплощь-а ѿ стаго дха, и ѿ пречтыа и ѿ славныа бца и прнодвы мріа, а земли ꙗвльса и съ члкы поживе, и съобразенъ бывъ тѣлеси ашему, ѡсуди грѣ плотію своею, да умирающеи ѡ адамѣ, ѡ хѣ живу. тъ бо е миръ нашь, сътвори ѡбоа и едино, преграженіе ѡ радѣ разрѹшь, крто убивъ вражу, и первенець бы из мртвы, собою аставль ро чловь на неистлѣнныи пу, вше же на нбса, сѣдѣ ѡ деснюю престола величествіа на нбсѣ, заповѣ давъ искусну роду чую, хотаи к послѣдная времена пріити судити живы и мртвы, въздати комуждо по дѣлу его, ꙗко праведенъ судіи. не хощет бо мерти грѣшнику, но ѡбращенію его и покаанію, аще наипаче рилежи на злобу кождо члкъ. не ѡстави бо създаніа своего млти-

вый бѣ, ни забы дѣла рѫкꙋ своею, но на колждо времена и лѣта избра мꙋжа и ꙗви дѣла и и подвиги людє, да быша, тѣ подобащеса, живо вѣчьный ѡбрѣли, и по тѣ прркы, по прцѣ же апла, и по аплѣ ꙋчнкы и праведныꙗ мꙋжа и ꙋчителꙗ. еже са и съвъ .з. вѣкъ нашь. рѣша бо ѡни слѣпїи прогрѣ, глꙋсїи ꙋслыш слово книжное, и вси възглють разлизны ꙗзыкы величїа бжїа.

Бѣ же в селꙋньстѣ градѣ моужь нѣкый, именемъ левъ, чинъ непороученъ, истиненъ и бгоутець, ѡгребаꙗса ѿ всакыꙗ злобы и исполнаꙗ вса заповѣди бжїа, ꙗко же іѡвъ. живыи же въ кротости и говѣнїи, седмороденъ ѡбрѣтеса, ꙗко и іѡвъ. ѡ нѣко прркъ гтъ блаженъ мꙋжь боꙗиса га, к заповѣде его въсхощє зѣло. снамо на земли бѫдє сѣма е, родъ правы блвиса. слава и богатьство в домꙋ его, правда его пребываѥ въ вѣкы вѣкѫ. ис того бо корене въсїаста изрядне двѣ лѣторасли свѣтозарнѣ, блвенъ плодъ на себѣ носаща, житїе же неигороуно ѿ ꙋности имꙋща. приидрть бо себѣ, ꙗко и сестрѫ сътвориша, тою ꙋкрасиста и дшю и ꙋмъ. любовїю же и вѣрою, дрѫ дрѫга ею преспѣваста, мдртїю цвѣтꙋща прно, ꙗко цвѣтець блгоюханный. родо сын мнїи блаженный коньстантинъ, а ꙋно и добродѣтельми выспрь въздѣтаа, ꙗко же ѡрелъ, дховныма крилома, ти бгозарны свѣтомъ ꙋма просвѣщь си, съсꙋ избранъ стго дхꙋ, и тѣ свѣтаса всє ꙋченїемъ философьскы, нескꙋное съкровище ѡбрѣтеса. ꙗко же бо источникъ всю исполнаꙗ вселеннꙋю, напои жадныꙗ словесе бжїа, ꙗко же рече са гь нашь, ис хс вѣрꙋи в ма, ꙗко же книгы рѣша, рѣкы ѿ чрева его потекѫ воды живы. сирѣ, дарове животворащаго дха. тои бо въскинѣ в не, излиаса ꙋстнама его и всю вселеннꙋю сластно възвесели, слово раскры коемꙋжо ꙗзыкꙋ, противꙋ своемꙋ разꙋмꙋ. бѣ бо емꙋ данъ даръ дховными ꙗзыкы глати, ꙗко и аплѫ. старѣиши же бра, преблженый мефодїи, измлада житїискыꙗ саны наꙋ прїимати. мдртїю бо, ꙗко цвѣ блгоꙋханенъ, цвѣтыи, всѣми влками бы любимъ. въ беседѣ бо ꙗко соломонъ ꙗвлашеса, дивныꙗ притча и наказанїа и вопрашанїа износа и сердечнаго села, и на слѫжбѣ всѣ ꙋгодне, ꙗко и краи ѡбрѣташеса. и на воинѣ ꙗко самсонъ и гедеонъ, и ісꙋ навгинъ стра-

іенъ бывлашеса, тѣже и воевоскый санъ прїимъ, побы в не мало, і разумѣ многомятежныи сеи свѣ, яко сѣнь преходащь неполезне-о, наче же гне слово, яко и стрѣлу въ срци си прїимъ, якѡ рече· кая полза е члкѫ, аще весь миръ приобращетъ, а дшѫ свою ѡщетитъ, ли погубитъ; ли что дасть измѣну на дши своеи; прѣмѣнив же земными нбнаа, временнаа убо ѡмѣтаа ѿ себе, прѣзрѣ, въ вѣчь-ныа подвигнуса. и шедъ въ ѡлимбъ, постригшеса в черныа ризы, чая прїати бѣлу и нетлѣнну аггльску одежу. и бѣ повинуяса всѣмъ съ по-кореніемъ и съмиреніемъ, въ заьдѣніи и мятвѣ, въ стѫженіи и лѫженіи, въ изрядни пощеніи, въ трезвѣніи всегда, въ ѡчище-ніи духовнѣ, въ плачи благѣ, ѿ ѡчїю источника испѫскаа, яко рѣ-ку, и тою ѡмывая все тѣло свое, плоскаго покоа ѿню не вѣдыи, якъ е, но всакѫ нощь стоа, ѿ захода слнца до въсходаща, не даа сна ѡчима своима, ни вѣжама си дрѣманїа, ни покоа бровма своима, поучааса въ ѱалмѣ, и пѣнїи, и пѣсне духовны, подвизаа-са спостигнути житїа сты ѡць, овы же пресп кротостїю и молча-ніемъ, а другаа посто и мятвою, и бдѣніемъ, и смїреніемъ изряд-ю. и тако имени бы въ всѣ ѡцѣ, подобенъ великому арсенїю, и антонїю, и савѣ, всѣ житїа собою съвръшаа. мятвыи же бѣ, ви-дѣвъ и в толицѣ трудѣ пребывающа, вложи въ срце братїи, иже, видѣвше подвигъ его изряденъ на службѫ бжїю, друг къ другу. дивлахуса и прославлаху бга, дающаго блгть свыше трѫжающимса его ра. дондеже патрїархъ, услышавъ подвигъ его, бѣдиша и по-ставити митрополита въ чтнѣ мѣстѣ, и не могше его тамъ прибѣ-дити, поставиша и игѫмена в монастыри, иже нарицаетса имене полихронъ, в не же баше ѡць .о. и по то са емъ, пребываше яко бесплотенъ, въ мятва присно, всѣ всачески, дабы вса приѡбрѣлъ. стыа книгы ѡ таковою копїють, похвално глюща· прмдрти древ-ни языщеса, и въ прручестви поживете. повѣсти мѫжь имениты съ-храните, и въ извитїи притчны изидете. посредѣ вельможь посл-жите, и пре игѫмены явитеса. по земли языкъ чюжихъ проидете, до-бро и зло въ члцѣ искушена бѫдета. срце свое даста утрьне быти къ гу, сътворившему ю, и пре вышни помолиста. и ѿвръзоста уста

своа на мѧтеж, и ѡгрѣсе свои помолистаса. аще же бѣ въсхотѣ великый, разумьнаго дх҃а наполнитеса. тои бо ими казаніе и ѹченіа єю, и въ законѣ завѣта гн҃а похвалиста. въсхвала єю разѹ мнози, и до вѣка не потребитса. и не ѿстѹпитъ єю, и имѧ єю живе в роды и роды. мдрть єю повѣда ѧзыци, и похвалѹ єю исповѣсть цр҃кви, єи же быста крѣпка пособника и недвижима стлъпа, основана на тверде камени, вѣрѣ, послѣдствовавша первоѿцемъ и патріархѡ, вѣрою и подвигѡ, дѣаніа же и трѹды собою скончавающе, ѧко же и великый патріархъ авраамъ, праде хв҃ъ, вѣрою преселникъ бывъ и пришлець в земли чюжеи, дрѹгъ бж҃іи наречеса, и заве обрѣзанію ѿ бг҃а пріимъ, вѣрою ѿць многи ѧзыкѡ наречеса.

Сіа же ст҃а и преславнаа ѿц҃а и ѹчитела, тою же вѣрою ѹкрашеніа, тѣ же дѣтели скончаста. преселника бо быста ѿчьства своего и пришелца на землю чюжѹ. закон же ѿ бг҃а пріимше не своемѹ племени, ѧко же авраамъ, но ѧзыкѹ, иже не разѹмѣаше десницѫ своеѧ и шѹица, но ем же са притъкнахѹ, то томѹ са поработише. кланахѹса, ѧко бг҃ѫ, твари, въ творца мѣсто. заве же не обрѣзанію пріимше, ѧко же авраамъ, но кр҃щенію, въ оставленіе грѣховъ, въ вѣкы пребываюць, саме скончанъ и преданъ гм҃ь нашіи, іс҃ хс҃а. моѵсіи тако же съ аарономъ въ іереихъ бж҃іи, бѣ фараѡнови наречеса, мѹками разлічными єгѵпта ѹмѹчь, бж҃іа люди из работы изведе, въ дн҃е столпо ѡблачно, а в нощи столпо ѡгнени, и раздѣль море, по сѫхѹ проведе в пѹстыню, а противныа погрѫзи въ безнѣ, в пѫстыни безводнѣ напои ѧ, прораже камень, и хлѣба нбснаго насыти, и законъ же ѿ бг҃а пріимъ, бж҃іимъ прьстомъ написанъ, на скрижали камены, предасть люди въ съхраненіе и послѹшаніе. и сіа же преблаженнаа и бг҃оѹгоднаа чл҃ка ни чи же мениша того ѧвистаса, того же бж҃іа дх҃а напоена свыше, сѫгѹбѣ блгти сподобльша, люди изведоста и многомрачнаго діавольскаго мора, мысленнаго фараѡна погрѫжьше, и всю силѫ єго потребиста, и вѣрою въоржжьше и силою кр҃тною, не в пѫстыню же ѧ изведоста, но на свѣ бг҃оразѹмныи настависта, не ис камене водѹ изведша, но словесе бж҃іа жадныѧ напоиста, не ис чювьствена же камене

ѻдѵ изве́ша, ꙗко же і ѡна̑, но истекшею кровїю и водою ѿ пр҃тїи ебръ га̑ нашего, іс̑ ха̑, вѣрны вѣчнꙋю пищꙋ и бесконечный живо̑ ъ сп҃сенїе предаста, въ ѿданїе грѣхѡ̑ подающа, ни хлѣба анг҃льска апитающа, но истое тѣло га̑ нашего, іс̑ ха̑. закон же бж҃їи слгꙋ-о преложьша, в новыи ꙗзыкъ предаста, писмена сътворша емꙋ. же бѣ сѧ ѿ прмдры и разꙋмны̑ ꙋтаило, то ѿкровено бы̑ младенцѣ последнїи вѣкъ сима, не на скрыжали каманы написанъ, но на рць скрижали плотанъ, ни сквозѣ ѡблакъ, ни мьглою и вжрею лань, но самѣ гдѣ, іс̑ хмь, скончанъ и преданъ. не сѣни служителѧ, но истинѣ проповѣдника быста, ни кропленїемъ крови ꙋнча і когда кропаща и очищающа скверненыѧ къ плостѣи чтотѣ, но ст҃ы кр҃щенїемъ, не тѣло едино очищающа, но дшевнꙋю свѣщꙋ въ сердечнѣ селѣ всѣ восїавша, ни закопленнѣи жертвѣ проповѣдника бывша, или слꙋжителѧ, но бесквернѣи и мирнѣи хртовнѣи слꙋжбѣ слꙋгѣ и проповѣдателѧ ꙗвистасѧ, аплѡ съпрꙋжника, на то же дѣло избранна, кр҃тъ мыслено на рамꙋ своею въспрїимша, всю вселенную ѡбидоста, исполнающа оученїе та мѣста. в ни ѡни не постоꙗша, ли ꙋдолженїе пꙋти, ли за ꙋмноженїе инѣ странъ ближнїи, къ ни же расшешеса, ꙗко лжча слнчныѧ, свѣтомъ бгоразꙋмна просвѣтиша ве мирь. по тѣ же стопа и си ходаща, и того же дха напоена ѿ ба, томꙋ же словеси быста проповѣдника и новаа апла, не на чюже ѡснованїи свое дѣло полагающа, но изнова писмена въображьша, и съвершиста къ ꙗзыкъ новъ. послѣ же въсїавша, ꙗко ꙋтрениаа ѕвѣзда, ѿ слнца свѣ прїемлюща, свѣтлѣиши всѣ ꙗвлаеть, и ꙗко же наитн дѣлателе к виногра, понесшеи таготѫ дне и вара, съ пришешими въ .аі. ча, равнѣ спобленѣ быша мьздѣ, бж҃їи благодати тако изволше, к последнїи вѣкъ, томꙋ же дѣлꙋ ꙗвити сїа новаа проповѣдника и свѣтилника всеи вселеннѣи, ꙗже подвигѡ добрѡ и вѣрою крѣпко препоꙗсавше чресла своа, проидоста, ꙗко слнци, темнаа мѣста стопами своими просвѣщающа, всакꙋ мьглꙋ поганьскꙋю дховны огне попалающа и еретическꙋю, не пощадаща тѣлеси своего, но всегда готова сꙋщи за правꙋю вѣрꙋ сластно испити хвꙋ чашю. въ срацинѣ же и козарѣ ꙗвльшаса непобѣдна, но,

ꙗкѡ двдъ, иноплеменникꙋ иногда, низложивъ гордынию его, потреби, прообразоваvъ трцю тремии камени, и свои емоу мечемъ главꙋ ѿсѣкъ, похвалу прїатъ въ тмахъ ѿ снвъ иилевъ, тако же и си два ѡца, триvпостастнꙋ бжтвѫ слѫгѣ сѫща и проповѣдника, въ соборѣ срациньстѣ и жидовскꙑ обрѣтшаса, своими и книгами и ꙗзыкѡ, бесерминтовы блади и жидовскѫю злобу дховныи мечемъ ѿсѣкша, потребиста, ꙗко плевелъ, и попалиста дховною блгтїю, а слово гне въсѣꙗста, ꙗко и пшеницю, въ срдчнѣ селѣ, и вса насладиста медоточными словесы, трибезначалнаго же бжтва ꙗсно исповѣдаста, ꙋказаста въ единомъ сѫществѣ равеньствомъ сїающа ѡца и сна и стго дха, тико ꙗ уловиста, ꙗко и рыбы, словесною мрежею, и крстиста ѿ казаръ чтныа чл до двою сту, развѣ женъ и дѣтїи. трегꙋбѫ похвалꙋ ѿ всеа црквe прїимша, преидоста ѿтоудоу на западныа страны, блговѣствѫюща слово бжїе въ ꙗзыкъ новъ, и весь црковныи законъ преложше, ѿ греческаго, въ свои имъ ꙗзыкъ предаста. трезлобивнико же злобѫ низложиша, потребиста, ꙗко плевелъ ѿ пшеницы ѿвращьше, ти чтѡ цркви и свѣтообразно жито предаста. въ западныи же странахъ, панонскы и моравскахъ странахъ, ꙗко слнци въсїавша, мрака грѣховнаго ѿгнавша, просвѣтиста бжквами, и наꙋчивша ꙋчнкы црковномꙋ чинꙋ исполнь. и тако теченїе скончевающа, пути са ꙗста римьскаго, аплскомꙋ прстлꙋ поклонитиса, ведоуща съ собою на сщенїе дховныи плодъ. еже слышавъ апапикъ андрїанъ, изиде противѫ има далече ѿ града римьска, и тако ж ꙗ прїатъ, ꙗко аггла божїа, и ꙋченїе ею прилюбль, постави блженнаго мефодїа на прозвѵтерьство, и ꙋчнкы ею. приближи же са врема покои прїати преславномꙋ и преблженномꙋ ѡцю нашемꙋ и ꙋчителю, коньстантинꙋ философꙋ. видѣвъ же ꙗвленїе ѿ бга ѡ покои своемъ, облечеса в чернърїзы, и днь же нарекъ покоа своего, пребы до сего дне, веселса и слава бга. и тако почи ѡ гн въ ҂ѕ. т. о. ꙁ. е. и приложиса къ ѡцемъ своимъ, пррком и аплѡмъ, мчнкомъ и всѣмъ стымъ. и положиша и въ цркви стго климента, идѣже начаша мьнога исцѣленїа бывати ѿ чтнаго гроба его, слѣпїи абїе начаша просвѣщатиса, недѫжнїи цѣлитиса, бѣси исходити. еже видѣвше римлане, паче са приложиша

ь стыми его. сщнше же преѹтнаго мефодїа на архїеппьство, на толъ стго апла андроника в панонїи ѿ .о., пустиша и на страны іовеньскыа, ѹчить въ ѩзыкъ ихъ, написавше епистолїю сїю къ лагѣ страны тоа, растиславъ, и стополку, и коцелю· андрїанъ пъ, рабъ рабѡ бжїи, к растиславу, и стополку, и коцелю. слава вышнимъ бгѫ, и на земли миръ, въ члвцѣ благоволенїе. ѩко ѡ ва слышавше дховны радости, ѩже имате на спсенїе, слемъ брата шего, чтнаго мефодїа, сщена на архїеппьство на страны ваша, ко же есте просили ѹ на, да вы ѹчи, въ ѩзыкъ прелагаа книгы, а са исполнит прроческое слово, ѩко же рѣша· хвалите га вси зыци, и похвалите его вси люе. и· всакъ ѩзыкъ исповѣсть, ѩко е и гь іс хс въ славу бгѫ ѿцю. аминь. и въ ієулїи рече гь, по- илаа своа ѹчикы· шеше, наѹчите вса ѩзыки, кртаще ѩ въ има оца и сна и стго дха, ѹчаще а блюсти вса, елика заповѣда вамъ, се азъ с вами есмь въ вса дни, до кончины вѣку. аминь. вы же, ада възлюбленнаа, послушайте ѹченїа бжїа, еже въ послѣднее вре- а предано бы, вашего ради спсенїа, да, поѹчающеса разумно, плѡ остойнъ сътворите, и прїимете вѣнець нетлѣненъ и в сїи вѣкъ и ъ градущїи, съ всѣми стыми въ вѣкы. аминь.

Дошешѫ же ему въ страны моравьскы, вси людие с радостїю зыдоша къ срѣтенїе ему, и тако прїаша и ѩко аггла бжїа. и ѿвер- оша ѡтеса слѣпы и ѹшеса глухы, и ѩзыци волснующеи възглаша ира, и ним же ѹсты бѣша прьвїе жрьтвы непрїазнены въздаѩли, а кладази и на всѣ мѣстѣ хжловали ба, тѣ же дѣти и словесныа і бесскверныа службы бгѫ въздаю за ве миръ, и въ всакѡ мѣстѣ іма бжїе прославлаетса въ ѩзыкъ новъ, ему же ѩвиса пропо вѣ- никъ и аплъ новъ, въсїавъ ѩко слнце, мьглу невѣдѣнїа ѿгона, и горазумны свѣтѡ всѣ срца просвѣти, кротостїю же и сластїю, вса і себѣ любовїю привлача, теченїе свое сконча, вѣру съблюде, црк- и пѣми ѹкраси и пѣнїи дховными. и тако почи ѡ гѣ, ѿ твари сего мира, в лѣто ,з. т. ч. д. е. и приложиса къ оцѣ свои, па- рїархѡ авраамѹ, и ісаакѹ, и іаковѹ, всѣ себе ѹподобль, всѣ обра а себѣ поноше, овѣ равенъ бывъ, ѡвѣ мнїи, а дружгы преспѣвъ

[illegible] сл҃нце, лѹчами пр[illegible]
[illegible] медоточнаѧ словес[illegible]
[illegible]

[illegible] сѧ толико х҃а ради
[illegible] не ищѹща времен[illegible]
[illegible] на рамѣ въспрїимш[illegible]
[illegible] разориста и вселист[illegible]
[illegible] житїе, дїаволе ѹтенїе, и т[illegible]
[illegible] дамонїскѹю хѹлѹ и всѧ[illegible]
[illegible] стоѧща чл҃къ цркви бывста, небеснаѧ т[illegible]
[illegible] житїе стѧжаста. блаженно є
[illegible] възъдоивша гласа многопло[illegible]
[illegible] ѧзыкы и жаднаѧ напоиста жив[illegible]
[illegible] источьша всѣ обилно. кто ѹбо достоит
[illegible] помѣнѹю всю прошедша стоѧ[illegible]
[illegible] блаженъ ѧзыкъ вашъ, иже васъ наст[illegible]
[illegible] бетисленѹ ѧзыкѹ, бг҃одохновеннии
[illegible] всюдѹ прогнаста, собою ист[illegible]
[illegible] дх҃овныѧ сладость источающа, погаста
[illegible] еретикѡ съпостата всѣхъ про[illegible]
[illegible] ѹчителѧ младенцѣ, источающа, дх҃овню
[illegible] жадны непрестаѧи источникъ,
[illegible] сирꙑ помощника, страннꙑ прїемн[illegible]
[illegible] ѹтѣшителѧ, напастнꙑ заштитника, [illegible]
[illegible] свѣтодателѧ, влающїсѧ к мо[illegible]
[illegible] стѣна и покровъ припадающїи къ вамъ.
[illegible] ст҃ыѧ трцы, съвршителѧ бж҃їю смо[illegible]
[illegible] служителѧ, источника бж҃їю словеси, не[illegible]
[illegible] правдѣ, щи вѣрѣ, шлѣ сп҃сенїю.
[illegible] медоточна, сотн медвенїи словеса ваю.
[illegible] всю вселеннѹю, ꙗко бисеръ многоцѣненъ ис[illegible]
[illegible] бж҃їа смотренїа, съсѹда ст҃ыѧ
[illegible] има х҃во по всеи земли, кртѹ похвалѣ

совѣ понесша, врѣменнаа прегрѣвше, а вѣчны наслаженїе прїем-
а, непрестанно прп҃бнаа и истиннаа пастыра, за избранное стадо
ю, подвижно помолитаса, стр҃ти ѿженуща, бѣдъ и напастеи изба-
ающа, просвѣтита и срⷣчнѣи ѡчи, и умъ утвердита достойно по-
ѣдовати стопа ваю, немощи наша на са взимающа, свыше силу
дадита, да, достойно поживше о хв҃, наслѣдницы труду ваю обра-
утса и проповѣдници правѣи вѣрѣ, юже имъ еста предала, да вси
иногласно прославѧ трїстое бж҃тво ѡц҃а и сн҃а и ст҃го дх҃а, нн҃ѣ и
вѣкы вѣкѡ. амн҃.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стран. Строк.

Въ заглавіи: 95, 2. сътворшемꙋ вм. сътворшема.

— 3. преложьшемꙋ на новыи ветъхыи вм. преложьшема новыи и ветъхыи.

— — ꙗзыкы вм. ꙗзыкъ.

— 4. Проп. и архиепп҃ꙋ, но другою рукою приписано.

— — и лишнее передъ мефодїю.

— 10. заповѣдавъ вм. заповѣ давъ.

— 14. ѡстави вм. ѡстави.

96, 6. разлꙋчныꙗ вм. разлꙋчны.

— 16. ꙋкрасистаса и дꙋ҃шею и оумѡ вм. ꙋкрасиста и дꙋшю и оумъ.

— 32. ꙋгодно вм. ꙋгодиъ.

97, 27. всѣ вм. всѣ.

— 32. искꙋла вм. искꙋшена.

98, 30. и вм. юго.

— 31. изведосте вм. изведоста.

— 32. нечювьствена же не ис вм. не ис нечювьствена же.

99, 3. Проп., но послѣ прибавлено: ни хлѣба англьска вкꙋшающа.

— 9. гл҃а вм. гл҃анъ.

— 20. входаща вм. ходаща.

— 24. Проп. и передъ ꙗко же.

100, 13. ѿ дꙋнаꙗ вм. ѿтоꙋдоꙋ.

— 15. предасть вм. предаста.

— 21. Проп. поклонитиса, ведоуща съ собою на сребро.

— 23. изидете вм. изиде.

101, 14. ꙋчаща ӑ вм. ꙋчаще ӑ.

— 15. доичины вм. до коичины.

— 16. въ послѣднаа вм. въ послѣднее.

— 17. напредано вм. предано.

— 22. колнꙋющеи вм. колеблющеи.

— 30. ѿвари вм. ѿ твари.

ОПЕЧАТКА.

96, 6. разлизны вм. разлꙋчны.

XI.

По Четь-Минеи неполной, мѣсяцъ Февраль, полууставомъ, въ листъ, около 1630 года, принадлежащей Библіотекѣ Троицкой Сергіевой Лавры, № 874 (711) (См. Житіе Кирилла X).

—

В тои же дн҃ь слово похвално на памѧ҃ ст҃ымъ и преславнымъ оучт҃лемъ словеньскꙋ ѧзыкꙋ, сотворшема писмены емꙋ и преложьшема новыи и ветхіи законъ въ ѧзыкъ и, блаженномꙋ кириллꙋ философу и архиеп҃пꙋ панонскꙋ мефодію.

Бг҃ъ и спс҃ъ нашемꙋ, і҃съ х҃ъ, многимъ и неизреченнымъ чл҃колюбіемъ помиловавшꙋ ро҃ чл҃скій, и не терпѧщꙋ созданіа своего лестію діаволею ѡдержима, низложи себе во смиреніе волное, и воплощьсѧ ѿ ст҃го дх҃а и ѿ пр҃тыѧ и ѿ славныѧ бц҃а и прн҃о дв҃ы мр҃іа, на земли ѧвисѧ и съ чл҃ки поживе, и соѡбразенъ бывъ телеси нашемꙋ, ѡсꙋди грехъ плотію своею, да, оумирающіи о адамѣ, о х҃ѣ оживꙋ. тои бо есть миръ нашъ, сотвори ѻбоѧ і едино, прегражденіе ѡградѣ разрꙋшь, крт҃омъ оубивъ враждꙋ, и свободенъ бысть и мертвыхъ, собою наставль ро҃ чл҃чь на неисплѣнныи пꙋть, взыде же на нб҃са, сѣде ѡ десню пр҃тла величествіа на высокихъ, и заповѣдь давъ искꙋснꙋ родꙋ чл҃чю, хотѧи в послѣднѧа времена пріити сꙋдити живымъ и мертвымъ, и воздати комꙋждо по дѣломъ его, ѧко праведенъ сꙋдіи. не хоще бо смр҃ти грешникꙋ, но ѡбращенню его и покаанію, аще наипаче прилежи на злобꙋ кождо

чл҃къ. не ѡставѝ бо созданїа своегѡ̀ мл҃тивыи бг҃ъ, ни забы̀ дѣла рукꙋ своею̀, но̂ на коѧждо лѣта и̇ времена и̇збра̀ мꙋжа, и̇ ѧ̀ви дѣла и̇хъ и̇ подвиги людемъ, да бы́ша, тѣмъ подобѧщеса, живо̀ вѣчныи ѡ̀брѣли̇. и̇ по тѣхъ пр҃рки, по пр҃рцѣхъ же а̇пл҃ы, и̇ по а̇пл҃ѣхъ мч҃ники и̇ преподобныѧ мꙋжа и̇ оу̇чт҃лѧ. е̇же сѧ и̇ збы́сть в се̇мыи̇ вѣкъ на́шь. рѣша бо ѡ̀ни̇· слѣпїи̇ про́зрѧ̀, глꙋсїи оу̇слы́шѧ̀ слово книжное, и̇ вси̇ во̀гл҃ютъ ра̇ли́чны ѧ̇зы́ки вели́чїа бж҃їа.

Бѣ̀ же въ селꙋньстѣмъ гра́дѣ мꙋ́жь нѣ́кїи, и̇менемъ ле́въ, чл҃къ непоро́ченъ, и̇стиненъ и̇ бг҃оутецъ, о̇грѣба́ѧса ѿ всѧ́кїа зло́бы і̇ и̇спо́лнѧа вса̀ за́повѣди бж҃на, ѧ̀ко же и̇о̀въ. живыи же в̀ кро́тости и̇ говѣ́нїи, се̇моро́денъ ѡ̀брѣ́теса, ѧ̀ко̂ і̇ и̇о̀въ. ѡ̀ нѣ́коем же и̇ пр҃ркъ гл҃еть· бл҃женъ мꙋ́жь боѧ́иса гд҃а, в за́повѣдѣ̀ е̇гѡ̀ восхо́щетъ зѣло̀. си́лно на земли̇ бꙋ́дѣ̀ сѣ́мѧ е̇го, ро̂ пр҃вны̂ бл҃витса. сла́ва и̇ бога́тьство в домꙋ е̇го, пра́вда е̇го пребыва́етъ в̀ вѣкъ вѣ́ка. и̇с того́ бо ко́рене восїѧ́ста и̇зра́днѣ двѣ̀ лѣторасли свѣтоза́рнѣ, бл҃венъ пло̂ на себѣ̀ носѧ́ща, житїе же непоро́чно ѿ ю̀ности и̇мꙋ́ща. прм҃рость бо себѣ̀, ѧ̀ко сестрꙋ̀ сотво́рша, то́ю оу̇краси́ста и̇ дш҃ю и̇ оу̇мъ, любо́вїю же и̇ вѣ́рою, дрꙋ́гъ дрꙋ́га е̇ю̀ преспѣва́ста, мр҃остїю цвѣтꙋ́ща пр҃но, ѧ̀ко цвѣ́тецъ бл҃гоюха́нныи. родо́мъ сыи мнїи бл҃же́нныи кои́стантинъ, а̀ оу̇момъ и̇ добродѣ́тельми вы́спрь вѡлѣта́ѧ, ѧ̀ко же о̇ре́лъ, дх҃овныма кри́лома, ти бг҃оза́рнымъ свѣ́томъ оу̇ма̀ просвѣ́щь си̂, сосꙋ̂ и̇збранъ ст҃мꙋ дх҃ꙋ, и̇ тѣ́мъ свѣтѧ́са всѣ́мъ оу̇че́нїемъ философьски̂, нескꙋ̂ное сокро́вище обрѣ́теса. ѧ̀ко̂ бо и̇сто́чникъ и̇сполнѧ́ѧ всю вселе́ннꙋю, напои̇ жа̂ныѧ словесѐ бж҃їѧ, ѧ̀ко же рече са́мъ гь҃ бг҃ъ на́шъ, і҃с хс҃· вѣрꙋ́ѧи в мѧ, ѧ̀ко же кни́ги рѣ́ша, рѣки ѿ чре́ва е̇гѡ̀ потекꙋ́тъ во́ды жи́вы, сирѣ̂, даро́ве животворѧ́щаго дх҃а. то́и бо воскипѣ в не́мъ, и̇злїѧ́са оу̇стна̀ма е̇го, и̇ всю̀ вселе́ннꙋю сла́стно возвесели̇, сло́во ра̇сѣва́ѧ коемꙋждо ѧ̇зы́кꙋ, проти́вꙋ своемꙋ̀ ра́зꙋмꙋ. бѣ̀ бо е̇мꙋ̀ да́нъ да́ръ дх҃о́вныи ѧ̇зы́ки гл҃ати, ѧ̀ко и̇ а̇пл҃ꙋ. старѣ́ишїи же е̇гѡ̀ братъ, пребл҃же́нныи мефодїи, и̇ мла́да жите́нскїѧ са́ны нача̀ прїима́ти. мꙋ́дростїю бо, ѧ̀ко цвѣ̀ бл҃гоюханенъ, цвѣтыи, всѣми вл҃ками бы́сть люби́мъ. в бе[illegible] ѧ̀ко соло́монъ ѧ̀влѧ́шеса, ди́вныѧ при́тча и̇ наказа́нїѧ

і вопрошанїа и҆зноса и҆ срⷣчнаго села̀, и҆ на слꙋ́жбѣ вс҇ оу҆го́нъ, ꙗ҆ко ꙋрила҃, обрѣта́шеса, и҆ на воинѣ̀ ꙗ҆ко и҆ самѱо́нъ, и҆ гедеѡ́нъ, і и҆сꙋ́съ иа́ввинъ стра́шенъ ꙗ҆вла́шеса. тѣм же и҆ воево́скїи са́нъ прїи́мъ, побы́сть к не́мъ ма́ло, и҆ разꙋмѣ́въ многомате́жныи сын свѣ́тъ, ꙗ҆ко тѣнь преходѧ́щь неполе́знено, па́че гн҇е сло́во, ꙗ҆ко и҆ стрѣлꙋ въ срⷣцы си прїи́мъ, ꙗ҆ко же рече· ка́а по́лза е҆сть чл҇кꙋ, а҆ще весь мі́ръ прїобращѐ, а҆ дш҇ꙋ свою ѿщети, ли погꙋби́тъ; ли что̀ да́сть чл҇къ и҆змѣнꙋ на дш҇и свое́и, премѣни́в же земны́ми нб҇наа, вре́менна оу҆бо ѿмета́а ѿ себѐ, презрѣ̀, и҆ вѣ́чныа подвигнꙋса. і и҆шѐ во ѡ҆лимбѣ, постриже́са в че́рныа ри́зы, ча́а прїа́ти бѣлꙋ и҆ нетлѣ́ннꙋ а҆гг҇льскꙋ о҆де́жꙋ. и҆ бѣ повинꙋ́аса всѣ́мъ с покоре́нїе и҆ смире́нїемъ, во бдѣ́нїи и҆ мл҇твѣ, в стꙋже́нїи, слꙋже́нїи, во и҆зра́днѣ поще́нїи, въ трезвѣ́нїи всегда̀, во ѡ҆чище́нїи дх҇овнѣмъ, въ пла́чи бла́зѣ, ѿ о҆чїю и҆сто́чника и҆спꙋща́а, ꙗ҆ко рѣ́кꙋ, и҆ то́ю ѡ҆мыва́а все тѣло своѐ, плотьска́го поко́а ѿню̀ не свѣ́дыи, ка́къ е҆сть, но̂ на вса́кꙋ но́щь стоа̀ ѿ захода слн҇ца до восходѧща, не даа сна̀ о҆чи́ма свои́ма, ни вѣждома си дрема́нїа, ни поко́а бровьма̀ свои́ма, поочча́аса во ѱалмѣ́хъ, и҆ пѣ́нїихъ, и҆ пѣсн҇е дх҇овныхъ, сподвиза́аса пости́гнꙋти житїа ст҇ы́хъ ѿц҇ъ, ѻ҆вы̂ преспѣ кро́тостїю и҆ молча́нїемъ, а҆ дрꙋгїа посто́мъ, и҆ бдѣ́нїемъ, и҆ мл҇твою, и҆ смире́нїемъ и҆радно, и҆ та́ко и҆ме́нитъ бы́сть во всѣ́хъ ѿц҇ѣхъ, подо́бенъ вели́комꙋ а҆рсе́нїю, і а҆нто́нїю, и҆ са́вѣ, всѣ́хъ житїа собо́ю соверша́а. мл҇тивый бг҇ъ, ви́дѣвъ и҆ в толи́цѣ трꙋдѣ̀ пребыва́юща, вложѝ в срⷣце бра́тїи, и҆же, ви́дѣвше по́двигъ е҆го̀ и҆зра́денъ на слꙋ́жбꙋ бж҇їю, дрꙋ́гъ ко дрꙋгꙋ дивла́хꙋса и҆ прославла́хꙋ бг҇а, даю́щаго блг҇одать скы́мие трꙋжа́ющимса е҆го̀ ра́ди. донде̂ патрїа́рхъ, оу҆слы́шавъ по́двигъ е҆го̀, бѣди́ша и҆ поста́вити митрополи́та въ чтн҇ѣ мѣ́стѣ, и҆ не мо́гше е҆го̀ то́мъ прибѣди́ти, постави́ша и҆ и҆гꙋ́мена въ мн҇трѝ, и҆же нарица́етса и҆менемъ полихро́нъ, в не́м же ба́ше ѿц҇ъ .о҃. и҆ по то са е҆́мъ, пребыва́ше, ꙗ҆ко и҆ бесплотенъ, и҆ мл҇твѣ прⷭ҇но, всѣ́мъ всаче́ски, да бы́ша вса̂ прїобрѣ́лъ. и҆ ст҇ыа бо кни́ги ѡ҆ тако́во́ю вопїю́тъ, похва́ано гл҇ща· премꙋ́дрости дре́вних взы́щетса, и҆ во прⷪ҇рочествїихъ пожи́вете. повѣ́сти мꙋ̑ и҆мени́тыхъ сохрани́те, и҆ ко и҆зви́тїихъ при́точныхъ и҆зы́дете. посре-

ди вельмо́жь послꙋжи́те, и҆ пре́ игꙋмены ѧ҆витеса. по землѧ̀ тѣ[х] ꙗ҆зы́къ про́идете, добро̀ и҆ зло̀ въ ча́дѣхъ и҆скꙋ́шена бꙋдета. с[р] свое́ да́ста оу҆́треньѥ бы́ти к гв҃ꙋ, сотво́ршемꙋ ѧ҆, и҆ пре́ вышнй помо[ли] стаса. и҆ ѿверзо́ста оу҆ста̀ своа̀ на мл҃твꙋ, и҆ ѡ҆ грѣсѣхъ свои́хъ [по] молистаса. а҆́ще же бг҃ъ восхо́щетъ вели́кїи, разꙋ́мнаго дх҃а и[с] лнитеса. то́и бо потоуй гл҃ъ и҆ мꙋ́дрости е҆́ю, и҆ в мл҃твѣ и҆сповѣдаст[а] гв҃и. то́и бо а҆вѝ каза́нїа и҆ оу҆че́нїа е҆ю, и҆ в зако́нѣ завѣ́та гн҃а [по] хвалистаса. восхва́лѧ е҆́ю ра́зꙋмъ мно́зи, и҆ до́ вѣка не потреби[т] и҆ не ѿстꙋ́пи е҆ю, і҆ и҆мѧ е҆ю живе́ в ро́ды и҆ ро́ды. мꙋ́дрости е҆ю [по] вѣда́тъ ꙗ҆зы́цы, и҆ похвалꙋ̀ е҆́ю и҆сповѣсть цр҃кви, е҆́н же бы́ста кр[ѣ] побы́тїа и҆ недви́жима столпа̀, ѡ҆снѡ́вана на тве́рдѣмъ вѣрѣ ка́мени, [по] слѣдствовавша нерꙗкоѿц҃е́мъ и҆ патрїа́рхѡ, вѣ́рою и҆ по́двигомъ д[ѣ] и҆хъ и҆ трꙋды̀ собо́ю сконча́вающа, а҆ко же и҆ вели́кїи патрїа́рхъ а҆в[ра] а́мъ, пра́дѣ хв҃ъ, вѣ́рою пресе́льникъ бы́въ и҆ пришле́цъ в земли̇ т[ꙋ] дей, дрꙋ҃ бж҃їи нарече́са, и҆ завѣ ѡ҆брѣза́нїю ѿ бг҃а прїи, вѣ́рою ѿ[ц҃ъ] мно́гомъ ꙗ҆зы́комъ нарече́са.

Сїа же ст҃а́а и҆ пресла́внаа ѡ҆тц҃а и҆ оу҆чт҃лѧ, то́ю же вѣ́рою оу҆кра́шьса, ты́ же дѣ́тели сконча́ста. пресе́льника бо бы́ста ѿечест[ва] своего̀ и҆ пришле́ца на зе́млю тꙋ́ждꙋ. зако́н же ѿ бг҃а прїимша, не своемꙋ̀ пле́мени, ꙗ҆́ко же а҆враа́мъ, нѡ̂ ꙗ҆зы́кꙋ, и҆́же не разꙋмѣваше десни́ца своеа̀, ни шꙋ́ица, но е́же са притькна́хꙋ, то томꙋ̀ са пора́бо́щьше, кланѧ́хꙋса, ꙗ҆́ко бг҃ꙋ тва́ри, в҆ творца̀ мѣ́сто. завѣ[т] же не ѡ҆брѣза́нїю прїи́мше, ꙗ҆кѡ̂ а҆враа́мъ, нѡ̂ крещенїю во ѡ҆ставле́нїе грѣхѡ̂, во вѣки пребыва́ющь, самѣ́мъ сконча́нъ и҆ пре́данъ гн҃ъ на́шимъ, і҆с҃ хрⷭ҇. мѡисе́и та́кожде со а҆а҆ро́номъ во і҆е҆ре́ихъ бж҃їи бг҃ъ фараѡ́ѵови наре́кса, мꙋ́ками ра́личнами е҆гѵ́пта оу҆мꙋ́чи, бж҃їа лю́ди из работы и҆ и҆зведѐ, во дн҃е столпо̂ ѡ҆бла́чнымъ, а҆ в нощѝ столпомъ о҆гненымъ, и҆ раздѣ́ль мо́ре, по сꙋхꙋ проведѐ в пꙋсты́ню, і҆ противныа погрꙋзѝ в бе́зднѣ. к пꙋсты́ни же безво́днѣ напои ѧ҆, по ра́жь ка́мень, и҆ хлѣ́ба а҆ггльска насытѝ, и҆ зако́н же ѿ бг҃а прїи, бж҃їимъ пе́рстомъ напи́санъ, на скрыжа́ли бо ка́маны, преда́сть лю́дем і сохране́нїе и послꙋша́нїе. и҆ сїа же пребл҃же́ннаа и҆ бг҃оѹго́дница ѹ҆ка ни чи́м же ме́ньша тою ѧ҆ви́стаса, того̂ бж҃їа дх҃а напое́ни св…

ѥ, сꙋгꙋбѣ бл҃гти сподо́бльшаса, лю́ди и҆ведо́ста и҆ мно́га че́рнаго і҆а́вольскаго мо́ра, мы́сленаго фараѡ́на гогрꙋ́жьша, и҆ всю си́лꙋ є҆го̀ ѿребиста, и҆ вѣ́рою воѡрꙋжи́стаса и҆ си́лою кр҃тною, не в пꙋсты́ю же а и҆зведо́ста, но на свѣ̑ бг҃ораꙁꙋ́мныи наста́виста, не и҆с ка́ени во́дꙋ и҆ꙁве́ша, но̑ вѣ́рою словесѐ бж҃їа жа́дныа напои́ста, не с нечю́вственна же ка́мене во́дꙋ и҆ве́ша, ꙗ҆́ко же и҆ ѡ҆нѝ, но и҆сте́кшею кро́вїю и҆ водо́ю ѿ пр҃тны́ ре́бръ г҃а на́шего, і҆с҃а х҃а, вѣ́рнымъ и҆́шꙋ вѣ́чнꙋю и҆ бесконе́чныи живо̑ во сп҃не преда́ста, во ѿда́нїе грѣхо́въ пода́юща, ни хлѣ́ба а҆́гг҃льска напита́юща, но̑ и҆стое тѣ́ло г҃а на́шего, і҆с҃а х҃а. ꙁако́нъ же бж҃їи сꙋгꙋбо прело́жьша, в но́выи ꙗ҆ꙁы́къ преда́ста, пи́смена сотво́рша є҆мꙋ̀. є҆́же бѣ са ѿ премꙋ́дры́ и҆ раꙁꙋ́мныхъ ѹ҆таи́ло, то ѿкровено бы́сть младе́нцемъ в послѣ́днїи вѣкъ и҆́ма, не на скрыжа́ли ка́мены написа́нъ, но на ср҃цъ скрыжа́ли пло́тянъ, ни скволѣ̀ ѡ҆́блакъ, ни и҆́глою и҆ бꙋ́рею г҃ланъ, но самѣ́мъ ѹ҆́демъ, і҆с҃ хр҃тъ, сконча́нъ и҆ пре́данъ. не сѣ́ни слꙋжи́тела, но и҆стинѣ проповѣ́дника бы́ста, ни кропле́нїемъ кро́ве ю҆́нча и҆ ко́ꙁла кропа́ща и҆ ѡ҆чища́юща скве́рныа къ плотъстѣи чтотѣ̀, но ст҃ымъ кр҃щнїемъ, не тѣ́ло є҆ди́но ѡ҆чища́юща, но дш҃е́внꙋю свѣ́щꙋ̀ въ ср҃цѣмъ селѣ̀ всѣмъ восїа́вша. ни ꙁаколе́нїи же́ртвѣ проповѣ́дника бы́ста, и҆лѝ слꙋжи́тела, но бескро́внѣи и҆ ми́рнѣи хрїсто́внѣи слꙋ́жбѣ слꙋꙁѣ и҆ проповѣ́датела ꙗ҆ви́стаса, ап҃ломъ сꙋпрꙋ́жника, на тоже дѣ́ло и҆ꙁбра́на, кр҃тъ смы́слено на ра́мꙋ свое́ю воспрїи́мша, всю̑ вселе́ннꙋю ѡ҆бы́доста, и҆сполня́юща ѹ҆че́нїемъ та мѣ́ста. в ни̑ ѡ҆ни̑ не постоя́ша, ли ѹ҆долже́нїемъ пꙋтѝ, ли ꙁа ѹ҆множе́нїемъ и҆нѣ́хъ странъ бли́жнихъ, в ни́х же ра́шєшеса, ꙗ҆ко лꙋча с҃лчныа, свѣто̑ бг҃ораꙁꙋ́мнымъ просвѣти́ша ве́сь ми́ръ. по тѣмже стопа́мъ и҆ ти̑ ходя́ща и҆ того̑ дх҃а напое́на ѿ бг҃а, томꙋ́ же словеси̑ бы́ста проповѣ́дника и҆ но́вая ап҃ла, не на тѫ́ждемъ ѡ҆снова́нїи свое дѣ́ло показꙋ́юща, но и҆ꙁно́ва пи́смена воѡбра́жьша, и҆ соверши́ста въ ꙗ҆ꙁы́къ но́въ. послѣ̑ восїа́вша, ꙗ҆ко ѹ҆́тренаꙗ ꙁвѣꙁда̀, ѿ с҃лнца свѣ̑ прїе́млющи, свѣтлѣ́йши всѣхъ ꙗ҆вля́етса, и҆ ꙗ҆ко же на́ймїи дѣ́лателе в виногра̑, поне́сшеи тяготꙋ̀ дн҃е и҆. ва́ръ, с пришє́шими въ .аі҃. ча̑, ра́внѣмъ сподо́блени бы́ша мꙁдѣ, бж҃їи бл҃гти, та́ко и҆ꙁво́лиши, в послѣ́днїи вѣкъ томꙋ

же дѣлꙋ ꙗвити сїа новаа проповѣдника и свѣтилника всеи вселеннѣи, ꙗже подвигомъ добрым и вѣрою крѣпко препоꙗсавша тресла своа, проидоста, ꙗко слнце, темнаа мѣста стопами своими просвѣщающа, всакꙋ мглꙋ поганьскую дх҃вным огнемъ попалающа и еретическꙋю, не пощадаща дша своеа, ни пощадаща телеси своего, но всегда готова сꙋща за правꙋю вѣрꙋ сластно испити хв҃ꙋ чашꙋ. в срачинѣх же и козарѣхъ ꙗвльшаса непобѣдима, но ово же двѣ, иноплеменникꙋ иногда, низложивъ гордыню его, потребиша, прообразовавъ трцꙋ треми камени, и своимъ емꙋ мечемъ главꙋ отсѣкъ, похвалꙋ прїатъ во тмꙋ от снвъ ї҃илевъ, такожде же и сїа отца, триꙋпостаснꙋ бжтвꙋ слꙋзѣ сꙋща и проповѣдника, в соборѣхъ срачиньстѣхъ и жидовьски обрѣтшаса, своими имъ книгами и ꙗзыко, махтетоки влади и жидовьскꙋю злобꙋ дх҃вным мечем отсѣкша, потребиста, ꙗко плевелъ, и попалиста дх҃овною бл҃годатїю, а слово гн҃е всїаста, ꙗко и пшеницꙋ, въ срчнѣмъ селѣ, и вса насладиста медоточными словесы, трибезначалнаго бжтва ꙗсно исповѣдаста, оуказаста въ единомъ сꙋществѣ равеньствомъ сїающа отца и сна и стго дха, тако же и оуловиста, ꙗко и рыбы, словесною мрежею, и крестиста от казарь чтныа чади до двою сто, развѣ женъ и дѣтеи. трегꙋбꙋ похвалꙋ от всеа цркве прїимша, и преидоста отꙋдꙋ на западныа страны, бл҃говѣствꙋюща слово бж҃ие въ ꙗзыкъ новъ, и весь црковныи законъ преложша от греческого, во свои имъ ꙗзыкъ предаста, треꙗзычникꙋ же злобꙋ низложиша, потребиста, ꙗко плеве отвращаа от пшеницы, ти чисто цркви и свѣтозарно жито предаста. в западных же странахъ, паноньстѣхъ и моравска странахъ, ꙗко слнце восїавша, мрака греховна отгнавша, просвѣтиста бꙋквами, и наоучьша оучнки церковномꙋ чинꙋ исполнь. и тако теченїе сконча(ва)юща, пꙋти са ꙗти римьскаго, апльскомꙋ пртлꙋ поклонитиса, ведꙋща с собою на сбрѣ дх҃овныи пло. еже слышавъ апостолнкъ андрѣанъ, изыде противꙋ имъ далече от града римска, и тако же а прїем, ꙗко агга бжїа, и оучение ею прилюбль, постави бл҃женнаго мефодїа на презвитерство, и оучнкы ею.

Приближи же сѧ вре́мѧ поко́и прі́ѧти престꙋ́мꙋ и҆ пребл҃же́номꙋ ѿц҃ꙋ на́шемꙋ и҆ оу҆ч҃тлю, конста́нтинꙋ фило́софꙋ. ви́дѣв же ѩ҆вле́ніе ѿ бг҃а ѡ҆ поко́и свое҄, ѡ҆блечеса в че́рныѧ ри҄зы, и҆ дн҃ь же ѧ҆ре́къ поко́ѧ своѐго̀, пребы́сть до него̀ дн҃ь, веселѧ́сѧ и҆ сла́вѧ бг҃а. та́ко почи̑ ѡ҆ гн҃и в лѣ́ ҂ѕ҃.тоз҃. и приложи́сѧ къ ѿц҃емъ свои́мъ, пррокомъ и҆ а҆п҃ломъ, и҆ мч҃нкомъ и҆ всѣмъ ст҃ымъ. и҆ положи́ша и҆ҍ в цр҃к-и ст҃го кли́мента, и҆дѣ́же нача́ша мно́га и҆сцѣле́ніѧ бы́вати ѿ ч҃тнаго ро́ба е҆го̀. слѣпі́и а҆біе нача́ша просвѣща́тисѧ, недꙋ́жніи и҆сцѣлѧ́тисѧ, бѣси ѿ чл҃къ и҆сходи́ти. е҆же ви́дѣвше ри́млѧне, па́че сѧ приложи́ша къ ст҃ни е҆го̀. сщ҃ь же пречтнаго и҆ бг҃чтнаго меѳо́дїа на а҆рхїеп҃пь-тво, на сто́лъ ст҃го а҆ндро́ника, а҆п҃ла в пано́нїи ѿ .о҃., пꙋсти́ша и҆ ѧ страны̀ слове́ньскїа оу҆чи́ти во ѩ҆зы́къ и҆, написа́вше е҆пи́столїю ю кн҃земъ страны то́ѧ, ростисла́вꙋ, светопо́лкꙋ, и҆ коце́лꙋ. а҆ндрѣ а҆п҃пъ, ра́бъ всѣмъ рабо́мъ бж҃їимъ, к ростисла́вꙋ, и҆ светопо́лкꙋ, и҆ оце́лꙋ. сла́ва в вы́шнии бг҃ꙋ, и҆ на зе́мли ми́ръ, въ чл҃цѣхъ бл҃говоле́нїе. ѩ҆ко ѡ҆ ва́съ слы́шавше дх҃овны ра́дости, и҆же и҆мате на сп҃сенїе, сле́мъ бра́та на́шего, ч҃тна́го меѳо́дїа, сщ҃ена на а҆рхїеп҃пьство ѧ страны̀ ва́ша, ѩ҆же е҆сте проси́ли оу на́съ, да вы̀ оу҆чи̑, ко ѩ҆зы́къ ѣелага́ѧ кни́ги, да сѧ̀ и҆спо́лни пррч҃еское сло́во, ѩ҆ко же рѣ́ша. хвали́те бг҃а вси ѩ҆зы́цы, и҆ похвали́те е҆го̀ вси лю́дїе. и҆ всѧ́къ ѩ҆зы́къ исповѣ́сть, ѩ҆ко же и҆ гдь і҆с хс в сла́вꙋ бг҃ꙋ ѿц҃ꙋ. а҆ми́нь. въ е҆ѵа҄лїи чѐ гдь, посыла́ѧ оу҆ч҃ники своѧ̀. ше́дше, наоу҆чи́те всѧ̀ ѩ҆зы́ки, кр҃тѧ́ще ѧ҆ во и҆мѧ ѿц҃а и҆ сн҃а и҆ ст҃го дх҃а, оу҆ча́ще блюстѝ всѧ, е҆ли́ка заповѣ́дахъ ва́мъ, и҆ се а҆ҍ с ва́ми е҆смь всѧ дн҃и до конча́ны вѣ́кꙋ. а҆ми́нь. вы же, ча́да возлю́бленнаѧ, послꙋ́шайте оу҆ч҃нїа бж҃їа, е҆же въ послѣ́днее вре́мѧ пре́дано бы́сть, ва́шего ра́ди сп҃нїа, да, поо у҆ча́ющесѧ разꙋ́мно, пло̀ досто́инъ сотвори́те, и҆ прї́имете вѣне́цъ нетлѣ́ненъ и҆ в сїи вѣ́къ и҆ грѧдꙋ́щїи со всѣ́ми ст҃ыми во вѣ́кы. а҆ми́нь.

Доше́дшꙋ же е҆мꙋ въ страны̀ мора́вски, вси лю́дїе с ра́достїю изыдо́ша во срѣ́тенїе е҆мꙋ̀, и҆ та́ко прїѧ́ша и҆, ѩ҆ко а҆гг҃ла бж҃їа. и҆ ѿверзо́шасѧ о҆че́сѧ̀ слѣпы́мъ, и҆ оу҆ше́сѧ̀ глꙋхи́хъ, и҆ ѩ҆зы́цы власнꙋ́ющей во бл҃гла́нїѧ ми́ра, і҆ и҆ми же оу҆сты̀ бѣ́ша пе́рвѣе же́ртвы не-

прїязнены воздава́ли на кла́дезахъ и на всѣ мѣстехъ хꙋлова́ли бга, тѣм же дѣти и словесныя и бескро́вныя слꙋжбы бгꙋ возда́ють по весь миръ, и во вся́комъ мѣстѣ имя бжїе прославляется въ языцѣхъ новѣ, емꙋ же явися проповѣдникъ і апл҃ъ новъ, восїя́въ, яко слнце, мглꙋ невѣдѣнїя ѿгона́ и бгоразꙋмнымъ свѣтомъ всѣмъ срдца просвѣти, кротостїю же и сластїю, вся к себѣ любовїю привлече, теченїе свое сконча́, вѣрꙋ соблюде̏, црквн пѣсньми оукраси и пѣнїи дхвными. и тако почи́ о гдѣ в лѣто ѿ твари всего мира ҂ѕ҃т҃п҃ѕ҃. и приложися ко ѿцемъ своимъ, патрїархомъ аврааму, ісаакꙋ і іяковꙋ, всѣмъ себе̏ оуподо́бль, всѣ ѡбра́ на себѣ̏ поноше, овѣмъ ра́венъ быкъ, ѡвѣхъ мнїи, а дрꙋгы преспѣвъ силою, и дѣтелїю, і подвигомъ, восїя, яко слнце, лꙋча́ми прїточнами и наказанїемъ. его же полагающе медото́чная словеса̏, нѣсть чѣмъ сласти его дхвныя приложити.

Тѣм же, кыя оубо похвалы вода́мъ ва́ма, трꙋжьшимася толико хрста ра́ди в восто́чны̏, и западны̏, и сѣверскы̏ страна́хъ, не о приврѣменны̏ и тлѣющихъ, но вѣчныхъ и бесконечныхъ, крть гдень мꙋжески на ра́мѣ воспрїимша, и тѣмъ оглꙋбленѣвшꙋю грѣхо́ землю, потребльша, разориста, и всѣяста дховное сѣмя, и что црквн принесо́ста жито, днвно оучѣнїе, им же сїя́ста, яко свѣтила, во всемъ мирѣ, дѣмоньскꙋю хꙋлꙋ и вся́кꙋ ересь прогна́вша. велика оубо столпа̏ хвѣ црквн быста, нбная чл҃ка и земная ангела, во плоти бесплотное житїе стяжа́вша. блже́нно е во истиннꙋ чре́во, нося́шее вы и во́доивша гла́са многопло́дна, им же напитѣста алчющая языки, и жадныя напоиста живоно́снаго пива, непрестающꙋ ніро истоу́чьник всѣмъ ѡбилно. кто оубо возмо́жеть достойнꙋ похвалꙋ ваю исповѣдати, понебе́снꙋю всю проше́ша, стопа́ми скончав весь миръ ѡсвтиста; бл҃венъ языкъ ваю, им же насѣя́ста дховная словеса во спнїе бесчисленꙋ языкꙋ, бгодхнове́нный даръ ѿ бга прїимша, мра́къ невѣдѣнїя всюдꙋ прогна́ста, собою ѡбра̏ всѣмъ предлагающа. ѿ оустнꙋ дховнꙋ сласть истачающа, погань́ствꙋ же вся́комꙋ разрꙋшьника явистася, еретикомъ сꙋпоста́та, бѣсо́мъ прогонника, свѣтъ омраче́ннымъ, оучтла младе́нцемъ, истача́юща дховнꙋю сла́сть, м-

ощнимъ нескꙋднаа пища, жа́днымъ напаа́ю и҆сто́чникъ, нагимъ ѡ҆бил-
ѡ ѡ҆дѣа́нїе подаю́ща, сиры́мъ помо́щника, стра́ннымъ прїи́мника,
ално́ посѣти́тела, печа́лнымъ оу҆тѣши́тела, напа́стны̑ ꙁащи́тника,
довамъ и҆ сирота́мъ помо́щника, слѣпы́мъ свѣтода́тела, влающим-
ъ в мо́ри жите́йстемъ вели́каа а҆нки́ра, стѣна и҆ покро́въ припа́-
ющимъ к ва́ма, і҆ꙋде́ѡ̑ сꙋпоста́та, и҆спо́вѣдника ст҃ѣи тр҃ци, свер-
шитела бж҃їю смотре́нїю, вели́чествꙋ бж҃їю слꙋжи́тела, и҆сто́чника
бї́а слове́си, недви́жима столпа̀ цр҃кве хв҃ы, печа́ть пра́вдѣ, щи́тъ
вры, шле́мъ сп҃нїю, кла̑ многоплѡ́денъ, со́ти ме́двенїи словеса̀ ва́ю,
ими же насладиста всю вселе́ннꙋю, ꙗ҆́ко би́серъ многоцѣ́ненъ, и҆с-
очьша, сокрови́щи гн҃и, вмѣсти́лищи бж҃їа смотре́нїа, ѡ҆би́телищи
бж҃їю смотре́нїю, сосꙋ́да ст҃ымꙋ дх҃ꙋ и҆ꙁбра́ннаа, пронесша и҆ма хв҃о
о всей ꙁемли̑, кр҃тꙋ похвалꙋ̀ на себѣ поне́сша, вре́меннаа пре-
рѣкша, а вѣ́чны̑ наслажде́нїе прїи́мша. непреста́нно пр҃снаа і҆ и҆стин-
аа па́стыра, ꙁа и҆ꙁбра́ное ста́до ва́ю подви́жно помоли́тасѧ, стра-
ти ѡ҆женꙋ́ща, бѣ̑ и҆ напа́стеи иꙁбавла́ща, просвѣти́та и҆ срꙋчи̑ ѡ҆́чи и҆
ꙋмъ оу҆тверди́та досто́йно послѣ́довати стопамъ ва́ю, не́моꙋщи на-
ша на сѧ вꙁима́юща, свы́ше си́лꙋ подади́та, да, досто́йно пожи́в-
ше о хр҃тѣ, наслѣ́дницы трꙋдꙋ́ ва́ю ѡ҆бра́щꙋтсѧ и҆ пропо́вѣдницы пра-
вѣ́и вѣ́рѣ, ю҆́же и҆́мъ е҆́ста пре́дали, да вси̑ е҆́диногл҃но просла́ва̑
ст҃ое бж҃ство ѿц҃а и҆ сн҃а и҆ ст҃го дх҃а, нн҃ѣ и҆ пр҃но и҆ во вѣки вѣко́мъ.
ами́нь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стран.	Строк.	
Въ заглавіи: 105,	2.	сотво́ршемꙋ вм. сотво́ршема.
—	3.	на но́выи ветхїи вм. но́выи и҆ ветхїи.
—	4.	въ ꙗ҆зы́ки вм. въ ꙗ҆зы́къ.
106,	17.	оу҆краси́стаса и҆ дш҃ею и҆ оу҆мо́мъ вм. оу҆краси́ста и҆ дш҃ю и҆ оу҆мъ.
107,	1.	оу҆го́но вм. оу҆го́нъ.
—	4.	совѣ́тъ вм. свѣ́тъ.
—	12.	въ бестꙋже́нїи вм. стꙋже́нїи.
—	20.	и҆мени́стъ вм. и҆мени́тъ.
108,	1.	а҆ви́тиса вм. а҆ви́теса.
—	2.	про́идетъ вм. про́идете.
—	—	и҆скꙋ́ла вм. и҆скꙋ́шена.
—	3.	превышнимъ вм. пре҆ вышнимъ.
109,	1.	че́рмнаго вм. че́рнаго.
—	5.	неꙋювьствена же не и҆с вм. не и҆с неꙋювьствена же.
—	8.	преда́сть вм. преда́ста.
—	9.	и҆ ст҃ое вм. и҆стое.
—	13.	ср҃цы вм. ср҃цъ.
—	14.	гл҃а вм. гл҃анъ.
—	20.	Проп. и҆ передъ проповѣ́дателя.
—	26.	хотя́ща вм. ходя́ща.
110,	27.	пытаста вм. быста.
—	15.	косїа́ста вм. всїа́ста.
—	18.	бе҆слове́сною вм. слове́сною.
—	21.	ѿ дꙋна́а вм. ѿтꙋдꙋ.
—	16.	ѿ ва҃ вм. ѡ҆ ва҃.
111,	26.	в послѣ́дняя вм. в послѣ́днее.
—	32.	волнꙋ́ющеи вм. власнꙋ́ющеи.
112,	2.	возда́сть вм. возда́ють.
—	13.	е҆же вм. е҆го же.
—	20.	свѣти вм. свѣтилѣ.
—	21.	хва́лꙋ вм. хꙋ́лꙋ
113,	15.	помоли́стаса вм. помоли́таса.

XII.

*о Четь-Минеи на Февраль Московскаго Чудова монастыря 1600 го-
, въ листъ, на бумагѣ, № 311 (9), на 706 листахъ, при Житіи
Кирилла, л. 399 (см. Житіе Кирилла № XII).*

—

тои же днь слово похвално на памѧть стымъ и
реславнымъ оучтлемъ словеньскꙋ ѧзыкꙋ, сътворшема пи-
мены емꙋ и преложьшема новыи и ветхыи законъ во
зыкъ ихъ, блженномꙋ кирилꙋ философꙋ и архїепкпꙋ па-
носкꙋ мефодїю. блв.

Бгꙋ и спсꙋ нашемꙋ, ісꙋ хоу, мнѡгымъ и неизреченнымъ члколю-
їемъ, помиловавшꙋ рѡ члческїи, и не терпѧщꙋ създанїа своего,
естїю дїаволею ѡдръжима, низложи себе въ смиренїе волное, и
ъплѡщьсѧ ѿ стго дха и ѿ преч҃тыѧ и ѿ славныѧ бца и прно
бы мрїѧ, на земли ꙗвисѧ и съ члки поживе, и съѡбразенъ бывъ
елеси нашемꙋ, ѡсꙋди грѣхъ плотїю своею, да оумирающїи ѡ ада-
ѣ, ѡ хе ѡживꙋтъ. тои бо есть миръ нашь, сътвори и ѡбоѧ и еди-
ю, преграженїе ѡградѣ разрꙋшь, крстомъ оубивъ вражꙋ, и прьвець
ысть из мртвы, собою наставль рѡ члчь на неистлѣнныи пꙋть, въ-
ше же на нбса, сѣде ѡ десную прстла величествїѧ на высѡкыхъ, за-
ловѣ давъ искоуску родꙋ члчю, хотѧи в послѣднѧѧ врѣмена прїи-
и сꙋдити живымъ и мртвы, и възати комꙋжѡ по дѣломъ его,
ко праведенъ сꙋдїи. не хощетъ бо смрти грѣшникꙋ, но ѡбраще-
нїю его и покаѧнїю, аще наипаче прилежитъ на злобꙋ кожѡ члкъ.

не ѡстави бо създаніа своего млтвый бъ҃, ни забы дѣла р… своєю, нѡ на коаждо лѣта и времена избра мѹжа, и ави дѣла и покниги людемъ, да быша, тѣмъ покаіѥса, живот вѣчный ѡбр… и по тѣ пррки, по прроцѣх же апли, и по аплѣхъ ѹчники, и п… ныа мѹжа и оучтла. еже са и збысть в семый вѣкъ нашь. р… бо ѡни слѣпіи прозратъ, глѹсіи оуслышатъ слово книжное, и … когглютъ различны ꙗзыки величіа бжіа.

Бѣ же в селѹньстѣ граде мѹжь нѣкій, именѣ левъ, учитъ не… рѡченъ, истиненъ и бгоучтелъ, ѡгрѣбаиса ѿ всакіа злобы и исп… гонаѧ вса заповѣди бжіа, ꙗко же іовъ. живый же въ кротости… вѣніи, семороденъ ѡбрѣтеса, ꙗко же и іѡвъ. ѡ нѣкоем же… пррокъ гла: блаженъ мѹжь боаиса га, в заповѣдехъ его въсхощ… зело. силно на земли боудетъ сѣма его, рѡ праведныхъ бласвит… слава и богатьство в домѹ его, правда его пребываетъ во вѣкъ вѣка. ис того бо корене восіаста изрядни двѣ лѣторасли свѣтозарны, блвенъ плѡ на себѣ носаща, житіе же непорочно ѿ юности имоуща. прмрость бо себѣ, ꙗко сестрѹ сътворша, тою оукрасиста и дшю и оумъ, любовию же и вѣрою, дрѹгъ дрѹга ею пресивааста, мрѡстію цвѣтѹща прно, ꙗко цвѣтецъ благоюханный. родомъ сы мніи блженный коньстантинъ, а оумомъ и добродѣтеами выспрь възлетаа, ꙗко ѡрелъ, дхѡвныма крилома, ти бгозарнымъ свѣтомъ оума просвѣщь си, съсоуд избранъ стмѹ дхѹ, и тѣмъ свѣтаса всѣмъ оученіемъ философскимъ, нескѹдное съкровище ѡбрѣтеса. ꙗко бо источникъ, исполнаꙗ всю вселеннѹю, напои жадныа словесе бжіа, ꙗко рече сам гь бъ нашь, іс хс: вѣроуаи в ма, ꙗко же книги рѣша, рѣки ѿ чрева его потекѹ воды живы, си рѣть, дарове животворащаго дха. той бо въскипѣ в немъ, изливса оустнама его и всю вселеннѹю сладстно възвесели, слово расѣа коемѹждо ꙗзыкѹ, противѹ своемѹ разѹмѹ. бѣ бо емѹ данъ даръ дховный ꙗзыки глати, ꙗко и аплѹ. старѣиши же его братъ, преблженный мефодій, изъ млада житенскіа саны начатъ пріимати. мрѡстію бо, ꙗко цвѣтъ благоюханенъ, цвѣтый, всѣми блкажи бѣ любимъ. в бесѣдахъ бо ꙗко соломонъ авлаше, дивныа притча, и

ıказа́нїа, и̇ копраша́нїа и̇́зноса и̇ срⷣчнаго села, и̇ на слоу́жбѣ всѣмъ ѵго́динъ, ıа́ко крила́, ѡбрѣташе́са, и̇ на вои́нѣ ıа́ко и̇ самсонъ, и̇ :деѡнъ, и̇ ıс҃ъ навгинъ, стра́шенъ авлашеса. тѣ́м же и̇ въево́скыи ıинъ прїи́мъ, побы в немъ мало, и̇ разоумѣвъ мно́гоматежныи сыи ьвѣ, ıа́ко сѣнь преходащь неполе́знено, паⷪ же гн҃е сло́во, ıа́ко и̇ грѣхоу, въ срⷣци си прини́мъ, ıа́ко же реⷱ҇· каа по́лза е̇́сть ч҃кꙋ, ще весь миръ приѡбра́щетъ, а̇ дш҃оу свою ѿщети́тъ, ли погꙋби́тъ; и̇ что̀ дасть ч҃къ и̇змѣнꙋ на дш҃и свое́и; временнѣ же земными бл҃аа, временна оу́ко ѿмѣтаа ѿ себе, презра, въ вѣчныа подви́иꙋса. и̇ и̇(з)ше̇ въ ѡлибъ, пострижеса в черныа ри́зы, чаа прїати ...ѣлꙋ и̇ нетлѣннꙋ а̇ггл҃кꙋ ѡде́жꙋ. и̇ бѣ повиноуа́са всѣмъ с покоре́нїемъ и̇ смире́нїемъ, в бдѣнїи и̇ мл҃твѣ, в стꙋже́нїи, слꙋже́нїи, въ и̇зрядиѣ поще́нїи, въ трезве́нїи всегда, въ ѡ̇чище́нїи дх҃овнѣмъ, въ плачи благѣ, ѿ о̇чїю и̇сто́чника и̇спꙋщаа, ıа́ко рѣкꙋ, и̇ тою ѡмываа все тѣло свое̇, плотьскаго поко́а ѿнюⷣ не свѣдыи, како есть, но на всакꙋ но́щь стоа ѿ захо́да слн҃ца до восхода́ща, не да́а сна ѡчи́ма свои́ма, ни вѣждама си дрема́нїа, ни поко́а бровьма свои́ма, поꙋчаа въ ѱалмѣⷯ, и̇ пѣнїихъ и̇ пѣснехъ дх҃о́вныхъ, спо(д)вигаиса спостигнꙋти житїа ст҃ыхъ ѿц҃ъ, ѡвы же прѣспѣ кро́тостїю и̇ молча́нїемъ, а̇ другыа постомъ, и̇ бдѣнїемъ, и̇ мл҃ткою и̇зрядно. и̇ та́ко и̇менитъ бысть въ всѣ ѿц҃ѣ, подо́бенъ вели́комꙋ а̇рсе́нїю, и̇ а̇нтонїю, и̇ савѣ всѣ житїа собо́ю съверша́а. мл҃тивыи же бг҃ъ, видѣвь и̇ в толицѣ трꙋдѣ пребыва́юща, вложи в срⷣце братїи, и̇́же, видѣвше подвигъ е̇го и̇зра́денъ на слꙋжбꙋ бж҃їю, другъ къ другоу дивла́хꙋса и̇ прославла́хꙋ бг҃а, даю́щаго бл҃года́ть свыше трꙋжа́ющиса е̇го ради. доиде́же патрїа́рхъ, оу̇слыша́въ по́двигъ е̇́го, бѣдниа и̇ поставити митрополита в чт҃нѣ мѣстѣ, и̇ не мо́гъше е̇го то́мъ прибѣди́ти, поставиша и̇гꙋмена в манастыри, и̇́же нарица́етса и̇менемъ полихронъ, в не́м же баше ѿц҃ъ .о҃. и̇ по то са е̇мъ, пребыва́ше ıа́ко и̇ беспло́тенъ в мл҃твѣ прно, всѣмъ всачески, дабы вса приѡбрѣлъ. и̇ ст҃ыа бо книги ѡ̇ таковою въпию́тъ, похва́лно гл҃юща· прем҃дрости древнихъ взы́щетса, и̇ во прⷪрстїихъ поживе́те. повѣсти мꙋжь и̇мени́тыи съхра́ните, и̇ въ и̇звитїихъ притꙋчныхъ и̇зыдѣте. посреди велможь по-

служите, и пре игумены явитеся. по земли тужихъ языкъ пройдете, добро и зло въ улцахъ искушена будета. срце свое даста оутрене быти къ гоу сътворившему а, и пре вышнимъ помолистася. аще же въ восхощетъ великiи, разумнаго дха наполнитеся. то бо изоткнитъ гдъ и мрости ею, и въ млтве исповедаста гви. тои бо явитъ казанiа и оучнiа ею, и в законе завета гна похвалистеся. въсхвалатъ ею разумъ мнози, и до века не потребится и не отступи ею, и има ею живетъ в роды и роды. мрости ею поведатъ языцы, и похвалу ею исповесть црквн, еи же быста крепкаа побитiа и недвижнма столпа, основана на твердемъ вере камени, послевствовавша первооцемъ и патрiархомъ, верою и подвигомъ деанiа ихъ и труды собою скончавающа, яко же и великiи патрiархъ авраамъ, прадедъ хвъ, верою пресельникъ бывъ и пришлецъ в земли тужеи. другъ бжiи наречеся, и заветъ обрезанiю ѿ бга прiимъ, верою оцъ многомъ языкомъ наречеся.

Сiа же ста и преславнаа оца и оучтла, тою же верою оукрашься, ты же детели скончаста. пресельника бо быста ѿечства своего и пришелца на землю тужоу. законъ же ѿ бга прiимша, не своему племени, яко же авраамъ, но языку, иже не разумеаше десница своеа, ни шуица, но ему же са преткнаху, то тому са поработиша, кланахуса, яко богу, твари, въ творца место. заветъ же не обрезанiю прiимше, яко же авраамъ, но крещенiю, въ оставленiе грехомъ, въ веки пребывающь, самемъ скончанъ и преданъ гмъ нашимъ, ic хмъ. моисеи також съ арономъ во iерехъ бжiихъ бъ фараонови наречеся, муками различными египта оуморивъ, бжiа люди из работы ихъ изведе, во дне столпомъ облачнымь, а в нощи столпомъ огненымь, и развель море, по соуху проведе въ пустыни, а противныа погрузи въ безне, в пустыни безводне напои а, поражь камень, и хлеба англка насыти, и законъ же ѿ бга прiимъ, бжiимъ перстомъ написанъ. на скрижали бо камены, предасть люди въ схраненiе и послушанiе. и сiа же преблажена и бгооугоднаа тако, ни чимъ же менша тою явистаса, того же бжiа дха напоена сбыше, сугоубе блгти сподобльшаса, люди изведоста изъ многи тер-

аго дїавольскаго мора, мысленаго фараѡна погрꙋжьша, и҆ всю силꙋ его потребиста, и҆ вѣрою вооѡрꙋжистаса и҆ силою крⷭ҇тною, не пꙋстынюю же а҆ и҆зведоста, но на свѣ бгоразꙋмныи настависта, не с камени водꙋ и҆звѣша, но вѣрою словесе бжїа жадныа напоиста, е нс не чювьствена же камене водꙋ и҆звѣша, ако же ї ѡна, но истекѥю кровїю и҆ водою ѿ пречистꙑ ребръ га нашего, іса ха, вѣрнымъ мирꙋ вѣчнꙋю и҆ бесконечныи живо́тъ во спсенїе предаста, въ ѡданїе грѣховъ подающа. ни хлѣба анг҇ла напитающа, но истое тѣло га нашего, іса ха. законъ же бжїи сꙋгꙋбо преложьша, в новыи ѧзыкъ предаста, писмена сътворища емꙋ. еже бѣ са ѿ премꙋдрыхъ и҆ разꙋмныи ꙋтаило, то ѿкровено бысть млнцемъ в послѣднїи вѣкъ. иша. не на скрыжали камены написанъ, но на срци скрыжали плотѧ, ни сквозѣ ѡблакъ, ни мглою и҆ бꙋрею главъ, но самѣмъ гмъ, с хмъ, скончанъ и҆ преда. не сѣни слꙋжитела, но истинѣ проповѣдника быста, ни кроплєнїемъ крове оуньца и҆ козла, кропаща и҆ ѡчищающа скверныа къ плотьстѣи чтотѣ, но стымъ крещенїемъ, не тѣло ѡдино ѡчищающа, но дшевнꙋю скверꙋ въ сердечнѣмъ селѣ всѣмъ ѡсїавша, ни закоденнѣ жертвѣ проповѣдника бывша, иⷩ҇ слꙋжитела, но бесквернени и҆ мирнѣи хртовнѣи слꙋжбѣ слꙋгѣ и҆ проповѣдатела ꙗвистаса, апⷧ҇ѡ сꙋпрꙋжника, на то же дѣло и҆збрана, крⷭ҇тъ мыслено на рамꙋ своею въсприимша, всю вселеннꙋю ѡбидоста, исполнающа оучченїемъ та мѣста. в нихъ ѡни не постоаша, ли оуглаженїемъ пꙋти, ли за оумноженїе и҆мѣ странъ ближнихъ, в ниже рашешеса, ꙗко лꙋча слнчныа, свѣтомъ бгоразꙋмнымъ просвѣтиша весь миръ. по тѣм же стопамъ и҆ ти ходаща и҆ того же дха напоена ѿ бга, томꙋ же словеси быста проповѣдника и҆ новаа апⷧ҇а, не на тꙋжемъ ѡснованїи свое дѣло показающа, но и҆знова писмена възѡбражша, и҆ съвершиста въ ѧзыкъ новъ. послѣ же въсїавша, ꙗко оутренаа звѣзда, ѿ слнца свѣтъ приемлющи, свѣтлѣиши всѣ ꙗвлаетса, и҆ ꙗко же наатїи дѣлателе въ виногра, понесшеи тагостꙋ дне и҆ кара, съ пришешими въ .аі. часъ, равнѣмъ сподоблени быша мздѣ бжїи блгти тако и҆зволщи, в послѣднїи вѣкъ томꙋ же дѣлꙋ ꙗвити сїа новаа проповѣдника и҆ свѣтилника всеи вселеннѣи, иже под-

книгомъ добрымъ и вѣрою крѣико преноасавша чресла своа. про[...] доста, ако слнци, темнаа мѣста стопами своими просвѣщающа, вс[...] кꙋ мглꙋ поганьскоую дховны ωгнемъ попалающа и еретическоую, [...] пощадаща дша своеа, ни пощадаща телеси своего, но всегда гот[...] ва сꙋщи за правꙋю вѣрꙋ сластно испити хвꙋ чашꙋ. въ сраци[...] же и козарѣ ꙗвльшаса непобѣдима, но ꙗко двъ иноплеменникꙋ [...] да, низложи гордыню его, потреби, проωбразовавъ трцꙋ треми [...] мени, и своимъ емꙋ мечемъ главꙋ ѿсѣкъ, похвалꙋ нрїатъ во [...] ѿ сновъ інлевъ, такоже же и сїа ѿца, триоупостаснꙋ бжтвꙋ с[...] сꙋща и проповѣдника, въ соборѣхъ срачиньстѣхъ и жидовьски[...] ωбрѣтшаса, своими имъ книгами и азыкомъ, бахметовы блади[...] жидовьскꙋю злобꙋ, дхωвнымъ мечемъ ѿсѣкша, потребиста, ꙗко [...] плевелъ, и попалиста дховною блгїю, а слово гне въсїаста, ꙗко [...] пшеницꙋ, въ срчнымъ селѣ, и вса насладиста медоточными слове[...] сы. трибезначалнаго же бжтва ꙗсно исповѣдаста, оуказаста в[...] единномъ сꙋществѣ равеньствомъ сїающа ѿца и сна и стго дха. т[...] ко а оуловиста, ꙗко и рыбы, словесною мрежею, и кртиста ѿ козарь чтныа чади до двою стꙋ, развѣ женъ и дѣтеи. трегꙋбоу похвалꙋ ѿ всеа цркве прїимша, пренеоста ѿтꙋдꙋ на запаныа страны, блговѣстьствꙋюща слово бжїе въ азыкъ новъ, и весь црковный законъ прелоша ѿ греческаго, въ свои имъ азыкъ предаста. трезычникомъ же злобꙋ низложиша, потребиста, ако плевелъ, ѿвращьша а ѿ пшеницы, ти что цркви и свѣтозарно жито прѣдаста. в западных же странахъ, паноньстѣ и моравьскахъ стран, ꙗко слнце въсїавша, мрака грѣховна ѿгнавша, просвѣтиста бꙋквами, и наоучьша оучники црковномꙋ чинꙋ исполнь. и тако течение сконьчавающа, пꙋти са аста римьскаго, аплъскомꙋ пртлꙋ поклонитиса, ведꙋща со собою на сїрение дховныи пло. еже слышавъ апостоликъ андреанъ, изыде противꙋ имъ далече ѿ града римьска, и тако же а прїатъ, ꙗко агла бжїа, и оучение ею прїлюбль, постави блаженнаго мефодїа на прозвитеръство, и оучникы ею.

Приближи же са времѧ покои прїати пресвтмꙋ и преблаженномꙋ оцꙋ нашемꙋ и оучтлю, коньстантинꙋ философꙋ. видѣв же анас-

іе ѿ бг҃а ѡ̓ покои своѐмь, ѡ̓блечеса в черныѧ ризы, и̓ дн҃ь же нарекъ покоѧ своѐго, пребы҃ до него дн҃ь, веселѧса и̓ слава г҃а. и̓ тако поч҃и ѡ̓ г҃ѣ в лѣ ҂ѕ҃. т҃оз. и̓ приближи҃ къ ѿц҃емъ свонмъ, пр҃ркомъ и̓ а̓п҃лѡмъ, м҃чикомъ и̓ всѣмъ ст҃ымъ. и̓ положиша къ ц҃ркви ст҃го климента, и̓деже начаша мнѡга и̓сцѣлєнїѧ быати ѿ ч҃тнаго гроба его, слѣпїи а̓бїе начаша просвѣщати҃, недꙋжнїи и̓сцѣлитиса, бѣси и̓сходити. єже видѣвше римлане, паче са приложиша къ ст҃ии его. с҃щьше же пр҃чтнаго и̓ бг҃очтнаго меѳодїа на архиеп҃кпьство, на столъ ст҃го а̓ндроника, а̓п҃ла въ панонїи ѿ .б҃., пустиша и на страны словеньскїа оу̓чить во а̓зыкъ и̓хъ, написавше єпистолию сїю къ кн҃земъ страны тоѧ, ростиславꙋ, и̓ ст҃ополкꙋ, и̓ коцелꙋ. а̓дрїа҃н єп҃пъ, рабъ всѣмъ рабомъ бж҃їимъ, къ ростиславꙋ, и̓ ст҃ополкꙋ, и̓ коцелꙋ. слава в вышнихъ бг҃ꙋ, и̓ на земли миръ, въ ч҃лцѣхъ бл҃говоленїе. ꙗко ѡ̓ васъ слышавше дх҃овны радости, и̓же и̓мате на сп҃сенїе, слемъ брата нашего, ч҃тнаго меѳодїа, с҃щена на архиеп҃кпьство на страны ваша, ꙗже єсте просили оу̓ насъ, да вы оу̓чить, во а̓зыкъ прелагаѧ книги, да са и̓сполнитъ пр҃рческое слово, ꙗко же рѣша· хвалите г҃а вси а̓зыцы, и̓ похвалите его вси людїе. и̓· всакъ ꙗзыкъ и̓сповѣсть, ꙗко же и̓ г҃ь і҃с х҃с въ славꙋ бг҃ꙋ ѿц҃ꙋ. а̓минь. въ є̓ѵа҃лїи ре҃ г҃ь, посылаѧ оу̓ч҃нкы своѧ· шедше, наоу̓чите вса ꙗзыки, кр҃таще а̓ во и̓мѧ ѿц҃а, и̓ с҃на, и̓ ст҃го дх҃а, оу̓чаще блюсти вса, єлико заповѣдахъ вамъ, и̓ се а̓з с вами єсмь вса дн҃и до кончины вѣкꙋ. а̓ми҃н. вы же, чада възлюбленнаѧ, послꙋшайте оу̓ч҃нїа бж҃їа, єже в послѣднее времѧ предано бысть, вашего ради сп҃сенїа, да, пооу̓чающеса разꙋмно, плѡ достоинъ створите, и̓ прїимѣте вѣнецъ нетлѣненъ и̓ в сїи вѣкъ и̓ въ градꙋщїи, со всѣми ст҃ыми въ вѣки. а̓ми҃н.

Дошедшꙋ же емꙋ въ страны моравьскы, вси людїе с радостїю и̓зыдоша въ срѣтенїе емꙋ, и̓ тако прїаша и, ꙗко а̓нгла бж҃їа, и̓ ѿверзошаса ѡ̓чеса слѣпымъ и̓ оу̓шеса глꙋхыхъ, и̓ а̓зыци волснꙋющеи вогл҃аша миръ, и̓ и̓ми же оу̓сты бѣша перве жр҃твы непрїазненны въздаꙗли на кладꙗзѣхъ и̓ на всѣхъ мѣсте҃х хꙋловали бг҃а, тѣми же дѣтї и̓ словесныѧ и̓ бесквернены слꙋжбы бг҃ꙋ водають за весь

миръ, и въ всякомъ мѣсте имя бжїе прославляется въ ѧзыкъ новъ. ѥму же ꙗвися проповѣдникъ і аплъ новъ, въсїявъ ꙗко слнце, мглу невидѣнїа ѿгона и бгразоумнымъ свѣтомъ всѣмъ срца просвѣти. кротостїю же и сластїю, вся к себѣ любовїю привлачя, теченїе свое скончя, вѣру соблюде, црькви пѣсньми оукраси и пѣнїи дхѡвными. и тако почи ѿ гѣ в лѣто ѿ твари всего мира ,ѕ҃.тчд. и приложися къ ѿцемъ своимъ, патрїархомъ авраамоу, ісакоу, і ꙗковоу, всѣмъ себе оуподобль, всѣ ѡбразъ на себѣ поноша, ѡвѣмъ равенъ бывъ, ѡвѣмъ мни, а другы преспѣвъ силою, и дѣтелїю, и подвигомъ, восїявъ. ꙗко слнце, лучами притоучнами и наказанїемъ. его же богоглаголющие медоточная словеса, нѣсть чемъ сласти его дхѡвныя приложити.

Тѣм же кыя оубо похвалы въздамъ вама, трудившимася толико хѣ ради въ восточныхъ, и западныхъ, и сѣверьскихъ странахъ, не ищюща временныхъ и тлѣющихъ, нѡ вѣчныхъ и бесконечныхъ, крстъ гнь мужьски на рамѣ воспрїимша, и тѣмъ ѡбладѣнѣвшую грехомъ землю потребльша, разориста, и всѣаста дхѡвное сѣмя, и чисто црькве принесоста жито, днѣвное оученїе, им же сїаета ꙗко свѣтила въ всемъ мире, дѣмоньскую хулу и всяку ересь прогнавша. велика оубо столпа хвѣ црькве быста, нбнаа человѣка и земнаа агла, въ плоти бесплотное житїе стяжавша. блаженно е во истину чреко, ношьшее вы и възонивша гласа многоглоона, им же напитѣста алчющаа ѧзыки, и жадныя напоиста животнаго пива, непрестающу пищу источьша всѣмъ ѡбилно. кто оубо возможетъ достойну похвалу ваю исповѣдати, понеже всю прошеша, стопами своими ве миръ ѡчистиста: каженъ ѧзыкъ ваю, им же насѣкаста дхѡвная словеса, въ спсенїе бесчисленуѧ ѧзыку. бгодхновенный даръ ѿ бга прїимша, мракъ невидѣнїа всюду прогнаста, собою ѡбра всѣмъ прелагающа, ѿ оустну дхѡвну сласть источающа, поганьству же всякому разрушника явистася, еретикомъ соупостата, бѣсомъ прогонника, свѣ ѡмраченымъ. оучтла младенцемъ, источающа дхѡвную сласть, алчющимъ нескудна пища, жаднымъ напаяа источникъ, нагимъ ѡбилно ѡдѣнїе пода... ...ъ помощника, страннымъ прїимника, болнымъ посѣтителя

іеча́лнымъ оу҆тѣши́тела, напа́стнымъ ҁащи́тника, вдова́мъ и҆ сиюта́мъ помо́щника, слѣпымъ свѣтода́тела, влаю́щимса в мори жите́йстемъ вели́каа а҆нькира, стѣна и҆ покро́въ припада́ющимъ к ва́мъ, юдѣѡмъ сꙋпоста́та, и҆сповѣдника ст҃ы тр҃цы, сверши́тела бж҃їю смоте́нїю, вели́чествꙋ бж҃їю слꙋжи́тела, и҆сто́чника бж҃їю словеси, недви́жима сто́лпа цр҃кве хв҃ы, печа́ть пра́вдѣ, щитъ вѣры, шлемъ сп҃се́нїю. класъ многоплѡ́денъ, лоза медото́чнаа, соти медве́нїи словеса ваю, и҆ми же наслади́ста всю вселе́ннꙋю, ꙗ҆ко бисеръ многоцѣненъ и҆сточьша, съкро́вищѣ гн҃и, въмѣсти́лищи бж҃їа смотре́нїа, ѡ҆би́телищи бж҃їю смотре́нїю, сосꙋда ст҃мꙋ дх҃оу и҆ҁбраннаа̀, пронесшаа̀ и҆ма хв҃о во всей ҁемли, кр҃тꙋ похвалꙋ на себѣ понесша, време́ннаа преҁрѣвша, а҆ вѣ́чныхъ наслажде́нїе прїи́мша. непреста́нно прп҃бнаа и҆ и҆сти́ннаа̀ пастыра, ҁа и҆ҁбра́нное стадо ваю подвижно моли́таса, страсти ѿже́нꙋща, бѣ̑ и҆ напа́стїи и҆ҁбавла́юща, просвѣти́та и҆мъ ср҃дечнѣи ѻ҆чи и҆ оу҆мъ оу҆тверди́та досто́йно послѣ́довати стопа́мъ ваю, немощи наша на са вҁима́юща, свы́ше силꙋ пода́дита, да, досто́йно пожи́вше ѡ҆ хр҃тѣ, наслѣ́дницы трꙋдоу ваю ѡ҆бра́щꙋтса и҆ пропове́дницы пра́вѣи вѣре, юже и҆мъ е҆ста пре́дали, да вси е҆диногла́сно просла́вятъ трист҃ое бж҃тво ѻ҆ц҃а, и҆ сн҃а, и҆ ст҃го дх҃а, нн҃ѣ, и҆ пр҃но, и҆ в вѣки вѣкомъ. а҆минь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стран.	Строк.	
Въ заглавіи: 115,	2.	сътворшемꙋ вм. сътворшема.
—	3.	на новыи и ветхыи вм. новыи и ветхыи.
—	4.	въ ѧзыкї вм. въ ѧзыкъ.
—	—	Проп. и҆ передъ а҆рхїеп҃нпꙋ.
—	5.	Лишнее и передъ мефодїю.
116,	1.	ѡ҆стави҆ вм. ѡ҆стави.
—	17.	разли́чныѧ вм. разли́чны.
—	13.	Лишнее и҆ передъ бл҃ви́тсѧ.
—	17.	оу҆краси́стасѧ и҆ дш҃ею и҆ оу҆момъ вм. оу҆красиста и҆ дш҃ю и҆ оу҆мъ.
117,	1.	оу҆годно вм. оу҆годнъ.
—	12.	бестꙋже́нїи вм. стꙋже́нїи.
—	20.	и҆менитъ вм. и҆менистъ.
118,	1.	прои҆детъ вм. прои҆дете.
—	—	и҆скꙋла вм. и҆скꙋшена.
—	19.	по томꙋ вм. то томꙋ.
—	32.	чер҆мнаго вм. чер҆наго.
—	33.	воѡрꙋжи́ста вм. воѡ҆рꙋжи́стасѧ.
119,	5.	преда́сть вм. преда́ста.
—	7.	сꙋгоу́бꙋ вм. сꙋгоу́бо.
—	10.	ср҃цы вм. ср҃цъ.
—	11.	гл҃а вм. гл҃анъ.
—	24.	пыта́ста вм. бы́ста.
120,	18.	ѿ дꙋнаѧ вм. ѿтꙋдꙋ.
121,	24.	послѣ́днаѧ вм. послѣ́днее.
—	30.	волнꙋю́щен вм. волснꙋю́щен.
—	30.	во҆дасть вм. во҆дають.
122,	10.	є҆же вм. є҆го же.
—	14.	Проп. ради.
—	18.	сїѧста вм. сїѧета.
—	19.	хвалꙋ вм. хꙋлꙋ.
123,	13.	моли́стасѧ вм. моли́тасѧ.
—	17.	провѣ́диницы вм. пропове́диницы.

XIII.

[И]з Четь-Минеи на Апрѣль Московскаго Чудова монастыря № 313 (1), въ листъ, 7108 года (1600), при Царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ, съ оборота 145 л. по 154 (См. Житіе Меѳодія № VIII).

—

Тóн же дн҃ь слово похвáлно на пáмѧ ст҃ымъ и҆ преславнымъ оу҆чт҃лемъ словéнскꙋ ꙗ҆зыкꙋ, сотворшема писмены є҆моу и҆ прелóжьшема нóвый и҆ ветхий закóнъ въ ꙗ҆зыкъ и҆хъ, бл҃жéнномꙋ кѵрилоу, и҆ а҆рхіеп҃поу панóньскоу меѳóдію. бл҃ви ѿ.

Бг҃оу и҆ сп҃соу нáшемꙋ, і҆сꙋ҃ хрⷭ҇тꙋ, мнóгимъ і҆ неизреченнымъ чл҃вколюбіемъ помиловавшꙋ рóдъ чл҃вческій, и҆ не терпѧ́щꙋ создáніа своеѐ, лéстію діаволїю ѡ҆держима, и҆ положи себѣ во смирéніе вóлное, воплóщьса ѿ ст҃го дх҃а и҆ ѿ пречтⷭ҇ыа и҆ ѿ слáвныа бц҃а і҆ прⷭ҇сно дв҃ы мрі҃а, на землѝ ꙗ҆вльса и҆ со чл҃вкы поживѐ, и҆ соѡ҆брáзенъ бы́въ телеси нáшемꙋ, ѡ҆сꙋдѝ грѣ́хъ плóтїю своеѐю, да оу҆мирáющїи ѡ҆ а҆дáмѣ, ѡ҆ хрⷭ҇тѣ ѡ҆живоу́тъ. тóн бо є҆́сть ми́ръ нáшь, сотворѝ ѡ҆боѧ̀ и҆ є҆ди́но, прегрáденіе ѡ҆грáдѣ разрꙋши, крⷭ҇том оу҆би́въ врáжьдꙋ, и҆ пéрьвѣнецъ бы́въ и҆з мéртвыхъ, собóю настáвль рóдъ чл҃вчь на неи҆стлѣ́нный пꙋ́ть, взы́де же на небесà, сѣ́де ѡ҆ деснꙋю прⷭ҇тла вели́честві́а на высóкихъ, заповѣ́дь дáвъ и҆скꙋ́снꙋ рóдꙋ чл҃вчю, хотѧ̀й в послѣ́днѧѧ временà прі́ити сꙋди́ти и҆ живы́мъ и҆ мертвымъ, и҆ воздáти комꙋ́жо по дѣ́ломъ є҆гò, ꙗ҆́ко прáведенъ соудїи. не хóщетъ бо смéрти грѣ́шникꙋ, нò ѡ҆бращéнїю є҆гò и҆ покаáнїю, а҆́ще наипáче прилежи́ на злóбꙋ кожо чл҃вкъ.

не ѡ҆ста́ви бо҃ созда́нїа своего̀ мл҃стивый бг҃ъ, ни ҁабы дѣла рꙋкꙋ своею̀, но̀ на ко́ждо лѣта и҆ времена̀ и҆ҁбра̀ мꙋжа, и҆ ꙗ҆ви дѣла и҆хъ и҆ по́двигы лю́демъ, да бы́ша, тѣмъ подо́баще, живо҃ вѣчный ѡ҆бра҆ли. и҆ по тѣхъ пр҃ркы, по пр҃рцѣхъ же а҆п҃ли, и҆ по а҆п҃лѣхъ мч҃нки и҆ пра́ведныѧ мꙋжа и҆ оу҆чт҃елѧ. е҆же сѧ и҆ сбы҃ въ ҁ҃ вѣкъ на́шь. рѣша бо҃ ѡ҆нии· слѣпии про́ҁра҃, глꙋси оу҆слышать сло́во кни́жное, і҆ вси̇ возгл҃ютъ раҁли́чны ѧ҆ҁыки велиꙋ̈їа бж҃їа.

Бѣ же в селꙋ̇нствѣмъ градѣ моꙋ̈ нѣкїи, и҆менемъ лѐвъ, чл҃вѣкъ не порꙋ̈ченъ, и҆стинен̾ъ и҆ бг҃оꙋчте́цъ, ѿгрѣба́асѧ ѿ всѧ́киѧ ҁлобы, і҆ и҆сполнѧ́ѧ всѧ̀ ҁа́повѣди бж҃їа, ꙗ҆ко же і҆ѡ́въ. живыи же е҆ кро́тости і҆ говѣнїи, седморо́денъ ѡ҆брѣтесѧ, ꙗ҆ко же і҆ѡ́въ. ѡ҆ нѣко́м же і҆ пррⷪ҇кь гл҃е· бл҃женъ мꙋ̈жь боѧ́исѧ гд҃а, в ҁа́повѣдѣ е҆го восхоще ѕѣло. си́лно на ҁемлѝ бꙋдетъ сѣмѧ е҆го̀, ро҃ пра́вы бл҃гословитсѧ. сла́ва і҆ бога́ство в домꙋ̀ е҆го̀, пра́вда е҆го̀ пребыва́етъ в вѣки вѣкꙋ. не то́го бо҃ ко́рене восїа́ста і҆ҁра́нѣ двѣ лѣтора́сли светоҁа́рнѣ, бл҃гословес плѡ҃ на себѣ̀ носѧ́ща, жи́тїе же непоро́чно ѿ ю҆ности и҆мꙋ̈ща. премꙋ̈дрость бо҃ себѣ ꙗ҆ко и҆ сестрꙋ сотво́рша, тою оу҆кра́систа и҆ дꙋшꙋ і҆ оу҆мъ, любо́вїю же и҆ вѣрою, дрꙋгъ дрꙋга е҆ю преспѣваста, и҆ чистїю цвѣтоу҆ща при́сно, ꙗ҆ко цвѣтець бл҃гою҆ха́нный. ро́домъ си́мнй бл҃женыи костанти́нъ, а҆ оу҆момъ и҆ добродѣтела́ми воҁлѣтѣ ꙗ҆кже ѡ҆ре́лъ дх҃овныма крыла́ма, ти бг҃оҁа́рный свѣтомъ оу҆ма̀ просвѣщь си̇, сосꙋ҃ и҆бра̃ ст҃мꙋ дх҃ꙋ, и҆ тѣмъ свѣта́сѧ, всѣмъ оу҆че́нїемъ философски҃, нескоу҆дное сокро́вище ѡ҆брѣтесѧ. ꙗ҆ко же бо҃ и҆сточникъ, всю̀ и҆спо́лнѧ́а вселе́ннꙋю, напои̇ жадныѧ словесе бж҃їѧ. ꙗ҆ко же речѐ са́мъ гдь бг҃ъ на́шь, і҆с҃ хс҃· вѣрꙋай в мѧ, ꙗ҆ко же кни́ги рѣша, рѣки ѿ чрева е҆го̀ потекꙋ҃ водꙑ̀ живы, сирѣ҃, да́рове жи́вотворѧ́щаго дх҃а. то̀ бо҃ воскипѣ в не́мъ, и҆ҁлиѧ́сѧ оу҆стна́ма е҆го і҆ всю̀ вселе́ннꙋю сла́достиѣ возвеселѝ, сло́во раҁсѣка́а коему́ждо ѧ҆ҁыкоу҆ проти́вꙋ своемꙋ̀ ра́ҁоу҆мꙋ. бѣ бо е҆мꙋ да́нъ да́ръ дх҃о́вный ѧ҆ҁыки гл҃ати, ꙗ҆ко и҆ а҆п҃лоу҆. старѣ́ншїи же е҆го̀ бра҃, преблаже́нный мефо́дїи, и҆ҁмла́да жити́нскыѧ са́ны нача́тъ прїи҆ма́ти. мꙋ҃дростїю бо҃, ꙗ҆ко цвѣ бл҃гою҆ха́ненъ, цветый, всѣми вл҃ками бысть любимъ. в бесѣдахъ бо҃ ꙗ҆ко соломо҃ ꙗ҆вла́шесѧ, ди́вныѧ при́тча, и҆ наказа́нїѧ

вопрошаніа ѝзноса̀ ѝз срⷣчнаго села̀, ѝ на слꙋжбѣ всѣмъ оу҆го́динъ, ꙗ҆ко ѝ крила́тъ, ѡ҆брѣта́шеса, ѝ на воинѣ ꙗ҆ко ѝ сампсонъ, ѝ гедеѡнъ, і҆ ѝсⷭ҇ъ навгинъ, стра́шенъ ꙗ҆влашеса. тѣм же ѝ воѐводскыи ч҆инъ прїи́мъ, побы́сть в не̑ мало, ѝ разꙋмѣвъ многомате́жныи сѐи вѣ́къ ꙗ҆ко сѣ́нь преходѧ́щь неполе́знено, пач҆е же гн҃е сло́во, ꙗ҆ко ѝ грѣлꙋ в̓ срⷣцы сѝ прїи́мъ, ꙗ҆ко же реч҆ѐ· ка́а по́лза е҆́сть ч҆лвкꙋ, а҆ще весь миръ прїѡ҆бра́щетъ, а҆ дш҃ꙋ свою̀ ѿщетѝ, лѝ погоу҆бѝ; ѝ ч҆то̑ дасть ч҆лкъ ѝзмѣнꙋ на дш҃и своѐи; премѣнив же земны́ми н҃ныа, временна ѹ҆бо̑ ѿмѣта́а ѿ себѣ, презрѧ̀, в вѣ́ч҆ныа подвиѕатиса. ѝ ше̑ во а҆лимбъ, пострижеса в ч҆е́рныа ри́зы, ч҆а́а приѧ́ти ѣлꙋ ѝ нетлѣ́нию а҆́ггльскꙋ ѡ҆де́жоу. ѝ бѣ́ повинꙋ̀аса всѣ́мъ с поко- ре́нїемъ ѝ смире́ннѐмъ, во бдѣ́нїи ѝ млт҃вѣ, в бестꙋже́нїи ѝ слꙋже́- нїи, во ѝзра́днѣ̑ поще́нїи, въ трезвѣ́нїи всегда̀, во ѡ҆ч҆ище́нїи дх҃о́- внѣмъ, въ пла́ч҆и бла́зѣ, ѿ ѻ҆ч҆їю ѝсто́ч҆ника ѝспꙋща́аа, ꙗ҆ко рѣкоу, то́ю ѡ҆мыва́а все тѣло своѐ, пло́тьскаго покоѧ̀ ѿню̀ не вѣдыи, ако е҆сть, но̑ на вса́кꙋ но́щь стоѧ̀, ѿ за́хода слнца до восходѧ́ща, не даа̀ сна̀ ѡ҆ч҆и́ма своима, ни вѣжема сѝ дрѣма́нїа, ни покоѧ́ бро́к- а своима, поу҆ч҆а́аса во ѱа́лмѣхъ, ѝ пѣнїихъ, ѝ пѣснехъ дх҃о́вныхъ, подвиза́аса спости́гнꙋти жи́тїа ст҃хъ ѿц҃ъ. ѡ҆вы же пресп҃ѣ крото́стїю молч҆а́нїе̑, а҆ дрꙋгы́а посто̑ ѝ бдѣнїемъ, ѝ млт҃вою, ѝ смире́нїемъ зра́дно. ѝ та́ко ѝменїтъ бы̑ въ всѣхъ ѿц҃ехъ, подо́бенъ великомꙋ рсе́нїю, ѝ а҆нто́нїю, ѝ са́вѣ, всѣ́хъ жи́тїа собо́ю соверша́а. млт҃и- выи же бг҃ъ, ви́дѣвъ ѝ в толицѣ трꙋдѣ пребыва́юща, вложѝ въ срⷣце ра́тїи, ѝже, ви́дѣвше по́двигъ е҆го̀ ѝзра́денъ на слꙋ́жбꙋ бж҃їю, дрꙋгъ ко дрꙋгꙋ дивла́хꙋса ѝ прославла́хꙋ бг҃а, даю́щаго бл҃гть слꙋжаю́щимса е҆го̀ ра́ди. до́ндеж патриа́рхъ, оу҆слышавъ по́двигъ е҆го̀, ѣдиша ѝ поста́вити митрополи́та въ ч҆тнѣ мѣстѣ, ѝ не мо́гше е҆го̀ томъ прибѣди́ти, поста́вивша ѝ ѝгꙋмена в манастырѝ, ѝже на- рица́етса ѝмене̑ полихро́нъ, в не́м же баше ѿц҃ъ о҃, ѝ по то са е҆́мъ, пребыва́ше, ꙗ҆ко ѝ беспло́тенъ, в̓ млт҃вахъ прно, всѣ́мъ вса́ч҆ескы, абы̀ всѧ̀ приѡ҆брѣлъ. ѝ ст҃ыа бо̑ книги ѡ҆ таково́ю вопию̀, похвално̀ ꙗ҆ща· премⷣрости древни̑ взыщетса, ѝ во прⷪ҇рч҆ествїихъ пожикѐте. повѣсть моу́жь ѝмени́ты̑ сохраните, во ѝзвѣ́стїи̑ прито́ч҆ныхъ ѝзы-

дете. посредѣ велможь послꙋжите, и пре игꙋмены ꙗвитеса. но зе[мли] тꙋжихъ ꙗзыкъ проидете, добро и зло в оулицѣхъ искꙋшена бꙋде[те]та. ср҃це свое даста оутрене быти къ г҃дꙋ, сотворившемꙋ вы, и пр[е]вышнї помолиста. и ѿверзоста оуста своа на матвꙋ, і ѡ грѣсе[хъ] своихъ помолиста. аще же б҃ъ восхощетъ великїи, разꙋмнаго д[х҃а] наполнитеса. тои бо потоуитъ г҃лъ и м҃рость ею, и в матвѣ исповѣ[да]стаса г҃двн. тои бо ꙗвитъ казанїе и оученїа ею, и в законѣ за[вѣ]та г҃на похвалистаса. восхвалитъ ею разꙋмъ мнози, и до вѣка н[е] потребится, и не ѿстꙋпитъ ею, и имꙗ ею живе в роды и роды. м҃рость ею повѣдатъ ꙗзыцы, и похвалꙋ ею исповѣсть ц҃ркви, ею же быста крѣпка пособника и недвижима столпа, ѡснована на твердѣмъ камене, вѣрѣ, послѣдствоваша первоѿц҃емъ и патрїархомъ вѣрою и подвигомъ, дѣанїа и и трꙋды собою скончавающа, ꙗко же и велїкїи патрїархъ авраамъ, прадѣдъ х҃въ, вѣрою пр[е]селени бывъ и пришлецъ в земли тꙋжей, и дрꙋгъ б҃жїи нарецеса, и завѣтъ ѡбрѣзанїю ѿ б҃га прїимъ, вѣрою ѿц҃ъ многимъ ꙗзыкомъ нарецеса.

Сиа ст҃а и преславнаа ѿц҃а и оуцитела, тою вѣрою оукрашьшаса, ты же дѣтели скончаста. преселника бо быста ѿечества своего и пришелца на землю тоуждꙋ. закон же ѿ б҃га прїимша, не своих племени, ꙗко же авраамъ, но ꙗзыкꙋ, иже не разꙋмѣаше десни[ца] своеа, ни шꙋица, но ей же са прекнахꙋ, то томꙋ са поработиш[е] кланахꙋса, ꙗко б҃ꙋ, твари, в творца мѣсто. завѣт же не ѡбрѣзанїю прїемше, ꙗко же авраамъ, но крещенїю, во ѡставленїе грѣховъ, в вѣки пребывающь, самѣмъ сконцанъ и преданъ г҃мъ нашимъ, и[с] х҃мъ. моисѣи такоже со аарономъ во иереи б҃жїихъ б҃ъ фараонови нарекса, мꙋками различными егѵпта оумꙋчи, б҃жїа люди из работы ихъ изведе, во д҃не столпомъ ѡблачнымъ, а в нощи столпомъ ѡгненымъ, и раздѣли море, по сꙋхꙋ проведе в пꙋстыню, а против[]ных погрꙋзи в бездне, в поустыни в безводне напои а[] камень, и ѿ хлѣба аг҃гльска насыти, и закон ѿ б҃га прїимъ, б҃жїимъ перстомъ написанъ, на скрыжали бо камены, предасть люди в сохраненїе и послꙋшанїе. и сїа пребл҃женаа и б҃гооугоднаа т[]ка, ни цем же менша тою ꙗвистаса, того б҃жїа д҃ха напоена свыше.

зго́ѵѣ бл҃гти сподо́бистася, лю́ди и҆зве́дости и҆зо мно́га мра́чнагѡ і҆а́волескагѡ мо́ря, мы́сленагѡ фарао́на погрꙋ́жша, ѿ потреби́ста, и҆ ꙗ́рою вооружьшася и҆ си́лою к҃тною, не в пꙋсты́ню же а҆ и҆зведо́ста, но̑ на свѣ́тъ бг҃ора́зꙋмный наста́виста, не и҆с ка́мене воꙋ и҆зве́дша, но̑ вѣ́рою словесѐ бж҃їѧ жа́дныѧ напои́ста, не и҆с нею́бственна же ка́мене во́дꙋ и҆зве́ша, ꙗ҆́кѡ и҆ ѡ҆на, но̑ и҆стекшею ро́вїю и҆ водо́ю ѿ прꙋ́тїѧ ре́бръ г҃а на́шегѡ, і҆҃са х҃а, вѣ́рнымъ вѣ́чнꙋю ирꙋ и҆ бесконе́чныи живо̑ во сп҃се́нїе преда́ста, то ѿда́нїе грѣхо́вное одаю́ща, ни хлѣ́ба а҆гг҃льска напита́юща, но̑ и҆стое́ тѣ́ло г҃а на́шегѡ са х҃а. зако́н же бж҃їи сꙋгоꙋбо прело́жша, в но́вый ѧ҆зы́къ преда́та, и҆менна̀ сотво́рша е҆мꙋ. е҆́же бѣ̀ сѧ ѿ прем꙼ꙋдрыхъ и҆ разꙋ́мныхъ ꙋта́йло, то ѡ҆ткрове́но бы́сть младе́нцем в послѣ́днїи вѣ́къ си́ма, е на скрыжа́ли камя́ны напи́санъ, но на ср҃цы скрыжа́ли пло́тянъ, и сквозѣ ѡ҆бла́къ, ни мьгло́ю и҆ бꙋ́рею гл҃а, но̑ са́мымъ гл҃ъ и҆сѣмъ сконча́нъ и҆ пре́данъ. не сѣ́ни слꙋжи́теля, но̑ и҆́стиннѣ пропо́вѣдника бы́ста, ни кропле́нїемъ кро́ве ѹ҆нца и҆ ко́зла кропя́ща и҆ очища́юща сквѐрныѧ к плотстѣ ѹ҆тоть, но̀ ст҃ымъ кр҃ще́нїе, не тѣю е҆ди́но ѡ҆чища́юща, но дш҃евнꙋю скві́рнꙋ в ср҃чныхъ селѣ́ всѣ́мъ ю҆стїа́вша, не заколе́ннѣи же́ртвѣ пропо́вѣдника бы́вша, и҆ли слꙋжи́тела, но̀ бескро́веннѣи и҆ ми́рнѣи х҃товы слꙋ́жбы слꙋзѣ и҆ пропо́вѣдатела бы́ста, а҆пл҃ѡ сꙋпрꙋ́жника, на то̀ же дѣ́ло и҆збра́на, ѣрть см҃ы́сленно на ра́мꙋ свое́ю воспрїи́мша, всю̀ вселе́ннꙋю ѡ҆быдо́ста, и҆сполня́юще ѹ҆че́нїемъ та̀ мѣ́ста. в ни́хъ ѡ҆нѝ не посто́яли, и ѹ҆долже́нїемъ пꙋти́, ли за ѹ҆множе́нїе и҆нѣхъ стра́нъ бли́жнихъ, в ни́х же ра́шенїе, ꙗ҆́ко лꙋча̀ с҃тныѧ, свѣ́томъ бг҃ора́зꙋмныи просвѣти́ша ве́сь мі́ръ. по тѣ́м же стопа́мъ и҆ сїи хода́ща и҆ тогѡ̀ д҃ха напое́нѣ ѿ бг҃а, томꙋ̀ же сло́веси бы́ста пропо́вѣдника и҆ но́вая а҆пл҃а, не на чꙋ́жемъ ѡ҆снова́нїи своѐ дѣ́ло полага́юща, но̑ и҆зно́ва пи́смена вообра́жша, и҆ соверши́ста въ ѧ҆зы́къ но́въ. по́слѣ же восія́вша, ꙗ҆́ко ѹ҆́тренная звѣзда̀, ѿ с҃лнца свѣ́тъ прїе́млющи, свѣтлѣ́йши всѣ́хъ ꙗ҆вля́ется, і҆ ꙗ҆́ко же на́ятїи дѣ́лателя в вїногра́дъ, поне́сше тагоѹ дне и҆ ва́ра, с прише́дшимъ въ а҃і ча҃, ра́вно сподо́бленни бы́вша мзды̀, бж҃їи бл҃гти та́ко и҆зво́лиши, в послѣ́днїи вѣ́къ томꙋ̀ же

дѣлу ꙗвити сїа нова проповѣдника и свѣтилника всеи вселеннѣи, иже подвигом добрым и вѣрою крѣпко препоꙗсавше чресла своа, прошедоста, ꙗко слнце, темнаа мѣста стопами своими просвѣщающа, всакоу мглу поганьскоую дховнымъ огнем попаляюща и еретическую, не пощадаща душа своеа, ни телесе своего, но всегда готова суща за правую вѣру страстно испити хву чашу. Въ срацынѣх же и козарѣхъ ꙗвльшаса непобѣдима, но ꙗко же двдъ иноплеменникоу иногда, низложивъ гордыню его, потреби, прообразовавъ троицу треми камени, и свои ему мечем главу отсѣкъ, похвалу прїатъ во тмахъ от сновъ iилевъ, тако же и сїа оба, триупостасну бжеству слугъ суща и проповѣдника, в соборѣхъ срацынстѣхъ и жидовскыхъ обрѣтшаса, своими имъ книгами и языкомъ, бомитови блади и жидовскую злобу дховным мечем отсѣкша, потребиста, ꙗко плевелъ, и попалиста дховною бл҃тїю, а слово гсне всѣаста, ꙗко пшеницу, в срцѣмъ селѣ, и веа насадиста медоточными словесы, трибезначалнаго же бжества ꙗсно исповѣдасте, оуказаста во едином существѣ равенствомъ снающа оца, и сна, и стго дха. Тако а оудовиста, ꙗко и рыбы, словесною мрежею, и крестиста от казаръ чтиыа чади до двою сотъ, развѣ женъ и детеи. Трегубу похвалу от всеа црькве прїимша, преидоста отудоу на западныа страны, бл҃говѣствующа слово бжїе во языкъ нов, и весь црковныи законъ преложша от греческаго, во свои имъ языкъ предаста, треазычникомъ же злобу низложша, потребиста, ꙗко плевелъ от пшеница отвращшиа, ти чисто цркви и свѣтообразно жито предаста. В западнѣх же странахъ, панонъстѣхъ и моравскахъ странах, ꙗко слнце восїавше, мрака грѣховна отгнавше, просвѣтиста буквами, и наоучиша оученїки црквиомоу чину исполнь. И тако оученїе скончавающа, пути са ꙗста римского, апльскому прѣстолу поклонитиса, ведуща с собою на сщенїе дховным плод. Еже слышав апостолик андрианъ, изыде противу има далече от града римска, и тако же а прїатъ, ꙗко аггла бжїа, и оученїе ею прияловавъ, постави блаженаго мефодїа на прозвитерство, и оученики ею.

Приближи же са врема покои приати престомоу и преблажен-

ѳому ѿц̃у нашемв и оучт̃лю, костантинв философв. видѣв же ꙗвленїе ѿ б̃га ѡ покои своемъ, ѡблечеса в черны ризы, и дн̃ь же нарекъ покоа своего, пребысть до него дн̃ь, веселаса и славѧ б̃га. и тако почи ѡ г̃дѣ в лѣто ,з̃.т̃.ѻ̃.з̃ е. и приближиса къ ѿц̃емъ своимъ, пр̃ркомъ и ап̃лѡмъ, мч̃нкомъ и всѣмъ ст̃ы. и положиша и в цр̃кви ст̃аго климента, идѣ начаша многа исцѣленїа бывати ѿ чт̃наго гроба его. слѣпїи абїе начаша прозирати, недужнїи исцѣлитиса, бѣси исходити. еже видѣвше римлане, паче са приложиша къ ст̃нї его. ст̃ивше же пречт̃наго и бг̃чт̃наго мефодїа на архиеп̃пьство, на столъ ст̃го андроника, ап̃ла в панонїи ѿ .ѻ̃., поустиша и на страны словенскиа оучити по ꙗзыкъ ихъ, написавше епистолїю сїю ко кназемъ страны тоа, растиславу, и ст̃ополку, и коцелу· андрианъ еп̃пъ, рабъ всѣмъ рабомъ бж̃їимъ, к растиславу, и ст̃ополку, и коцелу. слава в вышнїихъ б̃гу, и на земли миръ, в члвцѣхъ бл̃говоленїе. ꙗко ѿ васъ слышавше дх̃овны радости, и имате на сп̃сенїе, слемъ брата нашего, честнаго мефодїа, ст̃ивна на архиеп̃пьство, на страны ваша, ꙗко же есте просили оу на̃, да вы оучитъ, въ ꙗзыкъ прелагаа книги, да са исполнит пррческое слово, ꙗко же рѣша· хвалите г̃да вси ꙗзыцы, и похвалите его вси людие. и· всакъ ꙗзыкъ исповѣсть; ꙗко же и г̃дь ис̃ хс̃ в славу б̃гу ѿц̃у. аминь. і въ еѵ̃лїи рече г̃ь, посылаа своа оучнкы· шедше, наоучите вса ꙗзыкы, крестаще и ко има ѿц̃а, и сн̃а, и ст̃го дх̃а, оучаще и блюсти вса, елико заповѣдахъ вамъ, і се азъ с вами есмь вса дн̃и до кончины вѣку. аминь. вы же, чада возлюбленаа, послушайте оученїа бж̃їа, еже в последнаа времена предано бысть, вашего ради сп̃сенїа, да, поучающеса разумно, ꙗко достоинъ сотворите, и прїимете вѣнецъ нетлѣненъ, и в сїи вѣкъ и в будущїи, со всѣми ст̃ыми в вѣкы. аминь.

Дошедшу же ему по страны моравскы, вси людїе с радостїю изыдоша во стретенїе емоу, и тако прїаша и, ꙗко аг̃гла бж̃їа. и ѿверзошаса ѡчеса слѣпымъ, і оуши глухимъ, і ꙗзыкы блѣснующен возглаша мира, и ими же оусты бѣша первѣе жертвы непрїазнены воздаали на кладазѣхъ, и на всѣхъ мѣстехъ хвалили б̃га,

тѣми же дѣти ихъ словесныи и безсмертныи славимъ Богу, въздающе за весь миръ, и во всякомъ мѣстѣ имя Божіе прославляется въ языцѣхъ новыхъ, ему же явися проповѣдникъ и апостолъ новъ, восіявъ яко солнце, мглу невѣдѣнія отгоня, и благоразумный свѣтомъ всея земли просвѣти, кротостію же и сластію всякъ себѣ любовію привлача, теченіе свое скончавъ, вѣру соблюде; церкви пѣсньми украси и камени духовными; и тако почи отъ дѣлъ в лѣто отъ твари всего міра ҂ѕ҃.т҃.ч҃.д҃. и приложися ко отцемъ своимъ, патріархомъ Авраамови и Исааку и Іакову, вся себе уподобль, всѣхъ образъ на себѣ носящь, овѣмъ равенъ явися, овѣхъ ими, а другихъ преспѣвъ и словомъ и дѣтелію и подвигомъ, возсіявъ яко солнце, лучами прохождени и казаніемъ, его же нѣсть чѣсомъ сласти его духовныя приложити.

Тѣм же, кія убо хвалы воздадимъ вама, трудившимася Христа ради всѣліно въ восточныхъ и западныхъ и сѣверскихъ странахъ, не ради временныхъ и тлѣющихъ, но вѣчныхъ и бесконечныхъ, крестъ Господень на рамѣ восприимша, и тѣмъ отдавшю грѣхомъ земли потребивша, разориста, и всѣяста духовное сѣмя, и что церкви принесоста жито, божественное ученіе, имъ же спасоста, яко свѣтило, всего міра, демонскую хулу и всяку ересь прогоняща. Велика убо стлъпа двѣ церкви быста, небесна человѣка земная ангела, во плоти безплотное житіе стяжавша. Блаженно е во истину чрево, носившее ю и воздоивша власа многоплодна, ими же напоиста алчющая языки и жадныя напоиста животнаго пива, непрестающа вѣчнаго источника всѣмъ обильно. Кто убо возможеть достойну похвалу вама исповѣдати, полнѣнию всею прошедша, странами своими весь міръ освятиста. Благословенъ языкъ вашъ, имъ же наказаста духовна словеса и спасеніе безчисленну языку, богодухновенный даръ отъ Бога приимша, мракъ невѣдѣнія всюду прогнаста, собою образъ всѣмъ предлагающа, отъ устну духовную сладость истачающа, поганьскую прелесть разрушителя явистася, еретикомъ супостата, бѣсомъ прогонника, свѣтъ омраченнымъ, учителя младенцемъ, истачающа духовную сласть, алчющимъ нескудная пища, жаднымъ непрестанный источникъ, н-

мъ ѡ҆би́лно ѡ҆дѣ́ніе подаю́ща, сі́рымъ помо́щника, стра́ннымъ і҆́мника, болны́мъ посѣти́тела, печа́лны оу҆тѣши́тела, напастны́мъ щи́тника, вдова́мъ и҆ сирота́мъ помо́щника, слѣпымъ свѣтода́тела, а́ющімса в мо́ри житѣи́стѣмъ вели́кꙋ а҆́нкꙋра, стѣна́ и҆ покро́въ нпа́дающи́мъ к ва́ма, і҆оу҆де́ѡмъ сꙋпостата, и҆спровѣдника стⷮѣи трⷪ҇ци. ерши́тела бж҃їю смотре́нїю, вели́чествꙋ бж҃їю слꙋжи́тела, и҆сто́чника ѣню словесѝ, недви́жнима столпа̀ ц҃ркве, цркви, свѣта̀ пра́вдѣ, щи́тъ вѣре, лѣ спⷭ҇енїю, кла́съ мно́гоплодѡ́ве, лоза́ медото́чна, со́ти ме́двенїи сло-еса̀ ва́ю, и҆́ми же наслади́ста всю вселе́нꙋю, я҆ко бисе́ръ мно́го-ене́нъ и҆сто́чника, сокро́вищи гⷭ҇ни, намѣстни́ци бж҃їа смотре́нїа, со-ꙋда стⷨꙋ дх҃ꙋ и҆збранна, пронесша и҆ма хрⷭ҇то по все́й земли̑, крⷭ҇тꙋ охвалꙋ̀ на себѣ̀ понесша, вре́меннаа презрѣвша, и҆ вѣ́чныхъ насла-енїе прии́мша. непреста́нно прпⷣбнаа і҆ и҆стїна па́стыра, за и҆збра́н-ое ста́до ва́ю подви́жно помоли́таса, стра́сти ѿженꙋща, бѣдъ и҆ на-а́стеи и҆збавла́юща, просвѣти́та и҆мъ срⷣчнѣи ѡ҆чи и҆ оу҆мъ оу҆твер-и́та досто́йно послѣдовати стопа́мъ ва́ю. не́мощи на́ша на са̀ взи-ма́юща, свы́ше си́лꙋ подади́та, да, досто́йно же пожи́вше ѡ҆ хрⷭ҇тѣ, наслѣ́дници трꙋдꙋ ва́ю ѡ҆бра́щꙋтса и҆ проповѣ́дници пра́вѣи вѣ́ре, ю҆́же и҆мъ е҆́ста преда́ла, да всѝ е҆диногла́сно прославл҃ѧ́тъ трⷪ҇ство́е бж҃ство, ѻ҆ц҃а, и҆ сн҃а, и҆ ст҃го дх҃а, ны́нѣ и҆ при́снѡ, і҆ во вѣки вѣкѡмъ. а҆ми́нь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Стран.	Строк.	
Въ заглавіи: 105,	2.	сотворшємꙋ вм. сотворшема.
—	3.	на новыи ветхии вм. новыи и ветхии.
—	4.	въ ꙗзыки вм. въ ꙗзыкъ.
—	—	Проп. и послю міра[illegible].
—	—	Лишнее и передъ Меѳодію.
14.	—	[illegible] вм. [illegible].
126,	14.	ѡстави вм. ѡставил.
—	1.	и ст[illegible] вм. ис того.
—	17.	днесю и оумо вм. дно и оумъ.
27.	1.	оугодно вм. оугоди.
128,	32.	ꙗкистеса вм. ꙗвитеса.
—	2.	и искꙋла вм. искꙋшена.
—	3.	прекышнии вм. пре кышнии.
—	4.	и матвꙋ вм. на матвꙋ.
129,	5.	нечюкствена же не ис вм. не ис нечюкствена ж.
—	9.	и стое вм. истое.
—	13.	написано вм. написанъ.
—	14.	[illegible] вм. [illegible]
—	15.	Проп. ис хмъ скончанъ и преданъ, не скаи си...
130,	20.	ѿ двила вм. ѿтꙋдоу.
—	22.	предасть вм. предаста.
131,	3.	дне вм. днь.
132,	20.	хвалоу вм. хꙋлоу.
—	28.	Слово даръ написано на полѣ рукописи.
133,	17.	Проп. да.

XIV.

…Сборнику Московской Духовной Академіи въ листъ № 63, послѣ …итій Кирилла и Меѳодія, съ оборота 128 по 136 л. (См. сіи Житія).

—

Ица того въ ·ѕ· слово похвально на память стꙑ и …реславнꙑ оучителема словеньскоу ꙗзыкꙋ, сътворшема …номены емꙋ и преложьшема новы и ветхыи законъ въ …зыкъ ихъ, блажномꙋ кирилоу и архиепкпоу панонськоу мефодию. блвн ѡ.

Бгоу и спсꙋ нашемꙋ, ісоу хоу, многымъ и неизреченнымъ члко…ѥнѥмъ помиловавшоу родъ члвчскыи, и не терпащоу созданиа сво…го лестию діаволею ѡдержима, низложи себе къ смиренне волное, …копливса ѿ стаго дха и ѿ прчтыа и ѿ славныа вдѣа и при…о двы мріа; на земли ꙗвльса, и съ члкы поживе, и соѡбразенъ …мъ телеси нашемоу, ѡсꙋди грехъ плотію своею, да, оумирающіи ѡ адамѣ, ѡ хѣ ѡживоутъ. тои бо в миръ нашь, сътвори и …кода і едино, преѡбраженїе ѡградѝ разрꙑшь, кртомъ оуменъ кра…воу, и первенецъ быкъ из мртвыхъ, собою наставль родъ члчь на …неистлѣнныи пꙋть, въшедъ же на нбса, сѣде ѡ десноую ѡтца ве…личествиа на высокы, заповѣдь давъ искоусноу родꙋ члчю, когда …въ послѣднаа времена прійти сꙋдити живы и мртвымъ, и воздати комоуждо по деломъ е, ꙗко праведенъ сꙋдїи. не хощетъ бо смрти грешникоу, но ѡбращенїю его и покаанїю, аще наипаче прилѐ…

жнтъ на глобоу кожѡ чл҃къ. не ѡстави бо создания своего [illegible]стивыи б҃ъ, ни забы дѣла рукѹ своею, но на кождаꙗ лѣта и врем[illegible] избра мѹжа, и ꙗви дѣла ихъ и подвигы людемъ, да быша, т[illegible] подобающеса, животъ вѣчны ѡбрѣли. и по тѣ прркы, по пр[illegible] аг҃лы, и по ап҃лѣхъ мч҃нкы и праведныꙗ мѹжа и оучтлѧ. еже са и с[illegible] в семъ вѣкъ нашь. рѣша бо ѡни: слѣпїи прозрать, глѹсїи оуслы[illegible] слово книжное, и вси възгл҃ють разлнчны ꙗзыки величиꙗ бж҃ıа.

Бѣ же в селоунстѣмь градѣ мѹжъ нѣкыи, именемъ лѣвъ, [illegible] непороченъ, и истиненъ и бгоутенъ, ѡгребаꙗса ѿ всакыꙗ г[illegible] и исполнаꙗ всѧ заповѣди бж҃ıа, ꙗко їѡвъ. живыи въ кротости и говѣнїи, седмороденъ ѡбрѣте, ꙗко же и їѡвъ. ѡ нѣкоем же и прркъ гл҃еть: блаженъ моужь боꙗиса г҃а, в заповѣдехъ его [illegible] схощетъ зѣло. сило на земли бѹдеть сѣмѧ его, р҃ѡ праве[illegible] бл҃витса. слава и богатьство в домѹ его, правда его пребываетъ [illegible] вѣкъ вѣка. ис того бо корене воснꙗста изращѣ двѣ летораслн с[illegible]тозарнн, бл҃внъ плѡ на себѣ носѧща, житие же непорочно ѿ ю[illegible]ти [illegible]. приꙗсть бо себѣ ꙗко и сестрѹ сътворша, тою [illegible]систа и дшю і оум, любовїю же и [illegible] дрѹгъ дрѹга ею пресп[illegible]васта, м[illegible]ростнїю цвѣтѹща прно, ꙗко цвѣтецъ бл҃гооухнныи. роден[illegible] сы [illegible] блаженыи костантинъ, а оумомъ и добродѣтелми [illegible] въздетъ, ꙗко же ѡрелъ, дховныма крилома; бгозарныиь с[illegible] оума просвѣщь си, съсоудъ избранъ стомоу дхоу, и [illegible] [illegible] оученнє философскымъ, нескоупое съкровнще ѡбрѣтеса. [illegible] же [illegible] источникъ всю исп[illegible] вселенную, напои жадныꙗ словесъ бж҃ıа. ꙗко же ре сам[illegible] гь бъ нашь, іс хс [illegible] [illegible], ꙗко же [illegible] рѣща, рекы ѿ чрева его потекоут воды живы, сїи рѣк[illegible] [illegible] животворѧщаго дха. тои бо [illegible] в немъ, ꙗзанꙗса [illegible] его, и всю вселенноую сладостию възвесели, слово ра[illegible] [illegible]мѹжо ꙗзыкѹ противѹ своемѹ разѹмоу. бѣ бо емоу [illegible] [illegible] дховныи ꙗзыки [illegible], ꙗко и ап҃лоу. старѣишии же его братъ, пре[illegible]жиныи мефоди[illegible], из млада житеискыꙗ [illegible] начатъ [illegible]. [illegible] бо ꙗко цвѣтъ бл҃гооуханенъ цвѣтѧи, всѣми [illegible] [illegible] [illegible] бесѣдахъ бо ꙗко соломонъ [illegible]са, дивныꙗ притча и [illegible]

въпронїа́ннѧ̀ и̑ѕноса̀ и̑ѕ сръ̑ьнаго села̀, и̑ на слꙋжбѣ всѣмъ оу̑го́динъ ю и̑ крилатъ, ѡ̑брѣта́шеса, и̑ на воинѣ̀ и̑ и̑ самѱонъ, и̑ гедеѡнъ, и̑соу навѣннъ, стра́шенъ ю̑вла́шеса, тѣмъ и̑ воѐво́скыи са́нъ прї- ѧ, повꙑ к нє́мъ ма́ло, и̑ разꙋмѣвъ многомате́жныи се́и свѣ̀, ꙗ̑ко нь преходащь непоѐ́знен, пауе же гнѐ сло́во, ꙗ̑ко и̑ стрѣлоу ь срци си прїимъ, ꙗ̑ко же рече҇ ка̑ѧ̀ полза ч҃ломоу, а̑ще весь міръ иѡбра́щє, а̑ дш҃ꙋ свою ѿщетитъ, ли повоуби́тъ; ли что да́стъ ч҃лкъ ѕмѣнꙋ на дш҃и своєи; пременивъ земными нбс҃наѧ̀, време́нна оубо мѣте́ѧ ѿ себѐ, презра̀, въ вѣчныѧ̀ подви́гнꙋсѧ. и̑ и̑зъше́дъ въ нимбъ, пострижесѧ в чє́рныѧ̀ ри́зы, чѧ̀ѧ̀ прия́ти бѣлоу и̑ нетлѣнноу тальскꙋ ѡ̑де́жꙋ. и̑ въ покиноу́ѧсѧ всѣ̑ с покоре́нїемъ и̑ съ смире́нїемъ, во бдѣнїи и̑ млтвѣ, въ бестꙋже́нїи, слоуже́нїи, въ и̑зра́днѣ ощенїи, въ трезве́нїи всегда̀, въ ѡ̑уищенїи дх҃о́внымъ, въ пла́чи мазѣ, ѿ ѡ̑чїю и̑сто́чника и̑спꙋща́ѧ̀, ѿ рꙋкоу̀, и̑ тою ѡ̑мыва́ѧ̀ все лло своѐ, плотьскаго поко́ѧ ѿнꙋдъ не вѣ́дыи, ка́къ є̑, но на всѧ оу нощъ стоѧ̀, ѿ захо́да слнца до въсхо́дащѧ, не даѧ̀ снѧ̀ ѡ̑уима коима, ни вѣ́ждома си̑ дрема́ниѧ, ни поко́ѧ̀ бровьма свои́ма, поучааса въ ѱалмѣ̑, и̑ пѣнїи, и̑ пѣснѣ̑ дх҃овнꙑ̑, спо́засѧ спости́гноу и̑ житиѧ стꙑхъ ѿц҃ъ. ѡ̑вꙑ пресп҃ѣ кро́тостїю и̑ молча́нїе, а̑ дроугыѧ по́стомъ, и̑ бдѣнїе́мъ, и̑ млтвою, и̑ смире́ние̑ и̑зра́дно, и̑ та́ко иеми бꙑ во всѣхъ ѿц҃ꙑхъ, подо́бенъ великомоу а̑рсе́нїю, и̑ а̑нто́нїю, и̑ са́вѣ, всѣ̑ житиѧ̀ собо́ю съверша́ѧ̀. милостивыи же бг҃ъ, видѣвъ и̑ в толицѣ трꙋдѣ̀ пребыва́ющиа, вложи въ срце братїи, иже, видѣвше по́двигъ є̑го̀ и̑зра́денъ на слоубꙋ бж҃їю, дрꙋгъ къ дрꙋгꙋ дивла́хоусѧ и̑ прославлахꙋ бг҃а, даю́щаго блг҃ть свыше трꙋжа́ющимсѧ є̑го ра́ди, до́ндеже патрїа́рхъ, оуслышавъ по́двигъ є̑го̀, вѣди́ша и̑ поста́вити митрополита въ чтиѣ мѣсте, и̑ не мо́гше є̑ то̑ прибѣди́ти, поста́виша и̑ и̑гоумена в монастырѣ, и̑ нарица́етъ и̑менемъ полихро́нъ, в немъ бѧ́ше ѿц҃ъ .о҃. и̑ по то́м сѧ є̑́мъ, пребыва́ше ꙗ̑ко и̑ бесплотенъ, въ млтвахъ прно, всѣ̑ всѧ́ческы, дабꙑ всѧ̑ приѡбрѣлъ. и̑ стыѧ бо книгы ѡ̑ такові́ю вопиютъ, похва́лно гл҃юща. пр҃мрть дрѣвнихъ въ́зыщетсѧ, и̑ въ прр҃чтвѣ̑ поживе́те. по́вѣсти моу и̑менитꙑ̑ съхраните, и̑ въ и̑звѣтїихъ притоучьныхъ и̑зыдѣте. посредѣ

велмо́жъ послоужи́те, и҆ пре҃ игоу́мены ꙗ҆ви́теса. по землѝ т... ѧ҆зы́къ пройдѣ́те, добро̀ и҆ зло̀ въ ѹ҆лцѣхъ не́коумена боу́дета. с... своѐ да́ста оу҆тробне бы́ти къ гоу҃, сътворившемоу а҆, и҆ пре҃ в... помоли́стаса. и҆ ѿверзо́ста оу҆ста̀ своа̀ на мл҃твꙋ. и҆ ѡ҆ гре́сѣхъ сво... помоли́стаса. а҆́ще же бг҃ъ въсхо́щеть вели́кый, разоу́мнаго дх҃а и... по́лнитеса. то́и бо нато́учить гл҃ъ и҆ мр҃ть є҆ю, и҆ въ мл҃твѣ исповѣсти... са гн҃и. то̀ бо ꙗ҆вить казанне и҆ оу҆чениа̀ є҆ю, и҆ в зако́нѣ завѣта гн҃... похвали́стаса. въсхвала́тъ є҆ю разоу́мъ мно́зи, и҆ до вѣка не и... требится и҆ не ѿстоу́питъ є҆ю, и҆ и҆́ма є҆ю живетъ в ро́ды и҆ ро́ды. мр҃ть є҆ю повѣдатъ ѧ҆зы́ци, и҆ похвалоу є҆ю исповѣсть цр҃кви, сїи ж... быста крѣпка посо́бника и҆ недвижнима сто́лпа, основа́на на твердѣ... ка́мени, вѣре, послѣдствова́вша прьвоѿц҃е и҆ патриа҆рхомъ, вѣрою и҆ подвигомъ дв҃ина̀ и҆хъ и҆ троуды собо́ю сконча́ва́юща, ꙗ҆кѡ и҆ великый патрїархъ а҆враа́мъ, прадѣдъ хв҃ъ, вѣрою пресе́лникъ бы́въ и҆ пришлѐ в землѝ тоу́же, и҆ дроу́гъ бж҃їи наре́ксе, и҆ завѣтъ ѡ҆брѣза́нїю ѿ бг҃а прїимъ, вѣрою ѿц҃ь мно́гѡ ѧ҆зы́комъ нарече́са.

Сїа̀ же ст҃а и҆ пресла́внаа̀ ѿц҃а и҆ оу҆ч҃ла, тоѭ вѣрою оу҆кра́шьшеса, тѣ же дѣтели скончаста. пресе́лника бо быста ѿч҃ьства своего и҆ пришьца на̀ землю чюжоу. зако́нъ ѿ бг҃а прїимша, не своемоу племени, ꙗ҆кѡ а҆враа҃, но ѧ҆зыкоу, и҆ не разоумѣѭще десни́ца своѧ̀ ни шоу́йца, но и҆ є҆мъ же са притькна́хоу, то томꙋ са поработивше, кла́нахꙋса, ꙗ҆ко бг҃оу, тва́ри, въ творца мѣсто. завѣтъ не ѡ҆брѣзанию прїимше, ꙗ҆ко же а҆враа҃, но кр҃щенїю, въ ѡ҆ставле́ние грѣховъ, къ вѣкы пребывающь, самѣмъ сконча́нъ и҆ преданъ гл҃ь на́шимъ і҆с҃ хм҃ъ. моѵсеи, та́коже со а҆ро́номъ, въ е҆рѣ́ихъ бж҃їихъ, бг҃ъ фараѡнови наре́къса, мꙋками разли́чнами є҆гѵпта оу҆моучь, бж҃їа лю́ди и҆з рабо́ты и҆хъ, и҆зведе, во дн҃е стоало́мъ ѡ҆блачнымъ, а҆ в нощи сто́помъ ѡ҆гненымъ, и҆ раздѣль мо́ре, по сꙋхоу проведѐ в поустыню, а҆ противьныа погроузѝ въ бе́знъ, в поустыни же безво́днѣ напои ѧ҆, пропра́жь ка́мень, и҆ хлѣба а҆нгльска насыти, и҆ зако́нъ ѿ бг҃а приимъ, бж҃їимъ пръсто́мъ написанъ, на скрижа́ли бо ка́мены, преда́сть лю́ди въ сохране́нїе и҆ послоушанїе. и҆ сна̀ преблаже́ннаа̀ и҆ бг҃оуго́днаа̀ ч҃та, ни чи́мъ же ме́нша тоѭ ꙗ҆ви́стаса, того̀ бж҃їаго дх҃а и...

ѣ̂ема свїнїе, сугоу̑бѣ бл҃гти сподобльшаса, люди и̂зведоста и̂зъ но́галадра́чнаго дїавольскаго мо́ра, мысленаго фараѡна погрꙋжша, всю̂ силоу̑ ѥ̂го потребиста, и̂ вѣрою въѡроу̑шаса и̂ силою кр҃тною. в пустыню же а̂ и̂зведоста, но на свѣтъ бг҃оразоу̑мныи наста́вѣста, не и̂с ка́мени во́дꙋ и̂зве́дъша, но вѣрою словесе бж҃їа жа́дла̂ напоиста, не и̂с нечювъствена же камени водꙋ и̂зве́дъша, ꙗко е и̂ ѡ̂на, но и̂стекшею кро́вїю и̂ водо́ю ѿ пр҃тыхъ ре́бръ г҃а на́шего, и̂с҃а х҃а, вѣрнымъ вѣчноую пищоу̑ и̂ бесконечныи живо̂ въ сенїѥ̂ преда́ста, въ ѿданиѥ̂ грѣхо́въ подающа, ни хлѣба а̂нг҃лка наита́ющиа, но и̂стоѥ̂ тѣло г҃а на́шего, ї̂с҃а х҃а, закон҃ бж҃їи соу̑гꙋбо реложища, в но́выи ꙗзыкъ преда́ста, писмена сътво́рша ѥ̂моу̑. ѥ̂же в са ѿ пр҃мꙋдрыхъ и̂ разоу̑мныхъ оу̑таило, то̀ ѿкровено бы младенѥ̂ в послѣднїи вѣкъ сима, не на скрыжа́ли ка́мены написанъ, но а ср҃ци скрижа́ли пло́танъ, ни сквозѣ ѡ̂блакъ, ни мъглою и̂ бꙋею гл҃а, но самѣ гмь и̂съ хомъ, сконча́нъ и̂ преданъ. не сѣни слоу̑жителя, но и̂стинна проповѣдника быста, ни кропленнемъ кро́ви ю̂ньча и̂ ко́зла кропа́ща и̂ ѡ̂чищающа скверне́ныа къ плотьсцѣи чистотѣ, но ст҃ымъ кр҃щениѥ̂. не тѣло ѥ̂ди́но ѡ̂чищающа, но дш҃евноую свѣщꙋ въ ср҃чнѣмъ се́лѣ всѣмъ возсиꙗвша, ни заколе́ннѣи же́ртвѣ проповѣдника бывша, ли слоужи́теля, но бескве́рнѣи и̂ ми́рнѣи обнѣи слоу̑жбѣ слоугѣ и̂ проповѣдателя ꙗ̂вистаса. а̂п҃ломъ супроу̑жника, на то̂ дѣло и̂збра́на, кр҃тъ смыслено на ра́мꙋ своею восприїмиша, всю вселе́нноую ѡ̂быдоста, и̂сполна́юща оу̑чениѥ̂ та мѣста, в нихъ же ѡ̂нѝ не постоꙗша, ли оу̑долже́ннемъ пꙋти, ли за оу̑множе́ниѥ̂ инѣ стра́нъ ближнихъ, къ нихъ разше́дъшеса, ꙗ̂ лꙋча сл҃ньчныꙗ̂, свѣто̂ бг҃оразоу̑мнымъ просвѣтиша весь миръ. по тѣ же стопамъ и̂ їи хода́ща, и̂ того̂ дх҃а напоена ѿ бг҃а, томоу̑ же словеси быста проповѣдника и̂ нова а̂п҃ла, не на тꙋжемъ ѡ̂снованїи своѥ̂ дѣло полага́юща, но и̂знова писмена въѡбрѣша, и̂ съвершиста въ ꙗзыкъ овъ. послѣ же возсиꙗвша, ꙗ̂ко оу̑тренаꙗ̂ звѣзда, ѿ сл҃нца свѣ примлющи, свѣтлѣиши всѣ ꙗ̂вла́ѥтса, и̂ ꙗ̂ко же наи́тїи дѣлатели въ вино́гра̂, понесшеи тяготꙋ дне и̂ вара, съ пришеѥ̂шими въ .аї. ча раве́мъ сподоблени быша и̂зъ, бж҃їи бл҃гти тако и̂зволиши, въ по-

сл҃еднїи вѣкъ томоу же дѣлоу явити сна новаа проповѣдника и сп[illegible] тилника всеи вселеннѣи, и подвиго добрымъ и вѣрою крѣпко пр[illegible] поясавша чресла своа, проидоста, яко слнца, темнаа мѣста сто[illegible] своими просвѣщающа, всакоу мьглоу поганьскоую дх҃овнымъ огне[illegible] попалающа і еретическую, не пощадающа телесе своего, но всег[illegible] готова сѫща за правоую вѣроу сластьно испити хвоу чашю. въ ср[illegible] цинѣхъ и козарехъ явльшаса непобѣдна, но яко же дѣдъ, [illegible] менникоу иногда, низложивъ гордыню его, потреби, прообразоу[illegible] трцю треми камени, и своимъ емю мечемъ главоу отсѣкъ, пох[illegible] прнятъ во тмахъ отъ снов [illegible] ізлвь, тако же и сна оца, тро[illegible] стасна бжтвоу слоугѣ сѫща и проповѣдника, в соборѣхъ срац[illegible] и жидовьскыхъ обрѣтша, своими имъ книгами и языкомъ, [illegible] товы влади и жидовьскую глобоу, дховнымъ мечемъ отсѣкша, потре[illegible] биста, яко плевелъ, и попалиста дховною блгтїю, а слово [illegible] яста, яко и пшеницю, въ срьнѣ селѣ, и вса насладиста медоточ[illegible] ными словесы, трибезначалнаго же бжтва ясно исповѣдаста, оук[illegible] заста въ єдиномъ сѫществѣ равеньство снающа оца, и сна, и сто дха, тако я оуловиста, яко и рыбы, словесною мрежею, и крстиста отъ козаръ честныя чади до двою сту, развѣ женъ и дѣтей. тре[illegible] похвалоу отъ всеа црквы приимъша, преидоста отъ тоудоу на з[illegible] страны, блговѣствоующа слово бжие въ языкъ новъ, и весь цр[illegible] законъ преложьша отъ греческаго, въ свой имъ языкъ предаст[illegible]. трезычникомъ же глобоу низложше, потребиста, яко плевелъ отъ пшеница обращьша, ти чисто црквы и свѣтообразно жито предаст[illegible]. к западнымъ же странахъ, панонстѣ и моравьскахъ странахъ, яко слнцы воснявша, мрака грѣховнаго отгнавша, просвѣтиста буквами, и наоучиша оучнкы црковномоу чиноу исполнь. и тако теченїе сконч[illegible] чавающа, поути са яста римскаго, апльскомоу престолоу поклонити, ведоуща съ собою на крщение дховнымъ плод. еже слышавъ [illegible] андрїанъ, изыде противоу има далече отъ града римьска, и тако и прнятъ, яко агтла бжїа, и оученїе єю приложь, постави блажен[illegible] наго мефодїа на прозвитерьство, и оученикы єю.

Приближи же са врема покои прияти престомоу и преблаженном[illegible]

ючу нашему и оучителю костантиноу философу. видѣвъ же ѩвление ѿ бга ѿ покои своѥ, ѡблечеса в черны ризы, и днь же начѣкъ покоѩ своѥго, пребы до нѥго днь, веселѧса и слава бга. и ако пути ѿ гн в лѣ ,з҃.тѡз. и приложи къ ѿцемъ своимъ, прркомъ и апломъ, учтникомъ и всѣ стымъ. и положиша и въ цркви стго климента, идѣже начаша многа исцѣлениѧ бывати ѿ чтнаго грова его, слѣпїи ѿкие начаша прозирати, недоужнїи цѣлитися, бѣси исходити. е видѣвше римлане, паче са приложиша къ станїи его. ..ыше претчнаго и бгоучтнаго мефодїа на архиеппъство, на столъ стго андроника, апла в панонїи ѿ .б., поустиша и на страны словеньскыа оучити въ ѩзыкъ и, написавъ епистолїю сїю къ кнѕе страны тоѩ, ростиславу, и стонолкоу, и коцьлоу андрїанъ еппъ, рабъ всѣмъ рабѡ бжїимъ, к ростиславоу, и стополкоу, и коцьлоу. слава въ вышнихъ бгоу, и на земли миръ, въ чловѣцѣ благоволение. ѩко ѡ вас слышахомъ дховны радости, ѩже имате на спсенїе, слемъ брата нашего, чтнаго мефодїа, сщена на архиеппъство на страны ваша, ѩко же есте просили оу на, да вы оучитъ, въ ѩзыкъ прелагаа книгы, да са исполнитъ пророческое слово, ѩко рекша хвалите га вси ѩзыци, и похвалите его вси людие, и всякъ ѩзыкъ исповѣсть, ѩко же и гь ис хс въ славоу бгоу ѡцу. аминь. и въ еуглїи рече гь, посылаѩ своѩ оученикы шедше, наоучите всѧ ѩзыки, крестаще ѩ во имѧ ѡца, и сна, и стго дха, оучаще блюсти вса, елика заповѣдахъ вамъ, и се азъ с вами есмь вса дни, до кончины вѣку. аминь. вы, чада возлюбленаѩ, послоушайте оучениѧ бжїѧ; е в послѣдниѧ времена предано бы, вашего ради спсениѧ, да, поучающеса разумно, пло достойнъ сътворите и прїимете вѣнецъ нетлѣненъ и к сїи вѣкъ и въ градоущїи, со всѣми стыми въ вѣкы. аминь.

Дошедшу же емоу въ страны моравьскы, вси людие с радостию изыдоша въ срѣтенїе емоу, и тако прияша и, ѩко аггла бжїѧ. и ѿверзоша ѡчеса слѣпымъ, и оушеса глухы, и ѩзыцы блъсниющеи възгнаша мира, и ими оусты бяша перве жеръткы непрїязнины възали на кладазихъ и на всѣ мѣстѣ хоулюбили бга, тѣмъ дѣти

ихъ словесныа и бесвѣрненыа слоужбы Бгоу воздаютъ за весь миръ, и во всакомъ мѣстѣ имя Бжие прославлаетса въ языкъ новъ, ѥмоу же иависа проповѣдникъ і апль новъ, восиавъ ико слнце, мглоу невидѣнїа ѿгона, и благоразоумнымъ свѣтомъ всѣмъ срдца просвѣти, кротостию и сладостию, вса к себѣ любовїю привлачя, теплѣйское сконча, вѣру съблюде, црквн пѣньми оукраси и пѣнїи дховными. и тако почи ѿ гдѣ в лѣ ѿ твари всего мира. ѕ҃.т҃ѯ҃д. и приложиса къ ѿцемъ своимъ, патрїархомъ аврамоу, исаакоу, иаковоу, всѣмъ себе оуподобль, всѣхъ ѡбразъ на себѣ поношь, ѡвѣмъ равенъ бывъ, ѡвѣхъ мни, а другыхъ преспѣвъ силою, и дѣтелию, и подвигомъ, восиавъ ико солнце, лоучами притоучами и вазанїемъ. его же помышлающи медотоучнаа словеса, не чимъ сладости его дховныа приложити.

Тѣм же, кыа оубо повалы возамъ вама, троужьшимаса толико Хра ради въ востоуныхъ, и западныхъ, и сѣверъскыхъ странахъ, не ищоуща временныхъ и тающихъ, но вѣчьныхъ и бесконечныхъ, кртъ Гнь моускы на рамѣ воспрїимща, и тѣ ѡладѣвшию грѣховнѣ землю потребльша, разорнста, и всѣаста дховное сѣма, и чисто црквн принесоста жита, дневное оучение, им же снѣста, ико свѣтилѣ во всемъ мирѣ, дѣмоньскоую хвалоу и всакоу ересь прогнавша; велика оубо стона Хвѣ цркви быста, небнаа члка и земнаа ангела, во плоти бесплотное житие стажавше. блжно е во истинноу чрево, ношьшее вы и въздоивша гласа многоплодна, им же напитаста алчющаа языкы и жадныа напоиста живоотнаго пива, непрестающоу пищоу истоуша всѣмъ ѡбилно. кто оубо возможеть достойноу похвалоу ваю исповѣдати, понебесную всю прошеша стопами своими, весь миръ ѡсвѣтиста; блгыи языкъ ваю, им же насѣкаста дховнаа словеса въ спасение бесчисленоу языкоу, блгодѣновеныи даръ ѿ Бга приимша, мракъ невидѣнїа всюдоу прогнаста, собою ѡбразъ всѣмъ прелагающа, ѿ оустну дховну сласть источающа, поганьствоу всакомоу разроушника ивистаса, еретикомъ супостата, бѣсѡ прогонника, свѣтъ ѡмраченымъ, оучитела младенцемъ. источающа дховнюю сладость алчющимъ, нескоудная пища, жажи

престаа́и и́стоуни҇, нагы́мъ ѡ҆би́лно ѡ҆дѣ́ние подаю́ща, си́рымъ пощника, стра́нни҇ прїи́мника, болны́мъ посѣти́теля, печа́лнымъ оу҆тѣителя, напа́стнымъ ꙁащи́тьника, вдова́мъ и҆ сиротамъ помо́щника, ныимъ свѣтода́теля, вла́ющимся в мо́ри житеистемъ великаꙗ а҆нра, стѣна́ и҆ покро́въ припа́дающимъ к ва́ма, и҆оу҆дѣ́ѡ сѹпостата, споꙁѣдника ст҇ѣи тр҇ци, съвершителя б҇жїю смо́трєнїю, величествоу жїю слѹжителя, и҆сто́чника б҇жїю сло́весу, недвижима стлъпа́ хв҇ѣ ркви, печа́ть пра́вѣ, щи́тъ вѣ́рѣ, шле́мъ спасе́нїю, кла́съ многоло́денъ, лоꙁа́ медоточна, со́ти ме́двенїи словеса́ ва́ю, и҆ми же наслади́ста всю вселе́нъноую, ꙗ҆ко би́серъ мно́гоцѣненъ и҆стоу́чиша ъкровищи г҇ни, вмѣстилищи б҇жїа смотре́нїа, ѡ҆бителищи б҇жїю сморе́нїю, съсѹда сватомѹ дх҇оу и҆ꙁбра́ннаꙗ, проне́стаꙗ и҆ма хв҇о по се́и ꙁемли, кр҇тоу похвалоу на себѣ понесша, време́ннаꙗ преꙁрѣвъша, а̀ вѣчныхъ наслаже́нїе прїи́мша. непреста́нно пр҇бнаꙗ и҆ истинаꙗ па́стыря, ꙁа и҆бра́нное ста́до ва́ю подвижно помоли́таса, стра́сти тжени́ща, бѣдъ и҆ на́пастеи и҆ꙁбавла́юща, просвѣти́та тѣ с҇рцьнїи ѡ҆чи и҆ оу҆мо́мъ оу҆твердита досто́ино послѣдовати стопа́ ва́ю, немощи на́ша на́ са вꙁима́юща, свыше си́лоу подадита, да, достоино пожи́вше ъ хв҇ѣ, наслѣдницы трѹдоу ва́ю ѡ҆бра́щутся и҆ проповѣдницы пра́вы ѣръ, ю҆же и҆мъ е҆ста́ предала, да вси е҆диногл҇но прославатъ тристое б҇жтво ѿца, и҆ с҇на, и҆ свата́го дх҇а, нн҇ѣ и҆ прнѡ и҆ въ вѣкы ѣкомъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

	Стран.	Строк.	
Въ заглавіи:	135,	2.	сътворшемоу вм. сътворшема.
	—	3.	предложьшема на новы ветхыи вм. предложьшема новы и ветъхыи.
	—	—	ꙗзыки вм. ꙗзыкъ.
	—	4.	Проп. и передъ архиепоу.
	—	—	и лишнее передъ мефодію.
	136,	1.	ѡстави вм. ѡстави.
	—	18.	оукрасистаса и дшею и оумо вм. оукрасиста и дшю и оумъ.
	137,	1.	оугодно вм. оугодиъ.
	—	30.	вся вм. вся.
	138,	2.	исноуна вм. искоушена.
	139,	6.	несъюзьствена же не ис вм. не ис несъюзъствена же.
	—	15.	гла вм. глаиъ.
	—	17.	въ вм. къ.
	140,	20.	ѿ дуна вм. ѿтудоу.
	—	22.	предасть вм. предаста.
	—	23.	низложша вм. низложше.
	—	24.	то вм. ти.
	—	26.	просвѣста вм. просвѣтиста.
	—	29.	съ бою вм. съ собою.
	141,	31.	блъсиущей вм. блъсиующей.

XV.

'зъ книги Панигирикъ, принадлежащей Болгарскому Рыльскому монапырю и писанной Діякономъ Владиславомъ Грамматикомъ въ ҂ЗЦПЗ (1497) году, въ Жеглиговѣ, подъ Черною Горою въ Македоніи. Изводъ Сербскій (См. Жит. Кирилла, № XIII).

—

...лово похвално стымa и прѣславныма оучителема слоѣнскоу ѥзыкоу, сътворшема писме ѥмоу и прѣложшема новыи и ветхыи законь къ ѥзыкь ихь, блаженно...оу кѵріллоу и архіепкпоу панонскомоу меѳодію.

Бл. ѿ.

Богоу и спсоу нашемоу ісоу хоу, мнѡгимь и неизреченнымь чкою...юбіемь, помиловавшоу родь чловѣчьскыи, не трьпѣ созданіа сво...го, лъстію діаволею одрьжима, смѣри себѐ волею, и въплъти се ...ѿ стго дха и ѿ прѣчтые и славные бце и прно дкы маріе, на ...земли ꙗви се и съ чкы поживе, въсь ѡбразь бывь тѣлесе наше...о, ѡбразь бывь пльтію своею, да оумирающе о адамѣ, о хѣ ...сѣ оживоуть. ть бѡ ѥ мирь нашь, по аплоу, сътворивыи обоѐ въ ...дино, и прѣграженіе вражи разроушн, и кртомь оубивь вражоу, ...ръвѣнець бы из мрьтвыи, собою настави чловѣчь родь на нетлѣніе, ...ъшь на нбса, сѣде о десную прѣстола величествіа на высокыи, за...повѣдь давъ родоу чловѣчьскомоу искоусиꙋ, хоте въ послѣдниꙗ врѣ...мена пріити и соудити живыи и мрьтвыи, и въздати комоужо ...протикоу дѣлѡ ѥго, ꙗко праведнии соудіи. не хоте сьмрьте грѣшинкоу, нъ ѡбращенію и покаанію. не остави бо създаніа своего

милостивыи бъ҃, и не забн дело роукꙋ своєю, нъ҃ и на та лета и времена избра моуже, и ꙗви дела ихь и подвигы люде҃мь, да бише, темъ побеще се, живѡть бесконьчныи обрели, и по те҃ прр҃кы, и ап҃ли, и мч҃кы, и праведные моуже, и оучителє, еже и събы се въ сьи векь нашь. рекше оубо слепїи прозре, глоусїи слишє книжное слово, и въси вьзгл҃ють разлнчными єзыки велнчїа бж҃їа.

Беше оубѡ въ граде солоуне моужь некыи, именемь лъвь, чл҃кь непороучнь, истиньнь, бг҃оучьтыць, огребае се ѿ въсакое злобы, испольнꙗѥ заповеди бж҃їе по їѡвоу. живыи въ кротости и бл҃гогов҃ѣнистве, роди же сн҃ѡвь седмь, ꙗко же иѡвъ. ѿ нїемь же прр҃кь гл҃ють· бл҃жень моужь боеи се г҃а, въ заповеде҃ его въсхощеть зѣлѡ. сило на земли боудеть семе его, родь праведны҃ бл҃гословит се. слава и богатьство въ домоу єго, и правда єго пребывае въ векь века. ис того бѡ корене въсїаста две светиле, ѿрасли светозарне, бг҃даньни плодь на себе носеща и житїе непорочно ѿ юности имоуща. прѣмоудрость бѡ себе ꙗко сестроу сътворша, тою ꙋкрасиста дш҃ꙋ и оумь. дроугь дроуга преспеваше, моудростїю цьвтоуща присно, ꙗко цветци бл҃гооуханыи. рождєнїємь же мьнїи сыи константїнь...., авраамь, прѣдедь хв҃ь, верою прѣселникь бывь и пришлъць въ земли тоуждеи, дроугь бж҃їи нарече се. и за вероу ѡбрезанїе приеть, верою ѿц҃ь єзыкомь мнѡгѡ҃ нарече се.

Сїꙗ же ст҃аа и прѣславнаа ѿц҃ь и оучителꙗ, тоюже верою оукрѣпивша се, тыєже добродетели съвръшиста. прѣселника бо бысте ѿчьства своего и пришльца въ землю тоуждꙋ. закон же ѿ бг҃а прїемша, не своемоу племени, ꙗко же авраамь, нъ҃ єзыкоу, иже не разоумеше десницє бж҃їе, нъ҃ ємоу же прикъснехоу, томꙋ се порабощьше, кланꙗхꙋ, ꙗко бг҃оу, твари, въ творца место. заветь не ѡбрезанїю прїемша, ꙗко же авраамь, нъ҃ кр҃щенїе, въ ѡставленїе грехѡвь, въ векь пребывающее, самемь съвръшень и прѣдань бг҃омь нашимь, іс҃ хѡмь. мѡиси же такоже съ аарѡно҃ и ієреихъ его, бг҃ъ фараѡнови нарече се, моуками разлнчными єгѵпта моучивь, бж҃їе люди изведе из работи ихь, въ дн҃е стлъпо҃ ѡблач- [illegible] а въ нощи стлъпо҃ ѡгньно҃, и раздели море, и проведе и

, поустꙑ́ню по соу́хꙋ, а҆ противныє погроу́зи въ бе́зноу, въ поу-ꙑ́ни же напо́и ѥ҆, пора́жь ка́мень, и҆ хлѣ́ба а҆́гг҄елска наси́ти ѥ҆, за́-ꙑ҆ же ѿ б҃а прїе́мь, и про́шь, б҃жїнымь прѣстѡ҃ напи́сань на скри-лах ка́менны, и прѣда́сть лю́демь въ сохране́нїє и҆ послоуша́нїє. а҆ же прѣбл҃же́ннаа и҆ бг҃оугоднаа ч҃ка, ни чим же мьньша тѣ҃х вѝста се, то́гоже д҃ха напое́на съвы́не, соу́гоубѣ б҃гти спо́бльша ꙑ, люди и҆зве́доста и҆з многомра́чнаго дїаволскаго мо́ра, мысльна араѡ́на погроу́зше, и҆ въсоу̀ силоу є҆го̀ потре́биста, вѣ́рою своєю бороу́жьша се и҆ сило́ю кр҃ною, не въ поустѝню же въве́доста, ъ въ свѣ́ть бг҃ора́зоумїа наста́виста, не и҆с ка́мене водоу̀ и҆зве-оста.... ꙗ҆кѡ҃ о҆́на̀, нъ҃ и҆сте́кшоу́ю кръвь и҆ вѡ́доу ѿ прѣч҃тыихь ребрь а҃ нашего, і҆у҃ х҃а, вѣрныимь вѣ́чноую пищꙋ и҆ беско́нечныи живо́ть ъ спасе́нїє прѣда́ста.... и за́конь б҃жїи соугоубо прѣло́живша, въ ю҆выи є҆́зыкь прѣда́ста, пѝсмє сътво́рша є҆́моу. и҆же се бѣ ѿ прѣ-моу́дрыхь оу́таило и҆ ра́зоумны, сїѐ ѿкрьвено бы҃ м҃лнецемь, и҆ въ послѣ́дниы вѣ́кь сима. не на скрижалѣ́х ка́менных напѝсань, нъ҃ на скрижалѣ́х ср҃ць плъ́тѣнь, не скро́зѣ ѡ҆́блакь и҆ мъглоу и҆ боурю гл҃ань, нъ҃ самѣмь г҃мь, і҆у҃ х҃ѡмь, съврьшень и҆ прѣда́нь. не сѣнни слоужи-телѣ, нъ҃ и҆стинѣ проповѣ́дника быста, не кропле́нїємь кръвы ю҆нче и҆ козлїи, нъ҃ кро́пеща и҆ о҆́чищающа скврьнныє къ пльтьсцѣи чи-стотѣ ст҃ымь кр҃ещенїє. не тело є҆ди́но о҆́чищающа, нъ҃ д҃шевноую свѣщꙋ въ ср҃чнѣ селѣ въсѣ въсѣа́ста. ни закла́нѣи жрътвѣ пропо-вѣдника быста, и҆лѝ слоужителѣ, нъ҃ бескръвнѣи, и҆ мирнѣи, и҆ д҃хов-нѣи слоужбѣ слоугѣ и҆ прѣда́телѣ ꙗ҆вѝста се. а҆п҃лом съпроу́жника, на тожде дѣло и҆збранна, кр҃ть смысльно на ра́моу въспрїе́мша, и҆ въсоу въселе́нноую о҆́бидоста, и҆сплънѧюще оу́че́нїа. въ них же о҆́ни не постоꙗше и҆лѝ оу́дръжа́нїємь пꙋти, и҆лѝ за оумноже́нїє и҆ныхь странѣ ближныи, въ них же рожьше ꙗ҆ко лоуче с҃лнчные, свѣ́томь бг҃ора́зоумїа просвѣтиста въсь мирь. и҆ по тѣхже стопамь сїа хо-дѝста, и҆ тогоже д҃ха напое́на ѿ б҃га, и҆ то́моу слове́сни быста про-повѣ́дника и҆ нова а҆п҃ла, не на тоуже о҆снова́нїи свое дѣло поло́ж-ша, нъ҃ и҆знова пѝсмена въѡбражьше, и҆ съврьшиста въ є҆зыкь нові. послѣже въсїаста, ꙗ҆ко оу́трьнꙗꙗ звѣзда̀, и҆ ѿ с҃лнца свѣть

прїе́млюща, свѣтлѣ́ишии ꙗ҆вла́ет се, ꙗ҆́ко же нае́тыи дѣла́теле въ виногра́дь, поне́сшїи те́готоу дн҃їи и҆ ва́рь, съ пришьшїими въ прѣкїинна́десеть ча҃, равнѣ мъздѣ спо́блени, бж҃їе блгти та́ко и҆зволивше въ послѣ́днїи вѣкь дѣлоу то́моуже ꙗ҆вити се, сїа̀ но́ваа проповѣдника и҆ свѣти́лника въсе́и въселеннѣи, ꙗ҆́же по́двигѡ̑ до́брымь и҆ вѣ́рою крѣ́пко препоꙗ́савше уре́сла, проидо́ста, ꙗ҆́ко же слн҃це, тьмнаа мѣ́ста сто́пами своими, просвѣтиста, и҆ въса́коу мъглꙋ е҆ретичьскоу и҆ пога́нскоую попа́листа дх҃ѡвнымь ѡ҆гнѥ҃, не пощедѣвша свои̑ дш҃ь, ни тѣ́лесе, нъ̑ въсегда̀ бо́реща се по пра́вѣи вѣрѣ, сладко и҆спити хв҃оу чашоу. въ срацинѣ̑ и҆ въ козарѣ̑ ꙗ҆виста се непобѣ́дима, нъ̑ ꙗ҆ко же дв҃дь иноплеменника иногда̀, низложивь грьдыню е҆го̀, побѣди, прѡбра́зивь троицꙋ трїими ка́меньми, и҆ своимь е҆мꙋ мьче́мь главоу̀ ѿсѣкь, и҆ похвалꙋ прїе́мь въ тъма́хь ѿ своихь ї҆нлюѥвь, тако́же и҆ сїа̀ ѡ҆ц҃а; триѵпоста́снаго бж҃тва̀ слꙋгѣ соуща и҆ пропоѣ́дника, въ собо́рѣ сра́цинсцѣ̑ и҆ въ жи́довсцѣ̑ ѡ҆брѣтоста се. своими и҆мь книгами и҆ е҆зы́кѡмь, ма́хметови блѣ́дни и҆ жидовскꙋю злѡ́бꙋ дх҃ѡвны̑ мьчемь ѿсѣкоста, и҆ потрѣбиста, ꙗ҆ко плѣвель, и҆ попа́листа дх҃о́вною блг҃тїю, и҆ слово гн҃е въсѣаста, ꙗ҆ко пше́ницоу, въ срⷣчьмь селѣ. и҆ въсѐ насла́диста медото́чными словесы, трисъначелное бж҃тво̀ ꙗ҆сно и҆споѣ́даста и҆ сказаста въ е҆ди́нѡмь соущьствѣ и҆ ра́вно сїа́юще ѡ҆ц҃ь, и҆ сн҃ь и҆, дх҃ь, ст҃ын, и҆ тако оулови́ста, ꙗ҆ко рыбы, слове́сною мрѣжею, и҆ кр҃тиста ѿ козарь чьстные че́ди .с҃. моу́жїи, ра́звѣ же́нь и҆ дѣтїи, и҆ тръгоубоу похвалꙋ ѿ въсѣхь цр҃кви прїе́мша, прѣидоста ѿтоу́доу на за́паднїе стра́ны, блговѣствоующа слово бж҃їе въ е҆зы́кь но́вь, и҆ въсь цр҃ко́вныи законь прѣло́живша ѿ гръческаго е҆зы́ка, въ свои е҆зы́кь прѣда́ста и҆мь. трие҆зычноую злѡ́бꙋ низло́жша, потрѣбиста, и҆ ꙗ҆ко плѣвель ѿ пше́ницє ѿвръгоста, и҆ чисто цр҃кви ст҃оѡбра́зно жи́то прѣда́ста. въ за́падных же, и҆ пано́нскы̑, и҆ мора́вскы̑ страна̑, ꙗ҆ко слн҃це въсїаста, и҆ мра́кь грѣхо́вныи ѿгна́вша, просвѣтиста пи́смены, и҆ оу҆ченикы наоучи́вша цр҃ко́вномоу чи́ноу и҆спль́нь. и҆ та́ко теченїе съвръшиста, и пѫти се е҆́ста̀ римскаго, а҆п҃льскоу прѣстолоу поклони́ти се, носеща съ собо́ю дх҃овныи плодъ на ст҃ѣнїе, ꙗ҆же слышавь а҆посто-

ѧкь а҆ндрїа́нь, и҆зы́де проти́воу и҆ма̀ дале́че ѿ гра́да ри́мскаго, и҆ та́
о прїе́ть и҆́хь, ꙗ҆́ко и҆ а҆ггели бж҃їе, и҆ оу҆че́нїе є҆ю възлю́бивь, и҆ по-
та́ви блаже́ннаго меѳѡ́дїа презви́терѡ, и҆ оу҆чени́кы и҆́хь.

Прибли́жи же се вре́ме поко́и прие́ти ст҃омоу ѿц҃оу на́шемоу и҆
оу҆чи́телю кои́стантиноу фїлосѡ́фꙋ. ви́дѣв же ѿкрьве́нїе ѿ б҃а о҆ по-
ко́и своє́мь, о҆блѣ́че се въ чрьни ри́зы, и҆ дн҃ь же на́рече преставле́-
нїа своего̀, и҆ прѣбы́сть до нѥго дн҃їи .н҃е., весе́ле се и҆ сла́ве б҃а, и҆
ꙗ҆́ко поучи̇ о҆ г҃и въ лѣ́то ҂ѕт҃оз., и҆ прило́жи се къ ѡ҆ц҃е́мь свои́мь,
и҆ пр҃ркъмь, и҆ а҆п҃ломь, и҆ мн҃никомь, и҆ всѣ́мь ст҃ыимь. и҆ поло̀жише и҆
въ цр҃кви ст҃аго кли́мента, и҆де́же наче́ше мнѡ́гаа и҆сцѣле́нїа бы́вати
ѿ чѣ́стные ра̀ки є҆го, слѣпїи а҆́бїе просвѣ́щати се, недоу̀жнїи и҆сцѣ-
ле́вати се, бѣ́си и҆схо́дити. сїа̀ же ви́дѣвше ри́млꙗне, па́че прило́-
жише се къ ст҃ыни є҆го. ѡ҆сщ҃ьше прѣч҃тнаго и҆ бг҃оно́снаго меѳѡ́дїа
на архїеп҃кѡ́пство, на сто́ль ст҃аго а҆ндро́ника а҆п҃ла, є҆ди́наго ѿ се́дм-
де́сть въ пано́нїе, и҆ посла̀ше є҆го̀ на страны̀ словеи́скїе оучи́ти
є҆зы̀кь и҆́хь, напи́савше є҆пїсто̀лїю си́це къ кнѐѕемь стра̀ны тоѥ̀, ра-
сти́славоу, и҆ свето́пльку, и҆ ко́цлоу. а҆ндрїань є҆п҃кѡ́пь, ра́бь въсѣ̀
бж҃їимь ра̀бомь, къ расти́славоу, и свето́пльку и҆ ко́цлꙋ. сла́ва въ
вы́шнїихь бг҃оу, и҆ на земли̇ мирь, въ чл҃вцѣ̀ бл҃говолѐнїе. ꙗ҆́ко ѿ ва̑
слы̀шавше дх҃о̀вные ра̀дости, є҆́же и҆́мате на сп҃сенїе, посла́хомь бра́-
та на́шего, чѣ́стнаго меѳо́дїа, сщ҃е́на на є҆п҃кѡ́пство на страны̀ ва́ше,
ꙗ҆́ко же є҆́сте просили оу на́съ, да вы̀ наоучи̇ть, въ є҆зы̀кь вашь прѣ-
лагае кни́гы, да испѣ́лнит се пр҃рчьское слово, є҆́же гл҃аа́ше· хвали̇-
те г҃а въси̇ є҆зы́ци, и похва̀лите є҆го въси̇ лю̀дїе. и҆· въса́кь є҆зы̀кь
и҆сповѣ́сть, ꙗ҆́ко г҃ь і҃с х҃с въ сла́воу бг҃оу ѿц҃оу. а҆ми́нь. и҆ въ є҆ѵ҃лїи
же ре́че г҃ь, поси̇лае своє̀ оучени́кы· шѣ́ше, наоучи̇те въсе є҆зыкы,
кр҃тещіе и҆́хь въ и҆́ме ѿц҃а, и҆ сн҃а, и҆ ст҃аго дх҃а, и҆ оуче́ще и҆́хь блю́-
сти въса̀, є҆лика заповѣ́дахь вамь, и҆ се̑ а҆́зь съ ва́ми є҆́смь въ вьсе
дн҃и до ско́нчанїа вѣка. а҆ми̇нь. вы̀ же, че́да възлю́блѥннаа, послоу̀-
шаите оу҆чи́телꙗ бж҃їа, є҆́же въ послѣ́днꙗа врѣ́мена дань бы̑ ва́мь,
ва́шего ра́ди спасе́нїа, пооуча̀юще се ра̀зоумно, пло́ды досто́нни
сътво́рите и҆ прїи́мете вѣнь́ць нетлѣ́нныи въ се́мь и҆ въ боудоущемь
вѣ́цѣ, съ вьсѣми ст҃ыми въ вѣкы. а҆ми́нь.

Дошъ же меѳодїе въ страны моравскыѥ, и вьси людїе изыдоше съ радостїю въ срѣтенїю его, и тако прїеше его, ꙗко аггела бж҃їа. и ѿврьзоше се оуеса слѣпыихь, и оушеса глоухыи оуслышаше, и езыци блъхкоующеи възглаше славоу бг҃оу, и ими же оусты вѣхоу прѣжде жрътвы непрїазнены въздаали и на высѣхь мѣстѣ бѣ хоулили, тѣмижде пакы и дѣти ихь словесныѥ и бескръвныѥ слоужбы бг҃оу въздающе за высь мирь бѣхоу, и на высакомь мѣстѣ бг҃ь прослави се въ езыкь новь, емоу же ꙗви се проповѣдникь и апостоль новыи, высїа ꙗко слн҃це, мьглоу невѣденїа ѿгна и бг҃оразоумїа свѣтѡ высѣхь срд҃ца просвѣти, кротостїю и сладостїю высе и любовїю кь себѣ приведе, теуенїе свое съвршии, и вѣроу съблюде, и црькви оукраси пѣсньми и пѣнми дх҃овными, и тако поти ѿ гн҃ь въ лѣто ‚ѕтчд., и приложи се къ ѡц҃емь и патрїархѡ, аврааамоу, и ісаакоу, и іакѡвоу, и высѣмь себе оуподоби, высѣмь ѡбразь на себѣ понесе, ѡвѣмь равьнь бы, иныхь мьнїи, дроугыѥ преспѣвше силою дх҃овною, и бл҃гтїю, и пѡдвиго, высїавь ꙗко слн҃це лоучами, притьуныи сказанїемь. его же помышлꙗюще медотоучнаа словеса, нъ уесомоу приложити сладости дх҃ѡвныѥ.

Тѣмь же кое похваленїе въздамь вамь, троужьникма се толико хр҃та ради въ выстоуныихь, и западныихь, и сѣверныи странахь. не ищоуще времѣныи и тлѣнныи, нъ вѣуныи и бесконеуныихь, кр҃ть гн҃ь моужьскы въспрїемша, и тѣмь оледѣвшоую землю грѣхы ѡтрѣбльша, высѣаста дх҃ѡвное сѣме, и уисто црькви жито принесоста, днѣвное оууенїе, имь же сїаете, ꙗко свѣтила, въ высе мирь, демонскоую хоулоу и высоу ересь прогнавша. велици оубѡ стльпы црькви хр҃товѣ быста, нб҃сила ул҃ка и земльнаа аггла, въ плъти бесплътное житїе стежаста. бл҃жено ѥ҆ уревѡ, носившее ваю и въздоишее класа многоплодна, имь же напитаста алующе езыкы и жедныѥ напоиста животнаго пива, непрѣстающоую пищоу источиста высѣмь обилно. кто оубо можеть достоинноу похвалоу ваю исповѣдѣти; вы бо ꙗвиста се равна нб҃си, и поднб҃сноую высоу прошьша стопами своими, мирь высь ос҃тиста. бл҃вень езыкь ваю, имь же насѣасте дх҃овнаа словеса на спасенїе бесуисльнымь езыко.

ѓодъхновеные дари ѿ ба прїемша, мракь невѣдѣнїа вьсоудꙋ ıрогнаста, собою ѡбразь въсѣмь прѣлагающа, и оусть дховıꙁю сладость истаѵающа, и поганствоу въсемоу раздрꙋшиника ıвѣ:та се, и еретикѡ съпостата, и бѣсѡмь прогоника, свѣть ѡмраѵенıыи, оучителїе млнцѣ, алчющїимь неоскоуднаа пища, жежоущїимь непресѣцаемыи источникь, нагыимь ѡбилно одѣанїе дающа, :ирїимь помощника, страныимь прїемника, болнїимь посѣтителѣ, ıапастныи защитника, слѣпыи свѣтодателѣ, влающїим се в мори битенсцѣмь велика надежда, стѣна и покровь прибѣгающїимь къ вамь, їоудеѡмь съпостата, исповѣдника стѣи троици, съвръшителѣ бжїю съмотренїю и велиуїю бжїю слоужителѣ, источника бжїю словеси, недвижима стльпа хвѣ црькви, печать правды, щить вѣрѣ, шлѣмь спсенїа, класъ мнѡгоплодьнь, лоза медоточнаа, съты медовны словеса ваю, ими же насладиста въсоу въселенꙋю, ꙗко бисерь мнѡгоцѣнныи источивша, скровища гна, вмѣстилища бжїа съмотренїа, ѡбитѣлища стаго дха, съсоуда изьбраннаа, пронесша име хртово по въсеи земли, крть на себе понесша, временнаа прѣзрѣвша, и вѣчныихъ наслажденїе въсприемша, непрѣстанно прпобнаа и истиннаа пастира, за изьбранное стадо ваше прилежно молита се, стрти, и бѣды, и напасти ѿгонеща, просвѣтита ни срчные ѻчи и оу оутвръдита достоино послѣдовати стопамь ваимь, немощи наше въземлюще, съвыше силꙋ подадита, да, достоино о хѣ поживше, наслѣдници боудемь троудомь ваю и проповѣдници правѣи вѣрѣ, юже ны есте прѣдали, да въси единогласно прославимь трисвтое бжтво, ѡца, и сна, и стаго дха, нынѣ, и присно, и въ вѣкы вѣкѡвь. аминь.

Дошъ же меѳѡдїе въ страны моравскые, и въси людїе изыдоше съ радостїю въ срѣтенїю его, и тако прїеше его, ꙗко аггела бжїа. и ѿвръзоше се ѻчеса слѣпыихъ, и оушеса глоухыихъ оуслышаше, и ѥзыци блъхвоующеи въз̾глаше славоу бгоу, и ими же оусты бѣхоу прѣжде жрътвы непрїазнены въздаали и на въсѣхъ мѣстѣхъ ба хоулили, тѣмижде пакы и дѣти ихъ словесные и бескръвные слоужбы бгоу въздающе за весь миръ бѣхоу, и на въсакомь мѣсте бъ прослави се въ ѥзыкь новь, ѥмоу же ꙗви се проповѣдникь и апостоль новыи, въсїа ꙗко слнце, мъглоу невѣдѣнїа ѿгна и бгоразоумїа свѣтѡмь въсѣхъ срдца просвѣти, кротостїю и сладостїю въсе и любовїю къ себѣ приведе, теченїе свое съврьши, и вѣроу съблюде, и црькви оукраси пѣсньми и пѣнии дховными, и тако почи ѡ гѣ въ лѣто ҂ѕтчд., и приложи се къ ѡцемь и патрїархѡмь, авраамоу, и їсаакоу, и їакѡвоу, и въсѣмь себе оуподоби, въсѣмь ѡбразь на себѣ понесе, овѣмь равьнь бы, иныхь мьнїи, дроугые преспѣвае силою дховною, и блгтїю, и пѡдвигомь, въсїавь ꙗко слнце лоучами, притьчныи сказанїемь. его же помышлꙗюще медоточнаа словеса, не чесомоу приложити сладости дховные.

Тѣмь же кое похваленїе въздамь вамь, троужьшиема се толико хрта ради въ въсточныихъ, и западныихъ, и сѣверныихъ странахъ. не ищоуще времѥнныихъ и тлѣнныихъ, нъ вѣчныихъ и бесконечныихъ, крть гнь моужьскы въспрїемша, и тѣмь оледѣвшоую землю грѣхомь отрѣбльша, въсѣаста дхѡвное сѣме, и чисто црькви жито принесоста, днешное оученїе, имь же сїаете, ꙗко свѣтила, въ всемь мирѣ, демонскоую хоулоу и въсоу ересь прогнавша. велици оубо стльпы црквы хртовѣ быста, нбснаа члка и земльнаа аггла, въ плъти беспльтное житїе стежаста. блжено ѥсть чрѣво, носившее ваю и въздоившее класа мнѡгоплодна, ими же напитаста алчющее ѥзыкы и жедные напоиста животнаго пива, непрѣстающоую пищоу источиста въсѣмь обилно. кто оубо можеть достоиноу похвалоу ваю исповѣдѣти; вы бо ꙗвиста се равна нбси, и поднбсноую въсоу прошьша стопами своими, миръ въсь ѡсвѧтиста. блвень ѥзыкь ваю, имже насѣасте дховнаа словеса на спасенїе бесчисльныимь ѥзыкомь

бг҇одъхнове́ные да́ри ѿ ба҇ прїе́мша, мра́къ невѣ́дѣнїа въсоу̀дꙋ прогна̀ста, собо́ю ѿ҆бра́зъ въсѣмь прѣ̂лагающа, и̓ оу҆́сть дх҇о̀вню сладость и̓стауа́юща, и̓ пога́нствоу въсе́моу раздрꙋ́шника ꙗ̓ви́ста се, и̓ е̓рѐтикѿ съпо̀стата, и̓ бѣсѡ́мь прого́ника, свѣ́ть ѡ҆̓мрауе́ный, оу҆у́ителїе мл҇нцѐ, а̓лую́щїимь нео̀скоу̀дная пи́ща, же́жоу҆щї́мь непресѣ́цаѐмыи и̓стоуникъ, на̀гыимь ѡ҆би́лно о̓дѣанїе дающа, си́рїимь помо́щника, стра̀нымь прїе́мника, бо́лнїимь посѣ́тителꙗ, на́пастный защи́тника, слѣпый свѣ́тода́телꙗ, влаю́щїим се в̓ мо̀ри житѐнсцѣмь велика наде́жда, стѣна̀ и̓ покро̀въ прибѣ́гающїимь къ ва́мь, ї̓оудѐѡмь съпо̀стата, и̓сповѣ́дника ст҇ѣ́и тро̀ици, съвръ̀шителѧ бж҇їю съмотрѐнїю и̓ вели́уїю бж҇їю слоу҆́жителꙗ, и̓сто́уника бж҇їю словесѝ, недви́жима стлъпа хв҇ѣ цр҇кви, печа́ть пра́вды, щи́ть вѣрѣ, шлѣ́мь сп҇сенїа, класъ мнѡ̀гопло̀дьнь, ло́за медото̀учнаа, съты ме́довны словеса̀ ва̀ю, и̓́ми же насла́диста въсоу̀ въселе́ннꙋю, ꙗ̓ко бисе́рь мнѡ̀гоцѣ́нныи и̓сто̀учивша, скро́вища гн҇ꙗ, въмѣстилища бж҇їа съмотре́нїа, ѡ҆би́тѣлища ст҇аго дх҇а, съсоу̀да и̓збраннаа, проне́сша и̓́ме хр҇то́во по въсѐи землѝ, кр҇ть на се́бе поне́сша, врѣ́меннаа прѣзрѣ́вша, и̓ вѣ́чныихъ наслаждѐнїе въспрїе́мша, непрѣста́нно пр҇пбнаа и̓ и̓́стиннаа пасти́ра, за и̓збра̀нное ста́до ва́ше прилѐжно мо́лита се, ст҇рти, и̓ бѣ́ды, и̓ на́пасти ѿго́неща, просвѣ́тита ни ср҇дчные ѡ҆́чи и̓ оу҆̑ оу҆твр́дита достои́но послѣ́довати сто́памь ва́шимь, немощи на́ше въземлюще, съвы̀ше си́лꙋ пода́дита, да, досто́ино о̓ хр҇тѣ пожи́вше, наслѣ́дници боу̀демь троу̀домь ва̀ю и̓ пропове́дници правѣ́и вѣрѣ, ю̓же ны и̓е́сте прѣда́ли, да въсѝ е̓ди́ногла̀сно просла́вимь трѝст҇ое бж҇ство̀, ѡ҆ц҇а, и сн҇а, и ст҇аго дх҇а, ны҇нꙗ, и̓ прѝсно, и̓ въ вѣ́кы вѣкѡвъ. а̓ми́нь.

ПРИМѢЧАНІЯ.

Въ заглавіи, передъ началомъ, на полѣ киноварью: сло҃ с҃и.

Въ строкѣ 1. похвало вм. похвалио.

Стран.	Строк.	
145,	6.	ѿбразь бывь вм. ѿсоуди грѣхь.
—	8.	вражи вм. ѡградѣ.
—	14.	Нѣтъ: аще наипаче прилежить на злобоу къждо чл҃къ.
146,	19.	Большой пропускъ.
147,	10.	Пропускъ.
—	13.	Пропускъ.
—	27.	не постигоше вм. не постоꙗше.
—	—	оудръжаніемь вм. оудлъженіемь.
—	31.	своемь вм. свое.
148,	1.	ꙗвлꙗют се вм. ꙗвлꙗет се.
—	2.	въ пръвіннадеть вм. въ пръвіннадесеть.
—	15.	въ жидоцѣ вм. въ жидовсцѣ.
149.	24.	испънит се вм. испълнит се.
150.	5.	непріазнень вм. непріазнены.
—	7.	мѣстѣ вм. мѣстѣ.
—	17.	помышлюще вм. помышлꙗюще.
—	19.	толикое вм. толико.
—	33.	пришъша вм. прошъша.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

Вскорѣ, по смерти Герцога, прибылъ къ этому Великому Князю вѣстникъ или гонецъ отъ Турецкаго Султана, съ большими подарками, для заключенія съ нимъ союза и дружбы. Но Борисъ отказалъ въ томъ, не хотѣлъ и принимать его подарковъ, а отослалъ ихъ назадъ съ кафтаномъ изъ свиной кожи, кошелькомъ, обложеннымъ серебряной парчей, salvo honore — набитымъ свинымъ кадомъ и запитымъ, и сказалъ, что такъ какъ Турокъ величайшій и заклятый врагъ всего Христіянства и ведетъ жестокую войну съ его братомъ, Римскимъ Императоромъ, то онъ не можетъ быть другомъ его, а непріятелемъ на всю жизнь, и будетъ его противникомъ во всемъ, на сколько у него достанетъ силы.

Знаменитый Цесарскій вольный Имперскій городъ Любекъ и нѣкоторые другіе знатные Ганзейскіе города также прислали туда своихъ знатныхъ пословъ, съ большими позолоченными кубками и бокалами, числомъ до 20, и между ними прекрасный золоченый корабль, очень замысловато и искусно сдѣланный, со всѣми принадлежностями, и двуглавый орелъ, наполненный корабленниками и Угорскими червонцами, за что получили они свои старыя права на всякую торговлю въ Псковѣ, Новгородѣ и Москвѣ, такъ что могли разъѣзжать по странѣ безпрепятственно, какъ и когда бы ни захотѣли.

Такія же преимущества получили тоже Голландцы и Англичане: имъ дозволялось вести торговлю въ Холмогорахъ, Вологдѣ и Москвѣ, гдѣ они постоянно круглый годъ имѣли своихъ прикащиковъ..

Вообще этотъ Великій Князь старался своимъ правленіемъ пріобрѣсти себѣ великую славу и имя у иноземныхъ народовъ и заботился о пользѣ и благосостояніи подданныхъ. Онъ поправилъ и построилъ не только много зданій и домовъ въ Москвѣ и Смоленскѣ, но и толстыя крѣпкія стѣны. На границѣ съ Крымскими Татарами, для защиты отъ ихъ набѣговъ, онъ велѣлъ построить двѣ деревянныя крѣпости: одну изъ нихъ назвалъ по своему имени Борисгородъ, другую по имени всѣхъ Царей и Великихъ Князей — Царьгородъ, и искренно расположенъ былъ ко всей странѣ.

Хотя онъ и былъ искренно привязанъ къ странѣ и ея жителямъ, но много тамъ было большихъ Князей и Бояръ духовнаго и свѣтскаго званія, которые питали къ нему тайную злобу и ненависть и очень завидовали ему въ томъ, что онъ достигъ верховной власти. Однако жъ не нашлось никого, кто захотѣлъ бы затронуть лисицу, или сколько ни будь дать замѣтить свое нерасположеніе, по тому что тѣ, которые сдѣлали это первые, два Богдана, Бѣльскій и Микитьевичъ (?), не получили отъ того ни какой прибыли, но были посажены за то въ темницу, подверглись пыткѣ и лишились всего состоянія.

Отъ того-то Борисъ и продолжалъ все царствовать до тѣхъ поръ, пока не явился одинъ отчаянный монахъ, выдавшій себя за Димитрія, не свергнулъ его съ царства и не поступилъ съ нимъ, его родными и друзьями, точно такъ же, какъ самъ онъ поступилъ прежде съ законнымъ Великокняжескимъ родомъ. Этотъ монахъ, по настоящему своему имени, назывался Гришка Отрепьевъ (Griska Utrepeia) и происходилъ изъ мелкаго дворянскаго рода въ Ярославскомъ Княжествѣ. Такъ какъ въ молодости былъ онъ необыкновенно даровитъ на всякія продѣлки и мошенничество, «omnium bipedum nequissimus», то родители и отдали его въ монастырь Trinouka, чтобы тамъ обуздать его своевольный нравъ, подъ строгимъ монашескимъ уставомъ, и пріучить его къ благочестивой, богоболѣзненной жизни. Но Гришка или Григорій совсѣмъ не имѣлъ охоты къ монастырской жизни: монашеская плоть была не по немъ; при своемъ хитромъ, остромъ, превосходномъ умѣ, онъ свелъ еще короткое знакомство съ однимъ лукавымъ монахомъ, тоже не очень преданнымъ Великому Князю. Замѣтивъ, что таилось въ Гришкѣ, монахъ познакомилъ его съ Русскими лѣтописями и происшествіями и научилъ многимъ мошенническимъ продѣлкамъ, по тому что онъ былъ черноризникъ, ловкій и способный на всякія дѣла, а Гришка имѣлъ большое понятіе и расположеніе ко всему подобному. Монахъ думалъ, что изъ него выйдетъ что ни будь необыкновенное, особливо по тому, что у него на правой рукѣ и на носу былъ такой же знакъ, какъ и у Димитрія, убитаго сына Ивана Васильевича; онъ имѣлъ такое же маленькое лицо, жесткіе, черные волосы, былъ низкаго роста и коренастаго сложенія. Монахъ и Гришка ушли изъ мона-

стыря, а тамъ и совсѣмъ изъ страны, пришли въ Кіевское Княжество; монахъ научилъ его всѣмъ Государственнымъ дѣламъ, разсказалъ ему въ наученіе все, что было нужно для его предпріятія: какъ расположены къ Борису большіе Бояре въ Москвѣ, какъ ему надо будетъ поступить въ услуженіе къ Князю Адаму Вишневецкому (Wiesnewetzki) и, если представится случай, разсказать ему про свое несчастіе и горе: со слезами на глазахъ и жалостными тѣлодвиженіями; что Великій Князь, Борисъ Годуновъ, старался убить его въ молодыхъ его лѣтахъ, и что Богъ чудеснымъ образомъ сохранилъ его и избавилъ отъ смерти. Гришка во всемъ долженъ держать себя такъ, какъ училъ и настраивалъ его монахъ, и потомъ со временемъ сдѣлается Великимъ Княземъ и царствующимъ Государемъ всея Россіи.

Совѣтъ очень понравился Гришкѣ и былъ то же, что фаршированное жаркое для его рта, но тому что за чѣмъ пошелъ онъ, то и нашелъ: рыбакъ рыбака видитъ въ плесѣ издалека; чортъ не выдумывалъ еще ничего такого гнуснаго и злаго, чего не съумѣли бы привести въ дѣло безбожные монахи, * по свѣдѣтельству поэта:

«Hoc solum Monachus nimirum Daemone distat,
Quod quicquid vafer hic suggerit, ille facit,
Atsi juncta dolis anus adjuvet, et colat astu,
Audebunt Erebi depopulare domum.»

Научивъ Гришку всему, монахъ простился съ нимъ и вернулся опять въ Русь, въ широкую степь къ Козакамъ, распустилъ между ними такую молву, что ему извѣстно доподлинно, что законный наслѣдственный Государь всѣхъ Русскихъ, Дмитрій Ивановичъ, котораго нынѣ царствующій въ Москвѣ Великій Князь хотѣлъ въ Угличѣ умертвить, на самомъ дѣлѣ живъ и пользуется большимъ значеніемъ и почетомъ въ Литвѣ, у Князя Адама Вишневецкаго; Козаки должны поступить къ нему на службу: онъ

* Въ обидныхъ отзывахъ о монахахъ слышимъ Лютеранина, да еще XVI вѣка. Шерръ, въ своей «Kultur-Geschichte,» и Менцель въ «Geschichte der Deutschen,» приводятъ много примѣровъ тогдашняго презрѣнія Лютеранъ къ монахамъ.

наградитъ ихъ лучше и дастъ имъ жалованье большее, чѣмъ Борисъ. Монахъ прожилъ довольно времени въ степяхъ у Козаковъ, пока не привелъ въ исполненіе того, что началъ, какъ мы и скажемъ потомъ.

Между тѣмъ тотъ плутъ, который назвался Димитріемъ, поступилъ въ службу къ Адаму Вишневецкому, и находился у него довольно времени въ качествѣ комнатнаго служителя, упражнялся во всякихъ рыцарскихъ играхъ, въ фехтованьи, борьбѣ, въ умѣньи владѣть копьемъ и примѣрныхъ сраженіяхъ. Разъ случилось, что когда Князь былъ въ банѣ, Гришка позабылъ захватить съ собой что-то нужное для барина; Князь сгоряча далъ ему пощечину и назвалъ его блядинымъ сыномъ. Это сильно разобидѣло Гришку: онъ горько заплакалъ и сказалъ съ жалостнымъ выраженіемъ: «Милостивый Князь Адамъ! Если бы ты зналъ, кто я, ты не ругалъ бы меня такъ, тѣмъ менѣе ударилъ бы изъ за пустяковъ по шеѣ; но такъ какъ я твой слуга, и ты меня совсѣмъ не знаешь, то я и долженъ переносить все это терпѣливо.»

«Что же ты такое?» отвѣчалъ Князь. Какъ звать тебя? Откуда пришелъ ты?» Выключенный монашескій ученикъ выдалъ себя за сына Московскаго Великаго Князя, Ивана Васильевича, разсказалъ все по порядку, какъ проходило его дѣтство, какъ нынѣ царствующій Великій Князь Московскій, Борисъ, выгналъ его изъ его царства, искалъ его жизни, какъ избѣжалъ онъ того и кто его спасъ, какъ, вмѣсто его, убитъ былъ въ Угличѣ одинъ поповичъ, похожій на него по одеждѣ, возрасту и наружности; сколько времени прожилъ онъ въ монастырѣ съ монахами и въ Литвѣ, пока еще не отправился ко двору Адама; показалъ ему дорогой золотой крестъ, осыпанный драгоцѣнными каменьями, который будто бы далъ ему при крещеніи крестный отецъ, упалъ Князю въ ноги и говорилъ дрожащимъ голосомъ: «Отдаюсь въ твою власть: дѣлай со мною, что угодно; не хочу дольше жить въ такомъ несчастіи, уничиженіи и горѣ! Но если пособишь мнѣ выручить мое отцовское наслѣдіе, законно слѣдующее мнѣ отъ Бога и людей, за это будетъ богатая расплата и награда, когда Богъ мнѣ поможетъ.»

Этѣ слова поиспугали Князя Адама: онъ не зналъ, что и казать ему вдругъ на это; но такъ какъ Гришка былъ уменъ и сторожекъ въ словахъ и благоразумно распоряжался своими тѣлодвиженіями, Князь повѣрилъ ему и подумалъ, что все это такъ и было, просилъ его не обижаться пощечиной, подождать въ банѣ не выходить изъ нея до тѣхъ поръ, пока онъ не пришлетъ къ нему посла, потомъ пошелъ къ женѣ, разсказалъ ей объ томъ происшествіи и велѣлъ въ поварняхъ, погребахъ и комнатахъ дѣлать такія приготовленія, какъ будто хотѣлъ угощать вѣсероиъ Великаго Князя Московскаго: на его дворѣ было странною и чрезвычайною новостью, что Великій Князь пріѣдетъ изъ Москвы такъ скоро.

Князь Адамъ велѣлъ снарядить шесть красивыхъ коней съ дорогими сѣдлами, уздечками, пистолетами и всѣми принадлежностями, и при каждомъ поставилъ служителя, одѣтаго въ лучшее платье, велѣлъ также приготовить и Великокняжескую коляску и запречь въ нее шесть лошадей, а комнаты убрать лучшимъ образомъ богатыми Персидскими коврами, такъ что всѣ слуги дивились, для кого бы это такія приготовленія? Послѣ того, какъ все было покончено, Князь Адамъ взялъ съ собою двѣнадцать слугъ, съ дорогими платьями изъ золотой парчи и бархата, пошелъ въ баню, подарилъ этѣ платья своему бывшему слугѣ Гришкѣ или Димитрію, воздалъ ему великія почести, самъ вывелъ его изъ бани и отдалъ ему шесть верховыхъ лошадей съ коляскою и шесть упряжныхъ со всѣмъ приборомъ, съ прислугой и прочимъ, и просилъ его милостиво принять этѣ ничтожные подарки: на будущее время онъ не пожалѣетъ ни какихъ стараній, только бы пособить ему въ его дѣлѣ. Димитрій принялъ подарки съ большою вѣжливостію и уваженіемъ, обѣщался заплатить за это во сто разъ больше, ежели Богъ поможетъ ему возвратить царство и величіе.

Когда слухъ объ этомъ разнесся и распространился вездѣ въ Польшѣ, Литвѣ, Россіи и въ широкой степи у Козаковъ, узналъ напослѣдокъ о томъ и царствующій Великій Князь Московскій, Борисъ Годуновъ, приказавшій умертвить въ дѣтствѣ юнаго законнаго и наслѣдственнаго молодаго Государя, Димитрія. Вѣсть эта очень удивила и напугала его: думая, что у него и его при-

верженцевъ выйдетъ изъ за того (съ Поляками очень опасная война и кровопролитіе, онъ послалъ по этому гонца въ Кіевъ къ Князю Вишневецкому, предлагалъ ему въ подарокъ нѣсколько пограничныхъ городовъ и крѣпостей и большое количество денегъ, если только онъ выдастъ ему бродягу и соблазнителя, выдававшаго и называвшаго себя Великимъ Княземъ Русскимъ. Благодаря этому предложенію, Вишневецкій удостовѣрился еще больше и полагалъ теперь за вѣрное, что Гришка истинный родной сынъ Ивана Васильевича, по тому что царствующій Великій Князь преслѣдуетъ его и вдалекѣ и предлагаетъ за него такъ много. Но Великій Князь не сдѣлалъ этѣмъ ничего, и его посланный воротился безъ отвѣта; а какъ у Бориса было много войска въ пограничныхъ городахъ, и между народомъ ходили разныя странныя рѣчи, то Вишневецкій, не полагаясь на мирное время, велѣлъ снарядить нѣсколько всадниковъ, запречь свою коляску и съ самозваннымъ Димитріемъ уѣхалъ на нѣсколько миль далѣе отъ границы, въ одинъ изъ своихъ городовъ, Вишневецъ (Wiznavvesch), и далъ Димитрію прочитать письма Великаго Князя. Только что прочиталъ ихъ тотъ, заплакалъ, бросился въ ноги Князю и сказалъ: «Все въ рукахъ Божіихъ и твоихъ: дѣлай со мною, что тебѣ угодно; я въ твоей волѣ, вся моя надежда, отрада и упованіе — Богъ и ты.» Вишневецкій утѣшалъ его, просилъ быть спокойнымъ: онъ не будетъ его предателемъ; что для того только и уѣхалъ въ этотъ городъ изъ своего пограничнаго замка, чтобъ онъ не попалъ какъ ни будь въ руки своего врага (Великаго Князя). Пусть Димитрій останется тутъ съ его служителями и получаетъ Княжеское содержаніе, а самъ онъ вернется назадъ, и если узнаетъ еще что ни будь о Борисѣ, поскорѣе дастъ ему знать о томъ.

Послѣ того Борисъ послалъ къ Вишневецкому еще другого гонца съ предложеніями гораздо побольше прежнихъ, рѣшившись, если Вишневецкій не пришлетъ къ нему самодѣльнаго Димитрія, подговорить Козаковъ застрѣлить самозванца. Это заставило Вишневецкаго отправить Димитрія, для большей безопасности, къ Сандомирскому Воеводѣ, гдѣ его тотчасъ же приняли и содержали въ большомъ почетѣ, точно онъ истинный родной сынъ Ивана Васильевича. Съ согласія и позволенія Езуитовъ, Са-

омирскій Воевода сейчасъ же началъ съ нимъ переговоры и раз-
уженія о томъ, что если онъ отмѣнитъ древнюю Греческую
Вѣру въ Россіи, Воевода станетъ хлопотать за него у Польскаго
Короля, Римскаго Папы и другихъ Великихъ Государей и дер-
жавъ, которые деньгами, продовольствіемъ, конными и пѣшими
ойнами, дробью и порохомъ, помогутъ ему взять Россію, его от-
довское наслѣдіе, и выгнать его врага, Бориса Годунова. Тотъ
не только обѣщалъ сдѣлать все это, но если получитъ правленіе
сядетъ на отцовскомъ престолѣ въ Москвѣ, хотѣлъ не только
ничтожить и искоренить въ конецъ Греческую Вѣру, принять Пап-
скую и распространить ее въ странѣ, но и взять за себя дочь
Сандомирскаго Воеводы. Езуиты обнаружили при этомъ искрен-
нюю радость и удовольствіе, тотчасъ же назначили къ нему двухъ
учителей, которые со всѣмъ усердіемъ назидали его въ Папской
Вѣрѣ, и онъ въ короткое время сдѣлался хорошимъ Католикомъ.
Потомъ Воевода возилъ его къ Польскому Королю, гдѣ былъ
ему пышный пріемъ и дано позволеніе набирать въ Польшѣ пѣ-
шее и конное войско. Нѣкоторые большіе Господа въ странѣ,
также и оба Воеводы, ссужали его всѣмъ, чѣмъ могли, и заложи-
ли всѣ свои помѣстья и замки на вооруженіе для него: да и сами
они пошли съ нимъ.

Когда дѣла въ Польшѣ находились въ такомъ положеніи, и
Димитрій собирался овладѣть Россіей, въ Москвѣ, въ 1601, 1602
и 1603 годахъ, была такая великая дороговизна, голодъ и ни-
щета, что въ такомъ размѣрѣ и не случалось еще этого на памяти
людей; едва ли можно найти и въ Исторіи, чтобы въ военное,
или мирное, время бывало что ни будь подобное у Христіянъ,
Жидовъ и Язычниковъ: тамъ умирали съ голода многія тысячи
людей, валялись въ городахъ по улицамъ, а въ полѣ по доро-
гамъ, во рту у нихъ было сѣно, либо солома, которыми они ду-
мали утолить голодъ и отъ того умирали; многіе ѣли лошадиное
мясо, собакъ, кошекъ и крысъ, древесную кору, траву, коренья,
пометъ, человѣческій калъ и другія негодныя для пищи вещи.
Нѣкоторые лежали на землѣ и сосали кровь, вытекшую изъ уби-
таго скота, свиней и овецъ, нѣкоторые поѣдали другъ друга.
Въ городахъ, гдѣ много было народа, убивали самыхъ жирныхъ
и дородныхъ людей, многіе родители ѣли своихъ дѣтей, дѣти

родителей, родители продавали дѣтей, а нѣкоторые продавались сами за ничтожную цѣну. Я видѣлъ въ Москвѣ, какъ одна бѣдная изнуренная женщина шла по улицѣ съ своимъ ребенкомъ на рукахъ схватила его на ходу кулаками и отъ сильнаго голода, со злобой откусила два куска отъ руки младенца и ѣла ихъ, сидя на улицѣ. Такъ бы она и умертвила ребенка, если бы другіе не отняли его у нея силой и не спасли его жизнь. Ни кто не смѣлъ открыто носить на рынкѣ хлѣбъ и продавать его, по тому что нищіе и бѣдняки отнимали его силой, а иногда и убивали до смерти разнощиковъ и продавцевъ хлѣба. Бочка ржи стоила 19 талеровъ, тогда какъ прежде не стоила больше 12 грошей.

Такъ какъ это бѣдственное и неслыханное положеніе и страданіе съ каждымъ днемъ еще усиливалось, ни кто не могъ безопасно ѣздить въ странѣ, по случаю жестокой дороговизны и голода, и многія тысячи народа найдены были мертвыми на Московскихъ улицахъ, то Великій Князь, Борисъ Годуновъ, велѣлъ на нѣкоторыхъ большихъ площадяхъ собирать народъ каждое утро кличемъ и раздавать ему милостыню: каждому доставалось на долю по три гроша. Когда молва объ этомъ разошлась по странѣ, бѣдные поселяне убѣгали изъ домовъ и дворовъ, бросали все, приходили съ женами и дѣтьми въ Москву и получали милостыню: такимъ образомъ каждый день раздавалось бѣднымъ людямъ изъ казны до 30,000 талеровъ, пока не уменьшилась дороговизна. Также, по приказанію Великаго Князя, ежедневно подбирали на улицахъ нѣсколько сотенъ умершихъ, клали на телѣги и тачки и вывозили изъ города; люди, назначенные для того, обмывали ихъ до чиста, на каждаго надѣвали бѣлую рубашку и пару красныхъ сапогъ, а потомъ по нѣскольку сотъ ихъ бросали въ одинъ гробъ и зарывали. На такую благотворительность, обѣды для бѣдныхъ, сострадание къ умершимъ и одежду для нихъ, потрачены были большія деньги. Разсказываютъ открыто, что въ большую дороговизну умерло въ Москвѣ съ голоду до 500,000 человѣкъ, кромѣ погибшихъ въ другихъ городахъ и деревняхъ, о всѣхъ ихъ Великій Князь приказывалъ кормить, по смерти же одѣвать въ бѣлыя рубашки и красные сапоги и хоронить. Сколько же сотенъ тысячъ талеровъ вышло на это въ три года при жизни этѣхъ людей и на одежду для нихъ по смерти!

За этою бѣдой послѣдовала вскорѣ другая, чума, которая свирѣпствовала и пожирала людей не менѣе дороговизны: этѣ два наказанія были непосредственно отъ Бога, а по тому и сноснѣе и отраднѣе третьяго, внутренней и внѣшней войны и ужаснаго кровопролитія, какъ будетъ сказано о томъ далѣе.

Въ продолженіе такой большой дороговизны и голода въ странѣ, Великій Князь былъ такъ слѣпъ и упрямъ, что не дозволялъ подданнымъ покупать муку для утоленія голода у чужеземцевъ, нѣсколько кораблей которыхъ приходило въ Нарву и Холмогоры, чтобы иноземцы не узнали, что въ его землѣ такая дороговизна и онъ не въ силахъ кормить и содержать своихъ подданныхъ, но принужденъ выписывать и доставать хлѣбъ изъ чужихъ краевъ: отъ того-то иноземцы и должны были уѣхать, не продавъ муки. Онъ далъ строгой приказъ, чтобы всѣ Архіереи и монахи изъ своихъ монастырей, а всѣ Князья, Бояре и Дворяне изъ своихъ житницъ, продали ему за полцѣны весь хлѣбъ, въ которомъ сами не имѣли надобности, и потомъ раздавалъ его бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ, чтобъ чужеземцы замѣтили и знали, что въ землѣ его нѣтъ недостатка въ хлѣбѣ, какъ распространяли въ чужихъ земляхъ.

Во время такого великаго голода и бѣдствія въ странѣ, 4-го Іюля, 1604 года, прибылъ въ Москву посланникъ Римскаго Императора Рудольфа, Господинъ Генрихъ Лойко (Laugko), съ придворными драбантами и лакеями, всѣ очень нарядно и пышно одѣтые въ шелкъ и бархатъ и увѣшанные большими золотыми цѣпочками. Такъ какъ пришелъ онъ съ такою пышностью, то Великому Князю захотѣлось показать и свое великолѣпіе и пышность: онъ велѣлъ принять его и ввести въ городъ еще пышнѣе, и не только Русскимъ, но и всѣмъ иностранцамъ, служившимъ ему въ то время, каждому по обычаю его земли, одѣться въ шелкъ, бархатъ и золотую парчу. Это очень удивило посланника. Великій Князь далъ также строгое приказаніе, чтобы на улицахъ не было ни одного нищого и ни кто бы не жаловался на голодъ и нужду, а всѣ были довольны и сыты, всѣ улицы и рынки, гдѣ проходилъ посланникъ, были до того заставлены разнымъ зерновымъ хлѣбомъ, мукою и продовольствіемъ, что чужеземцамъ ни какъ не могла прійти въ голову мысль о дороговизнѣ, или недостаткѣ въ хлѣбѣ и другой край-

ности въ странѣ. Запрещалось подъ смертною казнію, чтобы ни кто не давалъ замѣтить послу, или людямъ его, что въ странѣ была, или еще продолжается, такая дороговизна, напротивъ у нихъ все было дешево, каждый расхаживалъ по улицѣ такой нарядный, что подумаешь, онъ богаче Креза, не смотря на то, что онъ бѣднѣе и несчастнѣе Ира и около 8-ми дней не видалъ у себя въ домѣ хлѣба. Во время дороговизны видали много знаменій и чудесъ на небѣ, съ разными страшными лучами, и точно войска сражались другъ съ другомъ, темная ночь часто дѣлалась такъ ясна и свѣтла, что считали ее за день. Иногда видны были три мѣсяца, иногда три солнца; по временамъ слышны были такіе ужасные вихри, что сносили башни съ воротъ, стѣны въ 20 и 30 саженъ, и кресты съ церквей, пропали рыбы въ водѣ, птицы въ воздухѣ, дикіе звѣри въ лѣсахъ, все, что ни подавалось на столъ, вареное, или жареное, не имѣло природнаго вкуса, какъ бы ни было хорошо и вкусно приготовлено, собаки пожирали другихъ собакъ, волки волковъ. Часто попадались только ихъ ноги и головы. На Литовской и Кіевской границѣ нѣсколько ночей слышенъ былъ такой вой волковъ, что люди приходили въ ужасъ; волки собирались нѣсколькими сотнями, по чему люди не могли и ѣздить по дорогамъ, если не были ихъ сильнѣе, чтобы имѣть возможность оборониться отъ ихъ нападенія. Въ стѣнахъ и въ окрестности города Москвы поймали въ бѣлый день нѣсколько черно-красныхъ лисицъ, и въ числѣ ихъ одну дорогую, стоившую 300 талеровъ. Видна была и комета въ воздухѣ, очень яркая и свѣтлая, in ipso firmamento, super omnes planetas, in igneo coelesti signo Sagittario: это, безъ сомнѣнія, означало бѣдственную погибель многихъ Великихъ Князей, опустошеніе и разореніе земель, городовъ и деревень, и великое невыразимое кровопролитіе, что вскорѣ и послѣдовало. По тому что, въ томъ же году, монахъ, ушедшій съ Гришкою изъ Россіи въ Литву, убѣдилъ потомъ и уговорилъ въ широкой степи 6000 Козаковъ, что родной сынъ Ивана Васильевича, Димитрій, еще въ живыхъ и въ большомъ почетѣ въ Польшѣ, что Богъ чудеснымъ образомъ спасъ его отъ козней Бориса Годунова, чтобы этотъ ни какъ не могъ сдѣлать ему вреда; онъ такъ повелъ свои дѣла, что Польскій Король и другіе большіе господа вступились за него больше изъ сожалѣнія, считая его дѣло правымъ, и дали ему около тысячи человѣкъ конныхъ и пѣшихъ, для изгнанія

и погубленія Великаго Князя Бориса и овладѣнія его отцовскимъ наслѣдіемъ. Козаки пусть приготовятся, пойдутъ теперь съ нимъ и подадутъ ему хорошую помощь, а онъ милостиво одаритъ ихъ не только деньгами и платьемъ, но также и ленами и наслѣдственными помѣстьями. Это былъ лакомый кусочекъ для Козаковъ, за который не взяли бы они и жаренаго павлина безъ удовольствія пограбить, и охотно бы побили Бориса за то, что онъ наказалъ нѣкоторыхъ изъ ихъ братьи за большія своевольства и жестокости.

Они тотчасъ же поклялись монаху, вмѣсто Димитрія, присягнули ему и писали, чтобъ онъ не мѣшкалъ долго, а примкнулъ бы къ нимъ на границѣ съ своими людьми, тогда они съ усердіемъ примутся за дѣло и попытаютъ счастія съ Борисомъ. Димитрій тотчасъ же выступилъ, на границѣ они соединились, и теперь у него было до 8000 войска, за тѣмъ двинулись къ городу Чернигову; Козаки уговорили Намѣстника, Ивана Тахмакова, бывшаго тайнымъ врагомъ Бориса, чтобы онъ сдалъ городъ Димитрію и поклялся ему въ постоянной вѣрности и преданности. Въ этомъ городѣ Димитрій сейчасъ же поставилъ Польскихъ начальниковъ, скоро ушелъ оттуда и взялъ еще другіе пять городовъ, не обнажая меча. Послѣ того пошелъ онъ въ Путивль; этотъ городъ занимали Волжскіе Козаки, которыхъ, съ ихъ начальникомъ, Михайломъ Михайловичемъ Солтыковымъ, уговорилъ онъ сдаться жалобными словами, что Борисъ гонитъ и преслѣдуетъ его, законнаго наслѣдника земли.

Борисъ Годуновъ пришелъ въ ужасъ, услыхавъ эту вѣсть и молву о воскресшемъ Димитріѣ на границахъ, и о томъ, что онъ завоевалъ и занялъ столько городовъ, безъ всякаго сопротивленія и не обнажая меча. Борисъ дивился, жаловался на невѣрность и предательство большихъ Бояръ, поскорѣе собралъ всѣхъ ратныхъ людей въ Москву, въ день Спмона и Іуды, и послалъ до 209 тысячъ человѣкъ на непріятеля, съ полководцемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Мстиславскимъ. Этотъ далъ первое сраженіе, 21-го Декабря, 1604 года, подъ Новгородомъ Сѣверскимъ. На выручку этого города Великій Князь послалъ храбраго воина, по имени Петра Ѳедоровича Басманова (Bosmanno). Вошедши въ городъ, былъ онъ жестоко осаждаемъ Димитріемъ и сильно стрѣлялъ въ

него изъ своихъ пушекъ, пока не подошелъ Генералъ Князь Мстиславскій и принудилъ Димитрія отступить отъ города. За неимѣніемъ другаго средства, Димитрій напалъ, какъ отчаянный, на Москвитянъ и причинилъ великій уронъ въ людяхъ, такъ что самъ вождь получилъ отъ того 15 ранъ. 2000 Москвитянъ осталось на мѣстѣ; безъ сомнѣнія, они потерпѣли бы большее пораженіе, если бы одинъ Шведскій Капитанъ, по имени Лоренцъ Бьюгге (Biugge), съ 600-ми иностранцевъ, не показалъ своей храбрости и не пришелъ на подмогу Намѣстнику въ городѣ, Басманову: онъ зажегъ станъ Димитрія, который по тому и долженъ былъ оставить Русскихъ для защиты онаго. Но какъ Басмановъ былъ не довольно силенъ войскомъ и Русскіе, кромѣ только иностранцевъ, съ своей стороны не хотѣли предпринимать ничего особеннаго, по тому что вождь ихъ былъ раненъ и полумертвый унесенъ съ поля, то и Шведъ воротился опять въ городъ, а Москвитяне отступили на милю оттуда, расположились тамъ станомъ и стояли спокойно 14 дней, до выздоровленія вождя.

Межъ тѣмъ Великій Князь Борисъ послалъ въ станъ одного большаго Боярина, Василія Михайловича Мосальскаго, съ 80-ю тысячами талеровъ въ подарокъ войску, чтобы оно было вѣрно: но Бояринъ не нашелъ туда дороги, а зашелъ съ деньгами въ станъ Димитрія, гдѣ принятъ былъ съ большимъ уваженіемъ, съ крестомъ и знаменами, съ игрою на трубахъ и барабанным боемъ, и остался Маршалкомъ у Лжедимитрія. Деньги, принесенныя имъ, Димитрій роздалъ своимъ Козакамъ и ничего не далъ Полякамъ, отъ чего этѣ хотѣли выйти изъ службы, не желая продолжать ее безъ денегъ, по чему оба Воеводы, Сандомирскій и Кіевскій, бывшіе съ Димитріемъ, должны были ѣхать въ Польшу доставать денегъ и набирать людей, и взяли съ собой 2000 Поляковъ. Отъ этого-то перекрещенецъ Гришка и отступилъ на нѣсколько миль къ другимъ городамъ, захваченнымъ прежде, а Москвитяне по немногу все подвигались за нимъ, пока не были въ 3-хъ миляхъ отъ города Добрыничъ, и не зная, въ какомъ числѣ онъ и въ какомъ положеніи его станъ, они не смѣли двигаться дальше, а расположились въ большомъ лѣсу. Но какъ въ этомъ мѣстѣ можно было найти много хлѣба, овса и корма, скота, овецъ и продовольствія, то 7000 ихъ, изъ простаго народа, и вышли поворовать и

ограбить. Отошедши отъ стана съ милю, они повстрѣчали роту
Іоляковъ, которые приняли ихъ очень храбро: четыре тысячи
Іосквитянъ остались на мѣстѣ, а уцѣлѣвшіе въ большомъ страхѣ
рибѣжали въ станъ и привели войско въ ужасъ и отчаяніе,
акъ что на другой день оно огородило себя высокимъ тыномъ
рогатками. На третій день пособрались съ духомъ, выбрали 12-ть
ысячъ самыхъ лучшихъ и храбрыхъ воиновъ и послали ихъ для
азвѣданія о намѣреніяхъ непріятеля и мѣстѣ его стана. Когда
они открыли его, а онъ тоже замѣтилъ Русскихъ, встрѣтилъ ихъ
смѣло и началъ бой съ ними. Но такъ какъ приближалась ночь, они
азошлись по своимъ станамъ. Поляки убили въ схваткѣ 200
Русскихъ и взяли сотню плѣнныхъ, Русскіе же захватили одного
лѣнника, пошли съ нимъ въ станъ, были довольны и веселы,
прыгали и плясали, точно получили великую славу и одержали
значительную побѣду, захвативъ одного бѣднаго воина.

Пришедши съ плѣнникомъ въ станъ, они повели его для
опроса къ Полковнику, но плѣнный былъ пьянъ, просилъ у нихъ
вина и пива, обѣщая тогда сообщить кое какія свѣдѣнія, а иначе
не скажетъ. Начальникъ разсердился на это и велѣлъ его пытать
и мучить до того, что тотъ умеръ. Не имѣя теперь возможности
получить отъ него какія ни будь свѣдѣнія, они раздѣли его до
нага и повѣсили посреди стана на одной большой соснѣ.

Начальники были очень озабочены, не знали, что имъ дѣ-
лать, ити ли впередъ, или отступать, по тому что ничего вѣрна-
го не узнали отъ плѣннаго.

Но наконецъ, послѣ долгаго совѣщанія, они ободрились,
строго приказали войску вооружиться храбростью для сраженія на
другой день съ непріятелемъ, и рано утромъ вышли со всѣми си-
лами изъ лѣсу въ открытое поле, въ числѣ 200 тысячъ человѣкъ.
Гришка или Димитрій не мѣшкалъ долго, пошелъ къ нимъ съ
своими людьми на встрѣчу, быстро напалъ и обратилъ ихъ въ бѣг-
ство; но иностранцы, также бывшіе въ полѣ, съ свѣжимъ муже-
ствомъ сдѣлали нападеніе на людей Димитрія, поставленныхъ при
пушкахъ, перебили ихъ и взяли орудія. Когда Русскіе увидали
это, то, не имѣя уже возможности воротиться въ свой станъ и
укрыться тамъ, присоединились къ иностранцамъ, вмѣстѣ съ ни-
ми опять напали на непріятеля, били и гнали его на разстоя-

ніи трехъ миль съ такимъ раздраженіемъ и злобой, что не многі изъ Поляковъ ушли не раненые. Верховая лошадь Димитрія тож была ранена въ бедро и едва смогла унести его оттуда. Тогда самъ онъ могъ бы быть убитымъ, или попасть въ плѣнъ, если бы Русскіе оставались вѣрными Великому Князю и сами не помѣшал тому, по тому что вожди посылали къ нимъ гонца за гонцомъ чтобы они отстали и вернулись назадъ, что довольно пролито не винной крови и главный молодчикъ уже въ рукахъ у нихъ. Та кимъ образомъ Русскіе должны были прекратить нападеніе и вер нулись опять въ станъ; это сраженіе было при мѣстечкѣ Доб рыничахъ 20 Генваря, 1605 года. Гришка потерялъ тамъ 800 человѣкъ, свои военные литавры и пушки, а Великій Князь 50 человѣкъ Русскихъ и 25 иностранцевъ.

Послѣ того, какъ войско Великаго Князя одержало эту по бѣду, Петръ Басмановъ, Намѣстникъ Новгорода Сѣверскаго, по шелъ въ Москву и донесъ Великому Князю, что его Русскіе одер жали побѣду, разбили и прогнали Лжедимитрія.

Въ награду за добрыя вѣсти и за его храбрый и богатыр скій образъ дѣйствій, Великій Князь подарилъ ему большую чашу изъ чистаго золота, наполненную Угорскими червонцами, много серебряной посуды и бокаловъ, и сдѣлалъ его большимъ Боярі номъ въ странѣ и самымъ вѣрнымъ своимъ совѣтникомъ.

Послѣ того за храбрость, оказанную иностранцами, Велекій Князь прислалъ имъ денегъ, разнаго продовольствія и золотыя денегъ, въ ознаменованіе и память ихъ вѣрной службы подъ Доб рыничами, усердно просилъ ихъ служить и впередъ также вѣрно, какъ прежде, каждому изъ нихъ хотѣлъ прибавить жалованья, по дарить помѣстья, отдать имъ даже рубашку, если у него ничего не останется, кромѣ ея.

Потерпѣвъ пораженіе подъ Добрыничами, Гришка съ неболь шимъ войскомъ пошелъ въ большомъ горѣ и унынін въ Путивль, и писалъ опять въ Польшу о пособіи и выручкѣ. Великій Князь приказывалъ своимъ вождямъ, чтобы они истребили непріятеля, или выгнали его изъ страны и возвратили всѣ города, подпавшіе его власти. Вожди и двинулись съ войскомъ къ городу Рыльску:

но какъ у Русскихъ не было ни какого усердія, то они и отступи-
ли отъ города, не сдѣлавъ ничего.

Между ними было несогласіе и великая измѣна: одинъ хо-
тѣлъ того, другой другого, тому хотѣлось ити вправо, другому
лѣво, ни кому не было охоты сражаться, по тому что имъ очень
бы любо было новое Правительство. Великій Князь Борисъ такъ
былъ раздраженъ и гнѣвенъ на это, что послалъ строгое приказа-
ніе въ станъ, чтобы никто, подъ смертною казнію, не думалъ
ити домой, пока не выгонятъ непріятеля и не приведутъ опять
во власть Бориса всѣхъ городовъ. Все войско теперь двинулось
къ деревянному городу Кромамъ, въ которомъ начальникомъ былъ
Корела (Corela), большой волшебникъ, съ 600 Донскихъ Козаковъ,
и принесъ своими чарами много пользы Лжедимитрію.

Русскіе мѣсяца два стояли подъ этѣмъ городомъ, каждый
день имѣли жестокія схватки и причиняли другъ другу много вре-
да, такъ что не проходило ни одного дня безъ кровопролитія;
иностранцы работали усердно, подожгли городъ, хотѣли взять его
приступомъ, но вожди остановили это. Они удержали иностран-
цевъ, говоря, что было приказаніе Великаго Князя тѣснить го-
лодомъ этотъ городъ, а не брать приступомъ и не проливать не-
винной крови.

Межъ тѣмъ какъ дѣла шли такимъ образомъ, Великій Князь
отправилъ пословъ къ Римскому Императору и Датскому Королю:
онъ сильно жаловался имъ на происки Поляковъ съ ихъ Лжеди-
митріемъ, и на невѣрность своихъ подданныхъ, дружески прося
при этомъ прислать ему на выручку иноземнаго войска, о чемъ
уже гласно толковали въ станѣ.

Когда посланники были за границей и ни какого иноземна-
го войска нельзя было ожидать, Козаки въ городѣ выкопали кру-
гомъ его глубокій ровъ, высоко насыпали земли изо рвовъ,
и подъ этѣмъ валомъ подѣлали множество большихъ дыръ, въ
которыя бы имъ можно было входить и выходить, когда угодно,
и ни какое оружіе не могло вредить имъ, по тому что всѣ они жи-
ли въ землѣ. Отъ большой траншеи къ Московскимъ укрѣпле-
ніямъ они сдѣлали еще малую, чтобы Москвитяне не осмѣлива-

лись сдѣлать на нихъ нападенія, такъ какъ Козаки выползали из своихъ норъ и защищались храбро. Если бы Русскіе овладѣл траншеей, они поспѣшно ушли бы въ свои норы и ждали при хода ихъ, но этѣ оставались передъ траншеей, даромъ изстрѣлял безчисленное множество пороха и свинца и ничего не выиграли По тому что невѣрности, притворства, несогласія и предательств было что дальше, то больше между Русскими, и въ бѣлый Божій день прошла чрезъ Московскій станъ тысяча вооруженныхъ Ко заковъ въ городъ, посланныхъ Гришкою на выручку къ Путивль скимъ Козакамъ, съ развернутыми знаменами и нѣсколькими сот нями телѣгъ съ продовольствіемъ, порохомъ и свинцомъ.

Вожди дали знать Великому Князю въ Москву объ этой вели кой невѣрности и измѣнѣ, что они находятся въ большой опасно сти, силы ихъ съ каждымъ днемъ убываютъ, а у Лжедимитрія увеличиваются военными измѣнниками которые перебѣгаютъ къ нему. Городомъ овладѣть невозможно, по тому что онъ снова снаб женъ свѣжимъ войскомъ, продовольствіемъ и военными снарядами.

Это привело Бориса въ ужасъ, уныніе и отчаяніе: 13-го Апрѣля, 1605 года, съ ранняго утра до полудня свѣжій и здоровый, въ сумерки онъ скоропостижно умеръ и на другой день былъ по хороненъ въ Кремлѣ, возлѣ другихъ Великихъ Князей, съ боль шимъ рыданіемъ и плачемъ всѣхъ его друзей, послѣ достойнаго 8-ми лѣтняго царствованія, съ пользою для простаго народа и ко благу всей страны. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ въ такомъ сомнѣніи и неудовольствіи самъ принялъ ядъ, или отравленъ былъ другими.

По смерти Великаго Князя Бориса, Москвитяне клялись и присягнули его сыну, Ѳедору Борисовичу, послали выше названнаго, храбраго думнаго Боярина, Петра Басманова, въ станъ под Кромы къ войску, чтобы оно присягнуло молодому Великому Князю, и убѣждали его быть вѣрнымъ и покорнымъ новому Государю. Но какъ старый полководецъ, Мстиславскій, былъ отозванъ въ Москву, для управленія Государствомъ, вмѣстѣ съ новоизбраннымъ Великимъ Княземъ, то, вмѣсто его, остался Басмановъ. Это стало очень досадно другимъ вождямъ: между ними вышло несогласіе изъ за главнаго начальства, именно изъ того, что одинъ го-

ѣлъ сражаться, другой хотѣлъ домой, а тѣмъ самымъ одинъ на-
дѣялся тутъ, другой тамъ, добиться главнаго начальства, богат-
ва, даже верховной власти, какъ обыкновенно случается въ та-
кихъ неожиданныхъ случаяхъ; отъ того между простыми воина-
ми произошло большое безпокойство и возмущеніе: они раздѣли-
лись и составили двѣ толпы.

Преданные Годуновымъ и молодому Принцу клялись, при-
сягнули ему и расположились съ одной стороны крѣпости при ар-
тиллеріи; другіе, не хотѣвшіе присягать, собрались на другой сто-
ронѣ, ночью послали къ Козакамъ въ крѣпость, уговаривали ихъ
держаться стойко, пошли къ нимъ на помощь съ порохомъ и свин-
цомъ, и вмѣстѣ назначили время, когда Козакамъ нападать изъ
крѣпости на Годуновское войско, въ рукахъ котораго была ар-
тиллерія, а сами хотѣли сдѣлать на него нападеніе съ другой
стороны. Такъ это и сдѣлалось, и измѣнники, вмѣстѣ съ Козака-
ми, были въ числѣ 150 тысячъ; они провозгласили Димитрія и на-
пали на Годуновскихъ, провозгласившихъ Ѳеодора, выбили ихъ
изъ стана, оттѣснили отъ артиллеріи, нѣкоторыхъ убили, дру-
гихъ ранили и взяли въ плѣнъ; между послѣдними были двое знат-
ныхъ вождей, Иванъ Ивановичъ Годуновъ и Михаилъ Глѣбовичъ
Салтыковъ; тѣ же, которые не хотѣли сдаваться, побѣжали и
поѣхали въ Москву и извѣстили молодаго Принца о случившемся
въ станѣ. Въ Москвѣ перепугались и снова вооружились, одна-
ко жъ не вышли въ поле, и наконецъ всѣ передались Лжедими-
трію, какъ и скажемъ послѣ.

Когда могущество Гришки или Лжедимитрія выше сказан-
нымъ образомъ такъ замѣтно увеличилось, измѣнники послали къ
Лжедимитрію, проживавшему въ Путивлѣ, одного знатнаго Боя-
рина и вождя, по имени Ивана Голицына: просили у него про-
щенія, извинялись, что не были лучше вразумлены, что Борисъ
соблазнилъ ихъ, хотѣли ему, своему наслѣдственному Государю,
оказывать всякую подданническую преданность, любовь и покор-
ность, желали, чтобы онъ пріѣхалъ къ нимъ, и тогда они пожер-
твуютъ для него всѣмъ своимъ животомъ и имѣніемъ и помогутъ
возвратить отцовское Царство.

Получивъ эту пріятную вѣсть, Лжедимитрій не долго медлилъ,
собрался съ своимъ войскомъ, пошелъ сперва подъ Кромы къ Ко-

сакамъ, потомъ дальше къ городу Орлу (Arol), гдѣ были измѣнники и ждали съ радостью его прихода, а послѣ того еще дальше въ страну, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія.

Онъ былъ въ полной радости, въ отличномъ расположеніи духа и никого не боялся: куда ни приходилъ, все дѣлалось по его волѣ; въ крѣпости Тулѣ, въ тридцати миляхъ отъ Москвы, провелъ онъ нѣсколько дней, развѣдывалъ о намѣреніяхъ молодаго Принца и Годуновыхъ, и писалъ къ простому народу въ Москвѣ, извѣщая ихъ, чтобы они одумались заблаговременно, что онъ, законный наслѣдственный Государь страны, живъ еще и желаетъ, чтобы они его приняли и оказывали ему ту же преданность и покорность, какъ и отцу его, Ивану Васильевичу, смирили и искоренили его злѣйшихъ враговъ, Годуновыхъ, которые, безъ всякаго права, силою проложили себѣ путь на царство, и устранили отъ царства его, невинное дѣтя, законнаго наслѣдника страны, старались умертвить его, чего, однако жь, милостиво не попустилъ Всемогущій Богъ, по своему божественному промыслу. Тогда и онъ, Димитрій, окажетъ имъ всякую благосклонность и милость, и придетъ къ нимъ не какъ суровый воинъ, но какъ милосердый и сострадательный отецъ къ своимъ милымъ дѣтямъ. Если же не сдѣлаютъ того, въ скоромъ времени они испытаютъ что ни будь другое, которое будетъ для нихъ чувствительно, онъ погубитъ и разоритъ ихъ мечемъ и огнемъ, не пощадитъ и дѣтей въ колыбели.

Но Годуновы имѣли бдительный надзоръ, велѣли схватить и посадить въ темницы гонцовъ, отобрали у нихъ письма, замучили ихъ, чтобы простой народъ не имѣлъ ни какихъ вѣстей о Димитріѣ. Это очень удивляло его: онъ послалъ наконецъ одного знатнаго Дворянина къ Москвитянамъ, который прибылъ сначала въ большую деревню, Красное Село (Crasna Cella), въ получетверти мили отъ Москвы, гдѣ жили богатые и первостатейные купцы и ремесленники, и растолковалъ имъ, что законный наслѣдникъ страны живъ, и сколько ни посылалъ онъ гонцовъ въ Москву съ письмами, ни одинъ не возвратился, но не извѣстно, простой ли народъ виной тому, или это тайное дѣло Годуновыхъ.

По тому онъ и отправилъ, въ прибавокъ къ прежнимъ, еще чтобы замѣтить и разузнать расположеніе къ нему простаго

народа, и если ему не дадутъ добраго отвѣта, колыбельныя дѣти поплатятся за это; а если получитъ добрую и желанную вѣсть Димитрій, онъ приметъ ихъ всѣхъ въ свою милость и никогда не подумаетъ дѣлать имъ какое ни будь зло.

Жители Краснаго Села приняли этого гонца съ большимъ благоговѣніемъ и честію, великой толпой пошли съ нимъ въ городъ на площадь, окружили его тамъ и созвали Московскую чернь. Посолъ прочиталъ имъ письмо Димитрія, передалъ имъ приказанія его и всѣ подробности. Простолюдины стали между собою совѣтоваться, пошли къ Князю Василію Ивановичу Шуйскому, просили его не скрывать отъ нихъ правды, подлинно ли онъ велѣлъ похоронить молодаго Димитрія, роднаго сына Ивана Васильевича, убитаго въ Угличѣ. Тогда тотъ отвѣчалъ имъ и далъ знать, что Димитрій избѣжалъ козней Бориса Годунова, а вмѣсто его убитъ и похороненъ по Княжески сынъ одного Священника. Теперь же истинный Димитрій находится съ своимъ войскомъ въ Тулѣ.

Услыхавъ это, народъ сказалъ, что если вся земля, Князья и Дворяне съ войскомъ пристали къ Димитрію и Василій Шуйскій такъ засвѣдѣтельствовалъ о немъ, то онъ долженъ быть настоящій наслѣдникъ страны; если же онъ со всѣмъ своимъ войскомъ уже въ походѣ, то имъ надо подумать, что дѣлать, а въ городѣ совсѣмъ нѣтъ войска. Одни Годуновы, захватившіе силой правленіе, не защитятъ и не уберегутъ ихъ, и простому народу будетъ отъ того погибель. Пора уже со всѣмъ смиреніемъ просить и умолять Димитрія о помилованіи и снять головы съ кровожадныхъ обманщиковъ, Годуновыхъ, выгнавшихъ молодаго законнаго Государя въ его дѣтствѣ.

Межъ тѣмъ какъ чернь такимъ образомъ совѣщалась между собою, пришла изъ Кремля толпа стрѣльцовъ съ нѣсколькими Дворянами, все еще преданными Годуновымъ, и хотѣли было взять силой подателя письма. Но простой народъ не позволилъ того, хотѣлъ знать, гдѣ прежніе посланники Димитрія, стали перебраниваться, кричать, громко желали благополучія и здоровья подходящему Димитрію, говоря: «Далъ бы Богъ, чтобы истинное солнце просіяло въ Россіи: до сихъ поръ мы и при свѣтѣ сидѣли во тьмѣ, а теперь всходитъ наша утренняя звѣзда,» хвалили и величали Ди-

митрія, смѣялись надъ Годуновыми, злословили ихъ, называли блудными дѣтьми, мошенниками и измѣнниками; нѣсколько тысячъ народа съ великимъ буйствомъ и крикомъ вбѣжали въ Кремль, поносили и проклинали умершаго Бориса и всѣхъ его друзей и семейство. Хуже и наглѣе того они ничего не могли сдѣлать, — и въ такомъ множествѣ тысячъ людей не нашлось ни одного, который бы хоть не много вспомнилъ, сколько добра сдѣлано было Борисомъ странѣ, какъ правилъ онъ ею, благодаря своему высокому уму, умножилъ ее зданіями, кормилъ ее въ дороговизну и установилъ миръ и согласіе съ сосѣдственными Королями и Государями. Теперь все это забыто и презрѣно, какъ будто онъ не сдѣлалъ ни чего хорошаго. Они захватили его сына, новоизбраннаго Великаго Князя, которому не за долго прежде клялись и присягали, вмѣстѣ съ сестрою его и матерью, и стерегли ихъ подъ крѣпкой стражей, до дальнѣйшихъ приказаній Димитрія. Они захватили всѣхъ Годуновыхъ и друзей ихъ, разграбили ихъ дворы, раздѣли ихъ до нага и съ женами и дѣтьми отвезли на навозныхъ телѣгахъ въ темницы другихъ городовъ, за нѣсколько миль отъ Москвы: нѣкоторые изъ нихъ умерли жалкою смертію въ дорогѣ, другіе въ заключеніи отъ голода, или были убиты, такъ что ни кого не осталось въ ихъ родѣ.

Послѣ такого дѣла, Москвитяне писали изъ города Димитрію, просили у него прощенія и помилованія, хотѣли отдаться ему добровольно, только бы приходилъ къ нимъ скорѣе; они будутъ вѣрны, покорны, и послушны ему во всемъ; они истребили всѣхъ его недруговъ, кромѣ юнаго Ѳедора, матери его и сестры, которые живы и хорошо охраняются, чтобы онъ не боялся ихъ, они въ его власти и когда потребуетъ, тотчасъ же будутъ у него въ рукахъ.

Отсюда видно, что съ Борисомъ и его родомъ сбылось точно такъ же, какъ прежде самъ онъ поступилъ съ семействомъ умершаго Великаго Князя, по тому что Богъ не оставляетъ ни какаго зла безъ наказанія, и тогда на дѣлѣ исполняются поговорки древнихъ, получившія свое начало изъ опыта. На примѣръ, Юлія Поллукса: «Paxilli paxillos excutiunt.» Лукіяна: «Clavus clavo pellitur; improbitas improbitate vincitur; Scelus in scelere, malum in ma[illegible]licium est.» Радаманъ тоже говоритъ справедливо: «Si

quis quae facit, patitur, justissima poena est.» Также и Гезіодъ: «Qualia vir patrat, talis manet exitus illum.»

Теперь когда, этотъ разстриженный монахъ, Гришка привелъ подъ свою власть всѣ города и крѣпости, вся страна повиновалась ему, противника ему не было ни кого, только молодой Принцъ Ѳедоръ обѣщалъ мудраго и разсудительнаго Государя; Гришка опасался его и думалъ, что если онъ останется въ живыхъ, то ему не легко будетъ выполнить свои предательскіе замыслы, которые были у него на умѣ, что онъ будетъ помѣхою и безпокойствомъ для него на царствѣ, либо совсѣмъ сгонитъ его съ онаго.

Для того онъ уговорился съ однимъ писцомъ, Иваномъ Богдановымъ, чтобы этотъ пошелъ въ Москву, тайно убилъ молодаго Принца и мать его, и разсказалъ въ народѣ, что они умертвили себя ядомъ, а дочку бы тщательно сохранилъ до прихода его въ Москву. Писецъ сдѣлалъ это со всѣмъ усердіемъ, и вѣрно исполнилъ приказъ своего Государя: только что пришелъ онъ въ Москву, сейчасъ велѣлъ предательски удавить мать и сына въ ихъ комнатѣ, и потомъ разгласить въ народѣ, что они сами умертвили себя ядомъ, чего они совсѣмъ не дѣлали, а кончили жизнь такъ, какъ кончаютъ и тѣ, которымъ хотѣлось бы еще пожить: это достаточно показываютъ знаки веревки, которою удавили ихъ. Я и многія сотни людей видѣли этѣ знаки своими глазами.

Когда это было исполнено, Богдановъ велѣлъ вырыть изъ земли гробъ Великаго Князя, Бориса Годунова, лежавшаго столько недѣль между другими Великими Князьями, и велѣлъ похоронить его, съ сыномъ и матерью, Маріею Валутиной (Малютиной), каждаго въ особенномъ гробѣ, за городомъ, на запустѣломъ кладбищѣ, безъ пѣнія, звона и всякихъ обрядовъ. По смерти отца, Ѳедоръ Борисовичъ царствовалъ только два мѣсяца; его только выбрали въ Великіе Князья и присягнули ему, но не вѣнчали на царство. Это было въ томъ же 1605 году, 10-го Іюня.

16-го Іюня Димитрій или Гришка двинулся со всѣмъ войскомъ къ Москвѣ, расположился на большомъ лугу, въ малой милѣ отъ города, и хотѣлъ тамъ испытать расположеніе къ нему Москвитянъ. Онъ замѣтилъ, что они не только покорны и рабо-

лѣпны ему во всемъ, почтительны и рады его приходу, но да же вышли къ нему изъ города, каждое званіе особо, со множе ствомъ богатыхъ подарковъ въ золотѣ, деньгахъ, дорогихъ камень яхъ, жемчугѣ, алмазахъ и разныхъ вкусныхъ напиткахъ, такж и съ хлѣбомъ и солью, какъ водится у Русскихъ и считается у нихъ высшимъ долгомъ и особеннымъ почтеніемъ. Тогда онъ по вѣрилъ и имъ сказалъ, что забудетъ все, что ни сдѣлали они про тивъ него, никогда и не вспомнитъ того, будетъ не Государем и Великимъ Княземъ для нихъ, а отцомъ, и всегда съумѣетъ по радѣть о пользѣ своихъ подданныхъ.

Самые главные и знатные Князья и Бояре тоже пришли къ нему и принесли изъ казнохранилищъ богатыя и дорогія Велико княжескія платья изъ золотой парчи, бархата и шелка, тканыя съ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, и униженно просили его пожаловать въ городъ, взять свое отцовское наслѣдіе, кото рое чудеснымъ образомъ Богъ помогъ возвратить ему и принять правленіе: все уже устроено и приготовлено; ему нечего подозрѣ вать ни какого зла, нѣтъ и причинъ печалиться, а надо радовать ся и веселиться: тѣ, которые хотѣли убить его, всѣ уже истре блены теперь и ни кому не могли вредить и причинять зло.

Когда все было приготовлено для входа въ городъ, онъ на значилъ, кому изъ высшихъ и знатныхъ совѣтниковъ ѣхать по правую и лѣвую сторону возлѣ себя, впереди и назади, всего до 60 человѣкъ, въ великолѣпной одеждѣ и сбруѣ на лошадяхъ: а свою одноколку отправилъ съ Русскими впередъ съ барабанами и литаврами, для осмотра и развѣданія, все ли въ порядкѣ и нѣтъ ли какой тайной измѣны. Гонцы должны были ѣздить безпрестанно одинъ за другимъ.

Передъ самымъ Лжедимитріемъ ѣхало нѣсколько ротъ Поль скихъ всадниковъ въ полномъ вооруженіи, по 20 человѣкъ въ рядъ, съ флейтами и барабанами, за нимъ и думными Боярами слѣдовали тоже нѣсколько ротъ Польскихъ всадниковъ въ такомъ же вооруженіи и порядкѣ, какъ и прежніе. За тѣмъ ѣхали ино странцы, Козаки и стрѣльцы, другъ за другомъ, въ томъ же по рядкѣ, пока толпа эта не окончилась и не послѣдовало вступле ніе *

Въ Кремлѣ и въ городѣ звонили во всѣ колокола, большіе малые: свѣтлы были радость и веселье, необыкновенны веселіе и пытность. Большія широкія улицы, даже кровли на церквахъ и на домахъ, до того были полны народа, что издали казался онъ не лучше нѣсколькихъ роевъ пчелъ: такъ безчисленны были зрители. По всѣмъ улицамъ, гдѣ проходилъ Лжедимитрій, Москвитяне припадали лицами къ землѣ и громко кричали: Дай, Боже, счастія, здоровья и долгоденствія этому Великому Князю всея Россіи! Богъ, такъ чудесно сохранившій и спасшій тебя въ этомъ свѣтѣ, и впередъ защититъ и управитъ тебя на всѣхъ твоихъ стезяхъ и путяхъ! Ты настоящее солнце, свѣтозарная утренняя звѣздочка, проглянувшая на Руси.» — «Дай Боже, отвѣчалъ Лжедимитрій, здоровья вамъ, моимъ вѣрнымъ подданнымъ: встаньте и молитесь за меня Богу!»

Когда онъ въѣхалъ на висячій мостъ, положенный на бочкахъ черезъ рѣку Москву, и выѣзжалъ рѣчными воротами на площадь, поднялся такой сильный вихорь, что въ одну минуту поднялъ и коня и всадника; онъ погналъ на народъ такую пыль и песокъ, что нельзя было открыть глазъ; Русскіе пришли въ ужасъ, крестились по своему обычаю и говорили: «Сохрани насъ, Боже, отъ всякаго зла! Этотъ входъ предвѣщаетъ какое ни будь несчастіе.»

Когда входъ кончился, Гришка находился въ Дворцѣ и ушелъ въ свою комнату, знатнѣйшіе Князья и Бояре страны вышли изъ Кремля на площадь: изъ нихъ Богданъ Бѣльскій выступилъ впередъ, уговаривалъ народъ благодарить Бога за этого Государя, и говорилъ, чтобы они были ему вѣрны и любили его, онъ родной и законный сынъ Ивана Васильевича; потомъ вынулъ изъ запазухи крестъ съ образомъ Св. Николая, поцѣловалъ его и побожился, что онъ истинный Димитрій, и что Св. Николай до этого дня хранилъ его на своей груди, а теперь возвратилъ его имъ, чтобы они старались почитать и любить его и служить ему со всею преданностью. Вся чернь отвѣчала три раза: «Сохрани, Боже, нашего Великаго Князя! Дай, Боже, ему здоровья и долгоденствія, накажи всѣхъ его враговъ, и такихъ, которые не вѣрны и не расположены къ нему!»

Спустя 14 дней послѣ этого въѣзда, въ церкви Дѣвы Маріи, 29-го Іюля, былъ онъ вѣнчанъ Патріархомъ на Царство со всѣми обыкновенными обрядами.

Принявъ вѣнецъ по единодушному совѣту всѣхъ, онъ показалъ свое первое мужество и доблесть на дочери бывшаго Великаго Князя, Бориса Годунова, Аксиньѣ: велѣлъ ее привести къ себѣ, блудничалъ съ нею нѣсколько дней и, вдоволь натѣшившись ею, приказалъ остричь у ней волосы и прогнать ее въ монастырь, гдѣ она и должна была оставаться до смерти.

Послѣ этого поступка онъ послалъ за своею матерью, проживавшей въ одномъ монастырѣ, за 100 миль отъ Москвы, куда посадилъ ее покойный Великій Князь, Борисъ. Когда она находилась уже въ двухъ миляхъ отъ города, онъ выѣхалъ къ ней на встрѣчу съ нѣсколькими тысячами человѣкъ знатныхъ Бояръ, Совѣтниковъ и Дворянъ, и принялъ ее съ большимъ смиреніемъ и уваженіемъ. Не доѣзжая четверти мили отъ города, онъ съ знатнѣйшими Боярами сошелъ съ коня, принялъ ее со всею кротостію, и провожая городомъ пѣшкомъ съ непокрытою головою, чтобы зрители это видѣли и не подумали ничего другого, кромѣ того, что онъ безъ всякаго обмана и хитрости, подлинно и явно былъ ея законный сынъ отъ Великаго Князя Ивана Васильевича. Мать, знавшая кое-что не со всѣмъ такъ въ этомъ дѣлѣ, притворялась веселою и довольною, что опять нашла своего роднаго сына, хоть сердце ея было и далеко отъ него, по тому что, благодаря этому ложному сыну, принятому ею, она опять получала Царское величіе и власть. Это явленіе вызвало слезы у зрителей: «Какъ чудесно, говорили они, Богъ поступаетъ съ людьми на этомъ свѣтѣ! Разлучаетъ дѣтей съ родителями, и опять соединяетъ ихъ, какъ очевидно это случилось теперь.»

Онъ привелъ ее въ монастырь въ Кремлѣ, выстроенный имъ заново, съ прекрасными деревянными комнатами и дворцами. Тамъ навѣщалъ ее каждый день и дѣлалъ для нея Царскій обѣдъ, чтобы нельзя было замѣтить между ними ни какой разницы въ кушаньяхъ и напиткахъ, чрезвычайно любилъ и уважалъ ее, такъ что тысяча человѣкъ побожились бы, что онъ ея истинный родной сынъ.

Ежедневно ходилъ онъ къ своимъ Совѣтникамъ въ комнату Совѣта и разсуждалъ съ ними о Государственныхъ дѣлахъ; когда Со[illegible] оказывались медленны и ненаходчивы въ своихъ рѣ-

ленiямъ, также и недовольно дѣлали дѣла, онъ говорилъ имъ
утливо и смѣясь: «Милостивые Государи! Столько дней и часовъ
ы совѣщаетесь объ этомъ дѣлѣ, и все еще не нашли, что нуж-
о: это вотъ какъ должно быть,» и очень скоро могъ находить
учшее средство, чему они очень дивились. Онъ часто укорялъ
хъ въ грубости и неразумiи и въ томъ, что они неспособные и
ичего не видавшiе люди; хотѣлъ разрѣшить ихъ дѣтямъ получать
оспитаніе въ чужихъ краяхъ, учиться разнымъ языкамъ, доб-
ымъ нравамъ, добродѣтели и честности и упражняться на тур-
нрахъ, въ разныхъ воинскихъ играхъ, чтобы они могли сдѣлать-
я способными и привычными управлять землею и жителями и
лужить Королямъ и Государямъ.

За обѣдомъ приказывалъ онъ играть и показывать свое ис-
уство музыкантамъ, какъ водится въ другихъ странахъ, у высо-
ихъ лицъ. Онъ отмѣнилъ много обрядовъ, принятыхъ Москвитя-
нами, на примѣръ, креститься, кланяться и нагибаться передъ об-
разомъ, послѣ обѣда обмываться. Это глубоко огорчало Москви-
тянъ; у нихъ родились разныя дурныя мысли и подозрѣнiя на
своего новаго Великаго Князя; они повѣсили головы, точно ослы,
когда заведутся у нихъ вши въ ушахъ.

Послѣ обѣда онъ не ложился спать, какъ водилось у преж-
нихъ Великихъ Князей и всѣхъ Русскихъ, а прохаживался въ ка-
значейство, аптеки, лавки серебренниковъ; смотрѣлъ, что они ра-
ботали и чѣмъ торговали; часто имѣлъ при себѣ не больше од-
ного, или двоихъ молодыхъ Дворянъ, не рѣдко также отсылалъ
отъ себя Камеръ-Юнкеровъ и Боярскихъ Дѣтей, и они иногда не
знали, куда онъ дѣвался, должны были бѣгать и искать его
по всѣмъ угламъ во дворцѣ, точно какiя гончiя собаки, пока не
отыщутъ его. Этого никогда не бывало съ прежними Великими
Князьями, по тому что, по Москвитянской ихъ величавости и знат-
ности, имъ нельзя было прохаживаться изъ одной комнаты въ
другую, развѣ только съ палкой въ рукѣ, да заставивъ водить
себя подъ руку знатныхъ Бояръ. При выѣздахъ на богомолье по
церквамъ и монастырямъ, онъ не садился въ большую колымагу,
или коляску, но приказывалъ подводить себѣ самую горячую ло-
шадь, которая лютѣе всѣхъ была ѣздить, бралъ въ руку поводья
и, быстро бросившись въ сѣдло, гналъ ее точно ловкiй рыцарь;

а терпѣть не могъ, если конюхи выносили ему стулъ, чтобы с
вить на него ногу, когда хотѣлъ ѣхать верхомъ, какъ обыкнов
но дѣлали прежніе Великіе Князья. Каждый день онъ находи
удовольствіе въ прогулкѣ, скачкѣ верхомъ и охотѣ съ соколам
собаками. Онъ велѣлъ вылить порядочное количество мортир
полевыхъ пушекъ и отвезти ихъ въ Галичъ и на Татарскую г
ницу. Наконецъ онъ припомнилъ и обѣщаніе, данное имъ
Польшѣ, что какъ скоро овладѣетъ Царствомъ, возложитъ на
ба Великокняжескій вѣнецъ и будетъ имѣть всю власть въ
кахъ, то до послѣднихъ силъ станетъ покровительствовать Папи
ской Вѣрѣ и распространять ее, да и возьметъ замужъ Мар
Горгону (Юрьевну?), дочь Воеводы Сандомирскаго; для того вс
рѣ и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы пріѣхавшимъ съ нимъ Езу
тамъ отведенъ былъ большой дворъ въ городѣ Москвѣ, гдѣ
они могли отправлять свое богослуженіе.

Для лучшаго успѣха и распространенія Римской Вѣры, Па
скій Легатъ, Антоній Лонгинъ (Antonius Longinus), проживавш
при Дворѣ Польскаго Короля, прислалъ въ Москву своего племя
ника, съ четырьмя другими Езуитами, для умноженія шайки,
тому что Езуитамъ было очень по сердцу найти себѣ такого до
раго и благосклоннаго покровителя и доброхота, который люби
Папскую Вѣру, усердно старался дѣлать все угодное Римско
Папѣ и предписанное Католическою Церковью, слѣдовательно, хл
поталъ о распространеніи и уселеніи ея ложной Вѣры.

Послѣ того отправилъ онъ въ Польшу также своего Канц
ра. Аѳанасія Власьева (Flassi), съ большимъ сокровищемъ въ а
мазахъ, уборахъ, золотыхъ цѣпочкахъ, браслетахъ, кольцахъ, ку
кахъ, жемчугѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, цѣною въ двѣ боч
золота, въ подарокъ дочери Воеводы Сандомирскаго, чтобы о
и отецъ ея нарядились сколько можно пышнѣе и ѣхали въ Моск
Это глубоко огорчило Москвитянъ и внушило имъ большое нед
вѣріе; они и то уже по всему замѣчали, что ихъ поднимали
смѣхъ и дурачили, да къ тому же еще позорили и пренебрега
ли, такъ какъ Великому Князю больше понравилась чужезем
лаушка, не одной еще Вѣры съ ними, нежели ихъ землячка. О
того-то нѣкоторые знатные Бояре, особливо три брата Шуйски
(Suiski), начали составлять тайный заговоръ съ знатнѣйшими и

ками и попами, говорили, что онъ совсѣмъ не сынъ Ивана Ва-
ньевича, и завели странные прбиски такъ явно и въ такихъ раз-
рахъ, что онъ могъ замѣтить: по тому и не хотѣлъ больше до-
рять своимъ Совѣтникамъ, Боярамъ и Дворянамъ, и назначилъ
и себѣ новую стражу изъ иностранцевъ. Онъ поставилъ надъ
ю трехъ начальниковъ или Капитановъ: первый былъ Французъ,
имени Яковъ Маржеретъ (Marceret), другой назывался Матвѣй
утценъ (Knutzen), Курляндецъ, третьяго, Шотландца, звали Аль-
ртъ Вандемонъ (Vandemon); у каждаго подъ начальствомъ была
тня тѣлохранителей; всѣ они исправно получали жалованье. Пер-
ые носили позолоченные бердыши, съ обитыми краснымъ бархатомъ древками и съ шелковыми и золотыми кистями, и одѣвались
красное бархатное платье и плащи, отороченные золотымъ по-
ментомъ. У другихъ были сѣкиры, въ видѣ полумѣсяца, и бога-
ія темнофіолетовыя платья съ красными бархатными прошвами
красными атласными рукавами. У третьихъ также были сѣки-
ы, но они различались тѣмъ, что платья у нихъ обшиты были
еленымъ бархатомъ, съ зелеными атласными рукавами.

Этѣ тѣлохранители должны были поочередно днемъ и ночью
берегать его особу. Это было очень досадно большимъ Боярамъ
траны, и они говорили промежъ собою: «Уже этѣми тѣлохраните-
ями онъ даетъ намъ знать, что у него на умѣ. Онъ ни во что насъ
е ставитъ больше. Что же сдѣлаетъ онъ тогда, когда Княгиня
ридетъ въ страну, съ такимъ множествомъ Поляковъ, Нѣмцевъ и
Козаковъ? Намъ достанется тогда!» По тому старшій братъ изъ
Князей Шуйскихъ думалъ, quod sit melius praevenire, quam praevenirі, и хотѣлъ предупредить это заблаговременно, пока Димитрій не подкрѣпилъ себя множествомъ иноземцевъ и дерево не
выросло до такой вышины, что его ни достать, ни срубить нельзя будетъ. Онъ завелъ козни съ нѣкоторыми простыми гражданами, попами и воинами, какъ бы ему спровадить новаго Великаго Князя; но въ то время, какъ они всего больше вели свои
козни, это стало извѣстно: нѣкоторые злоумышленники были схва-
чены и отведены на пытку; они тотчасъ же сознались въ сво-
емъ замыслѣ и что затѣялъ и внушилъ его имъ вышеупомянутый
Василій Шуйскій, говоря, что Великій Князь—нарушитель спокой-
ствія, обманщикъ Государства, а не истинный родной сынъ Ивана

Васильевича, и что имъ надо помогать и содѣйствовать предпріятію на погибель его. По тому-то Великій Князь тотчасъ же задержалъ и другихъ военныхъ и велѣлъ не учавствовавшимъ воинамъ убить, какою хотятъ смертію, своихъ вновныхъ товарищей, и кто первый наложитъ руку на измѣнниковъ, того онъ не будетъ считать участниковъ въ заговорѣ. Всѣ воины съ великою злобой напали на виновныхъ и скоро заколотили ихъ до смерти палками, въ доказательство своей невинности.

Зачинщика и заводчика этого дѣла, Князя Василія Шуйскаго, Лжедимитрій велѣлъ пытать и славно отдѣлать розгами, послѣ чего онъ былъ преданъ суду и приговоренъ къ смерти: привели его на площадь, прочитали приговоръ за его вину; уже голова его положена, какъ слѣдуетъ, на плаху, и палачъ долженъ былъ сдѣлать ударъ сѣкирой, вдругъ кто-то бѣжитъ во всю прыть изъ Кремля отъ Димитрія, машетъ рукой, кричитъ, что есть мочи, чтобы палачъ остановился; прибѣжавши, сказалъ, что Царь и Великій Князь всея Россіи даруетъ жизнь этому Шуйскому и милуетъ его, ради высокаго его происхожденія, и для того еще, чтобы онъ исправился и не повторялъ больше такихъ затѣй.

Гришка или Димитрій полагалъ, что сдѣлалъ довольно, рѣшившись на такую строгость съ Шуйскимъ, чтобы другіе Князья и Бояре страны взяли это себѣ въ урокъ и не думали больше заводить мятежи и крамолы; послѣ того онъ предался безпечности и нѣгѣ, въ томъ мнѣніи, что больше нечего бояться ни какихъ опасностей.

Князья и Бояре нѣсколько времени вели себя смирно и сдержанно, были благоговѣйны и почтительны, какъ будто не имѣли на сердцѣ ничего злаго, чтобы Царь былъ еще безпечнѣе и ничего не боялся. Они ѣздили съ нимъ гулять, вмѣстѣ охотились, забавлялись на турнирахъ и каруселяхъ, чтобы онъ ни какъ не могъ опасаться измѣны и предательства. По тому онъ и сталъ казаться веселѣе и безпечнѣе прежняго, и однажды уѣхалъ даже за шесть миль отъ Москвы, въ монастырь Вязому (VVezoma), съ своими думными Боярами и всею придворною челядью: съ нимъ было 300 тѣлохранителей и три роты Польскихъ всадниковъ; онъ хотѣлъ тамъ учить и упражнять своихъ Москвитянъ и посмотрѣть, на

что они годны; велѣлъ на одномъ мѣстѣ сдѣлать укрѣпленіе изъ снѣгу, въ которомъ, для обороны его, посадилъ Москвитянъ, поставилъ начальника, который бы распоряжался ими и защищался отъ непріятеля, чтобы этотъ не могъ взять крѣпости, или овладѣть ею приступомъ. Непріятелемъ ихъ былъ Димитрій и съ нимъ 300 тѣлохранителей: онъ долженъ былъ подступать къ укрѣпленію, всѣми силами стараться съ своими тѣлохранителями взять его и выгнать оттуда Москвитянъ, а эти защищать оное и отражать его. Когда все было устроено и сдѣлано для обѣихъ сторонъ столько комьевъ изъ снѣгу, что, по видимому, было достаточно, Димитрій съ своими людьми пошелъ на приступъ къ укрѣпленію, прогналъ Москвитянъ и овладѣлъ этой снѣжной крѣпостью, по тому что его воины прибавили въ снѣжки песку, льду и другихъ вещей, отъ чего Русскіе и получили себѣ множество синяковъ, были взяты въ плѣнъ и связаны. Димитрія очень радовало и забавляло, что онъ протурилъ таки своихъ Москвитянъ: онъ велѣлъ подать имъ разныхъ напитковъ, пива, меду и водки, и въ другой разъ готовиться къ такой же потѣхѣ. Но Русскимъ не такъ-то хотѣлось того: они сердились и злобились, что достали себѣ такіе ужасные синяки, и надумали другимъ образомъ принять Димитрія, съ его тѣлохранителями, чего бы то ни стоило. Одинъ изъ Русскихъ тотчасъ же открылъ это Димитрію, просилъ его бросить эту забаву, по тому что Русскіе сердятся на Нѣмцевъ за синяки, хотятъ отплатить имъ за это, во что бы то ни стало: пусть же онъ подумаетъ, что между ними много измѣнниковъ, а доброжелателей ему не много. Каждый Бояринъ и Дворянинъ носитъ подъ кафтаномъ длинный и острый ножъ, а онъ и его тѣлохранители, снявъ съ себя верхнее и нижнее вооруженіе, пойдутъ на приступъ съ однѣми снѣжками: тогда, пожалуй, случится большая бѣда. Великій Князь одумался и оставилъ это, воротился въ Москву и вскорѣ потомъ узналъ, что если бы онъ въ другой разъ напалъ съ своими тѣохранителями на Русскихъ, они и въ правду сдѣлали бы этотъ приступъ послѣднимъ и перерѣзали бы ему горло.

Вскорѣ послѣ того, въ Мартѣ 1606 года, Великій Князь получилъ изъ Польши радостную вѣсть, что невѣста его уже на пути въ Россію: онъ послалъ ей на содержаніе 15 тысячъ рублей, и писалъ своимъ Дворянамъ, жившимъ въ Княжествахъ Смо-

ленскомъ, Дорогобужскомъ (Dorogabus) и Вяземскомъ (VVeesmo), чтобы всѣ они одѣлись какъ можно богаче и наряднѣе для встрѣчи на границѣ невѣсты съ бывшей при ней дружиной, приняли ее съ великимъ уваженіемъ и почетомъ, оказывали ей всякія почести и услуги, какъ бы ему самому, и проводили ее въ городъ Можайскъ (Mosaisskovv), куда прибудутъ Тверскія, Рязанскія (Retzanscbe) и другія власти, для сопровожденія ея въ Москву.

Къ этѣмъ лицамъ посланъ былъ изъ Москвы большой Бояринъ, по имени Василій Мосальскій (Mozalskovv); онъ говорилъ рѣчь и привезъ невѣстѣ трои прекрасныя сани: первыя были порядочной величины, точно небольшая комната съ дверями и окошками изъ Московской слюды, снаружи крытыя краснымъ сукномъ и сплошь, сверху до низу, обитыя серебромъ, а внутри прекраснѣйшими соболями: въ нихъ и сидѣла невѣста, впереди шли 12-ть красивыхъ бѣлыхъ лошадей въ красной бархатной збруѣ съ серебрянымъ наборомъ; на нихъ сидѣли трое вершниковъ, всѣ одѣтые въ золотую парчу. Другія сани были не такъ велики, какъ первыя, впрочемъ то же крытыя краснымъ сукномъ, только безъ серебра, съ дверями и окнами, внутри обитыя сурками и лисицами: въ нихъ сидѣло нѣсколько Польскихъ знатныхъ госпожъ, впереди шли десять бѣлыхъ лошадей. Третьи сани были тоже обиты прекрасными куницами, передъ коими шли восемь бѣлыхъ лошадей. Такъ и ѣхали до Москвы.

Но такъ какъ приближалась Пасха, то праздникъ пробыли въ Можайскѣ и отдыхали; тайно ночью пріѣхалъ туда изъ Москвы и Великій Князь съ немногими лицами и засталъ врасплохъ своихъ новыхъ дорогихъ гостей, прежде нежели они провѣдали объ немъ; онъ провелъ тамъ два дня, потомъ воротился домой и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія для въѣзда.

Проведя Пасху въ большомъ весельѣ, прибылъ въ Москву съ своими людьми отецъ Великокняжеской невѣсты, Воевода Сандомирскій: его съ нѣсколькими тысячами человѣкъ приняли прилично за городомъ и помѣстили въ Кремлѣ, на дворѣ прежняго умершаго Великаго Князя. Нѣсколько дней потомъ, 1-го Мая, за нимъ послѣдовала и невѣста, съ своимъ братомъ и шуриномъ, со всѣми женщинами и 4-мя тысячами мущинъ; невѣста съ своими

женщинами ѣхала въ коляскахъ, привезенныхъ изъ Польши, по тому что саннаго пути не было и весь снѣгъ сошелъ.

Въ полумилѣ отъ города была разбита прекрасная палатка: тамъ находилось все Московское Дворянство, со всѣми иностранцами Великаго Князя, Нѣмцами и Поляками, всадниками и пѣшими воинами, всего до 100 тысячъ человѣкъ, всѣ одѣтые въ свои лучшія платья и въ самомъ дорогомъ убранствѣ. Великій Князь, переодѣвшись, ѣздилъ вездѣ самъ-третей, распоряжался всѣмъ лично, какъ хотѣлось ему, и потомъ воротился въ городъ.

Когда все было въ порядкѣ, вышелъ знатнѣйшій Князь и Бояринъ страны, Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій (Fedro Ivvanovvitz Mstislouski), съ 200-ми другихъ знатныхъ Князей и Бояръ, всѣ въ длинныхъ кафтанахъ изъ золотой парчи, и принялъ, вмѣсто Великаго Князя, его невѣсту, ея брата и шурина, съ бывшими при ней людьми; онъ подарилъ ей 12 дорогихъ бѣлыхъ верховыхъ лошадей въ красивыхъ попонахъ подъ сѣдлами; въ поводьяхъ были серебряные прутики, сѣдла всѣ вызолочены и вышиты богато шелкомъ и жемчугомъ, удила серебряныя и тоже вызолочены; на каждомъ сѣдлѣ лежала рысья, или леопардовая, шкура, при всякомъ конѣ былъ нарочно одѣтый Московскій конный воинъ, который долженъ былъ править лошадью и водить ее. Еще подарилъ онъ невѣстѣ прекрасную большую Московскую коляску, съ высокимъ балдахиномъ, снаружи обитую краснымъ сукномъ, а внутри краснымъ бархатомъ. Подушки были изъ золотой парчи и вышиты жемчугомъ. Коляску везли другія 12-ть лошадей, бѣлыя въ черныхъ крапинахъ, и на нихъ три кучера въ платьяхъ изъ золотой парчи. Впереди коляски вели 12 верховыхъ лошадей. Послѣ рѣчи, Бояринъ очень почтительно просилъ Великокняжескую невѣсту, чтобы она благоволила принять дары отъ Великаго Князя и сѣсть въ коляску. Она тотчасъ же согласилась; знатнѣйшіе Князья и Бояре отвели ее изъ палатки въ коляску и повезли въ городъ, по обѣимъ сторонамъ возлѣ нея шло 300 тѣлохранителей. Впереди верховыхъ лошадей, которыхъ вели передъ коляской, ѣхали 200 Поляковъ съ копьями.

За коляскою слѣдовалъ братъ и деверь невѣсты съ Князьями и Боярами по обѣ стороны, а за ними Нѣмецкіе тѣлохранители.

Потомъ вели невѣстиныхъ лошадей, приведенныхъ съ нею изъ Польши, каждую съ двумя проводниками, послѣ того ѣхала Польская коляска невѣсты, очень пышно убранная, въ восемь лошадей, сѣрыхъ въ яблокахъ, съ красными выкрашенными гривами и хвостами. За тѣмъ слѣдовала Гофмейстерина и нѣкоторыя знатныя Польскія госпожи, а далѣе всѣ горничныя женщины въ 13-ти коляскахъ, каждая въ 6-ть лошадей въ богатомъ уборѣ. За ними ѣхали всѣ Польскіе всадники, прибывшіе съ невѣстой изъ Польши, въ полномъ вооруженіи, съ ихъ трубами, литаврами и флейтами, потомъ Московская конница съ ея тѣлохранителями и трубами, а позади телѣги, съ Польскимъ оружіемъ и вооруженіемъ, и вся поклажа. По всѣмъ воротамъ въ городѣ, Кремлѣ и на мостахъ стояли Московскіе музыканты съ флейтами и барабанами, игравшіе безпрестанно. Когда невѣста въѣхала на площадь, поднялся сильный и страшный вихорь, какъ при входѣ Димитрія, о чемъ разсказывали мы прежде: многіе сочли это предвѣстіемъ большаго несчастія. Невѣста отведена была въ монастырь, къ своей мнимой матери.

Въ этотъ день Москвитяне были очень пасмурны и печальны, что нажили себѣ такое множество иноземныхъ гостей, дивились на всадниковъ въ латахъ и въ оружіи, спрашивали иностранцевъ, долго служившихъ и проживавшихъ у нихъ, нѣтъ ли обычая у нихъ на родинѣ пріѣзжать на свадьбу вооруженными; предавались страннымъ мыслямъ, особливо, когда увидали, что Поляки достали изъ своихъ телѣгъ съ оружіемъ нѣсколько сотъ привезенныхъ съ собою пистолетовъ и ружей.

Такъ какъ Князь Василій Шуйскій, съ нѣсколькими другими знатными Боярами, давно уже распускалъ молву, что этотъ Великій Князь незаконный наслѣдникъ, какимъ показывалъ себя, то простолюдины начали вѣрить тому, тѣмъ болѣе, что онъ сосваталъ себѣ Великую Княгиню изъ Польши, не той Вѣры, какая была въ его странѣ, пренебрегалъ своимъ собственнымъ народомъ (между которымъ онъ всегда бы нашелъ такую же знатную родомъ и красивую, какъ и та), любилъ и уважалъ иностранцевъ и предпочиталъ Поляковъ Москвитянамъ.

Тужили, что перемѣна въ Правительствѣ удалась имъ такъ плохо: вспоминали, какого прежде имѣли Государя, который былъ

не Великимъ Княземъ для нихъ, а отцомъ, и всегда старался о пользѣ и благосостояніи подданныхъ; думали и о томъ, какъ шли дѣла при этомъ Правительствѣ, и что теперешній Великій Князь, пожалуй, погубитъ Русскихъ въ конецъ съ Поляками и иностранцами и истребитъ ихъ.

Этѣ сѣтованія и жалобы Русскихъ дошли до Князя Василія Шуйскаго, котораго еще прежде хотѣлъ Димитрій казнить за его правдивыя слова, что Великій Князь не родной сынъ Ивана Васильевича, а теперь опять возвратилъ ему свою милость.

Этотъ Шуйскій велѣлъ тайкомъ позвать къ себѣ на дворъ Капитановъ и Капраловъ съ нѣкоторыми Дворянами и богатѣйшими гражданами, которые были самые искренніе его друзья. Онъ объяснилъ имъ, что вся Россія каждый часъ и каждую минуту находится въ великой опасности отъ новаго Великаго Князя и иностранцевъ, которыхъ набралось сюда такое множество: чего давно боялись Русскіе, теперь сбылось, какъ они сами узнаютъ на дѣлѣ Желая прежде всѣхъ на что ни будь рѣшиться для этого дѣла, онъ едва было не потерялъ своей дорогой головы, и во всей Москвѣ не нашлось бы никого, кто бы сдѣлалъ что ни будь для того, или отважился на что, для себя и Государства. Но теперь они ясно видятъ, что изъ того выходитъ, а именно: погибель и конецъ всѣмъ Русскимъ; они будутъ крѣпостными холопами и рабами Поляковъ, подвергнутся ихъ игу и службѣ, по тому что этотъ Великій Князь, выдающій себя за истиннаго Димитрія, ни во вѣки вѣковъ не родной сынъ Ивана Васильевича, а Разстрига Гришка Отрепьевъ (Griska Trereja); если же они взяли и выбрали его въ Великіе Князья себѣ, это сдѣлано для того, что имъ не хотѣлось дольше жить подъ властію и правленіемъ Бориса Годунова. Они не знали ни какого другаго средства низложить его, кромѣ какъ чрезъ этого Гришку, и надѣялись, что онъ, называющій себя Димитріемъ, окажется совсѣмъ не такимъ къ Богу и Вѣрѣ, также и къ Москвитянамъ, какъ узнали они теперь на самомъ дѣлѣ.

По тому что онъ любитъ иностранцевъ, ненавидитъ и гонитъ своихъ собственныхъ земляковъ, поноситъ Святыхъ, оскверняетъ церкви, преслѣдуетъ духовныя лица, выгоняетъ ихъ изъ

домовъ и дворовъ и отводятъ тамъ жилище чужеземцамъ. Когда онъ ходитъ въ церкви, къ Дѣвѣ ли Маріи, или къ Св. Николаю и другимъ Святымъ, за нимъ тащатся и Поляки съ своими собаками и оскверняютъ святыню; онъ не пускаетъ къ себѣ ни одного Русскаго, высокаго, или низкаго, званія, безъ воли и согласія Поляковъ, которые скоро заберутъ себѣ все, что ни есть въ казнѣ, и она вскорѣ совсѣмъ опустѣетъ. Изъ того всякому смышленому человѣку легко заключить и видѣть, что онъ наверное замышляетъ отмѣнить древнюю Греческую Вѣру, а вмѣсто ея установить и распространить Католическую.

Чтобы все это исправить и привести въ дѣйствіе, онъ соединился особливо съ Королемъ Сигизмундомъ, оказавшимъ ему большое содѣйствіе и пособіе при овладѣніи верховною властію въ Москвѣ; за это онъ далъ ему обѣщаніе и клятву не ставить ни во что миръ и дружественный союзъ, торжественно заключенный между Шведскимъ Государствомъ и Россіею въ 1595 годѣ при *Тявзинѣ* (Tiesa). Это ясно можно видѣть изъ его письма къ Свѣтлѣйшему и Высокопочтенному Королю, блаженной памяти, Карлу IX; во исполненіе своего обѣщанія, онъ велѣлъ также привезти и нѣсколько тысячъ бревенъ въ Иваньгородъ, намѣреваясь строить тамъ мостъ черезъ рѣку, для переправы по немъ войска и пушекъ.

Изъ того очевидно, что онъ, затѣваетъ страшное кровопролитіе между обоими народами. Да у него есть еще и такое намѣреніе, чтобы душить, вѣшать, убивать и казнить всѣхъ своихъ подданныхъ, высшаго и низшаго сословія, если только они не согласятся на его злой и дьявольскій замыселъ, не станутъ вѣрно помогать ему искоренить древнюю Греческую Вѣру и вмѣсто ея не примутъ и не будутъ распространять ложную и идолопоклонническую Папскую Вѣру. Всякой легко смекнетъ, что его настоящее и подлинное намѣреніе и замыселъ подчинить Россію Папскому игу и подданству и сдѣлать Русскихъ крѣпостными холопами и рабами Поляковъ. Кромѣ всего того, къ величайшему срамu для Русскаго народа, онъ беретъ себѣ въ жену еретичку, къ жестокому позору и пренебреженію всѣхъ Московскихъ дѣвицъ, которыя не только не уступятъ въ красотѣ, добродѣтели и происхожденіи, но еще будутъ и почище ея. Если же Русскіе не предупредятъ того заблаговременно, дѣло кончится очень худо. Но

тому пусть же на голову Самозванца падетъ тотъ камень, который думаетъ онъ свалить на другихъ, и всегда лучше потушить искру, нежели большой разгорѣвшійся пожаръ.

Для того если Русскіе единодушнаго образа мыслей и благо родины близко ихъ сердцу, то онъ найдетъ средства и способы пожертвовать жизнью и всѣмъ своимъ достояніемъ за Христіянскую Греческую Вѣру и благоденствіе любезнаго Отечества; если хотятъ они вѣрно и храбро помогать въ этомъ дѣлѣ, то, во первыхъ, тайкомъ, со всѣмъ тщаніемъ и усердіемъ, должны увѣщевать и уговаривать другъ друга, а особливо Начальники и Капитаны обязаны какъ можно старательнѣй внушать подчиненнымъ имъ войскамъ, что онъ совсѣмъ не истинный Димитрій; съ Поляками и иностранцами замышляетъ и выдумываетъ всякое зло на Москвитянъ, какъ бы ему и лаской и таской сбыть съ рукъ знатнѣйшихъ людей въ странѣ, а на мѣсто ихъ поставить Поляковъ и другихъ иностранцевъ, преданныхъ Католическому суевѣрію. Они и будутъ править и начальствовать Христіянскимъ народомъ, дѣлать надъ нимъ великія насилія и жестокости, что и теперь уже очевидно: уже начинаютъ грабить, воровать, рубить, поборить, насиловать; Москвитянамъ надобно смотрѣть въ оба за ихъ поступками, сосѣдъ съ сосѣдомъ долженъ совѣтоваться какъ можно откровеннѣе, какъ бы сбыть съ рукъ, отвратить такую бѣду и срубить дерево, пока оно не доросло до неба, чтобы Московское Царство не пришло въ крайнюю нужду и не погибло, чтобы дѣти въ колыбели не стали горько плакать, рыдать и вопіять на родителей къ Царю Небесному, что они во время не остановили и не отвратили такого ужаснаго и неодолимаго несчастія, прежде нежели оно такъ въѣлось въ страну и разлилось по ней. Московскій народъ теперь въ числѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ, а Димитрій, съ его Поляками и иностранцами, не больше какъ въ пяти тысячахъ, да и живутъ они отдѣльно другъ отъ друга, одна толпа вдалекѣ отъ другой, и если бъ Москвитянамъ въ одинъ день всѣмъ собраться, то всѣхъ ихъ можно бы было захватить рано утромъ врасплохъ, среди сладкаго сна, и перебить, прежде нежели они достанутъ оружіе и смогутъ противиться. Nam accidit in puncto, quod non speratur in anno.

Какія намѣренія у Москвитянъ и что они хотятъ дѣлать, пусть дѣлаютъ это заблаговременно и тайно дадутъ ему знать о

томъ. Простой народъ не долго раздумывалъ надъ этимъ замысломъ: сговорились, единодушно поклялись жить и умирать вмѣстѣ, хотѣли вѣрно помогать вышеназванному Шуйскому и его сообщникамъ, и очистить отъ невѣрныхъ и безбожныхъ еретиковъ Христіянскій городъ и Кремль Московскій; сейчасъ же желали знать, въ какой день приниматься за это дѣло, а то они готовы совсѣмъ. Имъ дали условный знакъ, по которому надобно было подниматься, а именно: когда утромъ ударятъ въ набатъ, каждый долженъ бѣжать изъ дому къ Кремлю и кричать, что Поляки въ полномъ вооруженіи, хотятъ убить Великаго Князя и Думныхъ Бояръ, и овладѣть всею Москвой. Шумя и крича такъ по всѣмъ улицамъ и переулкамъ, они должны будутъ всей силой ломиться къ Лжедимитрію, какъ будто желая спасти его и пособить ему отъ Поляковъ, и подъ этимъ предлогомъ убить его, а за тѣмъ и всѣхъ Польскихъ гостей, которыхъ домы и помѣщенія ночью замѣчены будутъ буквами.

Когда рѣшалось это на счетъ Великаго Князя и Поляковъ, они жили въ безпечности и въ полномъ довольствѣ, наѣдались и напивались, играли и плясали, веселились и забавлялись, не обращая ни какого вниманія на тайные, умные совѣты и предостереженія нѣкоторыхъ своихъ вѣрныхъ слугъ, что они по секрету слышали о Московскомъ заговорѣ и коварномъ замыслѣ. Полякамъ все это было трынъ-трава: они думали, что въ силахъ справиться съ грубыми людьми, если они поднимутъ тревогу и возмущеніе; имъ совсѣмъ не приходило на умъ, что жили далеко отъ Кремля и разбросаны тамъ и сямъ, а по тому и не могутъ выручать другъ друга во время мятежа и опасности. И Лжедимитрій, и Поляки узнали это лишь въ день возстанія, къ великому для себя вреду и гибели.

Спустя восемь дней послѣ въѣзда невѣсты въ городъ, 7-го Мая, ее проводили изъ монастыря, въ который она привезена была сначала, въ ея комнаты, съ 200-ми восковыхъ свѣчъ.

8-го Мая происходило бракосочетаніе и вѣнчаніе въ Кре[мл]ѣ, въ церкви Дѣвы Маріи. Передъ свадьбою вышелъ большой [раз]воръ у Димитрія съ Князьями и Думными Боярами изъ за платья [не]вѣсты. [Ве]ликій Князь и Поляки хотѣли, чтобы дѣвушка вѣнча-

лась и короновалась въ Польскомъ нарядѣ, къ которому привыкла она съ дѣтства, при томъ же онъ и лучше шелъ къ ней, нежели иноземный. Но Русскіе Бояре не хотѣли допустить того: она должна одѣться по Московски, какъ заведено было въ землѣ, по тому что ее будутъ вѣнчать въ Русскія Великія Княгини и сочетаютъ съ Великимъ Княземъ Московскимъ. Наконецъ рѣшено, чтобы быть тому по желанію Русскихъ, и Димитрій пошелъ съ тѣмъ къ невѣстѣ; онъ уговорилъ ее, что если она хочетъ сдѣлать угодное Князьямъ и Боярамъ страны, переодѣлась бы на одинъ день и вѣнчалась въ Московскомъ нарядѣ, чтобы они не имѣли причины роптать, что онъ надѣлалъ много перемѣнъ въ странѣ: она одѣнется такъ лишь на одинъ день. Невѣста наконецъ согласилась, сняла Польское платье и надѣла дорогое и пышное Московское, въ которомъ и была отведена въ церковь, коронована и обвѣнчана. Вся дорога, по которой она шла изъ Княжескихъ комнатъ въ церковь къ вѣнчанію, устлана была поперемѣнно краснымъ сукномъ и двумя золотыми парчами. По обѣ стороны, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, стояли Москвитяне въ длинныхъ парчевыхъ кафтанахъ, очень плотно другъ къ другу, Камеръ-Юнкеры, Гофъ-Юнкеры и другіе Дворяне были одѣты тоже въ золотую парчу, съ золотыми цѣпочками, повѣшенными крестъ на крестъ, и шли впереди въ высокихъ шапкахъ изъ черныхъ лисицъ.

За ними слѣдовали трое Бояръ: первый несъ для Великаго Князя золотой скипетръ, другой золотую державу, а третій обнаженную саблю. За ними шелъ Великій Князь въ вѣнцѣ и въ своемъ нарядѣ: его велъ Воевода Сандомирскій, отецъ невѣсты. Возлѣ Великаго Князя шли четверо Бояръ, по двое на каждой сторонѣ, также въ золотой парчѣ, высокихъ черныхъ шапкахъ и въ золотыхъ цѣпочкахъ, повѣшенныхъ крестообразно, и несли на плечахъ серебряные бердыши.

За тѣмъ слѣдовала Великая Княгиня, одѣтая по Московски, которую вела одна Московская госпожа; за нею шли Польскія комнатныя дѣвушки вмѣстѣ съ Московскими, и такимъ образомъ всѣ эти лица, въ огромномъ числѣ, вошли въ церковь. Послѣ вѣнчанія и коронованія, молодая посажена на стулъ изъ чистаго золота, сплошь выложенный драгоцѣнными каменьями, 600-ми алмазовъ, 600-ми рубиновъ, 600-ми сапфировъ, 600-ми смараг-

довъ и 600-ми бирюзовыхъ камней. Всѣ эти камни были не малы, а очень даже велики, особливо нѣсколько бирюзъ, которыя были въ половину голубинаго яйца. Этотъ стулъ или кресла прислалъ, какъ самый высшій почетный подарокъ, Царь Персидскій тирану Ивану Васильевичу.

Когда вели ее съ вѣнчанія изъ церкви, брошено было по обѣ стороны въ народъ нѣсколько тысячъ грошей, въ два Угорскіе червонца каждый, другіе и поменьше, съ двуглавыми орлами по обѣимъ сторонамъ, какъ ихъ чеканили тогда. Такъ и проводили Княгиню опять въ ея комнаты.

Свадьба происходила съ большимъ торжествомъ и пышностію. Въ Кремлѣ выстроенъ былъ деревянный помостъ, на которомъ стояли 32 трубача, 34 барабанщика и литаврщика, одѣтые по Московски: они безпрестанно трубили и били въ литавры, пока не кончилась свадьба.

На другой день, послѣ коронованія и брака, Димитрій просилъ свою Великую Княгиню снять Московское платье, опять надѣть Польское и носить его въ честь ему: вчера она носила Московскій нарядъ въ честь и въ угожденіе его Думнымъ Боярамъ, Князьямъ и всей странѣ; сегодня же и всѣ другіе дни должны быть его. Онъ будетъ теперь царствовать и дѣлать, что ему угодно, а не то, чего хотѣли его думные Бояре и Москвитяне.

Такъ Великая Княгиня съ этого дня и ходила все въ Польскомъ нарядѣ. Свадебные дни проводили въ большой радости и торжествѣ, въ ѣдѣ, въ питьѣ, въ пляскахъ и скачкахъ, въ играхъ и многихъ другихъ придворныхъ забавахъ. Поляки напивались до безчувствія, такъ что не могли и владѣть собою; на обратномъ пути въ свои квартиры принимались за разныя наглости и дерзости на улицахъ, рубили, били, силою брали женъ и дочерей у Дворянъ изъ колясокъ, насиловали ихъ, дѣлали много порочныхъ и срамныхъ дѣлъ. Русскіе были очень недовольны, однако жъ молчали и замѣчали все тщательно. 11-го Мая Великій Князь велѣлъ готовить въ поварняхъ всѣ кушанья на Польскій ладъ, жарить и варить телятину; у Русскихъ поваровъ было омерзѣніе къ ней. [illegible] носили объ этомъ молву между Дворянами, граж-

ланами и простымъ народомъ. Русскіе очень презирали за это Великаго Князя, злословили его и говорили между собою: «Да, онъ и въ правду жестокій еретикъ!» однако жь вели себя смирно и выжидали случая.

12-го Мая простой народъ говорилъ въ голосъ, что новый Великій Князь еретикъ, хуже Турки, а не истинный сынъ Ивана Васильевича, не такъ прилежно ходитъ въ церковь, какъ прежде, держится иноземныхъ обычаевъ и обрядовъ, ѣстъ телятину и всякія поганыя кушанья, въ церковь ходитъ не мывшись, и не творитъ поклоновъ передъ Святымъ Николою и другими Святыми. Баня тоцится каждое утро, съ перваго дня свадьбы до нынѣшняго, а онъ не моется съ своей еретичкой, Великой Княгиней, однако жь въ церковь ходитъ, и при томъ съ Поляками, которые водятъ съ собою стаи собакъ и оскверняютъ святыню. Откуда разошлась молва, что онъ не истинный Димитрій, они не знали, но громко говорили объ этомъ на рынкахъ и площадяхъ, такъ что многіе изъ нихъ дивились тому. Тѣлохранители схватили было одного такого болтуна, отвели его въ Кремль и передали Великому Князю его рѣчи, также и слухъ, что есть какая-то измѣна. Великій Князь сейчасъ же созвалъ всѣхъ своихъ тѣлохранителей и приказалъ имъ зорко смотрѣть днемъ и ночью, а схваченнаго пытать, по тому что онъ вѣроятно знаетъ, какая это измѣна. Но Думные Бояре посмотрѣли на это сквозь пальцы, объяснили Великому Князю, что это человѣкъ хмѣльной, и ничего не умѣетъ разсказать, впрочемъ и трезвый-то онъ не больно смышленъ и разуменъ; просили Великаго Князя успокоиться, не тревожить себя такими злыми, но пустыми, вѣстями, и не давать вѣры всякому наушнику: онъ довольно силенъ и могущественъ, чтобы покарать своихъ враговъ и измѣнниковъ, если только есть такіе люди, которые хотѣли бы затѣять что нибудь вредное. Онъ такъ и бросилъ это, продолжалъ утопать въ великомъ сладострастіи и безпечности съ своей женой и не думалъ ни о какомъ возмущеніи и измѣнѣ, о чемъ однако жь могъ бы узнать довольно.

Когда объ этомъ стали ходить толки, и явные, и тайные, 17 Мая, раннимъ утромъ, около 3-хъ часовъ дня, когда Великій Князь и власти находились въ самомъ сладкомъ снѣ и не помы-

шляли ни о чемъ вредномъ, Москвитяне поднялись и, по словамъ Виргилія,

«Invadunt urbem vino somnoque sepultam.»

Ихъ пробудилъ отъ сна звонъ нѣсколькихъ тысячъ колоколовъ, которые били набатъ: народъ безъ памяти бѣжалъ изо всѣхъ домовъ и угловъ къ Кремлю, кто съ плетью, кто съ ружьемъ и длинною винтовкой, кто съ обнаженной саблей, кто съ копьемъ и коломъ, кто что схватилъ второпяхъ, и всѣ они кричали: «Кто хочетъ убить нашего Великаго Князя?» — «Поляки!» отвѣчали Бояре и Дворяне. Проснулся и Великій Князь, перепугался, послалъ своего вѣрнаго Камергера, Петра Басманова (Pieter Bosmano), узнать, что такое происходитъ? Когда онъ вышелъ и спросилъ, что значитъ этотъ набатъ? нѣкоторые собравшіеся Бояре отвѣчали, что не знаютъ и что гдѣ ни будь пожаръ въ городѣ. Съ тѣмъ и ушелъ онъ и донесъ о томъ Великому Князю.

Но какъ шумъ и тревога становились что далѣе, то больше, Великій Князь послалъ Басманова въ другой разъ хорошенько развѣдать, что такое происходитъ и гдѣ горитъ въ городѣ, а самъ всталъ и, одѣлся. Басмановъ посмотрѣлъ въ окно и увидалъ, что весь народъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, стоитъ съ кольями и пиками, ружьями и саблями. Онъ очень испугался и спросилъ, что имъ надо и что значитъ этотъ набатъ? Ему отвѣчали краснымъ словцомъ и требовали, чтобы онъ выдалъ имъ своего негожаго и воровскаго Великаго Князя: съ нимъ они будутъ толковать и дѣлать дѣло.

Басмановъ замѣтилъ, въ чемъ дѣло, рвалъ на себѣ волосы, велѣлъ тѣлохранителямъ принять всѣ предосторожности и не впускать ни одного человѣка, вошелъ къ Великому Князю и сказалъ: «Бѣда, Всемилостивѣйшій Великій Князь и Государь! Ты самъ виноватъ; великая измѣна: сословія и народъ вызываютъ тебя. Ахъ, ты не хотѣлъ вѣрить, что говорили тебѣ вѣрные твои слуги!» Въ то время, какъ онъ говорилъ такъ съ Великимъ Княземъ, какой-то Дворянинъ продрался за тѣлохранителями въ комнату и сказалъ ему: «Негожій Великій Князь! Что не выходишь и не даешь отвѣта [illegible]» Басмановъ, услыхавъ это, въ горячности и гнѣвѣ,

схватилъ саблю, висѣвшую на стѣнѣ, и отвесъ ему голову отъ туловища.

Великій Князь прыгнулъ въ переднюю, взялъ у одного тѣлохранителя бердышъ, показалъ его простому народу и сказалъ: «Не думайте, что я Борисъ Годуновъ!» и закололъ нѣкоторыхъ; другіе выстрѣлили по немъ и вскорѣ до того прижали его, что онъ опять долженъ былъ ускользнуть въ комнату. Басмановъ вышелъ опять къ знатнымъ Боярамъ и Совѣтникамъ, умолялъ ихъ Богомъ и ради Бога бросить свою злую затѣю, и дѣлать только то, что можно похвалить. Тогда одинъ изъ знатныхъ Бояръ, Михайло Игнатьевичъ Татищевъ (Tatissov) отвѣчалъ ему: «Выблядышъ, что ты говоришь? Цѣлуй свою мать и своего Великаго Князя!» * выхватилъ длинный ножъ и прокололъ его прямо въ сердце, такъ что онъ тутъ же повалился и умеръ. Другіе Бояре взяли его и сбросили съ лѣстницы, чтобы простой народъ видѣлъ, что цѣтъ уже того отважнаго Боярина, котораго мужества, доблести и осторожности боялись всѣ. Увидавъ его мертвымъ, всѣ они ободрились, безъ страха вбѣжали большой толпой въ переднюю къ тѣлохранителямъ и хотѣли схватить Димитрія. Онъ вышелъ съ своимъ палашемъ, рубилъ во всѣ стороны, сколько было у него силы, однако жь ничто не помогало противъ такого множества народа: Москвитяне вырубили топорами доски въ передней, силою ворвались къ тѣлохранителямъ, отняли у нихъ ружья, и Димитрій только съ 15-ю тѣлохранителями ушелъ въ самую переднюю комнату: заперли двери, въ которой стали за ними съ ружьями и оборонялись, пока могли. Димитрій бросилъ свой палашъ, рвалъ на себѣ волосы и, не сказавъ ни слова, выпрыгнулъ въ окно на то мѣсто, гдѣ стояли на стражѣ стрѣльцы, надѣясь найти у нихъ защиту и помощь, или же спастись бѣгствомъ.

Но какъ окно было 15 аршинъ вышины отъ земли, то онъ выпрыгнувъ, повихнулъ себѣ ногу, такъ что не могъ сойти съ мѣста и оставался въ лежачемъ положеніи. Русскіе все ходили изъ одной комнаты въ другую, взяли въ плѣнъ тѣлохранителей, сколько ихъ ни было во дворцѣ, и приставили къ нимъ такъ много сторожей,

* Переиначено Петреемъ, вмѣсто извѣстнаго краснаго словца.

что ни одному нельзя было уйти. Бывшіе въ передней комнатѣ спрашивали, гдѣ Великій Князь, грабили Княжескія комнаты и тащили все, что ни попадало имъ въ руки: золото, серебро, драцѣнные камни, кубки, жемчугъ, платья, ковры и другіе дорогіе товары, стоившіе большихъ денегъ. Знатные Бояре и другіе Дворяне бросились въ женскія комнаты: всѣ женщины, отъ сильнаго страха, отчаянія и ужаса, лежали полумертвыя на полу, въ слезахъ и трепетѣ. Великая Княгиня спряталась подъ юбку Гофмейстерины. Не нашедши ни ея, ни Великаго Князя, Бояре спрашивали у Гофмейстерины и дѣвицъ, гдѣ Великій Князь и Княгиня? «Объ этомъ вамъ лучше знать, отвѣчали женщины, куда вы дѣвали Великаго Князя; мы не приставлены ему прислуживать.» — «Скверныя вы блудницы, сказали тогда Русскіе въ одинъ голосъ. «Гдѣ Польская блудница, Великая Княгиня?» Гофмейстерина спросила, чего хотятъ они? Тѣ отвѣчали, какъ безстыжіе люди, не знавшіе ни чести, ни приличія, ни скромности, и сказали во всеуслышаніе женщинамъ: «Nos congrediemur cum ipsis, unus a tergo, alter a fronte. Scimus enim Polonicas meretrices non satiari unius amplexu, sed plurium concubitu delectari. His dictis, membra virilia coram toto Gynecaeo palam ostendebant, narrantes: «En, meretriculae, nonne nos vestris? Polonis sumus perfectiores: venite in nostrum amplexum et facite nobiscum periculum!» Съ этѣми словами они захватили всѣхъ женщинъ: одинъ Князь и Боярин взялъ одну дѣвушку, другой Бояринъ и Дворянинъ другую, отослали ихъ съ слугами къ себѣ домой и заставили ихъ силою исполнить свои желанія. Гофмейстерина, престарѣлая женщина, осталась въ комнатѣ съ Великою Княгиней. Они выругали ее матерью всѣхъ блудницъ, требуя, чтобы она сказала имъ, гдѣ Великая Княгиня? Та отвѣчала, что сегодня, съ восходомъ солнца, когда началось смятеніе, она ушла къ своему отцу, Сандомирскому Воеводѣ, тамъ она и теперь, и еще не возвращалась сюда. Въ то время, какъ Бояре занимались этѣмъ, стрѣльцы, стоявшіе на стражѣ внизу Дворца, замѣтили Великаго Князя тамъ, гдѣ лежалъ и стоналъ онъ, и находился въ чрезвычайно плохомъ положеніи; они подошли къ нему, подняли его и хотѣли опять отнести въ его комнаты. Простой народъ, увидавъ это, оставилъ Гофмейстерину съ Великою Княгиней, спрятанной у нея подъ юбкой, и быстро побѣжалъ съ лѣстницы, чтобы убить Димитрія. Этотъ надавалъ большихъ обѣща-

вій стрѣльцамъ, если они спасутъ ему жизнь, и стрѣльцы сначала было защищали его и застрѣлили нѣсколькихъ Дворянъ, но скоро одолѣло множество Дворянъ, гражданъ и черни: стрѣльцы оставили своего Великаго Князя и выдали его простому народу, а этотъ опять понесъ его въ комнату къ нему, имѣвшую очень жалкій видъ. Пока несли его, онъ видѣлъ, что все расхищено и растащено, видѣлъ, какими бѣдняками стояли его тѣлохранители, безъ всякаго оружія, окруженные стражей; онъ вздыхалъ, плакалъ, не говорилъ ни слова, только на душѣ у него не много могло быть пріятнаго: «Nam latet anguis in herba.» Одинъ изъ тѣлохранителей, по имени Вильгельмъ Фюрстенбергъ, продрался въ его комнату и хотѣлъ узнать, что они замышляли тамъ сдѣлать съ нимъ; Русскіе увидали это, закололи его бердышемъ у ногъ Великаго Князя и, говоря: «Посмотрите, пожалуйста, какія вѣрныя собаки иностранцы! Они не могутъ еще оставить своего плутовскаго Великаго Князя: надо перебить ихъ всѣхъ;» однако жъ знатнѣйшіе Князья и Бояре отсовѣтовали имъ и не допустили до того.

Снявъ съ Димитрія Великокняжеское платье и надѣвъ на него другое, ветхое и разодранное, не такъ чтобы очень дорогое, одинъ изъ нихъ говорилъ другому: «Смотрика! Какой Великій-то Князь всея Россіи!» другой отвѣчалъ: «Эдакой-то Великій Князь есть дома у меня, въ конюшнѣ!» третій указывалъ на него пальцемъ и дралъ его за уши; четвертый далъ ему пощечину, промолвивъ: «Блядской сынъ! сказывай, кто ты? Какъ зовутъ твоего отца и тебя? Къ какому дому принадлежишь ты?» — «Вы знаете, отвѣчалъ онъ, что я вашъ вѣнчанный Великій Князь и родной сынъ Ивана Васильевича. Если не хотите давать мнѣ ни какой вѣры, ступайте въ монастырь, къ моей матери, и спросите ее, такъ ли это?» Туда тотчасъ же и пошелъ главный зачинщикъ мятежа, Василій Ивановичъ Шуйскій, и спросилъ его мать, признаетъ ли она его своимъ сыномъ? Она рѣшительно отрекалась и клялась торжественно, что не имѣла другаго сына, кромѣ одного Димитрія, убитаго за нѣсколько лѣтъ до того въ дѣтскихъ лѣтахъ въ Угличѣ. Когда Шуйскій вернулся съ этимъ отвѣтомъ, тотчасъ же подбѣжалъ одинъ богатый купецъ съ пистолетомъ въ рукѣ и вскричалъ: «Нечего долго толковать и ламаться съ еретикомъ: я покончу съ этимъ измѣнникомъ и соблазнителемъ народа!» — и

всадилъ ему пулю въ сердце, такъ что онъ тутъ же и протянулся: тутъ всѣ подбѣжали къ нему, и кричали: «Crucifige, crucifige! «Не оставляй его живаго!» одинъ рубилъ его по головѣ, другой по рукѣ, третій кололъ его ножомъ, пятый по спинѣ. Другіе потащили его за ноги изъ комнаты на площадь, гдѣ лежалъ самый вѣрный его слуга и камергеръ, Басмановъ, говоря: «За живота вы были добрыми друзьями и собесѣдниками, будьте же вмѣстѣ и по смерти!» Это было на девятый день послѣ свадьбы Лжедимитрія, 17-го Мая, 1606 года, послѣ 11-тимѣсячнаго его царствованія.

Такъ обратилась великая радость въ горе, ликованье въ печаль, забава въ неудовольствіе; отъ того-то никому не должно слишкомъ полагаться на свое счастіе, тѣмъ менѣе гордиться имъ и ликовать. Щаръ счастія круглый, вертится очень скоро, и бѣда является прежде, чѣмъ думаютъ и гадаютъ.

Умертвивъ Гришку или Димитрія, Басманова и нѣкоторыхъ другихъ, Москвитяне побѣжали и перебили всѣхъ его потѣшниковъ и музыкантовъ, всего до 100 человѣкъ, которымъ отведено было помѣщеніе у попоръ и монаховъ.

Передъ воротами Сандомирскаго Воеводы Москвитяне поставили нѣсколько пушекъ и расположили кругомъ двора нѣсколько тысячъ воиновъ, для охраненія его, чтобы нельзя было оттуда выйти и собакѣ, не то что человѣку, покамѣсть продолжался мятежъ. А другіе Поляки, проживавшіе въ городѣ и помѣщавшіеся въ гостинницахъ, въ числѣ 11-ти, или 12, человѣкъ въ каждой, были безпощадно и жалостно убиты.

Москвитяне убили бы и брата Великой Княгини, жившаго тоже въ городѣ, если бъ онъ не былъ такъ силенъ въ людяхъ, не имѣлъ крѣпкаго бастіона около себя и не оборонялся съ такою храбростью, что пало много Москвитянъ. Также защищался и деверь Великой Княгини и Королевско-Польскій посланникъ, Александръ Гонсѣвскій (Conseuski), имѣвшіе у себя 700 человѣкъ: они грозились стрѣлять въ городъ, зажечь дома и защищаться до послѣдняго человѣка, пока Русскіе не поклянутся оставить ихъ въ живыхъ.

Такаго же мнѣнія были и старые Польскіе кавалеристы, прибывшіе въ страну съ Гришкою или Димитріемъ: они приготовлялись сопротивляться Русскимъ, если этѣ сдѣлаютъ нападеніе на ихъ дворы; но Русскіе ни мало не посмотрѣли на это, притащили къ дворамъ большія и толстыя бревна, поставили передъ воротами пушки, грозились совсѣмъ истребить ихъ, буде добромъ не сдадутся, два раза выстрѣлили во дворъ и такъ ужасно кричали передъ нимъ, что Полякамъ стало страшно: они стали договариваться съ ними о мирѣ на томъ условіи, чтобы знатнѣйшіе Князья и Бояре поклялись и цѣловали крестъ, что ни кому изъ Поляковъ не сдѣлаютъ ни какого вреда. Къ нимъ пошелъ Князь Василій Шуйскій съ нѣсколькими другими Сенаторами, и всѣ цѣловали крестъ, что не сдѣлаютъ имъ ни какого зла; нѣсколько дней имъ надо провести въ тишинѣ и держать себя на дворахъ смирно, не выходить и не бродить между народомъ, очень озлобленнымъ на Поляковъ за насилія и нахальства его женамъ и дѣтямъ; такая же милость оказана была и другимъ Полякамъ, соединившимся вмѣстѣ въ достаточныхъ силахъ и имѣвшимъ возможность храбро защищаться отъ нечаяннаго нападенія Русскихъ.

Другіе же Поляки, жившіе на квартирѣ въ числѣ 6-ти, 7-ми, или 10 человѣкъ, всѣ были изрублены, какъ собаки, и между ними много прямыхъ и честныхъ людей, Поляковъ и Нѣмцевъ, пріѣхавшихъ съ разными драгоцѣнностями и нарядами на свадьбу.

Нѣкоторые заблаговременно уѣхали верхомъ и искали убѣжища въ предмѣстьѣ, гдѣ жили старые Нѣмцы. Однако жь всѣ они были захвачены, перебиты и брошены въ рѣчку Яузу (Jagysa); во время мятежа, который продолжался до 8-ми часовъ, осталось на мѣстѣ 1702 человѣка, погибшіе жалкою смертію, раздѣтые до нага, брошенные на улицѣ, точно падаль какая. Они лежали подъ открытымъ небомъ, и собаки кормились ихъ трупами, пока не похоронили ихъ, и то на третій только день послѣ мятежа: тогда вывезли ихъ изъ города и бросили въ яму, другъ на друга, точно посолили нѣсколько кусковъ сала, и засыпали потомъ землею.

По окончаніи этого мятежа и жалостнаго избіенія, къ вечеру Русскіе раздѣли до нага своего убитаго Димитрія, вмѣстѣ съ вѣрнымъ его Какертеромъ, Петромъ Басмановымъ, привязали шнур-

ноги Басманова къ двороднимъ частямъ Димитрія, выта-
щили ихъ изъ воротъ Кремля на площадь, принесли туда стол-
и скамейку: Димитрія положили на столъ, а его вѣрнаго сообщ-
ника на скамейку, поперекъ къ столу, такъ что ноги Димитрія
лежали на груди Басманова, чтобы всѣ видѣли и знали, что вм-
тутъ монахъ, обманщикъ страны и осквернитель дѣвицъ въ самомъ
дѣлѣ спроваженъ отъ жизни къ смерти.

Когда Гришка лежалъ въ такомъ видѣ на столѣ, пріѣхалъ
изъ Кремля верхомъ одинъ Дворянинъ, привезъ съ собой волынку и маскарадное платье, бросилъ къ нему на животъ, въ ротъ ему сунулъ дудку, а волынку положилъ на грудь и сказалъ: «Ты, блядской сынъ и обманщикъ страны, вдоволь прежде поигралъ на дудкѣ, поиграй-ка теперь для насъ!» Нѣкоторые другіе Дворяне, граждане и купцы, стоявшіе тутъ и глазѣвшіе, сѣкли тутъ розгами, приговаривая: «Ахъ ты отпѣтый монахъ и сынъ блядя, сколько зла-то надѣлалъ ты въ нашей странѣ! сколько великаго вреда намъ нанесъ! Какъ это ты растратилъ до чиста всю казну и надѣлалъ такихъ большихъ бѣдъ?» Туда пробрались также и Московскія женщины, и тоже очень зло наругались надъ нимъ, сколько могли. Но какъ Басмановъ былъ знатной фамиліи и рода, и сводный братъ его находился еще въ живыхъ, то этотъ послѣдній и выхлопоталъ у знатнѣйшихъ Князей и Бояръ позволеніе унести брата съ площади и похоронить его.

Гришка или Димитрій три дня и три ночи долженъ былъ оставаться въ показанномъ мѣстѣ, ради позора и великаго униженія за огромный вредъ и великія бѣды, сдѣланныя имъ Русскимъ. По тому что онъ такъ былъ гордъ, честолюбивъ и надменъ, что, подобно Александру Великому, требовалъ себѣ уваженія отъ своихъ служителей и подданныхъ, приличнаго не Инымъ Королю и Государю, а Богу, и величалъ себя не такъ, какъ дѣлали его предшественники и прежніе Великіе Князья, а назывался Царемъ всѣхъ Царей. Когда онъ, или жена его, переходили изъ одной комнаты въ другую, тѣлохранители и его служители должны были изъявлять имъ свое почтеніе и усердіе не такъ, какъ водилось у другихъ великихъ свѣтскихъ владѣтелей, поклономъ, прикликиваніемъ; нѣтъ, они должны были [illegible] на колѣни. Это прилично одному лишь Богу, а изъ лю-

дей на землѣ никому; за то они и праведно наказаны отъ Бога, что не отдавали ему чести. По тому что Ему одному слѣдуетъ и принадлежитъ, чтобы, по слову псалма, преклонялись всѣ колѣна на небѣ и на землѣ, когда произносится имя Іисуса, нашего Искупителя, а не тогда, когда называютъ суевѣрнаго человѣка и властителя.

Послѣ того какъ Гришка или Димитрій получилъ такой жалкій конецъ, нѣкоторые Русскіе распустили слухъ, что много чудесныхъ знаменій бываетъ у его тѣла; я разскажу ихъ нѣсколько, хоть самъ и не видалъ ихъ, а слышалъ отъ другихъ и не много сомнѣваюсь въ истинѣ, по тому что Русскіе охотно занимаются такими лжами, баснями и сказками. Они говорятъ, что на третью ночь, когда мнимый Великій Князь лежалъ не похороненный на площади, вышли изъ земли нѣсколько свѣчъ по обѣимъ сторонамъ стола и горѣли; когда же пришли сторожа и уставились смотрѣть на это — онѣ пропали, но по уходѣ сторожей показались опять. Въ ужасѣ Русскіе дали знать о томъ Думнымъ Боярамъ Государства и знатнѣйшимъ лицамъ. Тотчасъ же сдѣлано приказаніе унести оттуда трупъ и бросить въ ровъ, гдѣ нищіе и неимущіе люди имѣли свое кладбище.

Въ то время, какъ переносили его, поднялся по всему городу неслыханно страшный вихрь, сорвавшій кровли съ нѣсколькихъ церквей и башни съ городскихъ стѣнъ: всѣ только дивились тому. Когда похоронили Гришку и народъ разошелся, на другой день трупъ опять очутился на мѣстѣ у рва, а на немъ сидятъ два живые голубя: когда подходилъ кто ни будь, голуби улетали, а когда уходилъ, прилетали снова. По тому и велѣли Сенаторы бросить его опять въ яму, навалить въ нее земли и закопать ее. Тамъ и лежалъ онъ семь дней. Когда прошли этѣ дни, трупъ былъ найденъ опять въ получетверти мили отъ кладбища. Весь народъ въ Москвѣ испугался, что такія странныя диковинки происходятъ съ трупомъ: «Это диво дивное, говорили, что тѣло не хочетъ оставаться въ землѣ.» Одинъ говорилъ, что самъ дьяволъ дурачится и потѣшается такъ надъ людьми, отступившими отъ Христіянской Вѣры; другой утверждалъ, что Гришка былъ колдунъ, выучившійся этому искуству у Лапонцевъ: когда они дадутъ себя убить, могутъ и воскрешать себя. И онъ выучился тоже этому дьяволь

скому искусству, отъ того и надобно бросить его въ огонь и сжечь до тла. Такъ и сдѣлали: сложили большую груду дровъ, сѣры и соломы, положили на нее трупъ и сожгли его въ прахъ, а пепелъ развѣяли по воздуху: пусть онъ умчитъ его со всѣмъ ядомъ, который впиталъ въ себя Гришка и принесъ съ собою въ страну, чтобы въ вѣкъ никогда не было о немъ ни слуху, ни духу. Такъ исполнилось надъ нимъ изреченіе Іисуса Христа: «Всякъ возносяйся, смирится» (Qui se exaltat, humiliabitur); также и правда пословицы: «Quod cito fit, cito perit.» Скоро не бываетъ споро.

Этого и довольно сказать о такомъ зрѣлищѣ, да и много, если все это было такъ въ самомъ дѣлѣ. Но я сомнѣваюсь въ томъ, по тому что Русскіе много занимаются такими баснями и вздорами и врутъ такъ грубо, что дѣлается даже стыдно слушать; но я оставляю всякого при своемъ мнѣніи, пусть думаетъ каждый, что ему хочется. Въ томъ только нѣтъ ни какого сомнѣнія, что Гришка убитъ, похороненъ, опять вынутъ былъ изъ могилы и сожженъ, и никогда уже не возвращался въ здѣшнюю жизнь, хотя Поляки послѣ возмущенія очень распространяли слухъ, будто онъ не убитъ, а бѣжалъ въ Польшу, убитъ же вмѣсто его другой. Нѣкоторые распускали это для того, чтобы надѣлать Русскимъ еще больше смятеній и безпокойствъ, за то что они такъ ужасно и немилосердно поступили съ ними. Это, однако, не такъ: ни убитый и сожженный въ Москвѣ Димитрій, ни зарѣзанный въ Угличѣ не приходили опять, хотя Поляки желали надѣлать сотню Димитріевъ и навязать ихъ Москвитянамъ.

Это 17-е Мая было плачевнымъ и несчастнымъ днемъ для Димитрія, Поляковъ и всѣхъ иностранцевъ въ Москвѣ. Битыхъ восемь часовъ не было тогда слышно ничего другого, кромѣ набата, выстрѣловъ, ударовъ, скачки, бѣготни, страшнаго воя и крика Русскихъ: «Руби, руби Польскихъ выблядковъ!» не было ни какого милосердія, не помогали ни просьбы, ни мольбы, ни обѣщанія, ни посулы, ни деньги, ни другіе подарки.

Одинъ Польскій Дворянинъ вскочилъ съ постели въ одной сорочкѣ, когда начался мятежъ, и спрятался было въ погребъ, захвативъ съ собой кошелекъ съ сотней червонцевъ. Отыскивая, несп[illegible] или не закопали ль что ни будь Поляки, Русскіе

нашли его въ погребѣ. Онъ тотчасъ же отдалъ имъ сто червонцевъ, которые съ нимъ были, очень смиренно и со слезами на глазахъ просилъ пощадить ему жизнь и сдѣлать его плѣнникомъ: онъ никого не обижалъ, никому не дѣлалъ зла, а сколько взѣлъ у нихъ, за это онъ заплатитъ, по тому что имѣетъ на столько состоянія въ Польшѣ. Пусть они отведутъ его въ Кремль къ Князьямъ и Боярамъ страны: тамъ онъ совсѣмъ оправдается. Наконецъ они согласились, по тому что онъ былъ такъ печаленъ, смотрѣлъ такимъ жалкимъ и такъ глубоко вздыхалъ.

Когда же они повели его, вышедши изъ воротъ, на улицу, онъ увидалъ своихъ служителей, которые лежали мертвые, обнаженные, изрубленные, всѣ въ крови: онъ вздохнулъ еще тяжеле. Къ нему подошла другая толпа Русскихъ, и они, точно бѣшеные, закричали: «Руби до смерти блядскаго сына!» Онъ кланялся имъ въ землю, жалобно просилъ пощадить его; когда это не помогло, онъ просилъ именемъ всѣхъ Святыхъ, Дѣвы Маріи и Николая. Но это тоже не помогло: они рубили его саблями. Онъ вырвался, отскочилъ отъ нихъ, сталъ на колѣни, плакалъ, просилъ: «Вы зовете себя Христіанами, Москвитяне: гдѣ же ваше Христіянское состраданіе и милосердіе? Пощадите же меня, невиннаго, ради Вашей Христіянской Вѣры, ради моей жены и дѣтей, которые у меня въ Польшѣ.» Но онъ просилъ вовсе напрасно и попусту: они сдѣлали ему саблями рубецъ на щекѣ, и кровь текла по немъ и спереди, и сзади. Онъ побѣжалъ, отскочилъ отъ нихъ дальше, все хотѣлъ спасти себѣ жизнь и думалъ склонить ихъ на милость. Но отъ варваровъ нечего было ждать ни какого милосердія: нѣкоторые другіе Москвитяне выбѣжали изъ своихъ домовъ и такъ поздоровались съ Полякомъ, что онъ упалъ на землю и жалкимъ образомъ отдалъ душу Богу.

Сколько этотъ день былъ печаленъ и несчастливъ для Поляковъ и всѣхъ иностранцевъ въ Москвѣ, столько же былъ онъ желаннымъ и счастливымъ днемъ для Русскихъ. По тому что кто былъ бѣденъ, нагъ и убогъ, annis pannisque obsitus, сталъ тогда богатъ и добылъ много воровскаго имѣнія и добычи въ платьяхъ, бархатѣ, шелкѣ, ружьяхъ и броняхъ, въ лисьихъ, куньихъ и собольихъ мѣхахъ, въ цѣпочкахъ, кольцахъ, кубкахъ, коврахъ, лошадяхъ, золотѣ и деньгахъ; Русскіе гордились и превоз-

носились, что они такіе храбрые и отважные воины: «Нашъ Московскій народъ, говорили они, великій и сильный, всему свѣту не одолѣть его. Кто сосчитаетъ нашъ народъ? Всѣ должны молчать передъ нами, кланяться и валяться въ ногахъ у насъ.» Да, когда ихъ сто на пятерыхъ, тогда они безстрашные и храбрые воины; если въ рукахъ у нихъ сабли и копья, а у другихъ нѣтъ того, тогда они дѣлаютъ великіе и храбрые подвиги и пожинаютъ большую честь, въ противномъ же случаѣ остаются очень смирными и сидятъ за печкой въ теплыхъ избахъ.

Когда это ужасное убійство, жестокости и возмущеніе были укрощены и утишены, собрались въ Кремль знатнѣйшіе Князья и Бояре, послали къ Великой Княгинѣ, женѣ Гришки или Димитрія, и велѣли сказать ей, что имъ хорошо извѣстно, что она дочь одного вельможи Польскаго только не знали они, кто или что такое былъ этотъ убитый измѣнникъ и обманщикъ страны, выдававшій себя за Димитрія: это извѣстно ей, по тому что она взяла его въ мужья себѣ и знала его въ Польшѣ.

Если она хочетъ быть свободною и ити къ своему отцу, то должна все отдать и расплатиться за все, что ни украдено вѣроломнымъ плутомъ изъ казны и что послано въ Польшу, да и возвратить всѣ его подарки ей. Она тотчасъ же отдала не только платья, Царскія принадлежности, украшенія, жемчугъ, драгоцѣнные камни, цѣпочки, браслеты и кольца, но сняла даже платье съ себя, отдала его и не оставила у себя ни чего, кромѣ пеньюара, говоря, чтобы они взяли все и позволили ей безопасно ити къ отцу: она заплатитъ также и за все свое содержаніе ея съ людьми. Они ни чего не говорили о содержаніи: только ей надобно заплатить 55,000 рублей и отдать разныя драгоцѣнныя украшенія, посланныя воромъ въ Польшу: тогда и отпустятъ ее къ отцу.— «Все это и еще столько же своего она издержала въ дорогѣ, къ чести ихъ Государя и всѣхъ Москвитянъ; у нея ни чего не осталось изъ того, все отдано.» Вмѣстѣ съ тѣмъ она отъ всего сердца проситъ, чтобы допустили къ ней кого ни будь изъ служителей ея отца: какъ только повидается она съ отцомъ, оба они доставятъ все, что будетъ по ихъ средствамъ, остальное же пришлютъ изъ Польши, если только будутъ освобождены и уѣдутъ туда.

Одному служителю ея отца дозволили ходить къ ней и отъ ея и вести между ними сношенія. Узнавъ, чего просятъ и требуютъ Русскіе, отецъ просилъ, чтобы пришли къ нему нѣкоторые изъ Московскихъ Бояръ. Они сейчасъ же исполнили это и пришли. «Вы, Господа, началъ онъ говорить имъ, не хотите позволить моей дочери прійти ко мнѣ: пусть уплатитъ сначала 55,000 рублей, присланныхъ въ Польшу Димитріемъ, на пышный нарядъ для нея, къ чести Великаго Князя и Царства; но на это вышли не только 55,000, а и гораздо больше. Всѣ наряды она возвратила, вроди ея перебиты, а вы все еще требуете съ насъ денегъ. Со мною здѣсь, говорилъ онъ, деньги на мое содержаніе: ихъ 60,000 рейхсталеровъ, да еще 20,000 Польскихъ гульденовъ въ свертахъ. Если доставите ко мнѣ дочку и всѣхъ Поляковъ, которые еще въ живыхъ и не убиты, и отпустите ихъ со мною въ Польшу, я отдамъ вамъ всѣ эти деньги, остальныя вышлю.» — «Еще рано, отвѣчали они, отпускать тебя съ твоими земляками; но если хочетъ имѣть при себѣ дочку, отдай въ нашу казну 80,000 талеровъ, дочка и прійдетъ къ тебѣ, а не отдашь — не прійдетъ.» — «Что же мнѣ дѣлать?» сказалъ отецъ. Я хочу жить и умереть вмѣстѣ съ дочерью. Пусть будетъ надо мною воля Божія! Вотъ деньги: приведите сюда мою дочь, съ Гофмейстериной и всей женской прислугой, я заплачу вамъ деньги!» Такъ и привели Марину къ отцу, со всѣми ея женщинами. Русскіе взяли деньги. Тогда Воевода сказалъ, со слезами на глазахъ.

. . . . . .

«Князья и Бояре Государства! Вы поступили съ нами не какъ честные люди. Вы говорите, что убитый Димитрій не истинный и родной сынъ Ивана Васильевича и, однако жъ, цѣлый годъ позволяли ему царствовать и править вами, приняли его, признали его своимъ Великимъ Княземъ, когда съ горстью людей ворвался онъ изъ Польши въ вашу землю. Съ нѣсколькими тысячами человѣкъ вы отложились отъ своего Великаго Князя, Бориса Годунова, и измѣнили ему, потомъ пристали къ Димитрію, какъ къ своему законному и природному, наслѣдственному Государю: это и обмануло насъ въ Польшѣ; мы не могли подумать ни чего другаго, кромѣ того только, что онъ, безъ всякихъ сомнѣній и обмановъ, истинный Князь, какимъ выдавалъ себя. Вы убили Бориса Годунова съ женой и дѣтьми, истребили весь родъ его, приняли Димитрія,

какъ своего законнаго Государя, вѣнчали его Великимъ Княземъ клялись ему, присягали; черезъ своихъ посланниковъ велѣли благодарить насъ въ Польшѣ за то, что держали его въ такомъ почетѣ и пышности, воспитали его во всѣхъ добродѣтеляхъ (!) и рыцарскихъ упражненіяхъ и поставили его на ноги. Ваша грамота и печать показываютъ и свѣдѣтельствуютъ, что онъ истинный, природный и наслѣдственный Государь. Вы дружески заискивали и просили насъ дать ему въ жены нашу любезную дочь: никогда въ вѣкъ вы не отопретесь отъ того. Мы не предлагали и не сватали ему нашей дочери. Онъ сватался черезъ васъ. Мы не хотѣли соглашаться на это: дѣло сдѣлалось съ согласія всѣхъ сословій, и мы слышали, что онъ законный наслѣдственный Государь страны. Вы сдѣлали для насъ извѣстнымъ это: доказательство тому — ваши письма, находящіяся подъ вѣрнымъ сохраненіемъ, у Польскаго Короля. Присланные вами послы то же засвѣдѣтельствовали предъ Королемъ. Какимъ же языкомъ вы смѣете говорить теперь, что онъ не истинный наслѣдный Государь? Съ какою совѣстью можете сказать и жалуетесь на насъ въ Польшѣ, что мы обманули васъ?

«Мы, Поляки, повѣрили вашимъ словамъ, письмамъ, печати и крестному цѣлованію. Вы обманули насъ, а не мы васъ. Мы пришли къ вамъ, какъ друзья и братья, а вы поступили съ нами, какъ съ злѣйшими врагами, алчными до крови и убійства тиранами. Мы обходились съ вами безъ притворства и хитрости: это докажемъ тѣмъ, что мы не жались въ кучку, живя у васъ, а размѣстились въ Москвѣ тамъ и сямъ, по разнымъ улицамъ; мы этого не сдѣлали бы, если бы имѣли на умѣ какое ни-будь зло и коварство. А вы тайкомъ, точно вѣроломные предатели, подстерегали насъ, въ устахъ у васъ былъ медъ, а въ сердцѣ горькая желчь; устами вы привѣтствовали насъ, а въ сердцѣ замышляли задушить, какъ и очевидно теперь. Да помилуетъ Богъ за то, сколько сотенъ печальныхъ вдовъ и сиротъ сдѣлали вы въ Польшѣ этѣмъ убійствомъ! Когда онѣ узнаютъ о томъ, и днемъ, и ночью безпрестанно будутъ изъ глубины сердца вопіять и вздыхать къ Богу, чтобы Онъ отомстилъ за такое неслыханное убійство. Какой дадите вы отвѣтъ Всемогущему Богу? Какую славу припишутъ вамъ иноземные народы? Если Димитрій, по тепере-

нимъ вашимъ словамъ, былъ не истинный Димитрій и наслѣд-
ый Государь, что сдѣлали и въ чемъ провинились предъ вами
евинные музыканты, ювелиры, купцы и другіе, убитые такъ жа-
остно и безпощадно? Они ничего не взяли у васъ, они привезли
ъ вамъ богатые и дорогіе товары, которые теперь попали въ ва-
ши руки. Въ чемъ провинились противъ васъ другіе невинные лю-
и, женщины и дѣвицы, съ которыми вы плохо распорядились,
позорили ихъ, изнасильничали? Если бы у насъ была непріязнь
ъ вамъ, мы не пришли бы сюда съ пятью тысячами человѣкъ,
о тому что хорошо знали, что народа у васъ нѣсколько сотъ ты-
ячъ. Мы тоже привели бы съ собою войско.

«Мы пришли къ вамъ на свадьбу со всею дружбой, а наши
юди погублены смертью, отдали свою душу, ограблены и лише-
ы всего, что было привезено съ ними. Не уже ли вы думаете, что
Богъ на небесахъ, праведный ревнитель о всѣхъ Своихъ дѣлахъ,
не отомститъ и не накажетъ въ свое время васъ и вашихъ дѣтей
а такое страшное и злодѣйское дѣло?

«Горькія вдовы и сироты не перестанутъ плакать и глубоко
здыхать къ Богу, пока Онъ не отплатитъ за это. Если хотите,
можете поглотить насъ, пожрать, истребить, можете сдѣлать это:
наше дѣло правое, Богъ будетъ судьей между вами и нами. Утѣ-
шаемъ себя тѣмъ, что совѣсть наша чиста передъ Богомъ и цѣ-
лымъ свѣтомъ, и у насъ не было никогда на умѣ сдѣлать вамъ
какое ни будь зло.»

«Ты, Воевода, сказали въ отвѣтъ Русскіе Бояре, невиноватъ,
а тѣмъ менѣе мы; виноваты гордые и надменные Поляки, кото-
рые насиловали и позорили женъ и дочерей нашихъ братій, дѣ-
лали явно на улицахъ большія насильства, дрались, рубились, на-
смѣхались, злословили, ругали, грозили, колобродили, и тѣмъ
раздражили и возстановили противъ себя народъ; сердце его такъ
озлобилось, что потомъ, когда онъ расходился, едва можно бы-
ло остановить и удержать столько сотенъ тысячъ людей, по по-
словицѣ: «Canis rabiosus, a somno excitatus, furit.»

«Убитый мужъ твоей дочери самъ подалъ много поводовъ къ
своей погибели: презиралъ наши образа, нравы, обычаи, обряды,

и насъ самихъ, хотѣлъ отмѣнить нашу древнюю Греческую Вѣру и ввести идолопоклонническую, Папскую, предпочиталъ намъ всякаго иностранца, опустошилъ до чиста нашу казну и всю ее промоталъ на чужеземцевъ, не допускалъ къ себѣ никого изъ нашихъ, развѣ только по желанію и съ согласія Поляковъ, заключилъ союзъ съ Польскимъ Королемъ, помогавшимъ ему деньгами, людьми и всѣмъ необходимымъ овладѣть Русскимъ Царствомъ и нашимъ отечествомъ, обѣщался ему нарушить вѣчный миръ между Швеціей и Россіею, что и сталъ уже приводить въ исполненіе, и для того велѣлъ отвезти въ Иваньгородъ тысячу бревенъ, изъ чего ясно можно видѣть, какое страшное кровопролитіе хотѣлъ онъ поднять между Шведами, Чудью и Ливонцами, и все это противно данной имъ клятвѣ и обѣщаніямъ. Россія—собственная наша земля и не принадлежитъ никому другому: мы ввѣрили ему нашу страну, и онъ бы долженъ былъ благодарить и помнить, на какую высокую степень величія и почестей мы его поставили. Держись онъ больше нашего народа, нежели иностранцевъ, люби и уважай насъ больше Поляковъ, онъ остался бы для всего свѣта Димитріемъ, хоть и не былъ имъ на самомъ дѣлѣ. Онъ самъ хорошо зналъ, что не сынъ Ивана Васильевича, за котораго выдавалъ себя. Если мы его приняли и признали Великимъ Княземъ, все это вышло изъ за правленія Бориса Годунова, который, точно лисица какая, прокрался на Царство лукавствомъ да ловкостью. Мы думали было поправить свою долю черезъ Димитрія, и зажить припѣваючи: намъ это не удалось, насъ ставили ни во что, унижали; онъ старался лишить насъ жизни и всякаго счастія, жралъ телятину, велъ варварскую жизнь, скоро принудилъ бы и насъ жить такъ же и заставилъ бы дѣлать что ни будь другое, еще того лучше, чтобы послѣ не полюбилось намъ, да и послужило бы къ нашему вреду и погубѣ.

«Мы и убили его, чтобы предупредить заранѣе эту опасность и кровожадность и сохранить нашу Христіянскую Греческую Вѣру: если бы онъ не умеръ, мы все же бы уходили его. Мы съ неудовольствіемъ видѣли, что въ бунтѣ погибло много невинныхъ людей: лучше бы хотѣлось намъ, чтобы они остались въ живыхъ. Однако-жь, мы не отвѣчаемъ за ато, по тому что это сдѣлано во время возмущенія освирѣпѣвшимъ и мстительнымъ народомъ, страш-

наго своевольства котораго никому нельзя было и укротить, не то что остановить совсѣмъ.

«Что касается женщинъ и дѣвушекъ, онѣ всѣ живы и всѣ на лицо: съ нашими женами и дочерьми имъ теперь лучше, нежели твоей дочери; коли хочешь, чтобъ онѣ были у тебя, онѣ прійдутъ; только сначала ты поклянися намъ и присягни, что ни ты, ни кто другой изъ твоего рода, не станете мстить за этѣ обиды ни огнемъ, ни мечемъ, ни намъ, ни нашимъ братьямъ и землѣ. Такъ какъ много людей твоего Короля погибло въ мятежѣ, то мы хотимъ, чтобы ты употребилъ всевозможные труды и старанія о томъ, какъ бы намъ помириться и договориться съ Королемъ. На счетъ же остальныхъ 55,000 рублей и всѣхъ подарковъ, сдѣланныхъ твоимъ зятемъ твоей дочери въ клейнодахъ, украшеніяхъ, жемчугѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, которыхъ недостаетъ въ нашей казнѣ, мы хотимъ, чтобы все это ты намъ уплатилъ и возвратилъ. Какъ скоро это сдѣлается, ты получишь свободу со всѣми твоими земляками и поѣдешь, куда тебѣ угодно; а не сдѣлаешь того, всѣ вы будете нашими плѣнниками, хоть бы васъ было вдвое столько же, и останетесь въ темницахъ подъ стражей. Ваше дѣло будетъ рѣшить это.»

«Что касается подарковъ, сказалъ Воевода, которые вашъ убитый Великій Князь прислалъ нашей дочери, какъ своей любезной невѣстѣ, всѣ ихъ она опять привезла съ собою, вмѣстѣ съ тѣмъ, что подарили мы ей, невѣстѣ, въ приданое и на наряды; она все отдала вамъ: вы сами знаете и видѣли, что ее привели къ намъ въ одномъ спальномъ капотѣ. А что пропало во время бунта, отъ того, что вы увели у ней комнатныхъ ея женщинъ, вамъ лучше знать, куда оно дѣвалось, нежели намъ. Не мало удивляетъ насъ ваша неприличная и нехристіянская затѣя, что вы сначала ограбили насъ, да потомъ и требуете украденнаго съ насъ же, ограбленныхъ и голыхъ, у которыхъ едва есть рубашки на тѣлѣ.

«Восемьдесятъ тысячъ талеровъ, которыя мы доставили вамъ въ минуты крайней нашей бѣды, горя и гоненія, это — собственныя наши деньги, въ нихъ нѣтъ ни одной полушки вашей, и мы ни чего не дадимъ вамъ больше.

«Мы поклянемся и сдержимъ клятву, что не будемъ мстить за нехристіянскую и жестокую обиду отъ васъ намъ и нашимъ товарищамъ, не позволимъ отмщать за нее и нашимъ друзьямъ и роднымъ, а предоставимъ это милосердому и праведному Богу, который говоритъ: «Mihi est vindicta, ego retribuam.» Пусть же Онъ судитъ, осуждаетъ и воздаетъ за это дѣло.

«Но что касается Польскаго Короля, моего Всемилостивѣйшаго Государя, я не могу клясться и обѣщать, а тѣмъ меньше сдержать обѣщаніе и обнадеживать васъ, по тому что большая часть убитыхъ его подданные и слуги, смерть ихъ огорчитъ и опечалитъ его, когда онъ узнаетъ, какъ жестоко и безчеловѣчно вы поступили съ ними. Онъ не ровня мнѣ, онъ мой Король и Государь: могу ли же мирить и соглашать васъ съ нимъ? Нечего и просить у меня того, чего нельзя сдѣлать и исполнить.»

«Если не хочешь, отвѣчали Москвитяне, и не можешь сдѣлать того, такъ оставайся нашимъ плѣнникомъ со всѣми твоими Поляками, пока не узнаемъ, на какихъ условіяхъ намъ можно будетъ помириться съ Королемъ, и пока ты не возвратишь взятаго изъ нашей казнѣ, и не заплатишь за пропавшее въ этомъ побоищѣ.»

«Что Богу угодно, отвѣчалъ Воевода, то пусть и будетъ: Онъ посылаетъ мнѣ всѣ мои страданія и незгоды, предаюсь въ Его волю и буду все сносить терпѣливо: есть же предѣлъ, до котораго вы можете вредить мнѣ; дѣлайте все, что попускаетъ вамъ Богъ; больше вы ни чего не можете сдѣлать ни мнѣ, ни моимъ товарищамъ.»

31 Мая всѣ Поляки, какъ женщины и дѣвицы, такъ и мущины, были отвезены изъ Москвы, кромѣ Королевскаго Посланника, Александра Гонсѣвскаго, и посажены въ темницы по городамъ. Воевода съ его дочерью, сыномъ и зятемъ, также и со всѣми женщинами, отвезены въ Ярославль и охранялись крѣпкою стражей на большомъ дворѣ, а служители и другіе Поляки посажены въ заключеніе; нѣкоторые изъ нихъ посланы и помѣщены въ Костромѣ, Галичѣ, Вологдѣ и Казани; имъ не давали ни чего другаго, кромѣ хлѣба и воды. Всѣ же, бывшіе тамъ, Польскіе Дворяне должны были продать за половинную цѣну свое платье,

алантерейныя и всякія другія вещи, сохранившіяся у нихъ во вре-
я бунта, на свое содержаніе и на покупку съѣстнаго, и влачили
чень жалкую жизнь въ большой нищетѣ и горѣ, до самаго своего
удеснаго освобожденія, что и объяснимъ послѣ.

Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что законный сынъ жестокаго Ве-
икаго Князя Ивана Васильевича, Димитрій, дѣйствительно убитъ
ылъ въ Угличѣ, за свои злыя наклонности, по кознямъ Году-
ова, который искалъ Царства и сдѣлался Великимъ Княземъ всея
оссіи, и что Гришка Отрепьевъ, мелкій дворянинъ и монахъ, бѣ-
кавшій изъ монастыря и Россіи, выдалъ себя за убитаго Дими-
рія, и, благодаря силѣ и способности Поляковъ, завладѣлъ Рос-
іей и былъ убитъ въ Москвѣ. Однако жь, многіе изъ Русскихъ тол-
уютъ не то и говорятъ, что настоящій Димитрій не былъ убитъ,
чудеснымъ образомъ избѣжалъ смерти, и что Димитрій, убитый
ъ Угличѣ, также и въ Москвѣ, одно и то же лицо, все же вос-
кресшее и опять начавшее вести другія войны, съ большими смя-
тами и кровопролитіемъ.

Что Димитріевъ было много, такъ что не было и конца имъ,
и не смотря, что ихъ душили, убивали и жгли, все таки новый
Димитрій выползалъ въ слѣдъ за прежними, все избѣгалъ смерти и
все насильно дѣлался первымъ Димитріемъ, истиннымъ сыномъ
Ивана Васильевича. Но что бы всѣ знали сущую правду объ этомъ,
я объясню и растолкую въ немногихъ словахъ, въ чемъ тутъ дѣ-
ло, по тому что былъ не одинъ Димитрій, какъ разнесли Поляки,
Езуиты и нѣкоторые крамольные и вѣроломные Москвитяне, но
ихъ было много, и они, какъ мы разсказывали, были убиваемы
другъ за другомъ, и что Гришка Отрепьевъ, или другіе его по-
слѣдователи, не только не истинные Димитріи, но плуты и об-
манщики, и присвоивали себѣ имя обманомъ; по тому что, во пер-
выхъ, неосновательно, чтобы этотъ Гришка, завоевавшій страну
мечомъ и дѣйствительно убитый въ Москвѣ, былъ истинный Ди-
митрій и наслѣдственный Государь страны; если бы онъ былъ та-
ковъ, то имѣлъ бы не больше 22-хъ лѣтъ отъ роду, тогда какъ
ему было болѣе 30-ти лѣтъ.

Во вторыхъ, вскорѣ послѣ его вѣнчанія пришелъ монахъ изъ
того же монастыря, изъ котораго убѣжалъ тайкомъ Гришка. Онъ
открыто разсказывалъ, что онъ знаетъ новаго, коронованнаго Ве-

ликаго Князя, и что онъ не истинный Димитрій, сынъ Ивана Васильевича, а Гришка Отрепьевъ, бѣглецъ, обманщикъ и измѣнникъ, по тому что это тотъ самый, который выучилъ его читать и писать, и ему хорошо извѣстно, откуда онъ родомъ, кто его родители, за что друзья упрятали его въ монастырь, сколько времени онъ оставался тамъ и когда ушелъ оттуда.

Слышавшій это народъ схватилъ монаха и отвелъ его въ комнату Великаго Князя. Монахъ не потерялъ духа, стоялъ на своемъ словѣ, сказалъ ему въ глаза, что онъ плутъ и обманщикъ, за что и долженъ былъ умереть жалкою смертію безъ всякаго суда: «Nam veritas odium parit,» правда глаза колетъ.

Въ третьихъ, и дядя этого Гришки, Елеазаръ Отрепьевъ, то же говорилъ не только большимъ Боярамъ въ Москвѣ, Королю Сигизмунду и всему Польскому Сенату въ Польшѣ, но и Королю Шведскому, Карлу IX-му, что онъ не истинный Димитрій, за котораго выдавалъ себя, а сынъ его брата, и отданъ былъ въ монастырь за кой-какія шалости и мошенничества, чтобы монахи держали его тамъ въ строгости, а онъ сталъ бы благочестивѣе и бросилъ свои злыя наклонности и негодныя страсти. Но такъ какъ суровая жизнь была ему не по вкусу, онъ и убѣжалъ изъ монастыря тайкомъ въ Польшу, занимался тамъ разными воинскими упражненіями въ фехтованіи, борьбѣ, верховой ѣздѣ и примѣрныхъ сраженіяхъ, потомъ убрался оттуда и съ помощію какихъ-то злыхъ людей, особливо по умыслу, совѣту и настроенію одного монаха, которые всѣ не желали добра Борису Годунову, выдалъ себя за Димитрія, сына Ивана Васильевича. Такими коварными происками онъ и получилъ всю власть надъ Москвой.

Въ четвертыхъ, Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, бывшій потомъ Великимъ Княземъ, то же свѣдѣтельствовалъ, что онъ не истинный Димитрій, за котораго выдавалъ себя. По тому что Шуйскій зналъ настоящаго Димитрія, когда онъ былъ живъ, видѣлъ его мертваго послѣ убійства, узналъ и похоронилъ его. По этой-то причинѣ Гришка и велѣлъ взять подъ стражу Шуйскаго, отвести его на площадь, и положить голову его на плаху, располагая казнить его, если онъ не откажется отъ распущенныхъ [illegible]ковъ. Какъ человѣку, жизнь была ему милѣе смер-

я: онъ показалъ, что языкъ у него мельница, отперся отъ сво-
хъ словъ, и такимъ образомъ ложь и жизнь счелъ выше и бла-
ороднѣе правды и чести, по тому что зналъ, что у Русскихъ
ь одной цѣнѣ и честь и безчестье. За то и освободили его и
озстановили его прежнюю добрую славу.

Въ пятыхъ, въ Углицкомъ Княжествѣ одинъ Дворянинъ, 105-ти
ѣтъ, разсказывалъ многимъ лицамъ, что находился въ услуженіи
убитаго Димитрія, и что Гришка совсѣмъ не тотъ Димитрій, по
ому что того онъ видѣлъ мертваго на землѣ и хорошо зналъ, что
го истинный, а не подмѣненный, какъ разнесли какіе-то сплетники.

Въ шестыхъ, одинъ старый Голландскій аптекарь, по имени
Арендъ Клаузендъ, 40 лѣтъ служившій въ Великокняжеской ап-
текѣ, признавался, что зналъ истиннаго Димитрія въ его дѣтствѣ,
говорилъ, что настоящій Димитрій былъ смуглолицъ, какъ и
ать его, Марья Ѳедоровна Нагая (Maria Fedrova Nagai), а этотъ,
ыдающій себя за Димитрія, совсѣмъ не смуглъ.

Въ седьмыхъ, одна Ливонская Дворянка, Тизенгузенъ, жив-
шая всегда въ комнатныхъ дѣвушкахъ у матери истиннаго Дими-
трія, гласно разсказывала и признавалась, что это совсѣмъ не
истинный Димитрій, а другой, по тому что истиннаго убили и по-
хоронили въ бытность ея въ Угличѣ.

Въ осьмыхъ, когда уже вездѣ разнесся слухъ, что Гришка не
истинный Димитрій, Самозванецъ пошелъ въ монастырь, гдѣ жи-
ла Великая Княгиня, Марья (Марѳа) Ѳедоровна, и сказалъ ей, что
намѣренъ вырыть поповича, убитаго и похороненнаго вмѣсто его,
и положить въ другомъ мѣстѣ. Великая Княгиня не дозволила то-
го, хорошо зная, что это ея родной сынъ убитъ и похороненъ
въ Угличѣ. Достаточно можно видѣть изъ этого, что если бы
Гришка былъ въ правду родной сынъ ея, она бы согласилась на
его предложеніе, чтобы тѣмъ тверже поставить его на царствѣ,
вывести народъ изъ думы и заставить его вѣрить безъ всякихъ
сомнѣній и колебаній, что Великій Князь не подложный Димитрій.
Если же она покривила душой и назвала его своимъ сыномъ, то
поступила такъ изъ того только, чтобы получить прежнюю власть
и лучшее содержаніе; при томъ же съ удовольствіемъ видѣла, что

Борисъ, со всѣми его друзьями, низложенъ и уничтоженъ за то, что велѣлъ убить ея сына.

Въ девятыхъ, Петръ Басмановъ, вѣрнѣйшій совѣтникъ и камергеръ Гришки, пожертвовавшій за него жизнью, разсказывалъ за тайну многимъ лицамъ, что онъ не истинный Димитрій, какъ называлъ себя, а другой; но какъ онъ справедливый Государь и они присягнули ему и вѣнчали его, то и должны быть довольны имъ и молиться за него Всемогущему Богу, чтобы Онъ милостиво утвердилъ его на престолѣ и сохранилъ его здоровымъ и счастливымъ во время его царствованія: во всей Россіи не найти имъ Государя лучше и разумнѣе.

Въ десятыхъ, Янъ Сапѣга (Jan Sapiesa), знатный Польскій Дворянинъ, позволялъ себѣ разглашать, будто бы Лжедимитрій—побочный сынъ Стефана Баторія: это, однако жь, неправда, и онъ истинный Гришка Отрепьевъ; Поляки пособили ему совѣтомъ и дѣломъ, войскомъ и военными снарядами, помогли ему занять вооруженною рукой Москву, такъ онъ и сталъ благодарный Русскимъ Димитрій, сынъ Ивана Васильевича, который сначала убитъ былъ въ Угличѣ, а потомъ въ Москвѣ, теперь же опять ожилъ и долженъ былъ снова приводить Москвитянъ въ покорность себѣ. Русскіе совсѣмъ одурѣли и помѣшались на этомъ: только что одного убьютъ, какъ захотятъ имѣть другого, и это до тѣхъ поръ продолжалось, пока Москвитяне не одолѣли ихъ и не подчинили своей волѣ.

Всякому разсудительному человѣку легко понять изъ того, что Димитрія, истиннаго сына Ивана Васильевича, не было въ живыхъ, не былъ также живъ и Гришка Отрепьевъ, ложно выдававшій себя за Димитрія: оба они были убиты; однако жь, точно такъ же выдумали другихъ Димитріевъ, отъ чего вышло много зла и много пролито крови. Поляки и Казаки играли большую пошлую шутку и комедію съ Русскими по тому, что какъ скоро Димитрій умиралъ, тотчасъ же на его мѣсто являлся другой, такъ что и конца не было Димитріямъ.

Когда убили и сожгли Лжедимитрія Гришку Отрепьева, Москвитяне выбрали и вѣнчали Великимъ Княземъ Василія Ивановича Шуйскаго, 1-го Іюня, 1606 года, и присягнули ему всей землею.

какъ духовные, такъ и міряне, Дворяне и простые люди, кромѣ Казаковъ и нѣкоторыхъ сословій, которые жили на Польской границѣ и были преданы Лжедимитрію, получивъ отъ него большія преимущества и льготы. Они услыхали теперь, будто бы онъ самъ третей ушелъ въ Польшу и скрывался въ комнатѣ Воеводы Сандомирскаго, и не хотѣли присягать Шуйскому, пока не получатъ вѣрнѣе извѣстій изъ Польши.

Послѣ вѣнчанія, Великій Князь Шуйскій отправилъ пословъ въ Польшу къ Королю Сигизмунду съ просьбою, чтобы онъ вѣрно и правдиво соблюдалъ во всѣхъ статьяхъ прежніе мирные договоры между обоими Государствами и ни какимъ образомъ не дозволялъ Полякамъ дѣлать нападенія по границамъ, а сохранялъ бы съ нимъ доброе сосѣдство и сношеніе. Шуйскій послалъ ему большіе подарки, съ извиненіемъ въ Московскомъ убійствѣ Поляковъ: они убиты за большія своевольства, которыя тамъ дѣлали, грабя и понося простой народъ, насильничая женщинъ и дѣвицъ, и за другія, такія же злыя, дѣла: это возмутило и озлобило народъ, такъ что послѣ нельзя было укротить и успокоить его, пока онъ не истребилъ нѣсколько сотъ Поляковъ съ измѣнникомъ и обманщикомъ страны, Гришкой Отрепьевымъ, который выдалъ себя за сына Ивана Васильевича и былъ причиною этого плачевнаго кровопролитія. Шуйскій взялъ подъ свою защиту Королевскаго Посла, чтобы не сдѣлали какого вреда ему, или его имуществу, и въ самомъ скоромъ времени отпуститъ его поздорову. Король отвѣчалъ на это и писалъ, что касается до него, онъ желаетъ сохранять доброе сосѣдство съ Василіемъ, отослалъ за подарки къ нему свои подарки, требовалъ своего посла и говорилъ дальше, что Поляки, убитые въ Москвѣ, и всѣ другія лица, подданныя Короля, люди вольные, могли ити, куда имъ угодно: они пришли на свадьбу въ слѣдъ за Воеводой Сандомирскимъ, а если надѣлали чего ни будь, пусть сами и отвѣчаютъ за это; изъ за нихъ ему нечего имѣть дѣло съ Шуйскимъ. Но ему нельзя ни запрещать, ни останавливать друзей и родныхъ убитыхъ, если бы они стали что ни будь дѣлать: они господа въ Польшѣ и народъ вольный; захотятъ отомщать Русскимъ, онъ долженъ имъ дозволить это. Получивъ этотъ отвѣтъ, Шуйскій тотчасъ же велѣлъ Польскому Послу ѣхать въ Польшу.

Въ то время, какъ они вели сношенія объ этихъ дѣлахъ, становилось все слышнѣе и слышнѣе, что Димитрій убѣжалъ, скрывался въ Польшѣ, собиралъ войско и хотѣлъ опять завладѣть страною. Эта странная вѣсть привела въ удивленіе и смутила Москвитянъ: они не знали, чему имъ вѣрить. Великій Князь Шуйскій вскорѣ послалъ нѣкоторыхъ своихъ довѣренныхъ служителей въ Угличъ, велѣлъ Димитрія, уже 17-ть лѣтъ назадъ убитаго и похороненнаго, вырыть изъ земли, перевезти въ Москву и похоронить въ той церкви, гдѣ погребаются другіе Московскіе Великіе Князья, чтобы народъ не соблазнялся и не давалъ вводить себя въ заблужденіе этимъ толкамъ и болтовнѣ, не измѣнялъ ему, а увидалъ и узналъ на самомъ дѣлѣ, что былъ обманутъ соблазнителемъ, выдававшимъ себя за истиннаго Димитрія, и убилъ его, а теперь онъ опять ушелъ будто бы отъ смерти и собираетъ въ Польшѣ войско. Это великая ложь, выдуманная басня: тѣхъ Димитріевъ нѣтъ ужь больше: одного они видѣли, что онъ доподлинно убитъ и сожженъ, а другаго, истиннаго Димитрія, убитаго въ Угличѣ, Великій Князь велѣлъ теперь перенести въ Москву. А чтобы еще больше утвердить въ этомъ мнѣніи Москвитянъ, онъ велѣлъ тайно убить въ Угличѣ одного 10-тилѣтняго поповича, надѣть на него чистый богатый саванъ, положить въ новый гробъ и отвезти въ Москву. Самъ онъ вышелъ на встрѣчу тѣлу Князя со всѣмъ своимъ Дворомъ, съ монахами и попами, съ крестами и знаменами, съ большою свитой и процессіей: такъ и отнесли его въ церковь. Въ народѣ же Шуйскій велѣлъ разгласить, что Св. Князь Димитрій, убитый на 9-мъ году жизни въ Угличѣ, лежалъ 17-ть лѣтъ въ землѣ, а тѣло его такъ свѣжо и нетлѣнно, * точно онъ вчера умеръ.

Сорочка и платье на немъ не сгнили и не истлѣли. Гробъ, въ которомъ лежалъ, не обветшалъ и не развалился, а остался совершенно новымъ: кто желаетъ видѣть это, пусть идетъ въ церковь, она будетъ отворена. Великій Князь нанялъ также тайкомъ нѣсколькихъ здоровыхъ людей, которые прикинулись больными и

---

* Г. Устряловъ, издавшій Бера, у котораго много поживился Петрей, блестящимъ образомъ опровергнулъ эту нелѣпую сказку объ убіеніи поповича. Но для насъ, Русскихъ, опроверженіе излишне, по крайней мѣрѣ, на бумагѣ: лучшее [illegible]іе тому наше, полное вѣры, сердце.

приползли въ церковь на четверенькахъ къ Св. Димитрію. Нѣкоторые притворились слѣпыми и дали вести себя другимъ, которые не были слѣпы и имѣли здоровые глаза, просили себѣ у Димитрія зрѣнія и здоровья. Притворявшіеся хромыми встали и пошли, слѣпые получили зрѣніе, и всѣ говорили въ одинъ голосъ, что помогъ имъ Святой Димитрій. Грубые, невѣжественные люди повѣрили, что все это такъ и было. Страшное, неслыханное идолопоклонство совершалось у тѣла. Богъ на Небесахъ прогнѣвался на это: тѣхъ, которые, притворяясь слѣпыми и хромыми, велѣли носить и водить себя въ церковь и просили помощи у Св. Димитрія, Онъ такъ наказалъ, что одинъ ослѣпъ совсѣмъ, а другой скоропостижно умеръ въ церкви, по тому что Богъ не терпитъ такого обезьянства и не позволяетъ шутить съ Собою. Люди то же стали замѣчать, что это пустой обманъ и обморочиванье и не ходили больше въ церковь молиться Св. Димитрію. Великій Князь по тому и велѣлъ запереть церковь, никогда не пускать туда и сказать священникамъ, чтобы они объявили народу, что такое стеченіе богомольцевъ прогнѣвило и утомило Св. Димитрія, дали бы ему нѣсколько времени отдохнуть и не тревожили его, пока онъ не развеселится и не будетъ въ хорошемъ расположеніи духа: тогда пусть и приходятъ опять. *

Во время мятежа, когда убитъ былъ Димитрій или Гришка, одинъ изъ Русскихъ Князей, по имени Григорій Шаховской (Schacopski), укралъ у него изъ комнаты Государственную печать, бѣжалъ съ нею на границу въ Путивль и увезъ съ собой двухъ Поляковъ въ Русскомъ платьѣ; пріѣхавши въ городъ Серпуховъ (Zirpekow), въ 18 миляхъ отъ Москвы, онъ и Поляки остановились на ночлегъ у одной иностранки, проживавшей въ городѣ, ужинали тамъ, а при отъѣздѣ дали ей пригоршню денегъ и сказали: «Возьми это, пожалуйста, на обратномъ пути дадимъ тебѣ еще больше: распорядись только, чтобы у тебя были медъ и водка!» — «Что вы за люди?» спросила женщина.» Я, отвѣчалъ Шаховской, Князь, и даю тебѣ знать, что у тебя ѣлъ и пилъ Великій Князь, котораго замышляли Москвитяне убить, но онъ убѣжалъ, и они убили другаго вмѣсто его.» Потомъ они уѣхали отъ нея, переправились черезъ рѣку Оку, и на переправѣ Шаховской далъ пере-

* Это говоритъ Протестантъ.

вощику 6-ть талеровъ на водку и спросилъ его: «Знаешь ли, кто мы?» — «Нѣтъ, отвѣчалъ перевощикъ: я никого изъ васъ не знаю.» — «Молчи же, мужичокъ, продолжалъ Князь Шаховской: ты перевезъ Великаго Князя, Димитрія: вотъ тотъ молодой богатырь, котораго хотѣли убить Москвитяне, однако жь онъ ускользнулъ отъ нихъ, Богъ сохранилъ его, и когда онъ воротится со множествомъ войска, сдѣлаетъ тебя большимъ человѣкомъ.» Потомъ продолжали путь въ Путивль, и такія же слова говорили они вездѣ по дорогѣ, гдѣ останавливались на ночлегъ. По всей странѣ пошла молва, что Великій Князь Димитрій убѣжалъ; она донеслась наконецъ и до Москвы и навела на Москвитянъ странныя думы. По пріѣздѣ Князя Шаховскаго съ двумя Поляками въ Путивль, они разстались. Поляки прибыли за границу въ Сандомиръ, принесли женѣ Сандомирскаго Воеводы извѣстіе, какія дѣла надѣлались въ Москвѣ, какъ Князь Шаховской пособилъ имъ уйти изъ Москвы, какъ обѣщалъ отомстить за смерть Великаго Князя, такъ, чтобы Москвитяне помнили это, пока свѣтъ стоитъ: онъ будетъ писать сюда въ Польшу къ своему Государю, Димитрію, какъ будто бы этотъ былъ здѣсь и скрывался, а они отпишутъ ему отъ имени Великаго Князя, Димитрія, что онъ скоро придетъ съ хорошимъ и отборнымъ войскомъ, опять завладѣетъ страною и накажетъ своихъ вѣроломныхъ измѣнниковъ. Послѣ того, какъ два Поляка разстались съ Княземъ Шаховскимъ, онъ вошелъ въ городъ (Путивль), собралъ гражданъ и весь народъ и разсказалъ, какъ Москвитяне поступили съ ихъ Государемъ, какъ онъ, съ Божіей помощію, ушелъ, а Поляки, бывшіе съ нимъ, перебиты, онъ удалился къ матери своей жены, Воеводшѣ Сандомирской, хочетъ собрать войско и отомстить невѣрнымъ крамольникамъ, что увидятъ они изъ его письма: обѣщаетъ жителямъ особенную благосклонность и милость, прося при томъ усердно, чтобы они остались вѣрными, сдержали клятву, которою клялись, и вѣрно пособили ему смирить и наказать Москвитянъ за ихъ измѣну и нанесенный ему великій позоръ; онъ пожалуетъ ихъ всѣми милостями и постарается заслужить имъ за это. Поразсудивъ о томъ, Путивльцы поспѣшно послали гонца на широкую поляну въ Татарскую степь, [illegible]вели оттуда нѣсколько тысячъ Казаковъ, собрали всѣхъ Дворянъ [illegible]юиновъ изъ своей области, выбрали вождя, по имени Истому [illegible]ику (Basco), который и пошелъ съ войскомъ въ походъ отъ имени

Димитрія, и въ 4-ре недѣли принудилъ присягнуть 14 городовъ, ъ томъ, что они опять обѣщаются воевать за Димитрія, наказутъ Москвитянъ и принудятъ ихъ къ повиновенію. Великій Князь Шуйскій и Москвитяне, бывшіе за него, испугались: онъ поскоѣе собралъ большое войско, объявивъ, что Крымскій Татаринъ орвался въ страну со многими тысячами Татаръ, убилъ и взялъ ъ плѣнъ многія тысячи Христіянъ, хотѣлъ ити и дальше въ страу, грабить, убивать, и причинять всякій вредъ, а по тому бы, не ѣшкая, собирались для предупрежденія намѣреній Татарина. Такъ сдѣлали: скоро собралось все войско, конное и пѣшее, и пошло въ походъ; но, прошедши нѣсколько миль за Москву, замѣили, что ни какихъ Татаръ нѣтъ, а только ихъ собственные земляки, Казаки, Князья и Дворяне; все подвигались впередъ, до ѣхъ поръ, пока не столкнулись другъ съ другомъ, стали сражаться, и тогда Москвитяне, стоявшіе за Шуйскаго, были порядкомъ побиты, ограблены, прогнаны и взяты въ плѣнъ, такъ что олжны были бѣжать назадъ въ Москву. Плѣнные посажены въ емницы, угощены розгами и плетьми, обруганы позорными и насмѣшливыми словами, нѣкорые изъ нихъ посланы въ Москву разсказать Великому Князю Шуйскому и его приверженцамъ все, что видѣли и слышали, какъ вкусно ихъ отпотчивали и накормили, и что Димитрій скоро явится со всѣмъ войскомъ наказывать безбожныхъ и крамольныхъ Москвитянъ и истреблять ихъ за великій, нанесенный ему, позоръ и поруганіе отъ нихъ и за неслыханное не Христіянское убійство его людей.

Получивъ эту вѣсть, Великій Князь Шуйскій велѣлъ объявить народу, что вся ихъ земля находится въ великой опасности, и вотъ сколько несчастія, горя и зла надѣлали Поляки Русскимъ съ своимъ самодѣльнымъ Димитріемъ: казна растрачена, пролита кровь множества тысячъ людей, превосходный и благоразумный Великій Князь, Борисъ Ѳедоровичъ, погибъ изъ за нихъ съ женой, съ сыномъ и всѣмъ родомъ; теперь Поляки и нѣкоторые негодные измѣнники и разорители страны разносятъ, что воръ и блядинъ сынъ ушелъ, а не убитъ, а это, какъ всѣмъ извѣстно, не было на самомъ дѣлѣ; да хотя бы и было такъ, онъ все же не истинный Димитрій, а плутъ, обманщикъ и соблазнитель. Пусть Русскіе не принимаютъ его ни подъ какимъ видомъ, чтобы онъ

не заставилъ насъ исповѣдывать идольскую Папскую Вѣру. Чтобы еще лучше расположить народъ къ Христіянскому состраданію, Шуйскій велѣлъ вырыть тѣла Великаго Князя Бориса, его жены и сына, уже три года лежавшія въ землѣ, перенести ихъ въ Троицкій монастырь (Trois) и похоронить по Княжески, съ большою пышностью; каждое тѣло должны были нести 12-ть миль отъ Москвы до Троицы 20 монаховъ. Великій Князь, думные Бояре, Дворяне и весь народъ слѣдовали за ними, также и Патріяркъ, Епископы, монахи и священники. Дочь Бориса, Аксинья (Axinia Borisis), ѣхала возлѣ тѣлъ въ закрытыхъ саняхъ, рыдала и причитала: «Горе мнѣ бѣдной, горькой, покинутой сиротѣ! Наглый воръ, плутъ и измѣнникъ, назвавшійся Димитріемъ, истинный обманщикъ и соблазнитель, погубилъ моего отца, мать, брата и всѣхъ друзей. Теперь онъ и самъ погибъ, за свое безчинство и безбожную жизнь, а при жизни, да и по смерти, надѣлалъ этой странѣ много великаго, лютаго горя. Покарай его, Боже, осуди его въ здѣшней, временной, и въ той, вѣчной, жизни!»

Видимъ и слышимъ здѣсь лживость и непостоянство Русскихъ; такъ горько, такъ жалобно они оплакивали и жалѣли Великаго Князя Бориса, желали, чтобы онъ живъ былъ и царствовалъ, Бориса, котораго прежде, по ненависти и великой дерзости, погубили чрезъ Лжедимитрія, не обративъ ни какого вниманія на пословицу, которая говоритъ, что не прежде покидай и презирай добрыхъ старыхъ друзей, пока еще не увидалъ и не испыталъ, на что годны и полезны новые. (Старый другъ лучше новыхъ двухъ.)

Межъ тѣмъ Путивльскій вождь, Истома Башковъ (Bascoff), усиливался все больше и больше, подвинулся ближе къ Москвѣ даже до Коломны, не встрѣчая сопротивленія, принудилъ всѣ города опять присягнуть Самозванцу, расположился въ миляхъ отъ Москвы и требовалъ отъ имени Димитрія, чтобы этотъ городъ выдалъ ему мятежника, Великаго Князя, съ двумя его братьями. Въ Москвѣ многіе испугались, тайкомъ уѣхали изъ города въ свои помѣстья, и укрылись, кому гдѣ было лучше и безопаснѣе.

Когда этотъ вождь, Истома, находился подъ Москвою, прибылъ къ нему на выручку изъ Польши, черезъ Комарницкую во-

лость, другой опытный воинъ, Иванъ Исаевичъ Болотниковъ (Polutnich), и всю страну, которою проходилъ, привелъ къ присягѣ въ томъ, что жители будутъ оказывать повиновеніе и пособіе убѣжавшему Димитрію. Этотъ Болотниковъ былъ родомъ Москвитянинъ, въ молодости былъ взятъ въ плѣнъ Татарами въ широкой степи у Казаковъ, проданъ въ Турцію, и наконецъ освобожденъ и отвезенъ Венеціянами въ Венецію, оттуда пошелъ онъ въ Польшу, гдѣ и узналъ чудную перемѣну Правительства на своей родинѣ, и что законный наслѣдственный Государь, Димитрій, убѣжалъ, находится въ живыхъ и скрывается въ Сандомирѣ. Болотниковъ и отправился къ нему, разсказалъ о своемъ родѣ, положеніи и обстоятельствахъ, въ которыхъ находился прежде; человѣкъ, называвшій себя Димитріемъ, узнавъ, что онъ храбрый и отважный воинъ, спросилъ его, хочетъ ли онъ опять служить ему противъ его крамольныхъ земляковъ? Болотниковъ отвѣчалъ, что готовъ сражаться за своего природнаго и законнаго Государя. «Я теперь не могу много дать тебѣ, сказалъ Димитрій, однако жъ возьми вотъ коня, саблю, пистолеты, 30 червонцевъ и это письмо къ Намѣстнику въ Путивлѣ, Григорію Шаховскому: онъ выдастъ изъ казны, сколько тебѣ нужно, и пошлетъ тебя съ отрядомъ войска: скажи и ему и другимъ, что ты видѣлъ меня въ Польшѣ и говорилъ со мною въ томъ видѣ, въ какомъ находишь меня здѣсь передъ твоими глазами!»

Съ этѣмъ отвѣтомъ Болотниковъ пошелъ изъ Польши въ Путивль: его извѣстіе было очень пріятно тамъ, и если прежде много дали вѣры въ этомъ дѣлѣ Шаховскому, то теперь повѣрили въ тысячу разъ больше, что Димитрій въ самомъ дѣлѣ ушелъ, жертвовали имѣніемъ, жизнью, всѣмъ, чѣмъ могли, не смотря на то, что онъ былъ не истинный Димитрій.

По изустному и письменному приказанію, Болотниковъ сдѣланъ начальникомъ надъ 12-ю тысячами Казаковъ и пошелъ, черезъ Комариицкую волость (Camarische), къ Москвѣ, гдѣ стоялъ станомъ другой вождь, Истома. Оба вождя, очень властолюбивые, не хотѣли ни въ чемъ уступить другъ другу и поссорились: Болотниковъ говорилъ, что его послалъ самъ Великій Князь, а Истому только Шаховской, по тому и хотѣлъ имѣть высшее мѣсто и

больше уваженія, ради Великаго Князя, согналъ съ мѣста Истому съ его войскомъ и самъ занялъ его. Истомѣ очень было досадно, что его такъ опозорили и поругали; онъ тотчасъ же завелъ сношенія съ Великимъ Княземъ Шуйскимъ, чтобы этотъ не только оказалъ ему обѣщанную благосклонность и милость, да и прислалъ бы еще большіе подарки, и до того довелъ дѣло, что съ 9-ю тысячами вооруженныхъ ратныхъ людей передался Великому Князю Шуйскому, вошелъ съ ними въ Москву и извѣстилъ, что ни одинъ человѣкъ не видалъ въ Путивлѣ Димитрія. Объ этомъ разнесъ одинъ Шаховской, также и о томъ, будто онъ ушелъ въ Польшу, и велѣлъ ему опять привести къ присягѣ Путивльцевъ: но такъ ли это было и ушелъ ли Димитрій, Истома не можетъ сказать.

Простой народъ въ Москвѣ отправилъ пословъ къ Болотникову, желая, чтобы онъ показалъ своего Государя, Димитрія: тогда они поклонятся въ ноги этому Князю и поклянутся ему въ вѣрности и преданности. Болотниковъ отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно въ Польшѣ и скоро будетъ сюда; что онъ, Болотниковъ, былъ у него, видѣлъ его ясныя очи и лично получилъ отъ него это приказаніе. Москвитяне говорили, что «это будетъ другой Димитрій: мы убили того, который выдавалъ себя за Димитрія,» просили Болотникова, чтобы пересталъ проливать невинную кровь и передался Великому Князю Шуйскому, который сдѣлаетъ его большимъ Бояриномъ. «Я поклялся моему Государю, отвѣчалъ Болотниковъ, подвергать за него свою жизнь опасности, сдержу это, и не буду крамольнымъ плутомъ и измѣнникомъ, какъ Истома: вы радѣйте своему, а я буду усердствовать моему Государю, и скоро навѣщу васъ.»

Болотниковъ тотчасъ же послалъ гонца въ Путивль и велѣлъ просить Шаховскаго, чтобы «онъ не медля послалъ въ Польшу и вызвалъ Димитрія. Онъ такъ повелъ дѣла съ Москвитянами, что они хотятъ упасть въ ноги Князю и просить помилованія, если увидятъ его лично живаго. Ему не для чего набирать войско, приходилъ бы одинъ, дѣла скоро поправятся. Увидавъ его, народъ сейчасъ же схватитъ за горло его измѣнниковъ и выдастъ ихъ ему.» Но Самозванецъ уговаривалъ Шаховскаго, чтобы самъ онъ вы[illegible]ч за Димитрія, и ушелъ отъ него въ Польшу, не хо-

ѣлъ вѣрить этѣмъ кознямъ и являться Димитріемъ, остался Польскимъ Дворяниномъ, какъ былъ, и не пошелъ: пускай, де, выдаетъ себя за Димитрія и дерется за Россію тотъ, кому припадетъ охота!

Такъ какъ Димитрій не приходилъ изъ Польши, Москвитяне ободрились, стали смѣлѣе и дали жестокое сраженіе Болотникову. Великій Князь самъ выступилъ изъ Москвы съ 100 тысячами войска, напалъ на него въ станѣ, перебилъ нѣсколько тысячъ и обратилъ его въ бѣгство. Болотниковъ принужденъ бѣжать въ Серпуховъ съ уцѣлѣвшими изъ отряда, а Великій Князь вошелъ съ торжествомъ въ городъ. Пришедши въ Серпуховъ, Болотниковъ созвалъ народъ и гражданъ и спросилъ ихъ: «Не могутъ ли они долгое время снабжать продовольствіемъ его съ подчиненнымъ ему войскомъ? Коли могутъ, онъ останется въ городѣ, а не то—оставитъ ихъ и уйдетъ.»

Они отвѣчали, что у нихъ нѣтъ на столько состоянія и запасовъ, чтобы и себя-то содержать долго, а не то, что его съ войскомъ. Отъ того онъ и ушелъ оттуда въ крѣпость Калугу, гдѣ приняли его ласково, ради Димитрія, и обѣщали долгое время снабжать продовольствіемъ его съ войскомъ. Онъ велѣлъ сдѣлать частоколъ кругомъ города, впереди его вырыть глубокій ровъ, позади его также, чтобы ни одна пушка не могла причинить вреда городу.

Уже долгое время ни какой Димитрій не хотѣлъ приходить изъ Польши и подверать жизнь опасности за Русскую корону. Тогда Князь Григорій Шаховской придумалъ въ Путивлѣ другую хитрость и продѣлку, чтобы помучить своихъ земляковъ: онъ и прежде еще слыхалъ отъ степныхъ Казаковъ, что у Великаго Князя, Ѳедора Ивановича, вмѣсто котораго завѣдывалъ Великокняжескимъ правленіемъ Борисъ Годуновъ, былъ незаконный сынъ, по имени Петръ Ѳедоровичъ, и проживалъ нѣсколько лѣтъ у Казаковъ, по тому что Борисъ имѣлъ покушеніе и на его жизнь, такъ онъ и не могъ отправиться въ Россію при жизни Бориса, однако жь намѣренъ былъ ити къ своему дядѣ, Димитрію, и просить у него Княжескаго содержанія, если бы того не убили.

Къ этому-то Петру Ѳедоровичу написалъ Шаховской письмо отъ имени Димитрія, и запечаталъ его Государственною печатью, которую укралъ во время возмущенія, какъ сказали мы выше. «Пусть Петръ наберетъ столько Казаковъ, сколько будетъ для него можно, идетъ въ Путивль и поможетъ ему занять и оборонить его отечество, пока Димитрій не придетъ самъ изъ Польши съ большимъ войскомъ, не смиритъ и не одолѣетъ своихъ недруговъ, а послѣ того дастъ ему прекрасное Княжество, чтобы и онъ былъ доволенъ.»

Получивъ эту вѣсть, Петръ Ѳедоровичъ очень обрадовался, собрался съ 10-ю тысячами Казаковъ и прибылъ въ Путивль, на помощь своему дядѣ, Димитрію. Шаховской самъ пошелъ съ нимъ къ крѣпости Тулѣ, въ томъ мнѣніи, что, если счастье ему повезетъ, онъ одолѣетъ Москвитянъ и одержитъ побѣду надъ ними, а изъ Польши ни какого Димитрія не явится, для овладѣнія страною, то Петръ Ѳедоровичъ будетъ выбранъ и коронованъ въ Великіе Князья; между тѣмъ Шаховской дѣлалъ все отъ имени Димитрія, хоть этотъ на самомъ дѣлѣ и умеръ. Такъ какъ Болотниковъ держался крѣпко въ Калугѣ, Великій Князь Шуйскій велѣлъ осадить этотъ городъ; но Калужане защищались храбро, нанесли много вреда его войску, и оно, не сдѣлавъ дѣла, принуждено отступить съ безчестьемъ.

Въ войскѣ Великаго Князя находился одинъ легкомысленный Господинъ, по имени Фридрихъ Фидлеръ. Онъ объявилъ Великому Князю, что, для блага его и всей страны, онъ отправится къ его врагу, Ивану Болотникову, и отравитъ его ядомъ, только Великій Князь долженъ пожаловать ему помѣстье и сто рублей денегъ.

Великій Князь обѣщалъ, велѣлъ тотчасъ же дать ему дорогую лошадь и 100 талеровъ деньгами, чтобы онъ ѣхалъ къ непріятелю и сдержалъ свое обѣщаніе. Когда воротится и вѣрно сдѣлаетъ дѣло, ему подарено будетъ помѣстье во 100 душъ и дастся 300 талеровъ ежегоднаго жалованья. Но какъ вышеназванный Фидлеръ былъ продувной мошенникъ, Великій Князь и не вѣрилъ ему: пока еще не дали ему денегъ, онъ долженъ былъ поклясться, что вѣрно и безъ всякаго хитраго обмана исполнитъ свое обѣщаніе. Тогда онъ далъ такую клятву, что всѣ благоче-

ивые и богобоязливые люди приходили въ трепетъ, читая, или
лушая, ее. Потомъ взялъ деньги, пошелъ къ непріятелю, подалъ
му при всѣхъ ядъ въ руки и сказалъ, что «Великій Князь Шуйскій
ослалъ его съ тѣмъ, чтобы онъ Болотникова выдалъ, но онъ не хо-
етъ того сдѣлать;» тутъ онъ вручилъ ему ядъ, чтобы тотъ дѣлалъ
ъ нимъ, что хочетъ. Болотниковъ благодарилъ его и сдѣлалъ ему
ольшіе подарки, такъ онъ и остался у него въ Калугѣ; а послѣ
нъ взятъ былъ въ плѣнъ воинами Великаго Князя и сосланъ
ъ Сибирь. Клятва, которую онъ далъ, слово въ слово слѣдую-
даго содержанія, какъ записалъ ее Священникъ Мартинъ Беръ:
Святою и во всѣ времена славимою Троицею, Богомъ, вѣчнымъ
тцомъ, Богомъ Сыномъ и Богомъ Духомъ Святымъ, я, Фрид-
ихъ Фидлеръ, клянусь извести ядомъ недруга Царя Василія
Ивановича и всей Россіи, Ивана Болотникова; если же не сдѣ-
аю того, а обману моего милостивѣйшаго Государя Шуйскаго
зъ за денегъ, то пусть лишусь навѣчно моего участія въ не-
есномъ блаженствѣ, и Богъ, вѣчный Отецъ, никогда въ вѣкъ не
кажетъ мнѣ Своего милосердія, пусть будутъ для меня напра-
ными драгоцѣнныя заслуги Нашего Искупителя, Іисуса Христа,
Сына Божія, и Духъ Святый отступится отъ меня съ своею силою
дѣйствіемъ и никогда не соприсутствуетъ мнѣ съ какимъ ни будь
тѣшеніемъ. Пусть не исправляютъ своего долга надо мною слу-
жебные Святые Духи, приставленные ко мнѣ и всѣмъ людямъ,
обратятся во вредъ мнѣ, земля поглотитъ меня живаго въ свою
пропасть, всѣ земныя растенія и яства послужатъ мнѣ не пи-
щею, а ядомъ; пусть буду я принадлежать дьяволу душою и тѣ-
ломъ, мучиться и казниться весь вѣкъ. Если же я, надумавъ, или
захотѣвъ, обмануть моего Государя изъ за денегъ, не сдѣлаю то-
го, въ чемъ клялся, пойду къ духовному отцу и попрошу разрѣ-
шить себя отъ такого грѣха, пусть разрѣшеніе всякаго служителя
Божія во всемъ свѣтѣ не будетъ сильно освободить меня отъ этого
грѣха, если не исполню того, что на меня возложено. Но я испол-
ню это безъ всякой хитрости, обмана и плутовства, и изведу этѣмъ
ядомъ Ивана Болотникова, также истинно, какъ истинна для ме-
ня помощь Божія и Его, ведущаго къ спасенію Евангелія!»

Такъ какъ Великій Князь Шуйскій держалъ въ жестокой
осадѣ и сильно тѣснилъ Калугу, Петръ Ѳедоровичъ выслалъ изъ

Тулы нѣсколько тысячъ человѣкъ на выручку Болотникову. Москвитяне тоже послали войско имъ на встрѣчу изъ своего стана: тѣ и другіе встрѣтились, и Москвитяне были отбиты и принуждены бѣжать съ ужасомъ въ станъ. Узнавъ о томъ, Болотниковъ сдѣлалъ вылазку изъ города на другое войско, пришедшее изъ Тулы, со всѣми силами напалъ на станъ Москвитянъ и всѣхъ разогналъ ихъ. Въ большомъ страхѣ они бѣжали въ Москву, бросивъ дробь, порохъ, пушки, продовольствіе, платье и все, что у нихъ было. Болотниковъ опять запасъ всѣмъ этѣмъ Калугу, а самъ пошелъ въ Тулу, къ Петру Ѳедоровичу.

Но Великій Князь не обратилъ на это вниманіе: ободрившись, онъ послалъ войско подъ Серпуховъ, занялъ его и потомъ отправился въ походъ самъ, съ намѣреніемъ осадить Тулу, по тому что тамъ были зачинщики и коноводы этой смуты и бунта, какъ, напр., Григорій Шаховской, Петръ Ѳедоровичъ, Иванъ Болотниковъ и Намѣстникъ Телятевскій (Telatouski). Но прежде нежели Великій Князь подошелъ къ городу и могъ осадить его, всѣ они двинулись на встрѣчу ему, жестоко схватились съ нимъ и скоро побили бы Москвитянъ, если бы одинъ изъ ихъ Полковниковъ не передался Великому Князю съ 4000-ми человѣкъ: на всѣхъ другихъ напалъ такой страхъ, что они оставили поле сраженія, вернулись опять въ Тулу и укрѣпили ее. Но Великій Князь жестоко осадилъ и стѣснилъ ихъ со всѣхъ сторонъ и всѣмъ своимъ войскомъ: ни кому не было ни входа, ни выхода; но все же онъ не могъ принудить осажденныхъ къ сдачѣ города: они оборонялись храбро. Шуйскій ничего не могъ сдѣлать ни пальбой, ни приступами, ни голодомъ. Они ѣли собакъ, кошекъ, падаль на улицахъ, лошадей, свои покроты, воловьи кожи: гиспель соли стоилъ полталера, виспель ржи 100 гульденовъ; о пивѣ никто не смѣлъ и думать, много приняли муки и перенесли голода; чернь была очень недовольна и бунтовала противъ вождей, Шаховскаго и Болотникова: говорили, что они лгутъ, хотѣли уже схватить ихъ и выдать Великому Князю, по тому что видѣли, что ни какой Димитрій не являлся къ нимъ на выручку освободить ихъ отъ непріятеля. Болотниковъ вышелъ къ народу и говорилъ: «Когда возвращался я изъ Италіи, въ Польшѣ велѣлъ позвать меня къ себѣ одинъ молодой человѣкъ около [illegible] отъ роду, и сказалъ, что онъ истинный Димитрій.

бѣжавшій во время Московскаго возмущенія. Онъ взялъ съ меня рисягу на вѣрную службу ему: я и буду служить ему, пока живъ. Истинный ли онъ, нѣтъ ли, это не могу знать, по тому что онъ езнакомъ мнѣ, и я не видалъ всѣхъ его подробностей. Однако ь пошлю еще гонца, чтобы онъ постарательнѣе развѣдалъ, что дѣлалось съ тѣмъ Господиномъ, который видѣлся со мною въ Польшѣ и взялъ съ меня присягу, прійдетъ ли онъ, или нѣтъ?»

Народъ остался доволенъ этимъ отвѣтомъ. Но посланный дошелъ не дальше города Стародуба, не осмѣлился заходить далеко и ждалъ, чѣмъ кончатся эти дѣла.

Такъ какъ этотъ гонецъ долго не возвращался и не приносилъ ни какого отвѣта, то жители подумали, что на него напали и убили его непріятели: они посовѣтовались между собою и отправили другаго гонца. Этотъ переплылъ рѣку, прибылъ въ Польшу и тамъ разливался въ сѣтованіяхъ о крайней нуждѣ и опасномъ положеніи Туляковъ; ему былъ данъ приказъ отъ Полководца, что если не найдется ни какого Димитрія и никто изъ друзей и родныхъ Князя Сандомирскаго не отважится ни на что для ихъ выручки, то онъ, посолъ, долженъ послѣ того передать Королю всѣ города и крѣпости, занятые ими на имя Димитрія, только бы не доставались они Москвитянамъ.

Когда гонецъ этотъ прибылъ въ Польшу, друзья и родные Сандомирскаго Князя начали хлопотать, какъ бы достать и поставить на ноги новаго Димитрія. Сначала было очень трудно и опасно отыскать такого, который захотѣлъ бы такъ попроказничать. Наконецъ, въ Бѣлоруссіи, въ городѣ Соколѣ (Socola) отыскали хитраго, продувнаго плута, который нѣсколько времени былъ учителемъ и могъ бойко говорить и читать по Русски. Его назвали Димитріемъ и разсказали ему всѣ предшествовавшія происшествія, случившіяся съ этѣми Димитріями въ Россіи. Онъ тотчасъ ихъ выразумѣлъ, принялъ титулъ и имя, и пошелъ въ Путивль съ однимъ Польскимъ Полковникомъ, Мѣховецкимъ (Mechavetzki). Его признали тамъ за Димитрія и приняли съ большою радостью.

Оттуда онъ отправился въ Сѣверское Княжество (Sivverski) и прибылъ самъ — третей въ Стародубъ, но не выдавалъ себя Ди-

митріемъ, убитымъ въ Москвѣ Великимъ Княземъ, а назвался Нагимъ (Nagai), однимъ изъ друзей его, и говорилъ, что Димитрій недалеко: онъ ѣдетъ съ Господиномъ Мѣховецкимъ и нѣсколькими тысячами конниковъ и воиновъ; пусть же они будутъ рады ему, а въ немъ найдутъ очень милостиваго Государя, который пожалуетъ ихъ прекрасными льготами, за то что вели себя такъ честно и вѣрно.

Но какъ Полковникъ Мѣховецкій замедлилъ нѣсколькими днями долѣе, нежели полагали жители, имъ стало досадно, что этотъ Нагой дурачитъ ихъ и смѣется надъ ними, схватили его съ товарищами, повели всѣхъ поочередно на пытку, положили одного, по имени Алексѣя, на пытальную лавку, и начали славно хлестать его по спинѣ розгами до крови; они не хотѣли перестать, пока не скажетъ, гдѣ Великій Князь Димитрій, въ живыхъ ли онъ и гдѣ находится? Онъ кричалъ и просилъ, чтобы перестали, что онъ скажетъ, гдѣ Димитрій, и началъ такъ: «Ахъ вы, дурачье! Смѣете ли вы меня такъ мучить и пытать изъ за вашего Государя Великаго Князя, развѣ не узнаете его? Вотъ онъ стоитъ: посмотрите, какъ вы его отдѣлали! Тотъ-то и есть Великій Князь Димитрій, что выдавалъ себя за Нагаго. Онъ въ вашихъ рукахъ: если хотите его погубить вмѣстѣ съ нами, то можете сдѣлать это. Онъ не объявлялъ себя по тому, что хотѣлъ сначала узнать, обрадуетесь ли его приходу.»

Услыхавъ это, всѣ они поклонились Нагому въ землю, цѣловали его ноги и сказали: «Милостивѣйшій Государь! Виноваты. мы дурно обошлись съ тобой; прости насъ, Государь, отпусти намъ этотъ жестокій грѣхъ: будемъ жить и умремъ за тебя.» Они повели его съ большимъ почетомъ и уваженіемъ въ прекрасную комнату, и такимъ образомъ въ Стародубѣ признали его въ другой разъ за убитаго въ Москвѣ Димитрія.

Лишь только что узналъ о томъ посланный изъ Тулы, проживавшій въ этомъ городѣ, онъ запрыгалъ и чрезвычайно обрадовался его приходу, пошелъ къ нему, подалъ письма на его имя изъ Тулы, однако жь тотчасъ же замѣтилъ, что это не прежній, котораго убили въ Москвѣ, а другой.

Но какъ этотъ посолъ былъ Полякъ, то и засвѣдѣтельство-алъ ему особенное почтеніе при всемъ народѣ, будто коротко знаетъ его, какъ прежняго своего Господина, хоть и не видалъ его во всю жизнь ни разу. Увидавъ это, народъ еще больше у-вердился въ своемъ мнѣніи, что онъ настоящій и подлинный Ди-митрій. Въ этотъ же день прибылъ и Мѣховецкій съ нѣсколькими ротами всадниковъ. Лжедимитрій велѣлъ ему ити въ городъ Ко-зельскъ (Cazeltzki), и освободить его: онъ самъ скоро пойдетъ за нимъ на выручку Тулы и Калуги.

Этотъ вновь принятый Димитрій, по числу Третій, прежде чѣмъ ему отправиться дальше въ страну, еще лучше хотѣлъ испы-тать Русскихъ въ Стародубѣ и велѣлъ одному Поляку, по имени Ивану Заруцкому (Zaruski), выѣхать за городскія ворота съ копьемъ, а самъ онъ тоже выѣдетъ въ слѣдъ за Полякомъ, для примѣрнаго сраженія съ нимъ. Когда же народъ соберется толпою и будетъ смотрѣть, Заруцкій долженъ броситься на него съ копьемъ и не много дотронуться до него: онъ свалится, какъ будто сбитый съ лошади, а Полякъ поѣдетъ къ себѣ на квартиру и спрячется тамъ. Если народъ затѣетъ что ни будь недоброе съ нимъ, то Лже-димитрій увидитъ, что онъ вѣренъ и преданъ ему, а Поляку не будетъ ни какого вреда.

Уговорившись такъ, они выѣхали на мѣсто и сразились. За-руцкій бросился на Димитрія, этотъ свалился съ лошади и при-кинулся полумертвымъ. Народъ закричалъ въ одинъ голосъ, что надобно схватить измѣнника: взяли его, славно отдѣлали плетьми, стащили съ лошади, привели связаннаго къ своему Государю, Ди-митрію, и спрашивали, какъ имъ казнить его? Услыхавъ, что За-руцкому досталось порядкомъ, Димитрій засмѣялся и сказалъ: «Спасибо всѣмъ вамъ, вѣрнымъ моимъ подданнымъ, за то, что я въ другой разъ узналъ ваше прямодушіе со мною, за то, что вы мнѣ преданы и вѣрны: я совершенно невредимъ, хотѣлъ только испытать васъ, и самъ велѣлъ такъ поступить Заруцкому.» Они дивились его находчивости и благоразумію, а Заруцкій принялъ побои себѣ на здоровье.

Выручивъ приверженцевъ Лжедимитрія въ Козельскѣ, отбивъ и прогнавъ отъ него Москвитянъ, Мѣховецкій поджидалъ прихода

[illegible] ванца съ войскомъ; этотъ уже выступилъ и хотѣлъ выручать [illegible] и Калугу, но Мѣховецкій узналъ, что три города, Болховъ, [illegible] и Ливны [illegible], передались Великому Князю и скоро [illegible] бы головою того мнимаго Димитрія, если бы онъ не отступилъ и не остался на зиму въ Стародубѣ. Благодаря случаю этого [illegible] городовъ, начальствующіе въ Тулѣ были покинуты совсѣмъ: Великій Князь велѣлъ запрудить текущую городомъ рѣку Упу, отъ чего вода разлилась такъ сильно, что жители должны были ѣздить другъ къ другу на челнокахъ и лодкахъ; отъ голода и отъ воды они принуждены сдаться и договариваться о пощадѣ съ Великимъ Княземъ на томъ условіи, чтобы онъ пощадилъ ихъ жизнь и помиловалъ ихъ, а не то всѣ они будутъ держаться до тѣхъ поръ, пока имъ нечего будетъ ѣсть, кромѣ крысъ и мышей, и пока не поѣдятъ другъ друга. Великій Князь очень дивился тому и сказалъ: «Хотя я и поклялся не давать ни какой пощады нѣкоторымъ лицамъ въ Тулѣ, однако жь мнѣ, видно, надо оставить гнѣвъ и немилость, помиловать ихъ и даровать имъ жизнь, за чесную ихъ стойкость и храбрость, по тому что они такъ вѣрны были присягѣ Димитрію, вору и измѣннику: если бы они захотѣли такъ же вѣрно служить и мнѣ, какъ служили ему.» Онъ цѣловалъ крестъ на томъ, чтобы помиловать всѣхъ ихъ; это было въ день Симона и Іуды, въ 1607 году.

Когда такимъ образомъ [уговорились и условились, выѣхалъ изъ города Болотниковъ, вошелъ въ палатку Великаго Князя, упалъ на колѣни, припалъ лицомъ къ землѣ и сказалъ: «Я вѣрно [illegible] клятву, которую далъ въ Польшѣ одному Господину, называвшему себя Димитріемъ, роднымъ сыномъ Ивана Васильевича [illegible] ли онъ такой, или нѣтъ, не могу знать, я не видалъ его никогда въ прежней моей жизни, однако жь онъ бросилъ меня, и теперь я въ твоихъ рукахъ: коли хочешь, убей меня, [illegible] для того и сабля! А если пощадишь мою жизнь и помилуешь меня, я буду такъ же вѣрно служить тебѣ, какъ служилъ ему.»

Великій Князь велѣлъ ему встать и сказалъ, что сдержитъ все, что обѣщалъ и въ чемъ поклялся. Но онъ сдержалъ клятву, какъ собака держитъ постъ, какъ водится у всѣхъ Москвитянъ. [illegible] пріѣхавъ въ Москву, онъ велѣлъ Петра Ѳедоровича [illegible] Болотникова посадить въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ

жалкою голодною смертію, а 52 иностранца, служившіе въ Тулѣ, сосланы были въ Сибирь.

Взявъ городъ Тулу, Великій Князь распустилъ по домамъ свое войско, кромѣ того, которое стояло подъ Калугой. Къ нему отправилъ онъ одного знатнаго Боярина, бывшаго также и при осадѣ Тулы. Ему было приказано вести переговоры съ Калужанами о сдачѣ города: если сдадутся добромъ, Великій Князь даруетъ всѣмъ имъ жизнь, и окажетъ такое же благоволеніе и милость, какъ и жителямъ Тулы. Но они отвѣчали, что совсѣмъ не намѣрены сдаваться: хотя Государь ихъ и удалился отъ нихъ изъ за крамолы и мятежа, однако онъ не станетъ мѣшкать и вернется довольно скоро. Съ этѣмъ Государемъ они и напали на станъ Великаго Князя и причинили много вреда его людямъ. Это привело въ сильную досаду Великаго Князя: онъ послалъ въ станъ на выручку нѣсколько тысячъ свѣжаго войска, въ которомъ было 4000 Казаковъ, прежде служившихъ у Болотникова, и потомъ взятыхъ въ плѣнъ. Когда освободили ихъ, они клялись служить Великому Князю, а онъ далъ имъ денегъ, платье, ружья и брони.

Когда Казаки прибыли съ Москвитянами въ Калужскій станъ, между ними вышло несогласіе. Казаки начали бунтовать, Москвитяне очень испугались того, убѣжали ночью въ Москву и бросили все, что было у нихъ въ станѣ. Узнавъ о томъ, Казаки утромъ двинулись къ городу, хотѣли, чтобы ихъ впустили туда, по тому что они люди одного съ жителями Государя, разсказывали, какъ ночью прогнали Москвитянъ, которые всѣ бѣжали, оставивъ послѣ себя много продовольствія, пушекъ и нѣсколько бочекъ пороху: пусть жители возьмутъ все это и унесутъ въ городъ.

Но Намѣстникъ сначала не хотѣлъ имъ вѣрить и не велѣлъ никого пускать въ городъ. Казани перешли рѣку Оку и говорили, что пойдутъ искать своего Государя. Увидавъ это, Калужане послали въ станъ людей, которые нашли все такъ, какъ разсказывали Казаки, догнали этѣхъ, приказывали имъ вернуться къ городу, однако жь Казаки не слушались, за чѣмъ имъ прежде запрещали и отказывали, послали только съ сотню изъ своихъ въ городъ, чтобы они закупили тамъ, что нужно, и потомъ ѣхали

за товарищами. Все, что ни нашли въ станѣ, Калужане стащили въ городъ, и снова поклялись жить для Димитрія и умереть за него.

Послѣ того, какъ Великому Князю не повезло подъ Калугой, онъ опять собрался съ силами на истребленіе и изгнаніе ложнаго и самодѣльнаго Димитрія. Самозванецъ, по порядку их Третій, послалъ набирать войско въ Польшу. Оттуда пришелъ Воевода Кіевскій, Адамъ Вишневецкій, съ 2000 конницы, и Романъ Рожинскій (Rusnitzki) съ 4000; подъ городомъ Орломъ (Arol) они соединились съ Мѣховецкимъ и Димитріемъ; по согласію всего войска, Рожинскаго сдѣлали главнымъ вождемъ и пошли вооруженною силой подъ городъ Брянскъ (Brandskovv). Начальникомъ тамъ былъ Ливонецъ, по имени Гансъ Бергъ; онъ тотчасъ же передался Димитрію и сдалъ ему городъ безъ всякаго приступа и сопротивленія.

Около этого времени высокопочтенный Шведскій Король, блаженной памяти Карлъ Девятый, узналъ, какіе хитрые замыслы были у Поляковъ и Папистовъ съ ихъ вымышленнымъ Димитріемъ, и что они собираютъ сильное войско на гибель и покореніе Россіи. Въ 1608 году, онъ отправилъ въ Москву къ Великому Князю, Василію Шуйскому, меня, Петра Петрея, съ приказаніемъ предостеречь его, какъ слѣдуетъ вѣрному сосѣду, и дать ему знать, что Королю извѣстно, что Папа со всею лигою и Поляками подымаетъ на помощь себѣ разные народы, чтобы заводить всякія смуты и войны, завоевать всю Москву (т. е., Россію) и привести ее въ покорность и подданство себѣ, что уже взято нѣсколько городовъ на имя Лжедимитрія и причинено много вреда грабежомъ, мечомъ и огнемъ. Это было очень прискорбно его Величеству: чтобы остановить и предупредить это заранѣе, пока непріятели не зарвались еще дальше въ страну, Его Королевское Величество, какъ добросердечный и вѣрный сосѣдъ Великаго Князя и всего Русскаго Великаго Княжества, желаетъ прійти къ нему на помощь съ нѣсколькими тысячами своей и иноземной пѣхоты и конницы.

Великій Князь и его Бояре не обратили ни какого вниманія на это предложеніе и дружеское предостереженіе Короля, пренебрегли имъ, думали, что у нихъ достанетъ силъ справиться съ Поляками, и что отпавшіе Русскіе и даже преданные Полякамъ [illegible]тся отъ нихъ, по примѣру трехъ выше названныхъ

городовъ, особливо послѣ того, какъ Великій Князь завоевалъ городъ Тулу. Однако жь онъ обманывался въ томъ и испыталъ со всѣмъ другое, съ потерею земли, людей и своего собственнаго счастья, о чемъ мы разскажемъ послѣ: по тому что Поляки подавались все дальше въ страну съ своимъ Лжедимитріемъ и брали городъ за городомъ.

Теперь по всей Россіи разнеслась молва, что Поляки вторгнулись въ эту страну въ числѣ многихъ тысячъ: это навело великій страхъ на Москвитянъ, и многіе заключили изъ того, что Самозванецъ должно быть настоящій Димитрій, убитый и сожженный въ Москвѣ. Отъ того же передалось ему много Русскихъ Дворянъ и иностранцевъ, которыхъ онъ тотчасъ одарилъ крестьянами и деревнями, гораздо лучше ихъ прежнихъ помѣстьевъ, чтобы они не имѣли причинъ бѣжать отъ него, хотя бы видѣли и знали, что онъ не истинный Димитрій, а другой.

Этотъ Димитрій III-й велѣлъ по всѣмъ городамъ разглашать, чтобы, гдѣ есть Бояре и Дворяне у Великаго Князя, владѣвшіе помѣстьями, холопы и слуги ихъ, приходили бы къ нему и присягали на вѣрную службу, за что онъ наградитъ ихъ помѣстьями; если же у Дворянъ въ деревняхъ были жены и дочери, рабы могли ихъ взять за себя замужъ, владѣть деревнями и служить ему. Благодаря тому, онъ набралъ себѣ много людей, разбѣгавшихся отъ Господъ во всей странѣ, и такимъ образомъ крѣпостные холопы стали Боярами и Дворянами, сильными и богатыми, а Дворяне сдѣлались бѣдняками и нищими и должны были помирать въ Москвѣ съ голода.

Во время такого счастья и успѣховъ Димитрія, Великій Князь послалъ къ нему на встрѣчу многочисленное войско, чтобы не дать ему проникнуть еще дальше въ страну. На половинѣ дороги Димитрій съ своими людьми встрѣтилъ его, и бились жестоко другъ съ другомъ. Поляки всегда брали верхъ и все побивали людей Великаго Князя: отъ того Русскіе и оробѣли. Въ войскѣ Русскомъ одинъ молодой Ротмистръ изъ Курляндіи, по имени Бертилъ Ламбсдорфъ, тайно условился съ своими начальниками, и всѣ они послали тайкомъ посла къ Димитрію, съ предложеніемъ своихъ вѣрноподданическихъ услугъ: пусть онъ идетъ впередъ,

они передадутся ему съ развернутыми знаменами при первомъ его наступленіи.

Приблизившись другъ къ другу, оба войска начали бой. Димитрій положился на тайный уговоръ съ нимъ Ламбсдорфа и велѣлъ щадить Нѣмцевъ и нападать на однихъ Москвитянъ. Русскій Полководецъ замѣтилъ это и велѣлъ Ламбсдорфу ударить на непріятеля. Конные воины не знали о замыслѣ своего Ротмистра. а Ротмистръ въ хмѣлю не вспомнилъ о томъ, и Нѣмцы, напавъ на Поляковъ, убили у нихъ 400 человѣкъ. Это жестоко раздосадовало Димитрія и его Полководцевъ: они до того разсердились и разозлились, что навѣрное повѣсили бы Нѣмецкихъ пословъ отъ Ламбсдорфа, если бы тѣ не ушли. Димитрій приказалъ всему своему войску не щадить больше Нѣмцевъ, если они попадутся: тогда Поляки и Казаки съ такимъ остервененіемъ напали на Москвитянъ и Нѣмцевъ, что первые должны были обратиться въ бѣгство. Ламбсдорфъ теперь только вспомнилъ свой тайный уговоръ, отвелъ своихъ конниковъ въ сторону и хотѣлъ передаться Димитрію съ распущеными знаменами. Но это было слишкомъ поздно. Поляки окружили ихъ, убили 300 человѣкъ, изъ числа тѣхъ, которые остановились и не бѣжали вмѣстѣ съ Москвитянами. Москвитяне же сочли за честныхъ людей этѣхъ Нѣмцевъ, какъ будто они сражались храбро и порыцарски на ихъ сторонѣ и положили животъ свой за Великаго Князя, а между тѣмъ они были ихъ злѣйшіе враги и имѣли на умѣ всякое зло противъ своего законнаго Государя, которому присягали.

Когда Москвитяне, полумертвые и дрожащіе отъ страха, прибѣжали въ Москву и стали говорить о понесенномъ пораженіи. что столько-то тысячъ ихъ убито и обращено въ бѣгство, весь городъ пришелъ въ ужасъ; нѣсколько дней не знали, что начать. и въ самомъ дѣлѣ передались бы Димитрію, если бы онъ подвинулся ближе съ своимъ войскомъ.

Народъ сталъ уже поговаривать и совѣтоваться между собою, толковали, что если бы онъ былъ не истинный Димитрій. то Дворяне, которые отправились къ нему съ повинною, вернулись бы назадъ, особливо большіе Бояре и Дворяне, бывшіе виновниками совершенныхъ въ Москвѣ убійствъ. Они подбили бы на-

родъ къ мятежу и измѣнѣ, умертвили бы людей Самозванца, выгнали бы его самаго. Ни чего такого народъ не слыхалъ. Одинъ изъ Москвитянъ заговорилъ такъ: будто бы онъ слышалъ, что Димитрій такой умный и прозорливый, что съ перваго взгляда узнаетъ, кто виноватъ и кто нѣтъ. Какой-то мясникъ перепугался и сказалъ: «Бѣда моя! Я не посмѣю явиться предъ его ясные очи, по тому что вотъ этѣмъ ножомъ я зарѣзалъ пятерыхъ его слугъ.» Тогда всѣ стали отчаяваться и бояться за него.

Послѣ этого бѣгства Москвитянъ изъ подъ Калуги, Димитрій со всѣмъ войскомъ подвинулся ближе къ Москвѣ и высматривалъ, гдѣ бы удобнѣе начать осаду. Въ то же время на помощь ему пришелъ одинъ знатный Литовскій Бояринъ, по имени Іоаннъ Сапѣга (Sapetha), съ 7000 конниковъ. Великій Князь послалъ войско съ однимъ знатнымъ Бояриномъ изъ своихъ друзей, по имени Михайломъ Скопинымъ: онъ поставилъ своихъ воиновъ въ обозѣ, и пока они находились подъ этѣмъ прикрытіемъ, Полякамъ нечего было взять у нихъ, хотя имъ и хотѣлось подраться съ Москвитянами, однако жь не удавалось до самой ночи на Св. Іоанна: тогда Поляки нечаянно нагрянули на нихъ, разбудили ихъ, и многіе изъ Москвитянъ остались лежать, но уже не вставали.

Великій Князь велѣлъ привезти на стѣны всѣ пушки, въ ожиданіи нападенія Поляковъ, и если бы въ то время они отважились на это, то, безъ сомнѣнія, овладѣли бы городомъ. Но Димитрій не дозволялъ того, все думая, что городъ сдастся, не хотѣлъ разорять, или сожигать, его; сколько разъ Поляки ни принимались за это, онъ все удерживалъ ихъ ласковыми словами и говорилъ, что если разорить столицу и сожжетъ всѣ ея богатства, чѣмъ будетъ заплатить войску? Поляки и остановилися. Однако жь для него лучше бы было разорить и разрушить одинъ городъ, нежели жечь и опустошать всю страну, по тому что страна скоро бы выстроила такой городъ, а Москва одна не могла построить другихъ городовъ, крѣпостей и деревень, разрушенныхъ и разоренныхъ со всею страною.

29 Іюня, 1608 года, Дититрій расположился въ милѣ отъ города Москвы на рѣкѣ того же имени, и оставался тамъ до 29 Декабря, 1609 года. У нихъ бывали частыя схватки и съ обѣихъ

сторонъ пало много храбрыхъ людей. Межъ тѣмъ Великій Князь велѣлъ привезти въ Москву плѣнныхъ Поляковъ, Воеводу Сандомирскаго, дочь его, Марину Юрьевну (Maria Gorgona), и племянника ихъ, Стадницкаго (Stadniski), со всѣми другими Поляками, содержавшимися въ Ростовѣ и Ярославлѣ, чтобы Поляки не дѣлали больше вторженій въ страну, къ ея разоренію и для освобожденія своихъ земляковъ.

Но какъ Димитрій съ такимъ множествомъ народа держалъ Москву въ суровой осадѣ и жестоко стѣснялъ ее, заградилъ всѣ дороги и добивался освобожденія плѣнныхъ Поляковъ и Великой Княгини, Великій Князь согласился съ своимъ Совѣтомъ, отпустилъ всѣхъ плѣнниковъ и отослалъ ихъ въ Польскій станъ, полагая, что Поляки отступятъ съ ними и снимутъ осаду; этого, однако жь, не случилось: они продолжали осаду еще усерднѣе и суровѣе прежняго.

Когда прибыли въ станъ плѣнные Поляки, все войско, а особливо Димитрій, были очень довольны и веселы; велѣно палить изо всѣхъ пушекъ; поставлено нѣсколько палатокъ, такъ чтобы можно было ходить изъ нихъ другъ къ другу; напослѣдокъ покончили дѣло на томъ, чтобы Воевода отправился въ Польшу, а дочь его осталась въ станѣ у Димитрія, ея мнимаго мужа, съ условіемъ, чтобы онъ не касался ея до тѣхъ поръ, пока не завоюетъ всей страны и не сядетъ на Московскомъ престолѣ.

Когда порѣшили все это, Лжедимитрій встрѣтилъ на одномъ мѣстѣ Великую Княгиню, въ виду всего стана; со слезами живѣйшей радости они поздоровались. Эта веселая и забавная сцена ослѣпила много зоркихъ глазъ: Марина передъ всѣмъ народомъ оказала ему всѣ приличныя почести и уваженіе, какъ своему любезному Государю и мужу, цѣловала, ласкала его; онъ ее также. По всей землѣ пошла молва, всѣ толковали и судили, что онъ истинный Димитрій, и по этому случаю много Дворянъ изо всѣхъ мѣстъ перешло къ нему въ станъ.

Какъ скоро узналъ о томъ Великій Князь и увидалъ, что ему нѣтъ счастья въ его народѣ, онъ забылъ своего Бога, по пословицѣ тѣхъ безбожныхъ людей, которые говорятъ такъ: «Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo,» и собралъ со

сей земли колдуновъ и колдуньевъ, чтобы, чего не могъ сдѣлать
динъ колдунъ, умѣлъ сдѣлать другой; для употребленія этѣхъ
ортовыхъ дѣтей при ихъ чарахъ и ворожбѣ, онъ велѣлъ разрѣ-
ать многихъ брюхатыхъ женщинъ и достать плодъ изъ ихъ тѣ-
а, застрѣлить нѣсколькихъ здоровыхъ и рѣзвыхъ коней и вы-
уть у нихъ сердце: колдуны добились того, что когда клали и
акапывали этѣ снадобья, получалъ поверхность Великій Князь, а
огда не было того, одолѣвали Поляки.

Многіе большіе Бояре бѣжали изъ Москвы къ Димитрію и
ъ числѣ ихъ Князь Василій Мосальскій (Mosaiskovv), который еще
режде съ 25,000 рублей перешелъ отъ Великаго Князя Бориса
одунова къ Лжедимитрію Первому и остался его Маршалкомъ, а
о убіеніи Самозванца Великій Князь Шуйскій поставилъ его На-
ѣстникомъ въ крѣпости Кексгольмѣ; тамъ пробылъ онъ не боль-
ше года, до перевода своего въ Москву. Отъ того-то онъ опять и
еребѣжалъ отъ Шуйскаго къ Лжедимитрію Второму и провелъ у
его нѣсколько дней. Но увидавъ и узнавъ на самомъ дѣлѣ, что
то не тотъ Димитрій, котораго полагали, а новый воръ, обман-
щикъ и измѣнникъ, Мосальскій опять бѣжалъ къ Великому Князю
съ нѣсколькими Русскими Боярами и Дворянами, созвалъ народъ и
говорилъ гласно, что это не Димитрій, котораго они убили, а
другой. Тогда Москвитяне въ первый разъ стали всѣ какъ одинъ
человѣкъ, и оборонялись отъ новаго Лжедимитрія и Поляковъ до
послѣдней возможности.

Великій Князь былъ въ большомъ безпокойствѣ съ своими
приверженцами, будучи сильно тѣснимъ Лжедимитріемъ Вторымъ
и Поляками и ни откуда не надѣясь для себя помощи: они дер-
жали между собою совѣтъ, какъ бы избавиться отъ осады? Вели-
кій Князь отправилъ изъ Москвы своего родственника, племянни-
ка Михаила Скопина, собирать войско въ Новгородѣ, сверхъ того
Посланника къ Пресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему, Высокородному
Князю и Государю, блаженной и достославной памяти, Карлу Де-
вятому, Королю Шведскому, Готскому, Вендскому и Вейландско-
му, напомнить ему о старинномъ союзѣ, заключенномъ между Рос-
сіею и Швеціею въ Тявзинѣ въ 1595 году, и чтобы онъ благо-
волилъ прислать Шуйскому нѣсколько пѣшаго и коннаго войска

противъ его непріятелей, Поляковъ и Литовцевъ, по тому что Великій Князь въ Москвѣ жестоко осажденъ и стѣсненъ мнимымъ Димитріемъ и Поляками, и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не знаетъ для себя прибѣжища и пособія.

Его Королевское Величество могъ бы и отказать ему, за то что прежде, когда доведенъ былъ до крайности, онъ не принялъ Королевской помощи, да и при такомъ случаѣ, когда Польскій Король обратилъ свои главныя силы на Россію, Его Королевское Величество велъ съ замѣтнымъ успѣхомъ войну съ Поляками въ Ливоніи и вполнѣ могъ надѣяться обезпечить за собою всю эту область. Но какъ великодушный и вмѣстѣ добродѣтельный и сострадательный Государь, Его Королевское Величество рѣшился, не смотря ни на что, не покидать Великаго Князя и Русскій народъ въ такой крайней нуждѣ, по тому что они со всѣмъ смиреніемъ искали у него помощи и защиты. Посланники обоихъ Государей отправились въ Выборгъ, въ Финляндію, для переговоровъ о дѣлахъ обѣихъ Державъ. Они договорились между собою на слѣдующихъ условіяхъ: чтобы вышепомянутый Король Шведскій, Карлъ Девятый, благоволилъ помочь Великому Князю 5-ю тысячами коннаго и пѣшаго войска, на жалованьѣ Великаго Князя; за то Великокняжескіе Посланники отъ имени своего Государя обѣщались правильно платить вспомогательному войску Короля Шведскаго и на его содержаніе выдавать Шведскому Полководцу сполна по 32,000 рублей или по 10,000 талеровъ въ мѣсяцъ. Въ томъ же случаѣ, когда Великій Князь окажется неисправнымъ въ уплатѣ, онъ обязывается выдать двойную сумму за каждый не оплаченный мѣсяцъ, по приходѣ Шведскаго войска въ Москву.

Потомъ, въ признательность и благодарность за оказанную помощь, Великій Князь долженъ уступить Шведской Коронѣ крѣпость Кексгольмъ, съ принадлежащею къ нею областью или страною, въ вѣчное наслѣдственное владѣніе, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ послѣ прибытія Шведскаго войска на Русскую границу. Все это ясно можно видѣть въ Договорѣ, заключенномъ и постановленномъ въ Выборгѣ между уполномоченными съ обѣихъ сторонъ Коммисарами въ 1609 году. Послѣ разскажемъ, которая сторона всего вѣрнѣе сохранила, или нарушила, заключенный Договоръ.

Послѣ этого постановленія и Выборгскаго Договора, Шведскій Король отправилъ въ Россію, на помощь и выручку Великому Князю, благороднаго и знатнаго Графа Г. Якова Де ла Гарди, Графа Лекко, Барона Экгольмскаго, владѣльца Киды и Рунсы, Государственнаго Совѣтника и Рыцаря, въ званіи Главнокомандующаго, съ войскомъ изъ 5,000 хорошо обученныхъ и обмундированныхъ, Шведскихъ, Финскихъ и иностранныхъ воиновъ, конныхъ и пѣшихъ. Это было въ то самое время, когда почти вся Россія передалась Лжедимитрію, отчасти по принужденію, отчасти добровольно. Самозванецъ, съ Польскимъ и Литовскимъ войскомъ изъ Русскихъ, Литовцевъ и Поляковъ, привелъ Великаго Князя въ такое крайнее и трудное положеніе, что онъ едва въ силахъ былъ съ нуждою защищаться и удерживать городъ Москву.

Всякой разумный человѣкъ легко разсудитъ, какихъ безчисленныхъ расходовъ стоило Шведскому Королю набрать такое войско и содержать его до выступленія его въ Россію, и значительный убытокъ для Королевской земли, по которой оно должно было проходить до 100 миль. Не говоримъ уже не только о явныхъ выгодахъ, которыя, какъ замѣтили мы выше, были чрезъ это утрачены для Короля, но и о потерѣ крѣпости Нарнова (Перпова), съ значительнымъ числомъ находившихся тамъ пушекъ и разныхъ военныхъ снарядовъ, а это, большею частію, произошло отъ того, что Король долженъ былъ помогать Русскимъ и вывелъ свои войска изъ Ливоніи.

Только что Королевское войско выступило въ походъ, какъ уже, благодаря однимъ слухамъ о немъ и страху его оружія, сдались Великому Князю крѣпости Кексгольмъ и Нотебургъ, до этого времени державшія сторону Лжедимитрія. Безъ сомнѣнія, и крѣпости Копорье (Coporia), Ямъ (Jama), Гдовъ (Augdovv) и другія принуждены бы были передаться Великому Князю, если бы племянникъ его, Михаилъ Васильевичъ Скопинъ, не счелъ неудобнымъ тратить на это время, но настоятельно просилъ и убѣждалъ спѣшить на выручку Великаго Князя и освободить его отъ осады.

Когда Полководецъ, Графъ Яковъ Де ла Гарди, прибылъ съ Шведскимъ войскомъ въ Новгородскую область, и городъ Порхсвъ (Porckovv) тоже послѣдовалъ примѣру Кексгольма и Нотебурга и

сдался Великому Князю. Поляки, подъ начальствомъ Корнезетцкаго (Cornezetski), * стоявшіе, въ числѣ 2,000, въ Старой Руси, узнавъ о приходѣ Шведскаго войска, пришли въ такой страхъ и отчаяніе, что поспѣшно очистили городъ и ушли оттуда. Графъ Де ла Гарди послалъ слѣдомъ за ними Фельдмаршалка Эберта Горна изъ Канкаса, съ сотней воиновъ; этотъ очень усердно преслѣдовалъ Поляковъ днемъ и ночью, наконецъ настигъ ихъ въ Каменскѣ (Cameneck), съ Божіею помощію совершенно разбилъ, и самъ начальникъ ихъ едва избѣжалъ смерти. Такъ городъ Старая Русса и весь его округъ приведены были въ покорность Великому Князю.

Послѣ того Полководецъ послалъ Эберта Горна, съ нѣкоторымъ числомъ войска, въ Торжокъ (Torsiock), гдѣ находился Польскій Полковникъ Зборовскій съ 3,000 человѣкъ; хотя Горнъ не имѣлъ ни какихъ другихъ приказаній отъ Полководца, кромѣ того, чтобы развѣдать о позиціи и силахъ непріятеля, пока не подойдетъ самъ Де ла Гарди со всѣмъ войскомъ, однако жь онъ, заставъ непріятеля на полѣ близко Торжка, храбро напалъ на него, разбилъ и обратилъ его въ бѣгство. Зборовскій долженъ былъ съ великимъ позоромъ бѣжать въ большой станъ. Такъ и Торжокъ освобожденъ отъ осады. За это Лжедимитрій былъ очень недоволенъ Нѣмцами, началъ смѣяться надъ ними и бранить ихъ, за то что Поляки попались въ такой просакъ и были застигнуты врасплохъ Шведами.

Димитрій видѣлъ, что Шведскій Полководецъ близко, войско его потерпѣло большое пораженіе, а Москвитяне ободрились, видя, что ему нечего взять у нихъ, и не хотѣли сдаваться; онъ послалъ Яна Сапѣгу осаждать Троицкій монастырь и не давать ни чего привозить въ Москву изъ прочихъ мѣстъ. Сапѣга столько же сдѣлалъ подъ монастыремъ, сколько Лжедимитрій подъ Москвою. Но какъ онъ причинялъ вездѣ много вреда страшѣ, занялъ и загородилъ всѣ дороги и проходы, то Великій Князь послалъ изъ Москвы 30,000 воиновъ, все конниковъ, и далъ имъ въ начальники своего брата, Ивана Ивановича Шуйскаго, который долженъ былъ задать Полякамъ пиръ подъ Троицей. Въ двухъ миляхъ отъ монастыря встрѣтился имъ Сапѣга съ войскомъ: они бились храбро. Поляки начинали уже трусить, и два раза обращались въ бѣгство.

---

* у [illegible] VI, 342, Kiernosiecki.

Наконецъ Сапѣга собрался съ духомъ и сказалъ своему подчиненному войску: «Любезные братья и земляки! Если мы будемъ все бѣжать, насъ перебьютъ и никто не избѣгнетъ смерти. Польша такъ далеко отсюда, станемъ же лучше сражаться по рыцарски, чѣмъ бѣжать и давать себя бить, какъ трусливыхъ непотребныхъ женщинъ: пусть каждый постарается, сколько силъ хватитъ, а я буду первымъ и передовымъ вашимъ въ любви къ славѣ, доблести и чести. Слѣдуйте за мною! Богъ навѣрное отдастъ непріятеля въ наши руки.» Они напали съ такою силой и бѣшенствомъ на Москвитянъ, что перебили ихъ нѣсколько тысячъ, другихъ же прогнали въ Москву. Такой уронъ въ людяхъ до того лишилъ бодрости и обезсилилъ Великаго Князя, что онъ ужь больше не осмѣливался выходить въ поле безъ Шведскаго войска, оставилъ въ покоѣ и Сапѣгу, до тѣхъ поръ, пока не прибылъ Шведскій Полководецъ и не прогналъ отъ монастыря Поляка.

Находясь теперь въ мирномъ и спокойномъ положеніи подъ монастыремъ, Сапѣга послалъ нѣсколько ротъ Поляковъ и Казаковъ, для развѣдыванія, нельзя ли привести какихъ ни будь городовъ къ присягѣ Лжедимитрію? Это и посчастливилось ему: два города, Переславъ (Perislavv) и Ростовъ присягнули въ вѣрности и преданности Самозванцу. Однако жь Ростовъ хотѣлъ было потомъ измѣнить, но ему плохо пришлось за это: весь городъ былъ вырѣзанъ и сожженъ. Поляки получили превосходную добычу въ его монастыряхъ и церквахъ въ золотѣ и серебрѣ, драгоцѣнныхъ каменьяхъ и жемчугѣ, поснимали съ иконъ всѣ ихъ серебряныя ризы (Röcke), а со Св. Леонтія, лежащаго въ серебряной ракѣ, золотую въ 300 фунтовъ вѣсомъ, изрубили этѣ ризы топорами въ куски и раздѣлили между собою. Митрополита отвели плѣнникомъ подъ Москву къ Димитрію, который принялъ его милостиво и сдѣлалъ своимъ Патріярхомъ. Говорили, что въ посохѣ Митрополита былъ рубинъ, стоившій 20,000 гульденовъ и подаренный имъ Димитрію. Съ этого города взялъ себѣ примѣръ богатый, торговый и промышленный городъ Ярославль и сдался Димитрію на такихъ условіяхъ, чтобы гражданамъ было оставлено ихъ судопроизводство, Поляки не тревожили бы ихъ и не позорили ихъ женъ и дѣтей. Они будутъ вѣрны и преданы Лжедимитрію и сдѣлаютъ для него все возможное; послали въ станъ

къ нему 30,000 рублей золотомъ и желали себѣ начальника, который управлялъ бы ими и оборонялъ ихъ отъ Поляковъ. Димитрій далъ имъ въ начальники Лоренца Бюгге (Biugge), Шведа родомъ изъ области Гельзингеланда, который больше 30-ти лѣтъ жилъ въ Россіи и приведенъ былъ въ Москву плѣнникомъ изъ Ливоніи при тиранѣ Иванѣ Васильевичѣ. Этотъ Капитанъ пришелъ въ Ярославль съ 1000 конныхъ воиновъ: граждане долгое время снабжали ихъ съ лошадьми пищею и питьемъ, сѣномъ, овсомъ и всѣмъ нужнымъ

Города Кострома (Castron), Галичъ, Вологда тоже присягнули въ вѣрности Лжедимитрію и долго бы оставались вѣрны присягѣ, если бы не подбилъ и не взбунтовалъ ихъ одинъ перекрещенецъ, по имени Даніилъ Эйловъ (Eylovv), тамошній житель, имѣвшій на откупу соляную торговлю. Онъ говорилъ имъ, что они не обязаны хранить присягу, по тому что онъ доподлинно узналъ, что этотъ воръ и обманщикъ, выдающій себя за истиннаго Димитрія, совсѣмъ не тотъ, что вѣнчанъ на царство въ Москвѣ, а другой: говорилъ также, что собралъ въ своихъ помѣстьяхъ 200 человѣкъ съ копьями и луками, чтобы заставить Поляковъ поскорѣе убраться отъ нихъ. Это длилось, однако жь, не долго: Поляки провѣдали о томъ, навѣстили Эйлова, перебили его 200 человѣкъ, а самаго съ дѣтьми взяли въ плѣнъ, и онъ долженъ былъ выкупать себя 600 талеровъ. Тогда же явился туда и одинъ Польскій Ротмистръ Александръ Лисовскій (Likouski), съ 5-ю тысячами Казаковъ и 600 конныхъ воиновъ, перебилъ нѣсколько тысячъ Русскихъ, разъѣзжалъ по всѣмъ сторонамъ въ области, куда только ему было угодно, до чиста разорялъ и опустошалъ все, и не переставалъ это дѣлать до тѣхъ поръ, пока не добрался до городовъ Галича и Костромы, сжегъ ихъ и отступилъ съ огромной и богатой добычей.

При такомъ весьма бѣдственномъ состояніи всей страны, двинулся изъ Литвы и Польскій Король, Сигизмундъ, съ 20,000 войска къ Смоленску, и требовалъ себѣ этотъ городъ, какъ старинную собственность Польской Короны. Но жители не знали, что дать ему, кромѣ пороха и свинца. Онъ стоялъ подъ Смоленскомъ два съ половиною года, пока совсѣмъ не овладѣлъ имъ: на приступахъ и въ стычкахъ потерялъ много храбрыхъ воиновъ, которыхъ

въ одномъ полномъ полку едва осталось и ушло оттуда только 400; впрочемъ, если бы въ городѣ не открылось опасной болѣзни, жители оборонялись бы гораздо дольше. Но что было дѣлать 3-мъ, или 4-мъ, сотнямъ больныхъ воиновъ въ такомъ обширномъ городѣ, противъ такого множества людей за его стѣнами? Жители должны были уступить и отдать себя на рѣзню, подобно овцамъ; смерти избѣжалъ одинъ Намѣстникъ съ сыномъ, которыхъ взяли въ плѣнъ и увели въ Польшу.

Въ то время, какъ Польскій Король держалъ въ такой крѣпкой осадѣ Смоленскъ, Великій Князь Василій Ивановичъ Шуйскій отправилъ къ нему изъ Москвы гонца, съ такимъ письмомъ, что уступитъ ему всю Россію, только бы онъ пришелъ и пособилъ ему отбить и прогнать вора и измѣнника, выдававшаго себя за Димитрія. Король смолчалъ на это, не далъ ни какого отвѣта, удержалъ гонца у себя. Въ досадѣ на то, Великій Князь отправилъ другаго гонца къ Начальнику Смоленска, но этотъ гонецъ былъ схваченъ Польскимъ сторожевымъ отрядомъ: у него найдены письма отъ Великаго Князя къ Начальнику Смоленска, убѣждавшія его «держаться и защищаться отъ Короля смѣло и храбро; что Великій Князь склонилъ ласковыми словами Короля Сигизмунда помочь ему смирить и одолѣть Димитрія; а когда это исполнится, онъ то сдѣлаетъ съ Королемъ и его плѣшивыми головами, что не много ихъ уйдетъ изъ Россіи.» Когда донесли о томъ Королю, онъ тотчасъ же замѣтилъ, что это плутовство и коварство, дивился лукавству и обманчивости Русскихъ, а обоихъ пословъ, какъ присланнаго къ нему, такъ и другаго, къ Начальнику Смоленска, велѣлъ бросить въ рѣку и утопить, сказавъ при этомъ: «Нельзя вѣрить ни одному Москвитянину. Если будетъ на то воля Божія, и я найду время и случай, достанется же отъ меня плутоватому Великому Князю, я не останусь у него въ дуракахъ.»

Предъявлявшій права свои, Димитрій, узналъ объ этомъ происшествіи съ Великокняжескими послами подъ Смоленскомъ. Поляки привели въ покорность ему нѣсколько городовъ и вошли въ станъ съ большою добычей, отъ чего подешевѣли всѣ съѣстные припасы и напитки. Димитрій слышалъ также, что между Русскими и Шведскимъ войскомъ вышли ссора и несогласіе: думая, что Шведы вернутся назадъ и не двинутся дальше въ страну, а отъ того

и война его пойдетъ лучше, онъ сталъ доволенъ и веселъ, полагалъ, что все теперь выиграно и бѣда прошла, велѣлъ тайкомъ обвѣнчать себя въ станѣ съ Мариной Юрьевной (Maria Gorgona), женою убитаго Лжедимитрія Перваго или Гришки, хоть и далъ клятву ея отцу, Сандомирскому Воеводѣ, не дѣлать свадьбы, пока не завоюетъ Москвы и не сядетъ на престолѣ. Женившись на коронованной Великой Княгинѣ, сдѣлался очень гордъ и надутъ, называлъ себя единственнымъ Христіянскимъ Императоромъ подъ солнцемъ, какъ видно изъ слѣдующаго его титула такого содержанія:

«Мы, Димитрій Ивановичъ, Императоръ Всероссійскій, Повелитель и Самодержецъ Московской Державы, Царь всего Великаго Княжества Русскаго, Государь Богодарованный, Богоизбранный, Богохранимый, Богомъ помазанный и вознесенный надъ всѣми другими Государями, подобно другому Израилю руководимый и осѣняемый Силою Божіей, Христіянскій Императоръ отъ солнечнаго восхода и запада, и многихъ областей Государь и Повелитель.»

Въ то время, когда Димитрій такъ веселился, пировалъ и ликовалъ въ станѣ подъ Москвою, Шведскій Полководецъ, Графъ Яковъ Делагарди, съ Русскимъ вождемъ, Михаиломъ Скопинымъ, подошелъ къ городу Твери; у нихъ было большое сраженіе съ Поляками, и побѣда опять осталась за Шведами, которые одолѣли и обратили Поляковъ въ бѣгство. По окончаніи битвы, Русскій Полководецъ Скопинъ бросился на шею къ Графу Делагарди, сослезами на глазахъ благодарилъ и сказалъ, что для его, Великій Князь, и все Русское Государство, никогда не будутъ въ силахъ достойно отблагодарить его и Королевское войско, а тѣмъ менѣе заплатить за эту важную услугу.

Если бы поступили по мнѣнію и желанію Русскаго вождя Скопина, Москва и Великій Князь сдались бы непріятелю прежде, чѣмъ подоспѣлъ къ нимъ кто ни будь на выручку, по тому что когда на первый день побѣда изъ за проливнаго дождя осталась не рѣшенною на обѣихъ сторонахъ, Скопинъ хотѣлъ отступить въ удобное и безопасное мѣсто, пока они не получатъ подкрѣпленій изъ Швеціи. Но Шведскій Полководецъ вразумилъ его, что не храбрость непріятеля, а только непредвидѣнный случай, дождикъ,

помѣшалъ полной побѣдѣ надъ нимъ въ прошлый день, и что крайнее положеніе Великаго Князя и города Москвы не дозволяетъ такой долгой отсрочки. Противъ воли и согласія Русскаго Вождя, на третій день послѣ того, онъ храбро напалъ на непріятеля и побѣдилъ его. Надобно удивляться, что Шведскій Полководецъ и его войско были такъ добродушны, что рисковали жизнью для блага такихъ людей, которые не только постыдно оставили ихъ въ бою въ прежній разъ и обратили тылъ непріятелю, но еще во время жаркаго боя похитили ихъ вещи и поклажу: у нѣкоторыхъ изъ главныхъ Шведскихъ Офицеровъ изо всего ихъ значительнаго гардероба не осталось ни какого платья, кромѣ того, что было на нихъ; они сражались за своихъ грабителей, для которыхъ не было бы печали, если бы Шведы лишились съ имѣніемъ и жизни, и свободы; они стали разсуждать о несправедливости къ нимъ Русскихъ, а большая часть ихъ до того обидѣлась, что противъ воли Полководца вернулись въ Ливонію.

Не смотря на то, Полководецъ, съ оставшимся у него войскомъ, отправился въ Коломну (Columniza), а потомъ въ Александровскую Слободу, и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока не прибылъ къ нему на помощь Королевскій Коммисаръ и Адмиралъ, Генрихъ Тённисенъ, съ нѣсколькими тысячами пѣхоты и конницы. Какъ скоро узнали о томъ Поляки, Зборовскій и Сапѣга вышли изъ стана съ 18 тысячами человѣкъ, хотѣли попытать счастія, нельзя ли имъ овладѣть городомъ и выгнать изъ него Шведовъ, чтобы они не подошли ближе къ Москвѣ и не освободили отъ осады Великаго Князя. Благодаря, однако жь, осторожности и храбрости Шведскаго Полководца, они были отражены, разбиты и прогнаны.

Графъ Яковъ и Михаилъ Скопинъ всегда были счастливы съ непріятелемъ и все побѣждали Поляковъ, что разнеслось по всей странѣ: многіе города и крѣпости, присягнувшіе Димитрію, отложились отъ него, каковы: Вологда, Галичъ, Романовъ, Молога, Рыбинскъ (Ribna), Суздаль, Ярославль, Угличъ, Кашинъ и многіе другіе, граждане и посѣляне собрались въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ и вездѣ нападали врасплохъ на Поляковъ и измѣнниковъ Русскихъ, которые стояли за Лжедимитрія, высылались

на грабежъ и жалостно притѣсняли бѣдныхъ жителей; не только отнимали у нихъ все, что найдутъ, но еще мучили ихъ, чтобы сказали, гдѣ спрятаны и зарыты у нихъ пожитки, серебро и золото, насиловали и позорили ихъ женъ и дочерей, такъ что жалко было видѣть все это. За то, когда граждане и крестьяне одолѣвали ихъ, они должны были расплачиваться тѣмъ же: ихъ убивали до смерти, раздѣвали до нага, а нѣкоторыхъ толкали подъ ледъ живыхъ, приговаривая: «Негодные плуты и измѣнники, вы въ короткое время до чиста разорили и разграбили это мѣсто, сожрали всѣхъ овецъ, быковъ, коровъ и телятъ: ступайте же теперь подъ ледъ и ѣжьте рыбу въ Волгѣ и въ другихъ рѣкахъ.

Чтобы положить конецъ такимъ продѣлкамъ жителей, посланъ изъ стана Ротмистръ Лисовскій (Lizouski) съ нѣсколькими тысячами человѣкъ, но и онъ ничего не могъ сдѣлать, по тому что вездѣ, гдѣ ни стояли, они огораживали себя крѣпкимъ частоколомъ, и Поляки должны были оставить ихъ въ покоѣ. Но одинъ изъ Нѣмцевъ, Іохимъ Шмидтъ, сынъ цырюльника, во время Шведской войны убѣжавшаго въ Россію, былъ до того отваженъ, что поѣхалъ въ городъ Ярославль, по тому что очень знакомъ былъ съ тамошними горожанами и имѣлъ жену Ярославку: онъ намѣревался убѣдить ихъ, чтобы они сдались Лжедимитрію и не заводили кровопролитія. Замѣтивъ его изъ города, граждане высыпали толпою къ городскимъ воротамъ и хотѣли знать, что ему надо? Онъ сказалъ, что сдѣлано распоряженіе по ихъ жалобамъ. Димитрій пришлетъ къ нимъ одного знатнаго Польскаго Господина, который будетъ останавливать Поляковъ и такъ накажетъ злодѣевъ, причинявшихъ насилія и отягощенія жителямъ, что они будутъ помнить. Что же сдѣлали Ярославцы? Они все заманивали его ласковыми словами ближе къ себѣ, схватили подъ уздцы его лошадь, свели его съ нея, притащили въ городъ, поставили на огонь большой пивоварный котелъ, налили до краевъ медомъ и бросили туда Шмидта, совсѣмъ нагаго: варили, кипятили его, такъ что мясо стало отваливаться отъ костей, потомъ вынули изъ котла и бросили кости и мясо за валъ на съѣденіе свиньямъ и собакамъ. Узнавъ о томъ, Лисовскій пошелъ туда и сжегъ городскія предмѣстья, также другія мѣстечки и деревни, изрубилъ

всѣхъ мужчинъ и женщинъ, старыхъ и молодыхъ, и удалился оттуда съ большой добычей.

Между тѣмъ Шведскій Полководецъ, Графъ Яковъ и Михаилъ Скопинъ, тоже не оставались безъ дѣла, послали нѣсколько взводовъ конницы въ Переславль, чтобы не только отрѣзать Лисовскому отступленіе въ станъ, но и занять этотъ городъ. Это и удалось имъ: они взяли городъ приступомъ, побили всѣхъ Поляковъ, которые тамъ были, принудили Русскихъ опять присягнуть Великому Князю и потомъ отдыхали нѣсколько недѣль.

Получивъ порядочное подкрѣпленіе изъ Швеціи въ конницѣ и пѣхотѣ, и находя себя, вмѣстѣ съ Русскими, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, Шведскій Полководецъ, Графъ Яковъ, привелъ многіе города, монастыри и крѣпости въ покорность Великому Князю, потомъ пошелъ, черезъ Калязинъ, Угличъ и Кашинъ, въ Александровскую Слободу и храбро отбилъ Поляковъ, хотѣвшихъ осадить его тамъ. Послѣ всего того онъ отправился наконецъ съ Скопинымъ въ походъ на Сапѣгу, осаждавшаго Троицкій монастырь: они хотѣли покушать и раздѣлить съ нимъ Мартынова гуся, * хоть Сапѣга и не звалъ ихъ. Это было очень досадно Полякамъ, и они убѣжали оттуда, бросивъ гуся не ощипаннаго и не жаренаго, по случаю нечаяннаго прихода Русскихъ и Шведовъ, отступили къ городу Дмитрову (Mitroffvva), укрѣпили его и держались, но не долго; по тому что тамъ стали станомъ Графъ Яковъ и Михаилъ Скопинъ, чрезъ что сдѣлались открыты всѣ дороги къ Москвѣ, уже довольно времени занимаемыя Поляками, какъ между Новгородомъ и Москвою, такъ и Холмогорами (Colmogorodi), Ярославлемъ и Москвою; теперь стало свободно и безопасно ѣздить по нимъ туда и обратно и возить разные съѣстные припасы въ Москву и въ станъ.

Около этого же времени Польскій Король Сигизмундъ стоялъ съ своимъ войскомъ подъ городомъ Смоленскомъ, и отправилъ Пословъ въ большой Польскій станъ подъ Москвой, съ увѣщаніемъ,

---

* Извѣстный осенній праздникъ въ Германіи, день Св. Мартина, когда жареный гусь такая же необходимая вещь за обѣдомъ, какъ блины на Масляной у насъ.

чтобы Поляки припомнили, чего надѣлали въ Польшѣ прежнимъ своимъ возмущеніемъ и лишились изъ за того и жизни, и имущества, движимаго и недвижимаго. Все это онъ проститъ имъ и велитъ возвратить всѣ взятыя въ казну имѣнія, если только они схватятъ и приведутъ къ нему подъ Смоленскъ того обманщика и измѣнника, которому служатъ они и который позволилъ себѣ назваться Димитріемъ, сыномъ Ивана Васильевича. Пріѣхавши въ станъ, Послы тайно передали свое порученіе Полководцу Рожинскому (Rusniski); Димитрій думалъ каждый день, что Посланники будутъ просить у него пріема, но какъ этого не случилось, онъ велѣлъ позвать къ себѣ Полководца и спросилъ, какъ ему понимать это, что Королевскіе Послы не стараются передать ему свое порученіе, по тому что уже нѣсколько дней живутъ въ станѣ и каждый день ведутъ разговоры съ нимъ.

Рожинскій, уже обсудившій съ главными Офицерами и Ротмистрами, какъ имъ приняться за это дѣло и возвратить Королевское расположеніе къ себѣ, отвѣчалъ ему съ пренебреженіемъ, погрозилъ своимъ начальническимъ жезломъ, бывшимъ у него въ рукѣ, и сказалъ: «Ахъ ты блядинъ сынъ! Что тебѣ за надобность знать, какія дѣла у меня съ Послами? Чортъ знаетъ, кто ты, гдѣ родился и какого происхожденія. Долго мы проливали нашу кровь за тебя и не получали еще жалованья.»

Димитрій ускользнулъ отъ него, пошелъ къ своей женѣ, упалъ ей въ ноги, со слезами на глазахъ простился съ нею и сказалъ: «Польскій Король ведетъ измѣнническое дѣло съ моимъ Полководцемъ, который такъ отдѣлалъ и озадачилъ меня, что я не стою видѣть твои ясныя очи; я этого не потерплю: или онъ умретъ, или я погибну; у него съ Поляками ничего на умѣ нѣтъ добраго. Да сохранитъ меня Богъ въ дорогѣ, по тому что думаю ѣхать! Да соблюдетъ Онъ и тебя, мою любезную жену, когда ты здѣсь останешься безъ меня!»

Онъ переодѣлся въ крестьянское платье, сѣлъ въ розвальни и уѣхалъ изъ стана въ Калугу. Никто не зналъ, куда онъ поѣхалъ и гдѣ находится, живъ, или умеръ; большая часть полагали такъ, что онъ убитъ и тайно брошенъ въ рѣку.

Немного не доѣзжая до Калуги, онъ не сейчасъ поѣхалъ туда, а остановился въ одномъ монастырѣ, возлѣ самаго города, послалъ нѣсколькихъ монаховъ къ гражданамъ города и велѣлъ предложить имъ, что еретикъ, Польскій Король, нѣсколько разъ писалъ къ нему о добровольной уступкѣ Смоленскаго Княжества и всей Сѣверской страны, принадлежавшихъ встарину Польской Коронѣ, но онъ отказалъ ему въ томъ, чтобы въ этой Христіянской землѣ не укоренилась Папская суемудрая Вѣра. За это Король сговорился съ Полководцемъ, Димитріемъ Рожинскимъ и Поляками, долго служившими ему, чтобы схватить его и отвезти къ Королю подъ Смоленскъ. Но что узнавъ о томъ, онъ тайкомъ собрался и убѣжалъ оттуда. Потомъ велѣлъ монахамъ спросить Христіянскій народъ, что намѣрены они сдѣлать для него? Если хотятъ быть вѣрными и преданными ему, по присягѣ, и не щадить за него жизни, онъ остановится у нихъ на житье и, съ помощью Св. Николая и съ ихъ пособіемъ, не только отплатитъ Василію Шуйскому, но и Королю Сигизмунду и своимъ вѣроломнымъ и крамольнымъ Полякамъ, такъ что они это будутъ помнить. За Православную Христіянскую Вѣру онъ готовъ умереть съ ними и отдать все, что можетъ, а Польскому Королю не уступитъ ни одной деревни, даже ни одного дерева, а не то что крѣпости, города, или Княжества.

Это объявленіе понравилось гражданамъ и всему народу: они пошли въ монастырь, поднесли ему хлѣбъ и соль, отвели его въ городскую крѣпость, надавали ему денегъ, платья, лошадей и всякихъ припасовъ для пищи и питья. Отдохнувши нѣсколько дней въ Калугѣ, этотъ мнимый предъявитель Великокняжескихъ правъ, писалъ къ вождю Григорью Шаховскому, собравшему нѣсколько тысячъ Казаковъ и стоявшему станомъ недалеко отъ города Вязьмы (VVesma), чтобы онъ вернулся съ своими Казаками въ Калугу и не ходилъ въ станъ: тотъ такъ и сдѣлалъ, и Димитрій остался въ Калугѣ и учредилъ тамъ новый Княжескій Дворъ.

Потомъ писалъ онъ ко всѣмъ Офицерамъ и покорнымъ ему городамъ, чтобы убивали всѣхъ Поляковъ, жившихъ въ городахъ и деревняхъ, воины ли они, или купцы, а имѣніе и пожитки ихъ привозили бы въ Калугу, забирали бы все и никого не щадили. Казаки и другіе его посланные вѣрно исполняли это и перебили

нѣсколько тысячъ невинныхъ людей, какъ воиновъ конныхъ и пѣшихъ, проживавшихъ въ городахъ и деревняхъ, такъ и разныхъ торговцевъ, собиравшихся ѣхать въ станъ съ весьма дорогими товарами, шелковыми матеріями и бархатомъ, пистолетами, саблями, ружьями, виномъ и пряными кореньями, чтобы у Димитрія всего было вдоволь для содержанія его придворной челяди и новаго вооруженія.

На другой день послѣ того, какъ Лжедимитрій Второй убѣжалъ изъ стана, Поляки держали совѣтъ съ бывшими тамъ Русскими. на что имъ рѣшиться, по тому что Государь ихъ, Димитрій, не отыскивался; они поклялись жить мирно между собою, не уходить ни къ Польскому Королю, ни къ Великому Князю, и если бы кто пришелъ и сталъ выдавать себя за Димитрія, не вѣрить ни ему, ни другому, а тѣмъ менѣе принимать его; стали смѣяться и наругаться надъ Великой Княгиней Марьей (Мариной) Юрьевной, которая и не могла дольше жить въ станѣ, тайкомъ удалилась оттуда и отправилась въ городъ Дмитровъ, гдѣ находился Янъ Сапѣга.

Приведя свои дѣла въ порядокъ въ Калугѣ, Лжедимитрій послалъ въ подмосковный станъ одного довѣреннаго Дворянина тихонько развѣдать, что говорятъ объ немъ простые Поляки: хотятъ ли, чтобы онъ опять былъ съ ними, или нѣтъ? Если узнаетъ, что они охотно желаютъ его, долженъ сказать, что Великій Князь Димитрій обѣщается прійти къ нимъ съ новымъ войскомъ, принести съ собой денегъ и исправно заплатить имъ за всѣ мѣсяцы ихъ службы, только бы они доставили въ Калугу его бывшаго Полководца, Рожинскаго, живаго, или мертваго. Но какъ Поляки, вскорѣ послѣ побѣга Димитрія, положили остаться вмѣстѣ, вѣрно стоять другъ за друга и никогда не служить ему, то посолъ его ни въ чемъ и не успѣлъ у нихъ и, ничего не сдѣлавъ, вернулся въ Калугу. Димитрій не удовольствовался тѣмъ: онъ послалъ другаго, изъ своихъ Капитановъ, по имени Казимира, природнаго Поляка; и этотъ долженъ былъ сдѣлать ту же попытку, какъ и прежній посолъ, и употребить разные происки, чтобы встревожить, взволновать Поляковъ и поселить межъ ними несогласіе. Такъ это и сдѣлалось: онъ повелъ дѣло такъ ловко, что нѣкоторые изъ Казаковъ ушли въ широкую степь, другіе къ Королю подъ Смоленскъ, а третьи въ Калугу, къ прежнему Государю, Димитрію.

V

СМѢСЬ

РАЗБОРЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

«О МИѲИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ НѢКОТОРЫХЪ ПОВѢРІЙ И ОБРЯДОВЪ. СОЧИНЕНІЕ А. ПОТЕБНИ. МОСКВА 1865.»

Изслѣдованіе Г. Потебни, какъ видно изъ заглавія, относится непосредственно къ Миѳологіи.

Ежели принять во вниманіе скудость сочиненій по этой части, какъ вообще въ литературѣ Славянской, такъ и въ частности— Русской, если сообразить далѣе необработанность предмета, почти новость его, ограниченную лишь немногими изысканіями, положившими только начало его разработкѣ, и если взвѣсить за этѣмъ важное и интересное значеніе Миѳологіи, какъ науки, болѣе и болѣе раскрывающей занимательный и назидательный матеріялъ для духовной жизни народа и послѣдовательнаго ея развитія, въ новѣйшихъ трудахъ ученыхъ Западныхъ, то нельзя не встрѣтить съ удовольствіемъ новаго сочиненія по Миѳологіи Славянской, написаннаго преподавателемъ Университета и обѣщающаго объемомъ своимъ если не окончательное рѣшеніе многихъ вопросовъ, по крайней мѣрѣ значительное восполненіе пробѣловъ, хотя въ существеннѣйшихъ частяхъ, со стороны основныхъ, такъ сказать, миѳовъ, столь разработанныхъ и уясненныхъ въ позднѣйшее время у другихъ народовъ Индоевропейскихъ: Грековъ, Римлянъ, Германцевъ и Индѣйцевъ.

Бѣглый взглядъ на пособія, указанныя авторомъ въ изслѣдованіи, въ состояніи только усилить ожиданія и надежды отъ результатовъ несомнѣнно продолжительнаго и усидчиваго труда. Бо́льшая часть лучшихъ сочиненій, образцовыхъ и по строгости научныхъ пріемовъ, и по плодотворности осторожныхъ выводовъ,

представляются извѣстными Г. Потебни, по обильнымъ на нихъ ссылкамъ. Не ослабѣютъ ожиданія и при летучемъ обзорѣ матеріяловъ, положенныхъ Г. Потебней въ основу своего изслѣдованія: тѣ же самыя ссылки укажутъ на множество ихъ и на разнообразіе, какъ относительно родовъ народной литературы, такъ и нарѣчій Славянскихъ, по которымъ предлагается матеріялъ въ оригинальныхъ отрывкахъ.

Упомянутыя условія ученаго труда, пособія и матеріялы, такъ полно и отчетливо заявленныя въ сочиненіи Г. Потебни, невольно заставляютъ предполагать успѣхъ въ выполненіи предпринятой имъ задачи—обслѣдованія и уясненія миѳовъ Славянскихъ. Оправдываются ли же этѣ надежды на дѣлѣ, въ результатахъ труда? вотъ вопросъ, который въ глазахъ нашихъ тѣмъ важнѣе, чѣмъ желательнѣе истинный успѣхъ самой науки, Миѳологіи Славянской. Важность этого вопроса и послужила для насъ побужденіемъ вникнуть пристальнѣе и глубже въ изслѣдованіе Г. Потебни. Признаемся откровенно, что вызвало насъ на это не столько несогласіе наше съ окончательными выводами автора, сколько особенность его научныхъ пріемовъ и, полагаемъ, не всегда безвредная заманчивость заключеній для ума, не пріученнаго относиться къ фактамъ съ строгою критикой.

Спеціяльныя, однако же, обстоятельства, въ которыхъ находится именно Славянская Миѳологія, вызываютъ предварительно на нѣкоторыя общія мысли. Наука эта, какъ уже замѣчено нами, совершенно новая и въ самомъ Славянскомъ мірѣ; ученые едва коснулись ея разработки, и не только не успѣли проникнуть до какой либо общей системы, не только не уяснили исторіи послѣдовательнаго видоизмѣненія миѳовъ, но не указали даже и на связь главнѣйшихъ вѣрованій языческихъ съ коренными миѳами другихъ народовъ Арійскихъ, болѣе счастливыхъ научными изслѣдованіями по этой части.

При такомъ положеніи предмета, невольно приходится подумать сначала о правильности и надежности пріемовъ разработки, и тѣмъ скорѣе остановишь взоръ свой на пріемѣрахъ Запада, чѣмъ разнообразнѣе и перепутаннѣе представляется грубый еще матерія[illegible] и чѣмъ расчищеннѣе, уяснѣннѣе, осмысленнѣе встрѣ-

чаемъ его тамъ. Г. Потебня, конечно, чувствовалъ это, когда, поставилъ себѣ въ руководство классическіе труды Гримма, Куна, Маннгардта, Вольфа и нѣкоторыхъ другихъ. Но какъ воспользовался онъ ихъ примѣромъ?

Ученые Запада, въ настоящемъ случаѣ преимущественно Нѣмцы, обратились къ разработкѣ Миѳологіи съ тою осторожностію, съ тѣми прочными научными пріемами и съ тѣми логическими, непреложными изъ обслѣдованныхъ частныхъ фактовъ, выводами, какіе только и ручаются за дѣйствительный успѣхъ всякой науки. Встрѣчая въ громадной массѣ современныхъ вѣрованій, обрядовъ и повѣрій народныхъ самые неясные, перебитые и перемѣшанные, остатки древнѣйшихъ миѳовъ, входившихъ нѣкогда въ полную систему Миѳологіи; сознавая всю неотразимую силу вліянія на измѣненіе, сокращеніе, забвеніе и извращеніе этѣхъ миѳовъ отъ разнообразнѣйшихъ переворотовъ послѣдующей жизни народа, и въ религіозномъ, и умственномъ и политическомъ отношеніяхъ, эти ученые признали прежде всего необходимымъ прослѣдить исторически новѣйшіе вѣрованія и обряды, возвести ихъ посредствомъ болѣе-менѣе опредѣленныхъ указаній въ древней письменности къ чистѣйшему виду, и потомъ очищенный уже такимъ путемъ матеріялъ сопоставить съ вѣрованіями древнѣйшихъ родственныхъ народовъ, сохранившимися въ большей полнотѣ, опредѣленности и нерушимости. Этотъ историческій пріемъ устранялъ, съ одной стороны, произволъ, отъ котораго трудно было бы отдѣлиться при сближеніи явленій, хотя на первый взглядъ и сродныхъ, но легко могшихъ развиться случайно, даже вовсе отъ различныхъ условій; съ другой, указаніемъ постепеннаго измѣненія такихъ явленій, вносилъ въ науку новый матеріялъ для исторіи духовной жизни народа; наконецъ, давалъ твердое ручательство и за вѣрность послѣднихъ выводовъ, такъ какъ фактъ выходилъ посредствомъ него очищеннымъ отъ всякой примѣси и перепутанности и самъ собою, безъ натяжекъ и субъективныхъ домысловъ, вступалъ въ рядъ общихъ миѳовъ Индоевропейскаго племени. Миѳологія Германская обязана блистательными своими успѣхами прежде всего именно этому пути; Гриммъ первый ввелъ ее въ рамки опредѣленной и строгой науки, а Deutsche Mythologie Гримма поражаетъ наиболѣе обширностью историческаго матеріяла и изумительно трезвымъ

обращеніемъ съ нимъ. Только при подобной расчисткѣ миѳологическаго матеріяла, и только при такомъ предварительномъ разъясненіи главнѣйшихъ вѣрованій, основанномъ на раціональномъ и научномъ сравненіи съ миѳами Индѣйцевъ, Грековъ и Римлянъ, откроется разумная возможность находить смыслъ и опредѣлить дѣйствительность миѳическаго значенія въ той безграничной массѣ мелочей, какая наполняетъ собою современныя повѣрья и обряды народныя: лишь историческій методъ въ состояніи вывести пытливый умъ изъ этого, по истинѣ, хаоса на свѣтлую и торную дорогу, и его-то признаемъ мы безусловно необходимымъ въ нашей едва зачинающейся наукѣ.

Но историческій методъ въ Миѳологіи далеко недоступенъ всегда и во всемъ. Какъ основанный на памятникахъ письменности, онъ, по этому самому, находится въ тѣсной зависимости отъ времени и полноты послѣднихъ. Между тѣмъ, народы Германскіе, еще болѣе Славянскіе, вступили въ составъ историческихъ народовъ относительно въ позднюю пору; относительно поздно началась у нихъ и письменность; другіе же народы, гораздо старѣйшіе своею историчностью, сообщаютъ о нихъ случайныя и отрывочныя извѣстія, да и этѣ послѣднія принадлежатъ такому времени, передъ которымъ задолго уже установилась отдѣльность жизни и Германцевъ и Славянъ, а слѣдовательно и религія ихъ во многомъ должна уже была получить свой особый характеръ и напоняться спеціяльными понятіями, вѣрованіями и обрядами. Національная письменность Германцевъ и Славянъ развилась, говоря вообще, послѣ Христіянства, которое неизбѣжно должно было повлечь за собою самый разрушительный переворотъ въ прежнихъ вѣрованіяхъ язычества. Независимо отъ этого, и такая національная письменность не представляетъ нигдѣ намѣреннаго собранія языческихъ вѣрованій, хотя бы въ остаткахъ и въ превращеніяхъ: послѣднія попадаются въ ней больше случайно, отрывочно, безъ малѣйшихъ часто указаній на ихъ миѳическое значеніе. Неудивительно по этому, что многое изъ миѳическихъ вѣрованій и понятій, кружащихся доселѣ въ простонародьи, не находитъ себѣ мѣста въ письменности и не можетъ, слѣдовательно, быть возведено путемъ историческимъ къ болѣе чистому первоначальному виду. Отсюда естественный результатъ, что, руководясь исключительно

исторіей, мы навсегда должны будемъ отказаться отъ вскрытія полной и подробной системы языческой религіи своего племени, и ограничиться ученіемъ лишь отдѣльныхъ миѳовъ, которые попали случайно подъ перо старинаго писателя, или которые, своимъ несомнѣннымъ единствомъ во всѣхъ частяхъ съ миѳами древнѣйшихъ родственныхъ народовъ, даютъ право заключать о ихъ характерѣ и о томъ, что они принадлежатъ области общей племенной Миѳологіи. Ученой Германіи обязана наука открытіемъ новаго средства восполненія, отчасти и вознагражденія недостаточности и ограниченности историческаго пособія въ Миѳологіи. Вспомогательное средство это покоится на сравнительномъ языкознаніи.

Языкознаніе, при помощи сравнительнаго метода, нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ успѣло уже выйти изъ того унизительнаго состоянія, въ которомъ не рѣдко служило оно предметомъ произвольныхъ сближеній, затѣйливыхъ сравненій, а подъ часъ и фантастическихъ выводовъ, и, оградившись опредѣлительными законами, поднялось и развилось въ науку, дошедшую въ послѣднее время до степени замѣчательной точности. На этой степени, не смотря на краткій срокъ своего развитія, языкознаніе успѣло уже обогатиться обильными результатами и пролило замѣтный свѣтъ на рѣшеніе самыхъ темныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, на вопросъ о происхожденіи языка. Результаты сравнительнаго языкознанія не остановились, впрочемъ, на разъясненіи однихъ отвлеченныхъ законовъ языка; они не замедлили перейти въ рядъ пособій для исторіи, и при томъ въ такихъ эпохахъ, которыя безъ этого пособія принуждены были бы оставаться навсегда закрытыми.

Стоитъ хотя мелькомъ вникнуть въ разнообразное значеніе сравнительнаго языкознанія, чтобы понять невозможность, при ревнивой изыскательности современнаго ума, пройти ему безслѣдно и для Миѳологіи. Каждое слово заключаетъ въ себѣ опредѣленное понятіе; но это понятіе, при данномъ словѣ, не остается не измѣннымъ; оно переходитъ въ жизни народа разныя ступени, отъ одного значенія къ другому, и иногда употребляется въ устахъ нашихъ совершенно въ противоположномъ смыслѣ, сравнительно съ тѣмъ, какой приданъ былъ ему первымъ творцемъ, подъ влія-

ніемъ поразившаго его впечатлѣнія. Сравнительное языкознаніе, посредствомъ прочно законнаго анализа слова, способно дойти до этого обветшавшаго и вовсе забытаго первоначальнаго смысла. Отсюда не трудно уяснить и право науки языкознанія быть пособіемъ для Миѳологіи: многія выраженія народныхъ суевѣрій и обрядовъ, вращающіяся въ нашихъ устахъ, или безъ всякаго смысла, или съ непонятнымъ значеніемъ, путемъ лингвистическаго анализа готовы вскрыть цѣлую картину миѳическаго вѣрованія, по сродству съ подобными же, уже опредѣленными и записанными, картинами, у родственныхъ народовъ, упрочивающую за собою точное мѣсто въ цѣлой системѣ Миѳологіи. Позволю себѣ указать на Славянское слово дождь, подвергнутое мною не такъ давно подобному обслѣдованію. И ученые Запада употребили уже въ дѣло эту сторону языкознанія въ своихъ обслѣдованіяхъ по Миѳологіи и, подъ руководствомъ ея, нѣкоторые обогатили уже эту науку важнѣйшими открытіями. Вспомнимъ только Макса Миллера, Куна и отчасти Француза Пикте. Но ежели современное языкознаніе въ сферѣ обслѣдованія внѣшней стороны слова, его звуковыхъ и флексическихъ свойствъ и видоизмѣненій, требуетъ строжайшей осмотрительности, неуклоннаго выполненія раскрытыхъ законовъ, то тѣмъ обязательнѣе должно быть это требованіе по отношенію къ Миѳологіи, гдѣ главную силу заключаетъ внутренняя сторона слова, его значеніе. Малѣйшее нарушеніе звуковыхъ законовъ, самая ничтожная натяжка въ сближеніяхъ и сравненіяхъ, неминуемо отразятся въ ложномъ выводѣ и первоначальнаго смысла, а черезъ это, уже логически, повлекутъ за собою и ложное представленіе самаго миѳа. Само собою понятно, что исторія языка, послѣдовательное измѣненіе внѣшней оболочки слова, должна быть постоянно на первомъ планѣ. Въ противномъ случаѣ, анализированіе современной формы слова, безъ вниманія къ ея исторіи, не далеко отойдетъ отъ того забавнаго отыскиванья родства, на основаніи созвучій, какимъ потѣшались въ былое время наши дѣды и отцы. Только сдержанностью, осмотрительностью, строгостью филологическаго пріема и возможно объяснить громадный успѣхъ его какъ въ упомянутыхъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, миѳологическихъ изслѣдованіяхъ Запада.

И такъ, предварительное уясненіе общихъ основныхъ миѳовъ, что неразлучно съ историческимъ возведеніемъ со-

временной перепутанности, по возможности, къ древнѣйшему и чистѣйшему виду, и серьезное и осторожное употребленіе въ помощь сравнительнаго языкознанія,—вотъ правильный и надежный пріемъ, оправданный блистательными опытами въ миѳологической литературѣ Запада.

Г. Потебня, какъ видѣли, знакомъ съ большею частью лучшихъ писателей, слѣдовательно, предполагается, изучалъ ихъ, освоился съ ихъ трудами,—и, дѣйствительно, указанные, на ихъ основаніи, пріемы замѣтны въ разсматриваемомъ его сочиненіи. Къ сожалѣнію, однако же, пользованіе ими представляется скорѣе дѣломъ случая, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-то внѣшнимъ, приставленнымъ механически, а не органически связаннымъ съ цѣльнымъ составомъ разсужденія. Посмотримъ ближе.

Ближайшею цѣлью Г. Потебни, какъ очевидно, было возсоздать Славянскую Миѳологію, на основаніи нынѣшнихъ ея остатковъ въ различныхъ суевѣріяхъ и обрядахъ, сохранившихся въ народной Славянской литературѣ, преимущественно въ сказкахъ и частію въ пѣсняхъ народовъ Славянскихъ. Къ этому присоединены и обычаи въ нѣкоторые праздники, до сихъ поръ носящіе на себѣ отпечатокъ языческой старины. Въ этомъ отношеніи служили ему примѣромъ и руководствомъ, главнѣйшимъ образомъ, Нѣмецкія сочиненія Маннгардта и Вольфа. Не можемъ ручаться, уяснилъ ли себѣ Г. Потебня все существенное различіе въ положеніи своемъ и упомянутыхъ ученыхъ; а это различіе весьма важно и уже a priori характеризуетъ не совсѣмъ нормальное положеніе Г. Потебни, если хотя на минуту усомниться въ возможности одному человѣку замѣнить десятки изслѣдователей по наукѣ новой и обширной, и двумя годами восполнить десятки лѣтъ на пути, гдѣ только кое-гдѣ проложена колея, и то едва, едва замѣтная.

И Маннгардтъ и Вольфъ имѣли передъ собою цѣлый рядъ и частныхъ, монографическихъ, и общихъ, систематическихъ, изслѣдованій; уже до нихъ основныя черты Германской Миѳологіи были вскрыты и уяснены съ полнымъ запасомъ свѣдѣній, неутомимаго труда и строжайшей научности; отдѣльные главные миѳы прослѣжены исторически, на почвѣ Германской, возведены къ первоначальному виду и поставлены прочно на своихъ мѣстахъ въ системѣ

общей Индоевропейской Миѳологіи. Ко времени дѣятельности ихъ уже наступила возможность опредѣлить смыслъ и мелкихъ современныхъ народныхъ вѣрованій и обрядовъ, со всею разнообразною и спутанною ихъ обстановкой, и они тѣмъ легче и успѣшнѣе могли спуститься въ этотъ лабиринтъ, чѣмъ больше имѣли и передъ собою и вокругъ себя предварительныхъ спеціяльныхъ изысканій и среди позднѣйшихъ мелочей.

Не таково вовсе положеніе Русскаго и вообще Славянскаго ученаго: лишь пятокъ именъ въ состояніи указать мы и по рѣшенію отрывочныхъ, частныхъ, вопросовъ; историческое обслѣдованіе только что начато; нѣтъ даже систематическаго собранія и историческаго матеріяла, не смотря на относительную скудость Славянскихъ памятниковъ, заключающихъ въ себѣ черты языческихъ вѣрованій; самые общіе и основные миѳы не раскрыты у насъ и не сопоставлены съ подобными же миѳами древнѣйшихъ родственныхъ народовъ. Эта бѣдность миѳологической литературы всего явственнѣе обнаруживается азъ обзора нашихъ лучшихъ, во всякомъ случаѣ, по цѣли и выполненіи, почтенныхъ трудовъ, каковы труды Гг. Бодянскаго, Срезневскаго, Буслаева, Аѳанасьева, до нѣкоторой степени Шеппинга и очень, очень немногихъ другихъ. На чемъ же обопрется, чѣмъ станетъ руководиться, авторъ, который бы задумалъ, подобно Г. Потебнѣ, создать систему Миѳологіи изъ позднѣйшихъ остатковъ Славянскаго язычества, уцѣлѣвшихъ въ самомъ измѣнчивомъ, шаткомъ, непрерывно подвижномъ матеріялѣ, каковы сказки и пѣсни? Ему остается или неуклонно слѣдовать Нѣмецкимъ образцамъ и ихъ считать за норму своихъ выводовъ и сближеній для каждаго Славянскаго повѣрья и обряда; только въ Нѣмецкихъ обслѣдованныхъ остаткахъ суевѣрій находить зеркало для своего еще грубаго матеріяла; или изъ каждаго почти факта сдѣлать предметъ палеографическаго изслѣдованія, прослѣдить каждое явленіе современнаго язычества исторически, очистить его критикой, и тогда уже приступить къ сравненію съ Нѣмецкимъ образцемъ, а черезъ него перейти и къ общей Миѳологіи Арійской.

Но въ первомъ случаѣ, кажущееся сходство невольно назоветъ въ серьезномъ умѣ множество подавляющихъ вопросовъ: есть ли это сходство коренное, образовавшееся въ эпоху общей [illegible] не обязано ли оно простой случайности, сход[illegible]

при всей ея отдѣльности; не представлялось нынѣшнее сходство полнымъ различіемъ прежде, и т. д. и т. д.? Г. Потебня этому способу придалъ особенное значеніе; онъ руководится имъ на всемъ протяженіи своего изслѣдованія, и сочиненія Маннгардта и Вольфа служатъ ему краеугольнымъ камнемъ въ сближеніяхъ и даже въ заключеніяхъ. Въ какой степени оказался пригоднымъ этотъ способъ на дѣлѣ, мы увидимъ ниже, когда перейдемъ къ разсмотрѣнію выводовъ Г. Потебни. Что касается до монографическихъ обслѣдованій отдѣльныхъ миѳовъ, то Г. Потебня обнаружилъ самъ, что они не подъ силу въ общемъ изслѣдованіи, и показалъ это нагляднѣйшимъ образомъ своимъ историческимъ пріемомъ, который, конечно, долженъ бы былъ занять, въ такомъ случаѣ, самое видное мѣсто.

Ежели бы Г. Потебня и не соглашался съ нами въ важности этого пріема, то уже Нѣмецкіе образцы вызывали его на вниманіе къ нему и побуждали дать ему мѣсто;—и оно дано, но, какъ уже замѣчено, случайно, скорѣе для виду, по чему и всѣ такія указанія легко могутъ быть устранены безъ малѣйшаго нарушенія силы и значенія цѣлаго изслѣдованія; напротивъ, это бы еще уменьшило количество въ немъ ошибокъ и произвольныхъ толкованій. Вообще, указанія на исторію служатъ въ изслѣдованіи Г. Потебни лишь свидѣтелями его знанія, или предчувствія, что она должна быть пущена въ ходъ, что безъ справокъ съ нею трудно обойтись; но способъ введенія исторіи въ дѣло отличается явными странностями, чтобы не сказать прямо недостатками. Ссылки. въ такихъ случаяхъ, вытекаютъ у него не изъ самыхъ источниковъ, не непосредственно изъ личнаго знакомства съ памятниками, а изъ подходящихъ Русскихъ сочиненій по Миѳологіи. Но какъ сочиненій такихъ вообще не много, касаются они больше спеціяльныхъ вопросовъ, то не удивительно, что и историческія ссылки ограничиваются шестью, семью мѣстами, при всей многообъемности изслѣдованія. Этого мало, Г. Потебня нашелъ излишнимъ даже провѣрить ссылки, даже правильно понять ихъ, и въ извлеченіяхъ своихъ допускаетъ ошибки, или производитъ непріятную путаницу. Словомъ, невниманіе, какая-то холодность къ историческимъ свидѣтельствамъ въ разбираемомъ сочиненіи, какъ-то не вяжутся съ положеніемъ автора и съ цѣлію его сочиненія. Вотъ факты:

На страницѣ 6 и 21, Г. Потебня приводитъ правительственныя постановленія, изъ XVII столѣтія, противъ нѣкоторыхъ народныхъ обычаевъ подъ Рождество, Новый Годъ и Богоявленіе. Термины этихъ обычаевъ очень важны, авторъ справедливо придаетъ имъ значеніе. Но, къ удивленію, мѣста эти взяты имъ изъ готоваго сочиненія, всего вѣроятнѣе изъ Снегирева (О народныхъ праздникахъ....) и не провѣрены съ самимъ источникомъ. А между тѣмъ, въ перепечатанномъ извлеченіи, безъ всякой, впрочемъ, ссылки, находится знаменательная неточность, могшая, при исправленіи ея, если не измѣнить, по крайней мѣрѣ, ограничить выводъ, или потребовать объясненія. Г. Снегиреву вполнѣ простительна неточность: онъ собиралъ матеріялы, и только при случаѣ, весьма рѣдко, дозволялъ себѣ миѳологическія объясненія: справки его съ исторіей, хотя бы и не всегда точныя, способны возбудить въ насъ только благодарность за трудъ по приготовительной обработкѣ. Подобнаго права даже на снисходительность уступить Г. Потебнѣ нельзя: онъ пишетъ ученое изслѣдованіе, сопровождаетъ группировку фактовъ выводами, иногда положительными, съ тономъ научной несомнѣнности. Казалось бы, не было и особеннаго труда провѣрить готовую ссылку съ извлеченіемъ, если представляется неудобнымъ трудъ читать источники самому. А справившись съ этими источниками, которыя находятся въ грамотахъ, помѣщенныхъ въ 3 и 4 томахъ Актовъ Историческихъ, Г. Потебня увидѣлъ бы, что, вмѣсто плуги, въ грамотѣ Патріярха Филарета (Ак. III, № 92; стр. 96, подъ 1620 г.), въ грамотѣ Верхотурскаго Воеводы, Рафа Всеволожскаго, времени Алексѣя Михайловича, читаемъ плута (Акт. IV, № 35, подъ 1649 годомъ). Тогда едва ли бы онъ позволилъ себѣ и немедленное заключеніе: «т. е., славили плугъ,» безъ предварительной критики.

Свидѣтельство о названіи въ старину сватьбы кашею (стр. 65) заимствовано опять изъ готовыхъ книгъ, изъ Академическаго Словаря и сочиненія Терещенка. Не говоря уже о томъ, что Г. Потебня нашелъ бы для этого факта указанія и древнѣе и обстоятельнѣе, если бы позаботился замѣнить Академическій Словарь существующими словарями для лѣтописей, замѣтимъ довольно произвольное обобщеніе самаго термина. Не свадьба вообще называется кашею, а единственно свадебный пиръ, что такъ очевидно и изъ вы-

писаннаго мѣста Лѣтописи, при посредствѣ Словаря Академическаго. Въ противномъ случаѣ, изъ извѣстія, что Князь Александръ устроилъ кашу въ Торопцѣ, и потомъ другую въ Новгородѣ, можно бы вывести, что онъ въ одинъ годъ (1239) сыгралъ двѣ собственныхъ своихъ свадьбы. Такія обобщенія въ разсматриваемомъ сочиненіи обыкновенны, а заблужденія отъ нихъ весьма легки, и на сколько предлагаетъ ихъ означенное сочиненіе, увидимъ ниже.

Два слѣдующихъ мѣста: пословица изъ Даніила Заточника о мученіи пшеницы, да извѣстный разсказъ лѣтописи о волхвахъ въ Ростовѣ (стр. 41 и 293), если даже и извлечены непосредственно изъ источниковъ, то безъ всякаго вѣса для дѣла: послѣднее ни мало не усилено ими; а между тѣмъ подробное извлеченіе извѣстій о волхвахъ даетъ каждому читателю право увидѣть явную натяжку автора въ толкованіи. Дѣйствительно, Лѣтопись говоритъ очень ясно, что волхвы обвиняли въ неурожаѣ и голодѣ вообще женщинъ; но Г. Потебнѣ хотѣлось отыскать древнее свидѣтельство о вѣдьмахъ, и вотъ онъ, не задумываясь, увѣряетъ, что подъ этѣми женщинами разумѣются вѣдьмы, хотя лѣтописецъ не скрываетъ, что въ то время погибли и многія лучшія особы. Но на этомъ не остановился Г. Потебня. Изъ той подробности лѣтописной, что волхвы обманывали народъ, будто бы вынимая изъ за разрѣзанныхъ плечъ женщинъ рыбу и жито, онъ считаетъ вполнѣ объясненнымъ, что такое указаніе говоритъ о представленіи спины вѣдьмы корытомъ, по тому что такъ представляютъ своихъ вѣдьмъ Нѣмцы; въ Лѣтописи же идетъ дѣло о женщинахъ вообще и о ихъ плечахъ, а вовсе не о спинѣ. Между тѣмъ событіе очень простое и всецѣло оправдываемое воззрѣніемъ древняго Русскаго человѣка на женщинъ, записаннымъ тою же Лѣтописью. Согласно съ этимъ воззрѣніемъ, женщина представлялась существомъ, ежели не исключительно, то преимущественно, преданнымъ волшебству, что, однако же, ни чуть не говоритъ о вѣдьменномъ ея значеніи; иначе пришлось бы всѣхъ женщинъ обратить въ вѣдьмъ. Вотъ какъ говоритъ лѣтописецъ: «Паче же женами бѣсовьская волшвенья бываютъ, искони бо бѣсъ жену прельсти, си же мужа; тако въ си роди много волхвуютъ жены чародѣйствомъ и отравою и инѣми бѣсовьскыми козньми» (Лавр., 77). Правильный взглядъ едва ли изъ всего этого выведетъ вѣдьму, да еще со спиною корытомъ.

Но самый рѣшительный фактъ непростительно небрежнаго обращенія автора съ приводимыми имъ источниками заключается въ ссылкѣ на Іоанна Екзарха Болгарскаго, на стр. 282—283. По поводу превращенія упыря, Г. Потебня заявляетъ, что «объ этомъ говоритъ извѣстное мѣсто изъ Іоанна Екзарха Болгарскаго», и выписываетъ слѣдующее выраженіе: «и тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ, ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ: рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ.» Ссылкою на Славянскаго писателя X вѣка, очевидно, Г. Потебня хотѣлъ подтвердить заключенія свои объ упырѣ, и тѣмъ доказалъ свое сознаніе важности историческихъ свидѣтельствъ. Если же это такъ, то какимъ образомъ онъ позволилъ себѣ безъ разбора ухватиться за ссылку въ какой ни будь книжкѣ и отнести извлеченное оттуда выраженіе къ Іоанну Екзарху Болгарскому, никогда и не думавшему писать что либо подобное? Авторъ показалъ только этимъ, что онъ никогда не читалъ этого корифея Старо-Славянской литературы, что онъ даже не знаетъ, что и осталось отъ него; въ противномъ случаѣ, увидѣлъ бы легко, что Екзархъ Болгарскій, Іоаннъ, былъ переводчикомъ, хотя иногда и свободнымъ, что въ оригинальныхъ сочиненіяхъ, какъ въ Послѣсловіяхъ, въ Словѣ на Вшествіе Господа Нашего Іисуса Христа, не было ему ни цѣли, ни стати говорить объ упыряхъ. Мало того, Г. Потебня, значитъ, не читалъ отрывковъ изъ этого важнѣйшаго писателя, даже въ Христоматіяхъ: иначе былъ бы онъ поражонъ различіемъ языка его съ языкомъ приведеннаго отрывка.

Но допуская, что указанное мѣсто и заимствовано изъ Іоанна Екзарха Болгарскаго, все же остается непонятнымъ, по чему Г. Потебня видитъ въ немъ свидѣтельство именно объ упырѣ? Не беремся утверждать, будто предыдущія строки этого мѣста скрыты намѣренно авторомъ; готовы даже согласиться, что онѣ ему и неизвѣстны, какъ не включенныя въ ту книгу, откуда извлекъ онъ неловкую ссылку; но смѣемъ думать, что если бы Г. Потебня приставилъ ихъ, другими словами, сопоставилъ бы продолженіе съ началомъ, то едва ли бы не выбросилъ этого свидѣтельства, какъ не подходящаго къ его цѣлямъ. Вотъ этѣ сроки: «первая книга Плартолой, рекше Острологъ, 2 Острономіа, 3 Землемѣріа, 4 Ча-

ровникъ, въ нихъ же суть вся дванадесять опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и птичіихъ, иже есть первое, тѣло свое хранитъ мертво....» Въ какой мѣрѣ непремѣнно разумѣется здѣсь упырь, такъ рѣшать быстро едва ли согласятся многіе. Изъ этѣхъ же начальныхъ строкъ не трудно усмотрѣть и источникъ, откуда взяты онѣ. Это, такъ называемый, списокъ книгъ истинныхъ и ложныхъ, включенный Калайдовичемъ, по рукописи XVII вѣка, въ числѣ другихъ памятниковъ, въ изданіе Іоанна Екзарха Болгарскаго, который служилъ для него поводомъ обнародывать вообще свои палеографическія и филологическія изысканія. На этомъ основаніи, безъ сомнѣнія, и сдѣлана ссылка въ книгѣ, изъ которой почерпнулъ Г. Потебня выдержку, на Іоанна Екзарха Болгарскаго, т. е., на изданіе его; а Г. Потебня, не справившись, отнесъ ее къ словамъ самаго Іоанна Екзарха Болгарскаго, другими словами, изъ XVII столѣтія шагнулъ въ десятое.

А жалко, что онъ не остановился на этомъ указаніи и не провѣрилъ его; тогда открылся бы передъ нимъ тотъ богатѣйшій матеріялъ миѳическихъ вѣрованій Славянъ, который еще почти не тронутъ и ждетъ воздѣлывателей. Отъ списка книгъ истинныхъ и ложныхъ, Г. Потебня безъ задержки перешелъ бы къ незнакомой ему, какъ видно по всему, литературѣ отреченной, апокрифической, восходящей отрывками до XI вѣка и проходящей, съ разнообразными видоизмѣненіями и пополненіями, по всѣмъ послѣдующимъ вѣкамъ. Этотъ драгоцѣнный миѳологическій матеріялъ доставлялъ и полное удобство для пользованія, хотя бы по изданію Г. Пыпина (изданіе Г. Тихонравова вышло послѣ того, какъ было уже готово сочиненіе Г. Потебни), а одна только критическая обработка его, смѣло можемъ завѣрить Г. Потебню, доставила бы прочнѣйшую пользу наукѣ, чѣмъ нынѣшнее его изслѣдованіе съ натянутыми объясненіями простонародныхъ суевѣрій подъ ладъ объясненій Маннгардта и Вольфа. Но Г. Потебня ни однимъ звукомъ, ни однимъ намекомъ, не коснулся этого готоваго матеріяла, безъ котораго, послѣ его изданія, не слѣдовало бы заводить, въ настоящее время, и рѣчи о Славянской Миѳологіи, тѣмъ больше притязать на какое либо систематическое ея изложеніе; вмѣсто справокъ съ нимъ, онъ нашелъ позволительнымъ ограничиться указанными шестью ссылками, такъ неловко извлеченными изъ другихъ сочиненій, безъ справокъ и провѣрокъ.

Такимъ образомъ, историческій пріемъ въ сочиненіи Г. Потебни пренебреженъ; попадающееся койгдѣ примѣненіе его случайно, чуждо всякой системы, обязано единственно указаніямъ въ тѣхъ книгахъ, которыя приходилось читать ему и изъ которыхъ выписывалъ онъ эти указанія и толковалъ ихъ безъ критики, руководствуясь больше субъективными соображеніями, вообще способомъ, не соотвѣтствующимъ строго ученому изслѣдованію. Перейдемъ къ филологическому пріему.

Филологическому пріему данъ уже гораздо большій просторъ въ сочиненіи Г. Потебни; его встрѣчаемъ мы и въ текстѣ, и еще чаще въ примѣненіяхъ; онъ служитъ для автора не только средствомъ опредѣлять родственность первоначальныхъ миѳическихъ воззрѣній у различныхъ народовъ, но не рѣдко прибѣгаетъ онъ къ нему и для опредѣленія идеи древнѣйшаго миѳа у Славянъ. Ссылки, въ этомъ случаѣ, говорятъ убѣдительно, что Г. Потебня знакомъ съ самыми первокласными писателями, по ихъ сочиненіямъ: тутъ найдемъ мы и мелкія изслѣдованія въ «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung,» и статьи въ «Indische Studien,» и указанія на отдѣльныя сочиненія и изданія Куна, Вебера и др. Казалось бы, ручательство слишкомъ надежное на успѣхъ дѣла, и все таки намъ приходится замѣтить, что этотъ успѣхъ далеко не достигнутъ, что и въ обращеніи съ этимъ пріемомъ. Г. Потебня больше слѣдовалъ личнымъ особенностямъ своихъ воззрѣній, чѣмъ установившимся законамъ Филологіи и той научной осторожности и сдержанности, какая преимущественно необходима въ изысканіяхъ филолого-миѳологическихъ и о какой высказали мы свое мнѣніе выше. Но, не предваряя общихъ заключеній, взглянемъ на факты и дадимъ имъ оцѣнку въ общихъ частяхъ. Конечно, будемъ останавливаться только на томъ, что принадлежитъ самому Г. Потебнѣ.

Въ самомъ началѣ, на первой же страницѣ, сталкиваемся мы съ усиліемъ автора вывести коренное значеніе важнаго, въ отношеніи народныхъ повѣрій, Сербскаго слова баднякъ, которое производитъ онъ отъ глагола бости—божу, со смысломъ долбить, сопоставляя съ Польскимъ badel, badyl—стволъ растенія. Не говоря ничего о неясности сочетанія колоть, долбить, со стволомъ растенія, отмѣтимъ необъясненность авторомъ звуковыхъ препятствій.

Во а) звукъ *о*, въ бости, коренной въ Славянскомъ языкѣ, перешелъ, значитъ, въ Сербскомъ въ *а*. Но примѣровъ такого перехода *о* въ *а* въ Сербскомъ нарѣчіи мы не имѣемъ, кромѣ образованія многократныхъ глаголовъ, какъ: набраяти, помогати и др. (Mikl. Vergl. Gram. de Slav. Spr. I, 314); этотъ же переходъ обусловливается слишкомъ исключительными условіями, чтобы позволять себѣ безъ доказательствъ распространять его на цѣлый строй языка. Во б) ежели и допустить тожество корня въ словѣ баднякъ съ Санскр. badh (бить), то требуется объяснить, на какомъ основаніи короткое Скр. *а* замѣнилось въ Серб. посредствомъ *а*, что необыкновенно и ограничено въ самомъ Старо-Славянскомъ нарѣчіи пяткомъ, не болѣе, словъ (Schleicher, Formenlehre d. Kirch.-Slav. Spr., 37). Если же авторъ сближаетъ баднякъ съ badh, посредствомъ коренаго бости, то остается необъясненнымъ первое препятствіе, поднятіе въ именахъ существительныхъ Стар.-Слав. *о* въ Серб. въ *а*, когда намъ извѣстно, что нѣтъ случая, гдѣ бы Сербское *а* соотвѣтствовало Ст. Слав. *о* (Mikl., тамъ же, 298). Считаемъ лишнимъ упоминать о Литов badau, badyti (колоть), такъ какъ въ Литовскомъ языкѣ есть свои законы звукоизмѣненія. Мы нашли бы менѣе звуковыхъ препятствій, если бы Г. Потебня сблизилъ Серб. баднякъ съ Старо-Слав. корнемъ бъд, въ бъд—ѣти (откуда причинная форма боудити), на основаніи неизмѣнной замѣны глухихъ гласныхъ (ъ—ь) посредствомъ *а* (сънъ=Серб. санъ, дьнь=Серб. данъ). Тогда и значеніе бадняка не удалилось бы отъ смысла миѳическаго обряда—пробужденія, бодрствованія, что такъ согласно съ основаніемъ празднества въ честь раждающагося, пробуждающагося, послѣ зимняго усыпленія, солнца. А въ такомъ случаѣ, не по тому называется и день или вечеръ баданъ, что жгутъ баднякъ, какъ полагаетъ Г. Потебня, а баднякъ такъ называется по тому, что жжется въ бадній день, вечеръ. Въ какой мѣрѣ филологія Г. Потебни основана на случайныхъ требованіяхъ, нагляднымъ свидѣтельствомъ служитъ слѣдующій фактъ. Уже былъ готовъ нашъ разборъ, когда прочитали мы Филологическія Записки г. 4. выпускъ 2 и 3, гдѣ, между прочимъ, помѣщена статья Г. Потебни: «О звуковыхъ особенностяхъ Русскихъ нарѣчій.» Здѣсь, на стр. 125, встрѣтили мы производство слова бондырь, посредствомъ Пол. Чеш. bednař, изъ предлога бе и существительнаго дно, и сопоставленіе, по формѣ, съ бесѣда, бескидъ (l) и бек-

рень (!?). Оставляя въ сторонѣ это словопроизводство, замѣтимъ, что Г. Потебня сюда же пріурочиваетъ Чеш. bedna и Малорус. бодня; если бы пришелъ при этомъ ему въ голову Серб. баднякъ и Серб. бадањ, то ужь, конечно, онъ не могъ бы не сблизить и ихъ съ бодня и не произвести точно также отъ бе и дно.

На стр. 19, въ прим. 52, сопоставляетъ онъ слова ведро и ядро съ Скр. вйдгра и съ глаголомъ idh и indh. Это сопоставленіе, относительно слова ведро, высказано давно уже другими. Такъ, Миклошичъ указалъ на него еще въ 1845 году, въ своихъ «Radices ling. Slav.,» и потомъ повторилъ въ 1862 году, въ «Lexicon Palaeo-Slovenicum.» Мы остановимъ вниманіе только на слѣдующемъ.

Г. Потебня не отмѣтилъ, какое ядро разумѣетъ онъ: ѫдро ли Старо-Славян., или ѫдро, ѫдръ? Первое, въ значеніи пазухи, нѣдра, второе въ смыслѣ скорость, скорый. Что до сближенія вйдгра, то мы ничего не имѣемъ противъ этого, и не понимаемъ, по чему смущаетъ автора Славянское е, вмѣсто Скр. и (i): корень idh имѣемъ короткое i, и въ образованіи сложнаго слова Славянскій языкъ могъ удержать его и правильно перемѣнить на е. Не забудемъ, что ведро не встрѣчается въ древнихъ Кирил. памятникахъ, такъ что покойный Востоковъ, въ своемъ Лексиконѣ, привелъ примѣръ изъ Лавр. списка Рус. лѣтописи; господствуетъ же оно въ памятникахъ Глагольскихъ, южныхъ. Совсѣмъ другое относительно ядро.

Если авторъ думалъ о ѫдръ,-дро, то значеніе скорый, казалось бы, могло остановить его; должно было остановить и значенье ядро, орѣхъ, зерно, яичко. Это ѫдро (скоро) и сближаютъ, дѣйствительно, съ Греч. ἰθαρός (citus; Zeitschrift, 7, 121). Что же касается до ѫдро, преобразовавшагося въ нѣдро, нѣдра, то тутъ, кромѣ значенія (пазуха), нельзя не остановиться и на звукѣ ѫ, не замѣняемомъ нигдѣ посредствомъ ѧ: его сопоставляютъ, по этому, съ Скр. adhara (нижняя часть, на которой держатъ, лоно; срв. Zeitschrift 3, 36). Есть еще третье ѫдро, ѫдрина, ѫдрило—парусъ; но чуть ли оно неродственно съ ѫдро (нѣдро), подымающееся, подобно пазухѣ, груди. Во всякомъ случаѣ, ни то, ни другое ѫдро, ни съ носовымъ, ни безъ носоваго звука, не имѣетъ ничего общаго съ Скр. indh.

Въ томъ же примѣчаніи сближено съ ведро и слово ядно, съ приставленнымъ къ нему значеніемъ жженіе, и, какъ будто, доказывающимъ происхожденіе отъ indh (жечь). Напрасно Г. Потебня такъ неразборчивъ на источники; вмѣсто Азбуковника, въ которомъ встрѣтилъ онъ значеніе жженіе, слѣдовало бы ему обратиться къ Словарямъ Востокова, или Миклошича, если уже самъ онъ такъ настойчиво уклоняется отъ памятниковъ. Востоковъ показалъ бы ему, что ѧдьно—собственно выѣденное мѣсто, слово одного корня съ ѧдьнѫ—пища, ѧдьць, ѧдьца — ядущій, слѣдовательно, происходитъ отъ ѧд, Скр. ad (ѣсть), не имѣющее ничего общаго съ indh (жечь). Но автору, во что бы то ни стало, хотѣлось, для своихъ миѳологическихъ объяснепій, отыскать въ ядро, встрѣчающемся въ пожеланіи подъ Новый Годъ, идею огня, и потъ онъ сближаетъ его съ ведро, а это, черезъ видгара, съ Скр. indh, а для большей убѣдительности, настаивалъ тутъ же и ядно.

Еще съ большею филологическою безцеремонностію сталкивается читатель на стр. 42—44, гдѣ сближаются самыя разнообразныя слова, чтобы добиться изъ нихъ идеи дробленья, и тѣмъ объяснить миѳическое воззрѣніе на хлѣбъ. Укажемъ лишь на нѣкоторые факты. Такъ сближены Г. Потебней: тръгати, дергать, торкать и тлъкать; крупа, хрупкій съ кряпать (бить) и хрящать (ломать). Что Малорусское торкать соотвѣтствуетъ Великорусскому торгать, — понятно: обще Русское *г* часто замѣняется въ Малор. черезъ *к*; но развѣ научно сопоставлять дръгати (заставлять дрожать) съ тръгати (рвать)? Что имѣетъ мѣсто по взаимныхъ отношеніяхъ двухъ нарѣчій, то можетъ вовсе не имѣть смысла въ двухъ словахъ одного и того же нарѣчія. Звуки *т* и *т* родственны, какъ *г* и *к*, и замѣняются другъ другомъ въ разныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ; но они и различны, какъ основные, коренные звуки, существовавшіе отъ самыхъ первыхъ зачатковъ языка, и какое же право имѣемъ мы подставлять одинъ вмѣсто другаго въ одномъ и томъ же древнѣйшемъ языкѣ? Тогда всѣ слова съ *д* могутъ замѣняться посредствомъ словъ съ *т*, и наоборотъ. Отсюда, если въ Старо-Славянскомъ находимъ вполнѣ самостоятельными дръгати, тръгати, тлъкати, то отожествлять

ихъ коренное происхожденіе возможно лишь подъ руководство неразборчиваго произвола.

Не съ меньшимъ произволомъ сближены и слова: крупа кряпать, хрупкій и хряпать. Звуки *у* и *я* могутъ родниться лишь при посредствѣ коренныхъ носовыхъ *ѫ*—*ѧ*: мы уже не го воримъ объ *о* и *а*, находящихся въ хропкій и храпкій, также при ставленныхъ Г. Потебней. Между тѣмъ, въ древнѣйшихъ памя никахъ Старо-Славянской письменности, находимъ только крупа и никогда крѫпа; нарѣчіе Польское, сберегшее носовые звуки указываетъ тоже только на krupa, во всѣхъ сложныхъ и произ водныхъ. Слово крупа скорѣе родственно съ крупный, въ чем трудно отмѣтить идею дробленія.

То же, если не больше, должно сказать и о сопоставленіи съ тою же цѣлью, слова дрозжи съ трость, дроздъ, троскот друзъ, дрязгъ, будто бы, съ кореннымъ значеніемъ — бить, ло мать. Отмѣтимъ только, что Старо-Славянское существительное дрождиа не имѣетъ вовсе глухаго звука, тогда какъ трость есть тръсть. О прихотливой замѣнѣ *д* и *т* сказали выше. Миклошич сравниваетъ Слав. дрождиѣ съ Литовскимъ drumstas, съ Ново-Нѣм trüsen, drusen, съ Ср.-Латин. drascus.

По поводу той же идеи дробленія, Г. Потебня утверждаетъ что блинъ, названіе извѣстнаго рода хлѣба, есть млинъ, а млинъ одного корня съ мельница, молоть, мелкій и т. д. Но желательно бы было прежде доказать, что Малор. млинъ не образовалось изъ блинъ, черезъ обыкновенную мѣну губныхъ *б* и *м*; не забудемъ что блинъ въ Литов. blinas, въ Ново-Верхне-Нѣмец. Blinze. В всякомъ случаѣ, сдѣланное Г. Потебней отожествленіе млина с жерновомъ, на томъ основаніи, что жерновъ употребляется в мельницѣ, и что млинъ, по формѣ своей, также круглый, какъ и жерновъ, лишено убѣдительности.

Но авторъ не ограничился и этимъ: млинъ, молоть и т. д. сближаетъ онъ съ милъ, милый, можетъ быть (!) мелкій. Но когда и гдѣ милъ значило первоначально мелкій, объ этомъ не спрашивайте, хотя бы противъ такого значенія и говорили всѣ извѣстные доселѣ памятники Древне-Славянской Литературы. Ни

клошичъ, еще въ 1845 году, сопоставилъ милъ съ Скр. корнемъ mil (convenire, societatem inire); повторилъ это сопоставленье и въ 60-хъ годахъ, въ своемъ Лексиконѣ.

Въ Славянскомъ языкѣ, въ ряду терминовъ для хлѣба, есть выраженіе брашьно, борошно. Нельзя ли какъ ни будь и его подвести подъ смыслъ дробленія, толоченья? И вотъ слѣдуетъ у Г. Потебни такое словопроизводство: «вѣроятно, борошно одного корня съ брать и значитъ почти то же (!), что мука̀, т. е., смолотое, растолченное. Брать, значитъ также и хватать, рвать, жать, рубить, откуда Старо-Славянское брады (сѣкира), пахать, откуда борона; вѣроятно, оно имѣло и значеніе толочь (стр. 44, прим.). Что брать когда ни будь значило и гдѣ ни будь значитъ жать, рубить, толочь, кромѣ Г. Потебни, едва ли кому либо извѣстно; что отъ брать можетъ происходить борона,—это понятно, по тому что ею забирается земля въ полѣ; но чтобы отъ брать же образовать и брады (=сѣкира), вставленное Г. Потебнею, естественно, для того, чтобы приблизить брашьно къ идеѣ толченья, рубленья, значило бы, ни болѣе ни менѣе, какъ попрать основные, элементарные законы Славянскаго словообразованія. Намъ остается только удивляться, какъ послушалось перо Г. Потебни раздѣлить брады такъ, что д очутилось отдѣленнымъ отъ бра и соединеннымъ съ окончаніемъ ы (=бра—ды). Окончаніе ы есть самостоятельное, исключительно гласное, соотвѣтствующее Скр. ĭ, Лат. u, четвертаго склоненія, образующее, въ Славянскомъ языкѣ, особое склоненіе, сходящееся съ склоненіемъ на тему согласную (брад—ы, род. брадъве, дат. брадъви и т. д.), и не предлагающее ни одного примѣра, въ которомъ бы предыдущій согласный звукъ не относился къ корню (люб—ы, свекр—ы, смок—ы, прьк—ы и т. д.). Но для Г. Потебни оказывается легкимъ миновать законы, лишь бы вывести любимую идею. Звукъ д, въ брад—ы, можетъ принадлежать только къ корню, а слѣдовательно и съ бра—ти не имѣетъ ничего общаго; вотъ по чему Гриммъ и сравниваетъ наще брад—ы съ Древне-Верхне-Нѣмецк. barta (сѣкира, Wörterb. I, 1143), а Дицъ съ Средне-Верхне-Нѣм. bart (I, 93). Что же до самаго слова брашьно, то мы ничего не можемъ сказать противъ сближенія его Миклошичемъ съ Скр. bhrakš, съ значеніемъ съѣдать, ѣсть.

Г. Потебнѣ захотѣлось обрядъ обсыпанья перенести на небо и сравнить съ дождемъ, отсюда явилась непремѣнная надобность и въ словахъ, заключающихъ идею обсыпанья, отыскать первоначальную идею литья, и вотъ, на стр. 62, онъ приводитъ областныя Русскія слова пурить, пура, пырка, пурынь (=зола), и объясняетъ, что корень ихъ долженъ быть пър—пур съ первоначальнымъ значеніемъ лить. А между тѣмъ, дѣло гораздо проще и въ результатѣ приводитъ къ обратному заключенію. Старо-Славянское пыро значитъ мука; отсюда прилагательное пырѣнъ, пырнинъ — мучной; то же и въ др. Слав. нарѣчіяхъ, съ тѣмъ же значеніемъ и съ отвѣтственнымъ каждому видоизмѣненіемъ ы; это же слово, съ тѣмъ же значеніемъ, находимъ и въ другихъ языкахъ: Литов. purji (triticum), Греч. πυρός, Скр. pura. Родство пыро съ pura уже указано Куномъ (Beiträge zur vergleich. Sprachfors. 2, 376; Indis. Stud; I, 356). Отсюда понятна и пурынь (зола), и пурга (мятель), т. е., порошащая, запорашивающая; отсюда и пурить (мочиться), испускать мелкія капли, какъ изъ сита, порошить Такимъ образомъ, выводъ долженъ быть совершенно обратный, отъ первоначальнаго значенья мука, а не отъ лить. Принимая же во вниманіе Серб. пырити (дуть, вздувать), Чеш. pyřeti (то же), имѣемъ полное право заключать и о коренномъ значеніи въ словѣ пыро — дуть, вздувать (легко вздуваемое, мука). какъ въ пухъ отъ пу (=дуть).

Здѣсь же не можемъ пройти безъ замѣчанія и объясненія слова прахъ, предполагающаго, по мнѣнію Г. Потебни, по всему вѣроятію, Слав. прахъ—дождь, а не на оборотъ. И это по тому только, что Чеш. pršeti значитъ дождить, ити мелкому дождю: за это и уцѣпился Г. Потебня, которому и тутъ хотѣлось дойти до основнаго значенья—лить. Но нашелъ ли онъ хотя въ одномъ нарѣчіи прахъ въ значеніи дождя? Слово прахъ всюду и всегда значило пыль, и какъ отъ пыро явилось пурить (мочиться), черезъ пырити (вздувать, поднимать пыль), такъ и пръшити значитъ прежде прашити, порошить, порхать, а потомъ уже мжить, ити дождю, какъ изъ сита.

Еще страннѣе видѣть первоначальное значеніе лить въ существительномъ буря по тому только, что въ областномъ говорѣ бурить значитъ мочиться. Буря всегда значила, значитъ всюду и

теперь бурю, т. е., вѣтеръ, мятель, а не дождь, какъ полагаетъ Г. Потебня, въ примѣч. 197; то же самое и пурга значитъ прежде всего и распространеннѣе всего вьюга, мятель; и мы не знаемъ, чему приписать положительность Г. Потебни, увѣряющаго (тамъ же), будто пурга, собственно дождь, не извѣстно (!!) въ значеніи вьюги, мятели. Существительное же буря происходитъ отъ корня бур (Miklos. Lexicon), съ значеніемъ издавать шумъ, шумѣть. Необъяснима для насъ и рѣшительность автора, доказывающаго синонимичность словъ: пухъ и прахъ (прим. 199); въ приведенной поговоркѣ—въ пухъ и прахъ оба слова вполнѣ самостоятельны, каждое съ своимъ собственнымъ значеніемъ; въ неловко же оторванномъ клочкѣ изъ пѣсни, сущ. пухъ опять стоитъ на своемъ мѣстѣ, и ни чѣмъ не указываетъ на прахъ.

Не видимъ себя въ правѣ согласиться съ авторомъ даже и на счетъ значенія глагола сыпать, будто бы первоначально заключавшаго смыслъ литья; намъ извѣстно только, что въ древнѣйшихъ памятникахъ онъ употребляется съ значеньемъ сыпать, spargere.

Объ объясненіи основнаго смысла слова солома (стр. 74), мы не будемъ говорить ничего, какъ не говорили о словопроизводствѣ Овсеня (стр. 21) и серны (стр. 35); не станемъ говорить по тому, что объясненіе это принадлежитъ не Г. Потебнѣ, а уже обстоятельно изложено Курціемъ, въ Grundzüge d. griech. Etym. I,108, гдѣ такъ убѣдительно отвергнуто и прежнее производство соломы отъ корня str. На мѣстѣ Г. Потебни мы не видѣли бы причины не указать на этотъ источникъ тутъ, какъ и при производствѣ Авсеня отъ uš (тамъ же, I,189).

Въ примѣчаніи 254, стран. 75, при словѣ окручать, намъ осталось непонятнымъ соединеніе представленій заплетанья, одѣванья и брака, ежели только Г. Потебня думалъ тутъ видѣть что либо больше, кромѣ самаго простаго и естественнаго перехода слова отъ понятія общаго къ частному случаю, отъ одѣванья и заплетанья, вообще къ обряду заплетанья и убиранья головы молодой послѣ вѣнца. Окручать происходитъ, очевидно, отъ кржть (tortus), откуда кржтить (крутить, завивать). Отъ понятія же крутить, запахнуть, запахнуться, явилось и значеніе одѣвать, одѣваться; отсю-

окрутниками, въ Новгородѣ, называются наряженые, замаскированные (во время Святокъ).

Едва ли гдѣ ни будь, въ разсматриваемомъ изслѣдованіи, высказался такъ ярко оригинальный взглядъ Г. Потебни на Филологію, какъ въ обслѣдованіи слова Яга (стр. 91, прим. 7). По этому позволимъ себѣ и мы остановиться на этомъ мѣстѣ подробнѣе.

Стараясь объяснить звуки *г*, *д*, *з*, *дз*, встрѣчающіеся въ выраженіи Яга, по разнымъ Славянскимъ нарѣчіямъ: Польское Jędza, Словац. Jenzi, Ježi; Чеш. Jedu, Jezinka, Галиц.-Рус. Язя, и усиливаясь подвести первоначальный смыслъ Яга подъ понятіе огня, жженья, а слѣдовательно домогаясь до того же корня indh, отъ котораго происходитъ ведро и съ которымъ такъ неловко сблизилъ Г. Потебня ядно и ядро, онъ начинаетъ отъ болѣе яснаго, по его мнѣнію, сравненія Слав. слова звонъ съ Скр. корнемъ dhvan. Дѣйствительно, въ 1845 году Миклошичъ такъ объяснялъ существительное звонъ; но Боппъ, въ новомъ изданіи «Vergleich. Gramm.» (I,151), возстаетъ противъ этого и указываетъ на на svan (sonare, sonus), съ которымъ сближаетъ (предполагая *s* изъ *ç*) термины Нѣмецкіе, Англосаксонскіе и т. д. Соотвѣтствіе *з* звуку *s* оправдывается словами puša, звѣзда. Миклошичъ, въ своемъ Лексиконѣ, видимо склоняется уже на сторону Боппа. Такимъ образомъ, посредствующій органъ, которымъ думалъ Г. Потебня оправдать свое производство, оказывается несостоятельнымъ. Но посмотримъ на звуковыя сближенія самаго автора.

Прежде всего поражаетъ сопоставленіе Скр. *dh* (слѣдовательно, Греч. ϑ) съ Славянскими звуками *г*, *з*, *дз* и даже съ *ж*, а въ заключеніе съ *д*, тогда какъ общій законъ, указанный Гриммомъ подтвержденный и доказанный Миллеромъ (Vorlesungen über die Wissen. d. Sprache, 2 Serie, 1865, S. 210), свидѣтельствуетъ лишь объ одномъ, что *dh* равняется въ Славянскомъ звуку *д*. Авторъ ни однимъ примѣромъ не подорвалъ этого кореннаго закона: примѣръ въ сущ. звонъ сюда уже ити не можетъ; да къ тому же, онъ могъ бы говорить только въ пользу *д* и *з*, но ни чуть въ пользу *г*, или *ж*.

Далѣе, Г. Потебня, чтобы настоять на своемъ производствѣ отъ indh, пускается въ доказательство средства *г* и *д* и замѣны

послѣдняго первымъ. Какія же это доказательства? «*з* и *ж*, въ Рус. Язя, Словац. Ježibaba, предполагаютъ *г*, а это могло выйти изъ dh, какъ въ словѣ звонъ, дзвонъ отъ корня dhvaṅ.» Но гдѣ же въ звонъ звукъ *г*? Тутъ находимъ мы только *з*, да по Малор. говору *дз*. Или авторъ думаетъ, что изъ корейнаго *dh* выбросилось *d* и осталось одно *h*? Но въ такомъ случаѣ, нельзя не упрекнуть его въ особенности пониманья Санскритскихъ придыханій при согласныхъ, зубныхъ и небныхъ, а также и господствующей замѣны ихъ въ тѣхъ родственныхъ языкахъ, которые утратили придыхательность: вѣдь въ послѣднихъ, этою утратою, остались обыкновенно простые согласные, подвергнувшись, уже на почвѣ спеціяльнаго ихъ, отдѣльнаго развитія, своеобразнымъ измѣненіямъ. Отсюда, и въ Славянскомъ языкѣ, съ потерей придыхательности, остались прежде всего изъ *gh*—*г*, изъ *kh*—*к*, изъ *th*—*т*, изъ *dh*—*д*. Обратное явленіе, чтобы въ позднѣйшихъ языкахъ уцѣлѣло придыханіе и затерялся коренной звукъ, останется до тѣхъ поръ безпримѣрнымъ, пока Г. Потебня не докажетъ этого какъ можно большимъ количествомъ примѣровъ, и притомъ положительныхъ, несомнѣнныхъ. До тѣхъ же поръ, предположеніе, что изъ indh выбросилось *д*, а осталось одно *h*, превратившееся въ Славянскомъ въ *з* и *ѕ*, позволимъ считать слѣдствіемъ чистаго произвола.

Но этого мало. Допуская предположеніе Г. Потебни, мы, значитъ, должны допустить и двойственность въ образованіи одного и того же слова у Славянъ, и не только по разнымъ нарѣчіямъ, но даже въ одномъ и томъ же нарѣчіи. Такъ Чешское нарѣчіе, въ выраженіяхъ: Jedu (baba) и Jezinka, выходитъ, одинъ разъ изъ кореннаго *dh* выбросило *г* и оставило *д*, въ другой выбросило *д* и оставило *г*, превратившееся, уже въ силу Славянской спеціяльности, въ *з*. Однако же, Г. Потебня хочетъ подтверждать и примѣрами чередованье звуковъ *д* и *г*, и указываетъ на слѣдующія: а) ядно, б) язва, в) ягнуть (областное Псковское): всѣ эти слова, по его мнѣнію, происходятъ отъ того же indh.

Насъ удивляетъ прежде всего способъ доказывать тѣмъ, что должно быть доказано само, именно, что *д* въ indh способно превращается въ *д*, *г* и *з*. Относительно ядно, мы уже видѣли, что оно происходитъ отъ *ад* (ѣсть), и авторъ ошибся, довѣрившись Азбуковнику. Оставляя въ сторонѣ язва (Литовск. aiza, трещина, рас-

щелина), не можемъ не поразиться указаніемъ на областное ягнуть: вѣдь оно само прежде всего требуетъ объясненья, а Г. Потебня приводитъ его въ доказательство! Да ягнуть могло пойти просто отъ лягнуть (срв. ледва=едва), или отъ ягня, и значитъ кольнуть. Г. Потебня схватился за выраженье жигнуть, которымъ въ Областномъ Словарѣ объяснено слово ягнуть. Но не уже ли же, въ самомъ дѣлѣ, логично отъ значенья корня въ объясняющемъ словѣ заключать объ основномъ значеньи объясняемаго, и на этомъ основаніи строить цѣлый миѳъ? Жигнуть, жигануть въ обыкновенномъ говорѣ значитъ просто ударить, хватить; объясняющій въ словарѣ слова вовсе не думаетъ о первоначальномъ смыслѣ объяснительнаго слова, а употребляетъ его, для уясненія непонятнаго реченія, въ томъ значеніи, какое во всеобщемъ ходу.

Такъ много предположеній, произвола и неправильностей въ производствѣ Яги, и все это, конечно, отъ того, что автору хотѣлось оправдать фактами языка напередъ предположенную идею въ значеніи Яги. Между тѣмъ, если бы онъ слѣдовалъ обратному пути, т. е., предварительно обслѣдовалъ факты, то едва ли бы не избѣжалъ ошибокъ, да правильнѣе опредѣлилъ бы и основный характеръ Бабы-Яги. Для Г. Потебни и дѣло-то было бы, рѣшаемся думать, легкое: стоило только отбросить предвзятую идею, не ставить на дыбы словъ и воспользоваться тѣмъ миѳическимъ терминомъ, который не разъ приводится имъ въ сочиненіи.

Начнемъ съ Хорутанскаго слова ježa, съ выраженія konj k ježi, т. е., верховый конь, конь для ѣзды. Это слово совершенно правильно сопоставлено Миклошичемъ съ Старо-Слав. ѩзда, въ смыслѣ не только ѣзды, но и летанья. Относительно ѩзда не можетъ быть сомнѣнія, что оно одного происхожденья съ ѩздити, ѣздити (ѣду). Нельзя не желать узнать корень, для точнѣйшаго опредѣленія значенія.

Санскритъ предлагаетъ намъ корень *ah*, усиливаемый носовымъ звукомъ *ăh* и замѣняемый посредствомъ *ag* и *àg*, съ значеніемъ ити, двигаться, откуда происходитъ и существительное ahi (serpens, змѣя). Латин. anguis, Слав. жжь (=анжь), Греч. ἔνχελυς и ὄφις. Какъ въ Санскритѣ встрѣчаемъ мы слова и съ носовымъ назвукомъ и безъ него, такъ тоже и въ указанныхъ производныхъ

другихъ языковъ, такъ и въ Славянскомъ: ага (=јага=яга) и жжь Но г Славянское смягчается въ *жд=зд*, Пол. *dz*; смягчается въ *з* и *ж*, черезъ это; ѫждити, ѣздить, ѫzа и jędza, или Словац. jezi, всецѣло соотвѣтствующее, по формѣ, Скр. ahi. Коренное значеніе, слѣдовательно. Яги будетъ: двигающійся, идущій, ѣдущій, сохранившееся въ Хорутанскомъ konj k ježi. Понятно, что этотъ первоначальный смыслъ въ словѣ Яга утратился,—и вотъ Чеш. jedu (baba) воспроизвело этотъ смыслъ новообразованнымъ словомъ изъ ѫждати, ѣздити, ѫдж, ѣдж. Вѣроятно, и самое ѫхати принадлежитъ тому же корню аг, ăг. Характеръ Яги, извѣстный по всѣмъ Славянскимъ сказкамъ, представляющимъ ее въ главнѣйшихъ моментахъ ѣдущею, только подтверждаетъ этотъ смыслъ. При такомъ взглядѣ на происхожденіе слова Яга, мы не станемъ въ противорѣчіе и съ законами Гриммовой таблицы, ни съ обстоятельнымъ Мюллеровымъ ученіемъ: Скр. *g* и *h* соотвѣтствуютъ въ Славян. *г* и *з*, а черезъ нихъ *дз* и *ж*. Замѣтимъ, наконецъ, что Г. Потебня, на стр. 96, уже самъ сознается въ неясности для него этимологическаго значенія слова яга.

На сколько сильнѣе, въ филологическихъ объясненіяхъ Г. Потебни, личные его догадки, сравнительно съ положительными данными языка, доказываетъ взглядъ его на слово лисица (стр. 132). Ему непремѣнно надобно было сдѣлать лисицу сестрой волку, а для этого необходимо окрестить и самое слово въ женскій родъ, и вотъ онъ уже находитъ подтвержденіе въ томъ, что Слав. языкъ знаетъ лису, лисицу, а отсюда готово и заключеніе, что «женскій родъ нашего слова лиса древнѣе мужескаго въ Нѣмецкомъ языкѣ.» Стоитъ ли говорить что ни будь противъ этого? Замѣтимъ одно: Старо-Славянское нарѣчіе не знаетъ вовсе лисы, а знаетъ лиса. Едва ли можно и сомнѣваться, что искони существовалъ двоякій родъ, муж. лисъ и жен. лиса, какъ въ Славянскомъ, такъ и въ Германскомъ. Если же сообразоваться съ наличными данными языка, то съ гораздо большимъ правомъ можно утверждать преимущественную древность муж. рода: кромѣ Старо-Славянскаго нарѣчія, съ муж. родомъ, является лиса и въ Серб. (лисъ), и въ Польск., и въ Чеш., и въ Лужицкомъ и въ другихъ, и мы рѣшительно недоумѣваемъ, какъ понять и чѣмъ объяснить выводъ Г. Потебни. Все говоритъ положительно противъ него, а онъ спо-

кoйно доказываетъ исконностью и исключительностью женскаго рода въ Славянскомъ языкѣ миѳическое отношеніе лисицы къ волку, какъ сестры къ брату, по тому только, что въ такомъ отношеніи попадаются они въ нѣкоторыхъ сказкахъ, и по тому, что, при женскомъ родѣ лисицы, удобнѣе сближать ее съ Ягой-Бабой и заставлять принимать миѳическое участіе въ родинахъ и т. д.

Отсюда уже, при увѣренности въ женскомъ миѳическомъ значеніи лисицы, равно и куницы, Г. Потебня свободно видитъ указаніе на него и въ техническихъ областныхъ терминахъ, для выраженія посредствомъ этихъ словъ подарковъ, по случаю брака, молодымъ, или отъ молодыхъ. Такъ куницей называется коегдѣ плата новобрачной пану, или городничему; лисицей — пряникъ молодымъ отъ сродниковъ, на другой день свадьбы (стр. 136, прим. 107). Надобно ли распространяться, что терминъ куница обязанъ своимъ значеніемъ, въ настоящемъ случаѣ, древнему выраженію куны, т. е., деньги, которыми должна была дѣйствительно откупаться брачущаяся. Обязанность исчезла, но обратилась въ обычай, съ которымъ сберегло сь и самое слово куна, куница. Подобный же переходъ значенія совершился, безъ сомнѣнія, и съ лисицей (т. е., мѣхомъ), и видѣть тутъ что либо миѳическое едва ли логично Но Г. Потебня, хотя и отказывается объяснить, все же ставитъ въ связь съ своимъ миѳическимъ стремленіемъ и Серб. выраженіе лисице, лисичине, въ значеніи кандалы, оковы, путы, а также Пол.-Чеш. kuna, въ подобномъ же смыслѣ. Но первое, лисице, лисичине, очевидно, родственно съ Старо-Слав. лѣса, въ значеніи — плетенка, что либо сплетенное, Чеш. lesa, leska, съ тѣмъ же смысломъ; сюда же, само собою, входитъ Русское лѣса, лѣсца, столь извѣстное ловящимъ рыбу удочкой. Корень этого слова, вѣроятнѣе всего, находится въ Скр. глаголѣ las (работать руками, плести). Что касается до Чешско-Польскаго выраженія kuna, то появленіе его съ этимъ смысломъ объясняется Польскимъ же gąsior, въ значеніи желѣза, путъ на шеѣ (отъ чего человѣкъ держитъ шею, подобно гусю, какъ gąsior), и сосуда съ вытянутою длинною шейкой, слѣдовательно, могло перенестись отъ сходства съ силками, съ западней для куны. Какъ бы то ни было, но объясненіе, основанное на исторіи и на простомъ, безъискуственномъ переходѣ значенія, заставляетъ отбросить натянутое возведеніе къ чему-то миѳическому.

Страница 212, съ примѣчаніемъ 234, напоминаетъ намъ живо филологическій пріемъ въ объясненіи словъ дергать, торгать и дрожди, равно и при словѣ Яга. По поводу родственности выраженій быкъ и бъчела, давно уже извѣстной и основанной на прочныхъ звуковыхъ началахъ, авторъ сближаетъ съ бук и бык слова буг, буз, быз, быдз. Опровергать все это находимъ излишнимъ; въ противномъ случаѣ, нельзя не подумать о возможности подвести весь матеріялъ языка подъ какой либо одинъ корень. Вмѣсто опроверженія, мы позволимъ только себѣ спросить автора: гдѣ же посредствующія ступени для буз и быз, еще болѣе для быдз? Странно, что Г. Потебня не хочетъ признать той простой истины, что современныя простонародныя выраженія можно и должно брать въ сравненіе, тѣмъ болѣе въ доказательство столь темныхъ вопросовъ, но не иначе, какъ при посредствѣ исторіи; лишь тогда могутъ имѣть смыслъ звуковыя ихъ разнообразія, когда будутъ представлены для нихъ историческіе посредники, и когда образованіе ихъ будетъ опираться на положительныхъ звуковыхъ законахъ: «wenn wir es nur sorgsam prüfen und zergliedern,» говоритъ Максъ Мюллеръ (Vorles: üb. die Wissenschaft d. Sprache, 2 Serie, S. 12).

Въ томъ же примѣчаніи сталкиваемся мы съ производствомъ слова жукъ и съ оригинальнымъ сближеніемъ его съ другими словами. Вотъ какъ опредѣляетъ Г. Потебня корень слова жукъ: «его можно сблизить или съ жьг (съ значеніемъ огня, потомъ чернаго цвѣта): срв. жужель (*у* изъ *ъ*), пѣна при плавкѣ металловъ, Рус.-Пол. жужелица, то же и извѣстное насѣкомое, Тверск. жугля—какое ни будь живое существо, Вятско-Пермское жужга (удвоеніе корня жьг), навозный жукъ, или съ Чеш. жукати, жужжать.» Трудно рѣшить, чему приходится больше удивляться: силѣ ли воображенія автора, или филологической неразборчивости средствъ для доказательства предвзятой идеи.

Во а) допустивши корень жьг, мы должны отказаться отъ слова жукъ, по тому что оно необъяснимо, ни по формѣ, ни по значенію, изъ упомянутаго корня. Правда, авторъ утверждаетъ, что *у* происходитъ изъ *ъ*; но въ жьг встрѣчаемъ мы только *ь*, и никогда *ъ*, котораго при *ж* и быть не можетъ. По этому, нѣтъ и ни одного видоизмѣненія корня жьг, которое бы указывало на *ъ* (жегу, жигати, жагати, гдѣ *а* изъ *jѣ*). Слѣдо-

вательно, подобное производство жука есть чистый произволъ. Во б) слово жужель, жужелица, жугля должны быть выброшены изъ сравненія съ жукомъ, даже на основаніи малѣйшаго вниманія къ значенію, не заключающему ничего общаго между первыми и послѣднимъ, когда уже мы знаемъ о несоединимости жука съ корнемъ жьг. Авторъ видимо чувствовалъ это, и вбросилъ, какъ бы посредствующій терминъ, Вят.-Пермск. жужга, дѣйствительно употребляющееся въ смыслѣ навознаго жука и, такимъ образомъ, какъ бы связывающее формально жужель, жужелица и жугля съ жукомъ. Но именно этотъ-то посредствующій терминъ и доказываетъ, какъ, съ одной стороны, должно быть осторожнымъ съ простонародными словами, съ другой—до какой степени Г. Потебня обращается съ ними своевольно, отвергая рѣшительно путь строгой науки. Казалось бы, немного стоило вникнуть въ выраженіе жужга, чтобы подмѣтить въ немъ настоящаго жучка. Напрасно авторъ не захотѣлъ справиться съ свойствами Вятско-Пермскаго говора: отчетливая характеристика его у Г. Даля удержала бы разомъ порывъ его фантазіи. Извѣстно, что этотъ говоръ замѣняетъ ч посредствомъ *ш*, а *к* посредствомъ *г*., отсюда, вм. жучка (жучокъ), должно явиться жушга, а въ слѣдствіе Обще-Славянскаго закона превращенія отзвучныхъ передъ звучными въ звучные (*ш* передъ *г* въ *ж*), жужга. Господинъ же Потебня преважно удваиваетъ для этого слова корень жьг, и думаетъ видѣть въ этомъ доказательство первобытной связи жука съ огнемъ! Въ в) сближеніе жука съ Чешск. жукати, понятно, ничего не объясняетъ, такъ какъ само оно происходитъ отъ жукъ.

Въ г) Г. Потебня идетъ далѣе въ сближеніяхъ и сопоставляетъ жукъ, а съ нимъ жужель, жужелица, съ зука, зыкъ и т. п. Оставляя пока въ сторонѣ жужель и жужелицу, замѣтимъ, что противъ сближенія жука съ зукомъ не имѣемъ мы ничего, и именно по тому, что древній языкъ Славянскій, не зная жука, употреблялъ вмѣсто него слово зоука, имѣя въ то же время и сущест. зоукъ для выраженія понятій: звука, шума, крика. Но зоукъ и зоука, очевидно, происходятъ отъ зоу, являющагося въ зъв—ати, зъв—аніе, что въ Старо-Слав. значитъ крикъ, кричанье. Ставянское же зоу есть Скр. hu или, съ законнымъ видоизмѣненіемъ его, hoć, съ значеніемъ: звать, взывать; съ нимъ

и сравниваетъ наше звать Боппъ, сопоставляя съ Исландск. hoia (ржать), Древне-Нѣмец. hoaijôn и т. д., отсюда и зыкъ, зычать и т. п.; отсюда и Серб. зука, жужжанье пчелъ; зуяти, жужжать, и зуякъ, навозный жукъ. Отсюда, коренное значеніе жукъ, зукъ есть шумъ, жужжанье, а слѣдовательно и зыкъ — бѣганье скота, и зыкать, вести себя бойко (о дѣвушкѣ), получили эти значенія отъ шума, крика, а не наоборотъ, какъ увѣряетъ Г. Потебня, т. е., не отъ понятія соединенія (половаго), брака, тѣмъ менѣе огня.

Въ д) Что же касается до жужель, жужелица, идущихъ изъ глубокой древности и распространенныхъ по всѣмъ нарѣчіямъ Славянскимъ, съ значеніемъ червя, бабочки, моли, перешедшихъ даже и въ Мадьярскій языкъ (žižak), то происхожденіе ихъ и первоначальное значеніе справедливо сопоставлены Миклошичемъ съ Скр gudź (murmurare), между прочимъ, и по тому, что значеніе шума сохранилось и донынѣ въ этихъ словахъ: Хорв. žužanj значитъ шумъ (strepitus); Рус. жужжать.

Въ заключеніе всего выходитъ, что какъ быкъ, бъчела (=пчела) произошли отъ звука, шума, такъ точно и жукъ, зукъ и жужель, жужелица, хотя и отъ различныхъ корней, не имѣющихъ, впрочемъ, ни малѣйшаго отношенія къ жьг или огню.

На стр. 252, Г. Потебня, по субъективному своему воззрѣнію, доходитъ до отождествленія миѳическаго змѣя и бочки; а какъ представленія сосуда и брюха сростны (разумѣется, по мнѣнію того же Г. Потебни), то змѣй представляется и туловищемъ, т. е., брюхомъ. При этомъ и лингвистическія указанія: «тулъ и туловище, Польск. tułub, Пол. kadłub (предполагаетъ, ка—длъ—бъ, нѣчто выдолбленное), туловище. Отсюда, рядомъ съ представленіемъ змѣя сосудомъ, представленіе его туловищемъ (т. е., брюхомъ).» Спрашивается, гдѣ могъ найти авторъ хотя какой ни будь намекъ на то, чтобы туловище когда ни будь означало брюхо? Гдѣ отыскалъ онъ и иное значеніе для тула, кромѣ исключительнаго pharetra? Независимо отъ этого, мы не можемъ согласиться и съ представленіемъ змѣя даже туловищемъ въ сказкахъ, не только брюхомъ. Приведенное Г. Потебней сказочное выраженіе, что старый змѣй оборачивается человѣкомъ

безъ рукъ, безъ ногъ, вовсе не говоритъ о туловищѣ, которое отрицаетъ и голову, которой, однако же, не лишился змѣй, и напрасно, по крайней мѣрѣ произвольно, Г. Потебня прибавилъ въ скобкахъ объяснительное—одно туловище. Впрочемъ, это больше уже относится къ способу его толкованія самаго миѳологическаго матеріяла; въ настоящую же минуту насъ занимаютъ его филологическія сближенія и объясненія.

Г. Потебня сопоставляетъ тулъ съ длъб, чтобы опредѣлить значеніе туловища, какъ чего-то выдолбленнаго. Но во а) гдѣ же Старо-Слав. лъ переходитъ въ Старо-Славянскомъ же въ ул? а тоулъ находится и въ Старо-Славянскомъ? Во б) по чему же *д* (въ длъ-б) перешло въ *т* (въ тоулъ)? Въ в) куда же *б* дѣлось въ длъб? Или оно не принадлежитъ корню? Въ самомъ дѣлѣ, Г. Потебня раздѣляетъ его такъ: длъ-бъ, какъ будто *бъ* есть образовательный суффиксъ. Но вѣдь это скорѣе можно принять за шутку, до того очевидна и извѣстна неотдѣльность *б* въ корнѣ длъ-б. Наконецъ, въ г) тулъ имѣетъ въ корнѣ тул (tul), нести, носить; Готск. thula, tolerare (срв. Боппъ, Glos. подъ tul, Miklos. Lexicon подъ тоулъ); между тѣмъ какъ длъбсти сближается съ Англо-Сакс. dilfau, Лат. glubere (Zeitschr. f. vergleich. Sprach, 7, 173).

А что сказать противъ отнесенія Г. Потебней Пол. kadłub къ корню длъбъ? Серьезно приходитъ въ голову, ужь не думалъ ли онъ подсмѣяться надъ читателемъ? Избравши Лексиконы главнымъ основаніемъ своихъ филологическихъ сближеній и производствъ, онъ бы могъ легко отыскать въ Серб. нарѣчіи калупъ, одинаковаго значенія съ Польск. kadłub, и тогда, надѣемся, безъ труда опредѣлилъ бы источникъ, изъ котораго появился въ Польскомъ словѣ звукъ *д* передъ *л*. Что же касается до формы tułub, то мы попросили бы автора взглянуть на слово tułów (откуда туловище) въ Польскомъ Словарѣ Линде; тамъ увидѣлъ бы онъ, что tułub лишь одна изъ нѣсколькихъ мѣстныхъ формъ указаннаго слова tułów.

Слѣдующая страница (253) доставила Филологіи новое своеобразное производство, по поводу объясненія слова кощей. Указавши на сказочный характеръ кощея, Г. Потебня продолжаетъ: «все это даетъ нѣкоторое право (?), миновавши (?) Старо-Слав. кощь, сухой, худой тѣломъ, сблизить Слав. кощей

съ Скр. кукши (брюхо, утроба, пещера). Со стороны звуковъ, кажется (!), нѣтъ препятствій: *у*=*о* (Скр. куккуша=Серб. кокошъ), кш=ск, *щ* (Скр. кшам, терпѣть, и о-скома, когда зубы терпнутъ, щемѣть, болѣть извѣстнымъ образомъ).» Этотъ образецъ филологическаго пріема требуетъ опять остановки.

1) Кощей сближается съ кукши. Но тогда какъ въ кощей звукъ *щ* есть, очевидно, коренной, связанный нераздѣльно съ *ко*, въ Скр. кукши послѣдній слогъ *ши* есть образовательный, приставленный къ корню кук, что значитъ брать, принимать (въ данномъ примѣрѣ, разумѣется, пищу).

2) По мнѣнію Г. Потебни, очень легко приравнивается коренное *у* Славянскому *о*. На дѣлѣ не такъ. Замѣна *у* посредствомъ *о* въ Старо-Славянскомъ нарѣчіи необыкновенная рѣдкость, и Шлейхеръ отмѣтилъ только два случая (сноха да оба) и лишь подъ сомнѣніемъ третій (родить изъ rudh. Formenl. d. Kirch. Slav. Sprach., S. 57).

3) Г. Потебня въ доказательство приводитъ Серб. кокошъ, равное у него Скр. куккуша. Но такое сравненіе требуетъ тѣмъ большаго вниманія и доказательствъ, что Славянская Филологія предлагаетъ объясненіе кокоша (не Сербск. только, а и Старо-Славянскаго и другихъ Славянскихъ нарѣчій) совершенно иное. Его производятъ изъ kâka, въ значеніи воронъ (cornix), откуда kâkaракша—гребень (у птицы), kâkâla, тоже воронъ,—очевидно выраженіе звукоподражательное, отсюда и Слав. кок, квок (Mikl., Lexicon). Что до кукуша, или куккута, или куккубга, названныхъ также звукоподражательно, то ихъ можно сблизить только съ кукушей, кукушкой.

4) *кш* = *ск*, думаетъ Г. Потебня, и скрѣпляетъ примѣромъ оскомина, сопоставленнымъ съ Скр. kšam. Но, вѣдь, послѣднее требуетъ не менѣе настоятельно доказательства, чѣмъ и то, что имъ доказывается Филологія, между тѣмъ, не знаетъ, будто Скр. *кш* равняется Славянскому *ск*; знаетъ она, напротивъ, что Скр. kš=Греч. ξ, Латин. *x* и въ Славянскомъ замѣняется посредствомъ *с*. Такъ, Скр. dakšima, Греч. δέξιος, Лат. dexter, Слав. десьнъ, Лит. deszinė; akša, ἄξων, axis, Литов. aszis, ось; Скр. takš, Слав. тесать. Удивительно, что Г. Потебня забылъ сказанное

имъ выше (на стр. 7); тамъ онъ самъ сопоставляетъ Скр. kš съ Слав. c; но тамъ надобно ему было доказать равенство Санскритскаго рикши Славянской рыси.

Въ то время, какъ авторъ не совсѣмъ позволительно минуетъ Старо-Славянское нарѣчіе, на немъ и Древне-Русскомъ языкѣ слѣдовало бы остановиться прежде всего, и особенно прежде, чѣмъ дать волю субъективному взгляду Въ Старо-Славянскомъ нарѣчіи слово кощь, кошть попадается исключительно въ значеніи сухой, тощій, тонкій, блѣднолицій (ξηρός, σπανός, gracilis), и, очевидно, стоитъ въ непосредственной связи съ своимъ корнемъ—кость, какъ прилагательное къ существительному. Слѣдующіе примѣры Древне-Русскаго языка только видоизмѣняютъ значеніе кощея, ни мало не уничтожая кореннаго его смысла: «и бяше съ нимъ (съ Андреемъ Боголюбскимъ, въ ночь убіенія его) одинъ кощей малъ» (Новг. I, подъ 1174 г.); «идоша князи 9 дновъ изъ Кіева, и бысть вѣсть Половцемъ отъ кощѣя отъ Гаврилкова отъ Ославича» (Ипат. стр. 98, подъ 1170 год.) Въ обоихъ примѣрахъ, кощей значитъ слуга, пажъ, мальчикъ; въ нынѣшнемъ употребленіи—костлявый человѣкъ, скряга, скупецъ Послѣдовательность значенія явственна: сухость, истощенность равносильны слабости; идея же слабости отожествлялась съ малостью. На все это предлагаетъ Древне-Русскій языкъ свидѣтельство и въ другихъ выраженіяхъ (см. Объ особен. Малор. нарѣчія, стр. 21). Понятіе сухости, изможденности, весьма естественно связалось и съ скряжничествомъ. Но Г. Потебня, во что бы то ни стало, желаетъ натянуть первоначальное значеніе кощея на миѳическое существо и, образовавши самое слово изъ кукши, переводитъ потомъ значеніе въ демоническаго человѣка, далѣе въ иноплеменника, военнаго врача, и наконецъ раба-плѣнника. Надобны, однако же, свидѣтельства подобнаго перехода значенія: у Г. Потебни и за ними нѣтъ остановки; но какъ указанные примѣры изъ Старо-Славянскаго и Древне-Русскаго нарѣчій ничего подобнаго не говорятъ, то автору и оставалось ухватиться за Индійскихъ дьясовъ, которые изъ значенія демоновъ перешли въ Санкскритѣ къ значенію иноплеменниковъ, варваровъ. Г. Потебнѣ, очевидно, нѣтъ вовсе дѣла до исключительныхъ условій, въ какія поставлены были Арійцы, переселившіеся изъ Ирана въ Индію, къ туземцамъ—

варварамъ; онъ не обращаетъ вовсе вниманія на то, что послѣдніе явились въ понятіяхъ первыхъ олицетворителями злаго, враждебнаго, сложившагося въ ихъ миѳахъ, и, думая обмануть себя, ссылается на Слово о полку Игоревомъ, гдѣ, будто бы, кощей, отнесенный къ Половцамъ, дѣйствительно употребляется въ смыслѣ врага-иноплеменника, варвара. Но мы видѣли уже, какое значеніе придано кощею въ Лѣтописномъ извѣстіи, современномъ указанной поэмѣ (Ипат. лѣт. подъ 1170); а простой глазъ въ примѣрахъ Слова о полку Игоревомъ ничего и не можетъ увидѣть, кромѣ общаго значенія, въ бранномъ смыслѣ, значенія сухой, костлявый, сухопарый, какимъ и по сіе время представляется Русскому Татаринъ.

Надѣемся, что и этихъ примѣровъ достаточно, чтобы оцѣнить взглядъ на филологическій пріемъ Г. Потебни въ Миѳологіи, которому онъ далъ гораздо болѣе видное мѣсто, чѣмъ историческому. Что же слѣдуетъ сказать объ этомъ взглядѣ?

Прежде всего то, что авторъ и тутъ не хочетъ знать Исторіи. Вообще, послѣдняя на всѣхъ пунктахъ видимо тяготитъ его, возбуждаетъ въ немъ какое-то недоброжелательство; ему пріятнѣе производить операцію съ языкомъ въ томъ его видѣ, въ какомъ существуетъ онъ теперь, или въ какомъ угодно взять его Г. Потебнѣ. Правда, это даетъ изслѣдователю несравненно большій просторъ свободы; но согласна ли такая свобода съ успѣхами результатовъ? Дѣйствительно, для Г. Потебни современное количество и качество звуковъ служитъ исключительною основою при всѣхъ сближеніяхъ и сравненіяхъ, не только въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ, но и въ языкахъ, и не только въ настоящемъ времени, но и въ отдаленномъ прошедшемъ. Какъ будто эти нарѣчія и языки не жили своею жизнью, не подвергались перемѣнамъ, окаменѣли въ моментъ первоначальнаго образованія. Отсюда, родство, на пр., одинаково-органныхъ и звуковъ, смѣняющихся одинъ на другой въ различныхъ говорахъ нарѣчіяхъ, представляетъ Г. Потебнѣ надежное ручательство сближать ихъ въ одномъ и томъ же языкѣ, или нарѣчіи, притомъ и въ глубокой древности; отсюда, нѣтъ и заботливости о пріисканіи первоначальной формы, по крайней, мѣрѣ древнѣйшей по памятникамъ письменности. А между тѣмъ извѣстно, что современный звукъ въ одномъ языкѣ, или нарѣчіи, могъ произойти совершенно инымъ

путемъ изъ другаго древняго, чѣмъ въ другомъ языкѣ, или нарѣчіи. При такомъ взглядѣ на Филологію, нѣтъ ничего удивительнаго, если и филологическіе факты Г. Потебни иногда напоминаютъ ту пору языкознанія, когда сближенія и словопроизводства совершались безъ отношенія къ законамъ и опирались на субъективныхъ, часто произвольныхъ, догадкахъ и предположеніяхъ.

То же самое должно сказать и относительно внутренней стороны слова, его значенія. Отъ самаго поверхностнаго читателя не ускользнетъ замѣчаніе, что Г. Потебня не идею выводитъ изъ данныхъ языка, а подъ задуманную идею, уже готовую, усиливается подвести значеніе словъ; и, конечно, при его взглядѣ на внѣшнюю часть, на звуки, это легко должно удаваться, удаваться, разумѣется, въ его глазахъ. Г. Потебня ни сколько не стѣсняется и не затрудняется хвататься за самыя поздніе значенія словъ, очевидно второобразныя, метафорическія, лишь бы только они подкрѣпляли его положеніе о какомъ либо темномъ миѳическомъ понятіи, и спокойно вводитъ ихъ въ число доказательствъ. Такъ, на пр., на стр. 109, ему оказалось желательнымъ вывести для миѳическаго существа у Сербовъ, Руги, соотвѣтствующей, по мнѣнію Г. Потебни, Бабѣ-Ягѣ, идею безобразія, и вотъ онъ рѣшительно указываетъ на Сербское прилагательное ружанъ, въ значеніи безобразный,—и идея вполнѣ доказана, и, какъ уже доказанная, входитъ въ рядъ доказательствъ для другихъ понятій и представленій. Но Сербское ружанъ, очевидно, происходитъ отъ существительнаго руга, что значитъ насмѣшка, шутка: значеніе безобразія въ прилагательномъ явилось уже изъ основнаго - насмѣшливый, шутливый, а потомъ противный, что и теперь еще принадлежитъ прилагательному ружанъ. Способъ настоящаго вывода Г. Потебни тотъ же самый, если бы мы вздумали слову рука придавать значеніе мира, привычки, по тому только, что прилагательное ручной значитъ смирный, пріученный.

Всматриваясь глубже и внимательнѣе въ Филологію, какъ отражается она въ сочиненіи Г. Потебни, и на минуту нельзя задуматься, что это вовсе не та наука, которую такъ дѣятельно разрабатываютъ ученые Запада, и которой такъ не давно еще предвѣщалъ великую будущность Максъ Мюллеръ (въ «Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, I, 338); въ противномъ случаѣ, какъ

дый естествоиспытатель, слушавшій лекціи того же Мюллера, считалъ бы себя въ правѣ принять за насмѣшку это выраженіе, будто: «ohne die Wissenschaft der Sprache der Kreis der Naturwissenschaften unvollständig bleiben würde (тамъ же, Serie 2, S 6). Не такъ, конечно, понимала Филологію Мюллеръ, когда высказалъ подобную мысль: «Только точное наблюденіе надъ организмомъ языка, только полнѣйшее углубленіе въ научный объектъ, должно служить и ей фундаментомъ, какъ то же самое служитъ такимъ фундаментомъ и естественнымъ наукамъ; всякая болтовня, не имѣющая такого основанія, какъ бы ни была она остроумна, лишена научной цѣнности». Напротивъ, «субъективныя догадки, произвольная этимологизація, пустыя предположенія, словомъ все, что лишено въ языкознаніи научной строгости, что унизило его въ глазахъ людей односторонняхъ, сдѣлало даже опѣшнымъ, справедливо должно оскорблять каждаго, кто привыкъ дѣйствовать по пути треэваго и точнаго наблюденія» (Schleicher, Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissens. 1863).

Соображая историческіе и филологическіе пріемы Г. Потебни, мы не можемъ не сказать, что онъ самъ отрѣзалъ для себя пути къ успѣшному пріисканію научной истины. Такое заключеніе покажется еще болѣе основательнымъ, когда сообразимъ, чѣмъ же замѣнилъ Г. Потебня ученыя стредства, что руководило имъ въ его выводахъ и заключеніяхъ, какъ частныхъ, такъ и общихъ, окончательныхъ.

Мы уже замѣтили, что исключительнымъ матеріяломъ изслѣдованія служили Г. Потебнѣ современныя вѣрованія и повѣрья Славянскаго народа, какъ сберегшись они въ сказкахъ и народныхъ обрядахъ. Устранивши Исторію, съ одной стороны, съ другой,— замѣнивши строгую науку субъективнымъ способомъ обращенія съ Филологіей, авторъ, естественно, вынужденъ былъ прибѣгнуть къ сравненію наличнаго матеріяла съ подобнымъ же матеріяломъ у другихъ народовъ и, пользуясь его обработкою у послѣднихъ, подставлять свои заключенія подъ готовые уже выводы иноземцевъ. Быть можетъ, и этотъ способъ въ состояніи подвинуть далеко из-

слѣдователя къ цѣли; но въ такомъ случаѣ, было бы необходимо подробное знакомство со всѣми мелкими остатками и отрывками древнихъ миѳовъ у разныхъ народовъ, и осторожное вниманіе ко всѣмъ нимъ, при сравненіи съ ними матеріяла Славянскаго. Между тѣмъ, Г. Потебня ограничился въ своемъ трудѣ почти единственно одной Германіей, трудами почти исключительно Вольфа и Маннгардта. Правда, у него есть ссылки и на Индійскую Миѳологію, и на Греческую, приводятся даже извлеченія изъ Ведъ; но все это относится лишь къ общимъ миѳамъ, основнымъ, кореннымъ, а Славянская Миѳологія не указала еще намъ, въ какомъ видѣ и въ какой степени явились на почвѣ Славянской и эти общіе миѳы, сохранились ли они въ первобытной чистотѣ, или видоизмѣнились подъ вліяніемъ самобытнаго развитія Славянъ; что осталось изъ нихъ, какъ и что прибавилось: все это вопросы, ждущіе рѣшенія. Вотъ по чему и остается непонятнымъ скачкомъ, со стороны автора, подставленіе разнообразныхъ мелкихъ повѣрій и суевѣрій Славянъ подъ первоначальные миѳы Индійцевъ, какъ, на примѣръ, на страницѣ: 15, 195, 197, 198—199 и 275. Г. Потебня можетъ сказать, что такіе же выводы существуютъ у Нѣмцевъ, въ ихъ добросовѣстныхъ обслѣдованіяхъ подобнаго же матеріяла. Но тутъ-то и сталкиваемся мы съ поспѣшностью Г. Потебни, которая и подрываетъ уже a priori довѣріе къ его заключеніямъ. Дѣйствительно, гдѣ и въ чемъ находитъ ручательство онъ, что данное вѣрованіе, тотъ или другой обрядъ непремѣнно тождественъ съ тѣмъ или другимъ вѣрованіемъ, или обрядомъ у Нѣмецкаго народа? Нѣмецкій ученый можетъ быть справедливъ въ своихъ сравненіяхъ съ Индійцами и Греками, по тому что онъ прослѣдилъ исторически національный свой миѳъ, раскрылъ исторію его развитія, а Г. Потебня позволилъ себѣ остановиться исключительно на современныхъ его остаткахъ. Эти же остатки, какъ видно и изъ самаго изслѣдованія Г. Потебни, далеко не одинаковы даже и у самыхъ Славянъ: и то, что, по видимому, сходствуетъ съ Нѣмцами, могло образоваться и развиться совершенно изъ иного начала, какъ и наоборотъ, кажущееся различіе не даетъ право отрицать сходства и единства за нѣсколько пятковъ вѣковъ. Но Г. Потебня не хочетъ знать Исторіи даже и относительно главнѣйшихъ миѳическихъ личностей, а по тому и понятно, что сравненіе его Славянскаго матеріяла съ Нѣмецкимъ носитъ на себѣ самые рѣзкіе слѣды лич-

ныхъ догадокъ, предположеній, словомъ, субъективность и тутъ стоитъ на первомъ планѣ. По этому и заключенія его могутъ имѣть цѣнность истины лишь въ его глазахъ, на основаніи его индивидуальнаго убѣжденія; для другихъ не всегда представляютъ они и видимость истины.

Ближайшее разсмотрѣніе миѳологическихъ заключеній, а также способовъ доказательствъ, сравненій и сближеній Г. Потебни, надѣемся, подтвердитъ сказанное нами.

Первая статья разсужденія Г. Потебни обнимаетъ Рождественскіе обряды и ихъ миѳическое значеніе. Эта статья заключается и двумя общими выводами (стр. 83), съ разбора которыхъ мы и начнемъ.

Подробныя доказательства къ этому выводу помѣщены на стр. 56—72.

Замѣтимъ прежде всего, что самое первое предложеніе заключаетъ уже въ себѣ странную ошибку, а если принять въ соображеніе, что на ней покоятся и всѣ остальныя мысли, то и непростительную. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основано сближеніе каши съ Св. Варварою? «У Сербовъ и Хорватовъ, говоритъ Г. Потебня, каша варится съ особенными обрядами нѣсколько разъ въ теченіи зимнихъ праздниковъ, т. е., отъ дня Великомученицы Варвары до Богоявленія. Каша эта у Сербовъ называется варица, уменьшительное отъ Варя, Варвара.» Но варица никогда и нигдѣ у Юго-Славянъ не значила и не значитъ каши; варица Сербо-Хорватская есть то же самое кушанье, которое извѣстно на Югѣ Россіи подъ именемъ взвара, узвара, приготовляется точно также и имѣетъ то же обрядовое значеніе; и въ варицѣ составныя части точно также плоды; въ большей части Сербіи не примѣшиваютъ въ нее и хлѣбныхъ зеренъ. Каша у Сербовъ и Хорватовъ есть на столько же особенное кушанье, съ своимъ названіемъ каша, какъ отлична каша у Малороссіянъ отъ узвара. Отсюда уже само собою ясно, что и названіе варица происходитъ не отъ имени Варвара, а отъ Славянскаго слова варить, варъ, какъ и Малор. взваръ, узваръ, и что, слѣдовательно, и отношеніе ея къ Св. Варварѣ есть чисто случайное, обусловленное близостью дня ея памяти къ праздникамъ Ро-

ждественскимъ, въ которые Варваръ, равно какъ кутья, играетъ столь важную роль. Народъ, по сходству двухъ словъ, хотя и совершенно различнаго происхожденія, объединилъ и обозначеныя ими понятія, и отодвинулъ, такимъ образомъ, приготовленіе варицы нѣсколько назадъ, отъ 24—25 Декабря къ 4, что, впрочемъ, ни мало не противорѣчитъ и языческому празднеству, такъ какъ его срокъ не былъ условленъ однимъ днемъ и могъ занимать пространство времени довольно большое. И самъ Г. Потебня не прочь относить къ Рождественскимъ праздникамъ нѣкоторые обряды, напр., Масляной недѣли; варица же приготовляется вплоть до 6-го Генваря. На сколько же, послѣ всего этого, должно казаться имѣющимъ хотя тѣнь основательности подведеніе Г. Потебнею связи каши съ Св. Варварою, и заключеніе о первоначальной связи каши съ языческой богинею?! Каша, между тѣмъ, не только не имѣетъ ни какого спеціальнаго отношенія къ Св. Варварѣ, но представляетъ рѣдкость, ограниченную самыми исключительными мѣстностями, и то одной Великой Россіи, даже и въ Рождественскіе праздники; и тутъ значеніе ея является только въ Новый Годъ. Но въ глазахъ Г. Потебни замѣна Св. Варварою какой-то языческой богини и отношеніе къ ней каши есть фактъ положительный, и онъ готовъ строить на немъ дальнѣйшія положенія.

Дѣйствительно, греча, гречиха, какъ главнѣйшій матеріалъ каши, представляется ему божествомъ, посѣщающимъ дома смертныхъ и приносящимъ урожай, плодородіе скота и людей. Такое заключеніе о гречѣ, если бы даже мы и не видѣли выше произвола въ сопоставленіи каши съ Св. Варварою, поражаетъ своею несостоятельностію и само по себѣ, по тѣмъ фактамъ, изъ которыхъ сдѣлалъ подобный выводъ Г. Потебня.

Въ самомъ дѣлѣ, понятіе божества выведено авторомъ въ гречихѣ изъ названія ея княгиней, пришлымъ изъ Царьграда. Называется гречиха княгиней въ обрядовыхъ выраженіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей Великой Россіи, при варенья каши подъ Новый Годъ (см. стр. 57). Этотъ обрядъ, въ глазахъ Г. Потебни, имѣетъ религіозное значеніе. Но во а) названіе княгиней можетъ ли давать какое ни будь право возводить лицо въ рядъ божествъ? Дѣло такъ просто, такъ естественно, что было бы, по нашему мнѣнію, непростительной натяжкою заключать подобнымъ образомъ. Самое

слово греча, гречиха неминуемо должно вести народъ къ мнѣнію о связи гречи съ Греціей, какъ Польск. tatarka, Чеш. pohanka (тоже гречиха), заставляютъ Поляка и Чеха предполагать Татарское происхожденіе гречи. Связь же съ Греціей поддерживалась въ народѣ многими преданіями, главнѣйшее изъ которыхъ, разумѣется, относилось къ началу Христіанства, сопровождавшемуся бракомъ Св. Владиміра съ Анной, княжной Цареградской. Что же удивительнаго, послѣ этого, если греча, по связи съ Греціей, въ силу ли воспоминаній и преданій о дѣйствительной княгинѣ, или просто въ силу обычнаго въ народѣ Русскомъ величанія, названа княгиней? Во б) греча не есть вовсе исключительный матеріялъ каши; напротивъ, есть мѣстности въ мірѣ Славянскомъ, и въ большей его части, гдѣ гораздо употребительнѣе другой матеріялъ: ячмень, просо, пшено. По чему же дается такое преимущество гречихѣ, и по чему изъ нея позволяется выводить миѳъ о какой-то богинѣ? Тогда какъ масса обрядовъ Рождественскихъ, напротивъ, въ в) ограничиваетъ гречиху единственно Великой Россіей, и притомъ нѣкоторыми только ея мѣстностями, выставляя на первый планъ, на всемъ пространствѣ Славянства, со включеніемъ и Великой Россіи, кутью, не имѣющую ничего общаго съ гречихой. Такое объясненіе обрядовъ свидѣтельствуетъ лишь о слишкомъ безцеремонномъ способѣ хвататься за всякую очевидную случайность, если она подходитъ подъ напередъ составленную, отвлеченно, или подражательно, идею.

Понятно, какую силу можетъ имѣть и положеніе автора о посѣщеніи богинею домовъ смертныхъ, выведенное изъ того же обряднаго выраженія о гречихѣ, въ которомъ говорится, что она пріѣхала изъ Царьграда къ намъ гостевать. И, не смотря на все это, Г. Потебня положительно утверждаетъ, что изъ причитанія о гречихѣ видно, что она княгиня, и что приходитъ къ людямъ въ гости, какъ Божичъ, Авсень и солнечныя животныя.

На стр. 21—25, авторъ доказалъ, по своему, что языческія божества посѣщали людей, въ качествѣ гостей; встрѣтивши въ причитаньи о гречихѣ, что она также пріѣзжаетъ гостевать, онъ смѣло уже замѣчаетъ, что и гречиха, какъ божество, ходитъ въ гости къ людямъ. Но мы позволимъ себѣ усомниться въ дѣйстви-

тельности гостеванья и дѣйствительныхъ божествъ; по крайней мѣрѣ, предложенныя на указанныхъ страницахъ доказательства, въ нашихъ глазахъ, рѣшительно бездоказательны. Такъ, пословицы Хорут., Юльск., Сербск., Велинор. «засвѣтитъ солнце и на моихъ воротахъ» (стр. 21), представляютъ столь же простое сравненіе съ свѣтомъ, теплотой всякой удачи, счастья, какъ и пословица: «будетъ и на нашей улицѣ праздникъ»—о посѣщеніи же богомъ солнцемъ людей здѣсь можетъ не быть и малѣйшаго намека. Пріѣздъ Овсеня, Авсеня, по пѣснямъ Великорусскимъ (стр. 22), объясняется лучше всего самымъ понятіемъ этого народнаго празднества; заключающимъ въ себѣ мысль о возвращеніи весны, о рожденіи солнца. Что же касается до выраженій: «гость въ домъ, Богъ въ домъ,» или: «боги ходятъ,» то можно развѣ удивляться, какъ авторъ рѣшился пріурочить ихъ сюда. Первое, очевидно, носитъ въ себѣ всѣ признаки Христіянства, по ученію котораго пріемъ странника сопоставляется съ пріемомъ самаго Спасителя — Бога: ужь не по инстинкту ли и Г. Потебня написалъ въ данномъ случаѣ Богъ прописною буквою? Второе же выраженіе, «боги ходятъ,» отзывается язычествомъ лишь въ перенесеніи отъ эпохи многобожія названія иконъ, образовъ, богами; но фактъ хожденія съ образами во время Пасхи есть Христіянскій, и Г. Потебнѣ слѣдовало бы прежде доказать, что этотъ фактъ былъ вполнѣ присущъ и языческой порѣ. О пѣсняхъ колядныхъ, гдѣ авторъ также думаетъ видѣть оправданіе своей мысли о посѣщеніи людей богами, нечего и говорить: въ однѣхъ изъ этѣхъ пѣсенъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды служатъ сравненіемъ съ хозяиномъ, съ хозяйкой, дѣтьми; въ другихъ, въ свадебныхъ, является Спаситель и Пречистая Матерь (стр. 25—26).

Такимъ образомъ и независимо отъ очевидной натяжки въ пріуроченіи гречихи въ разрядъ символовъ божества, посѣщеніе его домовъ смертныхъ не выходитъ даже и изъ объясненія гостеванія другихъ языческихъ божествъ.

Подобно тому, какъ линія, протягиваемая отъ данной точки, удаляется все больше и больше отъ другой линіи, составляющей съ первою въ началѣ едва замѣтный уколъ, и дальнѣйшія положенія и выводы Г. Потебни входятъ очевиднѣе въ рядъ чистыхъ

предположеній и вымысловъ личной фантазіи, что и должно быть, такъ какъ основа-то ихъ представляетъ лишь кажущуюся истину, имѣющую цѣну только въ субъективномъ взглядѣ автора.

Поставивши кашу въ число символовъ божества, и связавши ее съ невѣдомымъ посѣщеніемъ богами людей, Г. Потебня утверждаетъ тожественность варенья каши съ обсыпаньемъ зерномъ, а черезъ это и съ обливаньемъ, и все вмѣстѣ съ дождемъ. Любопытны данныя, на которыхъ зиждется отождествленіе варенья каши съ обсыпаньемъ. Вотъ они: первый фактъ относится къ Сербамъ, посыпающимъ кашею по хатѣ. Но когда мы припомнимъ, что дѣло идетъ не о кашѣ, а о варицѣ, то и самый фактъ должны выбросить изъ числа доказательствъ; второй взятъ Г. Потебнею изъ Великорусскаго обычая посылать отъ именинника знакомымъ пирогъ съ кашей, и разламывать этотъ пирогъ надъ головой именинника. Но надобно имѣть очень сильное воображеніе, чтобы видѣть въ этомъ обычаѣ что либо общее съ посыпаньемъ зерномъ, во время Рождественскихъ Святокъ. Во первыхъ, пирогъ далеко не всегда и вездѣ бываетъ именно съ кашей; во вторыхъ, ставить разламыванье его въ связь съ посыпаньемъ, значитъ, дѣлать заключеніе отъ случайнаго употребленія того, или инаго, слова издателемъ и собирателемъ народныхъ повѣрій и обрядовъ. Въ Абевегѣ, дѣйствительно, говорится, что чѣмъ больше разсыпается надъ именинникомъ каша, тѣмъ жить ему достаточнѣе; но въ такомъ случаѣ ничто ужь не мѣшаетъ сопоставить съ кашей и повѣрье, будто переполнить что бы то ни было черезъ край сосуда, значитъ, пожелать богатства и довольства. Между тѣмъ какъ фактъ самъ по себѣ представляетъ самый простой символизмъ: больше разсыплется, больше перельется—больше имѣть, быть богаче (стр. 59). Такова сила доказательствъ у Г. Потебни, и, однако же, онъ не стѣснился пойти дальше и, черезъ сближеніе посыпанья и поливанья, отмѣтилъ въ вареньи каши символически изображаемый дождь.

При этомъ случаѣ указаны два основанія: одно относится къ посыпанью, другое къ кашѣ. Хотя насъ можетъ занимать только послѣднее, но любопытно и первое, по способу доказательствъ Г. Потебни: «Одно изъ основаній сравненія посыпанья и дожда, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что сыпучія зерна мелки,

какъ капли дождя (стр. 61.)» Но тогда за тѣмъ же непремѣнно брать зерна? Развѣ мало можно отыскать предметовъ мелкихъ? Песокъ, на примѣръ, гораздо ближе подошелъ бы къ дождю, да избавилъ бы и народъ отъ излишней траты зерноваго хлѣба. А между тѣмъ вездѣ употребляются именно зерна, и они-то составляютъ главный моментъ въ обрядѣ, гораздо важнѣйшій, нежели самое посыпанье. Какъ народъ земледѣльческій, Славяне, въ праздникъ солнечнаго божества, обусловливающаго плодородіе, естественно и употребляютъ въ дѣло плоды земли. Само изслѣдованіе Г. Потебни представитъ не мало указаній, что въ нихъ заключается вся сила и что зерна занимаютъ ни чуть не больше мѣста, какъ и плоды другихъ родовъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ подробности доказательства отъ мелкости зерна и сходства его съ дождемъ; подробности этѣ ограничены ссылками на отождествленіе понятій сыпанья и литья въ языкѣ, о чемъ сказано нами выше. Къ намъ ближе стоитъ, въ настоящемъ случаѣ, заключеніе Г. Потебни къ дождю и водѣ отъ обряда съ кашею.

Связь каши и воды видитъ авторъ (стр. 63) въ обычаѣ посыпать воду кашею, въ день Св. Варвары, или на Рождество. Но и тутъ опять дѣло идетъ о варицѣ, а вовсе не о кашѣ, а Г. Потебня, очевидно, стремится подвести результаты именно къ кашѣ, такъ какъ черезъ нее только онъ въ состояніи сблизить божество Рождественское съ похоронами и бракомъ; но цѣль нигдѣ не можетъ освящать средствъ, тѣмъ менѣе въ наукѣ. Допустимъ, однако же, что и въ Бокѣ Которской, и въ Славоніи, вмѣсто варицы, употребляется дѣйствительно каша; что же изъ этого? По примѣру варицы, согласимся, что и кашу бросаютъ въ воду; говоримъ, бросаютъ, по тому что съ понятіемъ о кашѣ народной, трудно и связать идею посыпанья; но вѣдь варицу, въ то же время, разливаютъ и въ избѣ; вода, слѣдовательно, имѣетъ значеніе не больше другихъ предметовъ, или мѣстъ, и совершенно одинаково подчиняется общему смыслу этого обряда, т. е., пожеланью счастія, богатства, достатка. И тѣмъ не менѣе, Г. Потебня, на такихъ основаніяхъ, построилъ выводъ: «какъ кабанъ, приносимый въ жертву богу Фро, есть его священное животное, и его животный образъ, такъ и каша, приносимая водѣ, есть образъ воды и отъ этой послѣдней заимствуетъ свои миѳическія свойства.» Одного

исходнаго факта, что варица не есть каша, вполнѣ достаточно, чтобы разрушить до основаній такъ хитро проводимую систему. Но по чему же не ити и дальше въ постройкѣ системы? Обрядовъ въ главныхъ условіяхъ жизни народной такъ много, такъ не мало среди разнообразія можно встрѣтить и неизбѣжнаго сходства, за чѣмъ же не воспользоваться этимъ и не подвести къ одному результату всего разнообразія? И Г. Потебня, въ самомъ дѣлѣ, пустился дальше: всѣ три обряда, рѣшаетъ онъ (т. е., варенье каши, обсыпанье и обливанье, какъ символъ дождя), а равно и связанный съ ними обрядъ битья горшковъ, составляютъ принадлежность не только Рождества, но и свадьбы и похоронъ.

Стоитъ только вникнуть въ несложную жизнь простонародья, чтобы признать возможность и даже неизбѣжность повторенія однихъ и тѣхъ же обычаевъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, въ самыхъ различныхъ обрядахъ. За исключеніемъ Церковно-Христіянскихъ праздниковъ, народъ особенно отмѣтилъ обрядностью три главные момента въ жизни человѣка, рожденіе, бракъ и смерть. На нихъ позволяетъ онъ себѣ остановиться съ преимущественнымъ вниманіемъ; ихъ старается обставить онъ и множествомъ обычаевъ, какіе способна была выработать его простая и незатѣйливая жизнь. И не уже ли же сходство кое-какихъ обычаевъ даетъ право изслѣдователю, безъ другихъ несомнѣнныхъ указаній, объединять и самые моменты и выводить такое объединеніе изъ миѳическихъ представленій народа? Г. Потебня поступилъ такимъ образомъ, и намъ интересны должны быть основанія, помѣщенныя на страницѣ 65—71.

Начинаетъ онъ отъ той же каши и отъ названія ею свадьбы. На сколько справедливо это, мы видѣли на своемъ мѣстѣ, замѣтивши, что кашею называется исключительно пиръ, а вовсе не свадьба. Если же и принять за дѣйствительность, что въ свадебномъ пиру каша играетъ существенную роль, то и тогда сколько явится вопросовъ, подрывающихъ сопоставленіе брака и Рождества? Во первыхъ, каша въ Рождественскихъ праздникахъ имѣетъ едва, едва замѣтное значеніе; во Вторыхъ, и на свадьбѣ каша видѣется только въ великой Россіи; въ третьихъ, будучи любимымъ и общеупотребительнымъ кушаньемъ на Сѣверѣ, по чему каша должна быть выключена при одномъ обрядѣ, если она участвуетъ въ

другомъ и т. д. и т. д.? Не больше говоритъ въ пользу предположенія Г. Потебни и то обстоятельство, что молодые, послѣ вѣнца, на брачномъ ложѣ, черпаютъ кашу и за себя мечутъ. И это относится единственно къ нѣкоторымъ только мѣстностямъ Сѣв. Россіи; да и что жь тутъ общаго съ обсыпаньемъ Рождественскимъ, посредствомъ котораго сближаетъ авторъ обряды Рождества и брака? Мы вполнѣ тоже раздѣляемъ мнѣніе Г. Буслаева, видящаго въ этомъ обычаѣ указаніе на плодородіе, какъ пожеланіемъ богатства, обилія, счастія, объяснили и обрядъ посыпанья зерномъ о Рождествѣ, и при всемъ томъ считаемъ произвольнымъ отождествлять отсюда оба праздника, тѣмъ менѣе выводить заключеніе о тождествѣ метанья за себя каши молодыми съ водою и дождемъ. А эти только данныя и послужили Г. Потебнѣ основаніемъ. Къ такому отождествленію, и онъ, не задумываясь, выписываетъ обычаи обсыпанья зерномъ при свадьбахъ, полагая уже доказаннымъ, что метаніе каши есть обсыпанье. Казалось бы, совершенно достаточно остановиться на знаменательномъ единствѣ общаго обычая посыпанья зернами при бракѣ и въ Рождествѣ и не цѣплятся за мелочный спеціяльный случай съ кашею, изъ которой, кромѣ сказаннаго значенія, ни чего нельзя вывести, тѣмъ менѣе дойти до какой-то богини.

Но не бракъ только посредствомъ каши сопоставляется у Г. Потебни съ Рождествомъ, а и похороны, и это по тому, что смерть есть бракъ съ землею. Чѣмъ же доказывается такое рѣшительное положеніе? Во первыхъ тѣмъ, что въ Славянской поэзіи обыкновенны переходы мысли отъ брака къ смерти, и на оборотъ. Но подобные переходы мысли возможны и въ искуственной поэзіи, возможны и въ обыденной жизни, въ слѣдствіе извѣстнаго настроенія души; другое дѣло, возможно ли отсюда утверждать о какой-то миѳической связи брака и смерти. Во вторыхъ, обычаемъ, кое-гдѣ, при похоронахъ холостыхъ людей и дѣвицъ, употреблять нѣкоторую обстановку, напоминающую отчасти свадьбу. Такъ, вѣнки, цвѣты, платки; назначается даже женихъ на тотъ свѣтъ. Но не мѣшало бы прежде всего обратить вниманіе на взглядъ народа на бракъ; согласно съ этимъ взглядомъ, на что можно привести положительныя указанія, человѣкъ, мужчина, или дѣвица, должны быть въ бракѣ: это его назначеніе, какъ

назначеніе брака, по тому же взгляду, состоитъ въ рожденіи себѣ подобныхъ; далѣе, слѣдовало бы сообразить и понятіе о загробной жизни у всѣхъ Славянъ. На томъ свѣтѣ человѣкъ долженъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пользовался онъ въ жизни земной, находиться въ бракѣ и владѣть тѣмъ же имуществомъ. На этомъ основаніи, въ древнюю пору язычества, хоронили вмѣстѣ коня, оружіе, хоронили и рабовъ, а жена убивала себя, или сожигалась (о чемъ, между прочими, говорятъ Маврикій и Массуди); по тому же самому и при погребеніи неженатыхъ и незамужнихъ встрѣчаемъ мы брачную обстановку, выборъ жениха и невѣсты, чтобы на будущій свѣтъ явиться во всей полнотѣ, а вовсе не для того, чтобы доказать этимъ тожество брака и смерти.

Относительно обычая обливанья, извѣстнаго въ Рождественскіе праздники, самъ Г. Потебня, по поводу брака, говоритъ, что онъ менѣе тутъ извѣстенъ, нежели обсыпанье; а этого уже достаточно, чтобы достойно оцѣнить и приведенные имъ факты (см. стр. 69—70) для обливанья на свадьбахъ, равно и отношеніе ихъ къ кашѣ и богинѣ.

Для большаго убѣжденія въ тождествѣ брака и похоронъ, Г. Потебня привелъ и обычай бить горшки, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, обычай, отождествленный имъ по идеѣ съ варенъемъ каши, обсыпаньемъ и обливаньемъ. Едва ли слѣдуетъ и упоминать о томъ смыслѣ, какой придаетъ народъ битью посуды во время свадьбы; это такой незатѣйливый символизмъ перваго брачнаго сближенія молодыхъ, что съ перваго раза понятенъ каждому, а отношеніе къ нему родителей молодой, равно какъ и угощеніе ихъ виномъ изъ дыряваго стакана, вмѣстѣ съ временемъ, когда это совершается, свидѣтельствуютъ ясно, что и самъ народъ не думаетъ скрывать такого символизма. Едва ли далеко отъ этого смысла отходитъ и другой указанный, впрочемъ, мѣстный обычай, когда мать невѣсты, встрѣтя зятя въ своемъ домѣ, подаетъ ему горшокъ, а этотъ бросаетъ его въ сторону и подмѣчаетъ: если разобьется горшокъ, то родится дочь, если же уцѣлѣетъ, то сынъ; во всякомъ случаѣ, тутъ нѣтъ и тѣни намека на обсыпанье, что именно требовалось доказать. Но у Г. Потебни на глазахъ Германія; тамъ, по обилію черепковъ, гадаютъ и о счастьи молодыхъ: какъ будто Нѣмцы не могутъ имѣть своей идеи, а Сла-

вяне своей, тѣмъ болѣе, когда народъ Русскій заявляетъ самъ, что битьемъ посуды у него воздается честь родителямъ (стр. 71).

На битье горшковъ обращаетъ авторъ вниманіе особенно потому, что обычай этотъ роднитъ бракъ съ похоронами и Рождествомъ. Въ чемъ же подтвержденіе? Г. Шейковскій о Приднѣстровскихъ деревняхъ замѣчаетъ, что при выносѣ покойнаго мужа изъ дому, жена бьетъ тамъ новый горшокъ,—и для Г. Потебни вполнѣ достаточно, чтобы отсюда утверждать: «по нашему мнѣнію, здѣсь похороны представляются свадьбою, и объясненіе Г. Шейковскаго, что этимъ означается упадокъ хозяйства послѣ мужа, не вѣрно уже по тому, что битье горшка соединено съ посыпаньемъ.» По нашему же мнѣнію, только такое объясненіе, каково оно у Г. Шейковскаго, и можетъ имѣть мѣсто, во первыхъ, по тому, что оно естественно; во вторыхъ, что связи между битьемъ горшковъ и посыпаньемъ, нигдѣ и ни чѣмъ Г. Потебня не доказалъ. Кромѣ этого, трудно удержаться отъ удивленія и къ столь смѣлому обобщенію, на основаніи единичнаго, опредѣленнаго тѣсною мѣстностью, факта.

Таковы доводы нашего автора къ первому его положенію, исходящему отъ проектированной имъ связи каши со Св. Варварою. Какую же, спрашивается, цѣну можетъ имѣть и окончательное его заключеніе: «слѣдовательно, богиня, которой варилась каша, имѣла отношеніе къ дождю и водѣ, къ браку и смерти, имѣющимъ какую-то связь съ Рождествомъ?—Не думаемъ, чтобы больше цѣнности субъективнаго взгляда.

Второе положеніе, на основаніи связи представленій соломы и покровенія, сближаетъ Рождественскій и свадебный обрядъ покрыванья невѣсты. Оба обряда сходны по значенію. Покрыванье молодой приписывается Св. Покровѣ, замѣнившей языческую богиню; оно сравнивается со снѣгомъ, покрывающимъ землю, съ зеленью, покрывающею деревья, съ тучами, покрывающими небо. Снѣгъ и тучи, съ коими приводится въ связь эта богиня, только другая форма дождя и воды.

Въ сущности, это положеніе, какъ давно уже объясненное, доказанное и принятое наукою, именно о связи представленій покровенія и брака, не требуетъ и возраженій. Но у Г. Потебни необходимо должны были явиться частности, въ слѣдствіе желанія его сблизить непремѣнно обрядъ брака съ Рождественскимъ обрядомъ, и общія заключенія, съ которыми нельзя согласиться и которыя невольно вызываютъ на опроверженія.

Такъ, намъ рѣшительно не понятно право заключенья о тождествѣ обряда Рождества и брачнаго изъ того, что и въ Рождество полъ постилаютъ соломой, кое-гдѣ дѣлаютъ то же самое и во время свадьбы (стр. 72—74). Если Г. Потебня признаетъ въ словѣ солома коренную идею покрытія, и если не отвергаетъ тождества идеи покрытія и брака, то по чему же солома не можетъ участвовать на свадьбѣ сама по себѣ, безъ всякой связи съ Рождествомъ, какъ и при употребленіи соломы въ послѣднемъ случаѣ могъ руководиться народъ подобною идеею покровенія безъ мысли о свадьбѣ? Не уже ли логично отъ сходства, или единства, идеи въ одномъ изъ множества обычаевъ, мелкихъ, едва замѣтныхъ, совершающихся въ двухъ обстоятельствахъ жизни, совершенно отличныхъ, и по времени и по характеру, заключать о единствѣ, или тождествѣ, этихъ обстоятельствъ? Тогда пришлось бы устранить всякую границу для отождествленія, или объединенія, самыхъ различныхъ, до противоположности, и лицъ, и предметовъ, и обстоятельствъ. А Г. Потебня, кромѣ засвидѣтельствованія о сходствѣ обычая съ соломою въ Рождество и при свадьбѣ, ни чего другого не предложилъ для доказательства своего положенія,—и читатель остается внѣ всякаго права сближать бракъ и Рождество, даже не видитъ и намековъ на такое сближеніе.

Еще сильнѣе возстанетъ внимательный и осторожный изслѣдователь противъ пониманья Г. Потебней Св. Покровы (см. стр. 80—82), замѣнившей, по его мнѣнію, языческую богиню, которая, въ свою очередь, есть не что иное, какъ туча. Столь неожиданный новый выводъ, конечно, долженъ опираться на какихъ либо прочныхъ и опредѣленныхъ данныхъ; данныя же у Г. Потебни такого рода, что не только не способны убѣдить въ справедливости подобнаго вывода, а, напротивъ, даютъ сами собою основаніе къ сомнѣнію въ немъ и къ отрицанію его.

Покровеніе невѣсты, иначе бракъ ея, справедливо могло быть приписано народомъ Св. Покровѣ, даже и безъ отношенія этого церковнаго праздника къ свадьдамъ вообще, а просто по тождественности словъ. Но развѣ можно отсюда сопоставлять Св. Покрову съ Власіемъ и Симономъ Зилотомъ, и, подобно тому, какъ первый смѣнилъ въ понятіяхъ народа Волоса, скотскаго бога, заключать о смѣнѣ Св. Покровой какой-то неизвѣстной богини и утверждать, что Покрова есть покровительница браковъ по тому, что была нѣкогда богиня, покрывающая дѣвицъ брачною фатою. Тогда какъ исторія ни однимъ намекомъ не выставляетъ намъ какой либо спеціяльной богини браковъ; когда народныя вѣрованія и обряды ни чѣмъ не больше оправдываютъ такое заключеніе, сама Св. Покрова, своимъ значеніемъ въ ряду Христіянско-церковныхъ праздниковъ, способна вполнѣ удовлетворительно объяснить свое отношеніе къ бракамъ, по понятіямъ простаго народа.

Покровъ Пресв. Богородицы празднуется 1-го Октября; имъ оканчивается лѣто и съ нимъ открывается возможность свадьбъ, которыя совершаются тѣмъ въ большемъ въ зто время количествѣ, чѣмъ свободнѣе чувствуетъ себя народъ послѣ тяжелыхъ лѣтнихъ работъ и чѣмъ ближе впереди продолжительный постъ. Что же удивительнаго, послѣ этого, ежели дѣвицы обращаются съ особеннымъ вниманіемъ къ этому празднику, если ставятъ ея образу свѣчи и просятъ у ней жениховъ? И если Г. Потебня даетъ причитанью: «Ты, Покровъ Богородица, покрой меня, дѣвушку, пеленой своей нетлѣнной ити на чужую сторону», тотъ смыслъ, что подъ Покровой скрывается языческая богиня, то по чему же не подставить такихъ богинь и подъ Введенье и подъ Срѣтенье, такъ какъ и относительно послѣднихъ существуютъ такія же причитанья: «Введенье, мать Богородица, введи меня на чужую сторонушку! Стрѣтенье, мать Богородица, встрѣть меня на чужой сторонушкѣ!» Не уже ли слово Покровъ могло оказать такое вліятельное значеніе на автора? Но, вѣдь, Покровъ, пелена, по отношенію къ Пресвятой Борогодицѣ, имѣетъ свою, чисто Христіянскую, исторію. Кромѣ того, намъ кажется, что слишкомъ ненаучно дѣлать столь странные, энергическіе выводы уже и по тому, что этотъ характеръ покровы исключительно принадлежитъ Славянамъ Русскимъ, связанъ съ Православною Церковью, и неизвѣстенъ въ другихъ

земляхъ Славянскихъ, между тѣмъ, богиня, покровительница браковъ, должна бы уцѣлѣть и въ другихъ мѣстахъ, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ общѣе и постояннѣе у народа отношеніе къ ней. Да полно, и имѣемъ ли мы право, и независимо отъ Св. Покровы, предполагать свадебную богиню у языческихъ Славянъ?

Бракъ у Славянъ, на сколько онъ извѣстенъ намъ и изъ исторической поры язычества, представляется дѣломъ въ высшей степени неопредѣленнымъ, шаткимъ; эта неопредѣленность должна была быть еще чувствительнѣе, рѣзче и переходить все больше и больше въ отсутствіе всякой обрядности, заключаться простымъ соединеніемъ, во времена доисторическія и ближайшія къ исторіи. Сравненье, въ этомъ случаѣ, съ Нѣмцами оказывается неумѣстнымъ: послѣдніе уже въ язычествѣ ввели въ религіозную систему свои житейскія отношенія, хотя въ главнѣйшихъ моментахъ, образовали и отдѣльныя божества для каждаго момента, у Славянъ же этого не видимъ; ихъ Миѳологія, за исключеніемъ общихъ божествъ, относящихся къ свѣту и важнѣйшимъ переворотамъ на землѣ, подъ вліяніемъ этого свѣта, представляетъ въ миѳахъ своихъ лишь сближенія и сравненія жизни человѣческой съ общими отношеніями земли и неба, и ставитъ ее въ зависимость отъ тѣхъ же общихъ космогоническихъ существъ, которымъ припысываются и перевороты на землѣ и небѣ. И въ бракахъ Славянскихъ мы легко усматриваемъ, дѣйствительно, сопоставленія съ бракомъ неба и земли, связь съ облакомъ и дождемъ; но чтобы выработалось спеціяльное божество, это не доказано еще, да думаемъ, и не докажется, и именно по тому, что въ самомъ бракѣ у Славянъ-язычниковъ выступаетъ на первый планъ естественное соединеніе вообще, чуждое нравственныхъ элементовъ. Въ доказательство стоитъ прочесть Несторово описаніе, да сравнить съ нимъ Арабское сказаніе о бракѣ Славянскомъ. Вотъ по чему и въ современной народной обстановкѣ свадьбы самыя мельчайшія подробности въ обрядахъ не выходятъ изъ круга сказаній и сближеній только съ обстоятельствами миѳовъ, а не съ лицами, если не включить сюда солнца и мѣсяца, какъ олицетвореній все тѣхъ же общихъ; вотъ по чему, мы смѣло можемъ сказать, что и введеніе Покровы, Стрѣтенья и Введенья обязано единственно Христіянству, и намъ рѣшительно непонятно, какимъ путемъ вывелъ

Г. Потебня богиню брака, да еще и Фату-брачную у язычниковъ Славянъ. Что покровеніе невѣсты служило и въ язычествѣ символомъ брака,—справедливо, но это находилось только въ связи съ миѳическимъ представленіемъ соединенія неба и земли.

Но Г. Потебня не только открылъ въ Покровѣ языческую богиню, но задумалъ опредѣлить и ея характеръ и призналъ за нею стихійное значеніе. Основаніемъ для такого приговора послужило ему, во первыхъ, суевѣріе народное, будто выпавшій снѣгъ на Покровъ служитъ счастливымъ предзнаменованіемъ для обрученныхъ, когда дѣвицы говорятъ: «Батюшка Покровъ, покрой сыру землю и меня молоду!»; во вторыхъ, выраженіе: «Бѣлъ снѣгъ землю покрываетъ, не меня ли молоду замужъ снаряжаютъ?» Что до перваго, то, если другіе Славяне не знаютъ въ такомъ смыслѣ Покровы, казалось бы, воззваніе къ ней «батюшка» должно было дать замѣтить Г. Потебнѣ, что и въ Русскомъ народѣ, при томъ только на Сѣверѣ, далеко не всегда и вездѣ обращаются къ ней, какъ къ женщинѣ, а слѣдовательно тѣмъ менѣе возможно заключать о какой-то языческой богинѣ. Сближеніе же покровенія земли снѣгомъ и молодой свидѣтельствуетъ лишь о миѳическомъ сравненіи съ обстоятельствомъ, а ни чуть не съ лицемъ, о сравненіи, при томъ, до того простомъ, что многимъ оно покажется не имѣющимъ въ себѣ и ничего миѳическаго. Снѣгъ сопоставляетъ Г. Потебня съ дождемъ, а дождь есть символъ соединенья неба и земли, слѣдовательно, желаніе снѣга есть желаніе соединенья, брака, а о какой либо богинѣ нѣтъ тутъ и рѣчи. Отрицающій же здѣсь миѳичность скажетъ еще проще: съ Покровомъ на Сѣверѣ начинаетъ выпадать снѣгъ, открывается санный путь, столь желательный для народа, съ первымъ же Октября настаетъ и пора свадьбъ. что же удивительнаго, если оба представленья сближены? Не отвергая, однако же, миѳичности въ данномъ случаѣ, мы тѣмъ не менѣе въ указаніи на богиню, да еще стихійную, видимъ насильственную натяжку. Подобною же натяжкою отзывается и объясненіе втораго выраженья, и въ немъ, ни чуть не болѣе, говорится только о сравненіи: «на Покровъ выпадаетъ снѣгъ, не пора ль и мнѣ молодой замужъ?» Г. Потебня видимо чувствовалъ простоту и безъискуственность этого сравненья, когда рѣшился позволить себѣ измѣнить пѣсенное выраженіе. Въ пѣснѣ говорится:

«бѣлъ снѣгъ землю покрываетъ, не меня ли молоду замужъ снаряжаютъ», гдѣ, очевидно, сравнивается общее дѣйствіе, а предметы стоятъ отдѣльно, независимо; но, увлекаемый своею идеей—возвести мнимую богиню въ рядъ существъ стихійныхъ, именно въ тучу, авторъ не могъ устоять противъ соблазна, тѣмъ больше, что нѣтъ другихъ фактовъ, которые бы и намекомъ, хотя бы самымъ темнымъ, способны были подтвердить его установившуюся мысль,—и вотъ онъ, вмѣсто «снаряжаютъ», подставилъ «снаряжаетъ,» сдѣлавши, такимъ образомъ, въ обоихъ предложеніяхъ общее подлежащее снѣгъ. Отсюда уже не трудно было заключать, что Покровъ замѣняетъ миѳическое существо, покрывающее дѣвицъ брачнымъ покровомъ, а землю снѣгомъ, т. е., богиню тучу (стр. 82). Предоставляемъ судить другимъ, чего нельзя вывести при такомъ обращеніи съ наличнымъ матеріяломъ.

Тутъ же мимоходомъ замѣтимъ и непонятное противорѣчіе автора самому себѣ. Такъ, говоря о связи тучи съ другими символами брака, Г. Потебня рѣшаетъ, что на эту связь указываетъ и то, что мгла, туманъ есть символъ богатства, счастья (стр. 82); а между тѣмъ, въ 275 примѣчаніи (на той же страницѣ) утверждаетъ, и справедливо, совершенно обратное: «туманъ, какъ мракъ, значитъ, какъ извѣстно (?), печаль». Завидная, по истинѣ, способность обращать все съ легкостью по усмотрѣнію!

Раскрывши, такимъ образомъ, въ двухъ разобранныхъ нами положеніяхъ, богиню-тучу, покровительницу браковъ, Г. Потебня позаботился обставить ее и миѳическимъ родословіемъ, и въ заключительныхъ своихъ мысляхъ, оканчивающихъ первую часть его труда, возвелъ ее въ мать божича солнца, будто бы сына Бадняка-грома, о чемъ можно догадываться, говоритъ Г. Потебня, изъ того, что совокупность Рождественскихъ обрядовъ не есть случайный подборъ, но изображаетъ одинъ миѳъ (стр. 84).

Здѣсь прежде всего не можетъ не остановить нашего вниманія нѣкоторая особенная логика автора. Что совокупность обрядовъ въ каждый народный праздникъ, не только въ Рождество, имѣетъ въ основаніи своемъ непремѣнно какой либо миѳъ, хотя и необязательно одинъ, не мы будемъ возставать противъ этого;

но чтобы отсюда слѣдовалъ тотъ выводъ, какой предложенъ Г. Потебней, рѣшительно не видно. Соображая все извѣстное объ обрядахъ Рождественскихъ, въ значительной части изложенныхъ и въ книгѣ Г. Потебни, принимая также во вниманіе существующія частныя у насъ обслѣдованія ихъ, мы, до извѣстной степени, въ состояніи и опредѣлить этотъ миѳъ. Существенная сторона его заключается въ величаніи солнца; по этому, какъ у другихъ народовъ родственныхъ, такъ и у Славянъ, Рождественскій праздникъ прямо входитъ въ рядъ солнечныхъ празднествъ. Рождество есть время, по языческому вѣрованію, рожденія солнца. Миѳъ долженъ былъ въ обрядахъ неминуемо отразить и значеніе солнца для жизни народной. Громадность значенія этого выражается тѣмъ, что оно есть податель всѣхъ благъ, первое условіе жизни, роста и богатства, какъ въ царствѣ животномъ, такъ и растительномъ. Посредникомъ между солнцемъ (олицетворяющимъ небо) и землею есть дождь, какъ оплодотвореніе земли; миѳъ это оплодотвореніе представляетъ бракомъ между небомъ и землею. Но это божество побѣждено враждебною силою; оно не дѣйствуетъ зимою, покорено, украдено, умерло; передъ весною, передъ временемъ обновленной, воскресшей его силы и вліянія на землю и жизнь на ней, народъ празднуетъ его рожденіе. И понятно, что подробности обрядовъ этого празднества захватываютъ всѣ различные моменты значенія этого свѣтила—божества, равно и способы благотворнаго вліянія его на жизнь земли. Отсюда, въ обрядахъ встрѣчаемся мы съ указаніемъ и на борьбу солнца съ врагами, сопровождаемую громомъ и молніей, и на супружеское соединеніе съ землею, и на плодъ этого соединенія, на дождь, и т. д., и т. д. Отсюда, само собою, вытекаетъ и сходство нѣкоторыхъ обрядовыхъ подробностей при свадьбахъ и въ празднествѣ Рождественскомъ, а также и при похоронахъ, по тому что зима есть смерть земли, по тому что она есть смерть и солнца. Вотъ по чему и исторія Славянскихъ миѳовъ знаетъ олицетвореніе зимы въ миѳическомъ существѣ, какъ опредѣляетъ личности солнечнаго божества; но чтобы подобное же олицетвореніе было и для тучи, какъ богини, покровительствующей бракамъ, это пока произвольное предположеніе Г. Потебни. Мы даже готовы видѣть въ такомъ предположеніи внутреннее противорѣчіе: туча является врагомъ свѣта, солнца; она представляется тою злою силою, изобра-

жаемою волкомъ, змѣемъ и т. д., которая побѣждаетъ солнце на зиму, препятствуетъ продолженію его соединенія съ землею, а слѣдовательно, и благотворности его для земли; и какъ же народъ, столь чуткій къ основному мифу, могъ бы возвести эту тучу въ богиню, покровительницу брака, еще болѣе, сдѣлать изъ нея мать солнца? Какъ могъ онъ, въ свою очередь, и изъ бога-грома образовать отца для того же солнца? Но обратимся къ самымъ фактамъ, обслѣдуемымъ Г. Потебнею на первыхъ страницахъ его сочиненія.

Сербскій божить, празднуемый подъ Рождество и сопоставляемый съ обрядомъ бадняка, по мнѣнію Г. Потебни, есть сынъ бадняка, а этотъ послѣдній замѣняетъ собою, по его же мнѣнію, бога-грома, слѣдовательно божить, т. е., солнце, есть сынъ грома. Отсюда сами собой вытекаютъ два вопроса: гдѣ доказательство тому, что баднякъ замѣняетъ бога-грома, и гдѣ указаніе, что этотъ богъ грома имѣетъ сыномъ божича? Напрасно стали бы мы искать въ изслѣдованіи Г. Потебни что либо похожее на доказательство, ясное и опредѣленное, а хоть бы и на намекъ, который бы подтвердилъ подобный выводъ. Авторъ изслѣдованія изъ того, что баднякъ, т. е., полѣно, Сербы и Хорваты жгутъ на канунѣ Рождества, посыпаютъ его зерномъ и поливаютъ водою, заключаетъ о тождествѣ этого бадняка съ Индійскимъ Индромъ, богомъ грома, такъ какъ и Индръ пьетъ небесную воду, представляемую то молокомъ небесныхъ коровъ, то напиткомъ безсмертія (стр. 3). Но во а) громовое значеніе Индра есть только одинъ базисъ высокаго и великаго его значенія въ Миѳологіи Индійской. Изъ самаго сочиненія Г. Потебни видно, что онъ прогоняетъ ночную тѣнь и открываетъ лице солнца (стр. 19), что онъ есть свѣтлое небо (стр. 199), что онъ, по Магабгаратѣ, есть царь боговъ (стр. 247); во б) что и въ самомъ обрядѣ даетъ поводъ заключать къ грому? Не говоритъ ли онъ единственно объ обожаніи огня, свѣта? Но въ в) и въ такомъ случаѣ, развѣ поливаніе виномъ бадняка побуждаетъ заключать о сравненіи непремѣнно съ Индромъ? Будь баднякъ не только поливается виномъ, а обсыпается и зерномъ? Не очевиднѣе ли во всемъ этомъ, не естественнѣе ли и не проще ли, видѣть тотъ смыслъ, что, посредствомъ бадняка, выражаетъ народъ торжество раждающагося солнца, огонь бадняка

напоминаетъ лишь свѣтъ и теплоту бога небснаго; баднякъ, въ этомъ случаѣ, вовсе не символъ лица божественнаго, а предметъ, орудіе, посредствомъ котораго только воспоминается это лице. И какъ солнце есть податель благъ, покровитель жизни животной и растительной, то и всѣ обрядовыя мелочи съ баднякомъ выводятъ на сцену и скотъ и хлѣбъ. О громѣ же нѣтъ и помину; нѣтъ его и ни въ одномъ фактѣ, представленномъ по этому поводу Г. Потебней. Громовой характеръ б а д н я к а едва ли не принадлежитъ къ изобрѣтеніямъ автора. Вотъ по чему, на стр. 46, онъ самъ уже сомнѣвается въ такомъ характерѣ бадняка и, по поводу Рождественскаго хлѣба, уже видимо отступается отъ прежней мысли: «возможно, что Рождественскій хлѣбъ имѣетъ отношеніе не ко грому, а къ солнцу.» Не только возможно, а необходимо; авторъ понялъ бы это самъ, если бы позаботился предварительно уяснить общій миѳъ.

Къ числу такихъ же изобрѣтеній приходится отнести и произведеніе б о ж и ч а въ сыновья б а д н я к а. Трудно рѣшить, при всемъ напряженомъ вниманіи, что̀ руководило авторомъ при такомъ родословіи? Вѣроятнѣе всего, окончаніе и ч ъ, заставляющее предполагать сыновнее отношеніе; но тогда б о ж и ч ъ долженъ быть сыномъ б о г а, а грома ли, или бадняка, это иной вопросъ, который долженъ быть рѣшенъ отрицательно, по вниманію къ только что сказанному нами. Казалось бы, автору, допускающему, что б о ж и ч ъ есть солнце, не слѣдовало затрудняться въ пріисканіи настоящаго отца, давнымъ давно рѣшеннаго наукой (Шафарикъ, Бодянскій, Срезневскій), на основаніи древнихъ историческихъ свидѣтельствъ. Г. Потебня и самъ привелъ знаменательное мѣсто изъ лѣтописи Ипатьевской, гдѣ отцемъ солнца называется С в а р о г ъ, богъ неба или свѣта вообще; но онъ и тутъ поступилъ по своему: ему представлялось удобнѣйшимъ лучше обойти историческое свидѣтельство, нежели отказаться отъ задуманной идеи о богѣ громѣ, и Г. Потебня рѣшаетъ, что божество, поставленное имъ въ отца божичу, могло называться Перуномъ, т. е., богомъ грома, но могло носить и другое имя—Сварога (стр. 15). Такъ Г. Потебня поступаетъ съ строго опредѣленными божествами Славянской Миѳологіи! Нѣтъ, ужь если подъ б о ж и ч е м ъ не угодно понимать просто молодаго бога, только что народившагося, если не-

премѣнно хотимъ отыскать ему отца, то, признавая въ немъ солнце, откажемся отъ производа и станемъ держаться ясныхъ и обслѣдованныхъ фактовъ науки.

Но Г. Потебня не обнаруживаетъ и самъ надлежащей твердости убѣжденія. Ставя такъ положительно божича въ сыновья бадняка, основывая на этомъ свой окончательный выводъ о родословіи богини тучи, бога-грома (бадняка) и божича, онъ (на стр. 17) только ограничивается предположеніемъ, что божичь не есть Христіянскій богъ, что праздникъ въ честь рожденія его не есть праздникъ Христіянскій, только перемѣшанный съ языческими обрядами бадняка, и что баднякъ и божичь противополагаются другъ другу не какъ языческій богъ Христіянскому, а какъ отецъ сыну. Думаемъ, что для окончательнаго заключенія, что божичь есть именно сынъ бадняка, молодой богъ языческій, необходимо прежде устранить выставленное самимъ же авторомъ предположеніе, доказать его несостоятельность и не наводить на читателя сомнѣній и догадокъ на счетъ того, что же побуждаетъ автора не дать ни малѣйшаго вѣса этому предположенію. А вѣдь отказать ему въ значеніи нельзя; согласиться же съ этимъ значеніемъ, значитъ, разомъ отвергнуть выводы сочиненія.

Между тѣмъ, дѣйствительно, серьезный взглядъ на дѣло допуститъ скорѣе ту мысль, что божичь есть чисто Христіянскій богъ, славится народомъ Юго-Славянскимъ, въ пору его земнаго рожденія, на ряду съ праздникомъ языческимъ, иначе, что въ бадній вечеръ происходитъ подобное же смѣшеніе Христіянства съ язычествомъ, примѣры какого въ обиліи разсѣяны въ народѣ Славянскомъ, и въ понятіяхъ, и въ вѣрованіяхъ, и въ обрядахъ. Основаніе же, мелькомъ приводимое Г. Потебней, противъ такого взгляда разрушается при первомъ къ нему прикосновеніи критики. Онъ говоритъ, что не совмѣстно съ Христіянствомъ молиться одному лицу Троицы за другое, а Сербо-Хорваты въ своихъ пѣсняхъ обрядовыхъ просятъ Бога за божича и бадняка. На сколько случаевъ подобной молитвы представитъ одна земная жизнь Спасителя; кромѣ того, развѣ справедливо требовать отъ только что обращающагося въ Христіянство народа, успѣвшаго уже сложить болѣе менѣе сложную систему языческой религіи, требовать догматическаго знанія новой Вѣры? Пропитанный миѳическими воззрѣ-

ніями, только что коснувшійся Христіянства, народъ иначе и не могъ представить себѣ раждающагося Спасителя, какъ малымъ Богомъ, Божичемъ, и привязалъ его къ соотвѣтственному языческому своему празднеству, въ честь небеснаго огня, солнца. И рѣшительно напрасно потратилъ такъ много усилій и натяжекъ Г. Потебня на производство божича отъ бадняка, бога-грома, и на пріуроченіе ему матери-богини тучи.

Съ слѣдующею мыслію заключенія о сходствѣ обрядовъ Рождественскихъ съ свадебными и похоронными, говоря вообще, мы согласны, и коротко объяснили выше причину, по чему должно было образоваться это сходство. Но въ толкованіи фактовъ (на стр. 15—56) находимъ такъ много личнаго, вставленнаго подъ вліяніемъ неразборчивой иногда подражательности Нѣмецкимъ образцамъ, что не предложить хотя противъ нѣкоторыхъ толкованій своихъ возраженій, считаемъ себя не въ правѣ, взявшись за трудъ разбора сочиненія Г. Потебни. Разсматривать факты по порядку и въ цѣлости было бы совершенно излишне: иначе, пришлось бы написать такую же книгу, какую издалъ Г. Потебня.

Находя неумѣстнымъ возражать противъ мысли, будто колодки, привязываемыя кое-гдѣ у Славянъ не замужнимъ женщинамъ и холостымъ мужчинамъ, на Масляной недѣлѣ, могутъ быть тождественны съ миѳическимъ плугомъ (стр. 14), укажемъ на основаніе, давшее автору поводъ и право сблизить кованіе миѳическаго плуга, поставленнаго Г. Потебней въ символы любви брака, съ кованіемъ свадебъ человѣческихъ. «Подобно тому, говоритъ онъ, какъ богъ, кующій плугъ—символъ брака, такъ и кующій свадьбу первоначально самъ тождественъ съ женихомъ.» Это любопытное заключеніе (стр. 15) основано единственно на слѣдующихъ двухъ стихахъ Сербской народной пѣсни:

Злату те се куюнджія нати,
И мени те мой суденикъ доти,

гдѣ кузнецъ, утверждаетъ авторъ, есть символъ суженаго. Другими словами, значитъ, для народа нѣтъ возможности развиваться въ поэзіи свободно; онъ, по этому, не можетъ прибѣгать къ сравненіямъ и сближеніямъ, подъ вліяніемъ текущей жизни, подъ

условіями исторіи и образованія; всякое простое, наглядное уподобленіе, схваченное изъ обыденной жизни, непремѣнно, значитъ, должно объясняться его миѳическими воззрѣніями, ставиться подъ гнетъ языческой религіи. Да въ приведенныхъ стихахъ сравненіе вовсе не относится къ жениху или суженому, а къ золоту и невѣстѣ! Какъ золото не пропадаетъ даромъ, такъ и прекрасная невѣста не засидится въ дѣвкахъ, вотъ гдѣ существенный смыслъ; выводить же отсюда какое-то миѳическое отношеніе кованія плуга къ кованію свадьбы, по меньшей мѣрѣ, произвольно.

Въ ряду символовъ солнечнаго божества, Г. Потебня приводитъ сначала животныя: кабана, оленя, быка, а потомъ и хлѣбъ. Всѣ эти символы играютъ важную роль въ Рождественскія святки и при свадьбахъ.

Скажемъ прежде вообще, что всѣ эти символы или олицетворенія божества, какъ называетъ ихъ иначе Г. Потебня, въ фактахъ матеріяла не находятъ рѣшительно положительнаго оправданія. На ряду съ указанными животными встрѣчается и множество другихъ, и объясненіе появленія ихъ въ Рождество должно быть точно такое же, какое вывели мы выше относительно царства растительнаго, разнаго сорта хлѣба. Всъ дѣло сводится къ тому, что народъ земледѣльческій, а, въ слѣдствіе сего, и скотоводный, празднуя рожденіе солнца, оплодотворяющаго землю, произращающаго все на ней, выводитъ на сцену празднества все то, что составляетъ его богатство, жизнь, счастіе и что зависитъ, по его понятіямъ, исключительно отъ новородившагося божества. Отъ по чему, безъ сомнѣнія, и встрѣчаемся мы только съ тѣмъ изъ животныхъ и растеній, что входитъ въ составъ хозяйства народа Славянскаго. Видѣть же во всемъ этомъ олицетвореніе божества, значило бы создавать Миѳологію по личному воззрѣнію. Не удивительно, по этому, что и въ объясненіяхъ Г. Потебни, въ каждомъ случаѣ, опять находимъ предположенія и догадки.

Такъ, для доказательства представленія солнечнаго божества въ образѣ кабана, авторъ приводитъ указаніе на кушанье изъ свинины: колбаса, свиныя ножки, свиная голова (стр. 25—31). Хотя главнымъ образомъ это и относится къ свадьбѣ, тѣмъ не менѣе, если бы происходило это въ такой же степени и въ Рож-

дество, все таки доказательства въ этомъ не видно. Кушаньевъ народа очень много, и самъ Г. Потебня (стр. 28) утверждаетъ что свиная голова подается послѣ многихъ другихъ кушаньевъ Повѣрье о золотомъ поросенкѣ, извѣстное у нѣкоторыхъ Славянъ объяснено очень естественно Гриммомъ, и намъ странно, что авторъ позволилъ себѣ устраниться отъ естественности и тутъ броситься въ сторону отъ истины: золотымъ поросенкомъ убѣждаютъ дѣтей не кушать въ данный день по тому, что поросенокъ составлялъ любимое и послѣднее кушанье въ богатой трапезѣ этого дня. Такъ заявилъ объ этомъ даже Гриммъ, имѣвшій неизмѣримо большее право отнести это къ кабану, положительному символу божества въ Нѣмецкой Миѳологіи. И вотъ на такихъ-то данныхъ рѣшаетъ Г. Потебня кабана, символъ Нѣмецкаго бога Фро, вводитъ и въ Миѳологію Славянскую, въ качествѣ животнаго образа солнечнаго божества!

Въ олицетвореніи солнца оленемъ все сводится къ Св. Петру. Онъ изображается иногда ѣдущимъ на оленѣ и служитъ деверемъ на свадьбѣ мѣсяца (стр. 35—39); отсюда, заключаетъ авторъ, Петръ есть солнце, а олень его животная форма. Возможно ли такъ легко относиться къ современной запутанности народныхъ повѣрій и суевѣрій? Мало ли какъ выставитъ современный Славянинъ древнѣйшее, имѣвшее, быть можетъ, совершенно иной характеръ. Запутанность въ настоящемъ случаѣ очевидна: если Петръ деверь на свадьбѣ мѣсяца, то какъ же можетъ быть онъ солнцемъ, когда самъ же Г. Потебня, какъ увидимъ, настаиваетъ на бракѣ между мѣсяцемъ и солнцемъ? Кромѣ того, отождествленіе Петра съ солнцемъ на томъ основаніи, что молнія, дѣлящая, по Сербской пѣсни, дары, предоставила Петру лѣтній зной, жары (врутине), не освобождаетъ отъ обязанности сообразить время праздника, въ честь Св. Петра: это 29 Іюня, пора сильнѣйшихъ жаровъ. А вѣдь Г. Потебня и не думалъ доказывать, да и не могъ, что Св. Петръ смѣнилъ собою какое либо языческое олицетвореніе дѣйствительнаго солнца.

Что касается до олицетворенія солнца быкомъ, то авторъ (стр. 31—35) не предлагаетъ ни одного свидѣтельства; дѣло идетъ о свѣтѣ—счастіи, здоровьи, о мракѣ — бѣдности, смерти. Вмѣсто быка, является, напротивъ, вообще скотъ. Впрочемъ, Г. Потебня

обѣщаетъ говорить объ этомъ ниже, но, не сказавши ничего, на 46 страницѣ дѣлаетъ уже положительный выводъ объ отношеніи кабана, быка и оленя къ Рождеству и солнцу.

Не меньшая свобода высказалась подъ перомъ автора и въ сопоставленіи хлѣба съ солнцемъ (стр. 41—45). Дѣло начинается со сказки о хлѣбѣ и змѣѣ. Замѣчательно, что эту сказку Г. Потебня слышалъ въ дѣтствѣ. Но допустимъ, что онъ дѣйствительно ее слышалъ и что, ни съ чѣмъ не смѣшалъ ее и ничего не примѣшалъ къ ней, подъ вліяніемъ дальнѣйшей жизни, отъ поры дѣтства до мужескаго возраста. По взгляду Г. Потебни, сказка носитъ слѣды глубокой древности, по тому что хлѣбъ представляется мучимымъ и противополагается змѣѣ. Интересны доказательства. Прежде всего, онъ выводитъ змѣю изъ тѣла великаго змѣя, которымъ, по миѳическому вѣрованію народа, оралъ Св. Кузьма. По чему же такъ, спроситъ читатель? Вѣдь сказка ни однимъ словомъ не говоритъ объ этомъ, и развѣ, дальше, невольно народу производить змѣй отъ другаго вымышленнаго змѣя? Хлѣбъ изображается мученикомъ. Это побуждаетъ автора къ сближенію въ языкѣ и къ слѣдующему объясненію, что муки приписываются хлѣбу на томъ основаніи, что «какъ мученіе, печаль изображается въ языкѣ какъ слѣдствіе колотья, дробленія, такъ хлѣбъ есть пища изъ разбитаго, смолотаго зерна.» Какъ будто народу, черезъ языкъ, надобно было сближать хлѣбъ съ печалію для того, чтобы назвать хлѣбъ мученикомъ, когда фактъ молотьбы и молонья, самъ по себѣ, слишкомъ ясенъ и достаточенъ для подобнаго названія хлѣба! Но, главное, автору надобно вывести, что хлѣбъ въ сказкѣ представляетъ солнце. И это легко. Хлѣбъ можетъ сближаться съ жерновомъ, какъ мелющимъ, а жерновъ у Чѣмцевъ—оружіе громоваго бога, отсюда (!!) сближеніе хлѣба и громоваго бога. Посредникомъ является млинъ, собственно, по автору, жерновъ (!) Въ концѣ концевъ слѣдующій выводъ: «Изъ всего этого видно, что въ Малор. сказкѣ (которую въ дѣтствѣ слышалъ Г. Потебня), змѣя завидуетъ хлѣбу, какъ воплощенію грознаго бога. Смѣемъ надѣяться, что опроверженіе научное излишне. Скажемъ только, что, вмѣсто того, чтобы, черезъ жерновъ, подходить къ грозному богу грома, лучше бы остановиться съ должнымъ вниманіемъ на обслѣдованныхъ фак-

тахъ съ хлѣбомъ, и въ древности и въ настоящее время, приведенныхъ также и Г. Потебней на стр. 46, гдѣ и онъ самъ вынужденъ видѣть отношеніе къ солнцу, а не къ грому, и, разумѣется, не въ смыслѣ олицетворенія этого божества хлѣбомъ, а въ значеніи просто указанія на хлѣбъ, какъ на существенное условіе жизни, находящееся подъ исключительнымъ вліяніемъ бога-солнца.

Такой же смыслъ принадлежитъ и обычаю народному печь нѣкоторыхъ животныхъ изъ хлѣбнаго тѣста. Г. Потебня и тутъ думаетъ видѣть олицетворенье божества (стр. 49), между тѣмъ какъ отношеніе здѣсь къ солнцу есть отдаленное, посредственное; ближайшій же предметъ есть самый скотъ, домашнія животныя. Рождество есть пора, когда по преимуществу совершается имъ приплодъ, и народъ земледѣльческо-скотоводный, естественно, заботится о немъ; вотъ по чему и авторъ, желавшій найти въ этомъ обычаѣ подтвержденіе своей мысли на счетъ олицетворенія солнца нѣкоторыми животными, вынужденъ былъ, въ заключеніе, выразиться, что народъ изображаетъ въ тѣстѣ не тѣхъ только животныхъ, а и многихъ другихъ.

На стр. 51 — 55 находимъ довольно подробное объясненіе значенія коровая, въ которомъ авторъ видитъ солнце и жениха. Выставимъ только вопросы, обнаруживающіе, по нашему мнѣнію, несостоятельность объясненія.

Черезъ хлѣбъ, который признаетъ Г. Потебня за изображеніе бога-грома, переходитъ онъ къ короваю, и его считаетъ за изображеніе солнца, посредникомъ служитъ ему дежа, которая въ пѣсняхъ сопоставляется съ солнцемъ. Но развѣ дежа то же, что коровай, или хлѣбъ? Коровай рисуется краснымъ, «но только въ смыслѣ прекраснаго,» говоритъ авторъ. А намъ кажется, что именно въ смыслѣ краснаго, по цвѣту, чѣмъ и напоминаетъ онъ солнце. Изъ сопоставленія его съ раемъ, заключаетъ Г. Потебня, что онъ называется небомъ. Но рай здѣсь значитъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ радость, веселье; по этому-то, называется онъ въ другихъ случаяхъ и маемъ (см. 164). «Сравненіе высоты коровая съ лѣсомъ, можетъ быть, основано на представленіи солнца деревомъ;» но приведенныя для подтвержденія столь проблемати-

ескаго положенія загадки (примѣч. 157) говорятъ о самомъ про-
томъ сравненіи, безъ малѣйшаго намека на какой либо миѳъ;
го же до дуба, то онъ сравнивается съ годомъ, а во все не съ
олнцемъ, хотя отдѣльно дубъ, если бы и замѣнялъ онъ солнце,
в замѣняетъ еще лѣса. «Свѣтъ и красота коровая приносятъ ве-
ье и славу свадьбѣ;» но тутъ опять не видно тождества съ соли-
емъ: коровай, какъ представитель свадьбы, замѣняетъ въ поэзіи
ародной характеръ послѣдней; красивъ и хорошъ онъ—весела и
вадьба. Такимъ образомъ, читатель никогда не убѣдится, что
ги свидѣтельства говорятъ о связи коровая со свѣтомъ, тѣмъ
ольше съ солнцемъ.

Не сильнѣе убѣжденье и отъ доказательствъ отожествленія
оровая съ женихомъ. Для Г. Потебни служитъ, на примѣръ, до-
азательствомъ обычай выносить на коровай очипокъ; но до-
адка его ничего не значитъ въ сравненіи съ замѣчаніемъ изда-
еля пѣсенъ Малор., изъ которыхъ взялъ это указаніе Г. Потебня,
о чему существуетъ подобный обычай. Насъ только удивляетъ,
акъ изъ такихъ данныхъ авторъ рѣшаетъ, что «если коровай
сть женихъ, то изъ такого сближенья солнца, коровая и же-
иха (54 — 55) выходитъ, что солнце божество мужеское.» Уди-
ительно ли послѣ всего этого встрѣтить въ слѣдующемъ изложе-
іи Г. Потебни усильныя доказательства, что солнце есть и бо-
ество женское?

Наконецъ, что сказать еще о доказательствѣ связи коровая
вообще брака на основаніи пѣтуха? (стр. 55 — 56). Предста-
ленные въ подтвержденіе этого обычаи, всѣ говорятъ лишь объ
номъ, что пѣтухъ и курица, при бракѣ, служатъ символами но-
ой семьи; пѣтухъ дается прямо на разводъ, слѣдовательно, тутъ
ростое сравненіе гнѣзда съ семьей, пѣтуха и курицы съ мо-
одыми. Обычай Хорватовъ, гадать подъ Рождество и Новый Годъ
плодородіи пѣтуховъ и куриць по тому, кто первый войдетъ въ
омъ, мужчина, или женщина, свидѣтельствуетъ ясно, что и глав-
ѣйшая домашняя птица занимаетъ то же мѣсто въ праздникъ рож-
енія солнца, какое указали мы для скота и хлѣба.

Послѣдній результатъ первой статьи Г. Потебни заключает-
я, слѣдовательно, въ томъ, что богиня-туча есть жена бад-

ника-грома, и оба вмѣстѣ — родители божича-солнца. Вторая статья, къ которой обращаемся, предлагаетъ усилія автора отыскать имя и признаки этой богини, въ народныхъ сказкахъ и суевѣріяхъ, и очертить подробнѣе и точнѣе миѳическій образъ. Отмавленіе: «Баба-Яга» говоритъ ясно, кого разумѣетъ Г. Потебня подъ богинею-тучею, и съ кѣмъ приходится имѣть намъ дѣло.

Каждый Русскій человѣкъ, котораго судьба не оторвала съ дѣтства отъ родины и не окружила иностранными нянъками, гувернерами и гувернантками, отъ самаго бѣднаго простолюдина до знатнаго барича, очень хорошо знакомъ съ именемъ Бабы-Яги; малѣйшій намекъ на него готовъ тотчасъ же воспроизвести въ памяти и воображеніи тотъ живой и типическій ея образъ, какой глубоко отпечатлѣлся съ первыхъ поръ сознанья, по разсказываемымся сказкамъ. Этотъ образъ только повторится и освѣжится и въ воображеніи того, кто бы вздумалъ пробѣжать, или перечитать, внимательно и богатый запасъ народныхъ сказокъ по существующимъ прекраснымъ изданіямъ новѣйшаго времени. Отличительною чертою этого типическаго образа, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, исключительно представятся: старость, безобразіе, ѣзда въ ступѣ съ погоняющимъ пестомъ, грозность, враждебность и злобность, словомъ, дальше мрачныхъ, темныхъ качествъ, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ, анализирующій умъ не отыщетъ ни чего въ этомъ образѣ; не откроетъ онъ въ немъ и тѣни чего либо свѣтлаго, добраго, благодѣтельнаго, примиряющаго. Съ такимъ только характеромъ явится Баба-Яга и передъ тѣмъ, кто отъ сказокъ Русскихъ перейдетъ въ сказочную область соплеменныхъ народовъ другихъ Славянъ.

Но напрасно Русскій человѣкъ будетъ думать, что Баба-Яга и дѣйствительно такова въ знакомыхъ ему сказкахъ, какою привыкъ онъ знать ее съ дѣтства. Разсужденіе Г. Потебни, второю своею статьею, именно на то и направлено, чтобы положительно доказать несостоятельность такой думы и убѣдить всякаго, что и въ этомъ мы не отстали отъ Нѣмцевъ, что открытая и красиво очерченная въ ихъ миѳологіи свѣтлая и благотворная Гольда или

Берта присущее и намъ, и что типъ ея всецѣло повторяется въ Бабѣ-Ягѣ. Это опять новость Г. Потебни, повѣрить которой на слово тѣмъ труднѣе, чѣмъ индивидуальнѣе взглядъ автора на ученые пріемы и доводы, обнаруженные въ первой статьѣ. Начнемъ свой разборъ и здѣсь съ общаго положенія.

Впрочемъ, во второй статьѣ нѣтъ общаго заключительнаго итога; находятся лишь отдѣльные выводы, размѣщенные на далекихъ другъ отъ друга страницахъ, именно на 131, 141, 167 и отчасти на 231 — 232.

Вотъ что читаемъ на стр. 131: «Какъ изъ замѣны Гольды посредствомъ Нехе въ сказкахъ и изъ того, что вѣдьмы сопровождаютъ Гольду въ ея полетахъ, не выводятъ (!), что Гольда есть вѣдьма, а не одна изъ верховныхъ богинь, такъ (!) и связь Яги съ вѣдьмами не въ не въ состояніи, если не ошибаемся, перечесть положеній, которыя мы старались выше доказать, именно: что Яга посылаетъ души на свѣтъ и принимаетъ ихъ отуда; что она, какъ одно лицо съ Мораной, имѣетъ ключи отъ еба, слѣдовательно, непосредственную власть не только надъ ушами, но и надъ природой». Приравненіе Яги къ Гольдѣ, выраженное въ приведенныхъ словахъ, не такъ ясно, съ положительностью указано въ начальныхъ словахъ второй статьи (на стр. 5): «Нѣтъ спору, что въ Германской Миѳологіи та женская личность, къ которой относятся намеки Рождественскихъ обрядовъ, сть Гольда или Берта. Съ Гольдою-Бертою сходно во многихъ ертахъ, а нѣкогда было тождественно (!), миѳическое существо аба-Яга. По этому, вѣроятно (!), что оно именно предполагается Рождественскими обрядами, хотя бы прямыхъ указаній на это не было».

Самымъ простымъ глазомъ можно видѣть, что служило побужденіемъ Г. Потебнѣ создать образъ Яги, не извѣстный доселѣ въ наукѣ Славянской Миѳологіи и прямо противоположный понятіямъ народнымъ. Это Нѣмецкая Гольда, къ единству съ которой, во что бы то ни стало, взялся привести онъ Бабу-Ягу. Рѣшительность въ такомъ выводѣ тѣмъ замѣчательнѣе, что въ частныхъ положеніяхъ авторъ не выходитъ изъ предположеній и обусловленій: «если, кажется, вѣроятно, можетъ быть» и т. д., и, не смотря

на это, въ послѣднемъ заключеніи Яга представляется тождественною съ Гольдой-Бертой. Въ какой степени Г. Потебня поддался Нѣмецкому вліянію, всего нагляднѣе видно изъ отрицанія имъ родства Яги съ вѣдьмой; онъ по тому отвергаетъ его (хотя, на стр. 119, и признаетъ связь Яги съ вѣдьмами несомнѣнною), что ученые Нѣмцы не выводятъ вѣдьменности Гольды изъ того, что въ сказкахъ оно замѣняется посредствомъ Нехе. Чтобы имѣть какое ни будь не право, а только поводъ, заключать отсюда къ Ягѣ, надобно прежде слишкомъ положительно и для всякаго убѣдительно доказать равенство Яги съ Гольдой; а между тѣмъ, съ этой-то именно стороны и встрѣчаемъ мы у Г. Потебни изумительную шаткость, свидѣтельствующую несомнѣнно о непрочности собственнаго его убѣжденія. Съ Гольдою сходно во многихъ чертахъ, при Рождественскихъ обрядахъ, миѳическое существо Баба-Яга, а по тому, вѣроятно, что она тамъ и предполагается. Но развѣ сходство, даже и во многихъ чертахъ, въ такомъ сложномъ, запутанномъ, перепутанномъ и перемѣшанномъ, дѣлѣ, какъ миѳы въ современныхъ вѣрованіяхъ, понятіяхъ и обрядахъ народныхъ, даетъ право переходить къ выводу о тождественности сходныхъ предметовъ? Вѣдь при сходствѣ есть и различіе, и различіе весьма рѣзкое: какъ же поступить съ нимъ? И по чему же не признать, что существенная-то черта заключается именно въ различіи, а сходство образовалось случайно, лишь въ силу паденія и смѣшенія миѳическихъ представленій? Г. Потебня самъ предчувствовалъ такое возраженіе, и включилъ слѣдующую, ни чѣмъ не оправданную, фразу: «съ Гольдою во многихъ чертахъ сходно, а нѣкогда было тождественно, миѳическое существо Баба-Яга». Когда же эта была тожественность? весьма любопытно и важно было бы знать, какъ по тому, что исторія молчитъ о Бабѣ-Ягѣ, не скупясь на указаніе и характеристику другихъ женскихъ божествъ, такъ и по тому, чтобы оправдать отъ упрека Г. Потебню за его холодное невниманіе къ исторіи. Но тщетно станетъ искать читатель разсужденія хотя слабый намекъ на историческое свидѣтельство вообще о Ягѣ, тѣмъ меньше о тождествѣ ея съ Гольдою. И напрасно Г. Потебня позволилъ себѣ внести подобную фразу: «нѣкогда была тождественна». Она обнаруживаетъ только тщетное усиліе скрѣпить и освятить прежнимъ древнимъ тождествомъ, ни откуда не виднымъ, нигдѣ не выраженнымъ и не дѣйствительнымъ, произ-

вольное, по крайней мѣрѣ, чисто субъективное, заключеніе о кажущемся теперь сходствѣ Яги и Гольды.

Не находя нигдѣ историческаго свидѣтельства о Ягѣ въ сочиненіи Г. Потебни, не зная ни одного указанія въ Древне-Славянскихъ памятникахъ, и сами мы обратимся къ силѣ доказательствъ автора, на основаніи современныхъ понятій. Вопросъ формулируется характеристикой Гольды-Берты. Какъ въ языкѣ, такъ и въ житейскихъ отношеніяхъ къ народу, заявленныхъ въ Нѣмецкихъ сказкахъ, она рисуется кроткой, милостивой, благосклонной, свѣтлой, блестящей, наблюдающей за порядками въ жизни и занятіяхъ, награждающею исправныхъ и наказывающею виновныхъ. Такія качества слѣдовало бы вывести и въ Ягѣ — вотъ задача. На сколько удалось Г. Потебнѣ открыть идею свѣта въ самомъ названіи Яги, мы уже видѣли; теперь яснѣе видимъ и то, что собственно побуждало автора отыскивать именно такую идею, равно подмѣтить и причину столь насильственной логики языка. Взглянемъ же, какъ сближаетъ онъ Ягу съ Гольдой и по сказочнымъ понятіямъ.

Собравши изъ Гримма, Вольфа, Маннгардта сказочныя черты Гольды-Берты, составляющія миѳическій образъ, Г. Потебня подираетъ сходственныя черты въ Славянскихъ сказкахъ и, относя ихъ всѣ къ Ягѣ, считаетъ себя въ правѣ сопоставлять и отождествлять Ягу съ Гольдой. Здѣсь невольно останавливается вниманіе на самомъ пріемѣ. Авторъ не лице съ характеристикой имѣетъ въ виду, а однѣ разбросанныя черты характеристики. Что же будетъ порукой, что такія черты дѣйствительно относятся къ Ягѣ? Не предоставляетъ ли авторъ уже только этимъ себѣ совершенно научную свободу, которая, при абсолютномъ отсутствіи исторіи, сводится прямо къ личному взгляду, подъ часъ къ личному произволу? Это свойство, дѣйствительно, и господствуетъ, по преимуществу, во второй статьѣ разсужденія.

Доказательства начинаются отъ мыши (стр. 90 — 95) и отъ отношенія ея къ дѣтскимъ зубамъ, въ слѣдующемъ выраженіи: «мышка, на тебѣ зубъ рѣпяной, дай мнѣ желѣзный!» Отыскавши у Чеховъ и Словаковъ замѣну мыши Бабой-Ягой, Г. Потебня утверждаетъ, что «если въ этой замѣнѣ есть смыслъ, то

изъ нея слѣдуетъ, что мышь даетъ дѣтямъ желѣзные зубы, въ силу своего отношенія къ Ягѣ, которой приписывается благотворное вліяніе на здоровье дѣтей.» Напрасно станетъ читатель искать свидѣтельства, подтверждающаго послѣднюю мысль, будто Ягѣ, въ самомъ дѣлѣ, приписывается вліяніе, да еще благотворное, на здоровье дѣтей; очевидно, фраза эта вытекла подъ вліяніемъ просьбы дѣтей о зубахъ, а между тѣмъ ей приданъ смыслъ доказательства, по чему дѣти обращаются къ Ягѣ; другими словами, за доказательство принято то, что именно и требуется доказать. Но есть ли смыслъ въ замѣнѣ мыши Ягой у Чеховъ и Словаковъ? «Конечно, есть, и вотъ по чему, продолжаетъ Г. Потебня: 1) какъ Яга имѣетъ отношеніе къ Рождеству, такъ и мышь; въ Мекленбургѣ, въ продолженіи 12 Рождественскихъ ночей, не называютъ даже настоящимъ именемъ нѣкоторыхъ животныхъ, между прочимъ, мышь и лису.» Пусть и такъ, но все таки въ этомъ доказательствѣ рѣшительно не видна дѣйствительность смысла замѣны мыши Ягой въ дѣтской просьбѣ. Трудно опредѣлить, какія животныя не участвуютъ въ Рождественскихъ обрядахъ, суевѣріяхъ, повѣрьяхъ и т. д.; что же касается до Мекленбурга, то намъ и непонятно даже, за чѣмъ приведенъ онъ тутъ; вѣдь и тамъ мышь стоитъ подъ урядъ съ другими животными; по крайней мѣрѣ, хоть бы видѣть, что и мышь и другія животныя поставлены тамъ въ связь съ Гольдой; но и въ такомъ случаѣ принять Мекленбургъ за доказательство было бы нельзя, по тому что мы именно ищемъ доказательства тожества Яги съ Гольдой. «2) Мыши въ Русской сказкѣ принадлежатъ къ хозяйству Яги.» Но, оставивши въ сторонѣ справку съ Русскими сказками и, пользуясь лишь разсужденіемъ Г. Потебни, чего не найдемъ мы въ, такъ называемомъ имъ, хозяйствѣ Яги, или, правильнѣе, съ какими животными и съ какими предметами не приходится сопоставлять Славянскому народу въ своихъ сказкахъ Бабу-Ягу! Что же особеннаго, если попадаются тутъ и мыши, и гдѣ же отсюда смыслъ-то замѣны Яги мышью въ дѣтской просьбѣ о зубахъ! «3) У Славянъ и у Нѣмцевъ существуетъ игра въ жмурки. Въ этой игрѣ является у Славянъ или баба, а у Нѣмцевъ и Сербовъ мышь; при томъ, какъ къ бабѣ, такъ и къ мыши приставляется не рѣдко эпитетъ слѣпой.» Но во а) Г. Потебня и не подумалъ намъ уяснить, что мышь у Нѣмцевъ въ данномъ случаѣ замѣняетъ именно Гольду; во б) что подъ

бабою у Славянъ разумѣется именно Яга-баба; вѣдь, въ противномъ случаѣ, Ягѣ придется, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлаться вездѣсущею, если всякое указаніе на бабу непремѣнно будемъ относить къ ней? Г. Потебня этому пріему и обязанъ, впрочемъ, необыкновенною характеристикою Бабы-яги. Дальше онъ «bílou paní Чешскую окрестилъ въ Ягу; въ в) какъ-то не легко вѣрится, и съ перваго взгляда, въ самостоятельность Сербскаго названія жмуроkъ слѣпою мышью. Г. Потебнѣ не мѣшало бы остановиться на этомъ тѣмъ внимательнѣе, чѣмъ уединеннѣе поставлены въ данномъ случаѣ Сербы, относительно всѣхъ другихъ Славянъ. И что скажетъ онъ, если подобное названіе обязано Нѣмцамъ и расширилось изъ Сербскихъ поселеній среди Нѣмцевъ? Какъ бы то ни было, но и тѣни нѣтъ доказательства, что жмурки у Славянъ указываютъ на Бабу-Ягу, или на мышь, ее замѣнившую. Этого мало: какъ просьба дѣтей о зубахъ относится не только къ бабѣ, но и къ дѣду, живущему за печкой, такъ и въ игрѣ въ жмурки не вездѣ участвуетъ только баба; напротивъ, среди Малороссіянъ, на примѣръ, господствующую роль играетъ дѣдъ. Для Г. Потебни это не имѣетъ значенія; онъ смѣло видитъ въ этомъ позднѣйшее раздвоеніе, и ставитъ во главу свою Бабу-Ягу, о которой собственно нѣтъ ни какого положительнаго указанія.

Признавши, такимъ образомъ, Бабу-Ягу, въ жмуркахъ и въ дѣтской просьбѣ о зубахъ, за фактъ несомнѣнный, Г. Потебня, очевидно, очутился въ затрудненіи на счетъ слѣпоты Бабы-Яги. «Не уже ли надобно допустить, что она представлялась слѣпою? Но на это нѣтъ другихъ указаній.» Какъ же быть? Не произвести ли операцію съ самымъ словомъ слѣпъ, слѣпой, и не притянуть ли его значеніе къ чему либо подходящему для Бабы-Ягы? И вотъ, на стр. 93—94, дѣйствительно, доказывается, будто Серб. слѣпъ, значитъ собственно безобразный; а слепота — безобразіе. Приводятся въ подтвержденіе пословицы, а также и цѣлая выержка изъ одной Сербской пѣсни. Думаемъ, что зайти дальше ъ натяжкѣ трудно: даже и въ приведенныхъ примѣрахъ авторомъ, акъ, на примѣръ, въ пословицѣ: «Не плаче слѣпъ, што ніе ѣпъ, веть што не вида бѣли свѣтъ,» не замѣтно и метафоическаго значенія безобразный. Вообще, это мѣсто изслѣдова-я принадлежитъ къ такимъ, гдѣ разбирающій его невольно станетъ

въ тупикъ; для опроверженія его нѣтъ болѣе средства, какъ попросить снять цвѣтные очки и посмотрѣть прямыми глазами на свѣтъ Божій, который представляется синимъ, или зеленымъ, только подъ вліяніемъ оптическихъ стеколъ. И тѣмъ не менѣе, на этомъ основаніи Г. Потебня рѣшаетъ: «Возможно, что Баба въ жмуркахъ представляется слѣпою не только въ смыслѣ мрака—безобразія, но и въ смыслѣ мрака—смерти. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Яга-баба, какъ увидимъ ниже, похищаетъ дѣтей, именно, есть смерть. Самая игра въ жмурки можетъ изображать такое похищеніе.» Но надобно же уяснить и свойства мыши, — и Г. Потебня стучится снова въ двери Нѣмецкой Миѳологіи. Тамъ находитъ онъ, что мыши изображаютъ эльбовъ, душъ, и что Царицею надъ ними есть Гольда; животныя формы душъ представляются тамъ то благодѣтельными существами, приносящими другія души на этотъ свѣтъ, то уносящими этѣ души на тотъ свѣтъ; а такъ какъ Яга, предполагаетъ Г. Потебня, то же самое, что и Гольда, то легко уже опредѣлить и связь ея съ мышами: «мышь въ жмуркахъ, какъ посолъ смерти, отождествляется съ Ягою (или дѣдомъ), и отъ нея заимствуетъ эпитетъ (слѣпая), указывающій на отношеніе къ смерти.» Таковъ выводъ о Ягѣ и о мыши въ игрѣ жмуркахъ, и все это основано на произвольномъ предположеніи, что баба есть непремѣнно Яга; что слѣпой, слѣпота обозначаютъ не иное что, какъ безобразіе, смерть; что просятъ дѣти у мыши, или у Яги, зубовъ по тому, что она вліяетъ на здоровье дѣтей. До чего, спрашивается, нельзя дойти и чего невозможно доказать, при такомъ легкомъ обращеніи съ фактами? Между тѣмъ, простой глазъ, не отвергая всецѣло отдаленной связи, какъ въ просьбѣ о зубахъ дѣтей, такъ и въ игрѣ въ жмурки, съ древнѣйшими миѳическими вѣрованіями, въ дѣлѣ о зубахъ подмѣтитъ самую незатѣйливую естственность: у мышей просятъ зубы, по тому что остріе и крѣпость ихъ слишкомъ хорошо извѣстны народу; у Бабы-Яги, по тому что представляется она зубатою; слѣпоту же въ жмуркахъ объяснитъ самымъ характеромъ игры, если угодно, и самымъ словомъ жмуриться, закрывать глаза, представлять себя слѣпыми. Бабу и дѣда, термины также употребительные въ упомянутой игрѣ, поставитъ онъ вопросомъ, и, во всякомъ случаѣ, не рѣшится, безъ другихъ опредѣленнѣйшихъ указаній, видѣть въ нихъ Бабу-Ягу; что же касается до мыши, то скорѣе вычеркнетъ ее изъ этой

гры Славянской, по крайней мѣрѣ, почтетъ сначала необходимымъ
казать, что Сербскій слѣпи мишъ есть самобытное названіе.
а и допустивши послѣднее, все таки встрѣтитъ затрудненіе въ
ѣдующемъ: какимъ образомъ медвѣдь, животная форма Яги,
ма Яга, ловитъ мышь, животную форму душъ, находящихся
е во власти Яги? Этого мало: какимъ образомъ мышь, Ягинъ
солъ смерти, спасаетъ отъ похищенія Ягой дѣвицу? Чтобы,
очемъ, ни сказалъ простой глазъ, но предложенныя доказа-
ьства Г. Потебнею отнимаютъ всякое право на сдѣланные имъ
ѣоды о Ягѣ отъ мыши.

Не открывши ни чего тождественнаго между Гольдой и Ягой,
доказавши ни мало ихъ и родства, изъ объясненія мыши, Г.
ебня принимаетъ, однако же, это за дѣло рѣшенное, и уже свое-
ю продолжаетъ отыскивать черты сходства у другихъ жи-
ыхъ и, не задумываясь, сопоставляетъ послѣднихъ съ Ягою.
ъ, у Сербовъ дѣти просятъ желѣзнаго зуба у вороны; у нихъ
есть терминъ и гвозденузуба, миѳическое существо, кото-
ъ пугаютъ дѣтей,—и этого довольно, чтобы Г. Потебнѣ убѣ-
ся въ связи и вороны и гвозденузубы съ Ягою и считать
въ правѣ, «заключать отъ свойства первой къ послѣдней».
этого мало: ворона представляется въ разнообразныхъ по-
хъ галкой, сорокой, коршуномъ и кукушкой; слѣдовательно,
йства послѣднихъ должны служить матеріяломъ для харак-
тики Яги. Что же послѣ этого удивительнаго, если Яга, въ
ь дѣлѣ, выступитъ передъ читателемъ со всѣми качест-
какія будутъ ему угодны, благодаря волшебному жезлу Г.
ни? Это ничего, что ворона и близко не ставится въ дан-
повѣрьяхъ не только съ Бабой-Ягой, но и ни съ какой
довольно и того, что къ ней обращаются Сербы за зу-
акже, какъ другіе Славяне къ мыши, а мышь не разъ по-
ся рядомъ съ бабой.

Взаведясь подобнымъ волшебнымъ жезломъ, авторъ съ рѣ-
ностью переходитъ къ параллелизму Гольды и Яги, и на-
въ послѣдней все, что приписывается Нѣмцами первой.
Яга, изъ своей мрачной, грозной и враждебной, роли, пере-
ся такъ легко въ рядъ существъ благодѣтельныхъ.

Гольда посылаетъ на свѣтъ души и похищаетъ къ себѣ дѣтей. По повѣрью Чешскому, что, впрочемъ, для Г. Потебни однозначаще съ Славянскимъ, сорока, кукушка и ворона, своимъ прилетомъ, предвѣщаютъ рожденіе ребенка; рожденіе дѣтей объясняютъ Чехи и приносомъ ихъ аистами, коршунами и воронами, что́, однако же, относится одинаково и къ приплоду животныхъ. Слѣдовательно, заключаетъ Г. Потебня, Яга-баба приноситъ на свѣтъ дѣтей. Гольда кормитъ дѣтей кашею. У Славянъ, въ игрѣ съ младенцами, представляется кормящею такой пищей сорока-ворона; у Чеховъ въ подобной же игрѣ упоминается даже мышь; и можетъ ли же послѣ сего быть сомнѣнье, что и Славянская Баба-Яга кормитъ кашею дѣтей? Но въ указанной игрѣ авторъ находитъ и еще замѣчательный моментъ, который ведетъ его къ новому сближенію Яги съ Гольдой. Игра завершается тѣмъ, что сорока-ворона урываетъ шейку (?!) у дитяти, представляемаго однимъ изъ пальцевъ; отсюда видитъ Г. Потебня, что мѣсто дѣйствія въ этой игрѣ не на небѣ а на землѣ, съ которой ворона похищаетъ дѣтей (стр. 97). Прозорливость для насъ необъяснимая! Но похищеніе вороной, коршуномъ, ястребомъ, ворономъ находитъ подтвержденіе въ разнообразныхъ играхъ дѣтскихъ; а какъ всѣ эти птицы указываютъ на Ягу, то и несомнѣнно, что она, подобно Гольдѣ, не только посылаетъ дѣтей на свѣтъ, но и похищаетъ ихъ отсюда!

Гольда и Берхта прядутъ: непремѣнно должна прясть и соотвѣтствующая имъ Славянская богиня, т. е., Баба-Яга (стр. 99). Она и дѣйствительно прядетъ, по тому что (!) пряденье приписывается сорокѣ, воронѣ, коршуну. А что имъ приписывается пряденье, видно (!) изъ названія растѣній: сорочья пряха (*gulcum uligenosum*), kania prędza, kania stopa, wrania stopa (*plantago coronopus*).

Но Гольда во всякое время отворяетъ небесныя двери и выпускаетъ солнце. Какъ бы сблизить это свойство Нѣмецкой богини съ Славянской Ягой?

Есть Малор. пѣсня, въ которой галка называется ключницей; есть Малор. повѣрье, что ключи отъ вырья хранились у вороны; вырей же есть страна вѣчнаго лѣта, куда птицы улетаютъ на зиму.

А какъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, вырей есть вмѣстѣ царство мертвыхъ, по тому что другое повѣрье говоритъ о ластовкахъ, выкидающихъ прекращенія морозовъ на днѣ колодца, который представляетъ тучу и царство Гольды, то и слѣдуетъ, что Баба-Яга владѣетъ ключами отъ царства мертвыхъ. Не даромъ въ Славянскихъ причитаньяхъ надъ покойниками не рѣдко обращается рѣчь къ птицамъ, съ вопросомъ объ умершихъ, что, конечно, показываетъ, что птицы бываютъ въ жилищѣ душъ. Не останавливаясь на этомъ хитро сплетенномъ силлогизмѣ на вопросахъ, по чему же сова и ворона замѣняютъ Бабу-Ягу, по чему вырей отъ птицъ перенесенъ на обиталище мертвыхъ людей, по чему дальше сближенъ онъ съ колодцемъ, пойдемъ за Г. Потебней далѣе, въ увѣренности, что онъ самъ разорветъ эту паутинную ткань.

На стр. 102, черезъ Нѣмецкій обычай носить лѣтомъ мертвую ворону, по Гримму, образъ побѣжденной зимы, авторъ переходитъ къ Чешско-Моравскому обряду, во время весны, хоронить смерть, называемую также Мареной, Мореной. Въ этомъ обрядѣ, Марена представляется также съ ключами, которые теряетъ и которые переходятъ и къ весеннему Святому Юрью. Поэтому, что Марена отождествена у Г. Потебни съ Ягой. Но мертвая ворона у Нѣмцевъ, спросимъ мы Г. Потебню, развѣ имѣетъ какое либо отношеніе къ Гольдѣ? Развѣ Гольда изображается какою природы, запирающею ворота солнцу? Напротивъ, какъ извѣстно, она во всякую пору отворяетъ ему ворота и выпускаетъ благодѣтельствовать природѣ. Не очевидно ли уже и по обряду, независимо отъ Нѣмецкихъ изслѣдованій, что мертвая ворона скорѣе противополагается Гольдѣ, чѣмъ стоитъ съ ней въ связи, тѣмъ менѣе ей тожественна? Отсюда, само собою вытекаетъ заключеніе: если Яга есть Гольда, то ни въ какомъ родѣ не можетъ она являться мертвою вороною, или Мореной; если же она дѣйствительно Марена, то никогда не можетъ быть Гольдой. Настоящіе границы разсматриваемаго изслѣдованія снова предлагаютъ образецъ обращенія автора съ историческими фактами. Истовянской Миѳологіи, въ самыхъ древнихъ своихъ памятникахъ берегла въ значительной подробности и опредѣленности образъ и значеніе Морены, богини смерти; эти характеръ и значеніе отзываются и по сію пору въ уцѣлѣвшихъ обрядахъ на-

родныхъ, часто съ неизмѣннымъ названіемъ древности. Вообще, личность Марены ясная и опредѣленная,—и такую-то личность авторъ смѣло отождествляетъ съ Ягой и, не колеблясь ни мало, черезъ послѣднюю, сопоставляетъ ее съ Гольдой! Авторъ понималъ, очевидно, несообразность сравненія и отожествленія двухъ лицъ, изъ которыхъ одно рисуется только мрачнымъ, злымъ и враждебнымъ, другое только свѣтлымъ, благотворнымъ и кроткимъ, милостивымъ. Необходимо, слѣдовательно, и тутъ подыскать какую-либо варіяцію, и вотъ Г. Потебня рѣшается уже возстать противъ даже Гримма и другихъ ученыхъ Нѣмецкихъ, заявившихъ, что попадающася кое-гдѣ черта безобразія у Гольды прибавлена въ силу вліянія Христіянства. Нѣтъ, утверждаетъ Г. Потебня, уродливыя черты Гольды коренятся очень глубоко въ миѳахъ (стр. 88). Иначе и поступить онъ не могъ, по тому что несостоятельность, въ противномъ случаѣ, отождествленья Яги (Морены) и Гольды бросалась бы слишкомъ рѣзко въ глаза. Но подумалъ ли авторъ, что какъ Славянская, такъ и Германская, Миѳологія, въ языческой чистотѣ своей, нигдѣ не предлагаетъ дуализма въ одномъ и томъ же лицѣ? Самое Христіянство, въ этомъ случаѣ, обнаружило едва замѣтное вліяніе, переродивши вообще языческихъ боговъ и богинь въ существа злыя, или оставивши ихъ въ повѣрьяхъ съ одинаковымъ прежнимъ характеромъ. Сообразилъ ли, кромѣ того, онъ и то существенное различіе, что Гольда все таки въ основаніи своемъ, въ первобытномъ видѣ, есть чистое, свѣтлое, лице, тогда какъ для подысканья самаго темнаго отрицанья мрака, зла, безобразія и враждебности въ Бабѣ-Ягѣ, потребовались насильственныя натяжки, произвольныя заключенія и единственно изъ фантазіи схваченныя сближенія, какъ мыши, вороны, сороки и т. д. съ Ягой? Такова сила заключительныхъ выводовъ Г. Потебни, будто Яга посылаетъ души на свѣтъ и принимаетъ ихъ оттуда; что она, какъ одно лице съ Мореной, имѣетъ ключи отъ неба, слѣдовательно, непосредственную власть не только надъ душами, но и надъ природой.

Впрочемъ, для Г. Потебни показалось и это значеніе Яги не полнымъ. Германская Миѳологія предлагаетъ такъ много еще заманчивыхъ картинъ, разнообразіе сказочнаго матеріяла у Славянъ до того велико, а свобода во взглядѣ на него такъ разнуздана, что

трудно поднять еще на нѣсколько ступеней выше доселѣ за-
ошенную Бабу-Ягу. Руководясь своимъ пріемомъ, Г. Потебня
ѣйствительно пошелъ дальше.

Въ нѣкоторыхъ Славянскихъ сказкахъ, какъ-то у Чеховъ, вмѣ-
мыши и сороки-вороны, при просьбѣ дѣтей о зубахъ, при игрѣ
кормленье кашей, а также и при повѣрьи о происхожденіи дѣ-
является лиса. Отсюда, несомнѣнна связь съ Ягой лисы,
ѣдовательно, и позволительное право пріурочивать къ свой-
мъ Яги все, что говорится о лисѣ. Но лиса сталкивается въ
кахъ съ котомъ и кошкой,—и послѣдніе необходимо допол-
ъ собою ту же Бабу-Ягу. Въ концѣ концевъ, слѣдовательно,
а-Яга смотритъ за чистотою посуды... покровительствуетъ
шнимъ женскимъ работамъ, награждаетъ добродѣтелью и нака-
етъ пороки дѣвицъ; она служитъ, стало быть, божествен-
ь авторитетомъ нравственности. Отсюда одинъ шагъ къ
ченію, что нравственность этой жизни имѣла вліяніе на жизнь
ртную и на вознагражденіе» (стр. 141). Послѣ всего, сказан-
нами, надѣемся, читатель не потребуетъ отъ насъ подроб-
опроверженій, шагъ за шагомъ, каждаго положенія въ от-
ости. Тамъ, гдѣ основаніе покоится на недѣйствительности,
ожидать истины и въ заключеніяхъ. Укажемъ лишь на ча-
и, характеризующія столь извѣстный уже способъ выво-
ъ книгѣ Г. Потебни.

ближая съ Ягой Сербскую Бабу Коризму и Сербскій обрядъ
покладе (стр. 108—109), и находя, что въ послѣднемъ
ь роль дѣдъ, а не баба, Г. Потебня рѣшаетъ разомъ, что
дѣдъ есть только раздвоеніе единаго въ древности миѳиче-
существа; древность этого раздвоенія подтверждается, по
ѣнію, Бѣлорусскимъ названіемъ первой недѣли Великаго
дѣдовой, а что дѣдъ тутъ лице второстепенное, сви-
вуетъ упоминаніе только одной Бабы въ соотвѣтствующемъ
комъ обычаѣ. Не легко пріискать рецензенту выраженіе
ѣдѣленія подобнаго способа умозаключеній. Какой это
кій обычай, соотвѣтствующій дѣдовой недѣлѣ? За чѣмъ
бня это скрылъ? Вѣдь этимъ онъ и въ неохотникѣ по ниткѣ
ть его изслѣдованіе возбудитъ недовѣріе. Скажемъ чита-
ю, что обычай этотъ относится къ Маслянницѣ, какъ из-

вѣстно, переполненной обрядностью съ языческими отпечатками. Въ ряду ихъ появляется, между прочимъ, баба; Яга ли она, или нѣтъ,—другой вопросъ. Но то ли же дзѣдова недѣля? Первая недѣля поста называется дзѣдовой по тому, что она у Славянъ есть поминальная, а покойники у Бѣлорусцевъ называются дзѣды, какъ у Поляковъ dziady. Но тому, тутъ и тѣни нѣтъ какого либо раздвоенія, какъ нѣтъ и повода предполагать какую либо бабу. А Г. Потебня именно на этомъ основаніи отождествляетъ Ягу съ Сербскими Покладами.

Изъ разбора сказокъ о лисѣ и изъ сопоставленія ихъ со сказками объ Ягѣ, Г. Потебня заключаетъ, что пѣтухъ, упоминаемый въ первыхъ, есть ребенокъ: «пѣтухъ носитъ и дѣтское имя Петя» (стр. 117). Мы позволили бы сдѣлать нескромный вопросъ автору: чѣмъ докажетъ онъ, что уменьшительное имя Петя, на оборотъ, не взято отъ пѣтуха? Уменьшительныя названія у Славянъ весьма обыкновенно указываютъ собою на обычные предметы и сходятся въ этомъ съ именами Славянскими языческими, какъ извѣстно, бравшимися и отъ звѣрей, и отъ животныхъ, и отъ птицъ, и отъ растеній и т. д. Что слово пѣтухъ принадлежало также къ разряду именъ, не подлежитъ сомнѣнію и изъ существующихъ уличныхъ названій въ простонародьѣ доселѣ, и изъ множества фамилій — Пѣтуховъ. Вопросъ, такимъ образомъ, нашъ вполнѣ справедливъ; и если пѣтуха называютъ петей, то скорѣе собственнымъ его именемъ, и на оборотъ, петя-ребенокъ носитъ такое имя скорѣе отъ пѣтуха. Какъ бы то ни было, но заключеніе отъ пети-пѣтуха къ Петѣ-ребенку поразительно, и послѣ него невольно подивишься сдержанности автора, по чему онъ, на стр. 142, при указаніи на грушу, изъ сказки объ Ягѣ, отказался видѣть какую ни будь Аграфену: а вѣдь уменьшительное имя и послѣдней есть Груша. Въ лицахъ Жихарька, Филюшка, Смоличекъ и Ивашко, изъ сказокъ объ Ягѣ, авторъ непремѣнно хочетъ видѣть дѣтей, хотя данныя всѣ говорятъ, что они парни взрослые. Но Яга хватаетъ дѣтей, — и Г. Потебня возстаетъ даже, въ силу этого (см. стр. 129), противъ Г. Буслаева, не думающаго считать Ивася (Малор. сказки) ребенкомъ. Но какъ же просмотрѣлъ Г. Потебня, напечатанное имъ самимъ, выраженіе, что Ивашка дѣйствуетъ какъ взрослый человѣкъ, выросши (стр. 121)?

Опуская множество иныхъ вещей, коснемся разъясненія миѳа
очеряхъ Бабы-Яги, столь богатаго разнообразными сказками
сѣхъ Славянъ Начнемъ съ слѣдующаго выраженія автора: «въ
омъ изъ варіянтовъ (сказочныхъ), послѣ побѣды надъ Бабою,
ея добываются птица, звѣрь и боченокъ вина, отъ которыхъ
всему царству настаетъ изобиліе птицъ, рыбы и вина. Эта
та, продолжаетъ Г. Потебня, нарушаетъ симметрію въ рас-
оженіи сказки, не имѣетъ связи съ похищеніемъ ба-
ой дочери, а по тому, можетъ быть, вставная (стр.
.» Этотъ взглядъ на приведенную особенность доказываетъ
ительно, что авторъ не понялъ существа дѣла, а съ этимъ
тѣ характеризуетъ уже и все обслѣдованіе имъ подробно-
сказокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое, указываемыя въ нихъ, бабины
ри, подставляемыя столь часто кобылицами, которыхъ отыс-
ютъ богатыри, подвергаясь обыкновенно опасностямъ отъ
и съ трудами достигая своей цѣли? Что такое чудесный
заключенный во владѣніяхъ Яги? Авторъ рѣшительно при-
ъ всѣхъ дочерей за дѣйствительныхъ дочерей. Но уже съ
го раза нельзя не усумниться въ этомъ, когда вникнемъ,
Яга прячетъ свою дочь, какъ сберегаетъ ее отъ покражи
какихъ враждебныхъ отношеніяхъ находятся обѣ другъ
угу. Въ свою очередь, какъ усильно стремится дочь высво-
ься отъ Яги и съ какою рѣшительностью помогаетъ сама
ивающему ее богатырю. Такъ, запрятанная дочь, спу-
ь золотую косу изъ окна, и Царевичъ сбирается по ней на
а та предлагаетъ ему бѣжать отъ Бабы (стр. 184); въ Нѣ-
й сказкѣ вѣдьма то же держитъ дѣвицу въ лѣсу, въ башнѣ,
верей и лѣстницъ; подобно этому и Русская сказка прячетъ
волосую дѣвицу, считаемую Г. Потебней за восьмую дочь
85 — 187), за 9-ю дверьми, съ 9-ю колокольчиками на
й; или на морѣ островъ, на островѣ замокъ, а въ немъ пре-
я Царевна (188); то помѣщается она въ скалѣ (189). Та-
Ьвица вовсе не дочь Яги; она украденная невѣста Бога-
; вотъ по чему и освобожденіе ея сопровождается громомъ,
ющимъ Ягу (стр. 184). Подобнымъ образомъ и конь чу-
й, включенный въ число сыновей бабиныхъ, есть солнце,

освобождаемое богатыремъ изъ подъ власти Яги, змѣя, врага солнцева. И то и другое вытекаетъ изъ основнаго мива о бракѣ неба и земли, выражающемся посредствомъ дождя, какъ сѣмени; туча, змѣй, если угодно, Яга, является врагомъ солнцу препятствуетъ соединенью, и это препятствіе выражаетъ народъ въ побѣдѣ солнца змѣемъ, въ захватѣ его невѣсты. Съ этимъ вмѣстѣ, змѣй или Яга становятся и обладателями богатствъ, всего земнаго плодородія, которое прекращается съ покореніемъ солнца, съ наступленіемъ зимы. Теперь понятно, что съ пораженіемъ Яги родившимся солнцемъ, подставленнымъ въ сказкахъ посредствомъ богатыря, естественно должно разлиться и богатство на землѣ, такъ какъ оплодотворяющая связь между небомъ и землей возстановлена. Такимъ образомъ, выраженіе, выписанное выше, не только не можетъ почесться нарушающимъ симметрію, или вставнымъ въ послѣдствіи, а напротивъ, должно быть признано чистѣйшимъ остаткомъ древнѣйшаго кореннаго мива. Отсюда и богатыри въ сказкахъ освобождаютъ не бабину дочь, а дѣвицу, невѣсту, украденную Ягою, змѣемъ: и если бъ Г. Потебня не увлекался предвзятыми идеями и сравнилъ бы сказки съ сказаніями о похищеніи Царевенъ змѣями и объ освобожденіи ихъ, то не задумался бы отвергнуть кровную связь между Ягой и запрятанной ею дѣвицею. Отъ подробностей я удерживаюсь; для основной идеи наложу достаточнымъ и сказаннаго.

Но Г. Потебня, слѣдуя рабски за Гольдой въ предшествующемъ изслѣдованіи объ Ягѣ, и разъ рѣшившись утверждать двойственность ея существа, понятно, не могъ и тутъ, при объясненіи стихійнаго ея значенія, выдержать надлежащую строгость во взглядѣ на фактъ, — и вотъ у него заключеніе: «смыслъ сказки, можетъ быть, тотъ, что у Яги, къ которой по смерти идутъ души и изъ царства которой онѣ опять возвращаются (!) на этотъ свѣтъ, хранятся и начала всякой земной жизни» (стр. 192). Тогда какъ мысль о душахъ основана на насильственномъ разборѣ сказочныхъ и пѣсенныхъ фактовъ и на подражаніи Миѳологіи Нѣмецкой, храненіе жизненныхъ началъ у Яги принадлежитъ къ числу очевидныхъ вымысловъ субъективной Г. Потебни фантазіи, совершенно противоположныхъ дѣйствительности: Яга, напротивъ, есть образъ смерти; жизнь ею крадется и прячется. По этому, и

ѣдположеніе Г. Потебни, будто сказки о пасеньи кобылъ зачаютъ миѳъ о бракѣ бабиной родечи (стр. 195), должбыть видоизмѣнено такъ: миѳъ о пораженіи врага солнца, объ обожденіи дѣвицы и достиженіи возможности брачнаго соединія (неба и земли). По этому, этотъ миѳъ, при перенесеніи его землю, и обогатился множествомъ сказокъ, вошедшихъ даже ъ легенды, гдѣ, вмѣсто Яги, занимаетъ мѣсто змѣй, а вмѣсто ицы-земли лучшая, обыкновенно Царская, или Княжеская, дочь; ода же и непозволительныя связи змѣя съ женщинами. Какъ кно понимать другихъ, такъ называемыхъ дочерей Яги, кото- ь число весьма не одинаково въ сказкахъ, есть ли они толь- мплификаціи народной фантазіи, или имѣютъ особый миѳичесмыслъ, рѣшить не беремся, но тѣмъ настоятельнѣе возстаемъ ивъ положенія автора, будто «у Яги есть сынъ, чудесный и золотоволосая дочь, не единственная, но затемняющая ъ сестеръ (стр. 196).»

Такимъ образомъ, признавая стихійное значеніе Яги, видя ей первоначальное олицетвореніе тучи, врага свѣта, мы не паемъ и отъ уцѣлѣвшаго во всемъ мірѣ Славянскомъ взгляда у, какъ на существо злое, мрачное, враждебное. Г. Потебдошелъ къ этому тоже, и очень близко, но остановиться о на такомъ хазактерѣ Яги ему, столь упорно задававшемуся твенностью значенья въ Ягѣ и уже поставившему тучу, въ й статьѣ, въ родительское отношенье къ солнцу, было не кно, — и онъ дѣлаетъ самый неловкій скачекъ къ браку «Сказки не говорятъ ничего о бракѣ Яги, но этотъ миѳъ полагается ими,» завершаетъ Г. Потебня (тамъ же). Иначе ь не можетъ, по его воззрѣнію, соединившему уже бракомъ ъ бадняком и сдѣлавшему изъ нихъ родителей солнцу, т. кичу; другими словами, Ягу изъ врага солнцу, препятствуего свѣту, ворующаго у него невѣсту, прекращающаго творенiе и жизнь земли, онъ сдѣлалъ, подъ вліяніемъ субъ- ого толкованія фактовъ и неосмотрительнаго слѣдованья за ромъ совершенно отличной богини Гольды, матерью солнцу!

льнѣйшую характеристику Яги, при посредствѣ жабы, ки, рака, пчелы а «можетъ быть и всѣхъ насѣкопринадлежащихъ къ хозяйству Яги» (стр. 209), мы

опускаемъ, будучи знакомы съ нею по прежнимъ сближеніямъ мыши, вороны и другихъ.

Убѣдившись, по своему, въ бракѣ тучи-Яги и въ материнскомъ ея отношеніи къ солнцу, Г. Потебня задумалъ отыскать подтвержденіе и въ самыхъ Христіянскихъ понятіяхъ народа Славянскаго. Отъ 215 до 223 страницы, разборомъ выраженій пятница и недѣля, онъ старается доказать, что первая смѣнила языческую богиню Ягу, а послѣдняя изображаетъ собою солнце, и что отношенія между тою и другою (пятницею и недѣлею) свидѣтельствуютъ, по понятіямъ народа, точно также о родственной между ними связи, какъ матери къ дочери. Уже a priori можно предполагать, сколько натяжекъ должно быть въ доказательствахъ, гдѣ такъ очевидна неправда въ самомъ основаніи.

Г. Потебня начинаетъ съ того, что у Германцевъ и Романцевъ названія дней недѣли — миѳическаго происхожденія, и день, соотвѣтствующій нашей пятницѣ, посвященъ богинѣ Фреѣ, а воскресенье — богинѣ солнца. Славянскія названія, хотя и не указываетъ ни на что миѳическое, но повѣрья, привязанныя къ пятницѣ и недѣлѣ, говорятъ о женскихъ божествахъ, — и это имѣло вліяніе на женскій родъ самыхъ названій. Нельзя съ перваго раза не подмѣтить той легкости, съ какой относится авторъ къ предмету. По чему бы, казалось, не обратить ему вниманія на вопросъ: когда появились названія дней у Германцевъ и Романцевъ, а какъ послѣдніе заимствовали ихъ готовыми отъ Римлянъ, то и у нихъ? Отъ этого вопроса очевидный переходъ къ тому, какъ вообще дѣлилось время въ древнѣйшую пору исторіи, и не только у Германцевъ, а и у Римлянъ и Грековъ? Тогда Г. Потебня увидѣлъ бы, что а) раздѣленіе времени на семидневныя недѣли принадлежитъ лишь позднѣйшему времени исторіи Греко-Римской; б) что названія этихъ дней чисто искуственныя, оффиціяльныя, такъ сказать, путемъ установленныя и примѣненныя къ главнѣйшимъ языческимъ божествамъ. Отсюда, ежели мы и встрѣчаемъ нѣкоторые обряды и повѣрья, связанные съ тѣмъ или другимъ днемъ, то они явились уже въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ старыхъ именъ, получившихъ технической смыслъ. Что жеа находимъ мы у Славянъ? Объ языческихъ названіяхъ дней недѣльныхъ не встрѣчаемъ и помину, изъ чего положительно заключаемъ, что

ни и не выработались еще у нихъ, а слѣдовательно и дѣленіе врем
т было иное. Не сохраниться они, если бы были, не могли, какъ
ереглись въ чистотѣ названія мѣсяцевъ, не смотря на вліяніе
рминовъ Греко-Латинскихъ. Отсюда же съ полнымъ правомъ за-
ючаемъ, что и недѣльное дѣленіе съ семидневнымъ расчетомъ
язано тому же Христіянству, которому обязаны и самыя назва-
дней недѣльныхъ. Въ этомъ случаѣ Славяне слѣдовали Гре-
ъ, и едва ли термины не должно приписать первымъ перевод-
амъ Св. Писанія. Но какъ бы то ни было, а при такомъ усло-
не мыслимо въ нашихъ названіяхъ дней предполагать какой
о намекъ на язычество; его дѣйствительно и не существуетъ
самомъ поверхностномъ взглядѣ на названія: за исключеніемъ
боты и недѣли, они всѣ числительныя, по порядку отъ во-
сенья. Но утопающій хватается за соломенку, и Г. Потебня
ился на грамматическій родъ. Понедѣльникъ, вторникъ, че-
токъ мужескаго рода, по чему же пятница и недѣля жен-
? Конечно, должна же быть причина, и Г. Потебня находитъ
ъ томъ, что составлены эти слова подъ вліяніемъ языче-
богинь. Не повторяя сказаннаго выше о времени и обстоя-
гвахъ, при какихъ возникли Славянскіе термины для недѣль-
дней, и при какихъ, знакомому съ первыми проповѣдниками,
идетъ и въ голову подозрѣвать воспоминаніе о язычествѣ,
мъ автора: что же за побужденіе было предпочесть такимъ
мъ именно Ягу, т. е., пятницу, да недѣлю, въ которой ви-
нъ женское солнце, передъ остальными божествами? Или
ніе были мужчины? Но, нѣтъ; и среда женскаго рода, а
при ней трудно сослаться и на Нѣмцевъ, по тому что и у
Mittwoch посвящена Одину, Водану, слѣдовательно, муж-
А дѣло, кажется, весьма не трудное: среда удержало жен-
дъ по тому, что самое слово, среда, середина, есть жен-
пятница же изъ первоначальнаго мужескаго рода, въ
ко-Славянскомъ нарѣчіи (пятокъ), обратившись въ народѣ въ
й родъ всего очевиднѣе въ силу того, что у Грековъ она
подъ именемъ Παρασκευή, съ которымъ неразлучно и
иное имя Святой женщины, перешедшей въ санъ Святцы
рмою Параскева. Остается недѣля. Названіе этого дня,
но, образовалось подъ вліяніемъ Библейской заповѣди:
дней дѣлай а седьмый Господу Богу твоему,» т. е.,

не работай, не дѣлай! И чѣмъ же виноватъ языкъ, если, въ своемъ словообразованіи, ему угодно было изъ отрицанія «не» и корня «дѣлай» составить существительное женскаго рода «недѣля?» Ужь и подъ Еврейской субботой не понимали ли Славяне какого либо женскаго Божества? А, вѣдь, и суббота съ женскимъ родомъ.

Но, какъ уже извѣстно, подобнаго рода соображенія, да при томъ еще историческія, не связываютъ Г. Потебню,—и онъ рѣшительно признаетъ пятницу замѣнившею языческую богиню, на основаніи женскаго грамматическаго рода въ словѣ. Не трудно, при охотѣ, подыскать и подтвержденіе въ народѣ. «Уже конечно, продолжаетъ онъ, не важность и не черты жизни Св. Параскевы причиной почитанія пятницы, а имя Пятница, указывавшее на языческую богиню (!?).» Да за чѣмъ же Г. Потебня опустилъ изъ виду хоть географію-то Славянскаго племени, ежели уже онъ такъ недоброжелателенъ къ исторіи; а географія сказала бы ему не мало. Почтеніе и уваженіе къ пятницѣ, какъ нарочно, сосредоточивается именно въ той мѣстности, гдѣ ближе могла вліять Греческая Параскева, у Сербовъ и Болгаръ, ближайшихъ сосѣдей Греческихъ; чѣмъ дальше на Сѣверъ, тѣмъ меньше почету и Пятницѣ, а на Западѣ, въ земляхъ Католическихъ и Протестантскихъ, она и ни чѣмъ не отличается отъ другихъ будничныхъ дней. Даже въ Россіи, на сѣверѣ, понедѣльникъ, на примѣръ, въ жизни народной значитъ гораздо больше. Такой географическій фактъ даже одинъ покрѣпче долженъ казаться произвольнаго и натянутаго предположенія; изъ за него одного придется оставить языческую богиню, да еще Ягу, и перенестись въ дѣйствительность, т. е., къ Святой Параскевѣ, уваженіе къ которой, черезъ Грековъ, перешло у Сербовъ и Болгаръ на Св. Петку, а черезъ послѣднихъ поднялось и въ самую Русь.

Пойдемъ, однако же, дальше за Г. Потебней. Въ чемъ же выразилось особое уваженіе къ Пятницѣ у Православныхъ Славянъ? «Въ Сербской пѣснѣ она помѣщается рядомъ съ Богомъ,» говоритъ авторъ: «Убіо га Богъ и Света Петка!» Напрасно же Г. Потебня, преслѣдуя глазами Петку, не замѣчалъ въ Сербо-Болгарской народной литературѣ обилія другихъ Святыхъ, поставляемыхъ также

мѣстѣ съ Богомъ. Впрочемъ, подобныя доказательства не нуж-
аются въ опроверженіяхъ. То же самое слѣдуетъ сказать и отно-
ительно церквей во имя Св. Пятницы, число которыхъ такъ ве-
ико у Сербовъ и Болгаръ, равно и объ обѣтныхъ пятницахъ у
)го-Славянъ. Но они окончательно убѣдили Г. Потебню, что пят-
ица непремѣнно есть языческая богиня; имѣя же въ головѣ и
ія этой богини, онъ теперь только хочетъ подыскать что либо
кое въ почитаніи пятницы, чтобы, въ глазахъ читателя, могло
ужить хотя кажущимся оправданіемъ скачка къ Ягѣ-Бабѣ.

«Интересно знать, нѣтъ ли гдѣ криницъ, посвященныхъ Св.
тницѣ,» продолжаетъ онъ вкрадчиво, и, разумѣется, въ безчис-
ной массѣ колодцевъ и криницъ, связанныхъ у народа съ тѣмъ
другимъ Святымъ, или Святою, отыскиваетъ въ Аккерманѣ (!)
йствительно криницу, образованную, по повѣрью, «Параскою,
омъ изъ Польши, бѣжавшею изъ гарема Паши отъ погона Ту-
каго и разсыпавшеюся чистою криницей» (стр. 216). И такъ,
криницы Св. Пятницы пришлось броситься въ Аккерманъ и
вязать къ ней имя Парасковьи, полонянки Турецкой, быть мо-
ъ, и дѣйствительно бѣжавшей отъ Паши, а по тому, быть мо-
ъ, и недавно лишь связанной съ колодцемъ. Въ бытность мою
Чешскомъ городѣ Непомукѣ, въ 1860 году, показывали мнѣ
ницу, будто бы образовавшуюся отъ стопы св. Войтѣха (Епи-
па Пражскаго X вѣка): нельзя ли какъ ни будь и ее отнести
Бабѣ-Ягѣ? Мы ни мало не думаемъ отрицать связи колодцевъ,
чниковъ и т. д., съ языческомъ въ вѣрованіяхъ народныхъ;
опросъ идетъ о томъ, гдѣ же основаніе заключать отъ Св.
скевы къ Ягѣ? Но извинимъ автора; ему, въ самомъ дѣлѣ,
ходимо соединить эту Святую съ криницей, ибо только въ та-
случаѣ придется подтвердить стихійное, водное, значеніе той
ни, которая смѣнилась Св. Петкою, — а Яга именно водная,
ная богиня, по послѣднему заключенію Г. Потебни.

Объ отношеніи Пятницы ко льну и къ работамъ женскимъ.
э и говорить: припомнимъ только, что день Св. Параскевы
дится 28-го Октября, къ порѣ обработки льна, и намъ слѣ-
э бы удивляться, если бы, переполненный повѣрьями и суе-
ми, народъ Славянскій не сблизилъ этой Святой съ важнѣй-
женскою работою. Это же самое обстоятельство, праздно-

ваніе памяти Св. Параскевы 28-го Октября освобождаетъ насъ отъ опроверженія слѣдующей мысли Г. Потебни, будто покровительствомъ бракамъ, оно предлагаетъ новое доказательство связи съ Ягой. Мы уже видѣли, что и Св. Покрову авторъ перенесъ на языческую богиню; но что сказано нами въ томъ случаѣ, съ одинаковымъ значеніемъ должно быть повторено и здѣсь.

Но вотъ бѣда: разсказывая объ отношеніи Пятницы къ пряденью и тканью, Г. Потебня наткнулся на народныя повѣрья, въ которыхъ, вмѣсто пятницы, упоминается только середа (стр. 217—218). Какъ тутъ быть? Поступая логично, слѣдовало бы предположить другую богиню у языческихъ Славянъ; но передъ глазами стоитъ съ угрозою Воданъ Нѣмецкой Миѳологіи, и хотя у Славянъ не должно бы было отнимать права и на какую либо собственную особенность въ своей-то Миѳологіи, но Г. Потебня испугался этой угрозы и порѣшилъ проще. «Середою могла быть замѣнена одна изъ двухъ небесныхъ женъ, имѣющихъ отношеніе къ днямъ недѣли, т. е., Пятница, или Недѣля. По крайней мѣрѣ, третьей мы не знаемъ (а двухъ знаемъ?). Но лицо, тождественное, какъ предполагаемъ, съ Недѣлею, представляется не пожилою женщиной (сколькихъ приблизительно лѣтъ?), а дѣвицею. По этому, Середою названа здѣсь скорѣе Пятница (стр. 219)».

Однако же, какъ видѣли, Яга имѣетъ отношеніе и къ смерти; слѣдуетъ открыть что ни будь подходящее и въ Пятницѣ. Дѣйствительно, женщины не мыкаютъ мычекъ и не прядутъ пряжи въ Пятницу изъ уваженія къ усопшимъ родителямъ, чтобы не засорить имъ глаза кострикою.» За этимъ приводятся и Французы, и Нѣмцы, и Раскольники и Старовѣрцы, съ обрѣзываньемъ своихъ ногтей. Но гдѣ же доказательство, что мотивъ, по чему женщины не мыкаютъ мычекъ и не прядутъ пряжи, не есть позднѣйшая фантазія народа? По чему же, дальше, женщины не могутъ уважать Пятницы и не производить этѣхъ работъ ради Св. Параскевы, память которой относится именно ко времени уборки льна? За чѣмъ тутъ еще языческую богиню, и непремѣнно Ягу, какъ, между прочимъ, образъ смерти? Но дѣло вотъ въ чемъ: по чему Г. Потебня, пользующійся очень часто лексиконами, какъ важнѣйшимъ матеріяломъ въ своихъ работахъ, упустилъ изъ виду въ настоя-

ѣмъ случаѣ какой ни будь лексиконъ Хорутанскій? Увѣряемъ его, о справка съ лексикономъ охладила бы его пристрастное со-ѣствіе къ Бабѣ-Ягѣ. Тамъ бы онъ увидѣлъ, что Пятница у Хо-танъ называется Живинымъ днемъ. Мы увѣрены, что такой минъ образовался подъ вліяніемъ Нѣмцевъ; но тѣмъ не менѣе, говоритъ убѣдительно о пониманіи народомъ Пятницы: это ь Живы, богини жизни, а не день смерти, что рѣшается одить цѣлою лѣстницею догадокъ Г. Потебня.

Благоразумно поступилъ Г. Потебня, что не распространился енно объ уваженіи Славянами Недѣли (т. е., Воскресенья). Въ мъ дѣлѣ, это было бы излишне относительно каждаго Хри-іскаго народа, который въ этотъ день чтитъ Воскресеніе Спа-ія. За то читатель невольно посѣтуетъ на автора за корот-объясненія отношеній между Пятницей и Недѣлей, равно и іструту вывода, будто Пятница и Недѣля стоятъ другъ къ , какъ мать къ дочери, и при томъ не въ силу какого либо наго и узко мѣстнаго родословія народнаго, а въ слѣдствіе ескаго родства, развивавшагося по связи Христіянскихъ тер-ь съ язычествомъ. Но Г. Потебня ни какъ не въ силахъ тить, что выраженіе Сербское: «Света Петка неделина » образовалось въ періодъ Христіянства, очень естествен-путемъ, въ силу представленія Пятницы женщиной, при по-вѣ Св. Параскевы; въ его глазахъ, это очевидный фактъ ыческаго родословія, а отсюда готовъ и выводъ: «Пятница га; Воскресенье (у Нѣмцевъ) есть день солнца, а по тому и ская Недѣля есть солнце» (стр. 222). Сопоставленіе кое-гдѣ въ чемъ Среды, Пятницы и Недѣли съ миѳическими суще-язычества, выражено уже Г. Буслаевымъ (Истор. Очерк. ар. Поэзіи, I, 323 — 324); но общія мысли послѣдняго, орыми до извѣстной степени, можно и согласиться, подъ Г. Потебня приняли самые не дѣйствительные размѣры обностяхъ. Какъ бы то ни было, но не худо ужь опре-и отца солнцу; Индійскій миѳъ, впрочемъ, поможетъ и Въ силу этого миѳа, отцемъ солнца считается Савитаръ; мѣ божества, соотвѣтствующаго Савитару, развив-изъ него, мы не находимъ другаго мужа для Яги. его этого вѣроятно, что отецъ солнца и мужъ

Яги одно лице, и что Яга — мать солнца» (стр. 223). И такъ, въ концѣ второй статьи, мы очутились тамъ же, гдѣ остановились въ концѣ первой, т. е., на происхожденіи солнца; здѣсь только точнѣе опредѣлили богиню тучи, открывши ее въ Ягѣ, да приблизили бадняка къ Индійскому Савитару. Въ концѣ концевъ долженъ быть таковъ выводъ: божичъ, т. е., солнце, есть сынъ бадняка грома, Индійскаго Савитара, и матери тучи, т. е., Яги, жены Савитара. Но вотъ вопросъ: вѣдь божичъ, конечно, мужчина, между тѣмъ какъ Недѣля, соотвѣтствующая ему, въ женскомъ родѣ и предполагаетъ женщину. Надобно отстранить и это неудобство, что, впрочемъ, при богатствѣ и развитости Германской и Индійской Миѳологій, да при свободномъ взглядѣ на матеріялъ Славянскій, не такъ и трудно.

Въ самомъ дѣлѣ, если въ первой статьѣ мы и видѣли указанія на мужеское существо солнца, то изъ этого вовсе не должно непремѣнно слѣдовать, чтобы солнце не имѣло и женскаго существа. Терминъ Недѣля, очевидно, предполагаетъ его, а Германская и Индійская Миѳологіи подтверждаютъ это: Савитаръ есть отецъ солнца—невѣсты; къ тому же Литовцы сберегли миѳъ о бракѣ мѣсяца (мужчины) и солнца (женщины)—и всякое сомнѣніе должно исчезнуть. Однако же, сомнѣніе возможно, такъ какъ Славянскія данныя до сихъ поръ ни чего не говорили о женственности солнца, и послѣдняя только предполагается на крайне шаткомъ основаніи женскаго рода Недѣли. Г. Потебня, видно, сознавалъ это самъ, и постѣснился слишкомъ уже явно натягивать на Славянъ миѳическую одежду Нѣмцевъ, Индійцевъ и Литовцевъ, а по тому и поспѣшилъ распространяться о другихъ доказательствахъ, будто бы подтверждающихъ женское существо солнца и у первыхъ. Остановимся и на нихъ.

Во первыхъ, авторъ обращается къ самому слову солнце, П. Слав. слъньцє, и утверждаетъ, «что форма его указываетъ на слънь, откуда нар. посолонь, что женскаго рода»; но гдѣ же доказательства, что предполагаемая тема слънь ро да женскаго? Развѣ она не можетъ съ одинаковымъ правомъ быть и мужескаго, и послѣдняго тѣмъ скорѣе, чѣмъ ближе къ нему средній родъ? Напрасно позволяетъ себѣ авторъ бросаться въ такія уклоненія и допускать при томъ измѣненіе факта (усолонь).

Во вторыхъ, «Коляда рисуется народомъ дѣвицей». Но во а) народъ можетъ, воленъ придать самый разнообразный характеръ и костюмъ колядѣ; во б) изъ приведенныхъ выраженій вовсе не видно, чтобы она была дѣвицей. Да и самъ Г. Потебня говоритъ, что по наряду она представляется женщиной, а мы скажемъ, что женщиной она рисуется по тому, что коляда, чуждаго происхожденія слово, перешло въ Славянскій языкъ въ женскомъ родѣ. Слѣдовательно, здѣсь грамматическая форма имѣла вліяніе на представленіе, а не наоборотъ.

Въ третьихъ, «о женственности солнца свидѣтельствуетъ и наркомое солнышко». Но Великор. солнышко, Малор. сонечко, Вѣш. slunićko, Словац. verunko, veverunko—всѣ средняго рода. Что же тутъ дѣлать? Г. Потебня бросился на Сербское бабе, и замѣтилъ, что хотя окончаніе въ этомъ словѣ и *е*, но все таки женскій родъ въ немъ сохранился. Странно, что приходится указывать Г. Потебнѣ на Сербскую грамматику: окончаніе *е* въ Сербскомъ нарѣчіи обыкновенное какъ для мужескаго, такъ и для женскаго рода, особенно для выраженія ласки, нѣжности; мужескаго Раде, Васое, женскаго Ане, Манделе, селе и т. д. Но если въ одномъ Сербскомъ нарѣчіи солнышко выражается женскимъ родомъ бабе, то въ Хорутанскомъ оно божій волекъ. И какъ же выводить-то отсюда женскость солнца?

Въ четвертыхъ, «милосердіе болѣе сродно женскому полу; а потому представляется милосердымъ». Пожалуй; но милосердіе не противорѣчитъ и мужескому полу; приведенныя же свидѣтельства Чешскихъ и Сербскихъ пѣсенъ ни однимъ намекомъ не говорятъ о женственности (стр. 225). Правда, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ солнце является символомъ хозяйки, а мѣсяцъ—хозяина. Но неужели же народъ не можетъ, въ данномъ случаѣ, дѣлать сравненія свободно, подъ вліяніемъ спеціяльныхъ впечатлѣній, внѣ зависимости отъ миѳовъ? Вѣдь сравниваетъ же онъ солнце съ быкомъ (см. стр. 26), съ короваемъ, который, по Г. Потебнѣ, женихъ, слѣдовательно мужчина (стр. 53 — 55)? Въ свою очередь, Болгары, не задумываясь, сопоставляютъ луну съ коровой, которую доятъ магесницы (стр. 290). Но мы не прочь допустить и вліяніе Литовскаго повѣрья, въ силу котораго солнце жена мѣсяца, ходя и никакъ не въ силахъ согласиться, что-

бы такое вѣрованіе было кореннымъ. Г. Потебня, на его основаніи, положительно, однако же, увѣряетъ, что

Въ пятыхъ, «мѣсяцъ и въ языкѣ и въ пѣсняхъ представляется только мужчиной, и указываетъ на Славянское мѣсяцъ, Скр. чандрамас, Лит menů, Сканд. mâni. Исключенія, прибавляетъ онъ, незначительны» (прим. 282). Позволимъ себѣ остановиться. Въ Греческомъ языкѣ мѣсяцъ имѣетъ, какъ извѣстно, особое названіе, и женскаго рода, σελήνη, въ Латинскомъ точно также, luna; отсюда, во всемъ огромномъ Пеласгическомъ племени мѣсяцъ является женщиной,—и это, по рѣшенію Г. Потебни, незначительное исключеніе! Но этого мало. Какъ можно пропустить Греческое и Латинское выраженія и не вникнуть пристальнѣе въ коренное значеніе терминовъ Скр., Слав. и Германскаго языковъ? Ежели первыя указали бы ему прямо на дѣйствительную миѳичность, то послѣднія представили бы просто техническій терминъ, не болѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, названія: мѣсяцъ, mênů, mânu, не имѣемъ мы вовсе права относить къ кореннымъ названіямъ миѳическимъ. Значеніе этихъ выраженій основано на позднѣйшемъ, сравнительно, свойствѣ мѣсяца—измѣрять время, отъ ма—metiri, мѣрять. Вотъ по чему, и Греческое μήν, и Лат. mensis, употребляются какъ термины опредѣленнаго пространства времени. И ежели у Грековъ и у Римлянъ сбереглось особое миѳическое выраженіе для мѣсяца, мы смѣло можемъ предполагать, что оно было и у другихъ народовъ Арійскихъ, и только вытѣснено со временемъ техническимъ терминомъ, заимствовавшимъ свой смыслъ отъ мѣсяца, какъ предмета измѣряющаго, опредѣляющаго время. Санскритское чандрамас идетъ сюда же, по отсутствіи въ немъ миѳичности въ значеніи; оно значитъ: измѣряющій свѣтъ, или свѣтило измѣряющее. Мы поражены рѣшимостью Г. Потебни дѣлать заключеніе, отъ Польскаго księżyc къ словопроизводству чандрамас, отъ раджа: читатель въ такомъ производствѣ, противъ воли, вынужденъ видѣть сильную долю чаромутья. Чанд, чад, значитъ свѣтить; чанда и чандра являются и въ простомъ видѣ, въ смыслѣ мѣсяца. Славянское мѣсяцъ и Лит. mênů (menesio), быть можетъ, черезъ Латинское mensis, происходятъ отъ того же корня ма. Древ-

ніе Арійцы, всѣ безъ исключенія, имѣли мѣсяцы лунные и счетъ времени производили по ночамъ (Pictet, Les origines Inpoeuropéennes, Part. 2, 1863. pag. 588). Литовцы сохраняли этотъ счетъ долгое время и въ историческую пору, въ чемъ можно убѣдиться, прочитавши статью Г. Гусева (Древній Литовскій календарь, V томъ «Извѣстій Императорскаго Археологическаго Общества»).

На оборотъ, и самое солнце явилось въ женскомъ родѣ только въ Литовскомъ да въ позднемъ Германскомъ; мужескаго рода оно не только въ Пеласгическомъ племени, но и въ Германскомъ древнемъ и въ Санскритѣ (Греч. ἥλιος, Лат. sol, Гот. sauil — все женскіе роды. Совѣтуемъ Г. Потебнѣ прочесть 668—669 страницы указаннаго выше сочиненія Пикте; тамъ онъ увидитъ, что фраженія Нѣмецкія для солнца, въ женскомъ родѣ, обязаны просто порчѣ языка. Излишне отважно и утвержденіе автора, Скр сȗрjâ есть солнце. Санскритское сур, сура и сȗрја, — подствующіе термины для солнца, какъ свѣтила, исключительно мужескаго рода. Что же касается до сȗрjâ Г. Потебни, какъ бсты Савитара, то это послѣдствіе лишь дальнѣйшаго развѣтвія мѳа, и не является въ значеніи солнца. А для убѣжденія ще прочнаго, что и самъ Савитаръ есть богъ солнца, солнце, ., тоже мужчина, совѣтуемъ пробѣжать § 388 сочиненія Пик- Языкъ, такимъ образомъ, приводитъ насъ къ обратному заенію, что солнце — мужчина, а мѣсяцъ — женщина; что преиться мѣсяцъ въ мужчину могъ въ послѣдствіи, когда онъ сдѣ- измѣрителемъ времени; что тогда истребилось изъ памяти ическое выраженіе для него, уцѣлѣвшее у Грековъ и Рим-

Какъ путается авторъ самъ съ собою, и какъ рѣшаетъ онъ вольно, вопреки даже предвзятой своей системѣ, видно изъ ющаго. Утверждая, что въ пѣсенномъ выраженіи Малор. «мѣперекрой» заключается указаніе на его раздробленіе, согласитовскому повѣрью, за невѣрность женѣ (солнцу), Г. Потебабавляетъ, что «сравненіе, въ которомъ встрѣтилъ онъ это ie, очевидно позднее (!!), безъ соблюденія грамматическаго (стр. 228—229). Какое же это сравненіе? Весьма неудобное Потебни: мѣсяцъ сравнивается ни болѣе, ни менѣе, какъ ицей. А между тѣмъ, подобныя сравненія служатъ для вообще самымъ прочнымъ основаніемъ для выводовъ; на

нихъ основано и все сочиненіе «О нѣкоторыхъ символахъ въ Славянской поэзіи.» Но здѣсь онъ отстраняется него прочь, по тому, что необходимо вытянуть мѣсяцъ въ мужья солнцу, чтобы тѣмъ самымъ сдѣлать солнце женщиной.

Въ шестыхъ, «бракъ мѣсяца и солнца доказывается Сербскою пѣснью» (229—230). Но въ пѣсни говорится лишь о служеніи дѣвицы солнцу и мѣсяцу; о взаимныхъ же отношеніяхъ ихъ нѣтъ и помину. Авторъ ухватился и за другую Сербскую пѣсню, но и въ ней дѣло идетъ о Божьей Матери, которая вовсе не нуждается въ возведеніи въ миѳъ.

И такъ, сводя все къ общему итогу относительно родословія Яги и солнца, что же видимъ? Что это оригинальное родословіе выведено единствено изъ женскаго рода Пятница и Недѣля, изъ предположенія, что Пятница замѣняетъ языческую богиню, а Педѣля заключаетъ въ себѣ идею солнца; что эта идея, въ настоящемъ случаѣ, указываетъ на женскую природу солнца, объясняемую неудачнымъ вдавленіемъ миѳическаго вѣрованія Литовцевъ въ Славянской Миѳологіи и несоотвѣтственными въ наукѣ натяжками, при толкованіи смысла въ выраженіяхъ для мѣсяца и солнца.

Въ третьей статьѣ, носящей заглавіе: «Змѣй, Волкъ, Вѣдьма», находится гораздо менѣе общихъ выводовъ и больше частныхъ заключеній, изъ непосредственно предложенныхъ фактовъ. Вотъ, по чему, и мы остановимся на ней короче, отдавши полную справедливость автору, что концемъ своего изслѣдованія онъ заготовилъ подробный матеріялъ для критической его обработки. Миѳическое значеніе упомянутыхъ въ оглавленіи понятій болѣе, менѣе уже опредѣлено; Г. Потебня, говоря вообще, не возстаетъ противъ такого опредѣленія, а по тому мы и коснемся тѣхъ частныхъ объясненій, которыя кажутся намъ или неточными, или сомнительными, или прямо невѣрными.

Г. Потебня начинаетъ третью статью отъ заявленья: а) ошибки тѣхъ, кто считаетъ змѣя за громовое божество; б) отъ доказательствъ связи змѣя съ водою. Въ томъ и другомъ случаѣ мы

ласны съ авторомъ, но не можемъ не замѣтить, что, съ одной
роны, отождествленіе змѣя съ богомъ грома встрѣчается и въ
гѣ Г. Потебни: такъ, на стр. 236, авторъ прямо утверждаетъ
ьбу громоваго бога змѣя, отождествляя ее съ враждою соли-
и змѣя, хотя, на стр. 303, змѣй, напротивъ, представляется
кдебнымъ громовому божеству; съ другой стороны, указанныя
зательства связи змѣя съ водою, какъ ни очевидна она вооб-
крайне неубѣдительны въ разсматриваемомъ сочиненіи. Г.
ебня доказываетъ ее, во первыхъ, Словацкою сказкою; но
же онъ говоритъ объ этой сказкѣ, что она, можетъ быть,
ародная и только не дурно выдуманная; во вторыхъ, Серб-
ь повѣрьемъ объ алѣ (т. е., змѣѣ), что она «има особиту ду-
силу, те лети и води облаке и градъ наводи на лѣтину».
пытно знать, что разумѣетъ авторъ подъ «води облаке»;
азбивки, которой напечатаны два эти слова, можно догады-
ь, что онъ понимаетъ ихъ въ смыслѣ «водныхъ облаковъ.»
оди,» въ данномъ случаѣ, не имѣетъ ни чего общаго съ во-
и есть глаголъ «водити,» а, слѣдовательно, и нѣтъ очевидной
алы съ водою. Что касается, въ третьихъ, до Сербскаго же
ѣенія «ало несита,» то эпитетъ «неситъ» относится вообще
ѣ.

тождествленіе змѣя съ облачнымъ существомъ ведетъ автора
иженію его съ бочкой, сосудомъ (237—38). Оправданіе
тъ онъ въ Греческомъ и Индійскомъ миѳахъ, а также въ
явленіи Нѣмецкой Гольды. Но развитая Греческая и Индій-
иѳологія, полагаемъ, только тогда даетъ право на доказа-
о изъ нея, когда близость къ ней Славянскаго миѳа под-
ается, по крайней мѣрѣ, въ общихъ главныхъ чертахъ; а
тѣмъ, отношеніе Греческаго Каанеа или Индійскаго Ка-
къ нашему змѣю,—дѣло вовсе не рѣшенное ни кѣмъ, и
ебня позволяетъ себѣ только предполагать его. Что же ка-
до представленія Нѣмецкой Гольды, то сомнѣніе въ сбли-
я съ змѣемъ еще положительнѣе; самъ авторъ отрицаетъ
олько хватается за облачное происхожденіе Гольды. Но
ъ ея, какъ мы видѣли, противоположенъ змѣю, какъ свѣтъ
положенъ мраку, и было бы нелогично выводить ту, или
характеристичную черту въ змѣѣ, совершенно темную и

въ немъ вовсе не видную, отъ качествъ иного, совершенно противоположнаго, существа. Русскія же выраженія: «дождь какъ изъ ведра,» или: «иди дощику... цебромъ, ведромъ, дойницею!» скорѣе предлагаютъ простое уподобленіе и вовсе не говорятъ о представленіи змѣя, какъ тучи, сосудомъ, или бочкой.

На стр. 238, въ заключеніе разбора Сербской сказки о змѣѣ-Троянѣ, Г. Потебня позволяетъ себѣ сдѣлать догадку, что змѣй врагъ носитъ имя историческаго врага (кому?) Императора Траяна, и основывается на томъ, что и Діоклитіянъ въ Задунайскихъ повѣрьяхъ представляется змѣемъ или, по позднѣйшему пониманію, чортомъ. Смѣемъ думать, что основаніе объ историчности Траяна слишкомъ шаткое, и напрасно авторъ не отнесся внимательнѣе къ прекрасному объясненію этой сказки, равно и имени Траяна, Г. Буслаевымъ, позволившимъ себѣ, и вполнѣ справедливо, видѣть въ немъ характеръ исключительно миѳическій, безъ всякаго отношенія къ Римскому Императору. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе Траяна и Діоклитіяна въ мірѣ Юго-Славянскомъ такъ различно, что едва ли можетъ быть право дѣлать заключеніе отъ одного къ другому. Діоклитіянъ жилъ позже, происходилъ изъ стороны, весьма вѣроятно, и въ его время имѣвшей уже народонаселеніе Славянское, именно изъ Далмаціи; область, названная по его имени, Діоклея, Дукля, сдѣлалась областью Славянскою, сохранилось въ ней не мало и вещественныхъ памятниковъ, прямо напоминающихъ о Діоклитіянѣ, и преданья, слѣдовательно, о немъ у Славянъ могли переходить непосредственно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Между тѣмъ Траянъ, какъ личность историческая, является отрѣшеннымъ отъ Славянъ, и развѣ одинъ терминъ «Траяновъ валъ» въ состояніи былъ пропустить въ народную словесность имя его, но опять уже не какъ лица историческаго.

Разборъ сказокъ (отъ 241 до 274 стр.), изображающихъ борьбу богатырей со змѣемъ, изъ за украденныхъ послѣднимъ Царевенъ, важенъ въ томъ отношеніи, что онъ еще яснѣе подтверждаетъ наше заключеніе о сказкахъ о такъ называемыхъ бабиныхъ дочеряхъ и о пасеньи бабиныхъ кобылъ. Намъ кажется только, что авторъ совершенно напрасно отдѣлилъ другъ отъ друга оба рода сказокъ, по тому что, и по его воззрѣнію, они выражаютъ одно и то же, и точно также относятся къ Бабѣ-Ягѣ,

ько сѣченной змѣемъ, который, однако же, совершенно справ-
ливо отождествленъ и Г. Потебней съ Бабой-Ягой. Въ этѣхъ
зкахъ гораздо уже положительнѣе отрицается родственная связь
евенъ съ Ягою и нагляднѣе изображается враждебность ихъ
ней, какъ къ насильственно задерживающей ихъ у себя; въ
о очередь, рѣшительнѣе высказывается и значеніе ихъ отно-
льно солнца и богатырей, замѣняющихъ громовую силу, по-
ающую змѣя или Ягу, въ борьбѣ за Царевенъ. Онѣ въ сказ-
, мнимыя дочери Яги, представляются прямо похищенными
мъ; ихъ надобно освободить, и въ этомъ освобожденіи онѣ
принимаютъ живое участіе. Такъ, Суценко освобождаетъ
венъ (256); Локтибрада показываетъ путь къ Царевнамъ, уне-
ымъ змѣями (257); богатырь убиваетъ змѣя и освобождаетъ
щенныхъ имъ Царевенъ (264); Голикъ освобождаетъ Ца-
отъ змѣя (266); по этому же самому дѣдъ (прировненный
тебнею къ Бабѣ-Ягѣ), осиленный Суценкомъ, откупается отъ
чудесными конями, которые выносятъ Суценка на свѣтъ.
же соотвѣтствуютъ богу свѣта (стр. 256) и вполнѣ есте-
ю могутъ замѣнить собою Царевенъ другихъ сказокъ, по то-
о миѳъ о богѣ-свѣтѣ, по отношенью къ врагу-змѣю, не раз-
ь отъ дѣвицы съ символическимъ оплодотвореніемъ въ видѣ
, задерживаемымъ змѣемъ. Вотъ по чему змѣй, похищая Ца-
, похищаетъ и коня съ солнцемъ на лбу, отъ чего на-
тьма, зима (258). Прозрачность и убѣдительность этѣхъ
ъ побудили Г. Потебню, при равенствѣ змѣя Ягѣ, сдѣлать
заключеніе: «Яга есть грозная богиня зимы; ея отношенія
ерямъ (?) дѣвицамъ (водамъ, быть можетъ, солнцу дѣвицѣ)
освободителю, враждебны, какъ и отношенія змѣя (стр.
Устранивши понятіе о дочеряхъ, и мы ничего не можемъ
противъ такого заключенія. Но Г. Потебня выше уже
лъ о двойственномъ характерѣ Яги; надобно поддержать ему
і выводъ, и тутъ, какъ ни очевидна его несостоятельность,
онъ утверждаетъ, что «Яга первоначально тождественна съ
асавицами, которыхъ освобождаетъ богатырь отъ змѣя, и
съ теченіемъ времени, съ перемѣной климата прародины
на теперешній суровый, она стала грозною богинею зи-
ъ же).» Предположеніе, лишенное всякихъ основаній въ
кихъ миѳахъ и ни чѣмъ не оправдываемое въ Миѳологіи

родственныхъ народовъ. Яга, какъ змѣй, туча, является только врагомъ свѣту, равно и его дѣвицамъ, изображающимъ невѣстъ, и какъ же можетъ быть она сама этой дѣвицей, или невѣстой? напротивъ, существенная черта ея враждебность, выражающаяся въ похищеніи этѣхъ дѣвицъ. Въ такомъ только видѣ является змѣй и въ миѳическихъ представленіяхъ другихъ народовъ, и намъ рѣшительно непонятно, какое значеніе можетъ тутъ имѣть перемѣна климата. «Сколько извѣстно, говоритъ Г. Потебня, туча всегда представлялась обителью душъ; но туча-Яга-смерть, отождествившись съ зимою, измѣнила, конечно, характеръ къ худшему (стр. 254—55)». Представленье тучи обителью душъ не доказано ни чѣмъ въ Славянской Миѳологіи; приравненіе же тучи къ зимѣ есть явная натяжка автора: зима есть только время силы и господства существа, враждебнаго солнцу, и это одинаково относится какъ къ Славянамъ, такъ и къ другимъ народамъ Арійскимъ, хотя бы качества зимы и были у нихъ не одинаковы.

Нельзя согласиться и съ пониманіемъ автора сказочныхъ богатырей. Сопоставляя ихъ съ Индромъ, что считаемъ основательнымъ, онъ ставитъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ сыновное отношеніе къ Бабѣ-Ягѣ, чего рѣшительно не возможно допустить по тѣмъ соображеніямъ объ отношеніи свѣта къ тучѣ, змѣю, какія выражены нами ваше. Да и чѣмъ доказывается въ разсматриваемомъ разсужденіи сыновность богатырей относительно Яги? Тѣмъ же шаткимъ и оригинальнымъ способомъ, посредствомъ какого выводится родство и тождество сороки, вороны и т. д. съ Ягой. Такъ, богатыри рождаются отъ съѣденнаго куска рыбы; иногда рыба эта въ сказкахъ называется щукой, которая, по предположенію Г. Потебни, вѣроятно, одинъ изъ образовъ Яги-тучи. Отсюда, Иванъ Кобылинъ есть Индръ, сынъ небесныхъ водъ, т. е., Яги (стр. 244). Но какъ богатырь не Кобылинъ только, а и Сучичъ, Быковичъ, Кошкинъ, Котигорошекъ, то отыскивается и ихъ сближеніе съ Индромъ и происхожденіе отъ той же Яги. Громовое свойство Быковича доказывается, въ глазахъ автора, тѣмъ, что туча представляется коровою, а рожденный ею Индръ—быкомъ; къ сожалѣнію, на все это нѣтъ ни малѣйшаго подтвержденія въ Славянской Миѳологіи. Кошкинъ ставится въ связь съ Ягою потому, что кошка есть образъ Яги; но и это отношеніе кошки къ

Ягѣ, какъ замѣчено нами, обязано больше личному взгляду автора; Сучичъ объясняется вѣтромъ, который представляется, въ Индійской Миѳологіи, охотничьей собакой Индра. Не говоря уже о томъ, что столь разнообразная предметами Миѳологія Индійская, связавшая ихъ въ одну систему въ теченіи многихъ вѣковъ, большею частью внѣ совмѣстной жизни Арійцевъ, способна по тому самому указать всегда на какое-либо сходство съ мелочными фактами Славянскихъ повѣрій, суевѣрій и терминовъ, возникшихъ совершенно другимъ путемъ, мы замѣтимъ одно, что въ такомъ случаѣ Сучичъ скорѣе бы указывалъ на вѣтеръ, нѣжели на тучу; но для Г. Потебни достаточно названія Сучичъ и вѣроятнаго отношенія его къ Индру, чтобы заключить о представленіи тучи сукой (стр. 245). Еще натянутое сужденіе о Котигорошкѣ. Этимъ именемъ, рѣщаетъ Г. Потебня, указывается на Перуна, ибо (!?) у Нѣмцевъ горохъ посвященъ Тору-Донару. Для большей убѣдительности, онъ усиливается сблизить горохъ съ Четвергомъ, какъ днемъ, посвященнымъ у тѣхъ же Нѣмцевъ Тору, и въ подтвержденіе приводитъ Чешское повѣрье, въ силу котораго слѣдуетъ сѣять горохъ въ Зеленый Четвергъ. Но во а) доказывать схоство съ Нѣмецкимъ обычаемъ, или вѣрованіемъ у Славянъ посредствомъ Чеховъ однихъ, довольно поспѣшно, такъ какъ нельзя почесть не основательнымъ подозрѣніе, не перешло ли то или другое повѣрье къ Чехамъ отъ Нѣмцевъ, а о другихъ Славянахъ авторъ не говоритъ ни одного звука; во б) къ одному ли гороху относится повѣрье, касательно Зеленаго Четверга, и въ в) не скорѣе ли относится связь гороха къ эпитету «зеленый», чѣмъ къ Четвергу. Наконецъ, Славянская Миѳологія ни чѣмъ не указываетъ на посвященіе Четверга Перуну, подобно Нѣмцамъ. Кромѣ того, если у послѣднихъ горохъ напоминаетъ своимъ видомъ объ оружіи Тора, представлявшимся шаромъ, то Славянская стрѣла, оружіе Перуна, не предлагаетъ сходства съ горохомъ. Между тѣмъ Г. Потебня смѣло дѣлаетъ выводъ: «рожденный отъ горошины долженъ быть сынъ громоваго божества» (стр. 245).

На стр. 249, овцы, на ряду съ коровами, являются изображающими собою въ сказкахъ облако. Что облака, дѣйствительно, представляются въ видѣ коровъ, — это такъ; но чтобы то же значеніе имѣли и овцы, сомнительно. И самъ Г. Потебня, на стр.

290, утверждаетъ, что коровы изображаютъ облака, а овцы — звѣзды.

Опуская подробности объ отношеніи змѣя къ женщинамъ и о плотской любви перваго къ послѣдней, равно и о родствѣ молока съ кровью (стр. 274—277); не останавливаясь и на понятіи автора о принесеніи богатства змѣемъ, изъ чего онъ, конечно, заключаетъ о двойственности и змѣя, какъ тождественнаго съ Ягою, (стр. 277), и что достаточно опровергнуто нами выше, выскажемъ замѣчаніе на мнѣніе Г. Потебни о вѣдьмѣ.

На стр. 257—288, онъ уверждаетъ, что характеръ вѣдьмы, зловредный для человѣка, обязанъ не Христіянскому вліянію; что она демоническое существо и до Христіянства. Едва ли безъ ограниченій можно согласиться съ этимъ. Вѣдьма, вѣдунъ, вѣщій, знахарь—слова, не заключающія въ себѣ ни чего дурнаго; не стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ добрымъ характеромъ и нынѣшнее народное понятіе о вѣдьмѣ и знахарѣ. И вѣдьма до Христіянства не только могла, но и должна была, по коренному смыслу своего названія, имѣть доброе значеніе. И если было до Христіянства миѳическое существо со свойствами нынѣшней вѣдьмы, то едва ли справедливо сомнѣваться, что оно носило и другое названіе. Г. Потебнѣ очевидно, не легко согласиться съ этимъ: связавши и вѣдьму съ Ягой, онъ точно также и въ первой не хочетъ допускать единичности въ основномъ характерѣ, какъ отвергаетъ ее въ Ягѣ, ежели вліяніемъ Христіянства объясняютъ дурной смыслъ нынѣшней вѣдьмы, тѣмъ самымъ утверждая противоположное ея свойство въ основаніи, до Христіянства, то Г. Потебнѣ слѣдуетъ возстать противъ этого. Но мы скажемъ его словами съ нѣкоторыми дополненіями, что изъ нынѣшней перепутанности и смѣшанности въ суевѣріяхъ, безъ положительныхъ извѣстій (особенно историческихъ), только по всѣмъ вѣроятнымъ заключеніямъ, (которыя могутъ быть крайне субъективны), нельзя выводить свойствъ въ дохристіянскую пору. Большее или меньшее согласіе, въ этомъ случаѣ, Славянъ доказывать не можетъ многаго: съ Христіянствомъ всѣ они должны были отнестись къ языческой мудрости враждебно, и что же удивительнаго, если, независимо даже другъ отъ друга, пріурочили вѣдьмѣ свойства, отобранныя отъ другихъ, уже забывавшихся, существъ? Это тѣмъ вѣроятнѣе, что важ-

нѣйшія божества потеряли съ Христіянствомъ тотчасъ же, или очень скоро, свой прежній вѣсъ, и изъ свѣтлыхъ превратились въ нечистыхъ. Вѣдьмы и вѣдуны, какъ знахари, чародѣи, стоявшіе по срединѣ между языческою религіей и обыденною жизнью, сохранили дольше свое прежнее значеніе и при новой вѣрѣ.

При воззрѣніи на вѣдьму, какъ на существо двойственнаго характера, и злое и доброе, не удивительно столкнуться и съ породненьемъ ея, съ Гольдою, тѣмъ больше, что сходство указано Гриммомъ. Но сходство, въ нѣкоторыхъ чертахъ, не обусловливаетъ тождества лицъ, которыя и при немъ могутъ быть существенно различны. Правда, Гольда разрѣзываетъ животъ у мужчинъ, но дѣлаетъ это въ наказанье за несоблюденіе поста, оставаясь все таки благодѣтельницею и покровительницею человѣка; вѣдьма же съѣдаетъ сердце, по своей враждебности къ человѣку. Но Г. Потебня совершенно успокоивается на этомъ сходствѣ, при своемъ отождествленіи, и даже прибѣгаетъ къ доказательствамъ, что и самое сердце у Славянъ значитъ то же, что желудокъ, чѣмъ, по видимому, еще болѣе скрѣпляетъ тождество. Говоримъ по видимому, по тому что нельзя же серьезно признавать синономичность сердца и желудка на основаніи слѣдующихъ выраженій: Малор. «на ще серце, на тощій желудокъ, Серб. «слабъ на срцу», кого слабитъ; «срце боли», о страданіяхъ беременной (стр. 294).

Автору надобно сблизить вѣдьму и змѣя, такъ какъ задачею его въ третьей части служитъ именно сближеніе волка, змѣя и вѣдьмы. Но змѣй представляется прелюбодѣемъ; слѣдуетъ то же отыскать и въ вѣдьмѣ; известій, однако же, нѣтъ, и . Потебня восполняетъ ихъ данными Нѣмецкими о марѣ и Великo-Русскими о шутовкѣ. Но во а) развѣ Нѣмецкія повѣрья о марѣ, если даже и допустить ея родство съ нашей вѣдьмой, могутъ всецѣло быть относимы къ послѣдней? Г. Потебня, видимо, самъ былъ не вполнѣ удовлетворенъ этимъ способомъ доказательствъ и, въ примѣчаніи, обратился опять къ вѣдьмѣ, стараясь отыскать въ ней что ни будь подходящее къ плотской любви; тутъ становился отъ на ѣздѣ вѣдьмъ на людяхъ и предположилъ, что можетъ быть, эта ѣзда имѣетъ значеніе плотской любви,» и, для бѣдительности, указываетъ на подобный переходъ мысли въ пѣ-

сняхъ и пословицахъ. Но приведенныя при этомъ два Сербскія выраженія: «Седланъ конь не може бити као не седланъ: и жена ни улицу не може бити као девойка», рѣшительно не даютъ и тѣни права признавать въ нихъ переходъ мысли отъ ѣзды къ плотской любви. И тѣмъ не менѣе, на такомъ-то основаніи Г. Потебня заключаетъ, что, стало быть, первообразъ вѣдьмы—мужское существо, incubus, а не succubus. Если же это такъ, скажемъ мы, то не возможно и заключать о вѣдьмѣ отъ Нѣмецкой мары, которая непремѣнно женщина (стр. 298). Во б) что касается до Уральской шутовки, то гдѣ же положительныя свидѣтельства, что она тождественна съ вѣдьмой? Даже изъ опредѣленныхъ самимъ Г. Потебнею (стр. 299) вовсе это не видно; характеръ ея несравненно чище вѣдьмы и преисполненъ веселости; даже бракъ ея съ человѣкомъ сопровождается миромъ и семействомъ, если соблюдены условія, — а о змѣѣ, съ которымъ хочетъ сопоставить авторъ посредствомъ шутовки вѣдьму, самъ же онъ говоритъ (стр 277), что змѣй истощаетъ, но не оплодотворяетъ. Но рядомъ съ шутовкою стоитъ въ повѣрьяхъ и шутъ; понятно, Г. Потебнѣ это очень непріятно, и, вотъ, какъ выше изъ дѣда, заключилъ онъ о позднѣйшемъ раздвоеніи бабы, такъ тутъ (стр. 300) объявляетъ рѣшительно: «очевидно (?), шутъ есть позднѣйшее дополненіе къ шутовкѣ». По чему же это? Вѣдь различіе половъ принадлежитъ самымъ древнѣйшимъ, основнымъ миѳамъ.

Сгруппировавши всѣ миѳическія существа вокругъ Рождественскаго праздника, связавши коренныя свойства ихъ съ рожденіемъ бога-солнца, а черезъ это съ бракомъ и похоронами, Г. Потебня, естественно, старается доказать, въ заключеніи, что и сближенные имъ волкъ, змѣй, вѣдьма, мара имѣютъ, хотя не исключительное, но болѣе замѣтное, отношеніе, къ Рождественскимъ праздникамъ. Смѣло полагаемъ, что такой выводъ обязанъ единственно напередъ задуманной систематизаціи и тому увлеченію, которое стремится къ данной точкѣ, не замѣчая, что находится на право и на лѣво. Мы увѣрены, что если бы Г. Потебня вникнулъ серьезнѣе въ значеніе солнечныхъ празднествъ вообще у Славянъ языческихъ, то отыскалъ бы всѣ обряды и повѣрья доселѣ пріуроченными въ народѣ Славянскомъ ко всѣмъ временамъ главнѣйшихъ солнечныхъ поворотовъ, въ равноденствіе и

солнцестояніе, осенью, весною, лѣтомъ и зимою. Что въ послѣднюю пору они замѣтнѣе, живѣе, то это объясняется, очевидно, большею свободою народа, въ слѣдствіе совпаденья праздника языческаго съ продолжительнымъ праздникомъ Христіянскимъ. Впрочемъ, и изъ разсужденія самого Г. Потебни видна несостоятельность такого заключенія. Относительно волка, онъ уже говоритъ, что и въ другое время не слѣдуетъ называть его по имени; а на стр. 302, — что люди оборачиваются въ волковъ на Рождество и на Купала; вѣдьмъ узнаютъ подъ Рождество, замѣчаетъ Г. Потебня; но, по его же указанью, узнаютъ ихъ и подъ Благовѣщенье (стр. 305). Доказательство, предложенное изъ Чешскаго повѣрья (303), не говоритъ прямо о вѣдьмѣ; что же до Мр. повѣрья (304), то оно свидѣтельствуетъ, напротивъ, объ обыденности вѣдьмъ. Этого мало: по повѣрью Сербскому, вѣдьмы ѣдятъ людей и передъ Филипповкой, а у Чеховъ въ Маѣ мѣсяцѣ (307). Г. Потебня до того увлекся желаніемъ пріурочить преимущественно къ Рождеству вѣдьму, что даже допустилъ и непростительную ошибку. Дѣйствительно, на стр. 303, въ началѣ, приводя слѣдующее Чешское повѣрье: «Kdo v jitřni sedí, nebo kleči na stoličce, z devatera dřiví stesané, pozná všecky čarodějky, jež jsou v kostele, stoit' zady obrácene k oltaři», онъ, при словѣ «jitřni» поставилъ въ скобкахъ на «Рождество». Но jitřně никогда не значитъ Рождество, а просто заутреня, утренняя служба; если же утро и связывается у Славянъ съ солнечнымъ праздникомъ, то только съ Пасхой, какъ у Лужичанъ jutry,-ov, значитъ праздникъ Христова Воскресенья, Пасха. Мы не говоримъ уже о томъ, логично ли уничтожать всякое различіе между магесницей, чародѣйкой и вѣдьмой, и подъ чародѣйкой, въ данномъ повѣрьи Чешскомъ, непремѣнно видѣть вѣдьму. Что касается до змѣя, то нѣтъ надобности и доказывать несомнѣнной истины, что суевѣрія, связанныя съ нимъ, проходятъ черезъ цѣлый годъ, и трудно, да и напрасно, рѣшать, когда именно они преобладаютъ особенно. О томъ, что будто бы и мара съ шутихой преимущественно участвуютъ въ Рождественскихъ праздникахъ, нашелъ затруднительнымъ представлять доказательство и самъ Г. Потебня.

Но довольно. Если бы мы вздумали останавливаться на всѣхъ частностяхъ, взглядъ на которыя автора предлагаетъ или со-

мнѣнье, или натяжку, или шаткость, или же очевидную неправильность, то намъ пришлось бы удвоить свои замѣчанія, вышедшія и безъ того слишкомъ пространными. Къ тому же, и сказаннаго, надѣемся, достаточно, чтобы уяснить направленіе автора въ Миѳологическихъ изслѣдованіяхъ, которое такъ замѣтно уклоняется отъ требованій положительной науки. И изъ представленныхъ замѣчаній видно, что Г. Потебня придаетъ слишкомъ много значенія случайному сходству и слишкомъ мало, въ свою очередь, обращаетъ вниманія на спеціяльныя условія народа, неизбѣжно вліявшія какъ на физическую его сторону, такъ и на нравственную, а, слѣдовательно, и на миѳическія воззрѣнія. Составленная отвлеченно, или на подражаніи Нѣмцамъ и Индійцамъ, идея служитъ для него надежнѣйшимъ руководителемъ и регуляторомъ при обозрѣніи разнообразныхъ и перепутанныхъ суевѣрій и обрядовъ Славянскихъ, изъ которыхъ естественно выбираетъ онъ то, что подходитъ къ предвзятой идеѣ, и такъ, чтобы не нарушалась образовавшаяся изъ нея картина. Отсюда, оставленіе въ сторонѣ того, что въ состояніи было бы видоизмѣнить такую картину и субъективное объясненіе того, что опущено быть не можетъ и что, однако же, при правильномъ взглядѣ на дѣло и при строго научномъ пониманіи факта, становится въ противорѣчіе съ идеей. При такомъ направленіи, конечно, очень не трудно сложить самую живую и увлекательную систему Миѳологіи; но она будетъ стоять внѣ науки, которая не перестанетъ ити своимъ путемъ, строгимъ и точнымъ, хотя и болѣе медленнымъ, за то несомнѣнно прочнѣйшимъ, и съумѣетъ добиться до итоговъ дѣйствительныхъ, а не фантастическихъ. Наука же эта твердитъ и теперь о томъ, какъ опрометчиво и опасно восходить исключительно по современнымъ подробностямъ въ повѣрьяхъ къ первоначальнымъ миѳамъ; она съ положительностью свидѣтельствуетъ, что общее миѳическое положеніе способно развѣтвляться и обусловливаться до безграничности въ самобытномъ развитіи каждаго отдѣльнаго народа. Такъ, на примѣръ, общее положеніе относительно водъ въ Ригведѣ, гдѣ онѣ признаются матерями, божественными, заключающими въ себѣ не только амврозію, но и цѣлительныя лѣкарства; ихъ испрашиваютъ въ Индіи не только для здоровья тѣла, но и для очищенія души отъ грѣховъ; въ Эддѣ встрѣчаемъ уже цѣлительность эту, ограниченную условіемъ черпанья воды въ полночь,

или передъ восходомъ солнца (Pictet, 681 — 682), и было бы неизвинительнымъ скачкомъ ухватиться именно за это ограничивающее условіе и его сдѣлать исходною точкою для выводовъ общаго миѳа.

Миѳологія обнимаетъ собою все, что относится до жизни боговъ и ихъ отношеній къ человѣку: Теогонію, Космогонію, управленіе міромъ, происхожденіе народовъ, ихъ постановленія гражданскія, религіозную нравственность; слѣдовательно, «отсюда можно понять, замѣчаетъ Пикте, до какой степени долженъ отпечатлѣться народный духъ на каждой Миѳологіи, и какъ она должна подвергаться разнообразнымъ видоизмѣненіямъ. Здѣсь причина столь характеристическихъ отличій ея у народовъ Арійскихъ, развивавшихся по различнымъ направленіямъ. Отъ перваго момента раздѣленія ихъ, общая основа преданій разнообразилась непрерывно; миѳы громоздились на миѳы, и возникли новыя формы выраженія съ роскошнымъ богатствомъ у Индійцевъ, съ поэтическимъ множествомъ у Грековъ, и съ характеромъ мрачнаго величія у Скандинавовъ. Здѣсь причина столь труднаго отысканія основныхъ началъ среди элементовъ на столько же удобоподвижнаго свойства, какъ воображеніе, которое ихъ производитъ. Съ другой стороны, выдержанность извѣстныхъ миѳовъ, вопреки всѣмъ превращеніямъ, не подлежитъ сомнѣнію, и не безъ удивленія можно встрѣтить то, или иное, сказаніе Ведъ, сохраненное въ какой-либо сказкѣ Нѣмецкой. И только собраніемъ этѣхъ разбросанныхъ чертъ и уясненіемъ ихъ посредствомъ изученія ихъ древнѣйшихъ формъ сравнительная Миѳологія достигнетъ прочнаго основанія. Такая обработка начата, и нельзя не ожидать въ будущемъ самыхъ успѣшныхъ выводовъ. Но чтобы вести ее правильно, необходимо владѣть качествами, рѣдко соединенными въ одномъ лицѣ: основательною и широкою ученостью, спеціяльнымъ знакомствомъ съ Санскритомъ и съ памятниками Ведическими, критическимъ и осторожнымъ умомъ (стр. 687 — 688).» Лучшими представителями миѳологическихъ трудовъ съ такими условіями выставляетъ Пикте Куна и Макса Мюллера, съ его «Опытомъ Сравнительной Миѳологіи,» который, скажемъ мимоходомъ, вполнѣ не принимается въ разсчетъ Г. Потебней.

Въ заключеніе, позволимъ себѣ указать и на нѣкоторыя изъ частныхъ замѣчаній и выводовъ Г. Потебни, представляющихся

намъ или бездоказательными, или не вытекающими изъ данныхъ матеріяла.

Такъ, желая поддержать выведенное имъ значеніе хлѣба, какъ символа, солнца, по миѳическому вѣрованію народа, авторъ утверждаетъ, что этимъ значеніемъ объясняется и Сербская пословица: «Житни купацъ и дѣвоячки отацъ не могу сретни бити» (стр. 39), въ которой, будто бы, выражается мысль, что продавать хлѣбъ и дочь грѣхъ. Но когда появилась эта пословица? Народъ не устанавливаетъ обычая и закона, при сознаніи, что онъ грѣшный, а между тѣмъ, дочь у всѣхъ Славянъ искони выдавалась за вѣно. Вѣно же, въ настоящемъ случаѣ, сопоставляютъ обыкновенно съ глаголомъ вѣнити, цѣнить, откуда очевиденъ смыслъ и самаго вѣна, какъ цѣны. Какъ же послѣ этого могъ народъ признать такой вѣковѣчный обычай за грѣхъ? Ясно, что тутъ долженъ быть иной смыслъ, и смыслъ этотъ, конечно, заключается въ спокойствіи, беззаботности, которыхъ не можетъ имѣть отецъ дѣвицы въ силу того, что дѣвица должна быть выдана замужъ, и при томъ выдана чистою. Отецъ замужней дочери, въ силу этого, уже можетъ быть сретанъ (счастливъ), по тому что онъ достигъ беззаботности. То же понятіе, думаемъ, слѣдуетъ отнести и къ торговцу хлѣбомъ, на случай неурожая.

«Овесъ и пшеница, говоритъ Г. Потебня, въ обрядѣ обсыпанья, служатъ символами жениха и невѣсты» (стр. 67). Откуда это видно, спросимъ мы? Вѣдь обсыпаютъ всякимъ зерномъ, обсыпаютъ даже хмѣлемъ и деньгами?

На стр. 114, въ примѣч. 74, названіе жихарь объясняется жильцемъ, постояльцемъ, вопреки Г. Аѳанасьеву, видящему въ жихарѣ удальца, что согласно и съ народнымъ смысломъ, придаваемымъ этому слову. Въ объясненіи Г. Потебни мы не видимъ надлежащей послѣдовательности: жихарько является однимъ изъ трехъ братьевъ, и по чему же именно ему идетъ понятіе жильца? Кромѣ того, онъ самый младшій, наименѣе, слѣдовательно, правный? Между тѣмъ дѣйствія жихарьки съ дочькой Яги и съ самой Ягой рисуются дѣйствительно молодецкими.

Преслѣдуя двойственный характеръ Яги, Г. Потебня увѣряетъ, что двойственность ея наружности доказывается и представленіемъ

Яги душистоволосою, по видимому прекрасною (стр. 147). Не говоря о томъ, что видимость не есть вообще доказательство, въ настоящемъ же случаѣ, скажемъ, она прямо ведетъ къ противоположности, и невольно упрекнешь автора за излишне вольное измѣненіе смысла сказки Сербской. Вѣдь въ послѣдней, на оборотъ, голова-то Яги является вонючею и отвратительною, а похвала падчерицы изображаетъ лишь ея кроткій характеръ, въ противоположность характеру испорченной дочери, ни мало этимъ не подрывая дѣйствительнаго безобразія и зловонья головы Яги.

Не меньшую натяжку видимъ мы и въ сближеніи Яги съ Гольдой на томъ основаніи, что, вѣроятно, чесанье Яги равносильно перебиванью Гольдой пуховика, чѣмъ повѣрье Нѣмецкое объясняетъ паденіе снѣга (стр. 153).

Отмѣченное нами невниманіе автора къ мѣстнымъ и спеціяльно народнымъ условіямъ, въ общихъ выводахъ, повторяется и въ частныхъ заключеніяхъ. Встрѣтивши у Сербовъ баднякъ изъ дубоваго дерева, и указавши, что дубъ посвященъ богу-грому, Г. Потебня не сомнѣвается уже, что и баднякъ есть символъ громоваго божества. Но вездѣ ли дубъ несомнѣнно посвященъ грому? Не самъ ли онъ говоритъ, что въ другихъ мѣстахъ баднякъ приготовляется изъ сливоваго, или вишневаго, дерева? Дѣло очевидное, что тутъ важенъ не сортъ дерева, а баднякъ, не выраженье, слѣдовательно, громности, а огня, свѣта, теплоты. До какой степени мѣстность вліяетъ на вѣрованія, видно, на примѣръ, изъ того, что въ Англіи съ рожденіемъ и смертію сближается не восходъ и западъ солнца, какъ у другихъ народовъ, а приливъ и отливъ морскіе, и было бы странно возводить это частное представленіе Англичанъ къ какому либо общему миѳу (стр. 34). А между тѣмъ Г. Потебня не стѣсняется голову всякаго животнаго подводить подъ кобылью, по тому, что ему удобно было кобылью голову связать съ Бабой-Ягой. Отсюда приравненіе къ кобыльей головѣ головы бараньей у Волоховъ, турьи, или вообще конской головы, первоначально, очевидно, турьей, Сербовъ.

Точно также авторъ слишкомъ уже мало придаетъ значенія вліянію Христіянства, и охотнѣе относитъ даже и то, что, по

несравненно большей вѣроятности, обязано послѣднему, къ исключительному языческому. Такъ, относительно вѣры въ святость Крещенской воды и купанья въ ней, мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе Гримма, видящаго тутъ вліяніе Христіянской религіи, и ни мало не убѣждаемся противорѣчіемъ Г. Потебни ученому Нѣмцу на томъ основаніи, что Нѣмецкое повѣрье свидѣтельствуетъ и о разцвѣтѣ розмарина въ эту же пору. Во первыхъ, розмаринъ не вода, и что связано съ нимъ, необходимо не слѣдуетъ приурочивать водѣ; во вторыхъ, потребно предварительно доказать, что и повѣрье о розмаринѣ не относится къ Христіянству, къ силѣ рожденія Спасителя (стр. 64).

Не можемъ мы согласиться и съ миѳическимъ понятіемъ автора о пожарѣ (изложеніемъ на стр. 251), будто бы происходящемъ при грозѣ не только отъ Бога, но и отъ грома. И современное повѣрье народное, и старинныя свидѣтельства указываютъ ясно, что громъ дѣлается виновникомъ пожара вовсе не самъ по себѣ, своей силою, а по тому, что во время грозы онъ прячется отъ Бога-грома, солнца, и тотъ домъ, то мѣсто, сгоритъ, куда онъ скроется. Выгоняютъ при этомъ изъ домовъ кошекъ не по тому, чтобы этимъ выражалась какая либо связь съ Ягой, а потому, что, въ силу того же повѣрья, въ нее вселяется чортъ; суевѣріе же о вселеніи въ кошку чорта, вѣроятнѣе всего, развилось отъ притягательной силы шерсти, въ слѣдствіе чего не держатъ въ домахъ, во время грозы, и собакъ.

Этимъ мы оканчиваемъ свой разборъ сочиненія Г. Потебни, охотно признавая въ немъ усидчивую продолжительность и добросовѣстность труда, не отрицая и пользы для науки, по крайней мѣрѣ, со стороны подбора фактовъ Славянскаго матеріяла и сближенія ихъ съ фактами другихъ родственныхъ народовъ.

П. Лавровскій.

25 Февраля, 1866.

Харьковъ.

ТРИ ПИСЬМА

ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ ТРОИЦКІЙ СЕРГІЕВЪ МОНАСТЫРЬ

въ 1660 году.

Предлагаемыя три письма написаны по слѣдующему поводу. Въ 1654 году Власти Троицкаго Сергіева монастыря отдали монастырскую пустошь Козлово, находившуюся въ Звенигородскомъ Уѣздѣ, на пожизненное владѣніе вдовѣ Княгинѣ Іуліаніи Голицыной, съ обязательствомъ платить ей въ монастырь ежегодно по 2 рубля 4 алтына. Но, по прошествіи 9 лѣтъ, съ назначеніемъ новаго Келаря, Аверкія Иванова, на мѣсто Арсенія Суханова, Соборъ монастырскій не принялъ посланныхъ отъ Голицыной на 1660 г. оброчныхъ денегъ, а сказалъ человѣку ея, что та пустошь нужна для обители, именно для заселенія людьми. Нечаянный отказъ въ дальнѣйшемъ пользованіи пустошью сильно тронулъ Княгиню. Грамоту, данную прежними Властями на владѣніе тою пустошью до смерти своей, она имѣла на лицо и условіе съ монастыремъ выполняла въ точности, а Указомъ Царя Ѳедора Ивановича, подтвержденнымъ преемниками его, позволено было брать монастырскія земли въ оброкъ (см. Докладъ 1594 г. № 3). Въ виду всего этого, она и написала письмо ко Властямъ монастырскимъ объ оставленіи за нею пустоши. Но, вѣроятно, зная гласть и силу ихъ, по тогдашнему, монахъ Лаврскаго Келаря, не совсѣмъ надѣялась на дѣйствіе своего письма, а потому въ то же время (3 Іюня, 1660 г.) упросила внука своего, Князя Юрія Михайловича

Одоевскаго, и духовника своего, придворнаго Протоіерея, Александра Москвитинскаго, написать по письму въ Троицкій Сергіевъ монастырь, чтобы пустошь Козлово была оставлена за нею. Всѣ три письма получены въ монастырѣ 28 Іюня, какъ видно изъ помѣты на оборотѣ ихъ въ Соборѣ. Сверху письма Одоевскаго написано: «168 г., Іюня въ 28 день, отдать въ крѣпостную казну и велѣть записать въ книги.» Сверху втораго, отъ Протоіерея Александра: «168 г., Іюня въ 28 день.» Сверху третьяго, отъ Голицыной: «168 г., Іюня въ 28 день, оброчные деньги на нынѣшней 168 годъ велѣть принять, и запись пріискать, и отдать все въ крѣпостную казну.» При сдачѣ въ крѣпостной архивъ всѣ три письма, писанныя разными руками, склеены въ одинъ столбецъ, по описи 1860 г. № 471. Первоначально каждое посланіе написано было на столбцѣ, длиною аршинъ, шириною четверть, свернуто пакетомъ и запечатано; на оборотѣ 1 и 3-го надписано: «Пречестные и великіе обители Пресвятые и Живоначальные Троицы и Преподобныхъ Отецъ Сергіа и Никона Великимъ Господамъ Архимориту Іоасафу, Келарю старцу Аверкію, Казначею старцу Леонтію и всему Собору;» на оборотѣ 2-го посланія: «Государю Архимандриту Іоасафу яже о Христѣ съ братіею.»

Первыя два письма отъ Князя Одоевскаго и Протоіерея Александра почти обыкновенныя, не представляютъ ни чего особенно замѣчательнаго, но третье, отъ Голицыной, по рѣзкому тону и указанію на нѣкоторые монастырскіе обычаи, не можетъ не обратить на себя вниманія. Изъ него, на пр., видно, что Власти монастырскія, въ бытность свою въ Москвѣ по дѣламъ монастырскимъ, посѣщали именитыхъ благотворителей, а изъ монастыря посылали имъ въ благословеніе хлѣбъ и Св. воду, коими тѣ очень дорожили. Языкъ писемъ ясный, близко подходитъ къ нынѣшнему, только буква *а*, по Московскому нарѣчію, иногда замѣняетъ букву *о*, на пр.: Указу не была вм. не было, тутъ жа вм. тутъ же. Что жь касается до побужденій, заставившихъ Келаря нарушить данную грамоту, то, вѣроятно, главною причиною былъ интересъ монастырскій. Изъ Писцовыхъ и Межевыхъ книгъ

№ 641) видно, что пустошь Коплово или Котлово ранѣе и послѣ была деревней. Прежними Властями отдана она Голицыной изъ уваженія ко вкладамъ Голицыныхъ и въ слѣдствіе ходатайства благотворителей Одоевскихъ.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о лицахъ, упоминаемыхъ въ письмахъ. Мужъ Іліаніи Ивановны, Князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ, при бракочетаніи Царя Михаила Ѳедоровича, 19 Сентября, 1624 г., назначенъ былъ сидѣть за столомъ на второмъ мѣстѣ, а первое отдано Князю Ивану Ивановичу Шуйскому. Голицынъ, считая себя обиженнымъ, не явился къ столу, за что попалъ въ опалу и сосланъ въ Вятку, гдѣ умеръ 18 Мая, 1626 года, * погребенъ въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, близъ сѣверныхъ дверей Троицкаго Собора. ** Когда скончалась и гдѣ погребена Іуліанія, неизвѣстно; во время вдовства своего она была въ Верховыхъ Боярыняхъ, присутствовала при бракосочетаніи Царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кириловной Нарышкиной, потомъ пожалована въ Мамы къ Царевичу Симеону Алексѣевичу, а въ 1672 г. къ Царевичу Петру Алексѣевичу, коего и подсила къ купели для принятія Св. крещенія (Древ. Росс. Вивліо. ч. VII, стр. 205). Новиковъ говоритъ, что Князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ, мужъ Іуліаніи, скончался бездѣтенъ, но изъ настоящихъ писемъ видно, что у нихъ была дочь за Княземъ Михайломъ Никитичемъ Одоевскимъ. Какъ при жизни своей, Князья Иванъ Голицынъ и Никита Одоевскій имѣли дворы свои въ сосѣдствѣ съ Кремлѣ, гдѣ теперь огромное зданіе Сената (Памят. Москов. Древ. стр. XLV), такъ и по смерти своей, гробы ихъ находятся почти рядомъ. Родъ Князей Одоевскихъ покоится подъ папертью Троицкаго Собора, по другую сторону отъ Князей Голицыныхъ. Здѣсь погребены изъ упоминае-

---

* Энцик. Лекс. Плюшара, ч. XIV, стр. 384, откуда заимствовано сіе извѣстіе, кончина Голицына показана въ 1627 году, но въ спискѣ надгробій Т.-Серг. монастыря, снятыхъ въ срединѣ XVII в., сказано: «Боярин Князь Иванъ Васильевичъ Голицынъ преставися 134 года, Маія въ .8 день.»

** Ркп. № 820.

мыхъ въ письмахъ: дѣдъ Юрія Никита Ивановичъ Одоевскій † 1629, Февраля 12; отецъ Юрія Михаилъ Никитичъ † 1652, Ноября 19; мать Юрія Марѳа Ивановна, дочь Ивана и Іуліаніи Голицыныхъ, † 1665, Августа 10; самъ Юрій или Георгій Михайловичъ † 1685, Декабря 6 (Древ. Росс. Вивл. ч. XVI, стр. 319, 320; сл. Лавр. Вклад. книга, гдѣ показаны и вклады Князей Голицыныхъ и Одоевскихъ). Придворный Протоіерей, Александръ, извѣстенъ по вкладамъ въ Т. Сергіевъ и другіе монастыри (Вклад. книга; Археол. Опис. церк. древ. Новгород. ч. II, стр. 198, 224; Опис. Нижегород. Печер. мон. стр. 26). Іоасафъ, изъ Архимандритовъ Т. Сергіева монастыря, возведенъ прямо на Патріаршій Всероссійскій престолъ; Казначей Леонтій Дерновъ былъ Келаремъ послѣ Аверкія Иванова, а Келарь Аверкій, который исключительно завѣдывалъ монастырскимъ хозяйствомъ и на котораго по тому въ особенности указывается въ письмахъ, сначала былъ келейнымъ ученикомъ препод. Діонисія († 1633 г.), потомъ Крѣпостнымъ Соборнымъ старцемъ и Казначеемъ; въ 1651 г., когда отдана пустошь Княгинѣ Іуліаніи, онъ былъ Строителемъ Богоявленскаго монастыря, почти напротивъ дома Голицыной.

I. A.

I.

Пречестные и великіе обители Пресвятыя Живоначальныя
оицы и Преподобныхъ Отецъ Сергія и Никона Великимъ Госпо-
мъ, Архимариту Іоасафу, Келарю старцу Аверкію, Казначею стар-
Леонтію, и всему Собору, Юшка Одоевской челомъ бьетъ. По-
луйте, Господа, велите ко мнѣ писати о своемъ душевномъ спа-
ніи и тѣлесномъ здравіи, какъ васъ Господь Богъ милостію своею
шевнѣ спасаетъ, а тѣлеснѣ милуетъ. А про меня изволите спро-
ть, и я, при Государьской милости Царя и Великаго Князя
ексѣя Михайловича, всеа великія, и малыя, и бѣлыя Россіи Само-
ржца, за нимъ, Государемъ, въ объѣздѣ въ селѣ Покровскомъ,*
ня по 26 день до воли Божіи живъ. Говорила мнѣ бабка моя,
ярина Князя Ивановская жена Васильевича Голицына, вдова
ягиня Ульяна Ивановна: въ оброкѣ за нею монастыря Сергія
дотворца пустошь Козлово въ Звенигородскомъ Уѣздѣ, а дали
тое пустошь изъ денежного оброку прежніе власти: Архима-
гъ Андреянъ, Келарь старецъ Симонъ (Азарьинъ), Казначей ста-
цъ Калинникъ (Клементьевской) съ Соборомъ, въ прошломъ въ
) году, и оброчная грамота въ той дачѣ властелинская дана,
изано ей владѣть ею по еѣ вѣкъ, а на неѣ, бабку мою, взята
монастырь запись, что ей оброкъ платить съ той пустоши по-
но, и при своемъ животѣ ей тоѣ пустоши не продать, и не
ожить, и роду своему не отдать, и за собою въ Помѣсномъ
иказѣ въ вотчину не записать, а отказать та пустошь послѣ

ло Покровское, Рубцово тожь, подгородное, нынѣ частица Москвы. Тамъ
ыли Царскія хоромы и двѣ церкви: одна во имя Покрова Пресв. Богоро-
ицы, построенная въ 1618 г. Царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, по имени
ей село и получило названіе Покровскаго, а другая церковь во имя Ни-
лая Чудотворца съ придѣломъ Св. Ирины (Выходы Государей Царей и
ел. Князей въ 1632—1681 гг., стр. 333, и при нихъ Указатель стр. 73).

своего живота опять въ домъ Чюдотворцовъ. И по се число не всягодно оброкъ съ ней платила; а нынѣ, де, къ вамъ посылал она, бабка моя, оброчные денги на нынѣшней 168 годъ, и вы, де оброку не взяли, а за чѣмъ, того къ ней не отписали. А словеса де, ты, великій Келарь, человѣку ей говорилъ: «Надобно про себя А о той пустоши говорители (т. е., просители, ходатаи) были прея нимъ властемъ, а бабкѣ моей дѣдъ мой Боярин Князь Никит Ивановичъ Одоевской, и отецъ мой, Князь Михайло Никитичъ. вамъ бы пожаловать, и по моему прошенью той пустоши не вл лѣть отнимать до ея живота, и прежнихъ властей данья не нару шивать. И Государевъ Указъ и Соборное Уложенье во всѣхъ мо настырехъ прежнихъ властей данья нарушивать не указана и в въ такихъ честныхъ лаврахъ и не такихъ честныхъ властей. У нас Государи, прежніе власти Соборомъ дали ей, бабкѣ моей, въ вѣч ной оброкъ (д. б. пропущено: впервые?). По образцу же тако за иными есть такіе же земли въ вѣчномъ оброкѣ. Пожалуйте, Го судари, не оставте и моего прошенья, учините безсорно, велит ей владѣть по той прежней дачѣ, и оброкъ велите у ней имат и противъ сей моей грамотки, пожалуйте, мнѣ вѣдомо учините Потомъ вамъ, Великимъ Господамъ, челомъ бью.

II.

Пречестныя и великія обители Пресвятыя Живоначальны Троицы и Преподобныхъ Отецъ Сергія и Никона Великимъ Госпо дамъ, Архимариту Іоасафу, Келарю старцу Аверкію, Казначею ста рцу Леонтію, и всей яже о Христѣ братіи, Нерукотвореннаго Сп сова образа, что у Государя на сѣнехъ, Протопопъ Александр Бога молитъ и челомъ бьетъ. Пожалуйте, Государи, велите ко мн писать о своемъ здоровіи, какъ васъ Господь Богъ хранитъ. А про меня, Государи, изволите воспросить, и я, по неизреченно милости Христа Бога нашего, Іюня (по) 26 день въ живыхъ пре бываю. Говорила мнѣ дочь моя духовная, Боярина Князя Иванов ская жена Васильевича Голицына, вдова Княгиня Ульяна Иванов на: въ прошломъ, де, во 159 году прежніе власти, Архимарит Андреянъ, Келарь старецъ Симонъ, Казначей старецъ Калинник съ Соборомъ, дали ей въ оброкъ въ Звенигородскомъ Уѣздѣ пу стошь Козлово, изъ денежнаго оброку до ея живота, а грамо

ей оброшная за печатью властелинскою и всего Собору дана, владѣть ей Княгинѣ Ульянѣ Ивановнѣ по свой вѣкъ. И она, де, владѣла, и оброкъ за ту пустошь въ монастырь при прежнихъ властехъ и при васъ по нынѣшней годъ платила, въ томъ, де, у ней и отписи есть. И нынѣ, де, она посылала къ вамъ съ человѣкомъ своимъ за ту пустошь на нынѣшней 168 годъ оброшные денги, и вы, де, денегъ не приняли, и къ ней о томъ не писали, чего ради не принято. А словесно, де, ты, великій Келарь, старецъ Аверкей, тому еѣ человѣку сказалъ: «Надобна та пустошь вамъ про себя.» А какова ей грамота дана оброшная, и я у ней видѣлъ; указано ей владѣть тою пустошью по еѣ вѣкъ, а на нее, де, взята жъ запись, что ей оброкъ за ту пустошь платить погодно, а за собою еѣ въ Помѣсномъ Приказѣ не справить, и не продать, и не заложить, и роду и племени не отказать послѣ своего живота, а отказать послѣ своего живота въ монастырь Сергія же Чюдотворца. А говорили, де, о той пустоши имъ прежнимъ властемъ отъ нея, Княгини Ульяны Ивановны, Боярынъ Князь Никита Ивановичъ Одоевской, да сынъ ево, а еѣ зять, Князь Михаила Никитичъ, и тое, де, оброшную властелинскую грамоту во 159 году онѣ къ ней и привезли; въ томъ, де, году зять еѣ, Князь Михайла Никитичъ, былъ живъ, и былъ Боярынъ Князь Никита Ивановичъ съ сыномъ своимъ, со Князь Михайломъ Никитичемъ въ монастырѣ. И вамъ бы, Господамъ, прежнихъ властей дачи не нарушить, и наше моленіе принять; дательство истинно, слово и во вѣки сохраните нерушимо, до еѣ живота той пустоши у ней, Княгини Ульяны Ивановны, не отнять. По семъ вамъ миръ о Христѣ. Аминь.

III.

Пречестныя и великія обители Пресвятыя Живоначальные Троицы и Преподобныхъ Отецъ Сергія и Никона Великимъ Господамъ, Архимариту Іоасафу, Келарю старцу Аверкію, Казначею старцу Леонтію и всему Собору, Боярина Князя Ивановская жена Васильевича Голицына вдова Ульяница челомъ бьетъ. Пожалуйте, Государи, велите ко мнѣ писать о своемъ здоровьѣ, какъ васъ, Государей моихъ, Христосъ хранитъ. Челомъ, Государи, бью на вашемъ благословеніи, что пожаловали, съ святынею прислали, а мужу моему, Князю Ивану Васильевичу, память сотворили. Да по-

сылала я, Государи, оброкъ денежной, два рубли четыре алтына за пустошь Козлово, съ человѣкомъ своимъ, съ Ѳедотомъ Несмеяновымъ, на нынѣшней на 168 годъ, и вы де, Государи, у того человѣка моего денегъ принять не велѣли. А словесно, де, ты, великій Келарь, тому человѣку моему сказалъ: «Надобна та пустошь вамъ, въ монастырь,» а мнѣ ею владѣть не велѣли, а въ грамотахъ своихъ ко мнѣ про неѣ противъ моего писма ни чего не отписали, за чѣмъ не приняли и чего ради мнѣ ею не владѣть. Та, Государи, пустошь дана мнѣ въ вѣчной оброкъ въ прошломъ во 159 году, и оброшная грамота мнѣ властей, Архимарита Андреяна, Келаря старца Симона, Казначея старца Калинника и всего Собору, дана, а указано мнѣ ею владѣть по мой вѣкъ изъ денежнаго оброку; а тое грамоту прислали ко мнѣ власти съ зятемъ моимъ, со Князь Михайломъ Никитичемъ Одоевскимъ; въ ту пору были отецъ ево, Боярин Князь Никита Ивановичъ Одоевской, и онъ, Князь Михайло Никитичъ, въ монастырѣ Живоначальные Троицы и Чудотворца Сергія, и говорители были отъ меня властемъ о той пустоши, а на меня взята запись во 161 году, что мнѣ съ той пустоши оброкъ денежной въ монастырь платить повсягодно при своемъ животѣ, и той пустоши не продать, и не заложить, и роду своему не отдать, и за собою въ Помѣсномъ Приказѣ не записать въ вотчину, а послѣ своего живота отказать та пустошь въ монастырь Святые же Троицы и Сергія Чюдотворца. И какъ за мною учали быть та пустошь, и я оброкъ съ неѣ въ монастырь платила повсягодно, и отписи у меня есть до сего году. Хотя бы, Государи, та пустошь была за мною въ погодномъ оброкѣ, и вамъ было и тутъ пожаловать вѣсно учинить зимнего времени, что ею не владѣть; я того вашего указу не вѣдала, что у меня отнимать, хлѣбъ на ней сѣянъ, а она за мною въ вѣчномъ оброкѣ, и готово мошно было вамъ, Государи, ко мнѣ отписать ранѣе, противъ бы вашего писма и доконъ былъ. А сказывалъ мнѣ человѣкъ мой, Ѳедотъ Несмѣяновъ, что ты же, великій Келарь, говорилъ ему словесно, что та пустошь надобна въ селитбу. И та, Государи, пустошь не просторна, около съ чюжіе вотчинные и помѣстные земли; развѣ, Государь, у меня взявъ, околнимъ же въ наемъ отдавать? Поблиску вашей деревни Горбуновы есть в округѣ пустошей вашихъ монастырскихъ десятка съ три, съ четыре, тое пустоши Козловы всѣмъ угоднѣе, и въ болшихъ распашкахъ, и тѣми

пустошми владѣютъ мало не всѣми окольные люди въ погодномъ оброкѣ безъ отъему, а не ваши крестьяне. Можно, Государи, вамъ исполнитц и безъ той пустоши, коя мнѣ въ вѣчной оброкъ отдана; а до меня ею истари владѣли изъ того же оброку, по чему я плачю, окольные же люди, а не ваши монастырьскіе крестьяне. Нарушивать вамъ, Государемъ, было прежнихъ властей указу не для чего; чаю, не за одною за мною Чюдотворцовы земли есть въ вѣчныхъ оброкехъ. Одва гдѣ, Государи, бываетъ поворотно и въ простыхъ мѣстехъ, не токмо что во святыхъ лаврахъ, хотя бы и Государеву Указу не была, прежнихъ властей нарушивать Указъ. А въ томъ и Государевъ Указъ и Соборное Уложенье во всѣхъ монастырехъ прежнихъ властей дѣлъ и Указовъ нарушивать не указано и не такихъ чесныхъ властей. О томъ, Государи, челомъ бью: пожалуйте, не учините одною мною въ отъемѣ обрасца, и не нарушьте прежнихъ властей и своего благословенія; велите, Государи, на нынѣшней годъ денги принять. А впредь ко мнѣ отпишите, въ чомъ вашь будетъ изволъ, чтобы мнѣ по вашему писму было вѣдома, а глухо мнѣ покинуть и отдать той пустоши нелзя, властелинская грамота у меня, а моя запись у васъ въ монастырѣ. И о томъ, Государи, челомъ бью, не учините сего писанья въ грубость себѣ, что писала, видя вашу немилость себѣ. Мню, Государи, нынѣ и то не стало мнѣ вашего благословенія, не жалуете въ праздникехъ Живоначальные Троицы и Чюдотворца Сергія, не присылаете съ святынею и въ великой постъ съ хлѣбомъ. А прежніе власти всѣ со 135 (1627) году, какъ судомъ Божіимъ мужа моего, Боярина Князя Ивана Васильевича, не стало, жаловали по чести и по вкладу мужа моего и ево всѣхъ родителей, почитали святынею и хлѣбомъ жаловали, ко мнѣ присылали и сами жаловали посѣщали. У што, Государи, грубая вамъ, Государемъ, учинилась въ той пустоши? И въ томъ вы волны въ дому Пресвятыя Троицы и Преподобныхъ Отецъ; въ томъ убытошно не было, чтобъ и меня поискать милостію Божьею и своимъ благословеніемъ. И вамъ бы, Государемъ, не во грѣхъ было, по вкладу мужа моего и ево родителей поисканье. А я въ томъ гнѣву вашего не вѣдала; а только бы вы, Государи, ко мнѣ вѣсно учинили, что въ той пустоши вашь гнѣвъ, и я бы вашего слова и не переставила; мочно бы то мнѣ здѣлать и ее отдать. Пожалуйте, Государи, будетъ за тотъ вашъ гнѣвъ, учините мнѣ вѣсно. Савы

Чюдотворца Сторожевскаго монастыря тутжа поблиску за мною въ денежномъ оброкѣ пустоши, отданы мнѣ во 155 (1647) году, отдалъ Игуменъ Варламъ да Строитель старецъ Тихонъ Пестриковъ. Послѣ, Государи, тѣхъ властей всѣ Архимориты жалуютъ, и той отдачи и по се время ни чѣмъ не нарушиваютъ, и гнѣву на меня въ томъ не держатъ. Потомъ великимъ Господамъ челомъ бью.

ПИСЬМО

СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО

КЪ НОВГОРОДСКОМУ МИТРОПОЛИТУ ІОВУ. *

Великому Господину, Архіерею Божію, Преосвященному Іову, Митрополиту Святѣйшія Митрополіи Великоновгородскія, Архипастырю и Богомудрому Учителю

Смиренный Ростовскій Димитрій

о Господѣ радоватися.

Пріемъ въ руцѣ мои грѣшны пречестное Архіерейства Вашего къ моей худости писаніе и прочетъ любезно, лобызахъ е, радуяся духомъ, яко въ милости Вашей Святительской есмь и изволите присѣтити мя любовію своею отеческою, въ писаніи изъясненною, ея же потолику благодаренъ есмь, поелику кто нечаемую отъ не знающихъ его получитъ пребогатую милость, благодарствуетъ и покланяется.

Незнаемый есмь Преосвященству Вашему лицезрительствомъ, обаче любве твоея сподобляеши мя и одолжаеши благодѣяніемъ Твоимъ, за что благодарствуя, смиренно челомъ бью.

Соболѣзную же, да утѣшитъ Вы Богъ и Отецъ Господа нашего, Іисуса Христа (съ Апостоломъ, глаголю), Отецъ щедротамъ, всякая утѣха, утѣшая насъ во всякой скорби нашей, Той скорбѣнія ваша и печали въ радости да претворитъ.

Слышащи же наченшееся въ славу Божію у Преосвященства Вашего Еллиногреческое ученіе тщаніемъ Вашимъ Архіерейскимъ,

* Взято изъ переписки Преосвященнаго Митрополита Новгородскаго, Іова, принадлежавшей бывшему Ярославскому Архіепископу, Антонію Знаменскому, а теперь находящейся въ Библіотекѣ Новгородской Духовной Семинаріи.

трудолюбіемъ же премудрѣйшихъ учителей Іоанникія и Софронія Лихудіевыхъ (quos fraterna charitate complector, veneror, examabiliter doceto), зѣло о томъ радуяся, молю Бога, да поспѣшитъ Преосвященству Вашему и пречестнѣйшимъ учителемъ въ томъ благопотребномъ дѣлѣ; что бо человѣка вразумляетъ, аще не ученіе: вразуми мя, рече, и научуся заповѣдемъ Твоимъ; и Христосъ Господь, хотя ученики своя сотворити учительми всея вселенныя и тѣми міръ просвѣтити, первое отверзе имъ умъ разумѣти писанія. Подобишися, Преосвященство Ваше, Господу своему, егда въ паствѣ своей, хотя имѣти людей учительныхъ, разумныхъ, собралъ еси не малое учениковъ число, и предложилъ еси имъ то ученіе, еже начало есть и источникъ всему любомудрію, Еллиногреческій, глаголю, языкъ, отъ того бо вся мудрая ученія во вся языки произыдоша.

Азъ грѣшный, волею Господнею на престолъ Ростовской паствы пришедъ, началъ было прилагати тщаніе о ученикахъ, и завелъ было училище Греческое и Латинское, и поучился было ученики лѣта два и вящше, и уже начали было Грамматику разумѣти не злѣ, но, попущеніемъ Божіимъ, сотворшаяся дому Архіерейскому скудость, сотвори препятіе, и отставишася ученія, понеже вознегодоваше питающій насъ, аки бы многая исходитъ на учители и ученики издержка, и уже вся та, чѣмъ дому Архіерейскому питатися, насъ отнята суть, не токмо отчины, но и церковные дани и вѣчныя памяти, и прочая, и прочая оскудѣша, ибо во всемъ оскудѣхомъ, и во ученикахъ.

Но, да не продолжу писанія, умолчеваю о прочіехъ поведеніихъ нашихъ. Sat sapienti! Преосвященству же Вашему паки и паки челомъ бью и молю, да и впредь милость и любовь ваша отеческая къ моей худости не оскудѣетъ.

Сообщ. Д. Чл. Архимандритъ Макарій.

МОГИЛЫ

КНЯЗЯ АЛЕКСѢЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ДОЛГОРУКАГО И СУПРУГИ ЕГО

ВЪ ГОРОДѢ БЕРЕЗОВѢ.

1730 — 1738 гг.

Съ Марта 1842 по Декабрь 1849 годъ я состоялъ на службѣ въ городѣ Березовѣ, Тобольской Губерніи, Штатнымъ Смотрителемъ Училищъ. Въ этотъ періодъ, кромѣ служебныхъ обязанностей, занимался разборомъ и чтеніемъ старинныхъ дѣлъ, первой половины XVIII столѣтія, производившихся въ Березовской Воеводской Канцеляріи и уцѣлѣвшихъ въ старомъ архивѣ, равнымъ образомъ собиралъ отъ старыхъ людей разныя, замѣчательныя, устныя преданія, въ особенности о бывшихъ въ Березовѣ знаменитыхъ изгнанникахъ и о мѣстахъ, гдѣ умершіе изъ нихъ тамъ похоронены.

Въ 1730 году присланъ въ Березовъ въ ссылку Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій съ супругою Прасковьей Юрьевной, урожденной Княгиней Хилковой, и дѣтьми, Иваномъ, съ супругою Натальей Борисовной, дочерью Графа Шереметева, Николаемъ, Александромъ и Алексѣемъ, Еленою, Анною и Екатериною, которая была второю, послѣ Маріи Меншиковой, обрученною невѣстою Императора Петра II-го. Они заключены были въ острогъ для Государственныхъ преступниковъ, который находился саженяхъ въ 20 отъ настоящей, каменной Богородице-Рождественской (Заручейной) церкви. Въ немъ былъ пространный, но невысокій, деревянный домъ съ окнами, къ верху полукруглыми, особая кухня и баня. Во дворѣ острога былъ бассейнъ, въ которомъ плавали домашнія гуси, утки и лебеди. Семейство Долгорукаго, какъ свѣдѣтельствуетъ преданіе, находило отчасти отраду своей горести смотрѣть на этѣхъ птицъ и ухаживать за ними. [1] Для кара-

---

[1] У Долгорукихъ въ Березовѣ были дворовые люди: Степанъ Калпаковъ и Владиміръ Митрофановъ.—Изъ дѣла Воеводской Канцеляріи, начавшагося 26 Іюля, 1738 года.—Почтенная и уважаемая въ Березовѣ старушка, 77 лѣтняя Дарья Мартемьяновна Никитина, въ 1843 году сказывала мнѣ, что когда она пріѣхала изъ Тобольска въ Березовъ съ мужемъ, находившимся

ула Долгорукихъ прибылъ съ ними Премьеръ-Маіоръ Семенъ Петровъ и Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка Сержантъ Богданъ Челищевъ, съ военною стражею.

Преклонность лѣтъ, суровый, сѣверный климатъ и превратность счастія, преждевременно свели въ гробы Князя Алексѣя Григорьевича и супругу его. [2] Дѣти похоронили ихъ близъ Богородице-Рождественской церкви. [3] Надъ могилами построили памятникъ или, какъ называли Березовцы, часовню, изъ толстыхъ кедровыхъ брусьевъ въ замокъ концовъ ихъ, длиною отъ востока къ западу 4, шириною отъ сѣвера къ югу 8 аршинъ, съ двумя окнами и створчатою къ верху полукруглою дверью. Туда входили дѣти Долгорукихъ молиться объ упокоеніи душъ родителей въ лучшемъ непревратномъ мірѣ.

Долгорукихъ содержали очень строго, и они никогда не выпускались изъ острога, кромѣ Богородице-Рождественской церкви и памятника родителей. Вотъ примѣръ, выписанный мною изъ дѣла Березовской Восводской Канцеляріи. Княжна Елена Алексѣевна Долгорукая, во время утренняго богослуженія, особо совершаемаго, по ея желанію, 21 Мая, 1738 года, въ день ея тезоименитства, Протопопомъ Авдѣемъ Михайловымъ, въ Богородице-

---

въ Тобольскѣ на службѣ и женившимся тамъ на ней, то свекровь ея, жена Сотника Никитина, или мать мужа ея, Дарья, водила ее, около 1782 года, для показа, въ пустые острогъ и домъ, гдѣ прежде содержались Долгорукіе, и она совершенно помнитъ этѣ строенія. Въ 1782 году этотъ домъ перенесенъ на другое мѣсто, и изъ него перестроенъ домъ, для Присутственныхъ Мѣстъ. Онъ сгорѣлъ въ пожаръ 1806 года.

[2] Въ книгѣ «Театръ Свѣта,» издан. Сергѣемъ Глинкой, въ 1828 г., ошибочно сказано, что супруга Алексѣя Григорьевича умерла на дорогѣ, при слѣдованіи въ Березовъ. Княжна Елена Долгорукая, послѣ ссылки вышедшая въ замужство за однофамильца, Князя Долгорукаго, прислала въ Березовъ въ Спасскую церковь книги: Апостолъ и Молебникъ, съ надписью собственноручною. «1764 года, Сентября 1 дня, сію книгу дала вкладу въ церковь Всемилостиваго Спаса, что въ Сибири, въ Березовомъ островѣ, на поминовеніе своихъ родителей, преставившихся тамо. Княгиня Елена Князь Алексѣева Долгорукая.» Книги этѣ я видѣлъ.

[3] Въ Березовѣ идетъ въ потомство поговорка: «Кто у Долгорукаго съѣлъ блинъ, того возили въ Тобольскъ къ отвѣту; то есть: кто былъ послѣ погребенія его на поминальномъ обѣдѣ, на которомъ подаются блины.

Рождественской церкви, была окружена Капраломъ Яковомъ Терехинымъ и двумя солдатами, Андреемъ Мокроусовымъ и Алексѣемъ Алябышевымъ, съ ружьями. Вскорѣ, за несвоевременное служеніе, то есть, утромъ, между тѣмъ какъ Всенощная была съ вечера, Протопопъ Авдѣй сосланъ въ Илимской острогъ (укрѣпленіе), находившійся за Енисеемъ, въ восточной Сибири. [4]

Когда Долгорукіе прожили въ Березовѣ восемь лѣтъ, то, по доносу на нихъ изъ Тобольска, Канцеляриста тамошней Таможни, Осипа Тишина, будто они говорили важныя, «злодѣйственныя непристойныя слова», [5] въ Маѣ, 1738 года, отъ Бирона былъ присланъ въ Березовъ Капитанъ гвардіи Ушаковъ, подъ видомъ навѣстить изгнанниковъ, отъ имени Императрицы Анны Ивановны, между тѣмъ ему повелѣно было секретно собрать подтвердительныя свѣдѣнія о дерзкихъ ихъ словалъ и узнать о преданныхъ Долгорукимъ лицахъ. Ушаковъ ласково обходился съ Долгорукими и прогуливался вмѣстѣ съ ними по городу. Разъ, прогуливаясь съ ними, повстрѣчались съ однимъ изъ Березовскихъ Священниковъ. Ушаковъ съ намѣреніемъ завелъ съ нимъ ласковый разговоръ и непримѣтнымъ образомъ привелъ его въ домъ Долгорукихъ, какъ близкаго имъ. Вскорѣ, по отѣздѣ изъ Березова Ушакова, Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой разлученъ съ супругою и прочими родными и заключенъ въ особенное тѣсное помѣщеніе, подъ строжайшій караулъ; ему воспрещено всякое сношеніе съ женою и родными; выдавалось грубой пищи столько, чтобы только былъ живъ и не умеръ съ голоду. Наталья Борисовна выпрашивала у караульнаго Премьеръ-Маіора Петрова дозволеніе ночью тайно видаться съ мужемъ, чрезъ небольшое оконцо, и носила ему пищу. [6] Такимъ образомъ прожили около трехъ мѣсяцевъ. Въ одну темную, Сентябрскую, дождливую ночь подплыло къ Березову небольшое судно. Въ него секретнымъ образомъ

---

[4] Дѣло Березовской Воеводской Канцеляріи о несвоевременномъ служеніи Всенощной Протопопомъ Авдѣемъ Михайловымъ для Княжны Елены Долгорукой.

[5] Сибирская Лѣтопись, доведенная до 1761 года, — рукопись, принадлежащая библіотекѣ Тобольской Семинаріи.

[6] Преданіе Березовскихъ жителей и изъ книги «Театръ Свѣта», соч. Серг. Глинки.

были вызваны и заключены Князь Иванъ Долгорукій, караульный Премьеръ-Маіоръ Петровъ, Березовскіе Священники: Илья Прохоровъ, Ѳедоръ Кузнецовъ, Андрей, Тимоѳей и Артемій Васильевы, Дьяконъ Ѳедоръ Какоулинъ [7] и нѣсколько тамошнихъ жителей, приверженныхъ Долгорукимъ. Чрезъ два часа судно отплыло изъ Березова, и назавтра не оказалось тамъ 31 человѣка. [8] Наконецъ, судно достигло Тобольска, гдѣ всѣ арестованные въ немъ увидѣли своимъ судьей — того же Капитана Ушакова. [9] Священникъ и Дьяконъ, не смотря на предстательство Митрополита, Антонія Стаховскаго, о невинности ихъ, послѣ суда были наказаны: Священники Прохоровъ и Васильевы и Дьяконъ Какоулинъ плетьми, Священникъ Кузнецовъ кнутомъ, съ вырваніемъ ноздрей, и первые пятеро, безъ лишенія, а послѣдній съ лишеніемъ Священническаго сана, сосланы въ Охотскій портъ, въ Соловаренную работу. [10] Какія наказанія постигли прочихъ, привезенныхъ на судѣ въ Тобольскъ, Березовцовъ, неизвѣстно, только ни одинъ изъ нихъ уже не возвратился на родину: вѣроятно, они умерли отъ наказаній и потомъ отъ работъ на заводахъ. За что же этѣ люди пострадали? За то, что были привержены къ Долгорукимъ и бывали у нихъ въ острогѣ, а караульный Премьеръ Петровъ за то, что дѣлалъ, изъ человѣколюбія, послабленіе имъ противъ данной ему инструкціи. Между тѣмъ какъ духовныя лица бывали у Долгорукихъ по церковнымъ своимъ обязанностямъ. [11] Тогда же пострадали и Долгорукіе: Николай и Александръ наказаны кнутомъ и съ урѣзаніемъ языковъ сосланы въ работу, первый въ Охотскъ, другой въ Камчатку, Алексѣй посланъ въ Камчатку же матросомъ. Сестры ихъ: Елена, Анна и Екатерина разосланы по разнымъ мо-

---

[7] Въ то время въ Березовѣ было три церкви: Одигитріевскій Соборъ, Спасская и Богородице-Рождественская.

[8] Преданіе Березовскихъ жителей.

[9] Вышеприведенная Сибирская Лѣтопись.

[10] Дѣло Тобольской Духовной Консисторіи «О наказаніи Березовскихъ Священниковъ и Дьякона, за короткое обращеніе съ Кн. Долгорукими.» Резолюція Кабинетъ-Министровъ, на сообщеніе Св. Синода, 31 Августа, 1738 года, послѣдовавшая о наказаніи и ссылкѣ сказанныхъ духовныхъ лицъ въ Охотскъ

[11] Изъ читаннаго мною дѣла Березовской Воеводской Канцеляріи и отвѣтовъ духовныхъ лицъ на вопросные пункты видно, что, по желанію Долгорукихъ, приносили изъ Спасской церкви въ Богородице-Рождественскую иконы Не-

настырямъ. [12] Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, въ Ноябрѣ 1739 года, послѣ разныхъ пытокъ, колесованъ подъ Новгородомъ, и отрублена ему голова. [13]

Когда вдругъ схвачены были изъ Березова Долгорукіе, то въ числѣ нѣкотораго ихъ имущества осталась двадцать одна икона Изъ нихъ упомяну здѣсь только о нѣкоторыхъ, для того, чтобы показать, чѣмъ, между прочимъ, въ Березовѣ занимались невѣстки и дочери Князя Алексѣя Долгорукаго: 1) Распятіе Господне, писанное на лазуревой камкѣ (Китайская шелковая матерія). 2) Ангелъ-хранитель, шитъ шелками и золотомъ, на бѣлой кисеѣ. 3) Знаменіе Божіей Матери. шитый, по бѣлому полотну, золотомъ и серебромъ. 4) Знаменія Божіей Матери, шитъ шелками, по шелковой матеріи, вѣнцы и гривны шиты золотомъ и серебромъ, пополамъ съ жемчужинами. Обо всѣхъ иконахъ было доносимо въ Правительствующій Сенатъ, изъ Сибирской Губернской Канцеляріи, отъ 8 Мая и 14 Ноября, 1744 года, но отвѣта не послѣдовало.

рукотвореннаго Спаса и Казанской Божіей Матери, и служилъ акаѳисты Іисусу и Божіей Матери Священникъ Андрей Васильевъ. Въ другое время служилъ молебенъ для Долгорукихъ, предъ принесенною иконой Божіей Матери Одигитріи изъ Одигитріевскаго собора, Священникъ Матеей Никифоровъ; 1738 г., 12 Апрѣля Протопопъ Авдѣй Михайловъ, для Долгорукихъ приносилъ изъ Спасской церкви иконы Спасителя и Казанской Богоматери въ Богородице-Рождественскую церковь и служилъ молебенъ съ акаѳистами. Служилъ также молебенъ, по желанію Долгорукихъ, находившійся временно въ Березовѣ Священникъ Сосвинскаго села Димитрій Ерофѣевъ, и проч. и проч.

[12] Записки Дюка Лирійскаго, стран. 184 и 185. «Дошло до меня преданіе, будто Княжна Екатерина Алексѣевна заключена была въ Томскій монастырь»; но въ Томскѣ не было дѣвичьяго монастыря, кромѣ мужскаго, можетъ быть въ Енисейскій дѣвичій. Въ томъ, или другомъ, монастырѣ, но что она прислана въ монастырь, можетъ быть, и мужской Томскій, подъ конвоемъ 40 гвардіоновъ, которые составляли ее безотлучную стражу, въ томъ нельзя сомнѣваться. Не только ворота монастыря для нея не отворялись, но и въ стѣнахъ его она содержалась въ строжайшемъ уединеніи. Все развлеченіе ея состояло въ томъ, что, поднявшись на колокольню, она смотрѣла на окрестности.

[13] Подлинный манифестъ, по указу Императрицы Анны Ивановны, подписанъ руками Кабинетскихъ Министровъ и Генерала Ушакова. Печатанъ въ С.-Петербургѣ при Сенатѣ, Ноября 12 дня, 1739. Имѣю печатный.

Въ послѣдствіи этѣ иконы изъ Березова взяты и хранились въ Тобольской Рентереѣ (Казначействѣ). [14]

Деревянный памятникъ въ Березовѣ надъ могилою Князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго и супруги его сгорѣлъ во время горѣнія Богородице-Рождественской церкви, 20 Февраля, 1764 года, на сырной недѣлѣ, отъ неосторожности пьянаго трапезника, 55-лѣтняго разночинца, Петра Ѳедорова. [15] Отъ этого памятника, во время проживанія моего въ Березовѣ, оставались обгорѣлыя и обуглившіяся бревна, бывшія основаніемъ памятника, вросшія въ землю и покрывшіяся дерномъ. Такимъ образомъ по возвышенности ихъ, противъ уровня земли, видно пространство бывшаго памятника и сохранилось объ немъ неопровержимое преданіе у Березовцовъ. Собираясь оставить Березовъ, я, 5 Ноября, 1849 года, сдѣлалъ измѣреніе разстоянія этого бывшаго памятника Долгорукихъ отъ другихъ, вблизи лежищихъ, мѣстъ. Отъ крыльца настоящей, каменной Богородице-Рождественской церкви, на сѣверозападъ, онъ въ 7 саженяхъ. Отъ западной стѣны придѣла, во имя Св. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, прямо на западъ, въ 9 саженяхъ. Отъ фундамента церковной ограды внѣ $1^1/_2$ сажени. Отъ буерака или ручья, прямо на сѣверъ, 10 саженъ. Отъ бывшаго острога въ 14 саженяхъ. Отъ могилы Долгорукихъ до могилы Остермана, на сѣверозападъ, 18-ть саженъ.

Николай Абрамовъ.

24 Ноября, 1865 года
Г. Семипалатинскъ.

---

[14] Указъ Сибирской Губернской Канцеляріи Березовской Воеводской Канцеляріи, отъ 28 Мая, 1746 года, за N 3653, за подписомъ Губернатора Алексѣя Сухарева.

[15] Прочія 17 иконъ были: 1) Образъ Спасителя на краскѣ подъ слюдой; 2) Екатерины Великомученицы, съ вѣнцомъ серебрянымъ; 3) Іоанна Богослова; 4) Казанской Божіей Матери, съ серебрянымъ окладомъ, вѣнцомъ и гривною; 5) Владимирской Божіей Матери; 6) Святителя Николая; 7) Іоанна Воина; 9) Антонія и Ѳеодосія; 9) Знаменія Божіей Матери; 10) Благовѣщенія; 11) Владимирской Богородицы; 12) Иліи Пророка; 13) Іоанна Богослова; 14) Створы на нихъ, Св. Антоній и Ѳеодосій; 15) Св. Симеона и Іоанна; 16) Одигитріи Божіей Матери; 17) Іоасафа Царевича и Варлаама.

[16] Дѣло Березовской Воеводской канцеляріи «О сгорѣніи Богородице-Рождественской церкви въ 1764 году.»

МОГИЛА

ГРАФА АНДРЕЯ ИВАНОВИЧА ОСТЕРМАНА

ВЪ БЕРЕЗОВѢ.

1742 — 1747 г.

Послѣ отбытія изъ города Березова (Тобольской Губерніи) семейства Князя Долгорукого, чрезъ четыре года, въ 1742 году, прибылъ туда въ ссылку [1] и занялъ ихъ мѣсто, въ томъ же острогѣ, Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, съ супругою Маѳеой Ивановной, урожденной Стрешневой. По собраннымъ мною (съ 1842—1849 г.) въ Березовѣ преданіямъ отъ разныхъ старыхъ людей, Остерманъ былъ слабаго здоровья, страдалъ подагрою, ходилъ съ костылемъ и носилъ постоянно бархатные сапоги. Когда они нѣсколько познакомились, то отдавалъ бѣднымъ жителямъ: мущины, или мальчики, изъ голенищъ выбирали и шили себѣ жилеты, а женщины верхи къ чабакамъ (женская, теплая шапка). Въ 1747 году, 31 Мая, этотъ изгнанникъ въ Березовѣ скончался, имѣя отъ роду 61 годъ. Похороненъ, въ 22 саженяхъ, на сѣверо-западѣ отъ Богородице-Рождественской (Заручейной) церкви, стоявшей близъ острога, гдѣ Остерманъ содержался и, какъ Лютеранинъ, далѣе другихъ, похороненныхъ тамъ, Православныхъ. На могилѣ его супруга построила памятникъ или, какъ называли Березовцы, часовню, изъ деревянныхъ, толстыхъ брусьевъ, какъ говорилось: въ замокъ концовъ, одинъ въ другіе. Длина памятника

---

[1] Манифестъ Императрицы Елисаветы Петровны 22 Генваря, 1742 г., печатанъ при Сенатѣ 23 Генваря, 1742 года.

пять, ширина и высота по четыре аршина. Покрытъ въ двѣ доски, со свѣсами, фигурно, угловато вырѣзанными. Съ восточной стороны была дверь, съ верху полукруглая, на югѣ протесъ или узкое и горизонтально длинное окно, почти подъ самой крышей, чтобы, за высотою его, не могъ никто снаружи смотрѣть въ него, въ то время, когда супруга Остермана молилась днемъ, а нерѣдко и ночью, на могилѣ мужа. Внутри памятника, ближе къ сѣверной сторонѣ, надъ самой могилою, былъ устроенъ катафалкъ, и на немъ пустой съ крышкою гробъ, подобный тому, въ какой положенъ Графъ въ могилѣ. Впереди на стѣнѣ находилась икона, предъ нею лампада, съ горящимъ, во время молитвы, елеемъ, предъ ними аналой, съ лежавшею книгой, по которой Графиня молилась объ упокоеніи души супруга въ лучшемъ безмятежномъ мірѣ. Въ началѣ Сентября, того же 1747 года, супругѣ Остермана предстояло отправиться изъ Березова на суднѣ въ Тобольскъ, а оттуда въ Россію. Всю послѣднюю ночь она провела на могилѣ мужа, въ слезахъ и молитвахъ. Послѣ отъѣзда ея изъ Березова, между жителями произошелъ вымыслъ, что она въ послѣднюю ночь, съ помощію находившихся у ней дворовыхъ людей, [2] вырыла тѣло мужа изъ земли и, положивъ въ большой ящикъ, заливъ воскомъ, увезла съ собою въ Россію. [3] Но этотъ вымыселъ, какъ скажу въ послѣдствіи, не оправдался.

---

[2] Изъ дворовыхъ людей Остермана извѣстны, по дѣламъ Воеводской Канцеляріи, Андрей Ершовъ, съ женою Натальей Яковлевою и двумя дочерьми.

[3] Во время проживанія моего въ Березовѣ многіе старые люди передавали мнѣ этотъ вымыселъ. Вотъ тождественное съ прочими сказаніе мнѣ отставнаго Казака, старика Флора Ослопова, человѣка набожнаго, чтеца и пѣвца въ церкви: «Отецъ мой, когда я былъ въ малолѣтствѣ, водилъ меня у Заручейной церкви, по могиламъ Государственныхъ преступниковъ, и говорилъ: «Вотъ, Флорушко, это могила Князя Долгорукаго, близъ самой почти церкви: вотъ предъ алтаремъ была могила Князя Меншикова, на мысу; на ней была часовня и сгорѣла о тѣ поры (тогда), когда сгорѣла деревянная Заручейная церковь, которую строилъ Меншиковъ. Вотъ дальше, на сѣверо-западъ, могила, съ часовнею, Нѣмца Остермана. Этотъ старикъ былъ худощой, въ острогѣ жилъ, ходилъ съ костылькомъ. На ногахъ бархатные сапоги; поноситъ ихъ и отдастъ бывало на желетки робятамъ Березовскимъ, либо старикамъ, либо на чабаки. Какъ умеръ, то жена его, чтобы украсти его изъ могилы, сдѣлала надъ могилою глухую часовню, одно окошечко

Послѣ смерти Остермана, памятникъ на могилѣ его оставался лѣтъ сорокъ запертымъ на замокъ, и былъ невредимъ; потомъ, вѣроятно, въ слѣдствіе сказаннаго вымысла, что въ могилѣ покойника нѣтъ, замокъ отворенъ, катафалкъ, съ стоявшимъ на немъ гробомъ, сломанъ, и самый памятникъ обращенъ въ кладовую разныхъ, принадлежащихъ къ церкви, малоцѣнныхъ вещей: уголья, носилокъ, на которыхъ ставятъ гробы покойниковъ и проч. Наконецъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, Священникъ Богородице-Рождественской церкви, Стефанъ Ногинъ, вѣроятно, основываясь на томъ же вымыслѣ, что подъ памятникомъ [4] нѣтъ покойника и онъ стоитъ по пусту, перевезъ памятникъ къ себѣ на дворъ и перестроилъ изъ него анбарушку, для поклажи вещей хозяйственныхъ. Анбарушка эта сгорѣла въ бывшій въ Березовѣ большой пожаръ, 19 Іюня, 1806 года. [5] Отъ этого памятника, во время проживанія моего въ Березовѣ, оставались на своемъ мѣстѣ окладныя бревна, изъ лиственицы, вросшія въ землю; и такъ какъ между ними внутри лѣтомъ почти постоянно стоитъ, сначала снѣжная, потомъ дождевая, вода, то эти бревна окрѣпли, можно ска-

---

подъ крышой: бывало, говорилъ Отецъ, лѣпишься, въ робятствѣ, чтобы увидѣть, что есть въ часовнѣ, да и бухнешь на полъ (на землю); вишь, (видишь) ровна была заборка. А какъ Остерманиху велѣли возвратить изъ Березова, то она послѣднюю цѣлую ночь была въ часовнѣ, вырыла старика изъ земли, положила въ сундукъ и увезла съ собой въ Россію. Когда назавтра этотъ сундукъ несли наши Казаки на судно уже послѣ всей ея поклажи, и за сундукомъ она шла сама, то заплатила за переноску сундука серебряными рублевиками. Въ суднѣ уже, если надобно было тотъ сундукъ переставить съ мѣста на мѣсто, то давала, двумъ Казакамъ, по серебряному рублевику. Но хотѣла схитрить отъ людей, да земля свое взяла. Какъ совсѣмъ было готово къ отправкѣ судно, вдругъ подулъ сильной сѣверный вѣтеръ, дворовая дѣвка Остерманихи стояла близъ паруса, и такъ ее сильно дернуло, что она упала въ воду и утонула. Нашли въ водѣ дѣвку уже послѣ отхода судна, и похоронили. Вотъ и вышло такъ: мужа мертваго съ собою взяла, за то оставила въ Березовской землѣ свою дѣвку.»

[4] 65-лѣтній Сотникъ, Алексѣй Ивановичъ Полѣновъ, въ 1843 году, сказывалъ мнѣ въ Березовѣ, между прочимъ: «Памятникъ Остермана какъ теперь вижу.»

[5] Живое преданіе Березовскихъ жителей, которые, въ молодости своей, видѣли этотъ памятникъ на своемъ мѣстѣ.

зать окаменѣли, и могила Остермана, чрезъ нихъ, осталась не потерянною, и мнѣ показана Березовскими жителями въ 1843 году.

Начальникъ Уральской Экспедиціи, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, Инженеръ-Полковникъ Эрнстъ Карловичъ Гофманъ, въ послѣдствіи Генералъ-Маіоръ, былъ два раза въ Березовѣ. Сначала, по спускѣ съ Уральскихъ горъ, въ Октябрѣ мѣсяцѣ. 1847 года, въ ожиданіи зимней дороги въ Россію, а потомъ въ Іюнѣ, 1848 года, по возвращеніи изъ Петербурга, чтобы опять подняться на Уральскій хребетъ. Проживая нѣсколько недѣль въ Березовѣ, въ ожиданіи наступленія теплаго лѣтняго времени, онъ желалъ узнать, на сколько тамъ промерзаетъ въ зиму земля. А потому 2 Іюня [6] велѣлъ сдѣлать шурфы, невдалекѣ отъ Богородице-Рождественской церкви, и рабочіе нечаянно угодили на могилу Остермана. При чемъ въ выбитомъ шурфѣ, глубиною болѣе $2^1/_2$ аршинъ, оказались остатки дубоваго гроба (гдѣ взяли это дерево, — угадать трудно), который внутри былъ обитъ бѣлою тафтою, снаружи околоченъ кофейнаго цвѣта матеріею, въ родѣ грогро, и по краямъ обложенъ золотымъ позументомъ; на изголовьи черепъ покойника. За тѣмъ Эрнстъ Карловичъ обратился ко мнѣ за свѣдѣніемъ, чья эта могила? Знавши объ ней прежде, я объяснилъ ему. [7] Шурфъ засыпанъ, въ слѣдующее Воскресенье на могилѣ отслужена панихида. За тѣмъ приступлено къ сооруженію новаго памятника. На могилѣ сдѣлана высокая земляная насыпь, покрытая зеленѣющимъ дерномъ. Изъ смолеватой, толстой сосны сдѣланъ массивный Нѣмецкій крестъ. По указанію находившагося въ Уральской Экспедиціи естествоиспытателя, Поручика Датской службы Бранта, этотъ крестъ сначала былъ окрашенъ прегустою черною масляною краскою и со всѣхъ его сторонъ обсыпанъ ровно пескомъ, и въ такомъ видѣ засушенъ и выглаженъ, потомъ по этому составу, опять, на два раза, окрашенъ черною масляною краскою. Этотъ крестъ поставили, съ утвержденіемъ въ землѣ глубоко, съ двухъ сторонъ, отводными толстыми деревянными подпоринами, держащими его прямо. За тѣмъ, по отъѣздѣ Экспедиціи въ Уральскія горы,

---

[6] Въ Березовѣ въ началѣ Іюня земля оттаиваетъ не болѣе на $^3/_4$ аршина.

[7] Географическія Извѣстія, за 1848 годъ, стр. 109.

въ Іюлѣ мѣсяцѣ, по порученію Полковника Гофмана, приколочены мною на крестъ изъ мѣдной латуни, длиною болѣе полуторыхъ вершковъ, Латинскія буквы: H. O. (Henricus Ostermann), подъ Графскою короною. Около могилы построена ограда, изъ деревянныхъ брусковъ, толщиною каждый около двухъ вершковъ, длиною около полуторыхъ аршинъ, вставленныхъ съ низу въ деревянные лежни, а сверху въ такіе же толстые, со всѣхъ четырехъ сторонъ, горозонтально лежащіе, деревянные брусья, и ограда эта окрашена черною масляною краскою.[1]

Николай Абрамовъ.

30-го Ноября, 1865 г.
Г. Семипалатинскъ.

[1] Труды Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книга VI. 1852 г., стр. 324 и 325.

ЗАМѢТКА

ОБЪ ОДНОЙ МОГИЛѢ ВЪ ПОСАДѢ ПУЧЕЖѢ. [1]

Въ небольшомъ посадѣ Пучежѣ (Костромской Губерніи), на живописномъ берегу Волги, до 1764-го года стоялъ Пушавинскій Воскресенскій мужской монастырь. Обитель эта была упразднена въ началѣ царствованія Екатерины II; отъ извѣстнаго нѣкогда монастыря осталась только приходская церковь, съ широко раскинувшейся вокругъ нея оградой съ небольшими башнями. Мѣсто, на которой стоитъ эта церковь, весьма живописно: ограда примыкаетъ къ крутому берегу, съ котораго весной и лѣтомъ открывается чудный видъ на Волгу.

На зеленой лужайкѣ у церкви нѣсколько надгробныхъ памятниковъ; подъ однимъ изъ нихъ погребена женщина, которая многіе годы прожила въ посадѣ Пучежѣ подъ именемъ Варвары Мироновны. Женщина эта, по убѣжденію старожиловъ Пучежскихъ, очень хорошо знавшихъ Варвару Мироновну, была дочь Императрицы Елисаветы Петровны.

Живо заинтересованный таинственною личностью, я сталъ про нея распрашивать стариковъ и старухъ, и вотъ что услышалъ....

---

[1] Въ нашей исторической литературѣ не мало было статей и замѣтокъ о таинственной судьбѣ дочери Императрицы Елисаветы Петровны. О самомъ бракѣ Государыни съ Гр. А. Г. Разумовскимъ недавно еще помѣщенъ былъ въ «Чтеніяхъ Императорскаго Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ (1863 г., кн. 3, отд. 5, стр. 153—157), въ высшей степени интересный разсказъ (за обѣдомъ у Князя Варшавскаго, Графа И. Ѳ. Эриванскаго, записанный А. Я. С—комъ, со словъ покойнаго Графа С. С. Уварова). Въ настоящей замѣткѣ мы сочли не безъинтереснымъ для любителей исторіи сгруппировать нѣсколько народныхъ разсказовъ Пучежанъ и Пучежанокъ объ одной могилѣ въ этомъ посадѣ. Въ могилѣ этой, по убѣжденію мѣстныхъ жителей, схоронена не кто другая, какъ дочь Императрицы Елисаветы Петровны. Передаемъ народные толки безъ всякихъ съ нашей стороны измѣненій, именно такъ, какъ они были выслушаны нами отъ народа, и отнюдь не ручаясь за то, чтобы народное преданіе было совершенная истина.

Передаю, безъ какихъ либо съ моей стороны измѣненій, всѣ подробности преданія, и рѣчью почтенной старушки мѣщанки; съ особеннымъ одушевленіемъ говорила она мнѣ о Варварѣ Мироновнѣ....

Привезена была Варвара Мироновна сверьху, съ Питера, значитъ, въ давнее время. Я еще и на свѣтѣ-то не была (такъ говорила старушка); привезъ ее, сказываютъ, Полковникъ, што ль какой, и ни какъ при матушкѣ еще, вишь, Павла Петровича. А была ужь она, Варвара Мироновна, въ лѣтахъ середственныхъ, ни какъ пятый десятокъ шелъ. Искала она по Волгѣ мѣста, гдѣ бъ поселиться. Пучежъ нашъ и понравься ей... Да и нельзя нашему мѣсту не понравиться: народъ, вишь, у насъ самый, то есть, добродушествен ный, опять же тутъ и тихо, глухо; одно слово, самое, то есть, душеспасительное мѣсто. Варвара-то Мироновна и говоритъ: «Останусь я здѣсь, въ Пучежѣ.» Ее Полковникъ и оставилъ.

«Выстроила она себѣ при этой при самой церькви келейку, наши жъ посадскіе и строили ту келью), и прожила въ ней Варвара Мироновна тишайшимъ образомъ безъ малаго годовъ пятьдесятъ. А родъ свой, значитъ, имя свое да отчество, навсегда облюдала покойница въ скрытности; прозывать же она стала себя Варварой, сказываютъ, по тому дню, въ который вышла она въ міръ странствовать для спасенія по монастырямъ, Мироновной же прозвалась по міру по самому. Сказывать же про то, якого она доподлинно была роду, покойница не любила. Станутъ е бывало наши Пучежскіе спрашивать, а она все шутки шутила; одному скажетъ: на кнутѣ, де, я родилась, другому: солдатка, молъ, бѣглая я дочь, третьему: зовутъ меня Анной Даниловой.... былъ у нея (видать сама не видала) Указъ такой, золотомъ, вишь, опечатанъ, Синодскій, аль другой какой: «Странницѣ, молъ, арварѣ Мироновой, чинить всякое всноможеніе, и коли, молъ, пожелаютъ онѣ при какой церкви поселиться, тому не препятствовать, и давать ей на построенье да на прожитье изъ церковной суммы столько-то.....» Только какъ это ни было въ скрытности, якого, значитъ, роду была Варвара Мироновна, а всѣ у насъ въ Пучежѣ и старые и малые скоро свѣдали, что была она дочь императрицы Елисаветы Петровны, внучка, стало быть, Петра Великаго... А съ того самаго времени, какъ маменька ея скончались, Варвара Мироновна проживали въ разныхъ мѣстахъ,

а болѣе того при монастыряхъ. Такъ, сказываютъ, жила она долгого въ Орлѣ... И ума была покойница (царствіе ей небесное!) прозорливаго... Она, вѣдь, и пророчествовала»... таинственно заключила старушка.

— Не помните ли, о чемъ она пророчествовала? перебилъ я разскащицу.

«Кому что, кто о чемъ спрашивалъ. Такъ, къ слову сказать, о ту пору, какъ была я дѣвонькой-невѣстой, желательно было мнѣ узнать про судьбу свою. — Пойдемъ, говоритъ мнѣ старушка сусѣдка, — пойдемъ, говоритъ, къ Варварѣ Мироновнѣ! — «Боюсь, говорю, бабушка!» — Чего бояться-то, глупенькая? Не съѣстъ, а може, что и на доброе скажетъ. — Приходимъ. — «Кто-тамъ?» кричитъ Варвара Мироновна. «Палагея, посмотри, кто тамъ пришелъ?» (Унея, вишь, послушница была Палагея Артаноновна, старушка; далъ ее въ услужницы Царевичъ Грузинскій, Лысковскій бариинъ, Егоръ Александровичъ). — «Старушка, молъ, съ дѣвонькой, съ Ольгой.» «Пусть войдутъ!». — Кланяемся. Варвара Мироновна сидитъ, по обыкновенію, вся въ бѣломъ и бѣлымъ платкомъ повязавшись (одѣвалась она по мірскому, люди и сказывали о то время, что она въ тайный образъ была пострижена и наперсный крестъ какой-то имѣла), сидитъ въ креслахъ и глядитъ этакъ зрительно на образъ Спасителя. — «Что, милушка, скажешь?» Такъ, молъ, и такъ, Варвара Миронова, объясняю имъ, женихъ на мнѣ высватался: выходить что ль замужъ?» (у насъ, вѣдь, самъ знаешь, замужъ выдавали куда какъ рано!); буду ль счастлива?» — «Стань, говоритъ, на колѣни, молись Спасителю!» Стала это я на колѣни, предъ иконой: а икона у Варвары Мироновны была большая, чудотворная, ризы богатыя, письмо старинное. Молюсь я со усердіемъ, плачу, да этакъ пристально-то, пристально, гляжу на ликъ Спасителевъ; предъ нимъ лампадка горитъ; гляжу — а личико его вдругъ все стало старенькое да худенькое, насмурное такое, а тамъ по маленьку и отошло, отошло, и розовое молодое, да доброе изъ себя такое сдѣлалось. — «Что, Ольгушка, помолилась?» — Помолилась. — «Такъ вотъ что я тебѣ скажу, сердешная: молись ты почаще, молись поусердней, и съ молитвой да съ надеждой на Господа Спаса нашего выходи за мужъ! Коли не забудешь Бога, счастлива ты будешь семь лѣтъ; на восьмой годъ будетъ тѣ несчастье большое.

а тамъ, какъ оправишься отъ горя, будешь жить во спокойствіи». И чтобъ ты думалъ, милый человѣкъ? Вѣдь и впрямь: по пророческому слову на восьмомъ, аль на девятомъ, году, похоронила я мужа своего, горе большое было, а тамъ сынъ подросъ, и живу я безъ горя, по милости Господа Спаса нашего, да по молитвамъ покойницы, Варвары Мироновны. А вотъ сродственницѣ моей... та тоже замужъ выходила, и выходила она за богатаго; пришла этакъ разряженная, форсистая.—«Нѣтъ тѣ счастія, сказала ей Варвара Мироновна: быть на тебѣ большому злополучію.» Мужъ-то, вѣдь, сродственницы моей и обанкрутился, съ эвтихъ што ль словъ Варвары Мироновны! и ужь чего только, чего не натерпѣлась моя въ своей жизни...»

Собесѣдница моя готова была разсыпаться въ разсказахъ о злополучіяхъ сродственницы, но я вновь навелъ разговоръ на загадочную Мироновну.

— Власти не токмо что уважали, а ровно какъ боялись Варвары Мироновны. Въ первые годы, какъ поселилась она въ Пучежѣ, пріѣхалъ это Архіерей новый на Костромскую Епархію. Хорошо. Ѣздилъ по Епархіи, прибылъ Преосвященный и въ Пучежъ. Сказываютъ ему про Варвару.—«Что, говоритъ Владыко, что это за женщина, что за побродяжница? Позвать ее ко мнѣ!» Та не йдетъ. Звалъ онъ ее до трехъ разъ.—Знать ничего не хочетъ Варвара Мироновна, по тому какъ понимаетъ она изъ себя, кто она такая, такъ и Владыко ей не грозенъ. Идетъ онъ къ ней, идетъ въ келью, гнѣвенъ. Сидитъ тамъ часъ, сидитъ другой... И выходитъ нашъ Преосвященный изъ кельи тишайшимъ образомъ, благословляетъ Варвару Мироновну умиленно, съ кротостью... Вотъ какова была Варвара Мироновна! Владыко ли пріѣдетъ, Губернаторъ ли, аль Сенаторъ изъ Петербурга проѣздомъ, найкажинный зайдетъ, бывало, къ ней на поклонъ. А Лысковскій баринъ, Егоръ Александровичъ, такъ тотъ и зачастую наѣзжалъ въ Пучежъ, по тому большое уваженіе имѣлъ къ Варварѣ Мироновнѣ, опять же и зналъ, надоть думать, изъ какихъ она была. [1] Припасы ль, бывало, аль денегъ, книгъ (до книгъ покойница бы-

[1] Князь Егоръ Александровичъ Грузинскій, дѣйств. Камергеръ, родился 1762 г., умеръ въ 1852-мъ.

ла охоча), прислугу ль дать, всякое бывало удовольствіе дѣлалъ. Царевичъ же Грузинскій Покойницѣ и келью-то новую выстроилъ, какъ прежняя ея келья подгнивать зачала; онъ и хоронить ее пріѣзжалъ изъ Лыскова. Поповъ-то, поповъ, что было имъ названо о ту пору, ни какъ человѣкъ двадцать, коли не больше было! Какъ теперь гляжу: хоронили это ее во вторникъ, какъ есть весь Пучежъ былъ на погребеніи Варвары Мироновны. Лысковскій баринъ и памятникъ надъ ней поставилъ...вотъ, поглядите.

Я подошелъ къ церкви съ южной стороны, и здѣсь увидалъ, на зеленой лужайкѣ, памятникъ. На четырехъ невысокихъ каменныхъ столбахъ поставленъ изъ известковаго камня катафалокъ, въ формѣ гроба, съ изображеніемъ на немъ обыкновенныхъ украшеній: мертвой головы, голеней на крестѣ и проч. Надъ катафалкомъ желѣзная, зеленой краской крашенная, крыша, за тѣмъ, на лѣвой сторонѣ памятника (совершенно почти новаго, такъ онъ хорошо сохраняется) надпись:

«Подъ симъ камнемъ покоится прахъ рабы Божіей, инокѝни Аркадіи, скончавшейся 1839 года, Генваря 22 дня».

Съ правой стороны памятника другая надпись:

«Инокиня Аркадія проживала въ посадѣ Пучежѣ, при Пушавинской церкви, 50 лѣтъ, скрывъ настоящее свое званіе и родъ, а называлась Варварою Мироновою, по прозванью Назарьевой; житія жь ей сколько было, остается неизвѣстно.»

— «Разно толкуютъ, говорилъ мнѣ въ тотъ же день одинъ изъ старожиловъ посадскихъ: кто говоритъ, что было лѣтъ 90 Варварѣ Мироновнѣ, по словамъ другихъ—105; вѣрно то, что она пріѣхала сюда около 1789-го года, и уже женщиной пожилой. Вотъ что я слышалъ, говорилъ мой собесѣдникъ, отъ покойнаго здѣшняго Священника: Варвару Мироновну, вмѣстѣ съ другими четырьмя женскими персонами, привезъ въ Пучежъ Полковникъ Бушуевъ; Варвару онъ оставилъ здѣсь, остальныхъ повезъ дальше, но куда, неизвѣстно. Имени своего привезенная не сказывала, грустить не грустила, а стала жить при церкви, въ видѣ простой инокѝни, хотя не слыхать, чтобъ она когда ни будь ходила въ монашескомъ платьѣ. На одной изъ ея книгъ, попавшейся мнѣ, была

надпись: «Сей Новый Завѣтъ принадлежитъ дѣвицѣ Аннѣ Даниловой», но ея ли это надпись, прежней ли владѣлицы книги, не знаю; но надпись, какъ видите, ничего не разъясняла. Книгъ же вообще Варвары Мироновны было много, большой частью священныя, иностранныхъ книгъ покойный Священникъ (тесть мой) не видалъ у нея. Случалось ему, такъ передавалъ онъ мнѣ, писать письма подъ диктовку Варвары Мироновны, писала, впрочемъ, и сама она; письма эти были зачастую въ Петербургъ, къ разнымъ Вѣльможамъ; такъ, на пр., покойникъ помнилъ, что онъ писалъ, по порученію Варвары Мироновны, къ Графу Виктору Павловичу Кочубею. Письма были о нуждахъ Варвары Мироновны, ея просьбы о милостыни на церкви и т. п. Наши Пучежане весьма уважали старушку, безпрестанно обращались къ ней за совѣтами, и считали ее женщиной чуть не святой. Я ее засталъ въ живыхъ, но она была уже очень ветха, сидѣла обыкновенно въ креслахъ на колесахъ, и послѣдніе годы своей жизни не могла даже пріѣзжать (на своемъ креслѣ) въ церковь. Имѣла она какой-то крестъ на Анненской лентѣ и получала, за вѣрное вамъ не вѣдаю, а сказывали мнѣ, что получала она изъ Петербурга какую-то пенсію, по однимъ въ 200 руб., по другимъ извѣстіямъ больше.... Унасъ въ Пучежѣ всѣ и всегда были убѣждены, что инокиня Аркадія не кто другая была, какъ дочь Императрицы Елисаветы Петровны»...

У ногъ таинственной монахини погребена ея вѣрная прислужница, Пелагея, или Прасковья, Артамонова; она умерла въ 1852-мъ году и завѣщала погребсти себя у ногъ своей госпожи.

Противъ алтаря, у ограды, выходящей на Волгу, до сихъ поръ можно видѣть часть фундамента, на которомъ стояла келья таинственной старушки; тутъ же растетъ липа, осѣнявшая тѣнью своихъ вѣтвей пустыньку инокини Аркадіи; келья продана на сносъ въ 1840-хъ годахъ. Недалеко отъ этого мѣста, въ одной изъ башенъ Пушавинской церковной ограды, живетъ одна старушка мѣщанка, начетчица церковныхъ книгъ. Въ надеждѣ свѣдать отъ нея что либо про Варвару Мироновну, я зашелъ въ башеньку. Въ деревянныхъ небольшихъ сѣнцахъ, придѣланныхъ къ башнѣ, встрѣтила меня сама хозяйка, полная, румяная старушка въ черномъ ситцевомъ платьѣ и въ такомъ же платкѣ, повязан-

номъ на голову. Въ башенной коморкѣ, освѣщенной небольшимъ окномъ, выходящимъ на Волгу, стояло нѣсколько образовъ, и въ углу, подлѣ печки, лежала куча книгъ. Мѣстами, на чисто выбѣленныхъ стѣнахъ, видѣлись надписи церковнаго письма. Простой столъ и табуретъ довершали убранство комнатки.

Послѣ нѣсколькихъ обыденныхъ фразъ, въ родѣ извиненій: «Ахъ, батюшка, простите, что такъ меня застали; у меня-то ничего не прибрано,» и т. п., разговоръ зашелъ о Варварѣ Мироновнѣ.

— «Какъ не знать, какъ не знать: знавала ее, матушку, заговорила обитательница башни, какъ-то странно втягивая въ себя воздухъ послѣ каждой фразы: персона была высокая, знатная, доченька въ Бозѣ почившей Благовѣрной Государыни Императрицы Елисаветы Петровны. Варвара Мироновна хоша и не любила говорить-то о своей матушкѣ, одначе разъ какъ-то и разговорись объ этомъ съ своей Прасковьюшкой, и скажи она ей: «Помню, де, я, помню, какъ подносили меня малешонькою во дворцѣ какомъ-то, въ Петербургѣ, къ женской персонѣ..... а персона та была полная, изъ себя фасонистая, видная; платье-то на ней было богатое, богатѣйшее штофное, а волоса-то пудреные. И цѣловала, де, она меня, и ласкала, дочкой звала»....

— Кто жь отцомъ былъ Варвары Мироновны?

«Говорила, говорила она и объ отцѣ... Я было и запамятовала...да, нѣтъ...такъ точно... Графа Разумовскаго называла, и погребенъ онъ, вишь, сказываютъ, въ Батуринѣ... И жила перво на перво Варвара Мироновна въ богатѣйшемъ какомъ ни на есть дворцѣ, а тамъ еще молодешенькой захотѣлось ей странствовать, въ Кіевскія пещеры на поклонъ итить... Пошла.....Нагнала ее въ дорогѣ погоня: два Енерала...Взяли ее, матушку, привезли опять въ ея, значитъ, полаты. Только какъ она выросла, значитъ, по Евангелію, святости всякой сподобилась, такъ убѣжала она и во второй разъ... И слышитъ она, душевный ты мой, погоня за ней новая. Испугалась она, матушка, да на ту пору усмотрѣла нищую; стала просить ея рубище... И выпросила тое рубище за свое платьице богатѣющее. Одначе, Енералы изловили странницу. Стала она говорить: «Убѣгу, де, и втретьи, а то и руки на себя

наложу, коли не станете пущать; не хочу я жить въ роскоши: хочу я жить на міру странницей, въ бѣдности да въ убожествѣ»... Видѣвши то ее такое желанье, дали ей пачпортъ и пустили въ міръ, въ хожденье по монастырямъ да къ святымъ угодникамъ... А какъ начнетъ бывало что разсказывать покойница (царствіе ей небесное!), такъ рѣчь у нея бывало такая гладкая, хорошая: не нашинская, не холопская! Сказываютъ, Митрополитъ Санктпетербурскій Гавріилъ отцомъ ея духовнымъ былъ... А при церквахъ были у нея кельи: въ Орлѣ, въ Арзамасѣ... Въ Орлѣ она выжила нѣсколько годовъ. Отцомъ духовнымъ былъ у нея тамъ кладбищенской Іоанновской церкви Протоіерей Лука Малиновъ, не изволишь ли знать? правда, нонѣ давно ужь покойникъ... Была я у него, была, какъ ходила въ Кіевъ. Вхожу, а отецъ Лука сидитъ безъ движенія и безъ словесъ отъ параличной болѣни. Варвару-то Мироновну Богъ о то время взялъ къ себѣ (мало, вишь, у Него Ангельскаго чина!). Слышамши отъ покойницы, какъ, то есть, любилъ ее въ Орлѣ отецъ Лука, стала ему я сказывать о преставленія Варвары Мироновны. Гляжу, — а у батюшки такъ слезы въ три ручья, въ три ручья!... А онъ ужь нѣсколько лѣтъ и не плакалъ отъ параличной болѣзни... Попросила я у него благословенія,—и у него, на это время, и благословеніе сказалось, и рука поднялась! Отъ одного, вишь, мнѣнья о Варварѣ Мироновнѣ нѣмые глаголятъ, недвижные двигаются»..

— Разскажите, пожалуйста, какую она жизнь здѣсь вела?

«Жила, какъ жить подобаетъ на спасеніе души: найкажинный день читала по семи Житій; въ церковь возили ее зимой въ саночкахъ, лѣтомъ на телѣжкѣ: по старости своей ходить-то ужь она не домогала; говядины никогда не потребляла; велитъ это, бывало, зажарить себѣ лещика, откушаетъ спиночку, остального и не тронетъ. Икона была у ней чудотворная; молится, бывало, аль поученія приходящимъ говоритъ предъ ней,—и все, бывало, этакъ притчей, притчей, все, вишь, притчей сказываетъ; говоритъ этакъ тихонько, тихонько: смерть не любила, когда при ней громко говорили. Ея-то Прасковья Артамоновна, — не тѣмъ будь помянута!—женщина была изъ себя ндравная, голосистая, на языкъ-то безъ удержу; бывало, что ни день, такъ схватится съ кѣмъ ни будь: браниться значитъ люта была! Такъ Варвара Мироновна

подвизала ее къ смиренію; подзоветъ, вытащитъ изъ за кресельца своего плеточку (такая у нихъ плеточка была о двухъ концахъ), и начнетъ постегивать, значитъ, поучать, и начнетъ.... поучаетъ потедова, покедова, значитъ, ручка ея устанетъ. И в то время Прасковьюшка ея только мычитъ, по тому, какъ понимаетъ она, что не по злобѣ то дѣлается, а по благодушествію, на лѣпоту душевную, такъ и не приходится ей сердце имѣть! Опять же и понимала, какова изъ себя рода Варвара Мироновна. Погорячитъ, погорячитъ, а тамъ и отойдетъ... Ангельскую доброту имѣла Варвара Мироновна. Нужда ли какая кому на Пучежѣ, въ рекруты што ль кого сдаютъ,—придетъ это отецъ, аль братъ сдачнаго, станутъ плакаться да просить: «Заступись, молъ, матушка, Варвара Мироновна!» Гонитъ она сперва: «Не мое, молъ, это дѣло»; а къ скончанію и напишетъ письмо: либо въ Кострому, къ Губернатору, либо въ Питербурхъ. Глядишь, а оттуда рѣшенье: «сдѣлать по желанью такое-то Варвары Мироновны». Силу имѣла..... Сама Императрица Марья Ѳедоровна ей матеріи на платья присылала... и по сю пору у насъ, въ Пушавинской церкви, ризы есть изъ этой самой матеріи... Варвара Мироновна пожертвовала ихъ на церковь.

«А сила ея была такова, продолжала разскащица; Лысковскаго-то барина, Егора Александровича, сказываютъ, отъ Сибири она слободила; а то, по душегубствамъ-то его, быть бы ему въ Сибири! Варвара Мироновна, по пріязни писала о немъ къ Министрамъ, аль къ Сенаторамъ какимъ; его и не сослали; только что въ Питеръ да въ Москву запретъ ему вышелъ ѣздить. Такъ тотъ навсегда это чувствовалъ, кому, то есть, онъ обязанъ. И какъ хоронить пріѣзжалъ Мироновну, очень ужь печалился, смутный такой изъ себя былъ... «Знаете ли, говорилъ намъ Царевичъ Грузинскій о ту пору: кто у васъ въ Пучежѣ-то жила? Вѣдь, это дочь Императрицы Елисаветы Петровны, внука Императора Петра Алексѣевича, вотъ какого роду!» И по сю пору, по завѣщанію Егора Александровича, найкажинный годъ, 22-го Генваря, служатъ панафиду по покойницѣ, царствіе ей небесное! Я, вѣдь, такое мнѣніе держу, заключила таинственнымъ шепотомъ старушка: коли теперь вскопать ея могилку, такъ тѣло Варвары Мироновны, безъ сумнѣнія, обрѣтено будетъ нетлѣннымъ.... »

Читатели наши да не подивятся, что мы такъ много дали мѣста разсказамъ простодушныхъ обитателей и обитательницъ скромнаго посада Пучежа. Спору нѣтъ, въ подробностяхъ своихъ розсказни эти носятъ на себѣ сказочный, фантастическій характеръ. Варвара Мироновна обращена уже въ повѣствованіяхъ разныхъ старухъ въ какое-то миѳическое существо; ея житіе складывается уже по образцамъ житій другихъ блаженныхъ подвижницъ. Но если подробности фантастичны, то въ основѣ своей разсказы Пучежанъ и Пучежанокъ имѣютъ безспорно исторической фактъ и живую личность,—происхожденіе которой и имя, Богъ вѣсть по чему, скрыты отъ потомства, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ надгробная надпись, нами видѣнная, нами слышанная и выше приведенная. Кто же была эта таинственная инокиня Аркадія? Народъ прямо говоритъ, что это была дочь Императрицы Елисаветы Петровны. Не беремся, да и не имѣемъ данныхъ, ни опровергнуть, ни подтвердить, этого преданія, но въ то же время и не считаемъ себя въ правѣ не передать его здѣсь въ тѣхъ именно розсказняхъ, какія слышали мы о таинственной могилѣ въ самомъ Пучежѣ... Очень можетъ быть, что кто ни будь, изъ мѣстныхъ ли старожиловъ, или владѣтель какихъ ни будь письменныхъ документовъ о Варварѣ Мироновнѣ, откликнется по поводу настоящей замѣтки, и, сообщивъ въ печать свои свѣдѣнія, разсѣетъ тайну, о которой гласитъ нагробный памятникъ инокини Аркадіи, о которой наконецъ вѣщаетъ и народное преданіе...

Какъ бы то ни было, но если загадочна судьба дѣтей Императрицы Елисаветы Петровны, то самый бракъ ея съ Графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ [3] давно уже пересталъ быть тайною для всѣхъ, кто сколько ни будь знакомъ съ отечественною исторіею. Объ этомъ бракѣ можно найти извѣстія не только у иностранныхъ писателей, но и въ Русскихъ печатныхъ источникахъ. [4] Бракъ совершился, по словамъ однихъ писателей,

---

[3] Скончался въ С.-Петербургѣ въ 1771-мъ году.

[4] Укажу, на пр., на соч. Вейдемейера: Царствован. Елис. Петровны, изд. 1834 г. Его же: Дворъ и замѣч. люди въ Россіи, 1846 г.; ч. 1, стр. 2. Бантышъ-Каменскаго: Словарь дост. люд. 1836 г., ч. IV, стр. 265. Manstein, c. 440 и друг. По преданію, бракъ А. Г. Разумовскаго былъ совершенъ близъ Москвы, въ селѣ Покровскомъ. По другому въ Московской цер-

13-го Іюля, 1748-го года, по другимъ въ 1750-мъ году. Самое интересное извѣстіе о немъ заключается въ извѣстномъ разсказѣ Графа Сергѣя Семеновича Уварова, упомянутомъ нами выше (см. примѣчан. 1). Въ этомъ любопытномъ историческомъ документѣ Уваровъ приводитъ разсказъ тестя своего, Графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, племянника Графа Алексѣя Григорьевича, о томъ, какъ къ послѣднему Екатерина II-я, въ первые годы своего царствованія, прислала однажды Графа Воронцова съ просьбой вручить ему всѣ документы, какими можетъ Разумовскій подтвердить подлинность брака своего съ покойной Императрицей Елисаветой, съ тѣмъ, что если такимъ образомъ онъ дѣйствительно былъ обвѣнчанъ съ покойной Государыней, то, объявивъ о томъ во всенародное извѣстіе, даровать бы ему, особымъ Указомъ, титулъ «Императорскаго Высочества.» Съ проектомъ Указа о дарованіи Разумовскому сего титула Воронцовъ отправился къ Графу Алексѣю Григорьевичу... Дальнѣйшее любопытствующіе могутъ прочесть въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1863 г., кн. 3, отд. V, стр. 155—156.

М. Семевскій.

кви Введенія въ Барашахъ, на Покровкѣ. Замѣтка объ этой церкви напечатана Снегиревымъ въ Москвитянинѣ 1844 г., X, 422—425. Любопытно, что историческія извѣстія иностранныхъ писателей о бракѣ Разумовскаго послужили содержаніемъ для піесы Bayard et Ch. Lafont: Comedie vaudeville en deux actes, подъ заглавіемъ: «Un changement», на театрѣ Gymnase dramatique въ 1845 г. Лѣтомъ 1859 г. я видѣлъ эту піесу въ Парижѣ на сценѣ того же театра; она выполнялась лучшими артистами и артистками, благодаря ихъ искусной игрѣ и грубѣйшему незнанію Французской публики Русской исторіи и Русскихъ нравовъ; піеса держится на сценѣ двадцать лѣтъ, и держиться съ успѣхомъ. Дѣйствующія лица въ ней слѣдующія: Elisabeth, Alexis Romanowski, т. е., Разумовскій, Графъ Шуваловъ (начальникъ Тайной Канцеляріи), Maiоръ Draken, комендантъ Петропавловской крѣпости, Foedora, его дочь (послѣднія два лица вымышленныя) и гвардейскій офицеръ. Первое дѣйствіе въ Петербургской крѣпости, второе — въ лѣтнемъ дворцѣ. Если бы мы не щадили вниманія нашихъ читателей, то изложили бы содержаніе этой Русско-исторической комедіи, написанной во Французскихъ нравахъ и по образцу безсмысленныхъ Французскихъ водевилей.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ МУЗЕЙ

и

БИБЛІОТЕКА.

Довольно уже протекло времени, какъ открыта въ Москвѣ Румянцевская Публичная Библіотека. Кто входилъ въ нее, не могъ не полюбоваться великолѣпіемъ залъ и красивою разстановкою книгъ по форматамъ, которая, впрочемъ, доставляетъ еще не малую выгоду и относительно помѣщенія. Нельзя также не полюбоваться и хорошимъ собраніемъ изданій, отличающихся особенною роскошью типографскою и художническою. Одно показалось намъ не заслуживающимъ одобренія, что книги поставлены такъ плотно и почти въ упоръ къ верхнимъ полкамъ, что нельзя пропустить свободно пальца, чтобы вынуть книгу, а отъ сего необходимо корешекъ книги долженъ быть попорченъ. Видно, что при помѣщеніи книгъ уже слишкомъ много заботились о красотѣ размѣщенія. По нашему мнѣнію, не слѣдовало бы пренебрегать и цѣлость переплета.

Послѣ открытія Румянцевскаго собранія поступили и еще многія и значительныя пожертвованія. И такъ публика имѣетъ уже теперь возможность пользоваться, по крайней мѣрѣ, Румянцевскимъ собраніемъ, для котораго, вѣроятно, уже имѣются каталоги. Но при этомъ, кажется, нельзя бы не обратить вниманіе и на большинство читателей, которое почло бы себя весьма обязаннымъ Библіотекѣ, если бы ему позволено было пользоваться

вновь выходящими книгами и повременными изданіями, доставляемыми въ Библіотеку. Въ послѣднемъ, т. е., пользованіи повременными изданіями, однако жь, со стороны Библіотеки читателямъ отказывается. По нашему мнѣнію, такой отказъ вовсе неоснователенъ. Можно бы это допустить относительно только тѣхъ изданій, которыя появляются ежедневно, или даже еженедѣльно, какъ, напр., газеты и пр., по тому что вчерашній N нынѣ долженъ быть замѣщенъ сегодняшнимъ, а при значительномъ стеченіи читателей нельзя ни какъ удовлетворить любопытству многихъ однимъ N въ одинъ день. Но что касается до журналовъ, которые большею частію выходятъ черезъ мѣсяцъ, то ихъ можно бы предложить читающимъ, по тому что такая книжка, остающаяся на столѣ въ продолженіе мѣсяца, можетъ быть прочитана даже двумя стами читателей въ продолженіе сего времени. Впрочемъ, слѣдовало бы предварительно сдѣлать опытъ, и если бы оказались какія ни будь неудобства, тогда можно бы принять ту мѣру, которая принята теперь. Тогда бы и публика не могла роптать на отказъ, зная основательно онаго причину. Намъ сказывали, что, во избѣжаніе стеченія читателей, положено выдавать журналы и газеты для чтенія по истеченіи года послѣ ихъ изданія. Но кто жь тогда пойдетъ читать ихъ, и, Богъ вѣсть, сохранятся ли они вполнѣ къ тому времени?

Что касается Румянцевскаго собранія книгъ иностранныхъ, то, сколько мы знаемъ по слуху, оно весьма небогато первопечатными рѣдкостями и учеными изданіями классическихъ писателей, при богатствѣ книгъ историческихъ на языкахъ новѣйшихъ и старопечатныхъ книгъ и рукописей отечественныхъ. Это неудивительно. Извѣстна особенная любовь покойнаго Канцлера къ Отечественной Исторіи и Древностямъ. Этимъ и объясняется скудость памятниковъ классической словесности въ его библіотекѣ. Но недавно и этотъ недостатокъ восполненъ, во первыхъ, прекрасною и богатою библіотекою, купленною Государемъ Императоромъ у Члена Государственнаго Совѣта, Авраама Сергѣевича Норова, содержащею въ себѣ, кромѣ драгоцѣнныхъ рукописей классическихъ писателей, отличныя и рѣдкія ихъ изданія, [1] и во вто-

[1] Какъ жаль, что почтеннѣйшій собиратель этой избранной библіотеки, ко-

рыхъ, также щедротою Государя Императора высланными сюда, въ значительномъ количествѣ, дублетами Императорской Публичной Библіотеки, въ числѣ которыхъ находятся многія отличныя уважи по части Филологіи и старопечатныя книги въ разныхъ родахъ западной литтературы.

Извѣстно, что у иностранцевъ памятники классической литературы составляютъ драгоцѣннѣйшую часть библіотекъ публичныхъ. Просвѣщенный Италіянецъ, Французъ, Нѣмецъ, Англичанинъ, стремятся туда, гдѣ болѣе находится сихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ, какъ къ единственному и чистѣйшему источнику всеобщаго человѣческаго и гражданскаго образованія. По этому-то во всѣхъ просвѣщенныхъ Государствахъ Европы въ библіотекари библіотекъ публичныхъ всегда избирались, и доселѣ избираются, извѣстные филологи или изъ профессоровъ, или и изъ другихъ лицъ, извѣстныхъ своими познаніями и особенною, страстною любовію къ Филологіи. Такія лица, естественно, дорожатъ такими памятниками и представляютъ въ этой любви надежнѣйшую гарантію ихъ храненія. Такимъ образомъ Геснеры, Рункены, Гейне, Бекки, Бутманны, были великіе филологи и хранители библіотекъ публичныхъ. Увидимъ вскорѣ примѣръ, какъ такіе хранители не только сберегали, но и обогащали, ввѣренныя имъ библіотеки новыми и важными пріобрѣтеніями. Причина такой особенной любви къ драгоцѣннымъ памятникамъ литературы и вообще ко всѣмъ важнѣйшимъ произведеніямъ по всѣмъ отраслямъ наукъ весьма понятна въ филологѣ. Какой главный предметъ и что составляетъ цѣль Филологіи? Критическая оцѣнка въ отношеніи къ подлинности, важности содержанія и ученой обработкѣ текста всякаго литературнаго произведенія. Новѣйшіе образцовые писатели и другія примѣчательныя произведенія не представляютъ въ этомъ отношеніи почти ни какихъ, или очень мало, затрудненій. Но памятники древней, средневѣковой и возраждающейся классической литературы, необходимо требуютъ филологическаго образованія и сколь возможно полнаго знанія ея исторіи. Въ этомъ случаѣ

селѣ не издалъ печатнаго ея каталога. Это есть единственное средство познакомить публику съ симъ прекраснымъ собраніемъ и сохранить его въ цѣлости.

между филологомъ и любителемъ искусствъ изящныхъ встрѣчается великое сходство. Какъ любитель искусствъ, не довольствуясь однимъ только изученіемъ памятниковъ, старается проникнуть въ самую исторію школъ и художниковъ, такъ и филологъ, изучая классическихъ писателей, не только изучаетъ исторію ихъ времени и обстоятельства ихъ жизни, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, и исторію ихъ произведеній, съ самаго появленія ихъ въ рукописяхъ до самыхъ послѣднихъ предѣловъ ихъ критической обработки знаменитѣйшими учеными. И отсюда-то его знакомство съ важнѣйшими и драгоцѣннѣйшими изданіями.

Можетъ быть скажутъ, что для такой оцѣнки довольно и однихъ антикварскихъ каталоговъ, каковы, на пр., каталоги Брюнета, Еберта и др. Но отъ какихъ же лицъ составители сихъ каталоговъ заимствуютъ свои свѣдѣнія о достоинствѣ и рѣдкости важнѣйшихъ изданій, какъ не изъ извѣстій, доставляемыхъ учеными? Что же касается до ихъ собственной оцѣнки достоинства какой ни будь книги, то она часто весьма произвольна, когда многія книги, не имѣющія ни какого внутренняго достоинства, включаются ими въ число избранныхъ только по красотѣ печати и бумаги, какъ, на пр., Лемерово изданіе Латинскихъ классиковъ, редакція котораго отнюдь не заслуживаетъ уваженія. Извѣстно также и то, что находится великое число книгъ весьма любопытныхъ и примѣчательныхъ, которыхъ вовсе нѣтъ поименованія въ антикварскихъ каталогахъ; но изъ числа и хорошихъ книгъ не всякое изданіе (развѣ съ немногими исключеніями) заслуживаетъ того, чтобы хранить его. Если сочиненіе издано вновь въ исправнѣйшемъ видѣ, если помѣщено въ другомъ полнѣйшемъ собраніи (какъ замѣчанія ученыхъ къ классикамъ), то какая нужда хранить, или пріобрѣтать, 1-е изданіе, хотя оно и находится въ антикварскихъ каталогахъ? Вотъ сколько требуется ученаго труда при разборѣ библіотеки, сколько внимательности при оцѣнкѣ книгъ по ихъ внутреннему достоинству, и сколько начитанности для отмѣтки книгъ по чему ни будь примѣчательныхъ, и по тому заслуживающихъ заботливаго храненія. Все это мы говоримъ въ томъ предположеніи, что наша Библіотека будетъ избранною библіотекою, по возможности, удовлетворяющею любознательности избраннаго и просвѣщеннаго общества. По этому надѣемся, что (мы скажемъ, по-

жетъ быть, вопреки общему мнѣнію) она будетъ хранить даже и дублеты книгъ рѣдкихъ и примѣчательныхъ, и выброситъ великое число книгъ пустыхъ, не заслуживающихъ ни какого вниманія читателя образованнаго. Всякій согласится, что пошлые и забытые романы, въ родѣ, на прим., Орлова, негодные переводы негодныхъ иностранныхъ романовъ, плохіе учебники, изданные плохими учителями, дѣтскія книжки, составляемыя и издаваемыя книгопродавцами, ими же издаваемые лѣчебники и хозяйственныя книги неизвѣстныхъ авторовъ, искусные повара и поварихи, оракулы, сноголкователи, даже стереотипные классики, издаваемые для учащихся, наконецъ иногда множество дефектовъ, не содержащихъ въ себѣ ничего полнаго и цѣлаго, [2] не заслуживаютъ другаго назначенія, кромѣ толкучаго рынка. Если прибавимъ къ этому еще дѣльныя или хорошія книги (буде экземпляровъ ихъ накопится значительное излишество), то посредствомъ публичныхъ аукціоновъ можетъ быть составленъ и порядочный капиталъ въ пользу библіотеки. Кому неизвѣстно, сколько такими аукціонами способствовалъ составленію значительнаго капитала въ пользу Императорской Публичной Библіотеки достойнѣйшій, сдѣлавшій учеными трудами своими блестящую эпоху въ ея исторіи, хранитель ея, Баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ? Кромѣ сего, этими аукціонами распространяется любовь къ книгамъ и чтенію въ разныхъ слояхъ общества — не маловажное средство къ распространенію просвѣщенія. Намъ возражаютъ, что такимъ образомъ много должно будетъ продать книгъ за безцѣнокъ? Но вообразите себѣ залу, которой наемъ стоитъ, на пр., не менѣе 500 р. серебр. Пусть эта зала будетъ наполнена книгами излишними и другими ничтожными, подобными тѣмъ, о которыхъ говорено выше. Въ такомъ случаѣ, если бы и просто ихъ выбросить, то все, однако жь, пріобрѣталась бы выгода, то есть, пріобрѣталось бы на 500 р. помѣщенія для книгъ хорошихъ. Если же хранить все, что только появляется въ печати, то потребуется зданіе огромныхъ суммъ, истраченныхъ, къ сожалѣнію, безъ всякой пользы. Мы думаемъ, что и наша Университетская Библіотека много бы выиграла очи-

---

[2] Замѣтимъ, что и отдѣльные томы хорошихъ книгъ, если они сами по себѣ вмѣщаютъ отдѣльное цѣлое, по нашему мнѣнію, должны быть хранимы, и могутъ считаться ненужными только при излишествѣ.

сткою отъ книгъ пустыхъ и излишнихъ. Можно съ достаточнымъ основаніемъ полагать, что она выиграла бы 4-ю часть помѣщенія.

Но, говоря о книгахъ излишнихъ и маловажныхъ, нельзя не сдѣлать замѣчанія на наше неряшество (чтобы не сказать чего ни будь посильнѣе) касательно храненія въ публичныхъ библіотекахъ газетъ и журналовъ. У насъ всѣ почти повременныя изданія считаются маловажными и какъ будто не заслуживающими сбереженія, именно въ слѣдствіе того прекраснаго умозаключенія, что, такъ какъ эти извѣстія (куда въ особенности относятся газеты) издаются только на извѣстное время, то они и годятся только для этого времени, въ послѣдствіи же теряютъ всю цѣну и достоинство; при томъ, такъ какъ они расходятся въ великомъ числѣ въ публикѣ, то и не стоитъ того, чтобы хранить ихъ въ библіотекѣ. Сколько бы ни были изъ нихъ маловажны нѣкоторые, но тѣ, въ которыхъ помѣщаются статьи, ознаменованныя, такъ сказать, авторитетомъ Государственнымъ, имѣютъ особенную важность для будущаго времени. Сколько въ нихъ, не говоря о важныхъ Государственныхъ актахъ, находится разныхъ временныхъ административныхъ распоряженій, приказовъ и постановленій, не входящихъ потомъ въ составъ важныхъ Государственныхъ актовъ и законоположительныхъ собраній! Сколько примѣчательныхъ событій, начиная отъ Двора до крестьянской хижины! Можно ли же пренебрегать сіи свѣдѣнія? Къ сожалѣнію, въ самой Университетской Библіотекѣ не за много десятковъ лѣтъ можно найти полное собраніе Вѣдомостей Московскихъ, столько лѣтъ издаваемыхъ отъ Университета, и то, благодаря усердію и рѣдкой внимательности къ общей пользѣ недавно умершаго библіотекаря, который не переставалъ ихъ отыскивать и умножать свое собраніе. Сколь важны сіи памятники для потомства, можемъ судить по прошедшему времени. Какъ дорого заплатили бы мы теперь за нѣсколько листковъ такихъ газетъ изъ царствованій Петра II, Анны, Елисаветы, даже Екатерины II! [3] Сколь важны сего рода памятники для будущаго историка, очевидно. По этому правле-

[3] См. Сказанія о родѣ Князей Долгорукихъ, стр. 227, въ концѣ.

ніе всякой Государственной, или публичной, библіотеки должно вмѣнить себѣ въ непремѣнную обязанность хранить ихъ.

Если обратимъ вниманіе на недавно изданный Е. П., Н. В. Исаковымъ и заслужившій полную признательность просвѣщеннаго общества Отчетъ по Библіотекѣ и Музею за 1-е трехлѣтіе, то не можемъ не подивиться и не порадоваться многочисленности и разнообразію рукописей и книгъ на всѣхъ ученыхъ языкахъ, почти во всѣхъ родахъ слова, составляющихъ капиталъ Библіотеки. Сколько при ея разборѣ требуется труда и филологическихъ познаній! Позволяемъ себѣ думать, что при такомъ разнообразіи предметовъ и самый Бекъ, не только хранитель публичной, но и собиратель своей собственной огромной, библіотеки, вѣроятно, иногда не обошелся бы безъ посторонняго совѣта. [4] По этому намъ кажется, обязанность составленія систематическихъ каталоговъ, упомянутая въ 13 § Устава и возложенная на одного библіотекаря, слишкомъ обременительна, и едва ли для него и удобоисполнима. Извѣстно, сколько ученаго труда и времени посвятилъ на составленіе систематическаго каталога для Университетской Библіотеки, извѣстный своею ученостію и особенною любовію къ Филологіи и книгамъ, профессоръ Рейсъ. И такъ, по нашему мнѣнію, для библіотеки достаточно на первое время и алфавитныхъ каталоговъ, лишь бы только они были составлены съ соблюденіемъ всѣхъ требованій библіографическихъ. [5] И можно ли безъ подробнаго знакомства съ содержаніемъ сочиненій составить каталогъ систематическій? Можно ли отдѣлить важное отъ маловажнаго, не заслуживающаго мѣста въ избранной библіотекѣ? Касательно сей послѣдней обязанности, не всякій библіотекарь

---

[4] Собственная частная библіотека сего ученаго мужа показана въ Каталогѣ, изданномъ въ 1835 г. въ Лейпцигѣ, въ 24,551 волюмѣ. Однихъ каталоговъ разныхъ библіотекъ и книжныхъ магазиновъ считается въ ней 813. И рѣдкій изъ иностранныхъ профессоровъ не собираетъ для себя хорошей библіотеки.

[5] Можно въ часъ написать и сотню билетовъ и, однако жь, такъ, что 99 надо будетъ переписать снова. Вообще скорое писаніе заглавій весьма подозрительно. Всякій любитель книгъ, имѣющій собственную библіотеку, знаетъ это по опыту.

можетъ вмѣстить въ себѣ всѣ необходимыя условія, чтобы ее достойно выполнить; но, и помимо того, въ этомъ дѣлѣ авторитетъ одного лица не можетъ быть принятъ въ уваженіе, особенно если это лице не пользуется полнымъ довѣріемъ просвѣщеннаго общества. По этому-то, вѣроятно, внесенъ въ Уставъ особый § (10), въ которомъ сказано: «На директора возлагается предсѣдательство въ комитетѣ, который онъ составляетъ изъ лицъ, завѣдывающихъ отдѣленіями, а равно и приглашаемыхъ посторонних ученыхъ и профессоровъ Университета, для разсмотрѣнія вопросовъ, въ коихъ наука имѣетъ вліяніе на благоустройство учрежденія.» Весь этотъ § выраженъ весьма темно и слишкомъ въ общихъ терминахъ, что всегда почти случается при неясномъ представленіи того, что хотимъ сказать. И дѣйствительно, кто здѣсь не спроситъ: какое это благоустройство учрежденія, на которое такое имѣетъ вліяніе наука, что оно непремѣнно требуетъ содѣйствія посторонних ученыхъ? Безъ сомнѣнія, не устройство шкафовъ и не разстановка книгъ по форматамъ. Что жь другое? сказать трудно. Предположимъ, что этотъ, столь неопредѣленно, столь всеобще выраженный, § заключаетъ въ себѣ и тотъ важный пунктъ ученаго обозрѣнія библіотеки, о которомъ сказано выше. Кому жь будетъ здѣсь предоставлена иниціатива дѣйствія? Отъ Попечителя ни какъ нельзя требовать такого спеціяльнаго занятія библіотекою. И я думаю, не только у насъ, но и нигдѣ, не найдется подобнаго примѣра. И такъ библіотекарь будетъ то лице, для разрѣшенія недоразумѣній коего будутъ приглашаемы посторонніе ученые? Но, во первыхъ, приглашать на краткое совѣщаніе, при особенно встрѣтившемся случаѣ, какое либо лице, не всегда возможно, да и ученому лицу не всегда можетъ представиться удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ, къ которому онъ не приготовился предварительно. Во вторыхъ, надо принять въ расчетъ и щекотливость самолюбія, прирожденнаго естеству человѣческому, которое иногда препятствуетъ исполненію и самыхъ добрыхъ намѣреній. Что жь теперь остается? Но если хотя временное участіе ученыхъ лицъ признано необходимымъ для благоустройства библіотеки, то по чему же бы изъ такихъ лицъ не составить постояннаго Общества, котораго дѣйствія направлены были бы къ сей благой цѣли? Есть же Общества Любителей Живописи, Музыки и пр. По чему жь не быть и Обществу библіофиловъ? И гдѣ ему быть приличнѣе, какъ не

въ самой Москвѣ, при Московской Публичной Библіотекѣ? Всякій видитъ, что такое Общество не только можетъ способствовать ея благоустройству, но даже со временемъ и обогатить ее.

Къ сожалѣнію, о настоящихъ распоряженіяхъ Правленія Библіотеки мы вовсе ничего не знаемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Библіотека не ограничится только настоящими пріобрѣтеніями, что и въ послѣдующее время пожертвованія не прекратятся; по этому весьма интересно было бы знать, какія постановлены правила касательно пріемки, разсмотрѣнія и храненія книгъ, вносимыхъ по установленію и жертвуемыхъ (послѣднее особенно важно для тѣхъ, которые имѣютъ особенную любовь къ книгамъ отличнымъ и рѣдкимъ, и которые заслуживаютъ названія истинныхъ библіофиловъ), потомъ ихъ ревизовки, и наконецъ ихъ подробнаго пересмотра, однихъ для храненія, другихъ для продажи и мѣны на другія? На одно ли лице библіотекаря (что кажется невѣроятнымъ) возложены всѣ сіи обязанности, или онѣ раздѣлены между нѣсколькими, и въ послѣднемъ случаѣ какое же значеніе и обязанность каждаго изъ сихъ лицъ и пр.?

Къ сожалѣнію, на всѣ сіи вопросы въ Уставѣ вовсе нѣтъ разрѣшенія, и любознательная публика на счетъ сей остается въ незнаніи. Упомянуто въ Уставѣ даже о ежегодной ревизовкѣ. Но ревизовка можетъ быть только тогда, когда имѣются уже прежде составленные списки, какъ, вѣроятно, библіотеки Румянцевской, А. С. Норова и другихъ Государственныхъ собраній, каковы поступившихъ въ Музей изъ Императорской Публичной Библіотеки. Что же касается до прочихъ, то, какъ они принимаются, мы не знаемъ. Вносятся ли они немедленно въ черновые списки, полагается ли на нихъ штемпель Музея — это также намъ вовсе неизвѣстно. Если жь вся таковая пріемка книгъ ввѣрена только доброй совѣсти библіотекаря, то здѣсь ни какая ревизія не можетъ имѣть мѣста. Но если и составляются билетные каталоги, то всякій знаетъ, сколь ненадежна такая гарантія. Что же касается до разбора книгъ для продажи и мѣны дублетовъ, то вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ, какъ объ этомъ нѣтъ ни какого слуха. А какому любителю просвѣщенія, какому библіофилу, не интересно знать, какія приняты мѣры и какія постановлены правила для храненія и обогащенія Московскаго Публичнаго Книгохранилища? Ибо толь-

ко къ симъ двумъ цѣлямъ должно быть обращено все вниманіе лицъ, попеченію которыхъ оно ввѣрено. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что всѣ правила, руководствующія дѣйствующихъ лицъ, должны истекать изъ сихъ двухъ цѣлей и быть обнародованы въ Уставѣ для свѣдѣнія просвѣщеннаго общества. Строгій порядокъ, опредѣленный Уставомъ, и гласность дѣйствій лицъ, трудящихся въ библіотекѣ, суть первая и важнѣйшая гарантія ея сохранности.

Такъ учрежденъ извѣстный порядокъ въ Библіотекѣ Университетской. То же должно сдѣлать и въ Публичной. Да простятъ мнѣ, если я не скрою здѣсь того непріятнаго чувства, которое родилось во мнѣ при видѣ огромныхъ фоліянтовъ, содержащихъ великолѣпныя гравюры, и въ этомъ смыслѣ драгоцѣнныхъ, выставленныхъ въ общей залѣ на показъ всѣмъ и каждому. По моему мнѣнію, такія книги должно бы хранить въ особой комнатѣ съ запертыми дверями, и не иначе быть показываемы, какъ въ присутствіи чиновника, для сего опредѣленнаго. Кому не извѣстно, что всякая почти Государственная библіотека вмѣщаетъ въ себѣ много такихъ дорогихъ увражей, которыя для библіофиловъ составляютъ скорѣе предметъ любопытства, нежели чтенія? Несомнѣнно, никакой филологъ не придетъ пользоваться чтеніемъ Виргилія во великолѣпному изданію Дидота, украшенному превосходными гравюрами, но охотно пожелаетъ видѣть это великолѣпное изданіе. То же можно сказать и о спеціяльныхъ изданіяхъ разныхъ Европейскихъ Музеевъ и многихъ книгъ старопечатныхъ, не говоря уже о рукописяхъ. При такомъ невниманіи, какъ не трудно вырѣзать, на пр., картину изъ какого ни будь великолѣпнаго Музея! Мы думаемъ, что легко можно найти (и не одно) средство къ сохраненію такихъ драгоцѣнныхъ гравюръ въ цѣлости. Мы слышали, что почтенный хранитель Императорской Публичной Библіотеки, Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ, не только хранитъ такія книги въ заперти, но даже, по выходѣ посѣтителей изъ этой комнаты, прикладываетъ къ двери еще печать свою. Примѣръ, достойный подражанія! И мы съ удовольствіемъ услышали, что хранитель рукописей и древнепечатныхъ книгъ Румянцевской Библіотеки, А. Е. Викторовъ, не оставляетъ безъ себя не запертою комнаты, въ которой хранятся сіи сокровища. Библіотека наша, дарованная щедротами Государя Императора, есть достояніе общественное, Госу-

дарственный капиталъ, къ сохраненію котораго обязанъ всякій чиновникъ-библіотекарь, не только требованіемъ доброй совѣсти, но и святостію присяги. Если всякая растрата Государственнаго капитала считается преступленіемъ, то не уже ли утрата казенной книги будетъ считаться за ничто? Но пусть подумаютъ, на сколько тысячъ рублей, по каталогамъ, находится однѣхъ печатныхъ книгъ въ Библіотекѣ, не говоря о рукописяхъ. Касательно библіотекъ, принадлежащихъ ученымъ Обществамъ, такой вопросъ могъ бы считаться и излишнимъ; ибо тамъ цѣлое Общество наблюдаетъ за сохранностію библіотеки, и библіотекарь состоитъ подъ непосредственнымъ его надзоромъ; такъ, на пр., Университетская Библіотека состоитъ подъ вѣдѣніемъ и надзоромъ цѣлаго общества профессоровъ, и библіотекарь, дѣйствуя всегда по ихъ письменнымъ инструкціямъ, состоитъ непосредственно подъ ихъ контролемъ, и если тамъ когда пропадаютъ книги, то въ этомъ вина не библіотекаря, а вина того постановленія, въ слѣдствіе котораго библіотекарь обязанъ подъ росписку профессоровъ выдавать книги и постороннимъ лицамъ для чтенія на домъ. Очень жаль, что почтенное Правленіе Университета не опредѣлило, кромѣ своего довѣрія, болѣе надежныхъ гарантій при снабженіи книгами на домъ лицъ посторонихъ. Самое справедливое требованіе было бы то, чтобы лице, желающее пользоваться казенными книгами на дому, вносило въ залогъ сумму стоимости книги. Это, впрочемъ, касается такого рода книгъ, которыя могутъ легко быть пріобрѣтены. Что же касается до книгъ рѣдкихъ, то въ Университетской Библіотекѣ столько залъ, что въ любой изъ нихъ можно имѣть удобное и прекрасное помѣщеніе для чтенія и выписокъ во всякое время.

И такъ для сохраненія книгъ, публичность и распространеніе свѣдѣній о нихъ въ просвѣщенномъ обществѣ, какъ посредствомъ каталоговъ, такъ и посредствомъ обозрѣнія ихъ посторонними учеными лицами, должно быть признано необходимымъ. Много есть у насъ казенныхъ книгохранилищъ, которыя вовсе не были доступны для любознательной публики, гдѣ, слѣдовательно, нечего было дѣлать библіотекарю, кромѣ какъ хранить ихъ, яко зѣницу ока. И, однако жь, лучше ли отъ этого сохранялись книги? Ни какого нѣтъ сомнѣнія, что много въ нихъ произошло потерь, сокрытыхъ для насъ во мракѣ неизвѣстности. Впрочемъ, не говоря

о нѣкоторыхъ, не столь важныхъ, случаяхъ, слышанныхъ нами отъ разныхъ лицъ, къ счастію (если только какая ни будь значительная потеря можетъ сдѣлать насъ благоразумнѣе на будущее время), сохранился одинъ случай въ исторіи одной изъ нашихъ библіотекъ Государственныхъ, со всѣми неопровержимыми доказательствами, какихъ только можетъ требовать строгая историческая истина. Я представлю все дѣло во всей подробности. Всего поучительнѣе знать, что случилось (что, слѣдовательно, можетъ и повториться) нѣкогда у насъ.

Многіе ли у насъ знаютъ о немаловажной пропажѣ, случившейся въ нашей Синодальной Библіотекѣ, при обозрѣніи Греческихъ рукописей бывшимъ въ Московскомъ Университетѣ Профессоромъ Маттеемъ? Представлю дѣло, сколько оно теперь намъ извѣстно, по неопровержимымъ документамъ.

Въ 1782 г. знаменитый Голландскій Еллинистъ, Рункенъ, издалъ въ первый разъ, дотолѣ вовсе неизвѣстный ученому свѣту, Гомеровъ гимнъ Церерѣ, и вотъ что онъ пишетъ въ предисловіи къ своему изданію: «Никогда я не воображалъ, чтобы въ какой ни будь библіотекѣ когда ни будь нашелся Гомеровъ гимнъ Церерѣ, и еще менѣе, чтобы мнѣ случилось быть его издателемъ. Мнѣ было извѣстно, что этотъ памятникъ существовалъ еще во второмъ столѣтіи по Р. Х., но я считалъ его уже давно потеряннымъ. Каково же было мое удивленіе, когда я получилъ этотъ гимнъ— изъ Москвы! Если бы сказалъ кто ни будь прежде, что этотъ памятникъ скрывается тамъ, всякій бы принялъ эти слова за шутку; но теперь, когда самое дѣло не представляетъ уже ни какого сомнѣнія, то остается разсказать вкратцѣ, какъ онъ найденъ и изъ чьихъ рукъ перешелъ ко мнѣ.

«За нѣсколько лѣтъ предъ симъ былъ вызванъ изъ Германіи въ Москву Профессоръ, отмѣнно свѣдущій въ обоихъ классическихъ языкахъ, достойнѣйшій воспитанникъ Ернестовой школы, Христіанъ Фридерикъ Маттей, для того, чтобы болѣе вкоренить и распространить возраждающуюся тамъ любовь къ изящной словесности. По прибытіи туда, какъ скоро онъ услышалъ, что въ Библіотекѣ Св. Синода хранится богатое собраніе Греческихъ рукописей, которыхъ тамъ не только никто не понимаетъ, но даже и

прочесть не въ состояніи, [7] то, удивленный такимъ открытіемъ, тотчасъ приступилъ къ обозрѣнію сего сокровища и, между многими превосходными рукописями, о которыхъ свѣдѣніе онъ сообщитъ въ свое время, встрѣтилъ рукопись Гомера, хотя относящуюся къ XII вѣку, но, какъ открылось, списанную съ весьма древняго и превосходнаго оригинала. Кромѣ отрывка изъ Иліады, она содержала еще и 16 уже извѣстныхъ гимновъ почти въ обыкновенномъ порядкѣ. Но вотъ за 16-мъ гимномъ, который въ изданіяхъ занимаетъ послѣднее мѣсто, помѣщено 12 стиховъ изъ потеряннаго гимна Бахусу. За тѣмъ слѣдуетъ весьма пространный, и, за исключеніемъ 2-й части, довольно полный гимнъ Церерѣ. Почтенный Маттей, внѣ себя отъ радости при видѣ такой счастливой находки, и не желая ни сколько откладывать ея изданіе, къ чему былъ бы принужденъ въ Москвѣ по разнымъ причинамъ; зная при томъ, какъ я прилежно изучалъ Гомеровы гимны и надъ разработкою ихъ положилъ начало моимъ трудамъ по части критики, пожелалъ, чтобы сей, столь долго скрывавшійся, памятникъ былъ изданъ мною.»

Вотъ исторія изданія нашей рукописи, разсказанная самимъ издателемъ. При семъ должно еще замѣтить, что, какъ явствуетъ изъ дальнѣйшего разсказа Рункена, Маттеемъ былъ отправленъ къ нему не самый оригиналъ, а вѣрная съ него копія. Самый же оригиналъ оставался въ Москвѣ (у Маттея ли, или въ Библіотекѣ, не извѣстно), во время перваго Маттеева здѣсь пребыванія. Но послѣ своего отъѣзда изъ Москвы, въ 1786 г. онъ продалъ его Рункену, для Лейденской Библіотеки. Какимъ же образомъ этотъ манускриптъ перешелъ въ собственность Маттея, мы не знаемъ. Но что онъ его продалъ, служатъ свидѣтельствомъ слова самого Рункена, въ письмѣ его къ Виттенбаху: [8] «Тотъ самый манускриптъ (codicem), пишетъ онъ, по которому изданъ гимнъ Церерѣ, я купилъ у

---

[7] Пусть порадуются наши обскуранты такимъ о насъ отзывамъ, и пусть стараются поддержать ихъ изгнаніемъ классическихъ языковъ изъ нашихъ гимназій. А въ замѣнъ этого пусть постараются разработывать литературу провинціальныхъ нарѣчій. Оно и не требуетъ большаго труда, по тому что во всякомъ мужикѣ можно для сего найти хорошаго руководителя и учителя.

[8] См. переписку Рункена съ Виттенбахомъ, стр. 43. Изд. Мане, 1832 г.

Маттея за 25 дукатовъ. Пусть онъ хранится навсегда въ нашей Публичной (Лейденской) Библіотекѣ.» Теперь все дѣло предоставляется суду читателя. Но можно сказать съ увѣренностію, что если бъ Библіотека Св. Синода была подъ надзоромъ не одного только библіотекаря, то едва ли бы этотъ рѣдкій манускриптъ сдѣлался собственностію Маттея, сколь, впрочемъ, ни важны для насъ его заслуги въ описаніи рукописей Библіотеки Св. Синода и въ изданіи Новозавѣтныхъ книгъ по симъ же рукописямъ. Удивительнымъ покажется то, что рукопись продана Маттеемъ такъ дешево. Но надо припомнить, что она продана уже послѣ изданія. Если бы онъ ее продалъ прежде, и продалъ Англичанамъ, то получилъ бы за нее несомнѣнно въ 10 разъ болѣе. Въ исторіи Греческой литературы Гарлеса еще находимъ, что онъ же подарилъ въ Дрезденскую Публичную Библіотеку двѣ рукописи, одну хлопчатобумажную и другую харатейную X и XI вѣка, содержащія нѣсколько поученій Св. Григорія Назіанзена. Откуда онъ пріобрѣлъ ихъ, можно только догадываться.

Вотъ поучительный примѣръ, въ доказательство того, какъ необходимо при Публичной нашей Библіотекѣ учрежденіе Ученаго Общества. Это Общество, подъ предсѣдательствомъ одного изъ своихъ членовъ, по своему выбору, могло бы имѣть свои собранія, дѣлать ревизіи, повѣрять каталоги и составлять ихъ для публики по своему умоначертанію, назначать своихъ членовъ для принятія пожертвованій и другихъ пріобрѣтеній, не оставляя ихъ безъ тщательнаго надзора до разбора, помѣты въ черновомъ спискѣ и разстановки по шкафамъ, обнародывать протоколы своихъ засѣданій для свѣдѣнія публики, обращать вниманіе на потребности библіотеки и изыскивать средства къ ихъ восполненію, и о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ представлять Попечителю доклады на разсмотрѣніе и утвержденіе, и чрезъ него, въ дѣлахъ, превышающихъ власть его, сообщать о нихъ Министру. Такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ засѣданій, можетъ составиться прекраснѣйшій проектъ по всѣмъ частямъ устройства Библіотеки. Несомнѣнно также, что при такомъ Обществѣ публика въ самомъ скоромъ времени будетъ имѣть и печатный каталогъ всѣхъ книгъ, находящихся въ Публичной нашей Библіотекѣ, котораго, при настоящемъ медленномъ ходѣ дѣлъ, мы едва ли скоро дождемся.

Но спросятъ, гдѣ жь найти такія лица для составленія такого Общества? Спросите просвѣщенную публику, и она не затруднится указать вамъ, во первыхъ, на лице, которому первому пришла благодѣтельная мысль перемѣщенія Румянцевской Библіотеки и Музея въ Москву, на Князя Владиміра Ѳедоровича Одоевскаго, извѣстнаго любителя наукъ и искуствъ изящныхъ, при томъ искусившагося уже въ устройствѣ библіотекъ еще въ то время, когда онъ былъ Товарищемъ Барона Корфа и Директоромъ Румянцевскаго Музея; далѣе, на Графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, любителя отечественныхъ хартій и обладателя превосходной библіотеки; на Михаила Петровича Погодина, обогатившаго своимъ музеемъ Эрмитажъ и рукописями и печатными книгами Императорскую Публичную Библіотеку; на Григорія Александровича Черткова, столь радушно открывшаго свое собственное книгохранилище, собранное почтеннымъ его родителемъ, для пользованія просвѣщеннаго общества; на Михаила Николаевича Лонгинова, отличнаго знатока исторіи новѣйшей литературы нашей; на Сергѣя Александровича Соболевскаго, обладателя, собирателя и знатока рѣдкихъ иностранныхъ книгъ, въ особенности по части библіографіи и путешествій; на Петра Ивановича Севастьянова, котораго драгоцѣнное собраніе древнихъ памятниковъ письменности и художествъ уже давно привлекаетъ взоры просвѣщенной Московской публики; на Сергѣя Дмитріевича Полторацкаго, тщательнаго собирателя всего печатнаго, послѣ Петра, Русскаго слова; на Михаила Петровича Полуденскаго, уже извѣстнаго публикѣ своей любовію къ библіографическимъ изслѣдованіямъ, и еще на многихъ лицъ, имъ извѣстныхъ, которыхъ они могутъ избрать и пригласить для принятія съ ними участія въ этомъ добромъ дѣлѣ. Прибавимъ къ сему и многихъ лицъ изъ купеческаго сословія, любителей книжной старины, которыя несомнѣнно будутъ заинтересованы такимъ вниманіемъ къ нимъ мужей ученыхъ, и которыя не только могутъ содѣйствовать имъ указаніемъ памятниковъ древней письменности, но даже и пожертвованіемъ ихъ въ пользу Библіотеки. Безъ сомнѣнія, всѣ сіи лица не откажутся принять участіе въ общемъ дѣлѣ, безъ всякаго денежнаго и чиновнаго возмездія, кромѣ мысли о благомъ дѣлѣ для пользы общей. Ученыя Общества чужды подобныхъ наградъ и не допускаютъ ни какого мѣстничества. Такимъ образомъ, изъ сказанныхъ лицъ

никто не помыслитъ ни о томъ, ни о другомъ, за пріятный для него трудъ, собраться однажды, или дважды, въ мѣсяцъ, чтобы опредѣлить и раздѣлить между своими членами различнаго рода труды, для благосостоянія Библіотеки. Замѣтимъ еще, что такъ какъ такія личности, какъ указанный выше Рункенъ, Бекъ и пр. и извѣстный намъ Баронъ М. А. Корфъ, представляютъ въ исторіи библіотекъ явленіе рѣдкое, то, при вышесказанномъ Обществѣ человѣкъ и не посвященный въ таинства Филологіи, можетъ занять мѣсто библіотекаря. Нужно только, чтобы онъ былъ честенъ и рачителенъ въ храненіи ввѣреннаго ему сокровища и въ дѣйствіяхъ по указаніямъ Общества, утвержденныхъ Попечителемъ, яко главнымъ лицемъ, въ вѣдомствѣ коего состоитъ Библіотека.

Вотъ, по нашему мнѣнію, единственное вѣрное средство, не только сохранить сіе прекрасное собраніе, но и обогатить его, и сообщить ему, такъ сказать, жизнь и дѣйствіе. Всякое общественное заведеніе должно пользоваться довѣріемъ той среды, къ которой принадлежитъ оно, а довѣріе просвѣщенной публики можетъ быть пріобрѣтено только ея убѣжденіемъ, что дѣйствующія при заведеніи лица отвѣчаютъ вполнѣ ея требованіямъ и надеждамъ, какъ избранныя изъ среды ея. И такъ дѣло, въ которомъ заключается интересъ цѣлаго общества, не должно быть подвергаемо случайностямъ. Одно, и при томъ не постоянно пребывающее на своемъ мѣстѣ, лице библіотекаря никогда не можетъ быть достаточнымъ ручательствомъ за благосостояніе библіотеки. И кому неизвѣстна слабость природы человѣческой, кто не знаетъ, что иногда лице, которому ввѣрено храненіе подобнаго сокровища, забываетъ свое назначеніе и, вмѣсто служителя въ храмѣ музъ, отверстомъ для каждаго ихъ поклонника, видитъ въ себѣ полнаго обладателя сего храма, который онъ можетъ отверзать и затворять, кому заблагоразсудитъ? Какой же ученый человѣкъ, какой любознательный, какой библіофилъ, пожелаетъ съ подобнымъ лицомъ вести ученую бесѣду о книжномъ дѣлѣ? Особенно, если и самъ библіотекарь имѣетъ весьма ограниченныя познанія въ Филологіи? Кого не отвратитъ такая личность отъ пожертвованій, иногда весьма важныхъ, въ пользу библіотеки? Въ доказательство словъ моихъ, укажу на примѣръ изъ жизни такого лица, которому ни ученыя, ни умственныя, ни моральныя достоинства не долженствовали бы

подать ни малѣйшаго повода къ забвенію своего долга. И однако жь, въ такое самозабвеніе, осуждаемое всѣми правилами свѣтскаго и ученаго приличія, позволилъ себѣ впасть, кто бы этому повѣрилъ? — позволилъ себѣ впасть знаменитый Рункенъ въ то время, когда былъ хранителемъ Публичной Лейденской Библіотеки. Что бы сколько ни будь оправдать его, пожалуй, мы согласны и не считать за весьма великій грѣхъ поссориться съ ученымъ посѣтителемъ за его неуважительный отзывъ о Скалигерѣ, или за его убѣжденіе, что въ наше время не нужно объ ученыхъ предметахъ писать по Латини. Но выгнать грубымъ отказомъ за такія убѣжденія ученаго посѣтителя изъ Публичной Библіотеки, какъ изъ своего собственнаго дома, вотъ что считаемъ мы не только неприличнымъ, но въ высшей степени непозволительнымъ. [9] И такъ, если такое лице, напитанное всею гуманностію высшаго классическаго образованія, могло вообразить себя хотя на минуту полнымъ хозяиномъ общественнаго сокровища, то чего жь нельзя ожидать иногда отъ лица, стоящаго на низшей степени образованности? Сохрани Богъ, чтобы мы имѣли здѣсь въ виду какую либо личность. Примѣръ, приведенный нами изъ жизни знаменитаго лица, достаточно насъ оправдываетъ. Если мы приводимъ его въ разсужденіи о нашей Библіотекѣ, то говоримъ не о томъ, что есть, а о томъ, что можетъ быть.

Кто не знаетъ, что назначеніе и выборъ библіотекаря, какъ и другихъ вѣдомствъ чиновниковъ, могутъ быть подвержены разнымъ случайностямъ. И такъ можно вообразить на этомъ мѣстѣ человѣка мало образованнаго, особенно въ Филологіи и Исторіи литературы, по этому вовсе не библіофила; можемъ вообразить въ немъ человѣка лѣниваго, слѣдовательно, нерадиваго къ своей должности, и даже иногда сомнительной честности. Въ какомъ же тогда отношеніи къ библіотекѣ будетъ находиться просвѣщенное общество, въ какомъ состояніи будетъ находиться самая библіотека? Общество охладѣетъ, за неуваженіе къ его любознательности, происходящее, большею частію, не столько отъ злонамѣренности, сколько отъ невѣжества и нерадѣнія, за симъ послѣдуетъ прекращеніе пожертвованій. И вотъ библіотекарь, полный хозяинъ

[9] См. Виттенбахову Біографію Рункена, стр. 250, 251.

и распорядитель библіотеки. Не удивительно, если иногда книги по знакомству будутъ отпускаемы и на домъ для чтенія и зачитыванья. Но если растрата книгъ и прекращеніе пожертвованій будетъ несчастіемъ для библіотеки, то, въ замѣну сего, она сдѣлается покойнымъ и прохладнымъ мѣстомъ для нѣсколькихъ чиновниковъ, которыхъ вся должность будетъ состоять въ томъ, чтобы часа на два прійти въ библіотеку, чтобы прочесть газеты, и за это получать жалованье.

На предупрежденіе такихъ-то случайностей должно обратить все свое вниманіе просвѣщенное Московское общество. Оно не должно забывать, что для него собственно, щедротою Государя Императора, Румянцевскій Музей и Библіотека перенесены въ Москву. Будетъ ли оно равнодушно къ столь благодѣтельному желанію Государя усилить нашу любовь и даровать средства къ нашему просвѣщенію? Да содѣйствуетъ же оно его священной волѣ ревностнымъ участіемъ въ храненіи и обогащеніи сего сокровища, да не считаетъ для себя чуждымъ того, что даровано ему Августѣйшимъ Монархомъ! Ибо извѣстно, что тогда только процвѣтаютъ подобнаго рода учрежденія, когда каждое лице, пользующееся ими, видитъ въ нихъ какъ бы свою собственность, и въ такомъ смыслѣ употребляетъ всѣ усилія къ храненію и обогащенію такой собственности.

Чтобы убѣдиться въ истинѣ сихъ словъ, пусть обратятъ вниманіе на частныя библіотеки, въ храненіи и обогащеніи которыхъ по этому имѣютъ особенный интересъ ихъ владѣльцы. Не много прошло времени, какъ въ Москвѣ разнесся слухъ объ открытіи для публики Библіотеки покойнаго А. Д. Черткова. И посмотрите, въ сколь краткое время, по распространеніи сего слуха, она приведена въ порядокъ и снабжена каталогомъ, и не однимъ, а тремя, составленными съ такою тщательностію, что они не уступаютъ лучшимъ каталогамъ, составленнымъ иностранными учеными. Уваженіе и благодарность владѣтелю Библіотеки за его столь ревностное содѣйствіе къ отечественному просвѣщенію! Честь и слава Г-ну Бартеневу, столь умно, столь отчетливо и добросовѣстно, въ столь краткое время, исполнившему принятую на себя обязанность разбора и расположенія библіотеки и составленія для нея каталоговъ! Намъ говорятъ, что мало въ ней бываетъ

посѣтителей, но надо принять во вниманіе то, что эта Библіотека есть только спеціяльная и состоитъ только изъ книгъ по части Русской Исторіи. Скорѣе надо удивляться тому, что Библіотека Публичная, обогащенная всякаго рода книгами и всѣми выходящими новостями, имѣетъ посѣтителей не болѣе Чертковой! Еще насъ обрадовало въ столицѣ нашей недавнее открытіе Библіотеки, состоящей изъ драгоцѣннаго собранія книгъ рѣдчайшихъ, принадлежавшаго покойному Князю Михайлу Александровичу Голицыну, и не только одной Библіотеки, но при ней и Галереи превосходныхъ картинъ работы знаменитѣйшихъ художниковъ. [10] Сколь пріятно мыслить, что имена славныхъ фамилій увѣковѣчиваются въ потомствѣ не только политическими и военными Государственными заслугами, но и любовію къ просвѣщенію. Здѣсь невольно обращается мысль наша къ памяти знаменитаго вельможи вѣка Екатерины и Александра, Князя Николая Борисовича Юсупова. Всей Московской публикѣ извѣстна особенная любовь къ изящнымъ искуствамъ сего, какъ выразился о немъ Пушкинъ, питомца Аристиппповой школы. Кто не удивлялся изящному его вкусу въ выборѣ картинъ для своей Галереи? Какой, даже и не посвященный во всѣ таинства искуства, не восхищался ими въ такой же мѣрѣ, какъ и знатокъ и художникъ? Вотъ лучшее свидѣтельство тонкости его вкуса. Но не всѣмъ извѣстно, какимъ обширнымъ знаніемъ литтературы, древней и новой, обладалъ Князь. И нѣтъ сомнѣнія, что многіе съ удивленіемъ услышатъ, что онъ былъ отличный знатокъ въ Греческомъ и Латинскомъ языкѣ. Мы знаемъ отъ достовѣрныхъ свидѣтелей, какъ, при появленіи Эдипа Озерова, въ домашней бесѣдѣ съ нѣкоторыми любителями литтературы, между которыми былъ и И. И. Дмитріевъ, Князь, сравнивая подражаніе съ оригиналомъ, цитовалъ цѣлыя мѣста изъ Софокла, переводя ихъ по Русски, и удивилъ всѣхъ обширною ученостію и тонкимъ вкусомъ. Но самымъ лучшимъ свидѣтельствомъ словъ нашихъ можетъ служитъ его знакомство съ ученѣйшими Европейскими Филологами того времени и, въ особенности, дружба съ знаменитымъ Еллинистомъ Фалькенаромъ,

---

[10] Трудъ устройства сей библіотеки принялъ на себя Г. Гинсбургъ, и съ такою любовію посвятилъ себя сему дѣлу, что и доселѣ не перестаетъ пріобрѣтать, если что встрѣтитъ любопытное и рѣдкое.

который былъ его учителемъ въ Греческомъ языкѣ и посвятилъ ему свое изданіе Теокрита. Это посвященіе такимъ служитъ свидѣтельствомъ въ знаніи Князя Греческаго языка, и столь интересно и по указанію на его любезный характеръ, что мы, сообщая здѣсь небольшую изъ него выписку, надѣемся доставить удовольствіе просвѣщенному читателю. Вотъ это посвященіе:

«Посылаю тебѣ, любезный Князь, не неожиданнаго для тебя Теокрита съ Біономъ и Мосхомъ, въ томъ видѣ, въ какомъ ты желалъ имѣть его, не обремененнаго обширными примѣчаніями, но гораздо исправнѣйшаго, нежели какъ онъ былъ изданъ прежде. Я не могъ представить тебѣ, по возвращеніи твоемъ въ отечество изъ знатнѣйшихъ Государствъ Европы, пріятнѣйшаго дара.

«Получивъ сію книжку, я надѣюсь, что ты, какъ и самъ часто говоришь въ своихъ письмахъ, съ удовольствіемъ припомнишь время пребыванія твоего въ Лейденѣ, которое и для меня было пріятнѣйшимъ, когда я читалъ съ тобой Теокрита, Гомера, Софокла, Еврипида и другихъ стольже славныхъ писателей. Другая побудительная причина къ составленію сей книжки была—желаніе загладить предъ тобой вину свою. Я помню, какъ ты, во время своего пребыванія у насъ, бывъ совершенно свободнымъ отъ всѣхъ другихъ занятій, предъ самымъ вакаціоннымъ временемъ, изъявилъ мнѣ желаніе читать со мной, въ продолженіе лѣта, Греческихъ писателей; помню, сколько я употребилъ отговорокъ, чтобы извинить себя передъ тобой необходимостію отъѣзда изъ города хотя на ближайшіе мѣсяцы; помню, сколько разъ повторялъ, что я живу только деревнею и музами, что желаю совершеннаго спокойствія хотя на нѣсколько недѣль; помню, съ какою готовностію и снисходительностію уступилъ ты моему желанію и, въ угожденіе мнѣ, гораздо долѣе прожилъ у насъ, нежели какъ, по видимому, предполагалъ сначала. Въ послѣдствіи же, когда я узналъ твой кроткій и любезный характеръ, когда увидѣлъ въ тебѣ, такъ сказать, образецъ вѣжливости, внимательности ко всѣмъ и скромности, чуждой всякаго высокомѣрія, я устыдился этой своей настойчивости и этого объясненія съ тобою при первомъ нашемъ свиданіи. Тридцать семь лѣтъ я училъ Греческому языку въ двухъ Университетахъ нашего Государства, и ни въ комъ изъ моихъ, даже отличнѣйшихъ, слушателей не нашелъ столь твердой и столь постоянной любви къ изящнымъ наукамъ, даже и не воображалъ ниже-

гда, чтобы между лицами твоего званія нашлись такія, которыя бы могли быть увлечены прелестью древней литературы. По пріѣздѣ твоемъ сюда, ты, противъ принятаго обыкновенія, ухватился сперва за труднѣйшее и важнѣйшее; но какъ только вкусилъ душей величіе Римской и красоту Греческой Словесности, то ни какими уже шутками своихъ сверстниковъ, которые, по суду твоему, были холоднѣе снѣговъ Московскихъ, ни какими убѣжденіями другихъ лицъ, не могъ быть отвлеченъ отъ предположенной цѣли. По своей скромности, сначала ты не довѣрялъ себѣ. Но рѣшившись сдѣлать опытъ, при благопріятствующемъ успѣхѣ, всего себя посвятилъ изученію того языка, къ познанію котораго стремился съ такимъ жаромъ, и въ краткое время столь счастливые сдѣлалъ въ немъ успѣхи, что многихъ привелъ въ стыдъ, получивъ достойную за трудъ свой награду. Когда, въ Парижѣ, Италіи и другихъ городахъ Европы ты, какъ истинный любитель и знатокъ, осматривалъ рукописные памятники древней Греціи, какихъ не получилъ похвалъ, свидѣтельствующихъ о твоихъ познаніяхъ въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, отъ ученыхъ хранителей тамошнихъ библіотекъ? Зная хорошо людей и свѣтъ, ты поймешь, какъ я былъ восхищенъ наполненнымъ твоими похвалами письмомъ Парижскаго Академика Вилуазона, [11] славою почти равнаго своимъ ученымъ соотечественникамъ прошлаго столѣтія? Но меня, не смотря на все мое сочувствіе къ этимъ похваламъ, не смотря на все уваженіе къ твоей любви къ симъ занятіямъ, меня болѣе всего плѣнили твой прямодушный характеръ, чуждый всякой надменности, непритворная, чистосердечная любовь къ истинѣ, и духъ, исполненный всего благороднаго. Присовокуплю еще, что особенно считаю важнымъ: въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ пребыванія твоего у насъ, почти не проходило дня, въ который бы ты хотя нѣсколько часовъ не провелъ въ дружескихъ разговорахъ со мною и не предпочелъ моей бесѣды обращенію въ кругу своихъ сверстниковъ. И такъ ты не удивишься, когда я скажу тебѣ, что разлука моя съ тобой, при первомъ твоемъ отъѣздѣ отъ насъ въ Англію, оставила глубокую печаль въ душѣ моей.»

---

[11] Кромѣ многихъ изданій разныхъ, прежде не изданныхъ, Греческихъ памятниковъ, онъ особенно прославился критическимъ изданіемъ Венеціянскихъ схолій на Иліаду.

Сей выписки довольно къ славѣ нашего знаменитаго вельможи. Далѣе авторъ питаетъ надежду, что «примѣръ Князя будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на его соотечественниковъ, и что, въ правленіе Великой Жены, обладательницы столь обширнаго Государства, при содѣйствіи Князя, будутъ вызываемы изъ просвѣщенныхъ Государствъ въ Россію не только геометры, механики, физики, но и мужи, свѣдущіе въ обоихъ классическихъ языкахъ, для распространенія Древней Словесности въ нашемъ отечествѣ; ибо какой другой способъ смягчить грубые нравы и разогнать мракъ невѣжества? Изъ какого источника, кромѣ классическихъ писателей древности, Государственный мужъ почерпнетъ лучшіе уроки въ управленіи дѣлъ общественныхъ?» и проч.

Прочитавъ, это безъ сомнѣнія, никто не осмѣлится сказать, что такое посланіе вызвано богатствомъ и знатностію, и мы, выписывая изъ него сіе мѣсто, желали подѣлиться съ просвѣщенными читателями тѣмъ удовольствіемъ души, которое необходимо ощущаетъ всякой любитель классическаго образованія, видя въ знатныхъ своихъ соотечественникахъ столь ревностное, столь безкорыстное служеніе тѣмъ музамъ, которымъ самъ служитъ. [12] Впрочемъ, какъ предметъ нашего разсужденія—публичныя библіотеки, то какъ не пожелать, чтобы прямому наслѣднику столь славнаго имени, внуку знаменитаго просвѣщеніемъ дѣда, Богъ внушилъ благодѣтельную мысль украсить нашу Москву, столь любимую и никогда не оставляемую его дѣдомъ, открытіемъ собранной имъ библіотеки (о которой такъ много мы слышали), и при ней столь извѣстной картинной Галереи? Думаемъ, что въ библіотекѣ найдется не мало книгъ, присланныхъ въ свое время Князю учеными мужами и съ ихъ под-

---

[12] Вотъ еще и другое свидѣтельство особенной любви къ Греческой литературѣ Князя Николая Борисовича. Оно находится въ книгѣ: «Voyage en Pologne, Russie, Suède, Danemarc etc. par W. Coxe, traduit par Mallet. Genève 1786, 2 v. in 4°,» и сообщено мнѣ въ выпискѣ С. А. Соболевскимъ Вотъ слова автора (I. v., p. 169): «Matthaei a pris le parti de donner une notice préliminaire générale et abregé (des manuscrits grecs de la bibliothèque du Saint Synode) sous le litre: «Index codicum» etc., in 4°. S.-Pétersbourg 1780. Cet Index est précedé d'une introduction fort interessante et fort instructive, dans la quelle on apprend, que l'auteur l'a composé pour l'usage du prince Yusapof, qui fait ses delices de la litterature grecque.»

писями; можетъ быть тамъ хранится и его переписка съ ними. Такіе памятники всегда драгоцѣнны для просвѣщеннаго потомства. Мы бы еще желали (да простятъ нашей, можетъ быть, слишкомъ затѣйливой фантазіи!), чтобы помѣщеніе для галереи и книгохранилища было въ зданіи, близкомъ къ тому прародительскому дому славной фамиліи, который доселѣ представляетъ въ себѣ единственный въ Москвѣ памятникъ домашняго устройства и быта вельможъ времени Царей нашихъ. Да хранится и онъ въ своемъ первобытномъ видѣ, и да будетъ отворенъ для любопытствующей публики!

Д. Чл. А. Кубаревъ.

КАКЪ ТРУДНО ЗАЩИЩАТЬ ДѢЛО,

КОТОРОЕ САМО СЕБЯ НЕ ЗАЩИЩАЕТЪ.

Академикъ Рупрехтъ сдѣлалъ «Замѣчанія на Докладъ Коммиссіи, разсматривавшей Проектъ Устава и Штатовъ Императорской Академіи Наукъ, и на Отдѣльныя замѣчанія о томъ же предметѣ одного изъ Членовъ оной Коммиссіи.» Онъ пришелъ къ убѣжденію, что «во всемъ донесеніи Коммиссіи не встрѣчается ни одной мысли, ни одного указанія, которыя пригодились бы Академіи для исправленія ея Устава» (стр. 18). Основателенъ ли этотъ приговоръ, читатель статьи Г. Рупрехта ни коимъ образомъ рѣшить не можетъ, по тому что мнѣнія Коммиссіи, особенно значительнѣйшія, даже и не именуются ея строгимъ изобличителемъ, и тѣ указанія Коммиссіи, съ которыми Г. Рупрехтъ, по видимому, ведетъ войну, приводятся съ большою осторожностію, какъ бы показываются изъ подъ полы, за которой они тщательно припрятаны. По этому, я думаю, что было бы всего лучше доставить полную гласность какъ мнѣніямъ Коммиссіи и одного изъ ея Членовъ, такъ и критическимъ замѣчаніямъ на оныя Г. Рупрехта, разумѣется, въ одно и то же время, и притомъ въ изданіи, доступномъ возможно большему числу читателей. Правда, Докладъ Коммиссіи и Замѣчанія одного изъ Членовъ ея уже напечатаны, но напечатаны въ изданіи, которое, по своей спеціяльности, не всякому извѣстно, на что даже самъ Г. Академикъ жалуется, утверждая, что Докладъ Коммиссіи по этой-то причинѣ долго оставался и ему не извѣстнымъ, въ чемъ мы, однако, безусловно довѣрить его словамъ не можемъ, и если бы онъ пожелалъ когда либо узнать отъ насъ этѣ причины, охотно готовы служить ему въ томъ. Впрочемъ, онъ и самъ откроетъ ихъ, буде только со вниманіемъ перечтетъ

свои Замѣчанія и сообразитъ все, творившееся въ Академіи Наукъ до написанія оныхъ.

Можетъ быть Коммиссія и была пристрастна, какъ это утверждаетъ почтенный Академикъ. Но источникъ этого пристрастія былъ самый чистый. Это — Высочайшее повелѣніе «усилить ученую дѣятельность Академіи, направивъ оную преимущественно на пользу Россіи.» Вотъ исходная точка для мнѣній Коммиссіи. Г. Рупрехтъ не обратилъ на это ни какого вниманія. Есть безпристрастіе, свойственное камню, который, возносясь надъ всѣми національностями, съ одинаковымъ равнодушіемъ отправляетъ свою функцію въ Петербургѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и т. д. «Патріотизмъ не касается науки,» говоритъ нашъ изобличитель. «Наука есть общее достояніе всѣхъ образованныхъ народовъ.» Академія Наукъ есть для него учрежденіе международное, запомнѣте, — международное (стр. 12). A priori слѣдуетъ, что къ учрежденію такого рода непримѣнимо Высочайшее повелѣніе направить дѣятельность его преимущественно на пользу Россіи. Коммисія не была предувѣдомлена, что она имѣетъ дѣло съ учрежденіемъ международнымъ. Коммиссія также имѣла слабость думать, что понятіе о наукѣ, какъ объ общемъ достояніи всѣхъ образованныхъ народовъ, ни сколько не помѣшало бы Академіи Наукъ направить свою дѣятельность преимущественно на пользу Россіи, и въ этомъ предположеніи она желала, чтобы Академики были полезны Россіи болѣе непосредственно, нежели, какъ оказывается, полезны ей всѣ Европейскіе ученые, изъ которыхъ каждый публикуетъ свои труды на языкѣ, не родномъ для насъ. Объ этихъ существеннѣйшей важности отношеніяхъ и другихъ, имъ подобныхъ, статья не говоритъ ни слова. На скромное желаніе Коммиссіи слышать въ стѣнахъ Академіи Русскую рѣчь и видѣть универсальныя мысли Академиковъ облеченными въ царственную одежду Русскаго слова, Г. Рупрехтъ отвѣчаетъ: «Коммиссія хочетъ, чтобы Русскій ученый міръ былъ огражденъ отовсюду, подобно Китайско-Японскому, и даже еще строже» (стр. 19). Дѣйствительно, скажемъ мы, Коммиссія хотѣла чего-то, по видимому, подобнаго, но въ сущности не этого: она хотѣла, чтобы Академическій ученый міръ не былъ огражденъ отъ Русскаго міра подобно Китайско-Японскому и даже еще строже. Не такъ ли, Г. Рупрехтъ? Это вопросъ совѣсти.

Вы утверждаете, что «Коммиссія хочетъ, чтобы Петербургская Академія со степени первоклассной международной Академіи сошла на степень неизвѣстнаго въ остальномъ мірѣ и безконтрольнаго учрежденія, равнаго по значенію Академіямъ Языка и Литературы.» Стало, по Вашему, и Англійское Royal Society, упорно величаемое Вами Академіей, а не Обществомъ, какимъ оно дѣйствительно, и всѣ тѣ дѣйствительныя Академіи Наукъ, которыя разрабатываютъ науку на родномъ языкѣ, не могутъ обращать на себя ни чьего вниманія, достигнуть перваго класса, остаются безконтрольными, какъ Академіи Языковъ и Литературъ? И это проповѣдуетъ Академикъ? Да развѣ Академіи и ученыя Общества обязаны своей извѣстностью тому, что онѣ пишутъ на томъ, или другомъ, общеизвѣстномъ языкѣ? Что толку, если иные Академическіе труды на Нѣмецкомъ и Французскомъ такого рода, что, читая ихъ, не рѣдко приходится краснѣть вчужѣ, видя, что такое жалкое кропанье дѣлается общедоступнымъ ученымъ всего міра, когда хотѣлось бы совершенно противнаго? Не бѣда еще, когда сочиненіе дѣльное становится поздно извѣстнымъ за границей; во сто разъ хуже, когда дурное опережаетъ его. Хорошее, не безпокойтесь, проложитъ себѣ путь и за рубежъ, особливо въ вѣкъ такого общенія и обобщенія мыслей и дѣйствій, каковъ нашъ, а посредственность, будетъ ли она выражена по Нѣмецки, или по Французски, останется такой навсегда, и, конечно, для нея же лучше, чтобъ она тамъ и нашла себѣ гробъ, гдѣ родилась.

Другія побужденія, не дозволяющія, по мнѣнію Академика, водвориться Русскому языку въ Академіи Наукъ, я только назову здѣсь:

1. Это, прежде всего, коммиссіонерскіе и экономическіе разсчеты, касающіеся книжнаго магазина Академіи и удобнѣйшаго сбыта книгъ за границей (стр. 9).

2. Убѣжденіе въ томъ, что Французскій и Нѣмецкій языки суть универсальные, какъ въ этомъ удостовѣряется Г. Рупрехтъ изъ факта преподаванія этѣхъ языковъ въ Русскихъ училищахъ (тамъ же).

3. Удобство, какое находитъ сочинитель въ избраніи Латинскаго языка за органъ Академіи, полагая, что вотъ этотъ языкъ будетъ заподлинно универсальный (тамъ же).

4. Наблюденіе, что много научно-пустаго скрывается на малозвѣстныхъ языкахъ, при чемъ нашему исполинскому слову, какъ надобно подразумѣвать, отводится мѣсто между послѣдними (стр. 10).

5. Употребленіе Русскаго языка воспрепятствуетъ Академикамъ внушать надлежащее уваженіе ученой Европѣ (къ кому?) и принимать современное участіе во всемірномъ развитіи науки (стр. 12).

Это такія перлы, которыя стоитъ только показать міру, не отдѣлывая ихъ. Даже сочинитель принимаетъ за аргументъ и то, что Академическіе труды пишутся прежде всего для ученыхъ (тамъ же); и этотъ аргументъ почерпаетъ свою силу видимо изъ сокрытаго предположенія, что Русскіе люди не могутъ быть учеными.

Такъ, если сочинитель жестоко порицаетъ Коммиссію, то онъ также не щадитъ и Россіи: да и за чѣмъ щадить ее? «Патріотизмъ не касается науки» (стр. 12).

Въ «Замѣчаніяхъ» Г. Рупрехта и слова не говорится о кругѣ Академическихъ Наукъ и объ ихъ правильной организаціи. Этотъ предметъ будто вовсе не лежитъ на сердцѣ сочинителя: думать объ немъ каждому позволяется, что угодно. Доказательство на это находимъ въ статьѣ другаго Академика, помѣщенной въ № 54-мъ «Московскихъ Вѣдомостей» текущаго года, въ которой прямо высказана мысль, что дѣйствующій Уставъ Академіи Наукъ такъ хорошъ, что нѣтъ необходимости передѣлывать его. По чему же бы это, спроситъ кто либо? По тому, что «Уставъ есть самое послѣднее въ жизни ученой корпораціи; гораздо важнѣе его преданія и обычаи, сложившіеся временемъ и поддерживающіе въ ней ея духъ;» далѣе, «да онъ вовсе и не древній еще» (съ 1836 г.). Что до этого всего, дѣйствительно, для нашей Академіи Наукъ, какъ показала вся исторія ея существованія, преданія и обычаи, сложившіеся въ ней временемъ, гораздо важнѣе и выше всего. Не говоря уже о томъ, что происходило въ ней, въ силу предпочтенія Членами ея преданій и обычаевъ закону, въ прошломъ столѣтіи, когда частенько Академики, стоявшіе за такую почтенную старину, наступали на про-

тивниковъ своихъ, указывавшихъ имъ на Уставъ, съ кулаками и дреколіями и беззазорно позволяли себѣ такіе поступки, что никто не хотѣлъ вѣрить имъ, хотя они не подлежали ни малѣйшему сомнѣнію и засвѣдѣтельствованы самими актами, напомнимъ только отзывъ объ Академіи нашей не такъ далекаго времени, отзывъ самаго Президента ея, Графа С. С. Уварова, который, въ «Запискѣ» своей, поданной Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, такъ выразился о томъ, въ какомъ положеніи нашелъ онъ ее. «По части хозяйственной: Большія средства Академіи, по причинѣ долговременнаго безначалія, или исчезли, или ослабѣли; ни какихъ слѣдовъ благоразумнаго хозяйственнаго управленія. Вообще мало попеченій о казенномъ, все употреблено на частныя выгоды. Почасти ученой: Тотъ же самый духъ безначалія, который ощутителенъ въ хозяйственной части Академіи, еще болѣе чувствителенъ по части ея ученыхъ занятій. Неуваженіе къ общему мнѣнію, частныя ненависти и пріязни, личности всякаго рода, произвели издавна совершенный недостатокъ единодушія и прекратили всю дѣятельность Академіи» (Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древност. Россійск. 1865, кн. 3, отд. 5, стр. 336 — 338). Не то же ли и теперь, по крайней мѣрѣ, время отъ времени проявляется, если только справедливы тѣ подвиги ея, на которые указываетъ В. И. Ламанскій въ №№ 77 и 78-мъ газеты «Голосъ»? Развѣ все это происходитъ не въ силу того убѣжденія, что преданія и обычаи, сложившіеся временемъ въ Академіи и поддерживающіе въ ней ея духъ, важнѣе и выше ея Устава? И развѣ можемъ мы ожидать чего либо другаго и въ будущемъ, когда, какъ ни въ чемъ не бывало, высказывается это словно догматъ, исповѣданіе? Слѣдовательно, передѣлка Устава предпринята не съ тѣмъ, какъ открывается теперь ясно для всѣхъ, чтобъ улучшить его; нѣтъ, Боже сохрани! «Уставъ, говоритъ одинъ изъ Академиковъ, есть самое послѣднее въ жизни ученой корпораціи» (слова эти я повторяю съ намѣреніемъ: это чистое золото, и достойны того, чтобы вырѣзать ихъ на металлѣ и, если возможно, еще на чемъ либо болѣе твердомъ и способномъ противиться вліянію времени сколь можно долѣе и упорнѣе). Но что же такое подняло нашу Академію на ноги, заставило ее произвесть шумъ и вопль многъ? Академикъ «Московскихъ Вѣдомостей» откровенно выразился: «Важнѣе всего (т. е., внутренняго устройства, которое

онъ называетъ вопросомъ частнымъ) для Академіи Наукъ возвышеніе Академическихъ штатовъ. Это стоитъ, замѣчаетъ онъ, на первомъ планѣ; это потребность безспорная; безъ этого Академія не Академія,» и г. д., и т. д. То же самое твердитъ и другой Академикъ, Г. Рупрехтъ.

Денежная сторона дѣла находитъ и въ немъ горячаго защитника. То вычисляется, во сколько Академія Наукъ обходится дешевле казнѣ каждаго изъ Университетовъ (стр. 16), то измѣряются матеріяльныя выгоды Академика и Профессора Университета (тамъ же); даже сочинитель не задумался указать на то, что пенсіонъ Академика ограниченнѣе жалованья учителя Русскаго языка въ Гимназіяхъ Царства Польскаго (стр. 17). Послѣднее сравненіе особенно характеристично: «патріотизмъ не касается науки.» По чему бы, послѣ этого, и Профессорамъ Университета не указывать, въ свою очередь, на то, что, на примѣръ, Судебные Слѣдователи есть, или бываютъ, больше обезпечены, нежели Профессоры Университетовъ? Но Богъ съ Вами и съ Вашимъ мнѣніемъ объ обезпеченіяхъ! Коммиссія выразила по этому предмету въ своемъ Докладѣ то лишь, что она считала за лучшее. Если это лучшее по чему либо недостижимо, слѣдуетъ ограничиться возможнымъ. Итакъ, просите какихъ угодно поддержекъ, но говорите прежде всего и пишите непремѣнно по Русски. Пусть ваши оклады и пенсіоны будутъ блестящіе и самые завидные въ мірѣ! Не куда шло! Только уже согласитесь, что Вы, пользуясь такимъ благомъ еще на земли, должны быть полезны Россіи, но полезны не въ томъ смыслѣ, въ какомъ полезны ей всѣ безъ изъятія Европейскіе ученые. Или и здѣсь позволитъ совѣсть изворачиваться и отводить глаза толками объ универсальности Французскаго и Нѣмецкаго языковъ, умалчивая объ Англійскомъ, и разсужденіями о выгодахъ избрать языкъ Латинскій, увѣреніями, какъ вредно для самой науки (по видимому, составляющей Ваше единственное Божество) работать на такомъ языкѣ, каковъ языкъ Русскій, и опасеніями за судьбу Вашихъ безцѣнныхъ и геніяльныхъ произведеній, долженствующихъ по тому на вѣки быть сокрытыми отъ ученаго свѣта, или, по меньшей мѣрѣ, на долго и долго?...

Коммиссія замѣчала, что Проектъ полонъ противорѣчій, и что онъ относится къ дѣлу слишкомъ легко. Сочинитель тоже не меньше

легко относится къ этому дѣлу. Безмѣрное и необыкновенное право, которое усвоялъ Академіи Проектъ — принимать молодыхъ людей на частную службу Академиковъ, и потомъ, по усмотрѣнію, давать имъ, за личныя услуги, чины, — это право Г. Рупрехтъ отмѣняетъ однимъ почеркомъ пера. Хорошъ же вообще признакъ, когда такъ легко отказываются отъ Проекта (стр. 19) и отъ подкрѣпленныхъ въ немъ доводами мнѣній! Но какъ же послѣ этого сочинитель могъ сказать, что Коммиссія не дала ни одного указанія, которое пригодилось бы для поправленія Устава?

Мнѣніе Коммиссіи, что Профессоры за ученую дѣятельность не получаютъ ни копѣйки, и что вознагражденіе идетъ имъ только за дѣятельность Профессорскую, учебную (стр. 14), сочинитель встрѣчаетъ съ ироніей: «Какая тонкость со стороны Коммиссіи! Для чего? Ей хочется доказать, что за ученые труды Академиковъ не должно ничего платить. На это можно отвѣчать Коммиссіи: если Члены ея получаютъ жалованье только за свою учебную дѣятельность, то лишь послѣдняя была бы ихъ обязанностію; но если, по исполненіи этой обязанности, у нихъ еще останется лишнее время, то имъ предоставляется свобода и честь употреблять это время на ученые труды, съ тѣмъ, однако, чтобы эти послѣдніе не оказывали вреднаго вліянія на ихъ настоящую службу..

Сочинитель началъ за упокой, а кончилъ за здравіе; онъ защищаетъ Коммиссію:

а) Ученые труды могутъ оказывать вредное вліяніе на учебную дѣятельность. Можетъ ли за такіе труды вознаграждаться Профессоръ жалованьемъ?

б) Учебная дѣятельность есть обязанность, а ученая — дѣло свободы и чести. Можетъ ли гдѣ ни будь въ Россіи, въ Англіи, даже Турціи, быть положено жалованье за дѣла свободы и чести, а не за обязанности? Но именно дѣло Академиковъ есть дѣло свободы и чести. Какъ же тутъ клеится жалованье? Г. Рупрехтъ не кончилъ своего разсужденія. Ему слѣдовало бы еще спросить: что такое служба, и подходитъ ли подъ идею службы занятіе Академика, кабинетное, не способное къ контролю? Коммиссія доставила ему по этому предмету богатый матеріялъ: она доказала,

что дѣятельность Академика есть дѣло свободы и чести. Рупрехтъ же, между тѣмъ, утверждаетъ, что Коммиссія уронила достоинство Академіи. Чѣмъ уронила? Не тѣмъ ли именно, что ея занятія считала дѣломъ свободы и чести?

Онъ усиливается доказать, что «Академическіе труды открываютъ новый путь знанію, вносятъ въ ученый міръ новые факты. Такіе только труды должно признавать Академическими» (стр. 15). Блаженъ, кто вѣруетъ такимъ завѣреніямъ! Къ сожалѣнію, это идеалъ недостижимый, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ Академій. Такъ бы должно было быть, но не такъ на самомъ дѣлѣ бываетъ и даже есть. Что за прелесть было бы, въ самомъ дѣлѣ, для Профессоровъ Университетовъ, если бы это совершали наши Академики! Дѣйствительно, имъ тогда «оставалось бы, признавъ такія великія открытія, согласить только прежнее ученіе съ этѣми новыми фактами; выкидывать изъ своихъ лекцій цѣлыя даже главы, какъ сомнительныя, устарѣлыя, безполезныя, или невѣрныя» (тамъ же). Но то ли на самомъ дѣлѣ? Шлемся на Профессоровъ всѣхъ Русскихъ Университетовъ, часто ли приходится имъ такъ поступать, въ слѣдствіе безсмертныхъ открытій нашихъ Русскихъ Академиковъ, даже вообще Академиковъ, безъ различія мѣста жительства, происхожденія и т. п.? Пусть каждый изъ нихъ скажетъ, положа руку на сердце, по совѣсти, къ кому чаще приходится имъ прибѣгать въ этомъ случаѣ, къ Академикамъ ли, или же Профессорамъ, и просто ученымъ? Кто больше составилъ, ну, хоть учебниковъ, которые, по словамъ, Г. Рупрехта, «содержатъ въ себѣ все вновь открытое, направляющее, движущее, высшее» (тамъ же), Академики ли, или Профессоры, и вообще ученые?

Нашъ Академикъ въ особенности негодуетъ на Коммиссію за одно положеніе изъ числа шести, выставленныхъ ею подъ конецъ своего Доклада, именно: то, въ которомъ говорится, что «учрежденіе спеціяльныхъ ученыхъ Обществъ при разныхъ Правительственныхъ Вѣдомствахъ показываетъ, что Академія Наукъ не достигала своей цѣли.» Въ отвѣтъ онъ предлагаетъ «обратиться Коммисіи къ, оставшимся ей неизвѣстными, Академическимъ рѣчамъ бывшаго Непремѣннаго Секретаря Академіи, Миддендорфа, изъ которыхъ она могла бы еще понаучиться кое-чему.» Напрасный совѣтъ! Коммиссія не только знакома съ этѣми образцами Академи-

ческаго краснорѣчія, глубокомыслія и правды, но и съ прочими, подобными и неподобными имъ, произведеніями непремѣнныхъ глашателей безцѣнныхъ трудовъ нашей Академіи. Указывая на ученыя Общества, Коммиссія равнымъ образомъ не думала дѣлать ни какихъ Астрономическихъ открытій, тѣмъ болѣе величественныхъ, а считала себя обязанною высказать свое искреннее желаніе, чтобы Академія Наукъ, по своему положенію, средствамъ, преимуществамъ, правамъ и въ особенности тѣмъ предъявленіямъ, которыя она внесла въ Проектъ новаго Устава и Штатовъ, стояла какъ звѣзда между прочими звѣздами, и свѣтила бы, если можетъ, какъ звѣзда первой величины. Пожеланіе, кажется, благонамѣренное, даже законное, буде удастся Академіи счастливо провести между Сциллой и Харибдой свою ладью, обремененную такимъ тяжеловѣснымъ грузомъ требованій, притязаній и Богъ вѣсть чего.

Г. Рупрехтъ увѣряетъ, что «Академія никогда не препятствовала водворенію ученыхъ Обществъ; напротивъ, она сама положила основаніе нѣкоторымъ изъ нихъ» (стр. 18) и пр. Да, если только принимать за труды Академіи труды того, или другаго, Академика, приписывать дѣло единицы цѣлому легіону. Не на этомъ ли основаніи Г. Рупрехтъ увѣряетъ, что Академія Наукъ зародила и Московскій Университетъ? (стр. 24). Но по чему же она не хотѣла зародить Университета въ Петербургѣ, Кіевѣ и т. д., какъ предлагалъ ей Ломоносовъ, ежели уже пошло на то, что хорошее дѣло послѣдняго принадлежитъ цѣлой Академіи Наукъ, такъ дружно, такъ долго и упорно преслѣдовавшей его? По увѣренію Г. Рупрехта выходитъ, что Ломоносовъ чуть ли не Академію обязанъ и знаніемъ Латинскаго языка (стр. 5 — 6). Вотъ вамъ и знаніе Исторіи Академіи Наукъ со стороны Г. Рупрехта, упрекающаго Коммиссію съ такимъ самодовольствомъ въ незнаніи судебъ оной! Отъ такого рода знанія не поздоровится никому, тѣмъ болѣе самой Академіи, и Коммиссія не повѣритъ Академику Рупрехту въ томъ, что жалоба Нартова Сенату сочинена не Ломоносовымъ, по тому только, что, по увѣренію его, въ «Академіи сомнѣваются въ этомъ.» Мало ли въ чемъ въ Академіи сомнѣваются. Сомнѣваются же въ ней, на примѣръ, и въ необходимости направить свою дѣятельность, по непремѣнной волѣ Государя Императора, преимущественно на пользу Россіи, питающей и лелѣющей ее пасе

прочихъ ученыхъ учрежденій своихъ. Но Коммиссія какъ въ этомъ, такъ и въ томъ, что названное Донесеніе писано Ломоносовымъ, не сомнѣвается, по тому что мысль, высказанная въ ономъ, встрѣчается не разъ у Ломоносова (см. хоть «Краткую Исторію о поведеніи Академической Канцеляріи,» Ломоносова, въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1865, кн. 1, отд. V'). Стало быть, Коммиссія вовсе не смѣшала этѣхъ двухъ именъ (Нартова и Ломоносова); а по сему и филиппика Г. Академика, въ которую онъ пустился противу Коммиссіи, за мнимое смѣшеніе, дурно расчитана имъ и показываетъ скорѣе плохое знакомство съ его стороны съ Ломоносовымъ, какъ Академикомъ, чѣмъ Коммиссіи, которая хорошо его изучила и вполнѣ сознавала и сознаетъ, что говорила въ своемъ Докладѣ.

Напрасно также Г. Академикъ бросаетъ тѣнь на Коммиссію, яко бы она слѣдуетъ людямъ, «которые не хотятъ знать тѣхъ случаевъ, когда, во имя науки, приносятся въ жертву и здоровье и жизнь.» Въ знаніи этѣхъ случаевъ Члены Коммиссіи не уступятъ ни одному Академику на свѣтѣ, и для убѣжденія ихъ не нужно ни какихъ другихъ фактовъ, кромѣ фактовъ достовѣрныхъ, всѣмъ доступныхъ и понятныхъ, отнюдь же не фактовъ, опирающихся на воображаемыхъ жертвахъ и заслугахъ. Такія же заслуги, какія выставлены бѣднымъ, какъ Г. Рупрехтъ выражается, Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи, въ его публичной рѣчи, безъ малаго почти за полтора столѣтія существованія ея, развѣ могутъ быть принимаемы въ расчетъ, когда знаешь, для чего и когда этотъ послужной списокъ Академіи сдѣланъ? Панегирики не акты и не факты, пишутся ли они по Русски, по Французски, или по Нѣмецки, и разсылаются безплатно во всѣ концы вселенной. Слава Богу, теперь вѣкъ не тотъ; теперь подобнымъ витіямъ ничего болѣе не остается, какъ только безплатно разсылать свои вдохновенія. Но они жестоко ошибаются, если думаютъ, что число тѣхъ, кто читалъ, или слушалъ, ихъ похвальныя слова, изо ста будетъ 99, кои такъ и повѣрятъ вѣщаемому въ нихъ, такъ голова ихъ и закружится отъ ѳиміяма, воскуряемаго новыми Плиніями новымъ богамъ, божкамъ и великимъ смертнымъ. «Милый ты человѣкъ!» говорятъ нонѣ такимъ услужникамъ: больно что-то ужь распѣваешь, что ни на есть другое затѣваешь. Не синты ли, Фанты, заморскіе куранты?»

Вообще Академикъ Рупрехтъ пуще всего напираетъ на то, какъ смѣла Коммиссія сказать, что Академія Наукъ непремѣнно должна быть вполнѣ Русской, коли находится въ Русскомъ Царствѣ и на Русскомъ хлѣбѣ. Онъ всѣ усилія употребляетъ доказать, что это — дѣло второстепенное; что можно быть вполнѣ Русскимъ, не говоря и не пиша по Русски, и тѣмъ не менѣе даже превосходить самыхъ Русскихъ въ благонамѣренности, привязанности, любви, пользѣ и т. д. Напрасно говорятъ ему, что такъ вездѣ дѣлается и дѣлалось, гдѣ только народъ сознаетъ себя, уважаетъ собственное достоинство и желаетъ что ни будь значить въ исторіи. Пустяки все это, отвѣчаетъ онъ: выше всего для человѣка наука, которая по тому должна быть доступна всему міру, стало, орудіемъ ея долженъ быть такой языкъ, который какъ можно былъ бы распространенъ. А какъ такихъ языковъ теперь два, Нѣмецкій и Французскій, то на любомъ-то изъ нихъ и должны Академики вѣщать сѣдящимъ во тьмѣ свои откровенія. Вы спрашиваете его, отъ чего же Французы и Нѣмцы не дѣлаютъ того, а служатъ наукѣ на своемъ языкѣ?—Было время, когда и они умствовали на немъ.—Согласны. Отъ чего же бросили то? На это, конечно, нашъ Академикъ не считалъ нужнымъ отвѣчать. Если же они бросили это, то по чему же, буде они хорошо поступили и это оказалось для нихъ столь полезнымъ, по чему же и другимъ того не дѣлать? И точно, этѣ другіе въ самомъ дѣлѣ давно уже то и сдѣлали: каждый Европеецъ въ Европѣ и прочихъ частяхъ свѣта старается, если есть какая либо возможность, служить наукѣ на родномъ языкѣ, предпочтительно избираетъ его, вовсе не заботясь о томъ, чтобы написанное имъ не пропало даромъ. Онъ увѣренъ, что, буде оно точно достойно памяти, не пропадетъ, а не достойно, — туда ему и дорога! Было время, повторимъ и мы, для большой части Европейцевъ, когда они прибѣгали къ чужому языку, но было и прошло; потомъ наступило время и для ихъ языка. Такъ точно и для Русскихъ было время, когда и у нихъ Академики, Профессоры и т. п., прибѣгали, въ области наукъ, къ посредству Латинскаго, Французскаго и даже Нѣмецкаго языка (къ послѣднему, конечно, меньшинство, за исключеніемъ Русскихъ Академиковъ, если не ошибаемся, съ половины прошлаго столѣтія). Но Латинскій языкъ уступилъ мѣсто свое давно уже отечественному; другой, хотя не въ такой мѣрѣ въ области науки,

какъ въ свѣтскомъ обществѣ, долѣе держался, но и онъ мало по малу отступаетъ передъ Русскимъ даже въ самыхъ уже обществахъ высшаго полета. О Нѣмецкомъ нечего и говорить. Кто у насъ Нѣмцы? По большой части Прибалтійцы, нерѣдко смѣшаннаго происхожденія, да нѣсколько залетныхъ птицъ изъ разныхъ мѣстъ Нѣмецкаго Vaterland. Но не уже ли, ради этого разнопестраго налета, прикрывающаго знаменемъ науки совсѣмъ ненаучные замыслы и стремленія, какъ показалъ то намъ долгій и тяжелый опытъ, не уже ли ради него Русскій языкъ и теперь еще не получитъ права гражданства, подобающаго ему по всему въ Русской Академіи и въ Русскомъ Государствѣ? Не уже ли, повторяемъ, Высочайшая воля, выраженная такъ прямо, положительно и безповоротно: «усилить ученую дѣятельность Академіи, направивъ оную преимущественно на пользу Россіи,» можетъ быть еще такъ понимаема, какъ понимаетъ ее Г. Рупрехтъ, который, ссылаясь на нее, не смѣлъ даже привести ее вполнѣ, а лишь первую половину Высочайшихъ словъ, и то перефразируя оныя: «Академія должна быть усилена,» подобно тому, какъ это въ недавнее время было съ Университетами» (стр. 14)? То есть, очевидно, для него и подобныхъ ему, всѣ дѣло, вся суть, заключается въ усиленіи матеріяльномъ; все же прочее, какъ выразился уже одинъ изъ нихъ, — можетъ остаться, пожалуй, въ прежней силѣ (см. выше). «Возвышеніе Академическихъ Штатовъ — вотъ что намъ, Академикамъ, нужно; вотъ что стоитъ на первомъ планѣ; вотъ что потребность безспорная,» и т. д. Съ какою горячностью, можно сказать, доходящею до пафоса, витійствуетъ объ этомъ на нѣсколькихъ страницахъ (7 — 13) нашъ Академикъ, удивительно и непонятно, и мы бы очень желали подѣлиться съ читателями его краснорѣчіемъ, если бы, съ одной стороны, не боялись утомить вниманіе ихъ большою выпиской, а съ другой, чего добраго! навлечь на себя обвиненіе въ присвоеніи чужой собственности.

Замѣчанія Г. Рупрехта представляютъ собою, какъ увидимъ, давно уже неслыханное явленіе въ нашей Литературѣ. Чего тутъ нѣтъ! И увѣреніе, что Академія зорко всматривается въ потребности Русскаго общества, издавая «Ученыя записки» на Русскомъ языкѣ (съ котораго времени?), заключающія въ себѣ рядъ протоколовъ засѣда-

ній, годичныхъ отчетовъ о присужденіи наградъ; издаетъ и путешествіе въ Сибирь Академика Миддендорфа, и Петербургскія Вѣдомости (также и S.Petersb. Zeitung?), въ которыхъ, съ нѣкотораго времени (а какъ давно, на примѣръ?), помѣщаются текущія извѣстія объ Академическихъ засѣданіяхъ (все о засѣданіяхъ, да о засѣданіяхъ, производящихся на какомъ діалектѣ, кромѣ 2-го Отдѣленія?).» Тутъ Г. Рупрехтъ прерываетъ свое исчисленіе (конечно, по причинѣ обилія подлежащаго исчисленію), говоря: «Короче сказать, Русское общество, если оно интересуется Академическою дѣятельностью, можетъ слѣдить за всѣмъ ходомъ научныхъ занятій Академіи (т. е., можетъ узнать, сверхъ сообщаемаго ему по благосклонности Академіи по Русски, и о томъ, что она производитъ еще и для зарубежнаго міра на языкахъ иностранныхъ). «Развѣ этого недостаточно?» спрашиваетъ онъ, и тутъ же отвѣчаетъ: «Для нѣкоторыхъ лицъ, очевидно, нѣтъ.» Для нѣкоторыхъ? Только-то? Въ число нѣкоторыхъ, стало быть, по мнѣнію его, входятъ и всѣ Русскіе Университеты, вся почти Русская печать, такъ единодушно, такъ искренно заявившія, что пришла уже, наконецъ, пора, какъ мы сказали выше, и Академіи Наукъ на Русской почвѣ быть Русской, и быть Русской не по одному лишь названію своему, при Академикахъ съ Нѣмецкими именами (въ большинствѣ) и стремленіями (едва ли въ меньшинствѣ), но Русской вполнѣ, какъ говорится, съ головы до пятокъ, думать, говорить, писать и дѣйствовать только по Русски и прежде всего для Русскихъ, оставивъ въ сторонѣ всѣ горделивыя притязанія на міровую дѣятельность, которыя, какъ опытъ показалъ, совершенно не по силамъ не имъ однимъ, но рѣшительно ни какой Академіи на свѣтѣ. Это достигается гораздо проще, кому Богъ далъ талантъ, именно: трудомъ и воздѣйствіемъ прежде всего на ту среду, въ которой суждено ему вращаться, то есть, посредствомъ языка ея, какъ естественнаго и прямаго орудія для того. Наши же Академики, прибѣгая къ чужому языку для среды, въ которой живутъ, очевидно, поступаютъ въ этомъ случаѣ вопреки, по меньшей мѣрѣ, простому здравому смыслу и соображенію. «Si fueris Romae, Romano vivito more,» говорили Римляне; да и ближайшіе преемники ихъ замѣчаютъ: «Il paese, che vai, usa, che trovi,» а мы, Русскіе, твердимъ: «Въ какую землю придешь, той и шапку надѣнешь,» и: «Въ чужой монастырь не ходи съ своимъ уставомъ!» Вся ложь и несообразность отстаиваемаго тотчасъ откроется для

всѣхъ и каждаго, коль скоро спросимъ тѣхъ изъ нихъ, кто наиболѣе распинается за чужеязычіе въ устахъ Членовъ нашей Академіи: «А хорошо ли было бы, если бы любой Европейской Академіи Наукъ кто либо предложилъ издавать свои труды, на примѣръ, хоть на Латинскомъ языкѣ, вмѣстѣ того, какъ она издаетъ ихъ на своемъ родномъ?» Не уже ли думаете, что каждый изъ Членовъ этой Академіи послѣ того не подошелъ бы къ предлагающему и не освѣдомился бы объ его здоровьѣ? И это было бы, конечно, самое естественное движеніе ихъ, самое меньшее изъ того, что могло бы произойти послѣ подобнаго предложенія. Но не то ли самое предлагаютъ и намъ теперь, когда отстаиваютъ всѣми силами право за нашими Академиками излагать на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ свои труды? Не того ли же самаго желаетъ и Г. Рупрехтъ, говоря: «Коммиссія отвергаетъ ихъ (Французскій и Нѣмецкій языкъ) съ негодованіемъ. За чѣмъ же послѣ того они преподаются и изучаются въ училищахъ?»—По многимъ и многимъ уважительнымъ причинамъ, отвѣтимъ мы ему, но во всякомъ случаѣ отнюдь не за тѣмъ, чтобы Члены Русской Академіи Наукъ издавали свои сочиненія, которыя должны быть преимущественно направлены на пользу Россіи, на этѣхъ языкахъ. «Странно, что Коммиссія не указываетъ, продолжаетъ онъ, на Латинскій языкъ, который, не имѣя національности, сдѣлался достояніемъ ученыхъ всѣхъ странъ и еще въ прошломъ столѣтіи былъ универсальнымъ языкомъ всѣхъ ученыхъ. Да и въ настоящее время пишутся на этомъ языкѣ замѣчательныя ученыя работы, какъ-то библіографическія, филологическія, естественно-научныя и медицинскія. Codex Sinaiticus (Novum Testamentum) удобопонятенъ для всѣхъ ученыхъ (какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ на Латинскомъ языкѣ, а не однѣ лишь «Prolegomena» къ нему, всего на 89 стран.). Наша Академія, при помощи Латинскаго языка, уже съ самаго начала ея существованія стала извѣстна всему ученому міру.» Такъ вотъ до чего можетъ довести даже и Члена первенствующаго ученаго сословія (какъ величаетъ себя наша Академія) ревность по старинѣ, отжившей у всѣхъ народовъ образованной Европы свой вѣкъ и только еще кое-гдѣ, тамъ и сямъ, прозябающей и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе исчезающей! Вотъ до чего можетъ довести, и точно доводитъ, нерасположеніе, по видимому, Русскаго Академика, къ Русскому языку! Не угодно ли вамъ, говоритъ онъ, вмѣ-

сто ненавистныхъ языковъ для нѣкоторыхъ, Латыни? — За чѣмъ? «За тѣмъ, въ особенности, что она уже не имѣетъ національности и была когда-то универсальнымъ языкомъ ученыхъ.» Но, вѣдь, и Греческій языкъ былъ тоже во дни оны универсальнымъ языкомъ, и Арабскій въ Азіи у многихъ Магометанъ тоже игралъ роль, и, однако же, всѣ они, когда пришла пора ихъ, преидоша, яко сѣнь, и не обрѣтеся зовый я воздвигнутися и изыти на свѣтъ изъ тьмы, кромѣ единаго Русскаго Академика, предлагающаго намъ, «иже бѣаху убо въ навѣхъ.» Выгоды отъ того, по его словамъ: извѣстность Академіи, Академиковъ и ихъ твореній ученому свѣту, честь, которою пользуется, на примѣръ, Королевское Общество Наукъ въ Упсалѣ, имѣющее значеніе Академіи, ученое Общество Финское и под. имъ. Но мы кланяемтися, Господине, на такой чести; пусть кто хочетъ предвосхищаетъ ее у насъ, особенно же тотъ, кто полагаетъ, что Академіи — это международныя учрежденія, и по тому Члены ихъ должны трудиться не для того народа, у коего и на счетъ коего существуютъ онѣ, но для человѣчества, что наука — общее достояніе всѣхъ образованныхъ народовъ; стало, неприлично Академіямъ работать для необразованныхъ. Когда придетъ время, и эта чернь вкуситъ отъ ученой трапезы ихъ; до того же обязанность ея — доставлять конфортъ мудрой чяди, служить общему благу, или, какъ выразился Г. Рупрехтъ, «не препятствовать внушать надлежащее уваженіе ученой Европѣ и принимать современное участіе во всемірномъ развитіи науки» (стр. 12). Вотъ, какого сокровища лишаютъ Русь тѣ ея узкіе патріоты, которые осмѣливаются заявлять, что «пріиде часъ, и нынѣ есть,» Академіи Русской быть и по языку Русской. Нѣтъ, «наука есть общее достояніе всѣхъ образованныхъ народовъ, восклицаетъ Русскій Академикъ» (стр. 11). А если это такъ, то кто необразованъ, для того за чѣмъ наука? «Procul profani, et arceo. . . . «Наука, продолжаетъ онъ, стоитъ выше языка, который есть только средство для распространенія науки.» Вотъ что: какое великое открытіе! Но согласны; однако, если языкъ — средство для науки, то не уже ли слѣдуетъ выбирать такой языкъ, который непонятенъ для большинства той страны, гдѣ Академія должна распространять науку? Не значитъ ли это поступать съ наукой точно такъ, какъ Римъ Папъ поступалъ и поступаетъ съ распространеніемъ слова Божія? И можетъ ли ка-

кой либо «языкъ обогатиться по наукамъ новыми словами и идеями,» въ томъ числѣ и Русскій, при такомъ образѣ дѣйствія тѣхъ, которые для того именно, между прочимъ, и призваны? Вы говорите: «усовершенствованіе и обогащеніе языка можетъ произойти только при помощи великихъ знатоковъ языка, а не спеціялистовъ» (стр. 12). Помилуйте, развѣ возможно безъ спеціяльности въ какой либо наукѣ обогатить ее новыми словами и идеями, особливо же разрабатывая науку на чужомъ языкѣ? Много ли, на примѣръ, обогатилось Русское слово отъ всѣхъ иноязычныхъ твореній нашихъ Академиковъ?

Но «спеціяльные ученые труды въ томъ видѣ, какъ они издаются Академіями, или высшими учеными Обществами, пишутся прежде всего для ученыхъ, и въ этой формѣ не всегда способны прямо распространяться въ различныхъ слояхъ общества» (тамъ же). Во первыхъ: выраженіе «не всегда» даетъ знать, что когда же ни будь да способны распространяться въ слояхъ общества. Во вторыхъ: за чѣмъ же и произведеніямъ Академическимъ прибѣгать къ іероглифамъ? Чѣмъ проще и яснѣе будутъ они, тѣмъ лучше для нихъ, для всѣхъ и самой науки. Ничего не можетъ быть возвышеннѣе слова Божія, и, однако же, оно выражено языкомъ, для всѣхъ доступнымъ. Тотъ не мастеръ, кто не совладаетъ съ своимъ мастерствомъ. Въ третьихъ: могій вмѣстити, да вмѣститъ. Какое же можетъ быть вмѣщеніе содержанія, когда оно изложено еще на языкѣ вовсе чуждомъ для большинства? Говоря это, мы разумѣемъ вовсе не популяризацію, тѣмъ болѣе, что и самъ Г. Рупрехтъ утверждаетъ, что «не всѣ науки могутъ» популяризоваться; равно не говоримъ и о томъ, чтобы большинство публики какъ можно скорѣе обучилось: все это приходитъ постепенно, исподоволь, требуетъ времени, желанія и усилій; но за чѣмъ же отнимать возможность у тѣхъ, кто захотѣлъ бы обратиться къ первоначальнымъ источникамъ? А этотъ случай тутъ, какъ тутъ, когда Русскіе Академики пишутъ и печатаютъ не по Русски, на Руси да не для Руси, сообщаютъ ей свѣтъ знанія, какъ Папа свѣтъ Богопознанія. Какъ языкъ Папы понятенъ для его духовенства и ученыхъ, такъ и языкъ Французскій и Нѣмецкій понятны для Русскихъ Профессоровъ и высшаго класса Русскаго общества; стало, не объ этомъ идетъ рѣчь, когда и Университеты и обще-

ство желаютъ и требуютъ, чтобы Вы, Русскіе Академики, были и по языку Русскіе, а не по одному лишь мѣсту нахожденія и служенія вашего; говорили бы и писали прежде всего по Русски и для Русскихъ, не разбирая, кто тамъ васъ будетъ читать, точно такъ, какъ это дѣлается и въ заграничныхъ Академіяхъ, гдѣ труды Академиковъ доступны по языку своему для всѣхъ вообще: въ Германіи для Нѣмцевъ, во Франціи для Французовъ, въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ для Англичанъ, и т. д. Или же вамъ болѣе нравится Вѣнская Академія, издающая труды своихъ Членовъ на одномъ лишь Нѣмецкомъ? Но Россія не Австрія: это разъ, а Петербургскіе и другіе Нѣмцы не Австрійскіе: это два. Сюда не йдутъ тѣ случаи, когда та, или другая, Академія иногда издаетъ то, или другое, сочиненіе на чужомъ языкѣ: это исключеніе, а исключеніе не правило; не исключеніями правится міръ и все въ мірѣ. Нужда закона не знаетъ, черезъ законъ шагаетъ; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы закона вовсе ужъ не нужно было. Какая же, скажите, ради Бога, нужда намъ, Русскимъ, въ томъ, чтобы Академики наши просвѣщали прежде всего не насъ, а тѣхъ, которые не нуждаются ни въ чьихъ заботахъ о нихъ? Не значитъ ли это въ лѣсъ дрова носить? И, между тѣмъ, въ этомъ подвизаются не одни лишь Гг. Рупрехты, но, къ сожалѣнію, не рѣдко и самые Русскіе, вынужденные, конечно, къ тому не столько доброю своею волею, или чѣмъ инымъ, сколько тою необходимостью, въ силу коей случается cum vulpe vulpinari, или же, какъ говорятъ Малороссіяне: «Скачи, враже, якъ панъ каже!» Во всякомъ случаѣ страшно (чтобъ не сказать чего больше и хуже) какъ-то для Русскаго, когда, взявъ въ руки изданіе Русской Академіи (на примѣръ, хоть Bulletin, tome X, N I, 1866 г.), читаешь (въ «Contenu»): «Somof, Note sur la transformation des coordinées rectilignes rectangulaires en coordinées elliptiques;»—«Zinin, Observation sur le benzoin;»—«Menchoutkine, Action des alcools sur les protochlorure de phosphore;»—«Pusyrewski, Eozoon canadense dans les calcaires de Hopunwara en Finlande;»—«Faminzin, Action de la lumière d'une lampe sur la Spirogyra orthospira Naeg.» Изъ всѣхъ этѣхъ статей и статеекъ, не смотря на Французское озаглавленіе ихъ, только счастья одного Г. Сомова въ Французскомъ, прочія же на Нѣмецкомъ. Странно, повторяю, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невыразимо грустно все это для Русскаго!...

Распространившись такъ много (на 20 стр.) о Докладѣ Коммиссіи, Г. Рупрехтъ объ Отдѣльныхъ замѣчаніяхъ одного изъ Членовъ ея, приложенныхъ къ ней, отзывается уже весьма коротко (всего на 3-хъ стр.).

«Замѣчанія эти, говоритъ Г. Рупрехтъ, написанныя въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, не были читаны въ Совѣтѣ Университета» (стр. 20). Совершенная правда! «Не скрытый ли это протестъ?» спрашиваетъ онъ далѣе. Ну, это уже неправда! Въ примѣчаніи къ Докладу Коммиссіи замѣчено прямо, что «Докладъ ея, по прочтеніи, былъ принятъ единогласно, кромѣ одного Члена, объявившаго, что онъ подастъ свое особое мнѣніе;» это и было имъ сдѣлано, читано и потомъ напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ.» Слѣдовательно, протестовать, кромѣ того, еще кому либо, особливо скрытно, было бы неблагородно въ высшей степени, и подобное предположеніе не дѣлаетъ чести догадливости предлагающаго оное. Тѣмъ болѣе, что дѣло ведено было открыто, и какъ бы кто ни старался укрыться, не удалось бы ему, и по тому протестъ его не могъ бы появиться рядомъ съ Докладомъ. Это голосъ, во всемъ согласный съ Докладомъ Коммиссіи, цѣлью котораго было точно высказать, сверхъ вошедшаго въ оный, еще нѣкоторыя замѣчанія. Да и къ чему тутъ догадки, когда въ самомъ началѣ Отдѣльныхъ замѣчаній сказано: «Къ этѣмъ замѣчаніямъ Коммиссіи, касающимся самыхъ, такъ сказать, выпуклыхъ сторонъ Проекта Устава и Штатовъ Академіи Наукъ, можно присоединить еще много на отдѣльныя части ихъ, правда, не столь выдающіяся, тѣмъ не менѣе важныя» и т. д. По этому уже одному Докладъ и Отдѣльныя замѣчанія не могли быть ни коимъ образомъ «написаны какъ бы перомъ одного лица,» какъ-то подозрѣваетъ Г. Рупрехтъ (стр. 4).

Къ Отдѣльнымъ же замѣчаніямъ Г. Академикъ гораздо благосклоннѣе; онъ даже называетъ ихъ «выраженіями благонамѣренной, по видимому, критики, вызывающими на соображеніе, изслѣдованіе, оспариваніе, или опроверженіе. Видно, что авторъ трудился надъ Проектомъ. Намъ кажется даже (заключаетъ Г. Рупрехтъ свою похвалу), что онъ поступилъ весьма дѣльно, обративъ вниманіе на пропускъ § 69-го Академическаго Устава 1836 г.» (стр. 21). И, въ слѣдъ за тѣмъ, самъ Академикъ пускается въ разсужденія объ этомъ §, приводитъ доказательства важности его для жизни Ака-

деміи, и требуетъ сохраненія онаго въ Уставѣ. Далѣе Г. Рупрехтъ высказываетъ свое несогласіе съ нѣкоторыми изъ замѣчаній, называя ихъ «ошибками, по незнанію Академіи.» Такова, по его мнѣнію, «ошибка касательно отношенія Академиковъ съ чужими именами къ Академикамъ съ именами Славянскими.» Онъ увѣряетъ, что послѣднихъ нынѣ на половину и даже болѣе, а не ⅓; «это отъ того произошло, что авторъ Замѣчаній не беретъ въ разсчетъ цѣлаго Отдѣленія.» Т. е., такъ называемаго, 2-го или Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности. Но, вѣдь, авторъ этотъ сослался на «Памятную книжку Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1865 годъ,» тотъ самый, въ которомъ онъ писалъ свои замѣчанія; а по тому не онъ ошибся, а Министерство, если только дѣйствительно оно ошиблось. При томъ же онъ именно оговорился, что «о 2-мъ Отдѣленіи тутъ и рѣчи быть не можетъ: Члены его подобраны такъ, что скорѣе на нихъ можно смотрѣть какъ на Почетныхъ, чѣмъ на Дѣйствительныхъ, Членовъ.» Напрасно Г. Рупрехтъ говоритъ, что «они при избраніяхъ имѣютъ право голоса наравнѣ съ другими.» Вѣримъ тому, но не вѣримъ, чтобы всѣ Члены этого Отдѣленія пользовались симъ правомъ, если бы и хотѣли, за исключеніемъ весьма не многихъ. Такихъ въ 1865 году было только 6, изъ коихъ уже умерло два и одинъ выбылъ въ Университетъ на югѣ Россіи; прочіе же 6-ть, по мѣсту своего жительства, не могли и не могутъ ни присутствовать въ Засѣданіяхъ Академіи, ни подавать въ нихъ своего голоса. По другимъ же 2-мъ Отдѣленіямъ прибыло три, изъ коихъ 2 Русскихъ, а изъ Нѣмцевъ уволился одинъ. Впрочемъ, рѣчь шла о прошломъ, а не о текущемъ, годѣ, и по тому развѣ можно опровергать недавно бывшее только что наступившимъ настоящимъ? Между тѣмъ ходятъ слухи, что «подведены уже всѣ мины для поступленія и въ Отдѣленіе Русскаго Языка и Словесности кровнаго Нѣмца, который, само собою разумѣется, по справедливому замѣчанію В. И. Ламанскаго (см. «Голосъ» N. 78), не откажется сдѣлать намъ эту честь. И тогда, конечно, 2-е Отдѣленіе нашей Академіи предприметъ на пользу Россіи какія ни будь Нѣмецкія изданія. И въ самомъ дѣлѣ (продолжаетъ далѣе Г. Ламанскій), отъ чего бы нашей Академіи и не издавать на Нѣмецкомъ языкѣ сборниковъ Русскихъ и Славянскихъ памятниковъ, Славянскихъ Грамматикъ и Словарей? Вѣдь издаетъ же Академія по Нѣмецки Морлов-

скіе, Черемисскіе, Якутскіе и проч. Словари и Грамматики, все, вѣдь, на томъ основаніи, что это необходимо для науки, что Русскіе, занимающіеся этѣми языками, непремѣнно знаютъ по Нѣмецки. Вѣдь Русскіе, занимающіеся Славянскою Филологіею и Исторіею, очень хорошо знакомы и съ Нѣмецкимъ языкомъ, и съ Нѣмцами. Впрочемъ (заключаетъ Г. Ламанскій), ни мало не сомнѣваемся, что Академія поспѣшитъ исправить важный пробѣлъ и обратитъ и свое 2-е Отдѣленіе въ Нѣмецкое.» Къ сожалѣнію, дѣло очень статочное, судя по Проекту новаго Устава Академіи, по прежней и нынѣшней стойкости и упругости Нѣмецкихъ и онѣмечивающихся добровольно ея Членовъ. Все можетъ быть при нашей оплошности, вялости, розни, въ особенности же обезъянствѣ и стремленіи казаться не тѣмъ, чѣмъ есть, а тѣмъ, чѣмъ, по тщеславію (питаемому и поддерживаемому въ насъ искусно людьми извѣстнаго закала), хотѣлось бы намъ выдать себя. Это насъ всегда и болѣе всего губило, губитъ и, если не опомнимся во время, пожалуй, и погубитъ. Но не полно ли дурить, не пора ли умъ-разумъ копить? говоритъ Русская пословица. Какъ бы то ни было, столько ли Членовъ Академіи нашей съ Нѣмецкими именами, какъ полагаетъ Г. Рупрехтъ, или меньше, дѣло въ томъ, что иной и съ Нѣмецкимъ именемъ стóитъ иного съ Русскимъ, если только онъ (непремѣнное условіе) въ душѣ и на дѣлѣ поступаетъ рѣшительно по Русски; Русскій же въ полномъ смыслѣ слова не можетъ ни мыслить, ни говорить иначе, какъ на Русскомъ языкѣ, языкѣ его народа, отечества, Государства, могущественнаго, славнаго, которое страхъ и гроза для однихъ, и предметъ безпрѣдѣльнаго удивленія, любленія и чаянія для многихъ другихъ. И добро бы Академики наши съ чужими именами не были знакомы съ Русскимъ языкомъ. А то между ними едва ли найдется малая-толика братіи, не знакомой съ языкомъ и грамотой нашей; напротивъ, весьма многіе изъ нихъ не только хорошо говорятъ, но и прекрасно, совершенно чисто, пишутъ по Русски: примѣромъ можетъ служить, ну, хоть самъ Г. Рупрехтъ, котораго «Замѣчанія» дѣйствительно обнаруживаютъ въ немъ это качество, достойное всякой похвалы и поощренія. Непохвально только то, что онъ такъ мало самъ знаетъ ему цѣну и, что хуже всего, употребляетъ его на то лишь, чтобъ ратовать противу Русскихъ ихъ же оружіемъ. Это уже, какъ говорится, изъ рукъ вонъ, разумѣется, какъ въ немъ, такъ и во всѣхъ, слѣдующихъ по тому же, достойному осужденія, пути.

Далѣе, Г. Рупрехтъ говоритъ, что «нельзя согласиться съ мнѣніемъ, что присужденіе наградъ можетъ быть производимо на основаніи журнальныхъ оцѣнокъ» (стр. 22). Это мнѣніе приведено Г. Академикомъ оборваннымъ, безъ соотношенія съ прочимъ, т. е., предшествующимъ и послѣдующимъ, что совершенно даетъ иной цвѣтъ. При томъ, авторъ говорилъ только, что оцѣнка сочиненій, представляемыхъ Академіи для присужденія наградъ, производится и въ журналахъ, отнюдь же не утверждалъ, какъ передаетъ Г. Рупрехтъ, будто бы можетъ быть производима на основаніи журнальныхъ оцѣнокъ.» Это двѣ вещи совершенно розныя, по тому непозволительно приписывать то другому, чего онъ никогда не говорилъ. Иное было бы дѣло, если бы Г. Рупрехтъ вступилъ съ авторомъ въ прѣніе по поводу сказаннаго имъ далѣе о томъ, что Академія не въ состояніи исполнять роль верховнаго ареопага въ мірѣ ученомъ, не можетъ быть ни безошибочной, ни безпристрастной. На все это — бездна доказательствъ подъ руками и во очію каждаго, кто когда либо присматривался къ дѣйствіямъ Академіи. Что до того, что .«другія мнѣнія подобнаго рода не стóитъ даже опровергать,» то надо было впередъ ихъ поименовать, а не отдѣлываться отъ нихъ такъ высокомѣрно и самонадѣянно. Иной, въ простотѣ сердца, можетъ подумать, что все то, что не удостоено нашимъ Академикомъ чести опроверженія, пожалуй, дѣйствительно не стóитъ и скорлупы выѣденнаго яйца. Свысока глядитъ не умъ, а недоумье.

Касательно необходимости Академій для Государствъ и народовъ, «въ силу которой, какъ увѣряетъ Г. Рупрехтъ, не только первокласныя Державы, но и менѣе могущественныя и богатыя Государства, имѣютъ свои Академіи и дорожатъ ихъ процвѣтаніемъ,» согласимся, пока, не куда шло, но согласимся только на счетъ такихъ Академій, которыя, повторяемъ сказанное уже нами однажды (см. «Отдѣльныя замѣчанія на Проектъ Устава и Штатовъ Академіи Наукъ) «суть непосредственный плодъ, дѣтя гражданственности тамъ, гдѣ просвѣщеніе развивалось своимъ естественнымъ путемъ. Гдѣ же его по Указу водворяли, наравнѣ съ ремеслами и прочими рукодѣліями, тамъ рано, поздно, придется сознаться въ заблужденіи, не связывать съ ними политическаго могущества и значенія ни чьего въ ряду образованныхъ народовъ, такъ

какъ послѣднія блага не зависятъ единственно отъ бытія, или небытія, Академій. Онѣ вовсе не мѣрило образованія, или необразованія, особливо это справедливо въ примѣненіи къ намъ, Русскимъ; во первыхъ, по тому, что это почти исключительно выписной товаръ, которымъ можно только навремя пустить пыль въ глаза, озадачить, но не увѣрить въ его туземности, а во вторыхъ по тому, что, судя по сочиненіямъ Академиковъ, предпочтительно писаннымъ не по Русски, естественно заключить, что развитіе наше не сдѣлало ни какого шагу со времени сближенія нашего съ Европой. «Знать, у нихъ и теперь еще нѣтъ ни чего своего (скажетъ иностранецъ), если по старому выписываютъ ученыхъ, словно какую галантерею! Какая тамъ литература, если и свѣтила ихъ, Академики, не отваживаются писать по Русски!» Но такія и подобныя имъ заключенія, говорили мы далѣе, были бы ложнымъ выводомъ изъ ложныхъ данныхъ, которыя, однако, сами же мы подсовываемъ имъ. За чѣмъ же и себѣ и Европѣ показывать марево тѣмъ, что не было, не есть и никогда не будетъ ни мѣркой, ни вывѣской, нашего образованія, или необразованія, а развѣ только свѣдѣтельствомъ непониманія, въ чемъ заключается образованіе и какъ оно пріобрѣтается.» Къ этѣмъ словамъ, тогда сказаннымъ нами, и теперь мы ни чего не находимъ ни прибавить, ни убавить, развѣ только еще разъ повторить, что Академіи тогда только мѣрило образованія народа, когда онѣ вытекаютъ изъ естественнаго развитія онаго, въ противномъ случаѣ это — марево, марево и марево! О первыхъ только Академіяхъ можно сказать, что Государства и народы дорожатъ ими и ихъ процвѣтаніемъ; только такія Академіи считаютъ они нужными себѣ. Иначе, смѣло отвѣтимъ мы Г. Рупрехту на его вопросъ, что гораздо благоразумнѣе будетъ слѣдовать въ этомъ примѣру Англіи, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Не матери дѣтя, не зазноба моя.

Если наша Академія Наукъ желаетъ быть тѣмъ, чѣмъ Академіи другихъ Государствъ, гдѣ онѣ дѣйствительно кость отъ костей и плоть отъ плоти ихъ, и по тому могутъ назваться зеркаломъ и мѣриломъ ихъ преуспѣянія, не споримъ, тогда ей нечего опасаться за свое существованіе. Въ противномъ случаѣ, Высочайшая воля не будетъ ею исполнена, такъ какъ она не исполнитъ своего предназначенія. Не Россія наложитъ тогда

на нее руки, но сама она на себя. Сторонники ея, конечно, затрубятъ послѣ того: «Убіеніе науки въ Государствѣ то же, что разрушеніе его Государственной жизни, воцареніе произвола страстей и анархіи.» Такъ-съ! Но—«Сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ,» отвѣтимъ мы имъ тогда. Нѣтъ, не такова Академія нужна теперь намъ, Русскимъ, каковой она была досель, не Академія прошедшаго, а тѣмъ менѣе Академія будущаго, т. е., Академія Проекта Устава и Штатовъ, выработанныхъ нѣкоторыми ея Членами, но Академія Высочайшей воли, которая бы преимущественно была направлена на пользу Россіи. Направленія же такого и пользы преимущественной для себя никогда мы не дождемся, пока Академія будетъ просвѣщать насъ своими Нѣмецкими и Французскими твореніями. Не уже ли Академія, въ самомъ дѣлѣ, не понимаетъ значенія Высочайшей воли, повторяемъ, такъ ясно, такъ категорически опредѣляющей отнынѣ ея дѣятельность, отъ которой она не можетъ, не должна ни коимъ образомъ отклоняться? Странное непониманіе того, что для всѣхъ такъ понятно, такъ ясно, такъ рѣшительно!

Впрочемъ, и въ самой средѣ нашихъ Академиковъ начинаютъ уже показываться проблески недовольства выработаннымъ Проектомъ Устава и Штатовъ нарочной Коммиссіей, разсмотрѣннымъ и утвержденнымъ Общимъ Собраніемъ Академіи. Мы разумѣемъ здѣсь въ особенности Академика 2-го Отдѣленія, Я. К. Грота, который, не смотря на то, что самъ участвовалъ въ Коммиссіи, помѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» Мая 21-го (1866 г., въ N 102-мъ) статью объ этомъ Отдѣленіи, съ замѣчаніемъ, что «она выражаетъ не одинъ личный его взглядъ, но и общее мнѣніе участвующихъ въ трудахъ Отдѣленія Членовъ его.» Статья эта прямо направлена, какъ противъ Проекта Устава и Штатовъ, такъ и противъ новаго ревнителя его, выѣхавшаго въ N 54-мъ «Московскихъ Вѣдомостей» (12-го Марта) противъ нашего мнѣнія, между прочимъ, и о составѣ 2-го Отдѣленія, которое Академія даетъ ему въ своемъ Проектѣ. Этотъ новый ратователь за Академію увѣряетъ, что «Академія Словесности и Академія Наукъ — несовмѣстимыя понятія; слитіе ихъ во едино не было счастливою мыслію; онѣ соединены неестественною связью,» и пр., и пр. Члены Русскаго Языка и Словесности, затронутые такимъ кривомысліемъ за живое,

не выдержали, и Г. Гротъ, опровергая весьма дѣльно оное и угадывая, куда все это мѣтитъ, основательно отвѣчалъ ему на это словами Ломоносова, сказанными Шувалову на угрозу отставить его отъ Академіи: «Развѣ Академію отъ меня отставятъ.»

Увы! Ни супротивъ воды прати, ни супротивъ поры стояти, говорили въ старину Русскіе. Пора—проточная вода. Было красно, да полиняло; умно, да поветшало; новое настало. Пришли времена и лѣта нонѣшняго свѣта!

Теперь коснемся жалобъ Г. Рупрехта на Коммиссію за тонъ и выраженія, употребленныя ею въ ея Докладѣ Совѣту Московскаго Университета. Разумѣется, никто въ своемъ дѣлѣ не судья; и по тому Коммиссія проситъ всѣхъ, кому дорога, въ самомъ дѣлѣ, честь Московскаго Университета и Академіи Наукъ, быть посредниками въ этомъ спорѣ чести, и сказать, прямо и открыто, во всеуслышаніе, находится ли хотя одно слово, одно выраженіе, въ Докладѣ, обидное для Академіи нашей, котораго бы нельзя было употребить обо всякомъ другомъ учрежденіи, подобномъ ему? Нѣкоторыя изъ нашихъ повременныхъ изданій отвѣчали уже на заявленіе самой Академіи въ одномъ изъ Засѣданій ея, постановившей не давать ни какого отвѣта на замѣчанія Коммиссіи Профессоровъ Московскаго Университета касательно Проекта ея новаго Устава и Штатовъ, «понеже замѣчанія эти выражены въ грубой формѣ.» Они нашли, что ни Коммиссія, ни Университетъ, ниже единымъ словомъ не сгрубили супротивъ Академіи, если не считать грубостью самую правду, высказанную въ Докладѣ со всею искренностью и откровенностью, какой требовали важность дѣла и довѣріе Правительства, затребовавшаго мнѣніе Университетовъ. По тому Проектъ подвергнутъ былъ самому тщательному осмотру и обсужденію; имѣлась въ виду одна только истина. И Университетъ высказалъ ее, облекши въ такую форму, въ какую облекъ бы и всякую другую о какомъ угодно предметѣ подобной важности и значенія. Онъ предпочелъ будущую полезную дѣятельность Академіи дѣятельности громкой въ ея прошедшемъ и настоящемъ. Конечно, Университетъ не могъ не предвидѣть, что такая откровенность его не понравится Академіи; но, первое: онъ и не для

нея излагалъ, что думалъ объ ея Проектѣ, и второе: не затруднился бы то же самое сказать и ей, если бы она сама обратилась къ нему за тѣмъ. «За правду, говорятъ, не сердись: скинь шапку да поклонись!» Но Богъ съ нею и ея поклонами. Вотъ какъ, однако же, Г. Академикъ взглянулъ за это на Московскій Университетъ (приводимъ его слова для сличенія ихъ съ сказаннымъ Коммиссіей въ Докладѣ послѣднему): «Когда Коммиссія говоритъ о неограниченныхъ и неслыханныхъ привилегіяхъ Академіи, то невольно надобно сомнѣваться въ томъ, хорошо ли Коммиссія прочла Проектъ Устава Академіи... Коммиссія надрывается воплями противъ тщательнаго усиленія всѣхъ возможныхъ правъ по окладу, чинамъ, пенсіонамъ, и т. д. (стр. 16)... Коммиссія до такой степени теряетъ всякую сообразительность.... Мы просимъ Коммиссію обратиться къ оставшимся ей неизвѣстными Академическимъ рѣчамъ бывшаго Непремѣннаго Секретаря Академіи, Миддендорфа, изъ которыхъ она могла бы еще понаучиться кое-чему (стр. 17)... При этомъ какъ оскорбителенъ и презрителенъ тонъ, въ которомъ написанъ Докладъ Коммиссіи и который ни чуть не соотвѣтствуетъ достоинству Университета (стр. 19)..... Коммиссія, въ доказательство своихъ словъ, указываетъ на страницу Проекта Устава Академіи, въ которомъ будто бы это высказывается.... Коммиссія еще въ двухъ мѣстахъ, помощію выписокъ изъ Проекта Устава, старается убѣдить читателя, не имѣющаго предъ собою подлинника, что Академикъ посвящаетъ свои силы на изслѣдованія «мелочныя, неважныя, очень часто мелочныя, неважныя.... Не уже ли позволительно оффиціальному лицу, или Коммиссіи, или даже Университету, писать подобныя вещи?» (стр. 20).... Не только позволительно, но и слѣдуетъ, если такія вещи точно сказаны, или написаны, кѣмъ либо. Коммиссія, въ доказательство того, сослалась на самое мѣсто, гдѣ онѣ находятся, и Г. Рупрехту, не пускаясь въ обвиненіе въ недобросовѣстности ссылки, слѣдовало было прежде всего провѣрить ее, потомъ, замѣтивъ невѣрность, выписать слова, сюда относящіяся, наконецъ уже назвать самое дѣло его именемъ. Между тѣмъ онъ, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, прибѣгаетъ къ извѣстному фокусу-покусу набрасывать сомнѣніе на противника въ честности, вступаясь, между тѣмъ, со всѣмъ пыломъ негодованія на кого слѣдуетъ за мнимое посягательство на нее. Не уже ли, спросимъ теперь и мы

въ свой чередъ, позволительно Академику, какъ оффиціяльному лицу, утверждать и писать подобныя вещи?

Но цвѣтъ вѣжливости и знаніе приличій свѣтскихъ и литературныхъ со стороны нашего Академика, столь чувствительнаго, столь щекотливаго къ нарушенію ихъ, заключается въ эпилогѣ его апологіи Академіи Наукъ. «Признаемся, восклицаетъ онъ тутъ, что мы должны были преодолѣть въ себѣ нѣкоторое нравственное отвращеніе при разборѣ такого завистливаго, переполненнаго невѣжествомъ, сочиненія, какъ Донесеніе Коммиссіи. Но это было необходимо. На Академіи, правда, нападаютъ и въ другихъ странахъ, даже Парижская подвергается нападкамъ, но, сколько мнѣ извѣстно, только со стороны частныхъ лицъ. Здѣсь же, подъ эгидою стариннаго Университета, нѣкоторыми Профессорами его взводятся клеветы на древнѣйшее въ Россіи ученое учрежденіе (стало быть, не сословіе?), на Академію, которая зародила этотъ Университетъ (мы знаемъ уже, какъ она его зародила). Академія, и не одна только часть ея, оскорблена здѣсь самымъ недостойнымъ образомъ; мало того, эти, ни чѣмъ не вызванныя, оскорбленія внесены въ лѣтопись и сохранены для потомства (какъ слѣдуетъ по закону: времена скрытности, увы! прошли безвозвратно!)... Если такія неосновательныя обвиненія и оскорбленія будутъ допускаемы, или проходить безъ порицанія, то каждое дерзкое лицо захочетъ быть судьею во многихъ, ему не извѣстныхъ, наукахъ, и будетъ дозволять себѣ унижать ихъ дѣятелей и оскорблять цѣлую корпорацію ученыхъ, посѣдѣвшихъ на службѣ наукѣ».

Спрашивается: что это такое? Выраженіе ли только недовольства, неодобренія? Нѣтъ, это просто брань, и притомъ самая площадная, соединенная вмѣстѣ съ извѣтомъ. «Насъ оскорбили, на насъ взвели клеветы, самымъ недостойнымъ образомъ, безъ всякаго съ нашей стороны повода къ тому, и о позоръ! внесли все это въ лѣтопись для передачи позднему потомству. Это неслыханная дерзость невѣждъ, пропитанныхъ завистью къ ученымъ, посѣдѣвшимъ на службѣ наукѣ; до чего, наконецъ, она послѣ этого дойдетъ, можетъ ли быть допускаема и терпима, остаться безъ взысканія, по крайней мѣрѣ, безъ порицанія?» О кроткіе голубки, ни мухамъ вороги! Впрочемъ, что до послѣдняго, и то и другое сдѣлано уже Вами, Г. Академикъ. Ваши Замѣчанія на Докладъ Коммиссіи

не просто лишь возраженія на него, опроверженія, но и чистѣйшій памфлетъ и доносъ на нее и Университетъ Московскій, не отъ одного только Вашего лица, но также и отъ лица самой Академіи Наукъ. Этому не мѣшаетъ заявленіе ея, что она, какъ мы упомянули уже, считаетъ ниже своего достоинства отвѣчать Университету; равно не опровергаетъ и завѣреніе Ваше, что Вы, ревнуя по Академіи, рѣшились, побѣждая въ себѣ весьма непріятное чувство, вступиться за нее; иначе могли бы подумать, что Коммиссіи не чего возразить, что все, сказанное ею, сущая истина. Такимъ Вашимъ увѣреніямъ противопоставляемъ мы Ваши же слова: «Академіи не позволительно жаловаться, на основаніи какихъ бы то ни было Цензурныхъ правилъ (но такого непозволенія ни въ какихъ Цензурныхъ правилахъ, сколько намъ извѣстно, не существуетъ, да и самый опытъ показываетъ, что Академія не разъ къ тому прибѣгала). Но великодушіе и долготерпѣніе Академіи не могутъ простираться до такой степени самоотверженія, чтобы вовсе молчать о томъ, что со временемъ могло бы быть истолковано, какъ знакъ ея крайней слабости» (стр. 24). Сдѣсь представляется два случая: если не могутъ вовсе молчать, то не молчатъ; стало, отвѣчаютъ. Гдѣ же этотъ отвѣтъ? Кромѣ «Замѣчаній Г. Рупрехта» другаго мы не знаемъ; стало, онъ получилъ на то полномочіе отъ Академіи? Или онъ не былъ уполномоченъ? Въ такомъ случаѣ какъ же онъ смѣлъ такъ выразиться, что иначе и понимать нельзя его словъ, какъ такъ, что Академія рѣшилась отвѣчать Московскому Университету устами одного изъ своихъ Членовъ? Уже одинъ этотъ случай показываетъ намъ, что въ Академіи нашей, вопреки утвержденію Г. Рупрехта, какъ мы видѣли выше, перевѣсъ все таки на сторонѣ Академиковъ съ Нѣмецкими именами; а Нѣмецъ, говоритъ Русскій, безъ штуки и съ лавки не свалится: у него на все струментъ есть.»

Да и какой еще струментъ и штука! Повѣрятъ ли намъ, читатели, что апологія Г. Рупрехта, съ которою мы теперь возимся, сдѣлалась намъ извѣстной только въ Маѣ, между тѣмъ какъ она отпечатана была еще въ концѣ прошлаго, и ни какъ не далѣе начала текущаго, года. По крайней мѣрѣ, согласіе Цензуры на то гласитъ: «Дозволено Цензурою. 22-го Декабря, 1865 года.» Далѣе: «Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ» и т. д. На оберткѣ: «Замѣчанія на одну изъ статей, помѣщенныхъ во второй

книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1865 г.» Самое же заглавіе таково: «Замѣчанія по поводу Доклада Коммиссіи, назначенной Московскимъ Университетомъ для разсмотрѣнія Проекта Устава и Штатовъ Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1866.» Бумага, шрифтъ, форматъ, словомъ, вся обстановка Типографская—Академическія. Узнавъ о существованіи такого важнаго для насъ документа, мы, разумѣется, тотъ же часъ бросились во всѣ книжныя лавки Москвы, но всюду отвѣчали намъ въ одинъ голосъ: «Не слыхали-съ! Нѣтъ-съ!» Поручаемъ выписать изъ Петербурга—тотъ же самый отвѣтъ. Пишемъ къ знакомымъ, употребить всѣ усилія, достать намъ это руно—не больше успѣха! Всѣ отвѣчаютъ, что руна этого не нашли они ни у кого, такъ какъ оно предназначено сочинителемъ для домашняго обихода, т. е., исключительно для однихъ Академиковъ, которые ни съ кѣмъ и ни за что не дѣлятся онымъ. Подстрекнутые до нельзя такой таинственностью и любопытствомъ, мы было сбирались уже отнестись съ покорнѣйшей просьбой къ самому автору, даже настрочили и самое посланіе къ нему, какъ вдругъ вспомнили, что этому горю можно пособить и безъ этѣхъ крайнихъ мѣръ. Мы вспомнили, что, по Цензурнымъ правиламъ, доставляется извѣстное количество книгъ, книжекъ и т. п. въ извѣстныя Правительственныя учрежденія; стóитъ, стало быть, только обратиться туда, и, конечно, можно будетъ удовлетворить своему желанію. Мы такъ и сдѣлали. Намъ былъ доставленъ списокъ, который мы повѣрили съ подлинникомъ по печатному экземпляру уже Московскаго учрежденія, имѣющаго право на полученіе одного изъ числа узаконенныхъ экземпляровъ всѣхъ печатныхъ сочиненій. По такому-то списку мы и сдѣлали нашу отповѣдь Г. Рупрехту. Сперва хотѣли было мы перепечатать его апологію вполнѣ, вмѣстѣ съ Докладомъ Коммиссіи и Отдѣльными замѣчаніями одного изъ Членовъ ея, и за тѣмъ предоставить уже читателямъ самимъ рѣшить, на сколько справедливо обвиненіе, взводимое Г. Рупрехтомъ на Коммиссію и одного изъ ея Членовъ, но удержались, изъ опасенія, чтобы Г. Рупрехтъ не взвелъ на насъ претензіи, какъ сказали мы уже разъ выше, за посягательство такой перепечаткой на его собственность. Но и изъ тѣхъ выписокъ, которыя мы сдѣлали, опровергая его извѣты, читатели въ состояніи уже составить

себѣ понятіе о степени достовѣрности, духѣ, стремленіи и пріемахъ, употребляемыхъ нашимъ обличителемъ. Къ этому присоединилось еще слѣдующее: на самой верхушкѣ заглавія этого сочиненія напечатано особымъ шрифтомъ: «Рукопись.» — Новое, стало быть, обстоятельство и, съ тѣмъ вмѣстѣ, предостереженіе удержаться отъ перепечатки,—и мы удержались, какъ ни сильно было искушеніе.

Въ заключеніе мы спрашиваемъ: въ порядкѣ ли вещей все это? Такъ ли поступаютъ люди, по крайней мѣрѣ, съ открытымъ характеромъ, когда оспариваютъ чьи либо мнѣнія, доказываютъ неосновательность ихъ, обличаютъ незнаніе, подлогъ, мещутъ въ нихъ громъ и молніи, призывая даже самыя власти востягнуть дерзкихъ за посягательство на честь и безопасность цѣлой корпораціи ученыхъ, какъ выражается Г. Рупрехтъ, посѣдѣвшихъ на службѣ наукѣ? Къ чему такое скрытничанье, такое укрывательство, съ перунами, если Вы увѣрены въ силѣ ихъ? За чѣмъ тутъ Итальянское оружіе? Вѣдь и оно, какъ видите, не всегда достигаетъ своей цѣли? Напротивъ, частенько таки предательски измѣняетъ, обращается противъ прибѣгающихъ къ нему, и если не вонзается прямо въ грудь, то непремѣнно другимъ образомъ поражаетъ. Расчитывалось, конечно, сообщивъ извѣстнымъ только лицамъ мнимую рукопись, подѣйствовать на нихъ въ добрую сторону для Академіи, доказавъ, по своему, всю несостоятельность замѣчаній Коммиссіи на Проектъ Устава и Штатовъ оной, что тѣмъ казалось вѣроятнѣйшимъ, что отвѣты послѣдней, при такой таинственности, при характерѣ подметнаго письма, сообщеннаго возраженію на Докладъ оной, не могли быть услышаны ни кѣмъ, стало, и повредить хитро задуманному фортелю. Но давно уже сказано: «нѣсть тайно, еже не явится.» Въ какомъ же, скажите на милость, видѣ представляется теперь вся эта затѣя? Какъ честнѣй, учтивѣе ее назвать? Не то же ли это, что казать противнику своему кукишъ въ карманѣ? — признакъ крайняго безсилія и, съ тѣмъ вмѣстѣ, смѣшной мести!

Забавны же до нельзя штуки-шпеки творятъ намъ Нѣмецки человѣки!

12-го Іюня, 1866 г.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Во второмъ выпускѣ VI го тома «Извѣстій Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Общества,» 1866 г., въ отдѣлѣ Библіографіи, на стр. 56 — 58, Г. В. Т. (В. Е. Т. ?) посвятилъ нѣсколько словъ «Чтеніямъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1865 годъ.» — «Для археолога, говоритъ онъ, прошлогоднія «Чтенія» представляютъ очень мало поживы.» Конечно, если будутъ ихъ читать такіе археологи, какъ В. Т., который, изъ всѣхъ статей археологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ «Чтеніяхъ» за истекшій годъ, остановился только на 5-ти, всѣ же прочія прешелъ молчаніемъ, даже: «О церковномъ судоустройствѣ въ древней Россіи; Собраніе памятниковъ, до дѣятельности Св. первоучителей и просвѣтителей Славянъ относящихся; Собраніе народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси; Послѣдніе годы жизни Государыни Царицы Евдокіи Ѳедоровны» и мн. др. Не по тому ли, что въ этѣхъ статьяхъ ничего нѣтъ такого, чтобы привлекало вниманіе археолога? Жалкій же тотъ археологъ, который предпочитаетъ лучше остановить свое и читателей своихъ вниманіе на предположеніи покойнаго Діева, касательно небольшаго мѣднаго идола, вырытаго изъ земли въ сѣверо-вост. сторонѣ Галицкаго озера, близъ Туровскаго, и по тому сближающаго названіе послѣдняго съ названіемъ бога Тура, которому будто бы поклонялась, какъ Пріапу, Меря на этомъ мѣстѣ. Нельзя не замѣтить, что у такого археолога чутье и вкусъ къ предметамъ Бурбонскаго Музея чрезвычайно развиты. Бурбонъ, истый Бурбонъ! Но, пташка поетъ, себя выдаетъ.

Далѣе, В. Т., оставляя уже въ сторонѣ археологію, замѣчаетъ, что въ «Чтенія» вошли даже вопросы современные, на прим., обсужденіе новаго Проекта и Штатовъ Академіи Наукъ, Исторія Поповщины и статья О военномъ значеніи желѣзныхъ дорогъ и т. п.; встрѣчаются и такія статьи, которыя вовсе не относятся къ Исторіи и Древностямъ Россійскимъ, каковы: Извѣстія средневѣковыхъ путешественниковъ, Іоанна Нейгоффа и Георгія Макартнея о Китаѣ, и Михаила Саймеса о Бирманской Имперіи. Но, во а) развѣ ничто изъ совершающагося передъ глазами нашими не достойно, чтобы занести его на страницы Историческаго журнала, если оно того заслуживаетъ? Во б) развѣ Историческое Общество должно заниматься только тѣмъ, что пахнетъ уже гнилью? Въ такомъ случаѣ, за чѣмъ же такъ настойчиво всѣ историки гоняются за показаніями, современными событіямъ, такъ высоко ихъ цѣнятъ? Иное дѣло Исторія, иное пыль родная. Въ в) развѣ Уставъ Общества запрещаетъ ему помѣщеніе статей о текущихъ происшествіяхъ? Или программа его журнала взяла на себя обязательство не касаться ихъ? Ни чего не бывало! Странное, однако, дѣло: лѣтъ 7—8-мь тому назадъ Общество упрекали, за чѣмъ оно возится все съ одной стариной, требуя отъ него статей и актовъ, во что бы то ни стало, современныхъ, тогда какъ самыя обстоятельства тому не благопріятствовали; теперь же, когда все призываетъ вниманіе наше на новѣйшія событія, Общество упрекаютъ уже, за чѣмъ оно печатаетъ статьи о послѣднихъ? И вправду: «ни солнушку на всѣхъ не угрѣть, ни самому Богу на людей не угодить.» Забываютъ, что и старина не даетъ еще права на обнародованіе ея, и, на оборотъ, самое новое не только можетъ, но и должно, во многихъ случаяхъ, быть обнародовано. Все зависитъ отъ содержанія, такта, или особенныхъ Правительственныхъ распоряженій. Знаемъ хорошо, что не тѣ статьи, на которыя намъ указываютъ, колютъ глаза, равно какъ и не статья о желѣзныхъ дорогахъ и ихъ военномъ значеніи и важности для Россіи; нѣтъ, умыселъ иной тутъ былъ: «хозяинъ музыку любилъ». Но, видя безцеремонность людей извѣстнаго покроя и породы въ обращеніи съ Исторіею, которую, согласно съ своими цѣлями, безъ дальняго, какъ хотѣли, извращали, «Чтенія» помѣстили изъ недалекаго прошедшаго нѣсколько актовъ, не подлежащихъ ни какому опроверженію, въ обличеніе поддѣль-

щиковъ и сочувствующихъ имъ. Вотъ откуда, стало быть, хотѣлось бы кое-кому, чтобы Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ было глухо, слѣпо и нѣмо къ исторіи, которая разыгривается передъ глазами всѣхъ и каждаго. Но развѣ это дѣло, тѣмъ болѣе, что всѣ другія Общества, журналы и газеты, сколько угодно могутъ толковать себѣ о совершающемся передъ ними, а одно лишь Общество Исторіи не смѣетъ говорить о современной исторіи? Что за безтолочь такая!... Не уже ли и впрямь нужно какое-то особенное дозволеніе и пошлина за то, чтобъ получить право говорить о современномъ? Но ученыя Общества свободны отъ этого по новѣйшимъ Цензурнымъ постановленіямъ. Чего же хотятъ отъ насъ? Молчанія? Но «Было, и быльемъ поросло»...Что до Нейгоффа, Макартнея и Саймеса, то для Исторіи имѣютъ значеніе не одни лишь свѣдѣнія о той или другой странѣ, народѣ, Государствѣ, но также и свѣдѣнія о сосѣднихъ имъ краяхъ и сосѣдяхъ ихъ сосѣдей, по чему либо имѣющихъ прямое, или косвенное, отношеніе къ онымъ. Не уже ли и объ этомъ нужно еще держать бесѣды и вразумлять въ наше время?

Въ заключеніе В. Т. замѣчаетъ, что «Протоколы Засѣданій содержатъ исключительно свѣдѣнія, относящіяся до административной и хозяйственной части Общества,» и по тому спрашиваетъ: «Не уже ли Члены Общества этимъ только занимаются въ своихъ Засѣданіяхъ»? Въ отвѣтъ на это скажемъ: Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ тѣмъ же самымъ занимается, чѣмъ и Общество Археологіи въ Петербургѣ: сличите Протоколы того и другаго! Вся разница между ними состоитъ лишь въ томъ, что одно безъ шуму и гаму трудится, по мѣрѣ силъ и средствъ, предоставленныхъ ему, не рисуясь и не любуясь собой ни передъ кѣмъ и никогда, а оставляя судъ о себѣ другимъ; не образуя ни коммиссій, ни комитетовъ, не снаряжая экспедицій, не предлагая ни какихъ инструкцій и программъ чужимъ и своимъ, а отдавая на волю каждому Члену своему, равно какъ и всякому, работать по крайнему его разумѣнію, въ избранной имъ области, зная хорошо, что тамъ, гдѣ нѣтъ доброй воли къ труду и призванія, не помогутъ ни какіе зазывы, напутствія, приманки и т. п., что люди съ invita Minerva годны только развѣ на обстановку зрѣлища, даваемаго для потѣхи почтеннѣйшей публики. Другое же.... но довольно

но и объ одномъ: мы бы, безъ крайней, какъ всѣ видятъ, нужды, и этого не сказали никогда, боясь, чтобы не спросили насъ: «Человѣче, кто тя постави судію брату твоему?»... однимъ словомъ: «Еже должны были сотворити — сотворихомъ; могій же вящьша сихъ сотворити, да сотворитъ!»

О. Б.

Мая 9-го, 1866 г.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ,

1865 года, Декабря 23-го дня.

1865 года, Декабря 23-го дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ Дѣйствительнаго Члена своего, С. М. Соловьева, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Графа М. В. Толстого, Ю. Д. Филимонова, Соревнователя А. И. Хмельницкаго, Г. Н. Геннади и Секретаря Общества, О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи протокола послѣдняго засѣданія Общества, 23-го Октября, 1865 года, происходило слѣдующее.

Читаны были:

А. Отношенія.

1. Конторы Университетской Типографіи, отъ 8 Октября, объ уплатѣ, за напечатаніе 3-ой книги «Чтеній» на 1865 г. 58 лист. съ оттисками, 822 р. 48 ½ коп. сер.

2. Той же Конторы Типографіи Московскаго Университета, отъ 21 Дек., объ уплатѣ за напечатаніе 4-й книги «Чтеній», 1865 года, 50 ⅜ листа, 681 р. 81 коп. сер.

Деньги по означеннымъ отношеніямъ Типографіи уплачены своевременно сполна. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

3. Городскаго Статистическаго Комитета, отъ 11-го Дек., N 164, пол. 16-го, 1865 года, просьба о снабженіи его слѣдующими свѣдѣніями къ 1-му Генваря будущаго года, для составленія «Указателя Москвы»: «1) о мѣстѣ нахожденія Общества и дняхъ его засѣданій; 2) кто Предсѣдатель и Секретарь Общества? 3) о времени и цѣли учрежденія Общества; 4) о дѣятельности Общества въ глав-

ныхъ чертахъ; 5) объ изданіяхъ Общества; 6) о средствахъ Общества; 7) кто можетъ поступить въ Члены Общества и какія существуютъ для того правила? 8) нѣтъ ли Членовъ, или Покровителей, изъ Императорской Фамиліи, и кто именно? «Секретарь отвѣчалъ Московскому Городскому Статистическому Комитету, что онъ всѣ эти свѣдѣнія найдетъ изложенными въ «Памятной книжкѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія на 1865 годъ.» Что же до 7-го вопроса, то отвѣтъ на него также въ «Уставѣ Общества,» перепечатанномъ недавно въ «Сборникѣ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, т. I, 1802—1825 г. Спб. 1864 г., стр. 606 и сл. Касательно мѣста нахожденія Общества, то, состоя при Московскомъ Университетѣ, оно въ немъ и собирается, по усмотрѣнію, сколько то нужно. Членовъ же, или Покровителей, изъ Императорской Фамиліи нѣтъ.

4. Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, отъ 10 Декабря, 1865 г., N 3821, пол. 12-го, 1865 г, о возвращеніи въ Библіотеку Московскаго Чудова монастыря рукописнаго пергаментнаго Сборника подъ N 110 (63), въ кожаномъ переплетѣ, на 362 листахъ, истребованнаго въ Ноябрѣ прошлаго года. Опредѣлено: возвратить по принадлежности съ искреннѣйшею благодарностію Общества (и возвращена за N 277).

Б. Предложенія.

5. Редактора Сибирскаго Вѣстника въ Иркутскѣ, пол. 15-го Ноября. 1865 г., предложеніе обмѣна изданій въ 1866 году. Опредѣлено: выждать, будетъ ли содержаніе Вѣстника подходить къ кругу занятій Общества.

6. Редакціи журнала «Труды Кіевской Духовной Академіи,» отъ 19-го Ноября, N 1114, пол. 2-го Декабря, объ обмѣнѣ на «Чтенія» въ 1866 году.

7. Редактора журнала «Вѣстникъ Европы», пол. 13-го Декабря, о томъ же.

8. Редакціи «Православнаго Собесѣдника при Казанской Духовной Академіи,» пол. 15-го Ноября, о томъ же. Опредѣлено: увѣдомить Редакціи, означенныя въ §§ 6, 7 и 8, о согласіи Общества мѣняться своими повремецными изданіями.

9. Редакціи оффиціяльной газеты «Виленскій Вѣстникъ,» отъ 19-го Ноября, N 112, пол. 29-го, объ обмѣнѣ его на «Чтенія» въ 1866 году.

10. Редакціи газеты «Петербургскій Листокъ,» отъ 22-го Ноября, N 423, пол. 2-го Декабря, о томъ же.

11. Редакціи политической и учено-литературной «Московской Газеты,» отъ 22-го Декабря, пол. 23-го, о томъ же. Опредѣлено: увѣдомить Редакціи, означенныя въ §§ 9, 10 и 11, что Общество, печатая «Чтенія» въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, не можетъ мѣняться своимъ повременнымъ изданіемъ съ ними.

12. Читальни въ Петербургѣ, на Гороховой улицѣ, въ домѣ N 39, о высылкѣ въ нее «Чтеній» въ 1866 году безплатно. Опредѣлено: увѣдомить Читальню, что Общество, по своимъ матеріяльнымъ средствамъ, не можетъ высылать «Чтеній» безплатно.

В. Приношенія.

а. Матеріялами:

13. А. В. Терещенка, чрезъ Д. Ч. М. П. Погодина, 4-го Іюня, 1865 года, нѣсколько матеріяловъ разнаго рода.

14. Д. Члена Графа М. В. Толстого, пол. 15-го Іюня, нѣсколько старинныхъ бумагъ.

15. Статскаго Совѣтника Николая Абрамова, отъ 10-го Іюля, пол. 4-го Авг., шесть подлинныхъ грамотъ Государя Петра I-го и четыре современныхъ списка съ Указовъ Илимскому, а потомъ Нерчинскому, Воеводѣ Качанову 1701—1709 гг.

16. Д. Члена М. А. Максимовича, отъ 4-го Сентября, пол. 18-го, 1865 года: «Два письма И. И. Мелиссино къ Графу И. И. Шувалову, отъ 28-го Апр., 1786 г., и 2-го, Генваря 1794 г.»

17. Троицкой Сергіевой Лавры Іеромонаха Арсенія, пол. 10-го Ноября, 1865 года: «Три письма изъ Москвы въ Троицкій Сергіевъ монастырь въ 1600 году.»

18. С. Н. Шубинскаго, изъ С.-Петербурга, отъ 6-го Ноября, пол. 17-го: «Переписка между Французскимъ Посломъ, Маркизомъ Монти, Бригадиромъ Де ла Моттъ Перузомъ, и Фельдмаршаломъ Гра-

ромъ Минихомъ, во время осады Русскими войсками Гданска (Данцига) въ 1734 году. Опредѣлено: означенные матеріялы разсмотрѣть.

б. Статьями:

19. Д. Члена Архимандрита Макарія, отъ 10-го Апр., 1865 года, пол. 15-го, рукопись: «Сборникъ церковно-историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Новгородской Епархіи,» для помѣщенія въ «Чтеніяхъ», съ тѣмъ, чтобы, кромѣ слѣдующихъ по положенію 300 экз., были напечатаны въ пользу сочинителя еще столько же оттисковъ на его бумагѣ.

20. Статскаго Совѣтника Н. А. Абрамова, отъ 10-го Іюля, 1865 г., пол. 4-го Авг.: а) О Сибирскихъ Дворянахъ и Дѣтяхъ Боярскихъ, и б) Генералъ-Маіоръ Куткинъ.

21. Д. Члена С. П. Шипова, пол. 16-го Декаб., 1865 г.: «О средствахъ къ исправленію экономическаго положенія Россіи.» Опредѣлено: означенныя статьи разсмотрѣть.

в. Книгами:

22. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, отъ 14-го Февраля, 1865 года, N 36, пол. 8-го Марта, экземпляръ «Отчета» его за 186¾ годъ. Одесса. 1865 г.

23. Эстонскаго Ученаго Общества при Дерптскомъ Университетѣ, отъ 1-го Мая, пол. 10 го, 1865 года: «Das Steinalter der Ostseeprovinzen, v. C. Grewingk.» Dorpat, 1865.

24. Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, отъ 24-го Апрѣля, пол. 15-го Мая, N 856: 1) «Матеріялы для біографіи Ломоносова, собранные Академикомъ Билярскимъ;» 2) «Сборникъ матеріяловъ для Исторіи Академіи въ XVIII вѣкѣ;» ч. I-я, составленный Академикомъ Куникомъ. 3) Очеркъ «Академической дѣятельности Ломоносова, читанный Академикомъ Гротомъ въ Торжественномъ Собраніи Академіи 6-го Апрѣля, 1865 г.» 4) Пол. 6-го Іюля: «Die Vertheilung der Schildkröten über den Erdball, v. D-r Alex. Strauch.» Spb. 1865; 5) «Mémoires, VII Série, tome IX, N 3: Bemerkungen über die Classification der Kaltblutigen Rückenmarkthiere u. s. w., v. F. Brandt; 6) Mémoires, tome IX, N 5: Grammatik der Ersa-Mordwi-

nischen Sprache, nebst einem kleinen Wörterbuch, v. F. I. Wiedemann; 7) Mémoires, tome IX, N 1; 8) Mémoires, tome IX, N 2.»

25) Общества Сербской Словесности въ Бѣлградѣ, пол. Мая 25-го и Декабря 9-го, 1865 года: 1) «Гласникъ,» книги XII—XVII. Бѣлградъ, 1860—63; 2) «Споменици Сербски» одъ 1395 до 1423 года, кн. 1—2. Бѣлградъ 1858—62; 3) «Животъ Светога Саве.» Написао Дометіянъ. Бѣлградъ 1860. 4) «Сербски споменици Млетачкогъ Архива: Acta Archivi Veneti, spectantia ad historiam Serborum et reliquorum Slavorum meridionalium; collegit et transcripsit D-r Joannes Schafarik.» Fasc. I—II. Belgradi 1860—62; 5) «Преписка о Уніи Далматинскогъ Епископа Венедикта Кралѣвитя са Австрійскимъ Правительствомъ.» Бѣлградъ. 1863.

26. Общества Юго-Славянскаго историческаго въ Загребѣ, отъ 20-го Октября, 1863 г., получ. 25-го Мая, 1865 г.: 1) «Arkiv za povjestnicu Jugoslavensku» кн. VI—VII. V Mletcich 1863 i u Zagrebu 1863; 2) «Supplementi al saggio bibliografico della Dalmazia e del Montenegro, di Guiseppe Velentinelli.» Zagabria 1862.

27. Профессора Вѣнскаго Университета, Алоиза Войтѣха Шемберы, отъ 21-го Августа, 1864 года, пол. 6-го Іюля, 1865 года: «Mapa země Moravské a t. d.,» на 4-хъ большихъ листахъ. Вѣна 1863 г., съ «Návěsti o mapě a t. d.,» на 4 стр.

28. Вдовы Непремѣннаго Секретаря Королевскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ, отъ 30 Октября, 1864 года, получ. 17 Іюня, 1865, извѣщеніе о смерти его, послѣдовавшей 20-го Октября прошедшаго года; при этомъ: «Notice su la vie et les travaux de M. C. C. Rafn, par Laurent Etienne Borring.» Copenhague 1864.»

29. Коллежскаго Совѣтника, бывшаго Лектора Московскаго Университета, Ергарда Гёринга, 16-го пол. Августа: 1) «Die Russische Gesellschaft unter Peter dem Grossen, v. I. Bielaiew, aus dem Russischen v. E. G.» (Seperat-Abdruck aus dem Morgenblatte der «Bayerischen Zeitung»): München 1864; 2) «Die Schlacht bei Poltawa» (Aus der Geschichte von Kleinrussland von Georg Konisky, Erzbischof von Weissrussland. Moskau, 1846), aus dem Russischen v. Erhard Göring (оттуда же). 3) «Zur Geschichte der geheimen Gesell-

schaften in Russland.» Aus den Aufzeichnungen des Generalmajors B.P. Aus dem Russischen v. E. G. (Оттуда же). München. 1865.

30. Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ, пол. 31 Августа: «33-е присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ, 26 Іюня, 1864 г.» Спб. 1865 года.

31. С. Бочарникова, 15-го Сентября: «Зарайскъ.» М. 1865 г.

32. Археографической Коммиссіи, отъ 3-го Сентября, пол. 17-го, 1865 г., N 80-й: «Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ.» Спб. 1865 г.

33. Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа, Д. С С. И. П. Корнилова, отъ 14 Сентября, N 6432, пол. 22, 1865 г.: «Дневникъ засѣданій Коммиссіи для разбора предметовъ, находящихся въ Виленскомъ Музеѣ Древностей.» Вильна. 1865 г.

34. Д. С. С. Степана Алексѣевича Маслова, 23-го Октября: «Воспоминаніе въ 1865 г. Бородинской битвы и о Бородинскомъ памятникѣ въ Москвѣ.» М. 1865. Особый оттискъ изъ «Современной Лѣтописи» N 37.

35. Смитсоновскаго Учрежденія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, пол. 15-го Ноября: «Annual Report of the board of regents of the Smithsonian institution for the year 1863.» Washington. 1864.

36. Предсѣдателя Виленской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, отъ 3-го Декабря, N 2309, пол. 13 Декабря 1865 г., съ препровожденіемъ экземпляра I-го тома «Актовъ, издаваемыхъ Коммиссіею, Высочайше учрежденною для разбора древнихъ актовъ въ Вильнѣ. Акты Гродненскаго Земскаго Суда.» Вильна 1865 г.

37. Археографической Коммиссіи, отъ 9-го Ноября, N 189, пол. 22-го, 2-й томъ «Актовъ, относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи», и 3-й выпускъ «Лѣтописи занятій Коммиссіи.» Спб. 1865 г.

38. Хранителя старопечатныхъ книгъ и рукописей въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, А. Е. Викторова, 3-го Дек., пол. 13-го, 1865 г.: «Кириллъ и Меѳодій.» Новые источники и ученые труды для исторіи Славянскихъ Апостоловъ.» Особый оттискъ изъ «Кирилл[illegible]ского Сборника.» М. 1865 г.

39. Преподавателя въ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ, Андрея Попова: «Обзоръ хронографовъ Русской редакціи.» Выпускъ I-й. М. 1865 г.

40. Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ: Записки,» 7 томовъ. Спб. 1862—1865 г.

41. Д. Члена Графа М. В. Толстого, пол. 15-го Декабря: «Разсказы изъ исторіи Русской Церкви;» кн. I. М. 1865.

42. Сербской Матицы въ Новомъ Садѣ, въ Южной Угріи: 1) «Сербскій Лѣтописъ 1862 г., кн. 2.» 2) То же за 1863 г. 2 книжки; 3) Тоже за 1864 г. кн. I. Будимъ и Новый Садъ; 4) Московія, спѣвао Іоксимъ Новить.» Будимъ 1863 г.

г. Заявленія:

43. О смерти Д. Члена Константина Ивановича Арсеньева, избраннаго 5-го Ноября, 1832 г., скончавшагося въ С.-Петербургѣ 29 Ноября, 1865 г., на 76 году своей жизни.

44. О смерти же Коммиссіонера Общества, Московскаго книгопродавца, Ив. Вас. Базунова, и о выборѣ новаго. Опредѣлено: предложить званіе Коммиссіонера Московскому же книгопродавцу Ив. Гр. Соловьеву, преемнику Базунова по книжной торговлѣ.

Въ концѣ засѣданія Г. Секретарь и Д. Чл. Общества, О. М. Бодянскій, представилъ только что отпечатанную четвертую книгу «Чтеній» 1856 года, состоящую изъ 50¾ листовъ. Содержаніе ея слѣдующее:

I. Изслѣдованія: О военномъ значеніи желѣзныхъ дорогъ и особенной ихъ важности для Россіи. Съ проектомъ сихъ путей и картою, составленными въ видахъ обороны Имперіи. С. П. Бутурлинымъ.

О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. III. Змѣй, волкъ, вѣдьма. Профессора Харьковскаго Университета А. А. Потебни.

II. Матеріялы Отечественные: Приложенія къ Запискамъ А. П. Ермолова 1801—1812 г.

III. Матеріялы Славянскіе: Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. Собраніе, составленное Профессоромъ Русскаго языка

и Словесности въ Львовскомъ Университетѣ, Я. Ѳ. Головацкимъ, и изданное съ предисловіемъ и разными объясненіями О. М. Бодянскимъ. Часть II. Веселыя и охочія: насмѣшливыя, шутливыя, праздничныя, небыличныя, иносказательныя, корчемныя, и піяцкія, соботки и обжинки.

IV. Матеріялы Иностранные: Исторія о Великомъ Княжествѣ Московскомъ, происхожденіи Великихъ Русскихъ Князеи, недавнихъ смутахъ, произведенныхъ тамъ тремя Лжедимитріями, и о Московскихъ законахъ, нравахъ, правленіи, вѣрѣ и обрядахъ, которую собралъ, описалъ и обнародовалъ Петръ Петрей де Ерлезунда, въ Лейпцигѣ 1620 года. Часть I. Перев. съ Нѣмецкаго Соревнователя Общества А. Н. Шемякина.

V. Смѣсь: 1. Обозрѣніе рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книгохранилищахъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей Калужской Епархіи. Состав. Архимандритъ Леонидъ. 2. Двѣ жалованныя грамоты Императрицы Елисаветы Петровны Троицкой Сергіевой Лаврѣ на всѣ монастырскія владѣнія. Сообщ. Іеромонахъ Арсеній. 3. О расходахъ Троицкой Сергіевой Лавры. 4. Какой народъ въ древнія времена населялъ Костромскую сторону, и что извѣстно объ этомъ народѣ? Д. Члена Протоіерея Михаила Діева. 5. Донесеніе Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Сенявина, о нынѣшнемъ положеніи Ливоніи (1845 г.). 6. Воспоминаніе о Граѳѣ К. Ѳ. Толѣ. Н. В. Сушкова. 7. О редакціонномъ исправленіи Свода Законовъ. А. Бабичева. 8. Письмо Графа А. А. Аракчеева къ А. Н. Патапову о Г. Шумскомъ. 9. Протоколъ Засѣданія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Марта 6 дня, 1865 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Стран.

Донъ. I. Мѣсто ссылки Овидія Назона. II. Митрополія Великой и Малой Руси на Дону съ IV до IX вѣка. Д. Чл. А. Ѳ. Вельтмана ..... 1 — 92.

Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы. Отдѣленіе II. День битвы. И. П. Липранди..... 29 — 114.

II.

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Записки А. П. Ермолова. Ч. II. 1816 — 1827. Записки во время управленія Грузіею..... 1 — 120.

III.

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Кириллъ и Меѳодій. Собраніе памятниковъ, до дѣятельности Св. Первоучителей и Просвѣтителей Славянскихъ племенъ относящихся, составляемое О. Бодянскимъ. III. — Слово похвально на память свѧтыма и прѣславьныма оучителема словѣньскоу ꙗзыкоу, сътворьшема писмены ѥмоу и прѣложьшема новыи и ветъхыи законъ въ ꙗзыкъ ихъ, блаженомоу курилоу и архиѥпископоу паноньскоу меѳодию. Списки VII — XV..... 64 — 152.

IV.

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Исторія о Великомъ Княжествѣ Московскомъ, происхожденіи Великихъ Русскихъ Князей, недавнихъ

Стран.

смутахъ, произведенныхъ тамъ тремя Лжедимитріями, и Московскихъ законахъ, нравахъ, правленіи, вѣрѣ и обрядахъ, которую собралъ, описалъ и обнародовалъ Петръ Петрей де Ерлезунда въ Лейпцигѣ 1620 года. Часть II. Переводъ съ Нѣмецкаго Соревнователя Общества А. Н. Шемякина ..... 185 — 280.

V.

СМѢСЬ.

Разборъ изслѣдованія «О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ повѣрій и обрядовъ; соч. А. Потебни.» Профессора Харьковскаго Университета П. А. Лавровскаго..... 1 — 102.

Три письма изъ Москвы въ Троицкій Сергіевъ монастырь въ 1660 году. Сообщ. І. Арсеній..... 103 — 112.

Письмо Святителя Димитрія Ростовскаго къ Новгородскому Митрополиту Іову. Сообщ. Д. Чл. Архимандритъ Макарій..... 113 — 114.

Могилы Князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго и супруги его въ городѣ Березовѣ 1730 — 1738 гг. Н. А. Абрамова..... 115 — 120.

Его же. Могила Графа Андрея Ивановича Остермана въ Березовѣ. 1742 — 1747 гг..... 121 — 125.

Замѣтка объ одной могилѣ въ посадѣ Пучежѣ Костромской Губерніи. М. И. Семевскаго..... 126 — 136.

Московскій Публичный Музей и Библіотека. Д. Чл. А. М. Кубарева..... 137 — 159.

Какъ трудно защищать дѣло, которое само себя не защищаетъ..... 160 — 188.

Объясненіе ..... 189 — 192.

Протоколъ засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1865 года, Декабря 23-го дня..... 193 — 200.

ОПЕЧАТКИ.

Въ кн. 1-й 1866 года.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

		Напечатано:	*Должно читать:*
Стр.	Строка		
162,	26	на утрату	на уплату.
163,	30	природа назначила	природа не назначила.
166,	8	непріятныя	напрасныя.
167,		въ примѣч. 8 манафактуры	мануфактуры.
169,		въ примѣч. 3 жа	же.
188,	10	внутренняго устройства	внутреннее устройство.
189,	17	съ своєѣ	съ своей.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКАЯ, В. Н. Татищева, книга 5-я или часть 4-я. М.
1 р. 50 к. сер., перес. за 4 ф.

ПОРТРЕТЪ Кіевскаго **Митрополита ЕВГЕНІЯ**, со снимкомъ почерка
М. 1854 г., цѣна безъ пересылки 50 к.

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

	Цѣна
ГОДЪ 2-й:	
изъ 9-ти книгъ, каждая	2 р. 50 к.
за всѣ, безъ пересылки	22 р. 50
а съ пересылкой	25 р. сер.
ГОДЪ 3-й, тоже изъ 9-ти книгъ, каждая по . . .	1 р. 50 к.
ГОДА 4-го кн. I.	1 р. 50 к.
И того безъ пересылки . .	37 р. 50 к.

съ пересылкой. 4
ГОДЪ 1858-й, 1859-й, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, по 4 книги въ годъ, безъ пер. каждый. 5
съ пересылкой 6
За всѣ годы, безъ пересылки. 77
съ пересылкой же. 92

ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

съ 1849 по 1858 г.

25 книгъ, каждая по 1 р. 50 к.
а за всѣ безъ пересылки. . . . 37 р. 50 к.
съ пересылкой. . 45

На пересылку всякой книги «Чт
и «Временника» безъ разл
4 фунта.

Изданія Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ
получать: 1) въ самомъ Обществѣ, у Актуарія Дмитрія Ивановича Штейнб
на Моховой, въ зданіи Университета, и 2) у книгопродавца Ивана Григорь
Соловьева (бывш. И. В. Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ За
скаго, противъ Университетской Типографіи.

Тамъ же можно получать:

СЛАВЯНСКІЯ ДРЕВНОСТИ, соч. П. І. Шафарика, перев. съ Че
О. Бодянскаго, 2 тома въ 5 книгахъ. М. 1848, ц. 6. р. сер., перес. за

О ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПИСЬМЕНЪ, соч.
дянскаго. М. 1855, ц. 2 руб. серебр., съ перес. 3 р.

ИСТОРІЯ РУССОВЪ ИЛИ МАЛОЙ РОССІИ, соч. Преосвящен. Ге
Конисскаго. М. 1846 г., ц. 5 р. сер. безъ пересылки.

ГУСЪ И ЛЮТЕРЪ. Критическое изслѣдованіе Е. Новикова. М. 18
два тома. Цѣна 4 р. сер.

ЗАПИСКИ НѢКОТОРЫХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ ЖИЗНИ И СЛУ
Д. Т. Сов. и Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 18
1 р. 50 к. сер.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И РОДИНѢ ГЛАГОЛИТИЗМА; соч. П. І. Шафа
перев. съ Нѣмецкаго А. Шемякина. М. 1861, ц. 75 к. сер., съ перес

ПОХОДЫ ВИКИНГОВЪ, государственное устройство, нравы и обычаи др
Скандинавовъ, соч. А. М. Стрингольма, пер. съ Нѣмецкаго А. Н. Шема
2 части. М. 1861, ц. 2 р. 50 к. сер., съ пересылкою 3 р.

ПУТЕШЕСТВІЯ Венеціанца Марка Поло въ XIII стол., напечатан
первый разъ вполнѣ съ объясненіями на Нѣмецкомъ по лучшимъ издан
съ объясненіями Авг. Б[illegible]ъ, а перев. А. Н. Шемякинымъ. М.
ц. 1 р. 50 к. сер., [illegible] 2 р.

ЧТЕНІЯ

Императорскомъ Обществѣ исторіи и
ійскихъ при Московскомъ Университетѣ, з
ходятъ, какъ повременное изданіе, четыр
одной книгѣ отъ 30 до 40 и болѣе печати
онцѣ Марта, Іюня, Сентября и Декабря. Се
ниги составляютъ: I. Изслѣдованія, II. Матер
III. Славянскіе, IV. Иностранные, и V. Смѣсь.

Подписка годовая — пять рублей серебромъ въ
сылкой въ другія мѣста — шесть. Съ требованіями о
самое Общество, или къ Московскому книгопродавцу
горьевичу Соловьеву (бывш. И. В. Базунову), на
бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА

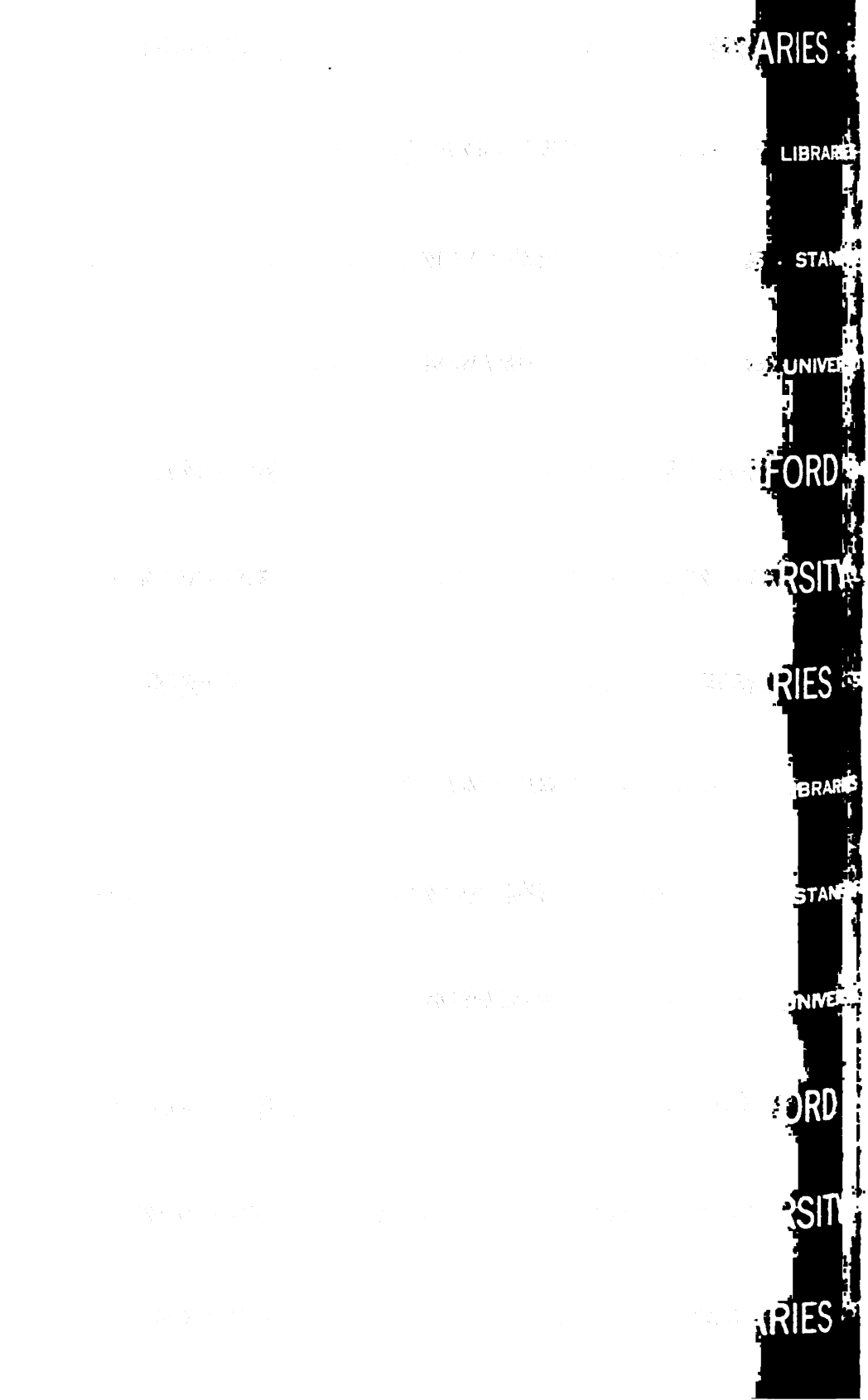
ПРЕДСѢДАТЕЛЬ,
Графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ,
въ С.-Петербургѣ.

ВИЦЕПРЕЗИДЕНТЪ,
Попечитель Университета, Дмитрій Сергѣевичъ Ле
у Кольмазскаго двора, въ домѣ Столыпина.

СЕКРЕТАРЬ,
Осипъ Максимовичъ Бодянскій,
у Никитскихъ воротъ, въ домѣ Мещеринов.

БИБЛІОТЕКАРЬ,
Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ,
у Покрова въ Левшинѣ, въ казенномъ домѣ.

КАЗНАЧЕЙ,
Николай Никифоровичъ Басалаевъ,
на Пречистен. бульварѣ, въ д. Іерусал. патріар.


ARIES
LIBRARIES
STAN
UNIVER
FORD
RSITY
RIES
BRARIES
STAN
ORD
RSITY
RIES

Stanford University Libraries
3 6105 007 335 081

DK
1
M672
V. 12
No 1
1866

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

MAR 01 1995